ИСТОРІЯ РОССІИ

СЪ

ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ.

СОЧИНЕНІЕ

Сергѣя Михайловича Соловьева.

Книга третья.

Томъ XI—XV.

ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Высочайше утвержденнаго Товарищества «Общественная Польза»
Большая Подъяческая, № 39.

Типографія Высочайше утвержденнаго Товарищества „Общественная Польза“, Больш. Подъяческая, 39

ОГЛАВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕЙ КНИГИ.

Томъ одиннадцатый.

Глава I. **Продолженіе царствованія Алексѣя Михайловича.... .... 1—2**

Гетманскіе и митрополичьи выборы въ Малороссіи, 1.—Переговоры съ Тетерею въ Москвѣ, 4. — Посольство Кикина въ Малороссію, 6.—Выговскій замышляетъ измѣну, 8.—Союзъ его съ ханомъ Крымскимъ, 9.—Сношенія хана съ Москвою и дѣла на Дону, 10.—Выговскій и Лесницкій возбуждаютъ казаковъ противъ царя, 11. — Посольство Матвѣева и Рагозина къ Выговскому; посланцы Выговскаго, 11.—Меневскій и Коробка въ Москвѣ, 12.—Запорожцы жалуются царю на Выговскаго, 14.—Вопросъ о воеводахъ, 15.—Хитрово въ Малороссіи и Переяславская рада, 17.—Полтавскій полковникъ Пушкарь противъ Выговскаго, 18.—Извѣты его царю, 19.—Лесницкій въ Москвѣ, 20.—Выговскій съ Татарами идетъ на Пушкаря, 22. — Гибель послѣдняго, 24.—Выговскій поддается Польскому королю, 27.—Военныя дѣйствія подъ Кіевомъ, 29.—Раздѣленіе Малороссіи и усобица, 31. — Радость въ Польшѣ, 32.—Двадцать одна причина, почему царь Алексѣй не могъ быть избранъ въ преемники Яну-Казиміру, 32. — Старанія Матвѣева склонить Литву на царскую сторону, 33.—Сношенія съ Польшею, 34.—Виленскіе съѣзды, 36.—Враждебныя движенія польскихъ войскъ, 39.—Побѣда Долгорукаго надъ Гонсѣвскимъ и планъ послѣдняго, 41. Затруднительное положеніе Москвы. 42.—Ординъ-Нащокинъ и его преобразовательные замыслы, 43.—Борьба въ Малороссіи, 44 .— Походъ Трубецкаго, 45.—Наказъ ему насчетъ соглашенія съ Выговскимъ, 45.—Конотопская битва, 46.—Ужасъ въ Москвѣ, 47.—Дѣйствія Выговскаго и сношенія его съ Трубецкимъ, 48.—Дѣла въ Крыму, 48.—Дѣйствія Донскихъ казаковъ, 49.—Паденіе Выговскаго, 51.—Юрій Хмельницкій гетманъ, 53.—Переговоры съ Швеціею, 57.—Ссора Нащокина съ Хованскимъ, 61.—Валіесарское перемиріе, 65.—Побѣгъ сына Ордина-Нащокина за границу и переписка отца съ царемъ по этому случаю, 67. — Кардискій миръ, 73.

Глава II. **Продолженіе царствованія Алексѣя Михайловича..............................75 - 76**

Сношенія съ новымъ гетманомъ; отказъ въ его просьбахъ, 75.—Непріятельскія дѣйствія и переговоры съ Поляками, 78.—Пораженіе князя Хованскаго подъ Полонкою, 81. — Военныя дѣйствія Долгорукаго у Могилева, 81.—Переписка Бѣнѣвскаго съ Юріемъ Хмельницкимъ, 82.—Походъ Шереметева и Хмельницкаго ко Львову, 84.—Военные дѣйствія у Любара, 85.—Отступленіе Шереметева къ Чудново, 85. — Хмельницкій передается Полякамъ, 86.—Сдача Шереметева и плѣнъ въ Крыму, 88.—Состояніе Москвы послѣ извѣстія о Чудновскомъ несчастіи, 88. — Дурныя вѣсти съ Дону, 88.—Ссора воеводъ въ Малороссіи, 89.—Москва печатаетъ извѣстія о военныхъ дѣлахъ Европы, 90. Переговоры Бѣнѣвскаго и Хмельницкаго въ Корсунѣ, 90.—Черная рада, 92. --Павелъ Тетеря, 92.—Движеніе на восточной сторонѣ Днѣпра въ пользу Москвы, 93. — Наказный гетманъ Самко, 93. — Запорожье, Сѣрко и Брюховецкій, 94. Посольство Полтева въ Малороссію, 95. — Военныя дѣйствія здѣсь, 95.—Причина ихъ прекращенія, 96. - Смута въ Малороссіи: Самко, Золотаренко и Брюховецкій ищутъ гетманства, 98. — Посольство Протасьева въ Малороссію, 99.—Самко совѣтуетъ, чтобы западная сторона была уступлена Польшѣ и чтобы при гетманѣ Малороссійскомъ находился постоянно великороссійскій чиновникъ, 100. —Доносы на Самка, 101. — Епископъ Меѳодій, 102. — Нашествіе Крымцевъ, 102.—Козелецкая рада, 103.—Доносы Самка и его приверженцевъ на Золотаренка, Меѳодія – на Самка; Брюховецкій доноситъ и на Самка, и на Золотаренка, и требуетъ Ртищева въ князья малороссійскіе, 103.—Оправдательная грамота Самка, 105. — Возобновленіе военныхъ дѣйствій въ Малороссіи, 106. — Хмельницкій слагаетъ гетманство и постригается въ монахи, 108. — Тетеря—гетманъ западной стороны, 108. — Продолженіе борьбы между искателями гетманства на восточной сторонѣ, 108. — Церковная усобица вмѣстѣ съ политическою, 109. Посольство Ладыженскаго въ Малороссію, 109.—Нѣжинская рада; избраніе Брюховецкаго; казнь его противниковъ, 115.—Неудовольствія въ Украйнѣ, 115. — Пораженіе Хованскаго при Кушликахъ, 115 —Потеря Гродна, Могилева, Вильны, 116. — Судьба Виленскаго воеводы князя Данилы Мышецкаго, 116.—Печальное состояніе царскаго войска въ Бѣлоруссіи, 118.—Мирные переговоры, 119.—Размѣнъ плѣнныхъ, 120.—Трагическая смерть Гонсѣвскаго, 123.—Король сбирается перейти на восточный берегъ Днѣпра, 123. — Дѣйствія Московскаго воеводы Касогова и Сѣрка на югѣ, 124.—Волненіе въ Запорожьи. 124.—Письмо Касогова въ Москву, 125.--Тревога въ Малороссіи по причинѣ королевскаго похода, 125.--Переговоры дьяка Башмакова съ гетманомъ и старшиною, 126.—Нашествіе короля на восточную сторону и неуспѣхъ его, 130.—Военныя дѣйствія на западной сторонѣ, 130.—Замыселъ Выговскаго и смерть его, 131. — Заточеніе митрополита Іосифа Тукальскаго, 131.—Состояніе царскаго войска въ Малороссіи, 133.—Вражда Брюховецкаго съ епископомъ Меѳодіемъ и съ городами, 134.—Жалобы ратныхъ людей на Брюховецкаго, 137. — Оправдательное письмо его къ Хитрово, 138.—Брюховецкій требуетъ великороссійскаго духовнаго на Кіевскую митрополію и объявляетъ о своемъ пріѣздѣ въ Москву, 141.

Глава III. Продолженіе царствованія Алексѣя Михайловича . . . . 141 - 142

Пріѣздъ гетмана Брюховецкаго въ Москву, 141. — Представленныя имъ статьи, 143.— Гетманъ пожалованъ въ бояре, старшина—въ дворяне, 143.—Новый бояринъ сватается на московской боярышнѣ, 146.—Усобица между Малороссіянами въ Москвѣ, 146 —Дурныя вѣсти изъ Малороссіи, 147.—Дорошенко преемникъ Тетери, 148. — Онъ губитъ Опару и дѣйствуетъ противъ полковниковъ, преданныхъ Москвѣ, 148. — Отчаянное письмо епископа Меѳодія, 149.—Возвращеніе Брюховецкаго въ Малороссію, 149.— Неудовольствіе духовенства по вопросу о митрополичьемъ избраніи, 150.—Союзъ духовенства съ мѣщанами противъ гетмана и казаковъ, 151. -Смута въ Переяславлѣ и Запорожьи, 152.—Поѣздка дьяка Фролова въ Малороссію, 152. — Неудовольствіе казаковъ противъ гетмана-боярина, 153.—Жалобы воеводы Шереметева на корыстолюбіе Брюховецкаго, 154.—Сильное ожесточеніе духовенства противъ гетмана, 155. - Безкорыстіе Кіевскаго воеводы Шереметева, 156.—Возмущеніе переяславскихъ казаковъ, 157. — Брюховецкій совѣтуетъ крутыя мѣры, 158.—Волненія въ Запорожьи, 159.—Сношенія Москвы съ Польшею, 160.—Записка Ордина-Нащокина о Польскомъ союзѣ и замѣчанія на нее царя, 161 — Съѣзды въ Дуровичахъ, 164.—Неуступчивость Поляковъ и прекращеніе съѣздовъ, 167.— Возмущеніе Любомирскаго заставляетъ Поляковъ возобновить переговоры, 171. — Андрусовскіе съѣзды, 172. — Перемиріе, 173. — Причина уступчивости Поляковъ относительно Кіева, 176.—Условія Андрусовскаго перемирія, 178. — Польское посольство въ Москвѣ, 179.—Переговоры объ изгнанной изъ Украйны шляхтѣ и о союзѣ противъ Турокъ и Крымцевъ, 181.— Значеніе Андрусовскаго перемирія, 186.— Общій взглядъ на состояніе Малороссіи, 188.

Глава IV. Продолженіе царствованія Алексѣя Михайловича . . . . 189—190

Разстройство финансовъ во время тринадцатилѣтней войны, 191.—Выпускъ мѣдныхъ денегъ, 191. — Ихъ упадокъ въ цѣнѣ, 191.— Воровскія деньги, 191. — Московскій бунтъ 1662 года, 192. — Отмѣна мѣдныхъ денегъ, 194.—Ссора царя съ патріархомъ; причины ея, 195. -Враги Никона, 197.—Расколъ; его причины, 199.—Исправленіе книгъ при патріархѣ Іосифѣ, 201.—Единогласное пѣніе и проповѣдь; возстаніе противъ этихъ нововведеній, 202.— Исправленіе книгъ при Никонѣ, 203.—Сопротивленіе прежнихъ исправителей, 204.—Мысль объ антихристѣ, 204.—Монахъ Капитонъ, 205. — Сопротивленіе соловецкихъ монаховъ исправленнымъ книгамъ, 206. -Челобитная царю на Никона, 207.—Окончательный разрывъ его съ царемъ, 210.—Удаленіе въ Воскресенскій монастырь, 213. — Успокоеніе Никона, 213. — Раздраженіе возобновляется, 214.—Невозможность выбрать новаго патріарха вслѣдствіе требованій Никона, 218.—Пребываніе Никона въ Крестномъ монастырѣ, 219.— Соборъ 1660 года, 220.—Протестъ Славеницкаго, 220.—Дѣло объ отравѣ, 223.—Бабарыкинское дѣло, 223.—Письмо Никона къ царю по этому случаю, 223. — Паисій Лигаридъ, 226.—Его стараніе помирить Никона съ царемъ, 226.—Вопросы Стрѣшнева и отвѣты на нихъ Лигарида, 227.—Возраженіе Никона на эти вопросы и отвѣты, 228.—Доносъ Бабарыкина на Никона, 231.—Поѣздка князя Одоевскаго и Лигарида съ товарищами въ Воскресенскій монастырь по этому случаю, 231.— Отправленіе монаха Мелетія на Востокъ съ вопросами къ патріархамъ относительно поведенія Никона, 236 — Волненія между константинопольскими Греками, 237.—Патріархи даютъ отвѣты, осуждающіе Никона, 239.— Пріѣздъ Аѳанасія Иконійскаго въ Москву, 239.—Затруднительное положеніе царя, 239.— Онъ вторично отправляетъ Мелетія звать патріарховъ на соборъ въ Москву, 241.—Грамота патріарха Нектарія Іерусалимскаго въ пользу Никона, 241.—Сытинское дѣло, 242.— Письмо Никона къ царю съ цѣлію отвратить соборъ, 244. -Внезапный пріѣздъ Никона въ Москву и Зюзинское дѣло, 245.—Грамоты Никона къ восточнымъ патріархамъ перехвачены, 252.—Пріѣздъ патріарховъ Александрійскаго и Антіохійскаго, 255. — Судъ, 256.— Осужденіе, 267.—Ссылка Никона въ Ѳерапонтовъ монастырь, 268.—Жизнь его тамъ и сношенія его съ царемъ, 272.

Глава V. Продолженіе царствованія Алексѣя Михайловича . . . . 283 - 284

Московскіе соборы 1666 и 1667 года, 283.— Соловецкое возмущеніе, 288.—Казацкія движенія на восточной украйнѣ и причины ихъ, 291.—Воровство на Волгѣ, 291. — Городокъ Рига, 292.—Возмущеніе Васьки Уса въ Воронежскихъ и Тульскихъ мѣстахъ, 293.—Стенька Разинъ, 293.—Его воровство на Волгѣ, 295.—Разинъ въ Яицкомъ городкѣ, 295.—Его морской походъ, 296.—Стенька въ Астрахани съ повинною, 298.—Впечатлѣніе, имъ здѣсь произведенное, 300.—Стенька бушуетъ въ Царицынѣ, 302.—Вызовъ его воеводамъ, 302. - Разинъ на Дону, 304.—Его вторичный походъ на Волгу, 305.—Взятіе Царицына, 305.—Разбитіе московскихъ стрѣльцовъ, 305.—Измѣна стрѣльцовъ астраханскихъ, 305. — Взятіе Астрахани и кровавыя слѣдствія, 308.—Приходъ Разина подъ Симбирскъ и отступленіе князя Барятинскаго, 312. — Вторичный приходъ Барятинскаго подъ Симбирскъ и пораженіе Разина, 313.—Бунтъ по всей восточной украйнѣ, 313.—Движенія Мишки Харитонова, Васьки Ѳеодорова и Максима Осипова, 314. — Осада Желтоводскаго монастыря, 315.—Волненія въ Нижнемъ-Новгородѣ, 316. — Главный воевода князь Юрій Долгорукій, 316.—Удачныя дѣйствія воеводы Леонтьева и Щербатова, 317.—Дѣйствія воеводы Якова Хитрово, 318.—Движенія Долгорукаго, 319.- Побѣды Барятинскаго на Урени, Кондараткѣ и у Тургенева, 320. — Побѣды Щербатова, Хитрово, Леонтьева и Данилы Барятинскаго, 322.—Неудача Разина на Дону, 324.—Онъ схваченъ и казненъ въ Москвѣ, 324.—Дѣйствія казаковъ въ Астрахани, 325. — Гибель митрополита Іосифа, 328. — Неудача казаковъ подъ Симбирскомъ, 329.—Сдача Астрахани воеводѣ Милославскому, 330.—Осада Соловецкаго монастыря, 333.—Его взятіе, 336.

Томъ двѣнадцатый.

Глава I. Продолженіе царствованія Алексѣя Михайловича.......... 341—342

Вѣсти отъ Брюховецкаго о турецкихъ замыслахъ; доносы на Запорожье и на епископа Меѳодія, 341.—Убіеніе царскаго посланника Ладыжинскаго въ Запорожьи, 344.—Письма кошеваго Васютенка къ Брюховецкому по этому случаю, 345.—Слѣдствія по казацкимъ жалобамъ на Полтавскаго воеводу, 347.—Увѣщательная царская грамота къ казакамъ, 349.—Сношенія съ Дорошенкомъ, 349.—Неудовольствія епископа Меѳодія на Москву и примиреніе его съ Брюховецкимъ, 354.—Наговоры Меѳодія на Москву, 355.—Тукальскій сносится съ Брюховецкимъ и склоняетъ его окончательно къ измѣнѣ, 357.—Начало волненій въ Малороссіи, 358.—Царская грамота къ Брюховецкому по поводу этихъ волненій, 360.—Рѣшительное возстаніе противъ московскихъ воеводъ въ малороссійскихъ городахъ, 361—Грамота Брюховецкаго на Донъ, 362.—Внушенія польскія противъ казаковъ, 364.—Движенія князя Ромодановскаго, 365.—Татары и Дорошенко на восточномъ берегу Днѣпра, 365.—Гибель Брюховецкаго, 366.—Дорошенко удаляется на западную сторону, и восточная снова тянетъ къ Москвѣ, 367.—Наказной гетманъ Демьянъ Многогрѣшный, 367.—Архіепископъ Лазарь Барановичъ и протопопъ Симеонъ Адамовичъ, 368.—Грамота Барановича къ царю съ увѣщаніемъ простить Малороссіянъ и вывести отъ нихъ воеводъ, 368.—Послѣдняя дѣятельность епископа Меѳодія, 370.—Татары провозглашаютъ новаго гетмана Суховѣенка, 371.—Затруднительное положеніе Дорошенка, 372.—Сношеніе его и Многогрѣшнаго съ кіевскимъ воеводою Шереметьевымъ, 373.—Большое малороссійское посольство въ Москвѣ, 374.—Письмо протопопа Симеона Адамовича къ царю, 375.—Разговоры Многогрѣшнаго и Барановича съ посланцомъ Шереметева, 378.—Глуховская рада; избраніе Многогрѣшнаго въ гетманы, 380.—Сношенія съ Польшей и Швеціею, 384—Король Янъ-Казиміръ отрекается отъ престола, 386.—Вопросъ объ избраніи въ короли Польскіе царевича Алексѣя Алексѣевича, 386.—Послѣдняя служба Ордина-Нащокина, 387.—Переписка его съ царемъ, 388.—Избраніе въ Польскіе короли Михаила Вишневецкаго, 394.—Съѣзды Нащокина съ польскими коммисарами, 396.—Удаленіе Нащокина въ монастырь, 397.—Польскіе послы—Гнинскій и Бростовскій—въ Москвѣ, 398.—Дѣло о возвращеніи Кіева и о союзѣ противъ Турокъ, 400.—Русское посольство въ Турціи, 403.—Событія въ Крыму, 404.

Глава II. Продолженіе царствованія Алексѣя Михайловича.......... 405—406

Безпокойства относительно Малороссіи, 405.—Письма Барановича въ Москву, 406.—Новый соперникъ Дорошенку—Ханенко, 407.—Барановичъ хлопочетъ о ненарушеніи Глуховскихъ статей, 407.—Непрочность Многогрѣшнаго въ Малороссіи, 409.—Торжество Дорошенка, 411.—Происки Тукальскаго, 411.—Константинопольскій патріархъ выдаетъ проклятіе на Многогрѣшнаго, 412.—Притязанія Барановича, 412.—Царскій отвѣтъ малороссійскимъ посланнымъ, 413.—Посольство изъ Москвы къ Константинопольскому патріарху для снятія проклятія съ Многогрѣшнаго, 414.—Представленія Дорошенка, 416.—Война на западной сторонѣ Днѣпра, 416.—Неудовольствія Многогрѣшнаго, 416.—Посольства къ нему изъ Москвы, 417.—Доносы старшины на гетмана, 421.—Многогрѣшный схваченъ и привезенъ въ Москву, 425.—Обвиненія, на него поданныя, 428.—Допросъ и ссылка Многогрѣшнаго, 429.—Ссылка Сѣрка, 435.—Рада въ Казачьей Дубровѣ, 435.—Избраніе Самойловича въ гетманы, 437.—Похожденія ложнаго пророка Вдовиченка въ Запорожьи, 438.—

Глава III. Продолженіе царствованія Алексѣя Михайловича.......... 441—442

Нашествіе Турокъ на Польшу, 441.—Битва при Батогѣ, 442.—Взятіе Каменца-Подольскаго, 443.—Распоряженія въ Москвѣ по случаю войны Турецкой, 443.—Освобожденіе Сѣрка, 445.—Прибытіе сыновей гетмана Самойловича въ Москву, 446.—Извѣстія съ западнаго берега, 447.—Ханенко изъявляетъ желаніе податься царю, 449.—Поведеніе митрополита Тукальскаго, 449.—Неудачное движеніе Ромодановскаго и Самойловича къ Днѣпру, 449.—Неудовольствія Малороссіянъ на царское войско и на воеводу кн. Трубецкаго, 450.—Похвалы князю Ромодановскому, 450.—Ропотъ на Самойловича, 450.—Военныя дѣйствія на Дону, 451.—Воръ Міюска, 451.—Самозванецъ Семенъ въ Запорожьи, 452.—Поведеніе Сѣрка, 453.—Сношенія Дорошенка съ Москвою, 459.—Самойловичъ хлопочетъ, чтобы царь не принималъ Дорошенка въ подданство, 460.—Ромодановскій и Самойловичъ на западномъ берегу Днѣпра, 462.—Письмо Ханенка къ князю Трубецкому, 464.—Переяславская рада: избраніе Самойловича въ гетманы обѣихъ сторонъ Днѣпра, 464.—Дорошенко проситъ о принятіи его въ подданство, 465.—Сѣрко высылаетъ самозванца въ Москву; допросъ и казнь вору, 465.—Дорошенко уклоняется отъ подданства царю, 468.—Приходъ Татаръ къ нему на помощь, 469.—Братъ его Андрей разбитъ царскими войсками, 469.—Посланецъ Дорошенка Мазепа, отправленный къ хану, схваченъ Запорожцами и присланъ въ Москву, 469.—Показанія Мазепы, 470.—Царь не отпускаетъ изъ Москвы сыновей гетмана Самойловича, 473.—Ромодановскій и Самойловичъ подъ Чигириномъ, 473.—Новое нашествіе Турокъ и Татаръ, 474.—Русскія войска отступаютъ на восточный берегъ, 474.—Мнѣніе гетмана Самойловича о соединеніи русскихъ войскъ съ польскими, 475.—Грамота Ромодановскаго къ царю, 477.—Доносъ архіепископа Барановича на протопопа Адамовича, 477.—Пріѣздъ послѣдняго въ Москву съ порученіемъ отъ архіепископа, 477.—Доносы Самойловича на Сѣрка, 478.—Жалоба гетмана на протопопа Адамовича, 479.—Сношенія Сѣрка съ Москвою, 479.—Смута въ Каневѣ, 480.—Новый походъ царскихъ войскъ на западный берегъ Днѣпра, 482.—Затруднительное положеніе Дорошенка, 485.—Онъ обращается къ посредничеству Сѣрка, 485.—Въ Москвѣ не принимаютъ этого посредничества, 486.—Событія на Дону, 492.

Глава IV. Продолженіе царствованія Алексѣя Михайловича.......... 495—496

Сношенія съ Польшею послѣ турецкаго нашествія, 495.—Рознь литовскихъ сенаторовъ съ польскими по поводу мира съ Турками, 495.—Поляки требуютъ отъ Москвы сильной помощи, 496.—Литовскій гетманъ Пацъ совѣтуетъ не подавать этой помощи и обѣщаетъ поддаться со всею Литвою государю Русскому, 499.—Свидерскій, первый польскій резидентъ въ Москвѣ, 499.—Стольникъ Тяпкинъ—первый русскій резидентъ въ Варшавѣ, 499.—Кончина короля Михаила, 500.—Вопросъ объ избраніи царевича Өеодора Алексѣевича на Польскій престолъ, 501.—Условія избранія, 501.—Переговоры о нихъ, 501.—Затруднительное положеніе Тяпкина и его жалобы, 503.—Королевскіе выборы, 506.—Избраніе Яна Собѣскаго въ короли, 506.—Разныя вѣсти о расположеніи новаго короля къ Москвѣ, 506.—Посольство Венславскаго въ Москву, 509.—Съѣзды уполномоченныхъ въ Андрусовѣ, 511.—Поляки дѣлаютъ неудовольствія Тяпкину и стращаютъ его миромъ короля съ Турками, 512.—Жалобы Тяпкина на продажность Поляковъ; онъ умоляетъ Матвѣева отозвать его, 513.—Поѣздка резидента къ королю во Львовъ, 514.—Сынъ Тяпкина польско-латинскою рѣчью благодаритъ короля за школьную науку, 516.—Разговоры старика Тяпкина съ панами, 517.—Злой отвѣтъ его гетману Пацу, смѣявшемуся надъ русскимъ войскомъ, 517.—Обращеніе короля съ русскимъ резидентомъ, 518.—Поведеніе Поляковъ по удаленіи непріятеля, 518.—Сношенія царя Алексѣя съ Австріею, Швеціею, Даніею, 519.—Мысль о заведеніи флота на Балтійскомъ морѣ, 526.—Сношенія по этому поводу съ Курляндіею, 526.—Сношенія съ Голландіею, Англіею, Франціею, Испаніею, Италіею, 527.

Глава V. **Окончаніе царствованія Алексѣя Михайловича**... ....543—544

Сношенія съ Православнымъ Востокомъ: Греціею и Грузіею, 543.—Сношенія съ Персіею, 557.—Договоръ съ компаніею персидскихъ Армянъ, 561.—Построеніе корабля для Каспійскаго моря, 562.—Калмыки, 568.—Сибирь, 576.—Сношенія съ Китаемъ, 582.—Общій обзоръ царствованія Алексѣя Михайловича, 600.—Семейныя дѣла царя, 603.—Его кончина, 604.—Характеръ, 605.—Приближенные къ нему люди, 614.

Томъ тринадцатый.

Глава I. **Россія предъ эпохою преобразованія**..................................625—626

Общій обзоръ хода Древней русской исторіи, 625.—Различіе Восточной и Западной Европы, 625.—Природа Сѣверо-восточной Россіи, 639.—Москва,—ея характеръ, 657.—Великій Государь, 670.—Случаи, когда онъ являлся предъ подданными; выходы и походы, 670.—Его семейныя торжества, 674.—Обѣды во дворцѣ, 674.—Служня Великаго Государя, 675.—Служня, собиравшаяся на крыльцѣ, и служня, собиравшаяся въ передней, 675.—Ихъ интересы, 678.—Мѣстничество, 678.—Комната и доклады, 683.—Сидѣнье В. Государя съ боярами о дѣлахъ, 684.—Соборы, 684.—Помѣщики, 686.—Новое войско, 686.—Военныя поселенія, 691.—Казаки и стрѣльцы, 692.—Кормленіе ратныхъ людей, 693.—Кормленіе *отъ дѣлъ*, 693.—Приказы, 693.—Кормленіе по городамъ, 699.—Видъ древняго русскаго города, 699.—Воевода, 701.—Губной староста, 701.—Земскій староста, 702.—Главные интересы горожанъ, 702.—Подати, 702.—Службы горожанъ, 709.—Кормленіе воеводы и подъячихъ, 711.—Столкновенія горожанъ съ воеводами, съ земскими старостами, 713.—Борьба между лучшими и меньшими людьми, 714.—Отношеніе къ верховному правительству, 715.—Судьба преобразованій Ордина-Нащокина во Псковѣ, 716.—Торговый уставъ, 722.—Сельское народонаселеніе, 727.—Смыслъ крестьянскаго прикрѣпленія, 727.—Стремленіе крестьянъ къ образованію своихъ отдѣльныхъ отъ города міровъ, 727.—Печальное положеніе крестьянъ, 731.—Необходимость переворота, 733.—Новые учители, 734.—Расколъ, 735.—Обличенія, 737.—Церковные соборы, 739.—Затруднительное положеніе духовенства, 741.—Значеніе Никонова дѣла, 742.—Іосифъ Коломенскій, 745.—Духовникъ Савиновъ, 746.—Церковныя имѣнія, 747.—Вопросъ о дѣтяхъ бѣлаго духовенства, 747.—Нравы и обычаи, 749.—Поворотъ на новый путь, 758.—Театръ, 759.—Литература, 760.

Глава II. **Царствов. Өеодора Алексѣевича**. 801—802

Различіе въ преобразовательной дѣятельности преемниковъ царя Алексѣя Михайловича, 803.—Дѣти царя Алексѣя отъ обоихъ браковъ, 806.—Польское и нѣмецкое вліяніе, 806.—Извѣстія о вступленіи на престолъ Өеодора, 808.—Ссылка Матвѣева, 810.—Ссылка духовника Андрея Савинова, 817.—Отягченіе участи Никона, 818.—Любимцы царя, 821.—Языковъ, Лихачевы, 822.—Бракъ Өеодора на Агаөіи Семеновнѣ Грушецкой, 822.—Быстрое возвышеніе Языкова и Лихачева, 822.—Князь Вас. Вас. Голицынъ, 823.—Окончаніе дѣла съ Дорошенкомъ, 823.—Дѣла Рославца и Адамовича, 828.—Дорошенко въ Москвѣ, 832.—Манифестъ Юрія Хмельницкаго, 834.—Пересылка съ гетманомъ Самойловичемъ о Сѣркѣ и Дорошенкѣ, 834.—Ссылка Рославца и Адамовича, 835.—Первый Чигиринскій походъ, 835.—Мнѣнія Ромодановскаго и Самойловича о Чигиринѣ, 837.—Дѣла Запорожскія и посольство въ Турцію, 837.—Второй Чигиринскій походъ, 839.—Сношенія съ Польшею, 842.—Мирные переговоры съ Турціею, 849.—Переговоры въ Крыму и миръ съ султаномъ и ханомъ, 852.—Дорошенко—воевода, 856.—Смерть Сѣрка, 857.—Дѣла шведскія, датскія, австрійскія, 859.—Калмыки и казаки, 859.—Волненія Башкирцевъ, 861.—Борьба съ Киргизами, Самоѣдами, Якутами и Тунгусами въ Сибири; злоупотребленія здѣсь приказныхъ людей, 861.—Внутренняя дѣятельность правительства при царѣ Өеодорѣ, 865.—Вопросъ о торговлѣ шелкомъ съ Армянами, 865.—Постановленіе о торговлѣ съ Греками, 866.—Смягченіе наказаній за уголовныя преступленія, 867.—Новая форма челобитныхъ, 867.—Расколъ, 868.—Церковный Соборъ 1681 года, 870.—Обращеніе иновѣрцевъ въ христіанство, 873.—Постановленіе о воеводахъ, 874.—Финансовыя мѣры, 874.—Уничтоженіе мѣстничества, 875.—Проэктъ отдѣленія гражданскихъ должностей отъ военныхъ, 880. Проэктъ академіи, 881.—Смерть царицы Агаөіи и царевича Ильи, 885.—Второй бракъ царя и кончина его, 886.—Смерть Никона, 886.—Облегченіе участи Матвѣева, 888.

Глава III. **Московская смута 1682 года**. .889—890

Побужденіе къ избранію въ цари Петра мимо Іоанна, 889.—Партія Іоанна и ея движенія, 890.—Сцены на погребеніи царя Ѳеодора, 891. — Волненія стрѣльцовъ и солдатъ, 893. — Слабость правительства и разнузданность стрѣльцовъ, 894. — Заговоръ Милославскаго, 897. — Пріѣздъ Матвѣева, 897.—Стрѣлецкій бунтъ, 898. — Двоевластіе и правленіе Софьи, 904.—Неловкое положеніе стрѣльцовъ, 905.—Столпъ на Красной площади для оправданія бунта, 906.—Движеніе раскольниковъ, 907. — Хованскій ихъ поддерживаетъ, 908. — Раскольничья смута 5 іюля, 913.—Стрѣльцы отстаютъ отъ раскольниковъ и дѣло послѣднихъ проиграно, 918.--Продолженіе стрѣлецкихъ волненій, 920. — Отъѣздъ Двора изъ Москвы, 921.—Казнь Хованскихъ, 924.--Призывъ дворянскаго ополченія, 926.—Волненія и ужасъ стрѣльцовъ и солдатъ, 926.—Они просятъ помилованья у царей, 926.—Условія помилованья, 927. — Стрѣльцы признаютъ себя бунтовщиками, 928. -- Уничтоженіе столпа на Красной площади, 928. — Возвращеніе Двора въ Москву, 929. — Шакловитый начальникъ Стрѣлецкаго Приказа; его твердость, 929. -- Мѣры противъ слѣдствій мятежа, 929.—Смуты въ Малороссіи и на Дону, 930. — Удаленіе опасныхъ стрѣльцовъ изъ Москвы, 932.

Томъ четырнадцатый.

Исторія Россіи въ эпоху преобразованія.

Глава I. Правленіе царевны Софіи ....977—978

Польскія интриги для возмущенія Малороссіи, 977. — Князь В. В. Голицынъ и его политика, 979. — Священный союзъ противъ Турокъ, 982.—Россія приглашается вступить въ него, 984. — Вѣчный миръ съ Польшею и вступленіе въ Священный союзъ, 985.—Подчиненіе Кіевскаго митрополита Московскому патріарху, 986. — Сношеніе съ гетманомъ Иваномъ Самойловичемъ по этому случаю, 987.—Избраніе въ Кіевскіе митрополиты князя Гедеона Четвертинскаго, 999.—Сношеніе съ восточными патріархами по поводу подчиненія Кіевской митрополіи Московскому патріарху, 1000.—Первый Крымскій походъ, 1004.—Посольство Шакловитаго въ полки, 1006.—Сверженіе Самойловича, избраніе Мазепы въ гетманы, 1007.—Лазарь Барановичъ, 1015.—Побужденіе отъ турецкихъ христіанъ къ возобновленію военныхъ дѣйствій, 1016. — Второй Крымскій походъ, 1018.—Сношенія съ Европейскими и Азіятскими государствами въ правленіе Софіи, 1024.—Нерчинскій договоръ съ Китаемъ, 1027. — Внутренняя дѣятельность правительства, 1034.

Глава II. Паденіе Софіи. Дѣятельность царя Петра до перваго Азовскаго похода .....1053—1054

Значеніе Петра и совершеннаго имъ переворота, 1053. -- Воспитаніе Петра, 1059.—Учителя-иностранцы, 1062.—Строеніе судовъ, 1064.—Женитьба Петра, 1064.—Столкновеніе съ правительницею, 1065. Намѣреніе Софіи вѣнчаться на царство, 1066.—Вражда Софіи къ царицѣ Натальѣ Кириловнѣ, 1066.--В. В. Голицынъ и Шакловитый, 1066.—Напрасное стараніе поднять стрѣльцовъ, 1067. — Неудовольствія со стороны Петра, 1069. — Сборъ стрѣльцовъ въ Кремлѣ 7-го августа, 1070.—Бѣгство Петра въ Троицкій монастырь, 1071.—Напрасныя попытки Софіи примириться съ братомъ, '1072. — Стрѣльцы принуждаютъ ее выдать Шакловитаго, 1076.—Розыскъ Шакловитаго; ссылка Голицыныхъ, 1076. — Распря между близкими къ Петру людьми по поводу Голицыныхъ, 1077. — Казнь Шакловитаго съ товарищами, 1078. — Новые доносы на князя В. В. Голицына и отягченіе его участи, 1079.—Розыскъ и казнь Медвѣдева, 1080.—Отстраненіе Софіи отъ правительства и заключеніе ея въ монастырь, 1081. — Продолженіе доносовъ, 1082. — Новое правительство, 1083.—Ссора князя Бориса Голицына съ Долгорукими, 1083.—Лефортъ, 1084.—Царскія потѣхи, 1086.—Компанія, 1090.—Состояніе общества, 1091. — Дѣла Малороссійскія, 1102—Положеніе Русскихъ людей въ польскихъ областяхъ, 1128.—Мазепа и Палѣй, 1102 —Дѣла объ откупѣ, 1140.

Глава III. Окончаніе двоевластія. Царствованіе Петра I-го Алексѣевича ....1141—1142

Окончаніе потѣхъ, 1141. — Замыслы Петра относительно морскихъ предпріятій, 1141. -- Роль Лефорта, 1142.—Греческое духовенство проситъ о дѣятельномъ продолженіи войны съ Турціей, 1143. — Первый Азовскій походъ, 1145. — Воронежскій флотъ, 1149. — Кончина царя Іоанна Алексѣевича, 1149.—Второй походъ и взятіе Азова, 1151. — Впечатлѣніе, произведенное этимъ событіемъ въ Москвѣ и Польшѣ, 1153. — Торжественный входъ побѣдителей въ Москву, 1157.—Строеніе кораблей кумпанствами, 1157.—Посылка молодыхъ людей учиться за границу, 1158. — Намѣреніе Петра ѣхать самому за границу, 1159. -- Неудовольствія, 1161.—Розыскъ монаха Аврамія, 1161.—Розыскъ Цыклера и Соковнина, 1163.—Отъѣздъ Петра за границу, 1168. — Неудовольствіе въ Ригѣ, 1168. — Пребываніе въ Пруссіи, 1169.—Дѣла Польскія, 1169.—Свиданіе Петра съ двумя курфюрстинами; ихъ отзывъ о немъ, 1170. — Петръ въ Голландіи, въ Англіи, въ Вѣнѣ, 1172.—Стрѣлецкій бунтъ, 1177.—Возвращеніе Петра въ Москву, 1188.—Брадобритіе, 1189. — Стрѣлецкій розыскъ и казни, 1191.—Постриженіе царевенъ и царицы Евдокіи, 1194.—Раздраженіе Петра, 1196.—Любимецъ Меншиковъ, 1197.—Поѣздка Петра въ Воронежъ, 1199.—Новые розыски и казни по возвращеніи въ Москву, 1200. — Разбои, 1206.—Злоупотребленія воеводъ, 1208.—Учрежденіе бурмистровъ, 1212. — Алексѣй Курбатовъ, 1213. - Гербовая бумага, 1214. -- Указъ о торговлѣ компаніями, 1214.—Мѣра для улучшенія положенія Сибири, 1215.—Дѣла на Украйнахъ. 1218.—Дѣло Петра Артемьева, 1223.

Глава IV. Продолженіе царствованія Петра I-го Алексѣевича ....1225—1226

Новое лѣтосчисленіе, 1225.—Причины Сѣверной войны, 1226.—Свиданіе Петра съ Польскимъ королемъ Августомъ и дружба съ нимъ, 1227.—Возницынъ на Карловицкомъ конгрессѣ, 1228. — Украинцевъ въ Константинополѣ, 1230. — Перемиріе съ Турками, 1232.—Союзъ трехъ державъ противъ Швеціи, 1235.—Карлъ XII, 1240 — Травендальскій миръ, 1242.—Осада Нарвы Русскими, 1244.—Пораженіе русскаго войска Карломъ XII, 1245.—Побѣдитель и побѣжденный, 1249.—Дѣятельность Виніуса, 1250. — Движеніе Шереметева, 1252.—Свиданіе Петра съ королемъ Августомъ въ Биржахъ, 1252.—Русское войско и саксонскій генералъ, 1254. - Пораженіе Саксонцевъ и Русскихъ на Двинѣ; его слѣдствія, 1254. — Эрестферская побѣда Шереметева, 1257. — Неудовольствія Малороссійскаго войска, 1258.—Хлопоты съ Запорожьемъ, 1258.— Совѣтъ короля Августа опустошить Ливонію, 1264. — Исполненіе совѣта, 1265. — Дѣйствія Апраксина въ Ингріи, 1267.--Петръ въ Архангельскѣ, 1267.—Появленіе его и дѣйствія въ Ингріи, 1267.—Море, 1269. · Основаніе Петербурга, 1270.

Томъ пятнадцатый.

Глава I. Царств. Петра I Алексѣевича. 1273 - 1274

Строеніе судовъ для Балтійскаго моря, 1273. — Борьба съ Шведами за Петербургъ, 1274. — Отобраніе у Шведовъ старыхъ русскихъ городовъ, 1274.—Опустошеніе Эстоніи, 1275.—Взятіе Дерпта и Нарвы, 1275 —Шведы отражены отъ Петербурга, 1277. — Сношенія съ Польшею, 1277.—Паткуль въ русской службѣ; его дѣятельность, 1286. – Русскія вспомогательныя войска подъ начальствомъ Паткуля, 1299. — Отношенія Паткуля къ малороссійскимъ казакамъ, 1299. — Окончаніе дѣятельности Палѣя, 1300. — Сношенія съ Вѣнскимъ Дворомъ, 1304. — Паткуль въ Вѣнѣ, 1306. — Дѣятельность Матвѣева въ Голландіи, 1310.— Постниковъ въ Парижѣ, 1322. — Французскій посланникъ Балюзъ въ Россіи, 1323. — Матвѣевъ въ Парижѣ, 1324. - Сношенія съ Турціею, 1328.—Дѣятельность Петра Толстого въ Константинополѣ, 1329.

Глава II. Продолженіе царствованія Петра I Алексѣевича..........................1335—1336

Внутреннее состояніе Россіи въ первые пять лѣтъ XVIII вѣка, 1335. — Характеръ правленія, 1335.—Правительственныя лица, 1336.— Старые и новые чины, 1336. — Старые и новые Приказы, 1337.—Новая форма прошеній, 1337. — Занятіе составленіемъ новаго Уложенія, 1338. — Ратуша и воеводы, 1338. — Воеводы управляютъ вмѣстѣ съ городовыми дворянами, 1338.—Финансовыя мѣры. 1338.—Монета, 1339.—Дѣятельность прибыльщика Курбатова, 1340.—Манифестъ о вызовѣ иностранцевъ въ Россію, 1344.— Отвращеніе отъ Жидовъ, 1345. — Средства образованія для Русскихъ людей, 1345.—Школы, 1345. — Книги, 1347. — Первыя вѣдомости, 1349. — Театръ, 1350. — Столкновеніе иностранныхъ учителей съ Русскими; дѣло Нейгебауера, 1350.—Гюйсенъ, 1354. — Мѣры для сохраненія жизни и здоровья, 1355. — Мѣры противъ пожаровъ, 1357. — Мѣры противъ семейныхъ безпорядковъ, 1357.—Запрещеніе подписываться уменьшительными именами, 1357.—Преобразованіе относительно духовенства, 1358. — Отсрочка въ избраніи патріарха, 1359.—Стефанъ Яворскій, 1361. — Монастырскій Приказъ, 1362.— Мѣры относительно церковныхъ имуществъ, 1363.—Вѣдомости о числѣ родившихся и умершихъ, 1363. — Московская академія, 1364. — Дѣятельность митрополитовъ — Димитрія Ростовскаго и Филоѳея Сибирскаго, 1365. · Митрофанъ Воронежскій, 1368.—Неудовольствія, 1368. -- Молва о нерусскомъ царѣ, 1369. Григорій Талицкій, 1371.—Перемѣна платья, 1373. — Неудовольствія на-Верху, 1375. -- Астраханскій бунтъ, 1377.—Дѣла на Дону и Запорожьи, 1382.

Глава III. Продолженіе царствованія Петра I Алексѣевича..........................1397—1398

Два фельдмаршала, 1397. — Петръ въ Полоцкѣ, 1397. Происшествіе въ Уніатскомъ монастырѣ, 1397. — Пораженіе Шереметева при Гемауертгофѣ, 1399. — Петръ въ Курляндіи, 1400.—Огильви и Меншиковъ, 1400. Паткуль въ Саксоніи, 1401. — Дѣло о передачѣ русскихъ войскъ въ австрійскую службу, 1401.— Паткуль схваченъ саксонскими министрами и заключенъ въ Зонненштейнъ, 1407.--Посольство Шенбека къ царю съ объясненіемъ по этому дѣлу, 1408. -- Походъ Карла XII въ Литву, 1409. — Зимовка русскаго войска въ Гроднѣ, 1410 —Выступленіе его оттуда, 1417.— Увольненіе Огильви, 1418.—Петръ и Меншиковъ въ Кіевѣ, 1418. — Неудачная осада Выборга, 1419 —Битва при Калишѣ, 1419.—Король Августъ заключаетъ отдѣльный миръ съ Карломъ XII, 1420. — Петръ въ Жолквѣ, 1422.—Сношенія съ польскими вельможами и кандидатами на Польскій престолъ, 1423. -- Матвѣевъ въ Англіи, 1430 —Предложеніе герцогу Марльборо русскаго княжества, 1434.— Сношенія съ Франціею и Австріею, 1434. — Петръ предлагаетъ Польскій престолъ принцу Евгенію Савойскому, 1435. — Дѣятельность Толстого въ Константинополѣ, 1436.—Посольстю князя Куракина въ Римъ, 1442.—Приготовленіе Петра къ встрѣчѣ непріятеля въ Россіи, 1443. — Башкирскій бунтъ, 1446.—Булавинскій бунтъ, 1450.

Глава IV. Продолженіе царствованія Петра I Алексѣевича ....1473—1474

Походъ Карла XII въ Литву, 1473. - Распоряженія Петра въ Гроднѣ, 1474. —Карлъ вступаетъ въ этотъ городъ, 1475. — Дальнѣйшія его движенія, 1475 —Болѣзнь Петра, 1475 — Укрѣпленіе Петербурга, 1476. -- Укрѣпленіе Москвы, 1477.—Битва при Головчинѣ, 1478.— Военный совѣтъ въ Шкловѣ, 1480.—Карлъ въ Могилевѣ, 1481.–Битва при Добромъ, 1482.— Движеніе Карла въ Малороссію, 1482. -Битва при Лѣсной, 1483.—Состояніе дѣлъ въ Малороссіи, 1484. —Приготовленія къ измѣнѣ Мазепы,—1488.—Распоряженія Петра по этому случаю, 1501.—Универсалъ Мазепы къ полковникамъ, 1516. - Взятіе Батурина Меншиковымъ, 1524. — Избраніе новаго гетмана, 1526. -- Мазепа проклятъ, 1527. — Грамота Петра Запорожцамъ, 1528. – Грамоты Карла къ Малороссіянамъ, 1528. — Отвѣтныя грамоты Петра и новаго гетмана Скоропадскаго, 1528 — Военныя дѣйствія въ концѣ 1708 года, 1530.— Вѣсти изъ Польши, 1530.—Отъѣздъ Матвѣева изъ Лондона, 1533.—Безчестіе, ему насенное, 1533.—Сношенія съ Даніею, 1534.—Съ Турціею, 1535. — Военныя дѣйствія въ началѣ 1709 года, 1538. Петръ въ Воронежѣ, 1539. — Его неудовольствіе на Шереметева, 1539.— Сношенія Мазепы съ царемъ, 1540.—Царская грамота къ Малороссіянамъ по поводу перехваченнаго письма Мазепы къ Лещинскому, 1541.—Измѣна Запорожцевъ, 1542.—Взятіе и разореніе Сѣчи, 1545.—Полтавская битва, 1548.—Приготовленія къ продолженію войны, 1557.—Торжества, 1565.

ИСТОРІЯ РОССІИ

СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ.

Томъ одиннадцатый.

Глава I.

Продолженіе царствованія Алексѣя Михайловича.

Гетманскіе и митрополичьи выборы въ Малороссіи.—Переговоры съ Тетерею въ Москвѣ.—Посольство Кикина въ Малороссію.—Выговскій замышляетъ измѣну.—Союзъ его съ ханомъ Крымскимъ.—Сношенія хана съ Москвою и дѣла на Дону.—Выговскій и Лесницкій возбуждаютъ казаковъ противъ царя.—Посольство Матвѣева и Рагозина къ Выговскому; посланцы Выговскаго.—Меневскій и Коробка въ Москвѣ.—Запорожцы жалуются царю на Выговскаго.—Вопросъ о воеводахъ.—Хитрово въ Малороссіи и Переяславская рада.—Полтавскій полковникъ Пушкарь противъ Выговскаго.—Извѣты его царю.—Лесницкій въ Москвѣ.—Выговскій съ Татарами идетъ на Пушкаря.—Гибель послѣдняго.—Выговскій поддается Польскому королю.—Военныя дѣйствія подъ Кіевомъ.—Раздѣленіе Малороссіи и усобица.—Радость въ Польшѣ.—Двадцать одна причина, почему царь Алексѣй не могъ быть избранъ въ преемники Яну-Казиміру. — Старанія Матвѣева склонить Литву на царскую сторону.—Сношенія съ Польшею.—Виленскіе съѣзды.—Враждебныя движенія польскихъ войскъ.—Побѣда Долгорукаго надъ Гонсѣвскимъ и плѣнъ послѣдняго.—Затруднительное положеніе Москвы.—Ординъ-Нащокинъ и его преобразовательные замыслы.—Борьба въ Малороссіи.—Походъ Трубецкаго.—Наказъ ему насчетъ соглашенія съ Выговскимъ.—Конотопская битва.—Ужасъ въ Москвѣ.—Дѣйствія Выговскаго и сношенія его съ Трубецкимъ.—Дѣла въ Крыму.—Дѣйствія Донскихъ казаковъ.—Паденіе Выговскаго.—Юрій Хмельницкій гетманъ.—Переговоры со Швеціею.—Ссора Нащокина съ Хованскимъ.—Валіесарское перемиріе.—Побѣгъ сына Ордина-Нащокина за границу и переписка отца съ царемъ по этому случаю.—Кардинскій миръ.

Въ Чигиринѣ, около гроба знаменитаго гетмана, волновалась старшина казацкая важнымъ вопросомъ—кому быть на мѣстѣ Хмельницкаго? Живому Богдану никто не рѣшился отказать въ просьбѣ насчетъ избранія въ гетманы сына его; теперь никто не думалъ объ исполненіи обѣщанія, когда негрозный батька казацкій лежалъ безъ дыханія. Выговскій, не боясь, что его раскуютъ по рукамъ лицомъ къ землѣ, дѣйствовалъ свободно и пріобрѣталъ сильную сторону. Не стало гетмана въ Чигиринѣ, не было митрополита въ Кіевѣ: здѣсь волновались не менѣе важнымъ вопросомъ, какъ выбирать преемника Сильвестру Коссову? Хлопоталъ воевода Андрей Бутурлинъ, призывалъ епископа Черниговскаго Лазаря Барановича, Печерскаго игумена Иннокентія Гизеля, другихъ игумновъ и говорилъ имъ всякими мѣрами, съ большимъ подкрѣпленіемъ, чтобъ поискали милости великаго государя, правду свою къ нему показали, были подъ послушаніемъ и благословеніемъ великаго государя, святѣйшаго Никона патріарха, безъ царскаго указа за епископами не посылали и безъ патріаршаго благословенія митрополита не избирали. Епископъ Лазарь отвѣчалъ, что онъ радъ царской милости и патріаршему благословенію, но надобно подумать съ архимандритами и игумнами. 7-го августа Лазарь пріѣхалъ къ воеводѣ и объявилъ, что духовенство кіевскіе приговорило быть подъ послушаніемъ Никона патріарха, что теперь они ѣдутъ въ Чигиринъ на погребеніе гетманское, а когда возвратятся и укрѣпятся между собою, то отправятъ кого-нибудь изъ своихъ къ великому государю. Выговскій писалъ Лазарю: „Выбирайте митрополита между собою, кого хотите, а намъ теперь по смерти гетманской до того дѣла нѣтъ“ ¹).

А между тѣмъ въ Москвѣ, ничего не зная, разсуждали съ Павломъ Тетерею, пріѣхавшимъ въ послахъ еще отъ гетмана Богдана Хмельницкаго. 4-го августа Тетеря представлялся государю и говорилъ рѣчь: „Егда богодарованную пресвѣтлѣйшаго вашего царскаго величества державу нынѣшними времяны надъ малороссійскимъ племенемъ нашимъ утверждену и укрѣпленну внутренними созираю очима, привожу себѣ въ память реченное царствующимъ пророкомъ: отъ Господа бысть се и есть дивно во очію нашею воистинно

---

¹) Москов. главн. архивъ мин. ин. дѣлъ; дѣла Малороссійскія 1657 года.

соединеніе Малые Россіи и прицѣпленія оноя къ великодержавному пресвѣтлѣйшаго вашего царскаго величества скифетру, яко естественной вѣтви къ приличному корени. И якожъ древле Давиду Израильскія дѣвы ликоствующе въ тимпанѣхъ съ радостію и гуслѣхъ припѣваху: побѣди Саулъ со тысящами, а Давидъ со тмами, тако и пресвѣтлому вашему царскому величеству истинно всѣ Россійстіи сынове припѣвати можемъ: иные цари побѣдиша со тысящами, ты-жъ великодержавный царь нашъ, побѣдилъ еси со тмами. Преславная воистинну есть пресвѣтлаго вашего царскаго величества на враги побѣда, понеже, ревнующе по благочестивой вѣрѣ, не пощадилъ еси своея царскія главы, не предпочелъ еси своего угодія, но, оставя множицею свой царскій престолъ и презрѣвше своя царскія палаты, изшелъ еси предъ нами на враги наша и самъ возжелалъ еси побораги по насъ прямыхъ подданныхъ своихъ. Воистинну поставленъ еси отъ вышнія десницы Божія надъ Сіономъ горою святою Его, надъ Сіоновыми, глаголю, сыны Россійскими, возвѣщая намъ всѣмъ повелѣнія Господния и свѣдѣнія Его: не возвѣщаеши ли намъ житіемъ непорочнымъ своимъ повелѣній Господнихъ; не учиши ли насъ изрядныхъ добродѣтелей своихъ? И кто не познаваетъ кротость твою, кто ли не причастенъ милости твоея; кто не проповѣдуетъ благоутробія вашего царскаго величества и къ самимъ врагамъ непамятозлобнаго нрава? Дивно есть во очію нашею, дивно и чудесно: понеже егда оскудѣваше въ помощи Малая Россія, тогда Богъ подвиже благочестивое вашего царскаго величества сердце, что отъ высокаго своего престола призрѣлъ еси на насъ и подъ высокую свою руку воинство наше Запорожское щедротне восприяти благоволилъ, которое, крестнымъ цѣлованіемъ государю и царю своему привязанное, чрезъ насъ, посланниковъ своихъ, предъ святымъ вашего царскаго величества престоломъ до лица земли упадаетъ и, не превратно и не льстиво въ своемъ крестномъ цѣлованіи пребывающе, пресвѣтлаго вашего царскаго величества, яко втораго великаго во царѣхъ и равнаго во апостолѣхъ Владиміра не точію почитаетъ, но и предпочитаетъ, понеже онъ аще ли Россійское племя Святымъ просвѣтилъ крещеніемъ, но и самъ кромѣ закона иногда живяше и многихъ сыновъ Россійскихъ своимъ порочнымъ языческимъ житіемъ погубляше; но ваше царское величество вящшія сподобися благодати, егда отторженную вѣтвь, Малую Россію, пріобрѣте".

Оратору былъ сдѣланъ первый вопросъ: по утвержденнымъ статьямъ, въ городахъ должны быть урядники и всякіе доходы собирать на царское величество, и отдавать тѣмъ людямъ, которыхъ онъ пришлетъ; изъ этихъ поборовъ давать жалованье начальнымъ людямъ и казакамъ, которые должны быть въ числѣ 60,000. Но поборовъ до сихъ поръ ничего не взято; гетманъ ихъ собираетъ ли и жалованье казакамъ даетъ ли? Государь объ этомъ спрашиваетъ не для того, чтобъ доходы были надобны въ царскую казну, но для того: государь узналъ, что на гетмана и полковниковъ казаки бунтуютъ, будто они доходы собираютъ на себя, а имъ жалованья не даютъ.—„То-то и бѣда", отвѣчалъ Тетеря, „что доходы не собираются, жалованье казакамъ не дается, и они служатъ лѣниво, а принудить ихъ нельзя служить безъ жалованья. Съ Кіевскаго воеводства я самъ собралъ 20,000 рублей, а можно собрать и 50,000 золотыхъ червонныхъ, если впрямь собирать; въ иныхъ повѣтахъ полковники сбираютъ со двора золотыхъ по два и по три, говорятъ, что собираютъ на гетмана, но гетману если что и дадутъ, то не все, а корыстуются сами, и оттого происходятъ смуты и бунтовство. Изволилъ бы великій государь послать къ гетману, чтобъ созвалъ раду, при всѣхъ царскую милость объявилъ и статьи вычелъ; хотя гетману это будетъ и не любо, только войску будетъ годно, а намъ теперь съ гетманомъ спорить нельзя, потому что будетъ ему не любо."—Объявили посланнику и второе неудовольствіе царское: гетманъ не исполнилъ статьи, чтобъ не принимать иностранныхъ пословъ; царское величество все посылалъ милостиво, потому что гетманъ писалъ съ покорностію: „такъ гетману и всему войску, видя такую милость, надобно знать и обѣщаніе свое исполнять, ибо за всякое крестопреступленіе надобно боятися гнѣва Божія."—„Все это правда," отвѣчалъ Тетеря, „только намъ всего этого гетману выговорить нельзя".

Въ грамотѣ, поданной Тетерею отъ Богдана (отъ 10 іюля), гетманъ писалъ, что пошлетъ къ Шведскому королю провѣдать о его умыслѣ; что приказалъ уже полковнику Антону возвратиться и идти подъ Каменецъ; идущему къ нему Бенѣвскому скажетъ, чтобъ Поляки непремѣнно выбрали царя въ короли. Тетеря имѣлъ порученіе и отъ Выговскаго: „Билъ челомъ писарь о маетностяхъ жены своей Статкеевичевны, да жены брата своего, дочери Ивана Мещеринова: такъ какое будетъ царскаго величества изволенье?" Ему отвѣчали: „Какъ присылалъ къ царскому величеству въ 1655 году Иванъ Выговскій брата своего Данилу бить челомъ о маетностяхъ, то великій государь пожаловалъ ихъ большими городами и маетностями; имъ этимъ можно жить безъ нужды, а Статкеевичевы маетности розданы шляхтѣ присяжной, у которой назадъ ихъ взять нельзя."

10-го августа пришла вѣсть, что Богданъ Хмельницкій умеръ. Тетеря подалъ письмо отъ Выговскаго; писарь писалъ, что гетманъ умеръ 27-го іюля, во вторникъ, въ пятомъ часу дня; письмо оканчивалось такъ: „Непремѣнно надобно бить челомъ царскому величеству, чтобъ изволилъ насъ оборонять войскомъ; да прошу еще вашу милость,—бейте челомъ царскому величеству, чтобъ мнѣ въ Литвѣ спокойнѣйшее житіе дать, потому что я тутъ, будучи старъ, съ казаками ничего не успѣю". Тетеря объяснилъ, почему Выговскому хочется имѣній въ Литвѣ: „Хотя царское величество писаря, отца его и братью и пожаловалъ, только они этимъ ничѣмъ не владѣютъ, опасаясь войска Запорожскаго". Ему отвѣчали: „Если они до сихъ поръ не владѣли, опасаясь войска, то теперь будетъ посланъ въ Малую Россію ближній бояринъ, князь Алексѣй Никитичъ Трубецкой, онъ объ этихъ маетностяхъ объявитъ, и тогда Выговскимъ можно будетъ ими владѣть свободно съ вѣдома войска."— „Сохрани Боже!" отвѣчалъ Тетеря, „чтобъ царское величество войску о своихъ пожалованіяхъ объявлять не велѣлъ, потому что объ этомъ и гетманъ Богданъ Хмельницкій не зналъ: если въ войскѣ свѣдаютъ, что писарь съ товарищами выпросили себѣ у царскаго величества такія большія маетности, то ихъ всѣхъ тотчасъ побьютъ и станутъ говорить: мы всѣмъ войскомъ царскому величеству служили и за него помирали, а маетности выпросили себѣ одинъ писарь съ товарищами; да станутъ говорить, чтобъ всѣми городами и мѣстами владѣть одному царскому величеству, а имъ, кромѣ жалованья, ничего не надобно. Если царское величество велитъ пожаловать писаря, отца его и брата маетностями, то велѣлъ бы отвести въ литовскихъ краяхъ особое мѣсто, чтобъ имъ ни съ кѣмъ ссоры не было, а въ войскѣ Запорожскомъ владѣть имъ ничѣмъ нельзя. Изъ присланныхъ мнѣ писемъ вижу я, что теперь старшины всѣ при гетмановомъ сынѣ Юріи, въ войскѣ смирно, и думаю, что выберутъ Юрія въ гетманы. Но какъ послышатъ, что царское величество шлетъ своихъ бояръ и рада будетъ, то при гетмановѣ сынѣ есть много такихъ людей, которые ему дружатъ, а съ полковниками не въ совѣтѣ, и станутъ они ему говорить, чтобъ рады не сбиралъ, чтобъ ему своего владѣнья не убавить, такъ же, какъ и отецъ его, рады не сбиралъ, а владѣлъ всѣмъ одинъ, что̀ прикажетъ, то всѣмъ войскомъ и дѣлаютъ, а только раду ему собрать, то на радѣ безъ бунта не пройдетъ: у всякаго будетъ своя мысль,—иной захочетъ въ гетманы Юрія Хмельницкаго, иной другого, а иной захочетъ того, чтобъ владѣлъ всѣмъ царское величество, а хотя и гетманъ будетъ, то владѣнье его передъ прежнемъ будетъ не такъ сильно. У насъ теперь отъ непріятелей опасенія нѣтъ, а въ войскѣ много неразумныхъ людей, которые станутъ мыслить, что царскіе бояре идутъ съ войскомъ затѣмъ, чтобъ войско Запорожское чѣмъ-нибудь стѣснить, а намъ теперь войска не надобно. Царское величество изволилъ бы въ своей грамотѣ вначалѣ написать имя гетманова сына Юрія, чтобъ ему не было досадно; отецъ его государю билъ челомъ, чтобъ послѣ него гетманомъ быть сыну его, и царскаго величества на то изволенье есть" [1]).

Самъ Выговскій давалъ знать о гетманствѣ Юрія Хмельницкаго; такъ онъ писалъ къ Путивльскому воеводѣ Зюзину: „Если хочешь знать, кто теперь избранъ въ гетманы, то, я думаю, ты знаешь, какъ еще при жизни покойнаго гетмана вся старшина избрала сына его, пана Юрія, который и теперь гетманомъ пребываетъ, а впередъ, какъ будетъ,—не знаю; тотчасъ послѣ похоронъ соберется рада изо всей старшины и нѣкоторой черни; что̀ усовѣтуютъ на этой радѣ,—не знаю. А я, послѣ такихъ трудовъ великихъ, радъ бы отдохнуть и никакого урядничества и начальства не желаю". Къ Бутурлину, въ Кіевъ, писалъ Выговскій, что польскій посолъ Беневскій присланъ къ нимъ для хитрости, чтобъ отлучить войско Запорожское отъ высокой царской руки, но что такой неправдѣ въ войскѣ Запорожскомъ мѣста нѣтъ; отъ царскаго величества оно во вѣки вѣковъ не отступитъ.

Зюзинъ, узнавъ изъ письма Выговскаго о радѣ, отправилъ подъячаго въ Чигиринъ посмотрѣть, что̀ тамъ будетъ дѣлаться. Подъячій пріѣхалъ въ Чигиринъ 21-го августа и тотчасъ же явился къ писарю. Выговскій говорилъ ему: „Царскому величеству я вѣренъ во всемъ, служу великому государю и войско Запорожское держу въ крѣпости. Какъ гетмана Богдана похоронимъ, то у насъ будетъ рада о новомъ гетманѣ, а мнѣ Богданъ Хмельницкій, умирая, приказывалъ быть опекуномъ надъ сыномъ его, и я, помня приказъ, сына его не покину. Полковники, сотники и все войско Запорожское говорятъ, чтобъ мнѣ быть гетманомъ, пока Юрій Хмельницкій въ возрастѣ и въ совершенномъ умѣ будетъ." Августа 23-го похоронили Богдана въ Субботовѣ; 26-го была рада: выбрали гетманомъ Выговскаго, дали ему царскую булаву и говорили, чтобъ онъ великому государю служилъ вѣрно и надъ войскомъ Запорожскимъ добрую управу чинилъ. Выговскій отвѣчалъ: „Эта булава доброму на ласку, а злому на каранье; потворствовать я никому не буду; войско Запорожское безъ страха быть не можетъ". Старшина казацкая, также войты и бурмистры говорили, чтобъ новый гетманъ прочелъ имъ всѣмъ вслухъ царскую жалованную грамоту: хотятъ они знать, на какихъ воляхъ пожалованы. Гетманъ прочелъ грамоту, и всѣ закричали: „Ради великому государю служить вѣчно!" Подъячій привезъ Зюзину грамоту отъ новаго гетмана. Выговскій,—теперь уже Іоаннъ, а не Иванъ—писалъ, что покойный Богданъ сына своего и все войско Запорожское ему въ обереганье отдалъ, а теперь вся старшина и чернь старшинство надъ войскомъ ему же вручили, и онъ царскому величеству вѣрно служить будетъ. Бутурлину Выговскій писалъ: „Ни желанія, ни промысла, ни помышленія моего о томъ не было, чтобъ быть мнѣ старшимъ надъ войскомъ Запорожскимъ; но, видно исполняя волю Божію, войско совѣтными голосами возложило на меня не столько урядъ, сколько тягость. Надѣюсь, что царское величество будетъ доволенъ моими услугами".

Между тѣмъ, еще не зная о выборѣ Выговскаго, государь отправилъ въ Малороссію стольника Кикина объявить войску, что царское величество, извѣстившись еще отъ покойнаго Богдана о непріятельскихъ замыслахъ хана Крымскаго, посылаетъ на помощь казакамъ войско свое подъ начальствомъ князя Григорія Григорьевича Ромодановскаго и Василія Борисовича Шереметева; сверхъ того, скоро явится къ нимъ Алексѣй Никитичъ Трубецкой и Богданъ Матвѣевичъ Хитрово для рады. Мы видѣли, что говорилъ Тетеря о жалованьи казакамъ и какъ проговорился онъ, что нѣкоторые будутъ желать непосредственнаго подчиненія Малороссіи царю. Въ Москвѣ не проронили этихъ словъ, и Кикину велѣно было говорить рядовымъ казакамъ: давали ли имъ при гетманѣ Богданѣ во время похода жалованье? и, если скажутъ, что не давали, внушить, что гетманъ дѣлалъ это безъ воли государя, который назначилъ имъ на жалованье сборъ съ городовъ и повѣтовъ малороссійскихъ, и теперь все это велѣлъ разсмотрѣть и указъ учинить князю Трубецкому. Кикинъ долженъ былъ также говорить съ войтами, бурмистрами и мѣщанами наединѣ, что гетмана не стало, а на города малороссійскіе наступили непріятели, Крымскій ханъ и Ляхи, да у нихъ же между собою учинилось смятеніе; царское величество для ихъ обороны послалъ войско, а для своихъ государевыхъ дѣлъ князя Трубецкаго съ товарищами: такъ они бы ничѣмъ не оскорблялись. А если станутъ говорить: хорошо было бы, еслибъ великій государь для всякихъ непріятельскихъ приходовъ и расправныхъ дѣлъ изволилъ быть у нихъ въ городахъ своимъ воеводамъ, то отвѣчать, что всѣ эти дѣла положены на князя Трубецкаго. А если про воеводъ и не начнутъ говорить, то Кикину самому начать, чтобъ государевымъ воеводамъ быть въ черкасскихъ знатныхъ городахъ для того, чтобъ тамошнимъ жильцамъ отъ полковниковъ и другихъ людей обидъ и налоговъ не было. Кикинъ долженъ былъ вездѣ развѣдывать: кто у Черкасъ начальный человѣкъ, кого больше слушаютъ и кого хотятъ избрать въ гетманы, Юрія ли Хмельницкаго, или кого другого, и нѣтъ ли теперь между Черкасами на полковниковъ какого рокошу, и если есть—за что́? и чего между ними чаять, и захотятъ ли, чтобъ въ городахъ были государевы воеводы 1).

---

[1]) Архивъ мин. юст.; столбцы Малорос. приказа, № 6001.

Въ Украйнѣ дѣйствительно начинался рокошъ, но шелъ онъ не снизу, а сверху. Присоединеніе къ Москвѣ было дѣломъ народнаго большинства, и большинство это до сихъ поръ не имѣло никакой причины раскаяться въ своемъ дѣлѣ. Другой взглядъ былъ у меньшинства, находившагося наверху: для этого меньшинства, для войсковой старшины и особенно для шляхты соединеніе съ шляхетскимъ государствомъ, съ Польшею, имѣло болѣе прелести. Представителемъ этого меньшинства былъ именно шляхтичъ Выговскій, сдѣлавшійся теперь, *по избранію меньшинства*, гетманомъ. Уже и Богдану, привыкшему, во время борьбы съ Польшею, распоряжаться произвольно, тяжело было подчиненіе Московскому государству, столь ревнивому къ правамъ своимъ; уже Богдану тяжело было извертываться предъ послами великаго государя, требовавшими неуклоннаго исполненія обязательствъ. Но стараго Богдана, за его славу и заслугу, щадили въ Москвѣ; будутъ ли щадить Выговскаго? Послѣдній имѣлъ основанія рѣшать этотъ вопросъ отрицательно, и давно уже устремлялъ свои взоры на западъ, къ шляхетскому государству, гдѣ сулили ему блестящее, независимое положеніе, сенаторство. Многіе изъ старшинъ, прельщенные тѣми же выгодами, были на сторонѣ Выговскаго. Но прямо, немедленно объявить себя противъ Москвы и соединиться съ Польшею было нельзя: Польша была слаба, не оправилась еще отъ тяжелыхъ ударовъ, нанесенныхъ ей Москвою и Швеціею, не могла она собственными силами защитить Выговскаго и товарищей его отъ мщенія царскаго; притомъ же войско и народъ были противъ подданства Польшѣ: надобно было сначала хитрить и опереться на какой-нибудь другой союзъ, дѣйствительнѣе польскаго, и Выговскій обратился къ хану Крымскому, союзъ съ которымъ такъ много помогъ Хмельницкому въ началѣ борьбы его съ Польшею. Мы видѣли, какой сильный гнѣвъ возбудило въ Крыму извѣстіе о подданствѣ Малороссіи Московскому царю. Явно помогая Польскому королю противъ казаковъ, подданныхъ царскихъ, ханъ не прерывалъ сношеній съ Москвою, бралъ подарки попрежнему, мѣнялся послами, но послы его твердили: „Царское величество велѣлъ бы Донскяхъ казаковъ унять, чтобъ они Крымскому юрту убытковъ не чинили и на море не ходили; а если царь Донскихъ казаковъ унять не велитъ и станутъ отказывать попрежнему, будто Донскіе казаки у него, государя, въ непослушаніи, то у хана есть въ степи ногайскихъ Татаръ вольныхъ людей не мало, и они также Московскому государству убытки чинить станутъ. Царское величество въ титулѣ своемъ пишетъ Великую и Малую Русь: у Крымскаго хана Малая Русь была подъ рукою лѣтъ съ 7 или 8, но ханъ Малою Русью не писался, а нынѣ Богъ вѣдаетъ, за кѣмъ та Малая Русь будетъ. Прежде съ крымскими послами и гонцами хаживали многіе люди, а послѣ это отговорено, и ходятъ теперь съ послами немногіе люди: чтобъ царское величество указалъ и теперь людямъ ходить попрежнему“. Ханъ писалъ царю: „Въ вашей грамотѣ написано не попрежнему: „Восточной и западной и сѣверной страны отчичъ и дѣдичъ, наслѣдникъ и обладатель“. Такихъ непристойныхъ титуловъ предки ваши не писывали: гдѣ Москва, гдѣ востокъ, гдѣ западъ? Между востокомъ и западомъ мало ли великихъ государей и государствъ; можно было это знать и не писаться всей вселенной отчичемъ, дѣдичемъ и обладателемъ; такъ лживо и непристойно писать непригоже!“ Когда послы Выговскаго явились въ Крымъ съ объявленіемъ, что новый гетманъ откладывается отъ царя Московскаго, то ханъ не зналъ—вѣрить или не вѣрить та-

---

1) Симбирскій Сборникъ; Кикинскія бумаги.

кой радости. Ближній человѣкъ его Сефергазы-ага въ разговорѣ съ московскимъ посланникомъ Якушкинымъ сказалъ: „Писарь Иванъ Выговскій, узнавъ, что ханъ Магметъ-Гирей сбирается идти на Запорожскихъ Черкасъ войною за ихъ воровство и грубость, присылалъ въ Крымъ гонцовъ своихъ сказать, что онъ, писарь, сдѣлался гетманомъ и у Московскаго государя въ подданствѣ быть не хочетъ, хочетъ быть въ подданствѣ у Магметъ-Гирея; но ханъ его словамъ не вѣритъ, потому что Черкасы люди непостоянные“. Якушкинъ возражалъ, что Сефергазы-ага напрасно называетъ Черкасъ ворами: воровства ихъ нигдѣ не бывало. Но, сдѣлавъ это возраженіе, Якушкинъ не оставилъ однако безъ вниманія словъ Сефергазы-аги и освѣдомился у преданнаго Москвѣ князя Маметши-Сулешова, зачѣмъ пріѣзжали гонцы отъ Выговскаго. Сулешовъ разсказалъ все подробно: гонцы пріѣзжали съ предложеніемъ союза, какой былъ у казаковъ съ Крымцами при Богданѣ Хмельницкомъ. Выговскій просилъ, чтобъ, по заключеніи союза, ханъ шелъ вмѣстѣ съ нимъ разорять Запорожье, потому что Московскій царь посылаетъ Запорожцамъ жалованье и научаетъ ихъ на него, Выговскаго. Ханъ отправилъ къ Выговскому князя Караша для заключенія союза, и Выговскій объявилъ посланному настоящую причину, по которой онъ отложился отъ Москвы: Московскій государь посылаетъ къ нимъ въ черкасскіе города воеводъ, а онъ, гетманъ, у воеводъ подъ началомъ быть не хочетъ, хочетъ черкасскими городами владѣть самъ, какъ владѣлъ ими Богданъ Хмельницкій. Вслѣдствіе этого, ханъ велѣлъ объявить Якушкину, что онъ готовъ дать шертную грамоту, но такую, какія давались царю Михаилу Ѳеодоровичу, безъ упоминовенія о Черкасахъ, потому что Запорожскіе Черкасы люди вольные, на мѣрѣ еще не стали и у царскаго величества еще не утвердились. Такой шерти Московскій царь не могъ принять, и если ханъ заключалъ союзъ съ измѣнившими царю казаками Малороссійскими, то въ Москвѣ, разумѣется, не имѣли болѣе побужденій удерживать Донскихъ казаковъ отъ войны съ бусурманами. Еще въ маѣ 1657 года Донцы писали царю: „Въ твоихъ государевыхъ грамотахъ къ намъ писано, чтобъ намъ съ Турскимъ и съ Крымскимъ ханомъ никакого задора не чинить; и мы твоего царскаго повелѣнья не преслушались, съ Азовцами помирились. Но они души свои потѣсняли, въ миру и въ правдѣ своей не устояли, твою вотчину, Черкасскій городокъ, у насъ хотѣли за миромъ и за душами взять, приходили къ намъ на приступъ съ приметомъ, и мы долгое время отъ нихъ въ осадѣ сидѣли и отсидѣлись, а приходили къ намъ отъ хана Крымскаго многіе мурзы съ Таманцами, Черкесами горскими, Кабардинцами, Малыми Ногаями, Темрюцкими и Азовцами; да и теперь слухи приходятъ, что ханъ хочетъ быть къ намъ самъ со многими умыслами и на похвальбѣ, хочетъ твою вотчину запустошить, столповую рѣку Донъ и верхніе городки“. Донцы не остались въ долгу, и лѣтомъ того же года посланники царскіе въ Крыму были свидѣтелями, какъ они вошли въ устье Алмы, чтобъ запастись водою, бились съ Татарами, которые не хотѣли давать имъ воды, жгли деревни. Татары были въ ужасѣ, тѣмъ болѣе что ханъ ушелъ въ походъ; они ежечасно ждали новаго нападенія казаковъ, покопали глубокія ямы и на ночь сажали туда невольниковъ; ямы закладывали досками и сами спали на этихъ доскахъ, боясь, чтобъ невольники не убѣжали къ казакамъ. Осенью Донцы писали царю, что уже цѣлый годъ не пріѣзжаютъ къ нимъ торговые люди изъ украйныхъ городовъ, изъ Ельца, Воронежа, Бѣлгорода и Валуекъ, хлѣбныхъ запасовъ, пороху и свинцу купить негдѣ, помираютъ голодною смертію. „А мы, холопи твои, служимъ тебѣ съ воды да съ травы, а не съ помѣстія и не съ вотчинъ“. Въ мартѣ 1658 года великій государь пожаловалъ, велѣлъ послать къ нимъ тысячу рублей денегъ, тысячу рублей за хлѣбные запасы, пушечныхъ запасовъ тридцать пудъ, зелья пушечнаго пятьдесятъ пудъ. У Донцовъ окончательно развязались руки.[1]

Между тѣмъ положеніе новаго гетмана Малороссійскаго далеко не было завиднымъ: онъ былъ избранникъ меньшинства и похититель въ глазахъ огромнаго большинства казаковъ, для которыхъ законнымъ гетманомъ могъ быть только выбранный вольными голосами на общей радѣ, а Выговскій не могъ надѣяться такого избранія: за молодымъ Хмельницкимъ было знаменитое имя, дорогое казачеству; минуя Хмельницкаго, были полковники, выдававшіеся впередъ заслугами войсковыми, а Выговскій былъ писарь—званіе, не пользовавшееся особеннымъ уваженіемъ въ воинственной толпѣ; кромѣ того, Выговскій даже не былъ казакъ и, что всего хуже, шляхтичъ. Попытка Выговскаго и его приверженцевъ поднять въ казакахъ неудовольствіе противъ Москвы не удалась, Григорій Лесницкій, пріѣхавши по смерти Богдана изъ Чигирина въ Миргородъ, собралъ раду на своемъ полковничьемъ дворѣ, собралъ сотниковъ и атамановъ, и говорилъ имъ: „Присылаетъ царь Московскій къ намъ воеводу Трубецкаго, чтобъ войска Запорожскаго было только 10,000, да и тѣ должны жить въ Запорожьи. Пишетъ царь Крымскій очень ласково къ намъ, чтобъ ему поддались: лучше поддаться Крымскому царю; Московскій царь всѣхъ васъ драгунами и невольниками вѣчными сдѣлаетъ; женъ и дѣтей вашихъ въ лаптяхъ лычныхъ водить станетъ, а царь Крымскій—въ атласѣ, аксамитѣ и сапогахъ турецкихъ водить будетъ“. Сотники и атаманы отказали, что бусурману не хотятъ поддаваться. Тотъ же Лесницкій прислалъ грамоту въ Константиновъ: „Были мы въ подданствѣ у его царскаго величества на своихъ воляхъ по смерть гетмана Богдана Хмельницкаго, а теперь идутъ къ намъ воеводы Трубецкой и Ромодановскій съ войскомъ, и вы должны будете давать имъ кормы и всякую живность; но нашимъ городамъ хотятъ посадить царскихъ воеводъ и живность имъ давать, а которыя подати брали на короля и на пановъ,— и тѣ подати будутъ брать на государя; войску быть въ Запорогахъ всего десяти тысячамъ; остальные будутъ или мѣщане, или хлопы; а кто не хочетъ быть мѣщаниномъ,—тому быть въ драгунахъ". Вслѣдъ за этою грамотою, Лесницкій прислалъ другую лукавствомъ, отводя чернь отъ шатости, чтобъ прежнею грамотою не тревожились. Самъ Выговскій, пріѣхавъ въ Корсунь, созвалъ 11-го октября полковниковъ, отдалъ имъ булаву и сказалъ: „Не хочу быть у васъ гетманомъ; царь прежнія вольности у насъ отнимаетъ, и я въ неволѣ быть не хочу". Полковники отдали ему назадъ булаву и говорили, чтобъ былъ у нихъ гетманомъ: „За вольности будемъ стоять всѣ вмѣстѣ", говорили они; и приговорили послать къ государю бить челомъ, чтобъ все было постарому. Выговскій взялъ булаву и, поднявъ ее, говорилъ: „Вы, полковники, должны мнѣ присягать, а я государю не присягалъ, присягалъ Хмельницкій". Тутъ отозвался Полтавскій полковникъ Мартынъ Пушкарь: „Все войско Запорожское присягало великому государю, а ты чему присягалъ: саблѣ или пищали?" Выговскій вынулъ изъ кармана московскія мѣдныя деньги, бросилъ по столу и сказалъ: „Хочетъ намъ царь Московскій давать жалованье мѣдными деньгами; но что это за деньги, какъ ихъ брать?" Отвѣчалъ тотъ же Пушкарь: „Хотя бы великій государь изволилъ нарѣзать бумажныхъ денегъ и прислать, а на нихъ будетъ великаго государя имя, то я радъ его государево жалованье принимать" [1].

---

[1] Арх. мин. ин. д.; Крымскія дѣла 1655, 1656 и 1657 годовъ; дѣла Турецкія и Донскія 1657 и 1658 годовъ.

Надобно было хитрить съ Москвою. Отсюда въ сентябрѣ явился любимецъ государевъ, Матвѣевъ, съ выговоромъ генеральному писарю и старшинамъ, зачѣмъ не увѣдомили великаго государя о кончинѣ гетмана Хмельницкаго, и съ приказаніемъ отправить казацкое посольство въ Стокгольмъ для склоненія Шведовъ къ миру. Выговскій оправдывался: въ самый день смерти гетмана приказалъ-было онъ тремъ гонцамъ ѣхать въ Москву съ этою вѣстью; но начальные люди стали волноваться и говорить, будто онъ, желая получить гетманство, посылаетъ своихъ людей отъ себя, а не отъ войска Запорожскаго: это и заставило его дать знать о гетманской смерти Кіевскому воеводѣ Андрею Васильевичу Бутурлину и князю Григорію Григорьевичу Ромодановскому. Въ Швецію обѣщалъ писать, чтобъ король не надѣялся на Запорожское войско, которое будетъ дѣйствовать противъ него, если онъ не помирится съ Москвою. Выговскій говорилъ съ Матвѣевымъ только какъ писарь, но Матвѣевъ же привезъ царю извѣстіе, что Выговскій избранъ въ гетманы, и, 18-го октября, государь отправилъ къ Выговскому, уже какъ къ гетману, стряпчаго Рагозина съ извѣстіемъ о рожденіи царевны Софіи Алексѣевны. Вездѣ по дорогѣ простые казаки разсказывали Рагозину, что Грицка Лесницкій отводилъ ихъ отъ государя, но что они и мѣщане не согласились; разсказывали, что Запорожье шатается. Выговскій говорилъ Рагозину: „Изъ Запорожья поѣхали воры бить челомъ царскому величеству;—такъ великій государь изволилъ бы держать ихъ у себя, или бы пожаловалъ, ко мнѣ изволилъ прислать, чтобы впредь ссоры не было; они выбрали себѣ другого гетмана. Если великій государь отпуститъ ихъ въ Запороги, то у меня для нихъ поставлены заставы по всѣмъ дорогамъ, чтобъ ихъ переловить. Да я же не велю къ нимъ торговыхъ людей съ запасами пропускать, и имъ будетъ ѣсть нечего". При Рагозинѣ пріѣхали изъ Запорожья казаки съ листомъ къ гетману, били челомъ, чтобъ онъ въ Запороги не ходилъ и никого не посылалъ, потому что воры заводчики, бунтовщики всѣ разбѣжались; посланцы били челомъ, чтобъ гетманъ велѣлъ пропускать къ нимъ торговыхъ людей съ запасами. Выговскій отвѣчалъ имъ: „Когда пришлютъ ко мнѣ Барабашенка, то я войска на нихъ не пошлю и торговыхъ людей велю пропускать". И на возвратномъ пути казаки повторяли Рагозину: „Мы всѣ рады быть подъ государевою рукою, да лихо наши старшіе,—не станутъ на мѣрѣ, мятутся, только чернь вся рада быть за великимъ государемъ". Въ Лубнахъ наказный войтъ Котляръ говорилъ посланнику: „Мы всѣ были рады, когда намъ сказали, что будутъ царскіе бояре и воеводы и ратные люди; мы, мѣщане, съ казаками и чернью заодно. Будетъ у насъ въ Николинъ день ярмарка, и мы станемъ совѣтоваться, чтобъ послать къ великому государю бить челомъ, чтобъ у насъ были воеводы".

Но въ то время, какъ Рагозинъ ѣхалъ въ Чигиринъ, въ Москву пріѣхали казацкіе посланники— есаулъ Меневскій и сотникъ Коробка съ извѣстіемъ, что Выговскій избранъ въ гетманы, и съ просьбою отъ всего войска Запорожскаго, чтобъ великій государь утвердилъ избраннаго и далъ ему такую же грамоту, какъ и Хмельницкому. Посланцы разсказывали: „Въ войскѣ и въ городахъ все тихо, посылокъ ссорныхъ отъ Польскихъ людей не слыхали, и шалости у насъ ни отъ кого нѣтъ; хотятъ всѣ единодушно быть въ подданствѣ вѣчномъ у великаго государя. Учинилъ-было бунтъ Лесницкій, внушалъ людямъ, будто государь велѣлъ посажать по малороссійскимъ городамъ воеводъ и вольности казацкія велѣлъ поломать. Но гетманъ Иванъ Выговскій, послыша то, казаковъ разговорилъ, чтобъ они этому не вѣрили, на полковника Грицка гнѣвается и ни въ какую раду пускать его не велѣлъ, и когда Ивана Выговскаго выбирали въ гетманы, въ то время Грицка въ раду не пускали. Какъ великій государь гетмана пожалуетъ, прежнія привилеи велитъ подтвердить, то гетманъ полковника Грицка перемѣнитъ. Бунтуетъ въ Запорогахъ казакъ Барабашенокъ съ своевольниками гультяями и хочетъ учинить въ Запорожьи армату, такую же, какъ въ войскѣ при гетманѣ; а всему этому заводчикъ Грицка Лесницкій, потому что хотѣлъ на гетманство, и какъ по его мысли не сталось, то онъ въ своемъ полку многія смутныя рѣчи вмѣщалъ. Прошлаго года, какъ ходило войско Запорожское противъ Татаръ, наказнымъ гетманомъ былъ Грицка; Хмельницкій далъ ему булаву и бунчукъ, и какъ гетмана Богдана не стало, то Грицка булавы и бунчука отдать не хотѣлъ; Иванъ Выговскій посылалъ для того къ нему гетманова сына Юрія, но Грицка и ему булавы и бунчука не отдалъ, держалъ ихъ у себя цѣлую недѣлю, такъ что полковники, собравшись, должны были брать ихъ у него силою. Такъ теперь Грицка, злясь на гетмана Выговскаго и на полковниковъ, бунтъ и заводитъ".

---

[1] Архивъ мин. юст.; столбцы Малорос. приказа, № 5852.

Посланцамъ замѣтили, что на челобитной, ими привезенной, нѣтъ рукъ челобитчиковъ, ни обознаго, ни судьи, ни полковниковъ. Спросили: при избраніи Выговскаго много ли полковниковъ, сотниковъ и черни было, и Запорожцы были ли, и не было ли отъ нихъ рокоша? Посланцы отвѣчали: „На первой радѣ въ Чигиринѣ были полковники и чернь немногіе; Запорожскіе казаки были и рокошу отъ нихъ никакого не было. А какъ была другая рада въ Корсуни, то на ней были полковники и казаки всѣхъ полковъ, со всякимъ сотникомъ было черни человѣкъ по 20. На этой радѣ гетманъ Иванъ Выговскій клалъ булаву и бунчукъ, и говорилъ войску, чтобъ они гетмана выбрали, кого себѣ излюбятъ, и изъ рады поѣхалъ-было вонъ, но войско, догнавъ его, упросило, чтобъ онъ былъ гетманомъ, и булаву и бунчукъ ему дали. Изъ Запорогъ на этой радѣ казаковъ не было потому: если бы за ними посылать, то въ этомъ прошло бы недѣли три или четыре; да и посылать за ними было не-для чего, потому что въ Запорогахъ живутъ наши же братья казаки, переходятъ изъ городовъ для промысловъ, и иной, который пропьется или проиграется, а жены ихъ и дѣти живутъ всѣ по городамъ; а присылали на эту другую раду Запорожскіе казаки съ листомъ о войсковомъ дѣлѣ".

Но бояръ не удовлетворяли эти разсказы; смущали ихъ названія: *войско Запорожское, гетманъ войска Запорожскаго*, а между тѣмъ гетманскіе посланцы съ такимъ пренебреженіемъ отзывались о Запорожьи! Посланцамъ даны были еще вопросы: гетманы въ Запорожьи ли живали, или въ городахъ, и откуда гетмановъ выбирали и гетманъ Богданъ Хмельницкій откуда выбранъ? Посланцы отвѣчали: „Прежде гетманы и войско больше живали въ Запорогахъ, потому что въ то время были у нихъ добычи, ходили челнами на море, а теперь имъ на море ходить уже нельзя. Гетманъ Богданъ Хмельницкій выбранъ былъ въ Запорогахъ же и самъ онъ былъ Запорожанинъ". Посланцовъ спросили: не чаютъ ли они впередъ отъ Запорожья бунта, потому что Запорожцевъ на второй радѣ не было? „Бунта не ждемъ", отвѣчали посланцы, „потому что Выговскаго выбрали всѣмъ войскомъ; но лучше было бы сдѣлать такъ: пусть великій государь пошлетъ въ войско, кого ему угодно; тотъ посланный соберетъ всѣхъ полковниковъ, сотниковъ, чернь городовую и изъ Запорожья, учинитъ раду большую вновь, и кого на этой радѣ въ гетманы выберутъ, тотъ бы уже былъ проченъ и царскому величеству присягу далъ; да и гетманъ Иванъ Выговскій желаетъ того же, потому что уже тогда онъ никого бояться не станетъ, въ войскѣ и въ черни никакой смуты не будетъ; если же выберутъ кого-нибудь другого, то онъ, Иванъ, этимъ не оскорбится". Гдѣ же лучше собрать раду? спросили ихъ. „Всего лучше въ Переяславлѣ", отвѣчали они, „потому что мѣсто людное и всѣмъ людямъ съѣздъ близокъ". Посланцы были отпущены съ грамотою, въ которой государь писалъ войску, что для утвержденія новоизбраннаго гетмана посылаетъ окольничаго Богдана Матвѣевича Хитрово.

Мы видѣли, какія мѣры принималъ Выговскій, чтобъ не пропустить посланцовъ изъ Запорожья въ Москву; онъ забѣжалъ къ Морозову, къ которому писалъ: „Просимъ твоей милости, изволь предъ его царскимъ величествомъ за насъ ходатаемъ быть, чтобъ великій государь своевольникамъ, о вѣрѣ и прямой службѣ нерадящимъ, не изволилъ вѣрить, чтобъ посланцовъ ихъ покаралъ, потому что эти своевольники о вѣрѣ не радѣютъ, о службѣ царской не думаютъ, женъ, дѣтей, пожитковъ и доходовъ никакихъ не имѣютъ, только на чужое добро дерзаютъ, чтобъ было имъ на что пить, зернью играть и другія, Богу и людямъ мерзкія, безчинства творить; а мы за вѣру православную и за достоинство царскаго величества при женахъ, дѣтяхъ и маетностяхъ нашихъ всегда умереть готовы".

Страшные Запорожцы однако пробрались мимо всѣхъ заставъ Выговскаго,—въ ноябрѣ явились въ Москвѣ, били челомъ отъ кошеваго атамана Якова Ѳедоровича Барабаша и объявили: „Хотя по сіе время все войско Запорожское и вся чернь, городовая и запорожская, великія обиды и притѣсненія терпятъ отъ гетмана городоваго и отъ всѣхъ полковниковъ и другихъ начальныхъ людей въ городахъ, однако они молчали до вашего царскаго указа. Но теперь все войско Запорожское увидало отъ городовыхъ старшинъ противъ вашего царскаго величества великую измѣну, чернь войска Запорожскаго узнала подлинно, что еще при жизни Богдана Хмельницкаго вся старшина, гетманъ и всѣ полковники присягу учинили невѣдомо для чего съ княземъ Седмиградскимъ Рагоци, съ королемъ Шведскимъ, съ воеводами Малдавскимъ и Волошскимъ, и къ царю Крымскому посылаютъ грамоты:—все это измѣны вашему царскому величеству! Чернь войска Запорожскаго на это не произволяетъ и никакой измѣны дѣлать не хочетъ: изъ городовъ къ намъ на Запорожье бѣгутъ и сказываютъ, что старшіе городовые отъ вашего царскаго величества отступили". Посланцовъ спросили: „Какія обиды гетманъ имъ дѣлаетъ?" Они отвѣчали: „Рыбы въ рѣчкахъ ловить не велитъ и вина на продажу держать; отдаютъ все это на аренду, а всѣ поборы сбираетъ гетманъ себѣ, въ войско ничего не даетъ, говоритъ, будто казну держитъ на посольскіе расходы, но пословъ принимаетъ и отпускаетъ онъ безъ указу, чего не довелось дѣлать,—при Польскихъ короляхъ гетманы этого не дѣлывали". Спросили: чего же Запорожцы хотятъ теперь? Посланцы отвѣчали: „Хотимъ, чтобъ посланъ былъ въ войско ближній человѣкъ и собралъ раду; на этой радѣ выбирать въ гетманы, кого всѣмъ войскомъ излюбятъ". Спросили: „Гдѣ раду собрать, въ Кіевѣ?" Казаки отвѣчали: „Въ Кіевъ изъ Запорожья собираться далеко; лучше радѣ быть подъ городомъ Лубнами, на урочищѣ Соляницѣ: это мѣсто—середина". Потомъ стали говорить, чтобъ быть радѣ въ Запорожьи, потому что и прежніе гетманы выбирались изъ Запорогъ, тутъ у нихъ столица запорожская. Имъ отвѣчали: „Несхожее дѣло, что радѣ быть въ Запорожьи, мѣсто дальнее и отъ непріятелей опасно; лучше быть радѣ въ Кіевѣ, потому что тутъ столица Малой Россіи, въ Кіевѣ духовныя власти и всякіе урядники; также и въ Лубнахъ радѣ быть непристойно,—мѣсто малое, да и гетманъ Выговскій, опасаясь ихъ, туда на раду не поѣдетъ". Но посланцы настаивали на Лубнахъ. Послѣ этого разговора у нихъ спросили: „Когда умеръ Хмельницкій, то у черни на Выговскаго и полковниковъ была молва и говорили: лучше, еслибъ были у нихъ въ городахъ царскіе воеводы; такъ теперь вамъ надобно ли, чтобъ въ знатныхъ городахъ были воеводы и городовыя всякія дѣла вѣдали, а полковники вѣдали бы только войсковыя дѣла?" Посланцы отвѣчали: „Объ этомъ мы давно у царскаго величества милости просить хотѣли, вся чернь и мѣщане тому рады, да не допускаютъ до того полковники для своей корысти". Насчетъ Выговскаго посланцы сказали: „Выговскаго мы гетманомъ отнюдь не хотимъ и не вѣримъ ему ни въ чемъ, потому что онъ не природный Запорожскій казакъ, а взятъ изъ польскаго войска на бою при Желтыхъ Водахъ. Богданъ подарилъ ему жизнь и сдѣлалъ писаремъ; но онъ, по своей природѣ, войску никакого добра не хочетъ; да у него и жена шляхтянка изъ знатнаго дома, и та потому же войску Запорожскому добра не хочетъ". Государь отпустилъ и этихъ посланцовъ съ тѣмъ, что высылаетъ окольничаго Хитрово на раду, которая будетъ въ Переяславлѣ

Такъ ясно высказались въ Малороссіи двѣ враждебныя стороны: сторона старшины и сторона черни, представителемъ которой было Запорожье, наполненное людьми безъ семейства и собственности, какъ писалъ Выговскій. Борьба этихъ сторонъ, неумѣнье соединиться въ общихъ интересахъ страны уже готовили Малороссіи судьбу Новгорода Великаго. Москва съ своимъ началомъ уравненія была тутъ и съ своимъ обычнымъ постоянствомъ при всякомъ удобномъ случаѣ задавала вопросъ: „Ссоритесь, обижаете другъ друга: не хотите ли воеводъ его царскаго величества?" И мы видѣли, что въ Малороссіи шли на встрѣчу этому вопросу: посланцы запорожскіе, войтъ Лубенскій просили воеводъ; о томъ же писалъ къ Ртищеву Нѣжинскій протопопъ Максимъ Филимоновъ: „Изволь, милостивый панъ, совѣтовать царю, чтобъ, не откладывая, взялъ здѣшніе края и города, Черкасскіе на себя, и своихъ воеводъ поставилъ, потому что всѣ желаютъ, вся чернь рада имѣть одного подлиннаго государя, чтобъ было на кого надѣяться; двухъ вещей только боятся: чтобъ ихъ отсюда въ Москву не гнали, да чтобъ обычаевъ здѣшнихъ церковныхъ и мірскихъ не перемѣняли. Мы ихъ обнадеживаемъ, что царь этого не желаетъ, желаетъ только вѣры и правды нашей. Мы всѣ желаемъ и просимъ, чтобъ былъ у насъ одинъ Господь на небѣ и одинъ царь на землѣ. Противятся этому нѣкоторые старшіе для своей прибыли: возлюбивши власть, не хотятъ ея отступиться; пугаютъ народъ, что какъ скоро царь и Москва возьмутъ его въ свои руки, то нельзя будетъ крестьянамъ въ сапогахъ и въ суконныхъ кафтанахъ ходить, въ Сибирь или на Москву будутъ загнаны,—для того царь и поповъ своихъ пошлетъ, а нашихъ туда же погонятъ. Слышимъ, что долженъ придти сюда князь Трубецкой: пусть приходитъ, чтобъ скорѣе конецъ былъ съ панами нашими начальными".

Между тѣмъ уже семь недѣль стоялъ въ Переяславлѣ съ войскомъ князь Григорій Григорьевичъ Ромодановскій, дожидаясь гетмана, чтобъ условиться съ нимъ о военныхъ дѣйствіяхъ. 25 октября пріѣхалъ въ Переяславль Выговскій; Московскій воевода встрѣтилъ его упреками: „И покойный Хмельницкій и ты писали государю, что на васъ наступилъ ханъ Крымскій вмѣстѣ съ Поляками, и просили помощи; я, по государеву указу, поспѣшилъ къ вамъ изъ Бѣлгорода; вотъ уже семь недѣль стою въ Переяславлѣ, нѣсколько разъ писалъ къ тебѣ, чтобъ ты сюда пріѣхалъ, и ты только теперь явился, а между тѣмъ царскаго величества ратнымъ людямъ запасовъ и конскихъ кормовъ не давали, и много ратныхъ людей отъ этого разбѣжалось, лошади отъ безкормицы попадали, и если вы запасовъ давать не будете, то мнѣ велѣно отступить въ Бѣлгородъ". Выговскій отвѣчалъ: „Мы за царскую премногую милость челомъ бьемъ, приходу твоему рады; виноваты, что по сіе время ратнымъ людямъ запасовъ было скудно: послѣ Богдана Хмельницкаго я на гетманствѣ не утверждался долгое время, до корсунской рады, многіе мнѣ были непослушны, а теперь царскаго величества ратнымъ людямъ дворы и запасы будутъ нескудные. Непріятели Ляхи всѣ въ сборѣ, и Татаръ 20,000 наготовѣ,—ждутъ, чтобъ между нами въ войскѣ Запорожскомъ смута и рознь какая-нибудь началась или чтобъ государевы ратные люди отступили: тогда они на черкасскіе города и придутъ. Если ты съ войскомъ своимъ отступишь и оттого кровь христіанская прольется, то буди царская воля; но на комъ великій государь изволитъ за это взыскать? Послѣ Богдана Хмельницкаго во многихъ черкасскихъ городахъ мятежи и шатости и бунты были, а какъ ты съ войскомъ пришелъ — и все утихло. А въ Запорожьи и теперь мятежъ великій, старшинъ своихъ хотятъ побить и поддаться Крымскому хану. Я иду ихъ усмирить, а ты, князь Григорій Григорьевичъ, перейди съ своимъ войскомъ за Днѣпръ и стой за Днѣпромъ противъ непріятелей Ляховъ и Татаръ; Черкасскаго войска будетъ съ тобою нѣсколько полковъ, а я, управясь съ бунтовщиками, буду къ тебѣ за Днѣпръ тотчасъ же. Бунтовщики многіе говорятъ, будто мы царскому величеству служимъ невѣрно; но мы живымъ Богомъ обѣщаемся, клянемся небомъ и землею, не покажи Господь на насъ милости, если мы какую-нибудь неправду мыслили или впередъ будемъ мыслить". Ромодановскій сказалъ на это: „Безъ повелѣнья царскаго за Днѣпръ не пойду, стану писать объ этомъ къ великому государю"

Выговскому очень хотѣлось удалить Ромодановскаго съ царскимъ войскомъ за Днѣпръ на Польскія границы; но въ Москвѣ, слыша безпрестанно и отъ Выговскаго и отъ враговъ его о волненіяхъ и вредныхъ замыслахъ, хотѣли стать крѣпкою ногою въ черкасскихъ городахъ, ввести туда воеводъ. Хитрово, пріѣхавъ въ Переяславль для рады, прежде всего началъ говорить гетману о воеводахъ, чѣмъ, разумѣется, заставлялъ его и приверженцевъ его торопиться дѣломъ отпаденія. „Великій государь," началъ Хитрово, „велѣлъ тебѣ, гетману, и всему войску Запорожскому говорить вслухъ: когда вы были подъ властію королей Польскихъ, въ то время въ городахъ никакихъ крѣпостей дѣлать вамъ не позволялось, и когда вы учинились подъ государевою рукою, то непріятели ваши, Ляхи и крымскіе Татары, многіе города и мѣста въ Малой Россіи запустошили. Великій государь, видя на васъ непріятельскія нахожденія, оборонялъ васъ своими ратными людьми, а въ Кіевѣ велѣлъ устроить городъ крѣпкій. Вы и сами такую царскую милость выставляете. Такъ великій государь, желая, чтобъ войско Запорожское было отъ непріятельскихъ безвѣстныхъ приходовъ въ безстрашіи, изволилъ въ знатныхъ городахъ малороссійскихъ, Черниговѣ, Нѣжинѣ, Переяславлѣ и другихъ, быть своимъ воеводамъ и ратнымъ людямъ, и крѣпить эти города; полковники будутъ вѣдать казаковъ и расправу между ними по войскому праву чинить, а въ городахъ мѣщанъ будутъ вѣдать войты и бурмистры по ихъ правамъ, а воеводы станутъ вѣдать осадныхъ людей, судить и расправу чинить по вашимъ правамъ, поборы подымные и съ арендъ сбирать въ войсковую казну и давать на войско Запорожское, какъ на службу пойдетъ, и осаднымъ ратнымъ людямъ, которые будутъ при царскихъ воеводахъ". Выговскій, чтобъ оттянуть страшное дѣло, отвѣчалъ письменно: „Мы постановили быть воеводамъ въ городахъ Малой Россіи, а въ какихъ городахъ имъ быть,—объ этомъ доложу вашему царскому величеству, когда, Богъ дастъ, увижу ваши пресвѣтлыя очи" Потомъ Хитрово говорилъ, что старый Быховъ сдался на царское имя, а залога (гарнизонъ) въ немъ казацкая: такъ пусть гетманъ прикажетъ казакамъ выйти изъ Быхова, потому что этотъ городъ издавна принадлежитъ къ Оршанскому повѣту. На это Выговскій отвѣчалъ, что готовъ исполнить царскую волю. Хитрово повторилъ также старую жалобу на пріемъ бѣглыхъ крестьянъ: отъ помѣщиковъ и вотчинниковъ брянскихъ, корачевскихъ и путивльскихъ бѣгутъ крестьяне толпами въ черкасскіе города, Новгородъ-Сѣверскій, Стародубъ, Почепъ, и, приходя изъ этихъ городовъ къ старымъ своимъ помѣщикамъ и вотчинникамъ, женъ и дѣтей ихъ бьютъ, грабятъ и въ избахъ заваливаютъ, людей ихъ и крестьянъ съ собою вывозятъ со всѣмъ имѣніемъ. Гетманъ обѣщалъ разыскать и карать полковниковъ, виновныхъ въ пріемѣ крестьянъ. Наконецъ Хитрово сдѣлалъ Выговскому слѣдующій упрекъ: „Гетманъ Богданъ Хмельницкій въ грамотахъ къ царскому величеству писался вѣрнымъ слугою и подданнымъ, а ты теперь, Иванъ, написался вольнымъ подданнымъ,—и такъ тебѣ къ царскому величеству писать не годилось".

Кромѣ Выговскаго, Хитрово нашелъ въ Переяславлѣ обознаго, судью, полковниковъ. сотниковъ и много черни. Нѣсколько времени дожидались Полтавскаго полковника Мартына Пушкаря; потомъ начали говорить, что ждать больше нельзя, всѣ разъѣдутся, и если Пушкарь такъ долго не ѣдетъ, то это не спроста,—пріѣдетъ съ войскомъ и начнется междоусобіе. Тогда Хитрово созвалъ раду и объявилъ, чтобъ все войско выбирало себѣ гетмана, кого хочетъ, по своимъ волямъ. Старшины и чернь отвѣчали единогласно, что выбранъ въ гетманы всѣмъ войскомъ Иванъ Выговскій и любъ всѣмъ. Тутъ Выговскій положилъ булаву и сказалъ, что не хочетъ гетманства, потому что многіе люди въ черни говорятъ, будто онъ на гетманство захотѣлъ самъ собою и будто выбрали его друзья. Обозный, судья, полковники и вся чернь стали его упрашивать, чтобъ держалъ булаву по ихъ единогласному избранію, и гетманъ, по прошенію всего войска, булаву принялъ и присягнулъ великому государю. Дѣло казалось конченнымъ; но вотъ скачетъ гонецъ изъ Полтавы и подаетъ Хитрово грамоту: Пушкарь пишетъ, что пріѣдетъ въ городъ Лубны, гдѣ должна быть новая рада о гетманскомъ избраніи, а переяславская рада—не въ раду. „Пріѣзжай въ Переяславль видѣться со мною", отвѣчаетъ окольничій; но Пушкарь не ѣдетъ; возвращается посланецъ Хитрово и доноситъ, что у Полтавскаго полковника живутъ посланцы Запорожскаго кошеваго Барабаша — Михайла Стрынжа съ товарищами, и при Пушкарѣ говорятъ про Хитрово многія безчестныя рѣчи къ большой ссорѣ.

Прошелъ 1657 годъ. Въ началѣ 1658 Выговскій казнилъ смертію въ Гадячѣ нѣсколько начальныхъ людей, ему непріязненныхъ; съ Пушкаремъ пытался-было онъ покончить миромъ; но Пушкарь забилъ въ кандалы и отослалъ въ заточеніе посланца гетманскаго, сказавши: „Выговскій хочетъ и со мною помириться такъ же, какъ помирился въ Гадячѣ съ братьями нашими, которые получше его будутъ,—головы имъ отсѣкъ; но со мною ему такъ не сдѣлать.“ Выговскій, узнавши о судьбѣ своего посланца, отправилъ противъ Пушкаря полковника Богдана съ казаками и Ивана Сербина съ Сербами своей гвардіи, всего полторы тысячи. Но Пушкарь уже успѣлъ призвать къ себѣ Запорожцевъ, которые, вмѣстѣ съ полтавскими казаками, 25 января, разгромили отрядъ Богдана и Сербина подъ Диканькою, побили у нихъ человѣкъ 300, послѣ чего Пушкарь, усиливъ себя войскомъ, набраннымъ изъ всякаго рода людей, выгналъ Лесницкаго изъ Миргорода, гдѣ полковникомъ былъ провозглашенъ Степанъ Довгаль. Новый митрополитъ Кіевскій, Діонисій Балабанъ, грозилъ Пушкарю проклятіемъ за междоусобіе. Пушкарь отвѣчалъ: „Вся чернь войска Запорожскаго не хочетъ имѣть Ивана Выговскаго гетманомъ. Только когда состоится общая рада и вся чернь Днѣпровская единомысленна будетъ съ черною городовою всего войска Запорожскаго,—тогда, по царскимъ жалованнымъ грамотамъ, вольно будетъ войску Запорожскому всей черни улюбить того же пана Ивана Выговскаго и принять на гетманство, и я готовъ то же сдѣлать вмѣстѣ со всею черною Запорожскаго войска и быть во всемъ послушнымъ. Все, что теперь дѣлается,—дѣлается не по моему хотѣнію, а по волѣ Божіей; дѣлаетъ это все войско и вся чернь, по жалованнымъ грамотамъ, и меня одного отъ себя отпустить къ пану Выговскому не хотятъ. Вмѣстѣ съ посланцами, бывшими у царскаго величества, все войско изъ Запорожья выгреблось и съ городовымъ войскомъ Запорожскимъ для рады генеральной соединилось, а не для какихъ-нибудь бунтовъ. Что мы бунтовщики—этого на насъ никто никогда не докажетъ, и мы готовы во всемъ передъ царскимъ величествомъ оправдаться, только пусть ѣдутъ въ Москву панъ Иванъ Выговскій и панъ Григорій Лесницкій. А что ваша пастырская милость грозите своимъ неблагословеніемъ, то налагайте его на кого-нибудь другого, кто невѣрныхъ царей принимаетъ, а мы одного православнаго царя держимся. Послали мы на войну православныхъ христіанъ, охраняя собственную жизнь, видя наступленіе враговъ, а междоусобной брани между народомъ христіанскимъ и войскомъ Запорожскимъ не было и не будетъ. А можно было нѣкоторое время и въ Переяславлѣ подождать войска Запорожскаго, которое уже выгреблось изъ Запорожья, также и городоваго войска подождать.“ 8 февраля Пушкарь прислалъ въ Москву первый извѣтъ свой на Выговскаго,—писалъ, что гетманъ измѣнилъ государю, помирился съ Ляхами и Ордою, и что онъ, Пушкарь, слышалъ объ этомъ отъ Юрія Хмельницкаго.

Выговскій не ѣхалъ въ Москву, какъ приглашалъ его Пушкарь, давалъ знать государю, что непремѣнно бы пріѣхалъ видѣть его пресвѣтлыя очи, еслибъ не задерживали его внутреннія смуты и вѣсти о враждебныхъ движеніяхъ Ляховъ, Татаръ и Турокъ. Вмѣсто гетмана, въ апрѣлѣ, явился въ Москву уже извѣстный здѣсь Григорій Лесницкій. Посланный жаловался, что, по отъѣздѣ Хитрово изъ Переяславля, гетманъ Выговскій спокойно отправился въ Чигиринъ, но въ это время, по наученью Пушкаря, Иванка Донецъ, бывшій въ Москвѣ посланецъ отъ Барабаша, собралъ нѣсколько сотъ гультяевъ, приходилъ войною на Чигиринскій полкъ и многихъ людей побилъ и пограбилъ, распуская слухи, что нынѣшнею весною по травѣ будетъ новая рада на Солоницѣ. Выговскій созвалъ раду въ Чигиринъ и объявилъ, что оставляетъ гетманство, видя нестроеніе въ войскѣ; но полковники насилу уговорили его не покидать булавы, и теперь послали его, Лесницкаго, бить челомъ, чтобъ великій государь послалъ приказъ Пушкарю отстать отъ своевольства и быть съ гетманомъ въ соединеніи; да чтобъ великій государь послалъ сдѣлать перепись между казаками, написать 60,000, и впередъ бы гультяямъ въ казаки писаться было не вольно; а теперь отъ другихъ гультяевъ большой мятежъ учинился, потому что всякій называется казакомъ; также переписать всѣ доходы и реестровымъ казакамъ давать жалованье. Такимъ образомъ, теперь, вслѣдствіе образованія партій—старшины и черни,—самъ гетманъ проситъ о томъ, чего при Хмельницкомъ такъ добивалось Польское правительство и чего не хотѣлъ исполнить Богданъ, ибо гультяйство, исключенное изъ реестра, поднимало возмущенія. Съ другой стороны, еслибъ Московское правительство исполнило просьбу гетманскую, приняло мѣры противъ гультяйства, то этимъ возбудило бы противъ себя сильное неудовольствіе, чего именно желалъ Выговскій. Въ Москвѣ однако остереглись; бояринъ Шереметевъ, бывшій въ отвѣтѣ съ Лесницкимъ, замѣтилъ ему: „Не будетъ ли бунта, когда многіе казаки останутся за реестромъ?“ Лесницкій отвѣчалъ: „Надобно послать изъ Москвы коммисаровъ, знатныхъ людей, съ войскомъ, чтобъ въ войскѣ Запорожскомъ было страшно.“ Лесницкій пошелъ дальше: когда ему сказали, что великій государь, по челобитью Выговскаго, въ знатныхъ городахъ велѣлъ быть своимъ воеводамъ, то онъ отвѣчалъ: „На премногой милости царскаго величества гетманъ и все войско челомъ бьютъ, потому что этимъ въ войскѣ бунты усмирятся; да хотя бы великій государь и въ иныхъ городахъ изволилъ воеводамъ быть, то у нихъ бы въ войскѣ было гораздо лучше и смирнѣе; изволилъ бы великій государь послать въ войско Запорожское своихъ воеводъ и ратныхъ людей для искорененія своеволія.“

Но въ то время, когда Лесницкій такъ ловко поддѣлывался подъ желанія московскія, такъ ловко старался показать, что интересы царя и гетмана одинаковы, Пушкарь постоянно держалъ Москву въ тревогѣ своими извѣтами. Онъ писалъ государю (11 марта и 26 апрѣля): „Выговскій измѣнилъ Богу и вашему царскому величеству, помирился съ Ордою, Ляхами и съ иными Землями, и замыселъ имѣетъ извоевать Запорожье. Выговскій далъ города по Ворсклѣ Юрію Немиричу Лютеранину, чего Хмельницкій безъ указа царскаго не дѣлывалъ; Выговскій держитъ у себя много Сербовъ, Нѣмцевъ и Ляховъ. Съ тѣхъ поръ, какъ Выговскаго поставили гетманомъ безъ совѣта всей черни, не держитъ онъ при себѣ ни одного казака, все держитъ иноземныхъ людей, отъ которыхъ намъ обиды нестерпимыя дѣлаться начали. Окольничій Хитрово Выговскому безъ полевой рады и безъ всей черни въ Переяславлѣ на церковномъ мѣстѣ гетманство далъ, булаву и все украшеніе войсковое въ руки отдалъ; а въ прошлые годы всегда въ войскѣ Запорожскомъ въ полѣ общею радою гетмановъ и полковниковъ и иныхъ старшинъ по любви войсковой избирали“. Пушкарь просилъ, чтобъ государь самъ пріѣхалъ въ Малороссію, въ Кіевъ, съ патріархомъ, съ сыномъ, съ ближними боярами и думными дьяками, всѣхъ подданныхъ своихъ въ Малороссіи милостивыми очами разсмотрѣть. Посланецъ его, Искра, объявилъ, что полковники Полтавскій, Нѣжинскій, Миргородскій и всего войска Запорожскаго городовая и запорожская чернь бьютъ челомъ на гетмана Ивана Выговскаго и на бывшаго Миргородскаго полковника Лесницкаго, которые великому государю никакого добра не хотятъ и чаятъ въ нихъ измѣны: такъ чтобъ великій государь пожаловалъ, велѣлъ Выговскаго отъ гетманства отставить, а назначать гетмана и полковниковъ новыхъ, и велѣлъ бы имъ для этого собрать раду. Бояре спросили Искру, какія измѣны онъ знаетъ за Выговскимъ? Искра отвѣчалъ: „Безъ указа ссылался съ непріятелями царскаго величества, пословъ ихъ къ себѣ принималъ и отпускалъ, Венгерскаго Рагоцу хотѣлъ посадить на Польское королевство.“ Бояре говорили: „На переяславской радѣ выбрали единогласно Выговскаго, и никто тогда въ измѣнѣ его не обвинялъ; Выговскій присягалъ при митрополитѣ и при всемъ духовенствѣ: теперь новой рады сбирать не-длячего, потому что это дѣло уже вершоное“. Искра отвѣчалъ: „Переяславская рада была не настоящая, были на ней только тѣ полковники, которые съ Выговскимъ въ одной мысли, а съ ними сотниковъ и черни у полковника человѣкъ по десяти и меньше.“ Бояре продолжали: „Что Выговскій иностранныхъ пословъ принималъ,—въ томъ онъ повинился, и потому измѣны отъ него нѣтъ.“ Искра возражалъ: „Измѣна есть: послѣ рады послалъ Павла Тетерю въ Польшу.“ Бояре отвѣчали: „Несхожее дѣло, что гетману, учиня такое крѣпкое обѣщаніе, тотчасъ же измѣну задумать! хотя и послалъ куда Тетерю, такъ не для измѣны же“.

Не видя въ извѣтахъ Пушкаря основаній къ обвиненію въ измѣнѣ, царь приказывалъ Полтавскому полковнику не затѣвать смуты, повиноваться гетману. Но пришелъ извѣтъ изъ Кіева отъ Бутурлина. Воевода доносилъ, что 19 мая прислана въ Кіевъ грамота о неправдахъ Выговскаго, который призвалъ къ себѣ Орду и, сославшись съ Ляхами, хочетъ все православное христіанство выдать въ неволю; митрополитъ и все духовенство, Кіевскій полковникъ Павелъ Яненко-Хмельницкій, племянникъ покойнаго Богдана, мѣщане и всякихъ чиновъ люди, кіевскіе и пріѣзжіе, безпрестанно говорятъ ему, Бутурлину, что Выговскій привелъ Орду, съ Поляками ссылается, а государевыхъ ратныхъ людей у нихъ въ городахъ нѣтъ, и они боятся, чтобъ, сошедшись вмѣстѣ, Поляки и Татары надъ ними не сдѣлали чего-нибудь дурнаго; говорили они ему, воеводѣ, съ большимъ усердіемъ, со слезами, чтобъ великій государь, для обороны христіанской, велѣлъ прислать поскорѣе своихъ бояръ и воеводъ съ людьми ратными. Извѣстіе это опоздало. Еще въ апрѣлѣ государь былъ встревоженъ слухами, что Выговскій призываетъ Татаръ и хочетъ съ ними двинуться противъ Пушкаря. Немедленно былъ отправленъ въ Малороссію Иванъ Опухтинъ съ приказаніемъ, чтобъ гетманъ не смѣлъ самовольно расправляться съ своими противниками, не смѣлъ приводить Татаръ въ Малороссію, а ждалъ бы царскаго войска. Опухтинъ, на жалобы Выговскаго, вызывался самъ ѣхать къ Пушкарю съ царскою грамотою и уговорить его быть послушнымъ гетману; но Выговскій не пустилъ Опухтина въ Полтаву, и 4 мая, въ присутствіи посланника, повторяющаго царскій запретъ, выступилъ изъ Чигирина къ Полтавѣ на Пушкаря. На другой день Опухтинъ пошелъ въ соборную церковь и говорилъ духовенству, чтобъ оно написало отъ себя гетману, запретило ему ходить съ Татарами войною на православныхъ христіанъ:—пусть ждетъ указа великаго государя. Но и это не помогло. Вслѣдъ за Опухтинымъ отправленъ былъ изъ Москвы съ такимъ же запрещеніемъ Петръ Скуратовъ, который нашелъ Выговскаго уже въ обозѣ подъ Голтвою. Когда въ царской грамотѣ прочли титулъ, то гетманъ сѣлъ на постель, пригласилъ сѣсть и посланника; но тотъ отвѣчалъ, что надобно стоя выслушать грамоту. „Все у васъ высоко“, сказалъ Выговскій, однако дослушалъ грамоту стоя, и потомъ началъ говорить: „Все это ничего, грамотами Пушкаря не унять, взять было его да голову отсѣчь, либо прислать въ войско Запорожское. Я къ великому государю писалъ много разъ, чтобъ Пушкаря велѣлъ смирить до велика дня, а если не изволитъ его смирить,—и я самъ съ нимъ управлюсь; можно было его по сю пору смирить, такъ бы православные христіане были цѣлы, которыхъ онъ побилъ; я терпѣлъ, ждалъ царскаго указа, а то бы еще зимою Пушкаря смирилъ мечемъ да огнемъ. Я и булавы брать не хотѣлъ, хотѣлъ жить въ покоѣ. Окольничій Богданъ Матвѣевичъ Хитрово хотѣлъ взять Пушкаря и привезть ко мнѣ, но не только не привезъ, а еще больше ему повадку сдѣлалъ,—далъ ему соболей да отпустилъ: а къ Барабашу нечего писать,—Барабашъ теперь съ Пушкаремъ. Мы присягали великому государю на томъ, что правъ нашихъ не порушать, а по нашимъ правамъ нельзя полковнику и никому давать грамотъ, кромѣ гетмана; всѣмъ управляетъ одинъ гетманъ, а вы сдѣлали всѣхъ гетманами, дали Пушкарю и Барабашу грамоты, и отъ этихъ грамотъ бунты начались. Когда мы присягали, въ то время Пушкаря не было, все это сдѣлалъ покойникъ Богданъ Хмельницкій да я; иныхъ статей никто и не зналъ; не надобно было тогда и начинать этого дѣла. Пушкарь пишетъ, что позволено имъ на четыре года взять на всякаго голика по десяти талеровъ на годъ, а на сотниковъ больше: какъ будто завладѣли мы шестидесятью тысячами талеровъ! Иду на Пушкаря и смирю его огнемъ и мечемъ,—вездѣ его достану, хотя въ царскіе города уйдетъ; кто за него станетъ, тому самому отъ меня достанется; а государева указа долго ждать. Я передъ Пушкаремъ не виноватъ, не я началъ—онъ; хочу съ нимъ биться не за гетманство, а за свое здоровье. Дожидаюсь рады: покину булаву и пойду къ Волохамъ или къ Сербамъ, или къ Молдованамъ,—они мнѣ будутъ рады. Великій государь насъ жаловалъ, а теперь вѣритъ ворамъ, которые ему, государю, не служили, на степи его людей побивали и казну грабили,—тѣхъ жалуетъ, посланцовъ ихъ принимаетъ, деньги имъ и соболей даетъ, а такихъ бунтовщиковъ надобно было присылать въ войско Запорожское. Обычай у васъ такой, что все дѣлать по своей волѣ. Первые бунты начались въ войскѣ отъ посланца царскаго, Ивана Желябужскаго, который посланъ былъ къ Рагоци. И при короляхъ Польскихъ такъ-же было: какъ начали вольности наши ломать, такъ за то и стало".

Выговскій говорилъ также Скуратову: „Многіе пристаютъ къ Пушкареву совѣту; у полковниковъ, которые теперь при мнѣ, не много людей, другіе идти не хотятъ, и если бы я не пошелъ, то всѣ бы пристали къ Пушкарю". Дѣйствительно, встала сильная рознь: одни были за Выговскаго, другіе за Пушкаря; Лубны заперлись отъ полковъ Выговскаго, которые должны были силою пробиваться черезъ городъ; но Миргородцы свергнули своего полковника Довгаля и посадили подъ стражу за преданность дѣлу Пушкаря. Казаки изъ Голтвы не пошли за Выговскимъ въ походъ, и гетманъ велѣлъ объявить имъ, что если не пойдутъ, то на возвратномъ пути онъ всѣхъ ихъ перебьетъ и городъ сожжетъ: казаки испугались и выступили въ походъ. Малороссія дѣлилась уже Днѣпромъ: по лѣвую сторону жители всѣхъ городовъ желали, чтобъ были у нихъ воеводы государевы, а на правой сторонѣ казаки говорили: „Пушкарь хочетъ, чтобъ быть государевымъ воеводамъ, но у насъ этого никогда не будетъ".

Испуганные Ордою, Барабашъ и Пушкарь написали Выговскому 14 мая: „Добраго здоровья и всякихъ радостныхъ потѣхъ милости твоей отъ Господа Бога желаемъ. Вѣдомо учинилось намъ, что ты, поднявъ Орду, хочешь огнемъ и мечемъ искоренять города украинскіе. Богъ свидѣтель, что мы стоимъ въ полѣ, послышавъ приходъ иноземныхъ людей, оберегая свое здоровье. Теперь отъ его царскаго величества пріѣхалъ къ намъ стольникъ Алфимовъ для успокоенія, чтобъ между народомъ христіанскимъ кровопролитія не было, чтобъ мы между собою мирно жили и у тебя въ послушаніи были. Мы противъ царскаго повелѣнія, что противъ Божія, не можемъ стоять; полагаемся на государеву волю и просимъ твою милость, прости намъ наше неисправленіе предъ тобою, а впередъ, по царскому повелѣнію, мы у тебя всегда въ послушаніи будемъ, какъ и другіе полковники, только будь милостивъ и отошли Орду назадъ въ Крымъ, а царскихъ и заднѣпровскихъ городовъ ей не отдавай и въ плѣнъ христіанъ не вели брать".

Но Выговскій не обратилъ вниманія на это письмо; 17 мая выступилъ изъ-подъ Голтвы и остановился въ десяти верстахъ отъ Полтавы, гдѣ Пушкарь и Барабашъ заперлись, выжегши посады. Новый посолъ царскій, Василій Петровичъ Кикинъ, хлопоталъ о примиреніи; по его письмамъ и словеснымъ увѣщаніямъ Пушкарь договорился-было съ Выговскимъ помириться за присягою, что гетманъ не будетъ мстить ни ему и никому изъ его товарищей. Выговскій далъ требуемую присягу передъ Кикинымъ, и Пушкарь сбирался ѣхать вмѣстѣ съ послѣднимъ въ обозъ гетманскій, но Полтавскіе казаки и Запорожцы, пришедшіе съ Барабашемъ, не выпустили его изъ города и запретили мириться съ Выговскимъ. Узнавъ объ этомъ, гетманъ хотѣлъ немедленно двинуться подъ Полтаву: Кикинъ удержалъ его, но не могъ удержать Пушкаря, который въ ночь на первое іюня, вмѣстѣ съ Барабашемъ и Довгалемъ, напалъ на гетманскій обозъ, выбилъ изъ него Выговскаго и все его войско; захватилъ армату, скарбы гетманскіе и пожитки казацкіе. Кикинъ едва спасся отъ смерти; но когда разсвѣло, Выговскій оправился, ударилъ на враговъ и вытѣснилъ ихъ изъ обоза, причемъ Пушкарь былъ убитъ, а Барабашъ съ немногими людьми ушелъ въ Полтаву: говорили, что побѣжденные потеряли ни этомъ бою около 8,000 человѣкъ, побѣдители—съ 1,000. На другой день къ Выговскому явились изъ Полтавы игуменъ, священники, казаки и мѣщане съ повинною; гетманъ поклялся, что не будетъ имъ мстить: но какъ скоро ворота городскія отворились, то казаки его и Татары ворвались въ Полтаву, стали жечь, грабить, не пощадили и монастыря, а Татары начали забирать въ плѣнъ жителей. „Гдѣ-жъ твоя клятва?" говорилъ Кикинъ Выговскому,—и тотъ самъ ѣздилъ въ Полтаву выбивать казаковъ и Татаръ, посылалъ и къ начальнику татарскаго отряда съ просьбою освободить плѣнныхъ Полтавцевъ.

Съ торжествомъ возвращался гетманъ въ Чигиринъ; но на дорогѣ встрѣтилъ его казакъ съ листомъ отъ Бѣлоцерковскаго полковника. Сидя на лошади, Выговскій распечаталъ письмо и нахмурился, прочитавъ недобрыя вѣсти: полковникъ увѣдомлялъ, что Кіевскій воевода Андрей Васильевичъ Бутурлинъ далъ ему знать о прибытіи въ Кіевъ царскаго воеводы, назначеннаго въ Бѣлую Церковь. „Воеводы пріѣхали опять бунты заводить", говорилъ гетманъ въ сердцѣ Скуратову: „пиши, Андрей Васильевичъ, да самъ берегись"! Скуратовъ возразилъ: „Не дѣломъ ты, гетманъ, сердишься;—самъ ты великому государю писалъ, чтобъ быть въ черкасскихъ городахъ воеводамъ".—„Что я къ великому государю пишу", отвѣчалъ Выговскій, „надъ тѣмъ въ Москвѣ смѣются; никогда я не писалъ о томъ, чтобъ въ Бѣлой Церкви воеводѣ быть; какъ воевода пріѣхалъ, такъ и поѣдетъ: ничего я ему давать не велю; государевы воеводы должны пріѣзжать ко мнѣ и уже отъ меня въ города ѣхать, а то я ничего не вѣдаю, а они по городамъ ѣдутъ. Въ Кіевѣ государевы люди по сю пору съ Черкасами безпрестанно кіями бьются. Теперь я съ самовольниками самъ управился, государевы воеводы и ратные люди мнѣ больше ненадобны, они только бунты начнутъ. Который злодѣй у насъ что сдѣлаетъ и уйдетъ въ государевы украйные города, то воеводы его намъ не выдаютъ: такъ и я тѣхъ воровъ, которые прибѣгутъ ко мнѣ изъ государевыхъ городовъ, отдавать не хочу. Съ Пушкаремъ на бою государевы люди были: мои Нѣмцы у нихъ и барабанъ взяли. Государь меня тѣшилъ грамотами, и по сю пору нарочно мѣшкалъ У короля Польскаго намъ было хорошо: придутъ къ нему, скажутъ о чемъ надобно,—и указъ тотчасъ. Вамъ надобенъ такой гетманъ, чтобъ взявши за хохолъ водить". Скуратовъ отвѣчалъ: „Я съ тобою вмѣстѣ на бою былъ, государевыхъ людей съ Пушкаремъ никого не видалъ, и ты мнѣ ихъ тогда ни одного не показалъ; а что взятъ барабанъ,—и то не барабанъ, а бубенъ, да если бы и настоящій барабанъ былъ, такъ чтожъ изъ этого? Черкасы въ Москву и въ украйные города пріѣзжаютъ и покупаютъ что̀ имъ надобно. Ты говоришь, что хорошо вамъ было при короляхъ Польскихъ: плакать вамъ надобно, вспомнивши объ этомъ времени, когда благочестивые христіане отъ злаго гоненія прилагались къ Латинской вѣрѣ, а теперь благочестивая вѣра множится, и милостію государевою отъ всѣхъ непріятелей вы защищены: такъ тебѣ бы такихъ высокихъ словъ не говорить. О какихъ дѣлахъ пишешь ты къ великому государю,—отвѣтъ дается немедленно; а что твои посланцы къ тебѣ пріѣзжаютъ поздно, такъ они мѣшкаютъ за своими забавами, да и оправдываются тѣмъ, что ихъ въ Москвѣ задерживаютъ. Надобно тебѣ самому къ великому государю ѣхать челомъ ударить: тогда самъ государскую милость увидишь. Говоришь, что о государевыхъ воеводахъ ничего ты не зналъ; но со мною прислана къ тебѣ царская грамота, велѣно отписать въ города, чтобъ воеводъ приняли честно, что воеводы изъ Москвы отпущены. Ты у меня эту грамоту принялъ, прочелъ и ничего тогда не сказалъ, а теперь, когда воеводы пріѣхали, ты говоришь, что они ненадобны. Говоришь, что намъ надобенъ гетманъ по нашей волѣ; но ты гетманъ въ войскѣ Запорожскомъ великому государю многихъ вѣрнѣе". Выговскій утихъ и отвѣчалъ: „Я великому государю и теперь служу вѣрно; а отъ воеводъ бунты начнутся; государевы ратные люди мнѣ были надобны въ то время, чтобъ въ войскѣ было славно, а мнѣ была честь" Въ это время ѣхавшій за гетманомъ Чигиринецъ Иванъ Богунъ сталъ кричать: „Намъ воеводы ненадобны; женъ да дѣтей нашихъ переписывать пріѣхали". Обратившись къ Скуратову, Богунъ закричалъ: „Ты къ намъ воеводою въ Чигиринъ ѣдешь, нездоровъ отъ насъ выйдешь!"—„Уйми его", сказалъ Скуратовъ гетману; тотъ велѣлъ крикуну замолчать и прибавилъ: „Не теперешняя эта рѣчь". Однако ту же самую рѣчь на письмѣ отправилъ Выговскій въ Москву съ Опухтинымъ: „Всѣ бунты усмирены, потому войско, присланное съ княземъ Ромодановскимъ, болѣе не нужно, и Орда отпущена". Тутъ же гетманъ отправилъ къ царю жалобу на боярина Шереметева: „Бояринъ Василій Борисовичъ Шереметевъ, пріѣхавши въ Кіевъ, съ нами не посовѣтовавшись и не повидавшись, многія новыя дѣла начинаетъ, казны невѣдомо какой спрашиваетъ и воеводъ, безъ совѣта съ нами, по городамъ посылаетъ, на что есть ли указъ вашего царскаго величества—не знаемъ. Челомъ бьемъ, чтобъ ваше царское величество приказалъ ему отъ этого воздержаться; онъ и въ Бѣлой Россіи, дѣлая то же съ христіанами, казаковъ вашему царскому величеству въ остуду учинилъ, самъ будучи виноватъ".

Въ Москвѣ почли за нужное успокоить гетмана насчетъ воеводъ, и 26-го іюля отправился отсюда въ Малороссію подьячій Яковъ Портомоинъ съ такою грамотою: „Писали къ намъ изъ литовскихъ городовъ наши воеводы, что Польскій король Янъ-Казиміръ послалъ въ Малую Россію прелестные листы, будто бояринъ Шереметовъ и окольничій князь Ромодановскій посланы на тебя, гетмана, и на все войско Запорожское. Зная твою вѣрную къ намъ службу, мы не думаемъ, чтобъ ты этимъ письмамъ повѣрилъ: знатные люди отправлены на своевольниковъ, по твоему челобитью, а не для войны съ вами, единовѣрными православными христіанами. Такъ ты объяви начальнымъ и всякимъ людямъ, чтобъ они польскими листами не прельщались и сомнѣнья никакого не имѣли, жили бы подъ нашею высокою рукою въ совѣтѣ и любви". 9 августа Портомоинъ пріѣхалъ въ Чигиринъ и подалъ гетману царскую грамоту. Выговскій отвѣчалъ: „Ратные люди Ромодановскаго людей побиваютъ и всякое разоренье чинятъ; притомъ князь Ромодановскій своевольниковъ Барабаша да Лукаша и другихъ многихъ Черкасъ къ себѣ въ полкъ принялъ. И я, не дожидаясь того, чтобъ на меня государевы ратные люди пришли войною, иду за Днѣпръ самъ съ войскомъ Запорожскимъ и Татарами отыскивать этихъ своевольниковъ, и если государевы ратные люди станутъ ихъ защищать или будутъ какой задоръ въ черкасскихъ городахъ дѣлать, то я молчать не буду, а къ Кіеву пошлю брата своего Данила съ войскомъ и съ Татарами, чтобъ боярина и воеводу выслать вонъ, городъ, который по указу царскаго величества въ Кіевѣ сдѣланъ, разорить и разметать, а если воевода не выйдетъ, то его въ Кіевѣ осадить.“ Портомоинъ былъ задержанъ подъ стражею, и 11 августа Выговскій выступилъ изъ Чигирина, но еще не для того, чтобъ воевать съ государевыми ратными людьми: ему нужно было сперва покончить другое дѣло..

Еще въ концѣ марта Виленскій воевода князь Шаховской писалъ къ государю о вѣстяхъ изъ Варшавы: „Надежду Польскій король имѣетъ большую на казаковъ и на Татаръ, да на Прусскаго; если казаки не будутъ при королѣ, то король поневолѣ будетъ мириться съ тобою, великимъ государемъ; а если казаки съ королемъ соединятся, то мира у короля съ тобою не будетъ: большая надежда у короля на казаковъ да на Татаръ.“ Но это была еще только надежда: Бенѣвскій, хлопотавшій еще при Хмельницкомъ о возвращеніи Малороссіи подъ власть королевскую, хлопоталъ о томъ же и при Выговскомъ, но въ договорахъ послѣдняго съ нимъ пока еще не было никакихъ статей, вредныхъ для Москвы: Выговскій, въ сношеніяхъ своихъ съ Бенѣвскимъ, съ королемъ и вельможами польскими, хлопоталъ только объ одномъ: чтобъ сохраненъ былъ миръ, чтобъ польскія войска не вступали въ Украйну и дали бы ему, гетману, время управиться со внутреннимъ врагомъ—Пушкаремъ, котораго поддерживило Запорожье и который нашелъ бы большую поддержку въ Москвѣ и во всей черни, еслибъ Выговскій объявилъ себя за Польшу. Но когда Пушкаря не было болѣе, когда враги были поражены безсиліемъ и ужасомъ, когда ханскій союзъ былъ обезпеченъ, а съ Москвою нельзя было болѣе хитрить, потому что походъ полтавскій былъ самымъ дерзкимъ неповиновеніемъ волѣ государя, когда, съ другой стороны, явились въ Малороссіи воеводы:—тогда время открытаго дѣйствія наступило, по мнѣнію Выговскаго, и 7-го Бенѣвскій извѣстилъ короля, что повѣренный Выговскаго, львовскій мѣщанинъ, Грекъ Ѳеодосій Томкевичъ, ѣдетъ съ рѣшительнымъ объявленіемъ вѣрноподданства, и что тотъ же Ѳеодосій отправляется и къ королю Шведскому съ предложеніемъ заключить миръ съ Польшею и съ угрозою, что въ противномъ случаѣ войско Запорожское будетъ стоять за Польшу.

Въ послѣднихъ числахъ августа съѣхался Выговскій съ Бенѣвскимъ въ Гадячѣ, и 6 сентября постановлены были здѣсь слѣдующія условія, на которыхъ Запорожское войско опять поддавалось Польшѣ: 1) Вѣра древняя Греческая уравнивается въ правахъ своихъ съ Римскою вездѣ, какъ въ коронѣ Польской, такъ и въ великомъ княжествѣ Литовскомъ. 2) Митрополитъ Кіевскій и пять архіереевъ русскихъ будутъ засѣдать въ сенатѣ съ тѣмъ же самымъ значеніемъ, какое имѣютъ прелаты католическіе; мѣсто Кіевскаго митрополита будетъ послѣ Львовскаго римскаго архіепископа, остальные же владыки будутъ сидѣть послѣ католическихъ бискуповъ повѣтовъ своихъ. 3) Войска Запорожскаго будетъ 60,000. 4) Гетману великаго княженія Русскаго украинскаго вѣчно быть первымъ Кіевскимъ воеводою и генераломъ. 5) Сенаторовъ въ коронѣ Польской выбирать не только изъ Поляковъ, но и изъ Русскихъ, 6) Дозволяется въ Кіевѣ устроить академію, которая пользуется тѣми же правами, какъ и академія Краковская, съ тѣмъ однако условіемъ, чтобы въ ней никакихъ расколовъ, аріанскихъ, кальвинскихъ, лютеранскихъ учителей и учениковъ не было, и дабы между студентами и прочими учащимися никакихъ поводовъ къ ссорамъ не было; всѣ другія школы, какія прежде въ Кіевѣ были, король велитъ перевести въ другія мѣста.. 7) Король и чины позволяютъ учредить и другую академію на правахъ Кіевской, гдѣ найдется для нея приличное мѣсто. 8) Коллегіи, училища и типографіи, сколько ихъ понадобится, вольно будетъ устроивать, вольно науками заниматься и книги печатать всякія и религіозно-полемическія, только безъ укоризны и безъ нарушенія маестату королевскаго. 9) Случившееся при Хмельницкимъ предается вѣчному забвенію. 10) Податей никакихъ правительство Польское получать не будетъ; обозы коронные не принимаются; обѣ украйны находятся только подъ гетманскимъ управленіемъ. 11) Король будетъ нобилитовать казаковъ, которыхъ представитъ ему гетманъ. 12) Короннымъ войскамъ въ Украйнѣ не быть, кромѣ необходимости, но въ такомъ случаѣ они находятся подъ командою гетмана, казакамъ же вольно стоять по всѣмъ волостямъ королевскимъ, духовнымъ и сенаторскимъ. 13) Гетманъ имѣетъ право чеканить монету и платить ею жалованье войску. 14) Во всякихъ нужныхъ дѣлахъ короны Польской призываются на совѣтъ казаки; правительство должно стараться, какъ бы отворить Днѣпромъ путь къ Черному морю. 15) Въ войнѣ короля съ Москвою казаки могутъ держать нейтралитетъ, но въ случаѣ нападенія московскихъ войскъ на Украйну—король обязанъ защищать ее. 16) Тѣмъ, которые держали сторону казаковъ противъ Польши, возвращаются отобранныя имѣнія и опять они вписываются въ урядъ. 17) Гетману не искать другихъ иностранныхъ протекцій, кромѣ польской; онъ можетъ быть въ дружбѣ съ ханомъ Крымскимъ, но не долженъ признавать надъ собою власти государя Московскаго, и казаки всѣ должны возвратиться въ свои жилища. 18) Король и республика дозволяютъ Русскому гетману суды свои и трибуналъ устроить и отправлять тамъ, гдѣ захочетъ. 19) Чигиринскій повѣтъ остается при гетманской булавѣ попрежнему. 20) Въ воеводствѣ Кіевскомъ всѣ уряды и чины сенаторскіе будутъ раздаваться единственно шляхтѣ Греческой вѣры, а въ воеводствахъ Брацлавскомъ и Черниговскомъ поперемѣнно съ Католиками. 21) Въ русскихъ воеводствахъ учреждаются печатари, маршалки и подскарбіи, и уряды эти будутъ раздаваться только Русскимъ. 22) Титулъ гетмана будетъ: гетманъ Русскій и первый воеводствъ Кіевскаго, Брацлавскаго и Черниговскаго сенаторъ.

Выговскій получилъ все, чего только могъ желать; приверженцы его, съ которыми онъ устроилъ польскій союзъ, были также награждены: урожденные, т.-е. бывшіе прежде шляхтичами, получили земли, не шляхтичи—нобилитованы, Нѣжинскій полковникъ, Василій Золотаренко, рыцарь войска Запорожскаго, принятый за рыцарскія дѣла въ клейнотъ шляхетства польскаго, изъ Золотаренка сдѣлался Злотаревскимъ.

Поддавшись королю, Выговскій хотѣлъ еще продолжать обманывать царя, чтобъ не имѣть на плечахъ московскихъ воеводъ, пока не пришли въ Украйну войска польскія и ханъ Крымскій. Въ августѣ онъ клялся въ вѣрности своей къ великому государю передъ посланникомъ его, дьякомъ Василіемъ Михайловымъ, и въ то же время войска его уже дѣйствовали противъ Кіева. 16 августа прибѣжали сюда изъ лѣсовъ работники, которые были посланы за лѣсомъ на острожное и валовое дѣло, солдаты, драгуны и люди боярскіе, битые, стрѣляные и пограбленные, и объявили: „Били насъ и грабили Черкасы, а стрѣляли изъ луковъ Татары, идутъ подъ Кіевъ многіе люди“. Воевода Шереметевъ вышелъ самъ съ воинскими людьми изъ города и разослалъ подъѣзды; подъѣзжане встрѣтили полковниковъ: Бѣлоцерковскаго Ивана Кравченка, Бранцлавскаго Ивана Сербина, Подольскаго Астаѳья Гоголя, и какъ увидали Черкасы, что воеводы на-готовѣ, то подъ Кіевъ не пошли, стали въ двухъ верстахъ отъ города за рѣчкою Лыбедью. Шереметевъ послалъ спросить полковниковъ: зачѣмъ они пришли подъ Кіевъ безвѣстно со многими людьми; для чего съ ними Татары, и для чего ихъ люди государевыхъ ратныхъ людей били и грабили, а иныхъ до смерти побили? Полковники отвѣчали: „Пришли мы по приказу гетмана Ивана Выговскаго; Татаръ съ нами нѣтъ, будетъ къ намъ подъ Кіевъ Данила Выговскій, и Татары придутъ съ нимъ; подъ Кіевъ мы пришли и Данила придетъ для договора о всякихъ дѣлахъ.“ Послѣ этого пришли еще два полковника—Паволоцкій Богунъ да Саблинскій съ пѣхотою, а 23 августа явился и Данила Выговскій съ Татарами и Черкасами, въ числѣ болѣе 20,000. Черкасы отогнали стада у Комарицкихъ драгунъ и начали гонять сторожевыя сотни; въ то же время Данила Выговскій завелъ сношенія съ Кіевскимъ полковникомъ Павломъ Яненкомъ, велѣлъ на посадѣ на торгу побивать государевыхъ людей, которые ходили изъ города для хлѣбной покупки, и посадъ зажечь. Шереметевъ выслалъ противъ Выговскаго своихъ товарищей, а самъ остался оберегать крѣпость; но, въ то время какъ младшіе воеводы бились съ Выговскимъ, Кіевскій полковникъ Павелъ Яненко со своимъ полкомъ приступилъ къ городу отъ посада съ Киселева городка. Шереметевъ выслалъ на вылазку стрѣлецкаго голову Ивана Зубова съ стрѣльцами и солдатами: Зубовъ поразилъ Черкасъ, выбилъ ихъ изъ Киселева городка, взялъ знамя, а младшіе воеводы въ то же время отбили отъ валу, отъ Золотыхъ воротъ Выговскаго, который, соединясь со всѣми другими полковниками, сталъ обозомъ подъ Печерскимъ монастыремъ, а Татаръ поставилъ подлѣ обоза. На 24 число въ ночь у землянаго вала противъ Печерскихъ воротъ начали-было Черкасы копать шанцы въ двухъ мѣстахъ, но на разсвѣтѣ вышли изъ города младшіе воеводы съ полковникомъ фонъ-Стаденомъ, который предводительствовалъ пѣхотою, ударили на Черкасъ въ шанцахъ и нанесли имъ рѣшительное пораженіе: весь обозъ, пушки, знамена, бунчукъ и печать войсковая достались побѣдителямъ; много Черкасъ потонуло въ Днѣпрѣ; Данило Выговскій ушелъ въ лодкѣ самъ-другъ, какъ говорили, раненый. Во время этого боя Яненко изъ своего обоза съ Щековицы приступилъ къ земляному новому валу со всѣмъ своимъ полкомъ, но былъ сдержанъ отрядомъ пѣхоты подъ начальствомъ Сафонова, къ которому съ большаго боя поспѣшилъ на помощь воевода князь Юрій Борятинскій съ рейтарами. Яненко былъ разбитъ и потерялъ обозъ свой на Щековицѣ, которымъ овладѣли стрѣльцы; много Черкасъ Яненковыхъ перетонуло въ Почайнѣ. Со всѣхъ этихъ боевъ Москвѣ досталось 12 пушекъ, 48 знаменъ, три бочки пороху. Плѣнные казаки сказывали воеводамъ, что они приходили подъ Кіевъ по большой неволѣ: старшины высылали ихъ побоями; клялись, что будутъ служить вѣрно государю. Что-жъ касается мѣщанъ кіевскихъ, то задолго еще до прихода Выговскаго они являлись къ воеводамъ и говорили, что казаки заставляютъ ихъ дѣлать на Щековицѣ земляной валъ, но что они казакамъ отказали и валу не дѣлали; при этомъ мѣщане просили, въ случаѣ прихода воинскихъ людей, позволить имъ перевезтись въ городъ съ женами и дѣтьми и со всѣмъ имѣніемъ. Воеводы позволили, и потомъ сами нѣсколько разъ напоминали имъ, чтобъ перебрались въ городъ; но когда пришелъ Выговскій, то мѣщане стали возиться на Днѣпръ въ суда; воеводы послали сказать имъ: для чего они возятся въ суда, а не въ городъ? Мѣщане отвѣчали: „Возимся по приказу гетмана Ивана Выговскаго, боимся:—если Черкасы городъ возьмутъ, то мы пропадемъ“. У нихъ было семь пушекъ, данныхъ имъ княземъ Куракинымъ; теперь, когда подошелъ непріятель, воеводы требовали эти пушки въ городъ; мѣщане отвѣчали, что они отослали ихъ для починки; но когда взятъ былъ обозъ Яненко, то эти московскія пушки очутились здѣсь.

Въ сентябрѣ царь разсылалъ уже грамоты объ измѣнѣ гетмана съ обстоятельнымъ изложеніемъ всего дѣла, а Выговскій все еще продолжалъ притворяться; 8 октября онъ писалъ государю, что и не помышляетъ на московскіе города наступать и присягу ломать: „Бога ради, усмотри ваше царское величество, чтобъ непріятели вѣры православной не тѣшились и силъ не воспріяли, пошли указъ свой къ боярину Василію Борисовичу Шереметеву, чтобъ онъ больше разоренья не чинилъ и крови не проливалъ". Вслѣдъ за этою, другая грамота въ такомъ же родѣ: „Изволь ваше царское величество обратить на насъ прежнее милостивое лицо, видя, что мы и нынѣ неотмѣнными вашего царскаго величества подданными остаемся". Дѣла шли не такъ, какъ бы хотѣлось Русскому гетману и сенатору: на восточной сторонѣ Днѣпра огромное большинство было за Москву, хотя большая часть старшины была за Выговскаго, и потому царскіе воеводы, князья Ромодановскій и Куракинъ, могли держаться, опираясь на вѣрныхъ казаковъ. Въ послѣднихъ числахъ ноября, при Варвѣ, вѣрные Москвѣ казаки выбрали себѣ на время въ гетманы Ивана Безпалаго, „чтобъ дѣла войсковыя не гуляли". Между тѣмъ военныя дѣйствія начались съ обѣихъ сторонъ; города и села запылали, несчастные жители начали испытывать на себѣ всѣ военные ужасы, сами не зная за-что. Поляки не приходили на помощь, и, чтобы остановить присылку новыхъ воеводъ Московскихъ, Выговскій отправилъ къ царю Бѣлоцерковскаго полковника Кравченка съ повинною. На письмо князя Ромодановскаго, чтобъ распустилъ войско и не приходилъ на царскіе города, Выговскій отвѣчалъ (14 декабря изъ табора подъ Ржищевымъ): „На царскіе города приходить я не мыслю, а только своевольниковъ своихъ ускромляю и ускромлять буду, равно какъ и союзниковъ ихъ. Мы не для того его царскому величеству присягали, чтобъ у своихъ холопей въ неволѣ быть, чтобъ они насъ за шею водили, но въ надеждѣ на вольность больше прежней; а теперь ты, соединившись съ своевольниками, многую и великую въ Малороссіи ссору учинилъ". 13 декабря Безпалый писалъ государю, что враги наступаютъ со всѣхъ сторонъ, а царскіе воеводы помощи имъ, вѣрнымъ Малороссіянамъ, не даютъ. Царь отвѣчалъ, что, вслѣдствіе пріѣзда Кравченка съ повинною, онъ назначилъ раду въ Переяславлѣ къ 1 февраля, а между тѣмъ пусть онъ, Безпалый, соединившись съ княземъ Ромодановскимъ, промышляетъ надъ непріятелемъ. Непріятель не заставилъ себя ждать: 16 декабря наказный гетманъ Выговскаго, Скоробогатенко, подступилъ подъ Ромны, гдѣ находился Безпалый, но былъ отогнанъ послѣднимъ, который послѣ этого дѣла писалъ царю: „Если ваша пресвѣтлая царская милость съ престола своего не подвигнетесь въ свою отчизну, то между нами, войскомъ Запорожскимъ, и всѣмъ народомъ христіанскимъ покою не будетъ; Выговскій Кравченка на обманъ послалъ, и ему бы ни въ чемъ не вѣрить". 20 декабря Татары и вѣрные Выговскому казацкіе полки—Каневскій, Черкасскій, Чигиринскій и Корсунскій, подъ начальствомъ Переяславскаго полковника Цецуры, наказнаго гетмана Скоробогатенка и Поляка Груши, дали бой князю Ромодановскому у Лохвицы, но были отбиты. Между тѣмъ Шереметевъ изъ Кіева писалъ государю, что Выговскій хотѣлъ пріѣхать къ нему въ Кіевъ для переговоровъ, но что онъ, воевода, безъ царскаго указа не смѣлъ пустить его въ городъ и съ малыми людьми. Шереметевъ прибавлялъ, что междоусобіе въ Малороссіи можетъ прекратиться только вслѣдствіе этихъ личныхъ переговоровъ. Царь отвѣчалъ ему (21 декабря): „Промышляй всякими людьми, чтобъ тебѣ съ гетманомъ въ Кіевѣ видѣться и переговорить, какими бы мѣрами междоусобіе успокоить". Но и въ Кіевѣ и въ Москвѣ напрасно надѣялись на это успокоеніе: Выговскій, получивъ татарскую помощь, не думалъ болѣе о мирныхъ переговорахъ; у него было всегда въ запасѣ одно оправданіе, что „бьется не противъ царскихъ войскъ,—противъ своихъ ослушниковъ, Безпалаго съ товарищами" [1]).

Какъ тяжело отозвалась въ Москвѣ вѣсть о смутѣ малороссійской, объ измѣнѣ Выговскаго, такъ радостно была принята они въ Польшѣ, ибо это была для нея вѣсть о воскресеніи. Мы видѣли, что польскіе коммисары въ Вильнѣ обязались предложить на сеймѣ объ избраніи Алексѣя Михайловича въ преемники Яну-Казиміру. Предложеніе было дѣйствительно сдѣлано; но епископы тутъ же протестовали, что они согласятся на избраніе царя не иначе, какъ съ условіемъ, чтобъ онъ принялъ католицизмъ, и Янъ-Казиміръ велѣлъ обнародовать этотъ протестъ по всему королевству [2]). Находили двадцать одну причину, почему ни царь Московскій, ни сынъ его не могли быть избраны въ короли Польскіе, и всѣ эти причины сводились преимущественно къ одному, что домъ Австрійскій никакъ не выпуститъ изъ рукъ своихъ Польской короны: войны казацкія, въ соединеніи съ Московскою и Шведскою, втолкнули Поляковъ поневолѣ въ объятія Австрійскаго дома. Король, по совѣту сенаторовъ, еще въ сентябрѣ 1655 года предложилъ императору быть его наслѣдникомъ и обѣщалъ согласіе всей республики, если только императоръ поможетъ ей въ настоящей бѣдѣ. Императоръ предложилъ свое посредничество для примиренія съ Москвою и Швеціею, чтобъ тѣмъ легче, въ качествѣ посредника, достигнуть своей цѣли. Австрійцы внушили Полякамъ, чтобъ прельстили Московскаго царя надеждою Польской короны; чтобъ въ этой надеждѣ онъ объявилъ войну Швеціи, и какъ только царь вступилъ съ войскомъ въ Ливонію, король и сенаторы, отъ имени республики, чрезъ торжественное посольство, поднесли императору корону Польскую; тотъ публично отказался, но частнымъ образомъ принялъ корону для сына своего Карла-Іосифа. Король Польскій въ 1657 году объявилъ королю Шведскому, что отказывается отъ титула Шведскаго и уступаетъ Швеціи всю Ливонію; Польшѣ легче помириться со Швеціею и поднять ее противъ Москвы, потому что король Шведскій не стремится быть королемъ Польскимъ; между Австріею и Польшею идутъ совѣщанія, какъ вести дѣло съ царемъ, чтобъ заставить его продолжать войну со Швеціею, пока Польша съ нею не уладится; Литовцы, по сосѣдству съ Москвою, изъ страха, льстятъ царю, но Поляки никакъ его не хотятъ; они думаютъ, что самое лучшее средство успокоить Австрійцевъ состоитъ въ томъ, чтобъ папа поручился императору за вѣрность Польскаго наслѣдства для его дома подъ страхомъ отлученія, въ противномъ случаѣ объявилъ, что сеймовое постановленіе о царѣ Московскомъ нисколько не предосудительно праву Австрійскому. Если Австрія будетъ довольна этимъ тайнымъ соглашеніемъ и ручательствомъ папы, то Поляки думаютъ, что имъ можно будетъ вести переговоры съ царемъ насчетъ короны, и постановленіе, сдѣланное въ случаѣ необходимости, уничтожить властію первосвященника Римскаго; Австрійцы уже давно поджигаютъ Порту и Татаръ противъ Москвы, чтобъ такимъ образомъ сдержать царя, а себѣ проложить дорогу къ Польской коронѣ [1]).

---

[1]) Арх. мин. юст.; столбцы Малорос. прик., № 5836, 5852, 5841, 6040; Симб. Сборникъ; Кикинскія бумаги, стр. 14; Арх. мин. ин. дѣлъ; дѣла Малорос. и Польскія 1658 года; Лѣтопись Величка подъ тѣмъ же годомъ.

[2]) Theiner —Monuments historiques de Russie, p. 35.

Но въ Москвѣ не знали всѣхъ этихъ причинъ, и царь продолжалъ хлопотать о Польскомъ престолѣ, или, по крайней мѣрѣ, о соединеніи Литвы съ Москвою. Въ началѣ 1657 года онъ отправилъ въ Литву любимца своего, Матвѣева, слѣдить за тамошними дѣлами. Матвѣеву было наказано, въ случаѣ, если произойдетъ разрывъ между Польшею и Литвою, хлопотать, чтобъ литовскія войска перешли подъ высокую руку великаго государя и присягнули ему. Матвѣевъ писалъ, что литовскаго войска при гетманѣ Гонсѣвскомъ немного, оно твердо стоитъ на томъ, чтобъ по смерти Яна-Казиміра быть королемъ царю, и ждетъ сейма; но коронное войско рознится: иные хотятъ къ цесарю, другіе къ Рагоци, третьи не хотятъ съ княжествомъ Литовскимъ разлучиться; писалъ, что сейма нечего скоро ждать по причинѣ войны у Поляковъ со Шведами. Государь приказывалъ ему разыскать, черезъ какихъ пановъ всего скорѣе можно добиться до благопріятнаго ему рѣшенія на сеймѣ. Матвѣевъ отвѣчалъ, что всего скорѣе можно получить желаемое чрезъ надворнаго маршалка Любомирскаго и Познанскаго воеводу Лещинскаго: роды ихъ многолюдные и начальныхъ людей роду ихъ много; только они государству государя своего впередъ не прочатъ, нѣтъ того, чтобъ поболѣть о государствѣ, а просятъ прежде всего чести и подарковъ большихъ.—Рагоци сулилъ имъ по сту тысячъ червонныхъ; гетманъ Гонсѣвскій потребовалъ точно такой же суммы у царя. „Сперва присягни съ начальными людьми и со всѣмъ войскомъ“, отвѣчалъ ему Матвѣевъ, „тогда государь васъ и пожалуетъ отъ своей казны; самъ помысли: если ты такія большія деньги возьмешь и присягу дашь одинъ, то всякій человѣкъ смертенъ, а теперь время неспокойное отъ непріятелей; ты безпрестанно въ службахъ, убьютъ тебя или въ плѣнъ возьмутъ,—кто тогда эти деньги заслужитъ великому государю?“ — „Я готовъ присягнуть великому государю,“ говорилъ Гонсѣвскій,— „готовъ присягнуть, что буду стараться о провозглашеніи его наслѣдникомъ короля Яна-Казиміра; а теперь начать государю служить никакъ нельзя, чтобъ не испортить дѣла, постановленнаго на съѣздѣ. Если же государь дастъ мнѣ деньги, то я стану призывать начальныхъ людей и войско тайно, и присягу дамъ за всѣхъ.“ Потомъ Гонсѣвскій говорилъ о необходимости соединенія церквей. Матвѣевъ отвѣчалъ, что когда государь будетъ королемъ, то созоветъ духовенство греческое и римское и другихъ многихъ вѣръ, и если духовныя особы на то склонятся волею, а не нуждою, чтобъ быть съѣзду, и если тогда великій государь изволитъ сослаться съ цесаремъ и съ папою, то пошлетъ; но чтобъ не было никакого сомнѣнія насчетъ вѣры и церквей, то великій государь велѣлъ послать свои грамоты во всѣ покорившіеся ему литовскіе города, что права ихъ, религія и вольности ни въ чемъ нарушены не будутъ. „Хорошо такъ,“ сказалъ на это Гонсѣвскій, „но вотъ въ чемъ дѣло: какъ былъ на коронѣ Польской король Сигизмундъ III, вѣрою католикъ, то было у него 172 сенатора, всѣ разныхъ вѣръ, только двое было католиковъ, и въ сорокъ лѣтъ всѣ стали католиками, не нуждою, а вотъ чѣмъ: никому не давалъ онъ ни воеводства, ни каштелянства до тѣхъ поръ, пока не приступятъ къ католической вѣрѣ.“ Гонсѣвскій говорилъ также, чтобъ всѣ правительственныя мѣста въ Литвѣ постоянно оставались за Литовцами, а не были раздаваемы Москвичамъ. Матвѣевъ отвѣчалъ: „Великій государь обычной воли въ неволю не приводитъ; литовская шляхта служитъ ему въ разныхъ строяхъ, и надъ нею начальные люди ихъ же братья шляхта, а не московскіе урядники“.

Въ февралѣ отправился изъ Москвы къ королю стряпчій Іевлевъ, и 22 апрѣля нашелъ короля въ городкѣ Данковѣ. Въ отвѣтѣ паны начали упрекомъ: „Было уговорено, что царскому величеству на общаго непріятеля, Шведскаго короля, войною ходить и людей своихъ посылать; а теперь противъ Шведовъ Русскихъ людей никого нѣтъ; Шведъ съ Рагоци и казаками Хмельницкаго Польскую Землю плѣнятъ; королевскому величеству становится тѣсно, ожидаетъ войска цесарскаго, а если цесарь не умилосердится, войска не пришлетъ, то мы будемъ въ великомъ разорены“. Іевлевъ отвѣчалъ: „По договору, царское величество ждалъ долго отъ короля гонца, и по сіе время вѣдома никакого не было: такъ царское величество и поусумнился, на шведскихъ и лифляндскихъ рубежахъ у царскаго величества стояли многія рати всю зиму, а теперь царское величество пойдетъ самъ на Шведскаго короля. На съѣздѣ въ Вильнѣ договорились и записями укрѣпились, что великаго государя выбирать на королевство, для чего сложить сеймъ въ декабрѣ или январѣ мѣсяцѣ, а передъ сеймомъ дать знать великому государю черезъ гонца; царское величество ждалъ долгое время, полномочные послы на сеймъ уже были назначены, и замедленіе это царскому величеству учинилось въ великое подивленье.“ Паны извинялись, что сейма нельзя было созвать такъ скоро за военными дѣлами, и объявили, что сеймъ будетъ созванъ въ Брестѣ 28 мая. Іевлевъ замѣтилъ, что и въ маѣ сеймъ не состоится, потому что остается одинъ мѣсяцъ, а король до сихъ поръ находится въ дальнихъ мѣстахъ, на границѣ цесарской. Паны отвѣчали: „Король видѣлъ и самъ, что сейму на тотъ срокъ не бывать; что же дѣлать? Со всѣхъ сторонъ непріятели: ты самъ видѣлъ, самъ насилу проѣхалъ. Царское величество сомнѣвается, а у короля иной мысли нѣтъ и не будетъ, и у насъ слова наши и договоръ не перемѣнятся.“ Іевлевъ продолжалъ: „Писалъ государю гетманъ Хмельницкій, что Поляки задоръ учинили, малороссійскій городъ Налюзъ истребили, въ Пинскомъ уѣздѣ монастыри попалили“. Паны отвѣчали: „Такого города Налюза во всей Малороссіи нѣтъ; а нашихъ Польскихъ людей задоръ по-неволѣ,—никто не хочетъ быть убитымъ до смерти, а казаки Хмельницкаго сѣкутъ насъ и жгутъ вопреки договору; умыселъ ихъ явенъ: Хмельницкій присягнулъ Рагоци и войско свое къ нему прислалъ.“

---

[1]) Импер. публ. библ., рукоп. на разныхъ языкахъ in 4, отд. IV, № 62.

Тѣмъ и кончились объясненія. Іевлевъ представлялся и королевѣ, и, когда ѣхалъ отъ нея, приставъ говорилъ ему: „Королева старается о дружбѣ царскаго величества съ королемъ такъ, что и въ умъ не вмѣщается такое радѣнье; какъ былъ сеймикъ въ Ченстоховѣ объ окончаніи добраго дѣла между королевскимъ и царскимъ величествами, и на этомъ сеймикѣ канцлеръ коронный разрывалъ и мѣшалъ, то королева сама къ канцлеру и къ другимъ ѣздила и уговаривала ихъ не мѣшать дѣлу“. Король въ особой запискѣ давалъ знать царю, чтобъ онъ не вѣрилъ ни въ чемъ ни Французамъ, ни Англичанамъ; о томъ же давала знать королева царицѣ, и прибавляла, что когда царевичъ Алексѣй придетъ въ возрастъ, то она, королева, будетъ стараться женить его на дочери покойнаго императора Фердинанда III.

И 28 мая сейма не было; въ іюлѣ отправленъ былъ къ королю другой посланникъ, стольникъ Алфимовъ, который въ сентябрѣ нашелъ Янъ-Казиміра въ Варшавѣ. Въ отвѣтѣ паны начали тѣмъ, что виленскій договоръ нарушенъ со стороны царя, потому что подданный его, гетманъ Хмельницкій, вмѣстѣ съ Рагоци воюетъ Польскую Землю. Алфимовъ отвѣчалъ, что къ Хмельницкому посланъ указъ отозвать свои войска отъ Рагоци, и казаки отозваны; но Хмельницкій бьетъ челомъ великому государю, что съ королевской стороны чинятся явныя неправды, султана и хана на войско Запорожское Поляки подговаривали и обѣщали имъ всѣ украинскіе города, начиная отъ Каменца-Подольскаго. Когда казаки, по царскому приказу, отъ Рагоци отступили, то отступили отъ него и Шведы, и Молдаване, и Волохи. Поляки этимъ воспользовались и, соединясь съ Татарами, Рагоци побили; а еслибъ казаки, по царскому приказу, отъ Рагоци не отступили, то не отступили бы отъ нихъ и Шведы съ Молдаванами и Волохами; этимъ отъ царскаго величества королю и коронѣ Польской сдѣлано вспоможенье немалое. Паны указывали на другое нарушеніе договора: Русскіе не воюютъ больше со Шведами. Алфимовъ отвѣчалъ: „Шведскіе генералы, которые сперва были въ Польшѣ, теперь стоятъ противъ царскаго войска на своихъ границахъ, и если бы они не были задержаны царскими воеводами, то теперь разоряли бы польскіе города; слѣдовательно коронѣ Польской отъ царскаго величества чинится вспоможенье немалое.“ На замѣчаніе Алфимова, что начатое дѣло по виленскому договору надобно кончить немедленно, былъ извѣстный отвѣтъ, что до сихъ поръ непріятели мѣшали; но теперь непріятели отступили и открылась возможность созвать сеймъ, о которомъ дано будетъ знать великому государю.

Прошелъ 1657 годъ, — сейма все не было. Въ мартѣ 1658 года явился гонецъ королевскій съ извѣстіемъ, что сеймъ назначенъ на 27 іюня. Въ маѣ мѣсяцѣ изъ Москвы отправились въ Вильну великіе и полномочные послы—бояре князь Никита Ивановичъ Одоевскій, Петръ Васильевичъ Шереметевъ, князь Ѳедоръ Ѳедоровичъ Волконскій и думный дьякъ Алмазъ Ивановъ для новаго съѣзда съ польскими коммисарами. Но прежде всего они должны были выслушивать жалобы отъ жителей литовскихъ городовъ и уѣздовъ, занятыхъ русскими войсками. Минская шляхта просила ихъ оборонить отъ дальнѣйшихъ наѣздовъ, охранить отъ своевольныхъ людей. Гродненская шляхта била челомъ на воеводу Апрѣлева, который изъ соборной церкви взялъ образъ Богородицы, потиръ и ризы и не хочетъ отдать, несмотря на просьбу шляхты, чтò дѣлается вопреки вольностямъ, отъ царя пожалованнымъ. Великіе послы отправили къ Апрѣлеву грамоту, чтобъ немедленно возвратилъ въ церковь образъ, потиръ и ризы, и ничѣмъ не нарушалъ вольностей обывательскихъ. Потомъ началась переписка съ польскими коммисарами, которыми были назначены: епискупъ Виленскій Янъ Завиша и гетманы—Павелъ Сапѣга и Гонсѣвскій. Еще не зная о назначеніи коммисаровъ, великіе послы отправили къ гетману Павлу Сапѣгѣ Дениса Астаѳьева, который нашелъ его въ имѣніи подлѣ Бреста. Поговоривъ о коммисарахъ и гдѣ имъ стоять, Астаѳьевъ спросилъ Сапѣгу: „Слухомъ пронеслось, будто посланъ къ великому государю въ Москву Адамъ Саковичъ; отъ васъ ли, гетмановъ Литовскихъ, онъ посланъ, и знаешь ли ты, отъ кого онъ посланъ и съ чѣмъ?“ Сапѣга долго сидѣлъ молча, потомъ началъ говорить: „Посланъ онъ отъ насъ, съ моего по-

---

1) Арх. мин. ин. дѣлъ; дѣла Польскія 1657 и 1658 годовъ.

велѣнья; послалъ его Гонсѣвскій съ тѣмъ: если наши не успѣютъ сдѣлать на сеймѣ по-своему, осилятъ насъ коронные, поставятъ на томъ, что прежде мириться съ Шведомъ, тогда дѣлать нечего, перемѣнить нельзя". Астаѳьевъ сказалъ на это: „Слухъ у насъ такой есть, что съ вами коронные не тянутъ и рознь у васъ началась". Сапѣга отвѣчалъ: „За грѣхъ нашъ у всѣхъ насъ рознь. Прежде всего скажу тебѣ, король съ нами идетъ неправдою, а все водитъ его королева,—отъ нея у насъ и вся смута; а съ коронными у насъ рознь оттого: они себѣ покою хотятъ, а намъ не помогаютъ. Послы пришли изъ многихъ государствъ, королева поѣхала обо всемъ съ ними договариваться, а мы ничего объ этомъ не знаемъ: гдѣ быть тутъ добру? Намъ жаль коронныхъ, а короннымъ жаль насъ; самъ знаешь, какъ не жалѣть; смѣшались мы съ ними вѣрою и поженились—они у насъ, а мы у нихъ, и маетностями помѣшались".—„Если однако будетъ не мѣра", говоритъ Астаѳьевъ, „то какъ смекаете: отступитесь отъ нихъ или нѣтъ?" Гетманъ опять долго сидѣлъ молча, потомъ сказалъ: „Какъ кто хочетъ, а я не отступлю". *Астаѳьевъ:* У насъ такой слухъ носится, что Саковичъ съ тѣмъ и къ великому государю пошелъ, что хотятъ отступить отъ короны". *Сапѣга:* „Какъ себѣ хотятъ; послали мы Саковича, и что я ему приказывалъ, отъ тѣхъ словъ не отопрусь и по смерть, и никого не осрамлю; я не такой человѣкъ; по-моему, что говорить, то и дѣлать, а чего не дѣлать, того нечего и говорить; а сверхъ того свой разумъ въ головѣ имѣете, сами разсуждайте; больше тебѣ ничего не скажу; съ чѣмъ Саковичъ посланъ, о томъ знаютъ у насъ въ Литвѣ человѣкъ съ десять сенаторовъ; самъ знаешь, то дѣло великое и страшное, что при живомъ государѣ другого ищемъ. Пожалуетъ-ли Саковича великій государь, велитъ ли его принять за его баламутство? да и канцлеръ Литовскій Пацъ такой же баламутъ; я думаю, не худо ли Саковичу въ Москвѣ будетъ?" *Астаѳьевъ:* „Если съ такимъ великимъ дѣломъ идетъ и съ правдою, а не шалберствомъ, то государь велитъ его принять и отпустить съ честію; если же идетъ съ такою правдою, какъ я отъ тебя слышу, то не знаю!.. Мы слышали такъ, что вы впрямь отъ короны отступили и съ тѣмъ Саковича послали къ государю". *Гетманъ:* „Нѣтъ, отъ короны мы не отступимъ, развѣ поневолѣ, по нуждѣ большой,—тогда станемъ промышлять о себѣ. Я не такой человѣкъ, отъ своихъ словъ не отпираюся, да и того не хочу, чтобъ отъ моего лукавства кровь христіанская пролилась и мнѣ бы пришлось на томъ свѣтѣ отвѣтъ отдавать Богу; лучше истрачу все послѣднее свое панство, да меньше отвѣта Богу отдамъ. Сталъ я на всей своей правдѣ и умереть хочу; все у себя утратилъ, съ кручины надсадился, не слышу на себѣ головы, сердце все изныло; а другіе какъ себѣ хотятъ—такъ и живутъ". Саковичъ, пріѣхавшій отъ гетмановъ въ Москву, объявилъ, что гетманы и все посполитство великаго княжества Литовскаго по королѣ Янѣ-Казимірѣ Венгерскаго и Французскаго королей выбирать не хотятъ, хотятъ договоръ учинить по Виленской коммисіи, чтобъ выбрать на корону Польскую и на великое княжество Литовское великаго государя царя. Пусть царское величество прикажетъ своимъ полномочнымъ посламъ съ гетманомъ объ этомъ договориться, и на чемъ договоръ учинятъ и письмомъ укрѣпятся, — съ этимъ гетманы поѣдутъ на сеймъ къ королю; и какъ они пріѣдутъ на сеймъ, и если король и корона Польская по этому ихъ договору сдѣлать не захотятъ, то они, гетманы, и все посполитство Литовское королю въ подданствѣ откажутъ и съ короною Польскою въ соединеніи не будутъ, а учинятся въ подданствѣ у великаго государя, по своему договору. А безъ этого объявленія королю и коронѣ Польской перейти въ подданство къ царскому величеству имъ нельзя. При этомъ переходѣ Волынь, Подолія и Подляшье должны быть при Литвѣ. Царскимъ полномочнымъ посламъ съ гетманами на договорѣ говорить, чтобъ Орду Татарскую какимъ-нибудь способомъ на время успокоить. Чтобъ курфюрстъ Бранденбургскій и князь Курляндскій были съ царскимъ величествомъ и съ великимъ княжествомъ Литовскимъ въ соединеніи, а съ Шведами и Поляками не соединялись бы. Запорожскихъ Черкасъ утвердить, чтобъ они отъ царскаго величества никуда не отошли и были бы съ Литвою въ соединеніи. Чтобъ царское величество изволилъ гетмановъ и все посполитство Литовское держать въ подданствѣ по ихъ вольностямъ и правамъ, какъ другіе государи государства держатъ, вольностей ихъ и правъ не нарушаютъ. Пусть царское величество гетмана Гонсѣвскаго обнадежитъ, что по смерти Павла Сапѣги великимъ гетманомъ быть ему, Гонсѣвскому, а малую булаву (гетманство польное) пожаловалъ бы великій государь тому, о комъ онъ, гетманъ, побьетъ челомъ. Наконецъ Гонсѣвскій просилъ себѣ у царя 100,000 червонныхъ, города Могилева и нѣсколькихъ городовъ въ Ливоніи. Царь въ своей грамотѣ отвѣчалъ гетманамъ, чтобъ они съѣхались съ великими послами и договорились о доброначатомъ дѣлѣ немедленно, а онъ ихъ всѣхъ, сенаторовъ и всю Рѣчь Посполитую, хочетъ содержать въ милостивомъ жалованьи, въ вѣрахъ и вольностяхъ по правамъ. Но гетманы не съѣзжались.

По государеву наказу, Одоевскому съ товарищами велѣно было дожидаться польскихъ коммисаровъ не далѣе 30 іюля. Срокъ этотъ прошелъ, а коммисары не бывали; къ тому же стали приходить слухи, что въ Польшѣ моровое повѣтріе. Тогда Одоевскій, 6 августа, выѣхалъ изъ Вильны въ Москву. Но въ самый этотъ день пригнали гонцы съ вѣстію, что коммисары ѣдутъ къ Вильнѣ. Одоевскій не возвратился, а велѣлъ сказать имъ, что царскіе послы жили въ Вильнѣ безъ дѣла семь недѣль, время съѣзда миновало по ихъ коммисарской проволочкѣ, такъ чтобъ они уже къ Вильнѣ не ѣздили. Коммисары пріѣхали къ Вильнѣ, не были впущены и возвратились назадъ, крича о безчестьи. Одоевскій съ товарищами уже былъ въ Минскѣ, когда пришла къ нему царская грамота съ приказаніемъ возвратиться въ Вильну и пригласить туда опять коммисаровъ для добраго дѣла. Одоевскій возвратился и послалъ звать коммисаровъ; они обѣщались пріѣхать, но проволакивали время, а между тѣмъ Гродненскій воевода Апрѣлевъ далъ знать Одоевскому въ сентябрѣ, что гетманъ Павелъ Сапѣга идетъ подъ города великаго государя, и что Литовскіе ратные люди уже начали государевыхъ людей бить, грабить и въ полонъ брать; Гродненскаго повѣта шляхта и мужики всѣ взбунтовались, а коммисары отпущены подъ Вильну для того, чтобъ великій государь изволилъ отдать Польскому королю всѣ литовскіе города: тогда и миръ будетъ; а если государь городовъ не отдастъ, то сейчасъ же начнется война, для чего гетманъ Сапѣга и идетъ. Вслѣдъ за этимъ другое извѣстіе, что Запорожское войско поддалось королю: а тутъ шляхта Ошмянскаго повѣта прислала челобитную, что Черкасы наказнаго Чаусовскаго полковника Мурашки въ маетностяхъ ихъ людей и крестьянъ въ-конецъ разоряютъ. Переговоры уполномоченныхъ должны были уяснить дѣло. Они съѣхались 16 сентября; московскіе послы начали дѣло требованіемъ всей Литвы за безчестье, нанесенное великому государю проволокою дѣла послѣ перваго виленскаго съѣзда. Коммисары отвѣчали: „Еслибъ мы знали, что съ вашей стороны будетъ такое требованіе, то мы бы и на съѣздъ не поѣхали, говорить мы объ этомъ не будемъ и поѣдемъ назадъ безъ дѣла: а если царскому величеству Литовское великое княжество надобно, то у него ратные люди готовы, и у королевскаго величества ратные люди есть же, Литву надобно добывать кровью, а не посольствомъ". Коммисары объявили, что имѣютъ полномочіе относительно двухъ статей—избранія государя въ короли и заключенія вѣчнаго мира. Переговоры объ этихъ статьяхъ отложили до 18 числа. Въ этотъ съѣздъ коммисары прежде всего подняли вопросъ о Шведахъ, съ которыми, по прежнему договору, одному государству безъ другого мириться было нельзя. „Слухъ до насъ дошелъ", сказали коммисары, „что царскіе послы договариваются о мирѣ со Шведами подъ Нарвою; такъ прежде всего вы должны укрѣпиться съ нами насчетъ этого дѣла, иначе мы вамъ не объявимъ своихъ статей объ избраніи вашего государя въ короли: мы для того и соединяемся съ вами и права свои давнія нарушаемъ, чтобъ надъ общимъ непріятелемъ промыслъ вмѣстѣ учинить и къ такому миру его привести, чтобъ обѣимъ сторонамъ было прибыльно". Послы отвѣчали, что у великаго государя съ Шведскимъ королемъ мира нѣтъ; если же идутъ сношенія, то у Польскаго короля такія сношенія начались еще прежде, и что у нихъ, пословъ, нѣтъ наказа относительно Шведскаго дѣла. Послѣ многихъ споровъ, коммисары оставили Шведское дѣло и приступили къ условіямъ объ избраніи. Послы никакъ не соглашались, чтобъ унія, грубная Богу Всемогущему, продолжала существовать. Далѣе коммисары объявили, что необходимымъ условіемъ избранія царя въ короли должно быть возстановленіе Поляновскаго договора: „Со стороны королевскаго величества царскому величеству и такъ уступлено много, что мы, стародавныя свои права поломавши, при жизни королевской, государя вашего въ короли выбрали, не по нуждѣ какой-нибудь, но по доброй волѣ, желая такого преславнаго, великаго, храбраго и мужественнаго государя, отыскивая того, что̀ потеряно, стараясь о цѣлости государства своего и о прекращеніи кровопролитія. Царскому величеству будетъ вѣчная слава, что мы сдѣлали это мимо стародавныхъ своихъ правъ, для соединенія обоихъ народовъ, сами всѣ головами и съ имѣніемъ своимъ великому государю въ подданство отдались; за такое великое дѣло вы должны намъ и своего уступить, не только что наше назадъ отдать. Если же царское величество завоеванныхъ городовъ и земель отдать не изволитъ, то намъ и Богъ поможетъ, и если мы что отыщемъ войною, то вамъ будетъ стыдно".

Весь сентябрь прошелъ въ безполезныхъ съѣздахъ и спорахъ. Московскіе уполномоченные изъ завоеваннаго въ Литвѣ уступали по рѣку Березу. Коммисары не соглашались, а между тѣмъ послы съ разныхъ сторонъ получали извѣстія о непріязненныхъ дѣйствіяхъ литовскихъ войскъ: оба гетмана — Сапѣга и Гонсѣвскій—придвигались къ Вильнѣ, ратные люди ихъ хватали и били Русскихъ, залегли всѣ пути; на Ошмянской дорогѣ, подъ Мѣдниками, осадили отрядъ драгуновъ, отправлявшихся въ полки князя Юрія Долгорукаго. 9 октября на съѣздѣ послы потребовали у коммисаровъ, чтобъ всѣ эти зацѣпки были прекращены и драгуны выпущены изъ осады. Коммисары отвѣчали дерзко: „По нашему прошенью гетманъ Павелъ Сапѣга драгуновъ изъ осады освободитъ, велитъ ихъ отпустить къ Москвѣ, а не въ полки, а что при нихъ оружія, зелья и свинцу, то все у нихъ велитъ взять." Послы отвѣчали на это съ большимъ шумомъ: „Съ княземъ Юріемъ Алексѣевичемъ Долгорукимъ ратныхъ людей много, будутъ драгуны выручены и безъ гетманскаго отпуска, кровопролитіе начинается отъ вашего несходства, а нашему великому государю по его правдѣ Богъ поможетъ." Этимъ съѣздъ кончился, и послы дали знать Долгорукому, чтобъ онъ Божіимъ и государевымъ дѣломъ промышлялъ по указу; 19 числа выѣхали они изъ Вильны, и въ дорогѣ узнали, что „польскіе и литовскіе люди Сапѣгина полку, присяжная шляхта и Черкасы по дорогѣ отъ Вильны къ Минску, около Минска и до Борисова заѣзжаютъ занятыя царскими войсками мѣста. Изъ Минска получили они вѣсть, что этотъ городъ съ 1 октября осажденъ Черкасами, которые пишутся королевскими подданными: шляхта минская и другихъ повѣтовъ, въ числѣ 1,000 человѣкъ, стоитъ въ Минскомъ посадѣ; Черкасы пріѣзжаютъ къ ней каждый день и говорятъ, чтобъ Минскъ взять; мѣщане минскіе въ городъ въ осаду не пошли и разъѣхались всѣ въ польскіе города.“ Но князь Юрій Алексѣевичъ Долгорукій поправилъ дѣло: чтобъ не допустить до соединенія непріятельскія силы, со всѣхъ сторонъ скопляющіяся, онъ рѣшился 8 октября напасть на Гонсѣвскаго въ селѣ Верки (Werki). Гонсѣвскій, узнавъ о приближеніи Москвы, поспѣшилъ предупредить нападеніе, и сначала конница его имѣла успѣхъ, замѣшала, обратила въ бѣгство ряды московскіе; но тутъ Долгорукій ввелъ въ дѣло два пѣхотныхъ стрѣлецкихъ полка; Литва не выдержала и побѣжала, оставивъ въ рукахъ побѣдителей своего гетмана [1]. Другой гетманъ, Павелъ Сапѣга, остался цѣлъ, благодаря мѣстничеству: двинувшись противъ непріятелей, Долгорукій послалъ къ уполномоченнымъ, Одоевскому съ товарищами, чтобъ отправили къ нему на помощь бывшихъ съ ними ратныхъ людей; но сотенные головы, князь Ѳедоръ Борятинскій и двое Плещеевыхъ, объявили, что имъ идти на помощь къ князю Долгорукому невмѣстно. Послѣ разрядный дьякъ объявилъ имъ на постельномъ крыльцѣ: „Тутъ мѣстъ нѣтъ, всегда большой воевода меньшему помогаетъ; вашею измѣною гетмана Павла Сапѣгу упустили.“ Виновные посланы были головою на дворъ къ Долгорукому [2]. Но и самъ Долгорукій разсердилъ государя, отступивъ отъ Вильны безъ указа, не далъ знать въ Москву и о побѣдѣ своей. 17 ноября государь отправилъ къ нему любопытную грамоту: „Похваляемъ тебя безъ вѣсти и жаловать обѣщаемся; а что ты безъ нашего указа пошелъ, и то ты учинилъ себѣ великое безчестье, потому что и хотимъ съ милостивымъ словомъ послать и съ иною нашею государевою милостію, да нельзя послать: отписки отъ тебя нѣтъ, невѣдомо противъ чего писать тебѣ! А безчестье ты себѣ учинилъ такое: теперь тебя одинъ стольникъ встрѣтитъ подлѣ Москвы, а еслибъ ты безъ указа не пошелъ, то къ тебѣ и третій стольникъ былъ бы. Другое то: Поляки опять займутъ дороги отъ Вильны и людей взбунтуютъ. Напрасно ты послушалъ худыхъ людей; видишь ты самъ, что развѣ нынѣ у тебя много друзей стало, а прежде мало было, кромѣ Бога и насъ грѣшныхъ. Людей ратныхъ для тебя самъ я сбиралъ, и еслибъ не жалѣлъ тебя, то и Спасова образа съ тобою не отпускалъ бы; и ты за мою, просто молвить, милостивую любовь ни одной строки не писывалъ ни о чемъ, писалъ къ друзьямъ своимъ, а тѣ, ей-ей, про тебя же переговариваютъ да смѣются, какъ ты торопишься, какъ и иное дѣлаешь; а я къ тебѣ никогда немилостивъ не бывалъ, а впередъ отъ меня къ тебѣ, Богъ вѣсть, какому злу бывать ли; а чаю, что князь Никита Ивановичъ (Одоевскій) тебя подбилъ, и его было слушать напрасно, вѣдаешь самъ, какой онъ промышленникъ? - послушаешь, какъ про него поютъ на Москвѣ. А ты хотя бы и пошелъ, но пѣхоту солдатскую оставилъ бы въ Вильнѣ да полкъ рейтаръ, да посулилъ бы рейтарамъ хотя по сороку рублевъ человѣку; а теперь, чаю, и самъ размышляешь, что сдѣлалось безъ коцна. Князю Никитѣ показалось, что мы васъ и позабыли, да и людей не стало, и выручить васъ нечѣмъ и некому. Тебѣ бы о сей грамотѣ не печалиться: любя тебя пишу, а не кручинясь, а сверхъ того сынъ твой скажетъ, какая немилость моя къ тебѣ и къ нему. И тебѣ бы отписать ко мнѣ наскоро, коимъ обычаемъ ты пошелъ и чего ради, и чего чая впередъ: будетъ чая миру нынѣшней зимою, то по дѣлу; а будетъ не чая миру и Сапѣгу покинулъ въ собраньи на Виленской сторонѣ, и то сдѣлалось добрѣ худо. Помысли самъ себѣ: по какому указу пошелъ; какая тебѣ честь будетъ, какъ возьмутъ Ковну или Гродню? Какъ и помыслить, что, пришедши въ Смоленскъ безъ нашего указа, писать объ указѣ! Князь Никита не пособитъ, какъ Вильню сбрѣютъ и по дорогамъ пуще стараго залоги поставятъ, и Шведъ близко, а Нечая и безъ князя Никиты Сергій Чудотворецъ дважды побилъ, а на весну съ Поляками втрое нынѣшняго пуще будетъ сдѣлываться и боемъ биться. Жаль конечно тебя: впрямь Богъ хотѣлъ тобою всякое дѣло въ совершеніе не во многіе дни привести и совершенную честь на-вѣки неподвижну учинить, да самъ ты отъ себя потерялъ; теперь тебѣ и скорбно, а какъ пообмыслишься гораздо, и ты и самъ о себѣ потужишь и узнаешь, что неладно сдѣлалось А мы и нынѣ, за твою усердную вѣру къ Богу, а къ намъ вѣрную службу, всякимъ милостивымъ жалованьемъ жаловать тебя хотимъ; а какъ бы ты безъ нашего указа изъ Вильны не ходилъ, а ратнымъ бы людямъ на прокормъ по своему разсмотрѣнію роздалъ шляхетскія маетности, и послѣ такого великаго побою изволилъ бы Господь Богъ миръ совершить вскорѣ, и ты-бъ наипаче нашею, великаго государя, милостію за два такія великія дѣла—се за бой, се за миръ—былъ бы пожалованъ. А прочтя сію нашу грамоту и запечатавъ, прислать ее къ намъ съ тѣмъ же, кто къ тебѣ съ нею пріѣдетъ“ [3].

Несчастіе Гонсѣвскаго и побѣда князя Ивана Андреевича Хованскаго надъ Литвою при Мядзёлахъ охолодили Поляковъ, разгоряченныхъ подданствомъ Выговскаго, возмечтавшихъ, что съ этимъ подданствомъ успѣхъ войны перейдетъ на ихъ сторону, возвратятся къ нимъ всѣ потерянныя силы. Но, съ другой стороны, взятіе въ плѣнъ гетмана Литовскаго не возгордило Москвы: здѣсь очень хорошо понимали всю опасность, начавшую грозить отъ измѣны гетмана войска Запорожскаго; а главное,—казна была истощена пятилѣтнею войною, ратные люди кормились насчетъ занятыхъ земель, и какъ они кормились, мы видѣли изъ жалобъ Ордина-Нащокина, который все болѣе и болѣе пріобрѣталъ привязанность и довѣріе царя сколько умными совѣтами, распорядительностію, столько же и религіозностію, такъ нравившеюся Алексѣю Михайловичу. Весною 1658 года, жалуя его въ думные дворяне, государь прислалъ ему такую грамоту: „Пожаловали мы тебя за твои къ намъ многія службы и радѣнье, что ты, помня Бога и Его Св. заповѣди, алчныхъ кормишь, жадныхъ поишь, нагихъ одѣваешь, странныхъ въ кровы вводишь, больныхъ посѣщаешь, въ темницы приходишь, еще и ноги умываешь и наше крестное цѣлованье исполняешь, намъ служишь, о нашихъ дѣлахъ радѣешь мужественно и храбро, и до ратныхъ людей ласковъ, а ворамъ не спускаешь, и противъ Шведскаго короля славныхъ городовъ стоишь съ нашими людьми смѣлымъ сердцемъ“ [1]. Нащокинъ не переставалъ повторять прежнее. „Теперь“, писалъ онъ въ началѣ 1659 года, „теперь изъ Царевичева-Димитріева-города надобно въ три мѣста посылать помощь, оборонять отъ злаго мученія, надобно оборонить Чадосы отъ осады Литовскихъ людей, которые пришли мстить за разоренье шляхты бряславской; рейтары мучатъ людей въ Икажнѣ и Бряславѣ, а Донскіе казаки пустошатъ Друю съ волостями; отовсюду просятъ помощи, обливаются кровавыми слезами; лучше бы я на себѣ раны видѣлъ, только бы невинные люди такой крови не терпѣли! Лучше бы согласился я быть въ заточеніи необратномъ, только бы не жить здѣсь и не видать надъ людьми такихъ злыхъ бѣдъ!“ Тщетно посылалъ Нащокинъ приказы рейтарамъ и Донскимъ казакамъ, чтобъ выступали противъ непріятеля; они не трогались, „отяжелѣвъ награбленными пожитками, которые нахватали у людей, присягнувшихъ царю“. Глядя широкимъ взглядомъ на дѣла, предтеча Преобразователя требовалъ новаго, европейскаго образа веденія войны, для котораго въ Москвѣ не было еще ни средствъ, ни пониманія. „Не стыдно—писалъ Нащокинъ—навыкать доброму отъ стороны, и отъ враговъ своихъ свидѣтельство крѣпче принимаемъ: во всѣхъ государствахъ надъ войсками гетманы или генералиссимусы на границахъ бываютъ даже и не въ военное время, а когда война, то и подавно съ войскомъ стоятъ на границахъ, рати къ нимъ идутъ и указы отъ нихъ получаютъ, а не они отъ кого-нибудь указовъ просятъ; отъ этого дѣло скорѣе дѣлается; гдѣ глаза видятъ и ухо слышитъ, тутъ бы и промыслъ держать неотложно. Надобно знающимъ полководцамъ быть по рубежу, рати держать въ строеньи и отъ крови сдерживать, чтобъ миру мѣсто было, а не разрушеніе, не все войну вести“. Нащокинъ требовалъ полнаго преобразованія войска, замѣненія старинной дворянской конницы даточными конными и пѣшими людьми [2].

---

[1] Арх. мин. ин. д.; дѣла Шведскія 1658 г. Weslawski Victor et victus V. C. Gosiewski, p. 38.

[2] Допол. къ III тому Дворц. разрядовъ, стр. 184.

[3] Столбцы Приказа Тайн. Дѣлъ въ Государств. архивѣ.

Но для этихъ преобразованій надобенъ былъ Петръ; царь Алексѣй видѣлъ отсутствіе средствъ къ войнѣ, не имѣлъ возможности создать ихъ, не умѣлъ, подобно сыну своему, собственнымъ неутомимымъ движеніемъ возбуждать всюду коснѣющія силы, и спѣшилъ прекратить войну въ Литвѣ и Бѣлоруссіи, чтобъ обратить всѣ усилія на югъ, въ Малороссію. Польша, обманутая въ своихъ надеждахъ, также хотѣла пріостановить военныя дѣйствія, и вотъ, въ одно и то же время, въ январѣ 1659 года, московскій посланникъ ѣхалъ въ Польшу, а польскій гонецъ—въ Москву. Король въ грамотѣ своей жаловался на Долгорукаго, что тотъ разорвалъ перемиріе, напавши и взявши въ плѣнъ Гонсѣвскаго, который пришелъ только въ качествѣ коммисара, для мирныхъ переговоровъ, и имѣлъ при себѣ нѣсколько сотъ конницы; жаловался на уполномоченныхъ царскихъ, что разорвали коммисію; предлагалъ третью коммисію и требовалъ освобожденія Гонсѣвскаго, какъ коммисара, безъ котораго нельзя вести переговоровъ. Царь, съ своей стороны, жаловался королю на польскихъ коммисаровъ и на Гонсѣвскаго, но также прибавлялъ, что согласенъ на миръ, для заключенія котораго пусть король присылаетъ уполномоченныхъ въ Москву. Король продолжалъ предлагать, чтобъ коммисія, разорванная подъ Вильною, была возобновлена опять въ Вильнѣ же или въ Минскѣ, или въ Оршѣ; чтобъ во время коммисіи военныя дѣйствія были задержаны и Гонсѣвскій освобожденъ. Царь отвѣчалъ: „Когда король пришлетъ своихъ великихъ пословъ въ Москву, тогда мы велимъ присоединить къ нимъ и Гонсѣвскаго; когда доброе дѣло сдѣлается, то онъ вмѣстѣ съ послами и будетъ отпущенъ; что же касается до прекращенія военныхъ дѣйствій, то мы уже велѣли прекратить ихъ на все то время, когда ваши великіе послы будутъ въ Москвѣ“. Понятно, что съ польской стороны это была одна проволочка времени: хотѣли выждать, чѣмъ рѣшится дѣло въ Малороссіи.

Здѣсь упорная борьба продолжалась подъ Лохвицею, гдѣ стояли царскіе воеводы, князья Ромодановскій и Куракинъ, и подъ Ромнами, гдѣ стоялъ Безпалый. Народъ смотрѣлъ съ отвращеніемъ на эту войну,—говорили: „Войну начали старшіе, и еслибъ царскіе ратные люди гдѣ-нибудь старшину нашу осадили, то мы бы ее всю, перевязавши, царскому величеству выдали; а теперь мы слушаемся своихъ старшихъ по-неволѣ, боясь всякаго разоренія и смертнаго убійства“. Старшіе неволею выбивали казаковъ въ полки, грозя, кто въ полки не поѣдетъ, у того женъ и дѣтей поберутъ и отдадутъ Татарамъ. Пошло въ ходъ слово измѣнникъ: такъ величали старшіе казаковъ, которые не хотѣли сражаться противъ царскихъ войскъ.

Въ февралѣ 1659 года Безпалый далъ знать въ Москву, что изъ Новой Чернухи приходили подъ Лохвицу Скоробогатенко и Немиричъ съ Ляхами и Татарами, въ числѣ 30,000, къ городу приступали трижды, но были отбиты. Самъ Выговскій подъ

---

[1] Акты истор. IV, № 118.

[2] Архивъ мин. ин. дѣлъ; дѣла Польскія 1659 года.

Лохвицу не приходилъ, стоялъ въ Чернухахъ, а потомъ пошелъ къ Миргороду и 4 февраля явился подъ этимъ городомъ. Находившіеся здѣсь московскіе драгуны укрѣпили осаду въ маломъ городѣ, а Миргородцы всѣ присягнули служить государю и ратныхъ людей не выдавать. Но 7 февраля, по прелестнымъ письмамъ отъ Выговскаго и по наговору протопопа Филиппа, Степанъ Довгаль, бывшій здѣсь снова полковникомъ, выѣхалъ изъ города къ Выговскому; Миргородцы зашатались и сдались; московскихъ драгуновъ Выговскій ограбилъ и отослалъ въ Лохвицу, а самъ двинулся въ Полтавскій полкъ. На всѣ просьбы Безпалаго о помощи былъ одинъ отвѣтъ изъ Москвы, что идетъ въ Малороссію бояринъ князь Алексѣй Никитичъ Трубецкой.

Трубецкой, дѣйствительно, выступилъ изъ Москвы 15 января, съ войскомъ, простиравшимся, какъ говорятъ, до 150,000; 30 числа бояринъ стоялъ уже въ Сѣвскѣ. Но на многочисленное войско въ Москвѣ не надѣялись, хотѣли во что бы то ни стало оторвать Выговскаго отъ Польши, ибо только этимъ можно было добиться счастливаго окончанія дѣлъ съ послѣднею. 7 февраля, въ трапезѣ у дворцовой церкви Св. Евдокіи, государь слушалъ важныя статьи, а комнатные бояре слушали ихъ въ комнатахъ; эти бояре были: Борисъ Ивановичъ Морозовъ, князь Яковъ Куденетовичъ Черкасскій, князь Никита Ивановичъ Одоевскій, Илья Даниловичъ Милославскій, Иванъ Андреевичъ Милославскій. Статьи были отправлены къ Трубецкому; въ нихъ предписывалось воеводѣ войти въ сношенія съ Выговскимъ и предложить ему начать доброе дѣло такимъ способомъ: ратныхъ людей съ обѣихъ сторонъ развесть безъ крови и Татаръ вывести. Когда гетманъ будетъ съ нимъ на съѣздѣ, то всякими мѣрами его уговаривать и государевою милостію обнадеживать. Если Выговскій покажетъ статьи Польскаго короля, гдѣ ему написано гетманство и воеводство Кіевское, полковникамъ и другимъ начальнымъ людямъ шляхетство, вольности шляхетскія и маетности въ Малороссіи, то написать договоръ, примѣриваясь къ этимъ статьямъ и смотря по тамошнему дѣлу, если между этими статьями не будетъ самыхъ высокихъ и затѣйныхъ, которыя не къ чести государеву имени. Если Выговскаго любятъ и гетманомъ его на будущее время имѣть хотятъ, то ему гетманомъ по-прежнему быть. Если станетъ просить воеводства Кіевскаго,—быть по его прошенію. Если на отца своего, на братью и на друзей станетъ просить каштелянства и старостъ—быть по его прошенію. Станетъ просить на гетманскую булаву города въ прибавку — согласиться. Если станетъ говорить, чтобъ въ Кіевѣ и другихъ городахъ государевымъ воеводамъ и ратнымъ людямъ не быть, а боярина Шереметева съ людьми ратными изъ Кіева вывести, то боярина вывести, согласиться и на выводъ ратныхъ людей, если будетъ требовать этого упорно. Если станетъ говорить о своевольникахъ, чтобы ихъ усмирить, то отвѣчать: „И такъ много крови христіанской пролилось нынѣшнимъ вашимъ междоусобіемъ, съ обѣихъ сторонъ православные христіане побиты и разорены, а бусурманы были рады; надобно съ своевольниками помириться безъ кровопролитія, а я, по указу великаго государя, стану ихъ къ миру склонять; а если впередъ затѣятъ бунты, то ихъ смирять, но Татаръ не приводить.“

Но дѣло не дошло до переговоровъ. 28 февраля Трубецкой выступилъ изъ Сѣвска и 10 марта пришелъ въ Путивль; 26 марта выступилъ изъ Путивля, направляясь на мѣстечко Константиновъ на Сулѣ, стягивая къ себѣ и московскихъ воеводъ изъ Лохвицы и Безпалаго изъ Роменъ. 10 апрѣля Трубецкой вышелъ изъ Константинова къ Конотопу, гдѣ заперся приверженецъ Выговскаго, полковникъ Гуляницкій. 19 апрѣля Трубецкой подошелъ къ Конотопу и безуспѣшно осаждалъ этотъ городъ до 27 іюня, когда явился туда Выговскій вмѣстѣ съ ханомъ Крымскимъ. Оставивши всѣхъ Татаръ и половину казаковъ своихъ въ закрытомъ мѣстѣ за рѣчкою Сосновкою, съ другою половиною казаковъ Выговскій подкрался подъ Конотопъ, на разсвѣтѣ ударилъ на осаждающихъ, перебилъ у нихъ много людей, отогналъ лошадей и началъ отступать. Воеводы, думая, что непріятельскаго войска только и есть, отрядили для его преслѣдованія князя Семена Романовича Пожарскаго и князя Семена Петровича Львова съ конницею. 28 іюня Пожарскій нагналъ Черкасъ, поразилъ и погнался за отступавшими, все болѣе и болѣе удаляясь отъ Конотопа; тщетно языки показывали, что впереди много непріятельскаго войска, и остальная половина казаковъ, и цѣлая Орда съ ханомъ и калгою: передовой воевода ничего не слушалъ и шелъ впередъ. „Давайте мнѣ ханишку!“ кричалъ онъ: „давайте калгу! всѣхъ ихъ съ войскомъ, такихъ-то и такихъ-то....., вырубимъ и выплѣнимъ.“ Но только-что успѣлъ онъ перегнать Выговскаго за болотную рѣчку Сосновку и самъ перебрался за нее со всѣмъ отрядомъ, какъ выступили многочисленныя толпы Татаръ и казаковъ, и разгромили совершенно Москву. Пожарскій и Львовъ попались въ плѣнъ; Пожарскаго привели къ хану, который началъ выговаривать ему за его дерзость и презрѣніе силъ татарскихъ; но Пожарскій былъ одинаковъ и на полѣ битвы и въ плѣну: выбранивъ хана *по московскому обычаю*, онъ плюнулъ ему въ глаза, и тотъ велѣлъ тотчасъ же отрубить ему голову. Такъ разсказываетъ малороссійскій лѣтописецъ [1]; но московскій толмачъ Фроловъ, бывшій очевидцемъ умерщвленія Пожарскаго, разсказывалъ, что ханъ велѣлъ убить Пожарскаго за то, что этотъ самый воевода въ прошлыхъ годахъ приходилъ войною подъ Азовъ на крымскихъ царевичей. Князь Львовъ былъ оставленъ въ-живыхъ, но недѣли черезъ двѣ умеръ отъ болѣзни [2].

Цвѣтъ московской конницы, совершившей счастливые походы 54 и 55 года, сгибъ въ одинъ день; плѣнныхъ досталось побѣдителямъ тысячъ пять; несчастныхъ вывели на открытое мѣсто и рѣзали какъ барановъ: такъ уговорились между собою союзники—ханъ Крымскій и гетманъ войска Запорожскаго! Никогда послѣ того царь Московскій не былъ уже въ состояніи вывести въ поле такого сильнаго ополченія. Въ печальномъ платьи вышелъ Алексѣй Михайловичъ къ народу, и ужасъ напалъ на Москву. Ударъ былъ тѣмъ тяжелѣе, чѣмъ неожиданнѣе: послѣдовалъ онъ за такими блестящими успѣхами! Еще недавно Долгорукій привелъ въ Москву плѣннаго гетмана Литовскаго, недавно слышались радостные разговоры о торжествѣ Хованскаго; а теперь Трубецкой, на котораго было больше всѣхъ надежды, „мужъ благоговѣйный и изящный. въ воинствѣ счастливый и недругамъ страшный", сгубилъ такое громадное войско! Послѣ взятія столькихъ городовъ, послѣ взятія столицы Литовской, царствующій градъ затрепеталъ за собственную безопасность: въ августѣ, по государеву указу, люди всѣхъ чиновъ спѣшили на земляныя работы для укрѣпленія Москвы. Самъ царь съ боярами часто присутствовалъ при работахъ; окрестные жители съ семействами, пожитками наполняли Москву, и шелъ слухъ, что государь уѣзжаетъ за-Волгу, за Ярославль [1].

---

[1] Величка; то же находимъ у Венславскаго, стр. 90.

[2] Архивъ мин. ин. д.; дѣла Крымскія 1659 года.

Разгромивши отрядъ Пожарскаго, ханъ и Выговскій двинулись къ Конотопу, чтобъ ударить на Трубецкаго; но бояринъ уже отступилъ отъ города и, благодаря многочисленной артиллеріи, успѣлъ безъ большаго вреда отъ напирающаго непріятеля провести свое войско въ Путивль, куда прибылъ 10 іюля; Выговскій и ханъ не преслѣдовали его далѣе рѣки Семи и отправились подъ Роменъ, жители котораго сдались имъ; Выговскій поклялся выпустить бывшій здѣсь московскій гарнизонъ, и, несмотря на клятву, отправилъ его къ Польскому королю. Изъ-подъ Ромна союзники пошли подъ Гадячъ. Здѣсь Татары, расположившись станомъ въ полѣ, спокойно смотрѣли, какъ Черкасы Выговскаго рѣзались съ своими братьями, жителями Гадяча, на приступѣ. Осаждающіе должны были отступить, потерявши больше тысячи человѣкъ. Тутъ пришла вѣсть къ хану, что молодой Юрій Хмельницкій съ Запорожцами ходилъ подъ Крымъ, погромилъ четыре ногайскихъ улуса и взялъ много плѣнныхъ. Ханъ и Выговскій немедленно послали сказать ему, чтобъ отпустилъ плѣнныхъ въ Крымъ, но Хмельницкій отвѣчалъ: „Если ханъ отпуститъ изъ Крыма прежній полонъ казацкій, то и мы отпустимъ Татаръ; если же ханъ пойдетъ на государевы города войною, то и мы опять пойдемъ на крымскіе улусы." Пошумѣвъ за это съ Выговскимъ, ханъ отдѣлился отъ него, пошелъ на Сумы, Хотмылъ, Карповъ, Ливны,—городовъ не тронулъ, но выжегъ уѣзды, и направилъ путь домой [2].

Между тѣмъ Трубецкой изъ Путивля писалъ Выговскому, чтобъ тотъ прислалъ къ нему добрыхъ людей для переговоровъ о прекращеніи кровопролитія. Выговскій отвѣчалъ (1 августа), все еще называя себя гетманомъ его царскаго величества: „Знаете вы и сами хорошо, что мы нынѣшнему междоусобію и кровопролитію между христіанами ни малѣйшей не дали причины, и не только самому его царскому величеству, но и вамъ не однажды писали, чтобъ въ совѣтѣ пребывали; такъ и теперь, видитъ Богъ, нестроенія не желаемъ и Бога просимъ, чтобъ Онъ сердца непримирительныя къ братолюбію возвратилъ, и пусть кровь христіанская падетъ на голову того, кто желаетъ ея пролитія. Согласно желанію вашему, изъ войска нашего людей добрыхъ двоихъ-троихъ или четверыхъ для разговора о всякихъ добрыхъ дѣлахъ пошлемъ, только бы имъ какой нибудь неправды не было, и самъ съ вами сойдусь, чтобъ имѣть частыя сношенія. А что вы пишете, что подъ Конотопъ приходили не для войны, а для разговора и усмиренія домашняго междоусобія, то такая ваша правда? Кто видалъ, чтобъ съ такими великими ратями и съ такимъ великимъ нарядомъ на разговоръ приходили? Въ Конотопѣ никакого своеволія и междоусобія не было: зачѣмъ было къ нему приступать? Вы на искорененіе наше со многими людьми пришли. Борзну вырубили и людей въ полонъ забрали, въ чемъ оправдываться не можете, ибо тамошніе люди не только вамъ никакой причины къ нападенію не давали, но и ратямъ вашимъ не противились, а если бы оборонялись, то не скоро бы вы ихъ взяли". Взаключеніе Выговскій писалъ, что не пришлетъ своихъ посланцовъ въ Путивль, но пусть Трубецкой присылаетъ своихъ въ Батуринъ.

Видя, что Выговскій особенно страшенъ въ союзѣ съ ханомъ, въ Москвѣ стали думать, какъ бы разорвать этотъ союзъ. Но прозорливый Ординъ-Нащокинъ писалъ царю: „Вашему царскому величеству угодно, чтобъ хана Крымскаго съ Выговскимъ какими-нибудь письмами поссорить, чтобъ они, побранясь между собою, разошлись; но такихъ людей, которые бы умѣли это сдѣлать, у вашего царскаго величества нѣтъ, не учились; которыя дѣла и по наказу дѣлаются,—и тѣ не скоро въ совершеніе приходятъ. Хана Крымскаго отъ Выговскаго можно оторвать только однимъ: послать людей на Донъ, только не такъ, какъ былъ на Дону думный дворянинъ Жданъ Васильевичъ Кондыревъ: кромѣ письменныхъ людей, было при немъ множество вольныхъ на Дону, а прибыли тебѣ, великому государю, ничего не сдѣлали, и вольные и письменные всѣ померли отъ голоду" [3]. Въ Крыму начали опять грабить русскихъ пословъ, которые успѣвали только спасать царскіе наказы, пряча ихъ — въ ветчинѣ! — Во время похода ханскаго подъ Конотопъ, пословъ держали въ тюрьмѣ, въ оковахъ, и говорили имъ: „Государь вашъ Запорожскими Черкасами хочетъ завладѣть; Польскій король такъ же хотѣлъ ими завладѣть, но и свое королевство потомъ потерялъ; то же будетъ и Московскому государству,—будетъ запустошено изъ-за казаковъ“. Татары хвастались конотопскимъ дѣломъ: „Теперь“, говорили они: „Московскіе люди полевымъ боемъ съ нами биться не станутъ“, но въ то же время не скрывали и своего страха предъ усиливавшимся могуществомъ Москвы. „Вашъ государь“, говорили они посламъ: „хочетъ завладѣть казаками и Поляками, а потомъ и Крымомъ“; требовали, чтобы царь помирился съ королемъ, удержавъ за собою всѣ завоеванія, но отдавъ Малороссію Польшѣ. Тщетно послы московскіе предлагали большія деньги вельможамъ, если они убѣдятъ хана не помогать Полякамъ и Выговскому; вельможи отвѣчали: „Не думайте, что мы сдадимся на деньги; всѣ помремъ, а надъ Московскимъ государствомъ и надъ Черкасами всячески станемъ промышлять.“ Но и Донскіе казаки также промышляли: во время конотопскаго похода, суда ихъ явились у крымскихъ береговъ: Донцы высаживались подъ Каѳою, Балаклавою и Керчью, углубляясь внутрь полуострова верстъ на 50, взяли плѣнныхъ тысячи съ двѣ, освободили своихъ полтораста; на турецкой сторонѣ были въ окрестностяхъ Синопа, у Константинова острова, и города Кондры, за сутки пути отъ Царягорода; въ степяхъ залегали дороги и прерывали сношенія хана съ Калмыками, отрѣзывали татарскіе отряды, шедшіе къ Выговскому [1]).

---

[1] Дополн. къ III тому Дворц. разрядовъ, стр. 194; Weslawski p. 93.

[2] Архивъ мин. ин. д.: дѣла Крымскія 1659 года.

[3] Архивъ мин. ин. дѣлъ; дѣла Польскія 1659 г. № 2.

Въ Москвѣ напрасно очень безпокоились. Конотопское дѣло было явленіемъ случайнымъ, не могшимъ имѣть никакихъ важныхъ послѣдствій. Ханъ, который одинъ давалъ силу Выговскому, ушелъ въ Крымъ, оставивши въ Малороссіи только 15,000 орды; войско, которое могло давать Выговскому Польша, было ничтожно: какихъ-нибудь 1,500 человѣкъ! И тщетно ждалъ онъ подкрѣпленій отъ короля. Выговскій возвратился въ Чигиринъ, не могши взять на дорогѣ Гадяча; изъ Чигирина онъ выслалъ-было казаковъ западной стороны и Татаръ подъ начальствомъ брата своего, Данила, но это войско 22 августа было поражено на-голову московскими войсками, вышедшими изъ Кіева. Въ какомъ состояніи находилась въ это время Малороссія, лучше всего видно изъ донесенія королю Яну-Казиміру обознаго короннаго, Андрея Потоцкаго, начальствовавшаго вспомогательнымъ польскимъ отрядомъ при Выговскомъ: „Не изволь, ваша королевская милость, ожидать для себя ничего добраго отъ здѣшняго края! Всѣ здѣшніе жители (т.-е. жители западной стороны Днѣпра) скоро будутъ московскими, ибо перетянетъ ихъ къ себѣ Заднѣпровье (восточная сторона), а они того хотятъ, и только ищутъ случая, чтобъ благовиднѣе достигнуть желаемаго. Они посылали къ Шереметеву копію привилегій вашей королевской милости, спрашивая: согласится ли царь заключить съ ними такія же условія. Одно мѣстечко воюетъ противъ другого, сынъ грабитъ отца, отецъ—сына. Страшное представляется здѣсь Вавилонское столпотвореніе! Благоразумнѣйшіе изъ старшинъ казацкихъ молятъ Бога, чтобъ кто-нибудь, или ваша королевская милость, или царь, взялъ ихъ въ крѣпкія руки и не допускалъ грубую чернь до такого своеволія.“

Восточная сторона перетянула. Здѣсь, какъ скоро Выговскій удалился съ Татарами въ Чигиринъ, Переяславскій полковникъ Тимоѳей Цецура объявилъ себя за Москву, перебилъ тѣхъ немногихъ, которые были за Выговскаго, и далъ знать объ этомъ въ Путивль, князю Трубецкому. 30 августа Кіевскій воевода Шереметевъ писалъ государю, что полковники—Переяславскій, Нѣжинскій, Черниговскій, Кіевскій и Лубенскій—добили челомъ и присягнули. На западной сторонѣ Днѣпра, заслышавъ о движеніяхъ Цецуры, казаки начали собираться и разсуждать, оставаться ли имъ въ подданствѣ королевскомъ, или бить челомъ государю Московскому. Выговскій находился въ самомъ печальномъ положеніи; многіе изъ близкихъ людей совѣтовали ему пуститься въ степи и уйти къ хану. Андрей Потоцкій понялъ, какая бѣда начнетъ грозить Польшѣ, если еще Турки вмѣшаются въ борьбу за Украйну, и уговорилъ Выговскаго переѣхать изъ Чигирина къ нему въ обозъ, расположенный на Гребенкахъ, недалеко отъ Бѣлой Церкви. Скоро всѣ казаки отстали отъ Выговскаго, собрались около молодаго Юрія Хмельницкаго въ числѣ десяти тысячъ человѣкъ и стали на Германовкѣ. Братъ Выговскаго, Данила, женатый на родной сестрѣ Юрія, Еленѣ Богдановнѣ, соединился также съ шуриномъ своимъ. Шереметевъ писалъ Хмельницкому, чтобъ онъ отступилъ отъ измѣнниковъ и соединился съ вѣрными казаками восточной стороны; 5 сентября Хмельницкій отвѣчалъ, что онъ и все войско Запорожское хочетъ служить великому государю. 11 сентября была у казаковъ рада: Иванъ Выговскій пріѣхалъ къ нимъ, показывалъ и читалъ гадячскія условія, подтвержденныя уже на сеймѣ, уговаривалъ казаковъ оставаться подъ королевскою рукою, но, вслѣдствіе этихъ уговоровъ, едва успѣлъ убѣжать въ польскій станъ; казаки кричали, что у короля въ подданствѣ быть не хотятъ,—хотятъ быть подъ государевою рукою. 13 сентября Хмельницкій съ своимъ войскомъ двинулся на Расаву для соединенія съ стоявшими тамъ полками — Чигиринскимъ, Уманьскимъ и Черкасскимъ. Иванъ Выговскій и Потоцкій слѣдовали за нимъ: казаки говорили, что на Расавѣ будетъ большая рада, гдѣ изберутъ въ гетманы Юрія Хмельницкаго, а Выговскаго убьютъ. Въ двадцатыхъ числахъ Потоцкій съ Выговскимъ остановились подъ Хвастовомъ, а Хмельницкій на Взеньи, близъ Бѣлой Церкви, и казаки прислали къ Потоцкому съ просьбою, чтобъ уговорить Выговскаго сложить булаву на радѣ. Потоцкій отправилъ казацкихъ посланниковъ съ бранью: но вслѣдъ за ними пріѣхали къ Выговскому: Каневскій полковникъ Лизогубъ и Миргородскій—Грицко Лесницкій съ требованіемъ, чтобъ онъ черезъ нихъ переслалъ войску булаву и бунчукъ, просили о томъ же и Потоцкаго, утверждая, что войско хочетъ остаться вѣрнымъ королю. Послѣ продолжительныхъ переговоровъ, Выговскій наконецъ объявилъ Потоцкому, что, для сохраненія мира, готовъ отдать бунчукъ и булаву, но съ тѣмъ условіемъ, чтобъ войско Запорожское оставалось вѣрнымъ королю. Лизогубъ и Лесницкій дали слово, что это условіе будетъ выполнено, и онъ отправилъ булаву и бунчукъ съ братомъ своимъ Данилою. Лизогубъ, Лесницкій и Данила встрѣтили войско на дорогѣ, потому что оно двинулось уже къ польскому стану, чтобъ страхомъ принудить Потоцкаго оставить Выговскаго. Когда бунчукъ и булава, присланные послѣднимъ, внесены были въ раду, то войско тотчасъ отдало ихъ Хмельницкому, громко желая ему счастливаго гетманства.

---

[1]) Арх. мин. ин. д.; дѣла Крымскія и Донскія 1659 года.

Между тѣмъ, 5 сентября, Трубецкой выступилъ изъ Путивля въ черкасскіе города, и вездѣ въ этихъ городахъ принимали его съ торжествомъ; полковники и посольство, при пушечной стрѣльбѣ, присягали на вѣрную службу великому государю. 27 числа подошелъ Трубецкой къ Переяславлю: полковникъ Тимоѳей Цецура со всѣмъ полкомъ встрѣтилъ его за пять верстъ отъ города: протопопъ Григорій, священники со крестами, мѣщане, войтъ, бурмистры, райцы, лавники и вся чернь—за городомъ. Пошли въ церковь, отпѣли молебенъ; послѣ молебна Трубецкой объявилъ Переяславцамъ милость великаго государя, что пожаловалъ, велѣлъ имъ быть подъ своею высокою рукою попрежнему, правъ и вольностей ихъ нарушать не велѣлъ, а что были они отъ него отступны, и онъ вины имъ отдалъ: такъ они бы, видя премногую милость, великому государю служили вѣрно. Переяславцы били челомъ и обѣщали быть подъ рукою великаго государя на-вѣки неотступно. Тутъ раздалась стрѣльба изъ всего наряду, что только было въ Переяславлѣ.

На другой день бояринъ отправилъ грамоту къ Юрію Хмельницкому, чтобы онъ, помня милость царскую къ отцу своему и къ себѣ, служилъ великому государю вѣрно, привелъ въ подданство заднѣпровскіе полки; послана увѣщательная грамота за Днѣпръ ко всей старшинѣ и черни, съ обнадеживаніемъ, что они останутся при прежнихъ своихъ правахъ и вольностяхъ. 1 октября пріѣхалъ въ Переяславль отъ Хмельницкаго и всѣхъ полковниковъ полковникъ Петръ Дорошенко и изо всѣхъ полковъ сотники съ листами, и объявили боярину, что гетманъ и все войско рады быть въ подданствѣ у великаго государя при прежнихъ правахъ и вольностяхъ. Бояринъ обнадежилъ ихъ государевою милостью, далъ имъ жалованье и отпустилъ съ приказомъ, чтобъ гетманъ, обозный и полковники для дѣлъ государевыхъ ѣхали къ нему въ Переяславль безъ опасенія; а если опасаются, то пусть оставятъ въ залогъ отправляющагося вмѣстѣ съ Дорошенкомъ посланца Владыкина. Но Владыкинъ возвратился съ тремя полковниками и привезъ отвѣтъ, чтобъ самъ бояринъ ѣхалъ за Днѣпръ къ Терехтемировскому монастырю. Трубецкой отказалъ; тогда полковники потребовали, чтобъ бояринъ, по крайней мѣрѣ, отправилъ къ нимъ въ войско товарищей своихъ, а если не отправитъ, то Хмельницкій съ полковниками въ Переяславль не поѣдутъ. Тутъ же полковники подали боярину четырнадцать статей, на которыхъ быть имъ въ царскомъ подданствѣ. Въ статьяхъ говорилось: чтобъ, кромѣ Кіева, воеводъ не посылать ни въ какіе города и чтобъ московскія войска, которыя будутъ присылаться на помощь, находились подъ гетманскимъ начальствомъ. Царское величество не принимаетъ изъ войска Запорожскаго никакихъ листовъ безъ вѣдома гетманскаго и всей старшины, безъ подписи руки гетманской и приложенія печати войсковой. Гетманъ долженъ быть одинъ для всѣхъ полковъ по обѣимъ сторонамъ Днѣпра. Чтобъ избраніе гетмана было вольное какъ для старшихъ, такъ и для меньшихъ; чтобъ, кромѣ войсковыхъ людей, никого при избраніи не было; по избраніи отправляются къ царскому величеству послы за подтвержденіемъ, въ которомъ не можетъ быть отказа. Всѣхъ иностранныхъ пословъ вольно принимать, отсылая только списки съ привезенныхъ ими грамотъ къ царскому величеству. Чтобъ при заключеніи мира съ окольными землями, а особенно съ Ляхами, Татарами и Шведами, были коммисары отъ войска Запорожскаго съ вольными голосами. Духовенство малороссійское остается подъ властію Константинопольскаго патріарха; избраніе духовныхъ властей по-прежнему остается вольное. Вольно каждому основывать школы и монастыри.

5 октября Трубецкой послалъ опять Владыкина къ Хмельницкому и полковникамъ, чтобъ ѣхали въ Переяславль безо всякаго опасенія; если же не согласятся, то объявить, что къ нимъ въ войско для приводу къ присягѣ пріѣдетъ товарищъ Трубецкаго, окольничій Андрей Васильевичъ Бутурлинъ. Хмельницкій согласился пріѣхать только подъ послѣднимъ условіемъ, и 9 числа въ одно время Бутурлинъ пріѣхалъ на западную сторону Днѣпра, а Хмельницкій—на восточную; съ нимъ были: обозный Тимоѳей Носачъ, войсковой судья Иванъ Кравченко, есаулъ Иванъ Ковалевскій, да полковники—Черкасскій Андрей Одинецъ, Каневскій Иванъ Лизогубъ, Корсунскій Яковъ Петренко, Прилуцкій Петръ Дорошенко, Кальницкій Иванъ Сѣрко, потомъ изъ каждаго полка сотники и казаки. За городомъ гетмана встрѣтили двѣ сотни жильцовъ да три роты рейтаръ; въ городѣ, по улицѣ, по которой ѣхалъ гетманъ, стояли стрѣльцы и солдаты съ ружьями, знаменами и барабанами. 10 числа Хмельницкій со всею старшиною былъ у Трубецкаго, который встрѣ-

тилъ его словами: „Извѣстно великому государю, что ты ему служишь и ни къ какимъ прелестямъ не приставалъ; за твою службу великій государь тебя жалуетъ, милостиво похваляетъ, и тебѣ бы и впередъ служить вѣрно, какъ служилъ отецъ твой, гетманъ Богданъ Хмельницкій“. Хмельницкій билъ челомъ; за нимъ ударили челомъ старшины, чтобъ государь велѣлъ вины имъ отдать: отлучились они отъ него по неволѣ,—принудилъ ихъ измѣнникъ Ивашка Выговскій. Бояринъ отвѣчалъ, что государь вины имъ отдалъ и велѣлъ въ Переяславлѣ созвать раду, выбрать гетмана, кто имъ надобенъ, и постановить статьи.

Къ половинѣ октября пріѣхали въ Переяславль бояринъ Василій Борисовичъ Шереметевъ, окольничій князь Григорій Григорьевичъ Ромодановскій, наказной гетманъ Безпалый, съѣхались всѣ полковники, вся старшина и вся чернь восточной стороны Днѣпра, и 15 числа Трубецкой, призвавши Хмельницкаго и старшинъ, показалъ имъ свою вѣрящую грамоту и прочелъ статьи—старыя Богдановскія и новыя. Хмельницкій и старшина отвѣчали, что статьи надобно прочесть на радѣ при всемъ войскѣ. Но у Турбецкаго была одна важная статья, которую онъ сейчасъ же и объявилъ: государь указалъ въ Новгородѣ-Сѣверскомъ, Черниговѣ, Стародубѣ и Почепѣ быть своимъ воеводамъ, потому что эти города изстари принадлежатъ къ Московскому государству, а не къ Малой Россіи; а если въ этихъ городахъ устроены казаки землями и въ другомъ мѣстѣ устроить ихъ будетъ негдѣ, то пусть они на своихъ земляхъ остаются и при воеводахъ. Хмельницкій и старшина отвѣчали: „Въ этихъ городахъ устроено много казаковъ и за ними много земли и всякихъ угодій; Новгородъ-Сѣверскій, Стародубъ и Почепъ приписаны къ Нѣжинскому полку, а въ Черниговѣ свой полкъ, и если изъ этихъ городовъ казаковъ вывесть, то имъ будетъ домовное и всякое разоренье, права и вольности ихъ будутъ нарушены, а великій государь велѣлъ намъ быть на прежнихъ нашихъ правахъ и вольностяхъ, и если казаковъ переводить, то надобно опасаться между ними всякой шалости“. Старшина била челомъ, чтобъ объ этомъ на радѣ не говорить, иначе нечего ждать прекращенія междоусобія.

17 октября открылась эта рада на полѣ, за городомъ: тутъ же на полѣ, для обереганья, стоялъ съ московскимъ войскомъ окольничій князь Петръ Алексѣевичъ Долгорукій. Теперь уже обѣими сторонами Днѣпра выбранъ былъ въ гетманы Юрій Хмельницкій. Читали статьи, прежнія Богдановскія и новыя; новыя говорили: Гетманъ со всѣмъ войскомъ всегда долженъ быть готовъ на царскую службу. Никакими ляцкими прелестями не прельщаться, про Московское государство никакимъ ссорамъ не вѣрить, ссорщиковъ казнить смертью, о всякихъ ссорныхъ дѣлахъ писать къ великому государю. Безъ государева приказа на войну никуда не ходить и никому не помогать, чтобъ этимъ вспоможеньемъ войско Запорожское не умалялось, а кто пойдетъ самовольствомъ, того казнить смертью. Быть царскимъ воеводамъ съ войсками въ городахъ Переяславлѣ, Нѣжинѣ, Черниговѣ, Браславлѣ, Умани для обороны отъ непріятелей; воеводамъ этимъ въ войсковыя права и вольности не вступаться; въ Переяславлѣ и Нѣжинѣ быть воеводамъ на своихъ запасахъ, въ Кіевѣ, Черниговѣ и Браславлѣ владѣть маетностями, которыя прежде принадлежали тѣмъ воеводствамъ, а въ полковничьи поборы воеводамъ не вступаться; государевымъ ратнымъ людямъ у реестровыхъ казаковъ на дворахъ не ставиться, ставиться имъ у другихъ жителей, также подводъ подъ посланниковъ и гонцовъ у реестровыхъ казаковъ не брать, брать у городскихъ и деревенскихъ жителей; реестровымъ казакамъ держать вино, пиво и медъ, продавать вино бочкою, куда кто захочетъ, а пиво и медъ вольно продавать гарнцемъ: кто же будетъ вино продавать въ кварты, тѣхъ карать. Въ городахъ, мѣстахъ, мѣстечкахъ бѣлорусскихъ залогамъ казацкимъ не быть, чтобъ ссоры между ратными людьми не было. Если гетманъ совершитъ какое-нибудь преступленіе, то войско не можетъ его перемѣнить безъ указа царскаго: государь велитъ сыскать о гетманской винѣ всѣмъ войскомъ, и по сыску велитъ указъ учинить, какъ повелось въ войскѣ; также и гетману безъ рады и безъ совѣта всей черни въ полковники и въ иные начальные люди никого не выбирать, выбирать полковниковъ на радѣ, кого межъ себя излюбятъ изъ своихъ полковъ, а изъ иныхъ не выбирать; гетманъ также имѣетъ право отставлять полковниковъ безъ рады. Въ начальные люди, кромѣ православныхъ христіанъ, изъ иновѣрцевъ не выбирать, не выбирать и новокрещеновъ, потому что отъ нихъ большая смута въ войскѣ и междоусобіе, и казакамъ дѣлаются налоги и тѣсноты. Измѣнника Ивашки Выговскаго жену и дѣтей, также брата Данила и другихъ Выговскихъ, которые есть въ войскѣ, отдать царскому величеству и впредь въ войскѣ Запорожскомъ Выговскимъ не быть. Совѣтникамъ Выговскаго — Гришкѣ Гуляницкому, Гришкѣ Лесницкому, Самошкѣ Богданову, Антошкѣ Жданову, Герману и Лободѣ—никогда въ радѣ войсковой и секретной и въ урядѣ никакомъ не быть. При гетманѣ быть съ обѣихъ сторонъ Днѣпра по судьѣ, по есаулу, по писарю. Полковниковъ и начальныхъ людей гетманъ не можетъ казнить смертью безъ присланнаго на судъ отъ царскаго величества, ибо Выговскій напрасно казнилъ смертью многихъ полковниковъ, начальныхъ людей и казаковъ, которые служили вѣрно царскому величеству. Плѣнниковъ съ обѣихъ сторонъ освободить, а кто захочетъ остаться, тѣхъ не неволить. Немедленно отослать въ Кіевъ знамена, пушки и большую верховую пушку, которые взяты подъ Конотопомъ. Изъ Стараго Быхова вывести Черкасъ. Бѣглыхъ крестьянъ выдать и впередъ не принимать.—По выслушаніи каждой изъ этихъ статей рада постановляла: быть

статьѣ такъ, какъ написана; а прежнія 14 статей, которыя были присланы Хмельницкимъ и старшиною съ Дорошенкомъ, на радѣ отговорены.

По окончаніи рады, гетманъ, старшина и казаки заднѣпровскихъ полковъ отправились въ соборную церковь и принесли присягу; изъ церкви, при громѣ городовыхъ пушекъ, пошли обѣдать къ боярину, который, послѣ государевой чаши, велѣлъ стрѣлять изо всего наряда, что ни есть въ полкахъ. Статьи, утвержденныя на радѣ, записаны въ книгу, къ которой гетманъ и старшина приложили руки. Неграмотными оказались: обозный Носачъ, судьи—Безпалый (что былъ наказнымъ гетманомъ), Кравченко, есаулы—Ковалевскій и Чеботковъ, полковники—Черкасскій Одинецъ, Каневскій—Лизогубъ, Корсунскій—Петренко, Переяславскій—Цецура, Калницкій – Сѣрко, Миргородскій—Павелъ Апостолъ, Лубенскій—Засадка, Прилуцкій—Терещенко, Нѣжинскій—Золотаренко. Вмѣсто тѣхъ полковниковъ, которые не были на радѣ, потому что стояли на границѣ противъ Татаръ и Ляховъ, приложилъ руку гетманъ Хмельницкій. Это были: Чигиринскій—Кирилла Андреевъ, Бѣлоцерковскій—Иванъ Кравченко, Кіевскій—Василій Бутримовъ, Уманьскій—Михайла Ханенко, Браславскій—Михайла Зеленскій, Паволоцкій—Иванъ Богунъ, Подольскій—Астаѳій Гоголь. Одинъ экземпляръ статей отосланъ былъ въ Кіевъ; тамъ ихъ напечатали и разослали по всѣмъ полкамъ. 21 октября выѣхалъ изъ Переяславля гетманъ, 26—князь Трубецкій, везя съ собою Выговскихъ—Данилу, Василія, Юрія и Илью; Данила умеръ на дорогѣ, остальные были сосланы въ Сибирь. Кончилъ свое поприще и Нечай: 4 декабря ночью воеводы—князь Иванъ Лобановъ-Ростовскій и Семенъ Змѣевъ—взяли приступомъ Старый Быховъ, Ивана Нечая съ братомъ, Самушку Выговскяго, женъ ихъ, шляхту, казаковъ и мѣщанъ многихъ взяли въ плѣнъ живыхъ, многихъ побили на приступѣ. За счастливое окончаніе малороссійскихъ дѣлъ князь Алексѣй Никитичъ Трубецкой получилъ шубу въ 360 рублей, кубокъ въ 10 гривенокъ, 200 рублей придачи къ прежнему окладу, да прародительскую вотчину городъ Трубчевскъ (Трубецкъ) съ уѣздомъ; князь Ѳедоръ Ѳедоровичъ Куракинъ—шубу въ 330 рублей, кубокъ въ 8 гривенокъ, придачи къ окладу 160 рублей, да на вотчину 8,000 ефимковъ; князь Григорій Григорьевичъ Ромодановскій—шубу во 150 рублей, кубокъ въ 6 гривенокъ, придачи къ окладу 80 рублей, да на вотчину 6,000 ефимковъ.

Въ Москву дошло любопытное сочиненіе, подъ заглавіемъ: „Описаніе пути отъ Львова до Москвы,“ въ которомъ, послѣ описанія страшнаго опустошенія Украйны, заставившаго казаковъ снова поддаться царю, говорится: „Хотя Черкасы исповѣдуютъ вѣру православную, но обычаи и нравы звѣриные имѣютъ; причиною тому одна ересь, не духовная, а политическая: начальники этой ереси—Ляхи, а отъ нихъ научились держать ее крѣпко и Черкасы и мало не всѣ европейскіе народы: взяли себѣ въ голову, что жить подъ преславнымъ царствомъ Русскимъ хуже турецкаго мучительства и египетской работы. Такое дьявольское убѣжденіе внушаютъ имъ духовные и греческіе митрополиты, какъ намъ не отъ одного изъ нихъ случалось слышать. Мы почли за полезное написать книгу противъ такихъ ложныхъ, дьявольскихъ внушеній, да соблюдутся люди отъ такого страшнаго заблужденія и хулы, отъ которыхъ произошло нынѣшнее кровопролитіе. Но о книгахъ будетъ рѣчь впереди, а теперь изложимъ кратко наше разсужденіе, какъ надобно обходиться съ Черкасами.“—Тутъ авторъ учитъ, какую рѣчь долженъ держать къ Черкасамъ бояринъ, который будетъ приводить ихъ къ новой присягѣ царю; потомъ совѣтуетъ царю учредить въ Москвѣ особый Приказъ, въ которомъ бы приказные люди были изъ самихъ Черкасъ; эти Черкасы были бы поруками за своихъ земляковъ, дома оставшихся. „Надобно, чтобъ съ этихъ поръ ни одинъ гетманъ не выбирался на всю жизнь, а только на три или на два года: чрезъ это и вамъ, служилые люди, которые только и знаете, что вопить: вольность, вольность! умножится вольность, потому что не одному только будетъ доставаться гетманская честь, но многимъ, такъ какъ между вами много есть достойныхъ этой чести; чрезъ это у волостныхъ и городскихъ людей отнимется страхъ и вскорѣ пустыя села и города населятся. Самому царскому величеству не стыдно называться вѣчнымъ гетманомъ Поднѣпровскимъ, Волынскимъ и Подольскимъ, потому что такое гетманство то же что и великое княжество, если не царство. Смотрите, Черкасы! какъ прежде вы были постоянно несогласны въ своихъ совѣтахъ, между собою бились, такъ и теперь несогласны: одни изъ васъ хотятъ въ гетманы Хмельницкаго, другіе—Безпалаго, и опять готовы изъ-за этого драться; чтобъ предупредить междоусобіе, царское величество Хмельницкому обѣщаетъ гетманство по времени, когда совершенно возмужаетъ, а теперь, пока еще молодъ, лучше ему поѣхать въ Москву и послужить царскому величеству, чтобъ сдѣлаться достойнымъ гетманской чести, а Безпалаго царское величество поставляетъ гетманомъ на три года за его вѣрность. Не дурно было бы такъ же, еслибъ гетманство раздѣлилось: чтобъ одинъ гетманъ былъ на восточной, а другой на западной сторонѣ Днѣпра“ [1]).

Принужденный возобновить войну съ Польшею при невыгодныхъ условіяхъ—не забирать города бѣлорусскіе и литовскіе, какъ прежде, но биться въ Малороссіи съ Малороссійскимъ гетманомъ, царь тѣмъ болѣе спѣшилъ покончить войну съ Швеціею, съ которою не за что было болѣе ссориться, ибо нечѣмъ стало дѣлиться. Съ своей стороны, Карлъ X, котораго дѣла шли дурно въ Польшѣ и который долженъ былъ еще вести войну съ Даніею, искренно желалъ помириться съ царемъ и побуждалъ къ посредничеству курфюрста Бранденбургскаго и герцога Курляндскаго. Мы видѣли, что при началѣ войны съ нимъ шведскіе послы, Густавъ Белке съ товарищами, были задержаны въ Москвѣ. Въ концѣ 1657 года король прислалъ къ нимъ грамоту, выражая свое сильное желаніе помириться съ царемъ, съ которымъ, по его убѣжденію, разсорили его Австрійцы, и, для облегченія дѣла, приказывалъ Белке объявить боярамъ, что онъ соглашается титуловать царя Бѣлорусскимъ, Литовскимъ, Волынскимъ и Подольскимъ, хотя и не водится вносить въ титулъ названія областей, пріобрѣтенныхъ оружіемъ, но еще не утвержденныхъ мирнымъ договоромъ. Что же касается титула: „и инымъ многимъ государствамъ, восточнымъ и западнымъ и сѣвернымъ отчичъ и дѣдичъ, и наслѣдникъ“, то хотя эти выраженія странны и неопредѣленны, невразумительны и темны, и можно ихъ толковать такъ, что царь обнаруживаетъ притязанія на тѣ земли, которыя уступлены Швеціи по Столбовскому договору, — „однако мы, — пишетъ король, согласны величать царя и этимъ титуломъ, если онъ дастъ письменное удостовѣреніе, что этими выраженіями не наносится ущерба намъ и землямъ нашимъ“. Послы исполнили королевское приказаніе, что не было неожиданностію для царя, ибо королевская грамота была отдана посламъ уже послѣ того, какъ она была переведена для государя. 11 апрѣля 1658 года, на праздникъ Свѣтлаго Христова Воскресенія, великій государь пожаловалъ шведскихъ пословъ, велѣлъ послать къ нимъ съ своимъ милостивымъ словомъ, спросить о здоровьи и указалъ послать имъ свое жалованье—столъ. Чрезъ нѣсколько дней послѣ этого пріѣхалъ въ Москву шведскій дворянинъ Конрадъ фонъ-Барнеръ, и 19 апрѣля думный дьякъ Алмазъ Ивановъ имѣлъ переговоры съ послами, которые объявили, что фонъ-Барнеръ пріѣхалъ со всякимъ добрымъ дѣломъ, которое годно на обѣ стороны обоимъ великимъ государямъ, и хотя королю ихъ посчастливилось, съ Датскимъ королемъ помирился по своей волѣ, однако онъ отъ добраго дѣла неотступенъ и мира съ царскимъ величествомъ желаетъ. „Королевское величество“, продолжали послы, „изволилъ присоединить къ намъ еще двоихъ товарищей, ревельскаго коменданта Бентгорна и Ягана Монсона, и наказалъ намъ вести переговоры на границѣ въ Ливонской Землѣ, за пять верстъ отъ Нарвы. Королевское величество лучше желаетъ мира съ царскимъ величествомъ, чѣмъ съ королемъ Польскимъ, потому что между Швеціею и Москвою нынѣшняя война началась съ подущенія злыхъ людей, за малыми причинами: вотъ почему графъ Магнусъ Делагарди, посланный въ Пруссію для заключенія мира съ Поляками, проволакиваетъ время, дожидаясь извѣстія о томъ, какъ идутъ дѣла въ Москвѣ.“—„Объявите“, сказалъ на это дьякъ, „на какихъ статьяхъ королевское величество желаетъ мира?“—„Обо всѣхъ статьяхъ договоръ будетъ на рубежѣ“, отвѣчали послы, „и великій бы государь изволилъ насъ отпустить изъ Москвы для этого дѣла.“ — „По всему видно“, возражалъ дьякъ, „что вы промышляете только о томъ, чтобъ вамъ отсюда высвободиться, а учините ли между государями доброе дѣло или нѣтъ,—того невѣдомо.“ — „За нами дѣло не остановится“, отвѣчали послы, „изволитъ ли царское величество насъ отпустить, или нѣтъ, только видитъ Богъ, что мы ради между государями доброе дѣло вести, а начинать намъ теперь переговоры до освобожденія нельзя: нигдѣ не водится, чтобъ невольные люди вели мирные переговоры“. 25 апрѣля посламъ объявлено, что государь отпускаетъ ихъ къ королевскому величеству и посылаетъ на съѣздъ своихъ великихъ пословъ. Белке просилъ, чтобъ государь велѣлъ объявить, кто именно царскіе послы будутъ на съѣздѣ, гдѣ и когда съѣдутся; просилъ, чтобъ непріятельскія дѣйствія были прекращены и объявлено было свободное сообщеніе между жителями обоихъ государствъ; просилъ взаймы денегъ на 12,000 ефимковъ, которые онъ отдастъ на съѣздѣ московскимъ посламъ, а теперь у нихъ денегъ нѣтъ, покупки искупить не на что; просилъ перевести ихъ на другой дворъ въ городъ и возвратить оружіе:—это будетъ знакомъ, что они уже люди свободные. Опредѣлено, что съѣздъ будетъ подъ Нарвою за пять верстъ, за рѣкою, іюня 12: гдѣ будетъ посольскій съѣздъ, туда съ обѣихъ сторонъ будетъ вольно пріѣзжать съ хлѣбомъ и живностію; деньги взаймы дадутся съ порукою торговыхъ иноземцевъ, и на другой дворъ ихъ переведутъ. Не видя въ отвѣтѣ ничего о прекращеніи военныхъ дѣйствій, послы обратились съ предложеніемъ заключить перемиріе; бояре согласились заключить перемиріе съ 20 мая, и если миръ не состоится, то перемирія не нарушать еще мѣсяцъ по разъѣздѣ уполномоченныхъ. 29 апрѣля пословъ перевели въ Китай-городъ, отдали имъ оружіе и позволили имъ и людямъ ихъ ходить съ стрѣльцами по городу для закупокъ. 30 апрѣля бояре, въ отвѣтѣ, объявили посламъ, что государь отпускаетъ на съѣздъ боярина князя Ивана Семеновича Прозоровскаго, думнаго дворянина Аѳанасія Лаврентьевича Ордина-Нащокина, стольника Прончищева и дьяковъ Дохтурова и Юрьева: опредѣлили, что съѣздъ будетъ посреди рѣки Наровы, на мосту, въ шатрѣ. Бояре дали запись, что царскій титулъ: „восточныхъ, сѣверныхъ и западныхъ“ не имѣетъ никакого отношенія къ владѣніямъ Шведскаго короля: а послы, въ свою очередь, дали запись, что запись боярская не имѣетъ никакого отношенія къ тѣмъ уступкамъ, которыя могутъ быть сдѣланы на съѣздѣ съ шведской стороны—въ московскую.

---

[1]) Арх. мин. ин. д. дѣла Малороссійскія 1659 г. Сочиненіе это (описаніе пути), какъ видно, принадлежитъ перу знаменитаго Серба Крижанича. Архивъ минист. юстиц., столбцы Малорос. приказа, № 5843, 5845.—По Московскимъ извѣстіямъ, Данило Выговскій умеръ на дорогѣ; но изъ нижеприведеннаго письма Бенѣвскаго къ Юрію Хмельницкому видно, что Данило былъ жестоко пытанъ, что больше чѣмъ вѣроятно. Въ Малороссіи не знали о смерти Выговскаго въ декабрѣ 1659 года. Хмельницкій присылалъ просить о его освобожденіи.

Ординъ-Нащокинъ находился попрежнему въ Царевичевѣ-Дмитріевѣ-городѣ, когда узналъ о своемъ назначеніи вторымъ уполномоченнымъ на съѣздѣ съ Шведами; такъ какъ въ грамотѣ, къ нему присланной, не было означено именно, гдѣ будетъ съѣздъ, то онъ писалъ государю, что всего лучше съѣзжаться между Царевичевымъ-Дмитріевымъ-городомъ и Ригою, именно между Нелевардомъ и Керхолемъ, на рѣкѣ Угрѣ, за двадцать верстъ отъ Риги. Онъ боялся уѣхать подъ Нарву на съѣздъ и оставить въ Царевичевомъ-Дмитріевѣ-городѣ войска безъ своего надзора, боялся за крестьянъ, которые бы въ такомъ случаѣ были разорены ратными людьми. „Крестьяне,“ писалъ онъ, „съ ноября 1656 года по декабрь 1657 собрались въ девятнадцати уѣздахъ, селятся въ самыхъ разоренныхъ мѣстахъ, около большой дороги, и если впередъ ихъ такъ же беречь, то на Шведовъ отъ нихъ помощь будетъ большая; если лифляндскіе мужики, видя милость, обдержатся, то и къ солдатскому ученью будутъ охотны. Не боясь сильныхъ, которые меня ненавидятъ, издалеча, какъ мытарь сокрушеннымъ сердцемъ, какъ евангельская жена грѣшница, твои великаго государя праведныя ноги слезами обливаю: во всѣхъ дѣлахъ службишки мои только объявлялись, а къ совершенію не допускались злыми ненавистями.“

У сильныхъ было все больше и больше причинъ преслѣдовать худороднаго Нащокина злыми ненавистями. Такъ и теперь царь послалъ тайно грамоту къ Царевиче-Дмитріевскому воеводѣ, поручая ему одному вести самые важные переговоры; подкупать шведскихъ уполномоченныхъ, чтобъ всякими средствами добыть завѣтныя морскія пристанища: отецъ указывалъ на то самое мѣсто, гдѣ послѣ сынъ основалъ столицу Россійской имперіи. „Промышляй всякими мѣрами,“ писалъ царь Нащокину, „чтобъ у Шведовъ выговорить въ нашу сторону въ Канцахъ (Ніеншанцъ) и подъ Ругодивомъ корабельныя пристани и отъ тѣхъ пристаней для проѣзда въ Корелѣ на рѣкѣ Невѣ городъ Орѣшекъ, да на рѣкѣ Двинѣ городъ Кукейносъ, что теперь Царевичевъ-Дмитріевъ, и иныя мѣста, которыя пристойны; а шведскимъ коммисарамъ или генераламъ, и инымъ, кому доведется, сули отъ одного себя ефимками или соболями на десять, пятнадцать или двадцать тысячъ рублей. Объ уступкѣ городовъ за эту дачу промышляй по своему разсмотрѣнію одинъ, смотря по тамошнему дѣлу, какъ тебя Богъ наставитъ, а что у тебя станетъ дѣлаться втайнѣ, пиши къ намъ въ Приказъ нашихъ Тайныхъ Дѣлъ.“ Ободренный царскою милостивою грамотою, Нащокинъ началъ настаивать, чтобъ съѣздъ былъ въ Лифляндіи, прямо писалъ къ Прозоровскому, чтобъ тотъ ѣхалъ туда, а что ему, Нащокину, нельзя отступить ни на минуту отъ Двины. Писалъ и къ царю, что Шведы въ Ригѣ только и дожидаются его отъѣзда подъ Нарву, чтобъ начать непріятельскія дѣйствія: „Царевичевымъ-Дмитріевымъ-городомъ больше всѣхъ городовъ сдерживаются Литва и Шведы, только надобно, чтобъ онъ былъ наполненъ ратными людьми, какъ Псковъ, а то мнѣ къ литовскимъ людямъ на заставы посылать некого; такъ нельзя ни войнѣ, ни миру быть; лучше всякой силы промыслъ: Шведъ всѣхъ сосѣднихъ государей безлюднѣе, а промысломъ надъ всѣми беретъ верхъ; у него, государь, никто не смѣетъ отнять воли у промышленниковъ.“

Представленія Нащокина насчетъ съѣздовъ остались напрасны: приговора, утвержденнаго въ Москвѣ съ обѣихъ сторонъ, перемѣнить было нельзя, и Нащокину былъ присланъ подтвердительный указъ—ѣхать къ боярину князю Прозоровскому. Но тутъ новая бѣда: Шведы провѣдали, что самымъ несговорчивымъ посломъ будетъ Нащокинъ, которому хочется стать твердою ногою въ Ливоніи, у моря, и вотъ пошла челобитная въ Москву: „Царю государю бьетъ челомъ холопъ твой Аѳонка Нащокинъ. Въ нынѣшнемъ, государь, во 167 (1658 году) сентября 29, у твоихъ великихъ пословъ въ деревнѣ Ямѣ были изъ Нарвы отъ шведскихъ пословъ королевскій дворянинъ и переводчикъ, и съ твоимъ переводчикомъ Иваномъ Адамовымъ приказывали къ князю Ивану Семеновичу, будто отъ меня, холопа твоего, твоему посольскому дѣлу чинится нарушеніе. Наслышались объ этомъ Шведы отъ Русскихъ людей, которые, ненавидя службишку мою, научили иноземцевъ, чтобъ я у посольскаго дѣла не былъ. Милосердый государь! вели разспросить переводчика Ивана Адамова передъ послами, и эту мою челобитную и разспросъ послать къ себѣ въ Приказъ Тайныхъ Дѣлъ, чтобъ мнѣ впредь быть у твоего дѣла отъ многихъ стороннихъ ссоръ безстрашно. Адамова спросили, и онъ пересказалъ рѣчи шведскаго дворянина; „Царскіе послы,“ жаловался Шведъ, „упрямятся, ближе къ Нарвѣ подвинуться не хотятъ, а королевскіе послы и рады бы сюда пріѣхать, да нельзя по причинѣ дальней и дурной дороги; они знаютъ навѣрное, что царскіе послы уже были подъ деревней Гостинцы недалеко отъ Нарвы, но какъ скоро пріѣхалъ Кокенгаузенскій воевода Нащокинъ, то они назадъ поѣхали и здѣсь на Наровѣ рѣкѣ стали, на томъ мѣстѣ, куда шведскимъ посламъ невозможно пріѣхать. Изъ этого легко увидать, что Нащокинъ теперь опять ищетъ доброму дѣлу помѣшки, какъ онъ прежде въ Ливонской Землѣ при графѣ Магнусѣ Делагарди доброму дѣлу помѣшалъ, потому что съ польскимъ гетманомъ Гонсѣвскимъ всегда въ великой дружбѣ жилъ, какъ братъ родной, и Полякамъ норовилъ, а съ ихъ стороны ему подарки большіе были; въ Варшавѣ на сеймѣ знатные люди говорили, что они не боятся мира между Шведами и Русскими, потому что есть человѣкъ, который этому миру помѣшаетъ.“

Съ одной стороны Шведы доносили на Нащокина, съ другой—воевода князь Иванъ Андреевичъ Хованскій, стоявшій съ войскомъ во Псковѣ, оссердился на пословъ, зачѣмъ они послали память одному изъ его полковниковъ во Гдовъ, чтобъ тотъ шелъ къ нимъ въ Сыренскъ для обереганья посольскихъ съѣздовъ; но въ сердцахъ Хованскій накинулся не на Прозоровскаго, а на того же Нащокина. „По указу великаго государя,“ писалъ Хованскій, „велѣно мнѣ идти ближе къ Нарвѣ, смотря по вѣстямъ; и полка моего вамъ, великимъ посламъ, отнимать у меня не велѣно. Знаю я, чьи это затѣйки! За Нарову рѣку дорогу зналъ я давно, когда Нарова рѣка была пострашнѣе, и на государеву службу, по вѣстямъ, идти готовъ не только подъ Нарву, хотя бы и подъ Ревель. Служба моя великому государю извѣстна: за то я отъ многихъ ненавидимъ, что великому государю работаю какъ Богу. Похвальныя слова Аѳанасія Лаврентьевича не исполняются: стану я у великаго государя на васъ милости просить, что высоко себя ставите, будто вамъ велѣно мною наряжать; но вамъ наряжать мною стыдно, добро всякому знать свою мѣру. Вы пишете, что я отдамъ отвѣтъ въ свое время: знаю я, что у васъ такіе люди есть, которые умѣютъ слагательно написать, но я въ правдѣ своей надѣюсь на Бога и на великаго государя. Какъ кто ни коварничай и ни умышляй, я не боюсь: суетно помышленіе человѣческое.“ Послы писали ему, зачѣмъ онъ не даетъ имъ знать о своемъ походѣ подъ Нарву, а пишетъ вещи, неидущія къ дѣлу; писали, что они дали знать государю о его поведеніи; жаловались, что посольскіе съѣзды замедляются по его милости, потому что, не имѣя большаго войска подъ руками въ Ливоніи, нельзя выпудить у Шведовъ выгоднымъ мирныхъ условій. Хованскій отвѣчалъ: „Нѣсть рабъ болій Господа своего, ни посланникъ болій пославшаго его. Что указалъ мнѣ великій государь,—и его повелѣніе со страхомъ храню. Отъ кого посольскій съѣздъ замѣшкался, то извѣстно будетъ великому государю. Письма мои, которыя я къ вамъ писалъ, идутъ ли они къ дѣлу, или нейдутъ,—у васъ и въ свое время мнѣ пригодятся. Письмо, которое вы писали на меня къ государю, писали мнѣ на радость, потому что государь по этому письму велитъ сыскать мою вину, а вашу правду; я, убогая сиротина, въ правдѣ своей надѣюсь на государеву пресвѣтлую неизреченную милость; нѣтъ тайны, которая бы не объявилась, и великому государю все будетъ извѣстно въ свое время“.

Государь нашелъ, что и послы, и Хованскій неправы, но что ссора началась отъ пословъ, и потому послалъ сказать имъ: „Вы государеву дѣлу учинили замедленіе и поруху, ссоритесь съ воеводою княземъ Хованскимъ и переписываетесь съ нимъ многими, къ дѣлу ненадобными, статьями: къ полковнику послали память мимо князя Ивана съ нимъ для раздора, и довелось вамъ о присылкѣ къ себѣ ратныхъ людей писать къ нему, князю Ивану; а еслибъ онъ по вашему письму ратныхъ людей къ вамъ и не послалъ, то вамъ слѣдовало писать на него великому государю давно. И впередъ бы вамъ съ княземъ Хованскимъ быть въ любви и совѣтѣ“. Хованскому тотъ же посланецъ долженъ былъ сказать: „Тебѣ для обереганья великихъ пословъ надобно было спѣшить изо Пскова во Гдовъ, изо Гдова на съѣзжее мѣсто посылать безъ задержанья, а прежнихъ своихъ службъ для своей чести объявлять и непристойныхъ словъ, нейдущихъ къ дѣлу, писать не довелось; и впередъ бы тебѣ съ великими послами быть въ любви и совѣтѣ, посылать къ нимъ ратныхъ людей тотчасъ, какъ потребуютъ; а что тебѣ велѣно великихъ пословъ оберегать, и то не въ случай и не въ мѣста“. Тотъ же посланный объявилъ Нащокину наединѣ, чтобъ непремѣнно съ шведскими коммисарами заключить миръ, хотя-бъ и съ убыткомъ государственной казнѣ. Но прежде всего царю хотѣлось помирить Нащокина съ Хованскимъ. Посланному было наказано: „Спросить Аѳанасья, за что у нихъ съ княземъ Хованскимъ началась ссора. Если Аѳанасій станетъ говорить, что когда онъ изъ Царевичева-Дмитріева-города ѣздилъ въ Печерскій монастырь молиться, то князь Иванъ посылалъ его хватать, чтобъ его удержать за заставою, а сына его, Воина, за заставою держали долгое время,—отвѣчать: заставы были сдѣланы по указу великаго государя, и князь Иванъ думалъ, что онъ, Аѳанасій, и сынъ его, Воинъ, пріѣзжали изъ моровыхъ мѣстъ. Если Аѳанасій еще станетъ жаловаться на Хованскаго, то говорить, чтобъ, помня Божію заповѣдь: „Да не зайдетъ солнце во гнѣвѣ вашемъ“,—съ княземъ Иваномъ съѣхался и помирился. Потомъ посланный долженъ былъ ѣхать къ Хованскому, и если тотъ станетъ говорить о Нащокинѣ съ сердцемъ, то отвѣчать ему съ выговоромъ: Аѳанасій хотя отечествомъ и меньше тебя, однако великому государю служитъ вѣрно, отъ всего сердца, и за эту службу государь жалуетъ его своею милостію; такъ тебѣ, видя къ нему государеву милость, ссориться съ нимъ не-для-чего, а быть бы вамъ съ нимъ въ совѣтѣ и служить великому государю сообща; а тебя, князя Ивана, взыскалъ и выбралъ на эту службу великій государь, а то тебя всякъ называлъ дуракомъ, и тебѣ своею службою возноситься не надобно. Ты хвалишься, что тебѣ и подъ Ревель идти не страшно: и тебѣ хвалиться не довелось, потому-что кто на похвальбѣ ходитъ, всегда посрамленъ бываетъ; и ты этою своею похвальбою изломишь саблю. За что ты тѣхъ ненавидишь, которые государю служатъ вѣрно? Тебѣ бы великаго государя указъ исполнить, съ Аѳанасьемъ помириться, а если не помиришься и станешь Аѳанасья тѣснить и безчестить, то великій государь велѣлъ тебѣ сказать имянно, что за непослушанье и за Аѳанасья тебѣ и всему роду твоему быть разорену“. Нащокинъ отвѣчалъ государю, что если онъ писалъ о нерадѣніи Полоцкихъ и Псковскихъ воеводъ, то онъ это дѣлалъ по государевымъ же грамотамъ, въ которыхъ приказано ему никого не бояться, во всемъ быть надежну, выданъ онъ никому не будетъ: „Ненавидимъ я за твое государево дѣло, не только между Русскими людьми оглашенъ,—

и шведскіе послы доносили на меня боярину князю Прозоровскому. Видя отовсюду нестерпимое гоненіе, не знаю, какъ твое дѣло дѣлать Велишь мнѣ помириться съ княземъ Хованскимъ, но у меня съ нимъ, по моимъ дѣламъ, никакой ссоры нѣтъ". Когда посланный передалъ Нащокину приказъ государевъ, чтобъ непремѣнно заключить миръ, хотя бы казнѣ и убытокъ былъ, то онъ отвѣчалъ: „Промышлять я объ этомъ долженъ, да промышлять некѣмъ: въ Нарвѣ мѣщанъ вѣрныхъ теперь нѣтъ, старые померли, а иные отъ войны выбѣжали за море. Государь приказываетъ не жалѣть казны; но дѣло можно дѣлать и безъ денегъ, деньги пригодятся на жалованье ратнымъ людямъ, а у Шведовъ теперь денегъ и своихъ много. Если бы съѣздъ былъ на Двинѣ, то рижскіе мѣщане, которые въ два года сдѣлались вѣрны великому государю, промышляли бы и шведскихъ пословъ наговаривали и къ миру приводили. Вотъ почему я къ великому государю и не писалъ, чтобъ съѣзду быть подъ Нарвою, и на чемъ заключенъ перемирный договоръ въ Москвѣ,— я не зналъ до тѣхъ поръ, пока съѣхался съ княземъ Прозоровскимъ. Въ этомъ договорѣ для чего позабыта Литва, не укрѣплено, что княжество Литовское подъ высокою рукою великаго государя. Думный дьякъ Алмазъ Ивановъ долженъ былъ объ этомъ напомнить и доложить государю; да и то забыли, что велѣно мнѣ видѣться съ Гонсѣвскимъ и соединить рати на общаго непріятеля, Шведскаго короля; по этому соединенію Гонсѣвскій взялъ въ Лифляндіи два города, да я взялъ Маріенбургъ, заступилъ многія волости и поставилъ заставу за 20 верстъ отъ Риги. Московскій договоръ весь написанъ Шведамъ на помощь, и графъ Магнусъ Делагарди показывалъ его на съѣздѣ Полякамъ и хвалился, что они въ этомъ договорѣ не укрѣплены, и княжество Литовское отбивалъ отъ подданства этимъ договоромъ; и какъ я поѣхалъ на посольскій съѣздъ, то Шведы пустили славу, что вотъ Ливонская Земля отдана имъ, что съѣздъ будетъ на Ижерской Землѣ, и будто мнѣ изъ Царевичева-Дмитріева-города потому велѣно ѣхать, что городъ этотъ имъ отданъ. Шведы нарочно назначали съѣздъ подъ Нарвою, чтобъ княжество Литовское разорить и отъ подданства отогнать". — Выставляя свои заслуги, разумность своихъ совѣтовъ, которыхъ не послушали, выставляя чужія ошибки, жалуясь уже слишкомъ часто на свое печальное положеніе, на гоненія отъ всѣхъ ради государева дѣла, Нащокинъ опять обратился къ Хованскому: „Князя Ивана", говоритъ онъ, „съ промыслъ не стало, и его можно перемѣнить, и велѣть быть у такого дѣла, съ котораго его станетъ. Псковъ данъ ему не въ вотчину, а промышленниковъ у великаго государя много, которые въ дѣлѣ промыслъ знаютъ и къ прибыли искательны; хотя бы князь Иванъ былъ многихъ городовъ владѣтель, только въ Псковскомъ государствѣ онъ съ промысломъ своимъ не надобенъ; во всякомъ дѣлѣ сила въ промыслѣ, а не въ томъ, что собрано людей много; и людей много, да промышленника нѣтъ,—такъ ничего не выйдетъ. Шведы, видя такихъ промышленниковъ, говорятъ, чтобы половину рати продать да промышленника купить. И теперь Хованскій, вышедъ изъ Пскова, стоитъ даромъ, рать помираетъ съ голоду, а къ промыслу не допуститъ, обжигаетъ себѣ русскіе города, а непріятель радуется, что люди изъ домовъ своихъ выбиты, а къ промыслу не допущены. Лучше было рати оставаться во Псковѣ: и непріятелю было бы страшнѣе, и люди были бы въ покоѣ и къ службѣ на-готовѣ. Обо всемъ этомъ надобно разсмотрѣніе воеводское Нельзя во всемъ дожидаться указа государева. Вотъ мнѣ не было прислано указа, чтобъ идти подъ Маріенбургъ, но я, видя. что нашихъ ратныхъ людей изъ Полоцка и изо Пскова нѣтъ, а Шведъ въ сборѣ, призвалъ къ себѣ Гонсѣвскаго и пустилъ въ Лифляндію, и затѣмъ взялъ городъ Маріенбургъ. Но кто что ни дѣлаетъ, только я передъ великимъ государемъ безо всякаго оправданія во всемъ виноватъ. А теперь я указу великаго государя не противлюсь, ко князю Ивану во Гдовъ ѣхать готовъ и добивать челомъ, буду передъ нимъ безсловенъ; только впередъ князь Иванъ на этомъ не устоитъ, станетъ дѣлать попрежнему, потому что держитъ при себѣ держальниковъ многихъ, которые его ссорятъ, а онъ имъ вѣритъ, и нравомъ онъ человѣкъ непостоянный. Знаю и самъ, что великому государю годно, чтобъ мы между собою были въ совѣтѣ, и у меня за свое дѣло вражды никакой нѣтъ, но о государевѣ дѣлѣ сердце болитъ и молчать не даетъ, когда вижу въ государевѣ дѣлѣ чье нерадѣнье. Еслибъ князь Иванъ съ первыхъ дней прислалъ къ намъ пѣшихъ ратныхъ людей, то государево дѣло давно было бы начато, и думаю, что и къ совершенію приходило бы, а то ни мостовъ намостить, ни насъ оберегать некому, а мѣста болотныя." Прозоровскій говорилъ съ клятвою, что у него съ Хованскимъ отечества и никакихъ прихотей нѣтъ; а Хованскій государеву дѣлу чинитъ поруху для чести своей и его, боярина, безчеститъ ,приказывалъ къ нему при многихъ своихъ полчанахъ, что будто онъ, князь Иванъ, его, боярина, больше тремя мѣстами, и онъ, бояринъ, то поставилъ въ смѣхъ. Да онъ же, Хованскій, приказывалъ къ нему, боярину, чтобъ онъ товарища своего, Аѳанасія Лаврентьевича Нащокина, ни въ чемъ не слушалъ, будто товарищъ доведетъ его до бѣды; но великій государь ему, боярину, указалъ съ товарищемъ своимъ во всемъ совѣтоваться и во всемъ ему вѣрить, потому что онъ нѣмецкое дѣло знаетъ, и нѣмецкіе нравы знаетъ же. И онъ, бояринъ, поставилъ это въ смѣхъ. Хованскій, съ своей стороны, отвѣчалъ посланному: „Указъ великаго государя исполню, ссору эту оставлю, въ безчестьи своемъ бить челомъ на великихъ пословъ не стану, и впередъ въ совѣтѣ и любви быть съ ними радъ, только бы и они были со мною въ совѣтѣ. Съ княземъ Прозоровскимъ и со всѣми другими послами недружбы и ссоры у меня нѣтъ, только перебранивались на письмѣ: досадно мнѣ то, что пишутъ ко мнѣ съ указомъ; прежде наша братья за честь свою помирили. Недружба у меня съ Аѳанасьемъ Нащокинымъ, и хотя въ отпискахъ пишется князь Прозоровскій, только всѣ затѣйки его, Аѳанасьевы; ищетъ онъ мнѣ всякаго зла. Князь Прозоровскій Аѳанасью говорилъ, чтобъ онъ со мною былъ въ совѣтѣ, но онъ князя не слушалъ. По приказу великаго государя я все покину, Аѳанасья прощаю и впередъ съ нимъ въ совѣтѣ и любви быть радъ; знаю я, что Аѳанасій человѣкъ умный, великому государю служитъ вѣрно, и государская милость къ нему есть; въ прежнія времена и хуже Аѳанасья при государской милости былъ, Малюта Скуратовъ; я Аѳанасья не знаю; слыхалъ про него отъ людей, и большой вражды у меня съ нимъ нѣтъ, только что на письмѣ другъ у друга ума отвѣдывали: а какъ я съ нимъ увижусь, то иныхъ ссорщиковъ передъ нимъ поставлю."

Въ этихъ пересылкахъ, любопытныхъ дла потомства, но нисколько не подвигавшихъ посольскаго дѣла, прошло все лѣто. Въ концѣ сентября великіе послы увѣдомили государя, что шведскіе коммисары показали упорство большое, не хотятъ присылать дворянъ своихъ на назначенное отъ нихъ же мѣсто, именно въ деревню Кароль, а домогаются, чтобъ съѣздъ былъ подлѣ Нарвы на устьи рѣки Плюсы, гдѣ бывали прежніе рубежи Московскаго государства съ Шведскимъ,—хотятъ этимъ снискать себѣ вѣчную славу, а мирные переговоры вести по своей волѣ, потому что урочище на устьи Плюсы мѣсто тѣсное и болотное, конскими кормами бѣдное, необоронное и во всемъ негодное. Потомъ шведскіе коммисары назначили новое мѣсто для съѣздовъ—деревню Валіесаръ, между Нарвою и Сыренскомъ. Царь писалъ Прозоровскому: „Развѣдавъ подлинно, что на съѣздѣ вамъ и нашему дѣлу порухи никакой не будетъ, съѣжайтесь въ деревнѣ Валіесарѣ, а изъ-за мѣстъ не разъѣзжайтесь." Прошелъ еще мѣсяцъ слишкомъ въ пересылкахъ и спорахъ, и съѣзды начались только 17 ноября. Московскіе послы требовали ливонскихъ городовъ, Корельской и Ижерской Земли; шведскіе коммисары объявили. что они могутъ заключить миръ только на Столбовскихъ условіяхъ. Царь послалъ сказать Нащокину: спѣшить заключеніемъ мира въ веснѣ, или, по крайней мѣрѣ, весною; помириться на Юрьевѣ Ливонскомъ, да на Царевичевѣ-Дмитріевѣ-городѣ, да на Борисоглѣбовѣ, или, по крайней мѣрѣ, на Царевичевѣ и на Борисовѣ. Если же будетъ нельзя, то промышлять о Борисовѣ, съ которыми уѣздами пристойно, хотя много давать денегъ, за тѣмъ не стоять, только чтобъ дальше мая не откладывать. Если же ни одного города уступить не захотятъ, то мириться на томъ, чтобъ всѣми городами владѣть до трехъ лѣтъ. Но послы 20 декабря заключили трехлѣтнее перемиріе съ удержаніемъ всего завоеваннаго въ Ливоніи. Царь былъ въ восторгѣ; онъ приписалъ успѣхъ дѣла заступленію Богородицы, ибо съ послами была та же икона Ея (Тихвинская), которая была и съ княземъ Мезецкимъ при заключеніи Столбовскаго мира.

По обычаю, великіе послы, отправленные съ обѣихъ сторонъ для подтвержденія договора, должны были встрѣтиться въ назначенномъ мѣстѣ, сравнить свои грамоты и потомъ уже отправляться по назначенію—шведскіе въ Москву, а московскіе въ Стокгольмъ. Великимъ посломъ отъ царя былъ назначенъ думный дворянинъ, намѣстникъ Шацкій и Лифляндской Земли, надъ городами начальный воевода, Аѳанасій Лаврентьевичъ Ординъ-Нащокинъ, которому было наказано промышлять о вѣчномъ мирѣ между Россіею и Швеціею, а Шведскаго короля съ Польскимъ королемъ къ миру не допускать, уступить изъ Литовскаго княжества Шведамъ Жмудь, сулить имъ это на словахъ, а въ крѣпость не писать для того, чтобъ не повредить миру съ Польскимъ королемъ. Въ сентябрѣ 1659 года Нащокинъ съѣхался съ шведскимъ посломъ Бентгорномъ на Двинѣ, между Ригою и Кокенгаузеномъ, и уговорился, не разъѣзжаясь, начать въ октябрѣ переговоры о вѣчномъ мирѣ между Дерптомъ и Ревелемъ, потому что оставаться на Двинѣ было опасно отъ польскихъ войскъ. Нащокинъ спѣшилъ заключить вѣчный миръ прежде окончанія переговоровъ, которые велись у Шведовъ съ Поляками въ Пруссіи. Царь писалъ Нащокину, чтобъ къ уступленнымъ въ Валіесарѣ ливонскимъ городамъ вытребовать еще у Шведовъ Иваньгородъ для корабельной пристани. Нащокинъ отвѣчалъ, что Шведы никакъ на это не согласятся, „а что Жмудь имъ сулить, то и они также станутъ давать, что не въ ихъ рукахъ; отъ Иваньгорода прибыли никакой нѣтъ: Нарва получше его, и та теперь запустѣла, потому что отъ Новгорода торги худы, а съ моря быть купцамъ ихъ же, шведскимъ, да къ Иваньгороду и корабли не ходятъ. Когда Иваньгородъ былъ въ русскомъ владѣньи, то черезъ Нарову рѣку съ городомъ Нарвою безпрестанныя ссоры и крови были; невозможно быть покою, если эти оба города не будутъ за однимъ государемъ. Если бы даже на Шведа и упадокъ былъ, и уступилъ бы онъ Иваньгородъ и Канцы, то города эти лежатъ къ Шведской и Финской Землѣ; кромѣ Шведовъ, другихъ купцовъ нѣтъ, на этомъ же морѣ у нихъ города Рига. Ревель, Пернау, Гапсаль, Нарва, велятъ купцамъ пріѣзжать къ своимъ городамъ, и Русскіе люди по-неволѣ съ своими товарами къ ихъ же городамъ будутъ ѣздить; въ торговлѣ Русскіе люди слабы другъ передъ другомъ,—туда поѣдутъ, куда ихъ поманятъ, на своихъ мѣстахъ не держатся".

Нащокинъ былъ правъ относительно неумѣренности московскихъ требованій; но и самъ Нащокинъ сильно обманывался, думая, что Шведы согласятся на вѣчный миръ съ уступкою всего завоеваннаго Русскими въ Ливоніи; а между тѣмъ царь повторялъ приказаніе—непремѣнно заключить вѣчный миръ, въ-даль не откладывая.

Въ февралѣ 1660 года Нащокинъ приготовлялся уговаривать шведскихъ пословъ къ вѣчному миру на съѣздѣ, назначенномъ въ мартѣ, какъ вдругъ поразила его страшная, неожиданная вѣсть. Сынъ его, Воинъ, уже давно былъ извѣстенъ какъ умный, распорядительный молодой человѣкъ, во время отсутствія отца занималъ его мѣсто въ Царевичевѣ-Дмитріевѣ-городѣ, велъ заграничную переписку, пересылалъ вѣсти къ отцу и въ Москву къ самому царю. Но среди этой дѣятельности у молодаго человѣка было другое на умѣ и на сердцѣ: самъ отецъ давно уже пріучилъ его съ благоговѣніемъ смотрѣть на Западъ постоянными выходками своими противъ порядковъ московскихъ, постоянными толками, что въ другихъ государствахъ иначе дѣлается и лучше дѣлается. Желая дать сыну образованіе, отецъ окружилъ его плѣнными Поляками, и эти учителя постарались, съ своей стороны, усилить въ немъ страсть къ чужеземцамъ, нелюбье къ своему, воспламенили его разсказами о польской волѣ. Въ описываемое время онъ ѣздилъ въ Москву, гдѣ стошнило ему окончательно, и вотъ, получивъ отъ государя порученія къ отцу, вмѣсто Ливоніи, онъ поѣхалъ за границу, въ Данцигъ къ Польскому королю, который отправилъ его сначала къ императору, а потомъ во Францію. Сынъ царскаго любимца измѣнилъ государю-благодѣтелю! Что скажутъ теперь враги Нащокина, которыхъ у него было такъ много, которые, при видимой покорности волѣ царской, не могли удержаться, чтобъ предъ посланнымъ царскимъ не назвать Нащокина временщикомъ, обязаннымъ своимъ возвышеніемъ произволу государя; не могли удержаться, чтобъ не сравнить его съ Малютою Скуратовымъ, хотя съ презрительною снисходительностію и признавали, что онъ лучше Малюты? Чего добраго было ожидать отцу измѣнника въ то время, когда, вслѣдствіе долговременнаго господства родовыхъ отношеній, родственники преступника и не столь близкіе подвергались тяжелой опалѣ? Несчастный отецъ самъ увѣдомилъ царя о своемъ горѣ и просилъ уволить отъ посольскаго дѣла, ибо онъ обезпамятѣлъ отъ горя, отъ страха передъ казнію безъ вины. Но онъ напрасно безпокоился. Царь немедленно отвѣчалъ ему: „Вѣрному и избранному и радѣтельному о Божіихъ и о нашихъ государскихъ дѣлахъ и судящему людей Божіихъ и нашихъ государевыхъ вправду (воистину доброе и спасительное дѣло людей Божіихъ судить вправду!), наипаче же христолюбцу и миролюбцу, нищелюбцу и трудолюбцу и совершенно богопріимцу и страннопріимцу и нашему государеву всякому дѣлу доброму ходатаю и желателю, думному нашему дворянину и воеводѣ Аѳанасію Лаврентьевичу Ордину-Нащокину отъ насъ, великаго государя, милостивое слово. Учинилось намъ вѣдомо, что сынъ твой попущеніемъ Божіимъ, а своимъ безумствомъ объявился во Гданскѣ (Данцигѣ), а тебѣ, отцу своему, лютую печаль учинилъ, и тоя ради печали, приключившейся тебѣ отъ самого сатаны, и мню, что и отъ всѣхъ силъ бѣсовскихъ, нешедшу сему злому вихру и смягоша воздухъ аерный, и разлучиша и отторгнуша напрасно сего добраго агнца яростнымъ и смраднымъ своимъ дуновеніемъ отъ тебе, отца и пастыря своего. И мы, великій государь, и сами по тебѣ, вѣрномъ своемъ рабѣ, поскорбѣли приключившейся ради на тя сея горькія болѣзни и злаго оружія, прошедшаго душу и тѣло твое; ей, велика скорбь и туга воистинно! Еще же скорбимъ и о сожительницѣ твоей, яко же и о пустыножилицѣ и единопребывательницѣ въ дому твоемъ и пріемшую горькую нелынь тую въ утробѣ своей, и зѣло оскорбляемся двойнаго и неутѣшнаго ея плача: перваго ея плача не имущи тебя Богомъ даннаго и истинна супруга своего предъ очима своима всегда; втораго плача ея о восхищеніи и разлученіи отъ лютаго и яростнаго звѣря единоутробнаго птенца своего, напрасно отторгнутаго отъ утробы ея. О злое сіе насиліе отъ темнаго звѣря попущеніемъ Божіимъ, а вашихъ грѣхъ ради! Воистинно зѣло великъ и неутѣшимъ плачъ, кромѣ Божія надѣянія, обоимъ вамъ, супругу съ супружницею, лишившася таковаго наслѣдника и единоутробнаго отъ нѣдръ своихъ, еще же утѣшителя и водителя старости и угодителя честной вашей сѣдинѣ и по отшествіи вашемъ въ вѣчная благая памятотворителя добраго. Бьешь челомъ намъ, чтобъ тебя перемѣнить: и ты отъ котораго обычая такое челобитье предлагаешь? Мню, что отъ безмѣрныя печали. Обезчестенъ ли бысть? Но къ славѣ, яже ради терпѣнія на небесѣхъ лежащей, взирай. Отщетенъ ли бысть? Но взирай богатство небесное и сокровище, еже скрылъ еси себѣ ради благихъ дѣлъ. Отпалъ ли еси отечества? Но имаши отечество на небесѣхъ—Іерусалимъ. Чадо ли отложилъ еси? Но ангелы имаши, съ ними же ликоствуеши у престола Божія и возвеселишися вѣчнымъ веселіемъ. Не люто бо есть пасти, люто бо есть падши не востати: такъ и тебѣ подобаетъ отъ паденія своего предъ Богомъ, что до конца впалъ въ печаль, востати борзо и стати крѣпко, и уповати, и дерзати и на его приключившееся дѣйство крѣпко и на свою безмѣрную печаль дерзостно, безъ всякаго сомнительства; воистинно Богъ съ тобою есть и будетъ во-вѣки и на-вѣки; сію печаль той да обратитъ вамъ въ радость и утѣшитъ васъ вскорѣ. А что будто и впрямь сынъ твой измѣнилъ, и мы, великій государь, его измѣну поставили ни во что, и конечно вѣдаемъ, что кромѣ твоея воли сотворилъ, и тебѣ злую печаль, а себѣ вѣчное поползновеніе учинилъ. И будетъ тебѣ, вѣрному рабу Христову и нашему, сына твоего дурость ставить въ вѣдомство и въ соглашеніе твое ему; и онъ, простецъ, и у насъ, великаго государя, тайно былъ и не по одно время и о многихъ дѣлахъ съ нимъ къ тебѣ приказывали, а такова просто умышленнаго яда подъ языкомъ его не видали. А тому мы, великій государь, не подивляемся, что сынъ твой сплуталъ: знатно то, что съ малодушія то учинилъ. Онъ человѣкъ молодой, хощетъ созданія владычня и творенія руку Его видѣть на семъ свѣтѣ, якоже и птица летаетъ сѣмо и овамо и, полетавъ довольно, паки ко гнѣзду своему прилетаетъ: такъ и сынъ вашъ вспомянетъ гнѣздо свое тѣлесное, наипаче же душевное привязаніе отъ Св. Духа во Святой купели, и къ вамъ вскорѣ возвратится. И тебѣ, вѣрному рабу Божію и нашему государеву, видя къ себѣ Божію милость и нашу государскую отеческую премногую милость, и отложа тое печаль, Божіе и наше государево дѣло совершать, смотря по тамошнему дѣлу; а нашего государскаго не токмо гнѣву на тебя къ вѣдомой плутости сына твоего, ни слова нѣтъ; а міра сего тлѣннаго и вихровъ, исходящихъ отъ злыхъ человѣкъ, не перенять, потому что во всемъ свѣтѣ разсѣяни быша, точію бо человѣку душою предъ Богомъ не погрѣшить, а вихры злые, отъ человѣкъ нашедшіе, кромѣ воли Божіей что́ могутъ учинити? Упованіе намъ Богъ, а прибѣжище наше Христосъ, а покровитель намъ есть Духъ Святый“.

Съ этою грамотою и съ порученіемъ разговаривать Нащокина отъ печали отправленъ былъ Приказа Тайныхъ Дѣлъ подъячій Юрій Никифоровъ, которому было наказано: „Аѳанасью говорить, чтобъ онъ объ отъѣздѣ сына своего не печалился, и въ той печали его утѣшать всячески и великаго государя милостію обнадеживать; а что говорятъ въ мірѣ о сынѣ его, что онъ измѣнилъ, и эту измѣну причитаютъ и къ нему, то онъ бы эту мысль отложилъ и уповалъ во всемъ на всемилостиваго Бога и на государскія праведныя щедроты и на свою къ нему, великому государю, нелицемѣнную правду и службу и радѣнье. О сынѣ своемъ промышлялъ бы всячески, чтобъ его, поймавъ, привести къ нему, за это сулить и давать 5, 6 и 10 тысячъ рублей; а если его такимъ образомъ промышлять нельзя, и если Аѳанасью надобно, то сына его извести бы тамъ, потому что онъ отъ великаго государя къ отцу отпущенъ былъ со многими указами о дѣлахъ и съ вѣдомостями. О небытіи его на свѣтѣ говорить не прежде, какъ выслушавши отцовскія рѣчи, и говорить, примѣрившись къ нимъ. Сказать Аѳанасію: вспомни, что ни одинъ купецъ, не истощивъ богатства своего до конца, не можетъ въ первое свое достоинство придти, а тебѣ, думному дворянину, больше этой бѣды впередъ уже не будетъ, больше этой бѣды на свѣтѣ не бываетъ.“

„Твоя великаго государя неизреченная милость свѣтомъ небеснымъ мрачную душу мою озарила“, отвѣчалъ Нащокинъ, „что воздамъ господеви моему за сіе? Умилосердись, повели заблудшуюся овцу въ суемысленныхъ горахъ сыскивать! Билъ я челомъ объ отставкѣ отъ посольскаго дѣла отъ жалости души моей, чтобъ мнѣ въ такомъ паденіи сынишка моего, зазорну будучи отъ всѣхъ людей, въ дѣлѣ не ослабѣть, и отъ того бы твоему великаго государя дѣлу въ посольствѣ низости не было; отъ одной же печали о заблужденіи сынишка моего я твоего государева дѣла не оставлю: если бы я жену или чадо паче твоего дѣла возлюбилъ бы, не былъ бы милости достоинъ; нынѣ судимъ отъ Господа наказуюсь, да не съ міромъ осужусь“ Подъячій Никифоровъ доносилъ, что Нащокинъ читалъ государеву грамоту со слезами и говорилъ: „Печали у меня о сынѣ нѣтъ и его не жаль, а жаль дѣла, и печаль о томъ, что сынъ мой, презрѣвъ великаго государя неизреченную милость, своровалъ; а я про то вовсе ничего не зналъ: смертной казни достоинъ я безъ всякаго милосердія, если что-нибудь зналъ. Безмѣрно горько мнѣ то, что сыну моему отданы ефимки, а я, какъ поѣхалъ изъ Москвы, билъ челомъ Ѳедору Михайловичу Ртищеву, чтобъ ихъ никому не давать, а держать ихъ въ Приказѣ Лифляндской Земли на государевы расходы. Въ мысль мнѣ не вмѣстится, какъ это учинилось? Многіе пріѣзжіе люди мнѣ сказывали, какая неизреченная государева милость была къ сыну моему въ Москвѣ; сказывали, будто посланъ онъ тайно въ Нѣмецкія Земли и провожалъ его Ѳедоръ Михайловичъ Ртищевъ, и я, слыша объ этомъ, дивился.“ „О сынѣ печали у меня нѣтъ“, повторялъ и послѣ Нащокинъ. „Дѣло это положилъ я на судъ Божій, а о поимкѣ его промышлять и за то деньги давать не для чего, потому что онъ за неправду и безъ того пропадетъ и згинетъ, и убитъ будетъ судомъ Божіимъ.“

Въ апрѣлѣ начались съѣзды у Нащокина съ шведскими послами, но не повели ни къ чему: еще въ февралѣ умеръ король Карлъ X Густавъ, и шведскіе послы объявили, что не могутъ заключить вѣчнаго мира, потому что отъ новаго короля нужна имъ полномочная грамота новая. Эту новую грамоту они обѣщали привезти въ іюнѣ мѣсяцѣ; но въ маѣ заключенъ былъ у Шведовъ миръ съ Поляками въ Оливѣ, совершенно перемѣнявшій отношенія ко вреду Москвы: обѣ державы теперь, и Швеція и Польша, особенно послѣдняя, получили возможность усилить свои требованія относительно Москвы, которой приходилось, чтобъ успѣшно воевать и заключить выгодный миръ съ одной изъ нихъ, уступить все другой. Прошелъ іюнь, прошло лѣто, морской ходъ минулся, а шведскіе уполномоченные не являлись на съѣздъ. Между тѣмъ дѣла шли худо въ Бѣлоруссіи, еще хуже въ Малороссіи. Испуганный этимъ, царь писалъ Нащокину, чтобъ заключалъ вѣчный миръ съ Шведами, выговоривъ изъ завоеваннаго города два или хотя одинъ, и давши за нихъ деньги, чтобъ миръ былъ сколько-нибудь честенъ. „На Черкасъ надѣяться никакъ невозможно,“ писалъ государь, „вѣрить имъ нечего: какъ трость вѣтромъ колеблема, такъ и они—поманятъ на время, а если увидятъ нужду, тотчасъ Русскими людьми помирятся съ Ляхами и Татарами.“ „Выговорить два города или одинъ, и ими какъ владѣть?“ возражалъ Нащокинъ; „ото Пскова будутъ далеко, около нихъ все будутъ шведскіе города, Шведскіе люди: Поляки станутъ приходить на псковскія мѣста и разорять, а Шведы имъ не воспрепятствуютъ. Теперь, пока перемирье съ Шведами не вышло, надобно поскорѣе промышлять о мирѣ съ Польскимъ королемъ черезъ посредство курфюрста Бранденбургскаго и герцога Курляндскаго; съ Польскимъ королемъ миръ гораздо надобенъ, нужнѣе Шведскаго, потому что разлились крови многія и уже время дать покой. А не уступивши Черкасъ, съ Польскимъ королемъ миру не сыскать. Прежде, когда они были отъ великаго государя неотступны, уступить ихъ было нельзя, потому что приняты были для единой православной вѣры; а теперь въ другой разъ измѣнили безъ причины: такъ изъ чего за нихъ стоять? Какъ заключенъ будетъ миръ съ Польскимъ королемъ, такъ и Татары отстанутъ: хана деньгами закупить нельзя, потому что онъ султанскій подданный: Турокъ велитъ ему помогать Польскому королю,—и онъ станетъ помогать, и будетъ отговариваться, что по-неволѣ помогаетъ; миромъ съ Поляками Турокъ и ханъ будутъ задавлены, а къ Шведу ханъ на помощь не пойдетъ; уже если надобно уступить Шведу города, то можно уступить и помирясь съ Поляками; я стою за Ливонію ни изъ чего другого, какъ только памятуя крестное цѣлованіе,—у меня тутъ ни помѣстья, ни вотчины нѣтъ. Если съ Шведскимъ помириться теперь и города уступить, то съ Польскимъ королемъ миру не сыскать: это народъ гордый, подумаютъ, что у насъ большое безсилье, и возвысятся безъ мѣры. А вмѣсто того, чтобъ за города платить Шведамъ деньги, лучше удержать перемирье посредствомъ Англійскаго короля: послать въ Англію умнаго человѣка, поздравить короля Карла II съ восшествіемъ на престолъ и попросить о посредничествѣ. Король согласится и будетъ радѣть для прежней дружбы, потому что государь съ Кромвелемъ дружбы не имѣлъ и въ посредники его не принялъ. Съ Польскимъ королемъ надобно мириться въ-мѣру, чтобъ Поляки не искали потомъ перваго случая отомстить; взять Полоцкъ да Витебскъ, а если Поляки заупрямятся, то и этихъ городовъ не надобно: прибыли отъ нихъ никакой нѣтъ, а убытки большіе; надобно будетъ безпрестанно помогать всякою казною да держать въ нихъ войско. Другое дѣло Лифляндская Земля: отъ нея русскимъ городамъ, Новгороду и Пскову, великая помощь будетъ хлѣбомъ; а изъ Полоцка и Витебска Двиною рѣкою которые товары станутъ ходить, и съ нихъ пошлина въ лифляндскихъ городахъ будетъ большая, жалованными грамотами и льготою отговариваться не станутъ. А если съ Польскимъ королемъ миръ заключенъ будетъ ему обидный, то онъ крѣпокъ не будетъ, потому что Польша и Литва не за моремъ, причина къ войнѣ скоро найдется. Съѣздамъ съ польскими коммисарами быть въ Полоцкѣ, а въ великихъ послахъ быть боярину князю Ивану Борисовичу Репнину, потому что его Литва хорошо знаетъ, разумъ и дѣла его выславляетъ вездѣ, да съ нимъ быть думному дьяку Алмазу Иванову“. Объявивши свои мысли, Аѳанасій Лаврентьевичъ послалъ такое письмо къ государю: „Бьетъ челомъ бѣдный и беззаступный холопъ твой, Аѳонка Нащокинъ. Моя службишка Богу и тебѣ, великому государю, извѣстна, за твое государево дѣло, не страшась никого, я со многими остудился, и за то на меня на Москвѣ отъ твоихъ думныхъ людей доклады съ посяганьемъ и изъ городовъ отписки со многими неправдами, и тѣмъ разрушаются твои государевы дѣла, которыя указано мнѣ въ Лифляндахъ дѣлать; я за свою вину давно достоинъ смерти, не слышалъ бы, что тебѣ, великому государю, безпрестанно отовсюду приносятъ печали черезъ меня, беззаступнаго холопа твоего, и службишка моя до конца всѣми ненавидима. Милосердый государь! вели меня отъ посольства шведскаго отставить, чтобъ тебѣ отъ многихъ людей докуки не было, чтобъ не было злыхъ переговоровъ и разрушенія твоему дѣлу изъ ненависти ко мнѣ“.

Желаніе Нащокина было исполнено: вмѣсто него, на съѣзды съ послами новаго Шведскаго короля, Карла XI, Бентгорномъ съ товарищами, въ началѣ 1661 года отправился прежній великій посолъ, бояринъ князь Иванъ Семеновичъ Прозоровскій съ товарищами: стольникомъ княземъ Иваномъ Петровичемъ Барятинскимъ, стольникомъ Иваномъ Аѳанасьевичемъ Прончищевымъ, дьяками Дохтуровымъ и Юрьевымъ. Въ мартѣ начались съѣзды въ Кардисѣ, между Дерптомъ и Ревелемъ. Шведскіе послы начали жалобою на Ордина-Нащокина, который не показалъ никакого расположенія къ вѣчному миру и только проволакивалъ время, водилъ ихъ съ мѣста на мѣсто, что и заставило ихъ, Шведовъ, по-неволѣ заключить миръ съ Поляками, тогда какъ имъ гораздо желательнѣе было заключить миръ съ Россіею, чѣмъ съ Польшею. Прозоровскій оправдывалъ своего предшественника и складывалъ всю вину на Шведовъ. Послѣ этого спора Шведы спросили, будетъ ли имъ уступлено все завоеванное въ Ливоніи, и прибавили, что безъ рѣшительнаго отвѣта на этотъ вопросъ они ни о чемъ говорить не станутъ. Прозоровскій потребовалъ городовъ, отданныхъ по Столбовскому миру; Шведы отвѣчали, что объ этихъ городахъ и говорить нечего, потому что они въ прежнихъ мирахъ закрѣплены государскими душами; что они не только не возвратятъ столбовскихъ уступокъ, но требуютъ и остальной Корельской Земли, которая осталась за царемъ послѣ Столбовскаго мира, да 500,000 золотыхъ червонныхъ. „Такую награду дать отъ какой неволи?“ отвѣчалъ Прозоровскій, „лучше этою казною вновь чего-нибудь доступать, нежели напрасно давать; это вы сами можете разсудить“.—„Мы вамъ по дружбѣ объявляемъ“, продолжали Шведы, „что теперь, за Божіею помощію, дѣла у насъ идутъ по-прежнему, какъ было лѣтъ за пять, а запросы наши не такъ велики, какъ велики убытки, понесенные нами отъ войны“.—„Намъ эти запросы слышать пуще войны“, возражалъ Прозоровскій, „вы это начинаете мимо прямаго настоящаго дѣла и тѣмъ отводите отъ вѣчнаго покоя христіанскаго“. Послѣ долгихъ споровъ и вычетовъ, Шведы объявили, что уступаютъ въ царскую сторону остальную часть Корельской Земли, по попрежнему требуютъ завоеваннаго въ Ливоніи и денежной награды за убытки. „Вы уступаете то, чего у васъ въ рукахъ нѣтъ,“ отвѣчалъ Прозоровскій, „уступите Ивань-городъ, Ямъ и Копорье, тогда великій государь поможетъ вамъ денежною казною.“ Шведы не хотѣли слышать ни о какихъ уступкахъ, и русскіе уполномоченные должны были заключить миръ на всей ихъ волѣ. 21 іюня окончательно подписанъ былъ вѣковѣчный мирный договоръ: обязались другъ другу во всякихъ мѣрахъ всякаго добра хотѣть, лучшаго искать и во всемъ правду чинить; титла обоихъ государей писать по ихъ достоинству и чести, какъ они сами себя описываютъ; царское величество уступаетъ въ королевскую сторону всѣ взятые въ Ливоніи города, а именно: Кокенгаузенъ, Дерптъ, Маріенбургъ, Анзль, Нейгаузенъ, Сыренскъ, со всѣми принадлежащими къ нимъ землями и крѣпостями и со всякими пушечными запасами, съ которыми они взяты; сверхъ того. выходя изъ этихъ городовъ, Русскіе обязаны оставить королевскимъ ратнымъ людямъ хлѣбныхъ запасовъ—10,000 бочекъ ржи и 5,000 бочекъ жита; для земляныхъ граней въ апрѣлѣ будущаго 1662 года выслать съ обѣихъ сторонъ межевыхъ людей по три человѣка дворянъ и дьяковъ добрыхъ; начать имъ межевать выше Новаго Городка (Нейгаузенъ) между русскими и шведскими деревнями по рѣчкѣ Меузицѣ. Съ обѣихъ сторонъ изъ пограничныхъ областей людей не перезывать и не выводить ни тайно, ни явно; между обоими государствами быть вольной и безпрепятственной торговлѣ: по всѣмъ ихъ областямъ, всякими путями, показавши разъ свою проѣзжую память первому порубежному воеводѣ, торговый человѣкъ воленъ ѣхать всюду, куда ему угодно. Русскимъ торговымъ людямъ имѣть вольные торговые дворы въ Стокгольмѣ, Ригѣ, Ревелѣ, Нарвѣ; на тѣхъ дворахъ отправлять церковную службу въ своихъ хоромахъ, но церквей своей вѣры не ставить, кромѣ той церкви, которую они въ Ревелѣ изстари имѣли. На тѣхъ же условіяхъ Шведамъ имѣть торговые дворы въ Москвѣ, Новгородѣ, Псковѣ и Переяславлѣ. Если русскія суда будутъ разбиты бурею у шведскихъ береговъ, то люди безпрепятственно отходятъ оттуда со всѣмъ ихъ имѣніемъ, которое сами сберегутъ или сберечь велятъ, а Шведы должны помогать имъ въ сбереженьи имущества; такимъ же образомъ поступаютъ Русскіе со Шведами на своихъ берегахъ. Посламъ, посланникамъ, гонцамъ и переводчикамъ вольно ѣздить черезъ области обоихъ государствъ во всѣ страны, которыя не состоятъ съ ними въ явной враждѣ; черезъ шведскія области путь чистъ въ Россію иностраннымъ купцамъ съ узорочными товарами, которые годны въ казну царскаго величества, также докторамъ и лѣкарямъ и всякимъ служилымъ и мастеровымъ людямъ; со стороны же царскаго величества королевскому величеству такимъ же образомъ во всемъ воздано будетъ. Плѣнные съ обѣихъ сторонъ освобождаются безъ окупа, кромѣ тѣхъ, которые сами добровольно захотятъ служить на той или другой сторонѣ, и тѣхъ, которые въ Россіи приняли православную вѣру Греческаго закона; перебѣжчиковъ выдавать съ обѣихъ сторонъ; обиднымъ дѣламъ расправа на рубежѣ чрезъ высланныхъ съ обѣихъ сторонъ годныхъ, добрыхъ и разсудныхъ людей; для большихъ дѣлъ оба великіе государя высылаютъ пословъ своихъ на рубежъ ¹).

Миръ былъ тяжелый, потому что условіями своими вполнѣ выражалъ безплодность войны. Но при тогдашнихъ обстоятельствахъ возможность окончательно развязать руки относительно Швеціи была благодѣяніемъ для Москвы: Малороссія опять волновалась, Польша брала верхъ, бояринъ московскій сидѣлъ въ оковахъ у крымскаго поганца, война затягивалась въ безконечность, и казна царская пустѣла все болѣе и болѣе.

---

¹) Архивъ мин. ин. дѣлъ; дѣла Шведскія 1657—1661 года; столб. Прик. Тайн. Дѣлъ въ Госуд. архивѣ.— Во время переговоровъ съ Швеціею встрѣчаемъ упоминовеніе о знаменитомъ Катошихинѣ; «Отъ царя и в. князя Алексѣя Михайловича всея В. и М. и Б. Россіи самодержца нашимъ великимъ и полномочнымъ посламъ дум. двор. и намѣстнику шацкому Афонасью Лавр. Ордину-Нащокину съ товарищи. Апрѣля въ 19 писали есте къ намъ Свѣйскихъ пословъ съ вами о съѣздахъ и съ листа Свѣйскихъ же пословъ прислали переводъ. А въ отпискѣ вашей въ первомъ столбцѣ прописано гдѣ было надобно написать насъ великаго государя, и написано великаго, а государя не написано. И то вы учинили неостерегательно. И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, и выбъ впредь въ отпискахъ своихъ и во всякихъ нашихъ дѣлехъ которые будутъ на писмѣ наше великаго государя именованье и честь писали съ великимъ остерегательствомъ, а вы діаки вычитали всякія писма сами не по единожды и высматривали гораздо чтобъ впредь въ вашихъ писмахъ такихъ неосторожностей не было, а подъячему Гришке Катошихину который тоѣ отписку писалъ велѣлибъ есте за то учинить наказанье бить батоги. Писанъ въ Москвѣ лѣта 7168 мая въ 4.»—Послѣ, 9 октября, Нащокинъ посылалъ Катошихина въ Ревель провѣдывать о шведскихъ послахъ.

Глава II.

Продолженіе царствованія Алексѣя Михайловича.

Сношенія съ новымъ гетманомъ; отказъ въ его просьбахъ.—Непріятельскія дѣйствія и переговоры съ Поляками.—Пораженія князя Хованскаго подъ Полонкою.—Военныя дѣйствія Долгорукаго у Могилева.—Переписка Бенѣвскаго съ Юріемъ Хмельницкимъ.—Походъ Шереметева и Хмельницкаго ко Львову.—Военныя дѣйствія у Любара.—Отступленіе Шереметева къ Чуднову.—Хмельницкій передается Полякамъ. Сдача Шереметева и плѣнъ въ Крыму.—Состояніе Москвы послѣ извѣстія о Чудновскомъ несчастіи.—Дурныя вѣсти съ Дону.—Ссора воеводъ въ Малороссіи.—Москва печатаетъ извѣстія о военныхъ дѣлахъ для Европы.—Переговоры Бенѣвскаго и Хмельницкаго въ Корсунѣ.—Черная рада.—Павелъ Тетеря.—Движенія на восточной сторонѣ Днѣпра въ пользу Москвы.—Наказный гетманъ Самко.—Запорожье, Сѣрко и Брюховецкій.—Посольство Полтева въ Малороссію.—Военныя дѣйствія здѣсь.—Причина ихъ прекращенія.—Смута въ Малороссіи: Самко, Золотаренко и Брюховецкій ищутъ гетманства.—Посольство Протасьева въ Малороссію.—Самко совѣтуетъ, чтобъ западная сторона была уступлена Польшѣ и чтобъ при гетманѣ малороссійскомъ находился постоянно великороссійскій чиновникъ.—Доносы на Самка.—Епископъ Меѳодій.—Нашествіе Крымцевъ.—Козелецкая рада.—Доносы Самка и его приверженцевъ на Золотаренка, Меѳодія на Самка; Брюховецкій доноситъ и на Самка и на Золотаренка, и требуетъ Ртищева въ князья малороссійскіе.—Оправдательная грамота Самка.—Возобновленіе военныхъ дѣйствій въ Малороссіи.—Хмельницкій слагаетъ гетманство и постригается въ монахи.—Тетеря—гетманъ западной стороны.—Продолженіе борьбы между искателями гетманства на восточной сторонѣ.—Церковная усобица вмѣстѣ съ политическою.—Посольство Ладыженскаго въ Малороссію.—Нѣжинская рада; избраніе Брюховецкаго; казнь его противниковъ.—Неудовольствія въ Украйнѣ.—Пораженіе Хованскаго при Кушликахъ.—Потеря Гродна, Могилева, Вильны.—Судьба Виленскаго воеводы князя Данилы Мышецкаго.—Печальное состояніе царскаго войска въ Бѣлоруссіи.—Мирные переговоры.—Размѣнъ плѣнныхъ.—Трагическая смерть Гонсѣвскаго.—Король сбирается перейти на восточный берегъ Днѣпра.—Дѣйствія Московскаго воеводы Касогова и Сѣрка на югѣ.—Волненіе въ Запорожьи.—Письмо Касогова въ Москву.—Тревога въ Малороссіи по причинѣ королевскаго похода.—Переговоры дьяка Башмакова съ гетманомъ и старшиною.—Нашествіе короля на восточную сторону и неуспѣхъ его.—Военныя дѣйствія на западной сторонѣ.—Замыселъ Выговскаго и смерть его.—Заточеніе митрополита Іосифа Тукальскаго.—Состояніе царскаго войска въ Малороссіи.—Вражда Брюховецкаго съ епископомъ Меѳодіемъ и съ городами.—Жалобы ратныхъ людей на Брюховецкаго.—Оправдательное письмо его къ Хитрово.—Брюховецкій требуетъ великороссійскаго духовнаго на Кіевскую митрополію и объявляетъ о своемъ пріѣздѣ въ Москву.

Мы видѣли, что грозная туча, ужаснувшая Москву, въ 1659 году, пронеслась мимо; ханъ съ Выговскимъ не являлись изъ-подъ Конотопа подъ ея стѣнами; Малороссія снова подчинилась великому государю. 1659 годъ завершился удачею: въ декабрѣ бояринъ Василій Борисовичъ Шереметевъ изъ Кіева ударилъ на Андрея Потоцкаго, разбилъ его и взялъ обозъ[1]. Но въ Малороссіи что-то не ладилось.

Въ декабрѣ 1659 года пріѣхали въ Москву отъ Хмельницкаго послы—Андрей Одинецъ и Петръ Дорошенко съ наказомъ бить челомъ: 1) Чтобъ царскихъ воеводъ, кромѣ Кіева и Переяславля, нигдѣ въ другихъ городахъ не было, кромѣ случаевъ непріятельскаго нашествія.—Государь указалъ: этой статьѣ быть по Переяславскому договору, а утѣсненья отъ царскихъ воеводъ и ратныхъ людей войску Запорожскому не будетъ. 2) Чтобъ гетману съ судьями войсковыми и иною старшиною судъ на преступныхъ людей вольно было имѣть на обѣихъ сторонахъ Днѣпра, какъ надъ старшиною, такъ и надъ чернью, и осужденныхъ по закону карать: иначе водворится непослушаніе и, черезъ непослушаніе, смятеніе въ войскѣ; чтобъ послы гетманскіе грамоту отдавали сами въ руки царскаго величества, и чтобъ эта грамота при послахъ же была прочитываема государю.—Первая половина просьбы была отвергнута, какъ несообразная съ Переяславскимъ договоромъ; на вторую отвѣчали: листы гетманскіе при царскомъ величествѣ принимаютъ всегда,—такъ повелось издавна; это измѣнникъ Ивашка Выговскій толковалъ, будто посланцамъ ихъ листовъ до царскаго величества доносить не даютъ; но этого никогда не бывало и впередъ не будетъ; листы передъ царскимъ величествомъ читаютъ и все по нимъ государю бываетъ вѣдомо. 3) Чтобъ государь не принималъ никакихъ грамотъ, челобитенъ и посланцовъ изъ войска Запорожскаго, ни отъ старшинъ, ни отъ черни, ни отъ духовныхъ, ни отъ мірскихъ людей, безъ листа отъ гетмана и печати войсковой: это для разныхъ причинъ, потому что отъ оболганія ненавистныхъ людей многія ссоры происходятъ.—*Отвѣтъ:* Если кто изъ войска Запорожскаго къ царскому величеству безъ гетманскаго листа и пріѣдетъ, то царское величество велитъ дѣло разсмотрѣть, и если которые люди станутъ пріѣзжать по своимъ дѣламъ, а не для смутъ, то царское величество и указъ имъ велитъ чинить по ихъ дѣламъ; отъ которыхъ же объявятся ссоры, то государь никакимъ ссорамъ не повѣритъ и велитъ отписать объ этомъ къ гетману. Такъ гетманъ бы ничего не опасался; если же исполнить эту ихъ просьбу, то вольностямъ ихъ будетъ нарушенье, этимъ они вольности свои сами замыкаютъ. 4) При мирныхъ переговорахъ съ королемъ Польскимъ и другими окрестными монархами быть и посламъ войска Запорожскаго съ вольнымъ голосомъ и засѣдать въ особомъ мѣстѣ; если будетъ коммисія съ королевскими послами, то послы войска Запорожскаго станутъ просить о возвращеніи отъ уніатовъ забранныхъ ими у православныхъ владычествъ, архимандритствъ, игуменствъ и разныхъ маетностей. Царское величество указалъ: быть по ихъ прошенью, послать имъ на съѣздъ съ польскими коммисарами двухъ или трехъ человѣкъ добрыхъ, а не совѣтниковъ Ивашки Выговскаго. 5) Чтобъ гетману и всему войску Запорожскому вольно было пословъ отъ разныхъ государствъ принимать и отпускать, доставляя въ Москву списки съ грамотъ, ими принесенныхъ, или даже подлинныя грамоты съ печатями. *Отвѣтъ:* — Турецкихъ, польскихъ, и другихъ подобныхъ пословъ не принимать; молдавскихъ и валахскихъ, которые придутъ съ порубежными малыми дѣлами, принимать; если же придутъ съ большими дѣлами, то грамоты присылать въ Москву, а самихъ отпускать. 6) Чтобъ царское величество простилъ Данилу Выговскаго, Ивашку Нечая, Гришку Лесницкаго, Гришку Гуляницкаго, Самошку Богданова, Германку Гапонова, Ѳедку Лободу, быть имъ въ прежнемъ достоинствѣ; чтобъ государь велѣлъ освободить плѣнныхъ, Ивана Сербина и другихъ.—*Отвѣтъ:* Царское величество пожаловалъ, впередъ этимъ людямъ банитами не быть, а когда гетманъ самъ будетъ у государя, тогда объ этомъ и указъ послѣдуетъ. 7) Чтобъ гетману и войску даны были жалованныя грамоты, какъ даны были Богдану Хмельницкому; чтобъ Юрію Хмельницкому дана была грамота на староство Чигиринское и Гадяцкій повѣтъ, съ которыхъ денежные и хлѣбные сборы должны идти на гетмана. Эта просьба была исполнена. 8) Чтобъ духовенству малороссійскому былъ предоставленъ свободный выборъ митрополита; „относительно же того, подъ чьимъ благословеніемъ быть Кіевскому митрополиту, то намъ, мірскимъ людямъ, говорить объ этомъ не слѣдуетъ: какъ рѣшитъ Константинопольскій патріархъ, такъ и будетъ“.—*Отвѣтъ:* Царское величество указалъ: быть тому по нынѣшнему Переяславскому договору, митрополиту Кіевскому быть подъ благословеніемъ патріарха Московскаго, потому что духовенство на Переяславской радѣ приговорило такъ.

---

[1] Дополненіе къ III ч. Дворц. разрядовъ, стр. 207.

Юрій не былъ доволенъ Москвою: просьбы, которыя всего больше лежали у него на сердцѣ, не были исполнены. Въ это время заслышали въ Малороссіи, что сбираются на нее съ двухъ сторонъ— король Польскій и ханъ Крымскій. Въ половинѣ іюля 1660 года гетманъ отправилъ посланцовъ къ царю съ такою информаціею: просить государя, чтобъ прислалъ въ Малороссію другого боярина для обороны отъ хана Крымскаго, потому что бояринъ Василій Борисовичъ Шереметевъ пошелъ противъ Ляховъ; объявить, что король Польскій, хитрый въ думахъ и въ уставѣ, наступаетъ крѣпко на царское величество и на города украинскіе съ посполитымъ рушеніемъ; къ нему на помощь Крымскій ханъ послалъ калгу съ мурзами. Просить государя, чтобъ велѣлъ Донскимъ казакамъ промышлять надъ крымскими городами и такимъ образомъ помѣшать соединенію Татаръ съ Поляками. Просить, чтобъ государь отпустилъ шурина гетманскаго, Ивана Нечая, потому что однимъ человѣкомъ богатая земля не убожится, а бѣдная не богатѣетъ: „Сколько разъ“, писалъ Юрій въ грамотѣ, „просилъ я ваше царское величество о Иванѣ Нечаѣ, но до сихъ поръ не могъ получить желаемаго: думаю, что писаніе мое до рукъ вашего царскаго величества не доходило; сестры мои двѣ вдовы: одна по Данилѣ Выговскомъ, другая по Иванѣ Нечаѣ, съ дѣтками безпрестанно слезы проливаютъ кровавыя, на меня нарекаютъ и докучаютъ и просятъ, чтобъ вашему царскому величеству билъ челомъ и писалъ“. Посланцы гетманскіе объявили въ Москвѣ, что бояринъ Василій Борисовичъ Шереметевъ пошелъ противъ короннаго войска, а съ нимъ пошло 11 полковъ черкасскихъ, всѣхъ ратныхъ людей у него 60,000; наказнымъ гетманомъ при Черкасахъ Переяславскій полковникъ Тимоѳей Цецура. Коронный гетманъ Потоцкій стоитъ около Межибожа, а войска у него съ 10,000; Чарнецкій и Сапѣга стоятъ подъ Борисовымъ: два раза приступали они къ этому городу, но были отбиты. Въ Запорожье гетманъ посылаетъ два полка—Черкасскій да Каневскій, а съ кошевымъ въ Запорогахъ съ 10,000 войска, да охотниковъ съ Сѣркомъ 5,000: велѣно имъ промышлять надъ Татарами.

Царь отвѣчалъ гетману, что къ нему на помощь отъ Татаръ идетъ изъ Москвы окольничій князь Осипъ Щербатый со многими ратными людьми, да изъ Бѣлгорода князь Григорій Григорьевичъ Ромодановскій пошлетъ товарища своего, Петра Скуратова; къ Донскимъ казакамъ уже посланъ приказъ промышлять надъ Крымцами. Въ просьбѣ объ освобожденіи Нечая и на этотъ разъ было отказано гетману; царь писалъ ему: „Иванъ Нечай намъ измѣнилъ, Польскому королю Яну-Казиміру присягалъ, нашихъ ратныхъ людей на проѣздахъ многихъ побивалъ, въ Мстиславль и Кричевъ мѣщанамъ прелестные листы писалъ, по которымъ мѣщане намъ измѣнили, воеводъ нашихъ и ратныхъ людей побили, а иныхъ воеводъ онъ, Нечай, отослалъ къ Польскому королю; онъ же изъ Чаусъ подъ Могилевъ и подъ Мстиславль приходилъ, многое разоренье и кровопролитіе починилъ, въ Смоленскъ къ воеводѣ и въ другіе города воровскіе листы писалъ, называясь вѣрнымъ подданнымъ Польскаго короля; въ Быховѣ заперся, нашихъ милостивыхъ грамотъ не послушалъ, почему и взятъ въ Быховѣ нашими ратными людьми. Польскій король и теперь съ нами войну ведетъ, такъ намъ Нечая къ вамъ въ войско Запорожское отпустить нельзя, потому что онъ, по присягѣ своей, станетъ Польскому королю желать всякаго добра, а намъ и вамъ всякаго зла“ [1]).

Но страшное зло сдѣлалось и безъ Нечая. Непріятельскія дѣйствія между московскими и польскими войсками не прекращались. Въ январѣ 1660 года бояринъ князь Иванъ Андреевичъ Хованскій взялъ Брестъ, выжегъ его и высѣкъ, поразивши въ трехъ битвахъ троихъ непріятельскихъ вождей—Полубенскаго, Обуховича и Огинскаго [1]. А между тѣмъ въ Борисовъ пріѣхали князь Никита Ивановичъ Одоевскій съ товарищами для мирныхъ переговоровъ съ польскими уполномоченными; для участія въ этихъ переговорахъ пріѣхали и послы войска Запорожскаго—Нѣжинскій полковникъ Василій Золотаренко и Ѳедоръ Коробка съ 53-мя казаками. Относительно Малороссіянъ Одоевскій получилъ наказъ: отвести имъ въ Борисовѣ дворы добрые; для бережен҃ья быть у нихъ стрѣльцамъ, чтобъ имъ отъ ратныхъ государевыхъ людей никакой тѣсноты и безчестья не было; на съѣздахъ сидѣть имъ въ государевомъ шатрѣ особо на скамьѣ или на стульяхъ отъ посольскаго стола недалеко, гдѣ пристойно, а къ шатру и отъ шатра велѣть имъ ѣздить за дьяками; а о рубежахъ съ польскими коммисарами говорить имъ по информаціи, какая имъ дана отъ гетмана Юрія Хмельницкаго и отъ всего войска Запорожскаго. Въ информаціи говорилось, что Волынь и Подолія не должны отдѣляться отъ владѣній царскаго величества, тѣмъ болѣе что государь уже называется Волынскимъ и Подольскимъ; чтобъ унія была уничтожена; чтобъ плѣнники украинскіе, особенно взятые не на войнѣ, были возвращены; чтобъ была свободная торговля между Малороссіею и Польшею. Но информація оказалась ненужною: русскіе уполномоченные не дождались польскихъ коммисаровъ въ Борисовѣ. Въ мартѣ мѣсяцѣ коронный гетманъ Станиславъ Потоцкій, обозный Андрей Потоцкій, Выговскій съ Поляками и Татарами начали военныя дѣйствія на югѣ, безъ успѣха приступали къ Могилеву (на Днѣстрѣ), Браславлю, Умани, жгли села и разсылали всюду прелестныя грамоты. Зимній походъ былъ труденъ: войско терпѣло сильный голодъ, потому что крестьяне попрятали весь хлѣбъ въ ямы, а сами заперлись въ крѣпостяхъ вмѣстѣ съ казаками; край опустѣлъ; ханъ прислалъ только нѣсколько тысячъ Татаръ, и то очень изнуренныхъ. Гетманъ Станиславъ Потоцкій писалъ въ апрѣлѣ коммисарамъ: „Если мы заключимъ миръ съ Москвою, то обѣ фуріи, и Турецкая и Татарская, непремѣнно бросятся на насъ, потому что господари Молдавскій и Волошскій поселили въ Татарахъ большое недовѣріе къ намъ, внушивъ, что мы согласились съ Москвою противъ нихъ. Я желалъ бы мира съ Москвою; но если за нимъ должна послѣдовать Турецкая война, то надобно хорошенько обдумать дѣло“. Вотъ еще новая причина неуступчивости и медленности со стороны коммисаровъ [2]! Они стали отказываться писать царя Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцемъ, стали требовать, чтобъ московскіе уполномоченные не писали запорожскихъ посланныхъ подданными царскими, и чтобъ эти подданные не имѣли вольнаго голоса при переговорахъ. „Странное дѣло!“ отвѣчалъ имъ Одоевскій, „у васъ на сеймахъ посолъ каждаго повѣта имѣетъ вольный голосъ; въ Малороссіи повѣтовъ много, а вы не хотите малороссійскимъ посламъ дать вольнаго голоса при нашихъ переговорахъ“! Коммисары прислали сказать Одоевскому, что послѣ того, какъ Юрій Хмельницкій былъ провозглашенъ гетманомъ, посланцы его за него и за все войско присягали королю въ Шубинѣ. Одоевскій показалъ грамоту коммисаровъ Золотаренку, и тотъ отвѣчалъ имъ: „Святаго божественнаго маестата дѣло отнимать земли у одного монарха и отдавать ихъ другому, и вы, не желая называть насъ подданными царскими, волѣ Божіей противитесь. Несмотря на то, что нѣкоторые Ляхи, находившіеся въ войскѣ Запорожскомъ, старались склонить его на польскую сторону, войско, какъ скоро узнало объ ихъ замыслахъ, свергнуло съ безчестіемъ Выговскаго и отдало булаву Хмельницкому, который, какъ достойный сынъ, пошелъ по стопамъ отцовскимъ и воскресилъ въ войскѣ присягу царскому величеству, умерщвленную насиліемъ Выговскаго, и теперь на Украйнѣ нѣтъ ни одного полка, ни одного полковника, ни одного товарища, который былъ бы подданнымъ королевскимъ“. Въ то время, какъ шла эта безполезная переписка, 29 апрѣля ночью, Поляки, съ 1,000 человѣкъ, явились подъ Вильною, овладѣли большимъ городомъ и начали приступать къ замку; но русскіе солдаты сдѣлали удачную вылазку изъ замка и выбили непріятеля изъ большого города. Съ польскими ратными людьми приходило подъ Вильну много шляхты, присягнувшей прежде царю. Накапунѣ непріятельскаго прихода нѣкоторые изъ этой шляхты пріѣзжали подъ Вильну для провѣдыванія; мѣщане вышли къ нимъ на встрѣчу за пять верстъ и разсказали, на которыя мѣста въ городѣ лучше ударить; когда же Поляки подошли къ Вильнѣ, то мѣщане помостили имъ мосты черезъ рвы, ворота съ ними заодно высѣкали и къ замку приводили, указывая на слабыя мѣста. Извѣстный намъ Нѣжинскій протопопъ Максимъ писалъ нѣжинскому сотнику Роману Ракушкѣ, бывшему въ Борисовѣ вмѣстѣ съ Золотаренкомъ: „Ради Бога, будьте осторожны на этой коммисіи съ Ляхами, зная ляцкую хитрость, и боярамъ скажите, чтобъ были осторожны; знаю подлинно, что Ляхи призвали въ Литву 12,000 Татаръ и хотятъ подвести ихъ измѣною на царскихъ уполномоченныхъ. Объ этихъ Татарахъ выпытали въ Прилукахъ у пьянаго чернеца Тарасія Бузскаго, который былъ при митрополитѣ Балабанѣ, пріѣзжалъ съ нимъ изъ Слуцка въ Кіевъ и опять съ нимъ уѣхалъ; лютый кобель, и хотя подъ клобукомъ, а настоящій іезуитъ, теперь послѣ Пасхи пріѣзжалъ онъ изъ Слуцка къ пану гетману, сказываетъ, съ митрополичьими письмами; такъ онъ говорилъ, что Заднѣпровье король выдалъ Туркамъ и Татарамъ, чтобъ огнемъ и мечемъ выгубили“. Наконецъ, 18 іюня, Одоевскій получаетъ коротенькую записку отъ боярина князя Ивана Андреевича Хованскаго, который осаждалъ Ляховичи: „Князь Никита Ивановичъ! Бога ради берегитесь: идутъ на васъ люди изъ Жмуди, а на насъ уже пришли—Чарнецкій съ товарищами: посольству у васъ никакъ не статься, обманываютъ; не покручинься, что коротко написалъ: и много было писать, да некогда, пошелъ противъ непріятеля. Ивашка Хованскій челомъ бьетъ, Бога ради берегитесь!“ Недолго послѣ того послы ждали новыхъ вѣстей; 20 іюня прибѣжалъ изъ полковъ Хованскаго солдатъ и объявилъ о страшномъ несчастіи: 17 числа Хованскій выступилъ изъ обоза подъ Ляховичами, ночевалъ въ двадцати верстахъ въ мѣстечкѣ Мышахъ и на другой день, 18 іюня, въ десяти верстахъ отъ Мышей, въ мѣстечкѣ Волонѣ (Полонкѣ) встрѣтился съ польскими войсками, бывшими подъ начальствомъ Павла Сапѣги, Чарнецкаго, Полубенскаго и Кмитича: здѣсь русская пѣхота потерпѣла совершенное пораженіе, воевода князь Семенъ Щербатый попался въ плѣнъ, двое сыновей князя Хованскаго и воевода Змѣевъ были ранены; Хованскій-отецъ съ остальнымъ войскомъ побѣжалъ къ Полоцку: обозъ подъ Ляховичами достался побѣдителямъ. Узнавъ объ этомъ несчастіи, уполномоченные немедленно же выѣхали изъ Борисова въ Смоленскъ [1]).

---

[1]) Архивъ мин. ин. д.; дѣла Малороссійскія 1659 и 1660 г.

---

[1] Weslawski, p. 119.

[2] Памятники, изд. Кіевскаго коммис., т. IV, отд. 3, № 1.

Такъ исполнилось пророчество царя относительно Хованскаго, который съ этихъ поръ сдѣлался знаменитъ своими пораженіями [2]). Но, кромѣ Хованскаго, въ Бѣлоруссіи былъ еще другой воевода, прославившійся разбитіемъ и взятіемъ въ плѣнъ гетмана Гонсѣвскаго, князь Юрій Алексѣевичъ Долгорукій. 3 октября онъ далъ знать изъ села Губарева отъ Могилева за 30 верстъ, что въ трехдневномъ бою, 24, 25 и 26 сентября, онъ разбилъ гетмана Павла Сапѣгу, Чарнецкаго, Паца и Полубенскаго, взялъ у нихъ 19 человѣкъ плѣнныхъ; 10 октября новыя вѣсти отъ Долгорукаго оттуда же, что гетманъ Сапѣга приходилъ на его обозъ, но былъ отбитъ. По польскимъ извѣстіямъ, Сапѣга и Чарнецкій напали съ двухъ сторонъ на войска Долгорукаго, разставленныя въ лѣсу въ числѣ 23,000; конницу разбили, но пѣхота, храбро защищаясь, въ порядкѣ возвратилась въ свой лагерь. Въ слѣдующіе дни Поляки окружили Дулгорукаго, отнимали съѣстные припасы, шедшіе изъ Смоленска, перенимали людей, хотѣвшихъ пробраться въ Смоленскъ. Въ это время Хованскій, собравшись снова съ силами у Полоцка, въ числѣ 12,000 человѣкъ, началъ наступать на Поляковъ сзади. Чарнецкій и Сапѣга обратились на него и принудили бѣжать; этимъ временемъ Долгорукій отступилъ къ Могилеву, а брата своего Петра послалъ къ Шклову; но князь Петръ потерпѣлъ пораженіе подъ этимъ городомъ [3]).

На югѣ дѣла шли еще хуже. Здѣсь Поляки прежде всего хлопотали около новаго гетмана, склоняя его на сторону королевскую. Въ концѣ января 1660 года Бенѣвскій писалъ Юрію: „Вы толкуете о непріятельскихъ мучительствахъ, которыя вы претерпѣвали отъ Поляковъ; но неужели природный панъ вашъ король потому кажется вамъ жестокосердымъ, что, какъ добрый отецъ, покрылъ ризою милости и далъ перстень сынамъ заблудшимъ? Не потому ли онъ вамъ кажется жестокосердымъ, что всякому до него, какъ до отца, доступъ и разговоръ вольный, или потому, что всѣ присланные отъ васъ были обдарены и удовольствованы, или, наконецъ, потому, что помазанникъ Божій присягнулъ Царю царей вмѣстѣ съ сенатомъ и Рѣчью Посполитою, что васъ, какъ дѣтей, принимаетъ и вольностей вашихъ никогда не нарушитъ? А царь не потому ли кажется вамъ добръ, что полна Украйна мучительства? Когда бы мой большой и любимый пріятель, родитель вашей милости, воскресъ и увидѣлъ одного зятя своего на крюкѣ, дочь въ плѣну и въ безчестіи; когда бы увидѣлъ другого зятя неслыханно замученнаго; когда бы увидѣлъ тѣло его, истерзанное кнутомъ, пальцы отрѣзанные, глаза вынутые и серебромъ залитые, уши буравомъ просверленныя и серебромъ зашитыя; когда бы увидѣлъ другую дочь, умирающую надъ тѣломъ милаго мужа; когда бы увидѣлъ сиротъ, малыхъ у которыхъ отца такъ замучили:—еслибъ Богданъ Хмельницкій увидѣлъ все это, то не только принялся бы за оружіе, но и въ огонь ринулся бы; наконецъ разоренное Заднѣпровье и ежедневныя обиды—дивно мнѣ, какъ все это могло полюбиться? Знаю, что вы присягали царю, но знаю, что не по доброй волѣ; знаю, въ какомъ опасномъ положеніи находились вы подъ Терехтемировымъ; нескорое прибытіе нашей помощи причиною тому, что вы принуждены были присягнуть царю. Но смотрите, какъ сдержаны обѣщанія царскія! Панъ Ковалевскій пишетъ мнѣ, что царь простилъ всѣхъ; но если простилъ, то зачѣмъ же человѣкъ замученъ? Не только печаль, но и безчестье всему войску—прислать къ нему такъ замученнаго зятя гетманскаго, на весь свѣтъ славнаго, въ войскѣ заслуженнаго, а вашей милости шурина. Удивляюсь, что панъ Ковалевскій, присяжный мой братъ, такъ скоро забылъ присягу свою, которую далъ Богу и пану своему природному, забылъ милость панскую, забылъ и мои къ себѣ милости. Не такимъ я зналъ пана Ковалевскаго прежде, во времена покойнаго родителя вашего; вспомнилъ бы то, какъ былъ переводчикомъ у покойника, какъ тотъ черезъ него все дѣлалъ. Еслибы родитель вашъ хотя немножко побольше пожилъ, то водворилъ бы совершенный покой, радѣніемъ и трудами пана Ковалевскаго, который пусть припомнитъ, какія были къ нему милости отъ короля и королевы; а теперь онъ спиною къ помазаннику Божію обращается, несмотря на свою присягу, несмотря на то, что прежде самъ указывалъ способъ, какъ дѣйствовать противъ

---

[1]) Архивъ мин. ин. д.; дѣла Польскія 1660 года.

[2]) «Suis cladibus orbi notus», говоритъ Мейербергъ о Хованскомъ.

[3]) Акты арх. эксп. IV. № 119, 127; Дополненіе къ III ч. Дворцовыхъ разряд., стр. 244; Памятники, изд. Кіев. коммис. IV, 61.

Москвы. Знаю, что васъ, панъ гетманъ, отлучаютъ отъ насъ двоякаго рода представленіями: вопервыхъ, стращаютъ, что Ляхи будутъ мстить вамъ за обиды, нанесенныя имъ отцомъ вашимъ; но убей меня Богъ съ душою и тѣломъ, если намъ въ голову входитъ что-нибудь подобное; съ какой стати будемъ мстить вамъ!—вѣдь вы еще не поднимали рукъ на короля и республику; скорѣе надобно было бы мстить на панѣ Выговскомъ, который такъ жестоко на Польшу наступалъ, и, надобно признаться, при покойномъ родителѣ вашемъ никакъ не склонялся на нашу сторону; но сами знаете, какъ онъ теперь взысканъ милостію королевскою, какою честію украшенъ. Вспомните и о панѣ Антонѣ Ждановичѣ: начавши отъ Кракова, прошелъ онъ съ огнемъ Польшу; а теперь взысканъ такъ же милостію королевскою; и другихъ примѣровъ безчисленное множество. Бойся, панъ гетманъ, не Польши. бойся Москвы, которая скоро захочетъ доходовъ малороссійскихъ и поступитъ съ вами, какъ съ другими. Вовторыхъ, говорятъ, что у Ляховъ нѣтъ войска; говорятъ: „и собака на насъ не залаетъ, какъ пойдемъ въ Землю Польскую“. Но жестоко обманется войско Запорожское такими вѣстями: до сихъ поръ, несмотря на то, что со всѣхъ сторонъ были мы окружены непріятелями, мы давали имъ отпоръ; теперь же, когда съ Шведскимъ королемъ уже заключено перемиріе на 15 лѣтъ; когда войска короля Шведскаго вступили къ намъ въ службу; когда наши войска соединились или скоро соединятся съ Ордою; когда вся шляхта вооружится; когда войска изъ Пруссіи съ паномъ Чарнецкимъ, изъ Курляндіи, съ Полубенскимъ уже направляются въ Литву: то увидятъ, какъ мы безсильны! Не думайте, что король призываетъ васъ, чувствуя свою слабость; нѣтъ: онъ зоветъ васъ потому только, чтобъ Украйна не стала пустынею и чрезъ то не отворились бы ворота въ Польшу; притомъ же панъ природный не мечемъ, но добротою хочетъ привлечь къ себѣ подданныхъ. Свою шею заложу за вашу безопасность, при васъ и съ вами хочу быть. Ради Бога, размыслите хорошенько, не навлекайте на себя проклятія за клятвопреступленіе и поступайте по правдѣ, а то теперь какъ смотрѣть на ваши поступки? Пишете ко мнѣ, чтобъ я пріѣхалъ, а посланца моего въ заключеніи держали и хотѣли въ Москву отослать! Разсуди, милостивый панъ, и то: хорошо ли отправить пословъ къ помазаннику Божію съ изъявленіемъ покорности, а потомъ поступить совершенно иначе,—не значитъ ли это съ Богомъ и государемъ шутить? ибо что дѣлаетъ посолъ, то все равно что дѣлаетъ самъ панъ. Вы своихъ пословъ, людей невинныхъ, подъ такую бѣду подвели! Но я, зная, что не одна мать родила всѣхъ, пословъ этихъ держу у себя въ чести, всякій день вмѣстѣ со мною ѣдятъ и пьютъ, всего у нихъ довольно. Я бы ихъ давно уже отпустилъ, но панъ воевода Кіевскій (Выговскій) просилъ не отпускать ихъ до тѣхъ поръ, пока не будетъ прислана къ нему жена его. Подарите меня за мои услуги, выпустите невинную женщину, потому что не рыцарское дѣло съ женщинами воевать, а я посылаю письменную присягу, что какъ скоро пріѣдетъ въ Межибожи панья Выговская, сейчасъ же отпущу къ вамъ пановъ пословъ вашихъ“. Хмельницкій сказалъ посланному Бенѣвскаго: „Я другъ твоему пану; пріѣзжаетъ къ намъ или не пріѣзжаетъ—какъ хочетъ, потому что не мое правленіе, а пана Ковалевскаго“.

Этотъ отвѣтъ показывалъ лучше всего ничтожность Хмельницкаго; справедливо отозвался о немъ Кіевскій воевода Шереметевъ, который, повидавшись съ Юріемъ, сказалъ: „Этому гетманишкѣ надобно было бы гусей пасти, а не гетманствовать“. При этомъ свиданіи, которое дало Шереметеву такое невыгодное мнѣніе о Хмельницкомъ, они уговорились идти ко Львову, и въ концѣ августа дѣйствительно выступили въ походъ по двумъ разнымъ дорогамъ: Шереметевъ пошелъ на Котельню, Хмельницкій—на Гончариху; къ Шереметеву присоединился отрядъ казаковъ подъ начальствомъ Цецуры. Непріятель умѣлъ утаить свои движенія и свои силы, и на Волыни у Любара Шереметевъ встрѣтилъ тридцатитысячное польское войско, подъ начальствомъ гетмана Потоцкаго и маршалка Любомирскаго; но съ Поляками шло еще 60,000 Татаръ. Видя превосходство силъ непріятельскихъ, Шереметевъ засѣлъ въ обозѣ, изъ котораго отбивался въ продолженіи двухъ дней, 5 и 6 сентября; 1,500 москвичей и 200 казаковъ полегло при этой оборонѣ. Но бѣды только начинались; въ московскомъ обозѣ оказался голодъ. Чтобъ промыслить что-нибудь, 9 сентября воевода выслалъ трехтысячный отрядъ: но Татары уже стерегли его на дорогѣ, ударили изъ засады, убили 500 человѣкъ, взяли въ плѣнъ 300. Прошло три дня; въ русскомъ обозѣ царствовала глубочайшая тишина; только по дыму да по лошадямъ, пасущимся внутри и внѣ обоза, можно было догадаться, что въ немъ еще сидятъ люди. Русскіе притаились нарочно, и 13 числа, около 6 часовъ утра, вдругъ выступили на поле, разстилавшееся между двумя непріятельскими станами. Поляки однако не были застигнуты врасплохъ и поспѣшили къ нимъ на встрѣчу; увидавши ихъ, Русскіе немедленно скрылись въ свои укрѣпленія; Поляки возвратились, но только-что успѣли сойти съ лошадей, какъ Русскіе опять показались въ полѣ и четыре раза повторяли эту тревогу. Они не могли долѣе оставаться въ покоѣ: не было ни людскихъ, ни конскихъ кормовъ, ни пороха. 14 числа ночью они подкрались-было подъ станъ непріятельскій, но, увидавъ, что Поляки готовы биться, ушли назадъ. Всѣ эти безполезныя движенія только еще болѣе раздражили голодное войско. Казаки первые взволновались и рѣшили уходить: но въ то время, какъ они уже готовы были садиться на коней, является Шереметевъ съ саблею въ рукахъ, упрекаетъ ихъ въ трусости и обѣщаетъ, если останутся, заплатить имъ въ Кіевѣ хорошія деньги. Казаки успокоились; но на другой день, 16 числа, взволновалось и московское войско, требуя, чтобъ бояринъ выводилъ его ночью изъ обоза, гдѣ оно не можетъ долѣе выносить голода. Шереметевъ отказалъ: „Стыдно намъ бѣжать, будучи въ такой силѣ“, говорилъ онъ, „подождемъ до завтрашняго утра, до семи часовъ“. Бояринъ никакъ не могъ рѣшиться бѣжать ночью, воровски; онъ хотѣлъ выступить честно, днемъ, въ виду непріятеля. Исполняя данное слово, онъ передъ разсвѣтомъ отправилъ обозъ съ слабѣйшею частью войска, а самъ выступилъ послѣ съ лучшими полками, отлично отбиваясь отъ наступавшихъ Поляковъ и Татаръ, по свидѣтельству самихъ враговъ. Но это отступленіе не могло совершиться безъ большихъ потерь; кромѣ множества убитыхъ, Русскіе оставили въ рукахъ непріятеля 400 телѣгъ и девять пушекъ. Отдыхать было нельзя: послѣ тяжелаго дня Русскіе должны были продолжать отступленіе всю ночь. Только въ 7 часовъ утра 18 числа достигли они города Чуднова, измученные. Не успѣли они еще вздохнуть, оглядѣться, какъ въ 10 часовъ явились Поляки, заняли замокъ и гору, господствующую надъ городомъ русскимъ; поэтому не было никакой возможности оставаться здѣсь: захвативши, сколько можно было, съѣстныхъ припасовъ и зажегши городъ, они вышли изъ него и расположились станомъ подлѣ. Таборъ ихъ представлялъ видъ трехугольника: московскіе полки расположились на низменности, казаки занимали возвышеніе. Но едва успѣли они размѣститься на новосельи, какъ непріятели окружили ихъ со всѣхъ сторонъ, и гранаты полетѣли въ таборъ. Но въ это время стали приходить слухи о приближеніи Хмельницкаго; Поляки боялись, чтобъ гетманъ не занялъ высокой горы, находившейся позади ихъ стана, и потому перенесли его за рѣку Тетерю. Русскіе обрадовались, что могли вздохнуть нѣсколько свободнѣе; притомъ же, по указанію чудновскихъ жителей, они отыскали запасы хлѣба и могли спокойно дожидаться Черкасъ. Но польскіе вожди не хотѣли оставить ихъ въ этомъ спокойствіи; они рѣшились сдѣлать то же, что нѣкогда старый Хмельницкій сдѣлалъ подъ Зборовымъ: Потоцкій остался наблюдать за Шереметевымъ, а Любомирскій двинулся на-перерѣзъ Юрію Хмельницкому и напалъ на него подъ Слободищами. Жаркая схватка съ казаками стоила дорого Полякамъ, не давши имъ никакого перевѣса. Но уже одно неожиданное появленіе Любомирскаго произвело сильное впечатлѣніе: Поляки тутъ, а гдѣ Шереметевъ,—что съ нимъ? Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ приносятъ грамоту отъ Выговскаго съ увѣщаніемъ отложиться отъ Москвы, которой силы уже сокрушены, которая болѣе не свѣтитъ, а чадитъ, какъ погасающая лампада; съ уничтоженіемъ войска Шереметевскаго, что немедленно должно послѣдовать, вся тяжесть войны падетъ на гетмана Малороссійскаго, а король милосердъ, и отъ великодушнаго народа Польскаго казаки получатъ то, чего не дождаться имъ отъ варварства московскаго.

Между тѣмъ Шереметевъ хотѣлъ воспользоваться отсутствіемъ Любомирскаго и выйти изъ стана; но Потоцкій загородилъ ему дорогу и принудилъ возвратиться, и въ тотъ же день пришелъ назадъ Любомирскій изъ-подъ Слободищъ. Что же Хмельницкій? Вмѣсто того чтобъ, по слѣдамъ Любомирскаго, двинуться на помощь къ Шереметеву, онъ 1 октября прислалъ въ польскій станъ грамоту съ просьбою о мирѣ; а 3 числа казакъ-перебѣжчикъ изъ русскаго стана принесъ извѣстіе, что бояринъ на другой день готовится выступить къ Пяткамъ для соединенія съ Хмельницкимъ. Цѣлую ночь не спалъ Потоцкій, готовясь къ кровавому дню, и не напрасно: небывалый бой загорѣлся 4 октября, когда Русскіе, съ послѣдними отчаянными усиліями, порывались пробиться сквозь ряды Поляковъ и Татаръ. Никакія усилія не помогли; Шереметевъ возвратился назадъ въ свой таборъ, полкъ Потоцкаго ворвался-было туда же за нимъ, но былъ выбитъ. Поляки говорятъ, что если бы Татары сражались какъ надобно, то войско Шереметева было бы окончательно сокрушено въ этотъ день; но Татары, бросившись грабить русскія телѣги, покинули битву прежде, чѣмъ слѣдовало. Русскіе, по счету Поляковъ, потеряли 3,000 убитыми.

На другой день, 5 числа, Хмельницкій прислалъ новыя предложенія въ польскій станъ; въ отвѣтъ было отправлено приглашеніе явиться лично и принести присягу королю. Черезъ два дня, 8 октября, гетманъ Малороссійскій пріѣхалъ. Поляки изумились, увидавъ наслѣдника страшнаго для нихъ имени: это былъ черноватый осьмнадцатилѣтній мальчикъ, скромный, неловкій, молчаливый, смотрѣвшій послушникомъ монастырскимъ, а не гетманомъ казацкимъ и сыномъ знаменитаго Хмеля. 9 числа Юрій присягнулъ королю, и вечеромъ того же дня отправилъ письмо въ русскій станъ къ Цецурѣ, съ объявленіемъ, что миръ съ Польшею заключенъ, и чтобъ полковникъ слѣдовалъ примѣру гетмана, переходилъ на королевскую сторону. 11 октября Цецура отвѣчалъ, что отдѣлится отъ Москалей, какъ скоро удостовѣрится въ присутствіи своего гетмана у Поляковъ, и вотъ Хмельницкій является на холмѣ подъ бунчукомъ. При этомъ видѣ Цецура съ 2,000 казаковъ (другіе остаются въ обозѣ) рванулся изъ табора; Татары бросаются на нихъ, думая, что это вылазка, Поляки спѣшатъ защитить перебѣжчиковъ; около 200 казаковъ гибнетъ отъ Татаръ, другіе цѣпляются за польскихъ всадниковъ и достигаютъ табора. Цецура произвелъ здѣсь совершенно иное впечатлѣніе, чѣмъ Хмельницкій: онъ былъ приземистъ, крѣпокъ, пріятной наружности, въ глазахъ горѣла отвага, движенія тѣла изобличали подвижность духа [1].

---

[1] Relatio historica belli Szeremetici; Journal de ce qui s'est passé entre l'armée des Polonais et celle des Moscovites; Theiner—Monuments historiques de Russie, p.40.

Побѣгъ Цецуры былъ окончательнымъ ударомъ для Шереметева: о помощи нечего было и думать, а между тѣмъ „отъ пушечной и гранатной стрѣльбы тѣснота была великая; съ-голоду ратные люди ѣли палыхъ лошадей и мерли; пороху и свинцу у нихъ не стало“. Въ такомъ отчаянномъ положеніи Шереметевъ продержался еще одиннадцать дней, и 23 октября рѣшился вступить въ переговоры съ польскими вождями; подписаны были слѣдующія условія: 1) Царскія войска должны очистить малороссійскіе города Кіевъ, Переяславль, Нѣжинъ, Черниговъ, оставя въ нихъ пушки и всякіе пушечные запасы, послѣ чего безпрепятственно отступятъ къ Путивлю, взявши съ собой имѣніе свое и казну царскую. 2) Войско Шереметева, сдавши оружіе, всѣ военные запасы и хоругви, остается въ обозѣ три дня, и на четвертый выступаетъ въ города—Кодню, Котельню, Паволочъ и ближнія мѣста. 3) Шереметевъ съ начальными людьми остается у гетмановъ коронныхъ и у султана Крымскаго, пока царскія войска не выйдутъ изъ Кіева, Переяславля, Нѣжина и Чернигова. Имъ позволяется оставить при себѣ только сабли и имѣть сто топоровъ въ войскѣ для рубки дровъ; когда упомянутые города будутъ очищены, то войско, подъ защитою королевскихъ полковъ, отпустится къ Путивлю, гдѣ будетъ ему возвращено все ручное оружіе; дорогою русскихъ ратныхъ людей не будутъ ни грабить, ни побивать, ни въ плѣнъ брать; пищу себѣ и лошадямъ вольно имъ будетъ покупать. 4) Казаки, оставшіеся въ таборѣ Шереметева по уходѣ Цецуры, выйдутъ напередъ изъ обоза, оружіе и знамена повергнутъ подъ ноги гетмановъ коронныхъ, и Москвѣ нѣтъ до нихъ никакого дѣла. 5) Шереметевъ съ товарищами ручаются, что воевода князь Юрій Никитичъ Барятинскій на всѣ эти статьи согласится, пріѣдетъ къ гетманамъ и останется у нихъ до очищенія Кіева, Переяславля, Нѣжина и Чернигова; если же онъ этого при первой повѣсткѣ не сдѣлаетъ, то уговорныя статьи до него не касаются.

Вслѣдствіе этого, Шереметевъ немедленно отправилъ грамоты Барятинскому, стоявшему подъ Кіевомъ, и другому воеводѣ, Чаадаеву, находившемуся въ самомъ Кіевѣ, просилъ ихъ согласиться на Чудновскій договоръ. Шереметевъ писалъ: „Вамъ бы учинить по этому нашему договору, а въ Кіевѣ, Черниговѣ, Переяславлѣ и Нѣжинѣ государевымъ ратнымъ людямъ быть не у чего, потому что Юрій Хмельницкій со всѣмъ войскомъ и съ городами измѣнилъ“. Но Барятинскій, не находясь въ положеніе Шереметева, не думалъ, что Малороссія потеряна для Москвы потому только, что Хмельницкій передался Полякамъ. „Я повинуюсь указамъ царскаго величества, а не Шереметева; много въ Москвѣ Шереметевыхъ!“ отвѣчалъ Барятинскій. Получивши этотъ отвѣтъ, Поляки сочли себя въ-правѣ задержать воеводъ и войско, ибо главное условіе—очистка городовъ малороссійскихъ—не было исполнено. Но прежде всего надобно было удовлетворить хищныхъ союзниковъ, и самый важный плѣнникъ, за котораго надѣялись получить самый богатый выкупъ, Шереметевъ, отведенъ былъ въ Крымъ, гдѣ сначала сидѣлъ три мѣсяца въ оковахъ въ ханскомъ дворцѣ; потомъ, по ходатайству Сефергазы-аги, кандалы съ него сняли и послали въ Жидовскій городъ; здѣсь онъ имѣлъ при себѣ священника, толмача, могъ писать въ Москву грамоты, и воспользовался этимъ, чтобъ отомстить Барятинскому, сложивши на него всю вину Чудновскаго несчастія: „Я и гетманъ писали къ нему, чтобъ шелъ намъ помогать; онъ было и выступилъ и отошелъ отъ Кіева верстъ съ 70, но, не дойдя до насъ, поворотилъ назадъ, пограбилъ много мѣстечекъ и деревень, а гетману, который его ждалъ, помощи не далъ“ [1]. Видя, что московскіе воеводы не намѣрены сдавать Кіева, Поляки отправили туда тайно пана Чаплинскаго поднимать жителей противъ Москвы. Воевода узналъ о незванномъ гостѣ и посадилъ его подъ стражу; но Чаплинскому удалось уйти изъ-подъ стражи; онъ скрылся въ монастырѣ, гдѣ игуменъ Сафоновичъ обрилъ у него бороду и усы, нарядилъ монахинею и велѣлъ выпустить изъ города въ то время, когда монахини коровъ выгоняютъ [2].

Сильно испугала Москву вѣсть о Конотопскомъ пораженіи; еще больній ужасъ навела вѣсть о Чудновскомъ. Тогда истреблена была часть войска, сгибли вожди молодые; теперь цѣлое войско, опора власти царской въ Малороссіи, не существуетъ, и бояринъ и воевода, которымъ по справедливости гордились, котораго царь величалъ „вѣрнымъ и истиннымъ послушникомъ своимъ, храбрымъ и мужественнымъ архистратигомъ“, бояринъ Шереметевъ, въ позорномъ плѣну у крымскаго поганца! Тогда ханъ съ Выговскимъ были ближе къ Москвѣ, но и теперь боялись, что наступающая зима постелетъ гладкій путь Полякамъ и Крымцамъ, и нѣтъ больше войска, которое бы можно было противупоставить имъ; съ другой стороны, можетъ явиться подъ Москвою войско литовское, гордое побѣдою надъ Хованскимъ, и какое ручательство, что Шведъ не захочетъ воспользоваться бѣдою Москвы и не нападетъ на нее съ третьей стороны, какъ прежде напалъ на Польшу? Боялись и другаго рода несчастія—боялись бунта черни московской, раздраженной бѣдствіями продолжительной войны, и войны теперь несчастной. Опять во дворцѣ начали приготовляться къ отъѣзду царя въ Ярославль или Нижній [4]. А тутъ еще дурныя вѣсти съ Дону: въ іюнѣ пришло изъ Царяграда моремъ подъ Азовъ 33 корабля съ людьми ратными, со всякими запасами и пушками, ратныхъ людей съ 10,000; да въ то же время изъ Крыма пришелъ Крымскій ханъ, съ нимъ Татаръ, Черкасъ Темрюцкихъ, Кабардинскихъ и Горскихъ и мурзъ Ногайскихъ съ 40,000, да рабочихъ людей, Венгровъ, Волохъ и Молдаванъ съ 10,000. Пришедши подъ Азовъ, по обѣимъ сторонамъ Дона поставили двѣ башни каменныя, а между башнями черезъ Донъ подѣлали цѣпи; на устьи проѣзднаго Донца, противъ Азова, поставили городъ каменный съ 4 башнями и съ нарядомъ большимъ и малымъ. Во время строенія крѣпостей, Донцы ходили трижды для языковъ, но работамъ помѣшать не могли по своему малолюдству, да и боялись на себя непріятельскаго прихода, стада у нихъ Крымцы всѣ отогнали. Пришли на Донъ царскіе воеводы, стольники, Семенъ Савичъ и Иванъ Савостьяновичъ Хитрово, но пришли они уже тогда, какъ ханъ, отстроивъ крѣпости, пошелъ назадъ въ Крымъ. Государевы люди сдѣлали себѣ городокъ выше Черкаска съ полверсты и, вмѣстѣ съ казаками, ходили подъ Азовъ, выжгли посады, были и подъ башнями, но ничего имъ не сдѣлали. Всѣхъ казаковъ въ Черкаскѣ было только 3,000 да государевыхъ людей 7,000. Крымцы навѣстили послѣднихъ въ ихъ городкѣ, но были отбиты. Государевы люди были привычны сидѣть и отсиживаться въ городкахъ, но казаки привыкли нападать и грабить, оборонительная война была для нихъ тяжела; они говорили: „Какъ стало на Дону войско быть, такого утѣсненья намъ никогда не бывало,—для промысловъ ходить никуда нельзя, и многіе безъ промысловъ съ Дону отъ насъ разбредутся“. Оставшіеся въ Малороссіи воеводы ссорились другъ съ другомъ. Воевода Чаадаевъ изъ Кіева билъ челомъ на воеводу князя Юрія Барятинскаго: „Пишетъ многія отписки у себя на дворѣ, со мною не говоря, и ни о чемъ со мною не совѣтуетъ, и во многіе походы ключей городовыхъ мнѣ не отдаетъ, оставляетъ ихъ у человѣка своего Далматова, и передъ своими друзьями хвалится, что онъ меня отъ всего оттѣснитъ, а ходитъ онъ въ походы не для государевыхъ дѣлъ, для своей корысти. Мая 23 (1661 г.) ходилъ онъ въ маетность Печерскаго монастыря, Иванково, и, не доходя до нея, выбравъ своихъ угодниковъ, послалъ съ ними людей своихъ, велѣлъ грабить на себя; ратные люди многіе лошадей поморили, а пришли ни-съ-чѣмъ; только покорыстовался князь Юрій и друзей своихъ накормилъ; а къ тебѣ, великому государю, пишетъ все ложно и посылаетъ съ отписками своихъ угодниковъ. Писалъ онъ къ тебѣ, будто городъ Иванковъ взялъ и многія мѣста и села повоевалъ; но писалъ ложно: кромѣ одного мѣстечка Иванкова, нигдѣ войны не бывало, и въ томъ мѣстечкѣ никакихъ воинскихъ людей, кромѣ тутошныхъ жителей, не было и воевать было не съ кѣмъ, а выграбилъ его для своей корысти, и церкви Божіи вездѣ выграбилъ; добрыхъ людей своимъ озорничествомъ всѣхъ отогналъ; а меня называетъ измѣнникомъ, будто я съ тѣми людьми знаюсь для измѣны, и грозитъ убійствомъ; а все это онъ дѣлаетъ по мысли головы Θедора Александрова. Многіе ратные люди говорятъ, что имъ подняться не-на-что, добра отъ насъ никакого не чаютъ, и многіе изъ Кіева бѣгаютъ, на день человѣкъ 20, 30 и болѣе“ [1].

---

[1] Архивъ мин. ин. д.; дѣла Малороссійскія, Польскія и Крымскія 1660 года. Относительно числа войска, бывшаго у Шереметева, мы не имѣемъ другихъ показаній, кромѣ приведеннаго выше извѣстія казацкихъ посланцовъ, что у него было 60,000.

[2] Столбцы Прик. Тайн. Дѣлъ, № 85.

[3] Архивъ мин. юстиц., столбцы Малоросс. приказа, № 5871.

[4] Weslawski, p. 146.

Обращая все болѣе и болѣе вниманія на Европу, въ Москвѣ боялись невыгоднаго впечатлѣнія, какое произведутъ на нее разглашенія Поляковъ о своихъ торжествахъ надъ Русскими, и сочли за нужное противодѣйствовать этимъ разглашеніямъ путемъ печати. Написано было изложеніе военныхъ дѣйствій 1660 года, гдѣ выставлены успѣхи Долгорукаго и вначалѣ Шереметева, коварство польскихъ коммисаровъ, длившихъ время нарочно, чтобъ дать своимъ возможность собрать войско и дождаться Татаръ; наконецъ измѣна Хмельницкаго и дурной поступокъ Поляковъ съ Шереметевымъ подъ Чудновымъ. Это извѣстіе отправлено было въ Любекъ къ Ягану фонъ-Горну, чтобъ онъ напечаталъ его на нѣмецкомъ языкѣ и разослалъ по окрестнымъ государствамъ.

Между тѣмъ Поляки хлопотали, какъ бы въ другой разъ не выпустить изъ своихъ рукъ войска Запорожскаго. Здѣсь опять является главнымъ дѣйствующимъ лицомъ извѣстный намъ Бенѣвскій. Юрій далъ ему знать, что онъ собралъ раду въ Корсунѣ, и приглашалъ его на ней присутствовать. Бенѣвскій немедленно отправился и узналъ на мѣстѣ, что Хмельницкій непремѣнно хочетъ сложить булаву; что нѣкоторые, подъ личиною дружбы къ нему, уговариваютъ его отказаться отъ гетманства, проча булаву кому-то другому (Выговскому). Но Бенѣвскій, опасаясь отъ этого другого бѣды для республики, началъ хлопотать, чтобъ булава осталась за Хмельницкимъ, который, по слабости своей, какъ нельзя лучше приходился для Польши. Чтобъ окончательно убѣдиться, кого хотятъ выбрать въ гетманы, Бенѣвскій призвалъ къ себѣ полковниковъ и началъ имъ говорить, что Хмельницкій непремѣнно хочетъ оставить булаву: такъ кого бы они считали достойнымъ гетманства. Большая часть полковниковъ сейчасъ же отвѣчали: „Объ этомъ нечего безпокоиться, у насъ уже готовъ гетманъ, мы пошлемъ кой-къ-кому и тутъ же его изберемъ,“—и начали расхваливать своего избранника, воображая, что эти похвалы пріятны Бенѣвскому. Ночью послѣдній свидѣлся съ Хмельницкимъ и сталъ разспрашивать его, что за причины, по которымъ онъ непремѣнно хочетъ сложить булаву?—„Я молодъ, несчастливъ, боленъ (надучею болѣзнію и грыжею),“ отвѣчалъ Юрій, насказалъ и много другихъ менѣе важныхъ причинъ. Бенѣвскій сталъ уговаривать его: „Изъ-за пустыхъ причинъ,“ говорилъ онъ, „ты хочешь отказаться отъ гетманства, не думая, какимъ опасностямъ подвергаешь себя, имѣніе свое и домъ!“ Бенѣвскій открылъ ему интриги его соперника и что его ждетъ, когда этотъ соперникъ сдѣлается гетманомъ. Хмельницкій не вѣрилъ, чтобъ интриги соперника шли такъ далеко; тогда Бенѣвскій предложилъ ему призвать немедленно полковниковъ, которые сами скажутъ ему о своемъ избранникѣ. Полковники были призваны и объявили: „Завтра же надобно созвать раду, и если ты, панъ гетманъ, покинешь булаву, то безъ гетмана быть не можемъ, и сейчасъ же посылаемъ кой-къ-кому, которому отдаемъ въ опеку себя, женъ и дѣтей нашихъ.“ Это объявленіе убило несчастнаго Хмельницкаго: „Завтра будетъ рада,“ сказалъ онъ, и отпустилъ полковниковъ. Оставшись наединѣ съ Бенѣвскимъ, онъ началъ срывать сердце, обвинять каждаго полковника въ измѣнѣ противъ республики и коварствѣ: „И теперь они хотятъ выбрать того въ гетманы, чтобъ опять своевольничать,“ говорилъ онъ. Бенѣвскій торжествовалъ: онъ пустилъ черную кошку между гетманомъ и полковниками, и, чтобъ еще больше раздражить Хмельницкаго и вывѣдать все нужное, сталъ говорить: „А полковники, панъ гетманъ, все зло складываютъ на тебя, говорятъ, что и Сѣрко, и Апостолъ, и Цецура, и Пушкарь изъ-за тебя возмутились; говорятъ, что ваша милость и Брюховецкаго съ частію казны отправилъ къ царю Московскому, и Самченко, твой родной дядя, по твоему внушенію поднялъ бунтъ въ Переяславлѣ.“ Бѣдный Хмельницкій совсѣмъ растерялся: сталъ оправдываться, въ иномъ признавался, наконецъ сталъ умолять искусителя: „Будь отцомъ, совѣтникомъ, ходатаемъ у короля и королевы; клянусь, что буду слѣдовать твоимъ совѣтамъ, не буду слушать злыхъ рѣчей.“ Бенѣвскій, разумѣется, прежде всего присовѣтовалъ не покидать гетманства, потомъ, такъ какъ Юрій, по молодости и нездоровью, нуждался въ помощникѣ, то Бенѣвскій присовѣтовалъ ему взять на писарство Тетерю, чѣмъ пріобрѣтетъ довѣренность короля и республики, потому что настоящій писарь Семенъ Голуховскій преданъ царю и царемъ поставленъ. Хмельницкій на все согласился, требуя одного, чтобъ Бенѣвскій оставался ему другомъ и добрымъ совѣтникомъ.

---

[1] Архивъ мин. ин. д., дѣла Донскія 1660 года; Архивъ мин. юст., столбцы Малорос. приказа № 5871.

10 ноября собралась рада изъ одной старшины на дворѣ гетманскомъ; Бенѣвскій началъ первый говорить: объявилъ, что ни одно изъ царскихъ распоряженій не можетъ имѣть больше силы, и отъ имени королевскаго вручилъ булаву Хмельницкому, при всеобщемъ восторгѣ, какъ будто бы никогда не думали ни о комъ другомъ. Но къ вечеру торжество Бенѣвскаго было нарушено: ему дали знать, что чернь бунтуетъ—зачѣмъ рада была въ избѣ, не по старинѣ,—подозрѣваетъ тутъ злой умыселъ противъ войска. Бенѣвскій послалъ сказать гетману, чтобъ на-другой день созвалъ черную раду и на ней снова принялъ отъ него булаву; Хмельницкому не хотѣлось созывать черни. „Если панъ воевода,“ сказалъ онъ, „хочетъ черной рады, да еще во время ярмарки, то пусть знаетъ, что погубитъ и себя, и меня, и полковниковъ, и учинитъ смуту большую.“ Новый посланецъ отъ воеводы къ гетману: „Напрасно безпокоишься; если не будетъ черной рады, то все равно—что ничего!“ Не одинъ Хмельницкій, всѣ старшіе казаки, всѣ домашніе Бенѣвскаго были противъ черной рады; но воевода былъ непреклоненъ, и Хмельницкій, раскаяваясь, что обѣщалъ слушаться, велѣлъ повѣстить раду.

11 ноября площадь у церкви Св. Спаса шумѣла глухимъ шумомъ: стояло тысячъ двадцать черни, а гетманскій дворъ былъ назаперти; тамъ тихо сидѣли перетрусившіе полковники и гетманъ,—дожидались, пока пріѣдетъ на раду Бенѣвскій: что-то будетъ, какъ-то приметъ его чернь? Но вотъ толпы расколыхались,—ѣдетъ воевода, сходитъ съ лошади, садится на скамью, озирается: „Гдѣ же панъ гетманъ?“ Въ отвѣтъ раздался крикъ: „Ваша милость на мѣстѣ королевскомъ; пошлешь за гетманомъ,—и долженъ придти“. Бенѣвскій послалъ и гетманъ явился съ полковниками; безъ шапки, кланяясь на всѣ стороны, вошелъ онъ въ кругъ, положилъ шапку на-земь, на шапку булаву—знакъ, что слагаетъ съ себя гетманство. Но вотъ онъ начинаетъ говорить: „По Божіей и по вашей волѣ, возвратились мы къ пану прирожденному, и, чтобъ не оставалось больше между нами московскихъ распорядковъ, король его милость прислалъ коммисара своего, онъ введетъ между нами порядокъ“. Смолкъ Хмельницкій, не владѣвшій даромъ слова, и началъ широкую рѣчь Бенѣвскій объ отеческомъ милосердіи короля; кончилъ тѣмъ что король прощаетъ всѣ ихъ вины. Въ отвѣтъ раздались крики: „Благодаримъ Бога и короля; это все старшіе насъ обманывали для своего лакомства; если теперь кто вздумаетъ бунтовать противъ короля, того сами побьемъ, не пощадимъ и отца родного!“ Когда поустали кричать, Бенѣвскій подошелъ къ булавѣ, поднялъ ее и отъ королевскаго имени передалъ Хмельницкому; тутъ же Носачъ объявленъ былъ обозным. Раздались новые крики въ честь Хмельницкаго, и толпы двинулись въ церковь—присягать королю. Вечеромъ гетманскій домъ заблисталъ яркими огнями, гремѣли пушки, шелъ роскошный польскій пиръ; подпившіе казаки особенно расхваливали королеву, только и слышалось: „Мать наша!“ На другой день новая рада: читали гадяцкія привилегіи войску Запорожскому; всѣ были очень довольны и ругали Выговскаго: „Если-бы онъ, такой и такой, прочелъ намъ эти привилегіи, то ничего бы дурного не случилось“. На третьей радѣ отдана была печать войсковая Тетерѣ. Новый писарь—это нашъ старый знакомый: мы видѣли его въ Москвѣ; слышали, какую великолѣпную рѣчь онъ говорилъ царю Алексѣю Михайловичу, какъ ставилъ его выше Св. Владиміра; слышали, какъ потомъ онъ разсказывалъ о непорядкахъ малороссійскихъ и какъ проговорился, что нѣкоторые изъ его земляковъ желаютъ непосредственно зависѣть отъ царскаго величества. И теперь Тетеря началъ разсказывать, какъ онъ былъ въ Москвѣ, но не

повторилъ своей привѣтственной рѣчи и своихъ разговоровъ съ думными людьми; онъ разсказывалъ казакамъ, какіе страшные замыслы противъ Малороссіи питаетъ царь! Онъ все это провѣдалъ, будучи на Москвѣ! Ораторъ произвелъ сильное впечатлѣніе на слушателей. „Не дай намъ, Боже, мыслить о царѣ, ни о бунтахъ!" говорили казаки. Они глубоко были тронуты: мудръ, добродѣтеленъ, великъ явился передъ ними панъ писарь Тетеря, такъ безукоризненно, такъ свято ведшій себя въ Москвѣ. „Панъ писарь!" говорили они: „будь милостивъ, учи гетмана уму-разуму, вѣдь онъ молоденькій еще! поручаемъ его тебѣ, поручаемъ тебѣ женъ, дѣтей, имѣніе наше!"

Въ то время какъ въ Корсунѣ происходили эти чувствительныя сцены, въ то время какъ въ здѣшней соборной церкви казаки присягали королю,—на другой сторонѣ Днѣпра, въ Переяславлѣ, также толпился народъ въ соборной церкви: дядя Хмельницкаго, полковникъ Якимъ Самко, вмѣстѣ съ казаками, горожанами и духовенствомъ клялся умирать за великаго государя, за церкви Божіи и за вѣру православную, а городовъ малороссійскихъ врагамъ не сдавать, противъ непріятелей стоять и отпоръ давать. Получивъ отъ племянника грамоту съ увѣщаніемъ покориться королю, Самко отвѣчалъ: „Я съ вашею милостію, пріятелемъ своимъ, свойства не разрываю; только удивляюсь, что ваша милость, вѣры своей не поддержавъ, разрываешь свойство наше съ православіемъ. Ты пишешь, что король видитъ руку Промысла въ бѣдѣ, случившейся съ Шереметевымъ; правда, что Богъ всѣмъ управляетъ, сокрушаетъ и милуетъ, немощныхъ сильными дѣлаетъ; но надобно знать что̀ счастье и что̀ грѣхъ,—потому что счастье измѣнчиво. Я не измѣнникъ потому только, что не хочу Ляхамъ сдаться: я знаю и вижу пріязнь ляцкую и татарскую. Ваша милость человѣкъ еще молодой, не знаетъ что̀ дѣлалось въ прошлыхъ годахъ надъ казацкими головами; а царское величество никакихъ поборовъ не требуетъ и, начавши войну съ королемъ, здоровья своего не жалѣетъ; мы теперь должны немощныхъ немощь носить, а не себѣ угождать; лучше съ добрыми дѣлами умереть, нежели дурно жить. Пишете, что царское величество никакой помощи къ намъ не присылаетъ: вѣрь, ваша милость, что есть у насъ царскіе люди и будутъ; а еслибъ даже ихъ и не было, то его воля государева, а мы будемъ оборо̀няться отъ наступающихъ на насъ враговъ, пока силъ станетъ, помня примѣръ Шереметева, который хотя и сдался, однако мало хорошаго получилъ: вопреки присягѣ сенаторской, со всѣмъ войскомъ въ неволю татарскую пошелъ. Видя, что̀ сдѣлалось съ Шереметевымъ и Цецурою, хотя умру, а на прелести ваши не сдамся". Выбранный наказнымъ гетманомъ, Самко въ началѣ декабря прислалъ сказать въ Москву о своей вѣрности и что бояринъ Шереметевъ выдалъ войско Запорожское, при немъ бывшее, въ неволю Татарамъ; ему разумѣется, отвѣчали, что во всемъ виноватъ Хмельницкій, а не Шереметевъ.

Запорожье было также за царя, Запорожье, пустившее отъ себя отпрыскъ: лихой казакъ Сѣрко, съ которымъ такъ часто будемъ встрѣчаться впослѣдствіи, составилъ свою особую дружину и дѣйствовалъ самостоятельно. Вскорѣ послѣ Чудновскаго дѣла, прискакалъ въ Москву Запорожскій кошевой Иванъ Брюховецкій и объявилъ: „Миръ съ Поляками Хмельницкій заключилъ по наговору тѣхъ, которымъ отъ короля дана честь: Носача, Лесницкаго, Гуляницкаго; у гетмана напередъ была ли о томъ мысль или нѣтъ—не знаю, только гетманъ шелъ въ сходъ къ Шереметеву не на то мѣсто, гдѣ ближе, и ставился не тамъ, гдѣ надобно; пришедши въ Слободище, отъ боярина за три мили, стоялъ три дня, а къ боярину въ сходъ не шелъ. Какъ на Кодачкѣ, на радѣ, былъ договоръ у гетмана съ бояриномъ, тутъ впервые измѣнили по вымыслу Выговскаго: уговорились, что боярину идти напередъ, тогда какъ довелось идти напередъ черкасскимъ полкамъ, а гетману быть съ бояриномъ, отъ него не отставать. Якимъ Самко царскому величеству вѣренъ ли,—про то я не знаю, а гетману Юрію Хмельницкому онъ дядя родной; только ему, Самку, недругъ Иванъ Выговскій; и прежде онъ отъ Выговскаго отбѣгалъ и жилъ на Дону, а въ войскѣ при немъ жить не смѣлъ. Василій Золотаренко царскому величеству вѣренъ, и Семенъ писарь вѣренъ, только развѣ помѣшаетъ ему то, что онъ теперь женился на Дорошенковой сестрѣ" ¹).

Чтобъ разузнать, въ какомъ дѣйствительно состояніи находятся дѣла въ Малороссіи, кто вѣренъ и кто нѣтъ, кто кому дядя и кто кому зять, и какъ это родство и свойство мѣшаетъ вѣрности, отправился стрѣлецкій голова Иванъ Полтевъ. Пріѣхавши въ Нѣжинъ 29 декабря, Полтевъ прежде всего повидался съ тамошнимъ царскимъ воеводою, княземъ Семеномъ Шаховскимъ, и спросилъ его: „Нѣжинскій полковникъ Василій Золотаренко великому государю вѣренъ ли, къ нему, воеводѣ, совѣтенъ ли, сколько при немъ казаковъ, въ казакахъ и мѣщанахъ нѣтъ ли какой шатости и Василью Золотаренку они послушны ли?" —„Золотаренко великому государю вѣренъ", отвѣчалъ Шаховскій: „со мною совѣтенъ; казаковъ при немъ тысячъ съ десять; между немногими казаками и мѣщанами была шатость". На другой день къ Золотаренку явился сотникъ города Дѣвицы, Демидъ Рагоза, съ извѣтомъ на казака Тараса Незная, который говорилъ при многихъ людяхъ: „Полковникъ Золотаренко хочетъ быть подъ Московскимъ царемъ, а мы хотимъ быть у Польскаго короля, при Юріи Хмельницкомъ". Незная схватили, привели къ полковнику, и, когда казакъ повинился, Золотаренко велѣлъ собрать раду; на радѣ присово-

---

¹) Памятн. изд. Кіевск. коммис.; т. IV; Архивъ мин. юстиц., столбцы Малоросс. приказа, № 6043.

рили—казнить Незная за такія рѣчи, и приговоръ былъ исполненъ. Полтевъ объявилъ Золотаренку, что великій государь все войско Запорожское этой стороны Днѣпра пожаловалъ, гетмана избрать позволилъ, кого войскомъ изберутъ: „Ты бы, полковникъ“, продолжалъ Полтевъ, „согласился съ гетманомъ наказнымъ, Якимомъ Самкомъ, и съ другими полковниками, которые великому государю вѣрны, и съ войскомъ Запорожскимъ и черныю, и выбрали бы гетмана“. — „Царскаго величества бояре и воеводы съ войскомъ къ намъ будутъ ли?“ спросилъ Золотаренко. „Когда царскіе ратные люди въ Нѣжинѣ будутъ, то Украйна всего Нѣжинскаго полка будетъ крѣпка: мы великому государю вѣрно служить рады“. — „Въ Сѣвскѣ“, отвѣчалъ Полтевъ, „будетъ бояринъ Петръ Михайловичъ Салтыковъ съ конными и пѣшими людьми, а въ Путивлѣ—окольничій, князь Иванъ Лобановъ-Ростовскій“. Золотаренко обрадовался и сказалъ: „Еслибъ царскіе воеводы пришли ко мнѣ въ Нѣжинъ скоро, то Украйна по сю сторону Днѣпра была бы цѣла, непріятелей всѣхъ бы выбили за Днѣпръ; если же воеводы ко мнѣ скоро не придутъ, то къ Кіеву и Переяславлю изъ Нѣжина проѣзду не будетъ: стоятъ крѣпко и великому государю вѣрно служатъ только Нѣжинскій да Черниговскій полки; если же этихъ полковъ не будетъ, то и Переяславскій полкъ не устоитъ“.

Московскіе воеводы скоро придти не могли послѣ недавнихъ несчастій, а уже 2 января 1661 года заднѣпровскіе Черкасы съ Поляками приступали къ Козельцу. Они были отбиты съ урономъ, но Золотаренко ждалъ гостей къ себѣ и сказалъ Полтеву: „Теперь намъ гетмана выбирать некогда,—наступаютъ со всѣхъ сторонъ непріятели“. Дѣйствительно, 6 января, враги явились подъ Нѣжиномъ, ворвались въ посадъ и завязали бой съ Нѣжинцами. На бою взятъ былъ Татаринъ, который объявилъ, что послалъ ихъ Хмельницкій изъ Чигирина для провѣдыванія, есть ли на восточной сторонѣ Днѣпра царскіе ратные люди, и Черкасы съ горожанами хотятъ ли здѣсь великому государю вѣрно служить, или хотятъ поддаться Польскому королю. Если царскихъ ратныхъ людей нѣтъ, то онъ съ Заднѣпровскими казаками, Татарами и Поляками пойдетъ подъ Переяславль, Нѣжинъ и Черниговъ, скоро къ нему придутъ изъ Крыма Татары, охочіе люди, пока еще Днѣпръ стоитъ. Услыхавъ это вѣсти, Золотаренко сказалъ Полтеву: „Оставайся здѣсь, въ Переяславль тебѣ ѣхать нельзя чрезъ непріятелей,“ и прибавилъ прежнее: „о гетманскомъ избраніи теперь нечего думать—наступаютъ Ляхи и Татары.“ 10 января Поляки опять приступили къ Козельцу и опять были отбиты. Вѣрные Черкасы начали наступательныя дѣйствія и бились съ Поляками подъ Остромъ; а января 30 и февраля 2, 4 и 6 приходили Поляки и Татары подъ Нѣжинъ и бились съ его жителями, но безъ успѣха. Съ другой стороны, князь Иванъ Андреевичъ Хованскій въ февралѣ подъ Друею разбилъ и взялъ въ плѣнъ измѣнившаго государю полковника Лисовскаго. Скоро пришла вѣсть, что Поляки съ Чарнецкимъ и Татары ушли за Днѣпръ, оставя на восточной сторонѣ Татаръ съ тысячу человѣкъ да Поляковъ два полка; а въ апрѣлѣ пріѣхали въ Москву посланцы отъ Самка и объявили, что Ляховъ на восточной сторонѣ Днѣпра нигдѣ нѣтъ, дороги къ Кіеву, Нѣжину и другимъ мѣстамъ чисты; немногіе Ляхи, которые были въ Триполѣ, Оржищевѣ и у Бѣлой Церкви,—всѣ отступили въ коронные города; остались больные, и тѣхъ около Бѣлой Церкви Черкасы тайно всѣхъ побили; Татаръ также нигдѣ нѣтъ; полки Лубенскій, Миргородскій, Прилуцкій и Полтавскій великому государю добили челомъ; не сдаются только Остряне; Сѣрко въ Запорожьи великому государю служитъ вѣрно.

Что же это значило? Въ Москвѣ боялись, что Поляки воспользуются Чудновскою побѣдою, перейдутъ немедленно со всѣми силами на лѣвый берегъ Днѣпра, займутъ всю Малороссію и двинутся къ беззащитной столицѣ царской, а между тѣмъ это страшное войско исчезаетъ отвсюду! Ужъ не Шведы ли опять напали на Польшу, не Турки ли собрались ворваться въ Подолію? Нѣтъ: побѣдоносное воинство потребовало жалованья и, не получа его, по обычаю своему, взволновалось, отказалось повиноваться вождямъ, составило союзъ подъ именемъ священнаго и стало жить насчетъ польскихъ крестьянъ.

Такимъ образомъ, Польша своею безурядицею дала возможность Москвѣ нѣсколько отдохнуть послѣ ударовъ 1660 года. Но временное облегченіе для Москвы послѣдовало только съ одной стороны, съ юго-запада, со стороны короннаго войска, а въ Литвѣ и Бѣлоруссіи не прекращались наступательныя дѣйствія враговъ, которымъ Москва, при тогдашнемъ истощеніи въ людяхъ и казнѣ, не могла давать успѣшнаго отпора. При этомъ Малороссія не хотѣла понимать затруднительнаго положенія Великой Россіи и безпрестанно докучала просьбами о присылкѣ войска, котораго негдѣ было взять царю. Самко жаловался, что, кромѣ небольшаго (въ 2,500 человѣкъ) отряда князя Бориса Ефимовича Мышецкаго, онъ не имѣлъ никакой помощи отъ царскихъ воеводъ; несмотря однако на такую безпомощность, онъ, Самко, не только давалъ отпоръ непріятелю, но и самъ ходилъ на него: въ Терехтемировѣ громилъ Татаръ, подъ Стайками—Ляховъ, подъ Козловымъ—измѣнника Сулиму. Посланцы наказнаго гетмана подали слѣдующія просьбы: 1) Чтобъ государь прислалъ въ Переяславль ратныхъ людей на помощь; 2) прислалъ жалованье казакамъ, которые, будучи съ бояриномъ Шереметевымъ, коней и оружіе растеряли, а теперь служатъ великому государю; 3) чтобъ великій государь велѣлъ деньги Самковы обмѣнять и прислать къ нему; 4) чтобъ указалъ быть у нихъ въ городѣ и надъ ратными людьми одному воеводѣ, а не двоимъ, потому что отъ двоихъ порядка не будетъ; именно приказалъ бы у нихъ быть стольнику князю

Василью Волконскому; 5) чтобъ царскія грамоты посылались къ нимъ для увѣренія за большою печатью. Взаключеніе посланцы объявили отъ имени Самка, что Нѣжинскій полковникъ Василій Золотаренко съ нимъ въ сопротивленіи и на раду не поѣхалъ. Государь отвѣчалъ, что воеводамъ уже данъ указъ помогать Черкасамъ, жалованье имъ князь Ромодановскій роздалъ, деньги Самковы мѣдныя обмѣнены на серебряныя и отправлены съ Меѳодіемъ, епископомъ Мстиславскимъ.

Въ маѣ пріѣхали новые посланцы и объявили, что въ третье воскресенье послѣ Пасхи была у нихъ рада въ полѣ, въ Быковѣ, съ милю отъ Нѣжина; были на радѣ князь Григорій Григорьевичъ Ромодановскій съ своими ратными людьми, стольникъ Семенъ Змѣевъ, наказный гетманъ Якимъ Самко, Нѣжинскій полковникъ Золотаренко, полковники Прилуцкій, Лубенскій, Миргородскій, изъ Полтавскаго полка сотники тѣхъ городовъ, которые великому государю добили челомъ, и все войско тѣхъ полковъ, которые при Якимѣ Самкѣ. Всѣ выбирали въ гетманы Якима Самка, одни Нѣжинцы хотѣли выбрать своего полковника Золотаренка и приговорили на радѣ всѣмъ войскомъ отдать гетманское избраніе на волю царскаго величества, кого онъ, великій государь, пожалуетъ въ гетманы. Полтавскій полковникъ Жученко на радѣ не былъ, потому что вины свои великому государю не принесъ, и сидитъ въ Полтавѣ, а при немъ держатся городки Опушня, Котельва, два Санжарова, новый да старый, да Кобыляки. Юрій Хмельницкій въ Чигиринѣ, при немъ писарь генеральный Тетеря, да Носачъ, да Грицка Лесницкій, судья войсковой, а войска при Хмельницкомъ никакого нѣтъ; посылалъ онъ къ королю на сеймъ, и посланецъ пріѣхалъ назадъ ни-съ-чѣмъ, даже корму ему королевскаго не давали. Сѣрко пошелъ для добычи на Бугъ, на Андреевскій островъ, и тамъ стоитъ съ войскомъ своимъ для татарскаго прихода; атаманъ стоитъ въ Запорогахъ съ большимъ войскомъ; съ Сѣркомъ они сходятся для порядка во всякихъ войсковыхъ дѣлахъ, а ни къ кому не приклоняются,—ни къ государю, ни къ Польскому королю. Посланцы говорили, что на радѣ положено отдать гетманское избраніе на волю царскую, кого государь пожалуетъ въ гетманы; но въ грамотѣ, привезенной ими отъ всѣхъ, бывшихъ на радѣ, говорилось: „Мы на той радѣ между собой усовѣтовали, что намъ самимъ безъ вѣдома вашего царскаго величества нельзя гетмана выбирать, и потому черезъ пословъ своихъ просимъ: извольте милость свою надъ нами, вѣрными своими, показать и намъ по давнему обычаю того гетмана избрать, кого все войско любитъ, и къ намъ на это избраніе прислать кого-нибудь изъ ближнихъ своихъ людей“. Государь отвѣчалъ, что о гетманскомъ избраніи будетъ имъ указъ впередъ.

Указъ замедлился въ Москвѣ, потому что здѣсь видѣли новую смуту въ Малороссіи вслѣдствіе соперничества Самка и Золотаренка; въ Москвѣ не хотѣли спѣшить выборами и потому, что являлась надежда безъ кровопролитія подчинить себѣ и западную сторону Днѣпра. Юрій Хмельницкій, оставленный Поляками и Татарами, прислалъ въ Москву съ объявленіемъ, что онъ въ Слободищахъ долженъ былъ перейти на королевскую сторону по-неволѣ; онъ писалъ государю: „Если что со мною, по принужденію заднѣпровскихъ полковниковъ, учинится, если я долженъ буду повиноваться ихъ принужденію, то вамъ бы, великому государю, не обвинять меня за это, а я впередъ какъ можно стану промышлять о своемъ обращеніи и желаю быть попрежнему въ подданствѣ у вашего царскаго величества“. Дѣйствительно, въ Польшѣ шли слухи, что Хмельницкій посылалъ монаха Шафранскаго въ Константинополь къ патріарху, съ просьбою разрѣшить его отъ присяги королю, а самъ намѣревался условиться съ Брюховецкимъ и Самкомъ, чтобъ они напали на него съ московскимъ войскомъ: тогда онъ, какъ будто по-неволѣ, сдался бы на царское имя, извиняясь тѣмъ, что Поляки не прислали къ нему помощи. Говорили также, что Выговскій замышляетъ быть гетманомъ, но подъ покровительствомъ Турціи [1]. Вслѣдствіе присылки Хмельницкаго, 26 іюня отправленъ былъ въ Малороссію дворянинъ Протасьевъ; царь писалъ съ нимъ къ Самку: „Юрія Хмельницкаго не допускаютъ до обращенія къ намъ немногіе измѣнники, заднѣпровскіе полковники, которые, по ляцкому хотѣнію, давно ищутъ погибели всему войску Запорожскому: такъ вы бы, гетманъ наказной, служа намъ, къ родственнику своему, Юрію Хмельницкому, написали, чтобъ онъ обратился и былъ подъ нашею высокою рукою попрежнему; обнадежь его, что если обратится, то вины его всѣ будутъ забыты и получитъ онъ отъ насъ городъ Гадячъ, который прежде былъ пожалованъ отцу его. Если захочетъ ѣхать къ намъ, то пусть ѣдетъ безо всякаго опасенія:—увидитъ милость нашу, получитъ многое жалованье и честь, а твоя служба забыта никогда не будетъ“. Пріѣхавши въ Нѣжинъ, Протасьевъ обратился къ воеводѣ князю Семену Шаховскому съ обычнымъ вопросомъ, какъ идутъ дѣла. Шаховской отвѣчалъ, что все хорошо, въ полковникѣ Золотаренкѣ и казакахъ шатости нѣтъ, но есть шатость въ мѣщанахъ,—переписываются съ измѣнникомъ Грицкою Гуляницкимъ и даютъ ему знать обо всемъ, что дѣлается въ Нѣжинѣ. Потомъ Протасьевъ видѣлся съ полковникомъ, отдалъ ему царскую грамоту и дары—соболи; Золотаренко тутъ же сталъ дарить этими соболями сотниковъ и другихъ начальныхъ людей, говоря имъ: „Служите великому государю во всемъ правдою такъ же, какъ и я служу, и ни на какія бы вамъ ляцкія прелести не уклоняться и съ измѣнниками не ссылаться“. 11 іюля Протасьевъ пріѣхалъ въ Переяславль. Здѣсь воевода князь Волконскій объявилъ ему, что Самко великому государю вѣренъ, въ переяславскихъ казакахъ и мѣщанахъ до сихъ поръ никакой шатости нѣтъ; о Ляхахъ и Татарахъ по сю сторону Днѣпра не слыхать. Получивши эти свѣдѣнія, посланникъ обратился къ Самку съ требованіемъ, чтобъ тотъ, по указу царскому, завелъ сношенія съ Хмельницкимъ. Самко отвѣчалъ: „Я великому государю служить радъ и къ Юрасу Хмельницкому писать стану скоро; но государь прислалъ бы для него, Юраса, милостивую грамоту, которую я перешлю къ нему тайно.“ Протасьевъ перешелъ къ другому дѣлу: „Ты, Якимъ, пишешься къ великому государю съ вичемъ мимо прежнихъ обычаевъ, а прежніе гетманы, Богданъ Хмельницкій и сынъ его, Юрій, писались безъ вича просто.“ Самко отвѣчалъ на это: „Я человѣкъ неграмотный, а писарь у меня новый, и такія государевы дѣла мнѣ и писарю не за обычай. впередъ я съ вичемъ писаться не стану.“ Самко выразилъ безпокойство, что въ послѣдней грамотѣ его къ царю была прописка въ титулахъ. Протасьевъ отвѣчалъ: „Прописка есть, и посланцамъ твоимъ за это выговорено, только царскаго гнѣва за это на тебя нѣтъ,—не сомнѣвайся, а пиши впередъ остерегательно.“—„Въ письмѣ къ Змѣеву“, продолжалъ Протасьевъ, „ты жаловался на царскую немилость: объяви мнѣ, какая это немилость?“—„Писалъ я это прежде,“ отвѣчалъ Самко,—„писалъ, что служу великому государю, не щадя головы своей, и за мою службу въ то время ко мнѣ и къ казакамъ государева жалованья ничего не было, и я думалъ, что на меня государь гнѣвается, что кто-нибудь ему на меня нанесъ; думалъ, что царскому величеству городъ Переяславль не надобенъ, потому что князь Григорій Григорьевичъ Ромодановскій и остальныхъ людей изъ Переяславля взялъ, и казаки, видя, что городъ остался безлюденъ, начали-было шататься. Но теперь, когда великаго государя милость объявилась, въ городѣ людей прибавляется и въ казакахъ шатости никакой нѣтъ. Пожаловалъ бы великій государь. не велѣлъ города безлюднымъ оставлять, потому что городъ украйный: наступитъ непріятель безвѣстно, а людей въ немъ будетъ мало,—такъ чтобъ какая поруха городу не учинилась. Изволилъ бы государь поскорѣе прислать своихъ ратныхъ людей въ Переяславль, такъ я бы сталъ промышлять надъ непріятелями, которые за Днѣпромъ, чтобъ не дать Ляхамъ и Татарамъ собраться вмѣстѣ.“ Протасьевъ уговаривалъ Самка, чтобъ онъ не оскорблялся: отъ царскаго величества немилости къ нему никакой нѣтъ, писемъ на него отъ воеводъ ни отъ кого не бывало, и впередъ государь ссорамъ никакимъ вѣрить не станетъ. „Великому государю радъ служить“, отвѣчалъ на это Самко, „на томъ я ему крестъ цѣловалъ; а великій государь пожаловалъ бы, ссорамъ и наноснымъ словамъ вѣрить не велѣлъ, потому что я человѣкъ беззаступный и простой“.

---

[1] Архивъ мин. ин. д.; дѣла Малороссійскія 1660 и 1611 годовъ. Памятн. изд. Кіевск. коммис. IV, 154.

Въ Малороссіи оправдывали медленность Москвы, уговаривали не давать гетманства ни тому, ни другому сопернику. Во время бытности Протасьева въ Переяславлѣ, пріѣхалъ туда нѣжинскій протопопъ и говорилъ царскому посланнику: „Слухъ у насъ есть, что Самко и Золотаренко домогаются отъ великаго государя созванія рады для гетманскаго избранія. Великій государь не велѣлъ бы сказывать гетманства ни Самку, ни Золотаренку потому: если будетъ Самко гетманомъ. то Золотаренко не будетъ ему послушенъ: а будетъ гетманомъ Золотаренко,—то Самко станетъ подъ нимъ подкапываться. Пусть великій государь не велитъ сказывать гетманства ни тому, ни другому, пока утишится вся Украйна. а между тѣмъ, быть можетъ, обратится къ царскому величеству и Юрій Хмальницкій съ заднѣпровскими полками.“ Самъ наказный гетманъ, по крайней мѣрѣ повидимому, отчаявался быть настоящимъ гетманомъ, сносился, по царскому приказанію, съ Юріемъ Хмельницкимъ и давалъ совѣты Москвѣ какъ поступать относительно западной стороны Днѣпра. „Надобно“, говорилъ Самко, „крѣпить здѣшнюю сторону Днѣпра тѣмъ, что по Днѣпру поставить городки и въ нихъ посадить людей, да за Днѣпромъ занять городокъ Каневъ, чѣмъ освободится водяной путь до Переяславля и дальше, а больше того въ государеву сторону ничего не надобно. Если же Юрій Хмельницкій придетъ въ подданство къ великому государю по-прежнему, то за Днѣпръ надобно будетъ послать ратныхъ людей 20,000 и больше, и занять тамъ шесть городовъ—Чигиринъ, Корсунь, Умань, Каневъ, Браславль, Бѣлую Церковь. Изъ этихъ городовъ жителей перезвать бы на сю сторону Днѣпра, а Заднѣпріе уступить Польскому королю безъ людей: такая уступка будетъ изъ воли, Польскій король къ миру придетъ скорѣе и здѣшняя сторона Днѣпра подъ высокою рукою великаго государя утвердится. Если же этихъ заднѣпровскихъ городовъ не занять и уступить ихъ Польшѣ, то король и этой стороны Днѣпра уступить не захочетъ. Если Юрій Хмельницкій поддастся по-прежнему, то ему бы надъ полковниками быть владѣтельну; при гетманѣ непремѣнно долженъ быть человѣкъ, присланный изъ Москвы для того: если полковникъ затѣетъ что-нибудь недоброе, то его наказать тайно; если же не уймется, то казнить смертію, а безъ присланнаго изъ Москвы человѣка быть нельзя“. Такимъ образомъ, наказный гетманъ Запорожскій самъ указывалъ на условія мира съ Польшею, по которымъ западная сторона Днѣпра должна быть уступлена королю; мы увидимъ, что это будетъ исполнено въ Андрусовѣ; самъ наказный гетманъ указывалъ на необходимость присутствія великороссійскаго чиновника при гетманѣ: это будетъ исполнено при Петрѣ Великомъ. Наконецъ Самко, многіе полковники и старшіе казаки говорили, чтобъ царь указалъ вѣдать ихъ окольничему Ѳедору Михайловичу Ртищеву, потому что Ртищевъ къ нимъ ласковъ, объ ихъ прошеньи всякую рѣчь доноситъ царю, и что́ имъ скажетъ,—то все правдиво.

Имѣя соперниковъ, Самко хорошо зналъ, какими средствами дѣйствовали обыкновенно соперники другъ противъ друга: „Я“, говорилъ онъ, „служу великому государю вѣрно и радѣтельно, власти себѣ никакой не ищу и не желаю. Мнѣ лучше съ государевыми людьми ссылаться и совѣтоваться, нежели съ своими, потому что отъ своихъ ненависть и оболганіе“. Не одного Золотаренка имѣлъ въ виду Самко, когда говорилъ о ненависти и оболганіяхъ: на сцену выступилъ третій искатель гетманства, уже извѣстный намъ Иванъ Мартыновичъ Брюховецкій. „О промыслѣ надъ Татарами“, говорилъ Самко, „я стану писать въ Запорожье къ Сѣрку, а къ Брюховецкому объ этомъ писать не стану; лучше писать объ этомъ къ Сѣрку, а не къ Брюховецкому“. Самко еще не высказывался, почему не хочетъ переписываться съ Брюховецкимъ; но Брюховецкій, въ письмѣ къ воеводѣ Касогову (отъ 14 сентября), уже прямо обвинялъ Самка въ измѣнѣ.

Но въ Москвѣ тревожились тѣмъ, что не одни свои доносили на Самка, доносили и государевы люди. Въ октябрѣ явился къ Хмельницкому ханъ Крымскій съ ордою, и гетманъ, волею-неволею, отправился съ Татарами за Днѣпръ и осадилъ Переяславль. Непріятелю не удалось ничего сдѣлать надъ Переяславлемъ; но воевода Чаадаевъ доносилъ государю, что во все осадное время Самко пилъ и промысла отъ него никакого не было, на вылазки не выѣзжалъ. Если казаки съ государевыми людьми выйдутъ на вылазку, то наказный гетманъ приказывалъ вгонять ихъ въ городъ: если казаки возьмутъ въ плѣнъ Татаръ, то Самко таилъ ихъ отъ царскихъ воеводъ, таилъ всякую вѣдомость. Во время осады Самко три раза съѣзжался съ племянникомъ своимъ Хмельницкимъ на мельничной плотинѣ и разговаривалъ тайно. Возвращаясь съ свиданія, онъ разсказывалъ Чаадаеву, что обнадеживалъ племянника государевою милостію, уговаривалъ быть подъ рукою великаго государя; но Юраска не слушается по неволѣ: всѣмъ владѣютъ Носачъ, да Грицка Миргородскій, да Грицка Гуляницкій. Въ другой разъ Самко прислалъ къ Чаадаеву писаря объявить, что у него съ Юрасомъ ссылка о добромъ дѣлѣ, — какъ бы всѣмъ быть подъ государевою рукою; а писарь, спьяну, проговорился, что ссылка между племянникомъ и дядею идетъ о томъ, чтобъ вмѣстѣ соединиться съ ханомъ Крымскимъ. Доносили на Самка и жители городовъ, — говорили: „У насъ бы и мѣдными деньгами торговали, да старшіе, полковники и сотники, берутъ себѣ за правежомъ у насъ ефимки, серебряныя деньги и польскіе гроши; оттого у насъ мѣдныя деньги и въ расходъ нейдутъ; а Самко приказалъ, чтобъ нигдѣ мѣдныхъ денегъ не брали“ [1]).

Тяжела становилась для царя смута малороссійская; со всѣхъ сторонъ доносы въ измѣнѣ: кому и чему вѣрить? Московскіе воеводы, если бы даже были изъ нихъ люди вполнѣ чистые по характеру и безпристрастные, какъ люди пришлые въ Малороссіи, не могли доставить государю вполнѣ вѣрныхъ свѣдѣній объ отношеніяхъ лицъ и партій: нуженъ былъ человѣкъ тамошній, малороссійскій, человѣкъ, хорошо знающій людей и отношенія ихъ, вліятельный по своему званію, чуждый партій и пристрастія — однимъ словомъ, высшее лицо духовное, архіерей. Но мы уже видѣли, въ какое положеніе ставило себя высшее духовенство малороссійское относительно правительства Московскаго. Мы видѣли столкновенія съ Сильвестромъ Коссовымъ. Преемникъ Коссова, Діонисій Балабанъ измѣнилъ царю вмѣстѣ съ Выговскимъ. Такимъ образомъ, къ смутѣ политической присоединилась смута церковная, и въ Кіевѣ не было митрополита, ибо Московское правительство не могло признавать въ этомъ званіи измѣнника Діонисія, а политическія смуты не позволяли приступать къ избранію другого митрополита, поднимать вопросъ — отъ какого патріарха зависѣть ему — отъ Константинопольскаго или Московскаго. Временнымъ правителемъ, блюстителемъ митрополіи Кіевской былъ епископъ Черниговскій, Лазарь Барановичъ; но этотъ архіерей не пользовался большимъ довѣріемъ въ Москвѣ. Гораздо болѣе усердія великому государю показывалъ знакомый уже намъ протопопъ нѣжинскій Максимъ Филимоновъ. Онъ былъ вызванъ въ Москву, 5 мая 1661 года поставленъ въ епископы Мстиславскіе и Оршанскіе подъ именемъ Меѳодія, и отправленъ въ Малороссію въ санѣ блюстителя митрополіи Кіевской. Мы скоро увидимъ его дѣятельность.

Легко понять, что для восточной Малороссіи и для Москвы важно было то обстоятельство, что западная сторона не могла воспользоваться смутою, соперничествомъ между искателями гетманства: Хмельницкій слишкомъ ничтоженъ, а Польша ослаблена возмущеніемъ войска. Только Татары напоминали о себѣ, и не одной Малороссіи. Въ январѣ 1662 года многочисленныя толпы Крымцевъ, подъ начальствомъ князя Ширинскаго, ворвались въ сѣвскія и корачевскія мѣста, и захватили множество плѣнныхъ. Сѣвскій воевода, бояринъ князь Григорій Семеновичъ Куракинъ, отправилъ противъ нихъ товарища своего, Григорья Ѳедоровича Бутурлина. Бутурлинъ напалъ на разбойниковъ, взялъ въ плѣнъ самаго князя Ширинскаго, много Татаръ и, что всего важнѣе, освободилъ русскихъ плѣнниковъ, которыхъ было до 20,000. Съ другой стороны, самъ ханъ подошелъ къ Путивлю, но былъ отброшенъ воеводою, бояриномъ княземъ Иваномъ Ивановичемъ Лобановымъ-Ростовскимъ, и не пошелъ дальше [2]).

Татарская туча прошла, и опять все вниманіе царя сосредоточилось на дѣлахъ малороссійскихъ. Весною 1662 года въ Москвѣ узнали, что въ Козельцѣ была рада для избранія гетмана, и немедленно пришли объ этой радѣ различныя извѣстія: съ одной стороны писалъ Самко и преданные ему полковники, что на радѣ былъ епископъ Меѳодій, полковники, сотники и есаулы сей стороны Днѣпра, а черни и всего поспольства не было; черни и поспольству Самко быть не велѣлъ потому, чтобъ городу большихъ убытковъ не было. На радѣ выбрали въ гетманы Самка до указа великаго государя; а какъ великаго государя указъ будетъ о полной радѣ, то на этой полной радѣ гетманъ велитъ быть всему поспольству и черни. Когда послѣ рады присутствовавшіе разъѣхались по домамъ и пріѣхали въ Нѣжинъ епископъ Меѳодій и Василій Золотаренко, то послѣдній епископу говорилъ, что Самко принялъ гетманство самовольствомъ, а онъ, Василій, съ своимъ полкомъ ни въ какихъ расправахъ его слушать не хочетъ. „Васюта“, писали приверженцы Самка, „обѣщалъ идти къ намъ въ войско; но когда епископъ Меѳодій въ Нѣжинъ пріѣхалъ, то Васюта обѣщаніе свое и присягу отмѣнилъ, на службу вашего царскаго величества идти не хочетъ,—намъ всѣмъ сомнѣнье, а непріятелямъ потѣху сдѣлалъ; нашу вѣрную службу уничижаетъ, самовольно не повинуется власти войсковой, упрямствомъ дома живетъ, только казну сбираетъ и стережетъ, а границъ не обороняетъ; боимся, чтобъ не исполнилось на немъ слово Брюховецкаго, что Васюта въ конституціи у короля написанъ и сдѣланъ шляхтичемъ“. Прося о присылкѣ оборонной грамоты на Золотаренка и всѣхъ непослушныхъ, приверженцы Самка просили царя, чтобъ оборонилъ ихъ и отъ Брюховецкаго, который ихъ безчеститъ; просили, чтобъ всему войску вольно было всякаго старшаго и меньшаго, по разсмотрѣнію съ гетманомъ, по своему обычаю, карать, и чтобъ виновнаго въ ихъ глазахъ никто изъ воеводъ московскихъ не защищалъ, а только со всѣмъ войскомъ приговаривалъ; „а то теперь князь Шаховской, повѣривши несправедливому умыслу Васютину, государевыхъ ратныхъ людей въ городки Нѣжинскаго полка посылаетъ, какъ будто бы мы съ гетманомъ Нѣжинъ разорить хотѣли“. Приверженцы Самка извѣщали, что жители малороссійскихъ городовъ, прослышавъ о порчѣ мѣдныхъ денегъ на Москвѣ, не берутъ ихъ у войска и живности ни откуда не привозятъ, государевы ратные люди съ голоду помираютъ, и междоусобіе безпрестанное въ тѣхъ городахъ, гдѣ они живутъ; полки не берутъ годоваго жалованья мѣдными деньгами, хотя бы ихъ рубить велѣли,—но всѣхъ не перерубить.

---

[1]) Архивъ мин. ин. д., дѣла Малороссійскія 1661 г.; Архивъ мин. юстиц., столбцы Малорос. прик., № 5871.

[2]) Дополн. къ III т. Дворцов. разр., стр. 263. 306; Архивъ мин. юст., столбцы Малор. прик., № 5888.

Легко понять, какое впечатлѣніе должны были произвести въ Москвѣ подобныя грамоты: Самко и приверженцы его писали безсмыслицу, за которою скрывалось какое-то незнакомое дѣло: что это было за рада въ Козельцѣ безъ черни и поспольства? Гетманъ выбранъ: зачѣмъ же еще нужна новая рада? Что-нибудь одно: или рада въ Козельцѣ была незаконная, или новая рада не нужна! Изъ грамотъ самихъ приверженцевъ Самка уже можно было видѣть, что въ Малороссіи начинается то же самое, что̀ было при Выговскомъ: гетманъ выбирается на какой-то странной радѣ; но вотъ новый Пушкарь, Золотаренко Нѣжинскій, противится, говоритъ, что избраніе незаконное, гетманство взято самовольствомъ, и конечно царь не долженъ въ другой разъ повѣрить новому Выговскому; а тутъ еще, для довершенія сходства, приверженцы Самка требуютъ, чтобъ царь позволилъ имъ раздѣлаться съ противниками, карать ихъ, какъ Выговскій спѣшилъ покарать непослушника своего Пушкаря.

Епископъ Меѳодій спѣшилъ оправдать подозрѣнія, естественно раждавшіяся по прочтеніи грамотъ Самка и его приверженцевъ. „Пока не видалъ я подлиннаго лукавства наказнаго гетмана Якима Самка“, писалъ Меѳодій, „до тѣхъ поръ не смѣлъ о немъ ничего худаго тебѣ, великому государю, объявить; но теперь, когда лукавство его и неправда обнаружились, трудно мнѣ этого тебѣ, великому государю, не извѣстить, потому что душа моя отдана Богу и тебѣ. Самко обманулъ меня и полковниковъ—Нѣжинскаго, Черниговскаго, Прилуцкаго и другихъ: писалъ, чтобъ съѣхались въ городъ Козелецъ съ небольшими людьми для великихъ государевыхъ дѣлъ, для скорыхъ войсковыхъ потребъ и для разговору, посовѣтоваться, какъ бы съ непріятелемъ управиться. Когда мы къ нему съѣхались, то онъ началъ говорить, чтобъ полковники выбрали себѣ совершеннаго гетмана, чтобъ имъ было у кого быть въ послушаніи и чтобъ было кому противъ непріятеля стоять; и въ ту ночь, 14 апрѣля, ввелъ въ Козелецъ нѣсколько тысячъ казацкой пѣхоты, разставилъ вездѣ караулы и не велѣлъ никого выпускать изъ города. Я ему говорилъ, чтобъ онъ этого не дѣлалъ и не приказывалъ выбирать гетмана до твоего государева указа; но онъ меня не послушалъ и велѣлъ полковникамъ выбирать совершеннаго гетмана: я сталъ говорить полковникамъ, чтобъ не выбирали, но онъ началъ грозить имъ смертію: и они поневолѣ выбрали его. 15 апрѣля я выгналъ его изъ церкви отъ присяги, а онъ пуще сталъ грозить полковникамъ смертью,—тѣ бросились ко мнѣ съ просьбами; и я, видя ихъ слезное прошеніе, чтобъ не погубить ихъ, какъ-нибудь изъ Козельца вывесть, и особенно жалѣя вѣрнаго твоего слуги, Василья Золотаренка, позволилъ Самку дѣлать, что хочетъ“. Взаключеніе письма, Меѳодій просилъ, чтобъ государь поскорѣе прислалъ боярина для гетманскихъ выборовъ, чтобъ эти выборы были въ полѣ, а не въ городѣ, и чтобъ на нихъ были Запорожцы съ своимъ кошевымъ Брюховецкимъ.

Меѳодій жалѣлъ больше всего вѣрнаго слугу царскаго, Золотаренка, и однако просилъ, чтобъ на радѣ былъ Брюховецкій, который, прокладывая себѣ путь къ гетманству, не щадилъ ни Самка, ни Золотаренка. Онъ писалъ къ Меѳодію; „Панъ

Васюта не имѣетъ права перехватывать и драть моихъ грамотъ, я не его служка,—я царскій войсковой холопъ; пусть онъ прежде расплатится за пшеницу, которую съ братомъ покрали въ Корсунѣ, а теперь запрещаетъ не мнѣ, а всему войску. Завидуютъ нашей бѣдной саламатѣ; коли хотятъ, помѣняемся: пусть сюда идутъ, мы на ихъ мѣсто пойдемъ,—въ то время узнаютъ, кто кого обманетъ. Васюта не надѣйся, чтобъ его здѣсь слушали, потому что войско въ откупахъ не ходитъ, какъ они, хотятъ выманить булаву и указывать тѣмъ, кто ихъ не хочетъ слушать; научились до году откупа откупать и табакъ, а войско привыкло умирать только за свои вольности. Этимъ особнымъ гетманствомъ они до конца землю сгубятъ. Царское величество обѣщалъ не дѣлать насилія войску, признавать гетманомъ только того, кого чернь, по волѣ Божіей излюбивъ, выберетъ, а не силою. Никогда не бывало, чтобъ гетманы были покупные, безъ заслугъ войсковыхъ, а теперь прежде невода рыбу начали ловить; теперь прежде всего надобно землю успокоить. Все войско скучаетъ, говоритъ: доколь намъ еще такую неволю терпѣть, что въ городахъ гетмановъ ставятъ на нашу пагубу, а теперь и подавно кричатъ, что никого не было при князѣ Ромодановскомъ. Васюта только о богатствѣ хлопочетъ, которое на землѣ погніетъ, а ничего добраго родинѣ этимъ не насовѣтуетъ, или къ Ляхамъ свезетъ, чтобъ заплатить за шляхетство: вѣдь онъ тамъ долженъ въ конституцію, какъ Гулянскій и другіе; боюсь, чтобъ онъ не задумалъ чего-нибудь недобраго. Бѣдная наша отчизна гибнетъ, потому что не хотимъ оборонять ея отъ непріятелей, а только за гетманствомъ гоняемся; еще намъ новаго наслѣдника Выговскому и Хмельницкому паны городовые хлопочутъ прибавить. Самко пуще цыгана всѣхъ людей морочитъ, а онъ-то и есть главный измѣнникъ, на обличеніе котораго и посылаю грамоту къ вашей святынѣ: намъ не о гетманствѣ надобно заботиться, а о князѣ Малороссійскомъ отъ его царскаго величества; на это княжество желаю Ѳедора Михайловича (Ртищева).“

Самко хорошо зналъ, что на него со всѣхъ сторонъ посылаются обвиненія въ Москву; что его выславляютъ тамъ измѣнникомъ—слово, пошедшее въ ходъ въ Малороссіи съ легкой руки Выговскаго, считавшееся вѣрнымъ средствомъ вредить противнику предъ великимъ государемъ. 30 мая Самко написалъ въ Москву жалобную грамоту, въ стопы ногъ царскихъ челомъ билъ, посылалъ тридцать человѣкъ Татаръ, взятыхъ въ плѣнъ. „Изъ этой посылки“, писалъ Самко, „ваше царское величество разсмотрѣть изволишь, что, не щадя головы своей съ своими переяславскими казаками, бьюсь съ непріятелемъ за ваше величество и за цѣлость падшей Малороссіи. Смиренно молю: покажи премногую милость надъ вѣрнымъ слугою своимъ, не дай меня въ поношеніе соперникамъ моимъ, которые выставляютъ меня передъ тобою измѣнникомъ; они въ домахъ своихъ сидятъ, помощи намъ на непріятеля давать не хотятъ, и, не считая самихъ себя измѣнниками, грамотами оправдываются, а работою оправдываться не хотятъ: а мою работу и вѣрную службу самъ Господь Богъ видитъ; за всѣхъ одинъ умиралъ на пограничьи, и теперь совсѣмъ готовый стою въ полѣ со всѣми доброжелательными вашему величеству людьми, жду присылки боярина и милостиваго слова отъ вашего величества. Не знаю, для чего епископъ съ Васютою меня измѣнникомъ описываютъ? Я не перестану плакать объ этомъ до тѣхъ поръ, пока не пришлешь ко мнѣ такихъ грамотъ, чтобъ всякій мой противникъ и непослушникъ устыдился. Да бью челомъ, повели, многомилостивый государь, прислать мнѣ деньги, которыя я далъ взаймы на ратныхъ людей воеводѣ Чаадаеву: прошу я объ этихъ деньгахъ, вспомнивъ, что всякій человѣкъ смертенъ, и если я умру, то некому будетъ бить о нихъ челомъ вашему царскому величеству, потому что было у меня два сына, но они вдругъ померли, и я хочу, чтобъ при жизни моей все мое было у меня. Бью челомъ вашему царскому величеству, чтобъ епископъ пересталъ побуждать на злое; а тѣ люди, которые были надуты совѣтами епископскими, пусть начнутъ вмѣстѣ со мною вѣрно служить вашему царскому величеству. Смиренно молимъ, изволь на все войско пустить вольный голосъ о выборѣ гетманскомъ, по старому предковъ нашихъ порядку, а епископъ чтобъ въ это не вступался: я хлопочу не о гетманствѣ,—проливаю кровь за цѣлость Малой Россіи и за добрый порядокъ, и убиваюсь впрямь вѣрою и правдою за ваше царское величество“. Самко утверждалъ, что не хлопочетъ о гетманствѣ, требовалъ новой рады, выборъ вольными голосами, а между тѣмъ на той же грамотѣ подписался гетманомъ, не хотѣлъ отступиться отъ титула, пріобрѣтеннаго на незаконной Козелецкой радѣ [1].

Но въ то время, какъ раздоры между Самкомъ, Золотаренкомъ и Брюховецкимъ волновали восточную сторону Днѣпра, на западной Юрій Хмельницкій собрался съ силами и, подкрѣпленный Поляками и Татарами, началъ наступательное движеніе. 12 іюня казаки западной стороны съ Поляками и Татарами, въ числѣ 6,000, напали внезапно на Самка, стоявшаго табаромъ въ трехъ верстахъ отъ Переяславля. Битва длилась съ полудня до ночи,—и Самко отбился. Къ нему на выручку прислалъ князь Волконскій изъ Переяславля московскихъ ратныхъ людей, которые и дали ему возможность отступить въ Переяславль. Хмельницкій осадилъ его здѣсь, но 8 іюля Самко съ Москвою и казаками вышелъ на вылазку и поразилъ непріятеля, который отступилъ къ Каневу. Кременчугскіе казаки измѣнили, 23 іюня впустили въ городъ двѣ тысячи казаковъ Хмельницкаго, но 500 человѣкъ московскаго гарнизона вмѣстѣ съ мѣщанами засѣли въ маломъ городѣ и отбили осаждавшихъ. Узнавъ объ этомъ, князь Ромодановскій немедленно выслалъ къ нимъ на помощь десять тысячъ московскаго войска. 1 іюля это войско подошло къ Кременчугу и ударило на осаждавшихъ; осажденные сдѣлали съ своей стороны вылазку, казаки потерпѣли совершенное пораженіе, и Кременчугъ былъ очищенъ отъ измѣнниковъ. Ромодановскій съ главными силами своими и съ Золотаренкомъ вступилъ въ Переяславль, соединился здѣсь съ Самкомъ и 16 іюля напалъ на таборы Хмельницкаго, который потерпѣлъ совершенное пораженіе. Каневъ и Черкасы были заняты царскими войсками. Но скоро счастіе перемѣнилось: Хмельницкому съ Татарами удалось разбить подъ Бужиномъ московскій отрядъ, бывшій подъ начальствомъ стольника Приклонскаго, и прогнать его за Днѣпръ (3 августа); по донесенію Хмельницкаго королю, 1 августа подъ Крыловымъ истреблено было больше 3,000 царскаго войска; подъ Бужиномъ погибло 10,000, казаки и Татары взяли семь царскихъ пушекъ, множество знаменъ, барабановъ и разныхъ военныхъ снарядовъ. Послѣ этого Ромодановскій тотчасъ велѣлъ отступать, бросая тяжести; но султанъ Магметъ-Гирей, переправившись съ своими Татарами черезъ Сулу, настигъ Ромодановскаго, разбилъ его, взялъ 18 пушекъ и весь лагерь. Ромодановскій ушелъ въ Лубны; но Хмельницкій, донося объ этихъ успѣхахъ королю, умоляетъ прислать поскорѣе помощь, жалуется на свое безсиліе, на невозможность удерживать въ повиновеніи украинскій народъ, шатающійся отъ малѣйшаго вѣтра. Тетеря писалъ королю, что, пріѣхавъ въ станъ Хмельницкаго на Рассавѣ, онъ нашелъ здѣсь много безпорядковъ: самъ гетманъ человѣкъ усердный, но войско непослушное. И Тетеря настаивалъ на то же, что необходимо какъ можно скорѣе прислать помощь Хмельницкому, иначе дѣла примутъ дурной оборотъ. Въ октябрѣ явился къ королю Грицка Лесницкій съ просьбою отъ Хмельницкаго, чтобъ король позволилъ ему сложить гетманство, ибо онъ не въ состояніи болѣе нести эту трудную должность, будучи молодъ и разоренъ подарками, которые долженъ былъ давать Татарамъ и которые простираются до милліона. Лесницкій же привезъ страшную новость, что соперничество между Москвою и Польшею, соперничество, разорившее Украйну и не могущее окончиться по безсилію обѣихъ державъ, пролагаетъ дорогу третьему сопернику: Татары, говоритъ Лесницкій, уговариваютъ всю Украйну, чтобъ она отверглась отъ республики и отдалась въ покровительство хана и Порты, которые способны защищать ее, тогда какъ Польша этого сдѣлать не хочетъ и не можетъ. Поляки ссорятся между собою у себя дома, войско не слушается короля, и если бы не Татары, то Польша давно бы уже погибла. Лесницкій прибавлялъ, что эти внушенія могли имѣть сильное вліяніе на чернь. Тетеря доносилъ, что войско не терпитъ Хмельницкаго, требуетъ его смѣны, и что едва онъ, Тетеря, успѣлъ уговорить казаковъ успокоиться; для этого онъ употребилъ угрозу, что если они обидятъ Хмельницкаго, то этотъ богачъ найметъ Татаръ и опустошитъ Украйну. Мы не знаемъ, дѣйствительно ли Тетеря уговаривалъ казаковъ не смѣнять Хмельницкаго; знаемъ только то, что послѣдній въ концѣ 1662 года самъ отказался отъ гетманства и постригся въ монахи, а Тетеря избранъ былъ на его мѣсто. Новый гетманъ началъ тѣмъ, что увѣдомилъ короля о нестерпимыхъ обидахъ отъ Орды, повторяя прежнюю просьбу о присылкѣ ратныхъ людей, ибо если ханъ придетъ прежде польскаго войска, то Украйна распрощается съ королемъ. Тетеря писалъ, что Хмельницкій потому отказался отъ гетманства, что не могъ получить отъ короля помощи, и онъ, Тетеря, долженъ безпрестанно докучать объ этомъ же, а на войско Запорожское надежда слаба, потому что въ немъ больше такихъ, которые желаютъ не спокойствія, а постоянныхъ смятеній [1]).

---

[1] Архивъ мин. ин. д.: дѣла Малороссійскія 1662 г.; Архивъ мин. юстиц., столбцы Малорос. прик., № 5859.

Въ то время, какъ западная сторона перемѣнила гетмана, на восточной по-прежнему продолжалась борьба между искателями гетманства, борьба, ведшаяся доносами въ Москву. Самко билъ челомъ, чтобъ государь отставилъ его отъ старшинства, потому что Нѣжинскій полковникъ его слушаться не хочетъ и наносы на него наноситъ; жаловался, что въ Малороссіи трое гетмановъ, кромѣ него еще—Золотаренко и Брюховецкій; послѣдній самовольно прислалъ своихъ казаковъ въ города и въ полкахъ беретъ стаціи. Самко просилъ уволить его отъ гетманства и дать оборонную грамоту, чтобъ на него и на имѣніе его наступать не смѣли и никакихъ обидъ не дѣлали. Самко жаловался и на князя Ромодановскаго, просилъ, чтобъ на его мѣсто былъ присланъ другой бояринъ, потому что Ромодановскій, не слушая его совѣтовъ, тратитъ войско, слушается только Меѳодія и Золотаренка, генеральной рады не собираетъ, отчего смута и своевольство, ибо онъ, Самко, какъ гетманъ несовершенный, распоряжаться не можетъ. „Меѳодій и Васюта“, продолжаетъ Самко, „отговариваются отъ рады отсутствіемъ Запорожцевъ; но у насъ всегда, по стародавнымъ правамъ, гетманомъ выбирали въ городахъ безъ Запорожцевъ, потому что войско Запорожское одно, выходящіе изъ Запорожья должны по своимъ полкамъ расходиться. Теперь Орда насъ заперла и множество людей побила; а на Преображеньевъ день, подъ самыми Лубнами, Татары, напавши на таборъ нѣжинскій, многихъ побили, самъ полковникъ, таборъ оставя, напередъ ушелъ въ Лубны. Все это приключилось оттого, что епископъ и Васюта отвели князя Ромадановскаго отъ совѣта съ нами, въ поле въ безхлѣбіе вывели; неопытные въ дѣлахъ войсковыхъ, епископъ и Васюта были виновниками потери славы и людей. „А я, вашего царскаго величества вѣрный слуга, хотя и уничтоженъ ими, загоны всѣ изъ-за Днѣпра вывелъ и въ Переяславль пришелъ въ цѣлости. Умоляю, милосердый государь, вели князю Ромодановскому, или кому-нибудь другому, собрать полки казацкіе, чтобъ больше, какъ бѣдныя овцы безъ пастыря, не ходили и не гинули, но при своихъ вольностяхъ стояли бы за вѣру православную, а теперь и сами не знаемъ, за что погибаемъ". Относительно Юрія Хмельницкаго, Самко извѣщалъ, что онъ посылалъ къ нему Каневскаго полковника Лизогуба уговаривать покориться государю; но Хмельницкій велѣлъ разстрѣлять посланнаго въ Чигиринѣ и съ нимъ вмѣстѣ многихъ другихъ Каневцевъ, Черкасцевъ, Корсунцевъ, которые начали-было радѣть государю. За это Самко велѣлъ порубить 10 человѣкъ плѣнныхъ Поляковъ, „потому что мы", писалъ онъ въ Москву, „никакого добра отъ Ляховъ не ищемъ". Потомъ Хмельницкій далъ знать Самку, что слагаетъ съ себя гетманство и идетъ въ монахи.

---

[1]) Памятн. изд. Кіевск. Коммис. IV, 189, 209, 212, 216, 226, 250, 255, 287.

Самко жаловался на Меѳодія за то, что епископъ этотъ вмѣстѣ съ Золотаренкомъ совѣтовали Ромодановскому медлить созваніемъ рады; а Меѳодій писалъ царю, что Самко не поѣхалъ на раду самъ и другимъ запретилъ; полковники Нѣжинскій и Черниговскій отговорились дальностію пути и тревожнымъ состояніемъ страны; иные полковники, боясь Самка и глядя на Золотаренка, не поѣхали. Брюховецкій писалъ, что Самко измѣнникъ, потому что: хулитъ московскія серебряныя копѣйки, велѣлъ спалить суда, которыми царь пожаловалъ войско низовое, Кодакъ уступилъ Татарамъ, Кременчугъ, сговорясь съ Хмельницкимъ, сжегъ; вѣрныхъ государю людей отослалъ къ Хмельницкому, который, по его письмамъ, переказнилъ ихъ. А тутъ еще церковная усобица: митрополитъ Діонисій Балабанъ послалъ къ Константинопольскому патріарху съ жалобою, что Меѳодій изгналъ его и силою похитилъ митрополичій престолъ посредствомъ мірской власти. По просьбамъ Балабана и Хмельницкаго, патріархъ выдалъ на Меѳодія проклятіе, которое Балабанъ переслалъ въ Кіевъ, отчего здѣсь произошло сильное волненіе между духовными и мірскими людьми. Меѳодій просилъ царя ходатайствовать у патріарха о снятіи проклятія [1]).

Въ такихъ смутахъ проходилъ 1662 годъ. Зимою нечего было думать о сознаваніи рады, имѣвшей прекратить эти смуты, и потому 19 декабря отправленъ былъ изъ Москвы въ Малороссію стольникъ Ладыженскій, съ объявленіемъ, что весною должна быть непремѣнно рада, на которую обязаны всѣ явиться, а для прекращенія неудовольствій на зиму Ладыженскій долженъ былъ объявить Брюховецкому, стоявшему въ Гадячѣ, чтобъ онъ шелъ на зиму къ себѣ въ Запорожье, а весною приходилъ опять для рады. Это требованіе сильно не понравилось Брюховецкому; онъ отвѣчалъ Ладыженскому: „Не дождавшись государева указа и полной рады, въ Запороги мнѣ появиться нельзя, свои казаки меня убьютъ тотчасъ, зачѣмъ я столько людей водилъ и, не дождавшись рады, пришелъ. Самко заказъ дѣластъ въ городахъ крѣпкій, чтобъ въ Запорожье никто не ходилъ и запасовъ не пропускалъ; а если надо мною Самко или казаки что сдѣлаютъ, то Запорожье смятется и въ городахъ будетъ замятня большая. По сношеніямъ съ Самкомъ, Юраска Хмельницкій многихъ за Днѣпромъ полковниковъ и казаковъ казнилъ, которые великому государю добра хотѣли; а чернь вся и теперь хочетъ поддаться великому государю; когда выберется гетманъ всѣми вольными голосами, пункты закрѣпятся и чернымъ людямъ въ поборахъ легче будетъ, то за Днѣпромъ, смотря на это, черные люди подладутся великому государю." Ладыженскій, по наказу, повторялъ царское требованіе; Брюховецкій расплакался: „Радъ я государю служить и голову за него положить; но выгребъ я съ казаками въ судахъ, у казаковъ лошадей нѣтъ, живучи здѣсь многое время, пропились всѣ до-нага, зимою идти нельзя, тотчасъ меня убьютъ свои казаки; да и Самко великому государю не вѣренъ, на дорогѣ меня убьетъ, какъ Выговскій Барабаша, и если надо мною что случится, то, говорю тебѣ сущую правду, вся Украйна смутится и Запорожье отложится. Если государь весной полной рады учинить не велитъ, то я обѣщаю, что Самко поддастся королю: для этого Юраска Хмельницкій и гетманство сдалъ Павлу Тетерѣ по родству. Чего прежде у насъ никогда не бывало, ныньче гетманъ, полковники и начальные люди всѣ города, мѣста и мельницы пустопорожнія разобрали по себѣ, всѣмъ владѣютъ сами своимъ самовольствомъ, и черныхъ людей отяготили поборами такъ, что въ Царѣградѣ и подъ бусурманами христіанамъ такой тягости нѣтъ. Когда будетъ полная черная рада и пункты всѣ закрѣпятся, то всѣ эти доходы у гетмана, полковниковъ и начальныхъ людей отнимутъ, а станутъ эти доходы собирать въ государеву казну, государевымъ ратнымъ людямъ на жалованье; поэтому-то наказный гетманъ и начальные люди полной черной рады и не хотятъ." 14 января 1663 года у Брюховецкаго съ его казаками былъ кругъ; въ кругу казаки кричали, что они наги и безконны, и пѣшкомъ имъ въ Запорожье никакъ идти нельзя; а еще наканунѣ, 13 числа, Брюховецкій написалъ царю такую грамоту: „Мы, все войско Запорожское, съ великою охотою ради бы указъ твой исполнить, но не можемъ, потому что время зимнее; теперь на зиму изъ Запорожья въ города за хлѣбомъ приходятъ, а не изъ городовъ идутъ въ Запорожье; притомъ же путь туда изъ Гадяча дальній, съ полтораста миль; а за порогами никакихъ городовъ нѣтъ, ни сѣютъ, ни орутъ, только отсюда изъ городовъ хлѣбъ добываютъ, и то развѣ саблею. Умилосердись, государь праведный, не дай погибнуть головамъ нашимъ отъ безбожныхъ измѣнниковъ, изволь нѣсколько полковъ ратныхъ людей къ намъ прислать, а въ городахъ позволь быть намъ до полной рады.“

---

[1]) Архивъ мин. юст., столбцовъ № 5861.

Въ Гадячѣ Ладыженскій нашелъ и епископа Меѳодія, который былъ совершенно на сторонѣ Брюховецкаго и говорилъ московскому посланнику тѣ же рѣчи, что и тотъ, такъ-же толковалъ объ измѣнѣ Самка. Пріѣхали полковники—Полтавскій, Миргородскій и Зѣньковскій, и подтвердили слова Брюховецкаго и Меѳодія. Ясныхъ доказательствъ измѣны Самковой представить не могли, и потому внушали, что Юрій Хмельницкій Самку племянникъ, а Самкова сестра за Павломъ Тетерею, которому Хмельницкій сдалъ гетманство, и какъ только Самко сдѣлается совершеннымъ гетманомъ, то непремѣнно измѣнитъ. Разсказывали, что Бенѣвскій съ ханомъ всѣ пункты положилъ, и ханъ къ королю приказывалъ, чтобъ Черкасамъ для прелести жаловалъ большія почести, хотя бы кого и въ Краковскіе воеводы пожаловалъ, только бы всѣхъ Черкасъ обратилъ къ себѣ; а когда всѣ Черкасы будутъ подъ властію короля, то онъ будетъ ихъ мало-по-малу сжимать и приведетъ ихъ въ свою волю; для этого онъ и прислалъ Павла Тетерю и велѣлъ ему принять гетманство у Юраски Хмельницкаго. Въ Гадячѣ Ладыженскій узналъ, что Золотаренко сблизился съ Самкомъ и согласился на избраніе его въ гетманы. Московскаго посланника извѣстили, что Золотаренко все свое имѣніе перевезъ изъ Путивля въ Нѣжинъ: „По этому ихъ вѣрность знать можно“, толковали Ладыженскому, „пока Золотаренко съ Самкомъ не единался,—до тѣхъ поръ государю и прямилъ, а теперь имѣніе свое все изъ Путивля перевезъ, чтобъ у него ничего въ старыхъ государевыхъ городахъ не было“. Меѳодій говорилъ Ладыженскому: „Мнѣ по государеву указу ѣхать въ Кіевъ нельзя, не смѣю, потому что Самко государю не прочитъ, хочетъ измѣнить, а меня велитъ погубить; государь бы пожаловалъ, до полной рады велѣлъ мнѣ жить въ Гадячѣ“.

Когда Ладыженскій пріѣхалъ въ Переяславль, то здѣсь Самко разсыпался передъ нимъ въ жалобахъ, что онъ служитъ вѣрою и правдою, а государь его не жалуетъ, гетманомъ послѣ Козелецкаго избранія не утверждаетъ. Ладыженскій отвѣчалъ, что государь не утверждаетъ его по розни полковниковъ, которые не всѣ въ Козелецкой радѣ были, и хочетъ, чтобъ его, Самка, выбрали полною радою, согласно съ правами. Самко продолжалъ: „Если государь епископа Меѳодія изъ Кіева и изо всѣхъ черкасскихъ городовъ вывести не велитъ, а быть ему на радѣ, то мы и на раду не пойдемъ; никогда митрополиты на раду и не ѣзжали и въ гетманы не выбирали; служить великому государю отъ такихъ баламутовъ нельзя, я гетманство съ себя сдаю; выбирайте себѣ Черкасы ласковаго господаря. Государевы люди живутъ въ Переяславлѣ многое время, государево жалованье даютъ имъ деньгами мѣдными, а у насъ въ черкасскихъ городахъ деньгами мѣдными не торгуютъ; отъ этого ратные люди оскудѣли въ-конецъ и начали воровать безпрестанно, многихъ людей безъ животовъ сдѣлали, жить съ ними вмѣстѣ нельзя“. Ладыженскій упомянулъ о царской милости къ нему, Самку; тотъ отвѣчалъ: „Посланники, пріѣзжая изъ Москвы, всегда мнѣ государскія милости сказываютъ, а не только что государева жалованья, не могу дождаться и своихъ денегъ, которыя далъ взаймы воеводѣ Чаадаеву на жалованье государевымъ ратнымъ людямъ—4,000 рублей“. Ладыженскій отвѣчалъ, что деньги не привезены потому, что дороги не безопасны. Потомъ Самко обратился къ Брюховецкому: „Зачѣмъ Брюховецкій называется гетманомъ? - въ Запорожьи бываютъ только кошевые атаманы; Брюховецкому вѣрить нельзя, потому что онъ полуляхъ; былъ Ляхомъ, да крестился, а въ войскѣ не служивалъ и казакомъ не бывалъ,—служилъ онъ у Богдана Хмельницкаго, и приказано ему было во дворѣ, а на войну Богданъ его съ собою никогда не бралъ. Казаки порознь по своимъ лейстрамъ (реестрамъ) переписаны, а мужики себѣ переписаны будутъ; леестровые казаки станутъ государю служить, а съ мужиковъ станутъ собирать государеву казну и хлѣбные запасы; а теперь, въ этой розни, у великаго государя все пропадаетъ, называются всѣ казаками, на службу нейдутъ и государевой казны не платятъ; а какъ непріятели наступятъ, то казаки леестровые многіе, не хотя государю служить, а мѣщане, не хотя податей давать, бѣгаютъ въ Запорожье, да только на себя рыбу ловятъ, а сказываютъ, будто противъ непріятеля ходили“.

Въ то время, какъ Ладыженскій жилъ въ Переяславлѣ, пріѣхалъ человѣкъ Самка, Жилка, посыланный къ Тетерѣ. Ладыженскій зазвалъ Жилку къ себѣ и разспрашивалъ, подчивалъ и дарилъ, и вотъ что узналъ: былъ онъ, Жилка, у гетмана Павла Тетери, а Юраска Хмельницкій при немъ постригся и жить ему въ Чигиринѣ въ Новоскитскомъ монастырѣ. Писалъ Самко къ Тетерѣ, чтобъ имъ другъ съ другомъ жить мирно, а Тетеря писалъ, чтобъ имъ соединиться и поддаться королю; но казаки говорятъ, чтобъ сложиться съ Татарами; а Татары говорятъ, что у Турскаго они отягчены великою данью и имъ бы отъ Турскаго отложиться да съ Черкасами жить заодно. Павелъ Тетеря на той сторонѣ непрочный гетманъ, пойдетъ опять въ Польшу къ королю, потому что онъ секретаремъ у короля. — Ладыженскій, послѣ разговоровъ съ Жилкою, пошелъ къ Самку и потребовалъ, чтобъ онъ далъ ему всѣ письма, присланныя Тетерею. Самко отвѣчалъ: „Теперь я началъ пить, имѣю вольность, а какіе у меня есть листы, всѣ пошли въ Москву“. Тетеря, давая знать королю о сношеніяхъ своихъ съ Самкомъ, писалъ: „Панъ Самченко склоняется отчасти къ добру и, какъ я понялъ изъ его письма, прельстится еще больше, если ваша королевская милость увѣрите его и всѣхъ Заднѣпровцевъ явнымъ ручательствомъ и другою, особою привилегіею въ томъ, что не будете мстить ни ему и никому изъ Заднѣпровскаго войска и что наравнѣ съ ними даруете ему свободу и милость“.

Въ Гадячѣ Ладыженскому говорили, что Золотаренко соединился съ Самкомъ, хочетъ его въ гетманы; въ Переяславлѣ Самко утверждалъ, что въ Нѣжинѣ была рада, полковники и чернь выбрали его въ совершенные гетманы и листъ ему прислали, закрѣпя руками своими и печатями; а на весну по травѣ быть радѣ только затѣмъ, чтобъ князю Ромодановскому отдать ему, при полковникахъ и при всей черни, пункты и привилегіи. Но когда Ладыженскій сказалъ объ этомъ въ Нѣжинѣ Золотаренку, тотъ отвѣчалъ: „Въ Нѣжинѣ у насъ рада была нынче о томъ, чтобъ государь пожаловалъ, велѣлъ до весны полную раду отсрочить, а до полной рады быть старому гетману Самку, чтобъ между нами розни не было; а на полной радѣ кого всею чернью выберутъ,—тому и быть гетманомъ; въ совершенные гетманы Самка не выбирали; это онъ затѣялъ; онъ безпрестанно ссылался съ Юраскою Хмельницкимъ, а теперь ссылается съ Тетерею, и вѣрить ему нельзя“

И въ грамотѣ къ царю Самко повторилъ просьбу не допускать епископа Меѳодія на раду; повторилъ и жалобу на воровство московскихъ ратныхъ людей, которые били, грабили Переяславцевъ и называли ихъ измѣнниками. Самко требовалъ смертной казни виновнымъ и жаловался на Переяславскаго воеводу, князя Волконскаго, который воровъ не казнитъ, какъ будто самъ съ ними вмѣстѣ воруетъ. Царь въ мартѣ мѣсяцѣ отправилъ въ Переяславль стольника Петра Бунакова разыскать по жалобѣ наказнаго гетмана. Когда Бунаковъ явился къ Самку и подалъ ему царскую грамоту, тотъ отвѣчалъ, что на царской милости челомъ бьетъ, но что розыску обиднымъ дѣламъ сдѣлать нельзя: ратные люди обижали Переяславцевъ долгое время, такъ что иные обиженные побиты на бояхъ, другіе взяты въ плѣнъ; иной челобитчикъ и есть, да отвѣтчика нѣтъ, отвѣтчикъ налицо, такъ челобитчика нѣтъ, и потому теперь отъ переяславскихъ жителей на ратныхъ людей челобитья не чаять; пусть великій государь пожалуетъ, впередъ своимъ ратнымъ людямъ обижать Переяславцевъ не велитъ. Бунаковъ жилъ въ Переяславлѣ съ 29 мая по 28 іюня, на съѣзжемъ дворѣ сидѣлъ каждый день, и во все это время только разъ приведенъ былъ драгунъ, пойманный въ кражѣ, повинился, былъ битъ кнутомъ на козлѣ и въ проводку, и отданъ на поруки. Бунаковъ призвалъ переяславскихъ начальныхъ людей и спросилъ ихъ, будутъ ли наконецъ челобитныя отъ Переяславцевъ на московскихъ ратныхъ людей или нѣтъ. Тѣ отвѣчали, что по прежнимъ челобитнымъ нѣкоторые Переяславцы учинили сдѣлки съ обидчиками; иные ратные люди въ искахъ сидятъ въ тюрьмѣ и стоятъ на правежѣ, а вновь челобитій вскорѣ не чаять, и ему, Бунакову, въ Переяславлѣ жить, надобно думать, не зачѣмъ[1].

Между тѣмъ, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ Брюховецкій писалъ къ князю Ромодановскому, что Самко съ Тетерею тайно войну ведутъ противъ великаго государя такимъ обычаемъ: Тетеря Татаръ призываетъ, а Самко государевыхъ бѣдныхъ людей грабитъ и платежъ вымышляетъ: теперь, говорятъ, по его же призыву, три тысячи Татаръ пошли къ Путивлю, чтобъ помѣшать радѣ. Но Татары не помѣшали радѣ. Еще въ мартѣ государь отправилъ въ Малороссію окольничаго, князя Данила Великаго-Гагина, объявить старшинѣ, войску, мѣщанамъ и черни, чтобъ они учинили черневую генеральную раду для выбора совершеннаго гетмана всѣми вольными голосами, кто имъ будетъ любъ, по ихъ стародавнымъ войсковымъ правамъ и по переяславскимъ статьямъ. Подъ Нѣжиномъ, въ іюнѣ мѣсяцѣ, собралась эта рада: пріѣхали епископъ Меѳодій, Самко, Брюховецкій, всѣ полковники и вся старшина, было все войско и мѣщане. Брюховецкій и отсюда не замедлилъ отправить доносъ въ Москву: 8 іюня онъ писалъ царю: „По указу вашего пресвѣтлаго царскаго величества, благодѣтеля нашего милостиваго, пришелъ я съ войскомъ на раду подъ Нѣжинъ, и стою въ Новыхъ Млынахъ, потому что полковники и чернь просятъ, чтобъ я сжидался съ ними. А Васюта Золотаренко докладывался у окольничаго князя Великаго-Гагина, чтобъ позволилъ ему съ нами драться, потому что не любитъ правды, которую ему чернь въ глаза хочетъ говорить и объявить его измѣну, что онъ съ Самкомъ усовѣтовалъ отложиться отъ вашего царскаго величества, для чего и города всѣ укрѣпили и колокола на пушки перелили. Тогда ихъ совѣтъ Господь разорилъ счастьемъ вашего царскаго пресвѣтлаго величества, и если бы эти смутники на сей сторонѣ Днѣпра чернь не обманывали, то и та сторона давно бы подъ вашею высокою рукою была: полковникъ Поволоцкій недавно побилъ всѣхъ Ляховъ и Жидовъ, которые были въ его полку; теперь онъ одинъ такъ сдѣлалъ, а еслибъ не Самко съ Васютою смущали здѣсь народъ, то и всѣ полковники за Днѣпромъ сдѣлали бы то же, что Поволоцкій“. Брюховецкій подписался: „Вѣрный холопъ и нижайшая подножка пресвѣтлаго престола“.

Наконецъ судьба искателей гетманства рѣшилась. 18 іюня была знаменитая черная, или генеральная рада, о которой такъ много толковали и переписывались. Не дали еще Гагину дочитать царскаго указа о гетманскомъ избраніи, какъ съ одной стороны раздались крики: „Брюховецкаго“! а съ другой—„Самка!“ но за криками послѣдовала драка. Запорожцы Брюховецкаго кинулись на приверженцевъ Самка; бунчукъ наказнаго гетмана былъ сломанъ, онъ самъ едва могъ выдраться изъ толпы и скрыться въ шатеръ царскаго воеводы; нѣсколько человѣкъ было убито; побѣдители Запорожцы столкнули Гагина съ его мѣста и выкрикнули своего кошеваго гетманомъ. Гагинъ однако не далъ Брюховецкому утвержденія отъ имени царскаго; Самко объявилъ ему, что гетманство Брюховецкого, пріобрѣтенное насиліемъ, не есть законное; что ни онъ, ни войско не признаютъ его гетманомъ, и что необходимо собрать новую раду. Рада была созвана, но Самко не получилъ отъ нея никакой выгоды, потому что приверженцы его перешли на сторону Брюховецкаго, провозгласили его гетманомъ и стали грабить возы своей старшины; единственною причиною такого отступничества малороссійскій лѣтописецъ полагаетъ непостоянство своихъ соотечественниковъ. Послѣ этого новаго избранія, противъ котораго нельзя было ничего сказать, Гагинъ далъ булаву Брюховецкому; Запорожцы праздновали свое торжество трехдневнымъ убійствомъ: гибли непріязненные Брюховецкому полковники, и ихъ мѣсто заступили Запорожцы. Новый гетманъ отправилъ въ Москву благодарственное посольство и, вмѣстѣ съ Меѳодіемъ, по-прежнему твердилъ объ измѣнѣ Самка и Золотаренка. Обвиненные отданы были на войсковой судъ, по древнему обычаю казацкому; судьями были враги-побѣдители, которые и приговорили побѣжденныхъ къ смертной казни; приговоръ былъ исполненъ въ Борзнѣ 18 сентября, въ присутствіи обознаго Ивана Цесарскаго, Кіевскаго полковника Василія Дворецкаго и Прилуцкаго Данилы Песоцкаго. Вмѣстѣ съ Самкомъ и Золотаренкомъ казнены были: Аѳанасій Щуровскій, Аникій Силычъ (полковникъ Черниговскій), Степанъ Шамрицкій, Павелъ Киндѣй, Ананка Семеновъ, Кириллъ Ширяй. Десять человѣкъ: Семенъ Третьякъ, Матьяшъ Панкѣевъ, Димитрій Черняевскій, Самойла Савицкій, Михайла Вуяхѣевъ, Ѳома Тризничъ, Иванъ Воробей, Семенъ и Прокофій Кулженскіе, Левка Буть, Лубенскаго Мгарскаго монастыря игуменъ Викторъ были отвезены въ оковахъ въ Москву; отвезли ихъ тѣ же Цесарскій и Дворецкій. Украйна волновалась. Въ Черниговѣ всѣ начальные люди радѣли Полякамъ, купцы и чернь тянули къ Москвѣ. Черниговскій епископъ Лазарь Барановичъ хвалился, что онъ удержалъ Новгородъ-Сѣверскій за Москвою. Въ Кіевѣ воевода Чаадаевъ успѣлъ пріобрѣсти всеобщую любовь; но волновалось войско по причинѣ мѣдныхъ денегъ: двадцать мѣдныхъ денегъ платили за одну серебряную [1].

---

[1] Архивъ мин. ин. д.; дѣла Малорос. 1662 и 1663 годовъ; Архивъ мин. юстиц., столбцы Малорос. Прик., № 5865; Памятн. изд. Кіевск. коммисс. IV, 256.

Такимъ образомъ, и прекращеніе распри между искателями гетманства не обѣщало продолжительнаго спокойствія въ Малороссіи; а между тѣмъ Польша оправилась, войско получило жалованье. Мы уже упоминали, что въ Бѣлоруссіи и Литвѣ война продолжалась очень неудачно для Москвы. Осенью 1661 года Хованскій, вмѣстѣ съ Ординымъ-Нащокинымъ, потерпѣлъ новое пораженіе при Кушликахъ отъ литовскаго войска, бывшаго подъ начальствомъ Жеромскаго; изъ 20,000 Русскихъ не болѣе тысячи спаслось въ Полоцкъ вмѣстѣ съ Хованскимъ и раненымъ Нащокинымъ. Литва хвалилась, что потеряла только человѣкъ около 40 убитыми и взяла множество плѣнныхъ, въ томъ числѣ сына Хованскаго; девять пушекъ, знамена, образъ Богородицы, бывшій съ Нащокинымъ при Валіесарѣ и которымъ такъ дорожили и царь и воевода, достались побѣдителямъ [2].

Потеряны были Гродно, Могилевъ, самая Вильна. Въ этой столицѣ Литвы сидѣлъ воеводою стольникъ, князь Данила Мышецкій, только съ 78 солдатами. Самъ король осадилъ Вильну и отправилъ къ Мышецкому Литовскаго канцлера Паца и подканцлера Нарушевича съ требованіемъ сдачи, обѣщая для воеводы и всѣхъ ратныхъ людей свободный выходъ къ московскимъ границамъ съ казною и со всѣмъ имѣніемъ. Мышецкій отвѣчалъ, что сдастъ городъ, если король позволитъ ему распродать весь хлѣбъ и соль, и дастъ ему подъ его пожитки 300 подводъ. Король не согласился на распродажу хлѣба и соли, и обѣщалъ дать воеводѣ только 30 подводъ. Тогда Мышецкій объявилъ, что хотя всѣ помрутъ, а города не сдадутъ. Король велѣлъ своему войску готовиться къ приступу. Узнавши объ этомъ отъ перебѣжчика, Мышецкій велѣлъ у себя въ избѣ, въ подпольи, приготовить 10 бочекъ пороху, и хотѣлъ, зазвавши къ себѣ въ избу всѣхъ солдатъ, какъ будто бы для совѣщанія, запалить порохъ. Но солдаты провѣдали объ этомъ умыслѣ, схватили воеводу, сковали и выдали королю. Когда его привели къ Яну-Казиміру, то онъ не поклонился; король, видя его гордость, не захотѣлъ съ нимъ говорить самъ, а выслалъ канцлера Паца спросить его, какого онъ хочетъ милосердія. „Никаго милосердія отъ короля не требую, а желаю себѣ казни“, отвѣчалъ Мышецкій. Его желаніе было исполнено: передъ казнью читали сказку, что Мышецкаго казнятъ не за то, что онъ былъ добрый кавалеръ и государю своему служилъ вѣрно, города не сдалъ и мужественно защищался, но за то, что онъ былъ большой тиранъ, много людей невинно покаралъ и, на части разсѣкши, изъ пушекъ ими стрѣлялъ, иныхъ на колъ сажалъ, беременныхъ женщинъ на крюкахъ за ребра вѣшалъ, и онѣ, вися на крюкахъ, рождали младенцевъ. Предъ смертію осужденный написалъ духовную, которую потомъ одинъ монахъ доставилъ въ Москву: „Память сыну моему князю Ивану Даниловичу Мышецкому, да женѣ моей, княгинѣ Аннѣ Кириловнѣ: вѣдайте о мнѣ, убогомъ; сидѣлъ въ замкѣ отъ польскихъ людей въ осадѣ безъ пяти недѣль полтора года, принималъ отъ непріятелей своихъ всякія утѣсненія и отстоялся отъ пяти приступовъ, а людей съ нами осталось отъ осадной болѣзни только 78 человѣкъ; грѣховъ ради моихъ измѣнили семь человѣкъ, Ивашка Чешиха, Антошка Поваръ да Сенька подъячій, и польскимъ людямъ обо всемъ дали знать.

---

[1] Архивъ мин. ин. дѣлъ; дѣла Малорос 1663 года; столбцы Прик. тайн. дѣлъ въ Госуд. Архивѣ, № 75.

[2] Theiner, p. 49; Weslawski, p. 227

Отъ этого стала въ замкѣ между полковниками и солдатами шаткость большая, стали мнѣ говорить шумомъ, чтобъ городъ сдать; я склонился на это ихъ прошенье, выходилъ къ польскимъ людямъ на переговоры и просилъ срока на одинъ день, чтобъ въ то время, гдѣ изъ пушекъ разбито, позадѣлать. Но пришли ко мнѣ начальные люди и солдаты всѣ гилемъ, взяли меня, связали, заковали въ желѣза, рухлядь мою пограбили всю безъ остатка, впустили польскихъ людей въ замокъ, а меня выдали королю и просили казнить меня смертію, а сами всѣ, кромѣ пяти человѣкъ, приняли службу королевскую. Король, мстя мнѣ за побитіе многихъ польскихъ людей на приступахъ и за казнь измѣнниковъ, велѣлъ казнить меня смертію.“ Приговоръ былъ исполненъ поваромъ княжескимъ; тѣло казненнаго похоронено въ Духовомъ монастырѣ. Послѣ въ Вильнѣ разсказывали, что многіе люди видѣли, какъ обезглавленный воевода расхаживалъ около своей могилы.

Смоленскій воевода, князь Петръ Долгорукій, извѣщая государя объ успѣхѣ, одержанномъ княземъ Даниломъ Барятинскимъ надъ Поляками при Благовичахъ (въ Могилевскомъ уѣздѣ), прибавляетъ: „Въ Быховѣ хлѣбныхъ запасовъ ничего нѣтъ, ратные люди ѣдятъ траву и лошадей.“ Въ самомъ Смоленскѣ на рынкахъ не было хлѣбнаго привоза, потому что уѣздные люди, обмолотивши хлѣбъ, ссыпали его въ ямы, а солому жгли, и никто не везъ хлѣба на продажу въ городъ. Царь долженъ былъ грозить имъ за это жестокимъ наказаніемъ безо всякой пощады. Грозя смоленскимъ уѣзднымъ людямъ наказаніемъ за укрывательство хлѣба, царь приказывалъ пустошить въ-конецъ другіе уѣзды, не имѣя другого средства вредить усиливающемуся непріятелю. Такъ, въ сентябрѣ онъ посылалъ указъ Долгорукому отправить ратныхъ людей въ уѣзды Дубровинскій, Оршанскій, Копысскій, Шкловскій, Могилевскій, Кричевскій съ тѣмъ, чтобъ они забрали жителей, хлѣбъ и скотъ, а сѣно и солому жгли безъ остатку, чтобъ польскимъ людямъ въ зимнее время пристанища не было. Ратные люди исполнили охотно этотъ царскій указъ, въ надеждѣ обогатиться добычею. Они подошли подъ Копысь, разбили непріятеля, сдѣлавшаго на нихъ вылазку изъ этого города. Ходить на приступы было запрещено, чтобъ не тратить людей, въ которыхъ чувствовался большой недостатокъ. Желая постращать жителей Копыса и принудить ихъ къ сдачѣ безъ бою, воевода Толочановъ велѣлъ пускать въ городъ гранаты, отъ которыхъ загорѣлось два двора. Тутъ солдаты, ударивъ въ барабаны, закричавъ ясакомъ, пошли на приступъ. Толочановъ бросился къ полковникамъ, крича, что на приступы ходить не велѣно; полковники отвѣчали, что солдаты пошли безъ ихъ приказанія, самовольно. Тогда воевода отправилъ полковниковъ Вильяма Брюса и Николая фонъ-Залена отвести солдатъ отъ города, послалъ съ полковниками есауловъ и дворянъ; но полковники, возвратясь изъ-подъ города, объявили, что солдаты ихъ не послушали, поручиковъ и дворянъ перебили, полковника Брюса ранили по рукѣ, фонъ-Залена кирпичемъ въ голову. Приступъ не удался, солдаты были перебиты и переранены. Толочановъ спрашивалъ возвратившихся съ приступа, зачѣмъ они пошли безъ приказанія; тѣ отвѣчали: „Намъ обуховъ не перетерпѣть; мы всѣми полками скажемъ, что намъ велѣли идти полковники и начальные люди“. Если слышались частыя жалобы изъ Малороссіи на побѣги ратныхъ людей, то въ Бѣлоруссіи было то же самое: изъ отряда майора Дурова убѣжало 35 человѣкъ, у полковника Жданова 57, налицо осталось 564; у стрѣлецкаго головы Колупаева не пошло на службу изъ Москвы 46 человѣкъ, ушло 128, налицо 209; у полковника Дефрома убѣжало 226 солдатъ, налицо 330 и т. д. Борисовъ еще съ 1660 года находился въ осадѣ; въ 1662 году воевода его, Кириллъ Хлоповъ, писалъ, что ратные люди безпрестанно бьютъ челомъ о соли, а ему дать имъ нечего, и онъ боится, чтобъ отъ нихъ не сдѣлалось чего нибудь дурнаго, потому что они сильно скучаютъ и измѣняютъ, начали перебѣгать къ Польскимъ людямъ. Смоленскій воевода, князь Петръ Долгорукій, доносилъ, что у него пороху и фитилю нѣтъ. Въ маѣ мѣсяцѣ изъ Кобрина вышелъ полковникъ Статкѣвичъ съ тѣмъ, чтобъ стянуть литовскіе отряды, находившіеся въ Полоцкомъ, Витебскомъ, Борисовскомъ и Минскомъ повѣтахъ, идти съ ними въ Оршу и стеречь, чтобъ осажденные въ Быховѣ и Борисовѣ не получали изъ Москвы подкрѣпленій и запасовъ. Узнавъ, что изъ Смоленска къ Быхову идутъ московскіе ратные люди съ денежною казною и запасами, Статкѣвичъ послалъ свое войско перенять ихъ. Въ пяти верстахъ отъ Чаусъ, между рѣками Пронею и Басею, Поляки Сгаткѣвича встрѣтились съ Русскими, бывшими подъ начальствомъ иностранца, генералъ-майора Вильяма Друмонта: въ упорномъ бою 15 знаменъ старой королевской пѣхоты были истреблены всѣ до одного человѣка, конницу побѣдители топтали на 15 верстахъ и взяли въ плѣнъ 70 человѣкъ. Но этотъ частный успѣхъ не могъ перемѣнить общаго хода дѣлъ въ пользу Москвы. Поляки знали, что пѣхота начинаетъ перебѣгать изъ московскихъ полковъ вслѣдствіе скуднаго жалованья, получаемаго мѣдными деньгами; что, для предупрежденія побѣговъ, солдатъ и стрѣльцовъ въ Смоленскѣ не пускаютъ за городскія стѣны; что иностранные офицеры не довольны опять вслѣдствіе плохаго жалованья мѣдными деньгами и насильственною задержкою въ Россіи; что солдаты бѣгутъ изъ самой Москвы и изъ полковъ украинскихъ, бѣгутъ въ степи и въ Сибирь; что въ Москвѣ самъ царь лично два раза упрашивалъ войско не покидать службы; что большая половина смоленской шляхты склоняется на сторону королевскую; что въ самой Москвѣ, по причинѣ мѣдныхъ денегъ, дороговизна, голодъ и возмущенія. Въ Литвѣ, въ мѣстечкѣ Виленахъ, въ это время находилось 242 русскихъ чиновныхъ плѣнника, въ томъ числѣ: одинъ стольникъ (князь Петръ Ивановичъ Хованскій), 3 полковника, 2 стрѣлецкихъ головы, 3 подполковника, 7 ротмистровъ, 2 майора, 8 капитановъ, 15 поручиковъ, 11 прапорщиковъ, 103 человѣка дворянъ и дѣтей боярскихъ. Такъ какъ ихъ содержали очень дурно, то царь считалъ своимъ долгомъ посылать къ нимъ деньги, что еще увеличивало военные расходы: такъ въ началѣ 1662 г. роздано было плѣннымъ въ Литвѣ 836 золотыхъ червонныхъ, да взаймы, для нужды и голоду, дано 82 золотыхъ. Кромѣ того, были плѣнные у короля, Чарнецкаго и другихъ сенаторовъ.

Чѣмъ хуже шли дѣла въ Бѣлоруссіи и Литвѣ, тѣмъ сильнѣе становилось въ Москвѣ желаніе мира. Въ 1661 году попытка царя задержать военныя дѣйствія мирными переговорами не удалась. Съѣздъ посольскій, обѣщанный въ октябрѣ, не состоялся. Въ мартѣ 1662 года новый посланникъ царскій, стольникъ Нестеровъ, пріѣзжалъ въ Варшаву съ тѣмъ же предложеніемъ перемирія на время посольскихъ съѣздовъ. Сенаторы отвѣчали, что если царь уступитъ королю Кіевъ, Переяславль, Нѣжинъ и всѣ черкасскіе города Заднѣпрской Путивльской стороны, также Полоцкъ, Витебскъ, Динабургъ, Борисовъ и Быховъ, то король велитъ заключить перемиріе и удержать войска мѣсяца на два или на три для посольскаго съѣзда, которому быть на Поляновкѣ. Нестеровъ отвѣчалъ, что въ два или три мѣсяца уполномоченные не успѣютъ съѣхаться; для перемирья на два или на три года онъ уступитъ королю Борисовъ, о другихъ же городахъ ему говорить не наказано; потомъ согласился уступить еще Динабургъ; но паны объявили ему рѣшительно, что перемирья не будетъ, а ратные люди отведутся на 15 миль отъ того мѣста, гдѣ будетъ назначенъ съѣздъ уполномоченныхъ; сенаторы прибавили, что если постановлять договоръ о перемирьи, то надобно посылать къ Крымскому хану, что потребуетъ много времени; безъ пересылки же съ Крымскимъ ханомъ перемирья заключить нельзя. Нестеровъ отвѣчалъ на это: „Удивительно, что королевское величество и вся Рѣчь Посполитая въ государствѣ своемъ безъ вѣдома, искони вѣчнаго христіанскаго непріятеля, Крымскаго хана, сдѣлать ничего не можете и не смѣете, а Крымскій ханъ между христіанскими государствами никогда покою не пожелаетъ, и о томъ королевскому величеству Крымскаго хана спрашивать не доведется“. Паны отвѣчали: „Крымскій ханъ намъ товарищъ, да и король и вся Рѣчь Посполитая перемирья заключить не хотятъ“. На это Нестеровъ сказалъ: „Съ которой стороны перемирью не быть,—съ той стороны и правдѣ не быть“. Но царскіе уполномоченные—бояринъ, князь Никита Ивановичъ Одоевскій, бояринъ, князь Иванъ Семеновичъ Прозоровскій, думный дворянинъ Аѳанасій Лаврентьевичъ Ординъ-Нащокинъ и думный дьякъ Алмазъ Ивановъ уже отправились въ Смоленскъ, куда къ нимъ высланы были и польскіе плѣнники—гетманъ Гонсѣвскій, полковники Невѣровскій и Обуховичъ съ товарищами, всего 212 человѣкъ, потому что за этихъ плѣнниковъ король обѣщалъ отдать окольничаго, князя Осипа Щербатаго, стольниковъ, князей Семена Щербатаго и Григорья Козловскаго, Ивана Акинѳова; а гетманъ Гонсѣвскій обѣщалъ государю, что за него король дастъ, кромѣ означенныхъ плѣнниковъ, еще князя Петра Хованскаго. Гонсѣвскаго немедленно отпустили изъ Смоленска въ Шкловъ; но русскіе плѣнники не были возвращены, потому что Потоцкій, Любомирскій, Чарнецкій, на долю которыхъ они достались, не хотѣли отпустить ихъ безъ окупу. Между тѣмъ изъ Борисова пришла вѣсть, что съѣстные запасы всѣ вышли и Нѣмцы сильно скучаютъ; въ Москвѣ признали невозможнымъ поддерживать долѣе этотъ городъ и послали приказъ воеводѣ его, Хлопову, покинуть Борисовъ. 9 іюля Хлоповъ исполнилъ приказъ, вышелъ изъ города со всѣми ратными людьми, пушками, запасами и казною.

Лѣто проходило. Польскіе коммисары не являлись для переговоровъ; австрійскіе послы, пріѣхавшіе для посредничества, жили понапрасну въ Смоленскѣ. Въ августѣ пріѣхалъ въ Смоленскъ выпущенный изъ плѣна окольничій, князь Осипъ Щербатый; но вмѣстѣ съ нимъ пріѣхалъ львовскій купецъ, Грекъ Кирьякъ, который заплатилъ за плѣнника Потоцкому 20,000 золотыхъ польскихъ, и теперь пріѣхалъ искать своихъ денегъ. Такъ какъ Потоцкій взялъ деньги вопреки рѣшенію короля и сейма, опредѣлившихъ, чтобъ плѣнныхъ не давать на окупъ, то въ записи, данной Щербатовымъ, было означено, что окольничій посулилъ гетману подарокъ за его добродѣйство. Полномочные послы велѣли выгнать Кирьяка изъ Смоленска и писали шкловскому коменданту: „Вы пишете въ своей грамотѣ, что окольничій, князь Щербатовъ отпущенъ изъ Шкловской крѣпости по приказу королевскому за гетмана Гонсѣвскаго: такъ, вопреки указу королевскому, съ какой стати онъ будетъ еще платить деньги за какое-то добродѣйство гетмана Потоцкаго? То ли гетманское добродѣйство, что, вопреки присягѣ своей, вмѣсто увольненія, плѣнникомъ его сдѣлалъ и, по бусурманскому обычаю, захотѣлъ его продать? Когда гетманъ Гонсѣвскій по милости великаго государя нашего изъ плѣна былъ освобожденъ, то на немъ никакихъ подарковъ никто не спрашивалъ. Христіанское ли то дѣло, чтобъ христіанину христіанами какъ скотомъ торговать и прибыли побусурмански искать?“ Несчастный Грекъ считалъ также себя въ правѣ думать, что съ нимъ поступили по бусурмански; онъ писалъ къ Одоевскому съ товарищами: „Самъ князь Щербатовъ обѣщался мнѣ и поручился; вы обѣщались, что будетъ мнѣ свободный пропускъ въ Москву. Я у плѣнниковъ былъ отцомъ и добродѣемъ, а теперь, какъ измѣнникъ, выгнанъ изъ Смоленска. Христіанское ли это дѣло, бѣднаго торговаго человѣка приводить къ такой пагубѣ, что мнѣ уже не зачѣмъ къ бѣднымъ моимъ дѣтямъ возвратиться.

Камень бы заплакалъ, смотря на мою обиду, какой и бусурманы не дѣлаютъ. Такія обиды государства до нагубы приводятъ. Со слезами къ ногамъ вашимъ припадаю, пропустите меня къ наияснѣйшему царю, а онъ, государь христіанскій, великій, еще ни одному нашему брату торговому человѣку обиды не сдѣлалъ и бѣдныхъ сиротъ не ослезилъ“. Потоцкій прикрылъ выкупъ именемъ подарка, но Чарнецкій не считалъ нужнымъ церемониться: онъ прямо потребовалъ съ плѣнныхъ, находившихся у него въ Тыкотинѣ, съ 75 человѣкъ окупу 16,000 рублей, мѣхъ рысій или за него сто рублей денегъ, да барса; плѣнники посулили окупъ, не стерпя тяжкой нехристіанской неволи и немѣрной работы. Послы отписали Чарнецкому, чтобъ онъ, зная сеймовое постановленіе о размѣнѣ плѣнныхъ, оставилъ бусурманскій обычай; отписали всему войску коронному, чтобъ оно московскихъ плѣнниковъ высылало на размѣну на своихъ Поляковъ, которыхъ множество въ Московскомъ государствѣ. Наконецъ въ сентябрѣ освобождены были обѣщанные за Гонсѣвскаго знатные плѣнники—князья Семенъ Щербатый, Григорій Козловскій, Петръ Хованскій, Иванъ Акинѳовъ. Для остальныхъ назначена была въ мѣстечкѣ Горахъ генеральная размѣна, для чего съѣхались съ обѣихъ сторонъ размѣнные коммисары; мѣняли чинъ на чинъ и человѣка на человѣка; на время размѣна условились прекратить непріятельскія дѣйствія. Въ октябрѣ коммисары разъѣхались, не кончивши размѣны; русскіе коммисары жаловались на несоблюденіе условія со стороны Поляковъ. Во время размѣны, королевскіе ратные люди приходили подъ Витебскъ, въ Витебскомъ повѣтѣ села и деревни разорили, и городъ держали въ большой тѣснотѣ; другой отрядъ Поляковъ приходилъ подъ Великія Луки, выжегъ посады, въ уѣздѣ села и деревни разорилъ; наконецъ во время же размѣны Поляки напали на русскій отрядъ, возвращавшійся съ хлѣбными запасами изъ Полоцка въ Витебскъ. Польскій коммисары не отдавали русскихъ начальныхъ людей на обмѣнъ за польскихъ; своихъ начальныхъ людей называли волонтерами и шишами; за русскихъ полковниковъ и полуполковниковъ просили своихъ товарищей по шести и по семи человѣкъ; товарищей драгуновъ и челядниковъ брали выборомъ, шляхту, свою братью, родовитыхъ людей называли челядью и хлопцами, и давали за нихъ не противъ ихъ версты людей боярскахъ и мужиковъ, побранныхъ въ обозахъ и въ дорогѣ за возами, а не на бою. Тщетно русскіе коммисары настаивали, чтобъ Поляки брали за полковника шляхты и драгуновъ по четыре человѣка, за полуполковника по три и за иные чины, кромѣ прапорщиковъ, по два; Поляки дѣлали по-своему, и, оставя своихъ плѣнныхъ, человѣкъ съ двѣсти, уѣхали изъ Горъ и задержали русскихъ плѣнныхъ, начальныхъ людей, въ Шкловѣ. Освобождено же было русскихъ плѣнниковъ всего 438 человѣкъ, Поляковъ отпущено 381 человѣкъ: за размѣною осталось въ Смоленскѣ Поляковъ и Литвы 366 человѣкъ, да у князя Петра Долгорукаго 150; польскіе коммисары потому требовали такъ много шляхты за начальныхъ Русскихъ людей, что между польскими плѣнными начальныхъ людей не было. Не зная еще о прекращеніи размѣны, изъ Москвы продолжали высылать польскихъ плѣнниковъ, такъ что въ ноябрѣ въ Смоленскѣ было ихъ 611 человѣкъ. Дворъ, на которомъ прежде помѣщались плѣнники, и тюрьма стали тѣсны, а на мѣщанскихъ дворахъ ставить ихъ было нельзя, потому что всѣ дворы были заняты ратными людьми. Плѣннымъ давали—шляхтичу по десяти мѣдныхъ денегъ на день, челяднику и драгуну—по шести, да каждому по четверику сухарей и по гривенкѣ соли на мѣсяцъ. Но воевода Смоленскій, князь Петръ Долгорукій, объявилъ, что въ казнѣ сухарей мало и впередъ плѣннымъ давать будетъ нечего. Государь, получивъ объ этомъ извѣстіе, велѣлъ Одоевскому давать за русскихъ начальныхъ людей столько польскихъ плѣнниковъ, сколько спросятъ коммисары, лишь бы Русскіе люди, будучи въ плѣну, не померли напрасною смертію.

Но число русскихъ плѣнниковъ, начальныхъ людей увеличивалось у Поляковъ: 16 декабря королевскія войска, подъ начальствомъ полковника Черновскаго, взяли приступомъ Усвятъ, плѣнили воеводу и многихъ государевыхъ людей побили и побрали въ плѣнъ; шляхетскій ротмистръ Глиновецкій, Шляхтичъ Сестринскій и мѣщанскій войтъ были повѣшены за то, что не сдали города Полякамъ. Посланецъ Одоевскаго Дичковъ понапрасну жилъ въ Вильнѣ, дожидаясь какого нибудь отвѣта отъ коммисаровъ; тѣ отпустили его ни съ чѣмъ, отговариваясь, что сами не получаютъ никакого приказа отъ короля. Дичковъ привезъ въ Смоленскъ извѣстіе о страшной смерти гетмана Гонсѣвскаго и маршалка Жеромскаго: 16 ноября явились въ Вильну товарищи войсковые, Хлевинскій да Новошинскій съ толпою ратныхъ людей и спрашивали, гдѣ Гонсѣвскій и Жеромскій. Имъ сказали, что Жеромскій въ церкви у обѣдни, а Гонсѣвскій, у себя, дома лежитъ боленъ. Новошинскій отправился въ церковь, гдѣ былъ маршалокъ, и потребовалъ, чтобъ тотъ ѣхалъ съ нимъ къ войску. „Дайте мнѣ отслушать обѣдню“, отвѣчалъ Жеромскій. Тутъ солдаты схватили его и силою повели изъ церкви. Напрасно служившій обѣдню священникъ говорилъ имъ, что они этимъ оскорбляютъ домъ Божій; солдаты обругали ксендза измѣнникомъ, вывели Жеромскаго и повезли его за городъ. Отъѣхавши 12 миль по Гродненской дорогѣ, на рѣкѣ Нѣманѣ солдаты бросились на свою жертву, изсѣкли саблями и забили обухами до смерти. По той же дорогѣ Хлевинскій везъ въ каретѣ больнаго Гонсѣвскаго, съ которымъ сидѣлъ его домовый ксендзъ. Въ десяти миляхъ отъ Вильны гетмана встрѣтилъ еще отрядъ ратныхъ людей; увидя ихъ, Гонсѣвскій сказалъ ксендзу: „У Минуція написано, что нынѣшняго дня будетъ убитъ великій человѣкъ вмѣстѣ съ товарищемъ своимъ“. Только-что онъ успѣлъ сказать это, какъ ѣхавшіе на-встрѣчу солдаты поравнялись съ каретою и закричали, чтобъ онъ выходилъ. „Для чего выходить?“ спросилъ гетманъ. „Выходи!“ кричали солдаты съ ругательствами: „Пришелъ твой часъ!“ Гонсѣвскій вышелъ и сталъ говорить: „Везите меня въ войско, потому что по правамъ нашимъ и челядника безъ суда не караютъ, не только-что гетмана“.—„Не указывай!“ закричали солдаты и хотѣли немедленно его разстрѣлять; несчастный могъ вымолить только сроку, чтобъ исповѣдаться у ксендза. Убійцы выставили три обвиненія противъ Гонсѣвскаго: 1) При освобожденіи своемъ изъ плѣна присягнулъ царю, что съ помощію Орды и Шведовъ подведетъ Польшу подъ власть государеву; разглашали, что у гетмана захвачены царскія грамоты; 2) пропустилъ въ Ригу товарные струги смоленскихъ и витебскихъ мѣщанъ; 3) пріѣхалъ въ Вильну Устинъ Мещериновъ съ грамотами, безъ войсковаго вѣдома былъ у гетмана ночью и грамоты ему отдалъ. Жермовскаго убили за то, что былъ съ Гонсѣвскимъ въ одной думѣ.

Въ февралѣ 1663 года царь приказалъ Одоевскому пересмотрѣть плѣнныхъ, находившихся въ Смоленскѣ, и раздѣлить ихъ на двѣ части: которые познатнѣе,—тѣхъ держать въ Смоленскѣ, а которые похуже,—тѣхъ отпустить въ Польшу безъ размѣны и наказать имъ бить челомъ королю, чтобъ онъ сдѣлалъ то же и съ русскими плѣнниками. Вслѣдъ затѣмъ отпущена была изъ Москвы другая толпа плѣнниковъ, также безъ размѣны. Одоевскій съ товарищами получилъ приказъ возвратиться въ Москву, а въ Польшу еще въ 1662 году отправился Ординъ-Нащокинъ съ предложеніемъ тѣснаго союза подъ условіемъ уступки Смоленска и Сѣверскихъ городовъ, какъ было до Смутнаго времени, съ предложеніемъ денегъ для расплаты съ бунтующимъ войскомъ, за уступку южной Ливоніи. Но знаменитый московскій дипломатъ не успѣлъ въ своемъ дѣлѣ: чтобъ заключить выгодный миръ, король считалъ необходимымъ перейти самому на восточный берегъ Днѣпра [1].

Въ третій разъ страшная опасность начала грозить Москвѣ. 8 сентября отправлена была къ находившемуся при Брюховецкомъ воеводѣ, стольнику Кириллу Хлопову такая грамота: „Говорить гетману тайнымъ обычаемъ: если король Польскій со всѣмъ войскомъ коронныМъ и съ измѣнниками Черкасами той стороны Днѣпра и съ Крымскими Татарами станетъ наступать всѣми силами, то, по самой конечной мѣрѣ, если устоять противъ нихъ будетъ нельзя, гетманъ долженъ укрѣпить осаду во всѣхъ городахъ и, соединившись съ воеводою княземъ Григоріемъ Григорьевичемъ Ромодановскимъ, отступать къ пограничнымъ московскимъ и черкасскимъ городамъ, къ крѣпкимъ мѣстамъ, гдѣ пристойнѣе, по своему разсмотрѣнію“. Для удержанія союзниковъ королевскихъ, Татаръ, еще прежде успѣли подкрѣпить Запорожье: туда отъ Бѣлгородскаго полка Ромодановскаго отдѣленъ былъ отрядъ изъ 500 человѣкъ драгунъ, солдатъ и Донскихъ казаковъ, подъ начальствомъ стряпчаго Григорія Касогова. Сначала этого отряда было достаточно, потому что война велась мелкая; Кременчугскіе казаки опять перешли въ королевскую сторону; ихъ примѣру послѣдовали жители городовъ Потока и Переволочны. Въ Кременчугѣ засѣлъ наказный гетманъ западной стороны, Петръ Дорошенко. Узнавши, что въ Запорожье пробирается московскій отрядъ, Дорошенко въ іюлѣ мѣсяцѣ послалъ провѣдать о немъ двѣсти казаковъ и сотню Татаръ, которые столкнулись съ людьми Касогова подъ Кишенкою и были побиты: Переволочане опять поддались великому государю; Касоговъ въ другой разъ побилъ татарскихъ загонщиковъ подъ Кишенкою и, соединившись съ Запорожцами и Калмыками, отправился въ сентябрѣ за Днѣстръ; здѣсь выжгли они ханскія села, много въ нихъ побили Армянъ и Волоховъ, и 20 сентября возвратились въ Сѣчь всѣ въ цѣлости; на другой день, 21 числа, явились въ Сѣчь 1,200 Запорожцевъ, которые ходили на море, пришли они пѣшкомъ и разсказывали кошевому своему Ивану Сѣрко и Касогову, что настигли ихъ на морѣ турецкія суда, бились съ ними три дня и двѣ ночи, на третью ночь казаки утекли отъ Турокъ къ берегу, изрубили свои суда и полемъ пустились домой. 2 октября Сѣрко и Касоговъ выступили подъ Перекопь; 11 числа, ночью, Сѣрко съ пѣшими Черкасами и солдатами вошелъ въ Перекопскій посадъ съ Крымской стороны, а Касоговъ съ конными Черкасами и Русскими людьми пришелъ къ воротамъ Перекопскимъ съ русской стороны; большой каменный городъ былъ взятъ, но малаго Русскіе взять не могли и ушли, зажегши большой городъ: янычары и Татары преслѣдовали ихъ верстъ съ пять. 16 октября Касоговъ и Сѣрко возвратились въ Сѣчь; изъ отряда Касогова было убито только десять человѣкъ, плѣнныхъ въ Сѣчь не привели, порубили, не пощадивъ ни женъ, ни дѣтей, на томъ основаніи, какъ доносилъ Касоговъ, что въ Крыму и Перекопи было повѣтріе; но пріѣхали въ Москву запорожскіе посланцы съ тою же вѣстію о походѣ подъ Перекопь и объявили: „Въ Перекопи при насъ моровато повѣтрія не было, слышали они, что было повѣтріе, но задолго до ихъ прихода; плѣнныхъ мы всѣхъ порубили, будучи между собою въ ссорѣ, а кошевой атаманъ Иванъ Сѣрко писалъ про моровое повѣтріе къ гетману Брюховецкому, думаемъ, отъ стыда, что языковъ къ нему послать было некого, потому что войскомъ всѣхъ побили“.

Скоро послѣ этого начали приходить отъ Касогова печальныя вѣсти: онъ писалъ, что 23 ноября прислалъ измѣнникъ Тетеря въ Запорожскую Сѣчь посланцовъ своихъ, двухъ крыловскихъ мѣщанъ, съ прелестными листами, и когда эти листы читали въ радѣ, то половина Запорожцевъ не хотѣла и слушать, но другіе обрадовались; начались шатости въ Запорогахъ большія; Сѣрко боится за себя, за Московскаго воеводу и за всѣхъ государевыхъ ратныхъ людей: запасы, привезенные Касоговымъ, вышли, а покупать въ Запорожьи—осминка муки ржаной стоитъ пять рублей, а пшена и не добыть ни за какія деньги, отчего многіе ратные люди разбѣжались. Касоговъ приготовился уже къ смерти и писалъ къ отцу своему: „Батюшка! помилуй меня, дай благословеніе и прости, потому что думаю, въ послѣдній разъ пишу къ тебѣ. Если черкасскіе города сдадутся, то и Запорожье сдастся королю, и мнѣ съ Сѣркомъ тутъ матъ: и теперь бунтуютъ и на насъ совѣщаются; чуть только осилятъ, сейчасъ выдадутъ насъ или Ляхамъ, или Татарамъ. Смилуйся, государь! дѣвочку мою не покинь! охъ, жаль, какъ душѣ съ тѣломъ, съ нею разстаться и не видать до дня суднаго! Больше писать не умѣю отъ печали лютой; помилуй меня, прости грѣшника и не забудь за меня къ Богу черезъ нищихъ послать и душу мою бѣдную помянуть; челядь мою русскую вели отпустить на волю, а Татаръ вели удержать, на обмѣну пригодятся. Умились надъ бѣдною, вѣкъ свой въ горѣ скоротавшею моею женою сиротою, не вели ее оскорбить послѣ меня; не утѣшилась бѣдная при мнѣ, только состарѣлась и отъ бѣднаго житья сокрушилась“.

---

[1] Архивъ мин. ин. д., дѣла Польскія 1661—1663 годовъ. Памятн. изд. Кіевск. коммис. IV, 194.

Отъ гетмана сначала приходили хорошія вѣсти: осенью 1663 года, 15 октября, Брюховецкій далъ знать царю, что генеральный есаулъ взялъ приступомъ городъ Потокъ; 23-го воевода Хлоповъ далъ знать, что они съ гетманомъ ходили подъ Кременчугъ и взяли его со всѣми людьми, нарядомъ и знаменами. Но въ то же самое время получена была въ Москвѣ грамота Меѳодія изъ Кіева (отъ 12 октября); епископъ писалъ, что 8 октября король Янъ-Казиміръ пришелъ въ Бѣлую Церковь, которая отъ Кіева только въ 60 верстахъ; въ Кіевѣ малолюдно, а городъ большой: „Бога ради,“ писалъ Меѳодій, „изволь, великій государь, въ прибавку прислать въ Кіевъ ратныхъ людей поскорѣе; да и къ гетману изволь прислать войска, а гетманъ Иванъ Брюховецкій тебѣ отъ всего сердца вѣрно служить хочетъ; укажи князю Григорію Григорьевичу Ромодановскому поспѣшить въ украинскіе и черкасскіе города, также и другимъ войскамъ отъ Сѣвска, Путивля и Брянска, потому что тамъ войска эти даромъ стоятъ, только даромъ людей ѣдятъ, а здѣсь очень надобны. Кіевъ, Черниговъ и вся Украйна тебѣ, великому государю, очень надобны, потому что за этими черкасскими городами твое Россійское государство, какъ за стѣною, твердо стоитъ и стоять будетъ; сохрани Боже уступить Кіева и другихъ черкаскихъ городовъ, тогда король и Ляхи дальше пойдутъ; кто тебѣ объ уступкѣ Кіева станетъ совѣтовать, тотъ Богу и тебѣ врагъ и измѣнникъ. Прошу также милости, вели перемѣнить Переяславскаго воеводу, князя Василія Богдановича Волконскаго: человѣкъ упрямый: лучше его перемѣнить, нежели изъ-за его вражды съ гетманомъ какая поруха учинится.“ Царь отвѣчалъ, что велѣлъ смѣнить Волконскаго и на его мѣсто будетъ пока воевода Хлоповъ. 11-го ноября получено было письмо отъ Брюховецкаго (изъ Гадяча отъ 30 октября): „Вѣрный и во-вѣки неотступный холопъ, низко предъ пресвѣтлыми царскаго пресвѣтлаго величества престола ногами до лица земли упадая и смиренно бьючи челомъ,“ увѣдомлялъ, что король имѣлъ совѣщаніе въ Бѣлой Церкви со всѣми начальными людьми, измѣнниками и султаномъ Крымскимъ, послѣ чего король придвинулся къ городу Ржищеву на берегъ Днѣпра, и войска его начали переправляться за рѣку у Ржищевской пристани. „Я,“ писалъ Брюховецкій, „всѣ свои полки противъ непріятеля собираю и иду вмѣстѣ съ воеводою Кирилломъ Осиповичемъ Хлоповымъ. Но высокимъ своимъ разумомъ изволите разсмотрѣть, что намъ съ такими малыми войсками на польскія, татарскія и измѣнничьи войска идти опасно; а князь Ромодановскій вашихъ указовъ не исполняетъ и съ войскомъ на оборону малороссійскихъ городовъ нейдетъ, пишетъ ко мнѣ, что войска распустилъ; пишетъ ко мнѣ, что пойдетъ въ малороссійскіе города, когда къ нему Калмыки придутъ, тѣмъ самымъ походъ свой въ даль откладываетъ, а непріятель, не слыша о силахъ, противъ него идущихъ, въ отчинѣ вашего царскаго величества распространяется, и города прельщать будетъ. Не только князю Ромодановскому, но и бояриму Петру Васильевичу Шереметеву и Калмыкамъ надобно со мною соединиться; противъ короля надобно приготовиться строемъ, ибо хотя при немъ и малыя силы, однако это не Выговскій и не Гуляницкій: надобно готовиться, чтобъ города на этой сторонѣ удержались въ вѣрности; непріятель готовится на бой кровавый, и султанъ Крымскій загоновъ не пропускаетъ; я послалъ въ Запорожье къ Сѣрку, чтобъ съ Калмыками шелъ къ Чигирину“. Кіевскому полковнику, Василію Дворецкому, бывшему тогда въ Москвѣ, Брюховецкій писалъ: „Удивляюсь радѣнію князя Ромодановскаго, который, собравши войско, все лѣто стоялъ въ Бѣлгородѣ, а какъ узналъ о приходѣ королевскомъ, то войско по домамъ распустилъ: не знаю, ужъ не пришла ли къ нему грамотка отъ брата его Выговскаго. Приходъ королевскій на Украйну дѣло великое: никто ничѣмъ не откупится, а я своею лысою головою силы непріятельскія не сдержу, некому уже стало вѣрить. Изволь Ѳедору Михайловичу (Ртищеву) обо всемъ словесно объяснить, пусть не кручинится, что пишу обо всемъ правду: когда Украйну потеряютъ, то и всѣмъ достанется“

Въ это время пріѣзжаетъ въ Малороссію для переговоровъ съ гетманомъ государевыхъ тайныхъ дѣлъ дьякъ Дементій Миничъ Башмаковъ, привозитъ старшинѣ соболей на 1,700 рублей, и вотъ со всѣхъ сторонъ сыплются къ нему доносы. Меѳодій далъ ему знать изъ Кіева, чтобъ ѣхалъ осторожнѣе: малороссійскіе жители шатки и непостоянны, вѣрить имъ нечего; подъ часъ непріятельскаго прихода чаять отъ нихъ всякаго дурна: въ

Глуховѣ атаманъ и войтъ толковали, что Черкасамъ никому вѣрить нельзя,—люди непостоянные и некрѣпкіе, противъ непріятелей долго стоять не будутъ. Воевода Хлоповъ передавалъ вѣсти, полученныя тайно отъ Брюховецкаго, что въ Кіевѣ дѣла очень плохи отъ умысла злыхъ людей: король идетъ къ Кіеву по присылкѣ кіевскихъ жителей, а вся злая бѣда учинилась отъ старицы Ангилины, которая учитъ въ Кіевѣ епископову дочь грамотѣ, и что услышитъ отъ ученицы, про все дастъ знать въ Польшу и къ Тетерѣ. „Надобно думать“, говорилъ Брюховецкій, „что у епископа есть прозябь большая и невѣрность въ радѣньи великому государю: объ этомъ я заключаю изъ того, что кіевскіе монахи взяли себѣ на поруки Нѣжинскаго атамана Шлютовича, который ушелъ, отпустили его монахи нарочно и велѣли ему, собравъ казаковъ и Татаръ, приходить на государевы черкасскіе города. Я за этими монахами посылалъ Прилуцкаго полковника Песоцкаго, но епископъ ихъ ко мнѣ не присылалъ, а взялъ съ нихъ золотые червонные. Боюсь, чтобъ епископъ злымъ своимъ умысломъ не сдалъ Кіева королю. Если король черезъ Днѣпръ переправится, то боюсь, чтобъ всѣ малороссійскіе города вдругъ ему не сдались; при мнѣ войска въ сборѣ ничего нѣтъ, и радъ бы я собраться, но казаки меня не слушаютъ, не собираются нигдѣ, и потому буду сидѣть въ городахъ въ осадѣ до прихода государевыхъ большихъ полковъ“.

17 ноября свидѣлся Башмаковъ съ гетманомъ въ Батуринѣ и говорилъ ему: „Въ Нѣжинѣ, на генеральной черневой радѣ ты выбранъ гетманомъ всѣми вольными голосами и присягнулъ на вѣрное и вѣчное подданство великому государю; а великій государь васъ, гетмана, старшину и всю чернь, держитъ подъ своею самодержавною высокою рукою въ милостивомъ жалованьи по прежнимъ вашимъ правамъ и вольностямъ и по переяславскимъ статьямъ, какія поставлены въ 59 году, при прежнемъ гетманѣ Юріи Хмельницкомъ, и вамъ бы, выслушавъ тѣ статьи, подписать“. Статьи были прочтены; но гетманъ и старшина, выслушавъ ихъ, отвѣчали: „Намъ всѣхъ этихъ статей за разореніемъ отъ непріятельскихъ приходовъ и за скудностью никакъ содержать теперь невозможно; въ то время, когда эти статьи становлены, Малая Россія вся, обѣихъ сторонъ Днѣпра, была въ соединеніи и у царскаго величества въ подданствѣ, и города хотя и были поразорены, да все не такъ, какъ теперь“.— „Постановленіе этимъ статьямъ давнее, а не новое“, возразилъ Башмаковъ, „гетманъ Богданъ Хмельницкій ихъ содержалъ“.—„При Богданѣ Хмельницкомъ“, отвѣчалъ гетманъ, „непріятели такъ, какъ теперь, не наступали, да и наступать было нельзя, за обороною великаго государя сами непріятелей гоняли, и малороссійскіе жители въ то время были во всякихъ покояхъ и зажиткахъ“ Пуще всего гетманъ со старшиною изъ статей Богдана Хмельницкаго отговаривали вторую статью о сборѣ въ царскую казну денежныхъ доходовъ, да шестую—о раздачѣ жалованья войска Запорожскаго начальнымъ людямъ и казакамъ: „Пристойное ли это дѣло,“ говорили они, „что у сбору и раздачѣ быть войтамъ, бурмистрамъ, райцамъ, и съ кого теперь такіе многіе доходы сбирать и казакамъ раздавать; только это дѣло начать,—и мнѣ, гетману, отъ казаковъ и мѣста не будетъ, всякій захочетъ жалованья, а собирать будетъ не-съ-кого.“ Громче всѣхъ кричали—судья войсковой Юрій Незамай да Стародубскій полковникъ Иванъ Плотникъ; чтобъ подкрѣпить себя передъ царскимъ посланцомъ, они наконецъ сказали: „Новыя переяславскія статьи принимали Заднѣпряне, а теперь они въ измѣнѣ.“— „На нѣжинской радѣ,“ возражалъ Башмаковъ, „вы этихъ статей не оспаривали, подъ статьями приложены руки такихъ людей, которые теперь у государя въ подданствѣ вмѣстѣ съ вами, служатъ вѣрно и ни въ какой измѣнѣ не оказались; потомъ вы хотите оставить именно тѣ статьи, которыя были присланы гетманомъ Богданомъ Хмельницкимъ и содержаны имъ до конца жизни, и потому оставить ихъ никакъ нельзя. Ты, Незамай, и ты, Плотникъ, говорите, что заднѣпровскіе жители всѣ въ измѣнѣ: но этими словами вы и себя къ измѣнникамъ причисляете, потому что жены ваши, дѣти и родичи теперь за Днѣпромъ, а можно было вамъ до непріятельскаго прихода на эту сторону Днѣпра ихъ перевесть. Вы всѣ отговариваете вторую и шестую статью за скудностію и непріятельскимъ нашествіемъ, но тому не всегда быть. Если вы въ статьяхъ усмотрѣли что-нибудь не надобное, то вы бы прислали бить челомъ объ этомъ великому государю, а самимъ бы вамъ его государской воли не отговаривать; помните ли, что Павелъ апостолъ написалъ: „Рабы владыкамъ во всемъ да повинуются.“

Гетманъ и старшина уступили, приняли всѣ статьи и подписали 19 ноября, обѣщая бить челомъ о тѣхъ статьяхъ, которыхъ по настоящему времени содержать нельзя. Башмаковъ объявилъ, что государь жалуетъ войску имѣніе Самка и его совѣтниковъ; гетманъ и старшина били челомъ до лица земли, но приговорили съ войскомъ, чтобъ все это имѣніе, по стародавнему обычаю, отдать вдовамъ и сиротамъ казненныхъ, потому что за одну вину дважды не караютъ. Башмаковъ потребовалъ, чтобъ во всѣ малороссійскіе города послать универсалы, подъ войсковымъ жестокимъ караньемъ, велѣть всѣхъ прежнихъ и нынѣшнихъ перебѣжчиковъ сыскать и отправить на прежнія мѣста жительства и учинить впредь заказъ крѣпкій подъ смертною казнію—Московскаго государства служилыхъ и всякихъ чиновъ людей, боярскихъ холопей и крестьянъ въ малороссійскіе города не принимать, чтобъ отъ этого государевой службѣ и податямъ порухи, а помѣщикамъ и вотчинникамъ напраснаго разоренья и убытковъ не было. Гетманъ отвѣчалъ, что теперь этого сдѣлать нельзя, ибо жители здѣшней стороны Днѣпра, услыша о такомъ договорѣ, могутъ передаться королю; а какъ война минуетъ, тогда царское требованіе исполнить будетъ можно. Башмаковъ говорилъ: Козельскіе и Остенскіе жители, скупая хлѣбъ въ Глуховѣ и другихъ мѣстахъ, отпускаютъ за Днѣпръ безъ вѣдома гетмана и старшинъ; этимъ поднимаютъ цѣны на хлѣбъ здѣсь и помогаютъ заднѣпровскимъ измѣнникамъ и Татарамъ,—такъ надобно запретить продавать хлѣбъ за Днѣпръ, кромѣ Кіева. Если же запретить этого нельзя для удабриванія Заднѣпровскихъ жителей, чтобъ они склонялись подъ царскую руку, то позволять имъ покупать хлѣба указное число съ гетманскаго и старшинъ вѣдома, и они станутъ считать это себѣ за великое благодѣяніе, и другъ другу начнутъ выставлять вашу доброту и переселяться на здѣшнюю сторону отъ тамошняго разоренья. Гетманъ съ старшинами отвѣчали, что по этому предмету уже давно выданы крѣпкіе универсалы и еще будутъ выданы.

Потомъ Башмаковъ указалъ гетману на безпорядки, господствующіе въ Малороссіи: „Не только казаки не переписаны, но и мѣщане и поселяне, ихъ земли, мельницы и угодья, не переписаны ранды и комары для поборовъ, оброковъ ни на что не положено; ты, гетманъ, и вы, старшина, не знаете, сколько теперь въ войскѣ казаковъ и что имъ доведется дать жалованья въ годъ, сколько съ мѣщанъ и угодій ихъ какихъ поборовъ въ годъ собрать можно; казаки безъ переписи на службѣ бываютъ не всѣ, ѣздятъ по своей волѣ и изъ полковъ отъѣзжаютъ безъ вашего отпуска." Гетманъ и старшина отвѣчали, что теперь, когда непріятель надъ головами, реестра писать и казны собирать нельзя, а какъ военная пора минется, тогда будетъ можно. Наконецъ Башмаковъ потребовалъ, чтобъ Малороссіянамъ запрещено было ѣздить въ Великороссію съ заповѣдными товарами, съ виномъ и табакомъ; обѣщалъ разослать универсалы съ угрозою, что если кто изъ Малороссіянъ будетъ пойманъ въ великороссійскихъ городахъ съ виномъ и табакомъ, у тѣхъ вино и табакъ будутъ отбираться на царское величество безденежно. Наконецъ гетманъ обѣщалъ давать на прокормленіе московскимъ ратнымъ людямъ, которые будутъ въ Малороссіи для ея защиты: воеводамъ—по мельницѣ съ двумя колесами мучными, головамъ и полковникамъ—по 50 осмачекъ, подполковникамъ и майорамъ—по 25, ротмистрамъ и капитанамъ—по 20, поручикамъ, прапорщикамъ и сотникамъ—по 10, рейтарамъ, драгунамъ, солдатамъ и стрѣльцамъ—по 4 осмачки ржаной муки на годъ [1]).

Толкуя съ царскимъ дьякомъ, гетманъ постоянно напоминалъ, что непріятель надъ головами: наконецъ гроза разразилась: король перешелъ на восточную сторону. Чтобъ привлечь къ себѣ Малороссіянъ, онъ выкупалъ у Татаръ русскихъ плѣнниковъ и отпускалъ ихъ по домамъ; ратнымъ людямъ запрещено было брать что-либо силою у жителей, и три шляхтича были повѣшены за нарушеніе этого предписанія. Надобно было употреблять нравственныя средства, ибо матеріальныхъ было у короля очень недостаточно: для завоеванія страны при самомъ Янѣ-Казимірѣ находилось только три полка конныхъ, въ нихъ 25 хоругвей, подъ хоругвію человѣкъ по 50 и по 60; пѣхоты при королѣ было только 300 человѣкъ; у гетмана Потоцкаго—три полка конныхъ казацкихъ, пѣхоты 4,000 человѣкъ да двѣ роты гусаръ; у Чарнецкаго—три хоругви гусаръ, три полка казацкихъ, въ которыхъ 36 хоругвей, подъ хоругвію человѣкъ по 60 и по 80; до 400 драгунъ; у Пѣсочинскаго—9 ротъ Нѣмцевъ, 150 солдатъ (жалдаковъ), три полка Поляковъ, въ которыхъ 800 человѣкъ. Союзныхъ Татаръ было 5,000;—14,000 литовскаго войска, подъ начальствомъ Сапѣги, Паца и Полубенскаго, стояло въ Досуговѣ. Король надѣялся, что одного появленія его достаточно, чтобъ вырвать восточную сторону изъ рукъ царя, и сначала дѣйствительно успѣхъ порадовалъ его,—тринадцать городовъ отворили ворота Полякамъ; но потомъ дѣла приняли другой оборотъ: надобно было останавливаться подъ городами, тратить время и людей. Лохвица не сдавалась и была взята только жестокимъ приступомъ, на которомъ осаждающіе потеряли много народу. Не сдался и Гадячъ: къ нему подошелъ Тетеря съ Ляхами и казаками, изготовилъ уже приступные вымыслы, но отошелъ прочь, услыхавъ о движеніи Калмыковъ и князя Григорія Ромодановскаго. Самъ король потерпѣлъ неудачу подъ Глуховымъ и долженъ былъ вывести за Десну свое голодное войско; только оплошность царскаго воеводы, князя Якова Куденетовича Черкасскаго, спасла Поляковъ отъ совершеннаго истребленія [2]).

Прошла и третья туча. Неуспѣхъ Яна-Казиміра поддержалъ спокойствіе въ Запорожьи. Сѣрко и Касоговъ остались цѣлы и невредимы, и не сидѣли праздно въ Сѣчи. 6 декабря вмѣстѣ съ Калмыками отправились они опять подъ Перекопь, чтобъ мѣшать хану идти на помощь къ королю и взять языковъ. Они спокойно жгли татарскія села въ кутахъ надъ Чернымъ моремъ, отгромили русскаго и черкасскаго полона больше ста человѣкъ, какъ 11 декабря напали на нихъ татарскія толпы изъ Перекопи. Русскіе и Калмыки, отбиваясь, отступали двѣ мили къ рѣкѣ Колончаку, здѣсь устроили коней, учинили бой, Перекопскую орду побили и рубили Татаръ до самой Перекопи, живыхъ брать въ плѣнъ Калмыки не дали, въ рукахъ кололи. Эти подвиги по-прежнему совершались съ самыми незначительными силами: съ Сѣркомъ было 90 человѣкъ Черкасъ, съ Касоговымъ—30 человѣкъ Донскихъ казаковъ да 60 Калмыковъ, а Татаръ, если вѣрить Касогову, было человѣкъ съ тысячу. Въ январѣ 1664 года Сѣрко отправился за двѣ рѣки, за Бугъ и за Днѣпръ, гдѣ, напавши на турецкія села повыше Тягина, многихъ бусурманъ побилъ и добычу великую взялъ; изъ-подъ Тягина пошелъ на черкасскіе города, лежащіе по Бугу; жители этихъ городовъ, какъ только заслышали о приходѣ Сѣрка, такъ тотчасъ же начали Ляховъ и Жидовъ сѣчь и рубить; Браславскій полкъ и Калницкій, Могилевъ (на Днѣстрѣ), Рашковъ, Уманскій повѣтъ поддались Московскому царю. Вслѣдствіе этихъ успѣховъ Москвы на западной сторонѣ Днѣпра составился планъ—вытѣснить Поляковъ отовсюду и провозгласить господство царя; начальниками движенія были: митрополитъ Іосифъ Тукальскій, преемникъ Діонисія Балабана въ королевской сторонѣ, и Кіевскій воевода, бывшій гетманъ, котораго въ Москвѣ не иначе называли какъ измѣнникомъ, Иванъ Астаѳьевичъ Выговскій. Еще въ 1662 году освободившійся изъ польскаго плѣна, князь Козловскій объявилъ: „Въ Вильнѣ намѣстникъ Духова монастыря Дороѳеевичъ говорилъ мнѣ: пріѣхалъ въ Духовъ монастырь архимандритъ Бутовичъ, духовный отецъ Выговскому; великому государю надобно бы его пожаловать соболями, а онъ говоритъ, что надѣется Выговскаго и Заднѣпровскихъ казаковъ уговорить поддаться попрежнему государю.“ Неизвѣстно, воспользовались ли въ Москвѣ этимъ объявленіемъ и завязали ли сношенія съ Выговскимъ посредствомъ Бутовича, только, въ началѣ 1664 года, Выговскій вошелъ въ сношенія съ полковникомъ Сулимою, который долженъ былъ поднимать возстаніе во имя царя и Выговскаго, истреблять польскихъ старостъ, отнимать имѣнія у шляхты. Но польскій полковникъ Маховскій предупредилъ замыселъ, захватилъ Выговскаго и, послѣ военнаго суда, разстрѣлялъ его, какъ уличеннаго измѣнника; а Брюховецкій въ универсалѣ своемъ отъ 23 марта провозгласилъ, что Выговскій погибъ за вѣру христіанскую. Іосифъ Тукальскій былъ заточенъ въ Маріенбургъ вмѣстѣ съ монахомъ Гедеономъ Хмельницкимъ. Несмотря на неудачу этого предпріятія, Поляки должны были теперь уже защищать западную сторону Днѣпра отъ царскихъ войскъ: 4 апрѣля въ Крыловѣ сошлись съ Сѣркомъ Касоговъ съ своею маленькою дружиною и остальные Запорожцы съ наказнымъ кошевымъ Сацкомъ Туровцомъ. Касоговъ доносилъ, что заднѣпровскіе полки, чернь вся, съ радостію поддались подъ государеву руку, Ляховъ и Тетериныхъ единомышленниковъ побили. Но не поддавался Чигиринъ и призвалъ къ себѣ Чарнецкаго, который съ 2,000 конницы 7 апрѣля напалъ на Сѣрка и Касогова подъ Бужинымъ; послѣ жестокаго боя Русскіе, по словамъ Касогова, пришли къ Бужину въ цѣлости, а Поляковъ побили много. Чарнецкій осадилъ ихъ въ Бужинѣ; они отбивались отъ него день и ночь съ 7 по 13 апрѣля, и отбились Чарнецкій отступилъ; Сѣрко и Касоговъ воспользовались этимъ и перешли въ Смѣлую, но здѣсь были снова осаждены Чарнецкимъ и Тетерею, и снова отсидѣлись безъ урона для себя. Освободившись въ другой разъ отъ осады, Сѣрко и Касоговъ отправились на восточную сторону Днѣпра, гдѣ соединились съ новымъ отрядомъ московскихъ ратныхъ людей и съ Калмыками. Тетеря писалъ къ канцлеру Пражмовскому, что только миръ съ Москвою можетъ успокоить Украйну; онъ предлагалъ также, опираясь на мнѣніе Чарнецкаго и всей старшины казацкой, что самымъ лучшимъ средствомъ для предупрежденія бунтовъ казацкихъ будетъ отдѣленіе нѣсколькихъ староствъ, гдѣ бы казаки жили подъ управленіемъ своихъ гетмановъ, не зная старостъ и подстаростъ: этимъ уничтожатся всѣ непріязненныя столкновенія казаковъ съ республикою. Тетеря опять указывалъ на страшную опасность со стороны Татаръ, явно стремящихся оторвать Украйну отъ Польши, и, на этомъ основаніи, Тетеря считалъ миръ съ Москвою необходимымъ, въ противномъ случаѣ просилъ короля уволить его отъ гетманской должности ¹).

---

[1]) Книги разрядныя, т. II, годъ 1663.

[2]) Архивъ мин. ин. д.; дѣла Малорос. и Польскія 1663 года.

Между тѣмъ Брюховецкій съ московскимъ воеводою Петромъ Скуратовымъ стояли обозомъ подъ Каневымъ. 21 мая напали на ихъ обозъ Поляки и Татары, и, побившись, отошли прочь. Въ тотъ же день Брюховецкій и Скуратовъ вошли въ Каневъ, а на другой день, 22 числа, явился подъ городомъ самъ Чарнецкій съ хорунжимъ коронньмъ Собѣскимъ, съ полковникомъ Маховскимъ, Тетерею и Татарами; бой подъ Каневымъ продолжался съ утра до вечера; непріятель отступилъ и сталъ съ версту отъ города. Шесть дней было спокойно, на седьмой, 29 числа, Чарнецкій, отпустивъ свои обозы ко Ржищеву, самъ двинулся опять подъ городъ и всѣми своими силами ударилъ на гетманскую пѣхоту,—та дрогнула и опрокинулась на московскій солдатскій полкъ Юрья Пальта: солдаты выдержали натискъ; того же дня Чарнецкій пошелъ изъ-подъ Канева и, отошедши десять верстъ, сталъ на Днѣпрѣ выше Канева, а 2 іюня пошелъ отъ Днѣпра къ Корсуню, отправивъ подъ Каневъ небольшой отрядъ конницы, чтобъ помѣшать Русскимъ преслѣдовать его по дорогѣ. Отъ Корсуня Чарнецкій отступилъ за Бѣлую Церковь подъ мѣстечко Ставищи, приступалъ къ нему жестокими приступами, но не могъ ничего сдѣлать, потерялъ, какъ доносили въ Москву, 3,000 человѣкъ и самъ былъ раненъ. Чарнецкій остался подъ Ставищами, а Тетеря съ половиною Татаръ пошелъ къ Умани и къ Днѣстру, чтобъ жителямъ Уманскаго и Браславскаго полковъ, поддавшимся Московскому государю, не дать убрать хлѣба съ полей и попытаться, нельзя ли опять склонить въ королевскую сторону: на прелестныхъ письмахъ его нарисованъ былъ крестъ и образъ Богородицы: этимъ крестомъ и образомъ онъ клялся, что не будетъ никому мстить, и обѣщалъ, что Ляхи не будутъ начальствовать надъ Малороссіянами.

---

¹) Арх. мин. ин. д.; дѣла Польскія 1662 года, № 116; Памятн. изд. Кіевск. коммис. IV, стр. 395 и слѣд.

Татары приносили Полякамъ большую пользу тѣмъ, что, перебѣгая загонами изъ одного мѣста въ другое, не давали царскимъ войскамъ возможности сосредоточиваться и дѣйствовать наступательно значительными силами. Царь писалъ Сѣрку, чтобъ соединился съ гетманомъ Брюховецкимъ. Сѣрко отвѣчалъ, что Ляхи и Татары ежедневно около ихъ украинскихъ городовъ докучаютъ, и онъ пойдетъ не прежде къ гетману, какъ непріятель отступитъ. Сѣрко стоялъ въ Торговицѣ; Брюховецкій не двигался изъ Канева и велѣлъ Касогову, вмѣстѣ съ нѣсколькими казацкими полковниками, учинить промыселъ надъ Корсунемъ. 1-го августа, за пять верстъ отъ Корсуня, Поляки напали на Касогова и поразили его; Русскіе потеряли убитыми одиннадцать человѣкъ рейтаръ и солдатъ, тридцать человѣкъ Черкасъ; кромѣ того, многіе ратные люди, прибѣжавъ къ болоту, коней потопили и оружіе пометали. Касоговъ жаловался государю: „Иные рейтары, солдаты, Донскіе казаки и Черкасы передъ походомъ и изъ похода, не дождавшись боя, побѣжали домой; бѣда случилась отъ малолюдства—въ походѣ со мною было рейтаръ 85 человѣкъ, солдатъ 120, казаковъ разныхъ городовъ 470, Черкасъ съ 500 человѣкъ конныхъ да 1,000 пѣшихъ; но этой пѣхотѣ Ляхи не дали со мною соединиться; въ моемъ полку самихъ казаковъ немного,—все наймиты, овчары да изъ винницъ работники, и малыхъ ребятъ много, а сами казаки живутъ по домамъ своимъ“. О состояніи тогдашняго войска и причинахъ медленности и неуспѣховъ его всего лучше можетъ дать понятіе письмо Касогова изъ Канева: „Твоихъ, великаго государя, ратныхъ людей со мною до 18 сентября оставалось рейтаръ 68 человѣкъ, солдатъ 159, а съ 18 сентября въ ночь бѣжало солдатъ 18 человѣкъ, 19 числа сбѣжало рейтаръ 24 человѣка; у оставшихся со мною запасовъ нѣтъ; въ Каневѣ твоихъ ратныхъ людей очень мало, а непріятели приходятъ безпрестанно; изъ городовъ воеводы бѣглыхъ на службу не высылаютъ, и на то смотря, и остальные разбѣгутся“. Московскіе ратные люди били челомъ государю, что у гетмана въ малороссійскихъ городахъ хлѣбныхъ запасовъ въ сборѣ много, а имъ даютъ мало,—голодны они и безодежны. Царь писалъ Брюховецкому, чтобъ онъ службу свою и радѣнье показалъ, кормилъ и одѣвалъ ратныхъ людей, также чтобы и Калмыковъ довольствовалъ живностію и конскими кормами. „Я, вѣрный вашего пресвѣтлаго царскаго величества холопъ“, отвѣчалъ Брюховецкій, „весь запасъ, который съ недожженныхъ непріятелемъ мельницъ доходитъ, не на свой пожитокъ обращаю или продаю; начиная съ весны, мало не каждый мѣсяцъ запасы вашимъ ратнымъ людямъ раздавали, въ Каневѣ, Переяславлѣ, въ Запорожьи, въ Кодакѣ; вашего царскаго величества ратные люди, забравши жалованье и хлѣбные запасы, продаютъ ихъ, и потомъ бѣгутъ съ службы домой, по дорогамъ людей грабятъ и побиваютъ, а пришедши домой, скудостію и нуждою вины свои покрываютъ, и меня, вѣрнаго холопа, предъ престоломъ вашимъ напрасно оглашаютъ. А объ одеждѣ что мнѣ сказать?—никакого денежнаго прихода съ Украйны ни откуда къ моимъ рукамъ не доходитъ, и потому въ умъ свой не могу вмѣстить, откуда одежду ратнымъ людямъ промыслить. На это нужна денежная казна, а съ міру и съ уѣздныхъ людей податей собирать нельзя. потому что на этой сторонѣ Днѣпра, сквозь Украйну, остававшуюся при вашемъ царскомъ величествѣ, неоднократно мечъ непріятельскій прошелъ, а этотъ мечъ не обогащаетъ, а разоряетъ міръ, за достоинство вашего царскаго величества страждущій; не только непріятельскія, но и собранныя противъ непріятеля войска въ продолженіи всѣхъ этихъ лѣтъ людей разорили. На Украйнѣ было обыкновеніе послѣ войны разореннымъ людямъ вольности на нѣсколько лѣтъ давать, и потому я этой вашего царскаго величества грамоты передъ войскомъ, передъ всѣмъ міромъ до сихъ поръ не объявлялъ, боясь смятенія, боясь того, чтобъ на восточной сторонѣ Днѣпра не усумнились, а на западной не обратились къ непріятелямъ, испугавшись тягостей. А для Калмыковъ стація собрана и готова, только-бъ приходили скорѣе“.

Несмотря на побѣги ратныхъ людей и скудость оставшихся, Касоговъ 21 октября отправился къ Умани, чтобъ уберечь ее отъ Чарнецкаго. Чарнецкій и Тетеря переняли его въ Мѣдвинѣ и держали въ осадѣ четыре недѣли: бои и приступы были жестокіе, по словамъ Касогова. Поляковъ и Нѣмцевъ побито и живыхъ взято много, а изъ московскихъ людей убитъ былъ только одинъ человѣкъ; Чарнецкій отступилъ отъ Мѣдвина, Касоговъ отправился назадъ въ Качевъ, но на дорогѣ, декабря 12, подъ Староборьемъ, выдержалъ новый бой съ Поляками и съ корсунскими Черкасами, и опять вышелъ побѣдителемъ.

Другого войска, кромѣ Касоговскаго отряда, Москва не могла выслать на западную сторону Днѣпра. Но изъ Малороссіи по-прежнему приходили безпрестанныя просьбы о присылкѣ новыхъ войскъ Въ Москву доносили, что по черкасскимъ городамъ во всѣхъ людяхъ возмущеніе великое и страхъ предъ непріятелемъ, при видѣ, какъ мало московскихъ ратныхъ людей. Приверженные къ царю Малороссіяне приходили въ отчаяніе. говорили: „Видно, наши города государю не надобны“. Особенно поднялся сильный ропотъ, когда пришла вѣсть, что боярину Петру Васильевичу Шереметеву велѣно остановиться въ Сѣвскѣ и не ходить въ Малороссію: на гетмана Брюховецкаго никто не надѣялся, ни во что его ставили, говорили явно: что же дѣлать, по нуждѣ придется измѣнить государю и поддаться Ляхамъ, если нѣтъ изъ Москвы помощи. Раздоръ между Брюховецкимъ и Меѳодіемъ разгорался. Меѳодій, прежде съ такимъ жаромъ выставлявшій вѣрность Брюховецкаго. теперь толковалъ: „Чтобъ великій государь не во всемъ на гетмана полагался,—ни въ чемъ меня гетманъ не слушаетъ:

прежде всего надобно укрѣплять города государевыми ратными людьми,—тогда гетманъ по-неволѣ будетъ государя бояться и служить ему вѣрно". Меѳодій указывалъ на возможность перемѣнить Брюховецкаго и выбрать гетмана обѣими сторонами Днѣпра. По его словамъ, Тетеря присылалъ къ нему монаха съ предложеніемъ: если государь его проститъ, то онъ обѣщается служить вѣрно и помирить съ Крымскимъ ханомъ, и когда этотъ миръ состоится, то войску Запорожскому дать раду, чтобъ казаки выбрали въ гетманы кого захотятъ ¹).

Въ январѣ 1665 года явились въ Москву посланцы Брюховецкаго, объявить великому государю „кровавое и неусыпное радѣніе и трудъ правый отчины его малороссійской, которая есть преддверіе Великой Россіи; если государь потеряетъ ее, не приславши на Украйну ратныхъ людей, тогда неизбытная въ Россійской Землѣ война будетъ. Ведя кровавую войну лѣто, осень и зиму, города помощи дождаться не могутъ. Я успокоиваю ихъ универсалами, то говорю, что коммисія лукавая ляцкая удерживала все лѣто; теперь послѣ коммисіи моровымъ повѣтріемъ отговариваемся, а послѣ мору, который прекратился, уже не знаю, что̀ буду говорить. А Тетеря и Ляхи присылаютъ въ города, чтобъ не надѣялись на помощь царскую. Обѣщали намъ изъ Сѣвска прислать боярина съ войскомъ— и вмѣсто боярина только 400 человѣкъ съ дворяниномъ Протасьевымъ пришло, да и тѣ всѣ разбѣжались. Обѣщали, что придетъ стольникъ князь Семенъ Ивановичъ Львовъ изъ Бѣлгорода; но тотъ, пришедши въ Ахтырку, ратныхъ людей по домамъ распустилъ, и теперь стряпчему Тухачевскому и думному дворянину Якову Тимоѳеевичу Хитрово въ Каневъ некого привести, а пока войско будетъ сбираться, Чарнецкій, отдохнувъ, опять станетъ докучать городамъ этой стороны, страхомъ и прельщеніями колебать, и города, не дождавшись помощи, пожалуй передадутся Ляхамъ; и въ Каневѣ нельзя весновать, потому что непріятель по ту сторону Днѣпра переправится. Слезно просимъ, чтобъ войско изъ Ахтырки, Бѣлгорода и Сѣвска нынѣшнею зимою въ Каневъ шло: чтобъ мнѣ въ Каневѣ весновать, потому что пока обо мнѣ въ Каневѣ слышно, до тѣхъ поръ и держатся. а мнѣ, при такомъ малолюдствѣ, не слыша о приближающейся помощи, опасно весновать."

Мы уже видѣли въ Малороссіи раздвоеніе между казачествомъ и городами; города, чтобъ избавиться отъ казацкаго правительства, просили прислать къ нимъ воеводъ; казацкій гетманъ, съ своей стороны. внушаетъ царю, какъ вредны привилегіи городскія. „Отъ этихъ привилегій", велитъ онъ объявить въ Москвѣ своимъ посланцамъ, — „отъ этихъ привилегій двоедушіе въ мѣщанахъ происходитъ: мѣщане надѣются на ляцкое панство, которое надъ Русью не имѣетъ никакого права; своего дѣдичнаго монарха Русь имѣла, и какъ чрезъ лживую помощь, князьямъ Русскимъ поданную, Ляхи Малою Россіею овладѣли, такъ теперь мечемъ изъ ляцкой неволи Русь выбилась и природному монарху своему поддалась и добила челомъ. Не надобно мѣщанамъ держать запасной души, которая въ привилегіяхъ заключается. Въ новыхъ привелегіяхъ королевскихъ, данныхъ мѣщанамъ, находится досада великая его царскому величеству, потому что король называетъ его, свѣта, не пастыремъ, а наемникомъ; да и въ старыхъ привилегіяхъ почти во всѣхъ укоризна: во Владиславовыхъ король обраннымъ царемъ Московскимъ написался. Какъ можно терпѣть такія досадныя привилегіи въ городахъ, находящихся подъ высокою рукою царскаго величества? Король Польскій, унижая царскій престолъ, грамоты царскія въ городахъ отбиралъ, и хотя всѣ мѣщане по городамъ привилегіи королевскія отдавали безъ сопротивленія, однако одни Кіевляне, затаивши въ сердцахъ своихъ какую-то отайную измѣну, подольстились къ воеводѣ Чаадаеву, который за нихъ въ этомъ дѣлѣ заступается и говоритъ, будто эти привелегіи на Москвѣ въ Приказѣ есть. Христіане бѣднѣйшіе, въ городахъ и селахъ живущіе, одну лошадь и мало что пожитку послѣ непріятельскаго прихода имѣя, на всѣхъ бѣдахъ живутъ и отъ частыхъ подводъ къ послѣдней нищетѣ приходятъ, а купцы и мѣщане богатые, за посулами, ни о какихъ докукахъ и подводахъ не знаютъ, за слезнымъ убогихъ христіанъ подводъ отбываніемъ прохлаждаются. Видя это, я было-постановилъ, чтобъ всѣхъ купцовъ и мѣщанъ богатыхъ въ росписи писать и на нихъ подати наложить для подводъ; но воевода Чаадаевъ, предваренный мѣщанами, воспротивился этой переписи. Казаки кладутъ свои головы за достоинство царскаго величества, а мѣщане потѣшаются привилегіями, заключающими въ себѣ досаду престолу государеву. Зимою мѣщане, въ надеждѣ на привилегіи, немало городовъ сдали и казаковъ непріятелямъ выдали. Кіевляне принимаютъ въ Кіевъ и отпускаютъ изъ Кіева польскихъ купцовъ; для чего же подъѣзды и посылки для захваченія языковъ, когда вольно купца въ непріятельскую Землю отпускать"?

Въ грамотѣ своей Иванъ Мартыновичъ, убѣгая мзды и вины лѣниваго дѣлателя, передъ пресвѣтлымъ престоломъ объявлялъ, что: три полковника— Черниговскій, наказной Кіевскій и Овруцкій—разбили въ Полѣсьи 11 знаменъ польскихъ; Запорожское войско низовое при урочищѣ Посаковскомъ разбило турецкія суда, высланныя противъ Сѣчи; 2 декабря подъ Чеховкою разбиты были измѣнники казаки съ Ляхами и Нѣмцами. „Если бы, при помощи Божіей да при вашего царскаго величества молитвахъ, еще намъ, вѣрнымъ холопамъ, присланы были ратные люди изъ Сѣвска и Бѣлгорода, то какой бы побѣды можно было надѣяться? Чарнецкій давно бы ушелъ въ Польшу, не посмѣлъ здѣсь зимовать. Вмѣсто того, и тѣхъ московскихъ ратныхъ

---

¹) Архивъ мин. ин. д.; дѣла Малороссійскія 16 3 г.; Государств. архивъ, столбцы Приказа Тайн. Дѣлъ. № 75.

людей, которые при полкахъ Черниговскомъ, Кіевскомъ и Овруцкомъ въ Полѣсье посланы были, князь Игнатій Григорьевичъ Волконскій, безъ моего совѣта, изъ Полѣсья отозвалъ; воевода Михайла Михайловичъ Димитріевъ указа вашего не исполнилъ, людей къ Чернигову, въ то время какъ черниговскіе ратные люди въ Полѣсьи были, для обороны на время дать не хотѣлъ. Я, вѣрный вашего царскаго величества холопъ, пребываю въ Каневѣ въ великомъ малолюдствѣ, ибо войско казацкое, на слезное разныхъ городовъ прошенье, разослалъ по городамъ. Передъ пресвѣтлымъ вашего царскаго величества престоломъ со всѣмъ міромъ христіанскимъ припадаю, слезно прошу: умилосердитесь, великій государь, надъ народомъ христіанскимъ, извольте ратными людьми изъ Сѣвска и изъ Бѣлгорода оборонить церкви Божіи и вѣрныхъ православныхъ христіанъ отъ жестокой ляцкой и бусурманской руки. Прошу и молю, извольте воеводѣ Чаадаеву приказать, чтобъ онъ мѣщанамъ кіевскимъ не потакалъ, ибо что я, вѣрный вашъ холопъ, ставъ совершеннымъ гетманомъ, дѣлаю, то все дѣлаю на пользу и на похвалу вашему царскому величеству“. Гетманъ забылъ, что у горожанъ были привилегіи, подтвержденныя царемъ, нарушенія которыхъ Московскій воевода никакъ не могъ позволить на томъ только основаніи, что гетманъ все дѣлалъ на пользу и на похвалу царскому величеству; трудно было доказать, чтобъ произвольное со стороны гетмана ломаніе правъ служило къ чьей-либо пользѣ и похвалѣ.

Въ то время, какъ происходили эти пересылки и жалобы, мелкія военныя дѣйствія не прекращались. Полковникъ Браславскій Иванъ Сербинъ вѣрною службою царю заглаживалъ прежнюю свою дружбу съ Выговскимъ: вышедши изъ Умани, онъ отнялъ у Поляковъ три города—Бабаны, Косеновки и Кислякъ, перерѣзавши всѣхъ бывшихъ тамъ Ляховъ. Поляки, пылая мщеніемъ, явились вслѣдъ за нимъ подъ Умань, но Сербинъ, сдѣлавши вылазку, положилъ 120 человѣкъ на мѣстѣ, а другихъ живыхъ, какъ овецъ, въ городъ загналъ. Изъ тѣхъ городовъ, которые еще были за Поляками, изъ Корсуня, Черкасъ и Бѣлой Церкви, жители перебѣгали на восточную, Московскую сторону Днѣпра по нѣскольку десятковъ селеній, „нестерпимаго ради гоненія ляцкаго“. Извѣстія свои объ этихъ событіяхъ Брюховецкій оканчивалъ обычнымъ припѣвомъ о высылкѣ московскихъ войскъ въ Украйну. Но если гетманъ не переставалъ жаловаться на недостатокъ войска, то другіе не переставали жаловаться на него, что онъ моритъ присылаемое къ нему войско голодомъ. Одинъ изъ самыхъ близкихъ людей къ царю, оружейничій Богданъ Матвѣевичъ Хитрово, сказалъ пріѣзжавшему въ Москву Кіевскому полковнику Василію Дворецкому: „Нельзя высылать къ вамъ войско—вы голодомъ морите ратныхъ людей на Украйнѣ, къ вамъ надобно малеваныхъ людей присылать, какъ въ сказкахъ сказываютъ“. Брюховецкій написалъ Хитрово отвѣтъ: „Еще ни одного ратнаго человѣка на службѣ государевой при мнѣ мертваго отъ голода не хоронили и не будутъ хоронить. Или то голодная смерть, что Василій Петровичъ Кикинъ 80 осмачекъ въ Переяславлѣ продалъ, ѣдучи въ Москву? Или то голодная смерть, что я въ Каневѣ тринадцать струговъ ратнымъ людямъ однимъ прошлымъ лѣтомъ роздалъ, не считая того, что роздано въ другихъ мѣстахъ? Вѣдь я хлѣба не раздаю на гроши для пожитку своего, какъ прежде при Самкѣ и при другихъ на продажу стругами въ непріятельскіе города отпускали; но что только можно получить хлѣба послѣ непріятельскихъ опустошеній,—все, по моей вѣрной къ его царскому величеству службѣ, отпускаю на ратныхъ людей. Послѣ пожоги военной послѣдній кусокъ съ плачемъ вытаскивать трудно; послѣ войны людямъ свобода, а не подати; особенно въ настоящее военное время людей надобно утверждать добротою и оборонять отъ непріятелей. Изволь ваша милость, благодѣтель мой, вспомнить, что прежніе старшіе за деньги хлѣбъ ратнымъ людямъ давали, однако въ честь ихъ служба была; также по ихъ лукавому нерадѣнью ратные люди часто претерпѣвали вредъ отъ непріятелей, и все же имъ войско на помощь присылали; а я хлѣбъ безпрестанно, зимою и лѣтомъ, по городамъ войску раздаю, въ войскѣ царскомъ, моимъ радѣніемъ, никакой утраты не было, великому государю и вашимъ милостямъ, благодѣтелямъ моимъ, услугами моими угодить старался и стараюсь, всѣ украйные россійскіе города, комарицкія и другія волости міромъ христіанскимъ, по моему старанію, наполнились и наполняются: стоя въ Каневѣ, волостей великороссійскихъ на опустошеніе Ляхамъ и Татарамъ не даю, какъ прежде по нерадѣнію старшихъ бывало: однако въ огласкѣ пребываю, помощи не получаю и милостиваго слова за кровавые на войнѣ труды дослужиться не могу: посланцовъ моихъ, пріѣзжающихъ съ языками, знаменами и литаврами непріятельскими, на бою отбитыми, въ столицѣ и въ Приказѣ не въ честь и не ласково принимаютъ; такъ меня презираютъ, что и грамотъ моихъ нѣкоторыя особы въ руки брать не хотятъ и посланцовъ моихъ на очи къ себѣ не пускаютъ, а съ приказу по достоинству корму не даютъ; казаки, пріѣзжая назадъ, сильно оскорбляются, что больше чести и корму Грекамъ, чѣмъ казакамъ за кровь, на бояхъ за достоинство царскаго величества разлитую, которой нѣтъ ничего дороже на свѣтѣ какъ богатому, такъ и убогому. Прежде войско московское хаживало къ Каменцу-Подольскому и ко Львову, зимою въ Землю непріятельскую, а хлѣба войсковаго ему и казны не давали; а теперь, хотя близко Днѣпра, Кіева и другихъ домашнихъ городовъ, въ Каневѣ пребываю, хотя казна дается и всякая выгода ратнымъ людямъ дѣлается, однако помощи допроситься не могу. Разсудите, ваша милость, своимъ высокимъ умомъ, что непріятель, овладѣвшій Украйною, пойдетъ въ Великую Россію: взявши силу, Ляхи и Татары не станутъ смотрѣть на коммисію. Всякій господинъ не внутри дома, но на преддверіи непріятеля срѣтаетъ, и, всею силою къ дому его не пуская, предсѣніемъ боронится и крѣпится, а Украйна для Великой Россіи истиннымъ преддверіемъ и защитою служитъ, ибо въ эти годы король съ короннымъ, литовскимъ и нѣмецкимъ войскомъ, три султана съ ордою, Тетеря съ измѣнниками на плечахъ казацкихъ двигались, и до Великой Россіи этимъ преддверіемъ, т. е. Украйною, непріятель не достигъ; сабли татарскія и лядскія пали на головы казацкія вмѣсто великороссійскихъ, и опустошеніе, приготовленное для Великой Россіи, на бѣдной Украйнѣ совершилось; а малеванныхъ людей на Ляховъ и Татаръ, черезъ Украйну въ Великую Россію стремящихся, не надобно; ибо вѣдь это не ровный сосѣдъ для своей корысти, но холопъ и рабъ у монарха своего, для охраненія отчизны царской, помощи проситъ. Ваша милость передъ тѣмъ же полковникомъ Кіевскимъ назвалъ окольничаго князя Григорія Ромодановскаго; но о немъ истинную правду, а не затѣйное дѣло къ великому государю писали; нельзя было свѣту своему не объявить о его нерадѣніи; уже не говоря о многихъ его ссорахъ, общей пользѣ вредныхъ, одного нельзя было умолчать, что прошлою весною окольничій не хотѣлъ изъ Лохвицы къ Днѣпру идти, но домой къ Бѣлугороду поспѣшилъ. Чарнецкій уже уходилъ въ Польшу, но, услыхавъ объ его отходѣ, опять явился на Украйну, и что въ скоромъ времени безъ кровопролитія могло статься, т. е. соединеніе Украйны, то теперь и чрезъ долгое кровопролитіе совершиться не можетъ. Не знаю, къ кому мнѣ прибѣгать въ тѣснотѣ моей, если не къ нему, свѣту, великому государю; передъ нимъ, какъ передъ Богомъ, никакихъ дѣлъ утаить мнѣ нельзя, потому что наша надежда въ скорбяхъ и прибѣжище, по Богѣ, Богородицѣ и всѣмъ Святымъ, онъ, свѣтъ, помазанникъ Божій; я не поставлю во гнѣвъ, когда предъ свѣтлымъ маестатомъ за проступку свою по правдѣ, а не по лукавству, оскорбленъ буду. Въ томъ же разговорѣ своемъ съ полковникомъ Кіевскимъ ваша милость изволилъ вспомнить о пріѣздѣ моемъ въ Москву, что такимъ же образомъ Выговскій и Хмельницкій молодой обѣщались быть въ столицу и, не исполня своего обѣщанія, измѣнили. Прошу покорно не равнять меня, слугу своего, съ Хмельницкимъ молодымъ и Выговскимъ, потому что извѣстно, какія ихъ добродѣйства къ Ляхамъ были до гетманства и при гетманствѣ: лядскихъ, татарскихъ, шведскихъ и турецкихъ пословъ безъ вѣдома государева принимали и отпускали, Ляховъ при себѣ держали и съ лядскими домами роднились; обо мнѣ же ваша милость такъ изволь разумѣть и вѣдать, что я считалъ бы себя на небѣ, еслибъ пресвѣтлыя очи великаго государя прежде гетманства и присяги сподобился увидѣть, да и впредь той же радости причастникомъ себя быти желаю. Какой же бы это былъ вѣрный рабъ, когда бы видя, стѣны господина своего огнемъ пылающія, во время бури, оставилъ и не обороняясь побѣжалъ, тогда, какъ въ томъ домѣ сокровища многоцѣнныя лежатъ. Разсуди, благодѣтель мой: развѣ Украйна не горитъ огнемъ, когда отъ Канева за двѣ мили или ближе непріятель? Еслибъ побольше было ратныхъ людей въ Каневѣ и въ Кіевѣ, то можно было бы мнѣ и въ Москву пріѣхать. Самъ изволишь слышать и знать непостоянство нашихъ людей украинскихъ, особенно во время этой войны: то былъ бы лютый врагъ, лукавый и недобрый рабъ, кто бы царскую отчину, огнемъ пылающую, при такомъ непостоянствѣ и неутвержденіи, уходомъ своимъ отдалъ въ снѣдь львамъ, окрестъ рыкающимъ. Что же касается до Сѣрка, то Богъ видитъ, что онъ отъ меня и отъ войска сытъ былъ; кромѣ другихъ знатныхъ даровъ, я далъ-было ему мельницу и домъ съ засѣвками, также и брату его мельница дана была: не вѣдаю, чего еще отъ меня хотѣлъ; безчестья и обиды отъ меня никакой не имѣлъ".

Гетманъ требовалъ уничтоженія городовыхъ привилегій; легко понять, какъ горожане любили такого гетмана: когда Брюховецкій отправилъ Прилуцкаго полковника Горленка въ Кіевъ, то воевода Чаадаевъ не пустилъ его въ городъ; Горленко писалъ гетману: „Просили мы, чтобъ намъ хотя въ одномъ углу Кіева дали постоять на малый часъ на своихъ кормахъ,—и того не позволили; едва въ Печерскомъ монастырѣ Чаадаевъ допустилъ меня къ себѣ на разговоръ, и разговоръ тутъ былъ какъ у волка съ овцою; но все это, какъ разумѣемъ, сталось отъ войта кіевскаго Михайлы Зосимовича, потому что цѣлый день отъ Чаадаева съ челобитьемъ не отходили." Приславши въ Москву жалобу на Чаадаева, Брюховецкій вмѣстѣ прислалъ доносъ на кіево-печерскихъ монаховъ, что хотятъ сдать монастырь Ляхамъ. Боярину Петру Михайловичу Салтыкову, начальнику Малороссійскаго Приказа, Брюховецкій писалъ, что кіевскіе мѣщане живутъ съ непріятелями въ совѣтѣ, Ляховъ изъ тюрьмы выручаютъ.

Весною 1655 года военныя дѣйствія начались счастливо для Русскихъ; Брюховецкій и Протасьевъ отправили изъ Канева Лубенскаго полковника Григорія Гамалѣю, который 4 апрѣля вошелъ въ Корсунь; Поляки, обороняясь, сожгли городъ, и Гамалѣя привелъ въ Каневъ всѣхъ его жителей съ женами и дѣтьми. Давая знать объ этомъ государю, Брюховецкій писалъ: „Хотя мы съ воеводою Протасьевымъ, по малости силъ своихъ, и малый промыселъ надъ непріятелемъ чинить можемъ, однако праведныя вашего царскаго величества молитвы подкрѣпляютъ нашу немощь, какъ молитва Моисеева пособляла Израилю." Знаменитый Чарнецкій умеръ; преемникъ его, Яблоновскій, 21 мая, подъ Бѣлою Церковію, былъ разбитъ высланными изъ Канева Русскими и Калмыками. Съ извѣстіемъ объ этой побѣдѣ Брюховецкій послалъ въ Москву Прилуцкаго полковника Горленка, которому въ информаціи, или наказѣ, между прочимъ, было написано: „Гетманъ выходитъ въ поле для воинскаго промысла, а людей мало; измѣнники въ грамотахъ своихъ міръ прельщаютъ тѣмъ, что уже два года присылки ратныхъ людей изъ Москвы нѣтъ; которые есть—тѣ назадъ отступаютъ, изъ Канева людей все больше и больше уходитъ; помилуй Богъ, какъ міръ шататься начнетъ; поэтому Христа ради просить о присылкѣ людей въ Каневъ, чтобъ таборъ былъ крѣпокъ въ полѣ. Просить о присылкѣ на митрополію Кіевскую русскаго архіерея изъ Москвы, чтобъ чинъ духовный кіевскій къ лядскимъ митрополитамъ не шатался; чтобъ Русь Малая, услышавъ о присылкѣ на митрополію русскаго строителя, удержалась и подъ высокою царскаго величества рукою укрѣплялась, духовный бы чинъ оставилъ двоедушіе, отъ послушанія святѣйшимъ патріархамъ московскимъ не удалялся. Просить объ освобожденіи переяславскаго казака Рожки съ товарищами, посажденнаго въ тюрьму воеводою Чаадаевымъ въ противность уложенію войсковому стародавнему, и за такое нарушеніе воинскаго устава просить указа на Чаадаева. Извѣстить о безчестіи Прилуцкаго полка, которое нанесъ Чаадаевъ, не пустивши его въ Кіевъ; купцовъ львовскихъ и другихъ изъ Польши въ городъ пускали и выпускали, а вѣрныхъ людей государевыхъ, которые кровь свою проливаютъ, пустить не хотѣли. Бить челомъ, чтобъ отказывали попамъ, которые изъ малороссійскихъ городовъ безъ вѣдома гетманскаго и войсковаго въ Москву ѣздятъ и выпрашиваютъ себѣ маетности; войско на это сильно ропщетъ: казаки головы свои въ битвахъ съ непріятелемъ полагаютъ, а они, попы, имѣніемъ своимъ управить не могутъ, казакамъ въ помѣстьяхъ своихъ жить не позволяютъ и налоги имъ чинятъ."

Брюховецкій дѣйствительно выступилъ изъ Канева подъ Бѣлую Церковь; но, услыхавъ, что Орда собирается въ Цибульникѣ и хочетъ ударить на русскій лагерь, и что Опара отводитъ города отъ царской руки, отступилъ къ Кіеву подъ Мотовиловку; здѣшніе жители добили челомъ великому государю и перебили стоявшихъ у нихъ польскихъ гайдуковъ. Слухи, встревожившіе гетмана подъ Бѣлою Церковію, оказались ложными: Орда не приходила, Яблоновскій и Тетеря ушли въ Польшу, польскіе гарнизоны оставались только въ Бѣлой Церкви, въ Чигиринѣ, въ Корсуни (въ маломъ городкѣ) и въ Умани, да Опара съ небольшимъ отрядомъ стоялъ подъ Корсунемъ. Брюховецкій, расположивши войска по заднѣпровскимъ городамъ, перешелъ на восточную сторону, остановился въ Гадячѣ и отправилъ къ государю гонца съ извѣстіемъ, что ѣдетъ въ столицу видѣть его пресвѣтлыя очи ¹).

Глава III.

Продолженіе царствованія Алексѣя Михайловича.

Пріѣздъ гетмана Брюховецкаго въ Москву.—Представленныя имъ статьи.—Гетманъ пожалованъ въ бояре, старшина въ дворяне.—Новый бояринъ сватается на московской боярышнѣ.—Усобица между Малороссіянами въ Москвѣ.—Дурныя вѣсти изъ Малороссіи.—Дорошенко—преемникъ Тетери.—Онъ губитъ Опару и дѣйствуетъ противъ полковниковъ, преданныхъ Москвѣ.—Отчаянное письмо епископа Меѳодія.—Возвращеніе Брюховецкаго въ Малороссію.—Неудовольствіе духовенства по вопросу о митрополичьемъ избраніи.—Союзъ духовенства съ мѣщанами противъ гетмана и казаковъ.—Смута въ Переяславлѣ и Запорожьи.—Поѣздка дьяка Фролова въ Малороссію.—Неудовольствіе казаковъ противъ гетмана-боярина.—Жалобы воеводы Шереметева на корыстолюбіе Брюховецкаго.—Сильное ожесточеніе духовенства противъ гетмана.—Безкорыстіе Кіевскаго воеводы Шереметева.—Возмущеніе переяславскихъ казаковъ.—Брюховецкій совѣтуетъ крутыя мѣры.—Волненія въ Запорожьи.—Сношенія Москвы съ Польшею.—Записка Ордина-Нащокина о польскомъ союзѣ и замѣчанія на нее царя.—Съѣзды въ Дуровичахъ.—Неуступчивость Поляковъ и прекращеніе съѣздовъ.—Возмущеніе Любомирскаго заставляетъ Поляковъ возобновить переговоры.—Андрусовскіе съѣзды.—Перемиріе.—Причина уступчивости Поляковъ относительно Кіева.—Условія Андрусовскаго перемирія.—Польское посольство въ Москвѣ.—Переговоры объ изгнанной изъ Украйны шляхтѣ и о союзѣ противъ Турокъ и Крымцевъ.—Значеніе Андрусовскаго перемирія.—Общій взглядъ на состояніе Малороссіи.

1-го сентября 1665 года подъѣзжалъ къ Москвѣ небывалый гость, гетманъ Запорожскій съ старшиною. На перестрѣлъ отъ Землянаго города встрѣтили его ясельничій Желябужскій и дьякъ Богдановъ. Брюховецкій сошелъ съ лошади, и, выслушавъ спросъ о здоровьи, дважды поклонился въ землю; ему подвели царскую лошадь, сѣрую, нѣмецкую, въ серебряномъ вызолоченномъ нарядѣ съ изумрудами и бирюзою, чепракъ турецкій, шитъ золотомъ золоченымъ по серебряной землѣ, сѣдло—бархатъ золотный. Иванъ Мартыновичъ сѣлъ на лошадь и въѣхалъ въ Серпуховскія ворота, имѣя Желябужскаго по правую и Богданова по лѣвую руку. Его поставили на посольскомъ дворѣ. Съ гетманомъ пріѣхали: переяславскій протопопъ Григорій Бутовичъ, гетманскій духовникъ монахъ Гедеонъ, гетманскаго куреня атаманъ Кузьма Филипповъ, обозный генеральный Иванъ Цесаревскій, судья генеральный Петръ Забѣла, два писаря генеральныхъ — Степанъ Гречанинъ и Захаръ Шикѣевъ, пять канцелярскихъ писарей, писарскаго куреня атаманъ, два генеральныхъ есаула — Василій Ѳедяенко и Павелъ Константиновъ, переяславскій посланецъ Андрей Романенко, посланцы разныхъ полковъ, Нѣжинскій полковникъ

---

¹) Архивъ мин. ин. д.; дѣла Малорос. 1664 и 1665 годовъ.

Матвѣй Винтовка, Лубенскій—Григорій Гамалѣя, Кіевскій—Василій Дворецкій, всего съ прислугою 313 человѣкъ. На кушанье гетману опредѣлили выдавать по рублю на день, да питья противъ посланниковъ съ прибавкою, другимъ ратнымъ людямъ по пяти алтынъ; 670 лошадей, приведенныхъ Малороссіянами, пустили пастись въ подмосковныхъ лугахъ.

13 сентября, гетманъ со всѣми своими спутниками представлялся государю. Пріемъ былъ обычный посольскій; всѣ цѣловали государеву руку и спрошены были о здоровьи. Брюховецкій представилъ подарки: пушку полковую мѣдную, взятую у измѣнниковъ казаковъ, булаву серебряную измѣнника наказнаго гетмана Яненка, жеребца арабскаго, 40 воловъ чебанскихъ. 15 сентября гости били челомъ, чтобъ великій государь пожаловалъ ихъ, велѣлъ малороссійскіе города со всѣми принадлежащими къ нимъ мѣстами принять и съ нихъ денежные и всякіе доходы сбирать въ свою государеву казну, и послать въ города своихъ воеводъ и ратныхъ людей. Государь велѣлъ сказать гетману, чтобъ онъ написалъ объ этомъ статьи, и Брюховецкій подалъ на письмѣ слѣдующее: 1) Для усмиренія частой шатости и для доказательства вѣрности къ государю, всякіе денежные и неденежные поборы отъ мѣщанъ и поселянъ погодно въ казну государеву сбираются; по всѣмъ городамъ малороссійскимъ кабаки будутъ только на одну горѣлку и приходы кабацкіе отдаются въ государеву казну; туда же идутъ сборы съ мельницъ, дань медовая и доходы съ купцовъ чужеземныхъ. 2) Стародавныя права и вольности казацкія подтверждаются. 3) Послѣ избранія, каждый гетманъ обязанъ ѣхать въ Москву и здѣсь отъ самого царя будетъ принимать булаву и знамя большое. 4) Кіевскимъ митрополитомъ долженъ быть святитель русскій изъ Москвы. 5-я статья опредѣляетъ, по скольку въ какихъ городахъ быть царскаго войска. 6) На войсковую армату (артиллерію) назначаются города Лохвицы и Роменъ. 7) Московскіе ратные люди не должны сбывать по рынкамъ воровскихъ денегъ; 8) не должны называть казаковъ измѣнниками.

Статьи были приняты, кромѣ одной, четвертой, о митрополитѣ: государь отвѣчалъ, что о ней онъ перешлется прежде съ Константинопольскимъ патріархомъ. Но вообще усердіемъ гетмана были очень довольны; царь велѣлъ его милостиво похвалить, а потомъ, поговоря съ боярами, пожаловалъ ему боярство, остальная старшина—обозный, судья, полковники и есаулы—были пожалованы въ дворяне. Когда новый бояринъ, по обычаю, былъ приглашенъ къ царскому столу, то получилъ третье мѣсто послѣ бояръ, князя Никиты Ивановича Одоевскаго и Петра Михайловича Салтыкова; писался Брюховецкій съ этихъ поръ бояринъ и гетманъ. Бояринъ и гетманъ билъ челомъ, чтобъ великій государь умилосердился, ему гетману, женѣ его и дѣтямъ, когда Богъ ихъ ему дастъ (Иванъ Мартыновичъ былъ холостъ), пожаловалъ на прокормленье въ вѣчныя времена сотню Шептоковскую въ Стародубскомъ полку съ Шептоками и со всѣми угодьями, чтобъ ему, будущей женѣ его и дѣтямъ особое прибѣжище и пропитаніе вѣчное было, кромѣ Гадяча, ибо Гадяцкая волость принадлежитъ гетману только на время его гетманства, а не женѣ и дѣтямъ его. Билъ челомъ, чтобъ государь изволилъ пожаловать грамоту на Магдебургское право жителямъ Гадяча; всѣмъ полковникамъ пожаловалъ по селу, чтобъ не отпускалъ пріѣхавшихъ въ Москву войтовъ и мѣщанъ безъ грамотъ государскихъ, дабы чернь, увидѣвши милость царскую, утвердилась. Такъ какъ бояринъ и гетманъ имѣетъ дворъ свой въ Переяславлѣ, какъ въ стольномъ городѣ, то чтобъ къ двору этому приписана была мельница. Всѣ просьбы были исполнены.

Что же это значило? Отчего Иванъ Мартыновичъ такъ спѣшилъ подчиниться требованіямъ государства и въ вопросѣ о митрополитѣ даже ушелъ впередъ, торопя государство? Поведеніе Брюховецкаго объясняется вполнѣ поведеніемъ его предшественника, Выговскаго, и поведеніемъ послѣдующихъ гетмановъ. Мы видѣли, что, немедленно за прекращеніемъ революціоннаго броженія въ Малороссіи, интересы гетмана разрознились съ интересами казачества. Богданъ Хмельницкій, какъ говорилъ Тетеря въ Москвѣ, боялся собирать раду, которая могла стѣснить его произволъ. Разрозненность интересовъ высказалась еще сильнѣе при Выговскомъ: Выговскій такъ-же не хочетъ рады, какъ не хочетъ вмѣшательства Московскаго государства; не хочетъ воеводъ царскаго величества, ибо не хочетъ стѣсненій ни сверху, ни снизу. Для этого онъ хочетъ поддаться другому государству, которое, по своимъ формамъ, не можетъ грозить ему такою строгою опекою, какою грозило сильное государство Московское; склоняется къ Польшѣ, хочетъ въ ней получить вельможное значеніе и тѣмъ обезпечить себя въ Малороссіи, обезпечить себя относительно казачества; Выговскій сенаторъ, Выговскій гетманъ Русскій, а не гетманъ войска Запорожскаго; Выговскій не довѣряетъ казакамъ, окружаетъ себя иноземцами; Выговскій требуетъ стѣсненій для гультяйства, требуетъ точнаго реестра, какъ прежде требовали этого паны польскіе. Брюховецкій, вынесенный повидимому войсковою массою и Запорожьемъ на гетманство, Брюховецкій — гетманъ, подобно Хмельницкому и Выговскому, не можетъ долго сохранять единства интересовъ съ казачествомъ; онъ понимаетъ очень хорошо, что, при тогдашнемъ бытѣ Малороссіи, при тогдашней разладицѣ въ ней, для гетмана нѣтъ никакого обезпеченія, и, не имѣя польскихъ симпатій, какъ Выговскій, стремится обезпечить себя съ помощію Москвы, пріобрѣсть здѣсь вельможное положеніе, какъ Выговскій хотѣлъ пріобрѣсть его въ Польшѣ. Мы видѣли, что и Выговскій, прямо указывая на шаткость своего положенія въ Малороссіи, прежде всего просилъ прочныхъ маетностей въ Литвѣ, и очень быть можетъ, что отказъ ему въ этой просьбѣ и стремленіе Москвы распутать отношенія на ненавистной для гетмана радѣ всего сильнѣе побудили Выговскаго спѣшить отпаденіемъ. Теперь Брюховецкій спѣшитъ удовлетворить желаніямъ государства, чтобъ обезпечить посредствомъ него свое положеніе. Онъ достигаетъ цѣли: онъ бояринъ Московскій; но онъ бьетъ челомъ, чтобъ государь пожаловалъ ему прочныя, наслѣдственныя маетности поближе къ Москвѣ: для собственныхъ выгодъ проситъ, чтобъ въ Кіевъ былъ присланъ митрополитъ Москвичъ, ибо хорошо знаетъ, что при московскихъ стремленіяхъ его, боярина и гетмана, ему не ужиться съ митрополитомъ Малороссіяниномъ, который прежде всего будетъ хлопотать о независимости Малороссійской церкви отъ Москвы. Брюховецкій и на этомъ не останавливается: онъ хочетъ еще тѣснѣе связать себя съ Москвою, обезпечить себя здѣсь. 17 сентября Иванъ Мартыновичъ завелъ разговоръ съ приставомъ своимъ Желябужскимъ: „Билъ я челомъ боярину Петру Михайловичу Салтыкову, чтобъ великому государю челобитье мое донесъ,— пожаловалъ бы меня великій государь, велѣлъ жениться на московской дѣвкѣ, пожаловалъ бы государь, не отпускалъ меня не женя.“—„Есть ли у тебя на примѣтѣ невѣста?“ спросилъ у него приставъ, „и какую невѣсту тебѣ надобно, дѣвку или вдову?“—„На примѣтѣ у меня невѣсты нѣтъ,“ отвѣчалъ гетманъ, „а на вдовѣ у меня мысли нѣтъ жениться; пожаловалъ бы меня великій государь, указалъ, гдѣ жениться на дѣвкѣ. А женясь, стану я бить челомъ государю, чтобъ пожаловалъ меня вѣчными вотчинами подлѣ Новгорода-Сѣверскаго, чтобъ тутъ женѣ моей жить, и по смерти бы моей эти вочины женѣ и дѣтямъ моимъ были прочны.“ *Желябужскій:* „Когда будетъ у тебя жена и станетъ въ тѣхъ мѣстахъ жить, то и ты будешь жить тутъ же; а когда войску доведется быть въ собраньи, то гдѣ сбираться? да и безъ сбору постоянно при тебѣ надобно быть многимъ людямъ для гетманства твоего.“ *Брюховецкій:* „Войску собираться въ Гадячѣ или въ иномъ мѣстѣ, гдѣ будетъ пристойно по вѣстямъ, а я стану къ войску приходить; при мнѣ будетъ постоянно человѣкъ по триста, у меня такихъ людей, которые мнѣ вѣрны, есть человѣкъ со сто, да великій государь пожаловалъ бы, велѣлъ изъ московскихъ людей ко мнѣ прибавить; а безъ такихъ людей мнѣ никакими мѣрами быть нельзя въ шаткое время: меня ужъ разъ хотѣли погубить, да свѣдалъ вовремя.“ Этими словами Брюховецкій окончательно объяснилъ свое поведеніе. Желябужскій перемѣнилъ разговоръ и спросилъ: Крымскіе люди къ Полякамъ теперь на помощь ходятъ ли, и за что Крымцы Полякамъ помогаютъ?“ *Брюховецкій:* „Крыму Поляки казну даютъ, а потомъ и сами Крымцы берутъ у нихъ и полонъ, и что имъ надобно.“ *Желябужскій:* „Какъ бы сдѣлать, чтобъ Крымскаго отъ Поляковъ отвести?“ *Брюховецкій:* „Ненавидятъ Крымцы то, что Запорожское войско подъ государевою рукою, и боятся: какъ миръ будетъ у государя съ королемъ Польскимъ, а Запорожское войско останется подъ государевою рукою, то Крыму будетъ жить тѣсно. Хочу бить челомъ государю, чтобъ плѣннымъ Ляхамъ у насъ не быть, ссылать ихъ куда-нибудь въ дальнія мѣста для того, что всякія вѣсти носятъ отъ нихъ въ Польшу: также бы великій государь и на Москвѣ и въ городахъ Полякамъ быть не указалъ, потому что отъ нихъ идутъ всякія вѣсти въ Польшу.“ Великій государь пожаловалъ боярина и гетмана, велѣлъ ему жениться на дочери окольничаго, князя Димитрія Алексѣевича Долгорукаго. Женихъ обратился къ Желябужскому съ новыми вопросами: „Съ княземъ Долгорукимъ самому мнѣ договариваться о женитьбѣ или послать кого-нибудь; по рукамъ бить самому ли и гдѣ мнѣ съ княземъ видѣться; отъ кого невѣсту изъ дому брать, кто станетъ выдавать и на который дворъ ее привесть? На свадьбѣ у меня кому въ какомъ чинѣ быть, а я былъ надеженъ, что въ посаженыхъ отцахъ или въ тысяцкихъ будетъ бояринъ Петръ Михайловичъ Салтыковъ, и о томъ уже я билъ ему челомъ. Да въ какомъ платьи мнѣ жениться, въ служивомъ ли, или въ чиновномъ московскомъ? А по рукамъ ударя, до свадьбы къ невѣстѣ съ чѣмъ посылать ли, потому что по нашему обыкновенію до свадьбы посылаютъ къ невѣстѣ серьги, платье, чулки и башмаки. Великій государь пожаловалъ бы меня, велѣлъ мнѣ объ этомъ указъ свой учинить“.—Этотъ указъ не дошелъ до насъ.

Не все такими нѣжными дѣлами занимался въ Москвѣ бояринъ и гетманъ. 11 декабря въ домъ къ начальнику Малороссійскаго приказа, боярину Салтыкову, вдругъ приходятъ переяславскій протопопъ Григорій Бутовичъ, войсковой судья Петръ Забѣла, писарь, есаулъ, двое полковниковъ—Кіевскій и Нѣжинскій,—и начинаютъ жаловаться со слезами: „Вчера обѣдали мы съ бояриномъ и гетманомъ Иваномъ Мартыновичемъ у боярина князя Юрія Алексѣевича Долгорукаго, и писарь Захаръ меня, протопопа Григорія, лаялъ, называлъ брехомъ и замахивался ножемъ, хотѣлъ зарѣзать; я у него ножикъ отнялъ, такъ онъ сталъ замахиваться вилками, хотѣлъ меня колоть“.—„А насъ“, кричали судья и полковники, „Захаръ также лаялъ позорными словами; мы терпѣть ему не будемъ; если онъ такъ дѣлаетъ надъ нами теперь здѣсь въ Москвѣ. то какого добра ждать намъ отъ него впередъ?“ Въ тотъ же день вечеромъ пріѣхалъ къ Салтыкову самъ бояринъ и гетманъ съ старшиною, и били челомъ царю на писаря Захара Шикѣева, чтобъ великій государь велѣлъ имъ указъ свой учинить; войсковой есаулъ Богданъ Щербакъ билъ челомъ отъ всего войска Запорожскаго. которое въ Москвѣ, что имъ, войску Запорожскому, отъ писаря Захара Шикѣева чинятся многіе налоги и тягости; становится онъ. Захаръ. нынѣ боярина и гетмана, бьетъ и увѣчитъ многихъ людей невинно; въ войскѣ онъ имъ Захаръ не надобенъ и ни въ какомъ чину не годенъ“. На другой день въ приказѣ была очная ставка у Щербака съ Шикѣевымъ. Щербакъ говорилъ прежнее, что „Шикѣевъ имъ въ войскѣ не годенъ, потому что чинитъ налоги многимъ людямъ и безчеститъ, а иныхъ бьетъ безвинно, началъ быть пышенъ и неприступенъ: не только кто съ своимъ дѣломъ къ нему придетъ, но если кто и отъ гетмана придетъ, то онъ говорить съ собою не велитъ, и никто съ нимъ говорить не смѣетъ до тѣхъ поръ, пока самъ не спроситъ, и отказываетъ всякому человѣку пышно и сердито. Пожаловалъ великій государь гетману и войску Запорожскому подводы и подорожная изъ приказа прислана; вотъ гетманъ съ этою подорожною и послалъ меня въ канцелярію къ нему, Захару, а онъ какъ началъ на меня фукать и отослалъ меня съ безчестьемъ; ни съ какимъ дѣломъ къ нему придти нельзя,—всѣхъ безчеститъ пыхами своими!“ Шикѣева отправили въ ссылку изъ Москвы.

Иванъ Мартыновичъ загостился въ Москвѣ до конца декабря; а между тѣмъ еще съ сентября начали приходить изъ Малороссіи дурныя вѣсти и требованія скораго возвращенія гетмана. Послѣ отъѣзда Тетери въ Польшу, на западномъ берегу Днѣпра выдвигается на первый планъ уже извѣстный намъ Петръ Дорошенко. Опасенія Тетери сбылись: видя, что ни Москва, ни Поляки не могутъ взять рѣшительнаго верха на Украйнѣ, которая опустошается вконецъ и союзниками и врагами, Дорошенко рѣшился поддаться Туркамъ, чтобъ съ ихъ помощію вытѣснить изъ Украйны и Москву, и Поляковъ, и быть единственнымъ гетманомъ на обоихъ берегахъ. Сначала онъ хотѣлъ посредствомъ Крыма получить облегченіе отъ польскихъ насилій. Еще въ январѣ 1665 года онъ послалъ къ хану бить челомъ о заступленіи передъ королемъ, чтобъ хоругви жолнерскія на Украйнѣ становищъ не имѣли, хоть на время дать бы льготу истощенной и убогой странѣ; чтобъ гарнизоны королевскіе изъ украинскихъ городовъ, напримѣръ изъ Чигирина, были выведены, и тамъ, гдѣ останутся, довольствовались бы своимъ прокормомъ, не отягощая жителей; чтобъ возвратилъ заточенныхъ: митрополита, Хмельницкаго и Гуляницкаго. Но челобитье это осталось безъ дѣйствія. Въ августѣ Дорошенку удалось избавиться отъ соперника своего Опары, который также хотѣлъ отложиться отъ короля съ помощію Татаръ. Дорошенко успѣлъ увѣрить татарскихъ мурзъ, стоявшихъ въ Украйнѣ, что Опара ненадеженъ. 18 августа Опара со всею старшиною поѣхалъ изъ своего табора на совѣтъ къ мурзамъ; но, еще далеко не доѣзжая до ихъ наметовъ, онъ былъ встрѣченъ толпою Татаръ, которые его ограбили и въ одной рубашкѣ привели къ мурзамъ, а тѣ надѣли ему цѣпь на шею и желѣза на ноги; всѣ Татары начали на него плевать и браниться, бросили ему въ глаза письмо, которое онъ посылалъ къ Браславскому полковнику, уговаривая его вмѣстѣ съ собою воевать противъ короля: „Ты королю и намъ присягалъ,“ кричали Татары, „а теперь хочешь воевать!“ Овладѣвши Опарою и старшинами, Татары двинулись на казацкій таборъ; казаки отстрѣливались цѣлый день и къ ночи заставили Татаръ отступить. На разсвѣтѣ другого дня Татары снова налегли,—опять ничего не успѣли и вступили въ переговоры съ казаками: „Если возьмете въ гетманы Дорошенка, котораго поставили мурзы, то не станемъ васъ добывать; если же не возьмете, то сейчасъ пошлемъ за Ляхами и будемъ васъ добывать.“ Казаки, дѣлать нечего, согласились; пріѣхалъ Дорошенко и началъ приводить ихъ къ присягѣ королю и хану, Опару же и всѣхъ его совѣтниковъ повели въ Крымъ. Дорошенко вмѣстѣ съ Татарами началъ наступательное движеніе на Браславскаго полковника Дрозда, вѣрнаго Москвѣ. Дорошенко уже отнялъ-было воду у Браславцевъ, но 22 сентября Дроздъ сдѣлалъ вылазку на непріятельскіе шанцы, побилъ всѣхъ находившихся тамъ ратныхъ людей Дорошенка, взялъ 8 знаменъ и далъ возможность Браславцамъ добывать воду. Овруцкій полковникъ Демьянъ Васильевичъ Децикъ разбилъ непріятелей между Мотовиловкою и Паволочью; западные Черкасы вздумали-было явиться и на восточной сторонѣ, но были побиты. Наказный гетманъ, Переяславскій полковникъ Ермоленко, извѣщая объ этомъ царя, такъ оканчивалъ свою грамоту: „Пожалуй насъ, холопей своихъ, отпусти къ намъ поскорѣй Ивана Мартыновича Брюховецкаго, гетмана, ибо мы безъ него какъ дѣти безъ отца; а какъ скоро онъ къ намъ придетъ, то весь народъ христіанскій повеселѣетъ и города малороссійскіе не будутъ въ сомнѣніи“. Епископъ Меѳодій писалъ Брюховецкому изъ Нѣжина: „Теперь на Украйнѣ безъ вашей милости ничего добраго нѣтъ, всякъ въ свой носъ дуетъ. Еслибъ бояринъ Петръ Васильевичъ Шереметевъ поспѣшилъ въ Кіевъ, то все-бъ посмирнѣе было, и тому бы бѣдному Дрозду, который въ осадѣ шесть недѣль сидитъ, крѣпости прибыло; благодаря Дрозду, на восточной сторонѣ Днѣпра еще тихо отъ Татаръ, а сохрани Боже, что съ нимъ станется,—тогда всѣ силы бусурманскія обратятся сюда. Доложи великому государю чрезъ боярина Петра Михайловича Салтыкова о великой обидѣ, которую дѣлаютъ начальные люди, полковники Нѣмцы, ихъ ротмистры и капитаны, Нѣмцы и Ляхи, бѣднымъ людямъ въ Котельвѣ. И я въ Котельвѣ ихъ тазалъ, и бояринъ Шереметевъ посылалъ къ воеводѣ Протасьеву въ Гадячъ, чтобъ наказалъ ихъ; но тотъ ничего не можетъ имъ сдѣлать: женъ отъ мужей поотнимали и вдовъ опозорили; Бога ради, надобно это утолить, чтобъ не было бѣды какой.“ Дроздъ продолжалъ держаться въ Браславлѣ и отбилъ сильный приступъ, непріятелей какъ псовъ набилъ и знамена всѣ отнялъ. Таковы были вѣсти въ октябрѣ; въ ноябрѣ пришли другія: Дроздъ сдался отъ великой нужды; Децикъ покинулъ Мотовиловку и отступилъ къ Кіеву, и оттуда поѣхалъ въ Переяславль къ наказному гетману; часть войска его разбрелась, другая перешла на восточную сторону, а на западной изъ вѣрныхъ казаковъ не осталось никого, кромѣ тѣхъ, которые были въ Каневѣ. Децикъ покинулъ Мотовиловку, не выжегши ея: этимъ воспользовался королевскій Бѣлоцерковскій комендантъ и королевскіе Черкасы. Малюта съ товарищами стали накликать въ нее старыхъ жителей и изъ другихъ мѣстъ; чтобъ укрѣпить ее попрежнему, обѣщали прислать туда и нѣмецкую пѣхоту. Это начало грозить большою опасностію Кіеву, отъ котораго Мотовиловка была только въ 35 верстахъ и которому отъ нея и прежде не было покоя, когда она была за Поляками. Чтобъ предупредить бѣду, Кіевскій воевода князь Никита Львовъ послалъ подъ Мотовиловку рейтарскаго майора Сипягина. Въ полночь Сипягинъ подошелъ къ городу, велѣлъ своимъ ратнымъ людямъ перелѣзть черезъ стѣну и отбить ворота; жители услыхали, начали стрѣлять, но рейтары всѣхъ ихъ побили и выжгли городъ. Малюта въ эту ночь ночевалъ въ мѣстечкѣ Васильковѣ, маетности Печерскаго монастыря: Сипягинъ направился на Васильковъ, чтобъ захватить Малюту, но печерскіе чернецы дали ему возможность уйти до прихода Сипягина. Въ декабрѣ епископъ Меѳодій началъ говорить Львову, что въ мѣстечкѣ Бышевкѣ и другихъ ближнихъ мѣстечкахъ польскіе залоги (гарнизоны) небольшіе, и ѣздятъ изъ мѣстечка въ мѣстечко безъ опасенія, поэтому надобно послать на нихъ ратныхъ людей для поимки языковъ. Львовъ и отправилъ 18 декабря подполковника Якшина съ отрядомъ изъ 120 человѣкъ. Якшинъ ночью захватилъ языковъ въ Бышевкѣ; но за 15 верстъ отъ Кіева нагналъ его изъ Бѣлой Церкви майоръ съ Нѣмцами, Татарами и Черкасами, разбилъ на-голову и взялъ знамена. Меѳодій, пріѣхавъ въ Кіевъ, писалъ оттуда отчаянное письмо къ Ракушкѣ, казначею, или подскарбію войсковому: „Пишу эту грамоту, слезами поливаючи; въ Кіевѣ ничего добраго не дѣлается, потому что воевода нынѣшній человѣкъ ни къ чему непригодный, вопервыхъ, человѣкъ старый, къ ратному дѣлу неспособный; вовторыхъ, боленъ ногами и черезъ порогъ избы не переступитъ; кромѣ слезъ, худобы и воровства, въ Кіевѣ ничего не сыщешь; если не поспѣшитъ бояринъ Шереметевъ или замедлитъ гетманъ на Москвѣ, то будетъ бѣда съ Кіевомъ и съ нашимъ Заднѣпріемъ. Ради Бога, пиши къ гетману, чтобъ билъ челомъ о скоромъ отпускѣ и спѣшилъ сюда, потому что безъ головы составы всѣ мертвы; пиши и къ наказному, чтобъ, по крайней мѣрѣ, Канева не потеряли“ [1]).

Наконецъ возратился отецъ къ дѣтямъ, пріѣхалъ бояринъ и гетманъ Иванъ Мартыновичъ Брюховецкій въ Малороссію, и первому нерадостенъ былъ его пріѣздъ тому, кто такъ сильно желалъ его,—епископу Меѳодію. 22 февраля 1666 года въ Кіевѣ къ боярину Петру Васильевичу Шереметеву, смѣнившему старика Львова, пріѣхалъ Меѳодій вмѣстѣ съ Печерскимъ архимандритомъ, игуменами другихъ монастырей, и начали странную рѣчь, просили, чтобъ позволено было послать челобитчика къ государю, пожаловалъ бы великій государь, не велѣлъ у нихъ отнимать правъ и вольностей.—„Какихъ правъ и вольностей?“ спросилъ воевода; „великій государь не только у васъ, властей духовныхъ, но и у мѣщанъ во всѣхъ городахъ малороссійскихъ правъ и вольностей отнимать не велѣлъ, всѣмъ даны жалованныя грамоты, которыя по сей день ни въ чемъ не нарушены; отъ кого вы узнали, будто великій государь велѣлъ у васъ вольности и права отнять?“ Меѳодій отвѣчалъ: „Посылали мы къ боярину и гетману Ивану Мартыновичу Брюховецкому, по стародавнему обычаю, по которому Кіевскихъ митрополитовъ выбирали всегда съ вѣдома гетманскаго, посылали мы къ Ивану Мартыновичу просить, чтобъ отписалъ великому государю о позволеніи намъ выбрать въ Кіевъ митрополита между собою, по прежнимъ обычаямъ и правамъ. А бояринъ и гетманъ прислалъ къ намъ грамоту, въ которой пишетъ, что указалъ великій государь быть въ Кіевѣ митрополиту изъ Москвы, а не по нашему выбору, тогда какъ мы подъ благословеніемъ Цареградскаго патріарха, а не Московскаго.“ Епископъ съ товарищами разгорячался все больше и больше, наконецъ закричалъ съ сильною яростію: „Если будетъ на то великаго государя изволенье, что отнять у насъ эти вольности и права, и быть у насъ митрополиту изъ Москвы, а не по нашему выбору, то пусть великій государь велитъ всѣхъ насъ казнить, а мы на это не согласимся. Если пріѣдетъ къ намъ въ Кіевъ московскій митрополитъ, то мы запремся въ монастыряхъ, и развѣ насъ изъ монастырей за шею и за ноги поволокутъ,—тогда только московскій митрополитъ въ Кіевѣ будетъ. Въ Смоленскѣ теперь Филаретъ архіепископъ, и онъ права и вольности у духовнаго чина всѣ отнялъ, духовный чинъ, шляхту и мѣщанъ всѣхъ называетъ иновѣрцами, а мы православные христіане; и если въ Кіевѣ впредь будетъ митрополитъ изъ Москвы, то онъ и насъ всѣхъ Малороссіянъ станетъ называть иновѣрцами: тутъ въ вѣрѣ расколъ и мятежъ будетъ немалый, и намъ лучше смерть принять, нежели митрополита изъ Москвы. Мнится намъ, что и тебѣ, боярину, указъ объ этомъ тайный есть, и въ статьяхъ, которыя полковникъ Дворецкій изъ Москвы привезъ, то же написано.“—„Такого указа ко мнѣ не бывало,“ отвѣчалъ Шереметевъ, „а что вы говорите о статьяхъ, которыя привезъ Дворецкій, то тамъ написано, что великій государь изволитъ писать объ этомъ къ Цареградскому патріарху; да и гетманъ ко мнѣ объ этомъ не писывалъ; это какой-нибудь воръ распустилъ слухъ, чтобъ поссорить васъ съ гетманомъ. Вы говорите, что запретесь въ монастыряхъ отъ московскаго митрополита; эти слова непристойныя: какъ вамъ быть противными волѣ

---

[1]) Арх. мин. ин. д.; Архивъ мин. юстиціи, столбцы Малорос. Приказа, № 5872, 5870.

Божіей, указу государеву и благословенію Цареградскаго патріарха? Ты, епископъ, поставленъ въ Московскомъ государствѣ митрополитомъ Питиримомъ, и тебѣ подъ благословеніемъ Московскаго патріарха быть можно, только какъ о томъ отпишутъ къ великому государю вселенскіе патріархи. Если Цареградскій патріархъ къ великому государю отпишетъ и благословеніе подастъ избранному вами, то великій государь изволитъ избранника вашего поставить въ царствующемъ градѣ Москвѣ передъ своими государскими очами всѣмъ властямъ."—„Если даже великій государь," говорилъ Меѳодій, „изволитъ быть нашему митрополиту подъ благословеніемъ Московскаго патріарха, то пожаловалъ бы, отписалъ объ этомъ къ Цареградскому патріарху, а митрополиту Кіевскому быть бы по нашему избранію, чтобъ наши стародавныя права и вольности нарушены не были; а теперь бы великій государь пожаловалъ, велѣлъ у насъ въ Кіевѣ принять объ этомъ челобитную и челобитчиковъ отпустить въ Москву".—„Челобитной вашей", отвѣчалъ бояринъ, „принять мнѣ непристойно, потому что это дѣло ваше духовное, а челобитчиковъ въ Москву отпустить можно".

На другой день, 23 февраля, бояринъ видѣлся съ архіепископомъ въ Софійскомъ монастырѣ, и Меѳодій сталъ просить извиненія за вчерашнія рѣчи: „Я эти слова говорилъ поневолѣ, потому что я поставленъ московскимъ митрополитомъ, и вотъ малороссійскихъ городовъ духовные люди всѣ говорятъ и поносятъ мнѣ и думаютъ, что я сдѣлалъ это по совѣту съ гетманомъ, чтобъ имъ быть подъ благословеніемъ Московскаго патріарха". Меѳодій прислалъ къ Шереметеву и отвѣтную грамоту гетманскую, въ которой Брюховецкій писалъ: „Когда мы были въ Москвѣ, то намъ припоминали статьи Богдана Хмельницкаго, чтобъ митрополитъ Кіевскій поставлялся патріархомъ Московскимъ, и мы, всѣ бывшіе въ Москвѣ, руки свои на томъ приложили, и государь отправилъ пословъ къ святѣйшимъ патріархамъ,—мы будемъ дожидаться возвращенія этихъ пословъ". Въ мартѣ 1666 года посломъ отъ Меѳодія и всего духовенства пріѣхалъ въ Москву кіевскаго Кириллова монастыря игуменъ Мелетій Дзикъ—бить челомъ о позволеніи избрать митрополита по старинѣ, да чтобъ на выборѣ былъ гетманъ и Кіевскій воевода Шереметевъ. Царь отвѣчалъ, что послано объ этомъ къ Константинопольскому патріарху, и чтобъ Меѳодій ѣхалъ въ Москву для исправленія всякихъ духовныхъ дѣлъ.

Между тѣмъ Шереметевъ писалъ въ Москву и о поведеніи новаго боярина: „Теперь епископъ, архимандритъ Печерскій и всѣхъ малороссійскихъ монастырей архимандриты и игумены и приходскіе попы съ мѣщанами въ большомъ совѣтѣ и соединеніи, а съ гетманомъ, полковниками и казаками совѣту у нихъ мало за то, что гетманъ во всѣхъ городахъ многія монастырскія маетности, также и мѣщанскія мельницы отнимаетъ; да онъ же, гетманъ, со всѣхъ малороссійскихъ городовъ, которыми великому государю челомъ ударилъ, съ мѣщанъ беретъ хлѣбъ и стацію большую грабежемъ, а съ иныхъ за правежемъ". Шереметевъ посылалъ спрашивать у гетмана, по его ли приказанію стацію со всѣхъ городовъ берутъ? Брюховецкій отвѣчалъ, что „безъ его вѣдома, и тотчасъ же во всѣ малороссійскіе города послалъ грамоты съ большимъ подкрѣпленіемъ, чтобъ нигдѣ на него стаціи не сбирали, а давали бы стацію въ казну государеву".

Бояринъ и гетманъ, Иванъ Мартыновичъ, извѣщалъ съ своей стороны, что незадолго передъ его пріѣздомъ въ Малороссію чуть-было не сдѣлалась бѣда въ Переяславлѣ: тамошній житель Петрушка Скокъ Челюсткинъ, состарѣвшійся въ Переяславлѣ русскій человѣкъ, составилъ заговоръ перебить всѣхъ московскихъ ратныхъ людей. Но наказный гетманъ Ермоленко узналъ о заговорѣ и донесъ Брюховецкому, который велѣлъ сковать Челюсткина и отослать въ Москву. Появились своевольныя сборища, которыя отказались повиноваться полковникамъ и сотникамъ, покинули свои домы и начали бродить по разнымъ городкамъ и деревнямъ, и бѣднымъ людямъ досады чинить; начальниками такихъ сборищъ были извѣстные намъ Иванъ Донецъ и Децикъ. Гетманъ успѣлъ разогнать эти сборища. Касательно новыхъ распоряженій, договоренныхъ въ Москвѣ о сдачѣ малороссійскихъ городовъ царскимъ воеводамъ, Брюховецкій писалъ: „Я, вѣрный холопъ, радъ вседушно тому указу исполненіе чинить; но боюсь одного, чтобъ полковники, вся старшина и казаки не встревожились и не взяли дурнаго замысла Самъ же я вседушно радъ воеводамъ, потому что при нихъ мнѣ будетъ меньше хлопотъ, а то теперь на всѣ стороны оглядываюсь" [1]). Брюховецкій писалъ также, что епископъ, духовенство и Кіевскій полковникъ Дворецкій просятъ о заведеніи новыхъ латинскихъ школъ въ Кіевѣ, но что онъ, гетманъ, полагаетъ это на волю великаго государя. Доносилъ, что сынъ епископа Меѳодія женился на Дубичевкѣ, у которой два родныхъ брата служатъ при королѣ. Писалъ о дурныхъ вѣстяхъ изъ Запорожья: даетъ знать оттуда Григорій Касоговъ, что Запорожцы хотятъ государю измѣнить, къ бусурманамъ и къ измѣнникамъ Черкасамъ приклониться; но онъ, гетманъ, послалъ уговаривать ихъ; спрашивалъ, посылать ли въ Запорожье хлѣбные запасы или нѣтъ.

Съ отвѣтами на эти донесенія и для обстоятельнаго разузнанія дѣлъ, въ мартѣ 1666 года отправился въ Малороссію дьякъ Фроловъ. Посланный долженъ былъ похвалить боярина и гетмана за его радѣнье и отвѣчать на статью о школахъ въ Кіевѣ: если имъ противъ ихъ вольностей будетъ не въ оскорбленье, то школъ бы теперь не заводить; если же этотъ запретъ оскорбитъ ихъ, какъ противный ихъ вольностямъ, то великій государь пожаловалъ, велѣлъ имъ въ Кіевѣ школы заводить и людей въ нихъ набрать изъ кіевскихъ жителей, а изъ непріятельскихъ и другихъ городовъ въ школы никого не пускать и не учить, чтобъ отъ нихъ смуты и всякаго дурна не было. Фроловъ долженъ былъ также сказать: какіе люди сидятъ у гетмана за карауломъ въ своихъ винахъ, тѣхъ бы онъ судилъ и каралъ по войсковымъ правамъ; а если изъ нихъ кому-нибудь по войсковымъ правамъ будетъ свобода, а онъ боится отъ нихъ впередъ чего-нибудь дурнаго, такихъ присылать въ Москву. Хлѣбные запасы въ Запорожье, Кіевъ и другіе города посылать, какъ прежде уговорено, пока описчики города опишутъ и по описи воеводы примутъ.

---

[1]) Арх. мин. ин. д.; Архивъ мин. юстиціи, столбцы Малорос. Приказа, № 5872.

Фроловъ привезъ изъ Малороссіи много разныхъ вѣстей. Иванъ Мартыновичъ на отпускѣ говорилъ ему тайно, что въ Переяславлѣ своевольники, не желая работать и хлѣбъ пахать, замышляютъ смуту. Фроловъ немедленно послалъ къ Переяславскому воеводѣ Вердеревскому спросить, что у нихъ тамъ такое дѣлается. Воевода отвѣчалъ: „Гетманъ великому государю вѣренъ и служитъ вправду; только дивлюсь я тому, для чего переписчики замѣшкались; если полгода не будутъ, и то гетману большая корысть: о чемъ въ Переяславль на ратушу ни отпишетъ, все къ нему посылаютъ. Казаки гетмана всѣ не любятъ, говорятъ: „При нашихъ предкахъ у насъ бояръ не бывало, онъ заводитъ новый образецъ, вольности наши отъ насъ всѣ отходятъ, да и доступъ къ нему сталъ тяжелъ“. Полковникъ Переяславскій Данило Ермоленко говорилъ у меня на обѣдѣ при головахъ стрѣлецкихъ и при многихъ начальныхъ людяхъ: „Мнѣ дворянство не надобно, я постарому казакъ!“ и ко всякому слову, за что осердится, говоритъ: „Казаки заведутъ гиль, и васъ поколютъ.“ Полковнику, атаману и судьѣ идетъ изъ ратуши съ города всякій день вино, пиво, медъ и харчъ всякій. А что ему, полковнику, пожаловалъ государь городъ, то онъ говоритъ: „Этотъ городъ украйный, разоренъ весь, стоятъ въ немъ безпрестанно казаки иныхъ полковъ и кормятся по тѣмъ же жилецкимъ людямъ, и мнѣ взять съ него нечего, да и ненадобно, потому что и при предкахъ нашихъ такъ не повелось.“ Казаки въ городѣ говорятъ: „Пойдемъ въ Запороги, и не одни мы, соберемся вмѣстѣ съ Переяславцами и изъ другихъ мѣстечекъ, и пойдемъ изъ Запорогъ на гетмана.“ Государевыхъ людей, которые живутъ въ Переяславлѣ, зовутъ злодѣями и Жидами.“ Фроловъ обо всемъ этомъ далъ знать Брюховецкому; тотъ отвѣчалъ, что казаки поднимаютъ такіе голоса, видя вездѣ въ городахъ при воеводахъ малолюдство: надобно, чтобъ великій государь указалъ въ малороссійскихъ городахъ ратныхъ людей прибавить.

Мы видѣли, что Шереметевъ писалъ къ гетману насчетъ поборовъ съ городовъ. Брюховецкій обидѣлся и говорилъ Фролову: „Дѣло извѣстное, что бояринъ Петръ Васильевичъ написалъ ко мнѣ объ этомъ по чьей-нибудь ссорѣ;—бояринъ ссорѣ не вѣрилъ бы и уха своего на ссору не склонялъ; я въ доходы вступаться никогда ни въ какіе не буду, и съ бояриномъ хочу жить въ любви и въ пріязни, готовъ, пожалуй, и слушать его: только, служа великому государю, даю знать свою мысль, чтобъ Малороссійскаго народа своевольныхъ и непостоянныхъ людей большими поборами вскорѣ не ожесточить; пока не попривыкнутъ и пока государевы воеводы и люди не возьмутъ ихъ въ свои руки, брать съ нихъ понемногу; а вдругъ ожесточить опасно: люди они худоумные и непостоянные: одинъ какой-нибудь плевосѣятель возмутитъ многими тысячами; хотя они и сами сгинутъ, а до лиха дойдетъ, успокоивать будетъ трудно, а непріятель подъ бокомъ,—стоятъ непріятели и Запорожцы, только и думаютъ, какъ бы добрыхъ людей разорять, и, пограбивъ чужое имѣніе, всякому старшинства доступить; а на Запорожьи теперь больше Заднѣпрянъ. Да и духовенству не всякому бы вѣрить: горазды и они ссорить и возмущать отъ латинской своей науки, на кого нелюбье положатъ“

Пріѣхалъ Фроловъ въ Кіевъ. Тутъ началъ Шереметевъ говорить свои рѣчи: „Гетманъ Иванъ Мартыновичъ очень корыстолюбивъ. Я было-велѣлъ въ Переяславлѣ Греку Ивану Тамару сбирать съ перевозу и съ проѣзжихъ людей пошлину на великаго государя противъ обычаевъ прошлыхъ лѣтъ, какъ онъ, Иванъ, сбиралъ на гетмановъ. Но Грекъ Иванъ недавно пріѣхалъ въ Кіевъ и говоритъ мнѣ тайно со слезами, что собралъ онъ въ Переяславлѣ такихъ пошлинныхъ денегъ съ 500 рублей, а гетманъ присылаетъ съ угрозами, велитъ привезти къ себѣ въ Гадячъ 1,000 рублей пошлинныхъ денегъ, и Грекъ, занявши, везетъ, а не везть не смѣетъ, чтобъ безъ головы не быть.“ Шереметевъ, епископъ Меѳодій и полковникъ Дворецкій толковали Фролову одно: чтобъ переписчики спѣшили. а мѣщане этому всѣ рады и доходы въ казну государеву платить будутъ безъ отговорки, только-бъ казацкой старшинѣ и казакамъ до нихъ дѣла не было; а если переписчики къ первому сентября людей и угодій переписать не поспѣшать, то, какъ только Семеновъ день придетъ, и гетманъ, и полковники, и старшина поборы всѣ отберутъ на себя, а великому государю оставятъ мѣщанъ на цѣлый годъ нагихъ и ограбленныхъ.

3 мая въ Печерскомъ монастырѣ былъ обѣдъ: обѣдали Фроловъ, епископъ Меѳодій, Печерскій архимандритъ, много другихъ духовныхъ, полковникъ Дворецкій. Послѣ обѣда, вставши изъ-за трапезы, взяли Фролова въ архимандричью келью и пили здоровье бояръ и окольничихъ. Фроловъ замѣтилъ, что надобно выпить и здоровье гетмана Ивана Мартыновича, который великому государю службою своею во всемъ вѣренъ, съ духовными во всякомъ совѣтѣ и любви пребываетъ, и войску Запорожскому и всему Малороссійскому народу добронравіемъ своимъ и правымъ разсужденіемъ уго-

день. „Онъ намъ злодѣй, а не доброхотъ", крикнуло въ отвѣтъ духовенство: „бывши на Москвѣ, онъ великому государю билъ челомъ и въ статьяхъ подалъ, чтобъ въ Кіевѣ быть московскому митрополиту, и этимъ онъ насъ ставитъ передъ великимъ государемъ какъ бы невѣрными." Епископъ и нѣкоторые другіе изъ духовныхъ рѣшительно отказались пить; другіе пили, но несогласно, какъ бы только поустыдясь. Фроловъ развѣдалъ, что статьи, въ которыхъ написано, чтобъ въ Кіевѣ быть московскому митрополиту, прежде всѣхъ объявилъ въ Кіевѣ полковникъ Дворецкій, отчего у духовенства встало нелюбье къ гетману; Дворецкій присталъ къ духовенству. Узнавъ объ этомъ, Брюховецкій два раза присылалъ за Дворецкимъ, хотѣлъ послать его въ Запорожье отговаривать отъ шатости тамошнихъ казаковъ, хотѣлъ послать его затѣмъ, чтобъ тамъ убили или разстрѣляли. Полковникъ испугался и сталъ бить челомъ, чтобъ ему съ Кіевскимъ полкомъ быть подъ начальствомъ боярина Шереметева. Послѣдній спрашивалъ: если гетманъ пришлетъ въ третій разъ за Дворецкимъ, то отдавать ли его.

Сильнѣе всѣхъ продолжалъ высказываться противъ Брюховецкаго старый другъ его, епископъ Меѳодій: „Брюховецкій намъ не надобенъ," говорилъ онъ при всѣхъ вслухъ: „онъ теперь принялъ всю власть на себя; не только насъ предъ царскимъ величествомъ невѣрными выставляетъ, но и старшину караетъ, въ колодки сажаетъ и въ Москву отсылаетъ; новыхъ полковниковъ отъ себя по полкамъ разсылаетъ безъ войсковаго приговора: Юрій Незамай, Гамалѣя, Высочамъ и другіе старшины ни въ чемъ не виноваты, страдаютъ отъ него напрасно; а здѣшнимъ людямъ и смерть не такъ страшна, какъ отсылка въ Москву; думаю, что иные и изъ заднѣпровской старшины поддались бы государю, да боятся погибнуть отъ гетмана. Печерскій архимандритъ говорилъ, что гетманскаго войска казаки разорятъ ихъ монастырскія маетности между Кіевомъ и Бѣлою Церковію; писали они къ гетману, и онъ ихъ не защищаетъ."

Дворецкій выставлялъ себя умѣреннымъ, желалъ примиренія: „Епископъ Меѳодій, все духовенство и я гетману не злодѣи и не посягатели,—мы только отводимъ его, чтобъ до корыстей былъ не лакомъ и гордость отложилъ; хочется намъ того, чтобъ онъ пріѣхалъ въ Кіевъ къ боярину Петру Васильевичу Шереметеву, мы бы, облича его въ неправдахъ, съ нимъ помирились и были въ вѣчной любви. Епископъ Меѳодій посылалъ въ Чигиринъ уговаривать тамошнихъ людей, чтобъ великому государю вины свои принесли; чигиринскіе жители къ тому склонны, и Дорошенко говорилъ, что онъ тому радъ, да боится гетмана, сдѣлаетъ его безъ головы или въ Москву отошлетъ: пусть епископъ, бояринъ и гетманъ обнадежатъ его грамотами, что ему лиха не будетъ, тогда онъ и станетъ промышлять надъ Ляхами." Меѳодій, кромѣ несчастнаго пункта о митрополитѣ, показывалъ попрежнему усердіе къ Москвѣ и, подобно Ивану Мартыновичу, не щадилъ своихъ; совѣтовалъ также, чтобъ во всѣхъ малороссійскихъ городахъ воеводы и ратные люди жили особо въ городкахъ, такъ, какъ въ Нѣжинѣ, потому что Малороссійскаго народа люди ко всему шатки, сохрани Боже, чтобъ кто-нибудь чего не началъ; а прежде всего надобно это сдѣлать въ Полтавѣ,—тамъ люди больше всѣхъ шатки, къ Запорожью близки и съ Запорожцами въ мысляхъ бываютъ согласны, живутъ совѣтно, что мужъ съ женою. Шереметевъ свидѣтельствовалъ предъ государемъ, что онъ отъ епископа никакого злаго умысла и плевелъ не видалъ; но, вопреки словамъ Дворецкаго, доносилъ о невозможности помирить Меѳодія съ Брюховецкимъ, и приводилъ въ доказательство слѣдующій случай: „Я говорилъ епископу, чтобъ послалъ въ Запорожье какого нибудь вѣрнаго человѣка съ увѣщательною грамотою и для провѣдыванія вѣстей; а Меѳодій отвѣчалъ мнѣ: „Это дѣло самое надобное, только въ грамотѣ надобно спросить, отъ чего у нихъ, Запорожскихъ казаковъ, дѣлается шатость, не отъ бояръ ли отъ кого". Я ему сказалъ на это, что такъ написать негодится; изъ этого я заключаю, что между ними и впередъ совѣта не будетъ; только я о гетманскихъ грамотахъ епископу, а объ епископскихъ словахъ гетману не даю знать, чтобъ между ними ссоры не было, а ссора опасна, потому что къ епископу и духовенству пристали мѣщане всѣхъ городовъ: такъ чтобъ отъ ихъ ссоры дѣлу великаго государя порухи не было". Отъ самого Шереметева, по разсказамъ Фролова, не могло быть порухи государеву дѣлу, какъ была поруха отъ боярина и гетмана. Въ Кіевѣ, на Подолѣ, поставлены были рейтары на мѣщанскихъ дворахъ, потому что въ верхнемъ городѣ поставить ихъ было негдѣ. Мѣщане много разъ били челомъ, что отъ рейтаръ тѣснота большая, и чтобъ великій государь пожаловалъ, велѣлъ рейтаръ отъ нихъ свесть. О томъ же просилъ воеводу Меѳодій. Шереметевъ отвѣчалъ, что перевести рейтаръ въ верхній городъ скоро никакъ нельзя, потому что тамъ дворовъ и избъ мало, а взять избъ негдѣ, потому что около Кіева все разорено; если мѣщане хотятъ, чтобъ отъ нихъ рейтаръ вывели, то пусть дадутъ отъ себя 30 избъ и переведутъ въ нихъ рейтаръ. 4 мая епископъ является къ Шереметеву и приноситъ ему въ почесть 100 рублей, чтобъ рейтаръ отъ мѣщанъ велѣлъ вывести, избъ на нихъ не спрашивалъ, а велѣлъ бы избы купить изъ государевой казны. Бояринъ отвѣчалъ: „Я денегъ не возьму, а пусть мѣщане отдадутъ ихъ на избы рейтарскія". На другой день, въ соборной церкви епископъ сталъ говорить боярину, чтобъ онъ сто рублей себѣ въ почесть взялъ, а на избы взялъ еще 100 рублей; мѣщане этимъ не оскорбятся, только бы рейтаръ отъ нихъ велѣлъ вывесть. Шереметевъ велѣлъ взять у мѣщанъ всѣ 200 рублей и купить на нихъ избы, и какъ избы поставятъ, перевести въ нихъ рейтаръ тотчасъ.

Фроловъ привезъ и грамоты. Брюховецкій жаловался по обычаю, что московскаго войска мало въ Малороссіи: „При мнѣ, вашего царскаго величества вѣрномъ холопѣ, войска очень мало, едва не всѣ ваши государевы ратные люди отъ наготы разбрелись. Воеводы вашего царскаго величества—Миргородскій, Лубенскій и Прилуцкій—безъ семей на воеводства свои пріѣхали, а хорошо бы имъ было пріѣхать съ семьями и со всѣмъ своимъ хозяйствомъ, чтобъ тамошніе жители, видя воеводъ своихъ цѣлое житье, отъ того лучше крѣпились и въ отчаяніе не приходили“. Гетманъ жаловался на воеводу Протасьева, который не унималъ иноземныхъ ратниковъ, притѣснявшихъ Малороссіянъ; жаловался, что стольникъ Измайловъ, присланный для сыску обидъ, ничего не дѣлаетъ. Жаловался на Переяславскаго воеводу Вердеревскаго, который зятя его, Михѣенка, велѣлъ бить и въ тюрьму сажать безвинно, человѣку гетманскому сѣна косить не даетъ. „Все это онъ дѣлаетъ“, писалъ Брюховецкій, „по наущенію Ивашки Опрсова, который за тѣмъ въ Переяславлѣ и живетъ, чтобъ ссорить меня съ воеводою. Вердеревскій же всякому казаку налогу чинитъ, не выслушавъ рѣчей; казаки многіе ропщутъ, говорятъ, что все это дѣлается по моей милости“. Полтавскіе казаки жаловались на своего воеводу, Якова Тимоѳеевича Хитрово: „Велитъ Москалямъ коней осталыхъ брать въ подводы по домамъ; самъ стоитъ въ домѣ у вдовы; начальныхъ своихъ людей ставитъ по домамъ знатнаго товарищества; полковника, котораго мы почитаемъ какъ отца, бранитъ скверными словами; который товарищъ придетъ къ нему—глаза тростью выбиваетъ, плюетъ или деньщикамъ велитъ выпихнуть въ шею. Почтительнѣе обходится съ наложницами майоровъ своихъ или солдатъ, чѣмъ съ женою полковника нашего, объ нашихъ же женахъ и дѣтяхъ говорить нечего, какіе позоры терпятъ. Не велитъ у мѣщанъ подводъ брать, а только у казаковъ“ [1]).

Епископъ Меѳодій больше всего опасался Полтавцевъ, живущихъ съ Запорожцами какъ мужъ съ женою; но бунтъ вспыхнулъ не въ Полтавѣ, а въ Переяславлѣ. Въ іюлѣ мѣсяцѣ, когда полковникъ Переяславскій Ермоленко стоялъ съ полкомъ своимъ въ Багушковѣ слободкѣ, казаки его возмутились, убили полковника, и отправились подъ Переяславль, здѣсь побили московскихъ ратныхъ людей и выжгли большой городъ; въ то же время въ Москву дали знать о шатости казаковъ въ Каневѣ. Шереметевъ и Брюховецкій немедленно приняли рѣшительныя мѣры; съ двухъ сторонъ, изъ Кіева и Гадяча, двинулись войска къ Переяславлю, и здѣсь бунтъ былъ задавленъ; но нѣкоторые городки на восточной сторонѣ Днѣпра поддались Полякамъ. Въ Москвѣ распорядились такъ, чтобъ перехватанные заводчики переяславскаго бунта были казнены въ одинъ день въ Гадячѣ у Брюховецкаго и въ Кіевѣ—у Шереметева. Съ извѣстіемъ объ этомъ распоряженіи въ августѣ отправился въ Малороссію Іона Леонтьевъ, который долженъ былъ также сказать гетману, что для предупрежденія казацкихъ бунтовъ не лучше ли казакамъ въ Переяславлѣ не жить, жить имъ за городомъ въ слободахъ, въ большомъ городѣ жить—мѣщанамъ, а въ меньшомъ—государевымъ людямъ. „Конечно, это будетъ лучше и крѣпче,“ отвѣчалъ Брюховецкій, „но теперь сейчасъ же этого сдѣлать нельзя, чтобъ другіе города, на то глядя, не взбудоражились.“ Потомъ Леонтьевъ спрашивалъ у гетмана: „Чѣмъ успокоить шатость въ тѣхъ городахъ, которые приняли къ себѣ Поляковъ“? [1])—„На это одно средство,“ отвѣчалъ Брюховецкій: „когда эти города будутъ взяты государевыми ратными людьми, то надобно всѣ ихъ высѣчь и выжечь, и всячески разорить, также и села около нихъ, чтобъ впередъ въ этихъ городахъ и селахъ жителей не было.“ Иванъ Мартыновичъ былъ большой охотникъ сѣчь и жечь; казаки про него говорили: „Что это за гетманъ? заперши сидитъ въ городѣ, какъ въ лукошкѣ; шелъ бы лучше съ войскомъ и промышлялъ надъ государевыми непріятелями, а то только и знаетъ, что вѣдьмъ жжетъ.“ Изъ Гадяча Леотьевъ отправился въ Кіевъ, и здѣсь бояринъ Шереметевъ говорилъ ему: „Теперь во всѣхъ малороссійскихъ городахъ казаки на мѣщанъ злятся за то, что мѣщане по окладамъ всякія подати въ государеву казну хотятъ давать съ радостію, а казацкихъ старшинъ и казаковъ ни въ чемъ не слушаютъ и податей давать не хотятъ, говорятъ имъ: „Теперь насъ Богъ отъ васъ освободилъ, впередъ вы не будете грабить и домовъ нашихъ разорять.“ Объ отношеніяхъ епископа Меѳодія къ гетману Шереметевъ говорилъ прежнее: „У епископа съ гетманомъ совѣтъ худой, не знаю, кто ихъ ссоритъ. Вѣренъ государю епископъ Черниговскій Лазарь Барановичъ; какъ великому государю угодно, а мнѣ кажется, что лучше всего быть ему въ Кіевѣ на епископствѣ; московскому же митрополиту быть въ Кіевѣ никакимъ образомъ нельзя. Печерскій архимандритъ говоритъ: „Если услышимъ, что ѣдетъ въ Кіевъ изъ Москвы митрополитъ, то я, собравъ старцевъ, запрусь въ монастырѣ, и вы насъ доставайте.“—Шереметевъ извѣщалъ, что мѣщане радуются новому порядку, радуются освобожденію своему отъ казаковъ; и изъ словъ Брюховецкаго можно было заключить, что положеніе мѣщанъ улучшилось, ибо казаки начали записываться въ мѣщане: „Многіе казаки,“ говорилъ гетманъ царскому посланцу въ ноябрѣ, „многіе казаки пишутся въ мѣщане, а я тому и радъ, думаю, что въ нѣсколько лѣтъ сдѣлаю всѣхъ казаковъ мѣщанами: такъ и шатости не будетъ“.

Но понятно, что казаки не могли хладнокровно смотрѣть на приближеніе такого порядка вещей; особенно не могли хладнокровно смотрѣть на это въ гнѣздѣ казачества, въ Запорожьи. Еще 5 февраля 1666 года Касоговъ доносилъ, что съ нимъ въ Запорожьи осталось войска только человѣкъ съ 500, и у тѣхъ нѣтъ запасовъ. „Запорожцы,“ писалъ воевода, „царскихъ ратныхъ людей не любятъ и говорятъ, будто по ихъ милости не стало войску добычи, хотятъ мириться съ Татарами и Дорошенкомъ; а всему заводчикъ Кирилла Кодацкій и другіе его товарищи, казаки той стороны Днѣпра. Кошевой Леско Шкура, видя это, хотѣлъ сложить съ себя атаманство; казаки упросили его остаться, но замысловъ своихъ не покинули.“ Шкура не долго пробылъ кошевымъ: враждебные Москвѣ казаки взяли верхъ, свергли его за то, что знался съ московскими воеводами, Хитрово и Косоговымъ, да не далъ казакамъ громить Калмыковъ. Выбрали въ кошевые Рога, который написалъ такую грамоту Брюховецкому: „Послышали мы, что Москва будетъ на Кодакѣ, но ея тамъ не надобно. Дурно дѣлаешь, что начинаешь съ нами ссориться; оружіе не поможетъ въ полѣ, если дома не будетъ совѣта. Хотя ты отъ царскаго величества честію пожалованъ, но достоинство свое получилъ отъ войска Запорожскаго, войско же не знаетъ, что̀ такое бояринъ, знаетъ только гетмана. Изволь, вельможность твоя, поступать съ нами по настоящему, какъ прежде бывало, потому что не всегда солнце въ сѣромъ зипунѣ ходитъ, и не знаешь, что кому злой жребій принесъ: помни древнюю философскую притчу, что счастье на скоромъ колесѣ очень быстро обращается; въ мірѣ все привыкло ходить какъ тѣнь за солнцемъ; пока солнце свѣтитъ, до тѣхъ поръ и тѣнь, и какъ мрачный облакъ найдетъ, такъ и мѣста не узнаешь, гдѣ тѣнь ходила: такъ вельможность твоя умѣй счастье почитать.“—Послѣ перемѣны кошеваго, Косогову пришлось плохо въ Запорожьи: съ нимъ перестали совѣтоваться и сообщать ему новости; запретили добрымъ людямъ ходить къ нему, развѣ кто тайкомъ придетъ; Рогу запретили съ нимъ знаться; Павла Рябуху явно бранили за то, что не громилъ царской казны, посланной въ Крымъ; послали на Кодакъ казаковъ, чтобъ не пускать туда московскихъ ратныхъ людей, и оставить чистую дорогу Днѣпромъ для заднѣпровскихъ измѣнниковъ. Касоговъ, не предвидя для себя ничего хорошаго, ушелъ изъ Запорожья. Брюховецкій послалъ спросить Рога, что̀ это значитъ; тотъ отвѣчалъ: „Мы и сами надивиться не можемъ, зачѣмъ онъ ушелъ; мы его не выгоняли; мы не измѣнники, какъ онъ насъ описываетъ: не знаемъ, не для того ли пошелъ, что у насъ куколъ ночныхъ нѣтъ, съ которыми, думаю, на Руси уже натѣшился: войско Запорожское государевыхъ людей колоть не думывало, какъ онъ писалъ; а если когда и случилось, что казакъ, напившись, промолвилъ что-нибудь дурное, то быку не загородить рта, а человѣкъ пьяный подобенъ воску: что захочетъ, то и слѣпитъ“. Брюховецкій писалъ царю: „Хотя всѣ Запорожскіе казаки въ своихъ грамотахъ дружелюбно пишутъ ко мнѣ, однако я боюсь, чтобъ между ними не было какого-нибудь смятенія, потому что въ Запорогахъ живутъ казаки большею частію съ западной стороны, которые перемогаютъ желательныхъ вашему государскому престолу. И теперь Запорожцы дурно сдѣлали, что, не отославши ко мнѣ Дорошенковыхъ посланниковъ съ грамотами, отпустили ихъ назадъ въ Чигиринъ съ честію и съ ними отправили своихъ казаковъ къ нечестивому Дорошенку, не знаю съ чѣмъ. Да сказывали мнѣ мои посланники, пришедшіе изъ Запорогъ, что тамошніе казаки называютъ королей дѣдичными своими государями и ненавидятъ тѣхъ, которые служатъ вѣрно вашему царскому величеству, особенно ненавидятъ дворянъ вашего царскаго величества, полковниковъ войска Запорожскаго, да и меня самого, за то, что въ малороссійскіе города посланы воеводы и стали вѣдать всякія угодья. Теперь Запорожцы выслали человѣкъ больше двухсотъ въ Полтавщину, чтобъ схватить меня: стоятъ они въ Полтавскомъ полку, въ городѣ Баликахъ. Которые города или деревни богатые отговаривались повинности свои отдавать вашего царскаго величества воеводамъ, или который казакъ къ войску не выходилъ,—къ такимъ, въ наказаніе за ихъ гордость, послалъ я вашего царскаго величества ратныхъ людей на становища и велѣлъ брать всякій кормъ, чтобъ имъ понаскучили хорошенько“ [1].

---

[1]) Арх. мин. ин. д.: Архивъ мин. юстиціи, столбцы Малорос. Приказа, № 5872.

Въ такомъ положеніи находились дѣла по сю сторону Днѣпра, когда пришла вѣсть о заключеніи перемирія съ Польшею. Мы видѣли, какъ истощенное государство Московское жаждало этого перемирія, и понятно, что вторженіе короля Яна-Казиміра въ Малороссію въ 1663 году не могло уменьшить этой жажды. Въ январѣ 1664 года отправился къ королю изъ Москвы посланникъ, стряпчій Кирилла Пущинъ, и повезъ царскую грамоту съ предложеніемъ новаго съѣзда уполномоченныхъ. Въ февралѣ Пущинъ нашелъ Яна-Казиміра подъ Сѣвскомъ, въ селѣ Ушинѣ. Литовскій канцлеръ Христофоръ Пацъ объявилъ посланнику, что съ королевской стороны коммисары готовы и что съѣзду быть въ Бѣлевѣ или въ Калугѣ. Тутъ же пріѣхалъ къ канцлеру крымскій посолъ и объявилъ, что самъ ханъ пришелъ подъ Азовъ съ 50,000 Крымцевъ и 40,000 янычаръ. Татаринъ предлагалъ Пацу истребить и Донскихъ казаковъ и Запорожскихъ Черкасъ, и требовалъ, чтобъ ханскіе послы присутствовали на съѣздахъ королевскихъ коммисаровъ съ царскими уполномоченными. Канцлеръ отвѣчалъ, что когда король заключитъ миръ съ царемъ, то можетъ помирить послѣдняго и съ ханомъ. Проводя крымскаго посла, Пацъ сказалъ Пущину: „Когда великіе государи наши христіанскіе склонятся къ покою, то всѣ мечи наши оборотимъ на этихъ бусурманъ“. Въ то же же время пріѣхалъ въ Москву королевскій посланникъ Самуилъ Венславскій и договорился съ Ординымъ-Нащокинымъ и думнымъ дьякомъ Алмазомъ Ивановымъ, чтобъ царскіе уполномоченные, бояре — князь Никита Ивановичъ Одоевскій, князь Юрій Алексѣевичъ Долгорукій, окольничій, князь Димитрій Алексѣевичъ Долгорукій,—думные дворяне — Григорій Борисовичъ Нащокинъ, Аѳанасій Лаврентьевичъ Ординъ-Нащокинъ и думный дьякъ Алмазъ Ивановъ—съѣхались съ королевскими коммисарами,—короннымъ канцлеромъ Пражмовскимъ и гетманомъ Потоцкимъ съ товарищами тою же весною. Передъ отъѣздомъ Ординъ-Нащокинъ подалъ государю записку, въ которой настаивалъ на необходимости тѣснаго союза съ Польшею и обращалъ вниманіе царя на враждебныя дѣйствія Швеціи, которой надобно было, по его мнѣнію, больше всего беречься. „Если заключить простой миръ съ Польшею“, писалъ Нащокинъ, „то надобно возвратить всѣхъ польскихъ и литовскихъ плѣнныхъ, которыхъ такое множество въ службѣ во всѣхъ краяхъ Великой Россіи и въ Сибири, поженились здѣсь, женщины замужъ вышли; при союзѣ они могутъ остаться, и намъ очень надобны, потому что свои служивые люди отъ продолжительной войны стали къ службѣ нерадѣтельны, скучаютъ ею, а въ украйныхъ мѣстахъ безъ служиваго добраго строя отъ хана Крымскаго и отъ Калмыковъ быть нельзя. Союзъ съ Польшею необходимъ потому, что только при его условіи мы можемъ покровительствовать православію въ польскихъ областяхъ. Единовѣрные Молдаване и Волохи, отдѣляемые теперь отъ насъ враждебною Польшею, послышавъ союзъ нашъ съ нею, пристанутъ къ союзнымъ государствамъ и отлучатся отъ Турка. Такимъ образомъ, соединится такой многочисленный христіанскій народъ, одной матери, Восточной Церкви, дѣти: отъ самаго Дуная всѣ Волохи, и, черезъ Днѣстръ, Подолье, Червонная Русь, Волынь и Малая Россія, уже пріобщенная къ Великой. А по близости вѣдомый нашъ непріятель Шведъ; какъ прежде, такъ и теперь по съѣздамъ посольскимъ извѣстно, какія разрушительныя шведскія неправды! И всѣ ихъ начинанія отъ того, что съ Польскимъ государствомъ продлилась война и внутреннія ссоры повстали въ Великой Россіи; явный же виновникъ ссоръ—шведскій коммисаръ: онъ для того и живетъ въ Москвѣ и дѣлаетъ что̀ хочетъ. Шведы всячески тайными ссылками совѣтуются съ ханомъ на разореніе Великой Россіи. Они составляютъ злыя вѣсти, въ Стокгольмѣ печатаютъ и во весь свѣтъ разсылаютъ, унижая Московское государство. При мнѣ Грекъ Кирьякъ привезъ эти вѣсти изъ Москвы (надобно думать, что получилъ ихъ отъ шведскаго коммисара) и вотъ польскіе сенаторы начали быть горды и несходительны въ мирныхъ статьяхъ, стали колоть намъ глаза этимъ шведскимъ сочиненіемъ, будто правда, что въ Великой Россіи страшное безсиліе и разореніе: по шведскимъ же разсыльнымъ вѣстямъ, король и въ Украйну пошелъ, услыхавъ, что всѣ московскія войска высланы противъ Башкирцевъ“. Въ заключеніи Нащокинъ говоритъ: „А Черкасъ малороссійскихъ какъ отступиться безъ заключенія тѣснаго союза съ Польшею: они, не взирая на Польшу и Литву, по совѣту съ ханомъ и Шведомъ, начнутъ злую войну на Великую Россію“. — Эта мысль о возможности отступить отъ Черкасъ, неопредѣленно высказанная, сильно не понравилась государю; онъ отвѣчалъ Нащокину: „Статьи прочтены и зѣло благополучны, и угодны Богу на небесахъ, и отъ созданія руку Его и намъ грѣшнымъ, кромѣ 53-й (послѣдней),—эту статью отложили и велѣли вынуть, потому что непристойна, да и для того, что обрѣли въ ней полтора ума: единаго—твердаго разума, и втораго—половина колеблющагося вѣтромъ. Союза превеликое богоугодное дѣло и всего свѣта любовь и радость, только о томъ, съ твердымъ разсужденіемъ и съ великимъ подкрѣпленіемъ наказавъ, великихъ и полномочныхъ пословъ отпустимъ по времени. А о черкасскомъ дѣлѣ, о здѣшней сторонѣ мысль свою царскую прилагать непристойно, потому что за помощію Всемогущаго Бога и твоимъ усердствомъ и вѣрною службою во Львовѣ о здѣшней черкасской сторонѣ ты отговорилъ, впредь эта статья упомянута не будетъ; у насъ, великаго государя, твой извѣтъ про ту статью крѣпко памятенъ, и за то тебя милостиво похваляемъ. Собакѣ недостойно ѣсть и одного куска хлѣба православнаго (т. е. Полякамъ недостойно владѣть и западною стороною Днѣпра), только то не отъ насъ будетъ,— за грѣхи учинится. Если же оба куска хлѣба достанутся собакѣ вѣчно ѣсть—охъ, кто можетъ въ томъ отвѣтъ сотворить? И какое оправданіе приметъ отдавшій святый и живый хлѣбъ собакѣ: будетъ ему воздаяніемъ преисподній адъ, прелютый огонь и немилосердыя муки; отъ сихъ же мукъ да избавитъ насъ Господь Богъ милостію своею и не выдастъ своего хлѣба собакамъ. Человѣче! Иди съ миромъ царскимъ путемъ среднимъ, и какъ началъ, такъ и совершай, не уклоняйся ни на десную, ни на шую; Господь съ тобою!“

---

[1] Арх. мин. ин. д.; Архивъ мин. юстиціи, столбцы Малорос. Приказа, № 5872.

Въ маѣ царскіе уполномоченные отправились въ Смоленскъ съ такимъ наказомъ: „Чтобъ благонадежный и святый миръ учинить и кровь христіанскую успокоить вѣчно на обѣ стороны, а рубежъ бы учинить по Днѣпръ. Если польскіе коммисары рубежа постановить такъ не захотятъ, то вамъ бы по конечной мѣрѣ говорить о стародавныхъ городахъ, о Смоленскѣ съ 14 городами. О Черкасахъ обѣихъ сторонъ говорить и стоять всякими мѣрами накрѣпко, что они люди вольные, и какая будетъ прибыль обоимъ государствамъ, если ихъ напрасно въ Крымъ отогнать, и разоренье и войну всегдашнюю отъ нихъ принимать. Если польскіе коммисары станутъ этому противиться упорно, то вамъ бы говорить о той сторонѣ Днѣпра, чтобъ тамъ церквей въ костелы не обращать и уніатамъ не отдавать, города и Черкасъ не неволить ничѣмъ, дать волю; о здѣшней же сторонѣ Днѣпра черкасскихъ городахъ и о Запорожьи говорить всякими мѣрами и отказать впрямь, и засвидѣтельствоваться Богомъ, что мы, великій государь, крови не желаемъ и впредь желать не будемъ. О плѣнныхъ дѣлать съ превеликимъ разсмотрѣніемъ, чтобъ крѣпко и впредь постоянно и прочно было, и чтобъ въ томъ между обоими государствами, особенно же въ своемъ государствѣ ссоръ, кровопролитія и убійствъ не учинить. О титулахъ говорить по окончаніи дѣла, стоять крѣпко о бѣлороссійскихъ и малороссійскихъ, чтобъ тѣми титулами писаться намъ, великому государю, потому что города Малой и Бѣлой Россіи къ Московскому государству изстари, а теперь подъ нашею высокою рукою многіе, а королевскому величеству этими титулами впередъ писаться же. Стоять объ этомъ накрѣпко и въ примѣръ предлагать, какъ Польскій король пишется до сихъ поръ Шведскимъ. Если польскіе коммисары станутъ упорно противиться, то говорить съ ними о титулахъ подумавъ, примѣриваясь къ ихъ польскимъ и литовскимъ хроникамъ, какіе прежде у Московскаго государства были города изъ Малой, Бѣлой, Черной и Желтой Россіи,—къ тѣмъ бы городамъ тѣ и титулы прилагать, въ этомъ бы намъ, великому государю, вы послужили и порадѣли, какъ васъ Богъ Святый вразумитъ и наставитъ.“ Но скоро государь узналъ, что службѣ и радѣнію уполномоченныхъ мѣшаетъ несогласіе между ними: Ординъ-Нащокинъ, на ловкость котораго царь больше всего надѣялся, писалъ ему: „За многое предъ Богомъ окаянство я въ службишкѣ своей неисправенъ, въ твоемъ дѣлѣ побѣжденъ многими душевными скорбями, ни въ чемъ не успѣваю; я отъ твоихъ ближнихъ бояръ, князя Никиты Ивановича и Юрія Алексѣевича до сихъ поръ никакого обнадеживанія въ тайныхъ дѣлахъ не слыхалъ, они службишкѣ нашей мало довѣряютъ и въ дѣло ставятъ; у насъ любятъ дѣло или ненавидятъ, смотря не по дѣлу, а по человѣку, который его сдѣлалъ: меня не любятъ и дѣломъ моимъ пренебрегаютъ. А время, государь, скоро перемѣняется, дѣлать бы теперь, не откладывая на иное время, а твоихъ ратей промыселъ и какъ устали отъ службы тебѣ, великому государю, извѣстно, миру быть теперь самое время безъ проволоки.“ Государь прислалъ новый наказъ: „Милость Божія да умножится съ вами, великими послами, и молитва Пресвятыя Богородицы да поможетъ вамъ во всякомъ усердіи вашемъ. И вамъ бы, великимъ и полномочнымъ посламъ, а на имя стародавныхъ честныхъ родовъ, и пріятелямъ нашимъ вѣрнымъ, боярину князю Никитѣ Ивановичу, боярину князю Юрію Алексѣевичу (было написано еще: думному дворянину Аѳанасію Лаврентьевичу, но зачеркнуто), о томъ же Бозѣ нашемъ здравствовати и радоваться! Да послужить бы вамъ Святой Восточной Церкви и намъ, государю, и приложить бы вамъ къ усердію наипаче усердіе и къ промыслу промыселъ, и стоять бы за Полоцкъ крѣпко, образа ради Пресвятыя Богородицы Владимірскія и чудесъ, содѣявшихся отъ него въ видѣніи орли во время пришествія того образа во градъ Полоцкъ;удержать бы этотъ городъ, хотя бы и денегъ дать не мало: слезъ достойное будетъ дѣло, если въ Святой велелѣпной, великой церкви Полоцкой Поручницыно имя уже болѣе не возгласится православно, прозовется по римски или иной вѣрою неправо, и жертва не принесется правильно, но учинится церковь костеломъ или уніатскою! Также и за Динабургъ давать деньги, а за Витебскъ и упорно говорить не надобно. Если невозможно удержать Полоцка и Динабурга, буди воля Божія и Пресвятыя Богородицы, сдѣлается это по волѣ Божіей, а не отъ васъ, только бы наше намѣреніе и повелѣніе къ вамъ, ваше предложеніе и усердіе крѣпкое было. А думному нашему дворянину, а вашему товарищу, Аѳанасью Лаврентьевичу, это письмо вѣдать же“.

1 іюня, въ Дуровичахъ, между Краснымъ и Звѣровичами, начались съѣзды. Три первыхъ съѣзда прошли, по обычаю, во взаимныхъ упрекахъ и спорахъ за титулы; московскіе уполномоченные жаловались, что король, отпустивъ Ордина-Нащокина изъ Львова съ обѣщаніемъ приказать коммисарамъ своимъ двинуться къ границѣ для мирныхъ переговоровъ, вмѣсто того двинулся самъ съ войскомъ въ украинскіе города. Коммисары отвѣчали: „Когда былъ во Львовѣ Ординъ-Нащокинъ и домогался перемирія, то король на это не согласился, говоря, кто желаетъ перемирія, тотъ не желаетъ вѣчнаго мира, король желаетъ мира, но не обѣщалъ прекратить войны, и пошелъ на подданныхъ своихъ запорожскихъ Черкасъ для того, чтобъ свои города мечемъ отыскать и старыхъ подданныхъ возвратить подъ свою оборону.“ Между тѣмъ Хованскій снова проигралъ сраженіе подъ Витебскомъ, потерялъ обозъ; Одоевскій писалъ государю: „Польскіе коммисары передъ прежнимъ горды, стоятъ упорно, проволакиваютъ время нарочно, а гетманъ Пацъ сбирается съ войскомъ безопасно, поджидаетъ къ себѣ коронныхъ полковъ, изъ Украйны вѣстей и отъ крымскихъ людей помощи; и какъ теперь надъ княземъ Иваномъ Андреевичемъ Хованскимъ и надъ твоими государевыми ратными людьми учинили промыслъ, обозъ взяли и Витебскъ осадили, то и пуще возгордились.“ Ординъ-Нащокинъ писалъ отъ себя то же, прибавляя, что коммисаровъ можно склонить къ миру только обѣщаніемъ союза; но когда онъ совѣтуетъ Одоевскому и Долгорукову предложить коммисарамъ союзъ, то ближніе бояре и слышать объ этомъ не хотятъ, потому что говорятъ: въ дѣло этого не поставлено; посредниковъ нѣтъ, а безъ этихъ двухъ статей, безъ предложенія союза и безъ чужаго посредства, успѣха въ переговорахъ не будетъ. „Если я.“ продолжаетъ Нащокинъ, „доносилъ тебѣ, великому государю, что-нибудь неправдою, если все то, что я тебѣ говорилъ и писалъ по шведскому и польскому посольству, не сбылось, то я достоинъ смерти, и не только былъ бы радъ, еслибъ меня откинули отъ этого посольства, какъ откинули отъ шведскаго, но даже тѣсная темница или казнь были бы мнѣ радостнѣе

нынѣшняго посольства“. Князь Юрій Алексѣевичъ Долгорукій писалъ государю мысль: „Поляки подлинно знаютъ, что у боярина, князя Якова Куденетовича Черкасскаго, въ полкахъ ратные люди оскудѣваютъ запасами, стоя на одномъ мѣстѣ, утѣхи себѣ и прибыли никакой не имѣютъ: всегда ратъ тѣшится, вступая въ чужую Землю и видя себѣ прибыль и сытость, а на одномъ мѣстѣ стоя на своихъ хлѣбахъ,—всегда попеченіемъ одолѣвается. Лучше, не испуская лѣта, князю Якову Куденетовичу Черкасскому перейти Днѣпръ между Могилевымъ и Быховымъ, подъ Варколановымъ монастыремъ, и тутъ дать битву, литовское войско пожать, а коммисаровъ понизить, а биться ему съ литовскимъ и жмудскимъ войскомъ можно, пока Чарнецкій съ коронымъ войскомъ на помощь къ Литвѣ не подоспѣетъ“. Ординъ-Нащокинъ утверждалъ то же самое, что для склоненія коммисаровъ къ уступчивости необходимъ военный успѣхъ съ русской стороны: но онъ разнился съ Долгорукимъ относительно мѣста, куда должно было двинуться царское войско: „Если государевы ратные люди“, говорилъ Нащокинъ, „будутъ стоять безъ промыслу до осени, то они смоленскіе хлѣбные запасы объѣдятъ, смоленскихъ ратныхъ людей оголодятъ, и осенью разбѣгутся; если же имъ хлѣбныхъ запасовъ давать понемногу, то они и до августа станутъ бѣгать. Если отъ государевыхъ ратныхъ людей будетъ промыселъ по Двинѣ рѣкѣ, то Литва испугается, а запасы нашему войску можно везти рѣками Касплею и Двиною; надъ Могилевомъ же промыслъ Литвѣ не такъ страшенъ, потому что жены, дѣти и домы ихъ около Двины, а Татаръ они въ Литву привести для своего разоренья не захотятъ; если же и приведутъ Татаръ, то Татары въ Литвѣ зимовать не станутъ и за нашимъ войскомъ къ Двинѣ не пойдутъ, а учинятъ Литвѣ такое разоренье, какого она отъ нашего войска и въ десять лѣтъ не видала. Видя такое разоренье отъ Татаръ, Литва рада будетъ миру“. Ординъ-Нащокинъ совѣтовалъ также дѣйствовать другими средствами; онъ говорилъ: „Для одержанія союзомъ Смоленской и Сѣверской Земли надобно послать къ шляхтѣ, у которой въ тѣхъ уѣздахъ были маетности, обнадеживать ее возвращеніемъ этихъ маетностей, обѣщать, что судъ и расправа останутся у нея прежніе; войску польскому надобно посулить денежной казны, а сенаторамъ уже и объявлено; надобно дать государева жалованья литовскому референдарю Брестовскому,—онъ можетъ все сдѣлать, потому что Литовцы его любятъ и во всемъ вѣрятъ“. На всѣ эти мнѣнія и донесенія царь отвѣчалъ отъ 18 іюня, что князю Якову Куденетовичу Черкасскому велѣно двинуться къ Оршѣ. Къ этому воеводѣ, которымъ были недовольны за дѣйствія его противъ короля, царь послалъ спросить о здоровьи и сказать ему такія милостивыя рѣчи: 1) Сынъ его, князь Михайла, и дочь его, княжна Авдотья, далъ Богъ, здоровы и къ нимъ наша государская милость непремѣнна; отъ насъ, великаго государя, къ сыну его, отъ царицы къ дочери его подачи ежедневныя и пироги имянинные посылаютъ. 2) Чтобъ онъ, бояринъ и воевода, взявъ себѣ на помощь крѣпко великаго Бога и Его Святый образъ, безо всякаго сумнѣнія дерзалъ и промышлялъ о имени Его Святомъ, не опасаясь ничего. Вѣрилъ бы и уповалъ крѣпко на Бога, и какъ Богъ попуститъ, то будетъ людямъ на хвалу, а если за невѣріе милость отниметъ, тогда всѣ пуще ворчать станутъ; истинно за Болховскую стойку крѣпко негодуютъ; рѣчамъ глупыхъ людей не радоваться бы, что король отъ него побѣжалъ, и онъ хотя и не нашелъ, за то и не потерялъ. Можно было ему, за Божіею помощію, съ Польскимъ королемъ миръ учинить, если бы онъ на его королевскихъ людей наступалъ всѣми людьми строемъ и обозомъ, и надъ ними промышлялъ: всегда за такимъ промысломъ войнѣ конецъ бываетъ. 3) Радовался бы упованію крѣпкому на Бога, да утѣшался бы тѣмъ, что на недруга наступалъ всякимъ способомъ, бился строемъ, огнемъ и дымомъ и промыслъ чинилъ съ обозами: большая то слава и честь, нежели людьми, пѣхотою. 4) Чтобъ онъ, бояринъ и воевода, съ нашими ратными людьми, пушками и обозами подвинулся ближе къ великимъ и полномочнымъ посламъ и сталъ отъ нихъ въ 30 верстахъ для страху польскимъ коммисарамъ. Во время съѣздовъ къ великимъ посламъ посылать станицы часто и спрашивать вслухъ: польскіе коммисары приступаютъ ли къ миру и правдою ли входятъ въ дѣло, или разъѣдутся. Если и не разъѣдутся, а въ дѣло входятъ неправдою, то ему надъ Польскими и Литовскими людьми чинить промыслъ, не испустя нынѣшняго лѣтняго времени; а посылалъ бы къ великимъ посламъ людей умныхъ и суровыхъ и ростомъ дородныхъ. 5) Чтобъ онъ, бояринъ и воевода, надъ польнымъ гетманомъ Пацемъ и надъ литовскими войсками промышлялъ, ссылаясь съ великими послами, бралъ бы у нихъ совѣтъ и вѣсть почаще какъ Литовскихъ людей приводить къ миру, потому что они на то дѣло смотрятъ, какъ его дѣлать. 6) Чтобъ у Полоцка непріятельскимъ людямъ никакъ новаго хлѣба и травъ покосить не далъ, чтобъ къ тому новому хлѣбу на тотъ годъ таборы свои ставить и запасы готовить. 7) Чтобъ онъ походомъ и промысломъ своимъ и посылками на войну себя и нашихъ ратныхъ людей охрабрилъ и нашимъ, великаго государя, походомъ, если польскіе коммисары не помирятся, обнадеживалъ, для того, чтобъ дѣло къ концу привесть. 8) Ратныхъ конныхъ людей обнадеживать нашимъ государевымъ жалованьемъ, деньгами и хлѣбомъ впередъ. 9) Спросить, для чего полчане его на Москвѣ оставлены. 10) О князѣ Хованскомъ сказать, что къ нему будетъ посланъ товарищъ для подкрѣпленія. 11) Пересլаться съ княземъ Хованскимъ, чтобъ литовскому и жмудскому войску собраться не дать. 12) Непремѣнно бы онъ, бояринъ и воевода, на то дѣло смотрѣлъ всячески и надъ непріятельскими людьми чинилъ всякій промыслъ и поискъ, чтобъ непріятельскимъ людямъ собраться не дать, и не такъ бы сдѣлать, какъ было нынѣшнею зимою, когда Господь Богъ всякій промыслъ подавалъ, можно было надѣяться всякаго добраго дѣла, а онъ, бояринъ и воевода, какъ Польскій король изъ Сѣвскихъ мѣстъ побѣжалъ къ Могилеву, за нимъ не поспѣшилъ и отъ Почепа отступилъ. 13) Чтобъ крѣпко уповалъ на Бога, на Святый образъ и на молитву Пресвятыя Богородицы, дерзалъ бы о имени Божіемъ разумно и ходилъ и посылалъ стройно военнымъ крѣпкимъ обычаемъ.—Князю Юрію Алексѣевичу Долгорукову государь послалъ сказать тайно: „Князю Якову Куденетовичу Черчасскому послано выговорить за прежнее его стоянье безъ промысла; если онъ впередъ будетъ дѣлать такъ же, то великій государь изволитъ идти въ Вязьму, а на мѣсто князя Черкасскаго воеводою быть укажетъ ему, князю Юрію Алексѣевичу, а теперь бы его безъ причины не перемѣнять. Думному дворянину Аѳанасью Лаврентьевичу про эту статью сказать же.“

Черкасскій долженъ былъ двинуться съ войскомъ, чтобъ подвинуть посольское дѣло въ Дуровичахъ. Здѣсь уже шесть съѣздовъ прошло въ вычетахъ и перекорахъ, кто виноватъ въ нарушеніи вѣчнаго мира—Москва или Польша. На седьмомъ съѣздѣ, 30 іюня, московскіе уполномоченные сказали: „Всѣ эти вычеты обѣимъ сторонамъ извѣстны, пора уже ихъ оставить и говорить о томъ, какъ всѣ ссоры успокоить и вѣчный миръ заключить.“ Польскіе коммисары отвѣчали, что вѣчный миръ можетъ быть заключенъ только на поляновскихъ условіяхъ. Московскіе уполномоченные возразили, что поляновскія статьи вещь невозможная. „Ну такъ дайте намъ письмо за руками, что Поляновскій договоръ уничтоженъ,—и тогда мы будемъ становить новыя условія,“ сказали коммисары. Но царскіе послы отказались дать письмо, предполагая хитрость: въ Поляновскомъ договорѣ утвержденъ былъ за государемъ Московскимъ царскій титулъ; если уничтожить договоръ, то Поляки откажутся писать этотъ титулъ. Пошли споры объ уступкѣ земель; Поляки требовали возвращенія всего завоеваннаго и 10.000,000 золотыхъ польскихъ за убытки и разореніе: „Не уступимъ“, кричали они, „ни пяди земли, пока сабля у насъ при боку; вы побрали наши города во время нашего безсилія, когда у насъ много непріятелей было; но хотя Господь Богъ за грѣхи насъ и казнилъ, однако ото всѣхъ непріятелей освободилъ, остались у насъ непріятели—вы одни; мы и съ вами хотимъ мира, только отдайте намъ все; а не отдадите,—и мы будемъ отыскивать своею саблею. Вы намъ попрекаете за крымскій союзъ: намъ бы и самимъ не хотѣлось соединяться съ ханомъ, но, видя вашу несклонность къ вѣчному миру, поневолѣ съ нимъ соединимся, соединимся и съ Шведскимъ королемъ и съ иными государями; шведскій посолъ теперь у короля въ Варшавѣ, дожидается заключенія союзнаго договора; да при нашемъ посланникѣ астраханскіе Татары и Калмыки присылали къ Крымскому хану съ просьбою принять ихъ въ подданство. Сами разсудите: когда мы со всѣми этими государями соединимся, то вамъ придется плохо.“ Царскіе уполномоченные уступили имъ все, что только могли по наказу, уступили и Полоцкъ, и Динабургъ; но польскіе коммисары не хотѣли ни о чемъ слышать, кромѣ возвращенія всего завоеваннаго. Тогда царскіе уполномоченные показали твердость, объявили коммисарамъ, что если они не хотятъ соглашаться ни на какія уступки, то съѣзжаться больше незачѣмъ, ибо они стоятъ въ царскихъ земляхъ, въ Смоленской волости, и своимъ станомъ мѣшаютъ движенію царскихъ войскъ (по договору, мѣсто съѣзда и окрестности на извѣстное разстояніе были свободны отъ военныхъ дѣйствій). Польскіе коммисары присмирѣли, отказались отъ требованія десяти милліоновъ за убытки: „Больше уступать намъ нечего“, говорили они, „пусть опять начнется кровопролитіе, у насъ въ государствѣ разорять нечего, потому что оно уже все разорено, а вы смотрите, не доводите насъ до необходимости соединяться съ другими государями“. Видя невозможность продолжать переговоры, положили разъѣхаться на три недѣли, съ 10 іюля по 1 августа, царскимъ уполномоченнымъ отправиться въ Смоленскъ, а польскимъ коммисарамъ—въ Толочино.

Пріѣхавши въ Смоленскъ, великіе послы отправили въ Москву товарища своего, Аѳанасія Лаврентьевича Ордина-Нащокина, чтобъ тотъ подробно разсказалъ государю, какъ у нихъ дѣло дѣлалось. Слѣдствіемъ этой поѣздки была царская грамота Долгорукову: „Будучи ты на посольскихъ съѣздахъ, служа намъ, великому государю, радѣлъ отъ чистаго сердца, о нашемъ дѣлѣ говорилъ и стоялъ упорно свыше всѣхъ товарищей своихъ. Эта твоя служба и радѣнье вѣдомы намъ отъ присыльщиковъ вашихъ, также и товарищъ твой, Аѳанасій Лаврентьевичъ Ординъ-Нащокинъ, про твою службу и радѣнье намъ извѣщалъ. Мы за это тебя жалуемъ, милостиво похваляемъ; а теперь указали тебѣ быть полковымъ воеводою, и ты бы надъ Польскими и Литовскими людьми промыслъ и поискъ чинилъ бы, въ которыхъ мѣстахъ пристойно, потамошнему“. Черкасскій былъ отозванъ въ Москву, подъ предлогомъ, что онъ долженъ быть дворовымъ воеводою во время преднамѣреваемаго царскаго похода въ Литву. Ординъ-Нащокинъ возвратился въ Смоленскъ съ наказомъ—польскихъ коммисаровъ подкупать всячески, чтобъ они къ миру были склонны. 30 іюля онъ получилъ грамоту: „Ты бы намъ отписалъ съ нарочнымъ гонцомъ наскоро, чаять ли отъ коммисаровъ сходства къ миру, и нашему походу изъ Москвы въ Вязьму быть пристойно ли? Да вѣдомо намъ, великому государю, что генералъ-поручикъ Вильямъ Дромандъ нашу государскую премногую къ себѣ милость и жалованье поставилъ ни во что и, нашимъ жалованьемъ обогатясь, намъ служить не хочетъ, а хочетъ ѣхать за море; и ты-бъ ему поговорилъ отъ себя тайно, чтобъ онъ свою мысль отложилъ и за-море не ѣздилъ". Въ отвѣтъ Ординъ-Нащокинъ писалъ, что Долгорукій задерживаетъ войско подъ Шкловомъ, въ которомъ сильный гарнизонъ, и боится выйти изъ смоленскихъ мѣстъ въ литовскія; но что онъ, Нащокинъ, держится прежняго своего мнѣнія: осаду городовъ надобно оставить; и прежде эти осады губили войско и давали время непріятелю собираться съ силами; онъ приходилъ и города свои отбиралъ назадъ. Теперь, не задерживая войска подъ Шкловомъ и Могилевомъ, стать къ хлѣбнымъ мѣстамъ Смоленскаго уѣзда и оттуда пустить войну къ Двинѣ, гдѣ у литовскихъ войскъ домы.

Съ 8 августа возобновились съѣзды; польскіе коммисары объявили, что вѣчный миръ возможенъ только при возвращеніи Польшѣ всего завоеваннаго, и предложили перемиріе до мая мѣсяца слѣдующаго 1665 года съ уступкою царю Смоленска и Сѣверскихъ городовъ. Царскіе уполномоченные соглашались на это осьмимѣсячное перемиріе, но съ удержаніемъ всего завоеваннаго, уступали наконецъ Витебскъ съ уѣздомъ; за уступку на-вѣки Смоленска, Сѣверскихъ городовъ, Динабурга, Малороссіи на востокъ отъ Днѣпра и Запорожья предлагали три милліона, да самимъ коммисарамъ давали соболей на три тысячи рублей. Коммисары ни на что не согласились и разъѣхались въ сентябрѣ, положивъ начать новые съѣзды не ранѣе іюня 1665 года, послѣ сейма. Такъ окончилось посольское дѣло. Князь Долгорукій извѣщалъ, что гетманъ Пацъ стоитъ въ Могилевѣ въ крѣпости и въ пушечной отстрѣлкѣ, а въ полѣ бою не дастъ, не вышелъ и противъ окольничаго князя Юрія Никитича Барятинскаго; тѣ же непріятельскіе люди, которые встрѣтились съ Барятинскимъ, побиты наголову, и въ плѣнъ взято шляхты и Нѣмцевъ 32 человѣка. Кромѣ того, по обѣимъ сторонамъ Днѣпра Литовскихъ людей во многихъ мѣстахъ побивали; надъ Шкловомъ и Копосомъ промыслить нельзя, потому что сторожа въ нихъ оставлена сильная и начальные люди вѣрные. Государевымъ ратнымъ людямъ стоять теперь въ Дубровнѣ хорошо, гораздо сытнѣе, чѣмъ подъ Копосомъ и Шкловомъ, хлѣбъ находятъ по ямамъ и на поляхъ жнутъ и въ обозъ возятъ; но передъ прежними годами на поляхъ во многихъ мѣстахъ хлѣба не сѣяно, начало заростать лѣсомъ; около Могилева и Шклова все пожжено и разорено; отъ Днѣпра до Березы, а въ правую сторону близъ Двины, въ лѣвую по Толочино все разорено и сожжено, люди въ полонъ выбраны и повезены въ Русь. Ратнымъ людямъ дано сроку три дня для отпуска плѣнниковъ въ Русь, а которые безлюдные люди, тѣмъ велѣно продавать, а у себя не держать, потому что въ полкахъ появилось много женокъ и дѣвокъ, и надобно очистить души и тѣла ратныхъ людей отъ блуда.

Пришелъ 1664 годъ; приближался уже іюнь 1665, а о новыхъ посольскихъ съѣздахъ не было слуха. Въ маѣ мѣсяцѣ московскій посланникъ, дьякъ Григорій Богдановъ, толковалъ въ Варшавѣ съ панами радными о посредничествѣ христіанскихъ государей. „У короны Польской", говорили паны, „съ Московскимъ государемъ не первая теперь война, и въ прежнихъ войнахъ мирились безъ посредниковъ. Императорскіе послы, Алеггретъ съ товарищами, были посредниками, однако при нихъ покою вѣчнаго не учинено; а еслибъ посредниковъ тогда не было, то конечно миръ былъ бы: эти посредники тогда только мѣшали, а не мирили. И теперь только бы вашъ великій государь захотѣлъ покою, то можно бы заключить вѣчный миръ и безъ посредниковъ."—„Сколько разъ съѣзжались великіе уполномоченные послы", отвѣчалъ Богдановъ, „а ни вѣчнаго мира, ни перемирья за многими ссорами не заключили; для того теперь посредники и надобны, чтобъ спорныя дѣла разсудили. И опять полномоченные послы съѣдутся, и опять безъ посредниковъ ничего не сдѣлаютъ."—„Хорошо", говорилъ референдарь Брестовскій, „успокоивать обидныя дѣла посредниками, не начиная войны, не дѣлая великаго разоренья, не взявши себѣ многихъ городовъ, а то побрали многіе города, да и говорятъ о посредникахъ. Знаемъ мы для чего вамъ нужны посредники: для проволоки, чтобъ года три-четыре проволочить и взятые города укрѣпить за собою."—„Царское величество", говорилъ бискупъ Плоцкій, „желаетъ въ посредники цесаря и короля Датскаго; но пусть царское величество знаетъ, что цесарь королю Польскому родня, а Датскому королю во время его упадка, когда на него Шведы наступали, польское войско большую помощь оказало,—потому Датскій король нашему королю другъ и неправды никакой дѣлать не захочетъ. Если соглашаться на посредничество, то до пріѣзда посредниковъ надобно будетъ войну прекратить; и въ это время царь будетъ нашими городами владѣть и ихъ за собою крѣпить. Только принять въ посредники цесаря и короля Датскаго,—такъ захотятъ у того же дѣла быть и Французскій и Шведскій короли, курфюрстъ Бранденбургскій, и другіе всѣ христіанскіе государи, и всякій изъ нихъ станетъ вымышлять, какъ бы себѣ лучше." Богдановъ возражалъ, что ни одинъ государь безъ приглашенія не навяжется въ посредники. Паны продолжали свое, что посредники только препятствуютъ соглашенію. „Лучше всего", говорили они: „съѣхаться уполномоченнымъ, и если они вѣчнаго мира заключить не смогутъ, то заключить перемиріе лѣтъ на 12 и вмѣстѣ договоръ о посредникахъ, которые должны быть при переговорахъ о вѣчномъ мирѣ." Съ этимъ Богдановъ и былъ отпущенъ, а въ Москву въ сентябрѣ пріѣхалъ королевскій посланникъ Іеронимъ Комаръ, и объявилъ полномочіе говорить о перемиріи, о прекращеніи военныхъ дѣйствій и о томъ, гдѣ и когда быть съѣздамъ уполномоченныхъ. Что же было причиною такой склонности къ миру и такой уступчивости со стороны Польши? Мы видѣли, что оба государства были поставлены предшествовавшими событіями въ такія отношенія, что̀ миръ между ними не былъ возможенъ. Москва, послѣ такихъ пожертвованій, не могла отказаться отъ Малороссіи и отъ всѣхъ завоеваній; Поляки же прямо говорили: для чего намъ уступать вамъ что-либо, когда обстоятельства перемѣнились, когда вы истощены, безъ союзниковъ, а мы свободны отъ всѣхъ другихъ враговъ и въ союзѣ съ ханомъ? Слѣдовательно миръ между Москвою и Польшею былъ возможенъ только въ томъ случаѣ, когда новый какой нибудь ударъ постигалъ то или другое государство и заставлялъ его спѣшить миромъ съ тяжелыми для себя пожертвованіями. Такой ударъ именно постигъ Польшу; Поляки перестали хвастаться своимъ выгоднымъ положеніемъ, ибо внутри поднялась у нихъ смута, а извнѣ ханъ Крымскій, вмѣсто союзника, становился врагомъ, и готовилась страшная война Турецкая. Знаменитый Любомирскій, съ которымъ мы встрѣчались при печальныхъ для Москвы событіяхъ, преслѣдуемый противною стороною, въ челѣ которой стояли королева и канцлеръ Пражмовскій, былъ позванъ въ 1664 году передъ сеймъ, и, за неявленіемъ, приговоренъ къ потерѣ достоинствъ, имущества и жизни. Любомирскій удалился въ Силезію, но шляхта Великой Польши поднялась на его защиту, и Любомирскій, въ челѣ ея, вступилъ въ открытую борьбу съ правительствомъ,

Въ Москвѣ знали о возстаніи Любомирскаго, перемѣнили тонъ, объявили Комару, что для перемирія со стороны царскаго величества уступокъ никакихъ не будетъ, и прямо спрашивали какъ идутъ дѣла у короля съ Любомирскимъ. Комаръ отвѣчалъ: „Любомирскій загналъ королевское величество далеко; но было время, когда на короля наступали вдругъ разные непріятели, и тогда Богъ короля освободилъ; а съ подданнымъ своимъ королевскому величеству война не страшна; когда король пойдетъ на Любомирскаго самъ, то послѣнему стоять будетъ не-съ-кѣмъ, какъ мышамъ противъ кота." Комаръ уступилъ на перемиріе Смоленскъ съ городами Смоленскаго воеводства; думные люди отвѣчали, что эта рѣчь неслушная; переговоры о перемиріи кончились и положили—быть коммисарскимъ съѣздамъ въ январѣ 1666 года.

Но только 12 февраля пріѣхалъ въ Смоленскъ великій и полномочный посолъ, намѣстникъ Шацкій, Аѳанасій Лаврентьевичъ Ординъ-Нащокинъ, пожалованный уже въ окольничіи; въ товарищахъ ему назначены были дворянинъ Богданъ Ивановичъ Нащокинъ и дьякъ Григорій Богдановъ; съ ними отпущены были коверъ золотный—постилать на столъ во время переговоровъ съ польскими коммисарами, шатеръ суконный красный, карета, шандалъ серебряный, пять шандаловъ мѣдныхъ съ щипцами, лахань съ рукомойникомъ серебряные, десять стопъ бумаги, кувшинъ чернилъ, свѣчи восковыя витыя и свѣчи сальныя. Еще до начала съѣздовъ, 6 марта государь далъ знать Ордину-Нащокину, что въ Москву пріѣхалъ полковникъ отъ Любомирскаго съ двумя просьбами: 1) Чтобъ сыну Любомирскаго служить царскому величеству и держать на Украйнѣ два города, заступая Московскую Землю отъ Татаръ и Поляковъ; 2) самому Любомирскому помочь деньгами, чтобъ ему людну и сильну быть противъ короля. Государь требовалъ совѣта у Нащокина, что̀ отвѣчать Любомирскому. Нащокинъ писалъ: „Сыну Любомирскаго пристойно быть въ Москву,—это поможетъ миру и явно будетъ всему свѣту, что сынъ великаго человѣка и славнаго сенатора короны Польской пріѣдетъ служить въ Московское государство; дружбѣ съ цесаремъ это не повредитъ, потому что Любомирскій въ милости у цесаря; на Москвѣ въ милости царской держать его незазорно отъ людей и не ново, а Полякамъ будетъ страшно. Если же послать казну самому Любомирскому, то отъ этого Великой Россіи большой прибыли не будетъ: злая ненависть не возрасла бы; свои ратные люди зашумятъ, что въ чужую землю казну посылаютъ, а у себя и хлѣбомъ и деньгами скудно". Любомирскій предлагалъ также царю заключить союзъ съ цесаремъ, курфюрстомъ Бранденбургскимъ и Швеціею, и не допустить на польскій престолъ принца Конде. Но, кромѣ того, что это вмѣшательство въ чужія дѣла вовсе было не ко времени Московскому государству, истощенному, жаждущему мира, мысль о союзѣ съ Шведами была лично ненавистна Нащокину, и онъ отвѣчалъ царю: „Такой промыслъ теперь не къ дѣлу, а когда было для него время, тогда не хотѣли этимъ заняться. Теперь надобно думать о томъ, какъ бы поскорѣе миръ заключить. Цесарь и курфюрстъ и теперь въ постоянной дружбѣ съ царскимъ величествомъ, а Шведъ отъ промыслу отбитъ не въ мѣру почитаніемъ и страхами Посольскаго Приказа: чтобъ Шведы не гнѣвались, и уступлены имъ пошлины во вредъ Божіимъ людямъ Новгородскаго и Псковскаго государствъ и во вредъ казнѣ, а теперь шведскій резидентъ въ Москвѣ требуетъ уплаты долговъ, что у Шведовъ на Русскихъ людяхъ; кто бы этому не подивился и не счелъ за порабощеніе! И такъ, наведши владѣтельство шведское надъ Русскими людьми, какой ровной сосѣдственной дружбы ожидать, и кто дерзнетъ, будучи въ тѣхъ краяхъ воеводою, людей оберегать и сборъ казны множить"?

Съѣзды у Нащокина съ польскими коммисарами, Юріемъ Глѣбовичемъ, старостою Жмудскимъ, съ товарищами, начались только 30 апрѣля въ деревнѣ Андрусовѣ, надъ рѣкою Городнею, между Смоленскимъ и Мстиславскимъ уѣздами. 26 мая Нащокинъ доносилъ государю, что коммисары намѣрены уступить Смоленскъ со всею Сѣверскою Землею, также Динабургъ, довольствуясь отдачею Полоцка и Витебска, да денежнымъ вознагражденіемъ, обѣщаннымъ еще въ Дуровичахъ; но польскіе коммисары никакъ не хотятъ уступить Украйны; два польскихъ коммисара, страшно побранясь, едва не уѣхали отъ литовскихъ,—все за Украйну. „Коронные коммисары“, писалъ Нащокинъ, „затѣмъ и перемиріе заключать, чтобъ всякими мѣрами впередъ стараться о возобновленіи войны, а тогда и Литва отъ нихъ не отстанетъ: такъ теперь надобно подлиннымъ союзнымъ миромъ ихъ захватить“. Нащокинъ оканчиваетъ свое письмо любопытными указаніями о собственныхъ отношеніяхъ: „Узналъ я, что сынишка мой Война (возвратившійся въ отечество) изъ Пскова поѣхалъ въ Москву, и тебѣ, великому государю, бью челомъ, надѣясь на твою государскую по Богѣ безчисленную ко всѣмъ виноватымъ милость, особенно же ко мнѣ, беззаступному холопу твоему. Если бы вина его, Воинкина, была отпущена и дошло бы дотого, чтобъ его послать ко мнѣ, то твоему государеву дѣлу будетъ помѣшка. Тебѣ, великому государю, извѣстно: въ нынѣшнее воинское время многія неудержательныя рѣчи въ людяхъ происходятъ передъ прежнимъ безстрашно, а передъ всѣми людьми, за твое государево дѣло никто такъ не возненавиженъ, какъ я: которымъ и службишка моя приказана,—и тѣ злыми разговорами возненавижены отъ думныхъ людей. Крѣпче иныхъ ближній окольничій Ѳедоръ Михайловичъ Ртищевъ,—и тотъ въ моей службишкѣ отъ злыхъ разговоровъ много пострадалъ, и потому побоялся переписываться со мною по дѣламъ настоящаго посольства, что причиняетъ большой вредъ въ твоемъ и всего міра дѣлѣ, въ докладахъ. Воззри, государь, на Божіе и на свое государское всенародное дѣло, чтобъ оно мною и сынишкомъ моимъ отъ ненавистей людскихъ разрушено не было, а я вины сынишки своего не укрываю, и въ обращеніи его какъ тебѣ, великому государю, Богъ извѣститъ,—пожаловать или казнить“.

Самымъ яснымъ признакомъ возможности мира было то, что коммисары согласились на прекращеніе враждебныхъ дѣйствій на всѣхъ пунктахъ; но въ то время, какъ явился уже такой благопріятный признакъ, вдругъ Нащокинъ получаетъ изъ Приказа Тайныхъ Дѣлъ грамоту—оставить всѣ замыслы и служить по обѣщанію. „Теперь ли мнѣ замыслы имѣть, когда гробъ у меня въ глазахъ!“ отвѣчалъ Нащокинъ государю, „я милосердія твоего, что слѣпой свѣта, ожидаю, жду, что ближніе твои бояре къ совершенію посольства будутъ и мои злыя дѣла покроются честнымъ дѣломъ“. 18-го іюня Нащокинъ увѣдомилъ, что вѣчный миръ невозможенъ, и потому приступлено къ переговорамъ о перемиріи. Въ отвѣтъ пришла милостивая грамота, чтобъ Нащокинъ на милость государеву былъ надеженъ и заключилъ договоръ о перемиріи, отложа всякій страхъ, немедленно. Нащокинъ доносилъ (въ іюлѣ), что договору о перемиріи сильно помѣшали казаки, которые стоятъ подъ Гомлемъ, распустили войну и въ дальнія литовскія мѣста, вездѣ илѣнятъ народъ. Польскіе коммисары на съѣздахъ говорили, что казаки нарочно нарушаютъ договоръ о прекращеніи военныхъ дѣйствій: имъ не хочется мира, чтобъ быть всегда въ своевольствѣ, а не подъ началомъ на своихъ пашняхъ работать. Въ половинѣ іюля Нащокину стало легче спорить съ коммисарами на съѣздахъ; государь писалъ ему, что за его вѣрную и радѣтельную службу онъ пожаловалъ сына его, вины отдалъ, велѣлъ свои очи видѣть и написать по московскому списку съ отпускомъ на житье въ отцовскія деревни; относительно условій перемирія царь позволилъ Нащокину уступить Витебскъ и Полоцкъ, но приказывалъ стоять упорно за Динабургъ и Малую Лифляндію, сулить за нихъ въ королевскую казну 10,000 рублей и больше, а тѣхъ коммисаровъ, которые будутъ особенно противиться, подкупать, сулить тайно до 20,000 рублей. Когда Нащокинъ предложилъ это коммисарамъ, то они отвѣчали, что уступкою Полоцка и Витебска ограничиться нельзя, не можетъ Польша уступить Москвѣ Украйну, потому что тамошніе служивые люди останутся безъ домовъ. Государь велѣлъ предложить имъ изъ Заднѣпровской Украйны городъ Каневъ съ уѣздомъ, потомъ уступать Кіевское воеводство, наконецъ даже и Кіевскій уѣздъ, оставивъ при Кіевѣ только по шести или по пяти верстъ въ окружности, чтобъ въ этихъ верстахъ остались православные монастыри, но самый Кіевъ, Кременчугъ и Запорожье непремѣнно удержать въ государевой сторонѣ. Если Нащокинъ узнаетъ подлинно, что коммисары готовы заключить и вѣчный миръ, если имъ уступленъ будетъ Кіевъ и раздѣлится все Днѣпромъ, то для вѣчнаго мира Кіевъ уступить, но Запорожью и Кременчугу быть въ государевой сторонѣ. Потомъ государь велѣлъ требовать Кіева только на пять лѣтъ. Нащокинъ послалъ въ Москву свой душевный извѣтъ: „Вѣдая правду, умолчать—противно Богу и невозможно по крестному цѣлованію великому государю: коммисарамъ силы въ посольствѣ прибыло изъ Украйны, потому что въ прошломъ году въ Украйну изъ Москвы переписчики посланы для сбора доходовъ со всякихъ жилецкихъ людей: но тамошніе люди и отъ Польскаго короля многою кровью отбивались, чтобъ жить въ своей волѣ, имъ лучше кровопролитіе и своевольство, чѣмъ покой; неудовольствіе въ Украйнѣ вслѣдствіе сбора доходовъ возбудило въ Полякахъ надежду къ ея возвращенію и произвело потому затрудненіе въ мирныхъ переговорахъ. Въ Малой Ливоніи тоже неудовольствіе: послѣ отдачи Большой Лифляндіи Шведамъ, на Двинѣ проѣзжихъ людей грабятъ и всячески оскорбляютъ. Наконецъ, какъ нарочно, чтобъ раздразнить литовское войско, изъ Смоленска выслали пашенныхъ людей; успѣли бы это сдѣлать и послѣ заключенія перемирія, а теперь отъ порубежной жесточи война можетъ возобновиться. Чтобъ удовлетворить Литву, надобно уступить къ Полоцку и Витебску Динабургъ съ тамошними мѣстами,—тогда Литва и впередъ на сеймикахъ и на большомъ сеймѣ будетъ противиться войнѣ съ нами, потому что Литвѣ нечего будетъ больше желать. Отъ польскихъ же границъ необходимо удержать Украйну отъ Чернигова по Днѣпръ и во время перемирья укрѣпить Черниговъ и всѣ Сѣверскіе города. Кіевъ на пять лѣтъ и Динабургъ на все перемирье при томъ, что дѣлается теперь на порубежьи, отстоять невозможно; да если и перемирье будетъ, а не прекратится насиліе порубежнымъ крестьянамъ, то Смоленскіе уѣзды и впередъ пусты будутъ, крестьяне выбѣгутъ на льготы за рубежъ. Для успѣха въ посольскомъ дѣлѣ надобно усилить порубежныя мѣста, въ началѣ зимы въ Смоленскъ и въ другіе порубежные города запасы и рати ввести, также ссылаться съ курфюрстомъ Бранденбургскимъ, съ Богуславомъ Радзивиломъ и съ Любомирскимъ". Государь, отъ 10 ноября, отвѣчалъ Нащокину, чтобъ заключить перемирье по прежнему наказу, вытребовавши Кіевъ на пять лѣтъ, а Динабургъ на все перемирное время. Но польскіе коммисары (10 декабря) съ клятвою объявили, что, по сеймовому указу, имъ велѣно уступить Смоленское воеводство со всею Сѣверскою Землею, а взять безъ откладыванія Кіевъ съ тѣми мѣстами, которыя чрезъ Днѣпръ на Переяславской сторонѣ теперь за ними, да Запорожье, чтобъ Запорожскіе казаки ссорою не наводили на нихъ войны съ Турками и Крымцами, а на Двинѣ—Динабургъ съ другими волостями, которыя прежде были за ними. Нащокинъ предлагалъ разъѣхаться до новаго срока, подтвердивъ только прекращеніе непріятельскихъ дѣйствій; но коммисары никакъ на это не соглашались: „Или перемирье на 12 лѣтъ на нашихъ условіяхъ, или война", — говорили они, и грозили, что ханъ съ ордами идетъ къ нимъ на помощь, что подтверждалъ и воевода Шереметевъ изъ Кіева. Нащокинъ уговорилъ коммисаровъ не разъѣзжаться до 25 декабря и, давши знать объ этомъ государю, совѣтовалъ принять условія, ибо другихъ не будетъ. „А въ Московскомъ государствѣ", писалъ онъ, „и въ мысли того не было, что Смоленскомъ владѣть, не только Черниговомъ и всею Сѣверскою Землею, что теперь отдаютъ. У полоцкихъ и витебскихъ служивыхъ людей слышится сильный ропотъ, что живутъ безъ перемѣны, и если война продлится, то едва ли удержатся. Какая нужда въ Кіевѣ,— тебѣ, великому государю, извѣстно изъ грамотъ боярина Петра Васильевича Шереметева, а въ Польшѣ и Литвѣ хорошо знаютъ, что порубежные города не крѣпки и большое войско на оборону ихъ скоро не придетъ; слава пущена во всѣ государства, что денежной казны у васъ въ сборѣ нѣтъ, сибирская рухлядь и всякія паствы въ жалованье служилымъ людямъ розданы, прежнихъ доходовъ убыло, и на денежныхъ дворахъ въ Москвѣ и по городамъ денегъ не дѣлаютъ. Если миръ отложится, то чтобъ Турка и ханъ въ Украйнѣ не усилились, ее и окольнія мѣста не разорили; когда выведутъ людей, то и мириться будетъ не зачѣмъ; и началась война за то, чтобъ Турка и хана не допустить владѣть Украйною: въ посольствахъ и по всему свѣту объ этомъ разславлено: а кромѣ мира съ Польшею возмущенія въ тамошнихъ людяхъ укротить нечѣмъ". Государь, 17 декабря, послалъ статьи, примѣриваясь къ которымъ договариваться: перемирье на 12 лѣтъ или больше, уступить за Кіевъ Динабургъ съ Южною Ливоніею; если же не согласятся, то по послѣдней мѣрѣ уступить и Кіевъ съ заднѣпровскими городами Кіевской стороны, а восточной сторонѣ Днѣпра быть за царемъ, Запорожье подѣлить—здѣшней сторонѣ быть за Москвою, а другую уступить Польшѣ. Статьи объявлять не вдругъ, а продержать коммисаровъ и войну задержать до послѣдняго зимняго пути. „А тебѣ, Аѳанасію Лаврентьевичу", писалъ государь, „къ терпѣнію еще терпѣніе приложить, потому что гумна пшеницы и мѣры масла еще не исполнились, ибо миръ въ лукавствѣ лежитъ; претерпѣвый до конца, той спасенъ будетъ, и какъ гумна пшеницы и мѣры масла исполнятся, тогда мы, великій государь, укажемъ къ тебѣ отписать". Но скоро это рѣшеніе перемѣнилось вслѣдствіе извѣстія, что ханъ побитъ въ Украйнѣ. 22 декабря написанъ былъ новый наказъ Нащокину: „За Кіевъ и за здѣшнюю сторону Запорожья давать деньги, что пристойно, чтобъ Кіеву и здѣшней сторонѣ Запорожья никакъ въ уступкѣ не быть; если же коммисары не согласятся, то съѣзды отсрочить и войну задержать". Нащокинъ донесъ, что послѣ 30 съѣздовъ коммисары уступили наконецъ всю восточную сторону Днѣпра, но Кіева все еще не уступаютъ и, вопреки договору, польскія войска двинулись въ Смоленскій уѣздъ для сбора стацій. 6 января 1667 года государь отвѣчалъ: „Мы отправили окольничаго, князя Великаго-Гагина, въ Вязьму съ двумя полками рейтаръ и съ четырьмя приказами стрѣльцовъ и съ 33 пушками; изъ Вязьмы имъ велѣно идти въ Смоленскъ не для крови, но для того, чтобъ литовскія войска отступили. Если польскія войска изъ Смоленскаго уѣзда выйдутъ и коммисары будутъ къ вамъ сходительнѣе прежняго, то тебѣ, отъ Бога избранному и вѣрному доброхоту нашему, уступать Динабургъ съ Запорожьемъ, кромѣ берега здѣшней стороны противъ Запорожья, потому что по вашему договору коммисары уступаютъ всѣ черкасскіе города здѣшней стороны, а за Кіевъ стоятъ; если же никакими способами Кіева удержать будетъ нельзя, коммисары снисходительны не будутъ, рати изъ Смоленскаго уѣзда не выведутъ, а захотятъ крови, то Кіевъ уступить, но прежде настойте о выводѣ и задержаніи войскъ, чтобъ отдавать было волею, а не по нуждѣ. Смотрѣть накрѣпко, не своею ли службою хотятъ коммисары удержать Кіевъ, не нарочно ли вамъ говорятъ, что указъ имъ присланъ съ сейма; а намъ подлинно извѣстно, что сеймъ разорвался безъ всякаго дѣла. Стойте всѣми силами, чтобъ намъ въ титлахъ попрежнему Кіевскимъ писаться".

„Свыше человѣческой мысли," по выраженію Нащокина, коммисары согласились уступить Кіевъ на два года. Виновникомъ этой уступчивости былъ

Дорошенко. Еще 20 февраля 1666 года подъ городомъ Лысенкою Дорошенко предложилъ старшинѣ (безъ черни)—всѣхъ Ляховъ выслать изъ Украйны въ Польшу, самимъ со всѣми заднѣпровскими городами приклониться къ хану Крымскому, и по веснѣ идти съ Ордою на восточную сторону. Если Ляхи не пойдутъ добровольно, то бить ихъ, потому что Поляки берутъ стацію многую и налоги чинятъ великіе, а отъ московскихъ ратныхъ людей и отъ восточныхъ казаковъ не защищаютъ: стацій и хлѣба на западной сторонѣ давать нечего: уже три года хлѣба не сѣяли. Поднялся крикъ отъ старшины Серденева полка на Дорошенка: „Ты татарскій гетманъ, Татарами поставленъ, а не войскомъ выбранъ; мы всѣ поѣдемъ къ королю".—„Хоть сейчасъ поѣзжайте къ королю", отвѣчалъ Дорошенко, „вы мнѣ не угрозите, я васъ не боюсь; вы меня называете не гетманомъ: для чего же стаціи у меня просите? Королевскаго войска и васъ намъ не прокормить, только себя погубить." При этихъ словахъ Дорошенко положилъ булаву въ знакъ, что отказывается отъ гетманства, и пошелъ въ городъ. Но полковники и старшина догнали его, привели въ раду и попрежнему провозгласили гетманомъ [1]. Дорошенко далъ знать въ Крымъ и Константинополь, что Украйна въ волѣ султана и хана, и вотъ пришелъ приказъ изъ Константинополя новому Крымскому хану Адиль-Гирею (смѣнившему Магметъ-Гирея весною 1666 года), чтобъ шелъ воевать короля Польскаго. Въ сентябрѣ толпы Татаръ нагрянули на Украйну подъ начальствомъ нурадина Девлетъ-Гирея. Царевичъ остановился подъ Крыловымъ и отсюда разослалъ загоны за Днѣпръ подъ Переяславль, Нѣжинъ и другіе черкасскіе города и вывелъ плѣнныхъ тысячъ съ пять. Схвативши эту добычу съ восточнаго царскаго берега, нурадинъ отошелъ подъ Умань, два мѣсяца кормилъ здѣсь лошадей, соединился съ казаками и двинулся на короля. Подъ Межибожьемъ встрѣтилъ онъ полковниковъ польскихъ, Маховскаго и Красовскаго, съ 2,000 гусаръ, рейтаръ, шляхты и драгуновъ: все это полегло на мѣстѣ или было взято въ плѣнъ; Маховскаго въ оковахъ привезли въ Крымъ. Послѣ побѣды Татары и казаки разсыпались за добычею подъ Львовымъ, Люблиномъ, Каменцомъ, побрали въ плѣнъ шляхты, женъ и дѣтей, подданныхъ ихъ и Жидовъ до 100,000, а по разсказамъ польскихъ плѣнниковъ—40,000. Татары брали плѣнныхъ, но казаки этимъ не довольствовались: они вырѣзали груди у женщинъ, били до смерти младенцевъ. Послѣ этого Дорошенку уже не было возврата къ королю. Чтобъ не бояться мести отъ Поляковъ, онъ хотѣлъ сдавить ихъ съ двухъ сторонъ: въ Крымъ явились отъ него посланники—Браславскій полковникъ Михайла Зеленскій и Данила, сынъ Грицка Лесницкаго, хлопотать, чтобъ Адиль-Гирей помирился съ государемъ Московскимъ, не допускалъ его до мира съ Польскимъ королемъ, чтобъ воевать Польшу вмѣстѣ съ Москвою. Плѣнный бояринъ Шереметевъ получилъ такое письмо отъ Зеленскаго: „Ради бы были противъ давняго желательства и пріятства вашу милость навѣстить и поклонъ нижайшій отдать, но намъ запрещено, для чего письменно вашу милость посѣщаемъ; потомъ желаемъ, чтобъ, противъ стародавности, на Руси могли вашу милость видѣть, дастъ Богъ, вскорѣ: когда ужь съ Ляхами вновь въ непріязни пребываемъ, тогда Господь въ соединеніе христіанъ сведетъ" [2]. Но если Дорошенко хлопоталъ о томъ, чтобъ не допустить царя до мира съ Польшею, то Поляки должны были хлопотать о противномъ, и, благодаря этому, Кіевъ остался за Москвою.

Нащокинъ объявилъ коммисарамъ государево жалованье, по десяти тысячъ золотыхъ польскихъ; референдарю Брестовскому объявлено, что сверхъ товарищей своихъ получить еще 10,000 золотыхъ, а если пріѣдетъ съ подтвержденіемъ договора въ Москву, то будетъ большая ему государева милость. „Королевскому величеству", писалъ Нащокинъ коммисарамъ, „мы не можемъ назначить; но когда будутъ у него царскіе послы съ мирнымъ подтвержденіемъ, то привезутъ достойные дары, также и канцлеру Пацу прислано будетъ необидно." 6 января пріѣхалъ отъ коммисаровъ Іеронимъ Комаръ и билъ челомъ, чтобъ сверхъ обѣщанныхъ денегъ въ тайную дачу пожаловалъ имъ государь явно соболями, чтобъ имъ можно было хвалиться передъ людьми; самъ Комаръ билъ челомъ, чтобъ вмѣсто обѣщанныхъ ему ефимковъ дали золотыми червонными, потому что червонцы легче скрыть, такъ что и домашніе не узнаютъ. Комаръ объявилъ, что какъ скоро коммисары получатъ государево жалованье, сейчасъ же станутъ писать договорныя статьи. Деньги были высланы изъ Москвы немедленно, и 13 января, на 31-мъ съѣздѣ, написаны договорныя статьи: заключалось перемиріе на 13 лѣтъ, до іюня мѣсяца 1680 года; въ это время уполномоченные съ обѣихъ сторонъ должны трижды съѣзжаться для постановленія вѣчнаго мира, причемъ третья коммисія должна быть уже съ посредниками. Въ королевскую сторону отходятъ города: Витебскъ и Полоцкъ съ уѣздами, Динабургъ, Лютинъ, Рѣзица, Маріенбургъ и вся Ливонія, также Украйна на западной сторонѣ Днѣпра, но изъ Кіева выводъ московскихъ ратныхъ людей отлагается до 5 апрѣля 1669 года; въ эти два года окрестности Кіева на милю разстоянія остаются во владѣніи царскомъ. Запорожскіе казаки остаются въ оборонѣ и подъ послушаніемъ обоихъ государей; должны быть одинаково готовы на службу противъ непріятелей королевскихъ и царскихъ; но оба государя должны запретить имъ, какъ и вообще всѣмъ Черкасамъ, выходить на Черное море и нарушать миръ съ Турками. Въ сторону царскаго величества отходятъ: воеводство Смоленское со всѣми уѣздами и городами, повѣтъ Стародубскій, воеводство Черниговское и вся Украйна съ Путивльской стороны по Днѣпръ, причемъ католики, здѣсь остающіеся, будутъ безпрепятственно отправлять свое богослуженіе въ домахъ; шляхта, мѣщане, Татары и Жиды имѣютъ право продать здѣсь свои имѣнія и уйти въ королевскую сторону. Казакамъ восточной стороны не мстить за то, что отступали въ сторону королевскую, людей отсюда въ Московское государство не выводить и новыхъ крѣпостей не строить. Плѣнники, духовные, шляхта, военные люди, казаки, Жиды, Татары, мѣщане, ремесленники, купцы отпускаются съ обѣихъ сторонъ безусловно; объ отпускѣ же пашенныхъ людей будетъ постановлено на будущей коммисіи. Оба государя предложатъ Крымскому хану приступить къ перемирію; если онъ отвергнетъ предложеніе и пойдетъ войною на Московское государство, то король никакой помощи давать ему не будетъ; если же онъ станетъ опустошать Украйну по обѣимъ сторонамъ Днѣпра или подговаривать казаковъ къ себѣ, то оба государя общими силами даютъ отпоръ бусурманамъ, препятствуютъ, чтобъ Украйна не отошла къ послѣднимъ, и казакамъ такого самовольства не позволятъ. Оба государя будутъ употреблять короткіе титулы: король будетъ писаться—Польскимъ, Шведскимъ, Литовскимъ, Русскимъ, Бѣлорусскимъ и иныхъ; царь—великимъ государемъ царемъ и великимъ княземъ и прочихъ: на царской печати не будетъ титуловъ Литовскаго, Кіевскаго, Волынскаго и Подольскаго. Всѣ захваченныя бумаги, нарядъ, взятый въ городахъ и замкахъ, королевскихъ и шляхетскихъ, церковныя вещи, часть Животворящаго Древа, взятая въ Люблинѣ, мощи Св. Каллистрата въ Смоленскѣ возвращаются, сколько ни найдется. Торговымъ людямъ путь чистый въ обоихъ государствахъ сухимъ путемъ и рѣками, а именно—Касплею и Двиною изъ Смоленска къ Ригѣ, съ платежемъ обыкновенныхъ пошлинъ: путь чистый всякихъ и другихъ чиновъ людямъ, черезъ Московское государство духовнымъ особамъ, отправляющимся въ Персію и Китай для распространенія тамъ христіанской вѣры.

---

[1] Арх. мин. ин. д.; Архивъ мин. юстиціи, столбцы Малорос. Приказа, № 5872.

[2] Архивъ мин. ин. д.; дѣла Крымскія 1666 и 1667 годовъ.

Для подтвержденія перемирія въ Москву пріѣхали королевскіе послы—Станиславъ Бенѣвскій и Кипріанъ Брестовскій; 21 октября, въ отвѣтѣ съ Ординымъ-Нащокинымъ, они сказали: „У королевскаго величества и Рѣчи Посполитой теперь болѣзнь большая: на королевство Польское всталъ великій непріятель всѣми своими бусурманскими силами, такъ надобно обоимъ великимъ монархамъ противъ бусурманскихъ войскъ вмѣстѣ стоять. Есть еще у короля и Рѣчи Посполитой другая болѣзнь, внутренняя, которую прежде всего надобно исцѣлить, чтобъ больше Турецкой войны мира не разорвала: надобно удовольствовать шляхту, выгнанную изъ уступленной Украйны и Сѣверщизны, потому что отъ нея безпрестанная докука и вопль. Чтобъ царское величество изволилъ объ этихъ статьяхъ договоръ учинить теперь съ нами; тогда непріятель христіанскій, слыша о союзѣ обоихъ монарховъ, испугается, и народы христіанскіе, находящіеся подъ властію бусурмана, Греки, Сербы, Болгары, Волохи и Молдаване, начнутъ искать освобожденія изъ-подъ поганскаго насилія“ —„Чѣмъ же успокоить выгнанную шляхту?“ спросилъ Нащокинъ.—„На это есть два способа“, отвѣчали послы: „Пусть царское величество или пожалуетъ ихъ деньгами, или позволитъ имъ жить въ прежнихъ имѣніяхъ“.—„Если позволить имъ жить въ прежнихъ маетностяхъ“, спросилъ опять Нащокинъ, „то чьими подданными они будутъ называться и какая услуга будетъ отъ нихъ царскому величеству?“ Послы отвѣчали: „Они останутся подданными королевскими, а царскому величеству съ имѣній своихъ будутъ давать подати.“—„Отъ этого будетъ ссора,“ сказалъ Нащокинъ, „лучше объявите, сколько этихъ изгнанниковъ и сколько нужно дать денегъ чтобъ ихъ удовольствовать?“—„Это совершенная правда“, отвѣчали послы, „если они останутся въ прежнихъ маетностяхъ, то безъ ссоры не обойдется, лучше дать имъ денегъ; но сколько именно нужно для этого казны,—сказать намъ нельзя, потому что у лучшихъ людей, у Вишневецкихъ, Потоцкихъ, Конецпольскаго и другихъ сенаторовъ и шляхты имѣнія были большія, съ которыхъ каждому сходило по 100, по 200 и по 300 тысячъ дохода; мы полагаемся на милостивое разсужденіе царскаго величества“. Нащокинъ обѣщалъ донести объ этомъ государю, и потомъ спросилъ: „Не наказано-ль что-нибудь вамъ о вѣчномъ мирѣ?“—„О вѣчномъ мирѣ говорить теперь нельзя“, отвѣчали послы, „какъ узналъ султанъ Турецкій про перемирье, то сейчасъ же началъ на насъ войну готовить, и Крымскому хану велѣлъ войска отправлять; теперь Татары съ Дорошенкомъ и съ отступниками Черкасами разоряютъ Польшу, побрали въ плѣнъ больше 100,000 человѣкъ, и часъ-отъ-часу военный огонь распространяется, а какъ рѣки станутъ, то ждемъ отъ Турокъ и Татаръ конечнаго разоренія. Король и Рѣчь Посполитая прислали насъ для подтвержденія перемирнаго договора и для заключенія союза противъ бусурманъ, пока рѣки не станутъ, также поскорѣе рѣшить дѣло о выгнанной шляхтѣ, а если ея не удовольствовать, то надобно опасаться отъ нея всякаго дурна, потому что голодный отъ нужды и то дѣлаетъ, чего ему не довелось; бѣда, если шляхта затѣетъ смуту, а непріятель вторгнется.“ *Нащокинъ:* „Длинные разговоры ведете вы объ удовлетвореніи выгнанной шляхты и о помощи на Турокъ, а о вѣчномъ мирѣ говорить не хотите но царскому величеству изъ чего удовлетворять шляхту казною? да и помогать вамъ противъ непріятеля не надежно, потому что миръ у насъ съ вами временный, а не вѣчный.“ *Послы:* „Если царское величество намъ не поможетъ и Турки Польшу одолѣютъ, то и Московскому государству будетъ отъ нихъ тѣснота; въ награжденіи же шляхты мы полагаемся на царское милостивое разсужденіе, а не рѣшивши этихъ двухъ дѣлъ, въ другія вступать нельзя“.

На слѣдующемъ съѣздѣ, 26 октября, Нащокинъ сказалъ, что большихъ денегъ для удовлетворенія шляхты царь дать не можетъ, потому что и такъ казнѣ расходъ большой: много идетъ денегъ Калмыкамъ, чтобъ они тѣснили Крымскій юртъ и не пускали хана на Польшу; кромѣ того, у государя войска много, на содержаніе котораго идетъ казна большая. „Объявите подлинно“, спросилъ бояринъ, „чѣмъ шляхту удовольствовать, да безъ большихъ запросовъ“. Послы отвѣчали прежнее, что полагаются на милостивое разсужденіе царскаго величества: „Милосердіе великаго государя въ государствѣ нашемъ славится“, говорили они; „извѣстно, что всѣхъ бѣдныхъ онъ милостію своею призираетъ и жалуетъ, а выгнанная шляхта, братья наши, бѣдны и безпомощны, и кромѣ государской милости искать имъ негдѣ. Царскому величеству надобно ихъ пожаловать вмѣсто милостыни; мы знаемъ, что у государя и на богадѣльни расходится не меньше того, чѣмъ бѣдную шляхту пожаловать; а Вишневецкимъ и другой знатной шляхтѣ позволилъ бы государь жить въ черкасскихъ городахъ и Путивльской сторонѣ: они люди честные и богатые, могутъ при себѣ держать войска немалыя, которыя будутъ обоимъ государствамъ на оборону.“—„Нѣтъ ужъ лучше удовольствовать шляхту казною“, отвѣчалъ на это Нащокинъ: „казаки люди самовольные, не только не дадутъ имъ владѣть маетностями, но и самихъ побьютъ. и оттого, Боже сохрани, чтобъ еще большіе бунты не начались, и станутъ казаки прибѣгать къ Турецкому султану и Крымскому хану.“—„Правда“, говорили послы: „казаки изсвоевольничались, подъ прежними своими панами жить не захотятъ; а надобно, чтобъ теперь великіе государи, по братской дружбѣ и любви, общими силами ихъ смирили попрежнему. какъ было до войны.“ Послѣ долгихъ разговоровъ, Нащокинъ объявилъ наконецъ, что государь жалуетъ шляхтѣ 500,000 золотыхъ польскихъ, разложивъ на сроки. Послы отвѣчали, что этимъ бѣднымъ изгнанникамъ удовольствоваться нечѣмъ; изволилъ бы великій государь пожаловать ихъ нескудно, чтобъ они, бѣдные, за его царское величество были вѣчно богомольцы. „Казна у его царскаго величества большая“, говорили они: „съ одной Украйны по нашимъ вѣдомостямъ и росписямъ можно со всѣхъ шляхетскихъ маетностей собрать въ годъ милліоновъ съ двадцать, а по меньшей мѣрѣ съ десять. По государевой милости, одному полковнику Константину Греку данъ городъ Лохвица, что было прежде имѣніе Вишневецкаго, а онъ ставитъ съ него по сто человѣкъ казаковъ; гетману Брюховецкому и многимъ полковникамъ даны большіе города, съ которыхъ можно бы собрать много казны: а нашъ Польскій и Литовскій народъ славный и вольный, и если будетъ ему отъ царскаго величества удовольствованіе, то будетъ на свѣтѣ славно во всѣхъ государствахъ“. Послѣ этого предисловія, послы наконецъ высказали свое требованіе, чтобъ государь, на каждый перемирный годъ, давалъ шляхтѣ по 3.000.000. Имъ отвѣчали, что это дѣло нестаточное, запросъ такой неслушный, что царскому величеству и донести о немъ невозможно. Послы спустили до двухъ милліоновъ. Нащокинъ пошелъ доложить объ этомъ государю и, возвратясь, объявилъ посламъ, что государь изволилъ прибавить еще 500,000 золотыхъ польскихъ. Послы били челомъ и приняли это въ великую милость.

Статья о шляхтѣ была порѣшена; оставалась другая—о союзѣ противъ Турокъ и Крыма. 28 октября послы снова были въ отвѣтѣ съ Ординымъ-Нащокинымъ и говорили: „Чтобъ великій государь изволилъ для опасенія отъ непріятельскихъ безвѣстныхъ приходовъ держать на Украйнѣ войска свои безпрестанно, и число войскъ надобно назначить, а королевскія войска на Украйнѣ будутъ готовы указное же число, и какъ придетъ вѣсть, что Крымцы выступаютъ, то громить бы ихъ общими силами; а теперь изволилъ бы царское величество послать свое войско на Украйну поскорѣе, и чтобъ это войско, соединившись съ войскомъ королевскимъ, шло на отступниковъ, которые уже поддались султану Турецкому и вмѣстѣ съ Ордою воюютъ королевскія украйныя мѣста, и, смиря ихъ общими силами, привести въ прежнее подданство, чтобъ они были въ послушаніи обоихъ великихъ государей, а не подъ бусурманскимъ игомъ; и напередъ бы послать къ Черкасамъ грамоты, призывая ихъ къ возвращенію въ подданство и обнадеживая всякимъ милосердіемъ, да и то имъ объявить: если они такого милосердія не поищутъ и изъ-подъ ига бусурманскаго не возвратятся, то на нихъ посланы будутъ войска съ обѣихъ сторонъ“. Нащокинъ отвѣчалъ: „Отъ бусурманскаго прихода царскаго величества войска готовы, Бѣлгорскій полкъ стоитъ всегда; а числа войскамъ назначить не годится, чтобъ непріятель не узналъ и больше войска не приготовилъ: говорить надобно просто, что войска много; Калмыки также наготовѣ“. *Послы:* „Государь бы изволилъ поискъ учинить нынѣшнюю зиму, потому что Орда и казаки наше государство воюютъ, и постановить бы о томъ договоръ подлинный съ нами“.—„Царскаго величества войскамъ гдѣ на Украйнѣ стоять и съ коронными войсками гдѣ сходиться“? спросилъ Нащокинъ. „Это укажетъ потребность“, отвѣчали послы. „Если“, продолжалъ Нащокинъ, „на Украйнѣ война продлится, а царскимъ войскамъ становища спокойнаго не будетъ, то они потерпятъ нужду большую. Теперь царскимъ войскамъ становище надежное—Кіевъ, пока онъ въ царской сторонѣ, а какъ по договору Андрусовскому отойдетъ въ королевскую сторону, то царскимъ войскамъ надежнаго становища такого другого не будетъ, и про это какъ вы разсуждаете? Отъ королевскаго величества о Кіевѣ что вамъ наказано“? Послы поняли къ чему клонится рѣчь боярина, и отвѣчали: „Безъ становища царскія войска не будутъ, а о Кіевѣ говорить намъ и разсуждать нечего: какъ объ немъ въ андрусовскихъ договорахъ постановлено, такъ и быть, и отмѣнять андрусовскихъ договоровъ ни въ чемъ нельзя, все равно что каменной стѣны; каменная стѣна до тѣхъ поръ и крѣпка, пока цѣла, а выньте изъ нея хотя одинъ кирпичъ, и станетъ рушиться". Наконецъ договорились, что царское величество отправитъ на помощь королю противъ Татаръ и непокорныхъ казаковъ 5,000 конницы и 20,000 пѣхоты, которыя должны соединиться съ королевскими войсками между Днѣпромъ и Днѣстромъ, а для отвлеченія силъ непріятельскихъ Калмыки и Донскіе казаки будутъ воевать Крымъ. Въ вознагражденіе изгнанной изъ Украйны шляхты, государь дастъ милліонъ золотыхъ польскихъ, а московскимъ счетомъ 200,000 рублей, изъ которыхъ посламъ при отпускѣ отсчитано будетъ 150,000 рублей, а остальные 50,000 отправлены будутъ изъ Смоленска въ февралѣ 1668 года. Такъ какъ, по случаю союза между обоими государствами противъ бусурманъ и отступниковъ казаковъ, будутъ частыя пересылки, а также и для усиленія торговли,— учреждена будетъ еженедѣльная почта, начавъ отъ королевскаго мѣстопребыванія чрезъ все его государство до мѣстечка Кадина, на рубежѣ воеводства Мстиславскаго. Почта эта будетъ возить грамоты, какъ государскія, такъ и торговыя, и сдавать ихъ въ порубежномъ Смоленскаго воеводства мѣстечкѣ Мигновичахъ русскому начальнику почты, который пересылаетъ ихъ какъ можно скорѣе черезъ Смоленскъ въ Москву, и наоборотъ—грамоты, присланныя изъ Москвы, отсылать въ Кадинъ; торговые люди за пересылку своихъ писемъ будутъ платить по обычаю, ведущемуся во всѣхъ государствахъ. Нащокинъ предложилъ также посламъ, чтобъ въ іюнѣ 1667 года былъ съѣздъ въ Курляндіи уполномоченнымъ русскимъ, польскимъ и шведскимъ для постановленія торговаго договора между тремя государствами: „чтобъ торговые люди по всѣмъ государствамъ общимъ выбираньемъ пошлинъ изобижены не были, понеже всѣ народы пожитками торговыми казну полнить извыкли". Послы обязались донести объ этомъ королю и сейму.

4 декабря, на отпускѣ подлѣ государя послы видѣли недавно объявленнаго наслѣдника, царевича Алексѣя Алексѣевича, послѣ чего бояринъ Ординъ-Нащокинъ, царственной большой печати и государственныхъ великихъ посольскихъ дѣлъ оберегатель, говорилъ имъ: „Видѣли вы предъ лицомъ великаго монарха безцѣнное сокровище, дражайшую свѣтлость, которая незадолго до вашего пришествія ясностію луча московскіе народы просвѣтила, видѣли вы благороднаго государя нашего царевича. Эту превысокую милость можете возвѣстить королевскому величеству и къ желательной любви его подвигнуть. Если, по смерти королевской, государство ваше будетъ просить себѣ въ короли котораго-нибудь изъ царевичей, то великій государь Божіей воли противенъ не будетъ". Послы отвѣчали: „Когда будемъ у себя, то королевскому величеству и всей Рѣчи Посполитой милосердіе великаго монарха и сына его объявимъ, и такъ выхвалять и прославлять обѣщаемся, сколько въ насъ духу достанетъ. Приняты мы свыше прежняго обычая Московскаго государства, жалованьемъ и кормами обдарены больше прежнихъ пословъ; посольство выслушано и въ отвѣтахъ было съ великою честію, на славу передъ посторонними народами. Мы уже писали въ Польское государство на прославленіе этой милости; надѣемся, что изъ разныхъ государствъ объ этомъ скоро отзовутся и служба наша вѣрна будетъ; объявленіе же о царевичахъ хотя и съ радостію принимаемъ, но повелѣнія королевскаго и Рѣчи Посполитой на этотъ счетъ не имѣемъ и потому безотвѣтны остаемся". Тутъ возвысилъ голосъ ближній бояринъ, князь Никита Ивановичъ Одоевскій: „Въ прошлые годы въ Вильнѣ", сказалъ онъ, „писали мы статьи объ избраніи царскаго величества или сына его въ короли: и теперь этому быть можно же".—„То посольство не совершалось по праведной волѣ Божіей", отвѣчали послы, „а теперь и лучше и крѣпче тогдашняго: далъ Господь Богъ между обоими государями и государствами святой покой, и въ этомъ покоѣ всякое доброе дѣло въ свое время легко совершиться можетъ". Этимъ договоръ кончился; государь пожаловалъ пословъ къ рукѣ и велѣлъ отпустить ¹).

Такъ окончилась въ Восточной Европѣ опустошительная тринадцатилѣтняя война, по важности причинъ и слѣдствій своихъ соотвѣтствующая тридцатилѣтней войнѣ и вообще религіознымъ борьбамъ, потрясавшимъ среднюю и западную Европу въ XVI и XVII столѣтіяхъ. Война началась, какъ мы видѣли, далеко не вслѣдствіе одной извѣстной вражды между двумя народами, ждавшей перваго удобнаго случая для своего обнаруженія, далеко не потому одному, что Москва не могла успокоиться на Поляновскомъ мирѣ, не могла сжиться съ мыслью о потеряхъ, ею понесенныхъ по этому миру. Не за Смоленскъ и Сѣверскую Землю загорѣлась борьба. Москвѣ такъ же не хотѣлось начинать ея, какъ и Польшѣ. Она началась вслѣдствіе малороссійскихъ событій, вслѣдствіе религіозной борьбы, разгорѣвшейся въ западныхъ русскихъ областяхъ и давшей такую силу казацкимъ интересамъ, казацкимъ движеніямъ. Государь, царствовавшій на Москвѣ въ это время, по господствовавшему направленію своего духа, могъ именно принять къ сердцу тотъ интересъ, во имя котораго происходило историческое движеніе: „Собакѣ недостойно ѣсть и одного куска хлѣба православнаго; если же оба куска хлѣба достанутся собакѣ вѣчно ѣсть—охъ, кто можетъ въ этомъ отвѣтъ сотворить? И какое оправданіе пріиметъ отдавшій Святый и живой хлѣбъ собакѣ? Будетъ ему воздаяніемъ преисподній адъ, прелютый огонь и немилосердыя муки". Вотъ какъ

---

¹) Арх. мин. ин. д ; дѣла Польскія 1666 и 1667 годовъ.

выражался основный взглядъ царя Алексѣя! Мы не примемъ на себя страннаго труда взвѣшивать и опредѣлять, во сколько къ религіозному взгляду присоединились политическіе разсчеты и другія побужденія; но легко видѣть, какъ всѣ эти разсчеты и побужденія обхватываются и связываются основнымъ побужденіемъ, какъ въ главныхъ дѣятеляхъ, такъ и въ массѣ народной: исходъ борьбы на Украйнѣ въ XVII и даже въ XVIII вѣкѣ, точно такъ, какъ исходъ Смутнаго времени въ Московскомъ государствѣ, объясняется тѣмъ громаднымъ различіемъ, которое въ народномъ сознаніи существовало между понятіями: православный—Русскій, Ляхъ—латынецъ, Татаринъ—бусурманъ, и тотъ всуе будетъ разсуждать о народныхъ интересахъ, кто обойдетъ интересъ религіозный.

Такимъ образомъ, описанная тринадцатилѣтняя война была необходимымъ слѣдствіемъ религіозной борьбы, начавшейся въ Польско-Литовскихъ областяхъ въ XVI вѣкѣ. Мы уже указывали на связь этой борьбы съ обще-европейскимъ религіознымъ движеніемъ, знаменующимъ такъ называемую Новую Исторію: распространеніе протестантизма въ Литвѣ и Польшѣ вызывало католическое противодѣйствіе, явились іезуиты, которые, осиливъ протестантизмъ, обратились противъ Руской вѣры и тѣмъ вызвали къ жизни русскія народныя силы, подняли народный вопросъ, выяснили для Русскаго человѣка различіе его народности отъ сопоставленной народности Польской. Борьба не могла ограничиться одною духовною сферою, ибо притѣсненіе вызывало отпоръ; возможность матеріальной борьбы, матеріальнаго отпора Западная Русь нашла въ казачествѣ, котораго борьба съ государствомъ Польскимъ, съ шляхтою за свои казацкіе интересы какъ-разъ пришлась ко времени народной русской борьбы. Во время этой матеріальной борьбы противоположности разыгрались до такой степени, что примиренія быть не могло, а между тѣмъ матеріальныя силы казачества оказались недостаточными для борьбы и союзъ татарскій неприносящимъ пользы: тутъ естественно явилась необходимость соединенія Малой Россіи съ Великою для окончанія совокупными силами той борьбы, которая уже давно велась порознь, и, относительно Москвы, окончилась Поляновскимъ миромъ.

Силенъ былъ неожиданный ударъ, нанесенный Польшѣ Москвою въ 1654 году; понятно, что успѣхамъ Москвы способствовало нападеніе Шведовъ на Польшу съ другой стороны. Но это нападеніе, повидимому грозившее Польшѣ окончательною погибелью, удержало ее на краю пропасти: во-первыхъ, произведя столкновеніе между Швеціею и Москвою, оно остановило напоръ послѣдней на Польшу; во-вторыхъ, опять чрезъ поднятіе религіозной борьбы, возбудило народныя силы, произвело народную войну, которая окончилась изгнаніемъ Шведовъ. Обстоятельства перемѣнились: несмотря на страшное опустошеніе, истощеніе страны, Польша нашлась въ выгоднѣйшихъ противъ Москвы условіяхъ для продолженія войны: у нея были два союзника. первый—смута малороссійская, второй — ханъ Крымскій. И война длилась, и не видать было возможности окончить ее; Москва слишкомъ много пріобрѣла вначалѣ и, потому, ей было тяжело отказаться отъ всего пріобрѣтеннаго на верхнемъ Днѣпрѣ и Двинѣ, невозможно отказатся отъ всей Малороссіи „отдать оба куска православнаго хлѣба собакѣ“; на это она могла рѣшиться только при послѣдней крайности, а этой крайности, несмотря на страшное истощеніе силъ, еще не было, ибо Польша, вслѣдствіе своего истощенія, не могла наносить рѣшительныхъ ударовъ и пользоваться побѣдами своими. Но, съ другой стороны, положеніе ея вовсе не было такъ отчаянно, чтобъ она могла согласиться на московскія требованія: возвратить не только все пріобрѣтенное Сигизмундомъ и Владиславомъ, но уступить половину Украйны, отнять земли у своей шляхты въ пользу бунтливыхъ казаковъ. Такимъ образомъ, несмотря на продолжительные съѣзды уполномоченныхъ, миръ былъ невозможенъ. Надобно было, чтобъ одному изъ воюющихъ государствъ нанесенъ былъ откуда бы то ни было новый сильный ударъ, который бы заставилъ его согласиться на требованіе другого; этотъ ударъ нанесенъ былъ Польшѣ усобицею, поднятою Любомирскимъ, и грозою турецкою, накликанною Дорошенкомъ. Перемиріе состоялось

Это перемиріе, съ перваго взгляда, могло назваться очень ненадежнымъ. Кіевъ былъ уступленъ Москвѣ только на два года, а между тѣмъ легко было видѣть, что Москвѣ онъ очень дорогъ, что Москва употребитъ всѣ усилія оставить его за собою. Но, къ удивленію, война не возобновилась до второй половины XVIII вѣка, и Андрусовское перемиріе перешло въ вѣчный миръ съ сохраненіемъ всѣхъ своихъ условій. Напрасно Поляки утѣшали себя мыслію, что на ихъ отчизну во второй половинѣ XVII вѣка послано такое же испытаніе, какое было послано на Москву въ началѣ вѣка, и что Польша выйдетъ изъ него такъ же счастливо, какъ Москва. Для Польши съ 1654 года начинается продолжительная, почти полуторовѣковая агонія, условленная внутреннимъ ослабленіемъ, распаденіемъ; въ 1667 году великая борьба между Россіею и Польшею оканчивается. Съ этихъ поръ вліяніе Россіи на Польшу усиливается постепенно, безъ всякой борьбы, вслѣдствіе только постепеннаго усиленія Россіи и равномѣрнаго внутренняго ослабленія Польши. Андрусовское перемиріе было полнымъ успокоеніемъ, совершеннымъ докончаніемъ, по старинному выраженію. Россія покончила съ Польшею, успокоилась на ея счетъ, перестала ея бояться и обратила свое вниманіе въ другую сторону, занялась рѣшеніемъ тѣхъ вопросовъ, отъ которыхъ зависѣло продолженіе ея историческаго существованія, вопросовъ—о преобразованіяхъ, о пріобрѣтеніи новыхъ средствъ къ продолженію исторической жизни. Такимъ образомъ, Андрусовское перемиріе служитъ также одною изъ граней между древнею и новою Россіею.

Послѣ Андрусовскаго перемирія Москва успокоилась съ стороны Польши, но не могла успокоиться со стороны Малороссіи. Въ этой сторонѣ, на востокъ отъ Днѣпра, произошелъ переворотъ: земельная собственность перемѣнила своихъ владѣтелей: польскіе паны исчезли; но это не успокоило страны, ибо на ихъ мѣста явились другіе,— войсковая, казацкая старшина, которая стремилась къ господству, стремилась немедленно же выдѣлиться изъ войсковой массы или въ видѣ шляхты польской, подъ руководствомъ сенатора Выговскаго, или въ видѣ дворянства московскаго—подъ руководствомъ боярина Брюховецкаго; но это стремленіе старшины встрѣчало сильное противоборство въ демократическомъ стремленіи казачества, представителемъ котораго было Запорожье. Толкуя о правахъ и вольностяхъ бѣдной отчизны Украйны, старшина стремилась къ господству, имѣя въ виду только собственныя выгоды; казачество требовало равенства, съ ненавистію смотря на людей, которые, вышедши изъ его рядовъ, павлинились въ дворянскомъ или шляхетскомъ званіи. „Мы знаемъ только гетмана и не хотимъ знать боярина", кричало Запорожье. Города, ненавидя казаковъ и старшину ихъ. одинаково для нихъ тяжелыхъ, съ радостію увидали бы уничтоженіе гетманскаго, казацкаго регимента, лишь бы только оставались за ними ихъ права; высшее духовенство, такъ же толкуя о правахъ и вольностяхъ, ставило себя въ ложное положеніе, изъ-за этихъ правъ и вольностей отвергая православную Москву и приклоняясь къ латинской Польшѣ, — положеніе, котораго большинство народное не могло долго ему позволить. Такъ раздиралась Малороссія внутренно, и этимъ, разумѣется, облегчала работу государства Московскаго, которое незамѣтно приготовляло приравненіе. Но прежде чѣмъ это приравненіе послѣдовало, отношенія московскаго правительства къ Малороссіи были странныя, какъ и слѣдовало ожидать отъ господствовавшей въ Малороссіи безурядицы. Украйна давала Московскому правительству полное право не уважать того, что она называла своими правами и вольностями, ибо, во-первыхъ, каждый въ Малороссіи понималъ эти права и вольности по-своему; во-вторыхъ, съ самаго начала стали нарушаться права, уступленныя государству, права, которыя оно необходимо должно было имѣть. Еще въ то время, когда сильная рука Богдана Хмельницкаго держала Малороссію, было нарушено самимъ Хмельницкимъ существенное право великаго государя, право, безъ котораго соединеніе Малой Россіи съ Великою было немыслимо, право, чтобъ Малороссія имѣла одинакую политику съ Москвою. Но этого мало: условіемъ присоединенія было, чтобъ доходы малороссійскіе собирались на жалованье войску, казакамъ; но вотъ въ Москвѣ узнаютъ, что доходы собираются вовсе не на жалованье казакамъ, которые, не получая этого жалованья, охладѣли къ службѣ; изъ Малороссіи, для которой начата была тяжелая война, доведшая Московское государство до крайняго истощенія, изъ Малороссіи безпрестанно приходятъ требованія, чтобъ войска царскаго величества шли на помощь противъ Ляховъ, измѣнниковъ Западной стороны и Татаръ. Московское государство, которое начало войну, въ надеждѣ дѣйствовать противъ Польши, дружно съ двухъ сторонъ, изъ двухъ Россій, должно теперь растягивать свои силы для защиты громадной пограничной линіи, тогда какъ этихъ силъ не доставало и для защиты пріобрѣтеннаго въ Бѣлоруссіи и Литвѣ. У преемника Богданова, у гетмана славнаго войска Запорожскаго, было ничтожное число казаковъ, съ которыми онъ не могъ ничего предпринять. Разумѣется, при такомъ печальномъ положеніи дѣлъ, прежде всего необходимо было опредѣлить доходы малороссійскіе, ввести сколько-нибудь правильный сборъ, опредѣлить число казаковъ, которыхъ надобно было содержать этими доходами. На все это государство имѣло полное право по статьямъ Богдана Хмельницкаго; но при первой попыткѣ поднимается страшный ропотъ и волненіе; привыкли жить безо всякаго надзора, привыкли брать, что кому было угодно, и вмѣшательство правительства, вытребованное необходимостію, страшнымъ безнарядьемъ, явилось нестерпимымъ посягательствомъ на права и вольности! Чьи права и вольности? На этотъ вопросъ не могли отвѣчать въ Малороссіи. Вслѣдствіе невозможности отвѣчать на этотъ вопросъ, обнаружилось явленіе, что сами Малороссіяне начали диктовать Московскому правительству какъ дѣйствовать въ пользу приравненія быта малороссійскаго къ быту остальныхъ областей государства. Но этими внушеніями не ограничились въ Малороссіи: и старшина свѣтская, и старшина духовная твердили Московскому правительству, что измѣна господствуетъ въ Малороссіи; что казаки шатаются, положиться на нихъ ни въ чемъ нельзя,— при первомъ появленіи непріятеля, Ляховъ, передадутся къ нимъ. Съ чѣмъ обыкновенно пріѣзжало посольство малороссійское въ Москву, чѣмъ наполнены были грамоты и информаціи, имъ привозимыя?—Обвиненіями въ измѣнѣ; вспомнимъ печальную исторію междугетманства; вспомнимъ, какъ гетманъ и епископъ, блюститель Кіевской митрополіи, вели борьбу другъ съ другомъ доносами въ Москву, и кто послѣ этого могъ пожаловаться, что слово „Черкашенинъ" стало въ Москвѣ синонимомъ измѣнника? Московскій воевода, московскій ратный человѣкъ входилъ въ Малороссію, какъ въ страну, кипящую измѣною, гдѣ онъ не могъ положиться ни на кого, гдѣ въ каждомъ жителѣ онъ видѣлъ человѣка, замышляющаго противъ него недоброе, выжидающаго только удобнаго случая, чтобъ вынуть ножъ изъ-за пазухи. Какихъ же дружескихъ отношеній послѣ того можно было ожидать между двумя братственными народонаселеніями? Какое уваженіе могъ чувствовать Москаль къ шатающимся, мятущимся Черкасамъ? Чѣмъ онъ могъ сдерживаться, особенно въ то время солдатскаго своеволія и хищничества? Онъ не сдерживался тѣмъ, что находился въ родной землѣ, между своими же русскими людьми: ему толковали, и толковали въ самой Малороссіи, сами Малороссіяне, что онъ среди враговъ, среди измѣнниковъ; это, разумѣется, вполнѣ могло разнуздывать Москаля, онъ могъ легко оправдаться въ своихъ и чужихъ глазахъ: что же щадить измѣнниковъ? Но мы видѣли, что иное было поведеніе относительно казаковъ, иное относительно горожанъ, болѣе вѣрныхъ.

Общество малороссійское вышло слишкомъ юно на сцену, когда исторія рѣшала самые важные для него вопросы. Отсутствіе внутренней сплоченности, разбродъ составныхъ началъ, жизнь особѣ и вражда между живущими особѣ условливали слабость страны, не дозволяли ей не только независимаго, но и своеобразнаго политическаго существованія. Отсюда эта шатость, колебаніе, которыя мы видѣли въ продолженіи нашего разсказа и которыя давали полный просторъ всякой силѣ пробиваться сквозь несплоченные ряды. Почти вся вторая половина XVII вѣка представляетъ Смутное время для Малороссіи, подобное Смутному времени Московскаго государства въ началѣ вѣка: та же шатость, та же темнота, отсутствіе ясно опредѣленныхъ цѣлей и отношеній, дающихъ твердость человѣку и обществу; то же перелетство. Но въ Московскомъ государствѣ печальная эпоха была непродолжительна; кромѣ того, Московскіе люди шатались между своими искателями власти, выставлявшими одинаково народное знамя, и какъ скоро явились чужіе искатели, то это появленіе собрало шатающійся народъ, поставило его на твердыя ноги и повело къ прекращенію смуты. Но несчастная Малороссія шаталась очень долго, шаталась и между Поляками и между Турками. Уже не говоря о томъ, какой матеріальный ущербъ понесла она отъ этого, какъ Запорожье было вконецъ опустошено и сильно досталось и восточной сторонѣ, не говоря уже о матеріальномъ вредѣ, мы не можемъ не указать на вредное нравственное вліяніе, которое должно было испытать народонаселеніе страны отъ этой долгой шатости, долгой смуты; не можемъ не указать, какъ вредно должны были дѣйствовать эти явленія на характеръ народа, расшатывая общество все болѣе и болѣе, ослабляя общественный смыслъ у народа, отучая его отъ общественныхъ пріемовъ, отучая его ходить твердо, смотрѣть прямо въ лицо окружающимъ явленіямъ, укореняя вредную привычку не вѣрить никому и вмѣстѣ вѣрить всему и носиться въ разныя стороны по первому слуху. Общественное развитіе было задержано; общество продолжало обнаруживать черты дѣтства. Послѣдующія событія XVII и даже XVIII вѣка должны подтвердить правду сказаннаго.

Андрусовское перемиріе не могло прекратить смуты въ Малороссіи. Но прежде нежели приступимъ къ разсказу о дальнѣйшихъ событіяхъ здѣсь, обратимся къ Московскому государству, въ которомъ происходили любопытныя и печальныя событія въ продолженіи тринадцатилѣтней войны: московскій мятежъ вслѣдствіе тяжкаго состоянія народа, расколъ, паденіе Никона; взглянемъ и на борьбу Московскаго государства съ казачествомъ юго-восточной Украйны.

Глава IV.

Продолженіе царствованія Алексѣя Михайловича.

Разстройство финансовъ во время тринадцатилѣтней войны.—Выпускъ мѣдныхъ денегъ.—Ихъ упадокъ въ цѣнѣ.—Воровскія деньги.—Московскій бунтъ 1662 года.—Отмѣна мѣдныхъ денегъ.—Ссора царя съ патріархомъ; причины ея.—Враги Никона.—Расколъ; его причины.—Исправленіе книгъ при патріархѣ Іосифѣ.—Единогласное пѣніе и проповѣдь; возстаніе противъ этихъ нововведеній.—Исправленіе книгъ при Никонѣ.—Сопротивленіе прежнихъ исправителей.—Мысль объ антихристѣ.—Монахъ Капитонъ.—Сопротивленіе соловецкихъ монаховъ исправленнымъ книгамъ.—Челобитная царю на Никона.—Окончательный разрывъ его съ царемъ. Удаленіе въ Воскресенскій монастырь.—Успокоеніе Никона.—Раздраженіе возобновляется.—Невозможность выбрать новаго патріарха вслѣдствіе требованій Никона.—Пребываніе Никона въ Крестномъ монастырѣ.—Соборъ 1660 года.—Протестъ Славеницкаго.—Дѣло объ отравѣ.—Бабарыкинское дѣло.—Письмо Никона къ царю по этому случаю.—Паисій Лигаридъ.—Его стараніе помирить Никона съ царемъ.—Вопросы Стрѣшнева и отвѣты на нихъ Лигарида.—Возраженіе Никона на эти вопросы и отвѣты.—Доносъ Бабарыкина на Никона.—Поѣздка князя Одоевскаго и Лигарида съ товарищами въ Воскресенскій монастырь по этому случаю.—Отправленіе монаха Мелетія на Востокъ съ вопросами къ патріархамъ относительно поведенія Никона.—Волненія между константинопольскими Греками.—Патріархи даютъ отвѣты, осуждающіе Никона.—Пріѣздъ Аѳанасія Иконійскаго въ Москву.—Затруднительное положеніе царя.—Онъ вторично отправляетъ Мелетія звать патріарховъ на соборъ въ Москву.—Грамота патріарха Нектарія Іерусалимскаго въ пользу Никона.—Сытинское дѣло.—Письмо Никона къ царю съ цѣлію отвратить соборъ.—Внезапный пріѣздъ Никона въ Москву и Зюзинское дѣло. Грамоты Никона къ восточнымъ патріархамъ перехвачены.—Пріѣздъ патріарховъ Александрійскаго и Антіохійскаго.—Судъ.—Осужденіе.—Ссылка Никона въ Ѳерапонтовъ монастырь.—Жизнь его тамъ и сношенія его съ царемъ.

Два первые года тринадцатилѣтней войны были самымъ счастливымъ, самымъ блистательнымъ временемъ въ царствованіи Алексѣя Михайловича, хотя и они омрачены были моровымъ повѣтріемъ. Блестящіе успѣхи воинскіе, собственные доходы подняли духъ воспріимчиваго царя, что такъ ясно высказывается въ приведенномъ выше письмѣ его къ Матвѣеву о сношеніяхъ съ Швеціею.

Неудачный походъ подъ Ригу былъ началомъ несчастій; смуты малороссійскія затянули войну, принявшую дурной оборотъ: Конотопъ, Чудново, пораженія Хованскаго тяжело отдавались въ Москвѣ, и хотя не имѣли такихъ гибельныхъ слѣдствій, какихъ можно было ожидать съ перваго взгляда, однако война продолжалась и не видно было ея конца — страшное бѣдствіе для государства бѣднаго, мало населеннаго, которое едва успѣло оправиться послѣ Смутнаго времени. въ которомъ недавно еще происходили волненія вслѣдствіе тяжкаго состоянія промышленнаго класса, которое недавно опустошено моровою язвою. Тяжкія подати пали на народъ; торговые люди истощились платежемъ пятой деньги. Уже въ 1656 году казны недостало ратнымъ людямъ на жалованье, и государь, по совѣту, какъ говорятъ, Ѳедора Михайловича Ртищева, велѣлъ выпустить мѣдныя деньги, которыя имѣли нарицательную цѣну серебряныхъ; въ 1657 и 1658 годахъ деньги эти дѣйствительно ходили какъ серебряныя; но съ сентября 1658 года начали понижаться въ цѣнѣ, именно на рубль надобно было наддавать шесть денегъ; съ марта 1659 должны были уже наддавать по 10 денегъ; наддача возрастала въ такой степени, что въ 1663 году за одинъ рубль серебряный надобно было давать уже 12 мѣдныхъ. Наступила страшная дороговизна; указы, запрещавшіе поднимать цѣны на необходимые предметы потребленія, не дѣйствовали; мы видѣли, въ какомъ положеніи находились въ Малороссіи московскіе ратные люди, получавшіе жалованье мѣдными деньгами, которыхъ никто у нихъ не бралъ. Явилось множество воровскихъ (фальшивыхъ) мѣдныхъ денегъ; начали хватать и пытать людей, которые попадались съ воровскими деньгами—одинъ отвѣтъ: „Мы сами воровскихъ денегъ не дѣлаемъ, беремъ у другихъ незнаючи". Стали присматривать за денежными мастерами, серебрянниками, котельниками, оловянишниками, и увидали, что люди эти, жившіе прежде небогато, при мѣдныхъ деньгахъ поставили себѣ дворы каменные и деревянные, платье себѣ и женамъ подѣлали по боярскому обычаю, въ рядахъ всякіе товары, сосуды серебряные и съѣстные запасы начали покупать дорогою цѣною, не жалѣя денегъ. Причина такого быстраго обогащенія объяснилась, когда у нихъ стали вынимать воровскія деньги и чеканы. Преступниковъ казнили смертію, отсѣкали у нихъ руки и прибивали у денежныхъ дворовъ на стѣнахъ; домы, имѣнія брали въ казну. Но жестокости не помогли при неодолимой прелести быстраго обогащенія; воры продолжали свое дѣло, тѣмъ болѣе что богатые изъ нихъ откупались отъ бѣды, давая большія взятки тестю царскому, Ильѣ Даниловичу Милославскому, да думному дворянину Матюшкину, за которымъ была родная тетка царя по матери; въ городахъ воры откупались, давая взятки воеводамъ и приказнымъ людямъ. Для разсмотрѣнія, пріема и расхода мѣди и денегъ на денежныхъ дворахъ приставлены были вѣрные головы и цѣловальники, изъ гостей и торговыхъ людей, люди честные и достаточные. Но и они не одолѣли искушенія: покупали мѣдь въ Москвѣ и Швеціи, привозили на денежные дворы съ царскою мѣдью вмѣстѣ, приказывали изъ нея дѣлать деньги и отвозили ихъ къ себѣ домой. Доносы на нихъ не замедлили отъ стрѣльцовъ и денежныхъ мастеровъ; обвиненные съ пытки показали, что давали посулы Милославскому, Матюшкину, дьякамъ и подьячимъ. У дьяковъ и подьячихъ, у головъ и цѣловальниковъ отсѣкали руки и ноги, ссылали преступниковъ въ дальніе города; на Милославскаго царь долго сердился, Матюшкина отставилъ отъ Приказа. Но этимъ не были довольны и затѣяли повторить расправу 1648 года [1].

Весною 1662 года, послѣ Свѣтлаго Воскресенья, начали ходить по Москвѣ слухи, что чернь сбирается и быть отъ нея погрому дворамъ боярина Ильи Даниловича Милославскаго, гостя Василія Шорина и другихъ богатыхъ людей за перемѣну въ денежномъ дѣлѣ, за то, что Шоринъ да еще какой-то Кадашевецъ деньги дѣлаютъ. Въ двадцатыхъ числахъ іюля начали говорить, что пришли изъ Польши листы про окольничаго Ртищева. Царь жилъ въ то время въ Коломенскомъ. 25 іюля, рано утромъ, на Срѣтенкѣ собрались мірскіе люди совѣтоваться о пятинной деньгѣ. Но совѣщанія ихъ скоро прекратились. „На Лубянкѣ у столба письмо приклеено"! начали кричать имъ люди, проходившіе Срѣтенкою отъ Никольскихъ воротъ. Вся толпа хлынула на Лубянку смотрѣть, что за письмо. На столбѣ воскомъ приклеена была бумажка и на ней написано: „Измѣнникъ Илья Даниловичъ Милославскій, да окольничій Ѳедоръ Михайловичъ Ртищевъ, да Иванъ Михайловичъ Милославскій, да гость Василій Шоринъ". Между тѣмъ Срѣтенской сотни сотскій Павелъ Григорьевъ уже далъ знать о письмѣ въ Земскій Приказъ, откуда пріѣхали на Лубянку дворянинъ Семенъ Ларіоновъ и дьякъ Аѳанасій Башмаковъ, и сорвали письмо. Толпа зашумѣла: „Вы везете письмо къ измѣнникамъ, государя на Москвѣ нѣтъ, а письмо надобно всему міру". Громче всѣхъ кричалъ, бросаясь на всѣ стороны, стрѣлецъ Кузьма Ногаевъ: „Православные христіане! постойте всѣмъ міромъ;—дворянинъ и дьякъ отвезутъ письмо Ильѣ Даниловичу Милославскому, и тамъ это дѣло такъ и изойдетъ" Міръ двинулся вслѣдъ за Ларіоновымъ и Башмаковымъ, нагнали ихъ, схватили Ларіонова за лошадь и за ноги, и кричали сотскому Григорьеву: „Возьми у него письмо, а не возьмешь, то прибьемъ тебя каменьями". Григорьевъ вырвалъ письмо у Ларіонова; толпа окружила сотскаго и двинулась назадъ на Лубянку къ церкви преподобнаго Ѳеодосія; Ногаевъ велъ Григорьева за воротъ. Когда пришли всѣ къ церкви, Ногаевъ всталъ на лавку и читалъ письмо всѣмъ вслухъ и прибавилъ, что надобно за это всѣмъ стоять. Съ Лубянки пошли къ земскому двору, поставили и тутъ скамью, взвели на нее Григорьева и велѣли ему читать письмо, но онъ отказался; тогда опять началъ читать Ногаевъ, а на другую сторону читалъ какой-то подъячій. Григорьевъ воспользовался этимъ временемъ и отошелъ въ сторону, велѣвъ взять письмо у подъячаго десятскому своей сотни Лучкѣ Жидкому; но міръ не хотѣлъ разстаться съ письмомъ, и, окруживъ Жидкаго, повелъ его въ Коломенское, къ государю.

---

[1] Mayerberg, Jter., p. 179; Акты арх. эксп. IV, 193; Катошихинъ, стр. 79 и слѣд.

Царь былъ у обѣдни, празднуя рожденіе дочери: взглянувъ въ окно, онъ увидалъ, что толпы народа идутъ въ село и на дворъ, безоружныя, но съ крикомъ и шумомъ, повторяя имена Милославскихъ и Ртищева. Государь догадался въ чемъ дѣло, велѣлъ Милославскимъ и Ртищеву спрятаться въ комнатахъ царицы и царевенъ, а самъ остался въ церкви дослушивать обѣдню. Царица, царевичи и царевны сидѣли, запершись, въ хоромахъ ни живы, ни мертвы отъ страха. Гилевщики не дали царю дослушать обѣдни: они подошли къ дворцу; впереди шелъ Лучка Жидкій и несъ въ шапкѣ письмо, найденное на Лубянкѣ. Государь вышелъ на крыльцо; Нижегородецъ Мартынъ Жердинскій взялъ у Жидкаго шапку съ письмомъ и поднесъ царю, говоря: „Изволь, великій государь, вычесть письмо передъ міромъ, а измѣнниковъ привесть передъ себя".—„Ступайте домой", отвѣчалъ царь, „а я, какъ только отойдетъ обѣдня, поѣду въ Москву и въ томъ дѣлѣ учиню сыскъ и указъ". Но гилевщики держали его за платье, за пуговицы и говорили: „Чему вѣрить?" Царь обѣщался Богомъ, далъ на своемъ словѣ руку, и когда одинъ изъ гилевщиковъ ударилъ съ нимъ по рукамъ, то всѣ спокойно отправились въ Москву; государь не велѣлъ ихъ трогать, хотя и было у него войско; онъ пошелъ назадъ въ церковь дослушивать обѣдню, а въ Москву передъ собою послалъ боярина князя Ивана Андреевича Хованскаго. Здѣсь другая толпа гилевщиковъ занималась грабежемъ Шоринова дома. Старикъ Шоринъ успѣлъ скрыться въ Кремлѣ, въ домѣ князю Черкасскаго; но мятежники захватили молодаго пятнадцатилѣтняго сына его, который долженъ былъ служить свидѣтелемъ противъ отца, долженъ былъ разсказывать, что отецъ его бѣжалъ въ Польшу съ боярскими грамотами. Въ это время пріѣзжаетъ Хованскій и начинаетъ уговаривать, чтобъ прекратили смуту и не грабили ни чьихъ домовъ, что нынче же пріѣдетъ самъ царь для сыску; но ему въ отвѣтъ закричали: „Ты, бояринъ, человѣкъ добрый, и службы твоей къ царю противъ Польскаго короля много, намъ до тебя дѣла нѣтъ, но пусть царь выдастъ головою измѣнниковъ бояръ, которыхъ мы просимъ." Хованскій отправился назадъ въ Коломенское, и вслѣдъ за нимъ туда же двинулась толпа, везя съ собою на телѣгѣ молодаго Шорина. За городомъ встрѣтились они съ первыми гилевщиками, шедшими уже изъ Коломенскаго, и уговорили ихъ возвратиться назадъ; солдаты также пристали къ нимъ; встрѣтили боярина Семена Лукьяновича Стрѣшнева и погнались за нимъ съ палками: тотъ едва ушелъ отъ нихъ за рѣку. Царь садился уже на лошадь, чтобъ ѣхать въ Москву, когда гилевщики подвели къ нему молодаго Шорина, и тотъ началъ выкрикивать заученную сказку, что отецъ его отправился въ Польшу съ боярскими грамотами. Когда мальчикъ кончилъ, въ толпѣ раздались крики: „Выдай измѣнниковъ!" — „Я—государь," отвѣчалъ Алексѣй Михайловичъ, „мое дѣло сыскать и наказанье учинить, кому доведется по сыску, а вы ступайте по домамъ; дѣла такъ не оставлю, въ томъ жена и дѣти мои поруками." Но крики не прекращались: „Не дай намъ погибнуть напрасно!" кричали одни; „буде добромъ тѣхъ бояръ не отдашь, то мы станемъ брать ихъ у тебя сами, по своему обычаю!" кричали другіе, махая палками. Тутъ Алексѣй Михайловичъ обратился къ стоявшимъ около него стрѣльцамъ и придворнымъ, и велѣлъ двинуться на гилевщиковъ, которые, пришедши вовсе не затѣмъ, чтобъ сражаться, побѣжали врознь; ихъ начали хватать, нѣкоторые защищались, но напрасно; человѣкъ сто утонуло въ рѣкѣ, больше 7,000 было перебито и переловлено, тогда какъ настоящихъ гилевщиковъ было не больше 200 человѣкъ, остальные пришли изъ любопытства посмотрѣть, что будетъ дѣлаться. Перехватанныхъ отвезли въ монастырь къ Николѣ на Угрѣшу и тамъ разспрашивали. Главнаго заводчика, кто написалъ письмо и приклеилъ, не нашли, и наказывали тѣхъ, кто болѣе другихъ участвовалъ въ гилѣ, волею или неволею: вѣшали, рѣзали ноги, руки и ссылали въ дальніе города [1]).

Москва утихла; но жалобы на мѣдныя деньги продолжались: воеводы доносили, что должники приносятъ къ нимъ въ съѣзжую избу мѣдныя деньги для платежа заимодавцамъ, а тѣ не берутъ безъ царскаго указа, просятъ серебряныхъ. Наконецъ въ 1663 году вышелъ указъ: въ Москвѣ, Новгородѣ и Псковѣ денежнаго мѣднаго дѣла дворы отставить, а старый денежный серебрянаго дѣла дворъ въ Москвѣ завести, и серебряныя деньги на немъ дѣлать съ 15 іюня; а жалованье всякихъ чиновъ служивымъ людямъ давать серебряными деньгами, въ казну таможенную пошлину и всякіе денежныя доходы брать серебряными деньгами, также и въ рядахъ торговать всяки товарами на серебряныя деньги, а мѣдныя отставить. Мѣдныя деньги во всѣхъ Приказахъ, что ни есть на лицо, по 15 іюня переписать и запечать, и держать до указу, а въ расходъ не давать; частнымъ людямъ велѣно мѣдныя деньги сливать. Но послѣднее не было исполнено: указъ 20 января 1664 года говоритъ: „Въ Москвѣ и разныхъ городахъ объявляются мѣдныя деньги портучены (натерты ртутью), а иныя посеребрены и полужены. Государь подтверждаетъ приказаніе не держать мѣдныхъ денегъ подъ страхомъ жестокаго наказанія, разоренья и ссылки въ дальніе города". Новгородскій воевода, князь Иванъ Борисовичъ Репнинъ, получилъ въ 1663 году отъ государя похвалу за то, что разсмотрѣніемъ своимъ для бѣдныхъ людей всякимъ хлѣбнымъ и съѣстнымъ запасамъ положилъ уставную цѣну и запретилъ перекупщикамъ покупать прежде мірскихъ людей, отчего запасы начали быть дешевы. Говорятъ, что за порчу денегъ переказнено было больше 7,000 человѣкъ, да больше 15,000 наказано отсѣченіемъ рукъ, ногъ, ссылкою, отобраніемъ имѣнія въ казну. Царица отъ испуга во время коломенскаго гиля лежала больна больше году [1]. Такъ печально кончилась первая попытка помочь разстроенному состоянію финансовъ выпускомъ своего рода государственныхъ кредитныхъ билетовъ, ибо что же такое были эти мѣдныя деньги съ нарицательною цѣною серебряныхъ? Мы видѣли, что Полтавскій полковникъ Пушкарь объяснилъ, въ чемъ дѣло. Когда Выговскій, не понимая или не желая понимать значенія мѣдныхъ денегъ, спрашивалъ: „Что это за деньги? какъ ихъ брать?"—то Пушкарь отвѣчалъ: „Хотябы великій государь изволилъ нарѣзать бумажныхъ денегъ и прислать, а на нихъ будетъ великаго государя имя, то я радъ его государево жалованье принимать". При благопріятныхъ для государства обстоятельствахъ кредитъ былъ силенъ и мѣдныя деньги держались два года; начали падать съ сентября 1658 года, т. е. съ измѣны Выговскаго, которая затянула войну. Тяжелый ударъ мѣднымъ деньгамъ былъ нанесенъ, когда въ Малороссіи стали смотрѣть на нихъ, какъ смотрѣлъ Выговскій, а не какъ смотрѣлъ Пушкарь,—перестали брать ихъ у московскихъ ратныхъ людей; а другой окончательный ударъ нанесли воровскія деньги.

---

[1]) Архивъ мин. юстиц. – столбцы Приказнаго стола, № 1477; Катошихинъ.

Извнѣ тяжкая, неудачная, разорительная война, которой и конца было не видно, внутри бѣдствія физическія, истомленія народа, его вопль и волненія—и къ этому еще соблазнительная, небывалая вражда царя съ патріархомъ:—вражда Алексѣя Михайловича съ Никономъ, собиннымъ его пріятелемъ! Мы видѣли, что въ началѣ войны эта собинная дружба была во всей силѣ: самые видные, заслуженные, близкіе къ царю бояре, съ благоговѣніемъ преклонялись предъ могущественнымъ патріархомъ, просили его заступленія въ случаѣ неудачи своихъ дѣйствій. Патріархъ принималъ живое участіе въ предпріятіи, по характеру своему сильно увлекся успѣхомъ и поощрялъ царя къ дальнѣйшимъ замысламъ. Во время моровой язвы Никонъ находился при семействѣ царскомъ и привезъ его въ Вязьму, гдѣ находился Алексѣй Михайловичъ. Никонъ писался великимъ государемъ. Такимъ образомъ, опять явилось въ Московскомъ государствѣ два великихъ государя. Титулъ этотъ носилъ патріархъ Филаретъ, но не какъ патріархъ, а какъ отецъ царскій и соправитель; всѣ очень хорошо помнили, что это не былъ пустой титулъ у Филарета; а теперь Никонъ получаетъ этотъ титулъ уже какъ патріархъ, слѣдовательно власть патріаршеская приравнивается къ царской. Тонъ грамотъ Никона прямо указывалъ на двоевластіе; напримѣръ: „Отъ великаго государя, святѣйшаго Никона, патріарха Московскаго и всея Руссіи, на Вологду, воеводѣ князю Ухтомскому. Указалъ государь царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ всея Руссіи, и мы, великій государь, со всѣхъ монастырей быть, для его государевы службы подъ Смоленской, подводѣ съ телѣгами, съ проводниками, и прислать къ государю подъ Смоленскъ. А одноличено тебѣ государева нашего указу въ оплошку не поставить, собравъ подводы съ телѣгами и съ проводниками, прислать къ нимъ, къ Москвѣ тотчасъ" [2]. Когда великій государь царь былъ въ походѣ, великій государь патріархъ управлялъ государствомъ изъ Москвы. Походы, дѣятельность воинская и полная самостоятельность въ челѣ полковъ развили царя, закончили его возмужалость; благодаря новой сферѣ, новой дѣятельности, въ короткое время было пережито много, явились новыя привычки, новые взгляды. Великій государь возвращается въ Москву и застаетъ тамъ другого великаго государя, который въ это время, будучи неограниченнымъ правителемъ, также развился вполнѣ относительно своего характера, взглядовъ и пріемовъ... Никонъ не былъ изъ числа тѣхъ людей, которые умѣютъ останавливаться, не доходить до крайности, умѣренно пользоваться своею властію. Природа, одаривъ его способностію пробиваться впередъ, пріобрѣтать вліяніе, власть, не дала ему нравственной твердости умѣрять порывы страстей; образованіе, котораго ему тогда негдѣ было получить, не могло въ этомъ отношеніи помочь природѣ; наконецъ необыкновенное счастіе разнуздало его совершенно,—и непріятныя стороны его характера выступили рѣзко наружу. Званіе патріарха, которое для природы болѣе мягкой служило бы сильною нравственною сдержкою, заставляя быть постоянно образцомъ стаду, при жесткой природѣ Никона, уничтожало всякую сдержку; ибо все вниманіе его было обращено на права высшаго пастыря, высшаго истолкователя божественнаго закона, и въ этомъ значеніи онъ считалъ для себя все позволеннымъ; при недостаткѣ христіанскаго начала, духа кротости и смиренія, обстановка святительской власти, глубокое уваженіе со стороны царя и всѣхъ подражавшихъ царю (а такихъ, разумѣется, было очень много), легко отуманили Никона, заставили его дѣйствительно считать себя вязателемъ и рѣшителемъ во всѣхъ дѣлахъ, обладающимъ высшими духовными дарами. Наконецъ обратимъ вниманіе на время, на общество, общество крайне юное, представлявшее такъ мало нравственныхъ сдержекъ для всякаго сильнаго, гдѣ всякій сильный такъ легко увлекался своимъ положеніемъ и считалъ себѣ все позволеннымъ въ отношеніи къ менѣе сильнымъ, гдѣ природа самая мягкая, самая человѣчная, какая, напримѣръ, была у царя Алексѣя Михайловича, не могла удерживать отъ поступковъ, кажущихся теперь намъ очень непривлекательными; что же позволяли себѣ люди съ природою болѣе жестокою, когда праву сильнаго *смирять* подчиненныхъ не поставлялось границъ, когда это *смиреніе* обыкновенно было непосредственно, и сила его зависѣла отъ силы волненія, происходившаго въ душѣ разгнѣваннаго смирителя? Эта же юность общества, недостатокъ образованія развитіемъ ума, сдерживающаго порывы чувствъ, охлаждающаго человѣка, дающаго ему ровность въ дѣйствіяхъ,—эта же юность общества и недостатокъ образованія производили шаткость, отсутствіе послѣдовательности, крутые переходы, сильное паденіе: все это мы увидимъ въ Никонѣ.

---

[1] Архивъ мин. ин. д.; приказныя дѣла 1663 года, № 7, 122, 123, 238; 1664 года, № 15; Катошихинъ.

[2] Акты арх. эксп. IV; № 71.

Мы видѣли, что Никонъ, благодаря своему характеру, давно уже успѣлъ нажить себѣ враговъ между вельможами, и царь Алексѣй долженъ былъ умолять еще Новгородскаго митрополита сдерживать свое властелинство. Но возведеніе на патріаршество съ условіемъ повиновенія отъ возводившихъ, размѣры политическаго вліянія, уступленнаго царемъ патріарху, и наконецъ правительство во время отсутствія царя развили это властелинство до высшей степени и необходимо должны были вести къ столкновеніямъ съ вельможами, къ столкновенію съ самимъ царемъ, который нашелъ перемѣну въ своемъ собинномъ пріятелѣ, и тѣмъ легче нашелъ ее, что въ немъ самомъ произошла перемѣна, что онъ на многое сталъ теперь смотрѣть иначе. Всякій, кто считалъ себя въ правѣ на какую-нибудь власть, на какое-нибудь вліяніе, необходимо сталкивался съ Никономъ, который не любилъ обращать вниманія на чужія права и притязанія, который считалъ для себя унизительнымъ и ненужнымъ пріобрѣтать союзниковъ, который не боялся и презиралъ враговъ. Сама царица, родственники ея, Милославскіе, родственники государя по матери, Стрѣшневы, и всѣ другіе приближенные вельможи сдѣлались врагами Никона. Къ нимъ пристали и духовныя значительныя лица, оскорбленныя властелинствомъ, крутостію нрава Никона, жестокостію наказаній, которымъ онъ подвергалъ виновныхъ. Наконецъ Никонъ возбудилъ противъ себя сильное негодованіе исправленіемъ книгъ и наказаніями, которымъ подвергались люди, не хотѣвшіе принять этихъ исправленій.

Мы уже упоминали о неудовольствіяхъ, возбужденныхъ новизнами, вводимыми будто Морозовымъ, Ртищевымъ, Никономъ. Мы видѣли также, что подобныя новизны, или, по крайней мѣрѣ, попытки къ нимъ, начались уже давно; сначала, при Іоаннѣ III, сынѣ его Василіи, видимъ страдательное пользованіе чужимъ знаніемъ, искусствомъ, видимъ вызовъ иностранныхъ мастеровъ. Іоаннъ IV хочетъ сдѣлать этотъ вызовъ въ болѣе широкихъ размѣрахъ, и помѣха его желанію, сдѣланная Ливонцами, ведетъ естественно къ мысли о необходимости непосредственнаго сообщенія съ Западною Европою, о необходимости пріобрѣтенія Балтійскихъ береговъ, для чего начинается Ливонская война. Несчастный исходъ этой войны еще болѣе убѣждаетъ въ необходимости сближенія съ Западною Европою; при Годуновѣ являются иностранныя дружины и слышатся жалобы на пристрастіе Русскихъ къ иностраннымъ обычаямъ, на потаковничество царя этому пристрастію; Русскіе люди отправляются учиться за-границу; Лжедимитрій затѣваетъ преобразованія въ широкихъ размѣрахъ, но гибнетъ; смута останавливаетъ движеніе къ новому, особенно когда приверженцы новаго явились по преимуществу въ Тушинскомъ станѣ и потомъ подъ Смоленскомъ у Польскаго короля, когда противъ нихъ направилось народное возстаніе, восторжествовавшее во имя своей, отцовской вѣры. Но какъ скоро смута утихла, стремленіе ко введенію западныхъ новизнъ усиливается все болѣе и болѣе: русскія войска устраиваются на иностранный образецъ; происходитъ небывалый наплывъ иностранцевъ въ Москву; иностранные мастера заводятъ производства свои, получаютъ привилегіи съ условіемъ учить Русскихъ людей: пользованіе плодами цивилизаціи изъ чужихъ рукъ стремится стать болѣе дѣятельнымъ. Но если правительство, если люди, обладавшіе болѣе широкимъ взглядомъ, чувствовали необходимость новаго, необходимость преобразованій, и шли къ нимъ, разумѣется, сперва ощупью, колеблющимися шагами, то въ этомъ движеніи своемъ они должны были встрѣтить сильныя препятствія, сильныхъ и многочисленныхъ противниковъ. Эти препятствія происходили естественно отъ долговременнаго застоя, отъ долговременной особной жизни Русскихъ людей вдали отъ общества другихъ образованныхъ народовъ, отъ недостатка внутренняго движенія. Горизонтъ русскаго человѣка былъ до крайности тѣсенъ, жизнь проходила среди немногочисленнаго ряда неизмѣнныхъ явленій; эта неизмѣняемость явленій необходимо приводила къ мысли о ихъ вѣчности, божественномъ освященіи, они получали религіозный характеръ, религіозную неприкосновенность; измѣненіе ихъ считалось дѣломъ грѣховнымъ: такъ жили дѣды и отцы, измѣненіе ихъ образа жизни есть грѣховное оскорбленіе ихъ памяти. Постоянная неподвижность внѣшнихъ, окружающихъ явленій давитъ духъ человѣка, отнимаетъ у него способность къ движенію, къ стремленію возобладать надъ окружающимъ міромъ и измѣнять его согласно съ своими потребностями; напротивъ, здѣсь внѣшній окружающій міръ господствуетъ надъ человѣкомъ, принимаетъ для него религіозное значеніе. Такова обыкновенно бываетъ жизнь сельскаго народонаселенія, которое потому такъ упорно держится стараго, такъ тяжело на подъемъ; здѣсь все новое, каждое измѣненіе является чѣмъ-то страшнымъ, враждебнымъ, грѣховнымъ, является произведеніемъ высшихъ, таинственныхъ и враждебныхъ силъ. Въ обществѣ развитомъ начало движенія представляется городомъ: здѣсь человѣкъ безпрерывно сталкивается съ новыми людьми, съ новыми родами дѣятельности, чрезъ это горизонтъ его расширяется, онъ привыкаетъ къ перемѣнѣ, перестаетъ бояться новизны и начинаетъ упражнять свои духовныя силы, выказывать свое господство надъ веществомъ, измѣняя его, выказывать свое господство надъ силами природы, заставляя ихъ служить себѣ, тогда какъ въ сельской жизни, въ занятіяхъ земледѣльческихъ человѣкъ особенно чувствуетъ могущество силъ природы, находится подъ ихъ вліяніемъ. Но въ Московскомъ государствѣ городъ не могъ имѣть такого значенія, какое онъ имѣлъ въ Западной Европѣ, не могъ представлять въ такой степени начала движенія, развитія. Московское государство было государство сельское, въ противоположность западнымъ, поморскимъ государствамъ, государствамъ городскимъ по преимуществу: въ немъ городъ былъ большое огороженное село, и земледѣліе принадлежало къ числу занятій городскихъ жителей; промышленность мануфактурная была на низкой ступени развитія, торговля очень слаба,—мы видѣли, какъ русскіе купцы объявляли, что имъ не стянуть съ иностранными, которые и богаче и ловчѣе ихъ, умѣютъ дѣйствовать вмѣстѣ, заодно. Такимъ образомъ, сельскій бытъ со всѣми его неблагопріятными для развитія условіями преобладалъ въ Московскомъ государствѣ. Отсюда понятно, почему введеніе новизнъ должно было такъ сильно взволновать общество: самая продолжительность застоя необходимо условливала силу упора противъ перемѣны, а сила упора, въ свою очередь, условливала силу противоположнаго стремленія, условливала тотъ переворотъ, къ которому мы приближаемся въ своемъ разсказѣ.

Если въ обществѣ, подобномъ русскому XVII вѣка, вообще вся внѣшняя обстановка жизни, вслѣдствіе долговременной неизмѣняемости своей, пользуется религіознымъ уваженіемъ; если считается грѣхомъ прикоснуться къ ней, измѣнить, исправить: то понятно, что еще болѣе грѣховнымъ должно являться покушеніе произвести перемѣну во внѣшней обстановкѣ религіи, въ обрядѣ богослужебномъ. При отсутствіи просвѣщенія, дающаго возможность различать существенное отъ несущественнаго, перемѣна во внѣшнемъ, могущемъ измѣняться, кажется измѣненіемъ существеннаго, измѣненіемъ религіи: мысль, что перемѣна есть исправленіе, не допускается: предки, Святые отцы такъ молились и спаслись, угодили Богу, прославились чудесами, а теперь говорятъ, что надобно молиться не такъ; говорятъ, что Святые молились не такъ, какъ надобно! Легко понять, какъ долженъ былъ встревожиться древній Русскій человѣкъ при такихъ новизнахъ, или новшествахъ, по тогдашнему выраженію; легко понять, что первою мыслію многихъ было: надобно стоять за вѣру, преданную отцами! Недавно Русская Земля собиралась противъ Литвы изъ страха, что королевичъ Литовскій истребитъ вѣру православную, а теперь свои задумали перемѣнить вѣру, вводятъ иное; но иное въ вѣрѣ, новое, чужое представлялось не иначе, какъ латинскимъ:—и вотъ мысль, что хотятъ у Русскихъ людей отнять православіе, ввести латинскія новшества, что надобно пострадать за вѣру, какъ страдали древніе Святые мученики. „Намъ, всѣмъ православнымъ христіанамъ, подобаетъ умирати за единъ азъ, его же окаянный врагъ выбросилъ изъ Символа тамъ, идѣже глаголется о Сынѣ Божіи Іисусѣ Христѣ: „рожденна, а не сотворенна"; велика зѣло сила въ семъ азъ сокровенна" [1]. Но древніе мученики страдали, и страданія ихъ повели къ торжеству вѣры Христовой; что же такое теперь: зачѣмъ опять необходимость страданій? Откровеніе Богослова говоритъ, что въ послѣднія времена встанетъ страшный гонитель врагъ Христа, антихристъ, который будетъ отводить отъ истинной вѣры и мучить неповинующихся ему. Извѣстно, какую силу имѣютъ апокалипсическія представленія надъ людьми, у которыхъ наука не умѣряетъ еще излишней живости воображенія: при каждой важной перемѣнѣ, борьбѣ, бѣдствіи имъ уже кажется, что наступаютъ послѣднія времена Извѣстно, какое одушевленіе сообщается человѣку убѣжденіемъ, что онъ живетъ во времена, изображенныя въ таинственной книгѣ Богослова; что борьба, которую ведетъ онъ, должна скоро окончиться торжествомъ Агнца и всѣхъ вѣрныхъ ему. Протестанты, въ борьбѣ своей съ католицизмомъ, одушевлялись мыслію, что ратуютъ противъ апокалипсическаго Вавилона—Рима, противъ антихриста — папы. У насъ, въ Западной Россіи, когда тотъ же Римъ сдѣлалъ попытку посредствомъ уніи отторгнуть Русскую Церковь отъ Восточной, явилось немедленно представленіе объ антихристовскихъ временахъ. Наконецъ въ Московскомъ государствѣ, когда произошло исправленіе книгъ и, вслѣдъ затѣмъ, начались важныя перемѣны гражданскія, испуганному воображенію приверженцевъ старины сейчасъ же представились времена, изображенныя въ Апокалипсисѣ, представились дѣйствія антихриста. Вслѣдствіе вліянія западно-русской литературы, возникшей во времена уніи, явилось представленіе о трехъ эпохахъ антихристовыхъ: первая эпоха—отпаденіе Рима папскаго отъ православія, вторая—отпаденіе Западной Россіи въ унію, третья—отпаденіе Восточной Россіи отъ православія вслѣдствіе перемѣнъ церковныхъ и гражданскихъ. Всѣ эти представленія, какъ ни легко рождались они при тогдашнемъ состояніи умовъ въ Московскомъ государствѣ,—всѣ эти представленія не могли бы однако имѣть такой силы, произвести расколъ, если бы всѣ пастыри Церкви, все священство, по образованію своему, сознавало законность перемѣнъ и умѣло истолковать паствѣ, что перемѣны суть исправленія, возвращенія къ древней правильности. Но между священниками, даже самыми видными, значительными, между монахами, привлекавшими общее вниманіе подвижничествомъ, даже между архіереями нашлись люди, которые взглянули на церковныя новизны, исправленія, какъ на нарушенія истинной вѣры, и такимъ образомъ дали вождей, опору движенію, направленному противъ преобразованій, противъ науки. Страсти человѣческія, разумѣется, какъ вездѣ, такъ и здѣсь, оказали могущественное вліяніе. Стремленіе къ просвѣщенію, къ новизнамъ, къ преобразованіямъ преимущественно обнаруживалось въ молодомъ поколѣніи. Молодые люди, пріобрѣтя свѣдѣнія, необходимо начинали указывать на неправильности, толковать объ исправленіяхъ, необходимо становились учителями. Кого же они учили?—людей старыхъ, сановитыхъ, привыкшихъ считать свой авторитетъ неоспоримымъ, привыкшихъ быть учителями; а теперь они видятъ, что яица курицу учатъ, поднимаютъ голосъ люди молодые потому только, что выучились грамматикѣ у малороссійскихъ монаховъ. Это оскорбляетъ стариковъ, они начинаютъ вооружаться противъ новыхъ мнѣній, противъ науки, которая вводитъ вредныя новизны и побуждаетъ молодыхъ людей вооружаться противъ старшихъ. Молодые, видя упорство стариковъ, теряютъ къ нимъ всякое уваженіе и, чтобъ поколебать ихъ авторитетъ и укрѣпить свой, клеймятъ ихъ невѣждами, не понимающими дѣла: самолюбія въ схваткѣ, борьба разгорается.

---

[1] Правосл. Собесѣдникъ 1859 года. статья: *Діаконъ Ѳеодоръ.*

Мы видѣли, какъ шло дѣло исправленія церковныхъ книгъ при царѣ Михаилѣ, какимъ гоненіямъ подверглись исправители, и какъ они, въ свою очередь, отплачивали гонителямъ выходками противъ ихъ невѣжества. Исправленіе продолжалось, ибо нельзя было печатать книгъ, не исправивши, не приведши текста къ единству; но гдѣ было взять исправителей? Вслѣдствіе недостатка учености, явилась возможность посредствомъ видимаго исправленія вносить искаженія въ книги, что и было сдѣлано при патріархѣ Іосифѣ исправителями: Степаномъ Вонифатьевымъ, Благовѣщенскимъ протопопомъ и духовникомъ царскимъ; Иваномъ Нероновымъ, ключаремъ Успенскаго собора, потомъ протопопомъ Казанскаго—въ Москвѣ; Ѳедоромъ, дьякономъ Благовѣщенскаго собора; Аввакумомъ, протопопомъ Юрьевца-Повольскаго; Лазаремъ, священникомъ Романовскимъ; Никитою, священникомъ Суздальскимъ; Логгиномъ, протопопомъ Муромскимъ; Даниломъ, протопопомъ Костромскимъ, и другими. Они внесли въ церковыя книги утвердившееся еще въ XVI вѣкѣ и внесенное въ Стоглавъ ученіе о сугубой аллилуія, о двуперстномъ сложеніи для крестнаго знаменія, которое такимъ образомъ и сдѣлалось господствующимъ въ Московскомъ государствѣ. Патріархъ Іосифъ крестился двумя перстами: Никонъ, будучи митрополитомъ Новгородскимъ и въ началѣ патріаршества, крестился такъ-же.

Но эти самые исправители, которыхъ обыкновенно считаютъ начальниками раскола, были въ свое время людьми передовыми, требовали преобразованій, улучшеній и, въ свою очередь, терпѣли нареканія, какъ нововводители. Мудреный вопросъ о книжномъ исправленіи не могъ быть доступенъ многимъ; но лучшимъ людямъ бросался въ глаза страшный безпорядокъ въ богослуженіи; въ одно время въ церквахъ пѣли и читали въ два, три и нѣсколько голосовъ, такъ что ничего нельзя было разобрать. Ртищевъ сильно хлопоталъ объ уничтоженіи этого соблазна, говорилъ патріарху Іосифу, архіереямъ, боярамъ; помощникомъ ему былъ протопопъ Иванъ Нероновъ, который уговаривалъ священниковъ московскихъ ввести единогласіе. Наконецъ оно было введено; вызваны пѣвчіе изъ Малороссіи; оттуда же, благодаря Ртищеву и его андреевскимъ старцамъ, явился въ Москвѣ обычай проповѣди, неслыханный прежде здѣсь. Но мы уже видѣли, какъ нѣкоторые смотрѣли на дѣятельность Ртищева, какъ смотрѣли на малороссійскихъ монаховъ и вводимую ими науку, какъ смотрѣли на тѣхъ, которые для усовершенствованія въ наукѣ отправлялись въ Кіевъ. Новшества—единогласное пѣніе и проповѣдь—возбудили такъ-же негодованіе: Никольскій попъ Прокофій, гдѣ ни сойдется съ Гавриловскимъ попомъ Иваномъ, такъ начнетъ говорить ему: „Заводите вы, ханжи, ересь новую, единогласное пѣніе, да людей въ церкви учить, а мы прежде людей въ церкви не учивали, учивали ихъ втайнѣ, бѣса вы имате въ себѣ, всѣ ханжи, и протопопъ Благовѣщенскій такой же ханжа!“ 11 февраля 1651 года собрались священники въ сѣняхъ тіунской избы, и начался у нихъ споръ о единогласіи: Лукинскій попъ Савва съ товарищами кричалъ: „Мнѣ къ выбору объ единогласіи руки не прикладывать, напередъ бы велѣли руки прикладывать о единогласіи боярамъ и окольничимъ: любо-ль имъ будетъ единогласіе?“ Гавриловскій попъ Иванъ возражалъ: „Вы презираете изволеніе Божіе, правила Св. Отецъ, уставъ, государево повелѣніе и святительское благословеніе.“—„Ты ханжа, мальчишка“, кричали ему противники, „ты уже былъ у патріарха въ смиреніи, будешь и еще; а намъ хотя умереть, а къ выбору о единогласіи рукъ не прикладывать“ [1].

Ртищеву помогалъ Нероновъ; Степанъ Вонифатьевъ дѣйствовалъ такъ-же съ ними заодно, потому что приверженцы старины и его называютъ ханжею. Но былъ вопросъ, въ которомъ Вонифатьевъ и Нероновъ съ товарищами сильно расходились съ ртищевскими Малороссіянами, съ Епифаніемъ Славеницкимъ и товарищами его: этотъ вопросъ былъ объ исправленіи книгъ. Ученый Епифаній видѣлъ искаженія, которыя вносились въ книги невѣжественными издателями, и не молчалъ; приверженцы старины жаловались, что ученики кіевскихъ старцевъ ни во что ставятъ благочестивыхъ протопоповъ Ивана, Степана и другихъ. Въ такомъ натянутомъ положеніи находились дѣла, когда на патріаршескій престолъ вступилъ Никонъ. Вонифатьевъ и Нероновъ съ товарищами не имѣли причины опасаться новаго патріарха, который былъ очень друженъ съ ними, когда былъ игуменомъ, архимандритомъ и митрополитомъ Новгородскимъ, часто пріѣзжалъ на домъ къ духовнику и попріятельски обо всемъ съ нимъ совѣтовался; о книгахъ вопросъ не поднимался. Никонъ, подобно всѣмъ исправителямъ, крестился двумя перстами; что же касается до введенія порядка въ богослуженіи, то Никонъ не отставалъ отъ московскихъ ревнителей, если и не опережалъ ихъ, будучи митрополитомъ Новгородскимъ. Но черезъ годъ съ чѣмъ-нибудь по вступленіи Никона на патріаршество, отношенія перемѣнились. По указаніямъ Славеницкаго, греческаго духовенства и по собственному изслѣдованію Никонъ убѣдился, что книги испорчены. Но легко понять, какъ этимъ убѣжденіемъ оскорблялось самолюбіе исправителей, являвшихся теперь исказителями. Никонъ не обратилъ вниманія на ихъ оскорбленное самолюбіе. Во дворцѣ, въ присутствіи царя (въ концѣ 1653 или самомъ началѣ 1654 г). патріархъ держалъ соборъ, указалъ разности въ печатныхъ русскихъ книгахъ съ греческими и древними рукописями славянскими, и предложилъ вопросъ: „Слѣдовать ли новымъ нашимъ печатнымъ служебникамъ, или греческимъ и нашимъ старымъ?“ Большинство отвѣчало утвердительно на вторую часть вопроса; но прямо воспротивился этому рѣшенію Коломенскій епископъ Павелъ и старые исправители съ нѣкоторыми другими духовными лицами; Вонифатьевъ впрочемъ уклонился и остался на прежнемъ мѣстѣ; но Нероновъ съ товарищами и епископъ Павелъ сильно упорствовали, и были сосланы. Дѣло исправленія было поручено Епифанію съ товарищами и греческому монаху Арсенію, вызванному Никономъ изъ Соловокъ, куда онъ былъ сосланъ, какъ человѣкъ, получившій образованіе въ латинскихъ, западныхъ училищахъ и принимавшій временно латинство, чтобъ быть допущеннымъ въ эти училища. Соборъ греческихъ архіереевъ въ Константинополѣ подтвердилъ рѣшеніе Московскаго. Въ Москвѣ думали, что древнихъ греческихъ и славянскихъ книгъ, находившихся въ Россіи, еще мало, и потому отправленъ былъ монахъ Арсеній Сухановъ на Аѳонъ и въ другія мѣста для пріобрѣтенія греческихъ рукописей. Арсеній, ревностный старовѣръ [1]), содѣйствовалъ однако дѣлу исправленія, привезши до 500 рукописей, греческіе архіереи прислали не менѣе 200. Пріѣхавшій въ Москву, Антіохійскій патріархъ Макарій вмѣстѣ съ другими восточными архіереями торжественно объявилъ въ Успенскомъ соборѣ, въ Недѣлю Православія, что надобно креститься тремя перстами, и проклялъ тѣхъ, кто крестился двумя. Московскій соборъ 1656 г. подтвердилъ окончательно дѣло.

---

[1] Столбцы Прик. Тайн. Дѣлъ въ Госуд. Архивѣ, № 49.

Но были люди, которые не хотѣли успокоиться на соборныхъ рѣшеніяхъ и свидѣтельствѣ греческихъ архіереевъ. Нероновъ съ товарищами прислали царю челобитную: „Арсеній Грекъ взятъ въ Москвѣ и живетъ у патріарха Никона въ келіи. Никонъ его, врага, свидѣтелемъ поставляетъ, а древнихъ великихъ мужей и Св. Чудотворцевъ свидѣтельство отмѣняетъ. Охъ, увы, благочестивый царю! Стани добрѣ, церковное чадо, и вонми плачу и моленію твоихъ государевыхъ богомольцевъ. И паки молимъ тебя, государь, иностранныхъ иноковъ, ересей вводителей, въ совѣтъ не принимай; зримъ въ нихъ ни едину отъ добродѣтелей: крестнаго знаменія истиннаго на лицѣ вообразить не хотятъ и сложенію перстовъ противятся; на колѣни же поклониться Господеви покоя ради не хотятъ“. Царь не обращалъ вниманія на эти посланія, передавалъ ихъ Никону; но въ народѣ обращали на нихъ большое вниманіе, и мы видѣли, какъ въ 1654 году, во время моровой язвы въ Москвѣ, толпа высказалась противъ Никона и Арсенія Грека. Опасенія потерять правую вѣру предковъ чрезъ новшества и страхъ предъ временами антихристовыми волновали не одни низшіе слои народные. Духовный сынъ Неронова, знатный человѣкъ Плещеевъ, писалъ къ своему духовнику въ мѣсто его заточенія, въ Спасокаменный монастырь: „И мню нѣцыи раздоры внити хощутъ вскорѣ и непокоряющимися бѣды и мученія навестися хощуть... Сбудутся хотящіи быти раздоры, по прорѣченію книги о вѣрѣ, въ ней же пишетъ о отпаденіи запада и отступленіи юнитовъ къ западному костелу, по числу еже отъ антихриста. Повелѣ бо и намъ отъ таковыхъ же винъ опасеніе имѣти егда исполнится отъ воплощенія Сына Божія 1666 лѣтъ... Духъ антихристовъ широкимъ путемъ и пространнымъ, ведущимъ въ погибель, нача крѣпко возмущати истинный корабль Христовъ“ [2]).

Но Плещеевъ съ товарищами напрасно обращался къ Неронову за подтвержденіемъ своихъ страховъ предъ антихристомъ. Московскіе протопопы Нероновъ, Вонифатьевъ не были способны стать въ челѣ раскольническаго движенія, сообщить ему особенную силу. Они сами были люди передовые, и если враждебно отнеслись къ исправленію книгъ и Никону, то вслѣдствіе оскорбленнаго самолюбія, а не изъ фанатической приверженности къ азу; изъ побужденій оскорбленнаго самолюбія Нероновъ готовъ былъ всѣми средствами дѣйствовать противъ Никона и Никоновскаго дѣла, но не былъ способенъ изъ-за аза претерпѣть не только смерти, но и заточенія. Никонъ, съ своей стороны, не относился фанатически къ дѣлу исправленія: онъ былъ способенъ, по своей природѣ, очень жестоко поступить съ тѣми, кто возвышалъ голосъ противъ него, противъ его власти, противъ его дѣла; но какъ скоро эти люди приносили свои вины передъ святѣйшимъ, онъ готовъ былъ на уступки.

---

[1]) Москов. арх. мин. ин. д.; статейные списки Суханова въ Греческихъ дѣлахъ.

[2]) Правосл. Собесѣдникъ 1858 года. Матеріалы для Истор. Рус. раскола.

Благодаря посредничеству духовника Вонифатьева, Нероновъ возвратился въ Москву, объявилъ, что подчиняется рѣшенію вселенскихъ патріарховъ; по просьбѣ самого Неронова, постригшагося въ монахи подъ именемъ Григорія, освобождены были и другіе узники за расколъ; Никонъ, въ знакъ забвенія прошлаго, отдалъ Неронову всѣ письма, которыя они писали на него царю и Вонифатьеву; мало того: патріархъ объявилъ Неронову, что все равно, можно служить и по старымъ служебникамъ, и не обращалъ вниманія на то, что въ самомъ Успенскомъ соборѣ, по увѣщаніямъ Неронова, говорили аллилуіа по дважды. Но эти уступки не могли быть тогда поняты большинствомъ, ибо не могло быть понято самое главное, что дѣло идетъ о внѣшнемъ, несущественномъ; перемѣна относительно двоенія или троенія аллилуіа считалась перемѣною въ вѣрѣ, и потому не могли успокоиться на томъ, что можно исповѣдовать одинаково и правую и неправую вѣру, какъ кому угодно. Вонифатьевъ, Нероновъ могли идти на сдѣлку; но не хотѣли идти на сдѣлку товарищи ихъ—Аввакумъ, Логгинъ, Лазарь, которые, по этой самой неспособности къ сдѣлкамъ, по ревности, не знающей границъ, по готовности умереть за азъ, производили сильнѣйшее впечатлѣніе и пріобрѣтали приверженцевъ дѣлу, имѣвшему такихъ отчаянныхъ бойцовъ. Скоро пріобрѣтенъ былъ новый сильный союзникъ: это былъ монахъ Капитонъ, обращавшій на себя вниманіе необыкновеннымъ постничествомъ, и потому прослывшій праведникомъ. Наконецъ противъ Никоновыхъ новшествъ объявилъ себя одинъ изъ самыхъ знаменитыхъ монастырей. Въ августѣ 1657 года пріѣхалъ въ Холмогоры Софійскаго дома сынъ боярскій съ новыми печатными церковными книгами и съ приказомъ отъ Новгородскаго митрополита Макарія раздавать книги по епархіи. Онъ велѣлъ позвать къ себѣ соловецкаго старца Іосифа, накинулъ на него 18 книгъ и доправилъ денегъ 23 рубля 8 алтынъ двѣ деньги. Іосифъ отослалъ книги въ монастырь. Архимандритъ Илья созвалъ черный соборъ и объявилъ присылку; священники и дьяконы посмотрѣли книги и сказали: „Будемъ служить по старымъ служебникамъ, по которымъ мы сперва учились и привыкли; мы старики, и по старымъ служебникамъ очередей своихъ недѣльныхъ держать не сможемъ, а по новымъ на старости лѣтъ учиться не можемъ же, да и некогда, что и учено было, и того мало видимъ, а по новымъ книгамъ намъ, чернецамъ коснымъ, непереимчивымъ и грамотѣ ненавычнымъ, сколько ни учиться, а не навыкнуть, лучше съ братьею въ монастырскихъ трудахъ быть.“ Тутъ братія закричали: „Если священники станутъ служить по новымъ служебникамъ, то мы отъ нихъ и причащаться не хотимъ; если же на отца нашего, архимандрита Илію, придетъ какая кручина или жестокое повелѣніе, то намъ всею братьею патріарху и митрополиту бить челомъ своими головами, стоять всѣмъ заодно и ни въ чемъ архимандрита не подать“.

Но не всѣ были согласны на это рѣшеніе, или, по крайней мѣрѣ, нѣкоторые отдѣлились впослѣдствіи, и въ 1658 году явилась отъ нихъ грамота къ патріарху: „Бьютъ челомъ и извѣщаютъ богомольцы твои, Соловецкаго монастыря попы: Виталій, Кириллъ, Садокъ, Никонъ, Спиридонъ и Германъ, на архимандрита Илію и его совѣтниковъ. Въ прошломъ 1657 году присланы въ Соловецкій монастырь служебники твоего государева исправленія; архимандритъ Илья принялъ ихъ тайно съ своими совѣтниками, и, не объявя ихъ никому изъ насъ, положилъ въ казенную палату, и лежатъ они тамъ другой годъ непереплетенныя; но когда объ нихъ узнали, то стали между собою говорить: для чего это служебниковъ намъ не покажутъ? И вотъ въ нынѣшнемъ 1658 году, на шестой недѣлѣ Великаго поста, архимандритъ съ своими совѣтниками написали приговоръ о служебникахъ, и, созвавши насъ, всѣхъ поповъ, принудилъ архимандритъ великими угрозами и прещеніемъ прикладывать руки къ своему бездѣльному приговору, складывая смуту и бѣду съ себя на насъ, будто онъ служебники намъ давалъ, а мы у него не приняли; но мы у него служебниковъ просили посмотрѣть, а онъ намъ и посмотрѣть не далъ; меня, попа Германа, дважды плетьми били за то только, что обѣдню пропѣлъ по новымъ служебникамъ. Какъ начали съ Руси въ монастырь пріѣзжать богомольцы и стали зазирать, что въ Соловкахъ служатъ по старымъ служебникамъ, то архимандритъ, услыхавъ это, вымыслилъ новый приговоръ, уже не тайно, а объявилъ всей братіи, что отнюдь нынѣшнихъ служебниковъ не принимать, а намъ, всей братіи, за архимандрита стоять, и, написавъ приговоръ 8 іюня, собралъ онъ всю братію въ трапезу на черный соборъ. Случились въ то время богомольцы разныхъ городовъ и произошелъ шумъ великій; началъ архимандритъ говорить всей братіи со слезами: „Видите, братья, послѣднее время; встали новые учители, отъ вѣры православной и отеческаго преданія насъ отвращаютъ и велятъ намъ служить на ляцкихъ крыжахъ по новымъ служебникамъ. Помолитесь, братія, чтобъ насъ Богъ сподобилъ въ православной вѣрѣ умереть, какъ и отцы наши!“ Тутъ всѣ закричали великими голосами: „Намъ латинской службы и еретическаго чина не принимать, причащаться отъ такой службы не хотимъ, и тебя, отца нашего, ни въ чемъ не выдадимъ.“ Да и все Поморье онъ, архимандритъ, утверждаетъ, по волостямъ монастырскимъ и по усольямъ заказываетъ, чтобъ отнюдь служебниковъ новыхъ не принимали. Мы къ такому приговору рукъ прикладывать не хотѣли,—такъ на насъ архимандритъ закричалъ съ своими совѣтниками, какъ дикіе звѣри: „Хотите латинскую еретическую службу служить! живыхъ не выпустимъ изъ трапезы!“ Мы испугались и приложили руки.

Эта челобитная пришла въ Москву, когда Никону было уже не до Соловокъ. Мы видѣли, сколько вражды накликалъ на себя патріархъ своимъ великимъ государствованіемъ. Враги новшествъ подали государю длинную жалобу на Никона, въ которой они вооружались противъ него не какъ нововводителя только, но какъ противъ дурнаго патріарха: „Прежнія пошлины съ духовенства за рукоположеніе брать онъ не велѣлъ, только новый порядокъ установилъ: ставленикамъ велѣлъ привозить отписки отъ десятильниковъ и отъ поповскихъ старостъ, гдѣ кто въ какой десятинѣ живетъ; за такою отпискою пройдетъ недѣли по двѣ и по четыре, да харчу станетъ рубль и два; пріѣдетъ съ отпискою къ Москвѣ и живетъ здѣсь недѣль по 15 и по 30, и становится поповство рублей по пяти и по шести, кромѣ своего харчу, даютъ посулы архидіакону и дьякамъ; иные волочатся въ Москвѣ недѣль 10 и больше, да отошлетъ ставиться въ Казань. Иные ставленики пропадаютъ и безвѣстно животъ свой мучать въ Москвѣ, къ слушанью ходятъ, да насилу недѣли въ двѣ дождутся слушанья, ждутъ часу до пятаго и до шестаго ночи зимнею порою; побредетъ иной ночью къ себѣ на подворье, да и пропадетъ безъ вѣсти, а нигдѣ на патріарховѣ дворѣ пускать не велѣно. При прежнихъ патріархахъ, кромѣ Іосифа, ставленники всѣ почевали въ хлѣбнѣ, а при Іосифѣ патріархѣ ставленники зимнею порою всѣ дожидались въ крестовой, а почевали въ хлѣбнѣ безденежно; а нынѣ и въ сѣняхъ не велятъ стоять, зимою мучатся на крыльцѣ. При прежнихъ святителяхъ до самыхъ крестовыхъ сѣней и къ казначею, и къ ризничему, и въ Казенный Приказъ рано и поздно ходить было невозбранно; а нынѣ у святителя устроено подобно адову подписанію, страшно приблизиться и ко вратамъ, потому что однѣ ворота и тѣ постоянно заперты. Священники не смѣютъ ходить въ церковь къ благословенію, не то что о невѣдомыхъ вещахъ допросить; только всегда, во всякое время, невозбранно ходятъ къ благословенію жонки да дѣвки: тѣмъ нынѣ время и челобитныя принимаетъ отъ нихъ невозбранно. Нынѣ на Москвѣ вдовые попы служатъ: или они святы стали? Или объ нихъ знаменіе съ небеси было? А бѣднымъ сельскимъ запрещено, иной останется съ сиротами, съ пятью, шестью, и больше, сами и землю пашутъ. Патріаршая область огромная: иныя мѣста на 800 верстъ отъ Москвы, и прежде попы отсюда ставились у ближнихъ архіереевъ; патріархъ Іосифъ это запретилъ, желая собрать себѣ имѣніе, и теперь такъ остается. Іосифъ же попамъ перехожихъ грамотъ давать не велѣлъ по городамъ съ десятильническихъ дворовъ, а велѣлъ давать на Москвѣ изъ Казеннаго Приказа, хотя обогатить дьяка своего Ивана Кокошилова да подъячихъ. Перехожая становилась иному беззаступному попу рублей въ 6, 7, 10 и 15, кромѣ своего харчу, волочились недѣль по 20 и по 30, а иной бѣдный человѣкъ поживетъ на Москвѣ недѣль 10 и больше, да проѣстъ рублей 5—6 и больше. и уѣдетъ безъ перехожей: многіе по два и по три раза для перехожихъ въ Москву пріѣзжали, а безъ нихъ попадья и дѣти ихъ скитаются межъ дворовъ. Святитель Никонъ всего этого очень держится, а въ правилахъ написано отъ церкви къ церкви не переходить. И священники отнюдь изъ воли отъ церкви къ церкви не переходятъ, изо ста не найдется пяти человѣкъ поповъ, которые бы перешли изъ воли безъ гоненія, все переходятъ рыдая и плача, потому что поповъ и дьяконовъ по боярскимъ и дворянскимъ вотчинамъ въ колоды и цѣпи сажаютъ, бьютъ и отъ церкви отсылаютъ Хотя которому попу и бить челомъ тебѣ, государю, но за тѣмъ ходить будетъ полгода или годъ, да попъ или дьякъ насилу правъ будетъ, потому что и въ Приказъ даромъ сторожа никакими мѣрами не пустятъ, а къ подъячему или дьяку и поминать нечего. Когда было у патріарха приказано въ казнѣ Ивану Кокошилову, то людямъ его раздавали по полтинѣ и по рублю, а самому рублей по 5 и по 6 деньгами, кромѣ гостинцевъ, меду и рыбы, да еще бы и рыба была живая, да женѣ его переносятъ гостинцевъ мыломъ и ягодами на рубль и больше, а если не дать людямъ,—никакими мѣрами на дворъ не пустятъ. Если и придется кому заплатить за безчестье попа или дьякона, то бояться нечего, потому что, по благому совѣту бояръ твоихъ, безчестье положено очень тяжкое Мордвину, Черемисину, попу пять рублей да четвертая собака—пять же рублей! И нынѣ похвальное слово у небоящихся Бога дворянъ и боярскихъ людей: „бей попа что собаку, лишь бы живъ былъ, да кинь пять рублей“. Иноземцы удивляются, а иные плачутъ, что такъ обезчещенъ чинъ церковный! Года два тому назадъ новаго города Корсуня протопопъ пріѣзжалъ съ святительскою казною, дьяку Ивану Кокошилову и женѣ его и людямъ рублей на 10 перешло отъ него, и казну приняли; надобно было взять отъ него еще отписи, онъ тутъ денегъ не далъ и за то волочился многое время и, не хотя умереть голодною смертію, голову свою закабалилъ въ десяти рубляхъ да женѣ дьяка отнесъ, и она у него взяла. Въ это время, по твоему указу, битъ кнутомъ за посулъ Кропоткинъ; дьякъ испугался, чтобъ протопопъ не сталъ бить на него челомъ; да и скажи патріарху, какъ будто протопопъ подкинулъ женѣ его 10 рублей, и патріархъ приказалъ его же, протопопа, посадить на цѣпь и, муча его въ разрядѣ многое время, въ ссылку сослать велѣлъ, а воръ по старому живетъ да воруетъ. А того отнюдь не бываетъ, чтобъ старосту поповскаго, пріѣхавшаго съ доходами, взять къ себѣ въ крестовую да разспросить о всякихъ мѣрахъ. При прежнихъ патріархахъ, изъ которой десятины пріѣдетъ староста поповскій, сперва будетъ у патріарха въ крестовой у благословенія. святитель его пожалуетъ, да велитъ кормить и приказываетъ дьяку казну принимать, не задерживая, и отдача тогда становилась съ большой десятины рубля три-четыре дьяку, а подъячему рубля два и три, да проживетъ въ Москвѣ за отдачею 10 дней, много недѣли двѣ, да всякій день приходитъ къ святителю и святитель разспрашиваетъ о всякихъ мѣрахъ и подачами жалуетъ мало не всякій день. А нынѣ за свои согрѣшенія всего того лишились. Да онъ же, святитель, велѣлъ во всей области переписать въ городахъ и уѣздахъ и данью обложилъ вновь, да въ окладѣ же велѣлъ положить съ попова двора по 8 денегъ, съ дьяконова по алтыну, съ дьячкова, пономарева и просвирнина по грошу, съ нищенскаго по двѣ деньги, съ четверти земли по 6 денегъ, съ копны сѣна по двѣ деньги. Татарскимъ абызамъ жить гораздо лучше! Никонъ же велѣлъ собрать во всемъ государствѣ съ церквей лошадей, да челомъ ударить государю (1655 годъ), да и тутъ лошадей съ 400 или съ 500 разослалъ по своимъ вотчинамъ. Видишь ли, свѣтъ премилостивый, что онъ возлюбилъ стоять высоко, ѣздить широко. Есть ли обычай святителямъ бранныя потребы строить? Сей же святитель принялъ власть строить вмѣсто Евангелія бердыши, мѣсто креста топорки тебѣ на помощь, на бранныя потребы".

Здѣсь Никона обвиняютъ, вопервыхъ, въ томъ, что онъ не отстранилъ тѣхъ тяжкихъ для духовенства обычаевъ, какіе ввелъ его предшественникъ по своему корыстолюбію; но главное, положительное обвиненіе Никону состоитъ въ томъ, что онъ уничтожилъ прежнюю общительность между верховымъ святителемъ и подчиненнымъ ему духовенствомъ, преимущественно бѣлымъ. Патріархъ окружилъ себя недоступнымъ величіемъ, „возлюбилъ стоять высоко, ѣздить широко".—„Я подъ клятвою вселенскихъ патріарховъ быть не хочу", говорилъ однажды Нероновъ Никону, „да какая тебѣ честь, владыка святый, что всякому ты страшенъ и другъ другу грозя говорятъ: знаете ли кто онъ, звѣрь ли лютый, левъ или медвѣдь, или волкъ? Дивлюсь: государевы-царевы власти уже не слыхать, отъ тебя всѣмъ страхъ, и твои посланники пуще царскихъ всѣмъ страшны, никто съ ними не смѣетъ говорить, затвержено у нихъ: знаете ли патріарха. Не знаю, какой образъ или званіе ты принялъ?" Но и подлѣ царя было много людей, которые твердили ему, что царской власти уже не слыхать, что посланцовъ патріаршескихъ боятся больше чѣмъ царскихъ; что великій государь патріархъ не довольствуется и равенствомъ власти съ великимъ государемъ царемъ, но стремится превысить его; вступается во всякія царствованныя дѣла и въ градскіе суды, памяти указныя въ Приказы отъ себя посылаетъ, дѣла всякія, безъ повелѣнія государева, изъ Приказовъ беретъ, многихъ людей обижаетъ, вотчины отнимаетъ, людей и крестьянъ бѣглыхъ принимаетъ". Когда Алексѣй Михайловичъ окончательно повѣрилъ этимъ внушеніямъ,—неизвѣстно; очень можетъ быть, что и самъ онъ не умѣлъ въ точности опредѣлить этой печальной для него минуты, когда послѣдняя, можетъ быть ничтожная, капля упала въ сосудъ и переполнила его. Любовь и нелюбье подкрадываются незамѣтно и овладѣваютъ душою; человѣкъ увѣренъ, что онъ все еще любитъ или что все еще хладнокровенъ, пока наконецъ какое-нибудь ничтожное обстоятельство не вскроетъ состоянія души, давно уже приготовленнаго. По природѣ своей и по прежнимъ отношеніямъ къ патріарху, царь не могъ рѣшиться на прямое объясненіе, на прямой разсчетъ съ Никономъ: онъ былъ слишкомъ мягокъ для этого, и предпочелъ бѣгство. Онъ сталъ удаляться отъ патріарха. Никонъ замѣтилъ это, и, также по природѣ своей и по положенію, къ которому привыкъ, не могъ идти на прямое объясненіе съ царемъ и впередъ сдерживаться въ своемъ поведеніи. Холодность и удаленіе царя прежде всего раздражили Никона, привыкшаго къ противному; онъ считалъ себя обиженнымъ и не хотѣлъ снизойти дотого, чтобъ искать объясненія и кроткими средствами уничтожить нелюбье въ самомъ началѣ. По этимъ побужденіямъ Никонъ также удалялся, и тѣмъ давалъ врагамъ своимъ полную свободу дѣйствовать, все болѣе и болѣе вооружать противъ него государя.

Какъ скоро вельможи, враждебные патріарху, увѣрились, что ихъ сторона взяла верхъ, то не замедлили дать почувствовать врагу свое торжество[1]. Лѣтомъ 1658 года былъ обѣдъ во дворцѣ по случаю пріѣзда въ Москву Грузинскаго царевича Теймураза. Окольничій Богданъ Матвѣевичъ Хитрово очищалъ путь царевичу; онъ это дѣлалъ по извѣстному обычаю, надѣляя палочными ударами тѣхъ, кто слишкомъ высовывался изъ толпы. Случилось, что попался ему подъ палку дворянинъ патріаршій: „Не дерись, Богданъ Матвѣевичъ!" закричалъ дворянинъ, „вѣдь я не простой сюда пришелъ, а съ дѣломъ".—„Ты кто такой?" спросилъ окольничій.—„Патріаршій человѣкъ, съ дѣломъ посланный", отвѣчалъ дворянинъ.—„Не чванься!" закричалъ Хитрово, и съ этими словами ударилъ его въ другой разъ по лбу. Дворянинъ побѣжалъ жаловаться къ патріарху, и тотъ своею рукою написалъ къ царю, прося разыскать дѣло и наказать Хитрово. Алексѣй Михайловичъ отвѣчалъ также собственноручною запискою, что велитъ сыскать дѣло и самъ повидается съ патріархомъ. Но свиданія не было. Наступило 8-е іюля, праздникъ Казанской Богородицы, крестный ходъ; царь не былъ въ Казанскомъ соборѣ ни на одной службѣ; черезъ день, 10 числа, былъ тоже большой праздникъ въ Москвѣ, установленный съ недавняго времени, праздникъ Ризы Господней, принесенной изъ Персіи при царѣ Михаилѣ: передъ обѣднею явился къ патріарху князь Юрій Ромодановскій съ приказаніемъ отъ царя, чтобъ не дожидались его къ обѣднѣ въ Успенскій соборъ. Но къ этому приказанію Ромодановскій прибавилъ еще другое: „Царское величество на тебя гнѣвенъ“, сказалъ онъ, „ты пишешься великимъ государемъ, а у насъ одинъ великій государь—царь“.—„Называюсь я великимъ государемъ не самъ собою“, отвѣчалъ Никонъ, „такъ восхотѣлъ и повелѣлъ его царское величество: свидѣтельствуютъ грамоты, писанныя его рукою“.—„Царское величество“, продолжалъ Ромодановскій, „почтилъ тебя какъ отца и пастыря, но ты этого не понялъ; теперь царское величество велѣлъ мнѣ сказать, чтобъ ты впередъ не писался и не назывался великимъ государемъ, и почитать тебя впередъ не будетъ“. Разговоръ этимъ кончился. Никонъ отправился въ соборъ служить обѣдню и, послѣ причастія, велѣлъ ключарю поставить по сторожу, чтобъ не выпускать людей изъ церкви: поученіе будетъ! Пропѣли: „Буди имя Господне“, народъ столпился около амвона слушать поученіе и услыхалъ странныя слова. „Лѣнивъ я былъ васъ учить“, говорилъ патріархъ: „не стало меня на это, отъ лѣни я окоростовѣлъ, и вы, видя мое къ вамъ неученіе, окоростовѣли отъ меня. Отъ сего времени я вамъ больше не патріархъ, если же помыслю быть патріархомъ, то буду анаѳема. Какъ ходилъ я съ царевичемъ Алексѣемъ Алексѣевичемъ въ Калязинъ монастырь, въ то время на Москвѣ многіе люди къ Лобному мѣсту сбирались и называли меня иконоборцемъ, потому что многія иконы я отбиралъ и стиралъ, и за то меня хотѣли убить. Но я отбиралъ иконы латинскія, писанныя по образцу, какой вывезъ Нѣмецъ изъ своей Земли. Вотъ какимъ образомъ надобно вѣрить и покланяться (при этомъ указалъ на образъ Спасовъ въ иконостасѣ); а я не иконоборецъ. И послѣ того называли меня еретикомъ: новыя-де книги завелъ! И все это дѣлается ради моихъ грѣховъ. Я вамъ предлагалъ многое поученіе и свидѣтельство вселенскихъ патріарховъ, а вы, въ окаменѣніи сердецъ своихъ, хотѣли меня каменіемъ побить; но Христосъ насъ одинъ разъ кровію искупилъ, а меня вамъ каменіемъ побить—и мнѣ никого кровію своею не избавить, и чѣмъ вамъ каменіемъ меня побить и еретикомъ называть, такъ лучше я вамъ съ сего времени не буду патріархъ“. Кончилъ и сталъ разоблачаться. Послышались всхлипыванія, голоса: „Кому ты насъ, сирыхъ, оставляешь!“ — „Кого вамъ Богъ дастъ и Пресвятая Богородица изволитъ“, отвѣчалъ Никонъ. Принесли мѣшокъ съ простымъ монашескимъ платьемъ; но тутъ толпа двинулась и отняла мѣшокъ. Никонъ пошелъ въ ризницу и написалъ письмо къ царю: „Отхожу ради твоего гнѣва, исполняя писаніе: дадите мѣсто гнѣву, и паки: егда изженутъ васъ отъ сего града, бѣжите во инъ градъ, и еже аще не пріимутъ васъ, грядуще отрясите прахъ отъ ногъ вашихъ“. Въ ризницѣ Никонъ надѣлъ мантію съ источниками, а клобукъ черный, посохъ Петра митрополита поставилъ на святительскомъ мѣстѣ, взялъ простую палку и пошелъ-было изъ собора, но народъ бросился къ дверямъ и не пустилъ его, выпустилъ только Крутицкаго митрополита Питирима, который пошелъ во дворецъ сказать царю, что дѣлается въ соборѣ. Алексѣй Михайловичъ сильно встревожился: „Точно сплю съ открытыми глазами и все это вижу во снѣ“, сказалъ онъ, и отправилъ въ соборъ самаго сановитаго боярина, князя Алексѣя Никитича Трубецкаго. Много перемѣнилось съ тѣхъ поръ, какъ въ 1654 г. этотъ же самый Трубецкой передъ отправленіемъ въ походъ съ благоговѣніемъ принималъ благословеніе Никона, бывшаго во всей своей силѣ и славѣ! И теперь Трубецкой началъ тѣмъ, что подошелъ подъ благословеніе къ патріарху, но получилъ въ отвѣтъ: „Прошло мое благословеніе, недостоинъ я быть въ патріархахъ“.—„Какое твое недостоинство: что ты сдѣлалъ?“ спрашивалъ простодушно Трубецкой.—„Если тебѣ надобно, то я стану тебѣ каяться“, отвѣчалъ Никонъ. Трубецкой еще больше смутился: „Это не мое дѣло, не кайся, скажи только, зачѣмъ бѣжишь, престолъ свой оставляешь? Живи, не оставляй престола! великій государь нашъ тебя жалуетъ и радъ тебѣ“.—„Поднеси это государю“, сказалъ Никонъ, подавая Трубецкому письмо, „попроси царское величество, чтобъ пожаловалъ мнѣ келью“. Трубецкой отправился во дворецъ. Никонъ, въ сильномъ волненіи, то садился на нижней ступени патріаршаго мѣста, то вставалъ и подходилъ къ дверямъ; но народъ съ плачемъ не пускалъ его; наконецъ и самъ Никонъ заплакалъ. Всѣ ждали, что царь явится, послѣдуетъ объясненіе и примиреніе между ними; но вмѣсто царя опять вошелъ Трубецкой и, отдавая Никону письмо его назадъ, говорилъ именемъ царскимъ, чтобъ онъ патріаршества не оставлялъ, а келій на патріаршемъ дворѣ много. „Уже я слова своего не перемѣню“, отвѣчалъ Никонъ, „да и давно у меня обѣщаніе, что патріархомъ не быть“. Поклонившись боярину, патріархъ вышелъ изъ церкви; но когда хотѣлъ сѣсть въ карету, то народъ бросился на нее и выпрягъ лошадь; Никонъ пошелъ пѣшкомъ черезъ Кремль къ Спасскимъ воротамъ, но народъ забѣжалъ впередъ и заперъ ворота: Никонъ сѣлъ на одномъ изъ углубленій (въ печурѣ); тутъ явились посланные изъ дворца и заставили отворить ворота; Никонъ всталъ и опять пошелъ пѣшкомъ черезъ Красную площадь на Ильинку, на подворье построеннаго имъ Воскресенскаго монастыря (Новаго Іерусалима), благословилъ плачущій народъ, отпустилъ его и, чрезъ нѣсколько времени, самъ отправился въ Воскресенскій монастырь [1].

---

[1] Слѣдующее изложеніе Никонова дѣла составлено по подлиннымъ актамъ, хранящимся въ Государственномъ Архивѣ между столбцами Приказа Тайныхъ Дѣлъ (нашлись люди, которые объявили, что я не открылъ, изъ какого именно источника почерпнулъ я извѣстія о Никоновомъ дѣлѣ); часть актовъ хранится въ Синодальной библіотекѣ; нѣкоторые акты напечатаны въ Собраніи Государ. грамотъ и договоровъ. Въ Синодальной же библіотекѣ находится изложеніе Никонова дѣла, составленное Паисіемъ Лигаридомъ, любопытное по нѣкоторымъ живымъ подробностямъ. Что же касается до житія Никонова, написаннаго Иваномъ Шушерою, то опытъ научилъ насъ пользоваться имъ съ большою осторожностію при изложеніи дѣятельности Никона во время Новгородскаго мятежа (Исторія Россіи, т. X.): мы увидѣли, какъ разукрашенное въ пользу Никона повѣствованіе Шушеры разнится отъ свидѣтельства подлинныхъ актовъ, какія заключаетъ въ себѣ неправильности относительно порядка событій. Само собою разумѣется, съ какою подозрительностію мы должны были смотрѣть на извѣстія раскольниковъ о Никонѣ, которому, какъ врагу Божію, они старались приписать всевозможныя преступленія и неправды.

На третій день, 12-го іюля, туда поѣхали къ нему князь Алексѣй Никитичъ Трубецкой и дьякъ Ларіонъ Лопухинъ. „Для чего ты, святѣйшій патріархъ", спрашивалъ Трубецкой, „поѣхалъ изъ Москвы скорымъ обычаемъ, не доложа великому государю и не подавъ ему благословенія? А если бы великому государю было извѣстно, то онъ велѣлъ бы тебя проводить съ честію. Ты бы, продолжалъ бояринъ, подалъ великому государю, государынѣ царицѣ и дѣтямъ ихъ благословеніе; благословилъ бы и того, кому изволитъ Богъ быть на твоемъ мѣстѣ патріархомъ, а пока патріарха нѣтъ, благословилъ бы вѣдать церковь Крутицкому митрополиту".—„Чтобъ государь, государыня царица и дѣти ихъ пожаловали меня, простили", отвѣчалъ Никонъ: „а я имъ свое благословеніе и прощеніе посылаю, и кто будетъ патріархомъ, того благословляю; бью челомъ, чтобъ Церковь не вдовствовала и безпастырна не была, а Церковь вѣдать благословляю Крутицкому митрополиту; а что поѣхалъ я вскорѣ, не извѣстивъ великому государю, и въ томъ передъ нимъ виноватъ: испугался я, что постигла меня болѣзнь и чтобъ мнѣ въ патріархахъ не умереть; а впередъ я въ патріархахъ быть не хочу, а если захочу, то проклятъ буду, анаѳема".

Повидимому Никонъ совершенно успокоился, принявъ твердое намѣреніе не возвращаться на патріаршество и занявшись исключительно заботами о своемъ любимомъ Воскресенскомъ монастырѣ. Необыкновеннымъ смиреніемъ дышетъ письмо его къ царю, отправленное съ Трубецкимъ или вслѣдъ за нимъ: „Многогрѣшный богомолецъ вашъ, смиренный Никонъ, бывшій патріархъ, о вашемъ душевномъ спасеніи и тѣлесномъ здравіи Господа Бога ей-ей со слезами молю и милости у васъ, государей, и прощенія прошу. Бога ради простите мнѣ многое къ вамъ согрѣшеніе, которому воистину нѣтъ числа. По отшествіи вашего боярина, князя Алексѣя Никитича съ товарищами, ждалъ я отъ васъ, великихъ государей, по моему прошенію, милостиваго указа, не дождался, и многихъ ради болѣзней своихъ велѣлъ отвезти себя въ Воскресенскій монастырь". Пріѣхалъ въ Воскресенскій монастырь окольничій Иванъ Михайловичъ Милославскій и объявилъ Никону отъ имени царскаго, что бояринъ Борисъ Ивановичъ Морозовъ опасно боленъ, и если патріарху была на него какая нибудь досада, то онъ бы простилъ умирающаго. Никонъ письменно отвѣчалъ государю: „Мы никакой досады отъ Бориса Ивановича не видали, кромѣ любви и милости; а хотя бы что-нибудь и было, то мы Христовы подражатели, и его Господь Богъ проститъ, если, какъ человѣкъ, въ чемъ-нибудь виноватъ предъ нами. Мы теперь оскудѣли всѣмъ, и потому молимъ твою кротость пожаловать что-нибудь для созиданія храма Христова Воскресенія и намъ, бѣднымъ, на пропитаніе, а мы ради поминать его, боярина; ничто такъ не пользуетъ нашей души, какъ созданіе св. церквей; а всего полезнѣе для души его было бы, еслибъ онъ изволилъ положиться въ домѣ живоноснаго Воскресенія при Св. Голгоѳѣ: и память бы такого великаго боярина не престала во-вѣки, и Богъ бы, ради нашихъ смиренныхъ молитвъ, успокоилъ его".

Но скоро тонъ писемъ Никона и разговоръ его съ посланными царскими измѣняется. Раздраженный окончательно рѣчами Ромодановскаго 10 іюля, Никонъ рѣшился поразить царя и народъ своимъ удаленіемъ; впечатлѣніе было произведено сильное, какъ мы видѣли, но все не такое, какого могъ ожидать Никонъ: царь не пришелъ для объясненія съ нимъ въ Успенскій соборъ, не умолялъ его остаться, не просилъ торжественно прощенія; сцена, происходившая при избраніи Никона на патріаршество, не повторилась. Но за то и рѣчи, которыя позволилъ себѣ Ромодановскій, не повторялись болѣе; посланные царскіе относились къ Никону съ уваженіемъ, царь присылалъ съ теплыми словами, напоминавшими прежнія отношенія. Эти присылки и медленность царя относительно избранія новаго патріарха испугали враговъ Никона: они видѣли какъ царь волнуется тяжелыми сомнѣніями — хорошо ли поступлено съ Никономъ; дѣйствительно ли онъ виновенъ. И вотъ враги Никона стараются убѣдить Алексѣя Михайловича, что бывшій патріархъ дѣйствительно виновенъ. Самъ царь далъ знать Никону объ опасности, пославши сказать ему, что только онъ, государь, да еще князь Юрій (Долгорукій?) добры до него. Скоро послѣ этого Никонъ узнаетъ, что враги подъ нимъ подъискиваются, хотятъ показать его неправды, его грѣхи, его недостоинство, показать, что напрасно Никонъ старается внушить, будто удалился вслѣдствіе гоненія неправеднаго, не стерпя неправды царской и грѣховъ народныхъ, но что ему слѣдовало оставить патріаршество по своему собственному недостоинству. Никонъ увидалъ передъ собою ту бездну, къ которой привелъ его поступокъ 10 іюля; возврата не было, и вотъ поднимаются искушенія: человѣкъ, привыкшій стоять на первомъ планѣ, привыкшій, чтобъ все и всѣ къ нему относились, всѣ предъ нимъ преклонялись, оставленъ, забытъ; мало того: отданъ на жертву врагамъ, которые позорятъ его! Человѣкъ, привыкшій къ обширной и видной дѣятельности, принужденъ ограничиться мелкими заботами о постройкѣ монастыря. Явились и другія искушенія: привыкнии къ роскоши, изобилію во всемъ, Никонъ сильно чувствовалъ отсутствіе этой роскоши, этого изобилія въ Воскресенскомъ монастырѣ. Все это начало волновать, раздражать натуру, столь способную волноваться и раздражаться; нравственнаго величія, христіанскаго духа Никону недоставало для преодолѣнія искушеній, и вотъ онъ ищетъ средствъ, какъ бы удержаться въ выгодномъ положеніи и относительно чести и относительно средствъ жизни, выставляетъ такія права свои, которыя могли казаться незаконными и опасными даже и врагамъ его. Раздраженіе, борьба и соблазнъ усиливаются.

---

[1] Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ двумя несходными свидѣтельствами: съ письмомъ Никона къ патріархамъ, гдѣ онъ описываетъ свой уходъ, и съ показаніями лицъ, находившихся въ соборѣ 10 іюля; но такъ какъ Шушера, пристрастный къ Никону, гораздо болѣе сходится съ послѣдними, чѣмъ съ Никономъ, то мы и слѣдуемъ показаніямъ Г. Субботина, который вѣритъ болѣе письму, говоритъ: «Кажется, впрочемъ, онъ еще думалъ, что его дѣло не проиграно; что царь, одумавшись, помирится съ нимъ, не допуститъ его оставить патріаршество, тѣмъ болѣе что, по его словамъ, «царское величество прислалъ ему сказать, чтобы не видясь съ нимъ не отходилъ». Въ этихъ ожиданіяхъ Никонъ около трехъ дней прожилъ на подворьи. Но время проходило, а отъ царя не было никакихъ вѣстей. Никонъ увидалъ, что ждать ему больше нечего и рѣшился уѣхать изъ Москвы». Около трехъ дней! 10 іюля была сцена въ Усп. соборѣ, а 12 Трубецкой и Лопухинъ уже вели переговоры съ Никономъ въ Воскрес. монастырѣ. Вотъ куда ведутъ попытки вѣрить Никону!

Патріарху дали знать, что пересматривали его бумаги; что всякихъ чиновъ людямъ запрещено ѣздить къ нему въ Воскресенскій монастырь, и Никонъ пишетъ къ государю: „Молю не прогнѣваться на богомольца вашего; рѣшаюсь писать къ тебѣ о нужнѣйшихъ дѣлахъ, уповая на прежде бывшій твой благій нравъ о Бозѣ. Слышалъ я, что ты велѣлъ возвратить, что прежде далъ Святой великой церкви: умоляю тебя Господомъ не дѣлать этого. Ты, великій государь, чрезъ стольника своего Аѳанасія Ивановича Матюшкина прислалъ мнѣ свое милостивое прощеніе, а теперь, какъ слышу, ты поступаешь со мною не какъ съ человѣкомъ прощеннымъ, но какъ съ послѣднимъ злодѣемъ: пересмотрѣны худыя мои вещи, оставшіяся въ кельѣ; пересмотрѣны письма, а въ нихъ много тайнъ, которыхъ никому изъ мірскихъ людей не слѣдуетъ знать, потому что я былъ избранъ какъ первосвятитель и много вашихъ государевыхъ тайнъ имѣю у себя; также много писемъ отъ другихъ людей, которые требовали у меня разрѣшенія въ грѣхахъ: этого никому не должно знать, ни самому тебѣ. Дивлюсь, какъ ты скоро дошелъ до такого дерзновенія. Прежде ты боялся произнести судъ надъ простымъ церковнымъ причетникомъ, а теперь захотѣлъ видѣть грѣхи и тайны того, кто былъ пастыремъ всего міра, и не только самъ видѣть, но и мірскимъ объявить. Вскую наше нынѣ судится отъ неправедныхъ, а не отъ святыхъ? Слышимъ, что все это дѣлается для того, чтобъ отобрать твои грамоты, въ которыхъ ты писалъ насъ великимъ государемъ, не по нашей волѣ, а по своему изволенію; не знаю откуда взялось это названіе; но думаю, что отъ тебя: ты писалъ такъ во всѣхъ своихъ грамотахъ, и къ тебѣ такъ писано въ отпискахъ изо всѣхъ полковъ, во всякихъ дѣлахъ, и невозможно этого исправить. Да потребится злое мое и горделивое проклятое названіе, хотя и не по своей волѣ получилъ я его; надѣюсь на Господа, что нигдѣ не найдется моего хотѣнія и велѣнія на это, развѣ ложно сочинятъ; ради этихъ ложныхъ сочиненій я много пострадалъ и страдаю Господа ради отъ лжебратіи; что сказано мною со смиреніемъ, то передано гордо; что сказано благохвально, то передано хульно, и такими лживыми словами возвеличенъ гнѣвъ твой на меня: истязуютъ отъ меня то, чего не хотѣлъ, не искалъ— называться великимъ государемъ; передъ всѣми людьми укоренъ и поруганъ понапрасну; думаю, и ты помнишь, что и во Св. литургіи слыхалъ по нашему указу кликали великимъ господиномъ, а не великимъ государемъ. Былъ я нѣкогда во всякомъ богатствѣ и единотрапезенъ съ тобою, не стыжусь этимъ похвалиться; и питанъ былъ какъ телецъ на заколеніе жирными многими пищами по обычаю вашему государеву: много этимъ насладившись, скоро не могу забыть; такъ теперь 25 іюля всѣ веселились, всѣ праздновали рожденіе благовѣрной царевны Анны Михайловны; одинъ я, какъ песъ, лишенъ богатой вашей трапезы; но и псы питаются отъ крупицъ, падающихъ отъ трапезы господъ своихъ: если бы я не считался врагомъ, то не былъ бы лишенъ малаго ломтя хлѣба отъ богатой вашей трапезы. Пишу это не потому, что хлѣба лишаюсь, но требуя милости и любви отъ тебя, великаго государя. Молю: перестань, Господа ради, понапрасну гнѣваться; я больше всѣхъ людей оболганъ тебѣ, поношенъ и укоренъ неправедно; потому молю, перемѣнись ко мнѣ Господа ради и не дѣлай мнѣ грѣшному немилосердіе: чего себѣ не хочешь, другимъ не дѣлай. Развѣ тебѣ хочется, чтобъ всѣ знали твои тайны противъ твоей воли? Какъ будешь помилованъ, самъ не бывши милостивъ? И не одинъ я, но многіе ради меня страдаютъ. Недавно ты приказывалъ ко мнѣ съ княземъ Юріемъ, что только ты да князь Юрій до меня добры; а теперь одинъ ты ко мнѣ убогому богомольцу очень немилостивъ явился, хотящимъ меня миловать возбраняешь, всѣмъ накрѣпко запрещено приходить ко мнѣ. Господа Бога ради молю, перестань! Если ты и царь великій, отъ Бога поставленный, но поставленный для правды, а какая моя неправда предъ тобою? что ради церкви просилъ суда на обидящаго? и вмѣсто суда праведнаго получилъ отвѣты, полные немилосердія! Нынѣ же слышу, что, вопреки законамъ церковнымъ, самъ дерзаешь судить церковный чинъ, чего не повелѣно тебѣ Богомъ. Нѣкоторые говорятъ, что я много казны взялъ съ собою; не взялъ, но сколько будетъ издержано на церковное строеніе, и по времени хотѣлъ отдать, и что дано Воскресенскому казначею во время моего отъѣзда, и то дано не ради корысти, но чтобъ не оставить братію въ долгу, потому что съ работниками нечѣмъ было расплатиться. А другія издержки сдѣланы на глазахъ всѣхъ людей: дворъ московскій выстроенъ—сталъ тысячъ десятокъ и два и больше; насадный заводъ тысячъ въ десять сталъ; тебѣ, великому государю, десять тысячъ поднесъ на подъемъ ратныхъ людей; тысячъ съ десять въ казнѣ на лицо; 9,000 дано теперь на насадъ: прошлымъ лѣтомъ на 3,000 рублей лошадей куплено; шапка архіерейская тысячъ пять-шесть стала, а иного расхода, Святый Богъ вѣсть, сколько убогимъ, сиротамъ, вдовицамъ, нищимъ роздано; тому всему книги есть въ казнѣ: но во всемъ каюсь, Господа ради прости, да самъ прощенъ будешь“.

Никону доносили справедливо, что къ нему запрещено ѣздить: въ 1659 году пѣвчіе дьяки, Иванъ Тверитиновъ и Савва Семеновъ, вопреки указу, были у патріарха въ Воскресенскомъ; ихъ взяли къ допросу, и они разсказали свой разговоръ съ Никономъ: „Услышите“, говорилъ патріархъ, „какія вамъ вѣсти недобрыя будутъ вскорѣ!“ Говорилъ и про Выговскаго: „Когда я былъ на Москвѣ, то на меня роптали, будто я Выговскаго принялъ; но вѣдь при мнѣ никакой отъ него неправды не было, а теперь онъ отошелъ отъ великаго государя невѣдомо почему; когда я былъ, то великому государю о нихъ бивалъ челомъ и во всемъ заступался; и теперь стоитъ мнѣ только двѣ строчки написать Выговскому, и онъ будетъ попрежнему служить великому государю, и меня послушаетъ; и прежде во всемъ добромъ меня слушивалъ, только надобно ихъ держать умѣючи“.

Подобные разговоры Никона съ посѣтителями, стараніе его выставить, какъ онъ необходимъ для государства, какъ все было хорошо при немъ и все стало дурно послѣ него, разумѣется, не могли возбудить въ Москвѣ желанія позволить всѣмъ ѣздить въ Воскресенскій монастырь. Царь отправилъ къ Никону дьяка Дементія Башмакова объявить, что духовенству не было никакого запрета ѣздить къ нему въ Воскресенскій монастырь. Башмаковъ нашелъ патріарха въ пустыни близъ монастыря, спросилъ отъ имени государева о спасеніи и поднесъ жалованье: вино церковное, муку пшеничную, медъ сырецъ, рыбу. Никонъ билъ челомъ за жалованье, спрашивалъ о государевомъ многолѣтнемъ здоровьи, и потомъ пошелъ къ обѣдни. Послѣ обѣдни патріархъ отправился изъ пустыни въ большой монастырь, передъ нимъ шли дѣти боярскія; у монастырскихъ воротъ по сторонамъ стояли стрѣльцы человѣкъ съ десять, на монастырѣ встрѣчалъ архимандритъ съ братіею. Вошедши въ келью съ Башмаковымъ, Никонъ началъ жаловаться, что его забываютъ, что его не считаютъ больше патріархомъ. „Между властями“, говорилъ онъ, „много моихъ ставленниковъ, они обязаны меня почитать, они давали мнѣ письмо за своими руками, что будутъ почитать меня и слушаться. Я оставилъ святительскій престолъ на Москвѣ своею волею, Московскимъ не зовусь и никогда зваться не буду; но патріаршества я не оставлялъ и благодать Св. Духа отъ меня не отнята; въ Воскресенскомъ монастырѣ были два человѣка, одержимые чернымъ недугомъ,—я объ нихъ молился, и они отъ своей болѣзни освободились; и когда я былъ на патріаршествѣ,—и въ то время моими молитвами многіе отъ различныхъ болѣзней освободились“.

Эти притязанія Никона сильно смутили царя, должны были смутить многихъ, даже и не враговъ Никона; теперь нельзя было приступить къ избранію новаго патріарха, не рѣшивши вопроса: въ какомъ же отношеніи будетъ находиться новый патріархъ къ старому? Притязанія Никона явно показывали, что онъ хочетъ сохранить первенствующее положеніе, хочетъ сохранить прежнюю власть надъ владыками, указывая на то, что они поставлены имъ и клялись быть ему послушными. Будетъ слѣдовательно два патріарха? И какъ выбирать новаго?—какое значеніе дать при этомъ Никону; а Никонъ малымъ значеніемъ не удовольствуется! Онъ говоритъ, что благодать осталась съ нимъ, что онъ чудотворецъ! Скоро Никонъ высказался, какое онъ хочетъ имѣть значеніе при избраніи новаго патріарха. Крутицкій митрополитъ, который, вслѣдствіе его удаленія, принялъ управленіе дѣлами патріаршества, счелъ себя въ правѣ замѣнить патріарха и въ извѣстной церемоніи въ Вербное Воскресенье, когда патріархъ ѣздилъ на осляти, представляя Христа, въѣзжавшаго такимъ образомъ въ Іерусалимъ. Никонъ, узнавши объ этомъ, послалъ такое письмо государю: „Нѣкто дерзнулъ сѣдалище великаго архіерея всея Руси олюбодѣйствовать, въ недѣлю Ваій дѣяніе дѣйствовать. Я пишу это не самъ собою, и не желая возвращенія къ любоначалію и ко власти, какъ песъ къ своей блевотинѣ. Если хотите избирать патріарха благозаконно, праведно и божественно, да призовется наше смиреніе съ благоволеніемъ, честно. Да начнется избраніе соборно, да сотворится благочестиво, какъ дѣло божественное; и кого Божественная благодать изберетъ на великое архіерейство. того мы благословимъ и передадимъ Божественную благодать, какъ сами ее приняли; какъ отъ свѣта возсіяваетъ свѣтъ, такъ отъ содержащаго Божественную благодать пріидетъ она на новоизбраннаго чрезъ рукоположеніе, и въ первомъ не умалится, какъ свѣча, зажигая многія другія свѣчи, не умаляется въ своемъ свѣтѣ“.

Послѣ этого было ясно, что Русской Церкви предстоитъ двупатріаршество. 1 апрѣля 1659 года отправились къ Никону отъ царя думный дворянинъ Прокофій Елизаровъ и думный дьякъ Алмазъ Ивановъ напомнить ему, что онъ отъ патріаршества отказался и потому уже не слѣдуетъ ему вмѣшиваться въ дѣла церковныя. „Ты съ княземъ Трубецкимъ приказывалъ“, говорилъ Елизаровъ „что Московскимъ патріархомъ никогда не будешь, и дѣла тебѣ до архіерейскаго чина нѣтъ; а теперь пишешь, что Крутицкій митрополитъ дерзнулъ сѣдалище великаго архіерея олюбодѣйствовать; оставя паству свою, писать тебѣ этого не довелось; дѣйство учинилъ митрополитъ по государеву указу, и прежде всегда такъ бывало“.—„Первый архіерей“, отвѣчалъ Никонъ, „во образъ Христовъ, а митрополиты, архіепископы и епископы во образъ апостоловъ, и рабу на сѣдалище господина дерзать не достоитъ: прежде дѣлали это по невѣдѣнію, и самъ я въ Новгородѣ дѣлалъ по невѣдѣнію, а во время архіерейства своего во многихъ суетахъ исправить этого не успѣлъ. А престолъ святительскій оставилъ я своею волею, никѣмъ не гонимъ, имени патріаршескаго я не отрицался, только не хочу называться Московскимъ, о возвращеніи же на прежній престолъ и въ мысляхъ у меня нѣтъ“. Елизаровъ продолжалъ свое: „Впередъ о такихъ дѣлахъ къ великому государю не пиши, потому что ты патріаршество оставилъ“.—*Никонъ:* „Въ прежнихъ давнихъ лѣтахъ благочестивымъ царямъ Греческимъ объ исправленіи духовныхъ дѣлъ и пустынники возвѣщали; я своею волею оставилъ паству, а попеченія объ истинѣ не оставилъ, и впередъ объ исправленіи духовныхъ дѣлъ молчать не стану“. *Елизаровъ:* „При прежнихъ Греческихъ царяхъ процвѣтали ереси, и тѣ ереси пустынники обличали, а теперь никакихъ ересей нѣтъ, и тебѣ обличать некого“. *Никонъ:* „Если митрополитъ дѣйствовалъ по указу великаго государя, то я великаго государя прощаю и благословеніе ему подаю“.

Мы видѣли, какимъ ужасомъ поражена была Москва, когда пришла вѣсть о Конотопскомъ пораженіи: ждали хана и Выговскаго подъ царствующій градъ. Царь вспомнилъ о Никонѣ и послалъ предложить ему болѣе безопасное убѣжище, именно крѣпкій монастырь Макарія Калязинскаго. Никонъ встрѣтилъ жестоко это предложеніе и сказалъ посланному: „Возвѣсти благочестивѣйшему государю, что я въ Калязинъ монастырь нейду, лучше мнѣ быть въ Зачатейскомъ монастырѣ; а есть у меня и безъ Калязина монастыря, милостію Божію и его государевою, свои монастыри крѣпкіе—Иверскій и Крестный, и я, доложась великому государю, пойду въ свои монастыри, и нынѣ возвѣсти великому государю, что иду въ Москву о всякихъ нуждахъ своихъ доложиться ему“. Посланный не понялъ, о какомъ Зачатейскомъ монастырѣ говоритъ патріархъ, и спросилъ объясненія; Никонъ отвѣчалъ: „Тотъ, что на Варварскомъ Крестцѣ подъ горою у Зачатія“.—„Вѣдь тамъ только тюрьма большая, а не монастырь“, возразилъ посланный.—„Ну вотъ этотъ самый Зачатейскій монастырь“, отвѣчалъ Никонъ. Патріархъ пріѣхалъ въ Москву, видѣлся съ царемъ, съ царицею, принятъ почтительно, одаренъ, но развязки никакой не послѣдовало. Сохранилось любопытное извѣстіе одного иностранца, бывшаго тогда въ Москвѣ: пріѣхавши въ столицу, Никонъ хотѣлъ приклонить къ себѣ народъ, устроилъ трапезу для странныхъ, самъ обмывалъ имъ ноги; желая сложить вину продолжительной, тяжкой войны на государя, спрашивалъ, какъ будто ничего не зная, заключенъ ли миръ съ Поляками. Когда ему отвѣчали, что нѣтъ, глубоко вздохнулъ и сказалъ: „Святая кровь христіанская изъ-за пустяковъ проливается“ и т. д. Узнавши объ этихъ разговорахъ, царь немедленно велѣлъ Никону выѣхать изъ Москвы [1]).

Никонъ отправился въ Крестный монастырь. Въ началѣ 1660 года царь велѣлъ созвать духовный соборъ и предложилъ ему рѣшить трудный вопросъ. Соборъ открылся 17 февраля; прежде всего бояринъ Петръ Михайловичъ Салтыковъ принесъ письменныя сказки о томъ, какъ Никонъ оставилъ патріаршество; преосвященные приняли сказки и начали допрашивать свидѣтелей, священнаго чина людей по священству, а прочихъ по Евангельской заповѣди. Въ сказкахъ Крутицкаго митрополита Питирима и князя Трубецкаго было написано: „Патріархъ Никонъ патріаршества своего отрекся съ клятвою“; въ остальныхъ сказкахъ о клятвѣ не было упомянуто, но во всѣхъ говорилось согласно, что Никонъ отъ патріаршества отрекся и впередъ на немъ обѣщался не быть. Соборъ послалъ боярина Салтыкова доложить великому государю, что святѣйшій патріархъ Никонъ, какъ дознано, оставилъ патріаршескій престолъ своею волею, и какъ великій государь укажетъ? Салтыковъ возвратился съ отвѣтомъ, что государь указалъ собору выписать изъ правилъ Св. Апостоловъ и Св. Отецъ все, относящееся къ подобнымъ случаямъ, и у выписки велѣлъ быть: архіепископу Маркеллу Вологодскому, архіепископу Иларіону Рязанскому, Макарію Псковскому, Чудова монастыря архимандриту Павлу, Свирскаго Александрова монастыря игумену Симону. 27 февраля соборъ слушалъ выписи и разсуждалъ: Никонъ не внялъ прошенію великаго государя, объявленному княземъ Трубецкимъ; не внялъ прошенію архіереевъ и прочаго духовенства, бывшаго при его отреченіи въ Успенскомъ соборѣ; не объявилъ причину отреченія ни великому государю, ни архіереямъ, ни собору, не оставилъ никакого объясненія, объявилъ только, что отрекается ради своего невѣжества и грѣховъ. Послѣ этого разсужденія, соборъ опредѣлилъ по правиламъ: когда епископъ отречется отъ епископіи безъ благословной вины, то по прошествіи шести мѣсяцевъ поставлять другого епископа; кромѣ того опредѣлилъ, что Никонъ долженъ быть чуждъ архіерейства, и чести, и священства. Трижды подносили государю правила, на которыхъ основывался соборъ; царь медлилъ, наконецъ царь приказалъ пригласить на соборъ Грековъ, бывшихъ въ Москвѣ: Парѳенія, митрополита Ѳивскаго, Кирилла, бывшаго архіепископа Андросскаго, Нектарія, архіепископа Паганіатскаго. Греки подтвердили приговоръ Русскихъ, и царь велѣлъ подкрѣпить этотъ приговоръ въ Успенскомъ соборѣ при себѣ и при боярахъ. Дѣло оканчивалось: рѣшеніемъ собора уничтожались всѣ притязанія Никона на сохраненіе прежняго значенія, на право рукоположить новаго патріарха; онъ терялъ архіерейство, терялъ священство! Но вотъ Епифаній Славеницкій, первый ученый авторитетъ тогда въ Москвѣ, подаетъ протестъ: „Греки на соборѣ“, пишетъ онъ, „прочли изъ своей греческой книги выраженіе: «Безумно убо есть епископства отрещися, держати же священства», и сказали, что это 16-е правило перваго и втораго Собора. Я думалъ, что это правда, не дерзнулъ прекословить и далъ мое согласіе на низверженіе Никона, бывшаго патріарха; но потомъ я сталъ искать и не нашелъ въ правилахъ этого реченія, вслѣдствіе чего беру назадъ свое согласіе на низверженіе Никона, и каюсь. Ваше царское величество приказали мнѣ составить соборное опредѣленіе; я готовъ это сдѣлать относительно избранія и постановленія новаго патріарха, потому что это праведно, благополезно и правильно; о низверженіи же Никона не дерзаю писать, потому что не нашелъ такого правила, которое бы низвергло архіерея, оставившаго свой престолъ, но архіерейства не отрекшагося“.

---

[1]) Weslawski p. 105.

Это письмо ученѣйшаго старца остановило дѣло; выбрать новаго патріарха?—но что дѣлать со старымъ, который не перестаетъ предъявлять своихъ притязаній на высшую власть въ Церкви; который будетъ протестовать, что новаго патріарарха поставили незаконно, ибо безъ вѣдома и рукоположенія стараго, и протестъ этотъ дастъ поводъ сомнѣваться въ законности новаго, произведетъ соблазнъ и раздѣленіе въ Церкви, когда уже и безъ того было много соблазна и раздѣленія? Притомъ же письмо Епифанія показало, что собору московскаго духовенства и пришлыхъ Грековъ вѣрить нельзя; что царь могъ согрѣшить, приведши въ исполненіе приговоръ собора, чего Алексѣй Михайловичъ боялся больше всего. Онъ былъ въ тяжкомъ недоумѣніи, тѣмъ болѣе что Никонъ упорно стоялъ на своемъ. Въ то самое время, какъ въ Москвѣ соборъ разсуждалъ о Никоновомъ дѣлѣ, въ февралѣ 1660 года, стольникъ Матвѣй Пушкинъ ѣхалъ къ патріарху въ Крестный монастырь съ ласковыми словами отъ царя, имѣвшими цѣлію выпросить у Никона письменное благословеніе на избраніе новаго патріарха. „Ты патріаршій престолъ изволилъ оставить“, говорилъ ему Пушкинъ: „въ то время великій государь посылалъ къ тебѣ князя Трубецкаго не одинъ разъ, велѣлъ тебѣ говорить, чтобъ ты на патріаршій престолъ возвратился,—ты отказалъ, не возвратился и великому государю благословеніе подалъ выбрать патріарха, кого онъ изволитъ. Послѣ того посыланы къ тебѣ думный дворянинъ Прокофій Елизаровъ и дьякъ Алмазъ Ивановъ, ты и имъ сказалъ тѣ же рѣчи, что на патріаршескомъ престолѣ впередъ быть не хочешь; такъ ты бы о избраніи патріарха на свое мѣсто благословеніе подалъ и къ великому государю о томъ отписалъ“.—„Князь Алексѣй Никитичъ Трубецкой на патріаршество меня не звалъ“, отвѣчалъ Никонъ, „онъ мнѣ только въ Москвѣ въ соборной церкви сказалъ, чтобъ я возвратился. Елизаровъ меня на патріаршество не звалъ, а только мнѣ выговаривалъ; великому государю благословеніе мое всегда готово: невозможно рабу государя своего не благословлять; но патріарха поставить безъ меня я не благословляю: кому его безъ меня ставить и митру возложить, митру дали мнѣ вселенскіе патріархи, митрополиту митры на патріарха положить невозможно, да и посохъ съ патріархова мѣста кому снять и новому патріарху дать? Я живъ и благодать Св. Духа со мною; оставилъ я престолъ, но архіерейства не оставлялъ; великому государю извѣстно, что и патріаршескій санъ и омофоръ взялъ я съ собою, а то у меня отложено давно, что въ Москвѣ на патріаршествѣ не быть. У васъ всѣ власти моего рукоположенія; когда ставятся, въ исповѣданіи своемъ проклинаютъ они Григорія Симвлака за то, что онъ при живомъ митрополитѣ похитилъ святительскій престолъ; да архіереи же обѣщаются на поставленіи, что имъ другого патріарха не хотѣть: такъ какъ же имъ новоизбраннаго патріарха безъ меня ставить? Если же великій государь позволитъ мнѣ быть въ Москву, то я новоизбраннаго патріарха поставлю, и, принявъ отъ государя милостивое прощеніе, простясь съ архіереями и подавъ всѣмъ благословеніе, пойду въ монастырь. А которые монастыри я строилъ—тѣхъ бы великій государь отбирать у меня не велѣлъ, да указалъ бы отъ соборной церкви давать мнѣ часть, чѣмъ мнѣ быть сыту“.

Требуя позволенія пріѣхать въ Москву и права рукоположить новаго патріарха для обезпеченія своей власти и своего матеріальнаго благосостоянія, Никонъ въ то же время не сомнѣвался сравнивать себя съ Аѳанасіемъ, Василіемъ Великимъ, съ Св. Филиппомъ митрополитомъ. Изо всѣхъ бояръ одинъ Зюзинъ находился въ сношеніяхъ, въ перепискѣ съ патріархомъ: „Мы прочли въ письмѣ вашемъ, что о насъ жалѣете“, писалъ ему Никонъ изъ Крестнаго монастыря; „но мы радуемся о покоѣ своемъ и вовсе не опечалены. Добро архіерейство во всезаконіи и въ чести своей, надобно попечаловаться о всенародномъ послѣднемъ сбытіи. Когда вѣра Евангельская начала сіять, тогда и архіерейство почиталось; когда же злоба гордости распространилась, то и архіерейская честь измѣнилась. И здѣсь въ Москвѣ невиннаго патріарха отставили, Ермогена возвели при жизни стараго: и сколько зла сдѣлалось! Твоему благородію извѣстно, что всѣ архіереи нашего рукоположенія, но не многіе по благословенію нашему служатъ Господу; но неблагословенный чѣмъ разнится отъ отлученнаго; а намъ первообразныхъ много, вотъ ихъ реестръ: Іоаннъ Златоустъ, Аѳанасій Великій, Василій Великій, изъ здѣшнихъ Филиппъ митрополитъ“. По письму отъ 28 іюня Зюзинъ могъ дѣйствительно признать въ Никонѣ страдальца, отъ котораго враги хотятъ освободиться какими бы то ни было средствами: „Мнѣ о себѣ другого, кромѣ болѣзней и скорбей многихъ, писать нечего“,—такъ начинаетъ Никонъ: „едва живъ въ болѣзняхъ своихъ; Крутицкій митрополитъ да Чудовскій архимандритъ прислали дьякона Θеодосія со многимъ чаровствомъ меня отравить, и онъ было отравилъ, едва Господь помиловалъ: безуемъ камнемъ и индроговымъ пескомъ отпился; да иныхъ со мною четырехъ старцевъ испортилъ, тѣмъ же, чѣмъ и я,—отпились, и нынѣ вельми животомъ скорбенъ". Къ сентябрю преступники были уже въ Москвѣ; 5 числа бояринъ князь Алексѣй Никитичъ Трубецкой, думный дворянинъ Прокофій Елизаровъ и думный дьякъ Алмазъ Ивановъ разспрашивали чернаго дьякона Θеодосія да портнаго мастера Тимошку Гаврилова противъ обвинительной отписки патріарха Никона. Тимошка сказалъ, что онъ, по наученію Θеодосія, составъ дѣлалъ, жегъ муку пшеничную, волосы у себя изъ головы вырывалъ и въ поту валялъ, велѣлъ ему тотъ составъ дѣлать дьяконъ для с......... б.... и для привороту къ себѣ мужеска пола и женска. Θеодосій отрекся. На очной ставкѣ Тимошка говорилъ то же и прибавилъ, что Θеодосій подалъ патріарху повинную челобитную. Θеодосій не винился, говорилъ, что повинную писалъ по наученію и по неволѣ, за пристрастіемъ Поляка Николая Ольшевскаго, который билъ его плетьми девять разъ. У пытки Тимошка повинился и съ дьякона сговорилъ, объявилъ, что велѣлъ ему на дьякона говорить Савинскаго монастыря сотникъ Осипъ Михайловъ, который теперь у патріарха; этотъ Михайловъ вмѣстѣ съ Ольшевскимъ пыткою заставляли его говорить на Θеодосія, а составъ дѣлать училъ его патріаршій кузнецъ, Осташковецъ Кузьма Ивановъ; то же повторилъ Тимошка и на пыткѣ. Θеодосій у пытки и на пыткѣ говорилъ прежнія рѣчи, ни въ чемъ не винился.

Это соблазнительное дѣло еще болѣе усилило раздраженіе съ обѣихъ сторонъ. При такихъ-то обстоятельствахъ возвратился Никонъ изъ Крестнаго въ Воскресенскій монастырь, и тутъ, въ 1661 году, завязалось у него новое соблазнительное дѣло съ сосѣдомъ по землѣ, окольничимъ Романомъ Бабарыкинымъ. Никонъ билъ челомъ государю, что Бабарыкинъ завладѣлъ землею Воскресенскаго монастыря: просилъ сыскать по крѣпостямъ. Указа на челобитную не послѣдовало; Никонъ писалъ вторично, что если государевой милости не будетъ, то онъ станетъ самъ себя оборонять. Угроза была исполнена: крестьяне Воскресенскаго монастыря, по приказанію патріарха, сжали рожь на спорныхъ поляхъ и отвезли въ монастырь. Бабарыкинъ билъ челомъ государю, и дѣло велѣно изслѣдовать, взять крестьянъ Воскресенскаго монастыря къ допросу. Никонъ вспыхнулъ и написалъ длинное письмо государю: „Начинается наше письмо къ тебѣ словами, безъ которыхъ никто изъ насъ не смѣетъ писать къ вамъ: эти слова: „Бога молю и челомъ бью". Бога молю за васъ по долгу и по заповѣди блаженнаго Павла апостола, который повелѣлъ прежде всего молиться за царя. И словомъ и дѣломъ исполняемъ свои обязанности къ твоему благородію, но щедротъ твоихъ ничѣмъ умолить не можемъ. Не какъ святители, даже не какъ рабы, но какъ рабичища отовсюду мы изобижены, отовсюду гонимы, отовсюду утѣсняемы. Видя Святую Церковь въ гоненіи, послушавъ слова Божія: аще гонятъ вы во градѣ, бѣгите во инъ градъ, удалился я и водворился въ пустыни, но и здѣсь не обрѣлъ покоя. Воистину сбылось нынѣ пророчество Іоанна Богослова о женѣ, которой родящееся чадо хотѣлъ пожрать змій, и восхищено было отроча на небо къ Богу, а жена бѣжала въ пустыню, и низложенъ былъ на землѣ змій великій, змій древній. Богословы разумѣютъ подъ женою Церковь Божію, за которую страдаю теперь заповѣди ради Божія: болши сея любве никто же имать, да аще кто душу свою положитъ за други своя; и мы, видѣвъ братію нашу біенными, жаловались твоему благородію, но ничего не получили, кромѣ тщеты, укоризны и уничиженія; тогда удалились мы въ мѣсто пусто. Но злоначальный змѣй нигдѣ насъ не оставляетъ въ покоѣ; теперь навѣтуетъ на насъ сосудомъ своимъ избраннымъ, Романомъ Бабарыкинымъ, безъ правды завладѣвшимъ царковною землею. Молимъ вашу кротость перестать отъ гнѣва и оставить ярость. Откуда ты такое дерзновеніе принялъ—сыскивать о насъ и судить насъ? Какіе законы Божіи велятъ обладать нами, Божіими рабами? Не довольно ли тебѣ судить вправду людей царства міра сего? Въ наказѣ твоемъ написано новое повелѣніе—взять крестьянъ Воскресенскаго монастыря: по какимъ это уставамъ? Послушай, Господа ради, что было древле за такую дерзость надъ Египтомъ, надъ Содомомъ, надъ Навуходоносоромъ царемъ! Изгнанъ былъ Богословъ въ Патмосъ; тамъ благодати лучшей сподобился—благовѣстіе написать и Апокалипсисъ; изгнанъ былъ Іоаннъ Златоустъ—и опять на свой престолъ возвратился; изгнанъ Филиппъ митрополитъ,— но паки сталъ противъ лица оскорбившихъ его; и что еще прибавимъ? Если этими напоминаніями не умилишься, то хотя бы и все писаніе предложилъ тебѣ, не не повѣришь. Еще ли твоему благородію надобно, да бѣгу, отрясая прахъ ногъ своихъ ко свидѣтельству въ день судный? Великимъ государемъ больше не называюсь, и какое тебѣ прекословіе творю? Всѣмъ архіерейскимъ рука твоя обладаетъ: страшно молвить, но терпѣть невозможно, какіе слухи сюда доходятъ, что по твоему указу владыкъ посвящаютъ, архимандритовъ, игуменовъ, поповъ ставятъ и въ ставленныхъ грамотахъ пишутъ равночестна Св. Духу такъ: по благодати Св. Духа и по указу великаго государя — недостаточно Св. Духа посвятить безъ твоего указа! Но если кто на Св. Духа хулитъ, не имѣетъ оставленія; если это тебя не устрашило, то что устрашить можетъ, когда уже недостоинъ сдѣлался прощенія по своему дерзновенію? Къ тому же повсюду, по св. митрополіямъ, епископіямъ, монастырямъ, безо всякаго совѣта и благословенія, насиліемъ берешь нещадно вещи движимыя и недвижимыя и всѣ законы Св. Отецъ и благочестивыхъ царей и великихъ князей Греческихъ и Русскихъ ни во что обратилъ, также отца своего Михаила Θеодоровича и собственныя свои грамоты и уставы; уложенная книга хотя и по страсти написана многонароднаго ради смущенія, но и тамъ поставлено: въ Монастырскомъ Приказѣ отъ всѣхъ чиновъ сидѣть архимандритамъ, игуменамъ, протопопамъ, священникамъ и честнымъ старцамъ; но ты все это упразднилъ: судятъ и насилуютъ мірскіе судьи, и всего ради собралъ ты на себя въ день судный великъ соборъ вопіющихъ о неправдахъ твоихъ. Ты всѣмъ проповѣдуешь поститься, а теперь и невѣдомо кто не постится ради скудости хлѣбной; во многихъ мѣстахъ и до смерти постятся, потому что ѣсть нечего. Нѣтъ никого, кто бы былъ помилованъ: нищіе, слѣпые, хромые, вдовы, чернецы и черницы — всѣ данями обложены тяжкими, вездѣ плачъ и сокрушеніе, вездѣ стенаніе и воздыханіе, нѣтъ никого веселящагося во дни сіи. Хотимъ объявить нехитрою рѣчью: 12 января 1661 года были мы у заутрени въ церкви Св. Воскресенія; по прочтеніи первой каѳизмы сѣлъ я на мѣсто и немного вздремнулъ; вдругъ вижу себя въ Москвѣ, въ соборной церкви Успенія; полна церковь огня, стоятъ прежде умершіе архіереи; Петръ митрополитъ всталъ изъ гроба, подошелъ къ престолу и положилъ руку свою на Евангеліе, то же сдѣлали и всѣ архіереи, и я. И началъ Петръ говорить: „Братъ Никонъ! говори царю, зачѣмъ онъ Св. Церковь преобидѣлъ, недвижимыми вещами, нами собранными, безстрашно хотѣлъ завладѣть, и не на пользу ему это; скажи ему, да возвратитъ взятое, ибо многъ гнѣвъ Божій навелъ на себя того ради: дважды моръ былъ, сколько народа перемерло, и теперь не съ кѣмъ ему стоять противъ враговъ“. Я отвѣчалъ: Не послушаетъ меня; хорошо, еслибъ кто-нибудь изъ васъ ему явился. Петръ продолжалъ: „Судьбы Божіи не повелѣли этому быть, скажи ты; если тебя не послушаетъ, то еслибъ кто и изъ насъ явился,—и того не послушаетъ, а вотъ знаменіе ему, смотри!“ По движенію руки его я обратился назадъ къ царскому двору, и вижу: стѣны церквей нѣтъ, дворецъ весь виденъ, и огонь, который былъ въ церкви, собрался, устремился на царскій дворъ и тотъ запылалъ. „Если не уцѣломудрится, приложатся больше первыхъ казни Божіи,“ говорилъ Петръ; а другой сѣдой мужъ сказалъ: „Вотъ теперь дворъ, который ты купилъ для церковниковъ, царь хочетъ взять и сдѣлать въ немъ гостиный дворъ мамоны ради своея; но не порадуется о своемъ прибыткѣ.“ Все это было такъ, отъ Бога, или мечтаніемъ—не знаю, но только такъ было; если же кто подумаетъ человѣчески, что я это самъ собою замыслилъ, то сожжетъ меня оный огнь, который я видѣлъ.“

Понятно, какъ тяжело должна была лечь грамота на сердце у царя, какъ обрадовались ей враги Никона, которымъ она дала возможность представить Алексѣю Михайловичу, что съ Никономъ нѣтъ возможности раздѣлаться добромъ. Въ это время въ Москвѣ находился Греческій архіерей, Паисій Лигаридъ, митрополитъ Газскій, самый образованный, самый представительный изъ греческихъ духовныхъ лицъ, являвшихся въ Москву, и потому пріобрѣтшій здѣсь важное значеніе. Извѣстный исправитель книгъ, монахъ Арсеній указалъ Никону на Паисія, какъ на человѣка обширной учености и потому могущаго быть очень полезнымъ въ Москвѣ, и Никонъ, когда еще не оставлялъ патріаршества, въ 1657 году, писалъ въ господарямъ Молдавскому и Волошскому, чтобъ пропустили въ Москву Лигарида чрезъ свои земли, а къ самому ему писалъ: „Слышали мы о любмудріи твоемъ отъ монаха Арсенія и что желаешь видѣть насъ, великаго государя, и мы тебя, какъ чадо наше по духу возлюбленное, съ любовію принять хотимъ.“ Пріѣхавши въ Москву въ началѣ 1662 года подъ именемъ митрополита Іерусалимскаго Предтечева монастыря, Лигаридъ былъ обласканъ и царемъ, вслѣдствіе чего нашелся въ затруднительномъ положеніи между царемъ и патріархомъ, одинаково къ нему расположенными. Онъ сдѣлалъ попытку помирить ихъ, и 12 іюля 1662 года написалъ Никону мягкое письмо, уговаривая его возвратиться на патріаршество, подчинившись преданіямъ Восточной Церкви, уступивъ царской власти. „Не знаю, куда мнѣ обратиться, потому что никто не можетъ работать двоимъ господамъ“,—такъ откровенно начинаетъ Лигаридъ свое письмо; „безъ ласкательства скажу: Алексѣй и Никонъ, самодержецъ и патріархъ,—одинъ всякій день оказываетъ милости, другой молится и благословляетъ. Не благо многогосподствіе, одинъ господинъ да будетъ (изъ Гомера)! одинъ царь, потому что и Богъ одинъ, какъ и солнце одно между планетами. Знаю, что въ своихъ поступкахъ ты всегда имѣлъ добрую цѣль; но добрая цѣль должна достигаться и добрыми средствами. Блаженнѣйшій! не всякій рабъ царскій изображаетъ царя, не всякій рабъ патріаршескій представляетъ патріарха. Имѣя важныя причины, ушелъ ты съ престола и отрясъ прахъ ногъ своихъ на Москву за ея непокорство; но сказано: да не будетъ бѣгство ваше въ субботу и зимою, во время крамолъ и браней. Какую пользу принесло твое гнѣвливое отшествіе?“ Потомъ Лигаридъ распространился о терпѣніи царя: „Кто паче возблагоискуствитъ добродѣтелію? Никонъ „покайтеся!“ вопіетъ; самодержецъ Алексѣй общую пѣснь поетъ: претерпѣвый до конца, той спасается. Будь пастыремъ добрымъ, а не наемникомъ! вознеси вокругъ очеса твоя и виждь чада твоя, отеческаго руководительства требующія. Послушайся моихъ словъ, о златая глава златорунныя сея паствы! и соединись съ своими членами. Вредно для Церкви, бѣдственно для государства, недостойно тебя пребывать внѣ претола. Становлюсь проповѣдникомъ грамогласнымъ, потому что ревность моя не позволяетъ мнѣ молчать. Всѣ восклицаютъ на тебя, всѣ успокоиться отъ гнѣва наказуютъ; да замолкнутъ толки охотниковъ до порицанія, да исчезнутъ словоборенія грызущихъ неистовыхъ мужей! Смотри:

четыре патріарха жаждутъ видѣть конецъ ссоръ. Иди и не отказывайся отдать кесарево кесареви, и какому кесарю?—смиренномудрѣйшему! И тебѣ смириться подобаетъ“.

Не знаемъ отвѣта Никонова; можемъ догадываться, какъ отвѣчалъ Никонъ человѣку, убѣждавшему его смириться; знаемъ одно, что Паисій вскорѣ послѣ этого перешелъ на сторону враговъ Никона. Бояринъ Семенъ Лукьяновичъ Стрѣшневъ подалъ ему статьи, въ которыхъ излагалось поведеніе Никона, и требовалъ отзыва на нихъ. 15 августа того же 1662 года Паисій представилъ отвѣты—всѣ, клонящіеся къ осужденію патріарха. Стрѣшневъ обвинялъ Никона въ томъ, что онъ при поставленіи своемъ на патріаршество пересвятился, хиротонисался снова, явно передъ всѣми; не позволилъ исповѣдовать и пріобщать преступниковъ; когда облачался, чесался и въ зеркало смотрѣлся; послѣ отреченія посвящаетъ священниковъ и дьяконовъ; никогда не называлъ архіереевъ братьями, но почиталъ ихъ гораздо ниже себя, потому что имъ были посвящены. Никонъ строитъ теперь по сіе время монастырь, который назвалъ Новымъ Іерусалимомъ: хорошо ли, что имя Св. града такъ перенесено, иному мѣсту дано и опозорено? Никонъ разорилъ епископію Коломенскую для своего монастыря, говоря, что это было ближнее епископство отъ Москвы и непригоже быть епископамъ подъ-бокомъ у патріарха: хорошо ли архіереямъ строить обозы и грады, потому что Никонъ полюбилъ жить на мѣстахъ пустыхъ и наполняетъ ихъ наемниками и боярскими подданными? Никонъ говоритъ, что не обрѣтается внѣ своего престола и епархіи, только съѣхалъ по нѣкоторымъ причинамъ, которыя онъ объявилъ передъ престоломъ истиннаго Судіи праведнаго.—Паисій на всѣ эти статьи отвѣчалъ осужденіемъ поступковъ Никона. Были предложены и другіе вопросы: 1) Можетъ ли царь созвать Соборъ на Никона, или надобно повелѣніе патріаршеское?—Царь можетъ созвать Соборъ, по примѣру Римскихъ кесарей, отвѣчалъ Паисій. 2) Соборъ, созванный царемъ, Никонъ почелъ за ничто и назвалъ сонмищемъ жидовскимъ! *Отвѣтъ*: Его надобно, какъ еретика, проклинать. 3) Можно ли составамъ судить главу своего начальника? *Отвѣтъ*: Всѣ священники, какъ преемники апостоловъ, имѣютъ власть вязать и рѣшить. 4) Нарекся Никонъ великимъ государемъ, потому что такъ назвалъ его нашъ государь, желая почитать его болѣе обыкновеннаго: согрѣшилъ ли Никонъ, что принялъ на себя такой высочайшій титулъ? *Отвѣтъ*: Истинно согрѣшилъ. 6) Подобало ли Никону убѣгать страха ради? *Отвѣтъ*: Кто творитъ добрыя дѣла, никогда не боится. 6) Согрѣшаетъ ли государь, что оставляетъ во вдовствѣ Церковь Божію? *Отвѣтъ*: Если онъ это дѣлаетъ для достойныхъ причинъ, не имѣетъ смертнаго грѣха; однако не свободенъ отъ меньшаго грѣха, потому что многіе соблазняются и думаютъ, что онъ это дѣлаетъ по нерадѣнію. 7) Архіереи и бояре, которые не бьютъ челомъ и не приводятъ царя къ тому, чтобъ далъ по этому дѣлу рѣшительный указъ, грѣшатъ ли? *Отвѣтъ*: И очень грѣшатъ. 8) Никонъ проклинаетъ; важно ли его проклятіе? *Отвѣтъ*: Клятва подобна молніи, сожжетъ виновнаго; если же произнесена не по достоинству, то падаетъ на того, кто произнесъ ее. 9) Прилично ли архіерею драться и въ ссылку ссылать?—все это дѣлаетъ Никонъ. *Отвѣтъ*: Терпѣніе есть высшая добродѣтель, гнѣвъ—худшее зло. 10) Тишайшій государь и всесчастливый царь поручилъ Никону надзоръ надъ судами церковными, далъ ему много привиллегій, подобно Константину Великому, давшему привиллегіи папѣ Сильвестру. *Отвѣтъ*: Надобно принимать почести отъ царя осторожно; полезнѣе было бы Никону имѣть меньше привиллегій, потому что иныя надмили его, смотрѣлся онъ въ нихъ какъ въ зеркало, и случилось съ нимъ то же, что пишутъ виршописцы о Нарцисѣ, который въ рѣчной водѣ смотрѣлъ на свое лице, хотѣлъ поцѣловать—и утонулъ. 11) Можно ли государю отобрать привиллегіи? *Отвѣтъ*: Можно, если тотъ, кому дано, дурно пользуется ими. 12) Никонъ бранитъ Монастырскій Приказъ, гдѣ посадилъ царь судить мірскихъ людей; порицаетъ царя за то, что назначаетъ по монастырямъ архимандритовъ и игуменовъ, кого захочетъ. *Отвѣтъ*: Пусть прежде не было Монастырскаго Приказа; дѣло въ томъ, что царь учредилъ его для лучшаго порядка и лучшаго суда. Устроилъ ли Никонъ лучшій судъ; сидѣлъ ли когда-нибудь на своемъ судейскомъ мѣстѣ? Никогда, но держалъ мірскихъ же людей, которые судили въ его Приказахъ, челобитныя раздавалъ своимъ дворовымъ людямъ, и они прямое дѣлали кривымъ. 13) Кто называетъ царя нашего мучителемъ, обидчикомъ, хищникомъ, что̀ тому подобаетъ по Св. Правиламъ? *Отвѣтъ*: Если онъ духовнаго чина, да извержется. 14) Никонъ оправдывается тѣмъ, зачѣмъ его не позвали на Соборъ, гдѣ бы онъ объявилъ причины своего ухода? *Отвѣтъ*: Никонъ долженъ былъ самъ явиться на Соборъ или прислать письмо. 15) Никонъ винитъ архіереевъ своихъ, что не сдержали присяги своей, данной передъ нимъ, но отверглись его, вышли изъ послушанія къ нему. *Отвѣтъ*: Обѣщаніе не присяга; архіереи не присягаютъ; обѣщали они послушаніе въ дѣлахъ, которыя справедливы. 16) Проклялъ Никонъ боярина Семена Лукьяновича Стрѣшнева, будто тотъ выучилъ собаку свою благословлять подобно патріарху; достойно ли проклинать за это? *Отвѣтъ*: Еслибъ мышь взяла освященный хлѣбъ,—нельзя сказать, что причастилась,—такъ и благословеніе собаки не есть благословеніе; шутить святыми дѣлами не подобаетъ; но въ малыхъ дѣлахъ недостойно проклятія, потому что считаютъ его за ничто.

Никону доставили и вопросы, и отвѣты; съ обычнымъ своимъ пыломъ онъ принялся писать возраженія, написалъ большую тетрадь. Ему легко было опровергнуть обвиненія въ присвоеніи титула великаго государя, въ названіи Воскресенскаго монастыря Новымъ Іерусалимомъ: „Какого еще другого толку ищешь ты, вопрошатель“, обращается онъ къ Стрѣшневу, „когда самъ свидѣтельствуешь, что царь назвалъ меня великимъ государемъ? На немъ Господь Богъ и взыщетъ и разсудитъ въ день судный по его рукописнымъ грамотамъ. Онъ же былъ въ Воскресенскомъ монастырѣ на освященіи церкви, ему захотѣлось называть монастырь Новымъ Іерусалимомъ, и въ своихъ грамотахъ написалъ собственною рукою на утвержденіе“ Легко опровергаетъ Никонъ и упрекъ относительно присоединенія Коломенской епархіи къ патріархіи: „Вы говорите, что я разорилъ Коломенскую епископію. Епископія эта лежитъ подлѣ патріаршеской области, а Земля Вятская и Великопермская отстоитъ больше 1,500 верстъ, страна обширная и людей множество, не мало тамъ остатковъ языческихъ обычаевъ, а говорятъ, что даже сохранилось и идолопоклонство. На этомъ основаніи, по совѣту съ великимъ государемъ, Коломна присоединена къ Москвѣ, а вмѣсто нея учреждены епархіи Вятская и Великопермская, а не для Воскресенскаго монастыря: еще въ то время и зачатковъ Воскресенскаго монастыря не было; сколько было доходовъ у Коломенской епископіи, столько же дано и туда изъ патріаршей епархіи; какое число крестьянскихъ дворовъ было въ епископіи, столько же и тамъ дано, а коломенскія деревни взяты на государя; а послѣ государь пожаловалъ ихъ въ Воскресенскій монастырь, будучи на освященіи церковнемъ, говоря: Святая Святымъ достойна; а не я взялъ или разорилъ“. —Мы видѣли, что въ числѣ обвиненій Никону были крутые поступки его, побои, ссылки; онъ отвѣчаетъ на это обвиненіе: „И теперь не отказываемся такъ поступать съ врагами и безстрашными людьми по образу Христову, по правилу Св. Апостолъ и Св. Отецъ“. Но всего болѣе разсердило Никона утвержденіе Стрѣшнева, что всесчастливый царь поручилъ ему надзоръ надъ судами церковными и далъ много привиллегій; тутъ Никонъ высказалъ свой взглядъ на отношенія царской власти къ патріаршеской,—взглядъ, который никакъ не сходился съ преданіями Восточной Церкви, утвержденными въ Россіи исторіею: „Про всесчастливство царское отвѣчать намъ не нужно, знаютъ всѣ счастіе и несчастіе царское, какую каждый благодать принялъ отъ его царскаго счастія. Ты говоришь, что онъ намъ поручилъ надзоръ надъ всякими судами церковными; это скверная хула и превосходитъ гордость денницы: не отъ царей начальство священства пріемлется; но отъ священства на царство помазуются; явлено много разъ, что священство выше царства. Какими привиллегіями подарилъ насъ царь? — привиллегію вязать и рѣшить? Мы другого законоположника себѣ не знаемъ, кромѣ Христа. Не давалъ онъ намъ правъ, а похитилъ наши права, какъ ты свидѣтельствуешь, и всѣ дѣла его беззаконныя. Какія же его дѣла! Церковію обладаетъ, священными вещами богатится и питается, славится въ нихъ, ибо митрополиты, архіепископы, священники и всѣ причетники покоряются, работаютъ, оброки даютъ, воюютъ; судомъ, пошлинами владѣетъ. Господь Богъ всесильный, когда небо и землю сотворилъ, тогда двумъ свѣтиламъ, солнцу и мѣсяцу, свѣтить повелѣлъ и чрезъ нихъ показалъ намъ власть архіерейскую и царскую: архіерейская власть сіяетъ днемъ, власть эта надъ душами; царская въ вещахъ міра сего, мечъ царскій долженъ быть готовъ на непріятелей вѣры православной; архіерейство и все духовенство требуетъ, чтобъ ихъ обороняли отъ всякой неправды и насилій,—это мірскіе люди дѣлать обязаны; мірскіе нуждаются въ духовныхъ для душевнаго избавленія, духовные нуждаются въ мірскихъ для обороны внѣшней; въ этомъ власть духовная и мірская другъ друга не выше, но каждая происходитъ отъ Бога“. Наконецъ, такъ какъ Паисій объявилъ, что духовное лицо за порицаніе царя достойно низверженія, то Никонъ отвѣчалъ: „Досаждать царю всѣмъ запрещено, но обличать по правдѣ не возбранено. Уже собранъ многъ ликъ злопострадавшихъ у Господа обличенія ради неподобныхъ дѣлъ царскихъ, злыми смертями и муками скончавшихся“.

Въ декабрѣ 1662 года, говоритъ оффиціальное извѣстіе, царь Алексѣй Михайловичъ, слушая всенощную въ Успенскомъ соборѣ на праздникъ Петра митрополита, пришелъ въ умиленіе, что соборная церковь вдовствуетъ безъ пастыря уже пятый годъ, патріархъ Никонъ о вдовствѣ ея не радитъ, ушелъ и живетъ въ новопостроенныхъ имъ монастыряхъ, церковная служба отправляется несогласно, а патріархъ проклинаетъ митрополита Питирима Сарскаго и другихъ безъ собора и безо всякаго испытанія, и другое подобное тому творитъ. Поэтому великій государь изволилъ созвать Соборъ и писать ко Вселенскимъ патріархамъ, чтобъ они, или кто-нибудь изъ нихъ изволилъ прибыть въ Москву, а ко всѣмъ преосвященнымъ государь велѣлъ написать, чтобъ они пріѣхали на Соборъ изъ дальнихъ городовъ къ 25 марта, а изъ ближнихъ къ 9 мая; немедленно же долженъ былъ явиться въ Москву Рязанскій архіепископъ Иларіонъ для собранія къ тому Собору „всякихъ винъ“, и съ нимъ вмѣстѣ у этого дѣла велѣно быть боярину Петру Михайловичу Салтыкову, думному дворянину Елизарову и дьяку Голосову. Они должны были собрать свѣдѣнія: сколько Никонъ во время своего патріаршества взялъ изъ Успенскаго собора образовъ и всякой церковной утвари съ роспискою и безъ росписки; сколько взялъ изъ домовой казны денегъ, хлѣба, лошадей, поѣхавши изъ Москвы; сколько при немъ было выходовъ книгъ печатныхъ и какихъ, и однѣхъ книгъ выходъ съ выходомъ во всемъ ли сходны были, и въ чемъ разница, старыя печатныя книги и рукописи и съ греческихъ присыльныхъ книгъ переводы, съ которыхъ новыя книги печатаны, всѣ ли цѣлы на печатномъ дворѣ, или нѣкоторыхъ нѣтъ и гдѣ онѣ; изъ монастырей взять свѣдѣнія, сколько чего изъ нихъ взялъ Никонъ; у старца Арсенія Суханова отобрать свѣдѣніе, сколько онъ купилъ книгъ въ Палестинѣ, какихъ, сколько заплатилъ за нихъ денегъ и кому книги отданы.—Въ томъ же декабрѣ іеродіаконъ Грекъ Мелетій, бывшій въ Москвѣ для устройства пѣвческаго дѣла, другъ Лигарида, отправленъ былъ къ Восточнымъ патріархамъ съ приглашеніемъ прибыть въ Москву: „Любве ради всѣхъ Содѣтеля, подражая Того смиренію, печалующую матерь нашу присѣтити подвигнися, болѣзнующую родительницу нашу, яко врачъ духовный, искусный сего художества, исцѣлити понудися, и въ царствующій нашъ градъ пріити къ намъ самолично потщися, и матери нашея Св. Церкви дряхлованіе, яко свѣтило нѣкое, отъ высоты разума твоего исходящимъ разсужденіемъ, вспомогаемъ Вышняго силою, просвѣтиши".

Между тѣмъ Бабарыкинское дѣло продолжалось: полюбовная сдѣлка, на которую соглашался Никонъ, не состоялась, потому что Бабарыкинъ, по свидѣтельству патріарха, потребовалъ слишкомъ много вознагражденія за свои убытки; Никонъ показывалъ, что сжато ржи только 67 четвертей, а Бабарыкинъ утверждалъ, что 600 четвертей. „На ложное твое челобитье денегъ не напастись и не откупиться и всѣмъ монастыремъ!" сказалъ Никонъ и порвалъ сдѣлку, послѣ чего прибѣгнулъ къ обычному своему средству противъ враговъ—къ проклятію. Но Бабарыкинъ донесъ, что Никонъ проклинаетъ царя и семейство его. Алексѣй Михайловичъ призвалъ архіереевъ и сказалъ: „Я грѣшенъ; но чѣмъ согрѣшили дѣти мои, царица и весь Дворъ? Зачѣмъ надъ ними произносить клятву истребленія?" Рѣшили, что надобно разыскать дѣло, и отправили въ Воскресенскій монастырь боярина князя Никиту Ивановича Одоевскаго, окольничаго Родіона Стрѣшнева, дьяка Алмаза Иванова; изъ духовныхъ поѣхали: Лигаридъ, Астраханскій архіепископъ Іосифъ и Богоявленскій архимандритъ. 18 іюня 1663 года пріѣхали они въ Воскресенскій монастырь; патріархъ былъ у вечерни; Одоевскій послалъ сказать ему о пріѣздѣ посланныхъ царскихъ, и всѣ собирались идти къ нему вмѣстѣ; но Никонъ послалъ сказать, чтобъ приходили всѣ, кромѣ Паисія, если только онъ не имѣетъ къ нему грамоты отъ Вселенскихъ патріарховъ. Несмотря на то, Паисій отправился и хотѣлъ-было первый говорить, но Никонъ, увидавъ его, вышелъ изъ себя, и бранныя рѣчи полились на Лигарида: „Воръ, нехристь, собака, самоставленникъ, мужикъ! Давно ли на тебѣ архіерейское платье? Есть ли у тебя отъ Вселенскихъ патріарховъ ко мнѣ грамоты? Не въ первый разъ тебѣ ѣздить по государствамъ и мутить! И здѣсь хочешь сдѣлать то же!" Заговорилъ Іосифъ Астраханскій: Никонъ бросился на него: „Помнишь ли ты, бѣдный, свое обѣщаніе? Обѣщался ты и царя не слушать, а теперь говоришь! Развѣ тебѣ, бѣдному, дали что-нибудь? Я тебя слушать и говорить съ тобою не стану." Духовные были отдѣланы; дошла очередь до свѣтскихъ. Одоевскій началъ говорить: „Митрополита, архіепископа и архимандрита выбрали освященнымъ Соборомъ и о томъ докладывали великаго государя, а ты ихъ безчестишь; этимъ безчестьемъ и великому государю досажденія много приносишь, а Газскій митрополитъ пріѣхалъ къ великому государю и грамоту съ нимъ прислалъ къ царскому величеству Іерусалимскій патріархъ." Паисій оправился и началъ: „Ты, патріархъ, меня воромъ, собакою и самоставленникомъ называешь напрасно; я посланъ къ тебѣ выговаривать твои неистовства, посланъ отъ освященнаго Собора, съ доклада великому государю; ты безчестишь не меня, а великаго государя и весь освященный Соборъ; я отпишу объ этомъ къ Вселенскимъ патріархамъ; а что ты называешь меня самоставленникомъ, за это месть примешь отъ Бога: я поставленъ Іерусалимскимъ патріархомъ Паисіемъ и ставленная грамота за его рукою у меня есть; если бы ты былъ на своемъ патріаршескомъ престолѣ, то я бы тебѣ свою ставленную грамоту показалъ; а теперь ты не патріархъ, достоинство свое и престолъ самовольно оставилъ, а другого патріарха на Москвѣ нѣтъ, потому и грамоты отъ Вселенскихъ патріарховъ къ Московскому патріарху со мною нѣтъ." Масло было подлито въ огонь, тронуто самое чувствительное мѣсто: „Я съ тобою, воромъ, ни о чемъ говорить не стану!" закричалъ Никонъ. Тутъ Іосифъ и свѣтскіе посланные рѣшились прямо приступить къ дѣлу, и спросили его, на основаніи извѣта Бабарыкина: „Для чего ты на молебнахъ жалованную государеву грамоту приносилъ, клалъ подъ крестъ и подъ образъ Богородицы, читать ее приказывалъ и, выбирая изъ псалмовъ клятвенныя слова, говорилъ?"—„26 іюня", отвѣчалъ Никонъ, „на литургіи, послѣ заамвонной молитвы, со всѣмъ соборомъ я служилъ молебенъ, государеву жалованную грамоту прочитать велѣлъ, подъ крестъ и подъ образъ Богородицы клалъ, а клятву износилъ на обидящаго, на Романа Бабарыкина, а не на великаго государя, а за великаго государя на ектиньяхъ Бога молилъ." Но посланные не удовольствовались этимъ объясненіемъ. „Хотя бы тебѣ", говорили они, „отъ Бабарыкина или отъ другого кого-нибудь какая обида и была, и тебѣ ихъ проклинать не довелось, а въ государевой жалованной грамотѣ Бабарыкинской земли не написано: скажи правду: для чего ты государеву грамоту въ церковь приносилъ, подъ образъ клалъ и на кого клятвы произносилъ?"—„Проклиналъ я Бабарыкина, а не великаго государя!" повторилъ Никонъ; „если я проклиналъ великаго государя, то будь я анаѳема; приносилъ я въ церковь государеву грамоту потому, что въ ней написаны всѣ земли Воскресенскаго монастыря, и Бабарыкинская вотчина записана въ Помѣстномъ Приказѣ по государеву же указу; а за великаго государя я на молебнѣ Бога молилъ, а послѣ молебна читалъ надъ грамотою молитву.“ Тутъ Никонъ пошелъ въ заднюю комнату и вынесъ тетрадку. „Вотъ какую молитву“, сказалъ онъ, „читалъ я надъ грамотою,“ и началъ-было читать, но посланные прервали его: „Вольно тебѣ“, сказали они, „показывать намъ другую молитву; на молебнѣ ты говорилъ изъ псалмовъ клятвенныя слова, и въ томъ и самъ не запирался, что такіе псалмы на молебнѣ говорилъ.“ Это могло вывести изъ терпѣнья и человѣка болѣе хладнокровнаго, чѣмъ Никонъ; если говорилось съ тѣмъ, чтобъ раздражить его, заставить выйти изъ себя и насказать вредныхъ для себя вещей, то цѣль была достигнута. „Хотя бы я и къ лицу великаго государя говорилъ“, закричалъ Никонъ, „такъ что-жъ! Я за такія обиды и теперь стану молиться: приложи, Господи, зла славнымъ земли!“—„Какъ ты забылъ премногую государеву милость“, отвѣчали посланные, „великій государь почиталъ тебя больше прежнихъ патріарховъ, а ты не боишься суда праведнаго Божія, такія непристойныя рѣчи про государя говоришь! какія тебѣ отъ великаго государя обиды?“—„Онъ закона Божія не исполняетъ“, продолжалъ Никонъ: „въ духовныя дѣла и въ святительскіе суды вступается, - дѣлаютъ всякія дѣла въ Монастырскомъ Приказѣ и служить насъ заставляютъ“.—„Царское величество государь благочестивый“, отвѣчали посланные: „законъ Божій хранитъ, въ духовныя дѣла и святительскіе суды не вступается; а Монастырскій Приказъ учрежденъ при прежнихъ государяхъ и патріархахъ, а не вновь,—учрежденъ для расправы мірскихъ обидныхъ дѣлъ; а даточныхъ людей и поборы съ монастырскихъ крестьянъ берутъ для избавленія православныхъ христіанъ отъ нашествія иноплеменныхъ, а не для прибыли и корысти. А неправды всякія началъ дѣлать ты: будучи на патріаршествѣ, началъ вступаться во всякія царственныя дѣла и въ градскіе суды; началъ писаться великимъ государемъ; памяти указныя въ Приказы отъ себя посылалъ; дѣла всякія, безъ повелѣнія государева, изъ Приказовъ бралъ, и сталъ многихъ людей обижать, вотчины отнимать, людей и крестьянъ бѣглыхъ принимать. Великому государю на тебя было много челобитья, что ты дѣлалъ не по архіерейски, противно преданію Св. Отецъ; за такія обиды Богъ тебѣ не потерпѣлъ; возгордившись предъ великимъ государемъ, ты престолъ свой патріаршескій самовольно оставилъ и, живя въ монастырѣ, гордости своей не покинулъ и дѣлаешь такія злыя дѣла, чего тебѣ и помыслить не годилось, повелѣнію великаго государя и всему освященному Собору во всемъ противишься, и дѣлаешь все по своему нраву“.—Никонъ не сталъ отвѣчать свѣтскимъ посланнымъ, но обратился къ духовнымъ. „Какой у васъ теперь Соборъ и кто приказывалъ вамъ его сзывать?“ — „Этотъ Соборъ“, отвѣчали духовные, „мы созвали, по приказанію великаго государя, для твоего неистовства; а тебѣ до этого Собора дѣла нѣтъ, потому что ты достоинство свое патріаршеское оставилъ“.—„Я достоинства своего патріаршескаго не оставлялъ“, сказалъ Никонъ.—„Какъ не оставлялъ?“ начали всѣ вмѣстѣ, и свѣтскіе и духовные: „а это развѣ не твое письмо, гдѣ ты пишешь, что не возвратишься на патріаршество, какъ песъ на свою блевотину? Развѣ не ты самъ писался бывшимъ патріархомъ? И послѣ этого годится ли тебѣ называться патріархомъ?“ Опять затронули самое чувствительное мѣсто. „Я и теперь государю не патріархъ!“ закричалъ Никонъ съ сердцемъ. Іосифъ съ товарищами продолжали вонзать оружіе все глубже и глубже: „По самовольному съ патріаршескаго престола удаленію и по нынѣшнимъ неистовствамъ ты и всѣмъ намъ не патріархъ; достоинъ ты за свои неистовства ссылки и подначальства крѣпкаго, потому что великому государю дѣлаешь многія досады и въ мірѣ смуту“. Никонъ вышелъ изъ себя: „Вы пришли на меня, какъ Жиды на Христа!“ закричалъ онъ. Долго онъ шумѣлъ; посланные не говорили ни слова и отправились; Одоевскій, уходя, сказалъ Никону: „Пришли къ намъ къ допросу архимандрита, намѣстника, поповъ и дьяконовъ, которые съ тобою служили, да пришли крестника своего и другихъ иноземцевъ“.—„Не пришлю я изъ своихъ никого подъ мірской судъ“, отвѣчалъ Никонъ, „кто вамъ надобенъ, берите его сами!“ Упомянутыя лица вызваны были на гостиный дворъ, гдѣ Іосифъ съ товарищами разспрашивали архимандрита и намѣстника по священству и по иноческому обѣщанію насчетъ извѣта Бабарыкина; единогласный отвѣтъ былъ, что на ектеніяхъ патріархъ за государя Бога молилъ, а псалмы къ какому лицу читалъ, того они не знаютъ, Никонъ не называлъ это лицо по имени. Посланные, отправивъ допросныя рѣчи къ государю, написали ему: „Про уходъ свой изъ монастыря патріархъ не говорилъ ни слова, и мы потому на монастырѣ караула поставить не смѣли до твоего государева указа“. Потомъ они взяли подъ стражу крестника Никонова, Нѣмца Долмана, и Бѣлорусца Николая. Но авторъ житія Никонова, Шушера, и Паисій Лигаридъ, смотрѣвшіе на дѣло совершенно разными глазами, сходятся въ томъ, что Никону закрыть былъ выходъ изъ монастыря.—Шушера пишетъ, что около монастыря была разставлена стрѣлецкая стража и Никону прямо объявили, что его не выпустятъ до государева указа; по словамъ же Лигарида, Никонъ бѣжалъ, былъ схваченъ и лишенъ свободы. Посланные оставались въ монастырѣ довольно долго, и тутъ происходили разныя сцены. Однажды, въ воскресенье, Никонъ вошелъ на возвышеніе, представлявшее Голгоѳу, и началъ говорить: „Вотъ уже пришла воинская спира, Иродъ и Пилатъ явилися въ судъ, приблизились архіереи—Анна и Каіафа!“ Одоевскій и архіереи пришли опять допрашивать Никона по Бабарыкинскому извѣту. „Дайте мнѣ только дождаться Собора“, отвѣчалъ имъ Никонъ, „я великаго государя оточту отъ христіанства, уже у меня и грамота заготовлена“.—„Ты забылъ страхъ Божій, что говоришь такія неподобныя рѣчи!“ кричали посланные царскіе: „за такія твои непристойныя рѣчи поразитъ тебя Богъ; намъ такія злыя рѣчи и слышать страшно; только бы ты былъ не такого чина, то мы бы тебя живаго не отпустили“.

Когда Одоевскій и Паисій дали знать государю о происходившихъ у нихъ съ Никономъ разговорахъ, созвана была дума изъ духовныхъ и свѣтскихъ особъ; долго разсуждали и рѣшили написать соборное письмо, которое и отправлено было къ Паисію въ Воскресенскій монастырь; по этому соборному письму Газскій митрополитъ долженъ былъ говорить Никону о его неправдахъ и о его неправой клятвѣ, и если бывшій патріархъ Никонъ противъ соборнаго письма въ рѣчахъ своихъ подательства никакого не покажетъ и на добро ни въ чемъ не склонится, и станетъ говорить дерзко по-прежнему, то князь Одоевскій съ товарищами должны сказать ему съ большимъ выговоромъ, что если онъ, забывъ страхъ Божій и не памятуя воздаянія на страшномъ судѣ, отъ своей дерзости не уймется, то великій государь предастъ его суду Великаго Бога; да сказать ему, что великій государь приказалъ оставить у Воскресенскаго монастыря отрядъ московскихъ стрѣльцовъ, а саввинскихъ стрѣльцовъ отпустить въ Саввинъ монастырь, потому что посланы они были въ Воскресенскій монастырь для всякаго обереганья, а они вмѣсто того плутовали, передъ нимъ, бывшимъ патріархомъ, ходили съ батожками, какъ бываетъ чинъ предъ великимъ государемъ. Но когда Паисій хотѣлъ говорить по соборному письму, то Никонъ сказалъ, что рѣчей его слушать не станетъ, потому что онъ невѣдомо какой митрополитъ, и называлъ его врагомъ Божіимъ и ссорщикомъ, а по правиламъ такихъ слушать не велѣно. Начались опять упреки и перебранки. Когда Никону объявляли, что онъ не долженъ выходить изъ монастыря до Собора, то онъ сказалъ: „Гдѣ раздѣлится домъ надвое,—запустѣетъ.“ Ему отвѣчали, что раздѣленіе произошло отъ него, а не отъ кого другого. „Для чего ты ввелъ въ міръ великій соблазнъ, выдалъ три служебника и во всѣхъ рознь, и въ церквахъ отъ того несогласіе большое?“ спрашивали Никона Паисій съ Одоевскимъ.—„Теперь поютъ кто какъ хочетъ“, отвѣчалъ Никонъ, „и все это дѣлается отъ непослушанія; а если я въ книгахъ рѣчи перемѣнялъ, то переправлялъ я по письму и свидѣтельству Вселенскихъ патріарховъ.“ У Паисія была важная улика противъ Никона: „Ты ко мнѣ прислалъ выписку изъ правилъ и въ ней написано о папскомъ судѣ; но вѣдь это написано въ правилахъ потому, что въ то время папы были благочестивые, а послѣ того отпали, и ты не прибавилъ, что послѣ нихъ высшій судъ преданъ Вселенскимъ патріархамъ?“ Что же отвѣчалъ Никонъ?—„Папу за доброе отчего не почитать? Тамъ верховные Апостолы Петръ и Павелъ, а онъ у нихъ служитъ“.—„Но вѣдь папу на соборахъ проклинаемъ!“ возразилъ Паисій.—„Это я знаю“, отвѣчалъ Никонъ, „знаю, что папа много дурнаго дѣлаетъ“.

Одоевскій и Паисій съ товарищами наконецъ уѣхали изъ Воскресенскаго монастыря. Три мѣсяца прошло покойно; въ началѣ ноября Никонъ далъ о себѣ вѣсть, прислалъ грамоту къ государю отъ своего имени, также и отъ имени архимандрита Воскресенкаго монастыря Герасима и намѣстника Іова: „Пришли вѣсти, что Польскіе и Литовскіе люди идутъ въ твои государевы города и стоятъ недалеко отъ Вязьмы, пойдутъ и дальше; а мы живемъ на пустомъ мѣстѣ, прискудали до конца, хлѣба и денегъ нѣтъ! Милосердый великій государь! Выдай милостивый свой указъ, чѣмъ намъ пропитаться и защититься на пустомъ мѣстѣ. Помяни святое слово, какъ присылалъ ясельничаго своего Аѳанасія Ивановича Матюшкина, и онъ говорилъ предъ Христовымъ Святымъ образомъ много разъ: великій государь тебѣ велѣлъ сказать, что не покинетъ тебя во-вѣки. А когда въ прошлыхъ годахъ объявили о татарскомъ приходѣ и я былъ на Москвѣ, то думный дьякъ Алмазъ Ивановъ сказывалъ мнѣ твоимъ государевымъ словомъ: „Ступай, живи въ своихъ монастыряхъ, а великій государь тебя не покинетъ, велитъ уберечь“. Когда ты, великій государь, былъ на освященіи церкви въ Воскресенскомъ монастырѣ, и я тебѣ говорилъ, что мѣсто хорошо, да строить нечѣмъ, то ты далъ слово свое: „Строй, а мы не покинемъ“. Вспомнивши все это, обратись на милость! А что тебѣ лихіе люди клевещутъ на меня,—ей, лгутъ; а я нынѣ за твоимъ государевымъ словомъ хотя и умереть радъ здѣсь; если не помнишь слова и обѣщанія своего, то на тебѣ Богъ взыщетъ; а мнѣ смерть—покой по писанному.“ Письмо это прислалъ Никонъ къ Ртищеву съ просьбою, чтобъ отдалъ его государю; къ самому Ртищеву Никонъ писалъ: „Пишемъ, надѣясь на твое незлобіе и вспомнивъ, какъ ты здѣсь былъ, послѣ отъѣзда нашего изъ Москвы, и слово свое далъ быть нашимъ братомъ и строительствовать о всякихъ монастырскихъ нуждахъ; да и въ прошломъ 1662 году, какъ ты присылалъ брата своего Ѳедора Соковнина, а въ другой разъ Порфирья, то приказывалъ, чтобъ намъ тебя имѣть въ любви своей, какъ прежде.“

Но мягкія грамоты опоздали; мы видѣли, что іеродіаконъ Грекъ Мелетій отправился къ Восточнымъ патріархамъ; онъ повезъ слѣдующіе вопросы: „Долженъ ли мѣстный епископъ или патріархъ повиноваться царю во всѣхъ свѣтскихъ (политическихъ, kata pasas tas politikas ypotheseis kai kriseis) дѣлахъ, чтобъ быть одному правителю, или нѣтъ? Можетъ ли епископъ или патріархъ отлучать кого нибудь по собственному произволу, и будутъ ли отлученные такимъ образомъ въ самомъ дѣлѣ виновны предъ Богомъ, или тотъ, кто отлучилъ безъ суда, повиненъ правиламъ? Если кто скажетъ, что епархіи патріаршескія плѣнены бусурманами, находятся подъ игомъ, потеряли древнюю честь и прежнее достоинство, и какъ патріархамъ судить и распоряжаться церковными дѣлами? Если кто изъ архіереевъ, по гордости, начнетъ писаться государемъ? Можетъ ли архіерей тратить доходы свои по произволу, строить монастыри, населять пустынныя мѣста? Можетъ ли епископъ или патріархъ управлять мірскими дѣлами? Епископъ, нисшедшій въ число кающихся, можетъ ли опять воспринять санъ архіерейскій? Можетъ ли архіерей, отрекшійся отъ своего сана, свергнувшій съ себя одежды архіерейскія, опять принять прежній санъ? Если случится, что послѣ этого отреченія отрекшійся будетъ призываемъ мѣстною властію, но, по гордости, пренебрежетъ этимъ зовомъ и не возвратится, то что дѣлать въ такомъ случаѣ? Если послѣ отреченія отрекшійся снова станетъ хиротонисать? Могутъ ли судить митрополита или патріарха епископы, отъ него поставленные? Если кто ударитъ раба архіерейскаго, то обида эта относится ли къ господину, и можетъ ли послѣдній одинъ судить такое дѣло, или долженъ отнестись къ суду мірскому?“

Патріархи дали отвѣты, желанные въ Москвѣ: они осудили всѣ изложенные въ вопросахъ поступки; за нѣкоторые изъ нихъ прямо произнесли приговоръ низверженія виновному архіерею; провозгласили, что царь долженъ быть единственнымъ владыкою во всѣхъ свѣтскихъ дѣлахъ, патріархъ долженъ ему быть подчиненъ, и въ свѣтскихъ дѣлахъ не долженъ дѣлать ничего противнаго царскому рѣшенію, а въ дѣлахъ церковныхъ не долженъ перемѣнять древнихъ уставовъ; опредѣлили, что ни епископъ, ни патріархъ не долженъ никого отлучать отъ причастія прежде объявленія вины. На патріарха можетъ быть подана жалоба къ престолу Константинопольскому, и если остальные патріархи согласятся съ Константинопольскимъ, то уже это рѣшеніе верховное; это право верховнаго суда дано Римскому папѣ, но такъ какъ послѣдній, по гордости и злонамѣренности своей, отлученъ отъ Каѳолической Церкви, то означенное право перенесено къ патріарху Византійскому; если бы патріархи и были совлечены славы своихъ престоловъ, но благодать Духа Святаго никогда не старѣетъ, и кто не пріемлетъ ихъ верховнаго суда, тотъ подлежитъ наказанію, какъ противящійся Божію изволенію, повинующійся только чувствамъ и ничего высшаго не разумѣющій. Патріархи утвердили за помѣстнымъ Соборомъ право ставить другого архіерея намѣсто отрекшагося, право епископовъ судить митрополита или патріарха, ихъ поставившаго.

Патріархи прислали грамоты, но сами не поѣхали. Притомъ у Никона была сильная сторона между Греками, которая съ южною страстностію начала волноваться, узнавъ о пріѣздѣ Мелетія, начала употреблять всѣ средства, чтобъ помѣшать ему. Отъ приверженныхъ къ Никону Грековъ изъ Москвы пошли письма въ Константинополь, что Никонъ—это второй Златоустъ, царь его любитъ, ночью приходилъ къ нему для бесѣды; но бояре ненавидятъ за то, что онъ уговариваетъ царя выйти на войну противъ Татаръ, плѣнящихъ Москвичей и казаковъ, а боярамъ не хочется выступать въ походъ и разстаться съ покойнымъ житьемъ московскимъ; писали, что Никонъ любитъ Грековъ и ревностный защитникъ догматовъ Восточной Церкви; писали, что грамоты, привезенныя Мелетіемъ, сочинены Лигаридомъ, котораго бояре подкупили деньгами и почестями; что Мелетію дано 8,000 золотыхъ, съ помощію которыхъ онъ и успѣлъ въ томъ, что отвѣты даны были противъ Никона. Антіохійскій архимандритъ высказалъ все это передъ самимъ патріархомъ, и потомъ ходилъ и кричалъ по всему Константинополю, ища Мелетія; еще сильнѣе волновалъ константинопольскихъ Грековъ какой-то клирикъ Михаилъ, получившій отъ затя своего Анастасія изъ Москвы письмо о 8,000 золотыхъ, привезенныхъ Мелетіемъ; а Мелетій, съ своей стороны, писалъ Лигариду, что какой-то Еммануилъ Манвалъ тайно обѣщалъ двоимъ патріархамъ 15,000 золотыхъ, чтобъ только не давали отвѣтовъ, осуждавшихъ Никона, и, не успѣвъ въ этомъ, искалъ убить Мелетія. Письма, что Никонъ страдаетъ за увѣщанія къ войнѣ противъ Татаръ, опустошающихъ Великую и Малую Россію, должны были производить особенное впечатлѣніе на константинопольскихъ Грековъ: къ ихъ городу ежедневно приставали по три и по четыре корабля, наполненные русскими плѣнниками; на торговыхъ площадахъ стояли священники, дѣвицы, монахи, юноши,—толпами отвозили ихъ въ Египетъ на продажу; нѣкоторые добровольно отрекались отъ христіанства, другіе принуждаемы были къ тому насиліемъ.

Приверженцы Никона не довольствовались тѣмъ, что возбуждали константинопольскихъ Грековъ противъ Мелетія; они рѣшились употребить отчаянное средство въ самой Москвѣ. Государю дали знать, что пріѣхалъ Иконійскій митрополитъ Аѳанасій въ званіи экзарха, племянникъ онъ Константинопольскому патріарху, присланъ отъ него и отъ всего Собора. На представленіи царю Аѳанасій началъ говорить съ необыкновенною торжественностью: „Прислали меня Константинопольскій патріархъ и весь Соборъ, велѣли сказать: какъ Господь Богъ пришелъ къ ученикамъ своимъ дверямъ затворенными и сказалъ: миръ вамъ!—такъ я отъ имени Константинопольскаго патріарха и всего Собора говорю тебѣ, государь, помирись съ Никономъ патріархомъ и призови его на престолъ попрежнему“. Алексѣю Михайловичу показалось страннымъ, что этотъ проповѣдникъ мира присланъ безъ грамоты и велитъ на словахъ призвать Никона. „Знаешь ли ты о посольствѣ Мелетія?“ спросилъ государь у Аѳанасія. — „Знаю“, отвѣчалъ тотъ, „патріархи Мелетія не приняли, твоихъ грамотъ и милостыни не взяли“.—„Какъ же это такъ?“ продолжалъ царь, „Мелетій писалъ мнѣ совершенно иное!“ Аѳанасій, стоя передъ Спасовымъ образомъ, объявилъ, что Мелетій писалъ ложно. Но вотъ, 30 мая 1664 года, пріѣхалъ Мелетій и привезъ отвѣты, подписанные патріархами; царь созвалъ Соборъ изъ русскаго и греческаго духовенства для свидѣтельствованія подписей; Соборъ объявилъ, что подписи настоящія; одинъ Аѳанасій сначала отвергалъ подлинность ихъ, но потомъ и онъ согласился, что подписи подлинныя. Послѣ открылось, почему онъ рѣшился такъ смѣло обличать Мелетія во лжи: онъ спрашивалъ Іерусалимскаго патріарха Нектарія, какъ порѣшили съ Никоновымъ дѣломъ, и тотъ, изъ осторожности, сказалъ ему, что они Мелетію никакого отвѣта не дали и рукъ своихъ ни къ какой грамотѣ не прикладывали.

Какъ бы то ни было, царь не былъ успокоенъ: патріархи могли подписать отвѣты и въ то же время просить, чтобъ соблазнительное дѣло было оставлено, чтобъ послѣдовало примиреніе съ Никономъ; дѣйствовать противъ Никона на основаніи отвѣтовъ, присланныхъ патріархами, царь не рѣшился; онъ зналъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло; зналъ, какъ Никонъ начнетъ громить Соборъ, опирающійся на мертвыхъ грамотахъ, недавно еще бывшихъ предметомъ спора и въ которыхъ не было даже упомянуто имени Никонова. Чтобъ окончательно уничтожить смуту и успокоить свою совѣсть, ему нужно было присутствіе самихъ патріарховъ, тѣмъ болѣе что при сильно разыгравшейся борьбѣ сторонъ трудно было полагаться на чистоту средствъ, употреблявшихся при этихъ отдаленныхъ сношеніяхъ и переговорахъ съ патріархами. Ложное посольство Аѳанасія Иконійскаго не было единственнымъ. Къ Византійскому патріарху Діонисію отправился монахъ Савва: „Агіе деспота!“ говорилъ онъ Діонисію, „царь Алексѣй Михайловичъ молитъ тебя, приди въ Москву, благослови домъ его и разныя нужныя вещи исправь, рѣши, что дѣлать царю: умолять ли Никона патріарха, чтобъ возвратился, или другого поставить. Да Иконійскій митрополитъ Аѳанасій отъ тебя ли присланъ и родственникъ ли тебѣ; приказывалъ ли ты ему словесно, чтобъ умолять Никона о возвращеніи? Съ Мелетіемъ дьякономъ сколько грамотъ ты прислалъ? Стефанъ Грекъ былъ ли у тебя, и послалъ ли ты съ нимъ грамоту, чтобъ митрополиту Газскому быть экзархомъ?“ — „Ѣхать въ Москву никакъ не могу“, отвѣчалъ Діонисій; „благословляю государя, чтобъ онъ или простилъ Никона, или другого поставилъ смиреннаго и кроткаго. Если онъ боится другого поставить, то мы принимаемъ грѣхъ на свои головы; царь самодержецъ: все ему возможно. Мелетій пріѣзжалъ сюда не смирно, всѣ Турки о немъ узнали, и сдѣлалъ мнѣ убытку на 200 мѣшковъ. Иконійскій митрополитъ Аѳанасій мнѣ не родня; на немъ былъ турецкій долгъ, онъ упросилъ срока на недѣлю да и ушелъ, а я съ нимъ ни одного слова не приказывалъ, пусть держатъ его крѣпко и отнюдь не отпускаютъ; если царь его отпуститъ, то большую бѣду Церкви сдѣлаетъ. Какъ Мелетій дьяконъ приходилъ, то мы съ Нектаріемъ патріархомъ написали двѣ грамоты слово-въ-слово и руки свои приложили, и одну послали съ Мелетіемъ въ Александрію, а другую Нектарій послалъ съ своимъ калугеромъ въ Антіохію. Стефанъ Грекъ у меня не былъ, только артофилаксій докучалъ мнѣ, чтобъ я написалъ въ грамотѣ быть Газскому экзархомъ; но я ему этого не позволилъ, и если такая грамота объявилась у царя, то это плевелы, посѣянныя артофилаксіемъ; а Паисій Лигаридъ лоза не Константинопольскаго престола, я его православнымъ не называю, ибо слышу отъ многихъ, что онъ папежникъ, лукавый человѣкъ. Стефана Грека не отпускайте-жъ, потому что и онъ великое разореніе Церкви православной сдѣлалъ, какъ и Аѳанасій Иконійскій“.

Рѣшительнѣе въ пользу Никона отозвался Іерусалимскій патріархъ Нектарій: въ мартѣ 1664 года онъ отправилъ въ Москву посланца своего Савелія съ двумя грамотами, къ царю и Никону, съ наказомъ, кромѣ нихъ, не отдавать этихъ грамотъ никому. Въ грамотѣ къ царю Нектарій увѣщевалъ призвать снова Никона на патріаршій престолъ, показавъ ему присланныя съ Мелетіемъ статьи Вселенскихъ патріарховъ, какъ руководство для его будущаго поведенія, и если онъ обѣщаетъ руководствоваться ими, то достоинъ прощенія; просилъ царя не преклонять уха къ совѣтамъ людей завистливыхъ, любящихъ смуты, особенно если такіе будутъ изъ духовенства. „Въ настоящемъ положеніи нашемъ“, пишетъ Нектарій, „когда наша Церковь находится подъ игомъ рабства, мы уподобляемся кораблямъ, потопляемымъ безпрестанными бурями, и въ одной вашей Русской Церкви видимъ ковчегъ Ноевъ“. Нектарій увѣщеваетъ царя послѣдовать кротости Давидовой, и не полагать во время своего царствованія злаго и гибельнаго начала—смѣнять патріарховъ, правомыслящихъ о догматахъ вѣры; говоритъ, что нельзя обращать большаго вниманія на отреченіе Никона; указываетъ примѣры, когда отреченія іерарховъ были уничтожаемы; что же касается до Никона, то онъ не подалъ даже письменнаго отреченія, царь и народъ не принимали этого отреченія, которое состоитъ только въ словахъ. Нектарій заключаетъ, что непремѣнно должно или возвратить Никона, или возвести на его мѣсто другого; но гораздо лучше рѣшиться на первое. Нектарію дано было знать, что Лигаридъ ищетъ титула экзарха патріаршескаго и уже называется такъ въ Москвѣ; поэтому патріархъ наказалъ своему посланному объявить въ Москвѣ, что это самозванство, что никто не облеченъ званіемъ экзарха. Нектарій просилъ также, чтобъ никого не принимали въ качествѣ пословъ патріаршескихъ, если на грамотахъ не будетъ патріаршеской печати; переводить грамоты патріаршескія проситъ отдавать не Грекамъ, но царскимъ переводчикамъ, потому что Греки искажаютъ смыслъ грамотъ. Савелій объявилъ также: „Я слышалъ отъ патріарха, что кромѣ Никона на престолѣ другому никому быть нельзя, потому что вины его никакой нѣтъ“

Но еще до полученія грамоты Нектарія, тотъ же Мелетій отправился опять на Востокъ съ такимъ наказомъ отъ царя: „Непремѣнно такъ сдѣлать, чтобъ Александрійскій, Антіохійскій, Іерусалимскій и бывшій Паисій, а по нуждѣ два, Антіохійскій и Іерусалимскій, пріѣхали бы. А которые захотятъ прислать вмѣсто себя, то говорить накрѣпко, чтобъ присылали архіереевъ добрыхъ, ученыхъ, благоразумныхъ, однословныхъ, крѣпкихъ, правдивыхъ, могущихъ разсудить дѣло Божіе вправду, не желая мзды и ласканія, не боясь никакого страха, кромѣ страха суда Божія. И ты, Мелетій, будучи у Вселенскихъ патріарховъ, памятуй страхъ Божій, про патріарха Никона никакихъ лишнихъ словъ не говори, кромѣ правды“.

Мелетій, въ январѣ 1665 года, нашелъ Нектарія Іерусалимскаго въ Молдавіи; самъ не поѣхалъ къ нему, но послалъ съ государевою грамотою Стефана Грека и подьячаго Оловенинова. „Великій государь“, говорили они Нектарію, „проситъ и молитъ тебя, чтобъ изволилъ потрудиться для христіанскаго дѣла, пошелъ въ Московское государство“. „Отъ великаго государя“, отвѣчалъ Нектарій, „присланъ былъ ко всѣмъ намъ Мелетій Грекъ, и онъ знаетъ, что я именно затѣмъ и пріѣхалъ въ Молдавскую Землю, чтобъ отсюда идти въ Москву, но за войною мнѣ никакъ нельзя было проѣхать. Съ Мелетіемъ мы послали къ великому государю правила, и по нимъ для чего до сихъ поръ ничего не сдѣлано“? Оловениновъ разсказалъ о пріѣздѣ Аѳанасія Иконійскаго, о свидѣтельствованіи подписей, и когда Нектарій вторично спросилъ, почему же ничего не сдѣлано по правиламъ, подлинность которыхъ была засвидѣтельствована,—то Оловениновъ отвѣчалъ: „Безъ Вселенскаго патріарха призывать Никона и другого на его мѣсто ставить невозможно; да у великаго государя и другія дѣла есть, которыхъ безъ васъ никакъ устроить нельзя: весь церковный чинъ въ несогласіи, въ церквахъ служитъ всякій по своему, а пастыря нѣтъ“. Узнавши, что во время отъѣзда Оловенинова государь еще не получилъ грамоты, отправленной съ Савеліемъ, патріархъ очень горевалъ: „Еслибъ моя грамота до государя дошла“, говорилъ онъ, „то и безъ насъ давно дѣло сдѣлалось бы“. Нектарій обѣщалъ идти въ Москву. „Пойду, хотя бы мнѣ и смерть принять“, говорилъ онъ, „потому что я считаю великаго государя вселенскимъ царемъ; это единственный христіанскій царь, единственная наша надежда и похвала“. Несмотря на то, Нектарій не поѣхалъ въ Москву; Мелетію удалось уговорить ѣхать туда двухъ патріарховъ: Макарія Антіохійскаго и Паисія Александрійскаго.

Что же дѣлалъ въ это время человѣкъ, котораго имя повторялось безпрестанно и въ Константинополѣ, и въ Яссахъ, въ Египтѣ и Сиріи, что дѣлалъ Никонъ? Въ 1663 же году началось новое соблазнительное дѣло. Опять сосѣдъ Никона по землямъ Воскресенскаго монастыря, Иванъ Сытинъ, подалъ государю челобитную, что патріархъ его крестьянъ пыткою пыталъ, а иныхъ перевѣшалъ. Никонъ написалъ оправдательное письмо. „Извѣщаю о себѣ Св. Евангеліемъ, что ни,—не знаю того дѣла, ни вѣдаю, сдѣлалъ то дѣло малый иноземецъ: поймавши на озерѣ Ивановыхъ крестьянъ, побилъ ботогами безъ нашего вѣдома, а у меня такого указа не было; билъ онъ ихъ за то, что у него рыбу покрали; я послалъ малаго къ тебѣ, великому государю: изволь его разспросить хотя и съ пристрастіемъ. Сотвори судъ праведный, припомни свое обѣщаніе, на избраніи нашемъ предъ всѣмъ Соборомъ и синклитомъ данное, что тебѣ ни во что священное не вступаться; а теперь дѣлаешь надъ нами неправды великія, клеветниковъ, враговъ Божіихъ, слушаешь и всѣхъ чиновъ людей въ грѣхъ вводишь тѣмъ, что въ патріаршей крестовой дѣлается“.—Призванный къ допросу, патріаршій сынъ боярскій Лускинъ показалъ, что онъ дѣйствительно билъ Сытинскихъ крестьянъ безъ Никонова вѣдома, но когда они стали похваляться поджогомъ, то онъ отвелъ ихъ къ патріарху, и тотъ велѣлъ бить ихъ батогами въ другой разъ. Въ февралѣ 1664 года окольничій Сукинъ и дьякъ Бреховъ отправились въ Воскресенскій монастырь съ страшными сокрушительными словами: „Ты писалъ, что про дѣло не вѣдаешь, а малый твой сказалъ, что ты крестьянъ батогами бить велѣлъ въ монастырѣ въ другой разъ, значитъ—ты очень хорошо про дѣло знаешь. Ты писалъ, чтобъ учинить судъ праведный; но судъ учинить здѣсь не въ чемъ, потому что крестьяне биты ботогами дважды безъ розыску и безъ свидѣтельства. Да объяви противъ своего письма, во что священное великій государь вступается, надъ тобою какія неправды чинитъ и клеветниковъ кого слушаетъ? Когда присылаютъ ему бить челомъ на тебя и на твои монастыри, то онъ о разсылкѣ посылаетъ говорить тебѣ, какъ и теперь по Сытинскому дѣлу. Объяви, чѣмъ великій государь въ грѣхъ вводитъ въ патріаршей крестовой? Въ патріаршей крестовой сидятъ теперь власти: Рязанскій архіепископъ Иларіонъ да бояринъ Петръ Михайловъ Салтыковъ, и разыскиваютъ, что при твоемъ патріаршествѣ изъ соборной церкви и изъ монастырей взяты какія церковныя утвари и книги, потому что этимъ церквамъ и монастырямъ взятыя тобою утвари и книги даны при прежнихъ великихъ князьяхъ и царяхъ и при немъ, государѣ, а не келейной какой-нибудь казны сыскиваютъ; за церковныя вещи великій государь будетъ стоять и сыскивать и впредъ“.

Никонъ сталъ изворачиваться и погрузился еще глубже: „Я сказалъ, что не знаю про побои крестьянамъ на озерѣ, а въ монастырѣ велѣлъ я ихъ бить за невѣжество, велѣлъ побить ихъ слегка, и въ томъ воля государева“. Чтобъ поправиться, онъ изъ обвиненнаго спѣшилъ перейти въ обвинителя: „Какъ вы говорите“, сказалъ онъ, „что великій государь въ священное не вступается?—онъ всѣмъ духовнымъ чиномъ владѣетъ: кого въ попы и въ дьяконы поставить,—объ этомъ и объ всякихъ духовныхъ дѣлахъ челобитныя подписываютъ его указомъ; это не его дѣло, его обѣщаніе не исполнено, и за это онъ приметъ судъ отъ Бога. А неправды ко мнѣ великія: выискиваютъ, научаютъ и подкупаютъ многихъ людей, чтобъ на меня говорили и писали неправды всякія. Меня же поносятъ и безчестятъ всячески, ко псу меня приравниваютъ, а государь не пожалуетъ, оборонить меня отъ тѣхъ людей не велитъ. А клеветники на меня—Романъ Бабарыкинъ да Иванъ Сытинъ". — „Патріаршій престолъ", отвѣчали ему посланные, „оставилъ ты своею волею, а не по изгнанію какому-нибудь, и такое долгое время Церкви было не безъ пѣнія стоять? Митрополитамъ и епископамъ въ попы и дьяконы какъ не ставить и духовныхъ дѣлъ какъ не вѣдать? А если въ чемъ учинилось какое-нибудь неисправленіе, то это Богъ взыщетъ на тебѣ, потому что ты престолъ свой самовольно оставилъ". *Никонъ*: „Въ соборной церкви нѣтъ теперь пѣнія; изъ нея сдѣлали теперь вертепъ или пещеру; она теперь вдовствуетъ; а и патріархъ новый будетъ, будетъ онъ прелюбодѣйца, потому: пошелъ я изъ Москвы отъ многихъ неправдъ и отъ изгнанія, а неправды и изгнанія отъ великаго государя. Не только въ мои дѣла вступались, но и бить моихъ людей начали: Хитрово сына моего боярскаго билъ напрасно, а великій государь сыску о томъ учинить не велѣлъ". *Посланные*: „Не знаемъ, кто тебя безчеститъ и ко псу приравниваетъ, и кто тебѣ про это сказывалъ; а мы объ этомъ ни отъ кого никогда не слыхивали". *Никонъ:* „Всякая тайна откровенна бываетъ отъ Бога". *Посланные:* „Развѣ ты духъ прозорливъ имѣешь?" *Никонъ*: „Такъ-таки и есть". *Посланные:* Какъ же! чай пріѣзжаютъ да лгутъ ссорщики". *Никонъ:* „Въ патріаршей крестовой людей въ грѣхъ вводятъ потому: многихъ людей на меня накупаютъ и всякія неправды сочиняютъ. Архіепископамъ владѣть и распоряжаться кто власть далъ? Келейную мою рухлядь князь Алексѣй Никитичъ Трубецкой перебиралъ и переписывалъ, и изъ нея лучшее все изволилъ великій государь взять на себя. Да и теперь не про одно церковное сыскиваютъ, про посулы и про взятки сыскиваютъ, и государевы грамоты по всѣмъ монастырямъ о томъ посланы. И то я знаю, что, по указу великаго государя, Газскій митрополитъ на меня сочиняетъ и выписываетъ, и другихъ такихъ же лжесвидѣтелей, которымъ быть на Соборѣ, накуплено съ 500 человѣкъ, а иныхъ въ палестины накупать послано, и денежной казны для того отправлено 30,000 рублей. Собору я самъ радъ, только пусть будетъ Соборъ праведный, а не накупной, а Газскому я во всемъ отвѣтъ дамъ, не только правилами, но Св. Евангеліемъ" *Посланные:* „Если ты лжесвидѣтелями называешь властей Московскаго государства, то за это примешь месть отъ Бога". *Никонъ*: „Какія власти? и кому книжнымъ ученіемъ и правилами говорить? они и грамотѣ не умѣютъ!" *Посланные:* „Одинъ ли ты въ Московскомъ государствѣ грамотѣ умѣешь, и есть ли кто другой?" *Никонъ:* „Есть немного, а Питиримъ митрополитъ и того не знаетъ, почему онъ человѣкъ". *Посланные:* „Напрасно ты это говоришь, что ты только одинъ грамотѣ умѣешь; изо взякихъ чиновъ люди книжнымъ ученіемъ и правилами съ тобою говорить готовы, и говорить есть что: только все удержано государскою милостію до Собора, а на Соборѣ будутъ Вселенскіе патріархи".

Услыхавъ эту страшную для себя вѣсть о пріѣздѣ патріарховъ на Соборъ, Никонъ написалъ царю письмо съ цѣлію напугать его тѣмъ, что на Соборѣ откроется много такого, что ему будетъ очень непріятно; хотѣлъ вмѣстѣ напугать и архіересвъ русскихъ. „Мы не отметаемся Собора", писалъ Никонъ, „и хвалимъ твое изволеніе, какъ божественное, если сами патріархи захотятъ быть и разсудить все по божественнымъ заповѣдямъ Евангельскимъ, Св. Апостолъ и Св. Отецъ канонамъ—ей, не отметаемся. Но прежде молимъ твое благородіе послушать малое это наше увѣщаніе съ кротостію и долготерпѣніемъ. Твое благородіе изволилъ собрать по нашемъ отшествіи митрополитовъ, епископовъ и архимандритовъ на судъ, вопреки Божіимъ заповѣдямъ, потому что нѣтъ такой заповѣди, по которой епископы могли бы судить своего патріарха, особенно же отъ него рукоположенные, и судить заочно". Выписавши Евангельскія повѣствованія о судѣ надъ Христомъ, Никонъ продолжаетъ: „Зри, христіаннѣйшій царь! даже въ такой лютой зависти Іудейской ничего не сдѣлано не по закону и безъ свидѣтелей и заочно, хотя во всемъ поступлено неправедно; того ради рече: предавый Мя тебѣ болій грѣхъ понесетъ. Такъ и здѣсь: смутившій твое благородіе большій грѣхъ понесетъ. Если Соборъ хочетъ меня осудить за одинъ уходъ нашъ, то подобаетъ и самого Христа извергнуть, потому что много разъ уходилъ зависти ради Іудейской. Когда твое благородіе съ нами въ добромъ совѣтѣ и любви былъ, и однажды, ненависти ради людской, мы писали къ тебѣ, что нельзя намъ предстательствовать во Святой великой Церкви, то каковъ былъ тогда твой отвѣтъ и написаніе? Это письмо спрятано въ тайномъ мѣстѣ одной церкви, котораго никто, кромѣ насъ, не знаетъ. Ты же смотри, благочестивый царь,—чтобъ не было тебѣ чего-нибудь отъ этихъ твоихъ грамотъ, не было бы тебѣ это въ судъ предъ Богомъ и созываемымъ тобою Вселенскимъ Соборомъ. Я это пишу не изъ желанія патріаршаго стола, желаю, чтобъ Св. Церковь безъ смущенія была и тебѣ предъ Господомъ Богомъ не вмѣнился грѣхъ, пишу, не боясь великаго Собора, но не давая св. царствію зазора, занеже между двумя или тремя станетъ всякъ глаголъ кольми паче во множествѣ. Епископы наши обвиняютъ насъ однимъ правиломъ Перваго и Втораго Собора, которое не о насъ написано. Но какъ о нихъ предложится множество правилъ, отъ которыхъ никому нельзя будетъ избыть, тогда, думаю, ни одинъ архіерей, ни одинъ пресвитеръ не останется достойный! Константинопольскаго патріарха русскіе епископы при поставленіи клянутъ всё. Тогда какъ нетопыри усмотрятъ свои дѣянія, смущающія твое преблаженство, Крутицкій митрополитъ съ Іоанномъ Нероновымъ и прочими совѣтниками. Ты послалъ Мелетія, а онъ злой человѣкъ, на всё руки подписывается и печати поддѣлываетъ; и здѣсь такое дѣло за нимъ было, думаю, и теперь есть въ Патріаршемъ Приказѣ: есть у тебя, великаго государя, и своихъ много, кромѣ такого воришки".

Отвѣта не было. Всѣ въ тревожномъ состояніи ждали развязки дѣла отъ прибытія патріарховъ. Наступила зима 1664 года, приближался праздникъ Рождества Христова. Ночью съ 17 на 18 декабря, во время заутрени, подъѣхало къ заставѣ нѣсколько саней. „Кто ѣдетъ?" закричали сторожа.—„Власти Саввина монастыря", былъ отвѣтъ. Поѣздъ былъ немедленно пропущенъ и направился въ Кремль. Въ Успенскомъ соборѣ служили заутреню, присутствовалъ Ростовскій митрополитъ Іона. На второй каѳизмѣ вдругъ сдѣлался шумъ, двери загремѣли, растворились и вошла толпа монаховъ, за ними внесли крестъ, а за крестомъ явился—патріархъ Никонъ и сталъ на патріаршемъ мѣстѣ. Раздался знакомый повелительный голосъ, котораго давно было не слыхать въ Успенскомъ соборѣ: „Перестань читать". Поддьякъ Ростовскаго митрополита, читавшій Псалтырь, повиновался, и Воскресенскіе старцы, пріѣхавшіе съ Никономъ, запѣли: „Исполаэти деспота!" и потомъ, „Достойно есть". Когда пѣніе кончилось, Никонъ велѣлъ соборному дьякону говорить ектенью, а самъ пошелъ прикладываться къ образамъ и мощамъ; приложившись, вошелъ опять на патріаршее мѣсто, проговорилъ молитву: „Владыко многомилостиве!" и велѣлъ позвать къ себѣ подъ благословіе Ростовскаго митрополита Іону; тотъ подошелъ, за нимъ протопопъ и все духовенство. „Поди", сказалъ Никонъ Іонѣ: „возвѣсти великому государю о моемъ приходѣ". Іона отправился вмѣстѣ съ Успенскимъ ключаремъ Іовомъ. Они нашли государя у заутрени, въ церкви Св. Евдокіи. „Въ соборную церковь пришелъ патріархъ Никонъ, сталъ на патріаршемъ мѣстѣ и послалъ насъ объявить о своемъ приходѣ тебѣ, великому государю", проговорилъ Іона. Немедленно забѣгали огни во дворцѣ, отправились посланцы за архіереями и комнатными боярами; шумъ, смятеніе, точно пришла вѣсть, что Татары или Поляки подъ Москвою; архіереи, бояре перемѣшались, все спѣшило вверхъ по лѣстницѣ. Наконецъ собрались архіереи: Павелъ митрополитъ Сарскій (Крутицкій), Паисій Газскій, Ѳеодоръ Сербскій; собрались и комнатные бояре. Царь, въ сильномъ волненіи, объявилъ имъ новость; бояре начали кричать, архіереи, качая головами, повторяли: „Ахъ, Господи! ахъ, Господи!" Совѣщаніе впрочемъ не было продолжительно; въ соборъ отправились люди, которыхъ появленіе не предвѣщало Никону ничего добраго,—бояре князья Никита Ивановичъ Одоевскій и Юрій Алексѣевичъ Долгорукій, окольничій Родіонъ Стрѣшневъ, дьякъ Алмазъ Ивановъ. Они обратились къ Никону съ вопросомъ: „Ты оставилъ патріаршій престолъ самовольно, обѣщался впередъ въ патріархахъ не быть, съѣхалъ жить въ монастырь, и объ этомъ написано уже къ Вселенскимъ патріархамъ; а теперь ты для чего въ Москву пріѣхалъ и въ соборную церковь вошелъ безъ вѣдома великаго государя и безъ совѣта всего освященнаго Собора? ступай въ монастырь попрежнему". *Никонъ*: „Сшелъ я съ престола никѣмъ не гонимъ, теперь пришелъ на престолъ никѣмъ не званный для того, чтобъ великій государь кровь утолилъ и миръ учинилъ, отъ суда Вселенскихъ патріарховъ я не бѣгаю, а пришелъ я на свой престолъ по явленію; вотъ письмо, отнесите его къ великому государю".—„Безъ вѣдома великаго государя мы письма принять не смѣемъ", отвѣчали посланцы: „пойдемъ извѣстимъ объ этомъ великому государю". Отправились во дворецъ; чрезъ нѣсколько времени снова вошли въ соборъ и сказали Никону: „Великій государь приказалъ намъ объявить тебѣ прежнее, чтобъ ты шелъ назадъ въ Воскресенскій монастырь, а письмо взять".—„Если великому государю пріѣздъ мой не надобенъ", отвѣчалъ Никонъ, „то я въ монастырь поѣду назадъ, но не выйду изъ церкви до тѣхъ поръ, пока на письмо мое отповѣди не будетъ". Письмо понесли къ государю, начали читать: „Слыша смятеніе и молву великую о патріаршескомъ столѣ, одни такъ, другіе иначе говорятъ развращенная, каждый что хочетъ, то и говоритъ,—слыша это, удалился я 14 ноября въ пустыню внѣ монастыря на молитву и постъ, дабы извѣстилъ Господь Богъ, чему подобаетъ быть; молился я довольно Господу Богу со слезами, и не было мнѣ извѣщенія. Съ 13 декабря уязвился я любовію Божіею больше прежняго, приложилъ молитву къ молитвѣ, слезы къ слезамъ, бдѣніе къ бдѣнію, постъ къ посту, и постился даже до 17 дня, ни ѣлъ, ни пилъ, ни спалъ, лежалъ на ребрахъ, утомившись сидѣлъ съ часъ въ сутки. Однажды, сѣвши, сведенъ я былъ въ малый сонъ и вижу: стою я въ Успенскомъ соборѣ, свѣтъ сіяетъ большой, но изъ живыхъ людей нѣтъ никого, стоятъ одни усопшіе святители и священники по сторонамъ, гдѣ гробы митрополичьи и патріаршіе. И вотъ одинъ святолѣпный мужъ обходитъ всѣхъ другихъ съ хартіею и киноварницею въ рукахъ, и всѣ подписываются. Я спросилъ у него, чтò они такое подписываютъ? Тотъ отвѣчалъ: „О твоемъ пришествіи на святой престолъ". Я спросилъ опять: „А ты подписалъ ли?" онъ отвѣчалъ: „Подписалъ", и показалъ мнѣ свою подпись: „Смиренный Іона Божіею милостію митрополитъ". Я пошелъ на свое мѣсто и вижу: на немъ стоятъ святители! Я испугался, но Іона сказалъ мнѣ: „Не ужасайся, брате, такова воля Божія: взыди на престолъ свой и паси словесныя Христовы овцы".—Ей ей такъ, мнѣ Господь свидѣтель о семъ, Аминь.—Обрѣтаюсь днесь въ соборной церкви Св. Богородицы, исповѣдая вашему царскому величеству, понеже отхожденія своего вину исполнилъ, что задумалъ, то и сотворилъ, и теперь пришелъ видѣть пресвѣтлое лице ваше и поклониться пресвятой славѣ царствія вашего, взявши причину отъ Св. Евангелія, гдѣ написано: „Вы, рече, взыдете въ праздникъ сей, азъ не взыду въ праздникъ сей, яко время мое не у исполнися; егда же взыдоша братія его въ праздникъ, тогда и самъ взыде не явѣ, но яко тай". И паки ино писаніе: рече Павелъ къ Варнавѣ: возвращьшеся посѣти братію нашу во всѣхъ градѣхъ, въ нихъ же возвѣстихомъ слово Божіе, како суть. Такожде и мы пришли: како суть у васъ государей и у всѣхъ сущихъ въ царствующемъ градѣ Москвѣ и во всѣхъ градѣхъ? Пришли мы въ кротости и смиреніи. Хощешь ли самого Христа принять? мы твоему благородію покажемъ, како Господу свидѣтельствующему: пріемля васъ, меня пріемлетъ, и слушай васъ, мене слушаетъ. Во имя Господне пріими насъ и дому отверзи двери, да мзда твоя по всему не отмѣнитъ. Это написалъ я твоему царскому величеству не отъ себя что-либо, мы не корчемствуемъ слово Божіе, но отъ чистоты, яко отъ Бога предъ Богомъ о Христѣ глаголемъ, ни отъ прелести, ни отъ нечистоты, ниже лестію сице глаголемъ, не яко человѣкомъ угождающе, но Богу искушающему сердца наша. Аминь".

Въ третій разъ отправился митрополитъ Павелъ съ боярами въ соборъ и объявилъ Никону: „Письмо твое великому государю донесено: онъ, власти и бояре письмо выслушали, а ты, патріархъ изъ соборной церкви ступай въ Воскресенскій монастырь попрежнему". Никонъ приложился къ образамъ, взялъ посохъ Петра митрополита и пошелъ къ дверямъ. „Оставь посохъ", говорили ему бояре. „Отнимите силою", отвѣчалъ Никонъ, и вышелъ изъ церкви. Еще оставался часъ до свѣта; на небѣ горѣла хвостатая комета[1]. Садясь въ сани, Никонъ началъ отрясать ноги, произнося Евангельскія слова: „Идеже аще не пріемлютъ васъ ,исходя изъ града того, и прахъ, прилипшій къ ногамъ вашимъ, отрясите во свидѣтельство на ня." Стрѣлецкій полковникъ, наряженный провожать Никона, сказалъ: „Мы этотъ прахъ подметемъ!"—„Да размететъ Господь Богъ васъ иною божественною метлою, иже является на дни многи!" отвѣчалъ ему Никонъ, указывая на комету. Сани двинулись; окольничій князь Димитрій Алексѣевичъ Долгорукій и любимецъ царскій, Артемонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ, ѣхали за патріархомъ; выѣхавши за Земляной городъ, остановились, Долгорукій подошелъ проститься и сказалъ Никону: „Великій государь велѣлъ у тебя, святѣйшаго патріарха, благословенія и прощенія просить".—„Богъ его проститъ, если не отъ него смута", отвѣчалъ Никонъ.—„Какая смута?"—спросилъ Долгорукій.—„Вѣдь я по вѣсти пріѣзжалъ", отвѣчалъ Никонъ.

Возвратившись во дворецъ, Долгорукій немедленно передалъ Никоновы слова царю, и вотъ по Воскресенской дорогѣ поскакали: митрополитъ Павелъ Крутицкій, Чудовскій архимандритъ Іоакимъ, Родіонъ Стрѣшневъ, Алмазъ Ивановъ съ наказомъ взять у Никона посохъ Петра митрополита и дознаться, по какой вѣсти онъ пріѣзжалъ. Посланные нагнали патріарха въ селѣ Черневѣ: „Пріѣзжалъ я въ Москву не самовольно, по вѣсти изъ Москвы", началъ Никонъ: „посоха не отдамъ, отдать мнѣ посохъ некому; оставилъ я патріаршій престолъ на время за многое внѣшнее нападеніе и за досады". Потомъ, обратившись къ Крутицкому митрополиту, продолжалъ: „Тебя я зналъ въ попахъ, а въ митрополитахъ не знаю; кто тебя въ митрополиты поставилъ—не вѣдаю; посохъ тебѣ не отдамъ и съ своими ни съ кѣмъ не пошлю, потому что не у кого посоху быть. Кто ко мнѣ вѣсть прислалъ, объявлю по времени; вотъ и письмо;—а письмо это принялъ я потому: какъ великій государь былъ въ Саввинѣ монастырѣ, то я посылалъ къ нему архимандрита своего, и великаго государя милость была ко мнѣ такая, какой по уходѣ моемъ изъ Москвы никогда не бывало". Но посланные отъ него не отставали; они просидѣли въ Черневѣ съ 5 часовъ дня до одиннадцатаго часа ночи; наконецъ, послѣ многихъ разговоровъ, Никонъ сказалъ: „Посохъ и письмо отошлю я самъ къ великому Государю; вѣдомо мнѣ, что великій государь посылалъ къ Вселенскимъ патріархамъ, чтобъ они рѣшили дѣло объ отшествіи моемъ и о поставленіи новаго патріарха; я великому государю бью челомъ, чтобъ онъ къ Вселенскимъ патріархамъ не посылалъ; я какъ сперва обѣщался, такъ и теперь обѣщаюсь на патріаршій престолъ не возвращаться; и въ мысли моей того нѣтъ. Хочу, чтобъ выбранъ былъ на мое мѣсто патріархъ, и когда будетъ новый патріархъ поставленъ, то я ни въ какія патріаршія дѣла вступать не стану, и дѣла мнѣ ни до чего не будетъ; велѣлъ бы мнѣ великій государь жить въ монастырѣ, который построенъ по его государеву указу, а новопоставленный патріархъ надо мною никакой бы власти не имѣлъ, считалъ бы меня братомъ, да не оставилъ бы великій государь ко мнѣ своей милости въ потребныхъ вещахъ, чтобъ было мнѣ чѣмъ пропитаться до смерти, а вѣкъ мой не долгій, теперь уже мнѣ близко 60 лѣтъ." Никонъ исполнилъ обѣщаніе, отправилъ посохъ и письмо съ своимъ посланцомъ, который долженъ былъ обратиться къ духовнику царскому съ просьбою доложить государю, чтобъ позволилъ ему, Никону, пріѣхать въ Москву помолиться Богородицѣ и видѣть государевы очи. Въ отвѣтъ полученъ былъ прежній отказъ, приправленный выговоромъ и угрозою: „Великій государь указалъ тебѣ сказать: для мірской многой молвы ѣхать тебѣ теперь въ Москву непристойно, потому что въ народѣ теперь молва многая о разности въ церковной службѣ и печатныхъ книгахъ, и отъ твоего въ Москву пріѣзда и поготову ждать въ народѣ всякаго соблазна, потому что патріаршій престолъ оставилъ ты своею волею, а не по изгнанію; такъ для всенародной молвы и смятенія изволь теперь ѣхать назадъ въ Воскресенскій монастырь, пока будетъ объ этомъ Соборъ въ Москвѣ и къ Собору пріѣдутъ Вселенскіе патріархи и власти; въ то время тебѣ дадутъ знать, чтобъ и ты пріѣзжалъ на Соборъ, а на Соборѣ великій государь станетъ говорить обо всемъ. Ты писалъ отъ себя Газскому митрополиту Паисію и жаловался, будто невинно съ престола своего изгнанъ, и объ иныхъ, тому подобныхъ дѣлахъ; во всемъ этомъ великаго государя терпѣніе отъ тебя многое, а какъ приспѣетъ время Собору, и въ то время онъ, великій государь, обо всѣхъ этихъ вещахъ говорить будетъ."

---

[1] Въ 1664 году дѣйствительно видима была комета, о которой упоминаетъ Гевелій (Hevelius) въ своемъ *Prodromus cometicus.*, также Mantissa — Prodromi cometici и Machina coelistis; Pingré въ Cometographie. Сообщено проф. Савичемъ.

Исчезла послѣдняя надежда покончить дѣло мирнымъ образомъ: Никонъ отправился въ Воскресенскій монастырь, а въ Москвѣ занялись слѣдствіемъ по письму, которымъ Никонъ былъ вызванъ въ Москву. Оказалось, что письмо писано бояриномъ Никитою Ивановичемъ Зюзинымъ, котораго мы сначала видѣли въ посольскихъ дѣлахъ, потомъ воеводою въ Путивлѣ; видѣли, что изо всѣхъ бояръ онъ одинъ продолжалъ переписку съ Никономъ по удаленіи послѣдняго изъ Москвы. Письмо было такого содержанія: „Являлись ко мнѣ Аѳанасій (Ординъ-Нащокинъ) и Артемонъ (Матвѣевъ) и сказывали: 7-го декабря у Евдокѣи въ заутреню наединѣ говорилъ съ нами царь: „Присылалъ ко мнѣ патріархъ архимандрита въ Саввинъ монастырь; я его совѣту обрадовался, хорошій архимандритъ! Сидѣлъ я съ нимъ наединѣ, и онъ со слезами говорилъ, чтобъ намъ ссорѣ не вѣрить, и я съ клятвою говорю, что никакой ссорѣ отнюдь не вѣрю; вотъ теперь на Николинъ день пріѣзжалъ ко мнѣ чернецъ Григорій Нероновъ съ наносными словами всякими на патріарха; я знаю, кто съ нимъ и въ заводѣ, только я этому ничему не вѣрю; а нашъ совѣтъ и обѣщаніе наше Господь единъ вѣсть, и душою своею отъ патріарха, ей, я не отступенъ, да духовенства и синклита ради, по нашему царскому обычаю, собою, мнѣ патріарха звать нельзя и писать къ нему о томъ, потому что онъ вѣдаетъ, для чего ушелъ, а нынѣ въ церкви и во всемъ кто ему бранитъ? Какъ пошелъ, такъ и придетъ—его воля, я ей-ей въ томъ ему не противенъ. А мнѣ къ нему нельзя о томъ отписать, вѣдая его нравъ: въ сердцахъ на архіереевъ и бояръ не удержится, скажетъ, что я ему велѣлъ пріѣхать, или по письму моему откажетъ,—и мнѣ то будетъ конечно въ стыдъ, въ совѣтѣ нашемъ будетъ препона, и всѣ поставятъ мнѣ то въ непостоянство; а хотя и пришлю спросить въ церковь для приклика, отводя подозрѣніе и скрывая совѣтъ, и онъ скажетъ, что по своей волѣ ради церковныхъ потребъ отъѣзжалъ и опять пришелъ; кто, скажетъ, мнѣ возбранитъ? кто мнѣ въ церкви указчикъ? а что, скажетъ, духовные письмо давали на меня, и я имъ дамъ отвѣтъ, они сами не знаютъ ничего, почему я ушелъ, почему опять прихожу, а судъ износятъ на меня не по своей мѣрѣ и не по правиламъ; и если станутъ просить прощенія, то за невѣдѣніе ихъ изволилъ бы сказать: Богъ проститъ! А я, продолжалъ государь, свидѣтеля Бога поставляю, что ему ни въ чемъ противенъ не буду и душевно совѣтую такъ сдѣлать. Сколько уже времени между нами продолжается несогласіе! Врагу лишь въ томъ радость, да непріятелямъ нашимъ, которые для своихъ прихотей не хотятъ, чтобъ намъ въ совѣтѣ быть: это я узналъ досконально. Только бы пожаловалъ, изволилъ патріархъ придти къ 19 декабрю, къ заутрени въ соборную церковь, прежде памяти чудотворца Петра, и онъ намъ чудотворецъ и посредникъ любви нашей и всѣхъ враговъ нашихъ отженетъ: для того пришелъ бы, чтобъ кровь христіанскую остановилъ вмѣстѣ съ нами, и его слово надобно будетъ во всенародное множество, и любо имъ конечно будетъ и всѣ ему за то конечно ради будутъ и послушны; а мнѣ то въ помощь отъ него и заступленіе; да и мнѣ надобно душевно: началъ я это ратное дѣло и всякія свои царственныя и духовныя дѣла вмѣстѣ съ нимъ: такъ чтобъ Господь Богъ молитвами его святительскими и совершить сподобилъ во благая, вмѣстѣ, по совѣту; и ты, Аѳанасій, моимъ словомъ прикажи Никитѣ отписать ему все это тайно: а вотъ мнѣ къ тому числу надобно съ нимъ вмѣстѣ порѣшить, съ чѣмъ отпустить тебя на посольское дѣло, пособоровать о томъ со всѣми чинами и постъ заповѣдать; у Поляковъ и Венгровъ постъ былъ о соединеніи, а намъ и больше надобно то и всякую вражду и ненависть оставить, а время тому послѣднее наступило, все поставимъ на мѣрѣ и переговоримъ обо всемъ, какъ чему быть. Но опять молю, чтобъ въ тишинѣ, безъ большихъ выговоровъ, чтобъ не ожесточилъ всѣхъ, всѣ опасаются, ждутъ отъ него жестокости. Покинулъ онъ меня въ такихъ напастяхъ одного, борима отъ видимыхъ и невидимыхъ враговъ, а не на томъ мы между собою обѣщались, что до смерти другъ друга не покинуть, и клятва есть въ томъ между нами".

Призвали Зюзина къ допросу; онъ сказалъ, что письмо его руки, посылалъ онъ такое письмо патріарху дважды съ поддіакономъ Никитою; патріархъ отвѣчалъ ему письменно; онъ его письма и свои жегъ, патріархъ присылалъ ему его письма назадъ, кромѣ послѣдняго. Никита поддіаконъ сказалъ, что когда онъ привезъ къ Никону грамотку, то патріархъ, прочтя, сказалъ: „Буди въ томъ воля Божія, сердце царево въ руцѣ Божіей, я миру радъ". Ординъ-Нащокинъ показалъ: „Пріѣхалъ Никита Зюзинъ въ Москву изъ Новгорода и сказывалъ мнѣ: писалъ ему въ Новгородъ патріархъ Никонъ изъ Воскресенскаго монастыря о видѣніи ему Петра митрополита, и какъ онъ, Зюзинъ, изъ Новгорода ѣхалъ въ Москву, и былъ въ Воскресенскомъ монастырѣ у патріарха, то Никонъ ему сказывалъ, что о видѣніи писалъ къ государю, и въ Москвѣ рѣшили, что онъ пророчествуетъ о Вельзевулѣ, а скоро потомъ у великаго государя во дворцѣ погорѣли сушильни“.—„Зюзинъ“, продолжалъ Нащокинъ, „хотѣлъ деньги занимать для отвоза поташу въ Вологду, и говорилъ: патріархъ Никонъ меня въ бѣдности не покинулъ бы, да не смѣю я ему бить челомъ для людскихъ переговоровъ; слышу, что патріархъ горько плачетъ и говоритъ на людей, что великому государю приносятъ на него ссоры невмѣстныя; за грѣхи наши всенародные чего и не ждали случилось: между великимъ государемъ и патріархомъ учинилась ссора! А здѣсь я не слыхалъ, чтобъ великій государь говорилъ что про патріарха, и, будучи въ Саввинѣ монастырѣ, онъ посылалъ къ патріарху стольника Григорья Собакина съ своею милостью. Говоря это, Зюзинъ плакалъ. — Я къ тѣмъ его рѣчамъ ему молвилъ: Слышалъ я отъ великаго государя, какъ возвратился онъ изъ Саввина монастыря, что приходилъ къ нему отъ патріарха Воскресенскій архимандритъ, а въ село Хорошово приходилъ старецъ Григорій Нероновъ и говорилъ про патріарха вздорныя рѣчи, что и слушать нечего“. — При вторичномъ допросѣ Зюзинъ объявилъ, что Нащокина и Матвѣева онъ поклепалъ, Нащокинъ говорилъ ему: хорошо бы, если бы къ моему посольству былъ и патріархъ, и что у государя на патріарха гнѣва нѣтъ; тутъ онъ, Зюзинъ, сказалъ ему, что будетъ писать къ патріарху, звать его въ Москву, и Нащокинъ отвѣчалъ: „Хорошо, если тебѣ патріархъ совѣтенъ, кабы то Господь Богъ Церковь умирилъ!“ — Нащокинъ на это показалъ, что ничего подобнаго не бывало; прибавилъ только, что Зюзинъ занялъ у него денегъ 50 рублей, а потомъ, когда Нащокинъ былъ боленъ, пріѣзжалъ сказать, что этихъ денегъ мало на провозъ поташу. Нащокинъ просилъ у государя прощенія: „Въ 1662 году, въ сентябрѣ или октябрѣ мѣсяцѣ, государь мнѣ говорилъ, чтобъ мнѣ съ Зюзинымъ не знаться, потому что онъ многоязыченъ и приплететъ меня къ ненадобнымъ дѣламъ, и какъ я пріѣхалъ въ Москву изо Львова, то при первой встрѣчѣ съ Зюзинымъ объявилъ ему, чтобъ онъ со мною нигдѣ не видался, потому что онъ человѣкъ опальный; но теперь для его, Никитиныхъ, слезъ двора своего отъ него запереть не велѣлъ; въ томъ я передъ великимъ государемъ виноватъ, достоинъ казни, и безъ повелѣнія великаго государя по исповѣди къ причастію сего декабря 24 числа приступить не смѣю“. При пыткѣ Зюзинъ сказалъ, что всѣ Никоновы письма показывалъ Нащокину; сказывалъ ему и про тѣ письма, которыя писалъ къ Никону, только не тѣмъ лицомъ, какъ онъ въ письмахъ писалъ, и Нащокинъ ему сказалъ: „хорошо!“ — Что же это значитъ? По всѣмъ вѣроятностямъ, Нащокинъ говорилъ Зюзину, что со стороны царя не будетъ препятствій къ примиренію; что у государя гнѣва нѣтъ на патріарха; вѣроятно и одобрилъ намѣреніе Зюзина склонить Никона сдѣлать первый шагъ: а Зюзинъ, чтобъ сильнѣе подѣйствовать, написалъ письмо извѣстнаго намъ содержанія, причемъ дѣйствительно поклепалъ Нащокина и Матвѣева, написавши *не тѣмъ лицомъ*. Бояре приговорили Зюзина къ смертной казни; но царь, по просьбѣ сыновей своихъ, какъ объявлено, измѣнилъ приговоръ боярскій, приказалъ сослать Зюзина въ Казань, гдѣ записать на службу, а помѣстья и вотчины отписать въ казну, дворъ же и движимое имѣніе отдать ему на прокормленіе.

Увидавши, что въ Москвѣ нельзя ничего сдѣлать, Никонъ обратился къ патріархамъ, хотѣлъ заранѣе подробно объяснить имъ дѣло съ своей точки зрѣнія, оправдать свое поведеніе. Но трудно было переслать грамоты къ патріархамъ. Случай представился, когда въ 1665 году пріѣхалъ въ Москву гетманъ Запорожскій, Иванъ Мартыновичъ Брюховецкій. У Никона въ Воскресенскомъ монастырѣ жилъ въ дѣтяхъ боярскихъ двоюродный племянникъ его отъ сестры, Курмышскій посадскій, Ѳедотъ Тимоѳеевъ Марисовъ; этого Марисова патріархъ прислалъ къ Брюховецкому съ просьбою взять его съ собою въ Малороссію и оттуда отпустить въ Константинополь. Но гетманъ отказался. Тогда служка патріаршій, Иванъ Шушера, авторъ извѣстнаго житія Никонова, подкупилъ казака Васильковца Кирилла Давыдовича, который взялъ съ собою Марисова, объявивъ, что это его племянникъ, взятый въ плѣнъ во время похода Бутурлина на Львовъ; дѣло было обдѣлано за 50 рублей и 50 золотыхъ. Изъ Москвы Марисовъ выѣхалъ благополучно; но скоро здѣсь провѣдали о его отъѣздѣ, и въ январѣ 1666 года посланъ гонецъ къ Брюховецкому съ требованіемъ захватить патріаршаго посланца; Марисова поймали и прислали въ Москву вмѣстѣ съ грамотами; грамоты эти были прочтены; въ нихъ Никонъ подробно описывалъ патріархамъ, что случилось съ нимъ съ того времени, какъ вступилъ онъ на патріаршій престолъ; описывалъ, какъ по возвращеніи изъ Соловокъ силою взяли его изъ дому, привели въ соборъ, и здѣсь царь со всѣмъ народомъ, приклоняясь къ землѣ, со слезами умолялъ принять патріаршество; какъ онъ согласился съ условіемъ, чтобъ всѣ слушались его во всемъ какъ начальника и пастыря. Сперва царь былъ благоговѣенъ и милостивъ и во всемъ Божіихъ заповѣдей искатэль; но потомъ началъ гордиться и выситься. Дѣло дошло и до явныхъ оскорбленій. Хитрово прибилъ во дворцѣ слугу патріаршаго и остался безъ наказанія; царь пересталъ являться въ соборную церковь, когда служилъ тамъ онъ, патріархъ; князь Юрій Ромодановскій прямо объявилъ ему гнѣвъ царскій; тогда онъ, отъ этого гнѣва и отъ безчинія народнаго, удаляется изъ Москвы въ Воскресенскій монастырь. „Уѣзжая изъ Москвы“, пишетъ Никонъ, „я взялъ архіерейское, всего по одной вещи для архіерейской службы; я ушелъ, но не отказался отъ архіерейства, какъ теперь клевещутъ на меня, говоря, будто я своею волею отрекся отъ архіерейства. Я ждалъ, что царское величество помирится со мною; Царь, узнавъ что я хочу уѣхать въ Воскресенскій монастырь, прислалъ бояръ сказать мнѣ, чтобъ я не ѣздилъ до тѣхъ поръ, пока не увижусь съ нимъ; я ждалъ на подворьи три дня, и только по прошествіи трехъ дней уѣхалъ въ Воскресенскій монастырь. За нами прислалъ царское величчтво въ монастырь тѣхъ же бояръ, которые спрашивали насъ: зачѣмъ ты безъ царскаго повелѣнія ушелъ изъ Москвы? Я отвѣчалъ, что ушелъ не въ дальнія мѣста; если царское величество на милость положитъ и гнѣвъ свой утолитъ, опять придемъ; и послѣ этого о возвращеніи нашемъ отъ царскаго величества ничего не было. Приказали мы править на время Крутицкому митрополиту Питириму; и по уходѣ нашемъ царское величество всякихъ чиновъ людямъ ходить къ намъ и слушаться насъ не велѣлъ, потребное отъ патріаршества давать намъ запретилъ; указалъ—кто къ намъ будетъ безъ его указа, тѣхъ людей да истяжутъ крѣпко и сошлютъ въ заключеніе въ дальнія мѣста, и потому весь народъ устрашался. Крутицкому митрополиту велѣлъ спрашивать себя, а не насъ. Учрежденъ Монастырскій Приказъ; повелѣно въ немъ давать судъ на патріарха, митрополитовъ и на весь священный чинъ; сидятъ въ томъ Приказѣ мірскіе люди и судятъ. Написана книга (Уложеніе), Св. Евангелію, правиламъ Св. Апостолъ, Св. Отецъ и законамъ Греческихъ царей во всемъ противная, почитаютъ ее больше Евангелія; въ ней-то въ 13 главѣ уложено о Монастырскомъ Приказѣ; другихъ беззаконій, написанныхъ въ этой книгѣ, не могу описать—такъ ихъ много! Много разъ говорилъ я царскому величеству объ этой проклятой книгѣ, чтобъ ее искоренить, но кромѣ уничтоженія не получилъ ничего. Я исправилъ книги—и они называютъ это новыми уставами и никоновыми догматами. Главный врагъ мой у царя—это Паисій Лигаридъ; царь его слушаетъ и какъ пророка Божія почитаетъ; говорятъ, что онъ отъ Рима и вѣруетъ по римски, хиротонисанъ дьякономъ и пресвитеромъ отъ папы, и когда былъ въ Польшѣ у короля, то служилъ латинскую обѣдню. Въ Москвѣ живущіе у него духовные греческіе и русскіе разсказываютъ, что онъ ни въ чемъ не поступаетъ по достоинству святительскаго сана, мясо ѣстъ и пьетъ безчинно, ѣстъ и пьетъ, а потомъ обѣдню служитъ, муже.....; я съ этимъ свидѣтельствомъ послалъ письмо къ царю, но онъ не обратилъ на него вниманія. Наклеветалъ на меня царю, что я его проклиналъ, но я въ этомъ невиненъ, кромѣ моей тайной молитвы. Теперь все дѣлается царскимъ хотѣніемъ: когда кто-нибудь захочетъ ставиться во дьяконы, пресвитеры, игумены или архимандриты, то пишетъ челобитную царскому величеству, и царскимъ повелѣніемъ на той челобитной подпишутъ: „По указу государя царя поставить его“, и въ ставленной грамотѣ пишутъ: „Хиротонисанъ повелѣніемъ государя царя“. Когда повелитъ царь быть Собору, то бываетъ, и кого велитъ избирать и поставить архіереямъ, избираютъ и поставляютъ; велитъ судить и осуждать,—судятъ, осуждаютъ и отлучаютъ. Царь забралъ себѣ патріаршескія имѣнія, также берутъ, по его приказанію, имѣнія и другихъ архіереевъ и монастырскія, берутъ людей на службу, хлѣбъ, деньги, берутъ немилостиво, весь родъ христіанскій отягчилъ данями, сугубо, трегубо и больше, но все безполезно. Много разъ писали мы къ царскому величеству, представляя ему примѣры царей благочестивыхъ, благословенныхъ Богомъ за добрыя дѣла, и нечестивыхъ, принявшихъ отъ Бога мученія; но онъ ни во что вмѣнилъ наши увѣщанія, только гнѣвался на насъ и прислалъ сказать намъ: „Если не перестанешь писать, унижая и позоря насъ примѣрами прежнихъ царей, то болѣе не будемъ терпѣть тебя“. Бояринъ Семенъ Лукьяновичъ Стрѣшневъ научилъ собаку сидѣть и передними лапами благословлять, ругаясь благословенію Божію, и называлъ собаку Никономъ патріархомъ. Мы, услыхавъ о такомъ безчиніи, прокляли его, а царское величество не обратилъ на это никакого вниманія и держитъ Стрѣшнева у себя по-прежнему въ чести. Мы предали анаѳемѣ и Крутицкаго митрополита Питирима, потому что пересталъ поминать на литургіи наше имя, и которые священники продолжали поминать, тѣхъ наказывалъ: онъ же хиротонисалъ епископа Меѳодія въ Оршу и Мстиславъ, и послали его въ Кіевъ мѣстоблюстителемъ, тогда какъ Кіевская митрополія подъ благословіемъ Вселенскаго патріарха: когда мы были въ Москвѣ, то царское величество много разъ говорилъ намъ, чтобъ хиротонисать въ Кіевъ митрополита, но мы безъ вашего благословенія и безъ вашего совѣта не захотѣли этого сдѣлать и никогда бы не сдѣлали“.

Письмо это всего болѣе раздражило царя противъ Никона: если и прежде Никонъ не щадилъ жесткихъ выраженій относительно Алексѣя Михайловича, то это было дѣло свое, домашнее, о которомъ знали свои, немногіе; а теперь Никонъ рѣшился выставить въ черномъ свѣтѣ поведеніе государя относительно себя, относительно Церкви и всего народа передъ чужими, и именно передъ людьми, добрымъ мнѣніемъ которыхъ, по религіозности своей, Алексѣй Михайловичъ очень дорожилъ. Въ сильномъ волненіи и съ досадою читалъ онъ это письмо, что видно изъ собственноручныхъ замѣтокъ его на поляхъ; такъ, напримѣръ, противъ того мѣста, гдѣ Никонъ говоритъ, что тяжкія дани, налагаемыя царемъ на народъ, не приносятъ никакой пользы, Алексѣй Михайловичъ написалъ: „А у него льготно и что въ пользу?“

Пришла вѣсть, что патріархи ѣдутъ въ Москву: по военнымъ обстоятельствамъ, они не могли ѣхать европейскимъ путемъ, чрезъ европейскіе украйны, ѣхали дорогою азіятскою, черезъ Астрахань, подымаясь оттуда Волгою. 11 марта 1666 года царь писалъ Астраханскому архіепископу Іосифу: „Какъ патріархи въ Астрахань пріѣдутъ, то ты бы ѣхалъ изъ Астрахани въ Москву съ ними вмѣстѣ, и держалъ къ нимъ честь и береженье. Если они станутъ тебя спрашивать, для какихъ дѣлъ вызваны они въ Москву, то отвѣчай, что Астрахань отъ Москвы далеко, и потому ты не знаешь, для чего имъ указано быть въ Москву, думаешь, что велѣно имъ пріѣхать по поводу ухода бывшаго патріарха Никона и для другихъ великихъ церковныхъ дѣлъ, а того не сказывай, какъ ты былъ у него вмѣстѣ съ княземъ Никитою Ивановичемъ Одоевскимъ; во всемъ будь остороженъ и береженъ, да и людямъ, которые съ тобою будутъ, прикажи накрѣпко, чтобъ они съ патріаршими людьми о томъ ничего не говорили и были-бъ осторожны“.

Издержекъ для дорогихъ гостей не щадили: подъ патріархами было 500 лошадей! Но скоро царю дали знать, что патріархи везутъ съ собою изъ Астрахани въ Москву наборщика печатнаго двора Ивана Лаврентьева, который по царскому указу сосланъ былъ на Терекъ за то, что завелъ латинское воровское согласіе и многіе римскіе соблазны; везутъ съ собою слугу гостя Шорина, Ивана Туркина, писавшаго къ воровскимъ казакамъ воровскія грамотки, по которымъ казаки грабили царскій насадъ, торговыя суда и многихъ людей побили до смерти. 5 сентября царь писалъ къ многострадальному іеродіакону Мелетію Греку, провожавшему патріарховъ, чтобъ онъ обходился съ гостями учтиво, во всемъ ихъ государскою милостію обнадеживалъ, но сказалъ имъ, чтобъ они съ великимъ государемъ не ссорились, воровъ въ Москву не возили, а отдали бы ихъ воеводамъ. Приставы, находившіеся при патріархахъ, доносили, что по дорогѣ, по городамъ и селамъ, патріархи принимаютъ челобитныя и розыски чинятъ: въ Симбирскѣ остригли и велѣли посадить въ тюрьму протопопа Никифора за крестное знаменіе и за то, что не служитъ по новымъ служебникамъ; тамъ же остригли дьякона дѣвичьяго монастыря за связь съ монахинею; въ городкѣ Уренѣ остригли попа по челобитной дочери его духовной и по сыску стороннихъ священниковъ и многихъ людей. Въ этихъ распоряженіяхъ въ Москвѣ не могли найти ничего противузаконнаго.

Въ Москвѣ патріарховъ ждала великолѣпная встрѣча, богатые подарки, привѣтственныя рѣчи: „Васъ благочестнѣ, яко самихъ святыхъ верховныхъ апостолъ, пріемлемъ,“ говорилъ имъ самъ царь, „любезно, яко ангеловъ Божіихъ, объемлемъ, вѣрующе, яко всесильнаго монарха всемощный промыслъ вашимъ здѣ архіераршескимъ пречестнымъ пришествіемъ всяко въ вѣрныхъ сомнѣніе искоренити, всяко желаемое благочестивымъ благое исправленіе насадити и благочестно, еже паче солнца въ нашей державѣ сіяетъ, извѣстными свидѣтелями быти и Св. Россійскую Церковь и всѣхъ вѣрныхъ возвеселити, утѣшити. О святая и пречестная двоице! Что васъ наречемъ толикъ душеспасительный трудъ подъемшихъ? Херувимы ли, яко на васъ почилъ есть Христосъ? Серафимы ли, яко непрестанно прославляете Его?“ и т. д.

Приступили къ дѣлу. 5 ноября патріархи три часа сидѣли съ царемъ наединѣ; седьмаго числа къ совѣщанію были допущены архіереи, бояре, окольничіе и думные люди. Государь говорилъ объ уходѣ изъ Москвы Никона патріарха; архіереи подали сказки и выписку изъ правилъ. 28 ноября третье засѣданіе: царь вычиталъ обвиненіе Никону и просилъ патріарховъ рѣшить дѣло по правиламъ и по своему разсмотрѣнію. Патріархи отвѣчали, что надобно позвать Никона на Соборъ и потребовать отъ него отвѣта. На другой день отправились за Никономъ въ Воскресенскій монастырь: Арсеній, архіепископъ Псковскій, Сергій, архимандритъ Спасо-Ярославскаго, и Павелъ—Суздальскаго Евфиміева монастырей. „Я поставленіе святительское и престолъ патріаршескій имѣю не отъ Александрійскаго и не отъ Антіохійскаго патріарховъ, но отъ Константинопольскаго,“ отвѣчалъ имъ Никонъ. „Александрійскій и Антіохійскій патріархи и сами живутъ не въ Александріи и не въ Антіохіи: одинъ живетъ въ Египтѣ, а другой въ Дамаскѣ; если же патріархи пришли по согласію съ Константинопольскимъ и Іерусалимскимъ патріархами для духовныхъ дѣлъ, то я въ царствующій градъ Москву приду для духовныхъ дѣлъ извѣстія ради.“ 30 ноября патріархи, архіереи и синклитъ собрались въ столовой избѣ; государь сидѣлъ на царскомъ мѣстѣ, патріархи—подлѣ него на лѣвой сторонѣ въ креслахъ, архіереи на правой сторонѣ на скамьяхъ, бояре, окольничіе и думные люди—по лѣвую сторону на скамьяхъ. Объявленъ былъ отвѣтъ Никона и показался досадителенъ; опредѣлили послать вторично Филарета, архимандрита владимірскаго Рождественскаго монастыря, и Новоспасскаго келаря Варлаама Палицына, которые повезли Никону такую грамоту: „Ты великаго государя указа и св. патріарховъ повелѣнія не послушалъ, въ Москву не поѣхалъ, отказалъ нечестно и великій государь за премногое свое беззлобіе и долготерпѣніе, и св. патріархи и преосвященный Соборъ, презрѣвши твои досады и непослушаніе, прислали къ тебѣ въ другой разъ, чтобъ ты пріѣзжалъ въ Москву 2 декабря во второмъ или третьемъ часу ночи, не раньше втораго и не позднѣе третьяго часа, и остановился бы на Архангельскомъ подворьи въ Кремлѣ у Никольскихъ воротъ; ѣхать тебѣ смирнымъ образомъ въ 10 человѣкахъ или меньше.“

Отправивъ посланцовъ, Соборъ занялся чтеніемъ правилъ, присланныхъ патріархами. Паисій и Макарій подтвердили, что правила дѣйствительно посланы ими, и спросили: „По этому свитку Никонъ повиненъ ли?“ — „Повиненъ,“ отвѣчали архіереи и бояре. Между тѣмъ Филаретъ и Варлаамъ встрѣтили Никона уже на дорогѣ въ Москву, куда онъ пріѣхалъ въ 12 часовъ ночи. На другой день, 1 декабря, въ третьемъ часу дня, Соборъ, въ прежнемъ порядкѣ, уже засѣдалъ въ столовой избѣ. За Никономъ были посланы нашъ старый знакомый

Меѳодій, епископъ Мстиславскій, и два архимандрита: они должны были сказать Никону, чтобъ шелъ на Соборъ смирнымъ обычаемъ; но онъ пошелъ, какъ всегда ходилъ: передъ нимъ несли крестъ. По патріаршески вошелъ онъ и въ столовую избу: говорилъ входъ и молитву за здоровье государя и всего царствующаго дома, патріарховъ и всѣхъ православныхъ христіанъ; присутствующіе всѣ стояли во время молитвы: Изговоря входъ, поклонился государю до земли трижды, патріархамъ дважды; тѣ обратились къ нему съ приглашеніемъ сѣсть на правую сторону близъ государева мѣста. Но Никонъ, увидавъ, что его приглашаютъ садиться на одной лавкѣ съ другими архіереями, что особаго мѣста для него нѣтъ, отвѣчалъ: „Я мѣста себѣ, гдѣ сѣсть, съ собою не принесъ, развѣ сѣсть мнѣ тутъ, гдѣ стою; пришелъ я узнать, для чего Вселенскіе патріархи меня звали?“ Тутъ царь сошелъ съ своего мѣста, сталъ передъ патріархами и началъ говорить: „Отъ начала Московскаго государства Соборной и Апостольской Церкви такого безчестья не бывало, какъ учинилъ бывшій патріархъ Никонъ: для своихъ прихотей, самовольно, безъ нашего повелѣнія и безъ соборнаго совѣта Церковь оставилъ, патріаршества отрекся никѣмъ не гонимъ, и отъ этого его ухода многіе смуты и мятежи учинились, Церковь вдовствуетъ безъ пастыря девятый годъ; допросите бывшаго патріарха Никона, для чего онъ престолъ оставилъ и ушелъ въ Воскресенскій монастырь“. Патріархи обратились съ этимъ вопросомъ къ Никону, и тотъ отвѣчалъ: „Есть ли у васъ совѣтъ и согласіе съ Константинопольскимъ и Іерусалимскимъ патріархами, что меня судить? А безъ ихъ совѣта и вамъ отвѣчать не буду, потому что хиротонисанъ я отъ Константинопольскаго патріарха“. Паисій и Макарій указали ему на свитки, содержащіе полномочіе отъ двухъ остальныхъ патріарховъ. Тогда Никонъ билъ челомъ государю и патріархамъ, чтобъ выслали изъ Собора недруговъ его, Питирима, митрополита Новгородскаго, и Павла Сарскаго, которые хотѣли его отравить и удавить. Питиримъ и Павелъ отвѣчали, что это ложь и что у государя есть дѣло чернеца Ѳеодосія. Царь поднесъ это дѣло патріархамъ. Патріархи снова повторили вопросъ Никону: для чего отрекся отъ патріаршества? Никонъ сталъ говорить о Теймуразовскомъ обѣдѣ, повторилъ исчисленіе всѣхъ полученныхъ имъ оскорбленій, какъ это онъ сдѣлалъ въ письмѣ къ патріархамъ. Царь отвѣчалъ: „Никонъ писалъ ко мнѣ и просилъ обороны отъ Хитрово въ то время, какъ у меня обѣдалъ Грузинскій царь, и въ ту пору разыскивать и оборону давать было некогда“. Отвѣтъ этотъ былъ очень неудовлетворителенъ: если некогда было во время стола, то было время послѣ; впрочемъ царь спѣшилъ дать болѣе благопріятный для себя оборотъ дѣлу: „Никонъ патріархъ говоритъ“, продолжалъ онъ, „будто человѣка своего присылалъ для строенія церковныхъ вещей, но въ ту пору на Красномъ крыльцѣ церковныхъ вещей строить было нечего, и Хитрово зашибъ его человѣка за невѣжество, что пришелъ не во-время и учинилъ смятеніе, и это безчестье къ Никону патріарху не относится; а въ праздники выходу мнѣ не было за многими государственными дѣлами. Я посылалъ къ нему боярина князя Трубецкаго и Родіона Стрѣшнева, чтобы онъ на свой патріаршій столъ возвратился, и онъ отъ патріаршества отрекся, сказывалъ: какъ-де его на патріаршество обирали, то онъ на себя клятву положилъ—быть на патріаршествѣ только три года. Посылалъ я князя Юрія Ромодановскаго, чтобъ онъ впередъ великимъ государемъ не писался, потому что прежніе патріархи такъ не писывались, но того къ нему не приказывалъ, что на него гнѣвенъ“. Ромодановскій объявилъ, что онъ о государевѣ гнѣвѣ не говаривалъ. Патріархи спросили Никона: „Какія обиды тебѣ отъ великаго государя были?“ — „Никакихъ обидъ не бывало“, отвѣчалъ онъ; „но когда онъ началъ гнѣваться и въ церковь ходить пересталъ, то я патріаршество и оставилъ“. *Царь:* „Онъ писалъ ко мнѣ по уходѣ: будешь ты великій государь одинъ, а я, Никонъ, какъ одинъ отъ простыхъ“. *Никонъ*: „Я такъ не писывалъ“.

Патріархи обратились къ архіереямъ съ вопросомъ: „Какія обиды были Никону отъ государя?“—„Никакихъ“, былъ отвѣтъ. *Никонъ*: „Я объ обидѣ не говорю, а говорю о государевѣ гнѣвѣ; и прежніе патріархи отъ гнѣва царскаго бѣгали,—Аѳанасій Александрійскій и Григорій Богословъ“. *Патріархи:* „Другіе патріархи оставляли престолъ, да не такъ, какъ ты: ты отрекся, что впередъ не быть тебѣ патріархомъ; если будешь патріархомъ, то анаѳема будешь“. *Никонъ*: „Я такъ не говаривалъ, а говорилъ, что за недостоинство свое иду; а еслибъ я отрекся отъ патріаршества съ клятвою, то не взялъ бы съ собою святительской одежды“. *Патріархи*: „Когда ставятъ въ священный чинъ, то говорятъ: „достоинъ“, а ты какъ святительскую одежду снималъ, то говорилъ: недостоинъ“. *Никонъ*: „Это на меня выдумали“ *Царь*: „Никонъ писалъ въ грамотахъ своихъ къ св. патріархамъ на меня многія безчестья и укоризны, а я на него ни малаго безчестья и укоризны не писывалъ. Допросите его: все ли онъ истину безо всякаго прилога писалъ; за церковные ли догматы онъ стоялъ; Іосифа патріарха святѣйшимъ и братомъ себѣ почитаетъ ли, и церковныя движимыя и недвижимыя вещи продавалъ ли?“ *Никонъ:* „Что въ грамотахъ писано, то и писано, а стоялъ я за церковные догматы; Іосифа патріарха почитаю за патріарха, а святъ ли онъ, того не вѣдаю; церковныя вещи продавалъ я по государеву указу“.

Царь велѣлъ читать грамоту Никона къ патріарху Діонисію. Когда читали: „Посыланъ я въ Соловецкій монастырь за мощами Филиппа митрополита, котораго мучилъ царь Иванъ неправедно“,—Алексѣй Михайловичъ прервалъ чтеніе и сказалъ: „Для чего онъ такое безчестье и укоризну царю Ивану Васильевичу написалъ, а о себѣ утаилъ, какъ онъ извергъ безъ Собора Павла, епископа Коломенскаго, ободралъ съ него святительскія одежды и сослалъ въ Хутынскій монастырь, гдѣ его не стало безвѣстно; допросите его, по какимъ правиламъ онъ это сдѣлалъ?" Никонъ промолчалъ о царѣ Иванѣ и отвѣчалъ только относительно Павла: „По какимъ правиламъ я его низвергъ и сослалъ, того не помню, и гдѣ онъ пропалъ, того не вѣдаю, есть о немъ на патріаршемъ дворѣ дѣло".—„На патріаршемъ дворѣ дѣла нѣтъ и не бывало, отлученъ епископъ Павелъ безъ Собора", возразилъ митрополитъ Сарскій.

Никонъ молчалъ; стали опять читать письмо. Когда дошли до того мѣста, гдѣ говорилось, что царь началъ вступаться въ патріаршескія дѣла, то Алексѣй Михайловичъ сказалъ патріархамъ: „Допросите, въ какія архіерейскія дѣла я вступаюсь?"—„Что я писалъ, того не помню", отвѣчалъ Никонъ. Продолжали читать: „Оставилъ патріаршество вслѣдствіе государева гнѣва".—„Допросите", прервалъ царь, „какой гнѣвъ и обида?" *Никонъ:* „На Хитрово не далъ обороны, въ церковь ходить пересталъ; ушелъ я самъ собою, патріаршества не отрекался, государевъ гнѣвъ объявленъ небу и землѣ, кромѣ саккоса и митры съ собою не взялъ ничего". *Патріархи*: „Хотя-бъ Богданъ Матвѣевичъ человѣка твоего и зашибъ, то тебѣ можно бы терпѣть и послѣдовать Іоанну Милостивому, какъ онъ отъ раба терпѣлъ; а еслибъ государевъ гнѣвъ на тебя и былъ, то тебѣ слѣдовало объ этомъ посовѣтоваться съ архіереями и къ великому государю посылать, бить челомъ о прощеніи, а не сердиться". Тутъ послышался голосъ Хитрово, ободреннаго словами патріарховъ: „Во время стола я царскій чинъ исполнялъ", началъ Богданъ Матвѣевичъ, „въ это время пришелъ патріарховъ человѣкъ и учинилъ мятежъ, и я его зашибъ не знаючи, и въ томъ у Никона патріарха просилъ прощенія, и онъ меня простилъ". Раздались голоса съ обѣихъ сторонъ, съ архіерейской и боярской: „Отъ великаго государя Никону патріарху обиды никакой не было, пошелъ онъ не отъ обиды, съ сердца".—„Когда онъ снималъ панагію и ризы", говорили архіереи, „то говорилъ: аще помыслю въ патріархи, анаѳема да буду, панагію и посохъ оставилъ, взялъ клюку, а про государевъ гнѣвъ ничего не говорилъ; какъ поѣхалъ въ Воскресенскій монастырь, то за нимъ повезли его люди много сундуковъ съ имѣніемъ, да къ нему же отослано изъ патріаршей казны денегъ 2,000 рублей".—*Патріархи*: „Ты отрекся отъ архіерейства; снимая митру и омофоръ, говорилъ: недостоинъ". *Никонъ*: „Въ отреченіи лжесвидѣтельствуютъ; еслибъ я вовсе отрекся, то архіерейской одежды съ собою не взялъ бы".

Дочли въ письмѣ до выходки Никона противъ Уложенія: „Къ этой книгѣ", сказалъ царь, „приложили руки патріархъ Іосифъ и весь священный Соборъ, и твоя рука приложена; для чего ты, какъ былъ на патріаршествѣ, эту книгу не исправилъ, и кто тебя за эту книгу хотѣлъ убить?"—„Я руку приложилъ по-неволѣ", отвѣчалъ Никонъ. Дочли до разсказа о пріѣздѣ князя Одоевскаго и Паисія Лигарида въ Воскресенскій монастырь. „Митрополитъ и князь", сказалъ царь, „посланы были выговорить ему его неправды, что писалъ ко мнѣ со многимъ безчестьемъ и съ клятвою, мои грамоты клалъ подъ Евангеліе; позорилъ онъ Газскаго митрополита, а тотъ свидѣтельствованъ отцомъ духовнымъ и ставленная грамота у него есть". *Никонъ*: „Я за обидящаго молился, а не клялъ; Газскому митрополиту по правиламъ служить не слѣдуетъ, потому что епархію свою оставилъ и живетъ въ Москвѣ долгое время; слышалъ я отъ дьяка Агаѳангела, что онъ Іерусалимскимъ патріархомъ отлученъ и проклятъ; у меня много такихъ мужиковъ; мнѣ говорилъ бояринъ князь Никита Ивановичъ государевымъ словомъ, что Иванъ Сытинъ хочетъ меня зарѣзать". *Одоевскій*: „Такихъ рѣчей я не говаривалъ, а Никонъ мнѣ говорилъ: „если хотите меня зарѣзать, то велите", и грудь обнажалъ". Патріархъ *Макарій*: „Митрополитъ Газскій въ дьяконы и попы ставленъ въ Іерусалимѣ, а не въ Римѣ, я про это подлинно знаю". *Алмазъ Ивановъ*: „Когда Никонъ, по вѣстямъ о непріятелѣ, пріѣзжалъ въ Москву, то мнѣ говорилъ, что отъ престола своего отрекся".—*Никонъ*: „Никогда не говорилъ".

Когда прочли въ грамотѣ, что царь посылалъ къ патріархамъ многіе дары, то Алексѣй Михайловичъ, обратясь къ Никону, сказалъ: „Я никакихъ даровъ не посылывалъ; писалъ, чтобъ пришли въ Москву для умиренія Церкви; а ты посылалъ къ нимъ съ грамотами племянника своего, и далъ Черкашенину много золотыхъ". *Никонъ*: „Я Черкешенину не давалъ, а давалъ племяннику на дорогу".

Читали о Зюзинѣ, о его ссылкѣ, о смерти жены его съ горя. *Царь*: „Зюзинъ достоинъ былъ за свое дѣло смертной казни, потому что призывалъ Никона въ Москву безъ моего повелѣнія и учинилъ многую смуту, а жена умерла отъ Никона, потому что онъ выдалъ мужа ея, показавъ его письмо". *Никонъ*: „Я письма Зюзина прислалъ къ великому государю, оправдывая себя, что пріѣзжалъ по письмамъ, а не самъ собою". Царь поднесъ патріархамъ Зюзинское дѣло и говорилъ: „Никонъ приходилъ въ Москву никѣмъ незванный, и изъ соборной церкви увезъ-было Петра митрополита посохъ, а ребята его отрясали прахъ отъ ногъ своихъ; и то онъ какое добро учинилъ? и ребята его какіе учители, что такъ учинили?" — „Ребята прахъ отъ ногъ своихъ какъ отрясали, то я не видалъ", отвѣчалъ Никонъ, „а какъ пріѣзжали за посохомъ въ Чернево, то меня томили, а иныхъ хотѣли побить до смерти".—„До смерти побивать никого не было велѣно, и не биты", возразилъ царь.

Читали: „Которые люди за меня доброе слово молвятъ или какія письма объявятъ, тѣ въ заточеніе посланы и мукамъ преданы: поддьяконъ Никита умеръ въ оковахъ, попъ Сысой погубленъ, строитель Ааронъ сосланъ въ Соловецкій монастырь".— „Никита", прервалъ царь, „ѣздилъ отъ Никона къ Зюзину съ ссорными письмами, сидѣлъ за карауломъ и умеръ своею смертію отъ болѣзни; Сысой вѣдомый воръ и ссорщикъ, и сосланъ за многія плутовства; Ааронъ говорилъ про меня непристойныя слова и за то сосланъ. Допросите, кто былъ мученъ? *Никонъ*: „Мнѣ объ этомъ сказывали". *Царь*: „Ссорнымъ рѣчамъ вѣрить было не надобно и ко Вселенскимъ патріархамъ ложно не писать".

Читали: „Архіереи по епархіямъ поставлены мимо правилъ Св. Отецъ, запрещающихъ переводить изъ епархіи въ епархію. „Когда Никонъ", сказалъ на это царь, „былъ на патріаршествѣ, то перевелъ изъ Твери архіепископа Лаврентія въ Казань и другихъ многихъ отъ мѣста къ мѣсту переводилъ". *Никонъ*: Я это дѣлалъ не по правиламъ, по невѣдѣнію". *Питиримъ*: „Ты и самъ на Новгородскую митрополію возведенъ на мѣсто живаго митрополита Авфонія".—*Никонъ*: „Авфоній былъ безъ ума; чтобъ и тебѣ такъ-же обезумѣть!"

„Отъ сего беззаконнаго собора", продолжали читать въ грамотѣ, „престало на Руси соединеніе съ Восточными церквами и отъ благословенія вашего отлучились, отъ римскихъ костеловъ начатокъ пріяли волями своими". *Царь*: „Никонъ насъ отъ благочестивой вѣры и отъ благословенія св. патріарховъ отчелъ и къ католической вѣрѣ причелъ, и назвалъ всѣхъ еретиками! только бы его Никоново письмо до св. Вселенскихъ патріарховъ дошло, то всѣмъ православнымъ христіанамъ быть бы подъ клятвою, и за то его ложное и затѣйное письмо надобно всѣмъ стоять и умирать, и отъ того очиститься".—„Чѣмъ Русь отъ Соборной Церкви отлучилась?" спросили патріархи Никона. „Тѣмъ", отвѣчалъ онъ, „что Паисій Газскій Питирима перевелъ изъ одной митрополіи въ другую и на его мѣсто поставилъ другого митрополита; и другихъ архіереевъ съ мѣста на мѣсто переводили же; а ему то дѣлать не довелось, потому что отъ Іерусалимскаго патріарха онъ отлученъ и проклятъ; да хотя-бъ Газскій митрополитъ и не еретикъ былъ, то ему на Москвѣ долго быть не-для-чего; я его митрополитомъ не почитаю, у него и ставленной грамоты нѣтъ; всякій мужикъ надѣнетъ на себя мантію — такъ онъ и митрополитъ! Я писалъ все объ немъ, а не о православныхъ христіанахъ". Оправданіе было слишкомъ ничтожно; враги Никона торжествовали; отовсюду поднялся крикъ: „Онъ назвалъ еретиками всѣхъ насъ, а не одного Газскаго митрополита: надобно учинить объ этомъ указъ по правиламъ!" Никонъ увидалъ, куда завела его привычка употреблять сильныя, необдуманныя рѣчи; но опять, по привычкѣ всегда во всемъ обвинять другихъ, а не себя, онъ обратился къ государю и сказалъ: „Только-бъ ты Бога боялся, то такъ бы надо мною не дѣлалъ".

Царь не отвѣчалъ ничего. Когда всѣ успокоились, стали опять читать грамоту Никона къ патріархамъ, читали жалобу его на поставленіе духовныхъ по государеву указу, на тяжелые сборы съ церквей и монастырей. Царь объяснилъ дѣло: „Какъ прежде бывало во время междупатріаршества", сказалъ онъ, „такъ дѣлается и теперь насчетъ поставленія духовныхъ лицъ: возводятъ въ степени архіереи Соборомъ. Если что изъ патріаршей казны взято, то взято взаймы; съ архіереевъ и монастырей брались даточные люди, деньги и хлѣбъ по прежнему обычаю; а онъ, Никонъ патріархъ, на строеніе новаго Воскресенскаго монастыря бралъ изъ домовой казны большія деньги, которыя взяты были съ архіереевъ и монастырей вмѣсто даточныхъ людей; да онъ же бралъ съ архіереевъ и монастырей многія подводы самовольствомъ". Никонъ отвѣчалъ, что ничего никогда не бралъ. Когда прочли мѣсто о Меѳодіи Мстиславскомъ, то царь сказалъ: „Епископъ Меѳодій посланъ въ Кіевъ не митрополитомъ, а блюстителемъ, и объ этомъ писалъ я къ Константинопольскому патріарху". Относительно поведенія Питирима отвѣчалъ самъ обвиненный: „Въ божественныхъ службахъ въ соборной церкви я стоялъ и сидѣлъ гдѣ мнѣ слѣдуетъ, а не на патріаршескомъ мѣстѣ; въ Недѣлю Ваій дѣйствовалъ по государеву указу, а не самъ собою". *Никонъ*: „Тебѣ дѣйствовать не довелось:—то дѣйство наше патріаршеское". *Царь*: „Какъ ты былъ въ Новгородѣ митрополитомъ, то самъ дѣйствовалъ: а въ твое патріаршество въ Новгородѣ, Казани и Ростовѣ митрополиты дѣйствовали же". *Никонъ*: „Это я дѣлалъ по невѣдѣнію". Дошли и до Стрѣшневской собаки. „Никонъ", сказалъ при этомъ царь, „ко мнѣ ничего не писалъ, а бояринъ Семенъ Лукьяновичъ передо мною сказалъ съ клятвою, что ничего такого не бывало". Духовенство свидѣтельствовало, что Никонъ проклялъ Стрѣшнева понапрасну безъ Собора, а бояринъ Петръ Михайловичъ Салтыковъ прибавилъ, что патріархъ разрѣшилъ Стрѣшнева отъ клятвы и простилъ, и грамоту къ нему прощальную прислалъ. Никонъ не говорилъ ничего; но когда чтеніе грамоты кончилось, то онъ сказалъ царю: „Богъ тебя судитъ; я узналъ на избраніи своемъ, что ты будешь ко мнѣ добръ шесть лѣтъ, а потомъ буду я возненавидѣнъ и мученъ". Царь обратился къ патріархамъ: „Допросите его, какъ онъ это узналъ на избранія своемъ"? Никонъ на этотъ вопросъ не отвѣчалъ ничего. Тутъ Іларіонъ Рязанскій воспользовался случаемъ, чтобъ упомянуть о другихъ пророчествахъ Никона: „Онъ говорилъ", началъ Іларіонъ, „что видѣлъ звѣзду метлою и оттого будетъ Московскому государству погибель; пусть скажетъ, отъ какого духа онъ это увѣдалъ"? Никонъ: „И въ прежнемъ законѣ такія знаменія бывали, на Москвѣ это и сбудется; Господь пророчествовалъ на горѣ Элеонской о разореніи Іерусалима за четыреста лѣтъ". Всѣ утомились, особенно царь и Никонъ, стоявшіе все время на ногахъ. Патріархи кончили засѣданіе, велѣвъ Никону идти на подворье.

Между разными голосами, поднимавшимися противъ Никона на Соборѣ, мы не слыхали голоса

Паисія Лигарида. Онъ даже почелъ за полезное для себя уклониться отъ развязки дѣла, въ которомъ такъ сильно участвовалъ прежде, и подалъ царю просьбу: „Я пришелъ сюда не для того, чтобъ спорить съ Никономъ или судить его, но для облегченія моей епархіи отъ долга, на ней тяготѣющаго. Я принялъ щедрую милостыню твою, которой половину укралъ воръ Агаѳангелъ; предаю его вѣчному проклятію, какъ новаго Іуду! Прошу отпустить меня, пока не съѣдется въ Москву весь Соборъ; если столько натерпѣлся я прежде Собора, то чего не натерплюсь послѣ Собора? Довольно, всемилостивѣйшій царь! довольно: не могу больше служить твоей святой палатѣ; отпусти раба своего, отпусти! Какъ вольный, незванный пришелъ я сюда, такъ пусть вольно мнѣ будетъ и отъѣхать отсюда въ свою митрополію“. Паисія не отпустили изъ Москвы, но онъ счелъ нужнымъ для себя молчать во время споровъ съ Никономъ.

3-го декабря было второе засѣданіе безъ Никона. Царь объявилъ патріархамъ, что вчера, 2 числа, онъ посылалъ Никону ѣду и питье, но тотъ не принялъ и сказалъ, что у него и своего есть много и будто онъ о томъ къ нему, великому государю, не приказывалъ. „Никонъ дѣлаетъ все, изступя ума своего“, отвѣчали патріархи. Когда подсудимый вошелъ, царь, опять сойдя съ своего мѣста, говорилъ патріархамъ рѣчь, и всѣ присутствующіе били челомъ на Никона: „Бранясь съ митрополитомъ Газскимъ, писалъ онъ въ грамотѣ къ Константинопольскому патріарху, будто все православное христіанство отъ Восточной Церкви отложилось къ западному костелу, тогда какъ Святая Соборная Восточная Церковь имѣетъ въ себѣ Спасителя нашего Бога многоцѣлебную ризу и многихъ Святыхъ московскихъ чудотворцевъ мощи, и никакого отлученія не бывало; держимъ и вѣруемъ по преданію Св. Апостоловъ и Св. Отецъ истинно; бьемъ челомъ, чтобъ патріархи отъ такого названія православныхъ христіанъ очистили“. Тутъ царь и весь Соборъ патріархамъ поклонились до земли. „Это дѣло великое“, отвѣчали патріархи, „за него надобно стоять крѣпко; когда Никонъ всѣхъ православныхъ христіанъ еретиками назвалъ, то онъ и насъ такъ же назвалъ еретиками, будто мы пришли еретиковъ разсуждать, а мы въ Московскомъ государствѣ видимъ православныхъ христіанъ; мы станемъ за это Никона патріарха судить и православныхъ христіанъ оборонять по правиламъ“. Выставивши съ такою торжественною обстановкою главный пунктъ обвиненія противъ Никона; показавши, что не можетъ быть примиренія съ пастыремъ, такъ жестоко оскорбившимъ паству, обвинявшимъ ее въ неправославіи, для усиленія впечатлѣнія представили патріархамъ самую важную улику на Никона, потрясавшую довѣріе къ его словамъ, къ его оправданіямъ: до сихъ поръ Никонъ постоянно утверждалъ, что онъ не отказывался отъ патріаршества; теперь царь подалъ патріархамъ три письма, въ которыхъ Никонъ называлъ себя бывшимъ патріархомъ. Патріархи объявили: „Въ законахъ написано: кто уличился во лжи трижды, тому впередъ вѣрить ни въ чемъ не должно. Никонъ патріархъ объявился во многихъ лжахъ, и ему ни въ чемъ вѣрить не подобаетъ; кто кого оклеветалъ, подвергается той же казни, какая присуждена обвиненному имъ; кто на кого возведетъ еретичество и не докажетъ, тотъ достоинъ — священникъ низверженія, а мірской человѣкъ — проклятія“. Царь поднесъ письмо Никона о поставленіи новаго патріарха на его мѣсто. Патріархи продолжали: „Когда Теймуразъ былъ у царскаго стола, то Никонъ прислалъ человѣка своего, чтобъ смуту учинить, а въ законахъ написано: кто между царемъ учинитъ смуту, тотъ достоинъ смерти, и кто Никонова человѣка ударилъ, того Богъ проститъ, потому что подобаетъ такъ быть“. При этихъ словахъ Антіохійскій патріархъ всталъ и осѣнилъ Хитрово, потомъ продолжалъ: „Архіепископа Сербскаго Гавріила били Никоновы крестьяне въ селѣ Пушкинѣ, и Никонъ обороны не далъ; да онъ же, Никонъ, въ соборной церкви, въ алтарѣ, во время литургіи, съ нѣкотораго архіерея снялъ шапку и бранилъ всячески за то, что не такъ кадило держалъ; онъ же, Никонъ, на ердань ходилъ въ навечеріи Богоявленія, а не въ самый праздникъ“.

5-го декабря третье засѣданіе Собора въ присутствіи Никона. Еще до прихода послѣдняго, государь обратился къ патріархамъ; „Никонъ“, сказалъ онъ, „пріѣхалъ въ Москву и на меня налагаетъ судьбы Божія за то, что Соборъ приговорилъ и велѣлъ ему въ Москву пріѣхать не съ большими людьми. Когда онъ ѣхалъ въ Москву, то по моему указу у него взять малый (Шушера) за то, что онъ въ девятилѣтнее время къ Никону носилъ всякія вѣсти и чинилъ многую ссору. Никонъ за этого малаго меня поноситъ и безчеститъ, говоритъ: царь меня мучитъ, велѣлъ отнять малаго изъ-подъ креста; если Никонъ на Соборѣ станетъ объ этомъ говорять, то вы, св. патріархи, вѣдайте; да и про то вѣдайте, что Никонъ передъ поѣздкою своею въ Москву исповѣдовался, пріобщался и масломъ освящался“. Патріархи подивились гораздо. Когда Никонъ вошелъ, то патріархъ Паисій началъ говорить ему, что онъ отрекся отъ патріаршескаго престола съ клятвою и ушелъ безъ законной причины. „Я не отрекался съ клятвою“, отвѣчалъ Никонъ, „я засвидѣтельствовался небомъ и землею и ушелъ отъ государева гнѣва, и теперь иду, куда великій государь изволитъ, благое по нуждѣ не бываетъ“. *Патріархи:* „Многіе слышали, какъ ты отрекся отъ патріаршества съ клятвою“. *Никонъ:* „Это на меня затѣяли; а если я негоденъ, то куда царское величество изволитъ, туда и пойду“. *Патріархи:* „Кто тебѣ велѣлъ писаться патріархомъ Новаго Іерусалима?“ *Никонъ:* „Не писывалъ и не говаривалъ“. Тутъ Иларіонъ Рязанскій показалъ письмо его, гдѣ именно такъ было написано. *Никонъ:* „Рука моя, развѣ описался. Слышалъ я отъ Грековъ, что на Антіохійскомъ и Александрійскомъ престолахъ иные патріархи сидятъ; чтобъ государь приказалъ свидѣтельствовать, пусть патріархи положатъ Евангеліе“. *Патріархи:* „Мы патріархи истинные, не низверженные и не отрекались отъ престоловъ своихъ; развѣ Турки безъ насъ что сдѣлали; но если кто дерзнулъ на наши престолы беззаконно, по принужденію султана, тотъ не патріархъ, прелюбодѣй; а Св. Евангелію быть не для чего, архіерею не подобаетъ Евангеліемъ клясться“. *Никонъ*: „Отъ сего часа свидѣтельствуюсь Богомъ, что не буду передъ патріархами говорить, пока Константинопольскій и Іерусалимскій сюда будутъ“. *Иларіонъ Рязанскій:* „Какъ ты не боишься суда Божія, — и Вселенскихъ-то патріарховъ безчестишь!“ *Патріархи*, обратясь къ Собору: „Скажите правду про отрицаніе Никоново съ клятвою!“ Патиримъ Новгородскій и Іоасафъ Тверской показали, что Никонъ отрекся и говорилъ: если буду патріархъ, то анаѳема буду. *Никонъ:* „Я назадъ не поворачиваюсь и не говорю, что мнѣ быть на престолѣ патріаршескомъ; а кто по мнѣ будетъ патріархъ, тотъ будетъ анаѳема: такъ я и писалъ къ государю, что безъ моего совѣта не поставлять другого патріарха. Я теперь о престолѣ ничего не говорю, какъ изволитъ великій государь и Вселенскіе патріархи“. Патріархи велѣли читать правила Амасійскому митрополиту по-гречески, а по-русски читалъ Иларіонъ Рязанскій. Читали: „Кто покинетъ престолъ волею, безъ навѣтовъ, тому впредъ не быть на престолѣ“. *Никонъ:* „Эти правила не апостольскія, и не Вселенскихъ Соборовъ и не помѣстныхъ; я этихъ правилъ не принимаю и не внимаю“. *Павелъ Крутицкій:* „Эти правила приняла Церковъ“. *Никонъ:* „Ихъ въ русской Кормчей нѣтъ, а греческія правила не прямыя, ихъ патріархи отъ себя написали, а печатали ихъ еретики; а я не отрекался отъ престола, это на меня затѣяли“. *Патріархи:* „Наши греческія правила прямыя!“ Тверской архіепископъ *Іоасафъ*: „Когда онъ отрекался съ клятвою отъ патріаршескаго престола, то мы его молили, чтобъ не покидалъ престола, но онъ говорилъ, что разъ отрекся и больше не будетъ патріархомъ, а если возвратится, то будетъ анаѳема“. Никонъ по-прежнему отвергалъ это показаніе. Тутъ всталъ Родіонъ Стрѣшневъ и объявилъ: „Никонъ говорилъ, что обѣщалъ быть на патріаршествѣ только три года“. *Никонъ:* „Я не возвращаюсь на престолъ: воленъ великій государь“. *Алмазъ Ивановъ:* „Никонъ писалъ государю, что ему не подобаетъ возвратиться на престолъ, яко псу на своя блевотины“. Никонъ отперся и прибавилъ: „Не только меня, и Златоуста изгнали неправедно“; потомъ, обратясь къ царю, сказалъ: „Когда на Москвѣ учинился бунтъ, то и ты, царское величество, самъ неправду свидѣтельствовалъ, а я, испугавшись, пошелъ отъ твоего гнѣва“. *Царь*: „Непристойныя рѣчи, безчестя меня, говоришь: на меня никто бунтомъ не прихаживалъ, а что приходили земскіе люди, и то не на меня,—приходили бить челомъ мнѣ объ обидахъ“. Со всѣхъ сторонъ поднялись крики: „Какъ ты не боишься Бога непристойныя рѣчи говорить и великаго государя безчестить!“ *Патріархи*: „Для чего ты клобукъ черный съ херувимами носишь и двѣ панагіи?“ *Никонъ:* „Ношу черный клобукъ по примѣру Греческихъ патріарховъ; херувимовъ ношу по примѣру Московскихъ патріарховъ, которые носили ихъ на бѣломъ клобукѣ; съ одною панагіею съ патріаршества сошелъ, а другая—крестъ, въ помощь себѣ ношу“. *Архіереи*: „Когда отрекся отъ патріаршества, то бѣлаго клобука съ собою не взялъ, взялъ простой монашескій, а теперь носишь съ херувимомъ“. *Антіохійскій патріархъ:* „Знаешь ли, что Антіохійскій патріархъ судья вселенскій? *Никонъ:* „Тамъ себѣ и суди; въ Александріи и Антіохіи нынѣ патріарховъ нѣтъ: Александрійскій живетъ въ Египтѣ, Антіохійскій въ Дамаскѣ“. *Патріархи*: „Когда благословили Вселенскіе патріархи Іова митрополита Московскаго на патріаршество, въ то время гдѣ они жили?“ *Никонъ:* „Я въ то время не великъ былъ“. *Патріархи*: „Слушай правила святыя“. *Никонъ*: „Греческія правила непрямыя, печатали ихъ еретики“. *Патріархи*: „Приложи руку, что нашъ Номоканонъ еретическій, и скажи именно, какія въ немъ ереси?“ Никонъ отказался это сдѣлать. *Патріархи:* „Скажи, сколько епископовъ судятъ епископа и сколько—патріарха?“ *Никонъ*: „Епископа судятъ 12 епископовъ, а патріарха вся вселенная“ *Патріархи*: „Ты одинъ Павла епископа низвергъ не по правиламъ“. *Царь*: „Вѣришь ли всѣмъ Вселенскимъ патріархамъ? они подписались своими руками, что Антіохійскій и Александрійскій пришли по ихъ согласію въ Москву?“ Никонъ посмотрѣлъ на подписи и сказалъ: „Рукъ ихъ не знаю“. *Антіохійскій патріархъ*: „Истинныя то руки патріаршескія!“ *Никонъ* Антіохійскому: „Широкъ ты здѣсь; какъ-то ты отвѣтъ дашь предъ Константинопольскимъ патріархомъ!“ *Голоса съ разныхъ сторонъ*: „Какъ ты Бога не боишься, великаго государя, безчестишь и Вселенскихъ патріарховъ и всю истину во лжу ставишь!“ Патріархи велѣли взять у Никона крестъ, который передъ нимъ носили, на томъ основаніи, что ни у одного патріарха нѣтъ такого обычая, а Никонъ взялъ отъ латынниковъ. Начался опять споръ объ отреченіи; наконецъ патріархи сказали: „Написано: по нуждѣ и дьяволъ исповѣдуетъ истину, а Никонъ истины не исповѣдуетъ“. Произнесли приговоръ: „Отселѣ не будеши патріархъ и священная да не дѣйствуеши, но будеши, яко простой монахъ“.

8-го декабря патріархи сидѣли у государя наединѣ три часа. 12-го декабря они собрались съ духовенствомъ въ крестовой патріаршей и послали просить государя, чтобъ отрядилъ къ нимъ коголибудь изъ синклита: царь прислалъ князя Никиту Ивановича Одоевскаго, боярина Петра Михайловича Салтыкова, думнаго дворянина Елизарова, думнаго дьяка Алмаза Иванова. Никонъ дожидался въ сѣняхъ передъ крестовою. Патріархи отправились въ церковь, которая была на воротахъ Чудова монастыря, и стали на своихъ мѣстахъ въ саккосахъ, другіе архіереи въ саккосахъ же стояли по чину. Позвали Никона; онъ вошелъ, помолился иконамъ, поклонился патріархамъ дважды въ поясъ и сталъ на лѣвую сторону Западныхъ дверей. Начали читать выписку изъ соборнаго дѣянія по-гречески и по-русски. Когда чтеніе кончилось, патріархи сошли съ своихъ мѣстъ, стали у Царскихъ дверей, подозвали Никона къ себѣ и перечислили его вины, которыя состояли въ слѣдующемъ: „Проклиналъ россійскихъ архіереевъ въ Недѣлю Православія мимо всякаго стязанія и суда; покинутіемъ престола заставилъ Церковь вдовствовать восемь лѣтъ и шесть мѣсяцевъ; ругался двоимъ архіереямъ, одного называлъ Анною, другого Каіафою; изъ двоихъ бояръ одного называлъ Иродомъ, другого—Пилатомъ; когда былъ призванъ на Соборъ по обычаю церковному, то пришелъ не смиреннымъ обычаемъ и не переставалъ порицать патріарховъ, говоря, что они не владѣютъ древними престолами, но скитаются внѣ своихъ епархій, судъ ихъ уничижилъ и всѣ правила среднихъ и помѣстныхъ соборовъ, бывшихъ по Седьмомъ Вселенскомъ, всячески отвергъ; Номоканонъ назвалъ книгою еретическою, потому что напечатанъ въ странахъ западныхъ; въ письмахъ къ патріархамъ православнѣйшаго государя обвинилъ въ латинствѣ, называлъ мучителемъ неправеднымъ, уподоблялъ его Іеровоаму и Осіи; говорилъ, что синклитъ и вся Россійская Церковь приклонились къ латинскимъ догматамъ: но порицающій стадо ему врученное не пастырь, а наемникъ; архіерея одинъ самъ собою низвергъ; по низложеніи, съ Павла, епископа Коломенскаго, мантію снялъ и предалъ на лютое біеніе; архіерей этотъ сошелъ съ ума и погибъ безвѣстно, звѣрями ли заѣденъ, или въ водѣ утонулъ, или другимъ какимъ-нибудь образомъ погибъ; отца своего духовнаго повелѣлъ безъ милости бить, и патріархи сами язвы его видѣли; живя въ монастырѣ Воскресенскомъ, многихъ людей, иноковъ и бѣльцовъ наказывалъ не духовно, не кротостію за преступленія, но мучилъ мірскими казнями, кнутомъ, палицами, иныхъ на пыткѣ жегъ.“ Когда вины были объявлены, патріархъ Александрійскій снялъ съ Никона клобукъ и панагію, и сказалъ ему, чтобъ впередъ патріархомъ не назывался и не писался, назывался бы просто монахомъ Никономъ, въ монастырѣ жилъ бы тихо и безмятежно, и о своихъ согрѣшеніяхъ молилъ всемилостиваго Бога. „Знаю я и безъ вашего поученія, какъ жить“, отвѣчалъ Никонъ, „а что вы клобукъ и панагію съ меня сняли, то жемчугъ съ нихъ раздѣлите по себѣ, достанется вамъ жемчугу золотниковъ по пяти и по шести, да золотыхъ по десяти. Вы султанскіе невольники, бродяги, ходите всюду за милостынею, чтобъ было чѣмъ заплатить дань султану. Откуда взяли вы эти законы? Зачѣмъ вы дѣйствуете здѣсь тайно, какъ воры въ монастырской церкви, въ отсутствіи царя, думы и народа? При всемъ народѣ упросили меня принять патріаршество; я согласился, видя слезы народа, слыша страшныя клятвы царя; поставленъ я въ патріархи въ соборной церкви, предъ всенароднымъ множествомъ; а если теперь захотѣлось вамъ осудить насъ и низвергнуть, то пойдемъ въ ту же церковь, гдѣ я принялъ пастырскій жезлъ, и если окажусь достойнымъ низверженія, то подвергните меня, чему хотите“. Ему отвѣчали, что все равно, въ какой-бы церкви ни было произнесено опредѣленіе Собора, лишь было бы оно по совѣту государя и всѣхъ архіереевъ. На Никона надѣли простой клобукъ, снятый съ греческаго монаха; но архіерейскаго посоха и мантіи у него не взяли, страха ради народнаго, по однимъ извѣстіямъ, по просьбѣ царя—по другимъ.

Мѣстомъ заточенія для низверженнаго патріарха назначенъ былъ Ѳерапонтовъ Бѣлозерскій монастырь, куда отправились съ нимъ два священника черныхъ, два дьякона, одинъ простой монахъ и два бѣльца. Садясь въ сани, Никонъ сталъ говорить, обращаясь къ самому себѣ: „Никонъ! отчего все это тебѣ приключилось? Не говори правды, не теряй дружбы! Если бы ты давалъ богатые обѣды и вечерялъ съ ними, то не случилось бы съ тобою этого“. Никона взяли изъ Чудова монастыря подъ прикрытіемъ ратныхъ людей; но толпа народа слѣдовала за нимъ. Позади саней шелъ Спасо-Ярославскій архимандритъ Сергій, и когда Никонъ начиналъ что-нибудь говорить, Сергій кричалъ: „Молчи, Никонъ“! Тотъ обратился къ своему прежнему эконому: „Скажи Сергію, что если онъ имѣетъ власть, то пусть придетъ и зажметъ мнѣ ротъ“. Экономъ исполнилъ порученіе, причемъ назвалъ Никона святѣйшимъ патріархомъ. „Какъ ты смѣешь“, закричалъ Сергій, „называть патріархомъ простаго чернеца!“ Въ отвѣтъ послышался голосъ изъ толпы: „Что ты кричишь! имя патріаршеское дано ему свыше, а не отъ тебя, гордаго“. Сергій обратился къ стрѣльцамъ съ требованіемъ, чтобъ схватили дерзкаго; ему отвѣчали, что онъ уже схваченъ и отведенъ куда слѣдуетъ. Никонъ ночевалъ на земскомъ дворѣ. На другой день, 13 декабря, назначенъ былъ выѣздъ; царь прислалъ Никону денегъ и шубу на дорогу; тотъ не взялъ; царь просилъ благословенія себѣ и всему семейству своему; Никонъ не далъ благословенія. Народъ сталъ собираться въ Кремль; ему сказали, что Никона повезутъ по Срѣтенкѣ; но когда толпы отхлынули въ Китай, Никона повезли по другой дорогѣ. Наблюдать за Никономъ былъ посланъ нижегородскаго Печерскаго монастыря архимандритъ Іосифъ.

21 декабря Никонъ былъ уже въ Ѳерапонтовѣ; первымъ дѣломъ Іосифа было потребовать отъ него архіерейскую мантію и посохъ; Никонъ отдалъ безо всякаго возраженія; просилъ только, чтобъ монаховъ и бѣльцовъ, которые съ нимъ пріѣхали, пускать по волѣ всюду, куда они ни захотятъ. На

смѣну Іосифу Нижегородскому отправился другой Іосифъ, архимандритъ Новоспасскій, которому данъ былъ наказъ: „Беречь, чтобъ монахъ Никонъ писемъ никакихъ не писалъ и никуда не посылалъ; беречь накрѣпко, чтобъ никто никакого оскорбленія ему не дѣлалъ; монастырскимъ ему владѣть ничѣмъ не велѣть, а пищу и всякій келейный покой давать ему по его потребѣ“.

Но этотъ наказъ не могъ быть легко исполненъ относительно ѳерапонтовскаго заточника. Никонъ, по своей природѣ, не могъ оставаться въ покоѣ и оставлять другихъ въ покоѣ; значеніе патріарха было слишкомъ велико на Руси. Никонъ, и будучи въ Москвѣ и будучи въ Воскресенскомъ монастырѣ, надѣлалъ слишкомъ много шуму, произвелъ слишкомъ сильное впечатлѣніе, которое не теряло этой силы по мѣрѣ отдаленія отъ главной сцены дѣйствія: Русскіе люди того времени такъ легко подчинялись вліянію лица, умѣвшаго внѣшними средствами выставить права, хотя бы даже мнимыя, хотя бы даже исчезнувшія; наконецъ, самъ царь Алейксѣй Михайловичъ, по природѣ своей, не давалъ Никону успокоиться, самъ поддерживалъ въ немъ мечты о возможности перемѣны, самъ поддерживалъ въ немъ притязанія на значеніе высшее того, какое оставилъ при немъ Соборъ. Сильно раздраженный письмомъ Никона къ патріархамъ, Алексѣй Михайловичъ схватился враждебно на Соборѣ съ прежнимъ своимъ собиннымъ пріятелемъ, когда увидалъ его лицомъ къ лицу, также гнѣвнаго, попрежнему гордаго, неуступчиваго, скораго на обиду. Но когда дѣло кончилось, приговоръ былъ произнесенъ—и, вмѣсто святѣйшаго патріарха, великаго государя Никона, въ воображеніи царя явился бѣдный монахъ Никонъ, ссыльный въ холодной пустыни Бѣлозерской, гнѣвъ прошелъ, прежнее начало пробуждаться: Алексѣю Михайловичу стало жалко, ему стало страшно... Въ религіозной душѣ царя поднимался вопросъ: по христіански-ли поступилъ онъ, не долженъ-ли онъ искать примиренія съ Никономъ, хотя и не былъ въ-правѣ измѣнять приговора соборнаго? Мы видѣли, какъ онъ передъ отъѣздомъ Никона въ Ѳерапонтовъ послалъ просить у него благословенія; потомъ, когда, въ 1667 году, на перемѣну приставу Шепелеву посланъ былъ изъ Москвы въ Ѳерапонтовъ новый приставъ Наумовъ, то царь поручилъ ему такъ-же просить у Никона себѣ благословенія и прощенія. Но Никонъ не понялъ или не хотѣлъ понять побужденій, руководившихъ царемъ въ этомъ случаѣ; не въ его характерѣ было сообразиться съ христіанскою заповѣдію о прощеніи враговъ, о примиреніи съ братомъ прежде приступленія къ алтарю; онъ хотѣлъ воспользоваться совѣстливостію царя въ этомъ отношеніи для улучшенія своей участи: „Ты боишься грѣха, просишь у меня благословенія, примиренія; но я даромъ тебя не благословлю, не помирюсь; возврати изъ заточенія, такъ прощу“.—„Когда передъ моимъ выѣздомъ изъ Москвы“, писалъ Никонъ царю, „ты присылалъ Родіона Стрѣшнева съ милостынею и съ просьбою о прощеніи и благословеніи, я сказалъ ему—ждать суда Божія. Опять Наумовъ говорилъ мнѣ тѣ же слова, и ему я тоже отвѣчалъ, что мнѣ нельзя дать просто благословенія и прощенія; ты меня осудилъ и заточилъ, и я тебя трикраты проклялъ по божественнымъ заповѣдямъ, паче Содома и Гомора: въ первый разъ—какъ уходилъ съ патріаршества ради гнѣва твоего, выходя изъ церкви, отрясъ прахъ отъ ногъ своихъ; во второй разъ—какъ приходилъ передъ Рождествомъ и былъ изгнанъ — во всѣхъ воротахъ городскихъ отрясалъ прахъ; въ третій разъ—какъ былъ у тебя въ столовой въ другой разъ, выходя, сталъ посреди столовой и, обратясь къ тебѣ, отрясая прахъ ногъ, говорилъ: кровь моя и грѣхъ всѣхъ буди на твоей главѣ!“

Съ этою же цѣлію напугать царя, Никонъ въ Ѳерапонтовѣ вздумалъ повторить то же, что онъ сдѣлалъ въ Москвѣ во время суда надъ нимъ. 6 марта 1667 года является къ Наумову монахъ и говоритъ ему отъ имени Никона: „Пошли за всякими запасами въ Воскресенскій монастырь, а государевыхъ запасовъ принимать и ѣсть мы не хотимъ, потому что Никонъ патріархъ на государя гнѣвается, государь его сослалъ въ ссылку, а не Вселенскіе патріархи, и за то намъ государева подаянія принимать и ѣсть нельзя“.—„Какъ ты смѣешь называть Никона патріархомъ!“ сказалъ Наумовъ монаху.—„Тебя я не слушаю“, отвѣчалъ тотъ, „а Никона и впередъ буду называть патріархомъ и подъ благословенье ходить; слышали мы и то, что теперь поставленъ новый патріархъ Іоасафъ, и то не прямой патріархъ, и Вселенскіе патріархи непрямые, отставные и нанятые, просили они у нашего Никона патріарха посулу 3,000 и говорили: ты у насъ попрежнему будешь патріархъ; Никонъ 3,000 имъ не далъ, и они, за то на него осердясь, и отставили“. Еще болѣе придалъ духа Никону пріѣздъ стряпчаго Ивана Образцова въ іюлѣ 1667 года. Видя, что Наумовъ слишкомъ строго держитъ заточника, Образцовъ посадилъ Наумова въ сторожку, гдѣ тотъ и сидѣлъ часа съ три. Никонъ сердился и говорилъ: „Степанъ мучилъ меня тридцать недѣль, а его посадили только на три часа“. Наумовъ пришелъ къ нему просить прощенія, кланялся и говорилъ: „Я человѣкъ невольный, какъ мнѣ приказано, такъ и дѣлалъ“. Никонъ за эти слова его простилъ, и съ тѣхъ поръ началась у нихъ дружба. Приставъ началъ приходить къ Никону и разсказывать всякія вѣсти изъ Москвы. Оба—и приставъ, и заточникъ—съ одинакою легкостію вѣрили всякимъ слухамъ: такъ, однажды люди Наумова, возвратясь изъ Москвы, разсказывали, что Никону быть папою. Наумовъ испугался, началъ Никона патріархомъ звать и подъ руки водить; толковалъ: „Дай государю благословеніе и прощеніе, а государь тебѣ ни за что не постоитъ, голова моя въ томъ!“—разсказывалъ, будто государь, отпуская его въ Ѳерапонтовъ, наказывалъ умаливать Никона о благословеніи и прощеніи; а когда онъ запросилъ наказа на письмѣ, то Алексѣй Михайловичъ разсердился и сказалъ: „Чтожъ мнѣ тебѣ запись дать, чтобъ ты ее съ женою дома читалъ, а словамъ моимъ не вѣришь!“ Съ 23 іюля начали къ Никону пріѣзжать всякихъ чиновъ люди, изъ городовъ посадскіе, съ Бѣлоозера земской избы староста да кружечнаго двора голова, Каргопольцы, изъ разныхъ монастырей монахи, изъ дѣвичья Воскресенскаго монастыря игуменья Марѳа: всѣ эти гости подходили къ Никону подъ благословеніе, цѣловали его руку, величали патріархомъ, сидѣли у него въ кельѣ съ утра до вечера; въ дѣвичій монастырь за монахинями Никонъ посылалъ на монастырскихъ подводахъ, сталъ владѣть всѣмъ монастыремъ и монастырскою вотчиною; на представленія Наумова отвѣчалъ съ сердцемъ: „Не указалъ тебѣ государь ни въ чемъ меня вѣдать“. Изъ старыхъ вотчинъ его, изъ села Короткова и изъ села Богословскаго, начали пріѣзжать монахи и крестьяне съ челобитьемъ объ указѣ и привозили деньги. Наумовъ, по наказу, запрещалъ давать Никону бумагу и чернила; тотъ дразнилъ его: „Ты мнѣ запрещаешь давать бумаги и чернилъ, а я съ Москвы съ собою привезъ четыре чернильницы и бумагу, вотъ смотри!“ и показывалъ бумаги дестей съ восемь. Архимандритъ Іосифъ и Ѳерапонтовскій игуменъ Аѳанасій увлеклись общимъ примѣромъ, начали Никона называть патріархомъ, цѣловать въ руку, поминать на эктеніяхъ попрежнему: Іосифъ дурно отзывался о новомъ патріархѣ Іоасафѣ; Никону это очень нравилось, и онъ дарилъ Іосифа сукнами и шубами.

Но почетъ, оказываемый въ Ѳерапонтовѣ, не могъ утѣшить Никона, который жаждалъ возвращенія изъ ссылки, а объ этомъ возвращеніи не было слуху. Въ августѣ пришелъ указъ изъ Москвы:—взять и сослать служку Яковлева за то. что онъ, не спросясь съ Наумовымъ, ѣздитъ всюду по порученію Никона. Никонъ, по своему обычаю, вспылилъ, называлъ Наумова воромъ, царскую грамоту ложною, кричалъ: „Это все дѣлаетъ Дементій Башмаковъ безъ государева указа!“ Покричавши, наконецъ выдалъ служку. Этотъ случай показалъ ему, что въ Москвѣ не только не думаютъ о его возвращеніи, но даже и о смягченіи наказа приставу. Никонъ попробовалъ, нельзя-ли уступчивостію получить то, что прежде хотѣлъ взять жесточью, угрозою. Прежде онъ отказывалъ дать царю благословеніе и прощеніе, требуя, чтобъ царь сперва возвратилъ его изъ ссылки; теперь онъ посылаетъ благословеніе и прощеніе, въ надеждѣ, что слѣдствіемъ этого будетъ возвращеніе изъ Ѳерапонтова. Онъ призвалъ Наумова и спросилъ: „Какой съ тобою ко мнѣ приказъ отъ великаго государя?“ Наумовъ повторилъ, что государь приказывалъ просить его о благословеніи и прощеніи. Тогда Никонъ отдалъ ему письмо для отсылки къ государю: „Великому царю государю и великому князю; богомолецъ вашъ, смиренный Никонъ, милостію Божіею патріархъ, Бога моля, челомъ бью. Въ нынѣшнемъ 176 (1667) году сентября 7 приходилъ ко мнѣ Степанъ Наумовъ и говорилъ мнѣ вашимъ государскимъ словомъ, что велѣно ему съ великимъ прошеніемъ молить и просить о умиреніи, чтобъ я, богомолецъ вашъ, тебѣ, великому государю, подалъ благословеніе и прощеніе, а ты меня, по своему государскому разсмотрѣнію, милостію своею пожалуешь. И я тебя, царицу, царевичей и царевенъ благословляю и прощаю; а когда ваши государскія очи увижу, тогда вамъ, государямъ, со святымъ молитвословіемъ наипаче прощу и разрѣшу, яко же Св. Евангеліе наказуетъ и Дѣянія Св. Апостолъ всюду съ возложеніемъ рукъ прощеніе и цѣльбу творить“.

Но прошелъ годъ,—изъ Москвы отвѣта не было: Никонъ вышелъ изъ терпѣнія и рѣшился напомнить о себѣ другимъ способомъ. Въ октябрѣ 1668 года явился въ Москву отъ него монахъ Флавіанъ и подалъ царю письмо: „Иже живъ сый привмѣненный съ нисходящими въ ровъ, сѣдяй во тмѣ и сѣни смертней, окованъ нищетою паче желѣзъ, богомолецъ вашъ, смиренный Никонъ, милостію Божіею патріархъ. Извѣщаю вамъ, великимъ государямъ, за собою великое ваше слово, а писать тебѣ нельзя, боюсь измѣнниковъ твоихъ: послыша такое твое большое дѣло, меня изведутъ, а твое дѣло погаснетъ безъ вѣсти. Приставъ Степанъ Наумовъ, приходя, сказывалъ мнѣ милость твою съ-часу-на-часъ, со-дня-на-день, съ-мѣсяца-на-мѣсяцъ; но твоя милость удалилась отъ меня, зане прогнѣвалъ ярость твою, и я, видя, что дѣло твое замедлилось, 7 сентября призывалъ къ кельѣ Новоспасскаго архимандрита Іосифа, стрѣлецкаго сотника Саврасова, Ѳерапонтовскаго игумена, келаря и всѣхъ стрѣльцовъ, и сказывалъ твое великое слово, чтобъ архимандритъ и сотникъ дали мнѣ подводу и провожатыхъ добрыхъ, съ кѣмъ бы мнѣ къ тебѣ съ этимъ великимъ дѣломъ отпустить своего человѣка, и дѣло имъ объявилъ твое безголовное, что на Москвѣ измѣнники твои хотятъ тебя очаровать или очаровали. Архимандритъ, сотникъ и стрѣльцы согласились; но измѣнникъ келарь Макарій началъ кричать: „Намъ черезъ государевъ указъ подводъ давать нельзя“. Я сотнику и стрѣльцамъ велѣлъ взять моихъ лошадей, и велѣлъ къ тебѣ писать, что отъ меня слышали; но келарь для письма подьячаго не далъ; я говорилъ сотнику, чтобъ ѣхалъ онъ самъ и безъ письма; сотникъ хотѣлъ ѣхать, но Степанъ Наумовъ прислалъ человѣка своего; холопъ, прибѣжавъ на монастырь, кричалъ, что Степанъ не велѣлъ никого отпускать и лошадей давать; пріѣхалъ и самъ Степанъ на конюшій дворъ съ ослопомъ, сотника и стрѣльцовъ хотѣлъ бить, лошадей всѣхъ взялъ къ себѣ въ руки и никому не далъ, кричалъ: „Увижу, кто поѣдетъ! Что онъ меня стращаетъ: я не малый ребенокъ; у меня есть великое дѣло и на самаго патріарха, и мнѣ это дѣло надобно отпустить“. Я говорилъ, чтобъ сотникъ и стрѣльцы шли пѣшкомъ въ Кирилловъ; но Степанъ и въ Кирилловъ пускать ихъ не велѣлъ, кричалъ: „Моя въ томъ голова!“ Но вѣдь его голова передъ твоею очень не дорога! На другой день отпустилъ онъ въ Москву человѣка своего Андрюшку да вора стрѣльца Якимка, а меня велѣлъ заковать и около кельи поставить семь карауловъ“.

20 октября бояре, въ присутствіи царя, допрашивали старца Флавіана, въ чемъ состоитъ великое дѣло, съ которымъ прислалъ его Никонъ. Флавіанъ объявилъ: „Въ Петровъ постъ пришелъ въ Ѳерапонтовъ монастырь изъ Москвы Воскресенскаго монастыря черный попъ Палладій и сказалъ Никону, что былъ онъ въ Москвѣ, на Кирилловскомъ подворьи, и сказывалъ ему черный попъ Іоилъ про окольничаго Ѳедора Ртищева; говорилъ Ртищевъ Іоилю: „Сдѣлай то, чтобъ мнѣ у великаго государя быть первымъ бояриномъ“. Іоиль окольничему сказалъ: „Мнѣ дѣлать этого нельзя, а есть у тебя во дворѣ жонка цыганка, которая умѣетъ эти дѣла дѣлать лучше меня“. Ртищевъ отвѣчалъ: „Жонкѣ говорить объ этомъ нельзя, потому что она хочетъ за меня замужъ“.—Но вслѣдъ за Флавіаномъ Никонъ прислалъ письмо, въ которомъ также излагалъ рѣчи Палладія, но вмѣсто Ртищева являлся тутъ бояринъ Богданъ Матвѣевичъ Хитрово съ жонкою Литовкою; въ письмѣ Никона Іоилъ говорилъ Палладію: „Никонъ меня не любитъ, называетъ колдуномъ и чернокнижникомъ; а за мною ничего того нѣтъ, только я умѣю звѣздочетіе, то у меня гораздо твердо учено: меня и вверхъ государь бралъ, какъ болѣла царевна Анна, и я сказалъ, что ей не встать, что и сбылось, и мнѣ государь указалъ жить въ Чудовѣ, чтобъ поближе; мнѣ и Богданъ Хитрой другъ, и говорили мнѣ, чтобъ я государя очаровалъ, чтобъ государь больше всѣхъ его, Богдана, любилъ и жаловалъ, и я, помня государеву милость къ себѣ, ему отказалъ, и онъ мнѣ сказалъ: „Нишкни же!“ и я ему молвилъ: „Да у тебя Литовка то умѣетъ; здѣсь на Москвѣ нѣтъ ея сильнѣе“. И Богданъ говорилъ: „Это такъ, да лихо запросы велики, хочетъ, чтобы я на ней женился, и я бы взялъ ее, да государь не велитъ“.

Призвали къ допросу Іоиля; тотъ объявилъ, что приходилъ къ Палладію лѣчить его, но ни о чемъ другомъ съ нимъ не разговаривалъ, а у Хитрова никогда и на дворѣ не бывалъ. Призвали Палладія; тотъ объявилъ, что лѣчился у Іоиля, но ни о чемъ съ нимъ не говаривалъ и въ Ѳерапонтовѣ Никону ни о чемъ не сказывалъ: „Вольно старцу Никону меня поклепать, онъ затѣвать умѣетъ. Въ то время, какъ я жилъ въ Ѳерапонтовѣ монастырѣ, пріѣзжалъ стряпчій Иванъ Образцовъ и привезъ Никону государева жалованья 500 рублей, да старцамъ, которые съ нимъ, 200 рублей; Никонъ имъ этихъ денегъ не далъ; я объ этомъ съ старцами поговорилъ. и Никонъ, узнавши, велѣлъ меня изъ Ѳерапонтова выбить дубьемъ“. — Іоиля обыскали и нашли книги: одна книга латинская, одна по-латыни и по-польски; книга печатная счету звѣздарскаго печатана въ Вильнѣ въ 1586 году; книга письменная съ марта мѣсяца во весь годъ лунамъ и днямъ, и планитамъ и рожденіямъ человѣческимъ въ мѣсяцахъ и въ звѣздахъ; тетрадь письменная о пусканіи крови жильной и рожечной; записка, кого Іоиль излѣчилъ, и тѣ люди приписывали руками своими.

Въ ноябрѣ отправился въ Ѳерапонтовъ стрѣлецкій голова Лутохинъ; онъ долженъ былъ разсказать Никону все дѣло, какъ найдена разница между его письмомъ и извѣтомъ Флавіана; въ одномъ Хитровъ, въ другомъ Ртищевъ, и объявить, что Іоиль не винится. Лутохинъ долженъ былъ также спросить Никона: въ келію воду самъ онъ носитъ и дрова рубитъ своею ли волею или по неволѣ. Никонъ отвѣчалъ: „Я приказывалъ Флавіану извѣстить о Хитровѣ, а не о Ртищевѣ, да и не пристало про Ѳедора Михайловича тому быть, потому что онъ человѣкъ женатый; Флавіанъ ослышался. Я не задержалъ Палладія и не отправилъ къ государю потому, что надѣялся вскорѣ самъ государевы очи видѣть; сказывалъ мнѣ Наумовъ, что меня великій государь пожалуетъ, велитъ взять въ Москву скоро, выманилъ у меня Наумовъ великому государю и его дому благословеніе и прощеніе тѣмъ, что государь меня пожалуетъ, велитъ изъ Ѳерапонтова освободить и всѣ мои монастыри отдать. Терпѣлъ я послѣ того договора годъ два мѣсяца въ заточеніи и никакихъ клятвенныхъ словъ не говорилъ; впередъ еще мало потерплю, а если по договору ко мнѣ государской милости не будетъ, то я попрежнему ничего государева принимать не стану и передъ Богомъ стану плакать и говорить тѣ же слова, что прежде говорилъ съ клятвою“.—*Лутохинъ:* „Дай мнѣ росписи тому, чего тебѣ не даютъ изъ кушанья“—***Никонъ:*** „Что мнѣ росписи давать!—у меня никогда—кромѣ щей да квасу худаго, ничего не бываетъ. морятъ меня съ голоду“. Лутохинъ справился; Наумовъ и монастырскія власти показали, что у Никона никогда безъ живой рыбы и безъ пива не бывало; показали и садки, гдѣ для него рыба, стерляди и щучки, язи, окуни и плотва. Но Никонъ сказалъ, что этой рыбы ѣсть нельзя, изсидѣлась; что дрова и воду самъ носилъ за безлюдствомъ, а теперь не носитъ. Лутохину показали кресты, которые водрузилъ Никонъ въ разныхъ мѣстахъ съ надписями: „Никонъ, Божьею милостію патріархъ, поставилъ сій крестъ Христовъ, будучи въ заточеніи въ Ѳерапонтовѣ монастырѣ“.

Но въ то время, какъ Никонъ объявленіемъ великаго государева дѣла про Хитрово хотѣлъ показать свое усердіе и проложить себѣ дорогу къ возвращенію изъ ссылки, про него самого объявилось великое государственное дѣло, давшее новое блистательное торжество Хитрову съ товарищи и отяготившее участь заточника. Изъ Ѳерапонтова пріѣхалъ архимандритъ Іосифъ и донесъ: „Весною 1668 года были у Никона воры Донскіе казаки; я самъ видѣлъ у него двоихъ человѣкъ, и Никонъ мнѣ говорилъ, что это Донскіе казаки, и про другихъ сказывалъ, что были у него въ монашескомъ платьи, говорили ему: „Нѣтъ ли тебѣ какого утѣсненія; мы тебя отсюда опростаемъ“. Никонъ говорилъ мнѣ также: „И въ Воскресенскомъ монастырѣ бывали у меня Донскіе казаки и говорили: „И если захочешь, то мы тебя попрежнему на патріаршество посадимъ, сберемъ вольницу, боярскихъ людей“. Никонъ сказывалъ мнѣ также, что будетъ о немъ въ Москвѣ новый Соборъ по требованію Цареградскаго патріарха: писалъ ему объ этомъ Аѳанасій Иконійскій“. Монахъ Провъ донесъ, что Никонъ хотѣлъ бѣжать изъ Ѳерапонтова и обратиться къ народу съ жалобою на напрасное заточеніе.

Аѳанасія Иконійскаго сослали въ Макарьевъ монастырь на Унжу; Никона затворили въ кельѣ.

Кончина царицы Маріи Ильиничны опять напомнила царю о старомъ собинномъ пріятелѣ. Онъ отправилъ въ Ѳерапонтовъ близкаго человѣка, Родіона Матвѣевича Стрѣшнева, съ деньгами Никону на поминъ души царицыной. Никонъ не взялъ денегъ. Но это было послѣднее проявленіе твердости съ его стороны. Лѣтомъ 1671 года онъ попытался напомнить о себѣ, выставивъ свое достоинство, прозорливость и заслугу для государства; онъ призвалъ пристава, князя Шайсупова, который замѣнилъ Наумова, и началъ ему говорить: „Когда пріѣзжалъ ко мнѣ отъ государя съ милостынею по царицѣ Родіонъ Матвѣевичъ Стрѣшневъ, то я ему о преставленіи царевича Алексѣя Алексѣевича и о разореніи казацкомъ, чему быть, назначилъ, а мнѣ это было объявлено отъ Господа Бога; да и впредь, если Вселенскихъ и Московскихъ патріарховъ на весь православный Россійскій народъ безразсудная запретительная клятва не снимется, добра ждать нечего; обо всемъ этомъ писалъ я къ великому государю. При Степанѣ Наумовѣ въ Ѳерапонтовъ монастырь приходили три человѣка казаковъ, Ѳедька да Евтюшка, а третьяго позабылъ какъ звали, которые прежде были на службѣ съ княземъ Юріемъ Алексѣевичемъ Долгорукимъ; сказались, будто они идутъ Богу молиться въ Соловецкій монастырь, а они не богомольцы, не въ Соловецкій шли, приходили они для меня, собравшись нарочно, звали меня съ собою,—пришло ихъ двѣсти человѣкъ; Степана Наумова хотѣли убить до смерти, Кирилловъ монастырь разорить и съ казною его, запасами и пушками хотѣли идти на Волгу; но я на ту ихъ воровскую прелесть не поддался, во всемъ отказалъ, отъ воровства ихъ унялъ и съ клятвою имъ приказывалъ, чтобъ великому государю вины свои принесли, и они пропали невѣдомо куда“.

Шайсуповъ, разумѣется, немедленно далъ знать объ этомъ разговорѣ въ Москву. Отвѣта не было. Тогда Никонъ рѣшился сдѣлать третій, послѣдній шагъ для полученія свободы: сначала онъ угрозою хотѣлъ вынудить у царя возвращеніе изъ ссылки, обѣщалъ дать благословеніе и прощеніе царю только подъ условіемъ освобожденія изъ Ѳерапонтова; потомъ самъ послалъ прощеніе и благословеніе въ надеждѣ, что за этимъ немедленно послѣдуетъ освобожденіе; наконецъ теперь рѣшился самъ просить прощенія у царя въ прежнемъ своемъ поведеніи. 25 декабря 1671 года онъ отправилъ къ государю такое письмо: „Въ прошломъ 160 году, Божіею волею и твоимъ, великаго государя, изволеніемъ и всего освященнаго Собора избраніемъ, былъ я поставленъ на патріаршество не своимъ изволомъ; я, вѣдая свою худость и недостатокъ ума, много разъ тебѣ билъ челомъ, что меня съ такое великое дѣло не станетъ, но твой глаголъ превозмогъ. По прошествіи трехъ лѣтъ билъ я тебѣ челомъ отпустить меня въ монастырь, но ты оставилъ меня еще на три года; по прошествіи другихъ трехъ лѣтъ опять я тебѣ билъ челомъ объ отпускѣ въ монастырь, и ты милостиваго своего указа не учинилъ. Я. видя, что мнѣ челобитьемъ отъ тебя не отбыть, началъ тебѣ досаждать, раздражать тебя, и съ патріаршаго стола сошелъ въ Воскресенскій монастырь. Ты, подражая Небесному Отцу въ щедротахъ, и въ Воскресенскомъ монастырѣ милостію своею меня не забылъ, пироги имянинные и милостыню присылалъ, а я твою милость съ презорствомъ принималъ, и все это дѣлалъ нарочно, чтобъ ты меня забылъ. Случилось мнѣ однажды въ Воскресенскомъ монастырѣ заболѣть; ты, узнавши объ этомъ, прислалъ ко мнѣ Аѳанасія Матюшкина съ обѣщаніями и утѣшительными словами, что не оставишь меня до смерти; я этой милости не очень порадовался, а потомъ, навѣтами враговъ моихъ, Романа Бабарыкина, Ивана Сытина и другихъ, возрасла между нами великая смута; они же меня обидѣли, они же тебѣ на меня и наклеветали. Да у меня же въ Воскресенскомъ монастырѣ были два Жида крещеныхъ, и, оставя православную вѣру, начали они старую жидовскую держать и молодыхъ чернецовъ развращать; я, сыскавъ объ этомъ подлинно, велѣлъ Жида Демьяна посмирить и сослать въ Иверскій монастырь, а Демьянъ другому Жиду, Мишкѣ, сказалъ: „Не пробыть и тебѣ безъ бѣды, бѣги въ Москву и скажи за собою государево слово“; тотъ такъ и сдѣлалъ; ты по этому дѣлу присылалъ ко мнѣ думнаго дьяка Дементія Башмакова; а въ это время молодые чернецы, бывшіе въ жидовской ереси, покрали у меня деньги, платье, и тѣмъ Жидамъ помогли, да имъ же помогалъ архимандритъ Чудовскій потому: былъ онъ у меня въ Воскресенскомъ и въ Иверскомъ монастыряхъ строителемъ долгое время и не считанъ, а какъ захотѣлъ я его считать, то онъ ушелъ въ Москву, добрыми людьми тебѣ одобренъ, и ты началъ жаловать его, знать. Когда ты послалъ Мелетія къ Восточнымъ патріархамъ, то я, вѣдая лукавство, убоясь тамошняго осужденія, писалъ къ патріархамъ; но отъ тебя мое письмо не утаилось, какъ отъ ангела Божія, и въ томъ прощенія прошу себѣ и прочимъ, которые тому дѣлу повинны, родшагося ради Христа Бога остави! Да ты же созвалъ Соборъ, и на Соборѣ, подойдя ко мнѣ, говорилъ: „Мы тебя позвали на честь, а ты шумишь!“ И я тебѣ говорилъ, чтобъ ты мою грамоту не велѣлъ читать на Соборѣ, а поговорилъ бы наединѣ, и я бы все сдѣлалъ по твоей волѣ; ты такъ не соизволилъ, и я по-неволѣ, сображаясь съ своими писанными словами, говорилъ тебѣ прекословно и досадно: въ томъ прощенія прошу. Да ты же присылалъ ко мнѣ на Лыковъ дворъ столъ такой же, какой былъ и патріархамъ, и я твое жалованье отринулъ и тѣмъ тебя обезчестилъ; Господа ради, прости. Да ты же прислалъ съ Родіономъ Матвѣевичемъ Стрѣшневымъ денегъ и мѣховъ,—я, грѣшный, и того не принялъ; Христова ради Рождества, прости. Ради всѣхъ этихъ моихъ винъ, отверженъ я въ Ѳерапонтовъ монастырь шестой годъ, а какъ въ кельѣ затворенъ - тому четвертый годъ. Теперь я боленъ, нагъ и босъ, креста на мнѣ нѣтъ третій годъ, стыдно и въ другую келію выйти, гдѣ хлѣбы пекутъ и кушанье готовятъ, потому что многія части зазорныя не покрыты; со всякой нужды келейной и недостатковъ оцынжалъ, руки больны, лѣвая не подымается, на глазахъ бѣльма отъ чада и дыма, изъ зубовъ кровь идетъ смердящая и не терпятъ ни горячаго, ни холоднаго, ни кислаго; ноги пухнутъ и потому не могу церковнаго правила править, а попъ одинъ—и тотъ слѣпъ, говорить по книгамъ не видитъ; приставы ничего ни продать, ни купить не дадутъ, никто ко мнѣ не ходитъ и милостыни просить не у кого. А все это Степанъ Наумовъ навелъ на меня за то, что я ему въ глаза и за глаза говорилъ о неправдахъ его, что много старцевъ, слугъ и крестьянъ билъ, мучилъ и посулы бралъ; я его мучителемъ, лихоимцемъ и дневнымъ разбойникомъ называлъ, а онъ за то затворилъ меня въ кельѣ съ 9 мая до Ильина дни на смерть и запасовъ давать никакихъ не велѣлъ, я воду носилъ и дрова сѣкъ самъ. До тебя это дошло, и ты прислалъ Ивана Образцова съ милостивымъ указомъ; онъ поосвободилъ насъ, но Степану никакого наказанія не учинилъ, какъ было велѣно, только въ хлѣбенной избѣ часа на два посадилъ. А Степанъ, немного спустя, началъ мучить меня пуще прежняго: служка мой ходитъ къ нему разъ десять для одного дѣла, все времени нѣтъ; а если выглянетъ въ окно, съ шумомъ говоритъ: „Я въ монастыри писалъ, чтобъ прислали запасно, но они не слушаютъ, а у меня указа нѣтъ, что на нихъ править; пора прихоти оставить, ѣшь, что дадутъ“. Когда ты прислалъ Родіона Матвѣевича Стрѣшнева съ вѣстію о кончинѣ царицы и милостынею по ней, и просилъ, чтобъ я ее простилъ и поминалъ вѣчно, то я Родіону сказалъ, что Господь Богъ проститъ, а поминать государыню радъ за многую ея милость прежнюю, денегъ же не взялъ для того, что я у васъ, государей, не наемникъ, за вашу милость долженъ и такъ Бога молить, какъ и молю. Родіонъ мнѣ говорилъ: „Возьми теперь государево жалованье, будетъ къ тебѣ большая присылка, а потомъ все доброе будетъ“. Я ему сказалъ: если государева милость будетъ, тогда и деньги не уйдутъ, а ты этому доброму дѣлу будь ходатай, а иное, ей, отъ великой скорби по государынѣ царицѣ и по дѣткахъ вашихъ обезпамятовался, и въ томъ прощенія прошу, а по государынѣ царицѣ во всю Четыредесятницу псалтырь и канонъ пѣлъ и поминаю доднесь незабытно. Когда къ Степану вѣсть пришла, что сына твоего, царевича Алексѣя, не стало, то дѣвка его пришла въ другую избу и говорила: „Нынѣ на Москвѣ кручина, а у нашего боярина радость, говоритъ: теперь нашего колодника надежда вся погибла, на кого надѣялся, и того не стало, кротче будетъ“. А теперь князь Самойла Шайсуповъ дѣлаетъ все по Степанову-жъ. Прошу тебя: ослаби ми мало, да почію прежде даже не отъиду, прошу еже жити ми въ дому Господни во вся дни живота моего“.

Письмо достигло цѣли. Алексѣй Михайловичъ всегда готовъ былъ отозваться на кроткій призывъ стараго собиннаго пріятеля. Немедленно по полученіи письма, въ январѣ 1672 года, поскакалъ въ Ѳерапонтовъ Ларіонъ Лопухинъ: „Тебѣ, святому и великому отцу, указалъ государь говорить“, началъ свою рѣчь царскій посланный. „Сначала дѣла соборнаго и до соборнаго дѣянія всегда онъ, государь, желалъ умиренія, но этого не учинилось, потому что хотѣлъ ты въ Московскомъ государствѣ учинить новое дѣло противъ обычая Вселенскихъ патріарховъ, какъ они сходили съ престоловъ. А теперь государь всякія враждотворенія паче прежняго разрушить и во всемъ примиренія съ любовію желаетъ и самъ прощенія проситъ. Государь велѣлъ тебѣ говорить, что ничего того не бывало, что ты въ письмѣ написалъ про разговоръ свой съ нимъ на Соборѣ: ты передъ государемъ не шумливалъ, государь тебя не унималъ, и чтобъ грамоту прочесть наединѣ, о томъ ты не говаривалъ; шумно было про статьи, которыя писаны въ грамотѣ твоей неправдою, да за книги, которыя ты по совѣту съ государемъ исправилъ, а послѣ самъ укорялъ напрасно, досадныхъ же никакихъ словъ не бывало, изволь попамятовать. Посланъ ты въ Ѳерапонтовъ монастырь Вселенскими патріархами и Соборомъ, а не государемъ; дворянинъ и стрѣльцы посланы съ тобою для твоего береженія, а не для утѣсненія; если же Степанъ Наумовъ какое тебѣ утѣсненіе чинилъ, то онъ дѣлалъ собою, а не по государеву указу, и про это приказалъ государь сыскать. Родіонъ Матвѣевичъ допрашиванъ и съ клятвою извѣщалъ, что онъ тебѣ говорилъ упорно, чтобъ ты деньги принялъ и государыню поминалъ, а другихъ никакихъ словъ, что въ письмѣ твоемъ написано, онъ не говаривалъ. Объяви, кто на Вологдѣ хотѣлъ начать кровопролитіе: воръ Ильюшка шелъ изъ Галича отъ тѣхъ мѣстъ не далеко; да и воръ Стенька Разинъ въ разспросѣ говорилъ, что пріѣзжалъ къ нему подъ Симбирскъ старецъ отъ тебя и говорилъ, чтобъ онъ шелъ вверхъ Волгою, а ты съ своей стороны пойдешь, потому что тебѣ тошно отъ бояръ, которые переводятъ государскія сѣмена, а у тебя есть на-готовѣ съ 5,000 человѣкъ на Бѣлѣозерѣ; старецъ этотъ и на бою былъ, и закололъ своими руками сына боярскаго въ глазахъ Разина, и потомъ изъ-подъ Симбирска ушелъ. Пророчества, какія ты говорилъ князю Шайсупову, узналъ ты не отъ Господа Бога, а отъ воровскихъ людей, которые къ тебѣ пріѣзжали; надобно думать, что то смятеніе и кровопролитіе сдѣлалось отъ нихъ. Если бы ты хотѣлъ всякаго добра по Христовой заповѣди, то ты бы про такое превеликое дѣло не умолчалъ, и тѣхъ воровскихъ казаковъ велѣлъ переловить, а трехъ человѣкъ можно было тебѣ поймать. Ты объяви теперь обо всемъ подлинно, а то просишь у государя всякой милости и прощенія, а самъ къ нему никакой правды не объявишь.“—„Престолъ я свой оставилъ и паки-было возвратился — дѣло не новое,“ отвѣчалъ Никонъ: „и прежніе Вселенскіе патріархи престолы свои оставляли и назадъ возвращались. Я своего прежняго сана не взыскую, только желаю великаго государя милости, а ничѣмъ, кромѣ своихъ монастырей, не владѣлъ. Соборъ патріарховъ Паисія и Макарія ставлю я ни во что, потому что они престоловъ своихъ отбыли и на ихъ мѣста поставлены другіе; повинуюсь я Константинопольскому патріарху и прочимъ Вселенскимъ, которые на престолахъ своихъ. О томъ, что говорено было на Соборѣ, я писалъ правду, государю это извѣстно; да и послѣ, при Степанѣ Наумовѣ и присыльщикахъ много разъ я досадительныя слова говорилъ и къ государю писывалъ, въ томъ милости и прощенія прошу; а что великій государь за многія мои досадительства мнѣ не мстилъ, за то великую мзду отъ Бога воспріиметъ. Новоисправленныхъ книгъ я ничѣмъ не укорялъ и не укоряю. Денегъ я у Стрѣшнева не принялъ потому, что государь меня на Соборѣ укорялъ, говорилъ: „Бояринъ Семенъ Лукьяновичъ Стрѣшневъ былъ у тебя въ запрещеніи, и ты у него взялъ 100 рублей и не простилъ;“ а я его простилъ для того, что онъ добилъ челомъ и обѣщался Воскресенскому монастырю работать, и о многихъ дѣлахъ того монастыря государю докладывалъ, деньги же прислалъ вкладомъ въ монастырь, послѣ прощенія спустя года съ полтора. О Вологдѣ и Разинѣ ничего не знаю; казаки, три человѣка, мнѣ говорили, что по указу государеву посланы они были на Невль, велѣно ихъ устроить землями, но они такъ жить и пашни пахать не привыкли, а государева жалованья и корму имъ не было, и они идутъ воли искать; а не сказалъ я Наумову про казаковъ потому, что они сказывали про свое многолюдство, такъ я боялся, чтобъ смуты не учинить, а оборониться отъ нихъ было некѣмъ; къ государю же о казакахъ этихъ я тогда писалъ и архимандриту Іосифу сказывалъ. Родіону Стрѣшневу я не говорилъ про смерть царевича и про смуту именно, а говорилъ, что, по смерти царицы, будетъ другая бѣда не меньше, а послѣ этой еще хуже будетъ, потому что мнѣ это объявлено отъ Господа Бога; а говорилъ я эти слова сердито, досаждая великому государю; князю же Самойлѣ я говорилъ о смерти царевича и о разореніи отъ воровъ именно, потому что уже сдѣлалось. Великій государь пожаловалъ бы меня, велѣлъ быть въ Воскресенскомъ монастырѣ или въ другомъ какомъ моего строенія, лучше въ Иверскомъ, и указалъ бы у меня быть, кому онъ вѣритъ; лѣта мои немалыя, постигло увѣчье, а призрѣть меня стало некому; да пожаловалъ бы государь, простилъ всѣхъ, кто наказанъ изъ-за меня.“

Никона не перевели ни въ Воскресенскій, ни въ Иверскій монастырь; но положеніе его въ Ѳерапонтовѣ стало иное, какъ скоро государь возобновилъ съ нимъ сношенія, сталъ присылать богатые подарки, величать великимъ и святымъ старцемъ. И вотъ Никонъ, какъ нарочно, спѣшитъ доказать, что ни то, ни другое названіе не идутъ къ нему, спѣшитъ подтвердить то наблюденіе, что скорбь располагаетъ мягкія натуры къ уединенію, къ жизни внутренной, созерцательной, натуры же безпокойныя становятся отъ скорби еще безпокойнѣе. Съ 1672 года у Никона начинается мелкая, неприличная борьба съ монахами Кирилловскаго Бѣлозерскаго монастыря, на который была возложена обязанность снабжать его съѣстными припасами. Начинается рядъ жалобъ, доносовъ царю, причемъ новый приставъ, князь Шайсуповъ, не былъ забытъ. Такъ однажды Никонъ проситъ царя: „Не вели, государь, Кирилловскому архимандриту съ братіею въ мою кельишку чертей напускать! Дворецкій Кириллова монастыря говорилъ про меня: „Что онъ съ Кирилловымъ монастыремъ заѣдается? Кому онъ хоромы строитъ? — чертямъ что ли въ нихъ жить?“ И вотъ того же вечера птица, невѣдомо откуда взявшись, яко вранъ черна, пролетѣла сквозь келіи во всѣ двери и исчезла невѣдомо куда, и въ ту ночь демоны не дали мнѣ уснуть, одѣялишко съ меня дважды сволочили долой и бѣды всякія неподобныя многія творили, да и по многіе дни великія бѣды бѣсы творили, являясь овогда служками кирилловскими, овогда старцами, грозяся всякими злобами, и въ окна теперь накостятъ, овогда звѣрьми страшными являются грозяся, овогда птицами нечистыми“. Тяжекъ приходился Никонъ кирилловскимъ монахамъ; они говорили ѳерапонтовскимъ: „Кушаетъ вашъ батька насъ“. И эти слова подаютъ Никону поводъ къ новой жалобѣ: „Я, благодатію Божіею, не человѣкоядецъ“, пишетъ онъ царю. Шайсуповъ доносилъ царю: „Въ Великій четвертокъ (1674 года) монахъ Никонъ пошелъ-было къ обѣдни въ соборную церковь, передъ нимъ пошли два человѣка стрѣльцовъ, а позади пошелъ сотникъ да еще шесть стрѣльцовъ. Не дошедъ до церкви, онъ вдругъ осердился и пошелъ назадъ въ келію, а идучи говорилъ, что онъ подъ стражею въ церковь идти не хочетъ. Я въ праздникъ Свѣтлаго Воскресенья, послѣ заутрени, приходилъ къ нему въ келію о Христѣ цѣлованіе получить, но онъ въ келію меня къ себѣ не пустилъ и выслалъ монаха сказать, мнѣ, будто я его въ Великій четвертокъ отъ причастья отлучилъ, и съ того времени онъ, Никонъ, яко отъ огня съ кручины разгорѣлся, видѣться со мною и христосоваться не захотѣлъ“. До какой степени доходила запальчивость Никона, всего лучше можно видѣть изъ письма его къ Вологодскому архіепископу Симону. Узнавъ, что Никонъ не ходитъ въ церковь, Симонъ писалъ къ Шайсупову, чтобъ тотъ попросилъ его объявить причину этого: не заражены ли игуменъ съ братіею расколомъ, такъ ли идетъ у нихъ служба церковная, какъ предписываетъ Православная Церковь. Что же отвѣчалъ Никонъ? „Никонъ, Божіею милостію патріархъ, Симону, епископу: ты, чернецъ, забывъ священное евангельское приточное наказаніе фарисейское, паки и другое о маломъ сучцѣ во очеси брата, въ своемъ глазѣ бревна не чуеши. Забылъ еси то, какъ ты въ Александровѣ монастырѣ на кобылѣ пахивалъ, нынѣ“... Но мы отказываемся передавать читателямъ дальнѣйшія обличенія.

Чего только ни видѣлось и ни слышалось Никону! У повара Ларіона была привычка, когда кто ему что-нибудь скажетъ, отвѣчать добро-ста; но Никону въ этомъ добро-ста послышалось совсѣмъ другое, и вотъ царь получаетъ письмо: „Оглашаютъ меня кирилловскіе, будто я ихъ монастырскихъ людей бью, а я никого не бивалъ. А какъ строитель Исаія въ Ѳерапонтовомъ монастырѣ у келейнаго дѣла былъ, въ то время былъ поварокъ ихъ Ларка и ко всякому дѣлу говорилъ, о чемъ я ему молвлю: добръ Астартъ, а въ древнемъ писаніи идолъ былъ нѣкій сидонскій Астартъ, и которые его за бога почитали, приглашали: добръ Астартъ. Я ему, Ларкѣ, говаривалъ много разъ: не зови меня Астартомъ, я, благодатію Божіею, христіанинъ, а не Астартъ, и онъ, Ларка, не переставалъ, зовучи Астартомъ; я жаловался на него строителю Исаіи, и строитель смирялъ его передъ нашею келію плетьми, а не я его билъ“.

Царь терпѣливо принималъ всѣ эти жалобы и объясненія, посылалъ разыскивать въ чемъ дѣло, успокоивать Никона, устроивать его хозяйство, помѣщеніе, посылалъ подарки, деньги, лакомства. Однажды государь послалъ ему, кромѣ денегъ, пять бѣлугъ, десять осетровъ, двѣ севрюги, двѣ лососи свѣжихъ, коврижекъ. Никонъ писалъ, благодаря за эту присылку: „А я было-ожидалъ къ себѣ вашей государской милости и овощей, винограду въ патокѣ, яблочекъ, сливъ, вишенокъ, только вамъ Господь Богъ о томъ не извѣстилъ, а здѣсь этой благодати никогда не видаемъ, и аще обрѣлъ буду благодать предъ вами, государи, пришлите Господа ради убогому старцу“. Въ другой разъ царь послалъ имянинный пирогъ, денегъ 200 рублей, отъ царицы 25 полотенъ и 20 полотенецъ, отъ царевича Петра мѣхъ соболій. Никонъ отвѣчалъ, что изъ мѣха шубы не выйдетъ, надобно два вершка въ прибавку, прикупить здѣсь негдѣ: и прежде присланные мѣха, соболій и лисій, лежатъ затѣмъ, что шубъ изъ нихъ сдѣлать нельзя; „сотворите, Господа ради, милость, велите свое жалованье исполнить“. Добавка къ мѣхамъ была послана.

Но неужели Никонъ позволилъ всего себя поглотить мелкимъ заботамъ о келіяхъ, поварняхъ, погребахъ, шубахъ, яблокахъ, виноградѣ? Нѣтъ, выказывались и стремленія къ высшей дѣятельности; въ келію къ Никону стекались больные; онъ говорилъ надъ ними молитвы, давалъ лѣкарства; находившійся при немъ монахъ Мардарій ѣздилъ въ Москву покупать эти лѣкарства: масло деревянное, ладонъ росный, скипидаръ, траву чечуй, цѣлибуху, звѣробойную, нашатырь, квасцы, купоросъ, камфору, камень безуй. Враги Никона старались опозорить и эту дѣятельность его; но имѣемъ ли право вѣрить врагамъ-обвинителямъ? Къ сожалѣнію, Никонъ самъ старался показать, какъ чистое смѣшивалось у него съ нечистымъ: такъ, онъ не преминулъ прислать царю списокъ излѣченныхъ имъ людей, и посланному царскому разсказывалъ, что былъ ему глаголъ: „Отнято у тебя патріаршество, за то дана чаша лѣкарственная: лѣчи болящихъ“ [1]).

---

[1]) Приведемъ еще нѣкоторые, не лишенные интереса акты о Никоновомъ дѣлѣ изъ бумагъ Приказа Тайныхъ дѣлъ. 1) Грамота патріарха Діонисія Цареградскаго къ царю, 174 года ноября 12-го «О Никоновомъ дѣлѣ прежде сего трудихомся во мнозѣ съ великимъ прилежаніемъ и сложихомъ главы въ двухъ свиткахъ, ни о чемъ же въ себѣ разнствующія; таже извѣствую главы реченныя въ тѣхъ свиткахъ въ сей силѣ состаятися на твоей пресвѣтлости и по твоему изволенію и повелѣнію обладати патріархомъ тамо поставленнымъ якоже, и прочими сигклитиками, не бо суть благая два начала въ единомъ самодержствѣ, но единъ буди старѣйшина. Проклятый той Аѳанасій, движимый отцомъ лжи, дьяволомъ, яко орудіе его, безъ всякія нужды пришелъ туды, лжесвидѣтельствуя на свитки и правильныя главы; лживо бо глаголалъ есть, яко посланъ есть отъ насъ и яко есть единокровный намъ; виждь, яко есть сосудъ злосмрадный и злаго изволенія, отъ церкви изверженъ много уже лѣтъ, сего ради да посланъ будетъ на нѣкое мѣсто да плачется за душу свою, и да не возвратится въ наши страны до скончанія живота своего. И тотъ нашъ навѣтъ буди таиннѣйшій, паче же въ малѣйшія части да издеретъ пресвѣтлость твоя, чтобъ невидимо было многихъ ради винъ, чтобъ инымъ не слышно было. Постановили есмь Киръ Паисія святаго и благоразумнаго митрополита газскаго, послахомъ ему вольность, яко разсудному и свѣдущему о сицевыхъ церковныхъ дѣлахъ, поставляющи его намѣстника въ обороненіе правильныхъ тѣхъ главъ, и рѣшите всякое неудобство и сомнѣніе предлагаемое отъ сопротивныя страны и правити судъ купно со освященнымъ соборомъ помѣстнымъ архіерейскимъ предсѣдящему на немъ, яко образотворящему нашу персону въ томъ единомъ дѣлѣ даже до совершенія его.

2) Никонъ доносилъ въ 180 году, что кирилловскія власти называютъ государя разорителемъ и грабителемъ за взятіе лишняго хлѣба изъ монастыря; да у нихъ же въ монастырѣ вкладчикъ Александръ Борковъ держитъ капитонскія ереси, про государя говоритъ слова непристойныя, Никона называетъ антихристомъ и вездѣ свою ересь прославляетъ, къ архимандриту ко кресту для сложенія перстовъ и въ церковь для новоисправленныхъ книгъ не приходитъ.—Посланный царскій Лопухинъ взялъ Боркова въ Москву.—Кирилловскіе монахи жаловались, что Никонъ запасовъ хорошихъ не принимаетъ, хулитъ. вмѣ-

Глава V.

Продолженіе царствованія Алексѣя Михайловича.

Московскіе соборы 1666 и 1667 года.—Соловецкое возмущеніе.—Казацкія движенія на восточной украйнѣ и причины ихъ.—Воровство на Волгѣ.—Городокъ Рига.—Возмущеніе Васьки Уса въ Воронежскихъ и Тульскихъ мѣстахъ.—Стенька Разинъ.—Его воровство на Волгѣ.—Разинъ въ Яицкомъ городкѣ.—Его морской походъ.—Стенька въ Астрахани съ повинною.—Впечатлѣніе, имъ здѣсь произведенное.—Стенька бушуетъ въ Царицынѣ.—Вызовъ его воеводамъ.—Разинъ на Дону.—Его вторичный походъ на Волгу.—Взятіе Царицына.—Разбитіе московскихъ стрѣльцовъ.—Измѣна стрѣльцовъ Астраханскихъ.—Взятіе Астрахани и кровавыя слѣдствія.—Приходъ Разина подъ Симбирскъ и отступленіе князя Борятинскаго.—Вторичный приходъ Борятинскаго подъ Симбирскъ и пораженіе Разина.—Бунтъ по всей восточной украйнѣ.—Движенія Мишки Харитонова, Васьки Ѳедорова и Максима Осипова.—Осада Желтоводскаго монастыря.—Волненія въ Нижнемъ-Новгородѣ.—Главный воевода князь Юрій Долгорукій.—Удачныя дѣйствія воеводъ Леонтьева и Щербатова.—Дѣйствія воеводы Якова Хитрово.—Движенія Долгорукаго.—Побѣды Борятинскаго на Урени, Кандараткѣ и у Тургенева.—Побѣды Щербатова, Хитрово, Леонтьева и Даниилы Борятинскаго.—Неудача Разина на Дону.—Онъ схваченъ и казненъ въ Москвѣ.—Дѣйствія казаковъ въ Астрахани.—Гибель митрополита Іосифа.—Неудача казаковъ подъ Симбирскомъ.—Сдача Астрахани воеводѣ Мстиславскому.—Осада Соловецкаго монастыря.—Его взятіе.

Еще въ то время, какъ участь Никона не была рѣшена, еще до пріѣзда патріарховъ Восточныхъ, Соборъ духовенства русскаго рѣшилъ участь противниковъ Никона, которые ратовали противъ его новшествъ, противъ исправленія книгъ. Въ февралѣ 1666 года десять архіереевъ рѣшили предварительно: признавать православными патріарховъ греческихъ, несмотря на то, что они живутъ подъ властію султана; признавать православными и греческія книги, ими употребляемыя; наконецъ признавать правильнымъ Московскій Соборъ 1654 года. Вятскій епископъ Александръ, архимандритъ Спасскаго муромскаго монастыря Антоній, игумны— Златоустовскаго монастыря Ѳеоктистъ и Бизюкова Сергій Солтыковъ, монахи — Ефремъ Потемкинъ, Сергій, Серапіонъ, Григорій (Іоаннъ Нероновъ),

---

сто запасовъ беретъ деньги, беретъ лишнее. Лопухинъ долженъ былъ сказать ему: буде онъ, Никонъ, такъ чинилъ, и ему отъ переговоровъ и отъ огласки не отбыть, и впредь отъ него станутъ плакать и переговаривать, особенно онъ самъ на себя славу наводитъ, что беретъ вмѣсто запасовъ деньги, а спрашиваетъ осетровъ живыхъ мѣрою по два аршина съ четью, какихъ въ Шекснѣ въ уловѣ не бываетъ.—Кирилловскимъ монахамъ Лопухинъ долженъ былъ наказать накрѣпко, чтобъ давали Никону рыбу добрую безпереводно; строенье Лопухинъ долженъ былъ досмотрѣть тайно и на чертежъ начертить; чего не достроено—велѣть достроить, ибо Никонъ жаловался, что кирилловскіе плотники не достроивъ ушли. Никонъ отвѣчалъ, что деньги вмѣсто запасовъ кирилловскіе монахи давали сами по совѣту. Лопухинъ нашелъ, что не достроено было то, чего строить не было приказано.

3) На содержаніе Никона шло: изъ Кириллова монастыря сѣна 20 возовъ, дровъ 15 саженъ; изъ Спасокаменнаго сѣна 12 копенъ, дровъ 8 саженъ, да служка съ лошадью для посылокъ; изъ Спасоприлуцкаго сѣна 15 копенъ, дровъ 8 саженъ да поваръ. Изъ Корнильева сѣна 8 копенъ, дровъ 7 саженъ, одинъ приспѣшникъ. Изъ Павлова сѣна 8 копенъ, дровъ 7 саженъ, одинъ портной. Троицкаго Устьшекснинскаго сѣна 12 копенъ, дровъ 10 саженъ, служка съ лошадью. Кириллова Новоезерскаго—сѣна 10 копенъ, дровъ 10 саженъ, одинъ псаломщикъ. Никитскаго и Благовѣщенскаго—сѣна 5 копенъ, дровъ 5 саженъ, 1 келейникъ. У Никона было 11 лошадей, 36 коровъ. Приставъ Шайсуповъ писалъ, что Никонъ держитъ у себя на рыбныхъ ловляхъ и по другимъ службамъ 22 человѣка. Лопухинъ говорилъ Никону: какая ему прибыль, что лишнихъ людей держитъ, отъ того рождается молва и многіе переговоры; чтобъ держалъ по 5 или по 6, а по нуждѣ по 7 человѣкъ. Никонъ на это билъ челомъ, чтобъ зимою было у него по 12, а лѣтомъ по 6 ловцовъ, меньше нельзя. Никонъ билъ челомъ на Лопухина, что онъ не положилъ слугъ съ Кириллова монастыря для своей бездѣльной корысти; жаловался, что ему не даютъ положеннаго съ монастырей, которые бѣдны, Кирилловъ богатъ, а столовыхъ запасовъ ему не присылаетъ, грибовъ и прислали, только такихъ скаредныхъ и съ мухоморами, что и свиньи ихъ не станутъ ѣсть, рыбу прислали сухую, только голова да хвостъ, хмелю прислали съ листомъ, что и въ квасъ класть не годится; прислали чего не прошено—стяги говяжьи и полти свиные на смѣхъ; образцы всѣхъ этихъ запасовъ Никонъ прислалъ къ царю. Онъ писалъ: «Платьемъ и обувью я съ братьею обносился, а шить некому, присланъ изъ Павлова монастыря портной швечишко неумѣющій, кромѣ шубнаго и сермяжнаго шить и скроить о себѣ ничего не умѣетъ. Отъ недостройки въ погребѣ всѣ запасы, овощи перемерзли, помираемъ съ голоду, наги и босы ходимъ».

3) Никонъ выпросилъ у государя, чтобъ на Ѳерапонтовомъ монастырѣ доимочныхъ денегъ не правили. Онъ прислалъ-было за нихъ свои деньги 200 рублей, но эти деньги отосланы были къ нему назадъ.

4) 180 года, мая 24 Никонъ жалуется, что къ Великому дню прислали ему изъ Кириллова монастыря 13 гривенокъ масла, 200 яицъ сырыхъ, 100 красныхъ, да сметаны братскую братину, да хлѣбныхъ запасовъ небольшое, а изъ иныхъ монастырей ничего не прислали.

5) 182 года, ноября 18, посылка стряпчаго Кузьмы Лопухина. Послано было для рожденія царевича Петра древо сахарное, коврижка на орелъ, хлѣбецъ черный; отъ царевны Натальи Алексѣевны — денегъ 200 рублей, коврижка сахарная, коврижка пряничная, хлѣбецъ черный. Для поминовенія царевича Алаксѣя—денегъ 200 рублей, послано было также арбузовъ бѣлогородскихъ, яблоковъ нѣжинскихъ, яблоковъ московскихъ. Лопухинъ объявилъ, что велѣно давать ему, Никону, изъ бѣлозерскихъ монастырей запасовъ въ годъ 15 ведръ вина церковнаго, 10 ведръ романеи, 10 ренскаго, 10 пудъ патоки на медъ, 30 пудъ меду сырцу, 20 ведръ малины на медъ, 10 ведръ вишенъ на медъ, 30 ведръ уксусу, 50 осетровъ, 20 бѣлугъ, 400 тешъ межукосныхъ, 70 стерлядей свѣжихъ, 150 щукъ, 200 язей, 50 лещей, 1000 окуней, 1000 карасей, 30 пудъ икры, 300 пучковъ вязиги, 2000 кочней капусты, 20 ведръ огурцовъ, 50 ведръ рыжиковъ, 50 ведръ масла коноплянаго, 50 ведръ масла орѣховаго, 50 пудъ масла коровья, 50 ведръ сметаны, 10,000 яицъ, 30 пудъ сыровъ, 300 лимоновъ, полпуда сахару головнаго, пудъ пшена сорочинскаго, 10 фунтовъ перцу, 10 фунтовъ инбирю,

попъ Никита принесли собору покаяніе въ сопротивленіи своемъ новоисправленнымъ книгамъ, и получили разрѣшеніе. Нераскаявшіеся были преданы анаѳемѣ и наказаны: протопопъ Аввакумъ заточенъ въ Пустоозерскій острогъ; дьяконъ Ѳеодоръ и послѣ попъ Лазарь лишены языка и сосланы

---

5 четвертей луку, 10 четвертей чесноку, 10 четвертей грибовъ, 10 ч. рѣпы, 5 ч. свеклы, 500 рѣдекъ, 3 ч. хрѣну, 100 пудъ соли, 60 четвертей муки ржаной, 20 ч. пшеничной, 50 ч. овса, 30 ч. муки овсяной, 30 ч. ячменю, 50 ч. солоду ржанаго, 30 ячнаго, 10 овсянаго, 15 ч. крупъ гречневыхъ, 50 ч. овсяныхъ, 3 ч. проса, 12 ч. гороху, 5 ч. сѣмени коноплянаго, 20 ч. толокна, да работникамъ 40 стяговъ говядины, или 150 полоть ветчины.—Никонъ писалъ, чтобъ дороги отъ келіи его не отводить; Лопухинъ долженъ былъ отвѣчать ему: «Ему-то прибыль, что дорога будетъ: подальше всякіе люди мимо келей станутъ ѣздить и, пріѣхавъ къ Москвѣ и ѣдучи изъ Москвы, станутъ сказывать небывалыя рѣчи». Относительно запасовъ Никонъ писалъ: «Мы съ Кузьмою Лопухинымъ, поговоря, какихъ запасовъ преизлишно написано въ росписи, и мы тѣхъ убавили, а какихъ не написано и мы приписали, а чаять молва будетъ велика въ монастыряхъ о тѣхъ запасахъ; что и въ прошлыхъ годахъ велѣно давать, и они давали малые запасы и то съ великими брюзгами, и въ выписи писали впятеро и вдесятеро и во сто и тысячными числами, оболгали тебѣ, великому государю, меня; а по твоей росписи многихъ запасовъ въ здѣшнихъ странахъ не водится. Пожалуй меня, вели Крестнаго монастыря властямъ присылать про мой обиходъ рыбы, семги и сижковъ».—Вмѣсто назначеннаго въ росписи количества, Никонъ написалъ: 10 ведръ малины на медъ, 5 ведръ вишенъ на медъ, 30 ведръ уксусу, 20 пудъ икры, 175 язей и щукъ, 100 пучковъ вязиги, 10 осетровъ, 2000 кочней капусты, 20 ведръ огурцовъ, 3 ведра рыжиковъ. 40 ведръ масла коноплянаго, 3 ведра масла орѣховаго, 30 пудъ масла коровья, 30 ведръ сметаны, 5000 яицъ, 20 пудъ сыровъ, 200 лимоновъ, 2 ч. луку, 8 чет. чесноку, 5 ч. свеклы, 1 ч. хрѣну, 8 ч. грибовъ, 10 ч. крупъ гречневыхъ, 1 ч. проса, 10 ч. толокна, 500 карасей ушныхъ, 6 ч. гороху, 500 рѣдекъ, прибавилъ: 4 пуда воску; $^1/_2$ пуда ладону, 1 пудъ семги, 6 чет. снетковъ, 20 пудъ хмелю, 150 судаковъ и язей, 500 свѣчъ сальныхъ.

6) 182 года, мая 5, Лопухинъ ѣздилъ въ Ѳерапонтовъ, чтобъ, по просьбѣ Никона, положить всякой рыбѣ мѣру, велѣть строить поварни и житницы. Никонъ билъ челомъ, чтобъ прислали ему соболей на кантуры и рукавицы.

7) Письмо Никона царю: «Еще отъ бѣднаго своего прошенья къ тебѣ не престану, яко червь отъ древоточенія, понеже утробою стѣсняемъ отъ Кириллова монастыря, что, противъ твоего указа, архимандритъ съ братіею никакихъ столовыхъ запасовъ не присылаетъ со 182 по 184 годъ сентября по 20, и питаюся я твоимъ государевымъ жалованьемъ, покупаючи столовые запасы дорогою цѣною, да и купить стало негдѣ, пустое мѣсто и отъ города удалено, а нынѣ осень настаетъ, а у меня клячишки свои есть и коровенка, а скотинныхъ кормовъ, сѣнъ и иныхъ нѣтъ, а ближе Кириллова монастыря иныхъ монастырей нѣтъ. А въ Кирилловѣ монастырѣ смѣются и поругаются мнѣ, будто я у нихъ въ монастырѣ всѣ коровы пріѣлъ. А нынѣ священникъ и дьяконъ и простой старецъ просятся отъ меня прочь скудости ради пищныя, потому что мнѣ ихъ кормить стало нечѣмъ, и келейнаго ради безпокойства, потому что печей нѣтъ, а держать мнѣ ихъ насильно нельзя, понеже они терпѣли у меня, помня мою милость къ себѣ прежнюю. Милостивый, милостивый, милостивый великій государь, сотвори Господа ради со мною милость, не вели Кириллова монастыря старцамъ меня заморить. Да вѣдомо мнѣ учинилось, что будто нѣкій чернецъ, именемъ Сергій дьяконъ, говоритъ про меня, будто я не чаю воскресенія мертвыхъ. А я мню, что и тебѣ самому памятно, идеже прилучится при твоемъ приходѣ во Св. церковь, идеже прилучится символу вѣры глаголатися, никому иному оставляю глаголати, но всюду самъ и до днесь. И ты Господа ради не повѣрь тому и, воспріимъ ревность Давида, погуби глаголющія неправду. Господа ради вели печи сдѣлать, а не велишь, и братья разбредутся розно, и я останусь одинъ. Охъ увы мнѣ, что буду?»

8) Письмо Никона Царю: «Бьютъ челомъ тебѣ Кириллова монастыря старцы, будто посылаютъ они на украину покупать для меня вишни, и то тебѣ буди вѣдомо, что ни едина мнѣ отъ нихъ по се число не бывала вишня, только на прошлой 182 годъ за вишни деньги дали и на 183 строитель говорилъ, чтобъ имъ платить черемховымъ морсомъ за вишни, потому что черемха родилась и собрали великое множество того морса съ вотчинъ, и мнѣ не дали ни единой капли; да на прошлой же 183 годъ собрали съ Кириллова монастыря крестьяне малины тоже немалое число ведеръ, а мнѣ не дали ни одной же капли. Они бьютъ челомъ тебѣ, будто отъ меня Кирилловъ монастырь разоряется, и мнѣ разорять Кирилловъ монастырь некѣмъ, я мало могу и ходить отъ старости и слышится намъ, что они сами Кирилловъ монастырь пустошатъ и съ крестьянъ денежные поборы частые сбираютъ и посылаютъ къ Москвѣ, и говорятъ: сталоде намъ челобитье на Никона тысячи въ двѣ, а хотя станетъ и въ пять тысячъ, и намъ будетъ отбиваться, и тѣмъ тебя, великаго государя, безчестятъ, будто про площадный приказъ говорятъ безстрашно; а на мнѣ милость твоя не по челобитью, ни по дачамъ, но по твоей милости и разсмотрѣнію. Во-истину скуднѣе и нищѣе насъ нынѣ нѣтъ; сотвори милость, пожалуй рыбки и икорки, да умилосердися надо мною грѣшнымъ и надъ приставомъ надъ князь Самойломъ (Шайсуновымъ), вели перемѣнить, онъ со всякія нужды помираетъ, да и меня уморилъ, потому что никто ни въ чемъ его не слушаетъ. А кирилловскіе старцы и нынѣшняго 184 году берутъ съ своихъ крестьянъ по 2 рубля, а говорятъ, будто на мой расходъ».

9) Въ 184 году, января 26 государь отправилъ къ Никону стряпчаго Кузьму Лопухина, послалъ съ нимъ отъ себя 100 рублей; отъ царицы мѣхъ соболій и мѣхъ бѣлчій хребтовый, 10 полотенъ, 15 полотенецъ; отъ царевичей 100 рублей денегъ, 5 бѣлугъ, 10 осетровъ, 10 лососей, по пуду икры зернистой и паюсной и разныхъ сластей, яблокъ въ патокѣ, винограду, арбузовъ, пастилъ. Лопухинъ долженъ былъ сказать ему: великій государь указалъ ему, монаху Никону, за всякіе столовые запасы и за питья и за работничья мяса, за сѣно и за дрова имать со всѣхъ монастырей деньгами: съ Кириллова 319 рублей, Прилуцкаго 106, Каменнаго 88, Устьшексинскаго 94, Новоезерскаго 61, Никитскаго и Благовѣщенскаго по 31, Корнилова 55, Павлова 54. И если ему денегъ покажется мало, то сказать, что въ прибавку государь будетъ присылать къ нему рублевъ по 100 изъ своей казны, только бъ у него съ монастырей запросовъ больше того не было.

На стр.227. Т.XI. Кн. III, мы сказали: «Не знаемъ отвѣта Никонова (Паисію); можемъ догадываться, какъ отвѣчалъ Никонъ человѣку, убѣждавшему его смириться». Впрочемъ, за отвѣтъ можно принять ту грамоту Никона къ Паисію, въ которой патріархъ пишетъ, что удалился отъ ярости царя, который и послѣ его ухода велѣлъ написать на него лживыя свидѣтельства людямъ, въ царскихъ палатахъ живущимъ; епископамъ, архимандритамъ и игумнамъ дары далъ, чтобъ подписались подъ опредѣленіемъ — не быть впредь Никону патріархомъ: „А мы, пишетъ Никонъ, передъ царемъ никакой вины не знаемъ, опричь того, что пишемъ и говоримъ, постерегаючи неправды его, что святые Божіи монастыри до большаго убожества привелъ и церкви Божіи сильно рукою своею разорилъ; на Москвѣ епископы, архимандриты по его велѣнію поставляются, проклятыхъ нами царь разрѣшаетъ» и проч.

туда же. Въ одиннадцать засѣданій дѣло объ исправленіи книгъ было окончено: написали наставленіе духовенству съ увѣщаніемъ употреблять новоисправленныя книги, а во всѣхъ спорныхъ пунктахъ относительно крестнаго знаменія, аллилуіи и проч. сообразоваться съ Восточною Православною Церковію. Кромѣ того, Соборъ разсмотрѣлъ и издалъ Жезлъ Правленія, книгу ученаго бѣлорусскаго монаха Симеона Полоцкаго, направленную противъ раскольниковъ. Восточные патріархи, судившіе Никона, вмѣстѣ съ новымъ Московскимъ патріархомъ Іоасафомъ II-мъ, подтвердили опредѣленіе Собора 1666 года; тутъ же рѣшено было не перекрещивать латынъ при переходѣ ихъ въ православіе [1]. Антіохійскій патріархъ Макарій съ дороги изъ Макарьевскаго Желтоводскаго монастыря писалъ въ Москву къ патріарху Іоасафу: „Въ здѣшній странѣ много раскольниковъ и противниковъ, не только между невѣждами, но и между священниками: вели ихъ смирять и крѣпкимъ наказаніемъ наказывать“ [2].

Эти мѣры пришлось принять противъ одного изъ самыхъ знаменитыхъ монастырей въ государствѣ. Мы уже упоминали о смутѣ, происшедшей въ Соловкахъ по поводу новоисправленныхъ книгъ. Въ то самое время, какъ вопросъ объ этихъ книгахъ окончательно рѣшался въ Москвѣ, Соловецкіе монахи опять напомнили о себѣ челобитьемъ на новаго архимандрита своего Варѳоломея и „на угодника его, а монастырю владѣльца, келаря Савватія Обрютина, которые пьянственнымъ и всякимъ нестройнымъ житіемъ уставъ и чинъ Св. Зосимы и Савватія нарушили и во всю Русскую Землю Св. обитель сотворили безчестну и поносну; священниковъ и дьяконовъ и рядовую братью напрасно плетьми бьютъ на смерть, въ тюрьмы глухія сажаютъ, голодомъ морятъ и, ограбивъ, вонъ высылаютъ изъ монастыря, чтобъ про нихъ впредь никто ничего не говорилъ“. Въ 1666 году Варѳоломей былъ вызванъ въ Москву и подалъ сказку: „Въ 1663 году, въ январѣ мѣсяцѣ, призвалъ я въ алтарь священниковъ и дьяконовъ, и говорилъ имъ, чтобъ быть въ пѣніи и службѣ по указу великаго государя и соборному изложенію. Въ это время началъ на меня кричать дьяконъ Нилъ: «Держишься ты уставщика еретика попа Геронтія, да и самъ ты еретикъ: онъ тебя ереси научилъ; Арсеній Грекъ научилъ ереси патріарха Никона, а Никонъ научилъ ереси государя». За это дьяконъ Нилъ битъ безо всякой пощады“. Несмотря на то, что Варѳоломей указалъ причину нерасположенія къ себѣ соловецкой братіи, его не хотѣли снова послать къ ней архимандритомъ, дали ему другой монастырь, а въ Соловецкій, на его мѣсто, поставили Іосифа, соловецкаго же монаха.

Осенью 1666 года отправился въ Соловецкій монастырь ярославскаго Спасскаго монастыря архимандритъ Сергій. Онъ собралъ монаховъ и прочелъ имъ указъ государевъ, грамоты и наказъ архіерейскаго Собора. Въ отвѣтъ раздались крики: „Указу великаго государя мы послушны и во всемъ ему повинуемся, а повелѣнія о символѣ вѣры, о сложеніи перстовъ, о аллилуіи и новоизданныхъ печатныхъ книгъ не пріемлемъ!“ Тутъ встаетъ Никаноръ, бывшій архимандритъ Саввина монастыря, жившій въ Соловкахъ на покоѣ; Никаноръ поднимаетъ руку, складываетъ три первые пальца и кричитъ: „Это ученіе и преданіе латинское, преданіе антихристово, я готовъ пострадать! да у васъ теперь и главы—патріарха—нѣтъ, и безъ него вы не крѣпки!“—„Выберите кого-нибудь съ кѣмъ бы можно было говорить безъ шума“, сказалъ Сергій монахамъ. — „Геронтій! Геронтій!“ раздалось со всѣхъ сторонъ. Выступаетъ Геронтій и начинаетъ: „Зачѣмъ вы въ молитвѣ: «Господи Іисусе!» отъемлете Сына Божія?“ Ораторъ былъ прерванъ страшнымъ воплемъ: „Охъ, охъ! горе намъ! отнимаютъ у насъ Сына Божія! гдѣ вы дѣвали имя Сына Божія!“ Когда крики утихли, Геронтій взялъ книгу съ житіемъ Евфросина, сталъ на стулъ, началъ читать и увѣщевать: „Не прельщайтеся и не слушайте таковаго ученія!“ Отъ этихъ рѣчей всталъ мятежъ и крикъ больше прежняго. Съ толпою нельзя было сладить; Сергій попробовалъ поговорить съ Геронтіемъ въ кельѣ, при немногихъ свидѣтеляхъ; но и этотъ споръ кончился ничѣмъ; Геронтій говорилъ: „Прежде отъ Соловецкаго монастыря вся Русская Земля всякимъ благочестіемъ просвѣщалась, и ни подъ какимъ зазоромъ Соловецкій монастырь не бывалъ, яко столпъ и утвержденіе и свѣтило сіялъ. Вы теперь новой вѣрѣ отъ Грековъ учитесь, а греческихъ архіереевъ самихъ къ намъ въ монастырь подъ началъ присылаютъ, они креститься не умѣютъ, мы ихъ самихъ учимъ, какъ креститься“. Сергій, чтобъ сломить противника, прибѣгъ къ страшному средству; онъ сталъ спрашивать: „Великій государь царь Алексѣй Михайловичъ благовѣренъ ли, благочестивъ ли и православенъ ли и христіанскій ли царь?“—„Благовѣренъ, благочестивъ и православенъ“, отвѣчалъ Геронтій съ товарищами. Сергій продолжалъ спрашивать: „А повелѣнія его, къ вамъ присланныя, православны ли?“ Застигнутые врасплохъ, принуждаемые или къ противорѣчію, или къ произнесенію страшныхъ словъ противъ царскихъ повелѣній, противники замолчали. Сергій продолжалъ: „Освященный Соборъ православенъ ли?“—„Прежде патріархи были православны“, отвѣчалъ Геронтій: „а теперь Богъ вѣсть, потому что живутъ въ неволѣ. а россійскіе архіереи православны“.—„Соборное повелѣніе, съ нами присланное, православно ли?“ спрашивалъ Сергій.—„Повелѣнія соборнаго не хулимъ“, отвѣчалъ Геронтій: „ а новой вѣры и ученія не пріемлемъ, держимся преданія Св. Чудотворцевъ и за ихъ преданія хотимъ всѣ умереть“.

Сергію велѣно было взять изъ монастыря книги, которыя будутъ годны къ „соборному дѣянію“; но монахи не пустили его въ книгохранительную палату, росписи именамъ своимъ не дали. Сергій и товарищи его все время пребыванія ихъ на островѣ жили за монастырскимъ карауломъ, а московскіе стрѣльцы подслушали, какъ мірскіе соловецкіе люди переговаривали между собою: „Которые московскіе стрѣльцы теперь здѣсь въ монастырѣ, тѣмъ мы указъ учинимъ, и которые за монастыремъ въ лодьяхъ, и тѣхъ захватимъ, будто моремъ разбило: слѣдуетъ ихъ побить каменьемъ, потому что посланы отъ антихриста прельщать насъ“.

---

[1] Дополн. къ акт. истор. V, № 102.

[2] Эта грамота находится въ Синодальной библіотекѣ.

Но монахи попытались, нельзя ли отстоять свои убѣжденія, не прибѣгая къ силѣ, не разрывая съ верховною властію; они послали къ царю челобитную: „Бьютъ челомъ богомольцы твои, государевы: Соловецкаго монастыря келарь Азарій, бывшій Саввина монастыря архимандритъ Никаноръ, казначей Варсонофій, священники, дьяконы, всѣ соборные чернецы и вся братія рядовая и больничная, и служки и трудники всѣ. Присланъ съ Москвы къ намъ архимандритъ Сергій съ товарищи учить насъ церковному преданію по новымъ книгамъ и во всемъ велятъ послѣдовать и творить по новому преданію, а преданія великихъ Святыхъ Апостолъ и Св. Отецъ седми Вселенскихъ Соборовъ, въ коемъ прародители твои, государевы, и начальники преподобные, отцы Зосима и Савватій и Германъ, и преосвященный Филиппъ митрополитъ, нынѣ намъ держаться и послѣдовать возбраняютъ. И мы чрезъ преданія Св. Апостолъ и Св. Отецъ священные уставы и церковные чины премѣнять не смѣемъ, понеже въ новыхъ книгахъ выходу Никона патріарха, по которымъ насъ учатъ новому преданію, вмѣсто „Ісуса“ написано съ приложеніемъ излишней буквы „Іисусъ“, чего страшно намъ, грѣшнымъ, не точію приложити, но и помыслити“ и т. д. „Милосердый государь! помилуй насъ, нищихъ, своихъ богомольцевъ: не вели архимандриту Сергію прародителей твоихъ и начальниковъ нашихъ, преподобныхъ Зосимы, Савватія, Германа и Филиппа преданія нарушить, и вели, государь, намъ въ томъ же преданіи быть, чтобъ намъ врознь не разбрестись и твоему богомолію украйному и порубежному мѣсту отъ безлюдства не запустѣть“. Вслѣдъ за этою челобитною монахи дали знать въ Москву, что они за преданія великихъ чудотворцевъ готовы съ радостію смерть принять, и многіе старцы, готовясь на тотъ вѣчный путь, посхимились.

Никаноръ былъ вызванъ въ Москву; но здѣсь, какъ видно, повелъ себя иначе, далъ обѣщаніе передъ Соборомъ ни въ чемъ не прекословить, и кого прежде прельщалъ, тѣхъ приводить на путь истинный. Въ надеждѣ на это, его снова отправили въ Соловки въ 1667 году вмѣстѣ съ новымъ архимандритомъ Іосифомъ и старымъ Варѳоломеемъ, который ѣхалъ для сдачи монастыря. Но въ іюлѣ мѣсяцѣ управляющій монастыремъ келарь Азарій и казначей Геронтій получаютъ грамотку,—рука Ѳадейки Петрова, служки архимандрита Никанора: „Ѣдутъ къ вамъ, пишетъ Ѳадейка, новый архимандритъ Іосифъ, старый Варѳоломей и Никаноръ; смотрите, Іосифа къ себѣ не принимайте, подъ благословеніе къ нему не ходите и другимъ ходить запретите; онъ ѣдетъ безъ государева указа, стакнувшись съ бывшимъ архимандритомъ Варѳоломеемъ“. Грамотка произвела желанное дѣйствіе: Іосифъ не былъ принятъ; но пуще всего досталось старому Варѳоломею: у него въ соборной церкви изодрали клобукъ на головѣ, выдрали волосы; онъ слышалъ крики: „Когда собака вскочитъ въ церковь, церковь святить надобно; а это тоже собака, хотя и ушибить его, то грѣха не будетъ, все равно, что собаку ушибить“ [1]).

Странная судьба царя Алексѣя Михайловича! Кто меньше его имѣлъ желанія бороться съ духовными лицами: и, несмотря на то, ему суждено было вынести на своей душѣ тяжелое бремя Никоновскаго дѣла и потомъ вести настоящую войну съ Соловецкимъ монастыремъ! Получивъ челобитную, царь посылаетъ новыя увѣщанія; на нихъ прежній отвѣтъ и прямо вызовъ на бой: „Вели, государь, на насъ свой царскій мечъ прислать и отъ сего мятежнаго житія преселити насъ на оное безмятежное и вѣчное житіе“. Монахи вызывали мірскую власть на тяжелую борьбу, выставляя себя беззащитными жертвами, безъ сопротивленія подклоняющими головы подъ мечъ царскій. Но когда, въ 1668 году, подъ стѣнами монастыря явился стряпчій Игнатій Волоховъ съ сотнею стрѣльцовъ, то, вмѣсто покорнаго подклоненія головъ подъ мечъ, встрѣченъ былъ выстрѣлами. Такому ничтожному отряду, какой былъ у Волохова, нельзя было одолѣть осажденныхъ, у которыхъ были крѣпкія стѣны, множество запасовъ, 90 пушекъ. Осада затянулась на многіе годы; государство не могло послать большихъ силъ на Бѣлое море; страшный бунтъ кипѣлъ на концѣ противоположномъ [2]).

---

[1]) Столбцы съ извѣстіями о Соловецкомъ возмущеніи въ Синодал. библіотекѣ; также въ архивѣ мин. юстиціи, между столбцами Приказнаго стола, № 1525.

[2]) Слѣдующій разсказъ о возмущеніи Стеньки Разина основанъ преимущественно на актахъ, хранящихся въ архивахъ мин. юстиціи и мин. иностр. дѣлъ. Большая часть этихъ актовъ издана особою книгою, подъ заглавіемъ: «Матеріалы для исторіи возмущенія Стеньки Разина», и составляетъ приложеніе къ монографіи о Разинѣ, написанной г. Поповымъ и помѣщенной въ Русской Бесѣдѣ 1857 года. Но г Попову остались неизвѣстны важные акты, хранящіеся въ архивѣ мин. юстиціи между столбцами Приказнаго стола, подъ №№ 1567 и 1573; такъ, между прочимъ, изъ этихъ актовъ оказывается, что Борятинскій былъ два раза подъ Симбирскомъ. Мы воспользовались также любопытными извѣстіями о казацкихъ движеніяхъ до Разина, находящимися въ Донскихъ дѣлахъ означенныхъ годовъ, также извѣстіями о лицахъ, ссудившихъ Разина порохомъ и свинцомъ: эти извѣстія случайно включены въ Малороссійскія дѣла 1668 года, № 1. Важныя извѣстія о Разинѣ помѣщены въ Актахъ историч. № 202 и 226. Изъ иностранныхъ сочиненій: 1) Страуса—Sehr schwere, widerwertige und merkwürdige Reisen; 2) Relation des particularités de la rebellion de Stenko Razin;

Выходъ извѣстной части народонаселенія въ казаки продолжался и въ описываемое время, и долженъ былъ еще усилиться, ибо мы видѣли, какъ тяжело было состояніе народа въ тринадцатилѣтнюю войну. Послѣ присоединенія Малороссіи, бѣглые крестьяне и холопи направились-было сюда; но правительство Московское не хотѣло признавать Малороссіи казацкою страною, постоянно требовало выдачи бѣглецовъ, и попрежнему вольною сиротскою дорогою оставалась дорога на Донъ, откуда не было выдачи. Но бѣдствія тринадцатилѣтней войны коснулись и Дона: Крымцы загородили дорогу въ море и навѣщали казаковъ въ ихъ жилищахъ. Азовское, Черное море заперты: чѣмъ же жить казакамъ, гдѣ добывать себѣ зипуны? Оставался одинъ способъ: переброситься на Волгу и ею выплыть въ Каспійское море, погромить тамошніе бусурманскіе берега. Но это не такъ было легко сдѣлать. Прежде изъ Дону можно было выходить въ море; Донъ былъ въ казацкихъ рукахъ; но устье Волги въ рукахъ у государства: оно не пуститъ казаковъ! И вотъ сначала образуются небольшія разбойничьи шайки на Волгѣ; государство преслѣдуетъ ихъ; отталкиваемыя отъ выхода въ море, онѣ естественно опрокидываются внутрь государства, ищутъ здѣсь себѣ союзниковъ въ низшихъ слояхъ народонаселенія. Сперва это движеніе произошло въ малыхъ размѣрахъ; но потомъ, найдя способнаго вождя, образуется огромная шайка, прорывается въ Каспійское море, громитъ бусурманскіе берега, возвращается съ богатыми зипунами. Но какъ возвратиться на Донъ?—государство не пропускаетъ: надобно мнимою покорностію вымолить пропускъ, обязавшись не ходить вторично на море; и дѣйствительно, какъ идти вторично?—опять государство не пропуститъ, опять надобно будетъ пробиваться силою; удастся пробиться, удастся погромить бусурманскіе суда и берега, но какъ опять возвратиться?—государства уже нельзя будетъ обмануть во второй разъ, оно возьметъ свои мѣры. Лишенная такимъ образомъ надежды гулять по Каспійскому морю, огромная шайка опрокидывается внутрь государства, въ надеждѣ воспользоваться его неприготовленностію и поднять низшіе слои народонаселенія на высшіе. Таковъ смыслъ явленія, извѣстнаго въ нашей исторіи подъ именемъ бунта Стеньки Разина. Не забудемъ, что то же самое произошло на западной Украйнѣ, когда Польша заперла казакамъ выходъ изъ Днѣпра въ Черное море.

29 сентября 1659 года, въ саратовской приказной избѣ съ озабоченнымъ видомъ сидѣлъ воевода Данила Хитровъ; передъ нимъ стоялъ приказчикъ московскаго купца Селиванова и разсказывалъ: „Ѣхалъ я изъ Астрахани на хозяйскомъ соляномъ стругу вверхъ до Саратова, и какъ былъ въ царицынскихъ водахъ, отъ Саратова 170 верстъ, ночью пріѣхали ко мнѣ воровскіе казаки, человѣкъ съ 80, били меня и пытали, на огнѣ жгли, рабочихъ людей моихъ ограбили. Въ ту пору подплыли сверху въ двухъ стругахъ Черкесы, которые ѣхали съ Москвы въ Астрахань, уздени Казбулата мурзы князь Муцалова сына Черкасскаго, Муртоза Алексѣевъ съ товарищами. Воровскіе казаки къ тѣмъ Черкесамъ приступали, съ ними и съ служивыми людьми, которые были у Черкесъ въ греблѣ и въ провожатыхъ, былъ бой долгое время, Черкесовъ казаки всѣхъ порубили, животы взяли и пошли съ Волги рѣки степью на Иловлю рѣку, а чтобъ грабежные животы нести, взяли они рабочихъ многихъ людей, которыхъ потомъ отпустили, а иные пошли сами къ нимъ охотно въ казаки".

Выслушавъ разсказъ, воевода отправилъ за разбойниками 200 человѣкъ конныхъ и пѣшихъ стрѣльцовъ по нагорной сторонѣ; стрѣльцы догнали казаковъ на рѣкѣ Иловлѣ, за день пути до Дону, побили ихъ, двоихъ взяли въ плѣнъ, другіе ушли по Иловлѣ крѣпкими мѣстами займищами. Плѣнники, съ пытки и огня, разсказывали свою исторію: „Зовутъ насъ, Кондрашка Ходеряхинъ и Нефедка Золотаревъ; родились мы въ Соколинскомъ городкѣ, и пошли на Донъ своею охотою, жили въ Сиротскомъ (!) городкѣ. Нынѣшнею весною вѣдомость намъ учинилась отъ проѣзжихъ торговыхъ людей, что объявились на Волгѣ съ Дону воровскіе казаки; вотъ мы лѣтомъ и пошли изъ городка на рѣку Иловлю за звѣремъ съ капканами; отпустилъ насъ Донской казакъ Немытовскій для зипуна. На дорогѣ встрѣтили мы 80 человѣкъ Донскихъ казаковъ и пристали къ нимъ для воровства; были съ ними въ двухъ походахъ, по насадамъ и по стругамъ людей грабили, приказчиковъ били, мучили и огнемъ жгли. И, воровавъ по Волгѣ рѣкѣ, отъѣзжали мы съ грабежными животами въ свой воровской городокъ на Иловлѣ, между казачьими городками Паншинскимъ и Иловлинскимъ, имя ему Рига; взять его лѣтомъ до зимняго пути нельзя никакъ потому: пришли около городка со всѣхъ сторонъ воды".

Когда въ Москвѣ узнали о существованіи этой новой Риги, на Донъ пошла царская грамота: „Вы бы послали на тѣхъ воровскихъ казаковъ и велѣли атамана и есаула съ товарищами перехватать и привесть къ себѣ, и учинить по войсковому праву казнь смертную". Царскій приказъ былъ исполненъ: отрядъ вѣрныхъ казаковъ отправился къ Ригѣ; но воровскіе сѣли въ ней на смерть, начали отстрѣливаться изъ пушекъ и переранили многихъ осаждающихъ; наконецъ послѣдніе взяли ихъ за большимъ боемъ и подкопами, многихъ побили и живыхъ захватили, городокъ сожгли и разорили совсѣмъ, а старшинъ ихъ забродчиковъ, атаманишка Иванку да есаулишка Петрушку съ товарищи, 10

---

3) Stephanus Kazin cosacus perduellis—Штурцфлейша.—Иностранными извѣстіями, какъ вездѣ, такъ и тутъ надобно пользоваться съ большою осторожностію: такъ, по иностраннымъ извѣстіямъ, Разинъ ничего не говорилъ съ пытокъ, но мы изъ Никонова дѣла знаемъ, что говорилъ о монахѣ, будто бы присланномъ отъ Никона.—Объ отношеніяхъ Разина къ князю Семену Львову см. Исторію о невинномъ заточеніи Матвѣева, стр. 211.

человѣкъ привезли для верщенья къ войску. Здѣсь собрался кругъ; воровъ разспросили и повѣсили, чтобъ „впредь инымъ не повадно было такъ воровать, съ такимъ воровствомъ на Донъ переходить, на войско и всю рѣку напрасное оглашенство наводить“.—„Эти воры“, писали Донцы въ Москву, „эти воры и на Дону во все лѣто торговыхъ людей съ Руси Дономъ ни одной будары съ запасами къ намъ не пропустили, брали запасы у нихъ грабежемъ; только бы, государь, да не твоя милость и жалованье, то намъ пришлось бы съ-голоду помирать“.

Рига была взята; но вѣсти о казацкихъ разбояхъ на Яикѣ и на Каспійскомъ морѣ не прекращались, потому что Донцы не переставали жаловаться: „Теперь у насъ на Дону добычи никакой нѣтъ, на море ходить стало нельзя, рѣку Донъ и Донецъ съ нижняго устья Крымскій ханъ закрѣпилъ, государева жалованья на годъ не станетъ“. Лѣтомъ 1666 года искатели зипуновъ затѣяли дѣло поопаснѣе волжскихъ разбоевъ. Шайка въ 500 человѣкъ, подъ начальствомъ атамана Васьки Уса, разбойничала въ воронежскихъ и тульскихъ мѣстахъ, подговаривала крестьянъ и холопей, разоряла помѣщиковъ и похвалялась всякимъ дурномъ. Донцы писали государю, что они учинили Усу съ товарищами наказанье жестокое безъ пощады. Наказанье не подѣйствовало, если только было учинено: Усъ приготовлялся къ новымъ подвигамъ въ томъ же родѣ; но тутъ онъ явился уже на второмъ планѣ.

Былъ въ Донскомъ войскѣ казакъ извѣстный, ловкій, Степанъ Тимоѳеевичъ Разинъ; былъ онъ росту средняго, крѣпкаго сложенія, лѣтъ около сорока. Весною 1661 года войско посылало его къ Калмыкамъ уговаривать ихъ быть заодно съ Донцами, служить государю на Крымскаго хана. Возвратясь отъ Калмыковъ, осенью того же года Степанъ Тимоѳеевичъ явился въ Москву: онъ отправлялся на богомолье въ Соловецкій монастырь. Такое благочестіе не было диковиною между казаками: „за многія войсковыя службы, за кровь и раны“ пожалованъ имъ былъ въ Шацкомъ уѣздѣ Чернѣевъ монастырь: казаки его строили, многіе вклады давали, а старики и раненые постригались въ немъ.

Прошло пять лѣтъ—о Разинѣ нѣтъ слуховъ. Но вотъ въ 1667 году астраханскіе воеводы получаютъ царскую грамоту: „Въ Астрахани и въ Черномъ Яру живите съ великимъ береженьемъ“, писалъ государь; „на Дону собираются многіе казаки и хотятъ идти воровать на Волгу, взять Царицынъ и засѣсть тамъ“. Грамота объясняетъ, отчего происходитъ это казацкое движеніе: во многіе донскіе городки пришли съ украйны бѣглые боярскіе люди и крестьяне, съ женами и дѣтьми, и оттого теперь на Дону голодъ большой“. Кто же былъ атаманомъ этой толпы, питавшей такіе опасные замыслы?—нашъ знакомый паломникъ Степанъ Разинъ! Какъ же произошло это чудное превращеніе *изъ странника въ разбойничьяго атамана*?

Иностранныя извѣстія говорятъ, что братъ Разина, находясь со своимъ казацкимъ отрядомъ при войскѣ князя Юрія Долгорукаго, просилъ у воеводы отпуска на Донъ; воевода отказалъ—и казаки ушли самовольно; но ихъ догнали, законъ опредѣлилъ смертную казнь бѣглецамъ со службы, и Долгорукій исполнилъ законъ. Разинъ былъ повѣшенъ, и двое братьевъ его, Степанъ и Фролъ, задумали отомстить боярамъ и воеводамъ.

Не знаемъ, вѣрить ли этому извѣстію иностранцевъ? Ни актъ правительственный, ни дума народная его не подтверждаютъ. Притомъ же дѣло объясняется и безъ того такъ просто.

Разинъ былъ истый казакъ, одинъ изъ тѣхъ стародавнихъ русскихъ людей, тѣхъ богатырей, которыхъ народное представленіе соединяетъ съ казаками, которымъ обиліе силъ не давало сидѣть дома и влекло въ вольные казаки, на широкое раздолье въ степь, или на другое широкое раздолье—море, или, по крайней мѣрѣ, на Волгу-матушку. Мы уже видѣли, что это былъ за человѣкъ Разинъ,—весною сходитъ онъ въ посольствѣ къ Калмыкамъ, а осенью готовъ уже идти на богомолье на противоположный край свѣта, къ Соловецкимъ чудотворцамъ: „много было бито, граблено, надо душу спасти!“ Воротился Разинъ съ богомолья на Донъ; на Дону тѣсно, точно въ клѣткѣ, а искателей зипуновъ, голутьбы накопилось множество. Всѣ они, и русскіе казаки, и хохлачи, говорили, что имъ идти на Волгу воровать, а на Дону жить имъ не-у-чего: государева жалованья въ дуванѣ досталось по кусу на человѣка, а инымъ и двоимъ кусъ, денегъ по 30 алтынъ, сукна по два аршина человѣку, а инымъ по аршину, и этимъ прокормиться нечѣмъ, а тутъ еще на море путь запертъ и зипуна достать стало негдѣ. Разинъ принялъ начальство надъ голутвенными и рванулся-было въ море Дономъ, но сами Донцы загородили эту дорогу, потому что были въ мирѣ съ Азовцами. Отброшенный снизу, Разинъ поплылъ вверхъ по Дону, туда, гдѣ эта рѣка близка къ Волгѣ: Воронежцы, посадскіе люди, Иванъ Горденевъ и Трифонъ Хрипуновъ, ссудили его порохомъ и свинцомъ; и отъ многихъ Воронежцовъ было воровство: порохъ и свинецъ привозили и ворамъ продавали, а у нихъ покупали рухлядь. Да и не воровать Воронежцамъ было нельзя, говорили современники, потому что у многихъ на Дону сродичи.

Снова поднялись казаки, поднялась и новая Рига между рѣкъ Тишини и Иловли, близъ Паншинскаго городка; стоялъ Разинъ на высокихъ буграхъ, а кругомъ него полая вода: ни пройти, ни проѣхать, ни провѣдать, сколько ихъ тамъ; ни языка поймать. Подъѣхали-было посланцы Царицынскаго воеводы, протопопъ да монахъ, и воротились назадъ: за водою проѣхать нельзя, а перевезти ихъ никто не смѣлъ.

Разинъ сидѣлъ въ своемъ гнѣздѣ, пока добыча стала показываться на Волгѣ. Поплылъ внизъ большой караванъ: тутъ былъ казенный стругъ съ ссыльными, ѣхавшими на житье въ Астрахань; былъ стругъ знаменитаго московскаго богача Шорина съ казеннымъ хлѣбомъ, былъ стругъ патріаршій и струга другихъ лицъ. Стрѣльцы провожали караванъ; но стрѣльцы не тронулись, когда нагрянулъ на нихъ Стенька съ 1,000 своей голутьбы. Лодья съ государевымъ хлѣбомъ пошла ко дну, начальные люди лежали изрубленные, съ почернѣлыми отъ огненной пытки тѣлами, или качались на висѣлицахъ; старинный соловецкій богомолецъ самъ переломилъ руку у монаха патріаршескаго; не тронули работниковъ, ярыжекъ,—дали волю, куда хотятъ; 160 ярыжекъ пристало къ Разину, и съ ними патріаршій сынъ боярскій Лазунка Жидовинъ; ссыльные были раскованы, и стали они всякимъ людямъ чинить всякое разоренье, мучить и грабить пуще прямыхъ Донскихъ казаковъ.

Народное воображеніе разыгралось: счастливый атаманъ выросъ!—превратился въ чародѣя, котораго пуля не брала, которому ничего не могло противостать. Стенька плылъ мимо Царицына; воевода велѣлъ стрѣлять по воровскимъ судамъ: ни одна пушка не выстрѣлила, запаломъ весь порохъ выходилъ. Воевода обомлѣлъ отъ ужаса, и когда явился къ нему есаулъ отъ Разина, то онъ исполнилъ всѣ его требованія: отдалъ наковальню, мѣхи, кузнечную снасть.

Настращавъ Царицынскаго воеводу, Стенька поплылъ дальше; плылъ онъ теперь на тридцати пяти стругахъ: вмѣсто тысячи, было уже у него 1,500 человѣкъ; проплылъ мимо Чернаго Яра, ограбилъ, прибилъ, высѣкъ плетьми встрѣтившагося ему воеводу Беклемишева, выплылъ моремъ къ устью Яика, гдѣ уже ждали его свои. Старый богомолецъ, взявши съ собою сорокъ человѣкъ, подошелъ къ воротамъ Яицкаго городка и послалъ къ стрѣлецкому головѣ Яцыну, чтобъ пустилъ ихъ въ церковь помолиться; Разинъ съ товарищами былъ впущенъ, ворота за нимъ заперли, но онъ уже былъ хозяиномъ въ городкѣ: товарищи его отперли ворота и впустили остальную толпу; Яцынъ съ своими стрѣльцами не сопротивлялся, но и не приставалъ явно къ ворамъ. Это не понравилось атаману: вырыли глубокую яму, у ямы стоялъ стрѣлецъ Чикмазъ и вершилъ своихъ товарищей, начиная съ Яцына,—сто семьдесять труповъ попадало въ яму. Звѣрь насытился и объявилъ остальнымъ стрѣльцамъ, что дастъ имъ волю: хотятъ остаются съ нимъ, хотятъ—идутъ въ Астрахань. Одни остались, другіе пошли; но при видѣ людей, которые уходили, не сочувствуя искателямъ зипуновъ, уходили, чтобъ увеличить средства страшнаго и ненавистнаго государства, Стенька снова разсвирѣпѣлъ и поплылъ въ погоню за ушедшими; казаки нагнали стрѣльцовъ и начали имъ кричать, чтобъ были съ ними вмѣстѣ; видя, что они не слушаются, воры начали ихъ рубить и бросать въ воду: тогда нѣкоторые послушались и пристали къ казакамъ, другіе успѣли спрятаться въ камышахъ.

Стенька расположился надолго въ Яицкомъ городкѣ. Осенью его голутьба успѣла еще позаняться казацкимъ дѣломъ: погромили Татаръ въ устьяхъ Волги, пограбили на морѣ бусурманскія суда. Въ ноябрѣ пріѣхали въ Яицкой гости, посланцы съ Дону, привезли грамоту великаго государя и войсковую отписку съ увѣщаніемъ отстать отъ воровства и возвратиться на Донъ. Собрался кругъ, прочли и царскую грамоту, и войсковую отписку „Когда впередъ ко мнѣ государева грамота придетъ“, сказалъ Разинъ посланнымъ, „то я великому государю вину свою принесу“. Съ этимъ посланные и отправились назадъ на Донъ. Они возвратились, по крайней мѣрѣ, всѣ цѣлы. Не такъ были счастливы посланцы нашего Астраханскаго воеводы, князя Ивана Семеновича Прозоровскаго, посланнаго на смѣну князя Хилкова. Съ дороги, изъ Саратова, Прозоровскій отправилъ къ Разину двоихъ посланцовъ съ увѣщаніями принести свои вины: одинъ посланный возвратился въ Саратовъ, а другого ночью Разинъ убилъ и бросилъ въ воду.

Проходила зима. Голутьбѣ было привольно въ Яицкомъ: они завели дружбу съ сосѣдними Калмыками, торги между ними были безпрестанные. Между тѣмъ вѣсть о счастьи Разина, которому удалось перекинуться на Яикъ, засѣсть въ государевомъ городкѣ, добыть свободный выходъ въ море,—эта вѣсть волновала Донъ; въ войскѣ и во всѣхъ Низовыхъ городкахъ воровскіе казаки собирались многимъ собраньемъ, чтобъ идти на Волгу къ Царицыну, грозя побить атамана Корнила Яковлева и старшинъ, которые не одобряли ихъ намѣренія. Товарищи Разина ждали своихъ, но вмѣсто своихъ пришли государевы ратные люди. Старый Астраханскій воевода, князь Хилковъ, прежде сдачи должности своему преемнику, хотѣлъ промыслить надъ ворами, и отправилъ къ Яицкому стенью товарища своего, Якова Безобразова; но, прежде чѣмъ начать промыслъ, Безобразовъ послалъ къ Стенькѣ двоихъ стрѣлецкихъ головъ для сговору, чтобъ казаки добили челомъ и шли на Саратовъ къ новому воеводѣ, князю Прозоровскому. Несчастныхъ посланцовъ ждала висѣлица въ Яицкомъ. Безобразовъ началъ промышлять надъ нераскаянными ворами; но промыселъ былъ неудаченъ: больше пятидесяти человѣкъ стрѣльцовъ и солдатъ было у него побито, нѣкоторые перешли къ ворамъ, и весною 1668 года Стенька уже гулялъ по морю, направляясь къ шаховой области.

Стенька ушелъ въ море; но Волга не осталась покойна: воровской путь былъ указанъ. Толпа человѣкъ къ 700 собралась на Дону подъ начальствомъ Сережки Кривого и перекинулась на Волгу: царицынскіе служилые люди ей не помѣшали. На перессмъ Кривому отправился изъ Астрахани письменный голова Аксентьевъ; онъ нагналъ казаковъ и схватился съ ними ниже Краснаго Яру, на Карабузанѣ. Кривой одолѣлъ государевыхъ людей—и

100 человѣкъ стрѣльцовъ передались къ ворамъ. Аксентьевъ ушелъ въ лодкѣ съ небольшими людьми, но солдатскаго строю поручикъ Нѣмецъ и стрѣлецкій пятидесятникъ попались въ плѣнъ—и были повѣшены за ноги, другихъ плѣнныхъ били ослопьями и посажали въ воду. Побѣдители ушли въ море къ Разину. Въ іюлѣ пришла вѣсть въ Астрахань, что въ 50 верстахъ отъ казачьихъ Гребенскихъ городковъ стоитъ 100 человѣкъ Донскихъ конныхъ казаковъ, съ атаманомъ Алешкою Протокинымъ, на Кумѣ 400, и ждутъ съ Дону Алешку Каторжнаго съ 2,000 казаковъ; во многихъ городахъ, на Дону и на Хопрѣ, казаки похвалялись идти на Волгу, похвалялись идти прямо на Царицынъ и сдѣлать лучше, чѣмъ сдѣлалъ Разинъ и Сережка Кривой.

Но это была только похвальба, у хвастуновъ недоставало атамана, недоставало другого Разина, и они должны были ждать, пока Степанъ Тимоѳеевичъ возвратится изъ своего морскаго похода.

Разину хорошо гулялось по морю: онъ страшно разорилъ берегъ отъ Дербента до Баку, и, достигнувъ Решта, предложилъ свою службу шаху, прося земель для поселенія. Переговоры затянулись; жители Решта напали врасплохъ на казаковъ и убили у нихъ 400 человѣкъ. Разинъ отплылъ отъ Решта и жестоко отмстилъ свое пораженіе на Фарабатѣ: онъ далъ знать жителямъ, что приплылъ къ нимъ для торговли, торговалъ пять дней, на шестой поправилъ шапку на головѣ,—это былъ условленный знакъ: казаки бросились на беззащитную добычу и раздѣлались съ нею по-казацки. Нахватавши много плѣнныхъ, Стенька укрѣпился на зимовку на островѣ и завелъ съ Персіянами размѣнъ невольниковъ: за трехъ и четырехъ христіанъ казаки давали по одному Персіянину.

Весною 1669 года Разинъ перекинулся на восточный берегъ моря, погромилъ Трухменскіе улусы, но потерялъ удалаго товарища—Сережку Кривого. Казаки расположились на Свиномъ островѣ, съ котораго дѣлали набѣги на твердую землю; тутъ въ іюлѣ мѣсяцѣ напалъ на нихъ персидскій флотъ съ 4,000 войска, и потерпѣлъ совершенное пораженіе, только три судна успѣли спастись съ предводителемъ Менеды-ханомъ; но сынъ и дочь его попали въ плѣнъ къ побѣдителямъ, и дочь ханская сдѣлалась наложницею счастливаго атамана.

„Но не все же будетъ счастье!“—могъ думать атаманъ въ минуту трезвости. Вѣчно странствовать по Каспійскому морю нельзя, берега опустошены, хлѣба нѣтъ, часто воды нѣтъ, и отъ соленой воды казаки заболѣваютъ, ихъ уже недосчитывалось 500 человѣкъ, а Персы могли выслать вмѣсто 4,000 и 8—10,000. Долго оставаться на морѣ казакамъ было дѣло необычное: погромивши берега и суда, они привыкли возвращаться домой, на пресловутую рѣку Донъ. Но какъ возвратиться:—чрезъ области государства, съ которымъ было поступлено такъ враждебно? Дѣлать было нечего, надобно было помириться съ государствомъ, принести повинную.

Въ началѣ августа въ Астраханскомъ государствѣ снова услыхали о Разинѣ: прибѣжалъ митрополичій сынъ боярскій съ митрополичьяго учуга съ вѣстію, что учугъ пограбленъ казаками; вслѣдъ за нимъ явился персидскій купецъ съ вѣстію, что казаки ограбили его судно, взяли въ плѣнъ его сына, захватили подарки, которые онъ везъ великому государю. Въ тотъ же день отправилась противъ воровъ государева рать: второй воевода князь Семенъ Ивановичъ Львовъ поплылъ съ 4,000 стрѣльцовъ на тридцати шести стругахъ. Но мы знаемъ постоянное поведеніе Московскаго правительства относительно казаковъ: прощать, какъ только будетъ принесена повинная; слабость государства условливала существованіе казаковъ подлѣ него, условливала безнаказанность ихъ воровства. Увидавши государевы суда, казаки убѣжали въ море; Львовъ гнался за ними двадцать верстъ, утомился и послалъ милостивую царскую грамоту. Стенька воротился и начались переговоры; къ воеводѣ явились двое выборныхъ казаковъ. „Все войско бьетъ челомъ“, говорили они, „чтобъ великій государь пожаловалъ, велѣлъ вины ихъ отдать и отпустить на Донъ съ пожитками, а мы за свои вины ради великому государю служить и головами своими платить, гдѣ великій государь укажетъ; пушки, которыя мы взяли на Волгѣ въ судахъ, въ Яицкомъ городкѣ и въ шаховой области, отдадимъ, служилыхъ людей отпустимъ, а струга и струговыя снасти отдадимъ въ Царицынѣ“. Князь Семенъ велѣлъ этихъ двухъ казаковъ привести къ вѣрѣ за все войско, и поплылъ назадъ въ Астрахань, за нимъ плылъ Стенька съ своими голутвенными, теперь разбогатѣвшими отъ частыхъ дувановъ.

25 августа въ Астраханскомъ государствѣ было большое торжество: въ приказной избѣ сидѣлъ воевода; туда же шелъ Разинъ съ товарищами; подойдя къ избѣ, казаки положили бунчукъ, знамена, сдали плѣнныхъ Персіянъ, объявили, что и пушки отдадутъ и рускихъ служилыхъ людей отпустятъ безъ задержки. Разинъ билъ челомъ предъ воеводою, чтобъ великій государь велѣлъ отпустить ихъ на Донъ, а теперь бы шестерыхъ выборныхъ изъ нихъ отправить въ Москву бить великому государю за вины свои головами своими. Выборные были отправлены. Въ Москвѣ ихъ спросили: „Пошли вы съ Дону на такое воровство и то учинили, забывъ страхъ Божій и великаго государя крестное цѣлованіе; такъ теперь скажите правду—на такое воровство гдѣ у васъ началась мысль, и кто у васъ въ той мысли въ заводѣ былъ?“—„На Дону намъ начала быть скудость большая“, отвѣчали казаки, „на Черное море проходить стало нельзя: сдѣланы турскими людьми крѣпости, и мы, отобравшись, охочіе люди, пошли на Волгу, а съ Волги на море, безъ вѣдома войсковаго атамана Корнила Яковлева, а начальный человѣкъ къ тому дѣлу былъ Стенька Разинъ“. По указу царскому, казакамъ вины ихъ выговорены и сказано, что великій государь, по своему милосердому разсмотрѣнію, по-

жаловалъ, вмѣсто смерти, велѣлъ дать имъ животъ и послать ихъ въ Астрахань, чтобъ они вины свои заслужили.

Но казаки отвѣдали широкаго раздолья и богатыхъ дувановъ: тяжело имъ было вины свои заслуживать,—не слуги они были больше государству. На возвратномъ пути въ Астрахань, за Пензою, въ степи, за рѣкою Медвѣдицею, казаки напали на своихъ провожатыхъ, прибили ихъ, отняли лошадей и помчались въ степь бездорожно: „Въ Астрахань не поѣдемъ, боимся государева гнѣва“, говорили они. Они провѣдали, что Разинъ отпущенъ на Донъ.

Передъ отпускомъ на Донъ, воеводы хотѣли разсчитаться съ Разинымъ; но мы знаемъ, какъ труденъ былъ разсчетъ съ казаками: отдать даромъ добычу, пріобрѣтенную саблею, было хуже всего для казаковъ; мы видали уже и прежде, какъ дерзко отказывали они правительству, требовавшему безвыкупнаго освобожденія плѣнныхъ. Воеводы начали приступать къ Разину и товарищамъ его, чтобъ дали себя переписать, да чтобъ отдали всѣ пушки, дары, которые персидскій купчина везъ государю, всѣ его товары и всѣхъ плѣнныхъ Персіянъ. „Товары“, отвѣчалъ Разинъ, „у насъ раздуванены, послѣ дувану у иныхъ проданы и въ платье передѣланы,—отдать намъ нечего и собрать никакъ нельзя; за все это идемъ мы къ великому государю и будемъ платить головами своими; полонъ въ шаховой области взятъ у насъ за саблею, много нашей братьи за тотъ полонъ на бояхъ побиты и въ полонъ взяты, и въ раздѣлѣ одинъ полоняникъ доставался пяти, десяти и двадцати человѣкамъ. А что насъ переписывать, то переписка казакамъ на Дону и Яикѣ и нигдѣ по нашимъ казачьимъ правамъ не повелась, и въ милостивой государевой грамотѣ не написано“. Стенька отдалъ 21 пушку и морскіе струга, но 20 пушекъ удержалъ у себя: „Эти пушки“, говорилъ онъ, „надобны намъ на степи для прохода отъ Крымскихъ, Азовскихъ и всякихъ воинскихъ людей, а какъ дойдемъ, то пушечки пришлемъ тотчасъ же“.

Воеводы не настаивали больше, велѣли Персіянамъ выкупать своихъ плѣнныхъ у казаковъ безпошлинно. „Взять этотъ полонъ безъ окупу, взять силою у казаковъ дары, которые везъ шаховъ купчина, и товары его мы не смѣли“, писали воеводы въ Москву; „мы боялись, чтобъ казаки вновь шатости къ воровству не учинили и не пристали бы къ нихъ воровству иные многіе люди, не учинилось бы кровопролитіе“

Воеводы были правы, ибо государство было слишкомъ слабо въ застепной украйнѣ, широкомъ раздольи казачества. Мы уже знаемъ, какое очарованіе въ молодомъ русскомъ обществѣ производилъ казакъ и его вольная, удалая жизнь. Поэтическія представленія тогдашняго русскаго человѣка, отрывавшія его отъ повседневной однообразной жизни, переносившія его въ иной, фантастическій міръ,—эти поэтическія представленія сосредоточивались главнымъ образомъ около казака и его подвиговъ. Старинные богатыри народныхъ пѣсенъ и сказокъ превратились въ казаковъ, и все чудесное, соединявшееся съ представленіемъ объ Ильѣ Муромцѣ и его товарищахъ, естественно переходило теперь къ казакамъ, которые выдавались впередъ своею удалью. Русь, особенно низшіе слои народонаселенія, и въ XVII вѣкѣ жила еще понятіями IX и X вѣковъ; вспомнимъ, какое впечатлѣніе произвелъ на Кіевлянъ старый Олегъ, когда возвратился съ моря съ богатою добычею, погромивъ греческіе берега: вѣщимъ, чародѣемъ прозвалъ его народъ. Вѣщимъ, чародѣемъ явился и богатый Разинъ Астраханцамъ: „Поистинѣ Стенька Разинъ богатъ пріѣхалъ, что и невѣроятно быти мнится; на судахъ его веревки и канаты всѣ шелковые и паруса также всѣ изъ матеріи персидской шелковые учинены“. То же самое разсказывалось и о судахъ Олеговыхъ и внесено въ лѣтопись. Легко понять, какое впечатлѣніе въ низшихъ слояхъ тогдашняго общества должно было производить появленіе казака-вольнаго молодца, о которомъ такъ много разсказывалось и пѣлось и который могъ самъ о себѣ такъ много разсказать. Среди этой однообразной и бѣдной во всѣхъ отношеніяхъ жизни являлся казакъ, богато, роскошно, ярко одѣтый, онъ звенитъ оружіемъ, звенитъ деньгами, деньги ему ниночемъ, онъ гуляетъ и вся жизнь его представляется какъ непрерывная гульба; понятно, какое впечатлѣніе производило это на людей, которымъ болѣе другихъ хотѣлось погулять, которымъ ихъ собственная жизнь представлялась непрерывною, тяжелою, печальною работою. А прелесть добычи, такъ искусительно дѣйствовавшая на человѣка тогдашняго общества! Мы видѣли, что торговые люди, пріѣхавшіе на Донъ для мирныхъ промысловъ, какъ скоро узнавали о сборѣ Донцовъ въ походъ, бросали свою торговлю и шли вмѣстѣ съ казаками за зипунами. Кромѣ прелести добычи, прелесть подвига, дававшаго выходъ силамъ, безпокойно, тяжело и праздно волновавшимъ человѣка. И не забудемъ, что описываемыя событія происходили въ Астраханскомъ государствѣ, въ степной украйнѣ, гдѣ постоянно пахло казацкимъ духомъ, на этой подвижной почвѣ, гдѣ было такъ мало установленнаго, гдѣ еще продолжалось время, пережитое Европою въ началѣ среднихъ вѣковъ, — время хаотическаго броженія народныхъ силъ, время образованія дружинъ.

Самое сильное обаяніе, разумѣется, казацкій духъ производилъ на стрѣльца. Стрѣлецъ вышелъ изъ тѣхъ же слоевъ общества, какъ и казакъ: онъ человѣкъ военный, привыкъ владѣть оружіемъ, но онъ не дисциплинированъ, какъ солдатъ, онъ полуказакъ, и легко понять, какъ при первой встрѣчѣ съ настоящимъ вольнымъ казакомъ, при первой возможности повоевать на себя, т. е. пограбить, добыть зипунъ, стрѣлецъ бросаетъ знамена государства и присоединяется къ казакамъ. А вся сила астраханскихъ воеводъ основывалась на стрѣльцахъ, и воеводы были сто разъ правы, не употребляя крутыхъ мѣръ съ Стенькою, желая какъ можно скорѣе выпроводить его на Донъ, удалить страшное искушеніе отъ своихъ подвластныхъ.

Искушеніе было дѣйствительно страшное: казаки расхаживали по городу въ шелковыхъ, бархатныхъ кафтанахъ, на шапкахъ жемчугъ, дорогіе камни; они завели торговлю съ жителями, отдавали добычу нипочемъ: фунтъ шелку продавали за 18 денегъ. А онъ-то, богатырь, чародѣй, державшій въ могучихъ рукахъ всѣхъ этихъ удальцовъ, казацкій батюшка, Степанъ Тимоѳеевичъ!—прямой батюшка, не то что воеводы и приказные люди: со всѣми такой ласковый, а ужъ добрый-то какой, кто ни попроси—нѣтъ отказа! Степана Тимоѳеевича величали какъ царя: становились на колѣни, кланялись въ землю. И ничто не было пощажено, чтобъ усилить обаяніе. Но чѣмъ производилось тогда самое сильное обаяніе? Широкостью размѣровъ во всемъ, чудовищною силою, чудовищною властію; могучее обаяніе производилъ человѣкъ, которому все было нипочемъ, который не сдерживался ничѣмъ, никакими привязанностями, никакими отношеніями, который дикими выходками своего произвола озадачивалъ, оцѣпенялъ простаго человѣка, низлагалъ, порабощалъ его. Таковы обыкновенно понятія неразвитыхъ обществъ о силѣ и власти; во сколько общество образованное требуетъ мѣры и ненавидитъ безмѣріе, во столько необразованное увлекается послѣднимъ, ибо здѣсь молчитъ умъ и тѣмъ сильнѣе разыгрывается воображеніе; выходки слѣпой силы, безчувственнаго насилія всего болѣе его поражаютъ, для него сильный человѣкъ прежде всего не долженъ быть человѣкомъ, а чѣмъ-то въ родѣ грома и молніи. И казацкій батюшка, Степанъ Тимоѳеевичъ, какъ нельзя больше приходился по этимъ понятіямъ, былъ какъ нельзя больше способенъ обаять толпу своею силою, своимъ произволомъ, ничѣмъ не сдерживающимся. Однажды Разинъ катался по Волгѣ; подлѣ него сидѣла его наложница, плѣнная Персіянка, ханская дочь, красавица, великолѣпно одѣтая. Вдругъ пьяный атаманъ вскакиваетъ, хватаетъ несчастную женщину и бросаетъ ее въ Волгу, приговаривая: „Возьми, Волга-матушка! много ты мнѣ дала серебра и золота и всякаго добра, надѣлила честью и славою, а я тебя еще ничѣмъ не поблагодарилъ!“.

Четвертаго сентября Разинъ отправился изъ Астрахани; до Царицына отпущенъ былъ съ нимъ въ провожатыхъ жилецъ Леонтій Плохово, а отъ Царицына до Паншина городка долженъ былъ провожать сотникъ съ 50 стрѣльцами. При отпускѣ воеводы наказывали казакамъ, чтобъ они дорогою никакихъ людей съ собою на Донъ не подговаривали, а которые сами станутъ къ нимъ приставать, тѣхъ бы не принимали, и опалы государевой на себя не наводили. На Черный Яръ и въ Царицынъ послана была грамота: чтобъ тамъ казаковъ въ города не пускали, вина имъ не продавали; чтобъ у казаковъ съ городскими и сельскими жителями никакой ссоры и никакого дурна не было. Но скоро воеводы получили извѣстія, что казаки не думаютъ исполнять ихъ наказа, буйствуютъ по дорогѣ, останавливаютъ струга, подговариваютъ къ себѣ стрѣльцовъ. Воеводы послали приказъ Плохово—выговорить Стенькѣ и его товарищамъ его дурости. Но въ отвѣтъ пришло извѣстіе о новыхъ, большихъ дуростяхъ.

1 октября приплылъ Стенька къ Царицыну. Хорошо было астраханскимъ воеводамъ давать приказанія Царицынскому воеводѣ Андрею Унковскому, чтобъ не пускалъ казаковъ въ городъ; но какія у послѣдняго были средства не пускать казаковъ въ городъ? Гости безъ всякаго сопротивленія вошли въ городъ. Астраханскіе воеводы писали также, чтобъ не продавать вина казакамъ; но опять какія средства для этого у воеводы Царицынскаго? Чтобъ удержать казаковъ отъ пьянства и его слѣдствій—ссоръ съ жителями,—Унковскій могъ придумать одно: велѣлъ продавать вино по двойной цѣнѣ. Но дорого поплатился воевода за это распоряженіе; казаки завопили на притѣсненіе; обязанность атамана—заступиться за своихъ, а тутъ еще подлили масло въ огонь: „Воевода этотъ,“ говорили казаки, „уже давно насъ притѣсняетъ; которые, наша братья, пріѣзжаютъ съ Дону на Царицынъ за солью,—у тѣхъ онъ беретъ съ дуги по алтыну; да у нашихъ же казаковъ онъ отнялъ у одного двѣ лошади съ санями и хомутами, у другого пищаль.“ И вотъ Разинъ двинулся съ своею толпою на воеводскій дворъ, грозясь зарѣзать Унковскаго; дверь у горницы уже была выбита бревномъ; воевода выкинулся изъ горницы въ окно, вышибъ себѣ ногу, но успѣлъ спрятаться. Стенька искалъ его по всѣмъ хоромамъ, искалъ въ соборной церкви, въ алтарѣ. Не нашедши воеводы, Разинъ велѣлъ сбить замокъ у тюрьмы и выпустить колодниковъ. Когда казаки схлынули, Унковскій вышелъ изъ мѣста своего убѣжища и сѣлъ въ приказной избѣ, но не долго насидѣлъ покойно: въ избу явился казачій старшина, Запорожецъ, на-веселѣ, и не могъ отказать себѣ въ удовольствіи поругать воеводу всякою неподобною бранью и подрать его за бороду. Но этимъ дѣло не кончилось: самъ Степанъ Тимоѳеевичъ, узнавъ, что воевода въ приказной избѣ, шелъ съ нимъ раздѣлаться; Унковскій спрятался въ задней избѣ. Дѣло впрочемъ, обошлось безъ крови,—воевода заплатилъ казакамъ деньги за лошадей и за пищаль, и Стенька удовольствовался острасткою: „Если ты,“ сказалъ онъ воеводѣ, „станешь впередъ нашимъ казакамъ налоги чинить, то тебѣ отъ меня живу не быть.“ Объявились и другія обычныя казацкія дурости: ѣхалъ на частномъ стругѣ сотникъ, посланный изъ Москвы въ Астрахань съ государевыми грамотами; ночью казаки напали на него, стругъ пограбили, государевы грамоты пометали въ воду. Леонтій Плохово, разставаясь съ Стенькою въ Царицынѣ, говорилъ ему, чтобъ выдалъ бѣглыхъ и подговорныхъ людей. „У казаковъ того не пове-

лось, что бѣглыхъ людей отдавать," отвѣчалъ Разинъ, и не отдалъ. Съ тѣмъ же требованіемъ выдачи бѣглыхъ явился посланецъ отъ самаго набольшаго воеводы Астраханскаго, князя Прозоровскаго. Посланный приправилъ требованіе угрозою; Стенька вспыхнулъ: „Какъ ты смѣлъ придти ко мнѣ съ такими рѣчами?" закричалъ онъ: „чтобъ я выдалъ друзей своихъ? Скажи воеводѣ, что я его не боюсь, не боюсь и того, кто повыше его; я увижусь и разсчитаюсь съ воеводою. Онъ дуракъ, трусъ! Хочетъ обращаться со мною какъ съ холопомъ, но я прирожденный вольный человѣкъ. Я сильнѣе его; я расплачусь съ этими негодяями."

Это не была простая угроза: это былъ прямой вызовъ. Стенька былъ дѣйствительно сильнѣе Прозоровскаго; но что ему было дѣлать съ своею силою?—она исчезнетъ безъ употребленія, исчезнетъ и значеніе Разина, его атаманство. Но куда употребить силу?—къ Азову Турки не пустятъ; опять пробиться на Каспійское—можно; но какъ возвратиться?—въ другой разъ уже не обмануть государства! И вотъ Стенька опрокидывается на государство. Гдѣ же средства для борьбы?—поднять всѣхъ голутвенныхъ противъ бояръ и воеводъ, поднять крестьянъ и холопей противъ господъ? Васька Усъ уже указалъ дорогу,

По извѣстному обычаю, Стенька сдѣлалъ земляной городокъ между Кагальникомъ и Ведерниковымъ, перезвалъ съ себѣ сюда изъ Черкаска жену и брата Фрола. Донъ раздѣлился: въ Черкаскѣ сидѣло старое войсковое правительство, атаманъ Корнило Яковлевъ съ старшиною; но сильнѣе его былъ атаманъ новаго войска, Степанъ Разинъ, который сидѣлъ въ своемъ новомъ городкѣ и котораго силы увеличивались со дня на день. Вѣсти о подвигахъ батюшки Степана Тимоѳеевича, о богатой добычѣ разнеслись быстро: Разинъ распустилъ донскихъ жильцовъ на сроки за крѣпкими поруками въ казачьи городки для свиданія съ родственниками и для исполненія обязательствъ. Мы видѣли уже, что въ казачествѣ былъ такой обычай: домовитые казаки ссужали оружіемъ и платьемъ голутвенныхъ, которые отправлялись за добычею, съ условіемъ, чтобъ по возвращеніи добыча была раздѣлена пополамъ. Теперь Стенькины сподвижники дѣлили добычу съ своими посыльщиками. Добыча была богатая, и вотъ охотники до зипуновъ потянулись со всѣхъ сторонъ къ счастливому вождю: шли къ Разину голутвенные изъ Донскихъ и Хоперскихъ городковъ, гулящіе люди, съ Волги, Черкасы Запорожскіе; и не нужно имъ было ни у кого ссужаться: батюшка Степанъ Тимоѳеевичъ принималъ каждаго съ распростертыми объятіями, ссужалъ и уговаривалъ всячески. Въ ноябрѣ мѣсяцѣ было у него уже 2,700 человѣкъ. Безпрестанно говорилъ онъ имъ, чтобъ были готовы, но куда будетъ походъ—про то знали немногіе казаки и у нихъ никакими мѣрами довѣдаться о томъ было нельзя. Старое правительство войсковое, бывшее въ Черкаскѣ, старые казаки сильно тужили: „Пріѣхали въ Черкаскъ изъ Азова присыльщики для заключенія перемирья; казаки имъ отказали и объявили прямо причину: пріѣхалъ Стенька Разинъ съ товарищами, и если онъ мимо насъ сдѣлаетъ надъ Азовомъ какое дурно, то вы намъ, казакамъ, впередъ ни въ чемъ вѣрить не станете". Не знали, что дѣлать Корнило Яковлевъ съ товарищами: принимать ли Стеньку въ войско или промыслъ надъ нимъ чинить. Рѣшили послать за этимъ нарочно къ великому государю бить челомъ объ указѣ. Но Разинъ спѣшилъ вывесть ихъ изъ нерѣшительнаго положенія.

Весною 1670 года, въ Ѳомино воскресенье, пріѣхалъ на Донъ жилецъ Герасимъ Евдокимовъ съ царскимъ милостивымъ словомъ; атаманъ Корнило Яковлевъ созвалъ кругъ. Евдокимовъ былъ принятъ честно, грамоту вычли, на государской милости челомъ ударили и объявили посланному, чтобъ онъ былъ готовъ къ отъѣзду: его скоро отпустятъ назадъ къ великому государю вмѣстѣ съ казацкою станицею, какъ водилось. Но въ понедѣльникъ явился въ Черкаскъ другой гость, Степанъ Тимоѳеевичъ Разинъ, и когда, во вторникъ, Корнило Яковлевъ созвалъ кругъ для выбора станицы въ Москву, то пришелъ и Разинъ съ своими голутвенными. „Куда станицу выбираете?" спросилъ онъ.— „Отпускаемъ съ жильцомъ Герасимомъ къ великому государю", былъ отвѣтъ.—„Позвать Герасима сюда!" закричалъ Разинъ, и приказъ немедленно былъ исполненъ, побѣжали за Евдокимовымъ и привели въ кругъ. „Отъ кого ты поѣхалъ, отъ великаго государя или отъ бояръ?" спросилъ его Разинъ. — „Посланъ я отъ великаго государя съ милостивою грамотою", отвѣчалъ тотъ.— „Врешь!" закричалъ Стенька: „пріѣхалъ ты не съ грамотою, пріѣхалъ къ намъ лазутчикомъ, такой-сякой!" бросился бить Евдокимова и, избивши до полусмерти, велѣлъ бросить въ Донъ.—„Непригоже ты такъ учинилъ", отозвался-было атаманъ Корнило Яковлевъ.—„И ты того же захотѣлъ", закричалъ на него Разинъ. „Владѣй своимъ войскомъ, а я владѣю своимъ!" Атаманъ замолчалъ, видя, что не его время; Разинъ съ голутвенными началъ господствовать въ Черкаскѣ. Нѣсколько добрыхъ казаковъ возвысили-было голосъ и отвѣдали Донской воды. Разинъ началъ сбивать съ Дону священниковъ, этихъ подозрительныхъ для него „царскихъ богомольцевъ". Церковь составляла связь казачества съ государствомъ, и вотъ Разинъ износитъ хулу на Церковь; послѣ, пожалуй, онъ опять пойдетъ къ Соловецкимъ: „Смолоду было много бито, граблено, подконецъ надо душу спасти!" Но теперь Разину-было не до богомолья: дикія силы кипѣли въ немъ и требовали выхода, казакъ гулялъ и не вѣрилъ ни во что, „вѣрилъ только въ свой червленый вязъ", какъ богатырь старой пѣсни. Говорятъ, Стенька вѣнчалъ голутьбу, заставляя ихъ плясать вокругъ дерева. Это не была новость: кто не зналъ пѣсни, какъ богатыри „кругъ ракитова куста вѣнчалися?"

Изъ Черкаска Разинъ отправился вверхъ, въ

Паншинъ городокъ, куда пришелъ къ нему знаменитый Васька Усъ съ толпою голутвенныхъ. Всего набралось тысячъ съ семь казаковъ. Собрался кругъ, и атаманъ объявилъ, что идетъ судами и конями подъ Царицынъ. На другой день войско выступило; черезъ два дня, ночью, подошло къ Царицыну, и, какъ только начала заниматься заря, казаки съ сухаго пути и съ рѣки обступили городъ. Здѣсь начали бить въ набатъ, выстрѣлили разъ изъ пушки, но уже пять человѣкъ Царицынцевъ перекинулись къ казакамъ и объявили Стенькѣ, сколько въ городѣ казны, запасовъ, какія крѣпости. Оставивъ Уса осаждать городъ, Стенька отправился за тридцать верстъ, погромилъ Едисанскихъ Татаръ и привелъ подъ Царицынъ плѣнныхъ, пригналъ лошадей, животину. Между тѣмъ, 13 апрѣля, въ таборъ къ Васькѣ Усу явились еще пять человѣкъ Царицынцевъ съ просьбою позволить имъ выходить изъ города, брать воду, выгонять скотъ на пастбище. „Уговаривайте воеводу", отвѣчалъ Усъ, „чтобъ онъ городъ отперъ, а если онъ заупрямится, то вы сами отбейте городовой замокъ". Въ тотъ же день приказаніе было исполнено: ворота отворились, и воевода Тургеневъ съ племянникомъ своимъ, прислугою, десяткомъ московскихъ стрѣльцовъ и тремя человѣками Царицынцевъ заперся въ башнѣ. Въ городѣ начались пиры, попойки съ казаками; самъ Разинъ пріѣхалъ въ городъ и угостился до-пьяна. Въ этомъ видѣ онъ повелъ казаковъ на приступъ къ башнѣ и взялъ ее послѣ долгаго боя. Несчастный Тургеневъ достался живой казакамъ, и на другой день они угостили себя пріятнымъ зрѣлищемъ: привели Тургенева на веревкѣ къ рѣкѣ, прокололи копьемъ и утопили.

Стенька укрѣпилъ Царицынъ, созвалъ кругъ и объявилъ свой широкій замыселъ: идти вверхъ по Волгѣ подъ государевы города, выводить воеводъ, или идти къ Москвѣ противъ бояръ. Казаки закричали въ отвѣтъ, что полагаются на слово своего батюшки атамана. Но скоро оказалось препятствіе: пришла вѣсть, что Астраханскій воевода, князь Прозоровскій, высылаетъ людей къ Черному Яру. Стенька тотчасъ выслалъ конную станицу для провѣдыванія; посыльщики возвратились и сказали, что въ Черномъ Яру стоитъ Астраханская рать; но вслѣдъ за этимъ другая вѣсть,—что сверху идутъ московскіе стрѣльцы къ Царицыну. Стенька не унывалъ, зная, что ни изъ Астрахани, ни изъ Москвы не можетъ быть послано много войска; онъ бросился на московскихъ стрѣльцовъ, которыхъ было 1,000 человѣкъ, подъ начальствомъ Лопатина. Стрѣльцы стояли спокойно на Денежномъ островѣ, въ семи верстахъ отъ Царицына, какъ вдругъ пули посыпались на нихъ съ двухъ сторонъ: съ луговой стороны напалъ въ судахъ самъ Разинъ, а съ нагорной—конные казаки; несмотря на превосходную силу казаковъ, которыхъ было тысячъ съ пять, стрѣльцы начали пробиваться къ Царицыну, думая, что оттуда будетъ имъ выручка; но только-что они подплыли подъ городъ, какъ оттуда встрѣтили ихъ пушечными ядрами. 500 стрѣльцовъ было убито, остальныхъ разобрали подъ городомъ. Лопатинъ съ другими начальными людьми имѣлъ участь Тургенева; болѣе 300 стрѣльцовъ Стенька посажалъ на свои суда въ гребцы неволею; они слышали отъ казаковъ удивительныя слова: „Вы бьетесь за измѣнниковъ, а не за государя, а мы бьемся за государя".

Московскихъ стрѣльцовъ надобно было доставать боемъ; астраханскіе передались безъ сопротивленія; въ Астрахани уже работали Разинскіе посланцы, и легко имъ было тамъ работать: почва была удобная и подготовленная прежнимъ пребываніемъ Стеньки. На-встрѣчу ворамъ плыли 2,600 стрѣльцовъ и 500 вольныхъ людей подъ начальствомъ товарища воеводскаго, князя Семена Ивановича Львова; но только-что у Чернаго Яру показались воровскія суда, какъ всѣ стрѣльцы взволновались и начали вязать начальныхъ людей, громко привѣтствуя своего батюшку, Степана Тимоѳеевича, своего освободителя. Разинъ отвѣчалъ имъ обѣщаніями вольной, богатой, разгульной жизни; восторженные крики не прерывались и, подъ эти крики, падали обезображенные трупы начальныхъ людей. Но уцѣлѣлъ какъ-то воевода князь Львовъ.

Вѣсти, полученныя отъ стрѣльцовъ, перемѣнили намѣреніе Разина: сперва онъ хотѣлъ идти подъ верхніе государевы города, тамъ переводить воеводъ; теперь онъ узналъ, что въ Астрахани свои ждутъ его съ нетерпѣніемъ и сдадутъ городъ, только-что покажутся удалые. Стенька поплылъ къ Астрахани.

Здѣсь давно уже ждали чего-то недобраго: давно были напуганы знаменіями, шумомъ въ церквахъ, точно колокольный звонъ, землетрясеніями. Съ 25 мая, съ того дня, какъ отправился князь Львовъ съ стрѣльцами, между Астраханцами начался ропотъ и непослушаніе воеводѣ, и вотъ 4 іюня приходитъ страшная вѣсть, что стрѣльцы передались Разину. Князь Прозоровскій не потерялъ духа и началъ, сколько могъ, хлопотать объ укрѣпленіи города. Помощникомъ ему въ этомъ дѣлѣ былъ Нѣмецъ Бутлеръ, капитанъ перваго русскаго корабля Орелъ, стоявшаго въ Астрахани. Въ тотъ же день воевода велѣлъ Бутлеру пересмотрѣть всѣ пушки по валамъ и раскатамъ, и корабельнымъ людямъ приказалъ быть у наряда. На другой день, 5 числа, волненіе между Астраханцами усилилось: какъ видно, и въ народѣ узнали уже объ измѣнѣ стрѣльцовъ. 9 іюня Прозоровскій велѣлъ Бутлеру осмотрѣть каменный городъ, а на другой сторонѣ вала хлопоталъ Англичанинъ, полковникъ Ѳома Бойль; валъ и раскаты починивали, вездѣ разставили крѣпкій караулъ, стрѣльцы всю ночь стояли по валамъ; въ Нижней башнѣ стояла Персіяне, Калмыки, Черкесы. 13 іюня ночью караульные стрѣльцы увидали, какъ надо всею Астраханью отворилось небо и просыпались изъ него на городъ точно печныя искры. Стрѣльцы побѣжали въ соборъ и разсказали объ этомъ митрополиту Іосифу, Тотъ долго плакалъ и, возвратившись въ келью отъ заутрени, говорилъ: „Изліялся съ небеси фіалъ гнѣва Божія!“ Іосифъ имѣлъ право не ждать ничего добраго отъ казаковъ, зная ихъ очень хорошо. Онъ былъ родомъ Астраханецъ; восьми лѣтъ онъ былъ свидѣтелемъ неистовствъ, которыя позволяли себѣ казаки Заруцкаго въ Астрахани, какъ безчестили архіепископа Ѳеодосія за то, что называлъ ихъ ворами; какъ перебили всѣхъ его дворовыхъ, разграбили домъ, самого посадили въ Троицкомъ монастырѣ въ каменную тюрьму. Іосифъ на самомъ себѣ носилъ тяжелый знакъ памяти отъ этого страшнаго времени: голова его постоянно тряслась отъ удара, нанесеннаго ему казаками.

Прозоровскій, услыхавъ о видѣніи, также заплакалъ: онъ не ждалъ ничего добраго отъ стрѣльцовъ и Астраханцевъ, и хотѣлъ, по крайней мѣрѣ, приласкать иноземцевъ. 15 числа онъ позвалъ къ себѣ обѣдать Бутлера, подарилъ ему кафтанъ изъ желтаго атласа, нижнее платье, бѣлье, велѣлъ приходить каждый день обѣдать.

Но въ то время какъ воевода задабривалъ Бутлера, стрѣльцы искали только предлога къ возмущенію. Они являются къ воеводѣ и требуютъ жалованья за прошлый годъ. „Казны великаго государя изъ Москвы еще не бывало“, отвѣчалъ Прозоровскій; „развѣ-что дастъ отъ себя взаймы митрополитъ или изъ Троицкаго монастыря, и я вамъ раздамъ, по скольку придется, чтобъ вамъ богоотметника и измѣнника Стеньки Разина не слушать и радѣть великому государю“. Объяснившись такъ откровенно съ стрѣльцами, Прозоровскій идетъ къ митрополиту: „Какъ быть? надобно дать, иначе бѣда“!—„Надобно дать“, отвѣчаетъ митрополитъ, „злоба велика, прельстились къ богоотступнику“! и вынесъ своихъ келейныхъ денегъ 600 рублей, да изъ Троицкаго монастыря велѣлъ взять 2,000. Воевода роздалъ эти деньги стрѣльцамъ; предлогъ къ возмущенію исчезъ, но не исчезло желаніе, и съ нетерпѣніемъ ждали батюшки Степана Тимоѳеевича.

И вотъ пошли толки о новомъ знаменіи: раннимъ утромъ караульные стрѣльцы увидали три столпа разноцвѣтныхъ, точно радуга, а наверху три вѣнца. Видѣлъ и самъ митрополитъ Іосифъ. Не къ добру! не къ добру и то, что въ Петровки, когда, бывало, негдѣ дѣться отъ жара, теперь ходятъ всѣ въ тепломъ платьи: холодъ, дожди съ градомъ!

22-го числа воровскіе казаки уже были въ виду города. Стенька сталъ у Жареныхъ Бугровъ и прислалъ въ Астрахань съ прелестными грамотами Воздвиженскаго священника и человѣка князя Львова, попавшихся къ нему въ плѣнъ; была у нихъ и грамота къ Бутлеру на нѣмецкомъ языкѣ! Стенька уговаривалъ Нѣмцевъ поберечь свою жизнь и не стоять противъ казаковъ. Бутлеръ отдалъ грамоту воеводѣ; тотъ разодралъ ее, велѣлъ пытать холопа и отсѣчь голову; попа посадили въ тюрьму, заклепавши ротъ. Воевода укрѣплялъ городъ, закладывалъ ворота кирпичемъ, митрополитъ съ духовенствомъ обходилъ городъ крестнымъ ходомъ. 23-го числа казаки пристали къ городу у рѣчки Кривуши подъ виноградными садами; запылала Татарская слобода: ее зажгли свои намѣренно, чтобъ не давать пріюта непріятелю. Но вотъ приводятъ къ воеводѣ другого рода зажигальщиковъ: двое нищихъ перебѣжали къ Разину и возвратились отъ него съ порученіемъ зажечь Бѣлый городъ во время приступа. Нищіе были казнены для острастки; но воевода мало надѣялся на одну острастку и спѣшилъ употребить другое средство: на митрополичій дворъ созваны были пятидесятники и старые лучшіе люди. Митрополитъ и воевода долго уговаривали ихъ постараться за домъ Пречистыя Богородицы, послужить великому государю вѣрою и правдою, биться съ измѣнниками мужественно, обѣщали царскую милость живымъ, вѣчное блаженство падшимъ. Всѣ на словахъ увѣряли, что не будутъ щадить живота своего; но иначе вышло на дѣлѣ.

Вечеромъ бояринъ, принявши благословеніе у митрополита, ополчился въ ратную сбрую и выступилъ, какъ обыкновенно воеводы выступали въ походъ, пошелъ со всѣми своими держальниками и дворовыми людьми, передъ ними вели коней подъ попонами, били въ тулумбасы, трубили въ трубы. Прозоровскій сталъ у Вознесенскихъ воротъ, куда ждалъ самаго сильнаго напора отъ воровъ.

Ночь проходила. Въ три часа утра 24-го числа тревога, приступъ, пушки загремѣли съ города. Но казаки, не обращая на нихъ вниманія, приставили лѣстницы къ стѣнамъ,—и не копьями, не варомъ были встрѣчены: измѣнники принимали ихъ какъ друзей, давно жданныхъ; по всему городу раздались казачьи крики, и кричали не одни воровскіе казаки, кричали стрѣльцы, кричали Астраханцы—и первые бросились бить дворянъ, сотниковъ, боярскихъ людей, вѣрныхъ господамъ своимъ, и пушкарей. Въ одномъ углу, еще ничего не зная, стоялъ Бутлеръ и продолжалъ работать изъ пушекъ, какъ вдругъ является къ нему Англичанинъ Бойль, съ окровавленнымъ лицомъ, шатающійся: „Что вы тутъ дѣлаете?“ кричалъ онъ, „весь городъ измѣнилъ; стрѣльцы моего полка прокололи мнѣ лицо и ноги копьемъ, до смерти бы убили, еслибъ не латы; я говорилъ имъ, чтобъ вѣрно служили, а они мнѣ велѣли молчать“. Бутлеръ бросился бѣжать.

Между тѣмъ народъ спѣшилъ къ соборной церкви; туда вѣрные холопи принесли на коврѣ Прозоровскаго, раненаго копьемъ въ животъ. Скоро прибѣжалъ и митрополитъ Іосифъ и со слезами бросился къ воеводѣ, съ которымъ жилъ очень дружно; но плакать было некогда: Іосифъ спѣшилъ пріобщить страдальца Св. Тайнъ. Церковь все больше и больше наполнялась народомъ: вбѣгали дьяки, головы стрѣлецкіе, подъячіе, всѣ тѣ, которымъ нечего было ждать добра отъ воровъ. Думали еще защищаться; заперли церковныя двери, и у нихъ съ большимъ ножемъ сталъ стрѣлецкій пятидесятникъ Флоръ Дура, рѣшившійся дорого отдать ворамъ Святое мѣсто. Онъ не долго дожидался: казаки прибѣжали и начали ломиться; рѣзныя желѣзныя двери не подавались, они выстрѣлили сквозь нихъ изъ самопала. Раздался вопль: на рукахъ у матери трепеталъ въ крови полуторагодовой ребенокъ. Наконецъ двери подались; Флоръ Дура началъ работать ножемъ: разъяренные казаки выхватили его изъ церкви и у паперти изсѣкли на части. Прозоровскаго, дьяковъ, головъ стрѣлецкихъ, дворянъ и дѣтей боярскихъ, сотниковъ и подьячихъ всѣхъ перевязали и посадили подъ раскатъ дожидаться казацкаго суда и расправы Судъ и расправа были коротки: явился атаманъ и велѣлъ взвести воеводу на раскатъ и оттуда ринуть на землю. Другихъ несчастныхъ не удостоили такого почета: ихъ сѣкли мечами и бердышами передъ соборною церковію; кровь текла ручьемъ мимо церкви до приказной палаты; трупы бросали безъ разбору въ Троицкомъ монастырѣ въ братскую могилу: подлѣ могилы стоялъ монахъ и считалъ,—насчелъ 441.

Послѣ убійствъ начался грабежъ: пограбили приказную палату, дворы убитыхъ, дворы богатыхъ людей, гостиные дворы: русскій, гилянскій, индѣйскій, бухарскій, и все свезено было въ кучу для ровнаго дувана. Но въ то время, когда цѣлый уже городъ со всѣми своими богатствами былъ въ рукахъ Стеньки и его товарищей, въ одномъ мѣстѣ слышалась стрѣльба: въ пыточной башнѣ сѣли на смерть люди Каспулата Муцаловича Черкасскаго, двое Русскихъ, да пушкари, всего девять человѣкъ, и бились съ ворами до полудня: не стало свинцу, стрѣляли деньгами; не стало пороху—покидались за городъ; нѣкоторые пришиблись до смерти, другихъ схватили и посѣкли.

Это было послѣднее сопротивленіе. Начальныхъ людей не было: они лежали всѣ въ Троицкомъ монастырѣ, въ общей могилѣ. Стенька владѣлъ Астраханью. Онъ сдѣлалъ изъ нея казацкій городокъ, раздѣлилъ жителей на тысячи, сотни, десятки, съ выборными атаманами, есаулами, сотниками и десятниками; зашумѣлъ кругъ, старинное вѣче. Въ одно утро все казачество двинулось за городъ: тамъ, на просторномъ, открытомъ мѣстѣ приводили къ присягѣ, клялись: за великаго государя стоять, атаману Степану Тимоѳеевичу и всему войску служить, измѣнниковъ выводить. Два священника стали обличать вора: одного посадили въ воду, другому отсѣкли руку и ногу. Разинъ велѣлъ сжечь всѣ бумаги и хвалился, что сожжетъ всѣ дѣла и въ Москвѣ, въ верху, т. е. во дворцѣ государевомъ.

Казаки, старые и новые, гуляли, съ утра все уже пьяно; Стенька разъѣзжалъ по улицамъ или пьяный сидѣлъ у митрополичьяго двора на улицѣ, поджавши ноги по-турецки. Каждый день кровавыя потѣхи: по мановенію пьянаго атамана одному отсѣкутъ голову, другого кинутъ въ воду, иному отрубятъ руки и ноги; то вдругъ смилуется Стенька, велитъ отпустить несчастнаго, ожидающаго казни. Дѣтямъ понравалась потѣха отцовъ: и они завели круги, и кто провинится, бьютъ палками, вѣшаютъ за ноги, одного повѣсили за шею—и сняли мертваго. Женамъ и дочерямъ побитыхъ дворянъ, сотниковъ и подьячихъ не было проходу отъ ругательства казацкихъ женъ; но ругательствами дѣло не кончилось: атаманъ началъ выдавать ихъ замужъ за своихъ казаковъ, священникамъ приказано было вѣнчать по печатямъ атамана, а не по архіерейскому благословенію. Митрополитъ молчалъ; въ день имянинъ царевича Ѳеодора Алексѣевича онъ имѣлъ слабость позвать или допустить къ себѣ на обѣдъ Стеньку и всѣхъ старшихъ казаковъ: гостей нагрянуло больше ста человѣкъ.

У митрополита въ кельяхъ скрывалась вдова воеводы, княгиня Прозоровская, съ двумя сыновьями; одному было 16, другому 8 лѣтъ. Стенька вспомнилъ о княжатахъ и велѣлъ привести къ себѣ старшаго: „Гдѣ казна, что собиралась въ Астрахани съ торговыхъ людей?“—„Вся пошла на жалованье служилымъ людямъ“, отвѣчалъ мальчикъ и сослался на подьячаго Алексѣева, который подтвердилъ его слова.—„А гдѣ ваши животы?“—„Разграблены“, отвѣчалъ князь; „нашъ казначей отдавалъ ихъ по твоему приказу, возилъ ихъ твой есаулъ“. Послѣ этого допроса Прозоровскій висѣлъ вверхъ ногами на городской стѣнѣ, подьячій на крюкѣ за ребро. Аппетитъ былъ возбужденъ: Стенька велѣлъ вырвать у княгини Прозоровской и другого сына и повѣсить за ноги подлѣ брата. На другой день старшаго Прозоровскаго сбросили со стѣны; младшаго сняли живымъ, высѣкли и отослали къ матери; подьячій уже не дышалъ. Другой воевода, князь Семенъ Львовъ, былъ пощаженъ, и сохранилось извѣстіе о причинѣ этой пощады: когда Разинъ пріѣхалъ изъ персидскаго похода въ Астрахань, то очень сошелся съ княземъ Семеномъ Львовымъ, они побратались, и Стенька не выходилъ изъ дома воеводы, пилъ, ѣлъ и спалъ тутъ; поэтому, когда Разинъ пришелъ въ другой разъ подъ Астрахань, то пощадилъ князя Семена и даже имѣніе его не пограбилъ.

Стенька протрезвился и увидалъ, что загостился въ Астрахани. Онъ хотѣлъ прямо изъ Царицына нагрянуть на государевы города, и тогда, трудно сказать, гдѣ бы онъ былъ остановленъ силою государства: по всѣмъ вѣроятностямъ, ему удалось бы зимовать въ Нижнемъ, какъ намѣревался. Но вѣсти о выходѣ князя Львова изъ Астрахани заставили его спуститься внизъ, а разсказы передавшихся стрѣльцовъ, представившихъ Астрахань легкою добычею, заставили его идти къ этому городу. Такимъ образомъ Стенька потерялъ много дорогаго времени. Въ концѣ іюля онъ сталъ сбираться вверхъ: сборы эти протрезвили Астраханцевъ, побратавшихся съ казаками: хотя они и присягали великому государю, однако хорошо знали, что по уходѣ Стеньки могутъ скоро явиться подъ ихъ городомъ государевы воеводы, и какъ Стенька успѣлъ овладѣть Астраханью, благодаря своимъ людямъ, такъ и у воеводъ найдутся свои же люди, теперь смолкнувшіе изъ страха или успѣвшіе укрыться отъ истребленія. Астраханцы явились къ Стенькѣ: „Многіе дворяне и приказные люди перехоронились; позволь намъ, сыскавъ, ихъ побить для того, когда отъ великаго государя будетъ въ Астрахань какая присылка, то они намъ будутъ первые непріятели“.—„Когда я изъ Астрахани пойду“, отвѣчалъ Стенька, „то вы дѣлайте какъ хотите, и для расправы оставляю вамъ казака Ваську Уса“.

На двухъ-стахъ судахъ поплылъ Разинъ вверхъ по Волгѣ, по берегу шло 2,000 конницы. Отпустивъ изъ Царицына астраханскую добычу на Донъ, Стенька пошелъ дальше, занялъ Саратовъ, Самару съ обычными церемоніями: воевода утопленъ, дворяне и приказные люди перебиты, имѣніе ихъ пограблено, жители показачены. Изъ Самары Разинъ двинулся къ Симбирску, гдѣ сидѣлъ окольничій Иванъ Богдановичъ Милославскій, а на помощь ему спѣшилъ изъ Казани окольничій, князь Юрій Никитичъ Борятинскій, и успѣлъ придти къ Симбирску 31 августа, прежде Разина. „Нельзя мнѣ было не спѣшить“, писалъ Борятинскій, „чтобъ Симбирска не потерять и въ черту вора не пропустить“. Но воевода имѣлъ мало надежды на успѣхъ: „Со мною пришло ратныхъ людей немного“, доносилъ онъ царю: „начальные люди Зыковскаго и Чубаровскаго полковъ взяли на Москвѣ жалованье, а въ полки до сихъ поръ не бывали, живутъ по деревнямъ своимъ, а полковъ держать некому. Алексѣй Еропкинъ разбиралъ служилыхъ людей не по указу, для своей бездѣльной корысти, вмѣсто того, чтобъ оставить у себя самыхъ меньшихъ статей, оставилъ лучшихъ людей, кому нужно было служить; рейтарскимъ полкамъ прислалъ списки, а въ спискахъ написаны многіе мертвые, одно имя дважды и трижды, на лицо 1,300 человѣкъ въ обоихъ полкахъ, и въ томъ числѣ треть пѣшихъ. А безъ пѣхоты мнѣ быть нельзя. Пока надъ ворами промыслу не учинить, станутъ ходить и прельщать безопасно; а если надъ ними промыслъ учинили, то онъ бы убавилъ вымыслу своего воровскаго. Промыслъ чинить буду, сколько милосердый Богъ помощи подастъ, а по спискамъ у меня въ полку гораздо малолюдно, и съ малолюдствомъ надъ такимъ воромъ, безъ пѣхоты, въ дальнихъ мѣстахъ, промыслу учинить нельзя“.

Такимъ образомъ, воевода загодя уже спѣшилъ объяснить причину своей будущей неудачи. Борятинскій не долго ждалъ оправданія своихъ опасеній. 4 сентября явился и Разинъ подъ Симбирскомъ, ночью обошелъ городъ, остановилъ свои струга за полверсты выше города, и, въ отдачу ночныхъ часовъ, выйдя изъ струговъ, направился къ городу на приступъ; но Борятинскій загородилъ ему дорогу: Стенька бросился на него—и завязался ожесточенный бой, длившійся съ утра до вечера; ни та, ни другая сторона не получали верха; разошлись отъ усталости и цѣлыя сутки стояли на одномъ мѣстѣ, смотря другъ на друга. Но Разинъ не былъ безъ дѣла: онъ пересылался съ жителями Симбирска, и, увѣрившись, что они на его сторонѣ, ночью напалъ на Борятинскаго и учинилъ бой великій, а за полчаса до свѣта воры начали приступать къ Симбирску, именно къ тѣмъ пrясламъ стѣны, гдѣ стояли Симбирцы. Пострѣлявши для виду пыжами, они впустили казаковъ въ острогъ и сами бросились рубить людей боярскихъ, не бывшихъ съ ними въ одной думѣ. Овладѣвши острогомъ, воры бросились къ городу; но тутъ явился Борятинскій; воры обратили на него острожныя пушки и не допустили безъ пѣхоты пробиться къ городу, но за то и сами должны были отступить. Борятинскій, видя, что безъ пѣхоты ничего не сдѣлаетъ, отступилъ отъ Симбирска къ Тетюшамъ, написавъ государю: „Татары, которые въ рейтарахъ и сотняхъ, худы и ненадежны, съ перваго боя многіе утекли въ домы свои, нельзя на нихъ надѣяться и денегъ на нихъ нечего терять. Начальные люди въ полкъ ко мнѣ не бывали, живутъ по деревнямъ. Окольничій Иванъ Богдановичъ Милославскій сѣлъ въ маломъ городкѣ, съ нимъ головы стрѣлецкіе, солдаты и иныхъ чиновъ люди; малый городокъ крѣпкій, скоро взять не чаю, только безводенъ, колодцевъ нѣтъ, а они воды навозили много. Я пошелъ въ Тетюши и дожидаюсь князя Петра Семеновича Урусова, чтобъ намъ пойти опять къ Симбирску; и будетъ Иванъ (Милославскій) сидитъ,—чтобъ его отъ осады освободить: а будетъ Ивана взяли, и намъ идти на Разина; а у него не многолюдно, больше пяти тысячъ нѣтъ худаго и добраго, а нынче у него на бояхъ и на приступѣ безмѣрно побито лучшихъ людей. Хотя бы у меня было 2,000 пѣхоты, и онъ бы совсѣмъ пропалъ не только бы къ Симбирску, и къ берегу бы не допустилъ: но видя, что безъ пѣхоты съ нимъ дѣлать нечего, я отошелъ и полкъ твой отвелъ въ цѣлости“.

Иванъ сидѣлъ, несмотря на то, что силы Разина день ото дня увеличивались приходомъ Чувашъ, Мордвы и русскихъ крестьянъ. Четыре раза казаки приступали къ городку, все по ночамъ: чтобъ зажечь городокъ, возили изъ уѣздовъ солому, дѣлали туры, въ туры клали зелье, смолу, сухія драницы; но всѣ приступы были отбиты и городокъ оставался невредимъ. Цѣлый мѣсяцъ сидѣлъ Иванъ, и 1 октября увидалъ движеніе въ казацкомъ станѣ: Стенька уходилъ; въ семи верстахъ стоялъ обозомъ князь Юрій Борятинскій, выдержавшій на дорогѣ съ устья Казани рѣки четыре боя съ воровскими казаками, Татарами, Чувашами, Черемисою и Мордвою. Въ двухъ верстахъ отъ Симбирска, у рѣки Свіяги, Стенька схватился съ своимъ старымъ знакомымъ. Въ первой схваткѣ Стеньку сорвали и прогнали; но онъ собрался со всѣми силами, взялъ пушки и схватился въ другой разъ: „Люди въ людяхъ мѣшались и стрѣльба на обѣ стороны ружейная и пушечная была въ притинъ“: съ казацкой стороны пало безчисленное множество народа, самъ

Стенька получилъ двѣ раны, одинъ Алатырецъ схватилъ-было его и повалилъ, но былъ застрѣченъ ворами. Стенька былъ разбитъ въ-пухъ, побѣжалъ къ острожному симбирскому валу и заперся въ башнѣ. 2-го числа онъ могъ вздохнуть, оглядѣться: Борятинскій наводилъ мосты на Свіягѣ и 3 числа подошелъ къ городку; Милославскій былъ освобожденъ. Но дѣло еще не кончилось: Стенька стоялъ по ту сторону города у Казанскихъ воротъ, весь острогъ занялъ воровскими людьми. Стенька не оставлялъ намѣренія зажечь городъ и взять его. Борятинскій употребилъ хитрость: ночью велѣлъ полковнику Чубареву зайти за Свіягу съ полкомъ своимъ и тамъ дѣлать окрики, какъ будто бы пришло новое царское войско. Хитрость удалась вполнѣ; на Стеньку напалъ страхъ и онъ рѣшился убѣжать тайкомъ съ одними Донскими казаками, потому что бѣгство цѣлаго войска было бы замѣчено и нужно было бы выдержать преслѣдованіе отъ воеводъ. Онъ объявилъ собравшейся около него толпѣ Астраханцевъ, Царицынцевъ, Саратовцевъ и Самарцевъ, чтобъ они стояли у города, а самъ онъ съ Донцами пойдетъ на царскихъ воеводъ; но вмѣсто того кинулся на суда и поплылъ. Борятинскій, узнавъ о бѣгствѣ Разина, рѣшился покончить съ оставшимися ворами; онъ вышелъ съ конницею на поле и сталъ около города, а пѣхоту пустилъ на покинутый Разинымъ обозъ и въ острогъ; Милославскій съ другой стороны входилъ въ острогъ, который запылалъ въ разныхъ мѣстахъ. Поражаемые съ двухъ сторонъ и особенно вытѣсняемые пламенемъ, воры бросились къ рѣкѣ, къ судамъ, но были всѣ перетоплены; въ плѣнъ попалось 500—600 человѣкъ, и всѣ были истреблены: заводчиковъ четвертвовали, другихъ рубили и вѣшали по всѣмъ дорогамъ и по берегу Волги. По чертѣ и по уѣздамъ разосланы были повѣстки, чтобъ всѣ измѣнившіе добили въ винахъ своихъ челомъ государю и жили въ домахъ своихъ попрежнему; пригородные служилые люди добили челомъ: изъ нихъ выбирали съ слободы по человѣку и били кнутомъ. Послѣдній успѣхъ свой въ Симбирскѣ Борятинскій приписывалъ зажженію острога: „Если бы не зажгли острогу“, писалъ онъ государю: „то долго было бы около нихъ ходить за многолюдствомъ“.

Гостьба казаковъ въ Астрахани, упорная защита Симбирскаго городка Милославскимъ и побѣда Борятинскаго погубили Стеньку и его дѣло, которое начало-было разыгрываться въ обширныхъ размѣрахъ.

Какъ только еще Стенька подошелъ къ Симбирску и заставилъ Борятинскаго удалиться на сѣверъ, воровскіе казаки съ прелестными листами разсѣялись вверхъ по Волгѣ. Въ прелестныхъ листахъ говорилось, что казаки идутъ противъ измѣнниковъ бояръ и съ ними идутъ Нечай, царевичъ Алексѣй Алексѣевичъ (недавно умершій) и патріархъ Никонъ, изгнанный боярами. Бунтъ запылалъ на всемъ пространствѣ между Окою и Волгою; повторилось то, что мы уже видѣли въ Смутное время здѣсь же, на восточной Украйнѣ, и во время возстанія Хмельницкаго на западной: въ селахъ крестьяне начали истреблять помѣщиковъ и приказчиковъ ихъ, и толпами поднялись въ казаки. Заслышавъ приближеніе этихъ воровскихъ шаекъ, въ городахъ чернь бросалась на воеводъ и на приказныхъ людей, впускала въ городъ казаковъ, принимала атамана вмѣсто воеводы, вводила казацкое устройство; воеводы и приказные люди, облихованные міромъ, на которыхъ было много жалобъ, истреблялись, одобренныхъ не трогали. Какъ въ Смутное время, поднялись варварскіе инородцы—Мордва, Чуваши и Черемисы.

Поднимая бунтъ, воровскіе казаки держались двухъ главныхъ направленій: отъ Симбирска на западъ по нынѣшнимъ губерніямъ Симбирской, Пензенской и Тамбовской, и потомъ къ сѣверо-западу,—по Симбирской и Нижегородской. Первое ополченіе, отдѣлившееся отъ Разина подъ Симбирскомъ въ сентябрѣ, направилось къ Корсуню, подъ начальствомъ Мишки Харитонова; цѣль была объявлена: идти въ русскіе города, побить бояръ, женъ ихъ и дѣтей, и дома разорить. Корсунскіе городскіе люди пристали къ ворамъ и пошли съ ними вмѣстѣ бить помѣщиковъ по селамъ и деревнямъ. 18 сентября Атемарцы сдали свой городъ: 19 сдался Инсарскій острогъ; первое сопротивленіе оказалъ Саранскъ: съ утра до вечера приступали воры къ Саранску, наконецъ ворвались въ него, побили воеводу и ратныхъ людей. Атаманы собрали кругъ и объявили, что пойдутъ по чертѣ до Тамбова. Царскіе воеводы, сидѣвшіе въ городкахъ по этой чертѣ, предвидѣли свою горькую участь; Керенскій воевода Безобразовъ писалъ въ Тамбовъ: „Здѣшніе люди всѣ въ отчаяніе пришли; хотя и немного воровъ придетъ, но я отъ здѣшнихъ людей добра ничего не чаю, и въ печаляхъ своихъ чуть-живъ; да ихъже воровская прелесть во всѣхъ людяхъ всѣяла, будто съ ними идетъ Нечай, царевичъ Алексѣй Алексѣевичъ да Никонъ патріархъ; и малоумные люди все то ставятъ въ правду, и оттого пущая бѣда и поколебаніе въ людяхъ“. Нижнеломовскій воевода, Андрей Пекинъ, писалъ воеводѣ Якову Хитрову (23 сентября): „Въ Нижнемъ-Ломовѣ казаки знатно что измѣнили: поминай меня, убогаго, да и великому государю извѣсти, чтобъ указалъ въ сенодикъ написать съ женою и дѣтьми“.

Не долго ждали воеводы своей участи. Изъ Саранска Мишка Харитоновъ отправился къ Пензѣ; здѣсь какъ только завидѣли воровскія знамена, конскіе хвосты, развѣвавшіеся на шестахъ, такъ тотчасъ же взволновались, убили воеводу и побратались съ казаками. Въ Пензу изъ Саратова явилась новая толпа воровъ, атаманомъ которой сталъ Донской казакъ изъ бѣглыхъ солдатъ, Васька Ѳедоровъ. Взявши двѣ пушки, воры вышли изъ Пензы и заняли Наровчатъ. Предчувствія Андрея Пекина оправдались: Нижнеломовцы схватили его, посадили въ тюрьму и послали въ Наровчатъ къ воровскимъ казакамъ; тѣ явились и подняли на копья облихованнаго воеводу, что считалось ругательною смертію. Изъ Нижняго-Ломова отправился казачій отрядъ къ Верхнему, гдѣ жители также выдали своего воеводу Корсакова: его привезли въ Нижній-Ломовъ и умертвили; но Керенскаго воеводу Безобразова отпустили въ Шацкъ. Двигаясь туда же, воры вошли въ Кадомскій уѣздъ; здѣсь къ Мишкѣ Харитонову и Васькѣ Ѳедорову присталъ въ Жуковщинѣ третій атаманъ—Мишка, а въ селѣ Конобеевѣ—четвертый, Шиловъ. Въ каждой деревнѣ, черезъ которую проходили казаки, они брали къ себѣ по мужику съ дыма; кромѣ того, толпы ихъ увеличивались Татарами и Мордвою. Въ разореніи помѣщичьихъ домовъ особенно отличался крестьянинъ Жуковыхъ, Кадомскаго уѣзда, Острогожскаго села, прозвищемъ Чирокъ.

Другая толпа воровъ, посланная Разинымъ изъ-подъ Симбирска съ атаманомъ Максимомъ Осиповымъ, который выдавалъ себя за царевича Алексѣя, двигалась на сѣверо-западъ къ Алатырю; городъ былъ взятъ и сожженъ; воевода Акиновъ Бутурлинъ съ женою и дѣтьми и дворяне, запершіеся въ соборной церкви, всѣ сгорѣли. Темниковъ также былъ взятъ; воевода Челищевъ убѣжалъ, но брата его, племянника и подьячихъ воры побили. Въ Курмышѣ казаки встрѣтили почетный пріемъ: городскіе и уѣздные люди вышли къ нимъ съ образами и вмѣстѣ съ ними встрѣчалъ воевода; Курмышцы всѣ міромъ его одобрили, и онъ остался на воеводствѣ, грабежу и никакого разоренья воеводѣ и городскимъ людямъ не было. И въ Ядринѣ воевода остался живъ, потому что его міромъ одобрили. Изъ Василя воевода убѣжалъ. Козьмодемьянцы убили своего воеводу, подьячаго, выбрали въ старшины посадскаго человѣка, освободили тюремныхъ сидѣльцовъ, и одинъ изъ нихъ, Долгополовъ, пошелъ поднимать Ветлугу. Взволновались жители Лыскова и прислали въ Курмышъ звать къ себѣ атамана Осипова; воевода ушелъ. Мурашкинцы отсѣкли голову своему воеводѣ, Племянникому. Въ Лысковѣ казаки были приняты съ торжествомъ; но на другой сторонѣ Волги не хотѣлъ сдаваться имъ Макарьевскій Желтоводскій монастырь, привлекавшій воровъ богатою добычею. 8 октября воры приступили къ монастырю съ страшнымъ крикомъ: „Нечай! Нечай!“ (мы знаемъ что̀ это значило) и старались зажечь монастырь; но монахи, служки, крестьяне и богомольцы затушили пожаръ и отбили воровъ. Казаки отступили въ Лысково, оттуда въ Мурашкино, и все болѣе и болѣе набирали къ себѣ людей; у Осипова было уже тысячъ пядцадцать народа, Мордвы, Черемисъ и русскихъ крестьянъ, и между ними сто человѣкъ Донскихъ казаковъ, товарищей Разина. Отрядъ этого войска, подъ начальствомъ атамана Янка Микитинскаго, пошелъ въ другой разъ подъ Макарьевъ монастырь и успѣлъ захватить его: пожитки частныхъ людей, отданные въ монастырь на сбереженіе, были разграблены, но монастырскаго ничего не тронули. Между тѣмъ къ Осипову въ Мурашкино нахлынули новыя толпы Татаръ, Мордвы и Чувашъ, и онъ сбирался идти подъ Нижній, потому что нижегородская чернь уже дважды присылала къ нему съ приглашеніемъ придти: городъ будетъ сданъ и государевы люди побиты. Но во время сборовъ къ Нижнему прискакалъ гонецъ отъ Разина съ приказомъ идти къ нему на помощь со всѣми силами, потому что его, Стеньку, князь Борятинскій подъ Симбирскомъ побилъ.

Такимъ образомъ нечего было ждать главнаго атамана для поддержанія и распространенія мятежа, а между тѣмъ царскіе воеводы стали двигаться съ разныхъ сторонъ, и нестройныя толпы черни, кой-какъ вооруженной, не могли стоять противъ государевыхъ ратныхъ людей. Остановка Разина въ Астрахани и потомъ подъ Симбирскомъ дала воеводамъ возможность собраться съ силами, которыхъ вначалѣ, какъ мы уже могли видѣть изъ донесенія Борятинскаго, было очень недостаточно. Знаменитый бояринъ и воевода, князь Юрій Алексѣевичъ Долгорукій стоялъ въ Арзамасѣ и оттуда доносилъ царю: „Пущіе заводчики въ воровствѣ тѣ, которые присланы отъ Стеньки Разина, изъ симбирской черты стрѣльцы и казаки, да будники, которые были на будахъ. Пущіе заводы воровскіе отъ Нижегородскаго уѣзда, отъ Лыскова, Мурашкина и отъ Терюшевской волости: этихъ воровъ умножилось; ратныхъ людей, которые идутъ къ намъ въ полки, побиваютъ и грабятъ; а съ другой стороны отъ Шацка, Кадома и Темникова воровство большое-жъ; на такихъ воровъ малыя посылки посылать опасно, а многолюдную посылку послать—и у насъ малолюдно: стольниковъ объявилось въ естяхъ 96 человѣкъ, а въ нѣтяхъ 92, стряпчихъ въ естяхъ 95, а въ нѣтяхъ 212, дворянъ московскихъ въ естяхъ 108, а въ нѣтяхъ 279, жильцовъ въ естяхъ 291, а въ нѣтяхъ 1508, разныхъ городовъ дворянъ и дѣтей боярскихъ зѣло мало въ пріѣздахъ, а рейтарскіе полковники и рейтары изъ Переяславля-Залѣсскаго и Рязанскаго не бывали.“ Долгорукій уже объяснилъ, почему было такое количество нѣтей: „ратныхъ людей, которые идутъ къ намъ въ полки, побиваютъ и грабятъ.“ Нижегородскіе воеводы подтверждали это объясненіе: „Пришли къ Нижнему-Новгороду ратные люди, велѣно быть имъ въ полку боярина князя Юрія Долгорукаго. И нынѣ тѣ ратные люди стоятъ подъ Нижнимъ для того, что въ Нижегородскомъ уѣздѣ воры дороги всѣ переняли и учинили по дорогамъ крѣпости и засѣки и заставы крѣпкія и многолюдныя, конныхъ и пѣшихъ людей не пропустятъ, побиваютъ до смерти. Въ Нижегородскомъ уѣздѣ многія села и деревни разорили и выжгли, дворянъ ихъ, женъ и дѣтей и людей ихъ побили; къ Нижнему-Новгороду подъѣзжаютъ и всякимъ жилецкимъ людямъ говорятъ съ угрозами, и воровскія письма привозятъ, чтобъ жилецкіе люди имъ городъ сдали и ихъ встрѣтили. Изъ тѣхъ воровъ два человѣка, пріѣхавшіе съ воровскими письмами, пытаны накрѣпко и казнены смертію“.

Бунтъ обхватывалъ Долгорукаго съ трехъ сторонъ: съ юга, востока и сѣвера; воевода не могъ думать о наступательныхъ движеніяхъ и долженъ былъ ограничиваться оборонительными дѣйствіями отъ наступавшихъ воровъ. Оборона была удачна. 28-го сентября воевода, думный дворянинъ Ѳедоръ Леонтьевъ, побилъ воровъ въ селѣ Путятинѣ. Узнавъ, что новыя толпы движутся изъ Алатыря прямо къ Арзамасу, Леонтьевъ соединился съ окольничимъ, княземъ Константиномъ Щербатовымъ, и 30 сентября побили воровъ въ селѣ Пановѣ; но черезъ пять дней узнали, что воры въ деревнѣ Исуповѣ, только въ 12 верстахъ отъ Арзамаса; на нихъ пошелъ Щербатовъ и разбилъ; 9 октября Леонтьевъ разбилъ другую шайку въ селѣ Кременкахъ; 13 октября Щербатовъ встрѣтилъ и разбилъ воровъ по Саранской дорогѣ, въ селѣ Поѣ; другой большой бой загорѣлся у села Мамлѣева—и кончился также пораженіемъ казаковъ.

Воровской напоръ на Арзамасъ былъ сдержанъ, и Долгорукій могъ перейти къ наступательнымъ движеніямъ. Важнѣе всего ему было очистить сѣверъ, нижегородскія мѣста, и не дать ворамъ Нижняго. Съ этою цѣлію онъ отправилъ Щербатова и Леонтьева къ Мурашкину, на самое сильное скопище, гнѣздо самозванства и воровскихъ прелестей. 22-го октября, не доходя пяти верстъ до Мурашкина, воеводы встрѣтили воровъ и начали бой: воры стали отступать, вели государевыхъ людей полторы версты и навели на главные свои полки къ пушкамъ; тутъ, въ трехъ верстахъ отъ Мурашкина, загорѣлся большой бой. Нестройныя толпы, несмотря на свою многочисленность и пушки, не выдержали натиска государевыхъ людей и побѣжали, оставивъ побѣдителямъ 21 пушку, 18 знаменъ и 61 плѣнника; участь послѣднихъ была рѣшена немедленно, у Мурашкина же: одни повѣшены, другимъ отсѣчены головы. Побѣда стоила воеводамъ 2 человѣка убитыми и 48 ранеными. Отъ Мурашкина же воеводы двинулись къ Лыскову: Лысковцы сдались 24-го октября. 28-го октября воеводы-побѣдители пришли въ Нижній и остановились здѣсь на три дня для расправы. „Въ нижегородскихъ жителяхъ была къ воровству шатость; воеводы этихъ воровъ перехватали и велѣли казнить смертію: повѣсить около города по воротамъ, инымъ отсѣчь головы, другихъ четвертовать въ городѣ“.

Послѣ этихъ мѣръ Нижній стихъ; но уѣздъ его еще далеко не былъ очищенъ. 10-го ноября Леонтьевъ поразилъ воровъ подъ селомъ Ключищами и, на другой же день, выступилъ снова въ походъ. За Ключищами, по большой дорогѣ, у воровъ сдѣлана была по обѣ стороны засѣка крѣпкая, въ длину на версту, а поперекъ на обѣ стороны по полверстѣ. Леонтьевъ велѣлъ стрѣльцамъ приступать къ засѣкѣ, а самъ бился съ конными людьми; воры были выгнаны изъ засѣки; но у нихъ оставались еще другія крѣпости: они перекопали всю большую Курмышскую дорогу, сдѣлали большой ровъ, ко рву осыпь земляную высокую; по обѣ стороны осыпи подѣлали шанцы и большіе дубовые надолбы. Вытѣсненные изъ засѣки, воры въ числѣ 4,500 засѣли въ этой крѣпости и учинили бой большой съ государевыми людьми; здѣсь большая часть ихъ была истреблена, остальные бросились бѣжать къ селу Маклакову и засѣли здѣсь въ дворахъ и гумнахъ: государевы люди запалили село и сожгли въ немъ воровъ.

Послѣ этихъ успѣховъ на сѣверѣ, Долгорукій нашелъ возможность двинуть часть войска и на югъ. Сюда двинулся воевода Лихаревъ; когда онъ стоялъ обозомъ въ селѣ Веденяпинѣ, воры напали на него въ числѣ 5,000 человѣкъ и были разбиты, потеряли 4 пушки, 16 знаменъ, 30 человѣкъ плѣнными. 19 ноября Лихаревъ вошелъ въ Кадомскій лѣсъ; языки сказали, что воры, числомъ 500 человѣкъ, съ атаманомъ, крестьяниномъ Сенькою Бѣлоусомъ, стоятъ близъ рѣки Варнавы въ засѣкѣ, которая засѣчена въ длину на три версты, а поперекъ на версту. Лихаревъ 20 ноября взялъ засѣку и убилъ атамана; къ ворамъ шло на помощь триста человѣкъ, и тѣхъ въ шести верстахъ отъ засѣки побили. Навстрѣчу этому движенію государевыхъ людей двинулись воры изъ Саранска большими толпами къ Красной слободѣ; но теперь, вслѣдствіе успѣховъ царскихъ войскъ, страхъ передъ ворами началъ исчезать: Краснослободцы отсидѣлись; пришелъ чередъ ворамъ бѣгать изъ городовъ; какъ только Лихаревъ послалъ отрядъ къ Темникову, 30 ноября,—воры побѣжали въ лѣсъ, а Темниковцы, лучшіе люди, сдались государевымъ людямъ.

Здѣсь, въ сѣверной части нынѣшней Тамбовской губерніи, уже давно съ успѣхомъ дѣйствовали другіе царскіе воеводы, двигавшіеся съ юга. Изъ Тамбова 11 октября выступилъ на сѣверъ воевода Яковъ Хитрово съ 2,670 человѣкъ войска, оставя въ Тамбовѣ, съ воеводою Пашковымъ, 2,118 человѣкъ. Пашкову казалось этого мало; онъ сильно боялся и писалъ: „На Тамбовцевъ въ нынѣшнее смутное время надѣяться не на кого, потому что у нихъ на Дону братья, племянники и дѣти, а иные у Стеньки Разина“. Мы видѣли, что воровскія толпы, возмутившія нынѣшнюю Пензенскую губернію, подъ начальствомъ Мишки Харитонова и Васьки Ѳедорова, рѣшили овладѣть Шацкомъ. Бывшіе здѣсь рейтарскіе полковники, Зубовъ и Зыковъ, предупредили воровъ, и 14 октября напали на часть ихъ, стоявшую въ селѣ Конобеевѣ. Воры были всѣ побиты, два атамана попались въ плѣнъ съ десятью казаками. Но этотъ успѣхъ не отвратилъ опасности отъ Шацка, и 17 октября полковники увидали у себя гостей: подъ городъ подступили главныя толпы,—съ одной стороны Мишка Харитоновъ, съ другой—Васька Ѳедоровъ. Воры были отбиты и принуждены отступить въ заповѣдный лѣсъ; рейтары преслѣдовали ихъ сюда и побили. Но, кромѣ этихъ пензенскихъ шаекъ, въ 20 верстахъ отъ Шацка, въ деревнѣ Печенищахъ, образовалось новое воровское гнѣздо особаго рода:

вмѣстѣ съ забунтовавшими крестьянами стояли здѣсь Тамбовскіе казаки и солдаты разныхъ слободъ и селъ, которымъ было велѣно идти на службу въ Шацкій полкъ и къ Хитрово. Изъ Печенищъ они перебросились въ Тамбовскій уѣздъ, на Рыбную пустошь, въ село Алгасово, гдѣ и стали обозомъ подъ начальствомъ Тимоѳея Мещерякова, разбойничая въ окрестностяхъ и призывая къ себѣ крестьянъ Рыбной пустоши. 22 октября, въ тотъ самый день, какъ Щербатовъ и Леонтьевъ бились съ ворами подъ Мурашкинымъ, Хитрово осадилъ воровской обозъ подъ Алгасовымъ, приступалъ жестокими приступами, а село велѣлъ зажечь и разорить, потому что крестьяне его сидѣли въ воровскомъ обозѣ. На другой день, 23 октября, Мещеряковъ съ товарищами начали бить челомъ, и Хитрово привелъ ихъ къ присягѣ на томъ, чтобъ казаки и солдаты впередъ служили государю, и отпустилъ ихъ въ Тамбовъ. Но Мещеряковъ не пошелъ на службу, а сталъ опять наговаривать на воровство и на измѣну тамбовскихъ служилыхъ людей; многіе послушались его и выбрали себѣ притономъ село Червленное, въ 20 верстахъ отъ Тамбова. И около Шацка не вдругъ стало тихо: разбитыя шайки Харитонова и Ѳедорова стягивались нѣсколько разъ въ разныхъ мѣстахъ; три раза еще схватывались съ ними государевы люди, и только послѣ 19 ноября Шацкій уѣздъ успокоился.

Въ это время Долгорукій, по прочищенному Лихаревымъ пути, двигался къ Темникову. 4 декабря, за двѣ версты отъ города, встрѣтили его Темниковцы, духовенство и всякихъ чиновъ люди и уѣздныхъ церквей священники и крестьяне, съ образами и крестами, били челомъ и говорили съ великимъ плачемъ, что они у воровскихъ людей были поневолѣ, воры ихъ разоряли, а которые городскіе и уѣздные люди были съ ворами заодно, тѣхъ они переловятъ и приведутъ. Долгорукій велѣлъ привести всѣхъ къ присягѣ, и Темниковцы исполнили обѣщаніе, привели попа Савву и 18 человѣкъ крестьянъ, которые были вмѣстѣ съ ворами, противъ государевыхъ людей бились, бунты многіе заводили, домы грабили, женскому полу поруганіе чинили и иныхъ запытали до смерти. На пыткѣ попъ съ товарищами признались въ своихъ преступленіяхъ. Потомъ Темниковцы привели къ Долгорукому вора особеннаго рода, вора-еретика-старицу: „Меня,“ говорила воръ-старица, въ разспросѣ, „меня зовутъ Аленою, родомъ изъ выѣздной Арзамасской слободы, крестьянская дочь; была замужемъ за крестьяниномъ же, а какъ мужъ мой умеръ, то я постриглась и была во многихъ мѣстахъ на воровствѣ и людей портила; и въ нынѣшнемъ году пришла я изъ Арзамаса въ Темниковъ, собирала съ собою на воровство многихъ людей и съ ними воровала, стояла въ Темниковѣ на воеводскомъ дворѣ съ атаманомъ Ѳедькою Сидоровымъ и учила его вѣдовству.“ Попа съ товарищами повѣсили около Темникова, а богатыря-вѣдьму XVII вѣка сожгли въ срубѣ, какъ еретицу, вмѣстѣ съ чародѣйными бумагами (заговорными) и кореньями.

7 декабря Долгорукій выступилъ изъ Темникова въ Красную слободу (Краснослободскъ) и здѣсь имѣлъ такую же встрѣчу съ челобитьемъ: приведено было 56 человѣкъ воровъ и, послѣ розыску, повѣшены около города и слободъ по большимъ дорогамъ. Долгорукій такимъ образомъ вошелъ въ сѣверо-западную часть нынѣшней Пензенской губерніи, главный притонъ мятежа. Въ Москвѣ распорядились, чтобъ онъ остановился въ Красной слободѣ или въ Троицкомъ острогѣ, въ Шацкъ послалъ воеводу, ссылался съ Хитрово и Бутурлинымъ, и промыслъ чинили всѣ заодно. Чтобъ сообщить еще болѣе единства воеводскимъ дѣйствіямъ противъ мятежниковъ, отозванъ былъ изъ Казани князь Петръ Семеновичъ Урусовъ, обвиняемый въ медленности, и главное начальство надъ всѣми дѣйствующими войсками поручено Долгорукому; онъ получилъ указъ — отправить воеводу Панина для промыслу надъ Алатыремъ и Алатырскимъ уѣздомъ, и велѣть ему сходиться съ княземъ Юріемъ Никитичемъ Борятинскимъ, который долженъ былъ двигаться туда же изъ Симбирска; а другому Борятинскому, князю Даніилѣ, идти къ Долгорукому на Ядринъ и Курмышъ, очищая эти города отъ воровства. Указъ былъ въ точности исполненъ Долгорукимъ.

Мы оставили князя Юрія Борятинскаго подъ Симбирскомъ послѣ пораженія Разина. Здѣсь онъ оставался довольно долго, вѣроятно поджидая вѣстей о дальнѣйшихъ замыслахъ Стеньки. Не ранѣе конца октября Борятинскій двинулся по симбирской чертѣ и, на рѣкѣ Урени, столкнулся съ ворами, которыхъ было тысячъ восемь: они были побиты наголову, 170 человѣкъ плѣнныхъ, 16 знаменъ и 4 пушки достались побѣдителю; побѣжденные бросились за Суру, но и тамъ преслѣдовали ихъ государевы люди, били, побрали обозы: нѣкоторыхъ плѣнныхъ Борятинскій отпустилъ въ Корсунь и на Урень — уговаривать тамошнихъ жителей къ повиновенію; средство удалось: многіе Уренцы въ винахъ своихъ добили челомъ. Послѣ Уренскаго бою, Борятинскій отошелъ въ Тагаевъ, и тутъ 5 ноября узналъ, что Донскіе казаки, Ромашка и мурза Калка, собравши 15,000 народа, стоятъ у рѣки Барыша въ Кандаратѣ. На другой же день Борятинскій выступилъ изъ Тагаева; узнавъ, что Усть-Уренская слобода занята воровскимъ ертоулемъ, онъ приступилъ къ ней и, выбивши воровъ, казнилъ плѣнныхъ, заводчика, попа села Никитина, и другихъ казаковъ. 12 ноября князь, построивъ три моста, перебрался черезъ Барышъ и увидалъ воровъ; они стояли за рѣчкою Кандараткою подъ слободою, въ обозѣ, конные и пѣшіе съ 12 пушками. Рѣчка мѣшала схватиться, и стояли полки съ полками съ утра и до обѣда на разстояніи меньше полуверсты; — Борятинскій все ждалъ, что воры переберутся за рѣчку на его сторону, но они не двигались. Князь началъ искать удобныхъ мѣстъ, нашелъ и велѣлъ пѣхотѣ съ обозомъ и пушками наступать на воровъ, а самъ съ конницею переправился черезъ рѣчку, наметавши на нее сѣна. Пѣхота схватилась съ пѣхотой, конница съ конницей,—и государевы люди одолѣли: взяли 11 пушекъ, 24 знамени; воры побѣжали врознь разными дорогами; ихъ преслѣдовали; побито было воровъ такое множество, что на полѣ, въ обозѣ и на улицахъ въ слободѣ между трупами нельзя было конному проѣхать, пролилось крови столько, какъ отъ дождя большіе ручьи текутъ. Побѣдители потеряли 13 человѣкъ убитыми, раненыхъ оказалось 108. — 323 плѣнныхъ были приведены къ воеводѣ; онъ велѣлъ посѣчь заводчиковъ, остальныхъ, приведя къ присягѣ, отпустилъ, и пошелъ къ рѣкѣ Сурѣ. И вотъ съ того берега начали показываться толпы, но то были не вооруженные воры, а челобитчики изъ деревень Алатырскаго и Саранскаго уѣздовъ, съ образами: плачь неутѣшимая, обѣщанія, что ни къ какимъ воровскимъ прелестямъ впередъ приставать не будутъ. 17 ноября выступила толпа огромная; строитель Алатырскаго монастыря, священники съ образами, посадскіе люди, стрѣльцы, пушкари, казаки—всѣ со слезами приносили свои вины, били челомъ, чтобъ князь или самъ ѣхалъ въ Алатырь, или воеводу прислалъ. Борятинскій отпустилъ къ нимъ воеводу Шильникова съ стрѣльцами и солдатами, а самъ пошелъ по чертѣ къ Корсуню и остановился въ мордовской деревнѣ Котяковѣ; тутъ явились челобитчики изъ Корсуня, Корсунова и Талскаго. Борятинскій удовольствовался этимъ и поспѣшилъ въ Алатырь, боясь, чтобъ воры, собравшись, не заняли этого важнаго мѣста. Онъ пришелъ туда 23 ноября и сдѣлалъ острогъ.

Опасенія Борятинскаго не были напрасны: въ началѣ декабря, воровскіе атаманы мурза Калка, Алешка Савельевъ, Янка Никитинскій, Ивашка Леонтьевъ, собравъ послѣднія силы, двинулись къ Алатырю. Но объ этомъ движеніи провѣдалъ воевода Василій Панинъ, отправленный, какъ мы видѣли, для соединенія съ Борятинскимъ. Панинъ поспѣшилъ на перерѣзъ ворамъ, встрѣтилъ ихъ недалеко отъ мордовской деревни Баевой, вступилъ въ бой, побилъ ихъ, взялъ десять знаменъ, пушку, много плѣнныхъ и вогналъ бѣгущихъ въ обозъ, находившійся въ селѣ Тургеневѣ; но обоза взять не могъ и ночью отступилъ съ версту, къ деревнѣ Баевой. Въ эту же самую ночь явился въ Баеву и князь Юрій Борятинскій съ конными и пѣшими людьми. На другой день, 8 декабря, рано, оба воеводы отправились къ Тургеневу на воровскіе обозы, взяли ихъ приступомъ и сѣкли бѣгущихъ на пятнадцати верстахъ, добыли три пушки мѣдныхъ, три бочки пороху, 8 знаменъ, возъ фитилю, тридцать семь мушкетовъ.

Думая, что опасность, грозившая Алатырю, исчезла, 11 декабря Борятинскій и Панинъ двумя дорогами выступили подъ Саранскъ; Борятинскій шелъ прямою дорогою, Панинъ—подлѣ Сурскаго лѣса. До самаго Атемара, куда воеводы пришли 16 декабря, они не встрѣчали никакого сопротивленія, встрѣтили только русскихъ крестьянъ, Татаръ и Мордву, бившихъ челомъ о пощадѣ; Русскіе шли къ присягѣ, Татары и Мордва давали шерть по своей вѣрѣ и указывали мѣста, гдѣ укрывались раненые, получившіе эти раны на воровскихъ бояхъ съ государевыми людьми; ихъ казнили смертію; въ Атемарѣ были повѣшены старшины и есаулы, бывшіе съ воровскими казаками. Въ то же время Долгорукій изъ Красной Слободы отправилъ уже извѣстнаго намъ воеводу, князя Константина Щербатаго, для очистки Пензенскихъ мѣстъ, гдѣ прежде всего утвердились мятежники. Щербатовъ поразилъ воровъ 12 декабря, за восемь верстъ отъ Троицкаго острога, и потомъ выгналъ ихъ изъ Троицкаго острога; оба Ломовы и Пенза сдались безъ сопротивленія. Съ другой стороны, изъ Шацка туда же, по направленію къ юго-востоку, шелъ воевода Яковъ Хитрово, шелъ на воровскіе засѣки черезъ большой лѣсъ; въ деревнѣ Ачадовѣ онъ долженъ былъ выдержать съ ворами самый упорный бой: „полковникъ Денисъ Швыйковскій съ своею Смоленскою, Бѣльскою и Рославскою шляхтою приступали, не щадя головъ своихъ, пріѣзжали къ воровскому обозу, на воровскихъ людей на пику, пику сѣкли и обозъ ломали; много шляхты было переранено тяжелыми ранами, пробиты насквозь пиками и рогатинами, иные изъ пищалей и луковъ прострѣлены“. Наконецъ воры увидали невозможность держаться долѣе и сдались. Хитрово распустилъ ихъ, и они, пришедши въ Керенскъ, напугали его жителей разсказами про шляхетскіе жестокіе напуски. Слѣдствіемъ было то, что Керенчане вышли на-встрѣчу къ Швыйковскому и впустили его въ городъ. Хитрово, въ донесеніи государю, не можетъ нахвалиться храбростію Швыйковскаго и шляхты его полка.

Но когда вниманіе Долгорукаго было сосредоточено на военныхъ дѣйствіяхъ, происходившихъ къ югу отъ его главной стоянки, Красной Слободы, бунтъ отрыгнулъ на сѣверо-востокѣ: защитникъ Симбирска, окольничій Иванъ Богдановичъ Милославскій, пріѣхавъ изъ Симбирска въ Москву, далъ знать, что на дорогѣ между Арзамасомъ и Алатыремъ приходили на него многіе воровскіе люди съ нарядомъ. Противъ нихъ двинулся воевода Леонтьевъ, разбилъ ихъ въ Алатырскомъ уѣздѣ, у села Апраксина, и, какъ обыкновенно бывало, разбитые бросились въ лѣсъ, въ свои засѣки, расположенныя подъ деревнею Селищами. Здѣсь сидѣли они съ женами, дѣтьми и со всѣмъ воровскимъ обозомъ; засѣки были взяты; плѣнные разсказывали, что было ихъ въ сборѣ больше 3,000 Русскихъ людей и Мордвы, сбирались идти къ Арзамасу и къ Нижнему. Отрядъ изъ 500 воровъ стоялъ въ мордовской деревнѣ Андреевкѣ; узнавъ о Селищевскомъ пораженіи своихъ, они добили челомъ. Бѣжавшая съ бою Мордва спряталась въ своихъ деревняхъ; Леонтьевъ велѣлъ сжечь эти деревни. Арзамасскій и Алатырскій уѣзды были успокоены.

Далѣе, на востокѣ, для усмиренія Черемисы и Чувашъ, волновавшихся вмѣстѣ съ русскими ворами по нагорному берегу Волги, для очистки Свіяжска, Цывильска, Чебоксаръ, Козьмодемьянска и другихъ городовъ, еще съ половины октября дѣйствовалъ князь Данила Борятинскій: въ продолженіи октября онъ разбилъ воровъ на осьми бояхъ, выручилъ Цывильскъ, Чебоксары и, приблизившись къ Козьмодемьянску, 2 ноября, написалъ къ его жителямъ, чтобъ добили челомъ государю. Отвѣта не было. 3-го числа воевода подошелъ еще ближе къ городу и увидалъ, что идутъ священники съ крестами; но подлѣ духовенства не было никого изъ другихъ чиновъ. Священники объявили, что городскіе и уѣздные люди, выпустивъ ихъ, священниковъ, изъ города съ крестами, заперли за ними городъ съ угрозою, что порубятъ ихъ женъ и дѣтей, пушки и всякое оружіе противъ государевыхъ людей у воровъ приготовлено. Борятинскій немедленно велѣлъ солдатамъ и стрѣльцамъ идти на приступъ; приступъ удался: воры были перебиты и побраны въ плѣнъ, между прочимъ и воровскіе старшины—посадскій Шустъ да соборный попъ Ѳедоровъ. Васильгородъ, узнавъ о судьбѣ Козьмодемьянска, прислалъ повинную. Въ Козьмодемьянскѣ Борятинскій остановился для розыску: 60 человѣкъ пущихъ воровъ казнено смертію; у сотни отсѣчены руки или по пальцу съ правой руки, 400 биты кнутомъ нещадно. Но строгости и увѣщанія мало помогли: Черемиса нагорной стороны Козьмодемьянскаго уѣзда вся воровала съ воровскими казаками: дадутъ шерть—и тотчасъже опять заворуютъ, бьются съ государевыми людьми. Русскіе воры собрались въ Ядринѣ. Борятинскій послалъ уговаривать ихъ монаха Герасима и посадскаго Тихонова: монахъ былъ сброшенъ съ башни, посадскій положенъ на огонь. Воры были такъ смѣлы, что не хотѣли ждать прихода на себя государевыхъ людей: въ половинѣ ноября напали, въ числѣ 13,000, на Козьмодемьянскъ и зажгли слободы, но потерпѣли сильное пораженіе, потеряли всѣ пушки и семь знаменъ. Послѣ этой побѣды, Борятинскій послалъ въ Василь за подводами, чтобъ везти пушки подъ Ядринъ; воры, засѣвшіе здѣсь, испугались и бѣжали. Ядринцы присягнули государю; Курмышане послѣдовали ихъ примѣру. На Ветлугѣ бунтъ не распространился: тамъ приказчики разныхъ помѣстій и вотчинъ и безъ государевыхъ воеводъ управлялись съ воровскою шайкою. Другая шайка перебросилась-было на Унжу, но изгибла неизвѣстно какъ. Къ январю 1671 года восточная украйна утихла. Мятежъ вспыхивалъ и во многихъ мѣстахъ южной украйны, но не разгорался: главнаго заводчика не было.

Подъ Симбирскомъ Стенька потерялъ и силы и власть. Онъ такъ растерялся, что, прибѣжавъ на Самару, сталъ разсказывать жилецкимъ людямъ, какъ пушки у него не стали стрѣлять и оттого онъ бѣжалъ на Низъ. Самъ богатырь-чародѣй признался, что сверхъестественная сила оставила его, и Самарцы не пустили его къ себѣ въ городъ, Саратовцы сдѣлали то же самое. Пока еще Стенька былъ силенъ и держалъ Симбирскъ въ осадѣ,—сторона его на Дону держала верхъ и не давала Корнилу Яковлеву съ товарищами высказаться въ пользу государства. Въ сентябрѣ пріѣхалъ въ Черкаскъ изъ Москвы Донской казакъ Артемій Михайловъ съ товарищами, привезъ царскую грамоту. Собрался кругъ, и когда грамоту вычли, Корнило Яковлевъ началъ говорить: „Мы отъ вѣры христіанской и отъ Соборной Церкви отступили; пора намъ вспокаяться, дурость отложить и великому государю служить попрежнему“. Трижды со слезами повторялъ онъ эти рѣчи казакамъ въ кругу,—и рѣшили не порывать сношеній съ Москвою, отпустить туда станицу; но Волжскіе казаки закричали: „Зачѣмъ посылать станицу въ Москву, развѣ захотѣлъ въ воду, кто поѣдетъ?“ Потомъ, обратясь къ пріѣхавшимъ изъ Москвы казакамъ, закричали: „А вы зачѣмъ изъ Валуекъ вожа и провожатыхъ брали,—будто вы сами дороги не знаете? знатное дѣло: отпущены вожъ и провожатые для провѣдыванія вѣстей!“

Но когда пришли вѣсти, что Разинъ разбитъ государевыми людьми, когда онъ самъ явился на Дону съ подтвержденіемъ этого извѣстія, то дѣла перемѣнились: старые казаки взяли верхъ. Стенька свирѣпствовалъ, жегъ попадавшихся ему враговъ въ печи, вмѣсто дровъ; но ничто не помогало: Донъ не поднимался на его защиту. Въ февралѣ 1671 г. онъ подошелъ-было съ своею шайкою къ Черкасску, но его не пустили; онъ отошелъ съ угрозою, что возвратится и изведетъ всѣхъ, и засѣлъ въ Кагальницкомъ городкѣ. А между тѣмъ Корнило Яковлевъ сносился съ Москвою, какъ бы промыслить надъ Стенькою. Въ Москвѣ, въ Недѣлю Православія, прокричали анаѳему Стенькѣ Разину и велѣли старому нашему знакомому, стольнику Касогову, провыкшему жить между казаками, двинуться на Донъ съ тысячью человѣкъ выборныхъ рейтаръ и драгунъ. Дѣло покончилось скорѣе, чѣмъ ждали: 14 апрѣля старые казаки подступили къ Кагальницкому, сожгли городокъ, схватили Стеньку съ братомъ Фроломъ, сообщниковъ его перевѣшали. 6 іюня Стеньку, послѣ обычнаго допроса, четвертовали въ Москвѣ.

Оставалось покончить съ Астраханью. Мы видѣли, что Разинъ, уѣзжая, оставилъ здѣсь вмѣсто себя атамана Ваську Уса и объявилъ Астраханцамъ, что они могутъ управиться сами съ остальными своими лиходѣями. Астраханцы не долго медлили; 3-го августа бунтъ, порубили бердышами подъячихъ Якова Трофимова и Ивана Безчастнаго съ товарищами—однихъ въ сугонъ, другихъ въ домахъ, иныхъ въ тюрьмахъ; прибѣжали на митрополичій дворъ, начали искать здѣсь государева дворцоваго промышленника Ивана Турчанина, не нашли и напустились на митрополита и на его домовыхъ людей, зачѣмъ спрятали Турчанина, грозились всѣхъ побить до смерти, ругали Іосифа скверныя словами: „Ты угождаешь боярамъ,“ кричали они ему, „только тебѣ у насъ не уцѣлѣть!“ На этотъ разъ митрополитъ спасся, чтб предсказано ему было и въ сонномъ видѣніи: видѣлъ онъ палату вельми чудну и украшенну; сидятъ въ ней трое убіенныхъ князей Прозоровскихъ и пьютъ питіе сладкое, паче меда; надъ ними вѣнцы златы съ драгимъ и многоцѣннымъ каменіемъ; и онъ, митрополитъ, обрѣтеся въ той же палатѣ, токмо отъ нихъ подалѣ сидѣлъ и питья своего ему не дали пить, глаголюще: онъ къ намъ еще не поспѣлъ. Разсказывая этотъ сонъ, митрополитъ плакалъ и говорилъ: „Еще не пришелъ часъ мой смертный!“

Начали ходить слухи, что Стенькѣ плохо,—разбитъ подъ Симбирскомъ и бѣжалъ; но бунтъ кипѣлъ еще на восточной украйнѣ, царскіе воеводы еще были заняты тамъ, и воровскіе казаки не отчаивались. 2 ноября явился къ митрополиту Татаринъ и подалъ царскую грамоту, въ которой государь увѣщевалъ Астраханцевъ принести повинную. Митрополитъ велѣлъ списать нѣсколько списковъ съ грамоты и распорядился такъ: ключаря своего Негодяева и Вознесенскаго игумена Сильвестра отправилъ къ есаулу Лебедеву (на котораго, какъ видно, больше надѣялся, чѣмъ на атамана Уса) убѣдить его, чтобъ уговаривалъ своихъ воровскихъ казаковъ отстать отъ воровства, а самъ хотѣлъ увѣщевать народъ въ церкви. Но Лебедевъ, выслушавъ игумена и ключаря, „учинился неистовъ, и, на другой день поутру, началъ являть казакамъ, что митрополитъ со властями, съ попами и дворовыми дѣтьми боярскими складываетъ у себя грамоты, хочетъ насъ всѣхъ отдать боярамъ руками.“ Казаки стали собираться на дворъ къ атаману своему Усу, туда же собирались и приставшіе къ нимъ Астраханцы, а между тѣмъ гудѣлъ большой колоколъ и народъ толпился у соборной церкви. Пришелъ митрополитъ, велѣлъ ключарю облачиться и прочесть подлинную государеву грамоту вслухъ передъ всѣмъ народомъ; въ это время подошли съ атаманова двора и казаки съ оказачившимися Астраханцами, и также слушали грамоту. Ключарь кончилъ чтеніе и отдалъ грамоту митрополиту; но тутъ казаки бросились къ послѣднему и вырвали у него изъ рукъ грамоту. Раздраженный такимъ безчинствомъ, Іосифъ началъ бранить казаковъ, называлъ ихъ еретиками, измѣнниками; тѣ не остались безотвѣтными, начали ругать митрополита позорными словами, кричали: „Чернецъ! зналъ бы ты свою келью; что тебѣ до насъ за дѣло?—знаешь ли ты раскатъ?“— „Посадить его въ воду!“ раздавалось въ одномъ мѣстѣ. — „Послать въ заточеніе!“ — въ другомъ. Однако ни одна изъ угрозъ не была исполнена: казаки съ государевою грамотою отошли къ своему воровскому атаману. За митрополита поплатился ключарь: на другой день казаки схватили его, связали и били палками, допрашивали: „Скажи, кто ту грамоту писалъ? вы съ митрополитомъ, попами и дѣтьми боярскими ее здѣсь сложили“?—„Государева грамота прямая“, отвѣчалъ ключарь: „присылали изъ Москвы“.—„А есть ли съ нея списокъ“? спрашивали воры. Ключарь, не стерпя палокъ, сказалъ, что списки есть. Явился къ митрополиту есаулъ и съ нечестью отобралъ у него списки.

Слухи все приходили хуже и хуже для казаковъ: бунтъ улегался на восточной украйнѣ, и вотъ въ апрѣлѣ пришла страшная вѣсть—Разинъ взятъ старыми казаками въ Кагальницкомъ. Воры переполошились, но еще не потеряли всей надежды; рѣшили, чтобъ одна шайка съ атаманомъ Ѳедоромъ Шелудякомъ отправилась вверхъ по Волгѣ къ Симбирску; Васька Усъ попрежнему оставался въ Астрахани.

Здѣсь, 21 апрѣля, въ Великую Пятницу, митрополиту дали знать, что юртовскіе Татары привезли изъ Москвы новую государеву грамоту и стоятъ за Волгою: Іосифъ тотчасъ послалъ къ новоучрежденнымъ воровскимъ астраханскимъ старшинамъ, чтобъ пришли къ нему на совѣтъ. Посланный возвратился съ отвѣтомъ, что старшины нейдутъ, а стоятъ на базарѣ. Тогда митрополитъ пошелъ самъ на базаръ и сталъ говорить народу: „Православные христіане! вѣдомо мнѣ учинилось, что есть къ вамъ великаго государя милость, призывная грамота,—привезли Татары, стоятъ они за Волгою; я государевой грамоты принять не смѣю, потому что вы меня и первою грамотою поклепали, будто я ее со властями и съ попами складывалъ и писалъ дома; такъ вы теперь ступайте, возьмите грамоту сами и привезите ее ко мнѣ; а великій государь-свѣтъ милостивъ, вины вамъ отдастъ“.—Митрополиту отвѣчали старшины: „Мы не смѣемъ безъ атамана Васьки Уса“,—и пошли къ атаману, а митрополитъ въ соборъ; тутъ подошелъ къ нему Васька Усъ съ есауломъ Топоркомъ; Топорокъ началъ бранить митрополита; тотъ разсердился и кинулся на него съ посохомъ: „Врагъ ты окаянный, еретикъ и богоотступникъ! Что вы не повинуетесь великому государю“? Пошумѣвъ у собора, казаки пошли прочь, ругаясь скверными словами.

На другой день, въ Великую Субботу, воры нѣсколько разъ присылали къ митрополиту есауловъ, чтобъ отдалъ государевы грамоты: „А если не отдашь“, говорили есаулы: „всѣхъ твоихъ людей побьемъ, и самому тебѣ достанется“!—„Государевы грамоты за Волгою у Татаръ“, отвѣчалъ Іосифъ: „пошлите за ними, кого хотите“. Наконецъ за грамотами послали; ихъ привезли прямо въ соборную церковь, гдѣ митрополитъ распечаталъ ихъ при Васькѣ Усѣ съ товарищами; но когда Іосифъ хотѣлъ ихъ читать, казаки повернулись и вышли изъ церкви въ свой кругъ; митрополитъ пошелъ за ними въ кругъ съ священниками, домовыми дѣтьми боярскими и дворовыми людьми, и велѣлъ въ кругу читать грамоты. Но когда чтеніе кончилось, казаки закричали: „Вольно писать имъ—боярамъ и самимъ; еслибъ была государева грамота, то была бы за красною печатью; ее митрополитъ самъ сложилъ со властями и съ попами; тужитъ по немъ раскатъ; еще того раскату осталось; не тѣ дни теперь захватили, а то бы онъ, митрополитъ, узналъ у насъ, какъ атаманы-молодцы смуту чинятъ; вся смута и бѣда отъ него, митрополита: онъ переписывается съ Московскими боярами, съ Терекомъ и Дономъ; по его письму Терекъ и Донъ отъ насъ отложились“. Несмотря на эти крики, митрополитъ обратился къ Астраханцамъ: „Астраханскіе жители! велѣно по грамотѣ великаго государя воровъ донскихъ всѣхъ перехватать и посадить въ тюрьму до указа, а вамъ велѣно во всемъ вины свои принести; онъ, государь-свѣтъ, милостивъ, вины ваши отдастъ; вы то все положите на мнѣ, что великій государь васъ, окаянныхъ, ничѣмъ не велитъ тронуть“.— „Кого намъ хватать и сажать въ тюрьму“, закричали въ отвѣтъ: „мы всѣ воры; возьмите его, митрополита, и посадите въ тюрьму или въ каменную будку; счастье твое, что пристигла Святая Недѣля, а то мы бы тебѣ дали память“!

Великъ День помѣшалъ преступленію; но оно было неминуемо: враги стояли лицомъ къ лицу; Іосифъ высказался окончательно; на его призывъ броситься на воровъ и посажать ихъ въ тюрьмы Астраханцы не двинулись, но не нынче, завтра могли двинуться: въ городѣ была власть, начальный человѣкъ, и этотъ человѣкъ прямо, открыто дѣйствовалъ противъ воровъ, вооруженный крестомъ и грамотою великаго государя.

Только-что прошла Святая Недѣля;, въ Ѳомино воскресенье казаки принялись за враговъ своихъ; опять привели въ кругъ несчастнаго ключаря и спрашивали, кто сочинялъ и писалъ грамоты.— „Вы сами знаете, что онѣ не здѣсь сочинены“, отвѣчалъ ключарь: „сами вы взяли ихъ у Татаръ“. Ключаря повели за городъ и срубили. Схватили митрополичьихъ дѣтей боярскихъ и повели ихъ пытать; но въ кругу послышались голоса:—„Что ихъ пытать, или рубить, или казнить? ихъ казнимъ, а послѣ нихъ у митрополита другіе будутъ писцы; пора намъ приниматься за самого митрополита: его убьемъ,—такъ въ городѣ у насъ смуты не будетъ“. Дѣтей боярскихъ сперва посадили за крѣпкій караулъ, но потомъ выпустили. Поджигали себя, чтобъ убить митрополита, но дѣло было страшное, не рѣшались; нужна была сильная поджога, и она явилась.

Шелудякъ плылъ къ Симбирску съ тяжелою думою: это была послѣдняя попытка, и что если она не удастся? Астрахань оставалась послѣднимъ убѣжищемъ; но ее нужно было очистить отъ враговъ, а то, пожалуй, прибѣгутъ къ Астрахани, а тамъ и ворота для нихъ заперты. Шелудякъ на дорогѣ созвалъ кругъ и приговорили: убить митрополита Іосифа и воеводу князя Семена Львова. Чтобъ заставить товарищей поднять руки на архіерея, послали сказать Усу, что Іосифъ и князь Семенъ ссылаются съ Донскими казаками: по ихъ письму Разинъ пойманъ и всякое зло промышляется надъ его товарищами.

11 мая Іосифъ былъ за проскомидіею въ соборѣ, когда воры пришли звать его къ себѣ въ кругъ. „Добро“, отвѣчалъ митрополитъ: „вотъ я облачусь во всю святительскую одежду“, и пошелъ въ алтарь облачаться, а воры дожидались на паперти; показалось имъ долго, начали говорить: „Что это митрополитъ съ попами не заперся ли въ алтарѣ? мы пойдемъ въ кругъ, и возвратясь, и нечестью вытащимъ изъ церкви“. Митрополитъ облачился и велѣлъ благовѣстить въ большой колоколъ, чтобъ собирались священники идти съ нимъ вмѣстѣ въ кругъ. Войдя въ кругъ въ полномъ облаченіи, съ крестомъ въ рукахъ, Іосифъ спросилъ Уса: „Зачѣмъ вы меня призвали, воры и клятвопреступники?“ Усъ обратился къ казаку, пріѣхавшему отъ Шелудяка: „Что ты сталъ, выступайся! съ чѣмъ пріѣхалъ отъ войска—говори теперь!“ Казакъ началъ говорить митрополиту: „Присланъ я отъ войска съ рѣчами, что ты воровски переписываешься съ Терекомъ и Дономъ, и по твоему письму Терекъ и Донъ отложились отъ насъ“.— „Я съ ними не переписывался“, отвѣчалъ Іосифъ, „а хотя бы и переписывался, такъ вѣдь это не съ Крымомъ и не съ Литвою; я и вамъ говорю, чтобъ и вы отъ воровства отстали и великому государю вины свои принесли“. Отвѣтъ сильно не понравился: „Что онъ таитъ свое воровство, что не переписывался будто?“ закричали въ кругу, „какой онъ правый человѣкъ! что онъ пришелъ въ кругъ съ крестомъ: мы вѣдь и сами христіане, а ты будто пришелъ къ иновѣрнымъ“. Крикуны начали уже выходить изъ круга, чтобъ снять съ митрополита облаченіе; но тутъ изъ толпы рванулся Донской казакъ Миронъ: „Что вы, братцы, на такой великій санъ хотите руки поднять?—намъ къ такому великому сану и прикоснуться нельзя“. Въ отвѣтъ казакъ Алешка Грузинкинъ кинулся на Мирона, схватилъ его за волосы, другіе воры пристали къ Грузинкину, начали Мирона колоть, рубить, вытащили за кругъ и убили. Мирона убили; но слова его произвели впечатлѣніе: точно показалось страшно дотронуться до архіерейскаго облаченія, и казаки начали приступать къ священникамъ, толкать и бранить ихъ скаредною бранью: „Снимайте съ митрополита санъ! онъ снималъ же и съ Никона патріарха санъ“. Іосифъ самъ снялъ съ себя митру, панагію и, обратившись къ протодіакону, сказалъ: „Что же ты сталъ, не разоблачаешь? уже пришелъ часъ мой!“ Протодіаконъ, въ ужасѣ, снялъ омофоръ, снялъ саккосъ. Тутъ казаки выбили все духовенство изъ круга, крича: „До васъ дѣла нѣтъ!“ и повели Іосифа пытать на пороховой дворъ. Митрополита положили на огонь и спрашивали: „Скажи свое воровство, какъ ты переписывался?“ Іосифъ не отвѣчалъ ни слова, только творилъ молитву и проклиналъ палача. Спросили о казнѣ: Іосифъ объявилъ, что у него только 150 рублей, а поклажи ничьей нѣтъ. Послѣ пытки митрополита повели на казнь, на раскатъ; проходя тѣмъ мѣстомъ, гдѣ лежалъ еще трупъ убитаго за него Мирона, Іосифъ осѣнилъ его и поклонился. Взвели на раскатъ, посадили на край и хотѣли спинуть; Іосифъ испу-

гался послѣдней минуты, ухватился за казака и поволокъ-было его съ собою; тогда воры положили его на бокъ на краю раската и столкнули. Это были самые отчаянные воры, которые работали на раскатѣ,—Алешка Грузникинъ съ немногими товарищами. Самая дѣятельность поддерживала ихъ ожесточеніе, ихъ опьянѣніе. Но съ другимъ чувствомъ стояло большинство воровъ внизу подлѣ раската; ихъ страхъ увеличивался все болѣе и болѣе съ приближеніемъ дѣла къ развязкѣ, и когда наконецъ тѣло Іосифа ударилось объ землю, казакамъ послышался страшный стукъ: они обомлѣли и минутъ съ двадцать стояли въ глубокомъ молчаніи, повѣся головы. Потомъ опохмелились пыткою и казнью воеводы, князя Семена Львова.

Наказъ Шелудяка былъ исполненъ. Астрахань очищена отъ опасныхъ людей. На другой день послѣ убійства Іосифа и князя Львова, воры написали запись и силою заставили духовенство приложить къ ней руки за себя и за дѣтей духовныхъ: обязывались стоять противъ бояръ и измѣнниковъ и умирать другъ за друга. Но запись не помогла.

Ѳедька Шелудякъ въ іюнѣ доплылъ до Симбирска; но это важное мѣсто успѣли уже защитить: здѣсь сидѣлъ старый нашъ знакомый, перебравшійся, подобно другимъ воеводамъ, съ запада на востокъ, бояринъ Петръ Васильевичъ Шереметевъ. Воры были отбиты и завели переписку съ Шереметевымъ, обѣщаясь принести повинную. Шереметевъ отвѣчалъ имъ, что пошлетъ къ великому государю за указомъ; воры отступили въ Самару дожидаться этого указа. Этотъ поступокъ Шереметева съ шайкою воровъ, болѣе не опасною, не понравился въ Москвѣ, особенно когда тамъ прочли подлинныя воровскія грамоты къ воеводѣ. Въ Симбирскъ явился стольникъ князь Волконскій съ похвалою Шереметеву за его подвиги противъ воровъ и вмѣстѣ съ выговоромъ: „Ты прислалъ къ великому государю воровскія письма, но писаны они не такъ, какъ виновные добиваютъ челомъ и милости просятъ; да они же, воры, написали, будто у великаго государя есть бояре измѣнники, князь Юрій Алексѣевичъ Долгорукій и Богданъ Матвѣевичъ Хитрово; написали и другія многія затѣйныя дѣла. Ты на ихъ воровскія письма писалъ къ нимъ памяти, гдѣ вначалѣ писано: „по указу великаго государя“, и иное многое писано въ тѣхъ памятяхъ, чего къ нимъ, ворамъ, писать не довелось, и печатаны памяти печатью Симбирскаго города. Тебѣ, боярину, съ такими ворами переписываться не довелось; а у великаго государя бояръ измѣнниковъ никого нѣтъ,—служатъ великому государю вѣрно. Ты пишешь, что воры пошли на Самару и ждутъ тамъ государева указа, и то знатно, что своими письмами воровъ остановили, и учинили это негораздо.“

Воры, видя, что милостивой царской грамоты къ нимъ не приходитъ, разбѣжались съ Самары—каждый въ свой городъ, а Ѳедька Шелудякъ съ Астраханцами поплылъ въ Астрахань, гдѣ принялъ главное начальство послѣ Уса, умершаго червивою болѣзнію. Но слѣдомъ плыли къ Астрахани государевы люди съ воеводою бояриномъ Иваномъ Богдановичемъ Милославскимъ. Въ концѣ августа суда Милославскаго показались въ виду Астрахани; воры отправились было противъ него на стругахъ, чтобъ не пропустить къ городу; но бояринъ отбилъ ихъ, присталъ къ берегу и построилъ себѣ земляной городъ на устьи рѣки Болды. Отсюда нѣсколько разъ посылалъ онъ уговаривать Астраханцевъ и Донскихъ казаковъ къ сдачѣ, обѣщая государеву милость; „они же, яко дикіе звѣріе, ни мало внимаху.“ Казаки не ограничились только обороною: атаманъ Алешка Каторжный сталъ со своимъ отрядомъ на нагорной сторонѣ, чтобъ мѣшать сообщенію Милославскаго съ Верхомъ, казаки рѣшились напасть даже на самый станъ Милославскаго, но были отбиты. 12 сентября бояринъ велѣлъ сдѣлать земляной городокъ и на нагорной сторонѣ, на рѣчкѣ Соленой, противъ своего стана; Шелудякъ и Каторжный немедленно напали на новый городокъ, но были поражены на-голову.

Три мѣсяца послѣ того стоялъ Милославскій подъ Астраханью; воры не предпринимали болѣе наступательныхъ движеній, но и не сдавались. На помощь къ Милославскому явился Черкесскій князь Каспулатъ Муцаловичъ, и осадилъ Астрахань съ другой стороны. Милославскій, чтобъ имѣть болѣе возможности къ увѣщаніямъ, позволилъ Астраханцамъ свободный входъ въ свой станъ для переговоровъ; каждый день являлись они къ нему пьяные и говорили всякія рѣчи; бояринъ отвѣчалъ всегда мягко, уговаривая взыскать милость великаго государя. Наконецъ—въ Астрахани обнаружилось раздѣленіе между закоренѣлыми ворами, которые не хотѣли сдаваться, и между умѣренными, желавшими принести вины свои. Послѣдніе, убѣгая насилій отъ противной стороны, начали перебѣгать въ полки государевы; бояринъ принималъ ихъ ласково, приказывалъ кормить и поить. Воры, въ злобѣ на этихъ перебѣжчиковъ, кричали, что побьютъ вдовъ, оставшихся отъ прежде побитыхъ ими, побьютъ остальныхъ дѣтей боярскихъ, подъячихъ и митрополичьихъ людей; но время ихъ явно проходило, у нихъ уже не доставало ни силы, ни смѣлости для новыхъ преступленій. Самъ Ѳедька Шелудякъ истребилъ единачную запись, составленную на другой день по смерти митрополита Іосифа. Князю Каспулату Муцаловичу удалось какъ-то выманить къ себѣ Шелудяка и задержать. Сильное волненіе началось въ Астрахрни. когда узнали, что Шелудякъ въ рукахъ у государевыхъ людей. Кончилось тѣмъ, что 26 ноября Астраханцы дали знать Милославскому о своей покорности.

27-го ноября, по вновь наведенному мосту на рѣкѣ Кутумѣ, двинулись государевы полки въ покорившійся городъ; впереди шли священники съ молебнымъ пѣніемъ, несли икону Богородицы „Живоносный Источникъ въ чудесѣхъ“, данную Милославскому при отпускѣ государемъ, по обычаю. Астраханцы вышли на-встрѣчу и, увидавъ икону, пали на землю и завопили, чтобъ государь отдалъ имъ вины, какъ милосердый Богъ грѣшниковъ прощаетъ. „Вины всѣмъ отданы“, отвѣчалъ Милославскій, „и вы государскою милостію уволены“. Воевода прямо отправился въ соборъ къ молебну; съ иконы Живоноснаго Источника велѣлъ списать новую и оставить въ соборѣ, на память будущимъ родамъ. По стѣнамъ и воротамъ стали сотники и стрѣльцы московскіе.

Какъ нѣкогда во Псковѣ въ подобныхъ же обстоятельствахъ, такъ теперь и въ Астрахани никого не тронули. Самъ Ѳедька Шелудокъ жилъ на свободѣ на воеводскомъ дворѣ; другіе заводчики бунта также оставались безъ наказанія, поплатившись только награбленнымъ добромъ въ пользу воеводы и приказныхъ людей; даже Алешка Грузинкинъ, задаривъ послѣднихъ, получилъ отпускъ изъ Астрахани; другіе воры закабалились въ холопи воеводѣ и приказнымъ людямъ. Но когда все совершенно успокоилось, лѣтомъ 1672 года, явился въ Астрахань князь Яковъ Одоевскій для суда и расправы; главные заводчики—Ѳедька Шелудякъ, Алешка Грузинкинъ, Ѳеофилка Колокольниковъ, Красулинъ—были повѣшены: Корнилко Семеновъ, у котораго нашли заговоры, сожженъ какъ еретикъ; другіе отправлены на службу въ верховые города

Государство, сосредоточивъ свои силы на восточной украйнѣ, отправивъ туда лучшихъ воеводъ, задавило бунтъ въ продолженіи 1670 и 1671 года. Соловецкое возмущеніе не казалось опаснымъ,—силы, туда отправляемыя, были ничтожны, воеводы плохи, и потому Соловецкій монастырь держался противъ царскаго войска семь лѣтъ слишкомъ. Мы видѣли, что въ 1668 году отправленъ былъ туда стряпчій Игнатій Волоховъ съ отрядомъ стрѣльцовъ; архимандритъ Іосифъ, непринятый въ монастырѣ, жилъ въ Сумскомъ острогѣ и завѣдывалъ всѣми соловецкими вотчинами — Сумскимъ острогомъ, Кемскимъ городкомъ и 22-мя усольями. Въ январѣ 1669 года, Волоховъ, по государеву указу, отправилъ въ монастырь стрѣльца съ увѣщаніемъ обратиться; стрѣлецъ принесъ отвѣтъ: „У насъ одно положено, что по новымъ книгамъ пѣть и служить отнюдь не хотимъ; на томъ мы въ монастырѣ и сѣли, что помереть, и если Волоховъ впередъ къ намъ пришлетъ, то мы его посланца въ тюрьму засадимъ“. Волоховъ не предпринималъ ничего противъ монастыря, а завелъ ссору съ архимандритомъ Іосифомъ, доносилъ на него въ Москву, что онъ, вмѣстѣ съ монахомъ Кирилломъ, только и любятъ тѣхъ, у которыхъ въ монастырѣ братья и племянники воруютъ; что братъ бунтовщика, попа Матюшки, дьячекъ Ивашка Евстратьевъ, живетъ у архимандрита въ кельѣ и съ монахомъ Кирилломъ всякія письма тайно пишутъ и посылаютъ. „Надобно думать“, писалъ Волоховъ, „что въ архимандритѣ къ тебѣ, государю, мало правды: за ваше здоровье въ навечеріи Рождества Христова Бога не молилъ и дьякона возглашать не заставлялъ и говоркомъ псаломщикъ не говорилъ; за это я на архимандрита шумѣлъ; на 12-е число февраля, на Алексѣя митрополита и на ангелъ царевича Алексѣя Алексѣевича свадьбы вѣнчали. Сказывалъ мнѣ поповскій староста, Унежемскаго усолья попъ Василій: какъ ѣздилъ онъ по соловецкимъ вотчинамъ, то замѣтилъ, что за ваше здоровье на великомъ выходѣ Бога не молятъ, въ церквахъ говорятъ не единогласно и пѣніе поютъ на нарѣчное. Хотѣлъ я ѣхать въ Кемскій городокъ, потому что кемскіе люди соловецкимъ ворамъ радѣютъ, и архимандритъ мнѣ подводъ не далъ... Архимандритъ Іосифъ и по усольямъ старцы всѣ бражники: чернецы и служки ходятъ на волость пьяные и государевы запасы на воровство приносятъ бабамъ“. Архимандритъ Іосифъ, съ своей стороны, писалъ, что Волоховъ надъ соловецкими мятежниками промыслу никакого не чинитъ, самъ на море не ѣздитъ и стрѣльцовъ не посылаетъ, живетъ въ Сумскомъ острогѣ и, примѣтываясь къ монастырскимъ служкамъ и крестьянамъ, чинитъ налоги для своей корысти, бьетъ батогами безвинно, въ цѣпяхъ и желѣзахъ держитъ многіе дни, хвалится архимандрита великому государю огласить напрасно; монастырскихъ крестьянъ, ѣздящихъ къ Архангельску, велитъ задерживать и беретъ съ нихъ деньги за пропускъ. На Волохова же писали сотники московскихъ стрѣльцовъ Чадуевъ и Молчановъ, обвиняя его въ нерадѣніи и трусости.

Наконецъ вражда между Волоховымъ и архимандритомъ дошла дотого, что 16 марта 1672 г. Волоховъ пришелъ въ церковь и, во время Херувимской, передъ самымъ выходомъ, схватилъ архимандрита, билъ по щекамъ, дралъ за бороду и началъ толкать въ шею; стрѣльцы подхватили Іосифа, выволокли изъ церкви съ ругательствами и посадили въ тюрьму, гдѣ онъ сидѣлъ на большой цѣпи со стуломъ. Давая знать въ Москву о посаженіи Іосифа на съѣзжій дворъ за карауломъ, Волоховъ объяснилъ дѣло такимъ образомъ, что 15 марта явились къ нему всѣ монахи, кромѣ троихъ, живущихъ въ кельѣ у архимандрита, и объявили, что Іосифъ въ Сумскомъ заводитъ бунтъ и воровство такое же, что въ Соловецкомъ, хочетъ его, Волохова, сотниковъ и стрѣльцовъ бить.

Разумѣется, немедленно была отправлена грамота въ Сумской—освободить архимандрита; Волохову очень это не понравилось, онъ началъ-было говорить, что грамота прислана воровски, однако дѣлать нечего, 2 мая выпустилъ Іосифа изъ тюрьмы. Оба, и Волоховъ и архимандритъ, были вызваны въ Москву для суда; вызваны были и старцы, донесшіе на архимандрита. Противъ обвиненій въ нерадѣніи Волоховъ оправдывался, что онъ къ монастырю на море не ходилъ и стрѣльцовъ не посылалъ за малолюдствомъ, а въ Кемскомъ городкѣ заставу постановилъ, чтобъ монастырскіе крестьяне въ монастырь запасовъ не провозили. Но кчему служила эта застава, когда выходцы сказывали, что въ монастырѣ хлѣбныхъ запасовъ и соли будетъ на 15 лѣтъ? Кчему служила Кемская застава, когда во все лѣто 1671 года Анзерской пустыни чернецъ Варѳоломей и Двинскаго уѣзда старецъ Никандръ и съ береговъ всякіе люди провозили въ монастырь рыбу, масло, всякіе товары и, между прочимъ, 15 бочекъ краснаго вина? Архимандритъ Іосифъ показалъ, что Волоховъ принялъ въ Сумскій острогъ бѣгуна, чернеца Германа, и, воспринявъ на себя архіерейскую честь, память ему далъ, велѣлъ ему обѣдню служить и духовнымъ отцомъ себѣ сдѣлалъ, приказалъ вѣдать прочихъ священниковъ во всемъ, а Германъ пьянскимъ обычаемъ благословлялъ народъ обѣими руками, какъ митрополитъ.—Волоховъ не запирался, что далъ память по Германову челобитью и по свидѣтельству Соловецкихъ монаховъ, знавшихъ этого монаха. Но самъ Германъ показалъ, что Волоховъ велѣлъ ему служить насильно и сажалъ его въ цѣпь, принуждая взять память. Германъ вмѣстѣ съ тѣмъ показалъ и на Іосифа, что къ нему присылаютъ изъ Соловецкаго монастыря деньги, а онъ посылаетъ въ монастырь запасы и говорилъ ему, Герману: „По новоисправленнымъ служебникамъ я не служилъ и впередъ служить не хочу, по этимъ книгамъ не устоитъ, будетъ все попрежнему“. Іосифъ отвѣчалъ, что ничего подобнаго онъ не говорилъ Герману. Что же касается до показанія монаховъ о бунтѣ Іосифа, то монахи эти объявили въ Москвѣ: „Когда у архимандрита съ Волоховымъ учинилась вражда, то архимандритъ посылалъ насъ къ Волохову говорить, чтобъ онъ пожилъ смиреніемъ; но Волоховъ взялъ насъ съ собою въ съѣзжую избу, велѣлъ подъячему написать сказки на архимандрита въ бунтѣ, какъ ему годно, и по-неволѣ велѣлъ намъ приложить руки“.

Іосифъ былъ переведенъ въ казанскій Спасскій монастырь; не знаемъ, что̀ сдѣлали съ Волоховымъ, только на его мѣсто, въ іюнѣ мѣсяцѣ 1672 года, отправленъ былъ стрѣлецкій голова Клементій Іевлевъ. 2-го августа Іевлевъ съ 725 стрѣльцами отправился на Соловецкіе острова и, пришедъ въ Глубокую губу, послалъ къ мятежникамъ письмо, чтобъ добили челомъ и впустили его въ монастырь; но мятежники отказали ему съ великимъ невѣжествомъ. Получивъ такой отказъ, Іевлевъ отправился подъ монастырь, пожегъ около него хоромное строеніе, амбары, лодки, карбасы, сѣно и дрова, разорилъ рыбныя и звѣриныя ловли, побилъ лошадей, и ушелъ въ Сумской острогъ, хвалясь тѣмъ, что государевыхъ ратныхъ людей отвелъ въ цѣлости, только было ранено два человѣка. Предпринять противъ монастыря что нибудь важное Іевлевъ не могъ, потому что у служилыхъ людей пороху и свинцу не стало, не было этихъ запасовъ и въ Сумскомъ. Іевлевъ былъ также отозванъ въ Москву въ 1673 году, и осада поручена была воеводѣ Ивану Мещеринову. У него было 700 стрѣльцовъ и, что всего важнѣе, стѣнобитныя орудія. Мещериновъ началъ-было дѣйствовать рѣшительно въ 1674 году, окопалъ свое войско шанцами, устроилъ городки и открылъ съ нихъ пальбу противъ монастыря; но когда, въ октябрѣ, начались холода, онъ снялъ осаду, разорилъ всѣ свои укрѣпленія и, по примѣру предшественниковъ, ушелъ зимовать въ Сумской. Въ монастырѣ при оборонѣ сильнѣе всѣхъ дѣйствовали: старый заводчикъ, архимандритъ Никаноръ, служка Бородинъ, келарь Наѳанаилъ Тучинъ, городничій старецъ Протасій, изъ мірянъ сотники Исачко Воронинъ да Кемлянинъ Самко. Никаноръ ходилъ безпрестанно по башнямъ, кадилъ пушки, кропилъ ихъ водою и приговаривалъ: „Матушки мои галаночки! надежда у насъ на васъ, вы насъ обороните“!—„Стрѣляйте, стрѣляйте“! кричалъ безпрестанно Никаноръ, „смотрите хорошенько въ трубки, гдѣ воевода,—въ него и стрѣляйте: какъ поразимъ пастыря, ратные люди разойдутся, аки овцы“. Но между осажденными была постоянно рознь. Мы видѣли, что монахи, стоя горячо за преданія Чудотворцевъ, какъ они выражались, не хотѣли однако порвать съ правительствомъ, и на вопросъ архимандрита Іосифа: „Царь православенъ ли?“—отвѣчали утвердительно: даже главный ораторъ старообрядства, Геронтій, не одобрялъ стрѣльбы въ государевыхъ людей. Такимъ образомъ, двое главныхъ заводчиковъ возстанія разошлись. Но на сторонѣ Никанора были начальники ратныхъ людей, сотники Воронинъ и Самко; эти не только считали позволительнымъ стрѣлять въ государевыхъ людей, но требовали отъ священниковъ, чтобъ перестали молиться за государя: „Молитесь за преосвященныхъ митрополитовъ и за всѣхъ православныхъ христіанъ“! говорили они священникамъ, а про государя говорили такія слова, что „не только написать, но и помыслить страшно“. Видя, что по ихъ не дѣлается, воры схватили четырехъ монаховъ, главныхъ своихъ противниковъ, въ томъ числѣ и Геронтія; 16 сентября созвали соборъ и объявили келарю, что служить больше не будутъ и ружье на стѣну положили, потому что священники ихъ не слушаются, молятся за государя, а они этихъ молитвъ слышать не хотятъ. Келарь сталъ имъ бить челомъ, и они умилостивились, взяли снова оружіе, но объявили священниковъ еретиками, перестали ходить въ церковь, исповѣдывались другъ у друга, а не у отцовъ духовныхъ, завели содомію, начали расхищать монастырскую казну. Геронтій съ товарищами были выпущены изъ тюрьмы, но принуждены были оставить монастырь и явились къ Мещеринову. Геронтій остался вѣренъ своимъ убѣжденіямъ и объявилъ въ допросѣ: „Передъ великимъ государемъ я во всемъ виноватъ; я за него всегда Бога молилъ, теперь молю и впередъ молить долженъ; Апостольскому и Св. Отецъ преданію послѣдую; а новоисправленныхъ печатныхъ книгъ, безъ свидѣтельства съ древними харатейными, слушать и тремя перстами крестъ на себѣ воображать сумнительно мнѣ, боюсь страшнаго суда Божія“.

Большая часть священниковъ оставила монастырь; тогда воры приговорили между собою: крестъ цѣловать, что имъ стоять и биться противъ государевыхъ людей за сотниковъ и померетъ всѣмъ заодно. Но когда начали цѣловать крестъ, то оказалось много нежелающихъ, а двое оставшихся священниковъ прямо отказали въ церковной службѣ. Но Никаноръ не унывалъ: „Мы", кричалъ онъ, „и безъ священниковъ проживемъ, въ церкви часы станемъ говорить, а священники намъ не нужны".

Въ концѣ мая 1675 года, Мещериновъ опять явился подъ монастыремъ со 185 стрѣльцами. Въ августѣ пришло къ нему еще около 800 стрѣльцовъ двинскихъ и холмогорскихъ. На этотъ разъ воевода не пошелъ, по обычаю, зимовать въ Сумской, но остался подъ монастыремъ. Попытка взять его приступомъ 23 декабря не удалась; но перебѣжчикъ, монахъ Ѳеоктистъ, указалъ Мещеринову отверстіе въ стѣнѣ, легко закладенное камнями. Ночью на 22-е января, въ сильную мятель и бурю, Ѳеоктистъ повелъ стрѣльцовъ къ отверстію; камни были выломаны, и передъ разсвѣтомъ стрѣльцы были уже въ монастырѣ. Осажденные, ничего не подозрѣвая, разошлись уже спать, часовые стояли по башнямъ, и стрѣльцы могли на свободѣ сбить замки и отворить ворота, въ которыя и вошелъ Мещериновъ съ остальными стрѣльцами. Защитники монастыря проснулись уже слишкомъ поздно: нѣкоторые изъ нихъ бросились-было на стрѣльцовъ съ оружіемъ въ рукахъ, но сгибли въ неравномъ боѣ; заводчики—Никаноръ, Самко—были схвачены и казнены, другіе разосланы въ Кольскій и Пустозерскій остроги; тѣ же, которые объявили, что повинуются государю и Церкви, прощены и остались жить въ монастырѣ [1].

Дополненіе къ XI-му тому.

1) Дѣла Малоросс. въ Москов. глав. архивѣ мин. иност. дѣлъ 1665 года, № 68. Списокъ городовъ.

Переяславскій полкъ: Переяславль, Барышполе, Барышовка, Воронковъ, Золотоноша, Домонтовъ, Бубновъ, Оржица; разоренные: Генмязовъ, Ирклеево, Басань, Кропивная, Бурорль.

Кіевскій полкъ: Кіевъ, Остръ, Козелецъ; разоренные: Бобровица, Заворычь, Гоголевъ.

Нѣжинскій полкъ: Нѣжинъ; разоренные: Кобыжжа, Носовка, Олшевка, Мрынъ, Дѣвица, Салтыкова, Иванъ-Городище, Бахмачъ; жилые: Борозна, Конотопъ, Батуринъ, Новые Млыны, Коропъ, Глуховъ, Королевецъ, Воронежъ.

Черниговскій полкъ: Черниговъ, Седневъ, Березина, Мена, Сосница; разоренные—Любечъ, Лоевъ.

Стародубскій полкъ: Стародубъ, Новгородокъ, Погарь, Почепъ, Млынъ.

Полтавскій полкъ: Полтава, Санджаровъ Старый, Санджаровъ Новый, Бѣлики, Кобылякъ, Кишенка, Переволочная, Рѣшетиловка.

Миргородскій полкъ: Миргородъ, Хороль, Сорочинцы, Учтивица, Ярески, Останъ, Голтва, Манджеленовка; разоренные: Барановка, Шишакъ, Бѣлоцерковка, Богачка, Балаклейка.

Лубенскій полкъ: Лубны, Перятынъ, Глинскъ, Роменъ; разоренные: Чернухи, Смѣлая, Костянтиновъ, Лукомль, Венча, Куренка, Яблоновъ.

Прилуцкій полкъ: Прилуки, Гуня, Красной, Серебряное, Варва, Иванина, Переволочная, Куровка (разоренъ).

— Роспись, въ которыя времена въ малороссійскихъ городахъ ярмонки бываютъ:

Въ *Кіевѣ*: въ день Св. Георгія послѣ Свѣтлаго Воскресенья; на Рождество Богородицы, въ первую недѣлю Великаго поста.

Въ *Переяславлѣ*: въ день Св. Симеона (1 сентября); на Богоявленіе; въ десятую пятницу.

Въ *Баришовцѣ*: на Воздвиженье, о Васильевѣ днѣ (1 января); въ день Николы вешняго.

Въ *Барышполѣ*: въ день Св. Петра и Павла, о Масляной недѣлѣ.

Въ *Золотоношѣ*: на Успеніе Богородицы; въ Сырную недѣлю

Въ *Черниговѣ*: на Богоявленіе; въ день Св. Прокопія; въ день Св. Евстаѳія.

Въ *Мглинѣ*: въ день Преображенія.

Въ *Погарѣ*: въ оба Николина дня и на Успеніе.

Въ *Почеповѣ*: въ Ильинъ день.

Въ *Конотопѣ*: въ день Св. Георгія.

Въ *Коропѣ*: въ Троицынъ день и въ день Св. Евстаѳія (сентября 20).

Въ *Прилукѣ*: въ Сырную недѣлю; въ день Рождества Предтечи; въ день Св. Димитрія.

Въ *Ичнѣ*: о Петровомъ заговѣньи; въ Ильинъ день.

Въ *Варвѣ*: въ день апостола Петра.

Въ *Чернухахъ*: въ Петрово заговѣнье.

Въ *Красномъ*: въ Николинъ день осенній; въ Петрово заговѣнье.

Въ *Серебряной*: въ день Николы осенняго.

Въ *Пырятинѣ*: въ четвертую недѣлю Великаго поста.

Въ *Лубнахъ*: въ Троицынъ день, Преображенье, Покровъ.

---

[1] При изложеніи осады Соловецкаго монастыря, мы пользовались извѣстіями, находящимися въ Архивѣ мин. юстиціи между столбцами Приказнаго стола №№ 1525, 1533 и 2159; извѣстія о томъ же событіи находятся въ Актахъ арх. экспед. (т. IV), въ Актахъ историч. (т. IV) и въ Дополненіяхъ къ актамъ историч. (т. V).

Въ *Миргородѣ:* въ Рождество Богородицы; въ Николинъ день осенній.

Въ *Нѣжинѣ:* на Троицынъ день; на Покровъ; во Всеѣдную недѣлю передъ масляницею.

2) Изъ отписки князя Алекс. Никит. Трубецкаго царю въ августѣ 1659 года. Когда Трубецкой обьявилъ ратнымъ людямъ походъ въ Нѣжинъ, то „городовые дворяне и дѣти боярскія на насъ, холопей твоихъ, кричали великимъ шумомъ и говорили съ большимъ невѣжествомъ, что имъ съ нами въ походъ не идти, и шумѣли на насъ гилемъ; и мы тѣхъ гилевщиковъ велѣли имать стрѣльцамъ, и изъ тѣхъ гилевщиковъ изымали Бѣжиченина Кирилла Неупокоева сына Корякина, да Костромитина Тихомира Иванова сына Матцкаго, и ихъ, Кирилла и Тихомира, городовые дворяне и дѣти боярскія у стрѣльцовъ учали отбивать, и я, холопъ твой Алешка, за тѣхъ гилевщиковъ самъ принялся, чтобъ ихъ отбить не дать. Городовые дворяне и дѣти боярскія много кричали большимъ крикомъ: „Не давай, не давай! отыми, отыми!“ и меня затѣснили, и товарищи мои и ясаулы, которые были за нами въ то время на съѣзжемъ дворѣ, гилевщиковъ отъ меня отбили, и изыманыхъ гилевщиковъ, Бѣжиченина Кирилла Корякина да Костромитина Тихомира Матцкаго, мы велѣли отослать въ тюрьму до твоего, великаго государя, указу. А какъ мы пошли съ съѣзжаго двора, и на насъ городовые дворяне и дѣти боярскія шумѣли-жъ многимъ невѣжествомъ, и говорили, что-де имъ въ походъ съ нами въ Нѣжинъ не хаживать, и по улицамъ учали бунтовать и на площадяхъ круги заводить, и рейтаръ, и драгуновъ, и стрѣльцовъ наговаривать, чтобъ они съ ними заодно были. Да августа-жъ въ 29 день поѣхали мы къ обѣдни, и на улицѣ у двора, на которомъ я стою, стояли городовые дворяне и дѣти боярскія многолюдствомъ же и гилемъ, а иные были съ чеканы и съ топорками, и, выступя изъ нихъ Арзамасецъ Яковъ Дмитріевъ да Костромитинъ Василей Салмановъ, учали намъ въ походѣ отказывать большимъ шумомъ и невѣжествомъ, и учали многіе бунтовать, и на насъ кричали-жъ большимъ крикомъ, и мы тѣхъ пущихъ гилевщиковъ двух человѣкъ велѣли изымать стрѣльцамъ и отвести на съѣзжій дворъ, и тѣхъ гилевщиковъ учали у стрѣльцовъ отбивать, и мы тѣхъ пущихъ гилевщиковъ изымали, а иные разбѣжались, и тѣхъ двух человѣкъ велѣли повѣсить, и доведчи до висѣлицы, велѣли отъ висѣлицы поворотить и до съѣзжаго двора бить кнутомъ нещадно“. (Архивъ мин. юстиціи, столбцы Малороссійскаго Приказа, № 5855).

ИСТОРІЯ РОССІИ

СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ.

Томъ двѣнадцатый.

Глава I.

Продолженіе царствованія Алексѣя Михайловича.

Вѣсти отъ Брюховецкаго о турецкихъ замыслахъ; доносы на Запорожье и на епископа Меѳодія. — Убіеніе царскаго посланника Ладыженскаго въ Запорожьи. — Письма кошеваго Васютенка къ Брюховецкому по этому случаю.—Слѣдствіе по казацкимъ жалобамъ на Полтавскаго воеводу. — Увѣщательная царская грамота къ казакамъ.—Сношенія съ Дорошенкомъ.—Неудовольствія епископа Меѳодія на Москву и примиреніе его съ Брюховецкимъ.— Наговоры Меѳодія на Москву.—Тукальскій сносится съ Брюховецкимъ и склоняетъ его окончательно къ измѣнѣ. — Начало волненій въ Малороссіи.—Царская грамота къ Брюховецкому по поводу этихъ волненій.—Рѣшительное возстаніе противъ московскихъ воеводъ въ малороссійскихъ городахъ. — Грамота Брюховецкаго на Донъ. — Внушенія польскія противъ казаковъ. — Движенія Князя Ромодановскаго. — Татары и Дорошенко на восточномъ берегу Днѣпра.— Гибель Брюховецкаго.—Дорошенко удаляется на западную сторону, и восточная снова тянетъ къ Москвѣ. — Наказной гетманъ Демьянъ Многогрѣшный.—Архіепископъ Лазарь Барановичъ и протопопъ Симеонъ Адамовичъ.—Грамота Барановича къ царю съ увѣщаніемъ простить Малороссіянъ и вывести отъ нихъ воеводъ.— Послѣдняя дѣятельность епископа Меѳодія.—Татары провозглашаютъ новаго гетмана Суховѣенка.—Затруднительное положеніе Дорошенка.— Сношеніе его и Многогрѣшнаго съ кіевскимъ воеводою Шереметевымъ.—Большое малороссійское посольство въ Москвѣ.—Письмо протопопа Симеона Адамовича къ царю.—Разговоры Многогрѣшнаго и Барановича съ посланцомъ Шереметева.—Глуховская рада; избраніе Многогрѣшнаго въ гетманы.— Сношенія съ Польшею и Швеціею. — Король Янъ-Казиміръ отрекается отъ престола.—Вопросъ объ избраніи въ короли Польскіе царевича Алексѣя Алексѣевича.—Послѣдняя служба Ордина-Нащокина.—Переписка его съ царемъ.—Избраніе въ Польскіе короли Михаила Вишневецкаго.— Съѣзды Нащокина съ польскими коммисарами. — Удаленіе Нащокина въ монастырь.—Польскіе послы, Гнинскій и Бростовскій въ Москвѣ.—Дѣло о возвращеніи Кіева и о союзѣ противъ Турокъ.—Русское посольство въ Турціи.—Событія въ Крыму.

Въ то время какъ Москву занимали важныя событія: съ одной стороны—окончаніе тяжелой тринадцатилѣтней войны, съ другой—небывалый Соборъ въ присутствіи двухъ патріарховъ Восточныхъ, осужденіе и заточеніе Никона, рѣшеніе раскольничьяго вопроса,—въ это время, т. е. въ концѣ января 1667 года, посланцы войска Запорожскаго, Каневскій полковникъ Яковъ Лизогубъ и канцеляристъ Карпъ Мокріевичъ подали *информацію* отъ боярина и гетмана Ивана Мартыновича Брюховецкаго. Попрежнему бояринъ и гетманъ просилъ помощи противъ непріятелей и *тогобочныхъ* измѣнниковъ, и объявлялъ свое плохое и недостойное разумѣніе, чтобъ не принимать просьбы Крымскаго хана о мирѣ: „Бусурманинъ хочетъ только оплошить миромъ и потомъ напасть на города малороссійскіе; купцы греческіе разсказывали за вѣрное, что султанъ велѣлъ воеводамъ Молдавскому и Волошскому идти войною на Украйну; міръ весь опасается приходу бусурманскаго и измѣнничьяго, и бьетъ челомъ о прибавкѣ ратныхъ людей въ города малороссійскіе; при бояринѣ и гетманѣ съ воеводою Протасьевымъ государевыхъ ратныхъ людей нѣтъ, всѣ разбрелись по домамъ; въ измѣнничьемъ городкѣ Тарговицѣ, по указу ханскому, а по просьбѣ Дорошенка, бусурманскимъ именемъ начали деньги дѣлать, чтобъ этими деньгами, будто серебряными, а не мѣдными, всякихъ людей къ бусурманской мысли приклонять. Чигиринъ и другіе измѣнничьи города надобно вконецъ разорить, потому что пока они будутъ стоять цѣлы, Украйнѣ не будетъ покоя. Бояринъ и гетманъ, по христіанскому обычаю, ради царя и вѣры православной, велѣлъ построить церковь Сорока Мучениковъ подъ Конотопомъ, на мѣстѣ побоища: бьетъ челомъ, чтобъ государь помогъ на церковное строеніе изъ казны, и на колокола далъ двѣ пушки; да будетъ царскому величеству вѣдомо о безчиніи нѣкоторыхъ духовныхъ лицъ: людямъ обоего пола беззаконно жить и разводиться позволяютъ; пожаловалъ бы великій государь митрополита на митрополію Кіевскую, который бы всякое безчиніе уничтожалъ. Духовенство двоедушествуетъ, а какъ отъ патріарха Московскаго на митрополію Кіевскую присланъ будетъ митрополитъ, то всѣ шатости на Украйнѣ прекратятся; жена покойнаго Богдана Хмельницкаго пріѣхала въ Кіевъ съ измѣнничьей стороны, съ нею дочь Гришки Гуляницкаго, и живутъ въ Печерскомъ монастырѣ. Во всѣхъ государевыхъ городахъ воеводы позволили *мужикамъ* вино курить и продавать, сколько кто сможетъ: это дѣло нестаточное, отъ него выростаютъ бунты, лѣсамъ умаленье и хлѣбамъ убавка: велѣлъ бы великій государь воеводамъ заказъ учинить, чтобъ, кромѣ казаковъ, мужикамъ не курить вина". Наконецъ посланные объявили о винахъ Нѣжинскаго полковника Матвѣя Гвинтовки: будучи въ Москвѣ, онъ не хотѣлъ приложить руки къ статьямъ; по возвращеніи изъ Москвы, съѣхались къ гетману полковники и объявили о неправой службѣ Гвинтовки; въ прошломъ году подъ Чигириномъ показалъ явную измѣну, и когда гетманъ сталъ ему за это выговаривать, то Гвинтовка отвѣчалъ: „Нигдѣ не ведется, чтобъ свой на своего воевалъ". Да онъ же научалъ гетмана собрать раду и положить булаву". Теперь, объявили послы, Гвинтовка сидитъ въ Гадячѣ за карауломъ, а на его мѣсто выбрали со всею старшиною Артема Мартинова.

Съ отвѣтами на всѣ эти статьи и съ объявленіемъ о заключеніи Андрусовскаго перемирія отправился въ Малороссію стольникъ Телепневъ. За службу и остерегательство насчетъ хана, великій государь жаловалъ гетмана, милостиво похвалялъ; ратные люди въ малороссійскіе города присланы будутъ вскорѣ; о митрополитѣ въ Кіевъ царскій указъ будетъ впредь; съ Гвинтовкою указалъ государь учинить по войсковымъ правамъ, чего доведется.—Бояринъ и гетманъ, послѣ торжественнаго молебствія о всемірной радости, о замиреніи съ Поляками, объявилъ Телепневу, что Турскій султанъ самъ хочетъ идти войною на Поляковъ подъ Каменецъ, который хотятъ сдать ему Армяне. Потомъ гетманъ сталъ просить, чтобъ государь указалъ ему быть въ другомъ городѣ, а въ Гадячѣ быть ему не-у-чего:—мѣсто пустое. Попрежнему Иванъ Мартыновичъ предостерегалъ насчетъ Запорожья: „Казаки идутъ толпами въ Запороги; надобно въ Койдакъ и Кременчугъ какъ-нибудь ввести ратныхъ людей, чтобъ въ Запорожье хлѣба не пропускать; а когда въ Запорожьи будетъ казаковъ многолюдство, то ждать отъ нихъ шатости".

Отъ боярина и гетмана Телепневъ отправился въ Кіевъ къ боярину и воеводѣ Шереметеву, отъ котораго услыхалъ жалобы на казаковъ: „Мѣщанамъ отъ казаковъ чинятся налоги большіе,—и мѣщане бредутъ врознь; а въ Кіевѣ ратные люди отъ голоду бредутъ врознь; конныхъ и пѣшихъ людей всего въ Кіевѣ 3,177 человѣкъ.

Скоро пришли новыя вѣсти отъ Брюховецкаго о Запорожьи вмѣстѣ съ доносомъ на епископа Меѳодія: „Скорѣе, какъ можно скорѣе, прислать ко мнѣ ратныхъ людей, чтобы народъ на этой сторонѣ Днѣпра въ отчаяніе не приходилъ, писалъ бояринъ и гетманъ. Запорожскихъ казаковъ всякими гостинцами обсылаю, на доброе дѣло всячески уговариваю, только бы мнѣ въ этомъ дѣлѣ двоедушныя духовныя особы не были препоною и Запорожцамъ на всякое зло поджогою, какъ, напримѣръ, преосвященный епископъ Мстиславскій: съ его поджоги невинная кровь христіанская разливается; теперь, когда этого епископа здѣсь, на Украйнѣ, нѣтъ, то многимъ кажется, что другой свѣтъ сталъ; пусть епископъ живетъ въ Москвѣ или гдѣ будетъ угодно государю, только бы не въ городахъ, близкихъ къ Запорожью; и переяславскіе бунты не легко бы укротились, если бы прошлаго года епископъ не уѣхалъ въ Москву. Епископъ уговорилъ енаральнаго судью Петра Забѣлу послать сына своего въ Запорожье:—зачѣмъ? Самъ Забѣла состарѣлся, а въ Запорожьи не бывалъ; сыновья его и подавно, были только у Польскаго короля и привилегіи себѣ повыправили; а теперь умыслилъ сына въ Запорожье слать, людьми мутить и Запорожцевъ на зло уговаривать. Бью челомъ великому государю, чтобы не велѣлъ видаться на Москвѣ съ епископомъ казакамъ, которые отъ меня пріѣзжаютъ, особенно Запорожцамъ: онъ ихъ научаетъ на всякое зло. Нѣкоторые изъ нихъ мнѣ сказывали, что епископъ тайно призывалъ къ себѣ голодныхъ Запорожцевъ и жаловался, будто по моей милости ему казны съ дворца не доходитъ".

Опасенія Брюховецкаго насчетъ Запорожья сбылись: не помогли его гостинцы! Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ переправился за Днѣпръ стольникъ Ладыженскій, ѣхавшій въ Крымъ вмѣстѣ съ ханскими гонцами. На дорогѣ пристало къ нимъ человѣкъ полтораста Запорожцевъ, которые зимовали въ малороссійскихъ городахъ, ночевали вмѣстѣ двѣ ночи спокойно, но на третій день напали на Татаръ и перерѣзали ихъ, имѣніе пограбили и скрылись. Пріѣхавши въ Запорожье, Ладыженскій обратился къ кошевому Рогу съ требованіемъ, чтобы велѣлъ сыскать злодѣевъ, а его, стольника, проводить до перваго крымскаго городка.—„Воры учинили это злое дѣло безъ нашего вѣдома", отвѣчалъ кошевой, „въ Сѣчу къ намъ не объявились и сыскать ихъ негдѣ". Чрезъ нѣсколько дней собралась рада, послѣ которой казаки захватили у Ладыженскаго всѣ бумаги и казну, пересмотрѣли и спрятали въ Сѣчи, а Ладыженскому объявили, что его не отпустятъ, потому что къ нимъ нѣтъ грамотъ ни отъ государя, ни отъ гетмана.

Какъ скоро узнали объ этомъ въ Москвѣ, то въ Гадячъ къ Брюховецкому поскакалъ хорошо знакомый съ Малороссіею стольникъ Кикинъ. „Вамъ бы", говорилъ онъ боярину и гетману, „службу свою и радѣнье показать, послать въ Запороги вѣрныхъ и досужихъ людей, чтобы кошевой и все войско про то про все разыскали наскоро, воровъ казнили смертію по стародавнымъ войсковымъ правамъ, пограбленное отдали сполна, и стольника Ладыженскаго отпустили." Но Ладыженскій былъ уже отпущенъ...

12 мая зашумѣла новая рада въ Запорожьи: скинули съ атаманства Ждана Рога, выбрали на

его мѣсто Астапа Васютенка, и начали толковать объ отпускѣ Ладыженскаго; рѣшили отпустить. Тутъ старый атаманъ Рогъ повелъ рѣчь, что надобно сыскать тѣхъ казаковъ, которые побили Татаръ. „Чего сыскивать?“ закричали ему изъ круга: „самъ ты про то вѣдаешь, татарская рухлядь теперь у тебя въ курени.“ Побѣжали къ Рогу въ курень и принесли вещи на улику. „Это мнѣ принесли въ подарокъ казаки“, отвѣчалъ Рогъ: „а того не сказали, гдѣ взяли.“ Тѣмъ дѣло и кончилось въ Сѣчи. Самъ кошевой Астапъ Васютенко съ 40 казаками отправился провожать Ладыженскаго внизъ по Днѣпру; но едва отъѣхали они отъ Сѣчи версты съ двѣ, какъ нагнали ихъ казаки въ судахъ и велѣли пристать къ берегу. Москвичи повиновались; казаки раздѣли несчастныхъ донага, поставили ихъ на берегу, окружили съ пищалями и велѣли бѣжать въ Днѣпръ, но только что тѣ побѣжали, какъ вслѣдъ за ними раздался залпъ изъ пищалей; смертельно раненый, Ладыженскій пошелъ ко дну; другихъ пули не догнали и они были уже близко отъ другого берега, но убійцы пустились за ними въ лодкахъ, захватили и перебили. Объявивши такимъ запорожскимъ способомъ войну Москвѣ, казаки начали толковать, чтобы быть въ соединеньи съ Дорошенкомъ и выгонять московскихъ ратныхъ людей изъ малороссійскихъ городовъ, не давать Московскому царю никакихъ поборовъ съ отцовъ своихъ и родичей. Запорожцы хвалились, что Полтавскій полковникъ на ихъ сторонѣ, и, дѣйствительно, стоявшій въ Полтавѣ воевода князь Михайло Волконскій далъ знать государю, что между Полтавцами шатость большая: „Отъ Полтавскаго полковника казакамъ и мѣщанамъ, которые тебѣ, великому государю, хотятъ вѣрно служить, заказъ крѣпкій, съ большимъ пристрастіемъ, чтобы ко мнѣ никто не ходилъ и съ твоими Русскими людьми никто не водился, а кто станетъ водиться, тѣхъ хотятъ побивать до смерти; мѣщанамъ, которые выбраны къ таможенному сбору въ цѣловальники, полковникъ грозитъ большимъ боемъ, чтобы съ проѣзжихъ людей на тебя, государя, возовыхъ пошлинъ не брали.“

Гетману Брюховецкому далъ знать объ убійствѣ Ладыженскаго самъ кошевой Васютенко: „Грустна намъ нынѣшняя весна“, писалъ Астапъ; „никто о цѣлости народа нашего не заботится; за грѣхи наши и тотъ, кто прежде намъ хлѣбъ давалъ, теперь камень дать замыслилъ. Не знаю, кто бы былъ благодаренъ за камень, потому что онъ на пищу не потребенъ. Царское величество тѣшитъ насъ листами бумажными, какъ дѣтей яблоками. Пишетъ намъ, чтобъ мы вѣрно служили, а самъ, заключивши миръ съ королемъ Польскимъ, тотчасъ съ тѣмъ же и къ хану отзывается, обѣщая за его дружбу намъ всего умалить, что, какъ видимъ, уже и началъ. За что бѣдныхъ людей, войною разоренныхъ, такъ стѣсняютъ? Не одинъ лицо свое кровавыми слезами омываетъ. Не хочетъ государь насъ, птенцовъ своихъ, подъ крылами держать,— такъ милосердіе Божіе избавитъ отъ такого ига горькаго, которое прежде было сахарно. Человѣкъ, желая устроить ниву для потомства, прежде терніе изъ нея вымечетъ; такъ и предки наши: не жалѣя здоровья, терніе изъ отчины своей вымётывали, чтобы намъ вольность уродила, которую считаемъ самою дорогою вещію, ибо и рыбамъ и птицамъ, и звѣрямъ, и всякому созданію она мила. Рѣка великая много иныхъ рѣчекъ преодолѣетъ: такъ и Всемогущаго Бога помощь всѣ замыслы земныхъ монарховъ превозможетъ. Не довелось не только дѣлать, но и мыслить о томъ, чтобъ нашу отчизну къ послѣднему разоренію привести, на которое смотря и самый злой звѣрь, если бы имѣлъ человѣческій разумъ, могъ сжалиться. Знаю, что и стольникъ (Ладыженскій) безъ вѣдома нашего смерть принялъ за то, что въ городахъ великія обиды отъ нихъ люди терпятъ. Однако, оставя все это, желаемъ съ вашимъ вельможествомъ попрежнему жить въ любви. Изволь царскому величеству донести, чтобъ запретилъ своимъ ратнымъ людямъ чинить въ городахъ всякіе вымыслы, пусть живутъ попрежнему; а если не перестанутъ, то чтобы большій огонь не всталъ, потому что, доколѣ живы, будемъ остерегать, чтобы наши права и вольности не умалились. Въ этомъ они напрасно головы свои ломаютъ: имъ этого не удастся, какъ слѣпому въ цѣль попасть; пусть монархи о томъ подумаютъ, что человѣкъ начинаетъ, а Богъ совершаетъ.“

Для развѣданія объ убійствѣ Ладыженскаго, Брюховецкій отправилъ есаула Θедора Донца. 26 мая, въ Троицынъ день, Донецъ пріѣхалъ въ Сѣчь; собралась рада, прочли листъ гетманскій и начали толковать. Запорожцы, которые вышли съ восточной стороны Днѣпра, также и тѣ, которые хотя и съ западной стороны, но жили долго въ Запорожьи, накинулись на тѣхъ казаковъ, которые недавно пришли съ Дорошенковой стороны: „Это отъ васъ такое зло учинилось; а какъ васъ не было, такъ у насъ въ Запорогахъ такого зла не бывало“. Началась брань; кошевой подошелъ къ Донцу и сказалъ ему: „Уходи ка лучше къ себѣ въ курень, а то, неровенъ часъ, убьютъ.“ Казаки съ западной стороны показывали бумаги, взятыя у Ладыженскаго, и кричали: „Вотъ смотрите, что написано: Московскій государь съ королемъ Польскимъ, съ царемъ Турскимъ и съ ханомъ Крымскимъ помирился: а для чего помирился?—разумѣется, для того, чтобъ Запорожье снести. Вотъ почему мы Ладыженскаго и потопили!“

Покричали и разошлись, не рѣшивши ничего. Старые казаки ворчали между собою въ куреняхъ: „Не знаемъ, что съ этими своевольниками и дѣлать; видишь, сколько ихъ пашло! насъ и старшихъ не слушаютъ!“ Кошевой, старшины и старые казаки разсказали Донцу, что пущій бунтовщикъ Страхъ, который Ладыженскаго потопилъ, былъ у нихъ пойманъ и прикованъ къ пушкѣ, но, подпоивъ караульщика и прибивъ его мало не до смерти, сломилъ съ цѣпи замокъ и ушелъ. Онъ скрылся въ крымскомъ городѣ Исламѣ; но Татары, признавъ въ немъ убійцу своихъ, повѣсили его.

Донецъ возвратился къ Брюховецкому съ грамотою отъ кошеваго, въ которой тотъ писалъ, что Запорожцы сами рады бы были казнить преступниковъ, совершившихъ такое злое дѣло, но ихъ до сихъ поръ въ кошѣ нѣтъ. Но при этомъ Васютенко давалъ знать гетману, что убійцы татарскихъ гонцовъ могутъ быть извинены. „Собственныя слова гонца, писалъ онъ, возбудили жалость и жестокій гнѣвъ въ казакахъ: меня, говорилъ Татаринъ, царское величество отпустилъ къ хану съ тѣмъ, чтобы васъ, Запорожскихъ казаковъ, искоренить, ваше жилище разорить; уже васъ больше щадить не будутъ.“ Кошевой не счелъ за нужное объяснить, кто же слышалъ эти слова крымскаго гонца, если убійцы его не явились въ Сѣчь? Васютенко, выдавая эти слова за непреложно вѣрныя, распространялся попрежнему въ жалобахъ на Московскаго государя, въ жалобахъ, что на нихъ съ трехъ сторонъ сѣти закидываютъ. Взаключеніе, кошевой просилъ, чтобы царь простилъ Запорожцевъ за убійство Татаръ и Ладыженскаго, обѣщая за это стоять мужественно противъ всякаго непріятеля.

И вотъ Брюховецкій дѣйствительно говоритъ Кикину, что государь долженъ простить Запорожцевъ за это двойное убійство и грабежъ казны: иначе кошевое войско, отобравшись отъ государевой руки, соединится съ Крымскимъ ханомъ и съ Заднѣпровскимъ гетманомъ Дорошенкомъ; „а я“, продолжалъ Брюховецкій, „буду стараться, чтобы по времени, не вскорѣ, злодѣевъ и заводчиковъ истребить.“ Донецъ разсказывалъ, что кошевой прямо ему говорилъ: „Если государь насъ проститъ, то мы ради ему впередъ служить; если же будетъ гнѣваться, то у насъ положено, сложась съ Дорошенкомъ и Татарами, пойдемъ воевать въ государевы украинскіе города.“

Но прежде всего нужно было разузнать, не поступаютъ ли московскіе воеводы въ самомъ дѣлѣ дурно съ казаками. Рядъ жалобъ поданъ былъ на Полтавскаго воеводу, князя Волконскаго, за то, что онъ нѣкоторыхъ казаковъ помѣстилъ въ число мѣщанъ и беретъ съ нихъ денежные и медовые оброки. Тотъ же Кикинъ отправился изъ Гадяча въ Полтаву по этому дѣлу, сравнилъ имена челобитчиковъ со сказкой Волконскаго и съ переписными мѣщанскими книгами, и нашелъ, что многіе люди прозвищами не сошлись. Тогда онъ обратился къ Полтавскому полковнику, Григорью Витязенку, чтобы тотъ выслалъ къ нему всѣхъ челобитчиковъ на лицо къ допросу для подлиннаго розыска. „Выслать ихъ къ допросу нельзя“, отвѣчалъ Витязенко, „теперь пора рабочая, пашня и сѣнокосъ, казаки работы не кинутъ и не поѣдутъ; а иныхъ многихъ казаковъ и домахъ нѣтъ, живутъ на Запорожьи. А что казаки прозвищами не сходятся, такъ это потому: у насъ на Украйнѣ обычай такой, называются люди разными прозвищами, у одного человѣка прозвища три и четыре—по отцу и по тестю, по тещѣ, по женамъ прозываются; вотъ почему одни и тѣ же люди у воеводы въ мужицкомъ спискѣ писаны прозвищами, а у насъ въ полковомъ, казацкомъ спискѣ—другими. Какъ были присланы въ Полтаву изъ Москвы переписчики, и они писали многихъ казаковъ въ мужики заочно, а казаки въ то время были всѣ со мною въ походѣ подъ Кременчугомъ, а иные на Запорожьи. Самъ переписчикъ жилъ въ Полтавѣ, а по уѣзду посылалъ писать подъячихъ; подъячіе эти и писали казаковъ въ мужики заочно и не разспрося подлинно, кто казакъ и кто мужикъ; а мужики имъ нарочно называли казаковъ мужиками для своей легкости, чтобы и казаки съ ними заодно всякіе поборы давали и подводы выставляли“.

Кикинъ сталъ освѣдомляться, справедливо ли было донесеніе воеводы на полковника; онъ обратился съ вопросомъ объ этомъ къ протопопу Лукѣ, и тотъ сказалъ: „Полковникъ съ воеводою живетъ недружно, казакамъ и мѣщанамъ многимъ къ князю Волконскому ходить заказывалъ; только ты, пожалуйста, меня не выдавай, чтобъ мнѣ отъ полковника гнѣва и гоненья не было“. Вечеромъ пришелъ къ Кикину полковой судья Климъ Чернушенко; разговорились, и отъ судьи пошли тѣ же рѣчи, что и отъ протопопа; но Чернушенко былъ разговорчивѣе, началъ разсказывать про свое житье-бытье, что они терпятъ отъ полковника: „Насъ, казаковъ, полковникъ Витязенко многимъ зневажаетъ и бьетъ напрасно, а жена его женъ нашихъ напрасно же бьетъ и безчеститъ; и кто казакъ или мужикъ упадетъ хоть въ малую вину, и полковникъ его имѣніе все, лошадей и скотъ беретъ на себя. Со всего Полтавскаго полка согналъ мельниковъ и заставилъ ихъ на себя работать, а мужики изъ селъ возили ему на дворовое строеніе лѣсъ, и устроилъ онъ себѣ домъ такой, что у самого гетмана такого дома и строенія нѣтъ; а городъ нашъ Полтава весь опалъ и огнилъ, и о томъ у полковника радѣнья нѣтъ; станемъ мы ему объ этомъ говорить—не слушаетъ! Мы уже хотимъ бить челомъ великому государю и гетману, чтобы Витязенку у насъ полковникомъ не быть. А приводятъ его на всякія злыя дѣла жена его да писарь, Ильяшъ Туранской; мы ему, писарю, не вѣримъ, потому что онъ съ того боку Днѣпра; чтобы отъ него не было измѣны;—онъ сдѣлалъ другую печать полковую и держалъ у себя тайно безъ полковничья вѣдома“.

Послѣ этого Кикинъ началъ разыскивать по селамъ насчетъ правильности въ сборѣ податей. Оказалось, что въ спискахъ между мужиками были написаны и казаки, но казаки давніе, которые казаковали во времена Хмельницкаго и послѣ тянули съ мѣщанами заодно; когда же пришлось платить подати, то они и вспомнили о своемъ старомъ казачествѣ. Но, кромѣ этого, оказались дѣйствительныя злоупотребленія со стороны Москалей: переписчики ѣздили по селамъ пьяные и брали деньги—по шагу и по два шага съ человѣка; назначенный для сбора податей рейтарскій прапорщикъ Должниковъ самъ не сбиралъ, присылалъ своихъ деньщиковъ, которые, сверхъ государева оброка, брали еще себѣ по чеху съ человѣка. Кикинъ учинилъ управу, за что Брюховецкій со всѣми полтавскими казаками благодарилъ государя.

Чиня управу по казацкимъ челобитнымъ, чтобы отнять предлогъ къ возстанію, въ Москвѣ сочли за нужное отправить увѣщательную царскую грамоту ко всѣмъ полкамъ войска Запорожскаго. „Московскіе ратные люди“, говорилось въ грамотѣ, „живутъ съ вами въ городахъ малороссійскихъ не для того, чтобы наблюдать за вашею вѣрностію, но для вашей защиты, на страхъ врагамъ вашимъ. Мы надѣялись, что перемиріе съ Польскимъ королемъ будетъ принято у васъ съ особенною радостію, потому что вами началась война и прилагались христіанскія крови къ вашей оборонѣ; но, вмѣсто всенародной христіанской радости, объявилось въ вашихъ городахъ нечаемое противленіе и страшная кровь. Гдѣ слыхано посланниковъ побивать? У васъ безстрашные люди, на свою кровь наступивъ и забывъ судъ Божій, такое преступное и нехристіанское дѣло учинили и злую славу на весь свѣтъ пустили. Мы отъ васъ, какъ отъ вѣрныхъ подданныхъ, ожидали разысканія и отлученія преступныхъ людей отъ правдивыхъ христіанъ; но нынѣ съ удивленіемъ слышимъ, что у васъ, вопреки присягѣ и уставленнымъ статьямъ, смятеніе во всемъ посполъствѣ начинается, хотите раду чинить безъ нашего указу, а съ какою мыслію—не знаемъ! Удержитесь отъ такого злаго начинанія! Огонь огнемъ не обычай людямъ тушить; пламень заливать надобно мирною водою, которую милосердый Богъ пріумножилъ, сердечные сосуды и черпала подалъ въ христіанскія руки наши; почерпая отъ этихъ спасительныхъ струй, крововидный пламень военнаго огня заливать, и зноемъ оскорбленія изсохшія людскія сердца прохлаждать, и мирно напоять должно. У васъ нѣкоторые легкомысленные люди въ злой путь гетману Дорошенку хотятъ послѣдовать; а надобно было и самого Дорошенка напоминать единою купелью христіанства; ей, попекитесь о семъ богоугодномъ дѣлѣ!“

О богоугодномъ дѣлѣ хотѣлъ попечься Кіевопечерскій архимандритъ Иннокентій Гизель: по обязанности іерейской, Гизель умолялъ Дорошенка не мыслить о подданствѣ бусурманамъ, которые истребленіе христіанъ по закону своему во спасеніе себѣ вмѣняютъ; уговаривалъ покориться православному государю Московскому. Московское правительство, съ своей стороны, пеклось такъ же о богоугодномъ дѣлѣ: выпустили изъ плѣна брата Дорошенкова, Григорія, за что гетманъ Петръ въ ноябрѣ прислалъ царю благодарственную грамоту: „Проповѣдывалъ милость, хвалилъ незлобіе, исповѣдовалъ неизреченное благодѣяніе, кланялся до лица земли со всякимъ смиреніемъ, обѣщалъ всякое радѣніе, обѣщалъ не допускать никакого озлобленія государевымъ людямъ“

Кіевскій воевода Шереметевъ послалъ сказать ему, чтобы онъ доказалъ благодарность свою на дѣлѣ, отстать отъ Татаръ, обратился къ христіанству и служилъ обоимъ великимъ государямъ, Московскому и Польскому. „За милость великаго государя я желаю голову свою сложить“, отвѣчалъ Дорошенко; „только отъ Татаръ отстать и подъ государевою рукою быть вскорѣ нельзя: будетъ у меня съ королемъ на сеймѣ договоръ въ силу постановленія съ гетманомъ Яномъ Собѣскимъ, который обѣщалъ отдать мнѣ Бѣлую Церковь, но она до сихъ поръ мнѣ не отдана; и если Бѣлой Церкви послѣ сейма мнѣ не отдадутъ, то я буду доступать ее самъ“. Боярскій посланецъ требовалъ у Дорошенка, чтобы онъ не пускалъ Татаръ за Днѣпръ на государевы малороссійскіе города. „О татарскихъ замыслахъ я ничего не знаю“, отвѣчалъ Дорошенко; „а если Татары и придутъ, то у нихъ и у меня и у всего войска Запорожскаго есть непріятель поближе государевыхъ городовъ: служилъ я съ казаками королю Польскому много лѣтъ и головы свои за него складывали, а выслужили то, что Поляки церкви Божіи обратили въ унію. Король дастъ намъ на всякія вольности привилегіи и универсалы, а потомъ пришлетъ Поляковъ и Нѣмцевъ, и тѣ всякія вольности у насъ отнимаютъ, и православныхъ христіанъ, не только простыхъ казаковъ, но и полковниковъ, старшинъ бьютъ, мучатъ, берутъ съ насъ всякіе поборы, и во многихъ городахъ церкви Божіи обругали и пожгли, а иныя обратили въ костелы, чего всякому православному христіанину терпѣть невозможно, и мы за православную вѣру и за правды свои стоять будемъ. Я христіанскаго кровопролитія не желаю, а если я пошлю Татаръ на государевы города, то пусть тогда разольется моя кровь; если бы я служилъ государю столько же, сколько королю, то получилъ бы отъ царскрго величества милость; я подъ рукою великаго государя быть давно желалъ, только меня прежде не призывали; а отъ Татаръ мнѣ вскорѣ отлучиться нельзя, потому что, прежде чѣмъ придутъ государевы полки на защиту, Татары насъ разорятъ. Татары мнѣ безпрестанно говорили, чтобы идти разорять государевы малороссійскіе города, но я ихъ удержалъ, боярину Шереметеву объ осторожности противъ Татаръ писалъ и впредь писать буду; быть подъ рукою великаго государя желаю, боярства и ничего отъ него не хочу,—хочу только государевой милости, чтобы казаки оставались при своихъ правахъ и вольностяхъ. По Андрусовскому договору Кіевъ надобно Полякамъ отдать; но я со всѣмъ войскомъ головы свои положимъ, а Кіева Полякамъ не отдадимъ“.

Посланецъ видѣлся и съ митрополитомъ Іосифомъ Тукальскимъ и съ монахомъ Гедеономъ (Юріемъ) Хмельницкимъ; говорилъ имъ, чтобъ они отводили Дорошенка отъ Татаръ. Оба обѣщали. Всѣ, Петръ Дорошенко съ братомъ Григоріемъ, Тукальскій и Хмельницкій, говорили посланному по-секрету, что будутъ давать знать боярину Шереметеву о всякихъ тайныхъ вѣстяхъ непремѣнно, за то, что бояринъ оказываетъ къ нимъ большую любовь, посланцамъ ихъ честь великую воздаетъ, поитъ, кормитъ и подарками великими гетмана и посланцовъ его даритъ.

Шереметевъ не жалѣлъ подарковъ, чтобы только задобрить опаснаго Дорошенка, отъ котораго теперь зависѣло спокойствіе Восточной Украйны, именемъ котораго волновались Запорожцы. Въ Москвѣ Ординъ-Нащокинъ зорко слѣдилъ за Чигириномъ; онъ отправилъ въ Переяславль стряпчаго Тяпкина, для свиданія съ Григоріемъ Дорошенкомъ, для склоненія гетмана Петра отстать отъ Татаръ и быть подъ рукою великаго государя, ибо соединеніе съ Польшею для него болѣе уже невозможно. Тяпкинъ сообщалъ Нащокину, что Тукальскій уговариваетъ Дорошенка поддаться Московскому государю, думая чрезъ это добиться митрополіи Кіевской, а епископъ Меѳодій радъ бы и неслыхать о Тукальскомъ, не только видѣть его, точно такъ, какъ Брюховецкій не хочетъ слышать о Дорошенкѣ, боясь лишиться чести своей. Мѣщане и казаки, особенно черный народъ, по обѣимъ сторонамъ Днѣпра очень любятъ и почитаютъ Тукальскаго и Дорошенка. „Да будетъ извѣстно, писалъ Тяпкинъ Нащокину, что Печерскій архимандритъ съ Тукальскимъ великую любовь между собою и въ народѣ силу имѣютъ. Хорошо было бы обвеселить архимандрита милостивою государевою грамотою и твоимъ боярскимъ писаніемъ, котораго онъ безмѣрно желаетъ, также бы отписать и къ прочимъ игумнамъ и братіи кіевскихъ монастырей, потому что чрезъ нихъ можетъ всякое дѣло состояться, согласное и развратное. Въ Переяславлѣ нѣтъ вѣрнаго и добраго человѣка ни изъ какихъ чиновъ: всѣ бунтовщики и лазутчики великіе, ни въ одномъ словѣ вѣрить никому нельзя. Одно средство повернуть ихъ на истинный путь—послать тысячи три ратныхъ людей—тогда испугаются и будутъ вѣрны; а которые теперь ратные люди въ Переяславлѣ немногіе,—тѣ всѣ наги, босы, голодны и бѣгутъ отъ бѣдности розно. Хуже всего для меня то, что не могу вѣрнаго человѣка пріобрѣсти изъ здѣшнихъ:—послѣднее бы отдалъ, да лихи лгать, божатся, присягаютъ и лгутъ“.

Но лгалось не въ одномъ Переяславлѣ, лгалось сильно въ Чигиринѣ, хотя здѣсь не было никакой нужды лгать, по независимости положенія. 1-го января 1668 года, Петръ Дорошенко написалъ Тяпкину рѣзкое письмо, что не можетъ поддаться царю; причины къ отказу можно было бы найти, но Дорошенко наполнилъ письмо лжами и клеветами. Богданъ Хмельницкій, по словамъ Дорошенка, отдалъ Москвѣ не только Бѣлую Русь, но и всю Литву съ Волынью; во Львовъ (!) и въ Люблинъ царскихъ ратныхъ людей ввелъ и многое казною учредилъ. Какая же благодарность! Пословъ гетманскихъ московскіе коммисары въ Вильнѣ до переговоровъ не допустили! Выговскаго гетманомъ учредили и, между тѣмъ, подвигли на него Пушкаря, Безпалаго, Барабаша, Силку! Въ Андрусовскомъ договорѣ оба монарха усовѣтовали смирять, т. е. искоренять казаковъ. Дорошенко рѣшился даже упрекнуть Московское правительство за возвращеніе Польшѣ Бѣлоруссіи, вслѣдствіе чего здѣсь опять началось гоненіе католиковъ на церкви православныя. Дерзость Дорошенка перешла наконецъ предѣлы, перешла въ смѣшное, въ шутовство; онъ спрашиваетъ у Тяпкина: „На какомъ основаніи вы безъ насъ рѣшили одни города оставить, другіе отдать, тогда какъ вы ихъ пріобрѣли не своею силою, но Божіею помощію и нашимъ мужествомъ?“ И, въ то же самое время, Дорошенко и братъ его Григорій въ сношеніяхъ съ Тяпкинымъ безпрестанно повторяли, что они подданные короля; но, провозглашая себя королевскими подданными, по какому праву выговаривали они Московскому правительству за уступки земель въ королевскую сторону? Этого мало: зная очень хорошо, что всѣмъ извѣстно отступничество ихъ отъ короля къ султану, они рѣшались утверждать, что настоящій союзъ ихъ съ ханомъ основывается на Гадячскомъ договорѣ Выговскаго съ Польшею, по которому казаки должны были находиться подъ властію королевскою и въ союзѣ съ Татарами! Но когда нужно было похвастаться, показать свое значеніе, то все позабывалось, и начинали твердить, что Андрусовскимъ перемиріемъ Москва обязана имъ, казакамъ, ибо они съ Татарами напали на Поляковъ и заставили послѣднихъ спѣшить миромъ съ Москвою. Такую страшную порчу произвели политическія смуты, шатость въ этихъ несчастныхъ людяхъ, заставили потерять уваженіе къ самимъ себѣ, къ своимъ словамъ!

Казаки никакъ не могли переварить Андрусовскаго перемирія не потому, что, благодаря имъ же, Москва должна была заключить его на условіи—кто чѣмъ владѣетъ и отказаться отъ западнаго берега Днѣпра, но потому, что миръ между двумя государствами, изъ которыхъ каждое имѣло много причинъ негодовать на казаковъ, былъ опасенъ для послѣднихъ; казаки подозрѣвали соглашеніе обоихъ государствъ противъ себя, но не довольствовались высказываньемъ однихъ подозрѣній, а прямо уже утверждали, что соглашеніе дѣйствительно существуетъ. Они отводили душу тѣмъ, что стращали Москву непродолжительностію мира: „Договоръ съ польской стороны не будетъ исполненъ“, говорилъ Григорій Дорошенко Тяпкину; „князья Вишневецкіе, иные сенаторы и шляхта, которые имѣли въ Малороссіи города, мѣстечки и села, теперь этихъ маетностей всѣхъ отбыли, а королю наградить ихъ нечѣмъ, и оттого Польша должна будетъ нарушить мирный договоръ“. Григорій Дорошенко не отставалъ отъ брата въ вымышленіи винъ Московскаго правительства относительно казаковъ: „Великій государь“, говорилъ онъ, „далъ казакамъ право: на гетманство и на всякіе уряды выбирать своихъ природныхъ казаковъ; а теперь у великаго государя выбранъ въ гетманы не природный украинскій казакъ, также и полковники многіе иноземцы, Волохи и не природные казаки, и войско Запорожское оттого въ великомъ непостоянствѣ пребываетъ, а Заднѣпровскій гетманъ и старшіе всѣ природные казачьи дѣти. Да и оттого многіе бунты: по указу великаго государя, нынѣ гетмана учинятъ, грамоту, булаву и хоругвь вручатъ, а послѣ другого гетмана втайнѣ выберутъ, грамоту, булаву и хоругвь ему вручатъ, и вотъ эти гетманы—Выговскій, Пушкаренко, Барабашъ, Силка, Безпалый, Искра, — желая каждый удержать данную себѣ честь, междоусобіе въ войскѣ Запорожскомъ учинили. Отъ неприродныхъ гетмановъ и полковниковъ прямые воры свободны, а вѣрные слуги царскіе—Самко гетманъ, Васюта Золотаренко, Аника Черниговскій—горькою смертію казнены“.

Дерзость, упреки смѣнялись робостію, просьбами. Пронесся слухъ, что царь пріѣдетъ въ Кіевъ на богомолье, и вотъ Григорій Дорошенко обратился съ просьбою къ Тяпкину: „Когда царское величество, дастъ Богъ, будетъ въ Кіевѣ съ великими силами, тогда опасаемся накрѣпко и весь народъ сильно ужасается, чтобы, надѣясь на силы царскаго величества, Поляки на насъ не пошли войною; милости просимъ у великаго государя, чтобъ не позволилъ своему войску помогать Полякамъ. Народы наши сильно боятся прихода царскаго величества въ Кіевъ, не вѣрятъ, что молиться идетъ. А когда Поляки одни на насъ будутъ наступать, и мы поднимемъ противъ нихъ Татаръ, то царское величество на насъ не гнѣвался бы и ратей своихъ на насъ не посылалъ.“ Наконецъ Григорій Дорошенко объявилъ Тяпкину тайную статью: „Подъ высокодержавною рукою царскаго величества быть хотимъ, только бы у насъ въ городахъ и мѣстечкахъ воеводъ, ратныхъ людей и всякихъ начальниковъ московскихъ не было, вольности наши казацкія и права были бы не нарушены и гетманомъ бы на обѣихъ сторонахъ Днѣпра быть Петру Дорошенку, поборовъ и всякихъ податей съ мѣщанъ и со всякихъ тяглыхъ людей никакихъ не брать; а гетману Брюховецкому, по милости великаго государя, можно прожить и безъ гетманства, потому что пожалованъ самою высокою честью и многими милостями.“

Но, выговаривая себѣ у Москвы гетманство на обѣихъ сторонахъ Днѣпра, Дорошенко, вмѣстѣ съ Тукальскимъ, хлопоталъ объ этомъ другимъ путемъ, поднимая возстаніе противъ Москвы и на восточномъ берегу, обманомъ побуждая къ возстанію и самого Брюховецкаго.

Мы видѣли, что тѣ же самыя опасенія, какія высказывались въ Чигиринѣ относительно союза обоихъ государствъ противъ казаковъ, высказывались и въ Запорожьи, и мы видѣли, что Запорожцы и всѣ вообще казаки поведеніемъ своимъ спѣшили заставить Московское правительство дѣйствительно смотрѣть враждебно на казачество. Легко понять, какое впечатлѣніе должно было произвести въ Москвѣ извѣстіе объ убійствѣ крымскихъ гонцовъ и потомъ объ убійствѣ Ладыженскаго и о волненіяхъ въ цѣлой Украйнѣ, а Брюховецкій писалъ, чтобы великій государь простилъ Запорожцевъ: иначе будетъ плохо! Понятно, что послѣ этого въ Москвѣ не могли встрѣчать казацкихъ посланцовъ съ улыбающимся лицомъ и распростертыми объятіями. Такъ, присланный гетманомъ бунчужный пробылъ въ Москвѣ только три дня, государевыхъ очей не видалъ, отпущенъ ни-съ-чѣмъ, и, возвратясь, разсказывалъ, будто Ординъ-Нащокинъ, отпуская его, сказалъ: „Пора уже васъ къ Богу отпущать!“ Аѳанасій Лаврентьевичъ, какъ человѣкъ порядка, любитель крѣпкой власти, дѣйствительно былъ не охотникъ до казаковъ, и казакамъ онъ былъ особенно непріятенъ и страшенъ, какъ виновникъ Андрусовскаго перемирія, сближенія Москвы съ Польшею, виновникъ того, что ненавистной шляхтѣ, лишенной казаками земель въ Украйнѣ, государь пожаловалъ милліонъ въ вознагражденіе; казакамъ представлялось, что Нащокинъ докончитъ свое дѣло, и вотъ между ними понесся слухъ, что Нащокинъ идетъ въ Малороссію съ большимъ войскомъ: — и какого добра ждать казакамъ отъ Нащокина?

Но всѣ эти опасенія, слухи и волненія между казаками не могли бы имѣть важныхъ послѣдствій на восточномъ берегу Днѣпра, если бы въ челѣ движенія противъ Москвы не сталъ самъ бояринъ и гетманъ, царскаго престола нижайшая подножка. Что же заставило боярина превратиться вдругъ въ казака, прямо выразить свое сочувствіе Стенькѣ Разину?

Врагъ Брюховецкаго, епископъ Меѳодій, находился въ Москвѣ въ 1666 и началѣ 1667 года, по Никоновому дѣлу. Поведеніе Меѳодія въ Кіевѣ по вопросу о митрополитѣ и ожесточенная вражда его къ гетману, столь противная спокойствію Малороссіи и государственнымъ въ ней интересамъ, не могли не ослабить того расположенія, какимъ прежде пользовался епископъ въ Москвѣ. Хотя опытъ и долженъ былъ научить здѣсь не вѣрить всѣмъ доносамъ, приходившимъ изъ Малороссіи, однако постоянныя и сильныя обвиненія боярина и гетмана также не могли остаться безъ дѣйствія. Меѳодій увидалъ перемѣну: чести ему прежней не было, попросилъ онъ однажды соболей — соболей не дали, и, при отпускѣ въ Малороссію, строго наказали не продолжать смуты, помириться съ гетманомъ. Въ сильномъ раздраженіи выѣхалъ преосвященный изъ Москвы, направляя путь въ Гадячъ, столицу гетманскую. Здѣсь уже знали о выѣздѣ Меѳодія изъ Москвы; страшно стало боярину и гетману; и вотъ станица знатныхъ казаковъ помчалась изъ Гадяча въ Смѣлую, мастность Кіевопечерскаго монастыря, гдѣ жилъ въ это время самъ отецъ архимандритъ, Иннокентій Гизель; казаки везли приглашеніе архимандриту пріѣхать въ Гадячъ,—боярину и гетману очень нужно съ нимъ видѣться. Гизель испугался, жилъ онъ съ гетманомъ въ большихъ неладахъ; но дѣлать нечего: не поѣдетъ, такъ казаки неволею повезутъ,—поѣхалъ.—„За что это вы на меня сердитесь и Печерской святой великой лаврѣ за меня Бога не молите?“ встрѣтилъ Брюховецкій Гизеля.—„Зла тебѣ мы никакого не хотимъ“, отвѣчалъ тотъ, „а неласку твою видимъ: многократно мы писали къ тебѣ съ великимъ прошеніемъ слезнымъ, что казаки лавру нашу Печерскую разоряютъ, въ маетностяхъ подданныхъ бьютъ; коней и воловъ, и всякій товаръ и хлѣбъ грабятъ, меня и братью мою, иноковъ, людей честныхъ безчестятъ, бьютъ; ты учинилъ немилосердіе, писаніе и слезное наше прошеніе презрѣлъ, и за такую къ Святой обители неласку твою мы за тебя Бога не молили“.—„Правда“, сказалъ Брюховецкій, „казаки надѣлали много зла Святой обители; я имъ вѣрилъ, а теперь вѣрить не стану. Слышу, что ѣдетъ изъ столицы епископъ Меѳодій; до сихъ поръ было у насъ тихо, а какъ пріѣдетъ, то не будетъ ли намъ лиха? Поговори-ка ему, отецъ архимандритъ, чтобы онъ со мною помирился, зло укротилъ и жилъ въ совѣтѣ, чтобы во всемъ Малороссійскомъ краю люди жили въ покоѣ и великому государю нашему чистыми сердцами работали“.

Бояринъ и гетманъ напрасно безпокоился: Меѳодій самъ явился къ нему съ словомъ примиренія,—все старое было забыто, кромѣ старой дружбы, бывшей до 1665 года; и, въ знакъ новой дружбы, дочь епископа сосватана была за племянника гетманскаго. Но гетманъ и епископъ подружились и породнились не для того, чтобы чистыми сердцами работать царскому величеству: Меѳодій передалъ свату все свое неудовольствіе, все свое раздраженіе противъ неблагодарной Москвы; передалъ ему свои наблюденія, свои страхи, что Москва готовитъ недоброе для Малороссіи. Но одними тайными разговорами съ гетманомъ Меѳодій не удовольствовался. Изъ Гадяча поѣхалъ онъ въ свой родной городъ Нѣжинъ, и здѣсь, въ своемъ домѣ, при гостяхъ бранилъ вельможъ и архіереевъ московскихъ; въ черномъ свѣтѣ выставлялъ нравы тамошнихъ людей; клялся, что никогда ноги его не будетъ въ Москвѣ. Тѣ же рѣчи началъ онъ говорить у протопопа, въ присутствіи воеводы царскаго, Ивана Ржевскаго, такъ что воевода счелъ приличнымъ для себя уйти, не дождавшись обѣда. Меѳодій не скрывалъ причину своего неудовольствія на Москву: безчестили его тамъ; соболей и корму, сколько хотѣлъ, не давали. Но Меѳодій, говоря о своей обидѣ, не забывалъ внушать, что обида готовится и всей Малороссіи: „Ординъ-Нащокинъ“, говорилъ онъ, „Ординъ-Нащокинъ идетъ изъ Москвы со многими ратными людьми въ Кіевъ и во всѣ малороссійскіе города, чтобы всѣ ихъ высѣчь и выжечь и разорить безъ остатку“. Рѣчи эти дошли до Тяпкина въ Переяславль; тотъ нарочно прискакалъ въ Нѣжинъ, чтобы спросить у Меѳодія, отъ кого это онъ слышалъ. Епископъ сказалъ отъ кого: „Московскіе торговые люди, которые ѣздятъ съ товарами въ Литву и Польшу и потомъ пріѣзжаютъ въ Малороссію, сказываютъ мѣщанамъ, что бояринъ Аѳанасій Лаврентьевичъ со многими ратными людьми идетъ въ Малую Россію для отдачи Кіева; а къ гетману и ко мнѣ въ грамотахъ великаго государя о Кіевѣ и о малороссійскихъ городахъ не объявлено, и мы съ гетманомъ объ этомъ очень скорбимъ и смущаемся“. Меѳодій далъ знать и въ Москву о слухахъ, что Кіевъ и всѣ украйные города уступлены Ляхамъ; писалъ, что онъ объявляетъ объ этомъ, видя во всемъ народѣ смятеніе и помня къ себѣ великаго государя милость. Шереметевъ, узнавши въ Кіевѣ о рѣчахъ Меѳодія, отправилъ къ нему немедленно голову московскихъ стрѣльцовъ Лопатина сказать, что всѣ слухи, безпокоющіе Малороссіянъ, вздорные. „Великій государь“, говорилъ Лопатинъ, „учинилъ миръ съ королемъ для того, чтобы въ его государской стародавной дѣдичной отчинѣ, въ градѣ Кіевѣ и во всѣхъ малороссійскихъ городахъ всякій человѣкъ въ православіи доброхотно жилъ въ добромъ покоѣ и веселіи. Нынѣ великій государь хочетъ идти въ Кіевъ, поклониться его святынѣ, свою отчину, городъ Кіевъ осмотрѣть, малороссійскіе города и вѣрнаго войска Запорожскаго ратныхъ людей и всѣхъ жителей своимъ пришествіемъ увеселить и вовѣки непоколебимыхъ въ вѣрѣ и подданствѣ учинить; а боярина своего, Аѳанасья Лаврентьевича Ордина-Нащокина, изволилъ въ малороссійскіе города послать напередъ себя, какъ издавна государскій чинъ належитъ: передъ государскимъ походомъ посылаются бояре и думные люди для заготовленія запасовъ и для объявленія всѣмъ о походѣ царскомъ. А что бунчужный написалъ о словахъ боярина Ордина-Нащокина, и то дѣло нестаточное: бояринъ Аѳанасій Лаврентьевичъ человѣкъ умный, государскихъ великихъ дѣлъ положено на немъ множество, и такихъ словъ не только что бунчужному вслухъ говорить, и тайно мыслить не будетъ; такія слова вмѣстилъ какой-нибудь врагъ Креста Господня, сатанинъ угодникъ, ненавистникъ рода христіанскаго. Тебѣ бы, епископу, слыша, что плутишка бунчужный такія слова вмѣстилъ, разговаривать, что ничего такого быть не могло.“

Но эти увѣщанія не дѣйствовали. Меѳодій писалъ Брюховецкому: „Ради Бога, не оплошайся. Какъ вижу, дѣло идетъ не о ремешкѣ, а о цѣлой кожѣ нашей. Чаять того, что честной Нащокинъ къ тому привелъ и приводитъ, чтобы васъ съ нами, взявъ за шею, выдать Ляхамъ. Почему знать, не на томъ ли и присягнули другъ другу: много знаковъ, что объ насъ торгуются. Лучше бы насъ не манили, чѣмъ такъ съ нами коварно поступать! Въ великомъ остерегательствѣ живи, а Запорожцевъ всячески ласкай; сколько ихъ вышло, ими укрѣпляйся, да и города порубежные людьми своими досмотри, чтобы Москва больше не засѣла. Мой такой совѣтъ, потому что утопающій и за бритву хватается; не послать ли тебѣ пана Дворецкаго для какого-нибудь воинскаго дѣла къ царскому величеству,—чтобы онъ сошелся съ Нащокинымъ, вывѣдалъ что-нибудь отъ него, и далъ тебѣ знать; у него и своя бѣда: оболганъ Шереметомъ и сильно жалуется на свое безчестіе. Недобрый знакъ, что Шереметъ самыхъ бездѣльныхъ Ляховъ любовно принимаетъ и ихъ потчиваетъ, а казаковъ, хотя бы какіе честные люди, за лядскихъ собакъ не почитаетъ и похваляется на нихъ, да и съ Дорошенкомъ ссылается! Богъ вѣсть, то все не намъ ли на зло? Надобно тебѣ очень осторожному быть и къ Нащокину не выѣзжать, хотя бы и манилъ тебя. Мнѣ своя отчизна мила: сохрани Богъ, какъ возьмутъ насъ за шею и отдадутъ Ляхамъ или въ Москву поведутъ. Лучше смерть, нежели золъ животъ. Будь остороженъ, чтобы и тебя, какъ покойнаго Барабаша, въ казенную телѣгу замкнувъ, вмѣсто подарка Ляхамъ не отослали!"

Брюховецкій не ограничился одною осторожностію: онъ прямо измѣнилъ, прямо поднялъ возстаніе противъ царя. Но неужели Меѳодій такъ умѣлъ передать свое раздраженіе, свои опасенія Брюховецкому, что тотъ, по однимъ внушеніямъ епископа, рѣшился сдѣлать это? Нѣтъ сомнѣнія, что Меѳодій своими внушеніями приготовилъ гетмана къ измѣнѣ; но окончательно Брюховецкій рѣшился на нее по другимъ, болѣе сильнымъ побужденіямъ. Мы видѣли, какіе замыслы питались на западномъ берегу Днѣпра, въ Чигиринѣ: Дорошенко хотѣлъ быть гетманомъ обѣихъ сторонъ Днѣпра, Тукальскій—митрополитомъ Кіевскимъ и всей Малороссіи. Тукальскій былъ не прочь достигнуть своей цѣли и съ помощію Москвы; и Дорошенко готовъ былъ называться гетманомъ царскаго величества; но старый соумышленникъ Выговскаго не хотѣлъ быть гетманомъ на условіяхъ Брюховецкаго, а другихъ условій теперь трудно было получить отъ Москвы. И вотъ Дорошенко и Тукальскій находятъ средство оторвать восточный берегъ Днѣпра отъ Москвы—съ помощію самого Брюховецкаго. Тукальскій завелъ переписку съ послѣднимъ, сталъ его обнадеживать, что Дорошенко уступитъ ему свою булаву, и такимъ образомъ будетъ онъ, Брюховецкій, гетманомъ обѣихъ сторонъ Днѣпра, но прежде всего онъ долженъ выжить изъ Украйны воеводъ московскихъ, отложиться отъ царя и отдаться подъ покровительство султана. Самъ Дорошенко писалъ, что царь прислалъ къ нему Тяпкина съ призывомъ на гетманство восточной стороны Днѣпра. Брюховецкій не преодолѣлъ искушенія, тѣмъ болѣе что внушенія Меѳодія уже сдѣлали свое дѣло: Брюховецкій, потакая Москвѣ, возбудилъ противъ себя ненависть въ казачествѣ; но какого добра ждать отъ Москвы?—объ этомъ знаетъ епископъ Меѳодій, объ этомъ знаетъ бунчужный; надобно выйти изъ тяжелаго положенія между двумя огнями, между ненавистію казацкою и замыслами московскими,—и средство готово: поднявшись противъ Москвы, противъ воеводъ царскихъ, Брюховецкій пріобрѣталъ расположеніе казаковъ. Дорошенко откажется отъ гетманства, и Иванъ Мартыновичъ засядетъ въ столицѣ Богдана Хмельницкаго.

И вотъ гетманъ шлетъ за полковниками, зоветъ ихъ на тайную раду; въ Ґадячъ съѣхались: Нѣжинскій полковникъ Артема Мартыновъ, возведенный на мѣсто сверженнаго Брюховецкимъ Гвинтовки, Черниговскій—Иванъ Самойловичъ (будущій гетманъ), Полтавскій—Костя Кублицкій, Переяславскій—Димитрій Райча, Миргородскій—Грицко Апостоленко, Прилуцкій—Лазарь Горленко, Кіевскій—Василій Дворецкій. Была рада о томъ: какими мѣрами дѣло начать, какъ выживать Москву изъ малороссійскихъ городовъ. Сначала полковники слушали Брюховецкаго подозрительно, думали, что онъ этими словами искушаетъ ихъ; Брюховецкій замѣтилъ это и поцѣловалъ крестъ,—и полковники ему поцѣловали.

Уже въ концѣ 1667 года между казаками пущена была вѣсть, что Брюховецкій больше не нижайшая подножка царскаго престола,—и волненія начались. Въ Батуринскомъ и Батманскомъ уѣздахъ казаки Переяславскаго полка начали разорять крестьянъ, бить ихъ, мучить, править деньги и всякіе поборы, вслѣдствіе чего уѣздные люди перестали давать деньги и хлѣбъ въ казну царскую. Въ январѣ 1668 года, въ Миргородѣ многіе мѣщане записались въ казаки и отказались платить подати въ казну; пріѣхалъ челядникъ Брюховецкаго и запретилъ мельникамъ давать въ казну хлѣбъ. Въ Сосницѣ нечего было взять съ мѣщанъ и крестьянъ, которые отъ казацкаго разоренья или разбрелись, или сами записались въ казаки. То же самое произошло въ Козелецкомъ уѣздѣ. Въ Прилукахъ, въ большомъ городѣ, стояла на площади вѣстовая пушка; полковой есаулъ велѣлъ пушку взять и поставить въ проѣзжихъ воротахъ, и когда воевода прислалъ солдатъ взять пушку въ верхній городокъ, то есаулъ билъ солдатъ и пушки не далъ. „Мы и изъ верхняго городка всѣ пушки вывеземъ!"—кричалъ онъ; по его же наущенію, всѣ мѣщане и поселяне перестали платить подати, и сборщикамъ нельзя стало появляться въ уѣздахъ,—имъ грозили смертію; казаки грабили мѣщанъ-откупщиковъ, рѣзали имъ бороды, и прямо говорили мѣщанамъ: „Будьте съ нами, а не будете, то вамъ, воеводѣ и русскимъ людямъ, жить всего до масляницы". Въ Нѣжинѣ откупщики были не изъ мѣщанъ, и тѣмъ сильнѣе сердились на нихъ послѣдніе; но здѣшніе мѣщане, довольные воеводою Ржевскимъ, дѣйствовали законнымъ путемъ, послали челобитчиковъ въ Москву, чтобъ государь хотя на одинъ годъ льготою ихъ пожаловалъ для уплаты долговъ. „На арендовый откупъ даны были грамоты самому городу, а теперь стрѣлецъ отпускаетъ изъ наддачи, чиня великую обиду оплаканному мѣсту; утвержденные грамотами доходы на ратушу: вѣсчее, помѣрное, съ продажи лошадей, дегтярная торговля, табакъ и мельницы Авдѣевскія—всѣ эти доходы стрѣлецъ

Спицынъ съ великою налогою выдираетъ. По жалованной грамотѣ, въ случаѣ большой неправды въ судѣ, указано не звать магистрата къ боярину и воеводѣ, но звать въ Москву; а теперь кіевскій приказъ все это разорилъ“.

Но кто былъ виноватъ при тогдашней новости, неопредѣленности отношеній? Челобитчики указали любопытный случай: въ гостяхъ у Троицкаго попа Ильи, нѣжинскій мѣщанинъ Петрушка Сасимовъ учинилъ досадительство невѣдомо какое райцѣ Гаврилѣ Тимоѳееву; райца началъ ему говорить: „Изневажилъ ты жену мою, а теперь и меня изневажаешь,—буду на тебя права просить“. А Петрушка, показавъ ему кукиши, сказалъ: „Вотъ вамъ на ваше право!“ Тутъ былъ бурмистръ Яковъ Ждановъ; обидѣлся онъ такимъ поруганіемъ праву и пошелъ донести объ этомъ въ съѣзжей избѣ воеводѣ. Воевода отдалъ Петрушку на судъ въ ратушу; но Петрушка отправилъ жену въ Кіевъ къ боярину Шереметеву съ челобитьемъ, и тотъ велѣлъ взять въ Кіевъ бурмистра и райцу; сидѣли они въ Приказѣ въ оковахъ больше двухъ недѣль, да за порукою выжили въ Кіевѣ 12 недѣль, суда и очной ставки ни съ кѣмъ не было, а взяли за правежемъ въ съѣзжей избѣ 220 рублей невѣдомо за что.—Изъ Москвы была послана немедленно грамота въ Кіевъ, чтобы Шереметевъ разъяснилъ дѣло, да чтобы не велѣлъ брать въ Кіевъ изъ Нѣжина ратушныхъ людей по челобитьямъ. Нѣжинцы били также челомъ, чтобы государь велѣлъ еще оставить у нихъ воеводу Ржевскаго, потому что онъ человѣкъ добрый, живетъ съ ними, Бога боясь, никакихъ бѣдъ, разоренья и воровства не допускаетъ. И въ то же время били челомъ на Черниговскаго архіепископа Лазаря Барановича, что великую имъ горесть учинилъ,—отнялъ два села.

Въ концѣ января, Шереметеву, въ Кіевъ, дали знать, что въ Чигиринѣ была рада, сошлись—Дорошенко, митрополитъ Тукальскій, Гедеонъ Хмельницкій, полковники, вся старшина, послы крымскіе, монахъ, присланный отъ Меѳодія, и посолъ отъ Брюховецкаго. Дорошенко не вытерпѣлъ и началъ говорить послѣднему: „Брюховецкій человѣченко худой и не породный казакъ; для чего бремя такое великое на себя взялъ и честь себѣ, которой недостоинъ, принялъ? И казаковъ отдалъ русскимъ людямъ со всѣми поборами, чего отъ вѣка не бывало“?—„Брюховецкій это сдѣлалъ поневолѣ,“ отвѣчалъ посланный, „взятъ онъ былъ со всею старшиною въ Москву“. Дорошенко притворился удовлетвореннымъ этимъ отвѣтомъ и со всею старшиною утвердилъ: по обѣ стороны Днѣпра жителямъ быть въ соединеніи, жить особо и давать дань Турскому султану и Крымскому хану, какъ даетъ Волошскій князь; Турки и Татары будутъ защищать казаковъ и вмѣстѣ съ ними ходить на Московскія украйны. Послышался и голосъ монаха Хмельницкаго: „Я всѣ отцовскіе скарбы откопаю и Татарамъ плату дамъ, лишь бы только не быть подъ рукою Московскаго царя и короля Польскаго; хочу я монашеское платье сложить и быть мірскимъ человѣкомъ“. На той же радѣ положили: въ малороссійскихъ городахъ царскихъ воеводъ и ратныхъ людей побить. Были на радѣ и послы отъ Запорожья; они присягнули за свою братью быть подъ властью Дорошенка. Татары уже стояли подъ Чернымъ лѣсомъ: Дорошенко хотѣлъ часть ихъ отправить съ братомъ на Польшу, а съ другою частію идти самъ на московскія украйны.

Когда въ Москвѣ, изъ отписокъ Шереметева, узнали о волненіяхъ въ Малороссіи, то къ Брюховецкому, въ началѣ февраля, пошла царская грамота: „Казаки не даютъ денегъ и хлѣба на раздачу нашимъ служилымъ людямъ; воеводы писали къ тебѣ объ этомъ, а ты не вѣришь и отъ своевольства казаковъ не удерживаешь, въ своихъ воляхъ безстрашно чернь пишутъ въ казаки, а нашихъ ратныхъ людей голодомъ и всякою тѣснотою морятъ, чтобы и остальные отъ нужды разошлись. Гонцы наши малороссійскими городами съ великою нуждою проѣзжаютъ, въ подводахъ имъ отказываютъ, во всемъ чинятся непослушны и безстрашны. Смотрѣть за казаками ваша гетманская обязанность, также полковниковъ и всей старшины, которые многою нашею милостію пожалованы, а преступленія ихъ всѣ забыты. Ты въ письмѣ своемъ называешься вѣрнаго войска гетманъ, и неотлучно житье твое съ казаками, а въ противныхъ дѣлахъ не сдерживаешь; и та вѣрность не противъ обѣщанія, надобно держать ее на дѣлѣ, а не на языкѣ; которые устами чтутъ, а сердца ихъ отстоятъ далече,—такимъ судитъ Богъ. Знатно по такимъ казацкимъ своевольнымъ дѣламъ явное отступленіе не только отъ подданства нашего, но и отъ вѣры христіанской: отступивъ отъ Бога жива и отъ обороны христіанской, предаются бусурманамъ въ вѣчное проклятство. Думаютъ, что Кіевъ будетъ уступленъ въ польскую сторону, и за то, прежде времени, подъ злое бусурманское иго поддаются, а не разсудятъ, что до того времени души христіанскія спаслись бы отъ крови и отъ плѣну бусурманскаго: вѣрнымъ христіанамъ годится ли такое злое убійство брать на свои души? Для обнадеженія христіанскихъ людей и для приведенія къ истинѣ злыхъ, посланъ къ вамъ съ надежнымъ объявленіемъ дворянинъ Желябужскій, который прочтетъ вамъ и полковникамъ договорныя посольскія статьи съ королемъ Польскимъ; вы бы, согласившись съ епископомъ Меѳодіемъ, съ полковниками и старшиною, съѣхались въ одно мѣсто, говорили и малодушныхъ утверждали духомъ кротости, а объ отдачѣ Кіева никакого бы смутнаго помышленія христіанскіе народы не имѣли; дастъ Богъ, дойдетъ впредь миромъ христіанскимъ къ успокоенію безо всякаго оскорбленія. Въ войну, многіе убытки принявъ, украйны мы не отступились! А если малодушные волнуются за то, чтобъ нашимъ воеводамъ хлѣбныхъ и денежныхъ сборовъ не вѣдать, хотятъ взять эти сборы на себя, то пусть будетъ явное челобитье отъ всѣхъ малороссійскихъ жителей къ намъ: мы его примемъ милостиво и разсудимъ, какъ народу легче и Богу угоднѣе. Мы указали сбирать поборы съ черни полковникамъ съ бурмистрами и войтами по ихъ обычаямъ, безъ всякаго оскорбленія, и давать служилымъ людямъ на кормъ и платье, а воеводамъ сборщиковъ отъ себя не посылать. А которыхъ посыльныхъ своихъ съ письмами станешь къ намъ впредь посылать, то выбирай разумныхъ и вѣрныхъ людей, а не такихъ, что твой бунчужный, который, вмѣсто нашей государской милости, ненавистныя дурныя рѣчи въ народъ внесъ".

6-го февраля написана была эта грамота, а 8-го бояринъ и гетманъ уже началъ свое дѣло въ Гадячѣ. Въ этотъ день воевода Огаревъ и полковники московскаго войска, по обычаю, пришли къ гетману на дворъ челомъ ударить. Брюховецкій былъ дома, но не сказался: вышелъ изъ хоромъ карликъ Лучка и сказалъ: „Гетманъ пошелъ молиться въ церковь подъ гору". Огаревъ послалъ деньщика къ церкви провѣдать про гетмана; посланный никого тамъ не нашелъ, и Огаревъ отправился къ обѣдни, а полковники по домамъ. Въ половину обѣдни Брюховецкій присылаетъ за полковникомъ Яганомъ Гульцомъ и говоритъ ему: „Пришли ко мнѣ изъ Запорогъ кошевой атаманъ да полковникъ Соха съ казаками, говорятъ: не любо намъ, что царскіе воеводы въ малороссійскихъ городахъ и чинятъ многіе налоги и обиды; я къ царскому величеству объ этомъ писалъ, но отвѣта не бывало; такъ вы, полковники, изъ городовъ выходите".—„Пошли за воеводою и за моими товарищами", сказалъ на это Нѣмецъ. Брюховецкій сталъ бранить воеводу: „Если вы изъ города не пойдете, то казаки васъ побьютъ всѣхъ!" кричалъ онъ. Нѣмецъ испугался и сказалъ: „А если мы пойдемъ изъ города, то ты не вели насъ бить".— Брюховецкій перекрестилъ лицо и сказалъ: „Отъ казаковъ задоровъ не будетъ, только вы выходите смирно". Гульцъ отправился къ воеводѣ и объявилъ ему о своемъ разговорѣ съ гетманомъ. Воевода пошелъ къ Брюховецкому; тотъ сначала долго не выходилъ, наконецъ вышелъ и сталъ говорить, чтобъ выбирались вонъ изъ города. Огаревъ объявилъ своимъ ратнымъ людямъ, что надобно выходить, потому что противъ казаковъ стоять не съ кѣмъ,—всего московскихъ людей съ 200 человѣкъ, и крѣпости никакой въ городѣ нѣтъ. Русскіе люди собрались и пошли, подходятъ къ воротамъ—заперты, стоятъ у нихъ казаки; Гульца съ начальными людьми выпустили, но стрѣльцовъ, солдатъ и воеводу остановили; Иванъ Бугай бросился на Огарева, казаки—на ратныхъ людей. Воевода съ немногими людьми пробился-было за городъ, но казаки догнали его, догнали и Гульца съ товарищами; тѣ отбивались, сколько было силъ, но казаки одолѣли: 70 человѣкъ стрѣльцовъ и 50 солдатъ пало подъ ножами убійцъ, человѣкъ 30 стрѣльцовъ успѣли уйти изъ города, но перемерзли на дорогѣ, 130 начальныхъ и лучшихъ служилыхъ людей было захвачено казаками въ плѣнъ, воевода Огаревъ раненъ въ голову и положенъ лѣчиться къ протопопу, лѣкаремъ былъ цирюльникъ; не пощадили и жену воеводы,—въ поруганіи водили ее простоволосую по городу, и, отрѣзавъ одну грудь, отдали въ богадѣльню. Покончивъ съ Москвою у себя въ Гадячѣ, Брюховецкій разослалъ листы по всѣмъ другимъ городамъ, съ увѣщаніемъ послѣдовать его примѣру: „Не съ нашего единаго, но съ общаго всей старшины совѣта учинилось, что мы отъ руки и пріязни московской отлучились, по важнымъ причинамъ. Послы московскіе съ польскими коммисарами присягою утвердились съ обѣихъ сторонъ разорять Украйну, отчизну нашу милую, истребивъ въ ней всѣхъ жителей, большихъ и малыхъ; для этого Москва дала Ляхамъ на наемъ чужеземнаго войска четырнадцать милліоновъ денегъ. О такомъ зломъ намѣреніи непріятельскомъ и ляцкомъ узнали мы чрезъ Духа Свят. Спасаясь отъ погибели, мы возобновили союзъ съ своею братьею. Мы не хотѣли выгонять саблею Москву изъ городовъ украинскихъ, хотѣли въ цѣлости проводить до рубежа; но Москали сами закрытую въ себѣ злость объявили, не пошли мирно дозволенною имъ дорогою, но начали-было войну; тогда народъ всталъ и сдѣлалъ надъ ними то, что они готовили намъ: мало ихъ ушло живыхъ! Прошу васъ, именемъ цѣлаго войска Запорожскаго, пожелайте и вы цѣлости отчизнѣ своей Украйнѣ, промыслите надъ своими домашними непріятелями, т.-е. Москалями, очищайте отъ нихъ свои города; не бойтесь ничего, потому что съ братьею нашею той стороны желанное намъ учинилось согласіе, если нужно будетъ, не замедлятъ вамъ помочь, также и Орда въ готовности, хотя не въ большой силѣ, на той сторонѣ".

Пошла изъ Гадяча грамота и на Донъ: „Обманъ ляцкій и злоба развращенная правовѣрныхъ бояръ едва меня и все войско Запорожское въ густо связанныя сѣти не уловили; жалуюсь на нихъ передъ вами, братьями моими, и передъ всѣмъ главнымъ рыцарскимъ войскомъ, подавая вамъ къ разсужденію сію вещь: праведно ли Москва сотворила; что съ древними главными врагами православнаго христіанства, Ляхами, побратався, постановили православныхъ христіанъ, на Украйнѣ живущихъ, всякаго возраста, и малыхъ отрочатъ мечемъ выгубить, слобожанъ, захвативъ, какъ скотъ, въ Сибирь загнать, славное Запорожье и Донъ разорить и вконецъ истребить, чтобы на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ православные христіане отъ кровавыхъ трудовъ питаются, стали дикія поля, звѣрямъ обиталища, да чтобы здѣсь можно было селить иноземцевъ изъ оскудѣлой Польши. Бояре московскіе, помогая разореннымъ Ляхамъ, дали имъ четырнадцать милліоновъ денегъ и вѣчную дружбу присягою утвердили не для чего иного, думаю, какъ для того только, чтобъ выбиться изъ-подъ царской руки, чтобы могли, какъ въ Польшѣ, ляцкимъ обычаемъ, и городами владѣть, потому что въ Польшѣ сенаторы всѣ королями, и одного господиномъ имѣть не хотятъ; поэтому всѣхъ невинныхъ людей и начальника, Богомъ даннаго, къ нищетѣ и хлопотамъ приводятъ, а наконецъ и сами къ пагубѣ приходятъ. Мы великому государю добровольно безъ всякого насилія поддались потому только, что онъ царь православный; а московскіе царики, бояре безбожные, усовѣтовали присвоить себѣ насъ въ вѣчную кабалу и неволю; но всемогущая Божія десница, уповаю, освободитъ насъ. Подаю вамъ къ разсужденію: Москва, взявши перемирье съ Ляхами, Жидовъ и другихъ иновѣрцевъ плѣнныхъ, которые покрестились и поженились на Москвѣ, отпускала въ Польшу; а тѣ, какъ только вышли изъ Москвы, Крестъ Святой бросили и стали держать вѣру своимъ древнимъ поганымъ обычаемъ: праведно ли это? А нашу братью, православныхъ христіанъ, никакъ освободить не хотятъ, но еще въ бо́льшую кабалу и бѣду ведутъ. Жестокостію своею превосходятъ они всѣ поганые народы, о чемъ свидѣтельствуетъ самое поганское ихъ дѣло: верховнѣйшаго пастыря своего, святѣйшаго отца патріарха, свергли, не желая быть послушными его заповѣди; онъ ихъ училъ имѣть милость и любовь къ ближнимъ, а они его за это заточили: святѣйшій отецъ наставлялъ ихъ, чтобы не присовокуплялись къ латинской ереси, но теперь они приняли унію и ересь латинскую, ксендзамъ въ церквахъ служить позволили. Москва уже не русскимъ, но латинскимъ письмомъ писать начала; города, которые казаки, саблею взявши, Москвѣ отдали, Ляхамъ возвращены и въ нихъ началось уже гоненіе на православныхъ. Вы, братья моя милая, привыкли при славѣ, побѣдѣ и вольности пребывать: порадѣйте, господа, о золотой вольности, при которой всѣ богатства Богъ подаетъ, и не прельщайтесь обманчивымъ московскимъ жалованьемъ. Остерегаю васъ: какъ только насъ усмирятъ, станутъ промышлять объ искорененіи Дона и Запорожья. Ихъ злое намѣреніе уже объявилось: въ недавнее время подъ Кіевомъ въ городахъ Броворахъ, Гоголевѣ и другихъ всѣхъ жителей вырубили, не пощадивъ и малыхъ дѣтокъ. Прошу вторично и остерегаю: не прельщайтесь ихъ несчастною казною, но будьте въ братскомъ единомысліи съ господиномъ Стенькою, какъ мы находимся въ неразрывномъ союзѣ съ Заднѣпровскою братьею нашею".

Донъ не тронулся на призывъ Брюховецкаго, ибо, къ счастію для Москвы, силы голутьбы съ „господиномъ Стенькою" были отвлечены на востокъ; но казачество Малороссійской украйны поднялось противъ государевыхъ ратныхъ людей. Еще 25-го января Черниговскій полковникъ Иванъ Самойловичъ (будущій гетманъ) съ казаками и мѣщанами осадилъ въ маломъ городѣ царскаго воеводу Андрея Толстого, покопавъ кругомъ шанцы. 1-го февраля къ Толстому явился священникъ съ предложеніемъ отъ Самойловича выйти изъ города, потому что гетманъ Брюховецкій со всею Украйною отложился отъ государя, присягнулъ хану Крымскому и Дорошенку. Въ отвѣтъ, Толстой сдѣлалъ вылазку, зажегъ большой городъ, побилъ много осаждающихъ и взялъ знамя. 16-го февраля воеводѣ подали грамоту отъ самого гетмана. Бояринъ и гетманъ царскаго величества писалъ пріятелю своему Толстому, что все вѣрное войско Запорожское и весь міръ украинскій умыслили изо всѣхъ городовъ выпроводить государевыхъ ратныхъ людей, потому что они жителямъ великія кривды и несносныя обиды починили; Брюховецкій предлагалъ также пріятелю своему выйти изъ Чернигова, оставивши нарядъ, по примѣру воеводъ—Гадяцкаго (?), Полтавскаго и Миргородскаго. Толстой не принялъ пріятельскаго предложенія. Воеводы Сосницкій—Лихачевъ, Прилуцкій—Загряжскій, Батуринскій—Клокачевъ, Глуховскій—Кологривовъ были взяты казаками. Въ Стародубѣ погибъ воевода князь Игнатій Волконскій, когда городъ былъ взятъ казацкими полковниками—Сохою и Вороною. Въ Новгородѣ-Сѣверскомъ сидѣлъ воевода Исай Квашнинъ; нѣсколько разъ присылали къ нему казаки съ предложеніемъ выйти изъ города. „Умру, а города не отдамъ", отвѣчалъ воевода. 29-го февраля, на разсвѣтѣ явились къ нему три сотника съ тѣмъ же предложеніемъ; Квашнинъ велѣлъ убить посланныхъ; разсвирѣпѣвшіе казаки полѣзли на приступъ и взяли городъ, но воевода, прежде чѣмъ самъ былъ сраженъ пулею изъ мушкета, отправилъ на тотъ свѣтъ болѣе десяти казаковъ Разсказывали, что Квашнинъ хотѣлъ убить свою жену, ударилъ ее саблею по уху и по плечу, но ударъ не былъ смертельный: судьба жены воеводской въ Гадячѣ объясняетъ поступокъ Квашнина. Къ Переяславлю и Нѣжину казаки дѣлали по два приступа; но понапрасну. Къ Остру приступилъ полковникъ Василій Дворецкій, но не могъ взять города, благодаря помощи, присланной изъ Кіева Шереметевымъ. Но положеніе самого Шереметева было незавидное. Донося, что въ Острѣ, Переяславлѣ, Нѣжинѣ и Черниговѣ ратные люди храбро отбиваются отъ казаковъ, Шереметевъ писалъ государю: „Только въ городахъ скудость большая хлѣбными запасами,—бѣда, если засидятся долго! Измѣнники вездѣ поставили заставы крѣпкія, въ Кіевъ и изъ Кіева мѣщанъ для покупки хлѣбной никуда не пропускаютъ, и если возьмутъ Остеръ, то Кіеву еще больше тѣсноты будетъ. Въ Кіевѣ въ казнѣ денегъ нѣтъ ничего, и хлѣбныхъ запасовъ скудость великая, на мартъ мѣсяцъ мы роздали хлѣба ратнымъ людямъ вполовину меньше прежняго, апрѣль кой-какъ прокормили съ большою нуждою, а потомъ, если лошадей станутъ ѣсть, то больше какъ на два мѣсяца не хватитъ. Дорошенко дожидается Татаръ и сейчасъ съ ними нагрянетъ подъ Кіевъ, а у насъ ратныхъ людей мало, да и тѣ наги, голодны и скудны вконецъ, многіе дня по три и по четыре не ѣдятъ, а Христовымъ именемъ никто не дастъ".

Въ это время въ Варшавѣ находился Московскій посланникъ Акинѳовъ. Узнавъ о малороссійскихъ событіяхъ, онъ потребовалъ у сенаторовъ, чтобы, согласно съ условіями, король высылалъ свое войско на бунтовщиковъ на помощь войскамъ царскимъ. „Обманы ихъ казачьи намъ уже знакомы“, отвѣчали сенаторы: „и теперь писалъ Дорошенко къ гетману Собѣскому, чтобы войскъ коронныхъ король посылать не велѣлъ, а онъ, Дорошенко, сдѣлаетъ такъ, что обѣ стороны Днѣпра будутъ за королемъ. Но это явный обманъ: будто королевскому величеству радѣетъ, а самъ Турку уже давно поддался; также и той стороны казаковъ бунтуетъ, чтобы и ихъ поддать Турку. Поэтому надобно хана теперь какъ-нибудь приласкать, чтобъ онъ къ нимъ не присталъ. Король послалъ универсалы къ гетманамъ короннымъ и литовскимъ, чтобы собирали войска и ссылались съ царскими воеводами“. Литовскій гетманъ Пацъ говорилъ присланному къ нему подьячему Полкову: „Надобно обоимъ великимъ государямъ, совокупя войска, высѣчь и выжечь всѣхъ измѣнниковъ Черкасъ, чтобы мѣста ихъ были пусты, потому что они обоимъ государямъ присяги никогда не додерживаютъ, да и впередъ отъ нихъ никогда добраго не чаять; а что они султану Турецкому поддались, то султану ежегодно защищать ихъ за дальностію трудно, а царскому и королевскому величеству ихъ, собакъ, сгубить можно“. Самъ Янъ-Казиміръ писалъ царю, что онъ велѣлъ гетману коронному вести свои войска для соединенія съ войсками царскими, и просилъ, чтобы часть русскихъ полковъ переправилась на западную сторону Днѣпра, ибо надобно опасаться Волоховъ. Все ограничилось одними обѣщаніями со стороны Польши; надобно было управляться своими силами. Въ апрѣлѣ царскіе воеводы, князь Константинъ Щербатый и Иванъ Вихаревъ, поразили казаковъ подъ Почепомъ, въ іюнѣ—подъ Новгородомъ-Сѣверскимъ, и на возвратномъ пути къ Трубчевскому разорили много селъ и деревень верстъ по двацати около дороги. Князь Григорій Григорьевичъ Ромодановскій облегъ своими войсками города Котельву и Опошню.

Что же Брюховецкій? Ему было не до Ромодановскаго. Полковники восточной стороны не любили его и прежде, а теперь еще болѣе возненавидѣли, потому что онъ окружилъ себя запорожскою чернью и далъ ей волю: Запорожцы что хотѣли по городамъ, то и творили. Полковники призывали Дорошенка; тотъ, вмѣстѣ съ Тукальскимъ, послалъ сказать Брюховецкому, чтобъ привезъ свою булаву къ нему и поклонился, а себѣ взялъ бы Гадячъ съ пригородами по смерть. Разсвирѣпѣлъ обманутый Брюховецкій, сейчасъ же порвалъ всѣ сношенія съ Чигириномъ, началъ хватать Дорошенковыхъ казаковъ и отправилъ посланцовъ въ Константинополь, поддаваясь султану. 2-го апрѣля пріѣхали въ Адріанополь, гдѣ жилъ тогда султанъ Магометъ, полковникъ Григорій Гамалея, писарь Лавринко, обозный Безпалый, и били челомъ, чтобъ гетману Брюховецкому и всѣмъ Черкасамъ быть подъ султановою рукою въ вѣчномъ подданствѣ, только бы съ Черкасъ никакихъ поборовъ не брать, да указалъ бы султанъ оберегать ихъ отъ царя Московскаго и отъ короля Польскаго. Въ Гадячъ явилась толпа Татаръ, подъ начальствомъ Челибея, для принятія присяги. Брюховецкій долженъ былъ дать гостямъ 7,000 золотыхъ червонныхъ, а Челибею подарилъ рыдванъ съ конями и коврами, да двухъ дѣвокъ русскихъ. Вмѣстѣ съ Татарами выступилъ Брюховецкій изъ Гадяча противъ государевыхъ ратныхъ людей и остановился подъ Диканькою, ожидаясь съ полками своими, какъ вдругъ пришла вѣсть о приближеніи Дорошенка. Кручина взяла Ивана Мартыновича: онъ сталъ просить Татаръ, чтобы велѣли Дорошенку удалиться на свою сторону. Но Татары не вступились въ дѣло и спокойно дожидались, чѣмъ оно кончится. Сперва явились къ Брюховецкому десять сотниковъ съ прежнимъ предложеніемъ отъ Дорошенка отдать добровольно булаву, знамя, бунчукъ и нарядъ. Брюховецкій прибилъ сотниковъ, сковалъ и отослалъ въ Гадячъ; но на другой день показались полки Дорошенковы, и, какъ скоро казаки обѣихъ сторонъ соединились, раздался крикъ между старшиною и чернью: „Мы за гетманство биться не будемъ! Брюховецкій намъ добраго ничего не сдѣлалъ, только войну и кровопролитіе началъ!“ И тотчасъ побѣжали грабить возы восточнаго гетмана. Дорошенко послалъ сотника Дрозденка схватить Брюховецкаго и привести къ себѣ. Иванъ Мартыновичъ сидѣлъ въ палаткѣ своей, въ креслахъ, когда вошелъ Дрозденко и взялъ гетмана подъ руку; но тутъ запорожскій полковникъ Иванъ Чугуй, вѣрный пріятель Брюховецкаго, безотлучно находившійся при немъ съ начала его гетманства, ударилъ Дрозденка мушкетнымъ дуломъ въ бокъ такъ, что тотъ упалъ на землю. Это однако не спасло Брюховецкаго: толпа казаковъ восточной стороны, съ криками и ругательствами, ворвалась въ шатеръ, схватила гетмана и потащила его къ Дорошенку.—„Ты зачѣмъ ко мнѣ такъ жестоко писалъ и не хотѣлъ добровольно булавы отдать“? спросилъ его Дорошенко. Брюховецкій не промолвилъ ни слова. Не добившись никакого отвѣта, Дорошенко далъ знакъ рукою—и толпа бросилась на несчастнаго, начали рѣзать на немъ платье, бить ослопьемъ, дулами, чеканами, рогатинами, убили, какъ бѣшеную собаку, и бросили нагого. Чугуй храбро защищалъ его и тутъ, но ничего не могъ сдѣлать одинъ съ немногими товарищами. Дорошенко увѣрялъ Чугуя, что вовсе не желалъ смерти Брюховецкаго. Его самого чуть-было не постигла та же участь: вечеромъ казаки обѣихъ сторонъ, подпивши, зашумѣли, стали кричать, что надобно убить и Дорошенка: тотъ едва утишилъ ихъ, выкативши нѣсколько бочекъ горѣлки, а ночью со всею старшиною выѣхалъ для осторожности на край обоза. Тѣло Брюховецкаго велѣлъ онъ похоронить въ Гадячѣ, въ построенной имъ церкви (іюнь 1668).

Покончивъ съ соперникомъ и провозгласивши себя гетманомъ обѣихъ сторонъ Днѣпра, Дорошенко двинулся въ Котельвѣ, которую осаждалъ бояринъ князь Григорій Григорьевичъ Ромодановскій. Воевода отступилъ, Дорошенко его не преслѣдовалъ и возвратился въ Чигиринъ, взявши имѣніе Брюховецкаго и армату войсковую (сто десять пушекъ), пограбивши всѣхъ, на которыхъ ему указали, какъ на богатыхъ людей. Москва, вслѣдствіе измѣны Брюховецкаго, потеряла 48 городовъ и мѣстечекъ, занятыхъ Дорошенкомъ, 144,000 рублей денегъ, 141,000 четвертей хлѣбныхъ запасовъ, 183 пушки, 254 пищали, 32,000 ядеръ, пожитковъ воеводскихъ и ратныхъ людей на 74,000. На восточной сторонѣ Дорошенко оставилъ наказнымъ гетманомъ Черниговскаго полковника Демьяна Игнатовича Многогрѣшнаго. Но какъ скоро гетманъ покинулъ восточный берегъ, то здѣсь повторилось то же самое явленіе, какое мы видѣли послѣ Конотопа и Чуднова: восточная сторона потянула къ Москвѣ; князь Ромодановскій собрался съ значительными силами и началъ наступательное движеніе; наказной Сѣверскій гетманъ, какъ назывался Многогрѣшный, не имѣлъ силъ ему противиться, да и подъ чьимъ знаменемъ онъ сталъ бы оказывать это сопротивленіе? Сначала онъ послалъ къ Дорошенку съ просьбою о помощи, но получилъ отвѣтъ: „Пусть сами обороняются"! Ромодановскій взялъ приступомъ новое мѣсто въ Черниговѣ; не надѣясь спасти стараго мѣста, Многогрѣшный вступилъ въ переговоры съ царскимъ воеводою. 25-го октября пріѣхали въ Москву Нѣжинскій протопопъ Симеонъ Адамовичъ, братъ наказнаго гетмана, Василій Многогрѣшный, да бывшій Нѣжинскій полковникъ Матвѣй Гвинтовка. Они объявили, что князь Ромодановскій отправилъ ихъ вмѣстѣ съ сеунщиками, сыномъ своимъ, княземъ Андреемъ Скуратовымъ. Толстымъ изъ обоза, изъ-за Бѣлой Вежи; но на дорогѣ напали на нихъ Татары и захватили въ плѣнъ сына Ромодановскаго съ товарищами. Малороссіянъ стали разспрашивать порознь: Гвинтовка сказалъ, что до измѣны Брюховецкаго сидѣлъ онъ у него въ Гадячѣ скованъ, а на его мѣсто былъ поставленъ въ полковники Артема Мартыновъ: когда начали государевыхъ людей побивать, то его, Гвинтовку, перевели въ Нѣжинъ за карауломъ: а когда Брюховецкаго убили, то его освободили: въ то же время въ Веприкѣ освободили изъ заключенія Василія Многогрѣшнаго, который сидѣлъ въ тюрьмѣ за то, что жену свою побилъ, и та съ побоевъ умерла. Оба—Гвинтовка и Василій Многогрѣшный—поѣхали въ мѣстечко Седнево къ гетману Демьяну Многогрѣшному и стали ему говорить, чтобы учинился въ подданствѣ у царскаго величества попрежнему. Демьянъ обрадовался этому совѣту и опустилъ ихъ въ полкъ къ князю Ромодановскому; въ той же думѣ съ ними былъ и Стародубскій полковникъ Петръ Рословченко. Когда они пріѣхали къ Ромодановскому, то между нимъ и Демьяномъ пошли пересылки, и кончилось дѣло тѣмъ, что Демьянъ и Рословченко, въ присутствіи двоихъ московскихъ полковниковъ, присланныхъ Ромодановскимъ, поцѣловали крестъ, а потомъ въ городѣ Дѣвицѣ Демьянъ имѣлъ свиданіе съ Ромодановскимъ. Гвинтовка прибавилъ къ своимъ показаніямъ: „Слышалъ я отъ полковниковъ, Демьяна и Рословченка и отъ иныхъ, чтобы у нихъ впередъ въ войскѣ гетманъ былъ данный отъ царскаго величества, а не избранный казаками; если государевы ратные люди станутъ подъ черкаскіе города подступать и промыслъ чинить, то города всѣ станутъ сдаваться"

Разсказавши свои похожденія, Гвинтовка и Василій Многогрѣшный объявили, что Демьянъ Многогрѣшный и Рословченко приказывали имъ накрѣпко домогаться царской милостивой обнадеживательной грамоты, да особо отъ патріарха Московскаго прощальной грамоты въ нарушеніи крестнаго цѣлованія. Какъ скоро они возвратятся къ Демьяну и Рословченку, то немедленно къ царскому величеству придутъ казацкіе послы, чтобы государь изволилъ быть у нихъ гетману русскому съ войскомъ, и стоять ему въ Коробовѣ, а казаки будутъ кормить царское войско всякимъ довольствомъ. Доходы бы государь указалъ собирать съ полковъ оптомъ, а не такъ, какъ до сего времени было: у кого и не было,—и на тѣхъ правили; а они сами между собою обложатся, что съ котораго полка дать; обо всѣхъ этихъ статьяхъ Демьянъ и Рословченко уже говорили съ княземъ Ромодановскимъ.

Въ то время какъ Многогрѣшный и Гвинтовка разсказывали въ Москвѣ такія пріятныя новости, приходитъ грамота отъ Черниговскаго архіепископа Лазаря Барановича, изъ которой нельзя было заключить о такой безусловной покорности наказнаго гетмана и о желаніи видѣть надъ собою русскаго гетмана, даннаго царскимъ величествомъ. Мы видѣли, что Лазарь былъ одно время блюстителемъ Кіевской митрополіи и былъ смѣненъ въ этомъ званіи Меѳодіемъ. Чтобы понять характеръ политической дѣятельности Лазаря, надобно припомнить, за какіе главные интересы шла борьба въ странѣ. Мы видѣли, что интересъ войска или казачества рознился съ интересомъ городоваго народонаселенія. Старшина казацкая стремилась къ тому, чтобъ вся власть находилась въ ея рукахъ и чтобы надъ нею было какъ можно менѣе надзора со стороны государства; отсюда сильное нежеланіе видѣть царскихъ воеводъ въ городахъ малороссійскихъ. Иначе смотрѣло на дѣло городское народонаселеніе: ему тяжело приходилось отъ казаковъ и полковниковъ ихъ, и потому оно искало защиты у царскихъ воеводъ и отъ враговъ внѣшнихъ и отъ насилій полковничьихъ. Духовенство относительно этихъ двухъ стремленій не могло сохранить единства взгляда; взглядъ архіереевъ, властей, былъ отличенъ отъ взгляда городскаго бѣлаго духовенства. Архіереи сочувствовали стремленію старшины казацкой: для нихъ важно было, чтобы страна удержала какъ можно болѣе самостоятельности въ отношеніи къ Московскому государству, ибо эта самостоятельность условливала ихъ собственное независимое положеніе. Оставаться въ номинальной зависимости отъ Константинопольскаго патріарха, а не подчиняться патріарху Московскому, который не захочетъ ограничиться одною тѣнью власти: — вотъ что было главнымъ желаніемъ малороссійскихъ архіереевъ; интересы ихъ, слѣдовательно, были тождественны съ интересами старшины казацкой. Напротивъ, городское бѣлое духовенство, по самому положенію своему тѣсно связанное съ горожанами, раздѣляло стремленія послѣднихъ, и это не случайность, что протопопъ городскаго собора, лицо тогда очень важное, является въ Москвѣ представителемъ горожанъ, доноситъ великому государю о ихъ жежеланіи видѣть у себя воеводъ. Съ такимъ характеромъ мы видѣли Нѣжинскаго протопопа Максима Филимонова; теперь съ такимъ же характеромъ является другой протопопъ, Симеонъ Адамовичъ. Но архіерей Черниговскій, Лазарь Барановичъ, и прежде являлся въ глазахъ Московскаго правительства человѣкомъ, холоднымъ къ его интересамъ, и теперь, принимая на себя роль посредника, примирителя, онъ хлопочетъ однако о томъ, чтобы требованія старшины казацкой относительно вывода воеводъ были исполнены. Лазарь умолялъ царя простить преступныхъ казаковъ: „Аще есть родъ строптивъ и преогорчевая, но ему же со усердіемъ похощетъ работати, не щадя живота работаетъ. Ляхи подъ Хотиномъ и на различныхъ бранѣхъ силою ихъ преславная содѣлаша: родъ сицевъ, иже свободы хощетъ, воинствуетъ не нуждою, но по воли; Ляхи къ каковой тщетѣ пріидоша, егда ихъ войско Запорожское остави? Нынѣ видятъ и различными образы ихъ утверждають, но большее усердіе ихъ къ вашему царскому пресвѣтлому величеству, но отъ однихъ воеводъ, съ ратными людьми въ городѣхъ будучихъ, скорбятъ, и весь міръ, сущимъ воеводамъ въ городахъ украинныхъ, однѣ въ Литву, а иные въ Польшу итить готовы, подущеніе всегдашнее отъ варваръ имѣютъ; свободою убо, ею же Христосъ насъ свободи, помазанниче Божій, пресвѣтлый царю, ихъ свободи, да стоятъ на свободѣ ихъ укрѣпи, да истинно тебѣ поработаютъ и отъ варваръ отлучатся всяко! На знаменіе обращенія своего Демко Игнатовичъ гетманъ Сѣверскій плѣненныхъ отпущаетъ. Яко жена кровоточивая егда коснуся края ризъ Христовыхъ, ста токъ крови ея: сице егда войско Запорожское со смиреніемъ припадаетъ и касается края ризъ вашего пресвѣтлаго царскаго величества, чаю, яко станетъ токъ крови“. Барановичъ переслалъ въ Москву письмо къ себѣ Многогрѣшнаго, гдѣ высказаны были условія, на которыхъ казаки могли снова подчиниться царю: „Посовѣтовавъ съ полками сей стороны Днѣпра, при какихъ вольностяхъ хотимъ быть, вѣдомо чиню, пишетъ Многогрѣшный, когда великій государь насъ, своихъ подданныхъ, захочетъ при прежнихъ вольностяхъ покойнаго, славныя памяти, Богдана Хмельницкаго, въ Переяславлѣ утвержденныхъ, сохранить и нынѣшнихъ ратныхъ людей своихъ изъ городовъ нашихъ всѣхъ Переяславля, Нѣжина, Чернигова - вывесть, тогда изволь ваше преосвященство написать царскому величеству: буде насъ по милости своей приметъ, вольности наши сохранитъ и, что учинилось за подущеньемъ Брюховецкаго, проститъ (а то учинилось отъ насилія воеводъ и отнятія вольности войска Запорожскаго), то я готовъ съ полками сей стороны Днѣпра царскому величеству поклониться и силы наши туда обратить, куда будетъ указъ царскій. Если же царское величество нашею службою возгнушается, то мы при вольностяхъ нашихъ умирать готовы; если воеводы останутся, то хотя одинъ на другомъ помереть, а ихъ не хотимъ.“— Въ отвѣтъ на всѣ эти грамоты, къ Барановичу и Многогрѣшному отправлены были въ ноябрѣ грамоты изъ Москвы: государь объявлялъ прощеніе казакамъ и удостовѣрялъ ихъ въ своей милости; никакихъ условій или болѣе опредѣленныхъ обѣщаній не было.

Но въ то время, какъ Лазарь Барановичъ принялъ на себя посредничество между казаками и великимъ государемъ, чтò дѣлалъ другой архіерей, бывшій до сихъ поръ на первомъ планѣ, Меѳодій, блюститель митрополіи Кіевской? Онъ также обманулся въ своихъ разсчетахъ, какъ и сватъ его Брюховецкій, гибель котораго неминуемо влекла за собою и бѣду Меѳодію; ибо если Дорошенко не могъ терпѣть подлѣ себя Брюховецкаго, то Іосифъ Тукальскій не могъ терпѣть Меѳодія. Сперва держали его за карауломъ въ разныхъ мѣстахъ на восточномъ берегу, потомъ перевезли за Днѣпръ и посадили въ Чигиринскомъ монастырѣ. Сюда прислалъ къ нему Тукальскій отобрать архіерейскую мантію: „Недостоинъ ты быть въ епископахъ, потому что принялъ рукоположеніе отъ Московскаго митрополита“, велѣлъ сказать ему Іосифъ. Изъ Чигирина перевезли его въ Уманьскій монастырь; но здѣсь онъ напоилъ караульныхъ монаховъ и ушелъ въ Кіевъ. По пріѣздѣ въ этотъ городъ, первымъ его дѣломъ было обвинить передъ бояриномъ Шереметевымъ кіевскихъ архимандритовъ и игуменовъ въ сношеніяхъ съ Дорошенкомъ, Тукальскимъ и Брюховецкимъ; архимандритъ Печерскій, Иннокентій Гизель отвѣчалъ на допросъ, что Брюховецкій присылалъ за нимъ для того, чтобы онъ помирилъ его съ Меѳодіемъ, пріѣзда котораго гетманъ опасался. Оправдывая себя, Гизель разсказалъ, какъ Меѳодій въ Нѣжинѣ безчестилъ вельможъ и архіереевъ московскихъ. На обвиненіе въ сношеніяхъ съ Дорошенкомъ, Гизель отвѣчалъ, что дѣйствительно писалъ къ Чигиринскому гетману, просилъ запретить казакамъ грабить маетности Печерскаго монастыря, о томъ же писалъ и къ Тукальскому. Николопустынскій игуменъ Алексѣй Туръ оперся на то въ своемъ отвѣтѣ, что Меѳодьевы обвиненія голословныя, ничѣмъ подтвердить ихъ нельзя; игумены—Михайловскій, Ѳеодосій Сафоновичъ, Кирилловскій—Мелегій Дзикъ, Братскаго монастыря - Варлаамъ Ясинскій, Выдубицкаго - Ѳеодосій Углицкій, Межигорскаго—Иванъ Станиславскій—подали сказки, что они сносились съ Чигириномъ съ вѣдома боярина Шереметева, всѣ въ одинъ голосъ объявили, что пока Меѳодій былъ въ Москвѣ, все было тихо, а какъ онъ пріѣхалъ въ Малороссію и породнился съ Брюховецкимъ, то и начались бунты. Съ тѣми же рѣчами приходили къ Шереметеву и мѣщане кіевскіе; Дорошенко также прислалъ обвинительную грамоту на Меѳодія, прислалъ письмо, которое тотъ писалъ къ Брюховецкому, возстановляя его противъ Москвы.

Положеніе Меѳодія было незавидное: онъ совсѣмъ растерялся, не зналъ что̀ дѣлать, къ кому обратиться. У Шереметева подслуживался доносомъ на своихъ, а къ Ѳеодосію Сафоновичу писалъ, что онъ поссорился съ Шереметевымъ изъ-за общей пользы, для цѣлости отчизны, церкви Божіей и вольности народной. Шереметевъ призналъ за лучшее отправить Меѳодія въ Москву, а то, пожалуй, онъ и въ Кіевѣ какіе-нибудь бунты заведетъ. Голова московскихъ стрѣльцовъ, Иванъ Мещериновъ, повезъ Меѳодія Днѣпромъ до Лоева, отсюда сухимъ путемъ въ Старый Быховъ. Въ этомъ городѣ пришелъ къ нему комендантъ Юдицкій и спрашивалъ, на какія мѣста онъ поѣдетъ и кого это онъ съ собою везетъ. Когда Мещериновъ объявилъ ему, что везетъ Меѳодія, то Юдицкій началъ: „Служа обоимъ великимъ государямъ, не могу тебя не остеречь: на Могилевъ не ѣзди,—тамъ мужики своевольные, взбунтуются и епископа у тебя отобьютъ, они такіе же своевольцы, какъ и Запорожскіе казаки; за день до твоего пріѣзда пригнали сюда два монаха, сказали, что изъ Кіева, изъ Печерскаго монастыря, и въ тотъ же часъ погнали въ Могилевъ, а тамъ, я знаю подлинно, они мужиковъ взбунтовали; ступай лучше на Чаусы да на Смоленскъ.“ Мещериновъ послушался и поѣхалъ на Чаусы. Въ этомъ городѣ Меѳодій началъ бранить сотника: „Богъ до васъ добръ“, говорилъ онъ, „что вы на Могилевъ не поѣхали—увидали бы, что бы тамъ надъ вами сдѣлалось!“ Въ Москвѣ на всѣ обвиненія епископъ отвѣчалъ одно, что онъ объ измѣнѣ Ивашки Брюховецкаго не вѣдалъ до тѣхъ поръ, какъ государевы люди были побиты въ Гадячѣ. Его оставили въ московскомъ Новоспаскомъ монастырѣ подъ стражею; здѣсь онъ и умеръ.

Дорого поплатились сваты—Брюховецкій и Меѳодій—за смуту; не долго торжествовалъ и главный ея виновникъ—Дорошенко. Татары не мѣшали ему раздѣлаться съ Брюховецкимъ; но скоро пришла къ нему страшная вѣсть: — Татары поставили въ Запорожьи другого гетмана. Былъ въ Запорогахъ писарь, Петръ Суховѣй, или Суховѣенко, молодой человѣкъ, 23 лѣтъ, досужій и ученый, посыланъ былъ въ Крымъ для договоровъ, и такъ тамъ успѣлъ всѣмъ понравиться, что писали оттуда въ Запорожье: „Вы бы и впредь присылали къ намъ такихъ же досужихъ людей, а прежде вы такихъ умныхъ людей къ намъ не присылывали“. Этого-то досужаго и умнаго человѣка Татары провозгласили гетманомъ казацкимъ. Дорошенко скрежеталъ зубами. „Еще я“, говорилъ онъ: „не зарекаюсь своею саблею обернуть Крымъ вверхъ ногами, какъ дѣдъ мой Дорошенко четырьмя тысячами Крымъ ни во что обернулъ!“ Суховѣенко писалъ въ Чигиринъ, что онъ гетманъ ханова величества, и чтобъ Дорошенко не смѣлъ писаться Запорожскимъ гетманомъ. На грамотѣ была ханская печать — лукъ и двѣ стрѣлы, а не старая гетманская Запорожская—человѣкъ съ мушкетомъ. „Я иду на сокрушеніе этого лука и стрѣлъ“, велѣлъ сказать Дорошенко Шереметеву. Онъ надѣялся на раздѣленіе Запорожья: изъ 6,000 тамошнихъ казаковъ половина была за Суховѣенка, а другая половина за Дорошенка. Шестеро знатныхъ Запорожцевъ пріѣхали въ Чигиринъ, привезли письмо къ Дорошенку отъ его приверженцевъ: „Выходи“, писали они, „въ поле, на черную раду, а мы Суховѣенка и неволею выведемъ въ поле и убьемъ, ханскія стрѣлы мушкетами своими поломаемъ“. Дорошенко отпустилъ Запорожцевъ съ честію, далъ имъ по шубѣ, сафьянные сапоги, шапки, послалъ съ ними въ Запорожье казакамъ подарки, хлѣбные запасы, овощи. Но были и другія вѣсти изъ Запорожья, что если соберется черная рада, то Дорошенку не сдобровать. Плохо пришлось Чигиринскому гетману между Польшею, Москвою и Татарами, и вотъ онъ со всѣми пересылается, на всѣ стороны манитъ, лжетъ, обманываетъ. Сносится съ Татарами, покупаетъ у хана Суховѣенко; но ханъ дорого проситъ: дай ему Сѣрка за Суховѣенка! Сносится Дорошенко и съ Шереметевымъ, съ Ромодановскимъ, увѣряетъ въ преданности своей великому государю. Разсказывали, что много разъ сзывалъ онъ полковниковъ и толковалъ—не поддаться ли Москвѣ, не отправить ли за этимъ пословъ къ царю; но полковники приговорили оставаться въ подданствѣ у султана, потому что Московскій царь велитъ старшинъ всѣхъ казнить, точно также и король, если ему поддаться, будетъ имъ метить.

Малороссія разрывалась. Суховѣенко стоялъ съ Ордою на Липовой Долинѣ, недалеко отъ Путивля; уже неслись слухи, что онъ обусурманился и называется татарскимъ именемъ Шамай; казаки полковъ Полтавскаго, Миргородскаго и Лубенскаго присоединились къ нему; но Прилуцкій полковникъ держался Дорошенка, и, впустивъ къ себѣ сотню Татаръ, всѣхъ ихъ перебилъ. Григорій Дорошенко, назначенный братомъ въ наказные гетманы, стоялъ съ войскомъ въ Козельцѣ. Онъ писалъ въ Кіевъ Шереметеву, что хочетъ служить великому государю; но когда Шереметевъ прислалъ взять съ него присягу, то онъ отвѣчалъ посланному: „Я писалъ не о томъ, что великому государю служить и присягу давать, а писалъ, что пришелъ съ полками въ Козелецъ не для войны, чтобы не тревожились и задоровъ военныхъ со мною не дѣлали. А присягу мнѣ давать изъ какой неволи?—я теперь по своей волѣ плаваю, что орелъ сизый. Война у насъ стала за казацкія вольности; поневолѣ насъ въ подданство привесть трудно; мы за свои вольности до послѣдняго человѣка помремъ; если же великій государь укажетъ изъ малороссійскихъ городовъ воеводъ и ратныхъ людей вывесть, то мы великому государю въ послушаніи быть рады: войско Запорожское государству Московскому и Польскому каменная стѣна".

То же самое продолжалъ повторять и Сѣверскій наказной гетманъ, Демьянъ Многогрѣшный: „Нынѣшняя война съ великимъ государемъ", писалъ онъ Лазарю Барановичу, „возникла по благословенію его милости, отца Меѳодія Филимоновича, епископа Мстиславскаго, и его послушника, протопопа Нѣжинскаго. Слышу, что князь Ромодановскій отпустилъ этого протопопа съ братомъ моимъ Васильемъ и съ Гвинтовкою къ великому государю: отпустилъ онъ его на послѣднюю гибель нашей бѣдной Малороссіи и всему міру; да туда же въ Москву поѣхалъ и отецъ Меѳодій! Этотъ пуще всѣхъ будетъ бунтовать и своими непотребными замыслами царское величество, бояръ и весь синклитъ побуждать и наговаривать. Если великій государь не захочетъ подтвердить намъ вольности, постановленныя при Богданѣ Хмельницкомъ, тогда, ради-не-ради, поддадимся поганцу; а на комъ будетъ грѣхъ?—на епископѣ Меѳодіи да на протопопѣ Нѣжинскомъ. Пошли, ваша святительская милость, къ царскому величеству, бей челомъ, чтобы тѣмъ злосѣятелямъ клеветникамъ не вѣрилъ". Барановичъ прислалъ эту грамоту въ Москву, вмѣстѣ съ своею, въ которой словами писанія умолялъ государя исполнить просьбу Многогрѣшнаго: „Отврати лице твое отъ грѣхъ ихъ, и нечестивіи къ тебѣ обратятся; умоленъ буди на рабы своя, да не отъ отчаянія сопрягутся къ невѣрному ярму бусурманскому".

Но въ Москвѣ знали, что требованія Многогрѣшнаго и Дорошенка—это требованія казацкія, или, лучше, старшины казацкой и, для отвращенія этихъ требованій, рѣшили дать голосъ всей Малороссіи, всѣмъ составнымъ частямъ ея народонаселенія. Царь отвѣчалъ Барановичу: „Пусть Демьянъ и войско Запорожское пришлютъ къ намъ знатныхъ людей отъ себя, отъ духовнаго и мірскаго, служилаго и мѣщанскаго чина, и отъ поселянъ, съ просьбою о принятіи подъ нашу государскую руку; тогда о вольностяхъ и правахъ нашъ милостивый указъ имъ будетъ". Съ тѣмъ же требованіемъ отправлена была грамота къ Многогрѣшному и ко всему Запорожскому войску.

Между тѣмъ Дорошенко не переставалъ сноситься съ Шереметевымъ, не переставалъ твердить, что согласенъ быть подъ рукою великаго государя, если въ Малороссіи не будетъ московскихъ воеводъ. „Имѣю о томъ подивленіе великое", отвѣчалъ Шереметевъ, „что гетманъ Петръ Дороѳеевичъ о такихъ дѣлахъ приказываетъ! и какое вамъ будетъ отъ того добро, что воеводамъ и ратнымъ людямъ на восточной сторонѣ не быть? Въ нынѣшнее шаткое время, при воровствѣ Переяславскаго полковника Дмитрашки Райча, если-бы въ Переяславлѣ государевыхъ ратныхъ людей не было, то Переяславль былъ бы за Татарами; они сдѣлали бы изъ него себѣ столицу и желаніе свое исполнили бы, что хотѣли васъ всѣхъ выгнать въ Крымъ".—„Потому", продолжалъ Дорошенко, „надобно Московскихъ ратныхъ людей изъ Малороссіи вывесть, что въ прошлыхъ годахъ король Польскій велѣлъ своихъ ратныхъ людей вывесть изъ Корсуня, Умани и Чигирина и тѣмъ Малороссійскихъ людей увеселилъ; гетманъ Дорошенко и все войско Запорожское, видя такую королевскую милость, утѣшились и по волѣ его королевскаго величества учинили".—„Да", отвѣчалъ Шереметевъ, „видѣли мы, какъ учинено было по королевской волѣ: какъ только польскій комендантъ изъ Чигирина выступилъ, то гетманъ призвалъ Татаръ, пошелъ въ Польшу и многіе города, села и деревни разорилъ. Того же надобно опасаться и въ Малороссіи, если государевы ратные люди будутъ выведены. Нападетъ непріятель, казаки выйдутъ противъ него въ поле, а въ городахъ кто останется?—робкіе мѣщане будутъ сдаваться".

Шереметевъ пересылался и съ Многогрѣшнымъ, также уговаривалъ его отстать отъ требованій насчетъ воеводъ: „Бояринъ Петръ Васильевичъ", говорилъ посланникъ Шереметева Многогрѣшному, „никогда не мыслилъ, чтобы ты, пріятель его, былъ великому государю невѣрный слуга; безпрестанно вспоминаетъ онъ твой правдивый умъ, дородство, желательное радѣніе и кровопролитіе, какъ ты великому государю служилъ вѣрно и радѣтельно и надъ непріятелями промыслъ чинилъ. Вольности ваши и права никогда нарушены не были, а чинилъ ссоры воръ Брюховецкій съ подобными себѣ, съ Ваською Дворецкимъ и съ архіереемъ. Въ городахъ воеводы все исполняли по вашимъ договорнымъ статьямъ, права ваши и вольности ни въ чемъ не нарушены, а если какія непріятности вамъ и были, такъ не по волѣ великаго государя, но по челобитьямъ вора Брюховецкаго".

Но Многогрѣшный съ товарищами не отставалъ отъ своего требованія. Въ январѣ 1669 года явилось въ Москву большое малороссійское посольство: отъ Лазаря Барановича игуменъ Максаковскаго монастыря Іеремія Ширковичъ, отъ гетмана Демьяна обозный Петръ Забѣла, есаулъ Матвѣй Гвинтовка, судья Иванъ Домонтовъ, сотниковъ 6 человѣкъ, 2 атамана, судья полковой, подписокъ войсковой, рядовыхъ казаковъ 46 человѣкъ; представителями городовъ явились два войта, бурмистръ, поселянъ никого. Послы объявили наказъ отъ гетмана и всего войска: бить челомъ о подтвержденіи вольностей, данныхъ Богдану Хмельницкому: „Войско Запорожское частые расколы чинило оттого, что по смерти Богдана Хмельницкаго гетманы, для чести и маетностей, войску умаляли вольностей. Хотя по статьямъ Богдановымъ и должны быть воеводы въ Переяславлѣ, Нѣжинѣ и Черниговѣ для обороны отъ непріятелей; однако они вмѣсто обороны пущую намъ пагубу нанесли; ратные люди въ нашихъ городахъ кражами частыми, пожарами, смертоубійствами и разными мучительствами людямъ докучали; сверхъ того, нашимъ правамъ и обычаямъ не навыкли; когда кого-нибудь изъ нихъ на зломъ дѣлѣ поймаютъ и воеводамъ челобитную подадутъ объ управѣ, то воеводы дѣло протягивали. Нынѣшняя война ни отъ чего другого началась какъ отъ этого. Чтобъ изволилъ великій государь своихъ людей изъ нашихъ городовъ вывести, а въ казну оброкъ мы сами будемъ давать чрезъ своихъ людей, которыхъ войско выберетъ, и то не съ этого времени, а когда Украйна оправится. Тѣ же воеводы, несмотря на постановленныя статьи, въ казацкія права и вольности вступались и казаковъ судили, чего никогда въ войскѣ Запорожскомъ не бывало. А когда войско Запорожское будетъ свои вольности имѣть, то никогда измѣны не будетъ. Въ немалой смутѣ гетманъ и все войско Запорожское пребываетъ оттого, что ваше царское величество городъ царствующій Кіевъ королевскому величеству отдать изволили; а войско Запорожское за то только и войну съ Польшею начало, что Поляки церкви Божіи на костелы обращали, и теперь они на нынѣшнемъ сеймѣ постановили церкви православныя на костелы обращать; Святыя мощи въ Польшу розно развесть. Все духовенство и войско Запорожское проситъ и молитъ: смилуйся, великій государь нашъ, помазанникъ Божій, не подавай своей отчины во иго Латинское"! Государь объявилъ имъ лично, что онъ „вины ихъ велѣлъ имъ отдать и къ прежнему своему милосердію принять изволилъ; а если впредь, забывъ страхъ Божій и великаго государя милость, стали-бъ къ какой измѣнѣ и къ суетнымъ и ссорнымъ словамъ и письмамъ приставать и вѣрить, и учинять какую шатость и междоусобіе, то великій государь больше терпѣть не будетъ; прося у Всемогущаго Бога милости и Пречистыя Богородицы помощи и взявъ Святый и Животворящій Крестъ и во всѣхъ своихъ милосердыхъ къ нимъ дѣлахъ свидѣтельствовавшись Всемогущимъ Богомъ, станетъ своею государскою особою въ подданство приводить и своевольныхъ унимать".

А между тѣмъ въ Москву пришла вѣсть, что только старшина казацкая желаетъ вывода воеводъ московскихъ; въ томъ же январѣ прислалъ государю письмо извѣстный намъ протопопъ Нѣжинскій Симеонъ Адамовичъ, о которомъ такъ дурно отзывался Многогрѣшный. Протопопъ зналъ, что на него донесли царю, обвинили въ дружбѣ и сообщничествѣ съ Меѳодіемъ, и потому начинаетъ письмо свое оправданіемъ: „Милости у васъ, великаго государя, не прошу, только свидѣтель мнѣ Богъ и вся Малая Россія, что отъ измѣны и невиннаго христіанскаго кровопролитія чиста моя душа предъ Богомъ и предъ вами, великимъ государемъ, и предъ всѣми людьми. Послѣ моихъ трудовъ я никакъ не хотѣлъ ѣхать изъ Москвы, зная непостоянство своей братіи, малороссійскихъ жителей; но ваше царское величество приказали мнѣ ѣхать въ Малую Россію съ милостію вашею государскою и грамотами къ архіепископу Лазарю Барановичу, гетману Демьяну Игнатовичу и полковнику Росдовченку. Гетманъ Сѣверскій сначала принялъ меня любовно, а потомъ, по совѣту преосвященнаго Лазаря, возъярился, и съ 26 ноября до 10 января мучилъ меня за карауломъ, за порукою и за присягою, не отпускалъ ни въ Москву, ни въ Кіевъ, ни въ Нѣжинъ, безпрестанно волочилъ меня за собою. Сталъ я писать къ полковникамъ и городамъ, приводя ихъ подъ вашу высокодержавную руку, писалъ и къ воеводѣ Нѣжинскому Ив. Ив. Ржевскому, чтобы онъ о всякихъ вѣстяхъ писалъ къ вамъ, великому государю, и отписку свою прислалъ ко мнѣ: и съ тѣми проходцами, которыхъ я посылалъ въ Нѣжинъ, воевода прислалъ отписки къ вамъ, великому государю; но какъ только проходцы пришли ко мнѣ изъ Нѣжина, гетманъ велѣлъ ихъ перехватать и въ тюрьму посадить, а меня изъ Березны до Сосницы переслать ночью за карауломъ, отписки всѣ мнѣ же велѣлъ читать предъ собою подъ смертною казнью, и пожегъ ихъ; еслибъ воевода Ржевскій хотя мало не на ихъ руку въ этихъ отпискахъ что написалъ, то гетманъ хотѣлъ меня тотчасъ разстрѣлять, и запретилъ мнѣ, подъ смертною казнію, ни въ Москву, ни къ воеводамъ отнюдь не писать. Потомъ потащилъ меня съ собою въ Новгородокъ-Сѣверскій; туда съѣхались изъ полковъ старшина, и, по совѣту архіепископа Лазаря, учинился Демьянъ Игнатовичъ совершеннымъ гетманомъ надъ тремя полками, точь-въ-точь какъ покойникъ Самко въ Козельцѣ; Нѣжинскимъ полковникомъ сдѣлалъ Филиппа Уманца Глуховскаго, а Остапа Золотаренка отставилъ за то, что онъ въ Нѣжинѣ вашему царскому величеству присягнулъ. Тамъ же въ Новгородѣ преосвященный архіепископъ приговорилъ гетману держать меня за карауломъ до тѣхъ поръ, пока возвратятся Забѣла съ товарищами изъ Москвы, и если ваше царское величество, по желанію архіепископа и гетмана, позволите своимъ ратнымъ людямъ изъ городовъ выйти, то оставить меня въ живыхъ, если же нѣтъ, — то меня либо смерти предать, либо Татарамъ отдать. Я сталъ со слезами просить архіепископа, чтобъ не для меня, но для милости вашего царскаго величества пустили меня либо въ Москву, либо въ Нѣжинъ. Архіепископъ отвѣчалъ мнѣ: „Не сдѣлаю этого для земнаго царя, а только для Небеснаго; и еслибъ не мое заступленіе, давно бы тебя гетманъ смерти предалъ." А Василій Многогрѣшный говоритъ: „Братъ мой гетманъ предъ тобою не виноватъ, архіепископъ велитъ держать тебя за крѣпкимъ карауломъ, сердясь, что ты желаешь добра царскому величеству и что къ тебѣ милость государская есть." А Василій Многогрѣшный вѣренъ тебѣ, великому государю, много разъ брата своего лаялъ, что онъ гордится, людей деретъ и тебѣ, великому государю, не хочетъ истинно служить; и Гвинтовка добръ же. Самъ я слышалъ своими ушами какъ архіепископъ говорилъ: „Надобно намъ того, чтобы у насъ въ Малой Россіи и нога московская не была; если государь не выведетъ своихъ ратныхъ людей изъ городовъ, то гетманъ хотя и самъ пропадетъ, а царство Московское погубитъ: какъ огонь — вещь подлежащую спалитъ и самъ погаснетъ.“ Воля ваша: если прикажете изъ Нѣжина, Переяславля, Чернигова и Остра вывести своихъ ратныхъ людей, то не думайте, чтобъ было добро. Весь народъ кричитъ, плачетъ; какъ Израильтяне подъ египетскою, такъ они подъ казацкою работою жить не хотятъ; воздѣвъ руки, молятъ Бога, чтобъ попрежнему подъ вашею государскою державою и властію жить; говорятъ всѣ: за свѣтомъ, государемъ, живучи, въ десять лѣтъ того бы не видали, что теперь въ одинъ годъ за казаками. Нынѣшній гетманъ безмѣрно побралъ на себя во всей Сѣверной странѣ дани великія медовыя, изъ виннаго котла у мужиковъ по рублю, а съ казака по полтинѣ, и съ священниковъ (чего и при польской власти не бывало) съ котла по полтинѣ; съ казаковъ и съ мужиковъ поровну, отъ сохи по двѣ гривны, съ мельницы—по пяти, по шести рублей бралъ, кромѣ того отъ колеса по червонному золотому; а на ярмаркахъ, чего никогда не бывало, съ Малороссіянъ и Великороссіянъ бралъ съ воза по 10 алтынъ и по двѣ гривны; если не вѣрите, велите допросить Путивельцевъ, Сѣвчанъ и Рылянъ. Уже объ немъ не умолкаютъ казаки и мужики, а какъ вооружатся на него, хочетъ утекать въ Цесарскую Землю. Ей-ей-ей, государь, отъ его устъ я слышалъ трижды на тайныхъ со мною разговорахъ; я его, гетмана, уговаривалъ и милостію вашею царскою обнадеживалъ всячески: отнюдь не хочетъ служить вашему царскому величеству, на васъ, помазанника Божія, и на царство ваше православное хулы возлагаетъ; стыдно и писать мнѣ. Повѣрь, государь, священству моему; великій врагъ, а не доброхотъ вашему царскому пресвѣтлому величеству. Нынѣ разорвались на три доли: одни къ сему гетману, другіе къ Дорошенку, третьи къ Суховѣю; отнюдь ничего добраго нѣтъ, для чего выводить изъ городовъ воеводъ и ратныхъ людей; еще бы нынѣ промышлять, доколѣ посланцы у вашего царскаго величества на Москвѣ, послать бы ихъ изъ Сѣвска, будто въ Кіевъ на перемѣну, въ Глуховъ приказа три или четыре съ воеводою какимъ умнымъ; а тамъ сами князя Ромодановскаго просятъ въ Гадячъ; а если бы эти два города вашего царскаго величества ратные люди осѣли, то казакамъ бы ужъ нечего дѣлать! а то ихъ горстка, а затѣваютъ небылицу; будто они побѣду и одолѣніе одержали, такихъ статей домогаются, какихъ не бывало прежде, когда все войско было вмѣстѣ, не рознясь. Казаки умные, которые помнятъ свое крестное цѣлованіе, мѣщане и вся чернь говорятъ вслухъ: если вы, великій государь, изволите вывесть своихъ ратныхъ людей изъ малороссійскихъ городовъ, то они селиться не хотятъ, хотятъ бѣжать врозь,— одни въ украйные города вашего царскаго величества, другіе за Днѣпръ—въ королевскіе города. А которые посланы къ вамъ отъ гетмана казаки, Забѣла съ товарищами, изволь, государь, ихъ задержать, и чрезъ нихъ посланцами договоръ чинить для того: если вы по желанію архіепископа и гетмана не сдѣлаете, то они тотчасъ къ Татарамъ, а Татары съ калгою до сихъ поръ стоятъ за Днѣпромъ. Забѣла и Гвинтовка со мною говорили, что они не желаютъ выхода государскихъ людей изъ городовъ; вели, государь, ихъ по одному, тайнымъ обычаемъ, допросить; какъ Бога боятся, пусть такъ скажутъ; учинилось это не ихъ совѣтомъ, а только архіепископскимъ и гетманскимъ. Да и о томъ милости у васъ, великаго государя, прошу: пощади меня, убогаго богомольца, своего, не вели этого моего письма объявлять; какъ скоро довѣдаются, тотчасъ меня смерти предадутъ. А людей, государь, Бога ради, изъ малороссійскихъ городовъ не вели выводить; а лучше и прибавить.“

Вслѣдъ за грамотою Симеона Адамовича, въ январѣ же мѣсяцѣ, пріѣхалъ въ Москву жилецъ Ушаковъ, посыланный Шереметевымъ изъ Кіева къ Многогрѣшному и Барановичу. Ушаковъ разсказывалъ о своихъ разговорахъ съ ними: на приглашеніе Шереметева чинить промыслъ надъ городами, бывшими въ рукахъ у измѣнниковъ,— надъ Остромъ, Козельцомъ, Барышполемъ и другими, гетманъ отвѣчалъ: „Жду отъ великаго государя посланныхъ своихъ и всякой государской милости; а какъ отъ великаго государя милость всякую увидятъ, то города эти, думаю, скоро подъ его высокую руку поклонятся“. Барановичъ говорилъ: „Надобно великому государю надъ гетманомъ и надо всѣмъ войскомъ милость показать во всемъ вскорѣ и посланцовъ ихъ отпустить, не задержавъ; а если посланцы на Москвѣ замѣшкаются, то чтобы чего-нибудь дурнаго не сдѣлалось. Царское величество Кіевъ Польскому королю уступитъ ли или нѣтъ? Когда я съ Меѳодіемъ былъ на Москвѣ, въ то время договорныя статьи читали на весь міръ; въ статьяхъ постановлено, что Кіевъ отдать въ королевлевскую сторону; но когда мы были у великаго государя на отпуску и о Кіевѣ докладывали, то государь милость свою намъ сказалъ, что Кіева отнюдь не уступитъ. И если царское величество Кіевъ Полякамъ уступитъ, то и сей стороны Днѣпра малороссійскіе города подъ его рукою въ твердости не будутъ никогда. Во всѣхъ малороссійскихъ городахъ духовный и мірской чинъ сильно этимъ оскорбляются, особенно въ кіевскихъ монастыряхъ архимандриты, игумны и старцы сѣтуютъ и болѣзнь имѣютъ великую о церквахъ Божіихъ, говорятъ: какъ скоро Кіевъ въ королевскую сторону будетъ уступленъ, тотчасъ Поляки церкви Божіи превратятъ въ костелы и учинятъ унію; да и то Полякамъ будетъ досадно, что Меѳодій въ Кіевѣ прежній польскій каменный костелъ разломалъ и хотѣлъ Софійскій монастырь строить, но монастырскому строенью и почину не учинилъ, а костелъ разломалъ; такъ Поляки за это тотчасъ Софійскій монастырь въ кляшторъ обратятъ. Царскому величеству надобно за Кіевъ стоять крѣпко, потому что Кіевъ благочестію корень, а гдѣ корень, тутъ и отрасли". Многогрѣшный толковалъ о своихъ ближайшихъ дѣлахъ: „Слышалъ я, что Дорошенко къ великому государю присылаетъ, будто подъ его высокою рукою хочетъ быть, и тому вѣрить нечего: эти присылки чинитъ онъ лестью, хочется ему на обѣихъ сторонахъ быть гетманомъ одному. А я по присягѣ своей царскому величеству служить радъ до скончанія живота; если же Дорошенка принять, то меня тотчасъ убьетъ, а въ дѣлахъ великаго государя проку никакого не будетъ".—Ушаковъ разсказывалъ и о Кіевѣ: въ Кіевѣ во всѣхъ монастыряхъ и въ городѣ митрополита Іосифа Тукальскаго любятъ и хотятъ, чтобы онъ на митрополіи Кіевской былъ попрежнему. Да архимандритъ Печерскій очень оскорбляется, что службы его и радѣнія къ великому государю было много, государевымъ ратнымъ людямъ деньгами и хлѣбомъ помогалъ, противъ измѣнниковъ всѣми монастырскими людьми стоялъ, а за это государевой милости до сихъ поръ не получилъ, только было прислано спросить его о здоровьи; также и другихъ монастырей игумны, которые ратнымъ людямъ хлѣбомъ помогали, оскорбляются.

24 января государь велѣлъ боярину Богдану Матв. Хитрово поговорить съ малороссійскими посланцами, Забѣлою и Гвинтовкою. Хитрово объявилъ имъ, что всѣ дѣла должны быть рѣшены на радѣ, на которую отправляются бояринъ князь Григ. Григ. Ромодановскій, стольникъ Артемонъ Матвѣевъ и дьякъ Богдановъ. Хитрово объявилъ также, что государь велѣлъ отпустить малороссійскихъ плѣнниковъ 161 человѣкъ, и спрашивалъ, гдѣ пристойнѣе быть радѣ. Посланцы отвѣчали, что вдругъ сказать не могутъ, подумаютъ; лучше быть радѣ около Десны, но черневой радѣ не быть, быть только полковникамъ и старшинѣ, потому что мѣста разоренныя: какъ съѣдутся многіе люди, то и лошадей накормить будетъ нечѣмъ. Сего боку казаки выбрали совершеннымъ гетманомъ Многогрѣшнаго: пожаловалъ бы великій государь, велѣлъ дать ему булаву и знамя.

На другой день, 25-го, посланцы были на казенномъ дворѣ у думнаго дворянина Ларіона Лопухина и думнаго дьяка Дементья Башмакова. Имъ объявлено, что государь отпустилъ 161 плѣнника, отпуститъ и всѣхъ, если они дадутъ имъ роспись. „Дадимъ роспись на радѣ", отвѣчали посланцы. „Дайте письменныя улики на епископа Меѳодія и Нѣжинскаго протопопа", сказалъ Лопухинъ. „Уликъ съ нами не прислано," отвѣчали посланцы, „дадимъ ихъ на радѣ; но мы подлинно знаемъ, что вся дума у гетмана Брюховецкаго была съ епископомъ да съ Нѣжинскимъ и Романовскимъ протопопами". „Кто говорилъ вамъ смутныя рѣчи, что листовъ вашихъ царскому величеству не доносятъ и на кого въ томъ нарекали"?—спрашивалъ Лопухинъ. „Говорилъ намъ про то Брюховецкій", отвѣчали послы; „сказывали ему посланцы его, пріѣхавшіе изъ Москвы, бунчужный Поповичъ и арматный писарь Микифоръ, будто листовъ нашихъ царскому величеству не доноситъ бояринъ Ординъ-Нащокинъ и говоритъ, что Малая Россія царскому величеству не надобна".—Можно вамъ и самимъ разумѣть", сказалъ Лопухинъ, „что все это дѣло несбыточное, Ивашка Брюховецкій нарочно говорилъ на смуту".

Посланцы настаивали, чтобы радѣ быть въ Батуринѣ, но государь рѣшилъ быть ей въ Глуховѣ—для ближайшаго привоза изъ городовъ людскихъ запасовъ и конскихъ кормовъ, и рѣшилъ, чтобы рада была черневая.

Перваго марта пріѣхалъ Ромадоновскій съ товарищами въ Глуховъ, третьяго—пріѣхалъ Лазарь Барановичъ, и въ тотъ же день бояринъ созвалъ раду у себя на дворѣ; народу не было много, потому что изъ казаковъ и мѣщанъ были только выборные люди. Ромодановскій объявилъ, что царское величество указалъ имъ, по ихъ правамъ и вольностямъ, выбрать гетмана, кого они излюбятъ; всѣ отвѣчали, что избираютъ Демьяна Игнатовича. Наступило дѣло потруднѣе; начали читать статью, что въ Переяславлѣ, Нѣжинѣ, Черниговѣ и Острѣ быть воеводамъ и ратнымъ людямъ. Поднялся шумъ: „Мы били челомъ, чтобы воеводамъ не быть на этой сторонѣ!"—Такъ, вы били объ этомъ челомъ", отвѣчалъ Ромодановскій, „но великій государь велѣлъ быть воеводамъ для крѣпкаго утвержденья и обороны тебѣ, гетману, и всѣмъ Малороссіянамъ, для проѣзду до Кіева и къ тебѣ, чтобы сухимъ и воднымъ путемъ всякимъ проѣзжимъ людямъ и хлѣбнымъ отпускамъ путь былъ чистъ, а не для того, чтобы воеводамъ и ратнымъ людямъ, живя въ городахъ, дѣлать налоги; ты, гетманъ, видишь самъ, что малороссійскихъ городовъ жители шатки, всякимъ смутнымъ воровскимъ словамъ вѣрятъ и на всякія прелести сдаются. Петрушка Дорошенко, который называется гетманомъ той стороны, поддается султану Турскому и, присылая на эту сторону казаковъ, воровски здѣшнихъ жителей прельщаетъ; многіе изъ нихъ и теперь еще держатъ его сторону. Переяславль, Нѣжинъ и другіе города разорены, жители ихъ разбрелись, все пусто; и если въ нихъ царскихъ ратныхъ людей не будетъ, то возвращающимся жителямъ безъ обороны нельзя будетъ строить своихъ домовъ и жить, да и Дорошенко тотчасъ же займетъ эти города своими людьми, дороги до Кіева займетъ и учинитъ васъ въ подданствѣ у Турка вмѣстѣ съ собою".—„Не поставь себѣ въ досаду," сказалъ Демьянъ, „что мы эту статью оспорили; вели читать другія статьи, а объ этой мы подумаемъ". Начались толки о Кіевѣ, просьбы, чтобы не отдавать его Ляхамъ. „Вѣдомо вамъ самимъ", говорилъ Ромодановскій, „что той стороны Днѣпра казаки и всякіе жители отъ царскаго величества отлучились и Польскому королю поддались сами, своею охотою прежде Андрусовскихъ договоровъ, а не царское величество ихъ отдалъ, по тому ихъ отлученію и въ Андрусовѣ договоръ учиненъ".—„Намъ вѣдомо подлинно", отвѣчалъ гетманъ, „что тамошніе казаки поддались Польскому королю сами, отъ царскаго величества отдачи имъ не бывало и если положено будетъ на съѣздахъ съ польскими коммисарами, что Кіевъ отдать—въ томъ воля великаго государя, только бы Поляки благочестивой вѣры не гнали, а царскому величеству можно митрополію и въ Переяславлѣ сдѣлать".—„Нѣтъ", возразилъ Лазарь Барановичъ, „митрополію надобно сдѣлать въ Черниговѣ. Черниговъ старше Переяславля и княженіе древнее".

На другой день пришли къ боярину обозный Петръ Забѣла, войсковые есаулы, полковники и, отъ имени гетмана, начали говорить, чтобъ воеводамъ не быть въ ихъ городахъ, и подали письменное челобитье по статьямъ: жаловались, что царскіе воеводы, наѣзжая на города, завѣдывали войсковою арматою; просили, чтобы реестровыхъ казаковъ было 30,000; просили на пять лѣтъ льготы отъ податей, а если недостанетъ денегъ на жалованье реестровому войску, то чтобы платила казна царская; чтобы гетману жить въ Батуринѣ, и когда Переяславль окончательно подчинится государю, то въ Переяславлѣ; чтобы воеводъ вывесть хотя черезъ полгода или черезъ годъ, когда все успокоится.

5-го марта былъ новый съѣздъ. Ромодановскій началъ тѣмъ, что выводъ воеводъ—дѣло несхожее. „Но воеводы", отвѣчалъ гетманъ, „казакамъ и жилецкимъ людямъ обиды многія нестерпимыя чинили, въ дѣла вступались, насъ убытчили; служилые люди казаковъ безчестили, лаяли, мужиками называли, воровства отъ нихъ частыя и поджоги; а въ томъ бы великій государь былъ на насъ надеженъ, станемъ служить вѣрно, безо всякой шатости, измѣнять никогда не будемъ".—„До сихъ поръ", говорилъ Ромодановскій, „отъ казаковъ и мѣщанъ на воеводъ и ратныхъ людей челобитья не было, а впередъ въ права ваши и суды, казацкіе и мѣщанскіе, воеводамъ вступаться государь не указалъ; судиться вамъ между собою самимъ. До сихъ поръ никакихъ жалобъ не было; еслибъ были жалобы, то былъ бы сыскъ и по сыску наказанье; явно, что дѣло затѣяно теперь, и вы о выводѣ ратныхъ людей изъ городовъ и не думайте; какую вы дадите поруку, что впередъ измѣны никакой не будетъ?"

Гетманъ и старшина молчали.

Бояринъ продолжалъ: „И прежде были договоры, передъ Святымъ Евангеліемъ душами своими ихъ крѣпили, и что-жъ?—соблюли ихъ Ивашка Выговскій, Юраска Хмельницкій, Ивашка Брюховецкій? Видя съ вашей стороны такія измѣны, чему вѣрить? Вы беретесь всѣ города оборонять своими людьми; но это дѣло несбыточное! Сперва отберите отъ Дорошенки Полтаву, Миргородъ и другіе; и если бы въ остальныхъ городахъ царскихъ людей не было, то и они были бы за Дорошенкомъ. Чтобъ больше объ томъ дѣлѣ и помину не было!"

Заговорилъ архіепископъ: „Отчего намъ чинятся налоги, о томъ какъ не говорить и великому государю не бить челомъ? Теперь ты, бояринъ, не хочешь съ нами чинить договору о выводѣ ратныхъ людей; такъ написать въ статьяхъ, чтобъ впередъ было вольно бить челомъ государю объ этомъ".

— „Не только что объ этомъ въ статьяхъ писать, и говорить съ вами не хотимъ", отвѣчалъ бояринъ. „Вечеромъ мы еще подумаемъ", сказалъ гетманъ; „а изъ нынѣшнихъ разговоровъ я и самъ узналъ, что въ тѣхъ городахъ безъ воеводъ и ратныхъ людей быть невозможно".

6-го марта, рано утромъ, съѣхались всѣ и подписали статьи, согласно волѣ великаго государя. Въ статьяхъ говорилось: Быть воеводамъ и ратнымъ людямъ въ городахъ Кіевѣ, Переяславлѣ, Нѣжинѣ, Черниговѣ и Острѣ; жителей воеводамъ не вѣдать, имѣть начальство только надъ своими ратными людьми. Если получится жалоба на обиду отъ ратныхъ людей, то воеводы судятъ ратныхъ людей, но вмѣстѣ съ воеводами быть при этихъ судахъ изъ малороссійскихъ жителей знатнымъ, добрымъ и разумнымъ людямъ. Поборы собирать, какъ написано въ статьяхъ Богдана Хмельницкаго. Реестровымъ казакамъ быть въ 30,000, и давать человѣку по 30 золотыхъ польскихъ; гетману 1,000 золотыхъ червонныхъ на годъ; обозному и писарю по 1,000 золотыхъ польскихъ, на судей войсковыхъ по 300 золотыхъ, на писаря судейскаго 100, на бунчужнаго 100; на полковниковъ 100 ефимиковъ, на есауловъ по 200, на сотниковъ по 100. Въ реестръ писать старыхъ казаковъ, которые много служили; а если такихъ недостанетъ, то принимать мѣщанскихъ и крестьянскихъ дѣтей. Пожалованные дворянствомъ сохраняютъ его; и впредь государь жалуетъ этою честію за заслуги по челобитью гетмана и старшины; жалуетъ также грамоты на мельницы и деревни, данныя гетманомъ и старшиною за войсковыя заслуги. Великій государь указалъ быть выборному, кого гетманъ, старшина и все войско выберутъ; жить ему въ Москвѣ погодно, чтобъ гетману обо всѣхъ дѣлахъ писать къ нему, а онъ будетъ приносить письма къ приказнымъ людямъ, которые будутъ доносить ихъ до великаго государя, чтобъ изъ Москвы къ гетманамъ частымъ посланцамъ не быть; также и гетману посылать къ великому государю не часто, только для самыхъ нужныхъ дѣлъ, по три или по четыре раза въ годъ. Посланному для такихъ важныхъ дѣлъ давать по 20 подводъ, а гонцамъ по 3, потому что подводы теряются, отчего казакамъ и мѣщанамъ много убытковъ. Ратнымъ людямъ на казацкихъ дворахъ не ставиться, ставиться у мѣщанъ и мужиковъ; казаковъ измѣнниками и мужиками не называть; бѣглецовъ выдавать. Какъ будетъ съѣздъ съ польскими коммисарами, то будутъ на него приглашены и малороссійскіе выборные, только эти посланцы съ послами и коммисарами сидѣть не будутъ, для избѣжанія ссоры; а когда начнутся разговоры о дѣлахъ малороссійскихъ, то бояре призовутъ посланцовъ и объявятъ имъ, о чемъ идетъ дѣло. Если же призовутъ ихъ царскіе послы и польскіе коммисары въ засѣданіе, то имъ говорить о благочестивой вѣрѣ и о другихъ своихъ дѣлахъ, только безъ всякихъ ссоръ, тихими и приличными разговорами. (Казаки никакъ не согласились на то, чтобъ посланцамъ ихъ не сидѣть съ послами и коммисарами.) Если гетманъ въ чемъ провинится, кромѣ измѣны, то его не перемѣнять безъ указа великаго государя. Учинить полковника изъ малороссійскихъ городовъ и при немъ быть 1,000 казаковъ реестровыхъ: гдѣ начнутся шатости и измѣны, то этому полковнику своевольныхъ унимать по своимъ правамъ. Гетманъ будетъ жить въ Батуринѣ

Подписавши статьи, отправились на площадь предъ соборною церковію; здѣсь опять бояринъ спросилъ, кого хотятъ въ гетманы. Раздался крикъ: „Демьяна Игнатова!“ Обозный и полковники поднесли Демьяну булаву. „Хотя я и не желаю быть гетманомъ“, сказалъ Демьянъ, „однако противиться не могу, и буду служить великому государю вѣрно“.—„И мы хотимъ служить вѣрно!“ завопили всѣ. Бояринъ вручилъ новому гетману подтвердительныя царскія грамоты, послѣ чего всѣ пошли въ церковь и принесли присягу.

8-го марта раздавалось государево жалованье: гетманъ получилъ два сорока соболей, по 100 рублей сорокъ; старшины получили по двѣ пары; лучшіе люди въ полкахъ по три, а другіе по соболю; Лазарю Барановичу прислано два сорока: одинъ въ 100, другой въ 50 рублей.

Раздвоеніе между казаками и остальнымъ народонаселеніемъ малороссійскимъ, раздвоеніе, давшее возможность Московскому правительству не согласиться на требованія Многогрѣшнаго и Барановича,—это раздвоеніе ясно высказалось въ мѣщанскихъ челобитныхъ, поданныхъ царю: „Чтобъ отъ казаковъ великихъ насильствъ и налоговъ христіанамъ въ малороссійскихъ городахъ, пригородахъ и деревняхъ не было; жители принимаютъ къ себѣ переселенцевъ съ той стороны Днѣпра на хлѣбъ и соль мірскую, отчего бѣднымъ мірянамъ великое разоренье и даже кровопролитіе въ домахъ дѣлается, междоусобная брань, бунты начинаются, потому что голики не хотятъ быть сыты тѣмъ, что имъ даютъ, а берутъ насильно съ мѣщанъ и крестьянъ.—Дѣла градскія бѣдныхъ крестьянъ, чтобъ въ казацкую державу и власть не были отданы; чтобъ казаки на своихъ вольностяхъ жили, а до крестьянъ ни въ чемъ бы не касались, въ управленіе и въ суды градскіе не вступались.—Доходы всякіе въ казну великаго государя казакамъ не собирать: собирать ихъ мѣщанамъ и крестьянамъ, и отдавать, кому царское величество изволитъ, чтобъ бѣднымъ мѣщанамъ и крестьянамъ отъ казаковъ вконецъ не разориться“

Послѣ рады, въ апрѣлѣ, пріѣхалъ въ Москву посланный отъ новаго гетмана и всего войска, судья енаральный войсковой Иванъ Самойловъ съ челобитьемъ: чтобъ князь Ромодановскій своимъ войскомъ всегда готовъ былъ на защиту Украйны по первому требованію, не отговариваясь неимѣніемъ царскаго указа; чтобъ возвращены были въ отечество Малороссіяне, сосланные по навѣтамъ Брюховецкаго и взятые въ плѣнъ въ послѣднюю войну. Но важнѣе была другая статья: „Если поборовъ съ малороссійскихъ городовъ не станетъ, доплачивать жалованье войску Запорожскому изъ казны государевой; нынѣ вся Украйна пуста и не скоро оправится, всѣмъ городамъ, по указу государеву, дана льгота на пять лѣтъ, и потому не съ кого поборовъ брать, мельницы всѣ разорены“. На всѣ пункты послѣдовало согласіе, кромѣ пункта о доплачиваніи жалованья казакамъ изъ казны царской. Іосифъ Тукальскій прислалъ грамоту, просилъ, чтобъ государь позволилъ ему быть митрополитомъ въ Кіевѣ; о томъ же просилъ и архимандритъ Гизель; имъ отвѣчали, что за нѣкоторыми мѣрами Іосифу быть на митрополіи невозможно, потому что дѣло о Кіевѣ между Россіею и Польшею еще не рѣшено, а какое рѣшеніе на общемъ съѣздѣ послѣдуетъ, въ то время митрополиту царскій указъ будетъ.

И третья смута малороссійская, и третья измѣна гетманская не отняла восточной Малороссіи у Москвы. Турки и Татары не поддержали возстанія Барабашей (какъ называли тогда казаковъ восточнаго берега въ Крыму); Поляки, если бы и хотѣли, не могли дѣйствовать противъ Москвы; еслибъ и хотѣли, не могли помочь ей въ борьбѣ съ казаками. Еще весною 1668 года посланникъ царскій Акинѳовъ изъ Варшавы и воевода Смоленскій давали знать въ Москву, что въ Польшѣ и Литвѣ большая рознь и нестроеніе; что король королевство покинетъ и пойдетъ во Французскую Землю. Акинѳовъ обратился къ извѣстному Литовскому референдарю Бростовскому съ вопросомъ: кто изъ коронныхъ и литовскихъ сенаторовъ сильны, и отъ кого въ дѣлахъ великаго государя службы и радѣнья чаять!—„Царскому величеству“, отвѣчалъ Бростовскій, „радѣтеленъ Литовскій канцлеръ Христофъ Пацъ, а изъ коронныхъ—Андрей Ольшевскій, бискупъ Хелмскій, подканцлеръ, да Янъ Рей, воевода Любельскій. Надобно тебѣ съ ними видѣться и царскою милостію ихъ обнадежить; а канцлеръ коронный хотя и не очень радѣтеленъ, однако тѣмъ людямъ не поперечитъ; такъ надобно и его почтить и видѣться съ нимъ“. Акинѳовъ въ тотъ же день поѣхалъ къ Ольшевскому и подарилъ ему сорокъ соболей; былъ у канцлера короннаго и у воеводы Любельскаго, государевою милостію обнадеживалъ, но дачи никакой не чинилъ; къ Пацу отвезъ соболей и грамоту Ордина-Нащокина. Пацъ объявилъ свою службу, какъ онъ, пріѣхавши изъ Москвы, расхваливалъ всѣмъ царевича Алексѣя Алексѣевича, образъ котораго показываетъ мудрость, тихость и милосердіе; какъ уговаривалъ не искать другого государя, кромѣ царевича; Литовскіе на эту мысль всѣ склонились, склоняются и коронные, только не всѣ: которыхъ Французъ задарилъ большими подарками, тѣ для короля молчатъ и поманиваютъ на Француза. На будущій сеймъ надобно государю царю прислать пословъ своихъ съ полною мочью; король на этомъ сеймѣ непремѣнно отъ короны откажется, и въ то время станутъ ея домогаться многіе, а пуще всѣхъ Французъ. Пацъ впервые указалъ Русскому правительству могущественное средство рѣшать выборы Польскихъ королей: „Царское величество послалъ теперь войска на казаковъ; такъ пусть эти войска далеко отъ границы не отходятъ; тогда Турокъ и Французъ и другіе замѣривальщики станутъ опасаться, думать,—какъ Москва съ казаками управится, то и Польшу станетъ оборонять; также и во время избирательнаго сейма люди радѣтельные царскому величеству будутъ надежнѣе и смѣлѣе, зная, что государевы войска на границѣ“.

Между тѣмъ, надобно было выполнить условіе, по которому уполномоченные обѣихъ державъ должны были съѣхаться въ Курляндіи; положено было пригласить туда же и шведскихъ уполномоченныхъ. Со стороны Швеціи, послѣ Кардискаго мира, слышались постоянныя жалобы на то, что не всѣ плѣнные отпущены изъ Россіи, и что шведскіе купцы терпятъ притѣсненія въ ея областяхъ. Новый договоръ, заключенный окольничимъ Волынскимъ съ шведскими уполномоченными на рѣкѣ Плюсѣ, въ 1666 году, не положилъ конца жалобамъ. Русское правительство въ свою очередь жаловалось на притѣсненія своихъ купцовъ въ шведскихъ владѣніяхъ, жаловалось на дурное поведеніе въ Москвѣ шведскихъ резидентовъ. „Не годится имъ быть на Москвѣ для того, что въ торговляхъ своихъ живучи корыстуются, а государственныхъ дѣлъ не помнятъ“, писалъ царь королю. Въ апрѣлѣ 1668 года пошла царская грамота въ Стокгольмъ съ приглашеніемъ королевскихъ уполномоченныхъ въ Курляндію, для порѣшенія всѣхъ торговыхъ затрудненій. Съ русской стороны отправился на съѣздъ самъ начальникъ Посольскаго Приказа, бояринъ Аѳанасій Лаврентьевичъ Ординъ-Нащокинъ, царственныя большія печати и государственныхъ великихъ посольскихъ дѣлъ оберегатель. 26 мая выѣхалъ онъ изъ Москвы съ большимъ торжествомъ: благочестивый государь, во исполненіе евангельскаго гласа, „яко безъ Мене не можете творити ничесоже“, воздвигнулъ изъ своихъ хоромъ образъ Вседержителя, и провожалъ его отъ Успенскаго собора за Тверскія ворота до церкви Благовѣщенія. Здѣсь, по совершеніи молебствія, государь обратился къ патріархамъ, просилъ ихъ молиться, чтобы дѣло совершилось на славу Св. Троицы, на радость православнымъ христіанамъ, на посрамленіе племенамъ варварскимъ, и при этомъ государь объявилъ патріархамъ, что такого великаго дѣла издавна въ Россіи не бывало. Но Ординъ-Нащокинъ понапрасну прожилъ лѣто въ Курляндіи: ни шведскіе, ни польскіе уполномоченные не пріѣзжали. Королева Гедвига-Элеонора, отъ имени малолѣтняго сына своего Карла XI, отвѣчала царю: „Ваше величество уговорились о съѣздѣ съ Польскимъ королемъ, не объявивши намъ, не оказавши намъ этой чести. Нашему королевскому величеству этотъ съѣздъ не надобенъ, потому что съ вашимъ царскимъ величествомъ о вольной торговлѣ мы условились въ Кардискомъ и потомъ въ Плюсскомъ договорѣ, а съ королемъ Польскимъ—въ Оливскомъ. Что въ этихъ договорахъ постановлено, то все будемъ содержать крѣпко безо всякаго умаленья, и потому пословъ нашихъ на тотъ съѣздъ отправлять мы не соблаговолили. Если же вашему царскому величеству угодно будетъ пригласить насъ въ посредники при заключеніи вѣчнаго мира съ Польшею, то мы ради будемъ всякимъ пріятствомъ и дружбою оказываться“. Въ августѣ король Янъ-Казиміръ отрекся отъ престола, и начались выборы. Архіепископъ-примасъ, гетманъ Пацъ и референдарь Бростовскій присылали къ Нащокину съ объявленіемъ, что царевичъ Алексѣй Алексѣевичъ назначенъ кандидатомъ, и что успѣхъ дѣла несомнѣненъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ имъ хотѣлось вывѣдать у Нащокина, согласится ли царь послать къ нимъ сына на ихъ условіяхъ.—„Прежде всего“, отвѣчалъ Нащокинъ, „надобно исполнить то, что договорено, съѣхаться въ Курляндіи, и, дастъ Богъ, при этомъ съѣздѣ, всѣ тайныя дѣла къ вѣчному миру совершены будутъ. Шведы въ съѣздѣ отказали: ясно, что не рады они видѣть союзъ Москвы съ Польшею. О государѣ же царевичѣ—быть ли ему королемъ Польскимъ — волѣ праведной Божіей кто противится?—какъ восхощетъ, такъ по прошенью вѣрныхъ своихъ и сотворитъ; а прежде всего между обоими многочисленными народами надобно вѣчное утвержденіе учинить, и тогда, будутъ ли государи родные или чужіе, во всякомъ случаѣ будутъ жить въ единствѣ богоугоднымъ совѣтомъ“. Причины, заставлявшія его отклонять предложенія объ избраніи царевича, Нащокинъ высказалъ государю такимъ образомъ: „Нѣтъ никакой нужды ѣхать на сеймъ; вѣчнаго мира тамъ не заключить, царевича въ короли не выберутъ, а только прежнему договору поруха будетъ. Вдаваться въ избраніе страшно и мыслить: сколько изъ Великой Россіи королевству Польскому надобно будетъ дать? Въ Польшу ѣхать мнѣ посломъ не на утвержденіе, а на разрушеніе мира. Корону Польскую перекупятъ, какъ товаръ, другіе“.

Въ октябрѣ пріѣхалъ въ Москву гонецъ Янъ Гойшевскій, привезъ грамоту отъ „радъ духовныхъ и мірскихъ обоего народа, съ извѣстіемъ объ отреченіи Яна-Казиміра“, также подлинную грамоту Шведскаго короля, въ которой тотъ объявлялъ, что не считаетъ нужнымъ съѣздъ уполномоченныхъ трехъ державъ въ Курляндіи, ибо „въ договорахъ, какъ Оливскомъ, такъ и Кардискомъ достаточно постановлено о торговлѣ“. „Такимъ образомъ, нисали паны радные, съѣздъ не состоялся не по нашей винѣ, а мы готовы выслать своихъ коммисаровъ". Согласились, что съѣзду русскихъ и польскихъ уполномоченныхъ опять быть въ Андрусовѣ, и съ русской стороны назначенъ былъ тотъ же Ординъ-Нащокинъ, съ польской—Янъ Гнинскій, воевода Хелминскій. Нащокинъ выговаривалъ коммисарамъ, что мирное постановленіе не сдержано со стороны Поляковъ, которые не дали условленной помощи въ войнѣ противъ хана и Дорошенка, и послѣдній овладѣлъ царскими городами. „Видя такое замѣшательство въ Украйнахъ", говорилъ бояринъ, „надобно, для устраненія бусурманъ, заключить союзъ вѣчный и крѣпкій".—„Нельзя", отвѣчалъ воевода Хелминскій, „заключать намъ теперь, въ перемирныхъ годахъ, вѣчнаго союза, потому что завоеванные города остались бы тогда вѣчно въ сторонѣ царскаго величества; надобно непремѣнно назначать срокъ отдачи Кіева".—„Если назначить срокъ отдачи Кіева", говорилъ Нащокинъ, „то надобно назначить срокъ отдачи тѣхъ городовъ украинскихъ, которыми владѣетъ теперь Дорошенко. Лучше положить все это на волю Божію; послѣ великіе государи, по обсылкамъ, общимъ совѣтомъ постановятъ о Кіевѣ и объ украинскихъ городахъ". Коммисары настаивали на срокъ.—„Прежде всего", повторялъ Нащокинъ, „надобно подтвердить о соединеніи силъ противъ бусурманъ; а если вы этого не сдѣлаете, то царство Московское, по нуждѣ, будетъ искать дружбы у тѣхъ сосѣдей, противъ которыхъ теперь требуетъ у васъ союза". Наконецъ, по многимъ разговорамъ, коммисары съ великою нуждою отложили упорныя свои рѣчи и подались учинить крѣпость о соединеніи силъ противъ бусурманъ. Это было уже въ концѣ декабря. Нащокинъ возвратился въ Москву.

Но весною 1669 года онъ уже опять ѣхалъ на съѣздъ, ѣхалъ на послѣднюю службу. Мы имѣли много случаевъ изучить характеръ знаменитаго оберегателя посольскихъ дѣлъ. Мы видѣли, что это былъ одинъ изъ предтечъ Петра Великаго, человѣкъ, который убѣдился въ превосходствѣ Запада и началъ громко говорить объ этомъ превосходствѣ, требовать преобразованій по западному образцу. Онъ дорого поплатился за это, когда хваленый Западъ отнялъ у него сына. Но непріятности этимъ не могли ограничиться. Узнавши чужое, лучшее, Нащокинъ сталъ порицать свое, худшее; но, порицая дѣла, онъ непремѣнно долженъ былъ порицать лица, принять на себя роль учителя, выставляя свое превосходство, тогда какъ было много людей сильныхъ, которые не хотѣли признавать этого превосходства, не хотѣли быть учениками Нащокина. И нельзя не признать, что Нащокинъ поступалъ при этомъ не очень мягко, слишкомъ давалъ чувствовать свое превосходство, свои учительскія права. Сдѣлаютъ что-нибудь въ Москвѣ безъ совѣта съ Аѳанасіемъ Лаврентьевичемъ или вопреки его совѣту,—Аѳанасій Лаврентьевичъ никогда этого не забудетъ: постоянно онъ будетъ повторять, что вся бѣда произошла оттого, что его мнѣнія не приняли, а не приняли не почему другому, какъ только изъ ненависти къ нему. И какъ онъ пользовался этою ненавистію, какъ употреблялъ во зло свои отношенія къ царю! Выведенный въ люди царемъ и поддерживаемый имъ, онъ постоянно возбуждаетъ самолюбіе Алексѣя Михайловича: „Ты меня вывелъ, такъ стыдно тебѣ меня не поддерживать, дѣлать не по-моему, давать радость врагамъ моимъ, которые, дѣйствуя противъ меня, дѣйствуютъ противъ тебя". Такимъ образомъ, проповѣдуя самодержавіе, Нащокинъ прямо стремился овладѣть волею самодержца. Не могъ не чувствовать этого царь Алексѣй Михайловичъ, не могъ не скучать постоянными однообразными жалобами Нащокина. Андрусовское перемиріе, столько желанное для всѣхъ, чрезвычайно подняло Нащокина: его сдѣлали бояриномъ, подарили богатую Порѣцкую волость, сдѣлали начальникомъ Посольскаго Приказа съ громкимъ, небывалымъ титуломъ. Легко понять, что Аѳанасій Лаврентьевичъ не счелъ за нужное при этомъ перемѣнить своего образа дѣйствій и тона своихъ рѣчей; легко понять, какъ доставалось отъ него дьякамъ Посольскаго Приказа—Дохтурову, Голосову и Юрьеву, которые вели дѣло по старинѣ, а Нащокинъ хотѣлъ вести его по новому. Какъ смотрѣлъ онъ на Посольскій Приказъ, видно изъ слѣдующаго представленія его царю: „На Москвѣ, государь, ей, слабо и въ государственныхъ дѣлахъ нерадѣтельно поступаютъ. Посольскій Приказъ есть око всей Великой Россіи, какъ для государственной превысокой чести, вкупѣ и здоровья, такъ промыслъ имѣя со всѣхъ сторонъ и неотступное съ боязнію Божіею попеченіе, разсуждая и всечасно вашему государскому указу предлагая о народѣхъ, въ крѣпости содержати нелестно, а не выжидая только прибылей себѣ. Надобно, государь, мысленныя очеса на государственныя дѣла устремляти безпорочнымъ и избраннымъ людямъ къ расширенію государства отъ всѣхъ краевъ, и то, государь, дѣло одного Посольскаго Приказа. Тѣмъ и честь, и низость во всѣхъ земляхъ. И иныхъ Приказовъ къ Посольскому не примѣняютъ, и думные дьяки великихъ государственныхъ дѣлъ съ кружечными дѣлами не мѣшали бы и непригожихъ рѣчей на Москвѣ съ иностранцами не плодили бы".

Дьяки, которымъ тяжело приходилось отъ взыскательнаго нововводителя, естественно не могли отзываться о немъ хорошо, желали отъ него избавиться и были готовымъ орудіемъ въ рукахъ враговъ Нащокина, особенно въ его отсутствіе. Въ числѣ враговъ Нащокина указываютъ на одного изъ самыхъ близкихъ людей къ царю, Богдана Матвѣевича Хитрово; указываютъ и на причину вражды: Нащокинъ покровительствовалъ Англичанамъ, Хитрово—Голландцамъ. Уже съ дороги Нащокинъ началъ посылать жалобныя письма государю: „Товарищи мнѣ на съѣздъ назначены прежніе и для своихъ нужныхъ дѣлъ остались они на Москвѣ. Нынѣ я свободенъ отъ постороннихъ печалей, только бы товарищи мои насильно изъ Москвы высланы не были и печалей бы ихъ я не видалъ. Посольское дѣло основаніемъ своимъ имѣетъ совѣтъ Божій и прежде всего миръ между своими, тогда и противные въ миръ придутъ; а тебѣ, великому государю, сиротство мое, какъ ненавидимъ отъ стороны, извѣстно: такъ, по крайней мѣрѣ, не видать бы мнѣ отъ товарищей своихъ воздыханія и печалей, и свободною мыслію, безъ переговоровъ многихъ, служить. Умилосердился, великій государь, не изволь съ оскорбленіемъ, не по охотѣ изъ Москвы товарищей ко мнѣ высылать, чтобъ холопъ твой отъ чужихъ печалей не отбылъ твоего дѣла, которое всему свѣту годно. Я не на урочное время и не изъ корысти тебѣ, великому государю, служу, при Вседержителевѣ чудотворномъ образѣ ваше государское пресвѣтлое лицо мысленно на всякъ часъ во убогой душѣ моей и непремѣнно имѣю: такъ бы скончать ваше, великаго государя, дѣло неотложно. Какъ въ докладахъ, такъ и въ челобитьи моемъ обиды своей въ корыстяхъ никогда на товарищей своихъ не извѣщалъ. Великія государственныя дѣла оберегать—эта должность въ Божьей и въ вашей государской волѣ: за мое недостоинство отпустить и того на мнѣ не спрашивать. А если за злыми чужими нравами не буду имѣть свободной службы, товарищи мои отъ страха желанія своего въ совѣтъ не приложатъ, то въ такомъ несогласіи не было бы всему государству урона". Польскіе коммисары замѣшкались за королевскими выборами, и царь, въ началѣ мая, прислалъ Нащокину указъ—ѣхать въ Москву. „Мнѣ велѣно оберегать государственныя дѣла", отвѣчалъ Нащокинъ, „такъ послѣ этого на мнѣ не спросили бы? Не знаю, зачѣмъ я изъ посольскаго стана къ Москвѣ поволокусь? Въ твоей государевой грамотѣ ничего не написано. Пойду я за Спасовымъ образомъ въ Смоленскъ—станутъ говорить, что посольство оставлено, а на посольскомъ станѣ въ Мигновичахъ оставить чудотворный образъ безъ твоего указа я не смѣю. Пословъ ли мнѣ дожидаться, или на время въ Москву ѣхать, или впрямь быть отставлену отъ посольскихъ дѣлъ? Надобно, чтобъ всѣ людскіе переговоры и разности въ твоихъ дѣлахъ исчезли". Нащокинъ подозрѣвалъ, что тутъ все дѣйствуютъ козни враговъ его, и знатныхъ вельможъ, и товарищей по Приказу Посольскому; видѣлъ, что ему не присылаютъ изъ Приказа нужныхъ бумагъ, пишутъ, чтобы ѣхалъ въ Москву, а зачѣмъ,—не объявляютъ. Всплакался, по своему обычаю, Аѳанасій Лаврентьевичъ: „Отвелъ бы ты меня, холопа твоего, отъ посольства, такъ чтобъ уже во-вѣки не былъ. Вотъ и прошлою зимою обругали меня ни-за-что во весь свѣтъ! Воззри, великій государь, для своего здоровья и для всенародныхъ неисчетныхъ слезъ и оскорбленія всякаго въ нестроеніи приказномъ, омерзѣлаго меня, холопа твоего, вели отъ дѣла откинуть, если я тебя прогнѣвалъ и недостоинъ въ оборонѣ быть. Думнымъ людямъ никому ненадобенъ я, ненадобны такія великія государственныя дѣла! Откинуть меня, чтобъ не разорилось мною государственное дѣло! Какъ въ Московскомъ царствѣ искони, такъ и во всѣхъ государствахъ посольскія дѣла вѣдаютъ люди тайной ближней Думы, во всемъ освидѣтельствованные разумомъ и правдою и мзды непріемные. А я, холопъ твой, всего пустъ и вся дни службы своей плачусь о своемъ недостоинствѣ. У такого дѣла пристойно быть изъ ближнихъ бояръ: и роды великіе, и друзей много, во всемъ пространный промыслъ имѣть и жить умѣютъ; и Посольскій Приказъ ни отъ кого обруганъ не будетъ; отдаю тебѣ, великому государю, крестное цѣлованіе, за собою держать не смѣю по недостатку умишка моего". Въ Москву Нащокина послѣ этого не требовали: но вотъ пришла бѣда съ другой стороны: грамота изъ Варшавы отъ пановъ радныхъ, отъ 20 апрѣля: „Отдача Кіева, писали паны, по Андрусовскому договору, назначена нынѣшняго мѣсяца апрѣля 15-го числа; но изъ грамоты царскаго величества видно, что отдача эта отложена до коммисіи о вѣчномъ мирѣ. Это Андрусовскому договору очевидное нарушеніе. Вы, какъ великихъ посольскихъ дѣлъ оберегатель и владѣтель, должны стараться, чтобы Андрусовскій договоръ остался не нарушенъ. Ожидаемъ удовлетворительнаго отвѣта".—„На съѣздахъ объявится", отвѣчалъ Нащокинъ, „кто нарушилъ Андрусовскій договоръ", а въ Москву послалъ сказать, что въ Польшѣ и Литвѣ надобно промышлять казною, да надобно отпустить плѣнныхъ мѣщанъ: иначе на съѣздахъ будутъ изъ-за этого большіе вычеты и неуступчивость со стороны польскихъ коммисаровъ. Въ то же время Нащокинъ писалъ, чтобы отослали въ Польшу шведскую грамоту, написанную во враждебномъ для Россіи духѣ и привезенную польскимъ гонцомъ въ Москву: „Надобно отдать грамоту Полякамъ, чтобы не было изъ-за нея ссоры; если въ Посольскомъ Приказѣ скажутъ, что грамота нужна для улики Шведамъ, то вѣдь надобно прежде помириться съ Поляками, а потомъ уже ссориться со Шведами и уличать ихъ; если Посольскій Приказъ причтетъ мнѣ въ дерзость, что я обнадежилъ Поляковъ въ возвращеніи этой грамоты, то такой моей дерзости для прославленія государева имени и для сдержанія правды во всякихъ дѣлахъ много": Нащокинъ угадалъ: ему прислали изъ Москвы запросныя статьи, и въ 1-ой статьѣ говорилось: по какому указу обнадежилъ Поляковъ, что шведская грамота будетъ имъ возвращена? „Будучи на Москвѣ, ты говорилъ при государѣ и боярахъ, что грамоту надобно держать крѣпко на улику Шведамъ, потому что и за большія тысячи такой улики на Шведовъ не купить".—„Можно было держать до тѣхъ поръ, пока не спрашивали", отвѣчалъ Нащокинъ; „а когда просятъ, то надобно по дружбѣ отдать, потому что по дружбѣ прислали, а улика не уйдетъ, если грамота будетъ въ рукахъ у союзнаго друга".

2) Писалъ, что Дорошенка можно принять, и прислалъ статьи, но по этимъ статьямъ принять отнюдь нельзя; нельзя принимать до тѣхъ поръ, пока не окончатся переговоры на съѣздѣ съ коммисарами.—*Отвѣтъ:* „Въ томъ царскаго величества воля, а я долгъ свой отдалъ; а нынѣшнее устроенье въ крѣпость вѣчную о духовномъ чину учинить, что на свѣтѣ истинная вѣра безсмертна; а пріемъ Дорошенковъ безъ вѣры всегда непостояненъ и много Дорошенковъ. И Богъ къ готовому приступаетъ, а мое письмо по волѣ-жъ Его Святой въ доношенье посылано". 3) По его мнѣнію, объ удержаніи Кіева надобно дѣлать черезъ намѣстника Тукальскаго, но какимъ образомъ? *Отвѣтъ:* „Въ докладныхъ въ 21 статьѣ въ Приказъ Малой Россіи подлинно писано; когда бы милостивый указъ изъ Москвы былъ посланъ на челобитье кіевскихъ духовныхъ, какъ въ тѣхъ статьяхъ изображено, тогда надобно было бы и намѣстнику наказывать; а теперь уже время прошло". 4) Пусть объявить, что́ говорилъ въ разговорахъ въ Посольскомъ Приказѣ о пріѣздѣ нынѣшняго крымскаго посла. *Отвѣтъ:* „Съ крымскимъ посломъ надобно договориться накрѣпко, чтобъ впредь въ общемъ съѣздѣ на Украйнѣ или на Валуйкахъ быть государевымъ, польскимъ и крымскимъ посламъ вмѣстѣ, и общимъ совѣтомъ миръ заключить". 5) Какія докладныя письма оставлены имъ въ Тайномъ и Посольскомъ Приказахъ о Кіевѣ, по тѣмъ письмамъ Кіева задержать невозможно; а что онъ толкуетъ 16-ю статью, та къ Кіеву нейдетъ. *Отвѣтъ:* „Доклады оставлены на волю государеву, буди воля Божія и государева, а устроенье Восточной Церкви по склоненію духовныхъ по докладамъ отложено". 6) По какому указу отдалъ Гизелевы письма Бенѣвскому, и для чего? *Отвѣтъ:* „Кто объ этомъ донесъ, радъ съ тѣмъ стать на очную ставку въ такомъ причетѣ къ измѣнѣ. А что къ Гизелю отъ Бенѣвскаго слова дошли, то Бенѣвскій радъ ссорить; если товарищи мои тогда видѣли и слышали мою измѣну, а не извѣщали, и то ихъ правда ли? Устроенье за такими ложными измѣнами отлагается. Въ такомъ извѣтѣ по очной ставкѣ, въ чемъ Московскому государству убыль учинилъ, радъ, пристойно правдѣ, смертью розняться, чтобы мною ненавидимымъ воровство и нерадѣнье въ Посольскомъ Приказѣ искоренилось, а дѣлали бы по прежнимъ обычаямъ, безъ помѣшки, какъ имъ надобно." 7) Для чего онъ, ѣдучи изъ Курляндіи къ Смоленску, писалъ между инымъ дѣломъ безъ указу къ панамъ раднымъ объ отдачѣ Кіева по договору въ польскую сторону прежде времени, и тѣмъ подалъ поводъ панамъ прислать съ требованіемъ отдачи Кіева, и для чего польскаго нынѣшняго гонца у себя задержалъ, а въ Москву не пропустилъ, зная 20 статью Андрусовскаго договора? *Отвѣтъ:* „Писалъ къ Рѣчи Посполитой, чтобъ коммисаровъ на съѣздъ прислали до сроку отдачи Кіева, а не забытно это у Поляковъ и безъ письма моего. Гонца не послалъ затѣмъ, чтобы не было посольскимъ съѣздамъ отволоки; все равно съ переводомъ листа въ Посольскій Приказъ подлинно писано." 8) О переводѣ малороссійскаго духовенства изъ-подъ вѣдомства Константинопольскаго патріарха въ вѣдомство Московскаго говорено патріарху Александрійскому, и онъ хотѣлъ писать объ этомъ къ Константинопольскому патріарху съ прошеніемъ, только сказалъ, что безъ совѣта всѣхъ своихъ духовныхъ Константинопольскій патріархъ сдѣлать этого не смѣетъ, а онъ, Александрійскій, въ чужую епархію о томъ писать и указывать не смѣетъ. *Отвѣтъ:* „Когда по истиннымъ докладнымъ статьямъ промыслу быть не изволено, то какъ Богъ извѣститъ великому государю. А мое доношеніе со многою докукою для того: зачѣмъ входить въ убытки, держа Кіевъ черезъ срокъ? а чѣмъ держать, — тому былъ путь. А въ съѣздахъ для вѣчнаго мира безъ предварительнаго устроенья не мое сиротское дѣло отговаривать; совершать это великимъ посламъ изъ ближнихъ бояръ; по своему высокому господскому согласію учинятъ, какъ хотятъ; переговаривать будетъ некому, потому что не смѣютъ." 9) Почта для чего не за крестнымъ цѣлованьемъ? Грамотки распечатываютъ; а Марселисъ сказалъ, что и впередъ будетъ распечатывать; явно, что вѣсти переписываетъ; въ числахъ не сходится. И въ золотыхъ улика есть, что многіе присылаются чрезъ почту, а онъ не всѣ объявляетъ. Томасъ Келдерманъ не бивалъ челомъ, чтобъ ему почту держать и никто у него челобитья не слыхалъ. *Отвѣтъ:* „Леонтій Марселисъ самъ за себя отвѣтъ дастъ, какъ принимаетъ, а присягалъ ли служить правдою — это приказное дѣло. Если Посольскій Приказъ считаетъ Марселиса мнѣ другомъ, то по дѣлу ему ненавидиму быть. Такъ лучше меня изринуть; а тѣ узнаютъ перекупать и безъ меня, имъ же милы будутъ. А мнѣ до смерти одного пути, за помощію Божіею, безстрашно держаться, и какъ Богу, такъ единому помазаннику Его служить, сильныхъ не боясь; а сынишку оборона та-жъ." 10) Государева грамота къ нему послана была, чтобъ ѣхалъ въ Москву: пріѣхалъ Крымскій посланникъ для великихъ дѣлъ. *Отвѣтъ:* „Писалъ я во многихъ отпискахъ объ указѣ: Спасовъ образъ гдѣ поставить? А для чего мнѣ было въ Москву ѣхать—объ этомъ мнѣ не писали. На посольскомъ стану житье не праздно: великіе въ Литвѣ всполохи и наславлено про войска московскія на ссору; все это сдержано. Чтобъ милостивый царскаго величества указъ послѣдовалъ—откинуть меня отъ посольства за мои многія неистовыя дѣла, которыя тяжко нынѣ Посольскому Приказу слышать. Радъ бы я былъ, чтобы для меня дѣлу Божію и государскому не ругались и въ иныя земли безчестье Московскому государству проноситься перестало." 11) Мацкѣвичъ за собою никакихъ дѣлъ не сказалъ, кромѣ того, что Дорошенка къ подданству приводить, а Дорошенокъ самъ объ этомъ пишетъ и готовъ въ подданство. *Отвѣтъ:* „Зная Мацкѣвича, я писалъ

о его вѣрности; а нынѣ онъ про меня въ Приказѣ и на площади Богъ знаетъ что слышитъ; невинная смерть всякому претитъ; держатся того, гдѣ помощь; а я по Господѣ моемъ ни лисьихъ язвинъ, ни птичья гнѣзда, гдѣ подклонить грѣшную голову, не имѣю, и не надобно, а ему еще свѣтъ, хотя и въ бѣдности, не наскучилъ.“ 12) Пишетъ отъ себя въ Малороссійскій Приказъ о Черкасахъ, что ихъ принимали мимо всякой правды: къ чьему лицу онъ это написалъ? Кто ихъ принялъ мимо всякой правды? И что въ томъ пріемѣ правда, и что неправда? *Отвѣтъ:* „Милостивому государскому сердцу предать это суду праведному: ни къ чьему лицу это не причитано, не мышлено, а самое дѣло показуетъ. Хмельницкаго пріемъ-отъ Турскаго поворочень съ польскихъ кровей; другой подъ Конотопомъ, такъ и до нынѣшняго времени. Или еще то неизвѣстно: за благословеніемъ духовнымъ, отъ гоненія, какъ они именуютъ, Лядскаго, въ Константинополѣ и мірскіе къ Туркужъ, какъ прежде и Хмельницкій, въ подданство пошли, а къ святительскому престолу въ царство Московское духовнаго утвержденія не допашивали. А нынѣ отъ нихъ и есть.“ 13) Для чего Англійскій и Голландскій послы теперь къ Москвѣ идутъ? *Отвѣтъ:* „Идутъ къ Москвѣ по шведскому заводу, домогаются въ порубежныхъ городахъ и досталь долгами разорить: что̀ ихъ государствамъ надобно, то посланники и станутъ вымогать, а слабость Посольскаго Приказа узнали, что имъ надобно, то и дѣлаютъ по ихъ волѣ.“ 14) Для чего шведскому резиденту велѣно быть въ свою Землю? *Отвѣтъ:* „Такого ссорщика на Москвѣ, по его прошенью, оберегалъ Посольскій Приказъ. Вывѣдавъ все нестроенье посольское, какая между приказными ненависть и злая вражда, и кто въ этой враждѣ силенъ и въ Приказѣ владѣтеленъ,—вывѣдавъ все это, онъ ѣдетъ домой, чтобъ друзья шведскіе безъ него отъѣздомъ его наводили всякій страхъ, чего привыкли на Москвѣ блюстись. Англійскій посолъ грозилъ Шведами царству Московскому; а въ Посольскомъ Приказѣ ему въ томъ спущено: явная Шведу дружба! По этой дружбѣ и грамота шведская задержана для разрыва съ Польшею, а не для улики Шведамъ; и кто Шведовъ станетъ уличать по закупленнымъ ихъ стороннимъ страхамъ, которые на Москвѣ вкоренились? Призритъ Господь Богъ и помазанникъ Его изволитъ освободить всенародное христіанское дѣло отъ разрушенія, вскорѣ меня, Аѳонку, отъ посольства откинуть, и будетъ во всемъ безъ помѣшки, и что вновь дѣлано дерзостію, не по прежнимъ московскимъ дѣламъ, и то въ вѣчномъ мирѣ все исправятъ, все согласно по своимъ правамъ учинятъ; а мертвымъ сердцемъ того дѣла мнѣ впередъ дѣлать нельзя, и чему не выучился—взять неоткуда.“ Въ Москвѣ нападали на Леонтія Марселиса, котораго Нащокинъ употреблялъ по почтовому дѣлу. Нащокинъ выставлялъ заслуги своего любимца, и при этомъ случаѣ не забылъ уколоть Приказъ: „Апрѣля 9 (писалъ онъ царю) пріѣхалъ ко мнѣ на посольскій станъ Леонтій Марселисъ; ѣздилъ онъ въ Вильну, чтобъ съ тамошнимъ почтаремъ устроить постоянную государственную почту. Это великое государственное соединительное дѣло впередъ къ умноженію всякаго добра царству Московскому будетъ. Онъ же, Леонтій, будучи въ Вильнѣ, сыскалъ уставы печатные торговые постояннаго сбора со всякихъ товаровъ пошлинъ, какіе, при такомъ ближнемъ сосѣдствѣ, годны въ Москвѣ и во всей Великой Россіи. Эти уставы Леонтій повезъ въ Москву. Тамъ бояре спрашивали гостей о торговыхъ уставахъ: но гости, зная за собою вину и желая себѣ помочь, хотятъ Марсесиса отъ твоей государской милости отогнать, потому что онъ, служа въ сборахъ таможенныхъ, хотѣлъ объявить нерадѣніе головъ и съ гостями размолвилъ. Только бы въ Приказѣ правдою разсуждено было; неисчетные убытки твоей казнѣ въ Приказѣ!“

Въ то время какъ Ординъ-Нащокинъ перекарывался съ подчиненнымъ ему Посольскимъ Приказомъ, въ Варшавѣ былъ избранъ новый король—Михаилъ, князь Вишневецкій, сынъ знаменитаго Іереміи, ведшаго такую ожесточенную борьбу съ казаками. Ординъ-Нащокинъ изъ Мигновичей послалъ вѣсть въ Москву объ избраніи Вишневецкаго; но изъ Москвы къ нему—ни вѣсточки. Въ началѣ іюля онъ обратился къ государю: „Иноземцы, наслышась про палату твою государскую, что изъ Посольскаго Приказа о мнѣ огласная вражда въ міръ пущена, сомнѣваются въ совершеніи вѣчнаго мира; дивятся, что у такого превысокаго государственнаго дѣла я, ненавидимый въ палатѣ; а неправда моя не обличена и отъ дѣла посольскаго не откинутъ. Ваше государское самодержавіе во всемъ, съ сейму на Москвѣ государей не выбираютъ, и обо мнѣ знаютъ, что я вашею государскою милостію взысканъ. Шведскій резидентъ, наслышась на Москвѣ, великія тайныя ссоры учинитъ, какъ и до сихъ поръ дѣлалъ, и въ такихъ приказныхъ ссорахъ вѣчный миръ съ Польшею заключенъ быть не можетъ; указныхъ статей, по докладу моему, до сихъ поръ ко мнѣ не присылывано; шведская грамота, которой въ Польшу просятъ, отчего не отдать—неизвѣстно! Дойдетъ до съѣздовъ, и мнѣ, облихованному и ненавидимому человѣченку, съ прежнею смѣлостію твоихъ государевыхъ дѣлъ начать нельзя; прежде, когда товарищъ былъ на посольствѣ, самъ не дѣлалъ, но въ Москвѣ стыдился меня уличать. Опальными и ненавидимыми людьми во всемъ свѣтѣ такихъ безцѣнныхъ дѣлъ о унятіи христіанской крови не дѣлаютъ. Припомни, великій государь, многія горькія слезы предъ лицомъ твоимъ государскимъ. Кто Богу и тебѣ неотступно служитъ, безъ мірскаго привода,—тѣ гонимы. Явно тебѣ, великому государю, что я, холопъ твой, по твоей государской неисчетной милости, а не по палатному выбору тебѣ служу, и никакихъ пожитковъ тлѣнныхъ не желая, за милость твою государскую неотвратно и безстрашно, никого сильныхъ не боясь, умираю въ правдѣ. Если я избываю своей вины, или за нерадѣніе твоей государской службы, или надъ кѣмъ хотя видѣть твою государскую праведную опалу, то укажи меня, беззаступнаго, прежде казнить, чтобъ иные наказались безъ заступы такъ дерзко, какъ я, въ дѣлахъ поступать, и держались бы, кто изъ палаты къ твоимъ дѣламъ по совѣту выбранъ будетъ. Разрушая Божію помощь, мучатъ меня злыми ненавистями, не доискавшись вины, что Богу и тебѣ, великому государю, въ моей дерзости противно и всему государству въ чемъ вредно было; уличили бы меня, на какія свои корысти продалъ я твои государскія дѣла,—потому что корень всему злу сребролюбіе; а къ иноземцамъ меня въ поступкахъ дѣлъ причитаютъ, то Апостолъ сказалъ: всѣмъ себя поработихъ да множае пріобрящу".

Аѳанасій Лаврентьевичъ не пропускалъ случая уколоть дяковъ. Одинъ Грекъ билъ челомъ въ Посольскій Приказъ, чтобы отписали въ Минскъ о безпошлинномъ пропускѣ оттуда его товаровъ. Нащокинъ отвѣчалъ, что на это нѣтъ никакого права: „Чтобы изъ Посольскаго Приказа дать грамоту челобитчику,—и мимо себя съ такою неправдою не пропущу; тутъ твоему государскому имени отъ иноземцевъ была бы укоризна; есть съ чего посольскимъ дьякамъ нескуднымъ быть и безъ иноземскихъ дѣлъ. Не научились посольскіе дьяки при договорахъ на съѣздахъ государственныя дѣла въ высокой чести имѣть, а на Москвѣ живучи, безстрашно мѣшаютъ посольскія дѣла въ прибыляхъ съ четвертными и съ кабацкими откупами".

Въ Москвѣ платили ему тою же монетою и назначали ему въ товарищи Ивана Желябужскаго, человѣка нелюбимаго имъ. Нащокинъ встрѣтилъ Желябужскаго вопросомъ: „Впередъ ты, будучи у посольскаго дѣла, помогать мнѣ станешь ли? объяви заранѣе, потому что послѣ отсылать тебя отъ дѣла будетъ нехорошо" —„Тебѣ допрашивать меня не указано", отвѣчалъ Желябужскій; „польскіе послы моего имени въ грамотахъ своихъ не пишутъ, такъ я на съѣздѣ стану имъ то выговаривать, а дѣло посольское стану дѣлать, о чемъ указъ будетъ присланъ". Нащокинъ послалъ грамоту въ Москву: „По такому, великій государь, несогласію, дѣлу Божію и твоему разрушеніе! И на Москвѣ изъ Посольскаго Приказа злыхъ дѣлъ наслушано, и то великое разрушеніе, а теперь на пословъ нападутъ со враждою и съ небыличными выговорами".

Желябужскій въ свое оправданіе писалъ: „Я пріѣхалъ въ Мигновичи 10-го іюля, и до 20-го числа бояринъ Аѳанасій Лаврентьевичъ со мною о государскихъ дѣлахъ ничего не говаривалъ: получитъ черезъ почту изъ Польши письма:—меня не призываетъ и знать мнѣ объ нихъ не даетъ, а если и призоветъ, то ни о какихъ дѣлахъ не говоритъ, только разспрашиваетъ, по какому моему доводу государь присылалъ къ нему стрѣлецкаго голову Лутохина? для чего я къ нему чрезъ его письмо ѣхалъ? Говоритъ, будто онъ къ великому государю писалъ, чтобы меня не высылать; говоритъ, что я ему у государева дѣла ненадобенъ, дѣлаю будто я дѣла проклятыя; что мнѣ у посольскаго дѣла быть нельзя, потому что съ польскими коммисарами стану говорить спорно, а ему, боярину, говорить надобно все съ поклонами и съ челобитьемъ, чтобы польскихъ коммисаровъ ни чѣмъ не раздосадовать; ходить ему надобно за коммисарами съ покорствомъ, потому что за нами есть ихъ добро (Кіевъ), и впередъ грозитъ многими разспросами. А я противъ его разспросовъ никакого своего довода не таилъ, и никого ни въ чемъ не вѣдаю. и не доваживалъ, и проклятыхъ дѣлъ никакихъ не держусь, и посольскихъ дѣлъ на съѣздахъ безъ противныхъ словъ съ поклонами и съ хожденьемъ за польскими коммисарами съ покорствомъ, какъ дѣлать — настолько меня не станетъ. И теперь мнѣ, за боярскимъ письмомъ на меня къ великому государю, у дѣла быть нельзя, чтобы отъ недружбы боярина Аѳанасія Лаврентьевича напрасно не пострадать и отъ великаго государя въ опалѣ не быть, чтобы мнѣ, бѣдному, въ Мигновичахъ вконецъ не погибнуть".

Желябужскій былъ отозванъ въ Москву; прислали и шведскую грамоту. Но Аѳанасій Лаврентьевичъ не успокоился: послалъ къ государю новую жалобу на посольскихъ дьяковъ, обвинялъ ихъ въ явномъ желаніи не допустить до вѣчнаго мира; жаловался, что когда онъ былъ отправленъ въ Курляндію, то дьяки, удержавъ у себя посольскій наказъ, передѣлывали и прислали къ нему съ подъячимъ въ дорогу; послѣ его отъѣзда докладывали государю, писать ли его, Нащокина, царственной большой печати и государственныхъ великихъ посольскихъ дѣлъ оберегателемъ. —„Указу и статей для мирнаго постановленія мнѣ до сихъ поръ не прислано; въ Посольскомъ Приказѣ развѣ то мнѣ въ вину поставлено, что неотступно великому государю служу. Если мнѣ Посольскій Приказъ не вѣритъ, то этимъ государственныя дѣла обруганы. Въ чужія государства меня оберегателемъ пишутъ, а у себя въ Приказѣ не вѣрятъ".

Съ 25 сентября начались у Нащокина съѣзды съ польскими коммисарами — Яномъ Гнинскимъ, воеводою Хелминскимъ, Николаемъ Тихановецкимъ, воеводою Мстиславскимъ, Павломъ Бростовскимъ, писаремъ Литовскимъ. Нащокинъ объявилъ, что для утвержденія вѣчнаго мира надобно быть посредникамъ: коммисары говорили, чтобы мирится безъ посредниковъ, а если дѣло не сладится, тогда искать способу чрезъ посредниковъ. Потомъ начали говорить, какъ бы украинскіе народы успокоить, и отъ турскаго подданства отвратить. Нащокинъ говорилъ, что это дѣло надобно рѣшить прежде всего, и для успокоенія Украйны надобно быть посольскимъ съѣздамъ подъ Кіевомъ или призвать выборныхъ изъ Украйны въ Андрусово. — „Нѣтъ", возражали коммисары. „надобно прежде заключить вѣчный миръ". — „Вѣчный миръ", отвѣчалъ Нащокинъ, „можетъ быть заключенъ только на условіяхъ Андрусовскаго перемирія". — „А зачѣмъ Кіевъ не отданъ въ положенный срокъ"? спрашивали коммисары.— „Затѣмъ", отвѣчали имъ, „что вы прислали для его занятія полковника Пиво съ немногими людьми; но развѣ можно было сдать имъ такую крѣпость?—это было все равно, что сдать ее бусурманамъ".— „Отчего", спрашивали опять коммисары, „отчего по союзному договору царскія войска не соединялись съ нашими между Днѣпромъ и Днѣстромъ"?— „Потому", былъ отвѣтъ, „что не допустили до этого соединенія Татары и Дорошенко, перешедши на путивльскую сторону, гдѣ Дорошенко захватилъ многіе города и теперь держитъ; королевскимъ войскамъ слѣдовало помогать нашимъ на путивльской сторонѣ".—„Не могли тогда наши войска помогать", отвѣчали коммисары, „потому что въ прошедшую войну мы изнурились. Надобно это пустить на волю Божію".—„Надобно писать въ Украйну для ея успокоенія", началъ опять Нащокинъ. „Какъ писать"? спросили послы.—„Писать съ обѣихъ сторонъ къ духовнымъ и мірскимъ людямъ, пусть они или пришлютъ выборныхъ на нынѣшніе съѣзды, или какого другого утвержденія потребуютъ". 19 октября письма были отправлены. Послѣ этого коммисары опять начали толковать о Кіевѣ. „Нельзя было намъ отдать Кіевъ", отвѣчалъ Нащокинъ, „смута была тогда въ Украйнѣ". Коммисары стали говорить о вѣчномъ мирѣ съ возвращеніемъ всего пріобрѣтеннаго по Андрусовскому перемирію. „Объ этомъ нечего говорить", отвѣчалъ Нащокинъ: „Смоленскъ и строенъ съ нашей стороны, и останется за нами вѣчно". Въ этихъ переговорахъ протянулось два мѣсяца слишкомъ. На девятомъ съѣздѣ, 29 ноября, коммисары объявили, что имъ велѣно подтвердить договоръ о соединеніи войскъ; договоръ о вѣчномъ мирѣ былъ отложенъ, но коммисары упорно стояли, чтобы назначенъ былъ срокъ сдачи Кіева. Это упорство затянуло переговоры до 7 марта 1670 года, когда Поляки перестали наконецъ толковать о Кіевѣ. Постановили, чтобы первый Андрусовскій договоръ сохранился во всѣхъ статьяхъ, запятыхъ и точкахъ, равно и постановленіе о союзѣ противъ бусурманъ.

Подробности о дальнѣйшей судьбѣ Нащокина намъ не извѣстны. Въ январѣ 1671 года, по случаю свадьбы царской, бояринъ Аѳанасій Лаврентьевичъ Ординъ-Нащокинъ упоминается въ числѣ бояръ, бывшихъ за великимъ государемъ, а въ февралѣ начальникомъ Посольскаго Приказа уже является любимецъ царскій, Артемонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ; Нащокинъ сходитъ съ служебнаго поприща и постригается, подъ именемъ Антонія, въ Крыпецкомъ монастырѣ, въ 12 верстахъ отъ Пскова Въ Дворцовыхъ Разрядахъ сохранилось слѣдующее извѣстіе: „Тогожъ году (1671) въ Польшу великіе послы: бояринъ Аѳанасій Лаврентьевичъ Ординъ-Нащокинъ да думный дворянинъ Ив. Ив. Чаадаевъ И Аѳанасій Нащокинъ отставленъ, а на его мѣсто указалъ государь быть окольничему Вас. Сем. Волынскому". Очень можетъ быть, что, вслѣдствіе этого назначенія, Нащокинъ подалъ такія докладныя статьи, на которыя не хотѣли согласиться, а онъ иначе не согласился ѣхать, и это несогласіе повело къ окончательному удаленію Нащокина отъ дѣлъ.

Въ то время какъ Посольскій Приказъ перемѣнялъ своего начальника, сношенія съ Польшею получали все больше и больше важности по поводу дѣлъ турецкихъ.

Въ августѣ 1670 года пріѣхалъ въ Москву королевскій посланникъ, Іеронимъ Комаръ. Онъ требовалъ, чтобы царь велѣлъ двинуться войскамъ своимъ въ Украйну противъ Турокъ и Татаръ, постоянно грозящихъ Польшѣ; требовалъ, чтобы немедленно дана была помощь Бѣлой Церкви, угрожаемой Дорошенкомъ, который разорвалъ переговоры съ польскими коммисарами въ Острогѣ. Ему отвѣчали: „Если царскія войска явятся въ Украйну, то это только раздражитъ казаковъ, особенно Дорошенка, котораго это не успокоитъ: напротивъ—въ движеніи царскихъ и королевскихъ войскъ онъ увидитъ явное намѣреніе изгубить украинскіе народы, и станетъ призывать къ себѣ на оборону турецкія войска. Царскія войска стоятъ въ Бѣлгородскомъ и и Сѣвскомъ полкахъ, и оберегаютъ Украйну. Обоимъ великимъ государямъ шатостныхъ казаковъ лучше привесть въ послушаніе милостію, а не жесточью".

Въ декабрѣ 1671 года, во дворцѣ великаго государя было большое торжество: пріемъ великихъ и полномочныхъ пословъ его королевскаго величества, Яна Гнинскаго и Павла Бростовскаго. Воевода Хелминскій витійствовалъ въ длинной рѣчи предъ царемъ: „Кто здравымъ окомъ и нетемнымъ разумомъ взвѣситъ дѣла Божія, у Котораго народы игрищемъ, вселенная и небеса яблокомъ: кто изочтетъ на востокѣ солнца Мидійское, Ассирійское и Персидское единоначальство, на полдень и на западъ Греческое и Римское величіе, премудрость, силу и обиліе Египта, рай Обѣтованной земли, ея богатства и утѣшенія, и потомъ увидитъ эти страны въ пеплѣ, въ крови, безъ имени, подъ игомъ неволи и, что̀ всего хуже, безъ познанія Божія:— тотъ долженъ признать, что Богъ, взамѣну всѣхъ этихъ народовъ, возбудилъ, поставилъ и укрѣпилъ народы, находящіеся подъ владѣніемъ королевскаго и вашего царскаго величества, далъ королевскому величеству отъ востока и отъ полудня заступленіе, утверждающееся на крѣпкомъ союзѣ съ цесарскимъ величествомъ и съ цѣлымъ домомъ Австрійскимъ; велики владѣнія ихъ!—до Африки и Сициліи расширяются, обнимаютъ Америку, полную златомъ, и непобѣдимымъ скипетромъ защищаютъ Европу. А ваше царское величество заступаете Европу съ другой стороны, въ предѣлахъ владѣній вашихъ родятся, ростутъ, разливаются Донъ, Двина и Волга. Ты побѣждаешь дикихъ наслѣдниковъ Батыя и Темиръ Аксака и защищаешь Европу, зѣницу вселенныя; ты стремишься къ странѣ, орошаемой Дономъ, дабы и тамъ, незнаемой части вселенныя, наложить имя славянское; паче всего услаждаешь неудобства полунощныя милосердіемъ правленія. Оба народа—

Польскій и Русскій—Богъ Превѣчный положилъ стѣною христіанства: какой же страшный отчетъ дать долженъ предъ Небомъ тотъ, кто дерзнетъ ихъ ослаблять или дѣлить несогласіемъ или дружбою неискреннею".

Для переговоровъ съ послами назначены были: ближній бояринъ, князь Юрій Алексѣевичъ Долгорукій, бояринъ, князь Димитрій Алексѣевичъ Долгорукій, думный дворянинъ Артемонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ. Послы начали жалобою на Сѣверскихъ казаковъ, которые въ воеводствѣ Мстиславскомъ и повѣтѣ Кричевскомъ заѣхали земли по рѣку Сожь и мирному постановленію чинятъ всякія противности. „Объ этомъ уже послано къ гетману Демьяну Многогрѣшному", отвѣчали бояре. Потомъ послы объявили дѣло поважнѣе: „Съ великою жалостію объявляемъ, что въ государствѣ королевскаго величества имѣются нѣкоторыя противности: гетманъ Петръ Дорошенко измѣнилъ, и на корону Польскую наступаютъ непріятели посторонніе; чтобы великій государь изволилъ учинить помощь своими ратными людьми для успокоенія такихъ противностей, по любви къ королю и по утвержденному договору". *Бояре:* „Въ прошломъ году, какъ были на съѣздахъ съ обѣихъ сторонъ великіе и полномочные послы, писали они въ Украйну къ духовенству и къ мірскимъ людямъ, призывая къ себѣ на съѣзды ихъ выборныхъ, чтобы эти выборные прислушались и увидали, что послы договариваются только объ успокоеніи христіанскомъ, а противнаго ничего украинскимъ городамъ не чинится. И теперь гетманъ Демьянъ Игнатовичъ прислалъ къ великому государю Кіевскаго полковника Константина Солонину съ товарищами, людей честныхъ и разумныхъ: такъ вы бы, послы, позволили въ отвѣтной палатѣ этимъ посланцамъ быть для прислушанія къ дѣламъ, и какія зацѣпки Сѣверскіе казаки въ королевскихъ владѣніяхъ сдѣлали, посланцы свое оправданіе намъ объявятъ сами. Пусть посланцы знаютъ, что мы договариваемся о братской дружбѣ между великими государями, объ успокоеніи обоихъ государствъ: а то, какъ прежде, при подтвержденіи въ Москвѣ Андрусовскаго договора, изъ Украйны выборныхъ людей не было, то вскорѣ послѣ гетманъ Ивашко Брюховецкій, сославшись съ королевскимъ гетманомъ Петромъ Дорошенкомъ, царскому величеству измѣнилъ, и невинной крови пролилось много". *Послы:* „При нашихъ разговорахъ гетманскимъ посланцамъ быть непристойно, потому что если какое-нибудь наше объявленіе покажется имъ противно, то они станутъ намъ о томъ выговаривать неучтиво, по своему казацкому украинскому праву, и это королевскому величеству будетъ къ безчестью, и королевскаго указа у насъ о томъ нѣтъ. Если у гетманскихъ посланцовъ есть какія дѣла, то пусть бьютъ челомъ въ Приказѣ, а вы намъ объ этомъ объявите. На андрусовскіе съѣзды украинскіе выборные не были присланы, значитъ—милость обоихъ государей украинскіе люди преслушали, и къ нынѣшнему договору призывать ихъ не надобно, а приводить непослушныхъ къ послушанію и отъ турецкаго подданства отвратить такимъ способомъ, какъ написано въ Московскомъ договорѣ,—войсками съ обѣихъ сторонъ". *Бояре:* „Безчестья королевскому величеству не будетъ никакого, позвольте только имъ быть для прислушанія дѣлъ, а въ разговоры они вступаться не станутъ, и сидѣть не будутъ,—будутъ стоять, какъ и другіе наши и ваши дворяне; прежде украинскіе духовные, митрополитъ и два епископа при самомъ королѣ въ сенатѣ засѣдали и вольный голосъ имѣли. Недавно еще великій гетманъ коронный Собѣскій съ казаками украинскими договаривался, и въ Острогѣ у Станислава Бенѣвскаго была коммисія съ казаками, и договаривались прямымъ посольскимъ обычаемъ: стало быть, дѣло не новое". *Послы:* „Украинскихъ народовъ по совѣту обоихъ великихъ государей призывать не надобно, потому что украинскіе люди непостоянны и никогда въ правдѣ не стоятъ. На прошлую коммисію въ Андрусово гетманъ Дорошенко къ намъ писалъ, что посланъ о всемъ бить челомъ королевскому величеству на элекцію, а послѣ сталъ бить челомъ въ подданство царскому величеству. И гетмана Демьяна посланцамъ при нашихъ разговорахъ быть опасно: вывѣдавъ обо всемъ, станутъ они писать къ гетману Демьяну, а тотъ станетъ ссылаться съ Дорошенкомъ. При посольскихъ разговорахъ для наученія государственнымъ дѣламъ бываютъ люди вѣдомые, вѣрные. Гетмана Демьяна Многогрѣшнаго называемъ мы подданнымъ царскаго величества только въ перемирные годы; а какъ перемирные годы отойдутъ, тогда можно будетъ его называть и королевскаго величества подданнымъ. Прежде Кіевскій митрополитъ и двое владыкъ въ сенатѣ мѣсто имѣли по волѣ королевской, и то дѣло особое. Только въ этихъ длинныхъ разговорахъ время проволакивается, а дѣло не дѣлается; изволилъ бы великій государь учинить тому разрѣшеніе".

Но скораго разрѣшенія трудно было надѣяться, потому что впереди стояли важныя дѣла. Въ январѣ 1672 года послы объявили, что король могъ бы покрыть братскою любовію, что Кіевъ на срокъ не отданъ, если только будетъ назначенъ другой срокъ уступки; потомъ послы спрашивали: по обязательствамъ союза какую помощь противъ бусурманъ окажетъ царское величество королевскому? Просили наказать Сѣверскихъ казаковъ, перешедшихъ рубежи воеводства Мстиславскаго, подававшихъ помощь Дорошенку, непріятелю обоихъ государствъ; чтобы жителямъ Римской вѣры въ уступленныхъ по Андрусовскому договору областяхъ дозволено было свободно отправлять свое богослуженіе, вольно было или принимать въ домы свои каплановъ, или для богомолья выѣзжать за рубежъ; чтобы шляхтѣ изъ этихъ областей вольно было переходить въ королевскую сторону; жаловались, что плѣнная шляхта и воинскіе люди до сихъ поръ еще не освобождены, мощи, образа, утварь костельная, дѣла воеводства Кіевскаго не отданы; просили, чтобы царь велѣлъ отдать Велижъ къ воеводству Витебскому, а Себежъ и Невль—къ Полоцкому.

Бояре отвѣчали, что къ гетману Многогрѣшному посланъ указъ о казацкихъ зацѣпкахъ, и списокъ съ этого указа данъ будетъ посламъ; надобно было съѣхаться на рубежахъ съ обѣихъ сторонъ межевымъ судьямъ, но со стороны королевской они не высланы. Изъ плѣнныхъ въ сторонѣ царскаго величества никто не задержанъ: остались тѣ, которые сами захотѣли остаться; но много плѣнныхъ задержано въ сторонѣ королевской, и посламъ объ этомъ такъ досадительно объявлять не довелось, потому что съ обѣихъ сторонъ уже объ этомъ говорено пространно. Съ польской стороны не только-что въ титулѣ царскаго величества сдѣланы многія прописки, но и книги напечатаны государю и предкамъ его на великое безчестье. Союзъ нарушенъ со стороны королевской: когда королевскій гетманъ Дорошенко съ Татарами воевалъ на восточной сторонѣ Днѣпра царскіе города, то отъ короля помощи не подано. Въ Варшавѣ, въ королевскомъ дворцѣ, въ той палатѣ, гдѣ принимаютъ пословъ, на сводѣ написано живописнымъ письмомъ: на одной сторонѣ король съ сыномъ и панами-радою, на другой—гетманъ Польскій гонитъ московскіе полки, царь и бояре взяты въ плѣнъ, связаны; ту исторію всѣмъ иностраннымъ посламъ показываютъ, и подлинно какъ была побѣда разсказываютъ съ насмѣханіемъ и съ укоризною Московскому государству и Россійскому народу. Тѣло царя Василья Ивановича Шуйскаго уже въ Москвѣ, прежнее вспоминать и тѣмъ досаждать за такимъ теперь мирнымъ постановленіемъ не годится, и королевское величество для братской любви велѣлъ бы то выображеніе въ палатѣ своей снять. Чтобъ отклонить бусурманское нашествіе, надобно обоимъ великимъ государямъ писать къ государямъ христіанскимъ и къ султану Турскому, а помочь войскомъ и Кіевъ отдать царскому величеству невозможно, потому что съ королевской стороны противъ Дорошенка и Татаръ помощи не дано; но царское величество не перестанетъ помогать королю калмыцкими, ногайскими и донскими войсками. Пишутъ уже теперь и въ печатныхъ курантахъ, что Турскій султанъ очень печалится: всѣ христіанскіе государи заключили союзъ и хотятъ на него войною наступать. Въ курантахъ же пишутъ, что Турскій султанъ послалъ-было войска свои на Черное море, но какъ услыхалъ, что русскія войска на Черное море противъ него идти хотятъ, то велѣлъ всѣ свои войска возвратить. Послѣ этого объявленія бояре дали посламъ записку о Дорошенкѣ: „Къ великому государю пишетъ гетманъ Демьянъ Игнатовичъ, что присылаетъ къ нему съ той стороны гетманъ Петръ Дорошенко и вся старшина, просятъ, чтобъ царское величество велѣлъ принять ихъ подъ свою высокую руку, потому что въ сторонѣ королевской въ вѣрѣ чинится имъ гоненіе. И королевское величество позволилъ бы царскому величеству принять Дорошенко, чтобъ его тѣмъ отъ турскаго подданства отвратить. А если король и Рѣчь Посполитая принять Дорошенка не позволятъ, то царскому величеству принять его можно и потому, что король въ своей грамотѣ называлъ его подданнымъ Турскаго султана, и писалъ, что онъ уговариваетъ къ турецкому же подданству и восточную сторону Днѣпра; а Дорошенко пишетъ, что онъ поддался Турскому султану отъ гоненія въ вѣрѣ, и по тому по всему царскому величеству принять Дорошенка подъ свою высокую руку можно. Да и Запорожцы просятся въ подданство къ царскому величеству, а у короля быть не хотятъ, потому что имъ никакой заплаты не было“.

Послы продолжали требовать, чтобъ Сѣверскіе казаки выступили изъ занятыхъ ими воеводствъ и разоренная ими шляхта получила вознагражденіе,—иначе эта шляхта разорветъ сеймъ; требовали, чтобы царь помогъ войсками королю противъ Турокъ: царь обязанъ это сдѣлать, вопервыхъ, потому, что Турки сбираются воевать Польшу за союзъ ея съ Москвою, а вовторыхъ, царь долженъ помочь и потому: когда сосѣдъ погоритъ, то и до другого огонь доберется. Въ Польшѣ есть приповѣстка такая: однажды Русинъ звалъ Поляка на помощь противъ Турка; Полякъ отказалъ, и Русинъ ему молвилъ: „Поддавшись Турку, приду на корону войною“. Наконецъ послы не переставали требовать, чтобъ назначенъ былъ срокъ возвращенію Кіева. „Уступимъ вамъ Кіевъ“, возражали бояре, „а Турокъ войдетъ въ Украйну, и Кіевъ сдѣлается гнѣздомъ для турецкихъ войскъ“.

Насчетъ Дорошенка послы объявили: „Царскому величеству нельзя и негодится принять Дорошенка; хотя бы и принялъ, то права на Украйну отъ этого не прибудетъ, потому что и самъ Дорошенко права на нее не имѣетъ; какъ вольно было королевскому величеству поставить его гетманомъ, такъ и перемѣнить вольно, когда того заслуживаетъ. Если королевское величество объявляетъ самъ о его измѣнѣ, то царскому величеству слѣдуетъ помогать на него, а не принимать его. Вѣра Греческая не терпитъ никакого утѣсненія и поруганія; притѣснена она самимъ Дорошенкомъ, который платитъ бусурманамъ за оборону свою душами христіанскими, всѣ церкви въ вѣчное порабощеніе предаетъ и ко введенію мечетей ворота отворяетъ. Если царское величество возьметъ Дорошенка въ защиту, то война турецкая этимъ не утишится, но еще больше разгорится, ибо Турки увидятъ, что владѣнія царскія приближаются къ Греческимъ государствамъ, находящимся подъ турецкимъ владычествомъ“.—„Если“, говорили бояре, „король позволитъ царскому величеству принять Дорошенка, то отъ этого королю и Рѣчи Посполитой противъ Турокъ будетъ великая помощь и прибыль“.—„Какая прибыль“? спросили послы.—„Султанъ“, отвѣчали бояре, „испугается, узнавъ, что Дорошенко подданный царскій, а не королевскій,—подумаетъ, что всѣ соединятся противъ него, и пристанутъ къ нимъ Волохи, Молдаване и другіе Греческой вѣры люди. Испугавшись этого, султанъ не начнетъ войны, какъ прежде султанъ Баязетъ, узнавъ о союзѣ христіанскихъ государствъ, тотчасъ прислалъ просить о перемирьи къ Польскому королю Яну-Альбрехту, какъ разсказываетъ хроника Стрыйковскаго".

Наконецъ, послѣ долгихъ споровъ, согласились на слѣдующихъ статьяхъ: 1) Оба великіе государи обязуются содержать ненарушимо Андрусовскія и Московскія постановленія, безо всякаго умаленія и противнаго толкованія. 2) Эти трегубые прошлые договоры и настоящее четвертое постановленіе государи подтверждаютъ присягою передъ Св. Евангеліемъ. 3) Трудности, которыя явились при исполненіи нѣкоторыхъ статей, напримѣръ, насчетъ Кіева и вспоможенія войсками другъ другу, уладить на коммисіи, имѣющей быть въ іюнѣ 1674 года. 4) Въ случаѣ наступленія Турецкаго султана на Польшу, царь помогаетъ королю войсками калмыцкими, ногайскими и другими ордами сухимъ путемъ, и Донскими казаками моремъ, также пошлетъ указъ на Запорожье, чтобы тамошніе казаки выходили какъ можно скорѣе въ море, въ возможно большей силѣ, чайками. 5) Царь пошлетъ къ султану и хану грамоты, отговаривая ихъ отъ войны съ Польшею. 6) Царь запретитъ Сѣверскимъ казакамъ давать помощь бусурманамъ или Дорошенку. 7) Царь позволяетъ шляхтѣ, оставшейся въ Смоленщинѣ, Стародубщинѣ и другихъ мѣстахъ, отъ Литвы присоединенныхъ, возвратиться въ сторону королевскую съ женами, дѣтьми и имуществомъ. 8) Римской вѣры людямъ, въ сторонѣ царскаго величества оставшимся, позволяется для богослуженія ѣздить за-границу въ ближніе костелы; а русскимъ людямъ, въ сторонѣ королевской пребывающимъ, вольное употребленіе вѣры Греческой. 9) Мѣщане и купцы, оставшіеся до сихъ поръ въ Московскомъ государствѣ, по заплатѣ своихъ долговъ, отпускаются въ сторону королевскую, кромѣ тѣхъ, которые сами захотятъ остаться; о тѣхъ же мѣщанахъ, которые живутъ въ боярскихъ и другихъ людей дворахъ, будетъ рѣшено на будущей коммисіи. 10) Возвращаются части Св. Древа, взятаго въ Люблинѣ, сколько можно было собрать; возвращаются мощи Св. Калистрата, золото, серебро, утварь и колокола каѳедры Смоленской, сколько можно найти. Царское величество разошлетъ указы отыскивать всякія книги, дѣла, образа, церковныя утвари и украшенія, и что найдется, возвратить королевскому величеству. 11) Сѣверскимъ казакамъ приказано будетъ очистить занятыя ими мѣста въ воеводствѣ Мстиславскомъ, повѣтахъ Рѣчицкомъ и Мозырскомъ, но безъ вознагражденія убытковъ. 12) Назначаются по два порубежныхъ судьи въ каждомъ воеводствѣ, повѣтѣ и уѣздѣ.

Въ исполненіе пятой статьи договора, въ апрѣлѣ 1692 года, толмачъ Даудовъ и подъячій Венюковъ отправились къ султану Магомету IV съ царскою грамотою. Государь писалъ, чтобы Магометъ удержался отъ войны съ Польшею и хану запретилъ ходить на короля; въ противномъ случаѣ онъ, какъ государь христіанскій, обославшись со всѣми окрестными государями христіанскими, станетъ противъ Турокъ промыслъ чинить, пошлетъ къ Донскимъ казакамъ указъ, чтобъ шли на Черное море, сухимъ путемъ пошлетъ Калмыковъ, Ногаевъ и Едисанскихъ Татаръ, кромѣ того подвигнетъ сосѣднихъ государей христіанскихъ и шаха Персидскаго. Вмѣсто султана, отвѣчалъ великій визирь, упрекалъ за неприличныя слова, недостойныя государей, и оканчивалъ грамоту такъ: „Будете друзья или недруги намъ, въ какой путь ни пойдете, съ нашей стороны то же самое увидите". Возвратясь, Даудовъ разсказывалъ: „Въ Молдавіи и Валахіи жители говорятъ: „Если христіане хотя малую побѣду одержать, то и мы сейчасъ же станемъ промышлять надъ Турками". Но за то разсказалъ и другое: Астраханскіе и Казанскіе Татары и Башкирцы приходили къ султану съ просьбою, чтобы онъ ихъ всѣхъ съ Астраханскимъ и Казанскимъ царствомъ принялъ въ подданство; жаловались, будто московскіе народы, ненавидя ихъ бусурманскую вѣру, многихъ изъ нихъ бьютъ до смерти и разоряютъ безпрестанно. Султанъ отвѣчалъ, чтобы потерпѣли немного, и пожаловалъ ихъ кафтанами.

Гроза собиралась на югѣ; начавшіяся-было мирныя соглашенія съ Крымомъ были порваны. 29-го апрѣля 1671 года плѣннаго боярина Василья Борисовича Шереметева позвали къ хану на отпускъ и велѣли ему поклониться Адиль-Гирею въ землю. Ханъ велѣлъ надѣть на боярина шубу соболью да кафтанъ золотный, а когда Шереметевъ вышелъ изъ палаты, то ему подвели аргамака со всѣмъ конскимъ уборомъ; потомъ ханъ прислалъ ему два кафтана—атласный и суконный, шапку и штаны суконные, прислалъ рыдванъ со всѣмъ нарядомъ и шесть возниковъ. Шереметевъ выѣхалъ изъ Бахчисарая къ Перекопи. Но судьба хотѣла жестоко насмѣяться надъ несчастнымъ старикомъ: пріѣхалъ изъ Константинополя чаушъ съ султанскою грамотою—велѣно хана Адиль-Гирея перемѣнить. Новый ханъ, Салимъ-Гирей, прислалъ приказъ — не отпускать Шереметева; боярина поворотили назадъ изъ Перекопи въ Бахчисарай и заковали въ кандалы, вмѣстѣ съ молодымъ княземъ Андреемъ Ромодановскимъ и другими знатными плѣнниками. Когда пріѣхалъ новый ханъ, то съ Шереметева кандалы сняли, и началась торговля: боярину объявили, что Селимъ-Гирей хочетъ быть съ великимъ государемъ въ дружбѣ и любви, только бы прислалъ казну за всѣ годы царствованія Адиль-Гиреева, потому что въ эти годы ханъ войною не ходилъ на Москву. Бояринъ отказалъ, что такого великаго дѣла перенимать на себя онъ не можетъ. Обратились къ Ромодановскому, запросили съ него 80,000 ефимковъ, да плѣнныхъ Татаръ 60 человѣкъ. „Больше 10,000 рублей за меня не дадутъ", отвѣчалъ Ромодановскій. „Какъ не дадутъ?" говорили Татары, „отецъ твой бояринъ и владѣетъ всею Украйною, хотя съ шапкою пойдетъ, то сберетъ съ Украйны больше 100,000".—„Хотя бы ханъ велѣлъ меня замучить, то больше 10,000 не будетъ", покончилъ Ромодановскій. Государь, узнавши, что плѣнники опять задержаны, послалъ Шереметеву 200 золотыхъ червонныхъ, а другимъ знатнымъ плѣнникамъ, Ромодановскому, Скуратову и Толстому,—по 60.

„Ближніе люди новые", увѣдомлялъ Шереметевъ царя: „во нравахъ своихъ злые и ко мнѣ недобрые, не такіе добронравные, какъ прежніе, что были при Адиль-Гиреѣ ханѣ; князя Андрея и всѣхъ твоихъ знатныхъ людей безъ окупа на размѣну ханъ не отпускаетъ; прежній договоръ съ Адиль-Гиреемъ ставятъ ни во что; кричатъ, что по ихъ старому обыкновенію и вольностямъ ханъ не воленъ отбирать у нихъ ясырь,—то имъ дано за службу, за кровь и за смерть, кто что возьметъ на войнѣ, тѣмъ они и живутъ. Твоему, великаго государя, дѣлу замедленье многое учинилось, а моему отпуску помѣшка большая отъ твоихъ людей, которые въ полону у лучшихъ и черныхъ Татаръ: надчились они татарскому языку и наговариваютъ Татаръ, что если я буду отпущенъ, то послѣ ни размѣны, ни окуповъ за нихъ не будетъ; сказанъ имъ твой государевъ указъ, что окуповъ за нихъ никакихъ не будетъ, и потому они думаютъ, что пропадутъ въ Крыму. У тебя, великаго государя, милости прошу я, холопъ твой убогій и безпомощній, давній плѣнникъ и нужетерпецъ: умилосердись, государь праведный, укажи разыскать такую неправду, а дума бусурманская похоже была на раду казацкую; на что ханъ и ближніе люди приговорятъ, а черные юртовые люди не захотятъ, и то дѣло никакими мѣрами сдѣлано не будетъ. Посланники твои твердятъ хану и ближнимъ людямъ, чтобы, по договору съ Адиль-Гиреемъ, плѣнники были отпущены на размѣну безъ окупа; но тѣ же посланники, уѣзжая изъ Крыма, берутъ съ собою много плѣнниковъ на окупъ. Отъ этого черные люди и не хотятъ размѣны: намъ, говорятъ, въ размѣнѣ прибыли нѣтъ, только прибыль одному хану; прибыльнѣе намъ плѣнниковъ отпускать съ посланниками и брать на нихъ окупъ на Москвѣ. Умилосердись, государь праведный, не дай напрасною смертію умереть, и въ нечестивой сторонѣ тѣло грѣшное собакамъ и звѣрямъ поѣсть, и костей убогихъ врознь разносить: укажи, государь, быть размѣну на Донцѣ". Но размѣны на Донцѣ не было, и плѣнники попрежнему оставались въ Крыму.

Скоро число ихъ увеличилось, вслѣдствіе войны турецко-татарской. Но, прежде чѣмъ приступимъ къ ея описанію, обратимся къ Малороссіи, которая уже успѣла перемѣнить гетмана.

Глава II.

Продолженіе царствованія Алексѣя Михайловича.

Безпокойства относительно Малороссіи.—Письма Барановича въ Москву.—Новый соперникъ Дорошенку.—Ханенко.—Барановичъ хлопочетъ о ненарушеніи Глуховскихъ статей.—Непрочность Многогрѣшнаго въ Малороссіи —Торжество Дорошенка.—Происки Тукальскаго.—Константинопольскій патріархъ выдаетъ проклятіе на Многогрѣшнаго;—Притязанія Барановича.—Царскій отвѣтъ малороссійскимъ посланнымъ.—Посольство изъ Москвы къ Константинопольскому патріарху для снятія проклятія съ Многогрѣшнаго.—Представленія Дорошенка.—Война на западной сторонѣ Днѣпра.—Неудовольствія Многогрѣшнаго. Посольства къ нему изъ Москвы.—Доносы старшины на гетмана.—Многогрѣшный схваченъ и привезенъ въ Москву —Обвиненія, на него поданныя.—Допросъ и ссылка Многогрѣшнаго.—Ссылка Сѣрка.—Рада въ Казачьей Дубровѣ. Избраніе Самойловича въ гетманы.—Похожденія ложнаго пророка Вдовиченка въ Запорожьи.

Успѣшнымъ окончаніемъ Глуховской рады безпокойства Московскаго правительства насчетъ Малороссіи далеко не прекращались: новый гетманъ далъ знать въ Москву: что 1-го іюля 1669 г. Суховѣй съ Запорожцами и съ Крымскимъ султаномъ Нурадиномъ пришелъ подъ Каневъ и сталъ на Расавѣ; съ нимъ Запорожцевъ 3,000 да Татаръ 100,000; полки Уманскіе, Корсунскій и Кальницкій поддались Суховѣю, отставъ отъ Дорошенко; что Дорошенко съ митрополитомъ Тукальскимъ упросилъ Юрія Хмельницкаго оставить монашество, — они хотятъ сдѣлать его гетманомъ; только въ такомъ случаѣ Дорошенко надѣется сохранить жизнь, потому что, если выберутъ въ гетманы Суховѣя, то ему не быть живу: Суховѣй отомститъ ему за потопленіе своихъ людей подъ Переволочною. 6 іюля пришелъ въ Каневъ и Дорошенко, и разослалъ универсалы, приглашая полковниковъ на раду на Расаву.

Въ сентябрѣ явился въ Москву посланецъ отъ Лазаря Барановича и увѣдомилъ, что гетманъ въ Смѣлой между Путивлемъ и Ромнами, при немъ царскія войска, Нѣжинской пѣхоты 300 человѣкъ, да казацкіе полки—Нѣжинскій, Черниговскій, Переяславскій, Прилуцкій, Стародубскій, при немъ и Мурашка; къ Смѣлой пошелъ гетманъ противъ Гамалеи и Орды, потому что въ Малороссіи села и деревни жгутъ, людей побиваютъ и въ плѣнъ Татарамъ отдаютъ; съ Гамалеею три полка—Миргородскій, Полтавскій, Лубенскій, да при немъ же 3,000 Татаръ; гетманъ Черкасъ и Татаръ многихъ побилъ; но, съ другой стороны, Дорошенко собирается многимъ собраньемъ и Орда пришла къ нему многая, пришли Турки, Волохи и Молдаване. Барановичъ писалъ государю: „Многочастно и многообразно писалъ я къ вашему царскому величеству о помощи ратными людьми, да не буду безстуденъ, потому что гетманъ Демьянъ Игнатовичъ утруждаетъ меня грамотами, и самъ въ Черниговѣ, когда провожали святѣйшаго папу и патріарха Паисія Александрійскаго, говорилъ: „Мы, святыни твоей послушавшись, цѣловали крестъ царскому величеству въ надеждѣ, что къ намъ ратные люди будутъ на помощь. Теперь на насъ Орда наступаетъ, а помощи нѣтъ; наше попраніе ордамъ врата отверзетъ и въ великороссійскіе города". Смилуйся, государь, прикажи боярину своему, князю Григорью Григорьевичу Ромодановскому, спѣшить на помощь Украйнѣ, а гетманъ уже пошелъ изъ Батурина". Сильнѣе писалъ Барановичъ къ Матвѣеву: „Государь указалъ князю Григорью Григорьевичу Ромодановскому стоять въ Сѣвскѣ; но отъ этого гетману и Украйнѣ какая помощь, когда подъ бокомъ у этихъ войскъ бусурманы съ казаками обѣихъ сторонъ бѣдную Украйну, какъ хотятъ, пустошатъ, надъ гетманомъ Демьяномъ Игнатовичемъ и надо мною насмѣхаются. Если-бы сначала, вскорѣ послѣ статей Глуховскихъ, какъ я твоему благородію совѣтовалъ и къ царскому величеству писалъ, силы государевы наступили, то давно бы уже Украйна успокоилась; и теперь еще не такъ трудно это сдѣлать, если скорая помощь къ гетману придетъ, потому что гетманъ человѣкъ рыцарскій, знаетъ какъ дѣло сдѣлать, только было бы съ чѣмъ". Барановичъ просилъ также царя и Матвѣева и о своемъ дѣлѣ, чтобы книга его, „Трубы", была напечатана въ Москвѣ: „чтобы могъ вскорѣ типомъ въ царствующемъ градѣ Москвѣ вострубити".—„По нашему великаго государя указу", отвѣчалъ царь, „велѣно боярину князю Ромодановскому идти немедленно въ малороссійскіе города, и велѣно передъ собою послать помощь къ гетману 500 человѣкъ конныхъ и пѣшихъ людей; книги „Трубы" отданы въ свидѣтельство, и какъ изъ свидѣтельства выйдутъ, то нашъ указъ о нихъ будетъ".

Архіепископъ напрасно такъ безпокоился: Дорошенко, занятый у себя усобицею, не могъ быть очень страшенъ для восточной стороны. Въ Запорожьи явился ему новый соперникъ, Ханенко, котораго Польское правительство провозгласило гетманомъ западной стороны, гдѣ онъ и утвердился въ Умани и нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ. Суховѣй началъ помогать Ханенку; Юрій Хмельницкій, скинувши монашескую рясу, соединился съ ними. Ханенко писалъ Многогрѣшному, чтобы помогалъ ему на общаго непріятеля Дорошенка. Но изъ Москвы Демьяну Игнатовичу дали знать, чтобы не вмѣшивался въ эту усобицу: „Указъ вашего царскаго величества исполнять готовъ"; отвѣчалъ Многогрѣшный, „понеже между собою раздоръ учинили, пусть сами и расправятся". Гетманъ понялъ мысль царя и успокоился Но Лазарь Барановичъ, теперь, по удаленіи Меѳодія, единственный архіерей на восточной сторонѣ, считалъ своею обязанностію заботиться объ интересахъ Малороссіи, не допускать нарушенія Глуховскихъ статей. Въ концѣ года пріѣхалъ отъ него въ Москву игуменъ Іеремія съ жалобами: 1) Въ Глуховскихъ статьяхъ постановлено, что по первому или второму прошенію гетмана государевы войска явятся на защиту Украйны; теперь все лѣто гетманъ просилъ войска—и не обрѣлъ милости, отчего великая поднялась молва въ людяхъ. 2) Въ Глуховскихъ статьяхъ постановлено отпустить всѣхъ узниковъ, засланныхъ въ Москву Брюховецкимъ, также всѣхъ казаковъ, взятыхъ на бою, и деревенскихъ крестьянъ; теперь многіе Малороссіяне ходили въ Великую Россію отыскивать своихъ родственниковъ и возвратились ни съ чѣмъ. 3) Вопреки Глуховскимъ статьямъ, взятыя воеводами войсковыя и городскія пушки до сихъ поръ не отданы, что нелюбо казакамъ. 4) Не отданы церковные утвари и сосуды. 5) Въ Глуховѣ постановлено, что безъ казацкихъ пословъ коммисія съ Поляками не будетъ отправляться; а теперь коммисія не только отправлялась безъ казацкихъ пословъ, но, какъ видно изъ коммисарскихъ писемъ къ Дорошенку, и совершенно, отчего встала большая смута. Архіепископъ бьетъ челомъ: если еще коммисія не окончилась, то чтобы государь велѣлъ отправить на нее пословъ гетманскихъ, да утолится жителей украинскихъ малодушіе. 6) Полномочные коммисары восточнымъ берегомъ Днѣпра отправили посланниковъ къ западному гетману Дорошенко, не давши знать объ этомъ гетману восточному, чѣмъ возбудили въ немъ гнѣвъ. 7) Посланники эти коммисарскіе произвели большую смуту тѣмъ, что листами своими приглашали Малороссіянъ обѣихъ сторонъ Днѣпра высылать на сеймъ знатныхъ людей духовнаго и мірскаго чина съ челобитными къ королю о своихъ надобностяхъ; Малороссіяне стали опасаться, чтобы ихъ на коммисіи королю не отдали.—Царь отвѣчалъ Барановичу: „Тебѣ бы радѣнье свое показать, гетмана и все войско утверждать, чтобы они на нашу милость были надежны: никто ихъ, за милосердіемъ Божіимъ, изъ-подъ нашей высокой руки восхитить не можетъ. Ты пишешь про Глуховскія статьи, что безъ посланниковъ казацкихъ коммисіямъ не отправляться: хотя и такъ въ Глуховскихъ статьяхъ постановлено, однако тому время не дошло; а въ 17-й статьѣ написано: если у насъ, великаго государя, съ королевскимъ величествомъ или ханомъ Крымскимъ на коммисіяхъ будетъ вспоминъ о войскѣ Запорожскомъ, то въ то время быть казацкимъ посламъ; когда такіе разговоры начнутся, тогда гетманскіе посланцы и будутъ позваны. Ты пишешь, что коммисарскіе посланцы призывали Малороссіянъ на сеймъ къ королю; но въ листѣ боярина Ордина-Нащокина написано: призываетъ изъ Украйны духовнаго и мірскаго чина людей для истинной вѣдомости и разсужденія духовнаго, о устроеніи вѣчномъ, призываетъ къ себѣ на коммисію и Дорошенка, отводя отъ бусурманскаго совѣта, о посылкѣ же къ королю на сеймъ въ листѣ не написано. Заточники и плѣнные, которые сысканы, отосланы къ гетману, и кто именно,—о томъ къ тебѣ послана роспись; о пушкахъ воеводы намъ писали, что они отдали ихъ гетману по Глуховскимъ статьямъ, и что отдано, послана къ тебѣ роспись".

Весною 1670 года поѣхалъ въ Малороссію подъячій Михайла Савинъ искать мастера винограднаго строенья, также мастера, который бы умѣлъ сажать дули, груши, сливы, орѣхи кіевскіе, пасечника—для пчелъ. 17 апрѣля въ Батуринѣ Савинъ былъ на обѣдѣ у гетмана, къ которому съѣхались полковники всѣхъ городовъ восточной стороны поздравлять съ праздникомъ, Свѣтлымъ Христовымъ Воскресеньемъ; не было только полковниковъ Полтавскаго и Миргородскаго. За обѣдомъ Многогрѣшный началъ говорить полковникамъ: „Слышу я, что казаки всѣхъ городовъ меня мало любятъ; если и вправду такъ, то вы бы били челомъ великому государю объ избраніи другого гетмана; я клейноты войсковые уступлю тому, кого вы выберете. А пока я буду гетманомъ, своевольниковъ усмирять не престану, сколько во мнѣ мочи будетъ; на томъ я великому государю присягалъ, не такъ бы, какъ Ивашка Брюховецкій: какъ Іуда Христа предалъ, такъ онъ великому государю измѣнилъ, а я обѣщался за великаго государя умереть, чтобы послѣ меня роду моему слава была; а сколько своевольникамъ ни крутиться, кромѣ великаго государя дѣться имъ негдѣ". Тутъ Переяславскій полковникъ Дмитряшка Райча ударился объ столъ и началъ говорить со слезами: „Полно намъ уже тѣхъ гетмановъ обирать и за тѣми гетманами крови христіанской литься; будемъ себѣ только одного великаго государя имѣть неотступно, а своевольниковъ укрощать".

На другой день, 18 числа, у гетмана съ полковниками и старшиною была рада, потому что годъ безъ войны не пройдетъ; полковники всѣ присягали, цѣловали государево знамя на томъ, чтобы имъ ни на какія непріятельскія прелести не склоняться и противъ непріятелей стоять упорно, и гетмана во всемъ слушаться. Савину сказывали, что Полтавскій и Миргородскій полковники гетману не послушны; Дорошенко къ нимъ пишетъ съ угрозами, чтобы гетмана Демьяна не слушались, а гетманъ Демьянъ къ нимъ пишетъ, чтобы на Дорошенковы прелести не склонялись; а Полтавцы и Миргородцы, запершись въ городахъ, ни того, ни другого не слушаются. Не очень хорошо говорили Савину и о другихъ полковникахъ: съ гетманомъ Демьяномъ великому государю вѣрно служатъ и прямымъ сердцемъ поступаютъ полковники—Переяславскій Дмитряшка, да Стародубскій Рословченко, а другихъ украинскихъ городовъ полковники—такъ и сякъ.

Не прочно, по этимъ вѣстямъ, было положеніе гетмана въ Малороссіи, а тутъ еще самъ гетманъ прислалъ дурныя вѣсти о Запорожьи; въ іюлѣ 1670 года, Многогрѣшный прислалъ грамоту Матвѣеву, „благодѣтелю и пріятелю своему милостивому". Гетманъ жаловался, что Ханенко и Запорожцы отправили пословъ своихъ къ великому государю, въ грамотѣ, писанной къ нему, Демьяну, не назвали его гетманомъ: „Они хотятъ бить государю челомъ", писалъ Многогрѣшный, „чтобы позволено было выбирать гетмана въ Запорогахъ, а не въ городахъ; но если бы царское величество это позволилъ, то на Украйнѣ вновь встало бы смятеніе, ибо Запорожцы привыкли людей разгонять". По Москвѣ въ это время было не до постановленія въ Запорогахъ гетмана: Разинъ поднималъ восточное казачество. Въ сентябрѣ опять пріѣхалъ въ Батуринъ къ Многогрѣшному подъячій Савинъ съ царскою грамотою: царь приказывалъ гетману выбрать пять или шесть сотъ казаковъ и отправить ихъ въ полкъ къ князю Ромодановскому противъ Разина. Гетманъ отвѣчалъ: „По государеву указу велѣлъ я въ разные города универсалы разослать, чтобы войско казацкое собиралось въ Глуховъ; велѣлъ я собрать войска тысячу человѣкъ; начальникомъ у него будетъ генеральный есаулъ Матвѣй Гвинтовка: я приказалъ ему идти въ полкъ къ князю Гр. Гр. Ромодановскому. Ко мнѣ пришли вѣсти изъ Лубенъ и Миргорода, что ханъ Крымскій съ большимъ войскомъ вышелъ и хочетъ воевать на той сторонѣ Днѣпра Дорошенка и польскіе города; а Юраска Хмельницкій съ калгою салтаномъ идетъ на эту сторону и войска при немъ съ 60,000; хочетъ ханъ Крымскій Юраску сдѣлать гетманомъ на обѣихъ сторонахъ Днѣпра. Изъ Запорогъ писали казаки къ Стенькѣ Разину, будто я, гетманъ, у великаго государя не въ подданствѣ, чтобы Стенька шелъ на государевы понизовые города безопасно, меня не боясь. А если у меня такихъ вѣстей про татарскій приходъ не было, то я бы, по указу великаго государя, послалъ войска своего съ 10,000 человѣкъ. Великій государь пожаловалъ бы меня, велѣлъ въ Сѣвскѣ быть пѣхотѣ, солдатскимъ полкамъ или стрѣлецкимъ приказамъ, двумъ или четыремъ тысячамъ, потому что чаю я отъ своихъ людей шатости; Юраска Хмельницкій идетъ съ Ордою на сю сторону; а меня мало любятъ, потому что на ихъ руку и къ злой мысли мало поступаю, унимаю ихъ отъ всякой шатости; а что при мнѣ голова московскихъ стрѣльцовъ съ приказомъ, то его въ походъ съ собою брать не буду, потому что онъ будетъ домъ мой оберегать".

Въ то же время были въ Москвѣ посланцы Барановича и Многогрѣшнаго, нашъ старый знакомый, протопопъ Семенъ Адамовичъ, и сотникъ Василій Семеновъ. Гетманъ извѣщалъ чрезъ нихъ великому государю, что въ малороссійскихъ жителяхъ начала быть шатость: какъ были у царскихъ пословъ съ королевскими коммисарами съѣзды, то будто постановили Кіевъ и всѣ города этой стороны отдать Полякамъ; на съѣздахъ былъ Стародубовскаго полковника Рословченка братъ Иванъ, и онъ-то сказывалъ гетману про всѣ посольскія постановленія; гетманъ и старшина отъ этого въ великомъ сомнѣніи, особенно оттого, что посланцы ихъ на съѣздѣ не были. Если бы въ нынѣшнемъ или въ будущіе годы съ обѣихъ сторонъ Днѣпра и Запорожцы начали бить челомъ великому государю, чтобы собрать черневую раду, то великій государь гетмана пожаловалъ бы, черневой рады созывать не велѣлъ, чтобъ между ними не учинилось междоусобія и кровопролитія, какъ при Брюховецкомъ. Если Дорошенку отъ непріятелей его, Ханенка и Суховѣя, учинится утѣсненіе, и побѣжитъ онъ въ Кіевъ или иные города этой стороны Днѣпра, или въ слободы на Украйну, то великій государь не велѣлъ бы его принимать, чтобы не встало между ними междоусобія. Если Дорошенко, Ханенко, Суховѣй или Сумской полковникъ и другой кто-нибудь станутъ писать къ царскому величеству на него, гетмана, о какой невѣрности, то чтобы великій государь не изволилъ тому вѣрить. Если на этой сторонѣ ему, гетману, объявится противникъ, то великій государь велѣлъ бы его, гетмана, своими ратями оборонить и въ изнеможеніи позволилъ бы ему въ великороссійскіе города съ домомъ своимъ пріѣхать; а когда пріѣдетъ, чтобы воеводы или приказные люди непріятелямъ его не отдали. Великій государь велѣлъ бы его, гетмана, обнадежить, что Кіевъ и города восточной стороны не будутъ никогда уступлены королю.

Многогрѣшный думалъ, что Суховѣй и Ханенко заставятъ бѣжать Дорошенко; но вышло противное: Дорошенко поразилъ Суховѣя, Ханенка и Хмельницкаго, взялъ послѣдняго въ плѣнъ и отослалъ къ султану. Сперва Хмельницкій сидѣлъ въ Семибашенномъ замкѣ; но потомъ султанъ велѣлъ освободить его, пожаловалъ кормомъ и дворомъ. Торжествующій Дорошенко тѣмъ опаснѣе былъ для Многогрѣшнаго; но къ усобицѣ между гетманами присоединилась еще усобица между архіереями: Іосифъ Тукальскій не переставалъ хлопотать о подчиненіи себѣ Кіева и всей Малороссіи; а такъ какъ политическое раздѣленіе Малороссіи на двѣ части подъ двумя гетманами производило и раздѣленіе церковное, то Іосифъ враждовалъ къ восточному гетману не менѣе Дорошенка. Но если на западной сторонѣ подлѣ Дорошенка находился претендентъ на митрополію, то на восточной, подлѣ Многогрѣшнаго, находился также архіерей, который, какъ мы видѣли, домогался первенства даже и въ томъ случаѣ, если бы Кіевъ отошелъ къ Польшѣ. Лазарь Барановичъ заступился за себя и за своего пріятеля Демьяна Игнатовича, и написалъ государю: „Преосвященный Іосифъ Тукальскій, митрополитъ Кіевскій, домогается у Демьяна Игнатовича, чтобы духовенство восточной стороны находилось въ его послушаніи и повинности. Я отписалъ ему, что Демьянъ Игнатовичъ безъ вѣдома, воли и указу вашего царскаго величества ему этого позволить не можетъ. Что-жъ случилось? Попъ Романовскій (Романъ Ракушка), который передъ тѣмъ въ Нѣжинѣ былъ казакомъ, зашедши на ту сторону Днѣпра, поѣхалъ отъ митрополита Тукальскаго въ послахъ къ св. Меѳодію, патріарху Константинопольскому, и хитростію выправилъ на гетмана Демьяна Игнатовича неблагословенный листъ, чтобы его, этимъ неблагословеніемъ застращавши и міръ въ обиду подавши, смуту на сей сторонѣ Украйны учинить. Хотя гетманъ вашего царскаго величества и не находится подъ зависимостію Константинопольскаго престола, однако нельзя же не обращать вниманія на имя и власть Вселенскаго патріарха. Демьянъ Игнатовичъ удивляется вмѣстѣ со мною такъ неосторожно выданному патріархомъ неблагословенію, что̀ не можетъ не оскорбить и вашъ пресвѣтлый престолъ, потому что Демьянъ Игнатовичъ вашего войска гетманъ. Онъ бьетъ челомъ, чтобы ваше царское величество ходатайствовало предъ патріархомъ Константинопольскимъ о благословеніи ему, и чтобы впередъ патріархъ такъ неосторожно клятвенныхъ листовъ не выдавалъ; достойнѣе клятвы тотъ, кто ее обманомъ у св. патріарха выправилъ и вашего царскаго величества престолъ укорить дерзнулъ. Въ этой патріаршей неблагословенной грамотѣ Демьянъ Игнатовичъ и гетманомъ не названъ, названъ простымъ именемъ Демкомъ Игнатенкомъ; мало ли есть Демковъ Игнатенковъ, но гетманъ одинъ—Демьянъ Игнатовичъ. Митрополитъ Тукальскій хочетъ завладѣть духовенствомъ восточной стороны Днѣпра; но здѣсь духовенство и мірскіе люди всѣ хотятъ быть подъ моею паствою. Я отдаю это дѣло на вашего царскаго величества высокое разсмотрѣніе—вѣдать ли мнѣ все духовенство на сей сторонѣ Днѣпра, какъ гетманъ вѣдаетъ мірскаго чина людей?—потому что трудно духовенству, пребывающему на вашей царскаго величества сторонѣ, переѣзжать къ митрополиту на другую, королевскую сторону. Въ этомъ раздѣленіи могло бы что-нибудь и недоброе возрасти. Митрополитъ Кіевскій хотя и всей Россіи пастырь и экзархъ Константинопольскій, однако не всегда священниковъ этой стороны имѣлъ въ своей паствѣ, но всякій находился въ послушаніи у своего особаго пастыря: черниговскіе—Черниговскаго архіепископа, переяславскіе—Переяславскаго епископа знали; митрополитъ же Кіевскій отъ древнихъ вѣковъ въ Кіевѣ, на своемъ сидя мѣстѣ у Св. Софіи, только одною тою стороною Днѣпра довольствовался, и теперь, на той сторонѣ Днѣпра пребывая, довольствоваться тамошнимъ духовнымъ чиномъ можетъ. О Кіевѣ и прежде многочастно и многообразно писалъ я къ вашему царскому величеству, и теперь повторяю, ибо слухъ здѣсь прошелъ, что онъ на коммисіи уступленъ Ляхамъ и послѣдняго числа ноября нынѣшняго года будетъ отданъ, о чемъ всѣ православныя кіевскія обители плачутъ и весь православный Малороссійскій народъ въ смятеніи. Ей, премилосердый, православный царю! пожалѣй крови своей и искони вѣчнаго отечества, потому что сущая-то вашего царскаго величества кровь—оные правовѣрные великіе князья и цари кіевскіе: не отпускай же своего присвоенія и вѣнца царскаго, того святаго великаго града Кіева отъ своей государской руки правовѣрной въ иновѣрную, въ вѣчное поношеніе и жалость всему православному христіанскому народу. Смѣю припомнить и о государскомъ словѣ (понеже слово дѣломъ закоснѣло) насчетъ напечатанія трудовъ моихъ, „Трубами“ названныхъ: смиренно бью челомъ, чтобы ваше царское пресвѣтлое величество слово свое дѣломъ совершить изволилъ, потому что книги уже исправлены, св. Іоасафомъ патріархомъ благословены“. Протопопъ Семенъ подалъ и листъ патріаршескій съ проклятіемъ на Многогрѣшнаго: „Меѳодій, Божіею милостію архіепископъ Новаго Рима, великій патріархъ. Честный отецъ Романъ, протопопъ Бряславскій, извѣстилъ насъ, что, во время войны и смятенія, межъ людьми Демко Игнатенко овладѣлъ домомъ онаго іерея и пограбилъ имѣніе его—четыреста осмачекъ хлѣба, шесть котловъ великихъ, четыре коня, полтараста свиней, двѣ сабли оправныхъ позолоченныхъ, пятьсотъ золотыхъ денегъ, а самого его изгналъ. Если Демко Игнатенко отдастъ протопопу все, что взялъ, въ цѣлости, безъ отговорокъ, по доброй волѣ, то будетъ благословенъ; а если не захочетъ отдать, то да будетъ отлученъ отъ Бога, проклятъ и не прощенъ, мертвый да не разсыплется никогда, до уреченнаго суда; камни, дрова, желѣзо да истлѣютъ и разсыплются и земля разсядется, онъ же никогда. И пожретъ его земля, яко Даѳана и Авирона; гроза Божія верху главы его, имѣніе его и труды да будутъ прокляты и да не узритъ счастія никогда. Имѣніе его вѣтромъ да пойдетъ, напослѣдокъ же и самъ да обратится ни во что; да познаетъ самъ, яко не съ нимъ Богъ, и Св. Ангелъ Божій на страшномъ судѣ не при немъ, отлученъ отъ Церкви Христовой, чтобы его къ церкви никто не припускалъ, и дабы его не благословилъ и не кадилъ, дара Божія не давалъ, и у трапезы никто съ нимъ не ѣлъ и не пилъ, и не сидѣлъ съ нимъ, и не прощался съ нимъ, и здоровья не сказывалъ, и когда умретъ, чтобы его тѣло никто не хоронилъ подъ тяжкою нашею клятвою архипастырскою и отлученіемъ отъ церкви того іерея, который его похоронитъ, будетъ на немъ проклятіе Св. 318 богоносныхъ отцовъ Никейскаго собора, доколѣ не отдастъ всѣхъ вещей, взятыхъ у отца господина Романа“.

13-го іюля протопопъ и сотникъ видѣли очи великаго государя, были у него у руки на крыльцѣ передъ передними сѣнями, и по первой статьѣ о Кіевѣ самъ государь объявилъ посланнымъ: Хотя въ Андрусовскихъ статьяхъ и упомянуто было объ отдачѣ Кіева, но такъ какъ Поляки нарушили нѣкоторыя условія, потому теперь онъ и въ помышленіи не имѣетъ Кіева королю отдавать; на нынѣшней коммисіи полномочные послы королевскимъ коммисарамъ и слова не дали говорить объ отдачѣ Кіева, восточной же стороны Днѣпра и сами Поляки не домогались. Подлиннаго постановленія о вѣчномъ мирѣ не учинено; а если бы договоръ состоялся, то немедленно дано было бы знать гетману, чтобы присылалъ своихъ людей на коммисію по статьямъ Глуховскимъ. На вторую статью о радѣ былъ отвѣтъ: Великій государь черневой радѣ, хотя бы отъ кого и челобитье пришло, быть не изволитъ, да и быть радѣ не-для-чего: бываетъ черневая рада для гетманскаго выбора, когда гетманъ умретъ или гетманомъ быть не велятъ. Дорошенка государь никуда пускать и принимать не велѣлъ. Государь знаетъ вѣрную службу гетмана Демьяна Игнатовича, и если кто-нибудь станетъ на него писать,—вѣрить не изволитъ; въ нуждѣ воеводы его въ царскіе города примутъ и непріятелямъ не выдадутъ. Барановичу былъ отвѣтъ, что государь тотчасъ же велѣлъ начать печатаніе „Трубъ“; къ несчастію, бумаги нѣтъ, придетъ изъ-за моря не ранѣе 1-го сентября. Царь обѣщалъ послать надежнаго Грека къ патріарху Константинопольскому по дѣлу о проклятіи гетманскомъ. Наконецъ Кіевская область и Малороссія по сю сторону Днѣпра отдана въ паству Барановичу. Протопопъ Семенъ писалъ гетману изъ Москвы: „Царское величество неизреченную милость къ вельможности твоей являетъ; непотребно нимало о милости его сомнѣваться; ктому же и ходатай скорый и пріятный, господинъ Артемонъ Сергѣевичъ (Матвѣевъ); онъ къ вельможности твоей совершенную любовь имѣетъ, а это лучше всего; о войскѣ Запорожскомъ и о всей сторонѣ Малороссійской безпрестанно у царскаго престола, какъ мать о чадахъ убивается; сказалъ намъ: „Пока живъ, не перемѣнюсь“. Замедлились мы здѣсь за благимъ совѣтомъ Артемона Сергѣевича, который хотѣлъ, чтобы мы были при отпускѣ низовыхъ казаковъ Запорожскихъ; не стыдился его милость Артемонъ Сергѣевичъ, именемъ царскимъ выговорилъ Запорожцамъ: „Для чего Ханенко гетманомъ пишется, и для чего вельможность твою Сѣверскимъ, а не настоящимъ гетманомъ почитаютъ? Запорожцы дали слово быть подъ твоимъ послушаніемъ“.

Для ходатайства предъ Византійскимъ патріархомъ о снятіи проклятія съ Многогрѣшнаго отправился въ Константинополь переводчикъ Христофоровъ, и привезъ оттуда любопытныя извѣстія, показывающія, въ какомъ затруднительномъ положеніи находился патріархъ вслѣдствіе подданства Дорошенкова султану. Въ Яссахъ царскій посланецъ встрѣтился съ знаменитымъ Тетерею, который ѣхалъ къ султану. На вопросъ Христофорова, что́ это значитъ?—Тетеря отвѣчалъ, что въ Польшѣ чести ему никакой не оказали. Пріѣхавши въ Царьградъ, Христофоровъ представился патріарху и подалъ ему царскую грамоту, въ которой Алексѣй Михайловичъ просилъ снять проклятіе съ гетмана Многогрѣшнаго. „О чемъ ко мнѣ великій государь пишетъ“, отвѣчалъ патріархъ, „того я не упомню, справлюсь въ своихъ записныхъ книгахъ и завтра тебѣ отвѣтъ дамъ“. На другой день Христофоровъ отправился за отвѣтомъ. „Пріискалъ я дѣло“, сказалъ ему патріархъ, „сдѣлалось оно по неволѣ, такимъ образомъ: не стало въ Польскомъ королевствѣ, въ городѣ Львовѣ, православнаго епископа; одинъ Латинецъ, именемъ Симеонъ, пожелалъ Львовскаго архіерейскаго престола, и билъ челомъ Волошскому господарю, чтобы писалъ объ немъ ко мнѣ. Господарь ко мнѣ написалъ: но я ему отказалъ, что безъ вѣдома всѣхъ православныхъ львовскихъ жителей въ епископы поставить мнѣ никого нельзя. Тогда этотъ Латинецъ нашелъ въ Волошской Землѣ двоихъ запрещенныхъ митрополитовъ, которые и посвятили его въ епископы въ городѣ Сочавѣ, и отпустили во Львовъ: но львовскіе православные на престолъ его не пустили, и выбрали набожнаго и добраго человѣка, инока Іосифа, ко мнѣ его прислали, и я поставилъ его къ нимъ въ епископы. Но Латинецъ Симеонъ билъ челомъ Дорошенку и Тукальскому, чтобы они о немъ писали ко мнѣ, и они написали, что Симеонъ этотъ человѣкъ добрый, ученый и христіанинъ православный. Съ грамотами ихъ пріѣхалъ ко мнѣ Браславскій протопопъ Романовскій. Я отвѣчалъ, что уже епископъ поставленъ во Львовъ, а Симеона посвящалъ невѣдомо кто. Тогда Романовскій поѣхалъ къ султану, и я получилъ грамоту отъ каймакама Мустафы-паши, что султанъ приказываетъ мнѣ исполнить то, о чемъ писалъ Дорошенко. Я не послушался; но Романовскій поѣхалъ въ другой разъ къ султану, и привезъ мнѣ грамоту уже отъ самого султана, чтобы я сейчасъ же исполнилъ Дорошенкову просьбу. Тутъ дѣлать мнѣ было нечего: отставилъ я епископа Іосифа и благословилъ Симеона. Въ это же время протопопъ Романовскій билъ мнѣ челомъ, что во время войны Демьянъ Игнатовичъ пограбилъ у него имѣніе и до сихъ поръ имъ владѣетъ, и чтобы я, патріархъ, предалъ за это Демьяна проклятію, а того мнѣ не сказалъ, что Демьянъ гетманъ и царскаго величества подданный. Я, посовѣтовавшись со всѣмъ Соборомъ, далъ Романовскому на Демьяна проклятую грамоту, въ которой написано: если дѣйствительно такъ, какъ доносилъ Романовскій, то анаѳема".

„Учини, святѣйшій патріархъ, по прошенью царскаго величества", началъ Христофоровъ, „изволь дать прощальную грамоту гетману Демьяну Игнатовичу и съ тѣмъ отпусти меня къ царскому величеству". — „Никакъ мнѣ этого сдѣлать нельзя", отвѣчалъ патріархъ, „если бы отъ этого мнѣ одному приключилась бѣда, то я принялъ бы съ радостію; но опасаюсь, чтобъ не навести бѣды всему христіанству: пошлю я къ Демьяну Игнатовичу прощальную грамоту, а онъ станетъ этимъ хвалиться: узнаетъ Дорошенко,—тотчасъ отпишетъ къ султану, и будетъ отъ этого великое кровопролитіе".

„Опасаться тебѣ нечего", возражалъ Христофоровъ, „прощальную грамоту отвезу я къ царскому величеству, и царское величество изволитъ отослать ее къ гетману, и прикажетъ, чтобы держалъ ее при себѣ, для души своей, а хвалиться ему предъ народомъ не-для-чего".—„Вотъ посмотри", отвѣчалъ патріархъ, „какую сочинили ложную грамоту, будто я писалъ ее къ великому государю. Грамота объявилась у визиря; визирь призывалъ меня и хотѣлъ-было погубить, да, спасибо, оправдали меня добрые люди; однако дѣло стоило мнѣ съ пятьсотъ мѣшковъ". Наконецъ патріархъ далъ грамоту.

Въ Константинополѣ патріархъ боялся Дорошенки, какъ присяжника султанова; а въ Чигиринѣ Дорошенко увѣрялъ греческаго архіерея въ своей преданности православному монарху. Весною 1671 года заѣхалъ къ нему греческій архіерей Манассія, отправлявшійся въ Москву, и Дорошенко началъ ему говорить: „Писать я къ царскому величеству не смѣю; донеси великому государю, что мы ради ему служить; отъ польскаго насилія принуждены мы на время поддаться Агарянину. Чтобы великій государь, для Святой Восточной Церкви, принялъ насъ подъ свою руку, держалъ бы насъ, какъ держитъ нашихъ братьевъ той стороны; а если не захочетъ принять, то помирилъ бы насъ съ Польскимъ королемъ. Въ 68 году приходилъ я въ царскіе заднѣпровскіе города съ Татарами по прошенью Ивашки Брюховецкаго и иныхъ старшинъ; однако и тогда я казаковъ и Татаръ до бою съ царскими ратными людьми не допустилъ, взятыхъ государевыхъ воеводъ и ратныхъ людей въ Москву многихъ (!) отпустилъ, хотя и претерпѣлъ за то отъ Татаръ большую бѣду: полковниковъ, которые съ Демьяномъ Игнатовичемъ царскому величеству поддались, не подговаривалъ и впередъ подговаривать не буду. Чтобы гетманъ той стороны со мною въ дружбѣ былъ и запорожскихъ посланцовъ къ Польскому королю не пропускалъ; а ссоры всѣ отъ Запорожцевъ: чтобы великій государь ни въ чемъ имъ вѣрить не изволилъ. Если государь пришлетъ ко мнѣ свой указъ, то я и Стеньку Разина къ его царскому величеству попрежнему въ подданство наговорю". — Въ Каневѣ Тукальскій объявилъ Манассіи, что какъ скоро государь обнадежитъ ихъ, что приметъ въ подданство, то онъ, митрополитъ, сейчасъ же самъ поѣдетъ въ Москву, а теперь ѣхать и писать не смѣетъ, потому что и прежнія его письма объявились у Поляковъ. Въ грамотѣ своей къ царю Дорошенко особенно нарекалъ на Запорожцевъ, которые, по его словамъ, и при Богданѣ Хмельницкомъ, и при другихъ гетманахъ, творили великое смятеніе между русскими христіанами, надъ безчисленными благочестивыми людьми убійства, мучительства и кровопролитіе исполняли „Самъ я", писалъ Дорошенко, „Восточной Церкви удъ, и потому, ища добра церквамъ россійскимъ, тебя, православнаго государя, за главу себѣ имѣю".

Лѣтомъ 1671 года на западной сторонѣ Днѣпра началась война; съ одной стороны Дорошенко съ Турками и Татарами, съ другой—Поляки пустошили несчастную страну; Ханенко и Сѣрко были на сторонѣ польской. Но и восточная сторона не была покойна. Въ концѣ 1671 года въ Москвѣ узнали, что гетманъ Многогрѣшный обнаруживаетъ сильное неудовольствіе, вслѣдствіе неопредѣленія границъ между Малороссіею и Литвою по рѣкѣ Сожѣ. „Если царское величество“, говорилъ гетманъ царскому посланцу, подъячему Савину, „если царское величество изволилъ земли наши отдавать королю понемногу, то ужъ изволилъ бы насъ и всѣхъ отдать,—король будетъ намъ радъ! Но у насъ на этой сторонѣ войска тысячъ со сто, будемъ обороняться, а земли своей не уступимъ. Отъ насъ задору никакого нѣтъ и не будетъ, а за правду будемъ головы свои складывать. Ожидалъ я къ себѣ царскаго величества милости больше прежняго, а царское величество изволилъ насъ въ неволю отдать: нашихъ купцовъ Польскіе люди грабятъ и въ тюрьмахъ держатъ, около Кіева разоряютъ, а великій государь ничего имъ не сдѣлаетъ и насъ не обороняетъ; еслибъ мы сами себя не обороняли, то давно бы насъ Поляки въ неволю побрали; а на оборону отъ Московскихъ людей надѣяться намъ нечего“ Все это говорилъ гетманъ съ сердцемъ, и тотчасъ же поѣхалъ съ челядью своею въ поле. Тамошніе люди Савину сказывали: когда гетманъ сердитъ или въ какомъ сумнительствѣ, то все ѣздитъ по полямъ и думаетъ про всякія дѣла.

Гетманомъ дѣйствительно овладѣло сильное сумнительство: „Я“, говорилъ онъ, „нынѣшняго своего чина не желаю, потому что очень боленъ, желаю прежде смерти сдать гетманство. Если мнѣ смерть приключится, то у казаковъ такой обычай—гетманскіе пожитки всѣ разнесутъ, жену, дѣтей и родственниковъ моихъ нищими сдѣлаютъ; да и то у казаковъ бываетъ, что гетманы своею смертію не умираютъ; когда я лежалъ боленъ, то казаки сбирались всѣ пожитки мои разнести по себѣ“.

Для объясненій по дѣламъ польскимъ, въ январѣ 1672 года, къ Демьяну въ Батуринъ явился стрѣлецкій полуголова Танѣевъ. „Точно“, сказалъ гетманъ Танѣеву, „я говорилъ, что великій государь изволилъ отдавать землю нашу понемногу; говорилъ для того, чтобы великій государь пожаловалъ, Поляковъ пускать за Днѣпръ и за Сожу не велѣлъ; только ихъ пустить за рѣку Сожу—и они станутъ вступаться въ малороссійскіе города, земли и угодья, станутъ называть города многіе на этой сторонѣ Днѣпра своими; правда ихъ и постоянство мнѣ извѣстны, на чемъ пункты ни становятъ, никогда того не держатся“. Въ Батуринѣ при гетманѣ жилъ въ это время голова московскихъ стрѣльцовъ, Григорій Неѣловъ; онъ поразсказалъ Танѣеву много новостей: „Ѣздилъ Нѣжинскій протопопъ въ Новгородокъ-Сѣверскій къ архіепископу Лазарю Барановичу, заѣхалъ по дорогѣ въ Батуринъ, былъ у гетмана, и тотъ началъ ему говорить: „Я узналъ, что государь указалъ быть на мое мѣсто гетманомъ Кіевскому полковнику Константину Солонинѣ, а меня отставить“. Протопопъ отвѣчалъ ему, чтобы онъ не вѣрилъ такимъ словамъ, государь его жалуетъ и никогда не перемѣнитъ. Гетманъ осерчалъ и хотѣлъ своими руками отсѣчь протопопу голову саблею у себя, въ свѣтлицѣ, и бранилъ его всячески, кричалъ: „Ты за одно съ Москалями мною торгуешь“! Протопопъ перепугался, не сталъ при гетманѣ сходиться съ Неѣловымъ и ему подходить къ себѣ не велѣлъ, видѣлся съ нимъ тайно у церкви и велѣлъ беречься, чтобы какого лиха отъ тѣхъ словъ не сдѣлалось въ Украйнѣ“.

Симеонъ Адамовичъ самъ описалъ Матвѣеву разговоръ свой съ гетманомъ: „Яко изначала началъ я за помощію Божіею служити вѣрно великому государю, тако и нынѣ, сколько могу, служу и радѣю; только нынѣшней наглой, нашедшей на гетмана скорби никоими притчами и мѣрами исцѣлити не могу. Нѣкто крамольникъ вмѣстилъ гетману, будто великій государь Константина Солонину гетманомъ Запорожскимъ учинилъ. Зѣло о томъ сѣтуетъ; скорбитъ о томъ, что Пиво съ Ляхами около Кіева монастыри и монастырскія отчины попустошилъ; спрашиваетъ, по коихъ мѣстъ граница съ Ляхами? а мнѣ почему знать! И о Кіевѣ сѣтуетъ, и говоритъ, буде Кіевъ великій государь отдастъ? И я ему клянуся душею и священствомъ, что ничего того великій государь не мыслитъ, и на меня оскорбился, смертною казнею грозя: если что съ Москвы послышу непристойное, велю тебя лютою смертію уморити. И я ему сказалъ, что за истину и за великаго государя готовъ умереть, а то все сказываютъ ложь, и его милостію государскою безпрестанно обнадеживаю, а какъ увидалъ конечную его непреклонную скорбь, пріѣхавъ изъ Батурина февраля въ 1-е, посовѣтовавъ съ думнымъ дворяниномъ, съ Ив. Ив. Ржевскимъ, нарочно скорымъ гонцомъ в. государю и твоей милости о томъ вѣстно чинилъ. Бога ради, попецытеся, какъ скоряе, посылайте какова умна человѣка отъ в. государя къ гетману съ грамотою, обнадеживая его, опишите о Кіевѣ и о границѣ, что Кіевъ не въ отдачѣ Ляхамъ, и о томъ, что о Солонинѣ на гетманство и не помышляется, потѣшьте Господа ради!“ Вслѣдъ за граматою, протопопъ, вмѣстѣ съ есауломъ Павломъ Грибовичемъ, отправился въ Москву въ послахъ отъ гетмана.

Дѣйствительно, молва о смѣнѣ Многогрѣшнаго Солониною невѣдомо откуда шла по Украйнѣ; но мы знаемъ, съ какою легкостію вѣрили въ Украйнѣ всякой молвѣ; приверженцы Демьяна встревожились не меньше его самого. Къ Нѣжинскому воеводѣ Ржевскому пришелъ того же города казацкій полковникъ Гвинтовка и началъ говорить, что царь велѣлъ перемѣнить гетмана и всю старшину. Ржевскій позвалъ его къ себѣ обѣдать; тотъ не пошелъ и сказалъ: „Какъ къ вамъ идти? какіе вы добрые люди, что такъ дѣлаете непостоянно?“ Старая сказка объ уступкѣ Кіева и всей Малороссіи королю Польскому опять пошла въ ходъ. Многогрѣшный говорилъ Неѣлову: „Государь съ королемъ помирился, городъ Кіевъ и насъ всѣхъ уступилъ Полякамъ; но если такъ сдѣлано, то мы всѣ, покиня женъ своихъ и дѣтей у царскаго величества, пойдемъ головами своими противъ Поляковъ борониться; Кіева, Печерскаго монастыря и малороссійскихъ городовъ въ королевскую сторону не отдадимъ, у короля въ подданствѣ никогда не будемъ; далъ мнѣ знать объ этомъ Дорошенко, а Дорошенку сказывалъ польскій посолъ.“ Когда пронесся слухъ о смѣнѣ Демьяна Солониною, то гетманъ пилъ непомѣрно и сердитъ былъ многое время, съ Неѣловымъ не говорилъ ничего и къ себѣ не призывалъ, пьяный изрубилъ саблею Переяславскаго полковника Дмитрашка Райчу, такъ что тотъ слегъ отъ ранъ. Въ другой разъ, напившись, билъ по щекамъ и пинками и хотѣлъ рубить саблею судью Ивана Домонтова, насилу Неѣловъ отнялъ у него саблю, за что Демьянъ бранилъ его Москалемъ.—„Но когда гетманъ не пьетъ“, говорилъ Неѣловъ Танѣеву, „то у него все разсмотрительно; теперь вся старшина боится его взгляду, и говорить ни о какихъ дѣлахъ не смѣютъ, потому что гетманъ сталъ къ нимъ непомѣрно жестокъ. Судьи очень тужатъ; говорили мнѣ, что гетманъ теперь сталъ очень сердитъ на нихъ всѣхъ старшинъ: только кто молвитъ слово—онъ и за саблю, спуску никому нѣтъ; Стародубскаго полковника Петра Рословченка онъ перемѣнилъ, велѣлъ быть полковникомъ брату своему родному, Саввѣ Шумѣйку; Рословченко сидитъ въ Батуринѣ за карауломъ, за что сидитъ—никто не вѣдаетъ и бить челомъ никто за него не смѣетъ. Старшины—обозной Петръ Забѣла, и судьи, и Дмитрашка Райча—в. государю служатъ вѣрно и обо всякихъ новостяхъ мнѣ даютъ знать, только боятся со мною видѣться днемъ, потому что безпрестанно гетманъ велитъ челядникамъ своимъ за ними смотрѣть, чтобы они съ Московскими людьми не сходились; съ новостями приходятъ они ко мнѣ по ночамъ; я привелъ ихъ къ присягѣ: цѣловали образъ Спасовъ, что быть имъ неотступно подъ государевою рукою. Однажды говорилъ со мною гетманъ: „Какъ бы царское величество изволилъ той стороны Днѣпра гетмана Петра Дорошенка принять подъ свою высокую руку, то онъ бы, Дорошенко, былъ на той сторонѣ Днѣпра гетманомъ, а я—на этой сторонѣ. Дорошенко бы ту сторону отъ непріятельскихъ людей оберегалъ, а эта сторона была бы въ мирѣ и тишинѣ; на сю сторону Дорошенко непріятелей не пускалъ бы.“ Неѣловъ объяснилъ и причину такой внезапной перемѣны въ отношеніяхъ Многогрѣшнаго къ Дорошенку: „Гетманъ“, говорилъ онъ, „ссылается тайно и безпрестанно съ Дорошенкомъ, на банкетахъ пьетъ здоровье Дорошенка и меня пить заставляетъ. Былъ гетманъ на банкетѣ у полковника Дмитрашки Райчи и говорилъ всей старшинѣ: „Видите вы, какая ко мнѣ великаго государя неизреченная милость: присланъ ко мнѣ полковникъ Григорій Неѣловъ съ полкомъ, и у него стрѣльцовъ въ полку съ 1,000 человѣкъ.“ Старшина говорила: „Если бы не царская милость и не радѣнье батьки нашего и добродѣя, неотступнаго просителя государской милости ко всей Украйнѣ, Артемона Сергѣевича Матвѣева если бы хотя мало присылка Танѣева запоздала, то быть бы въ Украйнѣ большимъ бѣдамъ, должно быть ангелъ благовѣстилъ великому государю, что на эти лихіе часы, въ такихъ нашихъ смутныхъ бѣдахъ прислалъ своего посла,—его пріѣздомъ все у насъ пошло хорошо попрежнему, и многія души освободились отъ невиннаго турбованія.“ Неѣловъ говорилъ Танѣеву: „Если гетманъ станетъ пить попрежнему, то я боюсь бѣды; ключи городскіе у меня: кто откуда ни пріѣдетъ, гетманъ приказалъ мнѣ, разспрося, посылать къ себѣ.“

Когда въ Москвѣ получена была грамота Симеона Адамовича, то поскакалъ въ Батуринъ Малороссійскаго Приказа переводчикъ Григорій Колчицкій съ царскою грамотою къ гетману. Государь писалъ: „Нашего указа не бывало, чтобы Солонинѣ быть гетманомъ; мы никогда не назначимъ гетмана безъ челобитья всего войска Запорожскаго и безъ рады войсковой даже и по смерти твоей. Солонина удержанъ въ Москвѣ для переговоровъ съ польскими послами“. Выслушавъ грамоту, гетманъ сказалъ: „Въ грамотѣ написано: государю вѣдомо учинилось, что я пребываю въ великомъ сомнѣніи насчетъ Солоницы; а отъ кого вѣдомо учинилось—въ грамотѣ не сказано“.—„Великому государю и мнѣ это неизвѣстно“, отвѣчалъ посланный. „Если слухъ пошелъ отъ Малороссіянъ, уйми ихъ по своимъ правамъ; если отъ московскихъ ратныхъ людей, отпиши объ нихъ къ в. государю“.—„О назначеніи Солонины“, сказалъ гетманъ, „слышалъ мой слуга въ Кіевѣ. Тотъ же слуга сказывалъ мнѣ, что жена Солонины разослала по Кіевскому полку листы, приказывая, чтобъ готовили стацію къ пріѣзду мужа ея. Я велѣлъ ей быть въ Батуринъ для допросу“. При Колчицкомъ пріѣхала она въ Батуринъ и объявила, что ничего не слыхала и ни о чемъ не приказывала. Гетманъ велѣлъ отпустить ее въ Кіевъ. Посланный обнадеживалъ гетмана и насчетъ Кіева, что никогда не будетъ отданъ Полякамъ; гетманъ отвѣчалъ, что ни въ чемъ не сомнѣвается, но потомъ высказалъ новую причину неудовольствія на Москву: „Какая мнѣ и войску честь отъ великаго государя? На Глуховской радѣ постановлено, что при переговорахъ съ Поляками присутствуютъ посланцы войска Запорожскаго съ вольнымъ голосомъ, а теперь на Москвѣ посланцовъ нашихъ и въ палату не пускаютъ. Войску Запорожскому оттого безчестье и печаль великая!“—„Послѣ переговоровъ“, отвѣчалъ Колчицкій, „полковнику Солонинѣ и товарищамъ даютъ знать обо всемъ и отвѣтныя письма объявляютъ“.—„Какъ тому вѣрить?“ возразилъ гетманъ, „показываютъ что̀ написано русскимъ письмомъ: вольно, что̀ хотятъ, написать; а намъ тутъ большое сомнѣніе“.—„Не одни русскія письма показываютъ, но и польскія“, отвѣчалъ посланный, увѣряя гетмана, что его служба и радѣнье не будутъ забвенны у великаго государя. „Еслибъ я мыслилъ зло“, сказалъ гетманъ, „то этихъ словъ не объявлялъ бы“. Но еще Колчицкій былъ въ Батуринѣ, какъ 20 февраля Неѣловъ далъ знать Нѣжинскому воеводѣ Ржевскому, что въ Батуринѣ становится мятежно и чаетъ онъ бѣды: пришелъ въ Батуринъ Ворошиловскій полкъ, и казаки этого полка разставлены по тѣмъ же дворамъ, гдѣ стоятъ стрѣльцы, и казаки говорятъ стрѣльцамъ непристойныя слова, отъ которыхъ и прежде была бѣда. Самъ Ржевскій писалъ къ Кіевскому воеводѣ, князю Козловскому, смѣнившему Шереметева, что сынъ Нѣжинскаго полковника Гвинтовки объявилъ ему, что гетманъ Демьянъ посылаетъ въ Кіевъ Стародубскій полкъ брата своего Шумѣйка, да изъ Батурина Ворошиловскій полкъ. Ржевскій въ той же грамотѣ жаловался Казловскому, что Гвинтовка начинаетъ быть къ нему недобръ, и жители нѣжинскіе не попрежнему ласковы. Пришелъ въ Кіевъ Гоголевскій попъ Исакій и объявилъ воеводѣ: „Былъ я въ Терехтемировскомъ монастырѣ и слышалъ отъ тамошняго игумена, что гетманъ Демьянъ и полковники разныхъ городовъ Переяславской (восточной) стороны часто списываются съ гетманомъ Дорошенкомъ о томъ, чтобы имъ не допустить государя до миру съ Польскимъ королемъ; а если государь отдастъ Кіевъ Польскому королю, то имъ соединиться всѣмъ съ обѣихъ сторонъ, за Кіевъ стоять и съ Поляками биться.“

Въ Батуринъ опять поскакалъ только-что возвратившійся оттуда Танѣевъ. Выслушавъ успокоительную царскую грамоту, гетманъ долго молчалъ, потомъ началъ: „Какъ мнѣ, начальнымъ людямъ и всему войску Запорожскому не имѣть опасенія, видя, что великій государь Кіевъ и эту сторону Днѣпра отдаетъ Ляхамъ въ вѣчную нестерпимую неволю, посрамленіе и безчестіе, церкви Божіи на унію, разореніе и запустѣніе отдаетъ тайно, потому что во время переговоровъ въ Москвѣ нашимъ посланцамъ не позволили сидѣть въ посольской избѣ и вольныхъ голосовъ имѣть, держатъ ихъ на Москвѣ какъ невольниковъ, отговариваются тѣмъ, будто королевскіе послы этого не хотятъ, называя ихъ своими холопями. Но это сдѣлали не королевскіе послы, а царскіе бояре, чтобы отдача Кіева и малороссійскихъ городовъ была невѣдома войску Запорожскому. Этимъ войско Запорожское на-вѣки обезчещено. Поляки станутъ смѣяться надъ нами и въ хроники впередъ для спору напишутъ, что Москва казаковъ въ посольство не допустила. Когда ранятъ кого въ лобъ, то хотя рану и залѣчатъ, но знакъ ея до смерти останется: такъ и намъ этого безчестья вѣчно не забыть. А великій государь городъ Кіевъ и всѣ малороссійскіе города не саблею взялъ, поддались мы добровольно для единой православной вѣры. Если Кіевъ, малороссійскіе города, я и все войско Запорожское великому государю не надобны, отдаетъ королю, то онъ бы воеводъ своихъ изъ этихъ городовъ велѣлъ вывести, мы сыщемъ себѣ другого государя. И Брюховецкій, видя московскія неправды, много терпѣлъ, да не утерпѣлъ, и хотя смерть принялъ, а на своемъ поставилъ: такъ и я, видя неправды великія, велѣлъ въ Черниговѣ большой городъ отъ малаго городка отгородить, а что отъ этого сдѣлается,—Богъ вѣдаетъ. Да и время намъ искать другого государя, кромѣ короля, а подъ королевскою рукою не будемъ, хоть до ссущаго младенца помремъ. Поляки хотятъ на московскія деньги идти на Дорошенка, усмирить его, и потомъ взять Кіевъ и малороссійскіе города; но мы, войско обѣихъ сторонъ Днѣпра, соединясь съ Турскимъ войскомъ и съ Татарами, пойдемъ противъ польскихъ силъ, и хотя всѣ помремъ, а Кіева и малороссійскихъ городовъ не дадимъ. Да и дожидаться не станемъ: послѣ Свѣтлаго Воскресенья пойдемъ въ Польское государство войною, великимъ собраньемъ; Варшава и всѣ польскіе города не устоятъ, будутъ сдаваться, потому что во всѣхъ городахъ православія много; развѣ устоитъ Каменецъ-Подольскій—и то не надолго; ни одинъ Полякъ не останется, развѣ православной вѣры, и посполитые люди подъ державою Турскаго султана будутъ; а какъ надъ Польскимъ государствомъ что учинится, такъ и другому кому тоже достанется. Государь пишетъ, что списокъ съ договорныхъ статей пришлетъ съ полковникомъ Солониною; но я и все войско этимъ спискамъ не вѣримъ, чего глаза наши не видали и уши не слыхали. И такъ много ко мнѣ писемъ съ Москвы присылаютъ, только бумагою да ласковыми словами утѣшаютъ, а подлиннаго ничего не объявляютъ; много съ Поляками договоровъ чинятъ, а границы не учинятъ; а Поляки мало-по-малу Малороссійскій край заѣзжаютъ; полковникъ Пиво около Кіева все запустошилъ, людей побивалъ въ посадахъ. Гомельцы просятся къ войску Запорожскому, и мнѣ не принять ихъ нельзя, войско никого не отгоняетъ, да и время мнѣ свой разумъ держать. Писалъ я къ царскому величеству о Дорошенкѣ и Запорожцахъ; мнѣ даютъ знать, что съ отвѣтомъ скоро пріѣдетъ голова московскихъ стрѣльцовъ Колупаевъ; но онъ присланъ будетъ не для тѣхъ дѣлъ,—знаю я для чего онъ пріѣдетъ; да пусть нездоровъ пріѣдетъ. И ты если еще ко мнѣ съ неправдою пріѣдешь, то будешь въ Крыму, потому что и ты у Поляковъ набрался ихъ лукавыхъ нравовъ. Какъ польскіе послы, набравшись на Москвѣ денегъ, пойдутъ въ свою Землю на Смоленскъ или на другіе тамошніе города, то наши казаки эту казну съ ними раздѣлятъ, а хорошо, если бы они пошли на малороссійскіе города: тогда и намъ бы что-нибудь досталось“. Получивши такой пріемъ, Танѣевъ бросился къ Неѣлову; тотъ подтвердилъ, что Демьянъ конечно соединился съ Дорошенкомъ, съ нимъ и съ его стрѣльцами обходится не попрежнему, на караулахъ велѣлъ стоять стрѣльцамъ съ убавкою, а которые ставились по форткамъ,—тѣхъ велѣлъ свести. „Старшины“, продолжалъ Неѣловъ, „обозный Петръ Забѣла, судьи и полковникъ Дмитрашка Райча государю служатъ вѣрно, про всякія вѣдомости мнѣ знать даютъ; они говорятъ, что Демьянъ государю измѣнилъ, соединясь съ Дорошенкомъ, поддался Турскому султану, далъ Дорошенку въ помощь на войско 24,000 ефимковъ, во всѣхъ полкахъ помѣстилъ полковниками родню свою, братьевъ, зятей и друзей, и хочетъ сдѣлать такъ же, какъ и Брюховецкій; имѣніе свое изъ Батурина вывезъ въ Никольскій Крупицкій монастырь и въ Сосницу; брату своему, Василью, велѣлъ большой Черниговъ отгородить отъ малаго городка, въ которомъ царскіе ратные люди, и шанцы сдѣлать, а имѣніе ему велѣлъ вывезть изъ Чернигова въ Седневъ; самъ Демьянъ хочетъ идти съ женою и дѣтьми изъ Батурина въ Лубны 15 марта. Наконецъ Многогрѣшный, призвавъ старшину, объявилъ, что государь къ нему пишетъ всю старшину прислать въ Москву, а изъ Москвы разослать ихъ въ сибирскіе города на вѣчное житье“.

Ночью на 8 марта, Танѣевъ и Нѣловъ отправились къ Петру Забѣлѣ въ стрѣлецкихъ зипунахъ, съ бонделерами и бердышами. Тамъ, кромѣ хозяина, были судьи, Иванъ Домонтовичъ и Иванъ Самойловичъ и Дмитрашка Райча. Какъ увидали старшины Московскихъ людей, залились слезами и повели жалобную рѣчь: „Бѣда наша великая, печаль неутѣшная, слезы неутолимыя! По наученью дьявольскому, по прелести Дорошенковой, гетманъ, забывъ страхъ Божій и судъ Его праведный, царскую милость и жалованье, великому государю измѣнилъ, соединился съ Дорошенкомъ подъ державу Турскаго султана. Посылалъ гетманъ къ Дорошенку совѣтниковъ своихъ чернецовъ, и Дорошенко при нихъ присягнулъ ему, а чернецы присягнули Дорошенку за гетмана; потомъ Дорошенко прислалъ къ гетману Спасовъ образъ съ своими посланцами, и гетманъ клялся при нихъ, и посланцы дали ему клятву за Дорошенка. Послѣ этой присяги, гетманъ послалъ Дорошенку въ помощь, на жалованье войску, 24,000 ефимковъ. Къ намъ, старшинѣ, гетманъ сталъ безмѣрно жестокъ, не дастъ ни одного слова промолвить, бьетъ и саблею рубитъ; во всѣхъ полкахъ подѣлалъ полковниками и старшиною все своихъ братьевъ, зятей, друзей и собесѣдниковъ. Говоритъ, будто послалъ Ворошиловъ полкъ по вѣстямъ къ Днѣпру; но послалъ онъ его не къ Днѣпру, а въ Лубны, къ зятю своему, и велѣлъ поставить на Чигиринской дорогѣ; во всѣ полки разослалъ универсалы, будто Татары вышли къ Дорошенку, и изо всѣхъ мѣстъ велѣлъ идти въ осаду, точно такъ же, какъ и Брюховецкій дѣлалъ. Имѣніе свое все изъ Батурина вывезъ въ Никольскій Крупицкій монастырь, а изъ монастыря въ Сосницу; самъ съ женою и дѣтьми хочетъ идти въ Лубны 15 марта, а славу пускаетъ, будто идетъ въ Кіевъ молиться. Насъ, старшину, возьметъ съ собою; мы боимся, какъ только насъ изъ Батурина вывезетъ, велитъ побить или въ воду посадить, или по тюрьмамъ разошлетъ; да и то опасно: какъ поѣдетъ изъ Батурина, велитъ послѣ себя по воротамъ стать мужикамъ силою, стрѣльцы пустить ихъ не захотятъ, и оттого начнется задоръ, кровопролитіе великое, что и будетъ началомъ войны. Стрѣльцовъ въ Батуринѣ мало, да и тѣ худы: надѣяться на нихъ нельзя. Нѣлова, выманя за городъ, не связалъ бы и въ Крымъ не отдалъ; давно бы онъ надъ нимъ и надъ стрѣльцами сдѣлалъ дурно, да мы по сіе время берегли. Да и васъ отпуститъ ли; а если и отпуститъ, то въ Королевцѣ и Глуховѣ будутъ обыскивать писемъ. Степана Гречанаго, который былъ въ Москвѣ съ полковникомъ Солониною, заведши въ комнату, привелъ къ присягѣ, что быть съ нимъ заодно, и велѣлъ ему писать то, чего отнюдь на Москвѣ не бывало, чтобъ этимъ отвратить Украйну отъ государя. Однажды гетманъ созвалъ къ себѣ всѣхъ насъ и говорилъ: „Царское величество издавна пишетъ ко мнѣ, чтобъ я всю стршину прислалъ въ Москву, а изъ Москвы хочетъ сослать въ Сибирь на-вѣки“. Мы ему въ этомъ не вѣримъ: затѣваетъ онъ своимъ злымъ умысломъ. Какъ будетъ въ Лубнахъ и Сосницѣ, сберетъ къ себѣ всю старшину и духовныхъ, прочтетъ имъ письма Степана Гречанаго, такъ-же объ отсылкѣ всей старшины въ Сибирь, и станетъ говорить: „Видите, какъ Москва обманчива; что намъ отъ нихъ добраго ждать?“ Въ Лубны Дорошенко пришлетъ къ нему Татаръ, а послѣ и самъ гдѣнибудь съ нимъ увидится“. Райча объявилъ: „Призывалъ меня гетманъ ночью и велѣлъ цѣловать Спасовъ образъ, что быть съ нимъ заодно и государевыхъ ратныхъ людей побивать, послѣ чего подарилъ мнѣ свой лукъ. Я эту присягу въ присягу не ставлю, потому что присягалъ неволею, убоясь смерти, да и не по правдѣ“. Старшины просили, чтобы Танѣевъ передалъ все это Матвѣеву, а тотъ бы доложилъ государю, чтобы великій государь не отдалъ отчины своей злохищному волку въ разоренье, изволилъ въ Путивль прислать наспѣхъ самыхъ выборныхъ конныхъ людей, человѣкъ 400 или 500, а къ нимъ прислать свою милостивую обнадеживательную грамоту. Они и Нѣловъ дадутъ ратнымъ людямъ знать, чтобы прибѣжали въ Батуринъ на-спѣхъ: можно на Конотопъ поспѣть объ одну ночь; но еще до ихъ пріѣзда они свяжутъ волка и отдадутъ Нѣлову, а когда пріѣдутъ ратные люди, отошлютъ съ ними въ Путивль и, написавъ всѣ его измѣны, повезутъ къ великому государю сами. Вся бѣда чинится отъ совѣтниковъ его, протопопа Симеона Адамова, есаула Павла Грибовича, Батуринскаго атамана Еремея, а промышленникъ во всемъ Нѣжинскій полковникъ Матвѣй Гвинтовка. Больше всѣхъ ссорщикъ протопопъ Семенъ: посылаетъ его гетманъ на Москву для провѣдыванія всякихъ вѣстей, а тотъ, желая его удобрить, сказываетъ ему то, чего не бывало. „Глуховскія статьи становилъ я“, сказалъ Забѣла, „въ нихъ написано: духовнаго чина въ посольствѣ не посылать и не принимать, и именно Нѣжинскаго протопопа Семена Адамова. Если сего злохищника Многогрѣшнаго Богъ предастъ въ руки наши, то чтобы великій государь пожаловалъ насъ, велѣлъ быть гетманомъ боярину великороссійскому: тогда и постоянно будетъ; а если гетману быть изъ Малороссійскихъ людей, то никогда добра не будетъ“.

Между тѣмъ виновники всего зла, по словамъ старшины, протопопъ Симеонъ Адамовичъ и есаулъ Грибовичъ отправили свое посольство къ Москвѣ, подали информацію отъ Демьяна Игнатовича: гетманъ просилъ о размежеваніи Малороссіи съ Литвою; жаловался, какъ смѣли польскіе послы не пустить казацкихъ посланцовъ къ засѣданію при переговорахъ: „Время господамъ Ляхамъ перестать съ нами такъ обращаться, потому что съ такимъ же ружьемъ, съ такими же саблями и на такихъ же коняхъ сидимъ, какъ и они; пусть знаютъ, что еще не засохли тѣ сабли, которыя насъ освободили отъ холопства и отъ тяжкой неволи. Молимъ царское величество, чтобы господа Ляхи не смѣли больше называть насъ своими холопами. Довольно нашего терпѣнія! Польскій полковникъ Пиво пустошитъ хутора кіевскіе, захватилъ шесть человѣкъ и куда дѣвалъ—неизвѣстно; мы послали бывшаго Черниговскаго полковника Лысенка въ Кіевъ; тотъ обратился къ воеводѣ, князю Козловскому, съ просьбою о помощи. „Не могу тебѣ помочь“, отвѣчалъ воевода, „потому что отъ царскаго величества задирать Поляковъ указа не имѣю“. Посланные должны подать царскому величеству роспись убытковъ, причиненныхъ Пивомъ, и спросить, неужели гетману и войску оставаться долѣе въ такомъ смущеніи?“

Смущеніе кончилось, ибо Забѣла съ товарищами исполнили свое обѣщаніе: въ ночь на 13 марта они схватили Многогрѣшнаго и отправили въ Москву съ генеральнымъ писаремъ Карпомъ Мокріевичемъ. Братья Многогрѣшнаго — Василій и Шумѣйка,— услыхавъ о судьбѣ гетмана, скрылись. 6 апрѣля тайно пришелъ къ Кіевскому воеводѣ, князю Козловскому, Кіево-братскаго монастыря ректоръ, игуменъ Варлаамъ Ясинскій, и сталъ умолять, чтобы о его извѣтѣ не свѣдали малороссійскіе духовные и мірскіе люди. Воевода обѣщалъ глубокую тайну, и Варлаамъ началъ: „Пришли ко мнѣ два монаха и показали прохожій листъ отъ игумена Максаковскаго монастыря Ширковича, и сказали, что пришли за своими дѣлами, я ихъ отпустилъ уже изъ кельи, но одинъ изъ нихъ вернулся и началъ меня упрашивать: „Умилосердись, отецъ ректоръ, вели меня проводить до Печерскаго монастыря, чтобы меня Московскіе люди, Кіевскіе казаки и жители не опознали: я гетмана Демьяна братъ, Василій Многогрѣшный! Теперь онъ у меня“. Воевода сейчасъ же послалъ захватить бѣглеца въ Братскомъ монастырѣ и привесть въ приказную избу, гдѣ его допросили и отправили въ Москву.

Здѣсь, ничего не зная, отпустили въ началѣ марта гетманскихъ посланцовъ, протопопа Симеона Адамовича и Грибовича, и вмѣстѣ съ ними отправили обѣщаннаго стрѣлецкаго голову, Михайла Колупаева. 15 марта Колупаевъ подъѣзжалъ къ Сѣвску, какъ на-встрѣчу ему прискакалъ стрѣлецъ отъ Сѣвскаго воеводы и подалъ письмо. Воевода увѣдомлялъ, что пригналъ къ нему гонецъ изъ Путивля съ вѣстію: гетмана Демьяна скованнаго привезли въ Путивль генеральный писарь Карпъ Мокріевъ, да полковники Рословецъ и Райча, и везутъ къ великому государю, обвиняя въ измѣнѣ. Колупаевъ отвѣчалъ воеводѣ, чтобы онъ постарался задержать въ Сѣвскѣ протопопа Адамовича съ товарищами, подъ предлогомъ недостатка подводъ, пока не объяснится гетманское дѣло, да послалъ бы воевода поскорѣе въ Малороссію провѣдать про это дѣло. Хитрость не удалась: когда воевода объявилъ Адамовичу, что подводъ нѣтъ, то на другой день протопопъ съ товарищами пришелъ и сказалъ, что подводы они сами себѣ собрали и поѣдутъ напередъ одни „Нельзя вамъ однимъ ѣхать“, говорилъ Колупаевъ, „грамота къ гетману у насъ съ вами одна“. Тутъ Грибовичъ съ товарищами начали кричать и порываться изъ избы вонъ: „Поѣдемъ одни, ждать васъ не будемъ!“ Колупаевъ принужденъ былъ объявить имъ, что про гетмана пришли недобрые слухи и потому надобно подождать вѣстей подлинныхъ. „Отъ гетмана мы никакого дурна нечаемъ“, отвѣчали казаки, „если бы онъ хотѣлъ сдѣлать что дурное, то бы насъ съ протопопомъ къ великому государю не посылалъ“. Съ этими словами Грибовичъ съ товарищами вышли, но Адамовичъ остался и началъ разсказывать, что дѣйствительно гетманъ съ нѣкотораго времени началъ быть не попрежнему: „Мнѣ гетманъ велѣлъ довѣдываться подлинно въ Москвѣ, будутъ ли отданы Малороссія и Кіевъ королю; и если это правда, то онъ хотѣлъ послать тотчасъ же войско для занятія Гомеля. Когда я его спрашивалъ, на кого онъ надеженъ,—то онъ мнѣ отвѣчалъ: „На того же, на кого и Дорошенко; Брюховецкій сгинулъ за правду, пусть и я сгину такъ-же; Нѣжинъ покину, въ Переяславлѣ Московскихъ людей мало, Черниговъ осажду, а самъ пойду до Калуги“. На Запорожье послалъ 6,000 талеровъ, чтобы Запорожцы были ему послушны. Теперь слухъ есть, что гетмана скованнаго везутъ въ Москву, и мнѣ въ Нѣжинъ ѣхать незачѣмъ, буду государю бить челомъ, чтобы жить мнѣ въ Москвѣ“.—„Живи попрежнему въ Нѣжинѣ и служи великому государю правдою попрежнему“, сказалъ Колупаевъ. „И въ Брюховецаго измѣну много мнѣ было мученья, имѣніе потерялъ; мы съ Райчею Спасовъ образъ поцѣловали на томъ: если гетманъ Демьянъ измѣнитъ, то намъ совсѣмъ уѣзжать въ Путивль“. 17 марта пріѣхали въ Сѣвскъ Карпъ Мокріевичъ и полковникъ съ своимъ колодникомъ, и 19-го Колупаевъ и Адамовичъ поѣхали съ ними въ Москву. Въ Москвѣ распорядились: 17 марта разосланы были въ разныя мѣста ратные люди для провѣдыванія всякихъ вѣстей, слушать и разсматривать въ казакахъ и мѣщанахъ, какія отъ нихъ мысли и слова станутъ исходить за то, что гетманъ взятъ, и впредь чего отъ нихъ чаять и каковы вѣрностію великому государю. Возвратившись, посыльщики сказали однѣ рѣчи: казаки, мѣщане и вся чернь великаго государя державѣ рады, за гетмана никто не вступается, говорятъ и про всю старшину, что имъ, черни, стало отъ нихъ тяжело, притѣсняютъ ихъ всякою работою и поборами; ни одинъ гетманъ такъ ихъ не тяжелилъ и въ порабощенье старшинамъ и союзникамъ своимъ не выдавалъ, какъ нынѣшній Демка; да и впередъ отъ старшинъ своихъ того же чаютъ, и хвалятъ прежнее воеводское владѣнье: въ то время имъ легко было; а не залюбили воеводскаго владѣнья старшина, что не панами стали; привели ихъ старшина неволею къ смутѣ, напугали Татарами; а теперь сколько Татарами и Поляками ни пугали,—не повѣрили. Про старшину говорятъ: только бы не опасались ратныхъ людей великаго государя, то всю бы старшину побили и пограбили; а больше всѣхъ недовольны Нѣжинскимъ полковникомъ Гвинтовкою, Василіемъ и Саввою Многогрѣшными, Переяславскимъ полковникомъ Стрыевскимъ, Черниговскими сотниками—Леонтіемъ Полуботкомъ и Василіемъ Бурковскимъ, бывшимъ полковникомъ Дмитрашкою Райчею. Про генеральнаго судью Ивана Самойлова и про генералальнаго писаря Карпа Мокрѣева ничего добраго не носится. Про писаря говорятъ, что давно за гетманомъ измѣну вѣдалъ; а какъ пришла причина на гетмана явная, то и началъ выносить на гетмана, а до явной причины писарь ничего не объявилъ.

25 марта подъячій Алексѣевъ поѣхалъ въ Батуринъ къ старшинѣ съ милостивымъ словомъ; на дорогѣ многіе Черкасы ему говорили: „Что бы царскому величеству прислать къ намъ своихъ воеводъ, а гетману у насъ не быть, да и старшихъ бы всѣхъ перевесть,—намъ было бы лучше, разоренья и измѣны ни отъ кого не было бы; а то всякій старшина, обогатясь, захочетъ себѣ панства и измѣняетъ, а наши головы гинутъ напрасно“. Черезъ два дня по отъѣздѣ Алексѣева изъ Москвы, 28 марта, привезли туда Демьяна Игнатова, и генеральный писарь Карпъ Ивановичъ Мокрѣевъ разсказывалъ: „14 марта Демка сбирался идти изъ Батурина со всею старшиною и съ Григорьемъ Неѣловымъ; говорилъ, будто идетъ по обѣщанію въ Кіевъ молиться, но Ворошиловъ полкъ стоялъ въ Ичнѣ наготовѣ, да и Волошской хоругви, которая, стояла въ Ольшовкѣ, велѣлъ идти къ себѣ же; собравшись со всѣмъ войскомъ, хотѣлъ онъ остановиться въ Лубнахъ недѣли на двѣ, чтобы въ это время ссылаться въ Дорошенкомъ. Мы, старшина, видя, что онъ, Демка, великому государю конечно измѣнилъ, насъ хотѣлъ побить до смерти, обознаго Петра Забѣлу и судью Ивана Домонтова отдать въ неволю къ Дорошенку, думая, что и Неѣлову съ стрѣльцами добра никакого не будетъ, потому что Демка въ глаза сказалъ Неѣлову, что отсѣчетъ ему голову съ бородою,—видя все это, мы ночью на 13-е марта пришли въ малый городокъ и около гетманскаго двора тайно разставили стрѣльцовъ на-сторожу, потомъ, собравшись съ ружьемъ, вошли къ нему въ хоромы тайно же, а онъ въ ту пору спалъ. Полковникъ Дмитрашка первый вошелъ къ нему въ спальню. и въ темнотѣ сталъ спрашивать, гдѣ тутъ Демка? Тотъ проснулся, вскочилъ съ постели и сталъ-было обороняться; но тутъ мы всѣ вошли, взяли его силою и отвели на дворъ къ Григорію Неѣлову. Здѣсь, у Григорья въ избѣ, Демка рвался къ ружью, хотѣлъ съ нами биться; но я, до ружья его не допустя, поранилъ его въ плечо изъ пистолета; отъ этой раны Демка сѣлъ; тутъ мы его сковали и въ малый городъ привели. Онъ, Демка, передо всею старшиною говорилъ: „Соберу тысячь съ шесть войска, конныхъ добрыхъ людей, и пойду на великороссійскіе города войною; а больше того войска мнѣ не надобно, будетъ мнѣ въ помощь ханъ Крымскій по веснѣ, какъ трава пойдетъ; тогда поймаю Артема за волосы и знаю, что надъ нимъ сдѣлаю“.—Братство и сватовство у него съ Дорошенкомъ ближнее, потому что Дорошенко сговорилъ дочь свою за роднаго его племянника, Мишку Зиновьева: сватовство шло черезъ Куницкаго. Турскаго султана хвалилъ онъ, Демка. безпрестанно; говорилъ: „Лучше мнѣ быть подъ Турскимъ, чѣмъ подъ Московскимъ царемъ“; говорилъ всей старшинѣ, будто Москва неправдива и хочетъ съ Ляхами насъ всѣхъ, Малороссіянъ, посѣчь, а города запустошить; будто государь для этого посѣченія далъ Полякамъ много денегъ; говорилъ: „Я самъ Московскимъ людямъ дамъ отпоръ своею храбростію, какъ Александръ Македонскій; тотъ былъ Александръ, а я, Демьянъ, не меньше его, опустошу Московское государство, какъ и Александръ воевалъ грады“. Я ему говорилъ: „Помомни Бога и присягу, для чего отступать? Лиха никакого мы не видали, живемъ во всякой вольности; подожди, какъ воротится изъ Москвы протопопъ Симеонъ“.—„Я все знаю“, отвѣчалъ мнѣ Демка, „нечего ждать! не хочу быть подъ царемъ; хоть пріѣзжай кто изъ Москвы да весь Батуринъ наполни богатствомъ. мнѣ ничего не надобно“!

Генеральный писарь подалъ на бумагѣ: „Слова недостойныя, которыя изъ устъ бывшаго гетмана Демьяна исходили противъ высокаго престола его царскаго величества: 1) Великимъ постомъ въ своемъ домѣ говорилъ старшинѣ о межеваньи: „Видите, каково царское желательство къ намъ; поступилъ Ляхамъ всю Украйну, учиня границу отъ Кіева Десною и Сеймомъ до Путивля.“ 2) Говорилъ намъ: „Подлинно я слышалъ отъ капитана, живущаго въ Черниговѣ, а тотъ слышалъ отъ самаго царскаго синклита, велѣли этому капитану сказать мнѣ: тебѣ приготовлено въ царскихъ слободахъ пять сотъ дворовъ крестьянскихъ, только ты намъ выдай всю старшину и подначальныхъ людей украинскихъ“. Когда мы отвѣчали ему: подожди отца протопопа, какая милость государская будетъ,—то онъ сказалъ намъ: „Бороды у васъ выросли, а ума не вынесли“. 3) Петру Забѣлѣ наединѣ говорилъ: „Заблаговременно надобно намъ постараться о другомъ государѣ, а отъ Москвы намъ добра нечего надѣяться“. 4) Судьѣ Самойловичу говорилъ. „Видишь, что чинится—Ляхи намъ непріятели, а Москва имъ деньги на 30,000 войска дала, а какъ придется платить Турку, то заплатятъ нами; надобно заранѣе позаботиться о сильнѣйшемъ государѣ, какъ Заднѣпровье сдѣлало". 5) Прошлою осенью, взявши клятву съ Андрея Мурашки хранить тайну, говорилъ: „Увидишь, что̀ я Москвѣ сдѣлаю; увидишь мою саблю въ крови московской; я ихъ и за столицу загоню, только вы будьте при мнѣ неотступны". 6) Передъ масляницею говорилъ Дмитрашкѣ Райчѣ: „У меня есть указъ самого царя рубить Москву". 7) Говорилъ: „Вы не знаете, въ какой чести царь Московскій и король Польскій у султана Турскаго: королю Польскому запретилъ называться цѣлымъ королемъ, а только короликомъ, а Московскому велѣлъ сказать, что онъ такъ же его уважаетъ, какъ чернаго Татарина". 8) Всѣ слова его досадительныя страшно вспомнить: „тогда слыша и теперь пишучи, члены наши трясутся".

Вслѣдъ за этимъ извѣтомъ, старшина прислали другой: разсказъ Батуринскаго сотника, Григорія Карповича, посыланнаго Многогрѣшнымъ къ Тукальскому вмѣстѣ съ посланцомъ послѣдняго, Семеномъ Тихимъ. „Какъ мы пріѣхали въ Каневъ", разсказывалъ Григорій, „то пошли къ митрополиту, и Семенъ положилъ передъ нимъ на столѣ икону, которую возилъ въ Батуринъ. Митрополитъ, поцѣловавши икону, спросилъ Семена: „Что тамъ добраго учинили?"—„За чѣмъ былъ посланъ, все исполнилъ вашими молитвами", отвѣчалъ Семенъ. Тутъ Іосифъ подошелъ ко мнѣ и, взявши за пуговицы, сказалъ: „Давно бы такъ, господинъ сотникъ, надо было поступить вашему гетману; сами хорошо знаете: при комъ ханъ, тотъ и господинъ; у султана столько силы, что и Полякамъ и Москвѣ дастъ себя знать, не только имъ на насъ не придется наступить, и своихъ городовъ не оборонятъ; а теперь еще болѣе испугаются, когда наши гетманы въ неразрывномъ пріятствѣ пребываютъ".— „Если бы", писали старшина государю, „если бы мы выписывали всѣ доказательства Демковой измѣны, то не умѣстили бы всего не только на листѣ бумаги, но и на воловьей кожѣ". Лазарь Барановичъ также разсказывалъ присланному къ нему стольнику Самарину: „Какъ скоро я узналъ, что Демка ссылается съ Дорошенкомъ, то писалъ къ нему, чтобы онъ эти ссылки прекратилъ и въ Кіево-Печерскій монастырь молиться не ѣздилъ. Онъ, прочтя мою грамоту, бросилъ ее по столу и сказалъ моему посланцу: „Зналъ бы архіепископъ свой клобукъ!"

14-го апрѣля бояре и думные люди съѣхались въ Посольской Приказъ разспрашивать Демку Игнатова объ его измѣнѣ и кто съ нимъ въ той измѣнѣ совѣтовалъ.—„Я великому государю измѣнять не хотѣлъ", отвѣчалъ Демьянъ: „служилъ я ему вѣрно; за Сожу не заѣзжалъ, полковниковъ перемѣнялъ по совѣту всей старшины: въ Кіевъ хотѣлъ ѣхать по письму Печерскаго архимандрита, что отъ Ляховъ насиліе и разореніе; я посылалъ въ Кіевъ къ воеводѣ князю Козловскому, чтобы онъ оборонилъ Печерскихъ людей отъ Поляковъ, но писарь Карпъ присовѣтовалъ мнѣ самому идти въ Кіевъ съ обозомъ. Съ Дорошенкомъ ссылался я о томъ, чтобы онъ на этой сторонѣ никому обидъ не дѣлалъ; къ Сожѣ посылалъ я по совѣту полковниковъ и всѣхъ начальныхъ людей, а больше писаря Карпа Мокрѣева; я хотѣлъ одного: сдѣлать рубежъ по Сожу".—„Ты хотѣлъ сдѣлать рубежъ по Сожу—хорошо", говорили бояре; „но зачѣмъ же ты хотѣлъ овладѣть Гомелемъ: вѣдь Гомель за Сожею?"—„Въ томъ воля великаго государя", отвѣчалъ Демьянъ, „хотя Гомель и за Сожею, но во время польской войны отъ него было малороссійскимъ жителямъ великое утѣсненіе, поэтому я и велѣлъ-было его заѣхать; если бы впередъ была съ Поляками война, то малороссійскимъ жителямъ было бы отъ Гомеля обереженье великое, потому что онъ стоитъ надъ самою рѣкою Сожею".

Демьяна спросили: „Зачѣмъ онъ говорилъ царскому посланцу, что пусть бы уже государь ихъ всѣхъ отдалъ королю и прочее?"—„Никогда не говорилъ", отвѣчалъ Многогрѣшный. Позвали посланца, и Демьянъ на очной ставкѣ повинился: „Говорилъ я это пьянымъ обычаемъ, безпамятствомъ своимъ", сказалъ онъ. Бояре спросили о рѣчахъ его къ Танѣеву; Демьянъ заперся: „Я ничего этого не говаривалъ; а говорилъ писарю Карпу: вотъ великій государь обрадовалъ насъ своею грамотою насчетъ Кіева; а писарь мнѣ сказалъ: „Не всему вѣрь, держи свой разумъ; не такъ бы сдѣлали, какъ прежде: прислана была царская грамота къ Брюховецкому, войско Запорожское обнадежили, а послѣ того князь Данила Великого-Гагинъ съ войскомъ высланъ, Золотаренка, Самка, Силича побилъ". Слыша такія рѣчи отъ писаря, началъ я быть въ сомнѣніи и въ опасеніи отъ войскъ царскихъ; въ томъ передъ великимъ государемъ виноватъ, а измѣнить не хотѣлъ".

„Для чего-жъ ты такихъ рѣчей на писаря старшинѣ и всему войску не объявилъ и къ царскому величеству не писалъ?" спросили бояре; „да и какое тебѣ было опасенье! Развѣ ты не знаешь, что князь Великого-Гагинъ Золотаренка и Самка не билъ, а былъ съ войскомъ на радѣ потому, что безъ царскаго войска вы бы на радѣ передрались?"— „Я человѣкъ простой и неграмотный", отвѣчалъ Демьянъ, „а къ царскому величеству не писалъ спроста, думая, что писарь говорилъ правду, остерегая меня; виноватъ". Тутъ поднялся свидѣтель, протопопъ Симеонъ, очутившійся опять въ Москвѣ: „Когда я ѣхалъ въ Москву", сказалъ онъ, „то говорилъ ему не однажды, укрѣплялъ, чтобы держался милости царской; напоминалъ, какъ Брюховецкій измѣнилъ, и что съ нимъ послѣ того случилось, а онъ мнѣ на это сказалъ: „Поѣзжай только въ Москву: вотъ тамъ тебя въ Москвѣ посадятъ!" Демьянъ повинился.

Спрашивали: зачѣмъ перемѣнилъ обращеніе съ Неѣловымъ, зачѣмъ велѣлъ убавить стрѣлецкіе караулы?—„Самъ собою убавлять стрѣлецкихъ карауловъ я не приказывалъ", отвѣчалъ Демьянъ.

„Дѣло вотъ какъ было: однажды я шелъ въ церковь, и спросилъ, есть ли караульщики. Мнѣ отозвались, что стоятъ два пятидесятника и съ ними стрѣльцовъ человѣкъ со сто. Я спросилъ, нѣтъ ли имъ скудости въ кормахъ. „Въ кормахъ нѣтъ скудости никакой“, отвѣчали они, „только безпокойство великое отъ карауловъ“. Я поговорилъ объ этомъ съ головою Нѣловымъ, и велѣлъ съ караулу стрѣльцовъ понемногу убавить. Разговаривать съ Нѣловымъ я никому не заказывалъ и присматривать за нимъ не веливалъ“.

На вопросъ о сношеніяхъ съ Дорошенкомъ и о перемѣнѣ полковниковъ отвѣчалъ: „Чернецовъ къ Дорошенку я объ измѣнѣ не посылывалъ, а присылалъ ко мнѣ Дорошенко казака Сеньку Тихонова, потому что крымскіе Татары на сей сторонѣ въ Лубнахъ взяли малороссійскихъ жителей. Дорошенко Татаръ этихъ разбилъ, полонъ отнялъ и возвратилъ на свои мѣста. 24,000 ефимковъ я къ Дорошенку не посылывалъ и посылать было мнѣ нечего, потому что съ начала гетманства и двухъ тысячъ левковъ въ собраньи у меня никогда не бывало. А полковниковъ и другихъ урядниковъ перемѣнялъ по совѣту всей старшины“.

— Зачѣмъ говорилъ старшинѣ, что царь требуетъ ихъ въ Москву для отсылки въ Сибирь; зачѣмъ: велѣлъ Гречанову писать то, чего на Москвѣ не бывало; заставлялъ ли ночью Дмитрашка Райчу присягать, что будетъ съ нимъ заодно; посылалъ ли игумена Ширковича въ Варшаву?—На все отвѣтъ отрицательный.

Явился на очную ставку Александръ Танѣевъ и началъ уличать Демьяна по своему статейному списку. Обвиненный попрежнему отрекся отъ всего. Но когда началъ уличать его протопопъ Симеонъ, что онъ ссылался съ Дорошенкомъ, то Многогрѣшный отвѣчалъ: „Передъ великимъ государемъ я виноватъ, протопоповымъ я рѣчамъ не внималъ“.

Бояре начали разспрашивать съ великимъ пристрастіемъ, чтобы Демьянъ вину свою принесъ, сказалъ правду, какъ съ Дорошенкомъ объ измѣнѣ ссылался, кто про ихъ совѣтъ вѣдалъ и на чемъ у нихъ положено? Если же не скажетъ, то будутъ пытать. Демьянъ повторилъ, что никогда не думалъ объ измѣнѣ, съ Дорошенкомъ ссылался о любви и дружбѣ, чтобы тотъ не приходилъ войною на этотъ берегъ, и Дорошенко его къ Турскому не подговаривалъ. „Вина моя одна, что я говорилъ неистовыя рѣчи въ безпамятствѣ, пьянствомъ“, прибавилъ онъ.—„Если бы у тебя мысли объ измѣнѣ не было“, сказали бояре, „то ты бы всѣ Дорошенковы грамоты присылалъ къ великому государю“.—„Я человѣкъ простой и безграмотный“, отвѣчалъ Демьянъ, „положено все это на войсковаго писаря; я всѣ грамоты приказывалъ посылать къ царскому величеству; но писарь не посылалъ, умысля съ старшиною на меня, чтобы отлучить меня отъ милости царскаго величества и измѣну на меня положить. У нихъ, у старшинъ, всегда такъ ведется, какъ захотятъ учинить надъ гетманомъ какое зло, тотчасъ къ тому его приведутъ; а я человѣкъ простой, ссылался съ Дорошенкомъ по его лести, а измѣны я никакой не мыслилъ“.

Сдѣланъ былъ новый разспросъ у пытки, и тотъ же отвѣтъ, что измѣны никакой не мыслилъ. Тутъ началъ говорить Батуринскій атаманъ Ерема Андреевъ: „Когда Демка посылалъ меня къ Дорошенку, то приказывалъ сказать ему, что двое за одинъ кожухъ торгуются; я его спросилъ, что это значитъ?—и онъ мнѣ отвѣчалъ, что Дорошенко это слово знаетъ, только скажи такъ“.—„Я объ этомъ не приказывалъ и не помню,“ отвѣчалъ Демьянъ Повели къ пыткѣ, дали 19 ударовъ.—„Я про измѣну свою только на словахъ говорилъ“, винился Демьянъ, „но съ Дорошенкомъ объ измѣнѣ не ссылался; кожухъ, о которомъ я съ Еремою приказывалъ, значитъ то, что Поляки хотятъ Кіевъ взять, а царское величество отдать не хочетъ. Если бы Поляки ссоръ дѣлать не перестали, то я Гомель принять хотѣлъ, но про ту мою измѣну никто не вѣдалъ и въ совѣтѣ со мною не былъ, думалъ я одинъ“. Тутъ же распоряжались съ Матвѣемъ Гвинтовкою: клали его руки въ хомутъ и разспрашивали про Демкову измѣну; Гвинтовка отвѣчалъ, что ничего не зналъ и самъ служилъ вѣрно. На второй пыткѣ Демьянъ говорилъ тѣ же рѣчи. Спросили о сношеніяхъ съ Тукальскимъ: „Какъ шелъ Паисій, патріархъ Александрійскій, изъ Москвы на малороссійскіе города, то братъ мой, Васька, билъ челомъ ему и архіепископу Лазарю Барановичу о разрѣшеніи въ убійствѣ жены и о позволеніи жениться на другой; патріархъ и епископъ простили его и жениться позволили, только велѣли дать въ церковь милостыню; и онъ архіепископу Лазарю да митрополиту Тукальскому послалъ по лошади. Ко мнѣ митрополитъ писалъ, чтобы позволено было ему брать дань съ церквей Кіевской области, и я ему въ томъ отказалъ“.

6 мая Артемонъ Матвѣевъ и думный дьякъ Богдановъ разспрашивали гетманова брата, Василія Многогрѣшнаго, есаула Павла Грибовича и Дорошенковыхъ посланцовъ. Василій Многогрѣшный отвѣчалъ, что ничего не вѣдаетъ. Но ему показали собственное его письмо къ наказному полковнику Леонтію Полуботку, въ которомъ онъ приказывалъ распорядиться съ какимъ-то московскимъ подъячимъ: „Этого подъячаго, писалъ Василій, вынувъ изъ тюрьмы и давъ вину, надгнети животомъ, а кіями не бей, чтобъ не было синяковъ, но такъ подержи въ рукахъ, чтобы не забылъ до вѣка; будь въ томъ надеженъ, ничего тебѣ за это не будетъ, только не води его къ себѣ, а ночью пусть сторожа обвинятъ его, что хотѣлъ уйти“. — „Виноватъ,“ отвѣчалъ Василій, „такой листъ писалъ, потому что подъячій досадилъ намъ своими словами, до начала войны Брюховецкаго говорилъ самому гетману: „Самковы кафтаны мы носили, не закаиваемся и ваши носить“.

—„Если ты“, спросилъ Матвѣевъ, „за братомъ своимъ измѣны никакой не зналъ и самъ не хотѣлъ измѣнять, то зачѣмъ свое полковничество покинулъ, изъ Чернигова побѣжалъ и монашеское платье на себя надѣлъ?"—„Виноватъ", отвѣчалъ Василій, „а побѣгъ мой учинился отъ того: въ недавнемъ времени писалъ къ брату, что Черниговскій воевода безпрестанно проситъ лѣсу на городовое строенье, городъ починилъ и бои подѣлалъ; что государевы ратные люди стали насъ опасаться и осадою крѣпиться, да и про то стало слышно, что начальные люди пули льютъ; сказывалъ мнѣ шляхтичъ Половецкій, выходецъ съ той стороны, что государевы ратные люди пули льютъ, хотятъ съ казаками войну начинать. Я писалъ объ этомъ къ брату и самого Половецкаго къ нему послалъ. Братъ прислалъ ко мнѣ выростка Ивашку сказать, чтобы я съ Черниговскимъ воеводою и государевыми ратными людьми задору никакого не дѣлалъ, а онъ, Демьянъ, ждетъ къ себѣ изъ Москвы протопопа Симеона да Михайлу Колупаева съ подлиннымъ указомъ, и чаетъ онъ, что Поляки ихъ съ царскимъ величествомъ ссорить и мутить больше не будутъ. Да тотъ же выростокъ Ивашка сказывалъ мнѣ тайно: пріѣхалъ изъ Москвы въ Батуринъ чернецъ и сказывалъ ему, Ивашкѣ, будто гетмана Демьяна велѣно поймать и къ Москвѣ послать. На другой день приходитъ ко мнѣ полуполковникъ и зоветъ меня къ воеводѣ сурово, чтобы я ѣхалъ тотчасъ. Я, видя, что меня зовутъ не по прежнему обычаю, испугался и началъ догадываться, что брату моему, по чернецовой сказкѣ, нездорово. Осѣдлавъ лошадь, поѣхалъ-было я въ городъ, а изъ города идетъ ко мнѣ на-встрѣчу многая пѣхота съ ружьями и бердышами; я тутъ и пуще испугался и побѣжалъ. Прибѣжалъ въ монастырь Елецкой Богородицы и говорю архимандриту Голятовскому: чтó мнѣ дѣлать,—къ воеводамъ ѣхать или бѣжать дальше? „Какъ себѣ хочешь", говоритъ архимандритъ: „побѣги дальше, а здѣсь тебѣ дѣлать нечего". Я за Десну въ Никольской монастырь, покинулъ здѣсь лошадь свою и платье свое съ себя скинулъ, и надѣлъ монашескую ряску. Изъ Никольскаго пришелъ къ Максаковскій монастырь къ игумену Ширкѣевичу; тотъ далъ мнѣ старца да челядника, и велѣлъ проводить до Кіева Десною въ лодкѣ".

Грибовичъ отвѣчалъ, что ничего не знаетъ, знаетъ только, что Демьянъ далъ Дорошенку взаймы 6,000 золотыхъ польскихъ. Про отставку полковника Дмитрашки Райчи знаетъ онъ вотъ что: слухъ пронесся, что Дмитрашка хочетъ передаться къ Ляхамъ или къ Дорошенку; Демка послалъ за нимъ своихъ челядниковъ, но Дмитрашка не поѣхалъ, заперся въ Барышевкѣ и говорилъ гетманскимъ посланцамъ: „Какъ погублены Самко и Золотаренко, такъ же и со мною хотятъ сдѣлать!" Тогда Демьянъ, взявши царскихъ ратныхъ людей и свои войска, пошелъ въ Нѣжинъ; выѣхавъ изъ Нѣжина, встрѣтилъ митрополита Сербскаго и посылалъ его къ Дмитрашкѣ въ Барышевку уговаривать; изъ Барышевки пріѣзжалъ къ гетману попъ съ Дмитрашковою женою бить челомъ за полковника. Демьянъ обнадежилъ ихъ и велѣлъ Дмитрашкѣ ѣхать къ себѣ безъ боязни. Но какъ Дмитрашка пріѣхалъ къ нему въ Басань, гетманъ велѣлъ его сковать и, привезши въ Батуринъ, отдалъ подъ караулъ; но потомъ, по просьбѣ греческихъ митрополитовъ, освободилъ и велѣлъ жить при себѣ въ Батуринѣ, а на его мѣсто послалъ Стрыевскаго. Стародубскаго же полковника Рославца перемѣнилъ по челобитью казаковъ и черни за его налоги, перемѣнилъ, поговоря съ старшиною, и послалъ на его мѣсто брата своего, Шумѣйку.

Василій Многогрѣшный увѣрялъ, что онъ хотѣлъ остаться въ кіевскомъ Братскомъ монастырѣ, но старецъ Максаковскаго монастыря объявилъ, что Василій пробирался къ Тукальскому. Многогрѣшнаго опять взяли къ допросу: зачѣмъ утаилъ, что хотѣлъ ѣхать къ Тукальскому?—„Виноватъ", отвѣчалъ онъ, „испугался, хотѣлъ я бѣжать къ митрополиту, чтобы онъ меня и отъ Дорошенка ухоронилъ, и царскому величеству не выдалъ; а чтобы, собравшись съ кѣмъ, войну вести противъ великаго государя,—и въ мысляхъ у меня не было; да если бы и хотѣлъ это сдѣлать, да не могъ, потому что какъ былъ я на Запорожьи, съ Запорожцами ссорился, а при Дорошенкѣ писарь енеральный Войхеевичъ великій мнѣ недругъ,—не до войны было: лишь бы отъ бѣдъ великихъ голову свою ухоронить, хотѣлъ я, все покиня, постричься".

28-го мая на болотѣ, за кузницами, поставили плаху—будутъ казнить гетмана Демку Многогрѣшнаго и брата его Ваську. Привезли преступниковъ и начали читать имъ вины, т. е. всѣ поданныя на нихъ обвиненія: „Ты, Демка, про все разспрашиванъ и пытанъ; и во всѣхъ своихъ измѣнныхъ словахъ винился; а 20-го мая старшины со всѣмъ народомъ Малороссійскимъ прислали челобитье, чтобы тебя казнить смертью въ Москвѣ, а для подлиннаго обличенья прислали Батуринскаго сотника Григорья Карпова, который отъ тебя къ Дорошенку образъ возилъ и присягалъ, что вамъ служить Турскому султану. Бояре и думные люди, слушавъ вашихъ разспросныхъ рѣчей, приговорили васъ, Демку и Ваську, казнить смертью, отсѣчь головы". Демку и Ваську положили на плаху; но бѣжитъ гонецъ и объявляетъ, что великій государь, по упрошенью дѣтей своихъ, пожаловалъ, казнить Демку и Ваську не велѣлъ, а указалъ сослать въ дальніе сибирскіе города на вѣчное житье; бояре приговорили—сослать къ нимъ женъ ихъ и дѣтей. Та же участь постигла полковника Гвинтовку и есаула Грибовича. На другой день великій государь пожаловалъ велѣлъ дать на милостыню Демкѣ 15 рублей, Васькѣ 10 рублей, Гвинтовкѣ и Грибовичу по 5; Многогрѣшнымъ отдана была и вся ихъ рухлядь, съ которою привезены въ Москву, нѣсколько очень недорогихъ вещей. Семейство Многогрѣшнаго состояло изъ жены Настасьи, двоихъ сыновей—Петра и Ивана, дочери Елены и племянника Михайлы Зиновьева; съ ними поѣхали двѣ работницы. Съ Гвинтовкою отправились жена его Ирина и двое сыновей, Еѳимъ и Ѳедоръ. Въ Тобольскѣ велѣно держать ссыльныхъ за крѣпкимъ карауломъ скованныхъ, а изъ Тобольска разослать по разнымъ острогамъ въ пѣшую казачью службу. Участь ссыльныхъ была отягчена вслѣдствіе бѣгства Грибовича. Тогда Многогрѣшнаго съ товарищами, вмѣсто того, чтобы послать по острогамъ въ казачью службу, велѣно держать скованныхъ въ тюрьмахъ „для того, говорилось въ указѣ, что они забыли страхъ Божій и нашу государеву милость, товарищъ ихъ Пашка Грибовичъ изъ Сибири бѣжалъ“.

Между тѣмъ еще 3-го мая пріѣхалъ въ Москву старый Черниговскій полковникъ Лысенко и привезъ грамоту: старшина писали, что во время праздниковъ воскресныхъ полковники, сотники и атаманы, будучи въ Батуринѣ, приговорили быть радѣ въ Конотопѣ, чтобы князю Ромодановскому съ товарищами не далеко было идти, и на радѣ быть полковникамъ, сотникамъ, старшинѣ войсковой и начальнымъ людямъ, не собирая всего войска, чтобы не встало смятенія въ многочисленныхъ толпахъ. Старшина давали также знать, что Иванъ Сѣрко, отдѣлясь отъ Ханенка, гетмана королевской милости, пріѣхалъ въ полкъ Полтавскій для всѣянія между народомъ бунтовъ; но полковникъ Жученко схватилъ его и прислалъ въ Батуринъ. Наконецъ старшина била челомъ объ указѣ Ромодановскому оборонять ихъ отъ своевольниковъ.

Князю Ромодановскому и думному дворянину Ивану Ржевскому велѣно было отправиться въ Конотопъ на раду для гетманскаго обиранья; но въ началѣ іюня Ромодановскій далъ знать государю, что въ Батуринѣ между старшинами начинается безсовѣтство; да у Батурина стоятъ казаки таборомъ, и 26-го мая приходило ихъ человѣкъ 400 въ городъ къ старшинѣ и говорили: „Прежняго гетмана вы невѣдомо гдѣ дѣли, другого гетмана нѣтъ; мы подъ Батуринымъ стояли для гетманскаго обиранья долгое время, испроѣлись; выходите съ войсковыми клейнотами изъ города въ поле на раду!“ Старшины отказали, боясь, что въ полѣ казаки ихъ побьютъ. Казаки приходили къ Неѣлову съ тѣмъ же требованіемъ; Неѣловъ, видя шатость, велѣлъ запереть малый городъ и не пускать впередъ казаковъ. Кромѣ того, пришла въ Москву вѣсть, что хотятъ выбирать въ гетманы Сѣрка. Знаменитаго Запорожца подъ карауломъ отправили въ Москву, а оттуда подальше, въ Сибирь.

Ромодановскій и Ржевскій двинулись къ Конотопу, и 15-го іюля, верстахъ въ трехъ отъ Козачьей Дубровы, встрѣтили ихъ старшина и говорили, чтобы великій государь пожаловалъ, велѣлъ имъ сдѣлать раду, не ходя въ Конотопъ, въ Казачьей Дубровѣ, на рѣчкѣ Красенѣ, потому что подъ Конотопомъ стояли казація войска и конскіе кормы потравлены около города верстъ по десяти и больше.—„Что-жъ?“ сказалъ бояринъ, „учинимъ раду и въ Казачьей Дубровѣ, по вашему прошенью“. Ромодановскій сталъ по одну сторону Красены, старшина—по другую. На слѣдующій день старшина пріѣхали къ боярину съ просьбою не медлить радою.—„По указу великаго государя надобно подождать архіепископа Лазаря Барановича“, отвѣчалъ Ромодановскій.—„Нельзя ли безъ архіепископа?“ просили старшина. Бояринъ согласился и велѣлъ сходиться для разсужденія о статьяхъ. Старшина вошли въ государевъ шатеръ, потомъ отобрали половину казаковъ, бывшихъ при старшинѣ, и велѣли имъ идти на раду. Когда казаки собрались въ шатеръ, и къ шатру, бояринъ объявилъ вѣрящую грамоту и спросилъ старшину о здоровьи, объявилъ, что государь милостиво похваляетъ ихъ за неучастіе въ измѣнѣ Демки и жилуетъ прежними правами и вольностями. Начали читать Глуховскія прежнія и новыя статьи вслухъ, а писарь Карпъ Мокрѣевъ смотрѣлъ статьи по тетрадямъ, по своему бѣлорусскому письму. Но вдругъ чтецъ замолкъ; въ шатеръ вошелъ царскій посланный, жилецъ Григорій Синявинъ. „Бояринъ и воевода князь Григорій Григорьевичъ!“ сказалъ онъ Ромодановскому, „объявляю тебѣ великаго государя радость: мая 30, за молитвами Св. отецъ, даровалъ Богъ царскому величеству сына, а намъ великаго государя царевича и великаго князя Петра Алексѣевича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи!“ Старшины встали и начали поздравлять боярина; чтеніе снова началось. Выслушавъ статьи, старшина и казаки говорили: „Всѣ эти статьи намъ надобны, кромѣ двадцать второй, въ которой написано, чтобы для своевольныхъ людей учинить полковника и при немъ быть 1,000 человѣкъ казаковъ реестровыхъ: если гдѣ учинятся шатости и измѣна, то полковнику этому своевольниковъ унимать. А теперь мы бьемъ челомъ великому государю, чтобы пожаловалъ—у гетмана полковнику и казакамъ и у полковниковъ компаніи быть не велѣль, потому что отъ такихъ компаній малороссійскимъ жителямъ чинится всякое разореніе и обиды“. Бояринъ отвѣчалъ, что государь пожаловалъ, велѣлъ этой статьѣ быть по ихъ челобитью. Поставили также слѣдующія статьи: 1) Старшина и все войско били челомъ, чтобы отъ новаго гетмана не терпѣть имъ такой же неволи и жесточи, какъ отъ измѣнника Демки; чтобы гетманъ никого не смѣлъ казнить и отставлять отъ должностей безъ войсковаго суда и доводу. 2) Старшина и все войско били челомъ, чтобы гетманъ, безъ указа великаго государя и безъ совѣта старшинъ къ посторонним государямъ и ни къ кому, особенно же къ Дорошенку, ни о чемъ не писалъ и изустно ссылаться не дерзалъ. 3) Если Малороссіяне дѣйствительно заѣхали по рѣку Сожь, то должны отступиться отъ занятыхъ земель, и впередъ королевскихъ земель не заѣзжать, а жить съ королевскими людьми спокойно. 4) Турецкій султанъ, изъ-за Дорошенкова подданства, начинаетъ съ королемъ войну: такъ если султанъ и Дорошенко наступятъ на Польшу, то гетману, старшинѣ и всему войску Запорожскому Дорошенку не помогать. 5) Гетману, старшинѣ и всему войску никакихъ бѣглыхъ людей и крестьянъ изъ Великой Россіи не принимать, а которые приняты, тѣхъ отпустить. Потомъ бояринъ говорилъ: „Висланъ былъ вами въ Москву полковникъ Константинъ Солонина для прислушиванія къ переговорамъ между боярами и уполномоченными королевскими послами, гдѣ будетъ рѣчь идти объ украинскихъ дѣлахъ; польскіе послы не согласились допустить вашихъ посланцовъ къ переговорамъ; но все, что въ отвѣтѣ о вашихъ дѣлахъ было говорено, все полковнику Солонинѣ читали; такъ впередъ вамъ своихъ посланцовъ на посольскіе съѣзды посылать не-для-чего, одни только убытки и посольскимъ дѣламъ затрудненія; а какъ скоро на посольскихъ съѣздахъ о вашихъ дѣлахъ какой вспоминъ будетъ или договоры, то великій государь велитъ васъ увѣдомлять письмами“. — Старшина положились на волю государеву.—„Теперь“, сказалъ бояринъ, „объявите, какія вы хотите становить новыя статьи?“ — „У насъ никакихъ статей нѣтъ“, сказали старшина. — „Такъ 17 іюня будьте въ обозъ къ государеву шатру для обранія-гетмана“.

17 іюня, часу въ третьемъ дня, пріѣхалъ въ обозъ Лазарь Барановичъ, архіепископъ Черниговскій; за нимъ пришелъ голова московскихъ стрѣльцовъ Григорій Неѣловъ, пріѣхали генеральная и войсковая старшина и казаки, а передъ старшиною несли государево жалованье — войсковые клейноты—булаву, знамя, бунчукъ, литавры. Архіепископъ говорилъ, чтобъ прочесть ему новыя статьи; бояринъ велѣлъ читать, и когда чтеніе кончилось, объявилъ, чтобъ приступили къ гетманскому избранію. Передъ шатромъ въ обозѣ устроили мѣсто, поставили на налоѣ Спасовъ образъ, булаву положили на столъ, знамя и бунчукъ поставили у стола. Бояринъ и старшина вышли изъ шатра; архіепископъ говорилъ передъ образомъ молитву; послѣ молитвы бояринъ говорилъ на всѣ четыре стороны: „Великій государь указалъ мнѣ быть на радѣ для обиранья гетмана; и вы бы, по своимъ правамъ и вольностямъ, гетмана обирали: царское величество положилъ гетманское обиранье на ваше войсковое право и волю, кого вы войскомъ излюбите“. Изговоря рѣчь, бояринъ отступилъ отъ стола прочь. Вольные и тихіе голоса провозгласили гетманомъ генеральнаго судью, Ивана Самойлова. Полковники Райча и Солонина взяли избраннаго подъ руки и поставили на столъ; обозный Забѣла и другіе полковники поднесли ему булаву, укрыли знаменами и бунчукомъ. „На гетманскій урядъ я не желаю“, началъ новый гетманъ, „но нельзя же мнѣ не принять царскаго величества жалованье, булавы и знамени. Только я объявляю, что великому государю буду служить вѣрно и никогда не измѣню, какъ прежніе гетманы дѣлали“. Старшина, казаки и мѣщане закричали, что великому государю съ гетманомъ служить готовы, пусть Иванъ беретъ булаву и будетъ гетманомъ. Иванъ принялъ булаву, послѣ чего всѣ двинулись въ шатеръ, отслужили молебенъ, и Лазарь Барановичъ привелъ новаго гетмана къ присягѣ.

Новый гетманъ, Иванъ Самойловичъ, былъ сынъ священника съ западной стороны Днѣпра: когда жители этой стороны толпами переходили на восточную сторону, какъ болѣе спокойную, перешелъ и Самойловичъ съ отцомъ своимъ, и начали жить въ городѣ Старомъ Колядинѣ. Молодой Иванъ Самойловичъ былъ человѣкъ грамотный, уменъ, хорошъ собою, ко всѣмъ ласковъ и услужливъ, и потому скоро былъ поставленъ въ томъ же Колядинѣ писаремъ сотеннымъ; пріобрѣлъ расположеніе генеральнаго писаря при Брюховецкомъ, Гречанаго, и былъ сдѣланъ сотникомъ въ Веприкѣ; изъ сотниковъ, по просьбѣ того же Гречанаго, поставленъ наказнымъ полковникомъ Черниговскимъ, и наконецъ, на Глуховской радѣ, при избраніи Многогрѣшнаго въ гетманы, Самойловичъ сдѣлался генеральнымъ судьею войсковымъ.

Паденіе Многогрѣшнаго не нарушило спокойствія въ Малороссіи; ссылка Сѣрка не взволновала Запорожья. Здѣсь въ это время явился вождь особаго рода.

Осенью 1672 года, подъячій Семенъ Щеголевъ привезъ на Запорожье пять пушекъ, ядра, порохъ и свинецъ. Подъѣзжая къ кошу, Щеголевъ выстрѣлилъ изо всѣхъ пушекъ и изъ ружей: изъ коша отвѣчали тѣмъ же, священники вышли на встрѣчу съ крестами. Запорожцы поставили царскіе подарки на майданѣ, гдѣ бываетъ рада, и объявили Щеголеву, что у нихъ начальнымъ кошевымъ и гетманомъ полевымъ Никита Вдовиченко, который пошелъ подъ Перекопъ, не дожидаясь царскихъ пушекъ; объявили, что они примутъ государеву грамоту всею радою, какъ придутъ изъ-подъ Перекопа кошевой и войско. 17 октября войско изъ-подъ Перекопа пришло, но безъ Вдовиченка. 19 числа собралась рада; выбрали кошевымъ Луку Андреевича, читали грамоту царскую, королевскую и сенаторскія. Когда царская грамота была прочтена, новый кошевой началъ рѣчь: „Братья, войско Запорожское, кошевое, Днѣпровое и морское! Слышимъ и глазами видимъ великаго государя премногую милость и жалованье: милостивымъ словомъ изволилъ увеселить, про наше здоровье велѣлъ спрашивать, пушки, ядра, порохъ и свинецъ приказалъ прислать. Калмыкамъ, Донскимъ казакамъ, изъ городовъ охочимъ людямъ на помощь противъ бусурманъ къ намъ на кошъ позволилъ переходить, также чайками, хлѣбными запасами и жалованьемъ обнадеживаетъ, только-бъ наша правда была“.—„За премногую царскаго величества милость бьемъ челомъ!“ закричала рада, „а правда наша конечно будетъ: полно намъ безъ пристанища волочиться. Служили мы и съ Татарами послѣ измѣны Брюховецкаго и во время Суховѣева гетманства: Крымскій ханъ со всего Крыма хлѣбные запасы сбиралъ и къ намъ на кошъ присылалъ; да и теперь, еслибъ хотѣли, будетъ присылать, только тотъ его хлѣбъ обращался намъ въ плачъ, насъ же за шею водили и, какъ овцами, торговали, въ неволю отдавали, все добро и клейноты отняли. Пока свѣтъ будетъ и Днѣпръ идти не перестанетъ, съ бусурманами мириться не будемъ".—Кошевой началъ опять: „Съ нынѣшняго времени его царскому величеству и его королевскому величеству обѣщаемся Богомъ служить вѣрно и неотступно. Братья, войско Запорожское, кошевое, рада полная! такъ ли моя рѣчь къ престоламъ обоихъ великихъ государей христіанскихъ монарховъ?" — „Такъ, такъ, господинъ кошевой!" отвѣчало войско.

— „Воздадимъ же Господу Богу и великому государю, нашему свѣту, хвалу!" сказалъ кошевой, и, въ отвѣтъ, грянули пушки и ружья. Потомъ пошли въ церковь къ молебну.

Щеголевъ провѣдалъ, что до его пріѣзду на ектеніяхъ поминали прежде короля; онъ сталъ говорить войску и священникамъ, что надобно поминать прежде царя,—и его слушались. Потомъ Щеголевъ позвалъ къ себѣ въ курень кошеваго съ старшими и спросилъ: „Гдѣ вашъ гетманъ Вдовиченко и откуда онъ на Запорожье пришелъ?"— „Пришелъ онъ на Запорожье въ нищемъ образѣ", былъ отвѣтъ; „сказался харьковскимъ жителемъ, святъ мужъ и пророкъ, дана ему отъ Бога власть будущее знать; тому седьмой годъ, какъ велѣлъ ему Богъ, дождавшись этого времени, съ войскомъ Запорожскимъ разорить Крымъ, и въ Царѣгородѣ взять золотыя ворота и поставить въ Кіевѣ на прежнемъ мѣстѣ. Князь Ромодановскій до этого добраго дѣла его не допускалъ и мучилъ, только его муки эти не берутъ: писано, что сынъ вдовицы всѣ земли усмиритъ. Теперь послалъ его Богъ къ войску Запорожскому, и въ городахъ всякому человѣку до сущаго младенца велѣлъ сказывать, что онъ такой знающій человѣкъ, чтобъ шли съ нимъ разорять Крымъ; какъ придетъ въ Крымъ, пять городовъ возьметъ и будетъ въ нихъ зимовать, бусурманы стрѣлять не будутъ, потому что онъ невидимо будетъ подъ города приходить, стѣны будутъ распадаться сами, ворота сами же отворяться, и оттого прославится онъ, Вдовиченко, по всей землѣ. А напередъ ему надобно Перекопь взять и войско Запорожское пожитками наполнить. Услыхавъ такія слова, многіе люди покинули домы свои, хлѣбъ въ поляхъ и пришли за Вдовиченкомъ на Запорожье, собралась большая толпа и войску Запорожскому говорили, чтобы идти съ Вдовиченкомъ подъ Перекопь. Кошевой Евсевій Шашолъ отказывалъ, чтобы дожидались пушекъ отъ великаго государя; но городовые люди хотѣли Шашола убить, кричали, что они шли не на ихъ войсковую, но на Вдовиченкову славу, и кошевое войско на эти слова ихъ все склонилось; собрали раду, Шашола отставили, а выбрали Вдовиченко атаманомъ кошевымъ и гетманомъ полевымъ".—Когда начали собираться подъ Перекопь, спрашивали у Вдовиченка, сколько брать пушекъ. „Мнѣ пушки не надобны", отвѣчалъ Вдовиченко, „и безъ пушекъ будетъ добро. Слышалъ я, что вы послали къ царю бить челомъ о пушкахъ, и та ваша посылка напрасная, отъ этихъ пушекъ мало вамъ будетъ проку; а если вамъ пушки понадобятся, тогда который городъ бусурманскій будетъ поближе и богатъ, въ томъ и пушки возьмете". Только нѣкоторые знающіе люди не во всемъ ему Вдовиченку, повѣрили и взяли двѣ пушки. Всего пошло подъ Перекопь тысячъ шесть конныхъ да тысячи три пѣшихъ. Вдовиченко шелъ до самаго Перекопа безъ отдыха, отчего у многихъ лошади попадали, а пришедши къ перекопскому валу, подъ городъ не пошелъ и промыслу никакого не чинилъ. Войско, по своему обычаю, ровъ засыпало и половина обоза перебралась; но перекопскіе жители начали изъ пушекъ и изъ ружей стрѣлять и нашихъ людей бить и топить. Вдовиченко сталъ отъ стрѣльбы прятаться, и войско, видя, что онъ не такой человѣкъ, какъ про себя сказывалъ, отъ Перекопа отступило, дорогую булаву и бунчукъ у него отняли и хотѣли убить, но онъ скрылся". Вдовиченко не наказался перекопскою исторіею: онъ явился въ Барышевкѣ и сталъ проповѣдывать прежнія рѣчи; но тутъ его схватили и отослали къ гетману, а гетманъ отослалъ къ Ромодановскому.

Глава III.

Продолженіе царствованія Алексѣя Михайловича.

Нашествіе Турокъ на Польшу. — Битва при Батогѣ. — Взятіе Каменца-Подольскаго. — Распоряженія въ Москвѣ по случаю войны Турецкой. — Освобожденіе Сѣрка. – Прибытіе сыновей гетмана Самойловича въ Москву. Извѣстія съ западнаго берега.—Ханенко изъявляетъ желаніе поддаться царю.—Поведеніе митрополита Тукальскаго. - - Неудачное движеніе Ромодановскаго и Самойловича къ Днѣпру. — Неудовольствія Малороссіянъ на царское войско и на воеводу кн. Трубецкаго. -- Похвалы князю Ромодановскому. — Ропотъ на Самойловича. -- Военныя дѣйствія на Дону. -- Вѣръ Міюска. — Самозванецъ Семенъ въ Запорожьи. — Поведеніе Сѣрка.—Сношенія Дорошенка съ Москвою.—Самойловичъ хлопочетъ. чтобы царь не принималъ Дорошенка въ подданство.--Ромодановскій и Самойловичъ на западномъ берегу Днѣпра. — Письмо Ханенка къ князю Трубецкому. – Переяславская рада; избраніе Самойловича въ гетманы обѣихъ сторонъ Днѣпра. -- Дорошенко проситъ о принятіи его въ подданство. — Сѣрко высылаетъ самозванца въ Москву; допросъ и казнь вору. – Дорошенко уклоняется отъ подданства царю.—Приходъ Татаръ къ нему на помощь.—Братъ его, Андрей, разбитъ царскими войсками.—Посланецъ Дорошенка Мазепа, отправленный къ хану, схваченъ Запорожцами и присланъ въ Москву.—Показанія Мазепы.—Царь не отпускаетъ изъ Москвы сыновей гетмана Самойловича. -- Ромодановскій и Самойловичъ подъ Чигириномъ.—Новое нашествіе Турокъ и Татаръ.—Русскія войска отступаютъ на восточный берегъ. - Мнѣніе гетмана Самойловича о соединеніи русскихъ войскъ съ польскими.— Грамота Ромодановскаго къ царю.—Доносъ архіепископа Барановича на протопопа Адамовича.—Пріѣздъ послѣдняго въ Москву съ порученіемъ отъ архіепископа. — Доносы Самойловича на Сѣрка. — Жалоба гетмана на протопопа Адамовича.—Сношенія Сѣрка съ Москвою. — Смута въ Каневѣ. — Новый походъ царскихъ войскъ на западный берегъ Днѣпра. – Затруднительное положеніе Дорошенка. - Онъ обращается къ посредничеству Сѣрка.—Въ Москвѣ не принимаютъ этого посредничества.—Событія на Дону.

Въ то самое время какъ на восточной сторонѣ Днѣпра ставили новаго гетмана, на западной разразилась наконецъ буря, о которой такъ давно и долго толковали и который, отъ продолжительности ожиданій и толковъ, переставали уже бояться. Мы видѣли, какое важное вліяніе на ходъ событій имѣло отложеніе Дорошенка отъ Польши и обращеніе его къ Турціи. Испуганная Польша поспѣшила помириться съ Москвою, выговаривая себѣ ея помощь противъ Турокъ, одинаково страшныхъ для обоихъ государствъ. Янъ-Казиміръ не сталъ дожидаться новой бѣды и отказался отъ престола. Надобно было ожидать, что Поляки, въ виду опасной войны, выберутъ теперь въ короли какого-нибудь знаменитаго полководца изъ своихъ или чужихъ; но, какъ нарочно, мелкая шляхта выбрала въ короли человѣка хотя изъ знатной, но обѣднѣвшей фамиліи, и человѣка, своими личными достоинствами менѣе всего способнаго заставить забыть, что онъ не царственнаго происхожденія. Масса шляхты могла выкрикнуть Вишневецкаго, но давала ему слабую опору противъ недовольной его выборомъ знати, которая составила сильную партію и мѣшала королю во всемъ; къ недовольнымъ принадлежалъ и самый видный по талантамъ и мѣсту человѣкъ—великій гетманъ и великій маршалокъ коронный Янъ Собѣскій. Турками стращали другъ друга, но о мѣрахъ противъ грозы никто не думалъ. И, повидимому, имѣли основаніе отложить страхъ: пять лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ какъ Дорошенко отложился отъ Польши къ Турціи, и Турки не думали о войнѣ. Магометъ IV сперва былъ занятъ войною Венеціанскою; но и послѣ этой войны, кончившейся блистательнымъ успѣхомъ, завоеваніемъ Кандіи, султанъ не трогался: шли слухи, что ему не до войны, что онъ проводитъ время или въ гаремѣ, или на охотѣ. Мы упоминали, что лѣтомъ 1671 года шла война въ западной Украйнѣ между Поляками и Дорошенкомъ, которому помогали Татары. Нападеніе Дорошенка на Умань не удалось: городъ отбился. Собѣскій поразилъ Дорошенковыхъ казаковъ и Татаръ подъ Брацлавлемъ, и занялъ нѣсколько городовъ, признававшихъ власть Чигиринскаго гетмана. Но этотъ минутный успѣхъ польскаго оружія только раздражилъ султана, заставилъ его спѣшить походомъ на Польшу, которая осмѣлилась воевать вассала его, Дорошенка. Весною 1672 года, турецкое войско, въ числѣ болѣе чѣмъ 300,000, перешло Дунай. Передовой отрядъ, состоявшій изъ 40,000 Татаръ, ворвался въ Подолію и, на берегахъ Буга, при Батогѣ, встрѣтилъ Поляковъ, бывшихъ подъ начальствомъ Лужецкаго, каштеляна Подляскаго, при которомъ находился и Ханенко со своими казаками; всѣхъ же Поляковъ и казаковъ было не болѣе 6,000; несмотря на то, они опрокинули и втоптали въ рѣку Татаръ. Надменный успѣхомъ, Лужецкій рѣшился гнаться за Татарами за рѣку. Тщетно удерживалъ его Ханенко: Лужецкій не хотѣлъ ничего слушать. „По крайней мѣрѣ“, говорилъ Ханенко, „позволь мнѣ остаться на этомъ берегу; если успѣешь что-нибудь сдѣлать на той сторонѣ, то будешь имѣть свидѣтеля твоего знаменитаго подвига; если же дѣло не пойдетъ на ладъ, то поспѣшимъ раздѣлить твой жребій“. Ханенко остался и немедленно огородился обозомъ, а Лужецкій бросился въ Бугъ, истомилъ коней, подмочилъ огнестрѣльное оружіе. Въ такомъ положеніи онъ не могъ удержаться съ своею горстью людей на противоположномъ берегу: толпы Татаръ обхватили его со всѣхъ сторонъ и заставили обратиться назадъ въ рѣку; Лужецкой едва спасся самъ, потерявши много своихъ убитыми и плѣнными. Бѣглецы нашли спасеніе въ таборѣ Ханен ка. Какъ скоро всѣ Поляки вбѣжали въ таборъ, онъ началъ двигаться назадъ; Татары напирали съ тыла и съ боковъ, но казаки успѣшно отстрѣливались изъ пушекъ и ружей, и движущійся валъ достигъ Ладыжина. Татары осадили этотъ городъ, но не могли взять.

Иная судьба ожидала Каменецъ, который въ августѣ мѣсяцѣ облегло все турецкое войско, подъ начальствомъ самого султана. Число защитниковъ знаменитой крѣпости не превышало 1,500 человѣкъ; былъ порохъ, но мало пушкарей и тѣ плохіе; говорятъ, что на 400 пушекъ приходилось только четыре пушкаря. Измученные работами надъ укрѣпленіями, осажденные не имѣли свободной минуты поѣсть и уснуть. Турки взяли Новый замокъ и подвели мину въ скалѣ подъ воротами Стараго, послѣ чего пошли на приступъ, но были отбиты, потерявши 200 человѣкъ. Осажденные видѣли однако, что долго нельзя имъ держаться, и вывѣсили бѣлое знамя. Условія сдачи были: 1) безопасность жизни и имущества; 2) свободное отправленіе богослуженія, для чего христіане сохраняютъ нѣсколько церквей, остальныя обращаются въ мечети; 3) всякій воленъ выѣхать изъ города съ имуществомъ, воленъ и остаться; 4) ратнымъ людямъ вольно выйти съ мушкетами, но безъ пушекъ и знаменъ. По заключеніи этихъ условій, Янычаръ-ага пріѣхалъ въ городъ и занялъ его именемъ султана; янычары смѣнили гарнизонъ; жителямъ оставлены три церкви: одна Русскимъ, одна католикамъ и одна Армянамъ; соборная церковь обращена въ мечеть; со всѣхъ церквей сломали кресты, свѣсили колокола; часть знатныхъ шляхтянокъ забрали на султана, часть на визиря, часть на пашей. Магометъ IV съ торжествомъ въѣхалъ въ покоренный городъ и прямо направился въ главную мечеть—бывшую соборную церковь: тамъ передъ нимъ обрѣзали осьми-лѣтняго христіанскаго мальчика.

Страшное впечатлѣніе произвела въ Москвѣ вѣсть о взятіи Каменца, этого оплота Польши съ юга, подобнаго которому не имѣла Россія. Явились уже разсказы о тѣхъ ужасахъ, которые надѣлали бусурманы въ покоренномъ городѣ: христіанскія церкви и римскіе костелы Турки разорили и подѣлали мечети; образа изъ церквей и костеловъ выносили, клали въ проѣзжихъ воротахъ и велѣли христіанамъ по нимъ идти, и всякое ругательство дѣлать; кто не соглашался, того били до смерти. Давали знать, что визирь, ханъ и Дорошенко хвалятся идти подъ Кіевъ. Кіевскій воевода, князь Козловскій, писалъ, что въ Кіевѣ, Переяславлѣ и Острѣ мало людей. Въ Кіевѣ чинили городъ безпрестанно: гдѣ осыпалось на валу, зарубали лѣсомъ и крѣпили, только вала валить было нельзя, потому что мѣсто песчаное, а дерну близко нѣтъ. Тукальскій безпрестанно посылалъ къ Дорошенку, чтобы шелъ подъ Кіевъ, обнадеживая, что тамъ мало людей. Дорошенко называлъ себя подданнымъ султана и воеводою Кіевскимъ. Симеонъ Адамовичъ писалъ Матвѣеву: „Бога ради, заступай насъ у царскаго пресвѣтлаго величества, не плошась, прибавляйте силъ въ Кіевъ, Переяславль, Нѣжинъ и Черниговъ. Вѣдаешь непостоянство нашихъ людей: лучше держаться будутъ, какъ государскихъ силъ прибавится. Присылайте воеводою въ Нѣжинъ добраго человѣка; Степанъ Ивановичъ Хрущовъ не по Нѣжину воевода; давайте намъ такого, какъ Иванъ Ивановичъ Ржевскій: и послѣдній бы съ нимъ теперь за великаго государя радъ былъ умереть“.

Царь призвалъ на совѣтъ высшее духовенство, бояръ и думныхъ людей, объявилъ имъ объ успѣхахъ султана, о замыслахъ его идти весною подъ Кіевъ, на малороссійскіе города и Сѣверскую Украйну, и спрашивалъ, что̀ дѣлать. Назначили чрезвычайные сборы со всѣхъ помѣстій и вотчинъ, по полтинѣ съ двора, съ горожанъ десятую деньгу. Государь объявилъ о намѣреніи своемъ выступить лично къ Путивлю со всѣми силами, и написалъ къ гетману Самойловичу, что: въ Кіевъ назначенъ бояринъ и воевода князь Юрій Петровичъ Трубецкой со многими ратными людьми; въ Черниговъ—стольникъ князь Семенъ Андреевичъ Хованскій, въ Нѣжинъ—князь Семенъ Звенигородскій, въ Переяславль—князь Владиміръ Волконскій и съ Москвы отпущены будутъ скоро; а если султанъ двинется подъ Кіевъ, то онъ самъ, великій государь, пойдетъ на него, для чего въ Путивлѣ уже велѣно строить царскій дворъ. Боялись, какъ мы видѣли, весны, ибо относительно зимы скоро пришли успокоительные слухи: султанъ пошелъ за Дунай на зимовку, ханъ въ Крымъ, Дорошенко—въ Чигиринъ, и Татаръ осталось у него немного; Поляки подъ Бучачемъ (въ Галиціи) заключили миръ съ Турками, уступивъ имъ Подолію, Украйну и обязавшись платить султану ежегодно по 22,000 червонныхъ. Такимъ образомъ, тяжесть новой Турецкой войны грозила обрушиться на одну Москву, и все вниманіе ея правительства обращено было на югъ.

Въ декабрѣ 1672 года, Иванъ Самойловичъ писалъ Матвѣеву, зѣло милостивому своему пріятелю и благодѣтелю: „Посланный мой сказалъ мнѣ, будто твоя милость велѣлъ мнѣ теперь къ его пресвѣтлому царскому величеству быть; если бы указъ царскаго величества мнѣ, нанижайшему рабу, былъ, дай то Христе Боже, усердно сего желаю, только бы время было удобное и непріятельскіе замыслы отъ насъ отдалились. Смиренно молю о скорой вѣдомости отъ твоей милости, благодѣтеля моего“. Гетманъ не ладилъ почему-то съ Карпомъ Мокріевичемъ; тотъ также обратился къ Матвѣеву съ нижайшимъ поклономъ до лица земли: „Стыдно мнѣ частымъ писаніемъ вашей милости, добродѣю моему, докучать; но думаю, до рукъ вашихъ не доходитъ, потому что и по сіе время не удостоиваюсь милости вельможнаго господина гетмана за свои вѣрныя и правдиво-желательныя къ великому государю службы, о которыхъ не только всему свѣту явно, но и самъ Господь вѣдаетъ душу мою, что вѣрно царскому величеству работалъ и до конца жизни моей обѣщаю. Съ покореніемъ полагая себя подножіемъ вашей милости, благодѣтелю моему многомилостивому, смиренно челомъ бью: смилуйся надо мною, работникомъ своимъ, изволь своимъ высокимъ ходатайствомъ его царскому величеству обо мнѣ доложить, чтобы съ какимъ-нибудь дѣломъ въ своей государской грамотѣ обо мнѣ указалъ отписать, чтобы я, вѣрный подданный работникъ, при своей чести былъ, а иные, которые ни малой службы великому государю не учинили, нынѣ сугубую милость и честь и корысть имѣютъ“.

Въ то же время Матвѣевъ получилъ грамоту изъ Запорожья отъ кошеваго, Лукьяна Андреева: „Благодѣтелю нашему многомилостивому, объ отчинѣ нашей Малороссіи и объ насъ, войскѣ Запорожскомъ, многочестному ходателю и всякихъ щедротъ давцу, нижайшее наше поклоненіе посылаемъ и смиренно молимъ: умилосердись, яко отецъ надъ чады, чтобъ милостивымъ твоимъ ходатайствомъ Калмыки и чайки (лодки) и хлѣбные запасы присланы были къ намъ, и полевой нашъ вождь добрый и правитель, бусурманамъ страшный воинъ, Иванъ Сѣрко, къ намъ былъ отпущенъ для того, что у насъ втораго такого полеваго воина и бусурманамъ гонителя нѣтъ; бусурманы, слыша, что въ войскѣ Запорожскомъ Ивана Сѣрко, страшнаго Крыму промышленника и счастливаго побѣдителя, который ихъ всегда поражалъ и побивалъ и христіанъ изъ неволи освобождалъ, нѣтъ, радуются и надъ нами промышляютъ“. Царь отвѣчалъ, что всѣ просьбы ихъ будутъ исполнены и полевой воинъ Сѣрко къ нимъ будетъ отпущенъ. Дѣйствительно, въ мартѣ 1673 года, Сѣрко привезенъ былъ въ Москву и представленъ государю: сперва самъ царь, потомъ патріархъ и весь синклитъ, особенно князь Юрій Алексѣевичъ Долгорукій и Артемонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ накрѣпко увѣщевали его быть вѣрнымъ престолу царскаго величества, патріархъ грозилъ клятвою и вѣчною погибелью, если помыслитъ что худое. „Отпускаю тебя“, сказалъ царь, „по заступленію вѣрнаго нашего подданнаго, гетмана Ивана Самойловича, потому что царское слово непремѣнно, писалъ я и къ королю Польскому, и къ Запорожцамъ, что отпущу,—и отпускаю“.

Мы видѣли, что шелъ вопросъ о пріѣздѣ гетмана въ Москву, и Самойловичъ уже давалъ знать, что это трудно сдѣлать при настоящихъ обстоятельствахъ. Придумано было средство—и оставить гетмана въ Малороссіи, и дать залогъ вѣрности его царю. Еще въ концѣ 1672 года Симеонъ Адамовичъ писалъ къ Матвѣеву: „Богъ да видитъ убогую службу и радѣніе мое къ царскому пресвѣтлому величеству; многіе гетманы, архіереи и полковники, много поглотавъ государской казны, поизмѣняли и кровопролитіе чинили; а я, убогій червь, а не человѣкъ, какъ началъ, такъ и работаю Богу и великому государю. Нынѣшній гетманъ Иванъ Самойловичъ совершенно на мой совѣтъ положился: уже я его къ тому привелъ—если страна наша освободится отъ непріятельскаго нашествія, то по первому пути хочетъ дѣтей своихъ къ великому государю посылать со мною“. Въ мартѣ 1673 года протопопъ пріѣхалъ въ Москву и съ нимъ два сына гетманскихъ, Семенъ и Григорій, съ начальникомъ своимъ, Батуринскаго монастыря намѣстникомъ Исаакомъ и учителемъ Павломъ Ясилковскимъ, для вѣрности подданства и службы его гетманской, чтобы царскому величеству служба его гетманская была во всемъ вѣрна. Самойловичъ писалъ, что сыновья его должны оставаться при царѣ до тѣхъ поръ, пока самъ гетманъ пріѣдетъ въ Москву. Адамовичъ билъ челомъ отъ имени Самойловича, чтобы государь приказалъ князю Ромодановскому и ему, гетману, идти войною на Крымъ или на Дорошенка, и для этого похода прислалъ пушекъ полковыхъ, легкихъ, пороху и свинцу, прислалъ еще ратныхъ людей въ малороссійскіе города.

19-го марта гетманскихъ посланцовъ позвали смотрѣть какъ повезутъ пушки строемъ изъ Никольскихъ воротъ подъ дворцовые переходы въ Спасскія ворота. Кромѣ Малороссіянъ, были тутъ разныхъ земель торговые Нѣмцы и Греки, и Персіяне; въ ихъ толпу пробрались тайкомъ подъячіе Посольскаго Приказа и подслушивали, что говорятъ иноземцы. Протопопъ Семенъ съ Черкасами говорилъ: „Должно быть идетъ самъ государь въ походъ на Турскаго султана;“ дивились, что пушки везены зѣло урядствомъ и строемъ премудрымъ: хвалили, что лошади впряжены были парами и устроены воински, пушки велики и къ войнѣ зѣло удобны. Когда шелъ между пушками дворъ окольничаго князя Ивана Петровича Борятинскаго, то протопопъ, сжавъ плечи, сказалъ: „Ей, по-истинѣ надъ симъ намѣреніемъ и надъ людьми происходитъ Божіе милосердіе; конечно чаю, что дѣла ихъ воинскія во всякомъ добрѣ совершатся, потому что по многимъ моимъ примѣтамъ люди смѣло и радостно выступаютъ и благополучія себѣ ожидаютъ: это съ Божіей воли!“ Гетманскіе сыновья разспрашивали протопопа обо всемъ, считали, много-ль пушекъ, которая больше, и все хвалили. Греки говорили: когда Турки брали Кандію, а теперь Каменецъ, то у нихъ было пушекъ много, только невелики, такія или немного побольше бывали при султанѣ по двѣ или по три, но сдѣланы грубо и не такъ къ войнѣ удобны. Нѣмцы также хвалили и говорили, что прежде такихъ строевъ на Москвѣ не бывало и потому надобно ждать побѣды царя надъ Туркомъ; Богъ не оставитъ царя, потому что онъ начинаетъ войну для защиты христіанской вѣры. Персіяне и Армяне говорили, что у шаха такихъ пушекъ нѣтъ, и Турки ихъ не стерпятъ.

Отецъ-протопопъ былъ въ восторгѣ отъ пріема въ Москвѣ, и писалъ гетману: „Царскаго величества отеческая къ вельможности твоей неизреченная милость,—о чемъ били челомъ, все будетъ исполнено. Дѣтямъ твоимъ дворъ съ палатами каменными купить пріискиваютъ; въ господинѣ Артемонѣ Богъ послалъ твоей вельможности и дѣтямъ твоимъ отца милостиваго, на котораго милость и заступленіе будь всегда надеженъ; далъ онъ мнѣ въ томъ слово, и дѣткамъ твоимъ всякое добро при царскомъ величествѣ будетъ. Не могу перечислить царскаго величества милости и Артемона Сергѣевича пріятства и любви". Протопопъ былъ отпущенъ съ отвѣтомъ: что касается до похода на Крымъ, то государь указалъ этотъ способъ теперь до времени оставить; а идти князю Ромодановскому и гетману Самойловичу къ Днѣпру и, ставши у этой рѣки, послать къ Дорошенку грамоту съ двумя досужими людьми, сказать ему: ты присылалъ къ великому государю съ челобитьемъ, чтобы велѣлъ тебя принять въ подданство; великій государь на это изволяетъ и прислалъ къ тебѣ милостивую грамоту; при этомъ обѣщать, что права и вольности будутъ не нарушены и государь будетъ оборонять Дорошенка отъ Турокъ; если же Дорошенко откажется принять присягу, то объявить ему, что царскія войска обратятся противъ него. Если, мимо Дорошенка, Заднѣпровскіе казаки станутъ присылать, что поддаются великому государю, то ихъ принять, привести къ присягѣ и, поговоря со всѣмъ войскомъ, учинить на той сторонѣ гетмана, добраго и досужаго, особенно же вѣрнаго человѣка, а надъ Дорошенкомъ чинить промыслъ. Если Заднѣпровскіе казаки будутъ просить, чтобы сдѣлать гетманомъ на обѣихъ сторонахъ Днѣпра Ивана Самойловича или станутъ просить себѣ въ особые гетманы кого-нибудь съ восточной стороны, то исполнить ихъ желаніе. Мы видѣли, что государь обѣщалъ отправить въ Кіевъ большое войско съ бояриномъ княземъ Юріемъ Петровичемъ Трубецкимъ: дѣйствительно, въ началѣ 1673 года, Трубецкой двинулся въ Малороссію. Въ десяти верстахъ отъ Сосницы встрѣтилъ его гетманъ съ старшиною, и до Сосницы сидѣлъ съ бояриномъ на саняхъ у щита на облучкѣ. 13 февраля Трубецкой вступилъ въ Кіевъ.

Войска должны были выступить въ походъ по послѣднему зимнему пути, разсчитывая по московской погодѣ; но Ромодановскій далъ знать государю, что этого сдѣлать нельзя: „У насъ на Украйнѣ съ полей снѣгъ весь сбило и водное располненіе большое, ни которыми мѣрами мнѣ походомъ поспѣшить нельзя; ратныхъ людей при мнѣ нѣтъ никого" А между тѣмъ, на западномъ берегу, какъ только узнали о намѣреваемыхъ движеніяхъ Царскаго войска, такъ уже начали толковать о подданствѣ великому государю. Есаулъ Яковъ Лизогубъ сносился изъ Канева съ Переяславскимъ полковникомъ Райчею, обѣщая сдать Каневъ, какъ только русскія войска явятся за Днѣпромъ: „Радъ бы я", говорилъ Лизогубъ, „перейти за Днѣпръ въ сторону царскаго величества со всѣмъ своимъ домомъ и пожитками, да славу свою потеряю: тутъ я начальнымъ знатнымъ человѣкомъ, и всѣ меня здѣсь слушаютъ; лучше мнѣ будетъ, живучи здѣсь, царскому величеству службу свою показать, потому что здѣсь всѣ люди, видя утѣсненіе отъ Турокъ, Дорошенка и насъ всѣхъ проклинаютъ и всякое зло мыслятъ, и самъ Дорошенко скучаетъ, что поддался Турскому. Послѣ Рождества Христова у него была рада со всею старшиною; говорилъ Дорошенко: весна приходитъ, и слухъ носится, что царь со всѣми силами будетъ на Украйну, такъ рѣшите, при комъ намъ держаться? Старшина приговорили: „Отъ Турскаго султана не отставать и его не гнѣвить, потому что нынѣ, кромѣ него, дѣться намъ негдѣ; царь по договору съ королемъ подъ свою руку насъ не приметъ, а подъ королемъ быть не хотимъ, потому что много досады ему учинили, будетъ намъ мстить, да и для того, что искони вѣковъ въ раздѣленіи мы не бывали, а теперь одна сторона безъ другой быть не хотятъ. Турскій султанъ въ Каменецъ будетъ, видя, „что король мирнаго постановленія не исполняетъ, изъ Бѣлой Церкви ратнымъ людямъ выступить не велѣлъ; и если теперь отъ Турскаго намъ отстать, а помощи ни отъ кого не будетъ, и онъ, пришедши, вконецъ насъ всѣхъ разоритъ".—Когда Дорошенко былъ въ походѣ вмѣстѣ съ Турками", продолжалъ Лизогубъ, „то ему честь была добрая, называли его княземъ; но казакамъ нужда была великая, Турки называли ихъ и теперь называютъ свиньями: гдѣ увидятъ свинью, называютъ казакомъ. Турскіе люди теперь въ Каменцѣ, Межибожьи, Барѣ, Язловцѣ, Снятинѣ, Жванцѣ. Во всѣхъ этихъ городахъ они церкви Божіи разорили, подѣлали изъ нихъ житницы, изъ другихъ мечети колокола на пушки перелили, жителямъ нужды чинятъ великія, малыхъ дѣтей берутъ, женятся силою, мертвыхъ погребать и младенцевъ крестить безпошлинно не даютъ, безпрестанно кандалы куютъ и въ Каменецъ отсылаютъ, двѣ башни до верху наметали, также конскія желѣза дорогою цѣною покупаютъ—для чего, не вѣдомо. Пусть гетманъ Иванъ Самойловичъ напишетъ къ великому государю, чтобъ присылалъ многихъ ратныхъ людей сюда, на западную сторону; ни одинъ городъ, кромѣ Чигирина, стоять не будетъ, только бы великій государь Польскому королю насъ не отдавалъ, да занялъ бы государь своими войсками Сѣчь и Кодакъ: а если займутъ ихъ Турки, то Полтавской сторонѣ и намъ здѣсь трудно будетъ". — „Не вѣрю я Лизогубу", говорилъ гетманъ Иванъ Самойловичъ: „все это онъ говоритъ по Дорошенкову наученью; да у Лизогуба пашня, и скотина на этой сторонѣ въ Переяславскомъ полку,—боится онъ, чтобы я ихъ у него не отнялъ. Если мы съ княземъ Гр. Гр. Ромодановскимъ пойдемъ на ту сторону Днѣпра, тогда и не въ честь будутъ сдаваться, потому: какъ Турскій султанъ наступитъ, разволокутъ всѣхъ; Хмельницкій (Юрій) съ бусурманами водился и залетѣлъ въ Царь-городъ; и Дорошенко изъ-подъ Каменца чуть-чуть туда же не угодилъ, и впередъ ему не отбыть. Посылать къ Лизогубу о склонности впередъ не надобно, потому что онъ обо всемъ будетъ передавать Дорошенкѣ, и Дорошенко подумаетъ, что, боясь Турскаго султана, къ нимъ подсылки дѣлаются о склонности, и пуще будетъ султана и хана къ войнѣ побуждать". Но Дмитрашка Райча говорилъ иное: хвалилъ вѣрность Лизогуба, утверждалъ, что впредь на него можно положиться.

Въ апрѣлѣ прислалъ въ Москву грамоту Ханенко: „Падши раболѣпно къ ногамъ царскаго престола, билъ челомъ о принятіи въ подданство: яко елень на источники водные, сице желала душа его подъ пресвѣтлую державу единаго святолѣпнаго монарха. Былъ онъ, Ханенко, при королевскомъ величествѣ многіе годы, кровь свою проливалъ на оборону короны Польской, но за то ни онъ, ни войско ни малаго себѣ награжденія не получили, только сенаторскими пыхами (гордостію) озлоблены бывали".

Лизогубъ въ своемъ разсказѣ о чигиринской радѣ пропустилъ лыбопытное извѣстіе о Тукальскомъ. Кіевскій мѣщанинъ, пріѣхавшій изъ Черкасъ, разсказывалъ, что во время рады митрополитъ читалъ поученіе, въ которомъ сильно поносилъ Дорошенка и другихъ начальныхъ людей за то, что Турку служатъ и церкви разоряютъ, и мечети строятъ. Послѣ этого митрополитъ на радѣ совѣтовалъ казакамъ, чтобы оставались въ союзѣ только съ ханомъ, а отъ Турокъ какимъ бы то ни было способомъ отлучились. Тогда обозный Гурлакъ отвѣчалъ митрополиту: „Ужъ бы тебѣ, отче митрополитъ, полно въ наши рады вступаться, своего бы ты духовнаго дѣла остерегалъ, а не насъ; ужъ ты насъ усовѣтовалъ, такъ не скоро отсовѣтуешь".

17-го апрѣля князь Ромодановскій съѣхался съ гетманомъ Самойловичемъ въ Сумахъ, и постановили: Ромодановскому съ своими ратными людьми собираться въ Суджѣ, а гетману въ Батуринѣ, и сойтиться вмѣстѣ между Глинскомъ и Лохвицею у рѣки Сулы. 22-го мая вожди соединились за Лохвицею у Лебединыхъ озеръ, и 1-го іюня отправили отрядъ за Днѣпръ подъ Каневъ, съ предложеніемъ Дорошенку и Лизогубу поддаться великому государю; но Дорошенко, Лизогубъ и Каневцы отказали, что они въ подданствѣ у великаго государя быть никогда не хотятъ. Отрядъ переправился назадъ за Днѣпръ, а между тѣмъ на восточной сторонѣ появились татарскія толпы. Ромодановскій послалъ за ними Харьковскаго полковника; подъ Коломыкомъ встрѣтился онъ съ Татарами, бился цѣлый день и едва ушелъ. Это заставило Ромодановскаго и гетмана изъ-подъ Лубенъ отступить назадъ къ Бѣлгороду. Ромодановскій и гетманъ писали царю, что имъ нельзя было переправиться за Днѣпръ, потому что рѣка очень распалилась, а Дорошенко отогналъ всѣ суда. — „Но если бы и не это", отвѣчалъ царь, „то развѣ вамъ велѣно было переправляться за Днѣпръ? Вамъ именно было велѣно стать у Днѣпра гдѣ пристойно, и, устроясь обозомъ, послать къ Дорошенку съ милостивыми грамотами двоихъ досужихъ людей, а не полкъ; также велѣно было, услыхавъ о Татарахъ, не отступать, а выслать противъ нихъ часть войска". Царь оканчивалъ грамоту объявленіемъ, что если султанъ, ханъ и Дорошенко наступятъ на Польшу, то онъ самъ выступитъ въ походъ. Но Самойловичъ не переставалъ оправдываться въ томъ, что не перешли за Днѣпръ: войска было мало, запасовъ мало, и Дорошенко распустилъ слухъ, что казаки и восточной и западной стороны, соединясь, будутъ промышлять надъ царскими людьми.

Въ Малороссіи требовали царскихъ войскъ; но въ то время проходъ войскъ въ странѣ извѣстно чѣмъ сопровождался. Архимандритъ Иннокентій Гизель говорилъ: „Превеликая царскаго величества милость, что изволилъ свою отчину, преславный градъ Кіевъ охранить; этому мы рады; но что ратные люди дорогою дѣлали, тому Богъ свидѣтель: не только эти новопришлые, но и прежніе подъ самымъ Печерскимъ монастыремъ и около монастырскія и подданныхъ монастырскихъ сѣна побрали безъ остатку, пришлось лошадей и скотину съ двора спускать; также и лѣса наши пустошили и теперь пустошатъ, не исключая борныхъ и надобныхъ". — Полковникъ Солонина жаловался: „Воеводы и головы стрѣлецкіе, идучи дорогою, подъ Кіевомъ брали подводы многія, и изъ этихъ подводъ большая половина распропала; людей, которые за подводами шли, стрѣльцы били, за хохлы драли и всякими скверными словами безчестили, у бѣдныхъ людей дворы и огороды пожгли, разорили, сѣна всѣ потравили, крали и силою отнимали; такой налоги бѣднымъ людямъ еще не бывало; не знаю я какъ и назвать: неужели это христіане къ христіанамъ пришли на защиту? Но и Татары то же бы сдѣлали! — только тѣмъ и удивляться нечего: непріятельскія люди и бусурманы". Не понравился и самъ Трубецкой съ товарищами своими: знатные Малороссіяне жаловались, что бояринъ и воеводы неприступны, ласки къ нимъ не держатъ, Трубецкой полковникамъ на дворъ и съ двора ѣздить не велитъ, не то что бояринъ князь Григ. Григор. Ромодановскій: кто бы изъ Малороссіянъ къ нему ни пришелъ, — и онъ со всякимъ обходится какъ равный; за это всѣ его любятъ. И по всей Малороссіи, гдѣ проходилъ Трубецкой съ войскомъ, слышались однѣ рѣчи: „Намъ очень надобно, что великій государь прислалъ многихъ людей въ Кіевъ и хочетъ удержать его за собою; если бусурманы на Кіевъ станутъ наступать, то мы всѣ за него умирать готовы; только то не хорошо, что ратные люди съ нами неласково поступаютъ и немирно ходятъ; ни отъ чего мы такъ не скучаемъ, какъ отъ подводъ, и многіе съ Кіевской и Переяславской дороги хотятъ резбрестись".

Слышался ропотъ и на новаго гетмана; знатные и простые люди говорили: „Очень тяжело было намъ при Демкѣ, но и теперь отъ того не ушли; на радѣ было отговорено гетману: охочихъ людей не держать, съ винныхъ, пивныхъ котловъ и съ мельничныхъ колесъ пошлинъ не брать; но все попрежнему, какъ при Демкѣ, дѣлается: компанейщину сбираютъ и поборы частые берутъ". Объ этихъ жалобахъ дали знать гетману. Онъ отвѣчалъ: „Я компанейщиковъ сбираю и пошлины брать велѣлъ для того, что нынѣшнее время люди мнѣ нанадобны противъ непріятеля. Если бы съ той стороны всѣ воинскіе люди на эту сторону Днѣпра перешли, то я ихъ приму и кормить буду; а пошлины не себѣ я сбираю, а на кормъ воинскимъ людямъ, которые, покинувъ домы и пожитки свои, великому государю служатъ, не жалѣя головъ. Часто случается, что противъ непріятельскихъ ратныхъ людей и нанимаютъ, жалованье большое даютъ; а этимъ людямъ только и пожитку, что сама да лошади ихъ сыты".

Въ то время, какъ походъ царскихъ войскъ къ Днѣпру кончился такъ неудачно, въ августѣ 1673 года начались промыслы на другой сторонѣ, подъ Азовымъ: отправленные на Донъ воеводы Иванъ Хитрово и Григорій Косоговъ съ государевыми ратными людьми и съ Донскими казаками, въ числѣ 8,000, подошли подъ Каланчинскія башни, и, стрѣляя изъ пушекъ день и ночь, сбили у одной изъ башенъ верхній и средній бои и отняли водяное сообщеніе у Азова съ башнями, но сухопутнаго, по недостатку конницы, отнять не могли. Азовцы вышли на бой всѣмъ городомъ, но потерпѣли пораженіе; побѣдители гнали ихъ больше версты. Ядеръ не стало, а идти на приступъ къ башнѣ воеводы и атаманы сочли невозможнымъ по причинѣ широкихъ валовъ, глубокихъ рвовъ и янычаръ, которыхъ было 1,000 человѣкъ. Не успѣвши взять башенъ, воеводы пропустили казаковъ казачьимъ еркомъ въ море на 22 стругахъ, для промыслу надъ турецкими и крымскими берегами. Донское войско писало Матвѣеву, что если великій государь велитъ идти подъ Азовъ и чинить приступъ, то ратныхъ людей надобно: пѣхоты 40,000 да конницы 20,000;—съ такимъ войскомъ къ Азову пытаться можно, а съ малымъ войскомъ идти на приступъ нельзя,—мѣсто большое; Каланчинскія башни въ десять разъ крѣпче Азова, взять ихъ никакъ нельзя, и впередъ подъ ними людей и казны терять не-для-чего.

Московскіе ратные люди и казаки промышляли подъ Азовымъ; а въ тылу у нихъ чинился промыслъ своего рода. Хитрово доносилъ, что объявлялось на Дону воровство великое: воруетъ старый товарищъ Разина, Иванъ Міюска, около котораго собралось больше 200 человѣкъ; проѣздъ степью сталъ тяжелъ, и впередъ надобно ожидать воровства большаго, потому что товарищи Разина, ушедшіе изъ Астрахани и съ черты, живутъ по Дону въ верховыхъ городахъ. По настоянію Хитрово, Донцы послали отрядъ противъ Міюски на Сѣверскій Донецъ; но Міюска, узнавъ объ этой сылкѣ, перешелъ на устье Черной Калитвы, гдѣ объявилось великое воровство, внизъ и вверхъ торговымъ и служилымъ людямъ не стало проѣзду, и шелъ слухъ, что на весну Міюска пойдетъ на Волгу, пристанетъ къ нему съ Дона и верховыхъ городковъ много воровъ, какъ и къ Разину. Посланные Воронежскимъ воеводою казаки нигдѣ не отыскали слѣдовъ Міюски: онъ объявился въ другомъ мѣстѣ.

Въ началѣ зимы, гетманъ Самойловичъ далъ знать, что въ Запороги пріѣхалъ человѣкъ—хорошъ и тонокъ, долголицъ, не черменъ и не русъ, немного смугловатъ, по лицу трудно сказать лѣта, казаки угадывали, что лѣтъ пятнадцать, молчаливъ, два знамени у него: на знаменахъ написаны орлы и сабли кривыя; съ нимъ восемь человѣкъ Донской породы; надѣтъ на немъ кофтанъ зеленый, лисицами подшитъ, а подъ исподомъ кафтанецъ червчатый китайковый; называется царевичемъ Симеономъ Алексѣевичемъ. Вожъ его, казакъ Міюской, говорилъ судьѣ Запорожскому, будто у этого царевича на правомъ плечѣ и на рукѣ есть знамя видѣніемъ царскаго вѣнца. Когда узнали въ Запорожьи, что Сѣрко приближается, то царевичъ, распустивъ знамена, почтилъ Сѣрка встрѣчею. Сѣрко посадилъ его подлѣ себя и спрашивалъ: „Слышалъ я отъ наказнаго своего, что ты называешься какого-то царя сыномъ; скажи, Бога боясь, потому что ты очень молодъ, истинную правду скажи, нашего ли великаго государя Алексѣя Михайловича ты сынъ, или другого какого царя, который подъ его рукою пребываетъ,—чтобы мы и тобою обмануты не были, какъ иными въ войскѣ плутами"?. Молодой человѣкъ всталъ, снялъ шапку и говорилъ, какъ бы плача: „Не надѣялся я, что ты меня бояться будешь; Богъ мнѣ свидѣтель правдивый, что сынъ я вашего государя". Услыхавъ это, Сѣрко и всѣ казаки сняли шапки и поклонились до земли, и начали потчивать его питьемъ. У самозванца спрашивали, будетъ ли онъ своею рукою писать къ гетману Самойловичу и къ батюшкѣ своему, великому государю.—„Господину гетману", отвѣчалъ онъ, „изустнымъ приказомъ кланяюсь; а къ батюшкѣ писать трудно, чтобы моя грамотка къ боярамъ въ руки не попалась, чего очень опасаюсь, а такой человѣкъ не сыщется, чтобы грамотку мою батюшкѣ въ самыя руки могъ отдать, и ты, кошевой атаманъ, умилосердись, никому Русскимъ людямъ обо мнѣ не объявляй; сосланъ я былъ на Соловецкій островъ, и какъ Стенька былъ, то я къ нему тайно пришелъ и жилъ при немъ, пока его взяли, потомъ съ казаками на Хвалынское море ходилъ, откуда на Дону былъ, войскомъ здѣсь про меня не вѣдали, только одинъ атаманъ вѣдалъ". А вожъ Міюской говорилъ Сѣрку, что подлинно на тѣлѣ у царевича знаки видѣніемъ царскаго вѣнца есть; намѣреніе такое имѣетъ: тайно пробраться въ Кіевъ и оттуда ѣхать къ Польскому королю.

14 декабря къ гетману Сомойловичу и на кошъ къ Сѣрку за самозванцемъ отправились сотникъ стрѣлецкій Чадуевъ и подьячій Щеголевъ.—„Я уже писалъ въ Запороги", сказалъ имъ Самойловичъ, „чтобы вора съ товарищами ко мнѣ прислали;

думаю, что Сѣрко не будетъ мнѣ противенъ; боюсь одного, что на Запорожьи никого не выдаютъ, говорятъ, что они войско вольное, кто хочетъ, приходитъ по волѣ и отходитъ также“. На дорогѣ, въ мѣстечкѣ Керебердѣ, пришелъ къ московскимъ посланцамъ запорожскій казакъ Максимка Щербакъ и началъ говорить: „Знаете ли вы Щербака Донскаго?—а онъ знаетъ, зачѣмъ вы на Запорожье посланы; вамъ ѣхать незачѣмъ, даромъ пропадете: самый истинный царевичъ Симеонъ Алексѣевичъ нынѣ на Запорожьи объявился, я про это про все знаю и вѣдаю; царевичъ дѣда своего, боярина Илью Даниловича Милославскаго, ударилъ блюдомъ и оттого ушелъ; по всей Москвѣ слава носилась, что то правда была, а я въ то время на Москвѣ сидѣлъ въ тюрьмѣ, по челобитью Демьяна Многогрѣшнаго освобожденъ, былъ на Дону и на Запорожьи, а вышелъ изъ Запорожья тому другая недѣля“.—„Это воръ, плутъ, самозванецъ и обманщикъ“, говорили посланцы. Щербакъ на это плюнулъ имъ въ глаза и сказалъ: „Завяжите себѣ ротъ, даромъ злую смерть примете“. Встрѣтились Чадуеву и Щеголеву посланцы Самойловича, ѣздившіе въ Запорожье, и объявили: „Когда Запорожцы выслушали гетманское письмо о самозванцѣ, то смѣялись, про гетмана и про бояръ говорили всякія непристойныя и грубыя слова; самозванца, по приказу Сѣркову, называютъ царевичемъ; къ гетману ничего не отписали, писалъ къ нему самозванецъ и запечаталъ своею печатью наподобіе печати царскаго величества; сдѣлали ему эту печать Запорожцы изъ ефимковъ, да сдѣлали ему тафтяное знамя съ двоеглавымъ орломъ и платье доброе дали. На отпускѣ нашемъ пришелъ въ раду самозванецъ, безчестилъ всячески гетмана, говорилъ: „Глупъ вашъ гетманъ, что меня такъ описываетъ; если бы вы не прѣсныя души, велѣлъ бы повѣсить; если гетману надобно меня знать, пусть пришлетъ осмотрѣть обознаго Петра Забѣлу да судью Ивана Домонтовича; о выдачѣ моей много бояре станутъ присылать знатныхъ людей именемъ царскаго величества съ грамотами, только я не поѣду три года, буду ходить на море и въ Крымъ, а кто присланы будутъ, даромъ не пробудутъ“. Въ Кишенкѣ московскіе посланцы нашли челядника Василья Многогрѣшнаго, Лучка, да самозванцева товарища Мерешку; оба говорили Чадуеву и Щеголеву, чтобы на Запорожье ни подъ какимъ видомъ не ѣздили: еще у Кодака Запорожцы встрѣтятъ и повѣсятъ, а самозванца выдать и не подумаютъ. „Я“, говорилъ Лучка, „при немъ жилъ многое время и видѣлъ на плечахъ природные знаки красные:—царскій вѣнецъ, двоеглавый орелъ, мѣсяцъ съ звѣздою“. Пріѣхалъ въ Кишенку Игнатъ Оглобля, отправлявшійся въ посланникахъ отъ Сѣрка къ гетману Самойловичу; онъ говорилъ, что Сѣрко хотѣлъ бить Чадуева за самозванца и назвалъ его собачьимъ сыномъ. Услыхавъ всѣ эти вѣсти, Чадуевъ и Щеголевъ приняли мѣры для собственной безопасности: велѣли Щербака, Лучку, Мерешку и Оглоблю отослать къ гетману въ Каневъ, чтобы онъ держалъ ихъ тамъ до ихъ возвращенія.

1-го марта 1674 года выѣхали царскіе посланники изъ Кишенки на Запорожье; 9-го числа въѣхали въ Сѣчь; кошевой атаманъ Сѣрко и все поспольство вышли за городъ навстрѣчу, и поставили Чадуева и Щеголева за городомъ, на берегу рѣки Чертомлика, въ греческой избѣ. На другой день посланниковъ позвали въ курень къ атаману; тамъ нашли они Сѣрка, судью, писаря, куренныхъ атамановъ и знатныхъ казаковъ-радцевъ (совѣтниковъ). „Для какихъ великаго государя дѣлъ вы къ намъ присланы?“ спросилъ Сѣрко: „слышали мы, что за царевичемъ?“—„Это не царевичъ“, отвѣчалъ Чадуевъ: „это воръ, плутъ, самозванецъ, явный обманщикъ и богоотступникъ, Стеньки Разина ученикъ“.—„Неправда“, говорили Запорожцы: „это истинный царевичъ Симеонъ Алексѣевичъ, и желаетъ съ вами видѣться“ —„Мы присланы“, отвѣчалъ Чадуевъ, „для взятья этого вора и самозванца, а не видѣться съ нимъ“ *Сѣрко:* „Мы его въ радѣ вамъ покажемъ, станете съ нимъ говорить, и мы знаемъ, что вы, узнавъ, поклонитесь ему, какъ слѣдуетъ“. Послѣ этого разговора Сѣрко, судья, писарь и куренные атаманы пили у самозванца мало не весь день, и Сѣрко, упившись, будто спалъ. Часа за два до вечера самозванецъ, опаясавшись саблею, вышелъ изъ своего куреня, съ нимъ судья Степанъ Бѣлый, писарь Андрей Яковлевъ, есаулы и казаковъ человѣкъ съ триста, всѣ пьяные, подошли къ избѣ, гдѣ стояли послы, и стали выкликать Щеголева: „Поди! царевичъ тебя зоветъ“. Щеголевъ не пошелъ, а Чадуевъ вышелъ въ сѣни и, отворя дверь, говорилъ: „Кто и зачѣмъ Щеголева спрашиваетъ?“ Отвѣчалъ самозванецъ: „Поди ко мнѣ!“ *Чадуевъ:* „Ты что́ за человѣкъ?“ *Самозванецъ:* „Я царевичъ Симеонъ Алексѣевичъ“. *Чадуевъ:* „Страшное и великое имя вспоминаешь; такого великаго и преславнаго монарха сыномъ называешься, что и въ разумъ человѣческій не вмѣстится; царевичи государи по степямъ и по лугамъ такъ ходить не изволятъ; ты сатанинъ и богоотступника Стеньки Разина ученикъ и сынъ, воръ, плутъ и обманщикъ“. *Самозванецъ:* „Брюхачи, измѣнники!—смотрите! наши же холопи да намъ же досаждаютъ! Я тебя устрою!“ И, вынувъ саблю, побѣжалъ къ дверямъ на Чадуева; тотъ взялъ пищаль и хотѣлъ его убить: но писарь схватилъ самозванца поперекъ, унесъ за хлѣбную бочку и потомъ пошелъ съ нимъ въ городъ. Остались казаки и начали съ полѣньями приступать къ избѣ, а другіе разбирать крышу, ругались, крича: „Ты, старый, государича хотѣлъ застрѣлить“. Тутъ Чадуевъ съ пищалью, Щеголевъ съ саблею, стрѣльцы съ мушкетами, простясь между собою, сѣли на смерть. Но до смерти дѣло не дошло: посланники вынули государеву грамоту и закричали: „Подождите до рады, а въ радѣ выслушайте великаго государя грамоту!“ Казаки закричали судьѣ и есауламъ: „Поставьте у нихъ караулъ, чтобы не ушли,—умѣютъ Москали изъ рукъ уходить“. И одинъ за другимъ разошлись. Но, вмѣсто нихъ, явился полковникъ Алексѣй Бѣлицкій, при немъ казаки съ мушкетами, и стали въ сѣняхъ, у самыхъ избныхъ дверей, готовые къ бою.

Вечеромъ пришли къ посламъ отъ Сѣрка судья, писарь, есаулъ, атаманъ куренный и говорили: „Худо вы сдѣлали, что государича хотѣли застрѣлить, будучи между войскомъ; 12 марта будетъ рада и государичъ въ радѣ будетъ; что вы хотѣли его застрѣлить, теперь всѣмъ вѣдомо, и если надъ вами войску велитъ что́ сдѣлать, то войско, что огонь, по маковому зерну разорветъ. Вы когда придете въ раду, поскорѣе добивайте ему челомъ и кланяйтесь до земли“. *Чадуевъ:* „Недобрый, небогоугодный, невѣрныхъ слугъ поступокъ, что вы, называясь вѣрными слугами царскаго величества, просите и получаете его милости, а пословъ его, повѣря невѣдомо какому вору, смерти предаете! Мы не на смерть къ вамъ посланы, а на увеселеніе и объявленіе царскаго величества премногой милости вамъ же“.

12-го марта собралась рада. Пословъ царскихъ позвали туда, но ножи у нихъ обобрали и велѣли за ними идти караульщикамъ съ мушкетами. Самозванецъ стоялъ въ церкви и смотрѣлъ въ окно на раду. Сѣрко, выслушавъ царскую грамоту, наказъ и гетманскій листъ, началъ говорить Запорожцамъ: „Братья мои, атаманы молодцы, войско Запорожское, низовое Днѣпровое, какъ старъ, такъ и молодой. Прежде въ войскѣ Запорожскомъ у васъ, добрыхъ молодцовъ, того не бывало, чтобъ кому кого выдавали: не выдадимъ этого молодчика!“—„Не выдадимъ, господинъ кошевой!“ грянула толпа.—Сѣрко продолжалъ: „Братья моя милая! Какъ одного его выдадимъ, тогда всѣхъ насъ Москва по одному разволочетъ; а онъ не воръ и не плутъ, прямой царевичъ, и сидитъ какъ птица въ клѣткѣ, и никому ничего невиненъ“.—„Пусть они того плута сами въ очи посмотрятъ“, закричали казаки: „узнають, что́ за плутъ! Идетъ имъ о печать и о письмо; царевичъ и самъ сказываетъ, что бояре все это пишутъ и присылаютъ безъ указа великаго государя и еще будутъ присылать; пора ихъ утопить, либо руки и ноги отрубить“.—„Поберегите, братцы, меня“, сталъ опять говорить Сѣрко: „еще потерпимъ, нашихъ много у гетмана, а иныхъ они, Чадуевъ и Щеголевъ, для своей свободы къ гетману отослали, и пока наши будутъ, подержимъ ихъ живыхъ, или одного изъ нихъ отпустимъ, чтобы какъ-нибудь своихъ освободить, а караулъ у нихъ крѣпкій стоитъ, не уйдутъ. Пошлемъ мы къ Дорошенку, чтобы онъ клейноты войсковые отдалъ намъ на кошъ, да и самъ къ намъ пріѣхалъ; онъ меня послушаетъ, потому что мнѣ кумъ: спасибо ему, что до сихъ поръ клейнотовъ войсковыхъ Ромодановскому не отдалъ. Какая правда Ромодановскаго? Когда побилъ Юраску Хмельницкаго и клейноты войсковые взялъ, намъ ихъ не отдалъ, и теперь то же сдѣлаетъ, если Дорошенко клейноты ему отдастъ“.—„Пошлемъ, господинъ кошевой!“ загремѣла опять толпа, „вели листы къ Дорошенку писать“. Тутъ Сѣрко велѣлъ Чадуеву и Щеголеву выйти изъ рады; но казаки зашумѣли: „Показать имъ царевича, чтобы они по его волѣ учинили, а если не учинятъ, побить“. Сѣрко сталъ ихъ опять успокоивать: „Онъ государичъ, зачѣмъ ему по радамъ волочиться; когда будетъ время, увидятъ и безъ рады, и по волѣ его учинятъ, а теперь пускайте ихъ“.

Вечеромъ пришли къ посламъ судья, писарь и есаулъ, и начали говорить: „Царевичъ очень печаленъ, что къ вамъ въ раду его не позвали; хочетъ онъ съ вами видѣться, и кошевой хочетъ его съ вами свести въ своемъ куренѣ“. Послы отвѣчали: „Присланы мы отъ царскаго величества къ войску Запорожскому за самозванцемъ, а не бесѣдовать съ нимъ; если кошевой введетъ его къ себѣ въ курень съ саблею, а онъ захочетъ озорничать, то какая ваша правда?—мы и теперь, какъ тогда, шеи не протянемъ“.

13-го марта, созвавъ къ себѣ въ курень куренныхъ атамановъ и знатныхъ казаковъ, Сѣрко призвалъ пословъ и говорилъ имъ: „Много вы на Запорожьи наворовали, на великаго человѣка хотѣли руку поднять, государича убить,—достойны вы смерти. А намъ Богъ далъ съ неба многоцѣнное жемчужное зерно и самоцвѣтный камень, чего никогда, искони вѣковъ у насъ на Запорожьи не бывало. Сказываетъ онъ, что изъ Москвы изгнанъ такимъ образомъ: однажды былъ онъ у дѣда своего, боярина Ильи Даниловича Милославскаго, и въ то же время былъ у боярина нѣмецкій посолъ, и говорилъ о дѣлахъ. Царевичъ разговору ихъ помѣшалъ, а бояринъ невѣжливо отвелъ его рукою. Царевичъ, возвратившись въ свои палаты, говорилъ матери, царицѣ Марьѣ Ильиничнѣ: „Если бы мнѣ на царствѣ хотя бы три дня побыть, и я бы бояръ нежелательныхъ всѣхъ перевелъ“. Царица спросила: кого бы онъ перевелъ.—„Прежде всѣхъ боярина Илью Даниловича“, отвѣчалъ царевичъ. Царица кинула въ него ножемъ, ножъ попалъ въ ногу, и онъ оттого занемогъ. Царица велѣла стряпчему Михайлѣ Севастьянову его окормить, но стряпчій окормилъ вмѣсто него пѣвчаго, и, снявъ съ него платье, положилъ на столъ, а другое на мертваго; царевича берегъ втайнѣ три дня, нанялъ двухъ нищихъ старцевъ, одного безъ руки, другого криваго, далъ имъ сто золотыхъ червонныхъ, и эти старцы вывезли его изъ города на малой телѣжкѣ подъ рогожею, и отдали посадскому мужику, а мужикъ свезъ его къ Архангельской пристани. Скитаясь тамъ долгое время, царевичъ наконецъ пришелъ на Донъ и былъ съ Стенькою Разинымъ на морѣ; не сказывая про себя, былъ у Разина кашеваромъ и назывался Матюшкою; а передъ Стенькинымъ взятьемъ онъ ему про себя сказывалъ подъ присягою; а послѣ Стеньки былъ на Дону царскаго величества посланный съ казною, который его, царевича, дарилъ, и онъ съ нимъ по слалъ письмо; но этого письма бояре до царскаго величества не допустили. Какъ время придетъ, пошлетъ онъ къ царскому величеству письмо съ такимъ человѣкомъ, который самъ до государя донесетъ!—„Я", продолжалъ Сѣрко, „мало этому вѣрилъ; но въ нынѣшній Великій постъ онъ постился; я велѣлъ священнику его на исповѣди подъ клятвою свидѣтельствовать, подлинно ли такъ, какъ сказываетъ, и онъ подъ клятвою сказалъ, что правда истинная, и причащался. И теперь, кто что ни говори и ни пиши, всѣ мы въ томъ ему вѣримъ". Тутъ Сѣрко перекрестился и сказалъ: „Истинный царевичъ! не зарекаемся мы за его промысломъ, какъ онъ у насъ росписи проситъ, что войску надобно?—на 3,000 и больше кармазинныхъ суконъ по 10 аршинъ на человѣка на годъ брать, также денежную, свинцовую и пороховую и многую казну, ломовыя пушки и нарядныя ядра; и мастеръ, который тѣми ядрами умѣетъ стрѣлять, и сипоши и чайки у насъ будутъ. Царевичъ говоритъ, да и мы сами хорошо знаемъ, для чего Донскимъ казакамъ и намъ государева жалованья, пушекъ, всякихъ войсковыхъ запасовъ и чаекъ не даютъ: царское величество къ намъ милосердъ, много обѣщаетъ, а бояре и малаго не даютъ; царское величество изволилъ намъ прислать шиптуховыхъ суконъ, и намъ досталось только по полтора локтя на человѣка".—„Оставьте всѣ эти слова", отвѣчалъ Чадуевъ, „выдайте самозванца и пошлите къ великому государю съ нимъ сто человѣкъ и больше своихъ, и всѣ они будутъ пожалованы, и къ вамъ на кошъ царское жалованье, сукна, пушки, ядра, мастеръ, зелье, свинецъ, сипоши и чайки присланы будутъ".—„Если и тысячу человѣкъ за нимъ пошлемъ", отвѣчали атаманы, „то на дорогѣ его отнимутъ и до царскаго величества не допустятъ; если дворяне или воеводы съ людьми ратными за нимъ присланы будутъ, не отдадутъ; Москва и насъ всѣхъ называетъ ворами и плутами: будто мы не знаемъ, что и откуда кто есть? Если государь, по приговору бояръ, что мы царевича не отдали, пошлетъ къ гетману Самойловичу, чтобы не велѣлъ пускать къ намъ въ Запорожье хлѣба и всякихъ харчей, какъ Демка Многогрѣшный не пропускалъ, то мы какъ тогда безъ хлѣба не были, такъ и теперь не будемъ, сыщемъ мы себѣ и другого государя, дадутъ намъ и крымскіе мѣщане хлѣба, и ради намъ будутъ, чтобы только брали; такъ во время Суховѣева гетманства давали намъ всякій хлѣбъ изъ Перекопи А про царевича вѣдомо и хану Крымскому: присылалъ провѣдывать о немъ, и мы сказали, что есть у насъ на кошѣ такой человѣкъ. Турскій султанъ нынѣшнею весною непремѣнно хочетъ быть подъ Кіевъ и далѣе; пусть цари между собою перевѣдаются, а мы себѣ мѣсто сыщемъ: кто силенъ, тотъ и государь намъ будетъ. Жаль намъ Пашки Грибовича: если бы въ нынѣшнее время онъ, Пашка, былъ съ нами, узналъ бы я, какъ въ Сибирь черезъ поле посмотрѣть, узнали бы какой жолнырь Сѣрко. Какому они мужику дали гетманство?—онъ своихъ разоряетъ и разорять-то не умѣетъ: по Днѣпру попласталъ и поволочился и, ничего добраго не сдѣлавъ, назадъ возвратился. Теперь у насъ четыре гетмана: Самойловичъ, Суховѣй, Ханенко, Дорошенко, а ни отъ кого ничего добраго нѣтъ, въ домахъ сидятъ и только между собою христіанскую кровь проливаютъ за гетманство, за маетности, за мельницы; то бы было хорошо, если бы Крымъ разорить и войну унять. Когда рада была и Ромодановскій гетманство Самойловичу далъ, а войско спрашивало меня и гетманство хотѣло дать мнѣ. Ромодановскій не по войсковому поступилъ и давно меня въ пропасть отослалъ. Слышно, что той стороны Днѣпра многіе города и Лизогубъ теперь при вашемъ гетманѣ. Хвала Богу, что Лизогубъ подлизался, а какъ лизнетъ, то и въ пятахъ горячо будетъ. А когда бы мнѣ дали гетманство, я бы не такъ сдѣлалъ: если бы и теперь дали мнѣ на одинъ годъ гетманство, или гетманъ, московскій обранецъ, поповичъ далъ мнѣ четыре полка Полтавскій, Миргородскій, Прилуцкій и Лубенскій, то я бы зналъ что съ ними сдѣлать, Крымъ бы весь разорилъ".—„Теперь у князя Ромодановскаго и у гетмана войска много", сказали послы: „ступай къ нимъ и промышляй съ ними сообща".—„Теперь не прежнее", отвѣчалъ Сѣрко, „не обманутъ меня; прежде Ромодановскій отписалъ ко мнѣ государскую милость; я, повѣря, поѣхалъ къ нему, а онъ меня продалъ за 2,000 золотыхъ червонныхъ".—„Кто эти червонные за тебя далъ?" спросили послы.—„Царское величество, милосердуя обо мнѣ, велѣлъ дать ихъ Ромодановскому", отвѣчалъ Сѣрко.

17-го марта, передъ обѣднею, Сѣрко посылалъ священника да 11 человѣкъ куренныхъ атамановъ осматривать царевича: никакого вѣнца, ни орла, ни мѣсяца, ни звѣзды не нашли, только на груди отъ одного плеча до другого восемь пятенъ бѣлыхъ, точно пальцемъ ткнуты, да на правомъ плечѣ точно лишай — широко и бѣло. Самозванецъ говорилъ имъ, будто про эти знаки знаетъ царица да мама Марья; теперь, кромѣ стряпчаго Михайлы Севастьянова, никто его не узнаетъ, да и онъ, кромѣ него, никому не повѣритъ, а къ царю писать будетъ. Сѣрко и всѣ казаки еще больше послѣ этого увѣрились. Въ тотъ же день московскимъ посламъ было объявлено, что ихъ къ государю отпустятъ, но вмѣстѣ съ ними „отправятъ своихъ казаковъ, чтобы они сами изъ устъ царскаго величества о томъ человѣкѣ слово услышали и, пріѣхавъ на кошъ, имъ объявили, и тогда у нихъ свой разумъ будетъ".

Старая исторія! Запорожскій кошевой срываетъ сердце: зачѣмъ его не выбрали въ гетманы,—его, давняго сторонника Дорошенка! Притворяется, что вѣритъ самозванцу; казакъ высказывается: пусть государи перевѣдаются, а мы будемъ за тѣмъ, кто осилитъ; приговоръ Запорожью былъ подписанъ этими словами, ибо кто осилилъ окончательно, тотъ не захотѣлъ болѣе терпѣть людей, шатающихся между государями, выжидающими, кто изъ государей будетъ сильнѣе. Сѣрку было досадно, что гетманъ-поповичъ, Самойловичъ, получилъ успѣхъ на западной сторонѣ Днѣпра. Дѣйствительно, въ началѣ 1674 года привелось въ исполненіе давно задуманное предпріятіе - перенести царское оружіе на западную сторону. Самойловичъ получилъ приказаніе изъ Москвы соединиться съ Ромодановскимъ и двинуться противъ Дорошенка, съ которымъ не прекращались безполезные переговоры о подданствѣ. Дорошенко съ Тукальскимъ присылали и въ Москву монаха Серапіона съ предложеніемъ подданства и съ условіями, на которыхъ Дорошенко хотѣлъ поддаться великому государю. Дорошенко требовалъ: чтобы Кіевъ отданъ былъ казакамъ, чтобы царь вывелъ изъ него своихъ людей, а казаки за то позволятъ царю, въ какомъ городѣ угодно, занять крѣпость своими войсками. Если царь не согласится на это, то Серапіонъ долженъ былъ просить обнадеживанья, чтобъ Кіева не отдавать Полякамъ. Дорошенко требовалъ, чтобы на обѣихъ сторонахъ Днѣпра былъ одинъ гетманъ, который владѣлъ бы войскомъ и посполитствомъ какъ господарь, какъ теперь за Днѣпромъ, чтобъ всѣ его слушались. Гетманъ съ Украйною не на время признаютъ царское величество дѣдичнымъ государемъ: такъ чтобы и гетманъ на всю жизнь былъ утвержденъ, особенно чтобы вольности казацкія въ цѣлости пребывали. Чтобы царь не допускалъ непостоянства нѣкоторыхъ людей украинскихъ, какъ недавно по нѣскольку гетмановъ бывало. Гдѣ домовитовъ много, тамъ порядка нѣтъ, особенно когда согласія и послушанія не будетъ: такъ чтобы приказалъ государь Запорожцамъ слушаться гетмана. Касательно рубежа польскаго въ составъ Украйны должны входить три прежнія воеводства: Кіевское, Брацлавское и Черниговское. Чтобы царь оборонялъ Украйну и велъ наступательную войну противъ бусурманъ.—У Дорошенка больше всего было на сердцѣ двойное гетманство: „Никогда я этого не уступлю“, говорилъ Дорошенко: „дѣло невозможное и въ Украйнѣ неслыханное, чтобы гетманъ на той сторонѣ Днѣпра когда-нибудь былъ; не только я, но и вся сторона, которая подъ моимъ начальствомъ, на это никакъ не согласится. При двухъ гетманахъ мы никогда ничего добраго не сдѣлаемъ; примѣръ—Польша и Литва: отъ безпрестанной зависти что̀ тамъ добраго дѣлается? Не хвалюсь, но пусть панъ Самойловичъ такой будетъ, какъ я. Казакъ ли онъ отъ прадѣдовъ и дѣдовъ? Знаетъ ли онъ Запорожье, рѣчки, проливы морскіе, рѣки, самое море; на многихъ ли войнахъ бывалъ? Гдѣ чего нагляделся? Когда съ монархомъ дѣло имѣлъ, воевалъ или договаривался, чтобы теперь умѣть начать что нибудь для услуги царскаго величества? Если онъ на себѣ покажетъ, что знаетъ все и можетъ что доброе начать, то я ему уступлю и низко поклонюсь, что съ меня эту тягость сниметъ. А то онъ и казакомъ-то недавно; случилось ли ему хотя однажды быть въ войскѣ? долго ли былъ полковникомъ? всѣ ли наши старшинства—отъ малаго до великаго—перешелъ? А еще мнѣ пакость дѣлаетъ: казаковъ съ нашей стороны забираетъ, на лошадяхъ казацкихъ, украденныхъ съ нашей стороны, самъ ѣздитъ; вора, который, служа у меня, покралъ и на ту сторону ушелъ, не велѣлъ выдать; Дмитрашку ключникомъ, на зло мнѣ, сдѣлалъ. Послѣ этого пусть царское величество разсудитъ, какъ мы можемъ согласиться: какъ онъ можетъ мнѣ въ нуждахъ помогать! Хорошо ли, что въ Польшѣ два гетмана безпрестанно ссорятся, одинъ другому пакоститъ, и Польша отъ ихъ несогласія погибаетъ. Кромѣ того, одною стороною Украйны не только отъ Турокъ, но и отъ Орды не оборонюсь. Не обо мнѣ дѣло: у меня нѣтъ дѣтей; наберу тысячу, другую-третью пѣхоты, пойду въ поле—и тамъ проживу. Дѣло идетъ обо всѣхъ людяхъ, которые отъ моего поступка могутъ погибнуть. Если царское величество возложитъ на меня гетманство обѣихъ сторонъ, то буду стараться услужить. Если царское величество будетъ слушаться Самойловича, то добра не видать. Такихъ найдется не мало, которые, сидя въ покоѣ, господствуютъ, о добрѣ общемъ христіанскомъ не стоятъ. Дѣло понятное, что Нѣжинскій протопопъ на соединеніе Украйны подъ моимъ гетманствомъ не согласится: тогда бы пришлось имъ бояться пастыря бдящаго, а теперь что хотятъ, то творятъ“.

Самойловичъ платилъ Дорошенку тою же монетою: писалъ въ Москву, что Дорошенко съ Тукальскимъ о томъ только и думаютъ, какъ бы властвовать на обѣихъ сторонахъ съ помощію Турокъ; что онъ, Самойловичъ, не хочетъ имѣть съ ними никакихъ сношеній; что Дорошенко вредитъ ему самымъ нехристіанскимъ образомъ, – присылаетъ зажигателей на восточную сторону, и цѣлые города горятъ. Царь успокоивалъ гетмана, приказывалъ къ нему, что Дорошенко принятъ будетъ въ подданство только подъ условіемъ оставаться гетманомъ на одной западной сторонѣ. Дѣйствительно, Дорошенку велѣно было сказать: „Царское величество дивится, что онъ, гетманъ Петръ Дорошенко, укоряетъ гетмана Ивана Самойловича за низкое происхожденіе, и будто онъ никакихъ поведеній войска Запорожскаго не знаетъ. Надобно ему, Дорошенку, припамятовать прежнихъ гетмановъ, кромѣ Богдана Хмельницкаго, знатной ли фамиліи и знающіе ли были люди, Самко, Цыцура, Безпалый, Барабашъ, Пушкаренко, Золотаренко, Брюховецкій: только выбраны были вольными голосами по правамъ войска Запорожскаго, потому что государь не запрещаетъ войску Запорожскому выбирать гетмановъ. Нечего укорять Ивана Самойловича, что онъ съ монархами не договаривался; ему этого дѣлать нельзя, потому что онъ подъ рукою царскаго величества; какъ онъ, Дорошенко, своими договорами войско Запорожское успокоилъ,—это всему свѣту извѣстно; а гетманъ Иванъ Самойловичъ и все войско Запорожское на восточной сторонѣ въ покоѣ живутъ. Въ Польшѣ и Литвѣ изъ древнихъ лѣтъ гетманы великіе и польные, а что между ними несогласіе, то сдѣлалось по волѣ Божіей, и въ примѣръ того писать не годится". Также Дорошенку велѣно было сказать, что сейчасъ нельзя сдѣлать его гетманомъ обѣихъ сторонъ; но если весною войска обѣихъ сторонъ, вышедши въ поле, захотятъ имѣть его единственнымъ гетманомъ по правамъ своимъ казацкимъ, то царское величество его утвердитъ. Но Дорошенко, толкуя постоянно о правахъ и вольностяхъ казацкихъ, не хотѣлъ признать главнаго права казаковъ,—права на выборъ гетмана, опасаясь, что они могутъ воспользоваться этимъ правомъ не въ его пользу. „Не подлинная эта вещь", отвѣчалъ Дорошенко, „потому что извѣстные люди не хотятъ на это позволить, и я неподлинными вещами далъ бы себя провести, а потомъ некому было бы меня защищать отъ Турокъ и Татаръ. Видя недружбу пана Самойловича, нечего мнѣ ждать отъ него помощи. Мнѣ говорятъ, что царскому величеству трудно смѣнить Самойловича! Но вѣдь по милости царскаго величества дано ему гетманство, минуя заслуженнѣйшихъ людей и не спрашивая нашу братью—казаковъ; казаки были принуждены взять его въ гетманы, потому что князь Ромодановскій утвердилъ. Такъ и теперь: если царское величество захочетъ,—возможно. Хорошъ будетъ порядокъ, когда войско будетъ въ послушаніи двоихъ гетмановъ, въ недружбѣ живущихъ!—я захочу того, онъ другого: можетъ ли выйти отсюда что доброе?"

Понятно, что Самойловичъ не могъ успокоиться, зная характеръ и притязанія Чигиринскаго гетмана; но, кромѣ Дорошенка, онъ боялся еще друзей Многогрѣшнаго. „Многогрѣшный съ совѣтниками своими по волѣ ходятъ и, разумѣется, что-нибудь умышляютъ", писалъ гетманъ къ Черниговскому полковнику Бурковскому. „Грибовичъ уже въ Запорогахъ: наши своими глазами его видѣли, да и тѣ (т.-е. Многогрѣшные) невѣдомо гдѣ! Богъ вѣсть что изъ того будетъ! Не хитръ былъ и Стенька, а много бѣды надѣлалъ! И этимъ не надобно было довѣрять; слыхали мы не разъ своими ушами, что хотѣли станъ раскинуть около самой Москвы; такъ бывало явно брешутъ". Раздѣленіе гетманства точно также не нравилось и Самойловичу, какъ Дорошенку: „Если оба гетмана", говорилъ Самойловичъ царскому послу Бухвостову, „если оба гетмана пошлютъ противъ непріятеля своихъ наказныхъ гетмановъ, то бояринъ, который придетъ съ государевыми людьми, не будетъ знать, которому гетману угодить. При польскомъ владычествѣ никогда двухъ гетмановъ не бывало. А что гетманъ Богданъ Хмельницкій билъ челомъ, чтобы быть другому гетману, то онъ хотѣлъ дать гетманство какому-нибудь родственнику своему, да и войска въ то время было на обѣихъ сторонахъ много, а теперь на той сторонѣ малолюдство; постарому, захочетъ Дорошенко этою стороною славенъ быть и подыскивать подо мною. Если же царское величество хочетъ принять Дорошенка для отвращенія турецкой войны, то война этимъ не отвратится: принявъ Дорошенка, надобно будетъ его отъ непріятеля оборонять и поставить войска по городамъ: въ Чигиринѣ, въ Каневѣ, въ Умани, въ Черкасахъ, потому что Турецкій султанъ будетъ воевать Дорошенка за измѣну. Какъ поддастся Дорошенко великому государю, то будетъ безпрестанно посылать въ Москву, прося помощи, и для другихъ дѣлъ черезъ наши города Эти посланцы всегда будутъ намъ докучать, всего просить, насильно отнимать и плевелы всякіе въ народъ пускать, и будемъ мы у нихъ точно въ подданствѣ. Дорошенко укоряетъ меня за низкое происхожденіе; но еслибъ посмотрѣлъ въ зерцало правды, то могъ бы увидать, что я не только равенъ, но и честнѣе его родомъ; какое же я получилъ воспитаніе у родителей моихъ,—въ томъ свидѣтель Богъ и люди честные. Пришедши въ возрастъ, не былъ я празденъ, но тотчасъ занялся войсковыми дѣлами, проходя разные чины: послѣ полковничества получилъ судейство генеральное, которое требуетъ совершеннаго человѣчества, т.-е. страха Божія и разсужденія. Нарекаетъ Дорошенко и на отца Симеона: подай Богъ, чтобъ много такихъ было, какъ отецъ протопопъ. Митрополитъ Тукальскій погубилъ Выговскаго: когда король Казиміръ былъ подъ Сѣвскомъ и Глуховымъ, то онъ приводилъ Выговскаго къ тому, чтобы всталъ на королевское величество. Выговскій послушался его, писалъ къ Сѣрку и къ Сулимкѣ, чтобъ они, собравшись съ войскомъ Запорожскимъ, шли къ нему, а онъ хотѣлъ короля у Днѣпра перенять. Но грамоты попались Тетерѣ, который вмѣстѣ съ Маховскимъ и убилъ Выговскаго, а Тукальскаго въ Маріенбургъ послали въ заточеніе. Тукальскій же погубилъ и Брюховецкаго, прельстивъ его булавою на обѣихъ сторонахъ Днѣпра. Демка Многогрѣшный сначала словъ непристойныхъ на государя и на синклитъ не говаривалъ, а какъ началъ пересылаться съ митрополитомъ и Дорошенкомъ, то вознесся въ гордость и сталъ говорить и писать хульныя рѣчи на государя и государство. Дорошенко погубилъ Степана Опару, который выбранъ былъ войскомъ послѣ Тетери, и самъ сдѣлался гетманомъ насильно, съ помощію Орды, а не вольными голосами".

Чтобы покончить это дѣло и заставить Дорошенко поддаться на всей волѣ великаго государя или свергнуть его съ гетманства, Самойловичу и Ромодановскому надобно было двинуться за Днѣпръ. Матвѣевъ получилъ письмо отъ протопопа Симеона Адамовича: „Гетманъ Иванъ Самойловичъ во всякихъ дѣлахъ совершенно на волю Божію и царскую и на твое, благодѣтеля моего, заступленіе положился, и ничего мимо указа царскаго и твоего совѣта не дѣлаетъ. Теперь, по указу государеву, собрался съ полками въ походъ и дорогою узналъ, что князь Трубецкой обѣщаетъ Дорошенку гетманство на обѣихъ сторонахъ, обѣщаетъ собрать раду чернецкую для казаковъ обѣихъ сторонъ. Самъ гетманъ своею рукою писалъ объ этомъ ко мнѣ; какъ онъ выходилъ въ походъ, то у насъ съ нимъ такой приговоръ учинился: если ему отъ чего нибудь будетъ скорбь, то пишетъ ко мнѣ, а я отписываю объ этомъ къ тебѣ, благодѣтелю моему милостивому; мы теперь по Богѣ и по царскомъ величествѣ иного, кромѣ милости твоей, заступника не имѣемъ. Не отрини насъ отъ своей милости, какъ началъ благодѣтелемъ намъ быть, такъ и соверши". Въ Кіевъ поскакалъ гонецъ съ указомъ Трубецкому не пересылаться съ Дорошенкомъ насчетъ подданства, а если Дорошенко пришлетъ, то отвѣчать, что это дѣло положено на Ромодановскаго и Самойловича: пусть съ ними и сносится.

31-го декабря Самойловичъ рушился изъ Батурина и 8 января 1674 года достигъ Гадяча; сюда 12 числа пришелъ и князь Ромодановскій; переговоривши обо всемъ, 14-го оба полководца выступили къ Днѣпру, имѣя вмѣстѣ тысячъ 80 войска. Несмотря на то, что Дорошенко „предавался въ отеческую милость его превысочества, великаго визиря", Турки не защитили его на этотъ разъ. 27 января сдался Крыловъ; 31 января товарищъ Ромодановскаго, Скуратовъ, съ русскими и казацкими полками подошелъ подъ Чигиринъ, выжегъ всѣ посады, побилъ Дорошенковыхъ людей и преслѣдовалъ ихъ до городской стѣны. 4 февраля Ромодановскій и Самойловичъ заняли Черкасы. 9 февраля, только-что Ромодановскій и Самойловичъ подошли къ Каневу, находившійся тутъ Дорошенковъ генеральный есаулъ, Яковъ Лизогубъ, и Каневскій полковникъ, Гурскій, со всею старшиною явились въ таборъ къ соединеннымъ полководцамъ и били челомъ о подданствѣ царскому величеству; всѣ Каневцы были приведены къ присягѣ. Когда въ Москвѣ узнали о началѣ непріятельскихъ дѣйствій за Днѣпромъ, о взятіи Черкасъ и о посылкѣ Скуратова подъ Чигиринъ, то къ воеводѣ и гетману поскакалъ полковникъ и стрѣлецкій голова Колобовъ — спросить о здоровьи, похвалить за службу, но потомъ спросить: „Зачѣмъ бояринъ и гетманъ со всѣми ратными людьми не пошли сообща подъ Чигиринъ, а послали Скуратова да полковниковъ казацкихъ. Тѣ въ предмѣстьи сожгли дома, въ домахъ всякіе запасы и живность, и, не учиня никакого промысла надъ самимъ Чигириномъ, отступили назадъ, тогда какъ надобно было въ предмѣстьи и въ другихъ мѣстахъ устроить крѣпость и осадить Дорошенка въ Чигиринѣ накрѣпко. Тогда, видя Дорошенка въ осадѣ, всѣ полки начали бы сдаваться. Въ Черкасахъ великій государь указалъ учинить самую твердую крѣпость и въ другихъ мѣстахъ около Чигирина, чтобъ не пропускать въ этотъ городъ хлѣбныхъ запасовъ и не выпустить изъ него осадныхъ людей. Если поддадутся многіе полки той стороны, то собрать раду, и, какъ съѣдутся полковники, начальные люди и казаки, говорить имъ, чтобы они выбрали себѣ вмѣсто Дорошенка другого гетмана, добраго, досужаго, особенно вѣрнаго человѣка. Ханенка призывать въ подданство".—„Потому мы подъ Чигиринъ не пошли со всѣми силами", отвѣчали Ромодановскій и гетманъ, „что тамъ при Дорошенкѣ было воинскихъ людей больше десяти тысячъ, кромѣ поселянъ, которыхъ онъ согналъ изъ окрестныхъ мѣстъ для обороны, пушекъ больше двухъ сотъ и всякихъ запасовъ довольство, а за̀мокъ Чигиринскій на какомъ пригожемъ мѣстѣ поставленъ—всякъ бывшій тамъ знаетъ; приступать къ нему ни откуда нельзя, шанцы въ зимнее время подѣлать также нельзя, долго стоять безъ конскихъ кормовъ войску трудно, на сторонѣ взять негдѣ, и пришлось бы намъ, постоявъ и войско истомя, со стыдомъ отступить. А теперь все дѣлается хорошо".—Ромодановскій и гетманъ не сочли нужнымъ оставаться на западномъ берегу и перешли въ Переяславль съ главными силами, оправдываясь тѣмъ, что съ 5 до 15 февраля зимній путь былъ въ разрушеньи отъ большихъ дождей, снѣгу по обѣ стороны Днѣпра не было, идти санями нельзя; притомъ же лошади падаютъ отъ безкормицы и ратные люди бѣгутъ безпрестанно. Гетманъ говорилъ Колобову съ великою докукою, чтобы великій государь велѣлъ распустить казацкіе полки, потому что такой тяжелой службы не только не видано, но и не слыхано.

Несмотря однако на отступленіе главныхъ вождей, дѣла на западной сторонѣ шли удачно. 2 марта московскій полковникъ Цеевъ съ копейщиками, рейтарами, драгунами и солдатами, да генеральный есаулъ Лысенко схватились съ Дорошенковымъ братомъ Григорьемъ и съ Татарами за 15 верстъ отъ Лысенки, и разбили на-голову. Разбитые заперлись-было въ Лысенкѣ, но были захвачены здѣсь съ помощію жителей, попался въ плѣнъ и Григорій Дорошенко. Узнавши объ этомъ пораженіи, Гамалѣя и Андрей Дорошенко бросились изъ Корсуня въ Чигиринъ; а оставшіеся въ Корсунѣ полковники—Корсунскій, Браславскій, Уманскій, Калницкій, Подольскій—добили челомъ великому государю въ подданство. 4 марта Ханенко написалъ Кіевскому воеводѣ Трубецкому слѣдующее письмо: „Покорно молю, исходатайствуй, чтобы его царское величество, какъ отецъ щедрый, пожаловалъ меня своею милостію. Вѣрою и правдою служилъ я королю и Рѣчи Посполитой, безъ опасенія оставилъ жену и дѣтей въ Польшѣ, безо всякаго жалованья кровь свою проливалъ, а теперь принужденъ бѣжать сюда, по враждѣ и нестерпимой злобѣ гетмана Яна Собѣскаго, который безъ вины старшаго сына моего мучительски велѣлъ убить и на мою жизнь умышляетъ. Обѣщаюсь быть въ подданствѣ его царскаго величества". Ханенко не ограничился однимъ письменнымъ заявленіемъ, но явился съ 2,000 казаковъ въ полкъ къ Ромодановскому и Самойловичу.

17-го марта, въ день именинъ царскихъ, собралась въ Переяславлѣ рада; собрались полковники восточной стороны: Кіевскій—Солонина, Переяславскій—Райча, Нѣжинскій—Уманецъ, Стародубскій—Рославецъ, Черниговскій—Борковскій, Прилуцкій—Горленко, Лубенскій—Сербинъ; съ западной стороны: генеральный есаулъ Лизогубъ, обозный Гуликъ, судья Петровъ, полковники—Каневскій—Гурскій, Корсунскій—Соловей, Бѣлоцерковскій—Бутенко, Уманскій—Бѣлогрудъ, Торговицкій—Щербина, Браславскій - Лисица, Поволоцкій—Мигалевскій. Передъ начатіемъ рады Ханенко со всѣмъ товариществомъ своимъ положилъ войсковые клейноты, булаву и бунчукъ, полученные отъ короля. Ромодановскій объявилъ, что такъ какъ войско западной стороны учинилось у великаго государя въ вѣчномъ подданствѣ, то, по царскому указу, выбрали бы себѣ на свою сторону гетмана. Старшина и войско отвѣчали, что имъ многіе гетманы не надобны, отъ многихъ гетмановъ они разорились, пожаловалъ бы великій государь, велѣлъ быть на обѣихъ сторонахъ одному гетману, Ивану Самойловичу. Самойловичъ сталъ-было отговариваться, но поднялся крикъ, что имъ любъ; старшины схватили его, поставили на скамью и покрыли бунчукомъ, причемъ изодрали платье на гетманѣ. Старшина была утверждена старая, и били челомъ, чтобы гетману Самойловичу жить въ Чигиринѣ или Каневѣ; а если нельзя на западной сторонѣ, то, по крайней мѣрѣ, въ Переяславлѣ. Потомъ били челомъ, чтобы государь велѣлъ въ Чигиринѣ и Каневѣ быть своимъ ратнымъ людямъ. Ханенка сдѣлали Уманскимъ полковникомъ. Послѣ рады пошли всѣ обѣдать къ князю Ромодановскому; всѣ увѣряли, что вседушно рады служить великому государю и промышлять надъ бусурманами. Въ самый обѣдъ доложили князю, что пріѣхалъ посланецъ отъ Дорошенка; не предчувствовалъ новый гетманъ обѣихъ сторонъ Днѣпра, Иванъ Самойловичъ, что въ этомъ посланцѣ Дорошенковомъ готовился ему преемникъ: то былъ генеральный писарь, Иванъ Степановичъ Мазепа. Мазепа началъ передъ княземъ смиренную рѣчь: „Обѣщался Дорошенко, цѣловалъ образъ Спасовъ и Пресв. Богородицы, что быть ему въ подданствѣ подъ высокою царскою рукою со всѣмъ войскомъ Запорожскимъ той стороны; великій государь пожаловалъ бы, велѣлъ его принять, и бояринъ князь Григорій Григорьевичъ взялъ бы его на свою душу, чтобы ему никакой бѣды не было“. — „Скажи Петру Дорошенкѣ“, отвѣчалъ бояринъ, „чтобы онъ, надѣясь на милость великаго государя, ѣхалъ ко мнѣ въ полкъ безо всякаго опасенья“. Тутъ же разнеслась вѣсть, что Іосифъ Тукальскій ослѣпъ въ Чигиринѣ.

Порадовали Москву вѣсти изъ Переяславля; но безпокоило Запорожье съ своимъ царевичемъ. Уже посланъ былъ указъ Ромодановскому, что если самозванецъ изъ коша пойдетъ куда-нибудь для воровства, посылать противъ него войско московское и малороссійское по совѣту съ гетманомъ Самойловичемъ. 1-го мая явился въ Москву запорожскій посланецъ Прокопій Семеновъ съ товарищами, и подалъ грамоту: „Помазаннику Божію, многомилостивому свѣту и дыханью нашему вашего царскаго пресвѣтлаго величества вѣрные слуги, войско Запорожское, Днѣпровское, кошевое, верховое, низовое, живущее на лугахъ, на поляхъ, на полянкахъ и на всѣхъ урочищахъ Днѣпровскихъ, и полевыхъ, и морскихъ“. Сѣрко объявлялъ въ грамотѣ о пріѣздѣ къ нимъ молодаго человѣка, называющаго себя царевичемъ Симеономъ, излагалъ разсказъ самозванца о своихъ похожденіяхъ, скрывши только о знакомствѣ съ Разинымъ, и въ заключеніе писалъ: „Сохраняемъ его у себя потому, что называется сыномъ вашего царскаго величества; стережемъ его, отъ насъ никуда не уйдетъ; покажи милость посланнымъ нашимъ, чтобы отъ вашего царскаго величества услышали, правда ли то.“ Посланцы подали и письмо къ царю отъ мнимаго сына его: „Бью челомъ я, сынъ твой, благочестивый царевичъ Семенъ Алексѣевичъ, который похвалился-было при вашемъ царскомъ пресвѣтломъ величествѣ, батюшкѣ моемъ, на думныхъ бояръ, и за то меня хотѣли уморить, и не уморили, потому что я и по се время твоими молитвами батюшки моего живъ нынѣ на славномъ Запорожьи, при войскѣ Запорожскомъ, при вѣрныхъ слугахъ вашего царскаго пресвѣтлаго величества. Когда, батюшко мой, самъ своима очима меня увидишь и вѣры поимешь, когда я предъ твоимъ царскимъ лицемъ стану и къ ногамъ паду, тогда правду мою познаешь, Богъ всемочій вся вѣсть. И нынѣ я хотѣлъ къ батюшкѣ моему пойти, да чтобъ на дорогѣ зла какова не было, а войско вѣрно тебѣ, батюшку моему, служитъ, по ихъ войсковому челобитью пожалуй, о чемъ бьютъ челомъ для лутчаго промыслу надъ бусурманы, чтобы не токмо полемъ доказывали надъ бусурманы надъ непріятели и побѣждали, но и водою въ ихъ прямую землю проходили и надъ ними знатную побѣду одерживали. Также припадая низко, челомъ бью и жалуюсь батюшку моему на Семена Щеголева да на Василья Чадуева, которые, безъ указа вашего царскаго величества, взявъ себѣ злый замыслъ, хотѣли меня изъ пищали застрѣлить“.—„Этотъ листъ“, отвѣчалъ царь Сѣрку, „нашему царскому величеству нынѣ и никогда не потребенъ. Ты презрѣлъ нашу премногую милость и свое обѣщаніе, вору и самозванцу далъ печать и знамя, прежде пріѣзда Чадуева не далъ намъ о немъ знать, священника и знатныхъ казаковъ посылалъ вора разспрашивать безъ нашего указа, съ Дорошенкомъ безъ нашего указа ссылался. Сынъ нашъ, царевичъ Симеонъ, скончался 18 іюня 1669 г., мощи его погребены въ церкви архистратига Михаила при насъ, при Александрійскомъ патріархѣ Паисіи и Московскомъ Іоасафѣ. И вамъ бы, кошевому атаману, свое обѣщаніе помнить, самозванца и Міюска прислать къ намъ скованныхъ за самымъ крѣпкимъ карауломъ, а пока не пришлете, посланцы ваши будутъ оставаться въ Москвѣ. Чайки (лодки) и пушки пришлемъ, сукна и золотые посланы, но удержаны въ Сѣвскѣ, пока вора пришлете“.

12-го августа Сѣрко далъ знать Ромодановскому, что онъ отправилъ вора къ великому государю.

Сѣрко писалъ въ грамотѣ: „Человѣка, который именуется вашего величества сыномъ, мы за крѣпкимъ карауломъ держали, честь не ему самому, а вашему царскому пресвѣтлому величеству, свѣту, нашему дыханію, отдавали, потому что вашимъ прирожденіемъ именуется. Теперь, какъ вѣрный слуга, отсылаю его къ вашему величеству, свое обѣщаніе исполнить хочу и вѣрно служить до послѣднихъ дней живота; съ Дорошенкомъ ссылался я, желая привести его на службу къ вашему царскому величеству. Смилуйся, великій государь, пожалуй насъ всякими запасами довольными, какъ и на Дону. Мы просили у гетмана Ивана Самойловича перевоза, Переволочной, не далъ, а мы просили не для собиранья пожитковъ, какъ иные выпрашиваютъ, просили на защиту вѣры христіанской. Всѣ поборы, которые съ христіанъ на Украйнѣ берутъ, вашему величеству не доносятъ, а намъ и одного перевозу не даютъ“.

17-го сентября у землянаго города, противъ Смоленскихъ воротъ, стоялъ цѣлый приказъ московскихъ стрѣльцевъ съ головою Яновымъ, принимали вора и самозванца, ставили на ту самую телѣгу, на которой везли Стеньку Разина, приковывали руки къ дыбѣ и за шею. Кончивши эту церемонію, повезли Тверскою улицею въ Земскій Приказъ. Въ тотъ же день всѣ бояре, окольничіе и думные люди собрались на земскій дворъ для розыска.

„Я породы польской, роду Вишневецкихъ; звали отца моего Еремѣемъ, меня зовутъ Семеномъ. Отецъ мой жилъ въ Варшавѣ, подъ Варшавою поймали меня Нѣмцы и продали на рѣкѣ Вислѣ купцу Глуховскому, а тотъ продалъ Литвину. Жилъ я въ Глуховѣ недѣль съ пять и сбѣжалъ съ товарищами; шли на Харьковъ и Чугуевъ къ Донцу, съ Донца на Донъ, съ Дону пошелъ я съ Міюскомъ въ Запороги, и хотѣлъ идти въ Кіевъ или въ Польшу; но Міюска началъ мнѣ говорить, чтобъ назвался я царевичемъ; я такимъ страшнымъ и великимъ именемъ назваться не смѣлъ, но Міюска хотѣлъ меня убить, и я изъ страха назвался. А больше еще Міюски принудилъ меня къ такому страшному имени Сѣрко, хотѣли-было, собравшись, идти войною на Московское государство, и думали бояръ побить. Стеньки Разина я не зналъ, узналъ его уже въ то время, какъ привели его казаки на Донъ скованнаго“.

Повели въ застѣнокъ, подняли:

„Я мужичій сынъ; жилъ отецъ мой въ Варшавѣ, былъ мѣщанинъ, подданный князя Димитрія Вишневецкаго, пришелъ жить въ Варшаву изъ Лохвицы, звали его Иваномъ Андреевымъ, прозвище Воробьевъ, а мнѣ прямое имя Семенъ; воровству училъ меня Міюска, который породою хохлачъ. Хотѣли мы собрать войско и, призвавъ Крымскую орду, идти на Московское государство и побить бояръ“.

Съ огня говорилъ тѣ же рѣчи.

Того же числа великій государь указалъ и св. патріархъ Іоакимъ, бояре, окольничіе и думные люди приговорили: вора и самозванца казнить такою же смертію, какою казненъ Стенька Разинъ. Приговоръ былъ исполненъ въ тотъ же день; на Красной площади самозванецъ казненъ и на колья разбитъ, а на другой день перенесенъ на болото и поставленъ съ Стенькою Разинымъ. И пожаловалъ государь кошеваго атамана Ивана Сѣрка, велѣлъ послать два сорока соболей, по 50 рублей сорокъ, да двѣ пары, по семи рублей пара. Сѣрко билъ челомъ: „Устарѣлъ я на воинскихъ службахъ, а нигдѣ вольнаго житія съ женою и дѣтьми не имѣю, милости получить ни отъ кого не желаю, только у царскаго величества: пожаловалъ бы великій государь—велѣлъ дать въ Полтавскомъ полку подъ Днѣпромъ городокъ Кереберду“ Городокъ атаману и Переволоченскій перевозъ войску были даны.

Успокоились насчетъ Сѣрка; но надобно было управляться съ Дорошенкомъ, который не думалъ пріѣзжать въ Переяславль и отдаваться въ руки Ромодановскаго и ненавистнаго Самойловича, теперь гетмана обѣихъ сторонъ Днѣпра. Уже 5 мая написана была въ Москвѣ царская грамота къ Дорошенку: „Вѣдомо намъ учинилось, что ты нынѣ, по непріятельскимъ прелестнымъ письмамъ, подъ нашу высокую руку несклоненъ, въ мысли своей сумнѣваясь непостояненъ и началъ быть въ шатости, безпрестанно ссылаешься съ Турскимъ султаномъ и съ Крымскимъ ханомъ. А мы, великій государь, имѣемъ надежду на Господа Бога и на Пресвятую Богородицу, въ которой надеждѣ были и предки наши, и отецъ нашъ и мы, великій государь, живемъ и движемся, и царство наше въ ея жребіи. А если что по твоему навѣту случится отъ бусурманскаго нашествія святымъ Божіимъ церквамъ и монастырямъ, и въ томъ какой отвѣтъ дашь въ день страшнаго суда Божія? Вспомни прежнихъ гетмановъ, не сохранившихъ своего обѣщанія, Выговскаго и другихъ! Гдѣ ихъ жены и дѣти: не въ сиротствѣ-ль и не въ нищетѣ-ль пребываютъ? И тебѣ бы, помня это, учиниться подъ нашею высокою рукою въ подданствѣ безъ отлагательства, не опасаясь нашего гнѣва; а мы тебя и все твое родство будемъ держать въ своемъ милостивомъ жалованьи“.

25-го мая пріѣхалъ въ Чигиринъ посланецъ отъ Ромодановскаго, стрѣлецкій сотникъ Терпигоревъ: „Будь въ подданствѣ у великаго государя“, говорилъ сотникъ Дорошенку, „и ступай въ Переяславль къ боярину и воеводамъ для присяги; самъ не хочешь ѣхать, пошли тестя своего, Павла Яненка, или брата Андрея, или другихъ какихъ-нибудь знатныхъ людей въ заложники, и бояринъ пришлетъ къ тебѣ голову московскихъ стрѣльцовъ для переговоровъ“.—„Ничего этого сдѣлать мнѣ теперь нельзя“, отвѣчалъ Дорошенко, „потому что я подданный Турецкаго султана; сабля султанова, ханская и королевская на моей шеѣ висятъ. Прежде я хотѣлъ быть въ подданствѣ у царскаго величества, но старшина и полковники рѣшили быть въ подданствѣ у султана; а что теперь старшина и полковники перешли въ подданство великаго государя, такъ это только для соболей, не вѣчно,—послѣ измѣнятъ. Если бояринъ и гетманъ придутъ подъ Чигиринъ, то я радъ имъ отпоръ давать, только бы Татаръ дождаться, да и безъ того Татары у меня есть". Терпигоревъ былъ задержанъ. Дѣло объяснялось тѣмъ, что къ Дорошенку пришли на помощь Татары въ числѣ 4,000, и, вмѣстѣ съ чигиринскими казаками, въ маѣ же мѣсяцѣ осадили Черкасы, гдѣ сидѣлъ московскій воевода Иванъ Вердеревскій; осажденные отбили непріятеля и гоняли его на пространствѣ 15 верстъ до рѣки Тясмина. Братъ Дорошенка, Андрей, съ казаками серденятами и Черемисами [1] взялъ обманомъ мѣстечки Орловку и Балыклею, сказавшись царскимъ подданнымъ. Жители были отведены въ плѣнъ Татарами, а старшинѣ буравомъ глаза вывертѣли, другихъ повѣсили. Но жители Смѣлаго не дались въ обманъ, разбили Андрея и гнали его до Чигирина. По этимъ вѣстямъ, Ромодановскій и Самойловичъ отпустили за Днѣпръ рейтарскаго полковника Беклемишева да Переяславскаго полковника Дмитрашка Райчу съ 5-ю казацкими полками; 9 іюня, у рѣчки Ташлыка, между городковъ Смѣлаго и Балыклеи, Беклемишевъ и Райча сошлись съ непріятелемъ и поразили его; много мурзъ полегло на мѣстѣ, Андрей Дорошенко ушелъ раненый. Чтобъ получить поскорѣе новую помощь отъ Татаръ и Турокъ, Дорошенко отправилъ къ хану и султану уже знакомаго намъ Ивана Мазепу съ 15 невольниками, казаками восточной стороны, въ подарокъ. Но Сѣрко перехватилъ Мазепу, задержалъ его у себя, а грамоты переслалъ къ Самойловичу, который препроводилъ ихъ въ Москву. „Знатно, писалъ Самойловичъ, что Сѣрко сдѣлалъ это для объявленія своей вѣрной прежней службы, чтобъ исправить свой неразсудительный поступокъ". Сѣрко сдѣлалъ еще больше: по первому требованію Ромодановскаго, прислалъ къ нему самого Мазепу, но и при этомъ Сѣрко писалъ Самойловичу, прося прилежно со всѣмъ войскомъ, чтобы его никуда не засылали. Самойловичъ далъ слово и просилъ царя отпустить Мазепу назадъ, а то войско и такъ уже попрекаетъ ему, гетману, будто онъ посылаетъ людей на заточеніе.

Мы познакомились съ Мазепою мелькомъ, когда онъ пріѣзжалъ въ Переяславль отъ Дорошенка, при которомъ былъ генеральнымъ писаремъ. Но до насъ дошло нѣсколько извѣстій и о его предъидущей судьбѣ. Мазепа былъ родомъ казакъ, получилъ шляхетство отъ короля Яна-Казиміра и былъ при немъ комнатнымъ дворяниномъ. Разсказываютъ, что онъ долженъ былъ оставить Польшу по слѣдующему случаю: у него было имѣніе на Волыни, по сосѣдству съ паномъ Фалбовскимъ. Слуги донесли послѣднему, что сосѣдъ Мазепа часто бываетъ у нихъ въ его отсутствіе, и очень благосклонно принимается госпожею, съ которою у него идетъ постоянная переписка. Однажды Фалбовскій выѣхалъ куда-то въ дальній путь; на дорогѣ нагоняетъ его холопъ, везущій письмо отъ госпожи къ Мазепѣ съ приглашеніемъ пріѣхать, потому что мужа нѣтъ дома. Фалбовскій велѣлъ слугѣ ѣхать къ Мазепѣ, отдать письмо, просить скораго отвѣта и привезти этотъ отвѣтъ къ нему. Посланный скоро возвращается съ запиской, что Мазепа летитъ на свиданіе. Фалбовскій беретъ письмо и ждетъ на дорогѣ. Мазепа ѣдетъ: „Добраго здоровья!"—„Добраго здоровья!"—„Куда изволите ѣхать?" Мазепа выдумываетъ какое-то мѣсто, куда будто бы нужно ему ѣхать. Тутъ Фалбовскій хватаетъ его за шею: „А это что? Чья это записка?" Мазепа обмеръ; проситъ извиненія, говоритъ, что въ первый разъ ѣдетъ. „Холопъ"! кричитъ Фалбовскій слугѣ: „сколько разъ панъ былъ у насъ безъ меня?"—„Столько же, сколько у меня волосъ на головѣ," отвѣчаетъ слуга. Мазепа долженъ признаться во всемъ; но признаніе не помогло. Фалбовскій велитъ раздѣть грѣшника донага и привязать на его же собственную лошадь, лицомъ ко хвосту. Раздраженная ударами кнута, испуганная выстрѣлами, раздавшимися надъ ея головою, лошадь понеслась изъ всѣхъ силъ домой черезъ чащу лѣса и остановилась прямо у воротъ панскаго дома. Выходитъ слуга и видитъ—чудовище! бѣжитъ назадъ, созываетъ всю дворню и та насилу признаетъ своего пана. Это было въ 1663 году; но въ томъ же году Мазепа получилъ важное порученіе—ѣхать къ гетману Тетерѣ, и отъ него, по благоусмотрѣнію гетмана, ѣхать или къ Самку въ Переяславль, уговаривать его поддаться королю, или въ Запорожье, подговаривать тамошнихъ казаковъ также отстать отъ Москвы. Какъ исполнено было порученіе, мы не знаемъ; но, по всѣмъ вѣроятностямъ, Мазепа, не желая возвращаться въ Польшу, гдѣ и до происшествія съ Фалбовскимъ, не любили его, какъ казака, остался у западныхъ казаковъ, гдѣ при своихъ способностяхъ и образованіи дослужился до званія генеральнаго писаря.

Теперь, вмѣсто Константинополя, Иванъ Степановичъ является въ Москвѣ, въ видѣ плѣнника, котораго участь еще нисколько не обезпечивалась просьбою Самойловича. Мазепу повели къ допросу въ Малороссійскій Приказъ, передъ начальника его Артемона Сергѣевича Матвѣева. Мазепа спѣшилъ выиграть расположеніе царскаго любимца длиннымъ, обстоятельнымъ отвѣтомъ. Знали, что онъ пріѣзжалъ въ Переяславль съ обѣщаніемъ подданства отъ Дорошенка, а потомъ поѣхалъ въ Крымъ поднимать хана на государевы украйны: - и вотъ Мазепа началъ разсказъ съ поѣздки своей въ Переяславль. „Присылали къ Дорошенку старшина города Лысенки, объявляя, что они поддались царскому величеству, чтобы онъ также поддался, ѣхалъ бы къ нимъ на раду въ Корсунь и привезъ съ собою булаву и бунчукъ. Дорошенко послалъ меня съ отписками къ той старшинѣ, да со мною же послалъ листъ къ князю Ромодановскому, а при отпускѣ велѣлъ мнѣ присягу учинить на томъ, что я не останусь въ Корсуни у жены, и, будучи на радѣ, стану говорить боярину и старшинѣ восточной стороны, по его Дорошенкову приказу; а приказывалъ онъ говорить старшинѣ: если они добьются того, что ему быть гетманомъ на той сторонѣ Днѣпра, то онъ готовъ быть въ подданствѣ у государя; если же ему гетманомъ быть не велятъ, то чтобъ знатные государевы люди при мнѣ присягнули, что ему ничего дурнаго не сдѣлается. Но когда я пріѣхалъ въ Переяславль, то въ тотъ самый день рада уже вершилась до меня, и я одинъ Дорошенковъ листъ отдалъ боярину, а другой старшинѣ. Князь и гетманъ писали со мною къ Дорошенку, чтобъ пріѣзжалъ къ нимъ безо всякаго опасенья. Онъ отвѣчалъ, чтобы прислали въ Черкасы честнаго человѣка, а онъ пришлетъ, отъ себя въ аманаты, своихъ людей. Бояринъ прислалъ въ Черкасы голову московскихъ стрѣльцовъ. Тогда Дорошенко созвалъ раду въ Чигиринѣ и спрашивалъ: посылать ли аманатовъ въ Черкасы или нѣтъ. Положили—посылать; но вотъ пришла вѣсть изъ Крылова, что идутъ Сѣрковы посланцы; аманатовъ задержали, хотѣли прежде узнать, что скажутъ Запорожцы. Тѣ объявили, чтобъ Дорошенко булавы и бунчука въ Переяславль не отдавалъ и самъ бы не ѣхалъ, потому что гетманъ долженъ быть попрежнему на западной сторонѣ; что Запорожцы хотятъ соединиться съ нимъ и съ ханомъ Крымскимъ заодно, какъ было при Богданѣ Хмельницкомъ; писали они къ хану, чтобы помирилъ Сѣрка съ Дорошенкомъ; чтобы Дорошенко для подтвержденія гетманства и для союза ѣхалъ въ Запорожье. Дорошенко на Запорожье не поѣхалъ, опасаясь государевыхъ людей, а присягнуть вмѣсто себя послалъ казака. Я сталъ проситься у Дорошенка, чтобы отпустилъ меня къ женѣ въ Корсунь. „Ты хочешь измѣнить!“ сказалъ мнѣ на это Дорошенко, „видно тебя Ромодановскій соболями прельстилъ!“ Велѣлъ мнѣ при митрополитѣ Тукальскимъ присягнуть, что буду служить ему впередъ; и, будучи въ Переяславлѣ, не говорилъ ли про него чего дурнаго. Я присягнулъ,—и дней черезъ пять послалъ меня къ визирю Турскому съ листами.“

---

[1] Такъ назывались польскіе Татары, измѣнившіе королю.

Служа великому государю, Мазепа объявилъ: „Дорошенковъ резидентъ въ Константинополѣ, Порывай, писалъ: ханъ Крымскій конечно на томъ положилъ — помирить Поляковъ съ Турками и обратить войско на Московское государство.“ Мазепа разсказалъ кой-что о самозванцѣ Семенѣ, который былъ при немъ въ Запорожьи,—„Сѣрко называлъ его прямымъ царевичемъ и сказывалъ мнѣ: проситъ царевичъ у него войска ста съ два, и съ ними хочетъ на островъ Чертомликъ, а оттуда писать на Донъ къ черни, чтобы на Дону всѣхъ старшинъ вырубили и къ нему приклонились; а когда чернь приклонится, то онъ, собравъ по городамъ людей, пойдетъ къ Москвѣ. Сѣрко ему говорилъ: „Зачѣмъ тебѣ собирать войско? если хочешь ѣхать въ Москву, то я тебя и такъ отпущу съ провожатыми.“ — „Нельзя мнѣ ѣхать въ Москву“, отвѣчалъ самозванецъ: „меня бояре убьютъ“. Съ тѣхъ поръ Сѣрко велѣлъ его беречь, чтобы онъ куда-нибудь не уѣхалъ изъ Сѣчи. А какъ были у Сѣрка царскіе посланцы, то воръ, взявши лошадей, гонялъ за ними, хотѣлъ ихъ порубить; Сѣрку дали знать—и онъ тотчасъ послалъ за нимъ казаковъ, которые не дали ему убить посланцовъ“.

Мазепа былъ неистощимъ въ важныхъ показаніяхъ: „Крѣпка и подлинная пріязнь у Собѣскаго съ Дорошенкомъ. Пріѣзжалъ Орѣховскій въ Чигиринъ уговаривать Дорошенка, чтобы, покинувъ протекцію турецкую, обратился въ подданство къ Рѣчи Посполитой. Орѣховскій подалъ и статьи, на которыхъ должно было совершиться это подданство: 1) Быть коммисіи о томъ, какіе убытки уніаты сдѣлали церквамъ православнымъ въ Польшѣ и Литвѣ. 2) Границѣ войска Запорожскаго быть до воеводства Кіевскаго и Браславскаго; однако обывателямъ этихъ воеводствъ долженъ быть сысканъ особливый способъ вознагражденія отъ войска Запорожскаго. 3) Войскамъ польскимъ кварцянамъ никогда въ Украйнѣ не быть, развѣ только само войско Запорожское ихъ потребуетъ. 4) Дорошенко долженъ послать въ Варшаву бунчуки турецкіе; если же по какимъ-нибудь причинамъ нельзя бунчуковъ прислать, то пусть пришлетъ брата съ другими казаками въ аманаты, за что Собѣскій обѣщалъ выпроводить коменданта изъ Бѣлой Церкви. И то положено между статьями: нечего упоминать и просить у Рѣчи Посполитой такихъ вольностей, какими казаки пользуются на восточной сторонѣ подъ Москвою. Какія это вольности?—посмотри, что терпитъ народъ подъ воеводами Московскими! Гетманъ нынѣшній выбранъ не по вольностямъ и правамъ войсковымъ,—подъ бердышами и мушкетами; дѣти его забраны въ неволю въ аманаты; власть вырвана у гетмана изъ рукъ, потому что виновныхъ казаковъ наказывать не можетъ, а долженъ отсылать ихъ въ Москву въ неволю; наконецъ безчестье Многогрѣшнаго! Собѣскій указывалъ Дорошенку средство защиты отъ царской рати: послать въ Варшаву съ предложеніемъ подданства, а онъ, Собѣскій, тотчасъ напишетъ царю грамоту, чтобы не велѣлъ своимъ войскамъ наступать на подданнаго Рѣчи Посполитой. Поляки, продолжалъ Мазепа,—просятъ хана и Дорошенка, чтобы уговаривалъ султана помириться съ Польшею и поднять войну на Московское государство. Турки говорили: „Какіе разумные люди Ляхи! вмѣсто того, чтобы намъ у нихъ въ Краковѣ обѣдать, будемъ теперь подъ Кіевомъ ужинать“. Резидентъ Дорошенка въ Константинополѣ писалъ гетману: „Не кручинься, что потерялъ Украйну: не трудно ее назадъ взять—нѣтъ у васъ на Украйнѣ Крита и Каменца-Подольскаго“. Султанъ нынѣшнею войною хочетъ взять Хмельницкаго изъ неволи съ собою про запасъ; если бы Дорошенко измѣнилъ, то

Хмельницкаго на его мѣсто поставить". Мазепа объявилъ подробно и о средствахъ Дорошенка въ Чигиринѣ: всего и съ чигиринскими жителями около 5,000 человѣкъ. Пушекъ большихъ и малыхъ въ обоихъ городахъ съ 200 будетъ; пушечныхъ запасовъ много; хлѣбныхъ запасовъ у жителей будетъ на годъ, а у ратныхъ людей запасовъ никакихъ нѣтъ, и солью очень скудно. Дорошенко говаривалъ тайно: „Какъ послышу приходъ Москвы, то побѣгу изъ Чигирина къ Турскому султану"; а теперь онъ сидитъ въ осадѣ развѣ для того, что есть къ нему грамоты отъ Турскаго султана или Собѣскаго о помощи. Большая половина чигиринскихъ жителей Дорошенка не любятъ; желаютъ, чтобы онъ поддался царскому величеству, а родичи и пріятели въ одной съ нимъ думѣ. Сотникъ Блоха уговариваетъ конныхъ казаковъ тайно, чтобы соединились съ войскомъ царскимъ. Дорошенко и старшина говаривали между собою, что если придетъ подъ Чигиринъ царское войско, то имъ лучше вести переговоры съ княземъ Ромодановскимъ, чѣмъ съ своими казаками.

Мазепою остались очень довольны въ Москвѣ: онъ видѣлъ царскія пресвѣтлыя очи, пожалованъ государскимъ жалованьемъ и отпущенъ безъ задержанья; отправлена съ нимъ призывная грамота къ Дорошенку и чигиринскимъ жителямъ; но Иванъ Степановичъ отправлялся въ Чигиринъ не съ тѣмъ, чтобы тамъ остаться: онъ долженъ былъ возвратиться въ полкъ къ Ромодановскому и гетману, которымъ наказано было беречь его, чтобы никуда не ушелъ.

Отправляя въ Москву Мазепу, Самойловичъ билъ челомъ, чтобы государь отпустилъ къ нему сыновей его: „Твои дѣти", былъ отвѣтъ, „пребываютъ при его царскомъ величествѣ въ премногой милости, которая никогда отмѣнна не будетъ; отпустить же ихъ къ тебѣ за нынѣшними украинскими смутами невозможно, чтобы украинскіе народы непокорные не подумали, что гетманскіе сыновья высланы изъ Москвы по немилости". Предлогъ отказа былъ не очень искусно придуманъ; но примѣръ четырехъ гетмановъ заставилъ Москву быть подозрительною

Между тѣмъ военныя дѣйствія продолжались на западной сторонѣ. 23 іюля Ромодановскій и Самойловичъ подошли къ Чигирину, подѣлали шанцы и начали безпрестанную стрѣльбу въ городъ. Много домовъ было разбито, много казаковъ и горожанъ перебито и переранено. Домъ Тукальскаго также былъ разбитъ гранатами: митрополитъ ушелъ въ верхній городъ и тамъ заболѣлъ отъ страха; Крымскій ханъ прислалъ своего доктора лѣчить его. Въ концѣ іюля московскія войска, подъ начальствомъ конейнаго и рейтарскаго строя полковника Сасова и другихъ чиновъ начальныхъ людей, а малороссійскія—подъ начальствомъ бунчужнаго Леонтья Полуботка и Черниговскаго полковника Борковскаго, отправились подъ Чигиринъ съ Крымской стороны. Въ двухъ верстахъ отъ города встрѣтилъ ихъ братъ гетманскій, Андрей Дорошенко, но былъ разбитъ; побѣдители преслѣдовали его до городской стѣны и истребили весь хлѣбъ въ окрестностяхъ Чигирина, потерявши только шесть человѣкъ убитыми и одного прапорщика, взятаго въ плѣнъ. Но въ то же время пришла вѣсть, что Крымскій ханъ переправился черезъ Днѣстръ подъ Сорокою, гдѣ строятъ мостъ для переправы самому султану со всѣмъ турецкимъ войскомъ, которое двинется въ Умань, а изъ Умани прямо подъ Кіевъ. 6 августа турецкій отрядъ явился подъ Ладыжинымъ. Здѣсь сидѣлъ извѣстный своими партизанскими подвигами противъ Татаръ и Турокъ, Грекъ Анастасъ Дмитріевъ, изъ купца ставшій начальникомъ вольной сбродной дружины казацко-польско-волошской. Съ Анастасомъ же заперлись въ Ладыжинѣ полковникъ Мурашка и Савва; ратныхъ людей было 2,500 человѣкъ, да мѣщанъ съ женами и дѣтьми съ 20,000; изъ нихъ боевыхъ людей тысячи съ четыре, пушка одна, и та испорчена, валъ худой, запасовъ никакихъ. 80 турецкихъ пушекъ загремѣло противъ города. Мурашка съ протопопомъ и сотникомъ перебѣжали въ непріятельскій станъ; но защитники Ладыжина выбрали въ полковники Анастаса—чтобъ биться до смерти. Отбивши пять приступовъ, Ладыжинцы отчаялись, сдались и были всѣ объявлены плѣнными. Анастасъ, переодѣтый, пошелъ за простаго мужика, и успѣлъ потомъ освободиться изъ плѣна. Мурашку взяло раскаяніе: сталъ онъ браниться, называлъ визиря и султана воришками, проклиналъ Магомета—и потерялъ голову.

Изъ-подъ Ладыжина Турки двинулись подъ Умань. Уманцы сдались; Турки, оставя залогу въ ихъ городѣ, двинулись далѣе по Кіевской дорогѣ; но Уманцы, раздраженные насиліями турецкаго гарнизона, перерѣзали его и заперлись въ городѣ. Визирь и ханъ, услыша объ этомъ, возвратились и взорвали Умань подкопомъ. Съ другой стороны, Татары пошли освобождать Чигиринъ; но какъ скоро, 9 августа, появились они подъ городомъ, Ромодановскій и Самойловичъ отступили къ Черкасамъ, куда пришли 12 августа; на другой день явились къ Черкасамъ и ханъ съ Дорошенкомъ. Отъ втораго часа дня до вечера былъ бой; государевы люди, какъ доносили воеводы, многихъ Татаръ и казаковъ побили и пришли въ обозъ въ цѣлости; но выходцы изъ непріятельскихъ полковъ объявили, что ханъ и Дорошенко переправляются на восточную сторону Днѣпра, а Турецкій визирь отъ Ладыжина прямо идетъ на Черкасы. По этимъ вѣстямъ, Ромодановскій и Самойловичъ сожгли Черкасы, оставленные еще прежде жителями, переправились на восточную сторону и стали противъ Канева. Въ то же время Татары явились съ Азовской стороны; подошли подъ степные города Змѣевъ и Мерехву, и побрали многихъ жителей въ плѣнъ; но Харьковскій полковникъ Григорій Донецъ выступилъ противъ нихъ, настигъ за Торцомъ на рѣчкѣ Бычку, побилъ на-голову, освободилъ всѣхъ плѣнниковъ, захватилъ мурзу татарскаго и одного знатнаго Турка.

Страхъ, нагнанный на Украйну турецкимъ и татарскимъ нашествіемъ, не былъ однако продолжителенъ: въ первыхъ числахъ сентября Турки были уже на дорогѣ въ свою Землю; ханъ и Дорошенко, проводя султана до Днѣстра, повернули назадъ и сначала, казалось, имѣли намѣреніе перейти на восточную сторону Днѣпра; загоны ихъ уже явились здѣсь, но были побиты, и 8 октября ханъ отправился въ Крымъ. Изъ Польши присланы были къ Ромодановскому и Самойловичу грамоты съ убѣжденіями идти вмѣстѣ съ королевскимъ войскомъ промышлять надъ непріятелемъ; но и воевода и гетманъ были далеки отъ этого. Гетманъ говорилъ присланному къ нему подъячему Щеголеву: „Поляки пишутъ ко мнѣ и къ князю Григорію Григорьевичу, чтобы теперь выдти съ ними промышлять надъ непріятелемъ. Лукавый народъ! Когда непріятель отступилъ и слуху о немъ нѣтъ, тогда они о соединеніи войскъ пишутъ. Тутъ явная ихъ неправда, потому что безпрестанно съ султаномъ и ханомъ тайные договоры чинятъ. Спрашивается, кого теперь воевать, противъ кого стоять, подъ которые города ходить? Въ Валахію и Молдавію не-зачѣмъ:—и безъ нихъ разорены Турками; если же имъ надобны Молдавія и Валахія, такъ пусть идутъ,—имъ ближе. Подъ Чигиринъ идти: чѣмъ самимъ сытымъ быть и лошадей кормить? Около Чигирина и другихъ мѣстъ степи, какъ паханая земля, черны. Для чего Поляки пропустили на насъ съ бояриномъ султана, визиря и хана; для чего съ тылу надъ ними не промышляли? Лживые ихъ поступки я подлинно знаю. Турецкая и крымская на Украйнѣ война не отъ одного Дорошенка, Поляки сами рады были, чтобы обѣ стороны Днѣпра и Кіевъ изъ рукъ царскаго величества вырвать, и явно Украйну отдали такимъ образомъ: калга, султанъ Крымскій, во всю прошлую зиму стоялъ въ Волошской Землѣ и безпрестанно съ Собѣскимъ ссылался, и, пока не договорились, никто въ Украйну не смѣлъ вступать; а какъ договорились, что султану, визирю и хану ихъ Поляковъ не воевать и разоренья никакого не чинить, когда непріятелю въ Украйну и подъ Кіевъ вольную дорогу отворили, тогда Турки и Татары въ Украйну вступали, и что хотѣли, то и дѣлали. Слыша о такихъ ихъ злыхъ поступкахъ, я усматривалъ всякихъ способовъ, какъ бы тотъ ихъ злой совѣтъ и союзъ прекратить, и Господь Богъ такой способъ мнѣ далъ; какъ взятъ былъ Гришка Дорошенко на бою, то у него взято 8 листовъ бѣлыхъ за Дорошенковою рукою и печатью войсковою; далъ ему Дорошенко эти листы съ приказомъ писать отъ его имени въ города къ старшинѣ и поспольству. На одномъ такомъ листѣ велѣлъ я написать по-польски отъ Дорошенкова имени къ калгѣ Крымскому, что Собѣскій хитрыми своими поступками учинился королемъ Польскимъ, и чтобы калга боялся хитростей королевскихъ. Въ это время былъ въ Межибожьи польскій комендантъ; я велѣлъ полковнику Райчѣ передать листъ къ коменданту, будто перехватили его на дорогѣ, а комендантъ переслалъ къ королю. Когда мы съ бояриномъ отступили отъ Чигирина, а ханъ съ Дорошенкомъ на насъ напиралъ, то вдругъ прибѣжалъ отъ султана гонецъ, чтобы ханъ съ Дорошенкомъ, оставя все, шли подъ Умань, потому что Поляки начали договоръ нарушать, и, дождавшись хана и взявши Умань, султанъ дальше не пошелъ, а хану на нашу сторону Днѣпра ходить не велѣлъ. Пріѣзжалъ послѣ того къ намъ полковникъ польскій Лазицкій и сказывалъ: „Врагъ-то Дорошенко писалъ къ Крымскому калгѣ, будто король на престолѣ сѣлъ хитрыми поступками; до этого времени король былъ къ Дорошенку совершенно милостивъ и во всемъ его остерегалъ; а теперь, когда такъ дѣлаетъ, то рукъ нашихъ не уйдетъ". Такимъ образомъ прошлая Турецкая и Крымская война отвратилась моею службою, этимъ листомъ, который я послалъ межибожскому коменданту. Теперь Дорошенко, слыша, что король на него сердитъ, проситъ прощенья и обѣщается ему служить для того, чтобы короля задержать и между тѣмъ Крымскаго хана вызвать, какъ прежде клялся быть подъ рукою царскаго величества, и вызвалъ султана съ визиремъ и ханомъ. А на все зло подучаетъ его кошевой Сѣрко. Была у Дорошенка съ митрополитомъ Тукальскимъ рада; митрополитъ говорилъ: „Насъ никто не любитъ и жить тутъ намъ нельзя, пойдемъ къ султану и будемъ бить челомъ, чтобы далъ мѣсто, тебя пусть сдѣлаетъ господаремъ Волошскимъ, и я буду тамъ же". На томъ и постановили, и пожитки свои въ сундуки прибравъ, живутъ въ готовности, смотрятъ времени".

Движеніе польскихъ войскъ, занятіе ими нѣкоторыхъ городовъ на западномъ берегу взволновало восточную сторону. Пронесся опять слухъ, что царь хочетъ уступить королю Кіевъ и восточную сторону; надобно было писать увѣренія, что государь не только Кіева и восточнаго берега, но и западнаго не уступитъ Польшѣ. Самойловичъ радовался этимъ увѣреніямъ, но не переставалъ возбуждать въ Москвѣ подозрѣнія относительно польскихъ замысловъ на Малороссію. Въ народѣ ходили слухи, что Поляки непремѣнно перейдутъ на восточную сторону; съ другой стороны шелъ слухъ, что царь самъ явится съ войскомъ въ Малороссію. Одни радовались царскому пріѣзду, а другіе говорили, что царь пріѣдетъ въ Путивль для того, чтобы Украйну снесть заодно съ королемъ; царь пойдетъ отъ Путивля, а король отъ Кіева. Государь писалъ Ромодановскому, что если дѣйствительно непріятеля уже нѣтъ въ Украйнѣ, то онъ, воевода, можетъ отступить къ московскимъ границамъ и распустить ратныхъ людей, также и гетманъ Самойловичъ можетъ идти въ Батуринъ; но должно оставить въ Переяславлѣ молодаго князя Михайлу Ромодановскаго съ отрядомъ московскихъ ратныхъ людей, у которыхъ есть еще запасы и которые, слѣдовательно, могутъ еще продолжать службу; также и Самойловичъ долженъ оставить въ Переяславлѣ отрядъ казаковъ, выбравъ имъ наказнаго гетмана. На это Ромодановскій отвѣчалъ любопытною грамотою: „Ратные люди Сѣвскаго и Бѣлгородскаго полковъ, будучи на службѣ въ безпрестанныхъ походахъ полтора года, изнуждались, наги и голодны, запасовъ у нихъ вовсе никакихъ нѣтъ, лошадьми опали, и многіе отъ великой нужды разбѣжались и теперь бѣгутъ безпрестанно, а которыхъ немного теперь осталось,—у тѣхъ никакихъ запасовъ нѣтъ,—оставить ихъ долѣе на службѣ никакъ нельзя; и мнѣ въ разлученіи съ сынишкомъ своимъ Мишкою, за скудостію и безлюдствомъ, быть нельзя. Теперь я, государь, съ нимъ и не въ розни, и то живемъ съ великою нуждою: убогія мои малыя, худыя деревнишки безъ меня разорились вконецъ, потому что служу тебѣ на Украйнѣ 22 года безпрестанно, да и сынишка мой, Мишка, служитъ шесть лѣтъ безъ перемѣны, а другой мой сынишка, Андрюшка, за тебя разливъ свою недозрѣлую кровь, въ томительной нуждѣ въ Крымскомъ полону, въ кандалахъ животъ свой мучитъ седьмой годъ". Царь велѣлъ отцу идти въ Курскъ, а сына отпустить въ Москву для свадьбы.

Гетманъ возвратился въ Батуринъ—отдохнуть отъ трудовъ военныхъ; но внутренніе враги не хотѣли дать ему отдыха, и опять пошли старые слухи, что государь хочетъ возвратить Многогрѣшнаго изъ ссылки и поручить ему часть войска. Въ началѣ 1675 года царь долженъ былъ въ своей грамотѣ увѣрять Самойловича, что этого никогда не будетъ, и требовалъ казни плевосѣятельнымъ людямъ. Съ другой стороны, Лазарь Барановичъ доносилъ на протопопа Симеона Адамовича. Еще въ сентябрѣ 1674 года былъ въ Малороссіи стряпчій Бухвостовъ для объявленія тамошнимъ начальнымъ людямъ о рожденіи царевны Ѳеодоры Алексѣевны. Прежде всего явился онъ къ Лазарю Барановичу, и тотъ началъ говорить ему: „Когда пріѣдешь въ Москву, извѣсти, что отъ Нѣжинскаго протопопа Симеона Адамова проходятъ многія лукавства, ссылается онъ тайно съ Турецкимъ султаномъ и съ Дорошенкомъ, въ грамотахъ своихъ хвалитъ султана, что войсками своими изъ дальнихъ странъ обороняетъ Дорошенка, а царское величество, будучи въ пяти стахъ верстахъ, жителей обѣихъ сторонъ Днѣпра не обороняетъ. Этимъ протопопъ приводитъ малороссійскихъ жителей ко всякому злу; письма его у меня въ рукахъ. Я ихъ ни съ кѣмъ не пошлю; самъ я хотѣлъ ѣхать въ Москву вскорѣ, да упрашиваетъ меня гетманъ не ѣздить: а какъ я буду въ Москвѣ, то не только про эти письма, и о другихъ дѣлахъ великому государю извѣщу". Разумѣется, въ Москвѣ не могли не удивиться, когда тотъ же самый протопопъ пріѣхалъ по дѣламъ архіепископа, привезъ его книги—„Трубы". Барановичъ просилъ, чтобы государь велѣлъ взять всѣ книги въ казну и заплатить деньги; ему отвѣчали, что государь „Трубы" похваляетъ, но въ казну взять и по монастырямъ неволею раздавать не указалъ, указалъ продавать ихъ повольною цѣною, какъ въ Россійскомъ царствѣ съ печатнаго двора всякія книги продаютъ, а въ неволю книгъ никому не даютъ и въ монастыри не наметываютъ. Какъ же распорядилось правительство относительно продажи книгъ Барановича? Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1675 года, по указу великаго государя, бояринъ Арт. Серг. Матвѣевъ приказалъ раздать мѣщанамъ въ лавки сто двѣ книги кіевской печати въ переплетѣ, „Трубы духовныя", цѣною по 2 рубля съ полтиною книга, итого 255 рублей; велѣть имъ тѣ книги продавать съ великимъ радѣніемъ по настоящей цѣнѣ неоплошно, а раздать мѣщанамъ книги съ роспискою, кому можно вѣрить, самымъ лучшимъ людямъ, не бражникамъ, чтобы было кому вѣрить и на комъ можно взять; а деньги велѣть собрать въ нынѣшнемъ апрѣлѣ мѣсяцѣ безъ недобору. Это называлось тогда: въ неволю книгъ никому не давать! Барановичъ просилъ, чтобы позволено ему было завести типографію въ Черниговѣ; просьба была исполнена; просилъ прислать ему сукна и лисьихъ мѣховъ; сукна и мѣха были отосланы.

Царь увѣрялъ Барановича и гетмана, что не отдастъ никогда Кіева Полякамъ; гетманъ клялся, что никогда не поддастся королю, но доносилъ, что Запорожскій кошевой Сѣрко не такого образа мыслей. Когда король вступилъ въ западную Украйну, то на кошу началась шатость; Сѣрко говорилъ: „При которомъ государѣ родились, при томъ и будемъ пребывать и головы за него складывать, и если бы войско не захотѣло идти къ королю, какъ государю своему дѣдичному, то я, Сѣрко, хоть о десяти коняхъ, поѣду поклониться государю своему". Схваченъ былъ въ Нѣжинѣ, отосланъ къ гетману и казненъ имъ плевосѣятель, толковавшій объ измѣнѣ и въ восточной Украйнѣ. Эти событія поддерживали недовѣрчивость московскихъ воеводъ и печальную привычку называть Малороссіянъ измѣнниками. Архимандритъ Новгородо-Сѣверскаго Спасскаго монастыря, Михаилъ Лежайскій, писалъ къ Матвѣеву: „Не вѣдаю, за что порубежные воеводы нашихъ Украинцевъ измѣнниками зовутъ: изволь предварить, чтобы воеводы въ такихъ мѣрахъ были опасны, и такихъ вѣстей ненадобныхъ не начинали и малороссійскихъ войскъ не озлобляли: опасно,—чтобы отъ малой искры большой огонь не запылалъ". Вслѣдствіе этого, къ порубежнымъ воеводамъ былъ посланъ указъ съ большимъ подкрѣпленіемъ, чтобы Малороссіянъ измѣнниками не называли, жили съ ними въ совѣтѣ и во всякомъ пріятствѣ; а если впередъ отъ нихъ такія неподобныя и поносныя рѣчи пронесутся, то будетъ имъ жестокое наказаніе безо всякой пощады. Самойловичъ не переставалъ доносить на Сѣрка, будто онъ хочетъ идти къ Астрахани и Сибирскимъ странамъ, въ надеждѣ на Калмыковъ. 23 апрѣля гетманъ писалъ Матвѣеву: „Богъ видитъ совѣсть мою, что не изъ ненависти какой-либо объявляю объ атаманѣ Иванѣ Сѣркѣ. Постомъ Великимъ былъ у насъ писарь Запорожскій и тайно объявилъ намъ

Сѣрковы замыслы, со слезами прося, чтобы до времени оставалось тайною. Знатнымъ казакамъ, находящимся въ Запорожьи, Сѣрко постоянно говоритъ: „Какъ предки наши не служили государству Московскому, такъ и намъ не надобно служить, а держаться дѣдичнаго государя; если вы не позволите помогать, то хотя съ десяткомъ самъ пойду къ королевскому величеству. А что меня на Москвѣ къ присягѣ привели, то присяга невольная, мнѣ она ни во что; а что меня изъ Сибири освободили, то я объ этомъ не просилъ никого; могъ я выйдти и другимъ способомъ“. Тотъ же писарь говорилъ: какъ посылалъ его Сѣрко къ царскому величеству съ самозванцемъ, то приказывалъ бить челомъ о мѣстечкѣ Керебердѣ, причемъ говорилъ: „Коли бы не догадались и отдали мнѣ его!—тогда бы могъ жену изъ Слободскихъ полковъ вывесть, зналъ бы я тогда что начать“! Это мѣстечко ему на злое его дѣло надобно, потому что лежитъ на днѣпровскомъ берегу выше всѣхъ городовъ Полтавскаго полка, а въ тѣхъ краяхъ живутъ все люди западной стороны. Сѣрко, въ измѣну Брюховецкаго, взбунтовавши нѣсколько городовъ около себя, жителей ихъ посадилъ въ Керебердѣ, гдѣ прежде людей не было. Теперь Запорожцы отправили посланцовъ своихъ къ великому государю, а къ намъ о томъ ни одного слова не написали: „Царскій указъ, чтобъ писали къ намъ, о чемъ хотятъ бить челомъ, пошелъ ни за что. Теперь ихъ съ такимъ бездѣльемъ съ-полтораста было-пошло, насилу разогнали, а дорогою идучи, въ городахъ безчинства дѣлаютъ; у насъ это уже вывелось-было; при Брюховецкомъ имъ это позволялось, что грѣхъ и стыдъ предъ знатными людьми припомнить; мы имъ больше терпѣть не будемъ, чтобы не смѣли нами пренебрегать“.

Самойловичъ поссорился и съ отцомъ протопопомъ, Симеономъ Адамовичемъ,—писалъ къ Ромодановскому: „Объявляю вашей милости печаль мою и жалость, которыя причинилъ мнѣ пріятель мой Симеонъ, протопопъ Нѣжинскій; какъ ѣхалъ онъ въ Москву съ книгами архіепископскими, то я ему никакихъ дѣлъ не поручалъ, потому что, по милости великаго государя, всякіе вѣсти и указы и безъ него къ намъ доходятъ, а онъ тамъ оглашаетъ насъ нестаточными дѣлами передъ высокими людьми, самъ не имѣя въ себѣ постоянства, а ужъ пора бы ему перестать отъ того. Я здѣсь нѣсколько свидѣтелей надежныхъ имѣю, что онъ нѣсколько особъ здѣсь обнадежилъ: какіе захотятъ они чины, то въ Москвѣ имъ промыслитъ, не откажутъ ему тамъ ни въ чемъ, и добрыхъ людей своими вымыслами потерялъ“. Въ маѣ явились въ Москву запорожскіе посланцы съ грамотою отъ Сѣрка Кошевой писалъ, что король Польскій зоветъ ихъ къ себѣ на службу, но что они не могутъ двинуться безъ указа царскаго; просилъ, чтобы гетманъ Самойловичъ шелъ вмѣстѣ съ ними на Крымъ и тѣмъ отвлекъ хана отъ поданія помощи султану; жаловался, что перевозъ на Переволокѣ не отданъ имъ; просилъ, чтобы отданы были на Запорожье клейноты, бывшіе у Ханенка. Но извѣстія Самойловича произвели свое дѣйствіе въ Москвѣ. Сѣрку отвѣчали, чтобы къ Польскому королю не ходилъ, а шелъ одинъ съ своими Запорожцами на море. Клейнотовъ отдать нельзя, потому что они вручены Ханенку королемъ Михаиломъ, а Ханенко отдалъ ихъ гетману Самойловичу; о перевозѣ посланъ указъ къ гетману. Этотъ указъ состоялъ въ томъ, чтобы гетманъ учинилъ по своему разсмотрѣнію. Пріѣзды Запорожцевъ были накладны казнѣ, какъ прежде пріѣзды Крымцевъ: такъ теперь ѣхало ихъ человѣкъ полтораста, да гетманъ Самойловичъ всѣхъ не пропустилъ, пріѣхало только 41 человѣкъ. Царь послалъ указъ на Запорожье, чтобы впередъ ѣздило не болѣе десяти человѣкъ; если же пріѣдутъ лишніе, то будутъ кормиться на свой счетъ. Въ іюнѣ Самойловичъ далъ знать, что на Запорожье пріѣхалъ королевскій посланецъ Завиша; Сѣрко, какъ будто бы за тѣмъ, чтобы проводить посла, выступилъ въ поле съ большимъ отрядомъ войска; но Запорожцы, заподозривъ, что Сѣрко прямо хочетъ идти къ королю, остановились въ степи, выбрали себѣ другого старшину и возвратились на кошъ. а Сѣрко только съ 300 преданныхъ ему людей отправился вмѣстѣ съ Завишею. Но оказалось, что онъ ходилъ на крымскія юрты за добычею и языками, и возвратился на Запорожье.

Въ то же время царя безпокоила смута въ Каневѣ, этомъ важномъ по близости къ Чигирину городѣ. Въ мартѣ 1675 года Каневскій воевода князь Михайла Волконскій писалъ къ князю Ромодановскому, что въ Каневѣ только два приказа московскихъ стрѣльцовъ, и тѣ неполны: многіе разбѣжались отъ головъ стрѣлецкихъ, Карандѣева и Лупандина, отъ нестерпимыхъ побоевъ; въ остаткѣ только 1,600 человѣкъ. Волконскій жаловался, что головы его не слушаются, во всемъ ему отказали. Но головы объяснили дѣло иначе: присланы въ Каневъ деньги на хлѣбную покупку стрѣльцамъ, а Волконскій хлѣба не покупаетъ и деньгами стрѣльцамъ не даетъ, отчего стрѣльцы мрутъ и бѣгутъ; воевода призываетъ къ себѣ городскихъ войтовъ и бурмистровъ и передъ ними бранитъ головъ, называетъ ихъ измѣнниками, разсказываетъ, будто они хотятъ отъѣхать къ Дорошенку. Пятидесятники, десятники и рядовые стрѣльцы подтвердили грамоту головъ, приславши къ Ромодановскому жалобу, что воевода задерживаетъ ихъ жалованье. Царь велѣлъ послать Волконскому грамоту съ угрозою, что если впередъ будетъ такъ поступать, то подвергнется жестокому наказанію. Но Волконскій прислалъ новую жалобу на головъ: „Держатъ они у себя другіе ключи отъ воротъ городовыхъ и отпираютъ тайкомъ отъ меня. 7 марта былъ я въ церкви, и когда, послѣ обѣдни, шелъ домой, то Карандѣевъ и Лупандинъ дождались меня на паперти и начали бранить непристойными словами, похвалялись бить; велѣли деньщикамъ своимъ взять у меня солдатскаго полковаго подъячаго, били его ослопами и задержали у себя; отъ страха я сижу на своемъ дворишкѣ запершись“.

Ссору между воеводою и стрѣлецкими головами утишили: Карандѣевъ и Лупандинъ обѣщали слушаться воеводу. Но скоро Волконскій столкнулся съ другими людьми посильнѣе головъ стрѣлецкихъ. 14 іюня въ съѣзжую избу къ воеводѣ привели лазутчика, схваченнаго на площади. Съ пытки, послѣ троекратнаго поджариванія, лазутчикъ объявилъ: „Прислалъ меня Дорошенко съ листомъ къ здѣшнему полковнику Ивану Гурскому; полковникъ взялъ у меня листъ и положилъ за пазуху, потомъ кликнулъ челядника своего, велѣлъ мнѣ дать хлѣба и проводить къ матери своей въ домъ, гдѣ бы я могъ прожить до извѣстнаго времени“. Привели челядника полковничья, поставили на очную ставку съ лазутчикомъ; челядникъ сначала заперся, но съ пытки объявилъ, что всѣ показанія лазутчика справедливы. Полковникъ Гурскій заперся; тогда воевода отдалъ его на береженье стрѣлецкимъ головамъ Карандѣеву и Лупандину, и немедленно далъ знать объ этомъ происшествіи государю, прося указа. Воеводская грамота пришла въ Москву только 25 іюня; 27 іюня царь отвѣчалъ Волконскому, что посланъ указъ гетману взять Гурскаго, челядника его и лазутчика изъ Канева къ себѣ въ Батуринъ и, разыскавъ подлинно, указъ имъ учинить по ихъ войсковымъ правамъ. Отвѣтъ этотъ не могъ придти въ Каневъ ранѣе десяти дней, а между тѣмъ извѣстіе о каневскомъ происшествіи возбудило сильное негодованіе въ Батуринѣ: воевода отдалъ полковника подъ караулъ! Гетманъ писалъ Матвѣеву, что Гурскій человѣкъ добрый и слуга царю вѣрный, вины его никакой нѣтъ; писалъ, что Дорошенково войско хотѣло перейти въ Каневъ и поддаться государю, но узнавъ, какая въ Каневѣ смута, отложило свое намѣреніе: „Для того прошу вашу боярскую милость, изволь вступиться, какъ особенный нашъ малороссійскій ходатай, чтобы въ чести были у великаго государя наши войсковыя вольности и указы его же царскаго величества. Если милости великаго государя ко мнѣ и къ войску Запорожскому не будетъ, воеводу скоро перемѣнить не укажетъ, то Каневъ пустъ будетъ; да и давно бы былъ пустъ, если бы не головы стрѣлецкіе Карандѣевъ и Лупандинъ держали. Очень мнѣ и всему войску досадительно, будто я сталъ царскому величеству измѣнникъ“. Въ бытность царскаго посланца въ Батуринѣ пріѣхали туда изъ Канева жена Гурскаго да обозный съ атаманомъ и говорили: „Какъ малыя дѣти безъ матери, такъ мы теперь безъ полковника, а непріятель подлѣ Канева, и какъ придетъ, чтó намъ дѣлать безъ полковника? Отъ Дорошенковыхъ казаковъ попреки намъ и стыдъ: „Поддавайтесь царю, поддавайтесь! хороша къ вамъ царская милость!“ Всѣ бы мы давно разбрелись, если бы не головы стрѣлецкіе держали; они воеводѣ говорили, чтобы въ такія дѣла не вступался, вѣдалъ бы одинъ городъ да государевыхъ ратныхъ людей, а полковника отослалъ бы къ гетману; но онъ и головъ называетъ измѣнниками“. Въ Москвѣ почли за нужное успокоить гетмана: Волконскій былъ смѣненъ, и въ царскомъ указѣ къ нему по этому случаю говорилось: „То ты дуростію своею дѣлаешь негораздо; вступаешься въ ихъ права и вольности, забывъ нашъ указъ; и мы указали тебя за то посадить въ тюрьму на день, а какъ будешь на Москвѣ, и тогда нашъ указъ сверхъ того учиненъ тебѣ будетъ“.

Съ весны 1675 года начали думать о возобновленіи военныхъ дѣйствій: 26 апрѣля государь послалъ Ромодановскому и Самойловичу приказъ собраться съ Бѣлгородскими и Сѣвскими полками и съ казаками и двинуться къ Днѣпру, къ тѣмъ мѣстамъ, въ которыхъ Днѣпръ удобенъ для переправы; а пришедши къ Днѣпру, писать къ короннымъ и литовскимъ гетманамъ, чтобъ они, согласясь между собою, шли къ Днѣпру же въ ближнія мѣста. Когда Поляки дадутъ знать о своемъ приходѣ, то становить съ ними слѣдующій договоръ о соединеніи обѣихъ ратей: соединяться на той сторонѣ Днѣпра подъ Коростышевымъ, или подъ Мотовиловкою, или подъ Паволочемъ, потому что окрестности этихъ мѣстечекъ лѣсисты и кормовъ всякихъ достать можно; назначить точно время и мѣсто, гдѣ соединяться, и чтобы въ сборѣ были всѣ коронныя и литовскія войска, съ пѣхотою и пушками; чтобы съ обѣихъ сторонъ даны были аманаты. Если Турки и Татары нынѣшняго лѣта на войну не придутъ, и будетъ при Дорошенкѣ Турокъ и Татаръ немного, то царскимъ войскамъ съ королевскими не соединяться; далѣе Паволочи войскамъ царскимъ не ходить; въ подъѣзды войскъ царскихъ не посылать, кромѣ охочихъ людей, и когда съ непріятелемъ сойдутся, то первый бой давать войскамъ королевскимъ, а царскихъ войскъ напередъ не посылать, и въ напускахъ и въ отводъ не выдавать. Стоять заодно и въ нужное время другъ отъ друга не отступать; въ кормахъ конскихъ и во всякихъ добычахъ войскъ царскихъ не тѣснить, и быть въ соединеніи до тѣхъ поръ, пока непріятель не отступитъ. Договариваться и о томъ, чтобы прибавить къ прежнимъ перемирнымъ годамъ еще 10 лѣтъ; чтобы непріятель, видя склонность обоихъ государей къ братской дружбѣ, отъ злаго намѣренія своего отсталъ; просить, чтобы въ благодарность за соединеніе войскъ король уступилъ навѣки всѣ завоеванныя мѣста; чтобъ Поляки гетмана Ивана Самойловича почитали и войску Запорожскому укоризны и безчестья никакого не дѣлали. Если королевскіе гетманы станутъ заключать мирный договоръ съ султаномъ и ханомъ, то внести въ него слѣдующія статьи: на пограничныя съ Турціею и Крымомъ царскія украйны войною не ходить; если же Турки и Татары договоръ нарушатъ, то царское и королевское величества будутъ давать имъ отпоръ сообща.

29 мая, въ Сумахъ, гетманъ Самойловичъ съ старшиною, въ присутствіи князя Ромодановскаго

и царскаго посланца, стряпчаго Алмазова, далъ такой отвѣтъ: „Соединяться намъ съ Поляками всѣми нашими войсками опасно по многимъ причинамъ: прошлою зимою, когда король былъ на Украйнѣ, и Аджи-Гирей салтанъ тамъ недалеко стоялъ въ шести тысячахъ войска, то Поляки съ этою Ордою никакого бою знатнаго не имѣли, а все ссылались съ салтаномъ и Дорошенкомъ о мирѣ, и носились слухи, что король пришелъ на Украйну не для отпора Туркамъ, но чтобы какимъ бы то ни было образомъ отобрать ее и Кіевъ себѣ. Поэтому мы не только не желаемъ соединяться съ польскими войсками, но и въ другихъ малѣйшихъ вещахъ не хотимъ съ ними ссылаться; у насъ одинъ защитникъ—православный монархъ, его царское величество; если же государю угодно дать помощь Полякамъ, то послать нѣкоторую часть московскихъ и казацкихъ войскъ, а не всѣ. Аманатовъ давать Полякамъ страшно: въ прошлыхъ годахъ они дали Туркамъ аманатовъ изо Львова, духовенство, шляхту и мѣщанъ, знатныхъ людей, и въ правдѣ своей не устояли, усмотря время, Турокъ побили. Да и потому намъ нельзя соединяться съ Поляками: Поляки народъ гордый, станутъ насъ безчестить и называть своими подданными, казаки станутъ стоять за свои права—и пойдетъ ссора. Если непріятель подступитъ всѣми силами подъ Кіевъ, то мы съ бояриномъ будемъ отпоръ чинить, сколько милосердый Богъ помощи подастъ. Въ этомъ и будетъ королю великое вспоможеніе, а соединяться съ Поляками мы не хотимъ, чтобы чрезъ соединеніе большей ссоры не было“.

Генеральный писарь Савва Прокоповъ говорилъ: „Хотя Поляки и толкуютъ о соединеніи войскъ, но лукавымъ сердцемъ,—вѣрить имъ нельзя: нынѣшнею зимою сенаторы Яблоновскій и Сѣнявскій пріѣзжали въ Кіевъ провѣдать про войска и крѣпости городовыя и про иныя московскія вѣсти, а сказывались простою шляхтою, будто пріѣзжали для покупокъ, и этимъ умыселъ свой объявили“.

Ромодановскій и Самойловичъ говорили въ одинъ голосъ: „Если великій государь укажетъ идти намъ въ Крымъ, то надѣемся учинить тамъ великое разоренье“.

Бывшій Дорошенковъ есаулъ, Яковъ Лизогубъ разсказывалъ Алмазову: „Былъ тайный съѣздъ у визиря съ Дорошенкомъ, съѣзжались только трое—Дорошенко, визирь да я. Визирь говорилъ: „Мы хотимъ Запорожье и Кіевъ взять“. Когда разговоры кончились, то Дорошенко, вышедши изъ шатра, сказалъ мнѣ: „Слышалъ что говорилъ визирь? нашею кожею торгуютъ!“ и сталъ плакать: „Не дай Боже, чтобы замыселъ ихъ исполнился!“

Въ концѣ іюля, по вѣстямъ изъ Украйны, царь велѣлъ Ромодановскому двинуться изъ Курска въ Суджу, отправить въ Заднѣпровье знающихъ людей для подлинныхъ извѣстій, а къ гетману коронному, князю Димитрію Вишневецкому, отписать, что если всѣ войска, коронныя и литовскія въ согласіи и соединеніи не будутъ, то царскія войска съ однимъ короннымъ гетманомъ не соединятся. Въ началѣ августа другой указъ: двинуться Ромодановскому изъ Суджи, а Самойловичу изъ Батурина къ Днѣпру, и отправить за рѣку по отряду, выбравъ добрыхъ людей. Самойловичъ объявилъ царскому посланцу, что готовъ исполнить указъ великаго государя, но что надобно только ограничиться прогнаніемъ Татаръ, а не соединяться съ Поляками. „Мнѣ, гетману, и всему нашему войску лучше смерть принять, нежели отъ Поляковъ въ безчестіи и порабощеніи быть. Если мнѣ и боярину перейти за Днѣпръ, то это все равно, что руками насъ отдать Полякамъ: у нихъ только рѣчей, что московская пѣхота способна городовъ доставать, позовутъ насъ неволею хана въ поляхъ искать и Каменца-Подольскаго доставать, начнутъ называть мужиками и своими подданными. бить обухами, спрашивать кормовъ, выговаривать: „Вы насъ въ такое осеннее время вызвали, вы и кормите“; а казаки теперь и не Полякамъ не спускаютъ, Турокъ и Татаръ побиваютъ; такъ чего добраго ждать! начнутъ биться; ни на одинъ часъ нельзя соединяться съ Поляками! Полякамъ всего досаднѣе то, что на этой сторонѣ Малороссійскіе люди живутъ подъ царскою рукою во всякихъ вольностяхъ, покоѣ и многолюдствѣ. Полякамъ непремѣнно хочется, чтобы какою-нибудь хитростію эту сторону въ свои руки прибрать и такъ же, какъ ту сторону, разорить и людей погубить; особенно этого добивается коронный гетманъ, князь Димитрій Вишневецкій, потому что на этой сторонѣ ихъ маетности были. Мнѣ и всему войску нужно не то, чтобы всѣ коронныя и литовскія войска пришли къ Днѣпру: намъ нужно, чтобы ни одинъ Полякъ въ этихъ мѣстахъ не былъ. А присяга ихъ извѣстна: боярина Шереметева за присягою въ Крымъ отдали! Теперь короля своего на Украйнѣ покинули и разошлись по домамъ!“

Соединеніе русскихъ войскъ съ польскими было рѣшительно отвергнуто, и въ началѣ осени началось отдѣльное движеніе русскихъ войскъ: Ромодановскій и Самойловичъ сошлись у Обечевской грабли, между рѣкою Галицею и Прилуками, въ 5 верстахъ отъ Монастырища и въ 50 отъ Днѣпра. Отсюда 11 сентября двинулись къ Яготину, гдѣ стояли до 16 числа; недостатокъ въ конскихъ кормахъ и бездровица заставили ихъ приблизиться къ Днѣпру, къ которому подошли 18 сентября, стали въ 10 верстахъ отъ Канева и послали на ту сторону отрядъ московскаго войска подъ начальствомъ генералъ-майора Франца Вульфа, и казацкій—подъ начальствомъ генеральнаго есаула Лысенка. Заслышавъ о приближеніи этого войска, два полка Дорошенковыхъ сердюковъ бросили города Корсунь, Богуславъ, Черкасы, Мошны и другіе, и ушли въ Чигиринъ; жители также покинули свои города, села и деревни и перешли на восточную сторону. Это движеніе нагнало сильный страхъ на Дорошенка, который тщетно просилъ помощи у Турокъ и Татаръ, занятыхъ войною съ Поляками, и хотя Ромодановскій съ гетманомъ, не предпринявши ничего важнаго, разошлись — одинъ въ Курскъ, а другой въ Батуринъ, однако положеніе Дорошенка не улучшилось. Ненависть къ нему была возбуждена сильная, потому что подданство султану оказалось въ послѣднее время всею своею черною стороною для Украйны. Чигиринъ, по свидѣтельству самовидцевъ, превратился въ невольничій рынокъ: всюду по улицамъ Татары выставляли и продавали ясырь (плѣнныхъ), даже подъ самыми окнами Дорошенкова дома. Если кто изъ чигиринскихъ жителей, по христіанству, хотѣлъ выкупить земляка, то навлекалъ на себя подозрѣніе въ непріязни къ покровителямъ Украйны—Туркамъ и Татарамъ. По городамъ не было мѣры притѣсненіямъ отъ голодныхъ Татаръ. Проклятія на Дорошенка были во всѣхъ устахъ. Онъ бы могъ еще не обращать вниманія на эти проклятія; но въ самомъ Чигиринѣ было мало хлѣба, потому что два года уже ничего не сѣяли, кормились тѣмъ, что могли купить украдкою у жителей восточной стороны. Въ такой крайности Дорошенко рѣшился обратиться къ Сѣрку: нельзя ли посредствомъ Запорожья какъ-нибудь продержаться, получить выгодныя условія отъ царя, остаться гетманомъ.

Въ концѣ сентября, Сѣрко далъ знать въ Москву о своей вѣрной службѣ: по царскому указу пришли въ Запорожье князь Каспулатъ Муцаловичъ Черкасскій, стольникъ Леонтьевъ, стрѣлецкій голова Лукошкинъ, Мазинъ-мурза съ Калмыками, атаманъ Флоръ Миняевъ съ Донскими казаками. Сѣрко соединился съ ними, и 17 сентября всѣ пошли чинить воинскій промыселъ надъ крымскими улусными людьми, за Перекопью разбили татарскую заставу, села попалили, много полону побрали и христіанскихъ душъ много освободили, и всѣ здоровы назадъ пришли. При этомъ Сѣрко билъ челомъ: „Многое время, не щадя головы своей, промышлялъ я надъ непріятелемъ; а теперь я устарѣлъ, отъ великихъ волокитъ, отъ частыхъ походовъ и отъ ранъ изувѣченъ, жена моя и дѣти въ украинскомъ городкѣ Мерехвѣ скитаются безъ пріюта, отъ Татаръ лошадьми и животиною разорились, а мнѣ, Ивану, теперь полевая служба стала не въ мочь, присмотрѣть за старикомъ и упокоить его некому. Милосердый государь! вели мнѣ, холопу своему, съ женишкою и дѣтишками, въ домишкѣ пожить, чтобы, живучи порознь, вконецъ не разориться и при старости безпріютно не умереть; вели мнѣ дать свою грамоту, чтобы мнѣ, живучи въ домишкѣ своемъ, утѣсненія ни отъ кого не было.“—„Не время теперь“, отвѣчалъ царь, „жить тебѣ въ домѣ съ женою и дѣтьми, а когда будетъ время и воинскія дѣла станутъ приходить къ успокоенію, тогда мы тебя пожалуемъ, въ домѣ жить позволимъ и нашею царскою грамотою обнадежимъ.“

Но вслѣдъ затѣмъ, отъ 15 октября, кошевой атаманъ объявилъ другую свою службу: „Гетманъ войска Запорожскаго Петръ Дорошенко, отъ давныхъ лѣтъ имѣя подданственное намѣреніе къ пресвѣтлому престолу вашего царскаго величества, не могъ его, за многими нѣкоторыхъ завистныхъ людей препонами, привести въ совершеніе. Но теперь, желая его совершить, писалъ къ войску низовому, чтобы мы для этого добраго дѣла пріѣхали къ нему. Мы, учинивъ раду войсковую общую, рѣшили къ нему идти, и какъ скоро подошли къ Чигирину съ войскомъ низовымъ Запорожскимъ и частію Донскаго, то Дорошенко тотчасъ, въ присутствіи чина духовнаго, со всѣмъ старшимъ и меньшимъ товариществомъ и со всѣмъ своимъ войскомъ и посполитыми людьми, предъ Св. Евангеліемъ присягнулъ на вѣчное подданство вашему царскому величеству; а мы присягнули ему, что онъ будетъ принятъ вашимъ царскимъ величествомъ въ отеческую милость, останется въ цѣлости и не нарушенъ въ здоровьи, въ чести, въ пожиткахъ, со всѣмъ городомъ, со всѣми товарищами и войскомъ, при милости и при клейнотахъ войсковыхъ, безо всякой за прошлыя преступленія мести; отъ всѣхъ непріятелей, Татаръ, Турокъ и Ляховъ, будетъ войсками вашего царскаго величества защищенъ; мѣста всѣ запустѣлыя на сей (западной) сторонѣ Днѣпра опять людьми населятся и будутъ они вольностями своими тѣшиться и разживаться, какъ и Заднѣпровская (восточная) сторона.“

Этотъ Запорожскій поступокъ, нарушавшій порядокъ, установленный на послѣдней переяславской радѣ, сильно не понравился въ Москвѣ, и царь отвѣчалъ кошевому: „Ты это сдѣлалъ не по нашему указу, не давши знать князю Ромодановскому и гетману Самойловичу; къ тебѣ о томъ нашего указа не послано, посланъ былъ указъ о Дорошенковомъ подданствѣ князю Ромодановскому и гетману Самойловичу; и впередъ бы тебѣ и всему войску Запорожскому низовому съ Дорошенкомъ не ссылаться и въ дѣла его не вступаться, и тѣмъ съ гетманомъ Иваномъ Самойловичемъ не ссориться. Да намъ извѣстно, что ты взялъ у Дорошенка клейноты войсковые гетманскіе, данные нами прежнимъ гетманамъ: булаву, бунчукъ, знамя, и отвезъ ихъ къ себѣ на Запорожье, и теперь эти клейноты у тебя; и ты бы сейчасъ же отослалъ ихъ къ князю Ромодановскому и гетману, потому что прежде на Запорожьи никогда гетманскихъ клейнотовъ не бывало“. Сѣрко продолжалъ распоряжаться; минуя гетмана обѣихъ сторонъ Днѣпра, Самойловича, онъ разослалъ грамоты къ полковникамъ: „Объявляю, что гетманъ Петръ Дорошенко отъ Турскаго султана и Крымскаго хана отступилъ, и подъ высокодержавную руку царскаго величества подклонился; такъ извольте междоусобную брань между народомъ христіанскимъ оставить и инымъ заказать, которыхъ много, что общему христіанскому дѣлу не рады; ибо всѣ мы единаго Бога созданіе, надобно жить, чтобы Богу было годно и людямъ хвально, дабы Богъ обратилъ ярость злую на бусурманъ. Всѣмъ людямъ прикажи, чтобы никто не ходилъ на ту сторону обиды дѣлать“. Опять царь долженъ былъ напомнить кошевому атаману, что всѣ эти дѣла положены на князя Ромодановскаго и гетмана Самойловича.

Легко понять, какъ эти событія должны были обезпокоить послѣдняго; онъ обратился къ Матвѣеву, „своему благодѣтелю милостивому“. „Не разъ, писалъ Самойловичъ, былъ я предостереженъ добрыми людьми насчетъ шатости и замысловъ Ивана Сѣрка. Писалъ я уже къ твоей боярской милости, какъ онъ добивалъ челомъ царскому величеству, чтобы ему нѣсколькихъ казацкихъ полковъ дать, будто Крымъ воевать; потомъ, чтобъ ему изъ слободскихъ городовъ жену выдать; потомъ, чтобъ Кереберду городъ дать въ Полтавскомъ полку; но въ то же самое время открылъ онъ тайну писарю своему, говорилъ: „Только бы мнѣ въ тотъ уголокъ залѣзть,—зналъ бы я что́ дѣлать!“ Только объ одномъ и заботится: какъ бы собрать войско да войти въ города и завести тамъ смуту. Дорошенко, видя, что не надъ кѣмъ гетманить (потому что отъ Днѣстра до Днѣпра нигдѣ духа человѣческаго нѣтъ, развѣ гдѣ стоитъ крѣпость польская), призвалъ къ себѣ въ Чигиринъ Сѣрка и 10 октября встрѣчалъ его съ духовенствомъ, разгласивши между народомъ, что хочетъ жить подъ рукою царскою. Но здѣсь явный обманъ, какъ далъ намъ знать одинъ близкій къ нему человѣкъ. Отъ Турокъ и Татаръ помощи ему нѣтъ, а тутъ Ляхи въ гостяхъ, да и мы недалеко: вотъ онъ, чтобы какъ-нибудь перезимовать, получить съѣстные припасы съ нашей стороны и перезвать къ себѣ опять людей, такую молву и распустилъ о подданствѣ. Завидуя особенно нашей Украйнѣ, въ мирѣ живущей, хлопочутъ они завести здѣсь смуту. И въ прошломъ 1674 году Сѣрко намъ помѣшалъ въ добрыхъ дѣлахъ; теперь при мнѣ Мазепа и Кочубей, которые тогда были при Дорошенкѣ; такъ они сказываютъ, что Сѣрко присылалъ къ Дорошенку съ такою рѣчью: „Если на тебя Москва наступитъ, то войско Запорожское тебѣ поможетъ, клейнотовъ войсковыхъ ни за что Москвѣ не отдавай“. Къ Ромодановскому Самойловичъ писалъ: „Разсуди, благодѣтель мой, дѣло этихъ крутоголовыхъ! Передъ нами не хотѣли сдѣлать ничего добраго, а передъ какимъ-то Флоромъ да Міюскомъ, что самозванца съ Дону къ Сѣрку привелъ, какую-то присягу дали! Какова совѣсть у Дорошенка?—намъ разъ десять присягалъ, и попрежнему солгалъ! Мы узнали, благодѣтель мой, что тамъ между собою усовѣтовали попытаться черезъ своихъ пословъ у царскаго величества: если имъ позволитъ черневую раду собрать, то и эту Украйну туда же потянуть, смуту здѣсь завести и намъ не поддаться“.

Ромодановскій, наравнѣ съ гетманомъ, былъ оскорбленъ поступкомъ Дорошенка, который отъ 12 октября увѣдомилъ его о своей присягѣ передъ Сѣркомъ и Флоромъ Минаевымъ, и просилъ прислать въ Чигиринъ добрыхъ людей „для достовѣрнѣйшаго разговора“. Ромодановскій отвѣчалъ: „Когда мы стояли у Днѣпра, то ты, по письму моему и по присылкамъ своимъ, обѣщанія своего не исполнилъ, для присяги въ обозъ къ намъ не пріѣхалъ; а теперь для разговора просишь о присылкѣ знатныхъ людей. Это мнѣ очень удивительно! Когда мы съ вѣрнымъ и неотмѣннымъ царскаго величества подданнымъ, гетманомъ обѣихъ сторонъ Днѣпра, Иваномъ Самойловичемъ, усердно желали тебя принять и государскою милостію обнадежить, то ты, за перенятіемъ нрава своего, этого сдѣлать не изволилъ; а теперь какъ могу къ тебѣ для разговора знатныхъ людей послать? Если ты вправду поддался царскому величеству, то пріѣзжай ко мнѣ и къ гетману Ивану Самойловичу, и присягни предъ нами“.

Донесенія Самойловича произвели большое безпокойство въ Москвѣ. Царь писалъ Ромодановскому и гетману: „Мы какъ прежде, такъ и теперь положили Дорошенково дѣло на васъ, и вы бы поступили по своему разсмотрѣнію, чтобы то дѣло до весны успокоить и къ расширенію не допустить“. Наконецъ отправлена была царская грамота и въ Чигиринъ: „Петру Дороѳеевичу наше царскаго величества милостивое слово. Мы твоего обѣщанія, даннаго предъ Иваномъ Сѣркомъ и Флоромъ Минаевымъ, въ правду не вмѣняемъ, потому что они ѣздили къ тебѣ въ Чигиринъ безъ нашего указа; эти наши дѣла на нихъ не положены, и впредь тѣмъ дѣламъ крѣпкимъ быть нельзя; и тебѣ бы, Петру, пріѣхать къ боярину князю Ромодановскому и гетману Ив. Самойловичу, и при нихъ присягу принести. Если же не пріѣдешь, то мы велимъ боярину и гетману чинить надъ тобою промыслъ“.

„Я и прежде не отговаривался къ тебѣ ѣхать“, отвѣчалъ Дорошенко Ромодановскому, „но не всегда дѣло шло о моей безопасности. Такъ и теперь, присягнувши великому государю, мы сейчасъ же снарядили посольство къ царскому величеству и дали объ этомъ знать твоей милости и гетману Самойловичу; но гетманъ отвѣта никакого не далъ, и, по его приказанію, Заднѣпровскіе казаки пограбили Чигиринское село надъ Тясминомъ, полковникъ Переяславскій подъ Черкасами много людей разорилъ, по берегу Днѣпровскому крѣпкую стражу поставили съ гетманскимъ приказомъ не пропускать моихъ посланниковъ. Нижайше прошу, прекрати войну съ нами, какъ уже съ подданными одного государя, и пришли сюда добраго человѣка для безопасности пословъ нашихъ; какъ только этотъ человѣкъ къ намъ пріѣдетъ, сейчасъ же пословъ и съ ними санжаки турецкіе къ царскому величеству отпустимъ“. Посланецъ Дорошенковъ, падши къ ногамъ Ромодановскаго, долженъ былъ просить: „Пусть Дорошенку не чрезъ кого иного, только чрезъ его боярскую вельможность, чрезъ его предстательство будетъ пріобрѣтена щедрая царская милость, чтобъ быть ему безопасну въ своемъ здоровьи“. Получивъ это письмо, Ромодановскій немедленно отправилъ къ Самойловичу дьяка, чтобы прекращены были всѣ непріятельскія дѣйствія противъ Дорошенка, а въ Чигиринъ, для пріема пословъ и санжаковъ, отпустить полковника Вестова съ двумя стами человѣкъ пѣхоты. Къ самому Дорошенку Ромодановскій отписалъ: „Совѣтую твоей милости и сердечно желаю, какъ другу и пріятелю, для твоего добра, чтобы ты благоволилъ—безъ всякаго замедленія самъ съ полковникомъ Вестовымъ пріѣхалъ ко мнѣ въ Курскъ, а изъ Курска ѣхать къ великому государю. Если бы ты это сдѣлалъ, то я, для большей чести тебѣ, послалъ бы изъ Курска съ тобою сына моего, князя Михайлу“.

Но Дорошенко не думалъ такъ скоро покончить этого дѣла. Въ концѣ декабря пріѣхалъ отъ него въ Москву чигиринскій атаманъ Сенкеевичъ и объявилъ: „Петръ Дорошенко приказалъ мнѣ бить челомъ, чтобы царское величество его, Петра, и все поспольство пожаловалъ, велѣлъ милостивый указъ учинить и своею милостивою грамотою обнадежить и увеселить, чтобъ быть ему, сродникамъ его и всему поспольству подъ высокою рукою царскаго величества въ вѣчномъ подданствѣ, при своемъ здоровьи, пожиткахъ и вольностяхъ неотмѣнно. Онъ, Дорошенко, великому государю служить и всякаго добра хотѣть, и, не желая чина гетманскаго, умирать готовъ, только имѣетъ безпрестанное попеченіе, чтобы быть при милости его государской. Когда бояринъ князь Ромодановскій и гетманъ Иванъ Самойловичъ стояли у Днѣпра, то онъ, Дорошенко, къ нимъ для присяги не поѣхалъ, опасаясь за свое здоровье, чтобы нежелательные ему люди западной стороны Днѣпра, перешедшіе на восточную, не сдѣлали надъ нимъ того же, что надъ Самкомъ и Брюховецкимъ. Опасаясь этого, онъ писалъ на Запорожье къ кошевому атаману Ивану Сѣрку, чтобы пріѣхалъ въ Чигиринъ для совѣта и былъ свидѣтелемъ присяги Дорошенковой царскому величеству. Когда Сѣрко пріѣхалъ, то присяга была принесена и клейноты войсковые ему отданы, причемъ Сѣрко и все войско велѣли ему, Дорошенку, писаться гетманомъ до указа великаго государя. Въ подданствѣ у Турецкаго султана былъ онъ и санжаки турецкіе принялъ съ общей рады всей старшины. Когда онъ въ одно время получилъ и милостивую государеву грамоту изъ Москвы и обнадеживательныя грамоты отъ короля, то созвалъ всю старшину и спрашивалъ: у котораго государя быть въ подданствѣ. И старшина пожелали обороны турецкой и крымской. Но когда султанъ и ханъ для этой обороны пришли на Украйну, города разорили, множество невинныхъ душъ погубили и въ неволю захватили, въ то время тѣ же совѣтники, складывая вину на Дорошенка и желая себѣ гетманства, перешли всѣ на восточную сторону, также и жители; а онъ, Дорошенко, вспоминая царскія милостивыя грамоты и не видя въ томъ дѣлѣ ни отъ кого помѣшки, отъ султана отсталъ и санжаки шлетъ къ великому государю съ тестемъ своимъ и братомъ Андреемъ, и какъ скоро чрезъ этихъ посланниковъ получитъ полное увѣреніе, то немедленно безъ отговорокъ поѣдетъ въ Москву. Теперь при немъ города Чигиринскаго полка: Крыловъ, Вороновка, Бужинъ, Боровица, Субботово, Медвѣдовка, Жаботинъ, Черкасы, Бѣлозерье“.

Сенкеевичъ подалъ грамоту отъ гетмана; въ ней Дорошенко сравнивалъ себя съ евангельскимъ разслабленнымъ, не имѣвшимъ человѣка, который бы ввергнулъ его въ цѣлительную купель. „Не имѣлъ я человѣка, писалъ Дорошенко, не имѣлъ человѣка, который бы избавилъ меня отъ злаго недуга, отъ ига бусурманскаго, ввергнувъ въ цѣлебную купель великомощной вашего царскаго величества обороны. Умилосердись, великій государь царь, не отринь меня отъ пресвѣтлаго лица своего, но милостиво, яко Царь Небесный, Христосъ, разслабленному рцы: возстани, возьми одръ свой и ходи,—повели мнѣ срамное ложе ига бусурманскаго оставити!“. „Все прежнее будетъ забыто“, отвѣчалъ царь, „безо всякаго сомнѣнія пріѣзжай на сю сторону Днѣпра къ князю Ромодановскому и гетману Ивану Самойловичу, и предъ ними принеси присягу; захочешь съ родственниками своими ѣхать къ намъ въ Москву, то получишь нашу многую милость и жалованье, и укажемъ отпустить тебя въ малороссійскіе города попрежнему, позволимъ жить въ какомъ городѣ захочешь, безо всякой обиды и укоризны“.

Нежеланный былъ это гость для гетмана Ивана Самойловича: гетманъ не вѣрилъ, чтобъ Дорошенко рѣшился пріѣхать на восточную сторону въ видѣ частнаго человѣка: онъ все боялся смутъ отъ Дорошенка и Сѣрка, созванія рады и сверженія его, Самойловича. Онъ писалъ въ Запорожье грамоту съ выговоромъ, какъ смѣлъ Иванъ Сѣрко съ товарищами ѣздить въ Чигиринъ и подтвердить тамъ гетманство Дорошенку безъ вѣдома гетмана и всего войска Запорожскаго городоваго; потомъ—какъ смѣли разослать грамоты къ полковникамъ, чтобы тѣ не враждовали болѣе съ Дорошенкомъ. „Итакъ уже, писалъ гетманъ, почти 30 лѣтъ за грѣхи наши, кровавымъ обливаемся потомъ. Каждый изъ молодцовъ добрыхъ, Бога боящихся и правду любящихъ, знаетъ, что западная сторона разорена, благодаря Дорошенку, который возбудилъ противъ себя бѣды со всѣхъ сторонъ, поддавшись Турецкому султану, подъ которымъ и послѣднихъ людей потерялъ; а когда увидалъ, что мало тамъ осталось, то, чтобы побыть нѣкоторое время гетманомъ, призвалъ васъ къ своему расколу. Извѣщаю васъ, что не надобно въ этихъ городахъ нашихъ никакихъ радъ собирать и ничего у царскаго величества добиваться; были уже въ четыре года двѣ рады“. Царскому послу Алмазову гетманъ говорилъ: „У Сѣрка съ Дорошенкомъ давняя дружба и клятва другъ другу во всемъ добра искать. Теперь Дорошенко держитъ Сѣрко, а только-бъ не Сѣрко, то Дорошенко давно бы самъ пріѣхалъ къ князю Ромодановскому или ко мнѣ“.

Въ январѣ 1676 года пріѣхали въ Москву и обѣщанные Дорошенкомъ знатные послы,—тесть его, уже извѣстный намъ Павелъ (Яненко) Хмельницкій съ товарищами и послами изъ Запорожья, привезли турецкіе санжаки—бунчукъ и два знамени тафтяныя. На спросъ, зачѣмъ пріѣхали?—послы объявили: „Приказалъ намъ Петръ Дорошенко у великаго государя милости просить, чтобы царское величество пожаловалъ, вины его изволилъ простить и принять подъ свою высокую руку, и позволилъ бы остаться ему въ прежнемъ своемъ чинѣ гетманомъ, и войсковые прежніе клейноты были бы при немъ; а онъ, Дорошенко, служить будетъ во-вѣкъ, не щадя здоровья своего; впрочемъ гетманскій чинъ въ волѣ великаго государя. Бьетъ челомъ Петръ Дорошенко: чтобы великій государь пожаловалъ его, сродниковъ его и все посполььство, указалъ имъ жить попрежнему на той сторонѣ Днѣпра въ старыхъ своихъ поселеніяхъ, при пожиткахъ своихъ и вольностяхъ, какъ живутъ во всякихъ покояхъ и вольностяхъ на сей сторонѣ Днѣпра малороссійскіе жители; чтобы на той сторонѣ церкви Божіи не разорились, а имъ на сей сторонѣ между дворами не волочиться. Слухи у насъ носятся, что заставятъ насъ покинуть домы, сжечь города и перейти на сю сторону. Да чтобы мы были защищены отъ Турецкаго султана, Крымскаго хана и Польскаго короля; чтобы на той сторонѣ Днѣпра церкви Божіи не запустѣли и обѣ стороны въ разлученіи не были. Какъ будетъ на это челобитье милостивый указъ, и мы къ Дорошенку возвратимся, то онъ пріѣдетъ ударить челомъ великому государю, а до тѣхъ поръ ни въ Москву, ни въ полкъ къ боярину и гетману не поѣдетъ“.

Въ отвѣтъ посламъ сказали, что они будутъ отпущены къ князю Ромодановскому и гетману Самойловичу, и тамъ задержаны до тѣхъ поръ, пока самъ Дорошенко пріѣдетъ на сю сторону и присягнетъ великому государю; но въ то же время Ромодановскому и гетману дано было знать: „Если, смотря по тамошнему дѣлу, пристойнѣе будетъ Павла Яненка съ товарищами отпустить къ Дорошенку въ Чигиринъ, то сдѣлайте это по своему разсмотрѣнію, какъ васъ Господь Богъ вразумитъ, чтобы Дорошенка совершенно обнадежить и на сю сторону перезвать“. На челобитье Дорошенка, объявленное послами, былъ данъ указъ: „За подданство и присылку санжаковъ великій государь милостиво похваляетъ. Присяга передъ Сѣркомъ въ правду не вмѣняется: присяга должна быть принесена передъ княземъ Ромодановскимъ и гетманомъ Самойловичемъ. Всѣ прежнія преступленія прощаются. На обѣихъ сторонахъ быть одному гетману Ивану Самойловичу. Городомъ Чигириномъ со всѣми поселеніями жалуетъ государь Петра Дорошенка и все посполььство. Для обороны въ Чигиринъ и Каневъ ратные люди будутъ присланы въ то время, когда Дорошенко присягнетъ на вѣчное подданство передъ бояриномъ и гетманомъ. Жить Дорошенко можетъ гдѣ захочетъ, и никакого притѣсненія ему не будетъ Братъ Дорошенка, Григорій, будетъ освобожденъ и отосланъ къ боярину и гетману“.

Въ Днѣпровской Украйнѣ дѣла начали принимать благопріятный для Москвы оборотъ; но иначе было на другой Украйнѣ, на другой казацкой рѣкѣ,—на Дону.

1674 годъ прошелъ здѣсь безо всякаго дѣла. Новый воевода, смѣнившій Хитрово, князь Петръ Хованскій, пришелъ на Донъ поздно, ходилъ осматривать мѣста на Міюсѣ, гдѣ бы построить городокъ, и нашелъ, что нигдѣ ничего построить нельзя; донесенія воеводы царю наполнялись извѣстіями о побѣгахъ ратныхъ людей. Лѣтомъ 1675 года государь послалъ на Донъ указъ идти на казачій ерекъ, прокопать его и построить городки. Хованскій поговорилъ объ указѣ тайно съ атаманомъ Корниломъ Яковлевымъ, и тотъ началъ въ Черкаскѣ собирать круги и объявлять указъ. Казаки отвѣчали, что имъ прокапывать ерекъ, городки строить и въ нужное время въ осадѣ сидѣть за малолюдствомъ не въ мочь, и, говоря эти слова, расходились изъ круга съ крикомъ. Атаманъ созвалъ ихъ въ кругъ въ послѣдній разъ и допрашивалъ: „Скажите въ одно слово, прокапывать ли ерекъ и городки строить ли?—чтобы мнѣ писать о томъ къ великому государю подлинно“. Казаки и тутъ, не сказавши ничего навѣрное, хотѣли расходиться изъ круга. Корнилъ началъ кричать съ угрозами, чтобы не смѣли расходиться, не порѣшивши дѣла, и зашибъ двоихъ или троихъ казаковъ палкою. Казаки зашумѣли, бросились на атамана и прибили его; одного изъ старшинъ, Родіона Калужанина, хотѣли убить до смерти, но тотъ убѣжалъ, отмахавшись ножомъ, и скрылся у Хованскаго въ новомъ городкѣ, гдѣ стояли государевы ратные люди. Черезъ три дня Хованскій поѣхалъ въ Черкаскъ и взялъ Родіона съ собою; послѣ обѣдни воевода началъ уговаривать казаковъ, чтобы они отъ непослушанья своего отстали и были съ старшиною въ совѣтѣ. Казаки простили Родіона, позволили ему жить въ Черкаскѣ попрежнему; но Корнилъ Яковлевъ атаманство сдалъ, и на его мѣсто выбрали Михайлу Самаренина.

Выбравши новаго атамана, казаки собрались въ кругъ и говорили, чтобы имъ идти на ерекъ для осмотру, можно ли имъ ерекъ прокопать и городки строить. Хованскій отправился на ерекъ, взялъ съ собою ратныхъ людей тысячи съ четыре, да атаманъ Михайла Самаренинъ взялъ съ собою казаковъ тысячи съ три, осмотрѣли мѣста, и нашли, что на ерекѣ можно построить два городка, а третьяго противъ Азова на взморьи строить нельзя, потому что земля не сдержитъ, развѣ построить каменный. Хованскій сталъ говорить казакамъ: „Мы начнемъ строить городки, а вы будете въ нихъ сидѣть, будете получать государево жалованье“.—„Хотя бы намъ государь положилъ жалованья и по сту рублей, то мы въ городкахъ сидѣть не хотимъ, ради мы за великаго государя помереть и безъ городковъ; въ городки надобно людей 13,000, а насъ всѣхъ на рѣкѣ только тысячъ съ шесть“

Осмотрѣвши ерекъ, возвратились въ Черкаскъ, и казаки стали между собою говорить, чтобы имъ идти на море для промыслу надъ непріятелями, а себѣ для добычи; собралось ихъ три тысячи и послали сказать Хованскому, чтобы далъ имъ въ помочь государевыхъ ратныхъ людей. Воевода самъ пошелъ ихъ провождать къ ереку съ 4,000 войска. Но какъ пришли они на ерекъ, въ тѣ мѣста, которыя прежде осматривали, то нашли, что по другую сторону каланчи, отъ Азова, построены шанцы, въ нихъ сидятъ Азовцы съ пушками. Засвистали ядра и пули. Русскіе на своей сторонѣ построили шанцы, и стрѣляли въ непріятеля черезъ рѣку пятеро сутокъ, многихъ побили, живыхъ взяли троихъ и тѣмъ удовольствовались; казаки, узнавъ, что близъ Азова стоятъ военныя суда, испугались, на море не пошли—и возвратились всѣ въ Черкаскъ.

Когда въ Москвѣ узнали объ этихъ происшествіяхъ, то на Донъ къ Хованскому пошла гнѣвная государева грамота: „Казаки такъ дѣлаютъ, забывъ страхъ Божій и презрѣвъ наше жалованье, писалъ царь; въ Москвѣ атаманъ Родіонъ Калужанинъ отъ имени всего войска билъ челомъ, чтобы мы велѣли казакамъ и нашимъ ратнымъ людямъ прокопать ерекъ и построить на немъ три городка; говорилъ, что казаки охотно сядутъ въ этихъ городкахъ, если имъ дано будетъ по 10 рублей жалованья; что городки эти будутъ держать въ осадѣ не одинъ Азовъ, но и самый Царьгородъ; а теперь казаки во всемъ вамъ отказали и старшинъ своихъ обезчестили! Мы простимъ ихъ, по просьбѣ нашихъ сыновей царевичей, но съ тѣмъ, чтобы они немедленно же шли на ерекъ и строили городки; если же этого не сдѣлаютъ, то жалованья нашего имъ не видать, и запретимъ нашимъ городамъ подъ смертною казнію пропускать къ нимъ запасы“.

Грамоту прочли казакамъ въ кругу; въ отвѣтъ поднялся шумъ, посыпались ругательства на Хованскаго за то, что грамота прислана по его письму, и отказались идти на ерекъ. Чтобы какъ-нибудь смягчить отказъ, атаманъ и старшины объявили Хованскому, что они не смѣютъ постановить никакого рѣшенія безъ совѣту съ верховыми городками. Была и другая причина шуму въ кругахъ: царь требовалъ выдачи извѣстнаго вора, Стеньки Буянка; Корнилъ Яковлевъ и другіе добрые казаки приговаривали выдать Буянка; но другіе казаки кричали Корнилу: „Повадился ты насъ къ Москвѣ возить, будто азовскихъ ясырей, будетъ съ тебя и той удачи, что Разина отвезъ; если Буянка отдать, то и по достальнаго казака присылки изъ Москвы ждать будетъ!“

Выступилъ въ кругу Родіонъ Калужанинъ и сталъ держать рѣчь: „Изъ-за одного человѣка вы повелѣнье великаго государя презираете. Вспомните, чтò вы говорили, лежа въ камышѣ подъ каланчами:—что надобно на ерекѣ городъ построить, будетъ онъ Азову вмѣсто осады, а казакамъ на море будетъ путь свободный. По этимъ вашимъ словамъ, будучи на Москвѣ, я великому государю извѣстилъ; а теперь у васъ во всемъ стало непостоянно“. Флоръ Миняевъ поддакивалъ Родіону, и на обоихъ поднялись крики: „Вы этимъ выслуживаетесь, берете ковши да соболи, а Донъ разоряете; тебя, Флора, растакую м..., на руку посадимъ, а другою раздавимъ!“ Не слыхать было одного—атамана Михайлы Самаренина: хотя бы слово сказалъ и унялъ казаковъ!

Съ тѣхъ поръ казаки начали дурно обходиться съ государевыми ратными людьми, ругать ихъ мясниками, прибили и ограбили стрѣльца, а управы не дали.

Надобно было выбирать въ зимовую станицу для посылки въ Москву, какъ былъ обычай; выбрали Корнила Яковлева и другихъ казаковъ, которые отличались радѣньемъ къ государю. Корнилъ сказалъ, что онъ въ зимовой станицѣ не поѣдетъ: „Прежде я ѣзжалъ въ Москву и доносилъ великому государю вашу службу; а теперь, что я ему объявлю?—что во всемъ вы ему не послушны!“ Казаки зашумѣли: „Если ты не поѣдешь,“ кричали они, „то мы тебя и съ пасынкомъ Родіономъ скуемъ, и какъ ты Разина возилъ, такъ и съ тобой сдѣлаемъ“. Послѣ этихъ угрозъ Корнилъ не посмѣлъ больше отказываться.—„Смотри ты, въ Москвѣ не много говори“, кричали ему казаки, „говори одно, чтобы ратныхъ людей отъ насъ вывести, у насъ и безъ нихъ войска много!“—Хованскому доносили, что во всѣхъ городахъ по станичнымъ избамъ всѣ казаки собираются идти на государевыхъ ратныхъ людей и московскихъ стрѣльцовъ хотятъ побить, а городовымъ стрѣльцамъ дать волю; говорятъ: „Московскихъ стрѣльцовъ не много, а украйные стрѣльцы съ нами биться не будутъ. А если государь пришлетъ на Донъ рать большую, то мы замиримся съ Азовомъ и поднимемъ Крымъ; старшинъ, которые съ Разинымъ не были и государю доброхотуютъ, побьемъ, чтобы они въ Москву вѣстей не давали“. Доносили, что ратныхъ людей, которые бѣгутъ изъ полковъ, казаки уговариваютъ, чтобы остались съ ними, а у нихъ на весну всего будетъ много, и бѣглецы остаются на Дону. Во всѣхъ городкахъ казаки пустили молву, что стрѣльцамъ въ Москву идти незачѣмъ: бояринъ Матвѣевъ за одного своего человѣка два приказа стрѣльцовъ велѣлъ порубить.

Когда на Дону узнали, что Хованскій послалъ съ этими вѣстями въ Москву, то къ нему явились старшины съ объясненіями:—„Мы узнали“, говорили они, „что нѣкоторые пьяницы казаки въ верхнихъ городкахъ начали волноваться и непристойныя слова распускать, и ты, князь, писалъ объ этомъ государю; такъ мы тебя обнадеживаемъ, что у казаковъ въ нижнихъ городкахъ никакихъ злыхъ умысловъ нѣтъ и не бывало, государю по присягѣ служатъ и впредь его наслѣдникамъ служить будутъ. А если казаки пьяницы въ верхнихъ городкахъ и побунтовались, то мы воровъ сыщемъ и казнимъ безъ пощады“.

Глава IV.

Продолженіе царствованія Алексѣя Михайловича.

Сношенія съ Польшею послѣ турецкаго нашествія.—Рознь литовскихъ сенаторовъ съ польскими по поводу мира съ Турками.—Поляки требуютъ отъ Москвы сильной помощи.—Литовскій гетманъ Пацъ совѣтуетъ не подавать этой помощи и обѣщаетъ поддаться со всею Литвою государю Русскому.—Свидерскій,—первый польскій резидентъ въ Москвѣ.—Стольникъ Тяпкинъ—первый русскій резидентъ въ Варшавѣ.—Кончина короля Михаила.—Вопросъ объ избраніи царевича Ѳеодора Алексѣевича на польскій престолъ.—Условія избранія.—Переговоры о нихъ.—Затруднительное положеніе Тяпкина и его жалобы.—Королевскіе выборы —Избраніе Яна Собѣскаго въ короли.—Разныя вѣсти о расположеніи новаго короля къ Москвѣ.—Посольство Венславскаго въ Москву.—Съѣзды уполномоченныхъ въ Андрусовѣ.—Поляки дѣлаютъ неудовольствія Тяпкину и стращаютъ его миромъ короля съ Турками.—Жалобы Тяпкина на продажность Поляковъ; онъ умоляетъ Матвѣева отозвать его.—Поѣздка резидента къ королю во Львовъ —Сынъ Тяпкина польско-латинскою рѣчью благодаритъ короля за школьную науку.—Разговоры старика Тяпкина съ панами —Злой отвѣтъ его гетману Пацу, смѣявшемуся надъ русскимъ войскомъ.—Обращеніе короля съ русскимъ резидентомъ.—Поведеніе Поляковъ по удаленіи непріятеля.—Сношенія царя Алексѣя съ Австріею, Швеціею, Даніею.—Мысль о заведеніи флота на Балтійскомъ морѣ.—Сношенія по этому поводу съ Курляндіею.—Сношенія съ Голландіею, Англіею, Франціею, Испаніею, Италіею.

Царское войско дѣйствовало на Днѣпрѣ и на Дону для исполненія договора, заключеннаго съ Польшею. Польское правительство во все это время требовало болѣе дѣятельной помощи, требовало соединенія русскихъ войскъ съ своими, для дружнаго дѣйствія противъ Турокъ; но мы видѣли, какъ рѣшительно противился этому соединенію гетманъ Самойловичъ, да и вѣсти изъ Польши, какъ увидимъ, не могли заставить Московское правительство дѣйствовать наперекоръ желанію гетмана и казачества малороссійскаго. Въ январѣ 1673 года, по донесенію гонца Протопопова, у короля былъ генеральный съѣздъ сенаторовъ и пословъ. Сенаторы коронные на радѣ говорили, чтобы нынѣшнею весною съ Турецкимъ султаномъ войны не вести, а дать гарачъ (дань), потому что весна уже наступаетъ, а войска въ готовности нѣтъ; лучше, собравшись съ силами, выступить на другой годъ. Но литовскіе сенаторы говорили: „Если нынѣшнею весною противъ непріятеля не выступить и дать гарачъ, то онъ, взявъ гарачъ, по давнему своему бусурманскому замыслу, пойдетъ на царскую Украйну, и тогда будетъ нарушенъ договоръ со стороны королевской; лучше гарачъ употребить на заплату войску и выступить противъ непріятеля. „Если вы, коронные, подлинно хотите поддаться бусурману, то объявите, а княжество Литовское никогда подъ игомъ бусурманскимъ не бывало, и теперь не будетъ. Если мы у васъ не увидимъ вѣрной службы и старанія къ оборонѣ отчизны, то княжество Литовское отдѣлится отъ короны и отъ бусурманской неволи освободится милостію царскаго величества; лучше быть подъ его самодержавною рукою, чѣмъ подъ игомъ бусурманскимъ“. Ханенко билъ челомъ въ подданство великому государю и говорилъ: „Объявилъ мнѣ гетманъ Литовскій Михайла Пацъ, чтобы я отъ его стороны не отлучался, ибо въ коронѣ Польской многіе сенаторы явились губителями отчизны и продавцами; отъ этой продажи корона Польская приходитъ къ концу; если мы не увидимъ отъ Поляковъ искренняго старанія о защитѣ отчизны, то будемъ просить великаго государя о принятіи насъ въ подданство“. Литовцы уже назначили двоихъ пословъ къ царю: Витебскаго воеводу Храповицкаго и Троцкаго воеводу Огинскаго.

Въ Москвѣ королевскій посланникъ, Іеронимъ Камаръ, въ тайномъ разговорѣ съ окольничимъ Матвѣевымъ и дьяками объявилъ, что султанъ, напавши на Польшу, внезапно, принудилъ короля къ тяжкому договору. Но, несмотря на всю тяжесть договора, король и Рѣчь Посполитая не могутъ его нарушить, не будучи обезпечены союзомъ сосѣднихъ державъ, причемъ король надѣется всего больше на царское величество, и требуетъ его совѣта, сохранять ли миръ; если же нѣтъ,—то требуетъ сильной помощи, по крайней мѣрѣ тысячъ сорокъ войска съ добрыми воеводами и многочисленнымъ нарядомъ, потому что нельзя ждать непріятеля къ себѣ, а надобно искать его въ его собственныхъ владѣніяхъ; надобно, чтобы король, предводительствуя войсками коронными, литовскими, доброжелательными казаками и посполитымъ рушеньемъ, соединился въ Валахіи съ войсками царскими и цесарскими: первыя вступятъ туда черезъ Украйну, а вторыя черезъ Венгрію. Такъ изволилъ бы великій государь объявить число своего войска, число пушекъ, имена воеводъ, и чтобы войско это къ первымъ числамъ мая стояло уже на Волошской границѣ.

Матвѣевъ отвѣчалъ, что всѣ условія послѣдняго договора о помощи исполнены свято: Калмыки и Черкесы, по царскому указу, бьютъ хана, на Запорожье отправлены запасы и чайки, на Донъ посланъ думный дворянинъ Большаго-Хитрово со многими знатными людьми, чтобы промышлять надъ Турками вмѣстѣ съ Донскими и Запорожскими казаками, морскимъ и сухимъ путемъ. Узнавши о взятіи Каменца, великій государь разослалъ гонцовъ своихъ ко всѣмъ окрестнымъ государямъ христіанскимъ, призывая ихъ къ союзу на Турокъ для помощи королевскому величеству. Не дождавшись отъ нихъ отвѣта, не заключивъ съ ними договора и не укрѣпившись присягою, царскому величеству нельзя подать помощи королю, кромѣ той, которая уже безпрестанно подается съ великими убытками для царской казны. „Удивляемся мы, что ты спрашиваешь совѣта—сохранять ли договоръ съ султаномъ, тогда какъ существуетъ договоръ между царскимъ и королевскимъ величествомъ: одному государю безъ другого не заключать мира ни съ султаномъ, ни съ ханомъ! Если же государь вашъ былъ къ этому договору принужденъ, то все же ему слѣдовало бы, до заключенія договора, какъ можно скорѣе обослаться съ царскимъ величествомъ, а то намъ, до твоего пріѣзда, не было никакой отъ васъ вѣсти о договорѣ, да и ты не привезъ намъ статей его. А намъ хорошо извѣстно, что въ договорѣ съ султаномъ между прочимъ постановлено, что Украйна по старымъ рубежамъ остается за казаками; такой статьи вносить въ договоръ не годилось, потому что Украйною по этой сторонѣ Днѣпра владѣетъ великій государь нашъ. А теперь спрашиваете—сохранять ли этотъ договоръ, или нѣтъ! Неужели это значитъ поступать побратски и попріятельски? Царскому величеству нельзя выслать своей рати, не дождавшись отвѣта отъ другихъ государей; нельзя и потому, что у короля и Рѣчи Посполитой съ первымъ сенаторомъ короны Польской, Николаемъ Пражмовскимъ, архіепископомъ Гнѣзненскимъ, да съ гетманомъ Собѣскимъ и съ другими сенаторами и шляхтою учинилось междоусобное несогласіе и до сихъ поръ не усмирено“.

Весною поѣхалъ въ Польшу подъячій Возницынъ съ объясненіемъ, что царское величество разослалъ грамоты ко всѣмъ окрестнымъ государямъ съ приглашеніемъ вступиться за Польшу. Подканцлеръ Литовскій Михайла Радзивилъ говорилъ Возницыну: „Донеси царскому величеству отъ имени королевскаго: его королевское величество, вся корона Польская и мы, сенаторы, обрѣтаемся въ доброй пріязни къ его царскому величеству; чтобы царское величество не вѣрилъ измѣннику гетману Пацу, который ссоритъ вашего государя съ нашимъ. Пацъ, изъ зависти, видя воинственнаго и такимъ фальшамъ неподатнаго государя, царскому величеству какъбудто вѣрность свою показываетъ, подданство обѣщаетъ и на вражду съ королемъ и короною Польскою приводитъ. Пацъ не только желаетъ вражды между вашимъ и нашимъ государями, но и придалъ мужества непріятелю короны Польской и всего христіанства: потому что Дорошенко, узнавши, что онъ отступилъ отъ короля изъ-подъ Бара съ нѣкоторыми хоругвями, далъ знать хану, что Литва вся отступила, и ханъ, по этой вѣсти, уже приближается къ нашимъ границамъ. Ханъ требуетъ, чтобы государь нашъ помирился съ султаномъ, уступивъ ему Украйну и Подолію, и отворилъ путь въ государство Московское. Король отвѣчалъ на это, что ханъ, если хочетъ, пусть договаривается съ нимъ о мирѣ въ полѣ, а онъ, король, надѣется на добрую пріязнь царскаго величества, и пути въ государство Московское никогда не отворитъ. По разглашенію измѣнниковъ, великій государь вашъ опасается соединить свои войска съ нашими противъ непріятелей Креста Св. Въ полки наши и въ государство царскіе воеводы присылаютъ для провѣдыванія вѣстей. Эти лазутчики, наслышась невѣдомо отъ кого неразумныхъ вѣстей, приносятъ ихъ въ Московское государство: великій государь не вѣрилъ бы ни Литвѣ, ни этимъ вѣстовщикамъ, но, ради Бога и своей безсмертной славы, умилосердился надъ всѣмъ христіанствомъ а особенно надъ невинными душами нашего народа, изволилъ бы подать помощь королевскому величеству и соединить свои войска съ войсками Рѣчи Посполитой. Весь свѣтъ назоветъ его за это не только братомъ, но и отцомъ королевскому величеству, а мы бы за такую милость не стали на коммиссіяхъ много упоминать о городахъ нашихъ, находящихся теперь въ сторонѣ царскаго величества“. И гетманъ Пацъ говорилъ Возницыну: „Извѣсти ближнему боярину Артемону Сергѣевичу Матвѣеву, чтобы царское величество изволилъ поскорѣе подать намъ помощь съ тылу на общаго непріятеля, потому что государству нашему приходитъ послѣднее разоренье: а я со всѣмъ войскомъ къ королю пойду, когда уже иначе быть не могло, а потомъ выдамъ универсалы и на посполитое рушенье; только безъ помощи вашихъ войскъ однимъ намъ такого сильнаго непріятеля не сдержать; а если великій государь войскамъ своимъ наступить съ тылу на погань не укажетъ, то намъ придется заключить миръ на всей волѣ турецкой, что и вашему государству будетъ не безопасно“.

Гонецъ, подъячій Бурцовъ, бывшій лѣтомъ въ Польшѣ, привезъ вѣсти: король въ Варшавѣ не безопасенъ; сенаторы попрежнему поднимаются, короля почитать не хотятъ, бранятъ его, называютъ невоинственнымъ. Гетманъ Собѣскій, презирая королевскіе листы и посыльщиковъ, зовущихъ его въ Варшаву, не ѣдетъ. Кто противенъ королю, тѣ пріѣзда гетманскаго съ радостію ожидаютъ; кто за короля,—тѣ не хотѣли бы и на свѣтѣ видѣть Собѣскаго. Епископъ Волошскій и посолъ молдавскій были у Бурцова и говорили: „Присланы мы къ королю съ просьбою, чтобы поспѣшилъ походомъ, а наши государи въ союзѣ, и наготовѣ у нихъ войска 8,000; если бы только показались польскія войска, то мы бы со всѣми христіанами обратились на Турка. Но намъ здѣсь чинятъ проволоку, отвѣта никакого не даютъ, отговариваются отсутствіемъ гетмана Собѣскаго,—всю силу полагаютъ въ немъ. Отъ такой задержки намъ можетъ быть бѣда, потому что посланы мы тайно: узнаютъ о томъ Турки, то не только насъ съ домашними смерти предадутъ, и самихъ господарей не пощадятъ. Видится намъ, что господа сенаторы не только насъ изъ-подъ ига бусурманскаго не освободятъ, но и сами не хотятъ ли добровольно Турку податься. Если бы мы жили такъ погранично съ государствами царскаго величества, и присланы были къ нему, то конечно отпускъ намъ былъ бы скорый и намѣреніе наше отъ царскаго престола отринуто не было". Говоря это, епископъ и посолъ плакали. Въ Вильнѣ гетманъ Михайла Пацъ объявилъ Бурцову иное, чѣмъ Возницыну: „Чтобы царское величество походъ свой на Турка удержать изволилъ, изволилъ бы оставаться въ Москвѣ, чтобы лишнихъ мыслей инымъ не прибывало. Чтобы войну съ Туркомъ около границъ кіевскихъ изволилъ вести и отпоръ давалъ черезъ бояръ. Чтобы не велѣлъ войскамъ своимъ переходить за Днѣстръ, чтобы такою стремительностію не облегчить Польши и не навлечь на себя большей тяжести. Чтобы царскія войска подъ Бѣлою Церковью или въ другихъ мѣстахъ съ войсками коронными не соединялись; а то лукавымъ не пришло бы въ голову сдѣлать такъ же, какъ подъ Чудновымъ. Чтобы царскія войска не наступили на Турокъ безъ задору съ ихъ стороны, а смотрѣли бы, что будетъ дѣлаться у коронныхъ: прямо ли станутъ оборонять отчизну свою отъ Турокъ. Чтобы царское величество изволилъ приказать въ пріемѣ Дорошенка наблюдать осторожность, потому что Дорошенко бьетъ челомъ и королю, а мы считаемъ его другомъ Собѣскому. Я къ войнѣ на Турка готовлюсь, только литовскія войска съ коронными соединяться не будутъ. Если еще немного продлится непостоянство коронныхъ и нерадѣніе, то я со всею Литвою поддамся царскому величеству".

Въ августѣ пріѣхалъ въ Москву отъ короля покоевый дворянинъ, Павелъ Свидерскій, съ небывалымъ характеромъ — резидента. „Я присланъ резидентомъ", объявилъ Свидерскій, „для удобнѣйшей обсылки съ королевскимъ величествомъ, особенно теперь, когда король этотъ годъ будетъ находиться въ обозѣ, чтобы царское величество зналъ обо всѣхъ движеніяхъ короля и его войскъ, и наоборотъ, чтобы королевское величество зналъ обо всѣхъ намѣреніяхъ царскихъ. Еще давно, при договорахъ Андрусовскихъ, Ординъ-Нащокинъ предлагалъ установить резиденцію, для чего и почта была учреждена, и Тяпкинъ уже былъ назначенъ резидентомъ къ королю Яну-Казиміру". Свидерскій потребовалъ, чтобы ему былъ вольный доступъ къ царскому величеству, ко всѣмъ боярамъ, окольничимъ, воеводамъ и думнымъ людямъ, вольный разговоръ съ резидентами и послами окрестныхъ государствъ; чтобы ему давали овесъ, сѣно и дрова, столъ же будетъ имѣть насчетъ короля и Рѣчи Посполитой. Ему отвѣчали, что какъ скоро присланы къ нему будутъ отъ короля государственныя грамоты, то съ ними онъ будетъ имѣть доступъ къ царскому величеству; съ боярами, окольничими и думными людьми, также съ иностранными послами и резидентами можетъ видаться, только прежде долженъ давать знать объ этомъ въ Государственный Посольскій Приказъ.

Въ Варшаву резидентомъ отправился стольникъ и полковникъ, Василій Михайловичъ Тяпкинъ, при немъ въ дворянахъ сынъ его, жилецъ Иванъ, переводчикъ, подъячій, черный священникъ съ антиминсомъ и полною церковною службою, и шесть человѣкъ стрѣльцовъ. На дорогѣ, въ Смоленскѣ, 24 ноября, Тяпкинъ узналъ о кончинѣ короля Михаила, далъ знать объ этомъ въ Москву и получилъ указъ—отправляться на мѣсто назначенія. Въ Оршѣ его остановили на основаніи предписанія пановъ радныхъ — не пропускать иностранныхъ пословъ въ Варшаву по случаю смерти королевской. Но Тяпкинъ, зная только указъ своего государя, отправился далѣе на своихъ подводахъ и безъ пристава. 30 января 1674 года въѣхалъ Тяпкинъ въ Варшаву, и чрезъ нѣсколько дней принесли ему сочиненіе на польскомъ языкѣ, разсуждавшее объ избраніи царевича Ѳеодора Алексѣевича на Польскій престолъ. „Славные оба народа языкомъ, и обычаями въ вѣрѣ мало рознятся, живутъ на одной землѣ, не раздѣлены моремъ и никакими неудобопроходимыми рубежами; по большей части сосѣди у нихъ общіе, и могли бы они стать необоримою стѣною христіанства противъ силы бусурманской, когда бы между собою заключили союзъ вѣчный. Союзъ этотъ можетъ быть заключенъ, если старшій сынъ царскій сдѣлается королемъ Польскимъ и великимъ княземъ Литовскимъ. Потому указывается старшій сынъ, что царское величество, будучи еще въ цвѣтѣ лѣтъ, можетъ долго управлять своими государствами и воспитать меньшаго сына; а съ другой стороны нравы и обычаи отчизны нашей, особенно въ нынѣшнее время, требуютъ государя уже возрастнаго. Побужденіе къ союзу: союзъ съ домомъ Австрійскимъ, съ которымъ у царскаго величества давно уже дружба, можетъ быть еще болѣе скрѣпленъ супружествомъ царевича со вдовствующею королевою Польскою, эрцгерцогинею Австрійскою. Союзъ между тремя государствами поведетъ къ счастію и обогащенію подданныхъ посредствомъ свободной и безопасной торговли;—сосѣдямъ всѣмъ страхъ, особенно Турку;—открытый путь къ распространенію всѣхъ этихъ государствъ безъ взаимной обиды и ненависти: помощь общая и скорая; надежда наслѣдства польскаго и литовскаго для потомства царевича, ибо хотя въ Польшѣ правленіе избирательное, однако не было еще примѣра, чтобы обходили сыновей королевскихъ, напротивъ—отыскивали ихъ въ монастыряхъ и вымаливали у папы позволеніе возвести ихъ на престолъ; освобожденіе греческихъ и славянскихъ народовъ изъ неволи бусурманской. Съ другой стороны, если царь не согласится на этотъ союзъ, то Поляки могутъ выбрать себѣ государя изъ дому Французскаго; этотъ государь не будетъ друженъ ни къ цесаремъ, ни съ царемъ, потому что корона Французская въ союзѣ съ султанами Турецкими, также въ союзѣ съ королевствомъ Шведскимъ".

6 февраля Тяпкинъ отправился къ архіепископу-примасу въ присланной за нимъ каретѣ шестеркою: съ нимъ вмѣстѣ въ каретѣ съ лѣвой руки сидѣли приставъ и переводчикъ; передъ каретою вер-

хомъ, съ государевою грамотою, ѣхалъ жилецъ Иванъ Тяпкинъ съ двумя подьячими; передъ грамотою ѣхали дворяне королевскіе 20 человѣкъ, а за каретою шли московскіе стрѣльцы съ бердышами и посланниковы люди. Первая встрѣча была у крыльца, у самой кареты, другая—въ сѣняхъ, третья—въ дверяхъ палатныхъ; при каждой встрѣчѣ говорили гостю: „Его милость ясноосвѣщенный арцыбискупъ васъ, его царскаго величества посланника, ожидаетъ съ любовію". Самъ архіепископъ съ пятью сенаторами встрѣтилъ Тяпкина среди палаты. „Великій государь", началъ посланникъ, „вамъ, примасу и первому князю, и всѣмъ вамъ, господамъ сенаторамъ, и цѣлой Рѣчи Посполитой свою царскую милость обѣщаетъ на всякое время, и велѣлъ мнѣ васъ навѣстить и спросить о вашемъ здоровьи". Архіепископъ и сенаторы стояли всѣ безъ шапокъ и слушали посольство со всякою учтивостію. Посланникъ поднесъ архіепископу грамоту великаго государя въ тафтѣ; тотъ, принявъ грамоту, спрашивалъ о здоровьи великаго государя, говорилъ рѣчь, именованье и титулъ по письму сполна. Когда Тяпкинъ отвѣтилъ, что царское величество въ добромъ здравіи, то примасъ спросилъ: „Великаго государя бояре и вся Дума ихъ по здорову-ль?" — „Бояре и всѣ думные люди въ благоденствіи и добромъ здравіи пребываютъ", отвѣчилъ посланникъ. Слѣдовалъ спросъ о здоровьи и путешествіи самого посланника; когда Тяпкинъ отвѣтилъ, что „милостію Божіею и великаго государя жалованьемъ въ путномъ шествіи поводилось во всемъ здраво и благополучно", архіепископъ и сенаторы сѣли по мѣстамъ, велѣли сѣсть и посланнику среди палаты противъ архіепископа. Посидѣвши немного, посланникъ всталъ и объявилъ, что онъ присланъ резидентомъ, точно такъ, какъ Свидерскій присланъ въ Москву. Канцлеру Литовскому, Кристофу Пацу, Тяпкинъ подалъ статьи, чтобы ему быть въ Варшавѣ въ такомъ же положеніи, въ какомъ Свидерскій находится въ Москвѣ: „Великій государь вашему резиденту позволилъ вольный доступъ къ себѣ, къ своимъ ближнимъ людямъ и къ иностраннымъ резидентамъ, конскій кормъ указалъ давать понедѣльно и дрова помѣсячно, по пяти четвертей московскихъ овса, да по пяти возовъ битыхъ сѣна на недѣлю, дровъ на мѣсяцъ по 20 возовъ; кромѣ того, дано денежнаго жалованья на три недѣли съ пріѣзда его, по 70 рублей на недѣлю".

Въ то же самое время въ Москвѣ посланникъ Литовскаго гетмана Паца, Августинъ Константиновичъ, подалъ Матвѣеву условія, на которыхъ царевичъ Ѳеодоръ можетъ быть избранъ въ короли Польскіе: 1) принятіе католицизма; 2) вступленіе въ бракъ со вдовою покойнаго короля Михаила; 3) возвращеніе всѣхъ завоеваній; 4) соединеніе силъ противъ Турокъ и денежное вспоможеніе Польшѣ. Отвѣчалъ посланнику ближній бояринъ, князь Юрій Алексѣевичъ Долгорукій: „Великій государь сыну своему на коронѣ Польской и великомъ княжествѣ Литовскомъ быть не изволяетъ, а соизволяетъ быть государемъ самъ своею государскою особою въ православной христіанской вѣрѣ Восточной Церкви. Быть королю католикомъ—эта статья трудна съ обѣихъ сторонъ: на коронаціи у васъ король присягаетъ не притѣснять никого въ вѣрѣ, если же присягу нарушитъ, то этимъ подданныхъ отъ подданства увольняетъ, а если быть королю и Греческой вѣры католикомъ, отъ этого между Восточною Церковію и Западнымъ костеломъ преломленіе, чему никакимъ образомъ сдѣлаться нельзя".— „Между Греческою и Римскою вѣрою", отвѣчалъ посланникъ, „мало разницы; только въ королевствѣ Польскомъ всегда бывали короли католики, точно такъ, какъ и другіе окрестные государи держатъ также католическую вѣру, и объ этомъ можно договориться".— „Станутъ духовные съѣзжаться для постановленія о вѣрѣ, пройдетъ много времени", сказалъ Долгорукій. „Великій государь хочетъ быть государемъ Польскимъ и Литовскимъ въ Греческой вѣрѣ, а Рѣчи Посполитой всѣ права и вольности подтверждаетъ. Что прежніе Польскіе короли были католиками и что другіе окрестные государи католики,—то не примѣръ; которые у великаго государя подданные римской, люторской, кальвинской, калмыцкой и другихъ вѣръ служатъ вѣрно,—тѣмъ никакой тѣсноты въ вѣрѣ не дѣлается, за вѣрную службу жалуетъ ихъ великій государь". — „Въ Польшѣ и Литвѣ никогда не бывало государей Греческой вѣры", повторилъ посланникъ. — „Бывали разныхъ вѣръ", отвѣчали ему; „самъ ты говорилъ, что между Греческою и Римскою вѣрою мало разницы, слѣдовательно государю Греческой вѣры у васъ быть можно, можно быть и потому: въ послѣднемъ договорѣ съ султаномъ вы обязались давать ему гарачъ, слѣдовательно сдѣлали его себѣ государемъ. Объ условіи, чтобы царевичъ вступилъ въ бракъ съ королевою, говорить нечего, потому что королемъ хочетъ быть самъ государь. О возвращеніи завоеваній будетъ договоръ въ то время, какъ пріѣдутъ къ царскому величеству польскіе и литовскіе послы. Что же касается до вспоможенія казною, то до сихъ поръ войскамъ государевымъ, которыя помогаютъ коронѣ Польской, розданы многія тысячи милліоновъ. Царское величество дѣлаетъ это теперь только для имени христіанскаго, а когда будетъ государемъ Польскимъ и Литовскимъ, тогда совѣсть понудитъ его оборонять своихъ подданныхъ какъ своими, такъ и чужеземными войсками. Всѣ доходы королевскіе государь велитъ собирать Рѣчи Посполитой на наемъ войскъ, а самъ будетъ довольствоваться своею царскою казною". Константиновичъ былъ отпущенъ съ отвѣтомъ: „Великому государю не только для короны Польской и великаго княжества Литовскаго, но и для цѣлаго свѣта нельзя оставить благочестивой вѣры Греческаго закона; быть у васъ государемъ царское величество изволяетъ самъ, а сына своего отпустить не соизволяетъ; слѣдовательно королевѣ замужъ выходить не за кого, а какъ ей жить,—о томъ договорятся коммисары съ обѣихъ сторонъ. Когда царское величество будетъ государемъ во всѣхъ трехъ государствахъ, то рубежей раздѣлять не-для-чего Права ваши и вольности не будутъ нарушены, а при коронаціи сенаторы и вся Рѣчь Посполитая присягаютъ въ вѣрной службѣ и послушаніи; въ уряды ваши и маетности великій государь никогда вступаться не будетъ и никому не велитъ. Когда царское величество будетъ вашимъ государемъ, тогда Польшу и Литву станетъ оборонять отъ всякихъ непріятелей своими ратными людьми, не требуя изъ скарбовъ коронныхъ и литовскихъ никакихъ податей. Коронныя и литовскія войска должны помогать государевымъ ратнымъ людямъ на всякаго непріятеля равнымъ числомъ на коронныхъ и литовскихъ проторяхъ, потому что великій государь никакихъ поборовъ и податей, которые сбирывались въ казну королевскаго величества съ его экономій, въ свою казну собирать не изволитъ, а укажетъ всякіе поборы и подати раздавать ратнымъ людямъ. Ты упоминалъ о дачѣ милліоновъ Рѣчи Посполитой; но великій государь владѣетъ своимъ Россійскимъ государствомъ и впредь его содержать можетъ по своему бодроопасному разуму безъ пріискиванія иныхъ государствъ куплею: такъ эту торговлю Рѣчь Посполитая оставила бы. Если Рѣчь Посполитая хочетъ имѣть у себя государя премудраго, благочестиваго, въ ратныхъ дѣлахъ искуснаго, многонароднаго и всякими годностями въ Европѣ цвѣтущаго, то пусть обратится къ царскому величеству, пусть пришлетъ пословъ своихъ съ прошеніемъ, а государь отправитъ на элекцію своихъ пословъ съ полною мочью, которые и станутъ договариваться“

Къ Тяпкину въ Варшаву посланъ былъ списокъ этихъ статей съ наказомъ: повидаться съ гетманомъ Пацомъ и говорить ему, чтобы онъ великому государю радѣнье свое показалъ, и свою братью пановъ и Рѣчь Посполитую приводилъ, чтобъ они избрали себѣ государемъ царское величество именно на этихъ статьяхъ.

4-го марта написанъ былъ этотъ наказъ Тяпкину, который между тѣмъ находился въ затруднительномъ положеніи, не получая никакихъ грамотъ изъ Москвы; 25 февраля онъ обратился съ жалобою къ Матвѣеву: „Милостивый государь, отецъ и благодѣтель мой, Артемонъ Сергѣевичъ! Преславши обыкновенное пренижайшее рабское мое поклоненіе, тебѣ, милостивому моему государю, отъ Превышняго Господа Бога, яко многолѣтняго здравія, такъ и счастливаго и доброномысленнаго господствованія усердно тебѣ, государю, присно желаю. По своей, государь, велiей ко мнѣ отеческой милости изволишь вѣдать: и я на службѣ великаго государя въ Варшавѣ за помощію Божіею и его государскимъ жалованьемъ и твоимъ, свѣта и государя отца моего, милостивымъ заступленіемъ живъ до воли Вседержителя нашего; только никогда не могу безпечаленъ быти, понеже чрезъ многія почты не токмо вижу писанія, ниже слышу о твоемъ, государя моего, здравіи, котораго сердечно, любовною моею охотою радъ бы на всякъ часъ слышать и о немъ веселиться, яко неотмѣнный рабъ и желатель твоей, государя моего, милости. Понеже убо вся вещи ветхость снѣдаетъ, а благодѣянія же точію память вовѣки старѣтися не имать: сице же и у мене искушенная твоя, государя моего, отеческая благодать, ея же долженъ есмь въ сердцѣ моемъ имѣти, даже и до послѣдняго издыханія моего. Наипаче же о сиротствѣ моемъ съ плачемъ прошу твоей, государя моего, милости: чего бы ради такъ забвенъ есмь? яко николи же чрезъ многія почты не имамъ и на отписки и вѣстовыя письма моя изъ Минска и изъ Вильны, и изъ Варшавы никакого государскаго указу по се число ко мнѣ не бывало, и ни единыя ни о чемъ вѣдомости не имѣлъ; а сенаторы, государь, безпрестанно спрашиваютъ, а наипаче о войскахъ его царскаго величества. Отъ нихъ только что услышу, а самъ вовремя безвѣстенъ пребываю, отчего и зазоръ себѣ немалый предъ другими резиденты имѣю, понеже ко всѣмъ чрезъ всякую почту письма доходятъ, а я уже въ Варшавѣ по се число живу четвертую недѣлю,—ни о чемъ не слышу. Пожалуй, премилостивый государь отецъ мой и благодѣтель, не прогнѣвись на грубое письмо и прошенье мое, вели, государь, хотя малое что надлежитъ до вѣдомости мнѣ посылать чрезъ всякую почту. Пословъ безмѣрно на элекцію желаютъ и говорятъ о томъ мнѣ, чтобы я къ тебѣ, государю, писалъ; а рефендарь Литовскій, Павелъ Бростовскій, съ великимъ прошеньемъ говорилъ мнѣ и велѣлъ къ тебѣ, государю, нарочно отписать, чтобы ты изволилъ съ нимъ дружество имѣть и любительнымъ письмомъ ссылаться: крѣпко, государь, желаетъ твоей пріятной милости и частаго писанья“

Жалуясь, что не получаетъ извѣстій изъ Москвы, Тяпкинъ долженъ былъ жаловаться на Поляковъ, что не даютъ ему вовремя посылать писемъ въ Москву, и что трудно получить отъ нихъ правдивыя извѣстія: „Варшавскій почтомайстеръ двѣ почты, не сказавъ мнѣ, отпустилъ (жаловался резидентъ Матвѣеву); сказалъ намъ, что отпустится почта въ среду; я изготовилъ письма и послалъ въ среду рано къ почтомайстеру, а онъ уже почту отпустилъ еще въ понедѣльникъ! Все это они дѣлаютъ для своихъ лакомыхъ подарковъ, которыхъ много надобно въ годъ, если придется всѣхъ дарить. Думаю, что ихъ резидентъ не очень много передарилъ нашихъ; а здѣсь услужитъ какимъ-нибудь пустякомъ, пустую вѣстишку принесетъ—и уже смотритъ, чтобъ ему дали: такихъ лакомыхъ и лживыхъ людей и между погаными трудно найти. Я не только варшавскому, но и минскому, и виленскому почтомайстеру добрые подарки далъ, чтобы только писемъ нашихъ не задерживали; также и отъ другихъ людей, что куплю, то и провѣдаю, и Богъ вѣсть, какъ впередъ жить будетъ съ такими лакомцами“. Тяпкинъ жаловался, что ему даютъ мало денегъ на дрова и конскій кормъ, который въ Варшавѣ гораздо дороже, чѣмъ въ Москвѣ; именно давали по четыре рубля въ недѣлю. Свидерскій, въ Москвѣ, имѣлъ у Матвѣева два дня въ недѣлю—воскресенье и среду, а Тяпкину Литовскій канцлеръ Пацъ назначилъ только одинъ разъ въ недѣлю, въ воскресенье послѣ обѣда. Тяпкинъ потребовалъ у Паца, чтобъ позволено ему было посылать въ ихъ канцелярію переводчика и подъячихъ для провѣдыванія вѣстей, также чтобы присылали къ нему авизы для прочтенія; но Пацъ отвѣчалъ, что у нихъ канцеляріи нѣтъ и авизовъ никакихъ не бываетъ, а если нужно будетъ резидента о чемъ увѣдомить, то это будетъ сдѣлано во время пріѣзда его къ канцлеру въ воскресенье; въ случаѣ же крайней необходимости канцлеръ за нимъ пришлетъ нарочно. „Поэтому, государь, и людей Сведерскаго не надобно пускать въ Посольскій Приказъ, писалъ Тяпкинъ Матвѣеву. Отнюдь ни малаго пріятства отъ канцлера себѣ, кромѣ гордости, не имѣю. Только архіепископъ зѣло человѣкъ благоувѣтливъ, учтивъ и низокъ; также и гетманъ Литовскій Пацъ и маршалокъ Литовскій Полубенскій ласковы мнѣ явились, обсылали меня кормомъ, овощами и питьемъ“. Жалобы не прерывались: „Житье наше въ Варшавѣ яко единымъ отъ убогихъ; никакого призрѣнія и почтенія не имѣемъ; противъ господина Свидерскаго и вполовину не дано; развѣ впередъ намъ лучше станетъ, когда король будетъ, а теперь очень мы имъ непотребны, только потому отказать не смѣютъ, что ихъ резидентъ въ Москвѣ живетъ: боятся того, что Заднѣпровская сторона становится подъ скипетръ великаго государя. Канцлеръ говорилъ мнѣ, чтобы Григ. Григ. Ромодановскій соблюдалъ большую осторожность насчетъ гетмана Самойловича,—Дорошенко пишетъ къ нему такія письма: „Мы другъ съ другомъ будемъ биться такъ, чтобы у насъ обоихъ войска были въ цѣлости; у меня протекторъ Турскій султанъ, а у тебя заступникъ—царь, и если наши войска будутъ въ цѣлости, то мы отъ государей своихъ въ большой чести и милости будемъ. Лучше было бы, если бы царское величество велѣлъ всѣмъ войскамъ дѣйствовать вмѣстѣ съ нашими“.

Получивъ изъ Москвы статьи насчетъ королевскаго избранія, Тяпкинъ отправился съ ними къ гетману Пацу. Тотъ отвѣчалъ: „Я, желая прислужиться царскому величеству, вмѣстѣ съ литовскими сенаторами, воеводою Троцкимъ Огинскимъ, маршалкомъ Полубенскимъ, референдаремъ Бростовскимъ, Виленскимъ каштеляномъ Котовичемъ, радѣлъ всѣми силами, чтобы быть королемъ царевичу Ѳеодору Алексѣевичу, и канцлера Литовскаго Кристофа Паца привелъ-было на то же доброе желаніе. Если бы царское величество позволилъ сыну своему быть католикомъ по нашему древнему праву, то мы бы, оставя всѣхъ другихъ государей, выбрали царевича. Но въ статьяхъ, привезенныхъ Константиновичемъ отъ бояръ, объявлено, что быть королемъ самому царскому величеству; этого намъ сдѣлать нельзя, нельзя оставить королеву безъ супружества; но, что важнѣе, объявлено, что великій государь и для пріобрѣтенія цѣлаго свѣта католикомъ не сдѣлается; объ этомъ намъ нельзя объявить панамъ польскимъ, да и некогда было говорить, потому что сеймики въ Литвѣ и коронѣ всѣ кончились, и предложить это дѣло некому, а безъ предложенія шляхтѣ на сеймикахъ нельзя начинать дѣло“.

Въ апрѣлѣ начались выборы. Послы Папскій и Цесарскій хлопотали за герцога Лотарингскаго. 28 апрѣля въ колѣ рыцарскомъ держали рѣчь послы волынскіе: объявили, что они впередъ никакихъ податей въ казну королевскую платить не будутъ, потому что воеводы московскіе разослали универсалы по всей Волынской Землѣ и Подоліи, запрещаютъ давать подати въ казну королевскую; а войска царскія приближаются уже къ Полѣсью, Заславлю, Острогу, и—догадываются они,—нѣтъ ли соглашенія у царя съ султаномъ, чтобы заодно промышлять надъ Польскимъ государствомъ. Многіе паны коронные говорили: „Во столько лѣтъ черезъ польскіе договоры не могли мы вытребовать у царя Кіева, а теперь еще труднѣе стало, когда всю Украйну царь отобралъ“. Польскіе паны начали винить въ этомъ Литву; тутъ вмѣшался въ ихъ рѣчи посолъ Цесарскій и спросилъ у коронныхъ: „Вѣдь Украйна оставалась въ вашихъ рукахъ?“ и, услыхавъ отвѣтъ, что Украйна съ Дорошенкомъ поддалась султану, сказалъ: „За что же вы сердитесь? лучше пусть владѣетъ ею государь христіанскій и вашъ союзникъ!“ Троцкій воевода Огинскій говорилъ также въ защиту царя: „Трудно на васъ угодить, господа коронные! Въ прежніе годы, когда царь не давалъ вовсе помощи противъ Татаръ, то вы съ сердцемъ говорили, что онъ поступаетъ не по договору; а теперь, когда царь сталъ помогать и всю Украйну изъ-подъ султанскаго подданства освободилъ,—сердитесь и говорите, что онъ всю Украйну отъ васъ отобралъ!“

8 мая провозглашенъ былъ королемъ великій гетманъ коронный Янъ Собѣскій. 11 мая, по требованію Троцкаго воеводы Огинскаго, Тяпкинъ послалъ къ нему переводчика Лаврецкаго, и воевода говорилъ: „Писали мы къ царскому величеству, просили себѣ въ короли царевича Ѳеодора Алексѣевича; удивительно намъ, почему царское величество не изволилъ исполнить наше желаніе. А теперь своею силою, посулами и тайнымъ сговоромъ подканцлера Литовскаго Радзивила и всѣхъ Сапѣговъ, которымъ многія сотни тысячъ золотыхъ роздалъ, сталъ королемъ гетманъ Янъ Собѣскій. И хотя гетманъ Михайла Пацъ и канцлеръ, и я, и другіе паны литовскіе противились этому и стояли крѣпко отъ самаго избранія его, съ 8 мая до 11-го, только теперь пришлось и намъ позволить поневолѣ, а тайно конечно будемъ радѣть, чтобы его какою ни есть смертію извести, и есть на то хорошіе способы. Собѣскій намъ потому не любъ, что онъ великій непріятель Московскому государству, и надобно думать, что помирится съ султаномъ

сейчасъ же; хочетъ онъ пустить Турокъ на цесаря войною, чтобы отвлечь его отъ Франціи, а самому съ отрядомъ турецкаго войска и съ Крымомъ идти непремѣнно на Московское государство. Но если онъ обнаружитъ намѣреніе разорвать миръ съ царскимъ величествомъ, то мы, литовскіе, никакъ этого не позволимъ; если же возьмутъ силу коронные, то пусть будетъ извѣстно царскому величеству, что мы, пріѣхавши въ Литву, всѣми силами станемъ радѣть, будемъ приводить всю шляхту литовскую на сеймикахъ, по повѣтамъ и по воеводствамъ, чтобы на войну съ Московскимъ государствомъ не давали никакихъ податей, ни войска ни одного человѣка. Думаю, что мы со всею Литвою совсѣмъ отложимся отъ коронныхъ и приклонимся къ царскому величеству, усмотря время. Хотя мы теперь поневолѣ и позволили быть королемъ Яну Собѣскому, потому что онъ многихъ коронныхъ и литовскихъ пановъ задарилъ, а иныхъ застращалъ, приведши подъ Варшаву войско коронное, однако мы его впредъ королемъ имѣть не будемъ". Огинскій плакалъ, цѣловалъ крестъ: „Отнюдь", говорилъ онъ, „Литва не хочетъ воевать съ царскимъ величествомъ; пусть великій государь велитъ своимъ войскамъ поступать осторожно на Украйнѣ, если случится быть вмѣстѣ съ войсками коронными; а теперь бы изволилъ явить къ королю свою милость, не показывалъ бы ни въ чемъ жесточи, наблюдая, что̀ впередъ отъ короля и отъ коронныхъ объявится, и если что объявится, то царскаго величества рати должны быть на рубежѣ литовскомъ: и этимъ страхъ большой разгласится по всей Литвѣ, и станетъ Литва отговариваться и помощи не дастъ. Во всѣхъ этихъ и въ другихъ своихъ дѣлахъ указалъ бы государь тайно ссылаться и промышлять съ гетманомъ Михаиломъ Пацомъ и со мною, не довѣряя другимъ".

Иное говорилъ Тяпкину подканцлеръ Литовскій, князь Михаилъ Радзивилъ: „Нынѣшній король во многихъ случаяхъ былъ желателенъ къ царскому величеству: такъ, когда коронные гетманы отдали въ Крымъ боярина Василья Борисовича Шереметева, то онъ сильно противился этому несправедливому поступку, говорилъ, что они это дѣлаютъ не по христіанскому обычаю. А теперь, получивши корону, онъ еще больше желаетъ дружбы и любви съ царскимъ величествомъ. Напишите къ великому государю, чтобы онъ имѣлъ съ королемъ нашимъ истинную дружбу и никакимъ ссорамъ не вѣрилъ; чтобы, какъ въ прошломъ году, такъ и теперь, велѣлъ своимъ ратнымъ людямъ промышлять надъ Крымомъ и надъ Азовомъ и тѣмъ отвести Татаръ отъ помощи войскамъ турецкимъ, да и противъ Турокъ велѣлъ бы своимъ полкамъ съ польскими и литовскими войсками сближаться и заодно стоять".

Узнавши, что король отложилъ коронацію и готовится выступить въ походъ, Тяпкинъ обратился къ Литовскому канцлеру съ требованіемъ, чтобы ему позволено было быть на резиденціи при королѣ въ обозѣ.—„Старый у насъ обычай", отвѣчалъ канцлеръ, „что послы и резиденты не только-что въ обозъ съ королемъ, и никуда изъ Варшавы не ѣзжали". Донося объ этомъ отвѣтѣ Матвѣеву, Тяпкинъ писалъ: „Трехдневнаго корма по сіе время мнѣ не выдавали,—ей, до конца испроѣлись, и что было государскаго жалованья, рухляди, все издержали, а впередъ Богъ вѣсть, какъ буду жить. А если королевское величество насъ съ собою не возьметъ, то не знаю, какой толкъ въ моей резиденціи будетъ".

Московскому резиденту долго пришлось дожидаться кормовыхъ денегъ: денегъ не было въ казнѣ королевской, послали занимать ихъ въ Данцигъ, повезли королевскіе брилліанты въ закладъ. Безъ денегъ нельзя было выступить въ походъ. Въ предстоящей страшной войнѣ съ Турками была помощь только съ одной стороны—Московской. Сначала въ Варшавѣ сильно безпокоились: какъ взглянутъ въ Москвѣ на избраніе Собѣскаго; безпокоились, что долго не приходила поздравительная грамота отъ царя новому королю. Подканцлеръ коронный Ольшевскій, епископъ Хелминскій, въ тайномъ разговорѣ клялся резиденту, что король желаетъ съ царемъ истинной братской дружбы и соединенія силъ противъ Турокъ и Татаръ. „Если это соединеніе послѣдуетъ", говорилъ епископъ, „то силами обоихъ народовъ навѣрное прогонимъ Турка до Дуная, потому что мы уже знаемъ, какъ въ битвахъ съ Турками промышлять, только бы при нихъ не было Татаръ, которые нашему народу всегда тяжки. А христіанскіе народы, живущіе по Дунаю, Волохи, Сербы, Молдаване, Славяне, какъ скоро заслышатъ, что царскія войска соединились съ польскими, то сейчасъ же пристанутъ къ нимъ, особенно къ людямъ царскаго величества; они всякими способами провѣдываютъ, тайно и явно, какъ бы имъ далъ Богъ, чтобы царское величество съ королевскимъ были въ братской дружбѣ и соединеніи,—и тогда немедленно поддадутся обоимъ великимъ государямъ, потому что единовѣрные они христіане не только съ народомъ Московскимъ, но и съ нами, римскими католиками, и хотя есть между нами въ вѣрѣ какое различіе, то несогласія эти произошли отъ гордости папы и греческихъ патріарховъ. Если же войска обоихъ народовъ Задунайскія земли у Турокъ отобьютъ, то этимъ самымъ получатъ способъ къ вѣчному покою".

Новичка въ дѣлѣ, Тяпкина, сильно смущало разногласіе сужденій о королѣ Янѣ и его намѣреніяхъ: „Дивные здѣсь въ народѣ голоса! одни королевское величество очень благодарятъ, ставятъ такимъ мудрымъ и въ воинскихъ дѣлахъ искуснымъ, какого отъ двухъ сотъ лѣтъ у нихъ не бывало. Другіе считаютъ его хитрымъ и лукавымъ, склоннымъ къ поганымъ. Одни утверждаютъ, что идетъ онъ въ обозъ на оборону Рѣчи Посполитой, будто непремѣнно хочетъ, соединясь съ войсками царскаго величества, сообща стать противъ бусурманъ. Другіе говорятъ, что идетъ въ обозъ нарочно, чтобъ ему ближе было съ Туркомъ и Крымскимъ ссылаться, чтобъ Украйну имъ всю отдать, а себѣ Каменецъ и другіе края завоеванные возвратить, а потомъ вмѣстѣ съ Турками и Татарами идти на государство Московское. Одинъ Богъ вѣсть, кому изъ нихъ вѣрить! Солдаты, которые долго служатъ, а жалованья не получаютъ, приходятъ и явно говорятъ: если бы вѣрное царское слово въ нашъ войсковой народъ было пущено, что царское величество жалуетъ насъ и заслуженныя деньги обѣщаетъ заплатить вскорѣ, то не только литовскіе,—и коронные всѣ пристанутъ и будутъ ему, государю, служить противъ всякаго недруга. Староста Сахновскій, бывшій въ Москвѣ, брался уговорить войско перейти на царскую сторону“

12 августа выѣхалъ король изъ Варшавы къ войску; кромѣ придворныхъ урядниковъ изъ сенаторовъ, никто съ нимъ не поѣхалъ,—разъѣхались всѣ по маетностямъ. Въ Варшавѣ остался подскарбій коронный Морштейнъ—врагъ государству Россійскому. „Караула у меня на дворѣ нѣтъ, писалъ Тяпкинъ, а воровство и убійство безпрестанныя: боюсь, чтобы не обокрали или не разбили; живу безъ дѣла, испроѣлся и одолжалъ“.

Но московскаго резидента ждали еще большія непріятности, когда въ Варшавѣ узнали объ успѣхахъ Турокъ въ Украйнѣ, о переходѣ Ромодановскаго и Самойловича назадъ на восточную сторону Днѣпра: „Сильно на насъ злобятся вертоглавы бѣсовскіе, которые французскою завистію заражены и лакомствомъ задавлены“, писалъ Тяпкинъ. Когда онъ послалъ подъячаго къ Морштейну съ вопросомъ, нѣтъ ли какихъ вѣстей изъ Украйны,—то подскорбій велѣлъ отвѣчать ему: „Вѣстей у насъ никакихъ нѣтъ, только Москва ваша утекла за Днѣпръ позорно, никѣмъ не гонимая, турецкихъ войскъ не видавши, пушки всѣ погубила и больше 10,000 войска потопила, хорошо бы, если бы и вся пропала!“—„Живя въ Варшавѣ“, продолжалъ жаловаться Тяпкинъ, „я всякія вѣдомости покупаю дорогою цѣною; которые были со мною въ дружбѣ,—и тѣ уже начинаютъ отказывать, хотятъ награжденія, говорятъ, не стыдясь, что они вѣдомости сами покупаютъ дорогою цѣною, рискуютъ и здоровьемъ, навлекая подозрѣніе. Авраамъ Сокольскій, староста Сахновскій, очень доброхотенъ, вѣры благочестивой, во всемъ съ радостію царскому величеству служить хочетъ; радъ бы, говоритъ, поѣхать и къ границамъ для провѣдыванія, да нечѣмъ подняться! проситъ жалованья; а Сахновскій этотъ очень способенъ и достовѣренъ. А что къ митрополиту Виницкому Антонію послано чрезъ того же Аврама большое жалованье, то отъ него не слыхать никакого доброхотства, не пишетъ ко мнѣ ничего“.

Единственною цѣлію сношеній Польскаго правительства съ Русскимъ въ это тяжелое для Польши время было убѣдить царя подать болѣе дѣятельную помощь въ войнѣ Турецкой, соединить свои войска съ войсками королевскими. Не довольствовались заявленіемъ этого желанія резиденту русскому, и въ сентябрѣ прислали въ Москву извѣстнаго уже здѣсь Самуила Венславскаго. Посланникъ, по обычаю, привѣтствовалъ великаго государя пышною рѣчью, поздравляя съ новымъ (сентябрскимъ) годомъ отъ имени Польскихъ и Литовскихъ народовъ, желалъ, чтобы Алексѣй Михайловичъ побѣдами, долголѣтіемъ, изяществомъ равенъ былъ Казиміру III-му и Сигизмунду I-му, слылъ бы у государей христіанскихъ миротворцемъ, уподобился бы счастіемъ Гераклію, долгоденствіемъ Юстиніану, воскресилъ бы память Карла Великаго; какъ тотъ на Западѣ, такъ бы теперь царь на Востокѣ, вмѣстѣ съ королемъ Польскимъ, поддержалъ падающую корону Цесарскую.

На объявленіе стараго требованія о соединеніи войскъ, Матвѣевъ отвѣчалъ Венславскому, что Турки побили царскія войска въ Ладыжинѣ, и войска коронныя и литовскія съ тылу на непріятеля не пошли, чѣмъ возбуждено сомнѣніе въ царскомъ величествѣ. Если бы въ то время, какъ непріятель вошелъ въ Украйну, король со всѣмъ своимъ войскомъ двинулся на него, то царскія войска, бывшія въ то же время на Украйнѣ, непремѣнно бы соединились съ польскими; но король сдѣлать этого не захотѣлъ, и Турки опустошили Украйну. За этою пустотою царскимъ войскамъ нельзя идти впередъ на ту сторону Днѣпра, хотя они всегда стоятъ въ готовности. Король желаетъ соединенія силъ, когда войска турецкія обратились въ его сторону, а какъ непріятель былъ на Украйнѣ, то Поляки на него не шли. Царскія войска хотя и истомились, однако стоятъ въ готовности на Украйнѣ, а королевскихъ войскъ и теперь на Украйнѣ нѣтъ: такъ какъ же соединиться войскамъ? „Король послалъ тебя сюда, зная навѣрное, что Турки идутъ въ Украйну, а самъ за ними не пошелъ“.—„Король былъ обнадеженъ:—Ханъ прислалъ ему сказать, чтобы войска польскія не двигались“, сказалъ Венславскій. — „Мы только еще подозрѣвали, а теперь выходитъ прямо, что король хана послушалъ; ясно, что войска непріятельскія приходили на Украйну съ королевскаго совѣта!“ возразилъ Матвѣевъ. *Венславскій:* „Если непріятель изъ Украйны уже вышелъ, то пусть царскія войска хотя перейдутъ на другую сторону Днѣпра“. *Матвѣевъ:* „До весны наши войска будутъ на этой сторонѣ; а на весну какое непріятельское намѣреніе будетъ, въ то время оба великіе государи станутъ между собою ссылаться. Что же касается до общаго мира съ Турками, то царское величество на миръ согласенъ, только былъ бы онъ прибыленъ обоимъ великимъ государямъ“.

Въ грамотѣ, отправленной съ Венславскимъ къ королю, царь писалъ, что соединеніе войскъ за осеннимъ и наступающимъ зимнимъ временемъ невозможно: „Ваше королевское величество желаете теперь соединенія войскъ, видя, что такая великая сила бусурманская въ государства ваши валится; а если бы бусурманскія войска въ государства ваши не обратились, то, надобно думать, вы бы этого соединенія силъ и не пожелали. Однако мы своимъ войскамъ, какъ они ни истомились, по домамъ расходиться не велѣли, приказали имъ стоять на отпоръ непріятелю, и пошлемъ къ нимъ на помощь многихъ людей. Мы вамъ помогать готовы, только бы ваше королевское величество съ чинами Рѣчи Посполитой и великаго княжества Литовскаго изволили сложить сеймъ вольный и постановить, какъ непріятелю сообща отпоръ дѣлать; чтобы это постановленіе было крѣпко и постоянно, а не такъ бы, какъ теперь со стороны вашего королевскаго величества дѣлается: кто хочетъ, тотъ противъ непріятеля и идетъ“.

Уполномоченнымъ, отправленнымъ на новые Андрусовскіе съѣзды, двоимъ князьямъ Одоевскимъ, боярину князю Никитѣ Ивановичу и стольнику князю Юрію Михайловичу съ товарищами, былъ данъ наказъ: о соединеніи силъ коммисарамъ отказать и въ договоры не вступать. Но польскіе коммисары Марціанъ Огинскій, воевода Троцкій, и Антоній Храповицкій, воевода Витебскій, съ товарищами грозили, что если соединенія силъ не произойдетъ, то Поляки поневолѣ должны будутъ заключить миръ съ Турками. Насчетъ вѣчнаго мира согласиться не могли, потому что коммисары не хотѣли уступить Москвѣ въ вѣчное владѣніе тѣхъ городовъ, которые уступлены были ей по перемирію; объ увеличеніи лѣтъ перемирія они не хотѣли говорить безъ договора о соединеніи силъ. „Если“, говорили коммисары, „соединенія силъ не послѣдуетъ и Кіевъ не будетъ отданъ, то мы его саблями станемъ отыскивать; у насъ теперь государь воинственный, который не только Кіевъ, но и другіе города отыскивать будетъ; можетъ онъ оборониться отъ непріятеля и безъ царской помощи!“. По этому случаю, Алексѣй Михайловичъ написалъ Собѣскому: „Великіе послы съѣзжаются для умноженія братской дружбы между ихъ государями, а не для угрозъ; неприлично стращать мечемъ того, который и самъ, за помощію Божіею, мечъ въ рукахъ держитъ: въ томъ свидѣтельствуетъ прошлая война. О Кіевѣ вашимъ коммисарамъ говорить негодилось! Кіевъ задержанъ за многія и несчетныя съ вашей стороны намъ безчестья и досады въ пропискахъ нашего имени и титула и въ печатныхъ книгахъ: въ грамотахъ, отправленныхъ изъ вашей канцеляріи, пишутъ меня Михаиломъ Алексѣевичемъ! Кіевъ задержанъ также за несчетные убытки при вспоможеніи вашему королевскому величеству противъ султана и хана Крымскаго. Вы отдали султану Украйну, въ которой и Кіевъ; такъ можно ли послѣ того вамъ отдать Кіевъ?“ Андрусовскіе переговоры тянулись съ половины сентября до конца декабря, и кончились ничѣмъ, а между тѣмъ Собѣскій въ своихъ грамотахъ не переставалъ умолять царя о немедленномъ вспоможеніи, увѣдомляя о своихъ успѣхахъ, выставляя, что теперь самое удобное время ударить сообща на врага и очистить страны Придунайскія.

8-го декабря пріѣхалъ въ Варшаву съ царскою грамотою подьячій Тимоѳеевъ: велѣно ему отдать грамоту королю непремѣнно при резидентѣ Тяпкинѣ. Тяпкинъ отправился къ канцлеру Пацу, объявилъ царскій указъ и потребовалъ, чтобы отпустили ихъ немедленно съ Тимоѳеевымъ въ обозъ королевскій. „Въ опасной грамотѣ“, отвѣчалъ Пацъ, „написанъ одинъ подьячій, а резидентова имени нѣтъ; подьячему и будетъ отпускъ безъ задержки, а тебѣ ѣхать съ нимъ невозможно: по обычаю польскому, всѣ резиденты обязаны жить въ столицѣ“ „Присланъ особый царскій указъ, чтобы мнѣ ѣхать съ подьячимъ“, возражалъ Тяпкинъ. „Вольно царскому величеству указъ свой присылать о чемъ ему угодно“, отвѣчалъ Пацъ: „только удивительно, для чего въ опасной грамотѣ о твоемъ отпускѣ ничего не упомянуто! Отпустить тебя нельзя, потому что недавно король прислалъ указъ: если царское величество выступитъ изъ Москвы съ войсками въ Путивль, какъ объявлено королю, и если резидентъ королевскій будетъ въ этомъ походѣ, то пусть и Тяпкинъ ѣдетъ въ обозъ королевскій; если же царское величество и резидентъ польскій останутся въ Москвѣ, то и Тяпкинъ долженъ оставаться въ Варшавѣ“.

Положили, что канцлеръ спишется съ королемъ, а Тимоѳеевъ будетъ ждать въ Варшавѣ отвѣта. Въ этомъ ожиданіи онъ успѣлъ поссориться съ резидентомъ: пріѣхавшіе съ нимъ приставъ Посольскаго Приказа Реньевъ и двое смоленскихъ рейтаръ стали ходить по корчмамъ и, напившись, стали бросаться ночью на Поляковъ съ саблями и ножами, стаскивали платье, отнимали деньги; караулъ схватилъ буяновъ и съ уликою, съ обнаженными саблями и пограбленными вещами, прямо препроводилъ къ Тяпкину, потому что они назвались людьми русскаго резидента. На другой день Литовскій канцлеръ и Варшавскій губернаторъ прислали къ Тяпкину съ выговорами и требованіемъ расправы съ виноватыми. Тяпкинъ препроводилъ ихъ къ Тимоѳееву, чтобы расправился съ ними тотъ. Но подьячій принялъ сторону пристава и рейтаръ, сталъ бранить Тяпкина при всѣхъ Русскихъ людяхъ, называлъ коварникомъ, и Тяпкинъ послалъ на него жалобу государю.

15-го февраля 1675 года Тимоѳеевъ отправился къ королю одинъ: Тяпкина не пустили, а стали стращать его миромъ короля съ Турками, которые послѣ того пойдутъ на Московское государство. Пріѣзжалъ къ Тяпкину Венявскій, довѣренный человѣкъ у короля, и подъ великою клятвою разсказывалъ, что король хочетъ двинуться ко Львову не для сейма и не для коронаціи, а для заключенія мира съ Турками, Татарами и Дорошенкомъ, потому что бусурманы обѣщаютъ возвратить всѣ завоеванія, но съ тѣмъ, чтобы король пропустилъ чрезъ свои владѣнія турецкое и татарское войско въ Московское государство. Магометане Казанскіе, Астраханскіе, Сибирскіе и даже живущіе въ самой Москвѣ слезно просятъ султана, чтобы онъ, какъ Богъ ихъ и царь, избавилъ ихъ изъ работы христіанской, обѣщаютъ, что какъ скоро почуютъ пришествіе рати турецкой и татарской въ Московское государство, то немедленно и единодушно встанутъ на него. „Но если“, закончилъ Венявскій обычнымъ припѣвомъ, „если царское величество дастъ на весну помощь королю войсками, то никакихъ трактатовъ съ Туркомъ не будетъ“. Тимоѳеева отпустили не прежде, какъ онъ обѣщалъ подскарбію соболей на 30 рублей; по этому случаю Тяпкинъ писалъ Матвѣеву: „Такое наше житье, что и въ самыхъ постановленныхъ между государствами дѣлахъ безъ купли обойтись трудно“! Попрежнему Тяпкинъ жалуется, что трудно достать ему правдивыхъ вѣдомостей, потому что „много составныхъ проектовъ разсѣваютъ каждый по своему желанію, черезъ обычные свои вертоглавные концепты. Кручинятся и нарекаютъ безпрестанно, что помощи не получаютъ отъ царскаго величества, а того будто не видятъ, что сами между собою перегрызлись и разбрелись врознь; войско литовское лежитъ на хлѣбѣ въ пяти стахъ верстахъ отъ Браславля; думаю, что оно на помощь къ королю на завтрашній день не поспѣетъ“. Дѣйствительно, старый врагъ Собѣскаго, гетманъ Литовскій, Михаилъ Пацъ, отступилъ со своимъ войскомъ отъ коронныхъ полковъ; старшій братъ гетмана, стражникъ Литовскій, Бонифацій Пацъ, объяснялъ Тяпкину это отсутствіе тѣмъ, что король хочетъ помириться съ Турками и вмѣстѣ съ ними обратиться или на Москву, или на императора, но что Пацъ и вся Литва отнюдь этого не позволятъ. Пацъ жаловался, что король самовластвуетъ, Паны радные только и слышатъ отъ него: „Ваше дѣло передо мною стоять, слушать и исполнять то, что я приказываю“. „Польскіе сенаторы“, говорилъ Пацъ, „привыкли, чтобы государь обо всемъ ихъ спрашивался, ихъ слушалъ, что ему нужно,—домогался съ прошеніемъ, а этотъ не такъ поступаетъ. Избраніе царевича теперь могло бы легко совершиться, пока Собѣскій не коронованъ“

Тяпкинъ не переставалъ тревожить государя слухами, что Московскому государству предстоитъ большая опасность: Французскій король употребляетъ всѣ средства, чтобы примирить Польшу съ Турціею и весною двинуть ихъ на Москву, а Швеція союзница Франціи: „Поэтому нужно, писалъ резидентъ, какъ въ Украйнѣ, такъ и по шведской и на другихъ границахъ чуткое ухо наставить и осторожность войсковую имѣть, чтобы тѣмъ французскимъ концептамъ не допустить и лаптей сплести, не только сапоговъ сшить, въ которыхъ бы могли ногу свою протянуть въ государство Московское, и яко дымъ да исчезнутъ“. Но тутъ же резидентъ доносилъ, что канцлеръ Литовскій съ клятвою увѣрялъ его въ ложности всѣхъ этихъ слуховъ; канцлеръ повторялъ старое, что не могутъ они надивиться, почему московскія войска не соединяются съ польскими, а ведутъ войну особо, въ отдаленныхъ сторонахъ и этимъ даютъ непріятелю возможность легко взять верхъ, нападши на каждаго порознь; собьютъ Турки съ поля Поляковъ,—русскія войска и не узнаютъ объ этомъ; наступятъ на московскія силы,—Поляки ничего не будутъ объ этомъ знать; невозможно войску отъ войска дальше десяти миль быть. Если помощи не будетъ, то поневолѣ Рѣчь Посполитая позволитъ королю мириться съ Турками на какихъ придется условіяхъ, кромѣ условія союза противъ государства Московскаго“.

Донося о польскихъ жалобахъ, Тяпкинъ не переставалъ въ письмахъ къ Матвѣеву жаловаться на свое положеніе въ Варшавѣ, и просить объ отозваніи: „Умилосердися государь, милосердый мой отецъ! Ежели уже всячески невозможно меня отсюда взять или перемѣнить, то вели обослать государскимъ жалованьемъ денежнымъ, а не соболями, и на раздачу прислать деньгами же. Я бы здѣсь не дороже московскаго для раздачи купилъ соболей какихъ надобно, а то Василій Тимоѳеевъ привезъ самые плохіе и подопрѣлые, а лучшіе себѣ взялъ. Хотя и послѣднюю деревнишку вели отписать на великаго государя, а меня удоволить государскимъ жалованьемъ, чтобы я здѣсь не скитался, занимая по людьмъ, и въ зазорѣ отъ иноземцевъ не былъ. А наипаче смилуйся, государь, Господа ради, вели перемѣнить въ иную страну; куда ни изволишь послать, всюду готовъ Паки и паки, милосердый государь отецъ, смилуйся! Ей, государь, резиденты здѣсь всѣхъ государей богатые и ближніе люди, консиліарами королей своихъ титулуются и полнымъ жалованьемъ обсылаются; а у меня семья: я съ сынишкомъ самовторъ, подьячихъ два человѣка, священникъ, шесть человѣкъ стрѣльцовъ, людишекъ четыре человѣка, безъ которыхъ трудно обойтись, шесть лошадей, и на всѣхъ тѣхъ помянутыхъ выходитъ за всякую пищу и за дрова, кромѣ починки и новаго платья и служивой рухляди, по 3 рубля на день. Полковники кормовые на Москвѣ великіе кормы на мѣсяцъ берутъ не только себѣ, но и конямъ: а мнѣ, будучи въ чужомъ государствѣ, особенно между такими льстивыми и злыми народами, кромѣ государской милости и твоего отеческаго призрѣнія, надѣяться не на что. Скоро всѣхъ мнѣ придется отпустить отъ себя, лошадей избыть и остаться въ самомъ маломъ числѣ, если твоего отеческаго призрѣнія не получу“.

Въ апрѣлѣ резидентъ далъ знать, что противъ Собѣскаго большая партія въ разныхъ сословіяхъ, которая никакъ не хочетъ допустить его до коронаціи; противъ него главныя воеводства, Краковяне, Великополяне, Мазуры, Львовское воеводство со всѣми Русскими странами, Литва и Жмудь; во всѣхъ этихъ областяхъ очень любятъ королеву, Элеонору, хотѣли бы, чтобы царевичъ Ѳеодоръ женился на ней и былъ ихъ государемъ; если же этого нельзя, то соглашаются имѣть государемъ короля Шведскаго, опять съ условіемъ женитьбы на Элеонорѣ; императоръ очень хлопочетъ объ этомъ по тремъ причинамъ: вопервыхъ, желательно ему породниться съ Шведскимъ королемъ: во вторыхъ, видѣть на сосѣднемъ престолѣ близкаго свойственника; въ-третьихъ, и больше всего, отвлечь Швецію отъ союза съ Франціею. Отъ этого, говорятъ, король Янъ приходитъ въ отчаяніе, и отъ великой печали слабѣетъ въ здоровьи. „Впрочемъ“, добавляетъ Тяпкинъ, „нѣтъ въ нихъ ничего постояннаго, потому что, какъ вольные народы, имѣютъ уста самовольныя и незатворенныя: что хотятъ, то поютъ,—одинъ такъ, другой инакъ, и ни одному вѣрить нельзя; вѣрнѣе всего то, что когда Собѣскій въ Польшу явится, то на банкетахъ голоса противниковъ виномъ разогрѣются и, вмѣсто словъ нежелательныхъ, завопятъ: виватъ! виватъ! Другіе деньгами и почестями успокоены будутъ. Нѣтъ ни малаго постоянства въ здѣшнемъ народѣ, нельзя узнать, кто изъ нихъ правъ или кривъ: всѣ красомовцы, всѣ мудры, всѣ крутятся ехиднымъ поползновеніемъ, не только головами, но и самыми душами, больше желаютъ несытое свое лакомство удовольствовать, нежели добру общему прибыли и правды“.

Несмотря однако на такіе отзывы о Полякахъ, Тяпкинъ сталъ явно склоняться къ тому, что необходимо исполнить желанія Польскаго правительства, дать сильную помощь и соединить царскія войска съ королевскими; это было, по мнѣнію резидента, самое лучшее средство разорвать факціи французскую и шведскую, которыя зіяютъ на государство Московское. Польскій резидентъ Свидерскій доносилъ королю изъ Москвы, что царскія войска стоятъ наготовѣ по всей западной границѣ, начиная отъ Новгорода Великаго, но неизвѣстно, куда двинутся. „А я, писалъ Тяпкинъ Матвѣеву, я безвѣстенъ и безсловесенъ пребываю, потому что очень рѣдко писанія изъ государственной палаты ко мнѣ бываютъ, а когда и приходятъ, то не пишется ни о какихъ войсковыхъ и другихъ вѣдомостяхъ, которыя здѣсь надобны; отъ этого великую укоризну терплю отъ канцлера и другихъ; о чемъ ни спросятъ—не вѣдаю. И если впередъ такъ глухъ буду и безвѣстенъ, то предаюсь подъ твое высокое разсужденіе, чтó изъ такого безпотребнаго житья моего здѣсь вырости можетъ!“ Продолжались жалобы на крайнюю нужду: въ началѣ іюня Тяпкинъ писалъ Матвѣеву, что принужденъ былъ заложить свою ферязь. Чтобы вырваться какъ-нибудь изъ Варшавы, резидентъ прибѣгъ къ хитрости: писалъ, будто вѣрный человѣкъ извѣстилъ его о большомъ въ нѣсколько милліоновъ кладѣ князей Шуйскихъ въ Смоленскѣ, и что онъ, Тяпкинъ, если будетъ вызванъ въ Москву, можетъ обстоятельно разсказать объ этомъ кладѣ, написать же не можетъ. Не надѣясь на полный отзывъ изъ Польши, Тяпкинъ просилъ дать ему полкъ и отправить на помощь къ королю: тамъ при войскѣ онъ, по крайней мѣрѣ, самъ все бы видѣлъ, а не покупалъ авизы, какъ въ Варшавѣ.

Наконецъ изъ Москвы пришло резиденту позволеніе обѣщать Полякамъ скорую помощь, вслѣдствіе чего Тяпкинъ былъ вызванъ къ королю во Львовъ. Въ іюлѣ онъ поскакалъ туда, но не на радость: король и паны были встревожены тѣмъ, что слухи о движеніи царскихъ войскъ начали стихать; несчастному резиденту не было покоя отъ выговоровъ; а тутъ еще новая непріятность: священникъ, бывшій съ Тяпкинымъ въ Варшавѣ, отправленъ былъ въ Москву, и здѣсь началъ наговаривать на резидента Матвѣеву. „Я умолилъ его честью ѣхать въ Москву, писалъ Тяпкинъ, потому что не могъ долго сносить позора отъ римскихъ духовныхъ и другихъ лицъ; извѣстенъ онъ сталъ въ Варшавѣ во всѣхъ корчмахъ: бунтовщикъ, ссорщикъ, ненавистникъ всякаго добраго человѣка. пьяница, колдунъ, совершенный кумирослужитель! на всякій часъ мало ему было по квартѣ горѣлки, а пива выходило на него по бочкѣ въ сутки; умилосердись, не вѣрь его вражескимъ рѣчамъ, помилуй, вели меня хотя на время взять, а его подержать до той поры.“

7-го августа резидентъ былъ позванъ въ обозъ королевскій для принятія грамоты Собѣскаго къ царю; прежде отдачи грамоты король велѣлъ подканцлеру Литовскому сказать Тяпкину: „Въ этой грамотѣ королевское величество прилагаетъ новыя просьбы о помощи, которая съ давняго времени только обѣщается, а не дается; королевское величество съ оскорбленіемъ этому удивляется, и ты, резидентъ, эти мои слова напиши ближнему боярину Матвѣеву.“ Въ Москву съ королевскою грамотою отправлялъ Тяпкинъ сына своего, котораго тутъ же представилъ Собѣскому; молодой Тяпкинъ благодарилъ короля за „его государское жалованье, за хлѣбъ и соль и за науку школьную, которую употреблялъ, будучи въ его государствѣ.“ Рѣчь эта говорилась по-латыни, „довольно переплетаючи съ польскимъ языкомъ, какъ тому обычай наукъ школьныхъ належитъ.“ Отецъ хвастался, что сынокъ „такъ явственно и изобразительно орацію свою предложилъ, что ни въ одномъ словѣ не запнулся.“ Король поблагодарилъ оратора сотнею золотыхъ червонныхъ и 15-ю аршинами краснаго бархата. 12 августа пришла царская грамота съ извѣщеніемъ, что князь Ромодановскій и гетманъ Самойловичъ получили указъ двинуться къ Днѣпру, куда для соединенія съ ними должны придти всѣ коронныя и литовскія войска. — „Этому статься теперь нельзя“, говорили паны: „это значитъ открыть непріятелю Польскіе края, Львовъ и другіе города, непріятель только въ 12 миляхъ отъ Львова, около Злочева, Збаража воюетъ. Пусть царскія войска переправляются за Днѣпръ и соединяются тамъ съ нѣкоторыми частями польскихъ войскъ, которыя ихъ ждутъ, и пусть промышляютъ надъ Дорошенкомъ, потому что при немъ очень мало казаковъ и Татаръ, а затѣмъ бы и самыя большія рати царскаго величества вооружались. Въ прошломъ году вы говорили, что зимою трудно воевать за Днѣпромъ, и потому царскія войска явятся туда весною; теперь не только весна, но и лѣто все проходитъ

Когда жъ мы дождемся вашихъ войскъ? Осенью и зимою трудно за стужами и непогодами, весною—холодно, лѣтомъ—жарко!“

Въ августѣ пришло письмо отъ Ромодановскаго и Самойловича къ гетманамъ короннымъ, что царскія войска уже надъ Днѣпромъ и нѣкоторые отряды ихъ перешли рѣку и соединились съ отрядами польскими. Король очень обрадовался и прислалъ дворянина своего съ этою вѣстію къ Тяпкину. Между тѣмъ непріятель истреблялъ города недалеко отъ Львова, порывался и на самый обозъ королевскій. Король выступилъ изъ обоза, взявши съ собою и русскаго резидента. Послѣдній писалъ Матвѣеву, что войска польскія очень стройны и охочи къ битвѣ, только между старшинами большое несогласіе. Знатные и честные люди прямо говорили Тяпкину: „Хотя король съ гетманами и вышелъ въ поле, однако каждый изъ нихъ радъ бы былъ, чтобы на кого-нибудь непріятель напалъ, а другой бы о томъ будто и не слыхалъ; развѣ самъ Богъ смилуется надъ христіанскимъ народомъ и дастъ намъ помощь и соединеніе.“ Тяпкинъ отвѣчалъ имъ: „Чего же ваша Польша и Литва негодуютъ, что наши войска съ вами до сихъ поръ не соединяются, когда вы сами между собою не можете согласиться? Посторонняго государя войска, видя ваши такія другъ съ другомъ злохитрыя факціи, слыша, какъ вы злорѣчите своего монарха, могутъ ли вамъ вѣрить и соединяться съ вами!“ На это былъ одинъ отвѣтъ: „Слушна твоя рація, господине резиденте!“ Литовскій гетманъ Пацъ вздумалъ-было подсмѣяться надъ Тяпкинымъ и въ большомъ собраніи сталъ ему говорить: „Видите, господинъ стольникъ, что король и мы всѣ съ малою горстью людей безпрестанно въ полѣ обращаемся и отпоръ даемъ недругу; а ваши московскіе полки, которыхъ, говорятъ, тысячъ полтораста и больше, развѣ только съ горъ кіевскихъ на насъ смотрѣть будутъ, что надъ нами станется. И если хотя одинъ Татаринъ подбѣжитъ подъ Кіевъ, то они всѣ отъ него въ валъ схоронятся и показаться не посмѣютъ, а послѣ на коммисіи будутъ оправдываться, что ходили на помощь Полякамъ.“ Резидентъ ловко отшутился: „Господинъ гетманъ!“ сказалъ онъ Пацу: „не дивись войскамъ царскаго величества, что не поспѣшили къ тебѣ на помощь; можетъ быть, медленность ихъ не безъ причины: бояре и воеводы слышатъ о чрезвычайно скоромъ сборѣ войскъ польскихъ и литовскихъ. Ваша гетманская честность не очень давно изволила прибыть на помощь къ королевскому величеству не съ кіевскихъ горъ, а изъ виленскихъ долинъ. Твоя честность очень скоро отчизну свою оборонилъ и прибылъ на помощь, когда Турки взяли уже 24 города!“ Пацъ разсердился: „Ни одинъ Москаль мнѣ такъ остро не говаривалъ“, повторялъ гетманъ, и прислалъ къ Тяпкину съ требованіемъ, чтобы сейчасъ же отдалъ ему долгъ — 1,000 золотыхъ польскихъ. Но резидентъ упросилъ его чрезъ іезуитовъ, чтобы подождалъ еще мѣсяцъ. Тяпкинъ не могъ нахвалиться обращеніемъ съ собою короля: „Самъ велѣлъ мнѣ у себя всегда быть въ покояхъ, какъ будетъ надобность, разговариваетъ со мною очень милостиво; когда помяну имя великаго государя, всегда снимаетъ шапку и говоритъ о немъ, государѣ любезно со всякою учтивостію“.

Впрочемъ, резидентъ скоро оставилъ короля и возвратился во Львовъ. Здѣсь онъ подружился съ епископомъ Львовскимъ Іосифомъ Шумлянскимъ и вошелъ въ переписку съ Антоніемъ Винницкимъ, епископомъ Перемышльскимъ. Антоній прислалъ къ нему своего секретаря, который въ тайномъ разговорѣ началъ просить совѣта, какъ бы у великаго государя получить митрополію Кіевскую, потому что Тукальскій умеръ, а онъ, Антоній, имѣетъ привилегію на митрополію отъ двухъ королей Польскихъ. „Какъ господинъ епископъ“, отвѣчалъ Тяпкинъ, „вѣрно великому государю служитъ и его государскую милость помнитъ, такую можетъ за свои заслуги и награду получить“. Въ письмѣ своемъ къ Антонію резидентъ объяснился подробнѣе, выразилъ удивленіе свое, что епископъ только теперь припомнилъ милость великаго государя, за которую, неизвѣстно, заплатитъ ли хотя одною молитвою или одною безкровною жертвою, и только теперь отозвался съ своимъ служебнымъ желаніемъ“.

Походъ королевскій кончился ничѣмъ: непріятель спокойно вышелъ изъ границъ королевства, обремененный добычею: „Поляки, пишетъ Тяпкинъ, проводили Турокъ, какъ милыхъ гостей, одаривши ихъ безчисленными дарами изъ душъ православныхъ, проводили за самый Днѣстръ, мало не до Дуная. Когда же увидали, что Турки и Татары изъ Валахіи вышли, то обнаружили здѣсь великую храбрость надъ церквами и монастырями благочестивыми, стали до основанія ихъ разорять и жечь, церковныя утвари разбойнически расхитили, нѣсколько епископовъ и многихъ игуменовъ и священниковъ до смерти побили; въ церквахъ съ конями стояли и, что еще хуже, съ невольницами ночевали; и теперь по маетностямъ своимъ стадами, какъ безсловесныхъ, гонятъ невольниковъ волошскихъ. Православные христіане во Львовѣ сильно объ этомъ вздыхаютъ и плачутъ, опасаясь, чтобъ и надъ ними латинская прелесть окончательно не взяла верха. Слышу отъ благочестивыхъ духовныхъ и мірскихъ, что ихъ владыки здѣсь только мантіею благочестивой вѣры Восточной украшаются, внутри же тяжки Св. церкви, какъ волки, и больше римскому костелу похлебствуютъ, чѣмъ церкви Божіи защищаютъ“.

Тяпкинъ въ своихъ донесеніяхъ не нахвалится дружелюбнымъ обращеніемъ съ собою цесарскаго резидента Зеровскаго: „Во всемъ братолюбно со мною дружбу и согласіе имѣть желаетъ въ равенствѣ; только я не могу съ нимъ равняться, потому что онъ очень богатъ и славенъ, ѣздитъ въ позолоченной каретѣ шестернею, а у меня двѣ клячи насилу живы, и тѣхъ кормить нечѣмъ“.

Мы видѣли, какъ австрійскіе послы играли роль посредниковъ при заключеніи мира между Россіею и Польшею, когда дѣло шло объ избраніи царя Алексѣя въ преемники Яну-Казиміру. Послѣ неблагопріятный оборотъ дѣлъ, сильное желаніе окончить войну, истощавшую вконецъ государство, заставляли царя снова обращаться къ посредничеству императора Леопольда. Но это обращеніе было похоже на стараніе утопающаго схватиться за соломину, и происходило отъ очень недостаточнаго знанія тогдашнихъ европейскихъ дворовъ и ихъ отношеній. Польское правительство, болѣе опытное, отклоняло австрійское посредничество. Вѣнскій дворъ объяснялъ это интригами Польской королевы-француженки, которая хочетъ видѣть родственника своего, французскаго принца, на Польскомъ престолѣ, объяснялъ союзомъ Яна-Казиміра съ ханомъ Крымскимъ, а чрезъ хана и султаномъ Турецкимъ, что все ставило Польшу во враждебныя отношенія къ Австріи. Но Москвѣ было отъ этого нелегче; она не переставала требовать содѣйствія къ прекращенію тяжкой войны. Какъ будто въ насмѣшку, въ концѣ 1661 года австрійскій посолъ Августинъ фонъ-Майербергъ объявилъ, что турецкое войско вторгнулось въ императорскія владѣнія, и просилъ, чтобъ царское величество изволилъ мысль свою объявить, какъ бы противъ общаго христіанскаго непріятеля бусурмана вспоможенье учинить ратными людьми. Думный дьякъ Алмазъ Ивановъ отвѣчалъ на это: „Сами знаете, что Польскій король непріятель нашего государя, съ бусурманомъ въ союзѣ, слѣдовательно цесарскому величеству надобно стараться о томъ, какъ бы Польскаго короля отъ бусурманскаго союза оторвать и съ царскимъ величествомъ привести къ прежней братской дружбѣ и любви. Когда оба эти государя будутъ въ мирѣ, то надежнѣе будетъ мысль противъ общаго христіанскаго непріятеля. Цесарскому величеству можно помирить великаго государя нашего съ королемъ Польскимъ способомъ внѣшнимъ и духовнымъ: внѣшнимъ — войною, духовнымъ — клятвою, потому что вѣра у нихъ одна папежская, а папа издавна имѣетъ стараніе о томъ, чтобъ всѣ христіанскіе государи были въ совѣтѣ, и съ бусурманами не дружились, и союза не имѣли Вамъ извѣстно, что теперь у царскаго величества непріятель Польскій король, и всѣ войска наши стоятъ противъ Поляковъ: такъ, не помирясь съ Польскимъ королемъ, начать войну съ другимъ великимъ непріятелемъ надобно разсудя“.

Андрусовское перемиріе и потомъ нашествіе Турокъ на Польшу перемѣнили отношенія: въ 1672 году русскій посланникъ, майоръ Павелъ Менезіусъ, поѣхалъ въ Вѣну съ извѣстіемъ о взятіи Каменца Турками, о вооруженіяхъ Россіи, и съ вопросомъ: будетъ ли императоръ помогать Польшѣ и какъ? Императоръ отвѣчалъ, что онъ двигаетъ къ польскимъ границамъ большое и искусное войско. Избраніе Собѣскаго и тревожныя вѣсти, приходившія изъ Польши о намѣреніяхъ новаго короля, заставили Алексѣя Михайловича отправить новое посольство въ Вѣну въ 1674 году. Посланники—стольникъ Потемкинъ и дьякъ Черницовъ, объявили цесарскимъ думнымъ людямъ осторожность: „На королевство Польское избрали Яна Собѣскаго, бывшаго гетмана, а княжества Литовскаго сенаторы и все посполъство этому избранію противились, и склонились послѣ за великіе подарки изъ страха, потому что Собѣскій привелъ съ собою ратныхъ людей, Краковъ и Варшаву своими пѣшими людьми осадилъ, и не столько избраніемъ, сколько силою сдѣлался королемъ. Нѣкоторыя особы говорили тайно, что Собѣскій обоимъ государствамъ, какъ царскаго, такъ и цесарскаго величества, великій непріятель и съ Турецкимъ султаномъ можетъ помириться вскорѣ. Французскій посолъ изъ Варшавы уже поѣхалъ къ султану, чтобы устроить этотъ миръ. Когда миръ состоится, то султанъ пойдетъ войною на цесарскія земли, чтобы не дать цесарю воевать Французскаго короля, а король Польскій съ частью войска турецкаго и съ Крымомъ—обратится на Московское государство. Нынѣшнимъ королемъ Польское государство въ послѣднее искорененіе придетъ, потому что онъ малолюденъ и съ Турками заключитъ миръ для того, что имѣнія его всѣ на турецкой границѣ.“

Думные люди отвѣчали: „Когда былъ здѣсь вашъ посланникъ Менезіусъ, въ то время у императора было намѣреніе послать войско на силезскую границу, въ помощь Польшѣ; но Французскій король напалъ на Голландцевъ, и цесарское величество, по просьбѣ Голландцевъ, отправилъ многія войска свои на помощь имъ противъ Французовъ. Если наши войска одолѣютъ короля Французскаго, то императоръ станетъ помогать королю Польскому. Враждебнымъ замысламъ новаго Польскаго короля цесарское величество вѣритъ: обнаруживаются они дѣломъ, а не словами. Но многіе сенаторы не хотятъ и слышать о томъ, чтобы султанъ могъ наступить войною на императора; если сенаторы и все посполъство въ Польшѣ услышатъ, что у нашего государя съ вашимъ крѣпкая братская дружба и любовь, то не посмѣютъ напасть ни на насъ, ни на васъ,—будутъ опасаться, что они между такими великими государями.“

Борьба съ Турціею оживила наши дипломатическія сношенія и съ другими европейскими государствами. Въ сношеніяхъ съ ближайшею Швеціею до 1673 года продолжались взаимные перекоры за несоблюденіе договорныхъ статей, особенно насчетъ торговли. Въ 1670 году былъ въ Ригѣ, находившійся въ русской службѣ, полковникъ фонъ-Стаденъ; шведскіе генералы Врангель и Тотте поручили ему предложить ближнимъ людямъ оборонительный союзъ между обоими государствами. Государь велѣлъ отвѣчать, что онъ, въ случаѣ непріятельскаго нашествія на Швецію, готовъ помогать ей деньгами и запасами, но ратныхъ людей не пошлетъ и отъ короля не потребуетъ, потому что когда бываетъ походъ ратныхъ людей, то про ходятъ многія ссоры. Генералы дали знать Стадену, что Стенька Разинъ разослалъ по корельскимъ и ижерскимъ крестьянамъ грамоты за рукою и печатью бывшаго Никона патріарха. Отправляя снова Стадена въ Швецію, государь поручилъ ему хлопотать, чтобы грамоты эти и люди, ихъ привезшіе, присланы были въ Москву. Стадену поручено было также объявить Врангелю съ товарищами: „Король желаетъ съ царскимъ величествомъ союза, а подданные его печатаютъ въ курантахъ ложныя извѣстія и тѣмъ между обоими государями производятъ ссоры. Такъ, 19 ноября, изъ Риги напечатано: бывшій Московскій патріархъ, собравши великое число войска, хочетъ войною идти на царя за то, что царь, обезчестивъ его, отъ патріаршескаго чина безо всякія вины отставилъ, не разсудя, что онъ патріархъ премудрый и ученый человѣкъ, и во всемъ лучше самого царя; а вина его заключается въ томъ, что онъ лютеранамъ, кальвинистамъ и католикамъ позволилъ ходить въ русскія церкви. Царь ищетъ случая помириться съ Стенькою Разинымъ, который и самъ не прочь отъ мира, но на слѣдующихъ условіяхъ: 1) чтобы государь сдѣлалъ его царемъ Казанскимъ и Астраханскимъ; 2) далъ ему на войско 20 бочекъ золота; 3) выдалъ ему восемь человѣкъ ближнихъ бояръ, которыхъ, за грѣхи ихъ, Стенька умыслилъ казнить; 4) чтобы Никонъ былъ попрежнему патріархомъ“.—Государь велѣлъ Стадену домогаться, чтобы напечатавшіе такія вѣсти были жестоко наказаны.

Въ концѣ 1673 года пріѣхалъ въ Москву шведскій посолъ графъ Оксенштернъ съ товарищами; но когда начались толки о пріемѣ, то встрѣтилось важное затрудненіе: отъ пословъ потребовали, чтобъ они были во дворцѣ съ непокрытыми головами, что точно такъ-же и русскіе послы въ Стокгольмѣ будутъ предъ королемъ безъ шапокъ. Оксенштернъ не рѣшился согласиться на эту новизну безъ королевскаго указа; надобно было посылать за этимъ нарочно гонца въ Стокгольмъ; разрѣшеніе пришло; но за этими переговорами и пересылками прошло много времени, и переговоры могли начаться не ранѣе апрѣля 1674 года. Эти переговоры велись боярами, княземъ Юріемъ Алексѣевичемъ и княземъ Михаиломъ Юрьевичемъ Долгорукими, и окольничимъ Артемономъ Сергѣевичемъ Матвѣевымъ. Оксенштернъ началъ: „Государь нашъ Карлъ XI пришелъ въ совершенный возрастъ и желаетъ быть съ царскимъ величествомъ въ крѣпкомъ союзѣ. Видя этотъ союзъ, посторонніе государи будутъ въ страхѣ; да и потому союзъ нуженъ, что общій всѣхъ христіанъ непріятель, султанъ Турецкій, наступилъ войною на королевство Польское, много городовъ взялъ, лучшею и надежнѣйшею крѣпостію, Каменцомъ-Подольскимъ, овладѣлъ, а царскаго величества рубежи отъ этихъ странъ не въ дальнемъ разстояніи. Какъ султанъ узнаетъ, что между вашимъ и нашимъ государемъ заключенъ союзъ, то станетъ опасаться и намѣреніе свое отложитъ, а король противъ этого непріятеля будетъ всегда помогать“. Оксенштернъ кончилъ постоянною жалобою, что условіе Кардискаго договора не исполнено, не всѣ плѣнные отпущены. Начался споръ о томъ, о чемъ прежде разсуждать: о союзѣ или о неисполненныхъ статьяхъ Кардискаго договора. Бояре настаивали, что надобно начать съ союза; послы возражали, что, не покончивши съ прежними договорами, нельзя заключать новыхъ.—„А зачѣмъ король не прислалъ своихъ уполномоченныхъ въ Курляндію?“ спрашивали бояре; тамъ бы всѣ спорныя дѣла и были порѣшены“.—„Въ Курляндіи, при польскихъ послахъ, говорить о неисполненныхъ статьяхъ Кардискаго договора было непристойно“, отвѣчали Шведы.—„Вы прежде всего начали о союзѣ, а потомъ уже сказали о неисполненныхъ статьяхъ договора, такъ въ этомъ порядкѣ и ведите переговоры!“ твердили бояре.

Шведы уступили и начали говорить о союзѣ противъ Турокъ, объявили, что король ихъ обѣщалъ послать Полякамъ на помощь 5,000 человѣкъ пѣхоты, а если у Швеціи будетъ война съ другимъ государствомъ, то 3,000. Войска эти пойдутъ всюду, гдѣ надобно будетъ Полякамъ, и будутъ помогать имъ до прекращенія войны; король Шведскій подастъ эту помощь королевству Польскому съ имени христіанскаго, не желая себѣ за то никакого вознагражденія. Бояре отвѣчали, что 5,000 очень мало, великій государь желаетъ, чтобы король Шведскій стоялъ противъ Турка всѣми своими силами съ царскимъ величествомъ заодно, а изъ-за 5,000 и союза заключать не длячего; хотя бы эти 5,000 были все ученые инженеры, а не простые солдаты, то все же противъ такихъ большихъ силъ стоять не могутъ.—„Но Поляки сами больше у насъ не просили“,—возражали послы.—„Чего у васъ Поляки просили, до того намъ дѣла нѣтъ“, говорили бояре, „а теперь пусть король заключитъ союзъ съ царскимъ величествомъ стоять противъ султана всѣми своими силами заодно, чтобъ Турокъ Польшею не овладѣлъ; а когда Турокъ, чего Боже сохрани, Польскимъ государствомъ овладѣетъ, тогда и Шведскому государству тяжко будетъ“. Послы объявили, что о такомъ союзѣ имъ договариваться не наказано: для заключенія такого союза пусть царское величество отправляетъ своихъ пословъ къ королю.—„Такъ зачѣмъ же вы-то пріѣхали?“ спросили бояре, и продолжали: „намъ надобенъ такой союзъ, чтобы съ обѣихъ сторонъ было по 200,000 войска,—наши будутъ за Днѣпромъ и на Дону, а ваши—подъ Каменцомъ-Подольскимъ или въ другомъ какомъ-нибудь мѣстѣ.“ — „Но какъ же въ бумагѣ, присланной съ фонъ-Стаденомъ, прямо было сказано, что помощи людьми царское величество не желаетъ“? – говорили Шведы. – „Это было уже давно“, отвѣчали бояре, „тогда еще Турокъ на Польскаго короля не наступалъ и Каменца-Подольскаго не бралъ“ Послы объявили прямо, что такой союзъ именно противъ Турокъ вовсе невыгоденъ для Швеціи, а выгоденъ только для Россіи: турецкія границы сходятся съ русскими и вовсе не сходятся съ шведскими: за что же Швеція обяжется помогать постоянно Россіи безъ надежды получить когда-либо взаимную помощь. Поэтому послы предлагали заключить союзъ глухо на всѣхъ непріятелей обоихъ государствъ, не называя именно Турокъ. Тщетно бояре толковали, что отдаленность границъ не значитъ ничего, что опасность большая и для Швеціи отъ Турокъ; тщетно брали доказательства изъ исторіи: какъ Греки, угрожаемые Турками, просили помощи у сосѣднихъ державъ, тѣ не дали на томъ основаніи, что до нихъ было еще далеко; но когда безпомощная Греческая имперія пала, то и сосѣднія державы вслѣдъ за нею подверглись игу бусурманскому. Послы остались непреклонными; бояре уступили, и было постановлено: если царское величество потребуетъ у королевскаго величества помощи противъ недруга съ этой стороны моря, то можетъ просить надежно; также если королевское величество станетъ требовать помощи у царскаго величества противъ недруга съ этой стороны моря, со стороны Ливоніи, то можетъ просить надежно. Это разумѣется о помощи какъ людьми, такъ денежною казною и военными запасами. Государь велѣлъ собрать въ Москву всѣхъ шведскихъ плѣнныхъ, крещеныхъ и некрещеныхъ, и разспросить ихъ при бояринѣ Ив. Богдан. Милославскомъ и при королевскомъ дворянинѣ: если которые изъ нихъ и вѣру Греческую приняли, а скажутъ, что принуждены къ тому неволею, тѣхъ отпустить въ Швецію; а которые приняли Греческую вѣру добровольно, или хотя и вѣры не приняли, но захотятъ остаться въ Россіи, — тѣ пусть остаются; то же самое будетъ сдѣлано въ Новгородѣ и Псковѣ съ шведскими плѣнниками, и въ Швеціи съ Русскими. Статья о торговыхъ пошлинахъ отложена, потому что послы, безъ королевскаго указа, не согласились на предложеніе бояръ брать пошлины по существующимъ уставамъ въ обоихъ государствахъ. Послы взялись представить на королевское усмотрѣніе и слѣдующую статью: перебѣжчиковъ казнить смертію въ той сторонѣ, куда перебѣгутъ, перебѣжавшихъ до сего времени выдать безъ задержанія.

Мы видѣли, какія дѣятельныя сношенія были у царя съ Датскимъ королемъ Фридрихомъ III въ 1656 и 1657 годахъ, по поводу войны Шведской. Хотя прекращеніе этой войны отняло у сношеній съ Даніею главный интересъ, однако въ Москвѣ не хотѣли прекращать ихъ, и въ 1660 году отправился въ Копенгагенъ стряпчій Яковъ Кокошкинъ съ грамотою, въ которой царь изъявлялъ желаніе быть съ королемъ въ крѣпкой братской дружбѣ и любви и въ сосѣдскихъ пріятельскихъ ссылкахъ, свыше прежняго навѣки непремѣнно. Кокошкинъ былъ принятъ очень любезно, и услыхалъ о важной новости: 14-го октября пришелъ къ нему королевскій переводчикъ и сталъ разсказывать: „Вскорѣ послѣ мира съ Швеціею пришли къ королю архіепископъ Копенгагенскій, епископъ и духовный чинъ, да съ ними Копенгагенцы, посадскіе выборные люди и говорили: прежніе Датскіе короли и отецъ его, Христіанъ король, и онъ самъ дѣлъ государственныхъ и другихъ никакихъ по своему изволенью безъ воли думныхъ людей не совершали, и государствомъ владѣли ближніе люди, отъ которыхъ были многія измѣны и Датскому государству разоренье большое. И теперь они, духовный чинъ и посадскіе люди, хотятъ того, чтобы онъ, король, государствомъ своимъ владѣлъ одинъ и всякія дѣла дѣлалъ и волею своею исполнялъ, не ожидая рады и приговору отъ думныхъ людей, по своему изволенью, какъ ему будетъ годно, чтобы думныхъ людей измѣною государство впередъ не разорялось, и чтобы король велѣлъ объ этомъ учинить раду вскорѣ. По ихъ словамъ, король посылалъ по всѣмъ городамъ государства своего листы, чтобы изъ городовъ прислали въ Копенгагенъ человѣка по два и по три, выбравъ людей добрыхъ. Когда выборные люди въ Копенгагенъ пріѣхали, то король велѣлъ учинить раду и говорилъ на ней, чтобы Датскимъ государствомъ владѣть ему одному, и всякія дѣла дѣлать и волею своею исполнять безъ рады и воли думныхъ людей. Думные и ближніе люди этого было-не-захотѣли сдѣлать и стояли упорно; только духовный чинъ и выборные изъ городовъ посадскіе люди за большою неволею ихъ наговорили, чтобы они на то дѣло позволили. Сего дня рада кончилась: приговорили, чтобъ въ Датскомъ государствѣ нынѣшнему королю и потомкамъ его дѣла государственныя и всякія совершать, не ожидая рады и приговору отъ думныхъ людей, по своему изволенью, какъ имъ, королямъ, будетъ угодно. Думные люди, духовный чинъ, дворяне и ратные люди и изъ городовъ выборные люди станутъ при королѣ присягать, чтобы тому дѣлу быть во вѣкъ неподвижну“.

17-го числа король прислалъ за Кокошкинымъ карету, и русскій посланникъ отправился на площадь подлѣ дворца, смотрѣть, какъ будетъ происходить эта торжественная присяга самодержцу. „На площади, доноситъ посланникъ, сдѣлано было мѣсто деревянное, какъ на Москвѣ Лобное мѣсто; на мѣстѣ сдѣланъ рундукъ, обито мѣсто и рундукъ сукнами красными; на рундукѣ поставлено 8 креселъ, — обиты кресла бархатомъ червчатымъ. Около мѣста стояли ратные люди. Въ шестомъ часу дня король вышелъ изъ дворца; передъ нимъ шли дворяне, думные и ближніе люди, несли знамя красное тафтяное, шпагу королевскую, яблоко серебряное и корону. Король шелъ съ королевою, двумя королевичами и четырьмя королевнами, подъ покровомъ (балдахиномъ) бархатнымъ червчатымъ; за королемъ шли духовные и выборные люди. Король съ своимъ семействомъ сѣлъ въ кресла. Архіепископъ, епископъ и думные люди поднесли ему корону. Король всталъ, снялъ шляпу, принялъ корону и отдалъ ее ближнимъ людямъ, которые поставили ее на стулъ. Тогда канцлеръ началъ читать статьи, на которыхъ всѣ и присягали, а по присягѣ подходили къ королю и къ королевѣ къ рукѣ".

Кокошкинъ привезъ въ Москву грамоту, въ которой Фридрихъ III извѣщалъ царя, что онъ сдѣлался отчиннымъ королемъ: „Надѣемся, писалъ Фридрихъ, что такая нашему королевскому дому прибылая честь вашей любви, какъ нашему брату, особному другу и сосѣду, пріятна будетъ". Поздравить короля съ этою прибылою честію въ началѣ 1662 года отправились въ Данію двое дворянъ Нащокиныхъ—Григорій и Богданъ. Московскіе дипломаты не хотѣли отставать отъ Малороссіянъ и Поляковъ въ витійствѣ, и Григорій Нащокинъ держалъ къ королю Фридриху такую рѣчь: „Слышавъ великій государь нашъ его царское величество о сицевомъ великодаровитомъ на ваше королевское величество изліянномъ Божіи благосердіи и изящномъ вашего королевскаго величества добросчастіи, возсла всѣми владѣющему Царю Богу хваленіе, сице о таковомъ вашего королевскаго величества радуясь благополученіи, яко о особичномъ его царскаго величества пріобрѣтеніи, на знакъ же постоянныя и давностію времени любви сотвержденныя, насъ, великихъ пословъ, къ вашему королевскому величеству послати изволилъ, извѣствуя, яко онъ, великій государь нашъ, соблюденьемъ всѣхъ Содѣтеля, въ Троицѣ славимаго Бога, на своихъ великихъ государствахъ здравствуетъ; и яко истинныя любве рачитель, чрезъ насъ ваше королевское величество поздравляетъ; здравствуй, ваше королевское величество, на отчинномъ вашего государства королевствѣ благочастнѣ. Вышній Вседержитель велелѣпною си десницею да соблюдаетъ ваше королевское величество въ долголѣтномъ и благоденственномъ здравіи, державу твою въ неотмѣнной цѣлости, и достоинство въ приличномъ благосостояніи, королевство твое въ честности и подобающемъ служеніи людей твоихъ, да яко другій адамантъ, лѣпотою и крѣпостію благородствуя, ни единымъ отъ сопротивныхъ смлемъ будеши, но, надъ многихъ свѣтяся яснымъ ти королевскихъ исправленій блистаніемъ, блеска противящихъ ти ся одолѣваеши и зраки доброхотствующихъ ти увеселяеши и къ симъ желательнаго потомства свѣтельство испущаеши; да искры сего адаманта, си есть вашего королевскаго величества потомки, вашимъ государствомъ державствующее, не померкнутъ, но твердость выше намененныя давностію временъ и многими предки и сродствы сокрѣпленныя, и сѣдинами высокія чести цвѣтущія дружбы и любве братскія между великаго государя нашего и вашего королевскаго величества да пребываетъ вѣчно наподобіе адаманта крѣпчайшаго, ничимъ же отъ слабоумныхъ нарушаема, сице да и страны окрестніи образецъ сего постояннаго дружества снемше, вмѣсто зловинновныхъ раздоровъ, добровинновную тишину любве между себе обымутъ. И Богъ вседержавный, не безсловесныхъ смущеній, но мира и добрыя любве виновный, всѣхъ благъ Дарователь отъ крѣпкоумныхъ устъ прославится присно, иже постоянно чиномъ правды любящихъ и въ любви постоянствующихъ обыче вѣнчати". Богданъ Нащокинъ говорилъ подобную же рѣчь отъ царевичей—Алексѣя и Ѳеодора „двухъ благородныхъ и безцѣнныхъ царскихъ искръ, отъ дражайшаго и безцѣннаго адаманта возсіявшихъ". Послы объявили въ подарокъ отъ царя королю пять тысячъ пудъ пеньки; король велѣлъ сказать имъ, что пенька ему теперь очень нужна и онъ посылаетъ за нею нарочно корабль въ Архангельскъ.

Въ 1665 году ѣздилъ въ Данію извѣстный намъ Петръ Марселисъ съ просьбою, чтобы король Фридрихъ постарался склонить Польскаго короля къ миру съ Россіею. Фридрихъ отвѣчалъ, что пошлетъ къ Яну-Казиміру узнать о его намѣреніяхъ. Понятно, что вмѣшательство Датскаго короля не могло нисколько помочь дѣлу. Мы видѣли, что̀ помогло ему. По заключеніи Андрусовскаго перемирія, въ Москвѣ сочли нужнымъ извѣстить объ этомъ и Датскаго короля.

Данія не славилась въ Москвѣ богатствомъ, промышленностію и торговлею, и потому къ ней не обращались ни съ просьбою о ссудѣ деньгами, ни съ просьбою о присылкѣ мастеровъ. Мы видѣли бѣдственное положеніе Московскаго государства во время Польской войны, когда финансовыя средства истощились и правительство бросало всюду тревожные взоры съ вопросомъ: гдѣ бы занять денегъ, какъ бы увеличить доходы. Знали, какъ богаты западныя поморскія государства; знали, что богаты они отъ мореплаванія, торговли; что купцы ихъ ѣздятъ на своихъ корабляхъ въ дальнія богатыя страны и привозятъ оттуда дорогіе товары. Еще въ 1662 году явилась мысль—нельзя ли завести свои корабли и отправлять ихъ въ эти богатыя страны за дорогими товарами. На Балтійскомъ морѣ не было своихъ гаваней; родился вопросъ: нельзя ли завести мореплаваніе изъ чужихъ гаваней. Московское правительство находилось въ дружескихъ сношеніяхъ съ герцогомъ Курляндскимъ; ему оказаны были услуги: во время войны съ Польшею не трогали его областей, ходатайствовали передъ нимъ у Шведскаго короля. Царскій посланникъ, Желябужскій, проѣздомъ въ Англію и другія страны, вызвалъ къ себѣ въ Ригу канцлера Курляндскаго Фелькерзама и говорилъ ему: „Вашъ князь, помня къ себѣ великаго государя милость, службу свою и радѣніе оказалъ бы, объявилъ бы великому государю: куда его корабли ходятъ для пряныхъ зелій и овощей, въ которыя урочища и чьи владѣнья, и въ какое время ходятъ, и въ какое время корабли назадъ возвращаются, и въ какую цѣну ему корабль обходится, съ снастями и со всѣмъ корабельнымъ заводомъ, и сколько будетъ стоить корабельный ходъ людскимъ наймомъ и запасами? За милость великаго государя князь сдѣлалъ бы, чтобы государевымъ кораблямъ ходить въ тѣ мѣста для тѣхъ промысловъ и корабли бы великому государю для тѣхъ промысловъ велѣлъ изготовить совсѣмъ какъ можно идти, а во сколько ему корабли станутъ, и то ему будетъ заплачено изъ царской казны. Да объявилъ бы князь: гдѣ добывать мастеровъ къ серебрянымъ рудамъ, и гдѣ онъ самъ князь руду серебряную добываетъ."

— „За премногую милость великаго государя“, отвѣчалъ Фелькерзамъ, „князь мой во всемъ служить и работать радъ: ходятъ его корабли для пряныхъ зелій и овощей въ его владѣнія, въ Индію; тамъ у князя свой островъ, устроенъ на немъ городокъ, живетъ тамъ княжихъ людей 200 человѣкъ. Строенье князю стало дорого: возили лѣсъ на корабляхъ отсюда. Корабли намъ стоятъ дорого, потому что на нихъ строенье все привозятъ изъ чужихъ земель. Думаю, что пристойнѣе великому государю заводить корабли у Архангельска“. Герцогъ прислалъ грамоту съ подробнымъ изъясненіемъ дѣла; грамота не сохранилась; но мы легко можемъ догадаться о ея содержаніи.

Сношенія съ Голландіею, откуда вызывались ратные люди и мастера, были такъ важны, что, въ 1660 году, Англичанинъ Иванъ Гебдонъ отправленъ былъ туда резидентомъ, или коммисаріусомъ.

Мы видѣли, что сношенія съ Англіею прекратились въ 1649 году вслѣдствіе казни короля Карла I, но продолжались съ претендентомъ Карломъ II, которому дано было вспоможеніе. Въ 1654 году къ Архангельску приплылъ посланникъ англійскаго владѣтеля Оливера (Кромвеля), Вильямъ Придаксъ. Посланникъ подалъ государю письмо, въ которомъ говорилось, что великій земскій сеймъ, отчаявшись въ исправленіи многихъ дуростей, бывшихъ въ Англійской Землѣ при державѣ прежнихъ королей, перемѣнилъ правленіе и поставилъ самаго добраго и премудраго государя Оливера, который посылаетъ съ большою любовію поклонъ къ кесарскому величеству, великому государю, кесарю Алексѣю Михайловичу, прося о возвращеніи вольностей, отнятыхъ у купцовъ англійскихъ. Царь не всталъ, спрашивая о здоровьи протектора; посланникъ протестовалъ: „Хотя нынѣ въ Англійской Землѣ и учинены Статы (республика), однако государство ничѣмъ не убыло; Испанскій, Французскій и Португальскій короли и Венеціанскіе статы воздаютъ владѣтелю нашему честь такъ, какъ и при прежнихъ короляхъ“. — „Англійскому королевству учинилось премѣненье“, былъ отвѣтъ; „отъ владѣтеля вашего къ царскому величеству присылка первая, и съ какимъ дѣломъ ты присланъ, про то царскому величеству было невѣдомо; а венеціанскіе и голландскіе владѣтели царскому величеству не примѣръ, и тебѣ про то выговаривать не годилось“. — „Въ какихъ государствахъ я ни былъ“, продолжалъ посланникъ, „такой почести себѣ не видывалъ: приставъ сидѣлъ у меня въ саняхъ по правую сторону, и шпагу съ меня сняли!“ — „Какъ въ Московскомъ государствѣ въ обычаяхъ повелось, такъ и дѣлаютъ“, отвѣчали ему. „А тебѣ въ чужомъ государствѣ про чины выговаривать не годится“. Въ отвѣтной грамотѣ Кромвелю царь писалъ: „Оливеру, владѣтелю надъ статы Аглинской, Шотландской и Ирландской Земель, и государствъ, которыя къ нимъ пристали. Что вы съ нами дружбы и любви ищете, то мы отъ васъ принимаемъ въ любовь, въ дружбѣ, любви и пересылкѣ съ вами, протекторомъ, быть хотимъ, и поздравляемъ васъ на вашихъ владѣтельствахъ, въ чемъ васъ Богъ устроилъ. Что ваша честность пишете о торговыхъ людяхъ, то намъ теперь объ этомъ дѣлѣ вскорѣ разсмотрѣнье учинить за воинскимъ временемъ нельзя, а впередъ нашъ милостивый указъ будетъ, какой пристоенъ обоимъ государствамъ къ покою, прибыли, дружбѣ и любви“.

Далѣе этихъ неопредѣленныхъ учтивостей съ Кромвелемъ дѣло не шло. Царскій резидентъ въ Голландіи, Англичанинъ Гебдонъ, оказался приверженцемъ Карла II, и, когда послѣдній призванъ былъ на престолъ Англійскій, Гебдонъ явился къ нему съ просьбою отпустить въ Россію трехтысячный отрядъ войска. Король далъ ему полную свободу набирать войско, и, давая знать объ этомъ царю (весною 1661 года), писалъ, что никогда не можетъ забыть знаковъ братской дружбы, оказанныхъ ему Алексѣемъ Михайловичемъ во время нечестиваго смятенія, особенно не можетъ забыть распоряженія, по которому недостойные подданные его были лишены прежнихъ вольностей въ Московскомъ государствѣ; но теперь, когда добрые подданные возвратились къ прежнему послушанію, то онъ, король, надѣется, что царское величество возвратитъ имъ привилегію. Грамота королевская была прислана съ сыномъ Гебдона.

Поздравить новаго короля съ восшествіемъ на престолъ въ 1662 году отправились въ Англію стольникъ, князь Петръ Прозоровскій, и дворянинъ Ив. Желябужскій. Послы были встрѣчены увѣреніемъ, что король ни къ кому изъ государей не питаетъ такой пріязни, какъ къ Русскому кесарю: всѣмъ пріѣзжимъ людямъ объявляетъ великаго государя милость къ себѣ, съ ближними своими боярами и со всѣми подданными своими говоритъ безпрестанно, что, кромѣ Русскаго государя, никто не оказалъ ему такой милости, когда онъ былъ въ изгнаніи; ждетъ король, чѣмъ бы воздать великому государю за эту милость. Когда послы ѣхали по Темзѣ, на всѣхъ корабляхъ стрѣляли изъ пушекъ; гдѣ не было пушекъ, тамъ всѣ люди привѣтствовали пословъ громкими криками; по лондонскимъ улицамъ мелкимъ людямъ велѣно было кричать, а лучшимъ людямъ всѣмъ быть на встрѣчѣ.

Въ отвѣтѣ королевскіе бояре объявили посламъ: „Когда королевское величество былъ въ изгнаніи, въ то время великій государь помогъ ему казною. Это вспоможенье королевскому величеству памятно, и теперь онъ занятую казну посылаетъ къ великому государю“. Послы говорили, чтобы королевское величество, сверхъ этой казны, велѣлъ бы великому государю дать взаймы ефимковъ 10,000 пудъ, а великій государь велитъ заплатить товарами, пенькою и поташемъ погодно, какъ будетъ положено въ договорѣ. Королевскіе бояре отвѣчали, что это дѣло великое, скоро его рѣшить нельзя, а король на отпускѣ самъ сказалъ Прозоровскому: „Я вседушно бы радъ помочь любительному моему брату, да мочи моей нѣтъ, потому что я на королевствѣ вновѣ, ничѣмъ не завелся, казна моя въ смутное время вся безъ остатку разорена, и нынѣ въ большой скудости живу, а какъ Богъ дастъ на своихъ престолахъ укрѣплюсь и съ казною сберусь, то буду радъ и послѣднее дѣлить съ великимъ государемъ вашимъ“.

Въ бытность свою въ Лондонѣ, второй посолъ, Желябужскій, поссорился съ Гебдономъ; по донесенію Желябужскаго, Гебдонъ получалъ деньги изъ королевской казны на содержаніе пословъ, и утаивалъ, давалъ дурную пищу. На посольскомъ дворѣ занялъ себѣ и дѣтямъ своимъ лучшія комнаты; доктору Самуилу и другимъ Нѣмцамъ, пріятелямъ своимъ, отвелъ комнаты хорошія, а дьяку и дворянамъ далъ палатишки тѣсныя, подьячему же отвелъ такую палатишку, что и войти въ нее скаредно. Гебдонъ говоритъ, что бояре на Москвѣ государю не радѣютъ, надобныхъ людей иноземцевъ беречь и взыскивать не умѣютъ; а которые иноземцы худые люди и умѣютъ жить ложью, до тѣхъ бояре добры и казною государевою такихъ обогащаютъ. И прежде при царѣ Михаилѣ, бояре Иванъ Бор. Черкасскій и Ѳедоръ Ив. Шереметевъ худыхъ лживыхъ людей иноземцевъ жаловали: иной за собою сказывалъ рудознательство серебряное, иной другое мастерство, и тѣмъ выманивали много денегъ, а бояре имъ давали. „Теперь отогнали отъ Архангельской пристани всѣхъ торговыхъ людей, и намъ, Англичанамъ, и подавно впередъ ѣздить не зачѣмъ: какіе товары привозили изъ Московскаго государства, тѣ всѣ въ Англійской Землѣ завели“. Царскіе подарки, присланные королю, Гебдонъ дешевилъ; о Русскихъ людяхъ распускалъ слухи, что они пьянствуютъ, выпиваютъ въ день по 11 бочекъ; втораго посла Желябужскаго называлъ брюзгою и будто его дурость вѣдома всему Лондону.

Гебдонъ, въ свою очередь, писалъ въ Москву зятю своему, что Желябужскій вредитъ посольскому дѣлу; что король и вельможи и видѣть его не могли за его гордость; а какъ онъ уѣхалъ черезъ Францію въ Италію, то король и думные люди хвалятъ князя Прозоровскаго за его учтивость. Сынъ Гебдона писалъ, что послы приняты съ небывалыми почестями по радѣнью отца его, ежедневно отпускается имъ отъ короля по 200 серебряныхъ рублей; только Желябужскій унизилъ государево имя гордостью свою; а князь Прозоровскій у короля и вельможъ въ славѣ и чести высокой. Докторъ Самуилъ Коллинсъ писалъ, что весь дворъ про князя Прозоровскаго говоритъ все доброе, а Желябужскій гордъ, никого не почитаетъ и никому не любъ; когда уѣхалъ, то оказалось, что мебель въ его квартирѣ перепорчена и хоромы всѣ испоганены.

Въ Москвѣ однако, какъ видно, не такъ смотрѣли на Прозоровскаго и Желябужскаго, какъ въ Англіи: не Прозоровскому, а Желябужскому поручено было снестись съ герцогомъ Курляндскимъ насчетъ мореплаванія; не Прозоровскому, а Желябужскому поручено было занять у англійскихъ купцовъ 31,000 ефимковъ. Желябужскій обратился къ купцамъ, предложилъ условіе, что уплата будетъ произведена въ Архангельскѣ пенькою и поташемъ; купцы отвѣчали, что дадутъ, но пусть поговоритъ прежде съ воеводою Лондонскимъ (лордомъ-мэромъ). Воевода отвѣчалъ: „Радъ я работать великому государю, стану говорить торговымъ людямъ, кто что захочетъ дать, а иное и самъ дамъ, что смогу“. Желябужскій обратился и къ резиденту Гебдону, чтобъ порадѣлъ великому государю, промыслилъ ефимковъ; но тотъ отвѣчалъ: „Теперь нельзя давать взаймы; у Архангельска въ торгахъ стала неправда и неповольность; если дать взаймы, то почитай за пропалое. И прежде платежъ бывалъ займамъ худъ, а теперь и спрашивать нечего по нынѣшнимъ торгамъ и товарамъ, добывать мнѣ ефимковъ негдѣ и дѣла мнѣ до этого нѣтъ!“ Нѣсколько разъ потомъ посылалъ Желябужскій къ воеводѣ и купцамъ, все обѣщались придти, наконецъ пришли и объявили: „Ефимковъ намъ дать нельзя, потому что товары въ Архангельскѣ стали дороги; отдаемъ здѣсь ваши товары дешевле, чѣмъ покупаемъ, да и то никто не покупаетъ; у насъ и такъ много въ долгахъ пропадетъ на Московскихъ людяхъ, а сыску въ тѣхъ долгахъ нѣтъ“.

Желябужскій: „По чьему-нибудь нерадѣтельному умыслу не хотите дать ефимковъ, да и говорите затѣйное дѣло! Никогда у васъ въ займахъ ничего не пропадало“.

Купцы: „И теперь у насъ много по записямъ долговъ и задатковъ на московскихъ торговыхъ людяхъ пропадаетъ, а расправы нѣтъ. Да и пріѣздъ къ Архангельску передъ прежнимъ сталъ намъ тяжелъ отъ головъ и цѣловальниковъ. Еслибъ еще побывалъ въ головахъ Василій Шоринъ, а въ цѣловальникахъ Климшинъ, то бы и вовсе всѣхъ пріѣзжихъ иноземцевъ отогнали; такихъ мы другихъ неправедныхъ людей на свѣтѣ не видали“.

Желябужскій. „Все это къ моему дѣлу не относится, я прошу теперь взаймы для великаго государя и запись дамъ, что заплачено будетъ изъ царской казны. У васъ долги межъ своею братьею, и бейте челомъ на своихъ должниковъ великому государю; жалуйтесь и на тѣхъ, отъ кого вамъ тягость и налога въ торгахъ: во всемъ будетъ розыскъ и расправа“.

Купцы: „Въ Архангельскѣ мы всегда о долгахъ своихъ и задаткахъ бьемъ челомъ и у воеводъ указа просимъ; воеводы намъ въ долгахъ и задаткахъ расправу чинятъ, а въ обидахъ отъ головъ и цѣловальниковъ отказываютъ, будто имъ, воеводамъ, до нихъ дѣла нѣтъ; а какъ прежде головъ и цѣловальниковъ вѣдали воеводы, то намъ было лучше ѣздить съ товарами“.

Несмотря ни на какія увѣщанія со стороны

Желябужскаго, купцы рѣшительно отказали въ ефимкахъ. Пришелъ Голландецъ Артемій живописецъ и сталъ объяснять дѣло: „Купцы ефимковъ не дали по наговору Гебдона; онъ имъ говорилъ: не давайте ефимковъ; еслибъ царю нужно было здѣсь что-нибудь, то бы онъ къ вамъ прислалъ грамоту, или бы отписалъ ко мнѣ“. Толмачъ подтверждалъ то же самое.

Въ 1664 году пріѣхалъ въ Москву знатный посолъ, Говартъ графъ Карлейль, и, небывалое дѣло, пріѣхалъ съ женою и сыномъ. Въ грамотѣ своей Карлъ II извинялся передъ царемъ, что замедлилъ отправленіемъ торжественнаго посольства, но выборъ такого знатнаго человѣка, какъ родственникъ его, графъ Карлейль, долженъ показать особенное высокое почитаніе, которое онъ, король, питаетъ къ персонѣ царскаго величества. Бояре, князья Ник. Ив. Одоевскій и Юрій Алекс. Долгорукій, да окольничій Васил. Сем. Волынскій, назначены были въ отвѣтъ; велѣно быть имъ въ золотахъ, съ образцами низанными, въ золотыхъ цѣпяхъ и черныхъ шапкахъ. Посолъ объявилъ наказъ королевскій: 1) извѣстить великому государю, чтобы онъ изволилъ утвердить съ королемъ прежнюю братскую дружбу и любовь; 2) просить возвращенія привилегій англійскимъ купцамъ. На первую статью отвѣчали, что государь братской дружбы и любви съ королемъ очень желаетъ; а на вторую статью послѣдовалъ отказъ: „Торговали Англичане въ Московскомъ государствѣ безпошлинно лѣтъ сто и нажились, а узорочныхъ и другихъ товаровъ, которые были годны въ царскую казну, по своей заморской цѣнѣ не давали; заповѣдные товары привозили и вывозили тайкомъ; чужіе товары провозили за свои, чтобы не платить пошлинъ; одинъ изъ купцовъ Англійской Компаніи пріѣзжалъ въ Балтійское море на военномъ кораблѣ и хотѣлъ грабить царскихъ подданныхъ, которые ѣздятъ въ въ Швецію для торговли. „Мы думаемъ“, говорили бояре, „что королю все это неизвѣстно: иначе онъ не сталъ бы просить о подтвержденіи прежнихъ жалованныхъ грамотъ“.—„Королю все извѣстно“, отвѣчалъ посолъ; „но теперь онъ проситъ привилегій, потому что хочетъ пожаловать русскою торговлею людей себѣ вѣрныхъ, отъ которыхъ никакой неправды въ Московскомъ государствѣ не будетъ: узорочные товары станутъ отдавать въ царскую казну по заморской цѣнѣ, товары станутъ привозить добрые, сукна нетянутыя“. *Бояре:* „Станутъ Англичане торговать въ Архангельскѣ съ пошлинами, и королевскому величеству убытка никакого не будетъ, царскіе подданные начнутъ торговать въ Англіи, будутъ платить пошлины прямыя, и оттого обоимъ государствамъ будетъ прибыль; если же Англичане будутъ торговать въ Московскомъ государствѣ безпошлинно, то царской казнѣ будетъ большой убытокъ, а прибыли никакой“.

Послѣ долгихъ переговоровъ и письменныхъ пересылокъ, бояре объявили Карлейлю: „Великій государь, для прошенья любезнѣйшаго и вожделѣннѣйшаго своего брата, указалъ англійскимъ гостямъ ѣздить въ Архангельскъ и изъ Архангельска въ Москву десяти человѣкамъ, людямъ добрымъ и въ правдѣ свидѣтельствованнымъ и королевскому величеству годнымъ, которыхъ королевское величество изволитъ выбрать вновь. Эти десять человѣкъ могутъ въ Москвѣ дворъ купить; пошлину съ своихъ товаровъ будутъ они платить наравнѣ съ другими иноземцами, пока у царскаго величества съ Польскимъ королемъ и Крымскимъ ханомъ война; а какъ война кончится, въ то время царское величество велитъ англійскимъ гостямъ указъ учинить по своему государскому милосердому разсмотрѣнію, какъ возможно“.

Посолъ былъ недоволенъ: „Если“, говорилъ онъ, „царское величество привилегіи не возвратитъ, то какъ между обоими великими государями основанію дружбы быть крѣпку?“

— „А когда король отказалъ дать взаймы денегъ, то вѣдь отъ этого дружба не нарушилась“, былъ отвѣтъ.

Карлейль былъ сильно раздраженъ неуспѣхомъ своего дѣла, и въ этомъ раздраженіи позволилъ себѣ рѣзкія выраженія въ разговорахъ и на письмѣ. Такъ, между прочимъ, онъ позволилъ себѣ сказать, что Московское правительство нарочно запросило такъ много денегъ у короля взаймы, чтобы придраться къ отказу и не дать привилегій купцамъ. Ему платили тою же монетою; прямо говорили, что онъ взялъ большія деньги съ своихъ купцовъ и потому такъ сильно хлопочетъ о возстановленіи привилегій. Чтобы выторговать привилегію, Карлейль предложилъ посредничество Англіи въ примиреніи Россіи съ Польшею. Думные люди объявили ему, что государь согласенъ и чтобы онъ, посолъ, отправилъ отъ себя поскорѣе гонца къ Польскому королю.—„Гонца послать мнѣ трудно“, отвѣчалъ Карлейль, „потому что прежнимъ моимъ дѣламъ рѣшенія нѣтъ; прежде всего надобно возстановить теперь же привилегіи англійскимъ купцамъ“.—„Тебѣ о привилегіяхъ объявлено“, говорили думные люди, „и перемѣны въ рѣшеніи не будетъ“.—„А если перемѣны не будетъ“, отвѣчалъ Карлейль, „то я къ Польскому королю гонца не пошлю и самъ не пойду, дѣлать мнѣ тамъ нечего; бью челомъ великому государю объ отпускѣ. Еслибы царское величество королевское прошеніе исполнило теперь же, при мнѣ, то я бы царскому величеству былъ вѣчно работникомъ. Послалъ меня король для этого дѣла нарочно. Когда я къ королевскому величеству пріѣду и отвѣтъ ему царскій передамъ, то онъ скажетъ, что такой же отвѣтъ данъ и Кромвелеву послу, хотя бы онъ и гонца послалъ, то и тотъ такой же бы отвѣтъ привезъ, и думаю, что впередъ король нашъ къ царскому величеству великихъ пословъ присылать не будетъ. Жаль, что это дѣло сдѣлалось не при мнѣ; а еслибы порѣшено было при мнѣ, то я бы смѣло объявилъ, что царскому величеству заплатилось бы въ десять и двадцать разъ“

Никакія представленія не помогли. Карлейль съ досадою уѣхалъ въ Швецію, давши знать въ Англію о безуспѣшности своего посольства. Въ Москвѣ были увѣрены, что Карлейль захочетъ сорвать свое сердце предъ королемъ, и поспѣшили послать въ Лондонъ стольника Дашкова для объясненій. Если Прозоровскій и Желябужскій были встрѣчены съ небывалыми почестями, то Дашковъ испыталъ небывалое безчестье: ему не дали ни подводъ, ни кормовъ, ни квартиры. На жалобы его отвѣчали: „Послу нашему, Карлейлю, была у васъ честь обычная, и о чемъ было съ нимъ наказано, того ничего не сдѣлали“. Дашковъ объяснилъ, что Карлейль велъ дѣло не такъ, какъ слѣдуетъ, толковалъ все о возвращеніи привилегій купцамъ, называя эти привилегіи основаніемъ братской дружбы и любви между обоими государями; но „основаніе братской дружбы между ихъ величествами заключается въ ихъ взаимномъ благожеланіи, а не въ привилегіяхъ; привилегіи не могутъ быть основаніемъ безцѣнной, дражайшей и свѣтлѣйшей солнца дружбы и любви между государями, какъ земля не можетъ быть подошвою солнцу“. Къ Дашкову явился Гебдонъ съ предложеніемъ услугъ царскому величеству: „Мнѣ съ вами говорить не велѣно, но, помня великаго государя милость, скажу по секрету: Карлейль въ Швеціи заключилъ договоръ, чтобы Шведскому королю съ нашимъ королемъ быть въ союзѣ противъ царскаго величества; англійскимъ купцамъ къ Архангельску не ходить и голландскихъ и другихъ народовъ кораблей не пропускать, ѣздить Англичанамъ за русскими товарами въ Ригу, Ревель и Нарву, и торговать безпошлинно. Король нашъ говорилъ съ боярами: „У Русскаго государя съ Польскимъ королемъ война не скоро кончится, а съ Крымскимъ ханомъ у него и никогда миру не бываетъ; такъ нашимъ компанейщикамъ долго ждать“. Карлейлева посылка стала королю во многія тысячи, а компанія ему за это не заплатитъ, потому что дѣло не сдѣлано; для московской посылки изъ королевской казны дано Карлейлю 20,000 рублей“. Гебдонъ хвалился, что онъ уговариваетъ вельможъ не заключать союза съ Швеціею противъ царя, представляя, что Россіи этимъ они вреда большаго не сдѣлаютъ, а безъ русскихъ товаровъ имъ обойтись нельзя. Король отпустилъ Дашкова весною 1665 года, велѣвши заплатить ему 1,200 рублей за то, что жилъ все время на своемъ.

Во время войны Англичанъ съ Голландцами, царь чрезъ находившагося у него въ службѣ Шотланца, полковника Гордона, далъ знать Карлу II, что онъ запретилъ продавать Голландцамъ у Архангельска лѣсъ и другіе корабельные припасы. Съ отвѣтомъ явился въ Москву, въ 1667 году, старый знакомый Гебдонъ, въ качествѣ чрезвычайнаго посла королевскаго. Гебдонъ объявилъ о неправдахъ Голландскихъ Штатовъ, которые, забывъ помощь, оказанную имъ нѣкогда королевою Елисаветою противъ Испанскаго короля, начали теперь противъ Англіи войну и поступаютъ въ этой войнѣ гордо. Король велѣлъ просить царское величество о возвращеніи привилегій англійскимъ купцамъ, что уже было обѣщано Карлейлю. Король узналъ, что у Голландцевъ, торгующихъ въ Россіи, объявилась фальшивость, и потому велѣлъ просить царское величество, чтобы этихъ Голландцевъ, за ихъ обманы и за то, что они королевскому величеству непріятели, приказалъ выслать изъ Московскаго государства. Но потомъ Гебдонъ прибавилъ: „По указу королевскому, я объявилъ о Голландцахъ, чтобы ихъ изъ Московскаго государства выслать; но теперь слухъ носится, что у государя моего съ Голландскими Штатами заключенъ миръ; такъ насчетъ высылки Голландцевъ полагаюсь я на волю и на разсужденіе великаго государя“.

Самъ посольскихъ дѣлъ оберегатель, бояринъ Аѳанасій Лаврентьевичъ Ординъ-Нащокинъ написалъ отвѣтъ Гебдону, что видно по хорошо знакомому намъ слогу, тяжелому, темному и вычурному: „Всегда отъ Бога данная христіанамъ радость, чтобы они въ покоѣ и въ умноженіи торговыхъ пожитковъ пребывали, а непріятели христіанскіе отъ того въ страхѣ были. Нынѣ въ Московскомъ государствѣ торговыя статьи учинены великимъ разсмотрѣніемъ, чтобъ торговля происходила безъ ссоръ и безъ обиды; прежнимъ компаніямъ быть негодится, потому что отъ тѣхъ больше ссоры, чѣмъ дружбы; открылось, что иноземцы торгуютъ подкрадными обидными товарами, тайные подряды дѣлаютъ и многими долгами Русскихъ людей обременяютъ“. Понятно, что Гебдонъ не былъ доволенъ этимъ отвѣтомъ: онъ возражалъ, что обѣщаніе, данное Карлейлю, нарушено; обѣщано было возвратить привилегію, какъ скоро прекратится война съ Польшею; теперь война прекратилась, а привилегій возвратить не хотятъ. Никакія представленія не были приняты.

Существенный вопросъ въ сношеніяхъ съ Англіею былъ рѣшенъ; другихъ общихъ интересовъ не было. Но когда Турки напали на Польшу, то царь Алексѣй Михайловичъ, по неопытности въ европейскихъ дѣлахъ, взялся пригласить всѣхъ европейскихъ государей къ поданію помощи Польшѣ противъ враговъ Креста Христова. Съ этою цѣлію отправился въ Англію переводчикъ Посольскаго Приказа, Андрей Виніусъ. Ему сказали, что король не можетъ помочь Польшѣ по двумъ причинамъ: во-первыхъ, мѣшаетъ война съ Голландцами, которая занимаетъ весь англійскій флотъ,—больше семидесяти военныхъ кораблей; во-вторыхъ, въ Турціи живетъ множество англійскихъ купцовъ, и если король начнетъ войну противъ Турокъ, то султанъ велитъ всѣхъ Англичанъ ограбить или побить. Сверхъ того, при дворѣ султана всегда живетъ англійскій посолъ.—Виніусъ впервые внесъ въ свой статейный списокъ извѣстія объ образѣ правленія въ Англіи: „Правленіе Англійскаго королевства, или, какъ общимъ именемъ именуютъ, Великой Британіи, есть отчасти монархіально (единовластно), отчасти аристократно (правленіе первыхъ людей), отчасти демократно (народоправительно). Монархіально есть потому, что имѣютъ Англичане короля, который имѣетъ отчасти въ правленіи силу и повелѣніе, только не самовластно. Аристократно и демократно есть потому: во время великихъ дѣлъ, начатія войны или учиненія мира, или поборовъ какихъ денежныхъ, король созываетъ парламентъ, или сеймъ. Парламентъ дѣлится на два дома: одинъ называютъ вышнимъ, другой нижнимъ домомъ. Въ вышнемъ собираются сенаторы и шляхта лучшая изъ всей Земли; въ другомъ—собираются старосты мірскихъ людей всѣхъ городовъ и мѣстъ, и хотя что въ вышнемъ домѣ и приговорятъ, однако безъ позволенія нижняго дома совершить то дѣло невозможно, потому что всякіе поборы денежные зависятъ отъ меньшаго дома. И потому вышній домъ можетъ назваться аристокрація, а нижній демокрація. А безъ повелѣнія тѣхъ двухъ домовъ король не можетъ въ великихъ дѣлахъ никакого совершенства учинить".

Мы видѣли, что, при объявленіи войны Польшѣ, царь Алексѣй Михайловичъ счелъ нужнымъ увѣдомить объ этомъ Французскаго короля. Сочли также нужнымъ объявить Людовику XIV и о прекращеніи войны: въ 1668 году отправился во Францію стольникъ Петръ Потемкинъ съ дьякомъ Румянцевымъ и представился королю въ С.-Жерменѣ. Людовикъ отвѣчалъ, что очень радъ прекращенію войны и проситъ всемогущаго Бога о совершеніи вѣчнаго докончанія. Будучи въ отвѣтѣ, посланники говорили королевскимъ думнымъ людямъ: 1) Великій государь желаетъ быть съ королевскимъ величествомъ въ братской дружбѣ и любви; 2) для подкрѣпленія этой дружбы и любви изволилъ бы король послать къ царскому величеству своихъ пословъ или посланниковъ; 3) съ обѣихъ сторонъ торговымъ людямъ ходить и торговать во всѣхъ городахъ. Думные люди на эти статьи отвѣчали слѣдующими статьями: 1) Быть доброму и долговѣчному покою, соединенію и пріятству между царскимъ и королевскимъ величествами и ихъ наслѣдниками. 2) Быть во всякомъ покоѣ и братской любви, честь и славу о себѣ воздавать во всѣ окрестныя государства. 3) Укрѣпить навѣки, чтобы одинъ на другого не наступалъ и другъ другу убытка не чинилъ. 4) Царскаго величества людямъ приходить и торговать во всѣ французскія государства съ великою вольностію, не платя за пріѣздъ ничего; съ товаровъ ихъ пошлину брать какъ съ другихъ иноземныхъ торговыхъ людей; домы, погреба и амбары нанимать имъ безо всякой трудности; торговать горою и водою всякими товарами безъ помѣшки и дворы строить; брать пошлину только съ тѣхъ товаровъ, которые будутъ въ продажѣ; всякіе французскіе товары отвозить имъ куда кто захочетъ. 5) Московскимъ людямъ, которые будутъ жить во Французскомъ государствѣ, налоговъ и обидъ не будетъ; подати платить имъ, какъ платятъ французскіе торговые люди; для своихъ расправъ держать имъ своего судью; и службу Божію отправлять имъ по своей вѣрѣ со всякою вольностію. 6) Французскимъ торговымъ и другихъ чиновъ людямъ ѣздить чрезъ Московское государство во всѣ другія окрестныя государства и въ Персію: проѣздъ имъ и въ вѣрѣ вольность такъ же, какъ и Русскимъ людямъ во Франціи; съ проѣзда и отъѣзда пошлинъ не брать; съ товаровъ пошлины брать, какъ брали съ англійской компаніи—половину, и съ Русскихъ людей за то будутъ брать во Франціи половинную же пошлину.

Посланники не вступили въ договоръ и не дали никакого письменнаго отвѣта, послали только сказать думнымъ людямъ съ приставомъ, что о торговыхъ дѣлахъ договариваться имъ не наказано, пусть король отправляетъ за этимъ дѣломъ свое посольство въ Москву. Пришли къ посланникамъ купцы и начали говорить о тѣхъ же условіяхъ, какія предложены были и въ статьяхъ. „Ступайте для купечества въ Архангельскъ", сказалъ имъ Потемкинъ: „налоговъ и обидъ никакихъ вамъ не будетъ, пошлину возьмутъ какъ съ другихъ иноземцевъ".—„Безъ договора и постановленья въ такой дальній путь ѣхать намъ не надежно", отвѣчали купцы. Тѣмъ дѣло и кончилось.

Несмотря на явно высказанное Людовикомъ XIV нежеланіе вступаться въ дѣла Восточной Европы, царь въ 1670 году отправилъ къ нему грамоту, въ которой извѣщалъ, что русскіе уполномоченные и польскіе коммисары, для заключенія вѣчнаго мира, назначили его, короля, въ посредники, вмѣстѣ съ императоромъ Нѣмецкимъ, королемъ Шведскимъ и Датскимъ, и курфюрстомъ Брандебургскимъ. Наконецъ, въ 1673 году, тотъ же Виніусъ, котораго мы видѣли въ Англіи съ требованіемъ помощи Польшѣ противъ Турокъ, отправился съ этимъ предложеніемъ и къ Людовику XIV, котораго засталъ на походѣ во Фландрію; король отвѣчалъ, что война съ Голландцами мѣшаетъ ему исполнить желаніе царя.

Не была забыта и далекая Испанія. Уже знакомый намъ стольникъ Петръ Потемкимъ ѣздилъ въ 1667 году въ Мадридъ; царская грамота, объявлявшая о прекращеніи войны съ Польшею, была написана на имя короля Филиппа IV; но посланникъ вручилъ ее преемнику Филиппа, молодому Карлу II: „Имя предковъ нашихъ, писалъ царь, во всѣхъ государствахъ славится, и Великая Россія отъ года въ годъ во благихъ пріумножается; многіе окрестные государи любительную и спомочную ссылку съ нами имѣютъ, а съ вами, великимъ государемъ, любительныя ссылки даже до сего времени удержаны были или за отдаленіемъ страны, или по волѣ Всесильнаго Бога, строящаго все непостижимо въ ожиданіи лучшаго времени". Карлъ въ своей грамотѣ отвѣчалъ, что немедленно отправитъ пословъ въ Россію, а до тѣхъ поръ приказалъ онъ по всѣмъ своимъ морскимъ пристанямъ допускать царскихъ подданныхъ къ вольной торговлѣ, надѣясь, что и царь сдѣлаетъ то же самое для Испанцевъ. Дорога была проложена, и. въ 1673 году, Виніусъ изъ Франціи заѣхалъ въ Испанію съ извѣстнымъ приглашеніемъ подать помощь Польшѣ противъ Турокъ. Онъ привезъ отвѣтъ, что Карлъ II, по свойству съ королемъ Польскимъ, намѣренъ помочь ему деньгами, войскомъ же помочь неудобно по причинѣ дальняго разстоянія.

Италія напомнила сама о себѣ. Венеціанская республика въ борьбѣ своей съ Турками, которая приходилась ей не подъ силу, искала всюду помощи. Зная хорошо отношенія христіанскаго народонаселенія Балканскаго полуострова къ Россіи, и слыша объ успѣхахъ царскаго оружія въ польскихъ областяхъ, она, въ 1656 году, отправила посольство въ Москву съ просьбою, чтобы царь велѣлъ Донскимъ казакамъ напасть на Турокъ и развлечь ихъ силы, также, чтобы позволилъ Венеціанамъ вольную торговлю въ Архангельскѣ. Москвѣ въ это время не до Турокъ: Польская война, повидимому, оканчивалась, но она привела за собою другую войну, Шведскую. Денежныя средства истощились въ Москвѣ и здѣсь хотѣли воспользоваться Венеціанскимъ посольствомъ, чтобы попытаться, нельзя ли занять денегъ у республики, слывшей, по старымъ преданіямъ, богатою. Осенью того же 1656 года отправились въ Венецію, моремъ изъ Архангельска, на голландскихъ корабляхъ царскіе посланники—стольникъ Чемодановъ и дьякъ Посниковъ, повезли съ собою, по обычаю, государевы и патріаршіе товары на продажу. Въ Атлантическомъ океанѣ, 27 октября, ночью, застигла ихъ буря: многія волны въ корабли вливались и въ верхнія жилья въ окошки валами било, много рухляди помочило; въ среднемъ жильѣ было воды на аршинъ и больше, а наверху по поясъ человѣку, изъ государевой казны бочку ревеню потопило. Въ то время на кораблѣ былъ плачъ и вопль великій; посланники и всѣ государевы люди начали пѣть молебенъ,—и буря утихла. Прошла одна бѣда, впереди ждала другая: противъ Лиссабона увидали 14 кораблей, приняли ихъ за разбойничьи, варварійскіе, и приготовились къ бою; но оказалось, что идутъ разныхъ государствъ торговые Нѣмцы изъ Испаніи; Нѣмцы однако сказали, что на Средиземномъ морѣ къ Ливорно гуляютъ въ корабляхъ турскіе люди. Дѣйствительно, проѣхавши Узкое мѣсто (Гибралтарскій проливъ), встрѣтили три разбойничьихъ корабля. Посланники и всѣ Русскіе люди, видя турскихъ воровскихъ людей нахожденіе и напускъ, Всемилостивому Спасу и Пречистой Его Матери молебное пѣніе со слезами воздавали. Разбойники, исправясь по вѣтру и устремясь къ бою, за кораблями гнались быстрымъ ходомъ, и догнали; но, увидавъ на корабляхъ государевыхъ людей, боевыя знамена и осторожность, не посмѣли напасть, и ночью исчезли. 25 ноября посланники пріѣхали въ Ливорно, гдѣ были встрѣчены съ большимъ почетомъ. Такой же пріемъ ждалъ ихъ и во Флоренціи; самъ герцогъ Фердинандъ посѣтилъ ихъ и говорилъ: „Великій государь вашъ пожалуетъ ли моихъ подданныхъ, торговыхъ людей, велитъ ли у Архангельска покупать икру и другіе товары? А я государскому жалованью и совѣту радъ, и что великому государю въ моей державѣ годно, ни за что не стою, до скончанія живота радъ служить и помогать“. Черезъ Феррару провожалъ посланниковъ генералъ, папскій внукъ; поравнявшись съ церковію, онъ сказалъ имъ: „Вотъ костелъ Св. Георгія, гдѣ довершенъ осьмой соборъ, начатой во Флоренціи“.—„Тотъ ли это осьмой соборъ“, спросилъ Чемодановъ, „котораго во Флоренціи не далъ довершить и разогналъ Св. Маркъ Ефесскій?“—„Я не знаю, зачѣмъ онъ во Флоренціи не довершенъ, только знаю, что онъ довершенъ здѣсь, въ этомъ костелѣ“, отвѣчалъ генералъ.

Въ Венеціи къ посланникамъ явились Греки съ поклономъ: „Ради мы“, говорили они, „что Богъ велѣлъ намъ видѣть посланниковъ такого великаго восточнаго государя, православныхъ христіанъ нашего закона; пожалуйте, велите намъ къ вашей милости приходить почаще; пришли мы доложить, когда изволите посѣтить благочестивую церковь Греческой вѣры?—мы къ тому времени велимъ изготовиться и станемъ молебенъ пѣть о государевомъ и царевичевомъ здоровьи“.—„Дадимъ вамъ объ этомъ знать, какъ время будетъ“, отвѣчали послы.

Пришли приставы отъ правительства и объявили, что дожъ боленъ ногами, и потому посланниковъ примутъ честные владѣтели; а въ княжомъ мѣстѣ сядетъ старшій между ними, которому посланники и подадутъ грамоту „Этому быть невозможно“, отвѣчалъ Чемодановъ, „посланы мы къ вашему князю, велѣно намъ его видѣть и грамоту подать ему“.—„Это все равно“, говорили приставы, „дѣла, о которыхъ писано въ грамотѣ къ князю, намъ же ихъ дѣлать; князь ихъ не дѣлаетъ и не вѣдаетъ ничего“.—„Если князь вашъ не дѣлаетъ ничего“, возразилъ Чемодановъ, „если государствомъ правите вы, то вы бы въ грамотѣ къ царскому величеству писали имена свои вмѣстѣ съ княжескимъ“. Положили дожидаться выздоровленія дожа. Пріемъ послѣдовалъ 22 января 1657 года; посланники объявили, что государь позволилъ Венеціанамъ торговать у Архангельска повольною торговлею съ платою обыкновенныхъ пошлинъ; касательно же главнаго дѣла, высылки Донскихъ казаковъ, сказали: „Великій государь всегда о томъ тщаніе имѣетъ, чтобы православное христіанство изъ бусурманскихъ рукъ высвободилось; только теперь его царскому величеству начать этого дѣла нельзя, потому что онъ пошелъ на непріятеля своего; а какъ, за Божіею помощію, съ непріятелемъ управится, то велитъ заключить договоръ съ вами, какъ стоять на общаго христіанскаго непріятеля“. Наконецъ посланники объявили главное дѣло, за которымъ были присланы, объявили великія неправды Шведскаго короля, и что царское величество злому его начинанію терпѣть не станетъ: „Такъ вашему княжеству и честнымъ владѣтелямъ къ царскому величеству любовь свою и доброхотство показать, прислать на помощь ратнымъ людямъ взаймы золотыхъ или ефимковъ, сколько можно, и прислать бы поскорѣе“.

Князь и честные владѣтели нехорошо выразумѣли: какъ это Московскій государь помогать противъ Турокъ откладываетъ до другого времени, а денегъ взаймы проситъ поскорѣе? Для разъясненія дѣла, пріѣхалъ къ посланникамъ приставъ и спросилъ: „Скажите мнѣ, за то ли государь у насъ проситъ казны, что хочетъ помочь намъ на Турка?“ — „Ты говоришь непристойныя слова, простыя“, былъ отвѣтъ; „великій государь нашъ если изволитъ послать рать свою на Турка, то пошлетъ для избавленія христіанъ, а не изъ-за денегъ. По чьему указу говоришь ты эти бездѣльныя слова: приказалъ тебѣ это князь или владѣтели?“ Приставъ призадумался и отвѣчалъ: „Я это сказалъ отъ себя“. Когда дѣло уяснилось, Венеціанское правительство дало отвѣтъ: „Уже тринадцатый годъ, какъ мы воюемъ съ Турками; разумъ нашъ и охота не ослабѣваютъ, но казнѣ убытокъ большой, и потому съ прискорбіемъ должны отказать царскому величеству; надѣемся, что, узнавши бѣдность нашу, онъ не прогнѣвается на насъ“.

Посланники были въ Греческой церкви, гдѣ были встрѣчены съ большимъ торжествомъ, съ радостными слезами. Послѣ амвонной молитвы, духовенство вышло изъ алтаря, и одинъ изъ дьяконовъ говорилъ посланникамъ рѣчь: „Родъ Греческій, живущій въ семъ преславномъ градѣ Венеціи, молитъ Вседержителя: дай, Господи, чтобы пресвѣтлый, непобѣдимый, сильный, преславный, благочестивый и благовѣрный защитникъ Церкви Божіей Восточной, рачитель благочестія, великій государь, царь и великій князь, Алексѣй Михайловичъ, утѣшитель рода христіанскаго, здравъ былъ на многія лѣта. Какъ пресвѣтлое солнце, возсталъ онъ на искорененіе тьмы невѣрія, на соблюденіе и соединеніе благочестивой христіанской вѣры, на побѣжденіе враговъ Божіихъ: какъ второй Константинъ, явился для освобожденія вѣрныхъ христіанъ Грековъ изъ рукъ поганыхъ Турокъ; молимъ Всемогущаго Бога, чтобы всегда отъ его царскаго пресвѣтлаго меча мусульманы въ порабощеніи и побѣжденіи были“. Послѣ обѣда Греки говорили посланникамъ: „Ѣздимъ мы изъ Венеціи въ Турцію со всякими товарами часто и съ Турками торгуемъ; многіе Турки говорили намъ: Богъ далъ Московскому государю побѣду надъ Поляками и другими государствами, и у насъ въ Турціи слава о томъ великая. Султанъ и паши, сыскавъ въ своихъ гадательныхъ книгахъ, говорятъ, что пришло время и Цареграду быть за Русскимъ государемъ, живутъ съ великимъ опасеніемъ, въ Цареградѣ на долгое время ворота бываютъ засыпаны; боясь Русскихъ, Турки начали сильно притѣснять насъ, Грековъ; но мы надѣемся на милость Божію и на заступленіе великаго государя, что онъ высвободитъ насъ изъ бусурманскихъ рукъ“. Но прежде Грековъ великому государю нужно было освобождать своихъ Русскихъ изъ бусурманскихъ рукъ: къ посланникамъ въ Венеціи явилось больше 50 человѣкъ Русскихъ, освободившихся изъ турецкаго плѣна; они пришли за милостынею и объявили, что другіе ихъ братья — плѣнники — пошли разными государствами въ Москву.

Почетный пріемъ, сдѣланный Чемоданову во Флоренціи, обратилъ вниманіе царя, и въ 1659 году отправился туда дворянинъ Лихачевъ. На этотъ разъ пріемъ былъ еще лучше: великій герцогъ Фердинандъ Медичи, принявъ государеву грамоту, поцѣловалъ ее, и сталъ говорить со слезами: „За что меня, холопа своего, вашъ пресловутый во всѣхъ государствахъ и ордахъ великій князь изъ дальняго великаго града Москвы поискалъ и любительную свою грамоту и поминки прислалъ? Онъ, великій государь, отстоитъ отъ меня, что небо отъ земли; преславенъ онъ отъ конецъ до конецъ вселенныя; имя его страшно во всѣхъ государствахъ; и что мнѣ, бѣдному, воздать за его великую и премногую милость? Я, братья мои и сынъ — великаго государя рабы“. Посланника поставили въ великогерцогскомъ дворцѣ. Лихачевъ, подобно Чемоданову, попалъ въ Италію прямо изъ Архангельска, обогнувши моремъ западную Европу; понятно, слѣдовательно, какъ поразили его чудеса природы и искусства въ отечествѣ Медичи: „На княжомъ дворѣ палаты объ осьми жильяхъ, числомъ ихъ 250, во всѣхъ запоны дорогія, столы аспидные, писаны золотомъ, травы, палаты подписаны золотомъ, чернильница золотая, фунтовъ тридцать, а вмѣсто песка руда серебряная; кресла крыты бархатомъ. На томъ же княжомъ дворѣ садъ рыбный, рыбы живыя, вода вверхъ взведена сажени съ четыре, устроенъ Іорданъ и выше Іордана сажени съ двѣ вверхъ безпрестанно вода прыгаетъ на дробныя капли, а къ солнцу что камень хрусталь. А около княжаго двора деревья кедровыя и кипарисныя и благоуханіе великое; о Крещеньи жары великія, какъ у насъ объ Ивановѣ дни; яблоки великія и лимоны родятся по дважды въ годъ, а зимы во Флоренскѣ не бываетъ ни одного мѣсяца“. Герцогъ велѣлъ приготовить для посланника театральное представленіе, стоившее 8,000 ефимковъ „Князь приказалъ играть: объявились палаты, и бывъ палата и внизъ уйдетъ, и того было шесть перемѣнъ; да въ тѣхъ же палатахъ объявилося море колеблемо волнами, а въ морѣ рыбы, а на рыбахъ люди ѣздятъ; а вверху палаты небо, а на облакахъ сидятъ люди; и почали облака съ людьми на низъ спущаться, подхватя съ земли человѣка подъ руки, опять вверхъ же пошли; а тѣ люди, которые сидѣли на рыбахъ, туда же поднялися вверхъ. Да спущался съ неба же на облакѣ человѣкъ въ каретѣ, да противъ его въ другой каретѣ прекрасная дѣвица, а аграмачки подъ каретами какъ быть живы, ногами подрягиваютъ; а князь сказалъ, что одно солнце, а другое мѣсяцъ. И многіе предивные молодцы и дѣвицы выходятъ изъ занавѣса въ золотѣ и танцуютъ". Русскаго человѣка изумлялъ благодатный югъ, а южнаго владѣтеля занималъ дальній сѣверъ, дикая природа съ ея естественными первобытными богатствами: „Флоренскій князь разспрашивалъ и смотрѣлъ по чертежу про Сибирское государство, и по скольку который звѣрь плодится, тому роспись взялъ. А Сибирскому государству и плоду соболиному, что ихъ много, и куницамъ, и лисицамъ, и бѣлкамъ и инымъ звѣрямъ зѣло дивился, какъ ихъ нельзя выловить. А у нихъ никакого звѣря нѣтъ, потому что мѣста очень гористы, а не лѣсны, лѣсъ все саженый. Флоренскаго князя княгиня била челомъ посланнику, чтобы ей сдѣлали по русскому обычаю двѣ шубки, чѣмъ ей подарить новобрачную невѣстку свою, и онъ шубки сдѣлать велѣлъ подъ камкою и подъ тафтою: у одной исподъ горностайный, а у другой бѣлій; и княгиня надѣла на себя и дивилась, что урядно выдѣлали".

Венеціанское правительство, озадаченное требованіемъ Чемоданова, уже не отправляло болѣе посольства въ Москву; но Московское правительство вспоминало о республикѣ. знаменитой своею борьбою съ Турками, когда нужно было готовиться къ войнѣ съ Портою. Въ 1668 году торговый иноземецъ Келдерманъ повезъ дожу и сенату грамоту отъ царя, въ которой высказывалось удивленіе, почему они не подаютъ о себѣ никакой вѣсти, и объявлялось, что великій государь заключилъ миръ съ королемъ Польскимъ и союзъ противъ бусурманъ; объявлялось, что въ Москвѣ заключенъ торговый договоръ съ компаніею персидскихъ Армянъ, по которому персидскіе товары пойдутъ исключительно черезъ Россію; и есть надежда, что Персидскій шахъ обратитъ свое оружіе противъ Турокъ. Дожъ и сенатъ въ отвѣтной грамотѣ благодарили государя и изъявляли желаніе, чтобы и всѣ христіанскіе государи соединились противъ Турокъ.

Нападеніе Магомета IV на Польшу заставило снова царя вспомнить о Венеціи. Извѣстный намъ Менезіусъ изъ Вѣны долженъ былъ заѣхать въ Венецію съ приглашеніемъ къ союзу противъ Турокъ. Сенатъ отвѣчалъ: „Боже помоги царскому величеству наступающую непріязнь сокрушить и христіанскихъ государей успокоить". Наконецъ изъ Венеціи Менезіусъ поѣхалъ въ Римъ съ царскою грамотою къ папѣ Клименту X-му: „Вамъ бы, папѣ и учителю римскаго костела, къ намъ, великому государю, отписать; по должности христіанской на общаго непріятеля брату нашему, его королевскому величеству, войсками своими помогать станете ли? И если помочь захотите, то вамъ бы къ намъ обослаться грамотою вскорѣ, какими мѣрами, въ которое время и въ какихъ мѣстахъ быть этой помощи, чтобы заключить чрезъ общихъ посланниковъ договоръ. Да и къ окрестнымъ государямъ вамъ писать же, чтобы и они королевскому величеству были помощниками, а именно: писать къ Людовику королю Французскому и Карлу королю Англійскому, чтобы они войну съ Голландскими Штатами прекратили, и войска свои противъ общаго христіанскаго непріятеля обратили".

Пріѣхавши въ Римъ, Менезіусъ прежде всего объявилъ условія пріемной и отпускной церемоніи: папа долженъ слушать именованье и титулъ великаго государя стоя, грамоту принять и свою дать также стоя; прежде чѣмъ грамота будетъ запечатана, показать ее посланному для удостовѣренія, что титулъ царскій написанъ сполна. Папскій церемоніймейстеръ объявилъ на это свои условія: папа во все время пріема и отпуска будетъ сидѣть; посланный долженъ цѣловать ногу у его святѣйшества; указывать папѣ, чтобы онъ дѣлалъ иначе, нельзя. „Ногу папежскую цѣловать отнюдь мнѣ не велѣно", говорилъ Менезіусъ, „потому что великій государь нашъ католицкому римскому закону не повинуется; да и въ прошлыхъ годахъ, когда Греки съ Латинцами были въ соединеніи вѣры, и тогда Греки папу въ ногу не цѣловали. Когда въ 1438 году пріѣзжалъ въ Феррару къ папѣ Евгенію IV-му Цареградскій патріархъ Іосифъ съ митрополитами и епископами, то папа цѣловался съ ними по монашески, и потомъ митрополиты и епископы и иные чины цѣловали его въ руки".—„Если", продолжалъ церемоніймейстеръ, „къ папѣ пріѣдетъ цесарь или какой другой христіанскій потентатъ, и ногу папежскую цѣловать не будетъ, то папу видѣть не можетъ".—„Когда такъ", отвѣчалъ Менезіусъ, „то пусть папа велитъ меня отпустить".

Отпустить не согласились, и посланный не цѣловалъ ноги у папы, только „наклонили по римскому обычаю, впрямь до колѣннаго приклоненія и вскорѣ подняли, а голову не наклоняли". Когда Менезіусъ началъ подавать папѣ царскую грамоту, то его понизили. Папа принялъ грамоту сидя, и, отдавъ ее первому церемоніймейстеру, сказалъ: „Радуюсь, видя посланника отъ вашего государя: а что вашъ государь въ своей грамотѣ у насъ спрашиваетъ, то мы съ радостію будемъ исполнять и вскорѣ отвѣтъ учинимъ". Когда папа кончилъ, церемоніймейстеры наклонили Менезіуса до папиныхъ колѣнъ, и когда папа, вставъ, далъ всѣмъ благословеніе, Менезіуса понизили на колѣни. Посланный выговаривалъ потомъ кардиналу Алтерію, зачѣмъ его наклоняли силою; Кардиналъ отвѣчалъ, что всѣ посланники исполняютъ заведенный при папскомъ дворѣ обычай и слушаются церемоніймейстеровъ.

Менезіусъ ѣздилъ и къ бывшей Шведской королевѣ Христинѣ, принявшей католицизмъ и жившей тогда въ Римѣ. „Очень рада", сказала Христина посланному, „что царское величество изволилъ прислать къ папѣ; если я чѣмъ-нибудь могу радѣть въ дѣлахъ государевыхъ, то должна это дѣлать, потому что когда я на королевствѣ Шведскомъ королевствовала, то между нами былъ союзъ, который я буду вѣчно помнить".

Начали писать отвѣтную грамоту, и тутъ встрѣтилось непреодолимое затрудненіе. Менезіусу объявили: „Папа напишетъ великаго государя именованіе и титулъ, какъ они написаны въ царской грамотѣ, напишетъ свыше всѣхъ потентатовъ: вельможнѣйшему; только невозможно назвать государя вашего царемъ, потому что царь и цесарь одно и то же слово, и если написать царемъ, то цесарь и другіе потентаты станутъ на папу сердиться“. На это Менезіусъ показалъ грамоты: Императорскую, Венеціанскую, курфюрстовъ Бранденбургскаго и Саксонскаго, гдѣ государь былъ названъ царемъ. Но этимъ не удовольствовались; папа прислалъ спросить: Что такое царь? Менезіусъ отвѣчалъ: „Какъ называется папа, цесарь Римскій, султанъ Турецкій, шахъ Персидскій, ханъ Крымскій, моголъ Индѣйскій, претіанъ Абиссинскій, зеферъ Арабскій, колманъ Булгарскій, деспотъ Пелопонейскій, калифъ Вавилонскій и другіе, такъ точно на Славянскомъ языкѣ называется: царь Россійскій“.—„Какъ перевезти царь по латыни?“ спрашивали Менезіуса.—„Перевести нельзя“, отвѣчалъ онъ; „но вѣдь вы безъ перевода пишете же латинскими буквами всѣ вычисленныя мною названія государей!“

Кардиналъ Барберини говорилъ Менезіусу: „Если теперь папа не исполнитъ достоинства царскаго величества, то послѣ него кто будетъ папой изъ насъ, старыхъ кардиналовъ, тогда царское достоинство будетъ исполнено; мы, кардиналы старые, къ великому государю пошлемъ грамоту съ повинною, напишемъ именованіе и титулъ вполнѣ, только бы теперь великій государь на насъ не сердился, потому что папскою властію и словомъ папскимъ владѣетъ племянникъ папскій, кардиналъ Алтерій, и дѣлаетъ все посвоему для своей временной гордости,—что положитъ папѣ на языкъ, то папа и говоритъ“.

Наконецъ Менезіуса позвали на тайную аудіенцію къ папѣ. „Зачѣмъ ты у меня не хочешь принять грамоты?“ спросилъ Климентъ. — „Великій государь нашъ“, отвѣчалъ Менезіусъ, „писалъ къ вамъ для имени Божія и должности христіанской о помощи брату его, королю Польскому, противъ общаго христіанскаго непріятеля, Турскаго султана. Вы, папа и учитель Римскаго костела, великому государю любви своей не оказали, не хотѣли назвать его царемъ; а вамъ, папѣ и учителю Римскаго костела, должно чинить соединеніе, а не разрушеніе“.—„Невозможное это дѣло“, сказалъ папа, „потому что моя братья, прежніе папы, этого не дѣлали: у насъ было уже засѣданіе съ кардиналами, и они мнѣ не позволяютъ“.—„Если вы сдѣлаете какую-нибудь грубость царскому величеству“, отвѣчалъ Мензіусъ, „то государь будетъ писать объ этомъ къ другимъ христіанскимъ государствамъ“. Тутъ папа позвонилъ въ серебряный колокольчикъ и велѣлъ вошедшему маэстро ди камера принести золотую цѣпь съ папскимъ гербомъ и четки изъ лазореваго камня. Подавая эти вещи Менезіусу, онъ сказалъ: „Дарю тебѣ на память“

Менезіуса отпустили съ обѣщаніемъ, что папа отправитъ въ Россію посланника для договора о титулѣ.

Глава V.

Окончаніе царствованія Алексѣя Михайловича.

Сношенія съ Православнымъ Востокомъ: Греціею и Грузіею.—Сношенія съ Персіею.—Договоръ съ компаніею персидскихъ Армянъ.—Построеніе корабля для Каспійскаго моря.—Калмыки.—Сибирь.—Сношенія съ Китаемъ.—Общій обзоръ царствованія Алексѣя Михайловича.—Семейныя дѣла царя.—Его кончина.—Характеръ.—Приближенные къ нему люди.

Мы видѣли, какую жизнь сообщили нашимъ сношеніямъ съ Греціею нужды Русской Церкви—исправленіе книгъ и Никоново дѣло. Мы видѣли, какую важную роль въ послѣднемъ дѣлѣ игралъ Паисій Лигаридъ; видѣли, что онъ хотѣлъ оставить Москву при окончаніи дѣла. Не знаемъ—волею или неволею—но онъ остался въ Москвѣ. Лѣтомъ, 1667 года онъ билъ челомъ государю: „Служу я тебѣ, великому государю, въ Москвѣ, седьмой годъ, а жалованья идетъ мнѣ на день по 18 алтынъ по 4 деньги, и этимъ мнѣ съ людьми прокормиться нельзя“. Просьба не была исполнена, велѣно давать прежнее жалованье. Чтобы показать свою службу, Лигаридъ подалъ царю письмо, въ которомъ извѣщалъ объ извѣстномъ пророчествѣ, находящемся въ житіи Андрея Юродиваго, что бѣлокурый народъ овладѣетъ Константинополемъ. Паисій, разумѣется, прилагаетъ это пророчество къ Русскимъ; толкуетъ и о князѣ Росскомъ Мосохѣ, въ которомъ видитъ Москвича. Но Лигаридъ не могъ заниматься въ Москвѣ покойно толкованіемъ пророчествъ; въ 1668 году Іерусалимскій патріархъ Нектарій писалъ къ царю: „Даемъ подлинную вѣдомость, что Паисій Лигаридъ отнюдь не митрополитъ, не архіерей, ни учитель, ни владыка, ни пастырь, потому что столько лѣтъ какъ покинулъ свою епархію, и, по правиламъ Св. Отецъ, архіерейскаго чина лишенъ. Онъ съ православными православенъ, а латины называютъ его своимъ, и папа Римскій беретъ отъ него ежегодно по двѣсти ефимковъ; а что онъ, Паисій, бралъ милостыню для престола апостольской соборной церкви, то, лютый волкъ, послалъ съ племянникомъ своимъ на островъ Хіосъ“ Грамота, какъ видно, не произвела никакого дѣйствія; потому что вскорѣ послѣ ея полученія сдѣлано было слѣдующее распоряженіе: „Пожаловалъ великій государь Газскаго митрополита Паисія, велѣлъ ему дать жалованье, вмѣсто прибавки корму, сто рублей; дворъ, гдѣ онъ стоитъ, осмотрѣть и, что ветхо, починить, да съ винъ, которыя купитъ въ Архангельскѣ, пошлинъ не брать“.

Чтобъ не было однако впередъ подобныхъ доносовъ, Лигаридъ обратился съ просьбою о помощи къ логоѳету Константинопольской церкви Константину, писалъ, что враги оклеветали его, что осужденіе произнесено неправильно. „Я не проводилъ жизни моей, пишетъ Лигаридъ, въ сластолюбіи, пьянствѣ и блудѣ; смолоду возлюбилъ я мудрость, съ большими трудами и издержками прошелъ морской путь изъ любви ко ученію. Называютъ меня латиномысленнымъ и еретикомъ. но я латинскимъ повелѣніямъ не повинуюсь, общаго у меня съ латинами—одна наука; вмѣстѣ съ ними я былъ и есмь ревнитель древнимъ философамъ Аѳинскимъ, Ливанію и Ямвлиху, Богу добрымъ служителямъ. Заступись за меня, преученый мужъ! чтобы невѣжды не тщеславились и не превозносились; будь ходатай и помощникъ дѣломъ и словомъ“. Логоѳетъ показалъ эту грамоту преемнику Нектарія, Досиѳею. Тотъ сильно разсердился на Лигарида, увидавъ рѣзкія выраженія его о своихъ врагахъ и гонителяхъ, къ которымъ принадлежалъ и Нектарій. Но явился царскій посланный съ просьбою—простить Лигарида и прислать ему разрѣшительную грамоту. Не исполнить просьбы было нельзя,—разрѣшительную грамоту послали въ Москву, и Досиѳей сорвалъ сердце, написавши только на Лигаридовой грамотѣ къ Логоѳету: „Если бы не было святаго ходатайства царева, то узналъ бы ты, кто мертводушенъ и бѣденъ,—тотъ ли, кто 15 лѣтъ какъ оставилъ паству безъ пастыря, или тотъ, кто полагаетъ душу свою за овцы. Исполнилась на тебѣ басня Езопова: козелъ бранилъ волка съ высокаго мѣста; ты самъ по себѣ не великъ и глупъ, безчеловѣченъ и безстыденъ, только мѣсто, гдѣ пребываешь,—дворъ царскій. Уцѣломудрись хоть теперь“.

Въ концѣ 1672 года Лигаридъ собрался въ Палестину, но, доѣхавъ до Кіева, остановился здѣсь и долго жилъ, служа великому государю, донося о тамошнихъ дѣлахъ. Такъ въ 1675 году онъ писалъ къ Матвѣеву: „По Богѣ и царѣ въ тебѣ имѣю заступника милостивѣйшаго, помоги мнѣ нѣкіимъ даромъ вмѣсто милостыни, умоли, чтобы мнѣ позволили служить по архіерейски. Собираютъ здѣсь много денегъ отовсюду, а кому и на что собираютъ—не знаю. Изволь объ этомъ разыскать, о бодрѣйшій Кіева стражъ! разузнай, на что митрополичьи доходы обращаются. Здѣсь носятся слухи, будто епископъ Меѳодій освобожденъ и Кіевскимъ митрополитомъ поставленъ. Стереги крѣпко и радѣй, чтобы этого не было, ибо великая будетъ смута между духовными и мірскими; до сихъ поръ еще живъ раздоръ и измѣна, учиненная недавно и бывшая причиною столь великаго побоища Воніетъ и Св. Софія, на починку которой взялъ 14,000 рублей у царскаго величества: о другихъ его своевольствахъ молчу“.

Скоро послѣ этого пришелъ въ Кіевъ царскій указъ, чтобъ Лигаридъ немедленно возвратился въ Москву. Онъ счелъ это опалою и, пріѣхавъ въ Москву, написалъ государю: „Воспѣвалъ пророкъ и царь Давыдъ въ десятострунномъ своемъ псалмѣ: „Не отврати лица Твоего отъ отрока Твоего, яко печалюся, скоро услыши мя“; то же смѣю и я возгласить къ тебѣ, единодержавцу царю; не отврати свѣтлѣйшаго лица твоего отъ меня, яко погибну душою и тѣломъ; особенно печалюсь, потому что не знаю причины моего возвращенія“. Въ январѣ 1676 года Лигаридъ обратился къ Матвѣеву съ жалобами: что умираетъ отъ голода и жажды; что просьбы его на смѣхъ пересылаютъ изъ Приказа въ Приказъ; что одолжалъ вслѣдствіе большаго и труднаго путешествія; что для службы церковной нѣтъ у него ни священника, ни діакона, ни пѣвца, ни иподіакона: „Ты заботишься обо всемъ въ богатѣйшемъ царствѣ; забылъ только обо мнѣ, архіереѣ“. О немъ вспомнили и велѣли давать кормъ попрежнему. Чѣмъ занимался Лигаридъ,—видно отчасти изъ того, что онъ привезъ въ Москву изъ Кіева іеромонаха Виссаріона, бывшаго начальника школъ кіевскихъ, „для пособія себѣ въ тщаніяхъ и службѣ царскаго величества“.

Кромѣ Греціи, была еще другая страна христіанская, православная, болѣе несчастная, болѣе страдающая отъ бусурманъ, чѣмъ даже Греція, страна, издавна искавшая помощи у единовѣрной Россіи: то была Грузія. Послѣ несчастной попытки при царѣ Борисѣ, Московское государство отказалось отъ мысли посылать войска свои за Кавказъ, помогало деньгами, посылало духовенство свое въ Грузію осматривать состояніе церквей, богослуженія, помогать тамошнему духовенству совѣтомъ. Тяжелое впечатлѣніе производило грузинское христіанство на русскихъ духовныхъ, тѣмъ болѣе что послѣдніе сами не всегда могли отличить существенное отъ несущественнаго и сильно были привязаны къ формѣ, къ буквѣ. „Первое у васъ несогласіе съ Соборною и Апостольскою Церковію“, говорили русскіе духовные грузинскимъ епископамъ, „первое несогласіе то, что церкви отъ алтарей не отгорожены, Царскихъ дверей нигдѣ нѣтъ, да и не бывало; престолы вездѣ наги и къ стѣнѣ придѣланы; служите въ неосвященныхъ церквахъ, крестовъ ни на одной церкви нѣтъ да и не бывало; если и есть въ церкви иконы, то вы свѣчи прилѣпляете къ простой стѣнѣ, а иконы стоятъ особо, и мнится намъ, что у васъ къ божественнымъ иконамъ и къ честному Кресту вѣра оскудѣла, да и на себѣ креста не носите; у кого и есть иконы, и тѣ спрятаны, а иные носятъ малыя иконы на поясахъ за кушаками; мотаете рукою не по истинѣ, и кланяетесь, смотря на небо, а не на иконы; архіереи ваши и попы сами себя крестнымъ знаменіемъ оградить и прочихъ людей благословить не умѣютъ. Если попу у васъ случится служить литургію, то онъ принесетъ съ собою сосуды и ризы въ мѣшкѣ, а Евангелія и Креста ни у кого нѣтъ; иной попъ, пришедъ въ церковь, постелетъ на престолѣ платъ и, поставя сосуды, дѣйствуетъ въ одномъ чекменѣ, и, отдѣйствовавъ, покрывъ Святая, облачится въ ризы и начинаетъ литургію; отслужа, велитъ малому собрать съ престола сосуды и ризы въ кошель и понесетъ къ себѣ. Вы, епископы, и попы ваши дѣйствуютъ, ризы надѣвъ на шею, свѣсивъ напередъ, и какъ начинать литургію, тогда ризы назадъ спускаете. Крестятъ у васъ младенцевъ однимъ погруженіемъ. Покаянія отцамъ духовнымъ мало у васъ знаютъ, также и причастія, только при смерти даютъ причастіе и то безъ покаянія. Всякіе люди у васъ входятъ въ церковь въ шапкахъ съ саблями и ослопами, и вы, епископы, также входите съ ослопами въ церковь и въ алтарь. Женятся безъ вѣнца, и если дѣти будутъ, то вѣнчаются, а дѣтей не будетъ, то, покинувъ старую жену, берутъ другую; свадьбу у васъ играютъ въ Великій постъ, въ Благовѣщенье“ Въ одномъ мѣстѣ русскіе духовные были свидѣтелями слѣдующаго явленія: между заутренею и обѣднею вышло на площадь духовенство, вынесли образъ Св. Георгія и поставили на столбѣ, а противъ образа на церковной крышѣ сѣлъ мужикъ, надѣлъ на себя другой образъ Св. Георгія и сталъ говорить во весь міръ: „Послушайте меня! я нынче ночевалъ въ храмѣ и сказывалъ мнѣ Св. Георгій: Людей моихъ не обижайте, которые въ мое имя вѣруютъ“. Послѣ этого мужикъ началъ пророчествовать объ урожаѣ и кому умереть въ этотъ годъ. — „Что это у васъ, святой человѣкъ?“ спросили Русскіе, „и умѣетъ онъ грамотѣ?“ — „Нѣтъ, не умѣетъ“, отвѣчали Грузины, „но это такой родъ; если кто умретъ, то изъ ихъ же роду другой станетъ разсказывать Егорьевы слова въ міръ“.

Мы видѣли, что при царѣ Михаилѣ Кахетинскій царь Теймуразъ поддался Россіи. При царѣ Алексѣѣ, весною 1647 года, пріѣхалъ въ Москву посолъ отъ Теймураза и подалъ такую грамоту: „Какъ у отца твоего былъ я съ сыномъ своимъ и со всею Грузинскою Землею въ холопствѣ, такъ теперь и тебѣ, великому государю, бью челомъ въ холопство. Отца твоего заступленіемъ и жалованьемъ наше Грузинское государство живо и цѣло; а если ты насъ не пожалуешь, за насъ не вступишься, то окрестныя государства насъ разорятъ безъ остатку и станутъ говорить: вы поддались Московскому государю, и онъ васъ выдалъ, за васъ не вступился. Теперь самъ я, Теймуразъ царь, съ сыномъ своимъ Давидомъ, отдался тебѣ въ холопство со всею Грузинскою Землею; внука своего, Григорья, пришлю къ тебѣ въ холопи въ Москву, а за большаго моего внука Іоасафа изволилъ бы ты выдать сестру свою государыню царевну. Да вели къ намъ послать митрополитовъ, сколько изволишь; государство Грузинское—Божье да твое; и вѣра такъ же была бы справлена, какъ и въ твоемъ великомъ государствѣ“. Мы знаемъ, что въ это время, особенно въ 1648 году, въ Москвѣ было не до Грузіи. Въ 1649 оттуда новое посольство: „Хотѣлъ я, писалъ Теймуразъ, отправить къ тебѣ, великому государю, внука своего Николая (?); но какъ узнали объ этомъ Персіяне, то начали государство мое воевать съ трехъ сторонъ. Мнѣ чрезъ горы внука своего послать нельзя, а на Шемаху Персіяне не пропустятъ. Пожаловалъ бы великій государь, прислалъ за внукомъ моимъ своихъ людей и велѣлъ взять его къ себѣ въ холопи“.

Съ отвѣтомъ на эти предложенія отправился въ Грузію, въ 1650 году, Никифоръ Толочановъ. Посланникъ поднесъ Теймуразу въ подарокъ соболи; царь билъ челомъ низко, но спросилъ: „Прежде присылали ко мнѣ по 20,000 ефимковъ, а теперь мнѣ съ вами не прислано?“ — „Потому тебѣ денегъ не прислано“, отвѣчалъ посланникъ, „что про тебя великому государю было не вѣдомо, гдѣ ты обрѣтаешься послѣ своего разоренья, какъ разорилъ тебя Тифлисскій ханъ; а какъ только твоя правда и служба объявятся великому государю, то тебя и больше прежняго царское величество пожалуетъ“.

— „Видите“, продолжалъ Теймуразъ, „какъ я разоренъ Тифлисскимъ ханомъ по шахову приказу. Прежде государевы послы у меня въ Кахетіи были, и всякое строенье, монастыри и церкви видѣли, а теперь гдѣ были церкви, тамъ стали мечети; царское величество вступился бы за домъ Божій и за меня, холопа своего“.

Толочановъ объявилъ Теймуразу главную цѣль своего посольства — взять съ собою въ Москву внука его, царевича Николая. — „А выдастъ ли за него великій государь сестру свою?“ спросилъ Теймуразъ. — „Съ нами объ этомъ дѣлѣ не наказано“, отвѣчалъ посланникъ, „такое великое тайное дѣло, кромѣ Бога да великаго государя, кто можетъ вѣдать? Если Богъ изволитъ, а его государская мысль будетъ, то дѣло и состоится; а если не будетъ воли Божіей и государской мысли, то дѣлу какъ состояться? Ты только отпускай съ нами внука своего, исполняй передъ великимъ государемъ правду свою“

— „Если я внука своего пошлю“, продолжалъ Теймуразъ, „а государь не изволитъ государства моего, Кахетіи, очистить, ратныхъ людей и казны не пришлетъ, то зачѣмъ моя посылка?“

— „Ратныхъ людей“, отвѣчалъ Толочановъ, „послать къ тебѣ нельзя, потому что горы снѣжныя, высокія, въ нихъ разсѣлины большія, ратнымъ людямъ пройти, наряду и запасовъ провезти нельзя; у тебя государство пустое, и то за шахомъ; хотя ратные люди и пройдутъ, то имъ у тебя съ-голоду помереть; а казны тебѣ государь пришлетъ столько, сколько тебѣ и въ умъ не вмѣщалось, если теперь исполнишь правду свою, внука съ нами отпустишь. Кромѣ того, государь пошлетъ великихъ пословъ къ шаху Аббасу, чтобы отдалъ Кахетію по совѣту и братству, а если не отдастъ, то думаемъ, что великій государь пошлетъ войско свое Каспійскимъ моремъ на шаховы города и велитъ городовъ разорить вдесятеро,—только ты совершай правду свою. Если ты отпустишь съ нами и другого внука своего, Влавурсака, то великій государь дастъ ему свое жалованье по своему милосердому разсмотрѣнію".

— „Влавурсака никому не отдамъ", сказалъ Теймуразъ, „мнѣ самому не съ кѣмъ будетъ жить, некому будетъ и души моей помянуть".

— „Ты намъ объявилъ, что тебя разорилъ Тифлисскій ханъ", продолжалъ посланникъ, „такъ если тебѣ въ Грузинской Землѣ жить не у чего, то ступай и ты самъ къ царскому величеству,—намъ велѣно принять тебя и съ подданными твоими".

— „Когда будетъ мое время, тогда и поѣду къ государской милости, а теперь еще побуду здѣсь", отвѣчалъ Теймуразъ.

Всѣ эти разговоры кончились тѣмъ, что Теймуразъ не отправилъ внука въ Москву. Тѣмъ сильнѣе высказывалъ свое усердіе къ великому государю Имеретинскій царь Александръ, присягнувшій при Толочановѣ царю Алексѣю Михайловичу. „Теймуразъ царь", говорилъ Александръ, „внука своего съ вами не отпускаетъ; а если бы у меня былъ сынъ мой Баградъ да братъ Мамука, то я бы обоихъ къ царскому величеству отпустилъ. Если государю угодно, то онъ бы прислалъ воеводу своего въ Кутансъ; если бы мнѣ было кому свою отчину, Имеретинскую Землю приказать, то я бы и самъ поѣхалъ видѣть пресвѣтлыя государскія очи". Въ грамотѣ своей къ царю Александръ писалъ: „Учинился я, и сынъ мой, и братъ, и весь духовный чинъ, и ближніе люди, и всего государства воинскіе ратные и земскіе люди подъ вашего царскаго величества высокою рукою въ подданствѣ навѣки неподвижно, отъ дѣтей на внучатъ; и тебѣ бы, великому государю, меня не презрѣть и отъ недруговъ невѣрныхъ держать въ оборонѣ, чтобы люди моего государства въ невѣріе не впали. Прежде были у меня въ подданствѣ Дадьяне, и нѣсколько лѣтъ тому назадъ отложились, поддались Турецкому султану и живутъ съ бусурманами заодно, берутъ себѣ на помощь бусурманскую рать, меня разоряютъ и воюютъ. Донскіе казаки ходятъ на Черное море и бусурманъ воюютъ, а православнымъ христіанамъ никакого вреда не дѣлаютъ; а Дадьяне казаковъ къ себѣ приманиваютъ, будто хотятъ вмѣстѣ съ ними воевать бусурманъ, и, примания въ свои мѣста, ихъ побиваютъ и къ Туркамъ продаютъ, и въ подарокъ отсылаютъ къ Турецкому султану, который за это присылаетъ имъ жалованье. Тѣ же Дадьяне крадутъ христіанъ изъ моей Земли и у себя, и отсылаютъ къ Персидскому шаху, просятъ у него себѣ помощи. Дадьянскій владѣлецъ сестру свою отдалъ къ шаху и отъ христіанской вѣры отрекся, за то ему отъ шаха жалованье и помощь. Онъ же, Дадьянскій владѣлецъ, отослалъ другую свою сестру Рустемъ-хану Тифлисскому, чтобы тотъ шелъ на меня войною, и Рустемъ-ханъ много разъ присылалъ своихъ ратныхъ людей на мое государство. Теперь я у царскаго величества милости прошу и желаю, чтобы какъ-нибудь съ Чернаго моря стругами учинить надъ Дадьянами промыслъ, за то разоренье имъ отомстить, отъ бусурманъ отлучить, въ православіи утвердить и подъ мою руку привести попрежнему. Дадьянскій прислалъ ко мнѣ, что хочетъ опять быть у меня въ подданствѣ и самъ ко мнѣ пріѣхать, только чтобы я прислалъ къ нему сына моего въ заложники; я сына своего къ нему послалъ, а онъ ко мнѣ не пріѣхалъ и сына моего не отпустилъ: „тогда" говоритъ, „отпущу къ тебѣ сына, когда ты поддашься Турецкому султану". Братъ мой пошелъ на охоту, а Дадьянскіе люди схватили его и держатъ у себя. Великій государь пожаловалъ бы меня, помогъ мнѣ сына и брата изъ неволи освободить: а какъ освободятся, то къ себѣ ли ихъ велитъ взять, или мнѣ отдать—въ томъ его государева воля. Да пожаловалъ бы, велѣлъ прислать мнѣ печать свою, чтобы во всей Землѣ царское повелѣнье было вѣрнѣе; да велѣлъ бы государь прислать моимъ ближнимъ и ратнымъ людямъ жалованье, чтобы они скудны и безконны не были и имѣли бы мочь стоять противъ своихъ недруговъ; да велѣлъ бы прислать мнѣ пушечный нарядъ, чѣмъ отъ недруговъ обороняться".

Съ 1653 года начинаются пріѣзды въ Москву грузинскихъ владѣтелей: въ этомъ году пріѣхалъ осьмилѣтній внукъ Теймураза, Николай Давыдовичъ съ матерью Еленою Леонтьевною. За внукомъ поднимался и самъ дѣдъ; когда въ 1656 году пріѣхалъ къ Теймуразу государевъ посланникъ Жидовиновъ съ ефимками и соболями, то встрѣтилъ его въ Имеретіи, и бѣдный старикъ говорилъ посланнику: „Персидскій шахъ выгналъ меня изъ моего государства, и живу я теперь въ Имеретинской Землѣ, у зятя своего царя Александра; но отъ него помощи мнѣ никакой нѣтъ; скуденъ я всѣмъ, а въ свое государство отъ непріятелей ѣхать не смѣю; теперь я съ царицею своею, со внукомъ и со внукою и со всѣми людьми ѣду служить къ великому государю въ Москву; поѣдетъ со мною человѣкъ съ триста".

Въ январѣ 1657 года, въ Посольскомъ Приказѣ дьяки разспрашивали троихъ Грузинъ, пріѣхавшихъ изъ Тушей, зачѣмъ они въ Москву пріѣхали. „Пріѣхали мы бить челомъ великому государю, чтобы пожаловалъ насъ для Православной христіанской вѣры, велѣлъ принять подъ свою высокую руку въ вѣчное подданство".—„А прежде у кого были вы въ подданствѣ, и кто у васъ начальные люди, и вѣра у васъ христіанская ли, и какъ далеко вы живете отъ Терека и въ какихъ мѣстахъ, и города у васъ есть ли, и сколько у васъ служилыхъ людей, и какой у васъ бой; кто у васъ сосѣди, и нѣтъ ли вамъ отъ Персидскаго шаха, отъ Кумыкъ и отъ Черкесъ какого утѣсненья; хлѣбъ у васъ родится ли, и если великій государь изволитъ принять васъ подъ свою высокую руку, то на какихъ статьяхъ вы хотите быть въ подданствѣ!"—„Мы хотимъ быть у царскаго величества въ вѣчномъ холопствѣ, гдѣ велитъ быть на службѣ—и мы готовы; вѣра у насъ христіанская; живемъ мы въ крѣпкихъ мѣстахъ, въ горахъ, въ трехъ станахъ, а городовъ и начальныхъ людей у насъ нѣтъ; всякій владѣетъ своею деревнею; ратныхъ людей у насъ 8,000; бой лучной и копейный; всѣ бываютъ въ панцыряхъ; отъ Терека до Тушинской Земли скораго хода 4 дни; прежде мы были подданные Теймураза царя, а какъ его Персидскій царь разорилъ, съ того времени живемъ особо".

Наконецъ въ 1658 году явился въ Москву и самъ царь Теймуразъ Давыдовичъ. На представленіи великій государь велѣлъ царю Теймуразу приступить къ своему царскому мѣсту и изволилъ встать. Тутъ Теймуразъ сталъ бить челомъ, чтобы великій государь далъ ему свою царскую руку цѣловать; но великій государь руки не далъ и сказалъ: „Въ Евангеліи написано: идѣже будутъ собрани во имя Мое, ту есмь и Азъ посредѣ ихъ; и мы воздадимъ хвалу Всемилостивому Богу, сотворимъ о Христѣ цѣлованіе во уста, ибо ты благочестивой христіанской вѣры".—„Я твоего царскаго величества холопъ", говорилъ Теймуразъ, „такого великаго и пресвѣтлаго государя недостойно мнѣ въ уста цѣловать".—„На то Божья воля, что ты у насъ въ подданствѣ", отвѣчалъ Алексѣй, „но ты, царь, нашей благочестивой христіанской вѣры, и по Христовой заповѣди сотворимъ цѣлованіе въ уста". Тогда Теймуразъ, съ великимъ страхомъ, цѣловалъ государя въ уста.

Государь поручилъ боярину Хилкову переговорить съ Теймуразомъ.

„Съ которымъ Турскимъ царемъ было у тебя розратье и бой, какъ давно и какое было тебѣ отъ него изгнаніе и Землѣ твоей разоренье?" спросилъ бояринъ.

Теймуразъ: „Тому лѣтъ съ тридцать измѣнилъ мнѣ бояринъ Георгій Сіосъ, и, обусурманясь, поддался Турецкому султану Амурату и поднялъ на меня рать; я противъ него ходилъ съ своими ратными людьми, и былъ у меня бой съ измѣнникомъ и Турками между моей и Карталинской Земли; Турскихъ людей съ измѣнникомъ было тысячъ сорокъ, а у меня было тысячи съ три; но мнѣ Богъ пособилъ, побилъ я измѣнника своего и Турскихъ людей, а побилъ я Турскихъ людей не многолюдствомъ,—силою крестною". Тутъ царь показалъ на крестѣ язву отъ сабельнаго удара. „Послѣ того", продолжалъ Теймуразъ, „мнѣ отъ Турка никакого гоненія и присылки ни о чемъ не бывало".

Хилковъ: „Какъ ты, царь Теймуразъ Давыдовичъ, билъ челомъ великому государю о подданствѣ, въ то время Персидскій шахъ Землѣ твоей какое разоренье учинилъ и въ которомъ году?"

Теймуразъ: „Этому лѣтъ одиннадцать, какъ присылалъ я къ великому государю бить челомъ о подданствѣ, и нынѣшній шахъ Аббасъ прислалъ на мое государство ратныхъ людей; я противъ нихъ бился, и на томъ бою убили сына моего, дочь взяли насильствомъ, да два города разорили; а при старомъ Аббасѣ шахѣ разоренье было мнѣ многое. Не хотя государству своему разоренья, послалъ я къ шаху мать свою да сына своего меньшаго. Александра царевича, въ аманатахъ. Когда моя мать со внукомъ пріѣхала къ старому шаху и била челомъ, чтобы онъ взялъ внука ея въ аманаты и бралъ съ государства дань, а разоренья не чинилъ, то шахъ сказалъ моей матери, чтобы она послала и по другого внука своего Леона, а онъ, шахъ, котораго внука въ аманаты взять захочетъ, того и возьметъ, а другого отпуститъ. Мать моя взяла и другого внука Леона; но шахъ матери моей и дѣтей не отпустилъ и присылалъ къ ней, чтобы она бусурманилась, а онъ ее будетъ имѣть вмѣсто матери. Она отказала, что отнюдь вѣры христіанской не отбудетъ. Тогда шахъ отдалъ ее подъ стражу и велѣлъ мучить: сперва велѣлъ сосцы отрѣзать, а послѣ закаленными желѣзными острогами исколоть и по суставамъ рѣзать; отъ этихъ разныхъ мукъ мать моя пострадала за Христа до смерти, а тѣло укралъ и привезъ ко мнѣ Французъ; дѣтей же моихъ шахъ обоихъ изваложилъ, и теперь они у шаха. Послѣ этого шахъ послалъ на меня своихъ ратныхъ людей; я пошелъ противъ нихъ и побилъ, послѣ чего ушелъ въ Имеретію и жилъ тамъ два года; потомъ собрался съ Имеретійскими и Дадіанскими ратными людьми, и шаховыхъ людей изъ Земли своей выбилъ и Землю очистилъ; но въ томъ же году шахъ прислалъ опять ратныхъ своихъ людей и я въ другой разъ ушелъ въ Имеретію, а шахъ велѣлъ всю Грузинскую Землю плѣнить и разорить, чтобы христіанство все вывесть. Я и тутъ Персіянъ выбилъ, и сталъ владѣть своимъ государствомъ попрежнему. Но при нынѣшнемъ шахѣ, тому лѣтъ одиннадцать, измѣнили мнѣ два боярина, отвезли дочерей своихъ къ шаху, сами обусурманились и навели на меня шаховыхъ людей; я съ ними бился, и на томъ бою сына моего Давида убили, а меня выгнали; отъ этого гоненія я и до сихъ поръ живу въ Имеретіи".

Хилковъ: „Какъ Земля твоя велика, сколько въ ней теперь за тобою жилыхъ и разоренныхъ"?

Теймуразъ: „Земля моя въ длину 10 днищъ ходу и поперекъ столько же; городовъ всѣхъ большихъ семь, а малыхъ и много, только разорены и пусты; въ двухъ городахъ живутъ измѣнники мои бояре, и въ тѣхъ городахъ люди есть, а иные города всѣ разорены; въ стольномъ городѣ Кремѣ живетъ людей немного, иные живутъ по деревнямъ. Надо всѣмъ государствомъ моимъ владѣтель теперь Рустемъ-ханъ, былъ онъ грузинской породы, да обусурманился".

Хилковъ: „Дадьянскую и Гуріальскую Земли какъ давно ты подъ высокую руку великаго государя привелъ, присягу онѣ принесли ли; теперь онѣ у великаго государя попрежнему ли въ подданствѣ и кто ими владѣетъ“?

Теймуразъ: „Какъ былъ живъ Дадьянскій царь Леонтій, то у насъ съ нимъ была безпрестанная вражда и бой. Но какъ царь Леонтій умеръ, и теперь на его мѣсто выбрали сродника моего, Вамыка, который сговорилъ дочь свою за моего внука Леонтія Давыдовича, и крестъ цѣловалъ великому государю со всею Землею; государства ихъ четыре города большихъ стоятъ въ мѣстахъ крѣпкихъ, у Чернаго моря; кораблей у нихъ ходитъ по морю по пяти и по шести, а людей всякихъ будетъ съ 40,000; бой у нихъ сабельный и копейный, пищали есть, а пушки небольшія. Гуріальская Земля небольшая; крестъ великому государю цѣловала; лежитъ она между Имеретинскою и Дадьянскою Землями. Дадьянами и Гуріальскою Землею владѣетъ по совѣту Имеретинскій царь Александръ, но дани ему не даютъ, только такъ съ нимъ въ дружбѣ. Земли эти за моею Землею подлѣ шаха. Государь бы пожаловалъ, велѣлъ Землю мою очистить отъ измѣнниковъ, а до шаховой Земли мнѣ дѣла нѣтъ, и будетъ ли шахъ за измѣнниковъ моихъ стоять или нѣтъ, того я не знаю. Я для того и поддался государю, чтобы онъ велѣлъ Землю мою очистить и дать своихъ ратныхъ людей. Тогда я съ государевыми и съ своими людьми, съ Имеретинцами, Дадьянцами и Гурьянцами соберусь и стану свою Землю очищать; а если шаховы люди на меня придутъ, то я буду отъ нихъ обороняться. Какъ великій государь изволитъ меня отпустить, то отписалъ бы къ Имеретинскому, къ Дадьянамъ и Гурьянамъ, чтобы мнѣ давали ратныхъ людей въ помощь; а къ шаху бы изволилъ отписать, что я Православной христіанской вѣры и въ подданствѣ у него, великаго государя; такъ бы шахъ въ Землю мою не вступался, а станетъ ее разорять, то великій государь будетъ меня защищать“.

Хилковъ: „Великій государь указалъ тебя спросить: сколько тебѣ служилыхъ людей надобно, какими мѣстами ихъ до твоей Земли вести и какъ далеко; гдѣ имъ брать лошадей и хлѣбные запасы, чтобы въ дальнемъ пути и будучи у тебя имъ голодомъ не помереть; да не будетъ ли стоять войною Персидскій шахъ за измѣнниковъ твоихъ“?

Теймуразъ: „Надобно воеводу добраго, а ратныхъ людей съ 30,000 конныхъ; запасы брать изъ Астрахани до моей Земли, а въ моей Землѣ запасовъ будетъ много; а будетъ ли шахъ за измѣнниковъ моихъ стоять войною,—того я не знаю. Когда я поддался отцу великаго государя, царю Михаилу Θеодоровичу, то государь прислалъ мнѣ свою жалованную грамоту за золотою печатью; въ грамотѣ написано, что великій государь будетъ меня отъ недруговъ оборонять; послѣ того писаны ко мнѣ многія государевы грамоты, чтобы прислалъ я въ Москву внука моего; я внука прислалъ, а теперь и самъ пріѣхалъ бить челомъ, чтобы великій государь пожаловалъ мнѣ своихъ ратныхъ людей. Если царское величество оборонить меня не велитъ, то, смотря на меня, Имеретинскій царь, и Дадьяны, и Гурьяны отъ бусурманскаго гоненья станутъ искать другого государя; у всѣхъ у насъ одно челобитье: чтобы великій государь пожаловалъ намъ ратныхъ людей и велѣлъ насъ оборонить. Били великому государю челомъ и неправые казаки, чтобы ихъ изволилъ взять подъ свою высокую руку: великій государь и казаковъ пожаловалъ для Православной христіанской вѣры, изволилъ взять подъ свою высокую руку, а съ Польскимъ королемъ разорвать; а я былъ въ своемъ государствѣ царь Православной христіанской вѣры, а для того поддался великому государю, чтобы ему пожаловать насъ—оборонить“.

Съ отвѣтомъ на эти требованія пріѣхалъ къ Теймуразу бояринъ, князь Алексѣй Никитичъ Трубецкой. „У великаго государя“, говорилъ бояринъ: „война съ Польскимъ и Шведскимъ королями; ратные люди его многіе теперь на границахъ; такъ ты бы, царь Теймуразъ Давыдовичъ, хотя бы какую нужду и утѣсненье отъ непріятелей своихъ принялъ, а ѣхалъ бы въ свою Грузинскую Землю и царствомъ своимъ владѣлъ попрежнему. А какъ царское величество съ непріятелями своими управится, то въ утѣсненіи и разореніи видѣть тебя не захочетъ и своихъ ратныхъ людей къ тебѣ пришлетъ; и теперь велѣлъ тебѣ дать денегъ 6,000 рублей да соболей на 3,000“.—„Великаго государя воля“, отвѣчалъ Теймуразъ, „чаялъ я къ себѣ государской милости и обороны, для того сюда и пріѣхалъ, а теперь царское величество отпускаетъ меня ни-съ-чѣмъ. Пріѣхалъ я сюда по указу царскаго величества, и въ то время ко мнѣ не писано, что всѣ государевы ратные люди на его службѣ; если бы я чаялъ, что царское величество ратныхъ людей мнѣ на оборону не пожалуетъ, то я бы изъ своей Земли не ѣздилъ“.

Трубецкой: „Ты говоришь, будто тебя государь отпускаетъ въ свою Землю ни съ чѣмъ: но тебѣ даютъ 6,000 рублей и соболей на 3,000; можно тебѣ съ этимъ жалованьемъ до своей Земли проѣхать; и ты бы этимъ великаго государя не гнѣвилъ“.

Теймуразъ: „Дорогъ мнѣ великаго государя и одинъ соболь; а при отцѣ его государевѣ и заочно присылывано ко мнѣ по 20,000 ефимковъ, а соболей безъ счету; теперь мнѣ лучше раздать государево жалованье по своей душѣ, нежели въ свою Землю ѣхать, да въ бусурманскія руки впасть. Услыхавъ, что я ѣду къ великому государю, Турки, Персіяне и горскіе Черкесы испугались; Черкессы дороги залегли, въ горахъ на меня наступали и ратныхъ людей моихъ побили: я едва ушелъ. Потерявъ своихъ ратныхъ людей, ѣхалъ я къ царскому величеству украдкою, днемъ и ночью, пріѣхалъ и голову свою принесъ въ подножіе его царскаго величества, и челомъ ударилъ внукомъ своимъ. Какъ увидѣлъ государевы очи, чаялъ, что изъ мертвыхъ воскресъ, чего желалъ, то себѣ и получилъ. А теперь пріѣздъ мой и челобитье стали ни во-что; насмѣются надъ мною измѣнники мои горные Черкесы и до основанія разорятъ. Чѣмъ мнѣ отдану быть и душу свою христіанскую погубить въ невѣрныхъ бусурманскихъ рукахъ, лучше мнѣ здѣсь въ Православной христіанской вѣрѣ умереть, а въ свою Землю мнѣ не-по-что ѣхать. На комъ-то Богъ взыщетъ, что бусурманы меня, царя Православной христіанской вѣры, погубятъ и царство мое разорятъ? Великому государю какая будетъ честь, что меня, царя, погубятъ и родъ мой и Православную христіанскую вѣру искоренятъ? Я за Православную христіанскую вѣру съ малою своею Грузинскою Землею противъ Турокъ и Персіянъ стоялъ и бился, не боясь многой бусурманской рати. Пожаловалъ бы хотя меня государь, велѣлъ проводить своимъ ратнымъ людямъ".

Трубецкой: „Государь тебя велитъ проводить ратнымъ людямъ и къ шаху отпишетъ, чтобы онъ на тебя не наступалъ и Грузинской Земли не разорялъ. Какъ-нибудь проживи теперь въ своей Землѣ, а потомъ царское величество ратныхъ людей къ тебѣ пришлетъ; будь надеженъ, безъ всякаго сомнѣнія".

Теймуразъ: „Коли я самъ нынѣ милости не упросилъ и никакой помощи не получилъ, то впередъ заочно нечего ждать. И прежде обо мнѣ царское величество къ шаху писалъ, однако шахъ Аббасъ Землю мою разорялъ и меня выгонялъ".

Теймуразъ отправился. Въ 1660 году отправился назадъ въ Грузію и внукъ его, царевичъ Николай Давыдовичъ, съ матерью и съ царскимъ посланникомъ Мякининымъ. Въ Астрахани они узнали страшныя новости: Имеретинскаго царя Александра окормили; почувствовавъ смерть, посадилъ онъ на свое мѣсто сына Баграта и велѣлъ ему жениться на внукѣ Теймуразовой, что и было исполнено. Но молодой царь сидѣлъ на престолѣ только три мѣсяца: царица, жена Александрова, дочь Теймураза, не желая видѣть на царствѣ пасынка, схватила его, выколола ему глаза и вышла замужъ за Грузинца Вахтанга, съ которымъ и начала владѣть Имеретіею; говорили, что она это сдѣлала по наговору католикоса. Встала смута; царь Теймуразъ бѣжалъ въ персидскій городъ Тифлисъ. Бояринъ Еристовъ привелъ Турокъ, а царицу съ мужемъ ея сослалъ къ Черному морю въ городъ Апхазитъ. Затѣмъ пришла другая вѣсть, что Теймураза взяли и повезли къ шаху. Несмотря на эту смуту въ Грузіи, царевичъ Николай уѣхалъ изъ Астрахани и остался въ Тушинской Землѣ; въ 1666 году онъ возвратился въ Москву; а въ 1674 отпущенъ опять на родину.

Грузія не могла дождаться, чтобы Россія въ царствованіе Алексѣя управилась когда-либо съ своими европейскими врагами и могла начать войну въ отдаленномъ Закавказьи. Грузинскіе цари указывали на Персіянъ, какъ на главныхъ враговъ своихъ, отъ которыхъ Русскій царь долженъ оборонить ихъ; но между Персіею и Россіею издавна происходили дружественныя сношенія, которыя невыгодно было порывать. Въ 1650 году пріѣхалъ въ Москву посолъ шаха Аббаса, Магметъ Кулыбекъ, и привезъ въ подарокъ отъ шаха 4,000 батмановъ селитры. Въ отвѣтѣ съ боярами посолъ началъ старыми жалобами на воровскихъ казаковъ: взяли они у шахова купчины подъ Бакою на морѣ съ бусы товару на 3,000 рублей да 2,000 рублей денегъ; разбойниковъ выбило изъ моря на берегъ. Терскіе воеводы это пограбленное имѣніе взяли, а въ Персію не отдали,—такъ царское величество велѣлъ бы отдать, а воровъ казаковъ казнить. „Когда я", говорилъ посолъ, „былъ теперь на Терекѣ, то самъ этихъ воровъ казаковъ видѣлъ; а какъ пришелъ я въ Астрахань, то писалъ ко мнѣ Шемахинскій ханъ, что воры казаки опять приходили на шемахинскія мѣста и пограбили многихъ шаховыхъ людей".—„Прежде", отвѣчали бояре, „между великими государями ссоры и нелюбья изъ-за казачьяго воровства не бывало, потому что казаки эти не изъ Астрахани и не съ Терека, приходятъ воровать на море съ Дону, не однихъ шаховыхъ,—и царскаго величества людей грабятъ и побиваютъ. Теперь воры казаки на морѣ перехватаны и сидятъ на Терекѣ въ тюрьмѣ; что сыскано у нихъ персидскаго имѣнья,—все велѣно отдать вашимъ людямъ, которыхъ Шемахинскій ханъ пришлетъ на Терекъ, и воровъ казаковъ велѣно казнить смертью при вашемъ послѣ; но ханъ до сихъ поръ никого не присылалъ, и если имѣніе не отдано, то его вина. Казаковъ терскіе воеводы хотѣли казнить при тебѣ, но ты самъ не согласился".—„Все это хорошо", говорилъ посолъ, „но въ прежней царской грамотѣ къ шаху написано, что впередъ воровъ не будетъ".—„Въ грамотѣ этого нѣтъ", отвѣчали бояре: „государство великое не безъ вора, а гдѣ воры объявятся, то ихъ пригоже сыскивать сообща". Потомъ посолъ жаловался, что въ Астрахани и другихъ городахъ таможенные головы цѣнятъ товары для пошлинъ дорогою цѣною, тогда какъ при царѣ Михаилѣ пошлины брали меньше, и торговыхъ людей изъ Персіи пріѣзжало больше. Ему отвѣчали, что въ пошлинахъ Персіянамъ никакого убытка не бываетъ, потому что чѣмъ больше пошлина, тѣмъ дороже они продаютъ свои товары, и пошлинныя деньги ложатся на людяхъ царскаго величества. У шаха селитры много: такъ шахово величество велѣлъ бы изъ своей области въ Московское государство отпускать по 20,000 пудовъ на годъ, а царское величество изволитъ за селитру посылать мѣдью или соболями. „Государь нашъ", отвѣчалъ посолъ, „царскому величеству не только-что за селитру, ни за что не постоитъ; велѣлъ бы государь ту работу положить на меня, а я буду говорить шахову величеству".

Наконецъ дѣло дошло до Грузіи, до Теймураза. Посолъ такъ объяснялъ дѣло: „Теймуразова сестра была за старымъ шахомъ Аббасомъ, а Теймуразова дочь была за отцомъ нынѣшняго шаха, Сефи, и поэтому Теймуразъ государю нашему свой. Ссоры у грузинскаго Теймураза съ Рустемомъ, ханомъ Тифлисскимъ, потому что они между собою свои близкіе, одного поколѣнья, пошли отъ великаго князя Грузинскаго. Рустемъ ханъ теперь шаховъ подданный и бусурманинъ, и половина Грузинской Земли за нимъ, а другая половина за Теймуразомъ. Такъ ссора между ними, и шахъ на Рустема-хана сердится, что онъ Грузинскую Землю разорилъ и царевича убилъ. Теперь Теймуразъ живетъ у зятя своего, Имеретинскаго царя, покинувъ свою Землю, а къ шаху ни о чемъ не пишетъ и не бьетъ челомъ; если бы онъ билъ челомъ, то шахъ велѣлъ бы ему жить попрежнему въ своей Землѣ. Я донесу объ этомъ шахову величеству, и шахъ для царскаго величества велитъ Теймуразу Землю его отдать и впередъ Землю его велитъ оберегать".

Обѣщаніе было исполнено относительно воровскихъ казаковъ. 39 человѣкъ ихъ сидѣло въ тюрьмѣ на Терекѣ; троихъ вершили при послѣ Магметъ-Кулыбекѣ—атамана Кондратья Иванова Кобызенка съ двумя другими пущими заводчиками; четверо умерло въ тюрьмѣ; остальныхъ прислали въ Москву; большая часть ихъ была родомъ изъ городовъ восточной Украйны, трое Москвичей, по одному изъ Великаго Новгорода, Костромы, Луха, Романова и Перми, одинъ Грузинъ, а трое названы Царегородцами!

Въ 1653 году поѣхали въ Персію великіе послы: окольничій, князь Иванъ Лобановъ-Ростовскій, и стольникъ Иванъ Комынинъ. Послы поѣхали жаловаться на Шемахинскаго хана Хосрева, который давно уже грозился войною на Астрахань и на Терекъ, все за казаковъ, а теперь, въ 1652 году, писалъ къ Астраханскому воеводѣ, что Гребенскіе казаки не только грабятъ персидскихъ торговыхъ людей, но въ Дагестанской области поставили городокъ, служилыхъ людей въ немъ устроили и тамъ будто Черкасскую дорогу закрѣпили. Хосревъ писалъ, что по шахову приказу онъ собираетъ войско, чтобы взять этотъ городъ, а потомъ идти подъ Астрахань и подъ Терекъ. Кромѣ того, русскіе торговые люди бьютъ челомъ, что въ Шемахѣ Хосревъ-ханъ, а въ Гиляни—приказные люди задержали ихъ третій годъ, утѣсненіе всякое, обиды, насильства, налоги и убытки дѣлаютъ большіе, бьютъ, грабятъ,—тогда какъ въ Московскомъ государствѣ персидскимъ торговымъ людямъ во всемъ свобода и береженье. Шахъ принимаетъ русскихъ измѣнниковъ и помогаетъ имъ; откочевалъ отъ Астрахани государевъ подданный, ногайскій Чебанъ-мурза, и кочевалъ подъ Терекомъ, а потомъ началъ кочевать по Кумыцкой сторонѣ въ дальнихъ мѣстахъ, и учинился царскому величеству непослушенъ. Въ 1651 году ходили на него царскіе ратные люди—князь Муцалъ Черкасскій и стрѣлецкіе головы съ ногайскими, едисанскими и черкасскими мурзами; но когда государевы ратные люди пришли на Чебана, измѣнилъ подданный великаго государя, вѣчный холопъ Суркай, шевкалъ Тарковскій, и, сложась съ Чебанъ-мурзою, началъ съ государевыми людьми биться, а ратные люди безъ царскаго указу съ Суркай-шевкаломъ биться не смѣли. Потомъ Суркай и Андреевскій Каганалпъ-мурза съ Кумыками приходили войною на русскій Суншинскій городокъ, подъ Барагуны и на улусы князя Муцала Черкасскаго, а къ шевкалу прислано было ратныхъ людей изъ Шемахи 500 человѣкъ, да изъ Дербента 300 человѣкъ, съ ними двѣ пушки; эти шемахинскіе и дербентскіе люди съ Кумыками многихъ царскихъ ратныхъ людей побили и переранили, а иныхъ въ плѣнъ захватили, барагунскихъ мурзъ взяли себѣ, городъ Суншинскій сожгли, взяли лошадей съ 3,000, верблюдовъ съ 500, рогатаго скота съ 10,000 да овецъ съ 15,000. Великій государь надѣется, что все это сдѣлано безъ повелѣнія шаха Аббаса; надѣется, что шахъ велитъ Хосревъ-хана перемѣнить за это съ Шемахинскаго владѣнья и накажетъ его, чтобы впередъ между обоими великими государями больше ссоры не было, велитъ отдать плѣнныхъ и все пограбленное имѣніе. Великіе послы потребовали также, чтобы шахъ отдалъ Теймуразу его Землю и наказалъ людей, разоряющихъ Грузію.

На все это шахъ велѣлъ отвѣчать посламъ чрезъ своихъ ближнихъ людей: „Покойный шахъ Аббасъ велѣлъ на Терекѣ сдѣлать одну сторожню, а другихъ городовъ ставить нигдѣ не велѣлъ; но вашего государя люди поставили города безъ указа и торговыхъ нашихъ людей побили и пограбили; ссора началась слѣдовательно съ вашей стороны, и Шемахинскій ханъ Хосревъ послалъ своихъ людей, которые тѣ города сожгли. Ханъ Хосревъ умеръ; преемнику его, Мигиръ-Алей-хану и шевкалу Суркаю шахъ послалъ приказъ—впередъ съ людьми вашего государя не ссориться; также и вашъ государь запретилъ бы своимъ людямъ нападать на Персіянъ, которые на море ходятъ. Шевкалъ Суркай, Чебанъ-мурза и барагунскіе мурзы приклонились къ сторонѣ шахова величества сами собою: а по нашему закону, кто къ намъ приклонится, тѣхъ насильно назадъ отдавать нельзя; а если они сами захотятъ служить вашему государю, то шахъ за нихъ стоять не будетъ. Приказнымъ людямъ велѣно отдать назадъ взятки, которыя они побрали у Русскихъ людей. Какъ скоро царское величество велитъ отпустить съ Терека Суркаева племянника и торговыхъ Персіянъ, тамъ засаженныхъ, то и русскихъ торговыхъ людей изъ Шемахи отпустятъ. Что же касается Грузіи, то прежніе шахи за непристойныя дѣла царя Теймураза много разъ посылали ратныхъ людей въ его Землю, разоряли ее и самого его выгнали. Теймуразъ рабски вину свою прежнимъ шахамъ принесъ, дѣтей своихъ прислалъ, и ему область его отдали. За это у прежнихъ шаховъ съ великими государями Россійскими нелюбья не бывало. Въ прошлыхъ годахъ Теймуразъ опять затѣялъ непристойныя, ссорныя, худыя дѣла, и, по шахову указу, посыланы на него ратные люди, которые на бою сына его убили, а его самого выгнали. Если Теймуразъ за вину свою внука своего къ шахову величеству пришлетъ, то опять область свою получитъ"

Послы возражали: „Не только та Земля, гдѣ Терекъ и Суншинскій городокъ, но и та Земля, гдѣ Тарки, издавна принадлежитъ царямъ Россійскимъ, города здѣсь было вольно ставить, и самъ покойный шахъ Аббасъ просилъ объ этомъ царя Михаила Θеодоровича. О грабежѣ торговыхъ людей по сыску въ Астрахани ничего не объявилось; а если бы и дѣйствительно казаки ихъ ограбили, то эта бѣда имъ самимъ отъ себя: зачѣмъ они шли въ караванѣ вмѣстѣ съ Тарковскими Кумыками и другими воровскими людьми. Извѣстно, что у Терскихъ и Гребенскихъ казаковъ съ Кумыками бываютъ ссоры большія; прежде купцы не хаживали въ горы безъ обсылки съ Терскимъ воеводою, и никто ихъ не грабилъ. Кумыцкіе шевкалы и мурзы издавна холопи великихъ государей нашихъ, а прежніе Персидскіе шахи въ Кумыцкую Землю не вступались: такъ-же и теперешній шахъ не вступался бы и съ царскимъ величествомъ за то нелюбья не начиналъ; а барагунскіе мурзы поддались шаху поневолѣ. Грузинская Земля Православной христіанской вѣры Греческаго закона, и Грузинскіе цари издавна подданные нашихъ великихъ государей".

— „Нѣтъ!" начали говорить шаховые ближніе люди: „Теймуразъ и вся Грузинская Земля въ подданствѣ у нашихъ Персидскихъ шаховъ; правда, покойный шахъ Аббасъ обѣщалъ царю Михаилу Θеодоровичу охранять Грузію по братской дружбѣ и любви; если и теперь Теймуразъ самъ пріѣдетъ къ шаху или внука своего пришлетъ, то шахъ Землю его ему отдастъ. О Теймуразѣ и Грузинской Землѣ мы въ другой разъ докладывать шахову величеству не станемъ, потому что онъ велѣлъ отвѣчать вамъ впрямь, и быть тому дѣлу безповоротно, также и всѣмъ другимъ дѣламъ. Нашимъ торговымъ людямъ въ Московскомъ государствѣ свободы нѣтъ, держатъ ихъ на дворахъ за сторожами, а куда имъ случится выйти, то за ними также ходятъ сторожа".

— „Это дѣлается не для тѣсноты, а для обереганья", отвѣчали послы.

Шаховы рѣшенья остались безповоротны; перемѣнилось только одно: Аббасъ велѣлъ отпустить всѣхъ задержанныхъ въ Персіи русскихъ купцовъ. На отпускѣ онъ позвалъ пословъ вечеромъ къ себѣ въ садъ прохладиться. Угощали сахарами и овощами; потомъ принесли передъ шаха сосудъ золотой съ каменьями, въ немъ виноградное питье чихирь; шахъ пилъ за государево здоровье и спрашивалъ пословъ: „У брата моего, великаго государя вашего, такое виноградное питье есть ли?" — „У царскаго величества", отвѣчали послы, питей всякихъ много, „и изъ винограду есть питья—романея, ренское и другія, только не тѣмъ именемъ". Передъ шахомъ стояли въ золотомъ сосудѣ цвѣты разные; Аббасъ, поднявъ цвѣты, спрашивалъ: „Въ Московскомъ государствѣ такіе цвѣты есть ли?" — „У великаго государя", отвѣчали послы, „цвѣты этимъ подобные есть, піанея кудрявая и другихъ многихъ всякихъ разноличныхъ цвѣтовъ много". Передъ шахомъ играли музыканты на домрахъ, гусляхъ и скрипкахъ; шахъ спрашивалъ пословъ: „Братъ мой, великій государь вашъ, чѣмъ тѣшится, и въ государствѣ его такія игры есть ли?" — „У великаго государя нашего", отвѣчали послы, „всякихъ игръ и умѣющихъ людей, кому въ тѣ игры играть, много: но царское величество тѣми играми не тѣшится,—тѣшится духовными органы, поютъ при немъ, воздая Богу хвалу, многогласнымъ пѣніемъ, и самъ онъ наукамъ премудрымъ философскимъ многимъ и храброму ученію навыченъ, и къ воинскому ратному рыцарскому строю хотѣніе держитъ большое, по своему государскому чину и достоянію; выѣзжая на поле, самъ тѣшится и велитъ себя тѣшить своимъ ближнимъ людямъ служилымъ строемъ: играютъ передъ нимъ древками, стрѣляютъ изъ луковъ и пищалей".

Отвѣтъ шаха насчетъ Грузіи былъ слишкомъ ясенъ; продолжать дѣло можно было только съ оружіемъ въ рукахъ, а для этого у Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича не было никакой возможности. Когда началась Турецкая война, то Россія, вмѣстѣ съ Польшею, попыталась-было привесть и шаха къ союзу съ собою противъ Турокъ; но шахъ отвѣчалъ, что ему нельзя безъ причины разорвать мира съ султаномъ. Такимъ образомъ, относительно Персіи у Москвы оставался одинъ торговый интересъ. Въ столицу постоянно пріѣзжали кизильбашскіе купчины и привозили восточные узорочные товары, считавшіеся необходимыми для великолѣпія Царскаго Двора. Въ 1660 году пріѣхалъ въ Москву купчина Армянинъ Захаръ Сарадовъ и привезъ царю въ подарокъ: богатый престолъ, украшенный алмазами, яхонтами, жемчугомъ, восточною бирюзою и турецкою финифтью, оцѣненный въ 22,589 руб.; перстень золотой съ алмазами; жаровню серебряную съ сулейкою серебряною для сожиганія ароматовъ; 15 сулей ширазскаго шарапу, что шахъ пьетъ; 4 сулейки водки гуляфной, 3 сулейки водки ароматной: скляницу водки парызжовой; 12 золотниковъ аромату восточнаго; 12 ваій, которыя государь носитъ въ правой рукѣ во время церемоніи шествія патріарха на осляти. Въ Посольскомъ Приказѣ Армянина разспрашивали: можно ли ему въ своей Землѣ промыслить для великаго государя каменья дорогаго запонъ и другихъ узорочныхъ товаровъ, птицъ индѣйскихъ и мастеровыхъ людей, золотописцевъ и золотаго и серебрянаго дѣлъ мастеровъ и алмазниковъ рѣзцовъ, которые рѣжутъ на всякихъ каменьяхъ? Армянинъ отвѣчалъ, что отецъ его и онъ готовы все промыслить для великаго государя, потому что приказчики ихъ ѣздятъ во всѣ государства; можно заказать богатый чепракъ — можно сдѣлать въ 50,000; можно изъ Индіи привезти птицъ, которыя говорятъ по-индѣйски, а звѣрей привезти нельзя, потому что ѣхать надобно черезъ два моря. Мастеровыхъ людей въ шаховой области много, и онъ, купчина, станетъ ихъ призывать въ Московское государство. Они съ отцомъ великому христіанскому государю во всемъ работать и служить ради, а не для своей прибыли; шахъ ихъ жалуетъ, торгуютъ они безпошлинно: только шахъ вѣры бусурманской, а они христіанской вѣры, и для того великому государю служить и работать ради.

Мы видѣли, какъ при царѣ Михаилѣ Англичане и другіе западные народы домогались у Московскаго правительства свободной торговли по Волгѣ съ Персіею; теперь подобное предложеніе явилось наоборотъ, изъ Персіи, отъ компаніи тамошнихъ Армянъ. Въ 1666 году Армянинъ Григорій Лусиковъ подалъ царю челобитную: „Пожалована наша компанія отъ шаха правомъ вывозить изъ Персіи за море шелкъ сырецъ, черезъ которое государство мы захотимъ. Возимъ мы шелкъ многіе годы черезъ Турецкое государство, которое обогащается отъ насъ таможенными сборами. Поговоря съ товарищами, я выѣхалъ къ тебѣ, великому государю, бить челомъ, чтобы ты пожаловалъ, велѣлъ намъ возить шелкъ сырецъ и другіе персидскіе товары, которые на нѣмецкую руку, черезъ свое Московское государство за море въ Нѣмецкія Земли и опять указалъ насъ пропускать назадъ изъ-за моря черезъ Архангельскъ съ нѣмецкими товарами, съ золотыми и ефимками въ Персію. Если мы продадимъ шелкъ въ Астрахани, то заплатимъ пошлины по 5 копѣекъ съ рубля; если не продадимъ, вели оцѣнить шелкъ по 20 рублей пудъ, взять по пяти копѣекъ съ рубля и пропустить къ Москвѣ: если продадимъ въ Москвѣ, то вели взять пошлины по пяти копѣекъ съ рубля: если не продадимъ, то вели оцѣнить пудъ по 30 рублей, взять пошлины по 5 копѣекъ съ рубля и отпустить къ Архангельску. Если продадимъ въ Архангельскѣ, вели взять пошлины по 5 копѣекъ; если же не продадимъ, вели пудъ оцѣнить по 40 рублей, пошлины взять по 5 копѣекъ съ рубля и пропустить за море въ Нѣмецкія Земли. А которые персидскіе товары годны на нѣмецкую руку, вели съ насъ брать пошлину, какъ ведется; также вели брать обыкновенную пошлину и съ нѣмецкихъ товаровъ, которые мы привеземъ въ Архангельскъ. Отъ провозу этого шелка и другихъ товаровъ твоимъ подданнымъ великая прибыль. Иноземцы, которые теперь ѣздятъ на корабляхъ въ Турецкую Землю для покупки этого шелку и другихъ товаровъ, всѣ будутъ ѣздить къ Архангельску и съ нихъ будутъ сходить въ твою казну большія пошлины“.

Въ маѣ 1667 года Ординъ-Нащокинъ написалъ договоръ съ компаніею на условіяхъ, означенныхъ въ просьбѣ; агентомъ компаніи въ Москвѣ, по просьбѣ Армянъ, утвержденъ былъ Англичанинъ Брейнъ. Агентъ обязывался послать своихъ вѣрныхъ людей въ Астрахань, Новгородъ, Архангельскъ и другіе порубежные города, и всякими дѣлами компаніи въ челобитьи и торговыхъ промыслахъ честно и вѣрно радѣть, великому государю, его боярамъ, думнымъ и приказнымъ людямъ обо всякихъ дѣлахъ и обидахъ извѣщать и бить челомъ радѣтельно, безъ всякой поноровки недругамъ компаніи; отписывать о дѣлахъ компаніи къ ея членамъ въ Персію, какъ случатся ѣздоки. За это радѣнье компанія платитъ Брейну съ проданныхъ товаровъ по деньгѣ съ рубля; если же компанія пришлетъ шелкъ или другіе товары къ самому агенту для продажи, то платитъ ему съ продажныхъ товаровъ по грошу съ рубля: если же онъ товары продастъ или вымѣняетъ на другіе, то платить ему по другому грошу съ рубля.

Въ маѣ написанъ былъ договоръ, а 19-го іюня сдѣлано было распоряженіе о строеніи кораблей для Каспійскаго моря: великій государь указалъ для посылокъ изъ Астрахани на Хвалынское море дѣлать корабли въ Коломенскомъ уѣздѣ, въ селѣ Дѣдиновѣ, а вѣдать это корабельное дѣло въ Приказѣ Новгородской чети боярину Аѳанасью Лаврентьевичу Ордину-Нащокину да думнымъ дьякамъ—Дохтурову, Голосову и Юрьеву. Въ тотъ же день иноземецъ Иванъ фанъ-Сведенъ объявилъ въ Приказѣ корабельщиковъ Ламберта Гелта (Holt) съ товарищами, четырехъ человѣкъ, нанятыхъ на четыре года. Полковникъ Корниліусъ фонъ-Буковенъ (Bockhoiven) отправился въ Вяземскій и Коломенскій уѣзды осматривать лѣса; къ Марселисамъ на ихъ тульскіе и каширскіе заводы послана была память — давать желѣзо самое доброе на корабельное дѣло. Плотниковъ и кузнецовъ велѣно было набирать изъ рыболововъ села Дѣдинова, охотниковъ, а въ неволю никого не нудить. Главнымъ распорядителемъ при строеніи кораблей былъ приставленъ Яковъ Полуехтовъ.

Новое дѣло пошло не такъ скоро, какъ бы хотѣлось. Хотѣлось, чтобы корабль поспѣлъ къ веснѣ 1668 года: но 1-го октября 1667 Полуехтовъ прислалъ сказку дѣдиновскаго старосты, что у нихъ къ корабельному дѣлу охочихъ плотниковъ нѣтъ; того же числа другая отписка Полуехтова: кабацкій голова отказалъ, денегъ у него нѣтъ, на корабельное дѣло дать нечего. Плотниковъ велѣли нанимать въ Коломнѣ и Дѣдиновѣ; но отъ 27-го октября отъ Полуехтова новая отписка: въ Дѣдиновѣ плотники охотою не нанимаются, а подрядчиковъ нѣтъ, и корабельное дѣло за плотниками стало. Послали память въ Приказъ Большаго Дворца, велѣно всѣмъ дѣдиновскимъ плотникамъ уговариваться безъ всякаго опасенья, наемъ имъ будетъ безъ убавки, и въ неволю на нихъ корабельное дѣло накинуто не будетъ; ссорщикамъ не вѣрили бы. Полуехтову послали государеву грамоту: изъ Дѣдинова и другихъ селъ взять у приказныхъ людей плотниковъ тридцать человѣкъ, а корму давать имъ по четыре алтына на день. Работа пошла съ 14-го ноября. Въ январѣ отписка отъ Полуехтова: „Плотникамъ и кузнецамъ дано корму по четыре алтына на день человѣку, а дни малые и холодные, корабельное дѣло неспоро, а корму, безъ указа, убавить не смѣю". Въ отвѣтъ велѣно давать по два алтына человѣку, да смотрѣть, чтобы не гуляли. Тридцати плотниковъ оказалось мало; понадобились канаты и бичевки; мастеровъ канатныхъ можно было сыскать между крестьянами епископскаго села Городищъ, но никто изъ нихъ волею не подряжался; спросили паруснаго мастера — нѣтъ! Иноземцы объявили, что надобно на кораблѣ вырѣзать корону—рѣзчика негдѣ было сыскать. Дѣдиновцы наскучили незванными гостями: староста приходилъ со многими людьми и ссылалъ полковника фанъ-Буковена со двора, отводили дворы далеко отъ корабельнаго дѣла. Велѣли прибавить еще 20 человѣкъ дѣдиновскихъ плотниковъ и полковника велѣли поставить на ближнемъ дворѣ; епископу Коломенскому велѣли дать канатныхъ и бичевныхъ мастеровъ; изъ Оружейной Палаты велѣли выслать въ Дѣдиново рѣзнаго мастера; туда же велѣли послать изъ Пушкарскаго Приказа казеннаго кузнеца Никитина. Но и тутъ неудачи: Пушкарскій Приказъ отвѣчалъ, что кузнецъ Никитинъ дѣлаетъ къ большому успенскому колоколу языкъ, а кромѣ того кузнеца языка дѣлать некому; Оружейная Палата отвѣчала, что у нея рѣзнаго мастера нѣтъ. Парусныхъ швецовъ и токарей велѣли взять на Коломнѣ, кузнецовъ—въ Переяславлѣ-Рязанскомъ, живописца и рѣзца—на гранатномъ дворѣ; но на гранатномъ дворѣ ихъ не оказалось, послали въ Стрѣлецкій Приказъ Между тѣмъ наступила весна, май мѣсяцъ. Полуехтовъ далъ знать, что корабль на воду спущенъ, будутъ отдѣлывать его на водѣ, а яхта и шлюпы поспѣютъ скоро. Но въ іюнѣ новыя жалобы отъ Полуехтова: Коломенскій епископъ Мисаилъ канатныхъ мастеровъ не даетъ; а епископъ жалуется: „Далъ я 8 человѣкъ мастеровъ, но Полуехтовъ бьетъ ихъ и мучитъ, въ подклѣть сажаетъ, пеньки и кормовыхъ денегъ не даетъ, мучитъ голодною смертію". На коломенскомъ кружечномъ дворѣ, на которомъ до сихъ поръ брали деньги для корабельнаго строенія, денегъ не достало, послали взять въ Зарайскѣ и Переяславлѣ-Рязанскомъ изъ таможенныхъ доходовъ. Отыскали и отправили въ Дѣдиново иконописца и рѣзца; рѣзцу велѣно короны рѣзать, а иконописцу, гдѣ доведется, цвѣтить. Лѣто уже приближалось къ исходу, а корабль все не былъ готовъ. 7-го августа послана къ Полуехтову царская грамота: велѣно у корабля на кормѣ сдѣлать и вырѣзать травы и вызолотить, орла и короны дѣлать не велѣно, а на носу сдѣлать льва; велѣно дѣлать съ большимъ поспѣшеніемъ, чтобы въ августѣ мѣсяцѣ отпустить корабль изъ Дѣдинова. Полуехтовъ отвѣчалъ на это, что главная остановка за епископомъ Мисаиломъ: осьми канатныхъ мастеровъ мало, а епископъ не даетъ въ прибавку. Послали новую грамоту къ епископу съ большимъ подтвержденіемъ, а къ Полуехтову опять приказъ, чтобы непремѣнно корабли были готовы къ отпуску въ августѣ мѣсяцѣ. Прошелъ августъ; прошла и половина сентября; Полуехтовъ доноситъ, что корабль, яхта, два шлюпа и боты сдѣланы, совсѣмъ наготовѣ; но большихъ канатовъ, на чемъ кораблю и яхтѣ стоять, не сдѣлано, потому что мастеровъ только 8 человѣкъ, а больше епископъ Мисаилъ не присылывалъ. Пошла третья грамота къ епископу, а къ Полуехтову приказъ: отпустить корабли въ Нижній-Новгородъ съ полковникомъ фанъ-Буковеномъ и корабельщиками, а кормщиковъ и гребцовъ взять изъ Коломенскаго посада и Коломенскаго яма, знающихъ людей, которые бы въ Окѣ рѣкѣ водяной ходъ знали. Въ Нижнемъ велѣно корабли поставить, для осенняго и весенняго льда, въ заводяхъ, и беречь накрѣпко; чего на корабляхъ не подѣлано, то фанъ-Буковенъ долженъ былъ додѣлать въ Нижнемъ. Но 19 октября отписка изъ Дѣдинова: коломенскіе ямщики государеву указу учинились ослушны, на корабли кормщиковъ и гребцовъ не дали, кораблю по Окѣ идти нельзя—вода мелка; а тутъ еще Полуехтовъ поссорился съ Буковеномъ, начали доносить другъ на друга: фанъ-Буковенъ пишетъ, что въ Окѣ вода мелка, идти кораблю нельзя, а Полуехтовъ пишетъ, что въ рѣкѣ вода велика и кораблямъ идти можно, только полковникъ съ подьячимъ пьетъ и бражничаетъ, о государевѣ дѣлѣ не радѣетъ,—хочется ему, чтобы корабли зазимовали въ Дѣдиновѣ. Чтобы помочь дѣлу, послали грамоты: къ Полуехтову—если отпускъ замедлится, то быть ему въ опалѣ и наказаньи, и во что корабли станутъ, тѣ деньги доправятъ на немъ; къ Буковену—если не пойдетъ въ Нижній тотчасъ, то доправятъ на немъ кормы за всѣ прошлые мѣсяцы. Но и это не помогло: Буковенъ далъ знать, что съ 4 ноября морозы сильные, по Окѣ ледъ началъ плыть большой; а Полуехтовъ присылаетъ сказку за руками старостъ Ловецкихъ селъ, что 2 ноября по Окѣ корабельный ходъ былъ. Какъ бы то ни было, корабль зазимовалъ въ Дѣдиновѣ.

20 ноября явился въ Посольскомъ Приказѣ корабельный капитанъ Давыдъ Бутлеръ съ 14 товарищами: пріѣхали они изъ-за моря, изъ Амстердама, къ великому государю въ службу, по призыву фанъ Сведена. 2 марта 1669 года Бутлера съ товарищами, да Астраханца, который на Каспійскомъ морѣ бывалъ, отправили въ Дѣдиново осмотрѣть корабль, можно ли на немъ по Каспійскому морю ходить. Посланные возвратились и объявили, что корабль и яхта годны. 25 апрѣля, по государеву указу, велѣно кораблю дать прозванье Орелъ, капитану Бутлеру велѣно поставить на носу и на кормѣ по орлу, и на знаменахъ и на еловчикахъ нашивать орлы. Бутлеръ подалъ въ Посольскомъ Приказѣ списокъ съ артикульныхъ статей, какъ долженъ капитанъ между корабельными людьми расправу чинить и вѣдать ихъ; артикулы были одобрены. Наконецъ, въ началѣ мая, Орелъ двинулся изъ Дѣдинова, а 13 іюня отпущенъ изъ Нижняго въ Астрахань. Постройка корабля, яхты, двухъ шнекъ и бота обошлась въ 9,021 рубль.

Неудачному началу соотвѣтствовалъ несчастный конецъ: Стенька Разинъ сжегъ корабль въ Астрахани. Разбои Разина, разногласіе, происшедшее въ компаніи и смерть шаха Аббаса II-го помѣшали также исполненію договора, заключеннаго съ Армянами. Между тѣмъ Ординъ-Нащокинъ удалился отъ дѣлъ; мѣсто его занялъ Матвѣевъ, и, въ іюлѣ 1672 года, въ Посольскій Приказъ созваны были выборные торговые люди, по два человѣка добрыхъ изъ сотни. Имъ прочли договоръ съ армянскою компаніею 1669 года и спросили: если Армяне, по договору, шелкъ сырой и всякіе товары станутъ привозить въ Московское государство, въ Архангельскъ, Новгородъ, Псковъ, Смоленскъ и за море съ товарами ѣздить, то не будетъ ли московскимъ и всѣхъ городовъ купецкимъ людямъ въ ихъ промыслахъ помѣшки? Выборные отвѣчали: „При царяхъ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ и Алексѣѣ Михайловичѣ Персидской области купецкіе люди, Персіяне и Армяне, Кумычане и Индѣйцы, пріѣзжали съ шелкомъ и со всякими персидскими товарами, и торговали въ Москвѣ и въ Астрахани и по другимъ городамъ всегда съ русскими купецкими людьми, а съ Нѣмцами, Греками и ни съ какими иноземцами нигдѣ не торговали, а въ нѣмецкія Земли чрезъ Московское государство не ѣзжали. А русскіе купецкіе люди со всякими русскими и нѣмецкими товарами ѣздили въ Астрахань и въ Персію за море и мѣняли русскіе и нѣмецкіе товары на шелкъ и на другіе персидскіе товары и продавали ихъ въ казну великаго государя, а изъ казны продавали Нѣмцамъ на ефимки, также и отъ себя продавали шелкъ Нѣмцамъ на ефимки, а ефимки отдавали въ казну на мелкія деньги и оттого казнѣ бывало немалое пополненіе, а русскимъ купецкимъ людямъ былъ промыслъ, и многія пошлины сходили съ нихъ и съ Персіянъ. Если же теперь Армяне станутъ торговать съ Нѣмцами, то постановятъ съ ними договоръ, шелкъ продадутъ Нѣмцамъ на ефимки и на золотые и на заморскіе такіе товары, которые прежде Русскіе люди покупали у Нѣмцевъ и продавали Персіянамъ. Такъ по этому договору ефимки и золотые, и заморскіе товары пойдутъ въ Персидскую Землю чрезъ Московское государство, и Персидской Землѣ будетъ прибыль, а казнѣ великаго государя убытокъ; русскіе купецкіе люди лишатся своихъ промысловъ и придутъ въ убожество“.

Въ концѣ 1672 опять пріѣхалъ въ Москву Григорій Лусиковъ, и услышалъ отъ Артемона Сергѣевича Матвѣева такія рѣчи: „Въ 1667 году великій государь васъ, Армянъ, пожаловалъ, съ шелкомъ и другими товарами вамъ пріѣзжать позволилъ, какъ о томъ въ крѣпости написано. Для покупки шелка приготовлена царская казна многая, и потерпѣла она въ простоѣ отъ долгаго времени убытки великіе. Этимъ вы свой договоръ нарушили, а теперь объяви, по договору шелкъ съ собою ты привезъ ли, и чѣмъ вознаградишь убытки, понесенные царскою казною“?

Лусиковъ: Христосъ не пришелъ разорить Моисеева закона, но исполнить; а слухъ носится, что договоръ о шелкѣ хотятъ перемѣнить.

Матвѣевъ: Правда, что Христосъ сошелъ на землю ради нашего спасенія, и не пришелъ разорить законъ, но исполнить; это твое слово къ пополненію царской казны пристойно. Объяви, какимъ способомъ можешь вознаградить царскую казну за убытки?

Лусиковъ: Въ договорѣ не постановлено, чтобы намъ шелкъ ставить въ царскую казну. Шелку я не привезъ теперь съ собою за казацкимъ воровствомъ, а какъ вознаградить убытки царской казнѣ,—не вѣдаю.

Матвѣевъ: За казацкимъ воровствомъ останавливать товаровъ вамъ было не-для-чего, потому что всякому свое здоровье должно беречь больше пожитковъ; самъ ты проѣхалъ, и шелкъ могъ провезти, а не привезъ—царскую казну изубытчилъ и договоръ нарушилъ.

Лусиковъ: Если покупать шелкъ въ казну, то этимъ самымъ договоръ будетъ нарушенъ, потому что въ договорѣ такой статьи нѣтъ.

Матвѣевъ: Если у царскаго величества съ нѣмецкими государями будутъ какія ссоры, то за море васъ отпускать нельзя, торговать вамъ въ Архангельскѣ и въ другихъ русскихъ городахъ, продавать свои товары или въ царскую казну, или русскимъ торговымъ людямъ.— На эту новую статью, ненаходившуюся въ первомъ договорѣ, Лусиковъ отвѣчалъ письменно, что они, Армяне, согласны на нее, только бы установлена была шелку цѣна, и если во время проѣзду изъ Астрахани до Москвы учинится въ товарахъ убытокъ, то онъ вознаграждается изъ казны царской. На установленіе цѣны согласились; но относительно случаевъ утраты товаровъ отъ воровства постановили: если на Волгѣ объявится воровство, то Астраханскіе воеводы дадутъ знать объ этомъ въ первый персидскій порубежный городокъ, чтобъ торговые люди въ Астрахань съ шелкомъ и другими товарами не ѣздили. Если, несмотря на все береженіе и провожаніе Армянъ, товары потонутъ, или какимъ-нибудь другимъ образомъ пропадутъ, то съ этихъ товаровъ пошлинъ не брать. Армянинъ вытребовалъ, чтобы во время провозу товаровъ при нихъ былъ постоянный караулъ изъ Русскихъ людей, и если за этимъ карауломъ товары пропадутъ, то хозяевамъ искать судомъ на караульщикахъ, и если разыскать будетъ нельзя, то давать вѣру: „Зимою“, говорилъ Лусиковъ, „пріѣдемъ на станъ и пойдемъ въ избу, а безъ насъ Русскіе люди что хотятъ, то и сдѣлаютъ надъ нашими товарами, потому что мы къ зимѣ непривычны, на морозѣ оставаться не можемъ“. Что касается до цѣны, по какой брать шелкъ въ казну, то уговорились, чтобъ пудъ шелку лежей стоилъ 35, а ардашъ 30 рублей. Лусиковъ далъ обязательство: „Въ нѣмецкія государства черезъ Турцію и никакимъ другимъ путемъ съ шелкомъ сырцомъ и другими товарами ни компанейщикамъ, ни другимъ подданнымъ персидскимъ не ѣздить; если иноземцы пріѣдутъ въ Персидское государство для покупки шелку, то Армяне не должны имъ его продавать: весь шелкъ идетъ въ Россію.“

21 мая 1673 года Матвѣевъ призывалъ гостей, Василья Шорина съ товарищами, и объявилъ имъ царскій указъ: впередъ изъ Астрахани русскихъ торговыхъ людей и ихъ приказчиковъ въ Персію не отпускать; также персидскимъ торговымъ людямъ торговать съ Русскими въ одной Астрахани, и въ верховые города ихъ не пускать до тѣхъ поръ, пока будетъ постановлено объ этомъ чрезъ пословъ отъ обоихъ государствъ, потому что Шемахинскій ханъ гостя Астафья Филатьева приказчика, также и другихъ приказчиковъ товары и имѣніе взялъ грабежемъ, и впередъ Русскихъ людей будутъ грабить изъ мести, что въ Астрахани, при Стенькѣ Разинѣ, ограблены шаховъ посланникъ и купчины. Будучи на Москвѣ въ Посольскомъ Приказѣ, домогались они многими разговорами и челобитьемъ, чтобы великій государь указалъ послать въ Астрахань и другіе понизовые города сыскныя грамоты. Посланнику отказали въ этомъ для того, что въ Астрахани послѣ Стеньки на воровствѣ многіе торговые люди покупили персидскіе товары и везутъ въ Москву и другіе города; такъ если бы послать сыскныя грамоты, то посланникъ и купчина, гдѣ такіе товары сыщутъ, будутъ называть своими и начнутся великія ссоры. Если гостямъ такое распоряженіе, чтобы въ Персію не ѣздить и торговать въ Астрахани, годно, то пусть пришлютъ сказку за руками въ Посольскій Приказъ.

Гости прислали сказку: „Русскимъ купецкимъ людямъ въ шаховой области во всѣхъ городахъ отъ начальныхъ хановъ чинится великая обида и тѣснота, и неволя: ханы берутъ лучшіе товары, соболи, пупки, сукна, кость рыбью и слюду безъ цѣны силою, держатъ у себя по полугоду и по году, и послѣ долгаго челобитья платятъ цѣну въ половину и въ треть, а иные товары, державъ долгое время и перегноя, отдаютъ назадъ съ великимъ безчестьемъ и обидою; а во многихъ городахъ Русскихъ купецкихъ людей бьютъ и увѣчатъ палками безвинно. Въ Шемахѣ въ 1650 году захватили Русскихъ купецкихъ людей и держали ихъ въ заперти до 1656 года, причемъ убытка Русскіе люди потерпѣли больше 50,000. Въ 1660 году Тарковскій шевкалъ пограбилъ товары гостей Шорина, Филатьева, Денисова и Задорина слишкомъ на 70,000 рублей. Въ 1672 году тотъ же шевкалъ ограбилъ астраханскаго жителя, Армянина Нестора, слишкомъ на 5,000 рублей; а шевкаловы торговые люди ежегодно пріѣзжаютъ въ Астрахань и торгуютъ вольно; если бы ихъ задержать въ Астрахани, то и шевкалъ пересталъ бы грабить Русскихъ людей. Видя такіе обиды въ шаховыхъ областяхъ, Русскіе купецкіе люди ѣздить туда опасаются; но чтобы и персидскихъ купцовъ далѣе Астрахани не пускать, иначе они отнимутъ промыслы у Русскихъ людей и царской казнѣ будетъ убыль большая: Персіяне и Армяне, Кумычане, Черкесы, Индѣйцы и астраханскіе Татары, пріѣзжая въ Москву и другіе города, станутъ продавать свои товары всякимъ людямъ врознь дорогою цѣною, а русскіе товары лучшіе станутъ покупать дешевою цѣною; вмѣсто двухъ и трехъ пошлинъ, что́ съ Русскихъ сходитъ, станутъ платить одну пошлину; Русскимъ всякихъ чиновъ людямъ въ покупкѣ персидскихъ товаровъ передача великая,—вся прибыль будетъ у Персіянъ“.

По прочтеніи этой сказки, послали спросить Лусикова, не разсердится ли шахъ, если Персіянъ не будутъ пропускать изъ Астрахани въ Москву; и не будетъ ли отъ Персіянъ челобитья шаху на нихъ, Армянъ, когда они одни, по договору, будутъ пріѣзжать въ Москву и другіе русскіе города? Лусиковъ отвѣчалъ, что персидскіе купчины теперь и сами не поѣдутъ въ Россію, потому что прежде брали они товары взаймы изъ шаховой казны, казначей бралъ съ нихъ взятки и давалъ имъ роспись за шаховой печатью, вслѣдствіе чего они торговали безпошлинно; а теперь, какъ состоялся договоръ съ армянскою компаніею, купчинамъ казенныхъ товаровъ уже не даютъ; бить челомъ Персіяне на Армянъ не будутъ, потому что послѣднимъ шахъ далъ жалованную грамоту на вывозъ шелка въ Россію, и грамоты этой перемѣнить нельзя. По этому случаю Лусиковъ прибавилъ: „Пріѣзжаютъ изъ шаховой области въ Русское государство тезики съ купчинами, а иные и особо; торги у нихъ малые, обыкновенно торгуютъ табакомъ, живутъ въ Москвѣ и другихъ городахъ многіе годы, а прибыли отъ нихъ нѣтъ. Тому лѣтъ съ шесть подговорили они и увезли изъ Москвы молодую монахиню, которая обусурманилась и вышла замужъ за тезика, и тезики насъ, Армянъ, укоряютъ, что вотъ христіане въ ихъ вѣру обращаются: указалъ бы великій государь всѣхъ тезиковъ отовсюду выслать въ Персію: шаху будетъ это пріятно; а мы, Армяне, табакомъ торговать и Русскихъ людей увозить не будемъ, потому что мы христіане“.

До сихъ поръ мы слѣдили за сношеніями Московскаго государства, готоваго перейти въ Россійскую Имперію, съ государствами Европы и Азіи, съ народами, принадлежащими христіанской или магометанской цивилизаціи. Но Россія, съ самаго начала своей исторіи, имѣла постоянно сосѣдями кочевые народы, выходившіе изъ степей Средней Азіи, и мы знаемъ, какое вліяніе оказывало на ея исторію это сосѣдство. Исчезли Печенѣги и Половцы, страшные поработители Татары подчинились своимъ прежнимъ данникамъ, Русскимъ, хотя и не переставали обращать взоры на Константинополь, въ ожиданіи, что преемникъ калифовъ избавитъ ихъ отъ царя христіанскаго; но степная Украйна не перемѣнила своего характера, кочевники движутся, тѣснятъ другъ друга, какъ нѣкогда Половцы потѣснили Печенѣговъ, Татары—Половцевъ. Но теперь они сталкиваются уже не съ Кіевскою Русью, сталкиваются—съ могущественною для нихъ

Москвою, и любопытно прослѣдить ихъ первоначальныя отношенія къ Москвѣ, какъ сначала они хотятъ удержать свою независимость, право движенія и хищничества, но скоро, волею-неволею, должны подчиниться Москвѣ, войти къ ней въ служебныя отношенія, изъ дикихъ Половцевъ сдѣлаться Черными Клобуками.

Въ 1645 году, еще при жизни царя Михаила, двое калмыцкихъ тайшей прислали въ Москву пословъ своихъ бить челомъ о принятіи ихъ въ послушанье, съ обѣщаніемъ служить и добра хотѣть, а государь бы за это велѣлъ пріѣзжать имъ къ Астрахани, къ Уфѣ и къ другимъ городамъ со всякими торгами. Алексѣй Михайловичъ, по восшествіи своемъ на престолъ, въ концѣ того же 1645 года, отправилъ къ тайшамъ голову московскихъ стрѣльцовъ Кудрявцева, чтобы ихъ уговорить и къ государской милости обратить безъ войны и безъ крови. Кудрявцевъ выѣхалъ изъ Уфы 22 марта 1646 г. по послѣднему зимнему пути, по пластамъ, степью, и ѣхалъ до калмыцкихъ улусовъ четыре недѣли въ полую воду. 21 апрѣля пріѣхалъ онъ въ улусъ къ Лоузаню тайшѣ, на рѣчку Кіимъ, и велѣлъ ему сказать, чтобы послалъ къ братьѣ своей, племянникамъ и другимъ тайшамъ, пусть съѣдутся въ одно мѣсто для выслушанія царскаго посланника. „Для этого наши тайши ко мнѣ не поѣдутъ“, отвѣчалъ Лоузань, „подай государеву грамоту мнѣ здѣсь и государево милостивое слово скажи“. Кудрявцевъ поѣхалъ къ нему и подалъ грамоту. „Подожди“, сказалъ тайша, „когда обо всемъ между собою переговоримъ, тогда тебѣ обо всемъ скажемъ“. Кудрявцевъ ждалъ недѣлю и дождался: Лоузань прислалъ къ нему людей своихъ; тѣ прибили, ограбили посла и отвезли его въ другой улусъ, къ племяннику Лоузаневу, Наамсарѣ; тотъ послалъ его къ другому дядѣ своему; послѣдній, подержавъ Кудрявцева три недѣли, отослалъ назадъ къ Наамсарѣ. 17 іюня тайши съѣхались на рѣкѣ Орѣ, и позвали къ себѣ посланника, который говорилъ имъ такую рѣчь: „Вѣдомо вамъ самимъ, что издавна были вы у великихъ государей царей въ послушаньи; но въ 1643 году, забывъ милость царя Михаила Ѳеодоровича, приходили подъ Астрахань, Русскихъ и Ногайскихъ людей побили, а едисанскихъ мурзъ и улусныхъ людей съ женами и дѣтьми взяли и отвезли къ себѣ и до сихъ поръ не отдали. Потомъ вы ходили на Терекъ на ногайскихъ мурзъ, но были побиты въ горахъ Кумыками, горными Черкесами. Этимъ вы не унялись, но приходили подъ Саратовъ и другіе понизовые города. Не терпя такихъ досадъ, царь Михаилъ Ѳеодоровичъ посылалъ на васъ воеводу своего Плещеева; воевода встрѣтилъ васъ за Саратовымъ и многихъ побилъ, другихъ въ плѣнъ взялъ и много разоренья за ваши неправды вамъ сдѣлалъ; наконецъ вы прислали къ великому государю бить челомъ, чтобы принялъ васъ подъ свою высокую руку. Великій государь Михаилъ Ѳеодоровичъ перемѣнилъ гнѣвъ на милость, воевать и разорять васъ больше не велѣлъ, а сынъ его, великій государь царь Алексѣй Михайловичъ, послалъ къ вамъ меня съ своимъ милостивымъ словомъ; и вамъ бы отъ неправдъ своихъ отстать, великому государю служить, изъ-подъ Астрахани и изъ-подъ Уфы и отъ другихъ городовъ отойти кочевать на прежнія свои дальнія кочевья, и предо мною присягу дать по своей вѣрѣ, едисанскихъ Татаръ отпустить, аманатовъ въ Астрахань и Уфу дать изъ тайшей или изъ улусныхъ лучшихъ родственныхъ людей. А какъ вы все это исполните, то государь станетъ васъ держать въ своемъ милостивомъ жалованьи, торги и промыслы вамъ будутъ безпошлинные“.

„Въ прошлыхъ годахъ“, отвѣчали тайши, „калмыцкіе улусы у Московскихъ государей въ послушаньи бывали-ль, или нѣтъ, и чѣмъ ихъ прежніе государи жаловали или нѣтъ,—того мы не упомнимъ; а то мы знаемъ, что дѣды и отцы наши и мы сами, и братья наши, и племянники у царей Московскихъ и у царя Михаила Ѳеодоровича никогда въ послушаньи не бывали и никакого государева жалованья къ намъ не присылывано, и пословъ своихъ не посылывали съ челобитьемъ, чтобы быть намъ въ неволѣ; посылали мы бить челомъ о томъ, чтобы быть съ государемъ въ мирѣ, намъ на его города войною не ходить, а ему на насъ своихъ ратныхъ людей не посылать, и дать намъ подъ своими городами торгъ. Къ Астрахани ходили не всѣ тайши,—ходило только двое тайшей, ходили не подъ государеву отчизну, а на встрѣчу къ едисанскимъ мурзамъ и улуснымъ людямъ, которые просили нашихъ тайшей, чтобы приняли ихъ къ себѣ; тайши къ себѣ ихъ и приняли, взяли ихъ не за саблею,—люди они Божьи, и теперь кочуютъ на степи своими улусами по своей волѣ, захотятъ подъ Астрахань, и мы ихъ не держимъ, а по неволѣ не отдадимъ Подъ Саратовъ и другіе города мы не прихаживали; а если кто и приходилъ изъ насъ украдкою, того мы не знаемъ, потому что кочуемъ не въ одномъ мѣстѣ; а что воевода Плещеевъ нашихъ людей побилъ и въ полонъ взялъ, то такъ повелось изъ вѣка, на войнѣ побиваютъ и въ полонъ берутъ. Государь велитъ намъ идти изъ-подъ своихъ городовъ на прежнія дальнія кочевья; но мы кочуемъ не подъ его городами, земля—Божія, кочуемъ на порожней землѣ, мы люди Божіи, вольные, кочуемъ по своей волѣ не въ указъ. Служить мы государю не хотимъ, а и безъ шерти лиха ему не желаемъ; въ прежніе годы не бывало, чтобы мы какому-нибудь государю служили и шерть давали. Если ты поцѣлуешь крестъ, что государь не будетъ насъ воевать, то и мы велимъ лучшимъ людямъ шертовать, что войны начинать не будемъ. Аманатовъ не дадимъ, потому что этого у насъ не повелось, а русскаго полону у насъ нѣтъ, потому что мы на Русь не ходимъ; а торгъ дѣло вольное: велитъ государь съ торгомъ приходить, и мы торгуемъ, а намъ и кромѣ государевыхъ людей есть съ кѣмъ торговать, пошлинъ же никому не даемъ“.

— „Если такъ," сказалъ Кудрявцевъ, „то государь велитъ васъ воевать съ двухъ сторонъ съ огненнымъ боемъ, и къ врагамъ вашимъ, дальнимъ Калмыкамъ, пошлетъ, чтобы также шли на васъ."

— „Что ты намъ грозить пріѣхалъ!" отвѣчали тайши, „если бы ты не изъ Москвы былъ присланъ, то за такое слово быть бы тебѣ въ Бухарѣ; если бы государю насъ воевать, то онъ бы, и не грозясь, велѣлъ воевать и разорять; это въ Божьей рукѣ, кому Богъ поможетъ."

Калмыки дѣйствительно сговаривались посланника убить или продать; но нѣкоторые отговорили; Кудрявцева повели въ дальнія кочевья, гдѣ онъ терпѣлъ голодъ, принужденъ былъ ѣсть всякую скверну. Здѣсь посланникъ видѣлся съ ногайскими и едисанскими мурзами, и уговаривалъ ихъ возвратиться подъ Астрахань. „Мы государю измѣнили", былъ отвѣтъ, „и намъ назадъ идти нельзя, улусные люди не хотятъ; да если и пойдемъ подъ Астрахань на старыя кочевья, то Калмыки придутъ и возьмутъ насъ; если же отъ Калмыковъ будетъ тѣсно, то мы пойдемъ подъ Астрахань". — „Все это мурзы обманываютъ, писалъ Кудрявцевъ, забыли государеву милость и калмыцкихъ тайшей на всякое зло наговариваютъ; только бы не они, то тайши иного и не знали бы, всякіе русскіе обычаи разсказываютъ и наговариваютъ." Кудрявцевъ вывѣдывалъ у Калмыковъ, не согласятся ли они идти вмѣстѣ съ Русскими людьми войною на Крымъ; но тайши отказались: „Ждемъ мы на себя войны отъ дальнихъ Калмыковъ", говорили они; „а Крымъ отъ насъ далеко, мѣсто незнакомое, и съ Русскими людьми идти намъ вмѣстѣ нельзя: вашъ русскій походъ тяжелъ, ходите пѣши; гдѣ намъ идти день, а Русскимъ людямъ идти недѣлю, да и Русскихъ людей опасаемся, чтобы чего-нибудь надъ нами не сдѣлали." Продержавъ Кудрявцева у себя почти пять мѣсяцевъ, Калмыки наконецъ отпустили его изъ степи.

Калмыки остались на новыхъ своихъ кочевьяхъ по Яику, Ору, Сакмарѣ, по рѣкамъ, которыми владѣли ясачные люди Уфимскаго уѣзда, грабили, били и хватали въ плѣнъ этихъ ясачныхъ людей на промыслахъ; врывались въ Казанскій и Самарскій уѣзды, разоряли русскія и башкирскія села. Башкирцы платили имъ тѣмъ же; съ обѣихъ сторонъ накоплялись плѣнники и шли переговоры о ихъ размѣнѣ, причемъ Московское правительство не переставало твердить тайшамъ, чтобы уходили назадъ въ свои дальнія кочевья, на Черные Пески и на Иргизъ рѣку, и не занимали бы земель между Яикомъ и Волгою. Тайши отвѣчали одно, что въ холопствѣ никогда ни у кого не бывали и никого не боятся, кромѣ Бога. „Земля и воды Божьи", говорили они, „а прежде та земля, на которой мы теперь съ Ногайцами кочуемъ, была Ногайская, а не государева, и башкирскихъ вотчинъ въ тѣхъ мѣстахъ не бывало: мы, пришедши сюда, Ногайцевъ сбили, и Ногайцы пошли кочевать подъ Астрахань; а какъ мы подъ Астраханью ногайскихъ и едисанскихъ мурзъ за саблею взяли, то и кочуемъ съ ними пополамъ по этимъ рѣкамъ и урочищамъ, потому что они теперь стали наши холопи; намъ въ этихъ мѣстахъ зачѣмъ не кочевать? да кромѣ нихъ и кочевать намъ негдѣ, а государевыхъ городовъ здѣсь нѣтъ."

Но недолго Калмыки говорили этимъ языкомъ. Въ 1657 году четверо тайшей прислали царю грамоту, въ которой писали: „Большой Астраханскій воевода началъ къ намъ безпрестанно пословъ присылать, не дали намъ покою, все аманатовъ у насъ просили; и мы, Калмыки, аманатовъ своихъ дали, родственника своего, при воеводахъ и при дьякѣ шертовали съ своими улусными людьми, и на договорной записи мы, тайши, руки приложили, чая отъ васъ, великаго государя, впередъ жалованья; а какъ шертовали, то сказали намъ, что жалованье будетъ." Калмыцкіе послы подали статьи: 1) Чтобы великій государь велѣлъ тайшамъ давать жалованье, а ихъ родства есть еще три улуса, и они, увидя къ себѣ государеву милость и жалованье, и тѣ улусы станутъ призывать подъ царскую высокую руку. 2) Велѣлъ бы государь лѣтомъ кочевать имъ отъ Астрахани вверхъ по Волгѣ по обѣ стороны, и на перевозахъ бы ихъ нигдѣ не задерживали. 3) Въ городахъ, которые близко ихъ кочевья, указалъ бы государь давать имъ торгъ повольный, налоговъ бы и обидъ отъ воеводъ не было и во всемъ бы ихъ оберегали 4) Указалъ бы государь идти имъ въ Крымъ войною, а съ ними бы послать астраханскихъ служилыхъ людей.

Послѣдняя статья была очень важна при тогдашнихъ обстоятельствахъ Московскаго государства, и, въ 1661 году, дьякъ Гороховъ отправился къ калмыцкому тайшѣ Дайчину съ требованіемъ, чтобы послалъ къ Крымскому хану, велѣлъ ему отстать отъ Польскаго короля и не давать ему помощи, и если не отстанетъ, то Калмыки будутъ воевать крымскіе юрты. „По всего бы лучше", говорилъ Гороховъ, „еслибы Дайчинъ-тайша нынѣшнимъ лѣтомъ со всѣми Калмыками пошелъ воевать крымскіе юрты: тамъ богатства много отъ Польскихъ людей, наполниться Калмыкамъ есть чѣмъ; царскаго величества премногая милость къ тайшамъ и ко всѣмъ Калмыкамъ будетъ за ихъ службы, и въ государевыхъ городахъ Русскіе люди, видя калмыцкую правду и прямую службу, будутъ съ Калмыками единодушно".

„Великій государь спрашиваетъ теперь на насъ службы", отвѣчалъ тайша, „а жалованья посылаетъ намъ мало, тогда какъ мнѣ говорили, что будетъ мнѣ жалованье такое же, какъ прежде было Крымскому хану".

— „Такъ говорить негодится", возражалъ Гороховъ, — „потому что вы въ подданствѣ и послушаньи у великаго государя. Жалованья вы перебрали уже много, а службы еще никакой не показали".

— „Калмыки служатъ великому государю", говорилъ тайша, — „воюютъ улусы послушныхъ

Крыму Ногаевъ; мы были и подъ Азовомъ и по рѣкѣ Кабану, и теперь ради исполнить повелѣніе великаго государя, пошлемъ своихъ людей на Крымъ, а послѣ большой воды пойду самъ съ дѣтьми и племянниками, стану становъ на Дону, подлѣ казачьихъ городковъ, и буду промышлять надъ Крымомъ. Всѣмъ своимъ улуснымъ людямъ и Татарамъ велимъ заказъ учинить крѣпкій, чтобы никакихъ ссоръ и задоровъ съ людьми великаго государя не чинили;—только чтобъ и отъ Русскихъ людей Калмыкамъ лиха не было, а злѣе всѣхъ Башкирцы: всегда всякое зло Калмыкамъ отъ Башкирцевъ".

— „Въ прошломъ году", отвѣчалъ дьякъ, — „вы жаловались, и по этой жалобѣ посланъ на Уфу стольникъ Сомовъ, велѣно ему про Башкирцевъ сыскать накрѣпко, взятое ими отослать къ вамъ въ улусы, а Башкирцевъ, пущихъ воровъ, велѣно казнить смертію, а другихъ наказать торговою казнію. Башкирцы, пущіе воры и вашихъ улусовъ разорители, Гаурко Ахбулатовъ съ товарищами, 30 человѣкъ, избывая смертной казни, бѣжали и живутъ теперь у сына твоего, Мончакъ-тайши, и сынъ твой, позабывъ ихъ обиды, сдѣлалъ имъ большой привѣтъ и ласку, далъ имъ на пріѣздѣ по двѣ лошади да по верблюду человѣку, коровъ и овецъ далъ не мало; но это сдѣлалъ онъ неправдою, шерть свою нарушилъ. Пусть онъ этихъ воровъ Башкирцевъ отошлетъ въ Астрахань; а если ихъ отдать не захочетъ, то впередъ Башкирцевъ отъ калмыцкаго разоренья унимать нельзя".

Дайчинъ, помолчавъ немного, сказалъ: „Я про это ничего не знаю; когда увидишься съ Мончакъ-тайшею, то поговори съ нимъ; Мончакъ самъ владѣлецъ, а я старъ, и улусные люди прочатъ Мончака; а я къ нему съ ближними своими людьми прикажу. Повидавшись съ Мончакомъ, поѣзжай въ Москву поскорѣе, службу нашу и послушанье великому государю объяви, и если впередъ государю надобно будетъ наше калмыцкое дѣло, то государь указалъ бы вѣдать это дѣло въ Астрахани Казбулату мурзѣ Черкасскому, потому что ему калмыцкое наше дѣло за обычай".

Дьякъ поѣхалъ въ улусъ къ Мончаку, и первымъ дѣломъ его было, по пріѣздѣ туда, отправить уфимскихъ жителей переговорить тайкомъ съ бѣглыми Башкирцами: для чего они великому государю измѣнили, съ Уфы бѣжали, и какого себѣ добра ждутъ въ калмыцкихъ улусахъ. Калмыки давніе имъ злодѣи и будутъ мстить имъ за свою кровь. Когда Гороховъ пришелъ къ Мончаку, то тайша объявилъ, что онъ отъ отца своего не раздѣленъ и повелѣнье великаго государя также исполнить хочетъ съ радостью. Но иное говорили мурзы едисанскихъ Татаръ; они пріѣхали къ дьяку и объявили отъ имени тайши: „Великій государь спрашиваетъ на насъ службы, а жалованья привезено мало; если намъ государева жалованья дано будетъ столько же, сколько давалось Крымскому хану, по 40,000, то мы на службу пойдемъ; а если жалованья не будетъ, то на службу не пойдемъ, а станемъ воевать по Волгѣ города великаго государя и его людей". — „Вы это говорите, забывъ страхъ Божій", отвѣчалъ Гороховъ мурзамъ, „вамъ слѣдовало о дѣлахъ великаго государя радѣть, потому что вы его холопи природные". — „Мы служили и радѣли", сказалъ одинъ изъ мурзъ, „Калмыковъ къ послушанью великому государю привели, но ничего за это не получили; ты намъ теперь ничего не привезъ, такъ мы тебя и всѣхъ государевыхъ людей, которые съ тобою, ограбимъ и тѣмъ себя наполнимъ. Крымскій посолъ у насъ. и мы съ этихъ поръ станемъ радѣть Крымскому хану". Сказавши это, мурзы вышли съ шумомъ.

Дьякъ немедленно послалъ толмача провѣдать, правда ли, что Крымскій посолъ въ улусахъ. Толмачъ возвратился съ извѣстіемъ, что въ улусахъ Азовскій ага и говоритъ, что крещеные съ хохлатыми соединились, и будетъ отъ нихъ бусурманамъ зло. Гороховъ, вмѣстѣ съ Казбулатомъ, мурзою Черкасскимъ, отправился къ Мончаку; тайша велѣлъ запереть избу и никого не пускать; начались тайные переговоры. Дьякъ разсказалъ тайшѣ о пріѣздѣ едисанскихъ мурзъ и о ихъ рѣчахъ; тайша отвѣчалъ, что онъ мурзъ не посылалъ, но что они дѣйствительно озлоблены, не получая ничего отъ государя; противъ ихъ челобитья объявлено имъ княжество и жалованье, и ничего не дано, а можно было ихъ обрадовать.

„Въ Калмыцкой ордѣ надъ Калмыками и Татарами владѣльцы вы, тайши", говорилъ дьякъ; „великій государь посылаетъ вамъ жалованье, съ вами о своихъ дѣлахъ переговоры ведетъ, а мурзамъ въ равенствѣ съ вами быть непристойно; да и то вамъ знать можно, что мурзы и всѣ Татары Калмыкамъ не доброхоты, послушны вамъ только изъ страха, по своей бусурманской вѣрѣ желаютъ всякаго добра Крымцамъ, а Калмыкамъ ищутъ всякаго разоренья, и хотятъ васъ отъ милости великаго государя отлучить. Абызы ихъ татарскіе по закону своему говорятъ, что Татарамъ и Крыму быть отъ Калмыковъ въ разореньи; теперь отецъ твой Дайчинъ посылаетъ на Крымъ своихъ ратныхъ людей, и надобно думать, что приспѣло время вамъ, Калмыкамъ, крымскими юртами завладѣть: такъ тебѣ пристойно быть съ отцомъ своимъ въ одной мысли, а раскольниковъ Татаръ не слушать".

—„И въ нашемъ калмыцкомъ письмѣ написано, что Калмыки будутъ владѣть крымскими юртами", отвѣчалъ тайша. „Есть на Крымскомъ островѣ гора, слыветъ Чайка-бурунъ; про ту гору написано у насъ, что въ ней много золота, и владѣть тѣмъ золотомъ Калмыкамъ. Что Татары намъ недоброхоты, это и мы сами знаемъ, бусурманъ доброхотъ бусурману; только и на Русскихъ людей надѣяться намъ нельзя: Яицкіе казаки и по Волгѣ изъ городовъ Русскіе люди, и Башкирцы много зла ежегодно намъ дѣлаютъ; Русскіе люди обычаевъ калмыцкихъ не знаютъ—и чинится отъ того во всемъ рознь; а Крымскій ханъ каждый годъ присылаетъ пословъ къ намъ, сулитъ большую казну, хочетъ брать государевы города калмыцкими людьми и отдавать ихъ совсѣмъ Калмыкамъ. Но мы не слушаемся и Крымскому хану не помогаемъ; но и войною намъ идти на Крымъ съ чего? Намъ казны не прислано, а Крымскому хану ежегодно изъ Москвы посылаютъ по сороку тысячъ золотыхъ; однакоже Крымцы на Русь войною ходятъ, а Калмыки чѣмъ хуже Крымцевъ, что имъ столько казны не давать?“

Дьякъ отвѣчалъ: „Крымскій ханъ хочетъ давать вамъ государевы города; но это дѣло нестаточное, потому что Крымцы не только городовъ, и малой деревни никогда у насъ не брали. Вы хотите большой казны; но прежде покажите свою службу. Вотъ будетъ служба, если вы теперь крымскаго посла отправите въ Москву: за это получите большое жалованье, а послу ничего дурного не будетъ“.

— „Этого сдѣлать никакъ нельзя“, сказалъ тайша,—„намъ будетъ укорно и впередъ никто къ намъ пословъ посылать не станетъ“. Этимъ разговоръ и кончился.

Горохову удалось зазвать къ себѣ нѣсколько бѣглыхъ Башкирцевъ. На вопросъ, зачѣмъ бѣжали?—они отвѣчали, что не стерпѣли налоговъ отъ ясачнаго сбора. —„Лжете!“ сказалъ дьякъ, „никакихъ налоговъ вамъ не было,а здѣсь у чего вамъ жить! развѣ не знаете, что Калмыки вамъ злодѣи и отомстятъ вамъ?“—„Знаемъ“, отвѣчали Башкирцы, „да дѣлать-то ужъ нечего, назадъ ѣхать не смѣемъ, боимся смертной казни, а Калмыковъ какъ-нибудь удобримъ службою и промысломъ, потому что мы знаемъ не только большія дороги, но и малыя всѣ стежки и переправы на большихъ и малыхъ рѣкахъ“.—„Вамъ бы страшно было объ этомъ и помыслить“, говорилъ дьякъ, „мало того, что измѣнили, хотите еще приводить Калмыковъ на разоренье нашихъ селъ и деревень!“—„Изъ-за-чего же намъ добро-то мыслить: вѣдь мы отъ юрта своего отстали“, сказали Башкирцы.—„Лучше обратитесь къ великому государю, онъ васъ пожалуетъ“, говорилъ дьякъ.—„Обратиться страшно“, отвѣчали Башкирцы, „бѣжали мы, пограбивъ государевыхъ людей, а иныхъ и побивъ до смерти“. Дьякъ обнадеживалъ ихъ государевою милостью и попотчивалъ; слѣдствіемъ было то, что Башкирцы обѣщались подумать и придти въ другое время.

Проживши двѣ недѣли у Мончака, Гороховъ сталъ торопить тайшу, чтобы покончить дѣло о походѣ на Крымъ; тайша отвѣчалъ, что надобно прежде покончить дѣло о башкирскихъ набѣгахъ: недавно еще Башкирцы отогнали у Калмыковъ 2,000 лошадей; какъ тутъ идти на государеву службу?—„А зачѣмъ было принимать бѣглыхъ Башкирцевъ?“ спросилъ дьякъ; „выдайте ихъ великому государю“. Мончакъ отвѣчалъ съ сердцемъ: „Кто себѣ лиходѣй, что станетъ отпускать отъ себя людей? Будешь просить Башкирцевъ, и мы ратныхъ людей не пошлемъ на Крымъ“. Кончилось тѣмъ, что Мончакъ сказалъ Горохову: „Вели принести отъ себя изъ стану вина и питья; хочу я съ ближними своими людьми напиться, чтобы сердитыя слова запить и впредь ихъ не помнить“. Дьякъ поспѣшилъ исполнить это доброе желаніе. Сердитыхъ словъ дѣйствительно послѣ того не было, и Калмыки обязались подъ клятвою идти на Крымъ. Подписывая шертную запись, Мончакъ говорилъ: „Какъ бумага склеена, такъ бы Калмыцкимъ людямъ съ Русскими людьми вмѣстѣ быть вѣчно“.

Шерть была исполнена; война между турецко-татарскимъ и монгольскимъ племенемъ началась въ степяхъ Черноморскихъ. Мончакъ слѣдилъ за своими врагами, Татарами и Башкирцами, и доносилъ въ Москву о сношеніяхъ ихъ съ Крымомъ. Въ 1664 году онъ извѣстилъ великому государю, что уже шестой или седьмой годъ, какъ уфимскіе Башкирцы и казанскіе Татары отправили пословъ къ Крымскому хану объявить ему, что они съ нимъ одной вѣры и прежде были людьми Крымскихъ хановъ, а теперь, живя съ Русскими людьми, отстали отъ своей бусурманской вѣры; такъ бы ханъ принялъ ихъ къ себѣ и ходилъ съ ними вмѣстѣ подъ государевы города. Тайша доносилъ, что и Астраханскіе Татары и всѣ вообще мусульмане пересылаются съ Крымскимъ ханомъ и Азовскимъ пашою; промышляютъ этимъ союзомъ Тарковскій Суркай шевкалъ да Кабардинскіе владѣльцы, мыслятъ построить городъ на Крымской сторонѣ на урочищѣ Мажарѣ, что бывало Венгерское городище между Астраханью и Терекомъ, чтобы не было дороги между этими городами. Для пріема Татаръ ханъ хочетъ прислать царевичей своихъ со многими ратными людьми, и стоять имъ между Чернымъ Яромъ и Царицынымъ, чтобы въ Астрахань и въ другіе понизовые города судовъ съ запасами и товарами не пропускать; а суда, въ чемъ имъ разъѣзжать по Волгѣ, взялись имъ промыслить астраханскіе юртовскіе Татары и Ногайцы.

До сихъ поръ мы касались только тѣхъ Калмыковъ, которые безпокоили юго-восточную Украйну, Уфимскую и Астраханскую сторону; но гораздо больше безпокойства отъ нихъ было для Сибири. Мы видѣли, какое обширное пространство земель въ Сѣверной Азіи занято было Русскими людьми въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича; малочисленные отряды съ огненнымъ боемъ легко одолѣвали разсѣянные роды туземцевъ и заставляли ихъ платить ясакъ. Но въ двадцатыхъ годахъ столѣтія въ южныхъ, степныхъ краяхъ Западной Сибири явились незванные гости, съ которыми нельзя было такъ легко раздѣлываться: то были именно Калмыки. Тѣснимые съ двухъ сторонъ, Монголами и Киргизъ-Кайсаками, они заняли земли у верховьевъ Иртыша, Ишима и Тобола, и спокойно располагались въ странахъ, которыя Русскіе считали уже своими. Появленіе Калмыковъ было тѣмъ опаснѣе, что владычество Русскихъ въ Сибири далеко еще не было упрочено: туземцы, принужденные только огненнымъ боемъ платить ясакъ, искали перваго случая, какъ бы избавиться отъ этой обязанности, и въ степяхъ бродили еще потомки Кучума съ притязаніями на отчину и дѣдину. Калмыковъ приняли какъ освободителей, и начали громко выражать надежду, что въ короткое время о Русскихъ не будетъ слышно въ Сибири. Правда, у Калмыковъ не было огненнаго бою, но они какъ-нибудь ухитрятся, мечтали туземцы, нападутъ на Русскихъ въ сильную бурю, мятель, когда нельзя будетъ стрѣлять изъ ружей.

Надежды туземцевъ не исполнились; люди съ лучнымъ боемъ не могли выжить изъ Сибири людей съ огненнымъ боемъ; но попытки были дѣлаемы не разъ. Въ 1634 году запылали деревни Тарскаго и Тюменскаго уѣздовъ; самъ городъ Тара два раза былъ осажденъ: Калмыки не могли устоять передъ огненнымъ боемъ, не взяли города, но за то и поиски Русскихъ въ степи за грабителями не были удачны. Нѣсколько лѣтъ сряду не проходило почти ни одной осени, чтобы Русскіе поселенцы не были встревожены вѣстями о калмыцкихъ замыслахъ, и крестьяне по Иртышу покидали свои деревни, скрываясь въ города и остроги. Въ сентябрѣ 1651 года запылалъ новый монастырь, который строилъ на рѣкѣ Исети старецъ Далматъ; Русскіе люди, жившіе въ монастырѣ, были перебиты или захвачены въ плѣнъ: это было дѣло Татаръ, пришедшихъ подъ предводительствомъ князьковъ крови Кучумовой. Другіе Кучумовичи, въ 1659 году, повели Калмыковъ на Барабинскую степь: пять волостей было разорено, 700 человѣкъ уведено въ плѣнъ. Въ слѣдующемъ году новое опустошеніе Барабы. Что же дѣлали люди съ огненнымъ боемъ, русскіе казаки? Они, гдѣ могли, истребляли по частямъ хищниковъ; но надобно замѣтить, что для защиты всей Барабинской степи городъ Тара не могъ выставить болѣе 60 казаковъ! Въ 1662 году возмущеніе вспыхнуло на рѣкѣ Исети,—измѣнили Башкирцы, Черемисы и Татары, и стали разорять русскія слободы. Встали и верхотурскіе Вогуличи, крича: „Поднялся на Русь нашъ царь!“ Калмыки, разумѣется, были тутъ: Татары, Башкирцы, Мордва, Черемисы, Чуваши взяли Кунгуръ, выжгли всѣ русскіе крестьянскіе дворы на рѣкѣ Сылвѣ. Разсказывали, что Татары, повоевавъ Кунгуръ, поставили себѣ острогъ и стрѣляютъ понѣмецки, чинеными ядрами; разсказывали, что всѣ Татары—уфимскіе, пышминскіе, япанчинскіе и верхотурскіе Вогуличи руки подавали царевичамъ Кучумова рода и хотятъ идти по рѣкамъ Исети и Пышмѣ, въ уѣзды Тобольскій, Тюменскій и Верхотурскій: что возстаніе произошло по уговору съ Крымскимъ ханомъ.

Въ томъ же году узнали, что между Остяками не хорошо: князьки и простые люди часто съѣзжаются на думу къ князьку Ермаку, покупаютъ молодыхъ людей для принесенія въ жертву Сосвинскому шайтану: а это бывало у нихъ прежде только тогда, когда замышляли измѣнить. Въ началѣ 1663 года схваченъ былъ сосвинскій Остякъ Умба и повинился: приходилъ къ нему изъ Перми шуринъ и призывалъ ихъ всѣхъ, березовскихъ Остяковъ, въ измѣну. Березовскіе Остяки ему сказали, что готовы идти съ ними вмѣстѣ на Березовъ и побить служилыхъ людей; уговорились подняться еще весною 1662 года, по полой водѣ, но за тѣмъ не пришли подъ Березовъ, что не могли призвать съ собою въ измѣну Самоѣдовъ; но теперь они сговорились съ Самоѣдами и со всѣми Остяками, чердынскими и пелымскими, и порѣшено идти на Березовъ весною 1663 года. По указанію Умбы, допросили другихъ Остяковъ, и открыли обширный заговоръ: еще въ 1661 году Остяки снеслись съ царевичемъ Кучумова рода, Девлетъ-Киреемъ; положено было лѣтомъ 1663 года идти подъ всѣ сибирскіе города, царевичу придти подъ Тобольскъ съ Калмыками, Татарами и Башкирцами. Когда возьмутъ города и перебьютъ Русскихъ людей, царевичу сѣсть въ Тобольскѣ и владѣть всею Сибирью, со всѣхъ городовъ брать ясакъ, а въ Березовѣ владѣть Обдорскому князьку Ермаку Мамрукову да Ивашкѣ Лечманову. Эти претенденты на Березовское княжество были схвачены, привезены въ Березовъ, пытаны, повинились и повѣшены съ 14 другими заводчиками, по распоряженію Березовскаго воеводы Давыдова. Тобольскій воевода князь Хилковъ разсердился и написалъ Давыдову: „Ты учинилъ не по государеву указу, что березовскихъ лучшихъ Остяковъ перевѣшалъ безъ вины, для своей бездѣльной корысти, норовя ворамъ, березовскимъ ясачнымъ сборщикамъ. По государеву указу велѣно было тебѣ развѣдывать въ Остякахъ измѣны, и которые изъ нихъ объявятся въ измѣнномъ дѣлѣ, прислать ко мнѣ въ Тобольскъ, а самому не казнить.“ Мы не можемъ рѣшить, во сколько былъ правъ Хилковъ въ своемъ обвиненіи на Давыдова; знаемъ только, что зимою же 1663 года Самоѣды сожгли Пустозерскій острогъ, воеводу и всѣхъ служилыхъ людей побили, а въ Мангазеѣ побили ясачныхъ сборщиковъ и промышленныхъ людей.

Остяки не поднимались, и на югѣ русскіе ратные люди, солдаты и рейтары били Башкирцевъ и товарищей ихъ вездѣ, гдѣ только могли встрѣтить; но преслѣдовать разбитыхъ и не давать имъ снова собираться было невозможно по малочисленности русскихъ отрядовъ и по обширности пространствъ. Въ концѣ 1663 года Башкирцы Уфимскаго уѣзда, ногайской и казанской дорогъ и Ицкихъ (по рѣкѣ Ику) волостей прислали сказать Уфимскому воеводѣ, князю Волконскому, что они хотятъ быть попрежнему подъ рукою великаго государя въ вѣчномъ холопствѣ, только чтобы аманатовъ ихъ перевели изъ Казани на Уфу и чтобы воевода прислалъ къ нимъ какого нибудь Уфимца обнадежить ихъ милостію великаго государя. Волконскій обнадежилъ ихъ, что великій государь, милостивый нежелатель кровей ихъ, вины виноватыхъ милостію награждаетъ, если они бьютъ челомъ чистыми душами безъ всякаго лукавства. По этому обнадеживанію Башкирцы прислали въ Москву выборныхъ, которые въ Приказѣ Казанскаго Дворца, передъ бояриномъ, княземъ Юріемъ Алексѣевичемъ Долгорукимъ, и передъ дьяками дали шерть на коранѣ—отъ Калмыковъ и Ногайцевъ отстать, возвратиться тою же зимою въ Уфимскій уѣздъ на прежнія свои жилища, служить великому государю вѣрою и правдою, и отдать всѣхъ плѣнниковъ и все пограбленное. По принесеніи шерти башкирскіе выборные видѣли великаго государя очи, „аки пресвѣтлое солнце“, и получили жалованную грамоту на двухъ листахъ,—русскимъ и татарскимъ письмомъ. Уфимскій воевода отъ себя писалъ Башкирцамъ, что впередъ имъ отъ Уфимцевъ, служилыхъ и торговыхъ людей, никакихъ обидъ не будетъ, и подводъ лишнихъ, кромѣ государевыхъ дѣлъ, никто съ нихъ не возьметъ, и въ вотчинахъ ихъ никто ничѣмъ владѣть не станетъ.

Волконскій писалъ уфимскимъ Башкирцамъ, чтобы они уговаривали къ покорности и Башкирцевъ сибирской и осинской дорогъ. Но эти уговоры, если они были, не подѣйствовали. Въ іюлѣ 1664 года Башкирцы явились подъ Невьянскимъ острогомъ (на рѣкѣ Нейвѣ, впадающей въ Туру), сожгли монастырь и сосѣднія деревни. За разбойниками погнались рейтары и солдаты, но за полднище пути отъ Уфы рѣки успѣли настичь только ничтожный отрядъ въ 20 человѣкъ, а большое башкирское войско, послыша за собою ратныхъ людей, разбѣжалось за Камень (Уральскія горы), по лѣсамъ и по болотамъ врознь, на перемѣнныхъ коняхъ налегкѣ, а солдатамъ и рейтарамъ гоняться за ними было нельзя, потому что лошади ихъ устали и отъ прежней гоньбы. Въ слѣдующемъ году, въ тѣхъ же мѣстахъ, на притокахъ рѣки Туры, явились воровскіе Татары. Но и эти разбойники, какъ скоро увидали за собою погоню солдатъ и рейтаръ, „отонились болотами и рѣчками топкими, и ушли, побросавъ все свое платье, сѣдла, котлы и топоры“. Далѣе на востокъ большой опасности подвергался украинный городъ Кузнецкъ, отрѣзываемый съ сѣверо-запада отъ русскихъ поселеній непокорными Телеутами, или Бѣлыми Калмыками. Въ 1636 г. онъ выдержалъ осаду отъ Телеутовъ, соединившихся съ Калмыками. Не брала сила — дѣйствовали хитростію: такъ однажды Телеуты пришли подъ Кузнецкъ и предложили его жителямъ обычный торгъ за городомъ; тѣ, ничего не подозрѣвая, вышли на торговище, и были перебиты. Телеутскіе князьки присягали великому государю, присылали ясакъ, и потомъ опять возставали, опустошая Кузнецкій уѣздъ вмѣстѣ съ Калмыками и такъ называемыми Саянскими Татарами. Красноярскъ еще больше терпѣлъ отъ Киргизовъ, чѣмъ Кузнецкъ отъ Телеутовъ, такъ что жители не смѣли показаться за городъ, и просили въ Москвѣ, если имъ не пришлютъ бо̀льшаго числа ратныхъ людей, то пусть позволятъ покинуть несчастный городъ. Всѣ инородцы, жившіе около Красноярска и платившіе дань, или разбѣгались, не вынося положенія между двумя огнями, или возмущались и били Русскихъ людей. Наконецъ, въ послѣдніе годы царствованія Михаила Ѳеодоровича, правительство приняло сильныя мѣры: собраны были служилые люди изъ разныхъ сибирскихъ городовъ, и Киргизы были сдержаны. Тѣснимые, въ свою очередь, Русскими, требовавшими покорности, дани, Киргизы обратились за помощію къ Калмыкамъ и Монголамъ. Монгольскій ханъ, или, какъ его обыкновенно тогда называли, Алтынъ-ханъ, далъ шерть на подданство царю Михаилу, но для того только, чтобы выманивать богатые подарки; теперь онъ не прочь былъ отъ поданія помощи Киргизамъ, но не безкорыстно: онъ хотѣлъ также покорить Киргизовъ себѣ. Киргизы и другіе ясачные инородцы — Тубинцы, Алтырцы, Керельцы, населявшіе Красноярскій уѣздъ, стали между двухъ огней. Въ 1652 году Алтынъ-ханъ нагрянулъ на нихъ, требуя послушанія и ясака. Красноярскій воевода послалъ къ нему съ угрозою, что идутъ на него государевы ратные люди изъ четырехъ городовъ съ огненнымъ боемъ. Ханъ испугался и ушелъ, не отказываясь однако отъ своихъ требованій относительно инородцевъ. Но какъ скоро Монголы стали убираться въ свои кочевья, къ инородцамъ явились посланцы Красноярскаго воеводы съ требованіемъ, чтобы стояли крѣпко и неподвижно на своей правдѣ, къ Алтыну царю не отъѣзжали. Киргизы, Тубинцы и всѣ иноземцы вспомнили свою шерть, къ Алтыну царю не поѣхали; но Русскіе при этомъ случаѣ съ ужасомъ примѣтили у нихъ тридцать русскихъ винтовокъ, пятнадцать пищалей калмыцкихъ, также много пороху и свинцу. На вопросъ, откуда они это взяли,—инородцы отвѣчали: „Привозятъ къ намъ изъ Томска всякіе люди и мѣняютъ на товары“. Что всего хуже, посланцы замѣтили, что инородцы стрѣляютъ въ цѣль и убиваютъ не хуже Русскихъ людей. „Впередъ, писалъ Красноярскій воевода—Томскому, впередъ отъ Киргизовъ, Тубинцевъ, Алтырцевъ и Керельцовъ добра ждать нечего, потому что они Алтына-царя боятся и слушаютъ; они говорили моимъ посланцамъ: „Съ тѣхъ поръ какъ мы на своихъ земляхъ начались, ни одинъ Монгольскій царь, ни царевичъ, ни монгольскіе, ни калмыцкіе тайши войною не бывали и воинскихъ людей не посылали; а теперь Алтынъ царь на нашу Землю приходилъ съ 5,000 человѣкъ! И если впередъ Алтынъ-царь или сынъ его на насъ будутъ приходить, то намъ никакъ въ правдѣ своей не устоять, потому что Алтынъ-царь живетъ отъ насъ за Саянскимъ камнемъ (горами) только въ днищахъ въ десяти пути“.—„И если“, продолжаетъ воевода, „Алтынъ-царь или сынъ его съ большимъ войскомъ придетъ на государевы Украйны, то мнѣ не только нельзя послать изъ Красноярска на выручку государевыхъ иноземцевъ, но и Красноярскаго острога уберечь некѣмъ, потому что у меня служилыхъ людей только 350 человѣкъ, и изъ тѣхъ посылаютъ по разнымъ острожкамъ на годовыя службы за хлѣбными запасами, въ Москву за государевою казною, въ ясачныя земли для сбору ясака, по вѣстямъ въ проѣзжія станицы и на отъѣзжіе караулы,—всего посылается съ триста человѣкъ и больше, въ Красноярскѣ остается во все лѣто только человѣкъ 50 и меньше, и у тѣхъ оружія нѣтъ и у половины, а въ государевой казнѣ нѣтъ ни одной пищали. Отъ подгородныхъ Татаръ, Качинцевъ, Арынцевъ и Ястынцевъ, которые кочуютъ подъ Красноярскимъ, добра ждать нечего, потому что они Киргизамъ и Тубинцамъ въ роду и въ племени, сами у нихъ женятся и дочерей своихъ за нихъ выдаютъ, и мысль у нихъ съ ними одна“.

Опасенія Красноярскаго воеводы не сбылись; но за то въ 1657 году пришла очередь Томскому трепетать предъ кочевниками. Сынъ Алтынъ-хана съ 4,000 войска напалъ нечаянно на Киргизовъ, разбилъ ихъ и заставилъ покориться себѣ, послѣ чего царевичъ направился прямо на Татаръ Томскаго уѣзда. Монгольскій царевичъ поступалъ по примѣру предковъ своихъ, завоевателей XIII вѣка: всѣхъ молодыхъ людей изъ Киргизовъ и Татаръ набиралъ въ свое войско, которое оттого скоро удвоилось. Онъ уже заключилъ договоръ и съ Телеутскимъ князькомъ, чтобы въ одно время напасть на Томскъ; но вѣсть о смерти старика-отца заставила царевича возвратиться въ свои степи. Послѣ того десять лѣтъ было мирно; воровалъ только измѣнникъ, Киргизскій князецъ Еренякъ; но въ 1667 году Красноярскъ долженъ былъ выдержать осаду отъ калмыцкаго тайши Сенги, соединившагося съ Еренякомъ. Въ калмыцкіе улусы отправился изъ Томска сынъ боярскій спросить тайшу: „Ты ли, Сенга-тайша, своихъ людей посылалъ, или они сами собою ходили подъ Красноярскъ?“ Отвѣта не было; тайша про здоровье великаго государя не спрашивалъ и царское жалованье, сукна и камки принялъ не по достоинству, нечестно. Еренякъ не переставалъ разсылать по ясачнымъ волостямъ стрѣлы съ угрозами, что придетъ опять войною, вмѣстѣ съ Калмыками, если ясачные не будутъ платить своего ясака тайшѣ Сенгѣ. Калмыкамъ удалось утвердить свою власть надъ Телеутами; но нѣкоторые изъ послѣднихъ отъѣхали въ Томскъ. Сенга требовалъ ихъ выдачи и очень сердился, когда этого требованія не исполняли; онъ говорилъ посланцу Томскаго воеводы: „Я у великихъ государей прошу своихъ людей, Бѣлыхъ Калмыковъ, по многіе годы, и великіе государи меня не жалуютъ, моихъ людей мнѣ не отдаютъ; и если впередъ не отдадутъ, то изъ Томска ко мнѣ пословъ не посылали бы.—Томскъ я буду воевать“ Томскъ, Енисейскъ, Красноярскъ, Кузнецкъ были въ постоянной тревогѣ, потому что, кромѣ Калмыковъ и Киргизовъ, поднялись Тубинцы, Алтырцы и особенно Телеуты, не давшіе покою Кузнецку. Наконецъ, въ 1674 году, Томскій воевода, князь Данила Борятинскій, получилъ указъ соединить силы четырехъ городовъ и смирить войною измѣнниковъ. Начали съ Телеутовъ — „и на всѣхъ бояхъ государевыхъ измѣнниковъ побито было много“

И Тобольскіе воеводы также должны были имѣть дѣло съ Калмыками, которые прикочевали къ рѣкѣ Ишиму. Воеводы вошли въ сношенія съ тайшою ихъ Дундукомъ и уговорили его подклониться подъ высокую руку великаго государя. Лѣтомъ 1674 г. къ Дундуку поѣхалъ стрѣлецкій голова Аршинскій для осмотра земель, занятыхъ Калмыками, и для истребованія аманатовъ; Аршинскій былъ встрѣченъ очень почетно, и дѣло шло какъ нельзя лучше: Дундукъ увѣрялъ въ своей преданности великому государю. Уже девять дней прожилъ Аршинскій въ улусѣ, на десятый Дундукъ прислалъ звать его къ себѣ: „Посовѣтуемся, какъ бы написать къ великому государю грамоту поскладнѣе“. Въ то время какъ подъячій писалъ грамоту, тайша разговаривалъ съ Аршинскимъ: „Посылаю я двоихъ своихъ людей съ грамотою къ великому государю въ Москву; въ прошломъ году я также посылалъ человѣка своего въ челобитчикахъ въ Тобольскъ и въ Москву съ служилымъ Татариномъ Авезбакеемъ; этого человѣка моего изъ Тобольска въ Москву не скоро отпустили, манили со дня на день, а дорогою Авезбакей говорилъ ему, что сына моего выучатъ грамотѣ и крестятъ“. Сказавши эти слова, Дундукъ закричалъ и велѣлъ своимъ Калмыкамъ связать Аршинскаго и всѣхъ бывшихъ при немъ Русскихъ, и ограбить ихъ донага. „Правда моя идетъ вамъ отъ Авезбакея“, объявилъ тайша Аршинскому: „впрочемъ не бойся, до смерти не побьютъ“. Между тѣмъ Калмыки стали вьючиться и выступили въ походъ; Русскихъ вели связанныхъ. Перевезшись за Ишимъ, Дундукъ велѣлъ привести къ себѣ Аршинскаго и сказалъ ему: „Взялъ я у тебя свое имѣніе, а не твое и не твоихъ товарищей; вы ищите своего добра на Авезбакеѣ, потому что я далъ ему двадцать лошадей, и приказывалъ привезти изъ Москвы товару, а онъ ничего не привезъ и самъ ко мнѣ не пріѣхалъ“. Аршинскій съ 30-ю товарищами былъ отпущенъ въ Тобольскъ пѣшкомъ; но Калмыкъ смиловался и далъ имъ съ полпуда крупъ на дорогу.

Но въ то время какъ старыя русскія поселенія за Уральскими горами подвергались опасности отъ возстанія туземцевъ, подкрѣпляемыхъ Калмыками, въ то время когда поднимались противъ Русскихъ людей старые подданные великаго государя, Башкирцы, Черемисы, Чуваши и Мордва, — въ то время Русскіе люди въ далекихъ предѣлахъ сѣверной Азіи неутомимо искали новыхъ землицъ для поселенія, новыхъ народцевъ, на которыхъ бы можно было наложить ясакъ, новыхъ торговыхъ путей, и посольства великаго государя являются передъ Сыномъ Неба, въ Срединной имперіи.

Утвержденіе Русскихъ людей въ Восточной Сибири происходило съ такими же ничтожными средствами, какъ и въ Западной, и происходило при недостаткѣ единства въ дѣйствіяхъ, ибо правительственный надзоръ, по отдаленности, былъ слабъ. Въ концѣ царствованія Михаила Ѳеодоровича, русскіе казацкіе пятидесятники, сидѣвшіе съ своими казаками въ Верхоленскомъ Братскомъ острогѣ, дрались съ Бурятами, заставляя ихъ платить ясакъ великому государю, подкрѣпляя свои пять десятковъ небольшими толпами изъ промышленныхъ и гулящихъ охочихъ людей. Но въ то же время атаманъ Колесниковъ, отправленный изъ Енисейска для провѣдыванія „про Байкалъ озеро и про серебряную руду,“ поставилъ острогъ на Ангарѣ и сталъ также требовать ясака съ Бурятовъ; тѣ не давали на томъ основаніи, что они относятъ ясакъ въ Верхоленскій острогъ, а Колесниковъ, видя въ отказѣ непокорность, сталъ ихъ воевать и разорять. Буряты взволновались и начали дѣйствовать враждебно противъ Русскихъ: „Что это“, говорили они, „отъ одного государя приходятъ къ намъ двойные люди? Одни изъ Верхоленска берутъ съ насъ ясакъ на государя, а другіе отъ того же государя приходятъ на насъ войною, бьютъ, женъ и дѣтей въ плѣнъ берутъ, скотъ и лошадей отгоняютъ: какъ же намъ подъ государевою рукою быть?“

Какъ бы то ни было, теперь надобно было укрощать возмутившихся Бурятъ силою, огненнымъ боемъ. Раздраженные Буряты не бѣгали отъ государевыхъ ратныхъ людей, выходили на бой человѣкъ по тысячѣ и больше, собираясь изъ многихъ родовъ, и отчаянная борьба продолжалась до 1655 года, когда наконецъ истощенные Буряты принуждены были признать владычество пришельцевъ. Между тѣмъ Колесниковъ, виновникъ Бурятскаго возстанія, дѣйствовалъ удачно на Байкалѣ противъ Тунгусовъ, которые обѣщали довести его до серебряной руды. Въ 1647 году Колесниковъ возвратился въ Енисейскъ и представилъ воеводамъ ясакъ, собранный съ новыхъ Байкальскихъ Земель, мѣха цѣною на тысячу рублей; кромѣ того, Колесниковъ объявилъ, что посылалъ четверыхъ изъ своихъ казаковъ съ вожами Тунгусами для вѣстей о серебряной рудѣ. Посланные были въ Монгольской Землѣ, гдѣ князекъ Турукой великому государю поклонился, обѣщаясь быть послушнымъ съ 20,000 своихъ подданныхъ. Князекъ сказалъ, что золотая и серебряная руда подлинно есть и отъ него близко у Богды-царя (въ Китаѣ), и къ нему, князьку, се привозятъ: въ доказательство онъ послалъ великому государю кусочекъ золота вѣсомъ въ четыре золотника, да чашку и тарелку серебряныя. На смѣну Колесникову пошли изъ Енисейска къ Байкалу другіе начальники отряда, другіе сборщики ясака. Въ 1661 г. основанъ былъ Иркутскъ.

Изъ Енисейска шли отряды Русскихъ ратныхъ людей для занятія земель и подчиненія инородцевъ по Ангарѣ, Байкалу, Витиму, Шилкѣ, Селенгѣ; изъ Якутска шли отряды на сѣверъ къ самому Ледовитому морю, на востокъ къ Охотску, на югъ къ Амуру. Дикари сѣверо-восточной Сибири также неохотно сносили владычество пришельцевъ, какъ и дикари западной, и возставали при первомъ удобномъ случаѣ. Въ сороковыхъ годахъ взволновались Якуты около Якутска, но были укрощены сильными мѣрами воеводы Петра Головина. Въ 1645 г. на крайнемъ сѣверѣ, на рѣкѣ Индигирѣ встали Юкагиры, князекъ Пелева съ товарищами, убили русскаго служилаго человѣка, и выхватили своихъ аманатовъ, содержавшихся въ русскомъ ясачномъ зимовьи. Противъ нихъ отправились изъ Якутска служилые люди Горѣлый и Катаевъ, погромили Пелеву, взяли новыхъ аманатовъ. Но въ 1650 г. измѣнили Алазейскіе Юкагиры, убили двоихъ служилыхъ людей, государеву казну пограбили, по промысламъ торговыхъ и промышленныхъ людей многихъ побили. Катаевъ пошелъ противъ измѣнниковъ изъ Алазейскаго ясачнаго зимовья вверхъ по рѣкѣ Алазеѣ и наконецъ отыскалъ Юкагировъ: живутъ въ большомъ острожкѣ, человѣкъ съ 200 большихъ мужиковъ, которые лукомъ владѣютъ, кромѣ подростковъ; олени всѣ собраны въ томъ же острожкѣ. Русскіе поставили своихъ два острожка, одинъ въ 40, а другой въ 20 саженяхъ отъ юкагирскаго. Началась стрѣльба съ обѣихъ сторонъ: гдѣ Юкагиры ранятъ, тамъ Русскіе бьютъ до смерти; потомъ Русскіе сдѣлали шесть щитовъ, выкатили ихъ и начали приготовляться идти за ними на юкагирскій острожекъ. Дикари испугались, увидали, что имъ не отсидѣться, и начали кричать: „Не убивайте насъ, мы дадимъ аманатовъ и государевъ ясакъ станемъ платить, а теперь у насъ соболей нѣтъ, этою осенью мы не промышляли, боялись васъ, казаковъ, жили все въ острожкѣ“. Русскіе остановились и взяли въ аманаты лучшихъ князьковъ.

Русскіе достигли уже и рѣки Колымы; стоявшій на ней сынъ боярскій Власьевъ, въ 1649 году, отправилъ служилыхъ и промышленныхъ людей, подъ начальствомъ Никиты Семенова, далѣе къ сѣверо-востоку, къ верховьямъ рѣки Ануя, налагать ясакъ на непокорныхъ еще инородцевъ. Они отыскали дикарей, погромили ихъ, по обычному выраженію, и плѣнники сказали, что за Камнемъ (за горами) есть новая рѣка Анадырь, и подошла она къ вершинѣ Ануя близко. Немедленно прибрались охочіе промышленные люди и подали Власьеву челобитную отпустить ихъ въ тѣ новыя мѣста, за ту захребетную рѣку Анадырь, для пріиску вновь ясачныхъ людей и приводу ихъ подъ царскую высокую руку. Власьевъ отпустилъ ихъ подъ предводительствомъ Семена Моторы. У нихъ явились соперники: служилый человѣкъ Стадухинъ, послыша рѣчи дикарей, началъ также собираться на Анадырь. Но еще прежде, лѣтомъ 1648 года, служилый человѣкъ Семенъ Дежневъ отправился изъ устья Колымы моремъ для открытія новыхъ землицъ. „Носило меня, пишетъ Дежневъ, по морю послѣ Покрова Богородицы всюду неволею, и выбросило на берегъ, въ передній конецъ за Анадырь рѣку[1], а было насъ на кочѣ всѣхъ двадцать пять человѣкъ, и пошли мы всѣ въ гору, сами пути себѣ не знаемъ, холодны и голодны, наги и босы, и шелъ я, бѣдный Семейка, съ товарищи до Анадыра рѣки ровно десять недѣль, и попали на Анадырь рѣку внизу близко моря, и рыбы добыть не могли, лѣсу нѣтъ, и съ голоду мы, бѣдные, врознь разбѣжались. Осталось насъ отъ двадцати пяти человѣкъ всего двѣнадцать человѣкъ, и пошли мы въ судахъ вверхъ по Анадыру рѣкѣ и шли до Анаульскихъ людей; взяли два человѣка за боемъ и ясакъ съ нихъ взяли". Тутъ Дежневъ встрѣтился съ Семеномъ Моторою, который сухимъ путемъ достигъ Анадыра, и пошли вмѣстѣ. Но Стадухинъ идетъ слѣдомъ за Дежневымъ и Моторою, и громитъ тѣхъ дикарей, которые уже дали ясакъ Дежневу. Однажды, въ виду дикарей, сидѣвшихъ въ своемъ острожкѣ, произошла любопытная сцена: между Дежневымъ и Стадухинымъ началась перебранка: „Ты дѣлаешь негораздо", говорилъ Дежневъ Стадухину, „побиваешь иноземцевъ безъ разбора".—„Это люди не ясачные", отвѣчалъ тотъ; „а если они ясачные, то ты ступай къ нимъ, зови ихъ вонъ изъ острожка и возьми съ нихъ государевъ ясакъ". Дежневъ началъ говорить дикарямъ, чтобъ они выходили безъ боязни и дали ясакъ, и одинъ изъ дикарей сталъ подавать изъ юрты соболи. У Стадухина разгорѣлись глаза на соболи, которые бралъ Дежневъ: онъ бросился на него, вырвалъ изъ рукъ мѣха, и сталъ бить по щекамъ. Дежневъ послѣ того почелъ за лучшее уйти какъ можно подальше отъ Стадухина. Въ 1652 году Дежневъ съ товарищами вышелъ изъ устья Анадыра въ море на судахъ; главный промыселъ ихъ тутъ состоялъ въ битвѣ моржей и въ сборѣ моржеваго зуба: „Звѣря вылегаетъ очень много, пишетъ Дежневъ, на самомъ мысу вкругъ съ морской стороны на полверсты и больше, а въ гору саженъ на тридцать и на сорокъ". Дежневъ дошелъ до большаго Каменнаго носу. „А тотъ носъ вышелъ въ море гораздо далеко, живутъ на немъ люди Чукчи, много ихъ очень, а противъ носу на островахъ живутъ люди; называютъ ихъ зубатыми, потому что пронимаютъ они сквозь губу по два зуба немалыхъ костяныхъ". Но однимъ моржевымъ промысломъ Русскіе люди не могли заниматься въ устьи Анадыра: должны были также драться съ Коряками. „Мы на нихъ ходили, пишетъ Дежневъ, и нашли ихъ четырнадцать юртъ въ крѣпкомъ острожкѣ; Богъ намъ помогъ: тѣхъ людей разгромили всѣхъ, женъ и дѣтей у нихъ взяли, но сами они ушли, а лучшіе мужики увели и женъ съ дѣтьми, потому что они люди многіе, юрты у нихъ большія,—въ одной юртѣ живетъ семей по десяти; а мы были люди не велики,—всѣхъ насъ было двѣнадцать человѣкъ". По вѣстямъ отъ Дежнева, немедленно отправленъ былъ изъ Якутска стрѣлецкій сотникъ утвердить власть великаго государя въ новой землицѣ и установить порядокъ въ промыслахъ, съ соблюденіемъ казеннаго интереса. Но въ то время какъ прибирали къ рукамъ новыя землицы, съ трудомъ удерживали старыя вслѣдствіе возстанія дикарей—на рѣкахъ Янѣ и Индигиркѣ. Въ 1666 году Ламуты осадили русскій острожекъ на Индигиркѣ; осажденные отбились; но дикари не платили цѣлый годъ ясака. Въ началѣ слѣдующаго года Ламуты, „собравъ себѣ воровское великое собранье, приступили ночью къ острожку и начали острожныя стѣны, ясачное зимовье и острожные ворота рубить топорами, а иные приставили лѣстницы къ стѣнамъ черезъ амбары. Служилые и промышленные люди бой съ ними поставили и убили у нихъ лучшихъ трехъ человѣкъ и многихъ переранили". Ламуты испугались, побросали свое оружіе и ушли; гнаться за ними было нельзя, потому что „служилыхъ людей въ острожкѣ было только пять человѣкъ, да промышленныхъ десять; оружія, свинцу и пороху нѣтъ, да и взять негдѣ".

---

[1] Такимъ образомъ, Дежневъ обогнулъ сѣверовосточную оконечность Азіи и открылъ проливъ, названный послѣ Беринговымъ.

Весною 1647 года отрядъ Русскихъ людей, подъ начальствомъ Семена Шелковника, явился на рѣкѣ Ульѣ, впадающей въ Охотское море,—съ устья Ульи моремъ переплылъ къ устью Охоты; но Охоту взять надобно имъ было съ большаго бою, разбить Тунгусовъ, которыхъ собралось больше 1,000 человѣкъ. Русскіе поставили острожекъ: Тунгусы осадили его, но на выручку къ осажденнымъ приспѣлъ другой русскій отрядъ. На Охотѣ Русскимъ было много дѣла, потому что дикари уступали только съ боя, умѣя собираться большими толпами. Въ 1654 г. они сожгли Охотскій острожекъ, освободили аманатовъ и разогнали Русскихъ людей, которые объявили, что „жить на Охотѣ отъ иноземцевъ не-въ-силу". Появился новый отрядъ служилыхъ людей изъ Якутска—и поднялся новый острожекъ; поставивъ его, Русскіе начали наступательное движеніе на дикарей, взяли ихъ острожекъ и захватили въ аманаты главнаго заводчика возстаній, Комку Бояшница: съ этихъ поръ Тунгусы на Охотѣ, и около Охоты, пѣшіе и оленные, подъ государеву руку приклонились. Но въ 1665 году опять новое волненіе между Охотскими Тунгусами,—пришли въ острогъ ясачные люди, лучшій человѣкъ Зелемей съ товарищами, и извѣщали начальнику острога, Ѳедору Пущину: пришли на Охоту неясачные Тунгусы и ясачныхъ людей въ шатость призываютъ, живутъ отъ острога въ двухъ днищахъ пути и дожидаются посылки въ Якутскъ съ государевою казною,—хотятъ служилыхъ людей побить. Пущинъ, чтобы отвратить опасность, отправилъ 50 человѣкъ служилыхъ и промышленныхъ людей звать этихъ неясачныхъ Тунгусовъ въ Охотскій острогъ, велѣлъ призывать ласками и привѣтомъ, а не жесточью. Но изъ этихъ посланныхъ ни одинъ не остался въ живыхъ, и погибли они отъ того самого Зелемея, который первый извѣстилъ Пущина объ опасности. Возмутился умомъ Зелемей со всѣми ясачными иноземцами разныхъ родовъ и побилъ Русскихъ тайкомъ, залегши на дорогѣ. Зелемей, говорятъ, держалъ такую рѣчь къ ясачнымъ Тунгусамъ: „Что вы, глупые люди, не разумѣете и Русскихъ переводовъ не знаете, вы бы такъ-же жили, какъ я, Зелемей, живу; самимъ вамъ извѣстно, сколько я Русскихъ людей побилъ, а какъ надъ собою увижу какую немѣру, то я къ Русскимъ людямъ приклонюся, и до меня, въ вашихъ глазахъ, Русскіе люди лучше прежняго. Да Русскіе люди насъ обманываютъ, говорятъ намъ и ждутъ къ себѣ въ Охотскій острогъ на перемѣну по вся годы большихъ людей, и большихъ людей въ острогъ не бывало; а пока большіе люди не пришли, мы и остальныхъ людей выкоренимъ и аманатовъ своихъ выручимъ, а потомъ, въ то время, какъ Русскіе люди на Охоту приходятъ, на дорогахъ заляжемъ и большихъ людей не пропустимъ. А какъ на Охотѣ Русскихъ людей изведемъ, то истребимъ всѣхъ Русскихъ на Маѣ и по инымъ рѣкамъ; а впредь, для береженья и безопасности призовемъ къ себѣ Богдойскихъ людей (Китайцевъ), потому что они отъ насъ недалеко; ясакъ имъ станемъ платить небольшой, по своимъ долямъ, а не такъ, какъ теперь на насъ спрашиваютъ ясаковъ за прошлые годы, о которыхъ мы многія челобитныя великимъ государямъ писали, но льготы себѣ никакой не получили и указу о томъ никакого не бывало". Опасность для Русскихъ была тѣмъ больше, что въ острогѣ осталось только 30 человѣкъ, старыхъ, малыхъ и цынжалыхъ (больныхъ цынгою), аманатовъ же было 60 человѣкъ, острогъ ветхъ. Но дѣло обошлось безъ большой бѣды: Тунгусы никакъ не рѣшались напасть на острогъ, пока тамъ были ихъ аманаты; они старались всякими способами обмануть Русскихъ и выманить аманатовъ, но понапрасну: Пущинъ велѣлъ схватить показавшихся подъ городомъ нѣсколько подозрительныхъ Тунгусовъ для допросу; дикари не дались даромъ въ руки: двое Русскихъ было убито, но Тунгусовъ побито пятеро, и трое взято въ плѣнъ; плѣнники повинились, что приходили служилыхъ людей побить, острогъ взять и аманатовъ выручить, ибо видѣли, что въ Охотскѣ казаковъ мало и острогъ плохъ. Плѣнники были повѣшены, и Пущинъ тотчасъ же велѣлъ построить новыя укрѣпленія, поставить по стѣнѣ, для страху дикарямъ, деревянныя пушки, и аманатскую избу выстроить новую. Эти мѣры произвели желанное дѣйствіе: Тунгусы явились съ повинною, извиняясь, что своровали, не стерпя обидъ отъ служилыхъ людей.

Прежде Анадыра и Охоты изъ того же Якутска открыта была великая рѣка Амуръ.

Еще при царѣ Михаилѣ начали носиться слухи, что на рѣкѣ Шилкѣ сидятъ многіе пахотные хлѣбные люди, и живетъ князекъ Лавкай, у котораго на устьи рѣки Уры въ двухъ мѣстахъ серебряная руда: одна въ утесѣ, а другая—въ водѣ; да на той же рѣкѣ Шилкѣ внизу мѣдная и свинцовая руда, а хлѣба всякаго много. По этимъ вѣстямъ, Якутскій воевода Головинъ въ 1643 году отправилъ письменнаго голову Василья Пояркова на рѣки Зію и Шилку для государева ясачнаго сбору, для пріиску вновь неясачныхъ людей, серебряной, мѣдной и свинцовой руды и для хлѣба. Съ Поярковымъ отправилось 133 человѣка. Плыли они изъ Якутска Леною внизъ, потомъ Алданомъ вверхъ, и изъ притоковъ Алдана волокомъ въ притоки Зіи, впадающей въ Амуръ. Отъ устья Зіи Поряковъ поплылъ внизъ по Амуру, представляя себѣ, что плыветъ по Шилкѣ; Амуръ же, по его словамъ, начался съ устья Шингала. Поярковъ достигъ устья Амура и тутъ зимовалъ, а лѣтомъ пошелъ на судахъ моремъ къ устью Ульи рѣки, изъ Ульи волокомъ переправился въ Маю, притокъ Алдана, которымъ и Леною возвратился въ Якутскъ, привезши богатый ясакъ соболями, но потерявши человѣкъ 80 изъ своего отряда: изъ нихъ 25 человѣкъ было убито Дучерами на Амурѣ, другіе умерли въ дорогѣ отъ недостатка въ пищѣ. Поярковъ указалъ якутскимъ воеводамъ мѣста по Зіи и Шилкѣ (т.-е. Амуру) и по ихъ притокамъ, гдѣ, по его мнѣнію, надобно было поставить острожки: „Тамъ", говорилъ Поярковъ, „въ походы ходить и пашенныхъ хлѣбныхъ сидячихъ людей подъ царскую высокую руку привесть можно и въ вѣчномъ холопствѣ укрѣпить, и ясакъ съ нихъ сбирать,—въ томъ государю будетъ многая прибыль, потому что тѣ землицы людны и хлѣбны и собольны, и всякаго звѣря много, и хлѣба родится много, и тѣ рѣки рыбны, и государевымъ ратнымъ людямъ хлѣбной скудости ни въ чемъ не будетъ."

Вмѣстѣ съ пышными разсказами Пояркова о Пѣгой Ордѣ (какъ называли Приамурскія страны) слышались страшные разсказы спутниковъ его о поведеніи самого Пояркова во время похода. „Служилыхъ людей онъ билъ и мучилъ напрасно, и, пограбя у нихъ хлѣбные запасы, изъ острожка ихъ вонъ выбилъ, а велѣлъ имъ идти ѣсть убитыхъ иноземцевъ, и служилые люди, не желая напрасною смертію помереть, съѣли многихъ мертвыхъ иноземцевъ и служилыхъ людей, которые съ-голоду померли; пріѣли человѣкъ съ пятьдесятъ; иныхъ Поярковъ своими руками прибилъ до смерти, приговаривая: „Не дороги они, служилые люди! десятнику цѣна десять денегъ, а рядовому—два гроша" Когда онъ плылъ по рѣкѣ Зіи, то жители тамошніе его къ берегу не припускали, называя Русскихъ людей погаными людоѣдами. Когда весною въ устьи Амура снѣгъ съ луговъ сошелъ и трава обтаяла, то остальные служилые люди начали корень травной копать и тѣмъ кормиться; но Поярковъ велѣлъ своему человѣку выжечь луга, чтобы служилые люди покупали у него запасъ дорогою цѣною."

Какъ бы то ни было, разсказы Пояркова о богатствѣ Приамурскихъ странъ не могли быть забыты; въ 1649 году старый опытовщикъ Ярко (Ероѳей) Павловичъ Хабаровъ подалъ Якутскому воеводѣ челобитную, объявилъ, что пойдетъ на Амуръ, поведетъ семьдесятъ человѣкъ служилыхъ и промышленныхъ людей, и будетъ содержать ихъ на свой счетъ, снабдитъ деньгами, хлѣбными запасами, судами, ружьемъ, зельемъ и свинцомъ. Воевода согласился и Хабаровъ пошелъ, только новымъ путемъ, рѣкою Олекмою, притокомъ Лены, и потомъ Тугиремъ, притокомъ Олекмы, изъ Тугиря волокомъ въ рѣку Урку, притокъ Амура. Здѣсь были улусы уже извѣстнаго Лавкая князя;

но улусы пусты и городъ пустъ, а городъ большой, съ пятью башнями, глубокими рвами, подлазами подо всѣ башни и тайниками къ водамъ; въ городѣ свѣтлицы каменныя, окна большія, окончины бумажныя. Хабаровъ пошелъ отъ рѣки Урки внизъ по Амуру, дошелъ до другого города,—и тотъ пустъ! Пошелъ дальше внизъ по Амуру, стоитъ третій городъ,—опять пустой! Хабаровъ остановился отдохнуть въ пустомъ городѣ, разставилъ караулы, и въ тотъ же день караульщики дали знать, что пріѣхало пять человѣкъ иноземцевъ. Хабаровъ послалъ толмача спросить: что за люди. Одинъ—старикъ—объявилъ, что онъ князь Лавкай, съ двумя братьями, зятемъ и холопомъ, и спросилъ въ свою очередь: „Какіе вы люди и откуда пришли“?—„Мы пришли къ вамъ торговать и привезли подарковъ много“, отвѣчалъ толмачъ.—„Что ты обманываешь!“ сказалъ на это Лавкай, „мы васъ, казаковъ, знаемъ; прежде васъ былъ у насъ казакъ, Квашнинъ, и сказалъ про васъ, что идетъ васъ пятьсотъ человѣкъ, а за вами идетъ еще много людей, хотите всѣхъ насъ побить и имѣніе наше пограбить, женъ и дѣтей въ полонъ взять; поэтому мы и разбѣжались“. Хабаровъ велѣлъ толмачу уговаривать Лавкая, чтобы давалъ ясакъ великому государю; Лавкаевы братья и зять говорили, что за ясакъ стоять не-за-что; но Лавкай сказалъ, что „еще посмотримъ, каковы люди“. Съ этимъ князьки отправились и больше не возвращались. Хабаровъ пошелъ за ними, нашелъ четвертый и пятый городъ — все пустые. Дальше Хабаровъ не пошелъ, возвратился въ первый городъ, оставилъ тутъ часть ратныхъ людей, а самъ возвратился въ Якутскъ (въ маѣ 1650 года) съ донесеніемъ, что по славной великой рѣкѣ Амуру живутъ Даурскіе люди пахотные и скотные, и въ той великой рѣкѣ всякой рыбы много противъ Волги, по берегамъ луга великіе и пашни, лѣса темные, большіе, соболя и всякаго звѣря много, государю казна будетъ великая. Хлѣбъ въ полѣ родится, ячмень и овесъ, просо, горохъ, гречиха и сѣмя конопляное; если Даурскіе князьки государю покорятся, то прибыль будетъ большая, въ Якутскій острогъ хлѣба присылать будетъ не надобно, потому что изъ Лавкаева города съ Амура рѣки черезъ волокъ на Тугирь рѣку въ Новый острожекъ, что поставилъ онъ, Хабаровъ, переходу только со сто верстъ, а изъ Тугирскаго острожка внизъ Тугиремъ, Олекмою и Леною до Якутска поплаву только двѣ недѣли. Даурская Земля будетъ прибыльнѣе Лены, да и противъ всей Сибири будетъ мѣсто украшено и изобильно.

Разсказы Хабарова произвели то дѣйствіе, что около него тотчасъ же собралось 170 человѣкъ охотниковъ; Якутскій воевода далъ ему двадцать казаковъ,—и Хабаровъ въ томъ же 1650 году отправился на Амуръ, взявъ съ собою три пушки. На этотъ разъ онъ нашелъ здѣсь не пустые городки; Дауры рѣшились не пускать пришельцевъ селиться между ними и брать ясакъ. Не доходя до одного изъ Лавкаевыхъ городковъ (Албазина), Хабаровъ встрѣтилъ Дауровъ въ полѣ, бился съ ними съ полудня до вечера, прогналъ; но у Русскихъ оказалось 20 человѣкъ ранеными. Дауры бросили Албазинъ, который и былъ занятъ Русскими. Князекъ Гугударъ изъ тройнаго городка своего далъ отчаянный отпоръ Русскимъ; на требованіе ясака для великаго государя, Гугударъ отвѣчалъ: „Даемъ мы ясакъ Богдойскому (Китайскому) царю, а вамъ какой ясакъ у насъ? Хотите ясака, что́ мы бросаемъ послѣднимъ своимъ ребятамъ?“—„И настрѣляли Дауры, пишетъ Хабаровъ, изъ города къ намъ на поле стрѣлъ, какъ нива стоитъ насѣяна. И тѣ свирѣпые Дауры не могли стоять противъ государской грозы и нашего бою“. Хабаровъ взялъ городокъ, положивши на мѣстѣ больше 600 непріятелей. Русскихъ было убито четверо, да сорокъ пять ранено. Въ другихъ мѣстахъ по всей Сибири Русскіе привыкли къ тому, что какъ скоро попадутъ имъ въ руки аманаты родоначальники, князьки, то уже весь родъ и покоряется, платитъ ясакъ Но у Дауровъ было иначе; Хабарову удалось захватить нечаянно одинъ даурскій улусъ, привести улусниковъ къ шерти и взять князей ихъ въ аманаты; но скоро ему дали знать, что улусники бѣгутъ; Хабаровъ къ аманатамъ: „Зачѣмъ государю измѣнили и людей своихъ прочь отослали?“ — „Мы не отсылали“, былъ отвѣтъ, „мы сидимъ у васъ, а у нихъ своя дума; чѣмъ намъ всѣмъ помереть, такъ лучше мы помремъ за свою землю одни, когда ужъ къ вамъ въ руки попали“. Для зимовки Хабаровъ построилъ Ачанскій городокъ, въ которомъ былъ осажденъ Дучерами и Ачанцами; Русскимъ небольшаго труда стоило отразить этихъ дикарей; но весною 1652 года явился непріятель другаго рода: то было манжурское войско, присланное по приказанію намѣстника Китайскаго богдыхана. Манжуры пришли подъ Ачанскій городокъ съ пушками и винтовками; но русскіе ратные люди и русскія пушки оказались лучше въ этой первой встрѣчѣ. Пусть самъ Хабаровъ разскажетъ намъ про битву: „Марта въ 24 день, на утренней зорѣ, сверхъ Амура рѣки славныя ударила сила изъ прикрыта на городъ Ачанскій, на насъ казаковъ, сила богдойская, всѣ люди конные и куячные (панцырные), и нашъ казачій есаулъ закричалъ въ городъ Андрей Ивановъ служилый человѣкъ: братцы казаки, ставайте наскорѣ и оболокайтесь въ куяки крѣпкіе! И метались казаки на городъ въ единыхъ рубашкахъ на стѣну городовую, и мы, казаки, чаяли изъ пушекъ изъ оружія бьютъ казаки изъ города; ажно бьютъ изъ оружія и изъ пушекъ по нашему городу казачью войско богдойское. И мы, казаки, съ ними, богдойскими людьми, войскомъ ихъ, дрались изъ-за стѣны съ зори и до схода солнца; и то войско богдойское на юрты казачьи пометалось, и не дадутъ намъ, казакамъ, въ тѣ поры пройти черезъ городъ, а богдойскіе люди знаменами стѣну городовую укрывали, у того нашего города вырубили они, богдойскіе люди, три звена стѣны сверху до земли: и изъ того ихъ великаго войска богдойскаго кличетъ князь Исиней царя богдойскаго и все войско богдойское: не жгите и не рубите казаковъ, емлите ихъ казаковъ живьемъ; и толмачи наши и тѣ рѣчи князя Исинея услышали и мнѣ Ярофейку сказали, и слыша тѣ рѣчи у князя Исенея, облокали мы казаки всѣ на ся куяки, и язъ Ярофейко и служилые люди и вольные казаки, помолясь Спасу и Пречистой Владычицѣ нашей Богородицѣ и угоднику Христову Николаю Чудотворцу, промежъ собою прощались и говорили то слово язъ Ярофейко, и есаулъ Андрей Ивановъ и все наше войско казачье: умремъ мы, братцы казаки, за вѣру крещеную, и постоимъ за домъ Спаса и Пречистыя и Николы Чудотворца, и порадѣемъ мы казаки государю и великому князю Алексѣю Михайловичу всеа Россіи, и помремъ мы казаки всѣ за одинъ человѣкъ противъ государева недруга, а живы мы казаки въ руки имъ, богдойскимъ людямъ, не дадимся. И въ тѣ стѣны проломныя стали скакать тѣ люди Богдоевы, и мы казаки прикатили тутъ на городовое проломное мѣсто пушку большую мѣдную, и почали изъ пушки по богдойскому войску бити и изъ мелкаго оружія учали стрѣлять изъ города, и изъ иныхъ пушекъ желѣзныхъ бити жь стали по нихъ, богдойскихъ людяхъ: тутъ и богдойскихъ людей и силу ихъ всю, Божіею милостію и государскимъ счастьемъ и нашимъ радѣніемъ, ихъ, собакъ, побили многихъ. И какъ они Богдои отъ того нашего пушечнаго бою и отъ пролому отшатились прочь, и въ тапору выходили служилые и вольные охочіе казаки сто пятьдесятъ шесть человѣкъ въ куякахъ на вылазку богдойскимъ людямъ за городъ, а пятьдесятъ человѣкъ осталось въ городѣ, и какъ мы къ нимъ Богдоямъ на вылазку вышли изъ города, и у нихъ, Богдоевъ, тутъ подъ городомъ приведены были двѣ пушки желѣзныя, и Божіею милостію и государскимъ счастьемъ, тѣ двѣ пушки мы, казаки, у нихъ, богдойскихъ людей, и у войска отшибли, и у которыхъ у нихъ, богдойскихъ людей, и у лучшихъ воитиновъ огненно оружіе было, и тѣхъ людей мы побили и оружіе у нихъ взяли. И нападе на нихъ, Богдоевъ, страхъ великій, покажись имъ сила наша несчетная, и всѣ достальные Богдоевы люди отъ города и отъ нашего бою побѣжали врознь. И кругъ того Ачанскаго города смѣкали мы, что побито? Богдоевыхъ людей и силы ихъ шестьсотъ семьдесятъ шесть человѣкъ наповалъ, а нашіе силы казачьи отъ нихъ легло, отъ Богдоевъ, десять человѣкъ, да переранили насъ, казаковъ, на той дракѣ семдесятъ восмъ человѣкъ“.

Хабаровъ писалъ поэтическимъ складомъ, но думалъ, какъ видно, прозаически, разсчиталъ, что нельзя надѣяться, чтобы могущественный Богдойскій царь позволилъ казакамъ распоряжаться въ своихъ владѣніяхъ, и нельзя надѣяться на вторую побѣду, если подъ Ачанскій городъ придетъ богдойское войско болѣе многочисленное. Еще не прошелъ мѣсяцъ послѣ нападенія Богдойскихъ людей, какъ уже Хабаровъ съ товарищами плыли вверхъ по Амуру. Прибрежные жители оказывали прежнее нерасположеніе, ясакъ можно было сбирать только силою; захваченные въ плѣнъ туземцы извѣщали о враждебныхъ замыслахъ, о новыхъ опасностяхъ: „Наши люди“, объявляли они, „не хотятъ вамъ ясаку давать, хотятъ съ вами драться, говорятъ: гдѣ они станутъ зимовать и городъ поставятъ, тамъ мы соберемъ войска тысячъ десять или больше, и ихъ давомъ задавимъ“. На дорогѣ Хабаровъ встрѣтилъ отрядъ казаковъ, посланный къ нему на помощь изъ Якутска; но этотъ ничтожный отрядъ, привезшій одну пушку, не давалъ Хабарову возможности возвратиться внизъ, гдѣ, по его выраженію, вся земля была въ скопѣ. 1 августа, на устьи рѣки Зіи, Хабаровъ вышелъ на берегъ и сталъ говорить своимъ казакамъ: „Гдѣ бы намъ городъ поставить?“ — „Гдѣ будетъ годно и гдѣ бы государю прибыль учинить, тутъ и городъ станемъ дѣлать“ — былъ отвѣтъ. Но не всѣ такъ отвѣчали: человѣкъ со сто казаковъ замыслили другое, „порадѣли своимъ зипунамъ и нажиткамъ“. Они отвалили на трехъ судахъ отъ берега, а на судахъ была государева казна, пушки, свинецъ, порохъ и куяки; одну пушку воры бросили прямо съ судна на берегъ, а другую въ воду; часть остальной казны побросали также въ воду, часть взяли съ собою, захватили неволею съ тридцать вольныхъ казаковъ, но двое изъ нихъ, не желая плыть съ ворами, побросались съ судна въ воду въ однѣхъ рубашкахъ. Воры поплыли внизъ по Амуру, въ числѣ ста тридцати шести человѣкъ, и начали громить прибрежныхъ иноземцевъ. Съ Хабаровымъ осталось 212 человѣкъ; онъ шесть недѣль простоялъ на устьи Зіи, призывалъ иноземцевъ, которыхъ аманаты уже давно были у него въ рукахъ; но иноземцы близко не ѣхали. „Вы все обманываете“, говорили они, „и теперь ваши люди поплыли внизъ и нашу Землю громятъ“. Хабаровъ послалъ четверыхъ казаковъ въ Якутскъ донести тамошнимъ воеводамъ, что воры государевой службѣ поруху учинили, иновѣрцевъ отогнали и Землю смяли; что съ оставшимися у него людьми Землею овладѣть нельзя, потому что Земля многолюдная и бой огненный, и сойти съ Амура безъ государева указа не смѣетъ.

Отвѣтъ пришелъ не ранѣе 1653 года. На Амуръ пріѣхалъ дворянинъ Зиновьевъ съ государевымъ жалованьемъ, золотыми, Хабарову и его товарищамъ. Хабаровъ, сдавши ясакъ Зиновьеву, отправился вмѣстѣ съ нимъ въ Москву, а „приказнымъ человѣкомъ великой рѣки Амура новой Даурской Земли“ оставленъ Онуфрій Степановъ. Степановъ принялъ начальство неохотно, потому что послѣднія похожденія Хабарова не могли представить ему будущее на Амурѣ въ привлекательномъ видѣ. Въ сентябрѣ, посовѣтовавшись съ войскомъ, поплылъ онъ внизъ по Амуру, потому что наверху ни хлѣба, ни лѣсу не было. Хлѣбъ былъ найденъ на берегахъ рѣки Шингала (притокъ Амура съ юга), откуда Степановъ поплылъ далѣе внизъ по Амуру и зимовалъ въ странѣ Дучеровъ, собирая съ нихъ ясакъ. Лѣтомъ 1654 года онъ опять отправился въ Шингалъ за хлѣбомъ и бѣжалъ три дня вверхъ по рѣкѣ благополучно, но 6 іюня встрѣтилъ богдойскую большую силу ратную, со всякимъ огненнымъ стройнымъ боемъ, конную и струговую. Несмотря на пушечную пальбу Богдойцевъ по русскимъ судамъ, казаки выбили непріятеля изъ струговъ на берегъ; но на берегу Богдойцы стали въ крѣпкомъ мѣстѣ и начали драться изъ-за валовъ. Русскіе приступили-было къ этимъ укрѣпленіямъ, но были отбиты и принуждены были, безъ хлѣба, выплывать на Амуръ и бѣжать вверхъ по великой рѣкѣ. Плѣнники разсказали печальныя вѣсти: Богдойскій царь послалъ 3,000 войска, велѣлъ ему три года стоять на устьи Шингала, въ Амуръ не пускать Русскихъ людей. По Амуру хлѣба достать было негдѣ, потому что тотъ же Богдойскій царь запретилъ прибрежнымъ иноземцамъ сѣять хлѣбъ и велѣлъ всѣмъ имъ переселиться поближе къ себѣ, на рѣку Наунъ, берущую истокъ къ югу отъ Амура.

Уйдя изъ Шингала, Степановъ укрѣпился на устьи рѣки Камары (впадающей въ Амуръ съ юга); но 13 марта 1655 года 10,000 богдойскаго войска явилось подъ острожкомъ, и начали пускать огненные заряды на стрѣлахъ, чтобъ зажечь острожекъ, а 24 марта пошли на приступъ со всѣхъ четырехъ сторонъ, везли телѣгу, на телѣгахъ щиты деревянные, обитые кожею; везли лѣстницы, на одномъ концѣ которыхъ были колеса, а на другомъ гвозди желѣзные и палки; везли дрова, смолу, солому, багры желѣзные и всякія приступныя мудрости; но приступъ былъ отбитъ и приступныя мудрости попались въ руки казакамъ. Послѣ этой неудачи Богдойцы оставались подъ острожкомъ до 4 апрѣля, били по немъ изъ пушекъ день и ночь; но, видя, что ничего сдѣлать нельзя, ушли.

Это пораженіе китайскаго войска подъ Камарскимъ острожкомъ очистило Степанову Амуръ и Шингалъ, куда онъ опять сталъ пробираться за хлѣбомъ; но въ 1656 году пришелъ указъ Богдойскаго царя—свести всѣхъ Дучеровъ съ Амура и Шингала; Степановъ пришелъ-было за ясакомъ и за хлѣбомъ—и не нашелъ никого и ничего! „Теперь, писалъ Степановъ въ Якутскъ, теперь всѣ въ войскѣ оголодали и оскудали, питаемся травою и кореньями, и ждемъ государева указа“.

Сильныя препятствія, встрѣченныя Русскими людьми со стороны Богдойскихъ людей, заставляли попытаться, нельзя ли войти въ мирныя сношенія съ могущественнымъ царемъ Богдойскимъ. Въ 1654 году въ первый разъ отправленъ былъ изъ Тобольска въ Китай сынъ боярскій, Ѳедоръ Байковъ, для присматриванія въ торгахъ и товарахъ и въ прочихъ тамошнихъ поведеніяхъ. Отъ рѣки Иртыша, отъ впаденія въ нее Бѣлыхъ водъ до Китайскаго царства шелъ Байковъ Калмыками и Монголами, все межъ камня (горъ), землею, которая кормомъ и водою скудна. Китайскою Землею до перваго китайскаго города Кококотана шелъ два мѣсяца. Между монгольскими тайшами простои бывали дней по десяти, недѣли по двѣ, по три и по мѣсяцу для кормовъ и безводныхъ мѣстъ. Отъ перваго города Кококотана до заставнаго города Капки ходу 12 дней; между этими городами живутъ мугальскіе тайши кочевые, служатъ Китайскому царю. Изъ Капки посолъ пошелъ къ царю въ городъ Канбалыкъ (Пекинъ) на своихъ лошадяхъ и верблюдахъ; корму и подводъ не дали; шелъ семь дней, и на этой дорогѣ видѣлъ 18 городовъ,—города кирпичные, а иные глиняные, черезъ рѣки подѣланы мосты изъ дикаго камня очень затѣйливо. Канбалыка Байковъ достигъ только въ мартѣ 1656 года. Въ полверстѣ отъ города посла встрѣтили двое царскихъ ближнихъ людей и потчивали чаемъ, варенымъ съ масломъ и молокомъ: посолъ отказался пить, потому что былъ Великій постъ: „По крайней мѣрѣ возьми чашку“, сказали ближніе люди; посолъ взялъ чашку и, подержавъ, отдалъ назадъ. Посла поставили въ домѣ, въ которомъ было всего двѣ комнаты, потомъ перевели въ другой, болѣе обширный. На другой день пріѣхали царевы ближніе люди и сказали, что царь Богда велѣлъ взять у него подарки, присланные ему государемъ. „Вездѣ такой обычай“, сказалъ Байковъ, „что посолъ самъ подаетъ государю любительную грамоту, и потомъ уже подарки“.—„У вашего государя такой чинъ, а у нашего—свой“, отвѣчали ближніе люди; „царь царю ни въ чемъ не указываетъ“, и взяли силою подарки. Черезъ день послѣ этого ближніе люди прислали сказать послу, чтобы съ царскою грамотою ѣхалъ къ нимъ въ приказъ. Байковъ отказалъ: „Присланъ я къ царю Богдѣ, а не къ приказнымъ ближнимъ людямъ“. „Царь тебя велитъ казнить за то, что ты его указа не слушаешь“, велѣли сказать ближніе люди. „Хотя бы царь велѣлъ по составамъ меня разнять, а все же въ Приказъ не пойду и государевой грамоты вамъ не отдамъ“, отвѣчалъ Байковъ. Въ знакъ царскаго гнѣва, за это упрямство послу возвратили подарки, и этимъ все дѣло кончилось; Байковъ возвратился только съ разсказами объ удивительной странѣ, впервые видѣнной русскимъ человѣкомъ.

Видя, что посольство принято нелюбовно, царь не дѣлалъ второй попытки. Враждебныя дѣйствія со стороны Китайцевъ не прекращались: въ 1658 г., 30 іюня китайское войско, на сорока семи бусахъ, напало на Онуфрія Степанова, плывшаго по Амуру ниже Шингала; Русскіе потерпѣли совершенное пораженіе: Степановъ погибъ вмѣстѣ съ двумя стами семидесятью казаками; двѣсти двадцать семь человѣкъ спаслось берегомъ и на одномъ суднѣ, но государева ясачная соболиная казна досталась въ руки Китайцамъ. Казачьи походы на Амуръ изъ Якутска кончились несчастно; но еще задолго до гибели Степанова сдѣлано было распоряженіе укрѣпиться на Шилкѣ и въ верхнихъ частяхъ Амура, и оттуда уже дѣйствовать, по возможности, далѣе внизъ по великой рѣкѣ. Съ этою цѣлію Енисейскій воевода, Аѳанасій Пашковъ, возобновилъ покинутые городки: Нерчинскъ при устьи рѣки Нерчи въ Шилку и Албазинъ—на Амурѣ. И здѣсь не обошлось безъ столкновеній съ Китайцами: Албазинскіе казаки стали брать ясакъ съ народцевъ, которыхъ богдыханъ считалъ своими подданными, и нѣкоторые изъ иноземцевъ, недовольные Китайцами, переходили въ русское подданство. Въ 1667 году пришелъ изъ китайскихъ владѣній въ Нерчинскъ подъ государеву высокую руку Тунгусскій князекъ Гантемиръ съ дѣтьми и братьями и улусными людьми, всего сорокъ человѣкъ, обѣщаясь платить ясакъ по три соболя съ человѣка; Гантемиръ ушелъ съ досады, что проигралъ тяжбу по несправедливости китайскаго суда. Правитель китайскій, жившій на Шингалѣ, провѣдалъ куда ушелъ Гантемиръ, и въ 1670 году прислалъ грамоту Нерчинскому воеводѣ Аршинскому: „Вы бы послали къ намъ пословъ своихъ, чтобы намъ переговорить съ очей на очи, и съ котораго мужика брать ясакъ по соболю или по два, за это намъ съ великимъ государемъ ссориться не для чего. Но вы подумайте: кто платитъ великому государю ясакъ и сбѣжитъ, то развѣ вы не ищете его по десяти, по двадцати и по сту лѣтъ?“ Аршинскій отправилъ четырехъ казаковъ прямо въ Пекинъ къ богдыхану съ предложеніемъ беспрепятственной торговли между обоими государствами и союза. Казаки возвратились въ Нерчинскъ, очень довольные пріемомъ, и привезли грамоту богдыханову къ царю: „Были мои промышленные люди на Шилкѣ рѣкѣ и, возвратясь, сказали мнѣ: по Шилкѣ въ Албазинѣ живутъ Русскіе люди и воюютъ нашихъ украинныхъ людей. Я, богдыханъ, хотѣлъ послать на Русскихъ людей войною; и мнѣ сказали, что тамъ живутъ твои, великаго государя, люди, и я воевать не велѣлъ, а послалъ провѣдать, впрямь ли въ Нерчинскомъ острогѣ живутъ твои, великаго государя, люди. Воевода Нерчинскій, по твоему указу, присылалъ ко мнѣ пословъ и письмо, и я теперь узналъ, что впрямь въ Нерчинскомъ острогѣ воевода и служилые люди живутъ по твоему, великаго государя, указу. И впредь бы нашихъ украинныхъ земель не воевали и худа никакого не дѣлали, а что на этомъ словѣ положено, станемъ жить въ миру и въ радости“. Эта грамота дала поводъ къ новому посольству изъ Москвы въ Пекинъ.

Въ началѣ 1675 года отправился въ Китай посломъ переводчикъ Посольскаго Приказа, Грекъ Николай Гавриловичъ Спафари, который выбралъ другую дорогу, чѣмъ Байковъ, ѣхалъ на Енисейскъ и Нерчинскъ, и только 15 мая 1676 года добрался до царствующаго града Пежина (Пекина). И Спафари было объявлено, что богдыханъ Канхи (второй изъ Манжурской династіи) царской грамоты у него не приметъ. „Какіе гордые обычаи, противъ права всѣхъ народовъ“! говорилъ Спафари Китайцамъ: „это чудо; всѣ удивляются, отчего у васъ такъ началось, что пословъ передъ хана берутъ, а грамоты государской не берутъ“! Ему объяснили начало обычая: „Въ старыхъ годахъ изъ нѣкотораго государства былъ у насъ посолъ, даровъ съ собою привезъ очень много и словесно объявилъ всякую дружбу и любовь. Нашъ богдыханъ, обрадовавшись, тотчасъ велѣлъ посла и съ грамотою взять передъ себя; но какъ начали читать грамоту, оказалось въ ней большое безчестье богдыхану, да и самъ посолъ началъ говорить непристойныя рѣчи. Съ тѣхъ поръ постановлено: брать прежде грамоту у посла и прочитывать, и, смотря по грамотѣ, богдыханъ принимаетъ посла или не принимаетъ. Этого обычая и самъ ханъ переставить не можетъ; только изъ дружбы къ царскому величеству велѣлъ онъ, не по обычаю, взять у тебя грамоту двумъ ближнимъ людямъ, а чтобы тебя самого принять съ грамотою,—объ этомъ и не думай!“ Спафари отвѣчалъ, что не отдастъ грамоты въ Приказѣ.

Послѣ этого разговора пріѣхали къ Спафари два мандарина и привезли съ собою старца католика, іезуитскаго чину, именемъ Фердинанда Вербіестъ, родомъ изъ испанскихъ Нидерландовъ. Іезуитъ былъ переводчикомъ, потому что Спафари умѣлъ говорить полатыни. Послѣ новыхъ долгихъ споровъ о пріемѣ грамоты, Спафари продиктовалъ іезуиту полатыни списокъ царской грамоты, чтобы Китайцы знали, что въ ней нѣтъ ничего безчестнаго для ихъ богдыхана. Іезуитъ между прочимъ говорилъ посланнику: „Радъ я царскому величеству для христіанской вѣры служить и о всякихъ дѣлахъ радѣть; только жаль мнѣ, что отъ такого славнаго государя пришло посольство, а Китайцы варвары и никакому послу чести не даютъ; подарки, которые присылаются къ нимъ отъ другихъ государей, называютъ и пишутъ данью, и въ грамотахъ своихъ отвѣчаютъ, будто господинъ къ слугѣ; говорятъ, что всѣ люди на свѣтѣ видятъ однимъ глазомъ, и только они, Китайцы, двумя“. Іезуитъ заклиналъ Спафари предъ образомъ, чтобы этихъ рѣчей никому не говорилъ и не писалъ, пока не выѣдетъ изъ Китая, потому что иностранцы многія нужды здѣсь терпятъ для Христа, и теперь въ подозрѣніи; обѣщалъ прислать посланнику латинскую книгу, гдѣ описаны обычаи китайскіе и пріемъ пословъ.

Списокъ съ грамоты не помогъ: мандарины объявили, что повѣрятъ только подлинной грамотѣ и печати, когда ихъ увидятъ въ своихъ рукахъ: „Какъ на головѣ волосы выросли и стала сѣдина, то ихъ перемѣнить нельзя, такъ и обычая нашего перемѣнить нельзя; примутъ грамоту два ближнихъ человѣка, которые у богдыхана какъ два плеча въ тѣлѣ, а богдыханъ голова“. Пограничный воевода, сносившійся съ Нерчинскомъ, говорилъ Спафари: „Въ прошлыхъ годахъ, какъ былъ здѣсь Байковъ, въ то время ходили казаки по Амуру и нашихъ людей разорили; мы говорили Байкову: ты ходишь съ посольствомъ, а казаки воюютъ! Байковъ намъ отвѣчалъ, что казаки воры и воюютъ безъ царскаго указа, и этихъ воровъ войско богдыханово всѣхъ побило. Послѣ того подданный богдыхана, Тунгусъ Гантемиръ, съ своими людьми убѣжалъ въ Нерчинскъ. Тогда богдыханъ приказалъ мнѣ, чтобы я взялъ 6,000 войска и 10 пушекъ, и шелъ бы въ походъ на воровъ и на Гантемира. Я пошелъ съ войскомъ, но напередъ отпустилъ къ Гантемиру даурскаго мужика провѣдать, къ какимъ людямъ тотъ ушелъ. Но Гантемиръ схватилъ мужика и отвелъ къ Нерчинскому воеводѣ. Тотъ, вмѣстѣ съ Гантемиромъ, сказали мужику, что они не воры, а люди великаго государя, Бѣлаго царя, и по указу его сдѣлали двѣ крѣпости въ Нерчинскѣ и Албазинѣ; что великій государь желаетъ жить въ дружбѣ и любви съ богдыхановымъ величествомъ, и чтобъ торгъ между обоими государствами производился. Этотъ даурскій мужикъ встрѣтилъ меня, когда я былъ съ войскомъ за два дни пути отъ Нерчинска. Услыхавъ, что въ Нерчинскѣ не воры, а Бѣлаго царя люди и отпустили моего человѣка назадъ съ дружбою, я доложилъ богдыхану, что лучше съ такими людьми поступать дружески, нежели войною; богдыханъ велѣлъ мнѣ послать въ Нерчинскъ и взять оттуда служилыхъ людей, потому что хотѣлъ писать грамоту къ царскому величеству для подлиннаго провѣдыванія. Кромѣ того, всѣ, кто былъ здѣсь изъ Россіи съ торгомъ послѣ Байкова, Сеитъ-кулъ, Тарутинъ и другіе, говорили, что съ ними есть государевы грамоты, а послѣ, какъ пустили ихъ въ Китай, и съ ними никакихъ грамотъ не оказалось. Они насъ обманули, а потому и тебѣ теперь не вѣримъ, не видя подлинной государевой грамоты". Воевода утверждалъ, что богдыхану и не докладывали о нарушеніи стараго обычая, чтобы онъ принялъ изъ рукъ посланника грамоту: такъ обычай этотъ святъ, а іезуитъ увѣрялъ, что воевода лжетъ, богдыхану уже трижды докладывали, и онъ велѣлъ пріискивать въ старыхъ книгахъ, не было ли подобнаго примѣра. Богдыханъ не прочь отъ того, чтобы принять грамоту; но ближніе люди упорно отстаиваютъ старый обычай, боясь, что окрестные государи станутъ говорить, что сдѣлали это изъ страха предъ Русскимъ государемъ. Сверхъ того, и списку грамоты не вѣрятъ, потому что они въ грамотѣ своей къ царю писали съ повелѣніемъ, какъ господинъ къ меньшому, и боятся, чтобы не было за то угрозъ въ царской грамотѣ. Чтобъ не подать подозрѣнія, іезуитъ говорилъ это, смотря на чертежъ, какъ будто бы читалъ въ слухъ.

Во все это время стояли страшныя жары; половина служилыхъ людей, пріѣхавшихъ съ посланникомъ, были больны отъ жаровъ и отъ дурной воды; ворота посольскаго дома были заперты и никого за нихъ не пускали; съѣстное караульщики продавали тройною цѣною.

Наконецъ приступили къ сдѣлкамъ и согласились, что посланникъ привезетъ грамоты не въ Приказъ, а во дворецъ, гдѣ засѣдаютъ въ думѣ ближніе люди, положитъ грамоты на богдыханское мѣсто, и двое ближнихъ людей понесутъ ихъ немедленно къ богдыхану. Послѣ этой церемоніи посланникъ былъ на поклонѣ у богдыхана. Спафари кланялся скоро и не до земли; мандарины говорили ему, чтобы кланялся до земли и нескоро, какъ они кланялись: „Вы холопи богдыхановы", отвѣчалъ посланникъ, „и умѣете кланяться; а мы богдыхану не холопи, кланяемся какъ знаемъ" Послѣ тройныхъ поклоновъ, мандарины сказали Спафари, чтобы шелъ скоро къ богдыхану, ибо у нихъ такой обычай: когда ханъ зоветъ, то они идутъ бѣгомъ. „Мнѣ бѣжать не за обычай", отвѣчалъ посланникъ, и шелъ потихоньку. Пришедши передъ богдыхана, Спафари поклонился одинъ разъ въ землю и сѣлъ на подушку; отъ богдыханскаго мѣста до мѣста, гдѣ сидѣлъ посланникъ, было саженъ съ 8. Ханское мѣсто вышиною отъ земли съ сажень, осьмиугольное, деревянное, позолоченное, входъ на него тремя позолоченными же лѣстницами. Богдыханъ человѣкъ молодой, лицомъ шедроватъ; говорили, что ему 23 года. Въ палатѣ, по обѣимъ сторонамъ, на землѣ, на бѣлыхъ войлокахъ, сидѣли братья и племянники богдыхана. Когда посланникъ пришелъ, начали разносить чай роднымъ богдыхана и всѣмъ ближнимъ людямъ, разносили въ большихъ желтыхъ деревянныхъ чашкахъ; чай былъ татарскій, а не китайскій, вареный съ масломъ и молокомъ; музыка играла умильно и человѣкъ что-то громко кричалъ. Послѣ чаю музыка и крики прекратились, всѣ встали; богдыханъ сошелъ съ своего мѣста и отправился въ заднія палаты.

Спафари былъ очень оскорбленъ тѣмъ, что Сынъ Неба не обратилъ на него никакого вниманія; вельможи утѣшали посланника тѣмъ, что современемъ онъ въ другой разъ увидитъ богдыхана, который тогда вступитъ съ нимъ въ разговоръ. Дѣйствительно, спустя долгое время, русское посольство снова было позвано во дворецъ. Поклонившись десять разъ, посланникъ и свита его усѣлись на подушкахъ противъ богдыхана. Явились два іезуита и стали на колѣни; богдыханъ говорилъ имъ потихоньку; когда кончилъ, іезуиты подошли къ посланнику, велѣли ему стать на колѣни и сказали: „Великій самодержецъ, всего Китайскаго государства ханъ, спрашиваетъ: великій государь, всея Россіи самодержецъ, Бѣлый царь, въ добромъ ли здоровьи?" Спафари отвѣчалъ: „Какъ мы поѣхали отъ великаго государя, то оставили его въ добромъ здравіи и счастливомъ государствованіи; и желаетъ великій государь богдыханову величеству такъ же долголѣтняго здравія и благополучнаго государствованія, какъ наилюбезнѣйшему сосѣду и другу" Опять іезуиты-толмачи отправились къ престолу и возвратились съ новыми вопросами: „Богдыханово величество предлагаетъ три вопроса: царское величество сколькихъ лѣтъ, какого возраста и сколь давно началъ царствовать?"—„Великій государь", отвѣчалъ Спафари, „лѣтъ пятидесяти, возраста совершеннаго, и преукрашенъ всякими добродѣяніями; какъ царствовать началъ—тому больше тридцати лѣтъ". Слѣдовали вопросы о самомъ посланникѣ: „Сколько тебѣ лѣтъ? Слышалъ богдыханъ, что ты человѣкъ ученый, и велѣлъ спросить, учился ли ты философіи, математикѣ и треугольномѣрію?" Богдыханъ спрашивалъ объ этомъ потому, что самъ учился у іезуитовъ треугольномѣрію и звѣздословію. Послѣ этихъ разспросовъ принесли столы съ сластями: яблоки персидскіе и комфеты разныя, арбузы, дыни; потомъ принесли вино виноградное, самое доброе, въ родѣ добраго ренскаго, дѣлаютъ его іезуиты для богдыхана каждый годъ; виномъ угощали только посланника и его свиту, а вельможи китайскіе пили чай.

Все лѣто прожилъ Спафари въ Пекинѣ. Посланникъ и его свита привезли много товаровъ, казенныхъ и своихъ для продажи и мѣны на товары китайскіе; но торговля шла плохо: камки, атласы и бархаты продавались въ одной лавкѣ, въ другихъ лавкахъ русскимъ ничего не продавали, потому что вельможи, толмачи и купцы сговорились, по какой цѣнѣ покупать русскіе товары и по какой продавать свои. Въ концѣ лѣта начали толковать объ отпускѣ; Спафари требовалъ, чтобы ему дали на латинскомъ языкѣ списокъ съ богдыхановой грамоты къ государю, дабы знать, нѣтъ ли въ ней какого жестокаго слова, и объявилъ, что безъ грамоты не поѣдетъ. На это ему объявили слѣдующіе китайскіе обычаи: 1) всякій посолъ, приходящій къ намъ въ Китай, долженъ говорить такія рѣчи, что пришелъ онъ отъ нижняго и смиреннаго мѣста и восходитъ къ высокому престолу; 2) подарки, привезенные къ богдыхану отъ какого бы то ни было государя, называемъ мы въ докладѣ данью; 3) подарки, посылаемые Богдыханомъ другимъ государямъ, называются жалованьемъ за службу; тѣ же самыя выраженія употребляетъ Богдыханъ и въ грамотахъ своихъ къ другимъ государямъ. „Ты не дивись, что у насъ обычай такой", говорили вельможи посланнику: „какъ одинъ Богъ на небѣ, такъ одинъ богъ нашъ земной, богдыханъ, стоитъ онъ среди земли, въ срединѣ между всѣми государями; эта честь никогда у насъ не была и никогда не будетъ измѣнена. Доложи царскому величеству словесно три дѣла: 1) чтобы выдалъ Гантемира; 2) если впередъ пришлетъ сюда посланника, то чтобы наказалъ ему ни въ чемъ не сопротивляться, что ему ни прикажемъ; 3) чтобы запретилъ своимъ людямъ, живущимъ на рубежахъ нашихъ, обижать нашихъ людей. Если царское величество эти три статьи исполнитъ, то и богдыханъ исполнитъ его желанія, въ противномъ случаѣ, чтобы никто отъ васъ изъ Россіи и изъ порубежныхъ мѣстъ къ намъ въ Китай съ торгомъ и ни съ какими дѣлами не приходилъ."

Съ этимъ Спафари и былъ отправленъ, безъ грамоты богдыхановой, ибо не согласился видѣть въ ней оскорбительныя для чести царской выраженія, предложенныя Китайцами. Посланникъ вывезъ о послѣднихъ самыя невыгодныя понятія: „Въ торгу такихъ лукавыхъ людей на всемъ свѣтѣ нѣтъ, и нигдѣ не найдешь такихъ воровъ: если не поберечься, то и пуговицы у платья обрѣжутъ; мошенниковъ пропасть!" Іезуиты, недовольные богдыханомъ Канхи, жаловались на его непостоянство, неспособность къ правленію, въ печальномъ видѣ представляли положеніе Китая, обуреваемаго мятежами. Вообще іезуиты были очень откровенны и ласковы съ русскимъ посланникомъ; между прочимъ, они просили у него въ свою церковь иконы для вѣчнаго воспоминанія: „А мы", говорили іезуиты, „станемъ молить Бога за царское величество, потому что приходящіе въ Китай Русскіе люди всегда ходятъ къ намъ въ костелъ; но, не видя русской иконы, не вѣрятъ намъ, думаютъ, что мы идолопоклонники, а не католики." Спафари далъ имъ икону Михаила Архангела въ серебряномъ вызолоченномъ окладѣ и два подсвѣчника предъ икону.

Посольство Спафари въ Китай было однимъ изъ послѣднихъ дѣлъ знаменитаго тридцатилѣтняго царствованія Алексѣя Михайловича. Изданіе Уложенія, присоединеніе Малороссіи, подвиги Русскихъ людей въ Сѣверной Азіи, расширеніе дипломатическихъ сношеній отъ Западнаго океана до Восточнаго, отъ Мадрида до Пекина, Никоново дѣло, расколъ, Разинское и Соловецкое возмущенія: вотъ крупныя явленія, которыя должны оправдать употребленное нами выраженіе знаменитое царствованіе Но знаменитость была дорого куплена; Алексѣй Михайловичъ получилъ отъ отца тяжелое наслѣдство. Царствованіе Михаила Ѳеодоровича съ перваго взгляда является временемъ успокоенія Московскаго государства отъ смутъ внутреннихъ и войнъ внѣшнихъ; казаки не вооружались болѣе противъ государства, съ Польшею и Швеціею заключенъ былъ вѣчный миръ. Но тишина была передъ бурею. Привычки, пріобрѣтенныя низшими частями городоваго народонаселенія въ Смутное время, далеко не искоренились въ царствованіе Михаила. Казаки принуждены были оставить предѣлы государства; царики, ими выставляемые, самозванцы отыграли свою роль; но казачество нисколько не было ослаблено у себя въ степяхъ, продолжало пользоваться сочувствіемъ украинскаго народонаселенія, сохранять связь съ нимъ; стоило только запереться выходу въ море изъ Дона и явиться предпріимчивому вождю, какъ оно опрокидывалось на государство, увлекая за собою массы низшаго народонаселенія. Варварскіе народцы въ областяхъ прежнихъ царствъ—Казанскаго, Астраханскаго и Сибирскаго—также ждали перваго случая, чтобъ возстать противъ Русскаго царства и не переставали поддерживать связи съ Крымомъ и Турціею, все ожидая, что господство мусульманства возстановится въ берегахъ Волги. Даже бѣдные жители тундръ сѣверной Сибири не теряли надежды возстановить свою независимость подъ знаменами туземныхъ вождей. Вѣчные миры съ Польшею и Швеціею были тяжки; нельзя было забыть о Смоленскѣ; честь новой династіи требовала возвращенія Русскихъ областей, уступленныхъ начальникомъ династіи. Но, разумѣется, преемникъ Михаила могъ отдалить войну на неопредѣленное время, собраться съ силами. Обстоятельства не дали возможности откладывать; еще царю Михаилу предложено было взять Малороссію подъ свою высокую руку для избавленія ея отъ Латинскаго гоненія; казацкія движенія не прекращались и происходили подъ знаменемъ вѣры и русской народности. Сыну Михаила повторено было предложеніе принять Малороссію, но съ угрозою, въ случаѣ несогласія, поддаться Туркамъ. Война съ Польшею оказалась неизбѣжною.

Какія же средства имѣлъ царь Алексѣй для этой Западной войны, которая уже три раза оканчивалась несчастно? Мы видѣли, что во второй половинѣ XVI вѣка силы Московскаго государства, побѣдоноснаго на Востокѣ, покорившаго тамъ себѣ цѣлыя царства, оказались несостоятельными при столкновеніи съ Западомъ. Воплемъ отчаянія, что у государства нѣтъ средствъ содержать войско, необходимое для отпора страшнымъ врагамъ, воплемъ отчаянія оканчивается царствованіе Іоанна IV и такимъ же воплемъ начинается царствованіе преемника его. Этотъ вопль имѣлъ слѣдствіемъ закрѣпленіе крестьянъ за служилыми людьми,—распоряженіе, которое всего лучше показывало, что Московское государство XVI и XVII вѣка, въ экономическомъ отношеніи, находилось въ такомъ же состояніи, въ какомъ западно-европейскія государства находились въ началѣ Среднихъ вѣковъ, или въ какомъ находились Американскія колоніи, принужденныя, по недостатку рабочихъ рукъ, покупать черныхъ невольниковъ. Но чѣмъ яснѣе сознавалось печальное экономическое состояніе Московскаго государства, чѣмъ печальнѣе были мѣры, которыя правительство должно было принимать, чтобы какъ-нибудь извернуться для удовлетворенія первой потребности государства, потребности внѣшней защиты,—тѣмъ сильнѣе должно было становиться стремленіе правительства къ сближенію съ богатыми и сильными государствами западно-европейскими, къ перенятію отъ нихъ того, что дѣлало ихъ богатыми и сильными; поэтому неудивительно, что тотъ же Годуновъ, который закрѣпилъ крестьянъ, извѣстенъ своею любовію къ иностранцамъ и обычаямъ ихъ. Послѣ Смутнаго времени новая династія, находясь въ тѣхъ же самыхъ условіяхъ, необходимо усвоиваетъ себѣ преданія, оставленныя прежними государями. При царѣ Михаилѣ Москва наполняется иностранцами, которымъ даются привилегіи для учрежденія разныхъ промышленныхъ предпріятій; иноземные люди толпами набираются въ русскую службу; подлѣ старинной дворянской конницы и стрѣлецкой пѣхоты учреждается новое войско по иностранному образцу съ иностранными названіями — рейтары, драгуны, солдаты. Но для найма иностранцевъ, для содержанія новаго войска нужны деньги, а денегъ нѣтъ; торговые люди бѣдны, имъ не стянуть съ иноземцами, которые забираютъ русскую торговлю въ свои руки; платящія сословія обременены податями, вслѣдствіе чего избываніе отъ податей совершается въ обширныхъ размѣрахъ, цѣлыя мѣстности пустѣютъ, подати всею своею тяжестію падаютъ на оставшихся, а тутъ еще надобно кормить воеводъ и приказныхъ людей. Въ такомъ состояніи принялъ царство Алексѣй Михайловичъ!

Неудовольствіе платящихъ сословій, высказывавшееся при царѣ Михаилѣ сильно, но законно, при молодомъ Алексѣѣ высказалось Московскимъ бунтомъ 1648 года, когда получилась возможность обвинить въ народныхъ бѣдствіяхъ не царя, но боярина-правителя. Соборное уложеніе, прекращеніе закладничества, какъ средства избывать податей, уничтоженіе привилегій купцовъ иностранныхъ служили для утишенія неудовольствія; бунтъ, замышляемый закладчиками, лишавшимися своего выгоднаго положенія, неудался; Сольвычегодскъ и Устюгъ опоздали съ своими бунтами; еще болѣе опоздали Новгородъ и Псковъ; но все же это было тяжелое время для правительства и народа; а между тѣмъ въ то самое время, когда Москва пылала бунтомъ и пожаромъ, на югѣ Хмельницкій торжествовалъ надъ польскими гетманами и поднималъ Украйну. Хмельницкій присылалъ въ Москву съ просьбою принять его въ подданство, когда царь не зналъ, какъ утушить мятежи Новгорода и Пскова. Мятежи утихли отъ уединенія, какъ утихаетъ пожаръ, когда около горящаго зданія нѣтъ другихъ, которыя бы могли заняться; но чрезъ два года надобно было начать войну съ Польшею. Бѣдное государство истощило свои средства, чтобы приготовиться къ войнѣ, и сначала успѣхъ оправдалъ пожертвованія; но скоро за тѣмъ язва, Шведская война, малороссійскія волненія, на востокѣ поднимаются варварскіе народцы. Казна истощена вконецъ, ратные люди бѣгутъ отъ голоду и холоду; попробовали прибѣгуть къ кредиту, но мѣдныя деньги упали въ цѣнѣ, и московская чернь опять подняла бунтъ. Андрусовское перемиріе прекратило бѣдствія тринадцатилѣтней войны; но надолго ли успокоилось государство? Въ 1667 году заключено Андрусовское перемиріе и въ 1667 же году поднимается Разинъ, а въ 1668 поднимается Брюховецкій; въ малороссійскихъ городахъ казаки рѣжутъ московскихъ воеводъ и ратныхъ людей, а на сѣверѣ вспыхиваетъ Соловецкое возмущеніе. Въ 1671 году задавленъ былъ Разинскій бунтъ, а въ 1672 Турки взяли Каменецъ и держали Москву въ постоянной тревогѣ до конца царствованія. Послѣ этого мы не будемъ удивляться медленности, нерѣшительности правительственныхъ распоряженій относительно движенія войскъ, малочисленности послѣднихъ, ихъ дурнаго состоянія, вслѣдствіе котораго большая цифра была только на бумагѣ, а не на дѣлѣ; надобно удивляться, какъ бѣдное государство могло выдержать такой рядъ ударовъ, рядъ войнъ!

Дѣйствительно, иностранцы удивлялись, какъ могло Московское государство такъ скоро оправляться послѣ пораженій, подобныхъ Конотопскому, Чудновскому. Дѣло объяснялось сосредоточенностію власти, единствомъ, правильностію, непрерывностію въ распоряженіяхъ. Медлили, уклонялись отъ исполненія, не умѣли что-нибудь исполнить; но жалоба на эту медленность, уклоненіе и неумѣнье шла въ Москву, и отсюда повторялся указъ великаго государя однолично сдѣлать неизмотчавъ; отвѣчали, что не-гдѣ взять чего-нибудь: шелъ указъ—искать тамъ и тамъ; опять медлили—шелъ указъ съ угрозою опалы и жестокаго наказанья, и дѣло наконецъ дѣлалось. Начали строить корабль, ничего не приготовивши; мы видѣли, какъ строили; но выстроили же!

При этомъ однако не должно забыть и счастливой случайности. Мы видѣли, что въ царствованіе Алексѣя Михайловича Московское государство было поражаемо рядомъ ударовъ, однимъ за другимъ слѣдовавшихъ. Но это-то и важно, что удары слѣдовали одинъ за другимъ: бунты Новгородскій и Псковскій произошли черезъ годъ послѣ Московскаго, когда въ столицѣ все уже было тихо и совершены были важныя перемѣны, успокоившія народонаселеніе центральныхъ областей; слѣдовательно правительство имѣло возможность сосредоточить свое вниманіе на сѣверо-западѣ. Разинъ поднялся, когда была окончена война съ Польшею; онъ поднялся въ 1669 году; въ слѣдующемъ году поднялся Брюховецкій; но Разинъ въ это время ушелъ на Каспійское море, далъ Москвѣ досугъ устроить малороссійскія дѣла, и поднялъ второй бунтъ, когда уже въ Малороссіи было все спокойно, когда, слѣдовательно, большая часть военныхъ силъ могла быть двинута на востокъ. Турки начали грозить, когда уже все было кончено съ восточнымъ казачествомъ.

Но какія бы ни были благопріятныя обстоятельства, давшія Московскому государству возможность устоять при тяжкихъ испытаніяхъ, посланныхъ ему во второй половинѣ XVII вѣка, — эти испытанія, слѣдовавшія такъ быстро одно за другимъ, могли разрушительно дѣйствовать и на природу болѣе твердую, чѣмъ какая была у царя Алексѣя Михайловича. Къ бѣдствіямъ государственнымъ для Алексѣя Михайловича присоединялись еще огорченія семейныя. Отъ перваго брака на Марьѣ Ильиничнѣ Милославской, царь имѣлъ шесть дочерей и пять сыновей; но всѣ сыновья отличались болѣзненностію; двое царевичей—Димитрій и Алексѣй—умерли при жизни отца и матери; въ мартѣ 1669 года умерла царица Марья Ильинична; за нею въ томъ же году послѣдовалъ третій царевичъ Симеонъ. 22-го января 1671 года Алексѣй Михайловичъ женился въ другой разъ на Натальѣ Кирилловнѣ Нарышкиной, воспитанницѣ думнаго дворянина Артемона Сергѣевича Матвѣева. Въ продолженіе нашего разсказа мы часто встрѣчались съ Матвѣевымъ, однимъ изъ самыхъ приближенныхъ людей къ царю. Недостаточность источниковъ неоффиціальныхъ, именно записокъ (мемуаровъ), не даетъ намъ возможности объяснить, какимъ образомъ дьячій сынъ—Матвѣевъ—могъ приблизиться къ царю и сдѣлаться его другомъ. Если можно догадываться, то, по всѣмъ вѣроятностямъ, это сближеніе произошло посредствомъ Морозова. Матвѣевъ, подобно Ордину-Нащокину, Ртищеву и другимъ виднымъ лицамъ царствованія Алексѣя Михайловича, отличался любовію къ новизнамъ иностраннымъ: домъ его былъ убранъ по европейски, картинами, часами; жена его не жила затворницею, сынъ получилъ европейское образованіе; изъ дворовыхъ людей своихъ Матвѣевъ составилъ труппу актеровъ, которые тѣшили великаго государя театральными представленіями. Но, смотря, подобно Нащокину, на Западъ, Матвѣевъ однако рѣзко отличался поведеніемъ своимъ отъ Аѳанасья Лаврентьевича. Послѣдній, какъ мы видѣли, шелъ быстро, не остерегаясь задѣвать по дорогѣ своей кого бы то ни было, перессорился съ знатью и преждевременно принужденъ былъ оставить служебное поприще. Матвѣевъ находился въ близкихъ отношеніяхъ къ царю, но не выставлялся, долго, очень долго носилъ незавидное званіе полковника и головы московскихъ стрѣльцовъ, вообще не ссорился съ знатью, и если впослѣдствіи, какъ увидимъ, низверженъ былъ въ царствованіе преемника Алексѣева, то низверженъ былъ не вельможными людьми, которые, по крайней мѣрѣ самая значительная часть, являются приверженцами царицы Наталіи Кирилловны, слѣдовательно и Матвѣева. Уже къ концу царствованія Алексѣя Матвѣевъ сдѣлался начальникомъ двухъ важнѣйшихъ Приказовъ—Малороссійскаго и Посольскаго—въ скромномъ званіи думнаго дворянина. Только въ 1672 г., по случаю рожденія царевича Петра, Матвѣевъ былъ пожалованъ въ окольничіе, вмѣстѣ съ отцомъ царицы, Кирилломъ Полуектовичемъ Нарышкинымъ; въ октябрѣ 1674 г., по случаю крестинъ царевны Ѳеодоры, Матвѣевъ пожалованъ въ бояре.

1-го сентября 1674 года (въ тогдашній Новый годъ) государь объявилъ старшаго сына своего, тринадцатилѣтняго царевича Ѳеодора: на Красной площади, на дѣйствѣ, оказывали государя царевича всему Московскому государству и иноземцамъ. Послѣ дѣйства, царевичъ поздравлялъ отца и патріарха съ Новымъ годомъ и говорилъ рѣчь; послѣ Ѳеодора говорилъ рѣчь царю, царевичу и патріарху бояринъ князь Юрій Алексѣевичъ Долгорукій. Въ тотъ же день смотрѣли на царевича въ Архангельскомъ соборѣ иноземцы: сыновья гетмана Самойловича и посланникъ Литовскій. Государь посылалъ къ нимъ боярина Хитрово объявить царевича и сказать: „Вы видѣли сами государя царевича пресвѣтлыя очи и какого онъ возраста, такъ пишите объ этомъ въ свои государства нарочно“. Въ 1676 году, съ 29 на 30 число января, съ субботы на воскресенье, въ 4 часу ночи, скончался царь Алексѣй Михайловичъ, на 47 году отъ рожденія, благословивъ на царство старшаго сына Ѳеодора. Кромѣ Ѳеодора, отъ перваго брака оставался царевичъ Іоаннъ, отъ втораго—Петръ, и дочери—отъ перваго брака Евдокія, Марѳа, Софья, Екатерина и Марья, отъ втораго—Наталья и Ѳеодора. Да еще были живы сестры царя Алексѣя: Ирина, Анна и Татьяна Михайловны.

Въ самомъ началѣ разсказа о дѣятельности царя Алексѣя мы замѣтили сходство его природы съ природою отцовскою, замѣтили и различіе. Въ продолженіе тридцатилѣтней царственной дѣятельности это сходство и это различіе выяснилось. Безспорно Алексѣй Михайловичъ представлялъ самое привлекательное явленіе, когда-либо видѣнное на престолѣ царей Московскихъ. Иностранцы, знавшіе Алексѣя, не могли высвободиться изъ-подъ очарованія его мягкой, человѣчной, благодушной природы. Эти черты характера выставлялись еще рѣзче, привлекали тѣмъ большее вниманіе и сочувствіе при тогдашней темной обстановкѣ: „Изумительно“, говорили иностранцы, „что при неограниченной власти надъ народомъ, привыкшимъ къ совершенному рабству, онъ не посягнулъ ни на чье имущество, ни на чью жизнь, ни на чью честь“. Простое, патріархальное обхожденіе Русскаго самодержавца съ подданными тѣмъ болѣе должно было поражать иностранцевъ, что въ Западной Европѣ оно уже исчезало: тамъ былъ вѣкъ Людовика XIV! Особенную мягкость, особенную привлекательность природѣ Алексѣя, поступкамъ его, сообщала глубокая религіозность, которая проникала все его существо. Но, напоминая отца мягкостію природы, Алексѣй, съ другой стороны, напоминалъ знаменитаго сына своего живостію, воспріимчивостію, страстностію, былъ очень вспыльчивъ, и когда человѣкъ, возбудившій гнѣвъ его, былъ къ нему близокъ, то, по тогдашнему обычаю, Алексѣй расправлялся съ нимъ собственноручно, смирялъ, и это, какъ мы видѣли, не считалось посягновеніемъ на честь; цесарскій посолъ Мейербергъ, который такъ восхищается характеромъ царя Алексѣя Михайловича, описываетъ слѣдующіе случаи. Когда узнали въ Москвѣ о пораженіи Хованскаго и Нащокина въ 1661 году, царь созвалъ Думу и спрашивалъ, что дѣлать; какими средствами отбиться отъ страшнаго врага? Начинаетъ говорить тесть царскій, бояринъ Иванъ Даниловичъ Милославскій: „Если государь пожалуетъ, дастъ мнѣ начальство надъ войскомъ, то я скоро приведу Польскаго короля плѣнникомъ“. Ничто такъ не раздражало царя Алексѣя, какъ хвастовство и самонадѣянность; онъ вышелъ изъ себя: „Какъ ты смѣешь, страдникъ, худой человѣчишка, хвастаться своимъ искусствомъ въ дѣлѣ ратномъ? Когда ты ходилъ съ полками; какія побѣды показалъ надъ непріятелемъ? Или ты смѣешься надо мною?“ Словами дѣло не кончилось: гнѣвный царь далъ пощечину старому тестю, надралъ ему бороду, выгналъ его пинками изъ комнаты и захлопнулъ двери. Другой случай: великій государь отворилъ себѣ кровь и, почувствовавъ облегченіе, предложилъ сдѣлать то же и придворнымъ. Всѣ, волею-неволею, согласились, кромѣ родственника царскаго по матери, Родіона Стрѣшнева, который отказался подъ предлогомъ старости. Алексѣй Михайловичъ вспылилъ: „Развѣ твоя кровь дороже моей? что ты считаешь себя лучше всѣхъ“? И тутъ дѣло не кончилось словами; но когда гнѣвъ прошелъ, къ Стрѣшневу пошли изъ дворца богатые подарки, чтобы позабылъ побои. Когда провинялся кто-нибудь изъ знатныхъ воеводъ, Алексѣй Михайловичъ такъ же выходилъ изъ себя и писалъ къ провинившемуся длинное гнѣвное посланіе; но тонъ этихъ посланій постоянно умѣряется тѣмъ, что царь старается выставить на видъ виновному его грѣхъ предъ Богомъ, его отвѣтственность предъ Царемъ царей: гнѣвный, грозящій царь исчезаетъ, виденъ человѣкъ, взволнованный проступкомъ, его слѣдствіями, и старающійся представить всю важность ихъ преступнику; въ гнѣвныхъ выраженіяхъ слышится сочувствіе человѣка къ человѣку. Такъ, въ 1668 году, онъ посылаетъ стряпчаго Головкина спросить боярина князя Григорія Семеновича Куракина: „Зачѣмъ онъ по указу великаго государя не пошелъ подъ Нѣжинъ и подъ Черниговъ? какъ онъ не умилосердился надъ людьми Божіими и государевыми, которые при концѣ живота сидятъ? какъ ему за нихъ на Страшномъ судѣ отвѣтъ дать? Какъ онъ, бояринъ, забылъ Спасителя нашего Іисуса Христа, чудодѣйственную Его силу, даровавшую побѣду ради слезъ его и усердія? почто вознесся? чтожъ возношеніе его?—послушалъ плутовъ и разговорщиковъ малоумныхъ, которые о себѣ впредь добра не мыслятъ; почто подъ Глуховымъ сталъ? не токмо стоять, и заходить непристойно, развѣ письмо, что писать въ городъ о сдачѣ. А итить было прямо къ Нѣжину и Черниговъ очищать да воевать; а что писалъ онъ, что, не промысля надъ Глуховымъ, итить нельзя, и то промышленье высокое и Богу гнѣвное и мерзкое: се уже свое надѣяніе, а не Божіе учало быть, и надѣяться на силу свою и на счастье; а тѣ Нѣжинцы и Черниговцы воздыхаютъ на него: государь пожаловалъ ихъ выручилъ, а пропадутъ они отъ него, боярина. Богъ на немъ взыщетъ ихъ. Лучше слезами и усердствомъ и низостью предъ Богомъ промыслъ чинить; попрежнему какъ началъ, такъ бы и совершилъ, а не силою и славою. Въ великое подивленье великому государю, что, получа такую славу отъ Господа Бога своими слезами, онъ, бояринъ и воевода, да теряетъ самъ у себя. Лучше то, что возьметъ городъ Глуховъ и многая кровь прольется, а страдальцы въ Нѣжинѣ и Черниговѣ безгодною и томною смертью напрасно погибнутъ, а притчею не промыслитъ, что будетъ? то будетъ: первое Бога прогнѣваетъ,—надѣялся на славную силу, хотѣлъ взять городъ—и кровь напрасно многую прольетъ; второе—людей потеряетъ и страхъ на людей наведетъ и торопость; третье—отъ великаго государя гнѣвъ приметъ; четвертое—отъ людей стыдъ и соромъ, что даромъ людей потерялъ; пятое—славу и честь, на свѣтѣ Богомъ дарованную, непристойнымъ дѣломъ и стояніемъ подъ Глуховымъ неблагополучно отгонитъ отъ себя, и, вмѣсто славы, укоризны всякія и неудобные переговоры воспріиметъ. И то все писано къ нему, боярину, хотя добра Святой и Восточной Церкви, и чтобы дѣло Божіе и его, государево, совершалось въ добромъ полководствѣ, а его, боярина, жалуя и хотя ему чести и жалѣя его старости".

Еще сильнѣе обратился Алексѣй Михайловичъ въ письмѣ къ князю Гр. Гр. Ромодановскому: „Врагу креста Христова и новому Ахитофелу князь Григорью Ромодановскому: воздастъ тебѣ Господь Богъ за твою къ намъ, в. государю, прямую сатанинскую службу, якоже Дафану и Авирону, и Ананіи, и Сапфирѣ: они клялись Духу Св. во лжу, а ты Божіе повелѣніе и нашъ указъ конечно исправилъ, якоже и Іюда продалъ Христа на хлѣбѣ, а ты Божіе повелѣніе и нашъ указъ и милость продалъ же лжею. Велѣно было тебѣ отпустить къ стольнику Семену Змѣеву въ полкъ нашихъ ратныхъ людей для Божія и нашего скораго дѣла, и ты приказалъ послать ихъ таково стройно и крѣпко и всякою нашею милостью утверждаючи, что, пять верстъ отшедчи, пришли къ тебѣ въ полкъ, и ты не токмо не отослалъ ихъ по прежнему нашему указу, куда имъ идти велѣно, и съ собою ихъ взялъ, прельщаючи ихъ нашимъ большимъ жалованьемъ и обѣщаючися тайно отпускать ихъ по домамъ для своей треклятые корысти. И ты дѣло Божіе и наше государево потерялъ, потеряетъ тебя самого Господь Богъ, и жена, и дѣтки твои узрятъ такія же слезы, какъ и тѣ плачутъ сироты напрасно побитые; и самъ ты треокаянный и безславный ненавистникъ рода христіанскаго, для того что людей не послалъ, и нашъ вѣрный измѣнникъ и самого истиннаго сатаны сынъ и другъ діаволовъ, впадешь въ бездну преисподнюю, изъ нея же никто не возвращался. Воспомяни, окаянный, кѣмъ взысканъ, отъ кого пожалованъ, на кого надѣешься? гдѣ дѣться? куда бѣжать? кого не слушаешь? предъ кѣмъ лукавствуешь? Самого Христа явно облыгаешь и дѣла Его теряешь! Вѣдаешь ли безконечную муку у Него, кто лестью Его почитаетъ и кто предъ государемъ своимъ лукавыми дѣлами дни свои провожаетъ и указы перемѣняетъ и ихъ не страшится. Вконецъ вѣдаемъ, завистниче и вѣрный нашъ непослушниче, какъ то дѣло ухищреннымъ и злопронырливымъ умысломъ учинилъ: а товарища твоего, дурака и худаго князишка, пытать велимъ, а страдника Климку велимъ повѣсить. Богъ благословилъ и предалъ намъ, государю, править и разсуждать люди свои на востокѣ и на западѣ, и на югѣ и на сѣверѣ вправду; и мы Божіи дѣла и наши государевы на всѣхъ странахъ полагаемъ, смотря по человѣку, а не всѣхъ странъ дѣла тебѣ одному, ненавистнику, дѣлать, для того: невозможно естеству человѣческому на всѣ страны дѣлать, одинъ бѣсъ на всѣ страны мещется. Писаны къ тебѣ и посыланы наши государевы грамоты съ милостивымъ словомъ такія, какихъ и къ господамъ твоимъ не бывало; и тѣмъ вознесся и показалъ упрямство бусурманское. И буде ты желаешь впредь отъ Бога милости и благословенія и не похочешь идти въ бездну безъ покаянія и въ нашемъ государевомъ жалованьи быть попрежнему: и тебѣ-бъ, оставя всякое упрямство, учинить по сему нашему указу, послать къ стольнику Змѣеву тотчасъ полкъ рейтаръ да полкъ драгуновъ, давъ имъ денежное жалованье".

Въ томъ же родѣ письмо къ Саввинскому казначею Никитѣ (1652 года). Въ Саввинѣ монастырѣ оставлены были стрѣльцы 18 человѣкъ, которымъ архимандритъ велѣлъ стоять на конюшенномъ дворѣ. Сюда къ нимъ пришелъ казначей Никита, подпивши, и спросилъ: „По какому указу вы здѣсь стоите?" Услыхавъ, что по архимандричьему, онъ зашибъ десятника посохомъ въ голову, оружіе, сѣдла и зипуны стрѣлецкіе велѣлъ выметать вонъ за дворъ. Царь послалъ Алексѣя Мусина-Пушкина сыскать про дѣло, а самъ написалъ казначею: „Отъ царя и великаго князя Алексѣя Михайловича всея Россіи врагу Божію и богоненавистцу и христопродавцу и разорителю чудотворцова дому и единомысленнику сатанину, врагу проклятому, ненадобному шпыню и злому пронырливому злодѣю, казначею Миките. Уподобился ты сребролюбцу Июде: якоже онъ продалъ Христа на тридесятъ сребреницъ, и ты променилъ, проклятой врагъ, чюдотворцовъ домъ да и мои грѣшные слова на свое умное и збоиливое пьянство и на умные на глубокие пронырливые вражые мысли; самъ сатана въ тебя врага Божия вселился; хто тебя сиротину спрашивалъ надъ домомъ чюдотворцовымъ да и на до мною грѣшнымъ властвовать? Хто тебѣ сию власть мимо архиморита далъ, что тебѣ безъ ево вѣдома стрѣльцовъ и мужиковъ моихъ Михаиловскихъ бить? воспомяни евангельское слово: всякъ высокосердечный нечистъ предъ Богомъ. О враже проклятый! за что денница снебесе свергнута? не за гордость ли? Богъ не пощадилъ. Да ты жа сатанинъ угодникъ пишешь друзьямъ своимъ и вычитаешь безчестье свое вражье, что стрѣльцы у твоей кельи стоятъ: и дорого добрѣ, что у тебя скота стрѣльцы стоятъ! лутче тебя и честнѣе тебя и у митрополитовъ стоятъ стрѣльцы, по нашему указу, которой владыко тѣмжя путемъ ходитъ что и ты окаянной. И дорогиль мнѣ твои грозы? Вѣдаешь ли ты, что опричь Бога и Матери Его владыч. нашей Пресв. Богородицы и свѣта очию моею чюдотворца Савы и не имѣю опричь той радости никакой и надежды: то моя радость, то мое и веселье и сила и на брани противъ враговъ моихъ, и не твои мнѣ грозы, и своего брата государя и тѣ грозы яко поучину (т.-е. паутину) вмѣняю, потому: Господь просвѣщение мое и Спаситель мой— кого убоюся? Да за помощию Пресв. Богородицы и за молитвою чюдотворца Савы ничье грозы не страшны. Вѣдай себѣ то окаянной: тотъ боитца грозъ, которой надежю держитъ на отца своего сатану и держитъ ее тайно, чтобъ нихто ее непозналъ, а передъ людми добръ и вѣренъ показуетъ себя. Да и то себѣ вѣдай, сатанинъ ангелъ, что одному тебѣ и отцу твоему диаволу годна и дорога твоя здѣшняя честь, а Содѣтелю нашему, Творцу небу и земли и свѣту моему чюдотворцу конешно грубны твои высокопроклятые и гордостные и вымышленные твои тайные дѣла; ей не ложно евангельское реченые не можетъ рабъ двемя господинома работати, а мнѣ грѣшному здѣшняя честь аки прахъ: и дорогиль мы предъ Богомъ стобою и дорогиль наши высокосердечные мысли, доколе отвращаемся доколе не всею душою и не всѣмъ сердцемъ заповѣди ево творимъ, вѣдаешь ты окаянной самъ творяи заповѣди Божия снебреженнемъ проклятъ и горе намъ стобою и нашему збоиливому и лукавому сердцу и злои нашеи и лукавои мысли и люто намъ будетъ въ день ярости Господа Саваоѳа, не пособятъ намъ тогда наши збоиливые и лукавые дѣла и мысли, вѣдаи себѣ и то, лукавый врагъ, какъ ты возмутилъ нынѣ чюдотворцевымъ домомъ да и моею грѣшною душою: ей до слезъ стало, чудотворецъ видитъ, что во мглѣ хожу отъ твоего збоиливаго сатанина ума возмутитъ тебя и самово Богъ и чудотворецъ. Вѣдай себѣ то, что буду самъ у чудотворца милости просить и оборони на тебя со слезами, не отъ радости буду на тебя жаловатца чѣмъ было тебѣ милости просить у Бога и у Пречистой Богородицы и у чюдотворца и со мною процатца въ грамоткахъ своихъ и ты вычитаешь безчестие свое и я тебѣ за твое роптание спесивое учиню то чево ты вѣкъ надъ собою такова позору не видалъ. Ты промѣнилъ сие мѣсто чюдотворцево на свое премудрое и лукавое и на пьяное сердце и на проклятые мысли а меня грѣшнаго тебѣ не диво не послушать здѣсь потому что и святое мѣсто продаешь на свой злой нравъ, а наономъ вѣце разсудитъ Богъ насъ съ тобою а опричь мнѣ тово нечемъ стобою боронитца; да и то тебѣ возвѣщаю аще не чистымъ сердцемъ покаешися къ чюдотворцу и со мною смиріися въ злыхъ своихъ роптанияхъ вѣдай что безъ проказы не будешь яко Наманъ утаился отъ Елиссея пророка такъ и тебѣ тожа будетъ аще едину мысль утаиши у чудотворца да по семъ буди Богомъ нашимъ I Х. и Преч. Его Мат. и чюдотв. Савою и мною грѣшнымъ буди прогнанъ и изриновенъ, и отлученъ со всякимъ безчестиемъ и безстудіемъ отъ сего мѣста святаго и чюдотворца дому. И прочетчи сию грамоту и велите взяти ево предъ всѣмъ соборомъ яко врага Божия и чюдотворцева дому со всякимъ безчестиемъ стрѣльцомъ и велите положить на него чѣпь на шею а на ноги желѣза и велите Алексѣю ево свесть пережъ себя стрѣльцомъ на конюшенной дворъ“.

И это письмо, подобно приведенному нами прежде письму къ Никону въ Соловецкій монастырь, вводитъ лучше всего въ міръ тогдашнихъ патріархальныхъ отношеній. Пьяный казначей Никита прибилъ десятника стрѣлецкаго; царь велитъ наложить ему цѣпь на шею и желѣза на ноги; но между тѣмъ, оскорбленный письмами Никиты, въ которыхъ тотъ позволилъ себѣ какія-то угрозы, выходитъ изъ себя и пишетъ къ Никитѣ, не скрывая тревожнаго состоянія своего духа, зоветъ его на судъ Божій, грозитъ наказаніемъ свыше; пишетъ, что онъ, царь, никого не боится, потому что Господь просвѣщеніе его и Спаситель, за помощію Богородицы и за молитвою чудотворца Саввы ничьи грозы ему не страшны. Въ пылу гнѣва, царь сдерживается религіозностію, которая заставляетъ его признать надъ собою и надъ Никитою высшій судъ, уравнять себя съ нимъ; царь пишетъ, что будетъ просить у чудотворца обороны на Никиту, который такъ возмутилъ его душою, что до слезъ стало, во мглѣ ходитъ. Религіозность красила патріархальныя отношенія, сообщая имъ иногда необыкновенную умилительность и вмѣстѣ величіе: таково извѣстное намъ письмо Нижне-Ломовскаго воеводы Пекина воеводѣ Хитрову: „Въ Нижнемъ Ломовѣ казаки знатно что измѣнили; поминай меня убогаго, да и великому государю извѣсти, чтобъ указалъ въ сенодикъ написать съ женою и дѣтьми“. Великій государь былъ именно способенъ понимать и исполнять такіи просьбы.

Всего лучше прекрасная природа царя Алексѣя высказывалась въ письмахъ утѣшительныхъ къ близкимъ людямъ. Мы уже привели въ своемъ мѣстѣ письмо его къ Ордину-Нащокину по случаю бѣгства сына его; въ этомъ письмѣ царь силою именно природы своей высоко поднялся надъ вѣкомъ. Въ такомъ же родѣ и письмо къ князю Ник. Ив. Одоевскому по поводу смерти сына его: „Да будетъ тебѣ вѣдомо, судбами всесильнаго и всеблагаго Бога нашего и страшнымъ Его повелѣніемъ изволилъ Онъ свѣтъ взять сына твоего первенца, князя Михаила съ великою милостію въ небесныя обители. а лежалъ огневою три недѣли безо дву дней; а разболѣлся при мнѣ, и тотъ день былъ я у тебя въ Вешняковѣ, а онъ здравъ былъ; потчивалъ меня, да радъ таковъ, я его такова радостна николи не видалъ; да лошадью онъ да князь Ѳедоръ челомъ ударили, и я молвилъ имъ: „потоль я пріѣзжалъ къ вамъ, что грабить васъ?“ И онъ плачучи да говоритъ мнѣ: „Мнѣ-де, государь, тебя не видать здѣсь: возми-де, государь, для ради Христа, обрадуй батюшка и насъ, намъ же и до-вѣка такова гостя не видать“. И я, видя ихъ нелестное прошеніе и радость не сумѣную, взялъ жеребца темносѣра. Не лошадь дорога мнѣ всего лутчи ихъ нелицемѣрная служба, и послушанье, и радость ихъ ко мнѣ, что они радовалися мнѣ всемъ сердцемъ. Да жалуючи тебя и ихъ, вездѣ былъ, и въ конюшняхъ, всего смотрѣлъ, во всѣхъ жилищахъ былъ и кушалъ у нихъ въ хоромѣхъ, и послѣ кушанія поѣхалъ я къ Покровскому тѣшиться въ рощи въ Карачаровскія; онъ со мною здоровъ былъ, и пріѣхалъ того дни къ ночи въ Покровское. Да жаловалъ ихъ обоихъ виномъ романѣею, и подачами и корками, и ѣли у меня, и какъ отошло вечернее кушанье, а онъ сталъ изъ-за стола и началъ стонать головою, голова-де безмѣрно болитъ, и началъ бити челомъ, чтобъ къ Москвѣ отпустить для головной болѣзни, да и пошелъ домой, да той ночи хотѣлъ сѣсть въ сани да ѣхать къ Москвѣ поутру, а болѣзнь та ево почала разжигать да и объявилася огненная. И тебѣ боярину нашему и слугѣ и дѣтемъ твоимъ черезъ мѣру не скорбить а нельзя, что не поскорбѣть и не прослезиться, и прослезиться надобно, да въ мѣру, чтобъ Бога наипаче не прогнѣвать, и уподобитца бъ тебѣ Іеву праведному. Тотъ отъ врага нашего общаго діавола пострадалъ, сколко на него напастей приводилъ? не претерпѣлъ ли онъ, и одолѣлъ онъ діавола; не опять ли ему далъ Богъ сыны и дщери? А за что?— за то, что ни во устнахъ не погрѣшилъ; не оскорбился, что мертвы быша дѣти ево. А твоего сына Богъ взялъ, а не врагъ полатою подавилъ. Вѣдаешь ты и самъ, Богъ все на лутчие намъ строитъ, а взялъ его въ добромъ покаяніи... Не оскорбляйся, Богъ сыну твоему помощникъ; радуйся, что лучее взялъ, и не оскорбляйся зѣло, надѣйся на Бога и на Его рождшую и на Его всѣхъ святыхъ. Потомъ, аще Богъ изволитъ, и мы тебя не покинемъ и съ детьми и, помня твое челобитье, ихъ жаловали и впредь радъ жаловать сына его князь Юрья, а отца радъ поминать. А князь Ѳедора я пожаловалъ отъ печали утѣшилъ, а на выносъ и на всепогребальная я послалъ, сколько Богъ изволилъ, потому что впрямь узналъ и провѣдалъ про васъ, что, опричь Бога на небеси, а на земли опричь меня ни ково у васъ нѣтъ; и я радъ ихъ и васъ жаловать, только ты, князь Никита, помни Божію милость, а наше жалованіе. Какъ живова его жаловалъ, такъ и поминать радъ... А прежде того мы жаловали къ тебѣ писали: какъ жить мнѣ государю и вамъ бояромъ; и тебѣ боярину нашему уповать на Бога и на Пречистую его Матерь и на всѣхъ святыхъ и на насъ великаго Государя быть надежнымъ, аще Богъ изволитъ, то мы васъ не покинемъ, мы тебѣ и съ дѣтьми и со внучаты по Бозѣ родители, аще пребудете въ заповѣдехъ Господнихъ и всѣмъ безпомощнымъ и бѣднымъ по Бозѣ помощники. На то насъ Богъ и поставилъ, чтобы безпомошнымъ помогать. И тебѣ бы учинить противъ сей нашей милостивые грамоты одноконечно послушать съ радостію, то и наша милость къ вамъ безотступно будетъ." Подъ исподомъ грамоты еще написано: „Князь Никита Ивановичъ! не оскорбляйся, токмо уповай на Бога и на насъ будь надеженъ."

Но въ письмахъ же царя Алексѣя патріархальныя отношенія являются безъ прикрасъ, во всемъ своемъ непригожествѣ; такъ въ письмѣ къ стольнику Матюшкину царь пишетъ: „Извѣщаю тебѣ, не то тѣмъ утѣшаюся, не то стольниковъ безпрестанно купаю ежеутрь въ прудѣ, Іордань хорошо сдѣлана, человѣка по четыре и по пяти и по 12 человѣкъ, за то: кто не поспѣетъ къ моему смотру, такъ того и купаю, да послѣ купанья жалую, зову ихъ ежеденъ, у меня купальщики тѣ ѣдятъ вдоволь, а иные говорятъ: мы-де нарокомъ не поспѣемъ, такъ-де и насъ выкупаютъ да и за столъ посадятъ; многіе нарокомъ не поспѣваютъ."

Наружность царя Алексѣя, какъ описываютъ ее иностранцы очевидцы, много объясняетъ намъ его характеръ: съ кроткими чертами лица, бѣлый, краснощекій, темнорусый, съ красивою бородою, крѣпкаго тѣлосложенія; но между тѣмъ преждевременная толщина, особенно живота, одряхляла его, несмотря на дѣятельную жизнь: рано вставалъ онъ къ утренней службѣ, иногда ночи проводилъ въ горячихъ молитвахъ, ревностно занимался дѣлами. ѣздилъ часто на охоту, которую любилъ страстно, не пропускалъ храмовыхъ праздниковъ въ монастырскихъ и приходскихъ церквахъ. У него достало настолько энергіи, чтобы рѣшиться отказаться отъ отцовской жизни, покинуть московскій дворецъ и выступить въ походъ. Сохранилось преданіе, что походы въ Бѣлоруссію и Литву развили Алексѣя, внушили ему болѣе самоувѣренности и перемѣнили отношенія его къ окружающимъ: онъ сдѣлался самостоятельнѣе. Но энергія, какъ видно, поддерживалась успѣхомъ; когда успѣхи кончились, то мы уже не видимъ болѣе Алексѣя въ челѣ войскъ. Замѣченное отолстѣніе было ли слѣдствіемъ или причиною прекращенія этой дѣятельности— рѣшить трудно. Иностранцы современники говорятъ о прекрасныхъ дарованіяхъ Алексѣя и жалѣютъ, что эти дарованія не развиты были наукою. Морозовъ могъ только сочувствовать образованію, жалѣть, что въ молодости его не учили. Алексѣй прочелъ, какъ видно, все, что только можно было тогда прочесть на славянскомъ и русскомъ языкахъ. Но сильно возбужденная духовная дѣятельность обнаруживалась въ страсти писать. Сколько собственноручныхъ писемъ, обыкновенно довольно длинныхъ, записокъ, замѣтокъ сохранилось послѣ него! Алексѣй предпринялъ описаніе походовъ своихъ: сохранилось нѣсколько собственноручно поправленныхъ имъ экземпляровъ (черненій, какъ тогда называли) описанія выступленія войскъ изъ Москвы, отпуска воеводъ, рѣчей, говоренныхъ по этому случаю. Вѣроятно моровая язва и послѣдующія военныя неудачи остановили дѣло. Наконецъ царь Алексѣй пробовалъ писать и стихами. Таково письмо къ князю Григ. Григ. Ромодановскому: „Повелѣніе Всесильнаго и великаго и безсмертнаго и милостиваго царя царемъ и государя государемъ и всѣхъ всякихъ силъ повелителя Господа нашего Іисуса Христа. Писахъ сіе письмо все многогрѣшный царь Алексѣй рукою своею:

Рабе Божій дерзай о имени Божіи
И уповай всемъ сердцемъ подастъ Богъ побѣду
И любовь и совѣтъ великой имѣй съ Брюховецкимъ
А себя и людей Божіихъ и нашихъ береги крѣпко
Отъ всякихъ обмановъ и льстивыхъ дѣлъ и свой разумъ
Крѣпко въ твердости держи и разсматривай
Ратныя дѣла великою осторожностью
Чтобъ писаря Захарки съ товарищи чево не учинили
Также какъ Юраско надъ бояриномъ нашимъ
И воеводою надъ Васильемъ Шереметовымъ также и надъ бояриномъ

Нашимъ и воеводою князь Иваномъ Хованскимъ Огинскій князь
Учинилъ и имай крѣпко опасенье и аргусовы очи по всякъ часъ.
Безпрестанно въ осторожности пребывай и смотри на всѣ
Четыре страны и въ сердцы своемъ великое предъ Богомъ смиреніе и низость имѣй
А не возношеніе какъ нѣхто вашъ братъ говаривалъ не родился-де такой
Промышленникъ кому бы ево одолѣть съ войскомъ и Богъ за превозношеніе его совсѣмъ предалъ въ плѣнъ».

По природѣ своей, слишкомъ мягкой, Алексѣй Михайловичъ не могъ не уступить большаго вліянія окружающимъ его людямъ; онъ былъ вспыльчивъ, но невыдержливъ. Излишняя довѣрчивость къ людямъ недостойнымъ, власть, имъ уступленная, проистекали отъ слабости характера, а не отъ недостатка пониманія людей. Такъ, напримѣръ, онъ хорошо видѣлъ, кто такой былъ тесть его, Милославскій, и въ минуту вспышки не щадилъ его; но наложить на него опалу—значило огорчить самое близкое къ себѣ существо, жену, которую онъ такъ любилъ,—а это было уже выше силъ царя Алексѣя. Такъ было и въ отношеніи къ другимъ лицамъ, тѣсно связаннымъ между собою, крѣпко державшимся другъ за друга; наложить опалу на одного— и столько явится вдругъ недовольныхъ, печальныхъ лицъ, а эти лица, по обычаю, съ утра до вечера толпятся во дворцѣ, избавиться отъ нихъ нельзя, и вотъ доброй душѣ цѣлый день тягость невыносимая, и Алексѣй Михайловичъ уступаетъ. Этимъ объясняются и странныя отношенія его къ Никону. Никонъ не могъ быть, подобно врагамъ своимъ, ближнимъ боярамъ и окольничимъ, безпрестанно во дворцѣ, и по этому самому проигрывалъ. Хитрость дитя слабости, и Алексѣй Михайловичъ хитритъ въ дѣлѣ Никона: онъ соглашается съ боярами, что патріархъ зашелъ далеко, что съ нимъ жить нельзя, и въ то же время старается внушить Никону о своемъ доброжелательствѣ къ нему, оправить себя въ глазахъ гнѣвнаго патріарха; такимъ образомъ добрый Алексѣй Михайловичъ унижался до стремленія угодить обѣимъ сторонамъ, тогда какъ болѣе рѣшительными и самостоятельными дѣйствіями могъ уладить дѣло; безъ сомнѣнія, главная причина паденія Никона заключалась въ характерѣ царя: болѣе твердый характеръ послѣдняго сдержалъ бы собиннаго пріятеля въ должныхъ предѣлахъ, и первая брань предотвратила бы печальныя слѣдствія послѣдней; Алексѣй Михайловичъ погубилъ своего собиннаго пріятеля именно неспособностію своею къ первой брани; слабость государей имѣетъ иногда тѣ же слѣдствія, какъ и тиранство.

Но мягкость природы царя Алексѣя Михайловича нисколько не уменьшала значенія власти великаго государя. Алексѣй Михайловичъ имѣлъ такое же возвышенное понятіе о своихъ правахъ, какъ и Іоаннъ IV: „Богъ благословилъ и предалъ намъ, государю, править и разсуждать люди своя на востокѣ и на западѣ, и на югѣ, и на сѣверѣ вправду". Тѣ же самыя отношенія, какія мы видѣли при царѣ Михаилѣ, были въ силѣ и теперь. Въ народныхъ движеніяхъ, которыми такъ богато царствованіе Алексѣя Михайловича, и въ которыхъ нельзя не видать отрыжки Смутнаго времени послѣ необходимаго отдыха при Михаилѣ,—въ народныхъ движеніяхъ высказались рѣзко тѣ же отношенія большинства къ стоявшему наверху меньшинству; массы возставали противъ бояръ, выставляя единство своихъ интересовъ съ интересами царя. Меньшинству оставалось робко искать защиты у подножія престола. Такъ привязанности царской обязанъ былъ своимъ спасеніемъ самый видный изъ бояръ, Морозовъ. Преслѣдуя своею ненавистію Морозова, большинство оказывало особенное расположеніе боярамъ: Никитѣ Ивановичу Романову, дядѣ царскому, и князю Якову Куденетовичу Черкаскому, зная или предполагая въ нихъ враговъ Морозову. Но оба эти лица не обладали честолюбіемъ, которое бы заставило ихъ воспользоваться народнымъ расположеніемъ. Никита Ивановичъ является на сцену во время народнаго возстанія противъ Морозова и Милославскаго, и тутъ старается онъ утишить народъ; потомъ, во время Псковскаго бунта, отводитъ самъ къ царю псковскихъ посланцовъ; наконецъ объ этомъ лицѣ сохранилось извѣстіе, что онъ былъ охотникъ до иноземныхъ обычаевъ, одѣлъ своихъ людей въ ливрею по иностранному образцу. Никонъ, которому не нравилась эта новизна, придумалъ средство избавить дядю царскаго отъ грѣха: попросилъ у него ливрею, какъ будто для образца, желая самъ одѣть такимъ же образомъ своихъ служекъ; но, когда довѣрчивый бояринъ прислалъ ему платье, патріархъ велѣлъ изрѣзать его въ куски. Мы нисколько не ручаемся за вѣрность этого извѣстія въ подробностяхъ, но любовь боярина Никиты къ иностраннымъ новизнамъ подтверждается тѣмъ, что у него былъ ботъ, который впослѣдствіи такъ занялъ молодаго внука его, царя Петра Алексѣевича, и послужилъ началомъ флота. Разумѣется, желалось бы знать больше объ этомъ подстрекающемъ любопытство лицѣ; но отсутствіе извѣстій доказываетъ или недостатокъ у него личныхъ средствъ играть роль болѣе видную, или то, что ему нарочно загораживали дорогу, а самъ бояринъ былъ такъ остороженъ, что не пробивался чрезъ полагаемыя ему преграды. Что же касается до князя Якова Куденетовича Черкаскаго, то недостатокъ личныхъ средствъ оказался явно впослѣдствіи —во время Польской войны.

При царѣ Алексѣѣ было 16 знатнѣйшихъ фамилій, члены которыхъ поступали прямо въ бояре, минуя чинъ окольничаго: Черкасскіе, Воротынскіе, Трубецкіе, Голицыны, Хованскіе, Морозовы, Шереметевы, Одоевскіе, Пронскіе, Шеины, Салтыковы, Репнины, Прозоровскіе, Буйносовы, Хилковы и Урусовы. Изъ Черкасскихъ, кромѣ Якова Куденетовича, былъ извѣстенъ князь Григорій Сенчулеевичъ; но о немъ говорятъ, что это былъ дикарь, искавшій случая показать тѣлесную силу, опытный наѣздникъ, умѣвшій укрощать коней, которыми были наполнены его обширныя конюшни, болѣе сострадательный къ животнымъ, чѣмъ къ людямъ. Представителемъ знаменитаго рода Воротынскихъ былъ князь Иванъ Алексѣевичъ, человѣкъ ничтожный. Фамилія Трубецкихъ, послѣ князя Алексѣя Никитича, не имѣла достойнаго представителя; и Алексѣй Никитичъ послѣ Конотопа потерялъ славу „въ воинствѣ счастливаго и недругамъ страшнаго.“ Изъ Голицыныхъ знаменитый впослѣдствіи князь Василій Васильевичъ только еще начиналъ свое поприще; о князѣ Алексѣѣ Андреевичѣ говорили, что онъ чѣмъ счастливѣе, тѣмъ скромнѣе.

Но если представитель Голицыныхъ не отличался Патрикѣевскимъ духомъ, то духъ этотъ перешелъ къ представителю другой Патрикѣевской линіи, князю Хованскому, знаменитому Ивану Андреевичу: мы видѣли любопытную борьбу его съ Ординымъ-Нащокинымъ, въ которомъ гордый потомокъ Гедимина видѣлъ худороднаго временщика, сильнаго только расположеніемъ царскимъ, въ родѣ Малюты Скуратова. Но самъ Хованскій, о предкахъ котораго не слыхать было въ старину, не имѣлъ связей и не пользовался хорошею славою относительно своихъ способностей, такъ что царь Алексѣй Михайловичъ могъ говорить ему: „Я тебя взыскалъ и выбралъ на службу, а то тебя всякъ называлъ дуракомъ.“ Отзывы и своихъ и чужихъ согласно описываютъ намъ Хованскаго человѣкомъ съ Патрикѣевскимъ высокоуміемъ, заносчивымъ, неумѣющимъ сдержать себя, непостояннымъ. Ординъ-Нащокинъ называетъ Хованскаго человѣкомъ непостояннымъ и слушающимся чужихъ внушеній: это отзывъ врага; но вотъ Майербергъ говоритъ, что Хованскій славился въ цѣломъ свѣтѣ своими пораженіями, проигрывалъ битвы по своей опрометчивости, по неумѣнью соразмѣрять свои силы съ силами непріятельскими; царь Алексѣй Михайловичъ, свидѣтельствуетъ, что всякъ называлъ его дуракомъ, а народъ даетъ ему прозваніе Тараруя. Сохранилось извѣстіе о безнравственномъ поведеніи его во Псковѣ; сохранилось также извѣстіе о произвольныхъ и жестокихъ поступкахъ его съ людьми ратными. Изъ Морозовской фамиліи знаменитый воспитатель царя былъ послѣднимъ историческимъ лицомъ. Шереметевы личными достоинствами поддерживали значеніе своей фамиліи; мы часто встрѣчались съ дѣятельностію двоихъ кіевскихъ воеводъ, Василья Борисовича, такъ несчастно окончившеюся, и Петра Васильевича: о послѣднемъ сохранился отзывъ какъ о человѣкѣ съ большими способностями, но самохвалѣ, чрезвычайно жадномъ къ военной славѣ, невыносимо гордомъ и высокомѣрномъ. Хвалятъ блестящія военныя доблести Василья Васильевича Шереметева, но прибавляютъ, что само правительство не давало достойнаго поприща этому вельможѣ, заславши его воеводою въ несчастную область, которой избѣгаютъ всѣ бояре. Часто встрѣчались мы съ представителемъ фамиліи Одоевскихъ, княземъ Никитою Ивановичемъ: хвалятъ его мягкость, которою онъ рѣзко отличался отъ своихъ собратій. Мы видѣли его не разъ великимъ уполномоченнымъ посломъ, но трудно подмѣтить въ немъ что-либо иное, кромѣ точнаго исполнителя наказа; самъ царь отозвался о немъ въ письмѣ Долгорукову: „Чаю, что князь Никита тебя подбилъ, и его было слушать напрасно: вѣдаешь самъ, какой онъ промышленникъ! послушаешь какъ про него поютъ на Москвѣ.“ Фамилія была небогатая; царь, пославши денегъ на погребеніе князя Михаила Никитича, писалъ отцу его: „Впрямь я узналъ и провѣдалъ про васъ, что опричь Бога на небеси, а на земли опричь меня, никово у васъ нѣтъ.“ Изъ Пронскихъ извѣстенъ князь Иванъ Петровичъ; ему поручено было важное дѣло воспитанія царевича Алексѣя Алексѣевича: но говорятъ, что выборъ былъ неудачный. Изъ Шеиныхъ никто не былъ на виду. Изъ Салтыковыхъ мы видѣли боярина Петра Михайловича начальникомъ Малороссійскаго Приказа; говорятъ, что онъ былъ ровесникъ царя и очень любимъ имъ; Петра Михайловича хвалятъ за рѣдкое благоразуміе и непоколебимую вѣрность. Изъ Репниныхъ мы видимъ вначалѣ любимца царя Михаила, князя Бориса Александровича, котораго обвиняютъ въ жестокости; о сынѣ его, князѣ Иванѣ Борисовичѣ, встрѣчаемъ такой отзывъ: онъ считается осторожнымъ, благоразумнымъ, но подозрѣваютъ, что скрываетъ отцовскіе пороки подъ личиною добродѣтелей. Намъ теперь трудно рѣшить—эти неблагопріятные отзывы порождены ли завистію враговъ, нажитыхъ княземъ Борисомъ при Михаилѣ, или вражда порождена дѣйствительно непривлекательнымъ характеромъ Репнина. Умственныя способности князя Ив. Семеновича Прозоровскаго являются не въ очень выгодномъ свѣтѣ во время переговоровъ съ Шведами, когда знатный бояринъ занималъ только первое мѣсто, а на дѣлѣ первымъ былъ Ординъ-Нащокинъ. О князѣ Ив. Андреевичѣ Хилковѣ сохранилось извѣстіе, что онъ не бралъ взятокъ, но былъ страшно вспыльчивъ.

Нѣкоторые изъ членовъ этихъ шестнадцати первостепенныхъ фамилій были люди даровитые; но, кромѣ стариковъ Морозова и Трубецкаго, а изъ молодыхъ—одного Салтыкова,—мы не видимъ никого въ приближеніи, имѣющимъ важное вліяніе на дѣла. Изъ фамилій древнихъ, но второстепенныхъ, пробивали себѣ дорогу къ первымъ мѣстамъ Долгорукіе въ особѣ знаменитаго воеводы князя Юрія Алексѣевича. О немъ встрѣчаемъ неблагопріятный отзывъ иностранца, что онъ хотѣлъ казаться Фабіемъ, но похожъ былъ на Катилину; отзывъ голословный, а потому мы не имѣемъ права на немъ успокоиваться; мы знаемъ военныя заслуги Долгорукаго; другія же его дѣйствія такъ мало извѣстны, что мы рѣшительно не имѣемъ средствъ опредѣлить степень его сходства съ Катилиною. На военномъ же поприщѣ чаще всего встрѣчались мы съ княземъ Григоріемъ Григорьевичемъ Ромодановвскимъ. Одна отрасль князей Стародубскихъ—знаменитые Пожарскіе—сходятъ со сцены; другая, Ромодановскіе, остается и сильно поднимается. Князь Григорій, какъ говорятъ, отличался свирѣпостію характера и тѣлесною силою, былъ больше солдатъ, чѣмъ вождь; превосходилъ всѣхъ военною пылкостію, неутомимою дѣятельностію, быстротою и львинымъ мужествомъ; въ Малороссіи, какъ мы видѣли, онъ пріобрѣлъ расположеніе жителей. О другихъ Ромодановскихъ, князьяхъ Василіи Григорьевичѣ и Юріи Ивановичѣ, встрѣчаемъ только дурные отзывы. Въ военной исторіи царствованія Алексѣя Михайловича, особенно въ исторіи Разинскаго бунта, обозначались имена князей Борятинскихъ; князю Юрію принадлежитъ честь перваго и послѣдняго пораженія страшнаго вора: но мы встрѣчались также съ свидѣтельствами и о дурныхъ поступкахъ самого Борятинскаго. Нерѣдко встрѣчается въ военныхъ извѣстіяхъ имя боярина и воеводы князя Григорія Семеновича Куракина; о немъ отзываются какъ о характерѣ незначительномъ, и мы не имѣемъ возможности опровергнуть этого отзыва. О другомъ Куракинѣ, князѣ Ѳед. Ѳеодоровичѣ, говорятъ, что выборъ его въ воспитатели царевичу Ѳеодору Алексѣевичу былъ выборъ неудачный.

Наконецъ переходимъ къ самымъ близкимъ людямъ: Милославскимъ, Стрѣшневу, Хитрово. Всѣ свидѣтельства единогласно говорятъ о способностяхъ Милославскихъ, какъ знаменитаго боярина Ильи, тестя царскаго, такъ и родственниковъ его, Ивана Михайловича и Ивана Богдановича; но ни въ одномъ изъ нихъ умственнымъ способностямъ не соотвѣтствовали нравственныя достоинства. Въ Иванѣ Богдановичѣ, извѣстномъ намъ защитою Симбирска отъ Разина, указываютъ даже обширныя познанія, но соединенныя съ хитростію. Любопытно, что сохранилось извѣстіе (впрочемъ иностранное) о Богданѣ Матвѣевичѣ Хитрово, какъ человѣкѣ кроткомъ, привѣтливомъ, неутомимомъ ходатаѣ за несчастныхъ, не затыкающемъ ушей отъ просителей, особенно иностранныхъ. Послѣднія слова могутъ дать намъ разгадку такого лестнаго отзыва о человѣкѣ, котораго мы знаемъ преимущественно по распоряженію съ патріаршимъ сыномъ боярскимъ; но какъ бы пристрастенъ ни былъ этотъ отзывъ, все же мы должны заключить, что Хитрово, въ извѣстныхъ случаяхъ, съ извѣстными людьми могъ являться кроткимъ и привѣтливымъ, и должны заключить, какого опаснаго врага пріобрѣлъ себѣ Никонъ въ Хитрово. Мы видѣли, что Хитрово былъ врагомъ Нащокина; но извѣстіе объ особенномъ расположеніи Хитрово къ иностранцамъ заставляетъ насъ и его, по направленію, причислить къ людямъ, смотрѣвшимъ на Западъ, какъ Морозовъ, Ртищевъ, Нащокинъ и Матвѣевъ. О другомъ врагѣ Никона, Родіонѣ Матвѣевичѣ Стрѣшневѣ, говорится, что царь Алексѣй Михайловичъ считалъ его неподлежащимъ человѣческимъ страстямъ—новое объясненіе, почему царь могъ такъ колебаться между Никономъ и врагами его, если авторитетъ патріарха могъ перетягиваться авторитетомъ Стрѣшнева. Наконецъ встрѣчаемъ отзывъ о третьемъ врагѣ Никона, Никитѣ Михайловичѣ Бобарыкинѣ, родственникѣ Романовыхъ и Шереметевыхъ, который представляется человѣкомъ любящимъ добро, праводушнымъ и совершенно безкорыстнымъ. Если у царя составилось именно такое мнѣніе о Бобарыкинѣ, то понятно, почему онъ не спѣшилъ удовлетворить Никона, по жалобамъ котораго Бобарыкинъ являлся совершенно инымъ человѣкомъ.

Мы уже останавливались на дѣятельности одного изъ любимцевъ царя Алексѣя, Ѳеодора Михайловича Ртищева; видѣли покровительство, которое онъ оказывалъ просвѣщенію; потомъ видѣли, что ему приписывалась попытка обращенія къ кредиту во время безденежья. До насъ дошло житіе Ртищева, краткое и написанное въ видѣ похвальнаго слова, но все же сообщающее намъ нѣкоторыя любопытныя извѣстія о дѣятельности лица и его характерѣ. Житіе выставляетъ Ртищева человѣкомъ необыкновенно благоразумнымъ, умѣреннымъ; говоритъ, что онъ сдерживалъ Морозова и Никона. Майербергъ подтверждаетъ свидѣтельство житія: также выставляетъ благоразуміе Ртищева, которымъ онъ, не имѣя еще 40 лѣтъ, превосходилъ стариковъ. Въ житіи встрѣчаемъ еще нѣсколько любопытныхъ извѣстій о характерѣ Ртищева: такъ, напримѣръ, продавая одно изъ своихъ селъ онъ уменьшилъ цѣну съ условіемъ, чтобы покупатель хорошо обходился съ крестьянами; подарилъ землю городу Арзамасу, узнавши, что она нужна жителямъ, а купить ея они не въ состояніи; при смерти умолялъ наслѣдниковъ объ одномъ,—чтобы хорошо обходились съ крестьянами. Вообще, вглядываясь въ характеръ и дѣятельность любимцевъ царя Алексѣя, людей имъ выведенныхъ и поддерживаемыхъ, Ртищева, Ордина-Нащокина, Матвѣева, нельзя не признать, что онъ обладалъ драгоцѣннѣйшимъ для государей талантомъ — выбирать людей

По личному характеру и отношеніямъ всей этой знати мы также можемъ видѣть, что и власть сына Михаилова не могла встрѣчать препятствій съ этой стороны. Мы уже видѣли, что интересы, которые поддерживало московское боярство при Іоаннѣ III, сынѣ и внукѣ его, смѣнились другимъ интересомъ: преклонившись предъ властію великихъ государей, знатные роды начали хлопотать, по крайней мѣрѣ, о томъ, чтобы высшія должности не выходили изъ ихъ среды, чтобы не сидѣть вмѣстѣ съ какимъ-нибудь Андроновымъ, не подчиняться и своему брату, не только человѣку низшаго происхожденія. Послѣ тяжелаго для нѣкоторыхъ правленія Филарета Никитича, они успѣли отдѣлаться отъ Репнина, благодаря мягкости царя Михаила. Царь Алексѣй, во время молодости, былъ еще болѣе похожъ на отца, чѣмъ послѣ, что всего лучше видно изъ писемъ его къ Никону въ Соловки и князю

Трубецкому во время перваго похода подъ Смоленскъ. Впрочемъ, и въ это время у него уже былъ любимецъ изъ худородныхъ, Матвѣевъ, но послѣдній имѣлъ осторожность не выдаваться впередъ. Во время походовъ, какъ говорятъ, государь становится самостоятельнѣе; онъ сближается съ Ординымъ-Нащокинымъ, который не имѣетъ осторожности Матвѣева, и столкновенія начинаются. Алексѣй Михайловичъ находится, по характеру своему, въ затруднительномъ положеніи: съ одной стороны онъ считаетъ необходимымъ поддержать задорнаго Аѳанасья, съ другой—какъ же оскорбить Одоевскаго и Долгорукаго съ товарищи? Не имѣя силъ дѣйствовать прямо и открыто, Алексѣй Михайловичъ, какъ всѣ люди его характера, уходитъ, прячется, распоряжается тайкомъ, чтобы избѣжать сопротивленій, неудовольствій; онъ заводитъ свой собственный Приказъ, — Приказъ Тайныхъ Дѣлъ, изъ котораго посылаетъ бумаги, собственноручныя письма, наказы, о содержаніи которыхъ никто не долженъ знать, кромѣ получающаго; отсюда получаетъ и Аѳанасій наказы мимо старшихъ; сюда пересылаетъ свои мнѣнія, свои жалобы. Между тѣмъ Одоевскій и Долгорукій получали также удовлетвореніе; ихъ царь называлъ: великими и полномочными послами, а на имя стародавныхъ честныхъ родовъ; приписалъ-было къ нимъ въ третьихъ и товарища ихъ Аѳанасья Лаврентьевича, но зачеркнулъ, потому что впереди написано было: „стародавныхъ частныхъ родовъ". И вотъ со всѣми этими уступками Алексѣй Михайловичъ доводитъ своего Аѳанасья до боярства, доводитъ подконецъ до боярства и дьячаго сына Матвѣева. Тихо, незамѣтно очищается путь, по которому такъ смѣло пойдетъ младшій сынъ Алексѣя.

Здѣсь мы оканчиваемъ исторію Древней Россіи. Дѣятельность обоихъ сыновей царя Алексѣя Михайловича, Ѳеодора и Петра, принадлежитъ къ Новой исторіи; но прежде нежели приступимъ къ изображенію этой дѣятельности, мы должны изложить состояніе Россіи, въ какомъ оставилъ ее царь Алексѣй. Этимъ изложеніемъ начнемъ слѣдующій томъ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

Дѣла Малороссійскія изложены по бумагамъ, хранящимся въ Московскомъ Архивѣ Мин. Иностр. Дѣлъ, также по столбцамъ и книгамъ Малороссійскаго Приказа, находящимся въ Архивѣ Мин. Юстиціи; считаю излишнимъ выставлять № бумагъ, ибо ихъ также легко ріискать по годамъ. Изъ печатныхъ источниковъ взято: нѣкоторыя обстоятельства смерти Брюховецкаго изъ Лѣтописи Величка II, 163; о Мазепѣ изъ Reszty rękopismu I. Chr. Paska, изд Лаховича, стр. 200, также изъ: Zrzódla do dziejow polskich— Grabowskiego i Przedzieckiego, t. I, p. 34.

Дипломатическія сношенія изложены по бумагамъ, находящимся въ Московскомъ Архивѣ Минист. Иностран. Дѣлъ. Изъ печатныхъ источниковъ взято: о враждѣ Нащокина съ Хитрово у Коллинса—(Чтенія Москов. Историч. Общ. 1846 г. № 1); о нападеніи Турокъ на Подолію - у Kochowskiego-Roczników polski klimakter IV, p. 193.

О строеніи корабля *«Орелъ»*—въ Дополн. къ актамъ историч. т. V, № 46 и 47.

О Сибири и Китаѣ —Миллеровскія бумаги, напечатанныя въ Дополненіяхъ къ актамъ историческимъ, т. III, стр. 20, 50, 68, 99, 102, 106, 108, 173, 175, 184, 208, 214, 219, 221, 258, 276, 277, 279, 280, 283, 319, 320, 321, 328, 332, 343, 345, 346, 348, 350, 352, 354, 356, 359, 371, 379, 387, 390, 523 Т. IV, стр. 2, 8, 9, 12, 16, 27, 32, 37, 56, 70, 80, 85, 88, 91, 94, 95, 120, 147, 176, 187, 199, 200, 214, 237, 241, 247, 260, 266, 282, 297, 384, 404, 409. Т. V, стр. 38, 39, 43, 68, 93, 160, 164, 288, 335, 337, 375, 379, 418. Т VI, стр. 41, 51, 153. 292, 313, 367, 395. См. также Фишера - Сибирская Исторія.

Письма и другія бумаги, писанныя или поправленныя рукою царя Алексѣя Михайловича, находятся въ Государств. Архивѣ, между бумагами Приказа Тайныхъ Дѣлъ.

Извѣстія о характерѣ вельможъ заимствованы изъ статьи: «Характеры вельможъ въ царствованіе Ал. Мих. (Сѣверный Архивъ 1825 г.).

Дополненіе къ XII-му тому.

Дѣло по жалобѣ ратныхъ людей на князя Ив Андр. Хованскаго и сыновей его (Архивъ минист. юстиціи, столбцы Приказнаго стола, № 1619).

Грамота князя Хованскаго государю: „Въ нынѣшнемъ, во 174 году въ ноябрѣ, послалъ я челобитныя заводныя, одна полковая, только полкъ про нее не вѣдаетъ, а завели тѣ челобитные вѣдомые составщики и гилевщики Новгородцы: Петръ Арцыбашевъ, Михайло Теплевъ, Павелъ Мартьяновъ, князь Ив. Мышецкой, Василей Ушаковъ, Аѳанасій Уваровъ, Новоторжецъ Сава Цыплетевъ и иные такіе жъ плуты, и противъ тѣхъ заводныхъ челобитенъ дворяне принесли заручныя челобитныя и сказки, что они про тѣ составныя челобитныя не вѣдаютъ, а Петра Арцыбашева велѣлъ я посадить въ тюрьму для того, чтобъ отъ него воровскіе заводы не множились, во Псковѣ не безъ лазутчика, услышитъ такой мятежъ и составныя челобитныя и вѣдомость учинитъ; непріятелю, слыша несогласіе въ полку, то и радость. И онъ, Петръ, отъ таковаго злаго умысла ни отсталъ, наипаче зло ко злу прилагаетъ, выходитъ изъ тюрьмы ночью и въ день тайнымъ обычаемъ, напоилъ сторожей пьяныхъ, и ходитъ къ совѣтникамъ своимъ, и завелъ такую-жъ составную челобитную и призвалъ къ себѣ и къ совѣтникамъ своимъ невинныхъ, которые подобострастны имъ, велятъ руки прикладывать, напоя пьяныхъ, а инымъ неволею, и въ тюрьмѣ ночью тайнымъ обычаемъ За Божіе и за твое, великаго государя, дѣло ненавидимъ холопъ твой отъ тѣхъ воровъ, будто отъ меня разборъ учинился и что не отпустилъ къ тебѣ, великому государю, челобитчиковъ ихъ бить челомъ объ отпускѣ, а говорилъ имъ, что непріятель стоитъ за Двиною въ собраньи; какъ вамъ бить челомъ объ отпускѣ? А что разборъ учиненъ, и то тебѣ, великому государю, въ казнѣ прибыль будетъ большая, напрасно никто не станетъ жалованья имѣть, за кѣмъ 15 дворовъ, то безъ жалованья, а хотя за кѣмъ одинъ дворъ, вычету рубль у него, и дать 15 рублевъ, а онъ возьметъ 14, а безпомѣстнымъ и пустопомѣстнымъ указныя статьи, за то тѣмъ ворамъ ненавидимъ сталъ".

Въ челобитной дворяне жалуются, что многіе изъ нихъ побиты и разорены на многихъ бояхъ отъ его боярскія дерзости, подъ Ляховичами и подъ Полонкою; что съ немногими людьми ходилъ на многихъ. Пишутъ, что, перешедши къ князю Борису Александровичу Репнину, свѣтъ увидали. Однажды случился въ полку сполохъ, и Хованскій велѣлъ дворянъ бить кнутомъ, а двоихъ казнить смертью, взводя вину, что они хотѣли въ сполохѣ грабить обозъ и его боярскіе кони: „У насъ", пишутъ дворяне, „такого сквернаго помысла не бывало и впредь не будетъ, потому что мы, холопи твои великаго государя природные, а не иноземцы и не Донскіе казаки" Хованскій оправдывался, что „наказалъ подѣломъ: зачѣмъ сполохъ сдѣлали и въ свой обозъ стрѣляли; если бы даже и непріятель подошелъ, то дѣло сторожей съ нимъ биться". — Челобитчики подали роспись сводницамъ, которыя приводили къ князю Ив. Андр. Хованскому и сыну его князю Андрею женокъ и дѣвокъ на блудъ. Оказывается, что четыре сводницы приводили болѣе двадцати женщинъ.

Челобитная Арцыбашева: „Бьетъ челомъ Новгородецъ Петрушка Матвѣевъ сынъ Арцыбашевъ; въ нынѣшнемъ въ 174 году, декабря 18, посадилъ онъ, бояринъ, меня въ тюрьму безъ твоего государева указа, безвинно за то, что я писалъ челобитную къ тебѣ по приказанію полковыхъ людей о полковыхъ нуждахъ и разореньяхъ и на него, боярина, о перемѣнѣ, и мучилъ меня въ тюрьмѣ 10 недѣль, и свѣдалъ онъ, что есть у меня полковая, заручная челобитная, и присылалъ въ тюрьму меня обыскивать, и видя то, что я ему той заручной челобитной не отдамъ, писалъ къ тебѣ, великому государю, на меня и, не дождався твоего указа, по наговору головы стрѣлецкаго Андрея Контева, велѣлъ меня привесть въ съѣзжую избу и учалъ на меня кручинитца безвинно и бранилъ м..... и говорилъ мнѣ: „Ты-де меня измѣнникомъ называешь и челобитную на меня писалъ", и, ставъ изъ мѣста, меня билъ по щекамъ и за волосы дралъ, и послѣ того меня велѣлъ вывесть на площадь и билъ на козлѣ кнутомъ нещадно, и изувѣчилъ меня и обезчестилъ, а какъ меня на площадь вывели, и голова московскихъ стрѣльцовъ Андрей Контевъ на мнѣ платье оборвалъ самъ своими руками. Да онъ же, бояринъ, нынѣ писалъ къ тебѣ изъ Пскова на меня, будто онъ велѣлъ меня бить кнутомъ за то, что у меня судъ былъ съ посадскимъ мужикомъ въ покленномъ его иску, и будто онъ, бояринъ, указалъ на мнѣ править его мужичій искъ, и будто я, не хотя того иску платить, изъ Пскова сбѣжалъ, а мнѣ противу суднаго дѣла приговору не сказано, и то судное дѣло не вершено. А иныхъ и многихъ онъ обезчестилъ и изувѣчилъ нашу братью, знатныхъ людей, напрасно кнутомъ и батоги, и говорилъ намъ многажды всему полку: „А чаю-жъ вы дороги, хотя-де васъ и всѣхъ побьютъ непріятельскіе люди, инъ-де изъ нашихъ дворовъ наведутъ и тѣ-де васъ будутъ лучше". А я поѣхалъ изъ Пскова не побѣгомъ и не отъ правежу отъ его боярской немилости къ тебѣ, государю, съ полковою заручною челобитною. Въ нынѣшнемъ, во 174 году, присланъ великаго государя указъ къ нему, боярину, о сыску про разоренье Курляндскаго князя, кто разграбилъ Тыновъ дворъ и иные мѣста, и бояринъ про то не сыскивалъ для того, что Тыновъ дворъ разграбили Донскіе казаки и дуваны были большіе, и изъ тѣхъ дувановъ казаки подвели боярину въ подаркахъ два возника каретные и иные многіе подарки къ нему носили"

ИСТОРІЯ РОССІИ
СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ.
Томъ тринадцатый.

Глава I.

Россія предъ эпохою преобразованія.

Общій обзоръ хода Древней русской исторіи.—Различіе Восточной и Западной Европы.—Природа Сѣверо-восточной Россіи.—Москва,—ея характеръ.—Великій Государь.—Случаи, когда онъ являлся предъ подданными; выходы и походы.—Его семейныя торжества.—Обѣды во дворцѣ.—Служня Великаго Государя.—Служня, собиравшаяся на крыльцѣ, и служня, собиравшаяся въ передней.—Ихъ интересы.—Мѣстничество.—Комната и доклады.—Сидѣнье В. Государя съ боярами о дѣлахъ.—Соборы.—Помѣщики.—Новое войско.—Военныя поселенія.—Казаки и стрѣльцы.—Кормленіе ратныхъ людей.—Кормленіе *отъ дѣлъ*.—Приказы.—Кормленіе по городамъ.—Видъ древняго русскаго города.—Воевода.—Губной староста.—Земскій староста.—Главные интересы горожанъ.—Подати.—Службы горожанъ.—Кормленіе воеводы и подьячихъ.—Столкновенія горожанъ съ воеводами, съ земскими старостами.—Борьба между лучшими и меньшими людьми.—Отношеніе къ верховному правительству.—Судьба преобразованій Ордина-Нащокина во Псковѣ.—Торговый уставъ.—Сельское народонаселеніе.—Смыслъ крестьянскаго прикрѣпленія.—Стремленіе крестьянъ къ образованію своихъ отдѣльныхъ отъ города міровъ.—Печальное положеніе крестьянъ.—Необходимость переворота.—Новые учителя.—Расколъ.—Обличенія.—Церковные соборы.—Затруднительное положеніе духовенства.—Значеніе Никонова дѣла.—Іосифъ Коломенскій.—Духовникъ Савиновъ.—Церковныя имѣнія.—Вопросъ о дѣтяхъ бѣлаго духовенства.—Нравы и обычаи.—Поворотъ на новый путь.—Театръ.—Литература.

При первомъ взглядѣ на карту Европы насъ поражаетъ различіе между двумя ея неравными половинами,—западною и восточною: на западѣ земля развѣтвлена, острова и полуострова; на западѣ горы; на западѣ много отдѣльныхъ народовъ и государствъ; на востокѣ—сплошная громадная равнина и одно громадное государство. Первая мысль при этомъ,—что двѣ, столько разнящіяся между собою, половины Европы должны были имѣть очень различную исторію. Мы знаемъ, какъ выгодны для быстроты развитія общественной жизни сосѣдство моря, длинная береговая линія, умѣренная величина рѣзко ограниченной государственной области, удобство естественныхъ внутреннихъ сообщеній, разнообразіе формъ, отсутствіе громадныхъ, подавляющихъ размѣровъ во всемъ, благорастворенie воздуха, безъ африканскаго зноя и азіятскаго мороза; эти выгоды отличаютъ Европу передъ другими частями свѣта, на эти выгоды указываютъ какъ на причину блестящаго развитія европейскихъ народовъ, ихъ господства надъ народами другихъ частей свѣта. Но, указывая на эти выгоды, должно разумѣть только Западную Европу, ибо Восточная ихъ не имѣетъ; природа для Западной Европы, для ея народовъ была мать; для Восточной для народовъ, которымъ суждено было здѣсь дѣйствовать,—мачиха. Если исчисленныя природныя выгоды содѣйствуютъ раннимъ и сильнымъ успѣхамъ цивилизаціи, то понятно, почему на историческую сцену прежде всего являются южные полуострова Европы, почему древній цивилизованный міръ (Римская имперія) обхватывалъ въ Европѣ южные полуострова, Галлію и Британію, значитъ—южную и западную окраины. Средняя и Сѣверо-западная Европа, Германія и Скандинавія—присоединились къ Римскому міру, т.-е. къ греко-римской цивилизаціи, послѣ; за ними примкнули къ ней западныя славянскія племена, и наконецъ, уже очень поздно, предъявляетъ свои права на европейскую цивилизацію и государство, заключившее въ своихъ предѣлахъ Восточную Европу. Такимъ образомъ, въ исторіи распространенія европейской цивилизаціи мы видимъ постепенное движеніе отъ запада къ востоку по указанію природы, ибо на западѣ сосредоточиваются самыя благопріятныя условія для раннихъ успѣховъ цивилизаціи и постепенно ослабѣваютъ, чѣмъ далѣе на востокъ. Любопытно въ этомъ отношеніи замѣтить предѣлы, гдѣ въ Европѣ останавливается наплывъ дикихъ азіятскихъ ордъ, народовъ первичнаго образованія: и здѣсь видимъ ту же постепенность. Наплывъ Гунновъ останавливается на Каталонскихъ поляхъ въ Галліи; Аварамъ прегражденъ дальнѣйшій путь въ Германіи; Мадьяры засѣли далѣе на востокѣ, въ Паннонiи:

Татары не могли и здѣсь остановиться, но наводнили восточную равнину, гдѣ и прежде ихъ толпились подобные имъ народы;—вся эта *погань*, по выраженію нашихъ предковъ, сплываетъ постепенно отсюда на востокъ, уступая Европѣ восточную ея половину. Но между пораженіемъ Аттилы при Шалонѣ до покоренія Крыма Екатериною Великою, когда должно положить окончательное очищеніе европейской почвы отъ господства азіятцевъ, прошло сколько вѣковъ! На столько вѣковъ, слѣдовательно, исторія дала ходу впередъ Западной Европѣ предъ Восточною. Юго-западныя оконечности Европы впрочемъ подверглись въ средніе вѣка нашествію жителей азіятскихъ и африканскихъ пустынь — Арабовъ, которые надолго утвердили свое владычество на Пиренейскомъ полуостровѣ. Въ этомъ отношеніи, при первомъ взглядѣ, судьба юго-западной оконечности Европы сходна съ судьбою восточной ея украйны, судьба Испаніи сходна съ судьбою Россіи; и Фердинандъ-Католикъ, положившій конецъ владычеству Арабовъ въ Испаніи, современникъ нашему Іоанну III, при которомъ спало татарское иго; но какая однако разница: что заимствовали испанскіе Вестъ-Готы и другіе европейцы у цивилизованнаго Араба, и что́ могли заимствовать Русскіе у Татарина съ товарищи, Башкирца, Чувашенина, Черемиса и т. п

Исторія-мачиха заставила одно изъ древнихъ европейскихъ племенъ принять движеніе съ запада на востокъ и населить тѣ страны, гдѣ природа является мачихою для человѣка. Въ началѣ новой европейско-христіанской исторіи два племени приняли господствующее положеніе и удержали его за собою навсегда, германское и славянское, племена-братья одного индо-европейскаго происхожденія: они подѣлили между собою Европу, и въ этомъ начальномъ дѣлежѣ, въ этомъ начальномъ движеніи—Нѣмцевъ съ сѣверо-востока на юго-западъ, въ области Римской имперіи, гдѣ уже заложенъ былъ прочный фундаментъ европейской цивилизаціи, и Славянъ, наоборотъ, съ юго-запада на сѣверо-востокъ, въ дѣвственныя и обдѣленныя природою пространства,—въ этомъ противоположномъ движеніи лежитъ различіе всей послѣдующей исторіи обоихъ племенъ. О первоначальномъ различіи въ характерахъ ихъ, о преимуществѣ въ этомъ отношеніи одного предъ другимъ и о вліяніи этого различія на исторію—мы не имѣемъ никакого права заключать, по недостатку извѣстій; мы видимъ только, что одно племя изначала дѣйствуетъ при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, другое—при самыхъ неблагопріятныхъ. Конечно, для Славянина, т.-е. преимущественно для Русскаго, есть сильное искушеніе предположить, что племя, которое, при всѣхъ самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, умѣло устоять, окруженное варварствомъ, умѣло сохранить свой европейско-христіанскій образъ, образовать могущественное государство, подчинить Азію Европѣ,—что такое племя обнаружило необыкновенное могущество духовныхъ силъ, и естественно раждается вопросъ: племя Германское, поставленное въ такихъ неблагопріятныхъ условіяхъ, сумѣло ли бы сдѣлать то же самое? Но непріятное восхваленіе своей національности, какое поволяютъ себѣ нѣмецкіе писатели, не можетъ увлечь Русскихъ послѣдовать ихъ примѣру.

Славяне на великой восточной равнинѣ Европы. Ихъ селенія виднѣются по Днѣпру и его притокамъ, по Днѣстру, Западной Двинѣ, Окѣ, по Ильменской озерной системѣ. Они живутъ отдѣльными родами, каждый родъ подъ своимъ родоначальникомъ; живутъ иные въ городахъ; но это громкое слово „городъ“ не должно смущать насъ, возбуждать мысль о противорѣчіи между существованіемъ городовъ и особнаго родоваго быта. Городомъ называлось всякое укрѣпленіе, всякая городьба, и сравнительное изученіе явленій вполнѣ объясняетъ дѣло: въ XVII вѣкѣ русскіе военные отряды, распространяя власть великаго государя по Сѣверной Азіи, находили туземцевъ, жившихъ отдѣльными родами, каждый подъ властію своего родоначальника, или *князьца*; по обыкновенно жилища семей, составлявшихъ родъ, были укрѣплены, обнесены острожками, которые Русскимъ людямъ надобно было брать иногда приступомъ съ кровопролитіемъ; въ острожкѣ бывало по четырнадцати юртъ,—а юрты большія, въ одной юртѣ жило семей по десяти [1]).—На сѣверѣ и сѣверо-востокѣ отъ Славянъ жили финскія племена подъ подобными же формами быта; на югѣ и юго-востокѣ—толпились хищные кочевники, смѣнявшіе, толкавшіе другъ друга. Славянамъ повремепамъ тяжело приходилось отъ нихъ: не спасали города, падавшіе въ одиночку въ безполезномъ сопротивленіи, и степной хищникъ запрягалъ славянскихъ женщинъ въ свою телѣгу.

Промчится буря—и все опять тихо и однообразно попрежнему; степные хищники исчезнутъ, оставивъ только пословицу „изгибоша яко Обри“; силы не возбуждаются постояннымъ присутствіемъ врага, какъ возбуждены были силы Германцевъ враждебными движеніями Римлянъ; да и какъ были бы возбуждены эти силы, когда племена разбросались, затерялись на такомъ огромномъ пространствѣ? Было бы слишкомъ смѣшно думать, что племена были многочисленны и наполняли сплошь пространство; повѣрка готова: многочисленно ли были здѣсь народонаселеніе, спустя много и много вѣковъ послѣ описываемаго времени? и теперь наша восточная равнина принадлежитъ къ малонаселеннымъ частямъ Европы: что же было за тысячу лѣтъ назадъ?

Но пробилъ часъ: историческое движеніе, историческая жизнь началась и для Восточной Европы. По водной дорогѣ, тянувшейся съ небольшимъ перерывомъ или волокомъ отъ Балтійскаго моря къ Черному, показываются лодки, наполненныя вооруженными людьми: плыветъ Русскій князь изъ Новгорода съ дружиною. „Платите намъ дань“, повторяетъ онъ въ каждомъ селеніи у каждаго острожка славянскаго. Требованіе не новое: несутъ мѣха, лишь бы только избавиться поскорѣе отъ гостей. Но на этотъ разъ гости не исчезаютъ, какъ Авары, не уходятъ въ Донскія и Волжскія степи, какъ Козары. На высокомъ западномъ берегу Днѣпра поднимается городъ, стольный городъ княжескій, мать городовъ,—Кіевъ. Князь усаживается здѣсь съ дружиною; окрестнымъ племенамъ уже нѣтъ болѣе покоя: по всѣмъ рѣкамъ и рѣчкамъ ходитъ князь съ дружиною, собираетъ дань; куда не придетъ самъ князь,—придетъ мужъ княжой съ своею дружиною за данью; смотрятъ—гости рубятъ городки и усаживаются въ нихъ, садятся въ старыхъ городахъ, которые повыгоднѣе стоятъ и которые побольше. Кличутъ кличъ: кто хочетъ селиться около городовъ,—будетъ защита и льгота; кто знаетъ нужное ремесло,—будетъ пожива, дорого будутъ платить ратные люди, которымъ не самимъ же все на себя дѣлать. И города населяются, начинаются въ нихъ торги, стягивается народъ отовсюду; пустѣютъ села; князекъ-родоначальникъ не досчитывается многихъ своихъ: ушли въ городъ, а все были люди хорошіе, досужіе на всякое дѣло. Но села опустѣютъ еще больше; кличутъ кличъ: „Князь идетъ въ походъ, собирайтесь, кто сможетъ!“ Молодежь поднимается, рубятъ лодки, уходятъ и долго нѣтъ вѣсти: наконецъ возвращаются—другіе люди! были они въ самомъ Царѣградѣ, какія чудеса тамъ видѣли! какія диковинныя вещи съ собою привезли! Грековъ побѣдили, несмотря на всѣ ихъ хитрости, заставили дань платить; а кто отличился,—тотъ въ дружинѣ у князя или боярина; чудное житье въ дружинѣ: пиръ да ловы съ утра до вечера—всего много у князя; ничего не жалѣетъ для дружины,—а какой почетъ!

---

[1]) См. Исторію Россіи съ древн. врем. Кн III, т. XII, стр. 584.

Такимъ образомъ, исторія Россіи, подобно исторіи другихъ государствъ, начинается богатырскимъ, или героическимъ періодомъ, т.-е. вслѣдствіе извѣстнаго движенія, у насъ вслѣдствіе появленія Варяго-Русскихъ князей и дружинъ ихъ, темная безразличная масса народонаселенія потрясается, и происходитъ выдѣлъ изъ нея лучшихъ людей, по тогдашнимъ понятіямъ, т.-е. храбрѣйшихъ, одаренныхъ большою матеріальною силою и чувствующихъ потребность упражнять ее. Старая русская пѣсня очень хорошо опредѣляетъ намъ лучшаго человѣка, богатыря или героя: „Сила-то по жилочкамъ такъ живчикомъ и переливается, грузно отъ силушки, какъ отъ тяжелаго беремени“. Это мужи, люди по преимуществу, тогда какъ остальные въ глазахъ ихъ остаются полулюдьми, маленькими людьми, *мужиками*. Мужи, или богатыри своими подвигами начинаютъ исторію; этими подвигами ихъ народъ становится извѣстенъ у чужихъ народовъ: эти же подвиги у своего народа становятся предметомъ пѣсенъ, перваго матеріала историческаго. Воображеніе народа поражено подвигами богатырей, ихъ побѣдами надъ внѣшними врагами, перемѣнами, которыя произведены ихъ движеніями внутри; все это, разумѣется, преувеличивается, представляется въ гигантскихъ размѣрахъ. Все, выходящее изъ ряда обычныхъ, ежедневныхъ явленій, младенчествующій народъ приписываетъ вліянію высшихъ силъ, и богатыри необходимо являются существами выше простыхъ людей: имъ приписывается божественное происхожденіе; у насъ же, по неразвитости миѳологіи и скоромъ вліяніи христіанства, богатырь хотя и не божественнаго происхожденія, однако, по крайней мѣрѣ, чародѣй: князь Олегъ, поразившій народное воображеніе удачнымъ походомъ на Константинополь и богатствами, оттуда привезенными, является необходимо чародѣемъ, „вѣщимъ“. Самый разсказъ о подвигахъ богатыря-чародѣя пріобрѣтаетъ чудодѣйственную силу,—море утихаетъ, когда раздается пѣсня о богатырѣ: „Тутъ вѣкъ про Добрыню старину скажутъ, синему морю на тишину, вамъ всѣмъ, добрымъ людямъ, на послушанье“. Это старинное форменное присловье показываетъ намъ, что богатырскія пѣсни впервые раздавались на тѣхъ лодкахъ, отъ которыхъ Черное море прозвалось Русскимъ.

Богатыри упражняли свою силу, отъ которой имъ было грузно: но что же дѣлалось вслѣдствіе этого на великой восточной равнинѣ? Мы видѣли, что среди племенъ появился городъ съ новымъ характеромъ, какъ мѣстопребываніе новой власти, мужа княжаго; скоро потомъ въ лучшихъ городахъ являются и князья, сыновья, братья главнаго князя Кіевскаго: съ ними дружина, которая не позволитъ племени удерживать свою независимость, не платить ясака или дани; кромѣ того, лучшія силы, лучшіе люди уходятъ изъ племени,—одни въ дружину, другіе въ промышленное городское народонаселеніе, въ посадскіе люди. Народонаселеніе восточной равнины дѣлится уже не по племенамъ; здѣсь новое дѣленіе, три сословія на лицо: ратные люди, дружина, мужи, предъ которыми все остальное, нератное народонаселеніе — черные люди, смерды, мужики; но послѣдніе дѣлятся также на два разряда,—городское, промышленное сословіе, и сельчанъ; послѣдніе естественно ослабѣли, потерявъ лучшія силы, ушли на самый задній планъ; о нихъ не слышно; лѣтопись, какъ естественно, разсказываетъ только о тѣхъ, кто движется, этимъ движеніемъ обращаетъ на себя вниманіе, заставляетъ двигаться другихъ, производитъ перемѣны. Лѣтопись поэтому разсказываетъ преимущественно о князьяхъ и ихъ дружинахъ, ибо они преимущественно движутся; иногда упоминаетъ и о горожанахъ, когда тѣ, разбогатѣвши, усилившись и воспользовавшись усобицами, раздѣленіемъ и ослабленіемъ князей, подняли голосъ, начали также двигаться и производить перемѣны своимъ движеніемъ; но лѣтописецъ молчитъ о сельчанахъ: здѣсь тихо, нѣтъ движенія.

Племена исчезаютъ въ первый, богатырскій періодъ: вмѣсто нихъ являются волости, княженія, съ именами, заимствованными не отъ племенъ, а отъ главныхъ городовъ, отъ правительственныхъ, стянувшихъ къ себѣ окружное народонаселеніе, центровъ. Ярославъ раздаетъ своимъ сыновьямъ волости, города, а не племена; это исчезновеніе племенныхъ именъ служитъ самымъ яснымъ доказательствомъ слабости племеннаго начала у насъ на Руси. Въ исторіи Германіи мы постоянно встрѣчаемся съ Саксонцами, Турингами, Франконцами, Швабами, Баварцами, и, въ соотвѣтствіе этому, мы знаемъ, что особность, самостоятельность и сила племенъ были причинами того, что государственное единство Германіи стало невозможно, о чемъ плачутъ теперь нѣмецкіе патріоты. Сила племени, его стремленіе къ особности и самостоятельности обнаруживаются не въ томъ, что одно говоритъ — *ц* тамъ, гдѣ другое употребляетъ *ч*; вліяніе племеннаго начала въ исторіи не условливается одними различіями въ правахъ и обычаяхъ, происходящими отъ того, что одни живутъ въ странѣ болотистой, а другіе въ сухой, одни въ лѣсахъ, другіе въ степи; — племенное начало является вліятельнымъ въ исторіи только тогда, когда племя многочисленно, сомкнуто подъ одною властію и путемъ исторической дѣятельности получило ясное сознаніе о своей самостоятельности, сознаніе о противоположности своей другимъ племенамъ, вслѣдствіе пріобрѣтенія особыхъ интересовъ. Но замѣчаемъ ли мы что-нибудь подобное у нашихъ племенъ до Рюрика и послѣ него? Неужели отказъ платить ясакъ, когда прежде его не платили, и возмущеніе части Древлянъ, выведенныхъ изъ терпѣнія хищничествомъ Кіевскаго князя, похожи на борьбу Саксонцевъ противъ вождя Франковъ, Карла Великаго?

Славянское народонаселеніе различныхъ мѣстностей восточной равнины потеряло свои племенныя имена, значитъ — потеряло сознаніе о племенныхъ особенностяхъ, о племенныхъ союзахъ, значитъ — особенности эти не выдавались рѣзко; значитъ — союзовъ этихъ не было или были они случайнымъ явленіемъ. Бытъ этихъ племенъ, жившихъ отдѣльными родами, подвергся коренному преобразованію вслѣдствіе начала движенія, исторической жизни, вслѣдствіе появленія князя, дружины и городскаго народонаселенія, порознившагося отъ сельскаго. Но перемѣны этимъ не ограничились: вслѣдствіе геройскаго, богатырскаго движенія, далекихъ походовъ на Византію, явилась и распространилась новая вѣра, христіанство, явилась Церковь, еще новая, особая часть народонаселенія, духовенство; прежнему родоначальнику, старику, нанесенъ былъ новый, сильный ударъ: онъ потерялъ свое жреческое значеніе, — подлѣ него явился новый отецъ, духовный, священникъ христіанскій, и эта новая власть тянула къ городу, потому что тамъ жилъ архіерей.

Но понятно, что этотъ переворотъ въ бытѣ славянскаго народонаселенія восточной равнины не могъ закончиться въ продолженіе начальнаго богатырскаго времени, отъ Рюрика до смерти Ярослава I-го. Извѣстно, напримѣръ, какъ слабо еще укоренено было христіанство въ концѣ этого времени и долго спустя, какъ въ Новгородѣ волхвъ чуть не обратилъ всего народа снова къ древнему язычеству. Воинственное движеніе первыхъ князей обхватило всѣ племена, и въ каждомъ болѣе или менѣе повело къ означеннымъ перемѣнамъ; но извѣстно, что юныя тѣла представляютъ сходство съ тѣлами одряхлѣвшими; ибо и здѣсь и тамъ дѣйствуетъ одинаково слабость: такъ и новорожденныя государства сходны, повидимому, въ томъ съ одряхлѣвшими, что не могутъ сохранить единства, непосредственной связи между частями. Одряхлѣвшее Римское государство покончило свое существованіе раздѣленіемъ, раздѣленіемъ новыя европейскія государства начинаютъ свою исторію. Новорожденное Русское государство не могло не подчиниться общему закону. Но должны ли мы здѣсь останавливаться на одной видимости, ограничиваться однимъ внѣшнимъ, поверхностнымъ взглядомъ и признать дѣйствительное раздѣленіе? Конечно нѣтъ. Мы должны, наоборотъ, обратить все наше вниманіе на то, на чемъ, при внѣшнемъ дѣленіи, держится внутренняя связь частей, что не даетъ имъ обособиться; какъ постепенно укрѣпляется связь частей, единство государственное; мы должны слѣдить за развитіемъ, ростомъ государства, вмѣстѣ съ развитіемъ, ростомъ народа, за постепеннымъ уясненіемъ сознанія его о себѣ, какъ единомъ цѣломъ.

Мы видѣли, что племена не были въ состояніи противодѣйствовать усиленію государственнаго единства. Главнымъ препятствіемъ этому единству могло быть громадное пространство государственной области, очерченной оружіемъ первыхъ Рюриковичей. Съ успокоеніемъ движенія, богатырства, знаменующаго начало исторической жизни народа, или съ отвлеченіемъ этого движенія куда-нибудь въ другую сторону, связь собственной, вначалѣ, Руси, Кіевской области съ отдаленными волостями, могла ослабѣть; правители волостей, благодаря отдаленности, могли устремиться къ самостоятельности, особенно если бы главный князь Кіевскій сталъ требовать отъ нихъ исполненія тяжелыхъ обязанностей, большой дани себѣ съ ихъ волостей; тогда бы и выгоды народонаселенія этихъ областей совпали съ выгодами правителя, и все вмѣстѣ начало бы стремиться къ независимости. Чтобъ удержать всѣ части въ связи, надобно было, чтобъ движеніе, знаменующее первый, богатырскій періодъ, не прекращалось; чтобъ представители историческаго движенія, князь и дружина, не прекращали своего движенія, но перебѣгали бы безпрестанно обширныя пространства восточной равнины, не давая волостямъ обособляться, возбуждая ихъ безпрерывно къ общей жизни. Это именно явленіе мы и видимъ во время, протекшее отъ смерти Ярослава I-го до выступленія Сѣверной Руси на главную сцену дѣйствія. Движеніе сильное, безпрерывное: князья съ дружинами переходятъ изъ одной волости въ другую, идетъ борьба, усобицы и вся сила движенія сосредоточена внутри русскихъ областей, не выходитъ наружу: много видимъ князей—богатырей не хуже древняго Святослава Игоревича, но ни одинъ изъ нихъ не переселяется на Дунай. Это движеніе условливалось родовыми княжескими отношеніями: князья разошлись по волостямъ, даже самымъ отдаленнымъ, но единство рода сохранялось, главный столъ принадлежалъ старшему въ цѣломъ родѣ, а лучшія волости доставались по степени старшинства. Отсюда князья только временные владѣльцы въ волостяхъ своихъ; все ихъ вниманіе обращено на то, чтобъ не потерять своего старшинства, какъ права на лучшую волость; взоры ихъ устремлены постоянно на Кіевъ, и, вмѣсто стремленія обособиться, они считаютъ величайшимъ несчастіемъ для себя, если принуждены выйти изъ общаго родоваго движенія.

Но понятно, что если все вниманіе князей обращено на одно общее средоточіе, если у нихъ у всѣхъ одинъ общій интересъ, если всѣ тянутъ къ Кіеву, то и волости, и народонаселеніе этихъ волостей не могутъ обособиться: Ростовцы и Черниговцы, Владимірцы на Волыни и Смольняне должны обращать постоянное вниманіе на Кіевъ, на Переяславль,—ибо перемѣны,которыя произойдутъ здѣсь, непремѣнно повлекутъ за собою важныя перемѣны и для ихъ области: или прежній князь уйдетъ, придетъ другой на его мѣсто: или начнется усобица, въ которой ихъ князь и они сами должны будутъ принять участіе. Такимъ образомъ, посредствомъ родовыхъ княжескихъ отношеній, посредствомъ безпрестанныхъ передвижекъ князей и дружинъ ихъ изъ одной области въ другую, народонаселеніе и самыхъ отдаленныхъ областей не могло высвободиться изъ общей жизни, постоянно имѣло общіе интересы и укореняло въ себѣ сознаніе о нераздѣльности Русской Земли. Разумѣется, частыя смѣны князей, вслѣдствіе родовыхъ ихъ счетовъ и усобицы, отъ запутанности въ этихъ счетахъ происходившія, должны были имѣть тяжелыя послѣдствія для народонаселенія областей; но нельзя было заставить князя отказаться отъ родового единства; Новгородцы пробовали-было завести у себя постояннаго князя, но безуспѣшно. По крайней мѣрѣ связь съ Кіевомъ ничего не стоила областямъ въ другомъ отношеніи онѣ ничего не платили въ Кіевъ и были отъ него совершенно независимы.

Къ единству политическому, державшемуся родовыми княжескими отношеніями, присоединялось единство церковное: единый митрополитъ жилъ въ Кіевѣ, и къ нему тянули епископы всей Русской Земли, къ Кіеву тянуло все русское христіанство, которое все болѣе и болѣе распространялось по восточной равнинѣ, тѣсня славянское и финское язычество. Къ Кіеву тянуло русское христіанство не потому только, что тамъ было средоточіе церковнаго управленія: изъ Кіева распространилось христіанство повсюду, сперва вслѣдствіе ревности князей и движенія ихъ съ дружинами по областямъ, но потомъ изъ Кіева же пошли съ проповѣдью христіанства монахи; Кіево-печерскій монастырь разсылалъ епископовъ повсюду; религіозное движеніе къ Кіеву по всѣмъ частямъ Русской Земли; обычай ходить на поклоненіе святынямъ Кіева не со вчерашняго дня.

Такимъ образомъ, то время, которое съ перваго раза кажется временемъ раздѣленія, розни, усобицъ княжескихъ, является временемъ, когда именно было положено прочное основаніе народному и государственному единству. Во время, протекшее отъ призванія князей до смерти Ярослава, племена волею-неволею были втолкнуты въ общую жизнь, бытъ ихъ подвергся измѣненіямъ; но это были во всемъ только начатки. Чтобъ эти начатки развились, укрѣпились,—нужно было продолженіе такого же сильнаго движенія князей и дружинъ ихъ, движенія, сосредоточеннаго въ области, намѣченной оружіемъ первыхъ князей. И, дѣйствительно, мы видимъ это движеніе, совершающееся вслѣдствіе единства княжескаго рода, родовыхъ счетовъ между князьями. Время и отъ смерти Ярослава до Боголюбскаго представляетъ намъ продолженіе того же героическаго богатырскаго періода, періода движенія, имѣющаго цѣлію пробужденіе исторической жизни. Князья попрежнему отличаются богатырскимъ характеромъ, они движутся безпрестанно изъ одной области въ другую; усѣсться на одномъ мѣстѣ, завести что-нибудь прочное, постоянное—не въ ихъ характерѣ; хорошій князь не долженъ ничего копить, собирать впрокъ,—долженъ все раздавать дружинѣ, съ которою можетъ добыть все; князь имѣетъ въ виду постоянное движеніе съ одного стола на другой до тѣхъ поръ, пока не сложитъ костей въ завѣтномъ Кіевѣ, подлѣ гробовъ отцовскихъ и дѣдовскихъ. Князь-богатырь, который оставилъ по себѣ больше другихъ славы, Мономахъ, самъ подалъ о себѣ вѣсть потомству, описалъ свою дѣятельность: эта дѣятельность состояла въ вѣчномъ движеніи, въ безпрерывныхъ походахъ изъ одной стороны въ другую. Если мы взглянемъ на карту Россіи и припомнимъ, что должно было представлять это обширное пространство въ XI и XII вѣкахъ, то понятно намъ станетъ значеніе Мономаха, значеніе этой постоянной передвижки, бѣготни, подъ условіемъ которыхъ поддерживались начатки исторической жизни во всѣхъ частяхъ, поддерживалось всюду сознаніе о единствѣ Русской Земли.

До призванія князей существовали отдѣльныя племена, сходствомъ своимъ способныя принадлежать къ одной народности; съ призваніемъ князей, съ началомъ историческаго движенія, племена приводятся въ связь преимущественно внѣшнюю, начинается переработка ихъ быта; но только благодаря явленіямъ,характеризующимъ время отъ смерти Ярослава до конца XII вѣка, является Русскій народъ.

Такъ важно было продолженіе движенія на великой восточной равнинѣ Европы, продолженіе героическаго, богатырскаго періода Русской исторіи по условіямъ, среди которыхъ эта исторія началась, по обширности и дѣвственности страны. Но теперь всмотримся въ слѣдствія этого продолжительнаго движенія. Когда мы представляемъ себѣ постоянное, продолжительное движеніе, то это представленіе не даетъ мѣста представленію о чемъ-либо прочномъ, установившемся. Въ Западной Европѣ, при началѣ ея новыхъ государствъ, мы видимъ движеніе германскихъ дружинъ съ ихъ вождями въ области Римской имперіи и вооруженное занятіе ими этихъ областей. Но здѣсь мы видимъ, что пришельцы овладѣваютъ землею, усаживаются на ней главные вожди; изъ своихъ обширныхъ земельныхъ участковъ выдѣляютъ другимъ въ пользованіе съ извѣстными обязанностями; волости, розданныя во временное владѣніе, по разнымъ причинамъ, становятся наслѣдственными; слабый землевладѣлецъ, желая пріобрѣсть покровительство сильнаго сосѣда, отдаетъ ему свою землю и получаетъ ее назадъ уже съ извѣстными обязанностями къ сильному. Здѣсь, на западѣ, на основаніи поземельныхъ отношеній, образуется та связь между землевладѣльцами, которую мы называемъ феодализмомъ,—связь, которая въ первыя времена, времена слабости государственнаго организма, точно такъ же содѣйствовала сохраненію единства страны, какъ наши родовыя княжескія отношенія. Земля, отношенія по землѣ составляютъ сущность феодальной системы. Эта система, по счастливому выраженію одного историка, есть какъ бы религія земли. Недвижимое имущество, земля—господствуетъ, и только послѣ, вслѣдствіе развитія промышленности и торговли, процвѣтанія городовъ, получаетъ важное значеніе движимое имущество, деньги, является и денежная аристократія подлѣ земельной. Но у насъ на восточной равнинѣ мы не замѣчаемъ подобнаго явленія. Какъ ни вчитываемся въ лѣтопись, чтобъ подмѣтить въ ней указанія на земельныя отношенія дружины,—не находимъ ничего. И опять, если обратимъ вниманіе на главное условіе, при которомъ началась и продолжалась Русская исторія, именно—на обширность страны и малочисленность народонаселенія, то дѣло объяснится легко: земли было слишкомъ много, она не имѣла цѣнности безъ обрабатывающаго ее народонаселенія; главный доходъ князя, который, разумѣется, шелъ преимущественно на содержаніе дружины, состоялъ въ дани, которую князь собиралъ съ племенъ и которая потомъ продавалась въ Греціи. Вначалѣ, если князь не ходилъ за данью, то дружина его бѣдствовала: „У Свѣнельдовыхъ отроковъ много оружія и платья, а мы босы и наги; пойдемъ, князь, съ нами за данью!“ говоритъ дружина Игоря. Извѣстіе драгоцѣнное, показывающее намъ, какъ мы должны смотрѣть на дѣло. Дружинники не усаживаются на выдѣленныхъ имъ земельныхъ участкахъ въ самостоятельномъ положеніи землевладѣльцовъ, обезпеченныхъ доходомъ съ этихъ земель: они остаются съ прежнимъ характеромъ спутниковъ, товарищей князя, остаются при немъ, въ полной зависимости отъ него относительно содержанія: они привязаны къ особѣ князя, вождя своего, который ихъ кормитъ и одѣваетъ; кормитъ и одѣваетъ дурно,—они ропщутъ, и если ропотъ не производитъ дѣйствія, если князь не уступаетъ имъ, какъ уступилъ Владиміръ, выложившій серебряныя ложки вмѣсто деревянныхъ, то дружинники уходятъ къ другому князю, который щедрѣе. Но, можетъ-быть, такъ было только вначалѣ, послѣ отношенія перемѣнились? Нисколько: отъ позднѣйшаго времени доходятъ до насъ извѣстія, что дружинники кормились не отъ земли, но получали отъ князя денежное жалованье. Лѣтописецъ, жалуясь на усиліе роскоши, говоритъ, что прежніе дружинники не позволяли женамъ своимъ излишней роскоши, и потому довольны были сотнею гривенъ, получаемыхъ отъ князя, а теперь говорятъ: „Мало мнѣ, князь, ста гривенъ!“ потому что жены ихъ стали носить золотыя украшенія, вмѣсто серебряныхъ.

Иначе и быть не могло при родовыхъ княжескихъ отношеніяхъ, когда князь не былъ крѣпокъ въ своей волости, но, стремясь по родовой лѣствицѣ къ старшему столу, переходилъ изъ одной волости въ другую; дружина слѣдовала за нимъ; князя выгоняли враждебные родичи, дружину постигала та же участь. При подобной перекочевкѣ могла ли недвижимая, земельная собственность имѣть важное значеніе?

Такимъ образомъ дружина, послѣ появленія ея на восточной равнинѣ, въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ не усаживается, но сохраняетъ первоначальный характеръ, характеръ военнаго общества, братства, которое съ своимъ вождемъ движется, ища подвиговъ и добычи. Дружина хорошо, весело живетъ при князѣ: князь старшій товарищъ, старшій братъ, а не повелитель; онъ не таится отъ дружины, дружина знаетъ всякую его думу; онъ ничего не щадитъ для дружины, ни ѣды, ни питья, ничего не копитъ себѣ,—все раздаетъ дружинѣ; а не хорошъ князь, думаетъ свою думу врознь отъ дружины, скупъ князь, или завелъ любимца,—дружинники покидаютъ его: имъ легко это дѣлать, они не связаны съ областію, гдѣ правитъ покинутый князь; они Русскіе, а Русская Земля велика и князей много,—каждый съ радостію приметъ добраго воина. Такъ въ продолженіе цѣлыхъ вѣковъ русскіе дружинники привыкли жить въ этой первоначальной формѣ военнаго братства, привольно двигаясь изъ волости въ волость на неизмѣримомъ пространствѣ, сохраняя первоначальную волю, свободу перехода, право служить какому захочетъ князю, привыкли жить беззаботно, не думая о завтрашнемъ днѣ, не чувствуя никакого давленія сверху, не чувствуя нужды соединять свои силы для отпора, для защиты своихъ правъ, привыкли избѣгать всякой непріятности, всего дурнаго не сопротивленіемъ, но уходомъ, привыкли руководиться интересами личными, а не сословными.

Но, говоря о родовыхъ княжескихъ отношеніяхъ и важныхъ слѣдствіяхъ этихъ отношеній для дружины, мы не должны упускать изъ виду одного чрезвычайно важнаго обстоятельства, именно быстраго размноженія членовъ Рюрикова княжескаго рода. Приведенный нами случай, когда дружинники становятся землевладѣльцами, не есть единственный случай образованія сильнаго вельможества въ странѣ. Вельможество происходитъ также, когда князь раздаетъ своимъ приближеннымъ города и цѣлыя области въ управленіе; эти правители естестественно пріобрѣтаютъ важное значеніе и передаютъ его потомству. Такъ произошло польское вельможество, которое очень скоро уже начинаетъ бороться съ королевскою властію, ограничивать ее. Но въ Россіи очень быстро размножаются члены княжескаго рода, вслѣдствіе чего всѣ области и всѣ сколько-нибудь значительные города управляются князьями, и для бояръ прегражденъ такимъ образомъ путь къ образованію могущественнаго, въ родѣ польскаго, вельможества: на первомъ планѣ князья, ихъ родовые счеты и движенія, борьбы вслѣдствіе этихъ счетовъ. Дружина, увлеченная вихремъ этого движенія, не успѣваетъ пріобрѣсти никакого самостоятельнаго значенія; отсюда понятно, почему въ описываемое время князья наполняютъ почти исключительно всю историческую сцену; лѣтопись является лѣтописью княжескою, говоритъ о князьяхъ, ихъ однихъ имена попадаются безпрестанно въ глаза и производятъ такое утомительное однообразіе.

Но всмотримся пристальнѣе: подлѣ князей и дружинъ ихъ, не усѣвшихся, перекочевывающихъ изъ одной области въ другую, что обличаетъ общество новорожденное, мы замѣчаемъ любопытное явленіе, которое еще болѣе обличаетъ новорожденное общество, явленіе уже невозможное въ обществѣ сколько-нибудь зрѣломъ, сформировавшемся: лѣтопись упоминаетъ о богатыряхъ, людяхъ, отличающихся особенною физическою силою и храбростію, и которые не входятъ въ дружину княжескую, составляютъ особую силу, помогая то тому, то другому князю. Исторія можетъ еще подмѣтить на дѣвственной восточной равнинѣ процессъ первоначальнаго выдѣленія силъ изъ народонаселенія, приведеннаго въ движеніе. А если сравнимъ общество, о которомъ идетъ рѣчь и которое мы называемъ новорожденнымъ въ смыслѣ общества европейскаго, отличающагося сложностію своего построенія, чѣмъ оно и выше, совершеннѣе другихъ обществъ,—если мы сравнимъ Русскій народъ XI и XII вѣка съ сосѣдями восточными, то какъ высоко станетъ онъ! Подлѣ степь съ ея кочевыми обитателями; и здѣсь мы опять можемъ наблюдать переходъ народовъ отъ кочеваго быта къ осѣдлому; между дикими степными кочевниками и осѣдлою Русью образуются народцы полукочевые и полуосѣдлые, полунезависимые, имѣющіе собственныхъ князьковъ, но признающіе верховную власть Русскихъ князей, причемъ однако нерѣдко измѣняютъ въ пользу своихъ дикихъ собратій.

Но въ то время какъ на восточной равнинѣ князья и дружины, сохраняя первоначальный богатырскій характеръ, не покидаютъ движенія, не привязываются землевладѣніемъ, какъ на Западѣ, города, которымъ, вслѣдствіе счастливаго положенія своего, удалось подняться чрезъ промышленность и торговлю, необходимо должны были пріобрѣсти важное значеніе, именно потому, что тамъ живетъ князь: но теперь князья мѣняются, спорятъ, трудно разобрать, кто изъ нихъ правъ,—и младшіе города, вся волость, естественно, по старой привычкѣ, смотрятъ на старшій: что тамъ скажутъ, какъ рѣшатъ,—такъ и всѣ другіе рѣшатъ. Старшіе города, жители его, собранные на вѣчѣ, являются такимъ образомъ *властію*, и на чемъ они, старшіе, положатъ,—на томъ и пригороды станутъ. При множествѣ князей, ихъ спорахъ и усобицахъ, города естественно стремились къ тому же положенію, какое пріобрѣла дружина, переходить отъ дурного князя къ лучшему. Вскорѣ по смерти Ярослава, когда явилось уже нѣсколько князей, Кіевляне выгоняютъ князя, который не умѣлъ защитить ихъ отъ Половцевъ, и берутъ себѣ другого, его плѣнника. Впослѣдствіи эти явленія повторяются, гдѣ чаще, гдѣ рѣже,—въ Новгородѣ Великомъ чаще всего. Естественно, что при этомъ происходили условія, ряды. Только новгородскія ряды дошли до насъ; что же касается до другихъ городовъ, то нельзя думать, чтобъ въ нихъ было много опредѣленій относительно самостоятельности городскаго управленія: какъ дружинникъ, имѣя возможность обезпечивать себя лично свободнымъ переходомъ, забылъ думать о какихъ-либо другихъ опредѣленіяхъ своего сословнаго положенія, точно такъ и города встрѣчали препятствіе къ точнѣйшимъ опредѣленіямъ своего быта именно въ возможности перемѣнить дурного правителя и судью; призовутъ на его мѣсто хорошаго, уговорятся съ нимъ, чтобъ поставилъ всюду хорошихъ второстепенныхъ правителей и судей,—и все пойдетъ хорошо. На Западѣ владѣлецъ жилъ постоянно тутъ, былъ вѣчнымъ землевладѣльцемъ; отъ его притѣсненій городу не было другого средства, какъ поцѣловать крестъ *стоять за одинъ* (jurer la commune), съ помощію высшаго авторитета заставить притѣснителя опредѣлить навсегда свои отношенія къ городу. На Руси же иное дѣло: противъ князя добраго и несильнаго не нужно обезпеченій, а придетъ на его мѣсто князь сильный,—тотъ не станетъ смотрѣть на рядъ своего предшественника, не будучи съ нимъ ничѣмъ связанъ, часто будучи врагомъ его; высшаго же авторитета, который бы могъ утвердить права города относительно его князя, нѣтъ; всѣ князья равны на своихъ столахъ и высшаго надъ собою не признаютъ. Наконецъ, лучшее доказательство неразвитости самоуправленія въ древнихъ городахъ русскихъ,—это когда нѣкоторые изъ нихъ подпали подъ власть Литвы, то приняли чужія формы самоуправленія, именно Нѣмецкое Магдебургское право: чужія формы добровольно берутся тогда, когда нѣтъ своихъ.

Духовенство, начальные его люди, архіереи, хотя часто и пришельцы, но, оставаясь постоянно среди своей паствы, не могли не имѣть большаго вліянія на дѣла волости, на ея отношенія къ князьямъ; владыкѣ принадлежало первое мѣсто во всякомъ видномъ случаѣ. Среди постоянно движущихся, другъ съ другомъ воюющихъ князей, среди движущихся вмѣстѣ съ князьями дружинъ, среди волостей, колеблящихся, мятущихся вслѣдствіе этого движенія и борьбы, единый митрополитъ Кіевскій и всея Руси могъ бы пріобрѣсти огромное значеніе; это была одна постоянная сила среди другихъ движущихся, слѣдовательно слабѣйшихъ. Но этотъ митрополитъ былъ обыкновенно Грекъ, чужой человѣкъ, безъ языка передъ народомъ, безъ вліянія.

Такимъ образомъ во сто лѣтъ, протекшія отъ смерти Ярослава I, мы видимъ, что, преимущественно вслѣдствіе продолженія движенія, всѣ элементы задержаны въ своемъ развитіи, на лицо всѣ первоначальныя формы: бродячія дружины, члены ихъ, свободно переходящіе отъ одного князя къ другому, въ челѣ дружинъ неутомимые князья-богатыри, переходящіе изъ одной волости княжить въ другую, ищущіе во всѣхъ странахъ честь свою взять, не помышляя ни о чемъ прочномъ, постоянномъ, не имѣя своего, но все общее, родовое; вѣча съ первоначальными формами народныхъ собраній безо всякихъ опредѣленій; а тутъ на границѣ кочевники переходятъ къ полуосѣдлости; немного далѣе, въ степи, виднѣются вежи и чистыхъ кочевниковъ. Все здѣсь, на восточной равнинѣ, отзывается первобытнымъ міромъ, общество какъ будто еще въ жидкомъ состояніи, и нельзя предвидѣть, въ какомъ отношеніи найдутся общественные элементы, когда наступитъ время перехода изъ этого жидкаго, колеблющагося состоянія въ твердое, когда все усядется и начнутся опредѣленія.

Когда же и гдѣ именно, при какихъ условіяхъ начались эти опредѣленія? Отъ уясненія этихъ вопросовъ зависитъ уясненіе всего послѣдующаго хода исторіи Мы видѣли, что исторія сначала выбираетъ всегда лучшія земли, и отсюда постепенность историческаго движенія въ Европѣ съ юга на сѣверъ или съ юго-запада на сѣверо-востокъ. То же самое видимъ и у насъ на восточной равнинѣ. Исторія начинается здѣсь на западѣ, на водномъ пути изъ Балтійскаго моря въ Черное; начинается на сѣверо-западѣ, но уже второй князь переселяется съ сѣвера на югъ, въ среднее Приднѣпровье, въ лучшія страны, гдѣ и образуется собственная, въ древности, Русь. Здѣсь, въ западной части равнины, по великому водному пути, остается главная историческая сцена при первыхъ князьяхъ и сто лѣтъ спустя по смерти Ярослава Великаго. Но мы видѣли, что изначала Славянамъ суждено было двигаться на сѣверо-востокъ, въ страны, болѣе и болѣе обдѣленныя природою: какой-то сильный врагъ когда-то потѣснилъ Славянъ съ Дуная и заставилъ часть ихъ поселиться по рѣкамъ восточной равнины; но и тутъ, въ лучшихъ юго-западныхъ частяхъ этой равнины, они не могли долго оставаться въ покоѣ, даже и тогда, когда Русскіе князья соединили ихъ и въ челѣ дружинъ своихъ стали насторожѣ Русской Земли, обстроили ее городками со стороны степи: ни Русскіе князья съ ихъ дружинами, ни русскіе городки не могли сдерживать наплыва кочевниковъ; города и села лежали пустые, обгорѣлые, пахарь не смѣлъ выѣхать на работу, половецкія вежи наполнялись русскими рабами, и походы князей въ далекія степи на разгромъ хищниковъ приносили только минутное облегченіе. Черниговскій князь объявилъ, что его волость опустошена, что въ его городахъ живутъ только псари да Половцы; другія пограничныя со степью княжества не могли быть въ лучшемъ положеніи. Усобицы княжескія происходили преимущественно въ этихъ же странахъ и князья приводили тѣхъ же Половцевъ.

Такое несчастное положеніе юго-западной украйны необходимо заставляло часть ея жителей выселяться въ страны болѣе спокойныя. Эти страны были именно отдаленныя сѣверо-восточныя волости Русскія, суровыя климатомъ, бѣдная населеніемъ область Верхней Волги, гдѣ князья, тяготясь малолюдностію, отовсюду призывали насельниковъ давали имъ льготы, строили имъ города.

Въ какихъ же условіяхъ нашлось народонаселеніе въ этой новой странѣ?

Если въ старой, Западной или Юго-западной Руси племенное дѣленіе имѣетъ такъ мало историческаго значенія, то въ новой, Сѣверо-восточной Руси о племенахъ нѣтъ и помину. Лѣтопись, до прихода Варяго-Русскихъ князей, указываетъ здѣсь финскія племена; но въ половинѣ XII вѣка мы имѣемъ здѣсь дѣло уже съ славяно-русскимъ народонаселеніемъ. Прибытіе однихъ Русскихъ князей съ ихъ дружинами не могло ославянить туземцевъ; мы знаемъ, какъ обыкновенно господствующій классъ сохраняетъ одну народность, а низшее народонаселеніе — другую; для ославяненія Сѣверо-восточной Руси необходимъ былъ сильный приплывъ славянскаго народонаселенія въ города и села. Но этотъ приплывъ совершился не цѣлыми особыми племенами, а вразбродъ; стекались по одиночкѣ или небольшими толпами изъ разныхъ мѣстностей, сталкивались съ чужими, съ иноплеменниками, безъ возможности слѣдовательно сейчасъ же составить крѣпкій союзъ, приходили съ сознаніемъ своей слабости, зависимости. Въ западныхъ областяхъ Славяне были старые насельники, старые хозяева, князья были пришельцы; на востокѣ, наоборотъ: славянскіе поселенцы являются въ страну, гдѣ уже хозяйничаетъ князь; князь строитъ городки, призываетъ насельниковъ, даетъ имъ льготы; насельники всѣмъ обязаны князю, во всемъ зависятъ отъ него, живутъ на его землѣ, въ его городахъ. Эти-то отношенія народонаселенія къ князю и легли въ основу того сильнаго развитія княжеской власти, какое видимъ на сѣверѣ. Разумѣется, многое зависѣло здѣсь отъ того, воспользуются ли князья своими выгодными отношеніями къ новому народонаселенію, къ новымъ *своимъ* городамъ, не встрѣтятъ ли въ другихъ частяхъ народонаселенія сильныхъ препятствій. Явился именно такой князь, который какъ нельзя лучше воспользовался своими выгодными отношеніями къ новому народонаселенію,—именно Андрей Боголюбскій. Онъ переселяется жить изъ стараго города Ростова Великаго въ новый—Владиміръ-на Клязьмѣ, гдѣ нѣтъ вѣча, гдѣ власть княжеская не встрѣтитъ преградъ. Андрей понимаетъ очень хорошо значеніе слова: *мое, собственность*, и не хочетъ знать юга, гдѣ князья понимаютъ только общее родовое владѣніе. Андрей, какъ древній богатырь, чуетъ силу, получаемую отъ земли, къ которой онъ припалъ, на которой утвердился навсегда; онъ не покидаетъ этой земли, не переѣзжаетъ въ Кіевъ, когда тотъ достался ему и по родовымъ правамъ, и по правамъ побѣды. Этотъ первый примѣръ привязанности къ своему, особому, первый примѣръ осѣдлости становится священнымъ преданіемъ для всѣхъ сѣверныхъ князей, и отсюда начинается новый порядокъ вещей.

Мы сказали: при началѣ утвержденія новаго порядка вещей многое зависѣло оттого,—воспользуются ли князья своимъ выгоднымъ положеніемъ, не встрѣтятъ ли препятствій въ другихъ частяхъ народонаселенія: Дѣло не обошлось безъ борьбы. Южные князья-богатыри, привыкшіе смолоду никого не бояться, кромѣ Бога одного, встали, увидавъ, что Андрей, сѣверный самовластецъ, сталъ обходиться съ ними не попрежнему, не какъ съ родственниками, но какъ съ подручниками; они разбили большое войско Андреево, высланное противъ нихъ на югъ; но этимъ оборонительнымъ дѣйствіемъ князей дѣло и кончилось на югѣ; сѣверъ съ зачавшимся въ немъ новымъ порядкомъ остался не тронутъ. Новгородъ Великій съ храбрымъ княземъ, пріѣхавшимъ къ нему съ юга, отбился отъ полковъ Андреевыхъ, видѣлъ бѣгство ихъ отъ стѣнъ своихъ; но этимъ оборонительнымъ дѣйствіемъ со стороны сильнѣйшаго самовластительнаго города на Руси дѣло и кончилось; Новгородъ Великій не помогъ Ростову Великому, въ который Андрей ударилъ пятою, по тогдашнему выраженію, переѣхалъ жить въ пригородъ, и украшалъ этотъ пригородъ, какъ стольный городъ, на зло старому Ростову. Мы видѣли, какъ привыкли жить дружинники съ княземъ, не какъ съ повелителемъ, но какъ съ старшимъ, товарищемъ, какъ съ вождемъ, которому служатъ по любви, изъ охоты, и покидаютъ при первомъ неудовольствіи. Андрей не ужился съ этими обычными требованіями дружины и погналъ изъ своей волости старыхъ бояръ отцовскихъ; что же бояре остальныхъ волостей Русскихъ,—встали за обиду товарищей?—Нисколько!

Повсюду ограничились только обороною отъ наступательныхъ дѣйствій Сѣвернаго самовластца; онъ остался нетронутымъ въ своей волости. Здѣсь борьба не кончилась: Андрей палъ жертвою новаго порядка, имъ введеннаго,—бояре убили его. Но это воровское дѣло, это ночное нападеніе, ночное убійство суроваго господина показываютъ лучше всего—слабость въ людяхъ, совершившихъ преступленіе. Однако человѣка, сжимавшаго все въ сильной рукѣ, не было болѣе; слѣдовательно теперь все, что было сжато только, а не изгибло, могло подняться, выпрямиться. Поднимается старый вѣчевой городъ Ростовъ, хочетъ низложить дерзкій пригородъ Владиміръ, взявшій первенство по волѣ князя; съ старымъ городомъ, по единству выгодъ, соединяются бояре; но пригороды побѣждаютъ, Ростовъ окончательно теряетъ свое значеніе, и князья утверждаются въ пригородахъ, гдѣ нѣтъ вѣча, гдѣ власть ихъ ничѣмъ не стѣснена.

Исходъ борьбы между старымъ городомъ и новыми имѣлъ рѣшительное вліяніе на дальнѣйшій ходъ событій на сѣверѣ, а слѣдовательно и въ цѣлой Россіи, ибо Сѣверъ получаетъ преобладающее значеніе. Мы видѣли, что, вслѣдствіе родовыхъ княжескихъ отношеній, перемѣщеній и усобицъ, власть княжеская являлась чѣмъ-то непостояннымъ, измѣняющимся, и во сколько она ослабѣла чрезъ это, во столько выиграло значеніе старшаго города въ волости, который представлялъ власть постоянную. Такимъ образомъ, въ землѣ подлѣ власти княжеской являлась другая власть, и чѣмъ чаще въ которой землѣ мѣнялись князья, чѣмъ съ меньшими силами приходили они какъ искатели волости, стола,—тѣмъ болѣе поднималось значеніе другой, постоянной власти, города: такъ Новгородъ Великій поднялся до значенія *государя*, хотя не исключилъ и власти княжеской, остался при выработанномъ исторіею двоевластіи, не постаравшись о болѣе точномъ юридическомъ опредѣленіи. Такое двоевластіе было болѣе или менѣе и въ другихъ областяхъ, въ другихъ земляхъ во время господства родовыхъ княжескихъ отношеній. Но какъ скоро на Сѣверѣ князь сдѣлалъ первую попытку установиться, сдѣлаться властію постоянною, то естественно онъ прежде всего долженъ былъ столкнуться со властію старшаго города. Исходъ столкновенія легко было предвидѣть на Сѣверѣ, гдѣ князь явился повелителемъ страны, строителемъ городовъ, гдѣ князь слѣдовательно создалъ себѣ силу, опираясь на которую могъ начать поведеніе, какимъ отличался Андрей Боголюбскій. Андрей, впрочемъ какъ видно, не вступалъ въ открытую борьбу съ старымъ городомъ Ростовомъ, онъ только оставилъ его и устроилъ себѣ свой стольный городъ въ пригородѣ Владимірѣ, онъ точно такъ же поступилъ и съ Кіевомъ, старшимъ городомъ во всей Русской Землѣ; племянникъ его, Ярославъ Всеволодовичъ, хотѣлъ точно такъ же поступить съ Новгородомъ, покинувши его и утвердивши свое пребываніе въ пригородѣ Торжкѣ. Только когда, по смерти Боголюбскаго, Ростовцы высказали свои требованія, началась открытая борьба между ними и братьями Андрея, кончившаяся пораженіемъ Ростовцевъ. Неудивительно, что борьба была непродолжительна: обративъ вниманіе на положеніе Ростова, трудно предположить, чтобъ этотъ городъ былъ силенъ, имѣлъ многочисленное народонаселеніе вслѣдствіе большой торговой дѣятельности, трудно предположить, чтобъ этотъ городъ, запрятанный своими строителями, Финскою Мерею—отъ живаго пути, отъ Волги, къ печальному мертвенному озеру, чтобъ этотъ городъ процвѣталъ, подобно Новгороду, Смоленску, Полоцку.

Низложенъ былъ старый вѣчевой городъ, и на Сѣверѣ водворилось однообразіе: все города новые, незначительные; Ростовъ заброшенъ, Владиміръ не успѣлъ еще подняться въ значеніи столицы великокняжеской, какъ былъ разоренъ Татарами и также заброшенъ; великіе князья живутъ въ своихъ *опричнинахъ*, въ своихъ наслѣдственныхъ городахъ, то въ Переяславлѣ, то въ Твери, то въ Костромѣ, то въ Москвѣ. Нельзя не замѣтить въ Русской исторіи относительно городовъ важной по своимъ послѣдствіямъ односторонности: въ западной половинѣ, гдѣ была главная историческая сцена въ древности, мы видимъ рядъ значительныхъ городовъ, процвѣтавшихъ именно потому, что они были на дорогѣ изъ Варягъ въ Греки, т.-е. изъ Сѣверной Европы въ Южную; въ сѣверо-восточной части, которая теперь выступаетъ на первый планъ, по другимъ, менѣе благопріятнымъ природнымъ условіямъ, значительныхъ городовъ нѣтъ, и потому не обнаруживаютъ они вліянія на послѣдующій ходъ событій, которыя совершаются мимо ихъ. Города являются здѣсь преимущественно большими огороженными селами, и государство, здѣсь сложившееся, окрѣпнувшее, получаетъ преимущественно характеръ государства земледѣльческаго.

Вообще движеніе Русской исторіи съ юго-запада на сѣверо-востокъ было движеніемъ изъ странъ лучшихъ въ худшія, въ условія болѣе неблагопріятныя. Исторія выступила изъ страны выгодной по своему природному положенію, изъ страны, которая представляла путь изъ Сѣверной Европы въ Южную, изъ страны, которая поэтому находилась въ постоянномъ общеніи съ европейско-христіанскими народами, посредничала между ними въ торговомъ отношеніи. Но какъ скоро историческая жизнь отливаетъ на востокъ въ области Верхней Волги, то связь съ Европою, съ Западомъ необходимо ослабѣваетъ и порывается, не вслѣдствіе мнимаго вліянія Татарскаго ига, а вслѣдствіе могущественныхъ природныхъ вліяній: куда течетъ Волга, главная рѣка новой государственной области,—туда, слѣдовательно на востокъ, обращено все. Но Западная Россія, что же съ нею сдѣлалось: она осталась на своемъ мѣстѣ, не могла предвинуться на востокъ? Западная Россія, потерявъ свое значеніе, потеряла способы къ дальнѣйшему матеріальному, государственному и нравственному развитію, способы имѣть вліяніе на Восточную Россію результатами своего общенія съ европейскими народами. Мы видѣли, чему подвергалась она вслѣдствіе сосѣдства своего съ степью, съ хищными кочевниками, Половцами. Татары и Литва разорили ее вконецъ. Кіевъ, встарину вторая Византія, является путешественнику въ видѣ ничтожнаго городка, съ окрестностями, похожими на кладбище. Запустѣлая, лишенная силъ, раздробленная, Юго-западная Русь подпала подъ власть князей Литовскихъ. Галичъ, счастливый уголокъ, гдѣ было-сосредоточились послѣднія силы Юго-западной Руси, быстро поднялся и процвѣлъ, но скоро и палъ вслѣдствіе своего уединенія отъ остальной, живой Руси, т. е. Великой, ибо Малую Русь въ описываемое время нельзя было назвать живою. Политическая связь между Восточною и Западною Русью рушилась; мало того, возникла вражда вслѣдствіе соперничества правителей, которые постарались разрушить церковное единство: явилось два особыхъ митрополита, въ Кіевѣ и Москвѣ.

Кровный союзъ былъ нарушенъ, родные братья раздѣлились, разошлись: сколько отъ этого раздѣленія потеряно было матеріальныхъ силъ. объ этомъ говорить нечего. Деньги—дѣло нажитое, говоритъ пословица: такъ и вообще матеріальныя силы; но сколько отъ этого раздѣла, отъ этой долгой жизни особнякомъ, потеряно было нравственнаго, духовнаго богатства! Русскій человѣкъ явился въ сѣверо-восточныхъ пустыняхъ *безсемеенъ* во всемъ печальномъ значеніи, какое это слово имѣло у насъ встарину. Одинокій, заброшенный въ міръ варваровъ, послѣдній, крайній изъ европейско-христіанской семьи, забытый своими и забывшій о своихъ по отдаленности, разрознившійся и отъ родныхъ братьевъ:—вотъ положеніе Русскаго человѣка на сѣверо-востокѣ; и цѣлые вѣка предназначено было ему двигаться все далѣе и далѣе въ пустыни Востока, жить въ отчужденіи отъ западныхъ собратій. Но если, для развитія силъ какъ отдѣльнаго человѣка, такъ и цѣлаго народа необходимо общество другихъ людей, другихъ народовъ; если только при этомъ условіи возможно движеніе мысли, расширеніе сферы дѣятельности, то понятно, какія слѣдствія для Русскаго народа должно было имѣть отсутствіе этого условія.

Другія благопріятныя условія могли бы, хотя отчасти, восполнить недостатокъ главнаго условія, необходимаго для успѣшнаго развитія народной жизни; напримѣръ: благопріятный климатъ, плодоносіе почвы, многочисленное народонаселеніе въ обширной и разнообразной странѣ, что дѣлаетъ возможнымъ раздѣленіе занятій, обширную внутреннюю торговлю, безпрерывныя сообщенія различныхъ мѣстностей другъ съ другомъ, процвѣтаніе большихъ городовъ! Ничего подобнаго не могло быть въ Сѣверо-восточной Россіи. Печальная, суровая, однообразная природа не могла живительно дѣйствовать на духъ человѣка, развивать въ немъ чувство красоты, стремленіе къ украшенію жизни, поднимать его выше ежедневнаго, будничнаго однообразія, приводить въ праздничное состояніе, столь необходимое для возстановленія силъ. Малочисленное народонаселеніе было разбросано на огромныхъ пустынныхъ пространствахъ.

которыя безпрестанно увеличивались безъ соотвѣтственнаго умноженія народонаселенія. Все это было бѣдно и слабо безъ возможности къ самостоятельной жизни, безъ возможности защиты при встрѣчѣ съ какою бы то ни было силою. Посмотримъ, что иногда происходило въ городѣ, относительно довольно значительномъ. Жители прячутся, затворяются ставни домовъ, запираются лавки: въ городъ въѣхалъ приказчикъ сосѣдняго богатаго землевладѣльца, окруженный толпою подвластныхъ ему крестьянъ, и похваляется всякою похвальбою на горожанъ. Эта слабость отдѣльныхъ частей вела къ тому, что всѣ онѣ и во всемъ обращались къ Москвѣ,—туда посылали свои жалобы, оттуда ждали защиты. Сила, широта взгляда, сознаніе своего положенія и отсюда могущественныя побужденія упорно охранять одно и отвергать другое зависятъ отъ сосредоточенія большихъ массъ въ одной мѣстности съ сильною и разнообразною дѣятельностію. Когда народъ сплоченъ внутренно вслѣдствіе достаточнаго числа жителей, соотвѣтственно обширности страны; когда народъ сплоченъ раздѣленіемъ занятій, поставившимъ различныя мѣстности, различныя части народонаселенія въ неразрывную связь и зависимость другъ отъ друга; когда эти мѣстности и части народонаселенія находятся въ безпрерывномъ общеніи другъ съ другомъ, связаны общими интересами, принимаютъ горячее участіе въ судьбѣ другъ друга, однимъ словомъ,—живутъ сознательно общею жизнію: то такая внутренняя сплоченность, связь, условливаетъ возможность децентрализаціи, возможность самоуправленія частей безъ вреда политическому единству; когда разбитый членъ организма внутренно сросся,—тогда внѣшнія повязки и лубки болѣе не нужны. Наоборотъ: когда части народонаселенія, разбросанныя на огромныхъ пространствахъ, живутъ особною жизнію, не связаны раздѣленіемъ занятій; когда нѣтъ большихъ городовъ, кипящихъ разнообразною дѣятельностію; когда сообщенія затруднительны, сознанія общихъ интересовъ нѣтъ: то раздробленныя такимъ образомъ части приводятся въ связь, стягиваются правительственною централизаціею, которая тѣмъ сильнѣе, чѣмъ слабѣе внутренняя связь. Централизація восполняетъ недостатокъ внутренней связи, условливается этимъ недостаткомъ и, разумѣется, благодѣтельна и необходима, ибо безъ нея все бы распалось и разбрелось: это хирургическая повязка на больномъ членѣ, страдающемъ потерею внутренней связи, внутренней сплоченности.

Мы видѣли, въ какомъ выгодномъ положеніи съ самаго начала нашелся князь на сѣверо-востокѣ и какъ онъ воспользовался этими выгодами. Преемники Боголюбскаго, братъ его, Всеволодъ III, и потомки послѣдняго неуклонно вѣрны преданію, полученному отъ перваго самовластца. Каждый князь, ставши, по родовымъ счетамъ, великимъ или старшимъ, не оставляетъ своей прежней волости для столицы великокняжеской. Владиміра, который такимъ образомъ послѣ Татарскаго погрома не имѣлъ возможности поправиться, получить значеніе, принять участіе въ княжескихъ спорахъ, усобицахъ: его роль страдательная,—все дѣлаемся мимо него. Каждый великій князь стремится воспользоваться теперь своимъ значеніемъ, своею силою, чтобъ увеличить свою волость, свое владѣніе насчетъ другихъ княжествъ. Вмѣсто прежняго движенія изъ одной волости въ другую, какое мы видѣли въ древней, Юго-западной Россіи, въ Россіи новой, Сѣверо-восточной, видимъ осѣдлость князей въ одной волости, князь сростается съ волостію, интересы ихъ отождествляются, усобицы принимаютъ другой характеръ, имѣютъ другую цѣль, именно - усиленіе одного княжества насчетъ всѣхъ другихъ; при такой цѣли родовыя отношенія необходимо рушатся, ибо тотъ, кто чувствуетъ себя сильнымъ, не обращаетъ болѣе на нихъ вниманія. Одно княжество наконецъ осиливаетъ всѣ другія—и образуется государство Московское.

При этомъ образованіи Московскій князь, теперь государь всея Руси, утверждаетъ за собою то выгодное положеніе, въ которомъ являются первые сѣверные князья. Соотвѣтственно тому отношенію, въ какомъ мы нашли вначалѣ сѣверное народонаселеніе къ князю, какъ хозяину, населителю страны, создателю городовъ, въ соотвѣтствіе этому отношенію въ Московскомъ государствѣ свободный человѣкъ называетъ себя человѣкомъ великаго князя. Но что же дружина? Дружина во все то время, пока образовывалось государство на Сѣверѣ, сохраняетъ свой прежній характеръ; единственное право, которое она ревниво бережетъ, право, вынесенное ею изъ старой Руси,—это право свободнаго перехода отъ одного князя къ другому: „боярамъ и слугамъ вольнымъ воля“. Такимъ образомъ, князь опередилъ дружину: въ то время какъ онъ началъ новый порядокъ вещей, усѣлся, припавъ къ землѣ, и, какъ богатырь, получилъ отсюда новыя силы,—дружина продолжаетъ еще бродить, кружиться и въ этой способности двигаться полагаетъ свое единственное право или ручательство всѣхъ правъ; дружина, слѣдовательно, страшно отстала отъ князя, отстала на цѣлый періодъ. Если нѣкоторые дружинники усаживаются и получаютъ отъ этого силу, то движеніе остальныхъ мѣшаетъ дальнѣйшему ихъ усиленію, мѣшаетъ опредѣленію отношеній. У сильнѣйшаго князя выгодно служить, и, по праву свободнаго перехода, дружинники отовсюду стремятся въ Москву, идутъ туда бояре съ опустошеннаго юга съ многочисленными дворами, новые пришельцы *заѣзжаютъ* старыхъ по мѣстническому выраженію; начинается борьба, усобица въ боярствѣ, и если одинъ бояринъ чрезъ мѣру усилится и станетъ опасенъ,—князь найдетъ противъ него всегда опору въ его соперникахъ. Такъ погибъ опасный Алексѣй Петровичъ Хвостъ отъ вражды съ своими собратіями. Опасенъ становится важный санъ тысяцкаго, грозившій стать наслѣдственнымъ въ одной знатной фамиліи, — и Димитрій Донской уничтожаетъ этотъ санъ. Тщетно сынъ послѣдняго тысяцкаго, Вельяминовъ, хлопочетъ и въ Твери, и въ Ордѣ, поднимая грозу противъ Московскаго князя; его ревностный союзникъ—богатый купецъ московскій, и никто изъ бояръ; голова Вельяминова падаетъ подъ топоромъ палача на Кучковѣ полѣ; народъ плачетъ; о боярахъ ни слова не говорится въ лѣтописи, не говорится, чтобъ они показали сочувствіе къ судьбѣ собрата; точно такъ же при внукѣ Донскаго безуспѣшно кончилось возстаніе боярина Ивана Димитріевича Всеволожскаго. Такимъ образомъ, въ это важное время, когда Московскій князь собиралъ Русскую Землю, становился государемъ, самовластнымъ хозяиномъ всей Сѣверо-восточной Россіи, въ дружинѣ мы видимъ одиночныя попытки того или другого сильнаго лица, того или другого сильнаго рода подняться; но, при столкновеніи съ властію великокняжескою, при борьбѣ, силы оказываются далеко неравными: возставшій бояринъ дѣйствуетъ во имя своего личнаго интереса, не поддерживается внутри всѣми собратіями, дѣйствуетъ посредствомъ другихъ князей или хана. Дружина остается при прежнемъ: „боярамъ и слугамъ вольнымъ воля“.

Къ концу первой половины XV вѣка Дворъ великаго князя Московскаго наполняется пришельцами новаго рода, князьями, потомками Рюрика и Гедимина, которые, по своему происхожденію, становятся на первомъ планѣ, оттѣсняютъ старыхъ бояръ на второй, чѣмъ, разумѣется, возбуждаютъ къ себѣ ихъ непріязнь. Такимъ образомъ, вмѣсто увеличенія силъ дружины отъ прилива князей, силы уменьшаются, ибо происходитъ раздѣленіе интересовъ. Притомъ князья являются въ Москву съ одними притязаніями на важное значеніе, безъ средствъ поддержать ихъ. Нѣкоторые удерживаютъ за собою прозванія, отъ прежнихъ княжествъ своихъ заимствованныя, но правителями этихъ княжествъ не остаются, не имѣютъ слѣдовательно никакой самостоятельности, никакой опоры; они не сохраняютъ никакого значенія въ областяхъ, гдѣ правительствовали ихъ дѣды; ихъ здѣсь скоро забываютъ, они не живутъ здѣсь: ихъ мѣсто, какъ дружинниковъ, постоянно въ Москвѣ, подлѣ великаго князя. Они сохраняютъ нѣсколько вотчинъ, но эти вотчины дробятся вслѣдствіе равнаго раздѣленія между всѣми сыновьями; кромѣ того, часть ихъ еще отходитъ въ монастыри, на поминъ души. Въ томъ же самомъ положеніи относительно средствъ своихъ находятся всѣ бояре, вся знать, т. е. всѣ они бѣдны средствами. Князья и бояре бѣдны, а великій князь очень богатъ; онъ примыслилъ себѣ множество земель, а земля, при младенческомъ состояніи Московскаго государства, государства земледѣльческаго, при неразвитости промышленности и торговли, земля составляла единственное богатство, единственное средство содержанія. Это земельное богатство даетъ средство великому князю окончательно утвердить свое могущество и положить заразъ преграду притязаніямъ князей и знати: средство къ тому—*помѣстье*. Раздачею земельныхъ участковъ во временное владѣніе за службу, великій князь создастъ себѣ свое многочисленное войско, вполнѣ отъ него зависящее, отъ него получающее содержаніе. У князей и бояръ нѣтъ во владѣніи большихъ областей, городовъ, даже укрѣпленныхъ замковъ, гдѣ бы они могли жить болѣе или менѣе независимо; издавна дружинники, не получившіе на Руси значенія землевладѣльцевъ, привыкли жить около князя, и теперь бояре, окольничіе и думные люди, и князья, вошедшіе въ ряды ихъ, живутъ постоянно въ Москвѣ и безпрестанно толпятся во дворцѣ. Въ XV, XVI и XVII вѣкахъ отношенія остаются тѣ же, какія были въ X и XI. О короляхъ Испаніи и Франціи говорится, что они усилили свою власть, свое значеніе, перетянувъ знать изъ замковъ къ своему Двору; въ Россіи этого перетягиванія и не могло быть, ибо не было періода въ Русской исторіи, когда бы знать жила независимо въ замкахъ; дружина постоянно сохраняла свой первоначальный характеръ и непосредственное отношеніе къ князю, съ которымъ не разставалась. При образованіи Московскаго государства, князья служилые и знать вообще не могли, по бѣдности, надѣлять землями другихъ неимущихъ и, такимъ образомъ, составлять свое войско, и вообще не имѣли средствъ содержать свое войско, свой дворъ; одинъ великій князь имѣлъ возможность раздавать земли и этимъ средствомъ создавать себѣ войско. Легко понять слѣдствія. Для современниковъ отношенія были ясны: польскіе магнаты, разсуждая о выборѣ Московскаго царя въ короли, говорили, что этотъ выборъ имъ невыгоденъ, потому что Московскій царь богатъ и, потому, переведетъ всю служащую у нихъ шляхту въ службу къ себѣ. Такъ уже и было сдѣлано при Іоаннѣ III, когда великій князь, отобравши земли у новгородскаго духовенства, роздалъ ихъ въ помѣстья людямъ, взятымъ изъ дворовъ знатныхъ людей.

Великій князь крѣпко утвердился въ странѣ: онъ въ ней полновластный хозяинъ; жители называютъ себя людьми великаго князя; онъ распоряжается землею, онъ создастъ себѣ многочисленное войско; а старая дружина, знать, въ челѣ которой стоятъ теперь князья, постоянно обращаетъ взоры назадъ, къ старому, отжившему порядку вещей и, вмѣсто опредѣленія отношеній и указанія новыхъ условій, вмѣсто осѣдлости, прочной установки, хочетъ сохранить прежній характеръ дружины, хочетъ постоянно двигаться, хочетъ удержать за собою движеніе, переходъ, какъ право: „А боярамъ и слугамъ вольнымъ воля“. Легко понять, какъ отстала эта московская знать; какого поряка являлась она представительницею, порядка, который для Западной Европы кончился со вступленіемъ германскихъ дружинъ на римскую почву; московская знать жила еще преданіями богатырскаго періода. Но этотъ періодъ давно уже кончился на

Сѣверѣ, въ Москвѣ: здѣсь князья установились, и, вмѣсто многихъ, равноправныхъ князей, сталъ одинъ государь всея Руси; переходить отъ него стало не къ кому болѣе, развѣ къ государямъ чужихъ странъ,—но это уже тяжело, это уже измѣна. Право бояръ и слугъ вольныхъ прекратилось само собою; воля исчезла вслѣдствіе естественнаго хода событій, никто ея не отнималъ: гарантіи прежняго выгоднаго положенія нѣтъ болѣе; великій князь рѣзко выдѣляется, высоко поднимается надъ старыми дружинниками по своимъ независимымъ средствамъ, по своему значенію для остальнаго народонаселенія страны; среди всеобщей скудости онъ одинъ могъ окружить себя великолѣпіемъ, такъ сильно дѣйствующимъ на воображеніе. Какъ нарочно, великій князь Московскій Іоаннъ III женится на Греческой царевнѣ, воспитанной въ Италіи. Она способствуетъ мужу выдѣлиться изъ среды новыхъ служилыхъ князей и старыхъ дружинниковъ, перемѣнить старыя отношенія, старые обычаи къ выгодѣ значенія государева, къ невыгодѣ прежнихъ вольныхъ дружинниковъ, которымъ уже больше нѣтъ вольнаго перехода. Знать, стоявшая на первыхъ мѣстахъ, вступила въ борьбу съ хитрою Гречанкою; но та успѣла выйти побѣдительницею изъ борьбы; сынъ ея, воспитанный въ этой борьбѣ, крѣпко въ нее запутанный, вступаетъ на великокняжескій престолъ по смерти отцовской. Послѣднее время московскихъ Рюриковичей прошло въ ожесточенной борьбѣ съ притязаніями знати, которая живо помнила недавнюю старину вольныхъ дружинъ и которая, въ сочиненіяхъ одного изъ даровитыхъ своихъ членовъ, оставила потомству горькія жалобы на новый порядокъ, столь для нея тяжелый, и на роковую Гречанку, будто бы его принесшую въ царство Русское.

Борьба, принявшая напослѣдокъ кровавый характеръ, кончилась, какъ слѣдовало ожидать, не къ выгодѣ московской знати, которая должна была забыть старыя преданія вольной дружины; князья Рюриковичи и Гедиминовичи стали называться холопами великаго государя, писаться уничижительными полуименами. Но, несмотря на тяжелыя обстоятельства, на опалы, члены этой знати удерживаютъ свое первенствующее значеніе, высшія мѣста въ управленіи. Іоаннъ Грозный, въ своей ожесточенной враждѣ къ нимъ, не отнимаетъ у нихъ этого значенія, этихъ мѣстъ, не даетъ ихъ значенія, ихъ мѣстъ - людямъ новымъ, низкаго происхожденія. Грозный, подозрѣвая и ненавидя бояръ своихъ, оставляетъ ихъ въ прежнемъ значеніи, даже рискуетъ усилить его, поставляя ихъ въ челѣ земскаго управленія; онъ не прогоняетъ бояръ, но самъ скорѣе убѣгаетъ отъ нихъ, окруженный новою, преданною дружиною, опричниками. Но въ началѣ XVII вѣка для московскаго боярства настало время хуже времени Грознаго,—Смутное время. Явились два царя, два Двора; кто не могъ получить высшей чести при одномъ Дворѣ,—переходилъ къ другому; Тушино наполнилось людьми разнаго происхожденія, которые тамъ искали случая подняться. Когда Тушино разсыпалось, эти люди забѣжали подъ Смоленскъ къ королю Сигизмунду, предложили ему свои услуги, и когда потомъ московскіе бояре присягнули королевичу Владиславу, чтобъ только избавиться отъ казацкаго царя, самозванца, отъ владычества своихъ холопей, то съ ужасомъ увидали, что къ нимъ въ Думу, по милости королевской, сѣлъ торговый мужикъ Андроновъ и всѣмъ распоряжается. Несмотря на то, бояре крѣпко держатся за королевича; но Земля не хочетъ его, увидѣвъ за нимъ или еще предъ нимъ стараго короля съ іезуитами; Земля встала, выставила ополченіе для борьбы съ Поляками и казаками; вожди этого ополченія—люди второстепенные, изъ родовъ захудалыхъ, если и бояре, то тушинскіе, а бояре настоящіе, московскіе, сидятъ съ Поляками въ Кремлѣ. Когда буря миновала, все начало успокоиваться, оказался недочетъ въ тѣхъ людяхъ, которыхъ привыкли видѣть въ челѣ полковъ, на первыхъ мѣстахъ въ Думѣ. Пошли новые люди, не имѣвшіе уже тѣхъ преданій и того значенія, какъ прежніе *столпы*. Это даетъ возможность людямъ неродовитымъ пробиваться къ высшей чести, къ боярству, разумѣется, сначала медленно, не безъ ропота и выходокъ со стороны знатныхъ родовъ; но примѣръ уже поданъ въ боярствѣ Ордина-Нащокина и Матвѣева. А тутъ у дверей новыя неизбѣжныя преобразованія; войны трудныя, войны въ обширныхъ размѣрахъ требуютъ искусства ратнаго, какъ у другихъ народовъ, требуютъ новаго строя, новаго воеводскаго распорядка; Московское государство не можетъ долѣе сохранять своей старины, родоваго быта съ его счетами, которые препятствовали всякому разумному распредѣленію воеводъ; не можетъ при своихъ государственныхъ отправленіяхъ довольствоваться простымъ древне-княжескимъ устройствомъ, не можетъ довольствоваться одною дружиною. Но эти преобразованія принадлежатъ уже къ Новой исторіи.

Посмотримъ теперь на духовенство: какое положеніе получило оно при образованіи Московскаго государства и въ какомъ положеніи встрѣтило эпоху преобразованія? Мы упоминали, какое особенно важное значеніе въ древней Руси могъ бы имѣть единый митрополитъ при многихъ князьяхъ, еслибъ этотъ митрополитъ былъ Русскій. Послѣ окончательнаго опустошенія Юго-западной Руси, когда жизненныя силы отлили на сѣверо-востокъ, и митрополиты начали естественно стремиться туда же, и наконецъ совершенно переселились. Съ удаленіемъ митрополіи на Сѣверъ, т.-е. съ удаленіемъ отъ Греціи, сейчасъ же начинаютъ являться митрополиты изъ Русскихъ, хотя сначала мѣняясь съ Греками, и, въ доказательство, какъ важно было это новое обстоятельство, три митрополита, которыхъ имена соединяются въ нашей церковной и политической исторіи, какъ важнѣйшихъ дѣятелей, именно Русскіе: Петръ, Алексій, Іона. Изъ нихъ самое видное мѣсто принадлежитъ Алексію, при которомъ значеніе митрополита достигло высшей степени: онъ поддерживаетъ Московскаго князя и княжество; онъ старается усиливать ихъ всѣми, зависящими отъ него средствами. Понятно, какое вліяніе на ходъ послѣдующихъ событій могло имѣть то обстоятельство, если бы значеніе митрополита, относительно великаго князя, поддержалось на той высотѣ, на какой оно находилось при Алексіи, благодаря достоинствамъ его преемниковъ. Алексій именно хотѣлъ видѣть своимъ преемникомъ человѣка, имѣвшаго великое значеніе въ Землѣ, великую славу святости,—Сергія Радонежскаго; но Святой пустынникъ съ ужасомъ смиренія отвергъ предлагаемую честь. Великій князь Димитрій хотѣлъ видѣть преемникомъ Алексія своего человѣка, своего печатника Митяя, хотя Св. Алексій неохотно соглашался на это. Митяю не удалось сдѣлаться митрополитомъ; но митрополію постигла бѣда: явилось нѣсколько митрополитовъ-соперниковъ, изъ которыхъ великій князь могъ выбирать, смотря по обстоятельствамъ; митрополита Алексія больше не было, въ митрополіи слабость, ибо раздѣленіе и борьба, а великимъ княземъ Димитрій Донской. Важно было положеніе единаго митрополита всея Руси при двухъ великихъ князьяхъ, Московскомъ и Литовскомъ; но митрополія скоро раздѣлилась на восточную и западную: Москва осталась съ своимъ митрополитомъ, Кіевъ получилъ своего. Наконецъ для Московскаго митрополита прекратилась и зависимость отъ Византійскаго патріарха, вслѣдствіе смутъ въ Константинополѣ и взятія его Турками. Всѣ эти событія одновременны съ окончательнымъ усиліемъ великокняжеской власти въ Москвѣ; положеніе Московскаго митрополита этимъ окончательно опредѣляется.

Для положенія старинной русской знати, равно какъ и для положенія духовенства, было очень важно то обстоятельство, что между обоими сословіями было мало связи, не было обычая, какъ на Западѣ, чтобы члены знатныхъ родовъ поступали въ духовное званіе и достигали архіерейства. Митрополитъ Алексій былъ сынъ знатнаго московскаго боярина; невольный постриженникъ Вассіанъ Косой (князь Патрикѣевъ) показалъ очень ясно, какія могутъ быть слѣдствія соединенія въ одномъ лицѣ духовнаго характера съ знатностію происхожденія, связями и преданіями. Противникъ Вассіана, Іосифъ Волоцкій, человѣкъ изъ такъ-называемаго благороднаго происхожденія, настаивалъ на удержаніи за монастырями деревень именно съ тою цѣлію, чтобы можно было постригаться *честнымъ* людямъ, которые потомъ должны были занимать высшія мѣста въ іерархіи. Деревни остались за монастырями; но то, чего хотѣлъ Іосифъ, не произошло или было рѣдкимъ явленіемъ. Что касается до бѣлаго духовенства, то обязательность брака должна была изначала оказывать большое вліяніе на его положеніе; оно получило возможность восполняться изъ среды самого себя; но было еще другое условіе, которое могущественно содѣйствовало обособленію духовенства. Извѣстно, какъ тяготила правительство малочисленность народонаселенія въ Россіи, какъ дорогъ былъ, вслѣдствіе этого, человѣкъ, и великій князь Василій Димитріевичъ заключилъ договоръ съ митрополитомъ Кипріаномъ, чтобы тотъ не принималъ въ свое духовное вѣдомство, т. е. не ставилъ въ священники, слугъ великокняжескихъ.

Несмотря на нѣкоторыя невыгоды своего положенія, духовенство въ древней Россіи сохраняло важное значеніе, именно—сохраняло характеръ учительнаго сословія исключительно. Просвѣщеніе заключалось въ церковныхъ книгахъ, и духовенству принадлежало истолкованіе ихъ. Духовенство было единственнымъ обязательно просвѣщеннымъ сословіемъ въ Россіи: бояринъ не былъ даже обязанъ умѣть читать и писать; священникъ не могъ не быть грамотнымъ; дьякъ и подъячій были грамотны, но ихъ грамотность служила имъ только внѣшнимъ средствомъ для достиженія извѣстной цѣли, тогда какъ отъ священника требовалась не одна грамотность,—отъ него требовалась учительность, и никто не отрицалъ у него права на исключительную учительность. Были нареканія, что русское духовенство не довольно учительно, и что ведетъ себя не такъ, какъ слѣдуетъ учителямъ; но никто не отрицалъ права учить, никто не заподозривалъ вообще чистоты ученія. Но во второй половинѣ XVII вѣка, по поводу исправленія книгъ, часть паствы отказывается повиноваться пастырямъ; авторитетъ патріарха, патріарховъ, Собора не имѣетъ силы надъ людьми, которымъ кажется, что ихъ заставляютъ молиться не такъ, какъ молились предки; они провозглашаютъ, что архіереи и священники учатъ неправильно и что повиноваться имъ не слѣдуетъ; нѣкоторые увлечены и отказываютъ явно въ повиновеніи духовенству; другіе, не рѣшаясь на послѣднее, остаются въ недоумѣніи, и, не умѣя рѣшить вопроса, на чьей сторонѣ правда, охладѣваютъ къ Церкви. Такимъ образомъ, духовенство пріобрѣтаетъ внутреннихъ враговъ, *церковныхъ мятежниковъ*, которые вооружаются противъ его прежняго значенія, стараются выставить его недостоинство. Эти враги ратуютъ за старину, вооружаются противъ духовенства за нововведенія; но уже обозначаются враги другого рода. Между Русскими людьми начинаетъ сильно чувствоваться необходимость ученія, которымъ стали сильны другіе народы; но для пріобрѣтенія познаній нужны учителя,—этими учителями могутъ быть только иностранцы, иновѣрцы. Странные гости: они явятся со всѣмъ авторитетомъ учителей, съ полнымъ сознаніемъ своего превосходства предъ учениками, и тѣ признаютъ это превосходство. Такимъ образомъ, подлѣ прежнихъ учителей, прежнихъ авторитетовъ являются новые учителя, новые авторитеты, не признающіе значенія прежнихъ учителей и не упускающіе случая выразить это непризнаніе обиднымъ образомъ. Какъ разграничить право тѣхъ и другихъ? Какъ, признавъ превосходство новыхъ учителей во всемъ, не признать этого превосходства въ одномъ? Гдѣ взять такой самостоятельности, силы мысли, изслѣдованія и знанія въ ученикахъ? Въ такомъ затруднительномъ положеніи находилось духовенство въ началѣ Новой Русской исторіи: съ двухъ сторонъ враги, вооружавшіеся противъ его прежняго значенія, прежняго достоинства—съ одной стороны приверженцы стараго, отказавшіе въ послушаніи Церкви, пошедшіе въ слѣдъ своихъ особыхъ учителей, не знающихъ мѣры въ своихъ нападкахъ на духовенство. Съ другой стороны—просвѣщеніе перестаетъ носить исключительно церковный характеръ: подлѣ учителей церковныхъ являются свѣтскіе, иностранцы, иновѣрцы, которые необходимо должны враждебно столкнуться съ церковными учителями при обнаруженіи своего вліянія на учениковъ; послѣдніе, находясь подъ двойнымъ вліяніемъ, будутъ подчиняться тому или другому, смотря по разнымъ условіямъ своей природы, своего положенія и другихъ случайныхъ обстоятельствъ.

Мы видѣли, при какомъ отношеніи городовъ къ князю началась Сѣверная Русская исторія; видѣли, какъ при первомъ же князѣ, захотѣвшемъ прочно утвердиться на Сѣверѣ, необходимо послѣдовало столкновеніе его съ дружиною и городомъ, который считалъ себя также властію въ окружающей странѣ. Андрей Боголюбскій погибъ вслѣдствіе новыхъ отношеній къ дружинѣ; но преемники его воспользовались своими отношеніями къ большинству сѣверныхъ городовъ, городовъ новыхъ, и успѣли осилить старый вѣчевой городъ Ростовъ, отнять у его жителей значеніе властей. Вслѣдствіе этого, въ области Верхней Волги, въ области новорожденнаго Московскаго государства, явилась только одна власть: власть княжеская. Но на Западѣ представителемъ стариннаго двоевластія, власти княжеской и власти города, явился Новгородъ Великій, съ явнымъ преимуществомъ власти города, потому что эта власть была постоянная, а князья мѣнялись безпрестанно. Начинается борьба между сѣвернымъ единовластителемъ и Новгородомъ, какъ представителемъ древняго двоевластія. Новгородъ стоитъ за то, что онъ власть, онъ государь; великій князь требуетъ, чтобъ онъ былъ признанъ государемъ, чтобы въ Новгородѣ была одна власть—государева. Великій князь побѣдилъ, ибо Новгородъ представлялъ собою библейскую статую съ золотою головою и глиняными ногами. Нѣсколько знатныхъ и богатыхъ фамилій захватили въ свои руки всю власть и наполнили послѣднее время новгородской исторіи своими усобицами. Разрывъ между ихъ интересами и интересами низшаго народонаселенія произошелъ давно: давно послышалась жалоба, что богатые ходятъ себѣ легко, а бѣднымъ тяжело; движенія послѣднихъ прекращаются; ясно видно, что ихъ сила сломлена знатью; на вѣчѣ господствуютъ люди, находящіеся на жалованьи послѣдней, и силою рѣшаютъ дѣла въ пользу своихъ милостивцевъ. Но легко понять, что слѣдствіемъ такого положенія дѣлъ была страшная внутренняя слабость. Люди, въ рукахъ которыхъ власть, не могутъ разсчитывать на низшіе слои народонаселенія, которые становятся все равнодушнѣе къ старой волѣ, приносящей пользу не имъ. Вотъ почему въ борьбѣ своей съ великимъ княземъ Московскимъ правители Новгорода начинаютъ постоянно деньгами выкупать свою волю,—страшное средство, всего лучше показывавшее великимъ князьямъ слабость Новгорода, легкость, съ какою можно его покорить окончательно. Бьетъ послѣдній часъ; банкротство нравственныхъ и политическихъ силъ Новгорода обнаруживается вполнѣ; разрывъ интересовъ совершенный: Новгородцы толпами бѣгутъ въ Москву — *за правдой!*—въ Новгородѣ нѣтъ правды, нѣтъ безпристрастнаго суда, насиліе сильныхъ попираетъ законъ, старинныя, освященныя формы быта дороги для немногихъ, для остальныхъ же не даютъ ручательства самымъ главнымъ интересамъ, не удовлетворяютъ первымъ потребностямъ общественной жизни; для низшаго, притѣсненнаго народонаселенія великій князь Московскій является сокрушителемъ силы людей, которые такъ тяжело давали чувствовать свою силу. Наконецъ разрывъ произошелъ относительно самаго важнаго интереса: чтобъ спастись отъ Москвы, знать хотѣла присоединиться къ Литвѣ; но съ Москвою соединяла Новгородъ церковная старина; явился вопросъ: гдѣ ставить владыку Новгородскаго — въ Москвѣ или Кіевѣ,—Кіевѣ, который находился подъ властію великаго князя Литовскаго, латинца, отъ митрополита, на котораго смотрѣли на Сѣверѣ, какъ на отщепенца, склонившагося къ Риму,—тогда какъ въ Москвѣ сохранялось ненарушимо древнее православіе. Мы знаемъ, какія явленія производили попытки ввести церковныя новизны, и потому не удивимся, какое сильное сопротивленіе въ большинствѣ Новгородцевъ встрѣтила попытка отложиться отъ Московскаго митрополита; а зависимость церковная была такъ тѣсно связана съ политическою.

Существованіе богатаго торговаго Новгорода на Сѣверѣ подлѣ бѣдной городовымъ развитіемъ Низовой или Суздальской Земли представляетъ печальное явленіе, потому что указываетъ на односторонность, всегда вредную въ жизни народовъ. Въ одномъ углу городъ, вслѣдствіе прилива богатствъ, неестественно вздувшійся въ государство, но сохранившій всю неразвитость и слабость первоначальнаго вѣчеваго быта, съ обширными, хотя растянутыми, несплоченными и, большею частію, пустынными владѣніями, съ язвою разрыва интересовъ между частями народонаселенія внутри, съ недостаточностью средствъ внѣшней защиты, несмотря на видимое богатство и обширность владѣній. Въ другой половинѣ—обширная, населяющаяся страна, населяющаяся при условіяхъ неблагопріятныхъ; города ея—большія села, которымъ некогда и нѣтъ средствъ подняться, пріобрѣсти значеніе. Страна бѣдная, мало-населенная, а между тѣмъ внутри происходитъ великій процессъ собиранія земли, сосредоточенія, объединенія власти: для этого нужны средства, деньги; нужны деньги князьямъ для покупки земель, владѣній; нужны деньги для Орды. Наконецъ, когда новое государство укрѣпилось чрезъ собраніе Земли, оно нашлось въ самомъ невыгодномъ положеніи относительно границъ своихъ. Отношенія Россіи къ Азіи не измѣнились: такъ-же подлѣ степь съ хищными кочевниками, отъ которыхъ должно или постоянно отбиваться, или постоянно откупаться; на западной европейской границѣ такъ-же постоянная борьба съ непримиримыми врагами. Нужды деньги, и фискальная система всею тяжестію падаетъ на промышленный людъ городской, немногочисленный и небогатый, что, разумѣется, также служитъ сильнымъ препятствіемъ къ обогащенію; народъ разоряется, не будучи богатымъ; сюда же, для большаго разоренія, присоединяется первоначальная дружинная система кормленія, содержаніе служилыхъ людей по воеводствамъ насчетъ управляемаго народонаселенія, обращеніе правительственныхъ должностей въ жалованье и пенсіи служилымъ людямъ. Въ фискальномъ отношеніи состояніе городовъ Московскаго государства очень напоминаетъ состояніе городовъ Римской имперіи во время ея паденія; и здѣсь, и тамъ видимъ разорительныя тяжести и службы, падающія на горожанъ, которыхъ силою надобно удерживать на своихъ мѣстахъ. Прежде всего, въ фискальныхъ видахъ, Московскіе князья стараются прикрѣпить горожанъ къ ихъ городамъ, чтобы получать постоянный доходъ съ извѣстнаго числа тяголъ. Гоньба за человѣкомъ, за рабочею, промышленною силою въ обширномъ, но бѣдномъ и пустынномъ государствѣ дѣлается существеннымъ занятіемъ правительства; ушелъ—поймать его и прикрѣпить къ мѣсту, чтобъ работалъ, промышлялъ и платилъ. Легко понять, какія долженствовали быть слѣдствія. Если правительство гонялось за человѣкомъ и старалось прикрѣпить его къ одному мѣсту, чтобъ заставить платить подати и служить безвозмездныя службы, но сопряженныя съ тяжелою отвѣтственностію, то у человѣка, разоряемаго податями и службами, господствующимъ желаніемъ было отбыть, во что бы то ни стало, отъ податей и службъ. Первымъ средствомъ былъ уходъ, укрывательство; уйти было легко: всюду просторъ, и безъ того малонаселенная страна постоянно истощалась отъ этого ухода; народонаселеніе все болѣе и болѣе расплывалось по сѣверо-восточной Европѣ и потомъ по сѣверной Азіи. Но, несмотря на скудость хозяйства древняго русскаго человѣка, на возможность легко забрать все съ собою, уходъ, покинутіе родныхъ мѣстъ, странническая жизнь, сопряженная съ опасностями, неизвѣстность будущаго,—все это для многихъ могло быть тяжело, не для всѣхъ возможно. Были еще другія средства: для грамотныхъ—поступленіе въ подъячіе; выходъ этотъ былъ очень выгоденъ; посадскій изъ человѣка, обязаннаго кормить другихъ на свой счетъ, становился человѣкомъ, имѣющимъ право кормиться на чужой счетъ. Понятно, какъ это стремленіе къ выходу въ подъячіе долженствовало быть сильно; но правительство неблагосклонно смотрѣло на него и ставило преграды. Третій способъ отбыванія отъ податей былъ закладничество. Самый крѣпкій частный союзъ русскаго общества, во все продолженіе нашей Древней исторіи, представляется въ союзѣ кровномъ или родовомъ. По смерти отца, старшій братъ занималъ его мѣсто относительно младшихъ братьевъ и племянниковъ, являлся представителемъ рода передъ правительствомъ; извѣстное лицо не представлялось одиночнымъ, но всегда съ братьями и племянниками. Несмотря даже на выдѣлы и развѣтвленія рода, единство его сохранялось, старшій или старшіе (смотря по развѣтвленію рода) имѣли обязанность наблюдать за поведеніемъ младшихъ, наказывать ихъ за дурное поведеніе, отвѣчали за него предъ правительствомъ. Родъ, какъ бы развѣтвленъ ни былъ, составлялъ одно относительно службы государственной: прибавленіе чести одному члену рода прибавляло ее и всѣмъ членамъ, поруха чести одного нарушала честь и права всѣхъ остальныхъ, на чемъ и основывалось знаменитое мѣстничество. Но, кромѣ родоваго союза, особыя условія общества должны были повести и къ другимъ союзамъ. Безпомощность людей одинокихъ, не примыкающихъ къ большому роду, безсемейныхъ, заставляла ихъ примыкать къ чужимъ людямъ, семейнымъ, къ чужимъ родамъ, составлять съ ними одно цѣлое по взаимному соглашенію: такъ, подлѣ самостоятельнаго хозяина, живущаго съ родомъ своимъ, дѣтьми, братьями и племянниками, являлись чужіе люди, но составлявшіе съ ними одно въ глазахъ правительства, они носили разныя названія—сосѣдей, подсосѣдниковъ, захребетниковъ. Наконецъ тяжелыя подати, лежавшія на промыслахъ, заставляли промышленныхъ людей уклоняться отъ непосредственной зависимости отъ государства, требовавшаго слишкомъ большихъ пожертвованій съ ихъ стороны, и входить въ зависимость къ частнымъ людямъ, которые могли дать имъ защиту; это называлось *закладываться за кого-нибудь;* закладчики промышляли, не будучи обязаны *тянуть* съ горожанами, съ посадскими въ тяжелыя службы и подати, ибо считались зависящими отъ того лица, за которое заложились. Но понятно, что интересы закладчиковъ немедленно должны были столкнуться съ интересами горожанъ, находящихся въ непосредственной зависимости отъ государства, и съ интересами, разумѣется, самого государства; закладчики, пользуясь свободою отъ тягла, отбивали промыслы у людей тяглыхъ, которые не могли съ ними соперничать, разорялись, не были въ состояніи удовлетворять требованіямъ государства. Ихъ жалобы произвели то, что въ началѣ царствованія Алексѣя Михайловича закладничество уничтожено, все городское народонаселеніе обязано было войти въ непосредственныя отношенія къ государству. Закладчикамъ была крайне тяжела эта эманципація городскаго народонаселенія:

они даже замышляли возстаніе, чтобъ возвратить себѣ право вступать въ частную зависимость,—явленіе, всего лучше показывающее низкую степень экономическаго развитія въ Московскомъ государствѣ.

Города были бѣдны вообще, разбросаны на большихъ разстояніяхъ другъ отъ друга, при очень неудовлетворительномъ состояніи путей сообщенія. Самые богатые изъ нихъ, наиболѣе торговые, по особенно благопріятнымъ условіямъ положенія, поражаютъ малочисленностію народонаселенія своего. Но былъ одинъ городъ, который и вслѣдствіе выгоды своего положенія, особенно же вслѣдствіе политическаго значенія своего, какъ стольный городъ царя-самодержца, долженъ былъ необходимо подняться: то была Москва. Сильная централизація притягивала въ Москву постоянно толпы людей изо всѣхъ концовъ Россіи, людей, которые должны были тратить много денегъ въ царствующемъ градѣ, знаменитая московская волокита обходилась дорого; будучи средоточіемъ гражданскаго управленія, Москва была средоточіемъ и церковнаго, знать жила въ ней безвыѣздно около великаго государя. Легко понять, что торговая и промышленная дѣятельность здѣсь не могли не быть значительны: должно было образоваться богатое купечество. О богатствѣ и значеніи московскихъ купцовъ можно встрѣтить извѣстія даже во время до Іоанна III. Некоматъ Сурожанинъ дѣйствуетъ заодно съ знатнымъ Вельяминовымъ, сыномъ тысяцкаго, и самое уничтоженіе сана тысяцкаго показываетъ, что великій князь не считалъ удобнымъ назначать для московскихъ горожанъ постояннаго воеводу, который могъ сдѣлаться популярнымъ и пріобрѣсть опасное значеніе. Встрѣчается извѣстіе о гостяхъ московскихъ, которые подняли крамолу противъ великаго князя и ушли изъ Москвы. Но все это частныя явленія, которыя видимъ во время образованія Московскаго княжества, въ переходную эпоху, когда еще новый порядокъ не установился прочно, когда еще, кромѣ великаго князя Московскаго, были другіе великіе князья, къ которымъ могли уходить недовольные, бояре и купцы. Но когда утвердилось единовластіе въ Москвѣ, то уже подобныхъ явленій болѣе не встрѣчается. Въ древности городскіе жители имѣли то важное значеніе, что участвовали своими особыми полками въ военныхъ дѣйствіяхъ, которыхъ исходъ во время княжескихъ усобицъ много зависѣлъ отъ нихъ. Даже въ началѣ княженія Іоанна III московскіе полки отправлялись на рать съ особымъ воеводою. Но потомъ установленіе многочисленнаго помѣщичьяго войска дало правительству возможность не нуждаться болѣе въ городовыхъ полкахъ; горожане перестаютъ участвовать въ войскахъ, становятся вполнѣ сословіемъ невооруженнымъ, вполнѣ *мужиками, полулюдьми* относительно полныхъ людей, мужей, т.-е. вооруженныхъ, ибо, по тогдашнимъ понятіямъ, только вооруженный, только воинъ былъ полный, полноправный человѣкъ.

При первомъ царѣ, Іоаннѣ IV, значеніе горожанъ, и особенно московскихъ, поднимается. Видя въ знати людей со старинными дружинными притязаніями, заподозривъ ихъ въ сильномъ нерасположеніи къ себѣ, къ своему семейству, Грозный, по извѣстному закону, началъ искать другой силы. на которую могъ бы опереться. Онъ торжественно, съ Лобнаго мѣста, объявилъ народу о безпорядкахъ боярскаго правленія во время своего малолѣтства; уѣзжая изъ Москвы, выставляя измѣну бояръ, потаковничество имъ духовенства, онъ объявлялъ, что ничего не имѣетъ противъ горожанъ московскихъ; наконецъ призвалъ послѣднихъ на Соборъ, разсуждавшій о важныхъ дѣлахъ государственныхъ. По всей Россіи Грозный хочетъ дать самоуправленіе мірамъ городскимъ и сельскимъ, вывести намѣстниковъ и волостелей и замѣнить ихъ выборными, излюбленными старостами, судьями. Но самымъ лучшимъ доказательствомъ неразвитости этихъ міровъ послужило то, что мѣра Грознаго не принялась, многіе міры не приняли отъ правительства дара самоуправленія. Только тамъ, гдѣ развитіе было посильнѣе, гдѣ почва была болѣе приготовлена. царствованіе Іоанна не прошло безслѣдно; оно не прошло безслѣдно для горожанъ московскихъ: какъ поднялось ихъ значеніе,—ясно видно изъ того участія, какое они принимаютъ въ движеніяхъ партій въ царствованіе преемника Іоаннова, чего прежде не видимъ ни въ малолѣтство Іоанна, ни при отцѣ его, ни при дѣдѣ. Въ борьбѣ Шуйскихъ съ Годуновымъ, купцы московскіе принимаютъ сторону Шуйскихъ; ясно понимаютъ, въ чемъ дѣло, понимаютъ, что примиреніе между соперниками невозможно, и когда Шуйскій объявляетъ имъ объ этомъ примиреніи, отвѣчаютъ ему: „Ты помирился нашими головами“. Дѣйствительно головы ихъ попадали на плахѣ; Годуновъ, истребивъ лучшихъ людей между ними, задавъ страхъ остальнымъ, уничтожилъ въ самомъ зачаткѣ то значеніе московскихъ горожанъ, которое было слѣдствіемъ поведенія Іоаннова относительно ихъ. Смутное время возбудило, повидимому, самостоятельную дѣятельность въ городскомъ народонаселеніи, и царствованіе Михаила было богато Соборами, въ которыхъ представители городскаго народонаселенія принимаютъ участіе. Но если и до Смутнаго времени города были незначительны, бѣдны, то тутъ были страшно разорены,—надобно было кое-какъ оправиться въ матеріальномъ отношеніи и поддержать государство, поддержать новаго государя противъ Ляховъ и казаковъ. Вопросъ о тяглѣ на первомъ планѣ: тяглые разорились, разбѣжались, дворы пусты, некому платить; надобно возвратить бѣглецовъ на прежнія мѣста жительства, заставить тянуть; но есть люди. которые промышляютъ, а не тянутъ; промышляютъ служилые люди, духовенство, закладчики,—надобно заставить и ихъ тянуть; иностранные купцы разоряютъ: они богаты, они дѣйствуютъ заодно, Русскимъ съ ними не стянуть, Русскіе бѣдны и дѣйствуютъ врозь. Наконецъ воеводы и приказные люди разоряютъ:—вотъ три существенные вопроса, которые поглощаютъ все вниманіе русскаго горожанина XVII вѣка послѣ Смутнаго времени. Замѣна воеводъ выборными губными старостами не помогаетъ: выборный губный староста такъ же разоряетъ, какъ и воеводы. Жалобы, накопившіяся въ царствованіе Михаила, произвели взрывъ въ Москвѣ и въ другихъ городахъ въ началѣ царствованія Алексѣя, слѣдствіемъ чего было Соборное Уложеніе, уничтоженіе закладничества, мѣра противъ англійскихъ купцовъ; но всего любопытнѣе то, что Уложеніе Соборное, составленное съ вѣдома, за подписью выборныхъ изо всякихъ чиновъ людей, составленное подъ вліяніемъ страха предъ возстаніями горожанъ, для ихъ успокоенія, съ явными уступками ихъ требованіямъ,—это Уложеніе является враждебнымъ мірскому самоуправленію: такъ, оно вполнѣ предоставляетъ судъ воеводамъ и приказнымъ людямъ; по Уложенію, въ судѣ уже не сидятъ старосты, цѣловальники и земскіе дьяки. Возмущеніе псковское и новгородское являются одинокими и потухаютъ вслѣдствіе этого одиночества. Въ этихъ движеніяхъ и во второмъ бунтѣ московскомъ замѣчаемъ уже разрывъ интересовъ массы городскаго народонаселенія и значительныхъ торговыхъ людей, противъ которыхъ направлена ненависть массы; легко понять, какъ вообще должна была ослаблять силы городскаго народонаселенія эта борьба лучшихъ и меньшихъ, силы и безъ того не великія. Эту язву XVII вѣкъ передалъ и XVIII, какъ увидимъ.

Отъ города обратимся къ селу. Мы видимъ, что Россія, съ самаго начала образованія Московскаго государства, является страною земледѣльческою по преимуществу, и города здѣсь носятъ характеръ селъ; горожане занимаются земледѣліемъ, и, такимъ образомъ, города московскіе XVII вѣка напоминаютъ города древлянскіе, о которыхъ говорится въ сказаніи о мести Ольгиной. Но отъ господства земледѣльческихъ занятій никакъ нельзя заключать къ сознанію общества о важномъ значеніи этихъ занятій, объ особенномъ покровительствѣ, какимъ пользовались земледѣльческая промышленность и люди, ею занимавшіеся. Наоборотъ: государство земледѣльческое предполагаетъ неразвитость, первоначальность отношеній. Эти первоначальныя отношенія суть отношенія вооруженной части народонаселенія, войска, и невооруженной, которая должна содержать войско, непосредственно работать на него, если въ то же время не развивается городъ, промышленность и торговля, которыя даютъ движимое богатство странѣ, ведутъ къ широтѣ дѣятельности, просвѣщенію, даютъ средства къ новому, болѣе правильному опредѣленію отношеній между частями народонаселенія. Мы видѣли, что въ Московскомъ государствѣ, кромѣ членовъ старой дружины и родовъ княжескихъ, войсковая масса была создана великими князьями, съ первоначальною формою содержанія, т.-е. посредствомъ земельныхъ участковъ, съ которыхъ служилые люди кормились, пока служили; въ дополненіе къ этимъ земельнымъ средствамъ, служилые люди кормились также съ городовъ и волостей въ качествѣ ихъ правителей. Слѣдовательно въ древней Россіи мы видимъ эту первоначальную форму отношеній между вооруженною и невооруженною частію народонаселенія, между мужами и мужиками; мужи непосредственно кормятся на счетъ мужиковъ. Вопросъ о содержаніи войсковой массы, на которой основывалась сила внутренняя, которую необходимо было охранять и увеличивать при безпрестанныхъ войнахъ на востокѣ и западѣ,—этотъ вопросъ, разумѣется, становится на первомъ планѣ, а вмѣстѣ на первомъ планѣ становится вопросъ о земельномъ владѣніи и пользованіи. Чтобъ имѣть возможность сохранять и увеличивать войско, государство должно имѣть въ своемъ распоряженіи какъ можно больше земель, которыя должны находиться не въ дальнемъ разстояніи ни отъ столицы, ни отъ тѣхъ границъ, которымъ особенно грозятъ враги, т.-е. отъ южныхъ и западныхъ: поэтому обширныя земельныя пространства, которыми могло располагать государство на сѣверѣ и востокѣ, не могли служить ему въ помѣстномъ отношеніи по отдаленности и малочисленности народонаселенія. Итакъ, несмотря на видимую громадность государственной области, государство могло встрѣтить затрудненія относительно помѣстій; отсюда необходимое столкновеніе съ матеріальнымъ интересомъ Церкви, которая владѣла обширнымъ пространствомъ земель въ центральной области и постоянно увеличивала ихъ покупкою и дачами на поминъ души, ибо, по недостатку денегъ, при неразвитости страны, земля была почти исключительнымъ видомъ всякаго рода дачъ: государство платило жалованье своимъ служилымъ людямъ землею, частный человѣкъ платилъ въ монастырь за поминъ родительской души—землею. Отсюда понятно, почему вопросъ о томъ—слѣдуетъ ли монастырямъ владѣть населенными землями, получаетъ такое важное значеніе въ XV и XVI вѣкѣ, почему онъ такъ привязывается ко всякому движенію - церковному и политическому. По тогдашнему *умоначертанію* большинства, нельзя было ожидать, чтобъ этотъ вопросъ рѣшенъ былъ отрицательно; нудящія потребности государства могли повести—и дѣйствительно повели—только къ сдѣлкамъ, къ среднимъ мѣрамъ, къ ограниченію распространенія церковной земельной собственности на будущее время. Но дѣло на этомъ не могло покончиться. Тяжкія войны, которыя Московское государство вело въ царствованіе Іоанна Грознаго, разорили служилыхъ людей, и поднялись жалобы на недостаточность кормленія отъ помѣстій при тяжелой и продолжительной службѣ, требующей долгаго отсутствія помѣщика изъ дому. Указанъ былъ источникъ этой недостаточности, малое количество рабочихъ рукъ, причемъ выгоды войсковой массы, мелкихъ помѣщиковъ, сталкивались съ выгодами богатыхъ землевладѣльцевъ, которые большими льготами переманивали къ себѣ крестьянъ съ земель мелкихъ землевладѣльцевъ, помѣщиковъ; послѣдніе, лишаемые возможности обрабатывать свои земли, не могли нести обязанностей службы, которая стала теперь такъ продолжительна. Если поддержаніе благосостоянія войсковой массы было всегда предметомъ первой важности, то особенно слѣдовало обратить вниманіе на жалобы помѣщиковъ теперь, по кончинѣ Грознаго, когда грозила тяжкая борьба съ самымъ опаснымъ врагомъ, какого не имѣло до сихъ поръ Московское государство и сила котораго была недавно испытана. Попробовали сначала уменьшить переходъ крестьянъ уравненіемъ всѣхъ земель относительно льготъ, отнятіемъ льготъ (тархановъ), которыми пользовались церковныя земли; но эта мѣра продержалась недолго, и послѣдовало запрещеніе крестьянамъ переходить отъ одного землевладѣльца къ другому. Законъ, разумѣется, не могъ быть строго исполняемъ: въ продолженіе всего XVII вѣка слышатся постоянныя жалобы мелкихъ землевладѣльцевъ на богатыхъ сосѣдей, что тѣ переманиваютъ къ себѣ и укрываютъ бѣглыхъ крестьянъ ихъ. Гоньба за человѣкомъ, за рабочею силою производится въ обширныхъ размѣрахъ по всему Московскому государству: гоньба за горожанами, которые бѣгутъ отъ тягла всюду, куда только можно, прячутся, закладываются, пробиваются въ подъячіе; гоньба за крестьянами, которые отъ тяжкихъ податей бредутъ розно, толпами идутъ за Камень (Уральскія горы), помѣщики гоняются за своими крестьянами, которые бѣгутъ, прячутся у другихъ землевладѣльцевъ, бѣгутъ въ Малороссію, бѣгутъ къ казакамъ.

И въ XVII вѣкѣ, какъ въ X-мъ, изъ общества продолжали выдѣляться люди, у которыхъ „сила по жилочкамъ такъ живчикомъ и переливалась, которымъ было грузно отъ силушки, какъ отъ тяжелаго беремени", и которые шли *гулять* въ поле, въ степь. Эти богатыри древности въ новѣйшее время носятъ названіе казаковъ; бытъ, подвиги богатырей древнихъ сходны съ бытомъ, подвигами казаковъ, и народное представленіе вѣрно отождествляетъ эти два явленія, разнящіяся только именемъ; но и здѣсь народная пѣсня уничтожаетъ различіе, называя, напримѣръ, Илью Муромца старымъ казакомъ. Мы знаемъ, что въ эпохи образованія государствъ выдѣленіе подобныхъ людей и образованіе изъ нихъ военныхъ братствъ, дружинъ съ избраннымъ вождемъ, ведетъ обыкновенно къ образованію государства, къ началу исторической жизни, историческаго движенія для народа; изъ подобныхъ людей образуется высшее, вооруженное народонаселеніе, которое, такъ или иначе, опредѣляетъ свои отношенія къ остальной невооруженной массѣ народа. Но если государство уже образовалось, и, несмотря на то, по особеннымъ условіямъ, преимущественно мѣстнымъ, продолжается еще выдѣленіе подобныхъ людей и образованіе изъ нихъ военныхъ обществъ подлѣ государства, то это сопоставленіе ведетъ, разумѣется, къ важнымъ отношеніямъ. Прежде всего страна, народъ ослабляется выдѣленіемъ этихъ людей; особенно ослаблялась Россія, и безъ того бѣдная населеніемъ, разсыпавшимся на громадныхъ пространствахъ; съ другой стороны,—выдѣленіемъ безпокойныхъ силъ условливалась безпрепятственная дѣятельность правительства, безпрепятственная централизація. Но если правительственная дѣятельность облегчалась внутри уходомъ богатырей на гулянье въ степь, то образованіе изъ этихъ богатырей военныхъ братствъ подлѣ государства, разумѣется, не могло не безпокоить послѣднее. Ушедши въ степь *для воли*, казаки могли подчиняться государству только номинально, исполняли приказанія правительства только тогда, когда это имъ было выгодно; но при первомъ разладѣ ихъ интересовъ съ интересами государства казаки давали рѣзко чувствовать, что они люди вольные. Покойно они жить не могли: они должны были упражнять свою силу, отъ которой имъ было грузно; они должны были добывать себѣ средства къ жизни, *добывать зипуны*, по ихъ выраженію. Казаки старые, начальные люди, казаки старшины обыкновенно болѣе стояли за связь съ государствомъ, за исполненіе требованій правительства: но казачество представляло постоянный приливъ новыхъ, молодыхъ людей, которымъ хотѣлось широко разгуляться и добыть себѣ зипуновъ; осторожность стариковъ, старшинъ имъ не нравилась, и вотъ иногда, независимо отъ общей старшины, для самыхъ рьяныхъ искателей зипуновъ является новый, свой вождь, извѣстный своей удалью (dux ex virtute) и ведетъ дружину на чужихъ или на своихъ. Понятно, что образованіе подобныхъ обществъ на границахъ государства должно было вести къ постоянной борьбѣ. Если государство слабо, то напоръ дружинъ на него увѣнчивается успѣхомъ; мы знаемъ, чѣмъ кончилась судьба Римской имперіи вслѣдствіе напора германскихъ дружинъ: онѣ вошли въ области имперіи и образовали здѣсь высшее, т.-е. военное сословіе. Въ XVII вѣкѣ на востокѣ Европы произошло подобное же явленіе: воспользовавшись слабостію Польскаго государства, гоненіями на Русскую вѣру, казачество, послѣ долгой борьбы, успѣло взять верхъ, истребить, вытѣснить прежнихъ землевладѣльцевъ на Украйнѣ, и изъ своей старшины образовать новое, высшее сословіе въ странѣ. Борьба кончилась иначе для казачества съ другимъ государствомъ восточной равнины,—Русскимъ или Московскимъ; но борьба шла сильная, отчаянная. Въ XVI вѣкѣ Русскій царь взялъ Казань и Астрахань; вся Волга находилась теперь въ русскихъ рукахъ, и пустынныя пространства по западнымъ ея притокамъ и переплетающимся съ ними притокамъ Дона стали безопасны. Но, вмѣсто Татаръ, немедленно же поднимается здѣсь казачество. Его гулянье по Волгѣ не давало безопасности ни своимъ, ни чужимъ. Грозный принялъ сильныя мѣры противъ богатырей:

какъ обыкновенно бывало, когда казачеству преграждались привычные пути для гулянья, оно бросалось въ какую-нибудь другую сторону, въ какое-нибудь отдаленное предпріятіе: такъ и тутъ на первый разъ, прогнанныя съ Волги, казацкія шайки бросились на Каму и оттуда проложили дорогу за Уральскія горы, погромили улусъ Кучумовъ или, такъ-называемое, Сибирское царство. При сынѣ Грознаго казачество снова усиливается на Дону и отношенія его къ государству нисколько не обѣщаютъ послѣднему спокойствія со стороны степи. При Годуновѣ государство снова готовится къ рѣшительнымъ мѣрамъ противъ казачества; но является самозванецъ, наступаетъ Смутное время, т.-е. казацкое царство; борьба скоро принимаетъ настоящій свой характеръ, характеръ борьбы *земскихъ* людей Московскаго государства съ казаками, которые являются *грубнѣе Литвы и Нѣмцевъ*, и стремятся утвердить свое господство, возведши на Московскій престолъ своего вождя, своего царя. Вопросъ ставится ясно: бояре и всѣ лучшіе люди московскіе присягаютъ Польскому королевичу, чтобъ не быть въ рабствѣ у своихъ прежнихъ холопей-казаковъ при торжествѣ Калужскаго царика. Возбужденіе религіознаго интереса вслѣдствіе замысловъ Сигизмундовыхъ, давшее знамя, средоточіе для жителей Московскаго государства, давшее имъ возможность высвободиться изъ прежней разрозненности для общаго дѣла, указавшее имъ единство не народное, не государственное, но религіозное—общую купель, въ которой они крестились въ Православную вѣру,—это религіозное одушевленіе, разумѣется, главнымъ образомъ послужило противъ казаковъ. Очищеніе Земли отъ Поляковъ было вмѣстѣ очищеніемъ отъ казаковъ. Такимъ образомъ, казакамъ не удалось воспользоваться благопріятными для нихъ условіями, государство восторжествовало; но казачество не отказалось отъ борьбы. Запертое Турками съ устьевъ Дона, оно ждало отважнаго и счастливаго вождя для проложенія себѣ другой дороги. Богатырь-чародѣй явился—Разинъ; толпы его перебросились на Волгу, на Яикъ, въ Каспійское море, погромили персидскіе берега; но Персія была покрѣпче сибирскаго юрта Кучумова, и Разинъ не могъ поклониться царю Алексѣю Михайловичу Персидою, какъ Ермакъ Тимоѳеевичъ поклонился Грозному Сибирью. Принужденные возвратиться съ Каспійскаго моря, не имѣя надежды, чтобъ Московское государство безпрепятственно стало пропускать ихъ въ устья Волги, толпы Разина опрокинулись на государство, поднимая низшіе слои народонаселенія противъ властей, какъ было въ Смутное время; но государство, несмотря на все свое истощеніе, было сильнѣе казаковъ. Разинъ погибъ на плахѣ въ Москвѣ. Впрочемъ Разинское возмущеніе не было послѣднимъ дѣйствіемъ борьбы государства съ казаками: въ Новой Русской исторіи увидимъ Булавина и Пугачева.

Таковъ былъ въ общихъ чертахъ строй древней Россіи въ его историческомъ развитіи. Теперь взглянемъ подробнѣе на ея бытъ въ то именно время, когда преобразованія сильно стучались въ двери, когда уже народился преобразователь.

Мы такъ часто употребляемъ выраженіе: „Западная и Восточная Европа", такъ много знаемъ, такъ много толкуемъ о ихъ различіи и слѣдствіяхъ этого различія; но если путешественникъ, переѣзжающій изъ Западной Европы въ Восточную, или наоборотъ, свѣжимъ взглядомъ посмотритъ на ихъ различіе, станетъ отдавать себѣ отчетъ о немъ подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ видимаго, то конечно прежде всего скажетъ, что Европа состоитъ изъ двухъ частей: Западной—*каменной* и Восточной—*деревянной*. *Камень*, такъ называли у насъ въ старину горы, камень разбилъ Западную Европу на многія государства, разграничилъ многія народности, въ камнѣ свили свои гнѣзда западные *мужи*, и оттуда владѣли *мужиками*; камень давалъ имъ независимость; но скоро и мужики огораживаются камнемъ и пріобрѣтаютъ свободу, самостоятельность; все прочно, все опредѣленно, благодаря камню; благодаря камню, поднимаются рукотворныя горы, громадныя, вѣковѣчныя зданія. На великой восточной равнинѣ нѣтъ камня: все ровно, нѣтъ разнообразія народностей,—и потому одно небывалое по своей величинѣ государство. Здѣсь мужамъ негдѣ вить себѣ каменныхъ гнѣздъ, не живутъ они особо и самостоятельно, живутъ дружинами около князя и вѣчно движутся по широкому безпредѣльному пространству; у городовъ нѣтъ прочныхъ къ нимъ отношеній. При отсутствіи разнообразія, рѣзкаго разграниченія мѣстностей, нѣтъ такихъ особенностей, которыя бы дѣйствовали сильно на образованіе характера мѣстнаго народонаселенія, дѣлали для него тяжкимъ оставленіе родины, переселеніе. Нѣтъ прочныхъ жилищъ, съ которыми бы тяжело было разставаться, въ которыхъ бы обжилось цѣлыми поколѣніями; города состоятъ изъ кучи деревянныхъ избъ, первая искра—и вмѣсто нихъ куча пепла. Бѣда впрочемъ не велика: движимаго такъ мало, что легко вынести съ собою, построить новый домъ ничего не стóитъ по дешевизнѣ матеріала,—отсюда съ такою легкостію старинный Русскій человѣкъ покидалъ свой домъ, свой родной городъ или село; уходилъ отъ Татарина, отъ Литвы, уходилъ отъ тяжкой подати, отъ дурнаго воеводы или подъячаго; брести розно было ни-почемъ, ибо вездѣ можно было найти одно и то же, вездѣ Русью пахло. Отсюда привычка къ расходкѣ въ народонаселеніи и отсюда стремленіе правительства ловить, усаживать и прикрѣплять.

При этомъ общемъ, бросающемся въ глаза различіи Западной, каменной Европы отъ Восточной, деревянной, на великой восточной равнинѣ замѣчаемъ ризличіе формъ, которое имѣетъ историческое значеніе. Здѣсь двѣ формы господствуютъ—лѣсъ и поле, или степь. Изъ противоположности этихъ двухъ формъ, находящихся другъ подлѣ друга, вытекаетъ историческая противоположность, борьба народонаселенія двухъ половинъ Россіи,—лѣсной и степной. Степь была изначала жилищемъ кочевыхъ, хищныхъ народовъ; съ ними изначальная борьба Руси, основавшейся въ польской (степной) Украйнѣ. Борьба эта, несмотря на всю удаль князей и дружинъ ихъ, кончилась торжествомъ степнаго народонаселенія, которое постоянно пустошило Русь при Половцахъ и окончательно запустошило при Татарахъ. Прочный порядокъ вещей, государство, способное побороть степное народонаселеніе, могли утвердиться, окрѣпнуть только вдали отъ степи, на Сѣверѣ, въ лѣсной сторонѣ, малодоступной, неудобной для кочевого хищника. Но Московское государство, образовавшееся въ лѣсной сторонѣ, при своемъ распространеніи, скоро достигло степи; у него образовалась *польская*, какъ называли встарину, т.-е. степная Украина, или Украйна, долженствовавшая постоянно терпѣть отъ сосѣдства степи; но это была только Украйна, тогда какъ въ древней Руси главная сцена дѣйствія, стольный городъ великокняжескій былъ на самой Украйнѣ. И Московское государство ведетъ постоянную борьбу съ народонаселеніемъ степей; съ ослабленіемъ кочевыхъ ордъ борьба не прекращается, ибо въ степи образуется особаго рода народонаселеніе, казаки. Борьба земскихъ людей, государства, съ казачествомъ есть, относительно природныхъ формъ, борьба лѣсной стороны съ полемъ, степью, что особенно выразилось въ Смутное время и въ послѣдующія казацкія движенія, когда Россія дѣлилась по духу, характеру народонаселенія, на Сѣверную, Земскую и на Южную, Украйну со степями, Казацкую. Степь условливала постоянно эту бродячую, разгульную, казацкую жизнь съ первобытными формами, лѣсъ болѣе ограничивалъ, опредѣлялъ, болѣе усаживалъ человѣка, дѣлалъ его земскимъ, осѣдлымъ, установившимся, въ противоположность казаку, вольному, гулящему. Отсюда болѣе спокойная, ровная и слѣдовательно и болѣе прочная въ своихъ результатахъ дѣятельность сѣвернаго Русскаго человѣка; отсюда шатость южнаго, кромѣ другихъ причинъ, о которыхъ было говорено въ предыдущихъ томахъ нашей исторіи.

Итакъ Московское государство было государство лѣсное по преимуществу; путешественникамъ вся страна казалась обширнымъ лѣсомъ, кой-гдѣ расчищеннымъ подъ жилища и пашню; нѣкоторые изъ путешественниковъ не могли удерживать своего восторга отъ того вида, какой представляла имъ Московія весною, вида — громаднаго, ярко-зеленаго сада, наполненнаго безчисленнымъ множествомъ пѣвчихъ птицъ, въ противоположность лѣсу новаго міра, американскому, гдѣ птицы производятъ своими движеніями много шороха, шума, но мало даютъ пѣсенъ. Какъ ни прекрасенъ былъ однако весенній видъ лѣсистой Московіи,—это преобладаніе лѣса имѣло свои невыгодныя стороны: оно условливало суровость климата, сырость, обиліе водъ, болотъ, такъ затруднявшихъ проѣздъ лѣтомъ, заставлявшихъ прибѣгать къ тяжелому труду мощенія дорогъ деревомъ; около столицы путешественники въ лѣтнія ночи должны были раскладывать костры, чтобъ спасаться отъ миріадъ комаровъ и мошекъ. Подлѣ этой непріятности была и опасность,—опасность отъ дикаго звѣря, живущаго въ лѣсу, и еще большая отъ человѣка, который такъ удобно скрывалъ въ лѣсу свой дурной промыселъ.

Среди этой обширной и пустынной страны, гдѣ, казалось, такъ недавно человѣкъ началъ подчинять природу своей волѣ, гдѣ такъ рѣдко встрѣчались небольшія села и деревни, и большія огороженныя села, города —западный путешественникъ съ нетерпѣніемъ ждалъ, когда же покажется тотъ знаменитый городъ, который давалъ имя цѣлой странѣ, въ которомъ пребывалъ неограниченный владыка ея. И вотъ передъ нимъ развертывалась Москва, и вдали производила сильное и выгодное впечатлѣніе: на неизмѣримомъ пространствѣ черная громада домовъ, но надъ этою черною громадою поднималось безчисленное множество церковныхъ главъ и колоколенъ, и выше всѣхъ поднимался Кремль, жилище великаго государя, съ бѣлою каменною стѣною, наполненный бѣлыми каменными церквами съ позолоченными главами, и посрединѣ высокій бѣлый столпъ съ золотою головою, Иванъ Великій, гигантъ, благодаря скромной высотѣ другихъ зданій. Эта бѣлизна кремлевской стѣны и церквей, рѣзко выдающаяся въ противоположность массѣ черныхъ деревянныхъ домовъ, и большее количество каменныхъ зданій сравнительно съ другими городами, дали происхожденіе извѣстному эпитету, который до сихъ поръ остается за Москвою—*бѣлокаменная*.

Издали Москва поражала великолѣпіемъ, красотою, особенно лѣтомъ, когда къ красивому разнообразію церквей присоединялась зелень многочисленныхъ садовъ и огородовъ. Но впечатлѣніе перемѣнялось, когда путешественникъ въѣзжалъ внутрь безпредѣльнаго города: его поражала бѣдность жилищъ съ слюдяными окнами, бѣдность, малые размѣры тѣхъ самыхъ церквей, которыя издали производили такое пріятное впечатлѣніе, обширные пустыри, нечистота, грязь улицъ, хотя и мощеныхъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ деревомъ. Издали казавшаяся великолѣпнымъ Іерусалимомъ, внутри Москва являлась бѣднымъ Виолеемомъ, по выраженію одного путешественника[1]).

Но Москва, своимъ характеромъ, была полною представительницею страны, въ которой была царствующимъ градомъ. Въ необъятную ширь просторно раскинулась она по горной и луговой сторонѣ своихъ рѣкъ, съ простотою и бѣдностію деревяннаго жилища, окруженнаго обширнымъ дворомъ, садомъ, огородомъ. Москва удерживала этотъ сельскій характеръ столицы первобытнаго, земледѣльческаго государства. Прежде она была еще обширнѣе, и народа въ ней прежде было больше; но по Москвѣ прошла печальная исторія страны и оставила глубокіе слѣды. Сильно поднялась Москва надъ всѣми другими городами въ эпоху окончательнаго собранія страны, окончательнаго сосредоточенія власти въ рукахъ великаго государя; отовсюду стремились въ нее жители волею, привлекаемые выгодами столицы, и неволею—выселяемые изъ Новгорода и Пскова, по распоряженію великаго князя. Москва особенно поднялась, т.-е., лучше сказать, расширилась и наполнилась людьми во времена Іоанна III и сына его Василія. Но Москва стала главнымъ городомъ Россіи въ то время, когда Русскій народъ въ своемъ историческомъ движеніи началъ поворачивать съ востока на западъ, отъ степи къ морю. Этотъ поворотъ, только-что начавшійся и медленный, обозначился однако въ Москвѣ отблескомъ того свѣта, который началъ ярко свѣтить въ Западной Европѣ въ эпоху возрожденія; въ Москвѣ явились красивыя и, относительно, обширныя и прочныя зданія, построенныя западными художниками, дворецъ, церкви, башни. Эта обстройка Москвы въ XV и XVI вѣкахъ имѣетъ въ Русской Исторіи то важное значеніе, что, поднимая столицу, дѣлая ее предметомъ благоговѣйнаго удивленія для Русскихъ людей, она вмѣстѣ съ тѣмъ поднимала значеніе Московскаго великаго князя, содѣйствовала тому, что онъ становился великимъ государемъ, великимъ хозяиномъ, самодержцемъ, выдаваясь нагляднымъ образомъ великолѣпіемъ своей обстановки изъ толпы князей и бояръ, съ которыми прежде равняла его простота быта: такимъ образомъ, италіанскіе художники, украшая Москву, дѣлали одно дѣло съ полугречанкою, полуиталіанкою Софіею Палеологъ, воспитанною въ Италіи, въ той сферѣ, гдѣ воспитались Макіавелли, Екатерина Медичи, королева Бона. Но если Москва стала главнымъ городомъ Россіи, когда эта страна начала поворачивать съ востока на западъ, то это значитъ, что она стала главнымъ городомъ Россіи въ то время, когда эта страна должна была вести тяжелую борьбу съ двухъ сторонъ, отбиваться и отъ востока и отъ запада, отъ бесерменства и латинства, по старинному выраженію. Степной варварскій міръ ослабѣлъ, позволилъ Россіи начать наступательное движеніе, но иногда извергалъ огромныя разбойничьи шайки, которыя несли опустошеніе до самой столицы Россіи; съ другой стороны, на западѣ Россія столкнулась съ Польшею и завязала съ нею отчаянную борьбу, и Москвѣ дорого стоило отстаиваніе Россіи отъ бесерменства и латинства при внукѣ Іоанна III, въ то самое царствованіе, когда двѣ татарскія орды пали передъ Москвою, когда весь мусульманскій міръ взволновался отъ этого сильнаго наступительнаго движенія христіанъ, ханъ послѣдней орды на европейской почвѣ, Девлетъ-Гирей Крымскій, явился подъ Москвою и сжегъ ее. Москва не успѣла еще оправиться отъ этой бѣды, какъ наступила казачина, Смутное время; пришли Поляки, почуявъ бѣду Россіи; бояре, поставленные между двумя огнями, боясь казаковъ, казацкаго царя, самозванца, сами ввели Поляковъ въ Москву: но, прежде чѣмъ Русскіе выжили этихъ гостей изъ кремля, Москва опять была сожжена и разорена, жители разошлись розно. Послѣ этой бѣды Москва въ XVII вѣкѣ оправлялась съ трудомъ, какъ съ трудомъ оправлялась вся Земля, при новыхъ борьбахъ, при новыхъ напряженіяхъ; царствующій градъ въ XVII вѣкѣ не достигалъ ни той обширности, ни того количества народонаселенія, какое имѣлъ въ XVI вѣкѣ, а тутъ уже приближалось время, когда Россія должна была наконецъ добраться до моря, и на болотныхъ берегахъ Невскаго устья должна была подняться столица имперіи.

---

[1]) Олеарія.

Подобно всѣмъ стариннымъ городамъ русскимъ самый большой изъ нихъ, царствующій градъ, запечатлѣлся характеромъ древней Русской Исторіи, когда религіозный интересъ былъ не только господствующимъ, но, можно сказать, исключительнымъ Западная Европа, пережившая время исключительнаго господства религіознаго интереса въ такъ-называемые Средніе вѣка, оставила память объ этомъ времени въ громадныхъ, затѣйливо изукрашенныхъ каменными кружевами храмахъ; тамъ былъ подъ руками матеріалъ, камень; тамъ были передъ глазами образцы, горы,—эти нерукотворные возносящіеся къ небу алтари; но главное—тамъ была сила, способная воздвигать подобныя громады, хотя и не всегда ихъ оканчивать,—общественная сила. Богатый, многолюдный городъ, котораго жители сознавали въ себѣ одно цѣлое, привыкли къ общему дѣлу, такой городъ строилъ великолѣпный религіозный памятникъ на пользу и украшеніе цѣлому городу; понятно, что такихъ памятниковъ не могло быть много, и всѣ они носили знаменіе соединенія силъ. Но на восточной равнинѣ, въ какихъ памятникахъ выскажется исключительное господство религіознаго интереса? Здѣсь нѣтъ твердаго матеріала, камня, здѣсь нѣтъ горъ, возбуждающихъ человѣческое творчество къ соперничеству съ природою; здѣсь нѣтъ и соединенія силъ. Мы видѣли, какъ здѣсь, по необходимости, все расплывалось и разбродилось на необъятномъ пространствѣ; какъ здѣсь не было богатыхъ, многолюдныхъ городовъ: все здѣсь жило вразбродъ и особо; отсюда бѣдный приносилъ въ церковь свой образъ, передъ нимъ зажигалъ свою свѣчу и передъ нимъ молился, а богатый строилъ подлѣ своего дома *свою* церковь. Понятно, что церкви, построенныя отдѣльными лицами, не могли отличаться обширностію и великолѣпіемъ; но ихъ было много, ихъ считали до двухъ тысячъ, на каждые пять домовъ по церкви.

Церкви были небольшія; но въ разныхъ мѣстахъ виднѣлись церкви значительной величины, окруженныя другими поменьше и огороженныя стѣнами; то были монастыри, которыхъ было очень много въ Москвѣ; монастыри виднѣлись преимущественно въ концахъ города, или обозначали границы городскихъ частей, указывали исторію распространенія города: монастыри, являвшіеся въ срединѣ города, прежде были загородными. Нѣкоторые загородные монастыри были окружены крѣпкими каменными стѣнами съ высокими башнями и опоясывали Москву рядомъ укрѣпленій. Свѣтскіе землевладѣльцы въ Россіи, и самые богатые, никогда не имѣли укрѣпленныхъ замковъ; мы видѣли, что русская знать никогда не теряла дружиннаго характера, и жилища ея лѣпились около жилища государева. Но подлѣ свѣтскихъ землевладѣльцевъ, свѣтской знати, вообще небогатой и несильной предъ богатствомъ и силою великаго государя, были землевладѣльцы другого рода, богатые, сильные и самостоятельные:—то были монастыри. Мы видѣли, какъ дологъ былъ на Руси богатырскій вѣкъ; какъ, съ усиленіемъ государства, богатырство продолжалось подъ именемъ казачества; но народъ, имѣющій богатые задатки жизни, стремится необходимо къ уравновѣшенію силъ, и, подлѣ богатырей, грузныхъ избыткомъ матеріальныхъ силъ, мы видимъ богатырей другого рода, богатырей духовныхъ, представителей нравственныхъ силъ народа:—то были вожди духовныхъ дружинъ, основатели монашескихъ братствъ, основатели монастырей. Вдалекѣ, въ глуши, но обыкновенно на господствующемъ красивомъ мѣстѣ строился монастырь. Духовная сила необходимо въ скоромъ времени привлекала къ себѣ силы, средства матеріальныя; святой основатель служитъ въ ветхихъ крашенинныхъ ризахъ, преемники его—облекаются въ золото; никакія соображенія и разсчеты не могутъ остановить стремленія жертвовать всѣмъ матеріальнымъ, самымъ дорогимъ на украшеніе того, что нравственно такъ дорого, такъ свято. Монастыри становятся богатыми землевладѣльцами, имущество которыхъ не отчуждается, не раздѣляется. Одинъ только богатый землевладѣлецъ, монастырь, живетъ отдѣльною, самостоятельною жизнію; одинъ, по своимъ средствамъ, можетъ строить замки, укрѣпленія, и дѣйствительно огораживается твердыми каменными стѣнами, воздвигаетъ башни, заводитъ нарядъ (артиллерію), получаетъ возможность защищаться отъ непріятеля. Такъ въ эти вѣка господства нераздѣльности занятій силы нравственныя необходимо соединялись съ матеріальными; въ Смутное время Троицкій монастырь далъ самый сильный отпоръ врагамъ, и при этомъ силы нравственныя были соединены съ матеріальными.

Нераздѣльность силъ въ древней Россіи выражалась и въ старинномъ Кремлѣ Московскомъ: если рядъ загородныхъ монастырей представлялъ около столицы рядъ укрѣпленій, то Кремль, царственный замокъ, жилище великаго государя, представлялся большимъ монастыремъ, потому-что былъ наполненъ большими, красивыми церквами, среди которыхъ, какъ игуменскія кельи въ монастырѣ, расположенъ былъ царскій дворецъ—пестрая масса зданій самой разнообразной величины, разбросанныхъ безъ всякой симметріи, единственно по удобству. Если церковь была единственнымъ памятникомъ общественнымъ; если каждый человѣкъ со средствами имѣлъ сильныя побужденія оставить по себѣ такой памятникъ: то понятно, что человѣкъ съ самыми большими средствами въ государствѣ, именно великій государь, долженъ былъ отличаться ревностію въ построеніи и украшеніи церквей, имѣлъ значеніе всероссійскаго церковнаго старосты; понятно, что около его жилища было такъ много церквей. Неудивительно, что мы очень часто встрѣтимъ его въ церквахъ, очень часто встрѣтимъ пышные, длинные царскіе поѣзды, направляющіеся въ ближніе и дальніе монастыри; при церковныхъ торжествахъ царь тутъ со всѣмъ Дворомъ. 1-го сентября, въ Семенъ-день (Симеона Лѣтопроводца) церковь и міръ вмѣстѣ праздновали Новый годъ. Народъ толпился въ Кремлѣ съ утра; тамъ, на открытомъ мѣстѣ, на площади между Благовѣщенскимъ и Архангельскимъ соборами, въ присутствіи царя служили молебенъ; послѣ молебна архіереи и вельможи, приказные люди и гости поздравляли великаго государя, одинъ изъ бояръ говорилъ рѣчь, послѣ чего царь шелъ къ обѣдни [1]).

Зимою, передъ Рождествомъ, 21 декабря, въ Москвѣ былъ большой праздникъ,—память чудотворца Петра, перваго митрополита, который сталъ жить въ Москвѣ и освятилъ ея величіе; праздникъ былъ собственно праздникомъ преемника Петрова, патріарха, и потому еще 19 числа патріархъ являлся во дворецъ звать великаго государя и старшаго царевича къ празднику и кушать; приглашалась также вся знать; послѣ обѣдни въ Успенскомъ соборѣ, царь отправлялся къ патріарху на обѣдъ; обычай требовалъ, чтобъ хозяинъ благословилъ гостя образомъ и богато одарилъ: дарились обыкновенно кубки, бархаты золотные и серебряные, аксамиты, атласы, камки и соболи сороками [2]). Накапунѣ Рождества Христова, за четыре часа до свѣта, государь ходилъ на тюремный и англійскій дворы, и жаловалъ милостынею изъ своихъ рукъ на тюремномъ дворѣ тюремныхъ сидѣльцевъ, а на англійскомъ плѣнныхъ Поляковъ, Нѣмцевъ и Черкасъ (Малороссіянъ). Дорогою государь раздавалъ милостыню раненымъ солдатамъ и нищимъ; въ то же время раздавали царскую милостыню у Лобнаго мѣста и на Красной площади. Всего раздавалось денегъ болѣе тысячи рублей. Иногда государь ходилъ также къ какому-нибудь разслабленному и подавалъ ему милостыню. Въ третьемъ часу ночи, въ передней дворца, раздавалось громкое пѣніе: славили Христа протопопы, попы и дьяконы всѣхъ соборовъ; за соборнымъ духовенствомъ являлись пѣвчіе: 5 *станицъ* государевыхъ пѣвчихъ, да семь станицъ патріаршихъ славили, перемѣняясь, и государь жаловалъ ихъ питьемъ, ковшами. Въ самый праздникъ, послѣ обѣдни, изъ дворца посылали патріарху весь столъ; боярамъ, окольничимъ, думнымъ дворянамъ и думнымъ дьякамъ, также архіереямъ, архимандритамъ и духовнику царскому посылались по двѣ *подачи* (блюда) съ кубками[1]. 6 января, въ Богоявленье, *іердань* на Москвѣ-рѣкѣ: по берегу рѣки и въ Кремлѣ разставлено 12 приказовъ стрѣльцовъ съ ружьемъ и въ цвѣтномъ платьи; идетъ великій государь въ полномъ царскомъ облаченіи, ведутъ его подъ руки стольники и ближніе люди; за государемъ идетъ постельничій, охраняетъ *стряпню;* эту *стряпню* несутъ стряпчіе, несутъ они полотенце, стулъ и подножіе, потомъ толпа царедворцевъ, начальныхъ ратныхъ людей и гости, кто познатнѣе въ шубахъ, другіе въ *золотахъ*, ратные люди въ ферезяхъ и служиломъ платьи, гости въ золотахъ[2].

---

[1]) Дворцовые разряды, т. III, стр. 593.

[2]) Дворцовые разряды т. III, стр. 1148.

Въ концѣ масляницы, царица ходила по соборамъ и монастырямъ кремлевскимъ въ сопровожденіи родственниковъ, родственницъ, мамъ, верховыхъ боярынь и казначей, водила съ собою и маленькихъ царевичей; во все это время Кремль былъ запертъ,—никого не впускали[3].

Въ послѣднее воскресенье на масляницѣ, въ *Прощеное* воскресенье, прямо изъ Успенскаго собора царь, съ боярами и думными людьми, отправлялся къ патріарху, у котораго уже были собраны всѣ *власти* (архіереи и архимандриты); вмѣстѣ съ государемъ являлись изъ дворца ключники и чарочники со всякими красными питьями. Начиналось взаимное угощеніе: патріархъ подносилъ государю вина фряжскія и меды всякіе, подавалъ чаши боярамъ и думнымъ людямъ, а государь, съ своей стороны, жаловалъ чашами властей. По возвращеніи во дворецъ, государь принималъ начальниковъ Приказовъ съ докладами о колодникахъ, которые сидятъ много лѣтъ, иные не за большія преступленія,—такихъ государь приказывалъ освобождать[4]. Въ то же время во дворцѣ царица жаловала къ рукѣ отца, братьевъ родныхъ и двоюродныхъ, родственницъ, мамъ, верховыхъ боярынь, казначей, постельницъ, мастерицъ. Наступалъ Великій постъ,—и въ Москву наѣзжали гости особаго рода: изо всѣхъ монастырей являлись монахи и подносили царю и патріарху хлѣбы, капусту и квасъ[5].

Въ Вербное воскресенье царь участвовалъ въ религіозномъ торжествѣ, которому подобнаго новая Россія уже не видала: изъ Успенскаго собора въ Спасскія ворота двигался крестный ходъ; за образами и духовенствомъ шли стольники, стряпчіе, дворяне и дьяки, въ золотомъ парчевомъ платьи (*въ золотахъ*), за ними самъ государь, за государемъ—бояре, окольничіе, думные люди и гости; по обѣ стороны пути, близъ царя шли полковники и головы стрѣлецкіе. Зашедши къ празднику (въ одинъ изъ придѣловъ Покровскаго собора), государь отправлялся на Лобное мѣсто, гдѣ патріархъ подавалъ ему и боярамъ ваіи и вербу. По прочтеніи Евангелія, патріархъ, взявши крестъ въ правую руку, а Евангеліе—въ лѣвую, посылаетъ отрѣшить осла и привести къ ступенямъ Лобнаго мѣста; осла приводятъ, и патріархъ садится на него; царь ведетъ осла по конецъ повода, подлѣ несутъ царскій жезлъ, вербу, свѣчу, полотенце; царевичъ и одинъ изъ бояръ ведутъ осла по серединѣ повода, подъ губу ведутъ патріаршіе бояринъ и казначей; по обѣ стороны стрѣльцы несутъ сукна разноцвѣтныя и постилаютъ по пути: впереди движется огромная изукрашенная верба на красныхъ саняхъ; въ сани запряжены шесть лошадей темносѣрыхъ въ цвѣтныхъ бархатныхъ капкурахъ, въ начолкахъ съ перьями; ходъ направлялся прямо въ Успенскій соборъ[6].

Наступалъ Свѣтлый праздникъ, *Великъ день.* Въ исходѣ двѣнадцатаго часа государь шелъ въ Успенскій соборъ, за нимъ бояре, окольничіе, думные люди, стольники, стряпчіе, дворяне и дьяки; соборъ наполнялся людьми въ золотахъ. На заутрени, послѣ хвалительныхъ стихиръ, царь прикладывался къ иконамъ, потомъ христосывался съ патріархомъ и архіереями въ губы и давали другъ другу яица, остальныхъ духовныхъ государь жаловалъ къ рукѣ и давалъ яица; послѣ духовенства жаловалъ къ рукѣ всѣхъ свѣтскихъ людей, вошедшихъ за нимъ въ церковь. По окончаніи заутрени, царь идетъ въ Вознесенскій монастырь — поклониться гробу матери, въ Архангельскій соборъ — поклониться гробу отца, въ Благовѣщенскій соборъ — похристоваться съ духовникомъ, съ которымъ цѣловался въ губы. Обѣдню слушалъ также въ Успенскомъ соборѣ. Въ первый же день праздника являются къ царю и царицѣ вмѣстѣ патріархъ со всѣми властями и вся свѣтская знать; царица жаловала ихъ всѣхъ къ рукѣ; приходили къ государю съ дарами именитый человѣкъ Строгановъ, гости московскіе и изъ городовъ. На другой день опять приходилъ патріархъ съ властями, на этотъ разъ приносилъ образа и золотые въ подарокъ. На третій день царь жаловалъ къ рукѣ и одѣлялъ яицами дворовыхъ людей, дьяковъ, мастерской царицыной палаты, истопниковъ и истопничихъ царицыныхъ, уставщиковъ, пѣвчихъ, учителей царевичевыхъ и комнатныхъ сторожей; на четвертый день жаловалъ къ рукѣ полуголовъ, сотниковъ, также *дохтуровъ*, лѣкарей и мастеровыхъ палатъ золотой, серебряной и оружейной[7]. Въ Троицынъ день государь слушалъ обѣдню въ Успенскомъ соборѣ; передъ нимъ стольники несли туда листъ и *вѣникъ* (букетъ цвѣтовъ); въ церкви стольники же держали стряпню: жезлъ, стоянецъ и мису, иногда сундукъ съ платьемъ. Въ Успеньевъ день, храмовой праздникъ главной соборной церкви, государь обѣдалъ у патріарха, который дарилъ гостей такъ же, какъ и въ день Петра митрополита. Царь Алексѣй Михайловичъ не пропускалъ праздника въ Чудовѣ монастырѣ 20-го мая, день Алексія митрополита; если жилъ въ Преображенскомъ, то нарочно пріѣзжалъ для этого въ Москву. Если не ходилъ въ Троицкій монастырь на праздникъ Св. Сергія, то слушалъ въ этотъ день обѣдню на Троицкомъ подворьи. Въ свои именины, 17-го марта, царь Алексѣй Михайловичъ ѣздилъ ко всенощной и къ обѣдни въ Алексѣевскій монастырь: идутъ впереди стрѣльцы съ батожьемъ, потомъ постельничій и стряпчіе со стряпнею, за ними ѣдетъ самъ царь въ шубѣ золотой съ кружевомъ, нашивка съ кистями, шапка горлатная; ѣдетъ онъ въ саняхъ большихъ нарядныхъ, на наклесткахъ стоятъ бояре, на оглобляхъ у щита—стольники и ближніе люди, около саней идутъ пѣшкомъ головы и полуголовы стрѣлецкіе. 17-го ноября, въ день Григорія Неокесарійскаго, царь Алексѣй ѣздилъ къ обѣдни въ Садовую слободу, къ празднику, потому что тамъ жилъ духовникъ.

---

[1] Дворцовые разряды, т. III, стр. 704, 1154; Забѣлина—Домашній бытъ русскихъ царей, т. I, 305.

[2] Дворц. разр. III, стр. 1168.

[3] Дворц. разр. III, стр. 1235.

[4] Дворц. разр. III, стр. 1231.

[5] Дворц. разр. III, стр. 1242.

[6] Дворц. разр. III, стр. 727, 946, 1304.

[7] Дворц. разр. III, стр. 948, 1311—1323, 1354.

Кромѣ этого присутствія при богослуженіи и при церковныхъ церемоніяхъ въ праздничные дни, великій государь ходилъ часто на богомолье въ города: Можайскъ, Боровскъ, Звенигородъ, Кашинъ, Угличъ, къ Николѣ на Угрѣшу; по дорогѣ въ Троицкій Сергіевъ монастырь, куда царь обыкновенно отправлялся къ празднику чудотворцеву, къ 25-му сентября, по станамъ въ селахъ — Тайнинскомъ, Братовщинѣ и Воздвиженскомъ — встрѣчали его посадскіе люди — Ярославцы, Ростовцы, Переяславцы, Угличане съ хлѣбами и рыбою. Цѣлями царскихъ походовъ на богомолье были и ближніе московскіе монастыри; приходъ великаго государя былъ большимъ праздникомъ для братіи: гость жаловалъ ее милостынею. Наконецъ, кромѣ монастырей, государь ходилъ по всѣмъ больницамъ.

Были и другія цѣли государевыхъ походовъ: Алексѣй Михайловичъ любилъ часто ѣздить въ загородныя села, гдѣ иногда оставался довольно долго. Села эти были: Коломенское, Голенищево, Покровское, Хорошево, Воробьево, Семеновское, Измайлово, Никольское, Всевидное, Островъ, Соколово, Алексѣевское, Дьяково. Государь ѣхалъ ночевать, слѣдовательно шествіе открывалъ постельный возокъ, при которомъ ѣхали постельничій и стряпчій съ ключемъ, съ ними 300 жильцовъ по три въ рядъ, въ цвѣтномъ платьи, на лошадяхъ во всякой ратной сбруѣ. За жильцами 300 конныхъ стрѣльцовъ, по 5 въ рядъ; за стрѣльцами 500 рейтаръ, за ними 12 стрѣлковъ съ долгими пищалями. За стрѣлками Конюшеннаго Приказа дьякъ, потомъ государевы сѣдла, жеребцы, аргамаки, кони и иноходцы, 40 лошадей подъ сѣдлами, нарядъ на нихъ большой, цѣпи гремячія и поводныя, кутазы и наузы, сѣдла покрыты покровцами цвѣтными и ковриками золотными. Передъ государемъ у кареты бояринъ, подлѣ кареты по правую сторону окольничій. Самъ царь въ англійской каретѣ шестернею, возники (лошади) съ нѣмецкими перьями, на возницахъ кафтаны бархатные и шапки бархатныя съ соболемъ и перьями. Съ царемъ въ каретѣ четверо бояръ. Царевичъ ѣхалъ въ *избушкѣ* шестернею, съ нимъ сидѣли дядька его и окольничій; за ними бояре, окольничіе, стольники и ближніе люди; около избушки—стрѣльцы. За царевичемъ ѣхала царица въ каптанѣ въ 12 лошадей, съ нею мамы и боярыни; за царицею — царевны большія и меньшія, также въ каптанахъ, окруженныхъ стрѣльцами; за царевнами—боярыни верховыя, казначеи, карлицы, постельницы, всего каптанъ 50. Главною цѣлію загородныхъ поѣздокъ была любимая потѣха царя Алексѣя Михайловича— охота, ходилъ на поля тѣшиться съ птицами, любилъ ходить и на медвѣдя.

Мы видѣли, какъ великій государь праздновалъ церковныя торжества; теперь взглянемъ на его торжества семейныя, радостныя и печальныя. *Всемірная* радость—родился царевичъ: патріархъ, знатное духовенство, бояре, окольничіе, думные люди и стольники идутъ съ дарами къ новорожденному; у царя большой столъ. Крестилъ царевича самъ патріархъ съ знатнымъ духовенствомъ въ Чудовѣ монастырѣ или въ Успенскомъ соборѣ; воспріемникомъ, по старинному обычаю, бывалъ Троицкій архимандритъ; если же старшій братъ царевичъ былъ на возрастѣ, то онъ; младшаго сына Алексѣя Михайловича, Петра, крестилъ старшій братъ, царевичъ Ѳеодоръ; воспріемницею—тетка. За крестины патріархъ получалъ 1,500 золотыхъ, митрополиты по 300, архіепископы по 200, епископы по 100, Чудовской архимандритъ 80 рублей, Благовѣщенскій протопопъ (духовникъ) 100 рублей, Успенскій—50, протодьяконъ—40, ключари по 30; всего выходило 3,800 золотыхъ и 330 рублей. Для своей всемірной радости государь кормилъ у себя въ передней нищую братью и жаловалъ милостынею. Умиралъ царевичъ—хоронили въ тотъ же день. Въ годовщины были въ панихидной палатѣ сборы и столъ большой; *за сборами* были патріархъ съ знатнымъ духовенствомъ; государь приходилъ въ панихидную палату и подносилъ патріарху и архіереямъ кушанье и кубки; патріархъ бралъ поднесенное ему блюдо и кубокъ и подносилъ ихъ обратно государю, а тотъ жаловалъ ими окольничаго, который стоялъ за нимъ. Послѣ стола государь снова приходилъ въ панихидную палату къ панихидѣ и потомъ провожалъ патріарха до Благовѣщенья.

Въ церковные праздники и царскіе дни во дворцѣ бывали большіе столы, къ которымъ приглашались патріархъ, бояре, окольничіе, думные дворяне и дьяки, стольники, стряпчіе, дворяне московскіе, жильцы и посадскіе люди всѣхъ сотенъ. Кромѣ того, большіе столы бывали по случаю пріѣзда иностранныхъ царевичей и знатныхъ пословъ. Тутъ въ Грановитую Палату, гдѣ былъ обѣдъ, сносились дорогія и рѣдкія вещи напоказъ гостямъ: на окнѣ, на бархатѣ золотномъ, стояло четверо серебряныхъ часовъ: у того же окна стоялъ *шанданъ* стѣнной серебряный; на другомъ окнѣ стоялъ серебряникъ большой съ лаханью, по сторонамъ разсольники высокіе; на третьемъ окнѣ, на бархатѣ золотномъ, стоялъ разсольникъ серебряный большой, да бочка серебряная позолоченная, мѣрою въ ведро. На рундукѣ, противъ государева мѣста, и на ступеняхъ были постланы ковры; около стола стоялъ поставецъ; на немъ разставлены были сосуды золотые, серебряные, сердоликовые, хрустальные и яшмовые. Иностранные послы говорятъ, что сосуды эти не отличались чистотою [1].

Посолъ пріѣхалъ за важнымъ дѣломъ. Надобно, подумавши, отвѣчать на его предложенія. Съ кѣмъ же обыкновенно великій государь думаетъ думу о всякихъ важныхъ дѣлахъ ратныхъ и земскихъ? Много прошло времени съ тѣхъ поръ, какъ старшій князь въ родѣ княжескомъ сталъ великимъ государемъ, царемъ Московскимъ и всея Руси; но простота первоначальныхъ отношеній его къ окружающимъ, къ ближнимъ людямъ не исчезла. Около дворца великаго государя, въ самомъ Кремлѣ, потомъ въ другихъ лучшихъ частяхъ Москвы, въ Китаѣ и Бѣломъ-городѣ, въ домахъ пообширнѣе другихъ, окруженные бѣдными родственниками, знакомцами и многочисленною крѣпостною дворнею, живутъ знатные люди разныхъ чиновъ, болѣе или менѣе близкіе къ царю. Это старинная дружина княжеская; слово исчезло, но основной характеръ остался,— характеръ военный: все это ратные люди, члены дружины старшіе и младшіе; имъ поручаются, какъ и встарину, разныя гражданскія должности, но при этомъ они не теряютъ своего постояннаго, военнаго характера. Древняя Россія не достигла еще до раздѣленія военной и гражданской службы. Первоначальный военный, дружинный характеръ окружающихъ царя остался; измѣнились отношенія дружины къ вождю ея: члены прежде вольной дружины, могшіе отъѣзжать отъ одного князя къ другому, потомъ прикрѣпились къ одному великому государю—царю-самодержцу, стали его холопами. Вся эта служня обязана быть постоянно на лицо при великомъ государѣ. Съ ранняго утра собирается она ко Двору; старики ѣдутъ въ каретахъ, зимою въ саняхъ, молодые верхомъ; не доѣзжая до двора царскаго, вдалекѣ отъ крыльца, выходятъ изъ каретъ, слѣзаютъ съ лошадей, идутъ пѣшкомъ къ крыльцу. Пойдемъ за ними во дворецъ: тамъ обнаружится различіе между ними по степенямъ знатности и приближенія къ царю. Толпа не идетъ далеко, останавливается на постельномъ крыльцѣ, и здѣсь, на обширной площади его, дожидается, не будетъ ли какого приказанія: это молодые, т.-е. менѣе знатные люди. Здѣсь видимъ стольниковъ; это дѣти отцовъ, которые въ знатныхъ чинахъ, но не изъ первостепенной знати по происхожденію; ихъ будетъ человѣкъ 500; главная служба ихъ во дворцѣ, отъ которой и получили названіе,—носить кушанье къ царскому столу при торжественныхъ обѣдахъ; ихъ же отправляютъ посланниками къ иностраннымъ дворамъ, воеводами по городамъ, въ Приказы. Стольники, стоявшіе здѣсь, на крылечной площади, назывались *площадными*, въ отличіе отъ *комнатныхъ*, дѣтей болѣе знатныхъ, болѣе приближенныхъ къ царю отцовъ. Вмѣстѣ съ стольниками дожидаются на крыльцѣ стряпчіе: мы уже видѣли ихъ въ придворной должности при торжественныхъ царскихъ выходахъ; и стряпчихъ, которыхъ будетъ человѣкъ съ 800, посылаютъ также въ разныя посылки, менѣе значительныя: не пошлютъ стряпчаго ни въ воеводы на городъ, ни въ послахъ въ иностранное государство. Далѣе крыльца не идутъ и дворяне московскіе, получившіе первое мѣсто передъ дворянами областей, присоединенныхъ къ Московскому княжеству; у нихъ нѣтъ придворной должности; въ военное время это начальные люди въ полкахъ, въ мирное ихъ посылаютъ и воеводами по городамъ, и послами, и для производства слѣдствія, и въ Приказы. Но давно уже опытъ показалъ, что человѣкъ, владѣющій саблею, неловко владѣетъ перомъ, давно уже образовался особый классъ людей, дѣльцовъ по письменной части, раздѣлявшихся на старшихъ и младшихъ, на дьяковъ и подьячихъ; безъ нихъ не могъ обойтись бояринъ, назначенный государемъ вѣдать какой-нибудь Приказъ въ Москвѣ; не могъ обойтись дворянинъ, когда его посылали воеводою въ городъ, когда его отправляли посланникомъ въ чужое государство. И все больше и больше значенія пріобрѣтаетъ дѣлецъ, письменный человѣкъ, подлѣ ратнаго человѣка, по старинѣ занимающаго гражданскую должность: дьякъ уже не подчиненный ему, не излагатель только его мнѣній, его приказаній и рѣшеній,—дьякъ, его товарищъ и въ Приказѣ, и въ посольствѣ. Между стольниками, стряпчими и дворянами на дворцовомъ крыльцѣ дожидаются и дьяки. Взадъ и впередъ бѣгаютъ жильцы: это двухтысячный отрядъ дворянскихъ, дьячьихъ и подьяческихъ дѣтей, изъ котораго по сороку человѣкъ ночуетъ на царскомъ дворѣ.

На крыльцѣ, на площади не всегда тихо, не всегда слышны только одни мирные разговоры; иногда вдругъ раздается шумъ, громкіе голоса: два врага, два соперника по какому-нибудь тяжебному дѣлу встрѣтились—и не выдержали, сцѣпились браниться; стóитъ только вымолвить первое бранное слово,—и языкъ расходится, удержу ему нѣтъ; отъ лица сейчасъ же переходъ къ его отцу, матери, сестрамъ и другимъ ближнимъ и дальнимъ родственникамъ,—никому нѣтъ пощады; всѣ старыя и недавнія исторіи, сплетни, слухи,—все тутъ будетъ повторено съ прибавками, какія продиктуетъ расходившееся сердце. Побранится стольникъ съ другимъ стольникомъ за холопа, котораго оттягиваютъ другъ у друга,— и приплететъ къ холопу сестеръ-дѣвицъ и мать своего соперника. Дѣло не ограничивалось одними крупными словами, *шумомъ*: иной расходится отъ крупныхъ словъ и шума и начнетъ *гонять* по крыльцу за врагомъ; гоньба иногда оканчивалась тѣмъ, что у одного изъ соперниковъ была прошиблена кирпичемъ голова [1]).

---

[1] Дворц. разр. III, стр. 1440, 1594, 1597, 621, 667, 696, 1013, 1228, 1350, 660, 849, 1188, 107, 400, 994, 1067, 56, 136, 137, 139, 243, 380, 593, 597, 599, 663, 666, 777, 1065, 1130, 1136, 1138.

Толпа молодыхъ, ожидающая на крыльцѣ, безпрестанно разступается, даетъ дорогу старымъ боярамъ, окольничимъ и думнымъ людямъ, которые не останавливаются на крыльцѣ и проходятъ далѣе въ *переднюю*. Передняя имѣетъ важное значеніе передъ крыльцомъ; одинъ жилецъ, исчисляя службы свои, бьетъ челомъ государю: „Пожалуй меня, холопа своего, для великаго чудотворца Алексѣя митрополита и для многолѣтняго здоровья сына своего царевича, за мое службишко и терпѣнье,—вели, государь, мнѣ быть при своей царской свѣтлости въ передней, а родители мои (родственники) пожалованы въ переднюю“ [2]) Здѣсь, въ передней, останавливаются бояре, окольничіе и думные люди, люди трехъ первыхъ высшихъ степеней старинной руcской службы. Бояринъ—имя, которое встрѣчается уже на первыхъ страницахъ старой лѣтописи въ значеніи старшаго члена дружины и необходимаго совѣтника, думца княжескаго, и эта тѣсная связь между понятіемъ боярина и совѣтника княжескаго выражалась въ эпитетѣ: *бояринъ думающій*. Окольничіе, во время усиленія значенія власти княжеской, являются преимущественно въ значеніи царедворцевъ; они распоряжаются при дворцовыхъ церемоніяхъ, при пріемѣ пословъ; во время путешествія государя ѣдутъ впереди него, приготовляютъ все на станахъ; въ послѣднее время окольничество потеряло значеніе должности и приняло только значеніе чина, означая вторую степень послѣ боярства. Наконецъ, издавна между дружинниками были люди, не достигшіе еще ни боярства, ни окольничества, но *живщіе въ Думѣ*, участвовавшіе въ совѣтѣ великокняжескомъ; отсюда третій чинъ—думные дворяне. Къ этимъ тремъ чинамъ, участвовавшимъ въ Думѣ, совѣтѣ царскомъ, примыкаютъ думные дьяки, высшее званіе, котораго могъ достигнуть не военный человѣкъ, а человѣкъ пера. Думныхъ дьяковъ не больше четырехъ; какъ первые дѣльцы, находившіеся на глазахъ государя, который непосредственно пользовался ихъ ловкимъ перомъ, ихъ знаніемъ дѣла и опытностію, думные дьяки пріобрѣтаютъ важное значеніе; особенно сильны становятся они со временъ Грознаго, который, подозрѣвая знатныхъ людей во враждебныхъ замыслахъ, преимущественно довѣрялъ дьякамъ, людямъ новымъ, незнатнымъ. До какой степени вліянія могли достигать думные дьяки, показываютъ намъ примѣры Щелкаловыхъ, Грамотина. Какъ люди формы и рутины, изъ мелочнаго знанія существующаго извлекавшіе свои выгоды, думные дьяки, разумѣется, не могли быть расположены къ преобразованіямъ; они считались знатоками дѣла, пользовались въ этомъ отношеніи большимъ уваженіемъ, большимъ вліяніемъ; къ нимъ обращались, какъ къ оракуламъ; понятно, какъ оскорбились, ожесточились они, когда имъ стали говорить, что они не умѣютъ дѣло дѣлать, не умѣютъ прилично вести себя. Отсюда понятна вражда, которую питали думные дьяки къ дерзкому нововводителю Ордину-Нащокину, осмѣлившемуся учить, указывать,—кому же?—думнымъ дьякамъ, какъ будто первые дѣльцы дѣла не знаютъ! взумалъ переучивать ихъ на чужой ладъ; только и словъ отъ него, что въ чужестранныхъ государствахъ не такъ дѣлается.

Бояре, окольничіе, думные дворяне, думные дьяки толпятся въ передней. О чемъ же они говорятъ между собою, въ ожиданіи выхода царскаго; что ихъ особенно занимаетъ? Въ послѣднее время было о чемъ поговорить: войны тяжкія, походы безпрерывные, побѣды смѣнялись пораженіями; не разъ были рѣчи о томъ, что царь покинетъ столицу, къ которой приближается врагъ; казаки измѣняютъ въ Малороссіи; безбожный Стенька Разинъ поднимаетъ казачество и крестьянство противъ бояръ; патріархъ хочетъ владѣть всѣмъ: разсердился, что ему не дали владѣть, уѣхалъ, а отъ патріаршества не отказывается; такого дѣла еще никогда не бывало, подняли святѣйшихъ патріарховъ восточныхъ, чтобъ покончили съ Никономъ. Думные дьяки внушаютъ, что съ Аѳанасіемъ Лаврентьевичемъ Ординымъ-Нащокинымъ житья нѣтъ, все бранится, всѣхъ укоряетъ, все, по его, дѣлается не хорошо, толкуетъ о новыхъ порядкахъ, что въ чужихъ земляхъ; а какіе это порядки?—что онъ завелъ во Псковѣ? Пріѣдетъ воевода въ городъ, а ему тамъ и дѣлать нечего: всѣмъ владѣютъ мужики! Но что же будешь дѣлать! Великій государь его жалуетъ, грамоты посылаетъ прямо изъ Приказа Тайныхъ Дѣлъ, и Аѳанасій пишетъ туда же; если уже заведенъ Приказъ Тайныхъ Дѣлъ, то всякому можно писать великому государю, что хочетъ, обносить, кого хочетъ: никто не свѣдаетъ. И чему дивиться: былъ бы изъ честнаго, стараго рода, а то откуда взятъ? Умный человѣкъ!—никто у него ума не отнимаетъ, да какъ будто всѣ другіе глупы? Вотъ и Матвѣевъ мѣтитъ туда же въ бояре—и попадетъ: у государя въ приближеніи; но этотъ, по крайней мѣрѣ, тихъ, честныхъ людей почитаетъ, тоже любитъ новые порядки, да не кричитъ, какъ Аѳанасій.

Но болѣе всего, разумѣется, занимали людей, собиравшихся въ передней, дѣла мѣстническія. Много остатковъ старины сберегла Московская Русь, и между ними крѣпкій родовой союзъ, который тѣмъ былъ крѣпче, чѣмъ слабѣе были всѣ другіе союзы. Понятіе о единствѣ рода, какъ бы онъ ни былъ великъ и развѣтвленъ, сохранялось. Долженъ одинъ изъ членовъ рода заплатить большую сумму денегъ, остальные члены рода обязаны складываться для этой уплаты. Старшіе члены рода, которыхъ величали господами, обязаны наблюдать за поведеніемъ младшаго, хотя и совершеннолѣтняго, уже находящагося въ службѣ; наказывать его за нравственные безпорядки; и правительство, раздѣлявшее общій взглядъ относительно крѣпости родоваго союза, взыскивало на старшихъ членахъ рода за поведеніе младшаго. Понятно, что при такой крѣпости родоваго союза, при такой отвѣтственности всѣхъ членовъ рода одинъ за другого, значеніе отдѣльнаго лица необходимо исчезало предъ значеніемъ рода; одно лицо было немыслимо безъ рода: извѣстный Иванъ Петровъ не былъ мыслимъ какъ одинъ Иванъ Петровъ, а былъ мыслимъ какъ только Иванъ Петровъ съ братьями и племянниками. При такомъ сліяніи лица съ родомъ, возвышалось на службѣ одно лицо—возвышался цѣлый родъ, съ пониженіемъ одного члена рода—понижался цѣлый родъ. Для насъ теперь очень понятно, почему человѣкъ, имѣющій извѣстный высшій чинъ, занимавшій высшую должность, не захочетъ служить подъ начальствомъ или въ товарищахъ человѣка, который моложе его по чину или прежней должности; но представимъ себѣ, что цѣлый родъ составляетъ одно, что каждый членъ слитъ со всѣми остальными членами,—и мы поймемъ, почему извѣстный Иванъ Петровъ не хочетъ служить въ товарищахъ съ Васильемъ Ѳедоровымъ, если членъ одного рода съ Иваномъ Петровымъ былъ выше члена рода Василья Ѳедорова; не забудемъ, что лицо независимое, самостоятельное, какъ теперь у насъ, можетъ, по высшимъ нравственнымъ или по какимъ бы то ни было побужденіямъ, преодолѣть побужденія честолюбія. Но старинному русскому человѣку преодолѣвать эти побужденія было невозможно, потому что онъ не имѣлъ никакого права располагать честью цѣлаго рода, имѣлъ священную обязанность беречь ее во что бы то ни стало; поэтому неудивительно, что старинный русскій человѣкъ, столько послушный великому государю, котораго назывался холопомъ съ уничижительнымъ именемъ, въ мѣстническихъ случаяхъ ослушивался; за обѣдомъ, въ присутствіи царскомъ, спускался подъ столъ, если его принуждали сидѣть ниже человѣка, которому онъ не могъ по родовымъ счетамъ уступить; шелъ въ тюрьму, подвергался батогамъ, кнуту, отобранію помѣстій и вотчинъ, но не исполнялъ воли царской: ибо, въ противномъ случаѣ, что была бы его за жизнь, какъ бы онъ показался на глаза родичамъ, да и всѣмъ порядочнымъ людямъ, ибо въ глазахъ всѣхъ ихъ поруха родовой чести была непростительнымъ преступленіемъ; теперь всякій будетъ каждаго родственника такого преступника *утягивать*, говорить: „Ты можешь быть ниже меня, потому что родственникъ твой Иванъ Петровъ былъ ниже Василья Ѳедорова, а я равенъ Василью Ѳедорову или еще и выше его; мой младшій братъ въ такомъ-то походѣ былъ равенъ или даже выше старшаго брата Василья Ѳедорова“, и т. д.

---

[1]) Случаи такихъ *шумовъ* на крыльцѣ см. у Забѣлина: Домашній бытъ русскихъ царей, I, глава III.

[2]) Приказныя дѣла Москов. Архива Мин. Иностр. Дѣлъ, годъ 1660.

Члены шестнадцати знатныхъ родовъ имѣли право обойти низшіе чины, поступать прямо въ бояре: Черкасскіе, Воротынскіе, Трубецкіе, Голицыны, Хованскіе, Морозовы, Шереметевы, Одоевскіе, Пронскіе, Шеины, Солтыковы, Репнины, Прозоровскіе, Буйносовы, Хилковы, Урусовы. Члены пятнадцати родовъ поступали сначала въ окольничіе и потомъ въ бояре: Куракины, Долгорукіе, Бутурлины, Ромодановскіе, Пожарскіе, Волконскіе, Лобановы, Стрѣшневы, Борятинскіе, Милославскіе, Сукины, Пушкины, Измайловы, Плещеевы, Львовы. Изъ тридцати одной фамиліи 20 княжескихъ. Нѣкоторые изъ князей присоединили къ своимъ фамильнымъ прозваніямъ прозванія отъ старыхъ своихъ удѣловъ, напримѣръ Ромодановскіе-Стародубскіе. Въ концѣ царствованія Алексѣя Михайловича показалось это неприличнымъ, и Ромодановскимъ запрещено было писаться Стародубскими. Но знаменитый воевода, князь Григорій Григорьевичъ Ромодановскій, подалъ челобитную: „Прислана, твоя, великаго государя, грамота,—написано, чтобъ мнѣ впредь Стародубскимъ не писаться. До твоего указа я писаться не стану, а прежде писался я для того: тебѣ, великому государю, извѣстно, князишки мы Стародубскіе, а предки мои и отецъ мой, и дяди писалися Стародубскіе-Ромодановскіе, да дядя мой князь Иванъ Петровичъ, какъ въ Астрахани за васъ, великихъ государей, пострадалъ отъ вора лже-именитаго Августа, по вашей государской милости написанъ въ книгу и, страданія его объявляя, на Сборное воскресенье поминаютъ Стародубскимъ-Ромодановскимъ. Умилосердись, не вели у меня старой нашей честишки отнять“. Государь умилосердился, не велѣлъ честишки отнимать [1]. Молодого человѣка знатной фамиліи царь обыкновенно бралъ во дворецъ въ спальники. Должность спальниковъ состояла въ томъ, что они спали у государя въ комнатѣ, человѣка по четыре, перемѣняясь посуточно, раздѣвали и разували государя. Изъ спальниковъ члены первостепенныхъ родовъ жаловались прямо въ бояре, второстепенныхъ—въ окольничіе, и назывались комнатными или ближними боярами и окольничими. Понятно, что войти въ первый рядъ знати, доставить себѣ и всѣмъ членамъ своего рода право, минуя окольничаго, получать прямо боярство,—было завѣтною цѣлію, и были честолюбцы, которые покушались достигнуть ея безъ признанныхъ правъ: такъ, напримѣръ, Головинъ, пожалованный изъ дворянъ въ окольничіе, билъ челомъ, что окольничихъ въ его пору нѣтъ, и отецъ его при царѣ Михаилѣ былъ въ боярахъ; за это челобитье онъ посланъ въ тюрьму и окольничество ему не сказано, сказано другое: „Тебѣ, страднику, ни въ какой чести не бывать; бояре приговорили тебя бить кнутомъ и въ Сибирь сослать, да государь на милость положилъ“ [2]. Родовая честь была такое больное мѣсто у старинной русской знати, что, несмотря на очевидное первенство одного рода передъ другимъ, члены рода, которые должны были уступить, придумывали отчаянныя средства, чтобь какъ нибудь избавиться отъ этой тяжкой уступки. Въ этомъ отношеніи замѣчательно мѣстническое дѣло между двумя первостепенными родами: въ 1663 году, за торжественнымъ обѣдомъ у государя, князь Юрій Трубецкой получилъ назначеніе выше, чѣмъ Никита Шереметевъ; Шереметевы знали хорошо, что Трубецкіе выше ихъ, но уступить было тяжело, вспомнили, что они, Шереметевы, старинный московскій знатный родъ, а Трубецкіе хотя и знатны, но князья пришлые, Гедиминовичи Литовскіе; вслѣдствіе этого, старшій между Шереметевыми, бояринъ Петръ Васильевичъ подилъ челобитную: „Я и братъ мой съ княземъ Юріемъ былъ и впередъ по отечеству родителей его быть съ Трубецкими готовы; только князь Юрій иноземецъ и въ нашу пору и хуже насъ съ нимъ никто не бывалъ; такъ если кто-нибудь, не зная мѣры своей, станетъ меня безчестить, то намъ и отечеству нашему не было бы порухи“. Государь сильно осердился на эту новость, когда и съ старыми основаніями мѣстническіе споры были невыносимы: онъ велѣлъ сказать Шереметеву: „Ты князя Юрія обезчестилъ, чтоназвалъ его иноземцемъ: Трубецкіе не иноземцы, старый родъ честный“. На Шереметевыхъ князю Юрію Трубецкому доправлено безчестье: половинный окладъ дяди его, боярина князя Алексѣя Никитича Трубецкого [1]).

---

[1] Приказныя дѣла Москов. Архива Мин. Иностр. Дѣлъ, годъ 1675.

[2] Дворцовые разряды, III, стр. 226, 228.

Шереметевы имѣли право опасаться, что кто-нибудь, не зная мѣры своей, будетъ ихъ безчестить вслѣдствіе уступки ихъ Трубецкимъ; нѣсколько разъ Шереметевыхъ обороняли то отъ Долгорукихъ, то отъ Плещеевыхъ, то отъ Бутурлиныхъ, то отъ Годуновыхъ. Но если правительство безпрестанно должно было оборонять и старинные роды, то понятно, какъ ему трудно было оборонять новыхъ людей, родственниковъ царскихъ, поднявшихся до боярства изъ незначительныхъ людей и выскочекъ въ родѣ Ордина-Нащокина. Тутъ надобно было изворачиваться разными средствами. Князь Львовъ билъ челомъ на тестя царскаго, боярина Илью Милославскаго; челобитчику отвѣчали, что ему можно быть съ Милославскимъ вопервыхъ потому, что онъ третій братъ; во вторыхъ потому, что прежде не бивали челомъ на царскихъ свойственниковъ [2]). Еще труднѣе было оборонять Ордина-Нащокина: стольникъ Матвѣй Пушкинъ билъ челомъ, что велѣно ему ѣхать за польскими послами и съ ними ѣхать къ отвѣту (переговорамъ), а вести переговоры, въ отвѣтѣ быть—боярину Ордину-Нащокину, и ему, Пушкину, меньше Аѳанасья быть невмѣстно. Нащокинъ, въ свою очередь, билъ челомъ, что Пушкинъ бьетъ челомъ не дѣломъ. Государь сказалъ Пушкину, что прежде мѣстъ тутъ не бывало и теперь нѣтъ; но Пушкинъ отвѣчалъ, что прежде съ послами въ отвѣтѣ бывали *честные* люди, а не въ Аѳанасьеву версту, потому въ то время и челобитья не бывало, да и теперь нѣтъ, и Пушкинъ уступилъ на первый разъ, поѣхалъ за послами; но потомъ раскаялся въ своей слабости и пересталъ ѣздить къ посламъ; государь послалъ его въ тюрьму и велѣлъ сказать, что ему съ Нащокинымъ быть можно, и если не будетъ, то вотчины и помѣстья отпишутъ; Пушкинъ отвѣчалъ: „Отнюдь не бывать, хотя вели, государь, казнить смертью, Нащокинъ передо мною человѣкъ молодой и не родословный“. И поставилъ на своемъ, не былъ у пословъ приставомъ,—сказался больнымъ [3]).

Подлѣ мѣстничества отдѣльныхъ родовъ другъ съ другомъ шло мѣстничество между членами одного и того же рода, споры о родовомъ старшинствѣ, которые имѣли такое значеніе въ Древней Русской исторіи, происходя въ родѣ княжескомъ. Мы знаемъ, что въ древней Кіевской Руси физическое старшинство брало верхъ, и племянники, несмотря на разныя благопріятныя обстоятельства, обыкновенно должны были преклоняться предъ правами дядей,—покушенія племянниковъ возстать противъ правъ дядей считались грѣховными. Въ Руси Сѣверной, Владимірской и потомъ Московской, дѣло пошло быстро обратнымъ путемъ: родовыя отношенія между князьями рушились; племянникъ отъ старшаго брата сталъ наслѣдовать старшинство, за исключеніемъ всѣхъ дядей. Этотъ переворотъ въ отношеніяхъ членовъ владѣльческаго рода не могъ остаться безъ вліянія и на отношенія въ другихъ родахъ, и если здѣсь не могло произойти такого же переворота вполнѣ, то, по крайней мѣрѣ, мы въ-правѣ ожидать, что произойдутъ уступки, сдѣлки, ограниченія правъ младшихъ дядей предъ старшими племянниками, особенно при вліяніи великагогосударя на рѣшенія мѣстническихъ дѣлъ, при опредѣленіи случаевъ: великій государь, господствуя самъ вслѣдствіе новаго представленія о правѣ сына отъ старшаго брата надъ дядьми, не могъ не благопріятствовать ограниченію дядей въ пользу племянниковъ, и потому намъ неудивительно встрѣчать въ мѣстническихъ дѣлахъ, что эти ограниченія произошли по новому, государеву уложенію. Изъ описываемаго времени приведемъ одинъ любопытный случай такой родовой усобицы: въ 1652 году князь Григорій Григорьевичъ Ромодановскій билъ челомъ на племянника своего, князя Юрія, что ему съ нимъ быть невмѣстно: „Онъ мнѣ въ роду въ равенствѣ“. Князь Юрій билъ челомъ на дядю: „Хотя онъ мнѣ по родству дядя, но можно ему со мною быть, потому что у отца своего онъ осьмой сынъ, а я у своего отца первый сынъ, и дѣдъ мой отцу его большой братъ“. Государь сказалъ: „Послѣ велю васъ счесть старымъ родителямъ (родственникамъ) вашимъ“. Но князь Григорій государя не послушалъ, и за то посаженъ въ оковы [4]). Дьяки точно такъ-же мѣстничались по своимъ приказнымъ назначеніямъ: дьякъ Елизаровъ, пожалованный въ думные дьяки и оставленный въ Помѣстномъ Приказѣ, билъ челомъ, что ему невмѣстно быть меньше думнаго дьяка Гавренева, сидѣвшаго въ Разрядномъ Приказѣ, потому что этотъ Приказъ считался выше Помѣстнаго [1]).

---

[1]) Дополненіе къ дворцов. разрядамъ, стр. 383.

[2]) Дополненіе къ дворцов. разрядамъ, стр. 100.

[3]) Дворцовые разряды, стр. 685

[4]) Дворцовые разряды, стр. 302.

Съ такими-то интересами и стремленіями толпилась знать въ передней. Но не всѣ остаются въ передней; ближніе бояре, люди вхожіе, проходятъ поближе къ дверямъ *комнаты*, соображаютъ, и, *улуча время*, входятъ въ комнату, мѣсто завѣтное для другихъ, которые должны дожидаться въ передней. Какъ важно было входить въ комнату, показываетъ слѣдующій случай: царь Михаилъ приказалъ на границѣ встрѣтить королевича Вальдемара боярину князю Юрію Сицкому, а за Москвою встрѣтить боярину Михаилѣ Солтыкову, и сказано быть безъ мѣстъ; но князь Сицкій, утаясь отъ Солтыкова, билъ челомъ въ *комнатѣ*, безъ людей, царю, и государь велѣлъ дать ему невмѣстную грамоту, что ему можно быть больше Солтыкова и родичей его. Солтыковы успѣли поправить дѣло уже при царѣ Алексѣѣ [2]).

Наконецъ двери отворяются; входитъ великій государь, и всѣ, увидавъ его, кланяются въ землю. Государь садится въ большое кресло въ переднемъ углу и подзываетъ къ себѣ тѣхъ, до которыхъ есть дѣло. Если царь кликнетъ боярина, а его нѣтъ,—тотчасъ посылаетъ за опоздавшимъ, котораго ждетъ грозный выговоръ, зачѣмъ опоздалъ. Расправа съ тѣми, которые оплошали, не исполнили или не такъ исполнили царское приказаніе, коротка: государь сейчасъ же велитъ выслать ихъ вонъ изъ палаты или посылаетъ въ тюрьму. Иногда государь разговариваетъ долго съ разными боярами; всѣ другіе стоятъ; устанутъ,—выходятъ на дворъ посидѣть и опять возвращаются наверхъ. Но вотъ иногда кто-нибудь изъ присутствующихъ самъ подходитъ къ царю и кланяется въ землю: у него челобитье—отпустить въ деревню; приступаютъ другіе, отпрашиваются въ гости, на свадьбу, на крестины или на именины;—отпроситься необходимо, потому что въ вечерни всѣ опять должны быть во дворцѣ. Между челобитчиками нѣкоторые подносятъ калачи государю: это именинники; государь спрашиваетъ ихъ о здоровьи и поздравляетъ; потомъ они пойдутъ съ калачами къ царицѣ, царевичамъ и царевнамъ.

Послѣ пріема бояръ, государь шелъ обыкновенно къ обѣдни со всѣмъ Дворомъ; а послѣ обѣдни, въ передней или комнатѣ государь принимался за дѣла. Для доклада дѣлъ каждому вѣдомству назначены были особые дни: въ понедѣльникъ докладывались дѣла изъ Разряда и Посольскаго Приказа; во вторникъ изъ Приказовъ Большой Казны и Большого Прихода; въ среду — изъ Казанскаго Дворца и Помѣстнаго Приказа; въ четвергъ—изъ Приказа Большого Дворца и изъ Сибирскаго; въ пятницу изъ Судныхъ Приказовъ Владимірскаго и Московскаго. Съ докладами подходили начальники Приказовъ и сами ихъ читали передъ государемъ. Есть у государя важное дѣло,—онъ призываетъ на думу или однихъ ближнихъ, комнатныхъ бояръ и окольничихъ, или всѣхъ бояръ, окольничихъ, дворянъ, и это называется *сидѣньемъ великаго государя съ боярами о дѣлахъ* [3]). Бояре, окольничіе и думные дворяне садятся по чинамъ, отъ царя поодаль, на лавкахъ, бояре подъ боярами, кто кого породою ниже, окольничіе подъ боярами, думные дворяне подъ окольничими, также по породѣ, а не по службѣ; думные дьяки стоятъ, но иногда государь прикажетъ и имъ сѣсть. И тутъ иногда дѣло не обходилось безъ смуты: Пушкины пошли въ тюрьму, побранившись съ Долгорукими въ то время, какъ государь *сидѣлъ* съ боярами [4]). Когда всѣ усядутся, государь объявляетъ свою мысль и приказываетъ, чтобъ бояре и думные люди, помысля, къ тому дѣлу дали способъ. Тутъ всякій, кто имѣетъ способъ въ головѣ, объявляетъ свою мысль, а иные „брады свои уставя, ничего не отвѣчаютъ, потому что царь жалуетъ многихъ въ бояре не по разуму ихъ, но по великой породѣ, и многіе грамотѣ не учены“ [5]). Состоится приговоръ, и государь и бояре приказываютъ думнымъ дьякамъ помѣтить и приговоръ записать. Въ извѣстномъ выраженіи: „государь указалъ и бояре приговорили“—указывается на означенный ходъ совѣщанія; царь приказываетъ своимъ совѣтникамъ, „помысля, дать къ дѣлу способъ“; совѣтники даютъ способъ—и составляется приговоръ. Если придавать этому выраженію важное какое-нибудь значеніе, то надобно будетъ придать важное значеніе и другому, употреблявшемуся встарину выраженію: „По указу в. государя и по приказу дьяковъ сдѣлано то-то“ [6]). Если, вслѣдствіе совѣщанія, нужно написать грамоту въ иностранное государство, то это поручается посольскому думному дьяку; дьякъ велитъ писать подьячему, а самъ вычеркиваетъ или прибавляетъ; когда грамота изготовлена, то ее слушаютъ сперва одни бояре, а потомъ вмѣстѣ съ царемъ; то же соблюдается и относительно всѣхъ другихъ приговоровъ. Если дѣла не такъ важны, или, по какимъ-нибудь обстоятельствамъ, государь не можетъ самъ присутствовать при совѣщаніи о нихъ, то приказываетъ рѣшить ихъ боярамъ безъ себя, приказываетъ имъ *сидѣть* о какомъ-нибудь дѣлѣ. Бояре сидятъ во дворцѣ, и отсюда выраженіе: вносить дѣла къ боярамъ *вверхъ*.

Кромѣ обычныхъ *сидѣній* великаго государя съ боярами, бывали еще чрезвычайныя совѣщанія, на которыя приглашались высшее духовенство и выборные изъ другихъ сословій. Эти чрезвычайныя совѣщанія, или *Соборы*, бывали обыкновенно по вопросу: начинать или не начинать опасную, тяжелую войну, причемъ потребуется долгая и тяжкая служба ратныхъ людей, съ другой стороны—потребуются денежныя пожертвованія съ тяглыхъ людей; нужно призвать выборныхъ или совѣтныхъ людей изъ тѣхъ и другихъ, изо всѣхъ чиновъ, чтобы сказали свою мысль, и если скажутъ, что надобно начинать войну, то чтобъ послѣ не жаловались, сами наложили на себя тягость. Царь Алексѣй, отпуская ратныхъ людей въ Литовскій походъ, говорилъ имъ: „Въ прошломъ году были Соборы не разъ, на которыхъ были и отъ васъ выборные; на Соборахъ этихъ мы говорили о неправдахъ Польскихъ королей; вы слышали это отъ своихъ выборныхъ,—такъ вамъ бы за злое гоненіе на Православную вѣру и за всякую обиду къ Московскому государству стоять". Выборные или *совѣтные люди* являлись на Соборъ изъ Москвы и областей, изъ разныхъ чиновъ людей, напримѣръ: изъ стольниковъ, стряпчихъ, изъ дворянъ московскихъ и жильцовъ, изъ чина по два человѣка; изъ дворянъ и дѣтей боярскихъ большихъ городовъ по два человѣка; изъ меньшихъ—по человѣку, изъ гостей—по три человѣка, изъ гостинной и суконной сотенъ—по два, изъ черныхъ сотенъ и слободъ и изъ городовъ, изъ посадовъ—по человѣку. Изъ крестьянъ выборныхъ не было; иногда не вызывались и горожане изъ областей, призывались только московскіе гости, изъ гостинной и суконной сотни старосты, изъ черныхъ сотенъ сотскіе. Голосъ совѣтные люди имѣли совѣщательный; у нихъ отбирались мнѣнія или сказки для соображеній; сказки подавались или соединенно цѣлыми чинами, или по мѣстностямъ; но каждый совѣтный человѣкъ могъ подать отдѣльно свое мнѣніе.

---

[1]) Дворцовые разряды, стр. 34.

[2]) Акты, касающ. до юридич. быта, стр. 152.

[3]) Дворцов. разряды, III, стр. 1109.

[4]) Дворцов. разряды, III, стр. 290.

[5]) Кошихинъ, стр. 19.

[6]) Приказныя дѣла Москов. Архива Мин. Ин. Дѣлъ, годъ 1668.

Совѣтные люди единогласно сказали, что войну начать необходимо, ратные люди объявили готовность проливать кровь за пресвѣтлое царское величество, торговые люди обязались платить пятую или десятую деньгу съ своихъ животовъ и промыслишковъ; великій государь рѣшилъ, что откладывать войну нельзя, походъ сказанъ придворнымъ ратнымъ людямъ, гонцы скачутъ въ области къ воеводамъ, чтобъ высылали служилыхъ людей, дворянъ и дѣтей боярскихъ изъ ихъ вотчинъ и помѣстій. Теперь мы должны познакомиться съ этимъ многочисленнымъ классомъ служилыхъ людей, разсѣянныхъ по центральнымъ, западнымъ и южнымъ областямъ государства. Прежде всего обратимъ вниманіе на ихъ названіе, которое всегда скажетъ много, особенно когда будемъ слѣдить за его измѣненіями. Въ древнѣйшія времена мы видимъ въ Россіи первоначальное дѣленіе народа на военныхъ и невоенныхъ, мужей и мужиковъ; военные люди по отношенію къ вождю своему, князю, носятъ названіе дружины. Это названіе, отъ какого бы корня его ни производили, заключаетъ въ себѣ понятіе товарищества, компаніи. Въ Московскомъ государствѣ названіе дружины исчезаетъ, ибо исчезаетъ понятіе. Чѣмъ же оно постепенно замѣняется? Изъ-за дружины сначала выступаетъ Дворъ, и производное отъ него—дворянинъ, и пріобрѣтаетъ все болѣе и болѣе силы. Сначала бояре и дѣти боярскія сохраняютъ относительно дворянъ свое самостоятельное первенствующее положеніе, положеніе дружинниковъ; но потомъ, съ возвышеніемъ значенія государя и его Двора, названіе *дворянинъ* беретъ верхъ надъ названіемъ *сынъ боярскій*, и послѣднимъ означается низшій классъ военныхъ людей; съ исчезновеніемъ понятія о товариществѣ вождю выступаетъ во всей силѣ понятіе службы государю, и является для военныхъ людей названіе *служилые люди* въ противоположность всему остальному народонаселенію, которое не поднимается, сохраняетъ по-прежнему относительно военныхъ людей значеніе мужиковъ. Но и военные люди уже болѣе не мужи, а служилые люди, холопи государя; названіе „служилый", „служащій"— живетъ до сихъ поръ; до сихъ поръ въ народѣ говорятъ: *это служащій*, въ противоположность купцу, мѣщанину. Но было еще другое названіе, которое обозначало вознагражденіе за службу, названіе *помѣщикъ*. Если названіе: „служилый человѣкъ"—опредѣляло отношеніе къ государю, то названіе „помѣщикъ"—опредѣляло отношеніе къ землѣ, къ народонаселенію, которое должно было содержать военнаго человѣка. Если въ древности переходной дружинѣ соотвѣтствовало содержаніе, получаемое прямо отъ князя въ видѣ денегъ, то образованію изъ дружины служилаго сословія на сѣверѣ, въ Московскомъ государствѣ, соотвѣтствовала система испомѣщенія на земельныхъ участкахъ, зависѣвшая оттого, что великій князь сталъ государемъ, усѣлся и опредѣлилъ точно свои отношенія къ землѣ, сдѣлался ея хозяиномъ, распорядителемъ. Легко понять, какое впечатлѣніе въ странѣ произвело испомѣщеніе военныхъ людей на земляхъ, впечатлѣніе, подобное тому, какое произвело испомѣщеніе Германцевъ въ областяхъ Римской имперіи: въ странѣ подлѣ немногочисленныхъ вотчинниковъ явился многочисленный классъ людей, пользующихся землею, полновластныхъ хозяевъ ея во время этого пользованія. Вотчинники стали также брать помѣстья, земля явилась предназначенною для испомѣщенія военныхъ людей; помѣщики явились главными землевладѣльцами, служилый человѣкъ для остального народонаселенія сталъ немыслимъ безъ помѣстья, и названіе *помѣщикъ* для землевладѣльца укоренилось въ народѣ крѣпко, осталось и тогда, когда помѣстья исчезли.

Превращеніе дружинниковъ въ помѣщиковъ необходимо должно было имѣть сильное вліяніе на перемѣну въ характерѣ военнаго русскаго сословія, независимо уже отъ различія въ характерѣ южнаго и сѣвернаго народонаселенія, въ характерѣ князей и дѣятельности ихъ. Въ членахъ подвижной дружины, перебѣгавшей съ княземъ своимъ изъ одной области въ другую, безпрестанно готовой перевѣдаться съ дружинами враждебныхъ князей, необходимо сохранялась отвага, храбрость. Это были люди, не покидавшіе оружія въ постоянной борьбѣ съ степными варварами, въ постоянныхъ усобицахъ княжескихъ; въ немногочисленныхъ, находившихся постоянно на виду дружинахъ, преимущественно въ мелкихъ схваткахъ, храбрость каждаго члена была явна, и возбуждалось соревнованіе; война была главнымъ и постояннымъ занятіемъ, однимъ словомъ—военный характеръ сохранялся вполнѣ. Кромѣ побужденія повсюду, у себя на Руси, и въ чужихъ странахъ честь свою взять, присоединялись и другія побужденія къ оказанію храбрости: матеріальное благосостояніе дружины зависѣло отъ богатства князя, а это богатство могъ доставить или поддержать только мечъ дружинника: „Съ дружиною пріобрѣту серебро и золото“, говорилъ Св. Владиміръ и приказывалъ подавать серебряныя ложки дружинѣ, которая роптала, что князь кормитъ ее съ деревянныхъ ложекъ. Но характеръ долженъ былъ необходимо измѣниться, когда военному человѣку дано было помѣстье, куда онъ уѣзжалъ на все мирное время до перваго призыва. Онъ становился землевладѣльцемъ, хозяиномъ, терялъ военное значеніе, входилъ въ міръ иныхъ отношеній и интересовъ, и привыкалъ къ своему мирному положенію, которое становилось для него естественнымъ, постояннымъ, а военное время - случайнымъ, чрезвычайнымъ, нарушающимъ обычное теченіе жизни; это нарушеніе не могло нравиться. Если бы еще можно было сейчасъ же встрѣтить непріятеля, побиться—и назадъ, домой; а то надобно собираться въ долгій путь, покидать семью, хозяйство на неопредѣленное время; въ отсутствіе хозяина семьѣ можетъ быть очень плохо, все пойдетъ не такъ; живется обыкновенно въ помѣстьи со дня на день, на черный день не припасено, а для похода надобно дѣлать чрезвычайныя издержки, занимать деньги—разоренье! Хорошо, если кто отъ природы храбръ, любитъ подраться; но съ теченіемъ времени служилое сословіе превратилось въ касту; сыновья служилаго человѣка, храбры они или нѣтъ, чтобъ не потерять своего значенія и средствъ пропитанія, получивши помѣстья, должны являться по первому призыву на службу. Такимъ образомъ, испомѣщеніе служилыхъ людей уничтожило характеръ древней дружины: вмѣсто постояннаго войска, какимъ была дружина, съ военнымъ духомъ, съ сознаніемъ военныхъ обязанностей, съ побужденіями воинской чести, оно создало классъ мирныхъ граждань, хозяевъ, которые только случайно на время войны, несли уже тяжкую для нихъ службу. Съ каждымъ позывомъ въ походъ въ семействахъ помѣщиковъ должны были повторяться сцены, подобныя тѣмъ, какія теперь происходятъ въ семействахъ передъ отпускомъ рекрутъ; сколько нуждъ и лишеній долженъ претерпѣть!—былъ *самъ*, жилъ хозяиномъ полновластнымъ, окруженный покорною семьею, холопами и крестьянами, а теперь надобно идти подъ начальство: какой-то попадется воевода?—попадались притѣснители страшные! Хорошо, если есть связи, родственники побьютъ челомъ—и воевода возьметъ къ себѣ въ *завоеводчики* (въ свиту),—а то бѣда! И возвратится ли;—возвратится ли невредимъ? а попадется въ плѣнъ къ Татарамъ, въ Литву или къ Нѣмцамъ—люторамъ безбожнымъ! Вспомнимъ также, что войны XVII вѣка, неуспѣхъ которыхъ зависѣлъ отъ дурного устройства русскаго войска, въ свою очередь, не могли содѣйствовать возвышенію духа въ служилыхъ людяхъ, внушенію увѣренности. Вспомнимъ о совершенной неприготовленности русскаго служилаго человѣка къ ратному дѣлу, о неумѣньи владѣть оружіемъ, которое ктому же было очень плохо,—и не удивимся свидѣтельству современника, Русскаго же человѣка[1], который сравниваетъ полкъ служилыхъ людей съ стадомъ: „У пѣхоты ружье было плохо, и владѣть имъ не умѣли, только боронились ручнымъ боемъ, копьями и бердышами, и то тупыми, и на бояхъ мѣняли своихъ головъ по три, по четыре и больше на одну непріятельскую голову. На конницу смотрѣть стыдно: лошади негодныя, сабли тупыя, сами скудны, безодежны, ружьемъ владѣть не умѣютъ: иной дворянинъ и зарядить пищали не умѣетъ, не только-что выстрѣлить въ цѣль; убьютъ двоихъ или троихъ Татаръ и дивятся, ставятъ большимъ успѣхомъ, а своихъ хотя сотню положили—ничего! Нѣтъ попеченія о томъ, чтобъ непріятеля убить, одна забота—какъ бы домой поскорѣй. Молятся: дай, Боже, рану нажить легкую, чтобъ немного отъ нея поболѣть и отъ великаго государя получить за нее пожалованіе. Во время бою того и смотрятъ, гдѣ бы за кустомъ спрятаться; иные цѣлыми ротами прячутся въ лѣсу или въ долинѣ, выжидаютъ, какъ пойдутъ ратные люди съ бою, и они съ ними, будто также съ бою ѣдутъ въ станъ. Многіе говорили: дай Богъ великому государю служить, а саблю изъ ноженъ не вынимать!“ Отсюда понятно, почему мы видимъ въ служилыхъ Русскихъ людяхъ XVII вѣка стремленіе отбывать отъ службы, отговариваться отъ выступленія въ походъ болѣзнію, приписываться какъ-нибудь къ гражданскимъ дѣламъ, задаривать воеводъ и сыщиковъ, чтобъ только оставили въ покоѣ, прятаться отъ нихъ; во время службы опять задаривать воеводъ и сотенныхъ головъ, чтобъ отпустили домой, наконецъ побѣгъ изъ полковъ. Уложеніе грозитъ за первый побѣгъ кнутомъ, за второй - кнутомъ, убавкою помѣстнаго и денежнаго окладовъ, за третій - кнутомъ и отнятіемъ помѣстья; за побѣгъ домой съ бою - кнутомъ нещаднымъ и отнятіемъ половины помѣстныхъ и денежныхъ окладовъ; сотенному головѣ, отпустившему служилаго человѣка безъ государева указа и воеводскаго вѣдома,—батогами и тюрьмою; воеводѣ—жестокимъ наказаніемъ „что государь укажетъ“. Но угрозы Уложенія не помогли: донесенія воеводъ наполнены жалобами на побѣги служилыхъ людей.

---

[1] Посошкова, стр. 186 и слѣд.

Помѣстная система ослабила въ служилыхъ людяхъ воинскій характеръ; но при этомъ они не выигривали въ другихъ отношеніяхъ; имъ за службу давали землю, на которой они жили и съ которой кормились; жизнь покойная и праздная въ помѣстьи отучала ихъ отъ военной службы, главнаго ихъ назначенія, вслѣдствіе чего служба, когда приходило ей время, являлась тяжкимъ, для нѣкоторыхъ невыносимыхъ бременемъ. Ничего не могло быть вреднѣе этихъ длинныхъ отдыховъ въ помѣстьяхъ послѣ походовъ, ибо вообще ничего не можетъ быть вреднѣе для человѣка дѣятельности временной, за которою наступаетъ продолжительное бездѣйствіе; ничто такъ не отучаетъ отъ дѣятельности, отъ труда. особенно когда человѣкъ считаетъ себя въ правѣ предаваться бездѣйствію, когда онъ знаетъ, что имѣетъ важное значеніе, всѣми признаваемое, имѣетъ обязанность, которую и исполнитъ, когда призовутъ; а нѣтъ призыва, имѣетъ право ничего не дѣлать. Но хозяйственная дѣятельность въ деревнѣ? Хозяйственная дѣятельность была слишкомъ проста при тогдашнемъ застоѣ, остановкѣ на первоначальныхъ формахъ. Главная задача состояла въ томъ, чтобъ имѣть какъ можно болѣе человѣческихъ рабочихъ силъ въ своемъ распоряженіи; а если этихъ силъ не много, то малое число работниковъ заставлять производить какъ можно больше, издерживая на нихъ какъ можно меньше. Мы знаемъ, что недостатокъ рабочихъ рукъ, переманки богатѣйшими землевладѣльцами крестьянъ у бѣднѣйшихъ и необходимость, какую чувствовало правительство дать кормъ послѣднимъ, т. е. снабдить ихъ земли работниками, привели къ прикрѣпленію крестьянъ. Но и послѣ прикрѣпленія крестьяне продолжали переманиваться и уходить: отсюда тяжбы за переманку крестьянъ, гоньба за бѣглыми составляетъ самый важный предметъ занятія для помѣщика. Мы видѣли, какъ правительство запрещало отпускъ служилыхъ людей изъ полковъ; но дѣлалось исключеніе: воеводы могли отпускать ихъ домой, въ случаѣ домовнаго разоренья и *людскаго побѣга*. Архивы наполнены дѣлами о бѣглыхъ крестьянахъ, въ Уложеніи цѣлая глава изъ 34 статей посвящена этому предмету. Съ другой стороны, у помѣщика не было побужденій къ усиленію хозяйственной дѣятельности и потому, что это былъ слуга, обезпечиваемый своимъ государемъ. Государь давалъ ему землю, слуга былъ сытъ; государь далъ ему постоянныхъ работниковъ и покровительствовалъ ему при ихъ отыскаціи, когда они бѣгали отъ работы; относительно будущности семейства слуга также обезпеченъ: женѣ, дочерямъ дадутъ земли на прожитокъ, сыновьямъ, какъ выростутъ, поступятъ на службу государеву, будетъ придача къ отцовскому помѣстью. Отсюда необходимая привычка жить беззаботно день за день, и если у кого было желаніе усилить свои матеріальныя средства, то къ этому считался приличнымъ одинъ способъ—*быть у дѣлъ* и кормиться, обогащаться насчетъ тѣхъ, которымъ эти дѣла были надобны.

Несостоятельность Русскихъ служилыхъ людей-помѣщиковъ при встрѣчѣ съ непріятелемъ уже давно стала замѣтна и необходимо повела къ мысли о преобразованіяхъ. Вездѣ въ Европѣ эти преобразованія шли одинакимъ путемъ И на Западѣ, когда члены первоначальнаго войска, дружины, испомѣстились на земельныхъ участкахъ, зажили своими домами, своими землями, то, несмотря на бóльшую самостоятельность ихъ положенія, чѣмъ у насъ въ Россіи, несмотря на то, что отсутствіе государственнаго порядка, отсутствіе безопасности заставляло каждаго землевладѣльца, каждаго *благороднаго* быть постоянно вооруженнымъ, постоянно стоять на-сторожѣ, что, разумѣется, сильно поддерживало воинскій духъ, вело къ явленію рыцарства, какъ учрежденія, вызваннаго первоначально необходимостію защиты слабаго отъ сильнаго,—несмотря на все это, однако войны феодальнаго періода отличаются своею мелкостію и непродолжительностію: вассалы такіе же неохотники надолго отлучаться отъ своихъ домовъ, какъ и наши помѣщики; при большей самостоятельности ихъ положенія у нихъ выговоренъ срокъ—и далѣе этого срока они не останутся въ походѣ. Западно-европейскимъ правительствамъ съ феодальными войсками нельзя было далеко уйти, и они должны были обратиться опять къ дружинѣ! Дружины въ разныхъ странахъ не переставали выдѣляться, какъ у насъ казаки; но тамъ, на Западѣ, не было степей, поля, гдѣ бы богатыри могли свободно *казаковать, поляковать;* тамъ, на Западѣ, дружины составляютъ наемныя войска. Таковы арминаки во Франціи, ландскнехты въ Германіи, брабантцы въ Нидерландахъ, таковы швейцарскія компаніи, италіанскіе кондотьери. Въ нѣкоторыхъ странахъ, наиболѣе слабыхъ государственнымъ единствомъ, дружины вели къ тѣмъ же явленіямъ, какія мы видѣли въ началѣ Среднихъ вѣковъ, во время самаго сильнаго движенія дружинъ: вожди италіанскихъ кондотьери основываютъ государства. Правительства другихъ странъ—болѣе сильныя—употребляютъ дружины какъ наемныя войска, какъ наемную стражу, именно какъ употребляли ихъ нѣкогда западные и восточные Римскіе императоры. Отъ наемныхъ дружинъ сдѣланъ былъ уже переходъ къ національному постоянному войску. Но отъ сбродныхъ дружинъ, искавшихъ службы у разныхъ государей и мѣнявшихъ эту службу при первомъ случаѣ, не скоро очистилась Европа. Въ Россіи онѣ появились съ начала XVII вѣка, съ царствованія Годунова; особенно стало ихъ много при царѣ Михаилѣ, когда, вслѣдствіе тяжелыхъ опытовъ, ясно была сознана несостоятельность русскаго военнаго строя. Но тутъ же начинается, съ помощію иностранныхъ офицеровъ, и обученіе русскихъ ратныхъ людей иноземному строю, появленіе разныхъ видовъ войска съ иностранными названіями, чтò было переходомъ къ постоянному войску. Устроили рейтарскіе полки, выбирали въ нихъ изъ жильцовъ, дворянъ городовыхъ, изъ дворянскихъ дѣтей, недорослей, изъ дѣтей боярскихъ малопомѣстныхъ и безпомѣстныхъ и изъ вольныхъ людей; давали имъ жалованья по 30 рублей въ годъ, оружіе (карабины и пистолеты), порохъ, свинецъ; но лошадей и платье должны были покупать сами. Также брали въ рейтары со 100 крестьянскихъ дворовъ по человѣку, изъ имѣній церковныхъ и изъ имѣній тѣхъ свѣтскихъ землевладѣльцевъ, которые не могли сами служить, за старостію, по болѣзни, равно какъ съ имѣній, принадлежащихъ вдовамъ и дѣвицамъ. Составленные такимъ образомъ рейтарскіе полки учились новому воинскому строю у своихъ полковниковъ, полуполковниковъ, майоровъ и ротмистровъ, которые были или изъ иноземцевъ, или изъ Русскихъ (стольниковъ и дворянъ), которые уже прежде выучились новому строю. На сѣверо-западѣ, вблизи шведской границы, были устроены военныя солдатскія (пѣхотныя) поселенія; жили крестьяне на прежнихъ своихъ участкахъ, пашню пахали, угодьями владѣли, данныхъ и оброчныхъ денегъ не платили, но учились солдатскому строю у иноземцевъ. Сначала велѣно было ихъ учить военной службѣ ежедневно; но въ 1650 году государь велѣлъ ихъ польготить, учить въ недѣлю день или два, чтобъ имъ отъ пашни и отъ промысловъ не отбыть [1]. На степной Украйнѣ были поселены, „устроены вѣчнымъ житьемъ“ [2]) драгуны, служба которыхъ была конная и пѣшая.

Но поселенныхъ солдатъ стало мало во время тяжелыхъ и продолжительныхъ войнъ царствованія Алексѣя Михайловича: въ 1653 году поскакали по городамъ посланцы государевы; пріѣдетъ въ городъ, собираетъ дворянъ и дѣтей боярскихъ на съѣзжій дворъ, говоритъ имъ государево милостивое слово и ихъ тѣмъ обнадеживаетъ, чтобъ дѣти ихъ, братья и племянники, которые не въ службѣ и помѣстьями не надѣлены, писались въ солдатскій строй,—будетъ имъ непремѣнно государское жалованье и милость, велитъ государь ихъ написать по московскому и по жилецкому списку, будетъ имъ кормъ, и денегъ дадутъ на платье; а если въ солдатскій строй писаться не станутъ, то впередъ имъ служилыми людьми не называться и въ государевой службѣ отнюдь не бывать, а быть въ землепашцахъ. Тогда же было велѣно на посадахъ и въ слободахъ переписать у стрѣльцовъ племянниковъ, зятьевъ, пріемышей, половинщиковъ и всякихъ захребетниковъ, также дворниковъ, которые не крѣпостные холопи и не пашенные крестьяне, велѣно у нихъ дѣтей, братьевъ и племянниковъ въ солдатскую службу взять половину, а другую половину оставить у нихъ дома [3]).

Такимъ образомъ составлялись полки солдатъ, или *желдаковъ* [4]); каждый полкъ назывался по имени своего начальника, наприм. полкъ Агея Шепелева. Мы видѣли, что каждому, кто записывался въ солдаты, обѣщаны были кормъ и деньги на платье: сержанту давали корму по 9 денегъ на день, каптенармусамъ и подпрапорщикамъ по 8, капитанамъ по 7 рублей на мѣсяцъ, поручику по 5; подъемныхъ денегъ давали по полтинѣ, да за шубу по полтинѣ. Была еще льгота: солдатскимъ женамъ и матерямъ выдавалась соль безденежно [5]). Но если стариннымъ служилымъ людямъ приходилось плохо отъ иныхъ воеводъ, то солдатскіе полковники еще менѣе могли церемониться съ своими подчиненными, очень незначительными людьми по происхожденію; солдаты полку Агея Шепелева жаловались на своего полковника, что онъ бьетъ ихъ и увѣчитъ и въ тюрьму сажаетъ безъ государева указа и сыска, для своей бездѣльной корысти, и берегъ съ нихъ поминки большіе [6]). Солдаты вымещали свои обиды и убытки на мирныхъ гражданахъ.

Подлѣ этихъ служилыхъ людей съ новыми, иноземными названіями—солдатъ, рейтаръ, драгунъ,—сохранялись старые: *городовые казаки*, которымъ въ мирное время правительство давало дворы и землю пахотную, не брало съ нихъ оброка и никакихъ податей, а во время службы давало имъ жалованье. Не тронуты были и *стрѣльцы*, войско, отправлявшееся въ походы въ военное время, составлявшее гарнизоны, также полицейскую и пожарную команду въ городахъ. Стрѣльцы жили отдѣльными слободами въ городахъ, каждый своимъ домомъ, промышляли и торговали и вмѣстѣ служили государеву службу. Въ одной Москвѣ ихъ было больше 20 приказовъ, въ приказѣ—отъ 800 до 1,000 человѣкъ. Одинъ изъ нихъ былъ приказъ выборный, *стременный*, потому что бывалъ всегда у царскаго стремени, оберегалъ государя и государыню во всѣхъ походахъ. Начальные люди у стрѣльцовъ головы (полковники), полуголовы, сотники, пятидесятники и десятники; въ головы, полуголовы и сотники—берутъ изъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, въ пятидесятники и десятники—изъ стрѣльцовъ. Стрѣльцамъ давалось постоянное денежное жалованье, сукно на платье и соль.

Таковы были военныя силы Московскаго государства, предъ эпохою преобразованія. Эта эпоха приготовлялась тѣмъ, что, не трогая стараго, приставляли къ нему новое. Необходимость новаго, несостоятельность стараго были признаны; но, какъ обыкновенно бываетъ, первые шаги были нерѣшительны; на первыхъ порахъ новое являлось еще робко, безъ офиціальнаго признанія его преимущества. Старая дворянская конница сохраняла свое первенствующее положеніе; никто изъ значительныхъ дворянъ не хотѣлъ служить въ рейтарахъ или солдатахъ; потомки старыхъ дружинниковъ съ презрѣніемъ смотрѣли на войска новаго строя, точно такъ, какъ и на стрѣльцовъ. Попрежнему единственнымъ постояннымъ войскомъ остаются стрѣльцы. Какъ только оканчивалась война, всѣ ратные люди разъѣзжались по домамъ; распускались по домамъ и служилые люди новаго строя, рейтары, солдаты.

---

[1]) Акты Историч., IV; № 39; Дополн. къ Акт. Историч., III, № 65.

[2]) Котошихинъ, стр. 106.

[3]) Акты Историч., IV, № 70.

[4]) Приказныя дѣла Москов. Архива Мин. Ин. Дѣлъ, годъ 1660.

[5]) Приказныя дѣла Москов. Архива Мин. Ин. Дѣлъ, годъ 1668.

[6]) Приказныя дѣла Москов. Архива Мин. Ин. Дѣлъ, годъ 1657.

Въ разныхъ видахъ земля должна была доставлять содержаніе, кормъ ратнымъ людямъ. Въ мирное время ратный человѣкъ кормился отъ помѣстья, иной также отъ вотчины; это кормленіе лежало на крестьянствѣ, прикрѣпленномъ къ помѣстьямъ и вотчинамъ Наступитъ война, ратному человѣку нужно дать вспоможеніе, денежное жалованье; это берутъ на себя, кромѣ крестьянъ, городскіе промышленные люди; смотря по тяжести войны, всѣ они платили то двадцатую, то десятую, то пятую деньгу отъ своихъ промысловъ и животовъ. Отсюда ясно видно, что бѣдность государства и отсутствіе постояннаго войска условливали главнымъ образомъ Соборы, которые обыкновенно созываются по случаю войны: нужно удостовѣриться въ готовности ратныхъ людей выступить въ походъ и въ готовности торговыхъ и промышленныхъ людей давать имъ для этого деньги; когда явилось постоянное войско и постоянные источники доходовъ, то Соборы прекращаются. Наконецъ третій видъ кормленія для ратныхъ людей было кормленіе *отъ дѣлъ*.

Отъ дѣлъ кормились ратные люди разныхъ чиновъ, начиная отъ боярина до самаго мелкаго служилаго человѣка. Бояре, окольничіе и думные люди засѣдали въ Приказахъ. Приказъ есть одно изъ самыхъ выпуклыхъ, самыхъ характеристическихъ явленій древней Россіи, Московскаго государства. Времени происхожденія этого учрежденія нельзя опредѣлить вслѣдствіе самой простоты его. Государь одному изъ своихъ приближенныхъ *приказываетъ* вѣдать постоянно одно какое-нибудь дѣло или нѣсколько дѣлъ однородныхъ, или совершенно разнородныхъ, придастъ ему въ помощь другого или двухъ; для письмоводства необходимо являлись дьяки, подъячіе,— и образовывался Приказъ. Такъ какъ Приказъ имѣлъ свои расходы, то для покрытія ихъ приписывались къ нему *въ вѣдѣніе* города или извѣстные разряды податныхъ людей, съ которыхъ онъ собиралъ подати. Съ развитіемъ государственной дѣятельности, каждое новое дѣло вело къ учрежденію новаго Приказа, и число Приказовъ увеличивалось все болѣе и болѣе.

Мы не пойдемъ по всѣмъ этимъ Приказамъ: ихъ слишкомъ много; остановимся только на тѣхъ, которые лучше другихъ покажутъ намъ особенности древне-русскаго строя.

Вотъ Приказы, въ которыхъ сосредоточивается хозяйство великаго государя, дворы царскіе—казенный, сытенный, кормовый, хлѣбенный, житный, конюшенный. Характеръ великаго государя, хозяина, господаря, и отношеніе его къ службѣ своей здѣсь рѣзко высказываются. Въ Приказѣ Казеннаго двора сидитъ казначей съ двумя дьяками; тутъ сложена казна царская, сосуды золотые и серебряные и множество всякаго рода дорогихъ и недорогихъ матерій, всякая *домовая* казна, изъ которой берутъ на разныя надобности особамъ царскаго дома и потомъ на жалованье всякаго чина людямъ; государь жалуетъ платьемъ приближенныхъ къ себѣ людей и вообще непосредственно ему служащихъ, даритъ знатныхъ людей шубами бархатными, золотными и атласными на соболяхъ. Если жаловалъ великій государь боярина какимъ-нибудь платьемъ, то приказывалъ выдать не только матерію, но и весь прикладъ, напримѣръ: „Велѣлъ государь на однорядку нарядную, купя въ ряду, дать сукно самое доброе вишневое и прикладъ: пять аршинъ сукна куплено по 2 рубля 16 алтынъ 4 деньги за аршинъ; 15 аршинъ галуну золотнаго по 10 алтынъ за аршинъ; 14 аршинъ тафтянаго торочку на нашивку, по три деньги за аршинъ; 14 пуговицъ съ финифтомъ и яхонтовыми искрами, по гривнѣ за пуговицу; на подпушку 1½ аршина атласу, итого рубль 16 алтынъ 4 деньги, да два золотника шелку 2 алтына, всего 20 рублевъ 5 алтынъ 4 деньги“ [1]). Все было дано, только шили однорядку у боярина на дому, потому что у боярина во дворѣ были свои портные, точно также и у великаго государя на казенномъ дворѣ были свои портные и скорняки, человѣкъ 100; шили платье дома, но чулки и рукавицы на государя и царевичей работали въ Новодѣвичьемъ монастырѣ, котораго монахини отличались этимъ мастерствомъ; прикажетъ бояринъ Артемонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ купить въ ряду золота, серебра, кружева золотаго съ серебромъ и отдать старицѣ Антонидѣ на чулочное дѣло и рукавичное. Зачѣмъ же бояринъ Матвѣевъ этимъ распоряжается? Развѣ онъ казначей или вообще завѣдываетъ Дворомъ государевымъ? Нѣтъ, онъ вѣдаетъ дѣла посольскія и Приказъ Малороссійскій; но онъ очень близкій человѣкъ къ государю и его семейству, и потому заказываетъ чулки и рукавицы [2]). Кромѣ знатныхъ людей, съ казеннаго же двора выдаются ежегодно сукна, камки и тафты по портищу дворянамъ, стряпчимъ, жильцамъ, конюхамъ, сокольникамъ, пѣвчимъ, истопникамъ, царицынамъ мастерицамъ, швеямъ, выдаются бархатныя верхи и соболи на шапки, киндяки на подкладку, сафьянъ на сапоги; съ казеннаго же двора отпускаются ежегодно сукна стрѣльцамъ, отпускаются сукна, соболи и шелковыя матеріи Донскимъ казакамъ. Но великій государь благочестивъ, не можетъ онъ забыть духовенство: и дѣйствительно, на казенный дворъ безпрестанно являются священники, дьяконы, дьячки и пономари московскихъ и городовыхъ соборныхъ и простыхъ царскихъ церквей за государевымъ жалованьемъ, за сукнами; инымъ давали ежегодно, другимъ разъ въ нѣсколько лѣтъ, какъ повелось. Больше 18,000 духовенства перебываетъ на казенномъ дворѣ за сукнами. Дачи съ казеннаго двора не ограничивались однимъ русскимъ духовенствомъ: въ Москвѣ всегда можно было встрѣтить греческихъ монаховъ, архіереевъ, архимандритовъ и простыхъ чернецовъ, которые пріѣхали за милостынею; у нихъ царскія жалованныя грамоты, въ которыхъ означено, въ какой срокъ имѣютъ они право пріѣзжать въ Москву за сборомъ на церковное строенье; казенный дворъ снабжаетъ ихъ сосудами, парчами, бархатами.

---

[1]) Приказныя дѣла Москов. Архива Мин. Ин. Дѣлъ, годъ 1673.

[2]) Приказныя дѣла Москов. Архива Мин. Ин. Дѣлъ, годъ 1673.

Откуда же берутся деньги на все это? Про то знаетъ Приказъ Большаго Дворца. Въ немъ сидитъ бояринъ и дворецкій, да окольничій, да думный дворянинъ, да два или три дьяка; вѣдомы въ немъ больше 40 городовъ, собираются подати съ посадскихъ людей, съ таможенъ, откуповъ и со всякихъ угодій; кромѣ 40 городовъ, вѣдомы еще 8 слободъ московскихъ: котельники, оловянишники, кузнецы, плотники, рыбники, шатерники, горшечники, печники, кирпичники. Собираетъ Приказъ всѣхъ денегъ до 120,000 рублей въ годъ, и идутъ эти деньги на всякіе дворцовые расходы. Въ Приказѣ Большаго Дворца вѣдомы дворы: сытенный, кормовой, хлѣбенный, житный, которые представляютъ такія же любопытныя особенности, какъ и казенный дворъ. Изъ 30 погребовъ сытеннаго двора выходило ежедневно по 100 ведеръ вина, пива и меду по 400 и 500 ведеръ. Пріѣзжаютъ изъ разныхъ странъ послы съ многочисленными свитами, и сколько бы ни прожили въ Москвѣ, поятъ и кормятъ ихъ на царскій счетъ: это гости,—нельзя хозяину заставить ихъ кормиться на свой счетъ. Кромѣ иностранцевъ, и Русскимъ людямъ, въ числѣ пожалованій, исходящихъ отъ великаго государя, было пожалованье погребомъ. На кормовомъ дворѣ ежедневно готовятся многочисленныя кушанья для государя и въ раздачу. Отъ каждаго обѣда и ужина царскаго посылаются съ истопниками блюда, *подачи* къ боярамъ, думнымъ людямъ и спальникамъ. Не получитъ кто-нибудь изъ нихъ подачи, является на другой день во дворецъ, съ запросомъ къ дворецкому, съ бранью ключникамъ: что это значитъ, что мнѣ не прислано? Царскаго гнѣва на мнѣ нѣтъ; за что такое безчестье? Челобитье самому царю: „Вины на себѣ не вѣдаю никакой, а въ подачѣ передъ своею братьею обезчещенъ". Начинается сыскъ; все записано, все можно найти въ книгахъ, кому послано и кому нѣтъ, и съ кѣмъ послано. Нѣтъ въ книгахъ—забыли послать: разсыльщики добиваютъ челомъ у обиженнаго, царь гнѣвается на дворецкаго, окольничаго, а ключникамъ тюрьма на цѣлый день. Сыщутъ въ книгахъ, что послано съ такимъ-то истопникомъ,—истопника къ допросу: куда дѣвалъ? Или самъ съѣлъ, или въ грязь уронилъ, или пролилъ: истопника передъ дворцомъ бьютъ батогами. Каждый день на государевъ столъ и подачи расходится больше 3,000 блюдъ. Однихъ рыбныхъ запасовъ изойдетъ въ годъ больше, чѣмъ на 100,000 рублей. Большое количество запасовъ доставляютъ дворцовыя волости; онѣ шлютъ рожь, овесъ, пшеницу, просо, конопли, живыхъ барановъ, свиныя мяса, куръ, яица, сыры, коровье масло, хмель: обязаны доставлять также извѣстное число возжей посконныхъ, лыкъ, кулей рогожныхъ, хомутовъ, съ гужами, супонями и шлеями, оглобли санныя и телѣжныя, дуги, дрова, сѣно. На житномъ дворѣ 300 житницъ; свозятъ въ нихъ хлѣбъ всякаго рода изъ дворцовыхъ селъ, изъ понизовыхъ городовъ съ полей, что сѣется на царя; и хлѣбъ этотъ не для одного царскаго обихода: его раздаютъ въ жалованье духовенству, дворовымъ и другихъ чиновъ людямъ, стрѣльцамъ. Берутъ хлѣбъ съ житнаго двора, отдаютъ молоть по царскимъ мельницамъ въ Москвѣ и по селамъ, везутъ на хлѣбный дворъ, и здѣсь, кромѣ того, что идетъ на дворецъ, пекутъ хлѣбы и калачи опять въ раздачу всякимъ людямъ. Для сметаны, молока и сыровъ устроенъ подъ Москвою коровій дворъ, на которомъ 200 коровъ, въ ближнихъ селахъ также коровьи дворы; коровы покупались у Архангельска, на Холмогорахъ и въ уѣздахъ, платили отъ двухъ рублей съ алтыномъ до 6 рублей [1]). Свѣжіе плоды для дворцоваго обихода шли изъ государевыхъ садовъ, которыхъ было слишкомъ 50 въ Москвѣ, окрестностяхъ и по городамъ. Въ однихъ только московскихъ садахъ было: 14,545 деревъ яблонныхъ, 494 груши, 2,994 дерева вишенъ, 72 гряды малины, 14 кустовъ винограду, 192 сливы, 260 грядъ да 252 куста смородины красной, 74 гряды—черной [2]). Если запасовъ, привозимыхъ изъ дворцовыхъ волостей, не станетъ, уговариваются ставить ихъ уговорщики (подрядчики). Но иногда покупаютъ ихъ по разнымъ мѣстамъ прямо изъ дворца. Понадобятся орѣхи, четвертей 200, отправляются закупать ихъ трое стряпчихъ хлѣбеннаго двора, ѣдутъ въ Тулу, Калугу, Кашинъ, Юрьевъ-Польскій, Переяславль-Залѣсскій, въ уѣзды этихъ городовъ по торгамъ и малымъ торжкамъ; къ воеводамъ посылаются грамоты, чтобъ готовы были цѣловальники для выбора орѣховъ и отвозки ихъ въ Москву, дьячки для письма, стрѣльцы, пушкари и разсыльщики для разсылки; чтобъ готовы были амбары, куда ссыпать орѣхи до отвоза въ Москву, сторожа для береженья. Съ такими же церемоніями покупалось конопляное масло въ Калугѣ и въ уѣздѣ [3]). Въ Можайскѣ и Вязьмѣ у посадскихъ и всякихъ чиновъ людей, также въ уѣздахъ, въ помѣщичьихъ и крестьянскихъ садахъ покупались яблоки, груши, дули, сливы и вишни, устраивались въ бочки, наливались патокою; сливы солились и отпускались въ Москву. Виноградъ привозили изъ Астрахани, просто и въ патокѣ; у государя въ Астрахани были свои виноградные сады: старый садъ, который строили Русскіе люди въ 1647 году; два сада, которые завелъ Голштинецъ Яковъ Давыдовъ; садъ, заведенный Французомъ Посказаюсомъ (!) Подовинымъ (Poitevin?); садъ, купленный у Ушакова; 9 садовъ, взятыхъ на государя. Астраханцы не смѣли продавать винограду изъ садовъ своихъ до государева указа, и торговые люди не смѣли у нихъ покупать подъ страхомъ жестокаго наказанія. Были большія хлопоты, чтобъ въ Астрахани и по Тереку выдѣлывать вино на царскій обиходъ. Выписаны были иностранцы, и между ними Посказаюсъ Подовинъ, и учили винодѣлію Русскихъ людей. Въ 1658 году было прислано изъ Астрахани въ Москву на обиходъ великаго государя 1,206 ведеръ; въ 1659 году изъ винограда царскихъ садовъ прислано было вина 25 бочекъ. Для казеннаго двора надобился другой дорогой товаръ, который можно было добывать на югѣ,—шелкъ; въ 1658 году прислано было 39 гривенокъ шелку сырцу, который сдѣлали въ Астрахани шелковые мастера, иноземцы и Армяне. Обратили вниманіе и на марену: приказано было, чтобъ Русскіе люди продавали ее въ казну, а казна будетъ продавать ее въ Персію. Въ 1673 году гетманъ Самойловичъ, по царскому требованію, присылалъ въ Москву Малороссіянъ, чтобъ указали, на какой землѣ и въ какое время сѣять анисъ; Малороссіяне были отправлены въ нижне-ломовскія и шацкія мѣста [1]).

---

[1]) Приказныя дѣла Москов. Архива Мин. Ин. Дѣлъ, годъ 1671, 1674.

[2]) Приказныя дѣла Москов. Архива Мин. Ин. Дѣлъ, годъ 1674.

[3]) Дополн. къ Акт. Историч. V, 50; Забѣлина—Домашній бытъ русскихъ царей; I, 81.

Конюшенный Приказъ прежде вѣдалъ бояринъ конюшій, первый бояринъ по чину и чести; въ XVII вѣкѣ это званіе уничтожили, и сталъ вѣдать Конюшенный Приказъ ясельничій, да дворянинъ, да дьяки; въ конюшенномъ вѣдомствѣ считалось больше 40,000 лошадей.

Понятно, что не могло сидѣть никакого боярина въ Приказѣ Тайныхъ Дѣлъ; этотъ Приказъ устроилъ себѣ царь Алексѣй Михайловичъ для переписки, о которой онъ не хотѣлъ, чтобы всѣ знали; былъ тутъ дьякъ да нѣсколько подъячихъ, но въ этомъ Приказѣ вѣдались также дѣла, которыя особенно занимали царя: вѣдалось гранатное дѣло и мастера этого дѣла; вѣдалась любимая царская потѣха—птицы, кречеты, ястребы. На кормъ этимъ хищникамъ шли голуби; для голубей былъ устроенъ особый дворъ, на которомъ было голубиныхъ гнѣздъ больше 100,000. И эти невинныя птицы также вѣдались въ Приказѣ Тайныхъ Дѣлъ, который, по имени, долго считали чѣмъ-то очень страшнымъ, въ которомъ думали видѣть что-то въ родѣ тайной канцеляріи.

Посольскій Приказъ, который „вѣдалъ дѣла всѣхъ окрестныхъ государствъ“, долго не имѣлъ большой важности, потому что дѣла по сношеніямъ съ иностранными державами рѣшались у государя наверху съ боярами и думными людьми; для переговоровъ съ иностранными послами назначались также изъ бояръ и думныхъ людей, слѣдовательно Посольскій Приказъ былъ только канцеляріей боярской думы по иностраннымъ сношеніямъ, и въ немъ сидѣлъ думный дьякъ. Только со временъ Андрусовскаго перемирія иностранныя сношенія были поручены одному боярину, именно Ордину-Нащокину, который получилъ пышный титулъ „Великихъ государственныхъ посольскихъ дѣлъ и государственной печати оберегателя“, т. е. канцлера. Аѳанасій Лаврентьевичъ,по своему западному взгляду, имѣлъ высокое понятіе о Посольскомъ Приказѣ, называлъ его окомъ Россіи, въ томъ значеніи, что иностранцы по нему судятъ о цѣломъ государствѣ и народѣ,и требовалъ отъ служащихъ въ немъ,отъ дьяковъ, соотвѣтственнаго этому значенію поведенія; требовалъ, чтобъ дьяки не мѣшали кабацкихъ дѣлъ съ посольскими и были воздержнѣе въ своихъ рѣчахъ съ иностранцами. Но какъ же имъ было исполнить первое требованіе, когда съ Посольскимъ Приказомъ, подъ вѣдѣніемъ посольскаго думнаго дьяка, былъ соединенъ Приказъ—Новгородская четверть, въ которомъ вѣдались города: Великій Новгородъ, Псковъ, Нижній-Новгородъ, Архангельскъ, Вологда и другіе поморскіе и пограничные города, сборъ съ нихъ всякихъ доходовъ, а съ 1667 года съ Посольскимъ Приказомъ былъ соединенъ не только Приказъ Малороссійскій—это было прилично [2]), но также Приказы или чети (четверти) Владимірская и Галицкая?

Дѣла, подлежавшія вѣдѣнію Помѣстнаго Приказа, ясны изъ самаго его названія. Служебными назначеніями, военными и гражданскими завѣдывалъ *Разрядный* Приказъ, потому что различія между обѣими службами не было: тѣ же самыя лица назначались одинаково въ ту и другую. Но такъ какъ впослѣдствіи появились особые разряды войска, то для ихъ вѣдѣнія явились и Приказы *Стрѣлецкій*, *Рейтарскій*, *Пушкарскій*, *Иноземный*, вѣдавшій иноземныхъ служилыхъ людей. Приказъ *Большой Казны* вѣдалъ гостей, гостинной и суконной сотенъ торговыхъ людей, серебрянаго дѣла мастеровъ и *многихъ* городовъ торговыхъ людей, также денежный дворъ. *Большой Приходъ* собиралъ доходы въ Москвѣ и *другихъ* городахъ съ лавокъ, гостинныхъ дворовъ, съ погребовъ, съ мѣры, таможенныя пошлины. *Счетный* Приказъ вѣдалъ приходъ и расходъ всего Московскаго государства. *Разбойный* Приказъ вѣдалъ уголовныя дѣла всего Московскаго государства. Для гражданскаго суда въ дѣлахъ служилаго сословія два Судныхъ Приказа—Московскій и Владимірскій. Приказы, вѣдавшіе извѣстныя области, были: Приказъ Казанскаго Дворца, Сибирскій Приказъ, Приказъ княжества Смоленскаго, Новгородская четверть, Владимірская четверть, Устюжская четверть, Костромская четверть, Галицкая четверть. Всѣхъ Приказовъ было больше сорока Доходу въ нихъ приходило со всего государства 1.300,000, кромѣ Сибирской казны [1]). Подлѣ обширныхъ Приказовъ, въ которые стекались разнородныя дѣла, видимъ Приказъ *Панаѳидный*, въ которомъ вѣдомо было поминовеніе по усопшихъ царяхъ; Аптекарскій, въ которомъ вѣдомы были аптека и медики иностранные, 30 человѣкъ и русскіе ученики ихъ—человѣкъ съ 20. Приходъ сбора стрѣлецкаго хлѣба—особый Приказъ; кромѣ Приказа Каменныхъ Дѣлъ, былъ еще особый Приказъ Каменныхъ Житницъ.

---

[1]) Акты Историч. IV, №№ 40, 63, 132, 133, 136, 138; Дополн. къ Акт. Историч., IV, 60; Архивъ Минист. Юстиціи, книга Малорос. Приказа, № 24.

[2]) Дополн. къ Акт. Истор., V, 44.

Приказы были наполнены подъячими, которые дѣлились на старыхъ, средней статьи и молодыхъ; разница въ жалованьи была въ иномъ Приказѣ отъ 40 рублей до 2, въ другомъ отъ 65 до 4, въ третьемъ отъ 50 до 5, въ иномъ отъ 20 до 1. Нѣкоторые подъячіе получали помѣстный окладъ по 350 и 250 четвертей. Кромѣ подъячихъ, получавшихъ жалованье, верстаныхъ, были еще служившіе безъ жалованья, изъ однихъ доходовъ, неверстаные, которые раздѣлялись на старыхъ и молодыхъ. Неверстаныхъ въ иномъ Приказѣ было не мало,—доказательство, что можно было быть сытыми и безъ государева жалованья на одной *писчей деньгѣ:* такъ, напримѣръ, въ Разрядномъ Приказѣ было 74 подъячихъ верстаныхъ и 33 неверстаныхъ.

Бояре, окольничіе, думные дворяне и дьяки засѣли по Приказамъ; но много еще остается служилыхъ людей не такъ знатныхъ, которымъ нѣтъ мѣста въ Приказахъ, а *покормиться* надобно, бьютъ челомъ въ воеводы покормиться, — челобитная исполнена. Радъ дворянинъ собираться въ городъ на воеводство,—и честь большая, и кормъ сытный. Радуется жена: ей тоже будутъ приносы; радуются дѣти и племянники,—послѣ батюшки и матушки, дядюшки и тетушки земскій староста на праздникахъ зайдетъ и къ нимъ съ поклономъ; радуется вся дворня—ключники, подклѣтные—будутъ сыты; прыгаютъ малые ребята—и ихъ не забудутъ; пуще прежняго, отъ радости, несетъ вздорныя рѣчи юродивый (блаженный), живущій во дворѣ, - ему также будутъ подачи. Все поднимается, ѣдетъ на вѣрную добычу. Вотъ вдали уже видна соборная церковь города.

Всѣ русскіе города, съ перваго взгляда, были похожи другъ на друга. Въ серединѣ самый городъ, т. е. крѣпость, очень рѣдко каменная, обыкновенно деревянная; въ иномъ городѣ городовой мастеръ, Голландецъ, сдѣлалъ земляной валъ [2]). Въ городѣ соборная церковь, съѣзжая или приказная изба, гдѣ сидитъ воевода, судитъ и рядитъ, передъ которой бьютъ на правежѣ неисправныхъ плательщиковъ; губная изба—для уголовныхъ дѣлъ; казенный погребъ или амбаръ, гдѣ хранилась пороховая и пушечная казна; тюрьма, одна или нѣсколько; святительскій дворъ; воеводскій дворъ; осадные дворы сосѣднихъ помѣщиковъ и вотчинниковъ, въ которые они переѣзжаютъ во время непріятельскаго нашествія. За стѣною посадъ, здѣсь большая площадь, гдѣ въ торговые дни ставятся съ хлѣбомъ и со всякимъ товаромъ. На площади земская изба, средоточіе мірскаго управленія, гдѣ сидятъ земскіе старосты съ посадскими людьми; гостиный дворъ, таможня, кружечный дворъ, конская изба; далѣе идутъ дворы тяглыхъ людей: „на дворѣ изба (теплое жилье), да баня съ передбанникомъ, да клѣть съ подклѣтомъ, да подпогребница“; все это нехитрое строеніе [3]) стóитъ иногда три рубля. Зимою въ избѣ тепло, но лѣтомъ въ иныхъ городахъ бывало очень холодно. Наступитъ весна, проглянетъ нѣсколько теплыхъ дней, по городу и по саду уже ходятъ бирючи и кричатъ: „Заказано накрѣпко, чтобы избъ и мыленъ никто не топилъ, вечеромъ поздно съ огнемъ никто не ходилъ и не сидѣлъ; а для хлѣбнаго печенья и гдѣ ѣсть варить,—подѣлайте печи въ огородахъ и на полыхъ мѣстахъ въ землѣ, подальше отъ хоромъ, отъ вѣтру печи огородите и лубьями ущитите гораздо“. По воеводскому приказу, запечатаютъ избу и баню, надобно жить въ клѣти; завернутъ холода, а во многихъ мѣстахъ они завертывали часто, люди трясутся отъ холода, иному и горячимъ согрѣться нельзя, печь въ огородѣ развалилась, а новой скласть нельзя, нѣтъ ни одного каменщика и кирпичника, всѣ выгнаны въ Москву на работы городовыя и царскія. Ни щей сварить, ни хлѣба испечь негдѣ, и отъ той стужи и отъ хлѣбной нужи расходятся люди отъ своихъ домовъ, живутъ по волостямъ и деревнямъ.

Среди дворовъ съ нехитрымъ строеніемъ, избами, клѣтями, виднѣются церкви, вообще тоже нехитраго строенья,—иныя каменныя, но больше деревянныя; подлѣ церквей домы священниковъ и причта; прихожане выбираютъ священника, выберутъ и возьмутъ съ него запись: „Призвали они меня, попа (такого-то), полюбовно и челобитную за руками (архіерею) о мнѣ подали, и мнѣ, попу, служить изъ церковнаго дохода, мірскаго подаянія, да мнѣ-жъ, попу, быть послушну къ болямъ и къ роженицамъ и ко всякой духовной потребѣ и въ церковь Божію; я за церковное мѣсто никакихъ денегъ не далъ и церковнаго мѣста не купилъ, и, служа мнѣ въ той церкви, строенія церковнаго и всякой утвари своимъ не называть и до церковныхъ свѣчъ и до огарковъ и до денежнаго церковнаго сбору дѣла нѣтъ, и того церковнаго мѣста мнѣ, попу, не продать и не заложить и на свое имя не справить и ни въ какія крѣпости не укрѣпить, и по умертвіи моемъ женѣ моей и дѣтямъ и роду моему и племени до того церковнаго мѣста дѣла нѣтъ; церковниковъ мнѣ безъ мірскаго вѣдома одному не принимать и не отказывать; а буде я противъ сей записи въ чемъ-нибудь не устою, и имъ, прихожанамъ, съ докладу (архіерея) мнѣ отъ церкви и отъ церковаго мѣста отказать". Подобныя записи объясняются жалобами, что священники подбирали церковниковъ подъ свою руку и церковную казну называли своею. При церквахъ же находились богадѣльни, или домы нищей братіи. Около каждой церкви кладбище; въ концѣ города *убогій домъ*, гдѣ хоронили тѣла казненныхъ смертію преступниковъ, людей умершихъ въ государевой опалѣ, также опившихся, самоубійцъ, утопленниковъ [1].

---

[1]) Кошихина, главы VI и VII.

[2]) Акты Историч., IV, № 14.

[3]) Акты города Шуи, стр. 309.

Воевода въѣзжаетъ въ городъ; старый воевода сдаетъ ему крѣпостное строеніе, зданія, оружіе, запасы, деньги, бумаги. Новый воевода пересматриваетъ все по описямъ, считаетъ по приходнымъ и расходнымъ книгамъ, провѣряетъ списки служилыхъ, посадскихъ и жилецкихъ людей, ихъ дѣтей и братьи, и племянниковъ, которые въ возрастѣ, сосѣдей и захребетниковъ. Воевода привезъ съ собою длинный царской наказъ, гдѣ исчислены всѣ его обязанности, какъ онъ долженъ промышлять государевымъ дѣломъ, смотрѣть, чтобъ все государево было цѣло, чтобъ вездѣ были сторожа; беречь накрѣпко, чтобъ въ городѣ и уѣздѣ не было разбоя, воровства, убійства, бою, грабежа, корчемства, распутства; кто объявится въ этихъ преступленіяхъ, того брать и, по сыску, наказывать. Воевода судитъ и во всѣхъ гражданскихъ дѣлахъ. Воевода смотритъ, чтобъ всѣ доходы государевы доставлялись сполна съ города, изъ уѣзда. Вторымъ лицомъ послѣ воеводы былъ губной староста, вѣдавшій дѣла уголовныя; его выбирали всѣхъ чиновъ люди изъ дворянъ или дѣтей боярскихъ. Иногда впрочемъ губной староста безъ выборовъ назначался правительствомъ. Но были лица, выбиравшіяся одними земскими людьми на мірскую службу. Главное между ними лицо—это земскій городовой и всеуѣздный головной староста. Староста одинъ для города и уѣзда, потому что уѣздные крестьяне связаны съ посадскими людьми общими хозяйственными распоряженіями, сообща раскладываютъ подати, сообща кормятъ воеводу, который управляетъ городомъ и уѣздомъ вмѣстѣ. Вслѣдствіе этой связи между посадскими людьми и уѣздными крестьянами, послѣдніе посылали въ земскую избу выборныхъ людей *къ совѣту* (волостныхъ третчиковъ). Какъ только выберутъ земскаго старосту, подъячій пишетъ запись и всѣ избиратели прикладываютъ руки; въ записи говорится: „Всѣ посадскіе люди выбрали и излюбили въ мірскую службу въ головные старосты такого-то; вѣдать ему въ мірѣ всякія дѣла и въ нихъ радѣть, а намъ, мірскимъ людямъ, его слушать; а не станемъ его слушать, и ему насъ вольно и невольно къ мірскому дѣлу нудить, а ему міру никакой грубости не учинить, а что міру отъ его грубости учинится и ему собою поднимать". Кромѣ *головнаго* старосты, въ нѣкоторыхъ городахъ ему въ товарищи выбиралось еще нѣсколько земскихъ старость. Главнымъ предметомъ совѣщаній земскихъ старость съ посадскими и совѣтными отъ крестьянъ людьми въ земской избѣ была раскладка податей, выборъ *окладчиковъ* изъ лучшихъ, среднихъ и младшихъ людей, „добрыхъ и знающихъ людей, досужихъ, вѣдая чью отъ житія къ Богу душевную добродѣтель и правду, и которымъ бы такое окладное дѣло было въ обычай". Въ земской же избѣ посадскіе люди выбираютъ цѣловальниковъ къ государеву дѣлу. Воеводѣ запрещено вступаться въ денежные сборы и въ мірскія дѣла, отнимать волю въ мірскомъ окладѣ и въ иныхъ дѣлахъ; запрещено складывать данный окладъ съ посадскихъ и уѣздныхъ людей безъ сыску и приговору мірскихъ людей; запрещено вмѣшиваться въ выборы; воевода только беретъ выборы по выборныхъ цѣловальникахъ за руками выборныхъ людей и отцовъ ихъ духовныхъ, и послѣ не можетъ выборнаго цѣловальника перемѣнить или посадить въ тюрьму безъ вины, для своей корысти. Но по винѣ можетъ и перемѣнить и посадить въ тюрьму, потому что воевода обязанъ наблюдать, чтобъ земскіе старосты, цѣловальники и денежные сборщики, мужики богатые и *горланы* мелкихъ людей не обижали, лишнихъ денегъ съ мірскихъ людей не сбирали.—Второй предметъ совѣщаній на сходкахъ въ земской избѣ—городовое хозяйство: такъ, здѣсь приговаривали раздѣлить пахотную землю во всѣхъ городскихъ трехъ поляхъ на извѣстное число лѣтъ впредь до мірского же раздѣла; при этомъ посадскіе люди приговаривали, что никто не смѣетъ отдать своего участка постороннему человѣку ни на одинъ годъ, ни на одно лѣто; если же отдастъ, то теряетъ свой участокъ, который отбирается въ міръ [2]. Наконецъ въ земской избѣ толкуютъ обо всѣхъ нуждахъ посадскихъ и уѣздныхъ людей, обо всѣхъ случаяхъ, о которыхъ нужно довести до свѣдѣнія или мѣстнаго начальства, или дать знать въ Москву; земскій староста здѣсь впереди; онъ представитель посадскихъ и уѣздныхъ людей, онъ бьетъ челомъ „во всѣхъ посадскихъ и уѣздныхъ людей мѣсто".

Тяжела была мірская служба головному старостѣ, потому что міръ составляли тяглые люди, а трудно было тянуть тягло въ Россіи XVII вѣка. Тяглый человѣкъ былъ прикрѣпленъ къ своему городу, потому что уйдетъ—платить перестанетъ, и міръ долженъ будетъ за него *поднимать*. Въ Смутное время тяглецы разбѣжались, и при царѣ Михаилѣ правительство хлопотало о томъ, чтобъ возвратить ихъ на прежнее мѣсто жительства, ибо опустѣлые посады не могли ничего платить, а въ казнѣ не было денегъ. Уложеніе позволило ожившимся переселенцамъ не возвращаться на старыя мѣста; но, разумѣется, никакъ не могло позволить снова переходить изъ города въ городъ и избывать податей. Но если въ посадѣ, въ тяглѣ было тяжело, то понятно, что много было охотниковъ уйти: въ 1658 году объявлена была смертная казнь за переходъ изъ посада въ посадъ, также за женитьбу и выдачу замужъ за посадъ безъ отпускной. „Бѣгутъ! вопятъ мірскія челобиныя царю; дворы брошены, пусты, намъ платить нельзя, помираемъ на правежѣ!“ Правительство велитъ ловить; но гдѣ же было поймать бѣглеца въ странѣ, въ которой господствовали лѣсъ и степь? Постановленіе смертной казни за побѣгъ всего лучше показываетъ безсиліе мѣръ правительственныхъ.

---

[1] Акты Арх. Эксп. IV, № 38; Акты города Шуи, стр. 88, 356; Приказныя дѣла. Москов. Арх. Мин. Ин. Д., годъ 1676.

[2] Акты юридич., стр. 289, Приказныя дѣла Москов. Арх. Мин. Ин. Д., годъ 1676; Акты Историческ., IV № 23. Акты города Шуи, стр. 61.

Бѣгутъ, бросаютъ дворы — одна бѣда для міра. Но была еще другая: Приходятъ, селятся, строятъ домы, возникаютъ цѣлыя слободы около посадовъ. Но это не тягляцы, не плательщики, это разорители, закладчики, — заложились за архіереевъ и бояръ, торгуютъ, промышляютъ, а тягла не тянутъ и податей не платятъ. Опять пошли мірскія челобитныя, спачала оставались безъ отвѣта, потому что сильнымъ людямъ не хотѣлось терять закладчиковъ; и только послѣ Московскаго бунта, когда были поданы снова на Соборѣ, Уложеніе постановило: „Архіерейскія, боярскія и всякихъ чиновъ людей слободы, устроенныя въ городахъ на посадскихъ земляхъ, взять въ посадъ безповоротно; не строй на государевой землѣ слободъ и не покупай посадской земли. Вотчины и помѣстья, которыя на посадахъ и около посадовъ, взять за государя и устроить къ посадамъ податьми и службами, а вотчинникамъ и помѣщикамъ дать взамѣнъ изъ государевыхъ селъ. Кто посмѣетъ закладываться за частныхъ людей, тѣмъ кнутъ и ссылка въ Сибирь на Лену; кто приметъ закладчика, тому быть въ великой опалѣ; земли, гдѣ будутъ жить закладчики, брать на государя“. Предвидѣли лазейку и постарались ее закрыть: „У кого въ городахъ загородные дворы и огороды, тому держать на нихъ только одного дворника; а станетъ держать много крестьянъ и бобылей, — брать за государя въ тягло“. Бунтъ закладчиковъ не состоялся. Но правительство было безсильно вполнѣ покончить борьбу за свои и мірскіе интересы съ интересами частныхъ людей; оно закладчику грозило кнутомъ и Сибирью, а принимавшему закладчика неопредѣленною великою опалою. Въ 1667 году правительство принуждено было высказаться болѣе опредѣленно, грозить отобраніемъ помѣстій и вотчинъ тѣмъ, которые снова принимаютъ къ себѣ отписанныхъ въ тягло закладчиковъ и крестьянъ [1]). Иногда городскіе тяглецы платились за свое торжество, что по ихъ челобитью возвращали къ нимъ ихъ бѣглыхъ собратій съ земель богатыхъ сосѣднихъ вотчинниковъ. Изъ города Луха бѣглые тяглецы принимались въ селѣ Мыту, принадлежавшемъ князю Репнину. По Уложенію, ихъ вывезли опять въ Лухъ. Приказчикъ Репнинскій въ Мыту, Шибаевъ, да изъ крестьянъ тамошнихъ двое братьевъ Стрѣловыхъ не упускали случая мстить на Лушанахъ за это правительственное распоряженіе. Въ Тихоновой пустынѣ, на ярмаркѣ, сидѣло трое Лушанъ за пряниками, мыломъ и ягодами; откуда ни возьмись Шибаевъ съ своими крестьянами; пряники, мыло и ягоды полетѣли на землю, а продавцы едва успѣли убѣжать поздорову, потому что мытовскіе крестьяне гнались за ними съ ножами. Въ другой разъ Шибаевъ явился на ту же Тихоновскую ярмарку съ большою вооруженною толпою, велѣлъ хватать луховскихъ посадскихъ людей и приводить къ себѣ; тѣ, заслышавъ приказъ, побросали товары — и бѣжать; но двоихъ покололи ножами, товары пропали. Въ третій разъ, во время Тихоновской же ярмарки, когда всѣ Лушане были здѣсь, и въ городѣ оставались только старый да малый, Шибаевъ съ семидесятью вооруженными крестьянами пріѣзжаетъ въ Лухъ и прямо къ съѣзжей избѣ, кричитъ, что убьетъ воеводу; отъ съѣзжей избы поѣхалъ на кабакъ, разбилъ здѣсь чуланы, требуя даромъ вина; потомъ сталъ ѣздить по посаду, крича: „Бейте, рѣжьте посадскихъ людей до смерти!“ Женщины отъ страху бросились бѣжать въ лѣса, беременныя выкинули. Мимо села Мыта лушанинъ не смѣлъ проѣхать, а тутъ шла большая Нижегородская и Балахонская дорога; слѣдовательно Лухъ былъ запертъ: жителямъ его некуда было ѣздить торговать [2]).

Бѣда приходила иногда на городскихъ тяглецовъ и отъ своей братьи, богатыхъ торговыхъ людей московскихъ: при царѣ Михаилѣ гостинная сотня обратилась къ правительству съ просьбою о пополненіи, и государь велѣлъ пополнить ее лучшими людьми изъ слободъ. Въ началѣ царствованія Алексѣя Михайловича, въ 1647 году, гостинная сотня опять била челомъ, что въ ней многіе люди померли, а другіе обѣднѣли отъ государевыхъ службъ, служить стало некому, и государь велѣлъ пополнить гостинную сотню лучшими людьми изъ московскихъ черныхъ сотенъ и изъ городовъ. Но въ 1648 году, воспользовавшись бунтомъ и уступчивостію правительства, земскіе люди изъ городовъ били челомъ, чтобъ имъ отдать назадъ ихъ братью, взятую въ гостинную сотню; государь согласился, а гостинная сотня, какъ сама призналась, бить челомъ не посмѣла въ то смутное время за боязнью. Но въ слѣдующемъ году, когда все утихло, страхъ прошелъ, гостинная сотня подала снова челобитную о прибавочныхъ людяхъ. По окладнымъ спискамъ оказалось, что гостей было въ это время только 13 человѣкъ, гостиной сотни лучшихъ, среднихъ и худыхъ 158, тогда какъ до Московскаго разоренья было 350 семей; въ суконной сотнѣ оказалось 116 человѣкъ. Изъ этого извѣстія всего лучше можно видѣть, какія слѣдствія для торговаго русскаго сословія имѣло Смутное время, Московское разоренье, послѣ котораго торговые люди въ продолженіи XVII вѣка уже не могли поправиться [3]). Вслѣдствіе войны съ Польшею, въ Москвѣ оказалось много плѣнныхъ Бѣлоруссовъ, *мѣщанъ* — имя, до сихъ поръ неизвѣстное въ Великой Россіи; по Андрусовскому перемирію они получили свободу, но пожелали остаться въ Москвѣ. Сперва ихъ роздали въ тягло по чернымъ сотнямъ и слободамъ, но въ 1671 году велѣно за Срѣтенскими воротами построить для нихъ новую слободу, которая получила названіе *Мѣщанской*, и мѣщане взяты въ вѣдомство Малороссійскаго Приказа [1].

---

[1]) Акты Арх. Эксп., IV, № 101, 158.

[2]) Дополн. къ Актамъ города Шуи. Гарелина, стр. 139.

[3]) Дополн. къ Актамъ Историч., III, № 47.

Трудно было выйти изъ посаду, изъ тягла на волю, въ нетяглые люди. Быть можетъ, оставалась возможность выхода въ служилые люди, въ которыхъ также нуждалось правительство? Но еще въ самомъ началѣ Московскаго государства надобность въ тяглыхъ людяхъ, въ плательщикахъ, была, какъ видно, такъ-же велика, какъ и въ служилыхъ; еще тогда князья въ своихъ договорахъ повторяютъ постоянно условіе вѣдать тяглыхъ людей сообща и въ службу къ себѣ не принимать. Въ XVII вѣкѣ, послѣ разоренья, нужда въ тяглыхъ людяхъ не могла уменьшиться, и правительство не позволяетъ выхода изъ тяглыхъ въ служилые, велитъ набирать въ послѣдніе вольныхъ, охочихъ людей, а не тяглыхъ. Если тяглый человѣкъ пойдетъ охотою въ стрѣльцы, то велѣно возвращать его назадъ, въ тягло, съ двумя сыновьями, и только третій сынъ оставался въ стрѣльцахъ. Исключеніе было сдѣлано только для тѣхъ людей, которые пошли въ казаки до Смоленскаго похода, т.-е. до начала Польской войны, при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ.

Если правительство не позволяло тяглецамъ вступать въ военную службу, но тѣмъ менѣе могло позволить имъ выходить въ подъячіе; оно готово было позволить имъ *кормиться перомъ*, но съ условіемъ не выходить изъ тягла. Въ 1668 году двое посадскихъ изъ Вологды били челомъ: „Мы оскудѣли отъ пожаровъ и отъ мѣдной деньги, торговать, промышлять и кормиться стало нечѣмъ, а кормятся на Вологдѣ въ писчей избушкѣ площаднымъ письмомъ посадскіе оскудалые люди; вели, государь, намъ кормиться площаднымъ письмомъ съ площадными подъячими вмѣстѣ и выписныя деньги съ ними дѣлить поровну, чтобъ намъ впредь твоихъ податей и службъ не отбыть и вконецъ не погибнуть". Позволено, „если прежде оскудалые люди на площади писывали, а тягло тянуть съ посадскими людьми". Эти площадные подъячіе писали въ своей писчей избушкѣ всякія крѣпости и постороннія письма. Надъ площадными подъячими былъ староста, который долженъ былъ смотрѣть, чтобъ всякія крѣпости и постороннія письма писали съ его вѣдома, и работныхъ людей помѣчали имена и вершили на площади, и по помѣткамъ безъ записей задаточныхъ денегъ торговые люди не давали, давали-бъ въ то время, какъ записи совершены и поданы будутъ въ приказной палатѣ (съѣзжей избѣ). Староста долженъ былъ смотрѣть за площадными подъячими, чтобъ кто воровски не написалъ какихъ подставныхъ заочныхъ крѣпостей; также чтобъ вмѣсто записей торговымъ людямъ книгъ наемныхъ съ поруками не писали, чтобъ въ томъ пошлина не пропадала; на ослушниковъ староста долженъ подавать докладныя письма за руками въ приказной палатѣ, и тѣмъ людямъ отъ площади будетъ отказано. Назначались эти старосты такимъ образомъ: площадные подъячіе подадутъ челобитную, что староста ихъ устарѣлъ и чтобъ великій государь пожаловалъ, велѣлъ быть у нихъ старостою такому-то, и великій государь указывалъ быть такому-то старостою. Въ малыхъ мѣстахъ, въ слободахъ, площадное письмо отдавалось на откупъ одному какому-нибудь человѣку [2].

Тѣ самыя крѣпостныя отношенія, которыя существовали у насъ до послѣдняго времени относительно крестьянъ и дворовыхъ людей, встарину существовали относительно посадскихъ или тяглыхъ людей, крѣпкихъ своему городу: такъ, женится вольный человѣкъ на тяглой вдовѣ и пойдетъ къ ней въ домъ; женится вольный человѣкъ на посадской дѣвицѣ и пойдетъ къ тестю въ домъ,—тотъ и другой прикрѣпляются къ городу въ тяглые люди.

Служилый человѣкъ долженъ былъ служить, посадскій тяглый платить на содержаніе, на жалованье ратнымъ людямъ; такое первоначальное отношеніе между двумя частями народонаселенія длилось вѣка и условило основной взглядъ ихъ другъ на друга: военный смотрѣлъ на посадскаго или на крестьянина какъ на человѣка, котораго трудъ и сбереженія этого труда имѣли непосредственное назначеніе кормить его, ратнаго человѣка. Седьмая глава Уложенія о службѣ всякихъ ратныхъ людей Московскаго государства начинается такъ: „Съ Польскимъ, и съ Литовскимъ, и съ Нѣмецкимъ, иными окрестными государствы, у государя царя и в. князя Алексѣя Михайловича всея Россіи вѣчный миръ и докончаніе. А будетъ которыми мѣрами съ которымъ государствомъ у Московскаго государства война зачнется, или въ которое время изволитъ государь кому, своему государеву недругу, мстити недружбу и укажетъ послать на нихъ своихъ государевыхъ бояръ и воеводъ, и съ ними всякихъ чиновъ ратныхъ людей, и для той службы велитъ государь своимъ государевымъ ратнымъ людямъ всего Московскаго государства дати свое государево жалованье, и на то государево жалованье ратнымъ людямъ деньги сбирати со всего Московскаго государства".

Черезъ пять лѣтъ по изданіи этого постановленія, въ которомъ высказывался только извѣчный обычай, началась война и продолжалась до конца царствованія Алексѣя Михайловича, и перешла въ царствованіе его преемника; пошли войны и съ

---

[1] Дополн. къ Актамъ Историч. VI, № 39.

[2] Приказн. дѣла Москов. Архива Мин. Ин. Дѣлъ, годъ 1600, 1668; Акты Историч., V, №№ 149, 92.

Польскимъ, и съ Нѣмецкимъ (Шведскимъ) государствами. и съ Черкасами, и съ Татарами, и съ Турками, и съ Разинымъ, и съ Соловецкими бунтовщиками. Легко понять положеніе тяглыхъ людей.

Пріѣхали въ города выборные, бывшіе въ Москвѣ на Соборѣ, и привезли извѣстіе: рѣшено—быть войнѣ. Въ Уложеніи уже опредѣлено, какое непосредственное слѣдствіе этого рѣшенія: сборъ денегъ. Указъ не замедлилъ придти—сбирать пятую или десятую, или двадцатую деньгу; идутъ тяглые люди и „по святой непорочной евангельской заповѣди Христовѣ“ говорятъ правду, что каждому доведется заплатить отъ животовъ и промысловъ. Утаить нельзя: товарищи, торговые люди, знаютъ торговлю и промыслы каждаго, скажутъ и положатъ, что доведется взять. Съ начала Польской войны, при царѣ Алексѣѣ собирали сперва двадцатую деньгу, потомъ десятую въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, а въ 1662 и 1663 годахъ собирали пятую деньгу [1]. Кромѣ денегъ, брали натурою на кормъ ратнымъ людямъ: муку ржаную, сухари, крупы, толокно; брали подводы подъ военные снаряды,—брали съ 60 дворовъ по лошади съ проводникомъ, телѣгою и со всею упряжью, со всѣми путевыми припасами,—это были платежи чрезвычайные, на случай войны. Постоянно тяглые люди платили: дани и оброки, деньги на выкупъ плѣнныхъ (съ двора по 8 денегъ, съ дворовъ служилыхъ людей по 2 деньги), стрѣлецкія деньги, ямскія деньги, деньги на кормъ воеводамъ, въ подмогу подъячимъ, сторожамъ, палачамъ, тюремнымъ и губнымъ цѣловальникамъ; на строеніе воеводскихъ дворовъ, губныхъ избъ и тюремъ; въ приказную избу на свѣчи, бумагу, чернила и дрова; прорубныя деньги—за позволеніе зимою въ прорубахъ воду черпать, платье мыть и скотъ поить. Тяглые люди обязаны были строить и чинить крѣпости въ городахъ; обязаны были строить мосты [2]. Въ 1658 году, когда война усилилась, начали искать повсюду средствъ, какъ бы увеличить доходы, какъ бы заставить платить тѣхъ, которые еще не платили. Пошли грамоты по городамъ: переписать бобылей, пѣшковъ и захребетниковъ, которые службъ никакихъ не служатъ, податей не платятъ, живутъ въ бѣлыхъ. Поднялся вопль между бобылями, пошла челобитная: „Развѣ мы, сироты твои, безданны! Съ 1624 года каждый годъ платимъ въ казну окладного оброка съ дворовъ и съ пустыхъ мѣстъ по 2 рубля по 10 алтынъ; въ смоленскую службу платили мы по 2 рубля съ двора, да платимъ по 8 алтынъ по 2 деньги съ двора за хлѣбные запасы; да съ тѣхъ же дворовъ платимъ по 6 алтынъ по 4 деньги съ воротъ; да по 8 денегъ съ двора, плѣнникамъ на выкупъ, да за подводы даточнымъ на годъ по рублю съ двора; да въ прошлыхъ же годахъ платили мы съ посадскими людьми въ-рядъ съ прожитковъ своихъ и животовъ десятую деньгу“ [3]).

Для примѣра, сколько сходило въ казну денегъ съ города, возьмемъ средній по богатству городъ, именно Устюгъ Великій: съ него въ 1670 году „оброку и пошлинъ, за намѣсничъ кормъ, за присудъ, за пошлинныхъ людей доходъ, съ сохъ дани, за поминочные черные соболи, ямскихъ и приметныхъ денегъ, за городовое, засѣчное и ямчужное (селитряное) дѣло, за поплужную пошлину, соколья оброку, казначеевыхъ, дьячьихъ и подьячьихъ пошлинъ, за праветчикову поворотную пошлину, съ посаду, съ 11 сохъ и съ полполтрети сохи по окладу 321 рубль 13 алтынъ 5 денегъ. Да съ лавокъ и амбаровъ, съ лавочныхъ и амбарныхъ мѣстъ, съ хлѣбныхъ полковъ, съ харчевыхъ избъ, кузницъ, островковъ, нарей, присадъ, полянокъ, дворовыхъ пустыхъ мѣстъ, съ Пятницкаго сельца, съ новороспашныхъ деревень за посопный хлѣбъ оброку 81 рубль 12 алтынъ 5 денегъ. Таможенной пошлины 4,910 рублей; съ бани 44 рубля; съ кружечныхъ дворовъ 4,530 рублей“ [4]).

Часть этихъ доходовъ истрачивалась тутъ же на постоянныя городскія надобности или на какія-нибудь чрезвычайныя издержки, по приказу изъ Москвы. Въ иныхъ городахъ доходовъ не ставало на городскія нужды. Изъ Великаго Новгорода прислали вѣдомость: „Съ Новгорода и новгородскихъ пригородовъ, съ посадовъ и уѣзду, данныхъ и оброчныхъ, таможенныхъ и кабацкихъ денегъ соберется по окладу 11,318 рублей, а въ расходъ въ В. Новгородѣ жалованья денежнаго стрѣльцамъ, казакамъ и инымъ оброчникамъ и на неокладные всякіе расходы придется дать 7,656 рублей, да хлѣбнаго жалованья стрѣльцамъ, казакамъ и всякимъ оброчникамъ по окладу 9,526 четвертей ржи, 7,224 четверти овса, 306 четвертей ячменя, а деньгами за хлѣбъ, противъ торговой меньшой цѣны, придется дать 4,705 рублевъ; всего на окладные и неокладные расходы и за хлѣбъ придется дать 12,362 рубля, кромѣ прибылыхъ расходовъ“. Надобно было урѣзать расходы: отняли жалованье у головъ и сотниковъ стрѣлецкихъ и у городового приказчика (потому что все это помѣщики); у пятидесятниковъ и десятниковъ стрѣлецкихъ убавлено жалованье; у подъячихъ убавлено жалованье и убавленное велѣно давать только тѣмъ, у которыхъ нѣтъ помѣстій; пушкарямъ за денежное и хлѣбное жалованье велѣно ходить въ съѣзжихъ избахъ въ приставахъ, ихъ же и въ уѣзды посылать, а приставовъ уничтожить; казеннымъ кузнецамъ и плотникамъ денежнаго и хлѣбнаго жалованья не давать, а какъ будетъ государево дѣло, и имъ тогда давать поденный кормъ; у сторожей съѣзжей избы и воротниковъ отнято хлѣбное жалованье; но и за этою убавкою все доходовъ въ расходъ недостало на 1,044 рубля. Со Пскова и псковскихъ пригородовъ собиралось 13,329 рублей, а жалованья должно было дать 15,387 рублей, — недоставало 2,058 рублей. Вслѣдствіе этого донесенія, указъ: Новгородскихъ и Ладожскихъ казаковъ за жалованье можно устроить землями, въ Новгородскомъ уѣздѣ порожнихъ земель много; уменьшить жалованье подъячему въ Ладогѣ наполовину и т. д. [1]).

---

[1]) Кошихинъ, стр. 108.

[2]) Акты Гарелина, стр. 149: Акты Историч., III, №№ 62, 127; IV, № 143; V, 39, 49, 77; Акты арх. эксп., III, №№ 121, 271; Дополн. къ акт. Историч., II, № 50; Акты Историч. IV, № 216; Дополн. къ акт. Истор. IV, 75; Акты арх. эксп. III № 145.

[3]) Приказныя дѣла Москов. Архива Мин. Ин. Дѣлъ, годъ 1658.

[4]) Приказныя дѣла Москов. Архива Мин. Ин. Дѣлъ, годъ 1670.

Составлена смѣта, что доходовъ соберется „имѣтся собрати“ столько-то; а если не соберется; если нѣкоторые посадскіе люди объявятъ, что не въ состояніе заплатить?—Тогда правежъ; но иные крѣпки, перенесутъ удары и не заплатятъ: на этотъ случай у праветчиковъ наказъ: „Если посадскіе люди на правежу начнутъ *отстаиваться* и денежныхъ доходовъ платить не станутъ, у такихъ дворы ихъ, лавки и имѣнія отписывать на великаго государя“ [2]).

Но не однѣ подати и чрезвычайные сборы тяжело лежали на посадскихъ людяхъ,—у нихъ были еще службы, которыя, кромѣ того, что отнимали время отъ промысловъ, часто также обѣщали правежъ въ награду. Самая тяжкая по отвѣтственности служба для посадскихъ людей была служба въ *вѣрныхъ* (присяжныхъ) головахъ и вѣрныхъ цѣловальникахъ при продажѣ вина отъ казны. Въ 1652 году, государь, по совѣту съ духовенствомъ и думными людьми, указалъ: „Во всѣхъ городахъ, гдѣ были прежде кабаки. быть по одному кружечному двору, продавать вино въ ведра и кружки; чарку сдѣлать въ три чарки и продавать по одной чаркѣ человѣку, а больше чарки одному человѣку не продавать; питухамъ на самомъ кружечномъ дворѣ и близъ двора сидѣть и пить не позволять; ярыжкамъ, бражникамъ и зерщикамъ (игрокамъ въ зернь) на кружечныхъ дворахъ не быть. Въ Великій постъ, Успенскій, даже и по воскресеньямъ вина не продавать; въ Рождественскій и Петровъ посты не продавать по средамъ и пятницамъ. Духовенство бѣлое и черное не пускать и вина имъ не продавать. Въ селахъ быть кружечнымъ дворамъ только въ большихъ. Быть кружечнымъ дворамъ на вѣрѣ, выбирать изъ нихъ лучшихъ людей за крестнымъ цѣлованьемъ“.—Какую выгоду получала казна отъ продажи вина, видно изъ того, что ведро вина въ 1674 году казнѣ стоило 20 алтынъ, а продавалось по рублю; по кружкамъ ведро вина на кружечномъ дворѣ стоило рубль 16 алтынъ 4 деньги, по чаркамъ—2 рубля. Пиво въ вареньи стоило по семи денегъ ведро, а продавалось по два алтына ведро. Пудъ меду покупали по рублю, выходило изъ пуда 7 ведеръ, каждое продавали по 6 алтынъ по 6 деньги. Винокуры иногда выписывались изъ Малороссіи [3]). Лучшимъ посадскимъ людямъ позволялось курить у себя на дому вино въ небольшомъ количествѣ, ведра по два, по случаю большихъ праздниковъ и особенныхъ семейныхъ торжествъ—свадьбы, родинъ, крестинъ, поминокъ; среднимъ и младшимъ людямъ вина курить не позволялось, могли они къ торжественнымъ случаямъ сварить немного пива и меду, давши знать объ этомъ въ кружечномъ дворѣ, что называлось *явкою*, и заплативъ явочныя пошлины [4]).

Но *явятъ* немного, а выкурятъ или сварятъ гораздо больше въ ущербъ казнѣ, даже станутъ продавать тайкомъ; узнаютъ объ этомъ на кружечномъ дворѣ—надобно накрыть врасплохъ и *вынуть* запрещенный товаръ: хлопоты большія, а дѣлать нечего, надобно смотрѣть зоркимъ глазомъ, потому что если къ концу года мало сбору,—сейчасъ грозный запросъ, почему противъ прежнихъ лѣтъ мало собрано? Вѣрный голова и цѣловальники должны отвѣчать своими деньгами, иначе—правежъ. Потомъ нельзя всѣмъ отпускать на наличныя деньги: у многихъ часто денегъ нѣтъ, надобно вѣрить въ долгъ, къ концу года долги эти нужно собрать, ибо казна ждать не станетъ. Для сбора долговъ, для выемки питья нужно жить въ большихъ ладахъ съ воеводою, не щадить ему подарковъ въ царскіе дни, что называется „въ почесть для царскаго величества“, не щадить подарковъ за обѣды, которые давалъ воевода, и за которые нужно было приглашеннымъ дарить хозяина; потомъ отвозить деньги въ Москву нельзя съ пустыми руками,—дьяки и подъячіе привяжутся. Одинъ цѣловальникъ разсказывалъ: „Будучи у сбору на кружечномъ дворѣ, воеводамъ въ почесть для царскаго величества и для высылки съ казною къ Москвѣ и для долговой выборки и за обѣды харчемъ и деньгами носили не по одно время; а какъ къ Москвѣ пріѣхали, дьяку въ почесть для царскаго величества харчемъ и деньгами носили не по одно время, да подъячему такъ же носили, да молодымъ подъячимъ отъ письма давали же, а у отдачи денежной казны для отписки, для отпуску дьяку да подъячему харчемъ и деньгами носили же не по одно время, а носили въ почесть изъ своихъ пожитковъ, да что брали съ товарищей своихъ цѣловальниковъ въ подмогу, а не изъ государевыхъ сборныхъ денегъ. и носили по волѣ, а не отъ какихъ нападковъ“ [5]).

Кромѣ воеводъ и московскихъ посылокъ, тяжелы были кружечнымъ головамъ солдаты, которые безнаказанно буйствовали при отсутствіи дисциплины, при потачкѣ своихъ начальныхъ людей, при томъ состояніи общества, когда всякій сильный, вооруженный, могъ позволять себѣ все съ слабымъ, невооруженнымъ. Мы видѣли, чтó могъ позволять себѣ въ городѣ какой-нибудь приказчикъ сосѣдняго села, тѣмъ болѣе солдаты. Въ постные дни, когда запрещено было продавать вино на кружечномъ дворѣ, солдаты являлись туда и начинали сами продавать свое вино изъ флягъ въ чарки людямъ, не желающимъ поститься; на дворахъ своихъ, гдѣ стояли постоемъ, продавали всякія пьяныя браги; на вынмку къ нимъ ходить голова не смѣлъ: хвалились убить его до смерти; несмотря на запрещеніе, собирались на кружечный дворъ играть въ зернь и карты; питуховъ на кружечный дворъ не пускали, продавали имъ вино сами, цѣловальниковъ били до полусмерти [1]. Подрывъ питейному сбору страшный, а за все отвѣчаютъ голова и цѣловальники.

---

[1]) Дополн. къ Актамъ Историч. III, 36.

[2]) Приказныя дѣла Москов. Архива Мин. Ин. Дѣлъ, годъ 1670.

[3]) Приказныя дѣла Москов. Архива Мин. Ин. Дѣлъ, годъ 1674. Архивъ Мин. Юстиціи, книга Малорос. Приказа, № 39.

[4]) Акты Историч., IV, № 12.

[5]) Приказныя дѣла Москов. Архива Мин. Ин. Дѣлъ, годъ 1670.

Другія службы посадскимъ людямъ были: въ головахъ и цѣловальникахъ при сборѣ таможенныхъ доходовъ; при сборѣ стрѣлецкаго хлѣба [2]; въ подсудныхъ цѣловальникахъ къ пошлиннымъ и ко всѣмъ денежнымъ сборамъ въ съѣзжей избѣ [5]; на конную площадь при сборѣ денегъ съ пятнанія лошадей; въ головахъ баннаго, перевознаго, мостового сбора; въ сотскихъ, пятидесятскихъ и десятскихъ для полиціи и для извѣта всякихъ воровскихъ дѣлъ [4]. Земскій староста сзываетъ посадскихъ людей въ земскую избу: пришелъ царскій указъ, велѣно выбрать голову и цѣловальниковъ къ таможенному сбору; но кого выбрать?—надобно выбрать людей съ состояніемъ, которые могли бы отвѣчать за недоборъ; но такихъ нѣтъ,—кто былъ побогаче, тѣ выбраны на кружечный дворъ. Міръ рѣшилъ—слать челобитную къ царю, что выбрать некого, велѣлъ бы великій государь прислать голову изъ Москвы. Но изъ Москвы прислать некого, здѣсь свои службы, и въ городъ шлется другой указъ: выбрать къ таможенному сбору того же голову и цѣловальниковъ, которые выбраны къ кабацкому сбору, такимъ образомъ одни и тѣ же посадскіе люди должны нести двѣ тяжелыя службы [5].

Мы видѣли, что посадскіе и уѣздные люди даютъ деньги на кормленіе воеводъ и подъячихъ. Земскій староста расходуетъ этими мірскими деньгами; каждый день вноситъ въ книгу, что издержано. 1-го сентября несено воеводѣ: пирогъ въ пять алтынъ, налимовъ на 26 алтынъ; подъячему пирогъ въ 4 алтына 2 деньги, другому подъячему пирогъ въ 3 алтына 4 деньги, третьему пирогъ въ 3 алтына 2 деньги. Воевода для Новаго года позвалъ обѣдать; за эту честь надобно заплатить, и староста несетъ ему въ бумажкѣ 4 алтына, боярынѣ его 3 алтына 2 деньги, сыну его 8 денегъ, боярскимъ боярынямъ 8 денегъ, жильцамъ верховымъ 6 денегъ. На другой день, 2-го сентября, опять староста идетъ къ воеводѣ—несетъ четверть говяжью въ 12 алтынъ 4 деньги, да щуку въ 6 алтынъ. Подъячему—четверть говяжью въ 9 алтынъ 4 деньги. 3-го сентября староста несетъ воеводѣ щукъ на 19 алтынъ, да на воеводскій дворъ купилъ лопату въ 2 деньги, 100 свѣчъ сальныхъ—далъ 8 алтынъ 2 деньги; купилъ въ съѣзжую избу бумаги 5 дестей, заплатилъ 11 алтынъ 4 деньги. 5-го сентября воеводѣ—четверть говяжью на 12 алтынъ 4 деньги; подъячему—четверть говяжью въ 9 алтынъ 4 деньги; другому подъячему то же 6-го сентября воеводѣ четверть говяжью. 7-го сентября староста и мірскіе посыльщики ходили обѣдать къ подъячему, отнесли въ бумажкѣ 16 алтынъ 4 деньги, женѣ его 8 алтынъ 2 деньги, матери его 3 алтына 2 деньги. 8-го сентября воеводѣ отнесено щукъ по 12 алтынъ. 9-го—воеводѣ четверть говяжья и подъячему столько же. 10-го—воеводѣ щуки. 11-го—опять обѣдъ у подъячаго: отнесено ему въ бумажкѣ 13 алтынъ 2 деньги, женѣ 6 алтынъ, матери 3 алтына, дочери 10 денегъ; на другой день, 12-го числа, ходили къ нему на похмелье, отнесли въ бумажкѣ 20 алтынъ. 12-го числа воеводѣ четверть говяжья. 14-го—воеводѣ рѣпы четверикъ на 3 алтына 4 деньги. 16-го—воеводѣ рыбы, щукъ и налимовъ на 11 алтынъ; подъячему рыбы на 3 алтына, да поставили почесть подъячимъ съѣзжей избы—вина и пива на 6 алтынъ 4 деньги. 17-го—на именины царевны Софіи воеводѣ пирогъ въ 5 алтынъ и подъячимъ пироги; да воеводѣ и подъячему рыба. 19 го—воеводѣ четверть говяжья и т. д. [6].

Мы видѣли расходныя книги земскаго старосты. Теперь заглянемъ въ росписи, что издерживали мірскіе посыльщики, присылаемые въ городъ изъ волостей для платежа денегъ: „Ходилъ къ воеводѣ, несъ хлѣба и калачей на 2 алтына, въ бумажкѣ денегъ три алтына, людямъ его далъ двѣ деньги. Ходилъ къ воеводѣ,—несъ хлѣбъ да калачъ въ 2 алтына, да мяса задь говяжью 26 алтынъ 4 деньги, да свиную тушу въ рубль, да баранью тушу 13 алтынъ; деньгами 3 рубля; племяннику его рубль, другому племяннику 10 алтынъ, боярынѣ рубль, дворецкому 21 алтынъ, людямъ на весь дворъ 21 алтынъ, ключнику 10 денегъ, малымъ ребятамъ 2 алтына, деньщику 2 алтына, подклѣтнымъ 3 алтына. Подъячему хлѣбъ да калачъ, деньгами 2 рубля съ полтиною, женѣ его 16 алтынъ, двоимъ племянникамъ рубль, людямъ на весь дворъ 10 алтынъ, ключнику 3 алтына, деньщику 2 алтына, приворотнику алтынъ, малымъ ребятамъ 8 денегъ, блаженному 4 деньги. Приставамъ далъ всѣмъ въ братью 6 денегъ, да, стоявъ на правежѣ, далъ приставу 2 деньги, да когда платилъ деньги, далъ сторожу въ мѣшокъ 2 деньги, да что писалъ книгу цѣловальникъ—взялъ 2 деньги, да староста взялъ за сѣно, что міромъ сулено воеводѣ, 4 гривны“ [7].

---

[1] Акты Историч., IV, № 74.

[2] Акты Историч., IV, № 174.

[3] Акты до юридич. быта, стр. 2.

[4] Акты города Шуи, стр. 330; Приказн дѣла Москов. Архива Мин. Ин. Дѣлъ, годъ 1688.

[5] Приказныя дѣла Москов. Архива Мин. Ин. Дѣлъ, годъ 1649.

[6] Приказныя дѣла Москов. Архива Мин. Ин. Дѣлъ, годъ 1669.

[7] Приказныя дѣла Москов. Архива Мин. Ин. Дѣлъ, годъ 1668.

Эти мірскіе расходы на воеводу и подъячихъ были дѣломъ обыкновеннымъ, не возбуждали ропота и жалобъ. Но иной воевода хотѣлъ кормиться уже слишкомъ сытно; въ земской избѣ слышались громкія жалобы, и наконецъ подъячій земской избы садился писать челобитную, билъ челомъ посадскій и всеуѣздный земскій старостишка во всѣхъ посадскихъ и уѣздныхъ людей мѣсто: „Пріѣхалъ воевода и взялъ съ насъ по пріѣздѣ 120 рублей денегъ; бралъ съ насъ всякій мѣсяцъ на хлѣбъ по 12 рублей, да хлѣба по четверти ржи, по четверти овса, по четверти ячменя съ сошки, итого по 99 четвертей на годъ да по пяти и по шести *пивъ*, а всякое пиво становится по три четверти хлѣба; къ Рождеству Христову и къ Великому дни по полти мяса, итого по 126 полтей на годъ, да къ Петрову дни, по барану съ сошки, да по 2,000 яицъ, да на всякій день мелкими припасами, мясомъ, рыбою и калачами, съ ямщиковъ по 30 рублей на годъ, да на всякія сутки сальныхъ свѣчъ по полуполтинѣ, да лошадямъ сѣна по 50 рублей на годъ; а земскихъ старостъ къ мірскимъ сборамъ и цѣловальниковъ и приставовъ, и иныхъ ружниковъ намъ мірскимъ людямъ выбирать не давалъ, выбиралъ самъ собою тѣхъ, кто ему больше дастъ“.

Такую челобитную писалъ подъячій въ земской избѣ; а въ съѣзжей избѣ подъячій писалъ другую отъ воеводы на міръ: „Волостные посольщики денежные доходы платятъ оплошно, а съ правежу мнѣ говорятъ большимъ невѣжествомъ, чтобъ на нихъ не правилъ; однажды на правежѣ закричали на меня съ большимъ невѣжествомъ, забунтовались и съ правежу отъ съѣзжей избы сошли, отъ приставовъ отбились, приставовъ побили, на дворъ ко мнѣ приходили съ большимъ невѣжествомъ и похвалялись на меня всякими недобрыми дѣлами, а посадскій и всеуѣздный староста лаялъ меня..... и называлъ воромъ при многихъ людяхъ и государевыхъ доходовъ править не велитъ“ [1]).

Въ городахъ, ближайшихъ къ Москвѣ, воеводы и подъячіе кормились умѣреннѣе; челобитныя мірскихъ людей были доходнѣе до царя. Но въ городахъ дальнихъ, гдѣ именно было „до Бога высоко, до царя далеко“, кормленщики разнуздывались, и этою разнузданностію вызывали самоуправство мірскихъ людей, которымъ также представлялось, что до Бога высоко, до царя далеко. Не повторяемъ разсказа о возстаніяхъ мірскихъ людей отдаленныхъ городовъ въ царствованіе Михаила Ѳедоровича и въ началѣ царствованія Алексѣя Михайловича [2]); въ концѣ царствованія Алексѣя, въ 1673 году, жители Кайгородка, подъ предводительствомъ Аничка Ташкинова и Митьки Беркутова, воеводѣ Волкову въ денежныхъ доходахъ царскихъ отказали, приходили на воеводу бунтомъ и хотѣли убить, отъ воеводства отказали, приставовъ и цѣловальниковъ съ города свели. Правительство послало сотню стрѣльцовъ для утушенія бунта. и дѣло кончилось пытками и висѣлицами. Не отъ однихъ, впрочемъ, посадскихъ людей доставалось иногда воеводѣ; иногда посадскіе должны были выручать воеводу. Однажды въ Шуѣ на посадѣ раздался сполошный колоколъ; посадскіе сбѣжались и видятъ, что ихъ воевода Борковъ лежитъ чуть-живой; ѣхалъ онъ изъ гостей вмѣстѣ съ сосѣднимъ помѣщикомъ, стряпчимъ Кашинцевымъ, человѣкомъ страшно задорнымъ, поссорились, подрались, и Кашинцевъ выдралъ у воеводы всю бороду безъ остатка [3]).

Представителемъ міра предъ правительствомъ былъ земскій посадскій и всеуѣздный староста, выбранный міромъ. Тяжело отъ воеводы или отъ кого и отъ чего бы то ни было, староста бьетъ челомъ во всѣхъ посадскихъ и уѣздныхъ людей мѣсто. Онъ кормитъ воеводу и подъячихъ; но когда кормить становится тяжело, когда міръ начинаетъ волноваться, староста съ своими, за своихъ, староста *лаетъ* воеводу. Но не всегда бывали такіе бойкіе старосты; иногда староста соединялся съ воеводою и дѣйствовалъ противъ міра, противъ выгодъ своихъ избирателей, и мірскіе люди обращались къ правительству, били челомъ на своего старосту: „Въ нашихъ мірскихъ дѣлахъ учинилъ большое дурно, въ денежныхъ приходахъ и расходахъ большую хитрость, а себѣ корысть; подговаривался къ воеводѣ и къ таможенному откупщику, пьетъ и ѣстъ съ ними безпрестанно и ночи просиживаетъ; на насъ воеводѣ и откупщику наговариваетъ, и насъ продаютъ и убытчатъ,—вели, государь, отъ насъ его вывесть“ [4]). Противъ дурного старосты, избраннаго, у избирателей нѣтъ другого средства, какъ просить правительство *вывести* его изъ города, потому что если смѣненный староста останется у нихъ,—имъ будетъ плохо, потому что это обыкновенно человѣкъ богатый, сильный. Слабость общества, міра, предъ отдѣльнымъ лицомъ высказывалась и въ другомъ случаѣ: кто-нибудь изъ мірскихъ людей начинаетъ дурно вести себя; міръ предвидитъ, какія бѣды могутъ произойти отъ этого; напьется пьянъ, сдѣлаетъ какое-нибудь дурно, подерется, убьетъ кого-нибудь до смерти, - міръ будетъ отвѣчать; подлѣ воевода, подъячіе, которые ждутъ только того случая, какъ бы поживиться насчетъ міра, постараются припутать къ дѣлу какъ можно большее число людей,—и міръ бьетъ челомъ: „Жалоба намъ на посадскаго человѣка Короба: пьетъ и бражничаетъ безобразно, въ зерни и карты играетъ, жену свою бьетъ и мучитъ не по закону! Вели его съ женою и дѣтьми съ посаду выслать вонъ, чтобъ намъ въ пени и опалѣ не быть“ [5]) Члены рода поступали точно такимъ же образомъ: били челомъ государю, что одинъ изъ родственниковъ ведетъ себя очень дурно и не унимается, несмотря на наказанія отъ старшихъ членовъ рода; родъ даетъ знать государю, чтобъ послѣ въ опалѣ не быть [1]). Слабость міра особенно выражалась въ розни, усобицѣ между богатыми и бѣдными посадскими людьми,—явленіе, которое встрѣчалось не въ одномъ Псковѣ, не изъ одного Пскова получались такія челобитныя: „Бьютъ челомъ посадскіе средніе и молодчіе бѣдные людишки всѣхъ *сороковъ*. Жалоба намъ на посадскихъ людей, на прежнихъ земскихъ старостъ и нынѣшняго, и на всѣхъ лучшихъ богатыхъ людей: лучшіе и богатые люди насъ окладомъ и тягломъ не по силамъ загнели, а себя въ окладѣ облегчили, и съ тѣмъ своихъ легкихъ окладовъ на многіе годы тягла не доплачиваютъ, оставляютъ за собою залоги большіе и для того земскихъ старость по книгамъ, другъ другу норовя, не считаютъ, а намъ, среднимъ и молодчимъ людишкамъ, на счетъ не даютъ“ [2]).

---

[1]) Приказныя дѣла Москов. Архива Мин. Ин. Дѣлъ, годъ 1667.

[2]) См. Исторію Россіи, т. IX и X.

[3]) Приказныя дѣла Москов. Архива Мин. Ин. Дѣлъ, годъ 1674; Акты города Шуи, стр. 353.

[4]) Акты города Шуи, стр. 223.

[5]) Акты города Шуи, стр. 455.

Все со всѣмъ относилось къ правительству, било челомъ великому государю. Правительство не оставалось глухо къ челобитьямъ; просилъ какой-нибудь міръ выборнаго чиновника вмѣсто короннаго,—правительство охотно соглашалось. Бьютъ челомъ, чтобъ городничаго или городового приказчика (по нашему коменданта) отставить и выбрать новаго міромъ: государь велитъ выбирать [3]). Бьетъ челомъ посадскій и всеуѣздный земскій староста во всѣхъ мѣсто посадскихъ людей и волостныхъ крестьянъ, что прежде въ земской избѣ у всѣхъ дѣлъ былъ одинъ подъячій, а теперь явился къ нимъ изъ Москвы какой-то господинъ съ грамотою, въ которой велѣно ему быть въ подъячихъ у земскаго старосты, а прежнему подъячему быть у одного ямскаго дѣла; но прежній подъячій, пишетъ староста, человѣкъ хорошій, налоговъ и убытковъ отъ него не бывало, а этотъ, новый, который напросился на его мѣсто, у земскихъ дѣлъ не бывалъ и къ нимъ не пригоденъ:—великій государь приказывалъ выпроводить пріѣхавшаго изъ Москвы подъячаго, несмотря на его грамоту [4]). Бьютъ челомъ волостные старосты и крестьяне, что у нихъ въ съѣзжей избѣ искони подъячій по ихъ выбору, а теперь одинъ хочетъ сѣсть въ подъячихъ безъ ихъ выбора:—государь не позволяетъ подъячему садиться безъ выбора [5]). Противъ воеводскихъ злоупотребленій на судѣ были приняты мѣры: не велѣно судить воеводамъ и приказнымъ людямъ дѣла тѣхъ лицъ, отъ которыхъ подано будетъ на нихъ подозрѣніе, судить ихъ велѣно воеводамъ ближайшихъ городовъ, не дальше 150 верстъ. Потомъ не велѣно опредѣлять воеводами дворянъ въ тѣ города, около которыхъ у нихъ находятся помѣстья и вотчины [6]). Въ концѣ царствованія Алексѣя Михайловича велѣно было отставить въѣзжіе и мѣсячные и праздничные и иные денежные всякіе и хлѣбные поборы воеводамъ, и что на воеводскіе расходы земскіе старосты на мірскія деньги покупали на воеводъ. Понятно, что воеводы не могли вдругъ отказаться отъ этихъ поборовъ и приносовъ, и земскіе старосты носили пироги и рыбу по старой привычкѣ; доказательствомъ служитъ то, что царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ долженъ былъ подтвердить указъ отцовскій [7]). Сдѣлана была и болѣе важная попытка,—къ преобразованію отношеній горожанъ къ воеводѣ, но не удалась.

Въ 1665 году воеводою во Псковѣ былъ знаменитый любимецъ царя Алексѣя, Аѳанасій Лаврентьевичъ Ординъ-Нащокинъ. Воевода нашелъ дѣла ввѣреннаго ему края въ очень неудовлетворительномъ состояніи; заграничная торговля, которою богатѣлъ Псковъ, находившійся на двухъ рубежахъ, упала вслѣдствіе войнъ польской и шведской; зло, общее всѣмъ городамъ древней Россіи, господство такъ-называемыхъ *мужиковъ-горлановъ*, богатыхъ торговыхъ людей, которые, забравши всю власть въ свои руки, хлопотали только о своихъ выгодахъ, забывая выгоды большинства согражданъ,—это зло было въ самой сильной степени во Псковѣ, гдѣ была свѣжа еще память о кровавой борьбѣ между лучшими и меньшими людьми въ Смутное время, а недавняя псковская смута подновила раздраженіе. Аѳанасій Лаврентьевичъ не хотѣлъ только *кормиться* на Псковскомъ воеводствѣ: онъ сталъ думать, какъ бы поднять благосостояніе города, который былъ ему родной. Какъ вездѣ, такъ и тутъ онъ смотрѣлъ на Западъ, дѣлалъ „съ примѣру сторонныхъ чужихъ земель“, и предложилъ земскимъ старостамъ и всенародному совѣту слѣдующую мѣру: быть во Псковѣ безпошлинному торгу съ иностранцами—одному 6-го января на двѣ недѣли, а другому—съ 9-го мая на 2 недѣли, причемъ мимо посадскихъ людей Псковичей иныхъ чиновъ людямъ съ иностранцами не торговать. „Во всѣхъ государствахъ славны тѣ торги, которые безъ пошлинъ учинены“, твердилъ воевода.

Уже давно по всей Россіи, особенно же въ значительнѣйшихъ городахъ, слышались горькія жалобы русскихъ торговыхъ людей на купцовъ иностранныхъ, которые, дѣйствуя сообща и располагая большими капиталами, захватывали торговлю въ свои руки. Чтобы относительно цѣнъ на товары не быть въ зависимости отъ русскихъ значительнѣйшихъ торговцевъ, иностранцы обыкновенно входили въ сношенія съ небогатыми людьми, давали имъ впередъ деньги, на которыя тѣ скупали для нихъ товары низкою цѣною, довольствуясь небольшимъ вознагражденіемъ: „отъ такого неудержанія Русскіе люди на иноземцевъ торговали изъ малаго прокормленія и въ послѣдню скудость пришли, а которые Псковичи и свои животы имѣли, отъ сговорщиковъ съ Нѣмцами, для низкой цѣны товаровъ, также оскудѣли“. Чтобъ не было такого тайнаго подряда съ иноземцами; чтобъ маломочные Русскіе люди не брали у нихъ въ подрядъ денегъ и, такимъ образомъ, не понижали бы цѣны русскимъ товарамъ. Нащокинъ предложилъ псковскимъ лучшимъ людямъ торговымъ расписать, по свойству и по знакомству, во Псковѣ и въ пригородахъ маломочныхъ людей по себѣ, вѣдать ихъ торговлю и промыслы, и, вмѣсто того, что прежде брали они деньги у иностранцевъ и на нихъ работали, давать имъ ссуду изъ земской избы (т. е. изъ городскихъ суммъ). Накупивши на эти деньги товару, маломочные люди должны привозить его въ Псковъ въ декабрѣ мѣсяцѣ; товаръ долженъ быть записанъ въ земской избѣ, лучшіе люди должны принимать эти товары, каждый у своего, кто за кѣмъ записанъ, давать имъ цѣну съ наддачею для прокормленія и чтобъ къ маю мѣсяцу накупали новыхъ товаровъ; послѣ же ярмарки лучшіе люди, продавши товары сваломъ иностранцамъ, должны заплатить маломочнымъ людямъ ту цѣну, по какой сами продали.

---

[1]) Исторія Россіи, т. IX.

[2]) Приказныя дѣла Москов. Архива Мин. Ин. Дѣлъ, годъ 1680. Приведенная челобитная изъ Вологды; здѣсь было 14 сороковъ.

[3]) Приказныя дѣла Москов. Архива Мин. Ин. Дѣлъ, годъ 1671.

[4]) Приказныя дѣла Москов. Архива Мин. Ин. Дѣлъ, годъ 1660.

[5]) Приказныя дѣла Москов. Архива Мин. Ин. Дѣлъ, годъ 1652.

[6]) Полн. Собр. Зак., №№ 331, 508.

[7]) Приказныя дѣла Москов. Архива Мин. Ин. Дѣлъ, годъ 1678.

Потомъ воевода обратилъ вниманіе на винную продажу, предметъ важный, ибо эта продажа составляла одинъ изъ главнѣйшихъ источниковъ дохода для казны. Псковъ былъ городъ порубежный, иностранцы привозили тайкомъ множество горѣлаго вина и *нѣмецкихъ питей*, отчего Псковичи не брали напитковъ съ казенныхъ кружечныхъ дворовъ; у головъ и цѣловальниковъ, приставленныхъ къ продажѣ вина, большіе недоборы,—съ нихъ взыски; они стараются взыскать, *вынуть* запрещенный товаръ у жителей:—отъ этихъ *вынимокъ* людямъ разоренье, а казнѣ прибыли нѣтъ. Вслѣдствіе этого, Нащокинъ предложилъ установить вольную продажу вина, съ платою въ казну съ рубля по двѣ деньги; если же кто станетъ торговать напитками больше, чѣмъ другими товарами, на тѣхъ брать съ рубля по гривнѣ. Наконецъ воевода предложилъ новое устройство городового управленія: предложилъ выбрать пятнадцать человѣкъ на три года, чтобъ изъ нихъ каждый годъ сидѣло въ земской избѣ по пяти человѣкъ; эти пятеро выборныхъ должны судить посадскихъ людей во всѣхъ торговыхъ и обидныхъ дѣлахъ, и отводить къ воеводамъ только въ измѣнѣ, разбоѣ и душегубствѣ. Случится тяжба между дворяниномъ и посадскимъ, то судить дворянину (кто будетъ у судныхъ дѣлъ) съ выборными посадскими людьми. Пошлины съ судныхъ дѣлъ, рѣшенныхъ пятью выборными, держать въ земской избѣ для градскихъ расходовъ. Такое же устройство должно быть и въ пригородахъ.

Предложенія Нащокина произвели сильное волненіе между Псковичами; раздѣлились: однимъ правились предложенія, другимъ нѣтъ;—меньшіе люди были за новое, лучшіе отстаивали старину. За этими ссорами дѣло протянулось отъ апрѣля до августа; только 13-го августа посадскіе люди написали наконецъ свои челобитныя по мысли воеводы, принесли въ Троицкій соборъ и приняли благословеніе архіепископа Арсенія; челобитныя отправлены въ Москву—и новое устройство введено.

Но Аѳанасій Лаврентьевичъ не могъ долго оставаться во Псковѣ; онъ былъ отозванъ для важнаго дѣла, для веденія мирныхъ переговоровъ съ польскими уполномоченными. Воеводою въ Псковъ явился князь Иванъ Андреевичъ Хованскій; князь Иванъ Андреевичъ былъ неохотникъ до новизнъ, особенно былъ неохотникъ до новыхъ людей. Онъ уже и прежде, какъ мы видѣли въ своемъ мѣстѣ, имѣлъ столкновеніе съ Нащокинымъ, на котораго смотрѣлъ, какъ на временщика, выдвинутаго царемъ, въ ущербъ чести старыхъ родовъ. Пріѣхавши во Псковъ, Хованскій увидалъ, что Нащокинъ и здѣсь что-то такое намудрилъ неполезное, посадилъ *мужиковъ* судить и распоряжаться, отнявши судъ у воеводы, завелъ вольные шинки, вмѣсто казенныхъ питейныхъ домовъ. Но мы видѣли, что и между *мужиками* нѣкоторые, и лучшіе, самые богатые не были довольны новымъ устройствомъ. Они стали говорить Хованскому, что всѣ эти новые порядки Нащокинъ завелъ самовольно, насильно навязалъ посадскимъ людямъ, писали челобитную въ земской избѣ ночью, *вычерненную* (поправленную), и руки велѣли въ ту же ночь приложить. Хованскій шлетъ грамоту въ Москву къ царю: „Во Псковѣ заведены вновь шинки, въ нихъ пьютъ безвременно, и оттого всякому дурно. Учинены выборные люди и посадскихъ людей судятъ, и въ съѣзжую избу (т.-е. къ воеводѣ) не ходятъ; да въ земскую же избу въ дѣлахъ берутъ дворянъ съ приставами, и оттого дворяне плачутъ; да они же, выборные люди, подорожныя отъ себя даютъ за рубежъ, и тѣ новыя проѣзжія, что мужики даютъ отъ себя не знаючи и не остерегаясь въ письмѣ, отъ иноземцевъ будутъ въ подивленіе. Сказали мнѣ старосты земскіе и посадскіе лучшіе люди, что писали ночью челобитную вычернену и руки велѣли въ ту же ночь приложить, а кто чернилъ челобитную и складывалъ, тому то дѣло надобно; приложили только рукъ съ пятьдесятъ, и то немного лучшихъ людей; въ челобитной писано слагательно, писалъ кто-то умный человѣкъ, а мужикамъ такъ было не сложить.“ На грамоту пришелъ отвѣтъ: „Вы бы всякихъ чиновъ людей вѣдали во всемъ судомъ и расправою, а новый судъ отставили. Шинки отставить, а быть попрежнему кабакамъ по старымъ мѣстамъ и отдать на откупъ; а если откупщиковъ не будетъ, то сбирать на вѣру (по присягѣ) лучшимъ людямъ“.

Но и Хованскій недолго оставался во Псковѣ; преемникомъ его былъ князь Данила Степановичъ Великаго-Гагинъ, человѣкъ, не имѣвшій ни во Псковѣ, ни въ Москвѣ того вліянія, какое имѣли его предшественники: при немъ, слѣдовательно, дѣло опять могло свободно подняться и рѣшиться безъ воеводскаго вмѣшательства. Ординъ-Нащокинъ былъ въ это время въ Москвѣ, управлялъ Посольскимъ Приказомъ, а Псковъ былъ подвѣдомственъ этому Приказу. Разумѣется, Нащокинъ не могъ спокойно видѣть, какъ его устройство было разрушено враждебнымъ Хованскимъ. У Нащокина былъ во Псковѣ преданный ему дьякъ, Мина Гробовъ, который, по отъѣздѣ Хованскаго, и началъ поднимать опять приверженцевъ Нащокинскаго устройства. Мы видѣли, что, по представленію Хованскаго, вольная продажа вина была уничтожена и велѣно было отдать ее на откупъ, если найдется откупщикъ. Откупщикъ нашелся, Кузьма Андреевъ, и заплатилъ на мѣсяцъ болѣе чѣмъ вдвое противъ той прибыли, какую получала казна отъ вольной продажи. Но при Великаго-Гагинѣ вольные питейные промышленники, Давыдъ Бахаревъ съ товарищами, прислали въ Москву челобитную: „Выборные люди, Семенъ Меншиковъ съ товарищами, видя нашъ промыселъ и радѣніе, что будетъ великаго государя казнѣ сборъ большой и дружба другъ другу, питейную прибыль отдали на откупъ товарищу своему, выборному человѣку Кузьмѣ Андрееву заводомъ, забывъ страхъ Божій и крестное цѣлованье, назвали наши оброчные питейные домы шинками“. Пришла и другая челобитная не отъ однихъ питейныхъ промышленниковъ: „Жалоба намъ бѣднымъ сиротамъ твоимъ, середнимъ и мелкимъ людишкамъ, на Псковичей же посадскихъ прожиточныхъ людей, Сергѣя Поганкина, Никиту Іевлева, Мокѣя Сигова съ товарищами; тѣ прожиточные люди всякія дѣла городовыя и мірскія дѣлаютъ и челобитчиковъ выбираютъ и посылаютъ къ тебѣ, великому государю, въ Москву, безъ городскаго и мірскаго вѣдома середнихъ и мелкихъ людишекъ и безъ заручныхъ приговоровъ; отъ того намъ чинится великое разоренье и всякія подати большія и частыя“.

На откупщика Кузьму Андреева и на его пріятелей, которые устроили ему откупъ, было донесено въ Москву, что откупная сумма очень мала и что, несмотря на то, откупщикъ и товарищи его, лучшіе люди, притѣсняютъ маломочныхъ людей, не даютъ имъ приготовлять у себя хмельныхъ напитковъ въ извѣстныхъ, опредѣленныхъ закономъ случаяхъ, корыстуются съ кабаковъ, провозятъ товары, *прокрадывая*. Вслѣдствіе этого, изъ Москвы пришелъ указъ: такъ какъ Псковичи, Семенъ Меншиковъ и Кузьма Андреевъ съ товарищами, маломочнымъ людямъ не помогали, то платить имъ въ годъ за кабаки по 9,366 рублей; быть съ ними вмѣстѣ въ платежѣ Никитѣ Іевлеву и Сергѣю Поганкину, потому что они отъ городскаго совѣта бѣгали и къ присягѣ не ходили.

Наконецъ осенью 1668 года пришла въ Москву челобитная отъ земскаго старосты Степана Котятникова и всѣхъ Псковичей, чтобъ государь приказалъ возстановить все, учрежденное при Нащокинѣ и разрушенное при Хованскомъ, чтобъ отъ кабацкихъ продажъ была учинена свобода, какъ въ Смоленскѣ. Но къ челобитной не приложили рукъ Семенъ Меншиковъ, Сергѣй Поганкинъ, Кузьма Солодовниковъ, Иванъ Чирьевъ, Никита Михалевъ, Петръ Зарубинъ, Юрій Бѣлобородовъ, Мокѣй Сиговъ, Аѳанасій Самойловъ, всего девять человѣкъ.

У этихъ девяти человѣкъ были въ Москвѣ также сильные покровители—дьяки Посольскаго Приказа Герасимъ Дохтуровъ и Лукьянъ Голосовъ; съ ними-то постоянно боролся Нащокинъ, упрекая ихъ, что они грязнятъ Посольскій Приказъ, по которому иностранцы судятъ обо всей Россіи и который долженъ быть чище всѣхъ другихъ Приказовъ, а дьяки его мѣшаютъ кабацкія дѣла съ дипломатическими. Дьяки мстили Нащокину, дѣйствуя постоянно наперекоръ ему; и тутъ, о псковскомъ челобитьи они составили такую докладную записку, что челобитчикамъ было отказано. Понятно, что Аѳанасій Лаврентьевичъ не могъ спокойно перенести этого. Государь находился въ затруднительномъ положеніи: съ одной стороны представляютъ ему, что Псковъ волнуется, что меньшинство притѣсняетъ большинство, которое можетъ ожесточиться; съ другой—представляютъ, какой ущербъ потерпитъ казна, если ввести въ Псковъ вольную продажу вина;—а деньги нужны, государство разорено тяжкою войною. Алексѣй Михайловичъ обратился сначала къ Ордину-Нащокину, чтобъ тотъ изложилъ свое мнѣніе, „какъ тому кабацкому сбору пристойно быть и доимочныя деньги на комъ взять? чтобъ кабацкая прибыль напрасно не пропала, а людей бы не ожесточить“. Аѳанасій Лаврентьевичъ отвѣчалъ: „Въ 1666 году устроилъ я Псковское государство съ примѣра стороннихъ чужихъ Земель къ великой прибыли твоей государевой казнѣ и Псковскому государству къ полнотѣ и расширенію; я сдѣлалъ это ни на что не прельщаясь, только видя вашу государскую премногую милость, исполняя свой долгъ и надѣясь получить отпущеніе грѣховъ въ будущемъ вѣкѣ. Но мое дѣло, государь, везненавижено немилосердыми людьми, приказною мздою. Отказали Стенькѣ Котягникову въ питейныхъ сборахъ: но думные дьяки зачѣмъ забыли мою вину: я и въ Смоленскѣ то же самое сдѣлалъ, а Псковъ важнѣе Смоленска, лежитъ на рубежѣ двухъ чужихъ Земель, жители въ городѣ и въ уѣздахъ пришли въ послѣднюю нищету, и безъ такого устава помочь имъ нечѣмъ. Всячески приводя въ согласіе людей Божіихъ и вашихъ, государевыхъ, я наговаривалъ и писалъ во Псковъ, и ко мнѣ изъ Пскова писалъ дьякъ Мина Гробовъ, что усердно радѣетъ, какъ бы прекратить раздѣленіе между Псковичами, и, на комъ довелось, кабацкую недоимку доправить, то у нихъ уже рѣшено; рѣшено и то, чему въ Псковѣ быть прочнѣе. Надѣясь на твою государскую милость, я въ Смоленскѣ твоимъ указомъ примѣръ учинилъ; товарищи мои, думные дьяки, это знали; и если, государь, въ Смоленскѣ въ питейномъ сборѣ зла не сдѣлалось, и какъ теперь тамъ дѣло идетъ,—въ Посольскомъ Приказѣ извѣстно,—то въ Псковѣ было бы гораздо больше прибыли, чѣмъ въ Смоленскѣ“.

Нащокинъ прямо объявилъ, что онъ чрезъ дьяка Гробова хлопоталъ въ Псковѣ о соединеніи людей; изъ его собственныхъ словъ было видно, что послѣдняя челобитная, пришедшая изъ Пскова, была слѣдствіемъ этого соединенія, т.-е. этихъ хлопотъ. Противникамъ Нащокина легко было намекнуть, что мнимое соединеніе произведено насильственнымъ образомъ; что лучшіе люди не подписались подъ челобитной, въ которой просили о возстановленіи Нащокинскаго устройства. Оставалось одно средство разъяснить дѣло:—спросить всѣхъ жителей Пскова и области прямо отъ верховнаго правительства, чего они хотятъ.

11 марта 1669 года, воевода князь Великаго-Гагинъ получилъ царскую грамоту: „Вы бы всякихъ чиновъ людямъ нашъ, великаго государя, указъ сказали: если въ Псковѣ питейной прибыли быть попрежнему у всѣхъ псковскихъ жителей, то нашей казнѣ прибыль будетъ ли, и Псковичамъ, и уѣзднымъ и всякаго чина людямъ какой тягости въ томъ не будетъ ли?“ Воевода прислалъ въ Москву отвѣты.

Архіепископъ Арсеній, какъ Св. панагію носитъ, во всякой правдѣ сказалъ, что отъ питейныхъ домовъ городскіе жители и уѣздные не будутъ обогащены, а если кабацкій недоборъ въ 9,000 рублей слишкомъ имъ доплачивать, то разорятся окончательно.

Архимандриты, игумены, строители, игуменьи и строительницы, Троицкаго дома (собора) протопопъ, псковскихъ ружныхъ и приходскихъ церквей поповскіе старосты и весь освященный чинъ, церковные приказчики за крестьянъ монастырскихъ церковныхъ вотчинъ, всего сто одинъ человѣкъ, сказали: Питейнымъ дворамъ быть отнюдь нельзя, потому что домамъ Псковичей, и священнаго чина и уѣздныхъ крестьянъ слабыхъ людей, быть въ лишнихъ скудостяхъ, безчестіяхъ, за пьянственнымъ невоздержаніемъ и за иными въ пьянствѣ слабостями.

Дворяне и дѣти боярскія, 60 человѣкъ, объявили, что не могутъ дать отвѣта по незнанію дѣла; 89 человѣкъ не пріѣхало.

Посадскіе люди, 238 человѣкъ, пожиточные и середніе и маломочные, сказали: Питейнымъ дворамъ быть невозможно, въ сборѣ казны умаленіе будетъ большое, потому что посадскимъ людямъ конечное разоренье за слабостію и пьянственнымъ невоздержаніемъ; впередъ кабакамъ попрежнему пристойно быть на вѣрѣ (на присягѣ).

Казаки, стрѣльцы, пушкари и воротники, всего 2,115 человѣкъ, подобно дворянамъ, сказали что не знаютъ.

Крестьяне Псковскаго уѣзда, 241 человѣкъ, сказали: Въ Псковѣ питейной прибыли можно быть, попрежнему у всѣхъ псковскихъ жителей, съ береженіемъ и со всякою крѣпостію, за вѣрою и за поруками, казнѣ прибыль будетъ; въ городѣ и уѣздахъ кабакамъ быть непристойно, а случится недоборъ, то они, волостные крестьяне, готовы принять его на себя. 670 человѣкъ крестьянъ сказали, что не знаютъ.

Въ Москвѣ послѣдовало окончательное рѣшеніе: отдать кабаки на откупъ, и если никто не возьметъ, то продавать на вѣрѣ выборнымъ людямъ. Откупщиковъ не нашлось [1]).

Эти нововведенія Аѳанасія Лаврентьевича не принялись; но въ 1667 году ему удалось высказать свои любимыя мысли въ торговомъ уставѣ [2]). И здѣсь встрѣчаемъ обычное указаніе на Западъ, на примѣръ иностранныхъ государствъ: „Во всѣхъ окрестныхъ государствахъ свободные и прибыльные торги считаются между первыми государственными дѣлами; остерегаютъ торги съ великимъ береженьемъ и въ вольности держать для сбора пошлинъ и для всенародныхъ пожитковъ мірскихъ“. Уставъ опредѣляетъ, что люди недостаточные получаютъ помощь изъ московской таможни и изъ городовыхъ земскихъ избъ; требуетъ, чтобъ, мимо торговыхъ людей, бѣлыхъ чиновъ люди съ иноземцами торга и подрядовъ не чинили, а свои товары прикладывали къ русскимъ торговымъ людямъ; требуетъ, чтобъ лучшіе торговые люди берегли маломочныхъ торговыхъ людей, давали бы имъ завестись торгами между Русскими людьми складомъ къ большимъ товарамъ; чтобъ въ продажѣ иноземцамъ цѣны не портили и въ подрядъ деньги у нихъ не брали. Въ Архангельскъ, на время пріѣзда туда купцовъ иностранныхъ, изстари назначался изъ Москвы гость съ товарищами для наблюденія за ходомъ ярмарки и для сбора таможенныхъ пошлинъ; уставъ требуетъ, чтобъ этотъ гость и товарищи его выбирались по разсмотрѣнію, а не по дружбѣ или недружбѣ, выбирались изъ досужихъ и богоугодныхъ людей, не по богатству, а по добродѣтели. Этого гостя и товарищей его воевода ни въ какихъ таможенныхъ торговыхъ дѣлахъ не вѣдаетъ; всякую расправу въ торговыхъ дѣлахъ Русскимъ и иноземцамъ чинитъ въ таможнѣ гость съ товарищами. Уставъ увеличилъ подать съ иностранныхъ винъ, потому что отъ большаго привоза ихъ на государевыхъ кружечныхъ дворахъ чинятся убытки и недоборы большіе. Иноземцы должны торговать только съ купецкими людьми того города, куда пріѣдутъ для торговли, съ пріѣзжими же не должны ни торговать, ни подрядовъ, ни записей совершать: но московскимъ купецкимъ людямъ во всѣхъ порубежныхъ городахъ и на ярмаркахъ торговать съ иноземцами всякими товарами вольно. Иноземецъ съ иноземцемъ не долженъ торговать подъ страхомъ отобранія товаровъ на государя. Пошлина съ продажи и мѣны иностранныхъ товаровъ—2 алтына съ рубля; съ рускихъ товаровъ, отпускаемыхъ иноземцами въ свои государства, по гривнѣ съ рубля; но если иноземецъ привезетъ изъ-за моря золотые и ефимки, то ему пошлинъ съ нихъ не платить, и что купитъ на золотые и на ефимки, то везетъ въ свою Землю безпошлинно. Всѣ эти золотые и ефимки въ порубежныхъ городахъ иноземцы должны отдавать въ казну, изъ которой получаютъ за нихъ русскія мелкія деньги: за золотой по рублю, за ефимокъ любскій—по полтинѣ. Если восточные купцы—Персіяне, Индѣйцы, Бухарцы, Армяне, Кумыки, Черкесы и Астраханскіе жильцы иноземцы—поѣдутъ для торговли въ Москву и другіе города, то брать съ нихъ продажныхъ товаровъ въ Астрахани проѣзжей пошлины по гривнѣ съ рубля; если же станутъ торговать въ Астрахани, то брать по 10 денегъ съ рубля; съ русскихъ товаровъ, которые они повезутъ къ себѣ, брать по гривнѣ съ рубля. То же наблюдать и относительно Грековъ, Молдаванъ и Валаховъ – брать по гривнѣ съ рубля; если же станутъ торговать въ Путивлѣ, то по 10 денегъ. Ни одинъ иноземецъ не можетъ продавать своихъ товаровъ въ розницу и ѣздить съ ними по ярмаркамъ. Въ Москву и другіе внутренніе города пропускаются только тѣ иноземцы, у которыхъ будутъ государевы жалованныя грамоты за красною печатью. Жиды, въ царствованіе Алексѣя Михайловича, умѣли добыть себѣ такія грамоты за красною печатью; они пріѣзжали въ Москву съ сукнами, жемчугомъ и другими товарами, и получали коммисіи отъ Двора: такъ въ 1672 году шкловскіе евреи, Самуилъ Яковлевъ съ товарищами, отпущены были изъ Москвы за рубежъ для покупки венгерскаго вина. Грековъ, въ царствованіе Михаила и въ началѣ царствованія Алексѣя, пропускали свободно по единовѣрію; но съ 1647 года имъ назначенъ былъ для торговли только одинъ пограничный городъ Путивль.

---

[1]) Приказныя дѣла Москов. Архива Мин. Ин. Дѣлъ, годъ 1665

[2]) Собр. Госуд. грам. и догов. IV, № 55.

И новый уставъ, исполняя желаніе русскихъ торговыхъ людей, не пустилъ иностранцевъ во внутренніе города. Въ 1669 году поселившійся въ Россіи иностранецъ Петръ Марселисъ подалъ въ Посольскій Приказъ статьи, клонившіяся къ измѣненію торговаго устава: онъ представлялъ во 1) какой вредъ происходитъ оттого, что торговля у Архангельска бываетъ послѣ 1-го сентября; многіе корабли за позднимъ временемъ подвергаются опасностямъ и погибаютъ, да и русскія суда, возвращаясь отъ Архангельска вверхъ по Двинѣ, не успѣваютъ доходить до Вологды. 2) Пусть иноземцы платятъ пошлины ефимками, а не золотыми; надобно позволить иноземцамъ привозить золотые въ Московское государство, продавать ихъ или въ уплату отдавать, кому угодно; это заставитъ ихъ привозить много золотыхъ и ефимковъ. 3) Теперь, для полученія золотыхъ и ефимковъ, иноземцамъ сбавляется пошлина; но если позволить имъ покупать товары въ Москвѣ и въ другихъ городахъ, то „я обнадеживаю, что соберется огромное количество ефимковъ и золотыхъ больше пошлиннаго сбора, потому что всѣ тѣ ефимки будутъ на денежномъ дворѣ передѣланы и на всякій ефимокъ будетъ прибыли по 14 копѣекъ“. Позволеніе покупать товары въ Москвѣ и другихъ городахъ надобно давать только тѣмъ иностранцамъ, которые станутъ привозить ефимки, а не золотые. 4) Прежде давали въ Москвѣ и на Архангельской ярмаркѣ разнымъ людямъ много мелкихъ денегъ, чтобъ въ Новый годъ на эти мелкія деньги ставили въ казну ефимки, и этимъ средствомъ много было привозимо въ Москву ефимковъ; если приказать иноземцамъ раздавать мелкія деньги для постановки ефимковъ, чтобъ ставили по 16 алтынъ, то попрежнему будетъ привозиться много ефимковъ.

По обычаю, были призваны въ Посольскій Приказъ гости и другіе торговые люди, и прочтены имъ статьи Марселиса. Гости смекнули, что хитрый иноземецъ, котораго они очень не жаловали, хочетъ опять ввести свою братію во внутренніе города, прельщая правительство обильнымъ привозомъ ефимковъ, и потому подали сказку: „Первую статью иноземцы нарушили въ прошломъ году, много ихъ кораблей пришло въ Архангельскъ послѣ Семена дня (1-го сентября); которые пришли и до этого времени, и тѣ торговали до Семена дня малыми торгами, а большими торгами всегда они торгуютъ на послѣднихъ дняхъ, нарочно, чтобъ у Русскихъ взять товары дешево, а свои поставить дорого, и чтобъ въ позднемъ и скоромъ времени Русскимъ людямъ заморскихъ плохихъ товаровъ высмотрѣть было некогда“. На вторую статью: „Теперь золотыхъ въ Московскомъ государствѣ еще не умножилось; а что Марселисъ написалъ, чтобъ иноземцамъ привозить всюду золотые и ефимки, то этимъ онъ хочетъ съ иностранцами у всѣхъ Русскихъ людей торгами завладѣть. Ефимки и золотые у нихъ будутъ проданы Персіянамъ, Армянамъ, Кумыкамъ и Татарамъ дорогою цѣною и вывезены изъ Московскаго государства. А если Русскіе люди въ Москвѣ и въ городахъ и возьмутъ у иноземцевъ за свои товары небольшое число золотыхъ и ефимковъ, то этихъ денегъ въ розни въ государеву казну не собрать. Иноземцы станутъ продавать иноземцамъ же золотые по 40 алтынъ, а ефимки по 20 алтынъ, и на тѣ деньги станутъ покупать русскіе товары дешевою цѣною, въ половину противъ архангельской цѣны: продастъ иноземецъ 4 золотыхъ по 40 алтынъ, итого возьметъ 4 рубля 26 алтынъ 4 деньги; на эти деньги купитъ поташу; берковецъ дастъ 5 рублей, а въ Архангельскѣ Русскіе люди продаютъ поташъ по 9 и по 10 рублей, а на Москвѣ станетъ приходить поташъ иноземцамъ по 4 золотыхъ берковецъ. Такъ и прочіе всякіе товары переведутъ у Русскихъ людей полуцѣною передъ Архангельскомъ“ [1]).

Торговый уставъ отмѣнилъ множество мелкихъ пошлинъ: подушное, мыты, сотое, тридцатое, десятое, свальное, складки, повороты, статейныя, мостовое, гостиное и другія, и положилъ ихъ въ рублевую пошлину.

Въ началѣ устава сочинитель его указалъ на примѣръ иностранныхъ государствъ, гдѣ торговля считается въ числѣ важнѣйшихъ государственныхъ дѣлъ; въ концѣ, по образцу иностранныхъ же государствъ, онъ принимаетъ мѣры противъ роскоши: „Въ порубежныхъ городахъ головамъ и цѣловальникамъ у иноземцевъ разспрашивать и пересматривать въ сундукахъ, ларцахъ и ящикахъ жемчугу и каменья неоплошно, чтобъ узорочныя вещи въ утайкѣ не были; отъ покупки такихъ вещей надобно беречься, какъ и въ другихъ государствахъ берегутъ серебро, а излишнія такія вещи покупать запрещаютъ, не позволяютъ носить ихъ простымъ нечиновнымъ людямъ, чтобы оттого не бѣднѣли; также низкихъ чиновъ люди чтобъ не носили шелку и сукна. Надобно удерживать простыхъ людей отъ покупки такихъ вещей накладною пошлиною большою и заповѣдью безъ пощады: берегутъ того во всѣхъ государствахъ и отъ напраснаго убожества своихъ людей охраняютъ“.

---

[1]) Приказныя дѣла Москов. Архива Мин. Ин. Дѣлъ, годъ 1669 и 1672.

Постановивъ, что воевода Архангельскій не вѣдаетъ гостя, который чинитъ расправу торговымъ людямъ, Ординъ-Нащокинъ въ концѣ устава предлагаетъ важную мѣру, которая приготовляла мѣры Петра Великаго для „собранія разсыпанной храмины“, именно предлагаетъ учрежденіе особаго Приказа для купцовъ; „для многихъ волокитъ во всѣхъ Приказахъ, купецкихъ людей пристойно вѣдать въ одномъ пристойномъ Приказѣ, гдѣ великій государь укажетъ своему боярину; этотъ бы Приказъ былъ купецкимъ людямъ во всѣхъ порубежныхъ городахъ отъ иныхъ государствъ обороною, и во всѣхъ городахъ отъ воеводскихъ налогъ былъ имъ защитою и управою. Въ томъ же одномъ Приказѣ давать судъ и управу, если купецкіе люди будутъ бить челомъ на другихъ чиновъ людей“. Явился Приказъ *купецкихъ дѣлъ*.

Такимъ образомъ, городская жизнь или, лучше сказать, посадская жизнь, жизнь посадскихъ людей передъ эпохою преобразованія представляетъ намъ борьбу и съ чужими, и съ своими. Борьба съ иностранными купцами кончилась торжествомъ Русскихъ; но важнѣе была борьба съ своими. Борьба эта, какъ мы видѣли, проистекла изъ господствующаго въ первобытныхъ, неразвитыхъ обществахъ непосредственнаго отношенія вооруженной части народонаселенія къ невооруженной, служащей—къ рабочей, причемъ первая кормится непосредственно насчетъ послѣдней. Здѣсь признакомъ роста, возмужалости, служитъ то, что промышленная часть народонаселенія хочетъ высвободиться отъ этой обязанности непосредственнаго кормленія, обособиться, хочетъ добыть самоуправленіе. Въ Западной Европѣ это движеніе обозначалось образованіемъ городскихъ общинъ, ихъ борьбою съ владѣльцами, потомъ освобожденіемъ сельскаго народонаселенія. Но для того и другого явленія необходимо было сильное движеніе промышленное и торговое, обогащеніе и соперничество движимаго, денегъ, съ недвижимымъ, землею. Въ Россіи, въ описываемое время, видимъ застой въ промышленности и торговлѣ, бѣдность; въ XVII вѣкѣ видимъ условія, еще болѣе неблагопріятныя для увеличенія народнаго богатства, чѣмъ прежде: города и торговыя сотни не могутъ справиться послѣ разгрома Смутнаго времени, а новыя тяжелыя войны не перестаютъ истощать ихъ. Изъ городовъ, и самыхъ богатыхъ, приходили вѣсти, что денежныхъ доходовъ недостаетъ на покрытіе издержекъ, на жалованье служащимъ людямъ военнымъ и подъячимъ „Не давать денежнаго жалованья, уменьшить его“ пишутъ изъ Москвы: „земли много, землю раздавать“ Въ государствѣ, гдѣ вмѣсто денежнаго жалованья раздаютъ землю, гдѣ земли больше, чѣмъ денегъ,—въ такомъ государствѣ не думаютъ объ освобожденіи крестьянъ, напротивъ: думаютъ объ ихъ закрѣпленіи, ибо, давши землю, надобно и дать постояннаго работника, иначе жалованье не въ жалованье. Одно явленіе объясняетъ другое; въ то время, когда закрѣпляются крестьяне въ селѣ, въ то время нечего ждать много отъ города, потому что въ селѣ прикрѣпляютъ крестьянина по бѣдности города. Въ городѣ посадскіе также прикрѣплены, не смѣютъ уйти подъ смертною казнью, должны сидѣть, работать и платить ратнымъ людямъ на жалованье, кормить воеводу. Ихъ интересы постоянно въ столкновеніи съ интересами вооруженной части народонаселенія. Они бьютъ челомъ на закладчиковъ, на крестьянъ, которые промышляютъ наровнѣ съ ними, но не помогаютъ имъ въ несеніи тягостей; но, возставая противъ закладчиковъ и крестьянъ, требуя возвращенія своей братьи, ушедшихъ въ села, они возстаютъ противъ интересовъ тѣхъ людей, за которыхъ заложились закладчики, которымъ принадлежатъ крестьяне, къ которымъ ушли ихъ братья, посадскіе люди, отбывая отъ тягостей; извѣстно, чьи интересы были затронуты, когда велѣно было слободы и села въ городахъ, принадлежавшія частнымъ людямъ, завести за государя, написавъ жителей ихъ въ тягло; извѣстно, какъ мстили посадскимъ людямъ за это. Понятно, что при такихъ отношеніяхъ, при такомъ столкновеніи интересовъ, первымъ шагомъ впередъ было выдѣленіе посадскихъ людей, чтобъ они судились и управлялись сами собою; нужно было изъять ихъ изъ-подъ власти и суда воеводъ, нужно было развести ихъ съ служилыми людьми, ибо при такомъ столкновеніи интересовъ, при такомъ, утвержденномъ вѣками, господствующемъ взглядѣ, когда служилые люди смотрѣли на промышленныхъ людей, какъ на прирожденныхъ своихъ работниковъ, обязанныхъ кормить ихъ своимъ трудомъ,—при такихъ отношеніяхъ и взглядахъ нечего было думать о союзѣ, объ общей дѣятельности. Когда два человѣка враждебно сцѣпились другъ съ другомъ, то прежде всего нужно ихъ развести, а потомъ уже, когда съ постепенною перемѣною отношеній вражда утихнетъ, настаетъ время думать о примиреніи, союзѣ, общей дѣятельности. Выборы не могли тутъ помочь, если посадскіе люди должны были выбирать правителя городу изъ служилыхъ людей. Такимъ образомъ, выдѣленіе промышленныхъ людей, высвобожденіе ихъ изъ-подъ вліянія служилыхъ людей, совершенное въ эпоху преобразованія, было дѣломъ естественнымъ и необходимымъ. Но мы видимъ, что первая попытка принадлежитъ времени до преобразованія, принадлежитъ предтечѣ преобразователя, ибо какъ скоро Русскіе люди съ головою Ордина-Нащокина стали взглядывать на Западъ, такъ сейчасъ же увидали, откуда тамъ то, чего недоставало въ Россіи,—именно богатство; увидали, что оно происходитъ отъ сильно развитой торговой и промышленной дѣятельности, отъ развитія города, и Ординъ-Нащокинъ провозглашаетъ, что торговля есть одно изъ важнѣйшихъ государственныхъ дѣлъ. Въ эпоху преобразованія мысль эта была вполнѣ усвоена правительствомъ и лучшими людьми, и потому является рядъ мѣръ для поднятія торговли и промышленности, и, прежде всего, торговые и промышленные люди выдѣляются, разсыпанная храмина собирается.

Состояніе города служитъ намъ повѣркою состоянія селъ, и наоборотъ: если городъ бѣденъ — знакъ, что село находится въ очень неудовлетворительномъ положеніи; если земледѣльческое народонаселеніе прикрѣпляется къ землѣ—знакъ, что городъ бѣденъ. Прикрѣпленіе крестьянъ было результатомъ Древней Русской исторіи; въ немъ самымъ осязательнымъ, самымъ страшнымъ образомъ высказалось банкротство бѣдной страны, не могшей своими средствами удовлетворить потребностямъ своего государственнаго положенія. Такое банкротство въ историческомъ, живомъ, молодомъ народѣ необходимо условливало поворотъ народной жизни, исканіе выхода изъ отчаяннаго положенія, стремленіе избавиться отъ гибельной односторонности, въ страну селъ внести городъ и этимъ улучшить экономическое состояніе страны. Этотъ поворотъ и знаменуется преобразовательною дѣятельностію, съ этого поворота и начинается Новая Русская исторія. При несостоятельности собственныхъ средствъ нужно было сдѣлать заемъ, и заемъ былъ сдѣланъ. Какъ ни великъ, какъ ни тяжелъ былъ онъ для народа, но необходимость и благодѣтельность его очевидны. Если прикрѣпленіе крестьянъ было естественнымъ результатомъ Древней Русской исторіи, то освобожденіе ихъ было результатомъ полуторовѣковаго хода нашей исторіи по новому пути. Споръ между древнею и новою Россіею конченъ, повѣрка налицо.

Прикрѣпленіе крестьянъ съ его слѣдствіями было самымъ крупнымъ, основнымъ явленіемъ въ жизни села въ описываемое время. Относительно частностей быта село представляетъ намъ всюду три разряда своихъ обитателей: крестьянина, бобыля и захребетника, отличающихся другъ отъ друга величиною своихъ хозяйственныхъ средствъ. Условія быта, разумѣется, могли измѣняться вслѣдствіе разныхъ отношеній, смотря по тому, какое было село—черное, дворцовое, монастырское, принадлежавшее богатому вотчиннику или мелкому помѣщику. Мы видѣли отношенія черныхъ крестьянъ къ городу, въ уѣздѣ котораго они жили, связь ихъ съ посадскими людьми, съ которыми вмѣстѣ они поднимали тяжести рабочаго, тяглаго народонаселенія. Но если между самими посадскими людьми, богатыми и бѣдными, была рознь, бѣдные жаловались въ Москву на притѣсненія отъ богатыхъ, то нечему удивляться, что такая же рознь вставала между посадскими людьми и уѣздными крестьянами, и принуждала послѣднихъ порывать связь съ посадскими людьми, выдѣляться въ особый міръ. Въ концѣ царствованія Алексѣя Михайловича, устюжскіе уѣздные крестьяне начали жаловаться на посадскихъ людей: „Собираются въ посадскую земскую избу посадскіе люди для своихъ посадскихъ совѣтовъ часто, да они же собираютъ съ Устюга съ посаду всякіе четвертные доходы и на ямскіе отпуски деньги, да они выбираютъ въ земскіе старосты межъ себя посадскихъ людей, и они, посадскіе земскіе старосты, о уѣздныхъ крестьянахъ ни въ чемъ не пекутся и ни о какихъ всеуѣздныхъ дѣлахъ не радѣютъ, а уѣзднымъ крестьянамъ въ ту посадскую избу для волостныхъ совѣтовъ собираться нельзя, да устюжскіе старосты и не пускаютъ, и въ томъ волостнымъ крестьянамъ чинятся великія волокиты и убытки и безсовѣтница; а въ томъ безсовѣтіи всякая неисправа, и крестьяне у посадскихъ людей во всемъ порабощены, и гордостію своею посадскіе земскіе старосты насъ, крестьянъ, тѣснятъ и вмѣняютъ себѣ вмѣсто рабовъ своихъ и мочью своею и великими пожитками у нашей братьи, у скудныхъ крестьянъ, покупили себѣ лучшія деревни въ уѣздѣ и начали быть во многихъ волостахъ владѣльцами. А какъ стали владѣть деревнями, и они всякими притѣсненіями подати съ себя сметали на насъ, худыхъ крестьянишекъ, и мы отъ ихъ изгони оскудѣли и обнищали, и послѣднія деревнишки имъ иззакладывали на малые сроки, а въ закладныя писали отъ скудости двойныя и тройныя цѣны, и они такими большими закладными и приписными деньгами, деревнями нашими завладѣли и многихъ крестьянишекъ у себя въ *половѣ* (половникахъ) удержали, а иныхъ и въ половѣ у себя не держатъ, и они отъ такихъ ихъ налогъ врознь разбрелись безвѣстно. Да устюжскіе посадскіе старосты выбирали для солдатскаго выбора своихъ посадскихъ людей, а уѣздныхъ людей не выбирали, чтобъ съ ихъ деревень въ солдаты никакого не выбирать, а брать съ крестьянъ только, и крестьяне врознь разбрелись“.

Въ 1675 году собрались въ Устюгѣ изъ уѣзда всѣхъ волостей выборные люди и написали челобитную, чтобъ быть всеуѣздной земской избѣ и всеуѣздному земскому старостѣ особо отъ посадскихъ людей. Государь согласился,—и крестьяне вывели своихъ выборныхъ или волостныхъ третчиковъ съ приходными и расходными книгами и съ деньгами изъ старинной земской избы въ становую волостную избу. Но столкновенія этимъ не прекратились: мы видѣли, что посадскіе люди владѣли крестьянскими деревнями въ уѣздѣ, и крестьяне послали новое челобитье, что посадскіе по своимъ деревнямъ волостныхъ и солдатскихъ службъ не служатъ и хотятъ деревнями своими отписаться отъ крестьянъ, о чемъ уже и послали челобитную. Въ Москвѣ не умѣли распутать этого дѣла и, по обычаю, велѣли подать о немъ сказки на мѣстѣ по сословіямъ. Духовенство объявило: „Воевода Матвѣй Нарышкинъ Устюжскій уѣздъ расписалъ по челобитью прежняго головы таможеннаго и кружечнаго дворовъ Григорья Мыльникова и совѣтниковъ его волостныхъ крестьянъ, Петрушки Хомякова съ товарищами, которые въ то время собраны были на Устюгѣ на посадъ по его, Григорьеву, челобитью, будто для ямскаго совѣта и отпусковъ. Извѣтовъ волостныхъ крестьянъ на посадскихъ людей мы не слыхали, и впредь намъ съ посадскими людьми земская изба старинная попрежнему одна надобна, потому что въ новоучиненной волостной избѣ начали они, волостные крестьяне, разрубать и сбирать многія лишнія деньги будто на всеземскіе расходы, а на какіе—намъ про то невѣдомо; брано сверхъ 2 рублевъ еще въ прибавку по семи рублевъ на малую сошку, а теперь у нихъ же въ волостной избѣ ихъ староста разрубилъ и беретъ по 5 рублевъ на сошку прежъ государевыхъ доходовъ, и тѣмъ насъ и посадскихъ людей убытчатъ, а книгъ расходныхъ не кажутъ и отчету въ такихъ великихъ деньгахъ не даютъ“. Новый всеуѣздный земскій староста Копыловъ съ товарищами, волостными выборными людьми, объявилъ, что отдѣленіе крестьянъ отъ посадскихъ произошло вслѣдствіе притѣсненія отъ посадскихъ. Крестьяне подали сказку, что, пожалуй, пусть будетъ одна земская изба попрежнему, только бы быть всеуѣздному волостному выборному старостѣ съ устюжскими земскими старостами у *всеземской коробки* вмѣстѣ для того, чтобъ устюжскіе земскіе старосты всеуѣздныхъ сборныхъ денегъ на свою посадскую издержку не держали [1].

Кромѣ общихъ дѣлъ съ посадскими людьми, у крестьянъ уѣздныхъ были еще свои мірскія дѣла, свои интересы; они выбирали старостъ, выберутъ и напишутъ: „Выбрали межъ себя человѣка добраго: быти ему за нашимъ выборомъ отъ крестьянъ въ старостахъ, всякія сдѣлки и подѣлки дѣлать, нанимая на наши мірскія сборныя деньги. А воровствомъ ему никакимъ не воровать, а станетъ воровать, и на насъ на всѣхъ пеня великаго государя“. Выбирали мірскихъ посыльщиковъ,—должность тяжелая, потому что они должны были становиться лицомъ къ лицу съ взыскательною властію, съ воеводою и подъячимъ, которыхъ нужно было покормить прежде всякаго дѣла; выбирали земскаго пристава, причемъ писали: „Всѣ крестьяне выбрали земскаго пристава такого-то; вѣсть ему держать въ нашей волости для государева дѣла и денежныхъ сборовъ; впервые вѣсть ему сказать по всей волости безъ хоженаго (безъ платы за ходьбу), въ другой разъ ему вѣсть подержать для ради *огурниковъ* (ослушниковъ) и ему брать хоженаго на нихъ по 2 деньги; на извѣтъ ему ходить—кто позоветъ на землю, и на то хоженаго по 2 деньги; быть ему у земскаго судьи для государевыхъ дѣлъ, на суду передъ судьею поручать—кто на кого побьетъ челомъ государю передъ судьей, а съ суда перепоручивать; съ тяглыхъ крестьянъ брать ему по деньгѣ, а съ бобылей и безземельныхъ хоженаго по копѣйкѣ; руга ему съ крестьянъ по изнеможенію, ржи и овса,—кто сколько дастъ“ [2]. Выбирали священника;—выберутъ и напишутъ: „Мы, крестьяне, выбрали и излюбили отца своего духовнаго такого-то къ себѣ въ приходъ. И какъ его Богъ благоволитъ и св. владыка его въ попы посвятитъ, и, будучи ему у насъ въ приходѣ, служить и къ церкви Божіей быть подвижну, къ болямъ (больнымъ) и рожаницамъ съ причастіемъ и съ молитвами быть подвижну и со всякими потребами. А онъ человѣкъ добрый, не бражникъ, ни пропойца, ни за какимъ хмельнымъ питьемъ не ходитъ, человѣкъ онъ добрый; въ томъ мы старосты и мірскіе люди ему и выборъ дали“ [3]. Все это надобно было писать; но кто-же писалъ? И для этого выберутъ и напишутъ: „Быть такому-то церковнымъ дьячкомъ, къ церкви быть подвижну, у начальниковъ послушну и покорну, и у нашихъ всякихъ мірскихъ дѣлъ у письма быть всегда готову; а руга ему—съ насъ сбирать луковая рожь, по полуосмирицѣ съ лука петровское и осеннее“ Были волости, еще со временъ Грознаго получившія грамоты на выборы своихъ земскихъ судей и земскихъ цѣловальниковъ. При этихъ выборахъ крестьяне давали такія записи: „Выбрали мы и полюбили къ государеву дѣлу въ выборные земскіе судьи такого-то; выбрали и полюбили въ выборные земскіе цѣловальники къ нему судьѣ такого-то, да въ земскіе сотскіе къ нему, судьѣ, такого-то, съ такого-то срока до такого-то. Судить ему, судьѣ, насъ крестьянъ по челобитьямъ и по кабаламъ и по духовнымъ, по всякимъ письменнымъ крѣпостямъ, про татиныя, разбойныя и душегубныя дѣла сыскивать. А цѣловальнику и сотскому у земскихъ у всякихъ дѣлъ и у поимки воровъ, татей и разбойниковъ и душегубцевъ съ выборнымъ судьею у разспроса и поимки быть за одинъ человѣкъ; а намъ крестьянамъ съ нимъ, судьею, за всякими воровскими людьми ходить въ погоню и ловить вмѣстѣ. Ему, судьѣ, судить и указъ чинить безволокитно, посуловъ и поминковъ не брать, другу не дружить, недругу не мстить“ [4].

Всѣ эти выборы, на которые у насъ теперь готовы смотрѣть какъ на признакъ крѣпости общественнаго союза, какъ на признакъ сильнаго развитія общественной дѣятельности, общественнаго духа, какъ на важныя права, на дѣлѣ не давали крестьянамъ возможности усилить свои промыслы, увеличить результаты своего труда и чрезъ то безъ тягости удовлетворить требованіямъ казны; права эти не спасли крестьянина отъ воеводы, подъячаго, отъ посадскихъ людей и своего брата крестьянина, пропившагося и занявшагося легкимъ промысломъ разбойника. Тяжкая подать, воевода, подъячій, земскій староста, разбойникъ выживали крестьянина, заставляли его уходить дальше за Камень въ Сибирь. Въ Москву пришла вѣсть, что Устюжскій уѣздъ пустѣетъ, и когда пріѣхали оттуда мірскіе челобитчики,—ихъ стали разспрашивать, отчего у нихъ крестьяне бѣгутъ. „Крестьяне бѣгутъ“, былъ отвѣтъ: „отъ большихъ податей, отъ воеводскихъ налоговъ и посуловъ и отъ солдатскихъ *выборовъ* (наборовъ), потому что сверхъ всякихъ податей воеводы, князь Гавріилъ Мышецкій и Яковъ Змѣевъ, брали съ насъ съ 240 сошекъ деньгами на годъ слишкомъ по 2 рубли, да хлѣба по осминѣ ржи, да по осминѣ овса; у Якова Змѣева было два племянника, которымъ съ сошки давали по 2 гривны, да дворецкимъ ихъ по гривнѣ съ сошки; да платили мы въ земскую избу съ сошки по три рубля, а въ иные годы по три рубля съ полтиною на воеводскіе кормы, пива и поносы; а брали воеводы свои сошныя деньги и хлѣбы, и кормы прежде государевыхъ доходовъ. Тѣ же воеводы съ денежныхъ доходовъ, которые, собирая съ насъ, посылаютъ въ Москву, съ 30,000 рублей, съ отписей (росписокъ), которыя намъ въ тѣхъ деньгахъ давали, брали отъ печати по двѣ деньги съ рубля, да съ сибирскаго запаса съ 2,270 четвертей, отъ всякой проѣзжей памяти, по гривнѣ съ четверти; да сверхъ того, съ тѣхъ же сошекъ носили мы воеводамъ на праздники, на Великъ день и на Рождество Христово и на Петровъ день столовые запасы. Князь Гаврила Мышецкій присланъ былъ къ намъ для выбору и выселки солдатъ, и онъ наемныхъ солдатъ, которые нанимались служить вѣчно и брали у крестьянъ наймы большіе, а по себѣ давали поручныя записи, въ солдаты не принималъ, а писалъ въ солдаты тѣхъ, которые нанимали въ службу, самихъ хозяевъ, и поручныя записи у многихъ поотнималъ и, для своей корысти, отдавалъ тѣмъ ихъ наемщикамъ, и тѣ наемщики у хозяевъ завладѣли многими деньгами, а тѣ хозяева оттого вконецъ разорились и дворы у многихъ запустѣли. Яковъ Змѣевъ устюжскихъ стрѣльцовъ и приставовъ, которые у него подкупятся, присылалъ для правежу къ намъ въ волости, и тѣ стрѣльцы и приставы, изъ-за смертнаго правежу, вымучили себѣ съ цѣловальниковъ и съ денежныхъ сборщиковъ 1,732 рубля; да и князь Мышецкій такихъ же подкупщиковъ, которые съ нимъ дѣлились, присылалъ. Змѣевъ ѣздилъ въ Черевковскую волость, больше 100 верстъ, съ собаками; съ нимъ было всякихъ людей больше 50 человѣкъ, бралъ подъ себя, подъ людей и подъ собакъ водянымъ путемъ суда, горнимъ (сухимъ) подводы; ѣдучи, въ волостяхъ бралъ поминки большіе, обѣдалъ и всякими харчами проторилъ. На все это исходитъ у насъ, устюжанъ, посадскихъ и уѣздныхъ людей на годъ тысячъ по пяти и больше“. Но не отъ однихъ воеводъ, подъячихъ и казенныхъ взысковъ брели розно мірскіе люди и пустѣлъ уѣздъ; не однихъ воеводъ и подъячихъ должны были кормить мірскіе люди, не отъ однихъ праветчиковъ откупаться: они должны были кормить, откупаться отъ своей братьи мірскихъ людей, которымъ нравилось легкое разбойничье ремесло. Малая населенность, темные лѣса, непривычка у самихъ мірскихъ людей къ общему дѣлу, къ общей защитѣ и отсутствіе хорошо устроенной полиціи дѣлали разбойничье ремесло легкимъ, безопаснымъ. Тѣ же устюжскіе мірскіе челобитчики показывали: „По волостямъ построено много кружечныхъ дворовъ; здѣсь многіе крестьяне пропиваются и, собравшись человѣкъ по 20 и больше, приходятъ въ лѣтнее время разбоемъ, многихъ крестьянъ мучатъ, огнемъ жгутъ и вымучиваютъ рублей по сту; крестьяне, заложивъ свои животишки и деревнишки, отъ разбойниковъ откупались и бредутъ врознь.“ Призовутъ на защиту вооруженную силу правительственную—новое разоренье: „За разбойниками посылаютъ посылки подъячихъ и стрѣльцовъ, а подъячіе берутъ съ насъ за подводы по рублю, а стрѣльцы по полтинѣ, да въ провожатые берутъ крестьянъ человѣкъ по тридцати въ дѣловую пору“ ¹). Въ 1670 году ѣхало мимо Верхотурья съ Тотьмы, Устюга, Ваги, Мезени, Сольвычегодска, Яренска, Сысолы, Кайгородка тяглыхъ людей съ женами и дѣтьми 2,051 человѣкъ. Правительство велѣло поставить заставы крѣпкія ²). Правительство охотно смотрѣло на заселенія пустынныхъ странъ около Камня и въ Сибири, на образованіе крестьянскихъ слободъ, но требовало, чтобъ въ крестьяне, на пашню, призывали и прибирали изъ вольныхъ гулящихъ, а не изъ тяглыхъ людей, изъ крестьянскихъ дѣтей отъ семей, бобылей и захребетниковъ. Ссыльные преступники въ Сибири сажались также на пашню, и, что было очень тяжело старымъ пашеннымъ крестьянамъ, правительство приказывало имъ выдавать дочерей своихъ и племянницъ за холостыхъ ссыльныхъ, чтобъ тѣмъ ихъ отъ бѣгу унять и укрѣпить ³).

---

[1] Приказныя дѣла Москов. Архива Мин. Ин. Дѣлъ, годъ 1676.

[2] Акты юридич., стр. 290; Акты, касающ. до юридич быта, № 3.

[3] Акты, касающ. до юридич. быта, № 7.

[4] Акты юридич., стр. 291; Приказныя дѣла Москов. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ, годъ 1666.

На сѣверѣ и сѣверо-востокѣ черные крестьяне бѣжали за Камень; на югѣ помѣщичьи крестьяне бѣжали за рубежъ Великой Россіи, и шла здѣсь своего рода усобица. Вотъ какую челобитную получилъ царь въ 1672 году: „Бьютъ челомъ холопи твои, заоцкіе помѣщики и вотчинники:—люди наши и крестьяне, заворовавъ, многіе побивъ по-

---

¹) Приказныя дѣла Москов. Архива Мин. Ин. Дѣлъ, годъ 1674.

²) Дополн. къ Актамъ Историч., VI, № 19.

³) Акты Историч., IV, № 27; Дополн. къ Акт. Историч., VI, № 19.

мѣщиковъ своихъ, а иные пожегши, бѣгаютъ отъ насъ за рубежъ въ малороссійскіе города и живутъ за епископами и за казаками въ городахъ и на посадахъ, въ селахъ и деревняхъ. Мы съ твоимъ указомъ, съ грамотами и отпусками отъ воеводъ къ нимъ въ малороссійскіе города для тѣхъ своихъ бѣглыхъ людей и крестьянъ ѣздимъ, и они, епископы, старшина и казаки, бѣглыхъ людей и крестьянъ намъ не выдаютъ, насъ бьютъ и грабятъ, многихъ побиваютъ до смерти, иныхъ въ воду сажаютъ. И тѣ воры, бѣглые люди наши и крестьяне, надѣясь на нихъ, что они ихъ намъ не выдаютъ, приходятъ къ намъ въ села наши и деревни вьявь, насъ до конца разоряютъ, послѣднихъ людей и крестьянъ нашихъ подговариваютъ, лошадей и всякую животину крадутъ, дворы и гумна съ хлѣбомъ жгутъ, насъ многихъ побиваютъ до смерти, и иныхъ, заперши въ хоромахъ, пожигаютъ съ женами и дѣтьми. Въ Новгородсѣверскомъ и Черниговскомъ уѣздахъ, за епископомъ Лазаремъ поселилось бѣглыхъ драгунъ и нашихъ бѣглыхъ людей и крестьянъ, и иныхъ прихожихъ людей больше 5,000, а выдачи никому нѣтъ, хотя съ висѣлицы придетъ". Разумѣется, вообще крестьянамъ легче было у богатыхъ вотчинниковъ, чѣмъ у мелкихъ помѣщиковъ; но богатые вотчинники жили постоянно въ Москвѣ, въ деревняхъ были управляющіе, отъ жестокости которыхъ крестьяне также бѣжали къ казакамъ. Вотъ наивное письмо Богдана Хитрова къ князю Вас. Вас. Голицыну: „Жаловалъ ты, ко мнѣ писалъ, что изъ курской моей деревни побѣжало шесть семей крестьянъ; пожалуй, изволь приказать провѣдать, не отъ жесточи ли человѣка моего Савки Танчѣева; а онъ у меня въ епифанской моей деревнишкѣ жесточью своею многихъ разогналъ, а то вѣдаю, что не пьянствомъ и не для корысти,—развѣ безмѣрною жесточью." Управляющій жесточью разогналъ крестьянъ въ епифанской деревнишкѣ, такъ надобно было его послать въ курскую! За то не пьяница и не воръ! Лучше всего могло быть крестьянамъ въ монастырскихъ имѣніяхъ; но и тутъ бывали сильныя причины къ неудовольствіямъ: въ 1678 году крестьяне Толвуйской волости взбунтовались, не желая быть за Вяжицкимъ монастыремъ; заводчики мятежа были жестоко наказаны [1].

Сознаніе экономической несостоятельности, ведшее необходимо къ повороту въ исторіи, было тѣсно соединено съ сознаніемъ нравственной несостоятельности. Русскій народъ не могъ оставаться въ китайскомъ созерцаніи собственныхъ совершенствъ, въ китайской увѣренности, что онъ выше всѣхъ народовъ на свѣтѣ, уже по самому географическому положенію своей страны: океаны не отдѣляли его отъ западныхъ, европейскихъ народовъ. Побуждаемый силою обстоятельствъ, онъ долженъ былъ сначала уходить съ запада на востокъ; но какъ скоро успѣлъ здѣсь усилиться, заложить государство,—такъ долженъ былъ необходимо столкнуться съ западными сосѣдями, и столкновеніе это было очень поучительно. Въ то самое время, въ то самое царствованіе, когда востокъ, восточные сосѣди Русскаго народа оказались совершенно безсильными предъ Москвою; когда покорены были три татарскихъ царства и пошли Русскіе люди безпрепятственно по сѣверной Азіи вплоть до Восточнаго океана: въ то самое царствованіе на западѣ страшныя неудачи; на западѣ борьба оканчивается тѣмъ, что Россія должна уступить и свои земли врагу. Стало очевидно, что во сколько восточные сосѣди слабѣе Россіи, во столько западные сильнѣе. Это убѣжденіе, подрывая китайскій взглядъ на собственное превосходство, естественно и необходимо порождало въ живомъ народѣ стремленіе сблизиться съ тѣми народами, которые оказали свое превосходство, позаимствовавъ отъ нихъ то, чѣмъ они явились сильнѣе: сильнѣе западные люди оказывались своимъ знаніемъ, искусствомъ, и потому надобно было у нихъ выучиться. Отсюда съ царствованія Іоанна IV, именно съ того царствованія, когда надъ востокомъ было получено окончательное торжество, но когда могущественный царь, покоритель Казани и Астрахани, обративъ свое оружіе на западъ, потерпѣлъ страшныя неудачи,—съ этого самаго царствованія мысль о необходимости сближенія съ Западомъ, о необходимости добыть моря и учиться у поморскихъ народовъ становится господствующею мыслію правительства и лучшихъ Русскихъ людей. Какъ нарочно, новыя бѣды, новыя пораженія со стороны Запада, несчастный исходъ борьбы съ Польшею и Швеціею послѣ Смутнаго времени, еще болѣе укрѣпили эту мысль. Поворотъ или переворотъ сталъ необходимостью. Но дѣло не могло обойтись безъ борьбы. У кого учиться:—у чужихъ, у иноземцевъ, а главное у иновѣрцевъ? пустить чужихъ, иноземцевъ иновѣрныхъ къ себѣ и дать имъ высокое значеніе учителей, такъ явственно признать ихъ превосходство, такъ явственно подчиниться имъ? Что скажутъ люди, имѣющіе въ своихъ рукахъ исключительное учительство? Когда Годуновъ предложилъ вопросъ о необходимости вызвать изъ-за границы новыхъ учителей, то старые учителя, духовенство, отвѣчало, что нельзя, опасно для вѣры; лучше послать за границу русскихъ молодыхъ людей, чтобъ тамъ выучились и возвратились учить своихъ. Но извѣстна судьба этихъ Русскихъ людей, отправленныхъ при Годуновѣ за границу: ни одинъ изъ нихъ не возвратился. Продолжительный застой, отсталость не могли дать Русскому человѣку силы, способности спокойно и твердо встрѣтиться съ цивилизаціею и овладѣть ею. Застой, отсталость условливали духовную слабость, которая обнаруживалась въ двухъ видахъ: или человѣкъ съ страшнымъ упорствомъ отвращалъ взоры отъ чужаго, новаго, именно потому, что не имѣлъ силы, мужества взглянуть на него прямо, помѣриться съ нимъ, трепеталъ въ суевѣрномъ страхѣ, какъ ребенокъ, котораго ни лакомства, ни розги не заставятъ пойти къ новой нянькѣ; или, когда преодолѣвалъ страхъ, то вполнѣ подчинялся чужому, новому, не могъ устоять предъ чарами волшебницы-цивилизаціи: второе явленіе повѣряло первое. Послѣ несчастной попытки Годунова, новой уже не дѣлали; а между тѣмъ потребность учиться чувствовалась все сильнѣе и сильнѣе. Представилось средство удовлетворить этой потребности безъ страха предъ иновѣрствомъ. Подлѣ Великой Россіи была Малая—и обѣ, силою извѣстныхъ обстоятельствъ, влеклись къ соединенію въ одно политическое тѣло; Малая Россія, благодаря борьбѣ съ латинствомъ, раньше почувствовала потребность просвѣщенія, и владѣла уже средствами школьнаго образованія. Стало-быть, Великороссіянину можно было учиться безопасно у Малороссіянина, который приходилъ въ рясѣ православнаго монаха; можно было также учиться безопасно у Грека православнаго. Отсюда въ XVII вѣкѣ, предъ эпохою преобразованія, мы встрѣчаемъ непродолжительное время, когда за наукою обращаются къ Малороссіянамъ или вообще западно-русскимъ ученымъ и къ Грекамъ.

---

[1] Архивъ Мин. Юстиціи, книга Малорос. Приказа, № 16; Приказныя дѣла Москов. Архива Мин. Ин. Дѣлъ, годъ 1678; Временникъ Москов. Истор. Общества, № 7.

Но и это примиряющее средство не вполнѣ могло помочь дѣлу. Новые учителя, откуда бы они ни пришли, хоть бы изъ православной Греціи, изъ православной Малороссіи, необходимо сталкивались съ старыми учителями,—и отсюда борьба, которая вела къ чрезвычайно важнымъ послѣдствіямъ. Молодой Великороссіянинъ, поучившійся у малороссійскаго монаха полатыни и погречески, сталъ ученѣе своего стараго учителя, своего отца духовнаго; говоритъ, что и то не такъ, и другое не такъ, и что отецъ духовный многое неправильно толкуетъ. Легко понять, какъ должны были смотрѣть на это отцы духовные. Свѣтопреставленіе! Яйца курицу учатъ! Чего ждать добраго послѣ этого? Ясное дѣло, что кіевскіе монахи вмѣстѣ съ латынью учатъ разнымъ ересямъ. Но мало того, что Русскіе люди учатся Богъ знаетъ чему въ Москвѣ у малороссійскихъ монаховъ,—хотятъ еще ѣхать въ Кіевъ, тамъ учиться, въ самомъ гнѣздѣ этой латыни: хороши оттуда воротятся! Такъ толковали въ Москвѣ въ началѣ царствованія Алексѣя Михайловича. Расколъ былъ уже тутъ, народился, народился изъ неминуемаго столкновенія старыхъ учителей съ новыми. Понадобилось исправить книги церковныя для печати; поручили дѣло самымъ разумнымъ, знающимъ изъ старыхъ учителей, самымъ виднымъ протопопамъ; книги исправили, напечатали, а новые учителя, греческіе и малороссійскіе монахи, говорятъ, что дѣло сдѣлано не такъ, что, вмѣсто исправленія, книги испорчены, и патріархъ поручаетъ снова исправлять книги новымъ учителямъ. Каково же старымъ? До сихъ поръ они имѣли авторитетъ неприкосновенный, слыли знатоками, а теперь объявлены невѣждами, опозорены на весь міръ, и кѣмъ?—пришлыми кіевскими и греческими монахами; да сами-то эти монахи что̀ знаютъ, чему учатъ! сами-то православны ли? Народившійся уже прежде расколъ выросъ. Легко понять впечатлѣніе, произведенное на многихъ объявленіемъ старыхъ учителей, не потерявшихъ своего авторитета, что новые учителя, греческіе и кіевскіе монахи, принесли новизны, ереси латинскія; западные Русскіе люди давно уже связались съ Латинянами, да и Греки отступили отъ Православной вѣры, и книги свои печатаютъ въ латинскихъ типографіяхъ. Большинство удержалось при авторитетѣ церковнаго и гражданскаго правительства, принявшаго сторону новыхъ учителей; но извѣстная часть народонаселенія объявила себя на сторонѣ старыхъ учителей, вслѣдствіе чего должна была отвергнуть авторитетъ церковнаго, а вмѣстѣ съ тѣмъ и гражданскаго правительства; „раскольщики, церковные мятежники“ явились и мятежниками гражданскими, не признававшими власти, которая, въ ихъ глазахъ, гнала правую вѣру,—власти антихристовой. То, что, по извѣстному закону, бываетъ всегда и вездѣ слѣдствіемъ внезапнаго освобожденія отъ какого бы то ни было авторитета, произошло теперь и въ Россіи въ области раскола. Отвергнувши разъ авторитетъ церковнаго правительства, единое для всѣхъ обязательное ученіе и правило, расколъ, не имѣя возможности составить изъ себя церкви съ единымъ правительствомъ, долженъ былъ распрыснуться на множество толковъ по множеству толковниковъ, не сдерживаемыхъ въ своихъ толкованіяхъ никакою властію, никакимъ авторитетомъ. Послѣ того какъ разъ извѣстный авторитетъ, власть, отвергнуты, является сильное стремленіе высвободиться отъ всякаго авторитета, отъ всякой власти, отъ всякихъ общественныхъ и нравственныхъ узъ. Гусситское освобожденіе въ Чехіи отъ авторитета Римской церкви быстро повело къ таборитству, къ коммунизму; Лютерово освобожденіе въ Германіи отъ авторитета той же церкви повело къ такому же явленію въ анабаптизмѣ. Подобное же стремленіе къ крайностямъ свободы явилось и у насъ въ нѣкоторыхъ раскольничьихъ толкахъ.

Здѣсь, разумѣется, можетъ родиться вопросъ: зачѣмъ было доводить раскольниковъ до этихъ крайностей; зачѣмъ было преслѣдовать ихъ за различіе въ обрядахъ, за буквы, за вещи несущественныя? Отчего было не позволить имъ употреблять старыя книги, остаться при старыхъ обрядахъ? Подобные вопросы, обличающіе неумѣнье отрѣшиться отъ настоящаго времени и привычку переносить его требованія въ вѣка минувшіе, сильно вредятъ изученію исторіи, правильному пониманію прошедшаго, а слѣдовательно и настоящаго, связи между ними. Вопервыхъ, если православный говорилъ раскольнику, что можетъ креститься, какъ хочетъ, то раскольникъ отъ этого не переставалъ называть православнаго слугою антихристовымъ за трехперстное сложеніе. Вовторыхъ, одно явленіе повѣряется другимъ. Если въ XVII вѣкѣ явились люди, которые, смѣшивая существенное съ несущественнымъ, готовы были умереть за двуперстный крестъ и т. п., то какое право получаемъ мы предполагать, что другіе, употреблявшіе трехперстное сложеніе, всѣ вдругъ поднялись на такую высоту, что могли отличать существенное отъ несущественнаго и снисходительно смотрѣть на заблужденіе меньшей братіи? Люди, которыхъ авторитету они подчинялись, сказали имъ, что трехперстное сложеніе правильнѣе,—они приняли это болѣе правильное употребленіе и этимъ порознились отъ людей, оставшихся при двуперстномъ сложеніи; но во взглядѣ на важность дѣла они ни сколько не рознились; какъ послѣдователи двуперстнаго сложенія были убѣждены, что это необходимое условіе для спасенія, и считали крестившихся тремя пальцами врагами Божіими, слугами антихристовыми, съ которыми нельзя имѣть никакого сношенія, точно такъ же должны были смотрѣть на нихъ и противники ихъ, ибо вовсе не было условій, по которымъ бы они могли смотрѣть иначе. Церковный мятежникъ! мятежникъ противъ самого Бога! Что могло быть хуже этого; какое снисхожденіе можно было сказать такому человѣку? Люди, которые преслѣдовали раскольниковъ за двуперстное сложеніе,—эти же самые люди провозглашали, что брить бороду значило искажать въ себѣ образъ Божій и уподобляться псамъ или котамъ:—ясный знакъ, что взглядъ былъ вездѣ одинъ и тотъ же, вслѣдствіе чего могла быть только ожесточенная борьба безъ уступокъ и сдѣлокъ. Перемѣна взгляда, умѣнье отличать существенное отъ несущественнаго могло явиться при вліяніи новыхъ условій не ранѣе, какъ слишкомъ черезъ столѣтіе: тутъ только явилась и возможность снисхожденія, возможность уступокъ и сдѣлокъ. Архіерей въ родѣ Московскаго митрополита Платона могъ явиться только во второй половинѣ XVIII, а не во второй половинѣ XVII вѣка, когда происходило, напримѣръ, слѣдующее: въ 1655 году прислали Бѣлоруссовъ въ Вологду, и священники обратились къ архіерею съ вопросомъ, пускать ли ихъ въ церковь и ходить ли къ нимъ съ требами? Архіерей—къ патріарху, и тотъ отвѣчалъ: „Если кто не истинно крещенъ, обливанъ,—тѣхъ крестить снова, а умершихъ погребать“ ¹).

Столкновеніе между старыми и новыми учителями повело къ расколу, къ церковному мятежу. Съ этимъ мятежемъ противъ своей власти и ученія духовенство не могло такъ скоро сладить, какъ, напримѣръ, свѣтское правительство сладило съ мятежемъ Стеньки Разина. Церковный мятежъ сдѣлался постояннымъ, духовенство пріобрѣло постоянныхъ внутреннихъ злыхъ враговъ, которые нисколько его не щадили въ своихъ жалобахъ и обличеніяхъ. Но обличенія слышались не отъ однихъ раскольниковъ. Общество видимо тронулось; началось колебаніе, тряска, которыя не позволяли пребывать въ покоѣ. Тяжелое чувство собственныхъ недостатковъ: сознаніе, что отстали, что у другихъ лучше и надобно перенимать это лучшее, учиться,—не покидали лучшихъ Русскихъ людей: отсюда стремленіе прислушиваться къ чужимъ рѣчамъ, обращать вниманіе на указанія съ разныхъ сторонъ, что и то и другое не такъ. Такое время обыкновенно бываетъ богато обличеніями, богато распоряженіями, хлопотами о прекращеніи сознаннаго, обличеннаго зла, о прекращеніи внѣшними средствами, и потому бьющими обыкновенно мимо. Вопіющее, кидавшееся въ глаза и чужимъ, и своимъ, зло—было страшное пьянство. Иностранцы повторяли: „Нѣтъ страны въ мірѣ, гдѣ бы пьянство было такимъ общимъ порокомъ, какъ въ Московіи. Всѣ, какого бы званія, пола и возраста ни были, духовные и свѣтскіе, мужчины и женщины, молодые и старые, пьютъ водку во всякій часъ, прежде, послѣ и во время обѣда“ ²). Архіерей пишетъ окружное посланіе духовенству своей епархіи: „Учили бы вы людей Божіихъ каждый день съ прилежаніемъ. А какъ случится вамъ читать поученіе отъ Божественнаго Писанія, тогда бы одинъ читалъ, а другой за нимъ толковалъ; а хорошо, еслибъ кто и читалъ и толковалъ самъ, чтобъ простымъ людямъ было что̀ принять отъ васъ. Видимъ, что въ простыхъ людяхъ, особенно же и духовныхъ чинахъ, укоренилась злоба сатанинская безмѣрнаго хмельнаго упиванія, а такое сатанинское ухищреніе многихъ людей отлучаетъ отъ Бога“ ³). Легко было написать „читайте и толкуйте“, когда было тяжело, не было умѣнья къ этому дѣлу, да и нигдѣ не водилось. Давно уже, въ продолженіи вѣковъ, повторялось о хмельномъ упиваніи, какъ о сатанинскомъ ухищреніи,—и все понапрасну. Въ обществахъ, подобныхъ русскому XVII вѣка, въ обществахъ, слабыхъ внутренно, всего крѣпче вѣра во внѣшнюю силу. Правительство распоряжается всѣмъ, можетъ все сдѣлать. Игуменъ бьетъ челомъ великому государю, что безъ царскаго указа ему нельзя справиться съ братіею: „Отъ пьянства бываетъ многая вражда и мятежи; иные священники, клирошане и простая братія въ томъ обычаѣ закоснѣли, и отъ такого нестроенія игуменамъ бываютъ перемѣны частыя; безъ игуменовъ въ монастырѣ проходило многое время и привыкли жить по своей волѣ“ ⁴). Царь шлетъ грамоты, чтобъ въ монастыряхъ не держали хмельнаго питья, потому что усиленіе пьянства грозило иноческому чину совершеннымъ разрушеніемъ ⁵). Но черезъ нѣсколько лѣтъ опять шлются царскія грамоты по монастырямъ съ новыми обличеніями, слѣдовательно съ признаніемъ, что прежніе указы остались безъ дѣйствія: „Въ московскихъ, въ ближнихъ и дальнихъ, степенныхъ и нестепенныхъ монастыряхъ, архимандриты, игумены, келари и строители, казначеи и священники, и братья въ монастырскихъ погребахъ и по кельямъ у себя держатъ хмельное питье, вино, пиво и медъ, и отъ того хмельнаго питья церкви Божіи бываютъ безъ

---

¹) Акты, касающ., до юридич. быта, стр. 274.

²) Олеарій

³) Акты Историч., IV, № 62.

⁴) Акты Арх. Эксп., IV № 322.

⁵) Акты Арх. Эксп., №№ 37, 325.

пѣнія. Архимандриты, игумены, келари, казначеи и соборные старцы во всѣхъ монастыряхъ держатъ у себя дѣтей, братью и племянниковъ и внучатъ, и даютъ имъ монастырскій хлѣбъ и всякій запасъ и изъ монастырской казны деньги; да они-жъ, власти, отпускаютъ монастырскихъ слугъ въ монастырскія вотчины на жалованье, и какъ эти слуги съ жалованья въ монастырь пріѣзжаютъ, и съ нихъ берутъ власти, и дѣти ихъ, и племянники, и внучата посулы и поминки, деньгами, виномъ и медомъ, куницами и всякими гостинцами: а кто ихъ не почтитъ, тѣмъ, приметываясь для мзды, чинятъ побои и изгони большія; также и съ монастырскихъ вотчинныхъ крестьянъ, отъ дѣлъ и не отъ дѣлъ, посулы и поминки берутъ. Да власти же ѣздятъ къ мірскимъ людямъ въ домы на пиры и бражничаютъ, и за то ссужаютъ ихъ монастырскимъ хлѣбомъ и денежною казною“ 1). Прошло двадцать лѣтъ, и Новгородскій митрополитъ въ своей грамотѣ повторяетъ: „Игумены, черные и бѣлые попы и дьяконы хмельнымъ питьемъ до пьянства упиваются, о церкви Божіей и о дѣтяхъ своихъ духовныхъ не радѣютъ, и всякое безчиніе во всякихъ людяхъ чинится: сдѣлать заказъ крѣпкій, чтобъ игумены, черные и бѣлые попы и дьяконы, и старцы, и черницы на кабакъ пить не ходили, и въ мірѣ до великаго пьянства не упивались, и пьяные по улицамъ не валялись бы“ 2).

Церковные Соборы также не щадили обличительныхъ рѣзкихъ словъ. Соборъ 1667 года постановляетъ, чтобъ священники учили дѣтей своихъ и приготовляли ихъ такимъ образомъ на свои мѣста, а не оставляли дѣтей своихъ наслѣдниками мамонѣ, не торговали Христовою Церковію, не допускали ставить въ священство сельскихъ невѣждъ, изъ которыхъ иные и скота пасти не умѣютъ, не только людей: отсюда въ Церкви Божіей мятежи и расколы 3).

Въ обличеніяхъ не было недостатка въ XVII вѣкѣ. Явленіе естественное и необходимое въ переходное время. Негодованіе и сильныя выраженія насчетъ пьянства, невѣжества пошли въ ходъ. Но кто обличалъ? Очень незначительное меньшинство, или, что еще важнѣе, обличали иностранцы, пришельцы, и Русскіе обличали подъ ихъ вліяніемъ, по ихъ указаніямъ. Обличенія не помогаютъ, не исправляютъ, когда нѣтъ внутренней, давней подготовки къ исправленію, когда нѣтъ условій, благопріятствующихъ этому исправленію: обличеніе можетъ только заставить искать этихъ условій, и если общество юно и крѣпко, умѣетъ жить, то эти условія и начнутъ производить свое дѣйствіе, приготовлять общество къ исправленію; но сколько для этого нужно времени? А между тѣмъ обличенія, явившіяся вдругъ, извнѣ, безъ внутренняго приготовленія, могутъ вести къ печальнымъ явленіямъ. Извѣстно, что до указаній, сдѣланныхъ во второй половинѣ XVII вѣка греческими и западно-русскими духовными лицами, правила, установленныя Стоглавомъ, имѣли для всѣхъ авторитетъ непререкаемый. Но вдругъ Соборъ 1666 года постановляетъ: „Писано неразсудно, простотою и невѣжествомъ въ книгѣ Стоглавѣ, и клятва безъ разсужденія и неправедно положена; мы, православные патріархи и весь освященный Соборъ, ту неправедную и безразсудную клятву разрѣшаемъ и разрушаемъ, и тотъ Соборъ не въ Соборъ и клятву не въ клятву и ни во что вмѣняемъ, какъ бы ея вовсе и не было; потому что Макарій митрополитъ и бывшіе съ нимъ мудрствовали невѣжествомъ своимъ безразсудно, восхотѣли сами собою, не согласясь съ греческими и съ древними харатейными словенскими книгами, со вселенскими Св. патріархами не посовѣтывались и не спросили ихъ“ 4). Дѣйствіе было сильное, ошеломляющее. Невѣжды постановили, и цѣлое общество, опять по невѣжеству, послѣдовало безразсуднымъ постановленіямъ. Тутъ, съ одной стороны, сильный упоръ вслѣдствіе оскорбленія разныхъ чувствъ: „Всѣ мы были невѣжды, отцы наши были невѣжды!“ сильное оскорбленіе вызываетъ вопросъ: такъ ли? и заставляетъ рѣшать его отрицательно. Съ другой стороны и тѣ, которые подчинились авторитету обличителей, признали свое невѣжество и невѣжество отцовъ своихъ, чрезъ это признаніе не получили вдругъ средствъ освободиться отъ своего невѣжества, и, кромѣ указаннаго Греческими патріархами, на другія постановленія того же Стоглава продолжали смотрѣть попрежнему, продолжали смотрѣть на несущественное, какъ на существенное, продолжали освящать то, что вовсе не требовало освященія; преслѣдуя однихъ за двуперстное сложеніе, преслѣдовали другихъ за брадобритіе, за подстриганіе волосъ, за такіе „еллинскіе, блудническіе, гнусные обычаи“ 5) отлучали отъ Церкви, отлучали и тѣхъ, которые имѣли общеніе съ брадобрійцами.

Мы видѣли, что въ 1655 г. патріархъ Никонъ отвѣчалъ вологодскому духовенству на вопросъ о православныхъ Бѣлоруссахъ, что если они *обливаны*, то надобно ихъ крестить снова. Въ одиннадцать лѣтъ взглядъ не могъ перемѣниться; но вопросъ поднялся извнѣ: на Соборѣ 1667 года два патріарха — Александрійскій и Антіохійскій — рѣшили, что и Латинъ перекрещивать не слѣдуетъ. Имъ представили на видъ противоположное рѣшеніе Собора при патріархѣ Филаретѣ, 1621 года; патріархи не могли отозваться о царскомъ дѣдѣ, какъ отозвались о митрополитѣ Макаріи, и оговорились: „Если кто станетъ негодовать, зачѣмъ уничтожено постановленіе Собора, бывшаго при св. патріархѣ Филаретѣ, то пусть не соблазняется и вѣдаетъ, что и въ древнія времена одинъ Соборъ исправлялъ рѣшенія другого“ 6).

---

1) Акты Арх. Эксп., № 328.

2) Акты Арх. эксп., № 188.

3) Полн. Соб. Зак., т. I, № 412.

4) Постановленіе Собора 1666 года

5) Изглашеніе патріарха Іоакима и всего Собора на необузданныхъ юныхъ брадобритіе. Сборн. Синод Библіотеки, № 11.

6) Сборн. Синод. библіотеки, № 11.

Но для нѣкоторыхъ соблазнъ былъ страшный: въ короткое время разрушены были постановленія прежнихъ Соборовъ, и одинъ изъ нихъ, древнѣйшій, обвиненъ въ невѣжествѣ и неразуміи. Авторитету нанесенъ былъ сильный ударъ, почва заколебалась подъ ногами; думая удержаться отъ паденія, одни обѣими руками схватились за старое, за старые авторитеты; другіе, допустивши движеніе, остановились на опасной полудорогѣ, между двухъ огней, соединивши православіе съ бородою и длинными волосами. Правительство гражданское, думая ратовать за древнее благочестіе, подало имъ руку. Патріархъ Іоакимъ говорилъ впослѣдствіи, что гнусный обычай брадобритія во дни царя Алексѣя Михайловича былъ всесовершенно искорененъ. Дѣйствительно, мы знаемъ, напримѣръ, что князь Кольцовъ-Мосальскій написанъ былъ изъ стряпчихъ по жилецкому списку за то, что у себя волосы подрѣзалъ [1]. Но эти внѣшнія средства могли ли помочь въ то время, когда новые учителя, новые авторитеты, требующіе признанія и подчиненія, являлись не въ видѣ только православныхъ греческихъ и западно-русскихъ монаховъ? Нудящія потребности государства были въ такихъ наукахъ, искусствахъ и ремеслахъ, которымъ не могли научить монахи. Волею-неволею нужно было обратиться къ иноземнымъ и иновѣрнымъ учителямъ, которые и нахлынули и, разумѣется, съ требованіями признанія своего превосходства. Превосходство было признано; важныя лица наверху постоянно толковали, что въ чужихъ Земляхъ не такъ дѣлается, какъ у насъ, и лучше нашего. Но какъ скоро превосходство иностранца было признано, какъ скоро явилось ученическое отношеніе Русскаго человѣка къ иностранцу, то необходимо начиналось подражаніе; а подражаніе это, по естественному ходу дѣлъ, начиналось съ внѣшняго. Русскій человѣкъ брилъ бороду, подстригалъ волосы; за это его писали изъ стряпчихъ по жилецкому списку. Онъ преклонялся предъ силою, но дѣйствіе силы не могло уже получить оправданія въ его глазахъ, и потому сильно раздражало. Онъ хорошо зналъ, вслѣдствіе подчиненія чьему авторитету правительство гражданское писало его изъ стряпчихъ въ жильцы; но развѣ этотъ авторитетъ не былъ поколебленъ; развѣ обличенія не произвели своего дѣйствія, не освѣтили того, что прежде въ темнотѣ было не видно? А тутъ цѣлая толпа новыхъ обличителей, разумѣется, съ сильно пущеннымъ въ ходъ словомъ *„невѣжество"*, съ могущественными побужденіями къ обличенію, потому что столкновеніе между старыми и новыми учителями послѣдовало, взаимная ненависть разгорѣлась: не молчалъ иностранецъ предъ человѣкомъ, который не признавалъ въ немъ образа и подобія Божія, который внушалъ, что надобно выжить вреднаго пришельца. И пришлецъ позволялъ себѣ не одни обличенія и насмѣшки. До насъ дошла любопытная челобитная Коломничей на майора Цея съ товарищами, которые „чинили имъ обиды и налоги великіе, въ торгахъ всякій товаръ грабили, людей по улицамъ били и грабили. Ночью, послѣ барабаннаго боя, съ солдатами по улицамъ ходили, поповъ хватали, били и увѣчили, отводили къ майору на дворъ, запирали въ подклѣть и мучили для своей бездѣльной корысти; посадскимъ людямъ въ воскресенье въ церковь ходить нельзя было" [2].

При такомъ трудномъ положеніи русскаго духовенства во второй половинѣ XVII вѣка, въ эпоху народнаго поворота на новый историческій путь, вмѣсто поддержки съ разныхъ сторонъ—удары. Такъ, сильный ударъ нанесло ему Никоново дѣло. Повидимому, передъ началомъ труднаго времени исторія хотѣла дать духовенству могущественнаго вождя, который бы помогъ ему сдержать напоръ неблагопріятныхъ обстоятельствъ и выйти съ побѣдою изъ борьбы. Въ самомъ дѣлѣ, со временъ митрополита Алексія, Русская Церковь никогда еще не была въ такомъ выгодномъ положеніи касательно значенія своего верховнаго пастыря, какъ во времена Никона. Молодой, мягкій по природѣ, благочестивѣйшій, не по одному титулу, царь вполнѣ подчиняется энергическому патріарху. Но это самое положеніе, это обиліе матеріальныхъ мірскихъ средствъ и заключаетъ въ себѣ причину паденія Никона, который, какъ человѣкъ плоти и крови, не выдержалъ искушенія, прельстился предложеніемъ царствъ,—и палъ. Никонъ позволилъ себѣ принять роковой титулъ „великаго государя", т.-е главнаго хозяина, главнаго правителя страны, титулъ, не могшій имѣть никакого отношенія къ значенію патріарха; титулъ, прямо указывавшій на двоевластіе, на то, что два хозяина въ домѣ, и влекшій необходимо къ столкновенію между ними, тѣмъ болѣе что Никонъ, по природѣ своей, не могъ быть только титулярнымъ великимъ государемъ. Патріаршество, высокое духовное значеніе, стало для Никона на второмъ планѣ: онъ бросился на мірскую власть, захотѣлъ быть настоящимъ великимъ государемъ, столкнулся необходимо съ другимъ великимъ государемъ, настоящимъ, законнымъ,—и проигралъ свое дѣло, потому что сталъ въ видимо для каждаго незаконное положеніе. Поведеніе Никона съ минуты отреченія представило рядъ скандаловъ, ронявшихъ все болѣе и болѣе бывшаго патріарха, который совершенно потерялъ изъ виду Церковь, патріаршество, и хлопоталъ только о томъ, чтобъ ему, Никону, если нельзя возвратить вполнѣ все прежнее, то, по крайней мѣрѣ, удержать какъ можно больше изъ своего прежняго значенія, изъ прежнихъ матеріальныхъ выгодъ. Но въ какомъ бы печальномъ состояніи ни находилось общество, все же оно не могло не оттолкнуться отъ человѣка, который великое общественное дѣло совершенно превратилъ въ личное.

---

[1] Дворцовые разряды, стр. 1591.

[2] Акты Историч. IV. № 74.

Никонъ проигрывалъ свое дѣло тѣмъ, что велъ борьбу съ Алексѣемъ Михайловичемъ, котораго благочестіе и благоговѣйное уваженіе къ церковнымъ властямъ было хорошо всѣмъ извѣстно, и тѣмъ сильнѣе бросалась въ глаза печальная противоположность между мягкостію представителя свѣтской власти и жесткостью представителя власти духовной, архіерея, монаха, который скорѣе всякаго воеводы готовъ былъ давать чувствовать свою власть и силу. Такимъ образомъ, вторая половина XVII вѣка представила явленіе совершенно обратное тому явленію, какое мы видѣли во второй половинѣ XVI вѣка. Тогда произошло такъ же столкновеніе между представителями свѣтской и духовной власти и, повидимому, побѣда осталась на сторонѣ перваго; но это было только повидимому. Поведеніе Св. Филиппа, его мученичество за самое святое право пастыря Церкви, право сдерживать силу, не допускать ея до насилій,—были великимъ торжествомъ для Русской Церкви и ея верховнаго пастыря, ибо высшая степень могущества, до котораго можетъ достигать духовная власть по своей природѣ,—это святость, это мученичество исполненія своей обязанности полагать душу за овцы, а низшая ступень, до которой можетъ ниспасть представитель свѣтской власти,—это мучительство, мучительство надъ праведникомъ. Никонъ, по своей природѣ, не умѣлъ понять этого великаго явленія, смотрѣлъ на него не духовными глазами: его поражало и раздражало видимое низложеніе представителя духовной власти представителемъ свѣтской; онъ не понималъ, что побѣдилъ здѣсь тотъ, кто спасъ свою душу, погубившп ее. При такомъ непониманіи сущности дѣла, Никону хотѣлось, какъ онъ думалъ, поправить его и заставить царя Алексѣя Михайловича послать къ гробу Св. Филиппа умилостивительную грамоту, просить прощенія за Іоанна Грознаго. Перенося мощи Св. Филиппа изъ Соловокъ въ Москву, Никонъ хотѣлъ ихъ сдѣлать щитомъ для себя, но въ какой борьбѣ и съ кѣмъ? Онъ не понималъ, что по характеру своему былъ болѣе похожъ на Іоанна Грознаго, чѣмъ на Филиппа, былъ болѣе похожъ на мучителя, чѣмъ на жертву, и что тишайшій Алексѣй Михайловичъ не былъ вовсе похожъ на Грознаго.

Недуховныя стремленія Никона были особенно вредны въ то время, когда, въ виду страшнаго переворота, нужно было собрать нравственныя силы духовенства и дать ему достойное вооруженіе для разнаго рода опасныхъ встрѣчъ. Чтобы поддержать значеніе духовенства, нужно было стать въ челѣ движенія, совершавшагося безъ спросу съ кѣмъ бы то ни было, нужно было начать преобразованія въ Церкви; но эти преобразованія нельзя было ограничить требованіями большаго порядка во внѣшнемъ богослуженіи, разсылкою нѣсколькихъ благонамѣренныхъ указовъ, причемъ посылались указы и о томъ, чтобъ перекрещивать православныхъ Бѣлоруссовъ: Церковь требовала преобразованій другого рода. Нужно было соединять духовенство, раздѣлявшееся на черное, властвующее и бѣлое, подчиненное,—соединять любовными, благодушными отношеніями властвующаго къ подчиненному; нужно было всѣми силами противодѣйствовать утвержденію въ духовномъ управленіи системы кормленія; чтобы на подчиненное духовенство не смотрѣли какъ только на тяглое, обязанное кормить начальствующихъ; чтобъ эти начальствующіе не заражались властелинскимъ, воеводскимъ духомъ, и чтобъ подъячіе ихъ не были похожи на воеводскихъ подъячихъ. Къ несчастію, не только мелочной Іосифъ, но и преемникъ его Никонъ, по характеру своему, не былъ способенъ мягко и благодушно относиться къ подчиненнымъ, уважать въ нихъ высокость пастырскаго сана и поднимать ихъ этимъ самымъ уваженіемъ. Послышались сильныя жалобы на Іосифа и Никона, что они перемѣнили прежнее благодушное обращеніе патріарховъ съ священниками, перестали обращать вниманіе на ихъ положеніе, отдали ихъ на жертву своему ненасытному дьяку, этому Кокошилову, пріобрѣтшему такую печальную извѣстность въ Москвѣ: священникъ долженъ былъ дарить не только Кокошилова и жену его, но и слугъ,—иначе просителя и на дворъ не пускали. Въ областяхъ то же самое: въ большіе праздники подчиненнымъ нужно было одарить болѣе сорока лицъ, приближенныхъ къ архіерею: казначея, приказнаго, двухъ дьяковъ, шестерыхъ подъячихъ, стряпчаго, дворецкаго, житника, ключника, ризничаго, чашника, гвоздаря, придѣльнаго попа и дьякона, архіерейскихъ келейниковъ, казначейскаго келейника, пономарей и звонарей, приказнаго сторожа, воротнаго сторожа, протопопа съ братіею, поддьяконовъ, іеродьяконовъ. Мы теперь не можемъ объяснить, какимъ образомъ въ этотъ списокъ даримыхъ попали двѣ женщины, и одна съ двумя сыновьями, изъ которыхъ каждаго должно было дарить: про то знали современники [1]. Для священника двери патріаршаго дома были заперты: не смѣлъ онъ придти къ патріарху, поговорить о важныхъ дѣлахъ, касавшихся его служенія, испросить разрѣшенія недоумѣній: а для міранъ, для женщинъ двери были отворены. Мы не можемъ отвергать этихъ жалобъ на томъ основаніи, что онѣ шли отъ защитниковъ Іосифовскаго исправленія книгъ, ибо жалобщики соединяютъ Никона съ Іосифомъ, упрекаютъ Никона за то, что онъ подражалъ Іосифу. По удаленіи Никона наступило въ Церкви продолжительное междупатріаршіе, которое такъ же должно было имѣть вредныя послѣдствія для духовенства въ такое важное для него время. Знаменитый Кокошиловъ остался съ прежнимъ значеніемъ, и жалобы на него не прекратились. Въ 1661 году били челомъ на него патріаршія дѣти боярскія: „Обогатясь многою домовою казною, началъ нынѣ принимать въ патріаршій домъ племянниковъ своихъ и богатитъ ихъ, а насъ изгоняетъ и губитъ; принялъ онъ въ патріаршій домъ племянника своего и отпустилъ его на двѣ десятины лучшія, а прежде на тѣ десятины посылываны мы на жалованье, человѣка по два и по три, а иныя десятины, на которыхъ десятильничья доходу собирается побольше, Кокошиловъ беретъ за себя. Покупилъ себѣ многія вотчины и на Москвѣ большіе дворы. Дѣлаетъ это, надѣясь на свою мочь, что сидитъ въ патріаршихъ Приказахъ, *обрався* зятьями своими и друзьями“. Наконецъ соблазнъ Никонова дѣла былъ вреденъ Православной Церкви въ борьбѣ ея съ расколомъ: раскольники получили возможность говорить: „Аще Никонъ, наставникъ вашъ, правый путь вамъ обрѣте, то почто его изгнасте? Когда ученицы на учителя своего ратуютъ? Аще ли Никонъ врагъ Богу и Богородицѣ и Святымъ Его и вамъ, то почто его пестрые законы держите?“ [1]).

---

[1] Исторія Россіи, т. XI, стр. 208; Акты юридическіе, стр. 399.

Кончилось Никоново дѣло; но печальное впечатлѣніе, какое оно должно было произвести, подновилось дѣломъ Коломенскаго архіепископа Іосифа. Этотъ архіерей позволялъ себѣ сердиться на то, что при общей земской тяжести отъ продолжительныхъ войнъ подати падали и на церковныя имущества. Станетъ Іосифъ *прохладенъ* (навеселѣ),—и не щадитъ никого, ни царя, ни патріарха, ни бояръ; говоритъ про великаго государя, что „не умѣетъ въ царствѣ никакой расправы самъ собою чинить, люди имъ владѣютъ: прежніе государи Святыя мѣста снабжали, а теперь разоряютъ, берутъ всякія подати лишнія, большія; а бояре—Хамовъ родъ, государь того и не знаетъ, что они дѣлаютъ; а патріархъ Іоакимъ мало и грамотѣ умѣетъ; на Соборѣ только и говоритъ Нижегородскій митрополитъ да я, а патріархъ только, бороду уставя, сидитъ, ничего не знаетъ, непостояненъ, трусъ, прикажетъ благовѣстить то такъ, то иначе, а поученіе станетъ читать, только гноитъ, и слушать нечего“. Іосифъ тронулся новымъ временемъ: позоритъ патріарха за невѣжество, за неумѣнье говорить на Соборѣ, читать поученіе. Но требовательный мудрецъ не понималъ одного, что высшая мудрость для архіерея состояла въ умѣньи самому привыкнуть и другихъ пріучить къ христіанскому обращенію съ ближними, заставлять дурного воеводу перемѣнять свое обращеніе съ подчиненными, а не самому превосходить жестокостями самаго дурного воеводу;—кого начнетъ смирять Іосифъ, кричитъ: „Кто васъ у меня отниметъ?—не боюсь я никого, ни царь, ни патріархъ васъ у меня не отниметъ“. Виноватымъ наказанья были жестокія: били шелепами и плетьми, сажали на цѣпи, дня по три ѣсть не давали; холодною водою со снѣгомъ за заутренею соборныхъ поповъ и пѣвчихъ знобили, водою поливали, снѣгъ за пазуху клали: какого-то Петрушу Кириллова самъ архіерей на молебнѣ въ соборной церкви зашибъ до крови: поповъ билъ плетьми нагихъ и приговаривалъ: „Бей гораздо, мертвые наши“! Іосифъ на Соборѣ во всемъ заперся, на очныхъ ставкахъ противъ свидѣтельствъ никакого отвѣта не далъ. Соборъ произнесъ низверженіе; патріаршая грамота, перечисляя вины Іосифа, между прочимъ говоритъ: „Звѣрскимъ весьма образомъ и стремленіемъ уловляше овцы во снѣдь своего звѣрообразнаго глощенія, сирѣчь безмѣрнаго мздоиманія и неправды. Ему же никоего же оправданія во своихъ винахъ намъ изнесшу и отъ обличникъ своихъ во всемъ обличену и укорену бывшу и весьма яко нѣму и безгласну стоящу“. Іосифъ былъ сосланъ въ одинъ изъ новгородскихъ монастырей, но съ правомъ управлять имъ.

Въ ноябрѣ 1674 года государь жилъ въ Преображенскомъ, вдругъ пріѣзжаетъ къ нему стольникъ Посниковъ, сынъ его духовника, съ челобитьемъ отъ отца: духовникъ писалъ, что патріархъ Іоакимъ велѣлъ посадить его въ смиренье на цѣпь безвинно,—такъ чтобъ великій государь изволилъ придти въ Москву и его изъ смиренья освободить. Можно догадываться, что вѣсть о Конотопскомъ или Чудновскомъ пораженіи производила не болѣе сильное впечатлѣніе на благочестиваго царя. Онъ велѣлъ сказать духовнику, что будетъ въ Москвѣ завтра рано поутру нарочно; пріѣхалъ, позвалъ самыхъ близкихъ къ себѣ людей — Долгорукаго, Хитрова, Матвѣева, послалъ за патріархомъ; тотъ явился и „протопопово неистовство, невѣжество и мздоимство многое извѣщалъ: держитъ у себя жонку многое время, духовника патріаршаго къ себѣ не пустилъ и его, патріарха, безчестилъ“. Патріархъ сердитъ, улики явныя—жонка, отъ которой Іоакимъ уже успѣлъ отобрать показаніе. Царь съ просьбами къ патріарху, и тотъ умилостивился, оставилъ протопопа подъ запрещеніемъ до Собора. Но скоро подошелъ патріаршій праздникъ Петра митрополита (21 декабря); Іоакимъ, по обычаю, пришелъ во дворецъ звать государя къ себѣ обѣдать; Алексѣй Михайловичъ воспользовался этимъ случаемъ и упросилъ патріарха простить духовника и не поднимать дѣла на Соборѣ [2]).

Такія явленія происходили въ Москвѣ, въ Коломнѣ; но что могло происходить подальше, тамъ, гдѣ было до Бога высоко, до царя далеко? Изъ Тотемскаго уѣзда, напримѣръ, дали знать, что тамъ появились разбойники; въ разбояхъ участвовалъ и грабежную рухлядь укрывалъ строитель Тафтенской пустыни, старецъ Ѳерапонтъ [3]).

---

[1]) Приказныя дѣла Архива Мин. Ин. Д., годъ 1661; раскольнич. сбор. И. Публ. Библ., № 401.

[2]) «Называлъ Іосифъ в. государя, будто в. государь г. . ., и бол. . ., д. . . . Патріарха называлъ глупцомъ и безлюдицею; архіеревъ скотами и трусами, шушерою Ѣздилъ въ домовыя свои и монастырскія вотчины съ монахами и домовыми людьми, а послѣ стола въ селахъ на погостахъ и на лугахъ предъ нимъ напився отецъ его духовный архимандритъ Голутвина монастыря, дьякъ и иные домовые люди смѣхотвореніемъ многимъ и кощуны всякими боролися и у тѣхъ монаховъ въ борьбѣ ихъ подолы непристойно оборочались. . . .» Дѣло Іосифа въ Синодал. библіот. Дворцовые разряды, III, 1104, 1155.

[3]) Приказныя дѣла Москов. Архива Мин. Ин. Дѣлъ, годъ 1671. О поведеніи духовенства см. Акты города Шуи, стр. 348, 355, 370.

Никонъ, Іосифъ Коломенскій жаловались на разоренье; но общество не могло сочувствовать ихъ жалобѣ, вопервыхъ, потому, что терпѣли всѣ за общее народное дѣло, терпѣли всѣ отъ войны, начатой за православіе; вовторыхъ, всѣ знали, что архіереи не разорены. Въ 1653 году посыланы были государевы дворяне въ патріаршую область описывать въ городахъ и уѣздахъ приходскія церкви и во дворахъ церковниковъ, церковную землю и всякія усадьбы, и прихожанъ по именамъ, и, описавши, окладывали данью: съ попова двора по 4 деньги, съ дьяконова—по 2, дьячкова, пономарева, просвирницына и бобыльскихъ—по деньгѣ: съ боярскихъ, княженецкихъ, дворянскихъ, дѣтей боярскихъ и государевыхъ дворцовыхъ или съ приказчиковыхъ по 6 денегъ съ двора, съ посадскихъ и крестьянскихъ—по 4, съ казачьихъ, стрѣлецкихъ и пушкарскихъ—по 2, съ бобыльскихъ и боярскихъ дѣловыхъ людей по деньгѣ; съ бортныхъ ухожаевъ, съ рыбныхъ ловель и бобровыхъ гоновъ съ знамени по 3 алтына съ деньгою; съ церковной земли съ пашни съ четверти по 3 деньги, съ сѣнныхъ покосовъ по двѣ деньги съ копны; да сверхъ этого окладу десятильничьихъ и за ѣзду по 3 алтына по 2 деньги съ церкви, да казенныхъ платежныхъ пошлинъ по 3 алтына по 3 деньги съ церкви [1]). И другіе архіереи также окладывали для себя свои епархіи. Въ пользу архіереевъ сбирались также вѣнечныя и похоронныя пошлины. Наконецъ были и другія вспоможенія. Ростовскій митрополитъ Іона писалъ одному ярославскому священнику: „Помози тебѣ Богъ, что ты насъ кормишь волгскою свѣжею рыбою; богатѣе ты всѣхъ своихъ братьи ярославскихъ поповъ“ [2]). Во второй половинѣ XVI вѣка, при Іоаннѣ Грозномъ, на Соборѣ было постановлено прекратить дальнѣйшее увеличеніе монастырской земельной собственности. Но постановленіе не соблюдалось. При составленіи Уложенія, всѣ свѣтскіе чины били челомъ, чтобъ государь указалъ вотчинныя земли, которыя даны духовенству послѣ 1580 года, вопреки уложенію царя Іоанна, взять на себя и велѣть раздать ихъ служилымъ людямъ [3]). Велѣно эти земли переписать, но на этомъ дѣло и остановилось; царь Алексѣй Михайловичъ, особенно въ патріаршество Никона, не былъ способенъ провести такую мѣру, а былъ способенъ продолжать нарушеніе постановленія царя Іоанна: такъ, въ 1654 году, онъ далъ Иверскому монастырю, который строилъ Никонъ, цѣлый пригородъ Холмъ [4]).

Алексѣй Михайловичъ отступился также отъ мѣры относительно дѣтей бѣлаго духовенства. Не всѣ сыновья духовныхъ лицъ и церковныхъ причетниковъ могли получить мѣста при церквахъ: кромѣ того, что ихъ было больше, чѣмъ мѣстъ; для занятія этихъ мѣстъ требовалось необходимое условіе—грамотность, которому не всѣ могли удовлетворять; безграмотный не могъ поступить и въ подъячіе; что же ему оставалось дѣлать? Правительству давали знать, что эти безграмотныя дѣти бѣлаго духовенства „живутъ въ гулякахъ, ходятъ за неподобными промыслами и воровствомъ“. Чтобы найти имъ лучшее занятіе, въ концѣ 1660 года, когда затянувшаяся война потребовала увеличенія числа ратныхъ людей, изданъ былъ указъ о взятіи на службу лишнихъ людей священно-и церковно-служительскихъ: брать отъ двоихъ третьяго, отъ четырехъ—двоихъ, смотря по людямъ; а у церквей съ отцами оставлять тѣхъ, которые умѣютъ грамотѣ, чтобъ у церквей безъ пѣнія не было. Но указъ, какъ видно, произвелъ сильныя жалобы, а жалобы духовенства производили на Алексѣя Михайловича сильное впечатлѣніе,—и въ началѣ слѣдующаго года новый указъ: „Мы, великій государь, протопоповъ, поповъ, дьяконовъ и всякихъ церковныхъ причетниковъ пожаловали, дѣтей ихъ въ службу писать не велѣли, а велѣли имъ быть у церквей Божіихъ въ церковныхъ причетникахъ, а инымъ въ добрыхъ и законныхъ промыслахъ. Чтобы они дѣтей своихъ, братью и племянниковъ отъ всякихъ неподобныхъ и воровскихъ промысловъ унимали, всякому доброму дѣлу учили, чтобъ они за воровствомъ впередъ не ходили, а которые захотятъ добровольно записываться въ нашу службу, тѣмъ бы не запрещали“ [5])

Только Никонъ, Іосифъ Коломенскій и подобные имъ могли жаловаться на разореніе церковнаго имущества; его не разоряли; но понятно, что въ тяжелое время—а такимъ было почти все время царствованія Алексѣя Михайловича—монастырямъ и архіерейскимъ домамъ, какъ всѣмъ и мірскимъ владѣльцамъ движимаго и недвижимаго имущества, было тяжело. У монастырей не тронули недвижимаго имущества, не ограничили его распространенія, но уничтожены были тарханы, жалованныя грамоты архіереямъ и монастырямъ на *безпошлинные* промыслы; у монастырей брали деньги на жалованье ратнымъ людямъ. Такъ, въ 1655 году, царь писалъ въ Тихвинъ монастырь: „Вѣдомо намъ учинилось, что у васъ въ монастырѣ есть деньги многія, и мы указали взять у васъ на жалованье ратнымъ людямъ 10,000 рублей; а въ оскорбленье себѣ вы-бъ того не ставили: какъ служба минется, мы тѣ деньги велимъ вамъ отдать“ [6]). Кромѣ того, правительство разсылало по монастырямъ тяжело раненыхъ ратныхъ людей: монастыри ихъ кормили и одѣвали [7]). Наконецъ престарѣлые служилые люди, по царскому указу, постригались безъ вклада, тогда какъ всѣ другіе должны были вносить вкладъ. Мірскіе люди заключали иногда съ монастырями слѣдующія любопытныя записи: „*Вложися* въ Тихвинскій монастырь N. N., а вкладу далъ меринъ рыжъ за 10 рублевъ, да денегъ два рубли. И какъ онъ придетъ въ монастырь къ своему вкладу жить, и намъ, игумену съ братьею, его приняти и покоити, какъ и прочую братію, а не лучится ему у своего вкладу жити, пошлетъ Богъ по душу его,—и намъ его написати въ литію и въ синодикъ, въ вѣчное поминовеніе“ [1]).

---

[1]) Акты историч., IV, 195.

[2]) Акты Арх. Эксп., IV, 105; Времен. Москов. Истор. Общ., № 3.

[3]) Акты Арх. Эксп., IV, 33.

[4]) Акты Арх. Эксп., IV, 78.

[5]) Полн. Собр. Закон. I, №№ 288, 289, 291.

[6]) Дополн. къ акт. историч. IV, 3

[7]) Кошихинъ, 110.

Мы уже сказали, что обличенія нравственной несостоятельности не могли произвести непосредственнаго добраго вліянія, ибо не могли вдругъ отстраниться тѣ условія, которыя ее производили. Главныя условія были: застой, коснѣніе, узкость горизонта, малочисленность интересовъ, которые поднимаютъ человѣка надъ мелочами ежедневной жизни, очищаютъ нравственную атмосферу, даютъ человѣку необходимый отдыхъ, необходимый праздникъ, уравновѣшиваютъ его силы, возстановляютъ ихъ, однимъ словомъ—недостатокъ просвѣщенія. Отсутствіе пищи для духа условливало необходимо господство матеріальныхъ стремленій, матеріальныхъ взглядовъ. Церковь обличала эти стремленія и взгляды, требовала ихъ измѣненія. Но обличенія и требованія оказывались недѣйствительными; Церковь старалась внушить, что бракъ есть таинство, къ которому должно приступать съ благоговѣніемъ, но общество смотрѣло на него другимъ взглядомъ и выражало этотъ взглядъ въ „нелѣпыхъ козлогласованіяхъ и безстудныхъ словесахъ“, съ которыми провожали жениха и невѣсту въ церковь [2]). Иностранцы съ изумленіемъ описываютъ обычай мужчинамъ и женщинамъ мыться вмѣстѣ въ общественныхъ баняхъ; Церковь вооружалась и противъ него, но обычай оставался надолго; онъ всего лучше объясняетъ намъ реакцію, которая высказалась въ заключеніи женщины въ теремъ у людей знатныхъ и богатыхъ; одно явленіе необходимо вызывало другое. По свидѣтельствамъ, достойнымъ полной вѣры, нигдѣ, ни на Востокѣ, ни на Западѣ, не смотрѣли такъ легко, какъ въ Россіи, на гнусный, противуестественный грѣхъ. Иногда слѣдствія были ужасны [3]). Благочестивый Алексѣй Михайловичъ считалъ своею обязанностію заботиться и о душевномъ спасеніи подданныхъ; онъ требовалъ отъ воеводъ, чтобъ они въ походахъ силою заставляли ратныхъ людей исповѣдываться [4]); понятно, что онъ долженъ былъ требовать этого отъ мирныхъ гражданъ. Въ 1659 году было разослано по Приказамъ повелѣніе: дьякамъ, подъячимъ и дѣтямъ боярскимъ и всякого чина людямъ говѣть на Страстной недѣлѣ [5]). Въ слѣдующемъ году указъ: списки людей неговѣвшихъ присылать въ Монастырскій Приказъ, и такимъ ослушникамъ указъ будетъ съ опалою, безо всякой пощады [6]). Въ томъ же году приказано было въ Филиповъ постъ всѣмъ поститься и въ церковь ходить каждый день [7]). Еще въ началѣ царствованія изданъ былъ указъ: въ воскресный день и господскіе праздники не работать никому, въ субботу прекращать работу, какъ заблаговѣстятъ къ вечерни [8]). Не работать;—но что же дѣлать? Правительство, которое брало на себя родительскія обязанности въ отношеніи къ подданнымъ-дѣтямъ, запретило цѣлый рядъ увеселеній и повсемѣстныхъ суевѣрныхъ обычаевъ: „Въ воскресные, господскіе праздники и великихъ Святыхъ приходить въ церковь и стоять смирно; скомороховъ и ворожей въ домы къ себѣ не призывать, въ первый день луны не смотрѣть, въ громъ на рѣкахъ и озерахъ не купаться, съ серебра не умываться, олову и воску не лить; зернью, картами, шахматами и лодыгами не играть; медвѣдей не водить и съ сучками не плясать; на бракахъ пѣсенъ бѣсовскихъ не пѣть и никакихъ срамныхъ словъ не говорить: кулачныхъ боевъ не дѣлать, на качеляхъ не качаться, на доскахъ не скакать, личинъ на себя не надѣвать, кобылокъ бѣсовскихъ не наряжать. Если не послушаются, бить батогами; домры, сурны, гудки, гусли и хари искать и жечь“ [9]). Такимъ образомъ, въ обществѣ, въ которомъ, по извѣстнымъ причинамъ, господствовало открыто стремленіе къ чувственнымъ удовольствіямъ, правительство предписывало монастырское препровожденіе праздниковъ, дней отдыха. Батоги грозили одинаково и тому, кто пѣлъ на свадьбѣ непристойныя пѣсни, и тому, кто водилъ медвѣдей, которыхъ поводчики позволяли себѣ передъ дѣтьми самыя безнравственныя представленія, и тому, кто качался на качеляхъ и игралъ въ шахматы! Угрозы были не на бумагѣ только: въ 1669 году великій государь указалъ стольника князя Григорья Оболенскаго послать въ тюрьму за то, что у него въ воскресенье на дворѣ его люди и крестьяне работали черную работу, да онъ же князь, Григорій, говорилъ скверныя слова [10]). Но мы, къ несчастію, знаемъ, какъ батоги и тюрьмы мало содѣйствовали истребленію привычки, позорящей народъ нашъ, и надѣемся, что она истребится другими средствами.

Вмѣстѣ съ непристойными запрещены были самыя невинныя удовольствія. Но батоги и тюрьма не грозили за порокъ, противъ котораго слышались сильные вопли, которому всѣ предавались,—наказанія не было за пьянство. Пьянство, господствовавшее въ древней Руси, всего лучше показываетъ намъ, съ какимъ обществомъ имѣемъ дѣло: человѣку для возстановленія, уравновѣшенія силъ своихъ необходимо покидать иногда будничныя, ежедневныя занятія и переноситься въ иной міръ, перемѣнять занятія и состояніе духа: для человѣка образованнаго, для котораго открыто широкое многообразіе Божьяго міра и человѣческой дѣятельности, эти переходы легки и естественны; но для человѣка, замкнутаго постоянно среди немногихъ явленій бѣдной жизни, обыкновенно является стремленіе искусственными средствами, виномъ и опіумомъ или чѣмъ-нибудь другимъ переходить въ иное возбужденное состояніе, производить искусственно веселое, праздничное состояніе духа, переноситься въ другой фантастическій міръ, *забываться*. Самъ благочестивый и нравственный Алексѣй Михайловичъ любилъ иногда забываться такимъ образомъ. Въ 1674 году 21 октября было „у государя вечернее кушанье въ потѣшныхъ хоромахъ, ѣли бояре всѣ безъ мѣстъ, думные дьяки и духовникъ. Послѣ кушанья изволилъ себя тѣшить всякими играми, игралъ въ органы Нѣмчинъ, и въ сурну, и въ трубы трубили, и въ суренки играли и по накрамъ, и по литаврамъ били; жаловалъ духовника, бояръ и дьяковъ думныхъ—напоилъ ихъ всѣхъ пьяныхъ; поѣхали въ двѣнадцатомъ часу ночи“ [1]).

---

[1]) Дополн. къ акт. историч. IV, 65; Акты юридич., стр. 153.

[2]) Постановленія Собора 1666 года.

[3]) См. ниже при разборѣ книги Крижанича. Приказн. дѣла въ Москов. Арх. Мин. Ин. Д., годъ 1681: крестьянинъ посадскому отрубилъ голову за насиліе.

[4]) Исторія Россіи, т. X, стр. 1661.

[5]) Приказныя дѣла Москов. Архива Мин. Ин. Дѣлъ, годъ 1659.

[6]) Акты Арх. Эксп. IV, 115.

[7]) Акты Арх. Эксп. IV, 121.

[8]) Акты Историч., IV, № 6.

[9]) Акты Историч., IV, № 35.

[10]) Полн. Собр. Зак., I, № 453

Главное зло для подобнаго общества заключалось въ томъ, что человѣкъ входилъ въ него нравственнымъ недоноскомъ. Для стариннаго Русскаго человѣка не было того необходимаго переходнаго времени между дѣтскою и обществомъ, которое у насъ теперь наполняется ученіемъ или тѣмъ, что̀ превосходно выражаетъ слово—„*образованіе*“. Въ древней Руси человѣкъ вступалъ въ общество прямо изъ дѣтской, развитіе физическое нисколько не соотвѣтствовало духовному, и что̀ же удивительнаго, что онъ является предъ обществомъ преимущественно своимъ физическимъ существомъ. Быть можетъ скажутъ, что и встарину, до эпохи преобразованія, Русскіе люди учили дѣтей своихъ, и между старинными Русскими людьми были люди грамотные, начитанные. Безспорно, что нѣкоторые учились; что были люди грамотные и между крестьянами;—за то были неграмотные между знатью, и это всего яснѣе указываетъ на случайность явленія. Дѣло не въ томъ, что учились, но многіе ли, и чему, и какъ учились? Давно начались толки о необходимости завести училище, гдѣ бы учили не читать и писать только, но не ранѣе конца XVII вѣка собрались учредить такое училище: главнымъ препятствіемъ дѣлу былъ недостатокъ учителей, опасеніе, чтобъ не взять учителей неправославныхъ. До учрежденія академіи Русскій человѣкъ, хотѣвшій учить дѣтей своихъ, бралъ въ домъ учителя, какого-нибудь западно-русскаго шляхтича; но многіе ли богачи вельможи это дѣлали?—да и примѣры эти относятся ко времени передъ самымъ преобразованіемъ; люди, воспитанные такимъ образомъ, дѣйствуютъ уже въ Петровскую эпоху: людямъ небогатымъ и незнатнымъ, но хотѣвшимъ выучить дѣтей своихъ грамотѣ, оставалось посылать ихъ въ школу, содержимую какимъ нибудь учителемъ. Здѣсь учили читать и писать; кромѣ того, добросовѣстный учитель прочитывалъ передъ учениками такъ-называемые *азбуковники*, сборники, содержащіе наставленія, какъ ученики должны держать себя въ школѣ, также высокопарныя опредѣленія разныхъ наукъ, или мудрости, иногда и самое содержаніе наукъ: грамматики, реторики. Школу азбуковники называютъ *храмомъ учителевымъ*, и этимъ всего лучше опредѣляютъ старинную школу; хорошо также уясняетъ дѣло наставленіе азбуковниковъ, чтобъ ученики, уходя домой, не оставляли указки въ книгѣ и не бросали книгъ на скамейкахъ, а отдавали бы ихъ старостѣ или старшему, который долженъ прибирать ихъ на мѣсто. Ученики обязаны были, по азбуковникамъ, носить воду въ школу, къ учителю въ день недѣльный на поклонъ приходить, и отъ снѣдныхъ брашенъ и питія ему приносить. Азбуковникъ, дававшій нѣсколько свѣдѣній, былъ роскошью, дополненіемъ къ обычному курсу, т.-е. Часослову и Псалтырю, добрый учитель прочитывалъ ежедневно статьи его предъ учениками; но и эти поверхностные учебники, заключавшіе въ себѣ всю школьную мудрость, являются поздно. Главное и постоянное было—выучиться читать и писать, чтобъ имѣть возможность *заниматься дѣлами*. Авторы азбуковниковъ знали очень хорошо эту цѣль учащихся, т.-е. родителей ихъ, и привлекаютъ къ изученію Азбуки, Часослова и Псалтыря обѣщаніемъ, что послѣ этого изученія ученику откроются всѣ книги печатныя и письменныя „и всякія дѣла и крѣпости, откуда вразумляются и вчиневаются, и чѣмъ устрояются“. Какъ рано относительно образованія молодые люди встарину вступали въ жизнь и на службу, видно изъ того, что сынъ одного изъ самыхъ образованныхъ тогдашнихъ вельможъ, князя Василья Васильевича Голицына, Алексѣй, уже ѣздилъ въ походы за государемъ, подавалъ челобитныя о земляхъ и, въ то же самое время, только начиналъ склады писать [2]). Съ одной стороны древній Русскій человѣкъ начиналъ очень рано общественную дѣятельность недоноскомъ относительно приготовленія, образованія, съ неокрѣпшими духовными силами; съ другой стороны—онъ дѣлался самостоятельнымъ очень поздно, потому что, вмѣсто широкой нравственной опеки общества, онъ очень долго находился подъ узкою опекою рода, *старыхъ родителей* (старшихъ родственниковъ); но легко понять, какъ должна была дѣйствовать эта долгая опека на человѣка возмужалаго, который самъ былъ отцомъ семейства. Такимъ образомъ, два обстоятельства вредно дѣйствовали на гражданское развитіе древняго Русскаго человѣка: отсутствіе образованія, выпускавшее его ребенкомъ къ общественной дѣятельности, и продолжительная родовая опека, державшая его въ положеніи несовершеннолѣтняго, опека, необходимая, впрочемъ, потому что, во-первыхъ, онъ былъ дѣйствительно несовершеннолѣтенъ, а во-вторыхъ—общество не могло дать ему нравственной опеки. Но легко понять, что продолжительная опека дѣлала его прежде всего робкимъ предъ всякою силою, что, впрочемъ, нисколько не исключало дѣтскаго своеволія и самодурства.

---

[1]) Дворц. разряды, III, стр. 1081.

[2]) Временникъ Москов. Истор. Общ., № 5.

Замѣчено, что особенно даютъ чувствовать свою силу низшимъ, слабымъ тѣ, которые сами находятся или долго находились подъ гнетомъ чужой силы. Дѣти бываютъ безжалостны въ отношеніи къ пойманной стрекозѣ, къ собакѣ, кошкѣ: рабъ безжалостенъ къ подчиненному ему рабу или животному. Естественное влеченіе упражнять свою силу надъ слабымъ господствуетъ, если не сдерживается нравственными сдержками и если виденъ ежедневный примѣръ несдержанности. Отсюда понятно, почему отношенія мужа къ женѣ и родителей къ дѣтямъ въ древнемъ русскомъ обществѣ не отличались особенною мягкостію. Человѣкъ, не вышедшій изъ родовой опеки, становился мужемъ, т.-е. съ нимъ соединяли существо, незнакомое ему прежде, съ которымъ онъ прежде не привыкъ встрѣчаться, какъ съ существомъ свободнымъ. Молодой человѣкъ послѣ вѣнца впервые встрѣчался съ существомъ слабымъ, робкимъ, безмолвнымъ, которое отдавали ему въ полную власть, которое онъ былъ обязанъ *учить*; т.-е. бить, хотя бы и *вѣжливенько*, по правилу Домостроя. Легко предвидѣть слѣдствія, особенно когда еще обманули: показали красивую, а выдали безобразную, потому что „во всемъ свѣтѣ нигдѣ такого на дѣвки обманства нѣтъ, яко въ Московскомъ государствѣ“, говоритъ Котошихинъ. Хлопотали нельзя-ли какъ обмануть и на царскихъ смотринахъ; въ 1670 году бояринъ Богданъ Матвѣевичъ Хитрово объявилъ: „Приходилъ ко мнѣ докторъ Стефанъ и сказывалъ: тому ныньче дня съ три съѣхался съ нимъ на Тверской улицѣ Иванъ Шихиревъ и говорилъ, что взята вверхъ племянница его, Бѣляева, для выбору, возили ее къ боярину Хитрово; бояринъ смотрѣлъ у нея рукъ и сказалъ, что руки худы; смотришь ты ихъ, докторъ Стефанъ, а племянница моя человѣкъ беззаступный, какъ станешь смотрѣть руку, и ты вспомоги“. Докторъ отвѣчалъ, что его къ такому дѣлу не призываютъ, да и племянницы его онъ не знаетъ; на это Шихиревъ сказалъ: „Какъ рукъ у нея станешь смотрѣть, и она перстомъ за руку придавитъ, по тому ее и узнаешь“. Шихиревъ повинился [1].

Неправильныя отношенія нравственно несовершеннолѣтняго мужа къ еще менѣе совершеннолѣтней женѣ иногда вели къ тому, что мужъ старался избыть жены, а жена—мужа. Говорятъ, что часто употреблялось для этого крайнее средство, отрава [2]. Мы не считаемъ себя въ правѣ утверждать, что дѣйствительно это средство употреблялось часто, и остановимся на другомъ средствѣ, постриженіи мужа отъ живой жены, и наоборотъ. Жена, постригшаяся отъ живаго мужа, называлась по отношеніи къ нему *посестріею*, мужъ—*побратимомъ*. Одна такая посестрія подала жалобу, что побратимъ, избываючи ее, бивалъ и мучивалъ, въ подполы и въ коникъ, крапивы настлавши, сажалъ и въ соху впрягалъ. Оказалось, что она пострижена была неволею, въ пустой избѣ, а не въ монастырѣ; родственниковъ ея при постриженіи и у записи никого не было [3].

Въ случаѣ убійства мужа женою, Уложеніе постановило: казнить преступницу, живую окопать въ землю, и казнить ее такою казнію безо всякой пощады, хотя бы дѣти убитаго и ближніе его родственники и не захотѣли, чтобъ ея казнили; не давать ей отнюдь милости, держать въ землѣ до тѣхъ поръ, пока умретъ. О наказаніи мужа за убійство жены Уложеніе промолчало; но случаи представились: въ 1664 году Иванъ Долговъ убилъ жену за невѣрность; его наказали кнутомъ и отпустили на поруки [4]. Но въ Уложеніи ничего нѣтъ; воеводы поэтому не смѣли приговаривать къ наказанію, отсылали въ Москву; здѣсь руководствовались прежними примѣрами, сравнивая, соображая обстоятельства, при которыхъ совершено было преступленіе. Въ 1671 году Тотемскаго уѣзда крестьянинъ Баженовъ повинился: убилъ свою жену за то, что утаила она у него два аршина сукна сермяжнаго, а больше вины ея не было, жилъ онъ съ нею въ совѣтѣ; съ пытки говорилъ то же. Воевода послалъ за указомъ въ Москву. Здѣсь велѣли выписать случаи: стрѣльца Еремѣева за убійство жены казнили смертію,—убилъ ее въ пьяномъ видѣ; другой стрѣлецъ, тоже пьяный, зарѣзалъ жену за невѣжливыя слова; здѣсь уже была причина гнѣва, и потому убійцѣ отсѣкли лѣвую руку да правую ногу; то же самое велѣно сдѣлать и съ Баженовымъ и потомъ освободить безъ поруки, „потому что убилъ жену не за великое дѣло“ [5].

Кромѣ неправильности и грубости семейныхъ отношеній, вредное вліяніе на народную нравственность оказывали дѣла насилія, совершавшіяся въ обширныхъ размѣрахъ: человѣкъ привыкалъ къ случаямъ насилій, грабежа, смертоубійства; привычка пагубная, ибо ужасное становилось для него болѣе неужаснымъ, и при этомъ относительно своей безопасности онъ привыкалъ полагаться или на собственную силу, или на случай, а не на силу общественную, правительственную;—и легко понять, какъ вслѣдствіе этого ослаблялось въ немъ сознаніе въ общественной связи, онъ привыкалъ жить въ лѣсу, а не въ обществѣ, и вести себя сообразно этому. Жизнь въ самой столицѣ не представляла безопасности. На Западѣ, въ Средніе вѣка, завидитъ путникъ замокъ, возвышающійся на скалѣ, и трепещетъ: это разбойничье гнѣздо; въ Москвѣ, въ XVII вѣкѣ, чѣмъ выше и обширнѣе былъ домъ, тѣмъ опаснѣе онъ былъ для прохожаго, не потому, чтобы самъ владѣлецъ дома, бояринъ или окольничій, напалъ на прохожаго и ограбилъ его; но у этого знатнаго боярина и окольничаго нѣсколько сотъ дворни, праздной и дурно содержимой, привыкшей кормиться насчетъ каждаго встрѣчнаго, будь это проситель къ боярину или просто прохожій. Люди боярина князя Юрья Ивановича Ромодановскаго позвали съ товарами старосту Серебрянаго ряда къ себѣ на загородный дворъ, и убили до смерти; они повинились, сверхъ того, въ убійствѣ 20 человѣкъ, и говорили на свою братію дворовыхъ людей. На Дмитровкѣ не было ни проходу, ни проѣзду отъ людей Родіона Стрѣшнева, князей Голицына и Татева. По Коломенской дорогѣ должны были высылать за разбойниками по 300 стрѣльцовъ. Въ 1675 году велѣно чистить дороги по причинѣ разбойныхъ пристанищъ, чтобъ около Москвы разбоевъ и душегубства большаго не было, чистить отъ Москвы длиннику 50 верстъ, а по берегу по 100 саженъ [1]). Такъ было въ Москвѣ и около Москвы: что же подальше, гдѣ пропьются крестьяне—первое дѣло разбой, гдѣ и строитель пустыни участвовалъ въ разбояхъ, скрывалъ пограбленную рухлядь? Любопытно колебаніе въ уголовныхъ законахъ относительно воровъ и разбойниковъ: въ 1663 году велѣно было наказывать воровъ и разбойниковъ, вмѣсто смертной казни, отсѣченіемъ ноги и лѣвой руки; но въ 1666 году членоотсѣченіе отмѣнено, и опять введена смертная казнь [2]); потомъ опять введено членоотсѣченіе.

---

[1] Дѣла Приказа Тайныхъ Дѣлъ въ Государ. Архивѣ, № 162.

[2] Кошихинъ, стр. 125.

[3] Архивъ Мин. Юстиціи столбцы Приказн стола, № 1502; вотъ также любопытное извѣстіе изъ Приказныхъ дѣлъ Москов. Арх. Мин. Ин. Д., годъ 1679. Вдова Марья Самойлова Душевская въ допросѣ сказала: «Пришла къ ней стряпчаго конюха Евсеева жена Верещагина Ѳекла Семенова, а пришедъ говорила ей, что мужъ ея Евсевей, пришедъ домой невѣдомо откуда пьянъ и билъ ее, снявъ рубаху, смертнымъ боемъ до крови и по ранамъ натиралъ солью, и она, Ѳекла, не стерпя побой, пришла къ ней по свойству».

[4] Полн. Собр. Зак. I, № 355.

[5] Приказныя дѣла Москов Архива Мин. Ин. Дѣлъ, годъ 1674.

Но Русскій человѣкъ XVII вѣка былъ робокъ, чувствовалъ себя небезопаснымъ вслѣдствіе не однихъ разбоевъ: онъ окруженъ былъ опасностями другого рода, отъ которыхъ не было возможности защититься никакимъ оружіемъ. Вотъ какая, напримѣръ, бѣда постигла жителей города Шуи. „Пріѣзжаютъ въ Шую къ чудотворному образу Смоленской Богородицы изъ многихъ городовъ и уѣздовъ мужескій, женскій и дѣвичій полъ, привозятъ одержимыхъ нечистыми духами, и страждущіе въ молебное время мечтаются всякими различными кознодѣйствами и кличутъ на уѣздныхъ людей, что ихъ портятъ: кликала Ирина Маурина на Ѳедьку Якимова, и, по царскаму указу, Якимовъ взятъ въ Суздаль и кончился злою смертію“. Принимались мѣры противъ порчи; для отпуска свадьбы приглашался знающій человѣкъ, который умѣлъ отвратить всякое лихо, но и это не помогало. Въ шуйскую земскую избу пришелъ посадскій человѣкъ и извѣщалъ: „Была у насъ свадьба, женился братъ мой, и на свадьбѣ приключилась надъ матерью нашею и снохою скорбь,—стали кликать въ порчѣ, а отпускалъ свадьбу отъ всякаго лиха Шуянинъ посадскій человѣкъ, Гришка Панинъ; а на другой день послѣ свадьбы пришелъ къ намъ въ домъ тюремный сторожъ Палатовъ, взялъ съ насъ посулу денегъ 10 алтынъ 4 деньги, да шапку, да два перстня, да ширинку, да платокъ миткалевый, и взялся мать и сноху отъ скорби отходитъ, но онъ ихъ въ цѣломъ умѣ не поставилъ“. Однажды тотъ же городъ Шуя былъ встревоженъ,—собрали всѣхъ жителей и спросили, по указу Суздальскаго архіепископа: „Не видѣлъ ли кто и не слыхалъ ли, какъ соборный попъ Иванъ ѣздилъ на медвѣдѣ?“ Всѣ отвѣчали, что отъ слуху не слыхали и видѣньемъ не видали [3]). Въ 1674 году въ Тотьмѣ сожжена была въ срубѣ, при многихъ людяхъ, женщина Ѳедосья, по оговору въ порчѣ: при казни она объявила, что никого не портила, но что передъ воеводою поклепала себя, не перетерпя пытокъ. Для характеристики времени приведемъ еще два любопытныхъ случая дьявольскаго навѣта. Въ 1671 году, на дорогѣ въ Польшу, пойманъ былъ подозрительный человѣкъ, Ивашка Клеопинъ, который при допросѣ въ Торопцѣ показалъ: „Называетъ онъ Новгородца Алексѣя Кириллова сына Клеопина отцомъ себѣ, а жену его Марью—матерью, и жилъ у нихъ; а кто у него родной отецъ былъ, и про то вѣдаетъ Алексѣй Клеопинъ, а принесъ его Ивашка съ Москвы въ младенчествѣ Новгородскаго уѣзда, Бѣжецкой пятины, Телбовскаго погоста церкви Николая Чудотворца бобыль Гришка Абакумовъ и отдалъ ему, Алексѣю, и крещенъ у него, Алексѣя, въ дому и называлъ онъ, Алексѣй, его, Ивашка, Царевичемъ. 6 августа на Телбовскомъ погостѣ, на церковномъ крыльцѣ, говорилъ онъ шестерымъ дворянамъ, что онъ, Ивашка, пойдетъ въ Польшу, и чтобъ-де за него въ Польшѣ стали, а называться было ему въ Польшѣ царевичемъ Алексѣемъ Алексѣевичемъ и наговаривать Поляковъ, чтобъ шли на Луки войною, и дворяне сказали ему: „Куды себѣ хошь, туды и поди“. Слышалъ онъ отъ жены Ѳедора Клеопина, Анисьи, сказывалъ ей Телбовскаго погоста попъ Кузьма про него, Ивашку: такой-де онъ великій человѣкъ, а не сумѣетъ за себя стать, а тотъ попъ еретикъ и еретическія книги знаетъ и у себя держитъ, а грамотѣ и писанью учился онъ, Ивашка, у него, попа Кузьмы Григорьева, а про еретичество слыхалъ отъ 18 дворянъ. На Мошенскомъ погостѣ Петръ Лупандинъ называлъ его царемъ, а слышалъ то Данила Чоглоковъ, и онъ, Ивашка, его, Петра, за такое слово и за бороду дралъ“. Всѣ оговоренныя лица отреклись, что ничего не слыхали и не говорили. Попъ Кузьма и 16 человѣкъ дворянъ сказали, что Иванька Клеопинъ умовреждень, а умовредство ему учинилось тому шестой годъ, и началъ забываться въ то время, какъ онъ былъ на государевой службѣ, отца своего роднаго и мать хотѣлъ саблею сѣчь, а брата своего посѣкъ саблею, иконы божественныя и книги словами безчестилъ и за людьми гонялся, и въ лѣсъ бѣгивалъ, и говаривалъ, что онъ, Иванька, прощалъ и исцѣлялъ многихъ людей, и надъ матерью своей родной хотѣлъ неистовственное дѣло учинить, и самъ ножомъ рѣзался, и въ огонь бросался, и платье на себѣ дралъ. Отецъ Иваньки, Алексѣй Клеопинъ, объявилъ, что Иванька, 20 лѣтъ слишкомъ, отъ него изъ деревни бѣжалъ въ лѣсъ, потому что умовреждень и говорилъ всякія многія непристойныя слова, и называлъ себя великимъ человѣкомъ, царевичемъ, и билъ онъ, Алексѣй, на него челомъ Новгородскому воеводѣ, и хотѣлъ его вести въ Новгородъ къ разспросу. Съ пытки Иванька говорилъ: отецъ его родной Алексѣй Клеопинъ, а царевичемъ сталъ называться собою потому, что умовреждень навѣтомъ дьявольскимъ, и въ Польшу было-пошелъ собою наговорить Поляковъ, чтобъ шли войною на Луки Великія, а въ прежнихъ своихъ рѣчахъ всѣхъ поклепалъ, потому что умовреждень навѣтомъ дьявольскимъ. Иваньку повѣсили.

---

[1]) Дворцовые разряды, III, стр. 1120, 1338, 1522.

[2]) Полн. Собр. Зак., № 334

[3]) Акты города Шуи, стр. 314, 339, 456.

Другой случай былъ въ Москвѣ. Въ 1651 году Ѳеодоръ Шиловцовъ въ допросѣ объявилъ: „Отданъ онъ въ Чудовъ монастырь подъ началъ черному попу Ильѣ, да съ нимъ же сидѣлъ подъ началомъ иноземецъ Кроковскій, и онъ испилъ у того иноземца квасу—и у него въ брюхѣ начало шумѣть, и чаетъ, что въ тѣ поры онъ испорченъ. И послѣ того ходилъ онъ по отпуску изъ монастыря къ себѣ на дворъ и, пришедъ въ монастырь, училъ говорить Псалтырь, и въ тѣ поры передъ нимъ зашумѣло: какъ бы пролетѣлъ ангелъ или бѣсъ, и ангелъ велѣлъ ему Богородицы образъ со стѣны снять, для того что непригоже образамъ кланяться, и онъ, снявъ со стѣны образъ да крестъ, положилъ на землю, и крестъ началъ вспрядывать, и онъ на образъ и на крестъ вступалъ ногами, а то дѣло Божье учинилъ онъ, то не просто, но ангелову велѣнью. А началъ онъ помышлять недѣль съ десять и больше, что иконамъ кланяться не подобаетъ, потому что Богъ на небеси, а то образъ Божій". Когда ему сказали, что Богъ невидимъ, мы Св. иконы почитаемъ, а иконная честь на первообразное восходитъ, то онъ отвѣчалъ: „Всякому человѣку можно Бога умными очами видѣть. Тому недѣли три или четыре говорилъ ему Казеннаго Приказа дьякъ Захаръ Онуфріевъ: Худо у насъ то учинено: гдѣ торгуютъ хлѣбами и калачами, тутъ торгуютъ и образами, и ему, Ѳедору, съ тѣхъ поръ вмѣстилось въ мысль о иконахъ, что не подобаетъ поклоняться. Не стало Кадашевца Рагозина, а ему, Ѳедькѣ, былъ другъ большой, и онъ по немъ тужилъ и плакалъ долгое время, и отъ той кручины ходилъ внѣ ума, и началъ мыслить о Св. иконахъ, достойно ли поклоняться, потому что иконы пишутъ мужики простые и пьяные небреженьемъ и продаютъ въ торгу просто, и какъ государь праздновалъ въ соборной церкви Ризѣ Господней, и онъ, Ѳедька, началъ себѣ мыслить: какъ онъ деньги, которыя, будучи на денежномъ дворѣ, кралъ, объявитъ и отдастъ, и государь его пожалуетъ, вину его отдастъ, и начнетъ его, Ѳедьку, жаловать, и онъ, надѣяся на государеву милость, начнетъ государю говорить, что Богъ на небеси, а иконамъ достойно ли покланяться? Чтобъ государь велѣлъ свидѣтельство учинить, и будетъ достойно иконамъ поклоняться, и государь бы указалъ для иконъ устроить дворъ особый, писать тѣ иконы всѣмъ иконописцамъ справчиво, и приставилъ бы къ иконному дѣлу честныхъ людей. И какъ онъ былъ въ Чудовѣ монастырѣ подъ началомъ и приведенъ былъ въ келью, и тутъ стоялъ образъ Спасовъ нерукотворенный: и онъ, Ѳедька, началъ на тотъ образъ смотрѣть, и тотъ образъ началъ претворяться разными виды".

Подобныя явленія имѣли одинакую силу и въ верхнихъ слояхъ общества. При царѣ Михаилѣ, на стольника Илью Даниловича Милославскаго (будущаго тестя царя Алексѣя) подкинули письмо, будто у него хранится волшебный перстень знаменитаго дьяка Грамотина: Милославскаго долго держали за приставомъ, пересматривали всѣ пожитки. При царѣ Алексѣѣ обвиненъ былъ въ волшебствѣ родственникъ царскій, бояринъ Семенъ Стрѣшневъ, и это обвиненіе не прошло ему даромъ: у него отняли боярство и сослали въ Вологду. Подкинуты были письма и на Матвѣева съ обвиненіями въ волшебствѣ, изъ желанія помѣшать браку царя Алексѣя на воспитанницѣ Матвѣева—Нарышкиной [1].

Экономическая и нравственная несостоятельность общества были сознаны; народъ живой, крѣпкій рвался изъ пеленокъ, въ которыхъ судьба держала его долѣе, чѣмъ слѣдовало. Вопросъ о необходимости поворота на новый путь рѣшенъ; новости являлись необходимо. Сравненіе и тяжелый опытъ произвели свое дѣйствіе, раздались страшныя слова „у другихъ лучше", и не перестанутъ повторяться слова страшныя, потому что они необходимо указывали на приближающееся время заимствованій, ученія, время духовнаго ига—хотя и облегченнаго политическою независимостью и могуществомъ, но все же тяжелаго. Дѣло необходимое, но тяжелое не могло сдѣлаться легко, спокойно, безъ сопротивленія, которое вызывало борьбу, вело къ перевороту, т.-е. къ дѣйствію насильственному. Церковныя преобразованія пошли и отъ своихъ, отъ православныхъ; но мы видѣли, какъ они были встрѣчены, и свои, православные, показались неправославными. Относительно собственно науки, ученія, здѣсь остановились; не хотѣли принимать учителей неправославныхъ, учителями могли быть только Греки и западно-русскіе ученые. Но иновѣрцы заходили толпами съ другой стороны, въ видѣ наемныхъ офицеровъ, мастеровыхъ всякаго рода, заводчиковъ, лѣкарей. По естественному ходу дѣла, новое должно были явиться въ видѣ вещей непосредственно полезныхъ, должно было начаться съ мастерства. Кромѣ того, цивилизація закинула уже свои сѣти на Русскихъ людей, приманивая ихъ къ себѣ новыми для нихъ удовольствіями и удобствами жизни. Часы, картина, покойная карета, музыкальный инструментъ, сценическое представленіе—вотъ чѣмъ сначала мало-по-малу подговлялись Русскіе люди къ преобразованіямъ, какъ дѣти приманивались игрушками къ ученію. Все это уже мы видимъ въ Москвѣ въ описываемое время, въ царствованіе Алексѣя Михайловича. Понятно, что заморскія штуки должны были появляться сперва наверху, во дворцѣ и въ домахъ знатныхъ людей, гдѣ было больше знакомства съ заморскимъ и больше средствъ пріобрѣтать заморскія диковинки. Простымъ людямъ запрещалось забавляться музыкою, велѣно было искать и жечь музыкальные инструменты, потому что какъ явится музыка, такъ непремѣнно примѣшается тутъ какое-нибудь суевѣріе и безчинство; но на пиру у царя „игралъ въ органы Нѣмчинъ, и въ сурну, и въ трубы трубили, и въ суренки играли, и по накрамъ и по литаврамъ били“. Не надобно забывать, что воспитателемъ царя Алексѣя Михайловича былъ западникъ Морозовъ, который еще при царѣ Михаилѣ шилъ нѣмецкое платье своимъ воспитанникамъ царевичамъ и всѣмъ дѣтямъ, воспитывавшимся съ ними вмѣстѣ [1]). Въ царствованіе Алексѣя подражатели Морозова размножились; самые близкіе къ царю люди были самые большіе охотники до заморскаго и дарили государя иностранными вещами: Богданъ Матвѣевичъ Хитрово подарилъ ему полукарету; Матвѣевъ подарилъ царю карету черную нѣмецкую, на дугѣ, стекла хрустальныя, а верхъ раскрывается надвое; царевичу Ѳедору подарилъ карету бархатную, около кареты письмо живописное [2]). Во всей христіанской Европѣ начатки драматическихъ представленій, или такъ-называемыя мистеріи, находились въ тѣсной связи съ богослуженіемъ: содержаніемъ имъ служили событія Священной Исторіи. И у насъ было подобное въ *Пещномъ дѣйствіи* (вверженіе трехъ отроковъ въ пещь въ Вавилонѣ), въ шествіи патріарха на ослѣ въ Вербное воскресенье. Еще при царѣ Михаилѣ русскіе послы, возвращавшіеся изъ Варшавы, разсказывали о театральныхъ представленіяхъ, которыми тѣшился король во дворцѣ своемъ; при сынѣ Михаила подобныя представленія происходятъ и въ Москвѣ для великаго государя. Содержаніе пьесъ бралось изъ Св. Писанія; сочинялъ ихъ обыкновенно монахъ, Симеонъ Полоцкій. изъ комедій свѣтскаго содержанія упоминается Темиръ-Аксаково дѣйство; книга эта была наверху у великаго государя, но игралась ли пьеса—неизвѣстно. Разыгрывали комедіи Нѣмцы и дворовые люди Матвѣева. Въ 1674 году была въ селѣ Преображенскомъ комедія, тѣшили иноземцы, какъ Алаферну царю царица голову отсѣкла, и на органахъ играли Нѣмцы да люди дворовые А. С. Матвѣева Другая комедія была дана въ присутствіи царицы. царевичей и царевенъ; тѣшили Нѣмцы и люди Матвѣева, какъ Артаксерксъ велѣлъ повѣсить Амана. Дѣло дошло и до балета: на заговѣнье была потѣха—Нѣмцы и люди Матвѣева играли на органахъ, на фіолахъ и на страментахъ, и танцовали. При описаніи этихъ новостей насъ останавливаетъ одно обстоятельство, что на представленіи были царица и царевны; важно также извѣстіе, что царица сопровождала царя и на охоту [3]). Начальникомъ Нѣмцевъ, потѣшавшихъ великаго государя, былъ Іоганъ Годфридъ, при немъ „перспективаго письма мастеръ“ Петръ Инглесъ. Но однихъ пріѣзжихъ Нѣмцевъ и дворовыхъ людей Матвѣева оказалось недостаточно для „комедійныхъ дѣйствъ“. Въ 1673 году Матвѣевъ приказалъ въ Новомѣщанской слободѣ изъ мѣщанскихъ дѣтей выбрать 26 человѣкъ въ *камидіанты* и отвести въ Нѣмецкую слободу къ магистру Годфриду. Такъ основывалось въ Москвѣ театральное училище прежде Славяно-Греко-Латинской академіи! Но и этихъ учениковъ недоставало: брали подьячихъ и отсылали къ магистру Ягану Годфриду для наученія комедійнаго дѣла [4]).

---

[1] Приказныя дѣла Москов. Архива Мин. Ин. Дѣлъ, годъ 1674, 1651. Архивъ Мин Юстиціи, столбцы приказнаго стола, № 1691. Исторія о невинномъ заточеніи Матвѣева, стр. 161.

Прежде другихъ школъ устроена была театральная школа для потѣхи великаго государя: но по всему было видно, что и другія школы не замедлятъ: сильно чувствовалось, что отстали; сильно чувствовалось и громко говорилось, что надобно учиться. Въ литературѣ, какъ и во всемъ бытѣ, явственные признаки приближенія новаго времени. Бытъ Русскаго народа до эпохи преобразованія вполнѣ выражается въ его поэзіи: однихъ ея памятниковъ достаточно для вѣрной общей оцѣнки этого быта. Поэтому намъ необходимо остановиться на памятникахъ древней народной поэзіи, тѣмъ болѣе что если памятники народнаго творчества условливаются бытомъ народа, то, какъ обыкновенно бываетъ въ исторіи, въ свою очередь оказываютъ могущественное вліяніе на бытъ

Вслушавшись внимательно въ эту длинную и однообразную пѣсню Русскаго народа, которую онъ заводитъ отъ Кіева и Царягорода и ведетъ черезъ Волынь, Галичъ, Черниговъ, Новгородъ, Москву къ Казани, Астрахани и Сибири, мы видимъ ясно, что это народъ,—проживавшій восемь вѣковъ въ одинаковыхъ историческихъ условіяхъ. Любимый образъ фантазіи пѣвцовъ—это богатырь-казакъ, названія однозначащія. Какъ въ X, такъ и въ XVII вѣкѣ Русскій міръ былъ на Украйнѣ; какъ въ X вѣкѣ, и въ XVII вѣкѣ человѣкъ, которому было тѣсно въ избѣ отцовской, у котораго „сила по жилочкамъ живчикомъ переливалась, которому было грузно отъ силушки, какъ отъ тяжелаго беремени“, отправлялся въ степь-поле, гдѣ ему легко найдти на комъ попробовать свою силу молодецкую. Многое перемѣнилось въ государственномъ строю Россіи съ X до XVII вѣка, отъ временъ ласковаго Кіевскаго князя Владиміра до временъ великаго государя царя Алексѣя Михайловича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержца, но удальцы попрежнему шли въ степь *поляковать* (отъ *поле*), на Дону образовалось большое военное братство удалыхъ *поляницъ* (опять отъ *поле*), гдѣ каждому богатырю можно было набрать себѣ дружину и идти на подвигъ. Такимъ образомъ, для народа была возможность черезъ цѣлый рядъ вѣковъ пѣть свою пѣсню на одинъ ладъ, потому что содержаніе ея было живо передъ его глазами; богатырь не умиралъ въ казакѣ, и наши древнія богатырскія пѣсни въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ дошли до насъ, суть пѣсни казацкія, о казакахъ.

---

[1]) Акты двор. Голохвастовыхъ въ Чтеніяхъ Москов. Истор. Общ., 1847 года, № 5.

[2]) Дворц. Разр., стр 1509, 1419.

[3]) Дворц. Разр., стр. 1131, 1224 1501; Приказныя дѣла Москов. Арх. Мин. Ин. Д., годъ 1674.

[4]) Приказныя дѣла Москов. Архива Мин. Ин. Дѣлъ, годъ 1673.

Знакомый съ этими пѣснями знаетъ, что самое видное мѣсто между богатырями занимаетъ Илья Муромецъ; онъ обыкновенно называется старымъ казакомъ и прямо донскимъ казакомъ [1]), атаманомъ донскихъ казаковъ: „Помутился весь тихій Донъ, помѣшался весь казацкій кругъ: что не стало у нихъ атамана, что стараго казака Ильи Муромца“ [2]). Разбойники, испуганные его силою, просятъ его, чтобъ взялъ ихъ къ себѣ въ товарищи, въ донскіе казаченки [3]).

Молодой человѣкъ чувствуетъ тяжкій грузъ силы, чувствуетъ тоску по степи, и говоритъ матери: „Ай же ты, государыня моя матушка! давай же прощаньице-благословеньице; поѣду я во далече-далече чисто поле, хочу разгонять бурушку косматаго, хочу поразмять своего плеча богатырскаго. спробовать силы-удали молодецкія [4]). Долго ли мнѣ жить во глупомъ, во маломъ во ребячествѣ, ходить мнѣ дома по улицѣ широкія, съ ребятами тѣшиться?“ Пока молодой человѣкъ не вырвется въ чисто поле, все онъ будетъ жить въ глупомъ, маломъ ребячествѣ; отъ глупаго ребячества до возмужалости нѣтъ переходнаго времени, образованія! Страшенъ бывалъ сильный человѣкъ, вырвавшійся прямо изъ глупаго, малаго ребячества на полную волю, въ чистое поле, и начавшій разминать свое плечо богатырское. Пѣсни превосходно изображаютъ намъ эту расходившуюся силу, которая не сдерживается ничѣмъ; эти поэтическія изображенія объяснятъ намъ не одно явленіе не только въ древней, но и въ новой нашей исторіи, которая не могла разомъ отрѣшиться отъ старыхъ условій. Илья Муромецъ, разсердившись, что его не позвали на пиръ, стрѣляетъ по Божьимъ церквамъ, по чуднымъ крестамъ и отдаетъ золоченыя маковки кабацкой голи на пропивъ, хочетъ застрѣлить князя Владиміра съ княгиней [5]). Когда Василій Буслаевъ расходился въ бою съ Новгородцами, то не пощадилъ крестнаго отца: мать, чтобъ унять расходившагося богатыря, заходитъ сзади и падаетъ на плечи могучія: богатырь говоритъ ей: „Ты—старушка лукавая, толковая! умѣла унять мою силу великую, зайти догадалась позади меня. А ежели-бъ ты зашла впереди меня, то не спустилъ бы тебѣ, государынѣ-матушкѣ, убилъ бы замѣсто мужика новгородскаго“ [6]).

Богатырь въ полѣ, въ степи; первое его дѣло набрать себѣ дружину—такихъ же богатырей, такихъ же поленицъ удалыхъ. Чѣмъ же занимается атаманъ съ дружиною? Ловятъ звѣрей и птицъ. рубятъ суденышко дубовое и выѣзжаютъ въ море ловить рыбу: таковы были казацкія занятія въ степи. Богатырь-казакъ не охотникъ до женитьбы и не очень высокаго мнѣнія о женщинѣ: „Хороша жена—чужая корысть, а худа-то мнѣ-ка ненадобна“ [7]). Пѣсня знаетъ два рода женщинъ: богатырокъ, которыя обыкновенно и чародѣйки, и женщинъ—теремныхъ затворницъ. Первыя, понятно, не могутъ отличаться женственностію, но нѣкоторыя изъ нихъ съ силою физическою соединяютъ и нравственную, какъ напр. *грозная* Настасья Никулишна, которая не хочетъ пережить смерти мужа, не хочетъ выходить за его убійцу; вторыя изображаются съ характеромъ, соотвѣтствующимъ ихъ теремному воспитанію, т.-е. совершенно безъ характера. Дѣвушка—дорогая вещь, и потому ее запрятали въ теремъ, чтобъ не подвергнуть никакому враждебному вліянію, и тѣмъ больше въ ней достоинства, чѣмъ она больше отстранена отъ всякихъ вліяній, въ этомъ полагается вся похвала: она красавица и отлично убережена: „Сидитъ она въ теремѣ въ златомъ верху, за тридесятью замками булатными, на ню красное солнышко не опнекетъ, буйные вѣтрушки не овѣютъ. многіе люди не обгалятся (не глазѣютъ)“ [8]). Братья хвастаются сестрою: „Что есть у насъ сестрица, изъ терема не ходитъ, бѣлилъ съ лица не ронитъ, бѣла лица не кажетъ“ [9]) Ее просватываютъ; но пріѣзжаетъ богатырь, врывается къ ней въ теремъ,—она отдается безъ сопротивленія, потомъ встрѣчается прежній женихъ, прельщаетъ ее обѣщаніемъ лучшей доли, и она передается ему; новый мужъ скоро гибнетъ, и несчастная женщина въ самомъ печальномъ положеніи: „Отъ бережку я откачнулася, къ другому бережку не прикачнулася“. Богатырь жестоко мститъ за невѣрность [10]).

---

[1]) Пѣсни, собр. Рыбниковымъ, II, 140.

[2]) Пѣсни, собр. Кирѣевскимъ, I, 90.

[3]) Пѣсни, собр. Кирѣевскимъ, I, стр. 20.

[4]) Пѣсни, собр. Рыбник., I, 272; II, 159.

[5]) Пѣсни, собр. Рыбник., I, 95, 97.

[6]) Пѣсни, собр. Рыбник., 350, 351.

[7]) Пѣсни, собр. Рыбник., 2, 3, 62.

[8]) Пѣсни, собр. Рыбник., 187; Пѣсни, собр. Кирѣевск., вып. 3, стр. 31, 74.

[9]) Пѣсни, собр. Кирѣевск., вып. 2, стр. 66.

[10]) Пѣсни, собр. Рыбников., II, 56 и др.

Богатырь-казакъ выдѣлился изъ толпы, ушелъ изъ общества въ степь, въ сознаніи своей силы, своего преимущества, или изгнанный изъ общества, которое не могло позволить ему среди себя разправлять плечо богатарское; дѣло неестественное, чтобъ онъ сталъ уважать толпу, щадить *мужиковъ:* „Какъ начали они (богатыри) мужиковъ чествовать, чествовать мужиковъ - жаловать, оплетьми они нахлыстывать; тутъ клянутся мужики, проклинаются: а будетъ трое проклятъ на вѣку тотъ бы, кто съ вами, съ молодцами, свяжется да заведетъ драку великую. Нахлестали мужиковъ они до-люби“. Василій Буслаевъ, образецъ новгородскихъ казаковъ-ушкуйниковъ, позвалъ новгородскихъ мужиковъ на пиръ, но кормилъ-поилъ только свою дружинушку храбрую, а мужиковъ посылалъ въ за-шей да въ сутычъ [1].

Богатырь-казакъ представлялъ противоположность осѣдлому земскому человѣку, занимающемуся мирнымъ промысломъ. Богатырь-казакъ, которому было грузно отъ силушки, какъ отъ тяжелаго беремени, не могъ по этому самому успокоиться, долженъ былъ находиться въ безпрестанномъ движеніи, *подвигахъ*, онъ гуляетъ изъ земли въ землю [2]. Богатырь-казакъ можетъ жить только въ широкой степи, въ городѣ онъ жить не можетъ: „отправлялись тутъ могучіе богатыри, что на поле, на Куликово. Вѣдь въ Кіевѣ-то нельзя имъ жить: разгуляются, роспотѣшатся, станутъ всѣхъ толкать; а такія потѣхи богатырскія народу было не вытерпѣть, котораго толкнутъ — тому смерть, да смерть“ [3]. Богатырь-казакъ не могъ быть въ городѣ и воеводою: „Не дай Господи дѣлати съ барина холопа, съ холопа дворянина, изъ попа палача, изъ богатыря воеводу“ [4].

Земскій человѣкъ работаетъ, богатырь-казакъ *гуляетъ* по широкому полю, *полякуетъ;* но съ понятіемъ о гуляньи было необходимо связано понятіе о зеленомъ винѣ, о царевѣ кабакѣ, и степной богатырь-казакъ былъ очень хорошо извѣстенъ древнему Русскому человѣку, извѣстенъ какъ записной гуляка, охотникъ до зелена вина. Илья Муромецъ, самый почтенный изъ богатырей, пьетъ въ кабакѣ вмѣстѣ съ голями кабацкими [5].

Наконецъ сила перестаетъ по жилочкамъ живчикомъ переливаться, отъ нея уже не грузно болѣе, какъ отъ тяжелаго беремени: богатырь-казакъ старѣетъ. Приближается смерть, судъ: надобно будетъ расплатиться за то, что смолоду было много бито, граблено, надобно душу спасти: средство къ тому — монастырь. Молодые смѣются надъ старымъ богатыремъ-казакомъ: „Пора ти, старому, въ монастырь идти!“ [6] И бѣда старому, если пропуститъ эту пору, встрѣтится въ чистомъ полѣ съ чудовищемъ, котораго не осилитъ, это чудовище—Смерть: онъ замахнется острой саблею, но рука застоится въ плечѣ, не согнется, сабля выпадетъ изъ руки; тщетно взмолится богатырь, чтобъ Смерть дала сроку хоть на три года, хоть на три часа, чтобъ имѣніе по церквамъ разнести, золоту казну по нищей братіи: Смерть отвѣтитъ: „Не дамъ я тебѣ сроку; твое имѣніе неправедное, золота казна не заработана, и твоей душѣ не будетъ помощи“. Зашатается богатырь на добромъ конѣ и упадетъ на сыру-землю [7].

Богатырь-казакъ есть герой народной исторической пѣсни въ продолженіи осьми вѣковъ, потому что во все это время богатырство-казачество налицо и потому что во все это время идетъ одна и та же борьба въ чистомъ полѣ съ степными кочевниками, съ этимъ *идолищемъ поганымъ*, какъ олицетворяется кочевникъ въ пѣснѣ. Богатыри-казаки, какъ обитатели того же чистаго поля, главные участники въ этой борьбѣ: это самая чистая, самая поэтическая сторона ихъ дѣятельности. Борьба въ степи и на Украйнѣ идетъ постоянная съ однимъ и тѣмъ же характеромъ: отсюда и пѣсня тянется черезъ восемь вѣковъ съ одними и тѣми же лицами, съ одними и тѣми же дѣйствіями этихъ лицъ. Если въ народныхъ пѣсняхъ обыкновенно смѣшиваются лица, дѣйствія и мѣстности, то тѣмъ большее смѣшеніе должно было господствовать въ нашемъ народномъ эпосѣ именно по продолжительности и однообразію воспѣваемаго явленія. Одно и то же происходило и при Владимірѣ I-мъ, и при Владимірѣ Мономахѣ, и при Димитріи Донскомъ, и при Алексѣѣ Михайловичѣ,—и потому: какъ разъ пропѣлась пѣсня о Кіевѣ, о ласковомъ князѣ Владимірѣ и объ извѣстномъ числѣ богатырей,—такъ къ этимъ мѣстностямъ и лицамъ и начало приставляться все послѣдующее изъ той же безконечной борьбы, изъ того же безконечнаго ряда подвиговъ. Мамай осаждаетъ Кіевъ, тутъ же и Куликово поле, тутъ же и Ермакъ, ставшій племянникомъ князя Владиміра [8].

Но, кромѣ борьбы съ степняками, были и другія историческія явленія, которыя не могли не поразить воображенія народа, не могли не отозваться въ его пѣсняхъ, какъ напримѣръ борьба съ Литвою [9]. Поразилъ воображеніе народа первый царь, Іоаннъ Грозный, покорившій три царства Татарскихъ, страшными казнями выводившій измѣну изъ Москвы и Новгорода. Грозный въ пѣснѣ такъ говоритъ на пиру: „Повынесъ я порфиру царскую изъ Царя-града, и повывелъ я измѣну съ каменной Москвы, уже я выведу измѣну изъ Нова-города“ [10]. Осталось въ народной пѣснѣ страшное событіе въ семействѣ Грознаго,—убіеніе сына отцомъ. Спѣлась пѣсня и про таинственное лицо самозванца, и про жену его, чародѣйку Марину, и про любимца народнаго, князя Скопина-Шуйскаго [1]. Наконецъ отъ царствованія Алексѣя Михайловича въ пѣснѣ осталась память о знаменитой борьбѣ съ Польшею за Русскія Земли. Пѣсня начинаетъ Соборомъ: царь Алексѣй Михайловичъ выходитъ изъ церкви, отъ долгой обѣдни, становится на Лобное мѣсто и объявляетъ боярамъ, купцамъ и солдатамъ: „Пособити государю дума думати; надо думать крѣпка дума, не продумати“. Король (Шведскій?) проситъ Смоленска, а вмѣсто него даетъ Химскую (Китайскую) Землю. Соглашаться ли на промѣнъ? спрашиваетъ царь. За бояръ отвѣчаетъ князь Астраханскій, говоритъ, что Смоленскъ строеніе не московское, а литовское; что въ городѣ нѣтъ ни стрѣльцовъ, ни казны, и потому надобно согласиться на мѣну. Государю не полюбились эти рѣчи; онъ обращается къ купцамъ, вмѣсто которыхъ отвѣчаетъ князь Бухарскій, говоритъ то же самое, что и Астраханскій. Государь обращается къ солдатамъ: вмѣсто нихъ отвѣчаетъ Данила Милославскій, что Смоленскъ строеніе московское, а не литовское; что въ немъ много стрѣльцовъ, много казны, что надобно за него стоять. Обрадованный государь жалуетъ Милославскаго Смоленскимъ воеводою, Астраханскаго князя вѣшаетъ, Бухарскому рубитъ голову [2]. Любопытно, что правительство допускало на Соборахъ свободу мнѣній: но народъ, вѣрный старымъ вѣчевымъ обычаямъ, не допускаетъ ея въ произведеніяхъ своей фантазіи и заставляетъ царя казнить смертію людей, мнѣнія которыхъ не понравились.

---

[1] Пѣсни, собр. Рыбников., I, 24, 353.

[2] Пѣсни, собр. Кирѣевск., вып. 3, стр. 63.

[3] Пѣсни, собр. Кирѣевск., вып. 1, стр. 63.

[4] Пѣсни, собр. Рыбник., II, 328.

[5] Пѣсни, собр. Рыбник., стр. 335.

[6] Пѣсни, собр. Рыбник., I, 78.

[7] Пѣсни, собр. Рыбник., II, 258.

[8] Пѣсни, собр. Рыбник., I, 114, 116; Пѣсни, собр. Кирѣев., вып. I, стр. 61.

[9] Пѣсни, собр. Рыбник., I, 429 и слѣд.

[10] Пѣсни, собр. Рыбник., I, 389.

Понятно, что появленіе въ XVII вѣкѣ богатыря-казака, какого еще не бывало, Стеньки Разина, сильно отозвалось въ пѣснѣ: самъ старъ-матеръ казакъ Илья Муромецъ является при Разинѣ есауломъ только. Такъ самый видный изъ богатырей отодвигается уже на второй планъ. Но въ Великой Россіи новое богатырство или казачество, благодаря существованію крѣпкаго государства, никогда не играло главной, исключительной роли; Разины, богатыри, которые встарину, въ богатырскія эпохи, дѣлались основателями государствъ, тутъ гибли отъ государства, да и немного было Разиныхъ; вотъ почему въ Великой Россіи имена старыхъ богатырей и сохранились. Другое дѣло въ Малой Россіи: здѣсь казачество разгулялось широко, его дѣятельность, его борьба съ Крымцами, Турками и Поляками явилась на первомъ планѣ, исключительно овладѣла безраздѣльно народнымъ вниманіемъ и воображеніемъ; здѣсь казакъ Хмельницкій чуть-чуть не сдѣлался основателемъ новаго государства, родоначальникомъ новой династіи; здѣсь поэтому старый казакъ Илья Муромецъ не удержался при немъ даже и есауломъ; здѣсь старые богатыри совершенно исчезли. Притомъ же въ широкой степи было очень бурно-вѣтрено: здѣсь старина, какъ и все, плохо держалась, разносясь буйнымъ вѣтромъ на всѣ четыре стороны. На Сѣверѣ, въ лѣсу, все удобнѣе удерживалось,—удерживалась и старина.

Кромѣ своихъ пѣсенъ и сказокъ, Русскій человѣкъ охотно слушалъ и читалъ сказки иноземныя въ переводѣ, какимъ бы путемъ онѣ къ нему ни приходили, лишь бы удовлетворяли потребности высвободиться изъ узкой среды будничной жизни, перенестись въ другую, новую, болѣе широкую сферу, къ дѣламъ выше обыкновенныхъ. Сначала эти иноземныя сказанія, византійскія, переходили на Русь въ южно-славянскихъ сербскихъ и болгарскихъ переводахъ; потомъ, въ XVII вѣкѣ, западно-европейскія сказанія переходятъ преимущественно при посредствѣ польской литературы. Такъ уже давно любимымъ чтеніемъ русскаго грамотнаго человѣка были сказанія о подвигахъ Александра Македонскаго. Въ XVII вѣкѣ была извѣстна у насъ въ русскомъ переводѣ знаменитая въ средневѣковой европейской литературѣ Троянская исторія Гвидона Мессинскаго. Въ западно-европейскихъ литературахъ XVII вѣкъ былъ временемъ упадка рыцарскаго романа, который уже становится здѣсь чтеніемъ простонародья: у насъ же, во второй половинѣ XVII вѣка, западный рыцарскій романъ въ переводѣ съ польскаго усердно читается въ высшемъ грамотномъ обществѣ, что свидѣтельствуетъ значительное количество списковъ, является во дворцѣ, между книгами царевичей, подъ названіемъ „потѣшныхъ книгъ“. Это явленіе служитъ также указаніемъ того возраста, въ какомъ находимъ народъ нашъ въ описываемое время, возраста дѣтскаго, когда фантазія преобладаетъ и требуетъ чудеснаго; рыцарскій романъ—родной братъ нашей богатырско-казацкой пѣснѣ и сказкѣ, а потому долженъ былъ найти радушный пріемъ въ русскомъ обществѣ XVII вѣка, и западный богатырь БуоводʼАнтона сталъ такимъ русскимъ Бовой-королевичемъ. Посредствомъ переводовъ съ польскаго Русскіе люди XVII вѣка познакомились съ нравоучительными повѣстями. Въ началѣ XVII вѣка толмачъ греческаго и польскаго языка, Ѳедоръ Гозвинскій, перевелъ басни Езопа, который, по словамъ переводчика: „Нравоучительная къ намъ сей бесѣдуетъ и въ притчахъ полезная къ житію даруетъ“. Этотъ переводъ не былъ единственнымъ въ XVII вѣкѣ. Въ то же время переводились съ польскаго огромные средневѣковые сборники нравоучительныхъ повѣстей—Gesta Romanorum (дѣла римскія), Зерцала, Собранія анекдотовъ о знаменитыхъ людяхъ, особенно изъ Греческой и Римской исторіи, такъ называемая „Апофоегмата“; наконецъ переводились съ польскаго сборники *фацецій*, т. е. смѣшныхъ и скандалезныхъ разсказовъ и анекдотовъ, острыхъ словъ и шутокъ (смѣхотворныя повѣсти)[3]. Знакомство съ иностранными повѣстями не осталось безъ вліянія, и мы видимъ въ XVII вѣкѣ попытки къ русской повѣсти, гдѣ описываются любовныя и другія похожденія Русскихъ людей. Одна изъ дошедшихъ до насъ такихъ повѣстей, болѣе древняя, еще связана тѣми условіями, въ которыхъ встарину обыкновенно являлась въ русской литературѣ повѣсть, сказаніе, т.-е. условіями религіозными. Любовныя и служебныя похожденія одного купеческаго сына въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича озаглавливаются такъ: „Повѣсть зѣло предивная града Великаго Устюга купца Ѳомы Грутцына о сынѣ его Саввѣ, какъ онъ даде на себе діаволу рукописаніе и какъ избавленъ бысть милосердіемъ Пресвятой Богородицы Казанскія“ [1]). Другой дошедшій до насъ образчикъ русской повѣсти, „Исторія о Фролѣ Скобѣевѣ“, уже свободенъ отъ этихъ древнихъ условій [2]).

---

[1] См. Исторію Россіи, т. IX.

[2] Пѣсни, сбор. Рыбник., II, 237.

[3] Подробности о переводной литературѣ XVII вѣка см. въ книгѣ Пыпина: «Очерки литературной исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ русскихъ».

Но поворотъ общества на новую дорогу, столь слышный въ XVII вѣкѣ, обозначался не тѣмъ только, что переводились и переписывались западныя повѣсти, потѣшныя книги, смѣхотворныя повѣсти. Дѣйствительно Западъ сманивалъ Русскаго человѣка и комедійнымъ дѣломъ, и потѣшною книгою; но поворотъ главнымъ образомъ сказывался въ томъ, что сознана была необходимость учиться у Запада, въ томъ, что переводились и переписывались грамматики, ариѳметики, лѣчебники, космографіи. По русской географіи еще съ конца XVI вѣка былъ извѣстенъ „Большой чертежъ Земли Русской“, возобновляемый и дополняемый въ XVII вѣкѣ, вмѣстѣ съ книгою „Большой чертежъ“, описаніемъ Московскаго государства по дорогамъ и рѣкамъ. Понятно, что болѣе всего нуждались въ книгахъ люди, часто сталкивавшіеся съ западнымъ міромъ, люди, которые должны были знать, что тамъ дѣлается, въ этомъ мірѣ, котораго превосходство такъ кидалось въ глаза. Понятно, что прежде всего нуждались въ книгахъ во дворцѣ и въ Посольскомъ Приказѣ, и книги *строились* въ двухъ экземплярахъ: одинъ брался наверхъ къ великому государю, другой—отдавался въ Посольскій Приказъ. Посолъ, отправлявшійся за границу преимущественно въ Польшу, привозилъ съ собою большое количество польскихъ и латинскихъ книгъ. Князь Репнинъ-Оболенскій, будучи посланъ въ Польшу въ 1653 году, по государеву указу купилъ тамъ слѣдующія книги: 1) Лексиконъ славянорусскій—дано $4^{1}/_{2}$ злотыхъ польскихъ; 2) Гранографъ Пясецкаго—дано десять злотыхъ; 3) Дикціонеръ, или лексиконъ Гданскій на трехъ языкахъ: на нѣмецкомъ, латинскомъ и польскомъ,—дано 15 злотыхъ; 4) Гвагвинъ, дано 40 злотыхъ; 5) Библія на польскомъ языкѣ, дано 50 злотыхъ; 6) Книга - Описаніе Польши, дано 24 злотыхъ, да отъ переплету 6 злотыхъ: 7) Конституція нынѣшняго 161 года, дано левокъ: всего куплено книгъ на 25 золотыхъ. Легко представить, что два знаменитыхъ начальника Посольскаго Приказа, два знаменитыхъ западника, Ординъ-Нащокинъ и Матвѣевъ, будутъ самыми усердными собирателями иностранныхъ книгъ: въ 1669 году Ордину-Нащокину прислано было изъ-за границы 82 латинскія книги. Справки непосредственно по русскимъ лѣтописямъ и хроникамъ иностраннымъ были тяжелы, явилась необходимость дѣлать изъ нихъ выборки, а прежде всего составлять наглядныя генеалогическія таблицы съ *парсунами* (портретами) государей и ихъ гербами, причемъ какъ для царя, такъ и для Посольскаго Приказа необходимо было означить, какой Россійскій государь съ какими иностранными государями имѣлъ сношенія Матвѣевъ въ Посольскомъ Приказѣ съ товарищами своими, съ приказными людьми и переводчиками, сдѣлалъ „Государственную большую книгу, описаніе великихъ князей и царей Россійскихъ, откуда корень ихъ государскій изыде, и которые великіе князи и цари съ великими-жъ государи окрестными съ христіанскими и съ мусульманскими были въ ссылкахъ, и какъ великихъ государей именованья и титлы писаны къ нимъ: да въ той же книгѣ писаны великихъ князей и царей, и вселенскихъ и Московскихъ патріарховъ, и Римскаго папы и окрестныхъ государей всѣхъ персоны и гербы“. Персоны эти писали иконописцы Иванъ Максимовъ и Димитрій Львовъ, пять мѣсяцевъ. Великій государь указалъ этой книгѣ быть въ Посольскомъ Приказѣ, а себѣ и сыну своему царевичу Ѳедору Алексѣевичу указалъ сдѣлать двѣ такія же книги, и въ прибавку написать персоны дѣтей своихъ всѣхъ и Польскихъ королей съ Стефана Абатура (Баторія). Въ этомъ же родѣ дьякъ Грибоѣдовъ построилъ: „Исторію, сирѣчь повѣсть, или сказаніе вкратцѣ о благочестно державствующихъ и святопожившихъ боговѣнчанныхъ царяхъ и великихъ князехъ, иже въ Россійстѣй земли богоугодно державствующихъ“. Трудъ Грибоѣдова представляетъ генеалогическое перечисленіе лицъ съ прибавленіемъ витіеватыхъ похвалъ; цѣль—вывести родъ Московскихъ государей и примкнуть къ нимъ новую династію. Перечисленіе государей начинается съ Владиміра Св. О переходѣ первенствующаго значенія отъ южныхъ князей къ сѣвернымъ говорится такъ: „По преставленіи же в. к. Владиміра Всеволодовича Мономаха, Россійское царство начатъ раздѣлятися на многія начала и первоначальство же Кіевское и съ честію начинашеся преходити инамо. Истинный же наслѣдникъ отечества Россійскаго царствія в. князь Георгій Долгорукій, иже бысть седьмой сынъ в. к. Владиміра Мономаха, аще и не въ Кіевѣ тогда начальствуя, но въ Суждалѣ государствуя и въ Ростовѣ, честію же пресиѣвая паче всѣхъ братій своихъ“. Описавъ изгнаніе изъ Кіева Игоря Ольговича Изяславомъ Мстиславичемъ, авторъ говоритъ: „Великій же князь Георгій Владиміровичъ тогда государствуя въ богоспасаемомъ градѣ Москвѣ, обновляя въ немъ первоначальственное скиптродержавіе благочестиваго царствія, идѣже нынѣ благородное ихъ сѣмя царское преславно царствуютъ“. Перечисливъ сыновей Долгорукаго, Грибоѣдовъ продолжаетъ: „Изъ нихъ же учинися Россійскаго царствія наслѣдникъ истинный коренеплодитель, первоначальствующимъ Россійскимъ самодержцемъ богохранимый в. князь Всеволодъ. И уже тогда Кіевскіи велицыи князи подручны бяху Владимірскимъ самодержцамъ, въ градѣ бо Владимірѣ тогда начальство удерживавшеся пришествіемъ чудотворнаго образа Богоматери, съ нимъ же пріиде изъ Вышеграда в. к. Андрей Георгіевичъ и державствовалъ. А братъ его сей великій богохранимый князь Всеволодъ Георгіевичъ государствова въ Переславли, а оттуда по братѣ его призваше его во Владиміръ Владимірстіи люди и тако надъ всѣми владомыми въ Россійстѣй земли бысть единъ всѣмъ любимъ самодержецъ, такожде и самъ всѣхъ любя и самодержствуя“. Ярославъ Всеволодовичъ является старшимъ сыномъ Всеволода; о нашествіи Татаръ ни слова. Послѣ Невскаго авторъ сейчасъ-же переходитъ къ Даніилу Московскому: „Понеже убо тогда честь и слава в. княженія возхождаше на боголюбивый градъ Москву“. За Даніиломъ непосредственно слѣдуетъ Калита, за Калитою прямо Іоаннъ II: Симеонъ Гордый пропущенъ. Объ Іоаннѣ Грозномъ такой отзывъ: „Еще же и житіе благочестно имѣя и ревностію по Бозѣ присно препоясуясь и благонадежныя побѣды мужествомъ окрестныя многонародныя царства пріятъ, Казань и Астрахань и Сибирскую землю. И тако Россійскія земли держава пространствомъ разливашеся, а народи ея веселіемъ ликоваху и побѣдныя хвалы Богу возсылаху“. О первомъ бракѣ Грознаго говорится: „Законному браку сочтася, избра себѣ онъ в. государь по своему царскому достоинству богомудрую супругу аки свѣтлый бисеръ или анфраксъ камень драгій всечестную отроковицу и блаженную дщерь нѣкоего вельможи Романа Юрьевича Романова“. Слѣдуетъ похвала Анастасіи. Послѣ царя Θеодора слѣдуетъ извѣстіе о происхожденіи Романовыхъ: „Отъ матери его Анастасіи Романовны родословіе сице: въ древнихъ лѣтѣхъ въ Россійское царствіе изъ Прусскія земли государя Прусскаго сынъ Андрей Іоанновичъ Романовъ, а прусскіе государи сродники Августу Кесарю Римскому“. Книга, оконченная въ 1669 году, первоначально состояла изъ 36 главъ и заключалась длиннымъ описаніемъ объявленія царевича Алексѣя Алексѣевича наслѣдникомъ. Впослѣдствіи прибавлены извѣстія о смерти царицы, царевичей, самого царя Алексѣя Михайловича и о восшествіи на престолъ Θеодора Алексѣевича [1]).

---

[1]) Лѣтописи Руской литературы. 1859 г. кн. IV.

[2]) Москвитянинъ 1853 года, № 1.

Любопытно сравнить это произведеніе московскаго дьяка съ современнымъ произведеніемъ малороссійскаго ученаго, съ знаменитымъ Синопсисомъ Гизеля. Малороссійскій ученый начитался польскихъ книгъ, коротко познакомился съ Стрыйковскимъ, и высказываетъ свою ученость тѣмъ, что производитъ Русскій народъ отъ Мосоха, сына Яфетова, названіе Руссовъ производитъ отъ разсѣянія, имя Славянъ—отъ славы, которую предки наши снискали воинскою храбростію; говоритъ о помощи, поданной Славянами Филиппу и Александру Македонскимъ. Основатели Кіева. Кій съ братьями, происходятъ отъ Мосоха; Аскольдъ и Диръ названы потомками Кія; Варяговъ авторъ называетъ Славянами, а черезъ нѣсколько строкъ говоритъ, что князья варяжскіе пришли отъ Нѣмецъ; Аскольдъ и Диръ, названные прежде потомками Кія, являются мужами Рюрика, и дѣло соглашено такъ: „Бѣста у Рюрюка, князя Великоновгородскаго, нѣкая два нарочита мужа, о нихже не бѣ тамо извѣстно, аще идоша отъ колѣна основателя и перваго князя Кіевскаго Кія“. По смерти Ярослава 1-го, авторъ перемѣшиваетъ князей и событія, опуская главное, выставляя незначащее, сопоставляя разнорѣчивыя свидѣтельства объ одномъ и томъ же событіи, какъ наприм. говоритъ, что Владиміръ Мономахъ добылъ цѣпь, поясъ и шапку княжую отъ старосты Каопискаго, котораго поборолъ на поединкѣ, и на другой же страницѣ говоритъ, что всѣ эти вещи были присланы Мономаху изъ Византіи. О Сѣверной Россіи мы не находимъ ничего въ Синопсисѣ, и, послѣ взятія Кіева Батыемъ, авторъ прямо переходитъ къ длинному описанію Мамаева побоища; потомъ обращается опять къ Батыю, къ его походамъ на западъ: перечисляетъ князей сѣверныхъ и южныхъ, говоритъ о перенесеніи митрополичьяго престола изъ Кіева прямо въ Москву, о взятіи Кіева Гедиминомъ, о раздѣленіи митрополіи, объ учрежденіи патріаршества въ Москвѣ, о превращеніи княжества Кіевскаго въ воеводство, о присоединеніи Кіева къ Москвѣ—кратко, въ общихъ чертахъ.

Таковы были первыя попытки, первый младенческій несвязный лепетъ русской исторіографіи у насъ на сѣверѣ и югѣ. Разумѣется, мы не рѣшимся отдавать преимущества одному сочиненію передъ другимъ; замѣтимъ только, что царскій характеръ исторіи Сѣверной Россіи рѣзко сказался въ сочиненіи московскаго дьяка. Записываніе современниками важнѣйшихъ общихъ или наиболѣе занимавшихъ ихъ, наиболѣе къ нимъ близкихъ событій, не прекращается ни на сѣверѣ, ни на югѣ, но составленіе лѣтописныхъ сборниковъ въ старой формѣ останавливается, и, вслѣдствіе новыхъ потребностей, являются сочиненія въ родѣ „Исторіи о царяхъ“, или Синопсиса. Наверху, у великаго государя были уже книги *Василіологіонъ*—персоны ассирійскихъ, персидскихъ, греческихъ, римскихъ царей и великороссійскихъ великихъ князей и царей; въ 1675 году Матвѣевъ приказалъ построить еще два экземпляра Василіологіона. Въ Посольскомъ же Приказѣ при Матвѣевѣ построены были книги: „Мусы, или седьмь свободныхъ ученій въ лицахъ; о Сивиллахъ; Хрисмологіонъ на откровеніе сна Даніиломъ пророкомъ Навуходоносору о четырехъ монархіяхъ; Исторія о мужественнѣйшихъ въ воинскихъ ополченіяхъ ассирійскихъ, перскихъ, еврейскихъ, греческихъ, римскихъ, царяхъ и великороссійскихъ великихъ князьяхъ и царяхъ.“ Слагалъ эти книги и сбиралъ изъ различныхъ книгъ Посольскаго Приказа эллиногреческаго языка переводчикъ Николай Спафарій да подъячій Петръ Долговъ. Стараніемъ Матвѣева же построена была книга о важнѣйшемъ событіи для новой династіи,—о избраніи на царство Михаила Ѳеодоровича [1]).

---

[1]) Приказныя дѣла Москов. Архива Мин. Ин. Дѣлъ, годъ 1669, ноябрь. Рукопись сочиненія Грибоѣдова въ Румянцев. музеѣ.

Въ 1650 году вызваны были въ Москву два кіевскихъ ученыхъ монаха, извѣстные намъ Епифаній Славинецкій и Арсеній Сатановскій для перевода съ Библіи греческой на славянскую рѣчь и для риторскаго ученія; дано имъ жалованья: поденнаго корму по 4 алтына, питья съ дворца по 2 чарки вина, по 2 кружки меду, по 2 кружки пива. Въ предисловіи къ Евангелію, переведенному Славинецкимъ говорится: „По кончинѣ патріарха Питирима царь указалъ, а Соборъ благословилъ, переводить Библію всю іеромонаху Епифанію Славинецкому, назирати же дѣло и трудящихся снабдѣвати указалъ государь Павлу митрополиту Сарскому. Епифаній выбралъ себѣ въ помощники Сергія, бывшаго игумена Путивльскаго Молчинскаго монастыря, Евфимія монаха Чудова монастыря, Никифора іерея справщика книгъ, Моисея іеродіакона Чудова монастыря, Михаила Родостамова и Флора Герасимова, книгописцевъ книгъ печатнаго дѣла. Симеону же Полоцкому не изволи отецъ Епифаній у дѣла сего быти того ради: зане аще и ученъ бѣ, но латински точію, гречески же ниже малѣйше что-либо знаше. Павелъ митрополитъ устрои въ дому своемъ, сущемъ внѣ града Москвы, именуемомъ Крутицы, на горахъ высокихъ и крутыхъ надъ рѣкою Москвою, тихомъ сущемъ мѣстѣ и безмолвномъ, приличномъ дѣлу сему, храмины приличныя содѣла и вертоградъ разныхъ видовъ древъ и цвѣтовъ и зелій всякихъ насади и источникъ ископа тещи сладководный за утѣшеніе и оградою огради яко инъ нѣкій рай“. Епифаній могъ перевести только Новый Завѣтъ, потому что умеръ въ 1676 году. Но старцы не могли ограничиться переводомъ Библіи и риторскимъ ученьемъ; Епифаній перевелъ: „Уставы гражданско-правительственные изъ первой книги Ѳукидидовой исторіи и изъ конца Панегирика Траяну Плинія Младшаго; съ латинскаго: Географіи 2 части—Европу и Азію; книгу врачевскую анатомію Андрея Вессалія Брукселенска; О убіеніи Краля Аггельскаго (Англійскаго короля Карла I-го); Гражданство и обученіе нравовъ дѣтскихъ“ [2]). Сатановскій перевелъ большой сборникъ: „*О градѣ царскомъ*, или поученіе нѣкоего учителя именемъ Мефрета, собрано отъ 120 творцевъ греческихъ и латинскихъ, какъ внѣшнихъ философовъ, стихотворцевъ и историковъ, врачевъ, такоже и духовныхъ богословцевъ и сказателей писанія божественнаго. А писано въ той книгѣ имена и свойства или естественныя природы различныхъ многихъ звѣрей четвероногихъ, птицъ, рыбъ удивительныхъ морскихъ, зміевъ и всякихъ пресмыкающихся, камней драгихъ, бисеръ, древесъ всякихъ, моря, рѣкъ, источниковъ, лѣсовъ, четырехъ стихій: воды, земли, воздуха, огня. Обрѣтаютжеся еще повѣсти на всякую вещь, философовъ, царей, врачеваніе на многовидныя болѣзни, обычаи различныхъ языковъ, положеніе странъ, выспрь горъ, различныя сѣмена, злаки травные, притчи и иная многая собранная и въ едино мѣсто совокупленная. А сложено то все разумомъ и прикладомъ въ Троицѣ Св. Единому, ко ангеламъ, къ человѣку и его добродѣтелямъ и злобамъ, такожде и къ коварству демоновъ и къ похваленію святыхъ Божіихъ, къ хуленію же еретиковъ удивительнымъ прировняніемъ и свидѣтельствомъ Ветхаго и Новаго Завѣта писанные и съ толкованіемъ учителей церковныхъ приводится. И таковыми приводы и чуднымъ остроуміемъ сочинены поученія на цѣлый годъ, на вcѣ недѣли и на праздники господскіе и богородичны и на святыхъ и на всю четыредесятницу по двѣ и по три, всякое же поученіе таково есть пространно, что отъ всякаго мочно два и три и четыре и пять поученій содѣлати“ [3]). Сатановскому за переводъ этой книги велѣно было давать по гривнѣ на день, вмѣсто прежнихъ четырехъ алтынъ.

Изъ обзора этихъ книгъ, переводившихся и *строившихся* преимущественно для дворца и Посольскаго Приказа, мы видимъ, что, вслѣдствіе пробудившейся потребности знанія, особенно нуждались въ такихъ книгахъ, изъ которыхъ бы можно было поскорѣе узнать какъ можно болѣе необходимыхъ вещей. Для взрослыхъ людей, хотѣвшихъ быть и слыть образованными, всего нужнѣе были краткіе учебники и энциклопедіи, чтобъ изъ немногихъ книгъ узнать какъ можно больше. Но если старикъ Морозовъ, въ разговорѣ съ учеными иностранцами, горько жаловался, что въ молодости не получилъ образованія, то люди, подобные Морозову, которыхъ становилось все больше и больше, необходимо должны были придти къ мысли дать образованіе своимъ дѣтямъ, чтобъ они послѣ не жаловались, будучи принуждены сами, безъ руководствъ и опытности, узнавать кое-что изъ коекакихъ переводныхъ книжекъ. Поэтому неудивительно, что сперва во дворцѣ, а потомъ и въ домахъ вельможескихъ мы видимъ при дѣтяхъ наставниковъ, людей, способныхъ изъ многихъ книгъ собрать разнаго рода знанія, и живымъ, легкимъ способомъ передать ихъ молодымъ людямъ и при этомъ, главное, сообщить имъ средство самимъ потомъ продолжать ученіе, т.-е. сообщить имъ знаніе иностранныхъ языковъ.

---

[1]) Дополн. къ Актамъ Историч., IV, № 43.

[2]) Чтенія Москов. Истор. Общ. 1846 г., № 4.

[3]) Приказныя дѣла Москов. Архива Мин. Ин. Дѣлъ, годъ 1652.

Первыми и сначала исключительными наставниками царевичей были подъячіе, которые учили ихъ грамотѣ, читать и писать. Разумѣется, изъ подъячихъ выбирались для этого безупречные чтецы и краснописцы и также люди нравственные, пріятной наружности и съ хорошими манерами, т.-е. чтобъ умѣлъ „крестъ сполна класть по писанному, и поклонъ вести по ученому“. Учителемъ царевича Ѳеодора Алексѣевича былъ подъячій Посольскаго Приказа Памфилъ Бѣляниновъ [1]. Но одпимъ подъячимъ въ царствованіе Алексѣя Михайловича уже нельзя было довольствоваться—и вызванъ былъ наставникъ другого рода. Здѣсь, разумѣется, употреблена была та же сдѣлка, которая вообще употреблялась у насъ въ XVII вѣкѣ для введенія образованія: иностранца-иновѣрца призвать не хотѣли, призвали ученаго западнорусскаго монаха, Симеона Петровскаго Ситіановича, извѣстнаго болѣе подъ именемъ Полоцкаго, по мѣсту происхожденія.

Симеонъ Полоцкій былъ образцомъ домашняго учителя, какой требовался у насъ въ XVII, XVIII и даже въ XIX вѣкахъ: выучить дѣтей всему, но безъ принужденія; умѣть подсластить науку, пріохотить къ ней. Но, кромѣ ученія дѣтей, домашній учитель долженъ быть годенъ и на другія послуги въ домѣ: именины господина или госпожи,—домашній учитель пишетъ поздравительные стихи и рѣчи, пишетъ театральныя пьесы; умретъ кто-нибудь въ семействѣ,—у домашняго наставника готовы и жалобные стихи. Таковъ былъ и Симеонъ Полоцкій, ходячая энциклопедія, неутомимый борзописецъ, умѣвшій писать обо всемъ; ловкій собиратель отовсюду чужихъ мнѣній и старающійся представить ихъ занятно, заставить выучить ихъ шутя. Разумѣется, отъ такого человѣка нельзя требовать оригинальности, самостоятельности. Мы видѣли переводы энциклопедій въ родѣ „Града царскаго“, сборниковъ съ анекдотами о знаменитыхъ людяхъ, замѣчательныхъ изреченій. Полоцкій, зная языки латинскій и польскій, собираетъ отовсюду анекдоты, изреченія, опредѣленія, и все это переводитъ стихами, виршами; въ виршахъ излагаетъ главныя событія Ветхаго и Новаго Завѣта, исторію Римскихъ императоровъ, „того ради да присвойственною себѣ сладостію сердцамъ читателей пріятнѣйши суще, аки нуждею влекутъ я ко читанью частѣйшему и удобнѣе памятью сдержатся могутъ“. Войдемъ же въ учебную комнату царевича и посмотримъ, что Полоцкій предлагаетъ въ виршахъ своему ученику. Онъ говоритъ ему о *гражданствѣ*, и предлагаетъ опредѣленія семи греческихъ мудрецовъ, внушая, что всѣ они хороши:

Како гражданство преблаго бываетъ—
Гражданствующимъ знати подобаетъ.
Разная седми мудрыхъ суть мнѣнія,
Но вся виновна гражданъ спасенія:
Премудрый Віасъ даде слово свое—
Гражданство быти преизрядно тое,
Въ немъ же закона яко царя боятся
И царя яко закона страшатся.
Хилонъ то блажитъ, гдѣ законовъ слушаютъ
Велесловныхъ же риторъ не глашаютъ.
Клеовулъ паки той градъ похваляетъ,
Гдѣ безчестія всякъ ся устрашаетъ
Гражданинъ, паче закона самого
На преступника въ книгахъ писаннаго и т. д.

Въ виршахъ Полоцкій представляетъ своему ученику образецъ добраго начальника:

Пастырь съ овцами образъ предлагаетъ,
Како намъ жити въ мірѣ подобаетъ;
Пастырь начальны знаменуетъ люди,
Стадо подданныхъ въ образъ намъ буди,
Едаже пастырь стадо присѣщаетъ,
Овца на пути не лежитъ, но встаетъ,
Аки честь ему хотяще творити.
Взаимъ же пастырь овцы соблюдаетъ,
И на рамахъ си блудныя пошаетъ,
Тако начальникъ долженъ есть творити—
Бремя подданныхъ крѣпостно носити,
Не презирати, ни за псы имѣти,
Паче любити, яко своя дѣти.
И то въ памяти выну содержати,
Яко земля тѣхъ и его есть мати.
Пастырь жезломъ укрощаетъ стада,
Женетъ на паству, женетъ и внудь града:
Тако начальникъ жезломъ да управитъ,
Винна накажетъ, невѣжду наставитъ,
Обаче косенъ да будетъ язвити,
Идежде довлѣ есть токмо страшити.

Въ виршахъ описываетъ добродѣтели, приличныя державнымъ; прежде всего благочестіе, потомъ:

Вторая сану начальныхъ прилична
Есть добродѣтель въ мірѣ необычна:
Та смиреніе есть божественное,
Христомъ Господомъ въ конецъ храненное.
Имать начальникъ въ памяти держати,
Яко не въ вѣки будетъ обладати:
Смерть бо, пришедши, хочетъ власть отъяти,
Съ прочими людьми въ персти сравняти.
Третіе властей добротвореніе—
Еже хранити имъ разсужденіе
Во всякихъ дѣлахъ, а не уповати
На единъ свой умъ, выну вопрошати
Умныхъ совѣта, тако бо вершити
Благо вся мощно, а не погрѣшити.
Очеса лучше видятъ неже око,
Никто о себѣ да держитъ высоко;
Въ многѣ совѣтѣ есть спасеніе—
Въ единомъ умѣ поползновеніе.
Четвертая есть добродѣтель властей
Правду хранити. Блюсти отъ напастей
Подчиненныя, и чести давши
Достойнымъ, а не на злато смотрѣти,
Равно судити мала и велика—
На лице зрѣти прещаетъ Владыка.
Не яко сѣть имъ законъ да бываетъ,
Юже не крѣпку паукъ сплетаетъ:
Та бо животно мало уловляетъ
Большее сѣти самыя терзаетъ. Не буди тако, не единъ судъ буди
Всѣмъ, иже въ единой области суть люди.

---

[1] Жалованья онъ получалъ противъ своего служебнаго оклада по 60 рублей, хлѣба противъ Посольскаго Приказа подъячихъ первой статьи по 55 четвертей ржи (четверть ржи въ 1674 году стоила 21 алтынъ), по тому-жъ овса, по 10 пудовъ соли на годъ. Кромѣ того, учитель получалъ праздничныя деньги на господскіе праздники и на государскія именины, всего 45 рублей.—Приказн. дѣла Московъ. Арх. Мин. Ин. Д., годъ 1674.

Въ виршахъ высказалъ Полоцкій господствовавшее правило тогдашняго воспитанія дѣтей:

Плевелы отъ пшеницы жезлъ твердъ отбиваетъ,
Розга буйство изъ сердецъ дѣтскихъ прогоняетъ.
Родителямъ древяный жезлъ буди на чада,
Да не страждутъ желѣзна отъ судіи града:
Уне въ дому древяннымъ въ дѣтствѣ оны бити,
Неже возросшихъ градскимъ желѣзомъ казнити.
Моисій донележе жезлъ въ руцѣ си держаше,
Нечто ино, точію жезлъ древяный бяше;
Егда же поверже, въ змія превратися
Даже и Моисій его зѣло устрашися:
Тако аще на чада жезлъ въ рукахъ бываетъ
Отчихъ, наказанія жезлъ онъ пребываетъ,
Не могущъ умертвити. Аще же пустится
Изъ руку, тогда въ змія люта претворится.
Абіе бо ко грѣхомъ чада ся склоняютъ
И тѣми уязвлени бывше умираютъ.

Пришлецъ, достигшій важнаго значенія при Дворѣ, явившійся въ Москвѣ съ опасными преимуществами учителя, оскорблявшими самолюбіе старыхъ учителей, Симеонъ Полоцкій не могъ не столкнуться съ послѣдними, имѣвшими за собою толпу; онъ столкнулся съ архіереями, которые опирались на свое важное архипастырское значеніе, а Симеонъ Полоцкій опирался на свое образованіе, дававшее ему сильный голосъ при рѣшеніи важныхъ вопросовъ, опирался на свое положеніе, на свой входъ наверхъ; Симеонъ Полоцкій столкнулся съ самимъ патріархомъ Іоакимомъ, тѣмъ болѣе что не отличался смиреніемъ Епифанія Славинецкаго, скромнаго келейнаго труженика; а патріархъ Іоакимъ, какъ мы видѣли изъ дѣла духовника царскаго, не любилъ, чтобъ кто-нибудь изъ духовенства, опираясь на свое положеніе наверху, забывалъ о своемъ непосредственномъ подчиненіи святѣйшему. О Полоцкомъ пошли толки, что его ученіе не совсѣмъ правильно: обвиненіе страшное при тогдашней подозрительности относительно новыхъ учителей. Полоцкій, благодаря своей ловкости, недоступности такимъ обвиненіямъ, какимъ былъ доступенъ, напримѣръ, духовникъ Савиновъ, удержался, но не могъ не выразить своего негодованія на пустые толки толпы, на которые не слѣдуетъ власти обращать вниманіе, не могъ удержаться, чтобъ не задѣть и архіереевъ.

Не вѣруй убо гласу общему народа,
Ищи въ дѣлѣ правды человѣча рода,
Слово вѣтръ развѣваетъ, а кто тому вѣритъ
Безразсудно, срамоты мзду себѣ возмѣритъ.

Объ архіереяхъ Полоцкій сложилъ вирши:

Архіереемъ къ тому сущимъ въ благодати
Желалъ бымъ реченіе *образъ* приписати —
Ежебы не точію истину учити,
Но и житіемъ святымъ образы всѣмъ быти.

Понятно, что Полоцкій долженъ былъ усердно проповѣдывать въ пользу новаго порядка вещей, наступленіе котораго и дало ему важное значеніе въ Москвѣ, наверху у великаго государя. Между виршами его находится любопытное указаніе на то, какъ примѣръ сверху долженъ способствовать распространенію просвѣщенія:

Франтискъ именемъ первый краль франційскій бяше,
Сей яко писаніе и мудрость любяше
(Еяже родители его не любяху,
Но подобіемъ варваръ въ простотѣ живяху),
Абіе честныхъ дѣти писаній взыскаша
Кролевску любленію тако угождаша.
И бысть въ малѣ времени мудрость расширена,
Образомъ краля во всѣ земли умножена:
Обычай бо есть въ людяхъ царю подражати,—
Еже ему любезно—всѣмъ то возлюбляти.
Благо убо есть царству, егда благи нравы
Царствуяй воспріемлетъ, ради всѣхъ исправы.

Полоцкій провозглашаетъ о необходимости научнаго образованія и въ проповѣдяхъ своихъ. Такъ, въ словѣ на день Рождества Христова проповѣдникъ, отъ лица патріарховъ Александрійскаго и Антіохійскаго, именемъ Божіей Премудрости, рожденной въ Виѳлеемѣ, умоляетъ Русскихъ людей взыскать науку, потому что она свѣтъ умственныхъ очей и правило всему житію человѣческому. Обращаясь отъ лица патріарховъ къ царю, онъ убѣждаетъ его основывать школы, умножать *студеовъ* (студентовъ) своею милостію и вниманіемъ, сыскать хорошихъ учителей и всѣхъ почестями поощрять къ трудолюбію.

Ревнитель просвѣщенія, призванный въ Москву для его распространенія, Симеонъ Полоцкій въ проповѣдяхъ своихъ напалъ на старыхъ учителей, священниковъ, за ихъ невѣжество: „Великимъ нерадѣніемъ ихъ и всеконечнымъ небреженіемъ о духовныхъ дѣтяхъ, премногіе несмысленные люди, какъ безсловесныя овцы, отъ пути праваго житія заблудились и въ пропасть погибельной жизни уклонились... Многіе невѣжды, не бывшіе никогда и нигдѣ учениками, смѣютъ называться учителями... по правдѣ это не учители, но мучители. Отгого умножилась въ людяхъ злоба, преуспѣло лукавство, волхвованіе, чародѣйство, разбой, воровство, убійства, пьянство и нелѣпыя игрища, грабежи, хищенія и тому подобное, наконецъ и возстаніе противъ власти. Виною всего этого преимущественно неумѣнье и нерадѣнье духовныхъ отцовъ: не учатъ и не наставляютъ дѣтей своихъ духовныхъ“ [1]).

Одними обличеніями въ невѣжествѣ нельзя было вдругъ сдѣлать всѣхъ священниковъ свѣдущими и искусными проповѣдниками, и потому въ числѣ проповѣдей Полоцкаго находимъ слово, написанное имъ для того, чтобъ священники читали его проповѣди своимъ прихожанамъ. Но любопытно взглянуть на дѣятельность одного достойнаго священника, который явился подражателемъ Полоцкаго въ отдаленномъ углу Россіи. Именитый человѣкъ, Григорій Димитріевичъ Строгановъ, „истиное всѣмъ россійскимъ вельможамъ и богачамъ ясное свѣтило по благочестію", отличался въ Пермской странѣ своею щедростію, гостепріимствомъ и любовію къ церковному благолѣпію. Въ своемъ отчинномъ городкѣ Орлѣ онъ построилъ церковь Похвалы Богородицы, завелъ при ней отличный хоръ пѣвчихъ и сталъ искать отличнаго священника: ему сказали, что есть такой въ Соликамскѣ, и Строгановъ поспѣшилъ перезвать его къ себѣ въ Орелъ, принялъ съ большою ласкою и почетомъ, и сталъ уговаривать ко введенію новизны, говоренію проповѣдей. Священникъ, слыша, что въ *Россіи* (такъ въ Пермскомъ краю называли центральныя Московскія области) по многимъ городамъ говорятъ устно поученія, согласился подражать проповѣдникамъ; но какъ это сдѣлать? Взять проповѣди Симеона Полоцкаго—слогъ неудобенъ: простѣйшимъ людямъ „за высоту словесъ" тяжело слышать; взять переводы проповѣдей Златоуста—ихъ не понимаютъ не только слушающіе, но и читающіе, не только міряне, но и священники, прямо говорятъ, что писаны иностраннымъ языкомъ. Священникъ взялъ бесѣды Златоуста, но сталъ излагать ихъ простѣйшимъ языкомъ, иногда наизусть, иногда по тетради. Но эта попытка не пропала даромъ нововводителю; начали его бранить, смѣяться надъ нимъ, не щадили укорительныхъ словъ, подучали другъ друга не слушать его проповѣдей, кричали: „Прежде здѣсь были священники добрые и честные, да такъ не дѣлали, жили попросту, и мы жили въ изобиліи; а этотъ съ чего взялъ вводить новизны?" Неудовольствіе происходило оттого, что прежніе священники жили слишкомъ попросту, не имѣя уваженія къ самимъ себѣ, къ своему званію, не умѣли внушать прихожанамъ уваженія къ себѣ и потворствовали мірянамъ, которые привыкли смотрѣть на священника, какъ „на послѣднѣйшаго раба", привыкли распоряжаться церковнымъ уставомъ, порядкомъ службы, какъ имъ хотѣлось; священники не прекословили. Священники, въ возстаніи на орловскаго нововводителя, приняли сторону недовольныхъ мірянъ. Нововводитель не остался у нихъ за это въ долгу и громилъ ихъ въ проповѣдяхъ своихъ. „Пастыри наши не о стадѣ Христовѣ прилежатъ, но о златѣ и серебрѣ, о рабахъ предходящихъ, о колесницахъ и коняхъ, о зданіяхъ и селахъ, о вина множествѣ, о ризъ украшеніи. Обрѣтаются въ родѣ моемъ такіе слѣпые вожди, думаютъ, что мудры, а на дѣлѣ глупѣйшіе невѣжды, говорятъ: что намъ въ книгахъ учительныхъ? достаточно Часослова и Псалтыря. Правду говоришь—достаточно, если кто знаетъ силу въ нихъ написаннаго; но это знаніе далеко отъ тебя и отъ разума твоего. Безумецъ! сидя за полными чашами въ корчемницѣ, ты разсуждаешь; въ корчемницѣ ты велерѣчивъ, а въ церкви связанъ безгласіемъ, плѣненъ неразуміемъ. Говорятъ, что довольно, если священникъ книгу читаетъ предъ народомъ въ церкви, а устное ученіе укоряютъ и еретическимъ называютъ. Безумецъ! кого къ еретикамъ причисляешь?—патріарховъ, пророковъ, апостоловъ!—Теперь святители и священники, пьянства ради и человѣкоугодія, желая власти, виноградъ Христовъ презирая, высокую честь и достоинство свели въ безчестіе, укоризну и посмѣяніе; сего ради не отъ царей и князей, но отъ худыхъ людей, какъ отъ шелудивой овцы и отъ смраднаго козла пастырь бѣдный срамоту, хуленіе, злорѣчіе, досажденіе и біеніе, узы и смерть принимаетъ. О прочемъ помолчу и слезами утолю, по какой причинѣ явилось это дѣло лукаваго демона". Проповѣдникъ собралъ всѣ свои бесѣды въ одну книгу, которую назвалъ *Статиръ* [1]).

---

[1]) Сочиненіями Полоцкаго я пользовался въ Синодал. библіотекѣ. Кромѣ статьи о Полоцкомъ въ Словарѣ митр. Евгенія, см. статью Пѣвницкаго въ Православ. Обозр. 1860 г., № 10 и 11.

Послѣ двухъ пришельцевъ въ Москву, Грека Паисія Лигарида и Бѣлорусса Симеона Полоцкаго. громко провозглашавшихъ необходимость науки, мы должны поставить третьяго, Серба Юрія Крижанича. Въ то время, когда русское общество тронулось, сознавши необходимость новаго пути, но сильно колебалось при этомъ, далеко не сознавая, какъ идти безопаснѣе и скорѣе по этому новому пути, является ученый Сербъ, горячій славянскій патріотъ, который смолоду удрученъ скорбію о печальной участи славянскихъ народовъ и въ Русскомъ царѣ видитъ единственнаго Славянскаго государя, могущаго подать руку помощи всѣмъ остальнымъ соплеменнымъ народамъ. „Тебѣ, пречестной царь, выпалъ жребій промышлять обо всемъ народѣ Славянскомъ; ты, какъ отецъ, долженъ заботиться о собраніи разсыпанныхъ дѣтей. Ты одинъ, о царь, данъ намъ отъ Бога, да пособишь Задунайцамъ, Ляхамъ и Чехамъ: да познаютъ свое притѣсненіе отъ чужихъ, свой позоръ, и начнутъ промышлять о просвѣщеніи народа и сбрасывать съ шеи нѣмецкое ярмо. Задунайскіе славяне (Болгары, Сербы и Хорваты) уже давно сгубили и государство свое, и всю силу, и языкъ, и весь разумъ; не разумѣютъ что̀ такое честь народная, не думаютъ о ней и сами себѣ никакъ не могутъ помочь: внѣшняя сила имъ надобна, чтобъ поставить ихъ опять на ноги и включить въ число народовъ. Если ты, царь, не можешь, въ настоящее трудное время, пособить имъ, государство ихъ привести въ прежнее состояніе и устроить, то, по крайней мѣрѣ, можешь языкъ славянскій въ книгахъ исправить и пригодными разумными книгами этимъ людямъ умныя очи открыть, да начнутъ познавать честь народную и думать о своемъ возстановленіи. Чехи, а недавно и Ляхи, впали въ одинаковое съ Задунайцами окаянство. Ибо хотя Ляхи и хвастаютъ обманчивою тѣнію государства и своимъ своевольствомъ, однако дѣло извѣстное, что сами они не могутъ избавиться отъ своихъ бѣдъ и позора. Помочь имъ и дать имъ народное просвѣщеніе ты, царь, можешь легко" Крижаничъ, по его словамъ, пришелъ въ Россію, чтобъ совершить три работы: вопервыхъ, поднять славянскій языкъ, написавши для него грамматику и лексиконъ, чтобъ могли мы правильно говорить и писать; чтобъ было у насъ обиліе реченій, сколько нужно для выраженія человѣческихъ мыслей при общихъ народныхъ дѣлахъ. Вовторыхъ,—написать исторію Славянъ, въ которой опровергнуть нѣмецкія лжи и клеветы. Втретьихъ,—обнаружить хитрости и обольщенія, которыми чужіе народы обманываютъ насъ, Славянъ. Крижаничъ исполнилъ первое (относительно грамматики) и послѣднее намѣреніе. Насъ, разумѣется, должны занять его „*Политичныя думы*“, обширное сочиненіе, въ которомъ онъ начертываетъ печальную картину состоянія Россіи, требуетъ важныхъ преобразованій, требуетъ науки, и вмѣстѣ съ тѣмъ старается возбудить самую сильную недовѣрчивость, ненависть къ людямъ, отъ которыхъ можно было заимствовать науку, средства къ выводу Россіи изъ ея печальнаго состоянія, къ иностранцамъ, къ Нѣмцамъ, какъ прирожденнымъ врагамъ Славянъ. Понятно, что по этому самому преобразовательный планъ Крижанича въ основной мысли своей былъ неудобоисполнимъ—общая участь плановъ, проектовъ, конституцій, составляемыхъ теоретиками въ кабинетахъ, безъ соображенія съ историческими законами жизни народовъ. Несмотря на то, сочиненіе Крижанича для насъ очень важно: оно дополняетъ и подтверждаетъ наши свѣдѣнія о Россіи передъ эпохою преобразованія, и во многихъ случаяхъ объясняетъ намъ тѣ пути, по которымъ дѣйствительно пошла преобразовательная дѣятельность. Книга Крижанича была наверху у великаго государя, слѣдовательно есть основаніе предполагать, что она не оставалась безъ вліянія [1]).

---

[1]) Я пользовался Статиромъ по рукописи Румянцев. музея.

Если книга Крижанича имѣла вліяніе, то прежде всего должна была въ читавшихъ ее: окончательно уничтожить китаизмъ, высокое мнѣніе о самихъ себѣ и презрѣніе къ другимъ народамъ; прояснить сознаніе о собственныхъ недостаткахъ, о преимуществахъ другихъ народовъ, и этимъ самымъ подвигнуть къ перемѣнамъ, которыя естественно должны были прежде всего высказаться въ подраженіи. „Главный вредъ для общаго блага проистекаетъ отъ незнанія самого себя, когда люди сами себя, свои обычаи излишне любятъ; когда считаютъ себя сильными, богатыми, мудрыми, не будучи на самомъ дѣлѣ таковыми“. Русскихъ людей тяготила страшная бѣдность; Крижаничъ указываетъ на богатѣйшія западныя государства, указываетъ и на то, почему они такъ богаты: Англія и Нидерланды потому богаты, что тамъ разумы у народа хитры, морскія пристанища и торги отличные, цвѣтетъ всякое ремесло, земледѣліе и обширная морская торговля; еще славнѣе и счастливѣе бываетъ государство, когда въ немъ при этомъ и законы хороши, какъ напримѣръ во Франціи. А Россія? При всей своей неизмѣримой широтѣ и длинѣ, она со всѣхъ сторонъ заперта для торговли; мало въ ней торговыхъ городовъ, нѣтъ дорогихъ произведеній; умы народа тупы и косны, нѣтъ никакого умѣнья ни въ торговлѣ, ни въ земледѣліи, ни въ домашнемъ хозяйствѣ; Русскіе, Поляки и всѣ Славяне не умѣютъ вести дальнюю торговлю ни сухимъ путемъ, ни по морю; купцы русскіе не учатся даже ариѳметикѣ: оттого иностраннымъ купцамъ ничего не стоитъ ихъ обмануть. Русскій человѣкъ самъ ничего не выдумаетъ, если ему не укажутъ; книгъ у него никакихъ нѣтъ ни о земледѣліи, ни о другихъ промыслахъ; онъ лѣнивъ, не промышленъ, самъ себѣ не хочетъ добра сдѣлать, если силою не будетъ принужденъ; языкъ его бѣденъ, бѣднѣе всѣхъ главныхъ европейскихъ языковъ, потому неудивительно, что и разумы наши тупы и косны: чего не можемъ словомъ сказать, того не можемъ и думою замыслить; исторіи Русскій человѣкъ не знаетъ, никакихъ политическихъ разговоровъ вести не можетъ, и потому иностранцы его презираютъ. Въ покроѣ платья высказывается разумъ народа: русское платье некрасиво и неудобно, за него иностранцы зовутъ насъ варварами; особенно нерасчесанные волосы и борода, остриженная голова дѣлаютъ насъ мерзкими, смѣшными, какими-то лѣсовиками. Ѣдимъ мы нечисто, деньги прячемъ въ ротъ; мужикъ держитъ полную братину и пальцы въ ней окунуты, такъ и гостю подаетъ; квасъ продается погано, посуда не моется. Датскій король сказалъ о нашихъ послахъ: „Если эти люди еще ко мнѣ придутъ, то долженъ буду построить имъ свиной хлѣвъ, потому что гдѣ они постоятъ, тамъ полгода никто не можетъ жить отъ смрада“. Неумѣнье изъясняться, лѣнь, пьянство и расточительность—главныя наши природныя свойства; отъ расточительности происходитъ жестокость относительно подчиненныхъ. У насъ нѣтъ природной бодрости, благородной гордости, одушевленія, не умѣемъ держать себя съ достоинствомъ. Турки и Татары, хотя и побѣгутъ, не дадутъ себя даромъ убить, но обороняются до послѣдняго издыханія. А наши ратные люди, когда побѣгутъ, то уже не оборотятся, но даютъ себя сѣчь, какъ мертвые. Великое наше народное несчастіе—это неумѣренность во власти; не умѣютъ наши люди ни въ чемъ мѣры держать, не могутъ среднимъ путемъ ходить, но все по окраинамъ и пропастямъ блуждаютъ. То у насъ правительство вконецъ распущено, господствуетъ своеволіе, безнарядье; то уже черезчуръ твердо, строго и свирѣпо. Во всемъ свѣтѣ нѣтъ такого безнаряднаго и распутнаго государства, какъ Польское, и нѣтъ такого крутаго правительства, какъ въ Россіи. Расплодились въ Русскомъ народѣ премерзкіе нравы, такъ что предъ другими народами Русскіе являются обманчивыми, невѣрными, склонными къ воровству, убійству, неучтивыми въ бесѣдѣ, нечистоплотными. А отчего все это происходитъ?—Оттого, что всякое мѣсто наполнено кабаками, заставами, откупщиками, цѣловальниками, выемщиками, тайными доносчиками; люди отовсюду и вездѣ связаны, ничего не могутъ свободно дѣлать, трудомъ рукъ своихъ не могутъ свободно пользоваться. Все должны дѣлать и торговать тайкомъ, въ молчанку, со страхомъ и трепетомъ, укрываться отъ такой огромной толпы правителей и палачей. А сами эти цѣловальники и притѣснители народа, не получая достаточнаго жалованья, не могутъ какъ должно исполнять своихъ обязанностей, нужда заставляетъ ихъ искать корысти и брать подарки отъ воровъ. Такимъ образомъ люди, привыкши все дѣлать тайкомъ, какъ воры, со страхомъ, съ обманомъ, забываютъ всякую честь, становятся трусливы на войнѣ, дѣлаются склонны ко всякой нелюдскости, нескромности и нечистотѣ; не умѣютъ они цѣнить чести, не умѣютъ дѣлать различія между людьми. Первый вопросъ, съ которымъ обращаются къ незнакомому человѣку: есть ли у тебя жена? второй: сколько получаешь царскаго жалованья? сколько у тебя имѣнія? Не стыдятся купаться передъ всѣмъ народомъ. Если они въ комъ-нибудь нуждаются, то не знаютъ мѣры униженію. Италіанцы, Испанцы, Турки бережливы и трезвы; Нѣмцы бережливы, но большіе пьяницы; всѣ Славяне расточительны и любятъ попировать; однако ни у Нѣмцевъ, ни у остальныхъ Славянъ нигдѣ на свѣтѣ, кромѣ одной Русской державы, не видно такого гнуснаго пьянства: по улицамъ въ грязи валяются мужчины и женщины, міряне и духовные, и многіе отъ пьянства умираютъ. У Турокъ намъ должно учиться трезвости, стыдливости и правосудію. Эти невѣрные не менѣе насъ грѣшатъ противуестественнымъ грѣхомъ, но они соблюдаютъ стыдливость: никто у нихъ не промолвится объ этомъ грѣхѣ, не станетъ имъ хвастаться, ни упрекать другого. Если кто проговорится, то не останется безъ наказанія, а у западныхъ народовъ сожигаютъ такихъ преступниковъ. Въ Россіи же этотъ гнусный грѣхъ считаютъ шуткою. Публично, въ шутливыхъ разговорахъ, одинъ хвастаетъ грѣхомъ, иной упрекаетъ другого, третій приглашаетъ къ грѣху; недостаетъ только, чтобъ при всемъ народѣ совершали преступленіе. Необходимо въ этомъ государствѣ употребить какія-нибудь средства, чтобъ поднять стыдливость противъ содоміи, общественную трезвость противъ гнуснаго пьянства, правосудіе противъ чиновниковъ, о которыхъ говоритъ Исаія: „Начальники твои сообщники воровъ“.

---

[1]) Между книгами изъ дворца, которыя переплеталъ иноземецъ Яганъ Энкузъ, значится: Списокъ съ книжицы Юрья Сербенина». Приказныя дѣла Архива Мин. Ин. Д., годъ 1674.

Такую-то печальную картину народнаго банкротства въ экономическомъ и нравственномъ отношеніи начертываетъ намъ славянскій патріотъ, котораго нельзя заподозрить въ равнодушіи или злорадствѣ относительно язвъ древней Россіи, какъ можно заподозрить какого-нибудь нѣмецкаго путешественника. Читая описаніе этихъ язвъ у нашего Серба, чувствуешь, какъ сердце автора обливалось кровію при исполненіи печальнаго долга обличенія. Онъ писалъ не для того только, чтобъ обличать: при обличеніи онъ предлагаетъ средства къ исправленію зла.

Первое, главное средство—это наука, окруженіе себя мертвыми совѣтниками, книгами, ибо между живыми людьми мало добрыхъ совѣтниковъ: „Книги не увлекаются ни алчностію, ни враждою, ни любовію; книги не ласкательствуютъ, не боятся повѣдать истины. Всякимъ другимъ людямъ хорошо учиться мудрости изъ практическаго опыта, не полезно это однимъ верховнымъ владѣтелямъ: частный человѣкъ учится ошибками, но ошибки государей влекутъ за собою неисправимыя бѣдствія народныя. Итакъ, государямъ необходимо учиться мудрости отъ добрыхъ учителей, книгъ и совѣтниковъ, а не изъ опыта. Да не скажетъ кто-либо, что намъ, Славянамъ, путь къ знанію закрытъ рѣшеніемъ небесъ, какъ будто бы мы не могли и не должны были усвоивать себѣ науки; и остальные народы не въ одинъ день и годъ, но мало-по-малу учились отъ другихъ; такъ и мы можемъ научиться, если захотимъ и постараемся. И теперь именно время учиться, потому что Богъ возвысилъ на Руси государство Славянское, какого прежде никогда не бывало въ нашемъ племени; а извѣстно, что у народовъ науки начинаютъ цвѣсти въ періодъ наибольшей силы политической. Скажутъ: между мудрыми раждаются ереси, и потому не надобно учиться мудрости. Отвѣчаю: ереси начинаются и между неучеными людьми. Магометъ былъ не мудрецъ, крайнюю глупость написалъ въ своихъ книгахъ, а между тѣмъ наплодилъ ересь самую распространенную на свѣтѣ. А на Руси ересь встала развѣ не отъ глупыхъ, некнижныхъ мужиковъ? Мудростію ереси искореняются, вслѣдствіе невѣжества—пребываютъ во-вѣки. Отъ огня, воды, желѣза умираютъ многіе люди, но безъ нихъ и жить нельзя: точно такъ же и мудрость потребна людямъ“.

Но Крижаничъ не довольствуется распространеніемъ просвѣщенія, какъ единственнымъ средствомъ излѣченія язвъ Россіи. Онъ предлагаетъ и другія средства, и въ нихъ указываетъ тотъ путь, какимъ дѣйствительно пошло преобразованіе. „Въ Россіи полное самодержавіе, говоритъ онъ; повелѣніемъ царскимъ можно все исправить и завести все полезное. Такимъ образомъ, преобразованіе должно идти сверху, отъ самодержавной власти: Русскіе сами себѣ не захотятъ добра сдѣлать, если не будутъ принуждены къ тому силою“. Какъ же самодержавный государь начнетъ преобразованія? Для поднятія торговли онъ долженъ запретить имѣть лавку съ товарами тому купцу, который не знаетъ грамотѣ и цифири. Торговые люди должны имѣть своихъ выборныхъ старостъ и лавниковъ, и судиться между собою въ нѣкоторыхъ наименьшихъ дѣлахъ; должно быть имъ облегчено средство бить челомъ великому государю и защищаться отъ воеводскихъ притѣсненій. Для введенія и процвѣтанія ремеслъ нуженъ особый Приказъ, кото рый бы ихъ вѣдалъ исключительно; нужно перевести на русскій языкъ сочиненія о ремеслахъ, перевести книги о земледѣліи; нужно вызвать отличныхъ ремесленниковъ изъ-за границы съ правомъ свободнаго возвращенія домой, но не прежде, какъ выучатъ русскихъ молодыхъ людей своему ремеслу; нужно вести цеховое устройство. Надобно промышлять, чтобъ изъ чужихъ странъ привозился въ Россію сырой матеріалъ, и чтобъ здѣшніе ремесленники обрабатывали его, и заповѣдать накрѣпко, подъ страхомъ казни, вывозить за границу сырье. Царь долженъ взять въ свои руки всю заграничную торговлю; только такимъ способомъ можно будетъ знать смѣту товарамъ, чтобы не вывозить слишкомъ много нашихъ товаровъ, въ которыхъ нѣтъ избытка, и не привозить чужихъ ненужныхъ. Русь рѣдко населена и не такъ людна, какъ бы могла быть, по слѣдующимъ причинамъ: 1) Крымцы пустошатъ Землю безпрестанными наѣздами; на всѣхъ военныхъ корабляхъ турецкихъ не видно почти никакихъ другихъ гребцовъ, кромѣ Русскихъ людей; по всѣмъ городамъ и мѣстечкамъ Турецкой имперіи такое множество русскихъ плѣнныхъ, что Турки обыкновенно спрашиваютъ у нашихъ: остались ли еще на Руси какіе-нибудь люди? 2) Нѣмцы своими промыслами Земли убожатъ, хлѣбъ вывозятъ, торговлею всею завладѣли, въ военной службѣ высшія мѣста взяли. Третья причина малолюдства—жестокое правленіе. Четвертая причина—недостатокъ камня, изъ котораго бы можно было строить прочныя зданія. Пятая—выселеніе людей въ Сибирь и на Украйну. Для увеличенія народонаселенія, правительство должно способствовать увеличенію числа браковъ, должно опредѣлить, сколько священникъ долженъ брать за вѣнчаніе, чтобъ бѣднымъ людямъ было не убыточно; правительство должно озаботиться, чтобъ по городамъ и селамъ для новобрачныхъ были готовые дворы; чтобъ бѣдность, неимѣніе гдѣ жить, не останавливали браковъ; должно запретить бѣднымъ людямъ истрачиваться на свадебные пиры; дѣвицамъ изъ черни запретить носить богатое платье и украшенія. Авторъ щедръ на сильныя выходки противъ русскаго платья и бороды, упрекаетъ Русскихъ, что они въ одеждѣ своей лучше хотятъ подражать азіятскимъ варварамъ, чѣмъ образованнымъ европейцамъ.

Такова преобразовательная программа ученаго Серба. Всякому легко можетъ показаться, что Петръ Великій въ своей преобразовательной дѣятельности находился подъ вліяніемъ этой программы. Мы далеки отъ мысли предполагать здѣсь непосредственное вліяніе; но сравненіе программы Крижанича съ дѣятельностію Петра очень важно; оно ясно показываетъ, что пути преобразованія, избранные Петромъ, не были слѣдствіемъ его личнаго произвола, его личныхъ взглядовъ, а были слѣдствіемъ общихъ взглядовъ тогдашнихъ лучшихъ людей, тогдашнихъ авторитетовъ.

Но понятно, что въ одномъ программа Крижанича никакъ не могла быть выполнена: на дѣлѣ Русскіе люди въ эпоху преобразованія никакъ не могли разрѣшить того противорѣчія, которое въ теоріи, повидимому, разрѣшалось; мы видѣли, что Крижаничъ старался внушить Русскимъ людямъ сознаніе своихъ недостатковъ; указывалъ, какъ западные европейцы далеко опередили ихъ; требовалъ, чтобъ Русскіе люди учились у нихъ, учились не только наукамъ, но и нравственности, переводили ихъ книги, вызывали ихъ ремесленниковъ, и въ то же самое время отвращались отъ нихъ, какъ отъ самыхъ злыхъ враговъ. Авторъ видѣлъ противорѣчіе, и, чтобъ выпутаться изъ него, потребовалъ отъ Русскихъ людей умѣнья положить границы между подражаніемъ и подчиненіемъ вліянію того, кому подражаемъ; потребовалъ умѣнья, при заимствованіи цивилизаціи у иностранцевъ, отличать добро отъ зла, т.-е потребовалъ, чтобъ Русскіе люди перескочили вдругъ нѣсколько вѣковъ, отъ низшей степени образованности къ самой высшей, изъ дѣтства—къ полной возмужалости; но народы скачутъ такимъ образомъ только подъ перьями теоретиковъ, не хотящихъ знать исторіи, дѣйствительности. По мысли Крижанича, иностраннымъ купцамъ никакъ не должно позволять имѣть въ Россіи дома, лавки, склады, погреба, никакъ не должно пускать къ себѣ иностранныхъ купеческихъ агентовъ, консуловъ, резидентовъ: „Нашъ Славянскій народъ весь подверженъ такому окаянству: вездѣ на плечахъ у насъ сидятъ Нѣмцы, Жиды, Шотланцы, Цыгане, Армяне и Греки, которые кровь изъ насъ высасываютъ. Презрѣнію, съ какимъ обращаются съ нами иностранцы; укорамъ, которыми они насъ осыпаютъ,—первая причина есть наше незнаніе и наше нерадѣніе о наукахъ, а вторая причина есть наше *чужебѣсіе*, или глупость, вслѣдствіе которой иностранцы надъ нами господствуютъ, обманываютъ насъ всячески и дѣлаютъ изъ насъ все, чтò хотятъ, потому и зовутъ насъ варварами“. Не постигая историческаго закона, по которому народъ менѣе образованный необходимо подвергается вліянію и даже господству народа болѣе образованнаго, Крижаничъ смѣшалъ слѣдствіе съ причиною и опозорилъ Славянъ, приписавъ имъ, какъ врожденный недостатокъ, это чужебѣсіе, которое было только необходимымъ слѣдствіемъ первой и единственной причины—незнанія. Требуя недопущенія купцовъ иностранныхъ во внутреннія области, Крижаничъ требуетъ, чтобъ не принимать въ службу ни одного иностранца, ни одному не давать права гражданства, потому что Нѣмцы, принятые въ службу, могутъ причинять только одно зло: Нѣмецъ былъ и Басмановъ, любимецъ Разстриги, Нѣмецъ былъ и Шеинъ, погубившій Русское войско подъ Смоленскомъ!

Но Крижаничъ вооружается не противъ однихъ Нѣмцевъ: одинаково сильно, если еще не сильнѣе, вооружается онъ и противъ Грековъ. Ложность положенія, въ какомъ нашелся нашъ ученый Сербъ въ Москвѣ, заключалась въ томъ, что, будучи единоплеменникомъ, своимъ, Славяниномъ,—онъ въ то же время былъ чужой, былъ Латинецъ, католическій священникъ. До Крижанича въ Россіи сознали необходимость учиться у иностранцевъ, но главное затрудненіе, главное возраженіе здѣсь состояло въ томъ, что эти иностранные учителя—иностранцы, неправославные. Чтобъ избѣжать опасности для вѣры, обратились за наукою къ *своимъ*, не въ смыслѣ единоплеменности, но въ смыслѣ единовѣрія, обратились къ Малороссіянамъ и Грекамъ. И вотъ въ то время, когда авторитетъ Грековъ былъ наивысшимъ, когда хотѣли учиться, но вмѣстѣ съ этимъ и прежде всего хотѣли сохранить чистоту *Греческой* вѣры, является въ Москву ученый Славянинъ, предлагаетъ свои учительскія услуги, но не можетъ удовлетворить главному условію, при которомъ могъ быть допущенъ учитель,—быть Православной, Греческой вѣры; Крижаничъ не могъ скрыть, что онъ Латинецъ, и даже латинскій попъ. Ученый Сербъ пришелъ не во-время: незваннаго учителя сослали въ Сибирь. Разумѣется, можно предположить, что злыя выходки Крижанича противъ Грековъ могли быть слѣдствіемъ его несчастія, которое, какъ видно, онъ приписывалъ Грекамъ; но еще съ бо́льшимъ основаніемъ можно предположить и то, что латинскій попъ, когда еще находился въ Москвѣ, не могъ удержаться отъ выходокъ противъ Грековъ, какъ схизматиковъ, не могъ удержаться и отъ другихъ выходокъ, которыя сильно должны были оскорбить тогдашнихъ Русскихъ людей.

Крижаничъ противополагаетъ Грековъ Нѣмцамъ въ томъ отношеніи, что эти прирожденные враги Славянъ влекутъ ихъ къ противоположнымъ крайностямъ. „Нѣмцы приносятъ намъ ядовитыя новизны: Греки. безразсудно, охуждая всякую новизну, предлагаютъ свои глупости подъ важнымъ именемъ древности. Нѣмцы сѣютъ ереси; Греки хотя научили насъ истинной вѣрѣ, однако прилѣпили къ ней схизму. Нѣмцы преподаютъ намъ и добрыя и вмѣстѣ дьявольскія науки; Греки восхваляютъ невѣжество, и всякую науку считаютъ еретическою. Нѣмцы думаютъ получить спасеніе одною проповѣдію; Греки пренебрегаютъ проповѣдію и считаютъ полезнѣйшимъ молчаніе. Нѣмцы кричатъ, что не позволяется никого судить; Греки, наоборотъ, утверждаютъ, что надобно осуждать людей, не выслушавъ ихъ“ (здѣсь можно видѣть намекъ на судьбу самого автора). Подробно исчисляетъ Крижаничъ случаи злоупотребленій, какія позволяли себѣ греческіе духовные, приходившіе за милостынею въ Россію и не разбиравшіе иногда средствъ для увеличенія этой милостыни; между прочимъ, Крижаничъ разсказываетъ любопытный случай, бывшій съ нимъ самимъ: „Нѣкто Софроній, называвшій себя митрополитомъ Филиппополя и Драмы, а въ народѣ извѣстный подъ именемъ Македонскаго, принуждалъ меня сочинить ему подложныя грамоты отъ имени патріарха Іоаннікія, какъ будто бы онъ былъ отправленъ имъ по общимъ нуждамъ церковнымъ. Когда я не соглашался на это, то онъ, вмѣстѣ съ другимъ какимъ-то митрополитомъ, хотѣли меня высѣчь; но я вырвался и убѣжалъ къ городскому писарю. Но признаюсь, что послѣ я сочинилъ ему грамоты, опасаясь за свою жизнь“.

Въ Россіи знали о подобныхъ злоупотребленіяхъ и принимали противъ нихъ средства, съ большими предосторожностями допуская собирателей милостыни; но въ Россіи знали такъ же очень хорошо, что самые видные изъ Грековъ, являвшихся въ Москвѣ, вовсе не были проповѣдниками невѣжества, считавшими полезнѣе молчать, чѣмъ проповѣдывать. Какъ уже было замѣчено, Крижаничъ, въ своей католической ревности, задѣлъ не однихъ Грековъ, задѣлъ и Русскихъ, вооружаясь противъ тѣхъ священныхъ для народа сочиненій, въ которыхъ были неблагосклонные отзывы о католицизмѣ, напримѣръ противъ житія Св. Сергія [1]; или выставляя, что Русскіе грѣшнѣе Поляковъ, и потому терпятъ отъ нихъ пораженія. Наконецъ Крижаничъ позволяетъ себѣ прямо вооружаться противъ православія, „разрушающаго въ Церкви монархію, установленную Христомъ, какъ лучшее правленіе, и вводящаго въ Церковь многихъ вселенскихъ первосвященниковъ“ [2].

Ученый Сербъ пріѣхалъ въ Россію проповѣдникомъ просвѣщенія, которое должно было открыть умныя очи всѣмъ Славянамъ; но Россія, стремившаяся къ просвѣщенію, прежде всего хотѣла остаться православною. Ученый Сербъ, хотѣвшій посредствомъ просвѣщенія открыть умныя очи своимъ соплеменникамъ, не могъ этого сдѣлать относительно самого себя, не могъ уразумѣть противорѣчія, какое носилъ въ собственномъ нравственномъ существѣ, будучи славянскимъ патріотомъ и католикомъ.

Сосланный въ Сибирь за неправославіе, Крижаничъ написалъ тамъ сочиненіе, драгоцѣнное по изображенному въ немъ состоянію Московскаго государства, объяснившему такъ хорошо необходимость приближающагося переворота. Въ то же самое время московскій подъячій бѣжитъ за-границу и тамъ начертываетъ столь же важное для насъ изображеніе Московскаго государства: то былъ извѣстный Котошихинъ (Кошихинъ). Оба эти явленія одинаково служатъ знаменіями времени.

Но, въ то время, когда въ Москвѣ съ разныхъ сторонъ раздавались все громче и громче крики о необходимости перемѣнъ, о необходимости заимствованія науки, искусства и ремесла у другихъ образованнѣйшихъ народовъ, не оставались въ молчаніи люди, которые уперлись противъ *новшествъ*, уперлись противъ движенія народа на новый путь, и въ этомъ движеніи видѣли движеніе къ царству антихристову,—не молчали раскольники. Они пропѣли и свою историческую пѣсню про осаду Соловецкаго монастыря, какъ царь Алексѣй Михайловичъ говорилъ воеводѣ своему Солтыкову: „Ты ступай-ко ко морю, ко синему, ко тому острову ко большому, ко тому къ монастырю ко честному къ Соловецкому; ты порушь вѣру старую, правую, постановь вѣру новую, неправую“. Но изъ памятниковъ раскольнической литературы, о которыхъ еще не было упомянуто прежде, для насъ особенно важенъ одинъ—это похожденія знаменитаго протопопа Аввакума, описанныя имъ самимъ [1]. Важность памятника заключается въ томъ, что̀ онъ лучше другихъ памятниковъ переноситъ насъ въ Россію XVII вѣка, отъ которой мы отошли такъ далеко и явленія которой мы съ такимъ трудомъ понимаемъ, придавая историческимъ лицамъ XVII вѣка черты нашего времени, наши воззрѣнія и стремленія. Мы имѣли возможность узнать: что̀ такое былъ сильный человѣкъ въ древней Россіи, какъ силы богатыря мало сдерживались, какъ онѣ не были устроены и направлены воспитаніемъ, образованіемъ, ибо плеть и палка однѣ не могутъ содѣйствовать этому устроенію и направленію; какъ богатырь вырывался изъ отцовскаго дома, изъ-подъ отцовской плети и палки размять плечо богатырское, и что могло тутъ сдержать его,—сама мать должна была заходить сзади, чтобъ унять расходившуюся силу. Подробности жизни Никона много уясняютъ намъ явленія этихъ богатырей среди общества, не выработавшаго нравственныхъ сдержекъ для хаотическихъ богатырскихъ силъ. До тѣхъ поръ, пока мы не перенесемся въ XVII вѣкъ и не взглянемъ на Никона, какъ на богатыря въ патріаршеской митрѣ и саккосѣ,—до тѣхъ поръ это явленіе останется для насъ загадочнымъ, и Никонъ не перестанетъ изумлять насъ своею силою и безсиліемъ. Въ соотвѣтствіе богатырю-патріарху, XVII вѣкъ выставляетъ намъ богатыря протопопа, вслѣдствіе несдержанной силы ставшаго заклятымъ врагомъ Никона и расколоучителемъ. Аввакумъ въ драгоцѣнномъ житіи своемъ является не одинъ, но окруженный цѣлою дружиною подобныхъ ему богатырей, которые расходились въ защиту двуперстнаго сложенія и двойной аллилуія, и не могли найдти себѣ удержу; тутъ же близко знакомимся съ особаго рода богатырями—юродивыми, которымъ такъ же грузно отъ силушки, какъ отъ тяжелаго бремени, и которые освобождаются отъ этого бремени тѣмъ, что ходятъ въ лютые морозы босикомъ, въ одной рубашкѣ; толпа, видя проявленіе такой силы, вполнѣ вѣритъ и подвигамъ Ильи Муромца и Добрыни Никитича, какъ разсказываются они въ сказкѣ и поются въ пѣснѣ. Въ житіи Аввакума встрѣчаемъ мы и старыхъ своихъ знакомыхъ воеводъ, такихъ охотниковъ давать чувствовать свою силу; встрѣчаемъ и сибирскихъ воеводъ, этихъ русскихъ Кортесовъ и Пизарро, которые ходятъ на пріиски новыхъ землицъ и которые совершенно разнуздались въ далекой странѣ среди дикихъ звѣрей и дикихъ людей [2]. Наконецъ встрѣчаемся съ дикою силой толпы, которая такъ легко выражается въ насиліи.

---

[1] Или слѣдующее о Шуйскомъ: «Fuit etiam inter Christianos alicui quiquam rex, qui cum metueret, ne populus ad ipso deficeret ad ejus oemulum, hominem quemquam mortuum mandavit ex alio loco ad se transferri: et appellavit eum martyrem et thaumaturgum».

[2] Политичныя Думы Крижанича изданы подъ заглавіемъ: „Русское государство въ половинѣ XVII вѣка» г. Безсоновымъ; имъ же изданы отрывки изъ сочиненія Крижанича: *О промыслѣ*.

„Рожденіе мое“, говоритъ Аввакумъ, въ „нижегородскихъ предѣлахъ (тамъ же, гдѣ и Никоново), за Кудмою рѣкою, въ селѣ Григоровѣ. Отецъ мой (священникъ) прилежаше питія хмельнаго, мати же моя постница и молитвенница бысть, всегда учаше мя страху Божію“. Живая, впечатлительная натура Аввакума высказалась рано; въ дѣтствѣ увидалъ онъ у сосѣда мертвую скотину; это такъ его поразило, что ночью онъ не могъ спать, всталъ и началъ молиться „поминая смерть, яко и мнѣ умереть“. Бѣда въ дѣтствѣ, изгнаніе отъ родственниковъ послѣ смерти отца развили силы молодого богатыря. 21 года Аввакумъ поставленъ былъ въ дьяконы, чрезъ два года во священники. Сила не замедлила обнаружиться: Аввакумъ началъ отличаться дѣятельностію, усердіемъ въ исполненіи своихъ обязанностей; это привлекло къ нему много духовныхъ дѣтей; но эта же сила повлекла его къ столкновенію съ другими силами: Аввакумъ началъ ссориться съ начальными людьми, а извѣстно, что̀ такое были начальные люди въ XVII вѣкѣ; одинъ, разсердившись на Аввакума за ходатайство о дѣвицѣ, отнятой имъ у матери, пришелъ въ церковь съ толпою и задавилъ священника до полусмерти. Въ другой разъ тотъ же начальный человѣкъ билъ Аввакума въ церкви, волочилъ за ноги по землѣ въ ризахъ. Другой начальный человѣкъ, разсердившись, прибѣжалъ въ домъ къ Аввакуму, билъ его и зубами отгрызъ пальцы у руки; потомъ настигъ Аввакума на дорогѣ въ церковь, стрѣлялъ въ него изъ двухъ пищалей, но, къ счастію, обѣ осѣклись. Кончилъ этотъ начальникъ тѣмъ, что отнялъ у Аввакума дворъ, всего ограбилъ и даже не далъ хлѣба на дорогу. Въ это самое время у Аввакума родился ребенокъ; отецъ взялъ клюку, мать—некрещенаго младенца, и побрели въ Москву. Здѣсь Аввакумъ сблизился съ самыми видными лицами изъ бѣлаго духовенства,—духовникомъ Стефаномъ Вонифатьевымъ и протопопомъ Иваномъ Нероновымъ [3]; они замѣтили въ Аввакумѣ сильнаго человѣка и объявили о немъ государю, который такъ любилъ, такъ искалъ сильныхъ людей между духовенствомъ. Вонифатьевъ и Нероновъ отправили Аввакума опять на старое мѣсто; здѣсь онъ нашелъ и стѣны старыхъ хоромъ своихъ разоренными, обзавелся снова, но не могъ долго нажить въ покоѣ. „Пришли въ село мое плясовые медвѣди съ бубнами и съ домрами, и я, грѣшникъ, по Христѣ ревнуя, изгналъ ихъ, и хари и бубны изломалъ на полѣ единъ у многихъ, и медвѣдей двухъ великихъ отнявъ,—одного ушибъ, и паки ожилъ, а другого отпустилъ въ поле". На бѣду, въ это время плылъ Волгою въ Казань на воеводство Василій Петровичъ Шереметевъ; ему пожаловались на ревнителя; бояринъ призвалъ Аввакума къ себѣ на судно и много бранилъ; но этимъ бѣда не кончилась: съ Шереметевымъ ѣхалъ сынъ его, Матвѣй; у Шереметевыхъ была сильная склонность къ иноземщинѣ, и Матвѣй брилъ бороду; когда старый Шереметевъ, разбранивши Аввакума за медвѣдей, велѣлъ однако ему благословить сына своего, то ревнитель, увидавъ *блудоносный* образъ, объявилъ, что ни за что не благословитъ, и началъ порицать отъ Писанія; бояринъ сильно разсердился и велѣлъ бросить обличителя въ Волгу; грозный приказъ впрочемъ не былъ исполненъ: Аввакумъ отдѣлался тѣмъ, что его, много, томя, протолкали.

---

[1] Житіе протопопа Аввакума, изд. Н. С. Тихонравова.

[2] См. Исторію Россіи т. IX и XII.

[3] См. Исторію Россіи т. X.

Аввакумъ не могъ ужиться въ селѣ; его выгнали въ другой разъ; въ другой разъ *сволокся* онъ къ Москвѣ, и государь велѣлъ его поставить въ протопопы въ Юрьевецъ-Поволжскій. Но здѣсь Аввакумъ столкнулся не съ воеводою, а съ другою силою,—съ міромъ. Въ 8 недѣль новый протопопъ успѣлъ вооружить противъ себя духовенство и мірскихъ людей, мужчинъ и женщинъ. Огромная толпа собралась къ Патріаршему Приказу, гдѣ сидѣлъ Аввакумъ за духовными дѣлами; протопопа вытащили изъ Приказа, среди улицы били батогами и топтали, прибили до полусмерти и бросили подъ избной уголъ. Воевода прибѣжалъ съ пушкарями на выручку; схватилъ Аввакума, посадилъ на лошадь, привезъ домой и около дома разставилъ пушкарей. Предосторожность была далеко не лишняя, толпа приступила къ протопопову дому, особенно кричатъ попы и бабы: „Убить вора, б..... сына, да и тѣло собкамъ въ ровъ кинемъ". Аввакумъ ночью, покинувъ жену и дѣтей, ушелъ по Волгѣ самъ-третей; прибѣжалъ въ Кострому, а здѣсь та же исторія: Костромичи выгнали своего протопопа Даніила. Для объясненія этихъ явленій, вспомнимъ, что въ описываемое время Вонифатьевъ, Нероновъ, Аввакумъ, Даніилъ были передовыми людьми, нововводителями и своими нововведеніями возбуждали противъ себя сильное негодованіе

Въ Москвѣ духовникъ и самъ царь встрѣтили Аввакума упрекомъ, зачѣмъ покинулъ соборную церковь. Однако его не возвратили въ Юрьевъ, оставили въ Москвѣ, гдѣ, вмѣстѣ съ другими передовыми людьми, поручили исправленіе книгъ. Мы знаемъ, чѣмъ кончилось дѣло, какъ Аввакумъ съ товарищами изъ передовыхъ людей стали главами старообрядства, и Аввакумъ всею своею силою зашумѣлъ противъ новшествъ. Тутъ онъ столкнулся съ Никономъ. Пусть онъ самъ разскажетъ слѣдствія этого столкновенія: „Меня взяли отъ всенощнаго со стрѣльцами, на патріарховѣ дворѣ на цѣпь посадили ночью. Егда же разсвѣтало въ день недѣльный, посадили меня на телѣгу и растянули руки и везли отъ патріархова двора до Андроньева монастыря и тутъ на цѣпи кинули въ темную палатку,—ушла въ землю,—и сидѣлъ три дня, не ѣлъ, не пилъ во тьмѣ сидя, кланяяся на цѣпи, не знаю на востокъ, не знаю на западъ. Никто ко мнѣ не приходилъ токмо мыши и тараканы, сверчки кричатъ и блохъ довольно. На утро архимандритъ съ братьею пришли и вывели меня; журятъ мнѣ, что патріарху не покорился, а я отъ Писанія его браню да лаю. Въ то время послѣ меня взяли Логина, протопопа муромскаго. Въ соборной церкви при царѣ остригъ (его Никонъ) въ обѣдню. Остригши, содрали съ него однорядку и кафтанъ. Логинъ же ражжегся ревностію божественнаго огня, Никона порицая, и черезъ порогъ въ алтарь въ глаза Никону плевалъ; распоясався, схватя съ себя рубашку, въ алтарь въ глаза Никону бросилъ; и чудно: растопорясь рубашка и покрыла на престолѣ дискосъ, будто воздухъ. И меня привезли къ соборной церкви стричь. Государь съ мѣста сошелъ и, приступя къ патріарху, упросилъ не стричь. Послали меня въ Сибирь съ женою и дѣтьми". Аввакума вообще очень щадили въ сравненіи съ другими расколоучителями, и послѣ, какъ увидимъ, сильно ухаживали за нимъ, уговаривая отстать отъ раскола, или, по крайней мѣрѣ, не кричать за него. Причиною было то, что Аввакумъ имѣлъ славу отлично благочестивой жизни, и понятно, какъ благочестивѣйшему Алексѣй Михайловичу было тяжело преслѣдовать такого человѣка.

Въ Тобольскѣ Аввакума приняли хорошо: архіепископъ далъ ему мѣсто при одной церкви, воевода князь Хилковъ принималъ ревнителя съ уваженіемъ. Но, въ отсутствіе архіепископа, произошелъ случай, въ которомъ богатырь показалъ свою силу, и опять возбудилъ противъ себя другую силу. Архіепископскій дьякъ Струна, которому безъ владыки была своя воля, захотѣлъ мучить напрасно дьякона той церкви, гдѣ Аввакумъ былъ священникомъ. Дьяконъ ушелъ отъ него въ церковь подъ покровительство священника, но Струна не хотѣлъ отстать отъ дьякона: во время вечерни, съ толпою, человѣкъ въ 20, вскочилъ онъ въ церковь и схватилъ дьякона на клиросѣ за бороду. Аввакумъ покинулъ вечерню, прибѣжалъ на помощь къ дьякону, вмѣстѣ съ нимъ схватилъ Струну, посадилъ его на полу среди церкви и „за церковный мятежъ постегалъ его ремнемъ нарочито-таки"; товарищи Струны разбѣжались, и дьякъ, подъ ремнемъ протопопа, принесъ покаяніе. Но этимъ дѣло не кончилось: родственники Струны, попы и чернецы, подняли весь городъ на Аввакума; въ полночь подвезли сани къ его двору, ломились въ избу, хотѣли схватить протопопа и свести въ воду. „Мучился я съ мѣсяцъ отъ нихъ, бѣгаючи втай", говоритъ Аввакумъ, „иное въ церкви ночую, иное къ воеводѣ уйду, иное въ тюрьму просился — ино не пустятъ".

Ревность по старыхъ книгахъ начала-было утихать въ Аввакумѣ въ Тобольскѣ. „Былъ я у заутрени въ соборной церкви, шаловалъ съ ними въ церкви той при воеводахъ да съ пріѣзду смотрѣлъ у нихъ просфиромисанія дважды и трижды, въ алтарѣ у жертвенника стоя, а самъ имъ ругался; а какъ привыкъ ходить, такъ и ругаться не сталъ, что жаломъ духомъ антихристовымъ и ужалило-было". На бѣду кто-то во снѣ сказалъ Аввакуму: „Блюдися отъ мене, да не полма разтесанъ будеши". Аввакумъ подумалъ, что это самъ Христосъ грозится наказать его за уступку антихристову духу; онъ не пошелъ къ обѣдни, но пошелъ обѣдать къ воеводѣ, князю Хилкову, и разсказалъ ему сонъ; бояринъ расплакался. Аввакумъ, разумѣется, спѣшилъ загладить грѣхъ своей слабости. Вслѣдстіе этого пришелъ указъ вести его изъ Тобольска на Лену; на дорогѣ, въ Енисейскѣ, другой указъ—вести въ Даурію и отдать въ полкъ Аѳанасью Пашкову, искавшему новыхъ землицъ и приводившему инородцевъ подъ высокую руку великаго государя. Пашковъ не былъ похожъ на Хилкова. „На долгомъ порогѣ сталъ меня изъ дощеника выбивать; для-де тебя дощеникъ худо идетъ; еретикъ-де ты; поди-де по горамъ, а съ казаками не ходи. О горе стало! Горы высоки, дебри непроходимыя, утесъ каменный, яко стѣна стоитъ, — и поглядѣть заломя голову; въ горахъ тѣхъ обрѣтаются зміи великіе; въ нихъ же витаютъ гуси и утицы — перье красное, вороны черные и галки сѣрыя; въ тѣхъ же горахъ орлы и соколы, и кречеты, и курята индѣйскія, и бабы, и лебеди, и иныя дикія, многое множество, птицы разныя. На тѣхъ же горахъ гуляютъ звѣри многіе: дикія козы, и олени, и зубры, и лоси, и кабаны, волки, бараны дикіе во очію нашу, а взять нельзя. На тѣ горы выбивалъ меня Пашковъ со звѣрьми и птицами витати, и азъ ему малое писаньце написалъ, сице начало: „Человѣче! убойся Бога, Его же трепещутъ небесныя силы, единъ ты презираешь и неудобство показуешь". Тамъ многонько писано, и послалъ къ нему. А и бѣгутъ человѣкъ съ 50; взяли мой дощечникъ и помчали къ нему. Привели дощечникъ; взяли меня палачи, привели предъ него. Онъ съ шпагою стоитъ и дрожитъ, рыкнулъ, яко дикій звѣрь, и ударилъ меня по щекѣ, тоже по другой, и паки въ голову, и сбилъ меня съ ногъ и, чепь ухватя, лежачаго по спинѣ ударилъ трижды и, разболокши, по той же спинѣ 72 удара кнутомъ". Нашелся заступникъ, сынъ Пашкова, Еремѣй, сталъ уговаривать отца не грѣшить, не бить протопопа. Еремѣй поступилъ неосторожно, зашелъ къ отцу съ увѣщаніями спереди, а не сзади; старикъ расходился и погнался за сыномъ со шпагою,—тотъ едва успѣлъ убѣжать. Послѣ этого и съ Пашковымъ случилась бѣда: дощеникъ его попалъ на мель; Еремѣй воспользовался случаемъ и началъ говорить отцу: „Батюшка! за грѣхъ наказываетъ Богъ, напрасно протопопа кнутомъ избилъ; пора покаяться, государь!" Старикъ рыкнулъ на Еремѣя какъ звѣрь; тотъ увидалъ бѣду, отошелъ къ соснѣ, сложилъ руки и говоритъ: „Господи помилуй!" Старикъ схватилъ пищаль, приложился въ сына, спустилъ курокъ — осѣклось; въ другой разъ — осѣклось; въ третій—осѣклось. Старикъ въ ярости бросилъ пищаль на землю. Малый взялъ ее, спустилъ на сторону—выстрѣлилъ. Старикъ сѣлъ на стулъ, подперся шпагою, задумался, началъ плакать и говорить: „Согрѣшилъ, окаянный, пролилъ кровь неповинную, напрасно протопопа билъ, за то меня наказываетъ Богъ". Въ это время дощеникъ сдвинулся съ камня; Пашковъ подозвалъ къ себѣ сына и сказалъ ему: „Прости, Еремѣй, правду ты говоришь." Тотъ отвѣчалъ съ поклономъ: „Богъ тебя, государь, проститъ; я предъ Богомъ и предъ тобою виноватъ".—„Гораздо Еремѣй разуменъ и добръ человѣкъ", заключаетъ Аввакумъ, „ужь у него и своя сѣда борода, а гораздо почитаетъ отца и боится его". Привезли послѣ этого протопопа въ Братскій острогъ и въ тюрьму кинули, соломки дали: „что собачка на соломкѣ лежу; коли накормятъ, коли нѣтъ; мышей много было, я ихъ скуфьею билъ,— и батожка не дадутъ дурачки. Хотѣлъ на Пашкова кричать: *прости;* но воля Божія возбранила, велѣно терпѣть. Перевелъ меня въ теплую избу. На весну паки поѣхали впередъ. Охъ времени тому! у меня два сына маленькихъ умерли въ нуждахъ тѣхъ; и съ прочими скитающеся по горамъ и острому каменію, наги и босы, травою и кореньемъ перебивающеся, кое-какъ мучились. Мнѣ подъ робятъ и подъ рухлядишко дали двѣ клячки, а самъ и протопопица брели пѣшіе, убивающися о ледъ Страна варварская, иноземцы не мирные; отстать отъ людей не смѣемъ и за лошадьми идти не поспѣемъ. Протопопица бѣдная бредетъ-бредетъ да и повалится: скользко гораздо; въ иную пору бредучи повалилась, а иной томный же человѣкъ на нее набрелъ, тутъ же повалился: оба кричатъ, а встать не могутъ. Мужикъ кричитъ: „Матушка государыня, прости!" а протопопица: „Что ты, батько, меня задавилъ!" Я пришелъ. На меня бѣдная пеняетъ, говоря: „Долго ли мука сія, протопопъ, будетъ?" И я говорю: „Марковна! до самой смерти". Она, вздохня, отвѣчала: „Добро, Петровичъ; ино еще побредемъ".

Пришелъ чередъ и протопопу упасть духомъ и получить помощь отъ протопопицы. „Десять лѣтъ", говоритъ Аввакумъ, „Пашковъ меня мучилъ *или я его, не знаю*, Богъ разберетъ". Наконецъ пришла грамота—велѣно Аввакуму ѣхать на Русь. Протопопъ отправился, приплылъ въ русскіе города и „уразумѣлъ о церкви, яко ничто же успѣваетъ, но паче молва бываетъ. Опечалясь, сидя, разсуждаю: что сотворю? проповѣдую ли слово Божіе, или скрыюся? Жена и дѣти связали меня. И, видя меня печальна, протопопица моя приступи ко мнѣ со опрятствомъ и рече ми: „Что, господине, опечалился еси?" Азъ же подробну извѣстихъ: „Жена! что сотворю? зима еретическая на дворѣ, говорить мнѣ или молчать? связали вы меня!" Она же мнѣ говоритъ: „Господи помилуй! что ты, Петровичъ, говоришь, поди, поди въ церковь, Петровичъ! обличай блудню еретическую!" Аввакумъ разсказываетъ еще одну любопытную семейную сцену. „У меня былъ въ Москвѣ бѣшеной, Филиппомъ звали, въ избѣ въ углу прикованъ былъ къ стѣнѣ, понеже въ немъ бѣсъ былъ суровъ и жестокъ: гораздо бился и дрался, и не могли съ нимъ домочадцы ладить. Егда же азъ грѣшный съ крестомъ и съ водою пріиду, повиненъ бываетъ и яко мертвъ падаетъ предъ крестомъ Христовымъ. По нѣкоемъ времени пришелъ я отъ Ѳедора Ртищева зѣло печаленъ, понеже въ дому у него съ еретиками шумѣлъ много о вѣрѣ и о законѣ; а въ моемъ дому въ то время учинилось неустройство: протопопица моя со вдовою домочадицею Фотиніею между собою побранились. И я, пришедъ, билъ ихъ обѣихъ и оскорбилъ. Та же бѣсъ вздивьялъ въ Филиппѣ: и началъ чепь ломать, бѣсясь, и кричать неудобно, на всѣхъ домашнихъ нападе ужасъ. Азъ безъ исправленія приступилъ къ нему, хотѣлъ его укротити, но не бысть попрежнему: ухватилъ меня и учалъ бить и драть. Потомъ бросилъ меня отъ себя, и самъ говоритъ: „Не боюсь я тебя“. Мнѣ въ тѣ поры горько стало: „Бѣсъ, реку, надо мною волю взялъ“. Полежалъ маленько, съ совѣстію собрался; возставъ же, жену свою сыскалъ и предъ нею сталъ прощаться со слезами, а самъ ей, въ землю кланяясь, говорю: „Согрѣшилъ, Настатья Марковна; прости меня грѣшнаго!“ она мнѣ также кланяется. Посемъ и съ Фотиньею тѣмъ же образомъ простился; тоже легъ среди горницы и велѣлъ всякому человѣку бить себя плетью по пяти ударовъ по окаянной спинѣ; человѣкъ было 20, и жена, и дѣти, и всѣ, плачучи, стегали. Егда же всѣ отбили, и я, возставши, сотворилъ предъ ними прощеніе. Бѣсъ же, видѣвъ неминучую бѣду, опять вышелъ вонъ изъ Филиппа, и я его крестомъ благословилъ, и онъ по старому хорошъ сталъ“.

Въ Москвѣ приняли Аввакума отлично, ласкою хотѣли отвратить такого сильнаго человѣка отъ раскола: „Яко ангела Божія пріяша мя“, говоритъ Аввакумъ, „государь и бояре всѣ мнѣ рады. Къ Ѳедору Ртищеву зашелъ; онъ самъ изъ палатки выходилъ ко мнѣ, благословился отъ меня и учалъ говорить много; три дня и три нощи домой меня не отпускалъ и потомъ царю обо мнѣ извѣстилъ. Государь меня тотчасъ къ рукѣ поставить велѣлъ и слова милостивыя говорилъ: „Здорово ли-де, протопопъ, живешь? еще-де видѣться Богъ велѣлъ“. И я супротивъ руку его поцѣловалъ и пожалъ, а самъ говорю: „Живъ Господь, жива и душа моя, царь государь! а впредь что повелитъ Богъ“. Онъ же миленкой вздохнулъ да и пошелъ, куда надобѣ ему; и иное кое-что было, да что много говорить?—прошло уже то. Велѣлъ меня поставить на монастырскомъ подворьи въ Кремлѣ и, въ походы мимо моего двора ходя, кланялся часто со мною, низенько-таки, а самъ говоритъ: „Благослови-де меня и помолися обо мнѣ“; и шапку въ иную пору мурманку снимаючи, съ головы уронилъ, ѣдучи верхомъ. Изъ кареты бывало высунется ко мнѣ, тоже и всѣ бояре послѣ его челомъ да челомъ: „Протопопъ! благослови и молися о насъ“. Какъ мнѣ царя того и бояръ тѣхъ не жалѣть? Жаль видѣть каковы были добры, давали мнѣ мѣсто, гдѣ бы я захотѣлъ; и въ духовники звали, чтобъ я съ ними соединился въ вѣрѣ. Азъ же, вся сія яко уметы вмѣнихъ, да Христа пріобрящу. Видятъ они, что я не соединяюся съ ними, приказалъ государь уговаривать меня Родіону Стрѣшневу, чтобъ я молчалъ. И я потѣшилъ его: царь то есть, отъ Бога учиненъ и добренекъ до мене. Чаялъ либо помаленьку исправиться, а се посулили мнѣ Симеонова дни сѣсть на печатномъ дворѣ, книги править и я радъ сильно: мнѣ то надобно лучше и духовничества. Пожаловалъ, ко мнѣ прислалъ 10 рублевъ денегъ, царица 10 рублевъ, Лука духовникъ 10 рублевъ же, Родіонъ Стрѣшневъ 10 рублевъ же, а дружище наше старое Ѳедоръ Ртищевъ тотъ и 60 рублевъ казначею своему велѣлъ въ шапку мнѣ сунуть, а про иныхъ нечего и сказывать! Всякъ тащитъ, да несетъ всячиною. У свѣта моей Ѳеодосьи Прокофьевны Морозовы, не выходя, жилъ во дворѣ, понеже дочь мнѣ духовная; и сестра ея, княгиня Евдокія Прокофьевна (Урусова), дочь же моя. И у Анны Петровны Милославскія всегда же въ дому былъ; и къ Ѳедору Ртищеву браниться съ отступниками ходилъ, да такъ-то съ полгода жилъ. Да вижу, яко церковное ничто же успѣваетъ, но паче молва бываетъ,—паки заворчалъ, написалъ царю многонько-таки, чтобъ онъ старое благочестіе взыскалъ и мати нашу общую, святую церковь, отъ ереси оборонилъ и на престолъ бы патріаршескій пастыря православнаго учинилъ, вмѣсто волка и отступника Никона, злодѣя и еретика. Съ тѣхъ мѣстъ царь на меня кручиновать сталъ; не любо стало, какъ опять сталъ я говорить; любо имъ, какъ молчу,—да мнѣ такъ не сошлось. И власти, яко козлы, пырскать стали на меня и умыслили паки сослать меня съ Москвы, понеже ради Христа многіе приходили ко мнѣ и, уразумѣвши истину, не стали къ прелестной службѣ ихъ ходить. И мнѣ отъ царя выговоръ былъ: „Власти-де на тебя жалуются, церкви-де ты запустошилъ; поѣдь-де въ ссылку опять“. Да и повезли на Мезень. По городамъ паки людей Божіихъ училъ и ихъ, пестрообразныхъ звѣрей, обличалъ. И привезли на Мезень. Полтора года державъ, паки къ Москвѣ взяли. А привезши къ Москвѣ, отвезли подъ началъ въ Пафнутьевъ монастырь; и туда присылка была, то же, да то же говорятъ: „Долго ли тебѣ мучить насъ? соединись съ нами, Аввакумушка!“ Я отрицался что отъ бѣсовъ, а они лѣзутъ въ глаза; сказку имъ тутъ съ бранью большою написалъ. Изъ Пафнутьева взяли меня паки въ Москву и въ Крестовой стязашася власти со мною; ввели меня въ соборный храмъ и стригли (разстригали) по переносѣ меня и діакона Ѳеодора, потомъ опроклинали, а я ихъ проклиналъ сопротивъ: зѣло было мнѣ тяжко въ обѣдню ту. И повезли ночью на Угрѣшу къ Николѣ въ монастырь, держали въ студеной палаткѣ 17 недѣль.

И царь приходилъ въ монастырь, около темницы моея походилъ и, постонавъ, опять пошелъ изъ монастыря. Какъ стригли, въ то время великое нестроеніе вверху у нихъ бысть съ царицею съ покойницею: она за насъ стояла въ то время, миленькая, и отъ казни отпросила меня. По семъ свезли меня паки въ монастырь Пафнутьевъ и тамъ, заперши въ темную палатку, скованна держали годъ безъ мала. Привезли меня изъ монастыря Пафнутьева къ Москвѣ, и поставили на подворьи, и волоча многажды въ Чудовъ, поставили предъ вселенскихъ патріарховъ, и наши всѣ тутъ же, что лисы, сидѣли; отъ Писанія съ патріархи говорилъ много. Послѣднее слово ко мнѣ рекли: „Что-де ты упрямъ: вся-де наша Палестина, и Серби, и Албансы, и Волохи, и Римляне, и Ляхи, всѣ-де тремя персты крестятся; одинъ-де ты стоишь на своемъ упорствѣ и крестишься двумя персты: такъ не подобаетъ“. И я имъ о Христѣ отвѣщалъ сице: „Вселенскіе учителіе! Римъ давно упалъ и лежитъ невосклонно и Ляхи съ нимъ же погибли, до конца враги быша христіаномъ; и у васъ православіе пестро; отъ насилія турскаго Магмета немощни есте стали; и впредь пріѣзжайте къ намъ учиться; у насъ Божіею благодатію самодержство; до Никона отступника въ нашей Россіи у благочестивыхъ князей и царей все было православіе чисто и непорочно и Церковь не мятежна“... Я отошелъ къ дверямъ да на бокъ повалился: „Посидите вы, а я полежу“, говорю имъ, такъ они смѣются: „Дуракъ-де протопопъ и патріарховъ не почитаетъ“; а я говорю: „Мы уроди Христа ради; вы славни, мы же безчестни; вы сильны, мы же немощны“. Повели меня на чепь, потомъ на Воробьевы горы, тоже къ Николѣ на Угрѣшу; тутъ государь присылалъ ко мнѣ голову Юрья Лотухина, благословенія ради, и кое о чемъ много говорили. Таже опять ввезли насъ въ Москву, на Никольское подворье и взяли у насъ о правовѣріи еще сказки; потомъ ко мнѣ комнатные люди многажды присыланы были Артемонъ (Матвѣевъ) и Дементій (Башмаковъ), и говорили мнѣ царевымъ глаголомъ: „Протопопъ, вѣдаю-де я твое чистое и непорочное и богоподражательное житіе, прошу-де твоего благословенія и съ царицею и съ чады, помолись о насъ. Пожалуй-де, послушай меня, соединись со вселенскими тѣми, хотя не большимъ чѣмъ“. И я говорю: „Аще и умрети мнѣ Богъ изволитъ, со отступниками не соединюся. Ты мой царь, а имъ до тебя какое дѣло? своего царя потеряли, и тебя проглотить сюды приволоклися“. Таже, братію казня, а меня не казня, сослали въ Пустозерье“.— Аввакумъ до конца остался непреклоненъ; вотъ его исповѣданіе: „Аще я и не смысленъ, гораздо неученый человѣкъ, да то знаю, что вся церкви отъ св. отецъ преданная свята и непорочна суть; держу до смерти, яко же пріяхъ; не прелагаю предѣлъ вѣчныхъ: до насъ положено, лежи оно такъ во вѣки вѣковъ“.

Мы видѣли, что жена поддерживала ревность Аввакума; но это далеко не единственный примѣръ въ исторіи раскола. Боярыня Ѳедосья Прокофьевна Морозова, вдова Глѣба Ивановича, брата знаменитаго Бориса, пользовалась большимъ почетомъ при Дворѣ. „Дома прислуживало ей человѣкъ съ триста. Крестьянъ было 8,000; друговъ и сродниковъ множество-много; ѣздила она въ дорогой каретѣ, устроенной мозаикою и серебромъ, въ шесть или двѣнадцать лошадей съ гремячими цѣпями; за нею шло слугъ, рабовъ и рабынь человѣкъ сто, оберегая ея честь и здоровье“. И эта богатая и знатная боярыня вмѣстѣ съ сестрою, княгинею Евдокіею Урусовою, стали ревностными послѣдовательницами Аввакума, и цѣлый рядъ лишеній и страданій не могли поколебать ихъ твердости. Легко понять, какую помощь оказывали обѣ сестры расколу по своему положенію, сосредоточивая около себя самыхъ ревностныхъ его послѣдователей; понятно, какъ это не нравилось царю, который употреблялъ всѣ средства для ихъ обращенія—увѣщанія, угрозы, наказаніе,—и все понапрасну. „Сумасбродная люта“, отзывался царь Алексѣй Михайловичъ о Морозовой, считая сестру ея Евдокію смиренною; но эта смиренная, какъ часто бываетъ, поддерживала „лютую“ своею твердостію. На вопросъ Крутицкаго митрополита Павла, причастится ли она по тѣмъ служебникамъ, по которымъ причащается государь, царица и царевны,— Морозова отвѣчала: „Не причащусь; знаю, что царь причащается по развращеннымъ служебникамъ Никонова изданія. Врагъ Божій Никонъ своими ересями какъ блевотиною наблевалъ, а вы нынѣ-то скверненіе его полизаете; явно, что и вы подобны ему“.

Сестеръ заточили по разнымъ мѣстамъ. Патріархъ Питиримъ сталъ просить за нихъ царя: „Я совѣтую тебѣ боярыню ту Морозову вдовицу,— кабы ты изволилъ опять домъ ей отдать и на потребу ей дворовъ бы сотницу крестьянъ далъ; а княгиню тоже бы князю отдалъ, такъ бы дѣло то приличнѣе было. Женское ихъ дѣло; чтó онѣ много смыслятъ“.—„Давно бы я такъ сдѣлалъ“, отвѣчалъ царь, „но не знаешь ты лютости этой женщины. Какъ повѣдать тебѣ, сколь поругалась и нынѣ ругается Морозова та! Много надѣлала она мнѣ трудовъ и неудобствъ показала. Если не вѣришь моимъ словамъ, изволь самъ испытать; призови ее къ себѣ, спроси, и самъ узнаешь ея твердость, начнешь ее истязать и вкусишь пріятности ея“.

Патріархъ вкусилъ пріятности ея, и отступился. Сестеръ пытали наверху, у государя въ Думѣ была рѣчь о томъ, чтобъ сжечь Морозову въ срубѣ, „да бояре не потянули; а Долгорукій малыми словами. да много у нихъ пересѣкъ“. Раскольницъ сослали въ Боровскъ и заперли въ земляную тюрьму. Урусова не вынесла тяжкаго заключенія и скоро умерла; за нею послѣдовала и Морозова [1]).

---

[1]) Боярыня Морозова, ст. Тихонравова въ Русск. Вѣст. 1865, сентябрь. Забѣлина: Домаш. бытъ русск. царицъ, 105 и слѣд.

Приходили отовсюду новые учителя: во дворцѣ и съ церковной каѳедры, изъ монашеской кельи и изъ сибирскаго заточенья толковали они о необходимости перемѣнъ, о необходимости науки; задѣтые ими, оскорбленные старые учителя, бывшіе прежде сами передовыми людьми, возбуждавшіе негодованіе своими новшествами, возстали противъ новшествъ, принесенныхъ соперниками, провозгласили, что не должно быть никакихъ перемѣнъ: „До насъ положено, лежи оно такъ во-вѣки вѣковъ“. Но, въ то время какъ старые и новые учителя въ священническихъ и монашескихъ рясахъ препираются о двуперстномъ и треперстномъ сложеніи; когда Русскіе раздѣлились въ ожесточенной борьбѣ; когда сдѣлка съ наукою, попытка ввести науку чрезъ православныхъ учителей безъ вреда православію, далеко не удалась, какъ бы желалось; когда старые учителя провозгласили и православныхъ Грековъ, и православныхъ Малороссіянъ, и Бѣлоруссовъ еретиками, Латинцами:—въ это время являются новые учителя особаго рода, нежеланные ни старымъ учителямъ, ни новымъ въ рясахъ,—являются иновѣрцы-Нѣмцы, являются вслѣдствіе того, что прежде грамматики и реторики нужно было выучиться сражаться, вслѣдствіе того, что явно было экономическое банкротство по неумѣнью производить и продавать и по неимѣнію моря, являются вслѣдствіе того закона, по которому внѣшнее предшествуетъ внутреннему. Мы должны обратить вниманіе и на этихъ новыхъ учителей, посмотрѣть, что это за люди и какъ они живутъ въ своей Нѣмецкой слободѣ, которая играетъ такую роль въ исторіи преобразованія.

Мы уже имѣли случай говорить о наемныхъ войскахъ, о ихъ историческомъ значеніи. Мы видѣли, что они образовались изъ добровольныхъ и невольныхъ изгнанниковъ изъ родныхъ странъ, однимъ словомъ—изъ казаковъ Западной Европы. Для нашихъ казаковъ служила привольнымъ убѣжищемъ широкая степь, поле, гдѣ они могли поляковать, казаковать на свободѣ, признавать только по имени власть Русскаго государства, враждебно дѣйствовать противъ него при первомъ столкновеніи, но все оставаясь православными Русскими людьми. Въ Западной Европѣ не было степей, гдѣ бы могло образоваться казачество. Западно-европейскимъ казакамъ было два выхода: или плыть за океанъ для пріисканія и завоеванія новыхъ землицъ, и эта дѣятельность западныхъ казаковъ въ Новомъ Свѣтѣ совпадаетъ съ дѣятельностію нашихъ восточныхъ казаковъ за Камнемъ. Другой выходъ—извѣчное занятіе богатырскихъ, казацкихъ дружинъ—*служить въ семи ордахъ семи королямъ*, искать хорошаго жалованья и добычи въ службѣ разныхъ государей; съ XVII вѣка въ числѣ этихъ государей былъ и великій государь всея Руси. Изъ происхожденія и занятія этихъ западныхъ казаковъ, явившихся въ Москвѣ подъ именемъ *служилыхъ иноземцевъ*, объясняется уже ихъ характеръ. Волею или неволею оторвавшіеся отъ родной страны, мѣняющіе службу, знамена, смотря по тому, гдѣ выгоднѣе, составляя пеструю дружину пришельцевъ изъ разныхъ странъ и народовъ, служилые иноземцы были совершеннѣйшіе космополиты, отличавшіеся полнымъ равнодушіемъ къ судьбамъ той страны, гдѣ они временно поселились, отличавшіеся легкою нравственностію; побольше жалованья, побольше добычи—оставалось всегда главною цѣлію. Трудно было сыскать между ними кого-нибудь съ научнымъ образованіемъ: такіе люди не пошли бы въ наемныя дружины; но это были обыкновенно люди живые, развитые, много видѣвшіе, много испытавшіе, имѣвшіе много кой-о-чемъ поразсказать, пріятные и веселые собесѣдники, любившіе хорошо, весело пожить, пировать за полночь, беззаботные, живущіе день за день, привыкшіе къ крутымъ поворотамъ судьбы: нынче хорошо, завтра дурно; нынче побѣда, богатая добыча, завтра—проигранное сраженіе, добыча отнята, самъ въ плѣну.

Таковы были люди, которыхъ постоянно вызывали въ Москву въ продолженіи XVII вѣка; сперва увеличеніе числа иностранцевъ въ Москвѣ возбудило сильный ропотъ, жалобы священниковъ; иноземцевъ выдѣлили, переселили въ особую слободу. Казалось, что Русь отгородилась отъ Нѣмцевъ, но это могло только казаться такъ. Русь трогалась съ востока на западъ, и западъ выставилъ ей на пути, какъ свою представительницу, Нѣмецкую слободу. Историческій чередъ былъ за Нѣмецкой слободой, и скоро старая Москва преклонится передъ этою слободою своею, какъ нѣкогда старый Ростовъ преклонился передъ пригородомъ своимъ Владиміромъ; скоро Нѣмецкая слобода перетянетъ царя и Дворъ его изъ Кремля, обзаведется своими дворцами. Нѣмецкая слобода—ступень къ Петербургу, какъ Владиміръ былъ ступенью къ Москвѣ. Служилые иноземцы не прожили молча въ Нѣмецкой слободѣ. Одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ людей между ними изо дня въ день записалъ свои похожденія, свое житье-бытье, и оставилъ намъ любопытныя извѣстія о себѣ самомъ, о своихъ собратіяхъ, о Россіи предъ эпохою преобразованія. Я разумѣю „Дневникъ“ Гордона.

Патрикъ Гордонъ былъ родомъ Шотландецъ, католикъ. Послѣднее обстоятельство затворило ему двери отечественныхъ университетовъ. Надосугѣ молодой человѣкъ влюбился, но не могъ жениться на предметѣ своей страсти. Частію это обстоятельство, частію жажда къ свободѣ тянули Гордона изъ родной страны, тѣмъ болѣе что на родинѣ ему нечего было терять: онъ происходилъ изъ младшей линіи Гордоновской фамиліи и самъ былъ младшій сынъ. Молодой Гордонъ за границею. Сначала онъ поступилъ въ іезуитскій Браунобергскій коллегіумъ, но скоро замѣтилъ, что затворническая жизнь ему не по характеру. Въ 1655 году онъ вступилъ въ войска Шведскаго короля Карла X, который воевалъ тогда съ Поляками. Въ слѣдующемъ же году Гордонъ попался въ плѣнъ къ

Полякамъ и освобожденъ подъ условіемъ вступленія въ польскую службу; въ томъ же самомъ году попался въ плѣнъ къ Шведамъ и вступилъ опять въ шведскую службу. Наемному офицеру жалованья не платили, за то онъ не упускалъ удобнаго случая поживиться добычею, подкарауливалъ ее въ лѣсу, какъ разбойникъ, и записывалъ въ своемъ „Дневникѣ“, что, напримѣръ, ему удалось, хотя и не безъ труда, отнять лошадей у двоихъ крестьянъ; Гордонъ служилъ въ шотландской дружинѣ, которая прославилась своими грабительствами. Въ 1658 г. онъ опять попалъ въ плѣнъ къ Полякамъ и вторично вступилъ въ польскую службу: „Вѣдь главная цѣль Гордона“, говоритъ онъ о себѣ въ третьемъ лицѣ, „была—составить себѣ счастіе, но въ шведской службѣ теперь это трудно было сдѣлать, потому что у Шведовъ на шеѣ были—императоръ, короли Датскій и Польскій и царь Русскій. Правда, что честному человѣку хорошо у Шведовъ служить: это народъ справедливый, цѣнитъ каждаго по заслугамъ; но и между Поляками можно составить себѣ счастіе; польскіе генералы гордо обращаются съ иностранцами, но остальная шляхта и кто пообразованнѣе обращаются съ ними хорошо“. Но и между Поляками Гордонъ не нашелъ возможности составить себѣ счастіе, и въ 1661 году вступилъ въ русскую службу, въ званіи майора; въ сентябрѣ пріѣхалъ въ Москву, въ Нѣмецкую слободу. Здѣсь сначала Гордону не понравилось. Его позвали къ начальнику Иноземнаго Приказа, тестю царскому, боярину Ильѣ Даниловичу Милославскому; тотъ велѣлъ ему взять копье и мушкетъ и показать, какъ онъ умѣетъ ими дѣйствовать. Гордонъ отвѣчалъ, что еслибъ ему прежде сказали объ этомъ, то онъ бы привелъ съ собою своего деньщика, который, вѣроятно, знаетъ лучше его ружейные пріемы, и прибавилъ, что для офицера эти пріемы послѣднее дѣло, а главное—начальствовать надъ солдатами. Бояринъ возразилъ, что всякій служилый иноземецъ, пріѣзжающій въ Россію, хотя бы былъ полковникъ, долженъ показать, умѣетъ ли дѣйствовать копьемъ и мушкетомъ. Дѣлать было нечего: Гордонъ принялся за копье и мушкетъ,—и бояринъ остался доволенъ.

Тутъ же на первыхъ порахъ опытный искатель добычи столкнулся съ знаменитыми также искателями добычи, московскими дьяками. Назначенъ былъ Гордону, за его выѣздъ въ Россію, подарокъ 25 рублей чистыми деньгами и на 25 рублей соболями. Иностранецъ не зналъ обычая, что для полученія этого подарка надобно прежде подарить дьяка. Гордонъ къ дьяку за подаркомъ—тотъ отговаривается пустяками, Гордонъ бранится—нѣтъ успѣха; Гордонъ—къ боярину съ жалобою, бояринъ велитъ дьяку выдать подарокъ, но тотъ не выдаетъ. Гордонъ въ другой, въ третій разъ съ жалобою къ боярину, говоритъ ему прямо, что не понимаетъ, кто имѣетъ больше силы:—онъ, бояринъ, или дьякъ, потому что дьякъ и не думаетъ исполнять его приказаній. Бояринъ разсердился, велѣлъ позвать дьяка, схватилъ его за бороду, потаскалъ его добрымъ порядкомъ и обѣщалъ кнутъ, если Гордонъ придетъ еще разъ съ жалобою. Дьякъ приходитъ къ Гордону съ ругательствами; тотъ платитъ ему такою же монетою, и оканчиваетъ угрозою, что потребуетъ увольненія отъ службы. Дѣйствительно, Гордонъ началъ серьезно думать, какъ бы выбраться изъ Россіи: жалованье небольшое, и то мѣдными деньгами (4 копѣйки идутъ за одну серебряную), и жить нельзя, не только-что скопить что-нибудь. Въ Иноземномъ Приказѣ провѣдали, что Гордонъ хочетъ просить увольненія у боярина, испугались и выдали ему свидѣтельство для полученія денегъ и соболей. Гордонъ заупрямился, не хотѣлъ брать подарка; толковалъ объ отпускѣ; но ему внушили, что просьбою объ отпускѣ онъ только можетъ погубить себя; онъ католикъ, пріѣхалъ изъ Польши, съ которою идетъ война, и сейчасъ же хочетъ опять уѣхать: ясно, что пріѣзжалъ для лазутчества; вмѣсто отпуска, познакомится пожалуй съ Сибирью. Гордонъ испугался, взялъ подарокъ и остался въ Москвѣ, въ Нѣмецкой слободѣ, въ которой иногда происходили любопытныя событія.

Въ Нѣмецкой слободѣ, какъ во всякой другой, полицейскій надзоръ былъ порученъ десятскимъ, которымъ давался наказъ: „Вѣдать тебѣ и беречь накрѣпко въ своемъ десяткѣ и приказать полковникамъ и полуполковникамъ и нижнихъ чиновъ начальнымъ и торговымъ, и всякимъ жилецкимъ людямъ, и иноземцамъ, чтобъ они Русскихъ бѣглыхъ и новокрещеныхъ, и Бѣлорусцевъ, и гулящихъ людей въ дворахъ у себя для работы безъ крѣпостей не держали, и поединковъ и никакого смертнаго убійства и дракъ не чинили, и корчемнымъ продажнымъ питьемъ, виномъ и пивомъ и табакомъ не торговали и воровскимъ людямъ приходу и пріѣзду и б....., и не явясь въ Приказъ новыя четверти никакого питья не держали, а для работы во дворѣ у себя держали всякихъ разныхъ вѣръ иноземцевъ некрещеныхъ“ [1]. Но мы уже знаемъ, какъ солдаты мало обращали вниманія на указы относительно вина, и какъ иностранные офицеры ихъ сквозь пальцы смотрѣли на это. Однажды въ Москвѣ узнали, что солдаты держатъ вино въ Нѣмецкой слободѣ въ извѣстномъ домѣ. Подъячій съ отрядомъ стрѣльцовъ явился на выимку и нашелъ вино, хотя солдаты успѣли спрятать его въ саду. Стрѣльцы взяли вино, захватили и нѣсколько солдатъ: но прибѣжали другіе солдаты, освободили товарищей, отняли вино и протолкали стрѣльцовъ до городскихъ воротъ. Тутъ къ стрѣльцамъ пришла подмога, и солдаты принуждены были бѣжать въ свою очередь; но скоро и они получили подкрѣпленіе: солдатъ набралось 800 человѣкъ, стрѣльцовъ было 700; завязался бой въ узкихъ улицахъ, и солдаты втиснули стрѣльцовъ въ ворота Бѣлаго города; но на помощь къ стрѣльцамъ явилось 600 товарищей съ главнаго кремлевскаго караула и отрѣзали путь солдатамъ, ворвавшимся въ Бѣлый городъ; 22 человѣка были схвачены, биты кнутомъ и сосланы въ Сибирь.

---

[1] Дѣла приказныя Москов. Архива Мин. Ин. Дѣлъ, годъ 1673.

Игра въ карты была также запрещена,—и солдаты играли тайкомъ, ночью. Однажды русскій капитанъ Спиридоновъ накрылъ ихъ и, по обычаю тогдашняго начальства, воспользовался этимъ случаемъ для добычи: забралъ себѣ не только тѣ деньги, которыя были въ игрѣ, но еще взялъ съ солдатъ 60 рублей, не давши объ этомъ знать по начальству, т.-е. Гордону. Тотъ призвалъ Спиридонова къ себѣ и сдѣлалъ ему строгій выговоръ съ угрозою, что впередъ ему плохо будетъ. Капитанъ, не привыкшій къ такимъ внушеніямъ, началъ-было горячиться; тогда Гордонъ употребилъ внушеніе другого рода: схватилъ Спиридонова за голову, повалилъ на полъ и такъ отколотилъ дубинкою, что несчастный едва могъ встать. Капитанъ пожаловался полковнику; но Гордонъ заперся, потому что свидѣтелей не было; капитанъ пожаловался боярину,—Гордонъ и тутъ заперся.

Хозяинъ дома, гдѣ квартировалъ Гордонъ, захотѣлъ освободиться отъ своего постояльца, и челобитіе его было исполнено. Два раза присылали Гордону письменныя приказанія очистить квартиру, но онъ не обращалъ на нихъ никакого вниманія. Однажды, когда Гордонъ сидѣлъ за обѣдомъ, входитъ къ нему въ комнату подъячій съ указомъ, чтобъ онъ немедленно перебирился на другую квартиру. Съ подъячимъ пришло 20 человѣкъ трубниковъ, большая часть которыхъ осталась внизу. „Покажи указъ!“ говоритъ Гордонъ подъячему.—„Не покажу“, отвѣчаетъ тотъ, „потому что ты два прежніе указа оставилъ у себя или, быть можетъ, разодралъ.“—„До тѣхъ поръ не очищу квартиры, пока не покажешь указа“, говоритъ Гордонъ. Тогда подъячій велитъ трубникамъ взять чемоданъ и нести вонъ, а самъ беретъ полковыя знамена. Гордонъ вскакиваетъ изъ-за стола, и, съ помощію деньщика и двоихъ офицеровъ, которые вмѣстѣ съ нимъ обѣдали, выгоняетъ подьячаго вонъ изъ комнаты и съ лѣстницы. Но подьячій соединяется съ остальными трубниками и снова идетъ наверхъ къ Гордону; тотъ съ товарищами, пользуясь выгодою своего положенія наверху, прогоняетъ ихъ тѣмъ легче, что трубники были вооружены одиѣми палками. На шумъ прибѣгаютъ солдаты, нападаютъ на подъячаго и трубника,—и тѣ бѣгутъ; солдаты гонятъ ихъ до Яузскаго моста и отнимаютъ у нихъ шапки. Дѣло кончилось ничѣмъ, потому что на счастье Гордона Милославскій поссорился съ Ртищевымъ, къ Приказу котораго принадлежалъ подъячій, а между тѣмъ Гордонъ перемѣнилъ квартиру.

Остался въ Москвѣ, — дѣлать нечего: надобно было сообразоваться съ обычаями. Гордонъ позвалъ всѣхъ подъячихъ Иноземнаго Приказа къ себѣ на пирушку и каждому подарилъ—кому два соболя, кому одинъ. Съ этихъ поръ онъ пользовался ихъ полнымъ расположеніемъ и уваженіемъ; какое бы ни было у него дѣльце въ Приказѣ, все сейчасъ обдѣлаютъ.

Несмотря на то, Гордону все еще очень не нравилось въ Москвѣ; человѣкъ привыкъ пріобрѣтать добычу съ оружіемъ въ рукахъ, а тутъ надобно задаривать людей, которые перомъ ловятъ соболей! Нельзя вырваться на Западъ, то нельзя ли хотя еще дальше на Востокъ. Назначался Ѳедоръ Андреевичъ Милославскій посломъ въ Персію; Гордонъ сталъ проситься въ свиту; но, зная, что однѣ просьбы не принимаются, снесъ самому Милославскому 100 золотыхъ, да его дворецкому подарокъ въ 20 золотыхъ. Но золотые пропали, дѣло было невозможное,—иноземца выписали для ратной службы, а онъ хочетъ ѣхать съ посломъ въ Персію, куда могутъ отправиться и Русскіе: пожалуй еще оттуда уйдетъ или передастся шаху!

Хотя десятскіе Нѣмецкой слободы получали наказъ—беречь накрѣпко, чтобъ не было поединковъ, однако служилые иноземцы мало обращали вниманія на это запрещеніе. Гордонъ въ 1666 году имѣлъ поединокъ съ майоромъ Монгомери: поссорился онъ съ нимъ у себя на пирушкѣ, которую давалъ придворнымъ въ царскія именины.

Служилые иноземцы не всегда ссорились другъ съ другомъ только на пирушкахъ, подъ вліяніемъ винныхъ паровъ. По возвращеніи изъ похода 1676 года, Гордонъ, бывшій тогда уже полковникомъ, узналъ, что нѣкоторые драгуны его полка хотятъ на него жаловаться и что подбиваетъ ихъ къ тому генералъ-маіоръ Трауернихтъ. Встрѣтившись съ Трауернихтомъ въ домѣ князя Трубецкаго, Гордонъ, въ присутствіи многихъ полковниковъ, рѣзко выговорилъ ему, что онъ связался съ негодяями его полка и подучаетъ ихъ подать на него жалобу. Трауернихтъ смолчалъ; но на другой же день проводилъ въ Разрядъ солдатъ, которые отнесли туда свое челобитье на Гордона. Чрезъ нѣсколько дней является къ Гордону полковникъ Шиль, родственникъ Трауернихта, и предлагаетъ, что если Гордонъ заплатитъ Трауернихту 300 фунтовъ, то онъ уладитъ дѣло между нимъ и драгунами. Гордонъ отвѣчалъ бранью на это предложеніе. Когда онъ узналъ, что дѣло на слѣдующій день будетъ докладываться царю, то послалъ думному дьяку подарокъ въ 20 рублей; дьякъ обѣщалъ быть за Гордона; за него же былъ и самъ воевода, князь Григорій Григорьевичъ Ромодановскій, который при докладѣ объявилъ, что все написанное въ челобитной ложь, дѣло въ томъ, что Гордонъ содержитъ строгую дисциплину и не позволяетъ своимъ подчиненнымъ воровать и бѣгать: „Я говорю это“, прибавилъ князь, „не потому, что Гордонъ мнѣ далъ что-нибудь или обѣщалъ, но зная его усердіе къ службѣ царскаго величества“. Крестьяне 20 деревень, въ которыхъ стоялъ Гордоновъ полкъ, прислали сказку за руками троихъ священниковъ, что они не могутъ ни въ чемъ пожаловаться на Гордона. Жалобщики, увидавши, что дѣло не можетъ кончиться въ ихъ пользу, предложили Гордону мировую, если дастъ онъ имъ пять рублей. Гордонъ отвѣчалъ, что дастъ пять рублей, если они откроютъ ему всѣхъ сообщниковъ, чтобъ ему знать, кто у него въ полку друзья и кто враги,—безъ этого не дастъ ни копѣйки. Драгуны не согласились [1]).

Глава II.

Царствованіе Ѳеодора Алексѣевича.

Различіе въ преобразовательной дѣятельности преемниковъ царя Алексѣя Михайловича.—Дѣти царя Алексѣя отъ обоихъ браковъ.—Польское и нѣмецкое вліяніе.—Извѣстія о вступленіи на престолъ Ѳеодора.—Ссылка Матвѣева.—Ссылка духовника Андрея Савинова.—Отягченіе участи Никона.—Любимцы царя.—Языковъ, Лихачевы.—Бракъ Ѳеодора на Агаѳіи Семеновнѣ Грушецкой.—Быстрое возвышеніе Языкова и Лихачева.—Князь Вас. Вас. Голицынъ.—Окончаніе дѣла съ Дорошенкомъ.—Дѣла Рославца и Адамовича.—Дорошенко въ Москвѣ.—Манифестъ Юрія Хмельницкаго.—Пересылка съ гетманомъ Самойловичемъ о Сѣркѣ и Дорошенкѣ.—Ссылка Рославца и Адамовича.—Первый Чигиринскій походъ.—Мнѣнія Ромодановскаго и Самойловича о Чигиринѣ.—Дѣла Запорожскія и посольство въ Турцію.—Второй Чигиринскій походъ.—Сношенія съ Польшею.—Мирные переговоры съ Турціею.—Переговоры въ Крыму и миръ съ султаномъ и ханомъ.—Дорошенко-воевода.—Смерть Сѣрка.—Дѣла шведскія, датскія, австрійскія.—Калмыки и казаки.—Волненія Башкирцевъ.—Борьба съ Киргизами, Самоѣдами, Якутами и Тунгусами въ Сибири; злоупотребленія здѣсь приказныхъ людей.—Внутренняя дѣятельность правительства при царѣ Ѳеодорѣ.—Вопросъ о торговлѣ шолкомъ съ Армянами.—Постановленіе о торговлѣ съ Греками.—Смягченіе наказаній за уголовныя преступленія.—Новая форма челобитныхъ.—Расколъ.—Церковный Соборъ 1681 года.—Обращеніе иновѣрцевъ въ христіанство.—Постановленіе о воеводахъ.—Финансовыя мѣры.—Уничтоженіе мѣстничества.—Проектъ отдѣленія гражданскихъ должностей отъ военныхъ.—Проектъ академіи.—Смерть царицы Агаѳіи и царевича Ильи.—Второй бракъ царя и кончина его.—Смерть Никона.—Облегченіе участи Матвѣева.

Русская Земля всколебалась и замутилась; Русскій народъ, послѣ осьмивѣковаго движенія на Востокъ, круто началъ поворачивать на Западъ; поворота, новаго пути для народной жизни, требовало банкротство экономическое и нравственное. Раздались голоса о необходимости пріобрѣсть средства, которыя бы сдѣлали народъ сильнымъ, снискали ему уваженіе другихъ народовъ, дали бы ему богатство и подняли его нравственность; раздались голоса о необходимости учиться, и явились учителя съ разныхъ сторонъ: греческіе и западно-русскіе монахи, западно-русскіе шляхтичи съ польскимъ школьнымъ образованіемъ; явились и учителя иноплеменные и иновѣрные съ дальнѣйшаго Запада, *Нѣмцы*, учителя ратнаго искусства и разныхъ другихъ искусствъ и ремеслъ. Учителя эти столкнулись съ старыми учителями: произошла борьба и расколъ; люди, испуганные движеніемъ, *новшествами*, завопили о кончинѣ міра, о второмъ пришествіи, объ антихристѣ. И они были правы въ извѣстномъ смыслѣ: Старая Россія оканчивалась,—начиналась Новая.

Но при этой несостоятельности стараго, при этихъ требованіяхъ новаго, какимъ же путемъ долженъ былъ совершиться переворотъ? Мы видимъ, что все и со всѣмъ обращается въ Москву, къ великому государю, и видимъ также ясно, что это обращеніе происходитъ необходимо отъ слабости, мелкости отдѣльныхъ міровъ, отъ особности ихъ другъ отъ друга, и въ то же время отъ внутренней розни, происходящей при всякомъ соединеніи силъ, при всякомъ общемъ дѣйствіи, однимъ словомъ,—отъ дѣтскаго состоянія ихъ, отъ дѣтской безпомощности. Сверху дается полная свобода: всякое челобитье о какомъ-нибудь новомъ распорядкѣ принимается,—пусть распоряжаются какъ хотятъ; поссорятся, одни захотятъ одного, другіе другого,—правительство приказываетъ спросить всѣхъ, чтобъ узнать, чего хочетъ большинство. Мы упомянули о дѣтской безпомощности; слово всего лучше объяснитъ тутъ дѣло: всѣ тяглые, неслужилые люди, называютъ себя *сиротами* государевыми; это низшая рабочая часть народонаселенія—мужики; но высшая, военные, мужи, какъ себя называютъ?—они называютъ себя *холопами* государевыми. Понятно, что ни въ безпомощныхъ сиротахъ, ни въ холопахъ нельзя искать силы и самостоятельности, собственнаго мнѣнія. И тѣ и другіе чувствуютъ несостоятельность стараго; понимаютъ, что оставаться такъ нельзя, но, при отсутствіи просвѣщенія, не могутъ ясно сознавать, какъ выйти на новую дорогу, не могутъ имѣть иниціативы, которая потому должна явиться сверху: повести дѣло долженъ великій государь.

Вести дѣло переворота или преобразованія должны были преемники царя Алексѣя Михайловича. Какимъ образомъ пойдутъ они по пути, на который уже поворотилъ народъ?—это будетъ зависѣть отъ ихъ природы и отъ ихъ воспитанія. Мы видѣли, что при сознаніи необходимости учиться явились разнаго рода учителя; чтобъ новая наука не повредила древнему благочестію, призывались учителя изъ православнаго духовенства, греческаго и западно-русскаго. Эти люди принесли въ Москву школьную науку, требованіе учрежденія школъ; но западно-русскіе ученые могли устроить школы по образцу западно-русскихъ школъ, а эти были устроены по образцу школъ польскихъ. Вообще западно-русскіе ученые были воспитаны подъ сильнымъ польскимъ вліяніемъ, вслѣдствіе той тѣсной связи, въ какой родина ихъ находилась съ Польшею; у западно-русскихъ людей не было своего книжнаго языка: они писали или на такъ-называемомъ церковно-славянскомъ языкѣ, или по-латыни, или по-польски; литература польская доставляла имъ много матеріала. Эту привычку къ польскому языку и литературѣ они принесли и въ Москву; усиленію вліянія польскаго языка и литературы содѣйствовала здѣсь тѣсная связь съ Польшею и во время войны при безпрестанныхъ переговорахъ о мирѣ, и во время мира при союзѣ и безпрестанныхъ сношеніяхъ насчетъ болѣе тѣснаго союза, и насчетъ выбора въ короли царя или сына его. Русскій языкъ запестрѣлъ полонизмами; стóитъ только прочесть письма и донесенія русскаго резидента въ Варшавѣ, Тяпкина, чтобъ убѣдиться въ силѣ польскаго вліянія на русскій языкъ, и какъ это вліяніе обнаружилось безсознательно, невольно со стороны Русскаго человѣка: Тяпкинъ, какъ мы видѣли и увидимъ, былъ чистый Русскій человѣкъ, умиралъ въ Польшѣ съ тоски по родинѣ, не могъ ужиться съ Поляками, смотрѣлъ на нихъ съ самой черной стороны, а между тѣмъ сталъ писать полупольскимъ языкомъ, отдалъ сына въ польскую школу, и тотъ говорилъ королю рѣчь на модномъ тогдашнемъ языкѣ, т.-е. наполовину по-польски, а на половину по-латыни [1]). Западно-русскіе учителя принесли къ намъ польское вліяніе. Эти учителя принесли къ намъ грамматику, реторику, философію, богословіе, при царѣ Алексѣѣ толковали о необходимости устроить школы для преподаванія этихъ наукъ—и при наслѣдникахъ царя Алексѣя успѣли достигнуть своей цѣли.

---

[1]) Tagebuch des Gen. Patrick Gordon, veröffentlicht durch F. Obolenski und Dr. Poselt. I. B.

Но эти учителя не могли выучить тому, нудящая необходимость чего была такъ очевидна. Прежде всего нужно было выйти изъ экономической несостоятельности, нужно было разбогатѣть и усилиться,—разбогатѣть посредствомъ торговли, промысловъ; нужно было море,—пробиться къ морю нужно было съ оружіемъ въ рукахъ; нужно было свести старые счеты, освободиться отъ татарской дани, которую платили въ Крымъ подъ именемъ поминковъ,—нужно было, слѣдовательно, выучиться ратному искусству, нужно было выучиться строить корабли и плавать на нихъ, строить крѣпости. Чтобъ поднять торговлю и богатство, нужно было выучиться прокладывать дороги, прорывать каналы,—нужно было выучиться всякимъ искусствамъ и ремесламъ. Ни греческіе, ни западно-русскіе монахи, ни ополяченные западно-русскіе мелкіе шляхтичи, которыхъ русскіе вельможи брали въ домашніе учителя къ своимъ дѣтямъ, всему этому выучить не могли; для этого нужны были Нѣмцы, для этого нужно было ѣхать не въ Кіевъ или Варшаву, а далѣе на Западъ, въ нѣмецкія поморскія государства. Такимъ образомъ, при нудящей потребности учиться, которой должны были удовлетворять преемники царя Алексѣя, были предъ ними налицо двоякаго рода учителя: западно-русскіе вмѣстѣ съ греческими и Нѣмцы; учителя должны имѣть вліяніе на учениковъ—отсюда два вліянія: польское и нѣмецкое. Преемники царя Алексѣя раздѣлились между этими учителями и этими вліяніями, вслѣдствіе различія природныхъ свойствъ и воспитанія.

Многочисленное семейство царя Алексѣ Михайловича представляетъ любопытное явленіе. Отъ перваго брака на Милославской онъ имѣлъ восемь дочерей и пять сыновей. Шесть оставшихся въ живыхъ дочерей отличались крѣпкимъ, здоровымъ сложеніемъ, и одна изъ нихъ, Софья, отличалась и силами духовными, была, по отзыву врага, „великаго ума и самыхъ нѣжныхъ проницательствъ, больше мужеска ума исполненная дѣва". Напротивъ, сыновья были слабы, болѣзненны, трое умерло при жизни отца, изъ двоихъ оставшихся старшій страдалъ сильною цынгою, младшій—Іоаннъ—къ слабости физической присоединялъ и неразвитость умственную. За то отъ второго брака на Нарышкиной родился богатырь, физически и духовно соотвѣтствующій по природѣ сестрѣ Софьѣ. Отъ слабаго и болѣзненнаго Ѳеодора нельзя было ожидать сильнаго личнаго участія въ тѣхъ преобразованіяхъ, которыя стояли первыя на очереди, въ которыхъ болѣе всего нуждалась Россія; онъ не могъ созидать новое войско и водить его къ побѣдамъ, строить флотъ, крѣпости, рыть каналы, и все горонить личнымъ содѣйствіемъ; Ѳеодоръ былъ преобразователемъ, во сколько онъ могъ быть имъ, оставаясь въ четырехъ стѣнахъ своей комнаты и спальни; этимъ условіямъ соотвѣтствовало и воспитаніе: Ѳеодоръ былъ воспитанникъ западно-русскаго монаха Симеона Полоцкаго, и въ этомъ воспитаніи необходимо преобладалъ элементъ церковный; польское вліяніе было тутъ; Ѳеодоръ владѣлъ польскимъ языкомъ. Лазарь Барановичъ, посвящая въ 1672 году книги свои: „Житія Св. отецъ" царевичу Ѳеодору, а „Духовныя струны" царевичу Іоанну, пишетъ царю: „Издахъ же (эти книги) языкомъ польскимъ, яко писахъ въ то время, егда Поляки отъ имени твоего царскаго къ скипетру коруны Польскіе молити помышляху, да крѣпчайше союзъ мирнаго соединенія укрѣпятъ. Издахъ языкомъ ляцкимъ: извѣстенъ бо есмь, яко царевичъ Ѳеодоръ Алексѣевичъ не точію нашимъ природнымъ, но и ляцкимъ языкомъ чтетъ книги. Благовѣрному же государю царевичу Іоанну Алексѣевичу книгу „Духовныя струны" приписахъ, издахъ же языкомъ ляцкимъ, вѣмъ бо, яко и вашего пресвѣтлаго величества синклитъ сего языка не гнушается, почтутъ книги и исторіи ляцкія въ сладость". Говорили, что Ѳеодоръ зналъ и по-латыни, хотя не такъ хорошо, какъ покойный братъ его царевичъ Алексѣй Алексѣевичъ; благодаря Полоцкому, Ѳеодоръ выучился складывать вирши:

---

[1]) Исторія Россіи съ древн. времен., т. XII.

говорили, что въ Псалтыри, переложенной Полоцкимъ на вирши, переводъ псалмовъ 132-го и 145-го принадлежалъ Өеодору [1]. За царствованіемъ Өеодора послѣдовало правленіе Софьи: Софья такъ же воспиталась подъ вліяніемъ Полоцкаго съ братіею; такъ же читала Житія Святыхъ, изданныя Барановичемъ по-польски; Симеонъ Полоцкій поднося ей книгу свою: „Вѣнецъ Вѣры", писалъ виршами: „О благороднѣйшая царевна Софіа, ищеши премудрости выну небесныя. По имени твоему жизнь твою ведеши: мудрая глаголеши, мудрая дѣеши. Ты церковныя книги обыкла читати и въ отеческихъ свитцѣхъ мудрости искати. Увѣдѣвши же, яко и книга новая писася, яже Вѣнецъ вѣры реченная, возжелала ту еси сама созерцати и еще въ черни бывшу прилежно читати и, познавши полезну въ духовности быти, велѣла еси чисто ону устроити" [2]. Притомъ же Софья, по своему полу, не могла дѣйствовать иначе, какъ изъ дворца. Такимъ образомъ, въ царствованіе Өеодора и въ правленіе Софіи господствуетъ направленіе, принесенное западно-русскими учителями; это господство выразилось въ основаніи Славяно-Греко-Латинской академіи; но тутъ же патріархъ заподозриваетъ направленіе, принесенное Полоцкимъ въ Москву, въ неправославіи и спѣшитъ опереться на греческихъ учителей; начинается сильная борьба, въ которой патріархъ беретъ верхъ, благодаря паденію Софіи и приверженца ея Медвѣдева, главнаго противника патріарху, ученика Симеона Полоцкаго. Здѣсь конецъ польскому вліянію; католическая пропаганда остановлена, іезуиты выгнаны. У младшаго сына царя Алексѣя была другая природа и другое воспитаніе, чѣмъ у старшаго: невиданный богатырь, которому было грузно отъ силъ, какъ отъ тяжелаго бремени, Петръ хотѣлъ все узнать, какъ, что и почему? и хотѣлъ самъ все сдѣлать; ему тѣсно было въ старинномъ дворцѣ кремлевскомъ, негдѣ расправить плеча богатырскаго, не отъ кого узнать что-нибудь;—онъ бросился на улицу, съ улицы попалъ въ Нѣмецкую слободу—и преобразованіе приняло другое направленіе: великій государь любилъ читать книги не меньше братьевъ своихъ, учениковъ Полоцкаго, но великій государь не былъ похожъ на ученика реторики,—это былъ корабельный плотникъ, это былъ шкиперъ. Вслѣдствіе этого, Славяно-Греко-Латинская академія отходитъ уже на второй планъ; являются другія школы, другого рода учителя, преимущественно Нѣмцы-протестанты; и блюститель патріаршаго престола, Стефанъ Яворскій, считаетъ нужнымъ бороться съ протестантскими стремленіями, протестантскою пропагандою, какъ прежде патріархи Іоакимъ и Андріанъ считали нужнымъ противодѣйствовать католицизму.

Царь Алексѣй Михайловичъ умеръ неожиданно, не достигши старости, и оставилъ семейство свое въ очень печальномъ для государства положеніи, предвѣщавшемъ большія смуты, и это въ такое время, когда столько важныхъ вопросовъ стояло на очереди, когда все колебалось при страшномъ поворотѣ на новый путь, когда, при всеобщемъ истощеніи отъ прежнихъ войнъ, предстояла еще опасная война съ могущественными Турками. Старшій сынъ, торжественно объявленный при отцѣ наслѣдникомъ престола, былъ четырнадцатилѣтній болѣзненный мальчикъ: самый близкій и довѣренный человѣкъ при покойномъ государѣ былъ Матвѣевъ, по праву пользовавшійся этою близостію и довѣренностію,—человѣкъ съ обширною начитанностію по тогдашнему, большой охотникъ до образованія и людей образованныхъ, ловко владѣвшій перомъ, опытный въ дѣлахъ правленія, давно уже завѣдывавшій внѣшними сношеніями. Матвѣевъ могъ быть самымъ лучшимъ совѣтникомъ, подпорою молодого царя; но, къ несчастію, между Өеодоромъ и любимцемъ отца его уже разступилась бездна; воспитанница этого Матвѣева была мачиха Өеодора, а извѣстно, какое страшное значеніе имѣло тогда слово: „мачиха". Никогда еще въ семействѣ царей Русскихъ не было этого печальнаго явленія, этой вражды между дѣтьми отъ разныхъ матерей, и, какъ нарочно, это печальное явленіе произошло въ такое опасное время, когда предстояло преобразованіе и долженъ былъ воспитываться преобразователь; первое чувство, которое онъ встрѣтитъ въ родной семьѣ, будетъ вражда! И безъ подробныхъ извѣстій, которыхъ мы не имѣемъ, легко понять, какое вліяніе долженъ былъ имѣть на дворецъ, на тамошнія отношенія второй бракъ царя Алексѣя при такомъ большомъ числѣ дѣтей отъ перваго брака. Помѣшать второму браку не удалось: понапрасну раскидали подметныя письма въ грановитыхъ сѣняхъ и проходныхъ съ обвиненіями Матвѣева въ чародѣйствѣ. Матвѣевъ оправдался—и государь женился на его воспитанницѣ. Царевнамъ, особенно тѣмъ, особенно той, которая такъ выдавалась впередъ, царевнѣ Софьѣ Алексѣевнѣ, надобно было преклониться предъ молодою царицею, войти въ дочернія отношенія къ молодой женщинѣ, матери только по имени, у которой всѣ права матери безъ смягчающаго эти права материнскаго чувства. И это, какъ нарочно, въ то время, когда проникли во дворецъ новые обычаи и взгляды; когда двери въ терема царевенъ растворились, и заключенницы увидали свѣтъ Божій; когда болѣе сильнымъ изъ нихъ представилась возможность пройти дальше за порогъ, расправить силы, поглядѣть, почитать и послушать прежде невиданное, нечитанное и неслыханное, набраться новыхъ мыслей, познакомиться съ новыми чувствами. Стремленіе силы бываетъ соразмѣрно прежней сдержанности; отсюда легко понять стремленіе теремныхъ затворницъ пріобрѣсти какъ можно больше простора для своей дѣятельности, для расправленія силъ. И тутъ-то вдругъ помѣха! Дѣло не въ томъ, что новая царица непремѣнно враждовала къ падчерицамъ, преслѣдовала ихъ, гнала назадъ въ теремъ: для раздраженія и вражды довольно было одной нравственной помѣхи, появленія лица, которое невольно становилось на дорогѣ, на дорогѣ къ вліянію на отца, къ вліянію на всѣхъ окружающихъ, необходимо обращавшихся къ новому солнцу. Но оставимъ царевенъ, и между ними богатыря-царевну, Софью Алексѣевну. Алексѣй Михайловичъ жилъ долго съ первою женою, привязался къ ней, вслѣдствіе чего во дворцѣ образовалось и утвердилось много крѣпкихъ отношеній. Укрѣпили свое вліяніе Милославскіе съ своими родичами, людьми близкими и сблизившимися, Милославскіе, люди даровитые, дѣятельные, умѣвшіе пріобрѣтать вліяніе и пользоваться имъ,—люди съ легкою нравственностію, съ неразборчивостію средствъ. И вдругъ, вслѣдствіе новаго брака царя, все это теплое гнѣздо, свитое ими и друзьями ихъ во дворцѣ, должно разрушиться! Новая царица съ своею родней, своими ближними людьми; Матвѣевъ хозяйничаетъ во дворцѣ. Столкновеніе интересовъ страшное и ненависть страшная.

---

[1] Архивъ Мин. Юстиціи, книги Малорос. Приказа, № 19. Записка Татищева о царствованіи Өеодора Алексѣевича въ портфеляхъ Мюллера въ Москов. Арх. Мин. Ин. Д. Здѣсь говорится: «Сей государь при отцѣ своемъ ученъ былъ въ латинскомъ языкѣ старцемъ Симіономъ Полоцкимъ, и хотя въ ономъ языкѣ не столько, какъ братъ его большой царевичъ Алексѣй Алексѣевичъ былъ обученъ, однакожъ чрезъ показаніе онаго учителя великое искуство въ поэзіи имѣлъ и весьма изрядные вирши складывалъ, по которой Его Величества охотѣ, псалтирь стихотворно онымъ Полоцкимъ преложена и въ оный, какъ сказываютъ, многіе стихи, и особливо псаломъ 132 и 145 самъ Его Величество переложилъ, и послѣдней въ церкви при немъ всегда пѣвали, якоже Его Величество и къ пѣнію былъ великій охотникъ, первое партесное по нотамъ четверогласное и кіевское пѣніе при немъ введено, а по кругамъ греческое оставлено.

[2] Diariusz Zaboystwa tyranskiego senatorow Moskiewskich w stolicu rocu 1682. Рукопись Имп. Публ. Библ. Отд. IV, Q, № 8. Лѣтопись Русск. Литерат. 1859—1860, кн. 6.

Смертію царя Алексѣя и восшествіемъ на престолъ Ѳеодора, сына Милославской, отношенія перемѣнились. Чего могла ждать хорошаго теперь царица Наталья съ дѣтьми и Матвѣевъ отъ этой накопившейся ненависти царевенъ, Милославскихъ и друзей ихъ? Здѣсь такъ естественно рождается вопросъ: неужели Матвѣевъ прежде не подумалъ объ этомъ и не постарался обезпечить себя и своихъ насчетъ перемѣны царствованія? Оставя въ сторонѣ нравственныя побужденія, которыя еслибы не были сильны у Матвѣева, то были очень сильны у царя Алексѣя, можно объяснить дѣло разсчетомъ: царь Алексѣй былъ еще въ цвѣтущихъ лѣтахъ, и очень легко могло казаться, что слабые сыновья его должны послѣдовать за своими единоутробными братьями, не переживутъ отца, и Петръ будетъ наслѣдникомъ. Но другое дѣло, когда царь умеръ скоропостижно. О движеніяхъ Матвѣева въ пользу Петра въ эту страшную минуту сохранились извѣстія у иностранцевъ; вотъ самое подробное изъ нихъ, оставленное Полякомъ, авторомъ любопытнаго разказа о Стрѣлецкомъ бунтѣ. „Когда первая жена царя, Марья Ильинична Милославская, умерла и оставила двоихъ сыновей и шесть дочерей, то они много терпѣли отъ Артемона, а потомъ подверглись еще большому преслѣдованію, когда ему удалось выдать за царя родственницу свою, дочь Кирилла Нарышкина, капитана изъ Смоленска [1]). Умирая, Алексѣй благословилъ на царство сына отъ Милославской Ѳеодора, который въ то время лежалъ больной, и опекуномъ назначилъ князя Юрія Долгорукаго. Артемонъ утаилъ смерть царя, подкупилъ стрѣльцовъ, чтобъ они стояли за маленькаго Петра, и потомъ уже ночью повѣстилъ боярамъ о преставленіи государя. Когда они начали собираться, онъ посадилъ маленькаго Петра на престолѣ и уговаривалъ бояръ, чтобъ они признали его безпрекословно государемъ, потому что Ѳеодоръ опухъ, лежитъ больной, и плоха надежда, что будетъ жить. Но бояре, узнавши отъ патріарха, который былъ при смерти царской, что отецъ благословилъ Ѳеодора на царство и Юрія Долгорукаго назначилъ опекуномъ, ждали послѣдняго. Пріѣзжаетъ наконецъ Долгорукій во дворецъ, какъ волъ реветъ съ жалости по царѣ, и прямо къ патріарху: „Кого отецъ благословилъ на царство?“ — „Ѳеодора“, отвѣчаетъ патріархъ. Тогда Долгорукій съ боярами, не слушая увѣщаній Артемона, что надобно избрать Петра, стремятся къ покоямъ Ѳеодора. подходятъ — двери заперты! Долгорукій приказываетъ выломать двери, бояре берутъ на руки Ѳеодора, потому что самъ идти не можетъ,—ноги распухли,— несутъ, сажаютъ на престолъ, и сейчасъ же начинаютъ подходить къ рукѣ, поздравляя на царствѣ. Мать царя Петра и Артемонъ скрылись, видя, что ничего не могутъ сдѣлать противъ Долгорукаго и всѣхъ бояръ“.

Мы никакъ не можемъ успокоиться на этомъ извѣстіи, потому что послѣ, когда нужно было погубить Матвѣева, когда дали силу всякаго рода обвиненіямъ безъ разбора, лишь бы только къ чему-нибудь привязаться,—въ это время не послышалось ни слова обличенія ни отъ кого изъ вельможъ, которыхъ Матвѣевъ уговаривалъ мимо больнаго Ѳеодора присягнуть маленькому Петру.

Какъ бы то ни было, Ѳеодоръ вступилъ на престолъ спокойно, не произошло никакихъ перемѣнъ; Матвѣевъ остался въ прежнемъ важномъ санѣ великихъ государственныхъ посольскихъ дѣлъ оберегателя. Но враги его уже владѣли дворцомъ и не могли оставить его въ покоѣ. За больнымъ Ѳеодоромъ ухаживали тетки и шесть сестеръ единоутробныхъ [2]); мачиха была удалена; противъ нея особенно кричала верховая боярыня Анна Петровна Хитрово, пользовавшаяся большимъ значеніемъ, *постница*; крича противъ царицы-вдовы, Хитрово должна была кричать и противъ Матвѣева: раздѣлять ихъ было нельзя. Съ *постницею* заодно дѣйствовали и мужчины, не постники, но сильные люди, бояринъ Иванъ Михайловичъ Милославскій, злобившійся на Матвѣева особенно за то, что его внушенію приписывалъ удаленіе свое на Астраханское воеводство при царѣ Алексѣѣ; съ Милославскимъ заодно дѣйствовалъ другой могущественный бояринъ—дворецкій Богданъ Матвѣевичъ Хитрово: Хитрово былъ самъ незнатнаго происхожденія, изъ городовыхъ алексинскихъ дворянъ, и былъ выведенъ въ люди Морозовымъ[1]; но онъ былъ неохотникъ до другихъ новыхъ людей, которые были виднѣе его по талантамъ; онъ былъ неохотникъ до Ордина-Нащокина, былъ неохотникъ и до Матвѣева, особенно когда узналъ навѣрное или подозрѣвалъ, что Матвѣевъ указывалъ царю Алексѣю на злоупотребленія его, Богдана, и племянника его, Александра Севастьяновича Хитрово по управленію Приказомъ Большаго Дворца, „которые (Хитрово) изъ государственныхъ дворцовыхъ селъ и волостей повсевременно вотчины свои всякими изобиліи и заводы строили и наполняли, такожде и изъ всѣхъ, сытнаго, кормоваго и хлѣбнаго дворцовъ премножественнымъ похищеніемъ всякихъ дворцовыхъ обиходовъ явственно и безстыдно по вся дни корыстовались, великими посулами съ дворцовыхъ подрядчиковъ богатили себя“ [2]. Главнымъ орудіемъ Милославскаго и Хитрово былъ окольничій Василій Семеновичъ Волынскій,—давній завистникъ Матвѣева: человѣкъ посредственныхъ способностей и малограмотный потогдашнему, но крикунъ, умѣвшій подбиваться къ сильнымъ людямъ; говорятъ, будто онъ особенно сдѣлался извѣстенъ тѣмъ, что у жены его были отличныя мастерицы-швеи, и вся знать обращалась къ ней съ заказами.

---

[1]) Лѣтопись Русск. Литерат. 1859—1860, кн. 6. Кириллъ Полуехтовичъ Нарышкинъ, то русскій дворянинъ, былъ стрѣлецкимъ головою и въ извѣстное время находился на службѣ въ Смоленскѣ, когда еще дочь жила при немъ. Поэтому наше извѣстіе называетъ его смоленскимъ капитаномъ, а Шакловитый послѣ говорилъ царевнѣ Софьѣ о царицѣ Натальѣ: «Вспомня, государыня, какова въ Смоленскѣ была: въ лаптяхъ ходила».

[2]) Лѣтопись Русск. Литерат. 1859—1860, кн. 6.

Паденіе Матвѣева было рѣшено: представили, что нельзя такого подозрительнаго человѣка оставить правителемъ аптеки, когда государь боленъ, и аптеку отняли у Матвѣева; потомъ датскій резидентъ Монсъ Гей, уѣзжая изъ Москвы, прислалъ жалобу, что Матвѣевъ не доплатилъ ему 500 рублей за рейнское вино, поставленное имъ ко Двору, и что на его требованіе прислали ему изъ Посольскаго Приказа фальшивый контрактъ на эту поставку [3]. 500 рублей велѣли заплатить Гею и воспользовались этимъ случаемъ, чтобъ отнять у Матвѣева завѣдываніе посольскими дѣлами и удалить его изъ Москвы. Когда Матвѣевъ пріѣхалъ, по обычаю, во дворецъ, бояринъ Родіонъ Матвѣевичъ Стрѣшневъ вынесъ указъ изъ комнаты въ переднюю и объявилъ ему: „Указалъ великій государь быть тебѣ на службѣ въ Верхотурьи воеводою“. Посольскій Приказъ былъ порученъ думному дьяку Ларіону Иванову. Матвѣевъ съ сыномъ и племянниками отправился въ почетную ссылку; при нихъ былъ монахъ, священникъ, учитель сына польскій шляхтичъ Поборскій, большая дворня; взяты были двѣ пушки для безопасности. Но въ Лаишевѣ Матвѣева остановили: пріѣхалъ полуголова московскихъ стрѣльцовъ Лужинъ и потребовалъ книги лѣчебника, въ которомъ многія статьи писаны цифирью, потребовалъ двоихъ людей—Ивана Еврея и карлу Захара;—Матвѣевъ отвѣчалъ, что книги нѣтъ, а людей выдалъ. Съ мѣсяцъ послѣ этого прожилъ Матвѣевъ въ Лаишевѣ, какъ однажды разбудили его ночью,—пріѣхалъ изъ Москвы думный дворянинъ Соковнинъ и думный дьякъ Семеновъ: „Давай жену Ивана Еврея, давай письма, давай имѣніе на осмотръ, давай племянниковъ, давай монаха, давай священника, давай всѣхъ людей“! Матвѣевъ сейчасъ все и всѣхъ выдалъ; Соковнинъ и Семеновъ поѣхали на съѣзжій дворъ и послали оттуда за Матвѣевымъ, чтобъ пришелъ сейчасъ же; бояринъ пошелъ пѣшкомъ; здѣсь разспрашивали его племянниковъ и людей о знаменитомъ лѣчебникѣ, взяли сказки за руками, взяли съ Матвѣева сказку о томъ, какъ составлялись и подносились лѣкарства больному царю. Матвѣевъ показалъ, что лѣкарства составлялись докторами Костеріусомъ и Стефаномъ Симономъ по рецепту, а рецепты хранятся въ аптекарской палатѣ; всякое лѣкарство отвѣдывалъ прежде докторъ, потомъ онъ, Матвѣевъ, а послѣ него дядьки государевы, бояре, князь Ѳедоръ Ѳедоровичъ Куракинъ и Иванъ Богдановичъ Хитрово; послѣ же пріема, что оставалось лѣкарства, допивалъ опять онъ же, Матвѣевъ, въ глазахъ государя. За Соковнинымъ и Семеновымъ явился въ Лаишевъ дворянинъ съ указомъ перевести Матвѣева въ Казань. Здѣсь воевода Иванъ Богдановичъ Милославскій приставилъ къ нему караулъ, и скоро пришелъ царскій указъ — отпустить людей по деревнямъ, другихъ на волю; потомъ ночью пріѣхалъ дьякъ Гороховъ: „Гдѣ имѣніе, давай сейчасъ“! Матвѣевъ отвѣчалъ: „Въ животахъ моихъ ни краденаго, ни разбойнаго, ни воровскаго, ни измѣннаго, ни заповѣднаго нѣтъ.—животы отца моего и родителей его, животы матери моей и родителей ея, и мои, нажитые милостію Божіею и великихъ государей жалованіемъ, за посольскія службы и за мои работы ратныя, за крови и за всякія великія работы въ 69 лѣтъ нажитые, а когда часъ пришелъ невинному нашему разоренью, что великій государь изволилъ животы всѣ взять безъ вины моей, въ томъ воля Божія и его, государская“! Пріѣхалъ стольникъ Тухачевскій, назначенный приставомъ къ Матвѣеву, и потребовалъ отъ него пушекъ, пороху, свинцу, панцырей, шапокъ, наручей. „Къ унятію всякаго воровства былъ я почининщикъ, а не къ начинанію“, отвѣчалъ Матвѣевъ. Затѣмъ явился присланный отъ воеводы стрѣлецкій голова, взялъ Матвѣева, сына его, людей съ женами и дѣтьми и повелъ въ съѣзжую избу пѣшкомъ на позоръ людямъ. Тутъ, въ съѣзжей избѣ, объявили ему вины; онъ написалъ въ сказкѣ своей въ Лапшевѣ, что послѣ пріема лѣкарства государемъ остатокъ выпивалъ онъ, Матвѣевъ; но дядьки государевы, князь Куракинъ и Хитрово, объявили, что никогда онъ не выпивалъ остатковъ. Лѣкарь Давыдъ Берловъ донесъ, что лѣчилъ онъ у Матвѣева человѣка его, карлу Захара, и тотъ говорилъ ему, что боленъ отъ господскихъ побой; однажды онъ заснулъ за печью въ палатѣ, въ которой Матвѣевъ съ докторомъ Стефаномъ читали черную книгу; во время этого чтенія пришло къ нимъ множество злыхъ духовъ и объявили, что есть у нихъ въ избѣ третій человѣкъ; Матвѣевъ вскочилъ, и, найдя его за печью, сорвалъ съ него шубу, поднялъ, ударилъ о землю, топталъ и выкинулъ изъ палаты замертво. Берловъ прибавилъ, что онъ самъ видѣлъ, какъ Матвѣевъ съ докторомъ Стефаномъ и переводчикомъ Грекомъ Спафари, заперлись, читали черную книгу; Спафари училъ по этой книгѣ Матвѣева и сына его Андрея. Матвѣевъ хотѣлъ было говорить, но дьякъ Гороховъ крикнулъ: „Слушай! молчи, а не говори". У Матвѣева отняли боярство, все имѣніе, дали только тысячу рублей и сослали на житье въ Пустозерскъ, вмѣстѣ съ сыномъ.

---

[1] По «благополучной тѣхъ временъ матери его причины, въ домѣ боярина Морозова производителя его Богданова». Исторія о невинномъ заточеніи ближняго боярина А. С. Матвѣева, стр. 385

[2] Исторія о невинномъ заточеніи ближняго боярина А. С. Матвѣева, стр. 386.

[3] Датскія дѣла 1676 года въ Москов. Арх. Мин. Ин. Д.

Въ страшномъ горѣ, среди лишеній всякаго рода, Матвѣевъ отправилъ три челобитныя къ царю съ оправданіемъ, къ патріарху и ближнимъ боярамъ съ просьбами о ходатайствѣ. Старикъ, опытный въ дѣлахъ правленія, но неопытный въ бѣдствіяхъ жизни, не могъ отказать себѣ въ утѣшеніи жаловаться и надѣяться, что жалоба будетъ имѣть дѣйствіе; не разсудилъ, что самая безсмысленность обвиненій и незаконность заочнаго осужденія отнимали всякую надежду къ оправданію и облегченію участи, пока несовершеннолѣтній царь окруженъ Милославскими и Хитрово съ товарищами. „Я, холопъ твой", писалъ Матвѣевъ государю, „хочу быть правъ размолвкою лѣкаря Давыдка и человѣка моего, карла Захарки. Передъ твоими боярами Захарка разспрашиванъ и пытанъ, и сказалъ, что въ то время какъ я съ докторомъ Стефаномъ и Спафаріемъ читалъ книгу, онъ, Захарка, за печью уснулъ и захрапѣлъ, и будто я, услыхавъ его храпѣніе, схватилъ его за волосы и толкнулъ черезъ порогъ; но онъ ничего не сказалъ съ пытки о приходѣ злыхъ духовъ,—ясно, что воръ Давыдка это выдумалъ. А хотя бы Захарка и сказалъ, что видѣлъ злыхъ духовъ, то вѣрить нечему, надлежало бы допросить его, какъ онъ нечистыхъ духовъ могъ видѣть, каковы ихъ образы и почему не знаетъ образъ духовъ нечистыхъ? А воръ Давыдка почему не сказалъ, что́ мы читали въ черной книгѣ, какія дѣла и какія слова слышалъ онъ въ чтеніи, и чему меня и сынишку моего Спафарій училъ. У карлы Захарки два ребра переломлены; но переломилъ ихъ ему Иванъ Соловцовъ, съ которымъ онъ игралъ, а не отъ моихъ побоевъ онъ былъ боленъ Злые духи сказали, что „есть у васъ въ комнатѣ третій человѣкъ", т.-е. Захарка: но самъ Захарка показалъ, что трое насъ читали черную книгу: я, докторъ Стефанъ и Спафарій, и я не знаю, кто очелся! духи-ль проклятые и низверженные, или воры, Давыдка и карла, четырехъ человѣкъ считаютъ за три? Захарка сказалъ, что спалъ за печью; а у меня въ той палатишкѣ за печью спать нельзя: двѣ стѣны у печи свободны, третья печью придѣлана къ самой палатишкѣ и промежка нѣтъ, а четвертая стѣна—у той печное устье. Захарка же сказалъ, что онъ спалъ и храпѣлъ: какъ спящему человѣку возможно слышать, кто что́ говоритъ? или человѣку храпленіе свое слышать? Спафарій меня не училъ не только-что богопротивному чему-нибудь, но и ничему; не до ученья было въ вашихъ государскихъ дѣлахъ, а сынишка моего училъ по-гречески и по-латыни, литерамъ малой части. А книги я читалъ и строилъ въ домишкѣ своемъ ради душевныя пользы и которыя Богу не противны. А служа вамъ, великимъ государямъ, сдѣлалъ книги съ товарищами своими, и съ приказными людьми, и съ переводчиками, въ Посольскомъ Приказѣ, какія не бывали, и нынѣ на свидѣтельство моей и ихъ работы въ Посольскомъ Приказѣ. Доносятъ на меня, будто я многія взятки бралъ и тѣсноту твоимъ людямъ чинилъ, покупалъ отчины тѣснотою; но изъ городовъ и уѣздовъ, которые я вѣдалъ въ Приказахъ, никто тебѣ на меня челомъ не бивалъ и впередъ бить не будетъ; когда я ѣхалъ въ ссылку нѣкоторыми изъ этихъ городовъ, то кромѣ пріятства и подаянія пищи, какъ подаютъ убогимъ и разореннымъ, не слыхалъ на себя никакого нареканія. Служилъ я дѣду твоему и отцу въ полковыхъ службахъ. Когда ратные люди пошли изъ-подо Львова и пришла самая нужда: отецъ сына, братъ брата мечутъ, и пришелъ холодъ и голодъ, солдаты, стрѣльцы и дворяне пушки и всякіе ратные припасы покинули на степи и разбѣжались, бояринъ Бутурлинъ пошелъ скорымъ походомъ, а меня оставилъ съ пометанными пушками и запасами на степи; и я, съ остальными людьми, впрягаясь самъ подъ пушки, всѣ 59 пушекъ и съ запасами допроводилъ до Бѣлой Церкви и до Москвы. Какъ подъ Конотопомъ упадокъ учинился вашимъ государскимъ людямъ и отступили воеводы къ Путивлю, окопъ, обозъ, образецъ и путь строилъ я, холопъ твой, и отошли въ Путивль въ цѣлости; а когда князь Алексѣй Никитичъ Трубецкой хотѣлъ идти въ черкасскіе города, и ратные люди, не хотя идти, учинили бунтъ и привели его, боярина, за епанчу, то я съ стрѣльцами его отнялъ. Прежде взятія Астрахани писалъ я къ отцу твоему въ Троицкій походъ, чтобъ вора Стеньку Разина изъ Астрахани не отпускать для многихъ его воровскихъ причинъ, какъ онъ первое ходилъ на море. Я съ цесарскими посланниками договоръ учинилъ, чтобы васъ, великихъ государей, впередъ писать величествомъ, а не пресвѣтлѣйшествомъ; я съ польскими и шведскими послами договорился, чтобы они передъ вами не сидѣли въ шапкахъ и шляпахъ. Я, будучи въ Приказѣ, учинилъ прибыли великія, вновь учинилъ аптеку, кружечный дворъ, и изъ тѣхъ сборовъ сдѣлалъ дворы каменные: посольскій, греческій, лавки. До моего сидѣнія въ Малороссійскомъ Приказѣ посылывали ратнымъ людямъ въ Кіевъ и иные города хлѣбные запасы изъ Брянска въ судахъ, а тѣ суда дѣлывали тутъ же въ Брянскѣ, и четверть цѣною ставливалась въ Кіевѣ по 7 рублей и больше. А какъ я началъ посылать на деньги хлѣбъ, и четверть дороже рубля въ куплѣ не бывала. За тѣми расходами, послѣ преставленія отца твоего, объявилъ я тебѣ 182,000 золотыхъ и ефимковъ и денегъ мелкихъ. Денежный дворъ 15 лѣтъ стоялъ пустъ, туда серебра въ заводѣ на денежное дѣло не бывало; я же завелъ дѣлать на томъ дворѣ деньги, и отъ того дѣла непрестанная прибыль была въ казну. И за всѣ мои службишки пожалованъ я былъ вашею государскою милостію, боярствомъ, отчинами, помѣстьями; я наживалъ вашею государскою милостію на службахъ полковыхъ, и въ посылкахъ, и въ посольскихъ подаркахъ, и у вашихъ государскихъ дѣлъ будучи, и то все безъ вины отнято. Есть, великій государь, которые въ чужихъ домахъ живали и чужія платья нашивали, и чужой хлѣбъ ѣдали, и тѣ при дѣдѣ твоемъ и отцѣ столько же или и больше моего, у такихъ дѣлъ будучи, наживали. Одинъ я возненавидѣнъ и оглашенъ многими деньгами, и золотыми, и животы; а нынѣ о всѣхъ моихъ деньгахъ и о всей моей рухлядишкѣ тебѣ извѣстно: не таковы объявились, какъ объ нихъ донесено. Дано мнѣ изъ нажитковъ отца и моего пожитченка тысяча рублевъ денегъ, и то твое жалованье не вѣмъ, на что издавать, на пищу-ль себѣ, или червю своему бѣдному сиротинѣ въ наслѣдіе? Кому повѣрено?—пьяному вору, датскому Нѣмчину, который, будучи на Москвѣ, только славы учинилъ, какъ его возили пьянаго, черезъ лошадь и черезъ сѣдло перекиня или въ каретѣ, положа вверхъ ногами, и ребята вопили вслѣдъ: „Пьяница! пьяница! шишъ на Кокуй!“ [1] Петру Марселису пьяный разрѣзалъ рюмкою горло, чаять оттого и скончался. Чего ради я съ нимъ не ставленъ и не допрошенъ? за что онъ, воръ, не возвращенъ съ пути? Стеньку Разина всѣ бояре на земскомъ дворѣ разспрашивали и очныя ставки давали: а меня, боярина, безъ суда судили! Не ложно холопи твои у тебя, великаго государя, чрезъ кровавыя свои слезы милости просимъ: сголоду страждемъ и не можемъ части мяса купить; да не токмо мяса или калачъ, ей-ей и хлѣба на двѣ деньги купить не добудемъ; прожиточные люди здѣсь одинъ борщъ ѣдятъ, да прибавляютъ по горсти муки ржаной, а убогіе одинъ борщъ, да и тотъ не родится въ Пустозерскѣ, привозятъ съ Ижмы; бредутъ врознь глада ради и остальные въ тотъ же путь смотрятъ“.

Три письма отправилъ Матвѣевъ къ патріарху, писалъ къ духовнику царскому, протопопу Никитѣ Васильевичу, къ князю Юрію Алексѣевичу Долгорукову, князю Михайлѣ Юрьевичу Долгорукову, къ князю Никитѣ Ивановичу Одоевскому и къ князю Якову Никитичу Одоевскому, къ боярину Родіону Матвѣевичу Стрѣшневу, все съ просьбами о заступничествѣ. Онъ рѣшилъ даже обратиться съ этими просьбами и къ врагамъ своимъ, виновникамъ своего несчастія,—къ Ивану Михайловичу Милославскому и Богдану Матвѣевичу Хитрово, клялся передъ Милославскимъ, что не онъ былъ причиною отправленія его на воеводство Астраханское; въ письмѣ къ Хитрово рѣшился написать слѣдующее: „Еще сугубой милости у тебя прошу: попроси милости и милосердія у государыни моей, милостивой боярыни Анны Петровны, чтобъ она, видя мою невинность и слезы кровавыя и непрестанныя съ червемъ моимъ, и разореніе мое всеконечное, для воздаянія на небесахъ будущихъ благъ въ некончаемомъ царствіи, предстательствовала о мнѣ убогомъ у великаго государя съ тобою“. Не зная, что дѣлается при Дворѣ, Матвѣевъ писалъ даже и къ боярину Кириллу Полуехтовичу Нарышкину, отцу царицы Натальи: просилъ, чтобъ царица и царевичъ Петръ ходатайствовали за него у царя; Матвѣевъ не зналъ, что царица не могла защитить и родного брата своего, Ивана Кирилловича Нарышкина, на котораго тотъ же лѣкарь Давыдъ Берловъ подалъ доносъ. Вслѣдствіе этого доноса, Нарышкина привели въ Кремль передъ Грановитую палату, стрѣльцы съ своимъ сотникомъ окружили его; вышелъ бояринъ князь Юрій Алексѣевичъ Долгорукій съ думнымъ дьякомъ, который читалъ сказку: „Говорилъ ты, Иванъ, держальнику своему Ивашку Орлу на Воробьевѣ и въ иныхъ мѣстахъ про царское величество при лѣкарѣ Давыдкѣ: ты-де орелъ старый, а молодой-де орелъ на заводи ходитъ, и ты его убей изъ пищали, а какъ ты убьешь, и ты увидишь къ себѣ отъ государыни царицы Натальи Кирилловны великую милость, и будешь взысканъ и отъ Бога тѣмъ, чего у тебя и на умѣ нѣтъ; и держальникъ твой, Ивашка Орелъ, тебѣ говорилъ: убилъ бы, да нельзя, лѣсъ тонокъ, а заборъ высокъ. Давыдка въ тѣхъ словахъ пытанъ, и огнемъ, и клещами жженъ многажды; и передъ государемъ и передъ патріархомъ, и передъ бояры, и отцу своему духовному въ исповѣди сказывалъ прежнія-жъ рѣчи: какъ ты Ивашку Орлу говорилъ, чтобы благочестиваго царя убилъ. И великій государь указалъ и бояре приговорили: за такія твои страшныя вины и воровство тебя бить кнутомъ и огнемъ и клещами жечь и смертію казнить; и великій государь тебя жалуетъ, вмѣсто смерти, велѣлъ тебѣ дать животъ; и указалъ тебя въ ссылку сослать на Рязань, въ Рясскій городъ, и быть тебѣ за приставомъ до смерти живота твоего“ [2]. Братъ Ивановъ, Аѳанасій Нарышкинъ, также былъ сосланъ.

---

[1] Кокуемъ называлась мѣстность, гдѣ была построена Нѣмецкая слобода.

[2] Письмо къ князю Вас. Вас. Голицыну отъ приказчика Боева, Временникъ Москов. Истор. Общ. № 7.

Въ то время, какъ Милославскій и Хитрово управлялись съ Матвѣевымъ и Нарышкиными, патріархъ Іоакимъ управлялся съ двумя духовными лицами, которыя въ царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ лишились своего защитника. Мы видѣли уже покушеніе Іоакима на духовника царскаго, Андрея Савинова, котораго онъ обвинялъ въ безнравственномъ поведеніи и въ неуваженіи къ нему, патріарху. Царь Алексѣй упросилъ патріарха простить духовника. Но въ самый день похоронъ царскихъ вражда между ними разгорѣлась въ высшей степени; патріархъ на отпѣваніи вложилъ въ руки покойника прощальную грамоту; духовникъ считалъ это своимъ правомъ и вышелъ изъ себя,—послѣ похоронъ пришелъ наверхъ, въ комнату, гдѣ собрано было все царское семейство, и началъ кричать: „Покойный государь прощенія не получилъ, патріархъ не далъ мнѣ вручить ему прощальную грамоту; дайте мнѣ 2,000 человѣкъ войска, я пойду на патріарха и убью его, или оружіемъ, или какою отравою убейте мнѣ супостата моего патріарха; если же не предадите смерти патріарха, то я васъ прокляну, а съ патріархомъ управлюсь самъ, я уже нанялъ 500 ратныхъ людей, чтобъ убить его“. Царь, царица и царевны „не соизволиша“ на это, говоритъ наивно оффиціальный актъ. Они выдали патріарху расходившагося протопопа; Іоакимъ созвалъ Соборъ; 14 марта 1676 года произнесено было осужденіе. Кромѣ выходки во дворцѣ, показаны были еще слѣдующія вины: 1) Когда, по изволенію царскому, сей злый іерей взятъ былъ на управленіе духовное царскаго дома, то онъ, самочиніемъ своимъ и неправильно, не востребовавъ архіерейскаго благословленія, восхитилъ самочинно духовную власть и называлъ себя протопопомъ безъ ставленной грамоты. 2) Вмѣсто заступленія за несчастныхъ, многимъ мученія и казни исходатайствовалъ, обличаемый въ своихъ винахъ письмами отъ нѣкоторыхъ людей вправду, что съ замужнею женщиною прелюбодѣйствовалъ. Лучше было ему въ томъ грѣхѣ каяться, а не обличителямъ пакости творить и мстить; многіе изъ-за него были замучены и посланы въ *оземствованіе*. 3) Пьянствовалъ съ зазорными лицами, блудническими пѣснями услаждаясь, съ приложеніемъ различныхъ игръ и бряцаній. 4) Безъ благословенія нашего церковь самъ собою воздвигъ; будучи подъ нашимъ патріаршескимъ запрещеніемъ и ни во что его вмѣняя, обѣдню служилъ. 5) Вражду положилъ между царемъ и нами, патріархомъ, не хотя себя видѣть отъ насъ правильно обличаема; привелъ царя на то, что не хотѣлъ ходить въ соборную церковь и къ нашему благословенію. 6) Восхитилъ отъ живого мужа жену и нуждою ее въ супружество другому мужу отдалъ, и въ отчинѣ своей священнику неволею приказалъ ихъ вѣнчать, потомъ у второго мужа отнялъ ее, прелюбодѣйствовалъ съ нею, а перваго мужа безвинно въ дальнее *оземствованіе* послалъ, въ темницѣ въ оковахъ держать велѣлъ.—Савиновъ былъ лишенъ священства и сосланъ въ Кожеезерскій монастырь [1].

Черезъ два мѣсяца по осужденіи духовника Андрея, Соборъ осудилъ *на исправленіе* стараго заточника, Никона, который, какъ видно, былъ въ пріязненныхъ отношеніяхъ къ осужденному духовнику. Съ извѣстіемъ о кончинѣ царя Алексѣя пріѣхалъ въ Ѳерапонтовъ монастырь Ѳедоръ Лопухинъ. Никонъ выслушалъ неожиданное извѣстіе въ сильномъ волненіи, слезы выступили у него на глазахъ; но жестокія слова показали, какое чувство сейчасъ же взяло верхъ: „Онъ будетъ судиться со мною въ страшное пришествіе Христово“, сказалъ Никонъ, и когда Лопухинъ началъ упрашивать его дать покойному письменное прощеніе, то Никонъ отвѣчалъ: „Подражая учителю своему Христу, повелѣвшему оставлять грѣхи ближнимъ, я говорю: Богъ да проститъ покойнаго; но письменнаго прощенія не дамъ, потому что онъ при жизни своей не освободилъ насъ отъ заточенія“ Никонъ не воображалъ, что если царь Алексѣй при жизни своей не вывелъ его изъ Ѳерапонтова, то смерть царя приготовила ему еще большую бѣду, на которую впрочемъ онъ самъ напрашивался. 13 апрѣля приставъ Никона, кн. Шайсуновъ, далъ знать, что Никонъ требуетъ отправленія въ Москву Игнатія Башковскаго и дворовой его женки Киликейки, зная за Башковскимъ великаго государя великое и страшное дѣло; въ челобитной, присланной Никономъ по этому случаю, онъ подписался *патріархомъ*. Этого уже было достаточно, чтобъ возбудить гнѣвъ настоящаго патріарха; кромѣ того, Никонъ самъ послалъ на себя въ Москву доносчика, въ то время, когда доносы на него начали принимать охотно. Башковскій разсказалъ, что Никонъ лѣчилъ крестьянина Кириллова монастыря, и больной умеръ отъ его лѣкарства; что Никонъ изъ своей кельи стрѣляетъ изъ пищали и застрѣлилъ птицу баклана; что къ Никону пріѣзжаетъ много родственниковъ его изъ Курмыша. Въ это же время перемѣненъ былъ приставъ, князь Шайсуновъ; онъ также, пріѣхавъ въ Москву, поразсказалъ много разныхъ вещей про Никона: разсказывалъ, что Никонъ ни въ чемъ его не слушалъ и никому слушать не велѣлъ; приказалъ себя называть и въ письмахъ писать св. патріархомъ; на озерѣ и по дорогѣ на крестахъ сдѣлалъ надписи: „Смиренный Никонъ, Божіею милостію патріархъ, поставилъ, будучи въ заточеніи за слово Божіе и за Св. Церковь“. Баклана подстрѣлилъ и велѣлъ у него крылья, голову и ноги отсѣчь за то, что онъ поѣдалъ у него рыбу. На кого Никонъ осердится, тѣхъ людей стрѣльцы и монастырскіе служки били палками и плетьми; хвасталъ Шайсунову, что напередъ предсказалъ Родіону Стрѣшневу разореніе отъ Стеньки Разина; присланному изъ Москвы Лопухину говорилъ, что у него въ Турціи живутъ свойственники четыре человѣка стряпчихъ и деньги къ нимъ посланы; что Цареградскій патріархъ проклялъ патріарховъ, которые его, Никона, осудили, и называлъ патріарховъ ворами. По преставленіи царя Алексѣя во весь Великій постъ пилъ до-пьяна и, напившись, всякихъ людей мучилъ безвинно; по его же приказу старца Панфутія били на правежѣ цѣлую недѣлю въ Великій постъ; своими руками билъ служку Обросимова, который отъ этихъ побоевъ умеръ; старца Лаврентія били палками, а послѣ Никонъ его запоилъ виномъ, отчего тотъ и умеръ. Игуменъ съ братіею и служки приходятъ къ Никону въ праздники, и онъ, сидя въ креслахъ, даетъ имъ цѣловать руку; сдѣлалъ у себя приказъ и губу. Пріѣзжала къ нему дѣвица 20 лѣтъ съ братомъ малымъ ребенкомъ для лѣченія, и Никонъ ее запоилъ до-пьяна, отчего она умерла.

---

[1] Соборное осужденіе духовника Андрея въ Синодал. Библіотекѣ.

Новый приставъ, Ададуровъ, какъ пріѣхалъ въ монастырь, такъ написалъ въ Москву, что Никонъ живетъ вовсе не заточникомъ: построено у него 25 келій, изъ нихъ подѣланы сходы и всходы и окна большія въ монастырь и за монастырь, и живутъ въ этихъ кельяхъ всякихъ чиновъ люди человѣкъ съ десять.

Явился новый доносчикъ, самый близкій человѣкъ, Никоновъ келейникъ, старецъ Іона. Онъ объявилъ, что Никонъ въ церковь ходитъ мало, за государя и патріарха Бога не молитъ, и священникамъ, которые живутъ у него, молить запрещаетъ; когда бываетъ въ церкви, никого не пускаетъ, причащается въ алтарѣ у престола съ служащимъ попомъ вмѣстѣ; отца духовнаго не имѣетъ четвертый годъ, на ектеніяхъ поминаетъ себя патріархомъ Московскимъ; государево жалованье, присланное къ нему, ни во что ставитъ, ногами топчетъ и всякими неистовыми словами великаго государя злословитъ[1], и т. д.

На основаніи этихъ доносовъ, Іоакимъ съ Соборомъ приговорили *исправить* Никона, и великій государь отправилъ въ Ѳерапонтовъ монастырь думного дворянина Желябужскаго да архимандрита Павла, съ приказомъ — перевести Никона въ Кирилловъ монастырь; жить у него въ кельѣ двоимъ искуснымъ добрымъ старцамъ, подобающую ему честь воздавать, а другихъ иноковъ и мірянъ не пускать, чернилъ и бумаги не давать, никакого приношенія къ нему не принимать. 16-го мая 1676 года посланные получили наказъ, въ іюнѣ пріѣхали въ Ѳерапонтовъ монастырь, и, послѣ обѣдни, прочли Никону указъ и вины. Никонъ слушалъ указъ со смиреніемъ, безъ всякаго прекословія; обвиненія—одни отвергъ, другія объяснилъ напримѣръ: „Ивашка Кривозуба, который на меня извѣщалъ, за его воровство, по сыску, билъ я съ игуменомъ и священникомъ вмѣстѣ; неволею я никому не приказывалъ цѣловать себя въ руку, а которые люди ко мнѣ приходили, и я имъ руку цѣловать давалъ. Губы я у себя не заводилъ, а сыскивали мы съ игуменомъ вмѣстѣ про Ивашку Кривозуба. Кельи строены по указу царя Алексѣя Михайловича; за великаго государя и за вселенскихъ патріарховъ всечасно Бога молю, а за Іоакима патріарха не молю, потому что писалъ Вологодскій архіепископъ въ Кирилловъ монастырь и велѣлъ Бога молить за себя, а не за патріарха, да потому, что отъ него, Іоакима, всякое зло учинилось и нынѣ меня губитъ, а попамъ я за патріарха Іоакима Бога молить не заказываю. Съ служащимъ священникомъ Варлаамомъ причащался я у престола въ алтарѣ, а у отца духовнаго не бывалъ года съ три, потому что отецъ мой духовный, Кирилловскій архимандритъ, ко мнѣ не ѣздитъ; на ектеньяхъ священники и дьяконы какъ хотятъ, такъ меня и поминаютъ, а я имъ не заказывалъ; Московскимъ патріархомъ я себя называть не велѣвалъ и никого къ этому не принуждалъ; которые присыльщики пріѣзжали отъ царя Алексѣя, и они называли меня великимъ святымъ отцомъ. При князѣ Шайсуповѣ за лѣкарствомъ ко мнѣ хаживали, и князь ко мнѣ ходить всякимъ людямъ не запрещалъ, а только бы отъ него заказъ былъ, и я бы къ себѣ никого не пускалъ; а какъ Ададуровъ пріѣхалъ и не велѣлъ ко мнѣ никого пускать,—и я никому къ себѣ ходить не велѣлъ".

Желябужскій и Павелъ говорили Никону въ соборной церкви всякими мѣрами, чтобъ за св. патріарха Бога молилъ и никакихъ непристойныхъ словъ не испускалъ; но Никонъ, идя изъ церкви, говорилъ: „Стану Бога молить за великаго государя и за вселенскихъ патріарховъ, а за Московскаго Бога молить и патріархомъ его называть не стану". Въ этотъ же день его перевезли въ Кирилловъ монастырь. Это перемѣщеніе во враждебный монастырь, гдѣ онъ уже не могъ такъ хозяйничать, какъ хозяйничалъ послѣднее время въ Ѳерапонтовѣ, заставило Никона перемѣнить тонъ; его испугало также извѣстіе, что двоихъ самыхъ близкихъ и вѣрныхъ ему людей, священника Варлаама и дьякона Мардарія, возьмутъ отъ него и сошлютъ въ Крестный монастырь. Когда архимандритъ Павелъ пришелъ къ нему предъ отъѣздомъ и сталъ опять уговаривать молиться за патріарха, то Никонъ отвѣчалъ: „Чтобъ св. патріархъ былъ ко мнѣ милостивъ, и не велѣлъ меня здѣсь напрасною смертію отъ тѣсноты поморить, а я за него Бога молить и патріархомъ называть стану; когда я при царѣ Алексѣѣ у допросу объ отходѣ своемъ въ Воскресенскій монастырь былъ, въ то время государю говорилъ, что за смиреніе въ патріархахъ быть можно ему, Іоакиму". Со слезами просилъ Никонъ Павла бить челомъ государю и патріарху, чтобъ не велѣли отсылать въ Крестный монастырь Варлаама и Мардарія, а приказали имъ попрежнему жить у него, потому что они къ нему пріобычились, а онъ къ нимъ". Эти Варлаамъ и Мардарій въ допросѣ объявили, что у Никона ничего дурного не было, но Мардарій проговорился: „Я возилъ", сказалъ онъ, „отписки и челобитныя къ великому государю отъ Никона въ Москву и подавалъ духовнику и дьяку тайныхъ дѣлъ Полянскому, а они эти отписки передавали великому государю; къ духовнику возилъ я отъ Никона всякія посудцы деревянные, братины, стаканы, ложки и рыбу отвозилъ, а Полянскому возилъ одну рыбу". Понятно, что извѣстіе о посредничествѣ ненавистнаго Савинова между Никономъ и царемъ не могло очень склонить Іоакима на милость къ Никону [1].

---

[1] Іона доносилъ еще слѣдующее: «Онъ же (Никонъ) говорилъ, что надобно освященнымъ масломъ всѣ уды помазывать, и въ тайный удъ, гдѣ животворящимъ крестомъ не заграждено и масломъ не помазано, бѣсъ вселяется. Онъ же лѣчилъ мужескъ полъ и женскъ въ крестовой кельѣ, и молитвы надъ ними говоритъ и масломъ помазуетъ. Къ нему приходятъ женки и дѣвки будто для лѣкарства, а онъ съ ними сидитъ одинъ-на-одинъ и обнажаетъ ихъ донага, будто для осмотру больныхъ язвъ. Дѣвокъ и молодыхъ вдовъ называетъ дочерьми и сговариваетъ ихъ замужъ у себя въ кельѣ, а послѣ вѣнчанья приходятъ къ нему въ келью, а онъ ихъ запаиваетъ до-пьяна и сидятъ у него до полуночи. Женку брюхатую служню жену выдалъ замужъ въ неволю, а женихъ на ней не хотѣлъ жениться, а онъ того жениха билъ плетьми и женилъ въ неволю. Келейникъ Никита Микитинъ приводилъ къ нему жену свою ночью. Дьячекъ Исаковъ подводилъ женку ночью. Служка Исаевъ видѣлъ Никона съ женкой въ тайномъ мѣстѣ. Въ праздники дѣлаетъ пиры частые на слободскихъ женокъ и поитъ ихъ до-пьяна и въ слободу отвозитъ ихъ на монастырскихъ подводахъ замертво. Постригъ Козлову дѣвку Мароутку Биляну и вкладъ за нею далъ. Дѣвкамъ и молодымъ женкамъ даетъ милостыню большую алтынъ по 20 человѣку, а старымъ по деньгѣ: женки и дѣвки приходятъ къ нему безвременно и по ночамъ у него сидятъ».

Савиновъ былъ сосланъ въ Кожеезерскій монастырь, Никонъ переведенъ въ Кирилловъ; но царскій учитель, Симеонъ Полоцкій, былъ сильнѣе прежняго, и печаталъ свои проповѣди безъ благословенія св. патріарха; кромѣ близкихъ отношеній къ царю, Іоакиму нельзя было дотронуться до Полоцкаго и потому, что онъ не подавалъ повода къ такимъ обвиненіямъ, на основаніи которыхъ можно было осудить Савинова.

Изъ адресовъ на письмахъ Матвѣева мы видимъ, кто была самые вліятельные, самые близкіе къ царю люди. Къ нимъ скоро присоединился другой Милославскій, бояринъ Иванъ Богдановичъ, котораго мы видѣли воеводою въ Казани во время ссылки Матвѣева. Иванъ Богдановичъ былъ самый энергическій изъ Милославскихъ, ибо Ивана Михайловича ставало только на интригу, на подземный подкопъ противъ кого-нибудь. По возвращеніи изъ Казани, Иванъ Богдановичъ, какъ говорятъ, схватился за всѣ дѣла, но сейчасъ же пошли на него со всѣхъ сторонъ жалобы, и это отдалило отъ него молодого царя, у котораго уже было двое любимцевъ — первый постельничій Иванъ Максимовичъ Языковъ, другой—комнатный стольникъ Алексѣй Тимоѳеевичъ Лихачевъ, бывшій учителемъ царевича Алексѣя Алексѣевича. Приближеніе Языкова объясняется легко изъ самой должности его; та же должность дала значеніе Адашеву при Іоаннѣ IV, Ртищеву — при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ. Но есть извѣстіе, что двое старыхъ бояръ, князь Долгорукій и Хитрово, не имѣя личной возможности соперничать съ Милославскимъ и быть постоянно съ царемъ, выдвинули нарочно Языкова и Лихачева перевѣшивать вліяніе Милославскаго. О Языковѣ сохранились отзывы, какъ о чрезвычайно ловкомъ придворномъ: его называютъ „человѣкомъ великой остроты, глубокимъ московскихъ прежде *площадныхъ* [2], потомъ же дворскихъ обхожденій проницателемъ". Лихачева называютъ „человѣкомъ доброй совѣсти, исполненнымъ великаго разума и самаго благочестиваго состоянія"; такой же отзывъ встрѣчаемъ и о братѣ его, Михайлѣ Тимоѳеевичѣ. Понятно, что для всѣхъ этихъ лицъ самымъ важнымъ вопросомъ былъ вопросъ о бракѣ царя. Молодая царица можетъ уничтожить или ослабить вліяніе царевенъ — тетокъ и сестеръ, а слѣдовательно и Миловлавскихъ, можетъ привести во дворецъ своихъ родственниковъ. Разсказываютъ, что, идя однажды въ крестномъ ходу, Ѳеодоръ увидалъ дѣвушку, которая ему очень понравилась; онъ поручилъ Языкову справиться о ней, и тотъ донесъ, что это Агафья Семеновна Грушецкая, живетъ у родной тетки, жены думнаго дьяки Заборовскаго, и дьяку дано знать, чтобъ не выдавалъ племянницы впредь до указа. Милославскій, узнавъ о намѣреніи царя жениться на Грушецкой, подумалъ, что это происки Языкова и Лихачева, и сталъ чернить Грушецкую и мать ея; но Языковъ и Лихачевъ обнаружили клевету. Царь женился на Грушецкой, въ іюлѣ 1680 года, а Милославскому запретилъ являться ко Двору, и хотя молодая царица, по великодушію своему, выпросила ему прощеніе, однако онъ потерялъ съ этихъ поръ всякое вліяніе. Языковъ съ 1678 года называется постельничимъ *думнымъ;* въ 1680 государь пожаловалъ его изъ постельничихъ думныхъ въ окольничіе и указалъ быть ему въ оружейничихъ; въ тотъ же день, на мѣсто Языкова, въ постельничіе пожалованъ былъ Лихачевъ [3]. Въ концѣ царствованія

---

[1] Источники о Никоновскомъ дѣлѣ указаны мною въ XI томѣ.

[2] Здѣсь разумѣется площадь или площадка на крыльцѣ, гдѣ собирались молодые придворные, см. выше 1-ю главу.

[3] Дворцовые разряды, IV, 55, 174. О Языковѣ и Лихачевыхъ см. Исторію о невинномъ заточеніи Матвѣева, стр. 407, и приведенную выше записку Татищева, гдѣ говорится: «Главные бояре, Долгорукій и Хитрово, разсудили, что имъ у царя Ѳеодора въ такой милости уже для ихъ старости удержаться было не весьма удобно; наипаче же вѣдая, что Иванъ Милославскій въ томъ можетъ имъ великія обиды нанести, положили, чтобъ онаго Милославскаго изъ Казани взять и всѣ правленія на него положить, а самимъ остаться у малыхъ дѣлъ; но дабы они притомъ вовсе нѣкоторыя способности изъ рукъ не выпустили, того ради, вѣдая, они думнаго дворянина Ивана Языкова,

Языковъ былъ пожалованъ въ бояре. Такимъ образомъ, самыми близкими къ царю, самыми вліятельными на дѣла правленія явились люди новые, молодые,—Языковъ и Лихачевъ. Но подлѣ нихъ, если не въ такой близости, однако съ сильнымъ вліяніемъ на дѣла, видимъ человѣка одного изъ самыхъ стародавнихъ родовъ, еще молодаго по лѣтамъ, боярина князя Василья Васильевича Голицына, не однимъ именемъ и отчествомъ напоминавшаго знаменитаго предка своего, слывшаго *столпомъ* въ Смутное время. Безспорно, что Голицынъ былъ представительнѣе и способнѣе всѣхъ бояръ описываемаго времени; къ этому присоединялъ онъ еще далеко не общее всѣмъ тогда образованіе, дававшее ему извѣстную широту взгляда, умѣнье покончить съ вредною стариною, хотя бы эта старина была для него выгоднѣе, чѣмъ для другихъ. Итакъ, говоря о правительственной дѣятельности Θеодора Алексѣевича, царя очень молодого и болѣзненнаго, мы обязаны постоянно имѣть въ виду людей, его окружавшихъ, сначала Милославскихъ, потомъ, особенно съ 1680 года, Языкова, Лихачева и Голицына, хотя, разумѣется, по недостатку подробныхъ извѣстій, мы не можемъ опредѣлить долю каждаго изъ нихъ въ правительственной дѣятельности.

Θеодоръ наслѣдовалъ отъ отца три трудныя задачи внѣшней политики: окончаніе дѣла съ Дорошенкомъ, отклоненіе притязаній Польши на буквальное исполненіе Адрусовскихъ статей и войну Турецкую.

Еще при жизни царя Алексѣя, въ январѣ 1676 года, Дорошенко далъ знать князю Ромодановскому, что онъ уже присягнулъ великому государю предъ Запорожскимъ кошевымъ и Донскими казаками, и въ другой разъ не только передъ бояриномъ и гетманомъ, и передъ самимъ царскимъ величествомъ присягать не станетъ. Въ Москву ѣхать ему теперь никакъ нельзя, потому что ежечасно ожидаетъ прихода подъ Чигиринъ непріятелей, Турокъ и Татаръ, озлобленныхъ на него за присягу великому государю. Булавы онъ не пошлетъ, потому что булаву дали ему войскомъ,—войскомъ пусть и возьмутъ; гдѣ булава—тутъ и голова; изъ давнихъ лѣтъ Чигиринъ при булавѣ, и безъ гетмана въ Чигиринѣ по сіе время не бывало. Въ государевой грамотѣ написано, что жить ему съ родственниками гдѣ захочетъ; но онъ хочетъ жить тамъ, гдѣ родился и выросъ, т.-е. въ Чигиринѣ. Потомъ Дорошенко понизилъ тонъ и сталъ требовать, чтобъ государь прислалъ къ нему какую-нибудь знатную особу, при которой онъ и присягнетъ вторично; въ Чигиринѣ разсказывали, что когда митрополитъ Іосифъ Тукальскій лежалъ при смерти, то Дорошенко навѣщалъ его безпрестанно; и умирающій заклиналъ его именемъ Божіимъ, чтобъ отсталъ отъ Турецкаго султана и билъ челомъ въ подданство великому государю; если же этого не сдѣлаетъ, то пропадетъ. Дорошенко за это осердился на Іосифа и не ходилъ къ нему до самой смерти.

Новый государь въ мартѣ мѣсяцѣ отправилъ въ Чигиринъ стольника Деремонтова съ грамотою къ Дорошенку. Но стольникъ скоро возвратился и объявилъ, что гетманъ Самойловичъ не пустилъ его изъ Батурина въ Чигиринъ. Для объясненія своего поступка, Самойловичъ писалъ государю, что Дорошенко вовсе не думаетъ исполнять требованій, заявленныхъ покойнымъ царемъ, лукавитъ попрежнему; притомъ посылка Деремонтова показываетъ, что государь перемѣнилъ прежнее рѣшеніе, потому что указомъ царя Алексѣя всѣ переговоры съ Дорошенкомъ поручены боярину князю Гр. Гр. Ромадановскому и ему, гетману. Наконецъ Самойловичъ писалъ, что великій государь пожаловалъ, послалъ къ Дорошенку обнадеживальную грамоту безъ *вича* (не „Петру Дороѳеевичу", какъ обыкновенно писалось) и безъ упоминовенія при немъ старшины, а къ чигиринскому поспольству послалъ бы особую жалованную и обнадеживальную грамоту, съ приказомъ не называть Дорошенка гетманомъ, ни въ чемъ ему не вѣрить, а быть въ послушаніи у него, гетмана Ивана Самойловича. Государь отвѣчалъ, что онъ не перемѣняетъ прежнихъ указовъ отца своего, и отпускъ Деремонтова положенъ на разсмотрѣніе князя Ромодановскаго и его, гетмана, какъ ихъ Господь Богъ вразумитъ. Ромодановскій рѣшилъ, что не для чего удерживать тестя Дорошенкова, Яненка Хмельницкаго, и отпустилъ его въ Чигиринъ съ адъютантомъ рейтарскаго строя, Горяиновымъ. Во время обѣда при Горяиновѣ, Дорошенко, наливъ вина, говорилъ: „Пью на томъ, что мнѣ не отдавать булавы Ивану Самойловичу, силою у меня Ивану Самойловичу булавы не взять!"—„Не отдадимъ булавы никогда", говорили начальные люди; „а если поповичъ (Самойловичъ) станетъ ее у насъ насильно отнимать, то мы будемъ за нее биться".—„Богъ судья гетману Ивану Самойловичу", продолжалъ Дорошенко: „городъ Чигиринъ всему Малороссійскому краю отъ бусурманъ не малая защита; надобно бы ему къ Чигирину клейнотъ прибавить, а онъ и послѣдній отнимаетъ, и хлѣба къ намъ привозить на продажу заказалъ, а пишетъ ко мнѣ такъ, какъ я и къ хлопцу своему не пишу". За столомъ сидѣли Запорожцы, шесть человѣкъ, присланные за тѣмъ, чтобъ Дорошенко съ клейнотами и булавою ѣхалъ къ нимъ на кошъ. Подпивши, Дорошенко обратился къ нимъ: „Не выдайте вы меня, какъ Донцы Стеньку Разина выдали; пусть Донцы выда-

---

человѣка великой остроты, такожъ Алексѣя Лихачева, бывшаго у царевича Алексѣя Алексѣевича учителя, человѣка доброй совѣсти, твердо государю выхваляя, въ милость ввели. Иванъ Милославскій еще при царѣ Алексѣѣ отъ дяди своего Ильи Данилыча въ непристойныхъ поступкахъ примѣченъ и едва отъ тяжкаго наказанія милостію царицы Марьи Ильиничны избавленъ, но по смерти ея вмѣсто ссылки въ Казань посланъ воеводою, за что на Матвѣева и Нарышкиныхъ великую злобу имѣлъ». (Не знаемъ, не перемѣшалъ ли здѣсь Татищевъ Милославскихъ—Ивана Богдановича съ Иваномъ Михайловичемъ?)

ютъ, а вы не выдавайте.“ — „Не выдадимъ!“ отвѣчали Запорожцы.

Между тѣмъ Самойловичъ дѣйствовалъ, чтобъ ускорить развязку тяжелаго для него дѣла: онъ двинулъ къ Днѣпру войско съ семью полковниками; изъ нихъ Черниговскій—Василій Бурковскій—переправился за Днѣпръ съ выборными отъ всѣхъ полковъ людьми и, 18 марта, приблизился къ Чигирину. Дорошенко вышелъ изъ города, окруженный своею пѣхотою, и послалъ спросить: Зачѣмъ пришли и по чьему указу? — „Государь требуетъ и все войско тебѣ увѣщеваетъ: принеси присягу и сложи начальство“, отвѣчалъ Бурковскій. Выслушавъ отвѣтъ, Дорошенко поворотилъ въ городъ, а полковнику послалъ сказать, что никакого дѣла не можетъ начать безъ согласія всего войска Запорожскаго низоваго. Потомъ Дорошенко прислалъ Бурковскому грамоту для передачи Самойловичу; грамота была подписана: „Гетману войска Запорожскаго, но не обѣихъ сторонъ Днѣпра“. „Не только теперь, писалъ Дорошенко, послѣ присяги царскому величеству, хочу я быть единомышленнымъ и единоутробнымъ (отъ одной матери Украйны) братомъ и пріятелемъ вашей милости, но и прежде, когда за грѣхи мы были разрознены, я всегда оказывалъ любовь и дружбу вашей сторонѣ, тайно засылая и остерегая насчетъ приближенія непріятелей. И въ нынѣшнемъ мѣсяцѣ, получивъ предостереженіе изъ коша насчетъ турецкаго и татарскихъ замысловъ, я увѣдомилъ о нихъ боярина и вашу милость, вслѣдствіе чего вы и двинули полковника Черниговскаго и другихъ на защиту нашему углу и той сторонѣ. Благодарю за помощь бѣдному нашему уголку и желаю присланному войску побѣды надъ общими непріятелями. Одному поступку вашей милости удивляюсь: послали вы войско навстрѣчу непріятелю, а между тѣмъ, мимо меня, тайно засылаете и наговариваете не только города, но и пѣхотные полки, обѣщая имъ хлѣбъ и довольство, а городовымъ жителямъ мирное и безобидное пребываніе подъ чужими забралами. Неужели это защита—войска отводить на свою сторону? Неужели это мирное пребываніе—чужіе углы портить? Вы подвинули войска свои къ Днѣпру, какъ пишите, для того, чтобъ намъ надежнѣе было, покинувъ городъ, дома, женъ и дѣтей, переѣхать съ клейнотами войсковыми и старшиною къ вамъ для принесенія присяги новому государю и сложенія регимента. И прежде писалъ я о причинахъ, почему не могу ѣхать, и теперь (такъ какъ вижу, что ваша милость больше всего хлопочетъ о клейнотахъ) напоминаю: ѣхать мнѣ не только къ вамъ, но и въ столицу, какъ человѣку ни въ чемъ невинному, не страшно; но для своей прихоти отдать вашей милости клейноты, повѣренные мнѣ не одинъ разъ въ продолженіи десяти лѣтъ всѣмъ войскомъ, безъ собранія этого войска—городоваго и низового—это было бы съ моей стороны слишкомъ смѣло: какой бы я благодарности за это дослужился, какой на будущее время славы и чести дому своему добылъ? Разсуди самъ высокимъ своимъ разумомъ, и оставь это дѣло. Имѣетъ ваша милость благодатію Божіею отъ его царскаго величества полный свой регименть; никто вашей милости не завидуетъ, не мѣшаетъ. Пишете, что если не послушаю вашего совѣта и не поѣду къ вамъ, то полковнику Черниговскому велѣно промышлять противъ насъ съ войскомъ: очень хорошо для временной чести и прихоти начинать междоусобіе! Благословитъ ли насъ за это Богъ; не будетъ ли непріятель надъ нами смѣяться; не будемъ ли за это осуждены? Довольно намъ отвѣчать и за прежнюю кровь невинную, за неволю, въ которую попались люди невинные; а мы еще на худшее преуспѣваемъ! Я, при моей невинности, никому зла не желаю, и всякому прошенію отвѣтъ давать готовъ“. Одинъ изъ Дорошенковыхъ полковниковъ, Петриковскій, съѣхавшись съ Бурковскимъ, говорилъ ему: „Ради Бога, не вѣрьте Дорошенку,—онъ все обманываетъ, за ордою въ Крымъ давно послалъ и надеженъ во всемъ на прежнее постановленіе съ Сѣркомъ и Запорожцами“.

Самойловичъ долженъ былъ ограничиться однѣми угрозами, потому что къ нему пришелъ царскій указъ: обнадеживать Дорошенка царскою милостію, перезывать его всякими мѣрами на эту сторону, но задоровъ съ нимъ не дѣлать, если съ его стороны не окажется ничего противнаго. Вслѣдствіе этого, Бурковскій съ товарищами, по указу гетманскому, отошелъ отъ Чигирина и распустилъ войска по домамъ. Съ другой стороны, безпокоилъ Самойловича Сѣрко: „Хотя мы теперь новому великому государю и присягнули, писалъ кошевой гетману, однако если ты и впередъ не будешь насъ допускать къ милости царской, то вредно это будетъ одному тебѣ. Много уже терпимъ!“ Сѣрко досадовалъ на Самойловича, что тотъ не присылаетъ въ Сѣчь клейнотовъ, которые взялъ у Ханенка, не пропускаетъ хлѣбныхъ запасовъ на Запорожье, Запорожцевъ изъ городовъ велѣлъ выбивать, царскаго жалованья, Переволоченскаго перевоза и мѣстечка Кереберды не далъ, не позволилъ стаду запорожскому зимовать въ Полтавскомъ полку. Посланецъ гетманскій слышалъ, какъ на радѣ чернь запорожская кричала про гетмана всякія позорныя слова; а на другой день пьяный Сѣрко призвалъ посланца къ себѣ, ухватилъ его за грудь, просилъ сабли и кричалъ: „Знаешь ли, какъ я тебѣ голову отсѣку! Узнаетъ гетманъ, какъ я зайду отъ Стародуба, а тамъ ихъ ужъ станутъ и бить. Присягалъ я великому государю царю въ службѣ, только дѣдичнаго государя Польскаго короля не оставлю. Какъ гетманъ Иванъ Самойловичъ придетъ къ намъ на Запорожье и войску поклонится, то пусть будетъ гетманомъ; а если къ намъ не придетъ, а придетъ къ намъ Дорошенко, то гетманомъ будетъ Дорошенко“. Въ Москвѣ уже сдѣланъ былъ выборъ между постояннымъ до сихъ поръ гетманомъ и издавна шаткимъ кошевымъ: всѣ дѣла по жалобамъ Сѣрка отданы были на разсмотрѣніе гетмана, только велѣно ему было безусловно не задерживать хлѣбныхъ запасовъ, идущихъ въ Сѣчь, чтобъ не отлучить Запорожцевъ отъ царской милости.

Ходили слухи, что Дорошенко собирается уйти на Запорожье; но онъ хотѣлъ сдержать свое слово—оставаться тамъ, гдѣ родился и воспитанъ былъ, сидѣлъ въ Чигиринѣ, и Самойловичъ попрежнему посылалъ въ Москву извѣстія о его поведеніи: „Не только къ пашамъ, но къ самому султану и хану знатныхъ людей посылаетъ, также и къ Полякамъ. А что санжаки турецкіе къ вашему царскому величеству послалъ,—на это надѣяться нечего: у него давно такой обычай, ко всѣмъ монархамъ, особенно къ христіанскимъ, на словахъ склоняться, но на дѣлѣ никому не хочетъ быть вѣренъ, кромѣ Турскаго; самъ султанъ ему позволилъ отослать санжаки въ случаѣ нужды, если какой-нибудь христіанскій государь будетъ сильно на него наступать. На эту сторону онъ никогда не переѣдетъ и старшинства съ себя не сложитъ,—того у него и въ помышленіи не было, нѣтъ и не будетъ. Все посылать къ нему объ этомъ грамоты для насъ съ бояриномъ безчестно, потому что онъ изъ этого смѣхъ строитъ и между малороссійскимъ народомъ разныя всѣваетъ небывалыя слова“. Самойловичъ просилъ указа идти на Дорошенка, пока не пришли къ нему Турки и Татары на помощь.

Гетманъ не могъ уладиться съ Дорошенкомъ и Сѣркомъ, архіепископъ Лазарь Барановичъ ссорился съ протопопомъ Симеономъ Адамовичемъ. Дѣло пошло изъ-за того, что протопопъ владѣлъ многими маетностями, архіепископія же Черниговская маетностями была скудна. „Архіепископіи“, говорилъ Барановичъ, „больше нужно доходовъ на украшеніе церквей, на монастырь и на другія потребы, нежели протопопу только на домовое его строеніе. Я недавно двѣ архимандріи, Черниговскую и Новгородскую, воскресилъ“. Гетманъ и старшина согласились съ мнѣніемъ архіепископа, и протопопу дали знать, что села его и деревни съ мельницами отписаны на архіепископа. Адамовичъ—въ Москву, съ жалобою, что архіепископъ насильно завладѣлъ его маетностями. Барановичъ, узнавши о жалобѣ, велѣлъ нарядить судъ надъ Адамовичемъ изъ архимандритовъ и протопоповъ; но Адамовичъ не заблагоразсудилъ явиться на этотъ судъ и уѣхалъ въ Москву. Барановичъ съ просьбою къ государю: „Аще бы смѣлъ каковы ложныя разсѣвати клеветы, смиренно молю вашего царскаго пресвѣтлаго величества, чтобъ ложнымъ его клеветамъ вѣра не была дана, но паче да заградятся уста глаголющаго неправду, дабы та дерзость его совершенное воспріяла непохваленіе“. Гетманъ также прислалъ грамоту, заступаясь за архіепископа, объясняя, что онъ, гетманъ, имѣлъ право, по совѣту съ старшиною, отнять маетности у протопопа и отдать архіерею, потому что послѣднему больше нужно доходовъ. Въ Москвѣ, въ Малороссійскомъ Приказѣ, дѣло кончилось тѣмъ, что Адамовичъ отказался отъ спорныхъ маетностей, а государь послалъ грамоту Барановичу, излагая дѣло такъ, что протопопъ билъ ему, государю, челомъ съ слезнымъ прошеніемъ, что онъ своего пастыря прогнѣвалъ и повелѣнія его, страха ради, не исполнилъ безъ хитрости; государь просилъ архіепископа, чтобъ онъ для милосердія Божія и для государской милости отдалъ протопопу его безхитростную вину и велѣлъ ему жить попрежнему въ своей паствѣ.

Улаживалось одно дѣло,—начиналось другое. 4-го августа явился въ Малороссійскій Приказъ Стародубскій полковникъ Петръ Рославецъ и подалъ жалобу: „Послѣ Велика Дня прислалъ ко мнѣ въ Стародубскій полкъ гетманъ Иванъ Самойловичъ Заднѣпровскихъ казаковъ, которые перешли на его сторону Днѣпра, пятьсотъ человѣкъ. Я ихъ размѣстилъ по селамъ и деревнямъ, велѣлъ поить и кормить и съ лошадьми, и давать денегъ—сотникамъ по пяти рублей въ недѣлю, атаманамъ по девяти алтынъ, рядовымъ по двѣ гривны, да по двѣ кварты вина, да по квартѣ масла. Но казаки, не довольствуясь этимъ, стали собирать самовольствомъ съ жителей деньги и кормы. Потомъ 9-го іюля прислалъ изъ Чернигова владыка грамоту съ запрещеніемъ, чтобъ священники въ церквахъ не служили и никакихъ требъ не исправляли: за твое государское здоровье молитвъ нѣтъ, много людей безъ покаянія померли, младенцы не крещены, роженицы лежатъ безъ молитвъ! Гетманскіе посланцы собираютъ поборы не въ мѣру, уѣздныхъ людей и казаковъ разоряютъ, и меня скидываютъ съ полковничества“. Рославецъ просилъ, чтобъ Стародубскій полкъ отошелъ подъ непосредственную власть государя, подъ начальство князя Гр. Гр. Ромодановскаго, подобно полкамъ Сумскому, Рыбенскому, Ахтырскому и Харьковскому, потому что города: Стародубъ, Новгородъ Сѣверскій, Почепъ, Погаръ и Мглинъ вотчина государева, бывали московскими городами. Наконецъ Рославецъ просилъ, чтобъ церкви въ Стародубскомъ полку вѣдалъ Московскій патріархъ.

Въ тотъ же день, 4-го августа, пришло письмо по почтѣ отъ гетмана: Самойловичъ доносилъ, что Рославецъ склонялъ Стародубскихъ полчанъ отложиться отъ гетманскаго регимента; тѣ дали знать объ этомъ гетману и просили, чтобъ позволилъ имъ выбрать другого полковника; гетманъ далъ позволеніе, а Рославецъ убѣжалъ въ Москву. Полковнику сдѣлали выговоръ отъ имени царскаго, что онъ учинилъ противно войсковому праву, не оказавши должнаго послушанія гетману, и поѣхалъ въ Москву безъ его вѣдома: надобно было ему другихъ отъ своевольства унимать, а онъ самъ своевольничаетъ! Для разъясненія дѣла, въ Малороссію отправился стольникъ Алмазовъ, которому наказано: говорить съ гетманомъ многими пространными разговорами, примѣняясь, что можно, чтобъ ему было не въ оскорбленье; приводить, чтобъ между ними злоба не выростала, и привесть гетмана къ склонности, обѣщая, что полковникъ окажетъ ему должное послушанье. Смотрѣть, чтобъ и старшинѣ было не въ досаду; говорить, усматривая ихъ намѣренія, какъ они о томъ станутъ мыслить. Провѣдывать обо всемъ тайно, чтобъ то дѣло между ними и всѣмъ войскомъ успокоить, и злобѣ въ даль распространяться не дать.

Только-что Алмазовъ промолвилъ о мировой, гетманъ отвѣчалъ: „Хотя бы Рославецъ въ чемъ-нибудь мнѣ и больше досадилъ, то я бы ему простилъ; но этого дѣла никакъ такъ оставить нельзя, потому что Рославецъ говорилъ, будто къ нынѣшнему его дѣлу много совѣтниковъ; будто меня, гетмана, на этой сторонѣ не любятъ; такъ пусть его судитъ старшина по войсковымъ правамъ, пусть онъ совѣтниковъ своихъ укажетъ, кто меня не любитъ. Не только у насъ въ малороссійскихъ городахъ плуты и своевольные люди есть, но и въ великороссійскихъ городахъ, и въ иныхъ странахъ: гдѣ и подъ страхомъ живутъ,—и тамъ безъ плута не бываетъ, а у насъ въ малороссійскихъ городахъ вольность; если бы государской милости ко мнѣ не было, то у нихъ бы на всякій годъ было по десяти гетмановъ“. Возвратясь въ Москву, Алмазовъ донесъ, что всѣ начальные люди бранятъ Рославца, а про гетмана никакихъ словъ дурныхъ не говорятъ. Архіепископъ запретилъ стародубскому духовенству служить за то, что Рославецъ прибилъ одного священника. Наконецъ Самойловичъ далъ знать въ Москву, что Рославецъ затѣялъ дѣло по совѣту протопопа Симеона Адамовича.

Алмазова немедленно опять отправили въ Батуринъ; онъ повезъ Рославца на войсковой судъ; но въ грамотѣ своей къ гетману царь писалъ, чтобъ онъ простилъ преступника, который раскаивается.

Между тѣмъ всю весну и лѣто ходили слухи, что султанъ собирается подъ Кіевъ; для подкрѣпленія Ромодановскаго и Самойловича двинулся въ Путивль бояринъ князь Василій Васильевичъ Голицынъ. Ромодановскій и Самойловичъ получили указъ давать отпоръ непріятелю; если же Турки и Татары подъ Кіевъ и на восточную сторону не придутъ, то идти къ Днѣпру и за Днѣпръ, промышлять надъ Чигиринымъ и Дорошенкомъ, примѣняясь къ прежнимъ указамъ царя Алексѣя Михайловича и смотря по тамошнему дѣлу. О Туркахъ не было слышно, и Ромодановскій съ Самойловичемъ двинулись къ Днѣпру. Не доходя ста верстъ до рѣки, они отправили впередъ стольника Григорья Косогова съ 15,000 московскаго войска и бунчужнаго Леонтья Полуботка—съ четырьмя полками. Увидавъ царское войско, прибрежныя мѣста, зависѣвшія отъ Чигирина, начали поддаваться. Косоговъ съ Полуботкомъ, подошедши подъ Чигиринъ, схватились съ тамошними казаками; но послѣ бою начались переговоры; Косоговъ послалъ къ Дорошенку увѣщательную государеву грамоту. На этотъ разъ Дорошенку ничего больше не оставалось, какъ исполнить царскія требованія. Священники съ крестами, старшина и чигиринскіе жители явились въ обозъ къ осаждающимъ на рѣчку Янычару, въ трехъ верстахъ отъ города, и принесли присягу. Дорошенко отправилъ своего двоюроднаго брата Кондрата Тарасенка и писаря Воехевича къ Ромодановскому и Самойловичу съ просьбою, чтобъ прежнія обѣщанія, ему данныя насчетъ сохраненія здоровья и имущества, были исполнены, и, когда воевода и гетманъ увѣрили его въ этомъ, онъ пріѣхалъ къ нимъ въ сопровожденіи 2,000 человѣкъ и положилъ предъ ними клейноты—булаву, знамя и бунчукъ. Чигиринъ, „великому государю и всей Украйнѣ надобный городъ“, былъ занятъ царскими войсками, пополамъ московскими и малороссійскими.

Съ торжествомъ возвращался Самойловичъ отъ Днѣпра. Въ Переяславлѣ онъ нашелъ Алмазова съ Рославцемъ. Выслушавъ о желаніи великаго государя, чтобъ преступникъ былъ прощенъ, Самойловичъ отвѣчалъ: „Я безъ государева указа никакого наказанія Рославцу не учиню; но теперь объявилось новое дѣло: бывшій Дорошенковъ генеральный писарь Воехевичъ подалъ мнѣ сказку на письмѣ за своею рукою, что Нѣжинскій протопопъ Симеонъ Адамовъ присылалъ къ Дорошенку казака Дубровскаго, приказывая съ нимъ, что всѣ хотятъ имѣть гетманомъ Дорошенка, а именно полковники: Стародубскій Петръ Рославецъ, Прилуцкій—Лазарь Горленко, Дмитрашка Райча, бывшій генеральный писарь Карпъ Мокріевъ; да не только старшина и чернь,—самъ государь не хочетъ меня, Самойловича, имѣть гетманомъ. Чего Дорошенко хочетъ, то надо мною и сдѣлаютъ: захочетъ убить—убьютъ, или въ Москву отошлютъ, какъ Многогрѣшнаго. Протопопъ поцѣловалъ крестъ на томъ, что такъ сдѣлается, и прислалъ этотъ самый крестъ къ Дорошенку, а Дорошенко отдалъ его мнѣ“.

3-го октября привели Рославца предъ гетмана и старшину: „Я было-надѣялся,“ сказалъ ему Самойловичъ, „что такого другого пріятеля у меня и нѣтъ, какъ ты, Петръ; а ты, забывъ Бога и присягу, хотѣлъ за добродѣтель мою къ тебѣ убить меня, да Господь Богъ не помогъ“.

— „Я ни въ какомъ совѣтѣ съ протопопомъ не бывалъ“, отвѣчалъ Рославецъ, „дѣлъ его никакихъ не знаю; моя вина одна, что поѣхалъ безъ гетманскаго вѣдома и отпуска къ царскому величеству, побоясь черной рады, чтобъ меня не убили“. Тутъ Рославецъ повалился на землю передъ гетманомъ и лежалъ долго.

27-го октября великій государь указалъ и бояре приговорили въ передней при святѣйшемъ патріархѣ: Рославца съ совѣтниками судить войсковымъ правомъ. Судъ назначенъ былъ въ январѣ.

Но прежде Рославца надобно было рѣшить важный вопросъ: что дѣлать съ Дорошенкомъ, гдѣ ему жить. Сначала Ромодановскій и Самойловичъ помѣстили его въ Сосницѣ (въ Черниговскомъ полку); въ ноябрѣ отправился въ Батуринъ стольникъ князь Иванъ Волконскій съ приказомъ гетману прислать Дорошенка въ Москву для подтвержденія присяги; для успокоенія Самойловича, Волконскій долженъ былъ ему говорить, что Дорошенко берется въ Москву изъ уваженія къ его же, Самойловичевой, вѣрной службѣ; Дорошенко ему, гетману, давній непріятель, такъ чтобъ, будучи на этой сторонѣ, по прежнему своему злокварству, не вымышлялъ какихъ-нибудь противныхъ на него дѣлъ и не побуждалъ бы ко злу людей, не желающихъ покоя.

Въ Батуринъ пріѣхалъ Волконскій въ началѣ декабря и, для переговоровъ о Дорошенкѣ, отправился къ Самойловичу часа за четыре до свѣту. „Теперь вскорѣ послать Дорошенка въ Москву нельзя“, говорилъ гетманъ: „онъ переѣхалъ на эту сторону недавно и двора себѣ не построилъ, многихъ пожитковъ своихъ не перевезъ. Когда будутъ судить Нѣжинскаго протопопа и Рославца, то это дѣло начнется Дорошенкомъ: онъ главный обличитель. Потомъ мы обѣщали Дорошенку подъ Чигириномъ, что жить ему по волѣ, гдѣ захочетъ, и прежнихъ дѣлъ его не вспоминать. Чигиринскіе старшины били мнѣ челомъ, чтобъ я позволилъ имъ поселиться на этой сторонѣ,—я позволилъ; но если теперь послать Дорошенка въ Москву, то старшины усумнятся и сюда не поѣдутъ, да не было бы смуты и потому, что у Дорошенка много своихъ друзей на обѣихъ сторонахъ Днѣпра: подумаютъ, что его хотятъ заслать въ Сибирь. А мнѣ опасаться его не-для-чего: когда онъ не былъ въ подданствѣ у великаго государя и не жилъ подъ моимъ региментомъ, то и тогда я зналъ всѣ его замыслы, а теперь и подавно все буду знать“. Наконецъ гетманъ объявилъ, что безъ совѣту съ старшиною онъ не можетъ рѣшить этого дѣла; но и послѣ совѣта Волконскому объявлено было тоже, что отпустить Дорошенка нельзя по изложеннымъ причинамъ. Рѣшили, что гетманъ пошлетъ объ этомъ грамоту государю, а Волконскій будетъ дожидаться въ Батуринѣ указа. Указъ пришелъ — оставить Дорошенка въ Малороссіи.

Въ январѣ 1677 года, на третій день послѣ Богоявленія, въ Батуринѣ начался судъ надъ протопопомъ Адамовичемъ и полковникомъ Рославцемъ; отъ Барановича присланы были черниговскаго Елецкаго монастыря архимандритъ Іоанникій Голятовскій, игуменъ кіевскаго Кириллова монастыря Мелетій Дзикъ и трое протопоповъ. Выслушавъ свидѣтелей, судъ приговорилъ Адамовича и Рославца къ смертной казни; совѣтника ихъ, бывшаго генеральнаго писаря Карпа Мокріева—выслать вонъ изъ Украйны; бывшіе полковники—Переяславскій Дмитрашка Райча и Прилуцкій—Лазарь Горленко должны присягнуть, что къ протопопову и Рославцеву злому умыслу не приставали. Но на другой день гетманъ прислалъ государевы грамоты, въ которыхъ говорилось о помилованіи преступниковъ. Выслушавъ грамоты, духовныя особы и генеральная старшина сказали: „Если протопопа смертью не карать, то велѣть его постричь“. Самъ Адамовичъ билъ челомъ, чтобъ его постригли. „Я и прежде этого желалъ“, говорилъ онъ, „да не исполнилъ, вѣрно за это меня Богъ и смиряетъ“. Приговорили протопопа постричь, а Рославца нѣсколько лѣтъ держать за карауломъ. Адамовича для постриженія отправили съ бунчужнымъ Леонтіемъ Полуботкомъ въ Черниговъ къ архіепископу Лазарю Барановичу; но тутъ протопопъ объявилъ, что не хочетъ постригаться: „Не хочу иночества“, говорилъ онъ, „да не будутъ послѣдняя горше первыхъ“. Тогда Барановичъ лишилъ его священства и отдалъ Полуботку, уже какъ мірскаго человѣка, подъ мірской судъ. Полуботокъ велѣлъ посадить его въ „тѣсное узилище“. Не вытерпѣвъ тѣсноты, Адамовичъ объявилъ, что дастъ подробное показаніе о своихъ замыслахъ и соучастникахъ. Полуботокъ созвалъ къ себѣ многихъ духовныхъ и свѣтскихъ особъ, и, въ ихъ присутствіи, Адамовичъ показалъ: „Дмитрашка Райча говорилъ, что застрѣлитъ гетмана изъ пистолета въ войскѣ; въ другой разъ говорилъ, что пойдетъ въ Запорожье и тамъ станетъ бунтовать. Карпъ Мокріевичъ дважды говорилъ, что пойдетъ съ Дмитрашкою въ Запоржье бунтовать противъ гетмана. Я Дорошенку совѣтывалъ и наказывалъ, чтобъ спѣшилъ на эту сторону съ войскомъ Запорожскимъ и своимъ, обѣщая ему гетманство. Рославецъ говорилъ мнѣ: „Порадѣемъ о здоровьи господина гетмана, за то что онъ ко мнѣ не милостивъ“. Когда я встрѣтился съ нимъ въ селѣ Семеновскомъ (я ѣхалъ изъ Москвы, а онъ въ Москву), то онъ велѣлъ мнѣ идти на Украйну бунтовать Запорожцевъ и Дорошенка для исполненія нашего намѣренія. Дмитрашка говорилъ, что вмѣстѣ съ гетманомъ надобно убить судью и бунчужнаго. Мы рѣшили, что, убивши гетмана, жить не подъ царскою рукою, но поддаться хану“. Адамовичъ подписалъ это показаніе.

Между тѣмъ въ Москвѣ продолжали думать, что старый Чигиринскій гетманъ будетъ гораздо безвреднѣе здѣсь, чѣмъ въ Малороссіи, и въ февралѣ извѣстный уже намъ стольникъ Семенъ Алмазовъ поѣхалъ опять въ Батуринъ съ требованіемъ высылки Дорошенка. „Надобно объ этомъ съ старшиною посовѣтываться“, сказалъ ему Самойловичъ, „потому что это народъ мнительный; послыша, что Дорошенко усланъ въ Москву, станутъ разсѣвать плевосѣятельныя слова, пронесутся эти слова къ Сѣрку, а Сѣрко и подавно станетъ къ этимъ словамъ привмѣщать такія же, и оттого, сохрани Боже, чтобъ какого зла не случилось. Поляки сильно боятся, что Дорошенко на этой сторонѣ; боятся, чтобъ я и Дорошенко не заключили съ султаномъ перемирія и не стали ихъ воевать. Того не знаютъ, какое здѣсь своеволіе: кто какое слово молвитъ, и всѣ къ нему пристанутъ. И меня заподозриваютъ; но если я помыслю какое-нибудь зло, то пусть Господь Богъ казнитъ душу мою и тѣло, жену мою и дѣтей и весь домъ разоритъ; дѣтей своихъ держу на Москвѣ для вѣрности; и если случится въ Украйнѣ какое зло, то сейчасъ же, покинувъ все, поѣду въ Москву. Воля его царскаго величества; но лучше бы было, еслибъ Дорошенко остался жить въ Москвѣ; пусть мои посланцы и Сѣрковы, какъ будутъ въ Москвѣ, видаютъ его и знаютъ, что онъ живетъ при милости царскаго величества. Я его съ тобою отпущу, но чтобъ про то никто не зналъ. Да хорошо было бы, еслибъ брата его, Грицка, изъ Москвы отпустили въ малороссійскіе города: родственники ихъ, видя царскаго величества милость, обрадовались бы и на милость государеву обнадежились; много разъ писала ко мнѣ изъ Чигирина мать ихъ объ отпускѣ Грицка“.

Въ Сосницу отправилъ гетманъ вмѣстѣ съ Алмазовымъ генеральнаго судью Ивана Домонтова и съ нимъ писалъ къ Дорошенку, чтобъ ѣхалъ въ Москву безо всякаго опасенія, что и прежде былъ царскій указъ объ отпускѣ его въ Москву, но его не отправили, потому что онъ еще не осмотрѣлся, а теперь онъ поѣдетъ въ Москву не для чего иного, какъ только для переговоровъ по дѣламъ турецкимъ и крымскимъ. Дорошенко, однако, сильно встревожился, когда Алмазовъ пріѣхалъ за нимъ вдругъ неожиданно: „Кого и къ смерти приговариваютъ,—и тому заранѣе о томъ даютъ знать“, говорилъ онъ; „Богъ судитъ гетмана, что меня не увѣдомилъ“. Но, дѣлать нечего, поѣхалъ.

20 марта Дорошенко видѣлъ государевы очи; думный дьякъ говорилъ ему рѣчь; объявилъ, что всѣ вины его прощаются и никогда не будутъ вспомянуты, государь указалъ быть ему при своей милости въ Москвѣ для способовъ воинскихъ противъ непріятельскаго наступленія Турокъ и Татаръ на Украйну; въ надежду своей государской милости, по челобитью гетмана Самойловича, царское величество велѣлъ брата его, Дорошенкова, Григорья, расковать и ходить ему за карауломъ къ гетманскому сыну Семену, а теперь, по гетманскому челобитью, велѣно Григорья отпустить въ малороссійскіе города. Дорошенко билъ челомъ, чтобъ государь приказалъ привезти въ Москву жену его и дочь. За ними отправился подъячій Юдинъ; но братъ Дорошенка, Андрей, объявилъ ему: „Братъ мнѣ писалъ, что если жена его ведетъ себя хорошо, какъ обѣщала ему въ то время, когда онъ взялъ ее къ себѣ изъ чернаго платья (изъ монастыря), то присылать ее въ Москву, а иначе отписать къ нему безъ утайки. Я объ ея поступкахъ объявилъ гетману, объявляю тебѣ и къ брату посылаю письмо. Братъ Петръ за злодѣйскія ея дѣла положилъ на нее черное платье, но, видя маленькую дочь свою въ сиротствѣ, умилосердился надъ злодѣйкою и взялъ къ себѣ въ жены попрежнему, а она ему обѣщала, что до смерти ничего хмельнаго пить не станетъ. Но по отъѣздѣ брата въ Москву стала она пить безобразно, безъ моего вѣдома ходить и чинить злодѣйство. Теперь велѣлъ я ей собираться ѣхать въ Москву, а она при отцѣ своемъ Яненкѣ кричитъ: „Если ты въ Москву пошлешь меня насильно, то брату твоему Петру не долго на свѣтѣ жить!“ Юдину этотъ разсказъ показался подозрителенъ, тѣмъ болѣе что гетманъ показалъ ему письмо Дорошенка къ себѣ, въ которомъ тотъ умолялъ Самойловича походайствовать ему у царя позволеніе возвратиться въ Малороссію, напоминалъ о данномъ ему обѣщаніи оставить его жить тамъ, гдѣ захочетъ: „Я знаю, писалъ Дорошенко, что я здѣсь въ Москвѣ не нуженъ, и пріѣздъ жены моей сюда также не нуженъ, а что приказываютъ, то исполняю по нуждѣ“ Гетманъ не отпустилъ Дорошенковой жены въ Москву.

Между тѣмъ, по обыкновенію, всю весну готовились въ Украйнѣ къ встрѣчѣ непріятелей, Турокъ и Татаръ. Султанъ, намѣсто Дорошенка, провозгласилъ гетманомъ и княземъ Малороссійскимъ плѣнника своего, Юрія Хмельницкаго, который прислалъ на Запорожье грамоту отъ 5 апрѣля: „Спасителю нашему все возможно, писалъ Хмельницкій, нищаго посадить съ князьями, смиреннаго вознести, сильнаго низложить. Лихіе люди не допустили меня пожить въ милой отчизнѣ; убѣгая отъ нихъ, претерпѣлъ я много бѣдъ, попалъ въ неволю. Но Богъ подвигнулъ сердце наияснѣйшаго цесаря Турскаго, тремя частями свѣта государствующаго, который грѣшныхъ больше милуетъ, чѣмъ наказываетъ (съ меня берите образецъ!): даровалъ мнѣ цесарь свободу, удоволилъ меня своею милостію и княземъ Малороссійскимъ утвердилъ. Когда былъ я въ Запорожьи, то вы мнѣ обѣщали оказать любовь и желательство и вождемъ меня имѣть,—такъ теперь обѣщаніе исполните, и отправляйте пословъ своихъ въ Казыкермень для переговоровъ со мною“. Подписано: „Георгій Гедеонъ Венжикъ Хмельницкій, князь Малороссійскій, вождь войска Запорожскаго“. Грамота подѣйствовала на Запорожье. 15-го мая отправился туда изъ Москвы стряпчій Перхуровъ съ государевымъ жалованьемъ: когда, по обычаю, прочли на радѣ государеву грамоту, то въ войскѣ раздался крикъ: „Суконъ прислано мало, подѣлиться нечѣмъ,—достанется по одной рукавкѣ! Мы служили отцу государеву и ему, государю, служимъ вѣрно, надъ бусарманами всякій промыслъ воинскій чинимъ неотмѣнно, а жалованья намъ прислано мало: а мы и впередъ обѣщаемся вѣрно служить“. Сѣрко говорилъ: „Войско меня не слушается, потому что государскаго жалованья, знамени и булавы у меня нѣтъ; а если бы знамя и булава ко мнѣ были присланы, то казаки были бы мнѣ послушны“. Казаки продолжали кричать: „Гетманъ Самойловичъ отнялъ у насъ перевозъ подъ Переволочною, даромъ возить не велитъ и запасовъ къ намъ не присылаетъ Если турецкое войско на кошъ къ намъ придетъ, то мы Сѣчь сожжемъ, а сами пойдемъ по островамъ на воду; а тутъ намъ сидѣть не-у-чего, запасу у насъ никакого нѣтъ“ Самойловичъ опять началъ доносить въ Москву на Сѣрка, что съ ханомъ Крымскимъ заключилъ перемиріе, что къ Хмельницкому часто посылаетъ и совершенно уже къ нему склоняется.

Въ іюлѣ пріѣхалъ въ Батуринъ стольникъ Карандѣевъ отъ государя съ соболями и атласами для гетмана и старшины за вѣрную ихъ службу Ему поручено было переговорить съ Самойловичемъ о Сѣркѣ, о Дорошенкѣ и о нерѣшенномъ еще дѣлѣ Рославца и Адамовича. Карандѣевъ требовалъ отъ гетмана, чтобъ онъ „послалъ въ Запорожье знатнаго человѣка и всячески старался не допускать Сѣрка до перемирія съ ханомъ; чтобъ не допустить Турокъ овладѣть Кодакомъ, осадилъ бы его своими людьми: иначе низовому войску Запорожскому будетъ тѣснота и разоренье, а непріятелю свободный путь въ малороссійскіе города; если же пошлется войско малороссійское въ Кодакъ, то Запорожцы обнадежатся“.

— „Послать мнѣ войска въ Кодакъ нельзя“, отвѣчалъ гетманъ, „потому что этимъ городомъ завѣдываетъ Сѣрко, а послать не спросясь съ Запорожцами—только озлить ихъ“.

Потомъ Карандѣевъ началъ говорить о Дорошенковой женѣ, чтобъ прислать ее въ Москву: мужъ не перестаетъ объ этомъ просить.—„Я не мѣшаю“, отвѣчалъ гетманъ, „пусть ѣдетъ“.—„Но зачѣмъ ты, гетманъ“, продолжалъ Карандѣевъ, „хлопочешь объ отпускѣ Дорошенка назадъ на Украйну, чего ты боишься? Дорошенко взятъ въ Москву для тебя и для цѣлости Малороссіи, чтобъ онъ, будучи въ Украйнѣ, не надѣлалъ какого-нибудь зла“. — „Объ отпускѣ Дорошенка на Украйну я и не думаю бить челомъ“, отвѣчалъ гетманъ; „въ настоящее военное время Дорошенку быть на Украйнѣ нельзя“. Наконецъ рѣчь дошла до Рославца и Адамовича: „Протопопа и Рославца“, сказалъ гетманъ, „я отправлю съ нарочными посланцами въ Москву, чтобъ великій государь пожаловалъ меня, приказалъ сослать ихъ на вѣчное житье въ дальніе сибирскіе города для страха другимъ“.

11 августа привезли въ Москву Рославца и Адамовича, и на другой день состоялся указъ о ссылкѣ ихъ въ Сибирь. Спѣшили покончить съ этимъ дѣломъ и успокоить гетмана, который уже двигался съ двадцатитысячнымъ войскомъ къ Днѣпру. Съ 4 августа Ибрагимъ-паша съ Хмельницкимъ стояли подъ Чигириномъ, ожидая хана. Хмельниченко, величая себя княземъ Сарматскимъ, прислалъ требованіе, чтобъ сдали ему стольный городъ, которымъ Дорошенко не имѣлъ права распоряжаться. Воеводою въ Чигиринѣ былъ генералъ-майоръ Трауернихтъ. 7 августа, ночью, онъ сдѣлалъ удачную вылазку и схватилъ 11 человѣкъ языковъ; Турки повели-было подкопъ къ верхнему замку, но остановились рыть, встрѣтивъ дикій камень. Между тѣмъ, 10 августа Самойловичъ соединился съ Ромодановскимъ, и 17 числа изъ-подъ Снятина отправили въ Чигиринъ полкъ пѣхоты сердюковъ и 1,000 человѣкъ драгуновъ, съ приказаніемъ спѣшить днемъ и ночью. Посланные исполнили приказаніе, перебрались на правый берегъ Днѣпра, ночью прокрались чрезъ непріятельскіе полки и явились въ Чигиринѣ къ неописанной радости осажденныхъ, которые уже истомились и упали духомъ, не имѣя извѣстій о своихъ; а къ Туркамъ пришелъ ханъ съ ордою. 25 августа явились къ Днѣпру противъ Чигирина, у Бужинской пристани, князь Ромодановскій и гетманъ Самойловичъ; на противоположной сторонѣ Днѣпра уже стоялъ ханъ съ своими Татарами и частію турецкаго войска. Непріятель занялъ островъ на Днѣпрѣ, чтобъ не допускать Русскихъ до переправы, но былъ выбитъ. Русскіе съ острова переправились на западный берегъ, 28 августа схватились съ непріятелемъ, поразили его и гнали пять верстъ отъ берега. Испуганные Турки и Татары на другой же день ушли отъ Чигирина, покинувъ запасы и пушки и оставивъ подъ городомъ 4,000 янычарскихъ труповъ. Ибрагимъ-паша складывалъ всю вину на хана, который вовремя не пошелъ на лѣвую сторону Днѣпра и не далъ знать о московскихъ и казацкихъ войскахъ. Честь этого дѣла, надолго оставшагося памятнымъ, принадлежала полуполковнику выборнаго полка генералъ-майора Агея Шепелева, Семену Воейкову, солдатскому полковнику Самуилу Вестову, стольнику и полковнику Григорію Косогову, а изъ Малороссіянъ—полковникамъ Полтавскому Левенцу и Нѣжинскому—Барсуку. Ромодановскій и Самойловичъ, подождавши у Чигирина до 9-го сентября и слыша, что Турки бѣгутъ къ границамъ, отправились назадъ за Днѣпръ, тѣмъ болѣе что конскіе кормы всѣ были истреблены непріятелемъ, а у ратныхъ людей запасовъ стало мало. Самойловичъ возвратился съ торжествомъ, потому что, по его настоянію, Московское правительство рѣшило держаться въ Чигиринѣ. И теперь гетманъ настаивалъ, чтобъ государь указалъ укрѣпить Чигиринъ, ратными людьми осадить и хлѣбными запасами озапасить, точно такъ же какъ и Кіевъ, да послать туда боярина съ государевыми ратными людьми, а онъ, гетманъ, съ своими людьми Чигирина не удержитъ, и безъ московскихъ людей на своихъ онъ не надеженъ. Чигиринъ покинуть нельзя, потому что всей Украйнѣ защита и оборона добрая; стоитъ онъ на рѣкѣ Тясмѣ (Тясминѣ), черезъ которую ордѣ нигдѣ бродовъ и переправы нѣтъ. Чигиринская война дала также Самойловичу случай выставить передъ царемъ въ черномъ свѣтѣ поведеніе Сѣрка: „Кошевой къ пресвѣтлому престолу вашему государскому и ко мнѣ не желателенъ, потому что передъ Чигиринскимъ походомъ помирился съ ханомъ и Турками, во время войны никакой намъ помощи не далъ, и когда ханъ бѣжалъ черезъ Днѣпръ вплавь съ ордами, не билъ его, а велѣлъ казакамъ перевозить Татаръ въ челнахъ“.

Эти нелады у гетмана съ знаменитымъ полевымъ воиномъ очень не нравились въ Москвѣ; бояре приговорили—привести Сѣрка съ гетманомъ въ союзъ. „За такіе злые поступки Сѣрка воздается ему въ день праведнаго суда Божія, писалъ государь Самойловичу; но мы, государь христіанскій милосердый, не допуская его для имени христіанскаго къ вѣчной погибели, ожидая его обращенія, тѣ его вины и преступленія отпускаемъ, если онъ эти свои вины вѣрною службою заслужитъ и къ тебѣ будетъ такъ же желателенъ, какъ и прежніе гетманы“. Съ милостивымъ словомъ Ромодановскому и гетману за Чигиринскую войну отправился въ Малороссію стольникъ и полковникъ Тяпкинъ. Посланному наказано было спросить Ромодановскаго: „Какое его намѣреніе о Чигиринѣ на будущее время; можно ли этотъ городъ держать, или надобно его разорить; если держать,—то какая отъ этого будетъ прибыль? сколько въ него надобно будетъ послать московскихъ ратныхъ людей и казацкихъ полковъ, и откуда въ Чигиринъ возить хлѣбные и оружейные запасы, и чрезъ такую великую днѣпровскую переправу какими способами помощь давать ратными людьми?“—„Мое намѣреніе такое“, отвѣчалъ Ромодановскій: „разорить Чигиринъ отнюдь нельзя, очень безславно и отъ непріятеля страшно, и не только Украйнѣ убыточно, но и самому Кіеву будетъ тяжко. На остальные же вопросы напишу по статьямъ, снесшись съ гетманомъ“.

Тѣ же вопросы Тяпкинъ предложилъ въ Батуринѣ Самойловичу.—„Если Чигиринъ разорить или допустить непріятеля имъ овладѣть“, отвѣчалъ гетманъ, „то развѣ прежде разоренья или отдачи сказать всѣмъ въ Украйнѣ народамъ, что уже они великому государю не нужны. У насъ во всемъ казацкомъ народѣ одно слово и дѣло: при комъ Чигиринъ и Кіевъ,—при томъ и они всѣ должны въ вѣчномъ подданствѣ быть. Если Юраска Хмельницкій засядетъ въ Чигиринѣ съ своими бунтовщиками, тогда всѣ народы, которые изъ-за Днѣпра на эту сторону вышли, пойдутъ опять за Днѣпръ къ Юраску. А если засядутъ въ Чигиринѣ Турки, то султанъ не будетъ посылать имъ запасовъ изъ своихъ городовъ, будутъ брать запасы съ городовъ и селъ этой стороны, и дорога будетъ открытая Туркамъ подъ Путивль и Сѣвскъ, потому что Днѣпръ и Заднѣпровье будутъ у нихъ въ рукахъ.“ Тутъ гетманъ, взглянувъ на Спасовъ образъ, заплакалъ и сказалъ: „Молимся, да избавитъ Господь Богъ и великій государь насъ и потомковъ нашихъ отъ такого тяжкаго бусурманскаго ярма!“ Касательно Сѣрка, Самойловичъ прямо объявилъ Тяпкину, что кошевой поддался султану: султанъ прислалъ Казыкерменскому бею 30,000 червонныхъ золотыхъ, чтобъ подкупить Сѣрка съ казаками. Бей изъ польскихъ Татаръ, учился въ школахъ, знаетъ языки; онъ съѣзжался съ Сѣркомъ въ степи, ходили они между кустами, взявшись за руки, и тутъ кошевой присягнулъ султану.“

Для уясненія этого важнаго дѣла, въ декабрѣ отправился въ Запорожье подьячій Шестаковъ, съ которымъ гетманъ отпустилъ своего посланца, войсковаго товарища Артему Золотаря. Шестаковъ на радѣ выговаривалъ Запорожцамъ, зачѣмъ они не подали помощи царскому войску подъ Чигириномъ: зачѣмъ не били Татаръ, бѣжавшихъ черезъ Днѣпръ отъ этого города.

— „Мы подъ Чигиринъ не ходили потому, что войска было на кошѣ мало,“ отвѣчалъ Сѣрко; „да и потому не ходили, что Турки и Татары прежде Чигирина хотѣли идти на Сѣчь. Чтобъ упредить этотъ злой замыселъ, мы съ ханомъ помирились, да хотѣли мы при этомъ, чтобъ Татары выкупили у насъ плѣнныхъ, потому что войско было голодно, добычи никакой, запасовъ также. Да и для того помирились съ ханомъ, что много разъ писали къ гетману Ивану Самойловичу, чтобъ царское величество прислалъ къ намъ своихъ ратныхъ людей на оборону, какъ присылалъ царь Алексѣй Михайловичъ, да и самъ бы гетманъ пустилъ къ намъ городовыхъ казаковъ; но гетманъ казаковъ къ намъ не пустилъ и запасовъ не прислалъ,—войско только и кормилось, что рыбою; а когда съ ханомъ заключили перемирье, то за Татаръ брали большой окупъ, да ходили за солью къ морю; а если бы съ ханомъ мы не помирились, то войско померло бы съ-голоду. Турокъ и Крымцевъ, бѣжавшихъ изъ-подъ Чигирина, мы не громили потому, что войска въ Сѣчи было мало: всѣ, надѣясь на миръ съ ханомъ, разошлись по промысламъ, и теперь войска въ Сѣчи мало—всѣ по промысламъ. Пожаловалъ бы государь, велѣлъ прислать къ намъ своихъ ратныхъ людей, а гетману приказалъ прислать Полтавскій полкъ, и мы по веснѣ, какъ скоро войска и запасы будутъ къ намъ присланы, перемирье съ ханомъ нарушимъ и пойдемъ въ Крымъ войною.“ Гетманскому посланцу Сѣрко говорилъ наединѣ, что онъ царскому величеству не измѣнилъ, и если помирился съ Турками и Татарами, то для того только, чтобъ приманить къ себѣ Хмельницкаго и, схвативъ его, отослать въ Москву. Для увѣренія Сѣрко вынулъ изъ-за пазухи крестъ и цѣловалъ.

Это не заставило Самойловича смотрѣть доброжелательнѣе на Запорожскаго кошеваго, и скоро послѣдній усилилъ еще это недоброжелательство, начавъ совѣтовать государю разрушить и покинуть Чигиринъ. „Для чего это онъ совѣтуетъ? писалъ Самойловичъ,—чтобъ вмѣстѣ съ Хмельниченкомъ привести въ исполненіе свой злобный замыселъ. Пусть только Чигиринъ достанется имъ въ руки, хотя бы и разоренный: они снова его укрѣпятъ. Хмельниченко сдѣлаетъ въ немъ столицу своего княжества, Сѣрко—главный городъ своего гетманскаго регимента, потому что уже и теперь Сѣрко величаетъ Хмельниченка княземъ Малой Россіи, а Хмельниченко Сѣрка—кошевымъ гетманомъ войска низоваго Запорожскаго.“ Изъ турецкихъ владѣній въ Кіевъ дошелъ и списокъ условій, заключенныхъ Сѣркомъ съ Хмельницкимъ: 1) чтобъ вѣрѣ Православной гоненія не было; 2) податей никакихъ и ясырю не давать; 3) вольности войска Запорожскаго не нарушать; чтобъ старшинъ и войска турецкаго и Татаръ ни въ какихъ малороссійскихъ городахъ не было. Изъ самого Царя-града давали знать, что Сѣрко присылаетъ султану всѣ государевы грамоты и гетманскіе листы.

Надобно было приготовляться къ тяжелой войнѣ съ разныхъ сторонъ: зиму и весну 1678 года приходили постоянно вѣсти, что Турки съ огромными силами нагрянутъ подъ Чигиринъ, съ тѣмъ, чтобъ непремѣнно взять этотъ городъ. Въ Царѣградѣ въ это время находился стольникъ Поросуковъ, присланный къ султану съ царскою грамотою для попытки, нельзя ли прекратить тяжелую и опасную войну и, по крайней мѣрѣ, развѣдать обстоятельнѣе о турецкихъ замыслахъ. Для послѣдняго Поросуковъ обратился къ патріарху; тотъ отвѣчалъ, что желаетъ всякаго добра великому государю, какъ себѣ царства небеснаго, и о замыслахъ непріятеля креста Христова объявляетъ: султанъ Турецкій, имѣя чрево свое бусурманское ненасыщенное, устремляется этимъ лѣтомъ съ войсками своими поганскими и желаетъ изъ-подъ державы его царскаго величества владѣнія Петра Дорошенка отобрать, а потомъ и всею Украйною овладѣть. И сами они явно пророчествуютъ, что царскимъ величествомъ побѣждены будутъ, только не могутъ узнать въ какое время. Боясь этого пророчества, султанъ пойдетъ только до Бабы, а визиря пошлетъ подъ Чигиринъ. Поросуковъ спросилъ объ Юраскѣ Хмельницкомъ, по его ли патріаршему благословенію монашество съ него снято Патріархъ отвѣчалъ: „Хмельницкій снялъ съ себя монашество своевольно, желая себѣ столько же освобожденія изъ неволи, сколько княженія и гетманства. По его наущенію, визирь нѣсколько разъ присылалъ ко мнѣ съ просьбами и угрозами, чтобъ я съ Юраски монашество снялъ, на княженіе Малороссійское и гетманство Запорожское его благословилъ; но я отъ этого принужденія освободился подарками и Юраску къ себѣ не пустилъ“. „Вчера“, продолжалъ патріархъ, „султанъ слушалъ привезенную тобою грамоту, приказалъ тебя отпустить, а къ царскому величеству писать объ уступкѣ въ турецкую сторону Чигирина и владѣній Дорошенковыхъ по Днѣпръ. Молю царское величество, чтобы, ради церквей Божіихъ и вѣры христіанской, Чигирина и Украйны султану не уступалъ, а если уступитъ, то не только Малой Россіи, но и государству Московскому тяжекъ будетъ непріятель“. Государь согласился съ мнѣніемъ Самойловича, Ромодановскаго и Цареградскаго патріарха, что необходимо удержать Чигиринъ, укрѣпить его и снабдить войскомъ. Въ чигиринскіе воеводы назначенъ былъ окольничій Ив. Ив. Ржевскій, извѣстный своею распорядительностію, умѣвшій ладить съ Малороссіянами, что доказалъ во время своего воеводства въ Нѣжинѣ. Въ Кіевѣ Ржевскій долженъ былъ взять хлѣбные запасы, подъ которые гетманъ выставлялъ подводы; ко Ржевскому должны были присоединиться назначенные для чигиринскаго осаднаго сидѣнья полки малороссійскіе, также отрядъ войска Ромодановскаго. Но ничего этого Ржевскій не нашелъ, и 17 марта вступилъ въ Чигиринъ одинъ, безъ хлѣба, потому что подводы отъ гетмана не были присланы, о войскахъ въ Чигиринъ не было вѣсти: въ Чигиринѣ Ржевскій нашелъ разбитыя стѣны, пустыя житницы и услыхалъ разсказы о безпрестанныхъ набѣгахъ татарскихъ. Когда въ Москвѣ узнали объ этомъ, то въ Курскъ, къ Ромодановскому, и въ Батуринъ къ гетману поскакалъ въ апрѣлѣ стольникъ Алмазовъ спросить, что́ они думаютъ. Ромодановскій отвѣчалъ, что идетъ къ Днѣпру немедленно и о Чигиринѣ будетъ радѣть; гетманъ отвѣчалъ, что у него войска не въ сборѣ, и онъ пойдетъ къ Ромодановскому одинъ для переговоровъ; что пугаться нечего,—войска и запасы поспѣютъ въ Чигиринъ, хотя подводы стоили страшно дорого, каждую нанимали за четыре и за пять рублей, а неизвѣстно, придетъ ли и половина ихъ назадъ.

Дѣйствительно, подкрѣпленія и запасы успѣли придти въ Чигиринъ, потому что визирь Мустафа явился осаждать этотъ городъ только 9 іюля. Ромодановскій съ Самойловичемъ стояли у Днѣпра у Бужинской пристани, въ первыхъ числахъ іюля, и 6 числа начали переправлять войска свои на правую сторону. Переправа шла очень медленно; большая часть войска находилась еще на лѣвомъ берегу, когда, 10 числа, Татары переправились на этотъ берегъ тайкомъ у Крылова, подкрались и ударили на русскіе обозы, но были прогнаны съ урономъ. Такъ же неудачно кончилось нападеніе непріятелей 11 числа на тѣ передовые русскіе полки, которые уже переправились на правую сторону. 12 іюля всѣ русскія войска стояли на правой сторонѣ на Бужинскихъ поляхъ, и на другой день выдержали бой съ пятью пашами турецкими и ханомъ Крымскимъ. Съ тѣхъ поръ бои не прерывались, потому что Турки, пришедши изъ-подъ Чигирина черезъ Крыловъ, расположились обозомъ въ 7 верстахъ отъ Русскихъ и дѣлали на ихъ таборы безпрестанные наѣзды. 29 іюля къ Русскимъ на подмогу явился князь Каспулатъ Муцаловичъ Черкасскій съ Калмыками и Татарами, и принималъ дѣятельное участіе въ бояхъ; 3 и 4 августа. послѣ упорныхъ битвъ, Русскіе овладѣли важнымъ пунктомъ — Стрѣльниковою горою, приблизились къ Чигирину и вступили съ нимъ въ сообщеніе. Здѣсь уже не было воеводы Ржевскаго: 3 августа взошелъ онъ на стѣны и сильно обрадовался, увидавъ приближеніе русскихъ полковъ; но въ эту самую минуту изъ непріятельскаго обоза поднялась граната и поразила воеводу.

Чигиринъ не долго простоялъ послѣ Ржевскаго. Турки вели три подкопа подъ нижній большой городъ; 11 августа подкопы взорвало у рѣки Тясмины близъ домовъ, которые загорѣлись; осажденные, видя пожаръ, побѣжали въ обозъ къ своимъ чрезъ Московскій мостъ, но Турки зажгли мостъ,—онъ обрушился и много Русскихъ погибло, въ томъ числѣ Гадяцкій полковникъ Криницкій; много казаковъ погибло также отъ подкоповъ. Одновременно съ нижнимъ городомъ, Турки успѣли зажечь новый верхній, сдѣланный недавно Ржевскимъ; Русскіе засѣли въ старомъ верхнемъ городѣ, и бились съ непріятелями до самаго вечера, дважды выбивая Турокъ изъ города. Ночью пришелъ къ нимъ приказъ отъ Ромодановскаго и Самойловича зажечь городъ и выходить къ нимъ въ обозы, что́ и было исполнено; а на разсвѣтѣ поднялись и Ромодановскій съ гетманомъ къ Днѣпру, покинувъ навсегда курящіяся развалины несчастной столицы Хмельницкаго. Непріятель преслѣдовалъ отступавшихъ, но безъ успѣха, и 20 числа подъ Чигириномъ не было болѣе и Турокъ.

Но уходомъ визиря изъ-подъ Чигирина бѣда не кончилась: Хмельницкій съ Татарами остался на западной сторонѣ, занялъ Немировъ, Корсунь и другіе города, и оттуда нападалъ и на восточную сторону; вся осень и зима прошли въ тревогахъ, а на лѣто опять ждали самого султана въ Украйну. Въ мартѣ 1679 года пріѣхалъ въ Москву отъ гетмана знатный войсковой товарищъ, Иванъ Степановичъ Мазепа, и имѣлъ съ думнымъ дьякомъ Ларіономъ Лопухинымъ любопытный разговоръ. „Надобно“, говорилъ Мазепа, „чтобъ на оборону Кіева и всего Малороссійскаго края прислано было много войска, а бояръ и воеводъ было бы съ нимъ немного, и ратные люди слушались бы ихъ, а большой воевода былъ бы одинъ; а если будутъ бояре и воеводы многіе и полки у нихъ разные, то бояре и воеводы станутъ между собою мѣстами считаться, и ни одинъ своего полку полчанъ никому не дастъ,—будетъ всякій своихъ полчанъ беречь, и будетъ оттого нестроенье“.—„Кому боярамъ и воеводамъ быть“, отвѣчалъ Лопухинъ, „о томъ уже писано въ царскихъ грамотахъ; промыслъ чинить надобно, смотря по тамошнему дѣлу и по совѣту съ гетманомъ, а прежде времени знать объ этомъ нельзя; надобно дѣлать такъ, какъ случай воинскій покажетъ; а боярамъ и воеводамъ быть всѣмъ вмѣстѣ и розни между ними быть не-для-чего“.—„Буди воля великаго государя“, продолжалъ Мазепа; „но въ прошлую войну съ княземъ Ромодановскимъ ратныхъ людей было много, а какъ они были на той сторонѣ Днѣпра и шли на выручку къ Чигирину и у непріятелей гору брали, и какъ шли назадъ изъ-подъ Чигирина отводомъ, то государевыхъ ратныхъ людей на бояхъ очень было мало, только были солдатскіе полки да стрѣлецкіе приказы, и въ стрѣлецкихъ приказахъ людей къ бою было мало же, человѣкъ по триста, остальные стрѣльцы всѣ были въ обозѣ у телѣгъ, а отъ рейтаръ и городовыхъ дворянъ только крикъ былъ. Къ гетману полковники и головы присылали безпрестанно, просили людей въ помощь, и гетманъ людей своихъ къ нимъ посылалъ, а самъ остался только съ дворомъ своимъ и драгунскимъ полкомъ, который, по указу государеву, въ воинскихъ случаяхъ при немъ всегда бываетъ.“—*Лопухинъ:* „У сотенъ были головы, у рейтаръ—полковники и начальные люди; и они чего смотрѣли, для чего ратныхъ людей къ промыслу не высылали,—то ихъ дѣло!“—*Мазепа:* „Въ то время смотрѣть было некогда, всякому было до себя“!

Вторымъ неудачнымъ Чигиринскимъ походомъ князь Ромодановскій окончилъ свое продолжительное военное поприще. Онъ былъ отозванъ въ Москву. Гетманъ Самойловичъ одинъ продолжалъ военные поиски на западной сторонѣ. Онъ далъ знать государю, что посылалъ сына своего Семена съ войскомъ на западный берегъ, и жители Ржищева, Канева, Корсуня, Черкасъ и другихъ городовъ, при видѣ государева войска, изъ-подъ султановой власти выступили и добили челомъ царскому величеству; гетманскій сынъ выжегъ всѣ города, мѣстечки, села и деревни на западной сторонѣ, чтобъ впредь непріятельскимъ людямъ пристанища не было [1]).

Какъ же смотрѣли Поляки на всѣ эти событія на западной сторонѣ Днѣпра, на которую они постоянно предъявляли притязанія на основаніи Андрусовскаго перемирія?

Въ началѣ царствованія Θеодора, русскимъ резидентомъ въ Польшѣ оставался Тяпкинъ, продолжавшій посылать въ Москву жалобы на свое несчастное положеніе; изъ Москвы не присылали денегъ, а въ Польшѣ не давали корму. „Въ Краковъ на коронацію мнѣ нечѣмъ подняться, писалъ онъ изъ Львова, занять—не добуду безъ заклада, а заложить нечего, одна была ферезеишка соболья подъ золотомъ, и та теперь въ Варшавѣ у мѣщанина пропадаетъ въ закладѣ, потому что выкупить нечѣмъ. Поневолѣ не поѣду на коронацію, ежели денегъ на подъемъ не добуду. Лошадь лучшая одна и была, на которой волочился на дворъ королевскій и къ панству,—и та теперь пала, выбресть не на чемъ въ люди, придется и самому также издохнуть отъ скудости; отъ старыхъ ранъ безпрестанно боленъ. Не такіе тутъ порядки, что въ государствѣ Московскомъ, гдѣ какъ пресвѣтлое солнце въ небеси единый монархъ и государь по вселенной просвѣщается, и своимъ государскимъ повелѣніемъ, яко солнечными лучами, всюду единъ сіяетъ, единаго слушаемъ, единаго боимся, единому служимъ всѣ, единъ даетъ и отнимаетъ по данной ему, государю, свыше благодати. А здѣсь, что жбанъ, то панъ; не боятся и самого Создателя, не только избраннаго государя своего; никакъ не узнаешь, гдѣ, у кого добиться рѣшенія дѣла,—всѣ господа польскіе на лакомствахъ души свои завѣсили.“—Нашелъ наконецъ Тяпкинъ двоихъ добрыхъ людей, у которыхъ занялъ денегъ подъ закладъ послѣдней рухлядишки, и отправился въ Краковъ.

Когда Тяпкинъ объявилъ королю о подданствѣ Дорошенка, то Собѣскій очень удивился; резидентъ замѣтилъ по лицу, что вѣсть эта не очень пріятна его королевскому величеству. Паны говорили между собою: „Вотъ вамъ дружба и помощь царская: отобралъ у насъ всю Украйну!“ Но другіе утѣшали себя тѣмъ, что теперь вся злоба султана и хана обратится на Москву, и царь поневолѣ будетъ болѣе усерднымъ союзникомъ Польшѣ. Все приходили вѣсти о сильныхъ сборахъ султана, и, 4 марта 1676 г., Литовскій канцлеръ Пацъ потребовалъ у Тяпкина, чтобы тотъ испросилъ себѣ немедленно у своего Двора полномочіе на подписаніе слѣдующихъ условій: чтобы царь приказалъ своимъ войскамъ соединиться съ польскими и идти на Турокъ подъ однимъ начальствомъ, а король отправитъ часть своихъ войскъ для соединенія съ Русскими и для похода на Крымъ; чтобы это постановленіе было исполнено вскорѣ, на самомъ дѣлѣ, не на обѣщаніяхъ только, безъ отговорокъ. „А согласитесь ли на продолженіе перемирія еще на 13 лѣтъ?“ спросилъ Тяпкинъ.—„Можемъ согласиться на половину“, отвѣчалъ Пацъ, Но въ то же самое время молдавскій посланникъ Кантакузинъ, уѣзжавшій въ Молдавію, по секрету разсказалъ Тяпкину, что король тайно отправилъ резидентомъ въ Молдавію шляхтича Карбовскаго съ приказаніемъ завести съ Турками мирные переговоры чрезъ посредство господаря Молдавскаго. О ходѣ переговоровъ Карбовскаго, Кантакузинъ обѣщалъ дать знать Тяпкину чрезъ епископа Антонія Винницкаго. Кантакузинъ прибавилъ, что начало мирныхъ переговоровъ у Поляковъ съ Турками уже положено посредствомъ хана Крымскаго.

---

[1]) Столбцы и книги Малороссійскаго Приказа означенныхъ годовъ въ Архивѣ Мин. Юстиціи. Дѣла Малороссійскія означенныхъ годовъ въ Москов. Архивѣ Мин. Ин. Дѣлъ.

Тяпкинъ при первомъ случаѣ объявилъ литовскимъ панамъ, что до него дошли слухи о тайныхъ мирныхъ переговорахъ съ Турками, и что это противно андрусовскимъ и московскимъ договорамъ. Паны стали сначала домогаться, отъ кого резидентъ могъ объ этомъ провѣдать, и когда Тяпкинъ отвѣчалъ рѣшительно, что не скажетъ, начали говорить, что у нихъ мира съ Турками еще никакого нѣтъ, отправлены только посланники въ Седмиградскую Землю и въ Молдавію, чтобы какъ-нибудь задержать Турокъ отъ нападенія на Польшу, а между тѣмъ заключить окончательный договоръ о соединеніи съ царскими войсками. „Удивляться этому нечего, что посланники и гонцы у насъ бѣгаютъ“, говорили паны; „утопающій и за бритву радъ ухватиться; такъ и мы хотя много обѣщаній отъ царскаго величества слышимъ, но на дѣлѣ до сихъ поръ не можемъ ничего видѣть, и отъ этого республика великій вредъ терпитъ“.—„Если царское величество“, говорилъ гетманъ Пацъ, „изъ подозрительности не хочетъ соединить своихъ войскъ съ нашими, то король готовъ хотя закладъ дать какой угодно,—и не только закладъ, готовъ сына своего отправить въ Москву въ заложники,—лишь бы только царское величество велѣлъ соединить войска безо всякаго подозрѣнія и опасенія. Если же Турецкій султанъ покажетъ склонность къ миру, то королевское величество и республика тебѣ тотчасъ объ этомъ объявятъ“.—„А на какихъ бы условіяхъ согласились вы заключить миръ съ султаномъ?“ спросилъ Тяпкинъ.—„На условіи возвращенія Каменца и всѣхъ завоеваній“, отвѣчалъ канцлеръ Пацъ.—„Но если султанъ не согласится на это условіе?“ спросилъ опять Тяпкинъ.—„Тогда дѣлать нечего“, отвѣчалъ канцлеръ, „поневолѣ уступимъ все, чтобъ республикѣ не погибнуть“.

16 марта прибѣжалъ гонецъ отъ польскаго резидента въ Седмиградской Землѣ, привезъ условія визиря, присланныя къ Седмиградскому князю; условія были: Польша должна уступить Турціи на вѣчныя времена Каменецъ, Подолію, Волынь, Украйну всю по обѣ стороны Днѣпра. Поляки не должны вступаться, когда Турки будутъ отбирать украинскіе города, занятые Русскими; султанъ отказывается отъ дани, обѣщанной королемъ Михаиломъ. Пусть поляки какъ можно скорѣе высылаютъ коммисаровъ для заключенія мира, пока султанъ и визирь не вошли съ войсками въ польскіе предѣлы:—а если войдутъ, то и на этихъ условіяхъ не заключатъ мира. Оба Паца, канцлеръ и гетманъ, прямо сказали Тяпкину, что надобно согласиться на все. „Богъ взыщетъ на тѣхъ пограничныхъ государяхъ, которые не помогаютъ Польшѣ. Пиши“, говорили они резиденту, „пиши къ Артемону Сергѣевичу Матвѣеву, чтобъ по ходатайству всѣхъ бояръ, окольничихъ и духовныхъ людей государь велѣлъ соединиться войскамъ“.

Но въ Москвѣ трудно было согласиться на это соединеніе, когда резидентъ въ то же время доносилъ: „Волохи и Молдаване, знатныя особы, приходятъ ко мнѣ и говорятъ отъ имени старшихъ своихъ и отъ себя, чтобъ великій государь непремѣнно приказалъ силамъ своимъ смѣло наступать на Крымъ, а когда Богъ благословитъ, Крымъ возьмутъ, то всѣ христіанскія земли, не только Украйна, Волынь, Подолія, но и Волохи, и Молдаване, и Сербы поддадутся подъ высокую руку его царскаго величества. Теперь Турки въ большомъ числѣ стоятъ на-готовѣ, куда пойдутъ—въ Польшу или къ Кіеву—узнать не-по-чему; только, по нѣкоторому тайному согласію у Турокъ съ Поляками, надобно ожидать Турокъ къ Кіеву, и потому господари Молдавскій и Валахскій наказываютъ, чтобъ государство Московское было въ великой осторожности. Изъ Польши въ Турцію, Крымъ, Молдавію и Валахію безпрестанно бѣгаютъ тайные посланцы, все ищутъ способовъ, какъ бы помириться съ Турками; но отъ этихъ способовъ сосѣдямъ надобно быть въ большой осторожности. Полякамъ сильно не хочется, чтобъ Крымъ и помянутыя всѣ земли были подъ властію великаго государя, по причинѣ Православной вѣры, которая бы тогда обняла кругомъ области Римской церкви. Поляки *приснобытные* ненавистники Церкви Божіей: божницы жидовскія они почитаютъ, Жидовъ братьями они считаютъ и обходятся съ ними въ сотеро лучше, чѣмъ съ Православнымъ Русиномъ; духовные ихъ сильно гонятъ и ненавидятъ Церковь Божію. Лютеранскихъ и кальвинскихъ костеловъ не смѣютъ такъ разорять, какъ разоряютъ и пустошатъ восточныя церкви, потому что за костелы стоитъ Шведскій король и курфирстъ Бранденбургскій, которые объ этомъ въ договорахъ написали. Поэтому здѣшніе Православные христіане просятъ великаго государя внести въ договоры съ Польскимъ государствомъ, чтобъ не было гоненія имъ отъ католиковъ“.

Поляки провѣдали (чрезъ распечатываніе писемъ, какъ утверждалъ резидентъ), что Тяпкинъ не очень къ нимъ благоволитъ и пишетъ въ Москву: „Перестерегательства цѣлому здравію государства Московскаго отъ разныхъ противныхъ союзовъ и факцій.“ Король, увидавши его, обратился съ гнѣвными словами и угрозами, тряся палкою: „По твоимъ затѣйнымъ письмамъ“, кричалъ Собѣскій, „до сихъ поръ не можемъ съ царскимъ величествомъ заключить союза и получить помощи.“ Тяпкину объявили, что не будутъ признавать его резидентомъ, пока не придетъ отъ новаго царя грамота, подтверждающая его въ этомъ званіи; удалили его изъ Кракова въ Варшаву. Слышались даже угрозы, что отошлютъ Тяпкина въ Маріенбургъ въ заточеніе. Тяпкинъ отвѣчалъ сенаторамъ: „Государь вашъ гнѣвается на меня и подозрѣваетъ напрасно, будто я своими письмами ссорю его съ царскимъ величествомъ. Что королевское величество и вы, господа сенаторы, поступали и поступаете вопреки перемирнымъ договорамъ, о томъ не я одинъ,—весь свѣтъ знаетъ. Всѣ знаютъ, что вы ссылаетесь не только тайно, но и явно, съ Турками и Татарами, не объявивъ ничего великому государю ни черезъ своихъ пословъ, ни черезъ меня. Я не хочу быть здѣсь ни слѣпымъ, ни глухимъ, ни нѣмымъ: что вижу и слышу,—обо всемъ писалъ, пишу и буду писать къ своему государю, всякую правду, и говорить обо всемъ буду.“ Дѣйствительно, Тяпкинъ не переставалъ извѣщать государя о „дивныхъ замыслахъ французской факціи“: Французскій король хлопочетъ о мирѣ Поляковъ съ Турками, чтобъ можно было французскія и польскія войска обратить противъ цесаря и Пруссіи; побѣдивши Цесарцевъ и Пруссаковъ, обратиться вмѣстѣ съ Шведами на Московское государство. Побѣдивши Москву, всѣ католическіе государи пойдутъ на Турцію, не соединяясь съ Православнымъ государствомъ, чтобъ народы греческаго православія обратить къ Римской церкви. А если бы московскія силы допустить на Турецкія земли, то всѣ—Греки, Волохи, Сербы, Молдаване и казаки Украинскіе—съ ними соединятся и возьмутъ верхъ надъ католическими державами“. Тяпкинъ умолялъ Матвѣева: „Умилосердись, донеси великому государю и всѣмъ ближнимъ людямъ, чтобъ непремѣнно послали войска на Крымъ; всѣ факціи непріятельскія этимъ помрачены будутъ и погаснутъ; а если не пойдутъ царскіе ратные люди этимъ лѣтомъ на Крымъ,—ей, великое безславіе, поношеніе и оскорбленіе государству Московскому учинится“. Тяпкинъ боялся союза Шведовъ съ Поляками, и потому совѣтовалъ теперь же объявить войну Швеціи, пока шведскія войска заняты неудачною для нихъ войною съ курфюрстомъ Бранденбургскимъ: „Подобаетъ конечно Шведу отъ Лифлянтовъ заиграть трубными и рыцарскими гласы, гдѣ не трудно. Господь Богъ можетъ первымъ счастіемъ помазанника своего благословить; и не только Лифлянтами или Ригою, но и самымъ Варяжскимъ моремъ обдарить. Теперь время разорить Шведа до основанія и отвести его отъ лукавыхъ намѣреній съ Польскимъ дворомъ, потому что Нѣмецкіе государи зѣло его изрядно подчиваютъ, и онъ отъ нихъ какъ заяцъ по островамъ бѣгаетъ. А здѣсь посолъ его разглашаетъ: „Лихи на насъ были ближніе бояре, особенно Матвѣевъ, они отвращали отъ мира покойнаго государя; но теперь, дай Богъ здоровья патріарху Московскому, онъ нынѣшняго молодаго государя духовными бесѣдами склонилъ къ вѣчному миру съ нами“.

Весною Татары начали пустошить Волынь, Подолію, Галицію; король жилъ въ своемъ имѣніи Яворовѣ, недалеко отъ Львова, и не могъ двинуться по неимѣнію войска. Посланникъ его Чихровскій, пріѣхавшій въ Москву въ іюнѣ 1676 г. поздравить царя Ѳеодора съ восшествіемъ на престолъ, объявилъ требованіе, чтобъ въ августѣ мѣсяцѣ сорокъ или по крайней тридцать тысячъ русскаго войска съ артиллеріею и запасами соединились съ войскомъ королевскимъ; чтобъ другая часть русскаго войска шла на Крымъ. При этомъ Чихровскій объявилъ, что только при условіи дѣйствительнаго исполненія этихъ требованій онъ имѣетъ полномочіе продолжить срокъ перемирію. Царь отвѣчалъ королю, что князю Ромодановскому и гетману Самойловичу данъ приказъ быть на-готовѣ, пересылаться съ гетманами польскими и договариваться съ ними о соединеніи войскъ. На Крымъ уже послали войско съ княземъ Каспулатомъ Муцаловичемъ Черкасскимъ и Калмыками, также на Донъ отправленъ стольникъ Волынскій со многими ратными людьми. Когда Ромодановскій и Самойловичъ съ одной стороны, а польскіе гетманы—съ другой придутъ къ Днѣпру, то прежде всего будутъ договариваться о продолженіи срока перемирія, а потомъ уже договорятся о соединеніи войскъ. Такъ какъ въ существующихъ договорахъ постановлено другъ безъ друга не мириться съ султаномъ и ханомъ, то, если съ польской стороны начнутся переговоры съ Турками,—царскій резидентъ долженъ на нихъ присутствовать. Тяпкинъ писалъ въ Москву: „Плѣнныхъ, говорятъ, тысячъ съ сорокъ Татары набрали и погнали въ свою Землю, а у Поляковъ однѣ рѣчи: пусть поганая Русь, схизматики, погибаютъ!“ Но когда, осенью, новое Турецкое нашествіе начало грозить не одной Руси, но и Польшѣ, то миръ съ Турками, необходимость котораго уже давно была провозглашена, заключенъ былъ въ октябрѣ подъ городкомъ Журавномъ: Подолія съ Каменцомъ была уступлена султану. Украйна оставлена за казаками по старымъ рубежамъ, кромѣ Бѣлой Церкви и Паволочи, которыя отошли къ Польшѣ. Тяпкинъ, которому, по договору, надобно было присутствовать при заключеніи мира, не былъ даже увѣдомленъ о начатіи переговоровъ. Для своего оправданія, Поляки начали указывать на подданство Дорошенка, на занятіе русскими войсками городовъ западной Украйны. Когда Тяпкинъ пріѣхалъ къ подскарбію коронному Морштину нарочно, чтобъ что-нибудь узнать повѣрнѣе о заключеніи мира, то подскарбій встрѣтилъ его словами: „Царское величество отбираетъ украинскіе города — Чигиринъ, Каневъ, Черкасы; Дорошенко, поддавши Чигиринъ, поѣхалъ въ Москву. Мы очень удивляемся, что государь вашъ ничего не объявилъ нашему государю о взятіи этихъ городовъ“.—„Еще больше удивится царское величество“, отвѣчалъ Тяпкинъ, „что вашъ великій государь, презрѣвъ договоры, заключилъ миръ съ султаномъ и ханомъ, не обославшись съ царскимъ величествомъ, даже и мнѣ, резиденту, который долженъ былъ присутствовать при переговорахъ, объявить не велѣлъ“.—„Мы это сдѣлали поневолѣ“, возразилъ подскарбій. Тяпкинъ продолжалъ: „Что государь нашъ принялъ Дорошенко съ городами,—тому вамъ удивляться нечего, потому что царское величество отбираетъ города и народы христіанскіе не у короля и республики, а изъ-подъ ига бусурманскаго, подъ которое вы ихъ сами поддали не только по договорамъ короля Михаила, но и послѣднему вашему миру съ Турками“.—„Условія послѣдняго мира“, сказалъ подскарбій: „отложены до сейма; Богъ еще знаетъ, приметъ ли ихъ Рѣчь Посполитая,—у насъ народъ вольный“.

Сильное раздраженіе Поляковъ на Дорошенка за то, что поддался Москвѣ, заставило Тяпкина быть осторожнымъ относительно слуховъ, распускаемыхъ насчетъ сношеній бывшаго Чигиринскаго гетмана съ Турками и Татарами. „Слухамъ этимъ, писалъ резидентъ въ Москву, нельзя совершенно еще вѣрить, только надобно соблюдать большую осторожность и провѣдывать о немъ сущую правду, или, для большей его вѣрности, жену его, дѣтей, братьевъ, тестя и тещу держать въ Москвѣ, а ему обѣщать большую государскую милость и награжденіе, чтобъ вѣрно служилъ,—потому что много Поляки изъ зависти и съ-сердца на него клевещутъ, желая, чтобъ онъ пропалъ; боятся его, потому что онъ воинъ премудрый и промышленникъ великій въ войсковыхъ поступкахъ, всѣ ихъ польскія *франтовскія* штуки не только знаетъ, но и видѣлъ. Король, сенаторы, гетманы и все войско про него говорятъ, что нѣтъ такого премудраго воина не только во всей Украйнѣ, но и въ цѣлой Польшѣ“.

Сеймъ утвердилъ Журавинскій договоръ. 21 марта 1677 года Тяпкина позвали къ королю, который, взявъ его за руку, повелъ въ садъ и здѣсь во время прогулки началъ говорить: „Панъ резидентъ! не могу я надивиться, отчего это у насъ идутъ такія долгія пересылки съ царскимъ величествомъ, а союза заключить никакъ не можемъ. Не знаю, отчего это самъ царское величество и вся его Дума держатъ на меня подозрѣніе, тогда какъ я всегда оказывалъ доброжелательство къ государству Московскому. Многимъ боярамъ и воеводамъ извѣстно: когда подъ Чудновымъ наши Поляки сдѣлали нехорошо, боярина Василья Борисовича Шереметева въ Крымъ отдали, я противъ этого крѣпко стоялъ, не только бранился съ своими гетманами, но даже хотѣлъ идти на помощь къ князю Юрію Никитичу Борятинскому. Теперь, будучи государемъ своего народа, стараюсь сердечно быть въ братской дружбѣ со всѣми христіанскими государями, и особенно съ царскимъ величествомъ, которому желаю всякаго добра, какъ самъ себѣ. Зная, что ваши государи желаютъ, чтобъ папа писалъ ихъ полный царскій титулъ, я, утаясь отъ всей Рѣчи Посполитой, писалъ къ отцу папѣ, съ просьбою, чтобъ описывалъ царскій титулъ по достоинству, надѣясь, что государь вашъ это мое ходатайство приметъ съ благодарностію и къ братской дружбѣ склонится. Папа соглашается съ тѣмъ однако, чтобъ и царское величество, съ своей стороны, писалъ его титулъ какъ слѣдуетъ. Напиши объ этомъ къ царскому величеству слово-въ-слово, какъ отъ меня слышалъ. Давно стараюсь войти съ вашимъ государемъ въ братскую любовь, но мѣшаютъ тому ссоры отъ разныхъ недоброжелательныхъ народовъ“. Тутъ Собѣскій ударилъ себя въ грудь и сказалъ: „Панъ резидентъ! пиши всѣ мои слова, чтобъ царское величество не подозрѣвалъ меня ни въ какомъ лукавствѣ, но считалъ бы меня вѣрнымъ братомъ и ближнимъ другомъ. Нечего его царскому величеству на то смотрѣть, что теперь у меня заключенъ съ Турками миръ. Миръ этотъ не дологъ и не сладокъ онъ мнѣ; принужденъ я къ нему страшными силами поганскими, которыхъ мнѣ нельзя было одолѣть безъ помощи. Теперь поганцы на Чигиринъ, на Кіевъ и на самое государство Московское ополчаются, и ничѣмъ царское величество такъ не устрашитъ Турчина, какъ если пошлетъ казаковъ въ Крымъ и на Черное море. Отпиши и о томъ къ царскому величеству, чтобъ позволилъ посламъ нашимъ и резиденту бывать у себя запросто безъ посольскихъ чиновъ, какъ ты теперь у меня, наединѣ, говоришь что хочешь и все отъ меня узнаешь, а эти пышные посольскіе пріемы къ сближенію и союзу не ведутъ. Нечему дивиться, что прежде у васъ такого обычая не было: прежде не было такихъ большихъ между государствами ссоръ, такихъ продолжительныхъ и частыхъ коммисій и безпрестанныхъ посольствъ. А теперь пришло время, чтобъ всѣмъ намъ, государямъ христіанскимъ, чрезъ пословъ своихъ взаимно другъ другу показывать ближайшую и вѣрнѣйшую дружбу и съ послами и резидентами не все чрезъ ближнихъ сенаторовъ сноситься, но для осторожности и крѣпчайшаго въ дѣлахъ государственныхъ утвержденія самимъ намъ пословъ и резидентовъ спрашивать и взаимно свое намѣреніе къ братолюбію объявлять. Напиши все это царскому величеству, а грамоты я къ нему не посылаю для того, чтобъ сенаторы и республика ничего не знали“.

Это искреннее объясненіе было послѣднимъ. Въ апрѣлѣ кончился сеймъ, постановившій оставаться въ мирѣ со всѣми сосѣдними государствами, и въ маѣ Тяпкинъ выѣхалъ изъ Варшавы въ Москву. Въ іюлѣ 1678 г. великіе и полномочные послы королевскіе, князь Михайла Чарторыйскій и Казиміръ Сапѣга, заключили въ Москвѣ договоръ—быть перемирію еще на тринадцать лѣтъ, считая съ іюня мѣсяца 1680 года, и въ это время имѣть радѣніе о постановленіи вѣчнаго мира; при этомъ договорѣ съ русской стороны уступлены города Невель, Себежъ и Велижъ съ уѣздами, и кромѣ того заплачено 200,000 рублей московскихъ—все за Кіевъ [1])!

Ничего не жалѣли, чтобъ не отдавать Кіева Полякамъ; но теперь, послѣ разрушенія Чигирина, надобно было готовиться къ защитѣ Кіева отъ Турокъ. Чтобъ предупредить новое нашествіе султана и хана на Украйну, въ декабрѣ 1678 года отправили въ Константинополь дворянина Даудова съ грамотою, въ которой царь предлагалъ султану возстановленіе прежнихъ дружественныхъ отношеній между Россіею и Портою, указывая на исконныя права Русскихъ государей на всю Малороссію. Даудовъ повезъ грамоту и отъ патріарха Іоакима къ муфтію: „Надѣемся, писалъ патріархъ, что вы, первый и начальнѣйшій блюститель мусульманскаго закона, на показаніе своей духовности, о покоѣ и тишинѣ всенародной большой подвигъ свой и ученіе предложите и всякимъ образомъ хитростно военное расширеніе удержите, и плодъ въ томъ правды предъ Господа Бога въ даръ принести похощете, и народамъ своимъ милость и покой ходатайствомъ у султанова величества упросите, и рати, начинающіяся неправдою, за причиною богомерзкаго законопреступника Юраски Хмельницкаго, пресѣчете“.

Но если въ Москвѣ, послѣ второго Чигиринскаго похода, сильно желали мира, боясь, чтобы на лѣто не явилась турецкая рать теперь уже подъ Кіевомъ, то и въ Константинополѣ такъ же сильно желали мира, потому что война оказалась вовсе неприбыльной: подъ Чигириномъ Турки потеряли очень много людей, и идти подъ Кіевъ у нихъ не было большой охоты. Не зная еще о посольствѣ Даудова, султанъ далъ порученіе Валахскому господарю, Іоанну Дукѣ, быть посредникомъ при заключеніи мира между Россіею и Портою. Въ маѣ 1679 года валахскій посланникъ, капитанъ Билевичъ, имѣлъ разговоръ съ думными дьяками, объявилъ, что султанъ желаетъ мира и требуетъ только части Украйны, гдѣ бы жить Юраскѣ Хмельницкому, иначе будетъ стыдно: ведя такую долгую войну, помириться безо всякой выгоды. Дьяки спросили, какой упадокъ былъ турецкихъ войскъ подъ Чигириномъ? Билевичъ отвѣчалъ, что въ первомъ походѣ янычары потеряли 8,000, во второй было войска турецкаго со 100,000 и пропало съ треть. Спросили: какъ теперь Турки смотрятъ на Юраску Хмельницкаго и чего впередъ отъ него ожидаютъ?—„Турки рады были бы, чтобъ его не было“, отвѣчалъ посланникъ; „вся бѣда отъ него: по его словамъ Турки ждали, что казаки только-что заслышатъ объ немъ, такъ всѣ къ нему и пойдутъ; но теперь ничего этого нѣтъ. Когда я ѣхалъ сюда и заѣзжалъ къ нему, то видѣлъ, что онъ безпрестанно пьянъ и безуменъ“. Царь въ грамотѣ къ Дукѣ писалъ, что согласенъ быть съ султаномъ въ дружбѣ съ условіемъ, чтобъ Турки не вступались въ земли Днѣпровскихъ казаковъ.

Въ это время пріѣзжаютъ въ Москву польскіе послы, Бростовскій и Гнинскій, съ объявленіемъ, что король ихъ разорветъ миръ съ султаномъ, если царь обяжется соединить свои войска съ польскими и давать королю ежегодно на военныя издержки, по крайней мѣрѣ, 200,000 рублей. Въ Москвѣ никакъ не согласились на послѣднее, и дѣло отложено было до коммисіи, назначенной въ іюнѣ 1680 года.

Осенью возвратился Даудовъ и привезъ грамоту отъ визиря, который требовалъ присылки вѣрнаго и словеснаго посла съ подлиннымъ и правдивымъ словомъ, безо всякаго спора объ Украинскихъ казакахъ. Визирь предлагалъ отправить посланника въ Крымъ для веденія мирныхъ переговоровъ. Пріѣхалъ вторично Билевичъ и объявилъ условія мира: границею между обоими государствами долженъ быть Днѣпръ; султанъ, разъ взявши Дорошенка въ свое подданство, не можетъ отказаться отъ земель, находившихся подъ управленіямъ Дорошенка.

Турки не мирились безъ уступки имъ Западной Украйны. Но въ Москвѣ не хотѣли рѣшиться на это безъ совѣта съ человѣкомъ, который назывался гетманомъ обѣихъ сторонъ Днѣпра.

Въ концѣ октября 1679 года, въ Батуринѣ шли тайные разговоры у гетмана Самойловича съ царскимъ посланнымъ, дьякомъ Емельяномъ Украинцевымъ. „Тебѣ“, говорилъ дьякъ, „извѣстно все, что у великаго государя дѣлается къ королемъ Польскимъ, султаномъ Турскимъ и ханомъ Крымскимъ на покой и тишину войску Запорожскому и посполитому народу Малороссійскому: ничего отъ тебя, по государской милости, не утаено. И теперь царское величество велѣлъ тебѣ объявить, что Турки склонны къ миру, а польскіе послы въ Москвѣ говорятъ, чтобъ великій государь соединилъ свои войска съ королевскими и идти обоимъ на Турскаго султана, въ государство его. Такъ ты бы, гетманъ, подумалъ объ этихъ дѣлахъ особо и съ старшиною посовѣтовался, да и написалъ бы со мною обо всемъ къ царскому величеству“

„О турецкомъ мирѣ мысль свою напишу и съ старшиною посовѣтуюсь“, отвѣчалъ гетманъ; „а что Польскій король желаетъ союза съ царскимъ величествомъ, то я Польскому королю не довѣряю: думаю, что онъ хочетъ союза съ нѣкотораго своего великаго вымысла, чтобъ отъ этого союза у великаго государя съ Турецкимъ султаномъ еще больше стало недружбы; чтобъ войска государевы частыми подъемами и дальними походами истомились. На что лучше союза съ Польскимъ королемъ!—только опасно его непостоянство, потому что онъ съ Турками и Татарами въ большой дружбѣ. Во всемъ воля великаго государя: но я со всѣмъ войскомъ Запорожскимъ прошу милости царскаго величества, чтобъ изволилъ великій государь съ Турскимъ султаномъ и Крымскимъ ханомъ миръ заключить, и миръ съ бусурманомъ прибыльнѣе будетъ союза. Съ Польскимъ королемъ союзъ заключить невозможно, потому что царскимъ войскамъ идти на помощь Польскому королю за дальнимъ разстояніемъ и за пустотою на той сторонѣ Днѣпра далеко; по тому же самому и польскія войска на помощь государевымъ войскамъ не будутъ. Развѣ такой союзъ съ Польскимъ королемъ заключить, чтобъ царскимъ войскамъ идти въ Крымъ войною, а польскимъ — въ Волошскую Землю и за Дунай; да и такой бы союзъ заключить не даромъ, а потребовать, чтобъ король Польскій заключилъ за то съ великимъ государемъ вѣчный миръ: безъ вѣчнаго мира вѣрить ему нельзя, потому что онъ великому государю недоброхотъ. Слышалъ я отъ волошскаго посланца, Яна Билевича: когда онъ былъ у короля еще до Чигирискаго разоренья, то король приказывалъ ему, чтобъ господарь его наговаривалъ султана и визиря начать войну съ царскимъ величествомъ".

---

[1]) Дѣла Польскія означенныхъ годовъ въ Москов. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ.

На отпускѣ гетманъ говорилъ Украинцеву: „Донеси царскому величеству покорное мое и генеральной старшины, и всего войска Запорожскаго челобитье, чтобъ великій государь изволилъ съ Турскимъ султаномъ и ханомъ Крымскимъ становить мирный договоръ, потому что казакамъ и поспольству малороссійскому нынѣшняя съ бусурманами война наскучила, и надобно опасаться, чтобъ они отъ этой войны чего-нибудь дурного не вздумали. Теперь съ султаномъ и ханомъ миръ заключить можно, потому что непріятель до сихъ поръ надъ царскими войсками поиска никакого еще не сдѣлалъ; а если впередъ сдѣлаетъ какой поискъ, тогда къ миру будетъ гордъ, да и отъ своихъ казаковъ тогда будетъ опасно. Съ королемъ соединяться нельзя, потому что Поляки, какъ слышу, просятъ у великаго государя городовъ и денежной казны, и чтобъ идти обоимъ войскамъ къ Дунаю и за Дунай; но все это несносное и нестаточное дѣло. Хотя бы мы вмѣстѣ съ Поляками надъ непріятелемъ побѣду одержали, то Поляки станутъ эту побѣду и славу приписывать себѣ, и войска Запорожскаго своевольные люди, по польскимъ наговорамъ, станутъ Полякамъ же ту славу приписывать, и опасно, чтобъ эти своевольники, пришедши съ войны въ малороссійскіе города, не завели тамъ смуты. Если вмѣстѣ съ Поляками выйти противъ непріятелей въ степь, то сейчасъ же Татары конскіе кормы отнимутъ, — и тогда отъ своевольныхъ казаковъ безъ бѣды не будетъ, а Поляки станутъ ихъ нарочно возмущать и ко всему злу наговаривать. Я опасаюсь и того, чтобъ Поляки въ нужное время царскихъ ратей и войска Запорожскаго не выдали, потому что они люди своевольные и слабые, нужды терпѣть не будутъ. Да хотя бы и побѣду царское войско одержало, — и тогда все же надобно мириться съ султаномъ и ханомъ: непріятеля въ его Землѣ воевать никакъ нельзя за дальнимъ разстояніемъ и за великою пустотою, и тогда Поляки при заключеніи мира только мѣшать будутъ. А теперь король Польскій послалъ въ Запороги къ Сѣрку бѣлоцерковскаго попа для того, чтобъ въ Запорогахъ смуту завести; попъ этотъ поручилъ моему канцеляристу Чуйкевичу, который былъ въ Запорогахъ, сказать мнѣ, чтобъ я обратился съ войскомъ Запорожскимъ къ дѣдичному своему государю, къ королю Польскому. И Сѣрко тому же Чуйкевичу говорилъ, что пора имъ, соединясь съ Поляками и Татарами, Москву воевать: ясно, что такія слова началъ Сѣрко говорить по наговору бѣлоцерковскаго попа".

Мнѣніе гетмана окончательно развязало руки къ начатію переговоровъ съ Крымомъ и Портою. Въ концѣ 1679 года отправились въ Крымъ къ хану Мурадъ-Гирею посланники Сухотинъ и дьякъ Михайловъ, но они не рѣшили дѣла насчетъ опредѣленія границъ, притомъ же дьякъ Михайловъ своевольно покинулъ Сухотина и уѣхалъ въ Москву. Для окончанія переговоровъ, въ августѣ 1680 года, поѣхалъ въ Крымъ нашъ старый знакомый, стольникъ Василій Тяпкинъ, и дьякъ Никита Зотовъ вмѣстѣ съ малороссійскимъ писаремъ Семеномъ Раковичемъ. 25-го октября пріѣхали они на рѣку Альму, на посольскій станъ, и первое, что ихъ поразило, — бѣдность строенія на посольскомъ дворѣ: четыре *пунишки* складены изъ дикаго нетесанаго камня, смазаны скареднымъ навозомъ, безъ потолковъ, безъ половъ, безъ лавокъ безъ дверей, для свѣта сдѣлано по одному окну. „Воистину объявляемъ, пишетъ Тяпкинъ, что псамъ и свиньямъ въ Московскомъ государствѣ далеко покойнѣе и теплѣе, нежели тамъ намъ, посланникамъ царскаго величества, а лошадямъ не только никакихъ конюшенъ нѣтъ, — и привязать не за что; кормовъ намъ и лошадямъ ничего не давали, а купить съ великою нуждою хлѣба и ячменя и соломы добывали, и то самою высокою цѣною". Пріѣхалъ приставъ и объявилъ, чтобъ ѣхали къ хану, который жилъ въ селѣ отъ посольскаго двора верстъ съ пять; но когда посланники пріѣхали, то имъ объявили, что прежде хана они должны быть у ближняго его человѣка Ахметъ-аги. Посланники отвѣчали, что, не бывши съ государевою грамотою у ханова величества, по инымъ дворамъ волочиться имъ непригоже. — „Грамоту у васъ отнимутъ силою", кричали Татары. — „Гдѣ головы наши будутъ, тамъ и грамота", отвѣчали посланники, „а когда увидите насъ мертвыми, тогда и грамоту возьмете; грозъ вашихъ и безчестья и всякой тѣсноты не боимся". Татары пріутихли, стали говорить, чтобъ одинъ изъ посланниковъ остался съ царскою грамотою на подворьи, а другой пошелъ бы повидался прежде съ ближнимъ человѣкомъ. Тяпкинъ отправился къ Ахметъ-агѣ и, вошедши, поздоровался съ нимъ, „а бусурманъ, надувшись поганою своею гордостію, сидѣлъ на коврахъ, облокотившись на бархатныя золотыя подушки“, поздоровался сидя и велѣлъ посланнику сѣсть подлѣ себя. Ахметъ-ага началъ выговоромъ, зачѣмъ посланники ханской воли ослушались и не хотѣли прежде идти къ нему, ближнему человѣку: „У насъ обычай такой изстари повелся, что посланники, прежде чѣмъ идти къ хану, бываютъ у ближнихъ людей; или уже честнѣе васъ посланниковъ здѣсь не бывало?“—„Мы съ прежними посланниками честью не считаемся“, отвѣчалъ Тяпкинъ; „если у васъ прежде такъ и водилось, какъ ты говоришь, то мы вашего указа не принимаемъ, мы прежде всего должны исполнить государевы дѣла. Нигдѣ не повелось, чтобъ ближнимъ людямъ, мимо государя, у пословъ грамоты принимать, это у васъ въ Крыму обычай грубый; мнѣ случалось быть въ послахъ у многихъ великихъ государей и посольскіе чины я знаю. Если прежніе царскіе посланники бывали у ближнихъ людей прежде хана, то я этому не дивлюсь, потому что у васъ всегда посланникамъ царскаго величества бываетъ великая неволя, тѣснота и безчестье, чтобъ вынудить у нихъ богатые дары, какъ теперь и надъ собою видимъ. А мы присланы къ ханову величеству не дары раздавать, а добрыя дѣла дѣлать“.

Послѣ торжественнаго пріема у хана, начались переговоры, при которыхъ присутствовалъ и плѣнный бояринъ Василій Борисовичъ Шереметевъ. Тяпкинъ и Зотовъ предложили границу по рѣкѣ: Рось, Тясминъ и Ингулъ. Ближніе хановы люди засмѣялись и отвѣчали: „Если за вами только дѣла и есть, то незачѣмъ было вамъ сюда и ѣздить; по тѣ рѣки уступки не бывало и впредь не будетъ“. Тщетно посланники склоняли ближнихъ людей „всякими пріятными разговорами“, государевымъ жалованьемъ обнадеживали, инымъ и давали: Татары стояли на своемъ, что, кромѣ Днѣпра, другой границы не будетъ; до тѣхъ мѣстъ, гдѣ нога войскъ султановыхъ заступила, по мусульманскому закону, уступки тутъ быть не можетъ“. Чтобъ склонить хана, Тяпкинъ витіевато объяснялъ передъ нимъ важное значеніе *посредника*, которое Мурадъ-Гирей принялъ на себя; объяснилъ, какую честь и довѣріе оказалъ ему царь, отправивъ посланниковъ своихъ къ нему въ Крымъ, а не прямо въ Константинополь къ султану. Ханъ былъ тронутъ, но отвѣчалъ, что онъ человѣкъ невольный, долженъ исполнять указъ султана; еслибъ та земля была его, ханская, то онъ бы охотно постановилъ межу, какая угодна царскому величеству. Посланники обѣщали хану 10,000 червонныхъ золотыхъ, ближнимъ людямъ 3,000, султану Турецкому и визирю соболей на 5,000 рублей: ханъ отвѣчалъ, что не можетъ согласиться и за 100,000 червонныхъ. Видя упорство посланниковъ, ханъ велѣлъ ихъ постращать земляною ямою, гдѣ ни печи, ни лавокъ, ни потолка, ни оконъ. И, дѣйствительно, посланниковъ посадили на запоръ, не велѣли пускать къ нимъ купцовъ съ съѣстнымъ и дровами.

Посланники уступили, и подали хану слѣдующія статьи: 1) Перемирію быть на 20 лѣтъ (начиная съ 3 января 1681 года): рубежемъ быть рѣкѣ Днѣпру; ханову величеству будетъ дана казна за прошлые три года, и потомъ будетъ присылаться каждый годъ по старымъ росписямъ. 2) Въ перемирныя 20 лѣтъ отъ рѣки Буга до рѣки Днѣпра султанову и ханову величествамъ вновь городовъ своихъ не ставить и старыхъ казацкихъ разоренныхъ городовъ и мѣстечекъ не починивать: со стороны царскаго величества перебѣжчиковъ не принимать, никакого поселенія на упомянутыхъ казацкихъ земляхъ не заводить, оставить ихъ впустѣ. 3) Крымскимъ, очаковскимъ и бѣлгородскимъ Татарамъ вольно по обѣ стороны Днѣпра, на степяхъ, около рѣчекъ, кочевать, для конскихъ кормовъ и звѣриныхъ промысловъ ѣздить; а со стороны царскаго величества низовымъ и городовымъ казакамъ войска Запорожскаго, промышленнымъ людямъ— плавать Днѣпромъ для рыбной ловли, и по всѣмъ степнымъ рѣчкамъ на обѣихъ сторонахъ Днѣпра, для рыбы и бранья соли и для звѣринаго промысла ѣздить вольно до Чернаго моря. 4) Кіевъ съ монастырями и городами, мѣстечками и селами всего своего стараго уѣзда, т.-е. ниже Кіева, Васильковъ, Триполье, Стайки съ селами, да выше Кіева два мѣстечка—Дѣдовщина и Радомышль—остаются въ сторонѣ царскаго величества. 5) Запорожскіе казаки также остаются въ сторонѣ царскаго величества; султану и хану до нихъ дѣла нѣтъ, подъ свою державу ихъ не перезываютъ. 6) Титулъ царскаго величества писать сполна, какъ онъ, самъ его описываетъ. Плѣнники, бояринъ Шереметевъ, стольникъ князь Ромодановскій и всѣ другіе отпускаются на окупъ и на размѣну. 7) Султанъ и ханъ не должны помогать непріятелямъ царскимъ.— Ханъ, выслушавъ статьи, сказалъ, что онѣ написаны разумно и ему годны. Поѣхалъ гонецъ въ Константинополь и привезъ согласіе султана на условія. Но когда дѣло дошло до шерти, то Тяпкинъ и Зотовъ увидали, что шертная грамота написана иначе: очень сокращенно, съ пропускомъ цѣлыхъ статей—о Запорожьи, о свободномъ плаваніи по Днѣпру. Посланники объявили, что они такой грамоты не примутъ. Татары въ отвѣтъ закричали: „Или вы государей нашихъ учить пріѣхали и свои упрямые обычаи и лишнія слова писать? Возьмете и не въ честь, что̀ вамъ изволитъ написать и дать ханово величество, потому что всякій государь воленъ на своемъ государскомъ престолѣ и дѣлаетъ, что хочетъ, а вы насъ не учите и намъ не указывайте! А если заупрямитесь и грамотъ не примете, то грамоты посланы будутъ къ вашему государю съ ханскими послами, а васъ, за ваше упрямство, велятъ держать въ кандалахъ и зашлютъ въ вѣчную неволю“. Посланники отвѣчали, что они такой шертной грамоты принять не смѣютъ, пошлютъ гонца въ Москву и будутъ дожидаться, что̀ великій государь имъ укажетъ. Хану доложили объ этомъ и принесли отвѣтъ, что, по приказу султана, посланниковъ велѣно отпустить немедленно въ Москву съ шертными грамотами. Тутъ посланники объявили, что они готовы къ отпуску и шертныя грамоты примутъ поневолѣ: будутъ ли эти грамоты царскому величеству годны и къ содержанію перемирныхъ договоровъ крѣпки,—о томъ великому государю какъ Богъ извѣститъ.

4 марта, близъ Бакчисарая, на полѣ въ шатрахъ, Тяпкинъ и Зотовъ были на отпуску у хана. Мурадъ-Гирей, цѣлуя коранъ, говорилъ, что онъ и султанъ клянутся содержать мирное постановленіе непорочно двадцать лѣтъ; на посланниковъ и переводчиковъ надѣли золотые кафтаны, а посланники за это поднесли дары хану, который сказалъ имъ, чтобъ великій государь поскорѣе отправлялъ пословъ своихъ къ султану для подкрѣпленія договоровъ, а которыхъ статей нѣтъ въ его ханской шертной грамотѣ,—тѣ будутъ внесены въ грамоту султанову; онъ, ханъ, объ этомъ писалъ уже къ султану и впредь писать будетъ. Наконецъ ханъ говорилъ съ свѣтлымъ и радостнымъ лицомъ: „Когда царствующаго града Москвы достигнете и сподобитесь видѣть великаго государя своего пресвѣтлое лицо, то отъ нашего ханова величества ему поклонитесь, посредничество наше между нимъ и султаномъ Турецкимъ, радѣніе въ мирныхъ договорахъ, откровенную предъ вами дружбу и любовь нашу его царскому величеству донесите. А вамъ счастливый путь!“ Посланники поклонились хану до земли, благодаря за жалованье. Когда вышли изъ шатра, провожали ихъ до лошадей беи, карачеи и мурзы, и прощались любовно; множество христіанъ и бусурманъ, заслышавъ о заключеніи мира, толпились у шатра и провожали посланниковъ радостными восклицаніями. Если въ Крыму такъ радовались заключенію мира, то еще больше радовались въ Россіи, и особенно въ Малороссіи. Во всѣхъ городахъ малороссійскихъ, чрезъ которые проѣзжали посланники, были имъ торжественныя встрѣчи, встрѣчали духовенство съ крестами и Святою водою, полковники, сотники и есаулы съ коннымъ войскомъ, съ знаменами, трубами и литаврами, сердюцкая пѣхота съ барабанами, мѣщане съ хлѣбомъ-солью и напитками: вездѣ принимали съ радостію, любовью и слезами, благодаря Бога за“, мирное постановленіе, кормили, поили, давали подводы. Въ Батурѣ гетманъ Иванъ Самойловичъ обнялъ посланниковъ отечески, съ великою любовью и радостными слезами, благодарилъ за любовь и совѣтъ къ писарю его Семену Раковичу, особенно благодарилъ и кланялся за то, что къ нему заѣхали и тѣмъ честь его гетманскую въ Малороссійскомъ народѣ прославили. На радостяхъ гетманъ задалъ большой пиръ: передъ замкомъ во время тостовъ гремѣли пушки, музыка играла во весь обѣдъ. На отпускѣ гетманъ просилъ напомнить великому государю о Малороссіянахъ, перешедшихъ съ западной стороны Днѣпра на восточную: не имѣютъ они никакихъ *хлѣбопитательныхъ* промысловъ, кормитъ ихъ онъ, гетманъ, изъ своей шкатулы;—чтобъ великій государь велѣлъ поселить ихъ въ Сумскихъ, Краснопольскихъ и другихъ слободскихъ угодьяхъ, на степныхъ рѣкахъ и дубровахъ; да чтобъ всѣмъ Малороссіянамъ, которые находятся подъ Бѣлогородскимъ разрядомъ, велѣлъ быть подъ его гетманскою властью и булавою, въ вознагражденіе за западную сторону Днѣпра, которая теперь отошла къ Туркамъ.

Когда въ Крыму было все кончено, надобно было взять утвержденную грамоту и отъ султана. Для этого, въ 1681 году, отправился въ Константинополь дьякъ Возницынъ. Но Турки не захотѣли внести въ свою утвержденную грамоту статьи о Запорожьи, что оно принадлежитъ государю Русскому. Тщетно Возницынъ настаивалъ на внесеніи статьи и не хотѣлъ брать грамоты: визирь объявилъ рѣшительно, что посолъ или долженъ взять грамоту, или уѣхать безъ грамоты. Возницынъ обратился за совѣтомъ къ патріархамъ Константинопольскому, Іерусалимскому и Александрійскому, которые были всѣ тогда въ Царѣградѣ: патріархи присовѣтовали ему взять грамоту. Посолъ исполнилъ совѣтъ, но, принимая грамоту у визиря, протестовалъ: „Я принимаю эту грамоту поневолѣ и повезу ее къ царскому величеству на произволеніе, не зная будетъ ли она годна или нѣтъ“ [1]).

Царское величество произволилъ принять грамоту. Въ Москвѣ были очень довольны, избавившись отъ тяжелой и опасной войны съ пожертвованіемъ голой степи, ибо такой видъ имѣло тогда уступленное Туркамъ Заднѣпровье. Виновникъ этого запустошенія западной Украйны, виновникъ отдачи ея Туркамъ—Дорошенко—жилъ покойно въ Москвѣ.

Въ октябрѣ 1679 года пріѣзжалъ къ нему дьякъ Бобининъ съ милостивымъ государевымъ указомъ: „Извѣстно великому государю, что ему, Петру, въ кормахъ и питьѣ и въ конскомъ корму скудость, и потому великій государь пожаловалъ его, указалъ ему быть на Устюгѣ Великомъ воеводою“ Дорошенко поклонился въ землю и спросилъ: „Далеко-ль этотъ Устюгъ отъ Москвы и каковъ городъ?“ — „Отъ Москвы съ 600 верстъ и городъ славный, многолюдный“, отвѣчалъ дьякъ. — „Великій государь“, сказалъ Дорошенко, „обнадежилъ меня своею милостію, велѣлъ мнѣ быть со всѣми родственниками въ Сосницѣ, а послѣ приказалъ быть въ Москву на время. А какъ я видѣлъ царскія очи, и тогда премногою государскою милостію былъ обнадеженъ, указали мнѣ жить въ Москвѣ, дворъ мнѣ дали, кормъ и питье. Буду бить челомъ великому государю, чтобъ меня на воеводство посылать не изволилъ: у меня въ малороссійскихъ городахъ три брата родные и родственники:—какъ услышатъ, то не подумаютъ, что я отпущенъ на воеводство, а представится имъ, что я сосланъ въ ссылку, и будетъ оттого большое дурно на обѣихъ сторонахъ Днѣпра. Объявляю я объ этомъ, зная тамошнихъ народовъ нравы. Яненко великому государю измѣнилъ, передался Хмельниченку, и я не таю, что Яненко и Хмельниченко мнѣ родственники. Въ Сосницѣ у меня было оставлено много имѣнія; изъ этого имѣнія много взялъ гетманъ, много распропало, а если царское величество отпуститъ меня на воеводство, то и остальное все пропадетъ. И теперь я въ большомъ сомнѣніи, что изъ Сосницы и другихъ городовъ отъ сродниковъ моихъ недѣль съ шесть никакой вѣдомости ко мнѣ не было; а какъ я буду на такомъ дальномъ воеводствѣ, то и подавно всѣ отъ меня отступятся и писать ко мнѣ не будутъ за такимъ дальнимъ разстояніемъ“. Но послѣ Дорошенко одумался и взялъ Вятское воеводство.

---

[1]) Дѣла Крымскія и Турецкія означенныхъ годовъ въ Москов. Архивѣ Мин. Ин. Дѣлъ.

Другая казацкая знаменитость скоро также сошла со сцены.

Въ сентябрѣ 1680 года пріѣхали въ Москву запорожскіе посланцы, полевой полковникъ Щербиновскій и войсковой писарь Быхоцкій; они привезли извѣстіе, что Иванъ Сѣрко умеръ 1-го августа, и на его мѣсто выбранъ Иванъ Стягайло. Быхоцкій въ тайномъ разспросѣ сказалъ: „Когда Сѣрко былъ кошевымъ, то отъ него никакого добра къ великому государю не было, а говорить явно никто ему о томъ не смѣлъ для того, что чрезъ мѣру, или съ допущенія Божія, или какою его хитростію всѣ его боялись, и чтò замѣритъ, то и сдѣлаетъ, а еслибъ кто не захотѣлъ его слушаться, того бы тотчасъ убили, потому что въ кругу у насъ всякому вольность; а если бы на кого Сѣрко что-нибудь затѣялъ, то безъ всякаго розыску смерть тутъ же въ кругу. Сѣрко не хотѣлъ добра великому государю, вопервыхъ за то, что былъ въ ссылкѣ въ Сибири: вовторыхъ, злобился на гетмана за то, что женѣ его и дѣтямъ была великая тѣснота и обида, за то, что отнялъ у Запорожья старинныя маетности и промыслы и не присылалъ запасовъ. Были къ Сѣрку посылки отъ Польскаго короля, чтобъ онъ ему служилъ, и кошевой началъ думать, какъ бы въ Украйнѣ сдѣлать кровопролитіе. Послышавъ объ этомъ намѣреніи, король прислалъ къ нему изъ Бѣлой Церкви попа. Сѣрко чрезъ этого попа обнадежился, послалъ къ королю сына своего и съ нимъ сотню казаковъ, отзываясь съ вѣрною службою и съ такимъ замысломъ, чтобъ король навелъ хана съ ордою на слободскіе украинскіе города, а свои войска послалъ по Задесенью, Сѣрко же въ это время подъ королевскимъ знаменемъ пойдетъ также къ слободскимъ городамъ, и когда малороссійскіе жители увидятъ на себя такую тѣсноту, а про Сѣрка услышатъ, что онъ служитъ королю, то начнутъ бунтъ, гетмана убьютъ, а Сѣрка провозгласятъ гетманомъ, обнадежась на то, что онъ чрезъ Польскаго короля отъ Турокъ и Татаръ дастъ имъ покой. Сила Божія не допустила этого намѣренія до совершенія, мы съ судьею Яковомъ Константиновымъ поработали тутъ Богу и послужили вѣрно великому государю, до злого намѣренія Сѣрка не допустили, не дали ему и съ Крымомъ договориться, чтобъ быть подъ обороною Турецкаго султана. Съ этихъ поръ Сѣрко пришелъ въ отчаяніе, что не могъ исполнить свое намѣреніе, и началъ хворать,—заболѣлъ у него лѣвый бокъ, отчего сталъ чрезмѣрно худъ. Во время болѣзни войскомъ не занимался, а постоянно жилъ въ пасѣкѣ своей, которая отъ Сѣчи въ десяти верстахъ, въ Днѣпровыхъ заливахъ со всякими крѣпостями. Войско стало негодовать, но онъ говорилъ казакамъ: „Слушайтесь меня, я человѣкъ старый и воинскій, знаю, чтò въ какое время дѣлать, и такъ вы добрыхъ молодцовъ растеряли, что безъ моего совѣта посылали ихъ въ степь“. Король присылалъ къ нему Волоха, именемъ Апостольца, который всякими тайными разговорами приводилъ его къ исполненію вышеобъявленныхъ злыхъ дѣлъ: мы съ судьею узнали объ этомъ отъ Апостольца, который началъ намъ говорить, чтобъ мы слушались стараго воина Сѣрка, чтò намъ прикажетъ,—исполняли бы. Мы спрашивали у Сѣрка, зачѣмъ пріѣхалъ Апостолецъ, но онъ намъ не объявилъ, только вычиталъ свои и войсковыя обиды. Не задолго передъ смертію, Сѣрко велѣлъ себѣ сдѣлать гробъ и въ немъ ложился, говорилъ, что прежняго себѣ здоровья не чаетъ, и 1-го августа умеръ въ своей пасѣкѣ скоропостижно“.

Въ Сѣчь отправился царскій посланецъ Бердяевъ, повезъ подарки кошевому и старшинѣ, всему войску повезъ 500 золотыхъ червонныхъ, 150 половинокъ суконъ, по 50 пудъ пороху и свинцу. Бердяевъ пріѣхалъ на кошъ въ ноябрѣ и говорилъ на радѣ, чтобъ Запорожцы не держались впередъ противныхъ поступковъ, какіе дѣлали при Сѣркѣ, и чтобъ присягнули на вѣрность царскому величеству.—„Для чего намъ присягать?“ раздались въ отвѣтъ голоса. „мы великому государю не измѣняли и измѣнять не хотимъ: а суконъ прислано намъ мало, подѣлиться нечѣмъ, не будетъ на человѣка и по пол-аршину; на Донъ великій государь посылаетъ денегъ, суконъ и хлѣбныхъ запасовъ много: мы противъ Донскихъ казаковъ оскорблены“. Тутъ же на радѣ былъ гетманскій посланецъ Соломаха; онъ началъ говорить: „Гетманъ обѣщается присылать вамъ хлѣбные запасы, пошлите только ему сказать, сколько вамъ въ годъ надобно; и денегъ будетъ присылать, изъ тѣхъ, что сбираются въ арендѣ“.

Сталъ говорить кошевой: „Хотите или не хотите великому государю присягу дать? а я самъ отъ себя дамъ, потому: прежде у бывшаго кошевого атамана Ивана Сѣрка съ гетманомъ Иваномъ Самойловичемъ была недружба и непослушанье, и войску было худо, государева жалованья и отъ гетмана хлѣбныхъ запасовъ не приходило много лѣтъ“.

—„Есть намъ за что присягать!“ закричала толпа, „къ вамъ, старшимъ, прислано государево жалованье большое: вы и въ Москву посылали бить челомъ себѣ о жалованьи, а чтобъ войску было жалованье,—о томъ челомъ не били“. Кошевой хотѣлъ идти въ церковь присягать, но его не пустили; сильнѣе всѣхъ мутилъ войсковой писарь Петръ Гукъ, потому что ему не прислано подарковъ; но въ Москвѣ думали, что въ Сѣчи только одинъ писарь Быхоцкій, и дали ему подарки, не зная, что Быхоцкій былъ старый писарь, а на его мѣстѣ давно уже былъ Гукъ. На другой день послѣ заутрени собралась другая рада; Гукъ перемѣнился, началъ уговаривать казаковъ, чтобъ принесли присягу, и толпа пошла въ церковь цѣловать крестъ. Когда Бердяевъ возвратился, то въ Запорожье, послали немедленно еще 50 половинокъ суконъ и жалованье Гуку [1]).

Опасная Турецкая война, продолжавшаяся во все почти царствованіе Θеодора, разумѣется, должна была имѣть вліяніе на отношенія Россіи къ другимъ державамъ. Съ Швеціею шли прежніе споры вслѣдствіе пограничныхъ столкновеній; но тщетно Данія убѣждала Русское правительство разорвать миръ съ Швеціею: гроза на югѣ не давала возможности думать о войнѣ. Отказавшись отъ предложеній датскихъ относительно Швеціи, Московскій Дворъ попытался-было отвлечь отъ Россіи силы Турціи, вооруживъ противъ нея Австрію: бояринъ Бутурлинъ ѣздилъ въ Вѣну склонять императора къ разрыву съ Турціею, но получилъ отказъ, подъ предлогомъ враждебныхъ отношеній Австріи къ Франціи и бездѣйствія Польши [2]). Но если съ Западными державами можно было вести дѣло путемъ дипломатическихъ переговоровъ, то на Востокѣ съ степными хищными ордами это средство было недѣйствительно, тѣмъ болѣе что тамъ же, въ степи, жили казаки, которые не спрашивались съ государствомъ, когда имъ надобно было добыть зипунъ или отмстить за обиду. Мы видѣли [3]), что новые кочевые сосѣди Россіи, Калмыки, волею-неволею должны были признать надъ собою власть великаго государя и ходить на помощь русскимъ войскамъ. Правительству нужно было поэтому щадить ихъ, и въ 1677 году въ Москвѣ съ неудовольствіемъ узнали, что между Калмыками и Донцами началась ссора. Съ разныхъ мѣстъ по Волгѣ начали приходить вѣсти, что казаки ходили громить калмыцкіе улусы. Стрѣлецкіе сотники погнали для провѣдыванія; наѣдутъ, казаковъ спрашиваютъ: зачѣмъ ходили на Калмыковъ, по какому указу? Казаки, которые подобросовѣстнѣе, отвѣчаютъ: „Государева указа у насъ нѣтъ, чтобы за Калмыками войною ходить, но Калмыки чинятъ намъ обиды большія, и мы, не хотя отъ нихъ обиды терпѣть, собрались да и пошли на нихъ войною, а не для ради иного воровства". Другіе, менѣе добросовѣстные, отвѣчаютъ: „Мы ходили на калмыцкіе улусы войною по указу великаго государя, а тотъ указъ у насъ на Дону въ войскѣ". Разумѣется, на Дону никакого указа не было, а былъ указъ въ Астрахани, по которому тамошніе воеводы отправили голову конныхъ стрѣльцовъ Змѣева вверхъ по Волгѣ—остановить казаковъ и поворотить ихъ назадъ на Донъ. Выше Чернаго Яру Змѣевъ встрѣтилъ 22 лодки, въ нихъ 245 казаковъ съ атаманомъ Игнатьевымъ. Змѣевъ объявилъ имъ указъ великаго государя—на калмыцкіе улусы войною не ходить, поворотиться въ свои казацкіе городки и жить съ Калмыками въ миру, потому что они служатъ великому государю. Казаки отвѣчали: „Вышли мы на Волгу рѣку на калмыцкіе улусы для того:—въ нынѣшнемъ году приходили подъ многіе наши казачьи городки калмыцкіе люди войною, женъ и дѣтей многихъ въ полонъ взяли, стада отогнали; и мы ходили на нихъ войною по многимъ задорамъ, хотѣли у нихъ отбить изъ полону женъ, дѣтей и стада, и отбили только со 150 лошадей, а женъ и дѣтей своихъ въ улусахъ нигдѣ не застали, и хотѣли-было еще на калмыцкіе улусы идти, чтобъ отбить женъ и дѣтей и остальныя стада, но теперь, слыша великаго государя указъ, на калмыцкіе улусы не пойдемъ, поворотимъ въ свои казачьи городки". И дѣйствительно поворотились. Въ январѣ слѣдующаго 1678 года вѣрный слуга царскій, князь Каспулатъ Муцаловичъ Черкасскій, писалъ къ государю, что ѣздилъ онъ въ калмыцкіе улусы, къ Аюкѣ и другимъ тайшамъ звать ихъ на государеву службу на Крымъ; но Аюка сказалъ, что на службу не идетъ за разореньемъ отъ Донскихъ и Яицкихъ казаковъ, которые людей у нихъ побили, женъ и дѣтей побрали. Царь немедленно отправилъ князю Каспулату приказъ ѣхать въ калмыцкіе улусы и помирить Калмыковъ съ Донскими казаками.

На Волгѣ Донцы поворачивались назадъ, услыхавъ указъ великаго государя; но на Яикѣ сильно пахло Разинскимъ духомъ. Въ іюлѣ 1677 года, въ Москвѣ получена была вѣсть, что воровскіе казаки, вышедшіе изъ яицкихъ городовъ, подъ начальствомъ Васьки Касимова, взяли на Яикѣ городокъ Гурьевъ (названный такъ по имени строителя Михайлы Гурьева), государеву казну, пушки, свинецъ и порохъ забрали, и расположились на Каменномъ островѣ въ устьи Яика. Астраханскій воевода, князь Константинъ Щербатовъ, выслалъ противъ нихъ 800 стрѣльцовъ въ пятнадцати стругахъ; но въ Москвѣ вспомнили о Разинѣ и сильно испугались, выслали въ Астрахань боярина Петра Михайловича Солтыкова съ приказомъ идти съ великимъ радѣньемъ и поспѣшеньемъ, неоплошно, для того, что въ Астрахани малолюдно и надъ воровскими людьми промышлять некѣмъ. Голова казанскихъ стрѣльцовъ Мамонинъ нагналъ воровъ на морѣ и поразилъ. Воры въ числѣ 230 человѣкъ (въ томъ числѣ 40 раненыхъ) пристали къ Трухменскому берегу, но Трухменцы прогнали ихъ, и они объявились у персидскаго берега на островѣ Сары, на которомъ стоялъ и Стенька Разинъ. Живя на островѣ, они выѣзжали на море воровать;

---

[1]) Столбцы и книги Малорос. Приказа въ Архивѣ Мин. Юстиціи.

[2]) Москов. Архивъ Мин. Ин. Дѣлъ, дѣла Шведскія, Датскія и Австрійскія.

[3]) Исторія Россіи, см. т. XII.

по шахъ послалъ на нихъ ратныхъ людей, съ которыми у нихъ опять былъ неудачный бой. Въ концѣ года воры явились подъ Бакою въ четырехъ стругахъ, но тутъ ихъ выкинуло на берегъ 29 человѣкъ, которые забраны жителями и отвезены къ Шамахинскому хану.

Мы видѣли волненіе Башкиръ въ царствованіе Алексѣя Михайловича; при Ѳеодорѣ волненія возобновились, тѣмъ болѣе что война Россіи съ Турціею не могла не отозваться между мусульманскимъ народонаселеніемъ степей. Въ началѣ 1679 года изъ Верхотурья дали знать въ Москву, что кресьянскій *садчикъ* (призывавшій и селившій, садившій крестьянъ) и приказчикъ одной изъ слободъ, Араповъ, былъ въ Кунгурскомъ уѣздѣ въ татарской деревнѣ для разныхъ покупокъ; въ эту деревню при немъ пришло къ Татарамъ десять человѣкъ Башкирцевъ, и говорили между собою, что на весну они будутъ воевать Кунгуръ, симбирскія слободы и подгороды; Башкирцы говорили: „Чигиринъ Турки и Крымцы взяли и государевыхъ людей побили, и мы будемъ воевать, потому что мы съ ними одна родня и душа“. Араповъ извѣщалъ, что всѣ Татары и Башкирцы кормятъ лошадей, луки и стрѣлы дѣлаютъ, и ружья у нихъ много, у всякаго человѣка по двѣ и по три пищали винтовки. Вслѣдъ за тѣмъ дѣйствительно Татары явились на лыжахъ подъ Кунгуръ, взяли острогъ и деревни вырубили. Лѣтомъ 1680 года получены были извѣстія, что калмыцкій тайша Аюка заключилъ миръ съ Крымскимъ ханомъ, отпустилъ 1,000 человѣкъ своихъ улусниковъ въ Крымъ, и двѣ тысячи отправилъ подъ русскіе украйные города; извѣщали, что Аюка хочетъ помириться и съ уфимскими Башкирами, чтобъ вмѣстѣ съ ними ходить войною подъ казачьи городки, подъ Самару и другіе украйные города. Въ іюлѣ мѣсяцѣ больше трехъ тысячъ Татаръ, Калмыковъ и Черкесъ явились подъ Пензою, сожгли посадъ и ушли въ степь. Башкиры начали перевозиться за Волгу съ луговой стороны на ногайскую. Въ 1681 году по Тоболу неслись слухи, что Башкиры выѣхали всѣ изъ улусовъ вооруженные, остались только тѣ, которые сидѣть на коняхъ не могутъ.

Въ Южной Сибири продолжалась борьба съ Киргизами, которые осенью 1679 года опустошали Томскій уѣздъ, будучи подведены измѣнниками, государевыми ясачными людьми. Конные и пѣшіе казаки выступили противъ разбойниковъ, поразили ихъ и отняли добычу, съ потерею пяти человѣкъ своихъ. Въ то же время другая большая толпа Киргизовъ приступила къ Красноярску и къ острожкамъ его уѣзда; крѣпостей взять имъ не удалось, но 16 деревень было сожжено Тубинцы соединились съ Киргизами: это озлобило красноярскихъ дѣтей боярскихъ и казаковъ: они взяли тубинскихъ аманатовъ, вывели за городъ и разстрѣляли въ виду ихъ родичей. Узнавши объ этомъ, государь велѣлъ Красноярскаго воеводу Загряжскаго посадить въ тюрьму на день, зачѣмъ выдалъ аманатовъ служилымъ людямъ, а служилымъ людямъ велѣлъ сказать: „Довелись изъ нихъ лучшіе люди за ту вину, что аманатовъ разстрѣляли, смертной казни; но для нынѣшней ихъ службы и разоренія мы ту вину велѣли имъ отдать, и они бы, видя нашу такую премногую милость, намъ служили и у тубинскихъ князцевъ аманатовъ взяли добрыхъ родовъ“.

На сѣверѣ Самоѣды не хотѣли платить ясака; когда, лѣтомъ 1679 года, ясачные сборщики пріѣхали въ старый Мангазейскій городъ, то къ нимъ явился Самоѣдскій князецъ Ныла и бросилъ на землю ясакъ — 76 песцовъ, тогда какъ прежде платили соболями и бобрами. „Давайте ясакъ попрежнему“, сказали ему сборщики. Въ отвѣтъ Ныла крикнулъ своимъ родичамъ: „Промышляйте надъ ними!“ Самоѣды бросились съ ножами на сборщиковъ, но тѣ оттолкнули ихъ, схватили Нылу и убили: родичи его бѣжали изъ города, но, собравшись съ силами, начали приступать къ нему; Русскіе отбивались отъ нихъ три дня и три ночи; осажденныхъ выручили двое самоѣдскихъ же князьковъ, которые ударили на своихъ и отбили ихъ отъ города. Другіе Самоѣды осаждали Обдорскій городокъ и свирѣпствовали противъ своихъ, не хотѣвшихъ дѣйствовать заодно съ ними противъ Русскихъ.

На востокѣ поднимались то Якуты, то Тунгусы. Изъ Верхневилюйскаго зимовья ясачный сборщикъ далъ знать Якутскому воеводѣ, что разныхъ родовъ ясачные Тунгусы стояли съ мѣсяцъ около зимовья, хотѣли побить казаковъ и зимовье взять. Еще осенью 1675 года Якуты убили нѣсколько русскихъ промышленниковъ, и заводчикомъ оказался родоначальникъ Балтуга, Якутъ Ярканской волости. Къ нему отправлены были для *разговору* двое казаковъ да нѣсколько мирныхъ Якутовъ; но одинъ изъ казаковъ былъ убитъ самымъ варварскимъ образомъ. Якутскій воевода послалъ на Балтугу отрядъ изъ Русскихъ и мирныхъ Якутовъ. Послѣ долгихъ переговоровъ, Балтуга прислалъ аманатовъ, двоихъ дѣтей — сына и племянника своего, и объявилъ, что самъ придетъ, когда захочетъ; если же Русскіе люди и Якуты пойдутъ на него войною, то онъ всѣхъ побьетъ и станетъ драться до послѣдняго ребенка, а живой Русскимъ людямъ не дастся; мирныхъ Якутовъ уговаривалъ, чтобъ они къ Русскимъ не приставали и на него войною не ходили; если же пойдутъ, то онъ и ихъ побьетъ вмѣстѣ съ Русскими. Но смѣлость не была въ-уровень съ силами. Якутскій патріотъ принужденъ былъ бѣжать передъ врагами его свободы, а раненый былъ схваченъ и привезенъ въ Якутскъ. Туда же привезли изуродованный трупъ казака, убитаго Якутами. Это зрѣлище взволновало якутскихъ служилыхъ людей и они подали челобитную: „Посылаютъ насъ на твои, великаго государя, службы и для ясачнаго сбора, и въ посылки за измѣнниками въ походы ходимъ; и твои измѣнники, ясачные и неясачные иноземцы, насъ побиваютъ до смерти и наругательство чинятъ многое, груди вспарываютъ, сердце вынимаютъ, руки обсѣкаютъ, глаза выкалываютъ. Божіею милостію измѣнника Балтугу съ сродниками поймали въ бою, и на поимкѣ онъ многихъ служилыхъ людей переранилъ. Милосердый государь! вели своему воеводѣ тѣмъ измѣнникамъ, по Соборному Уложенью, указъ учинить“. Братъ убитаго казака не вытерпѣлъ, подошелъ къ раненому и связанному брату Балтуги и прокололъ его копьемъ до смерти. Воевода приговорилъ бить его кнутомъ на козлѣ: не бей самовольствомъ пойманныхъ и связанныхъ! Градскіе всѣхъ чиновъ люди упросили вмѣсто кнута бить батогами; но служилые люди оскорбились, что ихъ братью наказываютъ за измѣнниковъ,и подали другую челобитную: „Ходимъ мы промышлять по великой рѣкѣ Ленѣ и по Витиму и по инымъ стороннимъ рѣкамъ; съ нашихъ промысловъ въ твою, великаго государя, казну сбирается со всякаго звѣря десятая, и съ отпуску денежная казна; а теперь иноземцы—Якуты и Тунгусы—насъ, сиротъ твоихъ, грабятъ, огнемъ жгутъ и убиваютъ вмѣсто свиней, разорили насъ вконецъ и промыслы всѣ остановили, а мы отъ нихъ оборониться не смѣемъ, боясь отъ тебя казни, и намъ впредь на промыслы ходить никакъ нельзя, а твоей казнѣ въ томъ учинится недоборъ и поруха великая“. Воевода, выслушавъ челобитье служилыхъ людей, пріискалъ въ Соборномъ Уложеніи главу объ измѣнникахъ: нашелъ, что ихъ должно казнить смертью, и послалъ за указомъ въ Москву. Здѣсь было принято искони—приводить иноземцевъ подъ государеву высокую руку ласкою, а не жесточью; притомъ здѣсь хорошо знали, что служилые люди часто сами выводятъ изъ терпѣнія иноземцевъ, и потому пришелъ указъ: великій государь Балтугу въ винѣ простилъ для своего многолѣтняго здоровья и для поминовенія отца своего, смертью казнить не велѣно, велѣно бить кнутомъ на козлѣ нещадно и дать на поруки. Но въ слѣдующемъ же году поруки 20 человѣкъ ясачныхъ Якутовъ подали челобитную, что Балтуга съ родичами свою братью Якутовъ бьетъ, грабитъ, насильства всякія чинитъ и ясака не платитъ.

Несмотря на появленіе здѣсь и тамъ сильныхъ духомъ родоначальниковъ между дикарями, имъ не сладить было съ Русскими людьми: роды были слишкомъ ничтожны, разбросаны на огромныхъ пространствахъ и враждебны другъ другу; вспыхнетъ возстаніе,—для его подавленія пойдутъ Русскіе люди, ихъ ничтожное число—человѣкъ пятнадцать, но съ ними толпа покорныхъ туземцевъ, которые идутъ усмирять своихъ; осадятъ дикари въ острожкѣ Русскихъ людей: на выручку къ послѣднимъ спѣшатъ другіе дикари. Подчиненіе обширныхъ пространствъ Сѣверной Азіи не могло быть слѣдовательно трудно для Русскихъ; туземцы жили при такихъ формахъ быта, при которыхъ племена бываютъ не слишкомъ щекотливы при наложеніи на нихъ дани сильнѣйшимъ; предки покорителей Сибири были посильнѣе природою Якутовъ, Тунгусовъ и Бурятъ, однако и они, въ IX вѣкѣ, живя въ такомъ же разъединеніи по родамъ, платили дань первому, кто съ нихъ ее требовалъ съ оружіемъ въ рукахъ; поднимались только тогда, когда какой-нибудь Игорь хотѣлъ брать двойную дань, какъ волкъ, повадившійся къ овцамъ. Къ несчастію, такихъ Игорей было много въ Сибири въ описываемое время, и они-то своими волчьими замашками замедляли подчиненіе туземцевъ, поднимали возстанія, заводили кровь, по старинному выраженію.

Осенью 1677 года на Уралѣ ясачные Тунгусы перебили казаковъ, шедшихъ изъ Якутска въ Охотскъ, взяли пушку, ручное оружіе, товарную казну, и отпустили въ Охотскъ плѣнную казачью жену, наказавши ей: „Поди, скажи приказному Петру Ярыжкину, что мы перебили казаковъ за налоги и обиды ясачнаго сборщика Юрія Крыжановскаго,—бралъ съ насъ соболи добрые и рыси, и олени, съ человѣка соболя по четыре и по пяти, и малыхъ ребятъ у насъ всѣхъ выискалъ и велѣлъ за нихъ приносить по соболю; бралъ у насъ соболей и оленей силою, и плевалъ намъ въ глаза: что-де мнѣ мало носите, то выручу!“

Но Тунгусы не ограничились этою местію. Заводчикомъ мятежа былъ уже знакомый намъ Зелемей [1]): онъ распустилъ слухъ между своими, что въ Якутскѣ всѣ казаки умерли, осталось только двое живыхъ, послать въ Охотскъ некого, и потому время надъ нимъ промышлять. По этой Зелемеевской сказкѣ собралось Тунгусовъ человѣкъ съ 1,000 и осадили Охотскъ. Ярыжкинъ послалъ толмача перекликаться съ Зелемеемъ: „Что̀ васъ много очень пришло и кругомъ вы острога обошли? Ступай въ Охотскъ и съ приказнымъ человѣкомъ переговори, не опасаясь ничего!“—„Въ острогъ нейду“, отвѣчалъ Зелемей, „ясаку у насъ нѣтъ, а зачѣмъ мы пришли, увидите сами“. Тунгусы пошли валомъ на приступъ. Крыжановскій не успѣлъ уйти въ острогъ. Тунгусы осадили его въ его домѣ, у избы окно выломали, подъ стѣну огня наклали, засѣли въ казачьихъ домахъ, находившихся за острогомъ, и начали стрѣлять въ острогъ изъ-за дворовъ; стрѣлы полетѣли на острогъ со всѣхъ сторонъ, точно комары. Между тѣмъ Крыжановскій вопилъ о помощи, Ярыжкинъ сдѣлалъ вылазку и выручилъ его, отогналъ Тунгусовъ отъ Охотска. Приступъ не повторялся. Началось дѣло о Крыжановскомъ (плѣнномъ Полякѣ, брата его звали Казиміромъ—происхожденіе ясно!). На него показали, что онъ приправочныя и ясачныя книги держалъ у себя на дому, ночью пріѣзжали къ нему Тунгусы прежде ясачнаго платежа, онъ отбиралъ у нихъ лучшіе соболи себѣ, а въ казну плохіе, бралъ у иноземцевъ женъ и дѣтей на блудное дѣло. Попался и Ярыжкинъ въ казнокрадствѣ и насиліяхъ своимъ и чужимъ. Обоихъ велѣно бить кнутомъ нещадно, сослать въ Даурскіе острожки, и ни къ какимъ дѣламъ не опредѣлять. Но преемникъ ихъ въ Охотскѣ, Данило Бибиковъ, не задумался пойдти по ихъ слѣдамъ: вѣшалъ Тунгусовъ, билъ кнутомъ, рѣзалъ уши и носы, приказывалъ Тунгусамъ при платежѣ ясака лучшіе соболи прятать въ пазуху и подъ-полу, и потомъ отдавать ему. Бибиковъ не дождался наказанія изъ Москвы: его на дорогѣ изъ Охотска въ Якутскъ подстерегли Тунгусы въ 1680 году и убили вмѣстѣ со всѣмъ отрядомъ Русскихъ людей.

---

[1]) Исторія Россіи, см. т. XII, стр. 586.

Въ Нерчинскѣ на приказнаго человѣка Шульгина поднялись не туземцы, но Русскіе служилые люди: Шульгинъ за взятки выпускалъ бурятскихъ аманатовъ, которые потомъ измѣняли, уходили въ Монголію; но женъ аманатскихъ не выпускалъ: онѣ были ему надобны; подучалъ однихъ Бурятъ отгонять табуны у другихъ и дѣлился добычею съ хищниками; скупалъ хлѣбъ, курилъ изъ него вино, варилъ пиво, продавалъ, а другимъ ѣсть было нечего по дороговизнѣ хлѣба,—питались травою и кореньями; билъ служилыхъ людей кнутомъ и батогами, велѣлъ брать въ руку батоговъ по пяти и по шести. Служилые люди вышли изъ терпѣнія, послали челобитчиковъ въ Москву; но до Москвы далеко; когда-то придетъ указъ?—и, въ ожиданіи указа, служилые люди распорядились сами: отказали Шульгину отъ съѣзжей избы и выбрали къ государеву дѣлу одного сына боярскаго да десятника казачья [1].

При тяжелой и опасной войнѣ съ Турками, при волненіяхъ степныхъ варваровъ, при несовершеннолѣтнемъ и больномъ царѣ, при смутѣ во дворцѣ, Московское правительство, волею-неволею, какъ могло, должно было заниматься важными вопросами внутренними, потому что время не терпѣло. Въ самомъ началѣ царствованія Ѳеодора опять поднялся старый вопросъ, отцовскій и дѣдовскій,—вопросъ о торговлѣ иностранцевъ въ Россіи и черезъ Россію. Мы видѣли, что при царѣ Алексѣѣ заключенъ былъ договоръ съ компаніею персидскихъ Армянъ, которые обязались доставлять въ Россію весь шелкъ, добываемый въ Персіи. Но Армяне не исполнили обязательства; а между тѣмъ Голландскій посланникъ фанъ-Кленкъ сдѣлалъ предложеніе, чтобъ позволено было Голландцамъ торговать съ Персіянами въ Россіи, и пропускать Персіянъ черезъ Россію съ шелкомъ-сырцомъ въ Голландію. По обычаю, позвали гостей передъ бояръ, читали имъ договорныя грамоты съ Армянами, переводы съ писемъ фанъ-Кленка, и спрашивали, какъ тому шелковому промыслу противъ посольскихъ писемъ впредь состояться. Гости отвѣчали: „Персіяне и Армяне своего договора не исполнили, всего своего шелка въ Россійское государство не привезли, но прежними путями весь лучшій шелкъ и теперь отпускаютъ, поэтому прибыли отъ шелковаго промысла нечего надѣяться. Если голландскій посолъ проситъ, чтобъ Голландцамъ торговать съ Персіянами въ Россійскомъ государствѣ и пропускать Персіянъ черезъ Россію въ Голландскую Землю, обѣщая оттого Россійскому государству въ торгахъ многое процвѣтаніе, то должно ему вмѣсто цвѣта явить самый плодъ и договоръ теперь же заключить, чтобъ шелкъ-сырецъ, сколько его ни будетъ привезено изъ Персіи, принимать Голландцамъ у Архангельска изъ казны великаго государя и у купецкихъ людей по уговорной цѣнѣ, противъ того, какъ у нихъ, Голландцевъ, и другихъ иноземцевъ заключенъ договоръ насчетъ того шелка, что идетъ изъ Персіи черезъ Турцію. А если договора заключить не захочетъ, то ясно, что никакой онъ прибыли Россійскому государству не желаетъ, только умышляетъ оставить въ Россійскомъ государствѣ тѣхъ прибылей цвѣтъ, а плоды этихъ цвѣтовъ хочетъ привлечь въ свою Землю и россійскимъ купецкимъ людямъ убытокъ сдѣлать, потому что будутъ Голландцы торговать съ Персіянами между собою—прибыль между ними и останется. Можно такъ сдѣлать: пусть Русскіе люди и Голландцы торгуютъ въ Россіи съ Персіянами и Армянами вмѣстѣ два года, и если въ эти два года государевой казнѣ порухи, а купецкимъ русскимъ людямъ утѣсненія не объявится, то и впредь этому торгу быть прочну; но и это опасно: Голландцы нарочно въ два года никакого притѣсненія намъ не сдѣлаютъ, чтобъ договоръ подтвердили; а какъ подтвердятъ,—тутъ они насъ всѣхъ отъ торгу отлучатъ и завладѣютъ одни такъ, какъ въ Восточной Индіи завладѣли золотою и серебряною рудами и всякими другими промыслами, отчего и теперь великое богатство себѣ пріобрѣтаютъ, а тамошнихъ жителей привели до скудости. Лучше всего оставить прежній второй договоръ съ Армянами [2], чтобъ они торговали шелкомъ съ русскими купецкими людьми повольною цѣною, а чего у нихъ Русскіе люди не докупятъ, то принять въ казну, съ уплатою изъ нея деньгами и товарами. Если же они и этого договора исполнять не захотятъ, то позволить имъ торговать въ Архангельскѣ съ иностранцами. Хотя отъ этого русскимъ купецкимъ людямъ въ торгахъ и будетъ какая помѣшка, однако все не такъ, какъ если позволить иностранцамъ торговать между собою во всемъ Россійскомъ государствѣ, или отпускать ихъ чрезъ Россійское государство за море“ [3]. Тогда же царь, поговоря съ патріархомъ, указалъ боярамъ и бояре приговорили—подтвердить постановленіе царя Алексѣя, состоявшееся въ 1647 году, чтобъ Греки торговали только въ Путивлѣ, причемъ выставлены и причины, побудившія къ этому: сначала пріѣзжали изъ *Палестинъ* греческія власти, привозили съ собою многоцѣлебныя мощи и чудотворныя иконы, а ихъ братья, торговые Греки, пріѣзжали самые знатные люди и привозили съ собою дорогіе товары самые добрые;

---

[1] Дополн. къ актамъ истор. т. VII, № 3, 47, 48, 61; 72, 73, 75, т. VIII, № 15, 44, 77.

[2] Исторія Россіи, т. XII, стр. 566.

[3] Собр. Госуд. грам. и догов. IV, № 105.

а теперь духовнаго чина никто не пріѣзжаетъ, начали пріѣзжать Греки самые незначительные и не для прямаго торга: у которыхъ объявятся товары, и тѣ худые,—вмѣсто алмазовъ и другихъ дорогихъ камней поддѣланныя стекла; да изъ нихъ же многіе начали воровать, товары провозить тайно, а иные поддѣлываютъ заочно воровскія кабалы, торгуютъ виномъ и табакомъ [1].

Замѣчательнѣйшія постановленія царствованія Ѳеодора относятся преимущественно къ послѣднимъ годамъ, когда царь возмужалъ и когда, по устраненіи Милославскихъ, Языковъ, Лихачевъ и Голицынъ получили главное вліяніе. Въ 1679 и 1680 годахъ отмѣнено членоотсѣченіе: „Которые воры объявятся въ первой или въ двухъ татьбахъ, тѣхъ воровъ, пытавъ и учиня имъ наказанье, ссылать въ Сибирь на вѣчное житье на пашню, а казни имъ не чинить, рукъ и ногъ и двухъ перстовъ не сѣчь, ссылать съ женами и дѣтьми, которыя дѣти будутъ трехъ лѣтъ и ниже, а которыя больше трехъ лѣтъ,—тѣхъ не ссылать" [2]. Въ 1677 году окопана была во Владимірѣ на торговой площади крестьянка Жукова за то, что отсѣкла косою голову мужу своему: сутки пробыла она въ землѣ, какъ владимірское духовенство подало челобитную, чтобъ преступницу вынуть изъ земли и постричь въ монастырь: государь велѣлъ исполнить челобитную. Въ 1682 году былъ такой же случай въ Москвѣ: двѣ преступницы были окопаны въ землю, и въ землѣ обѣщались постричься и злыхъ дѣлъ не творить; государь велѣлъ ихъ выкопать и постричь [3]. Въ 1680 году разосланы были во всѣ города грамоты, чтобъ въ приказныхъ избахъ и тюрьмахъ колодниковъ никого, ни въ какихъ дѣлахъ многихъ дней не держали, рѣшали бы ихъ дѣла немедленно. Въ томъ же году издано было постановленіе: „Впредь тюремнымъ сидѣльцамъ *влазнаго* съ новоприводныхъ людей, которые посажены будутъ на тюремный дворъ и за рѣшетку, брать не велѣно" [4]. Въ 1681 году патріархъ разослалъ память: „Если мужья отъ женъ, а жены отъ мужей захотятъ постричься, то ихъ не постригать; а если жена отъ мужа пострижется, то мужу ея другой жены не брать, также и женамъ, послѣ постриженія мужей, замужъ не выходить" [5]. Въ 1679 году били челомъ служилые люди, что родственницы ихъ выданы замужъ съ вотчинами, и мужья ихъ бьютъ и мучатъ, приневоливаютъ, чтобъ онѣ свои приданыя вотчины продавали и закладывали своими именами: состоялся указъ, чтобъ мужья не продавали и не закладывали вотчинъ женъ своихъ ихъ именами [6].

Въ 1680 году отмѣнена неприличная форма въ челобитныхъ: „Чтобъ государь пожаловалъ, умилосердился, какъ Богъ"; вмѣсто этого велѣно писать: „Для приключившагося котораго праздника и для его государскаго многолѣтняго здравія". Въ томъ же году изданъ патріаршій указъ: въ Приказахъ допрашивать духовныхъ отцовъ только объ изустныхъ памятяхъ и завѣщаніяхъ, при нихъ сдѣланныхъ, а не о грѣхахъ кающихся [7].

Строгія мѣры, принятыя при царѣ Алексѣѣ противъ раскола, мало помогали. Въ 1677 году узнали въ Москвѣ, что по Дону и рѣчкѣ Медвѣдицѣ, въ казачьихъ юртахъ завелись жить старцы и попы и всякіе прихожіе люди въ пустыняхъ, печатныя книги, церковную службу и иконное письмо хулятъ, образамъ Божіимъ не поклоняются, много людей изъ донскихъ городковъ къ себѣ подговариваютъ и крестятъ въ другой разъ. Воевода Волынскій, стоявшій съ войскомъ на Дону, отправилъ стрѣлецкаго сотника Григорова развѣдать о раскольникахъ. Григоровъ возвратился и донесъ, что на рѣкѣ Медвѣдицѣ никакой пустыни не нашелъ, а былъ въ пустыни Іевской, на рѣчкѣ Чиру, пониже казачьяго городка Нижняго Чира: въ этой пустыни строителемъ черный попъ Іовъ, да чернецовъ 20 человѣкъ, а бѣльцовъ человѣкъ съ 30; служитъ Іовъ по старымъ книгамъ, а новоисправленныя хулитъ, говоритъ, будто въ нихъ все изронено. Получивши это донесеніе, въ Москвѣ сдѣлали допросъ бывшему тогда здѣсь станичному атаману Панкратьеву, чтó за Іевская пустынь и гдѣ рѣка Чиръ. Панкратьевъ отвѣчалъ, что Іевская пустынь въ сторонѣ, на день ѣзды отъ города Чира; начали въ этой пустыни люди жить послѣ Разинскаго воровства, тому лѣтъ съ пять; въ войскѣ про пустынь знаютъ, что въ ней живутъ мужчины и женщины, дѣвки и ребята, но безъ указу государева войско надъ нею ничего дѣлать не смѣетъ, а если государь прикажетъ разорить, то сейчасъ разорятъ. Тому другой годъ, какъ пришелъ на Донъ и поселился въ пустыни въ лѣсу, на Крымской сторонѣ, черный попъ да два человѣка простыхъ чернецовъ; эти простые чернецы съ попомъ поссорились и, пришедши въ Черкаскъ, донесли войску, что попъ за великаго государя Бога не молитъ и имъ молить не велитъ. По этому извѣту, атаманъ Михайло Самаринъ и все войско послали за попомъ и, приведя его въ Черкаскъ, сожгли по войсковому праву, и въ пустыни его теперь никто не живетъ. Волынскому посланъ былъ указъ разорить воровъ и церковныхъ противниковъ, и впередъ нигдѣ имъ въ войскѣ пристанища не дать, пущихъ заводчиковъ прислать въ Москву, а остальныхъ наказать по войсковому праву, чтобъ впередъ такіе воры не множились и войску оттого присловья не было [8]. Въ то же время изъ Сибири приходили вѣсти, что въ Тюмени сынъ калмыцкаго толмача Никита Елизарьевъ говорилъ: „Которыя церкви сгорѣли въ Тобольскѣ, и то были не церкви, костелы"; священниковъ называлъ псами. Призванный къ допросу, раскольникъ объявилъ, что троеперстнымъ проклятымъ сложеніемъ не крестится; отецъ молодаго раскольника, толмачъ, пришелъ въ приказную избу и объявилъ, что четвероконечный крестъ — антихристова печать. Обоихъ били кнутомъ нещадно и отдали на поруки. Въ Тюмени же, въ 1677 году, въ соборной церкви трое мужчинъ и одна монахиня во время Херувимской закричали: „Православные христіане! не кланяйтесь, несутъ мертвое тѣло и на просвирахъ печатаютъ крыжомъ, антихристовою печатью!“ Крикуновъ взяли въ приказную избу, гдѣ они объявили, что пришли на Тюмень истинной вѣры изыскивать; ихъ били кнутомъ нещадно и посадили въ земляную тюрьму. Монахъ Даніилъ въ Тобольскомъ уѣздѣ, на рѣчкѣ Березовкѣ, завелъ пустынь, поставилъ часовню и кельи, пѣли вечерни, заутрени и часы; государя, царскій домъ, патріарха и Сибирскаго митрополита не поминали, православныхъ христіанъ называли еретиками. Въ этой же пустыни старицы и дѣвки бились о землю и кричали, что видятъ Пресвятую Богородицу и небо отверсто, ангелы вѣнцы держатъ тѣмъ людямъ, которые въ той пустыни постригаются. Слыша такую прелесть, многіе всякихъ чиновъ люди, оставя домы, имѣніе и скотъ, бѣгутъ въ пустынь съ женами и дѣтьми и постригаются. Тобольскій воевода, бояринъ Петръ Васильевичъ Шереметевъ, послалъ отрядъ войска захватить Даніила, но войско, вмѣсто пустыни, нашло только кучи пепла: Даніилъ съ единомышленниками своими въ избахъ сожглись ночью, а другіе разбѣжались; примѣръ Даніила подѣйствовалъ. Въ Мехонской слободѣ крестьяне, драгуны и бѣломѣстные казаки, собравшись съ женами и дѣтьми во дворъ къ драгуну Абрамову, наносили пеньки, соломы, смолы и бересты; слободской приказчикъ началъ уговаривать ихъ, чтобъ отстали отъ своей прелести, и они было-послушались; но дьячекъ Иванъ Ѳедоровъ, распопъ, своими рѣчками уничтожилъ дѣйствіе приказчиковыхъ словъ. Въ 1679 году, въ Исетскомъ острогѣ крестьянинъ Бархатовъ, ходя по разнымъ мѣстамъ, проповѣдывалъ, что не должно ходить въ церкви; Бархатова поймали; но братъ его, Гаврила, съ двадцатью товарищами отбили пойманнаго, уѣхали въ деревню Мостовку, заперлись во дворѣ и объявили, что сожгутся. Къ нимъ поѣхалъ уговорить капитанъ Поляковъ; раскольники потребовали сроку,—срокъ былъ имъ данъ, и они въ это время написали челобитную государю; написали, что заперлися, испугавшись приказныхъ людей, потому что приказный человѣкъ перехваталъ тѣхъ, которые засѣли въ Мехонской слободѣ, и морилъ на морозѣ цѣлый день, просилъ по полтинѣ съ человѣка,—люди бѣдные, дать было нечего; онъ ихъ распустилъ по домамъ, а женъ и дѣтей разогналъ, и они руки и ноги познобили. „Ей, ей, великій государь, не знаемъ за собою никакого вымысла злаго, но только держимся стараго благочестія и никоновыхъ новопечатныхъ книгъ не принимаемъ, потому что тѣ книги съ прежними ни въ чемъ не согласуются. Да еще нудятъ насъ креститься тремя перстами, щепотью, да велятъ оставить истинный тричастный крестъ Христовъ. Если, государь, своего царскаго указа не пожалуешь намъ и впередъ приказнымъ людямъ, заказчикамъ и попамъ попустишь насъ бѣдныхъ разорять и къ новоизложенной вѣрѣ нудить, и мы къ тебѣ пишемъ и плачемъ, что и не подумаемъ принять новой вѣры и новопечатныхъ никоновыхъ книгъ, на смертный часъ готовы, пострадать и въ огнѣ горѣть, какъ у Данилы священноинока пострадали; если не дадутъ намъ собираться, то мы каждый въ своемъ домѣ пострадаемъ, а отъ Христа не отстанемъ [1])“.

---

[1] Акты Арх. Эксп. IV, № 214.

[2] Полн. Собр. Зак. № 772, 846.

[3] Акты историч. V, № 14, 80.

[4] Акты историч. V, № 55, Полн. Собр. Зак. № 845.

[5] Акты Арх. Эксп. IV, № 247.

[6] Полн. Собр. Зак., № 751, 762.

[7] Полн. Собр. Зак., № 826, 827.

[8] Архивъ Мин. Ин. Д.; дѣла Датскія 1677 года.

Такія вѣсти приходили съ Украйны, изъ Сибири, съ Дону; но вотъ и въ самой Москвѣ, въ 1681 году, въ Крещенье, Герасимъ Шапочникъ бросилъ съ Ивановской колокольни раскольничьи листы въ народъ; схваченный, оговорилъ Антона Хвораго, а этотъ оговорилъ Осипа Сабельника, у котораго въ домѣ пѣли часы, пекли просвиры и послѣ часовъ раздавали людямъ, которые ѣли и вмѣняли въ святость [2]).

Въ томъ же 1681 году собрался церковный Соборъ. Царь возвѣстилъ ему о дѣлахъ, которыя требуютъ исправленія: вначалѣ, къ огражденію Св. Церкви, а потомъ на распространеніе христіанамъ, вопервыхъ, о прибавкѣ вновь архіереевъ по городамъ, вслѣдствіе умноженія церковныхъ противниковъ и о другихъ нуждахъ, требующихъ исправленія. Въ первомъ царскомъ предложеніи говорилось: Каждому митрополиту имѣть въ своей епархіи епископа, подвластнаго ему, а св. патріарху, отцамъ отцу, имѣть многихъ епископовъ. Соборъ отвѣчалъ: великому государю бьютъ челомъ митрополиты и архіепископы, назначить вновь въ пристойныхъ мѣстахъ, въ дальнихъ и многонародныхъ городахъ, архіереевъ особыми епархіями, а не подвластныхъ митрополитамъ, чтобъ въ архіерейскомъ чинѣ не было церковнаго разгласія, распри и высости; чтобъ въ такомъ настроеніи не было Св. Церкви преобидѣнія и отъ народа молвы и укоризны.

Во второмъ предложеніи говорилось: Изъ многихъ городовъ пишутъ, что многіе неразумные люди, оставя Св. Церковь, подѣлали въ домахъ своихъ мольбища и, собравшись, совершаютъ противное христіанству, а на Св. Церковь износятъ страшныя хулы.—Соборъ въ своемъ отвѣтѣ молилъ государя отсылать этихъ раскольниковъ къ градскому суду.

Третье предложеніе: Въ Москвѣ и во всѣхъ городахъ отъ предковъ государскихъ устроены монастыри на тихое и безмолвное пристанище, на пропитаніе монахамъ даны многія села и деревни и всякое довольство, чтобъ всѣ имѣли пищу и одежду готовую и не помышляли бы ни о чемъ, кромѣ душевнаго спасенія, а для престарѣлыхъ и больныхъ монаховъ устроены больницы. Но въ монастыряхъ теперь общаго пребыванія и больничнаго строенія нѣтъ, а гдѣ и есть, оттуда монахи, не хотя быть въ послушаніи, уходятъ въ другіе монастыри; этимъ монашеское крѣпкое житіе упразднилось. Также бы и хмельнаго питья въ монастыряхъ отнюдь не держать. Соборъ отвѣчалъ: „Во всѣхъ монастыряхъ запрещаемъ держать пьянственное питье, архимандритамъ, игуменамъ и строителямъ жить благочинно и братію къ благочинію наставлять, особой пищи и питья не держать, въ кельяхъ своихъ съ гостями особыхъ трапезъ не поставлять, ходить всякій день за общую трапезу, а въ кельяхъ пищи и питья не держать. Кто изъ мірскихъ людей пріѣдетъ по обѣщанію помолиться, дать ему упокоеніе по монастырскому чину, пищу и питье, чѣмъ братія питаются, въ гостинной кельѣ, и приставить искуснаго старца, кому за тѣмъ смотрѣть; особаго питья про гостей отнюдь не держать и отъ нихъ не принимать. Желающихъ спасенія мірскихъ людей бѣдныхъ принимать безвкладно, съ разсмотрѣніемъ, и постригать правильно, свободныхъ и не бѣглыхъ отъ законныхъ женъ и отъ господъ. Одежду имѣть настоятелемъ и братіи общую, давать ее изъ монастырской казны, а денегъ настоятелямъ изъ казны отнюдь не брать и братіи не давать. Престарѣлыхъ и немощныхъ старцевъ успокоивать въ больницѣ, заботиться, чтобъ не было имъ скудости въ пищѣ и питьѣ. Изъ монастырей въ монастыри монахамъ безъ повелѣнія архіерейскаго не переходить, изъ монастырей ихъ не отпускать, а непокорныхъ и строптивыхъ ослушниковъ смирять по монастырскому чину; приходящихъ монаховъ безъ повелѣнія архіерейскаго и безъ отпускныхъ не принимать. Архимандритамъ и игуменамъ смотрѣть накрѣпко, чтобъ священники изъ монастырей въ домахъ мірскихъ людей мужескаго и женскаго пола не постригали и при смерти. А которые чернецы въ монастыряхъ не живутъ въ послушаніи и безчинствуютъ по Москвѣ и въ городахъ, ходятъ по кабакамъ и корчмамъ и мірскимъ домамъ, упиваются допьяна и валяются по улицамъ,—на такихъ безчинниковъ Троицкаго Сергіева монастыря власти должны возобновить бывшій Пятницкій монастырь, огородить его стоячимъ высокимъ тыномъ и построить четыре кельи съ сѣнями: въ этотъ монастырь безчинниковъ изъ Москвы ссылать. Женскаго пола, которыя безчинно постриглись внѣ монастыря, въ домахъ своихъ, и теперь ходятъ по мірскимъ домамъ и садятся по улицамъ и переулкамъ, просятъ милостыни,—для такихъ старицъ каждый архіерей долженъ построить по монастырю насчетъ какого-нибудь мужескаго монастыря съ вотчинами (потому что дѣвичьихъ монастырей мало съ вотчинами и прокормиться безъ вотчинъ въ монастыряхъ нечѣмъ), и выбрать къ нимъ изъ женскихъ монастырей старицъ добрыхъ, кому надъ ними начальствовать. По мужескимъ монастырямъ для всякаго строенія и вотчиннаго управленія мірскихъ людей не посылать, посылать архіереямъ отъ духовнаго чина добрыхъ и искусныхъ людей. Въ дѣвичьи монастыри, которые съ вотчинами, указалъ бы великій государь послать дворянъ старыхъ, добрыхъ, для управленія вотчинами, чтобъ старицамъ изъ монастырей по деревнямъ не ѣздить и по мірскимъ домамъ не жить; быть этимъ дворянамъ въ послушаніи у архіереевъ; въ духовное управленіе между старицами и церковными причетниками дворянину не вступаться и ни въ чемъ не вѣдать. Мірскимъ людямъ вдовыхъ священниковъ въ домахъ своихъ не держать; а кому изъ великихъ людей нуженъ домовый священникъ, тотъ бьетъ челомъ архіерею, и архіерей благословляетъ священника не-вдоваго. Вдовымъ попамъ и іеромонахамъ отнюдь не давать благословенія въ мірскихъ домахъ жить и службы церковныя совершать, потому что въ нынѣшнее время многіе попы и дьяконы живутъ безчинно и упиваются безмѣрнымъ пьянствомъ и церковныя тайны дѣйствуютъ пьяные“.

---

[1]) Дополненія къ актамъ историч. VIII, № 50.

[2]) Чтенія Москов. Историч. Общ. 1847 года № 5.

По четвертому предложенію царя, Соборъ постановилъ посвящать священниковъ въ зарубежныя мѣста, по требованію православныхъ жителей. По пятому предложенію: Такъ какъ въ присягѣ за всякое нарушеніе долга службы Церковь грозитъ страшною клятвою, вѣчною смертію, а между тѣмъ многіе люди грѣшатъ, особенно во всякихъ казенныхъ сборахъ, и тѣмъ убиваютъ себя вѣчною смертію,—то великій государь изволилъ бы тѣмъ людямъ наложить свой указъ, прещеніе и страхъ по градскимъ законамъ. На осьмое предложеніе: Которые монастыри окружены близко мірскими домами, тѣ перенести на другое приличное мѣсто.

Девятое предложеніе: По великаго государя указу, въ Москвѣ о нищихъ разсмотрѣніе учинено и велѣно ихъ разобрать, странныхъ и больныхъ держать въ особомъ мѣстѣ со всякимъ довольствомъ отъ государевой казны,—такъ чтобъ патріархъ и всѣ архіереи приказали также въ городахъ устроить пристанище нищимъ, а лѣнивые, здоровые пристали бы къ работѣ. Соборъ отвѣчалъ: „Да будетъ такъ“.– Относительно этого разсмотрѣнія о нищихъ, о которомъ здѣсь говорится, сохранилось извѣстіе, что при царѣ Θеодорѣ велѣно было построить двѣ богадѣльни: одну въ Знаменскомъ монастырѣ, а другую—на Гранатномъ дворѣ, за Никитскими воротами, чтобъ впередъ по улицамъ бродящихъ и лежащихъ нищихъ не было.

Предложеніе десятое: Чтобъ нищіе въ церквахъ, во время церковнаго пѣнія, милостыни не просили и тѣмъ въ церкви стоящимъ христіанамъ мятежа не чинили. Соборъ согласился. По предложенію одиннадцатому, Соборъ постановилъ, чтобъ на церковныхъ земляхъ, которыя отданы подъ кладбища, духовенство избъ, лавокъ и амбаровъ не строило. По двѣнадцатому: Запрещено во время храмовыхъ праздниковъ къ монастырскимъ и приходскимъ церквамъ припускать со всякими харчами и питьемъ. Предложеніе тринадцатое: Многіе монахи и монани, не хотя быть у наставниковъ своихъ подъ послушаніемъ, отходятъ изъ монастырей и селятся въ лѣсахъ, мало-по малу прибираютъ къ себѣ такихъ же непослушниковъ и устрояютъ часовни, служатъ молебны, а потомъ бьютъ челомъ архіереямъ о грамотахъ на построеніе церквей на тѣхъ мѣстахъ, которыя называютъ пустынями, и въ пустыняхъ этихъ церковное пѣніе отправляютъ не по исправнымъ книгамъ, вслѣдствіе чего приходятъ къ нимъ многіе люди, селятся вблизи и считаютъ ихъ страдальцами; отъ этого возрастаетъ на Св. Церковь противленіе. Соборъ отвѣчалъ челобитьемъ, чтобъ великій государь своихъ грамотъ о строеніи вновь пустынь отпускать не указалъ; они, архіереи, переведутъ эти пустыни на монастыри, а на ихъ мѣстахъ устроятъ приходскія церкви. Предложеніе четырнадцатое: На Москвѣ всякихъ чиновъ люди пишутъ въ тетрадяхъ и на листахъ, и въ столбцахъ выписки, будто бы изъ книгъ божественнаго писанія, и продаютъ у Спасскихъ воротъ и въ другихъ мѣстахъ, и въ этихъ письмахъ является многая ложь, а простолюдины, не вѣдая истиннаго писанія, принимаютъ за истину и въ томъ согрѣшаютъ, особенно же вырастаетъ отсюда на Св. Церковь противленіе. Соборъ отвѣчалъ, что для искорененія этого пусть государь укажетъ приставить особаго человѣка, а патріархъ также изберетъ особаго человѣка изъ духовныхъ; виновныхъ въ распространеніи такихъ сочиненій приводить въ Патріаршій Приказъ и чинить смиреніе, а на помощь выборнымъ людямъ давать стрѣльцовъ. По пятнадцатому предложенію постановлено: Кто станетъ приносить книги прежнихъ печатей,—тѣмъ выдавать новоисправленныя книги даромъ [1].

Въ то время, когда правительство хлопотало, чтобъ Св. Церкви не было противленія отъ раскола, пришли извѣстія, что татарскіе мурзы, имѣя помѣстья и вотчины, населенныя христіанами, принуждаютъ послѣднихъ къ магометанству. Поэтому, въ 1681 году, изданъ былъ указъ: объ отпискѣ у мурзъ и Татаръ помѣстій и вотчинъ, населенныхъ христіанами, а испомѣстить ихъ иновѣрцами же, Мордвою; если мурзы и Татары крестятся, то оставить за ними прежнихъ крестьянъ, и давать имъ еще жалованье, да и Мордвѣ сказать, чтобъ они крестились всѣ, за что во всякихъ податяхъ получатъ льготы на шесть лѣтъ [2]. Въ февраля 1682 года подъячіе и приставы ѣздили по татарскимъ деревнямъ и объявляли мурзамъ и Татарамъ, ихъ женамъ, вдовамъ, недорослямъ и дѣвкамъ указъ государевъ, чтобъ они упрямство свое отложили, во Св. вѣру Греческаго закона крестились и били челомъ государю о помѣстьяхъ своихъ и вотчинахъ до 25 февраля; а которые до этого срока не крестятся и челобитенъ о помѣстьяхъ и вотчинахъ не подадутъ,—у тѣхъ помѣстья и вотчины и всякія угодья будутъ отняты и розданы тѣмъ мурзамъ и Татарамъ, которые крестились уже и крестятся до 25 февраля [3].

Касательно областнаго управленія въ 1679 году отмѣнены были горододѣльцы, сыщики, губные старосты, ямскіе приказчики, осадные, пушкарскіе, засѣчные и житничные головы и присылавшіеся изъ Москвы сборщики: всѣ ихъ дѣла велѣно вѣдать воеводамъ, чтобъ впередъ градскимъ и уѣзднымъ людямъ въ кормахъ лишней тягости не было [4]. Въ слѣдующемъ году нашли неудобнымъ постановленіе царя Алексѣя о переносѣ дѣлъ изъ одного города въ другой по подозрѣнію на воеводу, и отмѣнили его [5]. На первомъ планѣ попрежнему стояли денежные сборы: ни одного года города и уѣзды не выплатили денегъ за стрѣлецкій хлѣбъ, по 2 рубля съ четверти пашни, отговариваясь *пустотою*. Въ 1679 году бояре приговорили, вмѣсто стрѣлецкихъ денегъ, данныхъ, полоняничныхъ, четвертныхъ, ямскихъ, пищальныхъ, малыхъ ямщинъ и другихъ мелкихъ денежныхъ доходовъ, положить новый окладъ, который долженъ идти на жалованье стрѣльцамъ. Но и тутъ на первый же годъ явились недоимки: воеводы пишутъ, что посадскіе люди и уѣздные крестьяне стоятъ на правежѣ, но и съ правежа денегъ не платятъ за скудостію, за хлѣбнымъ неурожаемъ, за разными неокладными доходами, за десятою и пятнадцатою деньгою, сбиравшимися вслѣдствіе Турецкой войны, и бредутъ врозь въ сибирскіе города. Велѣно прислать выборныхъ въ Москву и разспросить, отчего не платятъ. Выборные пріѣхали и объявили, что платить никакъ нельзя сполна. Вслѣдствіе этого, въ 1681 году рѣшено брать стрѣлецкія деньги по новому окладу, передъ прежнимъ съ убавкою 1). Эти стрѣлецкія деньги должны были собирать земскіе старосты съ товарищами и высылать въ Москву съ цѣловальниками. Но вопросъ не считали рѣшеннымъ, хотѣли принять какую-нибудь общую, рѣшительную мѣру, и, чтобъ взяться за дѣло получше, разузнать его пообстоятельнѣе:—въ декабрѣ 1681 года вызвали въ Москву выборныхъ со всего государства, по два человѣка отъ каждаго города, которые должны были привезти съ собою окладныя книги, чтобъ узнать, сколько въ городахъ и волостяхъ лучшихъ, середней статьи и младшихъ людей, и по скольку человѣкъ въ годъ бываетъ во всякихъ службахъ и податяхъ. Въ томъ же 1681 году запрещено было по всей Россіи отдавать на откупъ таможни и кружечные дворы, велѣно имъ быть *на вѣрѣ* 2).

---

[1] Акты историч. V, № 75.—Извѣстія о богадѣльняхъ см. у Берха Царств. Θеодора Алекс. II, 86. Приведенный здѣсь актъ позднѣйшій (по всѣмъ вѣроятностямъ Петровскаго времени)—проектъ, который начинается только указаніемъ на распоряженіе, сдѣланное при царѣ Θеодорѣ, едва ли приведенное къ концу.

[2] Полн. Собр. Зак. № 867.

[3] Дополненіе къ акт. историч. VIII, № 89. Изъ распоряженій патріарха Іоакима замѣчательно слѣдующее. Въ 1677 году патріархъ посылалъ въ Кашинъ двоихъ архіереевъ—Іосифа, митрополита Рязанскаго, и Симона, архіепископа Тверскаго, досматривать мощей княгини Анны, супруги Св. Михаила Тверскаго. (Мощи эти были открыты при Алексѣѣ Михайловичѣ и патріархѣ Іосифѣ, Тверскимъ архіепископомъ Іоною.) Когда архіереи возвратились,—«Слушахомъ соборнѣ досмотру ихъ (извѣщаетъ Іоакимъ), и житіе благовѣрныя княгини Анны, и чудесъ ея, и лѣтописныхъ книгъ, и обрѣтохомъ житіе съ лѣтописцами мѣстами не согласно: 1) Въ житіи Анна названа дочерью боярина Кашинскаго, въ лѣтописцахъ дочерью князя Димитрія Борисовича Ростовскаго. 2) Въ житіи сказано, что былъ съ Михаиломъ въ ордѣ сынъ его Димитрій, въ лѣтописяхъ Константинъ. 3) Въ житіи что усѣченъ мечемъ, въ лѣтописяхъ—что ножемъ въ ребра и т. д. Въ житіи въ трехъ мѣстахъ написано, что мощи никако же тлѣнію причастны, а по смотру въ разныхъ мѣстахъ истлѣша и разрушишася. Въ житіи написано, что тлѣнію не только мощи, но и ризы не причастны быша, а по досмотру все истлѣло. И потому дѣло оставлено впредь до великаго Собора, аще чѣмъ Богъ впредь объявитъ и утвердитъ; гробу стоять запечатану, празднествъ не дѣлать и молебновъ не пѣть, пѣть панихиды, образа взять въ Москву».—Сборникъ Синодал. библіот. № 684.

[4] Полн. Собр. Закон., № 779.

[5] Полн. Собр. Закон., № 837.

Молодой царь какъ будто торопился важными мѣрами, предчувствуя близкую кончину. Въ то время, какъ готовились къ финансовому преобразованію, князь Вас. Вас. Голицынъ, съ выборными изъ разныхъ чиновъ служилыми людьми, по царскому порученію, разсуждали о необходимыхъ ратныхъ преобразованіяхъ. Но понятно, что съ первою мыслію о серьезномъ войсковомъ преобразованіи необходимо соединялась мысль объ уничтоженіи мѣстничества. Давно уже неудачныя войны заставили признать несостоятельность русскаго войска и думать о преобразованіяхъ: выписали иностранныхъ офицеровъ и начали составлять русскіе полки съ новымъ строемъ, съ новыми названіями: но сейчасъ же должны были почувствовать, что новая заплата на ветхомъ рубищѣ мало помогаетъ. Какого, въ самомъ дѣлѣ, успѣха можно было ожидать на войнѣ при такихъ условіяхъ: назначатъ главнаго воеводу, наиболѣе способнаго, къ нему товарищей такъ же способныхъ, и сейчасъ же пойдутъ челобитья, что товарищамъ нельзя быть вмѣстѣ съ воеводою;—надобно или отставить главнаго воеводу и на его мѣсто назначить неспособнаго, но стараго боярина, отецкаго сына, съ которымъ вмѣстѣ быть можно, или отставить товарищей, опять людей способныхъ замѣнить неспособными, но такими, которымъ можно быть съ главнымъ воеводою. Единственный выходъ, къ которому правительство начало прибѣгать со временъ Грознаго,—это объявленіе передъ походомъ: „Быть безъ мѣстъ", объявленіе, что сдѣланныя для этого похода назначенія не будутъ принимаемы въ разсчетъ при мѣстническихъ столкновеніяхъ. При царяхъ Михаилѣ и Алексѣѣ почти всѣ походы были уже безъ мѣстъ, что необходимо пріучало къ мысли, что рано или поздно указъ: „Быть *всегда* безъ мѣстъ"—замѣнитъ повтореніе указа „быть безъ мѣстъ" передъ каждымъ походомъ. Неизбѣжное распространеніе новаго строя и на старые дворянскіе полки было естественнымъ побужденіемъ къ изданію такого указа.

И Турецкая война была ведена и кончилась не такъ, какъ бы хотѣлось; государство содержало болѣе 150,000 одного великороссійскаго войска; но тягость этого содержанія не выкупалась успѣхомъ. Мысль о войсковыхъ преобразованіяхъ поэтому необходимо должна была усилиться. Виднѣе всѣхъ бояръ, доступнѣе всѣхъ новому по своей образованности и между тѣмъ членомъ одного изъ самыхъ знатныхъ родовъ былъ князь Вас. Вас. Голицынъ. Ему-то государь указалъ вѣдать ратныя дѣла для лучшаго своихъ ратей устроенія и управленія, и съ нимъ у того дѣла быть выборнымъ стольникамъ и генераламъ, стольникамъ же и полковникамъ рейтарскимъ и пѣхотнымъ, стряпчимъ, дворянамъ, жильцамъ, городовымъ дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ. Эта, по нашему, *коммисія* назначалась для того: „Вѣдомо великому государю учинилось, что въ мимошедшихъ воинскихъ браняхъ, будучи на бояхъ съ государевыми ратными людьми, непріятели показали новые въ ратныхъ дѣлахъ вымыслы, которыми желали чинить поиски надъ государевыми ратными людьми; для этихъ-то новомышленныхъ непріятельскихъ хитростей надобно сдѣлать въ государскихъ ратяхъ разсмотрѣніе и лучшее устроеніе, чтобъ имѣть имъ въ воинскія времена противъ непріятелей пристойную осторожность и охраненіе, и чтобъ прежде бывшее воинское устроеніе, которое показалось на бояхъ неприбыльно, перемѣнить на лучшее, а которыя и прежняго устроенія дѣла на бояхъ съ непріятелями имѣются пристойны,—и тѣмъ быть безъ перемѣны".

Выборные указали на военное устройство, которое, по ихъ мнѣнію, будетъ прибыльнѣе, а именно: расписать служилыхъ людей по ротамъ; въ ротмистры и поручики назначать изъ стольниковъ, стряпчихъ, дворянъ и жильцовъ, изо всѣхъ родовъ и чиновъ съ головы безъ перемѣны, чтобъ были между собою безъ мѣстъ и безъ подбора, въ какомъ чинѣ великій государь быть укажетъ.—Государь согласился, составлены были списки ротмистрамъ и поручикамъ, но при этомъ выборные объявили: „По государеву указу они, выборные люди, братья ихъ, дѣти и сродники написаны въ ротмистры и поручики; а Трубецкихъ, Одоевскихъ, Куракиныхъ, Репниныхъ, Шеиныхъ, Троекуровыхъ, Лобановыхъ-Ростовскихъ, Ромодановскихъ, и другихъ родовъ въ тѣ чины никого теперь не написано, потому что за малыми лѣтами въ чины они не приказаны;—такъ опасаются они, выборные люди, чтобъ послѣ отъ тѣхъ вышеписанныхъ и отъ другихъ родовъ не было имъ и родамъ ихъ укоризны и попреку. И для совершенной въ ратныхъ, посольскихъ и всякихъ дѣлахъ прибыли и лучшаго устроенія указалъ бы великій государь всѣмъ боярамъ, окольничимъ, думнымъ и ближнимъ людямъ и всѣмъ чинамъ быть на Москвѣ въ приказахъ и полкахъ у ратныхъ, посольскихъ и всякихъ дѣлъ и въ городахъ между собою безъ мѣстъ, гдѣ кому великій государь укажетъ, и впередъ никому ни съ кѣмъ разрядомъ и мѣстами не считаться, разрядные

---

1) Акты Арх. Эксп. IV, № 250. Акты историч. V, № 77.

2) Полн. Собр. Закон., № 899; Акты историч. V, № 83; Собр. гос. грам. I, № 126.

случаи и мѣста отставить и искоренить, чтобы впередъ отъ тѣхъ случаевъ въ ратныхъ и всякихъ дѣлахъ помѣшки не было“.

Голицынъ доложилъ государю объ этомъ челобитьи выборныхъ людей. 12 января 1682 года, Ѳеодоръ назначилъ чрезвычайное *сидѣнье* съ боярами, къ которому были приглашены патріархъ, архіереи и выборные начальники монастырей. Засѣданіе открылось чтеніемъ челобитья выборныхъ людей. Когда чтеніе окончилось, началъ говорить царь; онъ распространился о своихъ обязанностяхъ слѣдовать во всемъ закону и примѣру Христа, заповѣдующаго любовь, потомъ перешелъ къ дѣлу: „Злокозненный плевосѣятель и супостатъ общій, дьяволъ, видя отъ такого славнаго ратоборства христіанскимъ народамъ тишину и мирное устроеніе, а непріятелемъ христіанскимъ озлобленіе и искорененіе, вселялъ въ незлобивыя сердца славныхъ ратоборцевъ мѣстные случаи, отъ которыхъ въ прежнія времена въ ратныхъ, посольскихъ и всякихъ дѣлахъ происходила великая пагуба, а ратнымъ людямъ отъ непріятелей великое умаленіе. Наша царская держава, разсмотря, какъ вредитъ это мѣстничество благословенной любви, какъ искореняетъ миръ и братское соединеніе, надъ непріятелемъ общій и пристойный промыслъ, разрушаетъ усердіе, особенно же какъ мерзко и ненавистно оно Всевидящему Оку, желаемъ, да божественный Его промыслъ, мира и благоустроенія виновникъ, своимъ всесильнымъ повелѣніемъ оное разрушающее любовь мѣстничество разрушить изволитъ и отъ таковаго злокозньства разрозненныя сердца въ мирную и благословенную любовь соединить благоволитъ“. Далѣе государь привелъ примѣры дѣда своего и отца, которые уже заботились объ искорененіи мѣстничества, упомянулъ и о собственныхъ стараніяхъ уничтожить зло, и заключилъ вопросомъ: „По нынѣшнему ли выборныхъ людей челобитью всѣмъ разрядамъ и чинамъ быть безъ мѣстъ, или попрежнему быть съ мѣстами?“

На этотъ вопросъ отвѣчалъ патріархъ сильною выходкою противъ мѣстничества, отъ котораго, „аки отъ источника горчайшаго, вся злая и Богу зѣло мерзкая и всѣмъ вашимъ царственнымъ дѣламъ ко вредительному происходило, и благое начинаніе, яко возрастную пшеницу терніе подавляло и до благополучнаго совершенія къ воспріятію плодовъ благихъ не допускало, и не точію родъ, егда со инымъ родомъ за оное мѣстничество многовременныя злобы имѣлъ, но и въ единомъ родѣ таковое-жъ враждованіе и ненависть содѣвались; и аще бы о всѣхъ тѣхъ противныхъ случаяхъ донести вашему царскому величеству, то-бъ отъ тягости ваша царская ушеса понести сего не могли. Азъ же и со всѣмъ освященнымъ соборомъ не имѣемъ никоея достойныя похвалы принести великому вашему царскому намѣренію за премудрое ваше царское благоволеніе“.

Царь обратился съ вопросомъ къ боярамъ, окольничимъ и думнымъ людямъ; тѣ отвѣчали: „Чтобъ великій государь указалъ учинить по прошенію св. патріарха и архіереевъ, и всѣмъ имъ во всякихъ чинахъ быть безъ мѣстъ для того, что въ прошлые годы во многихъ ратныхъ, посольскихъ и всякихъ дѣлахъ чинились отъ тѣхъ случаевъ великія пакости, нестроенія, разрушенія, непріятелямъ радованія, а между ними богопротивное дѣло—великія продолжительныя вражды“. Послѣ этого отвѣта государь велѣлъ принести разрядныя книги и сказалъ: „Для совершеннаго искорененія и вѣчнаго забвенія всѣ эти просьбы о случаяхъ и записки о мѣстахъ изволяемъ предать огню, чтобъ злоба эта совершенно погибла и впредь не поминалась, и соблазна бы и претыканія никто никакого не имѣлъ. У кого есть разрядныя книги и записки, тотъ пусть присылаетъ ихъ въ разрядъ, мы всѣ ихъ повелимъ предать огню. И отъ сего времени повелѣваемъ боярамъ нашимъ и окольничимъ, и думнымъ, и ближнимъ, и всякихъ чиновъ людямъ на Москвѣ въ Приказахъ и у расправныхъ, и въ полкахъ у ратныхъ и у посольскихъ, и всегда у всякихъ дѣлъ — быть всѣмъ между собою безъ мѣстъ, и впредь никому ни съ кѣмъ никакими прежними случаями не считаться, и никого не укорять и никому ни надъ кѣмъ прежними находками не возноситься“. На это всѣ присутствующіе отвѣчали: „Да погибнетъ во огни оное, богоненавистное, враждотворное, братоненавистное и любовь отгоняющее мѣстничество и впредь да не воспомянется вовѣки!“.

Въ переднихъ дворцовыхъ сѣняхъ разложили огонь—и разрядныя книги запылали. Когда государю дали знать, что книги сожжены, то патріархъ, обратясь къ свѣтскимъ членамъ Думы, сказалъ: „Начатое и совершенное дѣло впредь соблюдайте крѣпко и нерушимо; а если кто теперь или впредь оному дѣлу воспрекословитъ какимъ-нибудь образомъ, тотъ бойся тяжкаго церковнаго запрещенія и государскаго гнѣва, какъ преобидникъ царскаго повелѣнія и презиратель нашего благословенія“. Всѣ присутствующіе отвѣчали: „Да будетъ такъ!“ Государь съ радостнымъ лицомъ сталъ хвалить ихъ за это, и объявилъ, что имъ и потомству ихъ на память велитъ въ разрядѣ держать родословную книгу и въ домахъ своихъ такія родословныя книги могутъ они держать попрежнему. Въ награду имъ онъ велитъ эту родословную книгу пополнить недостающими въ ней именами, для чего велитъ взять у нихъ росписи за руками. Которые княжескіе и иные честные роды при предкахъ его, государевыхъ, и при немъ были въ честяхъ, боярахъ, окольничихъ и думныхъ людяхъ, также и старые роды, которые хотя и не явились въ честяхъ, но съ царствованія Іоанна Васильевича и при его державѣ явились въ посольствахъ, полкахъ и городахъ воеводами и въ иныхъ знатныхъ посылкахъ и у него, великаго государя, въ близости, а въ родословной книгѣ именъ ихъ не написано, и тѣ роды съ явнымъ свидѣтельствомъ написать теперь въ особую книгу. А которые роды въ вышеописанныхъ честяхъ и въ знатныхъ посылкахъ не были, а съ царствованія Михаила Ѳеодоровича и при немъ, государѣ, были въ полковыхъ воеводахъ и въ посланникахъ и въ знатныхъ какихъ-нибудь посылкахъ и въ иныхъ честныхъ чинахъ и въ десятняхъ (въ войсковыхъ спискахъ) въ первой статьѣ написаны, и тѣхъ родовъ имена также написать въ особую книгу со свидѣтельствомъ. А которые въ тѣхъ вышеписанныхъ честныхъ и знатныхъ чинахъ не были, а въ десятняхъ написаны въ средней и въ меньшей статьяхъ, и тѣхъ имена написать въ особую книгу. А кто изъ нижнихъ чиновъ за службы отцовъ своихъ или за свои написаны въ московскіе чины, и тѣхъ имена написать въ особую же книгу по ихъ росписямъ, и быть всѣмъ во всѣхъ чинахъ безъ мѣстъ" [1]).

Быть можетъ, нѣкоторые спросятъ: какъ же это вдругъ сдѣлалось,—легко, безъ всякаго сопротивленія отмѣненъ вѣковой обычай, отмѣненъ безъ малѣйшаго сопротивленія со стороны тѣхъ людей, которые шли въ тюрьму и подъ кнутъ, отстаивая родовую честь,—отмѣненъ не желѣзною волею Петра, но волею слабаго, умирающаго Ѳеодора? На этотъ вопросъ отвѣтимъ вопросомъ же: что можно было возразить на слова царя и патріарха, порицавшихъ мѣстничество? Что можно было привести въ защиту этого обычая? Всякій, *при случаѣ*, считалъ своею обязанностію отстаивать родовую честь, идти для этого въ тюрьму и подъ кнутъ, но при случаѣ, когда онъ зналъ, что слѣдствіемъ этого случая будетъ безчестье, позоръ и укоризны; такъ и въ послѣднемъ случаѣ служилыхъ людей расписали по новому въ разныя войсковыя должности, и они бьютъ челомъ, что члены другихъ родовъ въ эти должности не назначены, такъ не было бы имъ отъ нихъ послѣ безчестья, и лучше всего уничтожить мѣста. Всѣ возставали *при случаѣ*, но за мѣстничество вообще, какъ за что-то полезное и нравственное, никому возставать было нельзя. Возстали съ непреодолимымъ упорствомъ за старыя книги, но потому, что по нимъ молились отцы и дѣды, по нимъ спасались святые угодники и потому, что авторитетъ нововводителей былъ заподозрѣнъ; но нельзя было отстаивать мѣстничество за то только, что предки изъ-за него вовлекались въ богоненавистное, дьявольское дѣло, во вражду Но если такъ, если мѣстничество само въ себѣ ни въ чьихъ глазахъ не могло имѣть никакого оправданія, то почему же его не уничтожили гораздо прежде? На это отвѣчать легко: для всего въ исторіи есть свое время. Вѣковой, окрѣпшій обычай, коренившійся въ господствующей формѣ частнаго союза, формѣ родовой, долженъ былъ существовать до тѣхъ поръ, пока не столкнулся съ новою, высшею, государственною и народною потребностію,—войсковымъ преобразованіемъ, пока это столкновеніе не выказало вреда его очевиднымъ для всѣхъ образомъ. Мѣстничество могло быть уничтожено только въ то время, когда общество заколебалось, тронулось, повернуло на новую дорогу, причемъ корни всѣхъ вѣковыхъ обычаевъ необходимо должны были расшататься,—и вырвать ихъ стало уже легко. Дѣду и отцу Голицыну конечно не приходило въ голову, что внукъ и сынъ ихъ доложитъ царю челобитье служилыхъ людей объ уничтоженіи мѣстничества. Мѣстничество зашаталось и рушилось вслѣдствіе общаго колебанія всего древняго строя, вслѣдствіе поворота къ чужому, западному — это очевидно; во сколько уничтоженію мѣстничества содѣйствовало ослабленіе родоваго союза—этого подмѣтить нельзя; ясно обратное дѣйствіе: уничтоженіе мѣстничества нанесло сильный ударъ родовому союзу въ верхнихъ слояхъ, ударъ, равный тому, какой въ низшихъ слояхъ нанесенъ былъ родовому союзу подушнымъ окладомъ.

Въ подобныя эпохи, какую мы теперь описываемъ, такое важное дѣло, какъ уничтоженіе мѣстничества, не могло стоять одиноко. Отстранивши мѣстничество, какъ препятствіе лучшему устроенію рати, успѣхамъ ея противъ непріятелей, собственно для той же цѣли должны были придти къ мысли, какъ бы покончить съ отжившимъ дружиннымъ началомъ. До сихъ поръ служилое сословіе, несмотря на разныя перемѣны въ его судьбѣ, въ отношеніяхъ его къ государю и землѣ, сохраняло еще основной характеръ дружины, войска. Бояринъ, окольничій, думный дворянинъ, спальникъ, стольникъ, стряпчій и т. д. были ратные люди, которые могли, по временамъ, занимать гражданскія должности, имѣя въ виду преимущественно кормленіе, но при первомъ требованіи садились на коня и спѣшили въ войско. Легко понять, какъ сильно выставилась невыгода такого порядка вещей при возбужденіи вопроса о войсковомъ преобразованіи, о необходимости постояннаго войска, постоянныхъ воеводъ. Но если одни изъ знатныхъ лицъ, наиболѣе къ тому способныя, должны быть постоянно воеводами, то очевидно, что другія, по этому самому, должны будутъ постоянно занимать гражданскія должности. И вотъ, при томъ же государѣ, при которомъ уничтожено мѣстничество, составленъ былъ проектъ объ отдѣленіи высшихъ гражданскихъ чиновъ и должностей отъ военныхъ — знакъ, что Россія начала уже выдвигаться изъ числа государствъ съ первоначальною, простою формацію. По этому проекту о чинахъ, первую степень занимаетъ сановникъ гражданскій—болѧринъ, предстатель и разсмотритель надъ всѣми судіями царствующаго града Москвы, который вмѣстѣ съ двѣнадцатью засѣдателями изъ бояръ и думныхъ людей, долженъ постоянно пребывать въ устроенной къ тому палатѣ и вѣдать, чтобы всякій судья исполнялъ царскаго величества повелѣніе и гражданскій судъ правильно и разсудительно. Вторую степень занимаетъ сановникъ военный — болѧринъ и дворовый воевода, который во время похода долженъ быть при государѣ, охранять послѣдняго, но кромѣ того промышлять о всякихъ воинскихъ околичностяхъ, т.-е. о смѣтѣ ратямъ, устроеніи и приготовленіи оружія и всякихъ хлѣбныхъ и военныхъ запасовъ. Третью степень занимаетъ опять сановникъ гражданскій — бояринъ и намѣстникъ Владимірскій, имѣющій первое мѣсто между намѣстниками, засѣдающими въ Совѣтѣ Государственныхъ Дѣлъ. Четвертую степень занимаетъ военный сановникъ—бояринъ и воевода Сѣверскаго разряда, имѣющій постоянное пребываніе въ Сѣверскѣ; онъ оберегаетъ Польскую (степную) Украйну, имѣетъ у себя многихъ воеводъ и ратныхъ людей всегда въ готовности къ отпору непріятеля. Пятая степень — бояринъ и намѣстникъ Новгородскій: занимаетъ второе мѣсто между титулярными намѣстниками въ Государственномъ Совѣтѣ. Шестая степень — бояринъ и воевода Владимірскаго разряда; всегда пребываетъ во Владимірѣ, устраиваетъ рати конныя и пѣшія, всегда пребываетъ во всякомъ воинскомъ пріуготовленіи и, получивъ государское повелѣніе, идетъ противъ непріятеля съ своимъ разрядомъ, куда потребуется. Седьмая степень — бояринъ и намѣстникъ Казанскій и т. д. Сохранилось любопытное извѣстіе, почему этотъ проектъ не былъ приведенъ въ исполненіе: „Совѣтовали государю палатные бояре, чтобъ въ его царской державѣ, въ Великомъ Новгородѣ, въ Казани, въ Астрахани, въ Сибири и другихъ мѣстахъ быть царскимъ намѣстникамъ великороднымъ болярамъ вѣчно и титла имъ тѣхъ царствъ имѣть. Также и митрополитамъ писаться: митрополитъ Новгородскій и всего Поморія, Казанскій и всего Казанскаго царства. И на сіе дѣло государь изволилъ и тому всему, гдѣ кому быть, тетрадь за помѣтою думнаго дьяка къ св. патріарху прислана, чтобъ онъ на то дѣло далъ благословеніе и въ исполненіи его помогалъ. „Іоакимъ патріархъ еще и многую трудность имѣлъ отъ желающихъ этого палатскихъ подустителей, но никакъ не допустилъ и возбранилъ всеконечно это дѣлать, для того, чтобъ учиненные вѣчные намѣстники великородные люди, по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, обогатясь и пренебрегши Московскихъ царей самодержавствомъ, не отступили и единовластія не разорили“ [1]).

---

[1]) Собр. гос. грам. и дог. IV, № 130.

Наконецъ, въ послѣднее время царствованія Ѳеодорова составленъ былъ проектъ высшаго училища или академіи. При той потребности учиться, которую такъ живо чувствовали въ XVII вѣкѣ лучшіе Русскіе люди, наверху стоящіе, слѣдовательно самые вліятельные, можно только удивляться сначала, почему этотъ проектъ явился такъ поздно, и почему давно не былъ приведенъ въ исполненіе. Но удивленію не будетъ мѣста, когда зададимъ себѣ вопросъ: откуда было взять учителей, когда вспомнимъ, какія были слѣдствія призванія чужихъ учителей въ Москву въ царствованіе Алексѣя. Надобно было ожидать, что постараются устранить затрудненія въ царствованіе образованнаго Ѳеодора, ученика Симеона Полоцкаго; но въ первые годы этого царствованія было не до школъ по малолѣтству царя, по придворнымъ отношеніямъ и вслѣдствіе тяжелой Турецкой войны, поглощавшей все вниманіе. Но когда вздохнули свободнѣе при открывшихся мирныхъ переговорахъ съ Крымомъ и Турціею,—тогда пошла сильная внутренняя дѣятельность: стали думать и объ академіи. Говорятъ, что, возвращеніе съ Востока монаха Тимоѳея, сильно тронувшаго царя разсказомъ о бѣдствіяхъ Греческой Церкви и о печальномъ состояніи въ ней науки. столь необходимой для поддержки Православія, было поводомъ къ устройству небольшаго училища для 30 учениковъ при типографіи; Тимоѳей былъ сдѣланъ его начальникомъ, отыскали въ Москвѣ двухъ Грековъ, которые могли учить своему языку. Но этимъ училищемъ не хотѣли довольствоваться, думали объ академіи, послали къ вселенскимъ патріархамъ просить учителей, испытанныхъ въ Православіи, а между тѣмъ заготовили грамоту царскую, или привилегію, очень важную для насъ потому, что здѣсь объясняется характеръ желаемаго учрежденія и съ тѣмъ вмѣстѣ объясняется положеніе тогдашняго русскаго общества. преимущественно Русской Церкви въ отношеніи къ призываемой наукѣ

Въ началѣ грамоты царь говоритъ, что онъ, вступивъ на престолъ юношею, подобно Соломону, ни о чемъ не хочетъ такъ заботиться, какъ о мудрости, царскихъ должностей родительницѣ и всякихъ благъ изобрѣтательницѣ и совершительницѣ, съ которою всѣ блага отъ Бога людямъ даруются. Какъ Соломонъ устроилъ семь училищъ, такъ и онъ, царь Ѳеодоръ, подражая Соломону и древнимъ Греческимъ царямъ благочестивымъ, намѣренъ устроить въ Заиконоспасскомъ монастырѣ храмы чиномъ академіи „и въ оныхъ сѣмена мудрости, т.-е. науки гражданскія и духовныя, начиная отъ грамматики, піитики, риторики, діалектики, философіи разумительной, естественной и правной, даже, до богословіи, учащей вещей божественныхъ и совѣсти очищенія постановить. При томъ же и ученію правосудія духовнаго и мірскаго и прочимъ всѣмъ свободнымъ наукамъ, ими же цѣлость академіи, сирѣчь училищъ, составляется быти“.

На содержаніе блюстителя этой академіи и учителей даны монастыри: „Спаса въ Китаѣ-городѣ близъ Неглинныхъ воротъ (Заиконоспасскій); Іоанна Богослова въ уѣздѣ Переяславля Рязанскаго, ибо Іоаннъ Богословъ почерпнулъ мудрость небесную отъ Источника премудрости; Андреевскій на Москвѣ-рѣкѣ, ибо этотъ монастырь основанъ Ртищевымъ для ученаго братства; монастырь Даниловъ, также на Москвѣ-рѣкѣ, для пребыванія приходящимъ изъ-за границы ученымъ людямъ, и еще четыре монастыря со всѣми крестьянскими и бобыльскими дворами и со всѣми угодьями; кромѣ того, царь отъ себя далъ Вышегородскую дворцовую волость и десять пустошей въ разныхъ мѣстахъ". Позволено всякому частному лицу жертвовать на пищу и одежду ученикамъ. „Блюститель и учителя должны быть благочестивые и отъ благочестивыхъ родителей рожденные и воспитанные въ Православной Восточной вѣрѣ Россійскаго и Греческаго народа; но изъ Грековъ могутъ быть допущены только тѣ, которые принесутъ отъ вселенскихъ патріарховъ достовѣрное свидѣтельство о крѣпкомъ утвержденіи своемъ въ Восточной вѣрѣ, кромѣ того и въ Россіи они будутъ крѣпко въ вѣрѣ свидѣтельствованы, дабы кто-нибудь изъ нихъ не сдѣлалъ того же, что нѣкогда сдѣлалъ еретикъ Исидоръ, Россійскій митрополитъ. Новообращенные изъ Римской вѣры, также изъ Лютерской, Кальвинской и другихъ ересей не допускаются въ блюстители и учители, потому что они привыкли злохитростнымъ образомъ тайно ереси свои мало-по-малу въ учениковъ вкоренять. Пріѣдутъ изъ Литвы, Малороссіи и другихъ странъ ученые люди и станутъ искать мѣста блюстительскаго или учительскаго, выставляя свое благочестіе, то словамъ ихъ не вѣрить безъ свидѣтельства достовѣрныхъ благочестивыхъ людей, и не ставить ихъ въ блюстители и учители, если бы даже кто изъ нихъ и на письмѣ правду вѣры нашей Восточной утверждалъ, а неправды Римлянъ, Лютеровъ и Кальвинъ обличалъ и укорялъ,—потому что прелестники сначала притворяются совершенно благочестивыми и по благочестію ревнителями крѣпкими, а потомъ мало-помалу развратныя слова всѣваютъ и непорочную цѣлость вѣры нашей терзать начинаютъ. Блюститель и учители должны цѣловать крестъ, что будутъ крѣпко и нерушимо содержать Православную вѣру, охранять и защищать ее отъ всякихъ другихъ вѣръ и ересей. Въ случаѣ нарушенія клятвы, будутъ наказаны по винѣ и лишены чина своего учительскаго, а за хулу на Православную вѣру будутъ сожжены безъ всякаго милосердія: если и покается, будетъ наказанъ и лишенъ чина учительскаго". Въ академію допускаются люди всѣхъ сословій и возрастовъ. Преподаваніе обнимаетъ всѣ незапрещенныя Церковію науки: особенно запрещена магія естественная, и учителей подобной науки вмѣстѣ съ учениками сожигать. „Никто не смѣетъ держать домашнихъ учителей иностранныхъ языковъ, но пусть, если хочетъ, посылаетъ дѣтей своихъ въ академію, въ единое общее училище, ибо отъ домашнихъ учителей, особенно иностранныхъ и иновѣрныхъ, могутъ быть принесены противность нашей вѣрѣ и разногласіе. Если на ученикахъ академіи объявятся долги или иныя какія вины, кромѣ убійственныхъ и другихъ великихъ дѣлъ, то ихъ нельзя подвергать суду до тѣхъ поръ, пока не выйдутъ изъ училища, чтобъ не препятствовать наукѣ. Судятъ ихъ блюститель съ учителями; въ случаяхъ уголовныхъ, ихъ берутъ на судъ общій, но не безъ вѣдома блюстителя. Если блюститель самъ будетъ заподозрѣнъ въ какомъ-нибудь преступленіи, то судится учителями; учитель судится блюстителемъ и учителями. Учителя не могутъ быть принимаемы ни въ какую другую службу безъ вѣдома блюстителя и учителей; за долговременную и ревностную службу учителя получаютъ пенсіи. Если нѣкоторые люботрудные отроки, сего драгоцѣннѣйшаго сокровища, т.-е. мудрости по грамматической хитрости и прочихъ наукъ свободныхъ, какъ изъ нѣдръ земныхъ злата, изъ различныхъ діалектовъ писаній, особенно же Словенскаго, Еллино-Греческаго, Польскаго и Латинскаго, будутъ стараться изыскивать прилежно, то имъ, за ихъ въ наукахъ успѣхи, засвидѣтельствованные блюстителемъ и учителями, отъ великаго государя будетъ достойное мздовоздаяніе; а по окончаніи свободныхъ ученій будутъ пожалованы въ приличные разуму ихъ чины и получать за мудрость свою особенное царское щедрое милосердіе. Ненаучившихся свободнымъ наукамъ въ государскіе чины, въ стольники, стряпчіе и другіе не допускать никого, кромѣ благородныхъ; изъ неблагородныхъ допускаются въ эти чины только за ученіе и за явныя на войнѣ и въ другихъ государственныхъ дѣлахъ заслуги". Всѣ ученые иностранцы, пріѣзжающіе въ Россію, подвергаются испытанію въ академіи, и только вслѣдствіе одобренія ея принимаются въ службу, не получившіе же одобренія изгоняются изъ государства. Академія должна блюсти за тѣмъ, чтобъ въ вѣрѣ противностей, распрей и раздоровъ не являлось отъ противномыслящихъ Православной вѣрѣ. Блюститель долженъ доносить царю о такихъ противникахъ, и послѣднимъ правительство не дастъ состязаться съ блюстителемъ и учителями въ вѣрѣ и церковныхъ преданіяхъ. Списокъ именамъ всѣхъ новообращенныхъ въ Православіе долженъ быть отданъ блюстителю, который наблюдаетъ за ихъ поведеніемъ, и если кто изъ нихъ пошатнется въ новомъ исповѣданіи, такихъ ссылать въ дальніе города, на Терекъ и въ Сибирь. Блюститель и учителя должны такъ же усердно заботиться о томъ, „чтобъ всякаго чина духовные и мірскіе люди волшебныхъ, чародѣйныхъ, гадательныхъ и всякихъ, Церковію запрещенныхъ богохульныхъ и богоненавистныхъ книгъ и писаній у себя не держали, по нимъ не дѣйствовали и другихъ тому не учили. Людямъ неученымъ польскихъ, латинскихъ, нѣмецкихъ, лютерскихъ и кальвинскихъ и прочихъ еретическихъ книгъ у себя въ домахъ не держать; не читать ихъ за неимѣніемъ довольнаго разсужденія и чтобъ не было сомнѣній въ нашей вѣрѣ; нигдѣ никому не имѣть споровъ по этимъ книгамъ и не представлять предлоговъ. Есть такой обычай у прелестниковъ: заведутъ споръ, да и скажутъ, что они это дѣлаютъ не потому, что сомнѣваются въ вѣрѣ и церковныхъ преданіяхъ, но просто для наукотворнаго состязанія. Такія еретическія книги жечь или приносить къ блюстителю и учителямъ. Если какой-нибудь иностранецъ или Русскій обвиненъ будетъ въ хулѣ на Православную вѣру, то отдается на судъ блюстителю и учителямъ, и если обвиненіе окажется справедливымъ, то преступникъ подвергается сожженію. Если какой-нибудь пришлецъ былъ прежде Восточной вѣры, а потомъ приметъ вѣру Римскую или Лютерскую, Кальвинскую или другую какую-нибудь ересь. такой долженъ быть преданъ сожженію; если же кто-нибудь прежде былъ Римской вѣры, а потомъ принялъ Лютерскую,—такой долженъ быть наказанъ градскимъ судомъ и сосланъ въ ссылку. Государственная вивліоѳика на-вѣки предается въ сохраненіе блюстителю училищъ и учителямъ. Издержки построенія училища принимаетъ на себя казна“ [1]).

---

[1]) Архивъ историко-юридическихъ свѣдѣній, изд. Калачевымъ, кн. 1-я. Книга: Икона, рукоп. Румянц. музея.

Изъ этой любопытной привилегіи мы всего яснѣе можемъ видѣть господствующій взглядъ времени на науку, на училище. Необходимость науки, училища сознана, сознана въ интересахъ Церкви: училище свободныхъ наукъ устраивается для поддержки Православія, которое не находитъ для себя этой поддержки на Востокѣ. Но здѣсь надобно поступать съ величайшею осторожностію, ибо наука, училище, учителя, вмѣсто поддержки Православію, могутъ нанести ему ударъ: надобно слѣдовательно набрать учителей испытаннаго Православія, и за учителями обращаются къ вселенскимъ патріархамъ, главнымъ блюстителямъ Православія. Но этого мало: Православіе окружено опасностями,—люди, враждебные ему, люди Римской, Лютерской и Кальвинской вѣры безпрестанно являются въ Москву, ихъ много въ службѣ великаго государя, прелестники будутъ дѣйствовать противъ Православія, не разбирая средствъ, Православію нужно бороться съ ними неусыпно, и главнымъ орудіемъ для этой борьбы будетъ академія. Она уполномочена слѣдить за всѣми движеніями враговъ, и бить всполохъ при первой опасности. Московская академія, по проекту царя Ѳеодора,—это цитадель, которую хотѣла устроить для себя Православная Церковь при необходимомъ столкновеніи своемъ съ иновѣрнымъ Западомъ; это не училище только,—это страшный инквизиціонный трибуналъ; произнесутъ блюстители съ учителями слова: „виновенъ въ неправославіи“,—и костеръ запылаетъ для преступника. И при царѣ Ѳеодорѣ, какъ послѣ, при братѣ его Петрѣ, наука призывалась съ практическою цѣлію: разница въ томъ, что при Ѳеодорѣ она призывалась преимущественно на служеніе Церкви, а при Петрѣ на служеніе государству.

И проектъ финансоваго преобразованія, проектъ отдѣленія гражданскихъ должностей отъ военныхъ, и проектъ академіи остались только проектами. 11 іюля 1681 года у Ѳеодора родился сынъ, царевичъ Илья; но всемірная радость, по тогдашнему выраженію, была непродолжительна: царица Агафія умерла родами (14 іюля). Польскій авторъ не разъ уже приводимаго описанія Московской смуты 1682 года очень лестно отзывается о покойной царицѣ: говоритъ, что она, будучи польскаго происхожденія, много добра принесла царству Московскому, уговоривъ мужа снять позорные женскіе охабни, которые должны были носить ратные люди, бѣжавшіе съ поля сраженія: по ея вліянію начали въ Москвѣ волосы стричь, бороды брить, сабли и кунтуши польскіе носить, школы польскія и латинскія закладывать; велѣно вынести изъ церквей образа, которые каждый прихожанинъ приносилъ и считалъ своими, передъ ними исключительно молился и зажигалъ свѣчи, а другимъ не позволялъ. Эти поступки, продолжаетъ авторъ, хвалили люди, принадлежавшіе къ партіи царя Ѳеодора, напротивъ—порицали приверженцы Матвѣева, говоря, что царь скоро введетъ Ляцкую вѣру, и, женясь на Полькѣ, будетъ такъ же вести себя, какъ Димитрій Самозванецъ, женившись на Маринѣ Мнишекъ.

Царевичъ Илья черезъ шесть дней послѣдовалъ за матерью въ могилу. Начали думать о второмъ бракѣ. Конечно не безъ вліянія Языкова, царь женился на свойственницѣ его [2]), Марѳѣ Матвѣевнѣ Апраксиной, дѣвушкѣ незнатнаго происхожденія (14 февраля 1682 г.), но черезъ два мѣсяца съ половиною послѣ этого брака, 27 апрѣля, Ѳеодоръ скончался на двадцать первомъ году отъ рожденія.

Возмужаніе царя, устраненіе Милославскихъ, приближеніе Языкова, Лихачевыхъ, а потомъ Апраксиныхъ должны были имѣть вліяніе на судьбу двухъ знаменитыхъ дѣятелей прежняго царствованія, Никона и Матвѣева. Мы оставили Никона въ монастырѣ Кирилла Бѣлозерскаго, гдѣ онъ былъ гораздо болѣе стѣсненъ, чѣмъ въ Ѳерапонтовѣ. Но въ Москвѣ и въ самомъ дворцѣ нашлась у него сильная заступница: то была тетка царская, Татьяна Михайловна, старшая лѣтами изъ особъ царскаго семейства, благочестивая и тѣмъ болѣе вліятельная. Царевна Татьяна была всегда привязана къ Никону, и теперь, воспользовавшись обстоятельствами, ослабленіемъ вліянія Милославскихъ и Хитрово, начала внушать племяннику, какъ нехорошо съ его стороны мучить въ тѣсномъ заключеніи человѣка, оказавшаго такія важныя услуги всѣмъ имъ во время морового повѣтрія. Понятно, что въ природѣ и въ памяти Ѳеодора царевна не могла найти сопротивленія своимъ намѣреніямъ. По ея указанію, государь началъ ѣздить въ недостроенный Воскресенскій монастырь (Новый Іерусалимъ), плѣнился мѣстоположеніемъ, величественнымъ, затѣйливымъ планомъ, и не щадилъ издержекъ для довершенія построекъ. Естественно, что въ мѣстахъ, гдѣ все напоминало Никона, и напоминало только съ хорошей стороны, царь не могъ забыть о немъ. Онъ предложилъ патріарху перевести Никона въ Воскресенскій монастырь, но встрѣтилъ въ Іоакимѣ сильное сопротивленіе. Іоакимъ, очень ревнивый къ своей власти и, вслѣдствіе этой ревности, имѣвшій враговъ, не могъ допустить въ сосѣдство къ Москвѣ, къ царю, человѣка, продолжавшаго называть себя патріархомъ, способнаго иногда смириться при ударѣ, но сейчасъ же готоваго поднять голову, какъ только гроза миновала. Нельзя не вспомнить о слухахъ, ходившихъ между современниками, перешедшихъ и къ потомкамъ, которые не считали ихъ вздорными. Есть извѣстіе, что Симеонъ Полоцкій, не уживавшійся съ Іоакимомъ, хотѣлъ употребить Никона орудіемъ для его удаленія, и уговаривалъ своего царственнаго ученика установить въ Россіи четырехъ патріарховъ на мѣстахъ четырехъ митрополитовъ,—въ Новгородѣ, Казани, Ростовѣ и Крутицахъ, послать Іоакима патріархомъ въ Новгородъ, а Никона возвратить въ Москву и назвать папою[1]. Какихъ слуховъ ни распространяли тогда и какимъ слухамъ ни вѣрили? Но и безъ подобныхъ слуховъ, Іоакимъ имѣлъ сильныя причины не желать возвращенія Никона въ Воскресенскій монастырь, а отказъ дать свое согласіе на это могъ быть выраженъ очень благовиднымъ образомъ: „Сверженъ онъ не нами, а великимъ Соборомъ и вселенскими патріархами; мы не можемъ возвратить его безъ ихъ вѣдома; впрочемъ, государь, буди твоя воля“, говорилъ Іоакимъ царю. Созванъ былъ Соборъ для рѣшенія этого дѣла, но Соборъ ничего не рѣшилъ; предсѣдатель Собора былъ противъ, да и между другими отцами не легко было найдти приверженцевъ Никона. Царю осталось утѣшить заточника собственноручнымъ письмомъ.

---

[1] Древн. Росс. Вивліоѳика, т. VI, XVI.

[2] Исторія о невинномъ заточеніи Матвѣева, стр. .07.

Между тѣмъ Никонъ сталъ изнемогать. Кирилловскій архимандритъ извѣстилъ патріарха, что заточникъ при смерти, принялъ схиму, освященъ елеемъ; архимандритъ испрашивалъ особыхъ распоряженій насчетъ похоронъ, гдѣ положить, какъ поминать. Іоакимъ велѣлъ похоронить какъ простого монаха. Но Никонъ и на смертномъ одрѣ не считалъ себя простымъ монахомъ, не думалъ отказываться отъ патріаршества. Въ послѣднемъ письмѣ своемъ къ братіи Воскресенскаго монастыря онъ называетъ себя патріархомъ; въ этомъ письмѣ Никонъ увѣдомляетъ о своей тяжкой болѣзни, приковавшей его къ постели: „А милость великаго государя была, что хотѣлъ меня изъ бѣдности взять, по вашему челобитью, и писалъ,—жаловалъ своею рукою, а нынѣ то время совершилось, а его милостиваго указу нѣтъ, умереть мнѣ будетъ внезапу. Пожалуйте, чада моя, не попомните моей грубости; побейте челомъ еще о мнѣ великому государю, не дайте мнѣ напрасною смертію погинуть, моего житья конецъ приходитъ“. Воскресенскіе монахи подали это письмо государю; онъ показалъ его патріарху, другимъ архіереямъ, умоляя ихъ согласиться на переведеніе умирающаго. Наконецъ, согласились. Никона взяли изъ Кириллова монастыря, съ большимъ трудомъ довезли до рѣки Шексны, гдѣ посадили на стругъ и повезли Шексною, а потомъ Волгою къ Ярославлю. Когда доплыли до Толгскаго монастыря, Никонъ, чувствуя крайнее изнеможеніе, велѣлъ пристать къ берегу, и пріобщился. Послѣ этого стругъ былъ введенъ изъ Волги въ рѣку Которость; здѣсь Никонъ умеръ 17 августа 1681 г., 75 лѣтъ отъ рожденія. Тѣло привезли въ Воскресенскій монастырь, гдѣ похоронили съ большимъ торжествомъ, въ присутствіи царя.

Конечно, не плачевныя челобитныя и ловкія оправданія Матвѣева, а перемѣны придворныхъ отношеній были причиною тому, что участь и Пустозерскихъ заточниковъ въ одно время съ участью Никона, именно въ 1680 году, была облегчена: ихъ перевели въ Мезень. Облегченіе было не очень велико, если судить по новымъ жалобамъ Матвѣева: „А и на Мезень велѣно насъ переволочь отъ Пустоозерскаго и горькослезнаго мѣста, отъ моря къ тому же пустому морю, за тою-жъ тѣснотою и стражею темничною, писалъ Матвѣевъ государю, а и на Мезени намъ тунеядателей нѣтъ; жалованья дано 150 рублей, и того будетъ на день намъ и сиротамъ нашимъ по три денежки, а на одежду намъ твоего государеваго милостиваго указа нѣтъ. А и противникамъ церковнымъ, которые состаны на Мезень, Аввакума жена и дѣти, и тѣмъ жалованья на день по грошу на человѣка, а на малыхъ по три денежки, а мы не противники ни Церкви, ни вашему царскому повелѣнію; плачу, что ветхій сѣдиною, древенъ работами сверстанъ кормомъ съ единолѣтнимъ“. Въ концѣ 1681 года царь Ѳеодоръ помолвленъ на Апраксиной, которая, какъ говорятъ[2], была крестница Матвѣева. Первымъ дѣломъ невѣсты царской было—бить челомъ жениху о крестномъ, и, въ первыхъ числахъ января 1682 года, въ Мезень пріѣхалъ капитанъ Лишуковъ съ указомъ объявить Матвѣеву и сыну его, что царское величество, разсмотря ихъ невинность и бывшее на нихъ ложное оклеветаніе и милосердуя о нихъ, указалъ ихъ изъ-за пристава освободить, московскій ихъ дворъ, подмосковныя и другія вотчины и пожитки, оставшіеся за раздачею и продажею, возвратить, сверхъ того пожаловалъ имъ государь новую вотчину въ Суздальскомъ уѣздѣ село Верхній Ландехъ съ деревнями 800 дворовъ крестьянскихъ, и указалъ отпустить ихъ изъ Мезени въ городъ Лухъ, гдѣ ждать имъ новаго указа. Но этого указа они уже не дождались отъ Ѳеодора[3].

---

[1] Татищева Исторія Россійская, I, стр. 573.

[2] Diariusz Zaboystwa.

[3] Исторія о невинномъ заточеніи Матвѣева, стр. 374.

Глава III.

Московская смута 1682 года.

Побужденіе къ избранію въ цари Петра мимо Іоанна.—Партія Іоанна и ея движенія.—Сцены на погребеніи царя Ѳеодора.—Волненія стрѣльцовъ и солдатъ.—Слабость правительства и разнузданность стрѣльцовъ.—Заговоръ Милославскаго.—Пріѣздъ Матвѣева.—Стрѣлецкій бунтъ.—Двоевластіе и правленіе Софьи.—Неловкое положеніе стрѣльцовъ.—Столпъ на Красной площади для оправданія бунта.—Движеніе раскольниковъ.—Хованскій ихъ поддерживаетъ.—Раскольничья смута 5 іюля.—Стрѣльцы отстаютъ отъ раскольниковъ и дѣло послѣднихъ проиграно.—Продолженіе стрѣлецкихъ волненій.—Отъѣздъ Двора изъ Москвы.—Казнь Хованскихъ.—Призывъ дворянскаго ополченія.—Волненія и ужасъ стрѣльцовъ и солдатъ.—Они просятъ помилованія у царей.—Условія помилованія.—Стрѣльцы признаютъ себя бунтовщиками.—Уничтоженіе столпа на Красной площади.—Возвращеніе Двора въ Москву.—Шакловитый начальникъ Стрѣлецкаго Приказа; его твердость.—Мѣры противъ слѣдствій мятежа.—Смуты въ Малороссіи и на Дону.—Удаленіе опасныхъ стрѣльцовъ изъ Москвы.

Разсказываютъ [1]), что молодая жена Ѳеодора, Марѳа Матвѣевна, употребила всѣ старанія, чтобъ сблизить своего мужа съ мачихою и дѣтьми ея, съ которыми у него до сихъ поръ продолжались *неукротимыя* несогласія. Царица успѣла въ своемъ дѣлѣ; мы видѣли, что она успѣла также выхлопотать переводъ Матвѣева изъ Мезени въ Лухъ, но не въ Москву! Вмѣстѣ съ царицею Марѳою за царицу Наталю, за Нарышкиныхъ и Матвѣева хлопотали сильно Апраксины, Языковъ, Лихачевы. Но почему же Языковъ и Лихачевы такъ поздно начали хлопотать:—они могли сдѣлать это гораздо раньше? Дѣло въ томъ, что раньше не было нужды: большая сила была въ рукахъ Языкова и Лихачевыхъ, зачѣмъ же ею съ кѣмъ нибудь дѣлиться? Царь Ѳеодоръ еще не былъ очень слабъ и была надежда на потомство отъ него. Но вотъ царица и новорожденный царевичъ умираютъ, царь женится въ другой разъ, но это отчаянное средство не помогаетъ: Ѳеодоръ день ото дня становится слабѣе. Языкову, „глубокому московскихъ прежде площадныхъ, потомъ и дворскихъ обхожденій проникателю", нужно стало позаботиться о будущемъ. Послѣ Ѳеодора наслѣдниками останутся два брата: Іоаннъ—больной, слѣпой, слабоумный, и Петръ—здоровый, живой, даровитый десятилѣтній мальчикъ. Стать за Іоанна—какое будущее? много ли царствовалъ Ѳеодоръ? Но Ѳеодоръ еще не всегда нуждался въ опекѣ, а за Іоанна постоянно должны управлять другіе; кто же будетъ управлять: царевна Софья съ Милославскими?—значитъ Языкову и Лихачевымъ надобно готовиться въ путь еще подальше Пустозерска, за Камень, ибо Милославскіе не забудутъ, что у нихъ была отнята власть Языковымъ и Лихачевыми. А съ Нарышкиными и Матвѣевымъ сблизиться легко, содѣйствуя ихъ возвращенію, тѣмъ болѣе-что старой вражды не было.

Большинство знати должно было раздѣлять взглядъ Языкова и Лихачевыхъ относительно престолонаслѣдія. Стать за неспособнаго и недолговѣчнаго Іоанна значило накликать смуту на себя и на Землю, и кому изъ знати охота повиноваться Милославскимъ или тѣмъ, кого возьметъ къ себѣ въ совѣтники царевна Софья? Матвѣевъ же перебивалъ во дворцѣ дорогу Милославскимъ и Хитрово, но всегда почиталъ знатныхъ людей. И надобно замѣтить, что большинство этой знати состояло изъ людей или уже совершенно одряхлѣвшихъ, или неспособныхъ къ видной дѣятельности, и потому довольныхъ, если имъ будетъ почетъ по ихъ роду. Двое изъ старинной знати: князь Василій Васильевичъ Голицынъ и князь Иванъ Андреевичъ Хованскій выдѣлялись изъ ряда,—не были приверженцами Петра. Можно думать, что уже и тогда князь Голицынъ былъ соединенъ съ царевною Софьею сердечнымъ союзомъ и, при ея торжествѣ, съ восшествіемъ на престолъ Іоанна, могъ подняться и играть первенствующую роль. Князь Хованскій, знаменитый (преимущественно своими пораженіями и жалобами на него подчиненныхъ [2]) воевода царя Алексѣя, человѣкъ энергическій, смѣлый, но безъ разсудительности; природа порывистая, безпокойная, заносящаяся, вѣрно очерченная въ народномъ прозвищѣ *Тараруй*. Членъ рода знатнаго, но долго не отличавшагося почетомъ служебнымъ, Хованскій тѣмъ сильнѣе превозносился своимъ происхожденіемъ отъ Гедимина, рѣзче другихъ высказывался противъ новыхъ людей, которыхъ такъ много явилось въ послѣднее время; приверженецъ старины во всемъ, Хованскій былъ сильно недоволенъ этимъ временемъ Пащокиныхъ, Матвѣевыхъ, Языковыхъ, Лихачевыхъ, Нарышкиныхъ, Апраксиныхъ, и съ нетерпѣніемъ ждалъ времени, когда всѣ эти ненавистные для него люди исчезнутъ и ему можно будетъ наконецъ получить достойную его дѣятельность. Кто дастъ ему эту дѣятельность,—къ тому онъ и примкнетъ. Отъ Нарышкиныхъ и Матвѣева Хованскій не ждалъ ничего хорошаго для себя, а слѣдовательно и для Россіи, и потому онъ не былъ приверженцемъ Петра.

Такимъ образомъ, царевны, дочери Милославской, и представительница ихъ—Софья—не могли ждать себѣ подпоры въ членахъ Думы. А между тѣмъ положеніе ихъ было отчаянное: въ началѣ царствованія Ѳеодора онѣ воспользовались своимъ торжествомъ и не пощадили мачихи, ея родныхъ и воспитателя; чего же ждать имъ теперь хорошаго отъ торжества царицы Натальи, Нарышкиныхъ, Матвѣева? Софья и человѣкъ, котораго интересы были сильно связаны съ ея интересами, бояринъ Иванъ Михайловичъ Милославскій, дѣйствуютъ по инстинкту самосохраненія. Орудіями ихъ являются родственники и люди молодые, т.-е. незначительные: стольники—Александръ Милославскій, братья Толстые—Иванъ и Петръ Андреевичи (племянники Ив. Милославскому), два стрѣлецкіе подполковника—Иванъ Цыклеръ, изъ иноземцевъ, и Иванъ Озеровъ, да выборные стрѣльцы: Борисъ Одинцовъ, Абросимъ Петровъ, Кузьма Чермный [1]). Деньгами, богатыми обѣщаніями имъ удалось набрать толпу людей, готовыхъ отстаивать права старшаго царевича на престолъ.

---

[1] Исторія о невинномъ заточеніи Матвѣева, стр. 405.

[2] См. Исторія Россіи т. XII. и дополненіе.

Въ такомъ положеніи были дѣла, когда разнеслась вѣсть о кончинѣ царя Ѳеодора. Вельможи, твердо рѣшившіеся провозгласить Петра, знали или догадывались о движеніяхъ Милославскаго, и потому думали, что при этомъ провозглашеніи можетъ быть дѣло дойдетъ и до ножей. Дядька царевича Петра, князь Борисъ Алексѣевичъ Голицынъ съ братомъ Иваномъ и четверо Долгорукихъ—Яковъ, Лука, Борисъ и Григорій, отправляясь во дворецъ на царское избраніе, поддѣли подъ платье панцыри. На этотъ разъ однако дѣло обошлось безъ смуты. Когда всѣ, по обряду, простились съ покойнымъ царемъ и потомъ одинаково цѣловали руки у обоихъ оставшихся братьевъ его, Іоанна и Петра, патріархъ съ архіереями и вельможами вышелъ въ переднюю и спросилъ: „Кто же изъ двухъ царевичей будетъ царемъ?“ Присутствующіе отвѣчали, что этотъ вопросъ долженъ быть рѣшенъ всѣхъ чиновъ людьми Московскаго государства. Подъ Московскимъ государствомъ, въ тѣсномъ смыслѣ, разумѣли обыкновенно одинъ царствующій градъ: такъ, по крайней мѣрѣ, было понято тутъ. Патріархъ съ архіереями и вельможами вышелъ на крыльцо, велѣлъ всякихъ чиновъ людямъ собраться на площади передъ церковію Спаса, и спросилъ, кому изъ двоихъ царевичей быть на царствѣ. Раздались крики: „Петру Алексѣевичу!“ раздались и другіе крики: „Іоанну Алексѣевичу!“ но были заглушены. Всѣхъ чиновъ люди рѣшили дѣло; патріархъ возвратился во дворецъ и благословилъ на царство Петра.

Но кто же и по какимъ побужденіямъ кричалъ за Іоанна? Современники [2]) сохранили имя одного изъ этихъ крикуновъ, дворянина Максима Сумбулова, и разсказывали слѣдующее о позднѣйшей встрѣчѣ его съ Петромъ. Однажды Петръ, будучи у обѣдни въ Чудовѣ монастырѣ, замѣтилъ, что одинъ монахъ не подошелъ къ антидору; царю показалось это страннымъ; онъ спросилъ, кто этотъ монахъ, и получилъ въ отвѣтъ, что Сумбуловъ. Петръ подозвалъ монаха и спросилъ, отчего онъ не подошелъ къ антидору. „Не посмѣлъ пройти мимо тебя и поднять на тебя глаза“, былъ отвѣтъ. Петръ велѣлъ ему идти къ антидору, и потомъ, подозвавши опять къ себѣ, спросилъ: „Отчего я тебѣ при выборѣ на царство не показался?“ Монахъ отвѣчалъ: „Іуда за тридцать сребренниковъ продалъ Христа, будучи Его ученикомъ; а я твоимъ, государь, ученикомъ никогда не бывалъ, то диво ли, что я тебя продалъ, будучи мелкимъ дворяниномъ, за боярство“ [3])?

Сумбуловъ съ товарищами не успѣли выкрикнуть Іоанна. Петръ былъ провозглашенъ царемъ, т. е. правленіе государствомъ, по извѣстному обычаю, противъ котораго никто не спорилъ, переходило къ матери его, царицѣ Натальѣ. Ненавистная мачиха будетъ правительницею: эта мысль душила Софью: она не могла выдерживать, притворяться, да и никакое притворство теперь не могло помочь. Въ день погребенія царя Ѳеодора она удивила всѣхъ, пошедши за гробомъ въ соборъ, вопреки обычаю, не допускавшему царевенъ участвовать въ подобныхъ церемоніяхъ. Напрасно отговаривали ее, представляли, что негодится, неприлично: Софья никого не послушалась и, говорятъ, обратила на себя вниманіе народа страшнымъ воплемъ. Горе Софьи было непритворное; не притворялись, не сдерживали себя и съ другой стороны; царица Наталья и царь Петръ, простившись съ покойникомъ, возвратились во дворецъ задолго до окончанія службы; за ними послѣдовали и нѣкоторые вельможи. Легко повѣримъ извѣстію, что этотъ поступокъ произвелъ сильное негодованіе на половинѣ царевенъ, изъ которыхъ Анна и Татьяна Михайловны, какъ тетки царскія, пользовались особеннымъ уваженіемъ. Онѣ отправили монахинь къ царицѣ Натальѣ съ выговоромъ: хоронъ братъ, не могъ дождаться конца погребенія! Царица отвѣчала, что Петръ еще ребенокъ, не могъ выстоять такой долгой службы, не ѣвши; а братъ царицынъ, Иванъ Кирилловичъ Нарышкинъ, недавно возвращенный изъ ссылки, сказалъ: „Кто умеръ, тотъ пусть и лежитъ, а царское величество не умиралъ, живъ“. Погребеніе кончилось; Софья возвратилась во дворецъ, и разсказывали, будто она, идя изъ собора и горько плача, обращалась къ народу съ такими словами: „Видите, какъ братъ нашъ царь Ѳеодоръ неожиданно отошелъ съ сего свѣта,—отравили его враги зложелательные; умилосердитесь надъ нами, сиротами, нѣтъ у насъ ни батюшки, ни матушки, ни брата; старшій братъ нашъ Иванъ не выбранъ на царство; а если мы передъ вами или боярами провинились, то отпустите насъ живыхъ въ чужія земли, къ королямъ христіанскимъ". Слова эти произвели сильное впечатлѣніе на народъ [1]).

---

[1]) Записки Матвѣева, въ собраніяхъ Туманскаго и Сахарова.

[2]) Матвѣевъ.

[3]) Голикова—Дѣянія П. В. I, стр. 155.

Но какъ бы ни сильно было это впечатлѣніе, разсчитывать на спокойную безоружную массу было нельзя, и потому обратились къ стрѣльцамъ, уже подготовленнымъ къ движенію. Мы знаемъ, что въ то время, когда сильный, облеченный властію человѣкъ стремился прежде всего кормиться насчетъ слабаго, подчиненнаго, употреблять его на свою личную службу,—жалобы приходили не отъ однихъ посадскихъ, притѣсняемыхъ воеводами, но и отъ служилыхъ людей, притѣсняемыхъ своими воеводами, и потому намъ нисколько не будетъ удивительно, что и стрѣльцы, и солдаты, въ концѣ царствованія Ѳеодора, жаловались на притѣсненія того или другого изъ своихъ полковниковъ. Для стрѣльцовъ притѣсненія были очень чувствительны, потому что они въ свободное отъ службы время жили съ семействами, своими домами, въ особыхъ слободахъ и занимались выгодными промыслами; главная жалоба ихъ на нѣкоторыхъ полковниковъ состояла въ томъ, что они занимали ихъ своими работами и такимъ образомъ отрывали отъ промысловъ. Время было такое въ концѣ царствованія Ѳеодора, что и полковники могли разнуздаться больше прежняго, и стрѣльцы могли своевольничать. Смотря на общее направленіе правительственной дѣятельности, мы не можемъ отказать въ смыслѣ и благонамѣренности людямъ, близкимъ къ царю, Языкову, Лихачевымъ Но мы ни изъ чего не можемъ заключить, чтобъ эти люди обладали особенными талантами, особенною твердостію характера, столь необходимаго для поддержанія порядка во всѣхъ частяхъ управленія: и восхвалители Языкова выставляютъ прежде всего его придворную ловкость и хитрость, а хитрость—орудіе слабаго; притомъ же въ послѣднее время царя Ѳеодора, когда царь видимо угасалъ, Языкову съ товарищи надобно было заботиться прежде всего о самихъ себѣ. До какой степени были слабы духомъ остальные придворные, отъ ближняго боярина до стольника, стряпчаго и жильца,—всѣ эти прирожденные воины, прирожденные воеводы,—всего лучше покажетъ намъ постыдное поведеніе ихъ при стрѣлецкомъ бунтѣ; здѣсь всего лучше высказалась несостоятельность стариннаго дружинно-придворнаго устройства и необходимость преобразованій. Безопасность и порядокъ въ столицѣ основывались на стрѣльцахъ, а Стрѣлецкій Приказъ былъ въ вѣдѣніи стараго боярина, князя Юрія Алексѣевича Долгорукаго. Мы встрѣчались нерѣдко съ Долгорукимъ, какъ съ однимъ изъ самыхъ видныхъ воеводъ царя Алексѣя и однимъ изъ самыхъ близкихъ къ нему людей; но теперь князь Юрій уже былъ развалина отъ старости и паралича; сынъ его и товарищъ по Приказу, князь Михайла, не былъ способенъ заставить уважать себя, и—вотъ полковники притѣсняютъ, а стрѣльцы волнуются, не чувствуя сверху сильной руки, способной сдерживать неправду и волненія.

Стрѣльцы полку Пыжова всѣмъ приказомъ били челомъ государю на полковника своего Богдана Пыжова, что онъ вычиталъ у нихъ по половинѣ денежнаго жалованья; царь велѣлъ разыскать дѣло Языкову. Говорятъ, что Языковъ сдѣлалъ розыскъ несправедливый, повѣрилъ полковникамъ [2]). Не знаемъ, во сколько мы должны вѣрить показанію человѣка, который, по привязанности къ Софьѣ и Милославскимъ, могъ быть враждебенъ Языкову, но вспомнимъ, что для Языкова—„глубокаго дворскихъ обхожденій проникателя"—указать на безпорядки въ Стрѣлецкомъ Приказѣ значило оскорбить начальника Приказа, князя Долгорукаго, такого *столпа!* Какъ бы то ни было, челобитчиковъ стрѣльцовъ, лучшихъ людей, велѣно наказать, чтобъ они впредь не смѣли бить челомъ на полковниковъ: ихъ били кнутомъ и разослали въ ссылки; полковники подняли головы и еще хуже начали обращаться съ рядовыми. 23-го апрѣля стрѣльцы подали новое челобитье на другого полковника Грибоѣдова; но на этотъ разъ, боясь, какъ видно, что опять не захотятъ обидѣть Долгорукаго, пошли по начальству, подали челобитье въ Стрѣлецкомъ Приказѣ чрезъ одного выборнаго. Долгорукому доложили, что принесъ челобитную пьяный стрѣлецъ и наговорилъ много непристойныхъ словъ про него, боярина, и про другихъ [3]). Бояринъ велѣлъ схватить челобитчика и высѣчь кнутомъ передъ съѣзжею избою, чтобъ другимъ впредь было не повадно такъ воровать. Но когда стрѣльца вывели на площадь и прочли ему приговоръ, то онъ закричалъ товарищамъ: „Братцы, вѣдь я по вашему желанію и приговору подалъ челобитную; такъ зачѣмъ же вы теперь позволяете чинить надо мною такое поруганіе!" Стрѣльцы взволновались, бросились на приказныхъ сторожей, смяли ихъ и выручили товарища. Это было знакомъ къ волненію почти во всѣхъ стрѣлецкихъ полкахъ. Солдаты подали въ то же время челобитную на генерала своего, Матвѣя Кравкова. Стрѣльцы били челомъ царю на Грибоѣдова и „хотѣли было бунтовать". Правительство предупредило бунтъ, приказавши Грибоѣдова отставить изъ полковниковъ, отнять вотчины и сослать въ Тотьму.

Въ такомъ положеніи были дѣла, когда умеръ Ѳеодоръ. Въ самый день его смерти, во время присяги Петру, стрѣльцы приказа Карандѣева отказались цѣловать крестъ; къ нимъ отправлены были окольничій князь Константинъ Щербатый, думный дворянинъ Змѣевъ и думный дьякъ Украинцевъ, которымъ удалось уговорить стрѣльцовъ, и они поцѣловали крестъ Петру.

Но на третій же день явилась во дворецъ толпа и отъ имени шестнадцати стрѣлецкихъ полковъ и одного солдатскаго, Бутырскаго, потребовали, чтобъ девять полковниковъ были схвачены и приневолены выплатить деньги, вымученныя у стрѣльцовъ, также деньги за работы, къ которымъ они принуждали стрѣльцовъ, въ противномъ случаѣ грозились промыслить сами о себѣ, перебить полковниковъ, разграбить ихъ домы и животы. „Достанется и другимъ измѣнникамъ“! кричали стрѣльцы: „будетъ намъ терпѣть мученіе отъ полковниковъ и смотрѣть, какъ измѣнники обманываютъ царское величество!“ Подлѣ царицы Натальи не было въ это время ни одного человѣка, который бы могъ найтись въ подобныхъ обстоятельствахъ. Испугались, не знали что дѣлать; рѣшили перехватать обвиненныхъ полковниковъ и посадить подъ караулъ въ Рейтарскомъ „Приказѣ. Но стрѣльцы этимъ не довольствовались: требовали, чтобъ полковники были выданы имъ головами. Правительство не соглашалось, обѣщая само оказать справедливость; стрѣльцы долго упорствовали и едва были уговорены нѣкоторыми вельможами, имѣвшими на нихъ вліяніе, и архіереями; имъ обѣщано, что съ старыхъ полковниковъ взыщутъ всѣ деньги и поставятъ новыхъ[1]. Но, по нѣкоторымъ, чуть ли не обстоятельнѣйшимъ извѣстіямъ[2], правительство такъ испугалось, что согласилось выдать полковниковъ; одинъ патріархъ понялъ весь ужасъ подобной уступки и поспѣшилъ разослать по всѣмъ полкамъ съ увѣщаніями не требовать выдачи.

---

[1]) Diariusz Zabojstwa.

[2]) Медвѣдева—Созерцаніе краткое лѣтъ 7190, 91 и 92. Рукопись князя М. А. Оболенскаго.

[3]) Датскаго резидента Розенбуша: Relation der traurigen Tragedy. См. объ этомъ сочиненіи въ статьѣ: «Библіографическіе отрывки», въ Отеч. Зап. 1858 г. іюнь.

Какъ бы то ни было, полковники должны были заплатить всѣ насчитанныя на нихъ стрѣльцами деньги; съ иныхъ взыскали до 2,000 рублей; тѣхъ же, которые не могли заплатить, держали на правежѣ часа по два. Кромѣ того, нѣкоторые сильно обвиняемые были особенно биты батогами, а Карандѣевъ и Грибоѣдовъ кнутомъ, предъ чѣмъ, по обычаю, читались имъ сказки или объявленіе вины. Семену Грибоѣдову читали: „Били на тебя челомъ великому государю пятидесятники, десятники и рядовые стрѣльцы твоего приказа; ты чинилъ имъ налоги, обиды и всякія тѣсноты; для взятокъ и работъ билъ ихъ жестокими боями, билъ батогами, ругательствомъ, взявши въ руки батога по два, по три и по четыре; на ихъ стрѣлецкихъ земляхъ устроилъ огороды и всякія овощныя сѣмена на этихъ огородахъ велѣлъ имъ покупать на сборныя деньги; на огороды и въ деревни свои на всякія работы посылалъ ихъ, стрѣльцовъ, и дѣтей ихъ, и заставлялъ отвозить туда на ихъ же стрѣлецкихъ подводахъ; неволею заставлялъ ихъ шить себѣ цвѣтное платье, бархатныя шапки, желтые сапоги: изъ государскаго жалованья вычиталъ у нихъ деньги и хлѣбъ, отпускалъ ихъ съ карауловъ; и за то бралъ съ нихъ деньги; деньги, которыя имъ даются на стѣнной караулъ, и запасы изъ дворцовъ ты бралъ себѣ; приказывалъ имъ покупать лѣсъ и всякіе запасы на свое дворовое строенье на сборныя деньги; къ себѣ на дворъ бралъ изъ нихъ деньщиковъ помногу и заставлялъ ихъ работать всякую работу и отходы чистить. Будучи въ походахъ, дѣлалъ имъ также всякія тягости и на подводахъ ихъ возилъ свои запасы. При царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ указано было тебѣ съ великимъ подкрѣпленіемъ никакихъ взятокъ не брать и стрѣльцовъ работать на себя не заставлять, для того тебѣ и дана была деревня въ помѣстье, а ты, забывъ милость великаго государя, стрѣльцовъ обижалъ и билъ ихъ напрасно“[3]. Несмотря на то, что стрѣльцы отказались отъ выдачи имъ полковниковъ головою, они толпились тутъ же на площади при правежѣ и наказаніяхъ, распоряжались; закричатъ: „Довольно!“—и правежъ прекращается. Но, какъ видно, высказывалось сильное неудовольствіе не на однихъ стрѣлецкихъ полковниковъ, а на всѣхъ временщиковъ прошлаго царствованія, и, чтобъ потушить это неудовольствіе, царь положилъ опалу, запретилъ видѣть свои очи боярину Ивану Языкову и сыну его чашнику, Семену, постельничему Алексѣю и казначею Михайлѣ Лихачевымъ, ближнимъ стольникамъ Ивану Языкову и Ивану Дашкову. Но эта мѣра не помогла.

Получивши надъ полковниками свою волю, стрѣльцы разнуздались, не чувствуя надъ собою никакой силы; стали ежедневно собираться многолюдными толпами у своихъ съѣзжихъ избъ; бояръ своихъ, князей Долгорукихъ, ставили ни во что, смѣялись надъ ними, грозили; тѣмъ меньше уже стали они уважать начальниковъ второстепенныхъ: этихъ просто отгоняли отъ своихъ съѣзжихъ избъ, бросали въ нихъ каменьями, палками, бранили непристойными словами; тѣ же изъ начальныхъ лицъ, которыя попробовали строгостію возстановить порядокъ, испытали и похуже: ихъ схватили, взвели на каланчи и сбросили оттуда при крикахъ: „Любо! любо!“ Но, разнуздавшись такимъ образомъ, благодаря совершенной слабости, отсутствію правительства, стрѣльцы должны были чувствовать, что ихъ воля пройдетъ вмѣстѣ съ слабостію правительства и они могутъ дорого поплатиться за эту волю. Съ какою жадностію, слѣдовательно, они должны были прислушиваться къ внушеніямъ, что правительство нечего уважать и нечего ему повиноваться: оно незаконное; пренебрегать такимъ правительствомъ, идти противъ него—это не бунтъ, а заслуга! Одинъ изъ современниковъ говоритъ[4], что вѣсть о стрѣлецкихъ движеніяхъ была для царевны Софьи такъ же радостна, какъ для Ноя масличная вѣтвь, принесенная голубицею въ ковчегъ; но можно сказать, что и внушенія отъ царевны и ея сообщниковъ были для стрѣльцовъ такъ-же масличною вѣтвію. Прежде всего, говорятъ[5], обратился къ стрѣльцамъ Хованскій; слова его, какъ извѣстнаго боеваго воеводы, производили сильное вліяніе. „Вы сами видите", говорилъ Таруруй то одному, то другому изъ стрѣльцовъ, „вы сами видите, въ какомъ вы у бояръ тяжкомъ ярмѣ; теперь выбрали Богъ знаетъ какого царя [1]); увидите, что не только денегъ—и корму не дадутъ, но и работы тяжкія будете работать, какъ прежде работали, и дѣти ваши вѣчными невольниками у нихъ будутъ; а что всего хуже,—поддадутъ и васъ и насъ въ неволю какому-нибудь чужеземному непріятелю, Москву сгубятъ и вѣру Православную искоренятъ". Но не одинъ Хованскій дѣлалъ подобныя внушенія: Иванъ Михайловичъ Милославскій, лежа на постели, притворяясь больнымъ, кипятилъ заговоръ; къ нему по ночамъ приходили выборные стрѣльцы—Одинцовъ, Петровъ, Чермный и толковали о стрѣлецкихъ движеніяхъ вмѣстѣ съ Толстымъ, Цыклеромъ, Озеровымъ. Вдова постельница Θеодора Семенова Родимица, изъ малороссійскихъ казачекъ, съ деньгами и съ щедрыми обѣщаніями отъ царевны Софьи ходила по стрѣльцамъ. Волненіе обхватило всѣ полки, только одинъ Сухаревъ былъ сдержанъ, благодаря пятисотному Бурмистрову и пятидесятнику Борисову. Стрѣльцы собирались ежедневно въ круги, становились подъ ружье безъ полковничья приказа, били въ набатъ, кричали по торговымъ банямъ противъ правительства съ похвальбою: „Не хотимъ, чтобъ нами управляли Нарышкины и Матвѣевъ,—мы имъ всѣмъ шею свернемъ" [2]).

---

[1] «Библіографическіе отрывки», въ Отеч. Зап. 1858 г. іюнь.

[2] Медвѣдевъ. У Медвѣдева не было никакого побужденія хвалить патріарха, и притомъ онъ могъ знать дѣло обстоятельнѣе, чѣмъ иностранецъ Розенбушъ.

[3] Акты арх. эксп., IV, № 254.

[4] Матвѣевъ.

[5] Diariusz Zabojstwa.

Но отъ словъ еще не доходило до дѣла: для этого мало было неопредѣленныхъ обѣщаній всякаго зла со стороны Натальи, всякаго добра со стороны царевны Софьи,—нужно было побужденіе посильнѣе, чтобъ заставить броситься во дворецъ и нерѣшительныхъ, и такихъ, которые были охотники покричать, но робѣли передъ дѣломъ. Заговорщики наверху берегли еще это побужденіе, они дожидались пріѣзда Матвѣева, который первый долженъ былъ пасть подъ стрѣлецкими ударами, потому что одинъ могъ дать силу правительству ненавистной мачихи.

Мы видѣли, что еще при Θеодорѣ Матвѣевъ былъ переведенъ изъ Мезени въ Лухъ, и здѣсь ему велѣно дожидаться дальнѣйшаго указа царскаго; этотъ указъ пришелъ къ нему уже отъ имени царя Петра—ѣхать въ Москву какъ можно скорѣе. Старикъ отправился немедленно; на дорогѣ встрѣтились ему семеро стрѣльцовъ, которые нарочно шли къ нему, чтобъ разсказать о волненіяхъ товарищей и объ опасности, которая грозитъ ему отъ нихъ. Извѣстія стрѣльцовъ заставили Матвѣева еще больше спѣшить: „Уничтожу бунтъ или положу жизнь за государя, чтобы глаза мои на старости лѣтъ большей бѣды не увидали", сказалъ онъ. Въ Троицкомъ монастырѣ и на дорогѣ оттуда Матвѣева ждали почетныя встрѣчи. 12-го мая вечеромъ онъ пріѣхалъ въ Москву; на другой день представился царю и царицѣ, причемъ была „радость неизреченная, что никакое человѣческое писало по достоянію исписати не возможетъ" [3]). 13-го числа Матвѣевъ ѣздилъ къ патріарху и долго разговаривалъ съ нимъ во внутренней келіи; ѣздилъ навѣстить и стараго пріятеля своего, больного князя Юрія Алексѣевича Долгорукаго, и съ нимъ долго разговаривалъ; а между тѣмъ вся знать спѣшила побывать въ домѣ у Матвѣева, въ рукахъ котораго теперь должно было сосредоточиться правленіе; были и выборные стрѣльцы изъ всѣхъ полковъ съ хлѣбомъ и солью, съ просьбою о заступничествѣ, потому что заслуги ихъ ему больше другихъ бояръ извѣстны. Не былъ одинъ Иванъ Михайловичъ Милославскій, сказываясь больнымъ.

У Милославскаго съ товарищами уже все было готово: имъ теперь нужно было спѣшить: Матвѣевъ тутъ, въ Москвѣ,—надобно напасть на него сейчасъ же врасплохъ, не дать осмотрѣться и взять въ искусныя руки правленіе. Ненавистный старикъ не растерялъ въ Пустозерскѣ и Мезени ничего изъ прежней своей ловкости, умѣнья привлекать къ себѣ людей. Какъ онъ умѣлъ принять каждаго, къ нему пріѣзжавшаго, обласкать! Всѣ были въ восторгѣ, даже и тѣ, которые были къ нему не очень расположены. Всѣ надѣялись, что Матвѣевъ укротитъ стрѣльцовъ, укротитъ и Нарышкиныхъ. Были оскорблены непомѣрнымъ возвышеніемъ братьевъ царицы, Нарышкиныхъ, молодыхъ людей, за которыми никто не зналъ никакихъ достоинствъ. Иванъ Кирилловичъ на 23 году былъ пожалованъ въ бояре!—и вотъ пошли слухи, что и бояринъ Артемонъ Сергѣевичъ также недоволенъ быстрымъ возвышеніемъ Нарышкиныхъ [4]). Всѣ были рады Матвѣеву, и потому Милославскому надобно было спѣшить.

15-е мая, роковой день убіенія царевича Димитрія, назначенъ былъ заговорщиками для бунта. По рукамъ у стрѣльцовъ уже ходилъ списокъ *измѣнниковъ*, которыхъ надобно истребить. Утромъ по стрѣлецкимъ полкамъ проскакалъ Александръ Милославскій и Петръ Толстой съ крикомъ, что Нарышкины задушили царевича Ивана, и чтобъ стрѣльцы шли въ Кремль на службу. Стрѣльцы ударили въ набатъ, въ барабаны—и двинулись ко дворцу съ знаменами и пушками. Это было въ понедѣльникъ, въ полдень, когда Матвѣевъ сходилъ съ дворцовой лѣстницы, чтобъ ѣхать домой; но на лѣстницѣ встрѣтилъ его бояринъ князь Θедоръ Семеновичъ Урусовъ и объявилъ, что стрѣльцы и солдаты бунтомъ вошли въ Земляной городъ, скоро будутъ и въ Бѣломъ. Матвѣевъ возвратился наверхъ и донесъ объ этомъ царицѣ. Немедленно отданъ приказъ подполковнику стремяннаго полка запереть всѣ кремлевскія ворота; но уже было поздно; вбѣжало нѣсколько бояръ съ извѣстіемъ, что стрѣльцы приближаются, кричатъ, что царевича Ивана убили Нарышкины, и что они, стрѣльцы, идутъ выводить измѣнниковъ и губителей царскаго рода. Набатъ и барабанный бой раздались по всему Кремлю; стрѣльцы побили многихъ боярскихъ людей и лошадей, а другихъ переранили. Матвѣевъ и другіе ближніе люди, собравшіеся у царицы, послали за патріархомъ, который и явился вмѣстѣ съ посланнымъ, а между тѣмъ положено было вывести къ стрѣльцамъ царя и царевича, и такимъ образомъ отнять предлогъ къ смутѣ. Царица, вмѣстѣ съ патріархомъ и боярами, вывела Петра съ братомъ на Красное крыльцо. Толпа стихла при этомъ зрѣлищѣ. Какъ же это такъ: нѣтъ ли и тутъ обмана? Нѣсколько стрѣльцовъ подставили лѣстницу, взлѣзли на крыльцо къ самому царевичу и спрашивали его: прямой ли онъ царевичъ Иванъ Алексѣевичъ, и кто его изъ бояръ измѣнниковъ изводитъ?—„Меня никто не изводитъ и жаловаться мнѣ не на кого", отвѣчалъ Иванъ.

---

[1]) A jeszcze carem wam obrano strzeleckiego syna z matki. Хованскій указываетъ на происхожденіе Натальи Кирилловны, дочери стрѣлецкаго головы.

[2]) Матвѣевъ и Розенбушъ.

[3]) Исторія о невинномъ заточеніи, стр. 413.

[4]) Розенбушъ.

Это была страшная, рѣшительная минута для заговора. Стрѣльцы обезоруживались. Уйдутъ съ позоромъ изъ Кремля, и въ другой разъ ихъ уже трудно будетъ привести туда на ту же удочку, а между тѣмъ Матвѣевъ приметъ свои мѣры. Начали поджигать толпу отчаянными средствами: кричать, что хотя царевичъ и живъ, но все же пусть выдадутъ его недоброхотовъ, Матвѣева и Нарышкиныхъ; кричали, что Иванъ Нарышкинъ примѣривалъ на себѣ корону и разныя царскія украшенія. Внизъ сошли уговаривать стрѣльцовъ бояре: князь Михайла Алегуковичъ Черкасскій, князь Ив. Андр. Хованскій, Петръ Вас. Шереметевъ Большой, князь Вас. Вас. Голицынъ. Стрѣльцы обратились къ нимъ съ требованіемъ, чтобъ великій государь указалъ имъ выдать бояръ: князя Юрія Алексѣевича Долгорукаго, князя Григ. Григ. Ромодановскаго, князя Мих. Юрьев. Долгорукаго, Кирилла Полуехтовича Нарышкина, Артемона Серг. Матвѣева, Ив. Максим. Языкова, Ив. Кирилл. Нарышкина, постельничаго Алексѣя Лихачева, казначея Михайлу Лихачева, чашника Семена Языкова; думныхъ дьяковъ—Ларіона Иванова, Данила Полянскаго, Григ. Богданова, Алексѣя Кириллова; стольниковъ—Аѳанасья, Льва, Мартемьяна, Ѳедора, Василья, Петра Нарышкиныхъ. Когда имъ сказали, что этихъ людей нѣтъ у государя, то они начали волноваться, на князѣ Черкасскомъ изодрали кафтанъ. Тутъ Матвѣевъ сошелъ съ крыльца за рѣшетку и сталъ уговаривать стрѣльцовъ, припомнилъ ихъ прежнія заслуги: сперва они сами помогали укрощать бунты, а теперь собственнымъ мятежемъ уничтожаютъ всѣ старые подвиги. Тщетно Хованскій, какъ говорятъ, дѣлалъ стрѣльцамъ знаки, чтобъ они бросились на Матвѣева,—стрѣльцы оставались тихи и неподвижны, и просили Матвѣева, чтобъ заступился за нихъ предъ царемъ. Матвѣевъ, довольный оборотомъ дѣла, возвратился наверхъ къ царицѣ. Но заговорщики не дремали: видя, что дѣло не ладится передъ дворцомъ, они направили толпу самыхъ отчаянныхъ стрѣльцовъ изъ сѣней Грановитой палаты на Красное крыльцо, а между тѣмъ и передъ дворцомъ имъ помогъ человѣкъ, на котораго, разумѣется, они меньше всего могли разсчитывать. Князь Михайла Долгорукій, о которомъ не было слышно во все продолженіе страшной смуты, тогда какъ его было дѣло не допускать до этой смуты, теперь, когда стрѣльцы находились въ затруднительномъ положеніи, пришедши по нелѣпому слуху въ Кремль ко дворцу,—и, когда были утишены Матвѣевымъ, теперь князь Михайла вздумалъ разыграть съ ними начальника: съ бранью и угрозами началъ онъ на нихъ кричать, приказывая сейчасъ же убираться изъ Кремля въ свои полки. Ничто не могло такъ раздражить разнуздавшихся стрѣльцовъ, какъ этотъ старый начальническій тонъ и, что было всего хуже, этотъ начальническій тонъ принималъ человѣкъ, котораго они не любили и не уважали, надъ которымъ привыкли смѣяться. Стрѣльцы вышли изъ себя, вломились на крыльцо, схватили Долгорукаго и сбросили его внизъ на подставленныя копья, полумертваго изрубили бердышами. У толпы помутилось въ глазахъ отъ первой крови, а тутъ изъ сѣней Грановитой палаты вбѣгаютъ другіе стрѣльцы и бросаются на Матвѣева. Царица и князь Михаилъ Алегуковичъ Черкасскій хотѣли-было защитить его; но стрѣльцы вырвали у нихъ Матвѣева и сбросили его на площадь противъ Благовѣщенскаго собора; тутъ изрубили его на мелкія части [1]). По другимъ извѣстіямъ [2]), Матвѣевъ, чтобъ защитить себя, схватилъ подъ руку царя Петра, но стрѣльцы вырвали его изъ подъ руки царской. Патріархъ хотѣлъ-было сойти къ стрѣльцамъ внизъ, но ему закричали: „Не нужно намъ ни отъ кого никакихъ совѣтовъ, время разбирать, кто намъ надобенъ",—и, уставя передъ собою копья, бросились во дворецъ искать *другихъ измѣнниковъ*. Наталья Кирилловна, схвативши сына, ушла въ Грановитую палату, и за нею разбѣжались всѣ; неизвѣстно куда попрятались многочисленные царедворцы и вмѣстѣ воины, ежедневно толпившіеся на крыльцѣ и въ передней, а теперь оставившіе дворецъ, Кремль и Москву во власти разсвирѣпѣвшихъ стрѣльцовъ, на которыхъ обыкновенно смотрѣли съ такимъ презрѣніемъ.

Оставшись господами во дворцѣ, стрѣльцы бѣгали всюду по комнатамъ царевенъ: заглядывали подъ кровати, перетряхивали перины, рылись въ чуланахъ, забѣгали въ церкви, въ алтари, ощупывали престолы и жертвенники, тыкали подъ нихъ копьями, думая, что тамъ скрылся кто-нибудь изъ Нарышкиныхъ. Встрѣтили стольника Ѳедора Петровича Салтыкова, приняли его за Аѳанасія Кирилловича Нарышкина и убили; потомъ, увидя ошибку, отвезли тѣло къ отцу, извѣстному намъ боярину Петру Михайловичу Салтыкову, съ извиненіями. Старикъ отвѣчалъ: „Божья воля!“ и велѣлъ угостить убійцъ виномъ и пивомъ. Въ комнатѣ царицы Натальи нашли они карла прозвищемъ Хомяка, и спросили, гдѣ спрятались Нарышкины. Хомякъ указалъ имъ въ сѣнной церкви Воскресенія подъ престоломъ мѣсто убѣжища Аѳанасья Нарышкина; стрѣльцы вытащили его на паперть, разсѣкли и выбросили на площадь. Ивана Ѳомича Нарышкина отыскали въ домѣ его за Москвою-рѣкою и убили; убили и знаменитаго воеводу двухъ послѣднихъ царствованій, князя Григорья Григорьевича Ромодановскаго, на котораго были злы со времени Чигиринскихъ походовъ. Любимецъ покойнаго царя Ѳеодора, бояринъ Языковъ, скрылся-было у духовника своего при церкви Николы на Хлыновѣ, но былъ преданъ холопомъ; стрѣльцы привели его къ Архангельскому собору и изрубили на части. Убили думнаго дьяка, управлявшаго Посольскимъ Приказомъ, Ларіона Иванова, и нѣсколько другихъ, менѣе значительныхъ людей. Всѣ эти убійства сопровождались криками: „Любо ли?“ обращенными къ окружавшему безоружному народу, отъ котораго стрѣльцы требовали одобренія своимъ поступкамъ; надобно было кричать: „Любо!“ и махать шапками; кто же не хотѣлъ кричать „Любо!“ или показывалъ видъ сожалѣнія,—тѣхъ били. Убивши кого-нибудь, волокли въ Спасскія или Никольскія ворота на Красную площадь; передъ тѣломъ шли стрѣльцы, какъ будто для почета, и кричали: „Вотъ бояринъ Артемонъ Сергѣевичъ! вотъ бояринъ князь Ромодановскій, вотъ Долгорукій, вотъ думный ѣдетъ, дайте дорогу!“ Мы видѣли, что стрѣльцы ходили къ старому боярину Салтыкову съ извиненіями, что ошибкою убили сына его. Съ такими же извиненіями явились они и къ больному осьмидесятилѣтнему Долгорукому, что не удержались въ запальчивости, грѣхъ попуталъ, убили сына его, князя Михайлу. Старикъ спокойно выслушалъ ихъ извиненія, у него даже достало духа угостить ихъ виномъ и пивомъ. Но когда убійцы ушли, и къ больному князю вошла невѣстка, вдова убитаго, съ громкими воплями о мужѣ, Долгорукій сказалъ ей въ утѣшеніе: „Не плачь! Щуку-то они съѣли, да зубы остались; не долго имъ побунтовать, скоро будутъ висѣть на зубцахъ по стѣнамъ Бѣлаго и Землянаго города“. Холопъ побѣжалъ за стрѣльцами и объявилъ имъ, что старикъ грозится. Въ ярости воротились стрѣльцы, стащили больнаго Долгорукаго на дворъ, разсѣкли на части, выбросили за ворота въ навозную кучу, и на трупъ положили соленую рыбу.

---

[1]) Матвѣевъ.

[2]) Diariusz Zabojstwa.

Цѣлый день 15 мая прохозяйничали стрѣльцы во дворцѣ и Кремлѣ. Когда смерклось, они разошлись по своимъ слободамъ, но въ Кремлѣ, Китаѣ и Бѣломъ-городѣ оставили крѣпкіе караулы при всѣхъ воротахъ, наказавъ не пускать никого ни въ Кремль, ни изъ Кремля.

16 мая утромъ стрѣльцы съ тѣми же криками, при набатѣ и барабанномъ боѣ, опять явились у дворца съ требованіемъ выдачи Ив. Кир. Нарышкина: въ противномъ случаѣ грозили перебить всѣхъ бояръ. Несмотря на эти угрозы, Нарышкина имъ не выдали, и, подождавъ до часа пополудни, они попрежнему разставили вездѣ свои караулы и ушли изъ Кремля. Ив. Кир. Нарышкинъ съ отцомъ, братьями, родственниками и сыномъ убитаго Матвѣева, Андреемъ Артемоновичемъ, прятались сначала при комнатѣ маленькой царевны Натальи Алексѣевны, а потомъ въ комнатахъ царицы-вдовы Марѳы Матвѣевны; одна только постельница Марѳы, Клушина, знала объ убѣжищѣ несчастныхъ. 17 числа, на разсвѣтѣ, Клушина отвела ихъ въ темный чуланъ, гдѣ они спрятались за перинами и подушками; дверь чулана, по совѣту Матвѣева, нарочно оставили отворенною, для избѣжанія подозрѣній. Стрѣльцы въ третій разъ столпились у дворца съ крикомъ, чтобъ выдали Нарышкина и что на этотъ разъ они безъ него не выйдутъ изъ Кремля. Нѣтъ никакой нужды предполагать непремѣнно, чтобъ Софья и Милославскій съ товарищами не хотѣли успокоиться, пока Иванъ Нарышкинъ былъ въ живыхъ, что они до такой степени были озлоблены выходками молодого человѣка, выдававшагося впередъ изъ всей фамиліи, но не могшаго быть опаснымъ по личнымъ достоинствамъ. Для нихъ одна половина дѣла была сдѣлана—Матвѣевъ убитъ; оставалось сдѣлать другую,—отнять правленіе у мачихи, что легко было теперь сдѣлать при помощи стрѣльцовъ, полновластныхъ господъ въ Москвѣ; еще 16 числа Хованскій спрашивалъ стрѣльцовъ: „Выгнать ли изъ дворца царицу Наталью Кирилловну?“ и получилъ въ отвѣтъ: „Любо, любо“[1])! Другое дѣло стрѣльцы: они пришли ко дворцу по вѣсти о цареубійствѣ; вѣсть оказалась ложною, но для оправданія себя зачинщики кричали, что если преступленіе не сдѣлано, такъ сдѣлается; что во дворцѣ есть измѣнники, истребители царскихъ сѣмянъ, и главный—Иванъ Нарышкинъ, который уже и корону примѣривалъ; убили Матвѣева, противъ котораго не слышалось никакихъ обвиненій въ измѣнѣ; убили ошибкою Салтыкова, убили Долгорукихъ, а главный измѣнникъ живъ! Зачѣмъ же приходили; гдѣ же ихъ служба царскому дому; что выставлять заслугою и оправданіемъ пролитой крови? Понятно, что не для заводчиковъ дѣла, но для цѣлой массы необходимо было получить Нарышкина; только его выдачею мятежъ дѣйствительно могъ упасть, если не умѣли и не хотѣли прекращать его другими средствами. Царевна Софья рѣзко сказала царицѣ Натальѣ: „Брату твоему не отбыть отъ стрѣльцовъ; не погибать же намъ всѣмъ за него!“ Перетрусившіеся бояре со слезами просили царицу выдать брата и тѣмъ избавить ихъ отъ смерти. Дѣлать было нечего: Нарышкина вывели изъ его убѣжища и привели въ церковь Спаса за Золотою

---

[1]) Розенбушъ.

рѣшеткою; здѣсь его исповѣдали, пріобщили, особоровали: по совѣту Софьи, ему дали держать передъ собою образъ Богородицы: быть можетъ убійцы постыдятся святыни. Началось страшное прощаніе сестры съ братомъ, котораго вели на мучительскую смерть. Это прощаніе нѣкоторымъ показалось очень долго. Перетрусившійся старикъ, князь Яковъ Никитичъ Одоевскій, не могъ выдержать, сталъ торопить царицу: „Сколько вамъ, государыня, ни жалѣть, а все уже отдать придется; а тебѣ, Ивану, отсюда скорѣе идти надобно, а то намъ всѣмъ придется погибнуть изъ-за тебя“.

Нарышкинъ вышелъ изъ церкви. Стрѣльцы, какъ только завидѣли его, съ страшнымъ воплемъ кинулись на жертву, но не убили немедленно же, какъ другихъ, а потащили въ Константиновскій застѣнокъ. Другихъ били или по ошибкѣ, или въ пылу гнѣва, или за свои старыя обиды; но Нарышкинъ былъ обвиненъ въ измѣнѣ, въ посягательствѣ на жизнь царевича: стрѣльцы взялись вывести измѣну изъ дворца; измѣнникъ въ ихъ рукахъ,—надобно его пытать; не вытерпитъ мукъ, признается — полное оправданіе возстанію. Но стрѣльцы обманулись въ своей надеждѣ: Нарышкинъ не сказалъ ни слова подъ пыткою. Изъ застѣнка его вытащили на Красную площадь и разсѣкли на части. Наконецъ казнили иностраннаго доктора, Даніила фонъ-Гадена, обвиненнаго въ отравленіи царя Ѳеодора. Гаденъ, заслышавъ бѣду, успѣлъ было въ нищенскомъ платьи уйти изъ Нѣмецкой слободы; двое сутокъ прятался въ Марьиной рощѣ и окрестныхъ мѣстахъ; голодъ заставилъ его возвратиться въ Нѣмецкую слободу, гдѣ надѣялся пріютиться у одного знакомаго и поѣсть чего нибудь; но на улицѣ былъ узнанъ, схваченъ и приведенъ во дворецъ. Здѣсь царевны и царица Марѳа Матвѣевна умоляли стрѣльцовъ пощадить доктора: увѣряли, что онъ совершенно невиненъ въ смерти царя Ѳеодора, что онъ въ ихъ глазахъ самъ прежде отвѣдывалъ всѣ лѣкарства, которыя составлялъ для больнаго государя,—все понапрасну; стрѣльцы кричали: „Это не одно только, что онъ уморилъ царя Ѳеодора Алексѣевича,—онъ чернокнижникъ, мы въ его домѣ нашли сушеныхъ змѣй, и за это надобно его казнить смертію“. Гаденъ находился въ одномъ положеніи съ Нарышкинымъ: на немъ лежали тяжкія обвиненія относительно посяганій на здоровье государево, и его потащили въ тотъ же Константиновскій застѣнокъ на пытку. Стрѣльцы пытали, стрѣлецъ записывалъ пыточныя рѣчи. Гаденъ не вытерпѣлъ мукъ, наговорилъ на себя разныя разности, сталъ просить, чтобъ дали ему три дня сроку и онъ укажетъ тѣхъ, которые больше его достойны смерти. „Долго ждать!“ закричали стрѣльцы, разорвали записку съ пыточными рѣчами, потащили Гадена на Красную площадь и тамъ разрубили на мелкія части.

На другой день, 18 числа, во дворецъ явились стрѣлецкіе выборные изо всѣхъ приказовъ, но уже безъ оружія,—били челомъ великому государю и государынямъ царевнамъ, чтобъ боярина Кириллу Полуехтовича Нарышкина, родного дѣда своего, указалъ великій государь постричь. Просьба была немедленно же исполнена: старика постригли подъ именемъ Кипріана и отослали въ Кирилловъ Бѣлозерскій монастырь. 19 числа—новое челобитье отъ солдатъ, стрѣльцовъ и пушкарей о заслуженныхъ деньгахъ съ 1646 года; выходило, что надобно было имъ заплатить 240,000 рублей, кромѣ того, что имъ пожаловано было по 10 рублей на человѣка. Столько денегъ въ казнѣ, разумѣется, не было; велѣно сбирать со всего государства, брать и посуду серебряную и изъ нея дѣлать деньги. Но стрѣльцы и солдаты этимъ не удовольствовались: били челомъ, чтобъ имѣніе убитыхъ было отдано имъ же. 20 числа еще челобитье: чтобъ великій государь указалъ сослать въ ссылку постельничаго Алексѣя Лихачева, казначея Михайлу Лихачева, окольничаго Павла Языкова, чашника Семена Языкова, думнаго дворянина Никиту Акинѳіева, думныхъ дьяковъ—Богданова и Полянскаго, спальниковъ—Ловчикова и всѣхъ Нарышкиныхъ, Андрея Матвѣева, стольниковъ—Лопухина, Бухвостова, Лутохина. Дворъ былъ очищенъ отъ враждебныхъ Милославскимъ людей, и стрѣлецкія челобитья о казняхъ и ссылкахъ прекратились [1].

Стрѣльцы перестали бунтовать; но правительства не было; въ церквахъ поминали великаго государя Петра Алексѣевича, но не „безсемейной“ матери его было думать о правительствѣ, и съ кѣмъ?—все пряталось и трепетало за собственную безопасность. Правительствомъ должны были овладѣть люди, которые не прятались и не трепетали, а дѣйствовали: Софья съ своими сестрами и приверженцами. Царевны управляли Россіею! Софья выдвинулась сама собою на первый планъ, и никто ей не мѣшалъ: это было единственное лицо изъ царскаго дома, которое хотѣло управлять, и все волею-неволею обращалось къ ней: къ ней обращались и стрѣльцы съ своими просьбами или требованіями, и, разумѣется, Софья спѣшила удовлетворить имъ, раздала имъ деньги, сколько только можно было собрать, посулила впередъ по 10 рублей на человѣка, согласилась дать имъ почетное названіе „надворной пѣхоты“. У надворной пѣхоты не было начальника; начальникомъ ея сталъ, неизвѣстно по чьему указу, князь Хованскій [2]; главнымъ орудіемъ его или руководителемъ былъ стрѣлецъ Алексѣй Юдинъ, раскольникъ, выборный Воробина полка.

Софья управляла на дѣлѣ; но это управленіе надобно было освятить правомъ: Софья управляла во дворцѣ, а въ церквахъ поминали великаго государя царя Петра Алексѣевича. 23 мая Хованскій донесъ царевнамъ, что стрѣльцы прислали выборныхъ: всѣ стрѣльцы и многіе чины Московскаго государства хотятъ, чтобъ царствовали оба брата вмѣстѣ, въ противномъ случаѣ грозятъ опять приходить съ оружіемъ. Царевны послали за боярами, окольничими и думными людьми; тѣ не захотѣли рѣшить такого великаго дѣла одни; созванъ былъ Соборъ: сошлись патріархъ, архіереи и выборные изъ разныхъ чиновъ людей Московскаго государства, т.-е. города Москвы. Мысль, что придутъ опять стрѣльцы, заставила совѣтныхъ людей найти предложеніе двоевластія очень полезнымъ: когда одинъ царь пойдетъ съ войскомъ, то другой останется въ Москвѣ для внутренняго управленія; не стало и за примѣрами исторіи, сходными и несходными, толковали о фараонѣ и Іосифѣ, объ императорахъ Аркадіи и Гоноріи, Василіи и Константинѣ. Рѣшено: быть обоимъ братьямъ на престолѣ. Ударили въ большой колоколъ, въ Успенскомъ соборѣ пѣли молебенъ и возгласили многолѣтіе благочестивѣйшимъ царямъ Іоанну Алексѣевичу и Петру Алексѣевичу. Уже этимъ самымъ возглашеніемъ давалось первенство Іоанну передъ Петромъ; но сочли за нужное выразить это еще опредѣленнѣе, понизить Петра передъ Іоанномъ, чтобъ тѣмъ самымъ понизить царицу Наталью Кирилловну, отнять у нея возможность требовать себѣ правительства. Опять стрѣлецкіе выборные явились съ требованіемъ, чтобъ Іоаннъ былъ первымъ царемъ, а Петръ—вторымъ. Царевны объявили, что выборные говорятъ по внушенію Божію, и 26 мая Дума вмѣстѣ съ патріархомъ и архіереями рѣшила: Іоанну быть первымъ царемъ, а Петру—вторымъ, что̀ и объявлено стрѣльцамъ и всему народу [1]. Стрѣльцовъ кормили во дворцѣ, ежедневно по два полка, и 29 мая они объявили боярамъ, чтобы правительство, по молодости обоихъ государей, было вручено сестрѣ ихъ, царевнѣ Софьѣ Алексѣевнѣ. Началась обычная церемонія: всѣ стали упрашивать Софью принять правительство, та отказываться, наконецъ согласилась.

---

[1] См. приложенія—№ IV.

[2] Медвѣдевъ.

Стрѣльцы пировали во дворцѣ, имъ не было ни въ чемъ отказа: они устроили, налѣпили правительство, которое всѣ признали безпрекословно. А между тѣмъ стрѣльцамъ было что-то неловко. Имъ слышалось дѣйствительно, а можетъ быть и въ воображеніи, что ихъ называютъ бунтовщиками; имъ казалось, что на нихъ косятся. Съ боярами они уже порѣшили, бояре имъ друзьями не будутъ, а между тѣмъ бояре останутся боярами, т.-е. вездѣ начальниками, и будутъ имѣть возможность мстить стрѣльцамъ. Чувствуя это, стрѣльцы, еще во время бунта, обратились къ ближайшему къ себѣ низшему слою народонаселенія, провозгласили вольными холопей, уничтожили кабалы въ Холопьемъ Приказѣ; но, къ ужасу ихъ, холопи не двинулись массою и воли не взяли; да и на что бы они взяли, когда многіе изъ нихъ недавно закабалились добровольно, находя это для себя выгоднымъ? Стрѣльцы надѣлали неистовствъ, напавши врасплохъ на дворецъ, воспользовавшись робостію придворныхъ служилыхъ людей, овладѣли Москвою, благодаря тому, что были вооруженные среди невооруженныхъ; но Москва не Россія, не вся Земля, и что̀, если вся Земля объявитъ себя противъ стрѣльцовъ; что̀, если многочисленные полки служилыхъ людей-помѣщиковъ соберутся подъ Москву очищать ее отъ стрѣльцовъ, какъ нѣкогда очистили отъ Поляковъ? Мирное народонаселеніе Москвы трусило стрѣльцовъ, а стрѣльцы сами страшно трусили, трусили Россіи, и обратились къ сочиненному ими и потому благосклонному къ нимъ правительству съ просьбою защитить ихъ отъ Россіи, оправдать ихъ въ ея глазахъ, объявить, что они 15, 16 и 17 мая сдѣлали хорошее дѣло.

Стрѣльцы, по заводу Алексѣя Юдина, подали челобитную, въ которой соединили свое дѣло съ дѣломъ всѣхъ тяглыхъ людей московскихъ, противопоставивъ ихъ и себя знатнымъ людямъ, синклиту: „Бьютъ челомъ стрѣльцы московскихъ приказовъ, солдаты всѣхъ полковъ, пушкари, затинщики, гости и разныхъ сотенъ торговые люди, всѣхъ слободъ посадскіе люди и ямщики. 15 мая, изволеніемъ Всемогущаго Бога и Пречистыя Богоматери, въ Московскомъ государствѣ случилось побитье, за домъ Пречистыя Богородицы и за васъ, великихъ государей, за мирное порабощеніе и неистовство къ вамъ, и отъ великихъ къ намъ налогъ, обидъ и неправды, боярамъ князь Юрью и князь Михайлѣ Долгорукимъ, за многія ихъ неправды и за похвальныя слова; безъ указу многихъ нашу братью били кнутомъ, ссылали въ дальніе города, да князь же Юрій Долгорукій учинилъ намъ денежную и хлѣбную недодачу. Думнаго дьяка Ларіона Иванова убили за то, что онъ къ нимъ же, Долгорукимъ, приличенъ: да онъ же похвалялся, хотѣлъ нами безвинно обвѣсить весь Земляной городъ, да у него же взяты гадины змѣинымъ подобіемъ. Князя Григорія Ромодановскаго убили за его измѣну и нерадѣніе, что Чигиринъ Турскимъ и Крымскимъ людямъ отдалъ, и съ ними письмами ссылался. А Ивана Языкова убили за то, что онъ, стакавшись съ нашими полковниками, налоги намъ великіе чинилъ и взятки бралъ. Боярина Матвѣева и доктора Данилу убили за то, что они на ваше царское величество отравное зелье составляли, и съ пытки Данила въ томъ винился. Ивана и Аѳанасья Нарышкиныхъ побили за то, что они примѣряли къ себѣ вашу царскую порфиру и мыслили всякое зло на государя царя Іоанна Алексѣевича, да и прежде они мыслили всякое зло на государя царя Ѳеодора Алексѣевича и были за то сосланы И мы, побивъ ихъ, нынѣ просимъ милости — учинить на Красной площади столбъ, и написать на немъ имена всѣхъ этихъ злодѣевъ и вины ихъ, за что побиты; и дать намъ во всѣ стрѣлецкіе приказы, въ солдатскіе полки и посадскимъ людямъ во всѣ слободы жалованныя грамоты за красными печатями, чтобъ насъ нигдѣ бояре, окольничіе, думные люди и весь вашъ синклитъ, и никто никакими поносными словами, бунтовщиками и измѣнниками не называлъ, никого бы въ ссылки напрасно не ссылали, не били и не казнили, потому что мы служимъ вамъ со всякою вѣрностію. А что нынѣ боярскіе люди къ намъ пріобщаются въ совѣтъ, чтобъ имъ быть свободными, то у насъ съ ними пріобщенія никакого и думы нѣтъ“ [1]). Софья согласилась; Цыклеръ и Озеровъ взяли на себя исполнить требованія стрѣльцовъ,—и столбъ воздвигнутъ былъ очень скоро.

---

[1] Медвѣдевъ. Полн. Собр. Зак., № 920; Акты историч., V, № 86; Собр. гос. грам. и дог., IV, № 147.

Софья посредствомъ стрѣльцовъ избавила себя и своихъ отъ страшной бѣды, отогнала ненавистную мачиху отъ правительства и сама стала правительницею. Ей было очень тяжело по смерти брата Ѳеодора, въ будущемъ представлялось еще худшее, и она, въ отчаяніи, по инстинкту самосохраненія, ухватилась за стрѣлецкія копья. Но были еще люди, которымъ было такъ же тяжело, и которые, по указанію Софьи, хотѣли ухватиться за стрѣлецкія копья, чтобъ выдти изъ тяжелаго положенія, дать торжество своему дѣлу. Стрѣльцы избили бояръ, возвратили старшинство старшему царевичу: они сильны поднять и старую благочестивую вѣру, которую гонятъ никоніанцы. На третій день послѣ бунта, въ Титовѣ стрѣлецкомъ полку уже разсуждали о томъ, чтобы изыскать старую Православную вѣру, подать челобитную, чтобъ патріархъ и власти дали отвѣтъ отъ божественнаго писанія, за что̀ они старыя книги возненавидѣли и возлюбили новую Латино-Римскую вѣру. Въ полку не нашлось человѣка, кто бы сумѣлъ сложить челобитную и дать отвѣтъ властямъ; призвали чернослободца изъ Гончарной слободы Семена Калачникова, и стали его спрашивать: „Нѣтъ ли у васъ между посадскими людьми или въ иномъ чину ревнителей старой вѣры, чтобъ были искусны и учены божественному писанію, умѣли бы сложить челобитную о старомъ благочестіи и отвѣтъ дать патріарху и властямъ?“ — „Слыхалъ я отъ своей братьи“, отвѣчалъ Калачниковъ, „что есть такіе божественныхъ писаній сказатели“. Стрѣльцы начали его упрашивать, чтобъ привелъ къ нимъ такихъ. Калачниковъ обѣщался, пошелъ въ свою слободу и разсказалъ въ чемъ дѣло троимъ изъ своихъ—Никитѣ Борисову, Ивану Курбатову и Саввѣ Романову, бывшему прежде келейникомъ у архимандрита Макарьевскаго Желтоводскаго монастыря: „Порадѣемъ“, говорилъ Калачниковъ, „а стрѣльцы сильно хотятъ постоять за старую вѣру“. Чернослободцы порадѣли и отыскали „ревнителя отеческихъ преданій и твердаго адаманта“, монаха Сергія. „Подвигнемся!“ отвѣчалъ имъ Сергій. Подвигнулись, всѣ впятеромъ отправились въ домъ къ Никитѣ Борисову и начали писать челобитную о старой вѣрѣ отъ лица всѣхъ стрѣлецкихъ полковъ и всѣхъ чернослободцевъ. На другой день челобитная была уже готова, и Калачниковъ отправился въ Титовъ полкъ съ радостною вѣстію, что порученіе исполнено. Пятисотенный съ двумя другими стрѣльцами пошелъ съ нимъ къ нему въ домъ, чтобъ посмотрѣть на твердаго адаманта и послушать, какую челобитную сочинили чернослободцы. „Попекитесь, братія“, началъ говорить имъ Сергій: „о столькихъ душахъ, погибающихъ отъ новыхъ книгъ; не дайте насъ въ поруганіе попрежнему, какъ братію нашу, жечь да мучить, а мы готовы обличить ихъ новую вѣру“.—„Готовы, честной отче!“ отвѣчалъ пятисотенный: „готовы съ вами заодно умереть за старое благочестіе, коротко скажемъ,—что̀ будетъ вамъ, то и намъ“. Сергій поклонился ему въ землю и велѣлъ Саввѣ Романову прочесть челобитную. Стрѣльцы пришли въ изумленіе: „Отъ роду не слыхали мы такого слога и такого описанія ересей въ новыхъ книгахъ!“ говорили они. Такое же впечатлѣніе произвела челобитная, когда Савва прочелъ ее въ другой разъ передъ стрѣльцами, собранными у съѣзжей избы; многіе плакали, а когда чтеніе кончилось, всѣ закричали: „Подобаетъ, братія, постоять за старую вѣру и кровь свою пролить за Христа свѣта; за тлѣнное было головы свои положили, за Христа свѣта для чего не умереть!“.

Стрѣльцы объявили Хованскому, что у нихъ готова челобитная. Хованскій, приверженецъ старины во всемъ, былъ извѣстенъ какъ приверженецъ и старой вѣры; ходило преданіе, что онъ даже и страдалъ за нее [2]). Хованскій обрадовался, но спросилъ: „Есть ли, братія, кому отвѣтъ давать властямъ; велико дѣло Божіе сіе, надобно, чтобъ люди ученые были“.—„Есть у насъ инокъ зѣло искусенъ божественному писанію, и посадскіе многіе люди на сіе дѣло тщатся“, отвѣчали стрѣльцы.—„Приведите ихъ всѣхъ ко мнѣ на домъ и сами приходите“, сказалъ бояринъ, и назначилъ время.

Раскольники были съ честію приняты прислугою Хованскаго, но часа три дождались выхода хозяина,—у него были гости. Наконецъ бояринъ вышелъ, и, увидавъ монаха, о которомъ ему такъ много наговорили, поклонился ему до земли, и спросилъ: „Коея ради вины пришелъ ко мнѣ, честный отче?“ Сергій отвѣчалъ, что принесли челобитную съ описаніемъ ересей въ новыхъ книгахъ. „Я и самъ грѣшный“, сказалъ на это Хованскій: „вельми желаю, чтобы по старому было въ Святыхъ церквахъ единогласно и немятежно; хотя и грѣшенъ, но несумнѣнно держу старое благочестіе, чту по старымъ книгамъ и воображаю на лицѣ своемъ крестное знаменіе двумя перстами“. Тутъ Хованскій прочелъ символъ вѣры съ необходимымъ для раскольниковъ прибавленіемъ *истиннаго* къ Духу животворящему, и продолжалъ: „Тако вѣрую и тако проповѣдаю и молю Бога, дабы умилосердился о народѣ христіанскомъ, не далъ до конца погибнуть душамъ христіанскимъ отъ нынѣшней новой никоніанской вѣры“. Хованскій, по обычаю, кончилъ свою рѣчь нѣсколькими текстами: „много изрекъ отъ божественныхъ писаній“. Когда все было изречено, Сергій обратился къ Хованскому съ главнымъ дѣломъ: „Изволь, царскій бояринъ, челобитныя послушать“. Начали читать челобитную, и царскій бояринъ такъ же былъ пораженъ множествомъ ересей въ новыхъ книгахъ, и спросилъ: „Кто писалъ челобитную?“—„Я съ братіею потрудился“, отвѣчалъ Сергій. Но царскій бояринъ получилъ не очень выгодное мнѣніе о твердомъ адамантѣ. „Вижу тебя, отче, инока смиренна и тиха и неродословна, не будетъ тебя съ такое великое дѣло, надобно противъ нихъ человѣку многоглаголивому отвѣтъ держать“. Сергій отвѣчалъ: „Хотя я и не многословесенъ, и не навыченъ клюкамъ ихъ и высокорѣчію, однако надѣюсь на Сына Божія, рече бо: Не вы будете глаголющіи, но Духъ Отца нашего“. Тутъ другіе раскольники, чтобъ дать Хованскому надежду на успѣхъ, объявили ему, что за дѣло возьмется знаменитый Никита, священникъ Суздальскій, хотя отрекшійся сначала отъ раскола, но теперь опять за него ратующій. Хованскій, услыхавъ про Никиту, обрадовался; онъ былъ высокаго мнѣнія о его способностяхъ, думалъ, что православнымъ не устоять противъ него въ спорѣ. „Радъ вамъ, братія, помогать“, говорилъ Хованскій раскольникамъ: „а того и въ умѣ не держите, что по старому васъ казнить, вѣшать и въ срубахъ жечь“. Раскольники начали требовать у него Собора на Лобномъ мѣстѣ передъ всѣмъ народомъ, въ присутствіи государей; а если нельзя на Лобномъ, такъ въ Кремлѣ, межъ соборами, у Краснаго крыльца, и настаивали, чтобъ Соборъ былъ непремѣнно въ слѣдующую пятницу (23 іюня), ибо пятница была освящена старымъ обычаемъ для Соборовъ. Хованскій отвѣчалъ, что нельзя быть Собору въ пятницу, потому что въ воскресенье назначено царское вѣнчаніе государей. „Намъ того-то и хочется“, говорили раскольники, „чтобъ государи вѣнчались въ истинной Православной вѣрѣ, а не въ ихъ Латинской“. Хованскій свидѣтельствовался Богомъ, что цари будутъ вѣнчаться постарому, какъ было заведено со временъ царя Іоанна Васильевича; но раскольникамъ были нужны не одни старые обряды собственно царскаго вѣнчанія, они говорили: „Государи станутъ на литургіи пріобщаться, а литургію-то патріархъ будетъ служить по-новому, да и на вѣнчаніи будетъ государей уговаривать, чтобъ они стояли за новую вѣру“. Хованскому нечего было отвѣчать на это: „Да вѣдь патріарху на царей не кабалу же взять“, сказалъ онъ;—„будь по вашему, Соборъ въ пятницу“. Раскольники ушли отъ него очень довольные.

---

[1]) Акты Арх. Эксп. IV, № 255.

[2]) Аввакумъ говоритъ о немъ (Житіе, стр. 76): Князя Ивана миленькаго Хованскаго и батожьемъ били, какъ Исаію сожгли.

Въ назначенный день, въ пятницу 23 числа, стрѣлецкіе выборные отправились къ Хованскому съ вопросомъ: „Когда, государь, изволишь отцамъ приходить на Соборъ?“ Хованскій отвѣчалъ, что черезъ два часа. Черезъ два часа отцы явились въ Кремлѣ: Никита несъ Крестъ, Сергій—Евангеліе, монахъ Савватій, явившійся на подмогу къ своимъ изъ Волоколамскихъ лѣсовъ, несъ икону Страшнаго Суда. Собралось множество народа, мужчинъ и женщинъ, и всѣ съ удивленіемъ спрашивали другъ друга: „Что это такое?“ Хованскій велѣлъ ввести раскольниковъ въ Отвѣтную палату, вышелъ къ нимъ въ сопровожденіи дьяковъ, подьячихъ и разнаго рода людей, приложился къ Кресту и Евангелію, и спросилъ, какъ будто ничего не зная, зачѣмъ пришли честные отцы. Никита отвѣчалъ, что „пришли они побить челомъ о старой Православной вѣрѣ, чтобъ велѣно было патріарху и архіереямъ служить постарому; а если патріархъ не захочетъ служить постарому, то пусть дастъ отвѣтъ, чѣмъ старыя книги дурны; и зачѣмъ онъ ревнителей отеческихъ догматовъ проклинаетъ и въ ссылку ссылаетъ; зачѣмъ Соловецкій монастырь велѣлъ вырубить и монаховъ перемучить; а мы всякія затѣи и ереси въ ихъ новыхъ книгахъ въ конецъ обличимъ“. Хованскій отвѣчалъ и Никитѣ то же, что прежде Сергію: „Самъ я пою и вѣрую по старымъ книгамъ“. Онъ взялъ у раскольниковъ челобитье, понесъ вверхъ къ государямъ и, возвратившись, сказалъ: „Будетъ противъ вашей челобитной дѣла недѣли на три; патріархъ упросилъ государей отложить до среды, въ среду приходите послѣ обѣда“. Но въ воскресенье царское вѣнчаніе? Никита объ этомъ не забылъ и спросилъ Хованскаго: „Какъ же, государь, изволите царей государей вѣнчать?“—„Я вамъ сказалъ, что будутъ вѣнчать постарому“, отвѣчалъ Хованскій. Но Никита не отставалъ: „Хорошо бы, чтобъ патріархъ и литургію служилъ постарому, на семи просвирахъ, и крестъ бы на просвирахъ былъ истинный, а не крыжъ“. Чтобъ отдѣлаться, Хованскій отвѣчалъ: „Вы велите напечь просвиръ съ старымъ крестомъ; я самъ отнесу ихъ патріарху и велю служить постарому, а ты, отецъ Никита, ступай домой“.

Къ воскресенью нашло еще въ Москву жителей Волоколамскихъ пустынь: отецъ Дороѳей, отецъ Гавріилъ. Радость была большая у раскольниковъ; Никита заказалъ нѣкоей искусной вдовицѣ напечь просвиръ, въ полной надеждѣ, что патріархъ будетъ на нихъ служить литургію. Въ воскресенье онъ взялъ просвиры и съ торжествомъ отправился въ Кремль; но торжество было непродолжительно: толпы народа заливали Кремль, ожидая выхода государей въ соборъ, и Никита никакъ не могъ протѣсниться къ собору. Въ отчаяніи возвратился онъ съ своимъ узелкомъ къ отцамъ: „Простите, отцы святіи, никоими мѣрами народъ не допуститъ до соборной церкви, и я просвиры назадъ принесъ!“ Дѣлать было нечего: роздали просвиры вѣрнымъ благословенія ради.

Между тѣмъ раскольничье дѣло шло не очень удачно въ стрѣлецкихъ полкахъ. Далеко не всѣ приказы были согласны въ томъ, что надобно постоять за старую вѣру. Раскольники приписывали это несогласіе патріарху, который будто бы посылалъ за выборными стрѣльцами, осыпалъ ихъ ласками, поилъ, посылалъ подачи и дары. Чтобъ подвинуть дѣло, въ Титовѣ полку рѣшили выбрать старыхъ стрѣльцовъ, посылать ихъ по приказамъ съ челобитною и уговаривать подписываться подъ нею. Подписались девять приказовъ, да десятые пушкари; но въ остальныхъ десяти приказахъ всталъ сильный споръ и брань; одни хотятъ подписываться, другіе не хотятъ, говоря: „Зачѣмъ намъ руки прикладывать?—мы отвѣчать противъ челобитной не умѣемъ, а если руки приложимъ, то и отвѣтъ должны будемъ давать противъ патріарха и архіереевъ; старцы сумѣютъ ли противъ такого Собора отвѣчать? Они намутятъ тутъ, да и уйдутъ. Все это дѣло не наше, а патріаршее; мы и безъ рукоприкладства рады тутъ быть, стоять за Православную вѣру и смотрѣть правду, а постарому не дадимъ жечь и мучить“.

Такимъ образомъ и стрѣльцы далеко были не всѣ за расколъ. Несмотря на то, длинную челобитную на 20 столбцахъ написали отъ имени всѣхъ православныхъ христіанъ, и 3 іюля выборные стрѣлецкіе отправились къ Хованскому съ вопросомъ, когда отцамъ приходить на Соборъ. Но до Хованскаго уже дошли слухи, что между стрѣльцами волненіе по раскольничьему вопросу, несогласія; онъ вышелъ къ выборнымъ и спросилъ именемъ царскимъ: „Всѣ ли вы полки заодно хотите стоять за Православную вѣру?“ Выборные отвѣчали: „Всѣ полки и чернослободцы ради стоять за старую Православную христіанскую вѣру!“ Еще два раза Хованскій повторилъ свой вопросъ и получилъ отвѣтъ: „Не только стоять, но и умереть готовы за вѣру Христову!“ Тогда Хованскій отправился вверхъ, къ государямъ, т.-е. къ царевнѣ, и передалъ отвѣтъ выборныхъ Рѣшено было, чтобъ онъ шелъ съ ними къ патріарху. Вмѣстѣ съ Хованскимъ и выборными пошли туда же и ревностные раскольники изъ посадскихъ. Хованскій пошелъ къ патріарху въ Крестовую, а выборные и посадскіе дожидались въ сѣняхъ. Выборныхъ позвали на патріаршій погребъ, угостили: они возвратились оттуда пьяные въ сѣни, и посадскіе съ ужасомъ увидали, что на нихъ плохая надежда. Когда Хованскій велѣлъ наконецъ ввести всѣхъ въ Крестовую, то выборные начали кричать ревнителямъ: „Увидимъ, какъ-то вы станете отвѣчать патріарху и властямъ!“ Вышелъ патріархъ: выборные пошли къ нему подъ благословеніе, но посадскіе ревнители не двинулись. Патріархъ спросилъ: „Зачѣмъ, братія, пришли къ нашему смиренію, и чего отъ насъ требуете?“ Отвѣчалъ Хованскій: „Пришли, государь, къ твоему благословенію всякихъ чиновъ люди побить челомъ о исправленіи Православной вѣры, чтобъ служба была въ соборной церкви по старымъ книгамъ“.

Наступило продолжительное молчаніе. Хованскій обратился къ стрѣльцамъ и велѣлъ имъ говорить. Началъ Алексѣй Юдинъ: „Мы пришли, святѣйшій патріархъ, къ твоему благословенію, за что старыя книги отринуты и какія въ нихъ ереси обрѣтаются, чтобы намъ про то вѣдомо было“. Патріархъ отвѣчалъ: „Чада моя и братія! Вамъ не подобаетъ судить и простого человѣка, кольми наче архіерея. Вы просто чина воинскаго, вамъ это дѣло не за искусъ. Я пастырь, а не наемникъ, дверьми вошелъ, а не чрезъ ограду, не самъ я на себя такую тяготу восхитилъ или накупился на Апостольскій престолъ, избранъ повелѣніемъ великаго государя и всего освященнаго собора благословеніемъ. Хотя я и недостоинъ, но пастырь, и потому вы должны мнѣ повиноваться. Вмѣсто того вы намъ прекословцы и непослушники являетесь; вы порицаете нашу вѣру, Никона патріарха называете еретикомъ, а онъ еретикомъ не былъ; если изверженъ, то за свое безчиніе: никакого повреждения въ вѣрѣ онъ у насъ не сдѣлалъ; исправленія, какія сдѣланы въ книгахъ, и троеперстный крестъ введенъ по утвержденію святѣйшихъ патріарховъ, не сами мы все это завели отъ себя, но отъ божественныхъ писаній исправили“.

Отвѣчать патріарху, разумѣется, могли не стрѣлецкіе выборные. Съ отвѣтомъ выступилъ ревнитель изъ посадскихъ, Павелъ Даниловецъ. У этихъ ревнителей наболѣло одно мѣсто: въ стрѣлецкихъ слободахъ, у Хованскаго, вездѣ толковали они о своихъ гоненіяхъ, требовали, чтобъ ихъ не выдали, впередъ не жгли и не мучили. Теперь они лицомъ къ лицу съ патріархомъ и архіереями, которыхъ считали главными своими гонителями. „Правду говоришь, святѣйшій владыка“, началъ Павелъ, „что вы на себѣ Христовъ образъ носите; но Христосъ сказалъ: „Научитеся отъ Мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ“, а не срубами, не огнемъ и мечемъ грозилъ; велѣно повиноваться наставникамъ, но не велѣно слушать и ангела, если не то возвѣщаетъ. Что за ересь и хула двумя перстами креститься:—за что тутъ жечь и пытать?“

Патріархъ отвѣчалъ: „Мы за крестъ и молитву не жжемъ и не пытаемъ; жжемъ за то, что насъ еретиками называютъ и не повинуются Св. Церкви, а креститесь, какъ хотите“. Противъ этого возражать было нечего; раскольники очень хорошо знали, что если бы прекратилось гоненіе и имъ позволяли свободно молиться, какъ хотятъ, то они все же не перестали бы враждовать къ Церкви, считая ее неправославною; раскольники требовали отъ духовенства, чтобъ оно не преслѣдовало ихъ какъ еретиковъ, но сами не принимали на себя обязательства не смотрѣть на духовенство какъ на еретическое. Павелъ долженъ былъ перемѣнить разговоръ о гоненіяхъ и начать споръ объ искаженіяхъ книгъ, о Никонѣ и Арсеніи,—извѣстный безконечный споръ, продолжающійся и теперь по праздникамъ въ Московскомъ Кремлѣ. Когда споръ прекратился и Хованскій съ выборными пошелъ къ патріарху подъ благословеніе, подошелъ и Павелъ, но требовалъ, чтобъ патріархъ благословилъ его постарому; патріархъ не согласился, и Павелъ ушелъ безъ благословенія. Хованскій поцѣловалъ его въ голову и сказалъ: „Не зналъ я, малый, тебя до сей поры“ [1]. Соборъ былъ назначенъ 5-го іюля въ среду.

Между тѣмъ раскольники не тратили времени: проповѣдывали громко по улицамъ и площадямъ. На Красной площади простой народъ, мужчины и женщины, собирались толпами и толковали о старой вѣрѣ, причемъ люди, жаловавшіеся на гоненіе и взывавшіе къ кротости и смиренію Христову, не замедлили обнаружить свою кротость и смиреніе: вышелъ на площадь православный священникъ Савва, извѣстный своею школьною ученостію, началъ доказывать, что должно креститься тремя перстами, и сильно возставалъ противъ раскола,—обличаемые побили обличителя; сильно досталось также монаху Чешихѣ, говорившему противъ раскола у Москворѣцкихъ воротъ [2].

5-го іюля, въ среду, чѣмъ свѣтъ, пришли стрѣлецкіе выборные къ Никитѣ и монахамъ и объявили: „Мы объ этомъ дѣлѣ боярину уже не станемъ докладывать, потому что они опять станутъ просить сроку; но какъ только мы вамъ дадимъ знать, такъ и ступайте“. Чрезъ нѣсколько времени дали знать, и раскольники начали собираться; отпѣли молебенъ, благословились у отца Никиты, взяли Крестъ, Евангеліе, образъ Богородицы, Страшнаго Суда, старыя книги, зажгли свѣчи и отправились въ Кремль. Огромная толпа народа прорвалась съ ними туда же; давка была страшная; въ толпѣ слышались похвалы раскольничьимъ монахамъ, ихъ стариннымъ клобукамъ, надвинутымъ на глаза, ихъ постническому виду: „Не толсты брюха-то у нихъ, не какъ у нынѣшнихъ новаго завѣту учителей!“ Раскольники расположились у Архангельскаго собора, разставили налои, разостлали на нихъ пелены, разложили Крестъ, Евангеліе, образа, зажгли свѣчи. Патріархъ съ духовенствомъ въ это время былъ въ Успенскомъ соборѣ, гдѣ со слезами служилъ молебенъ: происшествіе съ Саввою и Чешихою мало обѣщало ему хорошаго. По окончаніи молебна, патріархъ ушелъ къ себѣ домой, а къ народу выслалъ Верхоспасскаго протопопа Василія съ печатнымъ обличеніемъ на Никиту, какъ онъ прежде раскаивался передъ Соборомъ въ раскольническихъ заблужденіяхъ. Дрожа отъ страху, протопопъ началъ читать обличеніе, стоя противъ угла Грановитой палаты; но стрѣльцы схватили его, заушили и потащили къ раскольникамъ, тетрадь хотѣли изорвать; но монахъ Сергій вступился: „Зачѣмъ его бить?“ сказалъ онъ, „вѣдь онъ не самъ собою пришелъ,—посланъ патріархомъ, пусть дочитываетъ“. Но толпа взволновалась, хотѣла протопопа камнями побить; за шумомъ нельзя было ничего разслышать, что онъ читалъ. Тогда Сергій сказалъ ему: „Что всуе трудишися? видишь, никто не слушаетъ“. Толпа требовала, чтобъ Сергій поучилъ ее отъ божественныхъ писаній, какъ избѣжать прелести Никоніанскія. Принесли скамью. Сергій воссшелъ на нее, и сталъ читать соловецкія тетрадки, о крестномъ знаменіи, о крыжѣ, о жезлахъ, о просвирахъ и обо всемъ церковномъ премѣненіи. Окружающіе слушали съ сложенными руками, вздыхали глубоко, нѣкоторые и плакали; но отцамъ приходилось плохо, потому что ихъ страшно тѣснили со всѣхъ сторонъ. Сергій пересталъ читать соловецкія тетрадки, но толпа кричитъ: „Скажи намъ еще, Господа ради, отъ божественныхъ писаній, чтобъ намъ душами нашими не погибнуть“. Сергій изнемогъ, третій день ничего не ѣлъ: „Возьми, читай ты!“ говорилъ онъ Саввѣ Романову: но тотъ назадъ: „Не мое это дѣло, а ваше, вы на это и званы“.

Между тѣмъ во дворцѣ происходили также любопытныя сцены. Когда отцы расположились у Архангельскаго собора, стрѣлецкіе выборные отправились вверхъ къ Хованскому спросить, когда изволитъ быть Собору. Хованскій пошелъ къ патріарху съ этимъ вопросомъ; Іоакимъ отвѣчалъ, что пусть раскольники идутъ въ Грановитую палату, потому что тамъ хотятъ быть царица и царевны, а на площади передъ народомъ быть имъ зазорно. Съ этимъ отвѣтомъ выборные отправились къ отцамъ; но когда отцы передали его народу, въ толпѣ закричали: „Отчего патріархъ не хочетъ передъ народомъ свидѣтельствовать о божественномъ писаніи; подобаетъ Собору здѣсь быть, а въ палатѣ нельзя по множеству народа; въ народѣ смятеніе: одни хвалятъ старую вѣру, а другіе новую; надобно это сомнѣніе и мятежъ въ душахъ христіанскихъ разрѣшить; вы, отцы святые, въ палату не ходите; царевнамъ нечего тутъ дѣлать; надобно тутъ быть царямъ государямъ, а не царевнамъ“. Отцы сказали выборнымъ: „Пусть патріархъ свидѣтельствуетъ книги передъ всѣмъ народомъ, а мы въ палату нейдемъ“. Выборные пересказали этотъ отвѣтъ Хованскому, который сталъ уговаривать Софью исполнить требованіе народа, но Софья никакъ не соглашалась выслать патріарха съ духовенствомъ на площадь послѣ недавнихъ сценъ насилія; тогда Хованскій началъ настаивать, чтобъ и въ Грановитой палатѣ никто не присутствовалъ изъ особъ царскаго дома; онъ стращалъ новымъ стрѣлецкимъ бунтомъ, прямо говорилъ, что если государи будутъ въ Грановитой вмѣстѣ съ патріархомъ, то имъ не быть живымъ. Но Софья имѣла сношенія съ стрѣльцами, была увѣрена, что у нихъ и въ мысли нѣтъ о бунтѣ, и потому спокойно отвѣчала Хованскому: „Буди воля Божія, но я не оставлю Св. Церкви и ея пастыря“. Не успѣвши напугать Софью, Хованскій началъ говорить боярамъ: „Просите ради Бога царевну, чтобъ она не ходила въ Грановитую съ патріархомъ, а если пойдетъ, то при нихъ и намъ быть всѣмъ побитымъ“. Напуганные бояре бросились умолять Софью не ходитъ въ Грановитую, но она и ихъ не послушала, и послала сказать патріарху, чтобъ шелъ съ знатнѣйшимъ духовенствомъ въ Грановитую, только не чрезъ Красное крыльцо, гдѣ могла быть опасность отъ изувѣровъ, а по ризноложенской лѣстницѣ. Патріархъ, видя бѣду, изъ которой не думалъ выйдти живымъ, пошелъ со слезами въ Грановитую, а древнія книги греческія и славянскія велѣлъ нести черезъ Красное крыльцо, чтобъ народъ видѣлъ, какія средства имѣетъ Церковь противъ своихъ мятежниковъ. Въ то время, какъ мужчины трепетали при входѣ въ Грановитую, три женщины добровольно вызвались идти туда вмѣстѣ съ Софьею: царица Наталья Кирилловна и двѣ царевны, Татьяна Михайловна и Марья Алексѣевна. Послѣ совѣщанія у царевенъ и царицы съ патріархомъ, рѣшено было призвать раскольниковъ въ Грановитую только для прочтенія челобитной.

---

[1] Челобитная Московская Саввы Романова, по рукописи моей библіотеки.

[2] Челобитная Московская Саввы Романова, по рукописи моей библіотеки, и Медвѣдевъ. Савва Романовъ говоритъ, что эти поступки народа, какъ онъ выражается, нагнали страхъ на архіереевъ и нѣкоторые изъ нихъ начали благословлять постарому. «И благовѣрная царица Наталья Кирилловна прислала нарочно къ вѣрующимъ, чтобы Соборъ былъ на Лобномъ мѣстѣ, и были тутъ цари государи, да и меня просили на Соборъ. А въ соборную церковь, чтобы не ходили, хотя съ великимъ моленіемъ будутъ просити. И о томъ присылала трижды, чтобы въ церковь и въ Грановитую палату не ходили».

Съ этимъ рѣшеніемъ отправился къ *отцамъ* самъ Хованскій. Помолившись предъ Крестомъ, Евангеліемъ и образами, и поклонившись *отцамъ*, онъ объявилъ имъ, чтобъ шли въ Грановитую палату. „Никакого вамъ зла не будетъ“, говорилъ онъ, „потому что царевны хотятъ тутъ же слушать челобитную, а здѣсь имъ быть зазорно. Собору и свидѣтельству божественныхъ писаній сегодня быть некогда, это дѣло великое, а теперь на дворѣ уже поздно; только выслушаютъ царевны и царица вашу челобитную, и отпускъ вамъ будетъ“. Отвѣчалъ Сергій: „Государь царскій бояринъ! мы въ палату идти боимся, чтобъ какого-нибудь вымысла и коварства надъ нами не было попрежнему: изволилъ бы патріархъ это дѣло предъ всѣмъ народомъ свидѣтельствовать, а въ палатѣ столько народу не помѣстится; знаю, что однихъ насъ пустятъ, а изъ народа никого не пустятъ, а намъ безъ народа что тамъ дѣлать?“—„Всѣмъ можно будетъ идти въ палату, кто хочетъ ступай“, говорилъ Хованскій; „если уже вы, отцы святые, на мою душу грѣшную во всемъ положились, такъ вѣрьте мнѣ и теперь; цѣлую вамъ Крестъ, клянусь кровію Христовою, что вамъ никакого зла не будетъ; а если что будетъ, такъ и мнѣ то же, что вамъ“. Тутъ сказалъ Никита: „Отецъ Сергій! я ему вѣрю“.—„Ну, хорошо!“ отвѣчалъ Сергій. Хованскій пошелъ во дворецъ, наказавши раскольникамъ, чтобъ безъ него не ходили. Возвратившись во дворецъ, Хованскій еще разъ попробовалъ напугать Софью, чтобы не была вмѣстѣ съ патріархомъ въ Грановитой, но Іоакимъ объявилъ, что безъ государей къ народу въ Грановитую палату не пойдетъ, а Софья сказала рѣшительно, что не покинетъ патріарха. Тогда Хованскій послалъ выборныхъ къ отцамъ, чтобъ шли наверхъ.

Раскольники двинулись съ Крестомъ и Евангеліемъ, образами, налоями, свѣчами. Хованскій, сдерживая данное слово, велѣлъ всѣхъ ихъ пустить въ палату, а православныхъ священниковъ и мірянъ пускать не велѣлъ, иныхъ даже велѣлъ отогнать побоями 1). По раскольничьему разсказу 2), дѣло объясняется такъ: что, идя на Красное крыльцо, раскольники столкнулись съ священниками, рванувшимися навстрѣчу къ нимъ изъ Грановитой; произошла драка, одинъ священникъ схватилъ Никиту за волосы, стрѣльцы бросились на священниковъ съ кулаками и заставили ихъ разбѣжаться въ разныя стороны. Хованскій прибѣжалъ на шумъ и крикъ, отцы къ нему съ жалобами, что ихъ бьютъ попы, и указали священника, схватившаго Никиту за волосы: Хованскій сейчасъ же велѣлъ этого священника сковать и отослать въ Стрѣлецкій Приказъ, другихъ велѣлъ сбить съ верху, оставивъ немногихъ, по просьбѣ архіереевъ, кричалъ, бранился непристойными словами: „Ахъ плуты! я ничего не знаю, а ихъ набралось, что кабацкихъ ярыжекъ!“ Отцы однако все не хотѣли двигаться дальше, крича, что неправды много стало; тогда Хованскій поцѣловалъ имъ Крестъ, что никакого зла имъ не будетъ, и они пошли; съ ними вмѣстѣ пошло много и посадскихъ людей 3).

Съ шумомъ вошли раскольники въ Грановитую и разставили свои налои и свѣчи, какъ на площади; они пришли утверждать старую вѣру, уничтожать всѣ *новшества*, а не замѣчали, какое небывалое новшество встрѣтило ихъ въ Грановитой палатѣ: на царскомъ мѣстѣ однѣ женщины,—царевны, дѣвицы открыто предъ всѣмъ народомъ, и одна царевна заправляетъ всѣмъ! Они не видѣли въ этомъ явленіи знаменія времени. На царскихъ тронахъ сидѣли двѣ царевны—Софья и тетка ея Татьяна Михайловна, пониже въ креслахъ царица Наталья Кирилловна, царевна Марья Алексѣева и патріархъ, направо—архіереи, налѣво—свѣтскіе сановники, царедворцы и выборные стрѣльцы.

Патріархъ обратился къ отцамъ съ вопросомъ: „Зачѣмъ пришли въ царскія палаты и чего требуете отъ насъ“? 4). Отвѣчалъ Никита: „Мы пришли къ царямъ-государямъ побить челомъ о исправленіи Православной вѣры, чтобъ дали намъ свое праведное разсмотрѣніе съ вами, новыми законодавцами, и чтобъ церкви Божіи были въ мирѣ

---

1) Медвѣдевъ.

2) Савва Романовъ.

3) Но зачѣмъ рванулись священники на встрѣчу къ раскольникамъ? Не могли они идти драться съ раскольниками, когда уже послѣдовало царское приказаніе впустить послѣднихъ; здѣсь объясняетъ дѣло извѣстіе Медвѣдева, что Хованскій не велѣлъ пускать священниковъ, которые должны были идти назадъ и столкнулись съ раскольниками.

4) Мы здѣсь слѣдуемъ Саввѣ Романову, у котораго не было никакого побужденія скрыть, что начала Софья выговорами раскольникамъ; послѣ, съ ненавистію къ ней, онъ излагаетъ ея вмѣшательство въ споры и какъ она заставила молчать Никиту; цѣль же Медвѣдева ясна—выставлять постоянно на первый планъ Софью.

и соединеніи". Патріархъ сказалъ на это то же, что говорилъ прежде раскольникамъ у себя: „Не вамъ подобаетъ исправлять церковныя дѣла,—вы должны повиноваться матери Святой Церкви и всѣмъ архіереямъ, пекущимся о вашемъ спасеніи; книги исправлены съ греческихъ и нашихъ харатейныхъ книгъ по грамматикѣ, а вы грамматическаго разума не коснулись и не знаете, какую содержитъ въ себѣ силу." —„Мы пришли не о грамматикѣ съ тобою говорить, а о церковныхъ догматахъ!" закричалъ Никита, и сейчасъ же показалъ, что̀ онъ разумѣетъ подъ догматами, обратившись къ патріарху съ вопросомъ, зачѣмъ архіереи при осѣненіи берутъ Крестъ въ лѣвую руку, а свѣчу въ правую? За патріарха сталъ отвѣчать Холмогорскій епископъ Аѳанасій. Никита бросился на него съ поднятою рукою: „Что ты нога выше головы ставишься? Я не съ тобою говорю, а съ патріархомъ!" Стрѣлецкіе выборные поспѣшили оттащить Никиту отъ епископа. Тутъ Софья не выдержала, вскочила съ мѣста и начала говорить: „Видите ли, что Никита дѣлаетъ? въ нашихъ глазахъ архіерея бьетъ, а безъ насъ и подавно бы убилъ". Между раскольниками послышались голоса: „Нѣтъ, государыня, онъ не билъ, только рукою отвелъ". Но Софья продолжала: „Тебѣ ли, Никита, съ св. патріархомъ говорить? Не довелось тебѣ у насъ и на глазахъ быть; помнишь ли, какъ ты отцу нашему и патріарху и всему Собору принесъ повинную, клялся великою клятвою впередъ о вѣрѣ не бить челомъ, а теперь опять за то же принялся?" — „Не запираюсь", отвѣчалъ Никита, „поднесъ я повинную за мечемъ да за срубомъ; а на челобитную мою, которую я подалъ на Соборѣ, никто мнѣ отвѣта не далъ изъ архіереевъ; сложилъ на меня Семенъ Полоцкій книгу, „*Жезлъ*", но въ ней и пятой части противъ моего челобитья нѣтъ; изволишь, я и теперь готовъ противъ „Жезла" отвѣчать, и если буду виноватъ, то дѣлайте со мной что хотите".—„Не стать тебѣ съ нами говорить и на глазахъ нашихъ быть", сказала ему Софья и велѣла читать челобитную. Когда дочли до того мѣста, гдѣ говорилось, что чернецъ Арсеній еретикъ съ Никономъ поколебали душою царя Алексѣя, Софья опять не вытерпѣла: слезы выступили у нея на глазахъ, она вскочила съ своего мѣста, и начала говорить: „Если Арсеній и Никонъ патріархъ еретики, то и отецъ нашъ и братъ такіе же еретики стали; выходить, что и нынѣшніе цари не цари, патріархи не патріархи, архіереи не архіереи; мы такой хулы не хотимъ слышать, что отецъ нашъ и братъ еретики: мы пойдемъ всѣ изъ царства вонъ." Съ этими словами царевна отошла отъ своего мѣста и стала поодаль. Хованскій, бояре всѣ и выборные расплакались: „Зачѣмъ царямъ государямъ изъ царства вонъ идти, мы ради за нихъ головы свои положить." Раздались и другія рѣчи между стрѣльцами: „Пора, государыня, давно вамъ въ монастырь. полно царствомъ-то мутить, намъ бы здоровы были цари государи, а безъ васъ пусто не будетъ."

Но эти выходки не могли ослабить впечатлѣнія, произведеннаго на выборныхъ словами Софьи: „Все это отъ того, что васъ всѣ боятся", говорила имъ царевна: „въ надеждѣ на васъ, эти раскольники мужики такъ дерзко пришли сюда. Чего вы смотрите: хорошо ли такимъ мужикамъ невѣждамъ къ намъ бунтомъ приходить, творить намъ всѣ досады и кричать? Неужели вы, вѣрные слуги нашего дѣда, отца и брата, въ единомысліи съ раскольниками? Вы и нашими вѣрными слугами зоветесь: зачѣмъ же такимъ невѣждамъ попускаете? Если мы должны быть въ такомъ порабощеніи, то царямъ и намъ здѣсь больше жить нельзя: пойдемъ въ другіе города и возвѣстимъ всему народу о такомъ непослушаніи и разореніи".

Ничѣмъ нельзя было такъ напугать стрѣльцовъ, какъ угрозою, что цари оставятъ Москву. Въ нихъ было живо сознаніе, что поведеніе ихъ съ 15 мая возбудило сильное неудовольствіе въ могущественныхъ классахъ; что бояре ихъ ненавидятъ, какъ бунтовщиковъ и убійцъ; что многочисленное дворянское войско, и прежде ихъ не любившее, теперь не дастъ имъ пощады по первому мановенію правительства; что они цѣлы до сихъ поръ и наводятъ страхъ на мирное народонаселеніе Москвы только потому, что правительство ихъ прикрываетъ; но если правительство отречется отъ нихъ, оставитъ Москву? Выборные отвѣчали: „Мы великимъ государямъ и вамъ, государынямъ, вѣрно служить ради, за Православную вѣру, за Церковь и за ваше царское величество готовы головы свои положить и по указу вашему все дѣлать. Но сами вы, государыни, видите, что народъ возмущенный и у палатъ вашихъ стоитъ множество людей; только бы какъ-нибудь этотъ день проводить, чтобъ намъ отъ нихъ не пострадать, а что великимъ государямъ и вамъ, государынямъ, идти изъ царствующаго града—сохрани Боже! зачѣмъ это?"

Софья возвратилась на свое мѣсто. Продолжали читать челобитную. Софья не могла удержаться, чтобъ не поспорить еще съ раскольничьими монахами о разныхъ вещахъ. Когда челобитная была прочтена, патріархъ взялъ въ одну руку Евангеліе, писанное митрополитомъ Алексіемъ, въ другую—Соборное Дѣяніе патріарха Іереміи съ символомъ вѣры, какъ онъ читается въ новоисправленныхъ книгахъ: „Вотъ старыя книги", сказалъ Іоакимъ, „и мы имъ вполнѣ послѣдуемъ". Но самое сильное впечатлѣніе произвелъ одинъ священникъ, который выступилъ впередъ съ книгою, напечатанною при патріархѣ Филаретѣ: „Вотъ ваши любимыя книги Филаретовскія", сказалъ священникъ, „смотрите, что въ нихъ напечатано: разрѣшается на мясо въ великій четвертокъ и субботу!" Никита, молчавшій до сихъ поръ послѣ окрика Софьи, не вытерпѣлъ, но могъ только выбраниться съ досады: „Такіе же плуты печатали, какъ и вы", сказалъ онъ священнику.

Чтеніе челобитной кончилось, и раскольниковъ отпустили изъ Грановитой. Вышедши изъ Кремля, они остановились на Лобномъ мѣстѣ и опять разсказывали народу, сколько Никоніанцы насѣяли въ божественныя книги; хвалились, что переспорили и посрамили всѣхъ архіереевъ. Съ Лобнаго отправились за Яузу; здѣсь въ церкви Спаса въ Чигасахъ отслужили молебенъ со звономъ, и разошлись по домамъ.

Народъ не слыхалъ, какъ отцы спорили съ архіереями, и тѣ, которые колебались, хотѣли *смотрѣть правду*, оставались въ прежнемъ недоумѣніи. Стрѣлецкіе выборные, обѣщавшіеся смотрѣть правду, не видали правды Никиты съ братіею въ Грановитой, слышали только грозныя слова царевны и правительницы, что она не будетъ долѣе сносить буйства раскольниковъ, покинетъ съ государями Москву, и вся вина ляжетъ на стрѣльцахъ, которыхъ считаютъ защитниками раскола. „Не промѣняйте насъ и все Россійское государство на шестерыхъ чернецовъ, не дайте въ поруганіе святѣйшаго патріарха и всего освященнаго Собора!“ говорила Софья выборнымъ, и тѣ отвѣчали ей: „Намъ до старой вѣры дѣла нѣтъ, это дѣло св. патріарха и всего освященнаго Собора“. Выборные были щедро награждены и угощены за такія умныя рѣчи; рядовые стрѣльцы побуянили, но не могли устоять передъ царскимъ погребомъ, когда выставили на десять человѣкъ по ушату, принесли заручныя, что впредь не будутъ вступаться за старую вѣру, а раскольниковъ начали бить, крича: „Вы бунтовщики, возмутили всѣмъ царствомъ!“ Тѣ бросились бѣжать, куда кто могъ: *отцовъ* перехватали; Никитѣ, какъ самому дерзкому заводчику смуты и нарушителю своего обѣщанія, отсѣкли голову, Хованскій никакъ не могъ спасти его: но онъ успѣлъ спасти отъ казни Сергія, котораго сослали въ Ярославль, въ Спасскій монастырь; успѣлъ замѣнить смертную казнь ссылкою на Терекъ для садовника Никиты Борисова съ товарищами, которые бѣжали въ Брянскъ и тамъ были схвачены.

Но если должны были уступать Хованскому, то тѣмъ болѣе сердились на него. Потворство Тараруя раскольникамъ, его сношенія съ ними не были тайною: его прямо обвиняли въ намѣреніи дать торжество расколу, истребивъ патріарха и знатнѣйшее духовенство. Но тронуть Хованскаго, отнять у него начальство надъ стрѣльцами было нельзя: онъ успѣлъ пріобрѣсть любовь надворной пѣхоты. Сперва изъ желанія выдвинуться на первый планъ, стать сильнымъ посредствомъ войска, державшаго въ страхѣ Москву и правительство, Хованскій потакалъ стрѣльцамъ, исполняя всѣ ихъ требованія, а теперь, порвавши съ Дворомъ вслѣдствіе поведенія своего 5 іюля, Хованскій долженъ былъ поблажать стрѣльцамъ уже по чувству самосохраненія, потому что, только благодаря имъ, могъ быть безопасенъ. Передъ царями и боярами онъ выставлялъ свое поведеніе какъ самое благоразумное: „Когда меня не станетъ, то въ Москвѣ будутъ ходить по колѣни въ крови“, говорилъ онъ. Стрѣльцы, видя, что все имъ позволено, что всѣ ихъ боятся, вели себя какъ завоеватели, хотѣли кормиться насчетъ завоеванныхъ; съ другой стороны, они хорошо знали всеобщую къ себѣ ненависть, боялись мести и потому находились въ постоянномъ раздраженіи, волновались при каждомъ слухѣ, что имъ готовится наказаніе. Нашлись люди, которые хотѣли пользоваться ихъ раздраженіемъ: 12 іюля толпа стрѣльцовъ приступила къ царямъ съ требованіемъ, чтобъ они выдали имъ всѣхъ бояръ за то, что бояре хотятъ всѣхъ стрѣльцовъ перевести, поморить разными смертями. Кто имъ это сказалъ? Крещеный татарскій царевичъ Матвѣй, который слышалъ это наверху. Сейчасъ царевича въ застѣнокъ, пытать,—повинился, что такихъ словъ у бояръ не слыхалъ, затѣялъ напрасно для того, что ему корму мало и честь не велика; думалъ, что если случится отъ его словъ какая смута, то честь получитъ большую. Татарина четвертовали, но волненія не прекращались. Посадскій изъ Ярославля, Бизяевъ, закричалъ за собою государево слово: слышалъ на дворѣ у боярина князя Одоевскаго, что хотятъ бояре стрѣльцовъ переводить всякими вымыслами. Съ пытки Бизяевъ повинился, что затѣялъ напрасно, чтобъ завести смуту и выжечь Москву. Бизяеву отсѣкли голову; но холопъ дворянина Вешнякова донесъ на своего господина и на сына его, бывшаго стрѣлецкаго полковника, что они собираютъ войско на стрѣльцовъ, нанимаютъ боярскихъ людей, по 20 человѣкъ на одного стрѣльца. Старикъ Вешняковъ умеръ съ пытокъ, сынъ его едва остался живъ. Въ то же время стрѣльцы пытали и четвертовали одного изъ своихъ полковниковъ, Янова, обвиняя его въ обидахъ. Все лѣто прошло въ волненіяхъ. 16 августа Хованскій принесъ наверхъ стрѣлецкую челобитную, чтобы на тѣхъ стрѣльцовъ, которые взяты изъ дворцовыхъ волостей, брать съ этихъ волостей подможныя деньги по 25 рублей на человѣка. Бояре воспротивились этому незаконному требованію. Правительницѣ донесли, что Хованскій вышелъ къ стрѣльцамъ и сказалъ имъ: „Дѣти! знайте, что уже бояре грозятъ и мнѣ за то, что хочу вамъ добра; мнѣ стало дѣлать нечего, какъ хотите, такъ и промышляйте“! [1])

Мы должны выражаться осторожно: „Правительницѣ донесли, что Хованскій сказалъ“, ибо извѣстіе объ этомъ находится въ сочиненіи, имѣющемъ видимую цѣль выставить виновность Хованскаго: мы должны однако замѣтить, что слова эти соотвѣтствуютъ характеру и положенію Тараруя. Но сказалъ ли Хованскій эти слова и такъ ли сказалъ—дѣло не въ этомъ: дѣло въ томъ, что наверхъ донесено было о словахъ Хованскаго, которыя заключали въ себѣ прямой призывъ къ бунту; дѣло въ томъ, что стрѣльцы волновались, своевольничали и не знали мѣры своимъ требованіямъ, держали въ постоянной тревогѣ правительство и народъ Московскій, дѣлали положеніе того и другого невыносимымъ. Дѣло въ томъ, что Софья и Милославскій посредствомъ стрѣльцовъ овладѣли правленіемъ, а Хованскій перешелъ имъ дорогу, овладѣлъ стрѣльцами, привязалъ ихъ къ себѣ, и готовъ былъ употребить эту силу противъ Софьи и Милославскаго. Софья и Милославскій по собственному опыту хорошо знали всю полноту искушенія, представляемую положеніемъ Хованскаго: пойдетъ ли онъ назадъ; посторонится ли, чтобъ дать мѣсто имъ? Наверху должны были вѣрить всѣмъ слухамъ о замыслахъ Хованскаго, вѣрить, что онъ, выставляя свое царственное происхожденіе отъ Гедимина, хочетъ овладѣть престоломъ; а чтобы связать себя и съ Русскою династіею,—хочетъ женить сына на царевнѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ; что наверху вѣрили всему,—доказательствомъ служитъ поведеніе Милославскаго, который, боясь быть первою жертвою новаго стрѣлецкаго бунта въ пользу Хованскаго, какъ Матвѣевъ былъ первою жертвою бунта въ пользу его, Милославскаго, уѣхалъ изъ Москвы, крылся, переѣзжая изъ одной подмосковной въ другую, „какъ подземный кротъ," по выраженію современника [1]), не переставая, по чувству самосохраненія, подкапываться подъ Хованскаго, убѣждать Софью принять наконецъ рѣшительныя мѣры.

---

[1]) Медвѣдевъ.

Софья не нуждалась въ сильныхъ убѣжденіяхъ къ этому: она со стороны стрѣльцовъ и Хованскаго находилась въ несносномъ *порабощеніи*, и потому должна была привести въ исполненіе угрозу, которою настращала стрѣлецкихъ выборныхъ 5-го іюля, т.-е. выйти изъ Москвы и „возвѣстить народу о такомъ непослушаніи и разореніи". Слухи о замыслахъ Хованскаго и стрѣльцовъ и дѣйствительное поведеніе Тараруя торопили правительницу.

19 августа бываетъ въ Москвѣ крестный ходъ изъ Успенскаго собора въ Донской монастырь, въ память избавленія столицы отъ нашествія Крымцевъ при царѣ Ѳеодорѣ Іоанновичѣ. Государи, по обыкновенію, должны были идти за крестами въ монастырь; но разнесся слухъ, что стрѣльцы хотятъ воспользоваться этимъ случаемъ, чтобъ предать ихъ смерти. Цари не пошли въ ходъ, а на другой день, 20 августа, все царское семейство уѣхало въ Коломенское [2]). Стрѣльцы испугались: уѣдутъ цари изъ Москвы и приведутъ на нихъ дворянское войско! 23 августа явились въ Коломенское выборные изо всѣхъ полковъ съ челобитною: „Великимъ государямъ сказали, будто у насъ, у надворной пѣхоты, учинились смятеніе, на бояръ и на ближнихъ людей злой умыселъ, и будто у насъ изъ полку въ полкъ идутъ тайныя пересылки, хотимъ приходить въ Кремль съ ружьемъ попрежнему,—и для того они, великіе государи, изволили изъ Москвы выѣхать: но у насъ во всѣхъ полкахъ такого умысла нѣтъ и впередъ не будетъ; чтобъ великіе государи пожаловали, не велѣли такимъ ложнымъ словамъ повѣрить и изволили бы придти къ Москвѣ". — „Великимъ государямъ про вашъ умыселъ не вѣдомо", былъ отвѣтъ: „изволили великіе государи съ Москвы идти по своему государскому изволенію, да и прежде въ село Коломенское ихъ государскіе походы бывали же". Съ этимъ выборные и отпущены. Стрѣльцы успокоились, потому что цари послѣ этого не двигались изъ Коломенскаго, выжидая обычнаго времени для дальнѣйшихъ походовъ, которые не должны были казаться чрезвычайными. Хованскій между тѣмъ, по привычкѣ своей, вздумалъ напугать Софью, чтобъ показать, какъ она нуждается въ стрѣльцахъ, слѣдовательно въ немъ; онъ явился въ Коломенское и разсказывалъ при боярахъ: „Приходили ко мнѣ новгородскіе дворяне и говорили, что ихъ братья хотятъ приходить нынѣшнимъ лѣтомъ въ Москву, бить челомъ о заслуженномъ жалованьи, и на Москвѣ сѣчь всѣхъ безъ выбора и безъ остатка".—„Такъ надобно сказать объ этомъ въ Москвѣ на Постельномъ крыльцѣ всякихъ чиновъ людямъ, а въ Новгородъ, для подлиннаго свидѣтельства, послать великихъ государей грамоту", сказала Софья. Хованскій струсилъ и началъ упрашивать, чтобъ этого не дѣлать, и не наводить на него бѣды. Къ именинамъ старшаго царя, къ 29 августа, правительница отправила указъ Хованскому прислать въ Коломенское стременной полкъ; но Хованскій боялся этого стременнаго полка: онъ былъ очень близокъ къ государямъ, больше другихъ подчинялся вліянію правительницы,—отпустить его въ Коломенское—значитъ отдать его въ руки Софьѣ, и дать ей возможность посредствомъ него дѣйствовать и на другіе полки. Хованскій ослушался указа, не отпустилъ стременнаго полка въ Коломенское, тогда какъ прежде, безъ царскаго указа, хотѣлъ услать его въ Кіевъ! Нужно было нѣсколько разъ повторить указъ, и тогда только Хованскій рѣшился отпустить стременныхъ.

Наступило 1-е сентября, торжество Новаго Года, требовавшее, по обычаю, присутствія царей въ Кремлѣ; цари не пріѣхали, послали указъ Хованскому быть у Дѣйства Новаго Лѣта; но Хованскій не былъ; патріархъ сильно разсердился, потому что торжество вышло очень блѣдно; изъ знати былъ только одинъ окольничій. И простого народа было очень мало, потому что всѣ были въ ужасѣ: не переставали ходить слухи, что въ тотъ или другой праздникъ непремѣнно будетъ стрѣлецкій бунтъ: но въ то самое время, когда безоружный народъ трепеталъ передъ стрѣльцами, стрѣльцы не меньше трусили, ибо ходили слухи, что въ тотъ или другой праздникъ будетъ имъ месть отъ боярскихъ людей, нападутъ на нихъ, когда пойдутъ на караулъ, перебьютъ ихъ женъ и дѣтей. Карету Хованскаго постоянно окружали стрѣльцы, человѣкъ по 50; на дворѣ у него стоялъ караулъ человѣкъ по сту.

---

[1]) Матвѣева.

[2]) Дальнѣйшія подробности, не находящіяся въ изданныхъ источникахъ, взяты мною изъ оставшейся до сихъ поръ неизвѣстною оффиціальной записки объ этихъ царскихъ походахъ августа и сентября 1682 года; записка эта находится въ Архивѣ Мин. Юстиціи между столбцами Приказнаго стола означеннаго года.

На другой день, 2-го сентября, цари выѣхали изъ Коломенскаго въ село Воробьево, 4-го числа изъ Воробьева—въ Павловское, 6-го—пріѣхали въ Саввинъ Сторожевскій монастырь. Отпраздновавъ здѣсь памяти чудотворца Саввы 10-го сентября, въ тотъ же день выѣхали въ село Павловское[1]); 12-го числа—изъ Павловскаго въ село Хлябово; 13-го числа—изъ Хлябова въ Воздвиженское къ здѣшнему празднику. 14-го числа, отслушавъ обѣдню, государи указали, для своихъ дѣлъ и для пріѣзда гетманскаго сына Семена, быть къ себѣ въ походъ въ село Воздвиженское изъ Москвы всѣмъ боярамъ, окольничимъ, думнымъ людямъ, стольникамъ, стряпчимъ, дворянамъ московскимъ и жильцамъ къ 18 му сентября. 16-го числа гетманычъ былъ принятъ великими государями. 17-го числа, въ день именинъ Софьи, уже множество знати и придворныхъ наполняли Воздвиженское; знали, что и Хованскій съ сыномъ Андреемъ выѣхалъ изъ Москвы. Послѣ обѣдни именинница изволила бояръ, окольничихъ и думныхъ людей жаловать водкою. Но послѣ водки у великихъ государей и сестры ихъ началось съ боярами *сидѣнье* о важномъ дѣлѣ; думный дьякъ докладывалъ: „Великимъ государямъ вѣдомо учинилось, что бояринъ князь Иванъ Хованскій, будучи въ Приказѣ Надворной Пѣхоты, а сынъ его, бояринъ князь Андрей, въ Судномъ Приказѣ, всякія дѣла дѣлали безъ великихъ государей указа, самовольствомъ своимъ и противясь во всемъ великихъ государей указу; тою своею противностію и самовольствомъ учинили великимъ государямъ многое безчестіе, а государству всему великіе убытки, разоренье и тягость большую. Да сентября во 2-е число, во время бытности великихъ государей въ Коломенскомъ, объявилось на ихъ дворѣ у переднихъ воротъ на нихъ, князя Ивана и князя Андрея, подметное письмо: извѣщаютъ московскій стрѣлецъ, да два человѣка посадскихъ на воровъ и на измѣнниковъ, на боярина князя Ивана Хованскаго, да на сына его князя Андрея: на нынѣшнихъ недѣляхъ призывали они насъ къ себѣ въ домъ человѣкъ 9 пѣхотнаго чина, да пять человѣкъ посадскихъ и говорили, чтобъ помогали имъ доступать царства Московскаго, и чтобъ мы научали свою братью вашъ царскій корень известь, и чтобъ придти большимъ собраніемъ неожиданно въ городъ и называть васъ, государей, еретическими дѣтьми и убить васъ, государей обоихъ, царицу Наталью Кирилловну, царевну Софью Алексѣевну, патріарха и властей; а на одной бы царевнѣ князю Андрею жениться, а остальныхъ царевенъ постричь и разослать въ дальніе монастыри; да бояръ побить: Одоевскихъ троихъ, Черкасскихъ двоихъ, Голицыныхъ троихъ, Ивана Михайловича Милославскаго, Шереметевыхъ двоихъ и иныхъ многихъ людей изъ бояръ, которые старой вѣры не любятъ, а новую заводятъ; и какъ то злое дѣло учинятъ, послать смущать во все Московское государство по городамъ и деревнямъ, чтобъ въ городахъ посадскіе люди побили воеводъ и приказныхъ людей, а крестьянъ подучать, чтобъ побили бояръ своихъ и людей боярскихъ; а какъ государство замутится, и на Московское бы царство выбрали царемъ его, князя Ивана, а патріарха и властей поставить, кого изберутъ народомъ, которые бы старыя книги любили".

Великіе государи и сестра ихъ, выслушавъ это письмо, указали и бояре приговорили: „По подлинному розыску и по явнымъ свидѣтельствамъ и дѣламъ и тому извѣтному письму согласно, казнить смертью". Немедленно отправленъ былъ бояринъ князь Лыковъ съ большимъ отрядомъ придворныхъ по Московской дорогѣ схватить Хованскихъ, гдѣ ихъ встрѣтитъ. Старика Хованскаго Лыковъ встрѣтилъ у села Пушкина въ палаткѣ, напалъ внезапно и забралъ подъ стражу вмѣстѣ съ нѣсколькими стрѣлецкими выборными; князя Андрея захватилъ недалеко оттуда въ подмосковной его, на рѣкѣ Клязьмѣ. Когда въ Воздвиженскомъ узнали, что Хованскихъ везутъ, послали сказать Лыкову, чтобъ остановилъ ихъ у переднихъ воротъ государева двора, гдѣ и сказать имъ указъ о смертной казни. Для этого бояре, окольничіе и думные люди вышли изъ государева двора и сѣли на скамьяхъ передъ воротами; разрядный думный дьякъ Шакловитый читалъ сказку о винахъ: какъ Хованскій роздалъ многую государеву денежную казну безъ указа; всякихъ чиновъ людямъ позволилъ ходить въ государевы палаты безъ всякаго страха, съ наглостію и невѣжествомъ, чего и въ простыхъ домахъ не повелось; держитъ у себя въ Приказѣ за рѣшетками и сторожами многихъ людей понапрасну; правилъ на многихъ людяхъ деньги безъ очныхъ ставокъ и безъ розыска: подписалъ даточныхъ людямъ челобитную о сборѣ подможныхъ денегъ съ дворцовыхъ волостей, и, когда было рѣшено, что денегъ этихъ не сбирать, говорилъ затѣйками своими и вмѣщалъ слова злыя, что будетъ за это великое кровопролитіе; при государяхъ и боярахъ вычиталъ свои службы съ великою гордостію, будто никто такъ не служивалъ, говорилъ: „Если меня не станетъ, то будутъ въ Москвѣ ходить по колѣна въ крови"; оба, и отецъ и сынъ, при государяхъ въ палатѣ дѣла всякія отговаривали вопреки государеву указу и уложенію съ великимъ шумомъ и невѣжествомъ, бояръ безчестили и никого въ свою пору не ставили, многимъ грозили смертію; вмѣстѣ съ раскольниками князь Иванъ ратовалъ на Святую Церковь, и потомъ этихъ церковныхъ мятежниковъ оберегалъ отъ казни; вопреки царскому указу, не послалъ пѣхотные полки противъ Калмыковъ и Башкиръ; нѣсколько разъ ослушивался указа великихъ государей; клеветалъ на новгородскихъ дворянъ, будто хотятъ приходить на Москву; клеветалъ на надворную пѣхоту, что быть отъ нея великимъ бѣдамъ, а надворной пѣхотѣ говаривалъ многія смутныя рѣчи. Взаключеніе дьякъ читалъ подметное письмо.

---

[1]) Оффиціальная записка ничего не говоритъ объ отправленіи изъ Саввина монастыря грамоты къ помѣщикамъ ближайшихъ городовъ, чтобъ они спѣшили къ царямъ для защиты ихъ отъ Хованскаго и стрѣльцовъ. Объ этомъ говоритъ Матвѣевъ и самая грамота помѣщена у Медвѣдева и напечатана въ IV томѣ Актовъ Арх. Экспедиціи, но безъ числа и безъ имени стольника, который отправлялся съ нею. Ясно, что она была только заготовлена, но посылать раздумали, иначе какъ бы Хованскій не узналъ объ этомъ? Рѣшено было, какъ видно, продолжать дѣйствовать тайно, походу давать видъ обычнаго богомолья и выманить Хованскаго подъ какимъ-нибудь предлогомъ.

Хованскіе не молча слушали обвинительную сказку, оправдывались, слезно просили, чтобъ „господа бояре выслушали причины тѣ о совершенныхъ заводчикахъ съ начала бунта стрѣлецкаго, отъ кого былъ вымышленъ, и царскимъ величествамъ донесли, чтобъ имъ съ ними дать очныя ставки и безвинно ихъ такъ скоро не казнить". „Если сынъ мой", говорилъ старикъ Хованскій, „все такъ дѣлалъ, какъ говорится въ сказкѣ, то я предамъ его проклятію". Но Милославскій, какъ говорятъ [1], далъ знать царевнѣ, и та прислала сказать, чтобъ приговоръ былъ немедленно исполненъ. Стременной стрѣлецъ, за недостаткомъ палача, *вершилъ* Хованскихъ *на площади у большой Московской дороги.* Такъ отпразднованы были именины царевны-правительницы!

Въ тотъ же день была написана и отправлена въ Москву грамота къ надворной пѣхотѣ съ извѣщеніемъ о казни ея отца-начальника и его сына: „Вы бы ихъ явную измѣну вѣдали, и никакимъ прелестнымъ и лукавымъ словамъ и письмамъ не вѣрили, на себя нашей опалы и никакого гнѣва не опасались и никакого сомнѣнія въ томъ не имѣли, потому что нашего гнѣва на васъ нѣтъ". Но 17-же числа успѣлъ уйти изъ Воздвиженскаго другой сынъ Хованскаго, князь Иванъ; ночью онъ уже былъ въ Москвѣ и разсказывалъ стрѣльцамъ, что отца его взяли въ селѣ Пушкинѣ люди боярскіе и казнили безъ указа великихъ государей; въ полку Лопухина разсказывалъ Григорій Языковъ, сынъ окольничаго Павла Языкова, что бояре Одоевскіе и Голицыны со многимъ собраньемъ хотятъ надворную пѣхоту рубить; что по дорогамъ стоятъ на заставахъ всякихъ чиновъ люди и боярскіе холопи съ ружьемъ, хотятъ идти въ Москву на стрѣльцовъ и дворы ихъ пожечь; поэтому надобно надворной пѣхотѣ засѣсть въ Москвѣ.

Совѣтъ былъ немедленно исполненъ: въ первую минуту послѣ страшной вѣсти, самымъ естественнымъ движеніемъ было схватиться за оружіе и стать въ оборонительное положеніе; стрѣльцы заняли Кремль, разобрали съ пушечнаго двора пушки, порохъ, свинецъ, разставили всюду караулы и сѣли въ осадѣ, не впуская и не выпуская никого изъ Москвы. Кричали, что надобно идти противъ бояръ; толпились въ Крестовой у патріарха, который уговаривалъ ихъ не своевольничать; грозили убить его, если онъ заодно съ боярами: но все ограничивалось одними угрозами и криками: страхъ былъ господствующимъ чувствомъ; страхъ напалъ и на бутырскихъ солдатъ, участвовавшихъ въ прежнихъ стрѣлецкихъ волненіяхъ. 20 сентября въ Марьиной рощѣ пропали два солдата съ лошадьми: этого было достаточно, чтобъ Бутырки переполошились; въ страхѣ и сомнѣніи солдаты взяли себѣ съ пушечнаго двора четыре пушки. Вечеромъ, 24 сентября, является на Бутырки крестьянинъ Воронинъ и разсказываетъ, что по Троицкой дорогѣ идутъ боярскіе люди конные и пѣшіе съ ружьемъ и пушками, видимо-невидимо, идутъ на дворцовое село Тайнинское и хотятъ быть въ Бутырской слободѣ 25 сентября въ ночь: солдаты, въ ужасѣ, отпустили женъ и дѣтей своихъ въ Москву къ родственникамъ. Между тѣмъ еще 18 числа узнали въ Воздвиженскомъ о стрѣлецкихъ волненіяхъ и приняли мѣры: въ ближайшіе города поскакали придворные съ грамотами, чтобъ служилые люди спѣшили къ Троицкому монастырю въ полномъ вооруженіи: вслѣдъ затѣмъ Дворъ выѣхалъ въ Троицкій монастырь, который былъ приведенъ въ осадное положеніе, главное начальство было поручено человѣку вѣрному правительницѣ, князю Вас. Вас. Голицыну. 19 числа пріѣхалъ къ Троицѣ Чудовскій архимандритъ Адріанъ съ извѣстіемъ отъ патріарха: надворная пѣхота приходила къ нему съ челобитьемъ, чтобъ великіе государи изволили идти въ царствующій градъ Москву, а у нихъ, надворной пѣхоты, никакого дурнаго умыслу нѣтъ. Государи отвѣчали съ нарочнымъ, чтобъ стрѣльцы служили, по своему обѣщанію, вѣрно, отъ смятенія перестали, всполоховъ и страхованія въ Москвѣ не дѣлали; что Хованскіе казнены за измѣну—стрѣльцамъ до этого дѣла нѣтъ; судъ о милости и о казни врученъ отъ Бога великимъ государямъ, стрѣльцамъ объ этомъ не только говорить—и мыслить не довелось. Царской опалы и никакого гнѣва на нихъ, стрѣльцовъ, не было: такъ пусть будутъ на милость великихъ государей надежны, и которымъ изъ нихъ велѣно идти на службу въ Кіевъ, пусть идутъ немедленно и тѣмъ службу свою покажутъ; а какія у нихъ есть дѣла, то они бы прислали объ нихъ челобитчиковъ, выборныхъ людей.

Скорое прибытіе съ разныхъ сторонъ служилыхъ людей къ Троицѣ большими толпами дало возможность правительницѣ дѣйствовать рѣшительнѣе: для управленія Москвою отправленъ былъ бояринъ Михайла Петровичъ Головинъ, который своими распоряженіями показалъ стрѣльцамъ, что ихъ теперь не боятся; это, вмѣстѣ съ извѣстіями о сборѣ служилыхъ людей къ Троицѣ, нагнало еще больше страха на надворную пѣхоту; стрѣльцы плакали какъ дѣти, и 22-го числа явились къ Головину съ челобитьемъ, чтобъ великіе государи велѣли имъ быть у себя для челобитья, по скольку человѣкъ, изъ полку укажутъ, а безъ указа идти не смѣютъ. Указъ пришелъ немедленно: быть по 20 человѣкъ изъ полку. 24-го числа стрѣльцы пришли бить челомъ къ патріарху, чтобъ отпустилъ съ ихъ выборными къ Троицѣ архіерея: одни идти боятся, переказнятъ ихъ тамъ. Патріархъ отпустилъ съ ними Суздальскаго митрополита Иларіона, но и это не совершенно ихъ успокоило: нѣкоторые такъ перетрусились, что бѣжали съ дороги назадъ въ Москву. Остальные 24-го сентября были представлены Софьѣ, которая встрѣтила ихъ строгимъ выговоромъ за ихъ поведеніе, указывая на многочисленное войско, собравшееся для ихъ наказанія. Стрѣльцы подали ей письменную сказку: „Дѣды, отцы, дядья и братья наши и мы государямъ служили и нынѣ служимъ и работаемъ всякія ихъ государскія службы безъизмѣнно, и впредь работать безо всякой шатости рады; услышимъ отъ кого-нибудь изъ насъ, или отъ иныхъ чиновъ людей злоумышленныя слова на государское величество, на бояръ, думныхъ и ближнихъ людей,—такихъ будемъ хватать и держать до указу, какъ будутъ государи въ Москву изъ похода; а у насъ никакого злоумышленія нѣтъ и впередъ не будетъ; ратная казна, которую мы взяли, пушки, порохъ и свинецъ,—теперь въ полкахъ въ цѣлости; полки, которымъ велѣно идти въ Кіевъ на службу, готовы“.

---

[1] Матвѣевъ.

Но этого было мало. Правительница обѣщала простить стрѣльцовъ и солдатъ, только съ условіями: 1) Нынѣшнія свои вины заслуживать головами своими, никакого дурна не мыслить, смятенія не затѣвать и никого къ тому не подговаривать; ни къ какимъ мятежникамъ-раскольникамъ и другимъ воровскимъ людямъ не приставать, попрежнему не собираться съ оружіемъ въ городъ и никуда не приходить, круговъ, по казачью, не заводить. 2) Кто станетъ говорить непристойныя рѣчи на государей, бояръ и всякихъ чиновъ людей, или объявятся прелестныя и смутныя письма,—такихъ людей хватать и приводить, и письма приносить въ Приказъ Надворной Пѣхоты. 3) Къ начальству многолюдствомъ, съ шумомъ и невѣжествомъ не приходить. 4) Самимъ ни съ кѣмъ не управляться, не своевольничать и не грабить, быть у начальства въ послушаніи. 5) Пушки и всякіе запасы, взятые 18-го числа, возвратить немедленно въ прежнія мѣста. 6) Куда кому указано идти на службу,—выступить немедленно. 7) Ни у кого дворовъ себѣ не отнимать, людей и крестьянъ въ пѣхотный строй и на свободу не подговаривать и свойственниками ихъ не называть. 8) Въ солдатскій Бутырскій полкъ и въ полки надворной пѣхоты никого вновь, безъ указа, не приверстывать; солдатскихъ и надворной пѣхоты дѣтей, которыя моложе семнадцати лѣтъ и у которыхъ есть отцы, изъ солдатъ и надворной пѣхоты отставить, быть имъ до 17 лѣтъ въ недоросляхъ и жить съ отцами; боярскихъ людей, крестьянъ и гулящихъ людей, которые въ нынѣшнее смутное время писаны въ солдаты и надворную пѣхоту, выкинуть изъ того строю всѣхъ и отдать ихъ помѣщикамъ и вотчинникамъ по крѣпостямъ, а гулящихъ людей переписать и отправить на прежнія мѣста жительства, а на Москвѣ не держать, чтобъ отъ нихъ воровства не было. 9) Въ дѣло Хованскихъ не вступаться.

8-го октября, въ воскресенье, патріархъ служилъ обѣдню въ Успенскомъ соборѣ, который весь былъ наполненъ стрѣльцами. Послѣ обѣдни, на амвонѣ поставили два налоя: на одномъ положили Евангеліе, на другомъ—руку апостола Андрея Первозваннаго; вышелъ патріархъ, прочелъ поученіе о мирѣ и любви, потомъ прочтены статьи, исполненія которыхъ правительство требовало отъ надворной пѣхоты. Стрѣльцы цѣловали Евангеліе, руку апостола и приняли статьи отъ патріарха, обѣщая желать государямъ добра и не щадить за нихъ головъ своихъ. Иванъ Хованскій былъ выданъ ими Головину и отправленъ въ Троицкій монастырь; тамъ прочли ему смертный приговоръ, положили на плаху, но не казнили, а отправили въ ссылку.

Октябрь приходилъ къ концу, а Дворъ все еще жилъ у Троицы, окруженный дворянскими полками. Стрѣльцы рѣшились или ихъ заставили рѣшиться сдѣлать послѣдній, самый трудный шагъ,—отказаться отъ дѣла 15-го мая, какъ отъ подвига, и признать въ немъ мятежъ, преступленіе. Стрѣльцы подали челобитную: „Грѣхъ ради нашихъ, боярамъ, думнымъ и всякихъ чиновъ людямъ учинилось побіеніе на Красной площади, и тѣмъ мы, холопи ваши, Бога и васъ, великихъ государей, прогнѣвали; по заводу вора и раскольщика Алешки Юдина съ товарищами, по потачкѣ всякому дурну названнаго отца ихъ, князя Андрея Хованскаго, и сына его, князя Ивана, били челомъ всѣ полки надворной пѣхоты, покрывая большія свои вины, чтобъ вы, великіе государи, пожаловали насъ грамотами, чтобъ насъ ворами и бунтовщиками никто не называлъ,—и жалованныя грамоты даны. По злоумышленію тѣхъ же Юдина и Хованскихъ, били челомъ, чтобъ на Красной площади сдѣлать столпъ и написать на немъ вины побитыхъ,—и столпъ сдѣланъ. И нынѣ мы, видя свое неправое челобитье, что тотъ столпъ учиненъ не къ лицу, просимъ: пожалуйте насъ, виноватыхъ холопей вашихъ, велите тотъ столпъ съ Красной площади сломать, чтобъ отъ иныхъ государствъ въ царствующемъ градѣ Москвѣ зазору никакого не было“.

Столпъ былъ сломанъ, и стрѣльцамъ съ солдатами дана новая жалованная грамота, гдѣ говорилось, что, по злохитростному умышленію князей Хованскихъ и Алешки Юдина съ товарищами, солдаты и стрѣльцы возмутились и въ этой смутѣ побиты были бояре и другихъ чиновъ люди; за это Хованскій и Юдинъ казнены 17-го сентября, а солдаты и стрѣльцы подали заручныя повинныя челобитныя. Великіе государи, видя ихъ слезы, простили имъ преступленіе, запретили называть ихъ бунтовщиками и измѣнниками, приказали выдавать имъ годовые ихъ оклады сполна, безъ вычета и безволокитно, безъ взятокъ отъ приказныхъ людей, прибавить подъемныя деньги и не дѣлать никакихъ вычетовъ на разныя полковыя потребности, на начальство имъ не работать.

Только послѣ этой окончательной повинной со стороны стрѣльцовъ, Дворъ возвратился въ Москву 6-го ноября. Надобно было прежде всего озаботиться выборомъ начальника Стрѣлецкаго Приказа (названіе надворной пѣхоты исчезло). Сначала назначили на это важное мѣсто окольничаго Змѣева, но потомъ въ декабрѣ нашли человѣка болѣе надежнаго: думнаго дьяка Ѳедора Леонтьевича Шакловитаго. Твердость новаго начальника подверглась скоро испытанію. 26-го декабря явилась въ Стрѣлецкій Приказъ толпа стрѣльцовъ изъ полку Бохина, подъ предводительствомъ двоихъ—Ивана Пелепельника и Ѳедора Ворона. Съ невѣжествомъ и шумомъ подали они челобитную, чтобъ перевели изъ ихъ полка нѣсколько стрѣльцовъ въ другой полкъ. Имъ отвѣчали, что этотъ переводъ уже состоялся и безъ ихъ челобитной. Стрѣльцы ушли, но потомъ возвратились и начали кричать, чтобъ выдали имъ пятисотеннаго Борисова и приказнаго пристава Кондратьева. Имъ отвѣчали, что этого сдѣлать не довелось, а будетъ имъ царскій указъ по сыскному дѣлу. Стрѣльцы не переставали кричать, что ихъ прислали всѣмъ полкомъ. Шакловитый велѣлъ перехватать крикуновъ и посадить ихъ въ приказъ. Но вслѣдъ затѣмъ въ томъ же полку обнаружилась новая смута: по сыскному дѣлу надобно было взять въ приказъ стрѣльца Ивана Жаренаго; но когда сотенный пришелъ, чтобъ схватить его, товарищи вступились за Жаренаго, начали кричать: „Пусть насъ всѣхъ переказнятъ, а Ивашку мы не отдадимъ!“ Но пришли два стрѣлецкихъ полка, и Ивашку взяли вмѣстѣ съ четырьмя заводчиками смуты, и всѣхъ казнили смертію. Бохинскіе стрѣльцы пришли просить прощенія, но имъ объявили, что за вину свою они на государевомъ дворѣ карауловъ держать не будутъ, и жалованная грамота у нихъ взята. Черезъ нѣсколько времени впрочемъ ихъ совершенно простили [1].

Спѣшили уничтожить и слѣдствія мятежа. 13-го февраля 1683 года изданъ былъ указъ: „Которые холопи взяли у бояръ отпускныя въ смутное время за страхованіемъ и съ тѣми опускными били челомъ кому-нибудь во дворы и дали на себя кабалы, тѣхъ отдать прежнимъ ихъ боярамъ и впредь такимъ отпускнымъ не вѣрить, потому что они ихъ взяли въ смутное время, неволею, за смутнымъ страхованіемъ, да этимъ же холопямъ при отдачѣ ихъ чинить жестокое наказанье, бить кнутомъ нещадно; если же прежніе господа не возьмутъ ихъ, то ссылать ихъ въ сибирскіе и другіе дальніе города на вѣчное житье“ [2]. Въ Москву дали знать, что московская смута отзывается въ областяхъ, и потому 21-го мая изданъ былъ указъ: „Вѣдомо великимъ государямъ учинилось, что въ городахъ тамошніе жители и прохожіе люди про бывшее смутное время говорятъ похвальныя и другія многія непристойныя дѣла на смуту, страхованье и соблазнъ людямъ, и великіе государи указали: во всѣхъ городахъ и уѣздахъ учинить заказъ крѣпкій подъ смертною казнью, и бирючамъ велѣть кликать, чтобъ всякихъ чиновъ люди прошлаго смутнаго времени никакъ не хвалили, никакихъ непристойныхъ словъ не говорили и затѣйныхъ дѣлъ не вмѣщали“ [3].

Смута должна была сильнѣе отозваться на югѣ въ казацкихъ сторонахъ.

Въ южномъ Переяславлѣ стрѣльцы перестали слушаться воеводы, овладѣли кабакомъ, въ приказной избѣ посадили простого стрѣльца, чтобъ вѣдать всякія дѣла, отставили своихъ пятисотенныхъ и десятниковъ, одного пятисотеннаго чуть-не-убили, на ихъ мѣсто выбрали другихъ и отправили 20 человѣкъ съ челобитною въ Москву. Гетманъ писалъ царямъ: „Смѣю донести вашему царскому величеству, что непрестанная печаль такъ меня преодолѣла, что уже и силы во мнѣ мало осталось. Переяславскіе стрѣльцы поступками своими сильно вредятъ тамошнимъ нашимъ людямъ, между которыми немало старыхъ своевольниковъ“. Въ Конотопѣ путивльскій купецъ Аѳанасій Бѣляевъ разглашалъ, что подъ Путивлемъ соберутся царскія войска тайно, учинятъ раду, призовутъ на нее гетмана Самойловича или силою возьмутъ, и станутъ рубить всю старшину войсковую и арендаторовъ [4].

Лѣтомъ 1683 года въ Москвѣ узнали, что на Дону какой-то чернецъ Іосифъ распространяетъ воровскія письма. Немедленно отправился туда Посольскаго Приказа толмачъ Тарасъ Ивановъ съ требованіемъ выдачи этого монаха. Собрался кругъ; есаулы, по приказу атамана Флора Минаева, говорили казакамъ: „Надобно за чернецомъ и за его совѣтниками послать и доведется отпустить ихъ къ великимъ государямъ,—воровъ жалѣть нечего“. Но въ отвѣтъ раздались крики, что чернеца посылать не-для-чего, потому что онъ малоуменъ и письмо воровское сочинялъ не онъ; надобно послать за настоящими ворами, которые чернецу письмо дали и обманули; воры эти—Куземка Косой да Костка стрѣлецъ, живутъ они на устьи Медвѣдицы, а чернецъ живетъ на Сѣверскомъ Донцѣ. Объявились и другія мнѣнія;—казакъ Ѳомка Савостьяновъ говорилъ: „Для чего за тѣми ворами посылать и гдѣ ихъ сыскать?“ Пашка Чекуновъ прибавилъ: „Для чего ихъ въ Москву посылать? и безъ нихъ на Москвѣ много мяса“. Тутъ выступили атаманъ и старшины, и начали говорить: „Для чего вы за воровъ стоите; почему, сыскавши, ихъ не отослать? Или вамъ мало государской милости и жалованья?" Потомъ старшины подошли къ Тарасу Иванову и стали говорить ему тихонько: „Видишь, какіе у насъ люди и за кого стоятъ? Для чего въ государевой грамотѣ не написано, чтобъ тѣхъ воровъ сыскать и казнить у насъ,—мы бы ихъ казнили тотчасъ. Которые люди являются на Москвѣ въ расколѣ, и стрѣльцы, за разныя воровства битые кнутомъ, руки и ноги сѣчены, носы и уши рѣзаны, а ссылаютъ ихъ въ новый городъ Полатовъ,—тѣ люди объявились у насъ всѣ на Дону, и воровскіе замыслы и смуты идутъ отъ нихъ. При тебѣ изъ Полатова пришло сюда такихъ воровъ семь человѣкъ. Вотъ Самойла Лаврентьевъ и старый казакъ, а держитъ у себя такихъ воровъ и даетъ имъ на ссуду лодки и ружья. Извѣсти боярину князю Василью Васильевичу Голицыну, чтобъ впередъ такихъ воровъ не ссылали въ города, которые близъ Дону. потому что они изъ этихъ городовъ уходятъ къ намъ на Донъ, и всякое воровство и смуты начинаются отъ нихъ, въ кругахъ оспариваютъ царскіе указы и дѣла, ворамъ потакаютъ и кричатъ. Мнѣ и другимъ старшинамъ и добрымъ казакамъ говорить нельзя, потому что всѣхъ насъ побьютъ".

---

[1] Кромѣ приведенной оффиціальной записки, Матвѣевъ. Медвѣдевъ, Акты Арх. Эксп., IV, № 260, 261, 263, 264, 265, 266, 267, 268, 270, 271, 273, 274. Собр. гос. гр. и дог., IV, № 155; Полн. Собр. Зак. № 963.

[2] Полн. Собр. Зак., № 992.

[3] Собр. гос. грам. и дог., IV, № 160.

[4] Дѣла Малорос. 1682 года въ Москов. Архивѣ Мин. Ин. Дѣлъ.

Поговоривъ съ царскимъ посланнымъ, атаманъ велѣлъ есауламъ кричать: „За ворами послать надобно, и есть ли въ ту посылку охотники? Кто выищется, тѣмъ дано будетъ войсковое жалованье". Выступили трое казаковъ и говорили: „Мы рады Богу и великимъ государямъ служить, и за ворами ѣхать и безъ жалованья". Атаманъ отвѣчалъ: „Безъ жалованья ѣхать нельзя, будьте готовы, а жалованья вамъ по 4 рубля человѣку".

О воровскомъ письмѣ посланному разсказывали, что въ немъ написано отъ имени царя Іоанна Алексѣевича: приказываетъ казакамъ идти въ Москву, будто бояре его, государя, не слушаютъ и не воздаютъ ему достойной чести, и другія многія непристойныя слова, которыхъ нельзя и сказать, да на патріарха и на архіереевъ написаны также многія непристойныя слова; печать у письма красная, но не государская, должно быть монастырская. Когда это письмо въ кругу прочли, то многіе *легкомысленные* казаки и воры, ссыльные люди закричали и хотѣли сбираться въ Москву. Но Флоръ Минаевъ и старшина говорили, что письмо воровское, вѣрить ему нечего, печати великихъ государей у письма нѣтъ; а еслибъ письмо было прямое, то великіе государи прислали бы съ нимъ не такого вора чернеца, прислали-бъ знатнаго человѣка. За такія рѣчи Флора Минаева, Ивана Семенова и многихъ старыхъ казаковъ воры хотѣли убить до смерти. Иванъ Семеновъ принужденъ былъ сдать атаманство, а Фролъ Минаевъ недѣли съ двѣ не выходилъ изъ своего куреня, боясь, чтобъ воры не убили.

При отпускѣ, Флоръ Минаевъ и другіе знатные казаки говорили Тарасу тайно: „Доложи князю Василью Васильевичу Голицыну, что все воровство идетъ у насъ на Дону отъ воровъ раскольниковъ, которые у насъ живутъ по Хопру и по Медвѣдицѣ, а именно —отъ старцевъ Антонія и Пафнутія, и отъ ссыльныхъ, которые сбѣжали на Донъ изъ украинскихъ городовъ". Послѣ на Дону нашли виноватымъ только одного Костку Леонтьева и прислали его съ воровскими письмами въ Москву.

Кромѣ раскольничества, на Дону стало сильно пахнуть Разинскимъ духомъ. Въ томъ же 1683 г. атаманъ Максимъ Скалозубъ вызвался идти съ охотниками на Волгу *для зипуна*, хотѣлъ промышлять надъ непокорными царямъ Калмыками. Но, вмѣсто Калмыковъ, приступалъ къ Царицыну и былъ отбитъ послѣ жестокаго боя, въ которомъ погибло много государевыхъ людей. Флолъ Минаевъ давалъ знать тайно Голицыну, чтобъ изъ Москвы отнюдь не посылали къ Скалозубу съ увѣщаніями, ибо въ такомъ случаѣ къ нему пристанетъ много и другихъ казаковъ: „Теперь у насъ", говорилъ Флолъ, „вольницы много, унимать намъ ихъ нельзя, потому что всѣмъ намъ, старшинамъ, отъ голутьбы теперь стало тѣсно. *Призывали* (посылали съ увѣщаніями) вора Стеньку Разина, и этимъ призывомъ его испортили; а Скалозубъ, хотя нанизу на Волгѣ безъ пристанища, пропадетъ скоро, потому что его на Яикъ и въ другія мѣста никуда не пустятъ" [1].

Скалозубъ пропалъ. Въ Москвѣ Шакловитый зорко слѣдилъ за стрѣльцами. 30 декабря 1683 г. онъ подалъ царямъ и царевнѣ докладную записку о необходимости удалить изъ Москвы нѣкоторыхъ стрѣльцовъ, особенно Астраханцевъ, для предупрежденія новой смуты. Мѣра была принята [2].

ПРИЛОЖЕНІЯ.

І. Опись городамъ, вѣдомымъ въ разрядѣ, въ 1668 г.

(Архивъ Мин. Юстиц., книги Московск. стола № 62.)

1. *Во Владимірѣ:* отставныхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ 8; стрѣльцовъ 14; пушкарей 6; разсыльщиковъ 7; воротниковъ 12; старостъ 2; посадскихъ людей 384 (по описи 1679 г. 398); дѣтей ихъ, братьи, племянниковъ и всякихъ свойственниковъ 189; Рождественскаго монастыря слугъ 19; служебниковъ 46; Спасова Золотоворотскаго монастыря слугъ 2; сторожей 5; Успенскаго дѣвичьяго монастыря слугъ 2; сторожей 11; Со-

---

[1] Дѣла Донскія 1683 года въ Москов. Архивѣ Мин. Ин. Дѣлъ.

[2] Акты Арх. Эксп., IV, 280.

борной церкви сторожей 17; бобылей 9, у нихъ братьи 1; ямщиковъ 76, дѣтей ихъ, братьи, племянниковъ и зятьевъ 82; бобылей ихъ 9; дворниковъ 71; дѣтей ихъ, братьи, племянниковъ и зятьевъ 15.

2. *Въ Суздалѣ*: губной староста 1; губной дьячекъ 1; въ приказной избѣ подъячихъ 9; архіепископскихъ приказныхъ 3; дѣтей боярскихъ 57; у нихъ бою по саблѣ, да по парѣ пистолей, да по коробину; подъячихъ 9 съ пищалями; недѣльщиковъ 4 съ пищалями; дворовыхъ людей 16 съ бердышами; бобылей 33 съ рогатиною; Спасо-Евфимьева монастыря слугъ 42 человѣка, бою у нихъ по саблѣ, по парѣ пистолей, по коробину; оброчныхъ крестьянъ 4 съ пищалями, 31 съ бердышами, 44 съ рогатинами, 26 съ топорками; пушкарей 4 съ бердышами. Гостиной сотни торговыхъ людей 4 съ пищалями: посадскихъ людей 3, у нихъ бою по саблѣ, да по парѣ пистолей, 340 съ пищалями, 62 съ топорками, 240 съ бердышами, 250 съ рогатинами, всего посадскихъ 895 (по описи 1679 г. 835). Всего 1,191 (по описи 1679 г. 1,409).

3. *Въ Юрьевѣ Польскомъ*: посадскихъ 140, у нихъ дѣтей 155; всего 338.

4. *Въ Шуѣ*: посадскихъ 186 (по описи 1679 г. 183), дѣтей ихъ 127 (по описи 1679 г. 52); всего 381.

5. *Въ Луху*: посадскихъ 185, всего 288.

6. *Въ Муромѣ*: посадскихъ 394 (по описи 1679 г. 431); всего 1,106.

7. *Въ Переславлѣ Залѣсскомъ*: посадскихъ 294 (по описи 1679 г. 304, дѣтей, братьевъ и племянниковъ 150); всего 746.

8. *Въ Ростовѣ*: посадскихъ 660 (по описи 1679 г. 722), съ дѣтьми, братьями и племянниками: отставныхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ 11; губной староста; городовой приказчикъ; подъячихъ 3; разсыльщиковъ 10.

9. *Въ Ярославлѣ*: посадскихъ и всякихъ жилецкихъ людей 3,468 (по описи 1679 г. 2,862); воевода, губной староста. городовой приказчикъ; объѣзжій голова; сотникъ стрѣлецкій; съѣзжей избы подъячихъ 14; приставовъ, пушкарей и разсыльщиковъ 23; площадныхъ подъячихъ 22; въ таможнѣ 6; на Кружечномъ дворѣ 2; губныхъ дьячковъ 2; въ земской избѣ 2.

10. *Въ Костромѣ*: посадскихъ 1,322 (по описи 1679 г. 1,044); губныхъ старостъ 2; дворянъ и дѣтей боярскихъ 21; подъячихъ 17; стрѣльцовъ 20; пушкарей 3, приставовъ 8.

11. *Въ Галичѣ*: губныхъ старостъ 2; городовыхъ приказчиковъ 2; подъячихъ 7; пушкарей 8; разсыльщиковъ 38; воротниковъ 7; ямскихъ охотниковъ 4; посадскихъ 728.

12. *Въ Вологдѣ*: воевода; губной староста; осадный голова; отставныхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ 13; подъячихъ 26; стрѣльцовъ 68; разсыльщиковъ 9; отставныхъ пушкарей 2; въ приказной избѣ сторожей 2; дворниковъ на осадныхъ дворахъ 20; на посадѣ гостиной сотни 4, суконной 3 (по описи 1679 г. гостиной и суконной сотни 3); на монастырскихъ дворахъ служебниковъ и работниковъ и на нѣмецкихъ дворахъ дворниковъ 42; посадскихъ съ братьями 1.195 (по описи 1679 г. 1,024); дѣтей 312, племянниковъ 10; пасынковъ 7, зятьевъ 2; подворниковъ 21; дворовыхъ людей 9; посадскихъ бобылей съ братьями 256, дѣтей ихъ 21, 2 племянника, 1 пасынокъ; каменьщиковъ 22; кирпичниковъ 8; всего въ городѣ жителей 2,073.

13. *Въ Кашинѣ*: 232 двора, въ нихъ людей всего 505.

14. *Въ Бѣжецкомъ Верхѣ*: посадскихъ 386 (по описи 1679 г. 420).

15. *Въ Можайскѣ*: всего жителей 148, изъ нихъ посадскихъ 57 (по описи 1679 г. 40).

16. *Въ Вереѣ*: всего 154, изъ нихъ посадскихъ 109 (по описи 1679 г. 122).

17. *Въ Рузѣ*: всего посадскихъ 30 (по описи 1679 г. 46).

18. *Въ Волоколамскѣ*: всего 123, изъ нихъ посадскихъ 44 (по описи 1679 г. 49).

19. *Въ Боровскѣ*: всего 407, изъ нихъ посадскихъ 350 (по описи 1679 г. 203).

20. *Въ Малоярославцѣ*: посадскихъ 83 (по описи 1679 г. 90).

21. *Въ Клину*: посадскихъ 30 (по описи 1679 г. 23, дѣтей и братьевъ 30).

22. *Въ Вязьмѣ*: всего 728, изъ нихъ посадскихъ 390 (328).

23. *Въ Тулѣ*: всего 1,036, изъ нихъ посадскихъ 333 (364, дѣтей и братьевъ 170), казенныхъ кузнецовъ 8 (84), дѣтей ихъ и братьевъ годныхъ въ службу 25 (53), замочниковъ 14; станочныхъ мастеровъ 9, кирпичниковъ 36, дѣтей ихъ и братьевъ годныхъ въ службу 24; ямщиковъ 56, дѣтей ихъ и братьевъ 90.

24. *Въ Каширѣ*: всего 161, изъ нихъ посадскихъ 55 (48).

25. *Въ Алексинѣ*: всего 125 (136).

26. *Въ Тарусѣ*: всего 39, изъ нихъ посадскихъ 18.

27. *Въ Серпуховѣ*: 732, изъ нихъ посадскихъ 233 (229).

28. *Въ Одоевѣ*: всего 754, изъ нихъ посадскихъ 65.

29. *Въ Крапивнѣ*: 237; посадскихъ нѣтъ, одни служилые.

30. *Въ Дѣдиловѣ*: 432 (429); посадскихъ нѣтъ.

31. *Въ Коломнѣ*: 528, посадскихъ 67 (304, дѣтей и свойствен. 150).

32. *Въ Переяславлѣ Рязанскомъ*: 460, посадскихъ 86.

33. *Въ Зарайскѣ*: 542, посадскихъ 207 (257 дѣтей братьевъ и племянниковъ, не въ раздѣлѣ живущихъ 148, въ малыхъ лѣтахъ 316).

34. *Въ Пронскѣ*: 832; посадскихъ нѣтъ.

35. *Въ Михайловѣ*: 625, посадскихъ 28 (37).

36. *Въ Гремячемъ*: 475; посадскихъ нѣтъ.

37. *Въ Веневѣ*: 338; посадскихъ 223 (110, дѣтей ихъ и свойственниковъ 306).

38. *Въ Исчерникахъ*: 186 служилыхъ; посадскихъ нѣтъ.

39. *Въ Сапожкѣ*: 549 (364); посадскихъ нѣтъ.

40. *Въ Ряжскомъ*: 1,348 (1,709); ряжанъ отставныхъ 45; недорослей 447: казаковъ 395, дѣтей ихъ, братьевъ и племянниковъ 345; посадскихъ нѣтъ.

41. *Въ Шацкѣ*: 422 (502); посадскихъ нѣтъ.

42. *Въ Калугѣ*: 1,421 (1,348); посадскихъ 968 (910).

43. *Въ Лихвинѣ*: 65 (71); посадскихъ 34 (38), у нихъ дѣтей, братьевъ и племянниковъ 27.

44. *Въ Мещевскѣ*: 194; посадскихъ 27, у нихъ дѣтей 30.

45. *Въ Серпейскѣ*: 85 (157); посадскихъ 26 (43), роду ихъ 52 (106).

46. *Въ Мосальскѣ*: 68, посадскихъ 9.

47. *Въ Козельскѣ*: 143; посадскихъ нѣтъ.

48. *Въ Бѣлевѣ*: 838, посадскихъ 242 (350), роду ихъ 262.

49. *Въ Болховѣ*: 1,048 (1,204), посадскихъ 380 (477), роду ихъ 325 (415).

50. *Въ Карачевѣ*: 599, посадскихъ 20, роду ихъ 36.

51. *Въ Орлѣ*: 655; посадскихъ нѣтъ (42, роду ихъ 62).

52. *Въ Кромахъ*: 261; посадскихъ нѣтъ.

53. *Въ Брянскѣ*: 1,092, посадскихъ 76.

54. *Въ Рыльскѣ*: 379, посадскихъ 42, захребетниковъ 5.

55. *Въ Сѣвскѣ*: 951; посадскихъ нѣтъ.

56. *Въ Путивлѣ*. 1,653, посадскихъ 117, у нихъ дѣтей, братьевъ, зятьевъ, пріемышей, сосѣдей 66.

57. *Въ Каменномъ*: 481; посадскихъ нѣтъ.

58. *Въ Мценскѣ*: 516; посадскихъ нѣтъ.

59. *Въ Ельцѣ*: 2,920, посадскихъ 186 (152), роду ихъ 143 (91).

60. *Въ Ливнахъ*: 1,424; посадскихъ нѣтъ.

61. *Въ Курскѣ*: посадскихъ 376, дворянъ и дѣтей боярскихъ 446.

62. *Въ Новосилѣ*: 428; посадскихъ нѣтъ.

63. *Въ Епифани*: посадскихъ нѣтъ.

64. *Въ Черни*: 297; посадскихъ нѣтъ.

65. *Въ Данковѣ*: 835; посадскихъ нѣтъ.

66. *Въ Лебедяни*: 698; посадскихъ нѣтъ.

67. *Въ Талецкомъ*: 520; посадскихъ нѣтъ.

67. *Въ Черкасскомъ*: 427; посадскихъ нѣтъ.

69. *Въ Ефремовѣ*: 1,895; посадскихъ 3.

70. *Въ Осколѣ*: 1,468; посадскихъ нѣтъ.

71. *Въ Землянскѣ*: дѣтей боярскихъ 129; недорослей 9, казаковъ 29, пушкарей 39, Черкасъ 585, посадскихъ 10.

72. *Въ Обояни*: дѣтей боярскихъ 759, стрѣльцовъ 9, казаковъ 77, пушкарей 29; посадскихъ нѣтъ.

73. *Въ Судж ѣ*: посадскихъ нѣтъ.

74. *Въ Сумахъ*: казаковъ 1,221, мѣщанъ 1,754.

75. *Въ Лебединѣ*: казаковъ 628, мѣщанъ 1,641.

76. *Въ Бѣлгородѣ*: посадскихъ 48.

77. *Въ Болховомъ*: (по чертѣ отъ Бѣлгорода направо) посадскихъ нѣтъ.

78. *Въ Карповѣ*: посадскихъ нѣтъ.

79. *Въ Хотмышскомъ*: посадскихъ нѣтъ.

80. *Въ Вольскомъ*: посадскихъ нѣтъ.

81. *Въ Олешнѣ*: посадскихъ нѣтъ.

82. *Въ Ахтыркѣ*: Черкасъ 922, мѣщанъ нѣтъ.

83. *Въ Корочѣ*: посадскихъ нѣтъ.

84. *Въ Яблоновѣ*: посадскихъ нѣтъ.

85. *Въ Новомъ Осколѣ*: посадскихъ нѣтъ.

86. *Въ Верхососенскомъ*: посадскихъ нѣтъ.

87. *Въ Усердѣ*: посадскихъ нѣтъ.

88. *Въ Ольшанскомъ*: посадскихъ нѣтъ.

89. *Въ Острогожскомъ*: посадскихъ Русскихъ 11, Черкасъ мѣщанъ 18; дѣтей боярскихъ 65; станичниковъ 41; Черкасъ городовой службы 390.

90. *Въ Коротоякѣ*: дѣтей боярскихъ 424, казаковъ 377, посадскихъ 40.

91. *Въ Урывѣ*: 160: посадскихъ нѣтъ.

92. *Въ Воронежѣ*: Черкасъ 178, дѣтей боярскихъ 154, стрѣльцовъ 211, казаковъ 681, посадскихъ 271.

93. *Въ Костенскомъ*: дѣтей боярскихъ 197; посадскихъ нѣтъ.

94. *Въ Бѣлоколодезскомъ*: драгуновъ 194; посадскихъ нѣтъ.

95. *Въ Орловѣ* городкѣ дѣтей боярскихъ драгунской службы 239, пушкарей 14, дьячекъ приказной избы 1.

96. *Въ Сокольскомъ*: драгуновъ 518, пушкарей 18; посадскихъ нѣтъ.

97. *Въ Усмани*: посадскихъ нѣтъ.

98. *Въ Добромъ Городищѣ*: посадскихъ нѣтъ.

99. *Въ Козловѣ*: посадскихъ 47, роду ихъ 42.

100. *Въ Тамбовѣ*: служилыхъ людей 2,342; посадскихъ нѣтъ.

101. *Въ Волуйкѣ*: посадскихъ нѣтъ.

102. *Въ Чугуевѣ*: посадскихъ нѣтъ.

103. *Въ Салтовѣ*: посадскихъ нѣтъ.

104. *Въ Харьковѣ*: дѣтей боярскихъ 55, казаковъ Черкасъ полковой службы 1,070, пашенныхъ Черкасъ 1,023.

105. *Въ Красномъ Кутѣ*: Черкасъ полковой службы 120, мѣщанъ пахотныхъ Черкасъ 686.

106. *Въ Богодуховѣ*: рядовыхъ казаковъ 137, городовой службы Черкасъ 935.

107. *Въ Бобровкѣ*: казаковъ 200, мѣщанъ 948.

108. *Въ Болыклеѣ*: Черкасъ 331.

109. *Въ Новгородѣ Великомъ*: судья; головъ стрѣлецкихъ 2; казачій голова; сотниковъ стрѣлецкихъ 5; городничій; житнаго двора ключникъ; объѣзжій голова; ямской приказчикъ; отставныхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ 10; съѣзжей избы подъячихъ верстаныхъ 32, молодыхъ неверстаныхъ 20; новокрещеновъ кормовыхъ 29; новгородскихъ пѣшихъ казаковъ 150, дѣтей ихъ и братьи 18; въ Московскомъ Приказѣ стрѣльцовъ 500, дѣтей ихъ, братьи, племянниковъ и подсо-

сѣдниковъ 233; въ Новгородскомъ Приказѣ стрѣльцовъ 500, роду ихъ 123; пушкарей 53, запасныхъ кузнецовъ 14, дѣтей ихъ 10; воротниковъ 15; ямскихъ охотниковъ съ родомъ 128; посадскихъ 1,080; митрополичьихъ дѣтей боярскихъ и бобылей 127; церковныхъ причетниковъ 168.

110. *Въ Ладогѣ*: 262, посадскихъ 46.

111. *Въ Порховѣ*: посадскихъ 112.

112. *Въ Псковѣ*: посадскихъ 1,169 съ родомъ, пріемышами, захребетниками, церковными дьячками, пономарями.

113. *Въ Гдовѣ*: посадскихъ 71, роду ихъ 64; всего 525

114. *Во Изборскѣ*: 208, посадскихъ 4.

115. *Въ Островѣ*: посадскихъ 17, всего 109.

116. *Въ Опочкѣ*: 526, посадскихъ 80.

117. *Въ Печерскомъ монастырѣ*: посадскихъ 126, всего 344.

118. *Въ Великихъ Лукахъ*: посадскихъ 95, всего 1,084.

149. *Въ Торопцѣ*: посадскихъ 463, всего 1,353.

120. *Въ Твери*: посадскихъ 429, роду ихъ 77, всего 671

Въ опись 1679 года внесены города: 1) *Романовъ*: посадскихъ 258. 2) *Звенигородъ*: посадскихъ 22. 3) *Борисовъ*: посадскихъ 11, дѣтей ихъ 22. 4) *Бѣлоозеро*: посадскихъ 775; поповъ, ихъ дѣтей и братьи 38; бѣдныхъ, которые кормятся по міру, 189. 5) *Угличъ*: посадскихъ 143. 6) *Воротынскъ*: посадскихъ 55, дѣтей ихъ, братьи и племянниковъ 171, всего 255. 7) *Перемышль*: посадскихъ 25, дѣтей ихъ и братьи 46.

II. Опись городовъ 1677 года, хранящаяся между приказными дѣлами Московскаго Архива Минист. Иностран. Дѣлъ.

1. *Устюгъ съ уѣздомъ*: Стрѣльцовъ 132; посадскихъ и бобыльскихъ дворовъ 689; людей въ нихъ 830; въ уѣздѣ крестьянскихъ и половничьихъ дворовъ 7,804, людей въ нихъ 9,458 человѣкъ. Данныхъ и оброчныхъ съ посаду и уѣзду 6,038 рублей; полоняничныхъ 232 рубля; съ таможенъ и кружечныхъ дворовъ 6,782 р.

2. *Сольвычегодскъ*: Посадскихъ 228 дворовъ, а людей въ нихъ 258, да 74 кельи нищихъ, да 18 дворовъ пустыхъ, да 18 мѣстъ дворовыхъ. Въ уѣздѣ, въ селахъ и деревняхъ 3,198 дворовъ крестьянскихъ и половничьихъ, да 136 дворовъ, да 8 мѣстъ дворовыхъ отдано на льготу, да 71 дворъ бобыльскій, 2 двора гостиной сотни, дворъ торговаго человѣка, а людей въ нихъ 5,382. Данныхъ и оброчныхъ съ посаду и уѣзду 2,843 р.; полоняничныхъ 96; таможенныхъ и кружечныхъ 3,062.

3. *Тотьма*; На посадѣ 215 дворовъ, людей въ нихъ 296. Въ уѣздѣ 2,098 дворовъ, людей въ нихъ 3,725; 36 дворовъ половничьихъ, людей въ нихъ 51. Данныхъ и оброчныхъ 1,495 рублей; полоняничныхъ 68 рублей; таможенныхъ и кружечныхъ 2,350 р.

4. *Вязьма*: На посадѣ 379 дворовъ, людей въ нихъ 400. Въ уѣздѣ крестьянскихъ и бобыльскихъ 1,542 двора, людей въ нихъ 1,563. Данныхъ и оброчныхъ 93 рубля, полоняничныхъ 30, таможенныхъ и кружечныхъ 1,196 рублей.

5. *Можайскъ*: На посадѣ 32 двора; людей въ нихъ 30 человѣкъ. Въ уѣздѣ 355 дворовъ, людей въ нихъ 368. Данныхъ, оброчныхъ и полоняничныхъ съ посаду 28 рублей, таможенныхъ и кружечныхъ 1,196 рублей.

6. *Руза*: На посадѣ 75 дворовъ, людей въ нихъ 80 человѣкъ. Въ уѣздѣ 504 двора, людей въ нихъ 510. Данныхъ и оброчныхъ 9 рублей, полоняничныхъ 13, кружечныхъ 175 рублей.

7. *Звенигородъ*: На посадѣ 61 дворъ, людей въ нихъ 67. Въ уѣздѣ 28 дворовъ, людей въ нихъ 35. Данныхъ, оброчныхъ и полоняничныхъ 11 рублей.

8. *Веневъ*: На посадѣ 107 дворовъ, людей въ нихъ 127. Въ уѣздѣ 496 дворовъ, людей въ нихъ 499. Данныхъ и оброчныхъ 80 рублей, полоняничныхъ 14, кружечныхъ 485 рублей.

9. *Клинъ*: На посадѣ 25 дворовъ и въ нихъ столькихъ людей. Въ уѣздѣ 615 дворовъ. Данныхъ, оброчныхъ и полоняничныхъ 2 рубля; съ уѣзду полоняничныхъ 12 рублей; съ кружечнаго двора 228 рублей.

10. *Ржева Володимерова*: Посадскихъ 83 двора, въ уѣздѣ 1,354 двора; данныхъ оброчныхъ и полоняничныхъ 70 рублей; съ кружечнаго двора 328 рублей.

11. *Старица*: На посадѣ 117 дворовъ; въ уѣздѣ 396. Данныхъ и оброчныхъ 22 рубля; съ кружечнаго двора 292 рубля.

12. *Бѣжецкій Верхъ*: Посадскихъ 134 двора, людей въ нихъ 195. Въ уѣздѣ дворовъ 2,757, людей въ нихъ 2,843. Данныхъ, оброчныхъ и полоняничныхъ съ посаду 44 рубля; съ уѣзду полоняничныхъ 60 рублей; съ кружечнаго двора 477 рублей.

III. Списокъ подъячихъ по приказамъ 1675 года.

(Архивъ Минист. Юстиціи, книга Моск. стола, № 73.

1. *Разрядъ*. Подъячимъ всѣмъ окладъ 700 рублей; порознь жалованья отъ 40 до 2 рублей человѣку. Верстаныхъ подъячихъ 74 человѣка; изъ нихъ 10 человѣкъ получали помѣстный окладъ отъ 400 до 250 четвертей. Неверстаныхъ 33. Разряднаго Приказа дѣти боярскія: 10 верстаныхъ, получавшихъ жалованья отъ 12 до 8 руб., неверстаный одинъ; 6 сторожей получали жалованья по 7 рублей.

2 *Посольскій Приказъ*. Окладъ 600 рублей, отъ 65 до 4 рублей человѣку; верстаныхъ 31; изъ нихъ помѣстный окладъ имѣли 4, отъ 350 до 250 четвертей; неверстаныхъ 7; 5 приставовъ съ жалованьемъ по 8 рублей; 4 сторожа съ жалованьемъ по 7 рублей.

3. *Приказъ Малой Россіи*. Окладъ 362 рубля, отъ 50 до 5 рублей человѣку, всего 19 подъячихъ.

4. *Большая Казна*. Окладъ 200 рублей, отъ

25 до 2 рублей человѣку; всѣхъ подъячихъ 13 человѣкъ; 6 приставовъ съ жалованьемъ по 8 рублей; 4 сторожа съ жалованьемъ по 6 рублей.

5. *Иноземскій.* Окладъ 135 рублей, отъ 20 до 1 рубля; верстаныхъ 25, неверстаныхъ 9; 3 пристава, 4 сторожа съ жал. до 7 рублей.

6. *Рейтарскій.* Окладъ 89 рублей, отъ 22 до рубля; 13 верст., 4 неверстаныхъ; 5 приставовъ съ жал. по 5 руб.; 4 сторожа съ жал. по 6 руб.

7. *Аптекарскій.* Окладъ 20 руб.; одинъ подъячій.

8. *Казанскій Дворецъ.* Окладъ 350 руб., отъ 31 до рубля; верст. 60; неверст. 17; 10 приставовъ съ жал. по 10 руб.; 6 сторожей съ жалован. по 6 руб.

9. *Сибирскій.* Окладъ 308 руб., отъ 30 до 6 руб.; 16 верст., 7 неверстаныхъ.

10. *Купецкихъ дѣлъ.* Четверо подъячихъ; одинъ съ жал. 40 р., другой 25, двое 20; 6 приставовъ съ жал. по 12 р., четверо сторожей по 6 руб.

11. *Стрѣлецкій.* Окладъ 223, отъ 20 руб. до 50 коп.; верст. 32, неверст. 20.

12. *Приказъ сбора стрѣлецкаго хлѣба.* Окладъ 55 руб. 50 коп., отъ 15 до 5 руб., двое подъячихъ съ приписьми, 2 старыхъ верст., 7 неверст., одинъ молодой верст., 39 неверст.; четверо сторожей съ жал. по 7 руб.

13. *Судный Владимірскій* Окладъ 226, отъ 28 до 2; верст. 28, неверст. 2; приставы: 5 съ жал. по 10 руб., одинъ по 8; двое неверст.; четверо сторожей по 7 руб.

14. *Судный Московскій.* 250, отъ 19 до 2; верст. 16, неверст. 15; 12 приставовъ по 4, 3, 2 рубля; 4 сторожа по 7 руб.

15. *Приказъ Большаго Дворца.* 825, отъ 25 руб. до 50 коп.; 84 неверстаныхъ.

16. *Житный дворъ.* Отъ 25 до 8; всего 6 подъячихъ.

17. *Сытнаго Дворца.* Отъ 30 до 4 руб.; 10 подъячихъ.

18. *Кормоваго Дворца.* Отъ 20 до 5 руб.; 6 подъячихъ.

19. *Хлѣбнаго Дворца.* Отъ 19 до 4 руб.; 7 подъячихъ.

20. *Судный дворцовый.* Окладъ 130, отъ 23 до 4 руб.; верст. 8, неверст. 10; приставовъ неверст. 6; 4 сторожа съ жал. по 6 руб.

21. *Оружейный.* 95 руб., отъ 50 до 15 руб.; 3 подъячихъ; двое приставовъ по 29 руб. обоимъ; 9 сторожей — всѣмъ 52 рубля.

22. *Помѣстный.* 700 руб., отъ 50 до рубля; 95 верст., 228 неверст.; 5 дѣтей боярскихъ съ жал. по 10 руб., 6 сторожей съ жал. по 9 руб.

23. *Разбойный.* 300 руб., отъ 20 до 2 руб.; верст. 38, неверст. 6; 5 приставовъ верст. съ жал. по 4 руб., 5 неверст.; 6 сторожей всѣмъ 40 руб.

24. *Пушкарскій.* 200 руб., отъ 35 до 3; 10 верст., 1 неверст.

25. *Ямской.* 150 руб., отъ 33 до 1 руб.; 14 подъячихъ.

26. *Челобитный.* 200 руб., отъ 30 до 4 руб.; верст. 13, неверст. 6; подвойскихъ 5 съ жал. по 12 руб.; 1 приставъ и 3 сторожа.

27. *Большой приходъ.* 385, отъ 30 до 2 руб.; 25 верст., 42 неверст.

28. *Московской большой таможни.* Отъ 15 до 5 руб.; 5 верст., 11 неверст.

29. *Помѣрной избы.* 1 верст. по 5 руб.; 10 неверст.

30. *Казенный.* 124 руб., отъ 35 до 5; 8 верст., 1 неверст.

31. *Монастырскій.* 246, отъ 30 до 3 руб.; 25 верст., 7 неверст.

32. *Печатный.* 63, отъ 35 до 5 руб.; 5 верст., 3 неверст.

33. *Конюшенный.* 164, отъ 28 до 3 руб.: 12 верст., 2 неверст.

34. *Земскій.* 255, отъ 35 до 3 руб.; 29 верст., 17 неверст.; двое нарядчиковъ съ жал. по 14 руб.; 9 рѣшеточныхъ приказчиковъ верстаныхъ отъ 12 до 8 руб., 42 неверст.

35. *Владимірская четь.* 64, отъ 30 до 4 руб.; 3 верст., 18 неверст.

36. *Галицкая четь.* 71, отъ 30 до 8 руб.; 4 верст., 8 неверст.

37. *Новгородскій.* 195, отъ 34 до 5 руб.; 17 верст., 14 неверст.

38. *Костромская четь.* 79, отъ 34 до 3 руб.; 6 подъячихъ.

39. *Княжество Смоленское.* 66, отъ 18 до 7 руб.; 6 верст., 1 неверст.

40. *Устюжская четь.* 137, отъ 31 до до 50 коп.; 14 верст., 7 неверст.

41. *Новая четь.* 158, отъ 30 до 3 руб.; 12 верст., 25 неверст.

42. *Отдаточный дворъ.* 27; верст. 2, неверстаныхъ 13.

43. *Холопья суда.* 200, отъ 30 до 2 руб.; верст. 14, неверст. 6.

44. *Хлѣбный.* 137, отъ 23 до рубля: 24 верстаныхъ.

45. *Каменныхъ житницъ.* 25; 2 верст.

46. *Каменныхъ дѣлъ.* 113, отъ 35 до 8 руб.; 5 верст., 1 неверст.

47. *Мытная изба.* 11 подъячихъ, всѣ неверстаны.

IV. Разрядъ безъ местъ Царя и Великого Князя Ѳеодора Алексѣевича въсеа великия и малыя и бѣлыя Роси самодержца 190 году *).

Лѣта 7190 Генваря въ 12 день указалъ Велики Государь Царь и Велики князь Ѳеодоръ Алексѣевичъ въсеа великия и малыя и бѣлыя Роси самодержецъ быть въсемъ чинамъ у всякихъ делъ быть бѣзъ местъ и отеческихъ делъ въпреть отнюдь не вчинать, а будетъ де хто станетъ въчинать и темъ сказано быть потъ смертьною казнью и потъ кълятвою, и книги разрядныя и случные сожгьли въласти въ переднихъ сенехъ въ печи, и выброны изо всехъ родовъ въ ротмистьри и въ порутчикахъ въ (с)таршихъ и не въ старшихъ и съ того числа вьсе почело быть бѣзъ местъ.

---

*) Этотъ важный памятникъ, восполняющій пробѣлъ въ извѣстныхъ намъ до сихъ поръ разрядныхъ книгахъ, находится въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Мин. Ин. Дѣлъ.

Тогожь году Генваря въ 17 день сказана сидеть въ Палатѣ у расправныхъ дѣлъ зъ бояриномъ, съ Князь Никитою Ивановичомъ Одуевскимъ, боярину князь Ивану Борисовичю Търоекурову.

Тогожь году Генваря въ 18 день были у Великого Государя у руки на приезде въ столовой палате Кримския послы и посланники.

А обьевлялъ ихъ Великому Государю думной посольской дьякъ Ларивонъ Ивановичь Ивановъ.

Тогожь году Генваря въ 19 день былъ у Великого Государя въ передней Светейши Іоакимъ Патриярхъ московски и въсеа Руси со властьми.

А въ то вьремя указалъ Велики Государь принесть исъ комноты бьлижнимъ людямъ ларецъ съ родословною книгою князь Борису княжь Алексѣеву сыну Голицыну да Михайлу Васильеву сыну Собакину. И какъ по указу Великово Государя тотъ ларецъ съ родословною книгою търинесли, и Велики Государь указалъ честь свой Великого Государя указъ думному розрядному дьеку Василью Семенову.

И какъ думной дьякъ Василей Семеновъ ево Великого Государя указъ търочелъ, и Великий Государь изволилъ тое кьнигу поверхь потписать по листамъ своею рукою

А Светейши Потриярхъ подисподомъ также потписовалъ по листомъ своею рукою;

А власти, и бояре, и околничия и думныя и ближные люды и въсякия чины потписовали своимижь руками по своими імены.

А каковъ Великого Государевъ указъ сказанъ и думный дьякъ розрядьной Василей Гьригорьевичъ Семеновъ ичелъ, и тотъ указъ Великова Государя писонъ въ особной тетрате весь именно, и чье руки въластей, и бояръ, и околничихъ и думныхъ и ближнихъ людей руки обьевились у той книги, и то написоно въ той же тетрате въсе именно на лицо дьля выпретку, и тое книгу указалъ Велики Государь и свой указъ переплечи и постьресть боярину князь Василью Васильевичю Голицыну, тое книгу отдать въ розрятъ именно боярину князь Михаилу Юрьевичу Долгоруково съ товарищи, а хто имены сиделъ у сей книги, и техъ имены написоныжь въпоследи.

Тогожь году Генваря въ 20 день сказана быть по указу Великого Государя въ воеводахъ: въ велики Новгородъ изо Пскова боярину князь Михайлу Андьреевичу Голицыну полковымъ и осаднымъ;

Во Псковъ осаднымъ околничему князь Григорью Аѳанасьевичю Козловскому;

А изъ Великого Новаграда осадному воеводе боярину Василью Семеновичю Волынскому указалъ Велики Государь быть къ Москве.

И Генваря въ 24 день отказона имъ.

Тогожь году Генваря въ 25 день сказан. воеводы осаднымъ:

Велики Новгоротъ боярину Ивану Васильевичю Бутурлину;

А бояри(н)у Василью Семеновичю Волиньскому велено быть по прежнему къ Москве.

А Новогоротцькой полкъ велено ведоть и Псковской во Пскове боярину князь Михайлу Андреевичю Голицыну.

Тогожь году Генваря въ 27 день сказоно въ воеводы съ Козанскимъ полкомъ въ Синбирскъ боярину Петру Васильевичю болшему Шереметеву.

Тогожь году Генваря въ 29 день сказано по указу Великого Государя стьроить городы въ Дауры и въ Селегинской и въ Болбожинской, и Сибирскимъ полкомъ на Китайцы думному дьворенину Кирилу Осиповичю Хлопову, а съ нимъ велено быть въсемъ Сибирской земли городомъ вьсякимъ служивымъ людемъ конным и пехоте.

Тогожь году Ѳевраля въ 5 день было постановления въ Орхиепискупы въ Тверь и въ Кашинъ;

А ставили исъ Торшька Борисоглебскова и преподобного Еѳрема Новоторжьскаго чудатворьца манастира Архимандрита Сергія.

А ставили въ Соборной и опостольской церкьви;

А ставилъ его въ Орхиепискупы Светейшее Иоакимъ Патриярхъ Московски и въсеа Руси.

А на постановълени были въласти.

Митрополиты:

Карнили Новгоротцьки и Великолуски,
Никифоръ Астьрахански и Терски,
Иона Ростовски и Ерославски,
Маркелъ Пъсковски и Зборски,
Семеонъ Смоленски и Доргобужски,
Ворсунофей Сарски и Подонски,
Ѳиларетъ Нижегоротцьки и Олаторски,
Павелъ Резански и Муромски;

Архиепискупы:

Илорионъ Суздолски и Юрьевски,
Симонъ Вологотцьки и Бѣлозерски,
Никифоръ Коломенски и Коширски;

Епискупъ:

Иона Вятцьки и Великопермьски;

Архимандриты:

Чудовской,
Юрьевской изъ Новагорода,
Андроньевской,
Савинской,
Ѳутинской,
Калязинской;
Спаса-новой,
Симоновской,
Петровской,
Воскресенской,
Богоявленской,
Иверской;

Игумны:

Зьнаменской,
Угрежской,

Съ Унжи Макарьевской,
Зъдъвиженской,
Зълатоустовской,
Навинской,
Данской,
Даниловской,
Стьретинской,
Протопопъ Соборной.

А лестьвицею учиненъ ниже вологотцькова а више коломенскаго тверской въладыко,

Да на постановлени были по указу Великаго Государя бояринъ князь Юрья Семеновичь Урусовъ, да съ нимъ думной дьворенинъ Кирило Осиповичь Хълоповъ, да думной дьякъ Василей Семеновъ.

А провожали верхь къ Великому Государю въладыку и на Подворье умной дъворенинъ и думной дьякъ тежь;

Тогожь году Θевраля въ 9 день сказана въ осадные вооводы: на Терки стольнику Θедору Савину сыну Нарбѣкову;

А околничему Александру Савосьяновичю Хитрово указалъ Велики Государь быть къ Москъве.

Тогожь году сказана родословныя книги, и выпижия, и боярскимъ и воевотцькимъ родомъ, игостинымъ и дьворянскимъ і дьячьимъ, а делать на шесть книгъ съ отверски, а книгомъ быть: (1. 2. 3. 4. 5. 6.) 1) родословнымъ людемъ; 2) внежимъ; 3) Московскимъ зънатнымъ родомъ; 4) дьворянскимъ; 5) гостинымъ и дьячимъ; 6) всякимъ инскимъ чинамъ.

Бояриному князь Володимеру Дьмитриевичю Долгоруково, да думному дьеку Василью Семенову гербалною, стольникомъ князь Ивану княжь Андрееву сыну Болшому Голицыну, да Павлу *) сыну Непребѣцкому улаженья, стольнику князь Андъреею князь Иванову сыну Хованскому, а съ нимъ дъвойники и въ семъ велено пъринасить каленны росписи по родамъ.

Тогожь году Оевраля въ 12 день изволилъ Велики Государь виброть себѣ въ супруги девицу Мароу Мотвееву дочь Матоея Васильевича Апраксина.

Тогожь числа нарекли девицу Мароу Матвеевну въ Царевы и Великия Княжны, а благословлялъ и нарекалъ Светейши Патриярхъ.

Тогожь числа вишетъ изъ комнаты въ переднею Светейши Патріярхъ сказавалъ бояромъ и окольничимъ и думнымъ людемъ, что нарекли Цареву и Великою Княжну Мароу Матвеевну.

Тогожь году Оевраля въ 15 день была радость, изволилъ Велики Государь сочетатца въторымъ законнымъ бракомъ.

А изволилъ Велики Государь понять за себя Матвееву дочь Васильевича Опраксина цареву и Великою Княжну Мароу Матвеевну.

А венчатца изволилъ Велики Государь въ саборе у Животоснаго Воскресения Господни.

А венчался въ 6 часу дьни въ первой четверти.

А венчалъ ево Великого Государя духовникъ евожь Великого Государя Бъ̆лаговешенской пъротопопъ Никита Васильевичь

А кремль былъ въ то вьремя запертъ, а отперли въ 10 часу.

А кругъ Къремля указана была и вороты вѣдать окольничиму Павлу Петровичю Языкову, а свадебного чину никакова небыла.

Тогожь числа пожаловалъ Велики Государь въ спалники сетолниковъ: Степана Богданова сына Ловчикова;

Петра да Θедара, да Андрея Матвеевыхъ дѣтей Опраксиныхъ.

Тогожь году Θевраля въ 16 день указалъ Великиі Государь єхать срадосними грамоты стольникомъ и ближнымъ людемъ ка властямъ Иванъ Андреевъ сынъ Язиковъ, да Иванъ Васильевъ сынъ Дашковъ и по бояромъ.

Къ Търоице въ Сергпевъ монастирь Иванъ Михайловъ сынъ Волынской.

Къ Саве въ Зъвенигородъ и въ Воскьресенской монастири Иванъ Богдановъ сынъ Яковлевъ.

Тогожь числа указалъ Великіи Государь сидеть въ рэзряде и въ Ройтарскомъ и выноземскомъ и въ Пушкарскомъ Пърказахъ думному дъворенину Веденихтю Андреевичу Зъмеєву на столника Степанава места Ловчикова.

Тогожь году Оевраля въ 17 день пожаловалъ Велики Государь въ стольники къ Государю Царевичу и Великому Князю Ивану Алексѣевичю стольника князь Ивана княжь Степанова сына Шеховскаго.

Тогожь году Θевраля въ 19 день пожаловалъ Велики Государь въ стольники 2-хъ Опраксиныхъ, 2 Хърушовыхъ, 2 Ловчиковыхъ.

Тогожь году Θевраля въ 19 день было действъво стърашнаго суда.

А на действъве былъ Светейши Патриярхъ со влостьми.

Да по указу Великого Государя были на действъве Царь Гъригорей Алексѣевичь сибирской, да бояринъ князь Иванъ Борисовичь Търоекуровъ, да думной дъворенинъ Кирила Осиповичъ Хълоповъ, да думной дьякъ Данила Полянской.

Тогожь году Февраля въ 21 день были у руки Государыни Царицы и Великия Княгини Мароы Матвеевны въ передней Государевой, а были а Велики Государь сиделъ, съ първавой руки.

Светейши Іоакимъ Потриярхъ Московски и въсеа Руси со властьми и благословляли образами;

а власти были:

Митрополиты:

Корнили новогоротцьки и Великолуски,
Никиоoръ Астьрахански и Терски,
Иона Ростовски и Ерославски,
Маркелъ Пъсковски и Зборски,
Симеонъ Смоленски и Доргобужски,
Варсуноеей Сарски и Подонски,
Филаретъ Нижегоротцки и Олаторски,
Павелъ Резански и Муромски;

---

*) Пробѣлъ въ подлинникѣ.

Архиепискупы:

Илорионъ Суздолски и Юрьевски,
Симонъ Вологотцьки и Бѣлозерски,
Серги Тъверски и Кашински;

Епискупъ:

Иона Вятцьки и Великопермьски.

Да у руки были бояре и окольничия и думные и ближные люди.

Да объявлялъ бояринъ и дворетцькой князь Василей Өедоровичь Одуевской гостей и розныхъ слоботъ посатцьскихъ людей съ подносомъ.

Тогожь году Февраля въ 23 день былъ Великому Государю выходь въ Залатую палату, а были у Великова Государя на отпуске посли и посланники Къримския, объявлялъ думнай дьякъ Ларивонъ Ивановъ.

Тогожь числа пожаловалъ Велики Государь въ бояре кърав чего князь Ивана Гъригорьевича Куракина.

А сказавалъ ему боярьства думнай дьякъ Василей Семеновъ.

А у скаски стоялъ и Великому Государю объявлялъ околничей Матвей Степановичь Пушкинъ.

Тогожь числа пожаловалъ Велики Государь въ кърав чия столника и ближняго человѣка князь Бориса Алексѣевича Голицына;

А сказавалъ думной дьякъ Василей Семеновъ.

Тогожъ числа былъ столъ у Великого Государя во столовой палате.

А у стола были Великого Государя Светейши Патриярхъ со влостьми, да бояре и окольничия, к думныя и ближния люди въсе.

Въ столы смотрели столники:

Въ болшей столъ столникъ князь Лука княжь Өедоровъ сынъ Долгоруково, да столникъ же Дьмитр ей Петровъ сынъ Пъротасьевъ;

Въ кърившой столъ столникъ князь Борисъ княжь Өедоровъ сынъ Долгоруково, да столникъ Александъръ Петровъ сынъ Пъротасьевъ.

У Государева стола стаялъ крайчей князь Борисъ Алексѣевичь Голицынъ да столникъ и ближней человекъ Аврамъ Ивановъ сынъ Хитрово.

Вина нарежалъ столникъ князь Иванъ княжь Андреевъ сынъ Болшой Голицынъ.

Пить наливалъ чашникъ Семенъ Ивановичь Языковъ.

За Государевымъ поставцомъ сиделъ бояринъ и дворетцькой князь Василей Өедоровичь Одуевской.

За потриярпимъ

За боярскимъ.

У патриярхова стола стоялъ.

Царевичей потчиволъ касимовскихъ и сибирскихъ столникъ князь Матоей княжь Веденихтовъ сынъ Оболенской.

Въластей кормили.

Бояръ кормили.

Тогожь числа былъ столъ у Великия Государыни Царицы и Великия княгини Мароа Матөеевны по государевой передней.

А у стола были царевичева жена да боярини пъриежия.

А у стола стояла крайчея Анна Петровна Хитрова.

А за поставцомъ сиделъ думной дъворенинъ Никита Ивановичъ Окиноовъ

Тогожь году Өевраля въ 26 день пъразнавали ангелъ Государыни Царевны и Великия Княжны Евдокеи Алексѣевны ангелу.

И былъ Великому Государю вихотъ въ столовою, а жаловалъ пироги.

Тогожь числа пожаловалъ Велики Государь въ бояре столника и ближнего человека князь Михайла Яковлевича Черкаского.

А сказывалъ ему боярстьво думной дьякъ Василей Семеновъ.

А у скаски стоялъ и великому Государю обьевлялъ бояринъ Петръ Михайловичь Солтиковъ.

Тогожь числа пожаловалъ велики Государь въ бояре столника и ближнего человека князь Бориса Ивановича Пърозоровскаго.

А сказавалъ ему боярстьво думной дьякъ Василей Семеновъ.

А у скаски стоялъ и Великому Государю объявлялъ околничей Иванъ Ивановичь Чаадаевъ.

Тогожь году Марто въ 5 день пожаловалъ Велики Государь въ околничия столника князь Якова Васильевича Хилкова; а сказавалъ ему аколничестьва думной дьякъ Василей Семеновъ;

А у скаски стоялъ и Великому Государю объявлялъ думнай дъваренинъ Кирила Осиповичъ Хълоповъ.

Тогожь числа пожаловалъ Велики Государь въ околничыи думнаго дъваренина Кирилу Осиповича Хълопова; а сказывалъ ему околничестьва думнай дьякъ тотъ же, а у скаски стаялъ и Великому Государю обьявлялъ печатникъ Дементій Миничь Вошмоковъ.

Тогожь числа пожаловалъ Велики Государь въ думные дъворяне столника Өедора Савича Нарбѣкова.

Тогожь году Марта въ 12 день по указу Великого Государя учиненъ Іона Епискупъ Вятцьки и Велико пермьски Архиепискупомъ а степень ему учинена.

Тогожь числа поставили во власти первымъ Архиепискупомъ Велики Устюгъ и на Тотму Архимандрита Таласія изъ Великова Новагорода Оутина монастыря, а степень ему учинена.

А ставелъ ево Светейши Патриярхъ со влостьми, а на постановлени былъ по указу Великого Государя бояринъ князь Юрья Семеновичь Урусовъ да съ нимъ думнай дъваренинъ Иванъ Петровичъ Кондыревъ, да думнай дьякъ Емельянъ Украинцевъ.

Тогожь году Марта въ 19 день поставили во власти первымъ Архиепископомъ на Колмыгоры и на Вагу крестоваго священника светейшаго Патриарха Аөонасия, а ставилъ его Светейши Іоакимъ Патриархъ Московски і всеа Россиі са властьми.

Да на поставленіижъ были по указу Великого Государя бояринъ князь Иванъ Борисовичь Троекуровъ, да думной дворенинъ Андрѣй Васильевичь Толстой, да думной дьякъ Данило Полянъской.

А учиненъ степенью више Архіепископа Устюжскаго і Тотемскаго.

Тогожь году Марта въ 24 день по указу Великаго Государя ставили во власти въ Танбовъ въ Епискупы Игумна изъ Галича Леонтия Аврамия Городецъкова монастыря а ставилъ его Светеіши Іоакимъ Патриархъ Московски і всеа Русиі.

Да на поставленіижъ были по указу Великого Государя бояринъ князь Юрья Семѣновичь Урусовъ, да съ нимъ думной дворенинъ Ѳедоръ Савичь Нарбековъ, да думной дьякъ Данило Полянской; по ступени учиненъ.

Тогожь году Апреля въ 1 день посилалъ Велики Государь о спосенни съпрашивать Павла Митрополита Сибирского и Тобольского столника и ближнего человека Михайла Васильевича Косаткина.

Тогожь году Апреля въ 2 день было постановления въ Соборной церкви въпервыі Епископы въ Воронежъ, а ставили Ігумна Митроѳана изъ Галича съ Унжи Макарьевъского монастыря; а ставилъ его Іакимъ Патриархъ Московскиі і всеа Русиі со властьми. Да на поставленіижь были по указу Великого Государя бояринъ князь Иванъ Борисовичь Троекуровъ да думной дворенинъ Богданъ Ивановичъ Полибинъ да думной діякъ Данила Полянской.

Тогожь году Апреля въ 10 день пожаловалъ Велики Государь въ бояре столника и ближного человека Алексѣя Семеновича Шейна.

А сказавалъ ему боярстьво думной дьякъ Василей Семеновъ; у скаски стоялъ и Великому Государю объевлялъ окольничей Иванъ Ѳедоровичь Волиньской.

Тогожь числа пожаловалъ Велики Государь въ думные дъворяне столника Ѳедора Григорьевича Меншего Хърущева.

Тогожь году Апреля въ 13 день пожаловалъ Велики Госуларь въ столники боярипа Петрова сына Васильевича Болшего Шереметева Валадимера.

Тогожь году Апреля въ 15 день перекладывали въ новой ковчегъ исъ старова ризу Господню.

Тогожь году Апреля въ 16 день былъ Великому Государю выхотъ въ Соборъ къ заутрене на праздникъ Светлого Воскресения.

А са Великимъ Государемъ были царевичи и бояре и въсакихъ чиновъ въ залотныхъ ковтанехъ.

А служилъ заутрину светейши Иоакимъ Патриярхъ Московски и въсеа Руси, да съ нимъ въласти:

Митрополиты:

Корнили Новгоротцьки и Великолуски;
Никиѳоръ Астьрахански и Терски;
Павелъ Сибирски и Тоболски;
Маркелъ Пъсковски и Зборски;
Ѳиларетъ Нижегаротцьки и Алатарски;
Иларионъ Суздолски и Юрьевски;
Иона Ростовски и Ерославски;
Варсуноѳей Сарски и Подонски;
Павелъ Резански и Муромски;

Архіепископы:

Симонъ Воготцки и Бѣлозерски;
Аѳанаси Колмогорски и Вашки;
Серги Тъверски и Кашински;
Таласи Устюшки и Тотемски;

Епискупы:

Леонти Тонбовски,
Митроѳанъ Воронежки.

Тогожь числа указалъ Велики Государь быть въ приношикахъ по дъневаньемъ спалникамъ хтобъ головы у дневаней.

Тогожь числа пожаловалъ Велики Государь въ комноту боярина князь Ивана Андреевича Хованскаго.

Тогожь году Апреля въ 21 день съказана въ Киевъ въ товарищи на околничего князь Борисова места Васильевича Горчекова думному дъворенину Ивану Аѳанасьевичу Желябушкому.

Тогожь году Апреля въ 28 день былъ столъ у Светейшего Патриярха по Крестовой Полате; у стола были въласти, да у сталажь были бояре князь Василей Васильевичъ Голицынъ, князь Володимеръ Дъмитриевичъ Долгоруково; околничей Петръ Тимоѳеевичъ Кондыревъ, думной дьякъ Емельянъ Игнатьевичъ Украинцовъ.

Тогожь году Апреля въ 24 день били челомъ Великому Государю прикасъ стърелцовъ Семенова Пърказу Гърибаедова что и въ силничей въсякой нагалстьве и въ разарепье и хотели либоло зъбунтовать.

И Велики Государь указалъ ево Семена послать въ Тотму и вотчины отнять и исъ полковникомъ отставить.

Тогожь году Апреля въ 25 день сказано на Семенова Грибоедова места.

Тогожь году Апреля въ 27 день грѣхъ ради всего Московскаго государства въ четвергъ Ѳомины недѣли, дня въ третьѣнадцамъ часу вначале оставя земное царство и преселися въ небесную обитель преставися Великиі Государь, Царь и Великиі Князь Ѳеодоръ Алексѣевичъ всеа великия и малыя и бѣлыя Росиі Самодержецъ, а отъ рождения бысть ему 22 году; а царствовалъ на престоле всего Росиіского государства 6 лѣтъ і 2 мѣсяца.

А по немъ остася супруга ево Государыня благоверная Царица и Великая княгиня Марѳа Матвѣевна 15 лѣтъ;

Да братья ево Государь Царевичъ и Великиі Князь Іоанъ Алексѣевичь 16 лѣтъ, да царевичь и Великиі Князь Петръ Алексѣевичь 10 лѣтъ.

Книга записная Царя и Великова Князя Петра Алексѣевича въ 190 г.

Лѣта 7190 Апрѣля въ 27 день нарекли на Росиіское государство, въ Цари, Государя Царевича і Великого Князя Петра Алексѣевича всеа Росиі, по представлени брата ево Великого Государя Царя і Великого Князя Ѳедора Алексѣевича всеа великия и малыя и бѣлыя Росиі Самодержца, дня въ 13 часу, въ Четверкъ Ѳомины недѣли.

Тогожь числа целовали крестъ бояре і окольничие и думные и ближнея люди Государю Царю і Великому Князю Петру Алексѣевичю всеа великия и малыя и бѣлыя Росиі Самодержцу въ хоромѣхъ деревянныхъ, гдѣ Великого Государя не стало

Тогожь числа целовали крестъ Великому Государю стольники и стряпчия и дворяне Московские и жильцы у Спаса въ верху а къ верѣ приводилъ бояринъ Князь Яковъ Никитичь Одоевской, да окольничей Князь Константинъ Осиповичь Щербатовъ, да думной дьякъ Василій Семѣновъ.

А въ соборной Апостольской церкви ко кресту приводилъ разныхъ чиновъ бояринъ Петръ Михайловичь Солтыковъ, да Окольничей Князь Григорей Аѳонасьевичъ Козловской, да Думной діакъ Емельянъ Украинцовъ.

Въ Посольскомъ приказе приводилъ ко кресту подъячихъ, переводчиковъ и толмачей Думной діакъ Ларионъ Ивановъ.

У Рождества на дворце приводилъ ко кресту дворовыхъ людей стольникъ Іванъ Аѳонасьевъ сынъ Лихачевъ, да дворцовыя дьяки.

Въ оптекѣ приводилъ къ верѣ бояринъ и дворецкой Князь Василей Ѳедоровичь Одоевской да діакъ Андрей Виниусъ.

Тогожь числа учинились сильны и креста не цѣловали стрельцы Александрова приказа Карандѣева, і Великиі Государь указалъ къ нимъ послать уговаривать окольничего Князь Костентина Осиповича Щербатого да думного дворенина Веденихта Андрѣевича Змѣева, да думнаго діака Емельяна Украинцова і ихъ уговорили і они крестъ Великому Государю целовали.

Тогожь числа сидѣли въ хоромехъ у гробу Великова Государя бояря и дьяки: Князь Ѳедоръ Ѳедоровичъ Куракинъ, да Иванъ Богдановичъ Хитрово, да ево Великого Государя ближния люди, перваго дневанья;

Князь Данила Княжъ Григорьевъ сынъ Черкаской,
Іванъ Алексѣевъ сынъ Головинъ,
Михайла Васильевъ сынъ Собакинъ,
Іванъ Михайловъ сынъ Волынской,
Іванъ Васильевъ сынъ Заборовской,
Іванъ Івановъ сынъ Головинъ,
Володимеръ Петровъ сынъ Шереметевъ.

Тогожь числа пожаловалъ Великиі Государь въ спальники Івана Кирилова сына Нарышкина, да Аѳонасья, да Льва, да Мартемьяна, да Ѳедора Кириловыхъ же дѣтей Нарышкиныхъ, да Василья Ѳедорова сына Нарышкина, да своихъ Великого Государя Стольниковъ: Тимофѣя Борисова сына Юшкова, Тихона Никитича сына Стрѣшнева.

Тогожь числа пожаловалъ Великиі Государь ізъ опалы, велѣлъ быть къ Москвѣ: Артемона Сергѣева сына Матвѣева, Івана Кирилова сына, да Петра, да Кандратья Ѳоминыхъ дѣтей Нарышкиныхъ, да думнова дворенина Ѳедоровой жене Полуехтовича Нарышкина съ сыномъ і велѣно имъ быть въ Москвѣ не мешкавъ.

А по Артемона послано тогожъ числа Стольникъ Семенъ Ерофѣевъ сынъ Алмазовъ.

Тогожь числа указалъ Великиі Государь большую казну і казенной дворъ и мастерскую Великаго Государя запечатать боярину Князь Якову Никитичу Одоевскому, да печатнику Дементью Миничу Башмакову, да думному дьяку Даниле Полянскому.

И Артамону Сергѣевичу Матвѣеву послана Великова Государя грамота, велѣно по прежнему писатца бояриномъ.

Тогожъ году Апрѣля въ 28 день выходили со кресты въ хоромы по тѣло Великого Государя Светейшиі Іоакимъ Патриархъ Московскиі и всеа Росиі са властьми, а съ нимъ были власти:

Митрополиты:

Корнилиі Новгородскиі и Великолуцкиі,
Никиѳоръ Астраханскиі и Терскиі,
Павелъ Сибирскиі и Тобольскиі,
Иона Ростовскиі и Ерославскиі,
Маркелъ Пьсковскиі і Зборскиі,
Ворсоноѳей Сарскиі и Подонскиі,
Филаретъ Нижегородцкиі и Алатырскиі,
Павелъ Резанскиі и Муромъскиі,
Иларионъ Суздалалскиі і Юрьевскиі.

Архиепископы:

Симонъ Вологоцкиі и Бѣлоозерскиі,
Сергиі Тверскиі і Кашинскиі,
Никита Коломенскиі і Каширскиі.
Аѳанасей Колмогорскиі и Важскиі,
Галасиі Устюжскиі і Тотемской.

Епископы:

Леонтиі Танбовскиі,
Митрофанъ Воронежскиі; да Архимандриты і игумѣны.

А какъ ісъ хоромъ понесли тело Великого Государя хоронить въ Соборъ Арханьгела Михайла и въ то время несли кровлю ево Великого Государя спальники: Князь Данила Княжъ Григорьевъ сынъ Черкаской, Володимеръ Петровъ сынъ Шерѣметевъ, Михайла Васильевъ сынъ Собакинъ, Михайла Ѳедоровъ сынъ Ртищевъ, Іванъ Аѳанасьевъ сынъ Матюшкинъ, Василей Ѳокинъ сынъ Грушецкиі.

А гробъ несли Великого Государя спальникижъ, все по списку.

А на красномъ крыльце принесли кровлю стольники, а гробъ поставили въ сани іпальцовския і несли стольникижъ, а сани были убиты бархатомъ золотнымъ, а гробъ покрытъ полотномъ царскимъ, а поверхъ аксамитъ золотной, а кровля была покрыта объярь золотная.

А какъ ево Великово Государя несли, і въ то число звонили во все колокола унывно.

А за нимъ шолъ Великиі Государь, да Государыня Царевна и Великая Княгиня Наталья Кириловна, да Государыня Царица и Великая Княжна Софья Алексѣевна.

А Государыню Царицу и Великую Княгиню Марѳу Матвѣевну ись ея хоромъ до Краснова крыльца несли спальники: Степанъ Бог(д)ановъ сынъ Ловчиковъ, Петръ да Ѳедоръ, да Андрей Матвѣевы дѣти Апраксины, а на красномъ крыльце принели сани дворяне.

А обѣдню служилъ надъ теломъ ево Великого Государя і отпевалъ Светейшиі Іоакимъ Патриархъ Московскиі і всеа Росиі со властьми.

А великиі Государь і Государыня Царица у убѣдни і на отпеванье не были.

Тогожъ числа пожаловалъ Великиі Государь въ спальники после брата своего Государева і спальниковъ Князь Івана Княжъ Юрьева сына Трубецкова, Князь Алексѣя Княжъ Васильева сына да Князь Алексѣя Княжъ Борисова сына Голицыныхъ, да Князь Івана да Князь Петра Княжъ Михайловыхъ детей Долгоруково, Івана Родионова сына Стрешнева.

Тогожъ числа сидѣли у гроба Великого Государя.

1 день.

Бояринъ Петръ Васильевичъ большой Шеремѣтевъ, да окольничей Князь Григорей Аѳонасьевичъ Козловской, да думный діякъ Лукьянъ Голосовъ.

Тогожъ числа сидѣли у постели Великого Государя въ хоромахъ: Бояринъ Іванъ Богдановичъ Хитрово, да спальники 2 день Князь Іванъ Княжъ Івановъ сынъ Хованской, Князь Ѳедоръ Княжъ Юрьевъ сынъ Ромодановской, Іванъ Івановъ сынъ Колычевъ, Михайла Оедоровъ сынъ Ртищевъ, Василей Даниловъ сынъ Мясной, Іванъ Івановъ сынъ Бутурлинъ.

Тогожъ числа посланы по указу Великого Государя по городамъ ко кресту приводить всякихъ чиновъ стольники и стряпчия и дворяне Московские и жильцы. а хто куды былъ посыланъ і тому всему роспись.

Къ етману думной дьворенінъ Іванъ Аѳанасьевичъ Желябужской.

Въ Киевъ стольникъ Петръ Артемьевъ сынъ Волынской.

Въ Володимеръ

Въ Великиі Новгородъ стольникъ Князь Петръ Ивановъ сынъ Хованской

Въ Казань стольникъ Князь Лука Княжь Ѳедоровъ сынъ Долгоруково.

Въ Астряхань стольникъ Князь Матосй Веденихтовъ сынъ Оболенской.

Въ Сибирь стольникъ Князь Петръ Княжъ Івановъ сынъ Львовъ.

Въ Ростовъ и въ Ерославль и Переславль Залеской і на Кострому стольникъ Петръ Івановъ сынъ Травинъ.

Въ Пъсковъ стольникъ Петръ Алексѣевъ сынъ Головинъ.

Въ Смоленскъ стольникъ Князь Юрья Княжъ Ѳедоровъ сынъ Щербатой.

Въ Нижней.

Въ Переславль Резанской.

Въ Бѣлъ городъ.

Въ Суздаль.

На Вологду.

Во Тверь.

На Коломну.

На Вятку.

На Колмыгоры і къ Орхангельскому городу стольникъ Князь Іванъ Княжъ Никитинъ сынъ Урусовъ.

На Устюгъ.

На Донъ.

Въ Бѣлгородъ стольникъ Ілья Михайловъ сынъ Дьмитриевъ.

Тогожъ числа посланъ Гетмана ко кресту приводить и въ Черниговъ думной дворенинъ Іванъ Аѳанасьевичъ Желябужской, да діакъ Максимъ Бурцовъ.

Тогожъ году Апреля въ 29 день пожаловалъ Великиі Государь въ спальники і(зъ) спальниковъ брата своего стольника Князь Михаила Княжъ Іванова сына Куракина.

Тогожъ числа сидѣли у гроба Великаго Государя.

2 день.

Бояринъ Петръ Михайловичъ Салтыковъ, да Окольничей Іванъ Івановичъ Чаадаевъ, да думной діакъ Ларионъ Івановъ

Тогожъ числа сидѣли въ хоромехъ у постели Великаго Государя постельничей Алексѣй Тимооѣевичъ Лихачевъ да спальники:

3 день.

Князь Іванъ Княжъ Дмитрѣевъ сынъ Долгоруково.

Іванъ Аоанасьевъ сынъ Матюшкинъ.

Князь Григорей Княжъ Оедоровъ сынъ Долгоруково.

Князь Василей Княжъ Лаврентьевъ сынъ Мещерской.

Василей Семеновъ сынъ Змѣовъ.

Василей Івановъ сынъ Чаадаевъ.

Тогожъ числа били челомъ Великому Государю въ насильствахъ і въ налогахъ і во всякихъ разореньяхъ стрельцы на полковниковъ і на пятидесятскихъ:

Приказы.

На Матвея Къравкова.
Микиѳора Колова.
На Івана Полтева,
АлександраКарандеева,
Володимера Воробина
Семѣна Грибоедова.
Матѳѣя Вешнякова.
Ивана Нелидова.
Григорья Титова.
Андрѣя Дохтурова,
Павла Глебова.
Родиона Оставьева.

І Великиі Государь указалъ у нихъ челобитныя принять і за ними сидѣть светейшему патриарху зъ бояры и полковниковъ распрашивать противъ ихъ челобитья.

А къ нимъ въ приказы указалъ Великиі Государь послать ихъ уговаривать думнаго діака посольскаго приказу Лариона Іванова и думный діакъ къ нимъ ѣздилъ і Великаго Государя указъ имъ сказывалъ і они били челомъ противъ прежнего своего челобитья, чтобъ Великиі Государь пожаловалъ ихъ, велѣлъ отъ полковниковъ оборонить.

Тогожъ году Апреля въ 30 день сидѣли у гроба Великаго Государя 3 день:

Бояринъ Князь Іванъ Андреевичъ Хованской, да Окольничей Іванъ Тимоѳеевичъ Кондыревъ, да думной діакъ Григорей Богдановъ, а служилъ у Аръхангела по Великомъ Государе литоргею и понахиду Карнилей митрополитъ Новгороцкиі и Великолуцкиі.

Тогожъ числа сидѣли въ хоромехъ у постели Великаго Государя: Казначей Михайла Тимоѳѣевичъ Лихачевъ; да спальники:

4 день.

Князь Яковъ Княжъ Івановъ сынъ Лобановъ Ростовской.

Микита Савельевъ сынъ Хитрово.

Петръ Савельевъ сынъ Хитрово.

Сергѣй Александровъ сынъ Хитрово.

Іванъ Богдановъ сынъ Яковлевъ.

Василей да Михайла Ѳокины дѣти Грушецкия.

Александръ Івановъ сынъ Милославской.

Тогожъ числа указалъ Великиі Государь послать въ тюрьму полковниковъ, на которыхъ били челомъ ему Великому Государю стрельцы і вотчины у нихъ отнять і противъ челобитья ихъ указалъ на нихъ все доправить і ихъ отъ техъ приказовъ отставить.

А указъ Великаго Государя сказывалъ имъ думной діакъ Ларионъ Івановъ, а въ тюрьму отводилъ полковниковъ, стрѣлецкова приказу діакъ Ѳедоръ Кузьмищевъ.

Тогожъ числа указалъ Великиі Государь сказать по приказомъ въ полковникахъ быть:

На Александрово мѣсто Карандеева — Оедоръ Головленковъ; на Семѣново мѣсто Грибоедова — Василей Пушешниковъ.

Тогожъ числа пожаловалъ Великиі Государь въ спальники Князь Юрья Княжъ Юрьева сына Трубецкова, да Князь Михайла, да Князь Юрья, да Князь Василья Княжъ Юрьевыхъ дѣтей Одоевскихъ.

Тогожъ году Маия въ 1 день указалъ Великиі Государь послать въ тюрьму полковниковъ: Івана Щепина, Кондратья Крома.

Тогожъ числа пожаловалъ Великиі Государь въ спальники: Петра Ѳомина сына Нарышкина.

Тогожъ числа были у Великаго Государя у руки Донскія казаки въ передней.

Тогожъ числа служилъ по Великомъ Государе у Арханьгела обѣдню и понахиду Никифоръ Митрополитъ Астраханскиі і Терскиі.

Тогожъ числа сидѣли у Арханьгела:

4 день.

Бояринъ Князь Яковъ Никитичъ Одоевской, да окольничей Князь Костентинъ Осиповичъ Щерботой, да думной діакъ Данило Полянской.

Тогожъ числа указалъ Великиі Государь ѣздить въ объѣзде въ Кремлѣ стольникъ Данила Андрѣевъ сынъ Вельяминовъ.

Въ Китае стольникъ Левъ Андреевъ сынъ Вельяминовъ, а съ ними діаки.

Тогожъ числа сидѣли у постели Великаго Государя въ хоромехъ:

Бояринъ Князь Оедоръ Оедоровичъ Куракинъ, да спальники 1-го дневанья: Князь Данила Княжъ Григорьевъ сынъ Черкаской сътоварищи.

Тогожъ числа указалъ Великиі Государь наказанья учинить полковникомъ, а кому какое наказанья, и тому роспись, на которыхъ били челомъ Великому Государю стрельцы:

Бить кнутомъ:

Александра Карандѣева, Семена Грибоедова.

Бить батоги:

Микифора Колобова
Григорья Титова.
Микиту Борисова
Володимера Воробина.
Матвѣя Вешнякова.
Павла Глебова.
Ивана Нелидова.
Василья Перхулова.
Андрѣя Дохтурова.
Кондратья Крома.
Александра Танѣева
Івана Щепина

Тогожъ числа указалъ Великиі Государь перемѣнить полковниковъ, а кому на чье мѣсто велѣно быть, и тому подъ семъ роспись.

На Іваново мѣсто Полтева Стольнику Миките Данилову сыну Глебову.

На Степаново мѣсто Якова.

На Никифорово мѣсто Колобова—Петръ Аврамовъ сынъ Лопухинъ.

На Александрово мѣсто Карандѣево — Ѳедоръ Івановъ сынъ Головленковъ.

На Семеново место Грибоедово — Василей Лаврентьевъ сынъ Пушешниковъ.

На Андреево место Дохтурова -- Матвѣй Нарышкинъ.

На Матвѣево мѣсто Вешнякова — Василей Лопухинъ.

На Іваново мѣсто Нелидова — Андрей Нармадской.

Тогожъ числа сказано боярину Івану Максимовичю, да сыну ево Семену Чашнику Івановичю Языковымъ, постельничему Алексѣю Тимооѣевичю, да казначею Михаилу Тимооеевичу Лихачевымъ. да стольникамъ ближнимъ Івану Андрееву сыну Языкову, да Ивану Среднему Васильеву сыну Дашкову, чтобъ онѣ во время выходу Великого Государя неходили и ево Государевыхъ очей не видали.

Тогожъ году Маня въ 2 день служилъ у Архангела Михаила обѣдню и по великомъ Государе понахиду Павелъ митрополитъ Сибирскиі и Тобольскиі.

Тогожъ числа сидѣли у гроба Великого Государя бояринъ Князь Григорій Григорьевичъ Ромодановскій, да Окольничей Петръ Тимофѣевичъ Кондыревъ, да думной діакъ Аоонасій Зыковъ.

Тогожъ числа сидѣли въ хоромахъ у постели Великаго Государя бояринъ Іванъ Богдановичъ Хитрово, да спальники 2 дневанья.

Князь Іванъ Княжъ Андреевъ сынъ Хованской сътоварищи.

Тогожъ году Маня въ 3 день служилъ у Архангела обѣдню і по великомъ Государе понахиду Іона Митро(политъ) Ростовскиі и Ерославскиі.

Тогожъ числа сидѣли у Архангела у гроба Великаго Государя Маня въ 3 день 6 дневанья:

Бояринъ Князь Михайло Юрьевичъ Долгоруково, да окольничей Князь Данила Аоонасьевичъ Борятинской, да думной діакъ Василей Семѣновъ.

Тогожъ числа сидѣли въ хоромахъ у постели Великаго государя: постельничей Алексѣй Тимооѣевичъ Лихачевъ, да спальники 3 дневанья.

Князь Іванъ Дмитрѣевичъ Долгоруково съ товарищи.

Тогожъ гору Маня въ 4 день служилъ у Архангела Михаила обѣдню і по великомъ Государе понахиду Маркелъ Митрополитъ Пъсковскиі и Зборскиі.

Тогожъ числа сидѣли у Архангела у гроба Великаго Государя 8 дневанья:

Бояринъ Князь Василей Васильевичъ Голицынъ, да окольничей Іванъ Оедоровичъ Волынской, да думной діакъ Аверкей Кириловъ.

Тогоже числа сидѣли въ хоромахъ у постели Великаго Государя касначей Михайла Тимофеевичъ Лихачевъ, да спальники 4 дневанья:

Князь Яковъ Княжъ Івановъ сынъ Лобановъ Ростовской.

А въ тѣ дневанья во всю шесть недѣль перемѣнялись у постели Великаго государя тежъ спальники.

Тогожъ году Майя въ 5 день служилъ у Архан(г)ела Михайла обѣдню і по Великомъ Государе понахиду пелъ Варсонофей Митрополитъ Сарскиі и Подонскиі.

Тогожъ числа сидѣли у Архангела у гроба Великаго Государя 8 дневанья:

Бояринъ Князь Петръ Семѣновичъ Урусовъ. да окольничей Іванъ Савостьяновичъ Большой Хитрово, да думной діакъ Пароеней Нятово.

Тогожъ числа ѣздилъ по государыне Царевне і Великой Княже Ирине Михайловнѣ служить обѣдню и понахиду Кариилей Митрополитъ Новгородцкиі і ВеликоЛуцкиі.

Тогожъ числа посылалъ Великиі Государь къ понахиде і братью кормить къ Спасужъ на Новой боярина Григорья Никиооровича Собакина да съ нимъ дворцовыя діаки.

Тогожъ числа сказано въ Казань въ товарищи зъбояриномъ съ Петромъ Васильевичемъ Меньшимъ Шерѣметевымъ окольничему Івану Савостьяновичю Большому Хитрово.

И указано боярину Петру Васильевичю ево Івана Хитрово посылать, гдѣ послышать, воровскихъ людей приходъ.

Тогожъ числа пожаловалъ Великиі Государь въ спальники Кирила Алексѣева сына Нарышкина.

Тогожъ числа стояли на правеже Полковники противъ стрелецкихъ челобитенъ.

Тогожъ году Маня въ 6 день служилъ у Архангела Михаила обѣдню и по великомъ государе понахеду Светейшиі Іоакимъ Патриархъ Московскиі і всеа Россиі со властьми.

Тогожъ числа сидѣли у Архангела у гроба Великого Государя, 9 дневанья.

Бояринъ Князь Юрья Михайловичъ Одоевской, да окольничей Михайла Петровичъ Головинъ да думной діакъ Іванъ Гороховъ.

Тогожъ числа въночи былъ пожаръ межъ Знаменки і Арбату.

Тогожъ году Маня въ 7 день былъ Великому Государю выходъ въ Соборную і Апостольскую церковь, да къ Архан(г)елу, да благовѣщенью

А за Великимъ Государемъ были бояре и Окольничие и думные и ближния люди.

А передъ стряпнею шолъ стольникъ і ближней человѣкъ Василей Өедоровичъ сынъ Нарышкинъ

Тогожъ числа пожаловалъ Великиі Государь въ бояре и оружейничия стольника і ближнева человѣка Івана Кириловича Нарышкина, а сказывалъ ему думной діакъ Василей Семѣновъ.

А у сказки стоялъ і Великому Государю объявлялъ печатникъ Дементій Минičъ Башмаковъ.

Тогожъ числа пожаловалъ Великиі Государь въ бояре окольничего Микиту Костентиновича Стрѣшнева. а сказывалъ ему боярство думной діакъ Василей же Семеновъ.

А у сказки стоялъ і Великому Государю объявлялъ печатникъже Дементій Миничъ Башмаковъ.

Тогожъ числа пожаловалъ Великиі Государь въ комнату боярина Князь Івана Борисовича Троекурово, да окольничего Князя Михайла Івановича Лыкова.

Тогожъ числа пожаловалъ Великиі Государь въ спальники Князя Валодимера да Князь Василья Княжъ Михайловыхъ дѣтей Долгоруково, да Князь Оедора Княжъ Іванова сына Троекурова.

Тогожъ числа былъ у Великаго Государя у руки въ передней посланецъ Гетмана Івана Самойловича.

Тогожъ числа были у Великаго Государя у руки

Смоленская шляхта, іноземцы, полковники і все начальныя люди.

Тогожъ числа служилъ у Архангела Михайла обѣдню і по Великомъ Государе понахиду Филаретъ Митрополитъ Нижегородцкиі и Олатырскиі.

Тогожъ числа сидѣли у Архангела у гроба Великаго Государя 10 дневанья:

Бояринъ Князь Семенъ Андреевичъ Хованскій, да окольничей Павелъ Петровичъ Языковъ, да думной діакъ Емельянъ Украицовъ.

Тогожъ году Маия въ 8 день пожаловалъ Великиі Государь въ Окольничия думнаго дворенина Ѳедора Івановича Леонтьева і указано къ нему съ темъ послать Великаго Государя жалованная грамота въ Астрахань съ (с) ином̃ъ его.

Тогожъ числа служилъ у Архангела Михайла обѣдню і по Великомъ Государе понахиду Илларіонъ Митрополитъ Суздальскиі і Юрьевскиі.

Тогожъ числа сидѣли у гроба Великаго Государя: бояринъ Василей Семеновичъ Волынскиі, да думной дворенинъ Семенъ Ѳедоровичъ Толочановъ, да дьякъ разрядной Ѳедоръ Шекловитовъ.

Тогожъ числа сказано въ стрелецкой приказъ въ товарищи зъ бояриномъ съ Князь Юрьемъ Алексѣевичемъ Долгоруково окольничему Князю Григорью Аѳонасьевичю Козловскому, да думному дворенину Веденихту Андрѣевичю Змеову, да думному діаку Даниле Полянскому.

Тогожъ году Маия въ 9 день служилъ у Архангела Михаила обѣдню и по Великомъ Государе понихиду Иларионъ Митрополитъ Суздальскиі і Юрьевскиі.

Тогожъ числа сидели у гроба Великаго Государя: бояринъ Князь Іванъ Петровичъ Борятинской, да думной дворенинъ Андрѣй Васильевичъ Толстой, да діакъ Тимофей Литвиновъ.

Того же числа указалъ Великиі Государь быть ісъ Казани съ полкомъ съ Казанскимъ разрядомъ на Башкирцы боярину Петру Васильевичю Меньшому Шереметеву, да съ нимъ въ товарыщехъ въ съходныхъ воеводахъ: окольничей Матвей Степановичъ Пушкинъ, да окольничему Петру Тимоѳѣевичю Кондыреву; да съ нимъ же велѣно быть въ осадныхъ въ Казани окольничему Івану Савостьяновичю Большому Хитрово.

Того жъ году Маия въ 10 день былъ ходъ со кресты въ преполовеннекъ день на воду, а въ ходу былъ Павелъ Митрополитъ Сибирскиі и Тобольскиі.

Та въ ходу жъ были по указу Великого Государя окольничей Князь Яковь Васильевичъ Хилковъ, да думной діакъ Іванъ Гороховъ; вкругъ кремля ходили они жъ; вкругъ Китая Аѳонасий Архиепископъ Колмогорскиі і Важскиі, да думной дворенинъ Ѳедоръ Григорьевичъ Меньшой Хрущовъ.

Того жъ числа служилъ у Архангела обѣдню і по Великомъ Государе понахиду Симонъ Архиепископъ Вологоцкиі і Бѣлоозерскиі.

Того жъ числа сидѣли у гроба Великого Государя бояринъ Князь Володимеръ Дмитрѣевичъ Долгоруково, да окольничей Кирила Осиповичъ Хлоповъ, да діакъ Ларионъ Пашинъ.

Того жъ году маия въ 4 день пожаловалъ Великиі Государь въ спальники Князь Івана Княжъ Іванова сына Троекурова.

Того жъ числа служилъ у Архангела обѣдню и по Великомъ Государе понахиду Сергиі Архиепископъ Тверскиі и Кашинскиі.

Того жъ числа сидѣли у гроба Великого Государя бояринъ Князь Михайла Алегуковичъ Черкаской, да окольничей Князь Михайла Ивановичъ Лыковъ, да діакъ Михайло Прокофьевъ.

Того жъ числа указалъ Великиі Государь по челобитью стрельцовъ Іванова приказу Полтева, ево Івана переменить, а быть у ево перваго приказу въ полковникахъ Никите Глебову.

Того жъ году маия въ 12 день служилъ у Архангела обѣдню і по Великомъ Государе понахиду Никита Архиепископъ Коломенскиі і Каширскиі.

Того жъ числа сидѣли у гроба Великого Государя бояринъ Князь Іванъ Борисовичъ Троекуровъ, да окольничей Князь Степанъ Ѳедоровичъ Львовъ, да діакъ Григорей Близняковъ.

Того жъ числа указалъ Великій Государь Боярина Артемона Сергѣевича Матвѣева вотчины. которые были розданы і людей, которые были отпущены ево дому велѣно отдать ему по прежнему.

Того жъ числа пожаловалъ Великій Государь въ спальники Князь Бориса Княжъ Іванова сына Куракина, да Андрѣя Артемонова сына Матвѣева, да Михайла Григорьева сына Нарышкина.

Того жъ году Маия въ 13 день служилъ у Михайла Архангела по Великомъ Государе обѣдню и понахиду Аѳанасий Архиепископъ Колмогорскиі и Важскиі.

Того жъ году сидѣли у Великого Государя гроба Бояринъ Князь Ѳедоръ Григорьевичъ Ромодановской, да окольничей Андрѣй Ивановичъ Чириковъ, да діакъ Микита Полунинъ.

Того жъ числа сказано въ съходъ къ Козани, противъ Башкирцовъ окольничему Князю Даниле Офонасьевичю Борятинскому.

Того жъ году Маия въ 14 служилъ у Михайла Архангела по Великомъ Государѣ обѣдню и понахиду Галасиі Архиепископъ Устюжскиі і Тотемскиі.

Того жъ числа сидѣли у гроба Великого Государя бояринъ Князь Михайла Григорьевичъ Ромодановской, да думной дворининъ Левъ Демидовичъ Голохвастовъ, да діакъ Михайла Воиновъ.

Того жъ числа сказано въ Коломенское для розыску, что мужики, скававъ прикащика, посадили въ тюрьму, а сами взбунтовались, думному дворенину Ѳедору Савичю Нарбѣкову, да съ нимъ діаку Тимоѳею Литвинову.

Того жъ году Мая въ 15 день служилъ у Михайла Архангела по Великомъ Государе обѣдню и понахиду Варсонофиі Митрополитъ Сарскаі і Подонскиі.

Того жъ числа сидѣли у гроба Великого Государя бояринъ і дворецкой Князь Восилей Өедоровичъ Одоевской, да окольничей Матвей Степановичь Пушкинъ, да діакъ Семенъ Кудрявцовъ.

А того жъ числа учинилась смутное время і то писано въ особной книги.

Того жъ году Маия въ 16 день служилъ у Михайла Арханьгела по Великомъ Государе обѣдню и понахиду Леонтіі Епископъ Таньбовскіі, а у гроба нихто не сиделъ і пъсалтыри не говорили.

Того жъ году Маия въ 17 день служилъ у Михайла Арханьгела по великомъ Государе обѣдню і понахиду Митрофанъ Епископъ Воронежскіі.

А всю шесть недѣль сидели въласти обѣдни і понахиды по переменамъ сначалу жъ.

Того жъ числа сидѣли у гроба Великого Государя бояринъ Князь Юрья Семѣновичъ Урусовъ, да думной дворенинъ Богданъ Васильевичъ Яковлевъ.

А въ шестый на десять день было сидеть у гроба Великаго Государя бояринъ Князь Өедоръ Семеновичъ Урусовъ, да окольничей Матвей Богдановичъ Милославской.

Того жъ числа сказано по приказамъ въ разрядъ думной дьякъ Василей Семеновъ; въ посольской приказъ бояринъ Князь Василей Васильевичъ Голицынъ, да думной діакъ Емельянъ Украинцовъ, въ стрелецкой бояринъ Князь Іванъ Андрѣевичъ Хованской, да думной дворенинъ Веденихтъ Андрѣевичъ Змеовъ; въ иноземской и въ райтарской і въ пушкарской бояринъ Іванъ Михайловичъ Милославской; въ помѣсной приказъ—бояринъ Князь Іванъ Борисовичъ Троекуровъ, да думной дворенинъ Богданъ Өедоровичъ Полибинъ; въ судной приказъ—стольникъ Князь Андрѣй Княжъ Івановъ сынъ Хованской, да Князь Михайла, да Князь Василеи Княжъ Федоровы дѣти Жирового Засекина Котята; въ земской—окольничей Михайла Петровичъ Головинъ; въ сыскной — бояринъ Василей Семеновичъ Волынской: въ ямской — Іванъ Федоровъ сынъ Бутурлинъ Сухорукой.

Того жъ году Мая 18 день сидѣли у гроба Великого Государя бояринъ Григорей Никифоровичъ Собакинъ, да думной дворенинъ Василей Михайловичъ Тяпкинъ.

Того жъ числа сказано въ сыскной приказъ окольничему Івану Өедоровичу Волынскому.

Того жъ году Мая въ 19 день сидѣлъ у гроба Великого Государя бояринъ Князь Іванъ Григорьевичъ Куракинъ, да окольничей Князь Яковъ Васильевичъ Хилковъ, дьякъ Іванъ Торофимовъ.

Того жъ числа пожаловалъ Великіі Государь въ клюшники степенныя на кормовой дворецъ клюшника путнова Микиту Өедорова сына Боркова на Іваново мѣсто Пѣкина, а єво Івана пожаловалъ Великіі Государь во дворяне.

Того жъ году Маия въ 20 день сиделъ у гроба Великого Государя бояринъ Князь Михайла Яковлевичъ Черкасской, да окольничей Борисъ Васильевичъ Бутурлинъ, діакъ Филипъ Артемьевъ.

Того жъ часла сказано въ большой приходъ і въ большую казну боярину Князю Никите Івановичу Одоевскому, да съ нимъ боярину Василью Семѣновичю Волынскому, да думному дворенину Алексѣю Івановичю Ржевскому, діакъ Петръ Самойловъ.

Того жъ году Мая въ 21 день сидели у гроба Великого Государя: бояринъ Князь Борисъ Івановичъ Прозоровской, да думной дворенинъ Алексѣй Івановичъ Ржевской, діакъ Петръ Самойловъ.

Того жъ числа сказано въ разбойной приказъ сидеть окольничему Матвѣю Степановичю Пушкину.

Того жъ числа сказано на Олатырь въ воеводы стольнику Микифору Лаврентьеву сыну Собакину.

Того жъ числа сказано въ Козловъ полковымъ і осаднымъ стольнику Василью Михайлову сыну Дмитрѣеву.

Того жъ числа сказано въ Саранескъ полковымъ і осаднымъ стольнику Івану Юрьеву сыну Леонтьеву.

Того же числа сказано въ Чебоксары стольнику Ерѣмею Пашкову.

Того же числа сказано въ Запороги стольнику Василію Жемаилову.

Того же числа былъ ходъ со кресты въ Стретенской монастырь, а въ ходу были власти: Карнилиі Митрополитъ Новгородицкіі и Великолуцъкіі, да Епископы Леонтіі Таньбовскіі, Митрофанъ Воронежскіі.

Да въ ходу жъ были по указу Великого Государя Окольничей Князь Григорей Афонасьевичъ Козловской, да думной дворенинъ Андрѣй Васильевичъ Толстой, думной дьякъ Парфеней Пятой.

Того жъ году мая въ 22 день сидѣли у гроба Великаго Государя бояринъ Никита Костентиновичъ Стрешневъ, да думной дворенинъ Тимофей Петровичъ Савѣловъ.

И съ сего числа сидѣли у гроба Великого Государя бояре те жъ съначалу во всю четыредесятницу.

Того жъ году Мая въ 23 день сказано въ Каргополь стольнику Князю Володиміру Княжъ Іванову сыну Волхонскому.

Того жъ году Мая въ 24 день сказано въ съходъ въ Казань боярину Петру Васильевичю Меньшому Шеремѣтеву, стольникомъ Князю Якову Княжъ Өедорову сыну Долгоруково, да Князь Михаилу Княжъ Іванову сыну Волхонскому.

Того жъ году Мая въ 25 день сказано въ полковыя воеводы противъ Башкирцовъ Боярину Петру Васильевичю Меньшему Шерѣметеву.

Того жъ числа сказано въ Казань въ осадныя воеводы боярину Князю Юрію Семѣновичю Урусову.

Того жъ числа сказано въ пушкарскій приказъ боярину Князь Өедору Семѣновичю Урусову.

Того жъ числа сказано въ Синбирскъ окольничему Князь Григорью Афонасьевичю Козловскому.

Того жъ числа сказано въ Колугу думному дворенину Богдану Васильевичу Яковълеву.

Того жъ числа сказано на Петрова места Лопухина въ полковники Акинфию Данилову.

Смутнае время.

Лѣта 7190 Мая въ 15 день была на Москвѣ смута: приходили въ кремль салдаты Матвѣева полку Кравкова, да стрѣльцы всехъ приказовъ съ копьи і зъ бердыши и съ ружьемъ, а пушкари съ пушки и, вшедъ въ кремль, стреляли ізъ ружья і побили боярскихъ людей і лошадей многихъ, а иныхъ перѣранили.

И пришедъ хъ красному крыльцу, стали во всемъ своемъ ополченіі.

И по указу Великого Государя выходилъ къ нимъ бояринъ Князь Іванъ Андрѣевичъ Хованской и спрашивалъ ихъ: для чего вашъ такъ приходъ и они боярину все говорили, будто измѣняютъ Великому Государю бояре и чтобъ Государя Царевича і Великого Князя Іоанна Алексѣевича оказали.

И бояринъ тѣ ихъ речи Великому Государю извѣщалъ.

І Великиі Государь и Государаня Царица і Государь Царевичъ і Светѣйше Патриархъ выходили къ нимъ на красное крыльцо.

А къ нимъ внизъ посылали уговаривать бояръ: Князь Михаила Алегуковича Черкаскаго, на немъ и кофтанъ изодрали, Князь Івана Андреевича Хованскаго, Петра Васильевича Шерѣметева Большаго, Князь Василья Васильевича Голицина и они били челомъ Великому Государю і бояромъ, извещали, чтобъ Великиі Государь имъ указалъ выдать бояръ: Князь Юрья Алексѣевича Долгоруково, Князь Григорья Григорьевича Ромодановаго, Князь Михайла Юрьевича Долгоруково, Кирила Полуехтовича Нарышкина, Артемона Сергеевича Матвѣева, Івана Максимовича Языкова, да боярина і оружейничего Івана Кириловича Нарышкина, постельничего Алексѣя Тимофѣевича Лихачова, казначея Михайла Тимофѣевича Лихачева, чашника Семѣна Івановича Языкова.

Думныхъ дьяковъ:

Лариона Іванова. Григорья Богданова
Данила Полянскаго. Алексѣя Кирилова

Спальниковъ:

Аѳонасья, Льва, Мартемьяна, Ѳедора, Василья, Петра Нарышкиныхъ.

І Великиі Государь указалъ имъ сказать, что ихъ у него, Великого Государя, никого нетъ въ верху, і они пошли все въ верхъ съ ружьемъ въ ево Великого Государя хоромы, и къ Государыне Царице, і къ Государю Царевичю, і къ Государынямъ Царевнамъ і искали въ хоромехъ і везде, і взявъ бояръ, Артемона Сергѣевича Матвѣева кинули его съ краснаго крыльца на копьи, Князь Григорья Григорьевича Ромодановскаго, взявъ у Патріарха, убилижъ противъ посольского приказу протазаномъ, а Князь Михайла Юрьевича Долгоруково сверху жъ кинули на копья, а Ивана Максимовича Языкова, изловя на Микитской і приведши къ Орхангелу изрубилижъ на части . . . . , а князь Юрья Алекѣевича Долгоруково на его дворе кинувъ съ крыльца больнаго, четвертовали і положили на площеди противъ его двора; а Лариона Ів–нова і сына его Василья і полковника Андрѣя Дохтурова і Григорья Горюшкина изрубилижъ . . . . ,
а Аѳонасья Нарышкина, сыскавъ у Спаса въ верху въ Церкве, что у Государыни Царицы, подъ престоломъ, бивъ, кинули на копьижъ и тела ихъ всехъ снесли въ Спаския воротила на Красную площадь къ Лобному мѣсту і тамъ надъ ними наругались же и, сшедъ съ верху, Судной і Холопей приказы разорили, вынесши, всякия письма ізодрали.

Да не зная стольника Ѳеодора Петрова сына Салтыкова, въ Государевыхъ мастерскихъ сенехъ изрубилижъ, а чаели его быть Нарышкинымъ

А Петра Ѳомина сына Нарышкина убили за Москвою рекою.

И на завтрѣя того дни Мая въ 16 день приходили также на постельная крыльцо, съ ружьемъ, і выходили къ нимъ говорить Государыни Царевны, чтобъ они, помня крестное целованья, такъ къ нимъ въ домъ ихъ Государевъ не приходили съ невежествомъ.

И они били челомъ противъ прежняго челобитья, да они жъ били челомъ, чтобъ имъ выдали духтуровъ Степана жида да Яна.

І Великиі Государь указалъ имъ ихъ выдать; думнаго дьяка Веркея Кирилова, доктура Яна, да Степанова сына, і они ихъ убилижъ, а техъ всехъ. о которыхъ они Великому Государю били челомъ простили, а Івана Нарышкина і Степана дохтура Государыни Царевны упросили до утрѣя, а того дня ихъ несыскали, і они пошли два приказа въ Нѣмецкую слободу і Степана дохтура сыскавъ въ нищенскомъ образѣ привели вверхъ и отдали за караулъ.

И Мая въ 17 день приходили на постельное жъ крыльцо, также і къ нимъ выходили Государыни Царевныжъ і изволили имъ говорить, чтобъ они для ихъ Государъскаго многолѣтняго здоровья боярина Кирилу Полуехтовича Нарышкина і дохтура Степана простили і они боярина Кирилу Полуехтовича простили, а чтобъ ево постричь; а тѣхъ бы выдали і хотѣли ітить въ верхъ і Великиі Государь ихъ указалъ выдать и они възявъ ихъ, Івана Нарышкина і Степана дохтура, повели въ застенакъ въ Костентиновскую башню і пыгали, і послѣ пытки изрубили ихъ въ части і черепъ Івана Нарышкина на копье вътокнули.

И Маия въ 18 день приходилижъ всехъ приказовъ выборные люди бѣзъ ружья и били челомъ Великому Государю і Государынямъ Царевнамъ, чтобъ бояри (на) Кирилу Полуехтовича Нарышкина указалъ Великиі Государь постричь.

І Великиі Государь указалъ ево постричь въ Чудове монастыре, а на постригани указалъ Великиі Государь быть боярину Князь Семѣну Андреевичю Хованскому, да окольничему Кирилу Осиповичу Хлопову и, постригши ево, сослать въ Кириловъ монастырь, а во инацехъ імя ему Киприянъ.

А въ те три дня какъ они приходили со всемъ ружьемъ, какъ побили бояръ,—били въ набатъ и въ барабаны.

А которыхъ побитыхъ, домовъ ихъ, людей і всякихъ чиновъ, грабили ихъ домы і они ихъ хватая казнили жъ и межъ себя положили, что(бъ) ничьехъ домовъ не грабить.

И мая въ 19 день били челомъ Великому Государю объ заслуженыхъ деньгахъ салдаты і стрельцы і пушкари со 154-го году і техъ денегъ надобна 240,000 рублевъ.

Да имъ же Великиі Государь пожаловалъ на человѣка по 10 рублевъ і Великиі Государь указалъ тѣ деньги збирать со всего Государства и суды серебреные брать, а ісъ тѣхъ судовъ указано дѣлать деньги.

Да они жъ били челомъ Великому Государю, которые побиты бояре і думные люди і животы ихъ побраны на Великого Государя и, чтобъ Великиі Государь указалъ тѣ животы оцѣнить і, оцѣня, отдавать имъ же.

И мая въ 20 день билижъ челомъ Великому Государю, чтобъ Великиі Государь указалъ сослать въ сылки постельничего Алексѣя Тимофѣевича Лихачева, до казначея Михайла Тимофѣевича Лихачова, окольничего Павла Петровича Языкова, чашника Семѣна Івановича Языкова, думного дворенина Микиту Івановича Акинфиева да думнихъ дияковъ: Григорья Богданова, Данила Полянского, да спальниковъ: Степана Ловчикова, Льва да Мартемьяна да Ѳедора і иныхъ роду всѣхъ Нарышкиныхъ, Андрѣя Матвѣева, да стольниковъ: Петра Меньшова Лапухина, Василья Бухвостова, Юрья Лутохина и ево постригли и полковниковъ прежнихъ, на которыхъ били челомъ.

Маия въ 26 день нарекли Государя Царевича і Великаго Князя Иванна Алексѣевича всеа Росиі на царство.

Того жъ числа били челомъ Великимъ Государемъ люди боярские разныхъ домовъ о свободе, чтобы имъ быть бѣзкабально і воровские составные челобитные подносили.

І Великие государи указали ихъ ловить стрельцамъ і приводить и, приводя, ихъ пытать і казнить, а іныхъ бить кнутомъ за ихъ воровское составное челобитье.

І велѣно у всякихъ чиновъ, у людей ихъ всякихъ чиновъ імать скаски про воровскую составную челобитную і промыслъ и хто про то вѣдаетъ, заруками техъ людей.

Того жъ году Июня въ 5 день была тревога во всехъ приказехъ, а вызымали въ то число боярскихъ людей, а въ приводе они сказали, будто собрались боярския люди въ Марьинской роще і хотятъ рубить стрелецкия приказы і въ тое тревогу была стрельба во всю нощь везде изо всякаго ружья, и на утрея ихъ пытавъ, казнили за ихъ воровство.

Того жъ году Июня въ 13 день привели Адышевской земли Царевича Матвея Дединова сына і онъ доводилъ на бояръ: на Князь Никиту Івановича і сына ево Князь Якова Никитича і на боярина і дворецкого Князь Василья Ѳедоровича Одоевскихъ будто они говорили, что стрельцовъ вешать и казнить и рубить; да съ нимъ посадцкой человѣкъ Ерославецъ.

І Июня въ 14 день указали Великие Государи ихъ пытать і они съ пытки винились что что бояръ темъ поклепали, а Ерославецъ говорилъ съ пытки, что будто хотелъ і Москву зажигать, и за тотъ ихъ воровской составъ казнили.

Того жъ числа пытавъ по челобитью стрельцовъ, казнили стольника Степана, Якова да Матвѣя Вешнекова, пыталижъ.

Тогожъ числа били челомъ Великимъ Государемъ, чтобъ на Красной площеди здѣлать имъ столбъ и, по ихъ челобитью, тотъ столбъ зделанъ.

Тогожъ числа по указу Великихъ Государей даны имъ жалованные грамоты, солдатомъ і стрель(цамъ) і посадскимъ людемъ і черной слобоцамъ, а велѣно звать стрельцовъ надворною пехотою, а стрельцами не называть; и на томъ столбѣ подписано противъ техъ Великихъ Государей грамотъ.

И съ того числа немногие дни были бѣзъ стрельбы, а во всехъ слободахъ стреляли изъ ружья.

И Августа въ 20 день былъ въ походе приклеянъ на воротехъ листъ въ Коломенскомъ, а въ томъ листе было написано, что изменники бояре: Князь Іванъ и Князь Андрей Хованские промышляютъ надъ Великими Государи всякое дурна и хотели быть на Московскомъ Государстве, да они жъ хотели убить Светейшаго Патриарха Іоакима і восхитить на соборную і Апостольскую Церковь, да онижъ хотѣли побить бояръ: Князь Никиту Івановича, Князь Якова Никитича, боярина і дворецкого Князь Василья Оедоровича Одоевскихъ, Князь Михайла Алегуковича, Князь Михайла Яковлевича Черкасскихъ, Князь Василья Васильевича, Князь Андрея Івановича, кравчаго Князь Бориса Алексѣевича Голицыныхъ, боярина і оружейничаго Петра Васильевича, Бориса Петровича Шерѣметевыхъ, Івана Михайловича Милославскаго, и іныхъ многихъ бояръ.

И 191-го году Сентебря въ 1 день Великие Государи къ Москве на действа не ходили, а велѣли быть ему Князь Івану Хованскому і онъ ослушался и на дѣйства не ходилъ.

И Сентебря въ 3 день пошли Великие Государи въ походъ въ Звенигородъ і оттуда къ Троице.

И Сентебря въ 16 день въ селѣ Воздвиженскомъ измѣна ихъ черезъ переметъныя многия письма объявилось і посылана по ихъ Великихъ Государей грамота.

И Сентября въ 17 день посыланъ по указу Великихъ Государей въ село Пушъкино для Князь Івана Хованского бояринъ Князь Михайла Івановичъ Лыковъ, а съ нимъ стольники і стрянчие і дворяне Московие і жильцы і люди боярские и ево, Князь Івана, изловя подъ Пушкинымъ, а сына ево въ деревне противъ Братовшины, Князь Андрѣя, привезли къ Великимъ Государемъ въ село Воздвиженское и какъ его привезли, і въ то время сидѣли бояре и окольничие и думные люди все на плошеди противъ церкви и чѣлъ ему Князь Івану і сыну ево Князь Андрѣю наказъ и измѣну ево, думный діакъ Өедоръ Шеклавитовъ и за ихъ измѣну указали Великие Государи казнить смертью и, ответши ихъ, головы отсекли и погребать ихъ у церкви не указали.

И после обѣдни сьвѣдавъ, сынъ его Князь Іванъ, да племянникъ ево Князь Өедоръ, которые жили у нихъ Великихъ Государей въ комнате, измѣну свою, побѣжали исъ походу и князь Өедора изловили, а сынъ ево, Князь Іванъ, ушелъ къ Москве и прибѣжалъ къ Москве часъ ночи, а ихъ казнили до вечера за часъ и, прибѣжавъ онъ, Князь Іванъ къ Москве въ полки, сказалъ будто бояринъ Князь Михайла Ивановичъ Лыковъ, собрався зъ боярскими людьми, изрубили бѣзъ указу Великихъ Государей отца его и брата і, пришедъ къ Москвѣ, будто хочетъ рубить надворную пехоту всехъ, и пушки і пороховую казну всю разобрали во все полки по себѣ и съ Москвы никово не пропускали, и хотели итти къ Великимъ Государемъ въ походъ и стоять за нихъ изменниковъ; да къ нимъ же не пристали стремяной да выборной полки, а которые были на Москвѣ бояре и дворяне и всякихъ чиновъ Государева двора и люди боярские, и они ихъ хотели рубить, и къ нимъ въ полки посыланъ зъ грамоты Великихъ Государей стольникъ Петръ Петровъ сынъ Зиновьевъ; они грамотъ учинились непослушны и Великие Государи того жъ числа пошли къ Троице і во все городы указали послать для ратныхъ людей грамоты.

И Сентября въ 20 день по указу Великихъ государей посыланъ къ нимъ уговаривать думной дворянинъ Лукьянъ Тимофѣевичъ Голосовъ.

И сентября въ..... день пърпежалъ къ Троице въ Сергиевъ монастырь Иларионъ Митрополитъ Суздальски и Юрьевски, а съ нимъ были выборные отъ въсехъ полковъ и они Великомъ Государемъ пърихадили съ повиною.

И Великия Государи и Государыни Царевны изволили сидетъ на Успенской паперти и вины имъ пожаловали, пъростили и указали имъ пъривесте Князь Іванава сына Хаванскаго, Князь Іванажъ, къ Великимъ Государемъ въ походъ Князь Івана Хованскаго, скована въ телеге.

И Октебря въ..... день пърпвезли выборные въ сехъ полковъ. А полками били челомъ чтобъ имъ писатца стрельцами жъ.

И Октебря въ.... день указали великия Государи казнить смертью ево Князь Івана и въ томъ пожаловали: смертью казнить ево не указали, а велели сослать въ силку въ Сибирь.

И Октебря въ.... день сказали всехъ полковъ, будто Павла сынъ Языкова приежалъ на кароулы и сказавалъ бутто бояре идутъ съ полки къ Москве и Хаванскиѣ..... Князь Михайла Лыковъ съ людьми........ и ево пърпвезли въ месте окован......къ Троице съ Хованскимъ оковавъ.

И Октебря въ.... день пъришли Великия Государи и къ Москве, а полковъ чьихъ вь стречали выборные люди.............[1])

И Октебря въ.... день смутились за Москвою рѣкою Павловъ пърпказъ Бохина і Великия Государи указали..... у нихъ ружье обобрать і они Великомъ Государемъ пъриходили съ плахою въ городъ и съ топоромъ и вину свою приносили Великимъ Государемъ и Великие Государи выслали къ нимъ боярина Петра Михайловича Салтыкова да окольничего Кирилу Осиповича Хълопова, да думнова дьека Өедора Шекловитого и Великия Государи пожаловали: велели имъ вина отдавать, а кои стрельцы бѣголи по слободе и говорили, что де пора опять заводить по старому иттить въ городъ и ихъ Великия Государи указали казнить смертью, а вь иные месецы до году была жъ осторожность во всехъ полкахъ и пушихъ завотчиковъ казнили, а иныхъ, пытавъ, сылали въ силъки.

Книга записная Царьства царей государей и великихъ князей Ивана Алексѣевича Петра Алексѣевича въсей великія и малыя и бѣлыя Роси сомодержъцовъ 190 году и 191 году.

Лѣта 7190-го Майя въ 26 день нарекли всемъ государствомъ на Московское Государство въ цари Государя Царевича и Великого Князя Иоанна Алексѣевича, а въ титлахъ писать везде и во всякихъ делехъ обѣихъ Великихъ Государей такъ:

Великия Государи Цари и Великия Князи Иоаннъ Алексѣевичъ и Петръ Алексѣевичъ всеа Великия і Малыя и Бѣлыя Росіи самодержъцы.

Тогожъ числа былъ Великимъ Государемъ выходъ въ Соборную і апостольскую церковь і молебствовали о умирени всего мира.

Тогожъ числа пожаловали Великия Государи вь спальники къ Государю Царю и Великому Князю Иоанну Алексѣевичу Ево Великого Государя Столниковъ: Алексѣя Матвѣева сына Милославского, Юрью Өедорова сына Ладыженского, Бориса Сафронова сына Хитрово, Петра Василева сына Собакина, Бориса Алистархова сына Кологриваго, Сергея Иванова сына Милославскаго, Петра Иванова сына Яковлева, Дмитрѣя Микитина сына Головина, Князь Михайла Княжь Лаврентьева сына Дулова, Князь Михайла да Князь Ивана Княжъ Өедоровыхъ дѣтей Шеховскихъ, Сергея Григорьева сына Водорацкаго, Григорья Микитина сына Окелоова.

Тогожъ числа посыланы по городомъ ко кресту приводить къ Гетману Думной Дворенинъ Василей

---

[1]) Означенное точками не разобрано въ подлинникѣ, очень дурно написанномъ.

Михайловичъ Тяпкинъ, да діакъ. Въ Володимеръ и въ Суздаль и въ Нижней Новгородъ и въ ыные Столникъ Алексѣй Афонасьевъ сынъ Собакинъ, въ Великій Новгородъ Столникъ Князь Ѳедоръ Княжъ Семѣновъ сынъ Хованской; въ Киевъ Столникъ Князь Ѳедоръ Княжь Никитинъ сынъ Пріимковъ Ростовской; въ Казань Князь Андрѣй Княжь Дмитрій сынъ Щербатой.

Въ Астрахань.

Во Псковъ.

Въ Смоленскъ Столникъ Князь Юрья Княжь Яковлевъ сынъ Хилковъ.

Тогожъ году Майя въ 27 день пожаловалъ Великій Государь Царь и Великій Князь Иоанъ Алексѣевичъ къ себѣ въ Спальники и Спальниковъ брата своего блаженные памяти Столника и ближнего человѣка Александра Иванова сына Милославскаго.

Тогожъ году Майя въ 28 день пожаловалъ Великій Государь Царь и Великій Князь Иоанъ Алексѣевичъ исъ Спальниковъ же брата своего Государева Стольника і ближнего человѣка Михайла Григорьева сына Собакина.

Тогожъ числа пожаловалъ Великиі Государь Царь и Великиі Князь Петръ Алексѣевичъ къ себѣ въ Спалники изъ недорослей Михайла Аѳонасьева сына Матюшкина.

Тогожъ числа сказано въ Казань въ товарыщи зъ Бояриномъ съ Князь Юрьемъ Семѣновичемъ Урусовымъ Окольничему Петру Тимоѳѣевичу Кондыреву.

Тогожъ числа сказано въ Синбирскъ Окольничему Князь Григорью Аѳонасьевичю Козловскому.

Тогожъ году Іюня въ 1 день пожаловалъ Царь и Великиі Князь Иоанъ Алексѣевичъ къ себѣ въ Спалники изъ дворянъ Ларіона Семѣнова сына Милославскаго.

Тогожъ году Июня въ 4 день сказано въ Пушкарскій Приказъ въ товарищи зъ Бояриномъ съ Князь Ѳедоромъ Семѣновичемъ Урусовымъ Думному Дворенину Ивану Петровичу Кондыреву.

Тогожъ году Июня въ 5 день былъ выходъ Великимъ Государемъ въ Золотую Полату, а были на приѣзде и у руки Крымскіе посланники.

А объявлялъ Ихъ Великимъ Государемъ и Грамоты принималъ Думной Діакъ Посольской Емельянъ Украинцовъ.

А въ отвѣте велѣно съ ними быть Боярину ближнему и Наместнику Велико-Пермскому Князь Василью Васильевичу Голицыну, да Думному жъ Діаку Емельяну Украинцову.

Тогожъ числа сказано въ иноземской и въ рейтарской приказъ въ товарыщи зъ Бояриномъ съ князь Никитою Ивановичемъ Одоевскимъ Окольничему Ивану Ѳедоровичу Васильевскому.

Тогожъ числа былъ Великимъ Государемъ выходъ къ Арханьгелу къ понахиде, а правили по великомъ Государе четыредесятницу.

Тогожъ году Июня въ 7 день былъ Великимъ Государемъ выходъ къ Арханьгелу къ понахиде по Великомъ Государе Царе и Великомъ Князе Ѳеодоре Алексѣевиче.

Тогожъ году Июня въ 11 день пожаловалъ Великиі Государь Царь и Великиі Князь Иоанъ Алексѣевичъ къ себѣ въ Спалники изъ Спалниковъ брата своего Государева блаженъные памяти Государя Царя и Великого Князя Ѳедора Алексѣевича всея Росиі Столниковъ і ближнихъ людей:

Князь Данила Княжь Григорьева сына Черкаского.

Князь Ивана Княжь Иванова сына Хованскаго.

Володимера Петрова сына Шерѣметева.
Михайла Васильева сына Собакина.
Ивана Алексѣева сына Головина.
Михайла Ѳедорова сына Ртищева.
Анъдрея Матвѣева сына Апраксина.
Ивана Васильева сына Заборовскаго.
Василья Иванова сына Чаадаева.
Ивана Иевлева сына Пояркова.
Въ неделю Свехъ Святыхъ.

Тогожъ числа сказано въ Синбирскъ въ товарыщи съ Окольничемъ съ Князь Григорьемъ Ооонасьевичемъ Козловъскимъ сыну ево князю Михаилу Княжь Григорьеву сыну Козловскому.

Тогожъ числа проважали образъ Знамения Пресвятыя Богородицы Великия Государи і Государыня Цесаревна и Великая Княжна Софья Алексѣевна что посланъ въ полки въ Казань къ Боярину къ Петру Васильевичю Меншому Шерѣметеву съ товарыщи ево съ Окольничимъ съ Князь Иваномъ Княжь Петровичемъ сыномъ Козловскимъ, а провожали за Тайницкия ворота Чудовской Архимандритъ.

Тогожъ году Июня въ 12 день пожаловалъ Великиі Государь Царь и Великиі Князь Иоанъ Алексѣевичъ къ себѣ въ комнату къ крюку Стряпчего Антипу Ларионова сына Пятого.

Тогожъ году Июня въ 13 день пожаловалъ Великиі Государь Царь и Великиі Князь Иоанъ Алексѣевичъ въ Спалники исъ Спалниковъ брата своево Государева Столника и ближнева Человѣка Ивана Иванова сына Головина.

Тогожъ году Июня въ 14 день указалъ Великиі Государь Царь и Великиі Князь Иоанъ Алексѣевичъ росписать своихъ Государевыхъ спалниковъ по дневаньемъ Дяткамъ Боярину Князю Петру Ивановичу Прозоровскому, да Околничему Борису Гавриловичу Юшкову.

1-й день.

Князь Данила Княжь Григорьевъ сынъ Черкаской.
Иванъ Алексѣевъ сынъ Головинъ,
Дмитрей Микитинъ сынъ Головинъ,
Иванъ Ивановъ сынъ Головинъ.
Юрья Ѳедоровъ сынъ Ладыженской,
Борисъ Алистарховъ сынъ Калагривовъ,

2-й день.

Князь Иванъ Княжъ Ивановъ сынъ Хованской,
Князь Михайла Княжь Лаврентьевъ сынъ Дуловъ,
Князь Михайла Княжь Өедоровъ сынъ Шеховской,
Борисъ Сафроновъ сынъ Хитрово,
Василей Ивановъ сынъ Чаадаевъ.

3-й день.

Володимеръ Петровъ сынъ Шереметевъ,
Михайла Васильевъ сынъ Собакинъ,
Михайла Григорьевъ сынъ Собакинъ,
Князь Иванъ Княжь Степановъ сынъ Шеховской,
Михайла Өедоровъ сынъ Ртищевъ,
Андрей Матвѣевъ сынъ Апраксинъ.

4-й день.

Александръ Ивановъ сынъ Милославской,
Алексѣй Матвѣевъ сынъ Милославской,
Иванъ Васильевъ сынъ Заборовской,
Григорей Микитинъ сынъ Акинфовъ,
Сергѣй Ивановъ сынъ Милославской,
Сергей Григорьевъ сынъ Водорацкой,
Да не въ дневанье
Петръ Васильевъ сынъ Собакинъ,
Петръ Ивановъ сынъ Яковлевъ,
Иванъ Іевлевъ сынъ Поярковъ.

Тогожъ году Июня въ 15 день пожаловалъ Великиі Государь Царь и Великиі Князь Петръ Алексѣевичъ къ себѣ въ Спалники і спалниковъ брата своего Государева блаженныя памяти Столниковъ і ближкихъ людей:

Ивана Иванова сына Колычова.
Князь Василья Княжь Лаврентьева сына Мещерскова.
Ивана Аөонасьева сына Матюшкина.
Петра Матвѣева сына Апраксина.
Да і Столниковъ Василья Алексѣева сына Саковнина.

Тогожъ числа былъ Великимъ Государемъ выходъ въ Соборную і Апостольскую Церковь къ Малебну, а обѣдни слушалъ одинъ Великиі Государь Царь і Великиі Князь Иоанъ Алексѣевичъ.

Тогожъ году Июня въ 16 день пожаловалъ Великиі Государь Царь и Великиі Князь Петръ Алексѣевичъ къ себѣ въ Спалники і спалниковъ брата своего Государева блаженныя памяти Столниковъ і ближнихъ людей; Князь Якова Княжъ Иванова сына Лобанова-Ростовскаго, да Князь Өедора Княжь Юрьева сына Ромадановскаго.

Тогожъ числа сказано въ Смоленскъ Воеводамъ: Боярину Князь Ивану Григорьевичу Куракину, да Столнику Андрѣю Микитину сыну Самарину.

Тогожъ числа ходили Великие Государи и Государыни Царевны въ Ново Девичъ Монастырь пешкомъ и Государыня Царица, а на Москвѣ оставлены Бояре: Бояринъ Князь Иванъ Андрѣевичъ Хованской, да Окольничей Михайла Петровичъ Головинъ, да Думной Діакъ Василей Семѣновъ.

Тогожъ году Июня въ 18 день былъ выходъ Великимъ Государемъ въ Саборную і Апостольскую Церковь, а празнавали Ионѣ Митрополиту.

А ко всеношному ходилъ одинъ Царь и Великиі Князь Иоанъ Алексѣевичъ.

Тогожъ числа указали Великия Государи сидеть въ мастерской Царицыныхъ Палатахъ Аколничему Петру Тимоөеевичю Кондыреву.

Тогожъ числа пожаловалъ Великиі Князь Іванъ Алексѣевичъ къ себѣ въ Спалники Столника і ближнего Человѣка Ивана Богданова сына Яковлева.

Тогожъ году Июня въ 18 день былъ ходъ со кресты на воду и кругъ Бѣлова Города, а въ ходу были власти, съ правой стороны Сергиі Архиепископъ Тверскиі і Кашинскиі, да по указу Великихъ Государей.

Окольничей Петръ Тимооеевичъ Кондыревъ.

Съ лѣвой стороны Никита Архиепископъ Коломенскиі и Каширскиі.

Да по указужъ Великихъ Государей Думой дворенинъ Иванъ Петровичъ Кондыревъ.

Тогожъ году Июня въ 19 день пожаловалъ Великиі Государь Царь и Великиі Князь Петръ Алексѣевичъ въ Спалники къ себѣ Столника Князь Андрея Княжъ Михайлова сына Черкаского.

Тогожъ году Июня въ 20 день пожаловали Великия Государи въ Казначеи Думнаго Дворенина Семѣна Өедоровича Толчанова, а сказывалъ ему Казначейства Думной Діакъ Василей Григорьевичъ Семѣновъ.

Тогожъ году Июня въ 21 день сказано сидеть въ аружейную Палату Боярину Петру Васильевичу Болшому Шереместеву.

Тогожъ году Июня въ 23 день былъ ходъ со кресты въ Срѣтенской монастырь, а въ ходу былъ Святѣйшиі Іоакимъ Патриархъ Московскиі и всеа Руси со властьми.

Да въ ходужъ былъ по указу Великихъ Государей Царевичъ Григорей Алексѣевичъ Сибирскиі, да съ нимъ Бояринъ Князь Иванъ Борисовичъ Троекуровъ, да Думной Дворенинъ Богданъ Өедоровичъ Полибинъ, да Думной Діакъ Аөонасей Зыковъ.

Тогожъ числа указали Великия Государи сидѣть въ Холопье Приказе Столнику Князь Өедулу Княжь Өедорову сыну Волхонскому.

Тогожъ году Июня въ 24 день по указу Великихъ Государей строилъ чертежное мѣсто, на чомъ венчатца Великимъ Государемъ Царьскимъ венцемъ въ Саборной і Апостольской Церквѣ къ Западнымъ двѣремъ межъ столбовъ о двенадцати Степенехъ Земъскаго приказу Судья Окольничей Михайло Петровичъ Головинъ съ товарыщи.

А какъ то мѣсто по указу Великихъ Государей онъ построилъ и Великия Государи указали то мѣсто обить сукны алыми богрецовыми и по нихъ послать отъ Царъского мѣста бархаты рудожолтыми, а Светейшему Патриарху бархать вешневъ, а отъ своего Царъского мѣста къ Царскимъ дверемъ сукны богрецовыми, да бархаты Золотными Казначею Семѣну Ѳедоровичу Толочанову съ товарыщи; а передъ Царъскими дверми указали Великия Государи здѣлать мѣста, гдѣ ихъ Великихъ Государей Животворящей крестъ постановить і шапки і санъ.

Тогожъ году Июня въ 25 день изволили Великия Государи венчатца своими царъскими венцы въ Соборной и Апосталской Церквѣ, а сему Ихъ Великихъ Государей венчанію чинъ.

Тогожъ числа въ 8-мъ часу дни изволили Великия Государи итти изъ своихъ Государскихъ хоромъ въ Грановитую Палату, а передъ ними Великими Государи шли Околничеи і ближния люди, а за ними Великими Государи шли Царевичи и Бояре і Думныя люди, а были въ Золотныхъ Каѳтанехъ.

А пришедъ въ Грановитую Полату і сели на свое мѣсто и пожаловали въ Бояре Столника Князь Андрѣя Ивановича Хованского.

А сказывалъ ему Боярство Думной Діакъ Василей Семѣновъ.

А у скаски стоялъ и Великимъ Государямъ объявлялъ Околничей Князь Михайла Ивановичъ Лыковъ.

Тогожъ числа пожаловали Великия Государи въ Бояре Столника Михаила Львовича Плещеева.

А сказывалъ ему боярство Думной Діакъ Василей Семѣновъ.

А у скаски стоялъ и Великимъ Государемъ объявлялъ Околничей Иванъ Ивановичъ Чаадаевъ.

Тогожъ числа пожаловали Великия Государи въ Бояре Околничего Матвѣя Богдановича Милославскаго.

А сказывалъ ему Боярство і у скаски стоялъ і Великимъ Государемъ объявлялъ тежъ.

Тогожъ числа пожаловали Великия Государи въ Околничие Столника и ближнего человѣка Лариона Семѣновича Милославскаго, да Думаго Дворенина Веденихта Андрѣевича Змѣева.

А сказывалъ имъ Околничество Думной Діакъ Василей Семѣновъ.

А у скаски стоялъ и Великимъ Государемъ объявлялъ Печатникъ Дементей Миничъ Башмаковъ.

Тогожъ числа пожаловали Великія Государи въ Думныя Дворяне Столниковъ Петра Савича сына Хитрово, да Полковника Василья Лаврентьевичъ Пушечникова.

И какъ пожаловалъ ихъ Честьми указали итить на Казенной дворъ къ Боярину Князь Василью Васильевичу Голицыну съ товарыщи

И съ Казеннаго двора по указу Великихъ Государей несли животворящіи крестъ протопопъ Спаской да Воскресенской.

Шапьки несли Бояре: Алексѣй Семеновичъ Шеинъ, Князь Иванъ Борисовичъ Троекуровъ. Скиоетри несли Околничие: Матвѣй Степановичъ Пушкинъ, Иванъ Ивановичъ Чаадаевъ.

Яблоки несли Казначей Семенъ Ѳедоровичъ Толочановъ, да печатникъ Дементей Миничъ Башмаковъ.

Стаянницы несли Думныя Діаки Василей Семѣновъ, да Аѳонасей Зыковъ, да Иванъ Гороховъ, да Емѣльянъ Украинцовъ.

А за нимъ шелъ Бояринъ Князь Василій Васильевичъ Голицынъ.

И какъ пришли въ Грановитую Палату и Великия Государи поцеловавъ Животворящіи крестъ указали іттить въ Соборную Апостольскую Церковь и какъ будутъ у Грановитой противъ угла і Светѣйшіи Патриархъ велѣлъ встретить Животворящіи крестъ Симону Архиепископу Вологоцкому, да съ нимъ Архимандритамъ і Игумьнамъ.

А какъ пришли Соборной Апостольской Церкви къ дверемъ и Светѣйшіи Патріархъ встречалъ самъ со властьми, а въ тепоры звонили во все колокола.

И принесши Животворящій крестъ начали петь молебенъ.

А Великия Государи въ то число были въ Грановитой Палате

И пришедъ Бояринъ князь Василей Васильевичъ Голицынъ докладывалъ Великимъ Государей, что время ітти въ Соборную Апостольскую Церковь.

И Великия Государи изволили ітти въ соборную Церковь, і пришедъ въ Соборную Апостольскую Церковь пошли на чертежное мѣсто приложились у иконъ.

И Святѣишіи Іоакимъ Патриархъ посылалъ по царския платья Большаго Собору, до Спаского сверху Протопоповъ, да дву ключарей.

По діадиму и по Животворящіи крестъ Архимандритовъ Троицы Сергиева Монастыря, да Чудовскаго, да Спаса Новаго Монастыря, до Симонова Монастыря.

А какъ они принесли къ мѣсту и указалъ Святѣйшіи Патриархъ у нихъ принять Митрополитомъ: Корнилию Новгородецкому и Великолуцкому, Никиѳору Астраханскому и Терскому, Павлу Сибирскому и Тобольскому, Іонѣ Ростовскому и Ерославскому.

А Мономаховѣ шапки укасалъ принесть на мисахъ къ мѣсту Архимандритомъ: Андроньевскому да Петровскому, да Савинскому, да Воскресенскому.

А какъ ко мѣсту принесли і у нихъ велѣлъ принять Митрополитомъ Маркелу Пьсковскому Изъборскому, Варсоноѳью Сарскому і Подонскому, Ѳилорету Нижегороцкому і Олатарскому, Павлу Резанскому і Муромскому.

А скиоетри велѣлъ принесть Архимандриту Богоявленскому, да Ігумину Угрескому, Новинскому, Даниловскому.

А у нихъ велѣлъ принять Архиепископамъ: Симону Вологоцкому і Бѣлозерскому, Сергію Тверскому і Кашинскому, Никите Коломенскому, и Коширскому, Аѳонасию Колмогорскому і Важскому.

А державу велѣлъ принесть Игуменамъ: Златоустовскому, Даниловскому Стретенскому, Данскому.

А у нихъ велелъ принять Ахиепископу Галасию Устюжскому и Тотимскому, да Епископомъ: Леонтию Танбовскому, Митроѳану Воронежскому, да Архимандриту Викентію Троицкому.

А какъ на Великихъ Государей одежду і диодиму и шапку и Животворящиі крестъ возложили і скиѳетры і державы въ руки отдали, і стали петь многолѣтие всемъ Соборомъ и потомъ на крылосехъ и сталъ Светейшиі Патриархъ і все власти и Бояре і Околничие і Думные и ближние люди всякихъ чиновъ здравствовать Имъ Великимъ Государемъ на Ихъ Превысочайшемъ Престоле.

А какъ венчали Великихъ Государей і на Чертежномъ мѣсте стояли Бояре: Князь Никита Ивановичъ, Князь Яковъ Никитичъ Одоевские, Князь Василей Васильевичъ Голицынъ, Князь Иванъ, да Князь Семенъ Андрѣевичи Хаванские, Петръ Васильевичъ Шерѣметевъ, Князь Петръ Ивановичъ Прозоровской, Родионъ Матвѣевичъ Стрѣшневъ, Околничей Барисъ Гавриловичъ Юшковъ.

А шапки несли, въ которыхъ Великие Государи пришли въ Соборъ і жезлы Стольники і ближния люди; Алексѣй Матвѣевъ сынъ Милославской, Иванъ Аѳонасьевъ сынъ Матюшкинъ.

А Великихъ Государей вели подъ руки:

Царя и Великаго Князя Иоанна Алексѣевича Дядки: Бояринъ Князь Петръ Ивановичъ Прозоровской, да Околничей Борисъ Гавриловичъ Юшковъ.

Царя и великаго Князя Петра Алексѣевича Дядка Бояринъ Родионъ Матвѣевичъ, да Столникъ і ближней человѣкъ Тихонъ Микитинъ сынъ Стрѣшневъ.

А за Великими Государями были спалники все по списку.

А передъ стрепнею шли:

Царя и Великаго Князя Іоанна Алексѣевича Столникъ і ближней Человѣкъ Юрья Ѳедоровъ сынъ Лодыженъской.

Царя и Великаго Князя Петра Алексѣевича Столникъ Алексѣй Прокоѳьевъ сынъ Саковнинъ.

А обѣдню изволили слушать на своемъ Царскомъ мѣсте, а послѣ Херувимской приходили Великия Государи къ царскимъ дверемъ і на нихъ надевалъ Светѣйшиі Патриархъ чепи по Ихъ Царскому Чину.

А въ Кеноники присылалъ Светѣйшиі Патриархъ изъ Олтаря ризничего, да Дьякона, чтобы Великия Государи изволили итти въ Миропомазанію и къ Светому Причащенію і поклонясь пошли.

И Великие Государи изволили итти по Чертожному мѣсту къ Царскимъ дверемъ и прикладываясь у Святыхъ Иконъ кланелись на все стороны ниско.

И царскіе двери отворили и вышедъ Светѣйшиі Патриархъ съ властьми і снимали съ нихъ Великихъ Государей шапки и диодимы і помазывалъ Святымъ миромъ на Челѣ і на Затылке і на ланитахъ і на сердце и опять на нихъ надѣвали, и облача ихъ, препоясали лентиемъ.

И взявъ Великихъ Государей власти повели ко Святому Причащенію въ Царския двери, а какъ причащали въ то время Царскія двери были затворены, и причащась Божественныхъ Таинъ шли на своежъ мѣсто

А въ Соборе указали держать скиѳетри Боярину Князь Василью Васильевичу, да Кравчему Князь Борису Алексѣевичу Голицынымъ.

А шапки держать Боярамъ на золотыхъ мисахъ— Алексѣю Семеновичу Шеину да Князь Ивану Борисовичу Троекурову.

Яблоки держать Околничемъ: Матвею Степановичу Пушкину, да Ивану Ивановичу Чаадаеву.

А какъ шли Великия Государи къ Миропомазанію і ко Святому Причащенію и путь слалъ бархоты Золотными Казначей Семѣнъ Ѳедоровичъ Толочановъ.

А коверъ Золотной слалъ передъ царскими дверми Столникъ и ближней человѣкъ Юрья Ѳедоровъ сынъ Лодыженской.

А послѣ обѣдни Отдавалъ Светѣйшиі Патриархъ Великимъ Государемъ Посохи и поучалъ отъ правилъ Святыхъ Апостолъ і Святыхъ Отецъ.

А какъ Великія Государи изволили итти изъ Соборной і Апостолской Церкви къ Архангелу Михаилу, а отъ Орхангела къ Благовещенью и путь былъ посланъ сукнами алыми, а въ двѣрехъ везде осыпали Великихъ Государи золотыми и деньгами Золочеными по трожды Царевичи Сибирские Григорій, да Василей Алексѣевичи.

А мисы держали зъ золотыми Столники Василей, да Андрѣй Петровы дѣти Измайловы.

А чинъ строилъ Думной Діакъ Емельянъ Украинцовъ, а надъ нимъ надсматривалъ Бояринъ Князь Василей Васильевичъ Голицынъ.

А пришедъ Великія Государи въ хоромы жаловали Бояръ і Окольничихъ и Думныхъ і ближнихъ людей водками и ренскимъ. А стола того числа не было.

Тогожъ числа пожаловалъ Великій Государь Царь и Великиі Князь Іоанъ Алексѣевичъ къ себѣ въ Спалники Столника Князь Андрѣя Княжь Канбулатова сына Черкаского.

Тогожъ числа ходили съ столомъ къ Свѣтейшему Патриарху Іоакиму отъ Великихъ Государей Столники і ближния люди Князь Данила Княжъ Григорьевъ сынъ Черкаской, да Князь Яковъ Ивановичъ Лобановъ Ростовской.

Тогожъ году Июня въ 26 день былъ Великимъ Государемъ выходъ въ Грановитую Палату.

Тогожъ числа пожаловали Великия Государи въ Оружейничия Боярина Петра Васильевича Большова Шерѣметева.

А сказывалъ ему Оружейничество Думной Діакъ Василей Семѣновъ.

Тогожъ числа пожаловали Великия Государи въ Бояре Столника Бориса Петровича Шерѣметева.

А сказывалъ ему Боярство Думной Діакъ Василей Семѣновъ.

А у скаски стоялъ и Великимъ Государемъ объявлялъ Околничей Михайла Петровичъ Головинъ.

Тогожъ числа пожаловали Великия Государи въ Бояре Околничего Князь Михайла Ивановича Лыкова.

А сказывалъ ему Боярство Думной Діакъ тотъ же.

А у скаски стоялъ и Великимъ Государемъ объявилъ Околничій Венедихтъ Андрѣевичъ Змѣовъ.

Тогожъ числа пожаловали Великия Государи въ Бояре Околничаго Бориса Гавриловича Юшкова, а сказывалъ ему Боярство Думной Діакъ тотъ же.

А у скаски стоялъ и Великимъ Государемъ объявилъ Печатникъ Дементій Миничъ Башмаковъ.

Тогожъ числа пожаловали Великия Государи въ Окольничие Столника і ближняго Человѣка Тихона Никитича Стрешнева, да Думнаго Дворенина Василия Савича Нарбѣкова.

А сказывалъ имъ Околничество Думной Дьякъ тотъ же.

А у скаски стоялъ и Великимъ Государемъ объявлялъ Печатникъ же.

Тогожъ числа пожаловали Великия Государи въ Думные Дворянѣ Столниковъ: Василья Семѣновича Змѣова и Аврама Ивановича Хитрово.

Тогожъ числа пожаловалъ Великиі Государь Царь и Великиі Государь Иоанъ Алексѣевичъ въ Спалники къ Себѣ Столника Петра Петрова сына Салтыкова.

Тогожъ году Июня въ 27 день былъ Великимъ Государемъ выходъ въ Грановитую Палату.

Тогожъ числа пожаловали Великия Государи въ Бояре Столника Князь Андрея Ивановича Голицына.

А сказывалъ ему Боярство Думной Дпакъ Василей Семѣновъ. А у скаски стоялъ и Великимъ Государимъ объявлялъ Бояринъ Иванъ Богдановичъ Хитрово.

Тогожъ числа пожаловали Великия Государи въ Бояре Столника Алексѣя Петровича Салтыкова.

А сказывалъ ему Боярство Думной Діакъ Василей Семеновъ.

А у скаски стоялъ и Великимъ Государямъ объявлялъ Околничий Кирила Осиповичъ Хлоповъ.

Тогожъ числа пожаловали Великие Государи въ Бояре Околничего Ивана Тимоѳѣевича Кондырева.

А сказывалъ ему Боярство Думной Діакъ Василей Семеновъ.

А у скаски стоялъ и Великимъ Государемъ объявлялъ Печатникъ Дементей Миничъ Башмаковъ.

Тогожъ числа пожаловали Великие Государи въ Околничие Думныхъ Дворянъ Андрѣя Васильевича Толстова, да Богдана Ѳедоровича Полибина. А сказывалъ імъ Околничество Думной Діакъ тотъ же.

А у скаски стоялъ и Великимъ Государемъ объявлялъ Печатникъ же.

Тогожъ числа пожаловали Великие Государи въ думные Дворяне Ивана Ивановича Сухотина, да Максима Исаева Сунбулова.

Тогожъ году Июня 29 день былъ Великимъ Государемъ выходъ въ Грановитую Полату. И пришедъ пожаловали въ Бояре Столника Князь Василья Петровича Прозоровскаго

А сказывалъ ему Боярство Думной Діакъ Василей Семѣновъ.

А у скаски стоялъ и Великимъ Государемъ объявлялъ Околничей Матвей Степановичъ Пушкинъ.

Тогожъ числа пожаловали Великие Государи въ Бояре Околничего Князь Костентина Осиповича Щербатого.

А сказывалъ ему Боярство Думной Діакъ Василей Семѣновъ.

А у скаски стоялъ и Великимъ Государемъ объявлялъ Думной Дворенинъ Іевъ Демидовичъ Голохвастовъ.

Тогожъ числа пожаловали Великие Государи въ Бояре Околничего Ѳедора Прокоѳьевича Соковнина.

А сказывалъ ему Боярство Думной Діакъ Василей Семѣновъ.

А у сказки стоялъ и Великимъ Государемъ объявлялъ Печатникъ Дементей Миничъ Башмаковъ.

Тогожъ числа въ Кравчия Князь Алексѣя Петровича Пърозоровскаго.

Тогожъ числа пожаловали Великие Государи въ Околничие Столника Ивана Ѳедоровича Лосенка Пушкина.

А сказывалъ ему Околничество і у скаски стоялъ тежъ.

ИСТОРІЯ РОССІИ
СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ.
Томъ четырнадцатый.

Исторія Россіи въ эпоху преобразованія.

Глава I.

Правленіе царевны Софіи.

Польскія интриги для возмущенія Малороссіи. — Князь В. В. Голицынъ и его политика. — Священный союзъ противъ Турокъ. — Россія приглашается вступить въ него. — Вѣчный миръ съ Польшею и вступленіе въ Священный союзъ.—Подчиненіе Кіевскаго митрополита Московскому патріарху.—Сношенія съ гетманомъ Иваномъ Самойловичемъ по этому случаю.—Избраніе въ Кіевскіе митрополиты князя Гедеона Четвертинскаго.—Сношеніе съ восточными патріархами по поводу подчиненія Кіевской митрополіи Московскому патріарху.—Первый Крымскій походъ.—Посольство Шакловитаго въ полки.—Сверженіе Самойловича, избраніе Мазепы въ гетманы.—Лазарь Барановичъ. — Побужденіе отъ турецкихъ христіанъ къ возобновленію военныхъ дѣйствій.—Второй Крымскій походъ.—Сношенія съ европейскими и азіятскими государствами въ правленіе Софіи.—Нерчинскій договоръ съ Китаемъ.—Внутренняя дѣятельность правительства.

Московская смута отозвалась на югѣ, въ странахъ казацкихъ; вѣсти о ней произвели движеніе и за границею, порадовали враговъ Россіи; въ Польшѣ возбудилась надежда воспользоваться смутою и оторвать Малороссію отъ Москвы. Съ этою цѣлію, по приказу королевскому, гетманъ Польскій Яблоновскій отправилъ прелестные листы къ Григорію Дорошенку и къ бывшему Кіевскому полковнику Солонинѣ. Листы были подосланы съ двумя монахами, которыхъ отправилъ въ Малороссію Львовскій епископъ Іосифъ Шумлянскій, надѣявшійся быть Кіевскимъ митрополитомъ въ случаѣ отторженія Малороссіи отъ Москвы. У тѣхъ же монаховъ найдена была инструкція, что разглашать въ Малороссіи: 1) Начать съ Полтавы, потому что ея жители склоннѣе другихъ къ возстанію противъ Москвы. 2) Разглашать, что Самойловичъ хочетъ искоренить казаковъ, и для того лучшихъ полковниковъ обратилъ въ простые казаки. 3) Москва плаваетъ въ своей крови; это наказаніе Божіе за то, что не помогла ни императору, у котораго султанъ отбираетъ теперь остальную Венгрію, ни Польшѣ. Царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ хотѣлъ подать помощь Польшѣ, но бояре не позволили, а потомъ и жену его, которая носила польскую фамилію Грушевскихъ, отравили, напослѣдокъ и самого царя извели, и весь родъ царскій истребить хотѣли,—за это Богъ и отомстилъ имъ жестоко. 4) Еслибъ дѣло дошло до союза Москвы съ Польшею, то не только души христіанскія изъ неволи освободились бы и Святыя мѣста опять процвѣли, но и весь народъ Греческій могъ бы освободиться. 5) Москва обманула Поляковъ; она причиною, что Каменецъ погибъ, Подолія и Украйна пропали. 6) Польскіе короли, и покойный Михаилъ, и нынѣшній Янъ, объ одномъ хлопотали, чтобы Украйна не досталась Туркамъ, а принадлежала бы казакамъ; и всѣмъ извѣстно, что послѣ Журавскаго мира Хмельниченко былъ посаженъ гетманомъ въ Немировѣ. Но бояре московскіе всю Украйну по Днѣпръ уступили Туркамъ, испугавшись, что Чигирина не успѣли удержать и защитить, изъ-подъ котораго визирь хотѣлъ бѣжать, но Ромодановскій, несмотря на свою побѣду, наступить на него не хотѣлъ. Этою уступкою Украйны Туркамъ Запорожье заперто и преждевременно должно погибнуть, а потомъ и имя казацкое пропадетъ. 7) Опасаться надобно, чтобъ войска русскія не ударили на Кіевъ, и Татары не разорили Заднѣпровья, какъ скоро узнаютъ о Московской смутѣ. 8) Дума Московская не только не хотѣла воевать противъ бусурманъ, но даже не позволила королю на деньги нанять казаковъ, опасаясь, чтобъ войско казацкое и народъ Малороссійскій не возвратились къ государю предковъ своихъ и не возлюбили той вольности, въ какой живетъ Польша. 9) Войску, во всемъ христіанствѣ славному, надобно вспомнить славу дѣдовъ и прадѣдовъ, быть въ одной мысли съ Запорожьемъ и выбиться изъ неволи человѣка негоднаго и невоинственнаго. А королевское величество имѣетъ столько разума, благословенія Божія и храбрости, что можетъ защитить и народъ, который онъ отъ младенчества любитъ и почитаетъ. 10) Духовенству внушать, что въ церквахъ, находящихся подъ державою королевскою, нѣтъ никакой перемѣны, священникамъ воздается честь, дань и подводы отставлены, изъ подданства пановъ своихъ духовенство освобождено. 11) Внушать, не лучше ли въ Кіевѣ имѣть своего главу, какъ имѣетъ Москва; прежде Кіевскіе митрополиты ставили Московскихъ, которые теперь патріархами называются; многими столѣтіями Св. Софія кіевская старше соборной церкви московской. 12) Не лучше ли видѣть власть духовную и мірскую въ Кіевѣ, чѣмъ искать ея раболѣпнымъ образомъ въ Москвѣ. 13) Нечего бояться, что старинные паны возвратятся на восточную сторону Днѣпра: ихъ уже нѣтъ въ живыхъ, и которые остались молодые, тѣ Заднѣпровья и Сѣверской страны не знаютъ. 14) Притомъ же здѣсь все имѣнія государственныя, только ходили въ помѣстьяхъ, и республика прежнихъ помѣщиковъ не дастъ. 15) Пусть разсудитъ весь народъ казацкій, что имъ Богъ подаетъ отца, что имъ Богъ просвѣщаетъ разумъ, отверзаетъ очи и показуетъ путь къ вольности. 16) Если надобна будетъ помощь, пусть знаютъ, что войско польское на коняхъ".

Инструкціи эти были спрятаны у монаховъ—у одного въ дегтярной флягѣ, облиты воскомъ, у другого въ телѣгѣ въ задней подушкѣ. Кромѣ пунктовъ писанной инструкціи, монахамъ велѣно было разглашать, что кто приведетъ народъ подъ королевское подданство, тотъ сдѣланъ будетъ великимъ человѣкомъ и будетъ обогащенъ; черни каждый годъ изъ казны королевской будутъ деньги и сукна; паны польскіе не будутъ въѣзжать въ Украйну на маетности, король хочетъ сдѣлать особое удѣльное русское Кіевское княжество [1]).

Но и въ Малороссіи, и въ Польшѣ скоро узнали, что московская смута прекратилась, что новое правительство, хотя и странное по своей формѣ, довольно сильно, благодаря лицамъ, на которыхъ оперлась царевна-правительница. Шакловитый крѣпко держалъ въ рукахъ московскихъ стрѣльцовъ; но виднѣе Шакловитаго, человѣка новаго, худороднаго, поднялся Вас. Вас. Голицынъ, первое лицо въ правительствѣ послѣ царевны. 19 октября 1683 года Голицынъ получилъ титулъ, который носили Ординъ-Нащокинъ и Матвѣевъ — „Царственныя большія печати и государственныхъ великихъ посольскихъ дѣлъ оберегателя" [2]). Главною обязанностію Голицына стало теперь блюсти интересы Россіи въ сношеніяхъ съ чужими державами — обязанность трудная при тогдашнихъ отношеніяхъ, но Голицынъ умѣлъ выполнить ее съ честію и пользою для государства. Въ то время, когда Россія, жившая такъ долго на Востокѣ, поворачивала на новый, противоположный путь къ Западу, готовилась войти въ общую жизнь европейскихъ народовъ, въ Европѣ происходили явленія, которыя должны были измѣнить ея политику, вслѣдствіе чего новому государству, Россіи, предстояла впослѣдствіи великая роль.

Рѣзкое различіе древняго историческаго міра отъ новаго состоитъ въ томъ, что въ древности государства жили особо, одиноко, не связанныя общими интересами; отсюда происходило, что когда одно изъ нихъ усилится вслѣдствіе извѣстныхъ благопріятныхъ обстоятельствъ, вслѣдствіе личныхъ качествъ своего государя-завоевателя, то послѣднему легко покорять себѣ другія государства, слабыя вслѣдствіе одинокости своей. Такъ возможны становились поглощенія многихъ государствъ однимъ, образованія громадныхъ, всемірныхъ имперій, Персидской, Македонской, Римской. Но въ новой, христіанской Европѣ много государствъ образовалось почти одновременно, съ равными свѣжими силами, и стали они изначала жить общею жизнію, имѣя общіе интересы. При такихъ условіяхъ усиленіе одного государства насчетъ другихъ, образованіе огромныхъ, всемірныхъ монархій, вслѣдствіе завоевательныхъ стремленій одного народа, одного государя, стало невозможнымъ: какъ только обнаружатся въ извѣстномъ народѣ или государствѣ подобныя стремленія,—другія государства, вслѣдствіе привычки къ общей жизни, составляютъ союзы и посредствомъ нихъ останавливаютъ властолюбивые замыслы. Отсюда зоркость европейскихъ правительствъ, подозрительность ихъ при видѣ усиленія одного изъ государствъ; отсюда система политическаго равновѣсія.

Въ началѣ такъ-называемой Новой Исторіи Европѣ грозила сильная опасность отъ властолюбивыхъ стремленій Габсбургскаго дома, чрезмѣрно усилившагося посредствомъ выгодныхъ браковъ своихъ членовъ—способъ усиленія также новый, европейскій, неслыханный въ древнемъ мірѣ, знавшемъ только одну силу, какъ способъ усиленія. Но и новый способъ усиленія, употребленный Габсбургскимъ домомъ, могъ повести одинаково къ старымъ результатамъ,—къ образованію громадной имперіи, опасной для независимаго существованія другихъ европейскихъ государствъ. Особенно тяжко было положеніе Франціи, окруженной почти со всѣхъ сторонъ владѣніями Габсбургскаго дома: съ юга Испанія, съ сѣвера—Нидерланды, принадлежавшіе Испаніи; съ востока—Германія, императоромъ которой былъ Габсбургъ; значительная часть Италіи принадлежитъ также Испаніи, страшной своими непобѣдимыми войсками. Въ такомъ положеніи Франція, по инстинкту самосохраненія, употребляетъ всѣ средства, чтобъ какъ-нибудь ослабить удушавшее ее могущество Габсбургскаго дома; во время господства религіознаго интереса, во время ожесточенной борьбы между католицизмомъ и протестантизмомъ, Франція первая обходитъ религіозныя отношенія и выставляетъ на первый планъ политическое начало: искать союзовъ съ кѣмъ бы то ни было, не обращая вниманія на религіозное различіе, лишь бы сломить могущество Габсбургскаго дома: вотъ основаніе французской политики, которому остаются вѣрны и Францискъ I-й, и Генрихъ IV, и кардиналъ Ришелье. Франція, католическая держава, въ постоянномъ союзѣ съ протестантскими державами противъ Габсбурговъ; мало этого: Французскій король, носящій титулъ христіаннѣйшаго, въ союзѣ съ султаномъ.

---

[1]) Дѣла Малоросс. означен. года въ Москов. Архивѣ Мин. Ин. Д.

[2]) Приказныя дѣла 1683 г. въ Арх. Мин. Ин. Д.

Франція достигла своей цѣли: могущество Габсбурговъ было сломлено въ Тридцатилѣтнюю войну. Европа перестала бояться Габсбурговъ; но опасность стала грозить ей съ другой стороны, отъ той самой Франціи, которая, повидимому, такъ много послужила Европѣ при освобожденіи ея отъ всемірной монархіи Габсбурговъ. Отношенія перемѣнились: прежде Франція была почти отовсюду окружена владѣніями могущественной династіи; теперь отовсюду окружаютъ ее слабыя государства, приглашающія этою слабостію завоевателя,—а завоевателю легко явиться среди войнолюбиваго народонаселенія Галліи. На югѣ попрежнему Испанія, но Испанія, разбитая параличемъ, лишенная способности къ движенію, потерявшая значеніе въ Европѣ; на сѣверъ отъ Франціи прежнія испанскія владѣнія разбиты на двѣ части: сѣверная составляетъ маленькую независимую Голландскую республику, разбогатѣвшую отъ торговли, но не могущую вести сухопутной войны съ большимъ государствомъ; южная часть, Бельгія, осталась за Испаніею и по этому самому представляла лакомую и легкую добычу для Франціи, ибо Испанія не могла защищать ея. На востокѣ Германія, освобожденная изъ-подъ религіознаго и политическаго гнета, но опустошенная вконецъ Тридцатилѣтнею войною, раздробленная, со множествомъ мелкихъ владѣльцевъ, которые послѣ Тридцатилѣтней войны усилили свою власть, вслѣдствіе ослабленія другихъ элементовъ общественной жизни, но чрезъ это усиленіе не пріобрѣли широты взгляда и достоинства: это были не государи, а помѣщики, хлопотавшіе только о томъ, какъ бы получить побольше дохода отъ своей земли, отъ своихъ людей, не заботясь объ интересахъ общаго отечества, объ укрѣпленіи союзнаго начала, которое могло дать Германіи самостоятельное значеніе и внушить къ ней уваженіе въ сосѣдяхъ. Слѣдовательно и со стороны слабой, беззащитной Германіи завоевательныя стремленія Франціи могли встрѣтить такое же ничтожное сопротивленіе, какъ и со стороны Испаніи. Швеція, сыгравшая такую важную роль въ Тридцатилѣтней войнѣ и получившая по Вестфальскому миру владѣнія въ Германіи, получила вмѣстѣ съ тѣмъ и нравственную обязанность защищать интересы Германіи; но Шведское правительство позволило Франціи обольстить себя и вступило съ нею въ союзъ. Раздробленная Италія также не могла противопоставить Франціи никакой преграды. Англія не могла принимать дѣятельнаго участія въ дѣлахъ континента, будучи занята внутреннею борьбою, и король Англійскій позволилъ себѣ сдѣлаться пенсіонеромъ короля Французскаго. Такимъ образомъ, отношенія перемѣнились, и представитель Габсбургскаго дома, государь Австрійскихъ земель, носившій титулъ императора Римскаго и короля Германскаго, долженъ былъ защищать Германію и Испанію отъ Франціи при самыхъ неблагопріятныхъ для себя условіяхъ, даже, наконецъ, принужденъ былъ спокойно смотрѣть, какъ Французскій король, знаменитый Людовикъ XIV, подъ всякими предлогами захватывалъ Германскія земли. На это положеніе осуждала его борьба, поднявшаяся внутри его владѣній, именно въ Венгріи. Неудовольствія противъ Австрійскаго правительства не прекращались въ этой странѣ: слышались сильныя жалобы на поведеніе нѣмецкихъ войскъ, расположенныхъ въ венгерскихъ крѣпостяхъ; особенно сильныя жалобы слышались на притѣсненія, которыя терпѣли протестанты. Знатнѣйшіе и богатѣйшіе магнаты составили заговоръ и вошли въ сношенія съ султаномъ, предлагая ему подданство. Заговоръ былъ открытъ, главы его казнены смертію; но волненія не прекращались, и наконецъ, въ 1678 году, возстаніе вспыхнуло подъ предводительствомъ молодого вельможи Эммериха Текели, который началъ свое дѣло очень удачно. Опасность для Австріи еще болѣе усилилась, когда въ 1682 Текели поддался султану. Турціи, которая начинала уже разлагаться, судьба сильно поблагопріятствовала во второй половинѣ XVII вѣка: пограничныя волненія въ трехъ сосѣднихъ державахъ дали ей возможность въ послѣдній разъ предпринять наступательное и побѣдоносное движеніе на христіанскій міръ. Мы видѣли, какъ на Польской Украйнѣ Дорошенко, недовольный Польскимъ правительствомъ, поддался султану, слѣдствіемъ чего было нашествіе Турокъ на Польшу, взятіе Каменца и тяжелый для Польши Журавинскій миръ. Покончивъ съ Польшею, Турки ударили на Русскую Украйну и разорили Чигиринъ, послѣ чего Россія поспѣшила заключить съ ними не очень блистательный для себя миръ. Теперь смута на Австрійской Украйнѣ, въ Венгріи, подданство Текели приглашали побѣдоносное турецкое войско подъ стѣны Вѣны. Но если Туркамъ удастся нанести этотъ послѣдній, рѣшительный ударъ, овладѣть столицею главы священной Римской имперіи, то что̀ станется съ Восточною Европою: устоятъ ли Польша и Россія, и что будетъ съ Италіей? До сихъ поръ торжество Турокъ условливалось тѣмъ, что они нападали поодиночкѣ на сосѣднія державы; и теперь они вмѣшиваются въ венгерскія дѣла, вооружаются противъ Австріи, заключивъ миръ съ Россіею; слѣдовательно единственное средство отклонить страшную бѣду отъ Восточной Европы состояло въ заключеніи союза между ея державами для дружнаго отпора Оттоманамъ. Польскій король Янъ Собѣскій понялъ, что торжество Турокъ надъ Австріею будетъ гибелью для Польши, и потому рѣшился вступить въ союзъ съ императоромъ Леопольдомъ. Людовикъ XIV, радовавшійся бѣдѣ Габсбурговъ, поддерживавшій Текели, старался отговорить и Яна Собѣскаго отъ поданія помощи Австріи. Янъ отвѣчалъ, что останется спокойнымъ зрителемъ торжества Турокъ надъ Австріею только въ такомъ случаѣ, если Французскій король обяжется явиться на помощь къ Польшѣ со всѣми своими силами, когда Турки, по взятіи Вѣны, пойдутъ на Краковъ. Людовикъ не далъ этого обязательства,—и Собѣскій остался при своемъ намѣреніи помочь Австріи. Но въ Польшѣ не всѣ думали одинаково съ нимъ. Во время сейма 1683 года явилось множество сочиненій, въ которыхъ толковалось противъ войны съ Турками за Австрію: „Никогда мы не хотѣли брать себѣ королей изъ Австрійскаго дома, а теперь хотимъ воевать для того, чтобъ удержать подъ ихъ игомъ братью нашу въ Венгріи, Моравіи, въ Чехахъ, въ Кроаціи! Правда, Турки распространятъ свои владѣнія до Дуная,—но что намъ до этого за дѣло? Когда, два года тому назадъ, императоръ могъ бояться, что Висла отойдетъ подъ власть Турокъ, пришелъ онъ къ намъ на помощь? Турки вовсе не враги наши непримиримые: южныя страны представляютъ имъ болѣе лакомую добычу, чѣмъ наша Польша; наши вѣчные враги—Бранденбургъ и Австрія. Вотъ почему отцы наши всегда старались о дружбѣ съ Франціею, которая помочь намъ всегда можетъ, а покорить—никогда.“

Но Собѣскому удалось осилить французскую факцію. Сеймъ согласился на союзъ Австрійскій, который и былъ заключенъ въ маѣ 1683 года; императоръ обязался выставить въ поле 60,000 войска, король—40,000; оба государя обязались спѣшить со всѣми своими силами навыручку, если Турки осадятъ Вѣну или Краковъ; наконецъ оба государя обязались уговаривать къ союзу и другихъ владѣльцевъ, особенно стараться всѣми силами привлечь къ нему свѣтлѣйшихъ царей Московскихъ (Serenissimos Moschorum czaros).

Въ іюлѣ мѣсяцѣ 200,000 турецкаго войска, подъ начальствомъ великаго визиря Кара-Мустафы, перешло Раабъ и устремилось прямо къ Вѣнѣ. Императоръ Леопольдъ со всѣмъ дворомъ оставилъ столицу, поручивъ ея защиту графу Штарембергу. Штарембергъ выжегъ предмѣстія, отбилъ всѣ приступы, продержался шесть недѣль и дождался избавителей: къ Вѣнѣ подошло 84,000 христіанскаго войска—27,000 Австрійцевъ—подъ начальствомъ герцога Лотарингскаго, 11,400 Саксонцевъ—подъ начальствомъ курфюрста Іоганна-Георга, 11,300 Баварцевъ—съ курфюрстомъ своимъ Максомъ-Эммануиломъ, 800 Франконцевъ—подъ начальствомъ князя Валденскаго и 26,000 Поляковъ подъ начальствомъ самого короля Яна Собѣскаго. Собѣскій принялъ начальство надъ всѣмъ соединеннымъ войскомъ, 12 сентября ударилъ на Турокъ и одержалъ надъ ними блистательную побѣду: оставивши весь свой богатый станъ въ добычу побѣдителямъ, Кара-Мустафа убѣжалъ къ Раабу. Собѣскій преслѣдовалъ непріятеля и вторично поразилъ его подъ Парканами.

Несмотря на то, въ Константинополѣ не думали о мирѣ: Леопольду и Собѣскому нужно было на слѣдующій годъ готовиться къ новой тяжелой борьбѣ, и они стали искать союзниковъ. Весною 1684 года приступила Венеція къ священному союзу съ Австріею и Польшею, котораго патрономъ былъ провозглашенъ папа Иннокентій XI. И въ договоръ съ Венеціею былъ внесенъ пунктъ, что три державы приглашаютъ къ союзу всѣхъ государей христіанскихъ и „преимущественно царей Московскихъ“ [1]).

Янъ Собѣскій долженъ былъ исполнить двойное обязательство, и, разумѣется, исполнялъ его очень охотно. Извѣщая царей о своихъ побѣдахъ подъ Вѣною и Парканами, Собѣскій писалъ, что пришло время изгнать изъ Европы враговъ христіанства; что всѣ христіанскіе государи обѣщаютъ выставить войско на весну, а царскимъ величествамъ можно было бы начать войну и зимою. Въ началѣ 1684 г явились въ Москву и полномочные послы императорскіе для заключенія союза противъ Турокъ. Тѣ же побужденія, которыя заставили Собѣскаго помочь Австріи, должны были дѣйствовать и въ Москвѣ: Турція въ послѣднее время явилась для Россіи самымъ опаснымъ врагомъ, съ которымъ нельзя было управиться въ борьбѣ одинъ-на-одинъ, какъ доказала послѣдняя война; а теперь представлялся вѣрный случай вознаградить себя за эту войну въ союзѣ съ другими христіанскими державами,—союзѣ, котораго слѣдствія на первыхъ же порахъ оказались столь блистательными. Не принять участія въ священной войнѣ, и если слѣдствіемъ будетъ торжество Турокъ,—то надобно будетъ безпрестанно опасаться появленія турецкихъ ратей подъ Кіевомъ; если же Польша безъ русской помощи получитъ отъ Турокъ выгодный и славный миръ,—то первымъ ея дѣломъ будетъ потребовать отъ Россіи вооруженною рукою исполненія Андрусовскихъ условій, т.-е. возвращенія Кіева. Слѣдовательно благоразуміе требовало приступить къ священному союзу противъ невѣрныхъ, но прежде, благодаря настоятельной потребности Польши въ этомъ союзѣ, заставить ее заключить вѣчный миръ съ уступкою Кіева въ русскую сторону. Переговоры объ этомъ мирѣ начались въ январѣ 1684 года на старомъ мѣстѣ, въ пограничномъ селѣ Андрусовѣ. Тридцать девять разъ съѣзжались уполномоченные и ничего не рѣшили: Поляки не уступали Кіева, Русскіе не соглашались подать помощи противъ Турокъ.

Въ маѣ 1684 года, въ Москвѣ шли переговоры между Голицынымъ и послами императорскими—Жировскимъ и Блюмбергомъ. Послѣдніе объявили желаніе цесарскаго величества, чтобъ великіе государи помогли противъ Турскаго султана, отняли у него правую руку—Крымъ. Много войска на Крымъ посылать не-для-чего: можно послать однихъ Черкасъ, которые подъ владѣніемъ гетмана Ивана Самойловича, придавъ къ нимъ нѣсколько пѣшихъ полковъ; цесарское величество другой помощи не требуетъ, желаетъ только, чтобъ правую руку у султана удержать. Голицынъ отвѣчалъ: „У великихъ государей съ королемъ Польскимъ осталось только девять перемирныхъ лѣтъ, и если великіе государи, вступивъ за цесаря и короля Польскаго въ войну съ Турскимъ султаномъ, рати свои утрудятъ, а Польскій король, по истеченіи перемирныхъ лѣтъ, наступитъ войною на ихъ государства, то великимъ государямъ какая будетъ прибыль? поэтому, не заключивъ вѣчнаго мира съ Польшею, великимъ государямъ отнюдь въ союзъ вступить нельзя, что послы сами могутъ понять“. Послы просили объявить, какое послѣднее намѣреніе со стороны царскаго величества насчетъ отдачи Кіева Полякамъ? Голицынъ отвѣчалъ, что Кіева въ польскую сторону никакъ отдать нельзя, и отданъ не будетъ, потому что у Малороссійскаго народа съ Поляками за утѣсненіе вѣры и за другія обиды великія ссоры, и никогда между ними эти ссоры успокоены быть не могутъ; Малороссійскій народъ и имени польскаго слышать не хочетъ. Да и потому Кіева отдать нельзя, что Польскій король Журавинскими договорами уступилъ всю Украйну Турскому султану, а султанъ Турскій уступилъ Кіевъ съ принадлежащими къ нему городами и мѣстами и Запорожье въ сторону царскаго величества. Голицынъ покончилъ разговоры рѣшительнымъ объявленіемъ: „Если король Польскій уступитъ царскому величеству городъ Кіевъ, то царское величество, въ союзѣ съ королемъ, будетъ вести войну противъ Крымскаго хана“[1]). Между тѣмъ военное счастіе, вѣрное Австріи и Венеціи, оставило Собѣскаго: въ 1684 году онъ неудачно осаждалъ Каменецъ; въ 1685 году, не будучи самъ въ состояніи предводительствовать войскомъ по болѣзни, Собѣскій отправилъ гетмана Яблоновскаго въ Молдавію, чтобы, занявши эту страну, отрѣзать Подолію отъ турецкихъ владѣній и принудить Каменецъ къ сдачѣ. Яблоновскій перешелъ Днѣстръ и вторгся въ Молдавію, но скоро принужденъ былъ возвратиться съ значительнымъ урономъ. Это заставило короля возобновить переговоры съ царями о союзѣ. Въ началѣ 1686 года въ Москву пріѣхали знатные послы королевскіе, воевода Познаньскій Гримультовскій и канцлеръ Литовскій князь Огинскій. Семь недѣль князь Вас. Вас. Голицынъ съ товарищами спорилъ съ Гримультовскимъ и Огинскимъ: послы, не соглашаясь на предложенія бояръ, уже объявили переговоры прерванными, откланялись царямъ, приготовились къ отъѣзду, и опять возобновили переговоры, „не желая“, какъ говорили, „столь великаго, славнаго, прибыльнаго дѣла оставить и своихъ трудовъ туне потерять“. Наконецъ, 21 апрѣля, всѣ споры прекратились и заключенъ былъ вѣчный миръ: Польша уступила Кіевъ навсегда Россіи; великіе государи обязались—разорвать миръ съ султаномъ Турскимъ и ханомъ Крымскимъ, послать немедленно войска свои на Крымскія переправы для защиты Польши отъ татарскихъ нападеній; приказать Донскимъ казакамъ чинить воинскій промыселъ на Черномъ морѣ, а въ слѣдующемъ 1687 году послать всѣ свои войска на Крымъ. Обѣ державы обязались не заключать отдѣльнаго мира съ султаномъ. Кромѣ того, было постановлено, что Россія, въ вознагражденіе за Кіевъ, заплатитъ Польшѣ 146,000 рублей; къ мѣстамъ на западномъ берегу, оставшимся вмѣстѣ съ Кіевомъ за Россіею, къ Триполью, Стайкамъ и Василькову прибавлено земли верстъ по пяти; Чигиринъ и другіе разоренные города внизъ по Днѣпру, отошедшіе по послѣднему миру отъ Россіи къ Турціи, положено не возобновлять. Православные въ польскихъ областяхъ не подвергаются никакому притѣсненію со стороны католиковъ и уніатовъ; католики въ Россіи могутъ отправлять свое богослуженіе только въ домахъ.

---

[1]) Zinkeisen—Geschichte des Osmanischen Reiches, V, 87; Rogalskiego—Dzieie Jana III Sobieskiego, 126.

За подтвержденіемъ договора со стороны королевской отправились во Львовъ бояринъ Борисъ Петровичъ Шереметевъ и окольничій Чаадаевъ. Они два мѣсяца ждали короля; Собѣскій въ 1686 году самъ отправился съ войскомъ въ Молдавію, овладѣлъ Яссами, но, окруженный со всѣхъ сторонъ толпами Татаръ, долженъ былъ совершить трудное отступленіе съ голоднымъ и больнымъ войскомъ. Печаленъ пріѣхалъ Собѣскій во Львовъ, а тутъ еще новое горе: надобно было скрѣпить присягою договоръ, которымъ Польша навсегда отказывалась отъ Кіева; со слезами на глазахъ присягнулъ король [2]).

Между тѣмъ въ Москвѣ, еще прежде окончательнаго дипломатическаго закрѣпленія Кіева за Россіею, поспѣшили окончить великое дѣло церковнаго возсоединенія Восточной и Западной Россіи, условливавшаго и возсоединеніе политическое. Въ XV вѣкѣ политическое разъединеніе обѣихъ частей Россіи подъ различныя династіи — Рюриковскую и Гедиминовскую—имѣло слѣдствіемъ раздѣленіе Русской Церкви: Литовскіе князья, владѣвшіе Кіевомъ, не хотѣли, чтобъ ихъ русскіе подданные въ церковномъ отношеніи зависѣли отъ митрополита, жившаго въ Москвѣ, и настояли на посвященіи особаго митрополита въ Кіевъ. Въ XVII вѣкѣ Кіевъ присоединился къ Москвѣ, и наслѣдники Калиты, стремясь къ собранію Русской Земли, уничтожаютъ дѣло князей Литовскихъ, возсоединяютъ Русскую Церковь чрезъ подчиненіе Кіевскаго митрополита Московскому патріарху; но вмѣстѣ съ этимъ Москвѣ въ церковномъ отношеніи подчинялось и все зависѣвшее отъ Кіевскаго митрополита православное русское народонаселеніе, еще остававшееся въ польскихъ владѣніяхъ.

---

[1]) Дѣла Польскія и Цесарскія означеннаго года въ Москов. Архивѣ Мин. Ин. Д.

[2]) Дѣла Польскія и Цесарскія означеннаго года въ Московск. Архивѣ Ин. Д., дѣла 1686 года; Zaluski—Epistolae I, 2, p. 989, 1135

Это важное дѣло было улажено при помощи гетмана Ивана Самойловича, съ которымъ во все это время велись долгіе переговоры насчетъ союза съ Польшею противъ Турокъ и Татаръ: Польскій союзъ попрежнему встрѣчалъ сильное сопротивленіе въ Малороссіи.

Сношенія съ гетманомъ начались въ маѣ 1683 года. Самойловичъ на первый разъ отвѣчалъ, что союзъ съ христіанскими государями — дѣло хорошее, но прежде надобно заключить съ Польшею вѣчный миръ, по которому Польша должна отказаться отъ Кіева и отъ всей Малороссіи, отъ войска Запорожскаго городоваго и низоваго; потомъ надобно постановить, чтобъ русскія войска не соединялись съ польскими, но управлялись отдѣльно съ крымскими Татарами. Впрочемъ, и противъ союза встрѣчаются сильныя препятствія. Если великіе государи, вслѣдствіе союза съ королемъ и цесаремъ, разорвутъ перемиріе съ Турками и Татарами, то король и цесарь дадутъ объ этомъ знать бусурманамъ: тѣ испугаются и предложатъ миръ, король и императоръ помирятся, и тогда вся тяжесть войны обрушится на Россійское царствіе; да еслибъ они и не помирились съ Турками, но если султанъ обратится со всѣми своими силами на насъ, то не только цесарь за дальнимъ разстояніемъ не придетъ на помощь,—не поможетъ и король Польскій. Союзъ между Россіею и Польшею не можетъ быть надеженъ уже и потому, что Поляки принадлежатъ къ Римскому костелу, а Русскіе—Восточнаго благочестія. Война, бывшая при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, породила великія затрудненія между Россіею и Польшею: этихъ затрудненій до сихъ поръ никакіе договоры не устранили, отчего у Поляковъ болѣзнь вражды неисцѣлимая, особенно къ войску Запорожскому и народу Малороссійскому, и потому Поляки не только ищутъ всякаго зла державѣ царей, но рады бы обрушить небеса на христіанство русское: можно ли же вѣрить ихъ союзу?— подозрительно, что король Польскій не показалъ царскимъ посламъ подлиннаго союзнаго договора своего съ цесаремъ и списка съ него къ великимъ государямъ не прислалъ. Хотя бы король Польскій съ цесаремъ и дѣйствительно вступилъ въ союзъ, но если король Французскій не будетъ съ ними, то надѣяться на союзъ нечего, потому что Французскій король сильнѣе цесаря и короля Польскаго, а онъ съ Турками не ссорится, напротивъ: цесарю главный врагъ и потому можетъ вредить союзу.

2 февраля 1684 года, въ праздникъ Срѣтенія, послѣ обѣдни, въ Батуринѣ народъ собирался къ гетманскому дому посмотрѣть, какъ поѣдетъ царскій посланный, стольникъ Одинцовъ. Впереди шли стрѣльцы въ цвѣтныхъ кафтанахъ, несли царское жалованье: аксамитъ (парча) серебряный, бай-берекъ (бухарская ткань изъ крученаго шелку) коричный, два кречета, шесть осетровъ, вязигу, бочку лимоновъ, бѣлугу, свѣжую большую, тешу бѣлужью, три юрлочныя бѣлуги, снятки свѣжіе бѣлозерскіе, снятки псковскіе, бочку вина ренскаго, бочку уксусу. За жалованьемъ ѣхалъ самъ стольникъ; передъ нимъ сидѣлъ подъячій съ грамотою. У крыльца встрѣтила посланнаго генеральная старшина, а въ сѣняхъ у дверей самъ гетманъ, принялъ честно за руку и пошли въ свѣтлицу; стольника велъ гетманъ по правую руку. Войдя въ свѣтлицу, стольникъ отъ имени великихъ государей спрашивалъ гетмана о здоровьи, хвалилъ его службу и подалъ грамоту. Самойловичъ, взявши грамоту, поцѣловалъ въ печать и на государской милости билъ челомъ, спрашивалъ о здравіи великихъ государей. Потомъ стольникъ спросилъ о здоровьи генеральную старшину, и тѣ били челомъ на государской милости. Поднесли царское жалованье, гетманъ опять билъ челомъ и говорилъ: „Великая, преславная и неизреченная ко мнѣ великихъ государей царей милость, и за такую милость, жалованье и призрѣнье десятократно и стократно бью челомъ и впредь служить, всякаго добра хотѣть, противъ всякаго непріятеля работать неотступно не только до крови, но и до смерти не забуду, какъ служилъ отцу и брату ихъ государскому“ Въ тотъ же день стольникъ и подъячій обѣдали у гетмана, и, когда пили чашу за царское здоровье, въ то время трубили на трубахъ, играли въ суренки, били по литаврамъ,—веселился гетманъ безмѣрно.

Несмотря на это безмѣрное веселье, гетманъ былъ недоволенъ: онъ выдалъ дочь за боярина Ѳедора Петровича Шереметева. Фамилія была знатная, но у гетманскаго зятя былъ еще живъ отецъ, бояринъ Петръ Васильевичъ, который мало давалъ сыну на содержаніе, а отъ царей богатаго кормленія не было, потому что бояринъ Петръ жилъ не въ ладахъ съ Голицынымъ. Гетманская дочь терпѣла нужду, что очень огорчало отца, особенно мать. Самойловичъ говорилъ Одинцову: „На боярина князя Василья Васильевича досадовать мнѣ нечего; случилось это не отъ боярина,—моимъ несчастіемъ, неужели бы я у великихъ государей не упросилъ или бы имъ не заслужилъ? Я и теперь со всѣмъ своимъ домомъ не могу утѣшиться: жена моя бѣдная и дочь глаза повыплакали; лучше бы мнѣ было голову потерять, нежели такую бѣду видѣть, что дома плачъ безпрестанный. Блаженной памяти великій государь, царь Ѳедоръ Алексѣевичъ, обѣщалъ мнѣ, если сыщу себѣ зятя хотя бы и низкой породы, то пожалуетъ его честью и крестьянами удовольствуетъ. Теперь я бѣдную дочь свою выдалъ за человѣка высокой породы, за боярина Ѳедора Петровича Шереметева, но утѣхи мнѣ отъ этого никакой: что было у дочери моей и платья,—все въ закладѣ и проѣдено; сватъ мой бояринъ Петръ Васильевичъ къ сыну своему неласковъ, ничего сыну своему не даетъ и не поучитъ, какъ жить пристойно съ добрыми людьми, честныхъ почитать,—кто отъ Бога помилованъ и отъ великихъ государей пожалованъ, того надобно чтить. Мое бѣдное сердце оттого сильно сокрушается. А если бы великіе государи пожаловали меня за мою вѣрную службу, приказали зятю моему быть въ Кіевѣ, то я бы его всѣмъ ссужалъ и со всѣми домочадцами его прокормилъ, въ имѣнія его послалъ бы своихъ вѣрныхъ людей, велѣлъ посѣять хлѣба всякаго довольно, въ огородахъ овощу,—все было бы пристроено и убережено. Милости прошу у великихъ государей и у благородной государыни царевны, чтобъ мое прошеніе бояринъ князь Василій Васильевичъ донесъ до нихъ, чтобъ приказали зятю моему быть въ Кіевѣ воеводою, а въ товарищахъ послали бы окольничаго Леонтія Романовича Неплюева,—онъ человѣкъ добрый, въ этихъ краяхъ жить умѣетъ, зять мой при немъ учился бы. Ко мнѣ была бы царская милость, а въ здѣшнемъ Малороссійскомъ народѣ страхъ, что я гетманъ, а зять мой въ Кіевѣ воевода; желаю я этого не для того, что зятю моему въ Кіевѣ будетъ прибыльно, но для осторожности и страху Малоссійскаго народа. Да и то бы государская ко мнѣ превысокая милость, чтобы дочь моя со мною, съ матерью, съ братьями и сестрою увидѣлась и межъ собою поговорили. А если зять мой что станетъ въ Кіевѣ дѣлать непристойно, то я самъ къ нему поѣду, или сына пошлю, или жену и дочь, и велю его уговаривать, чтобы жилъ между людьми пріятно и поважно. А на боярина князя Василья Васильевича никакой досады я не имѣю, и никто ко мнѣ не писывалъ, и хотя бы сватъ мой, бояринъ Петръ Васильевичъ, и писалъ, то я бы ему не повѣрилъ, потому что онъ и самъ къ сыну своему неласковъ. Я боярину князю Василію Васильевичу истинно обѣщаюсь, что я ему вѣрный пріятель и слуга: только ты донеси до его милости, чтобъ онъ умилосердился на мои слезы и на плачъ всего моего дома, упросилъ великихъ государей и государыню благордную царевну, чтобъ на весну зятя моего послали въ Кіевъ“.

Стольникъ говорилъ гетману: „Желаніе твое непремѣнно исполнится; великіе государи отпустятъ къ тебѣ зятя и дочь повидаться.“ — „Но какая мнѣ отъ этого будетъ прибыль“? отвѣчалъ гетманъ: „и досталь зять мой непроторится и изубытчится: я и такъ посылалъ къ нему деньгами, запасами, рыбою, мясомъ, однако не могу наполнить, а дорога дальняя, пуще людей изгонятъ и запасовъ потратятъ, а если бы былъ въ Кіевѣ, тутъ мѣсто близкое,—и я бы его прокормилъ“.

Голицынъ велѣлъ Одинцову спросить у гетмана, зачѣмъ онъ не послалъ своихъ Малороссіянъ на коммисію русскихъ уполномоченныхъ съ польскими? Самойловичъ отвѣчалъ: „Положился я на волю государскую, также и на боярина князя Василья Васильевича,—что сдѣлается на коммисіи, и великіе государи пожалуютъ, велятъ меня извѣстить. Послать мнѣ худыхъ людей—ничего по нихъ не будетъ; а послать добрыхъ — и имъ непригоже за хребтомъ стоять“.

Въ Москву, по обычаю, шли жалобы и доносы на гетмана: доносили, между прочимъ, что Самойловичъ корыстуется деньгами, получаемыми съ виннаго откупа (аренды), тяжкаго для народа. Съ предостереженіями насчетъ этихъ доносовъ въ іюнѣ пріѣхалъ къ гетману стольникъ Семенъ Алмазовъ. Самойловичъ, благодаря государей за предостереженіе, отвѣчалъ: „Удивляюсь и скорблю, что такая ложь залетѣла въ высокій слухъ пресвѣтлыхъ монарховъ. Знаю, что если бы Запорожцы соблюдали великимъ государямъ истинную вѣрность, то ничего не говорили бы о дѣлахъ, до нихъ не касающихся. По наущенію кошеваго своего Гришки, надутаго ляцкимъ духомъ, они безпрестанно отправляютъ посольства въ Польшу. Кошевой атаманъ съ своими единомышленниками называетъ великихъ государей вотчимами, а короля Польскаго отцомъ. Если Запорожцы про региментъ мой по непріятельскому польскому наговору зло говорятъ, то годны ли они вѣры? Да и кіевскіе жители, именно мѣщане, лгать на меня не имѣли причины, потому что они не несутъ никакихъ тяжестей, кромѣ обычныхъ въ Малороссіи. Развѣ то имъ стало нелюбо, что я обличалъ ихъ и выговаривалъ имъ насчетъ ратушныхъ немалыхъ прибылей, изъ которыхъ они, отдавая въ казну монаршескую только три тысячи золотыхъ, себѣ слишкомъ по десяти тысячъ въ годъ собираютъ; а въ правахъ ихъ старыхъ поставлено, что они, кромѣ отдаваемаго Кіевскимъ воеводамъ, должны содержать воинскихъ людей на оборону замка и города, кромѣ того, имѣть пушки, пороховые и свинцовые запасы, чего теперь у нихъ совершенно нѣтъ; лукавые мужики между собою доходы дѣлятъ, а о томъ не радѣютъ, что необходимо на будущее время для ихъ безопасности. Мѣщане кіевскіе желали бы того, чтобъ въ Кіевѣ ни одного казака не было, а я, гетманъ, хочу, чтобъ ихъ было и много, потому что надобны. Кіевскіе мѣщане и на царскихъ воеводъ негодуютъ и на ратныхъ людей жалуются, а дѣлаютъ это, какъ я выразумѣлъ, больше ложно, потому что хотятъ, чтобъ ихъ мужицкая прихоть исполнялась, и никому не были бы обязаны почестію и повинностію. Что касается аренды, то она обновилась такимъ образомъ: мы при царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ пресвѣтлому престолу монаршескому доносили, что войска охотничьи, конные и пѣшіе полки при городовыхъ полкахъ надобны, а платить имъ нечѣмъ, и великій государь хотя изволилъ удѣлить своей казны, однако впредь велѣлъ здѣсь промыслить денегъ. По тому монаршескому повелѣнію, старшина и полковники и всякаго чина люди во время съѣзда своего въ Батуринѣ сидѣли и много думали, какъ бы промыслить денегъ и удовольствовать войско, и всѣ чины постановили: быть арендѣ, ибо отъ вина ни казаки, ни посполитые люди никакой прибыли не имѣли, одни шинкари чрезмѣрно богатѣли. Установлена аренда не повымъ вымысломъ, обновленъ старый обычай: и при Богданѣ Хмельницкомъ аренда не прекращалась по обѣимъ сторонамъ Днѣпра, и могло тогда съ одного или двухъ полковъ столько денежной казны приходить, сколько теперь со всего краю приходитъ; а между тѣмъ на Хмельницкаго за то никто не жаловался и никому тогда не было обиды. Арендовые сборы на срокъ не я, гетманъ, собираю: на то особые назначены люди, которымъ вѣрить можно, и я радъ былъ бы, если бы великіе государи изволили кого-нибудь прислать отъ себя для очистки моей въ тѣхъ арендовыхъ приходахъ; до сихъ поръ никто ко мнѣ не отзывался съ тѣмъ, что отягченъ арендой. А войско охотничье, для котораго аренды поставлены, держалъ я по волѣ монаршеской; да и кажется мнѣ, надобно оно было здѣсь, потому что во время мятежа на Москвѣ я этимъ войскомъ удержалъ малодушіе головъ неспокойныхъ, которыя безъ того, побуждаемыя польскою прелестью, возбудили бы раздоры. Покорно прошу милостиваго себѣ указа: отмѣнить ли аренды, или оставить ихъ попрежнему для войска; если отмѣнить аренды, то надобно и войско распустить, а распустить его,—то оно обратится въ польскую сторону. Поляки тому будутъ рады; если отмѣнить аренды, а войско не распускать, то на него надобно будетъ ежегодное призрѣніе царскаго величества. А про свойственниковъ моихъ такую даю очистку, что кромѣ сына моего Симеона Ивановича да племянника Михайлы Васильева на полковничествѣ нѣтъ, и держу ихъ на этихъ мѣстахъ въ надеждѣ, что отъ нихъ полчанамъ никакихъ притѣсненій нѣтъ; а если послышу жалобы, то отставлю, будучи въ состояніи и при себѣ ихъ прокормить. О зятѣ моемъ, бояринѣ Ѳеодорѣ Петровичѣ Шереметевѣ, въ палатѣ монаршеской выросло размышленіе, что быть ему въ Кіевѣ на воеводствѣ, а теперь ему иное говорятъ мѣсто. И я долженъ сильно сокрушаться объ этой перемѣнѣ, потому что жалость мнѣ великая и стыдъ предъ всѣми учинится, если послѣ такихъ слуховъ зять мой въ Кіевѣ не окажется“.

Въ ноябрѣ пріѣхалъ въ Батуринъ къ гетману одинъ изъ самыхъ бойкихъ дѣльцовъ московскихъ, думный дьякъ Емельянъ Игнатьевичъ Украинцевъ. Пріѣхалъ онъ говорить съ гетманомъ о двухъ великихъ дѣлахъ: о старомъ дѣлѣ, о союзѣ съ Польскимъ королемъ противъ Турокъ и Татаръ, и о новомъ—объ избраніи Кіевскаго митрополита. Самойловичъ сильнѣе прежняго былъ противъ союза съ Поляками. „Для чего теперь съ Турками и Татарами миръ разрывать и войну начинать? Если пришлютъ къ великимъ государямъ цесарь Римскій и король Польскій и станутъ ихъ призывать противъ тѣхъ непріятелей въ общую войну, то имъ можно отказать: великіе государи заключили съ султаномъ и ханомъ миръ безо всякой посторонней помощи, и теперь опять войну начать безъ причины нельзя. За что они сами, цесарь и король, воюютъ съ Турками, о томъ они великимъ государямъ не извѣстили и сначала къ союзу ихъ не призывали“.

— „Такъ цесарю Римскому и королю Польскому отказать непристойно, потому что многіе государи христіанскіе помогаютъ имъ въ этой войнѣ“, возражалъ дьякъ.

Гетманъ настаивалъ на своемъ, что отказать можно по многимъ статьямъ: съ Турками и Татарами у Россіи миръ; когда у нея была съ ними война, никто ей не помогъ, безъ стыда отказывали, что не могутъ разорвать мира; потомъ какъ помогать? къ цесарю ратныхъ людей послать—несносно и никогда не бывало; къ Польскому королю послать подъ Каменецъ, къ Дунаю и за Дунай—тоже нестаточное и несносное дѣло; на Крымъ войско послать—на цесарѣ и королѣ какую присягу взять, что они великихъ государей въ этой войнѣ не выдадутъ и особаго мира не заключатъ? Повѣрить присягѣ ихъ? Но присяга ихъ не крѣпка: папа разрѣшаетъ въ присягѣ. Однимъ походомъ всего Крыма не завоевать; возьмемъ городки,—Турки придутъ и станутъ ихъ добывать, а намъ защищать ихъ трудно, потому что на зиму рати надобно оттуда выводить, а если тамъ оставить, то отъ голоду и отъ повѣтрія тамошняго многіе помрутъ и оцынжаютъ“. А главное, покончилъ гетманъ, „я Полякамъ не вѣрю: они люди лживые и непостоянные, и вѣчные народу Московскому и нашему казацкому непріятели“.

— „Объяви“, спрашивалъ дьякъ, „въ чемъ особенно Польскій король показалъ къ намъ недоброжелательство?“

— „Удивительно, что ты объ этомъ меня спрашиваешь“, отвѣчалъ гетманъ; „когда въ Москвѣ между ратными людьми была смута, онъ этому радовался и, желая большаго зла, разослалъ къ намъ лазутчиковъ съ прелестными письмами, возмущая народы;—какъ безчестилъ бояръ и думныхъ людей? Султана и хана уговаривалъ къ войнѣ противъ государей; теперь недавно, безъ государева вѣдома, Донскихъ казаковъ и Калмыковъ къ себѣ на помощь призывалъ и многихъ подговорилъ, которые и теперь при немъ. А меня безпрестанно хлопочетъ какъ бы отравить, зарѣзать или застрѣлить. Я крѣпко остороженъ: никого изъ Польши и изъ Литвы не принимаю не только во дворъ свой въ службу, но и въ города поднѣпровскіе не велю принимать, ни чернецовъ и никакихъ другихъ людей, потому что если бы сдѣлать въ этомъ послабленіе, то давно бы уже я былъ изведенъ, или бы въ Украйнѣ отъ тѣхъ бродягъ великая произошла смута. А какія прелестныя письма въ смутное время на сю сторону Днѣпра и за пороги вкинулъ:—я и до сихъ поръ отъ нихъ сокрушаюсь; непостоянные люди за нихъ ухватились и теперь держатся, и какъ ни радѣю, однако этого духа искоренить не могу“,

— „Великіе государи“, говорилъ Украинцевъ, „хотятъ въ это дѣло вступить не для того только, чтобъ помочь цесарю Римскому или королю Польскому; если вѣчные непріятели Церкви Божіей—Турки и Татары—теперь осилятъ Цесаря и короля Польскаго и приневолятъ ихъ къ миру, то потомъ встанутъ войною и на насъ,—на миръ надѣяться нечего: они привыкли миръ разрывать: тогда къ нимъ и Польскій король пристанетъ, и ему помощь подадутъ настоящіе его союзники—Цесарь, папа и республика Венеціанская".

— „Какъ угодно великимъ государямъ", отвѣчалъ гетманъ, „а мнѣ кажется нѣтъ причины съ султаномъ и ханомъ миръ нарушать. Этотъ миръ послѣ великой и страшной войны заключилъ блаженной памяти великій государь царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ безпрестаннымъ премудрымъ промысломъ и усерднымъ стараніемъ, да и моя служба и радѣнье въ томъ были. А теперь этотъ миръ разорвать мнѣ кажется неприлично и не-для-чего. Буди въ томъ ихъ государское и сестры ихъ, великой государыни царевны, святое и премудрое разсужденіе и пресвѣтлой ихъ палаты здравые совѣты; но и начать войну—мира искать же, только не скоро его тогда сыщешь; тотъ же король Польскій начнетъ тогда ссорить, чтобъ царская казна истощалась, а ратные люди гинули на бояхъ. И въ мысли нельзя держать не только намъ, но и дѣтямъ нашимъ, что Поляки когда-нибудь перестанутъ къ намъ враждовать. Мнѣ кажется, что лучше держать миръ, а на Поляковъ оглядываться, съ Турками и Татарами поступать разумно. А войну изъ-за-чего начинать? Прибыли и государствамъ расширенія никакого не будетъ, до Дуная владѣть нечѣмъ—все пусто, а за Дунай—далеко. Валахи всѣ пропали; да хотя бы и были, то они люди непостоянные,—всякому поддаются; король Польскій возьметъ ихъ себѣ; что-жъ, изъ-за нихъ съ нимъ ссориться?—довольно и старыхъ ссоръ! Крыма никакими мѣрами не завоюешь и не удержишь. Воевать за Церковь Божію? Святое и великое намѣреніе, только не безъ трудности. Церковь Греческая въ утѣсненіи тамъ пребываетъ, и до святой воли Божіей быть тому такъ; а тутъ вблизи великихъ государей Церковь Божію король Польскій гонитъ, все Православіе въ Польшѣ и Литвѣ разорилъ, несмотря на договоры съ великими государями".

— „Турки и Татары вѣчные христіанскіе непріятели", повторялъ Украинцевъ, „теперь они съ нами миръ сохраняютъ поневолѣ, потому что ведутъ войну съ Поляками и Нѣмцами; теперь-то надъ ними и время промышлять. Теперь всѣ государи противъ нихъ вооружаются; а если мы въ этомъ союзѣ не будемъ, то будетъ стыдъ и ненависть отъ всѣхъ христіанъ: всѣ будутъ думать, что мы ближе къ бусурманамъ, чѣмъ къ христіанамъ".

— „Зазору и стыда въ этомъ ни отъ кого не будетъ", отвѣчалъ гетманъ, „всякому своей цѣлости и прибыли вольно остерегать; больше зазору и стыда—имѣть миръ да потерять его даромъ, безъ причины. Поляки лгутъ, будто имъ христіанскіе государи хотятъ помогать. Если они теперь помирятся съ Турками и встанутъ на насъ, то можно противъ нихъ Татаръ приговорить; если великимъ государямъ угодно, то я непремѣнно сдѣлаю, что Татары всегда будутъ при насъ".

— „Не пожелаютъ великіе государи бусурманъ нанимать и наговаривать ихъ на разлитіе крови христіанской", сказалъ Украинцевъ.

— „Какой въ томъ грѣхъ, что призвать Татаръ на помощь?" отвѣчалъ гетманъ. „Для чего короли Польскіе ихъ призывали на войну противъ Московскаго государства? Татары подобны мечу острому или городу крѣпкому: христіане носятъ же при себѣ мечъ для побѣды надъ непріятелемъ и обороны. Кто ни есть, только-бъ мнѣ былъ другъ и въ нуждѣ помощникъ"

— „Государства у ихъ царскаго величества пространныя и многолюдныя", говорилъ Украинцевъ, „теперь многіе люди ищутъ и желаютъ службы, безъ войны жить не привыкли, а прокормиться имъ нечѣмъ; Донскіе казаки безпрестанно бьютъ челомъ великимъ государямъ, что у нихъ рѣка улюднѣла, безпрестанно казаки думаютъ о войнѣ, безъ которой прокормиться имъ нечѣмъ: если не послать ихъ на войну, то надобно давать большое жалованье. Если теперь службы не будетъ, то опасно отъ такого многолюдства, чтобъ ратные люди и Донскіе казаки не начали какого-нибудь новаго дѣла; да и въ малороссійскихъ городахъ большое многолюдство, охочіе и городовые полки желаютъ службы; чтобъ они не встали и надъ тобою какого зла не сдѣлали,—подумай объ этомъ!"

— „У меня вездѣ остережено", отвѣчалъ геттанъ, „вездѣ полковники вѣрные и надежные люди; если бы чернь на меня и зашевелилась, то у меня охочихъ конныхъ и пѣхотныхъ полковъ тысячи съ четыре готовы, да стрѣльцы московскіе. Гораздо опаснѣе, когда московскія и малороссійскія войска будутъ въ соединеніи во время войны; тутъ пожалуй побьютъ бояръ и воеводъ, и меня, тутъ и польская какая-нибудь хитрость будетъ. Посмотрѣлъ я, когда былъ вмѣстѣ съ княземъ Ромодановскимъ: бывало, велитъ бояринъ идти какому-нибудь полку на извѣстное мѣсто, куда необходимо, и отъ полковниковъ начнутся такіе крики и непослушанья, что трудно и выговорить. У насъ въ полкахъ и не такіе люди, вольница, но если я прикажу идти—идутъ безъ отговорки. Въ Москвѣ не надобно много ратныхъ людей держать,—надобно разсылать ихъ по порубежнымъ городамъ и занимать ихъ тамъ городовыми постройками; а въ Москвѣ держать полкъ-другой вѣрныхъ пожалованныхъ людей; Донскихъ казаковъ, чтобъ поубавить,—послать противъ Черкесъ или Кумыковъ":

Думному дьяку не удалось переспорить гетмана, который стоялъ на одномъ, что не слѣдуетъ мѣнять золотой миръ на желѣзную войну. Украинцевъ кончилъ споръ о войнѣ и занялся другимъ важнымъ дѣломъ. Въ Батуринѣ, въ Крупецкомъ монастырѣ, жилъ епископъ Луцкій, князь Гедеонъ Святополкъ-Четвертинскій, ушедшій изъ своей епархіи отъ католическаго гоненія. Думный дьякъ отправился къ епископу съ вопросами: о замыслахъ и поведеніи короля Польскаго; для чего онъ, епископъ, пріѣхалъ въ малороссійскіе города; давно-ль посвященъ въ епископы, гдѣ и кѣмъ.

— „У короля и сенаторовъ“, отвѣчалъ Гедеонъ, „слыхалъ я много разъ, что они, улучивъ время, хотятъ войну начать съ великими государями; а теперь какое у нихъ намѣреніе и поведеніе,—того я не знаю. Пріѣхалъ я сюда потому, что отъ гоненія королевскаго мнѣ житья не было, все—неволилъ меня принять Римскую вѣру или сдѣлаться уніатомъ; и теперь, идучи въ походъ, самъ король и королева сказали мнѣ, что когда король придетъ съ войны, а я римляниномъ или уніатомъ не сдѣлаюсь, то меня непремѣнно сошлютъ въ вѣчное заточеніе въ Маріенбургъ. Я испугался и прибѣжалъ сюда, желая здѣсь кончить жизнь въ благочестіи. При мнѣ еще держались благочестивые люди многіе, а теперь безъ меня конечно король всѣхъ приневолитъ въ Римскую вѣру, онъ при томъ сталъ упорно, чтобъ благочестивую вѣру въ Коронѣ и Литвѣ совершенно искоренить. Въ архіерея я посвященъ Діонисіемъ Балабаномъ, митрополитомъ Кіевскимъ“.

Повидавшись съ епископомъ, Украинцевъ имѣлъ разговоръ съ гетманомъ объ избраніи митрополита въ Кіевъ. „Я всегда этого желалъ и хлопоталъ“, сказалъ Самойловичъ, „чтобъ въ Малой Россіи на Кіевскомъ престолѣ быть пастырь: теперь Духъ Св. вліялъ въ сердца великихъ государей и сестры ихъ, что прислали они тебя съ указомъ объ этомъ дѣлѣ. Я стану около этого дѣла радѣть и промышлять, съ духовными и мірскими людьми совѣтовать, а думаю, что инымъ малороссійскимъ духовнымъ будетъ это нелюбо. Прошу у великихъ государей милости, чтобъ изволили послать къ святѣйшему Цареградскому патріарху, да подастъ благословеніе свое и уступитъ малороссійское духовенство подъ благословеніе Московскихъ патріарховъ. Да чтобъ пожаловали великіе государи меня и весь Малороссійскій народъ, велѣли намъ и впередъ выбирать у себя въ митрополиты вольными голосами по нашимъ правамъ. Знаю я подлинно, что это дѣло не любо будетъ архіепископу Черниговскому (Лазарю Барановичу). Ему и то не любо, что епископъ Луцкій пріѣхалъ сюда въ Малороссію, говоритъ: „Развѣ его митрополитомъ Кіевскимъ сдѣлать, а то другого ему мѣста нѣтъ“. А епископъ—человѣкъ добрый и смирный, никакой власти не желаетъ“.

— „Если у архіепископа Черниговскаго ненависть къ епископу Луцкому“, сказалъ Украинцевъ, „то ты бы, гетманъ, скоро его, епископа Луцкаго, въ Москву не отпускалъ; пусть прежде духовные и мірскіе люди выберутъ митрополита въ Кіевъ“.

Отпуская Украинцева, гетманъ сдѣлалъ новое предложеніе: „Указали бы великіе государи въ Кіевъ, Переяславль и Черниговъ перевести на вѣчное житье Русскихъ людей (Великороссіянъ) съ женами и дѣтьми, тысячъ пять или шесть, и этимъ Малороссійскій народъ обнадежился бы, что государи никому Малороссіи не уступятъ, а Поляки бы пришли въ отчаяніе“ ¹).

Самойловичъ не удовольствовался тѣмъ, что говорилъ Украинцеву противъ польскаго союза; онъ послалъ съ нимъ въ Москву на письмѣ длинную перечень причинъ, почему опасно было вступать въ союзъ съ Польскимъ королемъ: „Подъ игомъ турецкимъ“, писалъ гетманъ, „обрѣтаются народы Православной Греческой вѣры, Валахи, Молдаване, Болгары, Сербы, за ними многочисленные Греки, которые всѣ отъ папина начальства укрываются и утѣшаются однимъ именемъ Русскихъ царей, надѣясь когда-нибудь отъ нихъ получить отраду. Извѣстно, что папежаны усердно хлопочутъ въ Іерусалимѣ овладѣть Гробомъ Господнимъ. Если бы чрезъ вступленіе царскихъ величествъ въ союзъ цесарю Римскому и королю Польскому посчастливилось овладѣть турецкими областями и принудить тамошніе народы къ уніи, въ самомъ Іерусалимѣ возвысить римскій костелъ и понизить Православіе, то отъ этого всѣ православные народы получили бы неутолимую жалость. Слѣдовательно надобно, предъ вступленіемъ въ союзъ, выговорить безопасность Православія, ибо великимъ государямъ союзъ этотъ можетъ быть нуженъ только для сохраненія и умноженія Православія, да для того, чтобъ здѣсь расширить границу нашу по Днѣстръ и по Случъ; а безъ корысти для чего вступать въ союзъ? Да если бы Поляки и обязались уступить эти рубежи и не трогать Православія, то никогда не сдержатъ обѣщанія, ибо папа разрѣшитъ отъ присяги. Царскихъ подданныхъ, Калмыковъ и казаковъ Донскихъ и Запорожскихъ, тайными подсылками и прелестями Поляки къ себѣ перезываютъ; изъ всего видѣть можно, что Поляки преславному Россійскому царству враги: за одну вѣру нашу Греко-Россійскую, которую они уничтожаютъ и искореняютъ, надобно бы съ ними всѣмъ Православнымъ христіанамъ побороться. Если великимъ государямъ угодно будетъ непремѣнно вступить въ союзъ, то не удобнѣе ли будетъ, по крайней мѣрѣ, отложить его, чтобъ дать войскамъ отдохнуть и укрѣпить границу?“

Въ январѣ 1685 года пріѣхалъ въ Москву старшій канцеляристъ Василій Кочубей съ предложеніями отъ гетмана—удержать рѣку Сожь, ввести Запорожье въ исключительное владѣніе великихъ государей. „А такъ какъ вся тамошняя сторона Днѣпра, Подолія, Волынь, Подгорье, Подляшье и вся Красная Русь всегда къ монархіи Русской съ начала бытія здѣшнихъ народовъ принадлежали, то безгрѣшно бы было свое искони вѣчное, хотя бы и потихоньку, отыскивать, усматривая способное время“. Кочубей подалъ перехваченную грамоту королевскую къ Бѣлоцерковскому протопопу съ увѣщаніемъ поднимать Мало-

---

[1] Дѣла Малороссійскія и Турецкія означенныхъ лѣтъ въ Москов. Архивѣ Мин. Ин. Д.; Архивъ Мин. Юстиціи, столбецъ Приказнаго стола, № 2055.

россіянъ къ соединенію съ Польшею. „Нѣтъ такой цѣны и такого иждивенія, какого бы я пожалѣлъ на воздвигнутіе воинства казацкаго и всего народа Россійскаго“, писалъ Собѣскій.

Касательно втораго дѣла митрополичьяго избранія—гетманъ уже далъ знать о немъ знатнѣйшему духовенству, и Кочубей привезъ въ Москву отвѣтныя грамоты къ Самойловичу отъ Черниговскаго архіепископа, также отъ Кіево-Печерскаго архимандрита Варлаама Ясинскаго и другихъ игуменовъ кіевскихъ монастырей: всѣ благословляли мысль великихъ государей дать пастыря первѣйшей Русской митрополіи. Кочубей объявилъ о епископѣ Луцкомъ Гедеонѣ, что онъ былъ очень боленъ, едва не умеръ; болѣзнь приключилась ему съ того времени, какъ пріѣхалъ его священникъ изъ Москвы и привезъ ему царскую грамоту, въ которой епископъ не былъ названъ княземъ, тогда какъ король Польскій въ своихъ грамотахъ всегда называлъ его княземъ; епископъ человѣкъ мнительный: ему показалось, что на него за что-нибудь государскій гнѣвъ; если бы епископъ умеръ, то въ Польшѣ обрадовались бы, разгласили бы, что Богъ покаралъ его за покинутіе своей епархіи. Гетманъ велѣлъ Кочубею доложить князю Голицыну, можно ли епископу пріѣхать въ Москву, поклониться великимъ государямъ.

Цари отвѣчали, что перемирія съ Польшею нарушить нельзя, и сколько остается лѣтъ этому перемирію,—гетману и всему войску извѣстно; слѣдовательно, когда придетъ время, Поляки примутъ месть отъ Бога за гоненіе на Православную вѣру, чего великіе государи усердно желаютъ и впредь желать будутъ. За труды по избранію митрополита великіе государи гетмана милостиво и премилостиво похваляютъ, пусть старается окончить это дѣло немедленно.

Гетманъ просилъ совершеннаго наставленія, какое чинить духовному чину предложеніе относительно избранія митрополичьяго. Съ отвѣтомъ поѣхалъ въ Батуринъ, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, окольничій Неплюевъ: „Совѣтовавъ съ духовными всѣхъ малороссійскихъ городовъ, съ старшиною генеральною и со всѣми полковниками, выбирать мужа въ Божественномъ Писаніи искуснаго, тихаго и разумнаго изъ тамошнихъ природныхъ обывателей, а не изъ пріѣзжихъ. А какъ тому митрополиту поступать и какое послушаніе оказывать святѣйшему Киръ Іоакиму, патріарху Московскому и всея Руси, и его преемникомъ; какъ судить; по какимъ причинамъ и тягостямъ власть Константинопольскаго патріарха отложить; въ какомъ почитаніи гетмана, старшину и все войско Запорожское имѣть, и о всякихъ церковныхъ дѣлахъ писать къ св. патріарху Московскому, а къ св. Константинопольскому патріарху ни о чемъ не писать и не посылать, причитанія никакого къ нему не имѣть, подъ послушаніемъ у него не быть и изъ-подъ его паствы, за разстояніемъ дальняго пути, совершенно отстать, потому что прежнее отлученіе и благословенство константинопольское нанесено было завистію и рвеніемъ непріятельскимъ, особенно въ нынѣшнія времена отъ богоотступника уніата епископа Львовскаго Іосифа Шумлянскаго и другихъ подобныхъ ему, на развращеніе Церкви Божіей, отчего выросли многіе расколы и паденіе Церкви въ Руси Красной и на Волыни, и въ другихъ мѣстахъ; Кіевскому митрополиту имѣть у себя въ области духовныхъ всѣхъ малороссійскихъ городовъ; по степени Кіевской митрополіи быть первою между россійскими митрополіями:—обо всемъ этомъ написать статьи со всякою крѣпостію и осторожностію, подписать ихъ митрополиту и всему освященному собору, также гетману, старшинѣ, всѣмъ полковникамъ, есауламъ и сотникамъ, и печатями укрѣпить, и новоизбраннаго митрополита для архипастырскаго рукоположенія отпустить въ Москву.“

Кромѣ наказа о митрополитѣ, гетманъ просилъ, чтобъ станицы Донскихъ казаковъ не всегда пропускать въ Москву, но отправлять ихъ въ Курскъ. На это Неплюевъ долженъ былъ ему сказать: Донскимъ казакамъ дѣла свои надобно доносить въ Москвѣ въ Государственномъ Посольскомъ Приказѣ; да и потому Донскимъ казакамъ на Курскъ ѣздить непристойно, чтобъ Украйны казаки совершенно не знали и ни съ кѣмъ бы согласія и совѣтовъ не имѣли; гетману самому извѣстно, что Донскіе казаки люди непостоянные, и многіе отъ нихъ противные поступки являются. Наконецъ Неплюевъ долженъ былъ объявить гетману, что великіе государи жалуютъ ему въ потомственное владѣніе 52 крестьянскихъ двора въ Пронскомъ уѣздѣ и въ даръ для потѣхи морскаго медвѣдя.

Гетманъ отвѣчалъ, что онъ отправилъ въ Кіевъ присутствовать на митрополичьемъ избраніи войсковаго есаула Ивана Мазепу и четверыхъ полковниковъ; что духовенство не будетъ противиться подчиненію митрополита Кіевскаго Московскому патріарху; но онъ, гетманъ, со всѣмъ войскомъ и народомъ Малороссійскимъ, бьетъ челомъ великимъ государямъ, чтобъ они послали поскорѣе грамоту къ патріарху Константинопольскому,—иначе тотъ можетъ предать гетмана и лицъ, бывшихъ на избраніи, и митрополита проклятію: „Извѣстно, что греческія духовныя власти по малой винѣ склонны бываютъ къ недачѣ благословенія. Да и потому нужно поскорѣе послать, что изъ польскихъ областей будутъ побуждать Константинопольскаго патріарха къ выдачѣ неблагословенія.“ Гетманъ при этомъ случаѣ прислалъ копіи съ грамоты Константинопольскаго патріарха Парѳенія, соизволявшаго, чтобъ Московскій патріархъ посвятилъ въ Кіевъ митрополита. Гетманъ писалъ, что монаршеская благость утѣшила его въ плачѣ глубокомъ: въ мартѣ умерла дочь его, боярыня Шереметева, которой мужу онъ успѣлъ наконецъ доставить Кіевское воеводство, а въ іюнѣ умеръ старшій сынъ Семенъ, полковникъ Стародубскій: „Сынъ любимый, первородный, надежда старости,“ какъ писалъ старикъ. Царскій посолъ Неплюевъ, „будучи здраваго разума и разсужденія, увѣщательными словами въ то время горькой печали“ много помогъ гетману, и ѣздилъ съ нимъ за 30 верстъ отъ Батурина въ Макошинскій монастырь, гдѣ старикъ прощался съ сыномъ, котораго тѣло везли въ Кіевъ на погребеніе.

Самойловичъ писалъ Голицыну, что, отправляя въ Кіевъ Мазепу съ товарищами, онъ далъ имъ наказъ ни подъ какимъ видомъ не объявлять, кого желаетъ гетманъ въ митрополиты, а только прислушиваться, къ кому будетъ духовенство желательно, и кого изберутъ—этого избранія не разорять. Но и безъ внушеній Мазепы было извѣстно, что гетманъ желаетъ видѣть митрополитомъ Гедеона Четвертинскаго, а не Лазаря Барановича, съ которымъ у него были нелады. Лазарь самъ не поѣхалъ въ Кіевъ на митрополичьи выборы и не послалъ никого изъ знатнаго духовенства своей епархіи. Это обстоятельство сначала сильно мѣшало выборамъ; мѣшало и новое условіе, при которомъ совершались выборы,—переходъ отъ Константинопольскаго патріарха къ Московскому, такъ что многіе „обрѣтались аки въ растерзаніи ума,“ по словамъ Самойловича. Наконецъ избирателей смущали слухи изъ Бѣлгородской епархіи: разсказывали, что тамъ митрополичьи чиновники сильно угнетаютъ бѣлое духовенство поборами, бьютъ священниковъ на правежѣ, наказываютъ тѣлесно, вводятся новые московскіе обычаи, велятъ при крещеніи окунать, а не обливать, отчего непривыкшіе попы много младенцевъ потопили. Несмотря на эти помѣшки, дѣло сладилось, и 8 іюля 1685 года былъ избранъ единогласно Гедеонъ, князь Святополкъ-Четвертинскій. Увѣдомляя объ этомъ счастливомъ событіи царей, гетманъ просилъ, чтобъ: во-1) всѣ древнія права и вольности малороссійскаго духовенства оставались неприкосновенными; 2) чтобъ Кіевская митрополія считалась первою между русскими митрополіями; 3) уговорить Константинопольскаго патріарха, чтобъ уступилъ права свои на Кіевскую митрополію патріарху Московскому; 4) за Кіевскимъ митрополитомъ оставить званіе экзарха Константинопольскаго патріаршества, чтобъ Православные епископы въ Польскихъ владѣніяхъ не избрали особаго митрополита съ титуломъ экзарха, чтó можетъ заставить весь народъ преклониться къ этому новому митрополиту; 5) чтобъ Московскій патріархъ поставлялъ и благословлялъ митрополита Кіевскаго, но въ суды его не вступался, какъ не вступался въ нихъ и патріархъ Константинопольскій; 6) чтобъ Кіевскій митрополитъ носилъ митру съ стоячимъ крестомъ, и чтобъ въ его епархіи передъ нимъ носили крестъ; 7) чтобъ въ Кіево-Печерской лаврѣ печатались книги попрежнему, а въ монастырѣ Братскомъ преподавались свободныя науки на языкахъ Латинскомъ и Греческомъ; 8) всѣ обычаи и отношенія духовныхъ властей къ митрополиту оставить по старинѣ; по смерти митрополита, избраніе его преемника должно быть вольное. Въ Москвѣ согласились на всѣ эти пункты, кромѣ одного, чтобъ Кіевскій митрополитъ носилъ титулъ экзарха Константинопольскаго патріарха, ибо здѣсь заключалась явная несообразность: Кіевскій митрополитъ будетъ подчиненъ одному патріарху и въ то же время будетъ называться намѣстникомъ другого! Осенью того же года новоизбранный митрополитъ пріѣхалъ въ Москву и былъ, 8 ноября, посвященъ патріархомъ Іоакимомъ

Дѣло было кончено; но для многихъ оно могло казаться неконченнымъ; такимъ казалось оно и гетману Самойловичу, который боялся, что Константинопольскій патріархъ проклянетъ его и всѣхъ Малороссіянъ за отпаденіе отъ его вѣдомства, и не переставалъ упрашивать царей, чтобъ они выхлопотали въ Константинополѣ изволеніе Кіевскому митрополиту перейти въ вѣдомство Московскаго патріарха. Еще въ концѣ 1684 года Грекъ Захарій Софиръ былъ посланъ за этимъ въ Константинополь къ патріарху Іакову; но патріархъ отвѣчалъ, что теперь у нихъ смутное время, ничего нельзя сдѣлать: визирь при смерти, и неизвѣстно, кто будетъ на его мѣстѣ. Болѣзнь великаго визиря, разумѣется, не могла остановить дѣла возсоединенія Русской Церкви; и когда уже Гедеонъ былъ посвященъ въ Москвѣ, въ концѣ 1685 года отправились въ Турцію подьячій Никита Алексѣевъ и гетманскій посланецъ Лисица — къ султану съ жалобою на перезывъ людей съ восточной стороны Днѣпра на западную, къ патріарху — по дѣлу о Кіевской митрополіи. Въ Андріанополѣ, гдѣ находился тогда султанъ, явился къ Алексѣеву Грекъ Юрій Мецевитъ и объявилъ: „Когда былъ у патріарха Грекъ Софиръ съ грамотою великихъ государей о Кіевской митрополіи, то я говорилъ святѣйшему, чтобъ послалъ отпустительную грамоту о переходѣ Кіевской митрополіи къ Московскому патріарху. Патріархъ мнѣ отвѣчалъ: „Безъ совѣта съ другими патріархами и безъ созванія своей епархіи митрополитовъ не могу этого сдѣлать, боюсь визиря; если стану собирать митрополитовъ, и узнаетъ объ этомъ визирь и спроситъ въ чемъ дѣло,—то мнѣ какъ ему не объявить? А если мнѣ одному рѣшить это дѣло, то мое отпущеніе не будетъ имѣть никакой силы: да и визирь, если объ этомъ узнаетъ, велитъ мнѣ голову отсѣчь, и я безъ визирскаго указа за это дѣло не примусь“. — „Я“, продолжалъ Юрій, „писалъ объ этомъ къ князю Вас. Вас. Голицыну, и если у тебя есть указъ царскій, то домогайся у визиря. чтобъ онъ приказалъ патріарху начинать дѣло“.

— „Это дѣло можно патріарху сдѣлать и безъ визирскаго указа“, отвѣчалъ Алексѣевъ: „визирю объ этомъ дѣлѣ вовсе не нужно знать, и запрещенія патріарху отъ визиря никакого за это не будетъ“.

— „Нѣтъ“. возражалъ Юрій, „никакъ нельзя; надо созвать митрополитовъ, а изъ этихъ митрополитовъ одни патріарху друзья, а другіе недруги, и если патріархъ сдѣлаетъ дѣло безъ визирскаго указа, и какой-нибудь митрополитъ донесетъ, что патріархъ списывался съ Москвою, то патріарха сейчасъ казнятъ“.

Алексѣевъ началъ хлопотать, какъ бы повидаться въ Андріанополѣ съ Іерусалимскимъ патріархомъ Досиѳеемъ; но тотъ велѣлъ сказать ему, что прежде свиданія съ великимъ визиремъ этого сдѣлать нельзя. Алексѣевъ былъ у визиря и потомъ отправился къ патріарху. Досиѳей началъ прямо съ того, что не будетъ совѣтовать Константинопольскому патріарху отказываться отъ Кіевской митрополіи въ пользу патріарха Московскаго, потому что подобные поступки запрещены въ Правилахъ Св. Отецъ. „Мы не дадимъ своего благословенія: прежде митрополиты кіевскіе пріѣзжали для поставленія въ Царь-градъ, и теперь бы изволили великіе государи писать къ намъ о поставленіи въ Кіевъ митрополита, и мы бы дали благословеніе, что вольно поставить его Московскому патріарху, а не вѣчно быть той епархіи за нимъ. А то прислали просить благословенія, когда ужъ поставили! Это Восточной Церкви раздѣленіе. Я совѣтоваться объ этомъ съ Константинопольскимъ патріархомъ не буду, и отпустительнаго благословенія конечно не дамъ“.

Досиѳею отвѣчалъ Лисица рѣзко: „Гетманъ, все войско Запорожское и народъ Малороссійскій въ подданствѣ у великихъ государей; гетманъ желаетъ, чтобъ и духовный чинъ былъ весь подъ благословеніемъ Московскаго патріарха, да какъ уже то сдѣлано, тому такъ и быть“. Алексѣевъ уговаривалъ Досиѳея тихо и ласково, представлялъ, что Малороссіянамъ нельзя сноситься съ Константинопольскимъ патріархомъ по дальности пути, за бусурманскимъ гоненіемъ, за военными случаями; обѣщалъ государево жалованье. Досиѳей отвѣчалъ: „Я въ это дѣло вступаться не буду, какъ хочетъ Константинопольскій патріархъ, а я и за большую казну такого дѣла не сдѣлалъ бы, да Константинопольскому патріарху нельзя сдѣлать безъ визирскаго указа“.

— „Лучше было бы“, говорилъ Алексѣевъ, „еслибы св. патріархи это святое дѣло сдѣлали, не разглашая невѣрнымъ“. Но Досиѳей остался при своемъ.

Алексѣеву дали знать, что ему нужно ѣздить въ Константинополь для свиданія съ патріархомъ; прежній патріархъ Діонисій былъ снова возведенъ на престолъ и пріѣхалъ по этому случаю въ Адріанополь. Алексѣевъ отправился къ визирю и объявилъ ему о желаніи царей насчетъ Кіевской митрополіи. Визирь обѣщалъ призвать къ себѣ патріарха и приказать ему исполнить царскую волю. Алексѣевъ отправился съ этими вѣстями къ Досиѳею и нашелъ въ немъ совершенную перемѣну: „Я“, сказалъ патріархъ, „пріискалъ въ Правилахъ, что вольно всякому архіерею отпустить изъ своей епархіи къ другому архіерею; я буду уговаривать патріарха Діонисія, чтобъ онъ исполнилъ волю царскую, и самъ буду писать къ великимъ государямъ и къ патріарху Іоакиму и благословеніе отъ себя подамъ особо, а не вмѣстѣ съ Діонисіемъ“. Діонисій, съ своей стороны, не сдѣлалъ ни малѣйшаго возраженія, обѣщалъ во всемъ исполнить царскую волю, какъ только возвратится въ Константинополь и соберетъ митрополитовъ. Время было выбрано самое удобное: Турки, угрожаемые войною съ трехъ сторонъ, хотѣли поддержать миръ съ Москвою и спѣшили исполнить всѣ царскія желанія; визирь обѣщалъ Алексѣеву, что султанъ запретитъ перезывать людей съ восточной стороны на западную и строить здѣсь города; русскіе плѣнники были возвращены. Визирь говорилъ Алексѣеву: „Знаю подлинно, что польскіе послы просили у царскаго величества помощи на насъ и уступали большую землю, но великіе государи ваши отвѣчали, что съ султановымъ величествомъ перемирныя лѣта не вышли. Объяви, когда будешь въ Москвѣ, чтобъ великіе государи теперь султанову величеству какой-нибудь препоны не сдѣлали, а впередъ у нихъ любовь и дружба еще болѣе будутъ множиться; знаемъ мы, что Московскіе великіе государи славные и сильные, нѣтъ подобнаго имъ царя изъ христіанскихъ царей“. По просьбѣ Алексѣева, позволено было вновь построить въ Константинополѣ сгорѣвшую церковь Іоанна Предтечи. Изъ Адріанополя Алексѣевъ поѣхалъ въ Константинополь, гдѣ получилъ отъ патріарха Діонисія всѣ нужныя по кіевскому дѣлу бумаги, и поднесъ ему 200 золотыхъ и три сорока соболей; Досиѳею Іерусалимскому дано было такъ же 200 золотыхъ. Діонисій просилъ государей прислать жалованье и всѣмъ архіереямъ, подписавшимся на грамотѣ объ уступкѣ Кіевской митрополіи, по примѣру царя Ѳеодора Іоанновича, который прислалъ жалованье всѣмъ архіереямъ, подписавшимся на грамотѣ объ установленіи Московскаго патріаршества[1]).

Такимъ образомъ, скорымъ окончаніемъ своимъ въ Константинополѣ кіевское дѣло было обязано желанію Турецкаго правительства угодить царямъ, чтобъ отвратить ихъ отъ союза съ Польшею и Австріею. Но эти угожденія и комплименты великаго визиря не могли обольстить Московское правительство, которое знало, что тонъ перемѣнится по окончаніи опасной войны. Несмотря на заключеніе мира при царѣ Ѳеодорѣ, Россія постоянно испытывала недружбу турецкую. Въ 1680 году Юрій Хмельницкій посылалъ въ Украйну лазутчиковъ и зажигателей. Мирное условіе было нарушено, заднѣпровскіе города заселены и Турки перезывали туда людей съ восточной стороны. Чигиринъ заселился Волохами; здѣсь явился полковникомъ Петръ Уманецъ, который въ 1683 году нанялъ 8 зажигателей, послалъ ихъ на восточную сторону, и пожары вспыхнули. Пойманные зажигатели разсказали, что цѣлію поджоговъ было принудить жителей восточной стороны Днѣпра переселяться на западную. Зажигатели эти объявили, что „изъ Нѣжина Грекъ Митрофанъ ссылается съ Юріемъ Хмельницкимъ письмами, провѣдываетъ въ Москвѣ, въ украинныхъ и малороссійскихъ городахъ вѣстей, и обо всемъ пишетъ вѣдомость“. Московское правительство впрочемъ спѣшило вооружиться не противъ Турокъ собственно, а противъ крымскихъ разбойниковъ, старыя отношенія къ которымъ становились невыносимѣе, по мѣрѣ того какъ въ Москвѣ становились болѣе чувствительными къ народной чести, болѣе привычными къ обращенію съ цивилизованными народами. Въ 1682 году царскій посланникъ Таракановъ далъ знать изъ Крыма, что Нурадинъ, для полученія подарковъ, велѣлъ схватить его, привести къ себѣ въ конюшню, бить обухомъ, приводить къ огню и стращать всякими муками. Таракановъ объявилъ, что ничего лишняго противъ прежнихъ дачъ не дастъ. Его отпустили въ станъ на рѣку Альму, но пограбили всѣ вещи безъ остатка. Вслѣдствіе этого, правительница велѣла объявить хану, что московскихъ посланниковъ онъ уже не увидитъ больше въ Крыму, и нужные переговоры и пріемъ даровъ будутъ производиться на границѣ. При этомъ цари требовали, чтобъ ханъ прекратилъ войну съ Польшею; а ханъ, наоборотъ, приглашалъ Русскихъ къ нападенію заодно съ Татарами на Поляковъ. Но въ Москвѣ спѣшили воспользоваться удобнымъ случаемъ, чтобъ освободиться отъ крымскихъ униженій, и не могли не раздражаться, когда гетманъ Самойловичъ продолжалъ толковать о необходимости сохранить миръ съ султаномъ и ханомъ. Окольничему Неплюеву велѣно было наконецъ сдѣлать Самойловичу выговоръ за его противенство. Гетманъ испугался и послалъ просить у царей милостиваго прощенія, „чтобъ не быть ему въ нечаемой печали и приготовленіе на войну съ бусурманами чинить не печальнымъ, но веселымъ сердцемъ“ Великіе государи, въ октябрѣ 1686 года, послали сказать ему, что прегрѣшеніе его милостиво отпускаютъ и предаютъ вѣчному забвенію, и потому онъ долженъ государское повелѣніе исполнять съ радостнымъ сердцемъ. Голицынъ увѣрялъ Самойловича, „своего любезнѣйшаго брата и пріятеля,“ что великіе государи содержатъ его въ своей милости всегда неотмѣнно и никогда ихъ милость уменьшена не будетъ. Кромѣ гетмана войска Запорожскаго, явилось противенство еще съ другой стороны: Константинопольскій патріархъ Діонисій умолялъ царей не начинать войны съ Турками, потому что въ такомъ случаѣ Турки обратятъ свою ярость на единовѣрныхъ съ Русскими Греческихъ христіанъ. „Молимъ и просимъ ваше царское величество“, писалъ Діонисій въ январѣ 1687 года, „не становитесь виновниками пролитія крови такого множества христіанъ, не старайтесь помогать Французамъ и истреблять единовѣрныхъ христіанъ православныхъ; это не будетъ ни Богу угодно, ни передъ людьми похвально“ 1).

---

[1]) Сборникъ Синодал. библіотеки. № IV.

Грамота опоздала. Еще осенью 1686 года былъ сказанъ ратнымъ людямъ походъ на Крымъ. Въ царской грамотѣ говорилось, что походъ предпринимается для избавленія Русской Земли отъ нестерпимыхъ обидъ и униженія; ни откуда Татары не выводятъ столько плѣнныхъ, какъ изъ нея; продаютъ христіанъ, какъ скотъ; ругаются надъ вѣрою Православною. Но этого мало: Русское царство платитъ бусурманамъ ежегодную дань, за что терпитъ стыдъ и укоризны отъ сосѣднихъ государей, а границъ своихъ этою данью все же не охраняетъ; ханъ беретъ деньги и безчеститъ русскихъ гонцовъ, разоряетъ русскіе города; отъ Турецкаго султана управы на него нѣтъ никакой 2).

Въ челѣ стотысячнаго войска выступилъ въ походъ „большаго полка дворовый воевода, царственныя большія печати и государственныхъ великихъ посольскихъ дѣлъ оберегатель“ и намѣстникъ Новгородскій, князь Вас. Вас. Голицынъ. Понятно, какъ Голицыну тяжело было уступить кому-нибудь другому честь завоеванія Крыма; понятно также, какъ должна была безпокоить его и правительницу мысль о возможности неудачи. Есть извѣстіе, что Голицынъ противъ воли принялъ начальство надъ войскомъ, потому что враждебные ему бояре требовали этого, зная, какія препятствія онъ встрѣтитъ. Сборъ ратныхъ людей, по извѣстнымъ намъ причинамъ, былъ очень медленъ; по старому обычаю употреблены были сильныя побудительныя средства, но и тутъ оказалось много помѣщиковъ въ „нѣтяхъ“. Какъ только Оберегатель удалился изъ Москвы на югъ, такъ уже начались ему непріятности отъ враговъ, особенно отъ главнаго изъ нихъ, князя Мих. Алегуковича Черкасскаго. „Друзей и недруговъ у меня было много“, говорилъ впослѣдствіи самъ Голицынъ. Въ Москвѣ у него оставался вѣрный человѣкъ, не могшій измѣнить по единству интересовъ,—Шакловитый. Къ нему-то Оберегатель обращался постоянно изъ похода съ просьбами слѣдить зорко за врагами, не давать имъ усиливаться, наоборотъ,—давать имъ чувствовать силу Голицына, т.-е. Софіи. Что сила эта не основывалась на правѣ,—хорошо чувствовалъ Голицынъ; отсюда его желаніе пріобрѣсти право, отсюда робость предъ общественнымъ мнѣніемъ,—робость, которая заставляла его постоянно оглядываться и прислушиваться. Однажды, во время похода, у Голицына былъ обѣдъ; обѣдало человѣкъ 50 слишкомъ военныхъ; послѣ обѣда хозяинъ, предложилъ чашу (тостъ) государеву и рѣшился къ имени царей присоединить имя сестры ихъ, царевны Софіи. Рѣшившись на этотъ поступокъ, Голицынъ немедленно написалъ Шакловитому, чтобъ тотъ прислушался и отписалъ ему, какія будутъ въ Москвѣ рѣчи объ этомъ. Вѣсти изъ Москвы приходили нерадостныя: писали, что Черкасскій поднимается, займетъ мѣсто боярина Родіона Стрѣшнева. „Все-

---

(1 Полное Собр. законовъ II, № 1224.

2) De la Neuville—Relation curieuse et nouvelle de Moscovie p. 65.

гда намъ печаль“, писалъ Голицынъ Шакловитому, „а радости мало, не какъ инымъ, что всегда въ радости и въ своевольствѣ пребываютъ. Я во всѣхъ своихъ дѣлахъ надежду имѣю на тебя, у меня только и надежды, что ты. Пожалуй, отпиши: нѣтъ ли-какихъ дьявольскихъ препонъ отъ тѣхъ. Для Бога, смотри недреманнымъ окомъ Ч. (Черкасскаго), и чтобъ его въ то не допустить (т.-е. на мѣсто Стрѣшнева), хотя-бъ патріархомъ или царевнами (тетками) отбивать.“ Голицынъ писалъ, чтобъ отбивать Черкасскаго патріархомъ: а ему изъ Москвы давали знать, что патріархъ вовсе не преданный ему человѣкъ, что и патріархъ противъ него, побралъ изъ церкви въ Барашахъ сдѣланные Голицынымъ ризы и кафтаны и служить въ нихъ не велѣлъ: „О патріаршей дерзости подивляю“, писалъ Голицынъ Шакловитому, „отпиши, что порокъ на тѣхъ ризахъ? То дѣлаетъ все воля; какъ бы меньше имѣлъ входъ (на верхъ), тогда-бъ лучше было“. Сильную непріятность получилъ воевода и у себя въ полкахъ. Стольники, князь Борисъ Долгорукій и Юрій Щербатый, пріѣхали на смотръ въ черномъ платьи, люди ихъ были также въ черномъ, лошади покрыты черными попонами. Легко понять, какое сильное впечатлѣніе на войско могли они произвести этою выходкою, при тогдашнемъ суевѣріи. Голицынъ написалъ Шакловитому, требуя примѣрнаго наказанія виновнымъ. „Всѣмъ полкомъ дивились и говорили: если имъ не будетъ указу, будутъ всѣ такъ дѣлать. Умилосердися, донеси добромъ: этимъ бунтовщикамъ учинить указъ добрый. Это пророчество и противность къ государеву лицу, а грамота объ указѣ прислать мочно: что вѣдомо государю учинилось, что они такъ ѣхали; то было не тайно, всѣми видимо; а если не будетъ указа, то дѣлать намъ съ ними нечего; чтобъ не потакнуто было; такъ бы разорить, чтобъ вѣчно въ старцы, и деревни неимущимъ того часу раздать; учиненъ бы былъ такой образецъ, чтобъ всѣ задрожали“. Требованіе Голицына было исполнено: Долгорукій, Щербатовъ и двое другихъ своевольниковъ, на которыхъ жаловался воевода, Мосальскій и Дмитріевъ, узнавши, что въ Москвѣ готовятъ на нихъ страшный указъ, испугались, пришли къ Голицыну со слезами и просили прощенія, клянясь, что впередъ уже не провинятся. Голицынъ „уступилъ имъ на ихъ слезы“, не велѣлъ сказывать указа, и написалъ къ Шакловитому, чтобъ испросилъ для преступниковъ милость государскую; по его словамъ, наказывать раскаявшихся было не ко времени и не къ дѣлу“ [1].

Устроивъ окончательно войско на берегахъ рѣки Мерло, Голицынъ въ маѣ мѣсяцѣ выступилъ въ походъ, направляясь къ Конскимъ Водамъ. На Самарѣ присоединился къ нему гетманъ Самойловичъ, подъ начальствомъ котораго было до 50,000 казаковъ. Соединенныя войска продолжали походъ къ Конскимъ Водамъ, перешли ихъ 13 іюля, достигли урочища Большой Лугъ; о Татарахъ не было ни слуху, ни духу; но встрѣтился другой врагъ, болѣе страшный, котораго не было никакихъ средствъ побѣдить, — степной пожаръ. Голицынъ собралъ совѣтъ, рѣшились продолжать походъ; но въ двое сутокъ прошли не больше 12 верстъ: лошади не двигались отъ устали и безкормицы, нигдѣ не было ни травы, ни воды; люди ослабѣли отъ зною и страшной копоти, которая мѣшала различать предметы. Проливной дождь далъ воду, наполнивъ пересохшія рѣки, но травы не было; Голицынъ опять собралъ совѣтъ на берегахъ Карачакрака; рѣшили возвратиться назадъ, отправивъ къ низовьямъ Днѣпра 30,000 войска, пополамъ великороссійскаго и малороссійскаго, московскіе полки пошли подъ начальствомъ окольничаго Неплюева, казаки—подъ начальствомъ сына гетманскаго, Григорія.

Главное войско двинулось назадъ и остановилось отдохнуть у Конскихъ Водъ, гдѣ было довольно лѣсу и травы. Донося правительству о своемъ походѣ, прикрывая по возможности его неудачу, Голицынъ писалъ, что Татары не смѣли выйти на встрѣчу къ царскому войску, а повредили ему, зажегши степи. Но въ станѣ у Конскихъ Водъ между русскими начальными людьми дѣло объяснялось иначе: „Распространился слухъ, пишетъ Гордонъ, что казаки, по приказанію или, по крайней мѣрѣ, съ допущенія гетманскаго, сами зажгли степи съ цѣлію помѣшать вторженію Русскихъ въ Крымъ, вслѣдствіе чего между Русскими и казаками открылось взаимное недовѣріе“. И дѣйствительно, вѣроятность была на сторонѣ этого предположенія, потому что казакамъ было бы невыгодно, если-бы Русскіе опустошили или покорили Крымъ: тогда и имъ пришлось бы плохо, Москва могла бы безпрепятственно нарушать ихъ права и вольности [2].

Между тѣмъ, правительница сильно испугалась неудачи похода, потому что враги Голицына торжествовали; она начала думать, какъ бы поправить неудачу, чтобъ Оберегатель не возвратился съ позоромъ въ Москву; безпокойство увеличилось, когда пришла вѣсть, что степь жгли не Татары, а казаки. Софія рѣшилась отправить въ обозы Шакловитаго, который долженъ былъ предложить Голицыну: „Если возможно какъ ни есть, наготовя конскихъ кормовъ и озапасясь своими запасами, идти на Крымъ въ промыслъ, а къ Донскимъ казакамъ, которые на морѣ, послать, чтобъ они съ моря Крымъ тревожили и по возможности промышляли. Если того нынѣ учинить вскорѣ невозможно, велѣть наготовить судовъ и сверху, откуда пристойно, препроводить и Казикерменскіе (городки) взять, и изъ нихъ велѣть окольничему Неплюеву и гетманскому сыну со всѣми ихъ полками идти плавнею (ратью) на Крымъ, а въ то время отъ себя послать товарищей съ обозами, а съ ними конницы по разсмотрѣнію стройныхъ людей, да пѣхоты и пушекъ и гранатъ побольше, и промышлять, а запасы и пушки и на конницу конскій кормъ везти на волахъ и назначить срокъ, чтобъ съ обѣихъ сторонъ придти на Крымъ вмѣстѣ. Если того учинить нельзя, то построить на Самарѣ и на Орели города, и всякіе тягости и запасы, и ратныхъ людей по разсмотрѣнію оставить, чтобъ впередъ было ратямъ надежное пристанище, а непріятелямъ страхъ". Шакловитый долженъ былъ ратнымъ людямъ сказать милость государскую пространно, а Самойловича похвалить за его радѣніе и сказать ему въ присутствіи Голицына: „Великимъ государямъ извѣстно, что въ степи, позади и по сторонамъ вашихъ обозовъ, жители малороссійскихъ городовъ, ѣхавшіе съ харчами за обозомъ, сожгли конскіе кормы; ты бы, гетманъ, про тотъ пожогъ велѣлъ разыскать со всякимъ радѣніемъ и виноватыхъ наказалъ немедленно, потому что то дѣло великое, чтобъ отъ такихъ поступковъ немногихъ воровъ, дерзостныхъ и безстрашныхъ, малороссійскимъ жителямъ не нанеслось какого-нибудь неудобнаго слова" 1).

---

[1] Розыскное дѣло о Шакловитомъ въ Археогр. Коммисіи.

[2] Gordon's Tagebuch, II, 179.

Но еще до пріѣзда Шакловитаго люди, ненавидѣвшіе Самойловича—а такихъ было много въ Малороссіи—воспользовались случаемъ, и начали хлопотать, чтобъ неудобное слово нанеслось одному гетману. За объясненіемъ причинъ ненависти къ Самойловичу обратимся къ Малороссійскому лѣтописцу: „Этотъ поповичъ", говоритъ лѣтописецъ, „сначала былъ очень покорнымъ и до людей ласковымъ; но когда разбогатѣлъ, сталъ очень гордъ не только предъ казаками, но и предъ духовенствомъ. Старшина казацкая, пришедши къ нему, должна была стоять, никто не смѣлъ сѣсть, никто не смѣлъ войти на дворъ его съ палкою; также и священники, самые знатные, должны были стоять съ непокрытою головою; къ церкви никогда не ходилъ самъ дары брать, но священникъ къ нему носилъ. Такъ же и сыновья его дѣлали. Если выѣзжалъ куда-нибудь, на охоту что-ли, священникъ не попадайся на встрѣчу: будетъ несчастіе,—а самъ былъ поповичъ! Ѣздилъ окруженный большою толпою, безъ кареты никуда, ни самъ, ни сыновья его, и при войскѣ все въ каретѣ; такъ былъ гордъ, какъ ни одинъ сенаторъ; и самъ гетманъ и сыновья его, будучи полковниками, вымышляли всякими способами, какъ бы побольше собрать денегъ съ народа. Людей военныхъ мало жаловалъ, для того, чтобы власть его и сыновей расширялась; сыновья его назывались не полковниками, но панами; не думали о перемѣнѣ панства своего, надѣялись на людей наемныхъ и на казну великую; казаковъ ни за что считали и на дворы къ себѣ не пускали, имѣя при дворахъ своихъ стражу сердюцкую, которой платили годовое жалованье; священникъ въ нѣсколько дней не могъ добиться, чтобъ его впустили на дворъ гетманскій, хотя бы была ему крайняя нужда. Вообще, всѣхъ людей ни за что считали, позабывши низость своего рода" 2).

Сначала ласковость Самойловича до людей, ласковость, могшая происходить оттого, что у гетмана былъ опасный соперникъ въ Дорошенкѣ, не подавала повода къ общему сильному неудовольствію; безукоризненная служба Самойловича царямъ не давала врагамъ его возможности обнести его въ Москвѣ. Но послѣ удаленія Дорошенка изъ Малороссіи, Самойловичъ и сыновья его, почуявъ просторъ, разнуздались; неудовольствіе стало рости между старшиною, духовенствомъ и казачествомъ, а тутъ размолвка гетмана съ правительствомъ по поводу польскаго союза; на гетмана въ Москвѣ смотрятъ уже не попрежнему: ему уже присланъ разъ выговоръ за *противенство*. Значитъ, можно воспользоваться степнымъ пожаромъ, обвинить гетмана въ измѣнѣ и потребовать отъ правительства его смѣны; правительство не откажетъ, ибо не имѣетъ больше сильныхъ побужденій заступиться за гетмана; притомъ знали, что встарину Самойловичъ не былъ въ ладахъ съ Голицынымъ. Когда, въ 1677 году, Голицынъ поссорился съ Ромодановскимъ, Самойловичъ стоялъ на сторонѣ послѣдняго. Но современникъ и очевидецъ событій, которому мы имѣемъ полное право вѣрить, Гордонъ, настаиваетъ, что главною причиною паденія Самойловича была всеобщая ненависть, которую онъ возбудилъ въ Малороссіи; лѣтописецъ Малороссійскій подтверждаетъ слова Гордона; слѣдовательно, для насъ вопросъ объ отношеніяхъ правительства и Голицына къ Самойловичу теряетъ свое значеніе; на первомъ планѣ является то обстоятельство, что Самойловичъ былъ дурной правитель, возбудившій всеобщую ненависть; что заступиться за него правительству было нельзя.

7 іюля, въ обозѣ старшина войска Запорожскаго, обозный Василій Бурковскій, судья Михайло Воехѣевичъ, писарь Савва Прокоповъ, Василій Кочубей, есаулъ Иванъ Мазепа, полковники Константинъ Солонина, Яковъ Лизогубъ, Степанъ Забѣла, Григорій Гамалѣя подали Голицыну доносъ на Самойловича 3): гетманъ старался препятствовать миру съ Поляками. Узнавъ о его заключеніи, сильно огорчился и говорилъ окольничьему Неплюеву: „Увидите, что не всѣ изъ вашихъ московскихъ чиновъ будутъ вамъ благодарны за то, что разорвали миръ съ государствомъ Турскимъ и Крымскимъ хитростію польскою;" при старшинѣ говорилъ: „Купила теперь Москва себѣ Ляха за свои деньги, Ляхамъ данныя; увидите, чтó въ этомъ миру съ Поляками сыщутъ и что противъ хана сдѣлаютъ! Пожалѣли малой дачи Татарамъ давать, а будутъ большую казну давать, что только Татары захотятъ". Гетманъ не велѣлъ служить по церквамъ благодарственныхъ молебновъ по случаю

---

1) Дѣла Крымскія 1687 г. въ Моск. Арх. Мин. Ин. Д.; Архивъ Мин. Юстиціи, столбецъ Моск. стола, № 703.

2) Лѣтопись Самовидца въ Чтеніяхъ Москов. Истор. Общества.

3) Собр. гос. гр. и дог. IV, № 186.

мира. Извѣстій о побѣдахъ союзниковъ не хотѣлъ слышать, пораженіямъ радовался. Жена гетмана однажды говорила женамъ особъ генеральныхъ: „Сердитъ теперь и великія похвалки чинитъ Иванъ мой на Москву; пожалуй то же сдѣлаетъ, что и Брюховецкій. Когда король Польскій въ прошломъ году отступилъ изъ Волошской Земли, то бунчужный, послѣ разговора съ гетманомъ наединѣ, говорилъ: „Радъ былъ бы господинъ гетманъ, еслибъ Поляки, утѣсненные Татарами въ Волошской Землѣ, помирились съ ними;—тогда Москва узнала бы насъ и стала бы уважать за то, что мы надежную дружбу съ государствомъ Крымскимъ имѣемъ". Указалъ царскимъ полкамъ дурное время для похода. Во время похода не старался добывать языковъ и не гасилъ горящихъ полей; изъ этого многіе заключаютъ и мы знаемъ, что онъ приказалъ жечь степи. Терпя отъ солнечнаго зноя во время похода, говорилъ: „Вотъ какъ намъ вредна эта безразсудная война московская,—отняла у меня здоровье; не лучше-ль было Москвѣ дома сидѣть и своихъ рубежей беречь, чѣмъ съ Крымомъ войну эту ненадобную заводить". Желая безчестья московскимъ и казацкимъ войскамъ, совѣтовалъ возвратиться назадъ изъ похода; а возвратившись, говорилъ: „Не говорилъ ли я, что Москва ничего Крыму не сдѣлаетъ?—такъ и случилось, и теперь намъ надобно отъ Крыма защищаться". Смѣется намъ неудачею похода, веселъ; говорилъ передъ одною духовною особою: „Когда бы мнѣ далъ Богъ сына съ Низу въ добромъ здоровьи возвратить и въ Батуринъ придти, то знаю, что дѣлаю!" „Да будетъ великимъ государямъ и то извѣстно", продолжаетъ доносъ, „что гетманъ самовластно владѣетъ и хочетъ владѣть Малороссіею, грамоты монаршескія у кого хочетъ отбираетъ и пожалованное грамотами отписываетъ на себя или на дѣтей своихъ; въ Москву не только мірскимъ, но и духовнымъ людямъ ѣздить запрещаетъ; города малороссійскіе не государственными, но своими называетъ, и людямъ войсковымъ приказываетъ, чтобъ ему, а не монархамъ, вѣрно служили. Говорилъ: „Когда возвратимся изъ Крымскаго похода, то порадѣемъ Малую Россію лучше утвердить, а не такъ, какъ стоитъ въ прежнихъ статьяхъ". Сынъ его, Григорій, въ Черниговѣ бранилъ войта и мѣщанъ, и грозилъ смертною казнію за то, что они хотѣли поставить на ратушѣ орла двухглаваго въ знакъ того, что городъ Черниговъ отчина царскаго величества; Григорій говорилъ такъ войту и мѣщанамъ: „Не будете, мужики, жить на свѣтѣ, когда хотите выламываться изъ подданства господина отца моего и поддаться Москвѣ"; и заказалъ, чтобы не смѣли ставить орла. Гетманъ много разъ говорилъ старшинѣ: „Не послушала дурная Москва моего совѣта, помирилась съ Поляками; дождусь я того въ скоромъ времени, что будутъ снова меня просить, чтобъ я посредникомъ былъ къ перемирію съ государствомъ Крымскимъ; только я ужъ буду знать, какъ государство Крымское съ Москвою мирить,—будутъ меня помнить, будутъ знать, какъ и насъ почитать". Онъ насмѣхался надъ царскою монетою: пересылался съ Польскимъ королемъ, предлагая ему свою службу; оставилъ только два моста для переправы царскаго войска. Говорилъ, что знаетъ о движеніи хана, который дастъ конечно Полякамъ добрую встрѣчу: „Пусть же бояре, такіе непочтивой матери дѣти, скачутъ и Полякамъ даютъ помощь, а нездорово дадутъ". Въ тотъ же день пришелъ къ нему войтъ Переяславскій и говорилъ: „Жалуется Москва, что людей государевыхъ много померло и очень много больныхъ лежитъ"; а гетманъ сказалъ на это: „Хотя бы и всѣ пропали, то я бы не сталъ печалиться". Однажды гетманъ былъ съ полковниками московскими и съ старшиною на обѣдѣ у обознаго; послѣ обѣда полковникъ Петръ Борисовъ размолвилъ съ Гамалѣею, который, вѣрно въ надеждѣ на гетмана, сказалъ полковнику: „Что ты на меня, полковникъ, нарекаешь?—вѣдь вы не саблею насъ взяли"! Гетманъ, слыша это, не сказалъ ни слова, только разсмѣялся, а думать надобно, и похвалилъ. О земляхъ по той сторонѣ Днѣпра говорилъ жестоко: „Не такъ будетъ, какъ Москва и Поляки въ мирныхъ своихъ договорахъ постановили,—сдѣлаемъ такъ, какъ намъ надобно". Все одинъ дѣлаетъ, никого къ думѣ не призываетъ, должности по своему гнѣву отнимаетъ, а не по пристойнымъ причинамъ, наказываетъ и безчеститъ, кого хочетъ, безъ суда и доводу, напрасно. За полковничьи мѣста беретъ большія взятки и чрезъ то позволяетъ утѣснять людей, чего при другихъ гетманахъ не бывало. Людей старинныхъ войсковыхъ, заслуженныхъ всякими вымышленными способами тѣснитъ и слова добраго не говоритъ; а другихъ мелкихъ людей, незаслуженныхъ, поставляя, тѣмъ даетъ знать, что можетъ дѣлать все, что̀ захочетъ. Въ мельницахъ казацкихъ нѣтъ казакамъ воли, ни знатнымъ, ни заслуженнымъ,—все на себя забираетъ. Что̀ у кого полюбится, возьметъ, а что̀ онъ самъ пропуститъ, то дѣти его возьмутъ; тому только у него доступъ, кто взятку даетъ; а кто не даетъ, хотя бы и годенъ былъ,—отринутъ. Старшинѣ генеральной нѣтъ у него чести надлежащей и безопасности; отъ гнѣва и угрозъ его больше мертвы бываютъ, нежели покойно живутъ. Судейской должности уже четыре года никому не даетъ, потому что никого добрымъ человѣкомъ не считаетъ, хочетъ, чтобъ эта должность за большія деньги была куплена; государево жалованье, соболиное и обьяриное, на двоихъ присланное, себѣ забралъ. Въ отсутствіе судей погасло право, обиженнымъ нѣтъ управы и оттого плачутъ многіе. По всѣмъ этимъ причинамъ и по неспособности его нѣтъ надежды, чтобъ и впередъ войско Запорожское на службѣ монаршеской чтонибудь похвальное оказало; желаетъ все войско и со слезами Господа Бога молить, чтобъ великіе государи, для лучшаго управленія монаршескихъ своихъ дѣлъ и для утоленія многихъ слезъ, изволили указать съ него должность гетманскую снять, а на ту должность, по правамъ войсковымъ, вольными голосами выбрать кого-нибудь бодрственнаго, вѣрнѣйшаго и исправнѣйшаго человѣка, который бы въ нынѣшней войнѣ не лѣниво, но радѣтельно и вѣрно съ войскомъ во всякихъ случаяхъ великимъ государямъ служилъ. Съ перемѣною гетмана Крымъ можетъ быть запертъ и вскорѣ силами монаршескими и войска Запорожскаго повоеванъ. А если этого не будетъ, то при Самойловичѣ не можетъ ничего къ славѣ монаршеской оказаться, кромѣ бѣдъ; будетъ то, что отъ его притѣсненій всѣ разбредутся, или, избави Богъ, чтобъ въ добрыхъ не учинилось какой порухи. И о томъ все войско Запорожское бьетъ челомъ, чтобъ, по снятіи его съ гетманства, не жилъ онъ въ Украйнѣ, но со всѣмъ домомъ взять бы его въ Москву и казнить, какъ явнаго измѣнника ихъ царскимъ величествамъ и войску Запорожскому. Иныхъ многихъ безчисленныхъ его злыхъ поступковъ нельзя выписать; только у превысочайшаго престола падши, просимъ о смѣнѣ гетмана, потому что если бы на это не было соизволенія царскаго величества, то войско Запорожское изъ меньшихъ чиновъ отнюдь его, какъ явнаго недоброхота, соблюдая къ великимъ государямъ свою вѣрную службу, не можетъ терпѣть и принуждено будетъ поступить съ нимъ въ скоромъ времени по своимъ войсковымъ правамъ и обычаямъ, за что просимъ царское величество на насъ не досадовать". Послѣ подписей именъ приписали еще: „И то потребуетъ высокаго разсужденія, что онъ по высокому о себѣ разумѣнію скрытымъ умысломъ своимъ не только въ народѣ Малороссійскомъ, среди котораго онъ между мелкими людьми родился, не полагаетъ никого себѣ равнаго происхожденіемъ и разумомъ, но и великороссійскаго Православія всякими чинами гнушаясь, не захотѣлъ ни за кого отдать своей дочери, но изъ-за рубежа нарочно приманилъ для этого князя Четвертинскаго, въ чемъ полагаетъ средство когда-нибудь достигнуть въ Малороссіи удѣльнаго владѣнія; съ этимъ явнымъ намѣреніемъ и печать Юраса Хмельницкаго при себѣ задержалъ, не отсылая къ великимъ государямъ".

Голицынъ отослалъ доносъ въ Москву и, до полученія царскаго указа, разумѣется, не могъ приступить ни къ чему, ни въ пользу гетмана, ни противъ него. Войско продолжало двигаться назадъ, теряя много офицеровъ и солдатъ. По переходѣ черезъ рѣку Орель, 12 іюля пріѣхалъ къ войску Шакловитый съ милостивымъ словомъ за службу, спрашивалъ о здоровьи всѣхъ отъ мала до велика. 14-го собрали военный совѣтъ для рѣшенія вопроса, что дѣлать этимъ лѣтомъ для воспрепятствованія Татарамъ вторгаться въ Польшу или Украйну? Шакловитый предложилъ послѣднюю статью своего наказа—построить крѣпость на Самарѣ; вѣроятно Голицынъ убѣдилъ его въ невозможности исполненія первыхъ, особенно когда открылось гетманское дѣло. По окончаніи военнаго совѣта, Шакловитый спросилъ гетмана, зачѣмъ онъ, какъ узнано, позволилъ зажечь степи. Самойловичъ отвѣчалъ, что онъ ничего не знаетъ о пожогѣ. Тѣмъ дѣло и кончилось; послѣ совѣта всѣ начальные люди пошли обѣдать къ гетману и послѣ обѣда, по обычаю, гости дарили хозяина. 16 іюля уѣхалъ Шакловитый, 21 войска переправились черезъ рѣку Коломакъ, недалеко отъ Полтавы, и раскинули станъ; сюда пригналъ гонецъ изъ Москвы къ Голицыну съ указомъ созвать старшину и сказать ей, что „великіе государи, по тому ихъ челобитью, Ивану Самойлову, буде онъ имъ, старшинѣ, и всему войску Малороссійскому негоденъ, быть гетманомъ не указали, и указали у него великихъ государей знамя и булаву и всякіе войсковые клейноты отобравъ, послать его въ великороссійскіе города за крѣпкою стражею, а на его мѣсто гетманомъ учинить, кого они, старшина, со всѣмъ войскомъ Малороссійскомъ излюбятъ; а сказавъ имъ указъ о посылкѣ гетмана въ великороссійскій который городъ пристойно, также и о дѣтяхъ и о свойственникахъ гетманскихъ, по избраніи новаго гетмана, учинить ближнему боярину по своему разсмотрѣнію, какъ Господь Богъ вразумитъ и наставитъ". Изъ этого указа ясно видно, что въ Москвѣ смотрѣли на дѣло Самойловича какъ на чисто малороссійское, не убѣждались доносомъ въ его измѣнѣ, но не хотѣли оставлять гетманомъ человѣка, возбудившаго всеобщее неудовольствіе, боялись, „чтобъ отъ того, отъ чего Боже сохрани, по всей Малороссіи не учинилось какого замѣшанія, бунта и кровопролитія", какъ сказано въ той же грамотѣ [1].

Получивши указъ, Голицынъ призвалъ къ себѣ русскихъ полковниковъ, находившихся постоянно при гетманѣ, и приказалъ имъ какъ можно осторожнѣе, безъ шума, сдвинуть и запереть обозъ около ставки Самойловича, изъ опасенія, чтобъ казаки не вздумали напасть на нелюбимаго гетмана. Бояринъ велѣлъ полковникамъ дать знать старшинѣ, что пришелъ указъ о сверженіи гетмана и объ избраніи новаго, и чтобъ они дали знать, когда у нихъ будетъ все готово. Вечеромъ полковники тихонько начали сдвигать обозъ; однако это движеніе не могло утаиться отъ слугъ гетманскихъ, которые сейчасъ же дали знать объ немъ Самойловичу. Тотъ догадался, что затѣвается что-то недоброе; боялся онъ насилія со стороны казаковъ, и ночью написалъ полковникамъ письмо, въ которомъ выставлялъ свои заслуги правительству, объявлялъ свою невинность, требовалъ, чтобъ его выслушали. Отвѣта не было. Въ полночь явился къ Голицыну генеральный писарь Кочубей съ извѣстіемъ, что все въ безопасности, и съ просьбою объ арестованіи гетмана. Бояринъ приказалъ, чтобъ на разсвѣтѣ гетманъ съ сыномъ были схвачены и приведены къ нему, также чтобъ отданы были подъ стражу люди подозрительные, находившіеся въ приближеніи у гетмана, наконецъ приказалъ разставить сторожей по всѣмъ дорогамъ изъ стана, чтобъ никто не смѣлъ уйти, дать знать сыну гетманскому Григорію о судьбѣ отцовской и возбудить мятежъ по городамъ и селамъ. Все было исполнено. На разсвѣтѣ пошли-было схватить Самойловича, но не застали его въ шатрѣ: онъ былъ въ церкви и усердно молился. Когда служба кончилась и гетманъ вышелъ изъ церкви, подошелъ къ нему отставной Переяславскій полковникъ, Дмитрашка Райча, схватилъ его за руку и сказалъ: „Пойдемъ со мной“. Гетманъ посмотрѣлъ вокругъ и потребовалъ, чтобъ ему дали переговорить съ русскими полковниками. Полковники не замедлили явиться, ведя захваченнаго ими сына гетманскаго Якова. Гетмана посадили на дрянную телѣгу, сына его верхомъ на клячу и повезли подъ прикрытіемъ стрѣльцовъ въ большой станъ къ Голицыну. Здѣсь на открытомъ воздухѣ сидѣли всѣ воеводы, генералы и полковники, явилась старшина и въ краткой рѣчи объявила, что она давно уже видѣла великія тягости отъ гетмана, а напослѣдокъ объявились и измѣнническія дѣла, о которыхъ они и донесли, служа ихъ царскимъ величествамъ. Такъ какъ теперь гетманъ схваченъ и привезенъ въ станъ, то они, старшина, требуютъ, чтобъ съ нимъ поступлено было по войсковому праву. Голицынъ спросилъ, не обвиняютъ ли они гетмана, мстя ему какія-нибудь свои недружбы, и нельзя ли эти неудовольствія успокоить какимъ-нибудь другимъ образомъ. Старшины отвѣчали: „Хотя оскорбленія, нанесенныя гетманомъ народу и большей части изъ насъ, и очень велики, однако мы не рѣшились бы поступить съ нимъ такимъ образомъ, если бы къ тому же не присоединилась и измѣна, о которой, по нашей присягѣ, мы не можемъ умолчать; кромѣ того, мы съ большимъ трудомъ могли удержать народъ, чтобъ онъ не растерзалъ гетмана: такъ онъ сталъ всѣмъ ненавистенъ“ Тутъ входитъ старый гетманъ, опираясь на трость съ серебрянымъ набалдашникомъ, голова его обернута мокрымъ платкомъ, потому что онъ давно уже страдалъ глазами и головными болями. Голицынъ въ короткихъ словахъ пересчиталъ ему обвиненія; гетманъ отвергнулъ всѣ обвиненія и началъ оправдываться; поднялись споры между нимъ и тремя полковниками, Дмитрашкою Райчею, Солониною и Гамалѣею. Голицынъ велѣлъ вывести Самойловича; казаки хотѣли-было наложить на него руки, но Голицынъ сдержалъ ихъ и отдалъ гетмана съ сыномъ подъ охрану стрѣлецкимъ полковникамъ.

---

[1] Собр. гос. гр. и дог. IV, № 186.

Послѣ этого казаки начали толковать о выборѣ новаго гетмана.

Сочли нужнымъ послать за духовенствомъ и знатнѣйшими казаками въ ближайшіе полки; но въ тотъ же вечеръ и на другой день оказалось, что ждать долѣе нельзя; казаки Гадяцкаго полка подняли бунтъ, убили полковника и разныхъ другихъ людей, такъ что Голицынъ долженъ былъ послать русскихъ рейтаръ наблюдать за казацкимъ станомъ; также начали казаки толпами покидать лагерь,—откладывать выбора стало нельзя.

24 іюля собралась старшина у Голицына для выслушанія статей, на которыхъ присягали прежніе гетманы. Положили принять глуховскія статьи, съ прибавкою слѣдующихъ новыхъ: 1) „При гетманѣ въ Батуринѣ, для охраненія и цѣлости его, быть полку московскому стрѣлецкому; 2) Чтобъ гетману и старшинѣ, служа великимъ государямъ, народъ Малороссійскій всякими мѣрами и способами съ Великороссійскимъ народомъ соединять, въ неразрывное и крѣпкое согласіе приводить супружествомъ и инымъ поведеніемъ, чтобъ были подъ одною царскаго величества державою обще, какъ единой христіанской вѣры, и никто бы голосовъ такихъ не испускалъ, что Малороссійскій край гетманскаго регимента, а отзывались бы вездѣ единогласно—ихъ царскаго величества самодержавной державы гетманъ и старшина и народъ Малороссійскій обще съ Великорусскимъ народомъ, и вольный переходъ жителямъ изъ малороссійскихъ городовъ въ великороссійскіе имѣть“ Послѣ статей начали разговоръ объ имѣніи бывшаго гетмана, причемъ Голицынъ объявилъ: „Хотя по закону все принадлежавшее измѣннику должно принадлежать царямъ, однако я, съ опасностію навлечь на себя немилость царскую, беру на свою отвѣтственность и опредѣляю, что половина имѣнія пойдетъ войску Запорожскому, а другая въ казну царскую“. Всѣ были довольны, и знатнѣйшіе начали тихонько освѣдомляться у Голицына, кого бы ему всего больше хотѣлось видѣть гетманомъ. Голицынъ намекнулъ имъ, что ему больше всего хотѣлось бы Мазепу, и въ тотъ же вечеръ у старшины положено было дѣйствовать въ пользу Мазепы, причемъ положено было также отнять мѣста у всѣхъ креатуръ Самойловича и раздать ихъ членамъ новой Мазепинской партіи.

25 числа выборные полки и стрѣльцы окружили походную церковь, поставленную въ полѣ, подлѣ казацкаго стана. Въ 10 часовъ утра пріѣхалъ Голицынъ съ начальными людьми и велѣлъ позвать въ кругъ казаковъ, которыхъ было 800 конныхъ и 1,200 пѣхоты; знатнѣйшіе изъ нихъ отправились съ бояриномъ въ церковь, куда понесли предъ ними знаки гетманскаго достоинства. Послѣ молебствія всѣ вышли изъ церкви, подлѣ которой поставленъ былъ небольшой столъ, покрытый богатымъ ковромъ; на немъ разложили булаву и другіе знаки гетманскаго достоинства. Голицынъ сталъ на скамью и сказалъ казакамъ, что ихъ царскія величества дозволяютъ имъ, по ихъ старому войсковому обычаю, избрать гетмана, и что каждый можетъ свободно подать свой голосъ: такъ пусть же объявятъ, кто имъ любъ. На нѣсколько времени водворилось молчаніе, потомъ нѣсколько голосовъ по близости произнесли имя Мазепы, другіе подхватили—и скоро по всей толпѣ раздались восклицанія: „Мазепу въ гетманы!“ Слышалось и имя Борковскаго, но было заглушено. Голицынъ

повторилъ вопросъ знатнѣйшимъ казакамъ: кого они хотятъ гетманомъ, —всѣ отвѣчали единогласно:— „Мазепу!“ Новый гетманъ присягнулъ и подписалъ условіе, послѣ чего получилъ изъ рукъ Голицына булаву, бунчукъ и знамя [1]). Голицынъ указалъ на Мазепу, какъ на человѣка ему, слѣдовательно правительству, угоднаго; это указаніе должно было имѣть важное вліяніе на выборъ, и Мазепа долженъ былъ не на одинхъ словахъ благодарить боярина: онъ далъ ему десять тысячъ рублей [2]).

На Украйнѣ дѣло уладилось; но мы видѣли, какъ чутко Голицынъ слѣдилъ за московскими толками, за внушеніями своихъ недоброжелателей; и теперь онъ писалъ Шакловитому: „Что про гетмана будетъ словъ, пожалуй отпиши подлинно“. Шакловитый увѣдомилъ, что внушаютъ: зачѣмъ Самойловичъ свергнутъ безъ розыска. Голицынъ отвѣчалъ: „О гетманѣ, какъ учинилось, и о томъ писалъ я въ отпискахъ своихъ и въ грамотахъ, изъ которыхъ о семъ можешь выразумѣть. А пристойнѣе того и больше учинить не возможно. А что про него разыскивать, и такого образцу николи не бывало; извольте посмотрѣть въ старыхъ дѣлахъ. А что отъ котораго лица какое злословіе—и то Богу вручаю; Онъ то можетъ разсудить, какая въ томъ наша правда. Мы чаяли, что тѣ лица воздадутъ хвалу Господу Богу и намъ милость, какъ то учинилось безъ всякой помѣшки и кровопролитія и замѣшанія. Коли ужъ разсудить не могутъ, и они-бъ взяли себѣ въ примѣръ Турскаго султана, который то учинилъ назадъ тому два года: однимъ лѣтомъ перемѣнилъ двухъ хановъ по татарскому челобитью, не разыскивая; только тому радъ былъ, что они были у него въ послушаніи и бунта никакого не учинили. Не мудро-бъ и намъ не перемѣнить, только посмотрѣли-бъ, что изъ того родилось“.

Московскіе пересуды не помѣшали встрѣтить и наградить Голицына какъ побѣдителя; дѣло на Коломакѣ было выставлено какъ особенная заслуга Оберегателя. Голицынъ, по возвращеніи изъ похода, былъ такъ же могуществепъ, какъ и прежде, къ нему и къ сыну его Алексѣю обращались люди, желавшіе получить что-нибудь отъ правительства. Такъ обратился къ нимъ полумертвый отъ старости Лазарь Барановичъ, который спѣшилъ воспользоваться паденіемъ Самойловича и прислалъ въ Москву жалобу на пріятеля падшаго гетмана, Кіевскаго митрополита Четвертинскаго. 30 марта 1688 года Черниговскій архидіаконъ Антоній привезъ царямъ грамоту: „Забвенъ былъ яко мертвъ“, писалъ старикъ, „былъ человѣкъ яко безъ помощи, еще живу мнѣ сущу погребохся. Я, смиренный богомолецъ вашъ, при старости моей и ослабѣвшихъ всесовершенно силахъ, возненавидѣнный бывшимъ гетманомъ, утѣсненъ былъ многими отъ него обидами, многими скорбями и неисповѣдимыми печалями, и утѣсненъ былъ не просто, но какъ мертвый забвенъ, и при жизни землею покровенъ явился; что могло быть тяжеле, когда гетманъ запрещалъ мнѣ посылать предъ вашъ царскій престолъ письменныя челобитья, дабы возмогъ пріять милость и обрѣсти благодать? Хотѣлъ онъ, да обрящуся, яко человѣкъ безъ помощи въ мертвыхъ свободь. Но Богъ, животворяй мертвыя, даровалъ такое улучить время, о которомъ могу сказать: се нынѣ время благопріятно, се нынѣ день спасенія. Исшедъ отъ забвенія гроба, прихожу предъ пресвѣтлѣйшій престолъ съ смиреннымъ челобитьемъ: не отвергните меня во время старости моей, призрите на озлобленіе мое! Когда преосвященный отецъ Гедеонъ Святополкъ принялъ престолъ Кіевскій, то я, презрѣвъ мою старость, встрѣтилъ святыню его въ Батуринѣ, преклонилъ предъ нимъ ослабѣвшія колѣна мои, надѣясь, что призритъ меня своею милостію за тридцатилѣтніе мои труды, въ архіерейскомъ санѣ подъятые. Я просилъ его подкрѣпить данную мнѣ митрополитомъ Діонисіемъ Балабаномъ грамоту на семь протопопій; желалъ я также видѣть данную ему вашимъ царскимъ величествомъ грамоту на митрополію Кіевскую. Но преосвященный митрополитъ обиду великую старости моей нанесъ: прежде всего отнялъ у меня архіепископское имя, велѣлъ называть меня только епископомъ, тогда какъ это названіе далъ мнѣ отецъ вашъ, блаженной памяти царь Алексѣй Михайловичъ по благословенію троихъ вселенскихъ патріарховъ. Потомъ отнялъ три протопопіи; въ укорительномъ письмѣ къ воронежскому священнику Глуховской протопопіи назвалъ меня пастушкомъ и похитителемъ нѣкоторыхъ приходовъ, ему будто бы принадлежащихъ. Падаю предъ вашего царскаго величества лицемъ, примите прошеніе мое: да буду со всею епархіею моею прямо подъ благословеніемъ патріарха Московскаго наравнѣ съ прочими великороссійскими архіереями, и пусть преемники мои поставляются въ Москвѣ, а не въ Кіевѣ“. Архидіаконъ подалъ грамоту и отъ гетмана: „Покорственно прошу“, писалъ Мазепа, „дабы ваше царское пресвѣтлое величество изволили прошенія и желанія архіепископа милостиво выслушать и премилосердымъ удовольствовать призрѣньемъ“. Въ то же время Лазарь и Мазепа писали объ этомъ дѣлѣ князю Вас. Вас. Голицыну и сыну его князю Алексѣю. Всѣ прошенія и желанія ихъ были исполнены [3]).

Оберегатель готовился ко второму походу на Крымъ, тѣмъ болѣе что ханъ мстилъ за первый походъ вторженіями въ Украйну, а христіане турецкихъ областей звали русскія войска для спасенія Православія—и не отъ Турокъ. Въ то время, какъ Русскіе должны были безъ успѣха возвратиться изъ сожженной степи, и Поляки тщетно осаждали Каменецъ, другіе союзники—Австрійцы и

---

[1]) Гордонъ II, 184 и слѣд. Самойловичъ сосланъ въ Сибирь.

[2]) Записка Мазепы Голицыну объ этомъ въ Государств. Архивѣ.

[3]) Дѣла Малороссійскія означеннаго года въ Москов. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ.

Венеціяне—торжествовали надъ Турками въ Венгріи, Далмаціи и Мореѣ. Къ пораженіямъ отъ христіанъ присоединился бунтъ войска: султанъ Магометъ IV былъ свергнутъ и на его мѣсто возведенъ братъ его Сулейманъ II. Никогда еще Турція не была въ такомъ печальномъ положеніи, и между христіанскими подданными султана естественно раждалась мысль, что приходитъ конецъ мусульманскому владычеству.

Въ сентябрѣ 1688 года пріѣхалъ въ Москву архимандритъ Аѳонскаго Павловскаго монастыря Исаія съ грамотою отъ бывшаго Константинопольскаго патріарха Діонисія, сверженнаго, какъ онъ писалъ, за уступку царскому желанію въ дѣлѣ о Кіевской митрополіи. Діонисій извѣщалъ царей, что теперь самое удобное время для избавленія христіанства отъ Турокъ. „Всякія государства и власти благочестивыхъ королей и князей православныхъ всѣ вмѣстѣ возстали на антихриста, воюютъ на него сухимъ путемъ и моремъ, а царство ваше дремлетъ. Всѣ благочестивые святаго вашего царствія ожидаютъ, Сербы и Болгары, Молдаване и Валахи; возстаните, не дремлите, придите спасти насъ“. Исаія привезъ грамоту отъ Валахскаго господаря Щербана Кантакузена, который тоже писалъ, что отъ Русскихъ царей Православные ожидаютъ избавленія своего изъ рукъ видимаго фараона. Третья грамота такого же содержанія была отъ Сербскаго нареченнаго патріарха Арсенія. Исаія объявилъ, что онъ посланъ отъ всѣхъ Грековъ и Славянъ умолять великихъ государей воспользоваться удобнымъ временемъ для нападенія на Турокъ. Это необходимо сдѣлать и для того, чтобы не отдать Православныхъ изъ бусурманской неволи въ неволю худшую. Церковь Православно-Греческую ненавидятъ папежники; которые города въ Венгріи и Мореѣ цесарскія и венеціянскія войска побрали у Турокъ,—повсюду въ нихъ папежники начали обращать православныя церкви къ уніи, другія превращать въ костелы. Если Римлянамъ посчастливится впередъ, достанутъ подъ свою власть православно-христіанскія земли, если возьмутъ самый Царь-градъ, то Православные христіане въ бóльшую погибель придутъ, и вѣра Православная искоренится. Всѣ Православные христіане ожидаютъ государскихъ войскъ съ радостію; да и Турки, которые между ними живутъ, лучше поддадутся великимъ государямъ, чѣмъ Нѣмцамъ, потому что всѣ они рождены отъ Сербовъ, Болгаръ и другихъ православныхъ народовъ.

Отъ имени Щербана Исаія говорилъ, чтобъ великіе государи послали войска свои въ Бѣлогородскую орду на Буджаки, и Дунаемъ въ судахъ прислали къ нему, Щербану, который съ семидесятитысячнымъ войскомъ придетъ на помощь къ Русскимъ на Буджаки; для задержанія Крымцевъ можно оставить часть войска въ Запорожьи, а Бѣлогородская орда противъ царскихъ войскъ не устоитъ. Въ тѣхъ странахъ водъ много, да и въ запасахъ скудости не будетъ. Какъ только государскія рати станутъ приближаться къ Бѣлогородчинѣ, а онъ, воевода, пойдетъ къ нимъ на встрѣчу,—тогда всѣ Сербы, Болгары и Молдаване пристанутъ къ нимъ же, и будетъ путь и до Царя-города безъ помѣшки, потому что за Бѣлогородчиною все живутъ христіане, да и крѣпостей до самаго Царя-города нѣтъ. Христіане ждутъ прихода царскихъ ратей съ радостію, и соберется Сербовъ и Болгаръ съ 300,000, все тамошнее христіанство встанетъ, а Нѣмцамъ тѣ народы вовсе не ради, и помогать имъ не будутъ, развѣ по великой неволѣ. Теперь воевода въ городѣ своемъ Бухарестѣ и войско его все въ сборѣ, а никому не помогаетъ, ни Турку, ни Цесарю, остерегаетъ свое владѣніе отъ Турокъ, Татаръ и Нѣмцевъ, и хотя къ нему отъ Цесаря и многія присылки были съ прошеніемъ, чтобъ всталъ на Турка, и воевода Цесарю въ подданствѣ не отказалъ, однако еще не обѣщался поддаться,—сказалъ, что когда Цесарь совершенно Турка повоюетъ, тогда и онъ, воевода, его будетъ; воевода Цесарю манитъ по причинѣ вѣры, чтобъ не быть подъ иновѣрцемъ, а быть подъ державою Православныхъ государей. Турки и Татары Землю его не разоряютъ, потому что онъ противъ нихъ не встаетъ и даетъ имъ, по силѣ, запасы, да и цесарскимъ войскамъ также запасы даетъ, чтобъ не наступали.

Государи отвѣчали Діонисію и Щербану, что имѣютъ о всѣхъ Православныхъ христіанахъ, живущихъ подъ игомъ поганскимъ, попеченіе неотмѣнное, и указали для того послать воеводъ своихъ со многими ратями на крымскія юрты, и пойдутъ войска самымъ раннимъ вешнимъ временемъ; а когда Крымъ будетъ разоренъ, тогда удобно будетъ идти и на ту сторону Днѣпра, на Бѣлогородскую орду и за Дунай. Пусть Валахскій господарь высылаетъ свои войска въ турецкимъ городкамъ на Днѣпрѣ. Съ этимъ отвѣтомъ отправился къ Валахію Грекъ Ѳоминъ; онъ уже не засталъ стараго господаря въ живыхъ, подалъ царскую грамоту племяннику его Константину. Тотъ сказалъ ему, что у великихъ государей въ подданствѣ быть всеусердно радъ, только теперь писать объ этомъ къ государямъ отъ великаго страха не станетъ; притомъ же надобно будетъ объ этомъ объявить многимъ людямъ, дѣло разгласится, услышатъ Нѣмцы, и всѣхъ ихъ до-конца разорятъ. Пусть великіе государи напишутъ, на какихъ статьяхъ быть ему у нихъ въ подданствѣ: тогда онъ на подданство листъ напишетъ и всѣ руки приложатъ; а когда онъ послышитъ, что царскія войска придутъ Крымъ добывать, тогда и онъ съ войсками своими пойдетъ въ сходъ къ царскимъ воеводамъ [1]).

Въ сентябрѣ 1688 года объявлено было ратнымъ людямъ о новомъ походѣ на Крымъ; въ объявленіи было сказано: „Нынѣ къ великимъ государямъ писали св. великіе патріархи, цесарское величество Римскій и королевское величество Польскій, также рѣчь посполитая Венеційская, всѣ согласно, что въ настоящее время Турское государство отъ Господа Бога приняло великое наказаніе и приходитъ бусурманское владѣтельство къ самой конечной погибели, и какъ отъ войскъ христіанскихъ, такъ и отъ междоусобныя брани пришло въ великое безсиліе и безмочьство, какого на нихъ разоренія и погибели никогда не бывало и такого смятенія не слыхано, что и сами о себѣ говорятъ, что пришла имъ, бусурманамъ, всѣмъ совершенная погибель, только нѣкоторую надежду имѣютъ на Крымскаго хана съ ордами. И, будучи они, бусурманы, въ отчаяніи своемъ, въ Греческой, Ромельской и Морейской, и Сербской, и Болгарской Земляхъ Православныхъ христіанъ, мужеска и женска пола и невинныхъ младенцевъ, послѣ многихъ различныхъ мукъ и поругався сквернымъ поруганіемъ, мечу и огню предали больше трехъ сотъ тысячъ; и прочихъ христіанъ младыхъ и женска пола неисчетное множество въ неволю свою бусурманскую побравъ, свезли за море“ [1]).

---

[1]) Архивъ Мин. Ин. Д., дѣла Греческія означ. года.

Наученный опытомъ, Голицынъ хотѣлъ предпринять походъ раннею весною, чтобъ не имѣть недостатка въ водѣ и травѣ и не бояться степныхъ пожаровъ. Ратнымъ людямъ велѣно собраться не позже февраля 1689 года. 8 ноября былъ объявленъ сборъ съ посадскихъ и всѣхъ торговыхъ людей десятой деньги на войско [2]). Голицыну было необходимо побѣдить Татаръ, чтобъ побѣдить внутреннихъ враговъ, которые не переставали ему напоминать о себѣ. Разсказываютъ, что убійца бросился къ нему въ сани. и едва былъ удержанъ слугами князя; убійцу казнили въ тюрьмѣ послѣ пытки, безъ огласки. Незадолго передъ отправленіемъ въ походъ, у воротъ Голицына найденъ былъ гробъ съ запискою, что если и этотъ походъ будетъ такъ же неудаченъ, какъ первый, то главнаго воеводу ожидаетъ гробъ. Сохранилось еще любопытное извѣстіе; Иванъ Бунаковъ былъ подвергнутъ пыткѣ за то, что вынималъ у Голицына слѣдъ. Бунаковъ объяснялъ дѣло такъ: „Я взялъ землю въ платокъ и завернулъ для того, что ухватилъ меня утинъ; и прежде сего то бывало, гдѣ меня ухватитъ, тутъ землю и беру“ [3]).

Къ этимъ враждебнымъ выходкамъ противъ Оберегателя присоединялось подкапываніе подъ его кліента, новаго гетмана Малороссійскаго. Какіе-то гультяи, по выраженію Мазепы, распустили въ Кіевѣ слухъ, что гетманъ сносится съ Поляками, покупаетъ въ Польшѣ имѣнія. Кіевскій воевода Бутурлинъ отправилъ разгласителей въ Москву, откуда ихъ отослали къ Мазепѣ въ Батуринъ. По этому случаю гетманъ писалъ къ Голицыну: „Прошу покорно благодѣтеля и заступника моего милостиваго: какъ рукою своею возвелъ меня на урядъ гетманскій и милостиво, отечески обѣщалъ быть моимъ заступникомъ и отъ напастей оборонителемъ, зная мою простую душу и простое сердце,—такъ изволь по тому своему благодѣтельскому слову и впередъ заступать и оборонять меня отъ такихъ опасныхъ случаевъ. Никто не доведетъ, чтобъ я въ польской сторонѣ хотѣлъ покупать маетности—этого мнѣ никогда и на умъ не приходило“. Мазепа проситъ Голицына, чтобъ позволено ему было пытать разгласителей этихъ слуховъ. Гетманъ догадывался, что Кіевскій митрополитъ Гедеонъ не очень къ нему расположенъ по своимъ пріятельскимъ отношеніямъ къ Самойловичу; зналъ, что сынъ митрополичій, молодой князь Четвертинскій, женихъ дочери Самойловича, живетъ въ Москвѣ, и потому старался удалить его изъ столицы, заподозривъ передъ правительствомъ. „Не безъ сожалѣнія слышу“, писалъ Мазепа, „что князь Четвертинскій, живя въ Москвѣ, говоритъ многія непристойныя слова, безчеститъ весь царскаго величества высокій сенатъ, никого себѣ не только высшаго, но и равнаго не ставитъ и пакостными всякими словами укоряетъ, говоритъ и то, что онъ бывшаго Самойловича снова на урядъ его возстановитъ и всѣмъ его и своимъ непріятелямъ отмститъ, и сюда, въ Малороссію, къ бывшей своей невѣстѣ пишетъ. А митрополитъ человѣкъ мнительный, и, какъ вижу, на меня досадуетъ, думая, что сынъ его по моему старанію отосланъ въ Москву на всякое безчестье; по митрополичьей досадѣ и Кіевскій воевода Ив. Вас. Бутурлинъ ко мнѣ непріязненъ, ни о чемъ ко мнѣ не пишетъ, на двѣ мои грамоты не отвѣчалъ ни слова. Четвертинскому въ Москвѣ, для избѣжанія всякихъ ссоръ, нельзя быть“. Мазепа просилъ, чтобъ, „для всякой осторожности и для страху своевольнымъ“, государи позволили ему окружить себя наемными сердюками и драгунами [4]).

При такихъ-то, неблагопріятныхъ для главныхъ вождей, условіяхъ начался второй Крымскій походъ. Въ февралѣ 1689 года 112,000 войска двигалось въ степь подъ главнымъ начальствомъ Оберегателя. 20 марта Голицынъ писалъ царямъ изъ Ахтырки, что „походу чинится замедленіе за великою стужею и за снѣгами, да и денежная казна по сіе время въ полкъ не присылана, и ратнымъ людямъ, рейтарамъ и солдатамъ дать нечего“. Стужа и снѣга не остановили гетмана Мазепу, и первымъ дѣломъ его при свиданіи съ Голицынымъ было челобитье, чтобъ великіе государи пожаловали его, гетмана, и все войско Малороссійское, повелѣли въ малороссійскихъ городахъ на башняхъ и ратушахъ поставить государскій гербъ. Голицынъ, разумѣется, поспѣшилъ обнадежить Мазепу, что просьба его будетъ исполнена великими государями. Въ половинѣ апрѣля получены были вѣсти, что въ степяхъ нѣтъ пожаровъ, но что ханъ сбирается жечь траву въ то время, какъ Голицынъ будетъ приближаться къ Перекопи. Когда въ Москвѣ узнали объ этомъ, то отправили Оберегателю грамоту, чтобъ онъ, посовѣтовавшись съ гетманомъ, послалъ знающихъ людей за Самару жечь степь вплоть до Перекопи и до турецкихъ городовъ на Днѣпрѣ; къ приходу русскаго войска въ тѣ мѣста поспѣютъ новыя травы. Голицынъ шелъ къ Перекопи и въ половинѣ мая встрѣтилъ хана съ ордами. Варвары, по своему обыкновенію, стремительно ударили на русское войско, но, обданные изъ пушекъ, ушли и не возобновляли болѣе нападеній, только на краю горизонта, спереди и сзади, какъ тучи, виднѣлись ихъ толпы; хищники кружились надъ добычею, Скиѳы заманивали врага въ свои безвыходныя степи.

---

[1]) Собр. гос. гр. и дог. IV, № 193.

[2]) Приказныя дѣла Москов. Арх. Мин. Ин. Д., означеннаго года.

[3]) Voyage en divers états d'Europe et d'Asie, entrepris pour decouvrir un nouveau chemin à la Chine; p. 266.—Записки Желябужскаго подъ 1689 г.

[4]) Архивъ Минист. Юстиц. Книги Малор. Приказа означеннаго года.

Отбивъ хана, Голицынъ поспѣшилъ послать извѣстіе въ Москву о своемъ торжествѣ, писалъ къ правительницѣ, чтобъ она помолилась о его благополучномъ возвращеніи. Софія отвѣчала: „Свѣтъ мой, братецъ Васенька! здравствуй, батюшка мой, на многія лѣта! И паки здравствуй, Божіею и Пресвятыя Богородицы милостію и твоимъ разумомъ и счастіемъ побѣдивъ Агаряне! Подай тебѣ, Господи, и впредь враги побѣждать! А мнѣ, свѣтъ мой, не вѣрится, что ты къ намъ возвратишься; тогда повѣрю, какъ увижу въ объятіяхъ своихъ тебя, свѣта моего. Что же, свѣтъ мой, пишешь, чтобы я помолилась: будто я вѣрно грѣшна передъ Богомъ и недостойна; однакожъ, хотя и грѣшная, дерзаю надѣяться на Его благоутробіе. Ей! всегда прошу, чтобы свѣта моего въ радости видѣть. По семъ здравствуй, свѣтъ мой, на вѣки неисчетные“

20 мая войска подошли къ знаменитой Перекопи, къ укрѣпленному замку, защищавшему ровъ, который прорѣзывалъ перешеекъ; за Перекопью завѣтный Крымъ,—цѣль похода. Но что̀ такое Крымъ? Люди лучшіе, опытнѣйшіе, какъ напримѣръ Гордонъ, давно уже толковали Голицыну, что завоевать Крымъ легко, только степная дорога къ нему нѣсколько трудновата. Голицынъ испыталъ эту трудность въ первомъ походѣ, избѣжалъ ея во второмъ, достигъ Крыма и тутъ только увидалъ, что не рѣшенъ былъ заблаговременно главный вопросъ: что̀ такое Крымъ, и какъ его завоевывать? Думали, что сто̀итъ только вторгнуться въ Крымъ съ большимъ войскомъ,—Татары испугаются и отдадутся на волю побѣдителя; не подумали объ одномъ,—что и за Перекопью та же безводная степь, какъ и на дорогѣ къ полуострову; что Татары могутъ истребить все и заморить врага голодомъ и жаждою. Голицынъ стоялъ у Перекопи; надобно было брать крѣпость, а войско уже двое сутокъ было безъ воды; спѣшили къ Перекопи, думая, что тутъ-то будетъ конецъ лишеніямъ. и что̀ же увидѣли?—съ одной стороны Черное море, съ другой—Гнилое; вездѣ вода соленая, колодцевъ нѣтъ, лошади падаютъ; еще нѣсколько дней—и какъ будетъ отступать, на чемъ везти нарядъ? Чтобъ возвратиться съ чѣмъ нибудь назадъ, Голицынъ завелъ мирные переговоры съ ханомъ, въ надеждѣ, что тотъ, испугавшись нашествія, согласится на выгодныя для Россіи условія: но переговоры затянулись, а Голицыну ждать было больше нельзя, и онъ повернулъ назадъ безъ мира; рады были одному, что въ степи, въ страшный зной, при мучительномъ томленіи жажды, Татары преслѣдовали легко, не всѣми своими силами[1]). Спустя два года слишкомъ послѣ похода, вышелъ изъ татарскаго плѣна смоленскій шляхтичъ Поплонскій и разсказывалъ: „Когда государевы ратные люди пришли къ Перекопи, Нурадинъ салтанъ говорилъ отцу своему хану: для чего онъ противъ тѣхъ ратныхъ людей изъ Перекопи нейдетъ, а если онъ, ханъ, идти не захочетъ, то онъ бы велѣлъ ему, Нурадину, выйдти; и ханъ сказалъ: присылалъ къ нему князь Василій Голицынъ для договору о мирѣ, и онъ для того противъ тѣхъ ратныхъ людей нейдетъ, а если это ихъ желаніе не исполнится, то они, Татары, его, князя Василья, и со всѣмъ войскомъ, если станетъ приступать, въ Перекопь пустятъ и безъ бою всѣхъ переберутъ по рукамъ, а иные и сами отъ нужды перемрутъ, потому что въ Перекопи только три колодца воды прѣсной“ [2]).

Когда Голицынъ далъ знать Софіи о своемъ возвращеніи отъ Перекопи, то получилъ отъ нея слѣдующее письмо: „Свѣтъ мой, батюшка, надежда моя, здравствуй на многія лѣта! Зѣло мнѣ сей день радостенъ, что Господь Богъ прославилъ имя Свое Святое, также и Матери Своея, Пресвятыя Богородицы, надъ вами, свѣте мой! Чего отъ вѣка не слыхано, ни отцы наши повѣдаша намъ такого милосердія Божія. Не хуже израильскихъ людей васъ Богъ извелъ изъ Земли Египетскія; тогда чрезъ Моисея, угодника Своего, а нынѣ чрезъ тебя, душа моя! Слава Богу нашему, помиловавшему насъ чрезъ тебя! Батюшка ты мой, чѣмъ платить за такіе твои труды неисчетные? Радость моя, свѣтъ очей моихъ! мнѣ не вѣрится, сердце мое, чтобы тебя, свѣтъ мой, видѣть. Великъ бы мнѣ день тотъ былъ, когда ты, душа моя, ко мнѣ будешь. Если бы мнѣ возможно было, я бы единымъ днемъ тебя поставила предъ собою. Письма твои, врученныя Богу, къ намъ всѣ дошли въ цѣлости. Изъ-подъ Перекопи пришли отписки въ пятокъ 11 числа. Я брела пѣша изъ-подъ Воздвиженскаго; только подхожу къ монастырю Сергія чудотворца, къ самымъ Святымъ воротамъ, а отъ воротъ отписки о бояхъ. Я не помню, какъ взошла; чла, идучи! Не вѣдаю, чѣмъ Его, Свѣта, благодарить за такую милость Его, и Матерь Его, и Преподобнаго Сергія, чудотворца милостиваго! Что ты, батюшка мой, пишешь о посылкѣ въ монастыри, все то исполнила:

---

[1]) Подробности о второмъ Крымскомъ походѣ между статейными Крымскими списками въ Архивѣ Мин. Ин. Д., № 79; Gordon's Tagebuch, III, 235 *Письма Софіи* къ Голицыну, цыфирью, въ Государств. Архивѣ разобраны Устряловымъ.

[2]) Арх. Мин. Юстиціи, книга Малорос. Приказа, № 64.

по всѣмъ монастырямъ бродила сама, пѣша. А радѣнье твое, душа моя, дѣломъ оказуется. Что пишешь, батюшка мой, чтобъ я помолилась; Богъ, свѣтъ мой, вѣдаетъ, какъ желаю тебя, душа моя, видѣть, и надѣюся на милосердіе Божіе; велитъ мнѣ тебя видѣть, надежда моя. Какъ самъ пишешь о ратныхъ людяхъ, такъ и учини. А я, батюшка мой, здорова твоими молитвами, и всѣ мы здоровы. Когда дастъ Богъ, увижу тебя, свѣтъ мой, о всемъ своемъ житьѣ скажу. А вы, свѣтъ мой, не стойте, пойдите по-малу: и такъ вы утрудились. Чѣмъ вамъ платить за такую нужную службу, наипаче всѣхъ твои, свѣта моего, труды? Еслибъ ты такъ не трудился, никто-бъ такъ не сдѣлалъ“. Оффиціально, отъ имени царей была послана Голицыну грамота: „Мы, великіе государи, тебя, ближняго нашего боярина и оберегателя, за твою къ намъ многую и радѣтельную службу, что такіе свирѣпые и исконные Креста Святаго и всего христіанства непріятели твоею службою не нечаянно и никогда неслыхано отъ нашихъ царскихъ ратей въ жилищахъ ихъ поганскихъ поражены и побѣждены и прогнаны, и что объявились они сами своимъ жилищамъ разорителями: отложа свою обычную свирѣпую дерзость, пришедъ въ отчаяніе и въ ужасъ, въ Перекопи посады и села и деревни всѣ пожгли, и изъ Перекопи съ своими поганскими ордами тебѣ не показались и возвращающимся вамъ не явились, и что ты со всѣми ратными людьми къ нашимъ границамъ съ вышеописанными славными во всемъ свѣтѣ побѣдами возвратились въ цѣлости,—милостиво и премилостиво похваляемъ“.

Ослѣпленная страстію, Софія была въ восторгѣ, что „свѣтъ ея“ избѣгъ страшной опасности, возвратился по-здорову изъ степнаго похода, гдѣ могъ погибнуть со всѣмъ войскомъ. Голицынъ казался ей вторымъ Моисеемъ, проведшимъ людей своихъ по дну морскому; ей представлялись только его труды, его опасности; въ отбитіи хана она видѣла дѣйствительно великій подвигъ, великую побѣду. Но другіе, и многіе, имѣли право смотрѣть иначе на дѣло, имѣли право оскорбляться прославленіями, наградами за походъ, не достигшій своей цѣли, и это уже былъ второй такой походъ. Современники не могли такъ снисходительно смотрѣть на эти походы Голицына, какъ можемъ смотрѣть теперь мы, отдаленные отъ событія болѣе чѣмъ на полтораста лѣтъ.

Таково было участіе Россіи въ священномъ союзѣ противъ Турокъ. Результаты движеній русскаго войска были ничтожны въ сравненіи съ числомъ ратныхъ людей, приготовленіями, издержками; но нельзя было сказать, чтобы походы эти были совершенно безполезны, ибо они отвлекали Крымскаго хана отъ поданія помощи Туркамъ въ другихъ мѣстахъ.

Главное вниманіе правительства было обращено на югъ: здѣсь хотѣли закрѣпить Малороссію Кіевомъ и освободиться отъ позора дани татарской. Разумѣется, что, имѣя въ виду эти двѣ цѣли, хотѣли жить въ мирѣ съ Швеціею, и, въ январѣ 1683 года, были подтверждены условія Кардискаго договора. Изъ сношеній съ другими государствами замѣчательны сношенія съ Пруссіею: въ 1688 году позволена была свободная торговля бранденбургскимъ подданнымъ у Архангельска; въ слѣдующемъ году, чрезъ посланника Чаплича, заключенъ былъ договоръ съ Прусскимъ Дворомъ о свободной торговлѣ между подданными обоихъ государствъ; по ходатайству того же Чаплича дана была царская грамота о дозволеніи пріѣзжать въ Россію и селиться французскимъ эмигрантамъ евангелическаго исповѣданія, принужденнымъ оставить отечество вслѣдствіе уничтоженія Нантскаго эдикта. Чапличъ „объявлялъ и на письмѣ предложилъ, что королевское величество Французскій началъ въ государствѣ своемъ ближнихъ и иныхъ людей неволить въ вѣрѣ евангелической, и многихъ мученіемъ изъ государства своего разогналъ и, принуждая въ неволю различными мученіями къ Католической вѣрѣ, многихъ смерти предалъ и, разлуча мужей съ женами и дѣтьми, держитъ въ крѣпяхъ, и которые, получа себѣ въ чемъ свободу, бѣгутъ въ разныя окрестныя государства, и къ его курфирстскому пресвѣтлѣйшеству въ державу прибѣжало тѣхъ изгнанныхъ многое число, и впредь чаетъ такихъ изъ Французскаго государства утеклецовъ многихъ же людей, а что за умноженіемъ для прокормленія и избавы отъ такого гоненія желаютъ иные быть въ подданствѣ у насъ, великихъ государей, и мы изволили выслушать и выразумѣть пріятно.“ Выслушивать это было тѣмъ пріятнѣе, что русскіе послы, князь Яковъ Долгорукій и князь Яковъ Мышецкій, отправленные во Францію въ 1687 году, встрѣтили тамъ не очень лестный пріемъ, потому что ѣздили съ не очень пріятнымъ для великаго короля дѣломъ, съ объявленіемъ о вступленіи царей въ священный союзъ противъ Турокъ и съ приглашеніемъ послѣдовать ихъ примѣру. Въ Дюнкирхенѣ явился къ нимъ приставъ съ вопросомъ отъ имени королевскаго: „Не для упрямства ли какого пріѣхали, и не будутъ ли въ чемъ волѣ королевскаго величества противны?“ Послы отвѣчали: „Такое странное вопрошеніе зѣло насъ удивляетъ; мы присланы для любительныхъ дѣлъ, а не для какого-нибудь сопротивленія; прежнимъ посланникамъ такихъ необыкновенныхъ вопросовъ не задавали“. Послѣ первыхъ переговоровъ съ министромъ иностранныхъ дѣлъ, Людовикъ велѣлъ сказать посламъ, что дальнѣйшіе переговоры не нужны, король понялъ въ чемъ дѣло, и пришлетъ свою отвѣтную грамоту прямо къ нимъ, посламъ, безъ дальнѣйшихъ церемоній. Долгорукій отвѣчалъ, что это неслыханное дѣло: всѣ государи отдаютъ отвѣтную грамоту сами посламъ, и они, послы царскіе, не примутъ грамоты иначе, какъ изъ рукъ королевскихъ. На это былъ отвѣтъ, что король вельми яростенъ, обѣщаетъ посламъ учинить великое безчестіе и указалъ ихъ отпустить назадъ до французскаго рубежа, до города Дюнкерка. Долгорукій сказалъ на это, что не только королевскій гнѣвъ, но и самая смерть не можетъ ихъ принудить взять грамоту у себя на дворѣ. Людовикъ прислалъ подарки—послы ихъ не приняли. Мастеръ церемоній говорилъ посламъ, что если они не примутъ даровъ, то король велитъ покласть ихъ въ возы силою; послы отвѣчали, что они не только даровъ, но и возовъ тѣхъ при себѣ никогда имѣть не будутъ: „Королевскій гнѣвъ страшенъ намъ по винѣ“, говорилъ Долгорукій, „а безъ вины вовсе не страшенъ; должны мы прежде всего взирать на повелѣніе государей своихъ“. Французы уступили, объявили посламъ, что министръ иностранныхъ дѣлъ опять будетъ имѣть съ ними разговоръ, только не въ Парижѣ, а въ С.-Дени, и потомъ король приметъ ихъ въ Версали. Послы переѣхали въ С.-Дени и здѣсь, 22 августа, имѣли разговоръ съ министромъ. Послы предложили, чтобъ и Французскій король вступилъ въ союзъ противъ Турокъ, по призыву Самого Спасителя: „Идѣже два или тріе во имя Мое собрани, ту и Азъ посредѣ“.

Министръ отвѣчалъ: „Государь мой съ ихъ царскимъ величествомъ въ братской дружбѣ и любви быть желаетъ, за союзъ противъ врага Креста Святаго благодарствуетъ и желаетъ всѣмъ христіанскимъ союзникамъ побѣды; только приказалъ его королевское величество объявить вамъ свое намѣреніе, что ему теперь въ союзъ съ христіанскими государями вступить невозможно, ибо король знаетъ изъ газетъ, что христіанскія войска уже одержали побѣду надъ непріятелемъ, и если теперь королю вступить въ союзъ и войска противъ Турокъ послать, то ему послѣдняя будетъ слава. Государь нашъ, монархъ великій, ищетъ коронѣ своей собственной славы, чтобъ его войска находились не подъ инымъ чьимъ региментомъ, только подъ его. Да и для того король не можетъ вступить въ союзъ: въ прежніе годы онъ посылалъ свои войска на помощь Цесарю противъ Турокъ: только тѣмъ войскамъ отъ цесарскихъ войскъ было великое утѣсненіе, ставили его войска въ поляхъ въ худыхъ мѣстахъ, гдѣ, не только живности, и хлѣба достать было нельзя, а къ непріятельскимъ саблямъ посылали ихъ прежде себя; потери французскія войска потерпѣли страшныя, а славы не получили никакой,—вся слава досталась Цесарю, отъ котораго никакого воздаянія за то не было. Когда Турки приходили подъ Вѣну, король нашъ предлагалъ Цесарю войска на помощь, но Цесарь этой помощи принять не хотѣлъ, неизвѣстно по какой причинѣ. Венеціанамъ на помощь король посылалъ 8,000 войска, когда была война въ Кандіи и Мореѣ, но Венеціане эти войска въ битвахъ выдавали, и королю отъ того никакой славы не выросло. У Поляковъ войска мало, въ прошлую войну съ Турками много они своего войска потеряли; а у нашего короля войска много и можетъ онъ своею особою побѣду надъ Турками одержать. Между вашими государями и нашимъ разстояніе дальнее, войскомъ король никакъ имъ помочь не можетъ, да и безъ всякой помощи цари могутъ одержать побѣду“. Наконецъ министръ объявилъ прямо: „Королю нельзя приступить къ союзу потому, что между нимъ и Цесаремъ исконная, всегдашняя недружба, а съ султаномъ всегдашній миръ и крѣпкая дружба; подданные королевскіе, торговые люди, съ Турками имѣютъ великіе торговые промыслы, и если съ Турками разорвать, то Французской Землѣ будетъ разореніе Какой бы разумъ и славу король оказалъ на весь свѣтъ, еслибъ сталъ помогать недругу на друга: этого король никогда не сдѣлаетъ“.

— „Что лучше,“ возразили послы: „союзъ съ христіанами или миръ съ бусурманами? Королевскіе люди отъ войны съ Турками не разорятся, потому что подъ турецкимъ игомъ не находится столько торговыхъ людей бусурманъ, сколько христіанъ Грековъ. Турки отъ союза всѣхъ христіанскихъ государей обратятся въ бѣгство, христіане получатъ свободу отъ ихъ ига и будутъ имѣть свои торговые промыслы, отчего Французы получатъ больше прибыли, чѣмъ теперь отъ бусурманъ“.

— „Государь мой“, отвѣчалъ министръ, „служилъ государству своему много лѣтъ со всякою славою высокоразумными поступками; а теперь поступилъ бы не такъ разумно, еслибъ безъ всякой причины съ Турками миръ разорвалъ и помогъ тому, отъ кого впредь ожидаетъ государству своему всякой противности“.

Послы говорили, что если король не хочетъ вступить въ союзъ, то, по крайней мѣрѣ, не мѣшалъ бы союзникамъ. Министръ это обѣщалъ.

Послѣ этихъ разговоровъ послы ѣздили въ Версаль къ королю на отпускъ, но здѣсь новое затрудненіе—въ грамотѣ королевской царямъ было пропущено: „Великимъ государямъ“. Послы требовали, чтобъ грамота была переписана; имъ отказали подъ предлогомъ, что король никому такого титула не даетъ и самъ себя такъ не называетъ: послы не взяли ни грамоты, ни даровъ королевскихъ. Мастеры церемоній говорили, что королевскому величеству ни отъ кого въ томъ такихъ досадительствъ прежде не было. Приставъ и всѣ королевскіе люди съ посольскаго двора съѣхали. Послы жили въ С.-Дени на свои деньги, купили лошадей и сбирались ѣхать, какъ имъ было наказано, въ Испанію; послали къ министру, чтобъ выхлопоталъ у короля имъ пропускъ черезъ Францію. Пришелъ отвѣтъ: король отпускаетъ на свои деньги въ Гавръ, а оттуда велитъ отвезти на военномъ кораблѣ до испанскаго города Савостьянова (С.-Себастіанъ), а сухимъ путемъ ѣхать не позволяетъ. По прибытіи въ Гавръ, послы узнали, зачѣмъ назначена была имъ эта дорога: имъ предложили принять дары королевскіе; если же не примутъ, то въ Испанію ихъ не повезутъ, а пусть остаются одни въ Гаврѣ, какъ хотятъ Послы приняли подарки.

Легко понять, какое впечатлѣніе произведено было на Московскій Дворъ донесеніемъ Долгорукаго, и вотъ послѣ того являются въ Москву два французскихъ іезуита, Авриль и Боволье, съ грамотою отъ Людовика XIV-го, въ которой тотъ проситъ высочайшихъ, превосходительнѣйшихъ, державнѣйшихъ и великодушнѣйшихъ князей, Іоанна и Петра Алексѣевичей, пропустить іезуитовъ чрезъ Россію въ Китай. Голицынъ принялъ іезуитовъ очень хорошо, далъ имъ понять, что еслибъ отъ него зависѣло, то желаніе великаго короля было бы исполнено, но... Вслѣдствіе этого „но", 31 января 1688 года іезуитовъ призвали въ Посольскій Приказъ и объявили волю великихъ государей: „Королевское величество Французскій въ грамотѣ своей, которую вы объявили, писалъ противно и необыкновенно, и для того великіе государи этой грамоты принять у васъ и чрезъ города Великороссійскаго царства въ Китай пропускать васъ не указали, а указали грамоту отдать вамъ назадъ и отпустить въ свою сторону тою же дорогою, какою вы пріѣхали. Да и для того великіе государи васъ пропустить не указали: когда у короля вашего были царскіе послы, тогда государь вашъ во время посольства ихъ показалъ многую противность съ безчестіемъ на сторону ихъ царскаго величества".

Въ Испаніи Долгорукій встрѣтилъ почетный пріемъ, увѣренія, что король находится въ постоянномъ союзѣ съ императоромъ, помогаетъ ему казною и войскомъ.—По незнанію состоянія Европейскихъ державъ и отношеній между ними, посламъ было наказано пригласить Французскаго короля къ союзу съ императоромъ противъ Турокъ, а у Испанскаго короля попросить въ-займы милліона два или три ефимковъ! Отвѣтъ былъ, что, за великими расходами и оскудѣніемъ казны, дать денегъ никакъ нельзя [1]).

Сближаясь съ Западомъ, вступая въ священный союзъ христіанскихъ державъ противъ невѣрныхъ, чтобъ окончательно стряхнуть позорные остатки Татарскаго ига, спѣшили, разумѣется, прекратить столкновенія на отдаленномъ Востокѣ,—столкновенія съ Китайцами, происшедшія вслѣдствіе занятія казаками странъ Приамурскихъ, которыя богдыханъ считалъ своими. Прекратить эти столкновенія было необходимо и потому, что государство не имѣло никакой возможности посылать значительныя рати за Камень, въ невѣдомыя страны, а казацкіе отряды, способные принуждать къ ясаку малочисленные, разбросанно живущіе роды сибирскихъ туземцевъ, оказывались несостоятельными предъ многочисленными ополченіями Срединнаго государства.

Албазинскіе казаки поставили городки по Амуру, ходили на промыслы, били китайскихъ данниковъ, брали съ нихъ ясакъ. Китайцы писали къ Албазинскому воеводѣ Алексѣю Толбузину, чтобъ онъ вышелъ изъ Албазина въ свою Землю, въ Нерчинскъ: пусть Русскіе промышляютъ соболей и другихъ звѣрей въ своихъ мѣстахъ, около Нерчинска, а по Амуру внизъ не ходятъ. Толбузинъ, разумѣется, не послушался. Въ 1685 году 12 іюля явилось подъ Албазинъ большое китайское войско и взяло городъ; Толбузинъ со всѣми людьми былъ отпущенъ по договору. Китайцы ушли, не снявши хлѣба; чтобъ снять его, Нерчинскій воевода Власовъ отправилъ опять Толбузина съ Албазинцами, велѣлъ имъ сдѣлать хотя малую крѣпость, гдѣ пристойно, изъ-за этой крѣпости снимать хлѣбъ съ полей, и, снявши хлѣбъ, поставить въ удобномъ мѣстѣ новый острогъ или городъ ниже стараго Албазина, чтобъ непріятелю было не въ уступку. Толбузинъ снялъ хлѣбъ и возобновилъ старый Албазинъ. Въ іюнѣ 1686 года городъ былъ достроенъ, а въ іюлѣ уже опять пришли къ нему Китайцы, въ числѣ 5,000 съ сорока пушками. Защитниковъ было не болѣе 1,000 человѣкъ. Воевода Толбузинъ былъ раненъ пушечнымъ ядромъ и отъ ранъ умеръ. Въ это время шелъ туда изъ Москвы—окольничій Ѳедоръ Головинъ съ войскомъ, но вмѣстѣ и въ значеніи великаго полномочнаго посла. Въ Пекинъ отправлены были гонцы извѣстить Китайское правительство о приближеніи Головина. Узнавши объ этомъ, богдыханъ послалъ своимъ воеводамъ приказъ не приступать болѣе къ Албазину, а весною 1687 года, боясь прихода Головина съ войскомъ, Китайцы отошли отъ Албазина внизъ по Амуру версты съ четыре, и албазинскимъ сидѣльцамъ, которыми по смерти Толбузина начальствовалъ казачій голова Аѳанасій Байтонъ, открылась возможность ходить вверхъ по Амуру; тридцатаго же августа Китайцы отступили совершенно отъ Албазина къ устью рѣки Зіи.

10 октября Головинъ получилъ изъ Москвы статьи, по которымъ онъ долженъ былъ вести мирные переговоры съ Китайцами: 1) Настаивать, чтобъ между Русскими и Китайскими владѣніями границею была написана рѣка Амуръ; если Китайцы не согласятся, то постановить границу рѣкою Амуромъ по рѣку Быструю или Зію. 2) Если и на это не согласятся, домогаться всячески, чтобъ быть границею Албазину. 3) Если и этого не захотятъ, согласиться, чтобъ въ Албазинѣ острогу и поселенію съ обѣихъ сторонъ, Русской и Китайской, не быть, нынѣшнее строеніе снесть и ратныхъ людей вывесть, чтобъ впередъ у албазинскихъ жителей съ богдыханскими подданными ссоръ не было, но чтобъ русскіе промышленные и служилые люди могли свободно промышлять въ албазинскихъ мѣстахъ, также по рѣкамъ Быстрой и Зіи. Настаивать на эту статью, и если будетъ надобно, то дать китайскимъ уполномоченнымъ государева жалованья, только тайно, съ прилежнымъ разсмотрѣніемъ, чтобъ не было къ умаленію чести великихъ государей. 4) Если и на это не согласятся, то отложить заключеніе мира до другого времени, и постановить, чтобъ до окончанія переговоровъ Русскіе люди свободно промышляли въ означенныхъ мѣ-

---

[1]) Пол. Собр. Зак. II, № 1326, 1330, 1331; Москов. Архивъ Минист. Ин. Д. Дѣла Французскія означенныхъ годовъ.

стахъ. 5) Говорить съ китайскими уполномоченными пространными и любовными разговорами, приводя ихъ къ тому, чтобъ договоръ постановить по первой статьѣ, по нуждѣ—по второй, а по самой конечной мѣрѣ—по третьей, а войны и кровопролитія, кромѣ самой явной отъ нихъ недружбы и наглаго наступленія, отнюдь не начинать. 6) Развѣдать подлинно и разсмотрѣть, каковы Китайскіе люди къ войнѣ, какой у нихъ бой, въ какомъ числѣ, какимъ ополченіемъ и строемъ ходятъ, и воинскіе промыслы чинятъ полевыми-ль боями или водяными путями или приступами и осадами городовъ и крѣпостей, и къ чему больше охочи и привычны, и на какой народъ въ воинскихъ поведеніяхъ похожи.

Только 9 августа 1689 года добрался Головинъ до Нерчинска, подъ которымъ уже стояли китайскіе великіе послы. Для посольскихъ съѣздовъ разбиты были наметы въ полѣ; разбивалъ ихъ сынъ боярскій **Демьянъ Многогрѣшный**, бывшій гетманъ войска Запорожскаго. Для уговоровъ, какъ производить съѣзды, явились къ Головину два посланца отъ китайскихъ пословъ. Посланцы были въ китайскомъ платьи, китайскихъ шапкахъ, съ бритыми головами, съ косами, поклонились по-китайски, но стали спрашивать, нѣтъ ли при послѣ толмача, знающаго латинскій языкъ, они стали бы говорить по-латыни; переводчикъ нашелся. Оказалось, что посланцы были отцы-іезуиты, одинъ Испанецъ Перейра, другой Французъ Жербильонъ; они просили извиненія у Головина, что поклонились по-китайски, а не такъ, какъ водится у христіанскихъ народовъ; что-жъ дѣлать!—находятся они въ китайской службѣ,—и теперь съ ними пріѣхалъ Китаецъ:—чтобъ не возбудить подозрѣнія европейскимъ поклономъ!

Въ одно время съ китайскими послами подъѣхалъ Головинъ къ наметамъ, въ одно время съ ними вошелъ въ наметы. Русскіе сѣли въ кресла, Китайцы, поджавъ ноги, помѣстились на широкой скамьѣ, покрытой войлоками; іезуитовъ посадили поодаль на малой скамьѣ; переговоры велись на латинскомъ языкѣ.

Головинъ началъ жалобою, что Китайское правительство, не обославшись, начало войну; требовалъ, чтобъ теперь все было успокоено, взятое возвращено. Китайцы отвѣчали, что русскіе казаки, Хабаровъ съ товарищами, пришли въ Китайскую Землю, построили Албазинъ и въ продолженіи многихъ лѣтъ дѣлали китайскимъ ясачнымъ людямъ нестерпимое насиліе. Богдыханъ послалъ войско, которое взяло Албазинъ, но воеводу Толбузина отпустили, потому что онъ обѣщался назадъ не приходить, новаго города не строить, ссоръ и задоровъ не заводить. Обѣщаніе не было исполнено. Богдыханъ опять послалъ войско подъ Албазинъ, но, какъ скоро узналъ о приближеніи великаго посла для мирныхъ переговоровъ, велѣлъ войску отойти отъ Албазина; а земля, на которой построенъ Албазинъ и вся Даурская страна, принадлежитъ Китаю. Головинъ возражалъ, что если были какія-нибудь обиды со стороны Русскихъ людей, то богдыхану слѣдовало дать знать о нихъ великимъ государямъ, какъ ведется у всѣхъ народовъ, а не начинать прямо войну. Земля, гдѣ построены Нерчинскъ, Албазинъ и другіе острожки, никогда во владѣніи богдыхана не бывали; жившіе на той землѣ ясачные люди платили ясакъ въ сторону царскаго величества, и если когда-нибудь въ древнія времена и платили они ясакъ богдыхану, такъ дѣлали они это поневолѣ, потому что тѣ мѣста были тогда отъ русскихъ городовъ въ дальнемъ разстояніи; а когда царскаго величества подданные построили въ тѣхъ мѣстахъ Нерчинскъ, Албазинъ и другіе острожки,—тогда даурскіе жители попрежнему начали платить ясакъ въ сторону царскаго величества.

Китайцы утверждали, что по рѣку Амуръ Русскіе никогда не владѣли; что вся страна по сю сторону Байкала-моря принадлежитъ богдыхану, ибо она принадлежитъ Мунгальскому хану, а Мунгальцы—всѣ издавна подданные китайскіе. Наконецъ дѣло дошло до точнѣйшаго опредѣленія границъ. Головинъ объявилъ, что границею должна быть рѣка Амуръ до самаго моря: лѣвой сторонѣ быть подъ властію царскаго величества, а правой—богдыханова. Китайцы возражали, что рѣка Амуръ во владѣніи богдыхана отъ самыхъ временъ Александра Македонскаго. Головинъ отвѣчалъ, что объ этомъ хрониками разыскивать долго, а послѣ Александра Великаго многія земли раздѣлились подъ державы многихъ государствъ. Китайцы, оставя Александра Македонскаго, предлагали границу до Байкала и упорно стояли при ней, грозя приходомъ своихъ ратныхъ людей подъ Албазинъ. Головинъ замѣтилъ имъ, что при посольскихъ съѣздахъ не обычай грозить войною, а если они хотятъ войны, то пусть объявятъ прямо. Это велѣлъ онъ перевести на мунгальскій языкъ, заподозривъ іезуитовъ, что они, переводя съ латинскаго на китайскій, многія слова прибавляютъ отъ себя. Подозрѣніе подтвердилось, когда Китайцы отвѣчали, что они велѣли іезуитамъ говорить только о границѣ, а не о войскахъ. Но и на мунгальскомъ языкѣ Китайцы стояли крѣпко за границу по Байкалъ; Головинъ долженъ былъ предложить имъ границу по рѣку Быструю; Китайцы предложили границу по Нерчинскъ: лѣвой сторонѣ, идя внизъ по рѣкѣ Шилкѣ къ Нерчинску, быть за царями, а правой сторонѣ до рѣки Онона и рѣкѣ Онону—быть за богдыханомъ по рѣку Ингоду. Китайцы на этомъ остановились и начали толковать о прекращеніи переговоровъ. Головинъ предложилъ границу по рѣку Зію. Китайцы, посмѣявшись между собою, отвѣчали, что они на такую границу согласиться не могутъ. На переговоры было употреблено два съѣзда, послѣ чего Китайцы велѣли снять свои наметы съ съѣзжаго мѣста, объявляя, что больше съѣзжаться не станутъ, потому что больше уступить ничего не могутъ. Но это была только угроза: въ Нерчинскъ пріѣхали іезуиты съ вопросомъ, какая будетъ повая уступка со стороны Головина; тотъ отвѣчалъ, что никакой. Іезуиты тайно говорили толмачу Андрею Бѣлободскому, чтобъ Головинъ немедленно объявилъ о своей послѣдней мѣрѣ; „Мы", говорили іезуиты, „приводимъ Китайцевъ ко всякой склонности, а то они обычаевъ политичныхъ государствъ не знаютъ и къ войнѣ склонность немалую имѣютъ, и поставить границу по рѣку Зію никогда не согласятся". Бѣлободскій отвѣчалъ, по приказу Головина, что за ихъ радѣніе милость великихъ государей имъ будетъ, а войны Русскіе не боятся.

Въ это время Головину дали знать, что китайскіе послы сносятся съ окрестными Бурятами, и тѣ хотятъ измѣнить великимъ государямъ, согласясь съ Китайцами, учинить надъ Нерчинскомъ воинскій промыселъ. Пріѣхали опять іезуиты и предложили уступку со стороны китайскихъ пословъ: быть рубежу внизъ по рѣкѣ Шилкѣ, по рѣку Черную; правая сторона останется за Китайцами, лѣвая—за Русскими, а отъ Нерчинска до рѣки Черной ходу семь дней. Головинъ отвѣчалъ, что ниже Черной рѣки по обоимъ берегамъ Шилки построены русскіе острожки, которыхъ уступить нельзя; Албазинъ стоитъ ниже Черной, отъ него до этой рѣки будетъ также дней семь или больше ходу. Іезуиты объявили, что богдыханъ наказалъ своимъ посламъ никакъ не оставлять Албазина въ русской сторонѣ, объ этомъ и помину быть не можетъ; есть тамъ еще Аргунскій острогъ, но въ немъ большаго поселенія нѣтъ, и потому Русскимъ нетрудно уступить его въ богдыханову сторону. Головинъ отправилъ къ китайскимъ посламъ Бѣлободскаго съ чертежемъ, чтобъ Китайцы показали на немъ границу, только не рѣку Черную. Китайцы отвѣчали, что, кромѣ рѣки Черной, другой границы они постановить не могутъ. Бѣлободскій, по возвращеніи, донесъ Головину, что Китайцы изъ обоза перебираются на суда. Но пріѣхали іезуиты съ новымъ предложеніемъ: быть границѣ по рѣкѣ Горбицѣ на пути между Нерчинскомъ и Албазинымъ. Іезуиты объявили тайно, что это уже послѣдняя мѣра.

Вслѣдъ за тѣмъ Головину дали знать, что ясачные Буряты и Онкоты безпрестанно ссылаются съ китайскими послами, чтобъ быть имъ подъ властію богдыхана; китайскіе послы объявили имъ, что въ то время, какъ Китайцы пойдутъ за Шилку къ Нерчинску, Буряты и Онкоты должны отогнать изъ-подъ города конскіе табуны и рогатый скотъ. Головинъ, „видя соглашеніе китайскихъ пословъ съ измѣнниками и великое упорство въ опредѣленіи границъ; боясь, чтобъ Китайцы, по объявленіи войны, не побрали всѣхъ ясачныхъ иноземцевъ въ свое владѣніе и не разорили Даурской Земли",—отправилъ къ Китайцамъ опять Бѣлободскаго съ предложеніемъ границы по Албазинъ, и промыслы имѣть въ Зійскихъ мѣстахъ сообща. Китайцы не согласились, а предложили постановить границею рѣку Аргунь, Албазинъ долженъ отойти въ китайскую сторону, а люди изъ него съ оружіемъ и запасами выйдутъ свободно. Головину дали знать, что многія бусы перешли отъ китайскаго табора и начали ставиться на ключахъ ниже Нерчинска. Головинъ, видя, что Китайцы начали дѣлать приготовленія къ войнѣ, боясь, чтобъ не разорили съ измѣнниками Нерчинскаго уѣзда и не взяли въ свое владѣніе всѣхъ ясачныхъ Тунгусовъ, юртъ съ 400, жившихъ вверхъ по рѣкѣ Нерчѣ, опять послалъ Бѣлободскаго объявить Китайцамъ, что соглашается: постановить границу на томъ мѣстѣ, гдѣ построенъ Албазинъ; въ Албазинѣ городу и поселенію никакому не быть съ обѣихъ сторонъ, нынѣшнее строеніе разорить и ратныхъ людей вывесть. Китайцы не согласились, говоря, что своевольники Русскіе люди соберутся и построятъ хотя и не въ томъ самомъ мѣстѣ, но близъ Албазина другія крѣпости и станутъ воровать попрежнему: и Албазинъ они построили, своровавши, безъ царскаго указа. Когда Бѣлободскій потребовалъ, чтобы послы не переманивали къ себѣ ясачныхъ людей, то Китайцы со смѣхомъ отвѣчали, что они ихъ не переманиваютъ, и пусть Головинъ самъ съ ними управится, велитъ своимъ ратнымъ людямъ смирить ихъ; Китайцы смѣялись, зная, что у Головина мало ратныхъ людей, а измѣнниковъ гораздо больше.

Вслѣдъ за этимъ китайскіе послы сѣли на бусы и поплыли внизъ по рѣкѣ Шилкѣ; вокругъ Нерчинска по горамъ появилось тысячи съ три вооруженныхъ Китайцевъ, которые стали съ знаменами противъ самаго города и на горахъ, въ полверстѣ отъ Нерчинска, поставили палатки и развели по полю караулы. Головинъ послалъ Бѣлободскаго спросить Китайцевъ—что это значитъ; а самъ съ стрѣлецкими полками вышелъ изъ города въ ожиданіи боя: засѣсть въ Нерчинскѣ было нельзя: острогъ былъ очень малъ и худъ, и къ воинскому промыслу безнадеженъ,—многія бревна погнили. Китайцы прислали съ Бѣлободскимъ послѣднюю мѣру: быть границею рѣкѣ Горбицѣ, которая впадаетъ въ рѣку Шилку близъ рѣки Черной, а съ другой стороны быть границѣ по рѣкѣ Аргунь и вверхъ Аргуни до рѣки Большаго Годзимура, которая впадаетъ съ лѣвой стороны; Аргунскій острогъ снесть, а на Аргуни никакихъ крѣпостей и поселеній не имѣть, Албазинъ разорить, а съ китайской стороны въ этомъ мѣстѣ никакого поселенія не будетъ. Бѣлободскій объявилъ Головину, что видѣлъ многихъ измѣнниковъ Бурятъ и Онкотъ: стоятъ вооруженные вмѣстѣ съ Китайцами на караулахъ.

Между тѣмъ Буряты и Онкоты все продолжали переправляться за рѣку, къ Китайцамъ. Боярскій сынъ Демьянъ Многогрѣшный съ отрядомъ отправленъ былъ уговаривать ихъ возвратиться подъ царскую державу; но они ни въ какіе переговоры не вступили и начали стрѣлять; Демьянъ вступилъ съ ними въ бой и взялъ въ плѣнъ трехъ человѣкъ большаго поиску надъ измѣнниками по малолюдству сдѣлать было нельзя, а между тѣмъ 2,000 вооруженныхъ измѣнниковъ стали вверхъ по Нерчѣ рѣкѣ версты за полторы отъ города подлѣ китайскихъ карауловъ, въ которыхъ число людей становилось все больше и больше, а китайскіе послы толковали, что они посольскимъ переговорамъ никакого препятствія не дѣлаютъ, караулы ставятъ для своей безопасности, до измѣнниковъ имъ дѣла нѣтъ, пусть съ ними Головинъ, какъ хочетъ, перевѣдывается; послѣднее продолжали говорить, пересмѣиваясь.

„Видя китайскихъ пословъ многое упорство, измѣну Бурятъ и Онкотъ; боясь, чтобъ по ихъ примѣру не измѣнили и Тунгусы и не разорили бы, по согласію съ Китайцами, всей Даурской Земли, не побрали бы всѣхъ ясачныхъ иноземцевъ, кочующихъ у Байкальскаго моря; усмотря совершенно склонность китайскихъ пословъ къ войнѣ; слыша отъ промышленныхъ и служилыхъ людей даурскихъ острожковъ, что между Албазинымъ и рѣкою Горбицею мало годныхъ земель къ поселенію, а промысловъ соболиныхъ и другихъ никогда въ тѣхъ мѣстахъ не бывало; желая рудокопное мѣсто, гдѣ сыскана серебряная руда, удерживать въ царской сторонѣ, также соленое озеро и многія пашенныя мѣста на той сторонѣ рѣки Аргуни“,—Головинъ 23 августа отправилъ Бѣлободскаго объявить китайскимъ посламъ, что соглашается постановить границею рѣку Горбицу и городъ Албазинъ разорить до основанія съ тѣмъ, чтобы на этомъ мѣстѣ не было никогда ни русскаго, ни китайскаго поселенія. А по правую сторону рѣки Шилки, съ Аргунскаго устья идучи до вершины, рѣкою Аргунею вверхъ—на правой сторонѣ землѣ содержаться въ сторонѣ царскаго величества; а лѣвой сторонѣ—въ сторонѣ богдыхановой.

Китайцы согласились и прислали къ Головину іезуитовъ для окончательныхъ договоровъ; но тутъ открылись новыя затрудненія. Головинъ опредѣлялъ границу такимъ образомъ: отъ рѣки Горбицы съ вершины до самого моря прямо Камнемъ, который лежитъ подлѣ рѣки Амура; изъ того Камня покати къ рѣкѣ Амуру и рѣки, которыя впадаютъ въ Амуръ, отходятъ въ сторону богдыхана; а на другой сторонѣ того же Камня покати и рѣки, которыя лежатъ къ полночной сторонѣ, отходятъ въ сторону царскаго величества. Іезуиты объявили, что китайскіе послы на это никакъ не согласятся. Уѣзжая отъ Головина, іезуиты отдали тайно Бѣлободскому письмо на французскомъ языкѣ: они просили Головина прислать имъ соболей, горностаевъ, лисицъ черныхъ на шапки, вина добраго, куръ, масла коровья. Головинъ послалъ сорокъ соболей на 80 рублей, сто горностаевъ на 10 рублей, лисицу чернобурую въ 10 рублей—это изъ царской казны, да отъ себя Головинъ послалъ лисицу черную въ 15 рублей, сорокъ горностаевъ въ 4 рубля, полпуда масла коровья, 15 куръ, ведро вина горячаго. Іезуиты отдарили двумя готоваленками, въ которыхъ было по ножу, по ножницамъ и по размѣрцу, цѣною по 10 алтынъ; двумя портретами Французскаго короля на бумажныхъ листахъ и книгою (книгу Французскаго короля Версаліи напечатанную).

Головинъ настаивалъ, чтобъ написать границу по договору, а спорныя мѣста близъ моря у Амурскаго устья оставить безъ опредѣленія по рѣку Удь до другого болѣе удобнаго времени, ибо мѣстность у Амурскихъ устьевъ ему неизвѣстна. Китайцы настаивали, чтобъ положить границу отъ вершины рѣки Горбицы прямо Камнемъ до моря, до мѣста, называемаго Святой Носъ. Такъ же не хотѣли писать въ договорѣ, чтобъ въ Албазинѣ не было никакого строенія, на томъ основаніи, что это дѣло незначительное. Наконецъ Китайцы уступили въ первомъ пунктѣ, Русскіе во второмъ; написали договоръ, гдѣ опредѣлили границы такъ: „Рѣка, именемъ Горбица, которая впадаетъ, идучи внизъ, въ рѣку Шилку съ лѣвой стороны близь рѣки Черной рубежъ между обоими государствы постановить такожде отъ вершины тое рѣки каменными горами, которые начинаются отъ той вершины рѣки и по самымъ тѣхъ горъ вершинамъ даже до моря протяженными обоихъ государствъ державу тако раздѣлить, яко всѣмъ рѣкамъ малымъ или великимъ, которые съ полдневные стороны съ сихъ горъ впадаютъ въ рѣку Амуръ быти подъ владѣніемъ Хинскаго государства такожде всѣмъ рѣкамъ, которыя съ другія стороны тѣхъ горъ идутъ, тѣмъ быти подъ державою царскаго величества Россійскаго государства, прочіежъ рѣки которыя лежатъ всрединѣ межъ рѣкою Удью подъ Россійскаго государства владѣніемъ и межъ ограниченными горами, которые содержатся близь Амура владѣнія Хинскаго государства и впадаютъ въ море и всякія земли посреди сущія межъ тою вышеупомянутою рѣкою Удью и межъ горами, которые до границы подлежатъ, не ограничены нынѣ да пребываютъ, понеже на оныя земли разграниченіе великіе и полномочные послы не имѣюще указа царскаго величества отлагаютъ не ограничены до иного благополучнаго времени. Такожде рѣка реченная Аргунь, которая въ рѣку Амуръ впадаетъ, границу постановить тако яко всѣмъ землямъ, которые суть съ стороны лѣвые идучи тою рѣкою до самыхъ вершинъ подъ владѣніемъ Хинскаго хана да содержитца правая сторона, такожде всѣ земли да содержатца въ сторонѣ царскаго величества Россійскаго государства и все строеніе съ полдневые стороны той рѣки Аргуни снесть на другую сторону тое жъ рѣки Городъ Албазинъ который построенъ былъ съ стороны царскаго величества разорить до основанія и тамо пребывающіе люди со всѣми при нихъ будущими, воинскими и иными припасы да изведены будутъ въ сторону царскаго величества“.

Внутри государства важныя преобразованія, замышлявшіяся при царѣ Ѳеодорѣ, были остановлены смутою, начавшеюся тотчасъ послѣ его смерти. Мы видѣли, что въ концѣ царствованія Ѳеодора были вызваны въ Москву выборные со всего государства, два человѣка съ каждаго города, для разборовъ и уравненія всякихъ службъ и податей. Тотчасъ по смерти Ѳеодора этихъ двойниковъ распустили по домамъ, и отъ имени Петра разослали грамоты къ воеводамъ: „Указали мы всѣхъ двойниковъ отпустить по домамъ; а имъ, пріѣхавъ, въ тѣхъ городахъ и пригородахъ, въ уѣздахъ, во всѣхъ слободахъ и въ волостяхъ и въ селахъ, съ земскими старостами и иныхъ чиновъ съ тамошними жилецкими людьми, въ таможни и на кружечные дворы и къ инымъ сборамъ нашей казны выбрать между собою въ головы и въларешные цѣловальники, изъ какихъ чиновъ напередъ сего у тѣхъ сборовъ бывали и нынѣ сбираютъ, самыхъ добрыхъ и правдивыхъ людей; а ты бы (воевода) въ тѣхъ выборахъ всякое имъ вспоможеніе чинилъ, а ни для чего въ тѣ выборы тебѣ не вступаться и помѣшки имъ не чинить" [1]. Къ чему повелъ вызовъ двойниковъ, съ какими наказами они возвратились,— не знаемъ. Видимъ въ грамотахъ прибавку, чтобъ воевода не вступался въ выборы и не дѣлалъ имъ препятствій; но мы знаемъ, что уже давно воеводамъ запрещено было вступаться въ выборы; повтореніе запрета показываетъ, что воеводы не обращали на него надлежащаго вниманія. Жители Вятской области выпросили у царя Алексѣя право во всѣхъ своихъ городахъ имѣть подъячихъ по мірскимъ выборамъ; но въ іюнѣ 1682 года прислали челобитную: „Вопреки царскому повелѣнію сидятъ у насъ подъячіе безъ мірскихъ выборовъ, по подписнымъ челобитнымъ и по накупамъ чинятъ намъ налоги и утѣсненіе, отъ письма берутъ лишнія взятки, и отъ тѣхъ ихъ налоговъ и лишнихъ взятокъ разорились мы въ-конецъ напрасно и Вятскіе уѣзды пустѣютъ". Государи, разумѣется, велѣли быть подъячимъ по мірскимъ выборамъ. Дѣло о крестьянахъ, дворовыхъ людяхъ и закладчикахъ, которые поселились въ городахъ для промысловъ, тянулось. Мы видѣли, что по Уложенью всѣ они были закрѣплены за городами тянуть вмѣстѣ съ посадскими людьми. Но послѣ Уложенья подобные люди, отбывая крѣпостной зависимости, уходятъ отъ помѣщиковъ и вотчинниковъ въ города, занимаются здѣсь промыслами и тянутъ вмѣстѣ съ посадскими людьми. Происходитъ новое столкновеніе интересовъ: помѣщики и вотчинники требуютъ бѣглецовъ назадъ; посадскіе люди бьютъ челомъ великому государю, чтобъ ихъ не отдавать, потому что безъ нихъ тяжело будетъ тянуть, подати не будутъ уплачиваемы. Страшная угроза для правительства, и правительство оттягиваетъ бѣглецовъ. Царь Алексѣй Михайловичъ указомъ 1655 года не велѣлъ отдавать ихъ прежнимъ владѣльцамъ. Правительница Софія 17 декабря 1684 г. указала: тѣхъ людей, которые живутъ въ посадахъ и слободахъ по торговымъ и рукодѣльнымъ промысламъ и по женитьбамъ, женившись на посадскихъ тяглыхъ вдовахъ и дѣвкахъ, и по посадскимъ дворамъ и по градскому житью, и которые написаны въ переписныхъ книгахъ 1678 года, и которые въ тѣхъ книгахъ не написаны для отъѣздовъ торговыхъ и ремесленныхъ промысловъ, а иные пришли послѣ переписныхъ книгъ,—и тѣмъ пришлымъ людямъ жить въ посадахъ безповоротно и тягло всякое платить, службы служить съ посадскими людьми, а помѣщикамъ и вотчинникамъ и всякихъ чиновъ людямъ ихъ въ крестьянство и холопство не отдавать, а которые крестьяне придутъ послѣ указа 17 декабря 1684 года,—тѣхъ искать судомъ [2].

Уѣзды не переставали пустѣть; въ Москву доносили: „Мимо Верхотурья и Верхотурскаго и Тобольскаго уѣздовъ, черезъ слободы изъ русскихъ и изъ поморскихъ городовъ бѣглыхъ крестьянъ съ женами и дѣтьми прошло многое число" [3]. Бѣжитъ крестьянинъ подальше за Камень, чтобъ не сыскали, потому что бѣгство—единственное средство спасенія отъ насилій сильнаго; вступая въ крестьянство, онъ далъ на себя запись, гдѣ выговорены всѣ его обязанности и не выговорено никакого обезпеченія противъ обидъ господина; вотъ эта запись: „Я Иванъ Кондратьевъ сынъ Большаковъ далъ на себя сію ссудную запись стольнику Ив. Григор. Неронову, взялъ я, Иванъ, у него на ссуду денегъ 10 рублевъ, и на тѣ ссудныя деньги мнѣ завесть всякій крестьянскій заводъ, и съ тѣмъ заводомъ жить мнѣ за нимъ, государемъ своимъ, въ крестьянствѣ, гдѣ онъ, государь, укажетъ, а буде жить не стану и всякаго завода не заведу и изъ-за него куда сбѣгу, и ему взять тѣ свои ссудныя деньги на мнѣ, а крестьянство и впредь крестьянство, и вольно ему меня продать и заложить и самому владѣть". Негодяи пользовались довѣрчивостію крестьянъ, чтобъ поднимать ихъ противъ крѣпостной зависимости. Въ сентябрѣ 1682 года, въ Бѣлгородскомъ уѣздѣ, въ вотчинѣ митрополита Бѣлгородскаго, въ селѣ Новой Слободкѣ съ деревнями, крестьяне чинили между собою совѣты, и въ колокола на бунтъ били, и въ круги сходились и бѣлгородскаго пристава, который посыланъ былъ за ними, били и вязали, и наказную память отняли, къ митрополичью двору приходили, посельскаго старца и домовыхъ людей побить хотѣли; изъ Бѣлагорода посыланы за ними начальные люди съ стрѣльцами, и они имъ взять не дались. Пятеро крестьянъ пріѣхали въ Москву съ челобитьемъ, чтобъ имъ за митрополитомъ въ крестьянствѣ не быть; ихъ здѣсь схватили и послали въ Курскъ для розыску. Оказалось, что Бѣлгородецъ Ѳедька Озеровъ, пріѣхавъ изъ Москвы, научалъ крестьянъ бить челомъ о свободѣ и просилъ съ нихъ 20 рублей, говорилъ: станетъ имъ всего небольшое, по гривнѣ съ двора, и нынѣ на Москвѣ время, отъ крестьянства васъ отставятъ; а у него, Ѳедора, въ Москвѣ, въ патріаршемъ разрядѣ дядя дьякъ Анисимъ Озеровъ, ту ихъ челобитную донесетъ до великихъ государей, и то дѣло сдѣлаетъ. Озеровъ и митрополичій крестьянинъ Трошка Чепурный, болѣе другихъ принимавшій участіе въ бунтѣ, повѣшены; другіе бунтовщики, всего 27 человѣкъ, биты кнутомъ на козлѣ и въ проводку нещадно, и отосланы къ митрополиту въ крестьянство попрежнему.

---

[1] Акты истор. V, № 83. Гарелина – старинные акты города Шуи, № 154.

[2] Акты историч. V, № 88; Приказныя дѣла Москов. Арх. Мин. Ин. Д. 1692 г. мая 20.

[3] Полн. Собр. Зак. II, № 1030.

По старой печальной пословицѣ, когда волки дрались, съ овецъ шерсть летѣла. Бояринъ Петръ Васильевичъ Шереметьевъ жилъ не въ ладахъ съ княземъ В. В. Голицынымъ, и управители дворцовыхъ волостей позволяли себѣ все съ крестьянами Шереметева: дворцоваго села Дунилова воевода Шишкинъ съ головою таможеннаго и кружечнаго двора, со всѣми крестьянами и солдатами, съ бердышами, топорками, дубинами и копьями, ворвался въ Шереметевское село Горицы на богомольную ярмарку на праздникъ Рождества Богородицы; что на боярскомъ дворѣ боярской сборной казны было,—все грабежомъ побралъ безъ остатку, а крестьянъ били, увѣчили, что на комъ было денегъ и одежи, все взяли. Горицкіе крестьяне, разумѣется, били челомъ на насильниковъ, но по Россіи ходила также пословица, что „на Москвѣ дѣла даромъ не дѣлаютъ“.

Пріѣхалъ въ 1683 году въ Москву слуга Прилуцкаго монастыря по дѣламъ въ Стрѣлецкомъ Приказѣ и внесъ въ роспись расходовъ: дьяку несено деньгами 10 рублевъ, пирогъ, голова сахару, семга, гребень рѣзной, полпуда свѣчъ маковыхъ, два ведра рыжиковъ, людямъ его два алтына. Старому подъячему деньгами 28 рублевъ, пирогъ, ведро рыжиковъ, людямъ его четыре деньги. Молодому подъячему деньгами три рубля; да ему-жъ съ дьячимъ племянникомъ въ погребѣ выпоено церковнаго вина на семь алтынъ. Въ Приказѣ Большія Казны старому подъячему отъ справы, отъ памяти, что отпустилъ въ Стрѣлецкій Приказъ, несено пирогъ да семга. Молодому отъ письма отъ памяти десять денегъ[1]).

Гдѣ дѣло идетъ объ отношеніяхъ между сильнымъ и слабымъ, встрѣтите то же, что и въ крестьянской записи. Дѣвочка-сиротка живетъ у замужней сестры; тяжело содержать лишняго человѣка, и вотъ старшая сестра и мужъ ея отдаютъ дѣвочку въ услуженіе чужому человѣку; пишется запись, въ которой предусмотрительные и нѣжные родственники выговариваютъ, чтобъ чужой человѣкъ не только содержалъ дѣвочку за ея работу, но и устроилъ ея судьбу съ ея согласія: „Я такой-то и жена моя отдали, я—свою свояченицу, а она—свою сестру дѣвицу, такому-то жить во дворѣ его до возраста: а какъ она будетъ на возрастѣ, и ему дать ей приданаго по силѣ и выдать замужъ за вольнаго человѣка или за кого она похочетъ. А живя, ей слушать и почитать и всякую работу работать домашнюю, вести себя хорошо, а ему ее кормить, одѣвать и обувать[2])“. Ей—вести себя хорошо, а ему—только кормить, одѣвать и обувать; вести себя хорошо въ отношеніи къ ней—этого не считали нужнымъ выговаривать.

Предъ нами продолжаетъ развертываться прежняя картина юнаго общества, не выработавшаго сдержекъ для сильныхъ людей. Сильные живутъ порознь, особѣ, и ведутъ войну другъ съ другомъ; правительство ведетъ кровавую борьбу съ ними, но гидра растетъ подъ ударами, мечъ притупляется, надобны другія средства.

Въ Калугѣ, къ съѣзжей избѣ пріѣзжаетъ помѣщица Марѳа Кишкина, привозитъ мертвое тѣло мужа своего, бьетъ челомъ: Въ деревню мою Чувашеву, на огородъ, пріѣхалъ сосѣдъ Иванъ Кондыревъ съ людьми своими и крестьянами, наряднымъ дѣломъ, и началъ ломать изгороду нашу и жечь; мужъ мой вышелъ и сталъ ему говорить, чтобъ не ломалъ и не жегъ, а онъ, Иванъ, убилъ его за это до смерти“. Тѣло осмотрѣли и записали; воевода послалъ за убійцею, чтобъ ѣхалъ въ Калугу; но Кондыревъ не поѣхалъ; не было у воеводы мочи сладить съ сильнымъ человѣкомъ. Вдова подождала, видитъ, что въ Калугѣ добиться ничего нельзя, взяла мертвое тѣло и повезла въ Москву въ Сыскной Приказъ. Здѣсь опять тѣло осмотрѣли, записали и дали управу. Свидѣтели показали, что самъ Кондыревъ Кишкина не билъ, били люди его. Кондырева били кнутомъ нещадно и сослали въ Сибирь съ женою, но не съ дѣтьми, одно помѣстье его отдано вдовѣ Кишкиной, другія оставлены дѣтямъ преступника[3]). За этимъ дѣломъ другое въ томъ же родѣ: поссорились также за землю два помѣщика—Левашевъ и Пущинъ; Пущинъ пожегъ у Левашева скирды ржи и сѣна; Левашевъ разсердился и послалъ сыновей своихъ и крестьянъ убить Пущина, что и было исполнено. Преступникъ потерялъ за это голову[4]). Поссорившись за землю, помѣщики бьютъ другъ друга; понятно, что они не спустятъ межевщикамъ, когда имъ покажется, что тѣ межуютъ не къ ихъ выгодѣ. Въ 1686 году пришла жалоба отъ межевщиковъ, что дѣти боярскія и казаки, помѣщичьи и вотчинниковы люди и крестьяне, скопясь многолюдствомъ, бунтомъ, со всякимъ оружіемъ на нихъ приходили, съ земли ихъ сбили, мѣрять не дали, верви поотнимали и разорвали, а иныхъ межевщиковъ и подъячихъ и людей ихъ били[5]). Правительство отправило дворянъ добрыхъ для розыску, виноватыхъ велѣно бить кнутомъ на козлѣ и въ проводку нещадно; по розыску наказанье чинено, и, несмотря на то, жалобы межевщиковъ не прекращаются.

Священникамъ попрежнему не было пощады отъ сильныхъ людей. Въ 1684 году Новгородскій митрополитъ Корнилій получилъ такую челобитную отъ помѣщиковъ Новоторжскаго уѣзда, прихожанъ церкви Иліи Пророка на прихожанина той же церкви Сверчкова, на сына его и племянниковъ: „У насъ въ приходѣ нашего священника Васильева онъ, Сверчковъ, съ сыномъ и племянникомъ отъ церкви Божіей сгоняетъ; племянникъ его прибилъ того нашего священника до крови, и оттого въ церкви Иліи Пророка службы не было многое время. Да сынъ его, Сверчкова, приведши того священника на паперть, раздѣвалъ дважды, хотѣлъ бить плетьми, да въ то же время дьячка и пономаря билъ плетьми до полусмерти, невѣдомо за что". Въ 1688 году священникъ Іаковъ изъ Арзамасскаго уѣзда объявилъ, что Иванъ Ржевскій звалъ его къ себѣ въ домъ пѣть молебна и обѣдать съ попадьею его. Прилучился тутъ Петръ Шадринъ; послѣ обѣда попадья его пошла домой, и на улицѣ люди Шадрина, по приказу господина своего, попадью его били и увѣчили до полусмерти; онъ вышелъ попадьи своей отнимать, и его били же и увѣчили. И, пришедши домой, попадья его отъ тѣхъ смертныхъ побой стала быть при смертномъ часѣ; онъ послалъ сына своего въ вотчину Михайла Аргамакова за попомъ Варѳоломеемъ, чтобъ онъ попадью его исповѣдалъ и причастилъ. Попъ Варѳоломей пріѣхалъ, а его, попа Іакова, въ то время дома не было, былъ у Петра Шадрина, и отъ него, Петра, пошелъ къ себѣ домой; въ то время выбѣжалъ на улицу съ Петрова двора Шадрина сынъ Ивана Ржевскаго Аѳанасій съ людьми своими, и его, попа Іакова, били и увѣчили и пошли къ нему на дворъ, а за ними пошелъ къ нему и Петръ Шадринъ съ людьми. Попъ Варѳоломей исповѣдывалъ въ клѣти попадью, и Аѳанасій Ржевскій, ухватя попа Варѳоломея за епитрахиль, изъ клѣти вытащилъ и началъ съ людьми своими и съ Петровыми бить и увѣчить, оставилъ чуть-жива, и Тайну Христову всю пролилъ подъ ноги и ногами потопталъ, а билъ Варѳоломея, приговаривалъ: „Ты попъ Михайла Аргамакова, почто къ намъ съ Дарами въ приходъ ѣздишь? Что было тебѣ, то будетъ и Петру Аргамакову съ сыномъ" [1]).

---

[1]) Акты, относящ. до юридич. быта, стр. 602; Столбцы приказнаго стола, 3476; Акты Гарелина, стр. 290, 302. Акты Юридич. стр. 398.

[2]) Акты, относ. до юридич. быта, стр. 705.

[3]) Архивъ Мин. Юстиціи; Столбцы приказнаго стола, № 2058.

[4]) Полн. Соб. Зак. II, № 1154.

[5]) Полн. Соб. Зак. II, № 1192.

Мы видѣли, какъ Русскіе люди страдали отъ разбойничества, для усиленія котораго было много благопріятныхъ условій; мы встрѣтили извѣстіе, что строитель пустыни участвовалъ въ разбойничествѣ; въ описываемое время встрѣчаемъ новое поразительное извѣстіе. Въ 1688 году князь Яковъ Лобановъ-Ростовскій да Иванъ Микулинъ ѣздили на разбой по Троицкой дорогѣ разбивать государевыхъ мужиковъ съ царскою казною; мужиковъ они разбили и казну взяли себѣ, двухъ человѣкъ убили до смерти. Про то ихъ воровство розыскивано, и по розыску князь Яковъ Лобановъ взятъ съ двора, привезенъ къ Красному крыльцу въ простыхъ санишкахъ, и учинено ему наказаніе: бить кнутомъ въ жилецкомъ подклѣтѣ, по упросу верховой боярыни и мамы княгини Анны Никифировны Лобановой, да отнято у него безповоротно 400 дворовъ крестьянскихъ, а человѣка его Калмыка да казначея за то воровство повѣсили; Микулинъ битъ кнутомъ на площади нещадно, сосланъ въ Сибирь, и отняты у него помѣстья и вотчины безповоротно [2]).

Встрѣчаемъ цѣлый рядъ извѣстій о преступленіяхъ, совершенныхъ людьми изъ честныхъ родовъ; въ 1684 году учинено наказанье Петру Васильевичу Кикину: битъ кнутомъ передъ Стрѣлецкимъ Приказомъ за то, что дѣвку растлилъ; да и прежде онъ, Петръ, пытанъ на Вяткѣ за то, что подписался-было подъ руку думнаго дьяка. Въ 1685 году битъ кнутомъ Хвощинскій за то, что на порожнемъ столбцѣ составилъ-было запись. Князь Петръ Кропоткинъ битъ кнутомъ за то, что выскребъ и приписалъ своею рукою. Биты батогами Кутузовъ и Нарышкинъ за то, что они ручались по Касимовскомъ царевичѣ въ человѣкѣ [3]),

Въ связи съ этимъ явленіями любопытно взглянуть на движеніе законодательства въ описываемое время. Въ началѣ правленія Софіи было постановлено: за одинъ разбой и воровство безъ убійства и пожогу бить кнутомъ, отрѣзать лѣвое ухо, два пальца у лѣвой руки и сослать въ Сибирь на вѣчное житье съ женами и дѣтьми, которыя не въ раздѣлѣ; за два воровства чинить указъ по Уложенію, за три—казнить смертью [4]). Но въ слѣдующемъ же году постановлено рѣзать у преступниковъ уши вмѣсто отсѣченія пальцевъ, и тогда же за произношеніе возмутительныхъ словъ запрещено было казнить смертію, велѣно бить кнутомъ и ссылать въ разные города [5]). Въ началѣ 1689 года постановлено было не окапывать въ землю женъ за убійство мужей, не отсѣкать имъ головы [6]). Въ частныхъ договорныхъ записяхъ не считали нужнымъ выговаривать, чтобъ хозяинъ обходился хорошо съ поступавшими къ нему въ услуженіе; но правительство старалось обезпечить несчастныхъ должниковъ отъ неистовства заимодавцевъ, къ которымъ они отдавались въ заживъ головою; въ 1688 году велѣно отдавать въ заживъ должниковъ мужеска пола съ женами, женска съ мужьями, работать имъ — мужчинамъ за годъ по пяти рублей, женщинамъ—по два съ полтиною; по тѣхъ людяхъ, кому они будутъ отданы, брать поручныя записи, чтобъ имъ должниковъ не убить и не изувѣчить [7]) Въ томъ же году былъ изданъ указъ о невзысканіи со вдовъ и дѣтей долговъ, если послѣ умершихъ никакихъ пожитковъ не осталось [8]).

Въ первыхъ годахъ правленія Софіи были изданы любопытные указы, которые рѣзко характеризуютъ общественные нравы. Есть явленія, повидимому мелкія, но которыя служатъ вѣрнымъ мѣриломъ общественнаго развитія. Такъ, напримѣръ, мы не можемъ допустить высокой степени этого развитія тамъ, гдѣ на многолюдной улицѣ большого города человѣкъ, встрѣтивъ знакомаго, преспокойно останавливается поговорить съ нимъ на срединѣ дороги; или тамъ, гдѣ не умѣютъ держаться правой стороны, или тамъ, гдѣ позволяютъ себѣ ѣздить во всю прыть, опять по многолюднымъ улицамъ большихъ городовъ. Всѣ эти явленія пахнутъ степью, показываютъ, что люди привыкли жить особѣ, какъ жили предки, Дреговичи или Вятичи; не понимаютъ, что въ обществѣ, прежде чѣмъ сдѣлать какое-нибудь движеніе, надобно подумать: а что будетъ отъ этого другимъ? Зная за собою и теперь много противуобщественныхъ привычекъ, мы не удивимся, встрѣтивъ указы, чтобъ не ѣздили по улицамъ на вожжахъ съ большими бичами и не били народъ своимъ небреженьемъ, не стрѣляли въ домахъ изъ ружей, не оставляли на улицахъ навозъ, мертвечину и всякій скаредный пометъ. Или такой указъ: „Стольники, стряпчіе и дворяне московскіе и жильцы! Нынѣ люди ваши ставятся въ Кремлѣ съ лошадьми не въ указанныхъ мѣстахъ, безъ разбора, и шумъ и крикъ чинятъ, и кулачный бой заводятъ, и прохожимъ людямъ дорогою пройти не даютъ, толкаютъ и подъ ноги подшибаютъ и подсвистываютъ; а какъ начнутъ ихъ караульные капитаны и стрѣльцы съ неуказанныхъ мѣстъ ссылать и отъ крика и отъ дурна унимать, и тѣ ваши люди капитановъ и стрѣльцовъ бранятъ и грозятъ бить“ [1]. Это касалось слугъ; но еще прежде нужно было запретить господамъ безчинствовать въ самомъ дворцѣ [2].

---

[1]) Допол. къ Актамъ Историч. XI; № 10. Столбцы приказнаго стола, № 2276.

[2]) Записки Желябужскаго подъ означ. годомъ.

[3]) Записки Желябужскаго подъ означ. годомъ.

[4]) Пол. Собр. Зак. II, № 970.

[5]) Пол. Собр. Зак. II, № 1002 и 1004.

[6]) Пол. Собр. Зак. II, № 1335.

[7]) Пол. Собр. Зак. II, № 1285.

[8]) Пол Собр Зак. II, № 1298.

Мѣстничаться явно не смѣли болѣе, т.-е. не смѣли не пойти куда-нибудь по назначенію, выставляя, что быть съ такимъ-то невмѣстно; но бывали случаи, когда уклонялись отъ неприличныхъ по мѣстническимъ счетамъ назначеній подъ разными предлогами: такъ, въ 1686 году, бояринъ князь Владиміръ Димитріевичъ Долгорукій не послалъ сыновей своихъ въ рынды вмѣстѣ съ Голицыными подъ предлогомъ, что они больны и уѣхали молиться къ Николѣ на Угрѣшу; двое другихъ Долгорукихъ, Лука и Борисъ, спрятались отъ того же назначенія. Правительница велѣла отнять за это у князя Владиміра боярство, сыновей его и князей Луку и Бориса написать съ городомъ (городовыми дворянами), кромѣ того у Луки и Бориса отнять помѣстья и вотчины. Лука и Борисъ просили милости со слезами, что они не явились во дворецъ вовсе не потому, что не хотѣли быть вмѣстѣ съ Голицыными, но потому, что ждали какого-нибудь другого великихъ государей гнѣва и опалы. Всѣхъ Долгорукихъ простили [3].

Въ то время, когда государство боролось съ степными хищниками, желая избавиться отъ позорной дани; въ то время, когда внутри боролось оно съ противуобщественными привычками, высказывавшимися во всѣхъ слояхъ общества,—въ то же время Церковь вела двойную борьбу. Побѣда надъ раскольниками въ Москвѣ послѣ 5 іюля 1682 года не сломила раскола, который безпрестанно давалъ знать о себѣ изъ областей, и это усиливало раздраженіе побѣдителей, заставляло ихъ принимать все болѣе и болѣе сильныя мѣры противъ упорнаго врага. Въ ноябрѣ 1682 года разосланы были грамоты ко всѣмъ архіереямъ о повсемѣстномъ сыскѣ и преданіи суду раскольниковъ. Въ 1683 году въ Печерскомъ псковскомъ монастырѣ архимандриту и келарю съ братьею билъ челомъ печерскій посадскій бобыль Ульянъ Ивановъ: раскольники, незнаемые люди, подговоря и совратя съ истиннаго пути отъ Св. Церкви, свели жену его Екатерину своимъ ученіемъ незнамо куда; пристаютъ они въ Печерскомъ посадѣ у вдовы Агафьицы и людей учатъ своему расколу. — Заказчикъ священникъ Иванъ Андреевъ раскольниковъ пришлыхъ людей и съ ними вдову Агафьицу поймалъ и привелъ въ Печерскій монастырь. Одинъ изъ раскольниковъ въ допросѣ сказалъ: породою онъ Русскихъ людей, зовутъ его Мартынкомъ, Кузьминъ сынъ, жилъ въ Псковѣ въ бобылкахъ своимъ дворомъ, а послѣ пожару у него двора своего нѣтъ, отняли дворовое мѣсто подъ церковь, и съ того числа онъ проживалъ гдѣ день, гдѣ ночь; въ Печерскій монастырь пришелъ къ празднику Успенія Богородицы и присталъ въ посадѣ у сестры своей, у вдовы Агафьицы; а на праздникѣ въ церкви не былъ, для того-что нынѣ пѣніе въ церкви и служба новая, и обѣдню служатъ не надъ просвирами, надъ *колобками;* на исповѣди онъ былъ тому назадъ лѣтъ съ десять, и какъ онъ сталъ причащаться Св. Таинъ нынѣшнихъ просвиръ,—и изъ него пошли зміи и стало бить и трясти, и съ того числа онъ на исповѣди не бывалъ и не причащался.— При входѣ въ казенную келью, гдѣ его допрашивали, Мартынко не поклонился Св. иконамъ и, на вопросъ, зачѣмъ не кланяется, отвѣчалъ: эти иконы не святыя, нынѣ вѣра христіанская изсякла и святыни въ иконахъ нѣтъ; нынѣ и литургію служатъ по-римски надъ колобками, вмѣсто креста на просвирахъ поставлены латинскіе крыжи и животворящій Крестъ Христовъ казнили весь около „Священники всѣ“, продолжалъ Мартынко, „антихристовы предтечи; антихристъ въ мірѣ есть другой годъ, я его видѣлъ въ Печерскомъ монастырѣ, Маркеллъ митрополишка (Маркеллъ митрополитъ Псковскій). А какъ царь Алексѣй за вѣру Соловецкій монастырь велѣлъ казнить, то на третій день и умеръ. Нынѣ я посланъ отъ Бога учить и вѣру христіанскую проповѣдывать; верховные апостолы Петръ и Павелъ мнѣ сродичи. Чтобъ крестились христіане двумя перстами, а не тремя: въ томъ крестѣ сидитъ Кика бѣсъ съ преисподнею. А какъ антихристъ появился, и въ то время въ Псковѣ у Живоначальной Троицы и въ Печерскомъ монастырѣ престолъ рушился; и Св. Троица и Пресвятая Богородица нынѣ на воздухѣ, а не въ церкви". На пыткѣ Мартынко объявилъ, что все имъ сказанное въ допросѣ онъ слышалъ въ Соловецкомъ монастырѣ, и прибавилъ: „Когда царствовалъ царь Михаилъ Ѳеодоровичъ, то царствовалъ не онъ, а Михаилъ Архангелъ". Послѣ крѣпкой пытки, огня, клещей, многихъ встрясокъ, Мартынко во всемъ повинился, объявилъ, что Св. Церкви во всемъ повинуется. Учителемъ Мартынки оказался пойманный съ нимъ товарищъ его Ивашка Меркульевъ, который крестилъ и исповѣдывалъ по-старому. Бояре приговорили: „Ивашку Меркульева сжечь и пепелъ его разметать и затоптать, а Мартынка и Агафьицу отослать подъ началъ митрополиту"[1]).

---

[1] Пол. Собр. Зак. II, № 1181.

[2] Пол. Собр. Зак. II, №№ 1064, 984, 997.

[3] Временникъ Моск. Истор. Общ. № 5.

Мы видѣли, что въ царствованіе Ѳеодора монахъ Даніилъ завелъ пустынь въ Тобольскомъ уѣздѣ, на рѣчкѣ Березовкѣ, и сожегся съ своими единомышленниками, почуявъ приближеніе царскаго войска; въ 1682 году дали знать правительству, что выѣзжаютъ изъ городовъ и слободъ многіе всякихъ чиновъ люди, покинувъ дворы, имѣніе, скотъ и хлѣбъ, на Тоболъ въ Утяцкую слободу къ слободчику Ѳедору Иноземцеву, и заводится пустынь такая же, что и прежде была на рѣкѣ Березовкѣ: велѣно было поставить заставы, чтобъ никого не пропускать въ Утяцкую слободу[2]). Въ 1685 году изданъ указъ: „Которые прелестію своею простолюдиновъ и ихъ женъ и дѣтей приводили къ тому, чтобъ они сами себя жгли,—такихъ воровъ, по розыску, жечь самихъ"[3]). Отвѣтъ на эту мѣру не замедлилъ. Въ томъ же году человѣкъ съ тридцать раскольниковъ сгорѣли въ овинѣ въ принадлежавшей Хутынскому монастырю деревнѣ Островѣ. Другіе заперлись въ Палеостровскомъ монастырѣ и, послыша о приближеніи полковника Мишевскаго, сами сожглись въ церкви; главный заводчикъ Повѣнчанинъ Емельянъ Ивановъ, подучившій къ самосожженію, не сгорѣлъ, но, пограбивъ монастырскую казну, бѣжалъ и сталъ опять прельщать и собирать толпу; въ 1689 году опять засѣлъ онъ съ своими товарищами въ Палеостровскомъ монастырѣ; высланный противъ раскольниковъ отрядъ войска въ непроходимыхъ лѣсахъ отыскалъ три пристанища и сжегъ ихъ, но на возвратномъ пути долженъ былъ выдержать отъ раскольниковъ нападеніе въ продолженіи двухъ ночей; запершіеся въ Палеостровскомъ монастырѣ раскольники зажгли его и сами сгорѣли[4]).

Спасаясь отъ преслѣдованій, раскольники бѣжали за рубежи шведскій и польскій, бѣжали въ казацкія степи. Мы видѣли, что уже и прежде раскольники утверждались на Дону; теперь число ихъ тамъ становилось все больше и больше. Мы видѣли, что еще въ 1683 году казаки указывали, какъ на главнаго вора, на Кузьму Косаго; однако онъ остался нетронутымъ. Въ 1686 году въ Черкаскѣ вдругъ хлынуло 700 человѣкъ раскольниковъ и начали уговаривать казаковъ, чтобъ стояли за старую вѣру; Православные выживали незванныхъ гостей, но дѣло не обошлось безъ ножей. Въ ноябрѣ того же года въ Острожскѣ явился съ Дону казакъ Лобанъ, родомъ Малороссіянинъ, и разсказывалъ, что жилъ онъ въ городѣ Кагальникѣ 30 лѣтъ, но теперь принужденъ былъ уйти, потому что въ донскихъ городкахъ по рѣчкѣ Медвѣдицѣ, Чиру и по запольнымъ рѣчкамъ стало много раскольниковъ, умышляютъ они и совѣтуютъ, чтобъ имъ идти на Москву, на патріарха, бояръ и архіереевъ, которые всѣ вѣру потеряли. Лобанъ требовалъ, чтобъ его отправили въ Москву, потому что есть за нимъ еще *скрытыя* рѣчи. Въ Москвѣ Лобанъ объявилъ, что на рѣчкѣ Медвѣдицѣ живетъ бѣлецъ, Куземкою зовутъ (Кузьма Косой), чинитъ всякіе расколы и называется папою.

Этотъ папа съ своими приверженцами основалъ на Медвѣдицѣ новый городокъ, названный по его имени Кузьминымъ, откуда раскольники начали наступательное движеніе на другіе городки.

Въ концѣ сентября 1688 года Донскіе казаки отправили противъ нихъ отрядъ подъ начальствомъ атамана Кутейникова, который, пришедши подъ Кузьминъ, построилъ городокъ съ раскатомъ и „чинилъ надъ раскольниками всякіе боевые и приступные земляные и деревянные промыслы", но все безуспѣшно; потомъ пошли казаки къ городку деревяннымъ валомъ, который валили цѣлый день; за этою валовою крѣпостью построили другой раскатъ, кололись съ него копьями съ раскольниками и кирпичемъ бились; но осажденные успѣли зажечь валъ и заставили казаковъ отступить. 1-го февраля 1689 года отправленъ былъ подъ Кузьминъ городокъ другой атаманъ, Аверкіевъ, на перемѣну Кутейникову; Аверкіевъ стоялъ подъ городкомъ до мая мѣсяца и наконецъ успѣлъ взять его и разорить,—раскольники были побиты.

Кромѣ Косаго, главами раскола на Дону были три попа—Досиѳей, Пафнутій и Ѳеодосій; когда въ 1688 году высланъ былъ противъ нихъ казацкій отрядъ, то они съ своей толпою ушли за границу, во владѣнія Шавкала Тарковскаго, и поселились на рѣкѣ Аграханѣ[5]).

Въ Воронежскомъ уѣздѣ, въ селѣ Репномъ явился какой-то гулящій человѣкъ Василій Желтовскій, который не подошелъ къ священнику подъ благословеніе, крестъ на себя возлагалъ не по новоисправленному, церкви и Православную вѣру, и священный чинъ хулилъ: „Какія-то церкви и попы? Богъ нашъ на небеси, а на землѣ Бога нѣтъ"; крестился и, смотря на солнце, говорилъ: „Боже мой, Боже! почто надо мною однимъ взыскалъ?" Приведенный въ Воронежъ, въ Духовный Приказъ, по дѣйству дьявольскому безмолствовалъ. Домовый архіерейскій монахъ Сергій донесъ, что онъ видѣлъ Ваську въ казачьемъ городкѣ Иловлѣ; здѣсь онъ церкви называлъ мечетями; тѣло и кровь Христовы ни во что вмѣнялъ; про великихъ государей говорилъ, будто ихъ на Москвѣ нѣтъ, и называлъ ихъ антихристами, патріарха—державникомъ, іереевъ—посланниками. На пыткѣ Желтовскій не повинился, объявилъ только, что отецъ и братъ его на Дону. Желтовскаго сослали въ Свирскій монастырь, а Сергія—въ Сійскій. Казаки ходили противъ раскольниковъ; но о томъ, что дѣлалось въ самомъ Черкаскѣ, шелъ споръ въ Москвѣ между двумя монахами, Савватіемъ и Гавріиломъ. Савватій доносилъ, что въ Черкаскѣ сначала служили по новоисправнымъ служебникамъ, а когда Гавріилъ началъ въ соборной церкви служить, то выходилъ въ кругъ къ казакамъ и наговаривалъ, четвероконечный крестъ называлъ латинскимъ; войско послушало, велѣли просвиры печатать по его волѣ осмиконечнымъ крестомъ, и велѣли служить по старому служебнику. Гавріилъ съ пытки въ расколѣ и ни въ какомъ воровствѣ не винился, только говорилъ, что виноватъ,—служилъ на Дону въ соборной церкви по старому служебнику.

---

[1]) Акты истор. V, № 100; Приказныя дѣла Моск. Арх. Мин. Ин. Д., годъ 1683.

[2]) Акты историч. V, № 101.

[3]) Акты Арх. эксп. IV, № 284.

[4]) Акты истор. IV, № 127, 151.

[5]) Соб. гос. грам. и дог. IV, № 192; дѣла Донскія означ. годовъ въ Архивѣ Мин. Ин. Д.

Тяжелъ былъ Донъ расколомъ; тяжелъ и казацкими притязаніями, которыхъ никакъ не могли допустить въ Москвѣ. Въ 1685 году Донское войско прислало царямъ челобитную такого содержанія: Били челомъ великимъ государямъ, а имъ, казакамъ, въ кругу подали челобитную воронежскаго Покровскаго монастыря игуменья Ульяна съ сестрами: вотчину ихъ Фарасань коротояцкіе жители обижаютъ и разоряютъ, вступиться за ихъ крестьянъ и постоять некому; и великіе государи пожаловали бы ихъ, казаковъ, ради войсковаго прошенья велѣли вотчину Фарасань принять на себя и пожаловать старицъ рукою". Старицъ велѣли прислать въ Москву и игуменью сослали въ одинъ изъ сѣверныхъ монастырей; хотя она и говорила, что сама на Донъ не ѣздила, а посылала двухъ монахинь за милостынею, и челомъ бить казакамъ не приказывала. Къ казакамъ была послана грамота, чтобъ они впередъ въ такія дѣла не вступались, потому что такія дѣла имъ не належатъ. Но это не былъ единственный случай: Троицкаго Борщова монастыря казначей Дороѳей съ осьмью монахами составилъ челобитную на игумена Корнилія отъ себя и отъ монастырскихъ работниковъ, и послалъ на Донъ. Монахи, взятые въ Москву, оправдывались, что пріѣхали въ монастырь Донскіе казаки и съ угрозою велѣли старцамъ написать челобитную на игумена. Воронежскій епископъ Митрофанъ жаловался, что ему отъ Донскихъ казаковъ нельзя вѣдать братію и крестьянъ Борщова монастыря: на кого будетъ челобитная,—тѣхъ казаки не даютъ на епископскій судъ [1]).

Въ Сибири и предѣлахъ новгородскихъ, на Дону и въ Москвѣ раздавалась раскольничья проповѣдь, что патріархъ не патріархъ,—потому что заразился Латинскою ересью, такъ что патріархъ Іоакимъ долженъ былъ писать царямъ и царевнѣ Софіи, чтобъ защитили Церковь отъ ругателей. „Повелите, да не безчестится честь архіереевъ и всего духовнаго чина отъ невѣждъ и досадителей многихъ, отъ лихоимства же и отъ всякихъ обидъ избавите" [2]). И въ то же время этотъ самый патріархъ велъ упорную и опасную борьбу противъ людей, которыхъ онъ обвинялъ въ латинскихъ новшествахъ, въ Латинской ереси. Мы видѣли, какъ при царяхъ Алексѣѣ и Ѳеодорѣ проникло въ Москву латино-польское вліяніе вмѣстѣ съ языками латинскимъ и польскимъ, распространившимися во дворцѣ и между вельможами. Главнымъ проводникомъ этого вліянія считался наставникъ царевича Симеонъ Полоцкій, который не замедлилъ столкнуться съ старыми учителями, съ самимъ патріархомъ; Симеонъ не хотѣлъ преклоняться предъ высшими духовными русскими, считая ихъ невѣждами сравнительно съ собою; русскіе духовные естественно были оскорблены, подмѣчали въ его мнѣніяхъ разницу съ мнѣніями, утвержденными стариною, съ удовольствіемъ указывали на это, какъ на признакъ неправомыслія непріятнаго пришельца, причемъ опирались на авторитетъ извѣстнаго своею обширною ученостью монаха, вызваннаго въ Москву изъ Кіева, Епифанія Славинецкаго, келейнаго труженика, по характеру своему неспособнаго пробиваться впередъ и толкать другихъ. Какъ патріархъ Іоакимъ и его единомышленники смотрѣли на Полоцкаго и какъ старались противопоставлять ему Славинецкаго,—всего лучше видно изъ слѣдующаго современнаго извѣстія: „Призванъ былъ изъ Кіева въ Москву царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ для наученія дѣтей Славяно-Россійскаго народа еллинской наукѣ нѣкто іеромонахъ Епифаній Славинецкій, мужъ многоученый не только грамматикѣ и реторикѣ, но и философіи, и самыя ѳеологіи извѣстный испытатель и искуснѣйшій разсудитель и опасный (осторожный) претолковникъ Греческаго, Латинскаго, Славянскаго и Польскаго языковъ. Былъ и другой іеромонахъ Симеонъ, по прозванію Полоцкій, и тотъ учился, но не столько, и зналъ только по-латыни, да по-польски, а греческаго писанія ничего не разумѣлъ. Однажды патріархъ Питиримъ пригласилъ обоихъ, Епифанія и Симеона, къ себѣ въ крестовую палату; они стали разговаривать, и Симеонъ спросилъ Епифанія: „Какъ, отецъ, святыня твоя вѣруетъ о пресуществленіи?" Епифаній отвѣчалъ, что молитвою іерейскою: „сотвори убо" и проч. происходитъ пресуществленіе. Симеонъ сказалъ на это: „Въ Кіевѣ наша Русь, ученые тоже, глаголютъ и мудрствуютъ, что только словами Христовыми: „Пріимите, ядите" и проч. пресуществляются Дары". Епифаній отвѣчатъ: „Наши Кіевляне учились и учатся только по-латыни и читаютъ книги только латинскія, по-гречески не учились, и потому истины объ этомъ не знаютъ". Патріархъ Іоакимъ отзывался о Полоцкомъ: „Хотя онъ былъ человѣкъ ученый и добронравный, однако приготовленный іезуитами и прельщеный ими, поэтому читалъ только ихъ латинскія книги". Вѣнецъ вѣры Полоцкаго патріархъ называлъ „Вѣнцомъ изъ тернія, на западѣ прозябшаго, сплетеннымъ". Обѣтъ духовный—наполненнымъ тайно душевныхъ бѣдъ [1].

---

[1]) Архивъ Мин. Юстиціи, Столбцы Приказнаго стола, № 2046.

[2]) Сборн. Синод. библ. № 11.

Два ученые монаха, призванные въ Москву для наученія дѣтей Славяно-Россійскаго народа, уже поднимаютъ знаменитый споръ о времени пресуществленія. Въ словахъ Полоцкаго заключалась хлѣбопоклонная ересь: онъ училъ покланяться хлѣбу, утверждая, что пресуществленіе совершается при произнесеніи священникомъ словъ Христовыхъ, т.-е. ранѣе надлежащаго времени. Но не одинъ Полоцкій распространялъ эту ересь; по свидѣтельству патріарха Іоакима, ересь пришла въ Москву отъ русской молодежи, которая ѣздила въ Польшу учиться по-латыни; возвратившись, молодые люди передали латинскій обычай знакомымъ священноначальникамъ и благороднымъ мужамъ, имѣвшимъ великія достоинства въ царскихъ домахъ: и тѣмъ показалось, что дѣйствительно тайна совершается произнесеніемъ словъ Христовыхъ.

Знать, когда именно совершается великое таинственное дѣйствіе и съ этимъ сообразовать свою молитву было очень важно для Русскихъ людей, и споръ не могъ легко потухнуть. Полоцкій умеръ; но онъ оставилъ изъ Великороссіянъ ревностнаго ученика, готоваго и способнаго ратовать за мнѣнія учителя. Однимъ изъ подьячихъ въ Приказѣ Тайныхъ Дѣлъ при царѣ Алексѣѣ былъ Семенъ Петровичъ Медвѣдевъ, подружившійся здѣсь съ товарищемъ своимъ Ѳедоромъ Шакловитымъ. Медвѣдевъ обратилъ на себя вниманіе своею смышленностію, и его отдали учиться Латинскому языку къ Семену Полоцкому; учился онъ три года; но когда отправленъ былъ на посольство въ Курляндію Ординъ-Нащокинъ, то Медвѣдеву съ товарищами велѣно было ѣхать на посольство для наученья [2]. Ученый подьячій не хотѣлъ оставаться въ Приказѣ, постригся въ монахи подъ именемъ Сильвестра, прослылъ чернецомъ великаго ума и остроты ученой, и сдѣланъ былъ строителемъ Заиконоспасскаго монастыря въ Москвѣ. Медвѣдевъ сталъ ревностнымъ защитникомъ мнѣній Полоцкаго, и слѣдовательно хлѣбопоклонной ереси, а Медвѣдевъ былъ хорошъ при Дворѣ правительницы по дружбѣ своей съ Шакловитымъ. Притомъ ученый Медвѣдевъ очень неуважительно отзывался объ учености патріарха Іоакима,—и личная вражда разгорѣлась вмѣстѣ съ споромъ о времени пресуществленія и о другихъ ученіяхъ Полоцкаго, о другихъ латинскихъ новшествахъ. Самое сильное участіе въ спорѣ съ Медвѣдевымъ приняли справщикъ (корректоръ) Евѳимій и ризничій Акинѳъ, которые, по словамъ Медвѣдева, возмущали душою патріарха. Евѳимій и Акинѳъ скоро нашли себѣ сильныхъ союзниковъ. Еще въ 1862 году архидіаконъ Чудова монастыря Каріонъ Истоминъ подалъ царевнѣ Софіи вирши, въ которыхъ уговаривалъ ее привести въ исполненіе мысль брата Ѳеодора:

„Умоли убо самодержцевъ сущихъ,
Да государи они то изволятъ,
Обще Господа о томъ да помолятъ,
Наукамъ велятъ быти совершеннымъ
И учителямъ людемъ извѣщеннымъ."

Извѣщенные люди пріѣхали въ 1685 году: то были ученые Греки, двое братьевъ, Іоанникій и Софроній Лихуды, которые въ томъ же году открыли свои курсы—ученикамъ прежней типографской школы и разнаго званія и возраста людямъ, священникамъ, монахамъ, княжескимъ сыновьямъ, стольникамъ и т. д. [3]. Науки стали совершенны: Лихуды преподавали грамматику, реторику, піитику, логику и физику; грамматику и піитику преподавали они на Греческомъ, реторику и физику—на Греческомъ и Латинскомъ языкахъ.

Въ ученыхъ Грекахъ патріархъ Іоакимъ нашелъ себѣ сильныхъ защитниковъ противъ мнѣній Полоцкаго. Между ними и Медвѣдевымъ завязалась полемика. Медвѣдевъ написалъ сочиненіе подъ именемъ „Манна", гдѣ доказывалъ, что пресуществленіе совершается при произнесеніи словъ Христовыхъ. Лихуды доказывали противное въ книгѣ своей, „Акосъ, или врачеваніе противополагаемое ядовитымъ угрызеніемъ зміевымъ." Противъ Акоса дьяконъ Аѳанасій написалъ: „Тетрадь на Іоанникія и Софронія Лихудовъ"; Лихуды отвѣчали „Діалогами Грека учителя къ нѣкоему Іисуиту". Споръ не ограничился одними учеными, сталъ общимъ дѣломъ: не только священники, но и міряне, даже женщины, при встрѣчѣ другъ съ другомъ, повсюду спорили о времени пресуществленія. Не всѣ архіереи держались мнѣнія патріарха; въ наставительной грамотѣ Рязанскаго митрополита Павла духовенству своей епархіи читаемъ: „Въ божественной литургіи ума намѣреніе твердо имѣти. Ума же намѣреніе сіе есть, егда глаголетъ словеса сія: Пріимите, ядите, и пійте отъ нея, да иматъ умъ свой весь собранъ въ оны словеса, еже бы преложитися хлѣбу въ тѣло Христово и вину въ кровь Христову, си есть: еже глаголетъ во время оно, сія и мыслитъ, а не иная. Блюди, о іерее! аще во время оно умъ твой будетъ неподвижимъ, истинно божественную службу совершиши, ащежъ въ то время уста твоя глаголютъ оне словеса, умъ же твой иная мыслитъ, вѣждь, яко смертію, сирѣчь непрощенно согрѣшаеши“.

---

[1] Рукоп. Синодал. библіот. № 452, 346.

[2] Моск. Арх. Мин. Ин. Д. Дѣла Приказныя 1676 г. Вмѣстѣ съ Медвѣдевымъ учились у Полоцкаго Василій Репскій, пѣвчій, выѣхавшій изъ Кіева съ епископомъ Меѳодіемъ, да Семенъ и Илья Казанцевы.

[3] Истор. Моск. Славяно-Греко-Латинской Академіи С. Смирнова, стр. 24 и 2.

Вмѣшались въ дѣло Поляки, іезуиты, находившіеся въ Москвѣ; по рукамъ ходили польскія книги, наполненныя латинскими мудрованіями; слышались голоса, что на Флорентійскомъ соборѣ Латины осилили Грековъ [1]).

Что такое Флорентійскій соборъ: кто знаетъ, и гдѣ взять прочесть, чтобъ было что́ отвѣчать врагамъ? Іоакимъ пишетъ въ Кіевъ, къ митрополиту Гедеону: „Нынѣ, грѣхъ ради нашихъ, видимъ, что дышетъ на паству змѣй адскій; одни принимаютъ и хвалятъ соборъ Флоренскій, другіе его не принимаютъ — и споръ идетъ въ томъ сильный, а вѣрныхъ писаній обѣ стороны показать не могутъ, потому что въ книгахъ нашихъ рѣдко гдѣ объ этомъ находимъ извѣстіе; и тебѣ бы, сынъ, постараться, извѣстить нашей вѣрности, для чего этотъ соборъ былъ, какъ начался и всѣми четырьмя патріархами принятъ ли. Хотимъ получить извѣстіе отъ вашихъ книгъ, потому что у васъ больше объ этомъ рукописныхъ и печатныхъ книгъ“. Гедеонъ объяснилъ въ чемъ дѣло, указалъ на печатанныя книги, гдѣ заключаются извѣстія о Флорентійскомъ соборѣ, и между прочимъ указывалъ на книгу, отпечатанную въ Москвѣ въ 1648 году: „Книга о вѣрѣ единоистинной и Православной и о Св. Восточной Церкви“. Въ концѣ письма Гедеонъ говоритъ: „Азъ твоему святѣйшеству, яко отцу архипастырю и господинови моему, исповѣдую, яко Флоренское соборище непріимую, паче же яко ересь противную отметаю“.

На этомъ можно было успокоиться; но приверженцы Медвѣдева для подтвержденія своего мнѣнія указывали на изданную въ Малороссіи книгу „Выкладъ о церкви святой и о службѣ“. Іоакимъ опять обращается въ Кіевъ къ митрополиту Гедеону и архимандриту Кіево-Печерскому Варлааму Ясинскому, въ Черниговъ къ Лазарю Барановичу, указываетъ имъ на авторитетъ отцовъ Восточной Церкви, возстаетъ противъ новыхъ Могилинскихъ книгъ (Великій требникъ и служебникъ, Екзегезисъ Сильвестра Коссова, Книжка о седми сакраментахъ, Лиѳосъ), какъ не согласующихся съ Православнымъ исповѣданіемъ. Въ Кіевѣ отмалчиваются; патріархъ настоятельно требуетъ, чтобъ прислали согласіе свое съ московскимъ опредѣленіемъ времени пресуществленія; грозитъ, что въ противномъ случаѣ пожалуется четыремъ патріархамъ; требуетъ, чтобъ прислали для объявленій „мужа смиренномудра, пріискренно Восточныя Церкви сына, вѣдуща извѣстно писанія Св. Отецъ, а не силлогизмами и аргументами токмо упражняющася“. Нѣтъ отвѣта, потому что между Москвою и Кіевомъ идетъ другая пересылка: къ гетману Мазепѣ и кіевскому знатному духовенству отослана **Манна** вмѣстѣ съ сочиненіями Лихудовъ; на послѣднюю написали обличеніе и переслали въ Москву черезъ князя Вас. Вас. Голицына, когда онъ былъ во второмъ Крымскомъ походѣ [2]).

Такимъ образомъ, партія Медвѣдева находила себѣ сильную поддержку во дворцѣ; **Манна** была написана по приказанію Софіи. Голицынъ пересылалъ написанное въ Кіевѣ обличеніе на Лихудовъ. Мало того! Голицынъ считался покровителемъ іезуитовъ, которые, благодаря ему, явились въ Москвѣ. Французскій іезуитъ, который былъ въ это время въ Москвѣ, съ цѣлію пробраться чрезъ Сибирь въ Китай, такъ отзывается о Голицынѣ. „Этотъ первый министръ, происходившій изъ знаменитаго рода Ягеллоновъ, безъ сомнѣнія, былъ самый достойный и просвѣщенный вельможа при Дворѣ Московскомъ; онъ любилъ иностранцевъ, и особенно Французовъ, потому что благодарныя наклонности, которыя онъ въ нихъ замѣтилъ, совпадали съ его собственными; вотъ почему его упрекали, что у него и сердце такое же французское, какъ и имя. Еслибъ дѣло зависѣло отъ него одного, то разумѣется всѣ наши желанія были бы исполнены; еслибъ онъ былъ полнымъ хозяиномъ, еслибъ онъ не долженъ былъ вести себя осторожно относительно другихъ бояръ, то съ удовольствіемъ открылъ бы намъ путь въ Сибирь и облегчилъ бы намъ доступъ въ Китай, изъ уваженія къ Людовику Великому, котораго онъ былъ страстный поклонникъ. Меня увѣряли, что сынъ его носилъ портретъ его величества въ формѣ Мальтійскаго креста, что отецъ считалъ для себя великою честію“ [3]). Другой посланникъ, бывшій въ Москвѣ въ описываемое время, не иначе называетъ Голицына, какъ великимъ человѣкомъ. Описывая свой первый пріемъ у перваго министра, онъ говоритъ: „Я думалъ, что нахожусь при Дворѣ какого-нибудь италіянскаго государя. Разговоръ шелъ на латинскомъ языкѣ обо всемъ, что происходило важнаго тогда въ Европѣ; Голицынъ хотѣлъ знать мое мнѣніе о войнѣ, которую императоръ и столько другихъ государей вели противъ Франціи, и особенно объ Англійской революціи; онъ велѣлъ мнѣ поднести всякаго сорта водокъ и винъ, совѣтуя въ то же время не пить ихъ.—Голицынъ хотѣлъ населить пустыни, обогатить нищихъ, дикарей, сдѣлать ихъ людьми, трусовъ сдѣлать храбрыми, пастушескіе шалаши превратить въ каменныя палаты. Домъ Голицына былъ одинъ изъ великолѣпнѣйшихъ въ Европѣ“ [4]). До насъ дошло подробное описаніе этого великолѣпнѣйшаго дома, сдѣланное по приказанію правительства послѣ сверженія Голицына [5]). „Въ палатѣ подволока накатная, прикрыта холстами, въ срединѣ подволоки солнце съ лучами, вызолочено сусальнымъ золотомъ; кругъ солнца бѣги небесные съ зодіями и съ планеты писаны живописью; отъ солнца на желѣзныхъ трехъ прутахъ паникадило бѣлое костяное о пяти поясахъ, въ поясѣ по осьми подсвѣчниковъ; цѣна паникадилу 100 рублей. А по другую сторону солнца—мѣсяцъ въ лучахъ, посеребренъ; кругъ подволоки въ 20 клеймахъ рѣзныхъ позолоченныхъ, писаны пророческія и пророчицъ лица. Въ четырехъ рамахъ рѣзныхъ четыре листа нѣмецкихъ, за листъ по пяти рублей. Изъ портретовъ были у Голицына: В. К. Владиміра Кіевскаго, царей — Ивана IV, Ѳедора Ивановича, Михаила Ѳедоровича, Алексѣя Михайловича, Ѳеодора, Ивана и Петра Алексѣевичей; четыре персоны королевскихъ. На стѣнахъ палаты въ разныхъ мѣстахъ пять зеркалъ, одно въ черепаховой рамѣ. Въ той же палатѣ 46 оконъ съ окончинами стекляными, въ нихъ стекла съ личинами. Въ спальнѣ въ рамахъ деревянныхъ вызолоченныхъ землемѣрные чертежи печатные, нѣмецкіе, на полотнѣ; четыре зеркала, двѣ личины человѣческихъ каменныхъ арапскія; кровать нѣмецкая орѣховая, рѣзная, рѣзь сквозная, личины человѣческія и птицы и травы; на кровати верхъ орѣховый же рѣзной, въ срединѣ зеркало круглое; цѣна 150 рублей¹). Девять стульевъ обиты кожами золотными; кресла съ подножіемъ, обиты бархатомъ. Много было часовъ боевыхъ и столовыхъ во влагалищахъ черепаховыхъ, оклееныхъ усомъ китовымъ, кожею красною; Нѣмчинъ на конѣ, а въ лошади часы. Шкатулки удивительныя со множествомъ выдвижныхъ ящиковъ, чернильницы янтарныя. Три фигуры нѣмецкія орѣховыя, у нихъ въ срединахъ трубки стекляныя, на нихъ по мишени мѣдной, на мишеняхъ вырѣзаны слова нѣмецкія, а подъ трубками въ стеклянныхъ чашкахъ ртуть".

---

[1]) Рукоп. Синодал. библ. № 452; Пискарева—Древнія грамоты и акты Рязанскаго края, стр. 130.

[2]) Рукоп. Синодал. библіот. № 346; розыскъ Медвѣдева см. ниже.

[3]) Voyage en divers etats d'Europe et d'Asie, entrepris pour decouvrir un nouveau chemin à la Chine, p. 246.

[4]) De la Neuville—Relation curieuse et nouvelle de Moscovie, p. 15, 177, 178.

[5]) Книга Малорос. Приказа, № 109, въ Арх. Мин. Юстиціи.

У перваго министра было много книгъ: Похвала благочестивымъ государемъ царемъ, сложеніе іеромонаха Антонія Русаковскаго. Книга печатная благодарственная къ В. Государемъ. Книга писанная—врученіе привиліе на академію. Книга писанная о гражданскомъ житіи или о поправленіи всѣхъ дѣлъ, яже належатъ обще народу. Книга Тестаментъ, или завѣтъ Василія царя Греческаго сыну его Льву Философу. Како царица Олунда близнятъ породи и како ихъ свекровь и ея мать цесарева хотя погубити. Граматикъ печатной. Книга писанная на польскомъ языкѣ. Книга Іова Лудольфа письменная. Книга письменная переводъ отъ Вселенскихъ патріарховъ Мелетія діакона. Книга переводъ съ польскаго письма съ печатные книги, глаголемой Алкоранъ Махметовъ. Книга съ польскаго письма съ исторіи о Магилонѣ Кралевнѣ. Книга о послахъ, гдѣ кому въ которомъ государствѣ поклониться. Четыре книги нѣмецкихъ. Четыре книги письменныя о строеніи комедіи. Восемь книгъ календарей разныхъ лѣтъ. Книга рукописнаго права, или уставъ воинской Голландской Земли. Пѣвчая нѣмецкаго языка. Граматикъ польскаго и латинскаго языка. Исторія письменная польскаго языка. Конскій лѣчебникъ. Книга на нѣмецкомъ языкѣ всякимъ рыбамъ и звѣрямъ въ лицахъ. Судебникъ. Родословная. Артикульная. Рукопись Юрія Сербенина. Лѣтописецъ Кіевскій. Соловецкая челобитная. Книга о ратномъ строю. Книга землемѣрная нѣмецкая.

Въ 1689 году въ другой разъ эти великолѣпныя палаты увидали господина своего, печально возвращавшагося изъ неудачнаго похода. Люди, искавшіе милостей любимца, попрежнему толпились въ изукрашенной залѣ, восхищаясь солнцемъ и мѣсяцемъ въ потолкѣ, превозносили удачи похода, поздравляли съ милостями царскими. Но Голицынъ зналъ, сколько людей негодуетъ на эти милости, какъ незаслуженно полученныя. Павительство изо всѣхъ силъ поддерживало Голицына, превознося его подвиги; но это правительство само нуждалось въ поддержкѣ, и Голицыну нечѣмъ было поддержать его: онъ не пріобрѣлъ славы великаго полководца, разгромившаго поганые улусы татарскіе, не пріобрѣлъ чрезъ это народной любви, которою могъ бы прикрыть Софію, держать враговъ ея въ почтительномъ разстояніи. Нравственныя средства спасенія были потеряны въ неудачныхъ крымскихъ походахъ. Поддержать Софію могъ одинъ Шакловитый своими средствами, на которыя не былъ способенъ Голицынъ. Оберегатель находился въ тяжкомъ положеніи: ему оставалось не одобрять средствъ Шакловитаго, и въ то же время робко, затаясь отъ самого себя, желать имъ успѣха, который одинъ могъ спасти его. Медлить, откладывать, выжидать нельзя стало больше: дѣло быстро приближалось къ развязкѣ.

---

¹) Въ 1678 году Софія подарила Голицыну кровать съ позолотою и росписаніемъ. Приказныя дѣла Москов. Арх. Мин. Ин. Д. 1687 года.

Глава II.

Паденіе Софіи. Дѣятельность царя Петра до перваго Азовскаго похода.

Значеніе Петра и совершеннаго имъ переворота. — Воспитаніе Петра. — Учители-иностранцы. — Строеніе судовъ.— Женитьба Петра.—Столкновеніе съ правительницею.—Намѣреніе Софіи вѣнчаться на царство. — Вражда Софіи къ царицѣ Натальѣ Кириловнѣ. — В. В. Голицынъ и Шакловитый. — Напрасное стараніе поднять стрѣльцовъ.—Неудовольствія со стороны Петра.—Сборъ стрѣльцовъ въ Кремлѣ 7-го августа.—Бѣгство Петра въ Троицкій монастырь.— Напрасныя попытки Софіи примириться съ братомъ.—Стрѣльцы принуждаютъ ее выдать Шакловитаго.— Розыскъ Шакловитаго; ссылка Голицыныхъ.—Распря между близкими къ Петру людьми по поводу Голицыныхъ.—Казнь Шакловитаго съ товарищами.— Новые доносы на князя В. В. Голицына и отягченіе его участи. – Розыскъ и казнь Медвѣдева. — Отстраненіе Софіи отъ правительства и заключеніе ея въ монастырь. — Продолженіе доносовъ.—Новое правительство.—Ссора князя Бориса Голицына съ Долгорукими.—Лефортъ. –Царскіе потѣхи. — Компанія.— Состояніе общества. — Дѣла Малороссійскія. — Положеніе Русскихъ людей въ польскихъ областяхъ.— Мазепа и Палѣй.—Дѣла объ откупѣ.

„Въ одномъ государствѣ царственный ребенокъ, вслѣдствіе семейной вражды, гоненія отъ родственниковъ, подвергался страшнымъ опасностямъ, спасся чудеснымъ образомъ, воспитывался въ уединеніи, среди низкихъ людей, набралъ себѣ изъ среды этихъ людей новую храбрую дружину, одолѣлъ съ нею противниковъ и сталъ основателемъ новаго общества, новаго могущественнаго государства, проводилъ всю свою жизнь въ борьбѣ и оставилъ по себѣ двойную память: одни благословляли его, другіе проклинали“.

— О комъ это идетъ рѣчь; что это, хотятъ намъ повторять старую сказку о Кирѣ и Ромулѣ; кто ей теперь вѣритъ?

Сказывается не сказка, не о Кирѣ и Ромулѣ идетъ рѣчь,—приводятся неоспоримыя извѣстія о Русскомъ царѣ Петрѣ Алексѣевичѣ, который жилъ въ концѣ XVII и началѣ XVIII вѣка; пора оставить толки о сказкахъ, о миѳахъ, и подмѣчать общіе законы историческихъ явленій.

Мы видѣли, что во второй половинѣ XVII вѣка Русскій народъ явственно тронулся на новый путь; послѣ многовѣковаго движенія на востокъ, онъ началъ поворачивать на западъ,—поворотъ, который долженъ былъ необходимо вести къ страшному перевороту, болѣзненному перелому въ жизни народной, въ существѣ народа, ибо здѣсь было сближеніе съ народами цивилизованными, у которыхъ надобно было учиться, которымъ надобно было подражать. Вопросъ о томъ, могло ли сближеніе съ европейскими народами и воспринятіе ихъ цивилизаціи совершиться въ Россіи спокойно, постепенно, безъ увлеченій, рѣшается легко при внимательномъ наблюденіи общихъ законовъ историческихъ явленій. Когда мы говоримъ о просвѣщеніи, о цивилизаціи, то разумѣемъ громадную силу, которая безконечно поднимаетъ народъ, ею обладающій, надъ народомъ, у котораго ея нѣтъ; какъ же теперь съ понятіемъ о слабости соединить понятіе силы? Какъ предположить, что широта и ясность взгляда, сдержанность, самостоятельность, плоды цивилизаціи давней и крѣпкой должны быть достояніемъ народа нецивилизованнаго? Съ другой стороны, въ жизни народовъ мы замѣчаемъ извѣстные періоды, въ которые они проводятъ извѣстное начало, живутъ имъ, подчиняются ему вполнѣ; наступаетъ другое время, на очереди становится новое начало, и народъ предается ему; новое начало начинаетъ господствовать насчетъ стараго, обнаруживается обыкновенно сильная вражда къ послѣднему, отрицаніе того, что было при его господствѣ, дурные отзывы о времени этого господства; народы въ этомъ отношеніи не любятъ, не могутъ работать двумъ господамъ: если одного возлюбятъ, другого непремѣнно возненавидятъ. Здѣсь возможна только злая борьба между двумя началами, старымъ и новымъ, борьба, необходимо раздражающая, ведущая къ увлеченію, къ крайностямъ. Можно ли себѣ представить, чтобъ молодой, исполненный жизненныхъ силъ народъ, сблизившись съ другими, превосходящими его народами, понявши, чрезъ сравненіе, недостатки своего быта, не бросился вдругъ на все то, что̀ казалось ему лучшимъ у другихъ? Да и можно ли было медлить, когда несостоятельность въ всемъ, несостоятельность матеріальная и нравственная, была такъ явна? Когда нельзя было начать ни одного дѣла, не начавши вмѣстѣ съ тѣмъ и многихъ другихъ, этому дѣлу способствующихъ, для него необходимыхъ? Западные европейскіе народы въ описываемое время, относительно цивилизація своей, стояли высоко надъ Русскимъ, который долженъ былъ идти къ нимъ въ ученье; но для этихъ самыхъ западныхъ народовъ не прошло еще тогда время рабства чужому, нерадѣнія о своемъ, презрѣнія къ нему; ослѣпленные блескомъ античной цивилизаціи, съ неодолимою силою потянулись они къ ней, доходя иногда вначалѣ до дикихъ увлеченій, отдались въ науку Грекамъ, Римлянамъ, даже Италіянцамъ, прежде другихъ познакомившимся съ Греками и Римлянами; свое было въ опалѣ, къ своему относились какъ къ варварскому; значенія, величія своей исторіи въ сравненіи съ исторіею Грековъ и

Римлянъ не понимали. Очередь поработать чужому началу дошла и до Русскаго народа, дошла, по извѣстнымъ условіямъ, позднѣе, чѣмъ до другихъ,— и въ этомъ огромная невыгода; но причины этой невыгоды лежали въ условіяхъ хода всей предшествовавшей исторіи, въ условіяхъ, при которыхъ явился нашъ народъ, основалось наше государство. Долговременное пребываніе въ удаленіи отъ Западной Европы и ея цивилизаціи, крайность, исключительность одного направленія необходимо условливали крайность противоположнаго направленія, необходимость удовлетворить вдругъ всему должна была неминуемо сообщить нашему такъназываемому преобразованію характеръ революціонный. Наша революція начала XVIII вѣка уяснится чрезъ сравненіе ея съ политическою революціею, послѣдовавшею во Франціи въ концѣ этого вѣка. Какъ здѣсь, такъ и тамъ болѣзни накоплялись вслѣдствіе застоя, односторонности, исключительности одного извѣстнаго направленія; новыя начала не были переработаны народомъ на практической почвѣ. Необходимость ихъ чувствовалась всѣми, но переработались они теоретически въ головахъ передовыхъ людей, и вдругъ приступлено было къ преобразованіямъ; разумѣется, слѣдствіемъ было страшное потрясеніе. Во Франціи слабое правительство не устояло—и произошли извѣстныя печальныя явленія, которыя до сихъ поръ отзываются въ странѣ. Въ Россіи одинъ человѣкъ, одаренный небывалою силою, взялъ въ свои руки направленіе революціоннаго движенія, и этотъ человѣкъ былъ прирожденный глава государства. Французскіе историки считаютъ себя въ правѣ плакаться на такой ходъ дѣла у себя и съ завистію посматривать на сосѣдній островъ, гдѣ фундаментъ зданія складывался издавна, постепенно и прочно; но пусть же они плачутся на весь предшествовавшій ходъ Французской исторіи, котораго революція была необходимымъ слѣдствіемъ; что не было сдѣлано исподволь, постепенно, и потому легко и спокойно, то приходится дѣлать потомъ вдругъ, съ болѣзненными напряженіями, которыя мы называемъ революціями. И мы имѣемъ право плакаться на нашу революцію, но опять съ обязанностію плакаться такъ-же на всю предшествовавшую исторію, которая привела къ такой революціи, ибо условія здоровья не производятъ болѣзни.

Если таковъ общій законъ, если наша революція въ началѣ XVIII вѣка была необходимымъ слѣдствіемъ всей предшествовавшей нашей исторіи, то изъ этого вполнѣ уясняется значеніе главнаго дѣятеля въ переворотѣ—Петра Великаго; онъ является вождемъ въ дѣлѣ, а не создателемъ дѣла, которое потому есть народное, а не личное, принадлежащее одному Петру. Великій человѣкъ есть всегда и вездѣ представитель своего народа, удовлетворяющій своею дѣятельностію извѣстнымъ потребностямъ народа въ извѣстное время. Формы дѣятельности великаго человѣка условлены исторіею, бытомъ народа, среди котораго онъ дѣйствуетъ. Чингисъ-ханъ и Александръ Македонскій—оба завоеватели, но какая разница между ними! Эта разница происходитъ отъ различія народовъ, которыхъ они были представителями. Дѣятельность великаго человѣка есть всегда результатъ всей предшествовавшей исторіи народа; великій человѣкъ не насилуетъ свой народъ, не создаетъ того, что не потребно и не возможно для народа. При настоящихъ успѣхахъ исторической науки великій человѣкъ теряетъ свое божественное значеніе, не является существомъ, разрушающимъ и создающимъ по своему произволу; но онъ получаетъ великое значеніе, какъ представитель народа въ извѣстное время, какъ произведеніе и повѣрка народной жизни, народной исторіи. Великій человѣкъ не утрачиваетъ своего значенія; народъ не низводится до степени стада, безсознательно идущаго туда, куда его гонитъ чуждая воля.

Но переворотъ сопровождался страшною борьбою; преобразователь встрѣтилъ сильное сопротивленіе въ народѣ, слѣдовательно дѣло преобразованія было дѣломъ насилія со стороны Верховной власти. Иностранцы не безъ нѣкотораго, понятнаго впрочемъ, удовольствія повторяли и повторяютъ, что Петръ насильно и преждевременно цивилизовалъ Русскихъ, что и не могло повести и даже никогда не поведетъ ни къ какому толку [1]. Вооружаются вообще противъ преобразованій, идущихъ сверху Мы не знаемъ будущаго и потому не станемъ говорить о немъ; не будемъ преждевременно говорить того, что должны будемъ сказать впослѣдствіи, прослѣдивъ судьбы дѣлъ Петровыхъ по его смерти. Но, для устраненія безплодныхъ толковъ, опять обратимся къ сравненіямъ изъ прошедшаго. Въ настоящее время ни одинъ изъ европейскихъ писателей, вѣрующій ли онъ или невѣрующій, не станетъ отрицать цивилизующаго значенія христіанства; каждый Европеецъ гордится тѣмъ, что христіанство пустило глубокіе корни преимущественно въ Европѣ, что̀ доказываетъ высшее развитіе, бо́льшую зрѣлость племенъ, населяющихъ эту часть свѣта. Но пусть же припомнятъ исторію принятія христіанства европейскими народами; пусть припомнятъ, что обыкновенно дѣло шло сверху, принимали христіанство князь и дружина его, ближніе люди, и потомъ уже новая вѣра распространялась въ массѣ, причемъ не обходилось безъ ожесточенной борьбы, безъ страшнаго сопротивленія со стороны народа, отстаивавшаго свою старину, вѣру отцовскую; да и послѣ принятія крещенія, масса въ продолженіи вѣковъ оставалась двувѣрною, не могла забыть старыхъ боговъ своихъ. Что же изъ этого слѣдуетъ?—то, что европейскіе народы были обращены въ христіанство насильно своими правительствами! Еще примѣръ ближайшій: Въ Англіи король Генрихъ VIII вздумалъ отложиться отъ Римской церкви; но извѣстно, какое сильное сопротивленіе встрѣтилъ онъ своему дѣлу, какія сильныя возстанія вельможъ и народа долженъ былъ онъ побороть; значитъ, Аглійскій народъ былъ насильственно отторгнутъ отъ папы, и реформа, которою такъ гордятся Англичане, была личнымъ дѣломъ Генриха VIII. Въ Римѣ будутъ очень довольны такимъ мнѣніемъ.

---

[1] Ж. Ж. Руссо въ: *Du contrat social*: „Les Russes ne seront jamais vraiment policés, parcequ'ils l'ont été trop tôt... Pierre a vu que son peuple etait barbare, il n'a point vu qu'il n'était pas mûr pour la police", etc.

Петръ былъ представителемъ, вождемъ своего народа въ дѣлѣ народномъ; отсюда обязанность историка при описаніи великаго переворота: не отрывать главнаго дѣятеля—вождя—отъ народа, отъ общества; съ самаго начала слѣдить, какъ образовывалось его существо подъ вліяніемъ условій, приготовленныхъ исторіею народа, ибо явленія, повидимому самыя случайныя, имѣвшія вліяніе на характеръ историческаго дѣятеля, окрашиваются цвѣтами, господствующими въ обществѣ, и чрезъ это-то окрашиваніе общество и проводитъ свое вліяніе на историческаго дѣятеля.

Мы видѣли, какъ, вслѣдствіе извѣстныхъ условій, русское общество къ концу XVII вѣка выработало мало своихъ силъ, сдерживающихъ личную силу, которой было такъ много простору. Вотъ почему дѣвственная страна представляла такое обширное поприще для богатырей всякаго рода, для людей, которымъ, по выраженію пѣсни, было грузно отъ силы, которые стремились разминать свое плечо богатырское и, когда расходятся, не знали удержу. Богатырскій, геройскій періодъ прекращается въ народѣ вмѣстѣ съ цивилизацію, съ развитіемъ общественныхъ силъ; цивилизованное, развитое общество сжимаетъ личную силу, вгоняетъ ее въ извѣстные предѣлы, ограничиваетъ спеціализированіемъ занятій; отсюда понятно, что въ обществѣ цивилизованномъ сильные люди являются не въ такихъ богатырскихъ размѣрахъ, какъ въ обществахъ юныхъ. Мы очень хорошо знаемъ, какъ упражненіе развиваетъ всякаго рода силы, и потому нечего удивляться, что старинные сильные люди были сильнѣе нашихъ, ибо имѣли болѣе простору упражнять свои силы во всѣхъ направленіяхъ. Въ Россіи, болѣе чѣмъ въ какомъ-нибудь другомъ европейско-христіанскомъ государствѣ, общество, вслѣдствіе своей исторіи, предоставило простора для дѣятельности Верховной власти, и потому неудивительно, что въ Россіи XVIII вѣка мы встрѣчаемъ двоихъ государей съ неимовѣрною дѣятельностію — Петра I-го и Екатерину II-ю. Общество юное, неразвитое не допускаетъ раздѣленія занятій; отсюда сильному человѣка возможность и необходимость браться за все, упражнять свои силы въ многоразличныхъ родахъ занятій; отсюда многообразная дѣятельность Петра; вслѣдствіе тѣхъ же общественныхъ условій, увидимъ впослѣдствіи на другомъ поприщѣ многообразную дѣятельность Ломоносова.

Петръ съ своими сподвижниками заканчиваетъ, собственно говоря, древній, богатырскій отдѣлъ Русской Исторіи. Это послѣдній и величайшій изъ богатырей; только христіанство и близость къ нашему времени избавили насъ (и то не совсѣмъ) отъ культа этому полубогу и отъ миѳическихъ представленій о подвигахъ этого Геркулеса.

Общество юное, кипящее неустроенными силами, произвело исполина, какъ юная земля въ допотопное время производила громадныя существа, скелеты которыхъ приводятъ въ изумленіе нашъ мелкій родъ. Но становится страшно: куда будутъ направлены эти силы при такомъ отсутствіи умѣряющихъ, образовательныхъ началъ; какія нравственныя пеленки приготовило общество для Петра: какъ оно воспитаетъ, образуетъ исполина?

Мы видѣли неудовлетворительность нравственнаго состоянія древняго русскаго общества: но видѣли такъ-же, что движеніе, начавшееся въ обществѣ во второй половинѣ XVII вѣка, и борьба, вслѣдствіе того происшедшая, могли только ухудшить нравственное состояніе. Какъ ни печально бываетъ нравственное состояніе въ извѣстномъ обществѣ, но если послѣднее живетъ, не рушится, значитъ— существуютъ извѣстныя нравственныя сдержки и связи, которыя не даютъ ему окончательно распасться. Но если это общество двинется, взволнуется въ сильномъ переворотѣ, то старыя связи необходимо ослабѣваютъ, иногда совершенно рушатся, и общество подвергается сильному нравственному колебанію, шаткости, смутѣ, пока нравственныя связи снова окрѣпнутъ или замѣнятся новыми. Поэтому справедливо говорятъ, что переходное время есть самое печальное для общественной нравственности. Прежде, до второй половины XVII вѣка, былъ неоспоримымъ авторитетъ отцовъ духовныхъ; теперь, съ одной стороны, раскольники, съ другой—новые учители православные и неправославные подкапываютъ этотъ авторитетъ; архіереи, священники оказываются несостоятельными, какъ учителя; молодое поколѣніе и вождь его воспитываются въ убѣжденіи, что этихъ учителей нечего слушать, говорятъ они Богъ знаетъ что, потому что невѣжды: учителей этихъ прежде всего надобно учить.

Древнее русское общество находило нравственныя сдержки въ родовомъ бытѣ; членъ рода чтилъ своего старшаго, находился подъ его надзоромъ и властію, которая, какъ знаемъ, была очень обширна и, при случаѣ, давала себя тяжело чувствовать ослушнику; членъ рода уважалъ мнѣніе рода; боялся своимъ поведеніемъ нанесть безчестіе ему. Теперь и родовая связь ослабѣла, а другихъ сдержекъ на ея мѣсто общество еще не выработало.

Древнее русское общество употребляло извѣстныя матеріальныя сдержки въ помощь нравственнымъ: такъ, люди знатные и достаточные держали своихъ женъ и дочерей взаперти, въ теремахъ. Теперь это затворничество начало прекращаться. Но какъ никакая тюрьма не воспитываетъ, не приготовляетъ для свободы, не развиваетъ и не укрѣпляетъ силъ, такъ и теремъ не воспиталъ русской женщины для ея новаго положенія, не укрѣпилъ ея нравственныхъ силъ; а съ другой стороны, общество не приготовилось еще къ ея принятію, не могло представить ей чисто нравственныхъ сдержекъ, какъ не представляло ихъ и для мужчины. Примѣръ исторической женщины, освободившейся изъ терема, но не вынесшей изъ него нравственныхъ сдержекъ и не нашедшей ихъ въ обществѣ, представляетъ богатырь-царевна Софія Алексѣевна.

Какъ же воспитывался богатырь-царевичъ Петръ въ расшатавшемся обществѣ?

Трехъ лѣтъ остался Петръ по смерти отца и, съ восшествіемъ на престолъ старшаго брата, подвергся удаленію, гоненію вмѣстѣ съ матерью и ея родственниками. Спокойная, правильная обстановка во время младенчества способствуетъ правильности развитія, не ускоряетъ его въ ребенкѣ; напротивъ,—печальная доля въ младенчествѣ, гоненія, бури способствуютъ раннему развитію въ дѣтяхъ способныхъ. Предъ глазами постоянно печальная мать, толкующая съ ближними людьми о своей невзгодѣ, ссылкѣ братьевъ, благодѣтеля Матвѣева: ребенокъ пламенный, воспріимчивый питается, раздражается семейною враждою; то, что другія дѣти узнаютъ только изъ нянькиныхъ сказокъ, какъ злые родственники гонятъ невинныхъ дѣтей, какъ послѣднія или гибнутъ, или торжествуютъ, то маленькій Пеетръ испытываетъ въ дѣйствительности,—онъ уже герой драмы, дѣйствующее лицо; онъ ненавидитъ гонителей настоящею, дѣйствительною ненавистью, и сочувствіе его къ героямъ посильнѣе, чѣмъ у другихъ дѣтей къ ихъ сказочнымъ героямъ, ибо эти герои—онъ самъ и его мать, дядья. Царевича начали учить грамотѣ, призвали, по обычаю, дьяка, умѣвшаго хорошо читать и писать. Дьякъ былъ Никита Моисеевъ сынъ Зотовъ, знаменитый впослѣдствіи Пресбургскій патріархъ.

Петру оканчивался десятый годъ, когда умеръ царь Ѳеодоръ. Петра выбираютъ въ цари; но этотъ выборъ ведетъ къ стрѣлецкому бунту. До сихъ поръ удаленіе, гоненіе раздражали ребенка; теперь страшныя, кровавыя сцены передъ глазами, мучительная смерть родныхъ, отчаяніе матери, власть похищается, переходитъ въ руки прежнихъ гонителей. Послѣ, приближенные къ Петру люди разсказывали иностранцамъ, что во время стрѣлецкаго бунта маленькій Петръ сохранилъ удивительное спокойствіе, нисколько не измѣнился въ лицѣ, и указывали на это, какъ на признакъ будущаго величія [1]). Но какъ бы ни держалъ себя Петръ во время стрѣлецкаго бунта, кровавыя сцены не могли остаться безъ вліянія, и чувства, возбужденныя ими, должны были дѣйствовать разрушительно, хотя бы и сдержаны были на время.

Опять удаленіе и гоненіе, опять передъ глазами вѣчно печальная мать и вѣчныя жалобы, вѣчные толки о томъ, что власть похищена и дѣлается Богъ знаетъ что въ государствѣ. Грустно и скучно!—страшно скучно для ребенка, которому уже „начинаетъ быть грузно отъ силушки, какъ отъ тяжелаго бремени". Ученье кончилось съ уходомъ Зотова; у старшихъ братьевъ Петра послѣ дьяка, выучившаго грамотѣ, былъ другой учитель, Симеонъ Полоцкій; Петру не дали такого учителя. Что же дѣлать огненному мальчику, который, когда и выросъ, не умѣлъ ходить, а только бѣгать? Оставалось одно занятіе—„ходить по улицѣ широкой, съ ребятами тѣшиться", какъ говорила старинная пѣсня. И Петръ выбѣгаетъ изъ дворца на улицу, чтобъ больше уже не возвращаться во дворецъ съ тѣмъ значеніемъ, съ какимъ сидѣли тамъ его предки. Въ потѣхахъ съ ребятами на улицѣ, въ воинскихъ играхъ, новый Ромулъ кличетъ кличъ по новую дружину, и дружина собирается, удалые потѣшные конюхи, будущіе образцовые полки. Молодой богатырь расправляетъ свои силы. Въ то время, когда Россія повернула на новый путь, какъ нарочно, грусть и скука выгоняютъ молодаго царя изъ дворца на улицу, въ новую сферу, гдѣ онъ окруженъ новыми людьми, гдѣ онъ вождь новой дружины, разорвавшей съ прежнимъ бытомъ, съ прежними отношеніями. Безъ оглядки бѣжитъ онъ изъ скучнаго дворца чистымъ и свѣжимъ, новымъ человѣкомъ и, потому, способнымъ окружить себя новыми людьми; онъ убѣжалъ отъ царедворцевъ и ищетъ товарищей, беретъ всякаго, кто покажется ему годнымъ для его дѣла. Образуется новое общество, новое государство, и, какъ обыкновенно бывало при этомъ, является дружина съ своимъ вождемъ, которая и движется, разрушая старое, созидая новое; царь по происхожденію (rex ex nobilitate) становится вождемъ дружины по личной доблести (dux ex virtute) и удерживаетъ за собою преимущественно этотъ характеръ. Въ немъ не было ничего, что старинные Русскіе люди привыкли соединять съ значеніемъ царя; это герой въ античномъ смыслѣ; это въ новое время единственная исполинская фигура, какихъ мы видимъ много въ туманной дали, при основаніи и устроеніи человѣческихъ обществъ. Слѣдя за дѣятельностію Петра, мы не должны ни на минуту забывать, что имѣемъ дѣло не съ государемъ только, а съ начальникомъ новаго общества, съ вождемъ дружины, основывающей новое государство, съ человѣкомъ, проникнутымъ исключительно одною мыслію, служащимъ одному началу. Новыя отношенія не могли не высказаться въ новыхъ формахъ; отсюда перемѣна въ обращеніи у Петра съ своими, простой, совершенно товарищескій тонъ его переписки съ новыми людьми, на какихъ бы ступеняхъ они ни находились, какого бы происхожденія ни были, лишь бы только принадлежали къ новому обществу, были товарищами царя въ дѣлѣ преобразованія. Современное общество хорошо понимало эти отношенія: когда Русскіе люди раздѣлились и пошла борьба,—тѣ, которые стали за старину, обратили свою вражду на эту дружину, на этихъ новыхъ людей, окружавшихъ Петра

---

[1]) The pressent condition of the Moscovite empire till the year 1699.

Таковое значеніе имѣло то обстоятельство, что молодой царь выгнанъ былъ грустію и скукою изъ дворца и выбѣжалъ на улицу, гдѣ въ потѣхахъ, столько соотвѣтствовавшихъ его натурѣ, онъ расправилъ свои силы и получилъ тѣ дружинныя привычки, которыя такъ соотвѣтствовали его дѣятельности, его историческому значенію. Но дружинная жизнь, если съ одной стороны предполагаетъ сильную дѣятельность, подвиги, то съ другой—предполагаетъ веселую, разгульную жизнь, опять соотвѣтствующую природѣ людей, способныхъ къ дружинной жизни. Такъ жилось въ старой Руси, гдѣ князь прежде всего былъ вождемъ дружины; поработать и потомъ сѣсть пить съ дружиною—таковъ былъ день стараго Русскаго князя, который не могъ принять магометанства, потому что „Руси есть веселіе пити". Слѣдовательно нечему удивляться, если и новая дружина Петровская не разнилась въ этомъ отношеніи отъ старыхъ дружинъ. Но здѣсь мы должны припомнить еще и другія условія, которыя намъ объяснятъ дѣло во всѣхъ подробностяхъ. Припомнимъ, что для Петровыхъ—дѣда, отца и брата, кромѣ ихъ природы, недоступный, окруженный священнымъ величіемъ и страхомъ дворецъ служилъ тѣмъ же, чѣмъ теремъ для древней русской женщины:—охранялъ нравственную чистоту, хотя мы знаемъ, что, болѣе живой по природѣ, царь Алексѣй Михайловичъ любилъ иногда попировать, напоить бояръ и духовника. Младшій сынъ его, съ пылкою, страстною природою выбѣжалъ изъ дворца на улицу, а мы видѣли, какъ грязна была русская улица въ концѣ XVII вѣка; справимся съ извѣстіями о господствовавшихъ порокахъ тогдашняго общества,—и намъ объяснятся привычки Петра, которыя такъ намъ въ немъ не нравятся [1]).

Но неужели молодой Петръ былъ совершенно предоставленъ самому себѣ? Неужели при немъ не было ни одного человѣка, могшаго силою своего характера и значенія удержать его отъ крайностей, къ которымъ влекла страстная, огненная природа? Самымъ вліятельнымъ человѣкомъ въ этомъ отношеніи могъ быть кравчій, князь Борисъ Алексѣевичъ Голицынъ, двоюродный братъ знаменитаго князя Василья. Князь Борисъ, человѣкъ умный, энергическій, распорядительный, образованный не менѣе князя Василья, знавшій Латинскій языкъ и любившій говорить на немъ, честно исполнилъ свои обязанности къ Петру въ томъ отношеніи, что оставался непоколебимо ему вѣренъ, берегъ его интересы, оказалъ важныя услуги въ борьбѣ съ Софіею и послѣ съ стрѣльцами, съ достоинствомъ относился къ своему воспитаннику, когда тотъ уже началъ свою славную дѣятельность. Вотъ, напримѣръ, какъ онъ отвѣчалъ ему на письмо, извѣщавшее о побѣдѣ: „Милостивое письмо твое истинное и побѣдительное принялъ съ великимъ благодареніемъ, за что не помалу воздамъ хвалу Богу. Ласкать и манить не буду, только прошу у Бога,—всегда такое одолженіе и славу чтобъ всегда одержать" [2]). Но этого самаго князя Бориса иностранцы и Русскіе не иначе называютъ какъ пьяницею. Одинъ изъ иностранцевъ разсказываетъ, что князь Борисъ и молодой Андрей Артемоновичъ Матвѣевъ набились къ нему на обѣдъ и привели съ собою своихъ друзей, датскаго коммисара и нѣсколько иностранныхъ купцовъ; они остались такъ довольны кушаньями, что нѣсколько блюдъ отослали къ своимъ женамъ и безъ церемоніи унесли съ собою конфекты [3]). Эти извѣстія очень важны для насъ, потому что лучше всего изображаютъ тогдашнее общество: вотъ передовые люди, одни изъ первыхъ повернувшіе на новую дорогу, сознавшіе необходимость образованія и преобразованія; но какъ они еще не далеко ушли!—двувѣры, двуглавые Янусы: одна голова обращена впередъ, другая назадъ, говорятъ полатыни и пьянствуютъ, уносятъ съ собою конфекты съ чужого обѣда! Вотъ еще любопытный разсказъ о томъ же внязѣ Борисѣ. Знатокъ Латинскаго языка позвалъ къ себѣ иностранцевъ и изумилъ ихъ своимъ грубымъ обращеніемъ съ музыкантами-Поляками, привелъ въ ужасъ выходкою противъ несчастнаго учителя дѣтей своихъ, также Поляка [4]). Князь Борисъ не любилъ, какъ видно, сдерживаться; онъ былъ также очень откровененъ и въ письмахъ своихъ къ Петру; онъ начинаетъ ихъ обыкновенно латинскими фразами, но одно оканчиваетъ такъ: „Бориско, хотя быть пьянъ" [5]).

Съ княземъ Борисомъ Голицынымъ соединяется въ разсказахъ иностранцевъ молодой человѣкъ, такъ же очень близкій къ Петру, Андрей Матвѣевъ, сынъ знаменитаго Артемона. О двадцатидвухлѣтнемъ Матвѣевѣ говорятъ, что онъ былъ очень уменъ, хорошо говорилъ по-латыни, любилъ читать и съ жадностію слушалъ повѣсти обо всемъ, чтб происходило въ Европѣ, имѣлъ особенное расположеніе къ иностранцамъ; жена его была единственная русская женщина, которая не румянилась [6]).

Люди, самые приближенные къ Петру, такъ тянутъ къ западу, такіе охотники до иностранцевъ: Петръ, сгаравшій неудовлетворяемою жаждою знанія и дѣятельности, не могъ долго оставаться въ удаленіи отъ людей, которые могли его кой-чему научить, могли о многомъ поразсказать.

Однажды императрица Елисавета Петровна, вшедши въ комнату племянника своего Петра Ѳедоровича, который занимался черченіемъ, поцѣловала его и сказала со слезами: „Не могу на словахъ разсказать того удовольствія, какое я чувствую, когда вижу, что ты хорошо употребляешь свое время, и вспоминаю, какъ батюшка, заставъ однажды меня съ сестрою за уроками, сказалъ со вздохомъ: „Ахъ, еслибъ я въ моей молодости былъ выученъ, какъ должно!“ [1]).

---

[1]) Ист. Россіи, т. XIII, стр. 749, 784.

[2]) Кабинетъ Петра В. въ Государ. Арх. Отд. II, книга № 2, письмо отъ 22 іюля 1703.

[3]) De la Neuville p. 27.

[4]) Корбъ стр. 65.

[5]) Письно кн. Б. А. Голицына къ Петру Великому въ Государст. Архивѣ.

[6]) De la Neuville.

Петра не учили, какъ должно, по его собственному признанію; но онъ многое зналъ; какъ же онъ пріобрѣлъ эти знанія? Пусть разскажетъ самъ.

Князь Яковъ Долгорукій, передъ отъѣздомъ своимъ во Францію, въ посольствѣ разговорился съ четырнадцатилѣтнимъ Петромъ и, между прочимъ, сказалъ, что у него былъ важный инструментъ, да — жаль — украли; можно было этимъ инструментомъ брать дистанціи, не доходя до того мѣста. Искра упала въ порохъ: „Купи мнѣ инструментъ во Франціи“. Долгорукій купилъ, привезъ; астролябія въ рукахъ Петра, но что онъ съ нею станетъ дѣлать: не умѣетъ какъ взяться, а у кого спросить? Къ дохтуру Нѣмцу,—не знаетъ ли? Дохтуръ самъ не знаетъ, но говоритъ, что сыщетъ знающаго, Голландца Франца Тиммермана. Учитель нашелся, а ученикъ „гораздо присталъ съ охотою учиться геометріи и фортификаціи“ [2]).

„И тако“, говоритъ Петръ, „сей Францъ, чрезъ сей случай, сталъ при Дворѣ быть безпрестанно въ компаніяхъ съ нами“.

Нашелся знающій человѣкъ—и дѣло не ограничивается ученіемъ въ четырехъ стѣнахъ; ученикъ не умѣетъ ходить, а только бѣгаетъ. Огненный мальчикъ таскаетъ Тиммермана всюду, и при видѣ всякаго новаго предмета разспросы: „Чтò это; зачѣмъ? „Предметовъ новыхъ мало, и безпокойный мальчикъ всюду пробирается, заглядываетъ, нѣтъ ли гдѣ чего,—все ему надобно, все отопри и покажи. Въ Измайловѣ забрался въ амбары, гдѣ лежали старыя негодныя вещи двоюроднаго дяди царскаго, Никиты Ивановича Романова, и вдругъ судно особаго рода, иностранное!—Запросъ Тиммерману: что это за судно?—Ботъ англійскій.—„Гдѣ его употребляютъ?“—При корабляхъ для ѣзды и возки. —„Чѣмъ лучше нашихъ?“—Ходитъ на парусахъ не только-что по вѣтру, но и противъ вѣтру.—„Противъ вѣтру!—быть не можетъ! надобно посмотрѣть; есть ли такой человѣкъ, который бы починилъ ботъ и ходъ его мнѣ показалъ?“—Есть. Сейчасъ отыскали Голландца Карштенъ-Бранта, который при царѣ Алексѣѣ вызванъ былъ для постройки кораблей въ Дѣдиновѣ. Брантъ починилъ ботъ, сдѣлалъ мачту и паруса, и началъ лавировать на Яузѣ. „Это мнѣ паче удивительно и зѣло любо стало“, говоритъ Петръ. „Потомъ, когда я часто то употреблялъ съ нимъ, и ботъ не всегда хорошо ворочался, но болѣе упирался въ берега, я спросилъ его: для чего такъ. Онъ сказалъ, что узка вода. Тогда я перевезъ его на Просяной прудъ (въ Измайловѣ), но и тамъ немного авантажу сыскалъ, а охота стала отъ часу быть болѣе“.

Разсказывая, какъ возбуждена была въ немъ эта охота, Петръ разсуждаетъ: „Монархію Русскую дѣдъ нашъ очистилъ и успокоилъ, отомщеніе-жъ (врагамъ) и распространеніе сыну своему оставилъ, который какое тщаніе къ тому прилагалъ, а особливо въ воинскихъ дѣлахъ,—о томъ всѣмъ есть извѣстно, и не точію на землѣ, но и на морѣ покушался (которое дѣло такъ у насъ странно было, что едва слыхали о немъ), какъ то изъ осады гогода Риги и изъ строенія двухъ кораблей въ Дѣдиновѣ на Каспійское море видѣть возможно. Но чего ради тогда тому не исполниться и на насъ сіе бремя воля Вышняго Правителя возложить изволила, то оставляемъ непостижимымъ судьбамъ Его“.

Что было тайною для Петра, то уже не тайна для потомства. Прежде него была сознана необходимость моря и флота для Россіи: царь Алексѣй Михайловичъ строилъ корабли въ Дѣдиновѣ, мало того,—предлагалъ герцогу Курляндскому, нельзя ли строить русскіе корабли въ его гаваняхъ. Но мы видѣли, какъ строили корабли въ Дѣдиновѣ, съ какою медленностію, съ какими остановками: одни приказывали, другіе исполняли, не умѣя и нехотя, и дѣло не пошло. Чтобы оно пошло, нельзя было сидѣть въ Кремлевскомъ дворцѣ и слать указы: надобно было, чтобъ въ царѣ разгорѣлась страсть къ морскому дѣлу, чтобъ онъ самъ взялся за топоръ и началъ строить корабли, чтобъ ему печальныя болотистыя мѣста при устьяхъ Невы казались земнымъ раемъ, парадизомъ, потому только, что они были близки къ морю, что на нихъ можно было строить корабли. Необходимость преобразованій, новыхъ учрежденій была сознана до Петра; но привести въ исполненіе то, на что прежде только покушались, могъ одинъ Петръ.

„Охота стала отъ часу болѣе“. Началъ провѣдывать, гдѣ больше воды. Отвѣчали, что ближе нѣтъ большого озера какъ Переяславское, въ 120 верстахъ. Но какъ туда пробраться? Сказать прямо матери, что идетъ на большое озеро плавать и суда строить,—не отпуститъ: надобно уѣхать обманомъ. Сказалъ, что далъ обѣщаніе съѣздить къ Троицѣ на богомолье, а отъ Троицы пробрался въ Переяславль. Видъ обширнаго красиваго озера, гдѣ ботъ уже не будетъ стукаться о берега, разумѣется еще болѣе разманилъ Петра; онъ сталъ просить у матери завести новую потѣху на озерѣ;—царица согласилась, и Брантъ съ мастеромъ Кортомъ отправились въ Переяславль строить корабли.

Молодой богатырь рвался изъ дому отъ матери—поразмять своего плеча богатырскаго, испробовать силы-удали молодецкія, только не въ чисто поле, а на широкое озеро: мать употребила сильное средство, чтобъ привязать его къ дому: Петру не минуло еще 17 лѣтъ, какъ его женили 27 января

---

[1] Записки Штелина о Петрѣ III, въ Гос. Архивѣ.

[2] Кабинетъ, I, кн. 38. Здѣсь должно замѣтить, что если самъ Петръ говоритъ, что учился у Тиммермана геометріи и фортификаціи, то ариѳметикѣ учился прежде у кого-нибудь другого; и ариѳметическія упражненія его, дошедшія до насъ (Кабин. I, кн. 55), не относятся къ урокамъ Тиммермана.

1689 года на дочери окольничьяго Лопухина, Евдокіи; отецъ царской невѣсты, по обычаю, перемѣнилъ старое имя Иларіона на новое—Ѳедора

Русская пословица: „женится — перемѣнится“ не исполнилась на Петрѣ; онъ попрежнему рвался изъ дому отъ матери и отъ молодой жены. Въ апрѣлѣ 1689 года онъ уже былъ на Переяславскомъ озерѣ, откуда писалъ матери [1]: „Вселюбезнѣйшей и паче живота тѣлеснаго дражайшей моей матушкѣ, государѣ царицѣ и великой княгинѣ Наталіи Кириловнѣ. Сынишка твой, въ работѣ пребывающій, Петрушка, благословенія прошу и о твоемъ здравіи слышать желаю; а у насъ молитвами твоими здорово все. А озеро все вскрылось сего 20 числа, и суды всѣ, кромѣ большого корабля, въ отдѣлкѣ; только за канатами станетъ: и о томъ милости прошу, чтобы тѣ канаты, по семи сотъ саженъ, изъ Пушкарскаго Приказу, не мѣшкавъ, присланы были. А за ними дѣло станетъ—и житье наше продолжится. По семъ паки благословенія прошу“. Любопытно видѣть, какъ Петръ хитритъ: чтобъ получить поскорѣе канаты, онъ стращаетъ мать, что иначе не скоро возратится: „А за ними дѣло станетъ—и житье наше продолжится“

Занятія съ Тиммерманомъ, потѣхи на сушѣ и на водѣ, обученіе солдатскихъ полковъ, сформированныхъ изъ старыхъ потѣшныхъ и новыхъ охочихъ людей, явившихся отовсюду, изъ знати и изъ простыхъ, преимущественно изъ придворныхъ конюховъ, строеніе крѣпости, которая носила уже иностранное названіе Пресбурга (на берегу Яузы), строеніе судовъ на Переяславскомъ озерѣ заняли все вниманіе Петра; ему былъ недосугъ ни до чего. Мать зоветъ его изъ Переяславля въ Москву на панихиды по братѣ Ѳеодорѣ, — онъ отвѣчаетъ: „Быть готовъ, только, гей, гей, дѣло есть“; голова занята однимъ. объ одномъ твердилъ онъ матери: „О судахъ паки подтверждаю, что зѣло хороши всѣ“. Но не кораблики были на умѣ у царицы Натальи: глухая борьба не переставала между нею и падчерицею, которая отняла у нея правительство. Положеніе похитительницы было незавидное; по инстинкту самосохраненія взялась она за отчаянное средство, подняла стрѣльцовъ, вырвала правленіе изъ рукъ мачихи, поставила старшаго неспособнаго брата въ цари; но на долго ли все это? Сынъ Нарышкиной остался царемъ, возмужаетъ— и правительница будетъ болѣе не нужна, монастырь удаленъ на время, но постоянно въ виду. Положеніе Софіи было похоже на положеніе тѣхъ людей въ легендахъ, которые заключили договоръ съ злымъ духомъ — пользоваться до извѣстнаго времени всевозможными наслажденіями жизни, но по прошествіи срока сдѣлаться добычею ада. Понятно, что Софія должна была думать о средствахъ, какъ бы упрочить свою власть; понятно, что объ этомъ хлопотали люди, взысканные ею и которые лишались всего съ ея паденіемъ. Софія — правительница, благодаря неспособности одного брата и молодости другого: возмужаетъ послѣдній — и правительство Софіи должно окончиться; надобно сдѣлать, чтобъ оно не кончилось. Первый шагъ уже сдѣланъ: учреждено двоевластіе, оба брата вѣнчаны на царство; отчего не быть троевластію; отчего Софіи не вѣнчаться на царство?—тогда помазанницу Божію никто не свергнетъ Софія въ государственныхъ бумагахъ присоединила свое имя къ именамъ обоихъ братьевъ, вмѣстѣ съ ними называлась самодержицею всея Руси. Дьякъ Волковъ, отправленный посланникомъ въ Венецію, объявилъ тамъ, что съ великими государя социрствуетъ сестра ихъ, великая государыня Софія Алексѣевна Одинъ изъ сенаторовъ замѣтилъ: „Дожъ и весь сенатъ удивляются, какъ служатъ ихъ царскому величеству подданные ихъ, такимъ превысокимъ и славнымъ тремъ персонамъ государскимъ“. Волковъ отвѣчалъ, что подданные всѣхъ трехъ персонъ вмѣстѣ повелѣніе исполняютъ [2]. Но всѣ эти провозглашенія не крѣпки, все это не помазаніе. А между тѣмъ страшный срокъ приближался: Петръ выросталъ, и вмѣстѣ съ нимъ росли надежды мачихи, и смѣлѣе, рѣзче становились ея слова. Когда Софія присоединила свое имя къ именамъ братнимъ, царица прямо сказала царевнамъ Михайловнамъ и Алексѣевнамъ: „Для чего она стала писаться съ великими государями вмѣстѣ? У насъ люди есть и того дѣла не покинутъ“ [3]. Двѣ постельницы царицы Натальи передавали Софіи все, что говорилось про нее нехорошаго, враждебнаго у мачихи; передавали, что сильнѣе всѣхъ бранятъ ее—братъ царицы, Левъ Кириловичъ Нарышкинъ и князь Борисъ Алексѣевичъ Голицынъ [4].

Левъ Нарышкинъ и князь Борисъ Голицынъ были самые приближенные люди къ царицѣ Натальѣ; князь Василій Голицынъ и Шакловитый были самые приближенные люди къ царевнѣ Софіи. Князь Василій былъ самъ неспособенъ на преступныя, кровавыя мѣры; но мы видѣли, въ какое затруднительное положеніе поставилъ онъ себя отношеніями къ Софіи. Въ этомъ положеніи ему приходили въ голову страшныя мысли, что хорошо было бы, если-бы что-нибудь сдѣлалось, только отъ другихъ, а не отъ него, и проговорился онъ однажды: „Жаль, что въ стрѣлецкій бунтъ не уходили царицу Наталью вмѣстѣ съ братьями; теперь бы ничего не было“. Другая была природа Шакловитаго: онъ не дрожалъ ни передъ какими средствами, не довольствовался безплодными сожалѣніями о прошедшемъ; всѣмъ обязанный Софіи, онъ погибалъ съ ея паденіемъ; худороднаго подьячаго, произведеннаго милостію царевны въ окольничіе, не спасетъ знатный родъ, знатные родственники; обязанность быть вѣрнымъ благодѣтельницѣ красила разсчеты себялюбія. Софія или Наталья? Шакловитый съ страшною наивностію высказывалъ свой выборъ: „Чѣмъ тебѣ, государыня, не быть, лучше царицу известь“ [1]).

---

[1] Письмо отъ 20 апрѣля, въ Государ. Архивѣ.

[2] Полн. Соб. Зак. II, № 1187; Статейный списокъ Волкова въ Венеціанскихъ дѣлахъ Моск. Арх. Мин. Ин Д.

[3] Розыскное дѣло о Шакловитомъ.

[4] Розыскное дѣло о Шакловитомъ.

Понятно, что Шакловитый спѣшилъ наложить свою руку на кого могъ изъ людей, высказывавшихъ свою приверженность къ Петру: пыталъ и выслалъ изъ Москвы стольника Языкова, который говорилъ, что царь Петръ Алексѣевичъ—царь только по имени, а бить челомъ ему никто не смѣетъ. Но поймать и сослать того или другого неосторожнаго на слова ничего не значило. „У насъ люди есть“, говорила царица Наталья, и дѣйствительно у царя Петра были люди, которые, при случаѣ, не ограничатся одними словами,—у царя Петра есть свое войско, эти ненавистные потѣшные конюхи озорники, какъ величала ихъ Софія съ своими приверженцами. Отъ нихъ одно спасеніе въ стрѣльцахъ —надобно опять къ нимъ обратиться, какъ въ 1682 году Но не притупилось ли это оружіе съ 1682 года, и не сама ли Софія съ Шакловитымъ способствовали этому притупленію, вырвавши его изъ рукъ Хованскаго? Самые дерзкіе изъ стрѣльцовъ были удалены изъ Москвы по предложенію Шакловитаго, осталось большинство людей спокойныхъ, довольныхъ своимъ положеніемъ, которыхъ трудно поднять. Да и чѣмъ поднять на такое дѣло? Въ августѣ 1687 года Шакловитый вдругъ предлагаетъ начальнымъ людямъ стрѣлецкимъ написать челобитную, чтобъ Софія вѣнчалась царскимъ вѣнцомъ.—„Мы челобитной писать не умѣемъ“, отвѣчали стрѣльцы.—„Челобитная будетъ написана“, увѣряетъ Шакловитый. „Челобитная будетъ написана“, но кому ее подать царямъ?—о старшемъ никто не думалъ, все дѣло было въ младшемъ.—„Послушаетъ ли насъ царь Петръ Алексѣевичъ?“ спрашиваютъ стрѣльцы.—„Если не послушаетъ, ступайте въ Верхъ, задержите боярина Льва Кирилловича и кравчаго Бориса Алексѣевича: тогда приметъ челобитье.“—„А патріархъ и бояре?“—опять спрашиваютъ стрѣльцы —„Патріарха можно перемѣнить, а бояре — опадшее, зяблое дерево; развѣ постоитъ до поры-до-времени одинъ князь Василій Васильевичъ Голицынъ.“

Такъ вотъ въ чемъ дѣло: чтобы исполнить желаніе царевны и Шакловитаго, надобно пойти въ Верхъ бунтомъ, задержать двоихъ самыхъ близкихъ къ царю людей, смѣнить патріарха! Прежде стрѣльцы были постепенно приготовляемы къ бунту разраженіемъ и разнуздываніемъ, да и тутъ масса была поднята извѣстіемъ, что Нарышкины задушили царевича; а теперь велятъ бунтовать, чтобъ достигнуть небывалаго, страннаго дѣла, и это послѣ того, какъ употреблены были всѣ средства, чтобъ охладить стрѣльцовъ къ бунту, заставить ихъ бояться его.

Начальнымъ людямъ дали по пяти рублей съ наказомъ, чтобъ поговорили съ товарищами въ полкахъ. Но въ полкахъ предложеніе было принято такъ же холодно, и Софія поспѣшила сама отказаться отъ него.

Надобно было, по крайней мѣрѣ, разогрѣть преданность стрѣльцовъ, упрочить себѣ ихъ защиту на всякій случай, выставить имъ опасность, которой подвергается Софія. Правительница призвала къ себѣ ночью нѣсколько стрѣльцовъ и начала имъ натолковывать, что царица Наталья съ братьями и Борисомъ Голицынымъ поднимаетъ бунтъ, и патріархъ противъ нея, Софіи,—чѣмъ бы мирить, только мутитъ. Шакловитый, какъ будто обращаясь съ совѣтомъ въ царевнѣ, давалъ знать стрѣльцамъ, какія средства должно употребить, чтобъ успокоить Софію: отчего бы князя Бориса и Льва Нарышкина не принять? Да и царицу можно бы принять. „Извѣстно тебѣ, государыня, каковъ ея родъ и какъ въ Смоленскѣ въ лаптяхъ ходила“. Софія отвѣчала на это: „Жаль мнѣ ихъ, и безъ того ихъ Богъ убилъ“. Стрѣльцы отвѣчали очень неопредѣленными словами: „Воля твоя, государыня, что изволишь, то и дѣлай“.

Неопредѣленными словами отвѣчали стрѣльцы на неопредѣленныя требованія, неопредѣленныя жалобы. Какой бунтъ поднимаетъ царица? Понятно, что Шакловитый могъ найти изъ стрѣльцовъ только пять человѣкъ, готовыхъ на все; эти пятеро были: Петровъ, Стрижевъ, Кондратьевъ, Чермный и Гладкій, которыхъ интересы были тѣсно связаны съ интерсами Софіи. Шакловитый говорилъ Чермному: „Хотятъ насъ перевесть, а мутитъ всѣмъ царица; меня хотятъ высадить изъ Приказу, а васъ, которые ко мнѣ въ домъ вхожи, разослать всѣхъ по городамъ.“ И вотъ Чермный, чтобъ избыть бѣды, начинаетъ толковать товарищамъ: „Какъ быть? хотя и всѣхъ побить, а корня не выведешь; надобно уходить старую царицу медвѣдицу.“ Ему возражали, что за мать вступится царь Петръ; Чермный не останавливался: „Чего и ему спускать; за чѣмъ стало?“ Гладкій толковалъ: „У царя Ивана Алексѣевича двери завалили дровами и полѣньемъ и царскій вѣнецъ изломали, а кому ломать только съ ту сторону.“

Стрѣльцы оставались холодны къ этимъ разсказамъ: полѣньемъ закидали, вѣнецъ изломали!—прежде было сказано, что и совсѣмъ задушили; а что вышло? Придумали средство посильнѣе: ночью въ двухъ мѣстахъ подъѣзжала къ стрѣлецкимъ карауламъ вооруженная толпа, схватывала десятника, и начальникъ толпы приказывалъ его бить до смерти; несчастнаго начинали колотить, но слышался голосъ изъ толпы: „Левъ Кирилловичъ! за что его бить до смерти?—душа христіанская!“ Послѣ было узнано, что мнимый Нарышкинъ былъ подъячій Приказа Большой Казны Шошинъ, довѣренный человѣкъ правительницы.

И это средство не раздражало. Не подавались и на обѣщанія грабежа, когда Гладкій прельщалъ, что станутъ стрѣльцы грабить домы бояръ и торговыхъ людей и дѣлить богатую добычу. Гладкій, свой человѣкъ у Шакловитаго, слѣдовательно и у Медвѣдева, затрогивалъ и интересъ религіозный, обвинялъ патріарха въ новомъ ученіи, по которому не велятъ кланяться, когда поютъ аминь (послѣ „пріимите, ядите“). Стрѣльцы холодно слушали о винахъ патріарха: они помнили 5 іюля 1682 года. Не трогались и словами Гладкаго, когда онъ выставлялъ противоположность поведенія Софіи и Петра: „Наша государыня все Богу молится, а тамъ только на органахъ и на скрипицахъ играютъ“.

---

[1]) Розыскное дѣло о Шакловитомъ.

Стрѣльцы не трогались, а между тѣмъ въ 1689 г. стали обнаруживаться выходки Петра противъ Софіи; въ нихъ не было ничего очень важнаго, систематическаго: Петръ былъ еще молодъ и занятъ кораблями; несмотря на то, Софія не могла не раздражиться и не обезпокоиться, увидавъ начало дѣла, въ концѣ котораго являлся монастырь. 8 іюля, въ Казанскую, Петръ въ соборѣ сказалъ сестрѣ, чтобъ она не ходила въ крестный ходъ; Софія не послушалась, взяла образъ и пошла; Петръ разсердился, не пошелъ за крестами и уѣхалъ изъ Москвы. Съ его стороны все и окончилось этою вспышкою. Но положеніе Софіи было таково, что она сочла необходимымъ приготовиться къ защитѣ отъ потѣшныхъ конюховъ, которые придутъ вырывать власть изъ рукъ ея. 25 іюля, когда Петра ждали въ Москву, по случаю именинъ старшей царевны Анны Михайловны, 50 стрѣльцовъ было тайно поставлено у Краснаго крыльца съ наказомъ слушать набата, которымъ дается знать, что надъ государынею „хитрость чинится“ [1].

Хитрости не учинилось никакой, но со стороны Петра новая выходка, сильно раздражившая Софію, ибо дѣло шло о славѣ ея правленія и о князѣ Васильѣ Васильевичѣ. Петръ не соглашался на назначеніе наградъ Голицыну и товарищамъ его за второй Крымскій походъ, потомъ позволилъ уговорить себя согласиться, но сорвалъ сердце, не допустивши къ себѣ Голицына и другихъ воеводъ и генераловъ съ благодарностью за награды [2]. Это было 27 іюля. Въ тотъ же день, вечеромъ, Софія пошла ко всенощной къ празднику въ Новодѣвичій монастырь, въ сопровожденіи пятисотныхъ и пятидесятниковъ, и послѣ службы стала жаловаться имъ на царицу Наталью, что опять начинаетъ бѣду: „Если мы вамъ годны“, говорила Софія, „то стойте за насъ; а если не годны, то мы оставимъ государство“. Стрѣльцы отвѣчали, что готовы исполнить ея волю; Софія велѣла имъ ждать повѣстки. Но большинство стрѣльцовъ не хотѣло начинать дѣла по набату; если дѣйствительно грозитъ бѣда кому-нибудь изъ членовъ Царскаго Дома, то пусть идетъ дѣло законнымъ порядкомъ: пусть думный дьякъ скажетъ царскій указъ,—того они и возьмутъ, а безъ указа ничего дѣлать не станутъ, сколько бы ни били въ набатъ; надобно бить челомъ о розыскѣ [3]. Понапрасну приверженцы Шакловитаго старались противодѣйствовать такому расположенію большинства, понапрасну толковалъ Стрижевъ, что изъ розыска ничего не выйдетъ, злодѣи царевны извѣстны: принять ихъ! а безъ царевны стрѣльцамъ будетъ плохо. Петръ присылаетъ за Стрижевымъ, Шакловитый не даетъ его; Петръ велитъ арестовать самого Шакловитаго въ Измайловѣ, но скоро выпускаетъ. Съ этой стороны дѣйствуютъ робко, нерѣшительно, но все же дѣйствуютъ,—и этого довольно для другой стороны, чтобъ сильно безпокоиться и волноваться.

7 августа на Верху толковали, что нашли подметное письмо: ночью придутъ потѣшные конюхи изъ Преображенскаго, чтобъ побить царя Ивана Алексѣевича и всѣхъ его сестеръ. Вечеромъ Шакловитый распоряжается, велитъ собрать въ Кремль 400 человѣкъ стрѣльцовъ съ заряженными ружьями, 300 другихъ собрать на Лубянкѣ, троихъ деньщиковъ своихъ посылаетъ къ Преображенскому смотрѣть, куда пойдетъ царь Петръ. Но распоряженія плохо исполняются: деньщики не идутъ къ Преображенскому на указныя мѣста, на Лубянкѣ нѣтъ сбора; сильно волнуются въ Кремлѣ Гладкій и Чермный, но ихъ задоръ не сообщается другимъ; никто не знаетъ, зачѣмъ ихъ собрали: защищать или нападать; въ томъ и другомъ случаѣ будетъ усобица, въ которой они не хотятъ участвовать. Въ это время всеобщаго тяжелаго, тревожнаго ожиданія пріѣзжаетъ въ Кремль изъ Преображенскаго спальникъ царя Петра, Плещеевъ. Гладкій, который давно уже ждетъ случая начать дѣло, бросается на Плещеева, стаскиваетъ его съ лошади, срываетъ саблю, бьетъ и ведетъ его въ Верхъ къ Шакловитому Гладкій дѣйствительно начинаетъ дѣло.

Если масса стрѣльцовъ была недоступна внушеніямъ Шакловитаго съ товарищами, не хотѣла начинать бунта въ пользу Софіи, то не двигалась такъ же и въ противоположномъ направленіи; изъ этой массы выдѣлились, какъ мы видѣли, не болѣе пяти человѣкъ, которые готовы были, какъ 15 мая 1682 года, принять на копья кого угодно въ пользу Софіи; но, въ противоположность имъ, образовался небольшой кружокъ изъ осьми человѣкъ, которые въ дѣйствіяхъ Шакловитаго, Чермнаго и Гладкаго видѣли преступленіе и безуміе, и рѣшились прямо дѣйствовать наперекоръ имъ, въ пользу царя Петра, имѣющаго всѣ права на своей сторонѣ. Эти восемь человѣкъ были стремянные: пятисотный Елизарьевъ; пятидесятники Мельновъ, Ульфовъ; десятники Ладогинъ, Ѳеоктистовъ, Турка, Троицкій и Капрановъ. Въ ночь съ 7 на 8 августа, когда масса остается неподвижною, дѣйствія, разумѣется, должно ожидать въ этихъ обоихъ крайнихъ кружкахъ, ибо здѣсь самые рѣшительные люди, опредѣлившіе свои цѣли, люди неколеблющіеся, нешатающіеся. Елизарьевъ съ товарищами стояли на Любянкѣ въ ночь на 8 число, одинъ изъ нихъ, Мельновъ, былъ посланъ ими въ Кремль для наблюденія, и, возвратясь, объявилъ о поступкѣ

---

[1] Розыскное дѣло о Шакловитомъ.

[2] Gordon's Tagebuch, II, 267.

[3] Розыскное дѣло о Шакловитомъ.

Гладкаго съ Плещеевымъ. Въ этомъ поступкѣ они увидали начало дѣла и рѣшились дѣйствовать съ своей стороны: Мельновъ и Ладогинъ посланы были въ Преображенское увѣдомить царя, что на него и на его мать умышляется смертное убійство [1]).

Но не одни Мельновъ и Ладогинъ спѣшили въ Преображенское съ своимъ извѣтомъ. Вечеромъ вельможи узнали, что въ Кремль пускаютъ только самыхъ извѣстныхъ и довѣренныхъ лицъ у правительницы. Это такъ встревожило людей, державшихъ сторону Петра, что они отправились немедленно въ Преображенское. Немного за полночь, когда Петръ спалъ уже крѣпкимъ сномъ, его будятъ и говорятъ: пріѣхали изъ Москвы стрѣльцы и другіе люди съ извѣстіемъ, что множество стрѣльцовъ собрано въ Кремлѣ, хотятъ приходить въ Преображенское бунтомъ. Испуганный царь вскочилъ съ постели, какъ былъ, и прямо на конюшню, сѣлъ на лошадь—и въ ближній лѣсъ, куда уже ему принесли платье. Одѣвшись, поскакалъ съ постельничимъ Гаврилою Головкинымъ, карлою и однимъ изъ извѣтчиковъ стрѣльцовъ къ Троицѣ, куда пріѣхалъ около 6 часовъ утра въ сильной усталости, и только-что успѣлъ войти въ комнату, какъ бросился на постель и, заливаясь слезами, разсказалъ о своей бѣдѣ прибѣжавшему архимандриту Викентію и просилъ у него защиты [2]). Осьмаго же числа пріѣхали къ Троицѣ царица Наталья Кирилловна съ дочерью и невѣсткою, преданная Петру знать, потѣшные и стрѣльцы Сухарева полка. Главнымъ распорядителемъ здѣсь явился князь Борисъ Голицынъ.

Москва пришла въ ужасъ, когда 8 числа распространилась вѣсть объ отъѣздѣ царя изъ Преображенскаго. Усобица начиналась:—чѣмъ-то кончится? На Верху старались показывать видъ, что не обращаютъ на это происшествіе большаго вниманія. Шакловитый, узнавши о немъ, сказалъ: „Вольно ему, взбѣсяся, бѣгать“. Софія объявила стрѣльцамъ, что еслибъ они не остереглись, то всѣхъ бы ихъ передавили потѣшные конюхи. Но другое было объявлено царю Петру, когда 9 числа онъ прислалъ къ царю Ивану и Софіи спросить, зачѣмъ были собраны стрѣльцы въ такое необычайное время. Ему отвѣчали, что стрѣльцы должны были провожать царевну въ монастырь на богомолье. Вслѣдъ за тѣмъ другая присылка отъ Петра: отпустить къ нему полковника Цыклера съ 50 стрѣльцами. Послѣ узнали, что это была хитрость Цыклера. Какъ мы видѣли, онъ былъ ревностнымъ приверженцемъ Софіи и участникомъ въ стрѣлецкомъ бунтѣ. Теперь онъ увидѣлъ, что, по всѣмъ вѣроятностямъ, возьметъ верхъ Петръ,—и далъ знать къ Троицѣ, чтобъ его вызвали туда, и онъ откроетъ много нужныхъ вещей. Цыклера отпустили послѣ долгихъ совѣщаній и отговорокъ [3]). За Цыклеромъ отправились также съ извѣтами къ Троицѣ Елизарьевъ, Ѳеоктистовъ, Ульфовъ, Турка, Капрановъ, Троицкій.

Софіи нельзя было долго оставаться въ спокойномъ ожиданіи, что начнутъ у Троицы. Она не могла не понимать, какъ выгодно было положеніе Петра въ борьбѣ; она сама прежде, въ распрѣ съ Хованскимъ, указала эту дорогу къ Троицѣ, какъ самую удобную. 13 числа отправленъ былъ къ Петру бояринъ князь Иванъ Борисовичъ Троекуровъ; 15 онъ возвратился и привезъ не очень любезный отвѣтъ; а на другой день явилась въ Москвѣ грамота отъ царя Петра въ солдатскіе и стрѣлецкіе полки, чтобъ начальные люди и по 10 человѣкъ рядовыхъ изъ каждаго полка были у Троицы къ 18 числу. Софія, посовѣтовавшись съ ближними людьми, велѣла позвать къ себѣ начальныхъ людей изъ каждаго полка, держала къ нимъ сильную рѣчь и настрого запретила, чтобъ не смѣли ходить къ Троицѣ и вмѣшиваться въ распрю ея съ братомъ, и когда стрѣлецкіе полковники обнаружили свое недоумѣніе, то Софія сказала имъ, что если кто-нибудь изъ нихъ пойдетъ къ Троицѣ, то будетъ пойманъ и потеряетъ голову.

Надобно было спѣшить окончаніемъ дѣла, и въ тотъ же день дядька царя Ивана, князь Петръ Ивановичъ Прозоровскій, вмѣстѣ съ духовникомъ Петра были отправлены къ Троицѣ съ извиненіемъ, что никакъ нельзя было исполнить требованіе царя и прислать къ нему требуемое войско. Въ то же время Прозоровскій и духовникъ должны были употребить всѣ средства къ примиренію Петра съ сестрой, и, для успокоенія стрѣльцовъ и солдатъ, въ Москвѣ былъ распущенъ слухъ, что царская грамота была прислана безъ вѣдома Петра, умышленіемъ князя Бориса Голицына. 18 числа возвратились Прозоровскій и духовникъ ни-съ-чѣмъ. Схватились за соломину, рѣшились послать патріарха, о которомъ Софія сама прежде говорила: „Посягаетъ онъ на меня; чѣмъ бы ему уговаривать, а онъ самъ посягаетъ“ Іоакимъ былъ радъ вырваться изъ Москвы, изъ рукъ враговъ своихъ, уѣхалъ къ Троицѣ—и тамъ остался: Петръ пріобрѣлъ важнаго союзника. Прошло нѣсколько дней въ ожиданіяхъ. 27 августа новая царская грамота отъ Троицы въ стрѣлецкіе полки, въ гостинную сотню, въ дворцовыя слободы и черныя сотни, чтобъ всѣ полковники и начальные люди съ 10 рядовыми изъ каждаго полка, а изъ сотенъ и слободъ старосты съ 10 тяглецами явились немедленно къ Троицѣ: а кто не явится, тому быть въ смертной казни. Толпы стрѣльцовъ, повинуясь указу, двинулись изъ Москвы. У Троицы самъ царь вышелъ къ нимъ передъ дворецъ съ матерью и патріархомъ, и объявилъ объ умыслѣ Шакловитаго. Дьякъ прочелъ выписку изъ разспросныхъ рѣчей и стрѣлецкихъ извѣтовъ; патріархъ сталъ увѣщевать, чтобъ пришедшіе стрѣльцы объявили всю правду, что знаютъ, грозя, въ случаѣ несправедливаго показанія, архіерейскимъ неблагословеніемъ. Стрѣльцы завопили, что они Ѳедькина злого умысла не знаютъ, великимъ государямъ служатъ и работаютъ, какъ служили и работали ихъ предкамъ, рады ловить воровъ и измѣнниковъ и во всемъ исполнять волю государскую. Но нѣкоторые поразсказали кой-что.

---

[1]) Розыскное дѣло о Шакловитомъ.

[2]) Gordon's Tagebuch, II, 267 и слѣд.

[3]) Gordon's Tagebuch, II, 269.

Софія рѣшилась ѣхать сама къ Троицѣ. Въ томъ самомъ селѣ Воздвиженскомъ, гдѣ семь лѣтъ тому назадъ она велѣла казнить Хованскаго, встрѣтилъ ее стольникъ Бутурлинъ и отъ имени великаго государя объявилъ, чтобъ она въ монастырь не ходила. „Непремѣнно пойду“, отвѣчала Софія; но за Бутурлинымъ явился бояринъ князь Троекуровъ съ объявленіемъ, что если она пойдетъ, то съ нею нечестно поступлено будетъ[1]; отрядъ вооруженныхъ людей уже показался въ Воздвиженскомъ.

Софія поспѣшно возвратилась, велѣла позвать къ себѣ стрѣльцовъ старыхъ, на которыхъ особенно полагалась, и стала имъ жаловаться, что чуть ее не застрѣлили въ Воздвиженскомъ, насилу ушла; что Нарышкины съ Лопухиными хотятъ извести царя Ивана, добираются и до нея. „Можно ли на васъ надѣяться?“ говоритъ Софія: „надобны ли мы вамъ? А если не надобны, то пойдемъ съ братомъ гдѣ-нибудь себѣ кельи искать“. Горько жалуется, что нѣтъ житья отъ Бориса Голицына и Льва Нарышкина: меньшаго брата съ ума споили, старшаго ни во что ставятъ, комнату его дровами завалили; ее, Софію, называютъ дѣвкою, какъ будто не дочь она царя Алексѣя Михайловича; хотятъ отрубить голову князю Василью Васильевичу, который сдѣлалъ такъ много добра: съ Польшею заключилъ миръ вѣчный; съ Дону прежде бѣглыхъ не выдавали, а теперь выдаютъ его промысломъ; житье наше ставится коротко; радѣла она обо всячинѣ, и все изъ рукъ тащатъ. „Не уходите къ Троицѣ, пожалуй и вы побѣжите? цѣлуйте крестъ!“ И привела стрѣльцовъ къ присягѣ, что не побѣгутъ. Но это не помогло. Наступило 1-е сентября, праздникъ Новаго Года. Нерадостно встрѣтила его Софія и ея приверженцы: изъ Троицкаго монастыря пріѣхалъ полковникъ Нечаевъ съ стрѣльцами, привезъ къ царю Ивану и Софіи грамоту, въ которой Петръ извѣщалъ ихъ о заговорѣ, и требовалъ присылки Ѳедьки Шакловитаго и старца Сильвестра Медвѣдева съ сообщниками для розыска къ Троицѣ. Это произвело сильное движеніе при Дворѣ; народъ былъ пораженъ: большинство, по словамъ очевидца[2], рѣшило оставаться спокойнымъ и ждать, чѣмъ кончится дѣло. Нечаева позвали на Верхъ и спросили, какъ онъ смѣлъ привезти грамоту. Тотъ отвѣчалъ, что не смѣлъ ослушаться царскаго повелѣнія. Софія велѣла отрубить ему голову, но онъ спасся тѣмъ, что не могли или не хотѣли скоро сыскать палача, а между тѣмъ гнѣвъ Софіи прошелъ. Но отъ Троицы вмѣстѣ съ Нечаевымъ пріѣхали также и стрѣльцы; Софія велѣла позвать ихъ къ Красному крыльцу, и, сошедши внизъ, начала говорить: „Для чего вы пріѣхали, и съ какимъ указомъ? чему вы тому вѣрите, что вамъ въ Троицкомъ монастырѣ прочитали,—тѣ письма отъ воровъ составлены, и вы безъ указу съ Москвы въ Троицкій монастырь не ѣздите для того: братъ мой Петръ Алексѣевичъ меня къ себѣ въ монастырь не допустилъ. И за которыми людьми вы присланы, и я ихъ вамъ не отдамъ, для того: будетъ отдать вамъ девять человѣкъ, а они оговорятъ к 900 человѣкъ, чему тому вѣрить? Довелось прислать тѣхъ къ Москвѣ для розыску, которые ихъ оговариваютъ, и я васъ не отпущу, и которые пойманы и сидятъ на съѣзжихъ избахъ—не дамъ, и для того въ Троицкій монастырь пошлю боярина. Знатно то дѣло клонятъ, хотятъ меня извести[3]. Злые люди учинили между нами ссору и научили говорить объ умыслѣ противъ царя Петра Алексѣевича и другихъ. Завистію къ вѣрной службѣ и радѣнію Ѳеодора Шакловитаго назвали его заводчикомъ злого умысла. Чтобъ развѣдать обо всемъ, я сама пошла къ Троицѣ, но царь Петръ Алексѣевичъ велѣлъ меня остановить по наущенію злыхъ совѣтниковъ, и должна была я возвратиться съ великимъ срамомъ. Всѣмъ вамъ вѣдомо, какъ я въ эти семь лѣтъ правительствовала, а приняла правительство въ самое смутное время, учинила славный вѣчный миръ съ христіанскимъ сосѣднимъ государемъ, а враги Креста Христова отъ оружія моего въ ужасѣ пребываютъ. Вы за ваши службы пожалованы нашимъ великимъ жалованьемъ и милость нашу къ себѣ всегда видѣли. Ужели послѣ того вы намъ учинитесь невѣрны, повѣривши вымыслу злыхъ людей, которые всему христіанству добра не желаютъ и смуту заводятъ? Не головы Ѳеодора Шакловитаго ищутъ,—ищутъ головы моей и брата моего, Ивана Алексѣевича“[4].

Въ сильномъ волненіи Софія не чувствовала усталости; подозвала къ себѣ лучшихъ изъ торговыхъ и посадскихъ людей и говорила имъ въ томъ же родѣ; наконецъ велѣла собрать весь народъ, бывшій въ Кремлѣ, и держала передъ нимъ, по свидѣтельству очевидца[5], длинную прекрасную рѣчь.

А между тѣмъ въ Кремлѣ все было приготовлено къ празднованію Новаго Лѣта Но патріарха нѣтъ; царь Иванъ нездоровъ, царевнѣ-правительницѣ не до праздника,—и приготовленія были отмѣнены. Стрѣльцовъ угостили водкою. Знать и служилые иноземцы получили свою чарку водки изъ рукъ самого царя Ивана Алексѣевича. Въ это время Шакловитый служилъ послѣднюю службу царевнѣ: писалъ сказку ко всѣмъ чинамъ Московскаго государства съ изложеніемъ всего дѣла для оправданія Софіи, для обвиненія стороны противной,—писалъ, какъ царевна приняла правительство по челобитью всего народа, по благословенію патріарха, а теперь Нарышкины ее и брата ея, царя

---

[1] Записки Матвѣева, въ собраніяхъ Туманскаго и Сахарова.

[2] Гордонъ, 271.

[3] Розыскное дѣло о Шакловитомъ.

[4] Гордонъ, 272.

[5] Гордонъ, 272

Ивана Алексѣевича, безчестятъ, къ рукѣ не ходятъ, прибрали потѣшныхъ конюховъ, отъ которыхъ многимъ людямъ чинятся обиды и насилія; на челобитныя объ этомъ царю Петру нѣтъ отвѣта; комнату царя Ивана забросали полѣньями, изломали его вѣнецъ 1).

Шакловитый служилъ послѣднюю службу; но Голицынъ не принималъ никакого участія въ московскихъ движеніяхъ. Шла переписка между родственниками: князь Борисъ писалъ князю Василью, чтобъ пріѣзжалъ къ Троицѣ, чтобъ заслужилъ этимъ расположеніе царя Петра; князь Василій отправилъ подъячаго къ Троицѣ уговаривать князя Бориса, чтобъ примирилъ обѣ стороны. Князь Борисъ велѣлъ отвѣчать, что лучше всего, если онъ, князь Василій, какъ можно скорѣе пріѣдетъ къ Троицѣ, что царь приметъ его отлично 2). Между тѣмъ изъ Троицкаго монастыря новыя требованія о выдачѣ Шакловитаго. Стрѣльцы начинали роптать, зачѣмъ такъ долго тянется дѣло; Софія велѣла повѣстить, что сама, вмѣстѣ съ старшимъ братомъ, отправится къ Троицѣ. Стрѣльцы роптали въ Москвѣ, что дѣло долго не оканчивается; ихъ братья у Троицы также теряли терпѣніе: въ Москвѣ у нихъ были жены, дѣти, промыслы,—они приступили съ просьбою, чтобъ имъ позволено было идти въ Москву и захватить Ѳедьку Шакловитаго съ товарищи; но молодой царь и совѣтники его не согласились на это, боясь усобицы. Насчетъ дальнѣйшаго поведенія мнѣнія дѣлились у Троицы: одни хотѣли, чтобъ царь ускорилъ рѣшеніе дѣла, приблизившись къ Москвѣ, остановившись въ Алексѣевскомъ или Преображенскомъ. Но благоразумнѣйшіе противились этому, представляя, что тутъ можетъ произойти кровопролитіе, тогда какъ дѣло сдѣлается само собою. Князь Василій Голицынъ приговаривалъ, чтобъ отъ Троицы стрѣльцовъ человѣкъ десятокъ-другой подговорить, чтобъ, на нихъ смотря, иные бѣжали; а какъ стрѣльцы побѣгутъ, то и государь будетъ въ Москвѣ, и здѣсь сойдутся и между собою переговорятъ.

Еще 2 сентября отправились къ Троицѣ нѣкоторые изъ Нѣмецкой слободы, и Гордонъ поручилъ имъ извинить его, что онъ нейдетъ, не зная, будетъ ли пріятенъ его приходъ или нѣтъ. 4 числа явилась въ слободѣ царская грамота (отъ 31 августа), призывавшая всѣхъ служилыхъ иноземцевъ къ Троицѣ. Иноземцы рѣшили, что должно показать грамоту князю Василью Васильевичу Голицыну, какъ главному своему начальнику. Гордонъ съ нѣсколькими полковниками отправился къ Оберегателю. Тотъ былъ сильно смущенъ, когда они подали ему грамоту, но поспѣшилъ оправиться и отвѣчалъ, что покажетъ грамоту старшему царю и царевнѣ, и тогда скажетъ, что имъ дѣлать. Гордонъ замѣтилъ, что они боятся за свои головы, если не послушаются. Голицынъ обѣщалъ прислать отвѣтъ не позже вечера; но иноземцы не хотѣли дожидаться отвѣта, вечеромъ двинулись въ путь и въ 11 часовъ утра на другой день были у Троицы, цѣловали руку у царя, который каждому поднесъ по чаркѣ водки. Въ такое время натянутаго ожиданія и нерѣшительности всякое движеніе въ ту или въ другую сторону чрезвычайно важно, сильно увлекаетъ: начали громко говорить въ пользу царя Петра, когда узнали, что и Нѣмцы ушли къ нему.

У Софіи все еще оставались стрѣльцы; но когда разнеслась вѣсть, что царевна не поѣдетъ къ Троицѣ, потому что ея туда не пустятъ, то стрѣльцы потеряли всякое терпѣніе и вечеромъ 6 сентября явились большою толпою въ Кремль съ челобитьемъ къ царевнѣ, чтобъ выдала Ѳедьку Шакловитаго, котораго они поведутъ къ Троицѣ. Сначала Софія отвѣчала, что не выдастъ и чтобъ они жили спокойно, не вмѣшивались въ ссору ея съ братомъ. Въ толпѣ раздался шумъ, послышались голоса, что нечего дожидаться, надобно приниматься за набатный колоколъ. Это сильно поразило Софію. Сцена 1682 года повторилась, только съ перемѣною лицъ: тогда стрѣльцы требовали у царицы Натальи выдачи брата ея, Ивана Нарышкина, и перетрусившіеся бояре уговаривали царицу пожертвовать братомъ, чтобъ имъ всѣмъ не погибнуть изъ-за одного; теперь стрѣльцы, грозя бунтомъ, требуютъ, у Софіи выдачи Шакловитаго, и окружающіе царевну уговариваютъ ее исполнить требованіе, иначе многимъ придется поплатиться жизнью. Софія выдала Шакловитаго, но Медвѣдевъ успѣлъ скрыться. Въ тотъ же день бояре, оставшіеся въ Москвѣ, по вызову Петра, отправились къ Троицѣ; не поѣхалъ одинъ Голицынъ: онъ удалился съ своими приближенными въ подмосковное село Медвѣдково; вѣсть о выдачѣ Шакловитаго сильно поразила его 3).

7 сентября привезли Шакловитаго въ монастырь. На разспросы о преступныхъ замыслахъ онъ отвѣчалъ: въ 1687 году, въ Великій постъ, въ Казанскомъ соборѣ, за иконою Богородицы, вынули письмо съ непристойными словами на царевну Софію Алексѣевну, и въ то же время у государя Петра Алексѣевича начали прибирать потѣшныхъ конюховъ, и оттого возродилось опасеніе. Царевна Софія сказала ему, Шакловитому, чтобъ выбралъ стрѣльцовъ радѣтельныхъ и вѣрныхъ къ ней и къ царю Ивану, и онъ, призвавъ пятисотныхъ, говорилъ, что если будетъ замѣшаніе, то чтобъ государей оберегали. Стрѣльцы къ нему прихаживали и говаривали, что ихъ потѣшные конюхи вездѣ обижаютъ и побиваютъ, говорятъ: „Васъ-де станутъ за ноги таскать, и если съ ними не управится, то будетъ всѣмъ худо“, и онъ имъ отговаривалъ. На первой пыткѣ, послѣ 15 ударовъ, онъ повинился во всемъ, что на него ни взводили; передъ второю онъ обѣщалъ объявить все безъ утайки и написалъ, что на жизнь царя Петра Алексѣевича никогда не умышлялъ, объ убійствѣ царицы были

---

1) Розыскное дѣло о Шакловитомъ.

2) Гордонъ, 273, 274.

3) Гордонъ, 277.

разговоры съ Кузьмою Чернымъ, который первый началъ; князь В. В. Голицынъ жалѣлъ, что царицу не убили прежде въ 1682 году; намѣревались произвести пожаръ въ Преображенскомъ; стрѣльцовъ собирали для собственной защиты, а не для бунта. Кто внушилъ царевнѣ мысль вѣнчаться на царство,—онъ не знаетъ: ни онъ, ни Голицынъ ей этого не совѣтовали, и Голицынъ даже писалъ объ этомъ изъ похода съ ужасомъ; наконецъ онъ, Шакловитый, писалъ послѣднюю сказку для народа объ обидахъ царевнѣ. Въ умыслѣ на жизнь Петра Шакловитый не повинился, хотя Филиппъ Сапоговъ объявлялъ, что Шакловитый подговаривалъ его:—какъ пойдетъ царь Петръ въ походъ, бросить на дорогѣ ручныя гранаты или тайкомъ положить ихъ въ сани, также убить государя во время пожара въ Преображенскомъ. Впослѣдствіи, въ 1699 году, стрѣлецъ Петрушка Кривой показывалъ: „Послѣ 1682 года я бывалъ въ домѣ у Ѳедьки Шакловитаго и вмѣстѣ съ Ѳедькою у князя Ивана Засѣкина, и Ѳедька съ княземъ Иваномъ при мнѣ между собою говорили: Ходитъ онъ (государь) на пожары не со многими людьми; убить бы его стрѣльцамъ“ ¹).

Шакловитый былъ такъ тѣсно связанъ съ Голицынымъ: участь обоихъ должна была рѣшиться вмѣстѣ. Въ тотъ же день, какъ привезли Шакловитаго, 7 сентября, около 5 часовъ пополудни, явился къ Троицѣ и князь В. В. Голицынъ со своими приближенными, извѣстными своею военною и приказною дѣятельностію, окольничимъ Леонтіемъ Неплюевымъ, Венедиктомъ Змѣевымъ, думнымъ дворяниномъ Григорьемъ Косоговымъ и думнымъ дьякомъ Емельяномъ Украинцевымъ. Ихъ не пустили въ монастырскія ворота, велѣли стать на посадѣ и не съѣзжать безъ указа. Вечеромъ Гордонъ навѣстилъ Голицына и нашелъ его въ раздумьи. Вечеромъ 9 числа позвали Голицына съ сыномъ Алексѣемъ во дворецъ. Когда они поднялись на лѣстницу, на встрѣчу вышелъ думный дьякъ и прочелъ имъ указъ, что они лишаются чести, боярства, ссылаются съ женами и дѣтьми въ Каргополь, имѣніе отписывается на государя, за то, что: во 1) они сестрѣ великихъ государей о всякихъ дѣлахъ докладывали мимо великихъ государей и писали ее съ великими государями обще, и въ книгахъ и на деньгахъ общежъ съ великими государями ее печатать велѣли, безъ указа ихъ, великихъ государей. Во 2) бывъ посланъ въ 1689 году на Крымскія юрты, князь Василій Голицынъ пришелъ къ Перекопу, промыслу никакого не чинилъ и отступилъ, каковымъ нерадѣніемъ царской казнѣ учинилъ великіе убытки, государству разореніе, а людямъ тягость.

За Голицына шла сильная распря между близкими къ Петру людьми. Уничтоженіе мѣстничества нанесло сильный ударъ родовому быту; но слѣдствія этого удара еще не могли обозначиться въ такое короткое время; всѣ еще были пропитаны понятіемъ о родовомъ единствѣ, вслѣдствіе котораго честь одного члена рода поднимала цѣлый родъ, а безчестіе одного падало на всѣхъ родичей. Вотъ почему князь Борисъ Алексѣевичъ хлопоталъ изо всѣхъ силъ, чтобъ родичъ его, князь Василій, не былъ обвиненъ въ измѣнѣ, чѣмъ запятнался бы весь родъ Голицыныхъ. Гордонъ разсказываетъ за достовѣрное слѣдующее ²): послѣ первой пытки и когда грозила вторая, Шакловитый обѣщалъ представить царю на письмѣ самое правдивое изложеніе дѣла. Самъ князь Борисъ пошелъ къ нему, понесъ перо и чернила. Шакловитый исписалъ отъ 8 до 9 листовъ бумаги; время было уже за полночь, когда онъ кончилъ, царь легъ спать, и князь Борисъ взялъ бумаги къ себѣ домой, чтобъ слѣдующимъ утромъ показать царю. Но люди, злобившіеся на князя Бориса за его желаніе спасти князя Василія отъ обвиненія въ измѣнѣ (т.-е. Нарышкинъ съ товарищами), слѣдили зорко за всѣми движеніями князя Бориса, поспѣшили донести царю, что князь взялъ себѣ признаніе Шакловитаго вѣроятно для того, чтобъ прочесть и вырвать то, что клонилось ко вреду князя Василья. Царь посылаетъ къ Шакловитому—написалъ ли онъ признаніе?—тотъ отвѣчаетъ, что написалъ и отдалъ князю Борису. Но одинъ изъ пріятелей успѣлъ уже дать знать князю Борису о бѣдѣ, и тотъ спѣшитъ съ бумагами къ царю, который встрѣчаетъ его грознымъ вопросомъ: зачѣмъ не подалъ бумагъ сейчасъ же. Голицынъ отвѣчаетъ, что было уже очень поздно. Петръ удовлетворяется отвѣтомъ и продолжаетъ попрежнему держать князя Бориса въ приближеніи; но царица Наталья и друзья ея не мирятся съ нимъ.

По прочтеніи приговора князю Василью Голицыну, прочли приговоръ товарищу его, Неплюеву: у него такъ же отнято было окольничество, имѣніе и назначена ссылка въ Пустозерскъ (послѣ въ Колу). Вина—жестокія притѣсненія находившимся въ его вѣдѣніи Комарицкимъ солдатамъ, которыхъ жалобамъ до сихъ поръ не давали ходу въ Москвѣ друзья Неплюева ³). Змѣеву велѣно жить въ его костромскомъ имѣніи, Косоговъ и Украинцевъ оставлены на прежнихъ мѣстахъ ⁴).

Шакловитаго съ главными сообщниками осудили на смерть. Сохранилось любопытное извѣстіе, что Петръ не соглашался на казнь ихъ, и только патріархъ уговорилъ его, и что когда разнеслась вѣсть, что Шакловитаго будутъ казнять безъ вторичной пытки, то многіе изъ служилыхъ людей собрались въ монастырь, „служа великому госу-

---

¹) Розыскное дѣло о Шакловитомъ; дѣло о Петрушкѣ Кривомъ въ Преображен. Тайномъ Архивѣ.

²) Стр. 281.

³) Жалобы эти сохранились въ Архивѣ Мин. Юстиціи, въ столбцахъ Приказнаго стола, № 2479.

⁴) Гордонъ говоритъ о пыткѣ и ссылкѣ двухъ какихъ-то старухъ, которыя ходили за Петромъ въ его дѣтствѣ. Не постельницы ли это, переносившія вѣсти отъ царицы Натальи къ Софіи?

царю", какъ они говорили, и били челомъ, чтобъ велѣно было Шакловитаго пытать еще разъ: пусть объявитъ своихъ соумышленниковъ. Царь выслалъ сказать имъ, что онъ доволенъ показаніями Шакловитаго, и что имъ непригоже мѣшаться въ это дѣло [1].

11 сентября Шакловитый, Петровъ и Чермный были казнены смертію; пятисотнаго Муромцева, полковника Рязанцева и стрѣльца Лаврентьева били кнутомъ и съ урѣзаніемъ языка сослали въ Сибирь. А за Голицына все еще продолжалась борьба. Враги его настояли, что ссылка въ Каргополь слишкомъ легкое наказаніе и что надобно сослать его въ Пустозерскъ; но потомъ, какъ видно, князь Борисъ пересилилъ, и назначенъ былъ Яренскъ мѣстомъ ссылки. Настояли, чтобъ Голицынымъ былъ сдѣланъ, по крайней мѣрѣ, допросъ на основаніи показаній Шакловитаго. Ихъ допросили на дорогѣ въ Ярославлѣ: и отецъ, и сынъ клялись, что не принимали никакого участія въ умыслахъ Шакловитаго. Послѣ допроса они послали государямъ челобитную: „Вамъ, великимъ государямъ, приносимъ, аки самому Богу въ емверискомъ (емпирійскомъ?) небѣ предъ самымъ престоломъ Его Спасителевымъ, что никогда Өедька Шакловитый мнѣ, Васькѣ, крайній другъ николи не бывалъ, а знакомство отдавали, какъ обычай и съ иными, просто". Голицыныхъ повезли далѣе. Когда они стояли въ Вологдѣ, неожиданно является передъ княземъ Васильемъ комнатный стольникъ князь Кропоткинъ, не съ новымъ допросомъ, а съ утѣшительнымъ письмомъ и съ деньгами отъ царевны Софіи Алексѣевны. Достигнувъ Яренска, Голицыны написали новое челобитье царямъ: „Страждемъ мы бѣдные близъ конца живота своего; а оклеветаны вамъ, в. государямъ, невинно. Какъ насъ, холопей вашихъ, везли къ Тотмѣ, и, не доѣзжая города, на рѣкѣ Сухонѣ, возки женъ нашихъ и дѣтей и дворовыхъ людишекъ въ воду обломились; и женъ и дѣтишекъ нашихъ малыхъ насилу изъ рѣки вытаскали и лежали въ безпамятствѣ многое время." Билъ челомъ боярину Стрѣшневу и приставъ Голицыныхъ, который долженъ былъ вмѣстѣ и вѣдать городъ, жаловался, что кормиться нечѣмъ. „Городишко здѣсь самое убогое: всего и съ цѣловальниками и съ подъячими и съ приставомъ 30 дворишковъ. А уѣздные люди въ городѣ мало бываютъ: всѣ сами промежъ собою судятся, а государскія всякія подати выбираютъ промежъ себя; лишь наша сухота!"

И въ Яренскѣ Голицыны не остались. Дѣло о сообщникахъ Шакловитаго тянулось, являлись новыя показанія, обвиняли Голицына въ сношеніяхъ съ колдунами; нашли переписку его съ Шакловитымъ во время перваго Крымскаго похода: изъ переписки оказывалось, что онъ былъ именно крайній другъ Шакловитому, а не простой знакомецъ; явился доносъ, что Голицынъ взялъ деньги съ хана и потому отступилъ отъ Перекопи. Попался и Кропоткинъ; наконецъ явился самый опасный доносъ: монахъ Іоасафъ извѣщалъ, что когда онъ былъ въ Яренскѣ, то князь Василій велѣлъ сказать князю Борису, чтобъ его, князя Василья, берегли, пригодится, потому что царю Петру только годъ жить. Доносъ оказался совершенною клеветою, монахъ никогда и не бывалъ въ Яренскѣ, а вздумалъ оклеветать князя Василья, чтобъ заслужить милость князя Бориса Алексѣевича! Остальныя обвиненія Голицынъ отвергнулъ. Несмотря на то, его перевели въ Пустозерскъ; съ дороги онъ писалъ царямъ: „Нынѣ въ пути мучимъ животъ свой и скитаемся Христовымъ именемъ, всякою потребою обнищали и послѣднія рубашки съ себя проѣли. А въ Пустоозерѣ хлѣбъ зѣло дорогъ и всякая живность, и помереть будетъ намъ томною и голодною смертію. Милосердые великіе государи! велите насъ бѣдныхъ и невинныхъ возвратить изъ такого злаго тартара". Голицыныхъ перевели въ Пинежскій волокъ—и здѣсь забыли: князь Борисъ, какъ увидимъ скоро, потерялъ свое первенствующее положеніе, которое перешло къ Нарышкинымъ.

Рѣшилась участь и третьяго, близкаго къ Софіи человѣка, имя котораго неразлучно съ именами Голицына и Шакловитаго. Мы видѣли, что Лѣшій Медвѣдь, какъ называли Сильвестра Медвѣдева враги его, успѣлъ скрыться изъ Москвы и направлялъ путь къ западной, польской границѣ; но Дорогобужскій воевода схватилъ его въ Бизюковѣ монастырѣ вмѣстѣ съ извѣстнымъ пятидесятникомъ Гладкимъ, и отправилъ обоихъ въ Троицкій монастырь. „Шакловитый", говорилъ Сильвестръ при допросѣ, „о государскомъ здоровьи и о убійствѣ никакихъ словъ мнѣ не говаривалъ, а сказывалъ мнѣ пятисотный Ларіонъ Елизарьевъ и, пришедъ ко мнѣ, плакалъ, говорилъ: „Пришла на насъ бѣда великая, не знаемъ какъ быть, призывалъ насъ Өедоръ Шакловитый, меня, да Андрюшку Кондратьева, Алешку Стрижова, Оброску Петрова и говорилъ, чтобъ имъ тайно въ ночь побить боярина Льва Кирилловича Нарышкина, да кравчаго князя Бориса Алексѣевича, и иныхъ; я имъ отвѣчалъ: если вы такъ сдѣлаете, то пропадете и съ Өедоромъ здѣсь и въ вѣчное душами; скажите ему, Өедькѣ, что вамъ того дѣла учинить однимъ невозможно, а инымъ говорить вы о томъ не смѣете, говорилъ бы онъ самъ. И онъ, Ларіонъ, съ товарищи ему, Өедькѣ, отказали и того дѣлать не стали. Говорилъ Өедька дважды мнѣ, Селиверстку, наединѣ: какъ бы не было царицы Натальи Кирилловны, такъ бы у царевны съ царемъ Петромъ было совѣтно. Церкви Святой я не смущалъ, а которыя тетрадки писалъ дьяконъ Аѳанасій, что былъ у Спаса на дворцѣ, о пресуществленіи, и ту тетрадку принесъ ко мнѣ показать онъ, дьяконъ, и я съ той тетрадки списалъ себѣ двѣ тетрадки; на патріарха въ той тетрадкѣ ничего не написано, а писано на Грековъ; а книгу о Маннѣ я написалъ по приказу царевны, и та книга посылана была къ гетману

---

[1] Гордонъ, 283.

Ивану Степановичу и къ кіевскимъ властямъ къ свидѣтельству и съ нею другая греческая книга, и въ Кіевѣ на обличеніе греческой книги написана обличительная книга и прислана княземъ В. В. Голицынымъ, какъ въ 197 (1689) году былъ на службѣ. Извѣтъ Филиппа Сапогова, что умышлялъ я съ Шалковитымъ убить патріарха,—ложный; а караулъ у меня былъ отъ Велика Дни для того, чтобъ патріархъ тайно меня не сослалъ. И была у меня написана книга лѣтописная, начата съ 190 г., о правленіи великой государыни, и что было съ того году, а писана та книга съ письма Каріонова, а чернилъ ту книгу я, а переписывалъ дьячекъ Ивашка".

На очной ставкѣ съ Сапоговымъ Медвѣдевъ заперся. Его разстригли и пытали, дали 15 ударовъ: не признался. Винился въ одномъ, что говорилъ стрѣльцамъ: „Не бойтесь! хотя царя Петра сторона и повезетъ; и много будетъ дней на десять, а то опять будетъ рука сильна стороны царевны". Это говорилъ ему Шакловитый, слыша отъ одного юродиваго. Повинился, что говорилъ про патріарха: учился мало и рѣчей богословскихъ не знаетъ; повинился, что подъ портретомъ царевны подписывалъ полный титулъ „вседержавнѣйшей самодержицы", семь добродѣтелей и вирши [1].

Разстриженнаго, называвшагося теперь уже Сенькою, Медвѣдева отдали въ руки духовному начальству, которое приставило къ нему двоихъ увѣщателей, Новоспасскаго архимандрита Игнатія и Софронія Лихуда; Сенька принесъ покаяніе въ ереси, объявилъ свою Манну обманною. Соборъ опредѣлилъ сжечь Манну всенародно, Медвѣдева разрѣшить отъ церковной клятвы и сослать въ монастырь подъ началъ [2]. Но этимъ дѣло не кончилось. Послѣ долгаго укрывательства, схваченъ былъ одинъ изъ главныхъ сообщниковъ Шакловитаго, Стрижовъ, который показалъ на Медвѣдева, что тотъ имѣлъ связь съ какимъ-то Полякомъ Силинымъ, занимавшимся чародѣйствомъ и вызваннымъ въ Москву лѣчить глаза царю Ивану Алексѣевичу. Силинъ долго жилъ у Медвѣдева, и тотъ говорилъ ему, что Софія хочетъ выйти замужъ за Голицына, а Медвѣдева возвести на патріаршество вмѣсто Іоакима. Медвѣдева подвергли новой страшной пыткѣ огнемъ и желѣзомъ, и потомъ казнили смертію 11 февраля 1691 года [3].

Что же дѣлала Софія въ то время, когда на пыткахъ и казняхъ лилась кровь ея приверженцевъ? Послѣ выдачи Шакловитаго, на которой настояли стрѣльцы—единственная надежда царевны, судьба ея была рѣшена. Петръ написалъ къ старшему брату отъ Троицы, что „милостію Божіею врученъ намъ, двумъ особамъ, скипетръ правленія, также и братьямъ нашимъ окрестнымъ государямъ о государствованіи нашемъ извѣстно; а о третьей особѣ, чтобъ быть съ нами въ равенственномъ правленіи, отнюдь не вспоминалось. А какъ сестра наша, царевна Софія Алексѣевна, государствомъ нашимъ учала владѣть своею волею, и въ томъ владѣніи, что явилось особамъ нашимъ противное, и народу тягости, и наше терпѣніе, о томъ тебѣ, государь, извѣстно. А нынѣ злодѣи наши, Оедька Шакловитый съ товарищи, не удоволяся милостію нашею, преступая обѣщаніе свое, умышляя съ иными ворами о убійствѣ надъ нашимъ и матери нашей здоровьемъ, и въ томъ по розыску и съ пытки винились. А теперь, государь братецъ, настоитъ время нашимъ обоимъ особамъ Богомъ врученное намъ царствіе править самимъ, понеже пришли есми въ мѣру возраста своего, а третьему зазорному лицу, сестрѣ нашей, съ нашими двумя мужескими особами въ титлахъ и въ расправѣ дѣлъ быти не изволяемъ; на то-бъ и твоя, государя моего брата, воля склонилася, потому что учала она въ дѣла вступать и въ титла писаться собою безъ нашего изволенія; къ тому же еще и царскимъ вѣнцомъ, для конечной нашей обиды, хотѣла вѣнчаться. Срамно, государь, при нашемъ совершенномъ возрастѣ, тому зазорному лицу государствомъ владѣть мимо насъ! Тебѣ же, государю брату, объявляю и прошу: позволь, государь, мнѣ отческимъ своимъ изволеніемъ, для лучшія пользы нашей и для народнаго успокоенія, не обсылаясь къ тебѣ, государю, учинить по Приказамъ правдивыхъ судей, а неприличныхъ перемѣнить, чтобъ тѣмъ государство наше успокоить и обрадовать вскорѣ. А какъ, государь братецъ, случимся вмѣстѣ, и тогда поставимъ все на мѣрѣ; а я тебя, государя брата, яко отца, почитать готовъ" [4].

Въ этой грамотѣ ничего еще не говорится о будущей участи свергаемой правительницы. Но чрезъ нѣсколько времени пріѣхалъ отъ Троицы въ Москву бояринъ князь Иванъ Борисовичъ Троекуровъ съ приказомъ Софіи идти въ монастырь; послѣ долгихъ отговорокъ она принуждена была повиноваться и переселилась въ Новодѣвичій монастырь.

Софія была въ монастырѣ, Голицынъ—въ ссылкѣ, Шакловитый—въ могилѣ, а все еще работали заплечные мастера, все еще продолжались доносы, пытки и казни по тому же дѣлу. Неизвѣстно по какимъ причинамъ старый стольникъ Безобразовъ долженъ былъ поневолѣ отправиться воеводою на Терекъ. Когда онъ находился въ дорогѣ, явился извѣтъ отъ холопей въ сношеніяхъ его съ Шакловитымъ и съ разными колдунами, которые брались своими средствами приворотить къ нему царя Петра и царицу Наталью, чтобъ были къ нему добры и возвратили его въ Москву. На пыткѣ и Безобразовъ, и колдуны всѣ повинились: Безобразову отсѣкли голову, двоихъ колдуновъ сожгли въ срубѣ [5].

Уже четыре года спустя на Бѣлѣозерѣ явились подметныя письма: въ нихъ монахи Кириллова-Бѣлозерскаго монастыря обвинялись въ страшно безнравственномъ поведеніи, въ сношеніяхъ съ княземъ В. В. Голицынымъ, въ желаніи испортить царя Петра съ семействомъ. Въ началѣ 1694 года открылось, что составителемъ писемъ былъ монахъ Кириллова монастыря Іоанникій, въ мірѣ Иларіонъ Семеновичъ Лопухинъ. Іоанникій повинился, что писалъ письма, желая освободиться изъ монастыря и разстричься Его били кнутомъ и сослали въ Соловки 1).

---

[1] Розыскное дѣло о Шакловитомъ.

[2] Акты историч. V, № 194.

[3] Выписка изъ розыскного дѣла Стрѣлецкаго Приказа 6 марта 1691 года въ Государ. Архивѣ; рукопись Синод. библіотеки о Медвѣдевѣ, № 252.

[4] Грамота несобственноручная, безъ означенія числа и безъ подписи, въ Государ. Архивѣ.

[5] Розыскное дѣло о Шакловитомъ.

Софія была въ монастырѣ, царь Иванъ Алексѣевичъ оставался попрежнему царемъ только по имени, занималъ царское мѣсто въ церемоніяхъ: власть перешла къ одному царю Петру. Но семнадцатилѣтній Петръ былъ еще неспособенъ къ управленію государствомъ, онъ еще доучивался, довоспитывалъ себя тѣми средствами, какія самъ нашелъ и какія были по его характеру; у молодаго царя на умѣ были потѣхи, великій человѣкъ объявился послѣ, и тогда только въ потѣхахъ юноши оказались сѣмена великихъ дѣлъ.

Кто же правилъ государствомъ; кто, по крайней мѣрѣ, имѣлъ самое сильное вліяніе въ правительствѣ? Мы видѣли, что у Троицы всѣмъ завѣдывалъ князь Борисъ Голицынъ, потому что былъ умнѣ, энергичнѣе, смѣлѣе всѣхъ. „Князь Борисъ Алексѣевичъ Голицынъ распоряжался всѣмъ у Троицы“, говоритъ Гордонъ, „потому что никто другой не смѣлъ вмѣшиваться въ такое щекотливое дѣло, какимъ оно сначала казалось“ 2). Но мы видѣли также, какое сильное негодованіе навлекъ на себя князь Борисъ со стороны царицы Натальи и ея родственниковъ, выгораживая князя Василья изъ измѣннаго дѣла. Эта ссора съ Нарышкиными повела къ тому, что когда опасность миновала, когда, слѣдовательно, прошла нужда въ человѣкѣ, способномъ управлять во время опасности, то князь Борисъ, по возвращеніи Двора въ Москву, потерялъ то значеніе, какое онъ имѣлъ у Троицы, и главнымъ лицомъ въ управленіи явился братъ царицы, бояринъ Левъ Кирилловичъ съ своими родственниками 3). Левъ Нарышкинъ сталъ завѣдывать первымъ по своей важности, Приказомъ Посольскимъ, хотя и безъ титула оберегателя; князь Борисъ Голицынъ долженъ былъ удовольствоваться Приказомъ Казанскаго Дворца. Родственники молодой царицы получили свою долю въ лицѣ самаго виднаго изъ нихъ, боярина Петра Абрамовича Лопухина, которому достался Приказъ Большаго Дворца и Дворцовый Судный: Стрѣлецкій Приказъ былъ порученъ князю Ив. Бор. Троекурову; Разрядъ—боярину Тихону Никитичу Стрѣшневу. Князь Борисъ, потерявши прежнее значеніе, сталъ подвергаться большимъ оскорбленіямъ въ самомъ дворцѣ. Сильно нападали на него Долгорукіе: однажды, въ 1691 году, князь Яковъ Ѳедоровичъ Долгорукій, побранившись съ нимъ во дворцѣ, называлъ его измѣнничьимъ правнукомъ, потому что при Разстригѣ прадѣдъ его въ Яузскихъ воротахъ былъ проповѣдникомъ 4). Вражда не утихала, и, въ слѣдующемъ году, въ хоромахъ царя Петра Долгорукіе—князь Яковъ и братъ его, князь Григорій Ѳедоровичи—напали на князя Бориса, обвиняя его, что онъ велѣлъ своему держальнику прибить брата ихъ, князя Бориса: „Ахъ ты пьяница!“ кричали Долгорукіе, „да такихъ же собравъ пьяныхъ, водишь съ собою и, напоя держальниковъ своихъ, велишь бить брата нашего, и возишь пьяную станицу не въ причинныя мѣста, куда и возить не надобно, полно увернулся за сани, быть было въ тебѣ ножу; поди теперь, вонъ братъ князь Борисъ дожидается у Спаса вверху, подери его за волосы, такъ изъ тебя и оходы вырѣжетъ, а се подь сюда, мы скорѣе вырѣжемъ и выпустимъ кишки и годовалыя дрожжи выбьемъ изъ тебя, ты весь налитъ виномъ. Ты бы самъ, наливъ бѣлки, лучше объ уголъ ударился, чѣмъ брата нашего за волосы драть, ты бы отца своего за бороду дралъ! не дорожи дѣломъ, нынѣ не старая пора, съ мечами стоять не велите“. Съ Долгорукихъ велѣно было взыскать въ пользу обоихъ Голицыныхъ,—отца и сына,—безчестье 3,000 рублей слишкомъ; но князь Борисъ билъ челомъ, что отецъ его при кончинѣ своей приказалъ не брать безчестья, также и онъ, князь Борисъ, о своемъ безчестьи на Долгорукихъ не челобитчикъ 5).

Гордонъ называетъ Льва Нарышкина новымъ любимцемъ или новымъ первымъ министромъ, противополагая его старому, т.-е. князю Борису Голицыну. Второе названіе—первый министръ, разумѣется, единственно справедливое. Ни Голицынъ, ни Нарышкинъ не были любимцами Петра: любимцемъ его былъ служилый иноземецъ знаменитый Лефортъ.

О Лефортѣ, его значеніи существуютъ у насъ различныя мнѣнія. Одни говорятъ, что онъ сдѣлался извѣстенъ Петру очень рано, очень рано пріобрѣлъ на него большое вліяніе 6); другіе утверждаютъ, что Петръ сблизился съ Лефортомъ не ранѣе августа 1689 года, когда Лефортъ прежде другихъ иностранцевъ явился къ Троицѣ и тамъ заявилъ свою привязанность къ Петру 7). Одни, сочувствующіе дѣлу преобразованія, величаютъ Лефорта благодѣтельнымъ наставникомъ Петра, пробудившимъ его геній 8); другіе во встрѣчѣ и сближеніи Петра съ Лефортомъ видятъ несчастіе, потому что Лефортъ говорилъ Петру о русскихъ

---

1) Архивъ Мин. Юстиціи, столбцы Приказнаго стола, № 2827.

2) Стр. 273.

3) De la Neuville, p. 174. Въ январѣ 1690 года Гордонъ называетъ Льва Нарышкина *новымъ* любимцемъ или первымъ министромъ, стр. 292.

4) Записки Желябужскаго.

5) Архивъ Министерства Юстиціи, столбцы Приказнаго стола, № 2571.

6) John Perry—The state of Russia; за нимъ многіе другіе иностранцы и русскіе.

7) Устряловъ въ Исторіи царст. Петра В. II, гл. 1. Мой разборъ этого мнѣнія см. въ Атенеѣ 1858 года.

8) Голиковъ, Бергманъ и другіе.

обычаяхъ съ презрѣніемъ, а все европейское возвышалъ до небесъ [1]): нѣкоторые наконецъ отвергаютъ всякое вліяніе Лефорта на Петра [2]).

Вопросъ о времени, когда Лефортъ сблизился съ Петромъ, не имѣетъ важности: когда бы ни произошло сближеніе, важны только его слѣдствія. Всѣ согласны въ одномъ, что привязанность Петра къ Лефорту была самая сильная,—и этого довольно. Важный вопросъ состоитъ въ томъ, что за человѣкъ былъ Лефортъ? Мы видѣли, что Россія поворачивала къ Западу, и при этомъ поворотѣ встрѣтилась съ Западомъ у себя, въ Нѣмецкой слободѣ [3]). Молодой царь, сгарая неудовлетворенною жаждою знанія, уже начинаетъ создавать новое и тутъ встрѣчается съ людьми, которые были именно призваны для того, чтобы выучить Русскихъ необходимымъ вещамъ, завести то, что сами Русскіе не могли у себя устроить. Понятно, что царь долженъ былъ обратиться преимущественно къ этимъ людямъ. Но этого мало, что одинъ изъ нихъ выучилъ его разнымъ частямъ математики, другой строилъ ему кораблики: между иностранцами онъ нашелъ человѣка, къ которому сильно привязался, съ которымъ сталъ неразлученъ,--этотъ человѣкъ и былъ Лефортъ.

Лефортъ былъ полнымъ и блестящимъ представителемъ людей, населявшихъ Нѣмецкую слободу. Онъ не имѣлъ прочнаго образованія, не могъ быть учителемъ Петра ни въ какой наукѣ, не былъ мастеромъ никакого дѣла; но это былъ человѣкъ бывалый, необыкновенно живой, ловкій, веселый, открытый, симпатичный, душа общества, мастеръ устраивать пиры на-славу. Иностранецъ, могшій выучить Петра геометріи, могшій показать ему употребленіе астролябіи и ограничившійся этимъ, не могъ имѣть вліянія на знаменитаго ученика; но могущественное вліяніе долженъ былъ имѣть человѣкъ съ характеромъ Лефорта, человѣкъ, умѣвшій сдѣлаться неразлучнымъ товарищемъ, другомъ молодаго государя. Это вліяніе не могло обнаружиться въ дѣлахъ внутренняго управленія: Лефортъ, по характеру своему, въ нихъ не вмѣшивался; вліяніе обнаруживалось въ другомъ—Лефортъ возбуждалъ Петра предпринять походъ на Азовъ, уговорилъ ѣхать за-границу; по его внушенію царь позволилъ иностранцамъ свободный въѣздъ и выѣздъ [4]). Очевидно, что Петръ, какъ преобразователь въ извѣстномъ направленіи, окончательно опредѣлился въ тотъ періодъ времени, къ которому безспорно относится близкая связь его съ Лефортомъ, т.-е. отъ 1690 года до возвращенія изъ-за границы; въ это время онъ ушелъ изъ Москвы въ Нѣмецкую слободу, изъ Нѣмецкой слободы въ Западную Европу. И кромѣ неоспоримыхъ свидѣтельствъ, нельзя натягивать, что Петръ относился къ Лефорту только какъ къ веселому товарищу пріятельскихъ бесѣдъ, незамѣнимому въ искусствѣ устроить пиръ на-славу. Что Петръ ставилъ Лефорта высоко,—свидѣтельствуетъ назначеніе его однимъ изъ главныхъ вождей Азовскаго похода, адмираломъ, главою посольства въ Западную Европу; еслибъ Петръ смотрѣлъ на Лефорта какъ на веселаго товарища въ пирахъ только, то назначилъ бы его не адмираломъ и не посломъ, а Кокуйскимъ патріархомъ, какъ Зотова. Пусть говорятъ, что Петръ ошибся въ способностяхъ Лефорта, который не былъ искуснымъ полководцемъ ни на сушѣ, ни на морѣ; но эта самая ошибка для насъ и важна, ибо показываетъ, какое преувеличенное мнѣніе имѣлъ Петръ о Лефортѣ, какъ слѣдовательно легко подчинялся его вліянію, и неудивительно, если обратимъ вниманіе на возрастъ Петра. Петръ въ 1690 году не былъ тѣмъ Петромъ Великимъ, какимъ онъ былъ въ 1709 или 21 годахъ. Молодой Петръ привязался къ иностранцу Лефорту и далъ ему такое важное значеніе въ государствѣ; возмужалый Петръ, Петръ Великій, имѣлъ правиломъ не возводить иностранцевъ на первыя мѣста въ государствѣ.

Лефортъ не вмѣшивался въ дѣла внутренняго управленія, не вмѣшивался въ него и самъ царь, предоставивъ все Льву Нарышкину съ товарищи; молодаго Петра занимали прежнія потѣхи, за которыя иногда приходилось дорого платиться: такъ 2 іюня 1690 года, при штурмѣ Семеновскаго двора, ему опалило лицо [5]). 4 сентября подлѣ Преображенскаго происходила примѣрная битва: лучшій стрѣлецкій полкъ—стремянной, состоявшій изъ конныхъ и пѣшихъ стрѣльцовъ, долженъ былъ драться противъ потѣшныхъ, противъ Семеновской пѣхоты и конныхъ царедворцевъ; въ то же время два стрѣлецкихъ полка должны были драться другъ съ другомъ; дрались пока смерклось, много было раненыхъ и обожженныхъ порохомъ [6]). Въ октябрѣ 1691 года „былъ великій и страшный бой у генералиссимуса Фридриха Ромодановскаго, у котораго былъ стольный городъ Пресбургъ. Рейтары ротмистра Петра Алексѣева отличились; отличился и самъ ротмистръ, взявшій въ плѣнъ непріятельскаго генералиссимуса. „И тотъ бой равнялся судному дню“ [7]); ближній стольникъ, князь Ив. Димитр. Долгорукій „отъ тяжкія своея раны, паче же изволеніемъ Божіимъ, переселился въ вѣчные кровы, по чину Адамову, идѣже и всѣмъ намъ по времени быти“, писалъ Петръ. Осенью 1694 года происходили бои въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ, знаменитый Кожуховскій походъ (подлѣ деревни Кожухова, недалеко отъ Симонова монастыря) [8]). Русскою арміею командовалъ старый генералиссимусъ, князь Ѳедоръ Юрьевичъ Ромодановскій; у него были потѣшные полки: Преображенскій и Семеновскій, выборные полки солдатскіе—Лефортовъ и Бутырскій, три роты гранатчиковъ, восемь выборныхъ ротъ рейтарскихъ, двѣ роты даточныхъ людей подъ именемъ Нахаловъ и Налетовъ и 20 ротъ стольничьихъ. Непріятельскою арміею командовалъ Польскій король, Ив. Ив. Бутурлинъ; у него были полки стрѣлецкіе, роты изъ дьяковъ и подъячихъ, всего 7,500 человѣкъ. Король защищалъ безъименную крѣпость, Ромодановскій бралъ ее и, разумѣется, взялъ; бомбардиръ Петръ Алексѣевъ отличился и тутъ, взялъ въ плѣнъ стрѣлецкаго полковника; потерявъ крѣпость, Польскій король засѣлъ въ укрѣпленномъ лагерѣ и упорно отбивался, наконецъ долженъ былъ сдаться. Потѣха не обошлась безъ раненыхъ и даже безъ убитыхъ.

---

[1] Карамзинъ—О древней и новой Россіи.

[2] Устряловъ.

[3] Исторія Россіи, XIII, 798.

[4] Korb.—Diarium itineris in Moscoviam, p. 215.

[5] Гордонъ, II, 305.

[6] Гордонъ, II, 318.

[7] Кабинетъ, II, кн. 95.

[8] Записки Желябужскаго; Гордонъ, II, стр. 485 и слѣд.; Извѣстія о первыхъ маневрахъ при Петрѣ I,—Корниловича въ Сѣверномъ Архивѣ на 1834 г.

Рядомъ съ потѣхами на сушѣ шли потѣхи на водѣ. Царь собственноручно построилъ яхту и спустилъ ее на Москву-рѣку весною 1691 года[1]; на Переяславской верфи работы продолжались, и царь такъ былъ погруженъ въ нихъ, что въ февралѣ 1692 года Левъ Кирилловичъ Нарышкинъ и князь Борисъ Алекс. Голицынъ сами ѣздили въ Переяславль уговаривать царя пріѣхать въ Москву для пріема Персидскаго посла[2]. 1 мая былъ спущенъ на озеро первый корабль[3]; въ іюлѣ весь Дворъ отправился въ Переяславль и пробылъ тамъ до сентября; царица Наталья, не имѣя возможности удержать сына въ Москвѣ, должна была сама отправляться на мѣсто его любимыхъ потѣхъ.

Но матери трудно было слѣдовать за богатыремъ, который рвался на болѣе широкую воду, „охотѣ его равную". Переяславское озеро стало ему тѣсно; онъ посмотрѣлъ Кубенское—то было мелко. Неодолимая сила тянула его къ морю. Къ матери за благословеніемъ—не пускаетъ; наконецъ, „видя великое желаніе и неотмѣнную охоту", пустила поневолѣ, взявши обѣщаніе не ходить самому по морю, а только посмотрѣть корабли. Въ іюлѣ 1693 года съ большою свитою царь отправился на сѣверъ, къ Архангельску. Какъ только завидѣлъ море, обѣщаніе, данное матери, было забыто: поплылъ провожать иностранные корабли. А мать шлетъ письмо за письмомъ, пишетъ о возвращеніи: „О томъ, свѣтъ мой, радость моя, сокрушаюсь, что тебя, свѣта моего, не вижу. Писала я къ тебѣ, въ надеждѣ своей, какъ мнѣ тебя, радость свою, ожидать; и ты, свѣтъ мой, опечалилъ меня, что о томъ не отписалъ. Прошу у тебя, свѣта моего, помилуй родшую тя, какъ тебѣ, радость моя, возможно, пріѣзжай къ намъ не мѣшкавъ. Ей, свѣтъ мой, несносная мнѣ печаль, что ты, радость, въ дальнемъ такомъ пути. Буди надъ тобою, свѣтъ мой, милость Божія, и вручаю тебя, радость свою, общей нашей надеждѣ, Пресвятой Богородицѣ: Она тебя, надежда наша, да сохранитъ".

„И нынѣ подлинно отписать не могу (о своемъ пріѣздѣ), для того-что дожидаюсь кораблей", отвѣчаетъ Петръ, „а какъ они будутъ, о томъ никто не вѣдаетъ, а ожидаютъ вскорѣ; а какъ они будутъ, и я, искупя, что надобеть, поѣду тотчасъ день и ночь. Да о единомъ милости прошу: чего для изволишь печалиться обо мнѣ? Изволила ты писать, что предала меня въ паству Матери Божіей; такого пастыря имѣючи, почто печаловать? Тоя бо молитвами и предстательствомъ не точію я единъ, но и міръ сохраняетъ Господь. За симъ благословенія прошу—недостойный Петрушка".

Петръ пишетъ, что былъ на морѣ—обѣщаніе не сдержано. Новая причина матери безпокоиться, торопить сына, чтобъ возвратился: „Сотвори, свѣтъ мой, надо мною милость, пріѣзжай къ намъ, батюшка мой, не замѣшкавъ. Ей-ей, свѣтъ мой! велика мнѣ печаль, что тебя, свѣта моего—радости, не вижу. Писалъ ты, радость моя, ко мнѣ, что хочешь всѣхъ кораблей дожидаться, и ты, свѣтъ мой, видѣлъ, которые прежде пришли; чего тебѣ, радость моя, тѣхъ дожидаться; не призри, батюшка, мой свѣтъ, сего прошенія; писалъ ты, радость моя, ко мнѣ, что былъ на морѣ; а ты, свѣтъ мой, обѣщался мнѣ, что было не ходить".

А у сына было на умѣ, какъ бы пойти подальше на будущій годъ. Онъ устроилъ верфь въ Архангельскѣ, заложилъ корабль, другой заказалъ въ Голландіи. По праздникамъ ходилъ въ церковь, самъ читалъ Апостолъ и пѣлъ съ пѣвчими на клиросѣ; обѣдывалъ у архіепископа Аѳанасія, съ которымъ, между прочимъ, толковалъ о плаваніи по морямъ и рѣкамъ кораблями и другими судами; обѣдывалъ и ужиналъ у иностранныхъ купцовъ и корабельныхъ капитановъ, которые могли поразсказать ему такъ много любопытнаго.

Сжегши фейерверкъ, Петръ 19 сентября выѣхалъ изъ Архангельска въ Москву. Здѣсь всю осень работалъ надъ приготовленіями къ новому морскому походу и принялъ названіе шкипера вмѣсто бомбардира. На этотъ разъ помѣхи быть не могло къ морскому походу: 25 января 1694 года умерла царица Наталья Кирилловна, на 42 году своей жизни, послѣ пятидневной болѣзни. Петръ оплакивалъ кончину матери чрезвычайно,—записалъ очевидецъ[4]. Послѣ похоронъ (26 числа) вечеромъ явились къ царю братья и родственники покойницы, и приходъ ихъ причинилъ новую чрезмѣрную скорбь; чрезъ день, 28 числа, записано, что Петръ былъ на праздникѣ у Лефорта, на другой день тамъ же. Но не одни пиры Лефорта развлекали Петра въ его горѣ: „Ѳедоръ Матвѣевичъ! писалъ онъ къ Двинскому воеводѣ Апраксину[5]. Бѣду свою и послѣднюю печаль глухо объявляю, о которой подробно писать рука моя не можетъ, купно же и сердце. По сихъ, яко Ной, отъ бѣды мало отдохнувъ и о невозвратномъ оставя, о живомъ пишу“. Это живое состояло въ томъ, чтобы приготовлено было все нужное для строенія новаго корабля въ Архангельскѣ.

---

[1] У Бергмана—Исторія Петра В., II, 186.

[2] Гордонъ, II, 367.

[3] Гордонъ, II, 373.

[4] Гордонъ, II, 435.

[5] Голикова—Дѣянія Петра В., т. X, № 6 писемъ.

1 мая Петръ отправлялся во второй морской походъ, которому приданъ былъ такой же потѣшный характеръ, какъ и сухопутнымъ походамъ: адмираломъ былъ назначенъ извѣстный генералиссимусъ князь Ѳ. Ю. Ромодановскій, „человѣкъ, зѣло смѣлый къ войнѣ, а паче къ водяному пути“, какъ въ шутку выражался о немъ Петръ [1]); вице-адмираломъ—бывшій Польскій король И. И. Бутурлинъ, контръ-адмираломъ (шаутбенахтомъ) Гордонъ. Первымъ дѣломъ Петра по пріѣздѣ въ Архангельскъ былъ спускъ на воду корабля, который заложилъ онъ прошлый годъ. Потомъ царь отправился на яхтѣ „Св. Петръ“ въ Соловки; на дорогѣ поднялась страшная буря, кораблекрушеніе казалось неминуемо. Петръ пріобщился уже Св. Таинъ изъ рукъ сопровождавшаго его архіепископа Аѳанасія; къ счастію, нашелся искусный кормчій, Антонъ Тимоѳеевъ, который успѣлъ ввести яхту въ Унскую губу, и они стали на якорь близъ Пертоминскаго монастыря. Собственными руками Петръ сдѣлалъ крестъ въ полторы сажени вышиною и поставилъ на томъ мѣстѣ, гдѣ вышелъ на берегъ; на крестѣ виднѣлась голландская надпись: „Сей крестъ сдѣлалъ шкиперъ Петръ въ лѣто Христово 1694“.

Побывавъ въ Соловецкомъ монастырѣ, Петръ возвратился въ Архангельскъ, гдѣ спущенный передъ тѣмъ на воду корабль былъ оснащенъ, вооруженъ и названъ „Св. Павелъ“; ждали съ нетерпѣніемъ корабля, заказаннаго въ Голландіи, наконецъ и онъ явился: то былъ сорокачетырехпушечный фрегатъ „Santa profeetie“ (Св. Пророчество). Радость при полученіи этого сокровища ознаменовалась, по обычаю, большими пирами. „Что давно желали, нынѣ совершилось, писалъ Петръ къ Москву къ своимъ; пространнѣе писать буду въ настоящей почтѣ; а нынѣ, обвеселяся, неудобно пространно писать, паче же и нельзя, понеже при такихъ случаяхъ всегда Бахусъ почитается, который своими листьями заслоняетъ очи хотящимъ пространно писати“. Послѣ пировъ царь съ своимъ флотомъ, состоявшимъ изъ трехъ кораблей, отправился провожать иностранные корабли и доплылъ до Святаго Носа, крайняго пункта на Бѣломъ морѣ. Въ первыхъ числахъ сентября Петръ былъ уже въ Москвѣ [2]).

Кромѣ этихъ потѣхъ, было еще одно любимое удовольствіе молодого Петра — приготовленіе и сожженіе фейерверковъ. Во всѣхъ потѣхахъ участвовала компанія, эта знаменитая дружина, собранная изъ людей разныхъ сословій, разнаго происхожденія, побратавшихся во имя своего вождя, бомбардира и шкипера. Петръ, несмотря на свою молодость и потѣшный характеръ своихъ занятій, успѣлъ уже изъ окружающаго общества притянуть къ себѣ лучшія силы, взять лучшихъ людей, отличавшихся тою или другою способностію. Относительно этихъ способностей насъ не должны смущать какія-нибудь иностранныя извѣстія, что тотъ или другой изъ сотрудниковъ Петра имѣлъ мало свѣдѣній въ томъ дѣлѣ, которое было ему ввѣрено; странно было бы предположить, чтобъ Петръ могъ найти сонмъ геніальныхъ людей, которые вдругъ какимъ-нибудь чудомъ могли бы пріобрѣсти полное приготовленіе. Если бы Петръ хотѣлъ окружить себя только людьми вполнѣ приготовленными, то онъ долженъ былъ бы окружить себя одними иностранцами, отстранивъ всѣхъ Русскихъ; но этого-то онъ именно и не хотѣлъ, и всѣ важнѣйшія должности поручалъ Русскимъ, хотя бы и недостаточно приготовленнымъ, но способнымъ людямъ, ибо ему не нужно было дѣлать новое дѣло чужими руками, что̀ было бы легко для него, но не прибыльно для Россіи: ему нужно было пріучать русскія руки къ новому необходимому дѣлу. Но понятно, что съ самаго же начала иностранцы, долженствующіе служить своими свѣдѣніями новому дѣлу, были необходимы, и подлѣ Русскихъ мы встрѣчаемъ въ компаніи иностранцевъ, обрусѣлыхъ и необрусѣлыхъ еще: подлѣ Ромодановскаго, Плещеева, Стрѣшнева, Апраксина, Головкина, Трубецкаго, Куракина, Репнина, Бутурлина, Матвѣева, Головина, видимъ Виніуса, Вейде, Кревета, Брюса. Люди, владѣвшіе могущественнымъ средствомъ пріобрѣтенія знаній, иностранными языками, выдвинулись, и тѣ изъ нихъ, которые были способны воспользоваться своимъ знаніемъ, были способны къ многообразной и сильной дѣятельности, были притянуты Петромъ. Такъ однимъ изъ близкихъ къ нему людей сдѣлался думный дьякъ Андрей Андреевичъ Виніусъ. Сынъ извѣстнаго намъ голландскаго выходца Андрея Денисова Виніуса, Андрей Андреевичъ родился въ Россіи, обрусѣлъ, былъ православный, отъ Русскихъ отличался только своимъ образованіемъ, еще при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ былъ извѣстенъ какъ переводчикъ книгъ, составитель краткой географіи [3]). Теперь уже старикъ, Виніусъ откликнулся на зовъ молодаго преобразователя, и мы увидимъ многообразную, изумительную въ его годы дѣятельность. Подобною же дѣятельностію отличался и переводчикъ Англійскаго языка въ Посольскомъ Приказѣ Креветъ; въ Посольскомъ Приказѣ сидѣлъ еще переводчикъ—Шафировъ; это будущій вице-канцлеръ. Дѣла было много, рукъ - мало, и члены дружины должны были заниматься многими дѣлами, по примѣру своего вождя-бомбардира, шкипера и корабельнаго плотника.

---

[1]) Собраніе записокъ Туманскаго, V, 80.—Итакъ Ромодановскій былъ шутовской адмиралъ, какъ былъ шутовской король, шутовской генералиссимусъ. Несмотря на то, нѣкоторые торжественно утверждаютъ, что первымъ адмираломъ русскаго флота былъ не Лефортъ, а Ромодановскій; что же они и Зотова не включаютъ въ число іерарховъ?

[2]) Подробности морскихъ обоихъ походовъ см. въ Двинскихъ запискахъ; о второмъ походѣ—у Гордона подъ 1694 годъ.

[3]) См. Пекарскаго—Науки и Литература въ Россіи при Петрѣ В., I, 200 и слѣд.

Послѣ марсовыхъ и нептуновыхъ потѣхъ дружина отдыхала на веселыхъ пирахъ, въ сильной борьбѣ съ иностранцемъ Бахусомъ и съ своимъ доморощеннымъ Ивашкою Хмельницкимъ. Какъ на сухопутныхъ и морскихъ потѣхахъ генералиссимусомъ и адмираломъ былъ Ромодановскій, а Петръ ротмистромъ, бомбардиромъ или шкиперомъ, такъ и на пирахъ главою компаніи былъ Никита Зотовъ—„Всешутѣйшій отецъ Іоаникитъ, Пресбургскій, Кокуйскій и Всеяузскій патріархъ“ [1]. Петръ былъ и здѣсь только діакономъ. На Святкахъ компанія ѣздила Христа славить; самъ царь ѣздилъ по всѣмъ боярамъ и палатнымъ людямъ, Зотовъ ѣздилъ къ купцамъ [2]. Въ январѣ 1694 года было большое торжество: женился шутъ Яковъ Тургеневъ на дьячей женѣ; а за нимъ въ поѣзду были бояре, окольничіе, думные и всѣхъ чиновъ палатные люди: а ѣхали они на быкахъ, на козлахъ, на свиньяхъ, на собакахъ, а въ платьяхъ были смѣшныхъ,—въ куляхъ мочальныхъ, въ шляпахъ лычныхъ, въ крашенинныхъ кафтанахъ, опушенныхъ кошачьими лапами, въ сѣрыхъ разноцвѣтныхъ кафтанахъ, опушенныхъ бѣльими хвостами, въ соломенныхъ сапогахъ, въ мышьихъ рукавицахъ, въ лубочныхъ шапкахъ. А Тургеневъ самъ ѣхалъ съ женою въ государской лучшей бархатной каретѣ; а за нимъ шли Трубецкіе, Шереметевы, Голицыны, Гагины въ бархатныхъ кафтанахъ; женился онъ, Яковъ, въ шатрахъ на полѣ между Преображенскимъ и Семеновскимъ, и тутъ былъ банкетъ великій три дня [3].

Когда молодой царь съ своею компаніею потѣшался такимъ образомъ, въ остальномъ обществѣ происходили явленія, которыя, съ одной стороны, объясняли поведеніе компаніи, съ другой—показывали какъ необходимо было обществу обновленіе, котораго собственными внутренними средствами оно достигнуть не могло. Вотъ печальная лѣтопись:

Въ 1693 году била челомъ казначея царевича Алексѣя Петровича, Татьяна, вдова стольника Всеволожскаго, что въ домѣ боярина Кондратія Ѳомича Нарышкина, при бояринѣ и другихъ свидѣтеляхъ, стольникъ Аѳанасій Короваевъ называлъ ее воровкою. Свидѣтели показали: Короваевъ говорилъ, что Всеволожская воровка, и еслибъ такъ пріѣхала къ нему Аѳанасію, какъ пріѣзжала къ Степану Ѳефилатьеву, то онъ бы ее срубилъ. „Уже и жонки ѣздятъ по разбоямъ!“ говорилъ Короваевъ, и когда Нарышкинъ спросилъ его: кто жонки?—отвѣчалъ: Македонская княгиня [4] за воровство на площадь вывожена и на плаху кладена, а вдова Татьяна пріѣзжала къ Ѳефилатьеву двора зажигать. Короваевъ показалъ, что онъ былъ у Нарышкина бить челомъ о родственникѣ своемъ Степанѣ Ѳефилатьевѣ по дѣлу его съ Всеволожскою. Татьянѣ доправлено безчестіе по Уложенію [5].

Князь Александръ Крупскій битъ кнутомъ за то, что жену убилъ. Въ 1694 году явились въ воровствѣ по язычной молвкѣ стольники Владиміръ съ братомъ Васильемъ Шереметевы; въ этомъ дѣлѣ пытаны князь Ив. Ухтомскій, Левъ и Григорій Ползиковы, Леонтій Шепшинъ; языки на нихъ съ пытки говорили, что на Москвѣ они пріѣзжали середи бѣла дня къ посадскимъ мужикамъ и домы ихъ грабили, смертныя убійства чинили и назывались большими. Шереметевы были освобождены на поруки и даны для береженья боярину Петру Вас. Шереметеву; и послѣ того языки ихъ казнены. Въ томъ же году измѣнилъ Ѳедоръ Дашковъ, поѣхалъ-было служить къ Польскому королю; пойманъ на рубежѣ, разспрашиванъ и повинился въ отъѣздѣ; изъ Смоленска присланъ скованный въ Москву, въ Посольскій Приказъ, а изъ Посольскаго Приказа освобожденъ, потому что далъ думному дьяку Емельяну Украинцеву двѣсти золотыхъ. Въ 1693 году послана была царская грамота Алатырскому воеводѣ о посылкѣ стрѣльцовъ въ Печерскую пустынь для обереженья богомольцевъ отъ разбойниковъ: „Въ ту пустынь ежегодно, іюля къ 8 числу, къ чудотворному образу Казанской Богородицы бываетъ съѣздъ для богомолья, и въ то же время отъ воровскихъ людей и отъ разбойниковъ на пустынь, и на братію, и на богомольцевъ бываетъ всякое разореніе и разграбленіе, и въ прошлыхъ годахъ ту Печерскую пустынь разбойники разбивали не по одно время“. Въ томъ же году, по указу великихъ государей, въ Сольвычегодскѣ, бывшему земскому всеуѣздному старостѣ Пачезерской волости, крестьянину Степану Пустынникову, велѣно учинить наказаніе: на площади передъ приказной избою бить батоги, снявъ рубаху, нещадно, для того что онъ, будучи въ малыхъ числахъ (короткое время) во всеуѣздныхъ старостахъ, по совѣту съ малыми людьми, безъ вѣдома Усольцевъ посадскихъ и уѣздныхъ людей, билъ челомъ великимъ государямъ, будто со всего мірскаго вѣдома, о Максимкѣ и Ѳедькѣ Пивоваровыхъ, чтобъ имъ быть попрежнему въ приказной избѣ въ подъячихъ, и къ той челобитной онъ, Стенька, дважды руку приложилъ: вверху подписался старостою Стенькою Пустынниковымъ, а въ другой разъ вмѣсто выборнаго Козырева и за себя подписался крестьяниномъ Пачезерской волости Стенькою Ѳедоровымъ. Кромѣ того, посылалъ челобитную, будто отъ всего міра, на именитаго человѣка Григорія Дмитріевича Строгонова; писалъ челобитье, въ которомъ челобитьи архимандрита Введенскаго монастыря называлъ ложнымъ, затѣйнымъ и своевольнымъ; писалъ, что отъ этого въ мірѣ учинилась смута; къ своему выбору и къ челобитнымъ велѣлъ прикладывать руки выборнымъ и посадскимъ, и уѣзднымъ людямъ, а посадскіе люди и волостные крестьяне съ мірскаго совѣта его въ старосты не выбирали, и выборному посадскому и волостнымъ выборнымъ его выбирать не велѣли 1).

---

[1] Письмо Стрѣшнева царю подъ Азовъ; Кабинетъ, II, № 53.

[2] Записки Желябужскаго подъ 1694 годомъ.

[3] Записки Желябужскаго подъ 1694 годомъ.

[4] Фамилію князя Македонскаго носилъ одинъ изъ выѣзжихъ Грековъ, вступившій въ царскую службу.

[5] Архивъ Мин. Юстиціи, столбцы Приказнаго стола, № 2807.

Понимали, что дѣла идутъ дурно, что такъ нельзя быть; но какъ помочь бѣдѣ?—мнѣнія дѣлились: одни говорили, что за моремъ лучше и надобно смотрѣть туда; другіе повторяли, что надобно прежде всего выгнать Нѣмцевъ, отъ которыхъ все зло. Послѣдняго мнѣнія держался, какъ мы видѣли, патріархъ Іоакимъ. Онъ торжествовалъ съ паденіемъ Софіи: врагъ его—Медвѣдевъ—былъ разстриженъ, повинился въ ереси, казненъ какъ измѣнникъ, малороссійскіе духовные спѣшили увѣреніями, что во всемъ согласны съ святѣйшимъ. Къ Барановичу, который отговаривался малороссійскимъ обычаемъ, послана патріаршая грамота: „Писали мы къ тебѣ, желая вѣдать согласіе и единомысліе твое къ Св. Восточной Церкви и къ намъ, архипастырю твоему; и твое боголюбіе, презирая и въ ничто полагая насъ, отца и архипастыря твоего, по прошествіи многаго времени едва отписалъ и то не по твоей мудрости: мы тебя спрашивали объ одномъ, а ты отвѣчалъ о другомъ. Мы тебѣ предложили отъ востока, а ты, отскочивши въ противную сторону, говоришь отъ запада; и простому человѣку стыдно такъ говорить; вмѣсто того, чтобъ противопоставить намъ обычай, преданный Св. Отцами, ты толкуешь о своемъ застарѣломъ обычаѣ и о новшествахъ, обрѣтающихся неосмотрѣнно въ новосочиняемыхъ вашихъ книгахъ. Изъяви намъ все искренно и немедленно, да не обнаружится предъ нами твое непокорство и презрѣніе. Или ты одинъ внѣ власти намъ данной? Митрополитъ Гедеонъ и архимандритъ Варлаамъ прислали намъ свое согласіе и единоуміе во всемъ. Коли ты намъ о себѣ не извѣстишь, не смѣй священнодѣйствовать до совершеннаго о тебѣ суда: да знаешь главу и отца твоего и да научишься не быть презорливъ и непослушливъ къ архипастырю своему и Восточной Церкви Святой. Если же будешь согласенъ съ Св. Восточной Церковію и объявишь немедленно свое согласіе и единоуміе съ нами, то священнодѣйствуй невозбранно“.

В. В. Голицынъ, покровитель іезуитовъ, сосланъ, и патріархъ, со всѣмъ освященнымъ соборомъ, бьетъ челомъ, что „езувиты живутъ на Москвѣ многое время безъ дѣла, а прежде сего изстари при предкахъ государскихъ римскіе езувиты въ Московскомъ государствѣ никогда не были и не живали; а нынѣ, живучи они, езувиты, въ Москвѣ чинятъ многую Св. Соборной Апостольской Церкви и догматомъ ея противность печатными письмами и образами на полотнахъ и на роговой кости, также и иными прелестями, а у Св. Соборной Апостольской Восточной Церкви съ западнымъ римскимъ костеломъ многія несходства, и чтобъ великіе государи больше сего имъ, езувитамъ, за такими вышепомянутыми препятствіями въ Московскомъ государствѣ жить не позволили“ Великіе государи указали: „Езувитовъ (Давида и Товію) съ Москвы отпустить милостиво и дать имъ жалованье и подводы до литовскаго рубежа“. Іезуиты били челомъ, чтобъ позволено имъ было описаться объ отпускѣ своемъ къ цесарскому величеству, и дать бы имъ сроку до тѣхъ поръ, пока они продадутъ дворъ свой въ Нѣмецкой слободѣ, который купленъ изъ цесарской казны, и сами въ дорогу уберутся. Пересылаться имъ съ Цесаремъ не позволили и для сборовъ въ дорогу дали только два дня. Чтобъ впередъ іезуиты какъ-нибудь не прокрались въ Россію, изданъ былъ указъ: „Великіе государи указали для братской дружбы съ его цесарскимъ величествомъ быть на Москвѣ при одномъ и другому, только-бъ тѣ ксендзы, живучи на Москвѣ ни въ какія неподлежащія и не въ свои дѣла не вступались и вѣрѣ Греко-Россійской никакой противности не чинили, и Русскихъ людей не отвращали, и въ домы къ Русскимъ людямъ не ходили, а службу отправляли въ домахъ у начальныхъ людей Римской вѣры, также бы и чрезъ почты какъ вѣстовыхъ, такъ и затѣйныхъ никакихъ писемъ въ иные государства отнюдь не писали и не посылали, и подъ именемъ тѣхъ ксендзовъ въ ихъ ксендзовомъ платьи не жили-бъ на Москвѣ езуиты, а были-бъ тѣ ксендзы свѣтскіе плебаны, а не езуиты; а буде вмѣсто тѣхъ плебановъ объявятся на Москвѣ езуиты, и тѣ езуиты, также и плебаны высланы будутъ съ Москвы вовсе, и впредь имъ на Москвѣ жить будетъ не позволено“ 2).

Въ торжествѣ своемъ надъ Медвѣдевымъ и іезуитами Іоакимъ, разумѣется, не могъ стать ласковѣе къ служилымъ иноземцамъ, противъ которыхъ сильно вооружался и прежде. 28 февраля 1690 года, по случаю рожденія царевича Алексѣя Петровича, знатнѣйшіе изъ этихъ иноземцевъ должны были обѣдать за царскимъ столомъ; патріархъ настоялъ, чтобъ ихъ не было за столомъ 3), и это въ то время, когда молодой царь и вельможи его не могли обойтись безъ иностранцевъ, сами ѣздили къ нимъ и къ себѣ постоянно приглашали. Передъ смертію (въ мартѣ 1690 года) Іоакимъ составилъ завѣщаніе, въ которомъ увѣщевалъ государей не допускать Православныхъ христіанъ дружиться съ еретиками иновѣрцами, Латинами, Лютеранами, Калвинами, и безбожными Татарами, не давать иновѣрцамъ строить свои мольбища, а которыя уже построены,—разорить; чтобъ запретили въ полкахъ и во всемъ государствѣ проклятымъ еретикамъ быть началь-

---

1) Записки Желябужскаго; Акты Историч. V, № 219; Приказныя дѣла Моск. Арх. Мин. Ин. Д. 1693 года.

2) Собр. гос. грам. и догов. IV, № 203; Полн. Собр. Зак. № 1388.

3) Гордонъ, II, 297.

никами: „Какая отъ нихъ Православному воинству можетъ быть помощь?—только гнѣвъ Божій наводятъ. Когда Православные молятся, тогда еретики спятъ; христіане просятъ помощи у Богородицы и всѣхъ Святыхъ,—еретики надъ всѣмъ этимъ смѣются; христіане постятся,—еретики никогда. Начальствуютъ волки надъ агнцами! Благодатію Божіею въ Русскомъ царствѣ людей благочестивыхъ, въ ратоборствѣ искусныхъ, очень много. Опять напоминаю, чтобъ иновѣрцамъ еретикамъ костеловъ римскихъ, кирокъ нѣмецкихъ, Татарамъ мечетей не давать строить нигдѣ, новыхъ латинскихъ и иностраныхъ обычаевъ и въ платьи перемѣнъ по иноземски не вводить. Удивляюсь царскаго синклита совѣтникамъ полатнымъ и правителямъ, которые на посольствахъ въ иныхъ земляхъ бывали, видѣли, что всякое государство свои нравы и обычаи имѣетъ въ одеждахъ и поступкахъ, свое держатъ, чужаго не принимаютъ, чужихъ вѣръ людямъ никакихъ достоинствъ не даютъ, молитвенныхъ храмовъ имъ строить не позволяютъ: въ нѣмецкихъ государствахъ есть ли гдѣ церковь благочестивой вѣры?“ [1]).

Не ранѣе трехъ мѣсяцевъ по смерти Іоакима, въ іюлѣ 1690 года, Соборъ началъ разсуждать о выборѣ ему преемника: высшіе указывали на Маркелла, митрополита Псковскаго, человѣка ученаго и образованнаго; низшіе были противъ Маркелла и указывали на Адріана, митрополита Казанскаго. Царь Петръ присталъ къ архіереямъ и хотѣлъ Маркелла, но царица Наталья Кирилловна съ архимандритами, игуменами и нижнимъ духовенствомъ стояла за Адріана. Врагамъ Маркелла не нравилась его обширная ученость, и они говорили, что ученый патріархъ будетъ благопріятствовать иновѣрцамъ; какой-то архимандритъ подалъ царицѣ сочиненіе, гдѣ обличалъ Маркелла въ ереси. Враги Маркелла пересилили, и Адріанъ былъ возведенъ на патріаршество [2]).

Новый патріархъ не могъ не обратить вниманія на страшное зло, семейную неурядицу, происходившую отъ неправильныхъ отношеній двухъ половъ, отъ страннаго способа заключенія браковъ. Въ ноябрѣ 1693 года Адріанъ издалъ указъ. „Священницы сопружествующіе согласія жениха и невѣсты не истязуютъ и небрежно о семъ имутъ, множицею и не хотяще едино лицо другому и не любящиися между собою сопружествуютъ и по сицевому началу и прочее житіе тѣхъ мужа и жены бываетъ бѣдно и другъ друга навѣтно и дѣтей безприжитно, и то творится вельми грѣшно и пребеззаконно;—и великій господинъ указалъ досматривать, чтобъ отнынѣ къ вѣнчанію приходящихъ жениха и невѣсту священникомъ поособно истязовати и накрѣпко допрашивати, по любви ли и согласію другъ другу сопружествуются, а не отъ насилія ли или неволи каковы: а будетъ женское лицо, а паче дѣвицы стыдятся сіе рещи, допрашивати родители ея, паче же матерь, или аще матери не имать, сестры ея допрашивать о томъ, и аще кое ихъ лице, паче же дѣвическое совершенно умолчитъ или иное каковое знаменіе появитъ, отвращеніе лица отъ сопружника, плеваніе или отрясеніе руками,—и таковыхъ не сопружествовати, дондеже совершенное согласіе ко другъ другу появятъ“ [3]). Разумѣется, средства, предложенныя въ указѣ, не могли уничтожить или ослабить зло; странно было допрашивать отца и мать, когда браки заключались по ихъ единственной волѣ; но указъ этотъ очень важенъ для насъ въ томъ отношеніи, что служитъ введеніемъ къ послѣдующимъ мѣрамъ Петра насчетъ заключенія браковъ.

Правительство свѣтское должно было обратить вниманіе на безчинства, которыя позволяли себѣ безмѣстные монахи и монахини, попы и дьяконы. Въ мартѣ 1694 года состоялся именной указъ: „Буде безмѣстные чернецы и черницы въ Кремлѣ, Китаѣ, Земляномъ городѣ, и попы и дьяконы безмѣстные же, безчинно и неискусно, также которые гулящіе люди, подвязавъ руки или ноги, а иные и глаза завѣся и зажмуря, будто слѣпы и хромы, притворнымъ лукавствомъ просятъ на Христово имя милостыни, а по осмотру они всѣмъ здоровы,—и тѣхъ чернецовъ и черницъ, и поповъ, и дьяконовъ имать и приводить ихъ въ Стрѣлецкій Приказъ, а изъ Стрѣлецкаго Приказа отсылать въ Патріаршій Приказъ, чтобъ отнюдь чернецы и черницы и безмѣстные попы и дьяконы по улицамъ нигдѣ не бродили и по кабакамъ не водились“ [4]). Еще прежде Новгородскій митрополитъ Корнилій велѣлъ своимъ подъячимъ и недѣльщикамъ хватать на кружечныхъ дворахъ лицъ духовнаго званія, также и по улицамъ въ нетрезвомъ видѣ, и приводить въ Митрополичій Приказъ „и отъ того себѣ скуповъ и поминокъ не имать и ихъ не отпускать“ [5]).

Борьба съ раскольниками продолжалась въ прежней силѣ.

Мы видѣли, что казаки-раскольники ушли съ Дону на рѣку Аграхань, во владѣнія шевкала Тарковскаго. Въ началѣ 1691 года былъ отправленъ къ нимъ съ призывною грамотою дворянинъ Басовъ. Когда, въ половинѣ марта, онъ пріѣхалъ на Донъ и потребовалъ у тамошнихъ казаковъ, чтобъ они дали ему провожатыхъ и отпустили на Аграхань, то казаки отвѣчали: „Отпустить намъ тебя нельзя, потому что мы уже разъ посылали къ раскольникамъ съ царскою же грамотою, и они одного посланнаго убили и двоихъ другихъ отпустили на Донъ и съ ними къ намъ приказали, чтобы мы отнюдь впередъ съ государевыми грамотами и войсковыми письмами къ нимъ никого не присылали, а пришлемъ, то всѣхъ побьютъ“. Послали въ Москву къ великимъ государямъ за указомъ; указъ пришелъ: ѣхать Басову на Терекъ ко вдовѣ князя Алегука Сунгеневича Черкасскаго, княгинѣ Таукѣ Салтанобековнѣ, и какъ она велитъ ему поступать, такъ и дѣлать. Басовъ взялъ троихъ казаковъ съ Дону и поѣхалъ къ княгинѣ Таукѣ на Царицынъ, на Астрахань и на Терекъ, изъ Терека пріѣхалъ въ улусы къ княгинѣ Таукѣ. Выслушавъ въ чемъ дѣло, княгиня послала въ улусы къ шевкалову брату Алибеку, чтобъ пріѣхалъ съ нею повидаться. Алибекъ пріѣхалъ, и Таука говорила ему, чтобъ взялъ Басова съ казаками и отвезъ ихъ къ брату своему шевкалу, и самъ уговаривалъ бы его, чтобъ отдалъ въ царскую сторону бѣглыхъ съ Дону казаковъ-раскольниковъ. Поѣхали къ шевкалу; тотъ, выслушавши Басова, отвѣчалъ: „Казаки пришли ко мнѣ съ Дону волею, и живутъ въ моемъ владѣніи по волѣ же; я за ними не посылалъ и выслать мнѣ ихъ неволею нельзя, потому что у насъ такъ не водится, почитаю я ихъ у себя за гостей; а чтобъ они великимъ государямъ вины свои принесли и шли жить попрежнему на Донъ, о томъ я говорить имъ буду и милостію государскою обнадеживать, какъ возможно; но обратятся ли и пойдутъ ли на Донъ или нѣтъ,—того не вѣдаю; если пойдутъ, то я ихъ держать не стану, отпущу тотчасъ; а ты бы къ нимъ не ѣздилъ; если поѣдешь, то убьютъ они тебя до смерти;—обошлюсь съ ними я“.

---

[1]) Напечатано въ приложеніяхъ къ II тому Исторіи царств. Петра В., Устрялова.

[2]) Гордонъ, II, 309, 311.

[3]) Кабинетъ II, кн. № 53.

[4]) Пол. Собр. Зак. № 1489.

[5]) Акты Истор. V, № 203

Послалъ шевкалъ къ раскольникамъ въ первый разъ есаула; есаулъ возвратился съ отвѣтомъ, что казаки ѣздить къ себѣ Басову не велѣли; а пріѣдетъ,—убьютъ. Послалъ шевкалъ въ другой разъ брата своего Алибека; тотъ привезъ отвѣтъ подробнѣе, раскольники говорили: „Чтобъ впередъ къ намъ изъ Москвы и съ Дону никого не присылали и людей понапрасно не теряли; намъ здѣсь жить хорошо и повольно, шевкалъ вѣры у насъ не отнимаетъ, живемъ какъ хотимъ, вѣру держимъ — какъ кто знаетъ, нужды намъ никакой нѣтъ, идти намъ назадъ въ домы за какимъ добромъ?—знаемъ что намъ будетъ!“

Черезъ нѣсколько времени пріѣхали къ шевкалу отъ раскольниковъ четыре человѣка, долго сидѣли у шевкала, а потомъ видѣлись и съ Басовымъ; тотъ ихъ всячески увѣщевалъ, царскою милостію обнадеживалъ и давалъ имъ государскую грамоту; но раскольники грамоты не приняли и говорили: „Ваши цари солгали головѣ нашему шевкалу въ жалованьи, обѣщаннаго не прислали, а намъ и подавно солгутъ; а хотя и ратныхъ людей на насъ пошлютъ, то намъ вѣсть будетъ изъ Астрахани отъ иноземцевъ тотчасъ, и по вѣдомости пойдемъ мы къ хану въ Большую Кабарду; а тамъ намъ никто ничего не сдѣлаетъ“. Басовъ узналъ навѣрное, что шевкалъ раскольниковъ не выдастъ, потому что съ ними вмѣстѣ воруетъ, посылаетъ людей своихъ съ ними на море грабить и половину добычи беретъ себѣ[1].

Въ началѣ 1693 года атаманъ казаковъ-раскольниковъ, Семенъ Саратовецъ, съ семью товарищами явился къ Крымскому хану съ жалобою на Кумыковъ, ханскихъ подданныхъ, которые осенью напали на казаковъ и взяли въ плѣнъ 250 человѣкъ женъ и дѣтей, кромѣ того отбили всю добычу, которую взяли раскольники, разбивши два персидскія судна. Казаки просили управы у хана, просили также указать мѣсто, гдѣ бы имъ поселиться на Кумѣ рѣкѣ особо, а между Кумыками и Черкесами жить больше не хотятъ. Въ думѣ у хана было приговорено исполнить всѣ просьбы казаковъ, причемъ ханъ обѣщалъ дать имъ двѣ пушки съ припасами. Въ это время въ Крыму жилъ русскій гонецъ Айтемировъ; толмачъ его, при встрѣчѣ съ Саратовцемъ, спросилъ его: „Для чего вы милость государскую къ себѣ забыли и, оставя христіанство, какого добра у бусурманъ себѣ ищете?“ — Саратовецъ отвѣчалъ: „А какъ намъ на Дону жить? старую вѣру нынѣ выводятъ, а держатъ новую и крестное сложеніе не такъ, какъ прежде бывало, и для той новой вѣры съ Дону у насъ къ Москвѣ забрали людей добрыхъ и заслуженныхъ, Кирѣя Матвѣева съ товарищи, и показнили невѣдомо за что, и намъ на Дону поэтому жить нельзя. Увидимъ мы и здѣшнюю татарскую правду, какъ они намъ все отдадутъ; а если Татары ничего добраго намъ не сдѣлаютъ, то мы знаемъ дорогу и на Донъ попрежнему, и надѣемся, что великіе государи принять насъ туда укажутъ“[2].

Какъ видно, раскольники были удовлетворены, потому что въ іюнѣ 1693 года Черноярскій воевода доносилъ Астраханскому, что 6 іюня прибѣжали безвѣстно сверху изъ стана воровскіе воинскіе люди, человѣкъ сотъ съ пять и болѣе, и къ городу приступали, и съ тѣми воровскими воинскими людьми бой былъ долгое время; а знатно съ тѣми ворами были раскольщики казаки. Астраханскій воевода отвѣчалъ Черноярскому: писалъ съ Дону атаманъ Фролъ Минаевъ, что вышли къ нимъ въ войско изъ-за Кубани два полоняника и сказали: воровскіе казаки раскольщики, которые живутъ за Кубанью, собираются идти, соединясь съ Крымскими и Едисанскими мурзами, большимъ собраніемъ, для воровства, подъ Царицынскую заставу къ Волгѣ рѣкѣ, на рыбныя ватаги и къ Черному Яру[3].

Съ сѣвера такъ же неутѣшительныя вѣсти: въ мартѣ 1690 года, въ Устюжскомъ уѣздѣ, въ Черевковской волости сожглось болѣе сотни раскольниковъ, мужчинъ, женщинъ и младенцевъ. 21 іюля 1693 года пришли силою въ Пудожскій погостъ раскольники, незнаемые люди и жители того же погоста, вошли въ церковь, били всполохъ въ церковные колокола, церковь у поповъ отняли и засѣли, самихъ поповъ били, домы ихъ разграбили и разорили, а по смѣтѣ раскольниковъ было ста два и больше, между ними монахъ и много дьячковъ, одинъ назывался Василіемъ Емельяновымъ, котораго другіе называли учителемъ. Раскольщики взлѣзли на церковныя главы, и кресты на нихъ и внутри церкви иконы водою обмывали; при этомъ три женщины были будто внѣ ума, а какъ образумились, говорили, что въ церквахъ надобно дѣйствовать Василью Емельянову съ совѣтниками, а попамъ отказать. По царскому указу, Олонецкіе воеводы послали на раскольниковъ сотника стрѣлецкаго и подъячаго. Посланные, узнавъ, что раскольники засѣли въ деревнѣ Строкиной въ четырехъ избахъ, отправились съ понятыми людьми ихъ уговаривать, чтобъ принесли покаяніе; но раскольники въ отвѣтъ говорили всякія богомерзкія слова, на церковь и на четвероконечный крестъ великую хулу износили; стрѣльцы обступили около дворовъ и хотѣли перехватить раскольниковъ живыми, но тѣ начали отстрѣливаться; стрѣльцы стали просѣкать стѣны, тогда раскольники зажгли избы и сгорѣли всѣ безъ остатка. Въ Олонецкихъ мѣстахъ образовался знаменитый Выговскій монастырь, о началѣ котораго разсказывалъ крестьянинъ Терентій Артемьевъ, изъ Шуйскаго погоста Мунозерской волости: „Приходилъ въ нашу деревню Екъ-наволокъ къ сестрѣ своей въ гости той же волости крестьянинъ Митрошка Терентьевъ и, призвавши меня, началъ подговаривать въ расколъ на лѣса за Онежское озеро. Я его послушалъ и съ нимъ въ расколъ пошелъ; да съ нами же шли прежніе его, Митрошкины, товарищи, и пришли мы пять человѣкъ въ Шуйскій погостъ, въ вотчину Тихвина монастыря, къ празднику, къ Благовѣщеньеву дню, и жили въ деревнѣ на Хошозерѣ двѣ недѣли для распутнаго времени. Жили мы у Митрошкиныхъ совѣтниковъ, и приходили къ Митрошкѣ на совѣтъ для расколу крестьяне Шуйскаго погоста, совѣтовались, чтобъ въ расколъ на лѣса ходить. Проживши здѣсь двѣ недѣли, пошли мы по льду чрезъ Онежское озеро на лыжахъ на берегъ въ пристанище судовное и пошли на лѣса къ востоку; а дорога учинена пѣшеходная, верхомъ на лошади для болотъ, дрябей и лѣсовъ проѣхать съ нуждою можно. У Бѣлаго озера, у Митрошки построена келья, гдѣ съ Митрошкою живутъ раскольники человѣкъ съ десять изъ разныхъ мѣстъ. Отъ Митрошкиной кельи до Верхняго Выга рѣки дикими лѣсами, болотами и дрябями пѣшею дорогою 15 верстъ, а на лошадяхъ проѣхать нельзя. Подлѣ той рѣки построено келій съ десять; живутъ въ нихъ начальникъ раскольническій, бѣглый соловецкій чернецъ Корнышка (Корнилій) съ товарищами и совѣтниками своими; ростомъ онъ, чернецъ, не великъ, сѣдатъ и старъ; въ сборѣ у него раскольниковъ изъ разныхъ городовъ и мѣстъ, мужескаго пола, женокъ, дѣвокъ и старицъ, человѣкъ со сто. Кельи стоятъ подлѣ Выга рѣки врознь; между иными кельями разстоянія полверсты и больше; да на рѣкѣ противъ тѣхъ келій построена мельница; ружья никакого мелкаго и припасовъ въ тѣхъ кельяхъ нѣтъ, а только у нихъ построены малыя хоромники на столбахъ и въ нихъ держатъ хлѣбъ, а пашутъ они безъ лошадей и землю размягчаютъ желѣзными кокотами. При мнѣ приходили къ чернецу изъ иныхъ келій на исповѣдь, и онъ ихъ исповѣдывалъ и причащалъ, а какъ онъ причастье строилъ, я видѣлъ: взявъ ягоды брусники и муку бѣлую ржаную или пшеничную смѣшавъ вмѣстѣ и тѣмъ ихъ причащалъ. Будучи въ тѣхъ пристанищахъ на лѣсахъ, слышалъ я, что есть раскольническое пристанище на той же рѣкѣ Выгу выше; начальникъ въ немъ бывшій церковный дьячекъ Данило Никулинъ, и съ нимъ въ сборѣ многое число, и безпрестанно множатся; келья у Данилы великая, и въ ней устроены окна, откуда отъ присыльныхъ людей борониться; три пушки мѣдныя привезены отъ моря; пищалей, барышей и пороху много; покупаютъ оружія, выѣзжая по ярмаркамъ; хлѣбъ пашутъ на лошадяхъ, рыбу ловятъ на дикихъ озерахъ“.

---

[1] Донскія дѣла въ Моск. Арх. Мин Ин. Д.

[2] Донскія дѣла въ Моск. Арх. Мин. Ин. Д.; Крымскій статейный списокъ, № 81.

[3] Акты Истор. V, № 220 и 221.

Кромѣ раскольниковъ, у Церкви были другіе враги, которые не бѣжали ни въ лѣса, ни въ степи, но открыто въ столицѣ объявляли свои взгляды, не подвергаясь впрочемъ за нихъ ни заточенію, ни сожженію. Отъ описываемаго времени дошла до насъ любопытная проповѣдь, говоренная патріархомъ въ день Св. Алексія митрополита, передъ однимъ изъ походовъ на Турокъ. Вооружаясь противъ стараго порока, пьянства, проповѣдникъ вооружается и противъ новыхъ грѣховъ: „Не только прочіе въ году узаконенные посты, но и великую четыредесятницу многіе презираютъ. Мужчины, женщины, юные отроки и священнаго чина люди всегда упиваются; и виномъ, и табакомъ, и всякимъ питіемъ безъ сытости пьяны, и съѣдаютъ не только запрещенныя яствы, но рвеніемъ и завистію другъ друга съѣдаютъ, убиваютъ и грабятъ, неправдосудствуютъ и обижаютъ. Общая пословица носится: все то людямъ изъянъ, отъ чего кто пьянъ. Мѣра во всемъ человѣка въ доброе дѣло будитъ, безмѣрно же не токмо вредный и скаредный табакъ, но и ренское вино губитъ. Теперь и благородные и простые, даже юноши хвастаются пьянствомъ, говоря безстыдно другъ другу: тогда-то и тогда я былъ пьянъ и церковное торжество въ праздники Господни проспалъ. Не только по пьянымъ и ночнымъ своимъ празнищамъ, но повсюду люди неученые, въ церкви святой нашихъ благопреданныхъ чинодѣйствъ не знающіе и другихъ о томъ не спрашивающіе, мнятся быть мудрыми, но отъ пипокъ табацкихъ и злоглагольствъ люторскихъ, кальвинскихъ и прочихъ еретиковъ обьюродѣли. Совратясь отъ стезей отцовъ своихъ, говоря: для чего это въ церкви такъ дѣлается, нѣтъ никакой въ этомъ пользы, человѣкъ это выдумалъ, и безъ этого можно жить. Едва только святымъ книгамъ узнаетъ имя, или складъ словесный, и уже учитъ архіереевъ и священниковъ, монастыри правитъ, людямъ всѣмъ тщится повелѣвать, устроять чины церковные и гражданскіе. Еретики и раздорники говорятъ: на что эти посвященія, памяти по усопшихъ душахъ, молебны Богу, Богородицѣ, угодникамъ Божіимъ“[1])?

Призванные на защиту Церкви, ученые старцы Іоанникій и Софроній Лихуды преподавали въ Заиконоспасскомъ монастырѣ реторику на Греческомъ и Латинскомъ языкахъ и логику по системѣ Аристотеля. Но эти занятія были прерваны соблазнительнымъ происшествіемъ. У старца Іоанникія былъ сынъ Николай, который носилъ въ Москвѣ княжескій титулъ, хотя болѣе былъ извѣстенъ подъ именемъ учителева сына. Этотъ Николай завелъ связь съ дочерью задворнаго конюха Марьею Селифонтовою; онъ ее увезъ, одѣлъ въ мужское платье, привезъ въ школы, заперъ въ чуланѣ. Потомъ нанялъ ей квартиру, гдѣ держалъ подъ надзоромъ своего холопа и жены его. Наконецъ сталъ ей говорить, что, одѣвши ее въ мужское платье и убравши въ накладные волосы, будетъ водить ее въ школы, учить по-гречески, подъ именемъ своего племянника. Это предложеніе пришлось не по нраву Марьѣ Селифонтовой; особенно не понравилось ей, когда Николай объявилъ, что увезетъ въ Венецію, или выдастъ замужъ за одного своего родственника, и, въ случаѣ сопротивленія, грозилъ смертію. Марьѣ удалось склонить на свою сторону караулившаго ее холопа, чрезъ котораго она дала знать обо всемъ отцу своему. Отецъ поспѣшилъ къ ней на помощь и „вынулъ ее съ стрѣльцами“, хотя прежде смотрѣлъ благосклонно на поведеніе дочери. Когда Марья разсказала все въ Разрядѣ, то отсюда послали въ школы взять Николая Лихудія и привести его для допросу. На Никольскую отправились разрядные подъячіе и стрѣльцы. Подъячіе поставили стрѣльцовъ у воротъ, а сами пошли для повѣстки къ учителямъ; взявши Николая, они вели его по верхнимъ переходамъ, какъ вдругъ изъ школы выбѣжали старцы и ученики, схватили подъячаго, начали его бить и за волосы таскать; подъячій кликнулъ стрѣльцовъ, чтобъ не подали; но и стрѣльцы на этотъ разъ не могли ничего сдѣлать; монахъ съ учениками гонялся за ними, бросалъ скамьею, кричалъ: „Что вы приходите воровски!“ Наконецъ подъячихъ и стрѣльцовъ согнали съ пероходовъ и ворота заперли. Такое поведеніе стариковъ Лихудовъ, разумѣется, не могло заставить правительство благосклонно смотрѣть на князя Николая, хотя онъ и клялся, что не имѣлъ намѣренія уѣхать въ Венецію, будучи облагодѣтельствованъ царями; что дѣвка Манка особа, извѣстная своимъ безнравственнымъ поведеніемъ, и вѣрить ей нечего Лихудамъ, какъ видно, не понравилось послѣ этого въ Москвѣ. и въ августѣ 1694 года пограничнымъ воеводамъ были разосланы указы—ловить греческихъ монаховъ, братьевъ Іоанникія и Софронія и дѣтей послѣдняго, Николая и Анастасія, ушедшихъ изъ Москвы. Бѣглецы были пойманы. и понятно, что не могли остаться въ прежнемъ значеніи; ихъ сослали изъ академіи въ типографію. гдѣ они стали учить Италіанскому языку [2]).

Отъ 1694 года дошла до насъ роспись боярскихъ и иныхъ чиновъ дѣтямъ, которымъ по именному указу учиться Италіянскому языку у учителей Грековъ—Іоанникія и Софронія Лихудіевыхъ. Боярскія дѣти: князя Петра Ив. Хованскаго два сына, Өедора Петр. Салтыкова—два, Алексѣя Петр. Салтыкова—два, Ив. Өед. Волынскаго—два. Дѣти стольниковъ: князя Өед. Андр. Хилкова два сына, князя Ив. Мих. Черкаскаго—шесть сыновей, Сем. Алексѣев. Языкова—одинъ. Дьячьи дѣти: Волкова одинъ сынъ, Кондратова—одинъ, Степанова—одинъ, Иванова—два, Верещагина—два, Полянскаго - одинъ, генеральнаго писаряИнехова—одинъ. Изъ дворянъ: Палицына—одинъ; уставщика—одинъ. Гостей и гостиной сотни—23 человѣка [3]).

Новости, начавшія вводиться въ описываемое время, корабли, фейерверки, возбуждая умственное движеніе въ однихъ, распаляли воображеніе въ другихъ, и повели къ слѣдующему явленію. Въ апрѣлѣ 1694 года закричалъ мужикъ „караулъ“ и сказалъ за собою государево слово, приведенъ въ Стрѣлецкій Приказъ, и въ разспросѣ сказалъ: сдѣлалъ онъ крылья, станетъ летать какъ журавль. По указу в. государей сдѣлалъ онъ себѣ крылья, слюдяныя. стали 18 рублей изъ государевой казны. Въ назначенный день бояринъ князь Ив. Бор. Троекуровъ вышелъ смотрѣть, какъ полетитъ журавль; мужикъ надѣлъ крылья, перекрестился и началъ подымать мѣхи, но никакъ не могъ подняться: „Тяжелы сдѣлалъ крылья“, говоринъ онъ, билъ челомъ, чтобъ ему сдѣлать другія крылья, станутъ всего въ пять рублей. Но бояринъ раскручинился и, вмѣсто крыльевъ, учинено мужику наказаніе: бить батоги, снявъ рубашку, и деньги 18 рублей велѣно доправить на немъ, продавъ все имѣніе [4]).

Внѣшняя дѣятельность правительства въ описанные четыре года по сверженіи Софіи представляетъ не много замѣчательнаго. Завѣдываніе иностранными дѣлами послѣ В. В. Голицына принялъ на себя Левъ Кирилловичъ Нарышкинъ. Онъ отличался важнымъ въ его положеніи качествомъ,—спокойнымъ безпристрастіемъ, но вовсе не отличался предпріимчивостію; притомъ же неудачные походы въ Крымъ и холодность, даже враждебное расположеніе союзниковъ Поляковъ не могли дать больше охоты къ дѣятельному продолженію войны. А между тѣмъ въ Малороссіи и въ русскихъ областяхъ, находившихся подъ польскимъ владычествомъ, происходили любопытныя явленія.

10 августа 1689 года, когда Москва, вслѣдствіе удаленія царя Петра, была въ недоумѣніи и страхѣ, подъѣзжалъ къ столицѣ. къ Калужскимъ

---

[1]) Акты Истор. V, № 223. Приказныя дѣла Моск. Арх. Мин. Ин. Д. означенныхъ годовъ; рукоп. Синод. библіот. № 261.

[2]) Столбцы Приказнаго стола. № 2763.

[3]) Книги Малорос. Приказа, № 69; Столбцы Московскаго стола № 1009.

[4]) Записки Желябужскаго.

воротамъ, гетманъ обѣихъ сторонъ Днѣпра Иванъ Степановичъ Мазепа. По указу великихъ государей и великой государыни, къ нему на встрѣчу отправился дьякъ Бобининъ съ каретою изъ царской конюшни. Мазепа, сѣвши въ карету, сказалъ: „Слава Господу Богу, что, по милости великихъ государей, благоволилъ Господь Богъ быть въ ихъ царскаго величества каретѣ. Какая это карета? — видно, что стародавнаго нѣмецкаго дѣла.“ — „Въ этой каретѣ всегда въѣзжаютъ великіе и полномочные послы иностранныхъ государей“, отвѣчалъ дьякъ. Потомъ гетманъ завелъ рѣчь о Крымскомъ походѣ, о побѣдѣ великороссійскихъ и малороссійскихъ войскъ надъ Татарами: „Никогда еще такой побѣды надъ Крымцами и такого страха имъ не бывало, какъ теперь промысломъ ближняго боярина князя Вас. Вас. Голицына. А что за безводными и безкормными мѣстами и за другими препятствіями Перекопскаго вала и башенъ не разорено, такъ сдѣлать это было трудно. Читалъ онъ, гетманъ, хронику, въ которой написано именно: въ древнихъ лѣтахъ приходилъ на Крымъ Дарій, царь Персидскій, со множествомъ войска и хотѣлъ Крымъ взять и разорить, а въ то время Крымъ еще и не такъ былъ укрѣпленъ, — и за такими же безводными и безкормными мѣстами и иными трудностями Перекопи взять и Крыму разорить не могъ, только войска своего подъ Крымомъ потерялъ съ 80,000, и съ великимъ стыдомъ насилу отъ Перекопи отступилъ, и впредь обѣщаніе положилъ — на Крымъ войною отнюдь не приходить. А нынѣ царскаго величества ратные люди бились съ Татарами подъ Перекопомъ мужественно и поганскихъ труповъ положили множество, а сами отведены въ цѣлости“.

На встрѣчѣ во дворцѣ, Ивану Степановичу говорили длинную рѣчь, что мужественною и храброю службою князя Вас. Вас. Голицына и его, гетмана, бусурманы нечаянно и никогда неслыханно отъ государскихъ ратей въ жилищахъ своихъ поражены, и отъ страха сами своимъ жилищамъ явились разорители

Дѣла пошли плохо для Софіи и Голицына, Шакловитый былъ выданъ; всѣ стремились къ побѣдителямъ къ Троицѣ, поѣхалъ туда и гетманъ въ большомъ страхѣ за свои прежнія отношенія къ падшему правительству. Дѣйствительно, у Троицы были люди, которые совѣтовали отдѣлаться отъ голицынскаго кліента; но другіе думали иначе: до сихъ поръ гетманы смѣнялись только вслѣдствіе явной измѣны или желанія самихъ Малороссіянъ. А если не смѣнять гетмана, то надобно привлечь его на свою сторону милостями, и вотъ Мазепа былъ встрѣченъ и у Троицы также похвальною рѣчью за вѣрную и радѣтельную службу и за усердное въ воинскомъ дѣлѣ попеченіе. Гетманъ, жалуясь на болѣзнь, отвѣчалъ короткою рѣчью, что обѣщается служить великому государю до послѣдней капли крови. Мазепа, видя милостивый пріемъ, спѣшилъ разсѣять всякое подозрѣніе въ новомъ правительствѣ полнымъ разрывомъ съ старымъ: доносилъ, что угрозы Леонтія Неплюева заставили его давать Голицыну богатые подарки деньгами и вещами, и потому билъ челомъ, чтобъ его вознаградили за это изъ имѣнія Голицына. Челобитье было принято, какъ знакъ полной приверженности къ новому правительству, и всѣ просьбы Мазепы были исполнены. Онъ пріѣзжалъ въ Москву за жалованною грамотою, подтверждавшею всѣ прежнія права и вольности малороссійскія; грамота была дана. Мазепа также билъ челомъ: о прибавкѣ великороссійскихъ ратныхъ людей въ малороссійскіе города; о точной переписи казаковъ, чтобъ послѣ, смотря по обстоятельствамъ, нельзя было никому сказываться то казакомъ, то мужикомъ; о пополненіи охочихъ полковъ; о томъ, чтобъ великороссійскіе посланцы не смѣли требовать подводъ безъ предъявленія царскихъ грамотъ; — на все послѣдовало согласіе. Гетманъ поставилъ на видъ, что необходимо ограничить винокуреніе, которое страшно истребляетъ лѣса, вслѣдствіе чего большинство жителей терпитъ и еще болѣе будетъ терпѣть вреда, тогда какъ очень немногіе обогащаются: государи указали гетману сдѣлать по своему разсмотрѣнію, остерегая однако накрѣпко, чтобъ посполитымъ людямъ не было никакой тягости и разоренія, потому что Малороссіяне пожалованы прежними ихъ правами и вольностями. Мазепа обѣщалъ посовѣтоваться объ этомъ со старшиною. Слѣдовали частныя дѣла: гетманъ жаловался на бывшаго Переяславскаго полковника, Димитрія Райчу, который постоянно бранитъ его заочно и безчеститъ при старшинѣ и полковникахъ; Мазепа объявилъ, что онъ будетъ жаловаться на Райчу на Рождественскомъ съѣздѣ старшинѣ и полковникамъ. Наконецъ Мазепа выхлопоталъ царскій указъ, которымъ велѣно было стольнику князю Юрію Четвертинскому выѣхать изъ Москвы въ Малороссію. Четвертинскій, пріѣхавъ въ Малороссію, женился на дочери Самойловича и жилъ, по приказанію Мазепы, въ Глуховскомъ уѣздѣ, въ хуторѣ Дунаевскомъ вмѣстѣ съ тещею.

Такимъ образомъ паденіе Софіи и Голицына не нарушило добрыхъ отношеній гетмана къ правительству Русскому. Враги Мазепы сильно обманулись, но еще не думали отказываться отъ надежды повредить гетману въ Москвѣ. Польша была готовымъ къ тому орудіемъ. Къ русскому резиденту въ Польшѣ, стольнику Волкову, 16 декабря 1689 г. пришелъ по знакомству шляхтичъ благочестивой вѣры, Подольскій, который при королѣ исправлялъ должность покоеваго (комнатнаго) дворянина. На этотъ разъ Подольскій принесъ важныя вѣсти. Недѣли съ три тому назадъ пріѣхалъ къ королю изъ Россіи черезъ Смоленскъ монахъ Соломонъ, который былъ съ образомъ Спаса въ Крымскомъ походѣ. Соломонъ привезъ къ королю письмо отъ гетмана Мазепы, написанное еще въ то время, какъ гетманъ пошелъ отъ Перекопи въ Батуринъ. О чемъ писано въ письмѣ, Подольскій сказалъ, что не знаетъ, только подпись не гетманской руки, а печать гетманская большая. Король велѣлъ монаху жить близъ Жолквы въ монастырѣ, и не знаетъ, какъ отвѣчать на это письмо, ибо ему извѣстно, что цари къ гетману и ко всей старшинѣ благоволятъ. Волковъ отвѣчалъ, что Мазепа служитъ царямъ вѣрно; письмо должно быть составное, воровское, а не гетманское,—составлено для того, чтобъ навести на гетмана царскую немилость; подлогъ ясенъ изъ того, что подпись не гетманской руки, а печать могли поддѣлать; король такимъ письмамъ вѣрить бы не изволилъ и приказалъ бы чернеца отослать въ Россію. Шляхтичъ замѣтилъ, что выдать монаха нельзя, потому что ему и тѣмъ людямъ, которые писали письмо, придется плохо.

Въ то же время Волковъ узналъ, что пріѣхали къ королю изъ Запорожья полковники Лазука и Забіяка съ письмами отъ кошеваго Гусака. Запорожцы жаловались, что съ царской стороны имъ большое утѣсненіе; запасовъ въ Сѣчь не пропускаютъ; за добычею ѣздить внизъ Днѣпромъ нельзя,—опасно отъ Татаръ. Для этого они съ ханомъ Крымскимъ помирились и бьютъ челомъ королю, чтобъ принялъ ихъ подъ оборону и прислалъ указъ, какъ имъ съ русской стороны быть безопасными и держать ли миръ съ Крымскимъ ханомъ или воевать съ нимъ. Тотъ же шляхтичъ Подольскій говорилъ Волкову, что король Запорожцевъ въ подданство не приметъ, развѣ прикажетъ имъ что тайно. Достовѣрно, что король имѣетъ дружбу съ Крымомъ и будетъ радъ всякой смутѣ между казаками городовыми и Запорожскими, потому что нынѣшній вѣчный миръ королю не прибыленъ и не потребенъ; королю жаль городовъ и земель, уступленныхъ царямъ. Подольскій объявилъ также, что король послалъ на Украйну шляхтича Искрицкаго, неизвѣстно зачѣмъ, а дочь Искрицкаго за Миргородскимъ полковникомъ Апостоленкомъ.

Волковъ при первомъ свиданіи съ короннымъ гетманомъ Яблоновскимъ спросилъ у него, чтó значитъ этотъ пріѣздъ Запорожцевъ къ королю. Яблоновскій отвѣчалъ, что король никогда не нарушитъ мирнаго договора, не приметъ Запорожья въ свое подданство; Запорожцы пріѣхали для вступленія въ службу королевскую подъ тѣмъ предлогомъ, что на Запорожьи большой голодъ, вслѣдствіе непропуска туда запасовъ изъ Россіи; но вступленіе нѣсколькихъ Запорожцевъ въ службу королевскую договора не нарушаетъ.

24 декабря опять пришелъ къ Волкову Подольскій съ вѣстями: 22 числа король отпустилъ монаха Соломона на Украйну, письма никакого съ нимъ не послалъ, а велѣлъ на словахъ привлекать гетмана къ себѣ, обнадеживать его своею милостію и жалованьемъ. Подольскій подтвердилъ и о Запорожцахъ, что они дѣйствительно просятся въ оборону королевскую; король призывалъ къ себѣ Лазуку и Забіяку, послѣ чего при Дворѣ разгласилось, что король хочетъ принять всѣхъ Запорожцевъ въ оборону тайными вымыслами; король старается всякими мѣрами, чтобъ и городовыхъ казаковъ помутить и къ себѣ привесть.

Въ началѣ 1690 года новыя вѣсти о непріязни польской. Лубенскій казакъ Мозыра ѣздилъ по своимъ дѣламъ въ Польшу и, возвратясь въ Батуринъ, разсказывалъ о своемъ разговорѣ съ гетманомъ Яблоновскимъ. Гетманъ, разспросивъ его, чтó дѣлается на Украйнѣ, примолвилъ: „Мы знаемъ навѣрное, что взятъ въ Москву и съ старшиною гетманъ Мазепа и также сосланъ въ Сибирь, гдѣ и старый Самойленко. Видишь хитрость и лживость московскую: не хотятъ они распространять вольность войска Запорожскаго, хотятъ его ни на что свести, чего не дай Боже. Москва и насъ обманула: однако мы промышляемъ отплатить ей такимъ же способомъ“.

Въ мартѣ мѣсяцѣ монахъ Соломонъ возвратился изъ Украйны въ Польшу, и, не доѣзжая полмили до Варшавы, въ селѣ Солкѣ, нанялъ студента писать письма отъ имени гетмана Мазепы,—одно къ королю, другое—къ гетману Яблоновскому. Въ обоихъ письмахъ говорилось, что онъ, Мазепа, со всѣмъ войскомъ Запорожскимъ желаетъ быть въ подданствѣ у королевскаго величества; за работу студенту монахъ далъ два ефимка; имя гетманское написалъ самъ и запечаталъ поддѣльною печатью. Монахъ остался въ Солкѣ, а студентъ отправился въ Варшаву, гдѣ, пьянствуя съ товарищами въ корчмѣ, онъ расхвастался, какимъ способомъ заработалъ ефимки и, въ доказательство прочелъ черновыя письма, оставшіяся при немъ. Донесли королю: тотъ призвалъ къ себѣ студента, и студентъ разсказалъ ему дѣло, какъ было. Чрезъ нѣсколько времени пріѣзжаетъ въ Варшаву и самъ Соломонъ,—прямо къ королю, и подаетъ письма отъ гетмана Мазепы; но тутъ сейчасъ же очная ставка со студентомъ, который подаетъ и черновыя письма для окончательной улики. Соломонъ долженъ былъ повиниться,—повинился, что и прежде пріѣзжалъ также съ воровскими письмами, а у гетмана Мазепы никогда не бывалъ. Король велѣлъ его посадить въ нижнія палаты дворца Яна-Казиміра и держать за крѣпкимъ карауломъ; а студенту велѣлъ выдать два сукна и нѣсколько ефимковъ. Все это Волковъ провѣдалъ отъ вѣрныхъ людей, отъ православныхъ священниковъ, которые знакомы съ ближними королевскими людьми.

Этимъ однако дѣло не могло кончиться, потому что король, когда въ первый разъ получилъ гетманское письмо отъ Соломона и отослалъ послѣдняго съ устнымъ отвѣтомъ къ Мазепѣ, въ то же время поручилъ Львовскому епископу Іосифу Шумлянскому войти въ сношенія съ гетманомъ. Шумлянскій охотно принялъ порученіе, потому что въ отпаденіи Мазепы отъ Москвы увидалъ средство достигнуть завѣтной цѣли — Кіевской митрополіи. Онъ немедленно же отправилъ къ Мазепѣ довѣреннаго человѣка, шляхтича Доморацкаго съ такимъ письмомъ: „Молю вашу милость поскорѣе объявить, въ какія отношенія желаетъ вступить къ королю и республикѣ; теперь во время сейма самое удобное для тебя время отозваться со своимъ желательствомъ къ королевскому величеству чрезъ меня, желательнаго тебѣ, республикѣ и королю, слугу. Желаемъ одного: отпусти какъ можно скорѣе вручителя этого письма, объявивши ему, что хочешь дѣлать для короля и республики. Въ Божіе время работайте, и промышляйте, какъ бы снять то иго съ вольной шеи своего народа. Когда увѣримся въ пріязни милости,—сейчасъ же начнемъ работать насчетъ обезпеченія, какое должны будутъ дать вашей милости король и республика". Изустно Доморацкій объявилъ, чтобъ гетманъ поскорѣе отзывался со своимъ желательствомъ на сеймъ, который будутъ нарочно тянуть до того времени, пока получатъ этотъ отзывъ, и ему, Доморацкому, велѣно какъ можно спѣшить, чтобъ непремѣнно возвратиться къ Свѣтлому Воскресенью по новому календарю. Двумъ полковникамъ, стоящимъ недалеко отъ границъ малороссійскихъ, дано приказаніе быть наготовѣ и, по первой обсылкѣ гетмана, спѣшить безо всякой отговорки въ Малороссію. Если бы теперь гетманъ вскорѣ отозвался съ желательною склонностію къ Польской державѣ, то епископъ Шумлянскій, одѣвшись въ мірское купеческое платье, самъ пріѣхалъ бы тайно въ Батуринъ, чтобъ именемъ королевскимъ переговорить обо всемъ изъ устъ въ уста: о вольностяхъ и правахъ войсковыхъ и чести гетманской, какъ все это должно быть на будущее время.

Мазепа стоялъ съ войскомъ въ Лубнахъ, когда получилъ это страшное посольство; онъ велѣлъ отдать Доморацкаго подъ караулъ, подвергнуть его пыткѣ, а письмо Шумлянскаго отправилъ немедленно въ Москву, куда вслѣдъ за тѣмъ присланъ былъ и Доморацкій, который былъ поставленъ предъ польскимъ резидентомъ Доминикомъ Довмонтомъ и повторилъ предъ нимъ, отъ кого и зачѣмъ былъ присланъ къ Мазепѣ. Резиденту дано было выразумѣть, какая съ королевской стороны явная противность: какъ теперь послѣ этого поступать, чему вѣрить, гдѣ обнадеживаніе и обязательство союзное и правда?

Между тѣмъ въ мартѣ 1690 года въ Кіевѣ подкинуто было письмо на имя царей, въ которомъ говорилось: „Мы всѣ въ благочестіи живущіе въ сторонахъ польскихъ благочестивымъ монархамъ доносимъ и остерегаемъ, дабы наше прибѣжище и оборона не была разорена отъ злого и прелестнаго Мазепы, который прежде людей нашихъ Подольскихъ, Русскихъ (Галицкихъ) и Волынскихъ бусурманамъ продавалъ, изъ церквей Туркамъ серебро продавалъ, вмѣстѣ съ образами; послѣ, отдавши господина своего въ вѣчное безславіе, имѣніе его забралъ и сестрѣ своей въ нашихъ краяхъ имѣнія покупилъ и покупаетъ: наконецъ, подговоривши Голицына, пріѣхалъ въ Москву, чтобъ васъ, благочестиваго царя Петра Алексѣевича, не только съ престола, но и со свѣта изгнать, а брата твоего Іоанна Алексѣевича покинуть въ забвеніи. Другіе осуждены, а Мазепу, источникъ и начатокъ вашей царской пагубы, до сихъ поръ вы держите на такомъ мѣстѣ, на которомъ, если перваго своего намѣренія не исполнитъ, то отдастъ Малороссію въ польскую сторону. Одни погублены, другіе поразсыланы, а ему дали поноровку, и онъ ждетъ, какъ бы свой злой умыслъ втайнѣ совершить. И Шумлянскій нашъуніатъ, а на дѣлѣ Римлянинъ — поддается Московскому патріарху нарочно, чтобъ тамъ вмѣстѣ съ Мазепою могъ удобнѣе ковать пагубу престолу вашему царскому".

Кіевскій воевода, князь Михайла Ромадоновскій переслалъ письмо въ Москву, откуда немедленно отправился въ Батуринъ подъячій Михайловъ, который долженъ былъ отдать письмо гетману, увѣрить его въ милости царской и спросить: „Какъ онъ, гетманъ Иванъ Степановичъ, разсуждаетъ, въ польской ли сторонѣ это письмо писано, и какое онъ въ Польшѣ имѣетъ подозрѣніе. Или подозрѣваетъ онъ кого-нибудь изъ великороссійскихъ и малороссійскихъ жителей?—не изъ Запорожья ли? Написаны такія дѣла, о которыхъ въ Польшѣ и Литвѣ кажется и знать нельзя. Подумалъ бы гетманъ, какъ объ этомъ письмѣ разыскать".

Принявъ письмо у посланнаго, Мазепа пять разъ поклонился до земли, благодаря за милость царскую; потомъ прочелъ письмо, осмотрѣлъ его со всѣхъ сторонъ, взглянулъ на образъ Богородицы, прослезился и сказалъ, воздѣвъ руки къ образу: „Ты, Пресвятая Богородица, надежда моя, зришь на убогую и грѣшную мою душу, какъ денно, такъ и ночью непрестанно имѣю попеченіе, чтобъ помазанникамъ Божіимъ до кончины живота своего услужить, за ихъ государское здравіе кровь свою излить; а враги мои не спятъ,—ищутъ, чѣмъ бы могли меня погубить".

Насчетъ составителя письма гетманъ писалъ государямъ: „Не могу я вполнѣ малымъ моимъ умомъ понять, отъ кого бы именно произошло это лукавое, плевельное и злоумышленное письмо. Подозрѣваю я Михайлу Гадяцкаго, который недавно еще обнаружилъ ко мнѣ непріязнь, старался навести на меня гнѣвъ царскій и домогался самъ быть гетманомъ, и при бывшемъ гетманѣ пасквиль на меня подкинулъ, будто я отравилъ гетманскаго сына Семена и дочь его, боярыню Шереметеву, а на самого гетмана напустилъ болѣзнь глазную, да, и въ Москвѣ живучи, писалъ на меня пасквили. Неисцѣлимую онъ имѣетъ болѣзнь разсылать всюду письма—и на Запорожье, и на Донъ, и въ Бѣлую Церковь, и въ Крымъ. Отъ полковничества Гадяцкаго онъ отставленъ, но ревность къ исканію славы и чести никогда въ немъ не угаснетъ. Покорно прошу перевести его изъ села, въ которомъ онъ живетъ въ Лебединскомъ уѣздѣ въ близости къ Малой Россіи, на другое какое нибудь мѣсто. Да и то смѣю покорно донести: кто это письмо писалъ, тотъ долженъ знать и о чернецѣ Соломонѣ, котораго какой-то врагъ мой отправилъ въ Польшу съ воровскими письмами будто отъ моего имени, потому что въ нынѣшнемъ воровскомъ письмѣ написано, будто Шумлянскій во всемъ со мною соглашается; къ этому Шумлянскому и Соломонъ въ Польшѣ имѣлъ прибѣжище; еслибъ этотъ врагъ не надѣялся, что по наущенію Соломона Шумлянскій будетъ ко мнѣ писать, то для чего ему въ своемъ пасквилѣ поминать о Шумлянскомъ“?

Въ разговорѣ съ Михайловымъ Мазепа сказалъ, что вмѣстѣ съ Гадяцкимъ онъ подозрѣваетъ Райчу и Полуботка; въ письмѣ есть выраженіе: „Для милосердія Божія“,—это выраженіе употребляетъ всегда Райча въ письмахъ, а Полуботокъ Гадяцкому свой и съ Райчею друзья. „Непріятности мнѣ большія еще оттого“, прибавилъ Мазепа, „что живетъ въ Малороссіи сынъ митрополичій, зять Самойловича, князь Юрій Четвертинскій, безпрестанно разсѣваетъ онъ въ народѣ злыя слова, что быть Самойловичу опять гетманомъ; недавно батуринскому попу Василью говорилъ, что гдѣ прежде была вода, тамъ и опять будетъ; къ тестю моему царская милость есть, будетъ здѣсь попрежнему, увидишь, что его злодѣямъ будетъ!“ Мазепа просилъ, чтобъ перевести Четвертинскаго съ женою въ Москву, а тещу его отослать къ мужу; князь Юрій стольникъ, и въ этомъ чинѣ ему далеко отъ Москвы быть не годится. Когда на прощаніи Михайловъ потребовалъ у Мазепы назадъ подметное письмо для храненія въ Посольскомъ Приказѣ, то гетманъ перемѣнился въ лицѣ и, выславъ всѣхъ вонъ изъ хоромины, сказалъ: „Сперва я милостію царскою былъ обрадованъ, а теперь во сто разъ больше опечаленъ: думаю, что этому письму великіе государи изволили повѣрить и о головѣ моей будутъ мыслить“. Тщетно Михайловъ увѣрялъ гетмана въ противномъ, говорилъ, что письмо нужно въ Москвѣ для розыска о злодѣѣ, кто его сложилъ,—Мазепа никакъ не согласился отдать письмо, и при этомъ сказалъ писарю Кочебую: „Еще мнѣ за сердце щепа влѣзла—просятъ письмо назадъ“

Просьба Мазепы была исполнена: Михайлу Гадяцкаго велѣно взять изъ Лебединскаго уѣзда въ Москву; туда же велѣно выслать князя Юрія Четвертинскаго съ женою и тещею; Леонтія Полуботка отставить отъ Переяславскаго полковничества.

Но Мазепа этимъ не удовольствовался относительно Гадяцкаго и Полуботка; онъ писалъ царямъ, что послѣ смѣны Полуботка новый Полтавскій полковникъ Лысенко и болѣе ста полтавскихъ жителей били челомъ на Полуботка во многихъ обидахъ, разореніяхъ и ругательствахъ, и что необходимо казнить его за это смертію, иначе народъ Малороссійскій вознегодуетъ на гетмана, старшину и полковниковъ, что такимъ мучителямъ потакаютъ.—Полуботокъ, послышавъ бѣду, бросился въ Москву, но отсюда его снова переслали въ Малороссію для суда по войсковому праву. Мазепа далъ знать въ Москву, что Полуботокъ, будучи въ Кіевѣ, клеветалъ на него тамошнему воеводѣ, князю Михайлѣ Ромодановскому, что онъ, Мазепа, хочетъ измѣнить, уѣхать въ Польшу; туда посылаетъ войсковую казну, покупаетъ себѣ имѣнія и переписывается съ коронным гетманомъ. Воеводѣ сейчасъ запросъ изъ Москвы: правда ли это? Ромодановскій отвѣчалъ, что ничего этого Полуботокъ ему не говорилъ, говорилъ только, что Мазепа къ нему не добръ, ищетъ ему всякаго разоренія, и нынѣшняя бѣда стала ему отъ гетмана, а самъ-то онъ хорошъ!—посылаетъ въ Польшу къ сестрѣ своей чрезъ монахиню Липлицкую, которая живетъ у матери его въ Кіевскомъ дѣвичьемъ монастырѣ, много денегъ и покупалъ тамъ сестрѣ своей имѣнія, и вообще Полуботокъ бранилъ Мазепу всячески. Когда сказка Ромодановскаго была отправлена къ Мазепѣ, тотъ отвѣчалъ, что онъ, „по своему простодушному незлобію“, уже отпустилъ Полуботка въ домъ его въ Черниговъ на житье, причемъ Полуботокъ прислалъ ему письмо съ страшными клятвами, что никогда ничего не говорилъ такого, о чемъ писалъ Ромодановскій.

Выпроваживая изъ Малороссіи Гадяцкаго, Четвертинскаго, Мазепа въ то же самое время хлопоталъ о переводѣ въ русское подданство человѣка, который потомъ оказался злымъ врагомъ его, и котораго имя въ народныхъ преданіяхъ тѣсно соединилось съ его именемъ. Казакъ Семенъ Палѣй, родомъ изъ Борзны, вышелъ сначала на Запорожье, а оттуда съ нѣсколькими товарищами вступилъ въ службу королевскую, прибралъ себѣ выходцевъ изъ Молдавіи и Поднѣстровья, и засѣлъ съ ними въ городѣ Хвастовѣ. Еще въ 1688—1689 годахъ присылалъ онъ къ Мазепѣ съ просьбою, чтобъ великіе государи приняли его со всѣми войсковыми и жилыми хвастовскими людьми подъ свою державу, потому что Поляки ищутъ его смерти. На донесеніе объ этомъ гетмана изъ Москвы отвѣчали, что, вслѣдствіе договора съ Польшею, явно нельзя принять Палѣя, но пусть онъ со всѣми людьми идетъ сначала въ Запорожскую Сѣчь и, побывши тамъ нѣсколько времени, пусть переходитъ въ малороссійскіе города. Провѣдали ли Поляки о желаніи Палѣя перейти на русскую сторону, или по какимъ другимъ причинамъ, только они схватили его и посадили въ тюрьму въ Немировѣ, а потомъ перевели въ Каменный городокъ и держали цѣлую зиму. Пользуясь этимъ, въ Хвастовъ явились двое ксендзовъ уніатовъ и объявили намѣреніе обратить православную церковь, построенную Палѣемъ, въ уніатскую; но казаки, несмотря на отсутствіе полковника, отстояли свою церковь. Весною Палѣй успѣлъ уйти изъ заключенія, пришелъ въ Хвастовъ и прежде всего началъ высылать вонъ изъ города ксендзовъ; тѣ не послушались, твердили, что надобно обратить церковь въ уніатскую, и стали браниться съ Палѣемъ: тотъ разсердился, и, поговоря съ казаками, велѣлъ отрубить головы ксендзамъ. Послѣ этого Палѣй, разумѣется, еще усерднѣе началъ просить Мазепу о переводѣ своемъ въ русское подданство, указывая на запустѣлый городъ Триполье въ царской сторонѣ, куда бы ему хотѣлось переселиться со всѣми людьми, а на Запорожье нельзя ему идти, потому что у людей его жены, дѣти и скотъ, да и Полякамъ жаловаться не на что, потому что Валахи, которыхъ онъ прибралъ, люди вольные. Опираясь на это, Мазепа просилъ государей позволить Палѣю перейти въ Триполье, гдѣ онъ пригодится для обороны Кіева и Малороссіи. Изъ Москвы вторично отвѣчали (въ апрѣлѣ 1690 г.), что нельзя принять Палѣя безъ нарушенія мирнаго договора, пусть сначала идетъ на Запорожье. Палѣй остался въ королевской сторонѣ, но не долго нажилъ въ покоѣ. Въ 1691 году онъ ходилъ промышлять надъ Турками подъ Бѣлгородъ (Аккерманъ); возвращаясь съ набѣга, подъ Поволочью онъ встрѣтилъ польскій отрядъ, высланный Хелмскимъ каштеляномъ Яномъ Друшкевичемъ схватить его; Палѣй пошелъ на непріятелей; но эти непріятели были Русскіе люди; они не захотѣли, въ угоду Поляку, сражаться со своими, убили начальствовавшаго ими полковника Апостольца и передались Палѣю. Послѣ этого Хвастовскій полковникъ, цѣлуя икону, объявилъ Мазепину посланцу, что онъ уже никакъ не хочетъ оставаться больше въ Польской державѣ, потому что Поляки дали ему себя знать; Татары уже трижды присылали къ нему звать его на свою сторону; но онъ, кромѣ царскаго величества, никуда не мыслитъ. Мазепа писалъ къ Льву Кирилловичу Нарышкину, что Палѣя надобно монаршескою милостью обнадежить и жалованьемъ потѣшить, а онъ человѣкъ явственно рыцарскій и воинскихъ людей у него три тысячи. Ему отвѣчали: Палѣя не принимать; но, чтобы не отпустить его къ Татарамъ, царскія величества тайнымъ обычаемъ посылаютъ ему бархату добраго десять аршинъ, два сорока соболей по 80 рублей сорокъ.

Въ Россіи остерегались нарушить договоръ съ Польшею; но въ Польшѣ не остерегались заводить смуту въ Маллороссіи, не остерегались и явно сноситься съ Крымскимъ ханомъ объ отдѣльномъ мирѣ. Въ Вѣнѣ такъ же мало думали о союзницѣ Россіи, только въ Варшавѣ австрійскій резидентъ не упускалъ случая внушать русскому резиденту, что царямъ нельзя ждать ничего добраго отъ Поляковъ. Это заставило и Русское правительство войти въ сношенія съ Крымомъ, сначала посредствомъ Мазепы, кторый отъ себя послалъ сказать хану Саададъ-Гирею, что если онъ хочетъ мира, то пусть отправляетъ пословъ въ Москву. Саадатъ прислалъ гонца съ объявленіемъ, что желаетъ мира на прежнихъ условіяхъ. Но въ Москвѣ и начали войну именно для того, чтобъ избавиться отъ этихъ прежнихъ условій, избавиться отъ посылки размѣнной казны, попросту—дани. Въ началѣ 1692 г. въ Крымъ поѣхалъ гонецъ, подьячій Айтемировъ, съ требованіемъ уничтоженія этого условія со стороны Крыма и возвращеніемъ Св. мѣстъ Грекамъ со стороны Турціи. Ближніе люди новаго хана Сафатъ-Гирея, который смѣнилъ Саадата, спросили Айтемирова: „Гробъ Божій когда и кому отданъ?—въ мирное ли время у Московскаго государства съ Турскимъ, или послѣ разрыва?“ Айтемировъ отвѣчалъ, что Гробъ Господень года съ два какъ отданъ французскимъ монахамъ. „Какъ же“, возразили Татары, „отнять у Французовъ за то, что Французскій король подалъ помощь султану противъ Цесаря? Взять у Французовъ и отдать Грекамъ, а Французы на Турокъ будутъ воевать: тогда Москва Турскому султану поможетъ ли? Прежде никогда съ московской стороны въ договорѣ о Гробѣ Господнѣ не бывало; а теперь начато объ этомъ вновь, не вѣдомо для чего“. Айтемировъ отвѣчалъ, что прежде объ этомъ никогда не говорилось, потому что Св. мѣста были изстари за Греками.

Но Татарамъ гораздо ближе къ сердцу были другія статьи: статья о возвращеніи плѣнныхъ съ обѣихъ сторонъ безъ выкупа и статья объ уничтоженіи присылки размѣнной казны. „У насъ въ Крыму“, говорили Татары, „московскаго и казанскаго народа сто тысячъ человѣкъ и больше, а въ Москвѣ нашего полону тысячи двѣ или три: какъ же освобождать безъ выкупа“? Но больше всего вооружились они противъ статьи о размѣнной казнѣ: „Для чего великіе государи изволили размѣнную казну отставить? Кто имъ такъ придумалъ? потому что они государи великіе, и разумныхъ бояръ при себѣ имѣютъ многихъ, которые крымскія дѣла знаютъ изстари. Годовую размѣнную казну отставляютъ они напрасно, потому что великіе государи отъ этого ужъ не разорятся, а прежніе ханы, также наши дѣды и отцы государскимъ жалованьемъ довольствовались; а нынѣшній ханъ чѣмъ хуже прежнихъ хановъ и мы чѣмъ хуже прежнихъ ближнихъ людей? Мы знаемъ, что и прежде вся недружба съ Москвою ставалась изъ-за казны: когда, бывало, ея не пришлютъ, Татары и пойдутъ на Русь воевать. А нынѣшній ханъ и весь Крымскій юртъ Москвы не боятся,—и къ миру и къ бою готовы, потому что если Москва и пойдетъ воевать на Крымъ, то взять нечего: у каждаго Татарина только и пожитки—два коня да трегья душа. За казну станутъ юртомъ, и дружбы никогда не будетъ, потому что вы хотите казну оставить вовсе“. Айтемировъ подлилъ масла въ огонь, замѣтивъ: „Можно съ обѣихъ сторонъ пересылаться поминками“.—„Прежніе ханы къ Московскимъ государямъ никогда ничего не посылали, и нынѣшній ханъ ничего не пошлетъ“, отвѣчали Татары.

Переговоры прекратились, потому что Татары были обрадованы сильною смутою въ Малороссіи, откуда приглашали ихъ вмѣстѣ съ казаками воевать Москву.

Первымъ лицомъ послѣ гетмана въ Малороссіи былъ генеральный писарь Василій Кочубей. Кочубей былъ сначала канцеляристомъ у Дорошенка. Въ 1675 году онъ былъ отправленъ гетманомъ въ Турцію, но на возвратномъ пути, недалеко отъ Умани, челядникъ его, покравши визиревы грамоты и другія бумаги, убѣжалъ неизвѣстно куда; Кочубей, боясь возвратиться въ Чигиринъ съ пустыми руками, прямо изъ Умани переѣхалъ къ Самойловичу и здѣсь поднялся до званія генеральнаго писаря. Въ описываемое время канцеляристъ Петрикъ, женатый на племянницѣ Кочубея, ушелъ на Запорожье, покравши важныя бумаги изъ канцеляріи. Первымъ дѣломъ Петрика, по пріѣздѣ въ Сѣчь, было разгласить о сношеніяхъ Мазепы съ Крымомъ по приказу изъ Москвы; потомъ сталъ разглашать, что Мазепа согласился съ Москвою—хотятъ всю Сѣчь разорить и казаковъ порубить. Вслѣдствіе этого, когда, весною 1691 года, пріѣхалъ въ Запорожье стольникъ Чубаровъ, привезъ царское жалованье, 500 червонныхъ, соболи, сукна, то одинъ изъ куренныхъ атамановъ закричалъ: „Это жалованье не въ жалованье! мы служимъ долго, а кромѣ этого ничего не выслужили побольше; такіе соболи мы и прежде видали“! Взявши соболи, онъ бросилъ ихъ на землю и сказалъ: „Пришли къ намъ Москали, велятъ намъ съ Турками воевать, а сами мирятся“. Другіе казаки кричали: „Если такъ, то надобно старшихъ Москалей побить или въ Чертомлынъ посажать, остальныхъ же отдать въ городки. Соболи присланы только четвертымъ, а надобно прислать намъ всѣмъ, какъ Донскимъ казакамъ присылаютъ. Велико жалованье:—прислали 500 золотыхъ червонныхъ!—намъ надобно присылать по 5,000“. Въ Переволочнѣ находился у Мазепы дозорцею преданный ему человѣкъ Рутковскій, который доносилъ ему обо всемъ, что дѣлалось вокругъ. 22 февраля 1692 года Рутковскій писалъ гетману: „Захаръ, сынъ полтавскаго протопопа Луки, вмѣстѣ съ полтавскимъ жителемъ, Иваномъ Герасименкомъ, возвратясь изъ Перекопи, гдѣ покупали лошадей, разсказывали слово-въ-слово разговоръ свой съ казыкерменскимъ писаремъ Шабаномъ. „Знаете ли вы, господа Полтавцы,“ спросилъ Шабанъ, „каковъ человѣкъ у васъ Кочубей“? Тѣ отвѣчали: „Не знаемъ, только слыхали, что писарь генеральный“.—„Знаю я, что писарь,“ продолжалъ Шабанъ, „писарь-то онъ писарь, да гетманомъ хочетъ быть, и уже дважды писалъ въ Крымъ, призывая Орду, чтобъ пришла поставить его гетманомъ. Дѣло и сдѣлалось бы, да хана не было. Онъ, Кочубей, и канцеляриста Петрика прислалъ въ Сѣчу“. Тотъ же Захаръ клялся и божился Рутковскому, что Петрикъ говорилъ ему тайно: „Знаю, что гетманъ не будетъ живъ отъ моего пана писаря; писарь хотѣлъ, усмотря время, его заколоть, и я жду каждый день о томъ вѣдомости“. Мазепа передалъ эти извѣстія въ Москву и прибавилъ отъ себя, что смотритъ зорко за Кочубеемъ, и если тотъ дѣйствительно что-нибудь замышляетъ, то отпишетъ немедленно къ государямъ.

Въ маѣ мѣсяцѣ 1692 года замыселъ Петрика обнаружился. Онъ вдругъ скрылся изъ Запорожья и очутился у Турокъ въ Казыкермени. Отсюда онъ прислалъ въ Сѣчь грамоту, которую читали на радѣ: Петрикъ благодарилъ Запорожцевъ за-хлѣбъ,-за-соль и за писарство, которымъ онъ у нихъ занимался; просилъ прощенія, что безъ войсковаго вѣдома ушелъ изъ Сѣчи. „Часто многимъ изъ васъ говорилъ я, писалъ Петрикъ, въ какомъ опасеніи отъ разныхъ непріятелей пребываетъ нашъ Малороссійскій край и до какого приходитъ упадка, благодаря ненавистнымъ владѣтелямъ; я говорилъ, чтобъ промыслили объ этомъ усердно; но такъ какъ никто не хотѣлъ приняться за дѣло, то я сталъ за войско Запорожское и за весь Малороссійскій народъ, для чего вышелъ въ государство Крымское. Когда предки наши жили съ этимъ государствомъ въ союзѣ, то никто намъ не смѣялся, и теперь всѣ вы, добрые молодцы, будете довольны договоромъ, который я заключу съ Крымомъ“. Выслушавши грамоту, старшина объявила, что не согласна на соединеніе съ Крымцами и на походъ подъ государевы украйные города; но большая половина войска закричала: „А мы съ Крымцами и Петрикомъ войною на украйные города пойдемъ“. По Украйнѣ пошли слухи, что Петрикъ поднимаетъ Орду и хочетъ искоренить арендаторовъ, пановъ и всѣхъ богачей. Своевольники начали къ нему собираться Рутковскій давалъ знать, что Петрикъ говоритъ въ Казыкермени: „Стану промышлять и сдѣлаю лучше, чѣмъ Хмельницкій; гетманъ Мазепа прислалъ за мною, чтобъ меня выдали, а я теперь самъ къ нему поѣду“.

6-го мая Петрикъ послалъ на Запорожье грамоту, въ которой извѣщалъ, что заключилъ съ ханомъ договоръ: войску Запорожскому на Днѣпрѣ и по всѣмъ рѣчкамъ по обѣимъ сторонамъ Днѣпра вольно безо всякихъ податей добывать рыбу, звѣря и соль; Чигиринская сторона, какъ была завоевана Хмельницкимъ у Ляховъ, будетъ подъ властію войска Запорожскаго. „Кто хочетъ, писалъ Петрикъ, добывай себѣ рыбу, соль, звѣря; а кто хочетъ добычи московской,—пусть идетъ съ нами, потому что мы скоро съ войскомъ Запорожскимъ и ордами пойдемъ отбирать у Москвы свою Украину“. Рутковскій давалъ знать Мазепѣ: „Непремѣнно надобно городовое своевольство удержать, чтобъ туда не тѣснились, потому что не только полемъ, но и рѣкою начали бѣжать: по пяти, по шести человѣкъ въ линѣ плывутъ“.

Изъ Запорожья давали знать, что лучшіе казаки о Петрушкинѣ воровствѣ имѣютъ великую печаль, но пьяницы и голытьба говорятъ между собою: „Пойдемъ съ Петрушкою арендаторовъ бить!“ Къ счастію, взяли верхъ лучшіе казаки; они были недовольны кошевымъ Ѳедькою, и закричали на радѣ, чтобъ оставилъ чинъ, въ которомъ не умѣетъ исправляться. Ѳедька сначала не хотѣлъ-было оставлять уряда; но когда бросились за полѣньями, то оставилъ, и на его мѣсто выкрикнули Гусака, который сказалъ: „Теперь свѣтъ зажженъ, а вы меня въ этотъ огонь гоните, чтобъ я его гасилъ: кто то дѣло началъ, тотъ пусть и кончитъ“; но дѣлать нечего, принялъ должность. Новый кошевой, получивъ увѣщательную грамоту отъ Мазепы, отвѣчалъ ему: „У войска Запорожскаго злого умысла нѣтъ, и знать о немъ не хотимъ; къ такому безумію склоннымъ можетъ быть только тотъ.

кто Бога Единаго въ Троицѣ не знаетъ. Правда, и Хмельницкій былъ въ союзѣ съ Татарами, но потомъ поддался пресвѣтлымъ монархамъ. Тогда въ посполитой радѣ такой приговоръ былъ, чтобъ никакихъ досадъ на Украйнѣ не было; а нынѣ видимъ, что бѣднымъ людямъ въ полкахъ великія утѣсненія чинятся. Ваша вельможность правду пишетъ, что при Ляхахъ великія утѣсненія войсковымъ вольностямъ были, за то Богданъ Хмельницкій и войну противъ нихъ поднялъ, чтобъ изъ подданства могъ высвободиться. Тогда мы думали, что во вѣки вѣковъ народъ христіанскій не будетъ въ подданствѣ; а теперь видимъ, что бѣднымъ людямъ хуже, чѣмъ было при Ляхахъ, потому что кому и не слѣдуетъ держать подданныхъ,—и тотъ держитъ, чтобъ ему сѣно или дрова возили, печи топили, конюшни чистили. Правда, если кто по милости войсковой въ старшинѣ генеральной обрѣтается, такому можно и подданныхъ имѣть, никому не досадно; такъ и при покойномъ Хмельницкомъ бывало; а какъ слышимъ о такихъ, у которыхъ и отцы подданныхъ не держали, и они держатъ и не знаютъ, что съ бѣдными подданными своими дѣлать. Такимъ людямъ подданныхъ держать не слѣдуетъ, но пусть, какъ отцы ихъ трудовой хлѣбъ ѣли, такъ и они ѣдятъ“.

Мазепа отправилъ въ Сѣчь казака Горбаченка съ подарками кошевому, судьѣ, писарю, есаулу. Гусакъ взялъ Горбаченка къ себѣ въ чуланъ и говорилъ: „Пусть благодѣтель господинъ гетманъ ни въ чемъ не сомнѣвается, потому что я его милости во всемъ желателенъ; скажи отъ меня господину гетману: если не отсѣчетъ головъ троимъ тамошнимъ—первому Полуботку, другому Михайлѣ (Гадяцкому?), третьему, что всегда при немъ живетъ (Кочубей?),—самъ додумается кто,—то никогда ему не будетъ покоя въ гетманствѣ, да и добра не будетъ на Украйнѣ. Чтобъ гетманъ не думалъ, будто все отъ нашего войска Низоваго бунты начинались, или отъ тѣхъ, которые изъ городовъ приходили на добычу; въ Лубенскомъ полку не хотятъ аренды и бунтуются, съ Петрикомъ хотятъ идти; Гадячане и Полтавцы говорятъ: много гетманъ старостъ въ городахъ и по селамъ поставилъ, и также бунтуютъ, Петрика дожидаются“. Кошевой просилъ гетмана приготовить войско, тысячъ пятнадцать для промысла надъ Петрикомъ; обѣщалъ приманить его въ Сѣчь и схватить: взаключеніе просилъ гетмана, чтобъ Москва милостивѣе обходилась съ Малороссіянами, потому что пріѣзжіе изъ городовъ жалуются на Москалей, которые въ городахъ живутъ: людей бьютъ, крадутъ, насильствомъ отнимаютъ, дѣтей малыхъ крадутъ и увозятъ въ Москву.

Горбаченко привезъ договоръ, заключенный Петромъ Ивановичемъ (Петрикомъ) съ ханомъ: княжество Кіевское и Черниговское со всѣмъ войскомъ Запорожскимъ и народомъ Малороссійскимъ остается удѣльнымъ при всякихъ своихъ вольностяхъ; Крымъ обязанъ его защищать отъ Ляховъ, отъ Москвы и отъ всѣхъ непріятелей; Чигиринская сторона будетъ подъ властію княжества Малороссійскаго, полки Харьковскій и Рыбинскій будутъ переведены на Чигиринскую сторону; чтобъ Крымцамъ были отворены Муравскіе шляхи для походовъ на Москву; добыча московская будетъ воздаяніемъ Крымцамъ за настоящую ихъ помощь народу Малороссійскому; когда княжеству Малороссійскому дастъ Богъ полное господство, то оно вольно установить у себя порядокъ, какой захочетъ; въ Крыму будетъ резидентъ малороссійскій, въ Малороссіи—крымскій.

На Запорожье Петрикъ опять прислалъ длинное письмо, уговаривая добрыхъ молодцовъ соединиться съ ханомъ: „Будучи у васъ въ Сѣчи, не разъ я говорилъ вамъ, въ какой опасности обрѣтается нашъ Малороссійскій край и до какого упадка приходитъ отчизна наша чрезъ ненавистныхъ монарховъ, среди которыхъ живемъ: какъ львы лютые, пасти свои разинувъ, хотятъ насъ проглотить, т.-е. учинить своими невольниками. Недивно, что поступаетъ такъ король Польскій, потому что издавна мы были его подданные, и, за Божіею помощію, выбились изъ подданства и такой ему причинили уронъ, отъ котораго онъ и по сіе время не можетъ отправиться. Ханъ Крымскій за то на насъ враждуетъ, что мы ему на полѣ и на водѣ чинимъ бѣду. Но удивительно, что Московскіе цари, которые не чрезъ мечъ нами завладѣли, перевели нашъ край Чигиринскій на Заднѣпрскую сторону, обсадились нашими людьми со всѣхъ сторонъ, и, откуда бы ни пришелъ непріятель, наши города и села горятъ, нашихъ людей въ неволю ведутъ, а Москва за нами какъ за стѣной цѣла. и, всѣмъ этимъ не довольствуясь, старается всѣхъ насъ сдѣлать своими холопями и невольниками. Для этого первыхъ нашихъ гетмановъ, Многогрѣшнаго и Поповича, которые за насъ стояли, забрали совсѣмъ въ неволю, а потомъ и насъ всѣхъ хотѣли взять въ вѣчное подданство; но Богъ имъ не помогъ: не могли разорить Крымъ и осадить своими людьми казыкерменскіе города, а потомъ прогнать насъ изъ Сѣчи и учинить по городамъ воеводъ. Не могши исполнить этого, позволили нынѣшнему гетману пораздавать старшинѣ маетности, а старшина, подѣлившись нашею братьею, позаписывали себѣ и дѣтямъ своимъ въ вѣчность, и только-что въ плуги не запрягаютъ, а уже какъ хотятъ, такъ и поворачиваютъ, точно невольниками своими. Москва для того нашимъ старшимъ это позволила, чтобъ наши люди такимъ тяжкимъ подданствомъ оплошились и въ замыслахъ ихъ имъ не противились; когда наши люди отъ такихъ тяжестей замужичаютъ, то Москва Днѣпръ и Самару осадитъ своими городами. Король Польскій, имѣя досаду на царей Московскихъ за то, что не воевали Крыма, хотѣлъ съ ордами идти на Москву, но прежде отобрать въ свое подданство нашу Украйну. Если бы это ему удалось, то хорошо ли бы намъ было? Сами вы подлинно знаете, что̀ дѣлалось при Чарнецкомъ и при другихъ панахъ ляцкихъ, которые приходили съ войсками на нашу Украйну, какъ они насъ мучили:—не бывали ли братья наши на колахъ, въ прорубяхъ; не принуждены ли были казацкія жены дѣтей своихъ въ вару варить: не поливали ли Ляхи людей нашихъ водою на морозѣ; не сыпали ли огонь за голенища; не отнимали ли солдаты имѣнія? Ляхи этого не забыли, и теперь еще готовы то же самое надъ нами дѣлать. А если бы Московскіе цари заключили миръ съ Крымскимъ ханомъ, то также взяли бы насъ въ вѣчную неволю, какъ подщипанную птицу. Если бы король Польскій или цари Московскіе съ Крымскимъ ханомъ помирились, то къ кому бы намъ было приклониться, кто бы намъ въ такой бѣдѣ подалъ помощь? Много я объ этомъ съ вами говорилъ; но такъ какъ никто изъ васъ за своихъ людей стоять не захотѣлъ, то я взялся за это дѣло. Сами, разумныя головы, разсудите, лучше ли быть въ неволѣ или на волѣ; лучше ли быть чужимъ слугою или себѣ господиномъ; лучше ли быть у Москаля или Поляка невольникомъ мужикомъ или вольнымъ казакомъ. Когда Богданъ Хмельницкій съ войскомъ Запорожскимъ и ордами изъ-подъ ляцкаго подданства выбился, то не добро ли нашей Украйнѣ дѣлалось: развѣ не было тогда у казаковъ золота, серебра, суконъ добрыхъ и коней и разной скотины стадами; а когда стали мы холопями Русскихъ царей, то запустѣла наша Чигиринская сторона, и перегнали насъ на сю сторону Днѣпра; ни у кого не только имѣнія,—и лаптей не стало: большая часть нашей братьи очутилась въ московскихъ городахъ поневолѣ, и каждый годъ берутъ ихъ тамъ Татары въ полонъ. Объявляю вашимъ милостямъ и то, что господинъ гетманъ, по совѣту всѣхъ полковниковъ, тайно прислалъ ко мнѣ человѣка съ такимъ словомъ: какъ только мы къ Самарѣ приблизимся, то они всѣ отъ Москвы отстанутъ и, соединясь съ нами, пойдутъ воевать въ Москву: этотъ человѣкъ гетманскій и теперь при мнѣ находится, и я вамъ его покажу. Поэтому будьте во всемъ надежны и безопасны, идите съ нами".

Въ началѣ іюля Татары, подъ начальствомъ Калги-султана, явились у Каменнаго Затона; Петрикъ былъ съ ними. Какъ скоро узнали объ этомъ въ Сѣчи, нѣсколько куренныхъ атамановъ и бывшій кошевой Григорій Сагайдачный отправились на свиданіе къ Калгѣ. Петрикъ говорилъ ему, что у него есть письма и отъ гетмана, только онъ имъ ихъ не покажетъ, развѣ пріѣдетъ самъ атаманъ кошевой. Кошевой съ куренными атаманами и товариществомъ въ числѣ 600 человѣкъ отправились на свиданіе. Кошевой сталъ требовать у Петрика гетманскихъ писемъ: Петрикъ отговаривался: „Не надобно требовать отъ меня писемъ, вѣрьте словамъ моимъ". Но кошевой не отставалъ: „Покажи письма или присягни, что они у тебя есть". Тогда Петрикъ объявилъ прямо, что никакихъ писемъ у него нѣтъ и никто его на это дѣло не наговаривалъ, заключилъ онъ за все войско Запорожское договоры съ ханомъ своимъ разумомъ, сжалившись надъ притѣсненнымъ Малороссійскимъ простымъ народомъ. Калга сталъ требовать, чтобы атаманы присягнули въ пріязни къ Крыму: атаманы согласились; но когда они присягнули, то Калга началъ требовать, чтобъ Запорожцы шли съ Татарами на московскіе города; кошевой отвѣчалъ, что Запорожцы разошлись теперь въ разныя мѣста, и на кошу войско ненадежное, нельзя его употребить туда, куда захочешь; „кто за вами захочетъ идти, того мы удерживать не будемъ, а кто не захочетъ, того силою не будемъ высылать". Возвратившись къ своему отряду, кошевой началъ спрашивать, угодно ли сдѣлать по просьбѣ Калги?—одни отвѣчали, что не доводится съ бусурманами ходить войною на христіанъ; но другіе говорили: „Какъ вы Калгѣ уже присягнули, то можно съ нимъ и на войну идти".

Возвратясь въ Сѣчь, рано утромъ 28-го іюля кошевой собралъ раду, сложилъ съ себя атаманство кошевое; судья, писарь, есаулъ также сложили свои уряды, говоря, что есть въ войскѣ крикуны, которые принуждаютъ ихъ своими криками идти съ бусурманами на Православныхъ христіанъ, и „мы не хотимъ, чтобъ при нашемъ старшинствѣ такое зло на кошу сдѣлалось". Цѣлый день комышина (булава) атаманская въ радѣ лежала, а между войскомъ разные голоса происходили: одни говорятъ добре, а другіе зле. На другой день рано опять рада; кончилось тѣмъ, что знатные товарищи, по общему согласію, отправились въ курень къ кошевому и упросили его, чтобъ оставался въ урядѣ, упросили и всю старшину: кошевой пришелъ на раду и говорилъ: „Кто хочетъ за плутомъ Петрикомъ идти, того я не удерживаю; а кто будетъ постоянно на кошу сидѣть, того высылать не буду". Къ Петрику пристали тысячи съ три казаковъ.

Мазепа, узнавши объ этихъ событіяхъ, послалъ въ Москву съ просьбою о немедленной высылкѣ великороссійскихъ войскъ на помощь; самъ онъ стоитъ подъ Гадячемъ и дальше одинъ не пойдетъ, потому что не такъ боится Орды, какъ внутренняго волненія въ Малороссіи. Вслѣдствіе этого, бояринъ Борисъ Петровичъ Шереметевъ и окольничій князь Ѳедоръ Борятинскій получили приказъ выступить противъ непріятеля—первый изъ Бѣлгорода, второй—изъ Сѣвска. 5 августа пріѣхалъ въ Москву пятисотенный стрѣлецкаго полка, находившагося при гетманѣ, и разсказывалъ, что въ Малороссіи между чернью многія непристойныя рѣчи заносятся ко всякой малости, говорятъ явно: „Когда придетъ Петрикъ съ войскомъ Запорожскимъ, то мы пристанемъ къ нему, побьемъ старшину, арендаторовъ и сдѣлаемъ попрежнему, чтобъ все было казачество, а пановъ бы не было". За которыми казаками гетманъ посылаетъ свои листы, чтобъ шли къ нему въ обозъ,—изъ тѣхъ приходятъ немногіе, а за которыми не посылали,—тѣ приходятъ, своевольники, голутьба, и вмѣщаютъ въ войско своевольныя, худыя слова. Мазепа сильно жаловался, что Шереметевъ и Борятинскій не спѣшатъ походомъ и пожаръ можетъ разгорѣться, а ему, гетману, съ войскомъ малороссійскимъ противъ тѣхъ непріятелей идти ненадежно, потому что и на внутреннія поведенія принужденъ осматриваться. Жители городковъ орельскихъ, Царичанки и Китайгородка уже сдались непріятелямъ. Гетманъ, не дожидаясь воеводы, принужденъ былъ выступить изъ-подъ Гадяча къ Полтавѣ.

Но Татары съ Петрикомъ не стали дожидаться гетмана: Мазепа далъ знать въ Москву, что въ началѣ августа Татары осаждали городъ Моячку; но, услыхавъ, что нѣсколько малороссійскихъ полковниковъ, по приказу гетмана, идутъ къ городу на выручку, бросили осаду и ушли. Въ Москвѣ очень обрадовались окончанію дѣла, грозившаго такою сильною смутою въ Малороссіи, и цари послали Мазепѣ шубу соболью въ 800 рублей. Но вслѣдъ затѣмъ бояринъ Борисъ Петровичъ Шереметевъ прислалъ въ Москву письмо съ объясненіями, почему онъ не соединился съ гетманомъ: Мазепа писалъ ему, чтобъ онъ шелъ для соединенія съ нимъ къ Рублевкѣ, и былъ тамъ непремѣнно 5 августа; Шереметевъ по этому письму пришелъ въ Рублевку 6 августа до полудня, но Мазепа, вмѣсто того, чтобъ идти къ Рублевкѣ же, пошелъ къ полтавскимъ мѣстамъ по Заворсклью крѣпкими мѣстами, прислалъ сказать боярину о своемъ походѣ подъ Полтаву, и чтобъ шелъ для соединенія съ нимъ, но куда именно — не объявилъ. Шереметевъ пошелъ однако къ Полтавѣ, но 8 августа на дорогѣ получилъ вѣсть отъ посланныхъ имъ впередъ Сумскаго и Ахтырскаго полковниковъ, что Татары, узнавъ о походѣ боярина для соединенія съ гетманомъ и испугавшись приближенія передовыхъ полковъ Сумскаго и Ахтырскаго, ударились бѣжать.

Какъ бы то ни было, Мазепа получилъ богатую шубу; а скоро послѣ того кончилось дѣло о Соломонѣ. Начиная съ 1690 года, русскій резидентъ Волковъ не переставалъ твердить панамъ, что король долженъ выслать вора Соломона въ Москву для розыска и наказать Шумлянскаго. Въ октябрѣ 1690 года Соломона привезли въ Жолкву къ королю и объявили о домогательствѣ Русскаго правительства; монахъ билъ челомъ, чтобъ его казнили въ Польшѣ, а въ царскую сторону не выдавали. Мазепа также съ своей стороны хлопоталъ объ отсылкѣ Соломона въ Москву; когда Волковъ былъ во Львовѣ, подъячій его Герасимовъ встрѣтилъ на рынкѣ казака, который сказалъ, что зовутъ его Александръ Ивановскій, служитъ при гетманѣ Мазепѣ и пріѣхалъ отъ него къ коронному гетману Яблоновскому съ просьбою выслать Соломона въ Смоленскъ. Ивановскій былъ и въ Жолквѣ, видѣлъ тамъ Соломона,—сидитъ не скованный; въ одно время съ нимъ приходили къ Соломону епископы Львовскій и Перемышльскій и говорили ему: „Пора тебѣ повиниться и сказать правду“. Монахъ говорилъ имъ прежнія рѣчи, а какія — о томъ казакъ не сказалъ подъячему. Волковъ обратился къ гетману Яблоновскому съ требованіемъ выдачи Соломона; Яблоновскій отвѣчалъ: „Король велитъ выдать монаха; а мнѣ извѣстно подлинно, что Соломонъ приносилъ письма составныя, воровскія, а не подлинныя; я знаю письмо гетмана Ивана Степановича Мазепы и подпись руки, и разумъ письменнаго слога; а въ Соломоновыхъ письмахъ и рука не гетманская, и разумъ не его“.

Послѣ этого Волковъ узналъ, что изъ Польши на Украйну ходитъ еще одинъ монахъ Ираклій Русиновичъ и переноситъ вѣсти королю. Передаютъ ему эти вѣсти двое слугъ гетмана Мазепы, которые вышли изъ Польши и поженились на русскихъ дѣвицахъ, оставшись католиками; оба они знали о воровствѣ Соломона и помогали ему въ поддѣлкѣ печати, Мазепа же самъ ничего не знаетъ,— узнать ему не отъ кого.

Для объясненій по дѣлу Соломона, въ августѣ 1691 года пріѣхалъ въ Москву Польскій посланникъ Янъ Окраса, и объявилъ бывшему съ нимъ въ отвѣтѣ окольничему Чаадаеву: „Королевское величество съ ихъ царскимъ величествомъ всегда желаетъ быть въ непремѣнной братской дружбѣ и любви, и никакимъ ссорамъ вѣрить не изволяетъ; а въ прошломъ году объявился у насъ въ Польшѣ чернецъ Соломонъ съ воровскими составными письмами и съ поддѣльными печатями, и подалъ королевскому величеству отъ имени Заднѣпровскаго гетмана листъ. Король, видя, что письма составныя и печати поддѣльныя, приказалъ чернеца держать за крѣпкимъ карауломъ, и теперь этотъ чернецъ присланъ въ Могилевъ и отданъ межевымъ судьямъ; а воровскія письма и двѣ поддѣльныя печати изволилъ королевское величество, для братской дружбы и любви, прислать къ ихъ царскому величеству со мною“. Окраса передалъ при этомъ три письма и двѣ печати. Приведемъ для примѣра одно письмо. Мазепа пишетъ къ королю: „Наияснѣйшій король и государь нашъ милостивый, монархе непобѣдимый! Къ вашей государской милости въ третій разъ пишемъ, какъ отцу своему и монарху великому. Знатно, что ваша государская милость не изволяетъ насъ, слугъ своихъ, подъ свои крылья принять, потому что ваша государская милость намъ никакой утѣхи не даете чрезъ нашего монаха, а своихъ присылаете, особенно Искрицкаго, съ зятемъ котораго я въ большой ссорѣ; а Доморацкому могъ бы я повѣрить, только по городамъ вездѣ Москва и чутко стерегутъ новопріѣзжаго человѣка, и по Днѣпру отъ самаго Кіева внизъ до Чернобыля. А Соломонъ знаетъ, гдѣ перейдти Днѣпръ, и мало будетъ городами идти. Просимъ у вашей королевской милости надежной вѣдомости, потому что не могу ничего дѣлать. Пишетъ ко мнѣ полковникъ Полтавскій, чтобъ Москвы не пускать въ города, а по Орду непремѣнно посылать; до пріѣзда Соломона отъ вашей королевской милости будемъ держать Шеленбея-мурзу, а другой Татаринъ пріѣхалъ изъ

Крыма недавно, на третьей недѣлѣ поста, и говорилъ, что къ вашей королевской милости пошелъ татарскій посолъ. И о томъ вашей королевской милости объявляю, что я слышалъ про гетмана короннаго, будто ваша королевская милость на него гнѣваетесь, и потому къ нему, гетману, не смѣлъ писать и къ пану подскарбію; только знаю хорошо, что и онъ не вѣдаетъ о тѣхъ секретахъ, потому что ваша королевская милость на то не соизволяетъ. Дайте же намъ подлинную вѣдомость черезъ нашего Соломона, и мы будемъ сами съ Ордою бить Москву; мы начнемъ, а ваша королевская милость давайте помощь, присылайте своего войска нѣсколько тысячъ на назначенное мѣсто, чрезъ Днѣпръ на Каневъ. А если ваша королевская милость своего вѣрнаго человѣка хотите прислать съ Соломономъ, то будемъ вѣрить ему, а такъ нельзя одному ему проѣхать чрезъ города и чрезъ Днѣпръ; не дай Богъ чего—сейчасъ же погибнемъ отъ Москвы. Сами разсудите, ваше королевская милость, что страшное дѣло мы начали и будемъ его сколько можно доканчивать, на Божію милость надѣемся и на вашу королевскую милость, потому что мы уже совсѣмъ тайно прибрались, только ожидаемъ отъ вашей королевской милости совѣту, а затѣмъ кланяемся вашей королевской милости“.

По разсмотрѣніи писемъ, Чаадаевъ имѣлъ другой разговоръ съ Окрасою: „Ты объявилъ“, говорилъ онъ посланнику, „что король прислалъ письма и печати по братской дружбѣ къ царскому величеству; но въ этой братской дружбѣ есть сомнѣніе немалое. Король изволилъ прислать Соломонковы письма самыя послѣднія, которыя онъ составилъ подъ Варшавою въ третій разъ; писаны они коротко, безо всякаго объявленія о дѣлѣ, только упомянуто о первыхъ и вторыхъ письмахъ, которыя онъ же, Соломонка, подалъ королю и Шумлянскому, написавши въ нихъ пространно о пріемѣ гетмана Ивана Степановича подъ оборону королевскую; этимъ первымъ письмамъ при Дворѣ королевскомъ повѣрили, послали къ гетману Доморацкаго. Съ этихъ первыхъ писемъ гетманъ коронный Яблоновскій, по королевскому указу, прислалъ гетману Мазепѣ списки, которые съ поданными тобою подлинными письмами ни въ чемъ не сходны“. Тутъ Чаадаевъ показалъ Окрасѣ письмо Яблоновскаго къ Мазепѣ и списки съ прежнихъ Соломоновыхъ писемъ; все это Мазепа переслалъ въ Москву. „Доложи королевскому величеству“, продолжалъ Чаадаевъ, „что если онъ хочетъ правдивымъ сердцемъ съ царскимъ величествомъ побратски поступить, то изволилъ бы прислать и первыя, и вторыя Соломонковы письма подлинныя“.

— „Первыя и вторыя письма Соломонко дѣйствительно королю подавалъ“, отвѣчалъ Окраса; „только имъ король ни въ чемъ тогда не повѣрилъ, поэтому ихъ бросили безъ вниманія, они затерялись и передъ моимъ отъѣздомъ отыскать ихъ никакъ не могли: сыскали только послѣдніе листы, которые я и привезъ. Посылки къ гетману Мазепѣ съ призывомъ въ польское подданство никакой не бывало отъ короля; пусть великіе государи Соломонка на границѣ велятъ принять, а Доморацкаго съ письмомъ Шумлянскаго отдадутъ королю“.

— „Теперь Доморацкаго отдать великіе государи не приказали“, говорилъ Чаадаевъ, „потому что доведется ему съ Соломонкомъ дать очную ставку; а какъ дѣло кончится, то и Доморацкій будетъ отпущенъ. Ты говоришь, что король и первымъ письмамъ не повѣрилъ и не посылалъ къ Мазепѣ: но по чьему приказанію посылалъ Шумлянскій?“ Окрасѣ показали подлинное письмо Шумлянскаго къ Мазепѣ, прочли и разспросныя рѣчи Доморацкаго, въ которыхъ тотъ показалъ, что посланъ былъ Шумлянскимъ къ Мазепѣ по приказанію королевскому. Окраса вздумалъ оправдывать Шумлянскаго, говорилъ, что въ его письмѣ нѣтъ ничего, кромѣ призыва на войну противъ бусурманъ. — „Но о какомъ это игѣ говоритъ Шумлянскій, которое надобно свергнуть?“ спросилъ Чаадаевъ; „на украинскихъ жителяхъ татарскаго или турецкаго ига нѣтъ!“ Окраса замолчалъ.

Соломонъ былъ выданъ. Его привезли въ Москву, разстригли и, подъ прежнимъ его свѣтскимъ именемъ Семена Гродскаго, подвергли пыткѣ. Что̀ онъ показалъ—не извѣстно. Извѣстно только то, что въ Батуринъ поѣхали царскіе посланцы съ извѣстіемъ, что Михайло Гадяцкій сосланъ въ Сибирь; повезли къ гетману и Семена Гродскаго. Мазепа требовалъ его неотступно, жаловался, что думный дьякъ Украинцевъ, безъ царскаго указа и безъ приказа боярина Льва Кирилловича Нарышкина, велѣлъ Кочубею надзирать за гетманскимъ поведеніемъ, отчего учинилось Кочубеево многое лукавственное коварство; гетманъ объ этомъ ничего не зналъ, потому его и ни во что ставятъ; а Кочубей въ дружбѣ съ Полуботкомъ. Полуботокъ бранилъ гетмана всячески въ Кіевѣ и доносилъ на него въ Москвѣ, но не могъ ничего доказать, и отосланъ былъ къ гетману головою; однако въ царской грамотѣ велѣно ему жить въ своемъ имѣніи до указу; отъ этого гетману учинилась великая стыдная печаль. Петрикъ, племянникъ Кочубеевъ, по такому же воровскому вымыслу отпущенъ въ Крымъ, какъ Соломонка къ королю; гетманъ слезно молитъ Бога, чтобъ Богъ выдалъ врага Соломонка на обличеніе другихъ враговъ.

Но когда Гродскаго привезли въ Батуринъ, чтобъ тамъ казнить его смертію, то гетманъ, побивши челомъ за царскую милость, объявилъ, что онъ не можетъ казнить Гродскаго безъ полковниковъ, да и не желаетъ его смерти, а гораздо лучше возить его по всѣмъ малороссійскимъ городамъ и показывать народу для совершенной ему, гетману, старшинѣ и всему войску Запорожскому очистки. Но въ Москвѣ смотрѣли иначе; къ Мазепѣ былъ посланъ указъ: чернеца Соломонка, государственнаго измѣнника и замутителя, во время съѣзду старшины въ Батуринъ казнить смертію, а по городамъ не возить, потому что о его воровствѣ извѣстно всѣмъ. Когда старшина собралась, Мазепа велѣлъ генеральному писарю Кочубею прочесть передъ нею московскій розыскъ Гродскаго и показать его воровскія письма и поддѣльныя печати. Старшина и полковники, посмотря на письма и печати, сказали, что это дѣло не одного вора Соломонка: ясно, что онъ призванъ и наученъ другими злыми людьми. Гетманъ сказалъ имъ, чтобъ они поставили передъ себя преступника и разспросили, не было ли другого предводителя съ нимъ въ этомъ зломъ дѣлѣ. Гродскій былъ приведенъ предъ старшину и говорилъ съ клятвою свои прежнія рѣчи, что, кромѣ Мишки Васильева, другихъ совѣтниковъ съ нимъ не было, а еслибъ были, то онъ и въ Москвѣ бы про нихъ сказалъ и такихъ жестокихъ пытокъ и огня не терпѣлъ. 7-го октября Гродскаго казнили, и у казни онъ сказалъ прежнія же рѣчи. Мазепа былъ недоволенъ, что Соломонка казнили смертію, а Михайлу Гадяцкаго только сослали въ Сибирь. „Слѣдовало бы казнить смертію и Мишку, безъ пощады“, писалъ онъ царямъ, „потому что Соломонка передъ казнію показалъ на Мишку, какъ на человѣка, который его подучилъ на злобу; да будетъ монаршая воля: но мы просимъ покорнѣйше сына Мишкина не отпускать сюда на Украйну, потому что дерево злое плодъ злой творитъ“ Гетманское желаніе насчетъ Гадяцкаго исполнить было нельзя, ибо вотъ что говоритъ современное извѣстіе: „пытанъ Черкасскій полковникъ Михаилъ Гадяцкій въ государственномъ дѣлѣ; съ пытки онъ ни въ чемъ не винился, очистился кровью и сосланъ въ ссылку“.

Петрикъ въ своихъ возмутительныхъ грамотахъ указывалъ на двѣ тягости для Малороссіянъ, за которыя обвинялъ Московское правительство: на аренду, или винный откупъ, и на обычай жаловать населенныя земли чиновникамъ, которые притѣсняютъ своихъ подданныхъ. Въ Москвѣ обратили на это вниманіе и послали сказать гетману, чтобъ онъ подумалъ хорошенько, нельзя ли отстранить оба обвиненія. Мазепа отвѣчалъ: „Аренда здѣсь въ малороссійскихъ городахъ не такъ налогами своими тяжела, какъ самымъ именемъ изъ давнихъ временъ ненавистна, надобно думать оттого, что при польской державѣ Жиды ею владѣли и много вымышленныхъ отягощеній дѣлали. Мы, посовѣтовавшись съ старшиною и полковниками, разослали по всѣмъ полкамъ и городамъ универсалы, въ которыхъ прежде всего увѣщеваемъ, чтобъ старшина наблюдала за арендою, не позволяя обижать людей, т.-е. чтобъ каждому человѣку позволено было выкурить дома вина или купить гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ, кромѣ арендовыхъ шинковъ, на свадьбу и на крестины; также разошлемъ универсалы съ обнадеживаніемъ народа, что гетманъ съ старшиною ищетъ способовъ отмѣнить аренду, а вмѣсто нея найти какія-нибудь другія средства достать денегъ на войсковые расходы; пусть и весь народъ, старшіе и меньшіе, посовѣтуются между собою и дадутъ намъ знать, какъ имъ лучше: платить ли, вмѣсто аренды, новую подать народомъ, или наложить пошлину со всякихъ шинковъ. Касательно маетностей мы такъ разсудили съ старшиною: которыя особы въ войскѣ и народѣ считаются къ службѣ негодными, а въ силу нашихъ универсаловъ владѣютъ маетностями, у тѣхъ маетности отнять; у тѣхъ же, которые владѣютъ маетностями по царскимъ грамотамъ, отнять маетности не смѣемъ, ибо это значило бы нарушеніе монаршеской воли. Объ этомъ просимъ милостиваго указа и докладываемъ: Запорожцы не разъ давали намъ знать и теперь чрезъ посланца нашего объявили, чтобъ маетности отъ меньшихъ особъ были отобраны; не такъ нелюба имъ аренда, какъ это владѣніе маетностями, и если мы ихъ не отберемъ, то между народомъ встанетъ смута. Мы уже давно разослали повсюду универсалы, чтобъ никто изъ владѣльцевъ не смѣлъ въ пожалованныхъ ему селахъ отягощать жителей большими работами и поборами и дѣлать имъ какія бы то ни было обиды, чтобы на владѣльцевъ-притѣснителей крестьяне подавали намъ челобитья, по которымъ будетъ непремѣнно расправа“.

Новая мѣра отобранія маетностей прежде всего приложена была къ Леонтію Полуботку. Миргородскій полковникъ Данила Апостолъ донесъ, что когда Мазепа былъ въ Москвѣ, то сынъ Полуботка говорилъ ему, Апостолу, о враждебныхъ намѣреніяхъ Михайлы Гадяцкаго: „Если, писалъ Мазепа, молодой Полуботокъ зналъ о замыслахъ Гадяцкаго, то долженъ былъ знать и о замыслахъ Соломона, долженъ былъ знать объ этомъ и отецъ его, тѣмъ болѣе что старикъ, находясь на полковничествѣ Переяславскомъ, промышлялъ о гетманствѣ“. Вслѣдствіе этого Полуботки, отецъ и сынъ, были посажены подъ караулъ и маетности отобраны.

Въ то время, когда Мазепа преслѣдовалъ своихъ внутреннихъ враговъ, на западномъ берегу Палѣй все болѣе и болѣе пріобрѣталъ славы въ неутомимой борьбѣ съ Татарами. Тяжелъ пришелся онъ Крыму: тамъ сравнивали его съ Сѣркомъ и подсылали къ нему съ предложеніями, что ханъ сдѣлаетъ его лучше Хмельницкаго, если только онъ перейдетъ на татарскую сторону. Положеніе Палѣя дѣйствительно стало похоже теперь на положеніе Хмельницкаго: въ польской сторонѣ онъ оставаться не хотѣлъ, потому что казакъ не могъ ужиться въ ладу съ панами; билъ челомъ великимъ государямъ, но тѣ не принимали, боясь нарушить мирный договоръ съ Польшею, какъ изъ той же боязни не принималъ Хмельницкаго отецъ ихъ; но Хмельницкій сталъ пугать Москву тѣмъ, что если не приметъ его Православный царь, то онъ поддастся бусурманамъ; и Палѣй теперь, вслѣдствіе присылки изъ Крыма, получилъ возможность грозить тѣмъ же. При личномъ свиданіи съ Мазепою въ Барышевкѣ онъ сказалъ ему, чтобъ великіе государи приняли его безъ отлагательства, а если онъ на ихъ службу не надобенъ, то пусть ему объ этомъ объявятъ прямо, и онъ сыщетъ себѣ мѣсто: и Татары его къ себѣ примутъ; великіе государи напрасно такъ боятся нарушить мирный договоръ съ Польшею; Поляки хлопочутъ изо всѣхъ силъ, какъ бы только отыскать случай къ войнѣ. Мазепа, сообщая объ этомъ разговорѣ въ Москву, прибавляетъ отъ себя, что если Палѣй перейдетъ къ Татарамъ, то и Запорожцы пойдутъ вмѣстѣ съ нимъ туда же, что будетъ очень вредно для Россіи; хорошо было бы поэтому Палѣя принять, а передъ Поляками отговориться тѣмъ, что онъ родился въ Борзнѣ; и если великіе государи Палѣя примутъ, то онъ, Мазепа, сдѣлаетъ его полковникомъ Переяславскимъ. Но изъ Москвы прежній отвѣтъ: Палѣя принять нельзя; гетманъ долженъ его уговаривать, не допускать, чтобъ онъ, въ отчаяніи, перешелъ на бусурманскую сторону; а если учинится Палѣю совершенное утѣсненіе, то онъ бы отъ полка своего отлучился тайно на Переяславскую сторону. Но Мазепа этимъ не успокоился, и въ декабрѣ 1692 года снова писалъ царямъ о Палѣѣ: просилъ внушить Польскому правительству, какой вредъ будетъ христіанству, если Палѣй будетъ приведенъ въ отчаяніе польскими притѣсненіями и отложится къ Татарамъ; но при этомъ гетманъ повторялъ прежнее: „Лучше было бы принять Палѣя со всѣми людьми и съ городкомъ Хвастовымъ подъ царскую руку. Если онъ, будучи Малороссіяниномъ по происхожденію и пріобрѣтши такую знаменитость, перейдетъ къ непріятелю, то въ Малороссіи поднимется волненіе: прельщенные своеволіемъ и добычею, многіе люди потянутся отсюда къ нему. Цари отвѣчали, что въ случаѣ крайности Палѣй съ тѣми изъ своихъ полчанъ, которые изъ Запорожья и съ восточной стороны Днѣпра, можетъ перейти опять въ Запорожье и, побывши тамъ нѣсколько времени, пусть расходятся въ малороссійскіе города, куда кому сручно, гдѣ у кого есть родственники; за этотъ переходъ выговоровъ и причитанья съ польской стороны не будетъ, а Палѣю перейти на Запорожье вовсе не безчестно: какимъ путемъ онъ вышелъ изъ Запорожья въ Польшу, тѣмъ же самымъ возвратится изъ Польши въ Запорожье“.

И кромѣ Палѣя было много людей за Днѣпромъ, которые постоянно обращали свои взоры къ Москвѣ.

Шумлянскій спѣшилъ оправдаться передъ царями. Весною 1692 года русскій резидентъ, стольникъ Михайловъ, находился во Львовѣ. 30 апрѣля епископъ прислалъ къ нему своего архидіакона съ приглашеніемъ пріѣхать къ нему на другой день въ каѳедральный соборъ къ обѣдни, и смотрѣть комедію, которая будетъ дѣйствоваться въ честь Св. мученика Георгія, а послѣ комедіи обѣдать у него, епископа. Резидентъ не поѣхалъ, отговорившись нездоровьемъ. На другой день, 1-го мая, новый посолъ отъ Шумлянскаго, соборный священникъ, монахъ Красинскій, у котораго резидентъ Великимъ постомъ исповѣдывался. Монахъ началъ говорить о сильномъ огорченіи епископа, что нигдѣ не можетъ видѣться съ резидентомъ; все это изъ-за Соломона, но епископъ тутъ не виноватъ, ввязался онъ въ дѣло поневолѣ. Михайловъ отвѣчалъ, что онъ никакого дѣла не знаетъ, не видался съ епископомъ по болѣзни и за недосугами, и если Шумлянскій хочетъ непремѣнно съ нимъ видѣться, то пусть 4 мая, съ немногими провожатыми, пріѣзжаетъ въ загородную пустынь Іоанна Богослова; тамъ онъ, резидентъ, будетъ у обѣдни. Шумлянскій пріѣхалъ въ назначенное мѣсто и, удаливъ всѣхъ свидѣтелей, началъ говорить резиденту: „Въ нечаемую бѣду и въ гнѣвъ царскаго величества вшелъ я неволею, а не охотою“. Тутъ взялъ онъ крестъ, поцѣловалъ и, прослезясь, продолжалъ: „Ей, самою истиною буду говорить; когда чернецъ Соломошко съ фальшивымъ письмомъ къ королю явился, то король сейчасъ-же прислалъ за мною и говорилъ: „Пане отче, приспѣло твое время намъ помогать, а кромѣ тебя дѣлать этого дѣла некѣмъ“ И я по тому королевскому приказу писалъ къ гетману Мазепѣ письмо своею рукою, чтобъ онъ, по желанію своему, приступалъ къ наслѣдственному государю. А кромѣ того ничего дурного я не писалъ. Прежній резидентъ Волковъ безчеловѣчно на меня наносилъ, будто я законопреступникъ и воръ, писалъ въ Украйну воровскія письма и съ архидіакономъ своимъ прислалъ будто какой-то листъ за королевскою рукою. Этимъ я оклеветанъ и дѣло доходило уже до того, чтобъ и мнѣ такъ же поступить, какъ Перемышльскій епископъ. Скажи пожалуйста, какой это королевскій листъ и откуда онъ въ Москвѣ взялся?“

— „Не слыхалъ и не знаю ничего, что ты мнѣ говоришь,“ отвѣчалъ Михайловъ, „а по словамъ твоимъ разсуждаю, что и то письмо, которое ты писалъ къ гетману Мазепѣ, очень нехорошее письмо, и думаю, что ты это сдѣлалъ самъ собою, безъ королевскаго указа, и короля клеплешь, чтобъ себя оправдать“

Шумлянскій клянется и божится, что сдѣлалъ по королевскому указу: „У меня объ этомъ“, говоритъ онъ, „два королевскихъ письма за его подписью и печатью. Да и безъ этого каждому можно разсудить, могъ ли я это сдѣлать самъ собою: вѣдь Мазепа съ Украйною никогда мнѣ въ особое подданство не поддастся, да и мнѣ отъ себя призывать его нельзя. Царское величество требовалъ отъ короля, чтобъ онъ выдалъ меня въ Москву на казнь, и король отмалчивался; а еслибъ я писалъ Мазепѣ самъ собою, то король разсердился бы на меня и отстаивать меня не сталъ. Но слава Богу, что отъ этого ничего не сдѣлалось, все попрежнему, и впередъ будетъ въ науку; король не перестаетъ жалѣть объ этомъ и до сихъ поръ, хлопочетъ, какъ бы поскорѣе дѣло прекратилось, и Соломона отдалъ“.

— „Такъ какъ я ни у кого объ этомъ, кромѣ тебя, не слыхалъ, то много разсуждать мнѣ и толковать нечего", говорилъ резидентъ, „только и изъ немногихъ словъ твоихъ могу понять, что дѣло это не малое, и надобно тебѣ о себѣ порадѣть, какъ въ томъ исправиться, и душу свою отъ такого великаго грѣха избавить".

Шумлянскій, вздохнувши, сказалъ на это: „Сатана меня искусилъ; а король развѣ не умный человѣкъ, и другіе, которые въ то дѣло ввязались, развѣ не умные люди?—однако были обмануты чернецомъ, безъ разсмотрѣнія поступили. Говорю тебѣ навѣрное, что Полякамъ отыскивать Украйны: въ срединѣ Великаго поста вдругъ присылаетъ за мною король; я поѣхалъ: а онъ меня встрѣчаетъ словами: „Отецъ"! прежнее-то наше дѣло исполнилось, Мазепа ужъ нашъ, пріѣхалъ въ Бѣлую Церковь". Цѣлый тотъ день король былъ веселъ и напоилъ меня добрымъ виномъ, какого уже давно никто у него не пивалъ. Но потомъ, четыре дня спустя, опять прислалъ за мною и говорилъ, что дѣло отмѣнилось, еще не исполнилось. Изъ этого можно видѣть, какую здѣсь имѣютъ надежду".

— „Слышу отъ тебя дѣла дивныя", говорилъ резидентъ; „не ожидалъ я отъ твоей особы и отъ твоего чина, чтобъ ты впалъ въ такіе тяжкіе грѣхи своевольно. Но какими же способами ты хочешь исправиться, вину свою покрыть?"

— Что было, то было", отвѣчалъ Шумлянскій; „прогнѣвалъ я великихъ государей письмомъ къ Мазепѣ,—очень желѣю, да воротить нельзя; а хочу за ту вину заслужить великимъ государямъ вотъ чѣмъ: хотя у царскаго величества и заключенъ вѣчный миръ съ Поляками, только миръ этотъ очень не крѣпокъ; Поляки царскому величеству большіе недоброхоты, и ждутъ только случая, какъ бы малороссійскіе города оторвать, для того мирный договоръ и въ конституціяхъ ихъ не напечатанъ, подкрѣпленъ онъ одною королевскою присягою, а Рѣчью Посполитою не подтвержденъ. Но дѣло извѣстное, что королевскія рѣшенія можетъ послѣдній шляхтичъ оспорить. Какъ только Поляки соберутся съ силами и увидятъ удобный случай,—такъ вѣчный миръ и нарушатъ. Союза съ ними имѣть невозможно, потому что все обманываютъ и всякими способами ищутъ зла: за вѣчнымъ миромъ мало не все благочестіе привели неволею въ унію, остался съ своею епархіею я одинъ. Прекратить это зло и подкрѣпить вѣчный миръ можно такъ: потребовать на сеймѣ, чтобъ мирный договоръ въ конституціяхъ своихъ напечатали, а если не напечатаютъ, то великіе государи не будутъ ставить этотъ миръ въ миръ. Не худо бы имъ и погрозить, да спросить зачѣмъ Премышльскую епископію обратили въ унію. Станутъ говорить, что епископъ приступилъ къ уніи своею охотою.— отвѣчать: пусть онъ одинъ и будетъ вашъ, а Православнымъ его епархіи пусть будетъ воля выбрать другого епископа; а съ челобитьемъ объ этомъ выборѣ много Православныхъ на сеймъ пріѣдетъ, и я челобитье изготовлю; Полякамъ отказать будетъ нельзя, епископія возстановится и благочестіе утвердится на долгія времена; потомъ пусть царскіе послы поднимутъ на сеймѣ дѣло обо мнѣ, потребуютъ мнѣ наказанія за письмо къ гетману Мазепѣ; я, будучи огражденъ конституціею, выступлю противъ короля смѣло, письма королевскія всѣмъ покажу. Думаю, что тутъ король станетъ утекать. А на сеймѣ надобно съ ними обходиться по французскому обычаю, нѣкоторыхъ сенаторовъ надобно подкупить: такъ войною Поляковъ не навоюешь, какъ подачкою; подарками царское величество можетъ сдѣлать на сеймѣ все, что угодно. Если же великіе государи прежде подтвержденія договора конституціею начнутъ дѣло обо мнѣ, то я приступлю къ уніи или за границу уѣду. Совѣсть мою Богъ видитъ, что я писалъ письмо по крайней неволѣ, укрывая благочестіе, принужденъ я поступать подозрительно, ношу сапоги то красные, то желтые, шапку надѣваю вмѣсто клобука, угождая польскимъ политикамъ, какъ бы только епархію свою отъ гоненія избавить".

15-го мая, въ Троицынъ день, Шумлянскій служилъ въ соборной церкви, молился усердно, торжественно за царей, за Вселенскихъ и за Московскаго патріарховъ, за царскую палату, за умноженіе благочестивой вѣры Греческаго закона; резидентъ былъ въ церкви, и все Львовское братство „съ великимъ благочиніемъ и рацеями отдавало передъ нимъ великимъ государямъ свое доброжеланіе и рабскую уклонность".

А между тѣмъ попрежнему шла церковная борьба у Русскихъ съ Поляками, попрежнему Поляки не переставали тѣснить Православныхъ. Вотъ что доносилъ русскій резидентъ Волковъ въ Москву. 14-го мая 1690 года въ Варшавѣ канцлеръ коронный Эрнстъ Денгофъ судилъ владимірскихъ мѣщанъ съ епископомъ Владимірскимъ, отступникомъ отъ Православія, уніатомъ. Епископъ хотѣлъ обратить въ унію двѣ благочестивыя церкви, построенныя Владимірскимъ братствомъ; онъ выставлялъ на видъ, что всѣ русскія церкви теперь въ уніи;—и находятся подъ его паствою; остались только двѣ эти церкви, и священники ихъ ходятъ по своей волѣ, а его, епископа, не слушаютъ. Мѣщане доказывали, что церкви эти изстари благочестивыя, и потому не слѣдуетъ обращать ихъ въ унію;—король при избраніи своемъ присягалъ, чтобъ вѣрѣ никакого утѣсненія не дѣлать. Канцлеръ произнесъ такое рѣшеніе: „Хотя прежде эти церкви въ уніи и не были, такъ теперь будутъ".— Но только-что онъ выговорилъ эти слова, какъ всѣмъ показалось, что своды въ палатѣ начали трещать и стѣны колебаться. Всѣ бросились бѣжать; канцлеръ въ дверяхъ зацѣпился за что-то своими широкими рукавами и упалъ; бѣжавшіе за нимъ попадали на него и чуть не задушили, вынесли его чуть живого. Опомнившись въ сѣняхъ, канцлеръ послалъ вѣрныхъ людей осмотрѣть, нѣтъ ли кого на крышѣ и отчего своды грозили паденіемъ; на крышѣ никого не нашли и своды стояли безо всякаго поврежденія. Несмотря на то, канцлеръ не рѣшился досуживать суда, и больше уже не входилъ въ ту палату, а дѣло предоставилъ на королевское рѣшеніе; король рѣшилъ въ пользу уніатовъ. Сколько было тогда Православныхъ въ Варшавѣ, при Дворѣ, видно изъ слѣдующаго донесенія Волкова. На Дворѣ у резидента была Православная церковь, гдѣ служилъ священникъ изъ Перемышля. Въ церковь сходилось множество Православнаго народа, покоевые, дворяне королевскіе и шляхта; священникъ исправлялъ требы, исповѣдывалъ, пріобщалъ, крестилъ младенцевъ, вѣнчалъ свадьбы. Это сильно не нравилось польскому духовенству, и 20-го мая Познанскій бискупъ Витвицкій велѣлъ схватить священника на улицѣ и привести къ себѣ. Наговоривши ему о вѣрѣ благочестивой противныхъ вещей, бискупъ велѣлъ посадить его подъ караулъ у себя на дворѣ. Но на другой же день умеръ скоропостижно королевскій сокольникъ, Русскій человѣкъ; товарищи его, сокольники, подали королю просьбу, чтобъ позволено было похоронить умершаго по Православному обряду; король согласился и, по его указу, освободили священника изъ-подъ епископскаго караула. Осенью того же года уніатскій Перемышльскій епископъ Малаховскій захватилъ пять Православныхъ церквей, причемъ уніаты отняли у Православныхъ священниковъ дворы, разграбили имѣніе. По королевскому указу, велѣно было дворы и пашенную землю священникамъ отдать; но уніаты не послушались, а вдова бывшаго короннаго подскорбія Андрея Модрѣевскаго, Урсула, въ имѣніи которой находились захваченныя церкви, велѣла поймать одного священника и бить передъ собою дубьемъ; несчастный получилъ триста ударовъ, послѣ чего другіе Православные священники привезли его въ Жолкву къ королю для осмотра, но не получили никакой управы. Сначала въ Львовѣ въ школяхъ іезуитскихъ ученье Русскимъ людямъ было свободное; но въ девяностыхъ годахъ іезуиты начали Русскихъ принуждать къ уніи и присягѣ; кто изъ русскихъ учениковъ выучился у нихъ въ школахъ грамматикѣ и реторикѣ, того допускали они слушать философію только годъ; кто же хотѣлъ оставаться долѣе въ школахъ, тотъ долженъ былъ принять унію.

Въ 1691 году на смѣну Волкову отправился въ Польшу другой резидентъ, стольникъ Борисъ Михайловъ; въ Минскѣ явились къ нему Православные мѣщане, Демьянъ Шишка съ товарищами, и жаловались, что на нихъ отъ пановъ литовскихъ, отъ гетмана Сапѣги и другихъ великое гоненіе, принуждаютъ ихъ къ уніи всякими мѣрами. Въ маѣ мѣсяцѣ уніатскій плебанъ Салганъ Юревичъ, собравшись съ католиками и уніатами, пріѣзжалъ въ минскій Петропавловскій монастырь многолюдствомъ и хотѣли насильно обратить монастырь въ унію. Архимандритъ монастыря, Петръ Пашковичъ съ братіею, поостерегся, далъ всѣмъ Православнымъ знать заранѣе, и Православные, собравшись, сидѣли въ монастырѣ съ оружіемъ и каменьями трое сутокъ, положивши оборонять монастырь до самой смерти, католиковъ и уніатовъ съ великою запальчивостію били и сказали имъ напослѣдокъ, что помрутъ въ монастырѣ всѣ; а кто останется въ живыхъ, — побѣгутъ съ женами и дѣтьми въ Москву, и будутъ имъ мстить, какъ смогутъ. Тогда осаждающіе отступили отъ монастыря. Гонятъ Православныхъ и всякіе налоги и наѣзды чинятъ во всей Литвѣ: уніатскій митрополитъ Кипріанъ Жуховскій, Виленскій епископъ Константинъ Брестовскій да плебанъ Юревичъ. Татарамъ и Жидамъ, говорили мѣщане, больше уваженія отъ пановъ, нежели благочестивымъ христіанамъ: Татары могутъ строить новыя мечети, и Жиды кагалы, а Православнымъ древнихъ церквей покрывать и починять не позволяютъ, ведутъ къ тому, чтобъ благочестіе до конца известь.

Лѣтомъ 1692 года, будучи въ Львовѣ, резидентъ шелъ однажды предмѣстьемъ, и за іезуитскимъ костеломъ встрѣтилъ старика очень почтенной наружности, который подошелъ къ нему, объявилъ, что онъ шляхтичъ Русской вѣры, именемъ Попара, и попросилъ позволенія поговорить безъ свидѣтелей. Съ тяжелымъ вздохомъ началъ свою рѣчь Попара, что бывалъ онъ въ Москвѣ еще при царѣ Михаилѣ, не разъ цѣловалъ у него руку, а при державѣ царя Алексѣя Михайловича въ продолженіи многихъ лѣтъ ссылался обо всякихъ тайнахъ съ бояриномъ Матвѣевымъ, и будто его службою Кіевъ остался въ царской сторонѣ. Въ тѣ годы всѣмъ Православнымъ былъ покой большой, принужденія къ уніи ни отъ кого не было, во всемъ Русскихъ людей Поляки почитали и ничѣмъ обидѣть не смѣли, опасаясь царскаго гнѣва. Но когда заключенъ былъ вѣчный миръ и іезуитамъ въ Москвѣ вѣру свою распространять позволено, то сейчасъ же въ Польшѣ началось гоненіе великое на церкви Божіи: больше семи сотъ церквей обратили въ унію, а теперь и послѣднюю Львовскую епископію принуждаютъ къ уніи. Поляки хвастаются, будто и въ Москвѣ ихъ вѣру больше любятъ, чѣмъ свою, Русскую. „Насъ Православныхъ здѣсь“, продолжалъ Попара, „Поляки ни въ чемъ не слушаютъ и за скотовъ почитаютъ; ныньче призывалъ меня къ себѣ епископъ Іосифъ Шумлянскій и говорилъ, что присланъ королевскій указъ о присоединеніи къ уніи. Я одинъ и безъ братства сказалъ епископу, чтобъ онъ объявилъ королю нашу русскую раду: никогда мы добровольно въ уніи быть не захотимъ; по милости Божіей, у насъ вѣра добрая, и никогда мы о вѣрѣ королевскому величеству не докучали; изволилъ бы король оборонять насъ отъ Татаръ, а не отъ вѣры. Я въ преклонной старости и кончину свою вижу при дверяхъ, такъ объявляю для христіанской вѣры самую истину, что Львовская епископія въ благочестіи не устоитъ, если не въ этомъ году, такъ все же скоро будетъ въ уніи, потому что Шумлянскій на епископство возведенъ силою, обороною и желаніемъ нынѣшняго короля, когда тотъ былъ еще гетманомъ, и при постановленіи обѣщался непремѣнно приступить къ уніи; а Перемышльскаго епископа ставилъ онъ, Шумлянскій, при такомъ же обѣщаніи, и прошлаго года Перемышльскій епископъ унію принялъ. И Шумлянскій втайнѣ уніатъ, а явно не присягаетъ потому, что братство крѣпко стоитъ. А вся эта слабость сдѣлалась оттого, что позволено быть католикамъ въ Москвѣ: все государство іезуиты вызнали, описали всѣ города и обычаи; и трое Французовъ были недавно въ Москвѣ для того же. У папы, Цесаря, королей Французскаго и Польскаго положено: если война съ Турками и у Цесаря съ Французомъ прекратится, то всѣмъ сообща войною и всякими вымыслами ввести въ Московское государство католическую вѣру; многіе іезуиты, которые въ Москвѣ были, предложили къ тому способы, и многіе охотники собираются о томъ радѣть и присягаютъ, что это дѣло могутъ въ Московскомъ государствѣ совершить въ короткое время. Намъ, Православнымъ, отъ этого великое опасеніе". Резидентъ успокоивалъ старика, что все это нестаточное дѣло, говоритъ онъ о небывалыхъ вещахъ, не дознавшись подлинно; но Попара настаивалъ на своемъ: „Вѣрно знаю, что Поляки чрезъ іезуитовъ, папу, Цесаря и Француза уговорили вводить въ Москву католическую вѣру". Русскихъ людей Западной Россіи трудно было успокоить насчетъ іезуитовъ, которые являлись для нихъ постоянно главными двигателями гоненія, готовыми на все. Могилевское духовенство дало знать резиденту, что пріѣзжали въ Могилевъ изъ Вильны коммисары, панъ Вербецкій, панъ Шпиловскій, Жембоцкій да Ильиничъ и, по іезуитскому настоянію, съ великимъ наругательствомъ разорили церковь Петра и Павла въ селѣ Езерѣ, въ трехъ миляхъ отъ Могилева, позволили разорять ее близживущимъ Татарамъ. Побивши прихожанъ, которые защищали церковь, Татары взлѣзли на крышу, столкнули ногами крестъ, а потомъ всю церковь до послѣдняго бревна разметали, иконы покололи ругательски. Мѣсто осталось пусто; Православные христіане безъ церкви начали быть въ размышленіи, и многіе стали клониться къ іезуитскому ученію. Когда львовскіе жители являлись къ королю на визитъ съ поздравленіями и подарками, то впереди шли Поляки, потомъ Армяне, а уже за Армянами Русскіе Православные, тогда какъ прежде Русскіе стояли выше Армянъ. Перемышльскій епископъ Инокентій Винницкій, принявъ унію, сталъ жестокимъ гонителемъ Православія: по его наущенію шляхта напала на Православную церковь Св. Троицы въ мѣстечкѣ Коморнѣ, въ четырехъ миляхъ отъ Львова; въ церкви священникъ Иванъ Ревенецъ служилъ обѣдню, шляхта хотѣла вытащить его вонъ и убить, но прихожане заперлись въ церкви и оборонялись часа съ три; но потомъ, видя, что отсидѣться никакъ нельзя, надѣли на священника женское платье, выпроводили его тайкомъ и потомъ отперли церковь. Шляхта, не найдя священника, била прихожанъ на смерть, а церковь запечатала для отдачи уніатамъ.

Въ Москвѣ не могли быть равнодушны при полученіи подобныхъ извѣстій: резиденту было велѣно потребовать отъ Польскаго правительства, чтобъ по всѣмъ русскимъ повѣтамъ посланы были универсалы съ строгимъ запрещеніемъ обращать Православныхъ въ унію; чтобъ на мѣсто отпадшихъ епископовъ позволено было Русскимъ людямъ избрать новыхъ, которымъ для поставленія ѣхать въ Кіевъ къ митрополиту. На это былъ отвѣтъ: „Ни королю въ государство Московское, ни царямъ въ государство Польское заглядывать и въ тамошнія распоряженія вступать не слѣдуетъ; Смоленская шляхта вся приневолена и стала Русью, и мы объ этомъ не говоримъ, потому что въ обоихъ государствахъ вѣра христіанская одна, и всякій государь въ своемъ государствѣ воленъ". Резидентъ возражалъ: „Дѣло идетъ не о заглядываніи въ государство; Смоленская шляхта никакой въ вѣрѣ неволи не имѣла и не имѣетъ; дѣло идетъ о нарушеніи договоровъ, о нарушеніи присяги, данной королемъ и всею Рѣчью Посполитою. Въ вѣрѣ неволя, въ присягѣ неправда—дѣла начальныя!" — „Въ добрѣ зла никакого нѣтъ, и иначе потому уже быть нельзя" —отвѣчали Поляки.

Насилія не прекратились: въ 1693 году воевода Полоцкій Красинскій, въ своемъ имѣніи Соколовѣ, отдалъ въ унію церковь Покрова Богородицы, застращавъ прихожанъ войскомъ: „Русскіе люди стонутъ и плачутъ, а пособить себѣ не могутъ и стали въ вѣчномъ помраченіи". Въ Каменцѣ литовскомъ подканцлеръ князь Раздзивилъ обратилъ въ унію церковь Рождества Богородицы. На представленія резидента отвѣчали, что въ Каменцѣ было Руси только человѣкъ съ тридцать и сами просились въ унію; что же касается до Полоцкаго воеводы, то онъ распоряжался въ своей отчинѣ, запретить ему трудно, пусть резидентъ поговоритъ съ нимъ самъ. „Все вы толкуете о вѣчномъ мирѣ!" говорили паны: „этимъ вѣчнымъ миромъ великіе государи хотятъ распоряжаться въ нашихъ отчинахъ, какъ будто по вѣчному миру мы стали ихъ невольниками! По нашему праву, всякій шляхтичъ въ своемъ имѣніи воленъ и безъ королевскаго вѣдома можетъ хлоповъ своихъ казнить какъ хочетъ, и неужели нельзя какого-нибудь негоднаго попа перемѣнить? Въ договорѣ съ царскимъ величествомъ идетъ дѣло объ однихъ королевскимъ имѣніяхъ, а не о панскихъ и шляхетскихъ маетностяхъ, потому что пану въ его имѣніи указывать нельзя. Изъ Москвы іезуитовъ выслали, Римской вѣрѣ неволя,—но король молчитъ, потому что цари въ своемъ государствѣ вольны".

Дѣлать было болѣе нечего, потому что на плечахъ была опасная война: нерусскія рати ходили на Крымъ, а Татары навѣщали Украйну.

Въ началѣ 1693 года 40,000 Татаръ вмѣстѣ съ Петрикомъ явились на Украйнѣ, но не могли привлечь Запорожье на свою сторону, не могли взять ни одного города, и съ ничтожною добычею возвратились назадъ: „только едва копытами своими погаными богохранимой вашей монаршеской державы коснулись“, какъ извѣщалъ царей Мазепа. Петрику, который, по современному выраженію, продолжалъ „пялить душу на крюкъ адовой пропасти“, оставалось писать на Запорожье грамоты, стращать казаковъ Москвою: „Разумныя головы, разсудите, что не всегда Московскіе цари такое вамъ будутъ давать жалованье, какъ теперь часто присылаютъ червонные золотые; это Москва дѣлаетъ потому, что слышитъ въ лѣсу волка; а когда бѣда минется, то не только жалованья вамъ не дастъ Москва, но, помирившись съ Крымомъ, васъ изъ Сѣчи выгонятъ, вольности ваши войсковыя отниметъ, Украйны нашей часть Ордѣ отдастъ въ неволю, а остатокъ возьметъ въ свою неволю вѣчную. И тогда къ кому прикинетесь, кто вамъ поможетъ и избавитъ васъ изъ неволи? Сами знаете сказку, что за кого стоитъ Крымскій ханъ, тотъ будетъ и панъ. Дивное дѣло, что прежде всѣ вы жаловались на неправды отъ Москвы и отъ своихъ господъ, жаловались, что нѣтъ такого человѣка, который бы началъ дѣло. А теперь, когда такіе люди нашлись, то вы не очень охотно позволили на свое освобожденіе: охочее войско на Русь пускали, а сами, лучшіе люди, въ Сѣчѣ оставались. Я вашимъ милостямъ, добрымъ молодцамъ совѣтую: воспользуйтесь удобнымъ временемъ! А если это время упустите, то уже никогда другого такого имѣть не будете, и когда свои вольности потеряете, то возьмете на свои души грѣхи всей Украйны, которая вами защищается и на васъ надѣется“, Запорожцы отвѣчали „врагу воплощенному“, что вся клятва падетъ на него, потому что онъ съ бусурманами приходитъ опустошать крайнее гнѣздо Православной вѣры, Москву, и особенно Малую Россію.

Петрикъ жестоко ошибся, положившись на рѣчи недовольнаго меньшинства въ Запорожьи и задумавъ сыграть роль Богдана Хмельницкаго. Огромное большинство въ Малороссіи крѣпко стояло за единство Русской Земли, т. е. за союзъ съ Москвою во имя Православія. Вотъ что доносилъ царскій посланецъ, дьякъ Андрей Виніусъ, бывшій въ Малороссіи въ началѣ 1693 года и внимательно наблюдавшій расположеніе умовъ: „По городамъ, селамъ и деревнямъ видѣлъ я въ народѣ совершенную твердость Православной Церкви, большую набожность и къ великимъ государямъ всесовершенную и постоянную вѣрность. Говорятъ: гдѣ намъ такого покрова, защиты и благополучнаго житія сыскать, какое получили подъ царскимъ правленіемъ! Живемъ при Православной вѣрѣ, при правахъ и вольностяхъ своихъ по домамъ мирно, чего никогда не видали отъ Ляховъ, у которыхъ были въ такомъ же порабощеніи, какъ Израиль въ Египтѣ. Кому изъ насъ въ голову можетъ придти мысль соединиться опять съ Ляхами, которые, еслибъ могли, всѣхъ бы насъ отдали бусурманамъ, или подъ мечъ положили, или въ душевредительную унію обратиться приневолили. А что дьявольскій сосудъ, Петрикъ, дѣлаетъ, то ясно, что христіанину съ бусурманомъ никогда въ союзѣ быть нельзя: примѣръ Молдавія и Валахія, запустошенныя бусурманами“.

Уходъ врага далъ возможность заняться внутренними дѣлами. Надобно было порѣшить вопросъ объ арендѣ, или, винномъ откупѣ. Гетманъ велѣлъ полковникамъ съѣхаться въ Батуринъ и привезти съ собою всю полковую старшину, городскихъ урядниковъ, знатное войсковое товарищество и мѣщанъ, съ которыми можно было бы посовѣтоваться и рѣшить дѣло объ арендѣ. Собралось много людей всякихъ чиновъ, долго между собою говорили и совѣтовали, оставить ли аренду попрежнему или уничтожить. Многіе стояли на томъ, что аренду надобно удержать непремѣнно, потому что она никому, кромѣ шинкарей, не вредитъ, и въ городахъ отъ нея большая оказалась прибыль: всѣ свои нужды они исправили, благодаря арендѣ, а въ иныхъ городахъ и денегъ по тысячѣ и по другой золотыхъ положили себѣ въ запасъ. Но большинство оказалось противъ аренды: аренда, говорили они, издавна дѣло ненавистное, вѣчный поводъ безпокойнымъ людямъ къ порицанію, вѣчный предлогъ вредить общему добру; и теперь Запорожцы по ея поводу кричали и вопили. Порѣшили на томъ, что аренду уничтожить, а деньги, необходимыя на жалованье охотницкому войску и на всякіе полковые расходы, собирать съ тѣхъ людей, которые будутъ содержать шинки, и съ винокуровъ, которые развозятъ свое вино по ярмаркамъ. Но согласились ввести этотъ новый порядокъ только на одинъ годъ, чтобъ посмотрѣть, что изъ него выйдетъ.

Петрикъ не приходилъ съ Татарами на Украйну, тѣмъ не менѣе гетману не было отъ него покоя. Казаки, бѣжавшіе отъ Петрика, показали, что у него есть грамоты отъ Мазепы. Показаніе было такого рода, что въ Москвѣ не могли дать ему вѣры, но Мазепа сильно кручинился. Въ Глуховѣ, на обѣдѣ у Стародубскаго полковника Миклашевскаго, Мазепа бросился на Кочубея, билъ его по щекамъ, топталъ пинками, кричалъ: „Ты съ Петрикомъ писалъ листы моимъ именемъ, отчего я въ невинности моей сокрушаюсь и ношу такое нареканіе“.— „Я ни въ чемъ тутъ не виноватъ, ничего не знаю“, отвѣчалъ Кочубей: „развѣ Петрикъ захватилъ какія-нибудь старыя письма изъ моей канцеляріи,— этого не знаю“. Послѣ этой сцены Мазепа сейчасъ же поѣхалъ изъ Глухова въ лагерь къ стольнику и полковнику Батурину, и началъ ему говорить: „Что теперь дѣлать?“ Батуринъ отвѣчалъ: „Одного опечалили, а другого оскорбили: ступай опять въ Глуховъ къ Миклашевскому“. Мазепа сейчасъ же поѣхалъ къ Миклашевскому, послалъ за Кочубеемъ и помирился съ нимъ.

Петрикъ не давалъ покоя Мазепѣ и тѣмъ, что не переставали приходить вѣсти о его новыхъ замыслахъ. Петрикъ твердилъ хану: въ Малороссіи непремѣнно будетъ бунтъ отъ черни на пановъ и откупщиковъ, особенно если ханъ пойдетъ къ малороссійскимъ городамъ и гетманъ соберетъ всѣ полки въ одинъ обозъ; тутъ прежде всего чернь станетъ старшину бить, а потомъ въ городахъ чернь перебьетъ пановъ и откупщиковъ, и тогда весь Малороссійскій народъ соединится съ Крымцами и пойдетъ войною на Московское государство. Хану и Петрику прежде всего хотѣлось переманить на свою сторону Запорожье, въ которомъ постоянно были люди, готовые съ ними соединиться; постоянно по куренямъ слышались слова: „Если ханъ будетъ давать войску деньги и коней, то мы готовы служить хану и панству Крымскому: за кѣмъ ханъ—тотъ и панъ“. Гетманскій посланецъ Горбаченко, возвратившись изъ Сѣчи, разсказывалъ: „Множество тамъ легкихъ людей, голутьбы, безодежныхъ, безоружныхъ. Кошевой атаманъ Гусакъ говорилъ мнѣ: видишь, сколько голутьбы прихожей изъ городовъ, а въ радѣ противъ всякаго нельзя говорить намъ; еслибы, по радѣнью гетманскому, отворилась война на бусурманъ, то вся бы эта голутьба пошла на войну, и всѣ бы пререкатели пропали на бояхъ“. Мазепа сталъ хлопотать въ Москвѣ, чтобъ позволено было начать наступательную войну противъ Турокъ. Сильно обезпокоило гетмана извѣстіе, что казачество обратило свое вниманіе на Палѣя. Петрикъ захотѣлъ сыграть роль Богдана Хмельницкаго, много наобѣщалъ—и ничего не сдѣлалъ; но передъ казаками былъ знаменитый полевой воинъ, который ничего не обѣщалъ, но много дѣлалъ, воюя постоянно и успѣшно съ Татарами; Палѣй многимъ изъ казаковъ представлялся желаннымъ вождемъ для всякаго казачества, храбрымъ и счастливымъ. Когда Палѣй шелъ подъ турецкіе городки, въ Запорожьи говорили: „Дадимъ Палѣю гетманство, вручимъ ему всѣ клейноты; Палѣй пойдетъ уже не Петриковою дорогою, знаетъ онъ, какъ украинскихъ пановъ прибрать къ рукамъ“.

Скоро представился случай втянуть Палѣя въ дальнее и опасное предпріятіе, и Мазепѣ очень хотѣлось имъ воспользоваться. Господарь Молдавскій, враждуя съ господаремъ Волошскимъ, прислалъ къ Мазепѣ съ просьбою помочь ему схватить своего врага, а если гетманъ не согласится употребить для этого своихъ казаковъ, то нельзя ли поручить это дѣло Палѣю. Мазепа немедленно написалъ Льву Кирилловичу Нарышкину: „Палѣй гнушается Поляками, а великіе государи наши не принимаютъ его по причинѣ договоровъ съ Польшею; одинъ перейти къ намъ съ семействомъ онъ не хочетъ, сластолюбствуя совершенною въ Хвастовѣ надъ многими людьми властію. Тамъ было бы хорошо затянуть его въ такое дѣло, въ которомъ бы онъ не повредилъ своего христіанскаго правовѣрія, ибо, такъ какъ онъ пересылается съ начальниками Бѣлогородской орды, то надобно опасаться, чтобъ бусурманы не прельстили его; если же онъ предприметъ военное дѣло, потребное христіанству, то уже никакая вражья прелесть не будетъ имѣть надъ нимъ силы“. Но великіе государи отвѣчали, что этотъ промыселъ должно оставить, потому что, по вѣстямъ, въ Валахію должны войти большія турецкія силы, и Палѣю можетъ быть бѣда.

Въ концѣ іюня голутьба на Запорожьи взяла верхъ и возобновлено было перемиріе съ ханомъ; кошевой Гусакъ, не хотѣвшій мира съ бусурманами, сдалъ атаманство, и на его мѣсто былъ выбранъ Рубанъ.

Въ Москвѣ для успокоенія Запорожцевъ написали грамоту, въ которой говорилось, что нынѣшняго лѣта воинскаго похода подъ турецкіе городки не будетъ, и чтобъ Запорожцы не обвиняли въ этомъ гетмана. Съ этою грамотою Мазепа отправилъ на Запорожье казака Кныша. Когда грамоту прочли въ Сѣчи на радѣ, то поднялся крикъ: „Ясно, что походъ отложенъ по гетманскому желанію, гетманъ же исходатайствовалъ и у великихъ государей грамоту, чтобъ мы на него не жаловались! Когда мы узнали, что похода подъ городки не будетъ, то заключили съ ними перемиріе, а гетманъ, узнавши объ этомъ, послалъ стараго нашего кошеваго Ѳедка подъ Очаковъ; Ѳедка похваталъ Турокъ и Татаръ, ходившихъ за солью, и многихъ побилъ, а Татары побрали за это нашихъ Запорожцевъ, невинныхъ на соляной добычѣ, 50 человѣкъ. Гетманъ долженъ намъ выдать всѣхъ плѣнныхъ, взятыхъ Ѳедкою, и его самого; а если этого не сдѣлаетъ, то пусть ждетъ насъ съ ордами къ себѣ на зиму въ гости,—увидитъ, что ему, его панамъ арендарямъ и дозорцамъ будетъ. Бывшій гетманъ Иванъ Самойловичъ такого подкопа надъ нами не дѣлалъ; однажды попробовалъ сдѣлать такой же подкопъ, но когда Сѣрко ему написалъ, что готовится на него сто тысячъ сабель, то испугался и прислалъ тотчасъ къ намъ вина, ветчины и всякаго запасу. А этотъ гетманъ называетъ насъ пастухами; дозорца его Рутковскій ватагъ съ запасами на Запорожье не пропускаетъ; только мы Рутковскаго скоро возьмемъ въ руки, чтобъ намъ больше пакости не дѣлалъ. Пока Мазепа будетъ гетманомъ, намъ отъ него нечего добра чаять, потому что онъ всякаго добра желаетъ Москвѣ и къ Москвѣ смотритъ, а намъ никакого добра не желаетъ; только тотъ гетманъ будетъ намъ на руку, котораго мы поставимъ въ Черной Радѣ“. Писарь Запорожскій говорилъ тайно Кнышу: „Какъ ханъ возвратится изъ войны Венгерской, то Запорожцы хотятъ тотчасъ утвердить съ нимъ миръ и идти войною на великороссійскіе города, а въ Малой Россіи воевать имъ не-для-чего, потому что она сама въ себѣ кого надобно повоюетъ: винокурники, пастухи, овчары и голутьба всѣхъ своихъ начальниковъ и пановъ побьютъ. Хотятъ Запорожцы идти на великороссійскіе города за то, что имъ присылается изъ Москвы жалованье не такое, какъ Донскимъ казакамъ. Запорожцы сердятся и за то, что на Самарѣ построены города и осажены людьми; что лѣсъ ихъ стародавный вырубленъ, въ Орлѣ сидитъ воевода съ воинскими людьми, тогда какъ въ статьяхъ Хмельницкаго написано, что московскимъ ратнымъ людямъ быть на Украйнѣ только въ трехъ городахъ. И то Запорожцамъ въ тягость, что гетмановъ, старшину и полковниковъ безъ ихъ вѣдома берутъ въ Москву и въ Сибирь ссылаютъ".

Отъ Палѣя приходили также непріятныя вѣсти. Посылалъ онъ своего казака къ королю и къ коронному гетману съ татарскими языками. Коронный гетманъ призвалъ къ себѣ казака ночью и говорилъ ему: „Зачѣмъ Семенъ Палѣй мнѣ не довѣряетъ, я никого еще своимъ гетманскимъ словомъ не обманулъ. Лучше бы Палѣю было, когда бы онъ моихъ указовъ слушалъ и ходилъ туда, куда я велю, чѣмъ самовольно ходить по татарскимъ саклямъ, изъ чего ему нѣтъ никакой выгоды Оттого, что онъ не слушаетъ моихъ указовъ, и вамъ деньги изъ королевской казны не даются. А если Палѣй въ другую сторому оборачиваетъ свою службу, то тамъ пуще пропадетъ, вѣшаясь на двухъ голяхъ. Пусть онъ знаетъ, что если захочу, то сейчасъ же мнѣ его выдадутъ; пишутъ ко мнѣ полковники Заднѣпровскіе, что всѣ они его ненавидятъ и щадить не будутъ. Если бы вы, добрые молодцы, блюдя свою вѣрность королевскому величеству, другого себѣ полковника выбрали, то очень бы хорошо сдѣлали, потому что у васъ, казаковъ, не новость старшихъ перемѣнять; а еслибъ такъ сдѣлалось, то сейчасъ бы вамъ дана была изъ казны королевской достаточная плата".

Въ Москвѣ сочли нужнымъ отправить на Запорожье сто половинокъ сукна въ прибавку. Когда сукно привезли въ Батуринъ и стали осматривать, то нашли, что три половинки испачканы дегтемъ. Мазепу это обстоятельство очень опечалило; но дѣлать было нечего, послалъ сукно съ своимъ казакомъ Сидоромъ Горбаченкомъ. Не доѣзжая четыре мили до Сѣчи, Горбаченко послалъ сказать о своемъ пріѣздѣ кошевому. Тотъ назначилъ раду и во всѣхъ куреняхъ велѣлъ запечатать вино, чтобъ пьяныхъ не было. Когда Горбаченко пріѣхалъ, атаманъ велѣлъ идти ему въ раду, собранную по обычаю подлѣ церкви. Горбаченко вошелъ въ раду, помолился на церковь, поклонился до земли на четыре стороны и подалъ кошевому листъ гетманскій. Писарь громко прочелъ листъ, и всѣ начали кланяться, благодарить великихъ государей за жалованье. Стали смотрѣть сукна, хвалили, говорили, что прежде къ нимъ такихъ суконъ не присылали; запачканныхъ суконъ не успѣли осмотрѣть, потому что писарь и судья, замѣтивши ихъ, спрятали и сказали, чтобъ всѣ расходились по куренямъ, а сукна они и безъ нихъ примутъ.

27-го декабря, ночью, прискакалъ въ Малороссійскій Приказъ капитанъ Ярыжкинъ съ важными дѣлами. Мазепа наказалъ ему объявить Льву Кирилловичу Нарышкину и думному дьяку Украинцеву слѣдующее: „Если укажутъ великіе государи принять Семена Палѣя, то изволили бы прислать къ нему о томъ указъ вскорѣ. По принятіи Палѣя надобно прислать новыя войска на Украйну для защиты Палѣя и Украйны отъ Поляковъ, которые Палѣевъ пріемъ даромъ не оставятъ. Палѣй пишетъ и приказываетъ гетману словесно, что если ему обороны и помощи отъ гетмана не будетъ, то онъ обратится въ другую сторону, куда его давно зовутъ, потому что Поляки совершенно ему не доброхотствуютъ и ищутъ способа, какъ бы его схватить и казнить; если же такого удобнаго случая не найдутъ, то хотятъ убить его тайно чрезъ злохитрыхъ людей. Если Палѣй пристанетъ къ бусурманской сторонѣ, то вся Украйна разорится, потому что казаки пойдутъ всѣ къ Палѣю, и помѣшать тому никакъ будетъ нельзя, потому что Палѣй человѣкъ военный, имѣетъ въ воинскихъ дѣлахъ счастіе, за что казаки его очень любятъ, и такого другого человѣка на Украйнѣ нѣтъ; и теперь, хотя подъ жестокимъ страхомъ было заказано, однако пошло къ нему изъ Кіевскаго полка много казаковъ". Въ письмѣ своемъ къ Мазепѣ Палѣй увѣдомлялъ, что коронный гетманъ разослалъ универсалы къ казакамъ и мѣщанамъ съ увѣщаніями отстать отъ Палѣя. Вслѣдъ за тѣмъ польскія хоругви и казацкія толпы напали врасплохъ на сотни Палѣева полка, убили много народа; Палѣй писалъ, что долженъ будетъ драться, и просилъ у Мазепы наставленія, совѣта и войска. Не дожидаясь совѣта и наставленія, Палѣй 29-го декабря послалъ новое письмо къ Мазепѣ: „Прошу объ отвѣтѣ немедленномъ; если мнѣ нѣтъ надежды на милостивую помощь войскомъ, то позволь мнѣ съ моими людьми выйти изъ Хвастова и поселиться въ Трепольи или Васильковѣ, потому что насилія мучительскаго отъ Поляковъ невозможно выдержать; кругомъ все ихъ крѣпости, подъ бокомъ Бѣлая Церковь, отъ которой не разъ была уже пагуба Хвастову. Тысячекратно упадая къ ногамъ региментарскимъ, прошу плачевно дай вѣдать: — будетъ ли помощь, или мнѣ отъ тѣхъ враговъ сбрести?" Изъ Москвы прежній отвѣтъ: нельзя принять Палѣя прямо и поселить въ Трепольи; это будетъ явное нарушеніе договора; пусть идетъ и съ полчанами своими сначала въ Запорожье, и оттуда переходитъ въ города царскаго величества.

Но Мазепа не переставалъ пѣть старую пѣсню, что надобно принять Палѣя, и прямо высказалъ, что въ противномъ случаѣ онъ боится встрѣтить въ Палѣѣ опаснаго соперника, другого гетмана Хмельницкаго. „Теперь, писалъ Мазепа въ Москву, Палѣю уже нельзя прекратить ссоръ съ Поляками, потому что съ обѣихъ сторонъ побито человѣкъ съ двѣсти. Палѣй хочетъ оставить Хвастовъ и поселиться въ Умани: чтобъ онъ, поселясь тамъ, не призвалъ къ себѣ Татаръ на помощь противъ Поляковъ; призоветъ Татаръ, станетъ воевать и разорять Поляковъ,—опасно чтобъ и этой стороны не разорилъ, потому что захочетъ писаться гетманомъ и съ этой стороны казаковъ переманивать; чтобъ не былъ онъ другой Хмельницкій; надобно заблаговременно размыслить, какъ съ нимъ поступить. Лучше малую искру загасить, чѣмъ большой огонь тушить, особенно для того, чтобъ не произвелъ онъ въ Малой Россіи мятежа и перезовомъ жителей опустошенія; удержать же ихъ будетъ тогда невозможно, потому что малороссійскіе жители имѣютъ на той сторонѣ пасѣки и всякія угодья".

Палѣй отразилъ Поляковъ; но, видя, что цари не согласны его принять, какъ бы ему хотѣлось, написалъ коронному гетману Яблоновскому, что готовъ смириться предъ королемъ. Яблоновскій отвѣчалъ ему: „Разсуди ваша милость накрѣпко, не всякая ли изъ нижеписанныхъ статей влечетъ за собою судъ, казнь и мечъ? Ты указовъ моихъ не слушалъ въ самыхъ важныхъ военныхъ обстоятельствахъ; въ отчинныхъ имѣніяхъ разныхъ лицъ своевольно раздавалъ становища людямъ непослушнымъ полка своего; шляхту, ихъ подстаростъ, товарищество и разныхъ людей многихъ билъ, убивалъ, мучилъ; доходы шляхетскіе побралъ, людей изъ деревень силою сгонялъ; край цѣлый Польскій себѣ въ послушаніе отобралъ; меды мои своевольно бралъ; въ имѣнія моихъ людей разставлялъ; письма, ко мнѣ посланныя, самыя нужныя, съ разными вѣдомостями и остерегательствами, по дорогамъ перехватывалъ; людей, ко мнѣ идущихъ за письмами, къ себѣ поворачивалъ и свои письма имъ давалъ; и кто перечтетъ всѣ твои насилія, преступленія, убійства, дѣла безсудныя, непослушанія, слова злыя? Все это понудило королевское величество и меня отправить войско въ Полѣсье, чтобъ заставить тебя одуматься; но ваша милость, прибавляя зло ко злу, посланнаго къ тебѣ Драгомира, вопреки обычаю самыхъ невѣжливѣйшихъ народовъ, велѣлъ бить на убой и въ колодки посадить; кромѣ того, казаковъ Искрицкаго и Ярему велѣлъ бить и грабить, и передъ собою, какъ невольниковъ, гнать. А я всегда посланныхъ вашей милости чествовалъ, всегда они были у меня свободны, ни въ чемъ не нуждались, уходили одарены и накормлены. Теперь ваша милость смиряешься, добиваешь челомъ, милосердія желаешь, исправленіе обѣщаешь, и въ то же время ротмистра Бландовскаго, шедшаго по моему указу въ Бѣлую Церковь, схватилъ и ограбилъ! Какъ же послѣ этого тебѣ вѣрить? Несмотря на то, я и теперь у королевскаго величества ходатайствую о милосердіи, и самъ готовъ всѣ вины вашей милости простить, только бы ты сдержалъ свои обѣщанія; а на свидѣтельство своего исправленія выпусти Бландовскаго и людей его, за что и мы освободимъ плѣнныхъ казаковъ полка твоего; насынковъ своихъ и дочь пришли въ аманаты; принеси присягу королю и республикѣ.—и тогда будешь оставленъ въ совершенномъ покоѣ; въ противномъ случаѣ велю кончить начатое съ тобою дѣло, кончить мечемъ и огнемъ. Если же примешься за вѣрность и послушаніе,—не опасайся ничего: на мою вѣру и совѣсть полагайся, и пріѣзжай самъ за королевскимъ жалованнымъ листомъ, пріѣзжай поклониться королевскому величеству и добить челомъ не бойся, — цѣлъ будешь и безопасенъ".

Получивъ это посланіе, Палѣй поѣхалъ не къ королю, а въ Батуринъ къ Мазепѣ съ старымъ вопросомъ: „Можно перейти въ Треполье?"—„Нельзя", отвѣчалъ гетманъ. Тогда Палѣй началъ говорить: „На Запорожье идти мнѣ не хочется; хотя войско и два раза меня туда звало и предлагало кошевое атаманство и даже высшій чинъ; однако я, привыкши къ городовому житью, въ Сѣчь идти не желаю: потому что, пришедши туда въ Низовое войско, долженъ буду дѣлать то, чего войско захочетъ. Лучше мнѣ еще въ Хвастовѣ до времени держаться, нежели вдругъ, невѣдомо куда оттуда уходить. Знаю, что польскія войска всѣми своими силами наступать на меня не будутъ, потому что имъ и безъ меня есть что дѣлать при безконечной войнѣ съ Турками и Татарами, а отъ малыхъ войскъ всегда оборонюсь. Кромѣ того, покажу кротость передъ Польскою стороною, ротмистра Бландовскаго и всѣхъ плѣнныхъ Поляковъ отпущу на волю; своихъ въ аманаты не дамъ, но присягу принесу, что на самого короля (а не на тѣхъ, которые будутъ на меня наступать) не подниму руки; часть своей пѣхоты на службу королевскую послать не откажусь, потому что эта пѣхота отъ меня не отстанетъ, но, одѣвшись у нихъ, возвратится назадъ. Такимъ образомъ могу еще нѣсколько времени подержаться въ Хвастовѣ. Жаль мнѣ сильно разстаться съ этимъ мѣстомъ не только потому, что тамъ много домостройства моего, пространное поле хлѣбомъ насѣяно, но и потому, что я взялъ это мѣсто пустое и населилъ не польскими подданными, но отъ рѣки Днѣстра частію изъ войска Запорожскаго, частію изъ Волоховъ; церкви Божіи украшенныя устроилъ, чего непригоже покинуть".

Мы видѣли, что для отстраненія причинъ къ неудовольствію, возбуждаемому постоянно изъ Запорожья, уничтоженъ былъ винный откупъ, или аренда, но уничтоженъ на время, чтобъ попробовать, можно ли безъ него обойтись. Опытъ оказался неудаченъ: гетманъ отовсюду началъ получать донесенія, что при сборѣ денегъ съ торговъ и шинковъ великіе споры и вздоры чинятся, и въ деньгахъ противъ прежней аренды оказался большой недоборъ. Во время Рождественскаго съѣзда старшинъ и полковниковъ въ Батуринъ, гетманъ объявилъ имъ, что опытъ не удался, и какъ быть. Старшина и полковники отвѣчали, чтобъ гетманъ билъ челомъ великимъ государямъ о присылкѣ денегъ на жалованье охотницкому войску и на другіе войсковые расходы, потому что и прежде, по челобитью гетмана Самойловича, царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ присылалъ десять тысячъ золотыхъ червонныхъ. Мазепа написалъ объ этомъ боярину Льву Кирилловичу Нарышкину и думному дьяку Украинцеву. Письменнаго отвѣта онъ не получилъ, только словесно наказано посланнику: „Прежде, по многой докукѣ гетмана Самойлова, посланы были деньги 30,000 золотыми червонными изъ имѣнія боярина Матвѣева; а теперь бить объ этомъ челомъ гетманъ не долженъ, потому что теперь такой нужды, какая была во время Чигиринскихъ походовъ, нѣтъ, особенно же потому, что всякіе доходы въ Малороссіи за гетманомъ, старшиною и полковниками, и бить еще челомъ о деньгахъ стыдно". Когда старшина и полковники съѣхались въ Батуринъ послѣ Свѣтлаго Воскресенья 1694 года, Мазепа объявилъ имъ отвѣтъ изъ Москвы. Старшина и полковники сказали, что когда такъ, то надобно опять ввести аренду,—аренда выгоднѣе, а поборы черному народу тягостнѣе, потому что поборы берутъ и съ того человѣка, который однимъ хлѣбомъ безъ промысловъ довольствуется, отчего бѣдный человѣкъ до конца разорятся. Гетманъ возразилъ, что пойдутъ опять крики изъ Запорожья; ему отвѣчали на это, что Запорожцамъ отъ аренды никакой тягости нѣтъ, тягостнѣе народу ихъ запорожская аренда, которая въ Сѣчи заведена: изо всякой куфы вина берутъ на старшину и на куренныхъ атамановъ третью долю, остальное же вино велятъ продавать по той цѣнѣ, какую они же наложатъ, а не вольною цѣною. Тогда гетманъ сказалъ полковникамъ и знатнымъ товарищамъ, чтобы они, возвратясь домой, велѣли вездѣ, въ городахъ и селахъ собирать людей и совѣтоваться съ ними: поборамъ ли быть или арендѣ. Такъ и было сдѣлано во всѣхъ городахъ, городкахъ и селахъ, и повсюду единогласно приговорили—„быть арендѣ". Гетманъ, получивши донесенія объ этомъ, отправилъ ихъ въ Москву съ просьбою о милостивомъ повелительномъ указѣ [1]).

Глава III.

Окончаніе двоевластія. Царствованіе Петра I-го Алексѣевича.

Окончаніе потѣхъ. — Замыслы Петра относительно морскихъ предпріятій. — Роль Лефорта. — Греческое духовенство проситъ о дѣятельномъ продолженіи войны съ Турками.—Первый Азовскій походъ.—Воронежскій флотъ.—Кончина царя Іоанна Алексѣевича.—Второй походъ и взятіе Азова.—Впечатлѣніе, произведенное этимъ событіемъ въ Москвѣ и Польшѣ.—Торжественный входъ побѣдителей въ Москву.—Строеніе кораблей кумпанствами.—Посылка молодыхъ людей учиться за границу.—Намѣреніе Петра ѣхать самому за границу.—Неудовольствія.—Розыскъ монаха Авраамія.—Розыскъ Цыклера и Соковнина.—Отъѣздъ Петра за границу.—Неудовольствіе въ Ригѣ.—Пребываніе въ Пруссіи.—Дѣла Польскія.—Свиданіе Петра съ двумя курфюрстинами; ихъ отзывъ о немъ.—Петръ въ Голландіи, въ Англіи, въ Вѣнѣ.—Стрѣлецкій бунтъ.—Возвращеніе Петра въ Москву.—Брадобритіе.—Стрѣлецкій розыскъ и казни.—Постриженіе царевенъ и царицы Евдокіи. — Раздраженіе Петра. — Любимецъ Меншиковъ.—Поѣздка Петра въ Воронежъ. — Новые розыски и казни по возвращеніи въ Москву.—Разбои.—Злоупотребленія воеводъ. — Учрежденіе бурмистровъ.—Алексѣй Курбатовъ.—Гербовая бумага.—Указъ о торговлѣ компаніями.—Мѣра для улучшенія положенія Сибири.—Дѣла на Украйнахъ.—Дѣло Петра Артемьева.

И Бѣлое море, какъ видно, показалось узко, печально и безцѣльно для Петра. Онъ мужалъ, и одна потѣха уже не удовлетворяла. Была мечта отыскать проходъ къ Китаю или Индіи чрезъ Сѣверный океанъ; но недостатокъ средствъ и времени долженъ былъ скоро разсѣять юношескую мечту. Сильно прельщало Балтійское море, хотѣлось пробраться туда, но какъ?—ключъ къ морю былъ у Шведовъ. Оставалось Каспійское море, на которое уже давно указывали иностранцы, требуя свободнаго проѣзда на него для торговли съ богатою Азіею: развѣ не можетъ Россія сама овладѣть этимъ средствомъ обогащенія, заведши флотъ на Каспіи, овладѣвши торговлею съ прибрежными странами? Еще при царѣ Алексѣѣ строили корабль для Каспійскаго моря. Корабль былъ сожженъ Разинымъ; но когда будетъ сильный флотъ на Каспійскомъ морѣ, то Разинъ будетъ невозможенъ. 4 іюля 1694 года Лефортъ писалъ изъ Архангельска въ Женеву: „Черезъ два года поговариваютъ о путешествіи въ Казань и Астрахань; но, быть можетъ, въ два года времени это пройдетъ. Впрочемъ, я буду всегда готовъ исполнять приказанія. Есть намѣреніе выстроить нѣсколько галіотовъ и идти къ Балтійскому морю... [2]). Меня возводятъ въ адмиралы всѣхъ судовъ его величества; этого непремѣнно желаетъ самъ нашъ великій царь Петръ Алексѣевичъ". 13 сентября Лефортъ писалъ: „Будущимъ лѣтомъ выстроятъ пять большихъ кораблей и двѣ галеры, которыя, ежели дастъ Богъ, черезъ два года отправятся въ Астрахань для заключенія важныхъ договоровъ съ Персіею" [4]).

Въ два года многое можетъ измѣниться, думалъ Лефортъ. Дѣйствительно многое измѣнилось, и на Лефорта указываютъ, какъ на виновника этихъ измѣненій; на него указываютъ, какъ на человѣка, уговорившаго Петра предпринять походъ подъ Азовъ. Потѣхамъ пора была кончиться. Въ народѣ шелъ ропотъ: царь связался съ Нѣмцами, и какое же изъ этого добро?—однѣ потѣхи, отъ которыхъ понапрасну гибнутъ и страдаютъ люди. Для собственной выгоды Лефортъ долженъ былъ настаивать на прекращеніе потѣхъ и на какое-нибудь важное предпріятіе, которое могло бы выставить въ выгодномъ свѣтѣ царя и компанію,—иначе рождались очень непріятныя сравненія съ свергнутымъ правительствомъ: если при Софіи походы на Крымъ были неудачны, то все же русскія рати искали враговъ въ ихъ жилищахъ, а теперь Татары приходятъ на Украйну. Союзники упрекаютъ въ бездѣйствіи, гетманъ Мазепа пишетъ, что необходимо начать наступательное движеніе: этого желаетъ народъ, это особенно нужно, чтобъ дать упражненіе безпокойнымъ силамъ, собраннымъ на Запорожьи. Лефортъ хотѣлъ, чтобъ Петръ предпринялъ путешествіе за границу, въ Западную Европу; но какъ показаться въ Европѣ, не сдѣлавши ничего, не принявши дѣятельнаго участія въ священной войнѣ противъ Турокъ. Не забудемъ, что тотчасъ по взятіи Азова предпринимается путешествіе за границу; эти два событія состоятъ въ тѣсной связи.

---

[1]) Книги Малорос. Приказа въ Архивѣ Мин. Юстиціи; дѣла Малорос. и Польскія означенныхъ годовъ въ Москов. Арх. Мин. Ин. Д. Записки Желябужскаго.

[2]) Въ подлинникѣ стерто.

[3]) Статья Поссельта: Адмиралъ русск. флота Ф. Я. Лефортъ, въ Морскомъ Сборникѣ 1863, № 3.

Были увѣщанія къ дѣятельному продолженію войны и съ той стороны, съ которой, по прежнему опыту, трудно было ожидать ихъ. Въ сентябрѣ 1691 года была получена грамота отъ Іерусалимскаго патріарха Досиѳея отъ 18 марта: „Пришелъ въ Адріанополь посолъ французскій“, извѣщалъ патріархъ, „принесъ отъ короля своего грамоту насчетъ Св. мѣстъ; случился тогда тамъ и ханъ Крымскій; подарили Французы визирю 70,000 золотыхъ червонныхъ, а хану 10,000 и настаивали, что Турки должны отдать Св. мѣста Французамъ, потому что Москали приходили воевать Крымъ; ханъ толковалъ о томъ же. Взяли у насъ Св. гробъ и отдали служить въ немъ Французамъ, дали намъ только 24 лампады; взяли у насъ Французы половину Голгоѳы, всю церковь Виѳлеемскую, Св. пещеру, разорили всѣ деисусы, раскопали всю трапезу, гдѣ раздаемъ Св. свѣтъ, и хуже надѣлали въ Іерусалимѣ, чѣмъ Персы и Арабы, а какія бѣды старцамъ нашимъ тамошнимъ причинили — кто можетъ разсказать? Кстати были и Синайскіе старцы, и просили у визиря нѣкотораго повышенія чести, заступились за нихъ Французы, чтобъ насъ одолѣть, однако визирь не послушался; только упрямится, Св. мѣстъ намъ не отдаетъ; народъ Турецкій кричитъ, что Москали были смирны, а теперь изъ-за Іерусалима войну начнутъ; но визирь это ни во что ставитъ. Теперь просятъ Французы вновь указу, чтобъ обновить имъ въ Іерусалимѣ своды церковные и такимъ образомъ явиться старыми владѣтелями. Если вы, божественные самодержцы, оставите Святую Церковь, то какая вамъ похвала будетъ? Если вы отправите сюда посла, то прежде всего онъ долженъ стараться о нашемъ дѣлѣ, о возвращеніи намъ Св. мѣстъ и безъ этого не долженъ заключать мира, ибо если вы заключите миръ безъ этого, то лучше уже ничего не предлагайте о Іерусалимѣ, ибо иначе Турки поймутъ, что у васъ нѣтъ о немъ попеченія, и тогда Французы завладѣютъ Св. мѣстами на-вѣки, и намъ впередъ нельзя будетъ подавать на нихъ челобитья. Такъ если хотите предлагать о Іерусалимѣ, то въ случаѣ отказа уже не заключайте мира, а начинайте войну. Теперь время очень удобное; возьмите прежде Украйну, потомъ требуйте Молдавіи и Валахіи, также Іерусалимъ возьмите—и тогда заключайте миръ. Намъ лучше жить съ Турками, чѣмъ съ Французами; но вамъ не полезно, если Турки останутся жить на сѣверѣ отъ Дуная, или въ Подоліи, или на Украйнѣ, или если Іерусалимъ оставите въ ихъ рукахъ; худой это будетъ миръ, потому что ни одному государству Турки такъ не враждебны, какъ вамъ. Тому 18 лѣтъ, какъ я писалъ письмецо изъ Адріанополя блаженной памяти отцу вашему, государю царю киръ Алексѣю Михайловичу, и совѣтовалъ: покиньте Поляковъ и усмирите прежде Турокъ, потому что непремѣнно хотятъ придти къ Днѣпру; онъ не послушалъ, не повѣрилъ, а потомъ случилось все такъ, какъ мы писали. И теперь совѣтую, если хотите мириться, такъ миритесь, чтобъ Украйна была освобождена, Іерусалимъ былъ отданъ и Турки отступили за Дунай; а не такъ,—лучше воюйте вмѣстѣ съ сосѣдями, гоните и смиряйте нечестивыхъ, а о Полякахъ нечего заботиться: когда захотите смирить ихъ, тогда и смирите. Нынѣшній визирь человѣкъ достойный, взялъ Нису и Бѣлградъ, а причиною вы, потому что Татары были съ нимъ вмѣстѣ, а если бы Татары были вами сдержаны, то Турки ничего бы не сдѣлали. Однако они никакой благодарности вамъ не воздаютъ, потому что, думать надобно, доброта ваша отъ неразумія. Теперь визирь вмѣстѣ съ ханомъ хочетъ васъ обмануть; побѣдитъ Нѣмцевъ, а потомъ и за людей васъ не станетъ почитать, потому что онъ глубокъ и лукавъ. Побѣдивши Нѣмцевъ, станутъ воевать съ великимъ гнѣвомъ по многимъ причинамъ. Поэтому пишу: если не будетъ освобождена Украйна и Іерусалимъ, и если Турки не будутъ изгнаны изъ Подоліи,—не заключайте мира съ ними, но стойте крѣпко. Будете заключать миръ и станете вначалѣ требовать Іерусалима, и если они его вамъ не отдадутъ, то не заключайте мира, Турки убьютъ визиря за напрасную войну. Если будутъ отдавать вамъ весь Іерусалимъ, а Украйны не поступятся и изъ Подоліи не выйдутъ—не заключайте мира, потому что если засядутъ они въ Подоліи, то сыщутъ удобное время и не будутъ молчать. Помогайте Полякамъ и инымъ, пока здѣшніе погибнутъ. Если Татары погибнутъ, то и Турки съ ними, и дойдетъ ваша власть до Дуная; а если Татары останутся цѣлы, то они васъ обманутъ. Впередъ такого времени не сыщете, какъ теперь. Мы желали взять Іерусалимъ отъ Французовъ чрезъ васъ, и не для Іерусалима только: мы хотимъ, чтобъ вы не позволяли Туркамъ жить по сю сторону Дуная и за Дунаемъ, чтобъ вы разорили Татаръ,—тогда и Іерусалимъ будетъ вашъ. Александръ Великій не ради Бога, но ради единоплеменныхъ своихъ на Персовъ великою войною ходилъ; а вы ради Святыхъ мѣстъ и единаго Православія для чего не бодрствуете, не трудитесь, не отгоняете отъ себя злыхъ сосѣдей? Вы упросили у Бога, чтобъ у Турокъ была война съ Нѣмцами: теперь такое благополучное время, и вы не радѣете! Въ досаду вамъ, Турки отдали Іерусалимъ Французамъ и васъ ни во что ставятъ; смотрите, какъ смѣются надъ вами: ко всѣмъ государямъ послали грамоты, что воцарился новый султанъ, а къ вамъ не пишутъ ничего. Татары—горсть людей, и хвалятся, что берутъ у васъ дань; а такъ какъ Татары подданные турецкіе, то выходитъ, что и вы турецкіе подданные. Много разъ вы хвалились, что хотите сдѣлать и то, и другое, и все оканчивалось одними словами, а дѣла не явилось никакого". Патріархъ счелъ за нужное приписать: „Чтобъ Греки, живущіе въ Москвѣ, ничего не знали о моемъ письмѣ, кромѣ Николая Спафари".

2-го сентября 1691 года Досиѳей писалъ другую грамоту къ царямъ, которая дошла въ Москву не ранѣе начала 1693 года. Патріархъ былъ сильно озабоченъ тѣмъ, что Французы добыли себѣ позволеніе возобновить сводъ церковный въ Іерусалимѣ, и просилъ царей начать мирные переговоры съ Турками, причемъ требовать, чтобъ Св. мѣста отданы были Грекамъ попрежнему, ибо Англичане и Голландцы хлопочутъ о мирѣ между Австріею и Турціею, и Австрійцы, по наущенію папы, могутъ внести въ договоръ, чтоби Св. мѣста остались за католиками. „Мы надѣемся, писалъ Досиѳей, что Турки исполнятъ вашу просьбу, потому что вы ничего новаго не будете просить; не просите, чтобъ вамъ самимъ владѣть Св. мѣстами, но только чтобъ они были подъ властію Грековъ, какъ прежде; такъ какъ Греки турецкіе подданные, то султану отъ этого никакого безчестья не будетъ" [1].

Кожуховскій походъ былъ послѣднею потѣхою. „Какъ осенью, писалъ Петръ [2], трудились мы подъ Кошуховымъ въ марсовой потѣхѣ, ничего болѣе, кромѣ игры, на умѣ не было; однакожъ эта игра стала предвѣстникомъ настоящаго дѣла". Опытъ Голицына показывалъ, что степные походы не могутъ обѣщать успѣха, и потому рѣшено было направить походъ на Азовъ, путь къ которому облегчался Дономъ и близкими къ городу поселеніями Донскихъ казаковъ. Взятіе важной турецкой крѣпости могло произвести сильнѣйшее впечатлѣніе въ Европѣ, чѣмъ война съ Татарами; Шкипера должна была прельщать мысль, что Азовъ былъ ключъ къ Азовскому морю. Хотѣли оплошить Турокъ, напасть нечаянно па Азовъ, и въ началѣ 1695 года объявленъ былъ походъ—только на Крымъ. И дѣйствительно: огромное войско, старая дворянская конница, подъ начальствомъ боярина Бориса Петровича Шереметева, отправилась къ низовьямъ Днѣпра, взявши съ собою и Малороссійскихъ казаковъ; но войско новаго строя—полки Преображенскій, Семеновскій, Бутырскій и Лефортовъ, вмѣстѣ съ московскими стрѣльцами, городовыми солдатами и царедворцами,—всего 31,000, выступило подъ Азовъ подъ начальствомъ трехъ генераловъ—Автомона Головина, Лефорта и Гордона: бомбардирскую роту велъ бомбардиръ Петръ Алексѣевъ. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ передовой Гордоновъ отрядъ собрался въ Тамбовѣ и отправился сухимъ путемъ черезъ Черкаскъ къ Азову. Войска Головина и Лефорта сѣли на суда въ Москвѣ и поплыли Москвою-рѣкою, Окою и Волгою: „Шутили подъ Кожуховымъ, а теперь подъ Азовъ играть идемъ", писалъ бомбардиръ въ Архангельскъ къ Апраксину; дьяконъ Петръ приписывалъ: „Про твое здоровье пьемъ водку и ренское, а паче пиво". Походъ былъ не безъ препятствій. Бомбардиръ изъ Нижняго писалъ къ своему потѣшному генералиссимусу и королю Ромодановскому: „Min Her Kenich! письмо вашего превосходительства, государя моего милостиваго, въ стольномъ градѣ Прешбургѣ писанное, мнѣ отдано, за которую вашу государскую милость должны до послѣдней капли крови своей пролить, для чего и нынѣ посланы, и чаемъ за ваши многія и теплыя къ Богу молитвы, вашимъ посланіемъ, а нашими трудами и кровьми, оное совершить. А о здѣшнемъ возвѣщаю, что холопи ваши, генералы Автамонъ Михайловичъ и Францъ Яковлевичъ со всѣми войски, далъ Богъ здорово, и намѣрены завтрашняго дня иттить въ путь, а мѣшкали для того, что иныя суды въ три дня насилу пришли, и изъ тѣхъ многія, небреженіемъ глупыхъ кормщиковъ, также и суды, которыя дѣлали гости, гораздо худы, иныя насилу пришли". Къ Виніусу Bombardir Piter писалъ: „Min Her! Вѣтры насъ крѣпко держали въ Дѣдиновѣ два дни, да въ Муромѣ три дни; а больше всѣхъ задержка была отъ глупыхъ кормщиковъ и работниковъ, которые именемъ словутъ мастера, а дѣло отъ нихъ, что земля отъ неба" [3].

Войско плыло Волгою до Царицына; отсюда до казачьяго городка Паншина на Дону шло сухимъ путемъ съ большою нуждою, потому что ратные люди, и безъ того уставшіе отъ гребли, должны были теперь тащить на себѣ орудія и пушечные припасы, по недостатку лошадей [4]. Въ Паншинѣ новая бѣда: подрядчики не поставили нужное количество съѣстныхъ припасовъ. Изъ Паншина войско поплыло Дономъ, отдохнуло три дня въ Черкаскѣ и 29-го іюня приблизилось къ Азову, подъ которымъ уже стоялъ Гордонъ. „Min Her", писалъ Петръ Виніусу: „Въ день Св. апостолъ Петра и Павла пришли на рѣку Койсу, верстъ за 10 отъ Азова, и на молитвахъ Св. апостолъ, яко на камени утвердясь, несомнѣнно вѣруемъ, яко сыны адскіе не одолѣютъ насъ". Между тѣмъ въ Москвѣ сильно безпокоились насчетъ судьбы царя и войска, и начинали ходить разные зловѣщіе слухи; поэтому приведенное письмо къ Виніусу произвело большую радость; Виніусъ отвѣчалъ: „Та почта такую всѣмъ радость принесла, что мнозіи и въ церквахъ Божіихъ и домахъ своихъ того-жъ часа молебствовали, пріявъ сію радостную почту, яже яко солнце тму многіе лжи разогнала и повсюду, даже и въ стрѣлецкихъ слободахъ, великую радость принесла“ [1]. 8-го іюля начали дѣйствовать русскія батареи. На одной батареѣ бомбардиръ Петръ Алексѣевъ самъ начинялъ гранаты и бомбы и самъ стрѣлялъ въ продолженіи двухъ недѣль, и потомъ записалъ о своей службѣ: „Началъ служить съ перваго Азовскаго похода бомбардиромъ“ [2].

---

[1] Греческія дѣла означенныхъ годовъ въ Московск. Архивѣ Мин. Ин. Д.

[2] Къ Апраксину 16 апрѣля 1695 г.

[3] Письма въ Государ. Архивѣ.

[4] Донесеніе цесарскаго резидента Плейера напечатано въ приложеніяхъ ко II-му тому книги Устрялова.

Турки еще 6-го числа получили подкрѣпленіе моремъ, а къ Русскимъ водою нельзя было доставлять съѣстныхъ припасовъ: препятствовали двѣ турецкія каланчи, построенныя по обѣимъ берегамъ Дона, между каланчами протянуты были желѣзныя цѣпи и набиты сваи. Кликнули кличъ по охотникамъ изъ Донскихъ казаковъ: кто пойдетъ на каланчу? – каждому обѣщано по 10 рублей. Казаки взяли одну каланчу. Осажденнымъ представлялся случай отмстить: къ нимъ прибѣжалъ вступившій въ русскую службу и перекрестившійся голландскій матросъ Яковъ Янсенъ, и указалъ слабое мѣсто въ русскомъ станѣ; разсказалъ, что Русскіе спятъ въ полдень, во время самаго сильнаго зноя. Турки вышли въ это время изъ Азова, пустивши передъ собою одного изъ кубанскихъ или аграханскихъ [3] раскольниковъ, который, окликнутый часовымъ, сказался по-русски казакомъ и, высмотрѣвши, что Русскіе безпечно отдыхаютъ, далъ знакъ Туркамъ. Тѣ стремительно ворвались въ лагерь, побили сонныхъ, и хотя были выгнаны съ большимъ урономъ, однако успѣли увезти 9 полевыхъ орудій и перепортить всѣ осадныя. За то ночью Турки, сидѣвшіе въ другой каланчѣ, ушли изъ нея, покинувъ свои пушки, и утромъ казаки заняли каланчу. Это произвело большую радость въ русскомъ войскѣ; Петръ писалъ: [4] „Теперь зѣло свободны стали, и разъѣздъ со всякими живностями въ обозы наши, и будары съ запасами воинскими съѣстными съ рѣки Койсы сюда пришли, которые прежъ сего въ обозъ зѣло съ великою провожены были трудностію отъ Татаръ сухимъ путемъ. И слава Богу, по взятіи оныхъ, яко врата къ Азову счастія отворились“.

Надежды эти однако не исполнились; Петръ увидалъ, что подъ Азовомъ нельзя „играть“. „Пѣшіе наклонясь ходимъ, писалъ онъ Кревету [5], потому что подошли къ гнѣзду близко и шершней раздразнили, которые за досаду свою крѣпко кусаются, однако и гнѣздо ихъ помаленьку сыплется“. Труды понадобились сильные, чтобъ разсыпать гнѣздо, а умѣнья и единства было мало. Въ Москвѣ стали безпокоиться, что письма изъ-подъ Азова начали запаздывать; Петръ долженъ былъ ободрять: „Писать изволишь, отвѣчалъ онъ Ромодановскому, что почты урочнымъ днемъ не бывали; и тому ученися препоною недосужество, потому что многіе знатные въ воинскихъ трудахъ люди за оными писемъ своихъ писать не успѣли; также и отецъ вашъ государевъ и богомолецъ (Зотовъ) былъ въ непрестанныхъ же трудахъ письменныхъ распрашиваніемъ многихъ языковъ и иными дѣлами. А здѣсь, государь, милостію Божіею и вашими государскими молитвами и счастіемъ все, далъ Богъ, здорово.— Для Бога не сомнѣвайтеся о почтахъ, что замѣшкиваются; истинно за недосужествомъ, а не для того, храни Боже! чтобъ за какою бѣдою. И самъ можешь разсудить, что еслибъ что учинилось, какъ бы то утаить возможно? И сіе выразумѣвъ, донеси кому пристойно“.—Къ Виніусу Петръ писалъ: „Въ Марсовомъ ярмѣ непрестанно труждаемся.—Здѣсь, слава Богу, все здорово и въ городѣ Марсовымъ плугомъ все испахано и насѣяно, и не токмо въ городѣ, но и во рву. И нынѣ ожидаемъ добраго рожденія, въ чемъ Господи помози намъ, въ славу имени Своего Святаго“.

На этотъ годъ ничего не взошло изъ насѣяннаго. Два штурма не удались. 27-го сентября рѣшено отступить отъ Азова, занявши только каланчи. Съ большимъ успѣхомъ дѣйствовало войско, посланное на маленькіе турецкіе городки въ низовьяхъ Днѣпра: Шереметевъ и Мазепа взяли приступомъ два изъ нихъ—Кази-Кермень и Таганъ, два другіе были оставлены Турками.

22-го ноября царь вступилъ съ торжествомъ въ Москву [6]; но неудачу было трудно скрыть: тяжкій и дальній походъ съ самимъ царемъ, большія потери не окупались взятіемъ двухъ каланчей, которыя не могли получить большей важности оттого, что ихъ окрестили громкимъ именемъ Новосергіевскаго города, по примѣру царя Алексѣя Михайловича, который взятые въ Ливоніи города называлъ по именамъ Русскихъ Святыхъ. Неудача страшная: первое дѣло молодаго царя не было благословено успѣхомъ! Это видно не кораблики строить, не подъ Кожуховымъ потѣшаться, не съ Нѣмцами пировать! Но тутъ-то, благодаря этой неудачѣ, и произошло явленіе великаго человѣка: Петръ не упалъ духомъ, но вдругъ выросъ отъ бѣды и обнаружилъ изумительную дѣятельность, чтобъ загладить неудачу, упрочить успѣхъ втораго похода. Съ неудачи азовской начинается царствованіе Петра Великаго.

На молодаго царя роптали за то, что онъ сблизился съ иностранцами; многимъ, послѣ неудачи азовской, должны были приходить на память слова покойнаго патріарха Іоакима, что не можетъ быть успѣха, Божьяго благословенія, если русскими полками будутъ предводительствовать иностранцы-еретики. Что же царь? Тотчасъ по возвращеніи изъ похода хлопочетъ, чтобъ прислано было ему еще больше иностранцевъ, посылаетъ въ Австрію и Пруссію за инженерами и подкопными мастерами. До сихъ поръ царь строилъ кораблики съ иностранными мастерами для своей потѣхи: теперь вызываетъ еще изъ-за границы новыхъ мастеровъ, вызываетъ изъ Архангельска иностранныхъ корабельныхъ плотниковъ [1], хочетъ строить суда, которыя должны плыть къ Азову и запереть его отъ турецкихъ судовъ, чтобъ они не могли доставить осажденнымъ помощи. Корабли должны быть готовы къ веснѣ будущаго 1696 года;—возможно ли это?—мы знаемъ, какъ медленно строился корабль при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ; но сынъ царя Алексѣя самъ корабельный плотникъ:—при немъ дѣло пойдетъ иначе.

---

[1] Кабинетъ II, книга № 53.

[2] Плейеръ; Кабинетъ, I, книги № 64.

[3] Не изъ *Аграхановъ* ли вышло *Охреяне?*

[4] Къ Кревету, 17 іюля.

[5] Голиковъ—Дѣянія Петра В. XI, № 452.

[6] Записки Желябужскаго

Галера, которую строили въ Голландіи, предназначая ее для Волги и Каспійскаго моря, привезена была въ Москву, въ Преображенское, на лѣсопильную мельницу; здѣсь, по ея образцу, начали строить суда, и къ концу февраля 1696 года срублены были изъ сыраго, мерзлаго лѣса части 22 галеръ и 4 брандеровъ; работали преображенскіе и семеновскіе солдаты, работали плотники, взятые изъ разныхъ мѣстъ, какъ обыкновенно въ старину сгоняли рабочихъ въ Москву къ государеву дѣлу; работали иностранцы. Въ лѣсныхъ мѣстахъ, ближайшихъ къ Дону, въ Воронежѣ, Козловѣ, Добромъ и Сокольскѣ 26,000 работниковъ должны были къ веснѣ срубить 1,300 струговъ, 300 лодокъ, 100 плотовъ. Адмираломъ зачинавшагося флота былъ назначенъ Лефортъ. Шкиперъ и бомбардиръ Петръ Алексѣевъ носилъ теперь званіе капитана. 27-го ноября былъ сказанъ походъ и сухопутному войску, главнымъ начальникомъ котораго былъ назначенъ бояринъ Алексѣй Семеновичъ Шеинъ.

Среди этой небывалой дѣятельности, поднятой вторымъ царемъ, умеръ первый. Иванъ Алексѣевичъ умеръ незамѣтно, какъ жилъ, 29-го января 1696 года. Первымъ дѣломъ единовластителя Петра было ѣхать въ Воронежъ, несмотря на больную ногу: надобно было къ вскрытію рѣкъ перевезти галеры въ Воронежъ, собрать ихъ и пустить на воду. Шкиперъ, бомбардиръ и капитанъ долженъ былъ самъ быть на мѣстѣ, чтобъ дѣло шло быстро и порядочно. А препятствій много къ быстротѣ и порядку. У главнаго заводчика дѣла больная нога, препятствующая скорому переѣзду изъ Москвы въ Воронежъ. Адмиралъ Лефортъ боленъ, остался въ Москвѣ, не можетъ ѣхать въ Воронежъ. Тысячи работниковъ не являются къ работѣ, на указныя мѣста; тысячи бѣгутъ съ работы; солдаты, отправленные въ Воронежъ для флота, такъ дурують дорогою, что Лефортъ долженъ писать объ этомъ изъ Москвы въ Воронежъ къ государю: „Покладаюсь на твою милость, чтобъ ты пожаловалъ, приказалъ капитанамъ, чтобъ они учили солдатъ и надсматривали, чтобъ отъ нихъ дуровства не было, дорогою много они дуровали“ [2]. Лефортъ, несмотря на болѣзнь, спѣшилъ въ Воронежъ: „Путь такой“, писалъ онъ къ царю отъ 20-го марта, „что ни въ саняхъ, ни въ телѣгѣ, морозы и вѣтры великіе, однакоже на той недѣлѣ поѣду. День мѣста, другой, приму лѣкарство и не буду мѣшкать, каковъ ни будетъ путь, жить далѣ не стану. Лѣкарства всякаго кругъ себя наставлю, и морозы меня не проймутъ, такожде и лѣкаревъ со мною будетъ. По письму отъ милости твоей слышу, что тебѣ далъ Богъ лучше, и чаю, что мнѣ въ дорогѣ лучше будетъ. Сего числа князь Борисъ Алексѣевичъ у меня будетъ кушать и про ваше здоровье станемъ пить, а съ Москвы мой первый ночлегъ будетъ въ Добровицахъ, а тамъ мы милость вашу не забудемъ. Чаю, что у милости вашей пива добраго нѣтъ на Воронежѣ: я къ милости твоей привезу съ собою и мушкателенвейнъ и пива добраго. Доски многія посланы къ милости вашей; самъ изволишь разсудить какой нужный путь, что по се число не бывали; а веревки готовыя есть, и посланы, а нынѣ дѣлать великая трудность въ такіе морозы. Изволишь отъ меня поклониться всѣмъ капитанамъ, которые каторги свои дѣлаютъ и готовятъ, а съ тѣми, которые не бывали съ каторгами, я съ ними справлюсь“.

Эти люди, члены компаніи, всѣ тутъ въ своихъ письмахъ: болѣзнь и пиръ, управа съ нерадивыми капитанами, отсылка досокъ и веревокъ и мушкателенвейнъ—все вмѣстѣ. Чтобъ сохранить этихъ людей живыми въ исторіи, а не муміями, не должно представлять ихъ ни только менторами, ни только собутыльниками.

Лефортъ выѣхалъ изъ Москвы, и съ дороги изъ Ельца писалъ Петру: „На Ефремовѣ новопріѣзжіе лѣкари, которые три человѣка со мною идутъ, а достальные 9 человѣкъ особо сошлися вмѣстѣ, стали пить, всякій сталъ свое вино хвалить; послѣ того учинился у нихъ споръ о лѣкарствахъ и дошло у нихъ до шпагъ, и три человѣка изъ нихъ ранены, однакожъ не тяжелыя раны.“

Лѣкаря рѣжутъ другъ друга, подводчики бѣгутъ съ дороги, бросая перевозимыя вещи. Новая, страшная бѣда: лѣса горятъ именно тамъ, гдѣ рубятъ струги, и „струговому дѣлу чинится великое порушеніе и морскому воинскому походу остановка“ [3]. Капитаны въ Воронежѣ жалуются и кричатъ, что въ кузницѣ уголья нѣтъ: „за тѣмъ дѣло наше стало!“ Погода также чинитъ порушеніе и остановку. Капитанъ Питеръ пишетъ къ Стрѣшневу въ Москву отъ 23-го марта: „Здѣсь, слава Богу, все здорово, а суды дѣлаются безъ мѣшкоты, только послѣ великаго дождя былъ великій морозъ такъ крѣпкій, что вновь рѣки стали, за которымъ морозомъ дней съ пять не работали". Въ другомъ письмѣ, отъ 7-го апрѣля, къ Виніусу пишетъ: „Здѣсь, слава Богу, все здорово, только сегодня поутру остъ-винтъ великую стужу, снѣгъ и бурю принесъ".

---

[1] Голиковъ X, № 10.

[2] Письма Лефорта къ Петру въ Государ. Архивѣ.

[3] Елагина, Исторія Русскаго флота, стр. 29; въ этомъ *спеціальномъ* сочиненіи см. всѣ подробности о заведеніи флота, не идущія въ нашу *общую* Исторію Россіи.

Несмотря на всѣ порушенія, все было, слава Богу, здорово, и дѣло шло съ поспѣшеніемъ, потому что „мы", писалъ Петръ Стрѣшневу, „по приказу Божію къ прадѣду нашему Адаму, въ потѣ лица своего ѣдимъ хлѣбъ свой". Этотъ хлѣбъ ѣлъ онъ въ маленькомъ домикѣ, состоявшемъ изъ двухъ горницъ съ сѣнями и крыльцомъ, бани и поварни.

Флотъ былъ построенъ: 2 корабля, 23 галеры и 4 брандера. Съ первыхъ числъ апрѣля начали спускать суда на воду; въ этомъ занятіи прошла Святая недѣля [1]. Петръ поздравилъ съ праздникомъ всѣхъ своихъ, оставшихся въ Москвѣ, въ одномъ письмѣ къ Виніусу „не для лѣни, но великихъ ради недосужекъ и праздника." Король Ромодановскій прислалъ выговоръ капитану, что получилъ поздравленіе вмѣстѣ съ другими; Piter отвѣчалъ: „Изволишь писать про вину мою, что я ваши государскія лица вмѣстѣ написалъ съ иными, и въ томъ прошу прощенія, потому что корабельщики, наши братья, въ чинахъ неискусны." Между тѣмъ еще въ мартѣ пришли одинъ за другимъ въ Воронежъ и полки, которые должны были садиться здѣсь на струга. 23-го апрѣля суда съ войскомъ двинулись; 3-го маія поплылъ и „морской караванъ", какъ тогда называли флотъ; впереди, начальствуя осьмью галерами, плылъ капитанъ Петръ Алексѣевъ, на галерѣ „Principium", которую самъ строилъ.

Труды, употребленные на постройку флота, были не напрасны: русскій флотъ загородилъ дорогу турецкому въ устьяхъ Дона, и Азовъ остался безъ помощи. Большое нападеніе Татаръ на русскій лагерь было отбито, послѣ чего происходили съ ними почти ежедневныя сшибки, удачныя для Русскихъ, кромѣ одного раза, когда, по словамъ Петра, Русскіе позабыли свою оборону — воинскій строй, и гнались, по прадѣдовскому обычаю, безъ порядка за непріятелемъ, вслѣдствіе чего и потеряли нѣсколько людей, но потомъ оправились. Начались осадныя работы. На увѣщанія сестры Натальи, чтобъ былъ осторожнѣе, Петръ отвѣчалъ; „По письму твоему я къ ядрамъ и пулькамъ близко не хожу, а они ко мнѣ ходятъ. Прикажи имъ, чтобъ не ходили; однако хотя и ходятъ, только по ся поры вѣжливо. Турки на помочь пришли, да къ намъ нейдутъ, и чаю, что желаютъ насъ къ себѣ." Обстрѣливаніе города началось 16-го іюня съ большимъ успѣхомъ; осажденные не могли оставаться въ своихъ разбитыхъ домахъ, укрывались въ землянкахъ; но городскія укрѣпленія оставались нетронутыми, и осаждающіе не знали, чтò дѣлать: выписанные австрійскіе инженеры, артиллеристы и минеры еще не пріѣзжали; по желанію войска, приступили къ работѣ по прадѣдовскому обычаю, - стали насыпать огромный валъ въ уровень съ валомъ непріятельскимъ и засыпать ровъ; пріѣхали наконецъ иностранные мастера, и городскія укрѣпленія тронулись отъ выстрѣловъ, направленныхъ искуснымъ артиллеристомъ Граге. 2,000 Малороссійскихъ и Донскихъ казаковъ — первые подъ начальствомъ наказнаго гетмана Якова Лизогуба, вторые—атамана своего Фрола Минаева, пошли на штурмъ, были выбиты изъ внутреннихъ укрѣпленій, но засѣли на валу, откуда Турки никакъ не могли сбить ихъ. Послѣ этого всѣмъ войскамъ велѣно было готовиться къ приступу; но Турки не стали дожидаться его, и 18 іюля объявили готовность сдаться, выговаривая себѣ позволеніе выйти изъ города въ полномъ вооруженіи, съ женами, дѣтьми и пожитками. Условіе было принято.

„Min Her Kenich", писалъ Петръ Ромодановскому, „извѣстно вамъ, государю, буди, что благословилъ Господь Богъ оружіе ваше государское: понеже вчерашняго дня, молитвою и счастіемъ вашимъ государскимъ, Азовцы, видя конечную тѣсноту, сдались". Къ Виніусу писалъ: „Нынѣ со Святымъ Павломъ радуйтеся всегда о Господѣ, и паки реку: радуйтеся! Нынѣ же радость наша исполнися: понеже Господь Богъ двалѣтніе труды и крови наши милостію своею наградилъ: вчерашняго дня Азовцы, видя конечную свою бѣду, сдались. Измѣнника Якушку (Янсена) отдали жива въ руки наши".

И въ Москвѣ сильно обрадовались. 31-го іюля всѣ значительнѣйшіе люди въ управленіи сидѣли у „перваго министра", Льва Кирилловича Нарышкина, когда получено было извѣстіе о сдачѣ Азова; Виніуса сейчасъ же послали къ патріарху: святѣйшій заплакалъ отъ радости и велѣлъ ударить въ большой колоколъ къ молебну, на который сошлось безчисленное множество народа. Думный дьякъ Емельянъ Украинцевъ читалъ царскую грамату къ патріарху: „По прежде писанному нашему извѣщенію вашему святѣйшеству о цѣлости здравія нашего и о военныхъ нашихъ трудахъ довольно предложено, а нынѣ извѣствуемъ: егда по повелѣнію нашему промысломъ и усердно радѣтельными трудами боярина нашего Алексѣя Семеновича Шеина великороссійскія и малороссійскія наши войска земляной валъ къ непріятельскому рву отвсюду равномѣрно привалили, и, изъ-за того валу ровъ заметавъ и заровнявъ, тѣмъ же валомъ черезъ тотъ ровъ до непріятельскаго валу дошли, и валы сообщили толь близко, еже возможно было съ непріятели, кромѣ оружія, едиными руками терзатися; уже и земля за ихъ валъ метаніемъ въ городъ сыпалась. И сего же настоящаго іюля мѣсяца 17 числа, въ пятокъ, малороссійскія наши войска, по жребію своему въ тѣхъ трудѣхъ пребывающія, при которыхъ неотступно пребывая мужъ въ добродѣтели и въ военныхъ трудѣхъ искусный гетманъ наказный Яковъ Лизогубъ, обще Донскаго нашего войска съ атаманомъ Фроломъ Минясвымъ и съ Донскими казаками предварили непріятельской раскатъ подкопать, и на него мужески взойтить, и съ непріятели бившись довольно, и тѣмъ раскатомъ овладѣли и, дождався ночи, съ того раската четыре пушки стащили; а въ 18 числѣ, въ субботу, о полудни, непріятели, азовскіе сидѣльцы, видя войскъ нашихъ крѣпкое на градъ наступленіе и промыслъ радѣтельный, а свою конечную погибель, замахали шапками и знамена приклонили и выслали для договора отъ себя двухъ человѣкъ знатныхъ людей, и били челомъ, чтобъ даровать животомъ и отступить бы ихъ съ женами и съ дѣтьми, а на знакъ увѣренія въ твердости и въ правѣ оставили двухъ человѣкъ аманатовъ и отдали Нѣмчина Якушку, который, измѣня, изъ войскъ нашихъ ушелъ къ нимъ въ Азовъ и обусурманился прошлаго году. А въ 19 числѣ азовскіе сидѣльцы городъ Азовъ со всѣмъ, что въ немъ было, отдали".

---

[1] Пасха была 12-го апрѣля.

Взятіе Азова принадлежало къ числу тѣхъ немногихъ торжествъ, которыя должны сильно поражать народное воображеніе; это было первое торжество надъ страшными Турками, которые недавно еще разорили Чигиринъ въ глазахъ нашего войска; послѣ перваго Литовскаго похода царя Алексѣя Михайловича, похода, за которымъ слѣдовали такія неудачи и тягости, Русскіе люди впервые были порадованы блестящимъ дѣломъ русскаго оружія; помнили, что когда-то Азовъ былъ взятъ Донскими казаками, и въ Москвѣ хотѣлось сильно удержать его, но не смѣли и отдали Туркамъ. Но, разумѣется, больше всѣхъ радовались люди, близкіе къ Петру, кампанія, потому что успѣхъ увѣнчалъ дѣло, показывалось ясно, что недаромъ употреблены были такія усилія для заведенія флота, недаромъ вызывали иностранцевъ; новое правительство съ его новизнами поднималось высоко надъ старымъ—съ его крымскими походами: „Всѣмъ извѣстно, писалъ Виніусъ Петру, что единымъ промысломъ вашимъ и одержаніемъ помощи съ моря столь знаменитый въ свѣтѣ градъ къ ногамъ вашимъ преклонился" [1]).

Теперь любопытно посмотрѣть, какое впечатлѣніе было произведено взятіемъ Азова въ Польшѣ, гдѣ уже не было болѣе Собѣскаго.

Еще прежде взятія Азова, Французъ Фурни, провожавшій въ Россію иностранныхъ офицеровъ и возвращавшійся чрезъ Варшаву, разсказывалъ панамъ съ похвалою о дѣйствіяхъ Русскихъ подъ Азовомъ, о дѣйствіяхъ молодаго царя. Сенаторы слушали, качали головами и говорили про Петра: „Какой отважный и безпечный человѣкъ! и что́ отъ него впредь будетъ"? Воевода Русскій Матчинскій говорилъ: „Надобно Москалямъ поминать покойнаго короля Яна, что поднялъ ихъ и сдѣлалъ людьми военными; а еслибъ союза съ ними не заключилъ, то и до сей поры дань Крыму платили бы, и сами валялись бы дома, а теперь выполируются". Воевода Плоцкій замѣтилъ на это: „Лучше-бъ было, чтобъ дома сидѣли,—это бы намъ не вредило; а когда выполируются и крови нанюхаются,—увидишь, что изъ нихъ будетъ! до чего, Господи Боже, не допусти".

Резидентъ Никитинъ получилъ извѣстіе о взятіи Азова 29-го августа, во время обѣдни, и приказалъ священнику до отпуста литургіи начать благодарственный молебенъ, и какъ начали пѣть великому государю многолѣтіе, то одинъ шляхтичъ Православной вѣры, Иванъ Матковскій, закричалъ, что есть силы: „Виватъ царю его милости!" и весь народъ трижды прокричалъ: „виватъ!" а посланникъ велѣлъ въ то же время трижды выстрѣлить изъ двухъ пушекъ и изъ ружей, сколько ихъ набралось. На стрѣльбу прибѣжало множество народа, которому Никитинъ велѣлъ выкатить пять бочекъ пива и три бочки меду; народъ голосилъ: „Виватъ царю его милости! нехъ будетъ Панъ Богъ благословенъ!"

1-го сентября Никитинъ въ торжественномъ собраніи сената и земскихъ пословъ подалъ примасу царскую грамоту съ извѣстіемъ о взятіи Азова, причемъ говорилъ слѣдующую рѣчь: „Теперь, ясновельможные господа сенаторы и вся Рѣчь Посполитая, да знаете вашего милостиваго оборонителя, смѣло помогайте ему по союзному договору, ибо онъ знаменемъ Креста Господня, яко истинный Петръ, отпираетъ двери до потеряннаго и обѣщаннаго христіанамъ Іерусалима, въ которомъ Христосъ Господь нашъ на престолѣ Крестомъ тріумфовалъ. Идетъ прямо его царское величество къ татарскому Крыму, а союзникамъ шлетъ грамоты, чтобы укрѣплялись на продолженіе войны, чтобъ вдругъ безопасно ударили на звѣря, лакающаго кровь христіанскую и пожирающаго отчизну вашу. По договорамъ царское величество зоветъ наияснѣйшую монархію Польскую съ такимъ желаніемъ, дабы та дорога, которую блаженной памяти король Янъ торилъ чрезъ Буджаки до Константинополя, была бы теперь докончена. Здѣсь должны за Крестъ Господень соединиться ваши коронныхъ гетмановъ кресты; здѣсь должны соединиться вождей княжества Литовскаго стрѣлы и мечи, чтобъ отчизну свою отыскать и братію изъ неволи поганской вы свободить; могли бы вы и самую богатую Арабію подбить свободному польскому орлу; теперь хорошо бы гербовною косою наповалъ скосить непріятеля: подается жниво, когда Крестъ Господень дѣйствуетъ; теперь время съ Крестомъ идти вооруженною ногою топтать непріятеля: теперь время шляхетнымъ подковамъ попрать наклоненнаго поганина и тылъ дающаго: теперь время владѣнія свои расширить тамъ, гдѣ только польская зайти можетъ подкова, и оттуда себѣ титулами наполнить хартіи, согласно договорамъ, вмѣсто того, чтобъ писать такими титулами, какихъ договоры не позволяютъ". На третій день послѣ этой церемоніи пріѣзжалъ къ Никитину цесарскій резидентъ и разсказывалъ, что сенаторы испугались и порѣшили, чтобъ впредь короли ихъ не писались лишними титулами — Кіевскимъ и Смоленскимъ; резидентъ говорилъ, что паны не очень рады взятію Азова,—никакъ они этого не ожидали; но что простому народу очень любо. Никитинъ писалъ въ Москву: „11-го сентября было въ Варшавѣ по всѣмъ костеламъ благодарное молебствіе за взятіе Азова, стрѣляли изъ пушекъ трижды по двѣнадцати выстрѣловъ, только для оказіи, будто совершенно тому радуются, и были съ поздравленіемъ у меня отъ всѣхъ гетмановъ и воеводъ трубачи, сиповщики и литавщики, играли великому государю виватъ, а на сердцѣ не то. Слышалъ я отъ многихъ людей, что они хотятъ непремѣнно съ Крымомъ соединиться, и берегутъ себѣ Татаръ на оборону; изъ Крыму къ нимъ есть присылки, чтобы они Москвѣ не вѣрили: когда Москва повоюетъ Крымъ, то и Польшу не оставитъ; а къ гетману Ивану Степановичу Мазепѣ безпрестанныя отъ Поляковъ подсылки."

---

[1]) Письма Петра въ Государ. Архивѣ; Дневникъ Гордона 1696 г. Сказаніе о взятіи Азова (Древ. Рос. Вивліое. XVI). Описаніе похода боярина Шеина, изд. Рубаномъ; Дворцовые разряды, IV, 975; Голикова Дѣянія XI, 25; Кабинетъ II, книга № 53.

Въ сентябрѣ резидентъ былъ съ визитами у гетмановъ коронныхъ и литовскихъ и говорилъ имъ, что войска польскія и литовскія уже два года въ походы не выступаютъ и царскія войска выдаютъ. Гетманъ коронный Яблоновскій сказалъ на это: „Я хлопочу постоянно, публично и приватно, всѣмъ сенаторамъ говорилъ и теперь говорю, что войску надобно заплатить жалованье и выполнить союзный договоръ съ царскимъ величествомъ; конвокаціонный сеймъ разорвался, такъ надобно ждать избирательнаго, какъ дастъ намъ Богъ государя новаго и добраго". Гетманъ польный Потоцкій говорилъ: „Что прошло, того ужъ не вернуть; было время благопріятное для похода, да нашъ польскій безпорядокъ не позволяетъ пользоваться временемъ; король давно уже сталъ слабъ здоровьемъ, а тутъ и смерть закусила; сеймы уже столько лѣтъ не оканчиваются порядкомъ, все рвутся, и войску отъ того жалованья нѣтъ. Виновные отдадутъ отвѣтъ Богу. И теперь войско заставили бунтовать, конвокаціонный сеймъ разорвали; за грѣхи наши такое несчастіе, бичъ Божій. Коронный гетманъ оправдывается, что онъ ни въ чемъ не виноватъ; но обоимъ имъ, Коронному и Литовскому, да королевѣ Богъ пошлетъ на душу и на тѣло язву. Не удовольствовавши войско, дѣлать намъ нечего; пока не выберутъ новаго короля, никакого дѣла не будетъ". Въ иномъ духѣ отвѣчалъ Литовскій гетманъ Сапѣга на жалобы Никитина: „Царскія войска, хотя и рано вышли, однако никакого храбраго дѣла не показали, взяли Азовъ на договоръ, а не военнымъ промысломъ и на морѣ побрали чайки небольшія". Резидентъ возразилъ: „Всему свѣту и вамъ извѣстно, что царскія войска не спали подъ Азовомъ, но безпрестанно и храбро дрались съ непріятелемъ. А хотя бы Азовъ и на договоръ былъ взятъ, то развѣ можно въ этомъ упрекать? дай Господи великому государю взять на договоръ не только всю Турецкую Землю, но и самое государство Польское и княжество Литовское въ вѣчное подданство привести, и тогда вы, Поляки, будете всегда жить въ покоѣ и тишинѣ, а не такъ, какъ теперь въ вѣчной ссорѣ другъ съ другомъ отъ непорядка своего". Поляки стали смѣяться и говорить: „Ой, помиритъ хоть кого московскій долгій бичъ"! а одинъ шляхтичъ сказалъ: „Лучше гдѣ страхъ есть" [1].

Враги имѣли право безпокоиться, ибо въ Россіи былъ царь, не отдыхавшій послѣ подвиговъ. Тотчасъ по взятіи Азова онъ уже осмотрѣлъ ближнія приморскія мѣста, и на мысу Таганрогъ рѣшилъ построить крѣпость и гавань. Азовъ былъ сильно укрѣпленъ и сдѣланъ русскимъ городомъ, мечети превращены въ церкви. Царь оставилъ Азовъ 15-го августа и изъ Черкаска писалъ Виніусу: „Понеже писано есть: достоинъ есть дѣлатель мзды своея: того для мню, яко удобно къ воспріятію господина генералиссимуса и прочихъ господъ, чрезъ два времени въ толикихъ потахъ трудившихся, тріумфальными портами (воротами) почтити; мѣсто же мню къ сему удобное на мосту, чрезъ Москву-рѣку устроенномъ, или гдѣ лучше. Сіе же пишу не яко уча, но яко помня вашей милости о семъ николи тамъ бываемымъ". Виніусъ отвѣчалъ, что, „собравъ мастеровыхъ людей и всякія потребы, начали строить, и, по признаванію мастеровъ, Ивана Салтыкова съ товарищи, тому дѣлу прежде сентября 18-го поспѣть не мочно, понеже то дѣло не мало" [2].

Времени дано было гораздо болѣе, потому что царь долго пробылъ на тульскихъ желѣзныхъ заводахъ. Тріумфальные порты были построены и украшены: надъ фронтономъ среди знаменъ и оружія сидѣлъ двухглавый орелъ подъ тремя коронами. На фронтонѣ виднѣлись надписи: „Богъ съ нами, никто же на ны. Никогда же бываемое". Слава въ одной рукѣ держала лавровый вѣнокъ, въ другой масличную вѣтвь; подъ славою надпись: „Достоинъ дѣлатель мзды своея". Фронтонъ поддерживали статуи Геркулеса и Марса. Подъ Геркулесомъ на пьедесталѣ изображенъ былъ Азовскій паша и двое скованныхъ Турокъ; подъ Марсомъ Татарскій мурза съ двумя скованными Татарами. Надъ пашою вирши: „Ахъ! Азовъ мы потеряли, и тѣмъ бѣдство себѣ достали". Надъ мурзою: „Прежде на степяхъ мы ратовались, нынѣ же отъ Москвы бѣгствомъ едва спасались". Подлѣ Геркулеса и Марса пирамиды съ надписями—на одной: „Въ похвалу прехрабрыхъ воевъ морскихъ"; на другой: „Въ похвалу прехрабрыхъ воевъ полевыхъ"... По обѣимъ сторонамъ воротъ картины на полотнѣ: на одной представлено морское сраженіе, и Нептунъ, гласящій: „Се и азъ поздравляю взятіемъ Азова и вамъ покоряюсь“. На другой картинѣ изображена была битва съ Татарами и приступы къ Азову.

---

[1] Дѣла Польскія означеннаго года въ Моск. Архивѣ Мин. Ин. Д.

[2] Кабинетъ, II, книга № 53.

30-го сентября былъ торжественный входъ побѣдителей — адмирала Лефорта и генералиссимуса Шеина со всѣми полками; за раззолоченными санями адмирала шелъ пѣшкомъ капитанъ Петръ Алексѣевъ. Везли и измѣнника Янсена въ чалмѣ подъ висѣлицею, на которой виднѣлась надпись: „Перемѣною четырехъ вѣръ Богу и измѣною возбуждаетъ ненависть Турокъ, христіанамъ злодѣй“. Главный устроитель торжества Виніусъ оставилъ и себѣ роль: сверху тріумфальныхъ воротъ въ трубу говорилъ вирши побѣдителямъ [1]). Награды были розданы по прадѣдовскому обычаю: золотыя медали, кубки, шубы, прибавка денежнаго жалованья и крестьянскихъ дворовъ.

Прошло около мѣсяца послѣ этого торжества, и 20 октября у великаго государя было въ Преображенскомъ сидѣнье съ боярами о дѣлахъ. Великій государь предложилъ на письмѣ: „Понеже фортеція Азова разорена внутри и выжжена до основанія, также и жителей фундаментальныхъ нѣтъ, безъ чего содержаться не можетъ, и того для требуетъ указу, кого населить и много ли числомъ?“ Приговорено: быть 3,000 семьямъ изъ низовыхъ городовъ; конницѣ быть 400 съ Калмыками. „Егда же сія крѣпость“, продолжалъ в. государь, „въ сицевомъ благоустроится, тогда симъ ли только довольствоваться имѣемъ, и аще тако, то воистину двухъ временъ прошедшихъ труды, крови и убытки всуе положены, понеже ниже Татарамъ походы, ниже салтану тягости единымъ точію взятіемъ сей крѣпости учинить возможно, потому что изъ оной пѣшимъ людемъ Татаръ перенять и поиски чинить невозможно, а конницы толикое число, еже-бы довольно было вышеписанному дѣлу, тамъ держать невозможно; что же по семъ, егда ниже конницею, ниже пѣхотою непріятеля воевать и держать возможно, а непріятель, видя пресѣченіе генеральныхъ промысловъ на себя, паки прежнею гордостью паче прежняго взнявся, воевати будетъ?—тогда не точію о погибели его размышлять, но ниже желаемаго мира получити можемъ. Нынѣ же, аще воля есть, радѣти отъ всего сердца въ защищеніе единовѣрныхъ своихъ и себя къ безсмертной памяти просимъ, понеже время есть и фортуна сквозь насъ бѣжитъ, которая никогда къ намъ такъ близко на югъ не бывала: блаженъ, иже имется за власы ея. И аще потребна есть сія, то ничто же лучше мню быть, еже воевать моремъ, такожде зѣло близко есть и удобно многократъ паче нежели сухимъ путемъ, къ сему же потребенъ есть флотъ или караванъ морской, въ 40 или вяще судовъ состоящій, о чемъ надобно положить не испустя времени, сколько какихъ судовъ и со много ли дворовъ и торговъ, и гдѣ дѣлать“. Приговорено: „Морскимъ судамъ быть, а сколькимъ—о томъ справиться о числѣ крестьянскихъ дворовъ, что за духовными и за всякихъ чиновъ людьми, о томъ выписать и доложить не замотчавъ (не замѣшкавъ), и положить суды по дворамъ сколько пристойно, а о торговыхъ людяхъ выписать изъ таможенныхъ книгъ, что съ нихъ взято въ 694 — 5 и 6 годахъ пятыя и десятыя деньги и съ какихъ промысловъ.

Для окончательнаго рѣшенія дѣла, по справкамъ 4-го ноября было другое сидѣнье не по прадѣдовскому обычаю: въ немъ присутствовали иностранцы [2]). Было приговорено: корабли сдѣлать со всею готовностію, и съ пушками, и съ мелкимъ ружьемъ, какъ имъ быть въ войнѣ, къ 1698 году или прежде, а дѣлать ихъ такъ: св. патріарху и властямъ и монастырямъ съ 8,000 крестьянскихъ дворовъ корабль. Съ бояръ и со всѣхъ чиновъ служилыхъ людей съ 10,000 крестьянскихъ дворовъ—корабль; гостямъ и гостиной сотнѣ, черныхъ сотенъ и слободъ, бѣломѣсцамъ и городамъ вмѣсто десятой деньги, которая съ нихъ сбиралась въ прошлыхъ годахъ, сдѣлать 12 кораблей со всѣми припасами. Тогда же, 4-го ноября, было приговорено, что къ 3,000 семей жилыхъ быть всегда въ Азовѣ московскимъ стрѣльцамъ и городовымъ солдатамъ 3,000 человѣкъ. Вслѣдствіе постановленія о постройкѣ кораблей, землевладѣльцы духовные составили 17 отдѣльныхъ кумпанствъ (компаній), а свѣтскіе 18. Для составленія этихъ кумпанствъ помѣщики и вотчинники, имѣвшіе сто дворовъ и больше, должны были пріѣхать въ Москву, въ Помѣстный Приказъ, къ 25-му декабря 1696 года, подъ страхомъ отписки помѣстій и вотчинъ на государя; мелкопомѣстные должны были внести по полтинѣ съ двора. Всѣ дѣла по кораблестроенію отданы въ вѣдѣніе Владимірскаго Суднаго Приказа, которымъ управлялъ окольничій Протасьевъ; по новымъ занятіямъ своимъ, Протасьевъ получилъ званіе Адмиралтейца. Приказъ разослалъ во всѣ кумпанства росписи предметовъ, нужныхъ для постройки и вооруженія судовъ, съ показаніемъ ихъ размѣровъ и съ приложеніемъ чертежей корабельныхъ частей. Кромѣ русскихъ плотниковъ, каждое кумпанство обязано было содержать на свой счетъ мастеровъ и плотниковъ иностранныхъ, переводчиковъ, кузнецовъ, рѣзчика, столяра, живописца, лекаря съ аптекою. Заготовлять матеріалы должны были въ лѣсахъ, находившихся къ сѣверу отъ Воронежа, въ уѣздахъ Воронежскомъ, Усманьскомъ, Бѣлоколодскомъ, Романовскомъ, Сокольскомъ, Добренскомъ и Козловскомъ. Иностранные мастера были вызваны правительствомъ изъ Венеціи, Голландіи, Даніи и Швеціи, и распредѣлены по кумпанствамъ [3]). Тогда же предположено соединить Волгу съ Дономъ каналомъ между рѣками Иловлею и Камышинкою [4]).

Чѣмъ болѣе новаго необходимаго дѣла, тѣмъ больше нужды въ иностранцахъ, которыхъ надобно вызывать толпами. Долго ли же такъ будетъ; неужели надобно оставаться во всегдашней зависимости отъ иностранцевъ? Необходимо, чтобъ Русскіе выучились; но какъ это сдѣлать?—иностраннымъ мастерамъ некогда учить, они для другого дѣла призваны, а главное—учителя остались въ своихъ земляхъ, не могли заморскія страны выслать въ Россію лучшихъ своихъ людей; надобно было слѣдовательно послать Русскихъ за-границу учиться; дѣло не новое, бывшее уже при Годуновѣ; тогда опытъ не удался,—посланные не захотѣли возвратиться на родину; но теперь другія условія,—возвратятся. „Началось новое въ Россіи дѣло: строеніе великимъ иждивеніемъ кораблей, галеръ и прочихъ судовъ. И дабы то вѣчно утвердилось въ Россіи, умыслилъ государь искусство дѣла того ввесть въ народъ свой, и того ради многое число благородныхъ послалъ въ Голландію и иныя государства учиться архитектуры и управленія корабельнаго [1]. Пятьдесятъ комнатныхъ стольниковъ и спальниковъ отправлены были съ этою цѣлію за границу: 28 въ Италію, преимущественно въ Венецію, 22—въ Англію и Голландію“ [2].

---

[1]) Описаніе похода боярина Шеина

[2]) Гордонъ, III, 79.

[3]) Подробности см. въ Исторіи Рус. флота Елагина.

[4]) Записки Желябужскаго

Молодые придворные были посланы учиться за границу; но какъ они тамъ будутъ учиться и у кого, и какъ потомъ узнать, хорошо ли они выучились и къ чему способны? Надобно, чтобъ кто-нибудь прежде нихъ тамъ выучился, все узналъ, и кто-жъ могъ быть этотъ человѣкъ, какъ не самъ шкиперъ, бомбардиръ и капитанъ Петръ Алексѣевъ? При поворотѣ народа на новый путь, самодержавный царь, одаренный необыкновенными силами духа, взялъ на себя руководительство. Выучиться у иностранцевъ тому, чѣмъ они превосходили Русскихъ,—сдѣлалось главною цѣлію, ясно сознанною, и Петръ началъ дѣло уже въ Россіи: его шкиперство, бомбардирство и капитанство показываютъ это прямо: выучиться въ Россіи нельзя, надобно ѣхать за границу,—и Петръ поѣдетъ туда, поѣдетъ не какъ царь, но какъ ученикъ, какъ корабельный плотникъ, ибо его посланничество другое: онъ великій человѣкъ, начальникъ новаго общества, начальникъ новой исторіи своего народа. Надпись на печати писемъ Петровыхъ, присылаемыхъ изъ-за границы, говорила: „Азъ бо есмь въ чину учимыхъ и учащихъ мя требую“. Чему же будетъ Петръ особенно учиться за границею?—корабельному искусству, ибо это была его страсть, которая оправдывалась тѣмъ, что достиженіе моря было завѣтною цѣлію Россіи XVI и XVII вѣка, было царственнымъ преданіемъ для Петра; кромѣ того, въ настоящую минуту Петръ сознавалъ, что только моремъ можно съ успѣхомъ воевать Турокъ. Таинственный голосъ, который нашептывалъ вождямъ германскихъ варваровъ: „Римъ, Римъ!“ и неудержимо влекъ ихъ къ столицѣ образованнаго міра, путешествіе въ Константинополь Русской Ольги, мудрѣйшей изъ женъ, и путешествіе на Западъ Петра—суть явленія одинаковыя, въ которыхъ выражается неодолимое стремленіе нецивилизованныхъ, но историческихъ, благородныхъ народовъ къ цивилизаціи. Что относительно Петра таинственный голосъ замѣнялся явнымъ голосомъ Лефорта,—это нисколько не измѣняетъ дѣла: Петръ поѣхалъ бы за границу и безъ Лефорта, точно такъ же, какъ сдѣлался бы мореплавателемъ и устроителемъ флота безъ нахожденія ботика боярина Никиты Романова; но и Лефортъ съ его увѣщаніями къ заграничной поѣздкѣ и къ Азовскому походу, вмѣсто путешествія на Каспійское море, и ботикъ, послужившій первымъ побужденіемъ къ кораблестроенію, суть явленія засвидѣтельствованныя, и мы не станемъ отстранять ихъ, ибо повсюду отмѣчаемъ въ исторіи общія движенія, стремленія, и частныя побужденія, одинаковыя для великихъ и невеликихъ людей.

Неизвѣстно, кѣмъ придумана была форма поѣздки царя за границу: онъ отправлялся въ свитѣ великаго посольства, назначеннаго къ Цесарю, королямъ Англійскому и Датскому, къ папѣ Римскому, къ Голландскимъ Штатамъ, къ курфирсту Бранденбургскому и въ Венецію. Тутъ достигались двѣ цѣли: Петръ могъ сохранять инкогнито и учиться, а гдѣ нужно направлять переговоры о союзѣ противъ Турціи, объ условіяхъ войны или мира съ нею, и лично объясняться съ государями и министрами. Цѣлію посольства было прямо объявлено „подтвержденіе древней дружбы и любви, ослабленіе враговъ Креста Господня, салтана Турскаго, хана Крымскаго и всѣхъ бусурманскихъ ордъ“; слѣдовательно посольство должно было прежде всего направиться въ Вѣну, гдѣ долженъ былъ рѣшиться вопросъ Турецкій; но царскій посланникъ въ Вѣнѣ, Нефимоновъ, донесъ, что вопросъ рѣшенъ, съ Цесаремъ и Венеціею заключенъ имъ наступательный и оборонительный союзъ противъ Турокъ на три года: это позволяло перемѣнить направленіе пути и отправиться прямо въ западныя поморскія государства для изученія корабельнаго дѣла [3].

Великими полномочными послами были назначены: генералъ и адмиралъ, намѣстникъ Новгородскій Францъ Яковлевичъ Лефортъ, генералъ и воинскій коммисарій, намѣстникъ Сибирскій Ѳедоръ Алексѣевичъ Головинъ, и думный дьякъ, намѣстникъ Бѣлевскій, Прокофій Богдановичъ Возницынъ; при нихъ болѣе 20 дворянъ и до 35 волонтеровъ, между которыми былъ Преображенскаго полка урядникъ Петръ Михайловъ. Правительство въ отсутствіи царя оставалось какъ было при немъ: на старыхъ мѣстахъ прежнія лица; кто былъ прежде вліятельнѣе другихъ, тотъ оставался и теперь съ тѣмъ же вліяніемъ; это было тѣмъ легче, что и до заграничной поѣздки царь былъ почти въ постоянномъ отсутствіи, и къ боярскому управленію привыкли съ 1689 года. Со всѣми дѣлами относились на царское имя, какъ будто Петръ и не выѣзжалъ изъ Москвы.

---

[1] Предисловіе къ морскому Регламенту.

[2] Кабинетъ, II, книга № 53.

[3] Дѣла цесарскія въ Моск. Арх. Мин. Ин. Д. Самъ Петръ послѣ въ письмѣ къ Виніусу изъ-за границы отъ 11 іюля, указываетъ именно на эту причину перемѣны пути: „А къ цесарю за тѣмъ не пошли, что ужъ на три года сдѣлано, и теперь дѣлать нечего; а чаемъ оный путь, назадъ ѣдучи, воспріять и впредь союзъ продолжить“.

Въ февралѣ 1697 года назначенъ былъ отъѣздъ великаго посольства изъ Москвы, когда было донесено о заговорѣ на жизнь государя.

Чѣмъ яснѣе обозначались стремленія Петра, тѣмъ сильнѣе становился ропотъ въ толпѣ, и роптали не одни тѣ люди, которые уперлись противъ естественнаго необходимаго движенія Россіи на новый путь,—роптали люди, которые признавали несостоятельность старины, необходимость преобразованій, но которые не могли понять, что преобразованія должны совершаться именно тѣмъ путемъ, по которому шелъ молодой царь. Имъ бы хотѣлось, чтобъ Петръ вдругъ явился на престолѣ Русскомъ новымъ Соломономъ во всей премудрости и славѣ; чтобъ вдругъ всѣ правители изъ кормленщиковъ сдѣлались строжайшими и безкорыстнѣйшими блюстителями правосудія; чтобъ вдругъ бѣдная страна закипѣла млекомъ и медомъ. Эти люди хотѣли, считали возможнымъ внезапное облегченіе и улучшеніе, видѣли, наоборотъ, требованіе страшнаго напряженія силъ, требованіе пожертвованій—и роптали, причемъ нѣкоторыя стороны поведенія молодаго царя давали оправданіе ропоту. Оскорблялись, что царь убѣжалъ изъ дворца, изъ Кремля, изъ Москвы, пренебрегаетъ обязанностями семейными, проводитъ время въ потѣхахъ, привязался къ иностранцамъ, не радитъ о дѣлахъ правительственныхъ, и бояре ближніе дѣлаютъ что̀ хотятъ. Между родственниками царскими, съ материнской и женниной стороны, Нарышкиными и Лопухиными, встала распря: Левъ Кирилловичъ Нарышкинъ осилилъ Лопухиныхъ, по всѣмъ вѣроятностямъ, благодаря холодности Петра къ женѣ; самый видный изъ Лопухиныхъ, бояринъ Петръ Абрамовичъ, управлявшій Приказомъ Большаго Дворца, подвергся страшной опалѣ, и разнеслась вѣсть, что самъ царь пыталъ дядю жены своей. Милославскіе и другіе недовольные, разумѣется, пользовались этимъ и съ злорадствомъ распространяли подобныя вѣсти, указывая, какъ мало выиграно отстраненіемъ правительницы.

Неизвѣстно, откуда взялся и распространился слухъ, будто царь Иванъ Алексѣевичъ извѣщалъ всему народу: „Братъ мой живетъ не по церкви, ѣздитъ въ Нѣмецкую слободу и знается съ Нѣмцами“. На кружечномъ дворѣ погѣшный хвастаетъ, что государь непрестанно бываетъ у нихъ въ слободѣ; бывшій тутъ иконникъ отвѣчаетъ: „Не честь онъ, государь, дѣлаетъ, безчестье себѣ“

Въ концѣ 1696 или началѣ 1697 года, монахъ Авраамій, бывшій прежде келаремъ въ Троицкомъ Сергіевѣ, а потомъ строителемъ въ московскомъ Андреевскомъ монастырѣ, подалъ царю тетради, въ которыхъ указывалось, что̀ именно въ поведеніи Петра соблазняетъ народъ: „Въ народѣ тужатъ многіе и болѣзнуютъ о томъ, на кого было надѣялися и ждали, какъ великій государь возмужаетъ и сочетается законнымъ бракомъ, тогда, оставя младыхъ лѣтъ дѣла, все исправитъ на лучшее; но, возмужавъ и женясь, уклонился въ потѣхи, оставя лучшее, началъ творити всѣмъ печальное и плачевное“. Авраамія пытали, чтобъ сказалъ подлинно про людей, которые къ нему прихаживали. Монахъ показалъ, что друзья ему и хлѣбоядцы давные—Владимірскаго Суднаго Приказа подъячій Никифоръ Креневъ, Преображенской приказной избы подъячій Игнатій Бубновъ, Троицкаго монастыря стряпчій Кузьма Рудневъ, да села Покровскаго крестьяне Ивашка да Ромашка Посошковы, и тѣ всѣ, бывая у него въ Андреевскомъ монастырѣ, такія слова, что въ тетрадяхъ написано, говаривали. Авраамій прибавилъ, что, когда онъ былъ въ келаряхъ у Троицы, пріѣзжалъ туда молиться бояринъ Матвѣй Богдановичъ Милославскій и говорилъ: „Петръ Лопухинъ былъ человѣкъ добрый и много прибыли въ Приказѣ учинилъ, а запытанъ онъ напрасно по наносу Льва Кирилловича Нарышкина“

Взяли Никифора Кренева; онъ сказалъ, что слышалъ написанное въ тетрадяхъ, будучи на потѣхахъ, отъ разныхъ чиновъ людей, какъ были потѣхи подъ Семеновскимъ и подъ Кожуховымъ; про судей, что безъ мзды дѣлъ не дѣлаютъ, со старцемъ Авраамiемъ говаривали отъ себя и слыша отъ народа. Креневъ признался, что говорилъ: если-бъ посажены были судьи и дано-бъ имъ было жалованье, чѣмъ имъ сытымъ быть, а мзды не брать, и то-бъ было добро; а такихъ словъ не говорилъ, что, покинувъ всякое правленіе, царь приказалъ государство править похотникамъ мздоимцамъ, не имущимъ страха Божіи, и будто государь про тѣхъ судей, что они почести берутъ и для того въ Приказы посажены, чтобъ имъ покормиться,—самъ вѣдаетъ; а про дьяковъ и подъячихъ, что ихъ много предъ прежнимъ, говаривали.

Рудневъ показалъ, что говорили: государь не изволилъ жить въ своихъ государскихъ чертогахъ на Москвѣ, и мнится имъ, что отъ того на Москвѣ небытія у него въ законномъ супружествѣ чадородіе престало быть, и о томъ въ народѣ вельми тужатъ.

Бубновъ показалъ, что говорили о потѣхахъ непотребныхъ подъ Семеновскимъ и подъ Кожуховымъ для того, что многіе были биты, а иные и ограблены, да въ тѣхъ же потѣхахъ князь Иванъ Долгоруковъ застрѣленъ, и тѣ потѣхи людямъ не въ радость; а слова смѣхотворныя и шутки и дѣла Богу неугодныя, о которыхъ говорится въ тетрадяхъ, это то, что чинилось пророчествомъ Василья Соковнина и въ комедіяхъ въ Измайловѣ. Говорили про дьяковъ и подъячихъ, что ихъ умножилось, и дьячества добиваются и подъяческой справы докупаются куплею, и что священники и чернослободцы дѣтей своихъ въ Приказы сажаютъ въ подъячіе. Говорили и про упрямство великаго государя, что не изволитъ никого слушать, и про нововзысканныхъ и непородныхъ людей, и что великій государь въ Преображенскомъ у розыскныхъ дѣлъ самъ пытаетъ и казнитъ.

Не нравились и морскіе ѣзды. Авраамій считалъ непригожимъ, что въ тріумфальномъ входѣ въ Москву, послѣ взятія Азова, царь шелъ пѣшкомъ, а Шеинъ и Лефортъ ѣхали.

Села Покровскаго оброчный крестьянинъ Иванъ Посошковъ сказалъ, что Авраамій знакомцемъ ему учинился третій годъ; призвалъ онъ его, Ивашку, къ себѣ для дѣла денежнаго стану, который дѣлалъ на образецъ въ подносъ къ великому государю; а онъ, Ивашка, никакихъ словъ, что въ тетрадяхъ написано, не говаривалъ. Авраамій объявилъ, что Посошковъ дѣйствительно ничего не говорилъ.

Бубновъ, Креневъ и Рудневъ биты кнутомъ и сосланы въ Азовъ, чтобъ быть имъ тамъ подъячими. Авраамій сосланъ въ Голутвинъ монастырь 1).

Монахъ Авраамій рѣшился сдѣлать себя органомъ народнаго мнѣнія, народнаго неудовольствія и прямо сказать царю правду, обличить его поведеніе. Но были люди, которые, вслѣдствіе личныхъ побужденій, старались отдѣлаться отъ Петра, и отдѣлаться чужими руками. Мы видѣли, что въ 1682 году въ числѣ самыхъ ревностныхъ приверженцевъ Софіи былъ обрусѣвшій иноземецъ, стрѣлецкій полковникъ Иванъ Цыклеръ, человѣкъ съ самымъ сильнымъ, безпокойнымъ честолюбіемъ. Онъ ошибся въ своихъ разсчетахъ: на первомъ планѣ послѣ торжества Софіи сталъ Голицынъ да Шакловитый, а о Цыклерѣ не слыхать. Вотъ почему, когда въ 1689 году разгорѣлась борьба между сестрою и братомъ и было ясно, на чьей сторонѣ останется побѣда, Цыклеръ одинъ изъ первыхъ перешелъ на сторону Петра. Но и тутъ ошибся въ разсчетѣ: Петръ не сближался съ людьми, которые принимали участіе въ событіяхъ 1682 года: молодой царь со всѣми обращался просто, ѣздилъ въ гости, но постоянно объѣзжалъ домъ Цыклера; мало того: въ описываемое время Цыклера назначили строителемъ новой крѣпости — Таганрога, а эти назначенія въ отдаленныя мѣста считались тогда почетною ссылкою. Цыклеръ былъ въ ярости и отчаяніи, которыя напомнили ему 1682 годъ и кровавыя стрѣлецкія копья; нельзя ли сдѣлать того же и теперь; а если нельзя уговорить стрѣльцовъ, то можно будетъ поднять казаковъ изъ Таганрога. Стремленія кормоваго иноземца Цыклера раздѣляли двое родовитыхъ русскихъ вельможъ: Алексѣй Соковнинъ и Ѳедоръ Пушкинъ. Соковнинъ былъ извѣстный старовѣръ, родной братъ знаменитыхъ въ царствованіе Алексѣя Михайловича раскольницъ, Ѳедоры Морозовой и княгини Авдотьи Урусовой. Понятно, какъ тяжело было ему видѣть петровскія новшества, посылку дѣтей своихъ въ еретическія страны, поѣздку туда самого государя; а тутъ еще и бѣда ближайшая: сватъ его, бояринъ Матвѣй Пушкинъ, назначенный воеводою въ Азовъ, возбудилъ противъ себя гнѣвъ государя все за то же сопротивленіе посылкѣ дѣтей своихъ за границу. И вотъ тестю съ зятемъ приходитъ на мысль, какъ бы хорошо было отдѣлаться отъ Петра чужими руками; они знаютъ, какъ недоволенъ Цыклеръ, и подбиваютъ его къ преступленію; Соковнинъ даже манитъ честолюбца, указываетъ ему на возможность стать самому царемъ по смерти Петра. Цыклеръ подбиваетъ стрѣльцовъ, но тѣ спѣшатъ съ доносомъ.

23 февраля 1687 года бояринъ Левъ Кирилловичъ Нарышкинъ прислалъ въ Преображенское стременнаго полка Конищева пятидесятника Ларіона Елизарьева, который извѣстилъ о разговорѣ своемъ съ Цыклеромъ: *Цыклеръ:* Смирно ли у васъ въ полкахъ? *Елизарьевъ:* Смирно. *Цыклеръ:* Нынѣ великій государь идетъ за море, и какъ надъ нимъ что сдѣлается, кто у насъ государь будетъ? *Елизарьевъ:* У насъ есть государь царевичъ. *Цыклеръ:* Въ то время кого Богъ изберетъ, а тщится и государыня, что въ Дѣвичьемъ монастырѣ.—Елизарьевъ сослался на другого пятидесятника своего полка, Григорія Силина, который показалъ: „Цыклеръ сказалъ ему про государя, что можно его изрѣзать ножей въ пять; извѣстно государю, прибавилъ Цыклеръ, что у него, Ивана, жена и дочь хороши, и хотѣлъ государь къ нему быть и надъ женою его и надъ дочерью учинить блудное дѣло, и въ то число онъ, Иванъ, надъ нимъ государемъ знаетъ что сдѣлать“.

Цыклеръ въ разспросѣ и на очной ставкѣ заперся; на пыткѣ указалъ на Соковнина: „Былъ я въ домѣ у Алешки Соковнина для лошадиной покупки, и онъ, Алешка, меня спрашивалъ, — каково стрѣльцамъ. Я сказалъ, что у нихъ не слыхать ничего. Алешка къ моимъ словамъ молвилъ: „Гдѣ они б.... дѣтк

---

1) Архивъ Мин. Юстиціи, дѣла секретныя Преобр. Приказа 1697 г. Тамъ же № 335, 925. О Петрѣ Лопухинѣ встрѣчается подобное извѣстіе не одинъ разъ, напр. розыскъ и пытка за слова про Петра: «Онъ сынъ еретическій, отъ антихриста зачался, извелъ у насъ боярина князя Вас. Вас. Голицына да Леонтія Ром. Неплюева, а теперь изводитъ дядю своего роднаго боярина Петра Абрам. Лопухина, котораго самъ пыталъ, поливалъ двойнымъ виномъ и зажегъ». (Столбцы Приказнаго стола № 3374). За что Петръ разсердился на Лопухина, объ этомъ сохранилось извѣстіе у Голикова (Дополн. XVII, стр. 47): Крестьяне Лопухина нападали на крестьянъ Архангельскаго собора, и Лопухинъ далъ письменное повелѣніе своему управителю бить соборныхъ крестьянъ до смерти. Повелѣніе было исполнено, и 10 человѣкъ было убито. Когда Петръ возвратился изъ-за границы, то архангельскіе священники, ожидая, что царь придетъ поклониться отцовскому гробу, положили на него просьбу, и когда Петръ спросилъ, что за бумага на гробѣ,—протопопъ отвѣчалъ: «Отецъ твой проситъ тебя защитить соборную церковь,— бояринъ Лопухинъ убиваетъ до смерти ея крестьянъ, а суда на него нѣтъ». Когда Петръ вышелъ изъ собора, то къ паперти были подвезены и трупы 10 убитыхъ. Это зрѣлище страшно раздражаетъ Петра, онъ идетъ въ Константиновскій застѣнокъ и велитъ призвать туда Лопухина.

передѣвались?—знать спятъ; гдѣ они пропали? Можно имъ государя убить, потому что ѣздитъ онъ одинъ, и на пожарѣ бываетъ малолюдствомъ и около посольскаго двора ѣздитъ одиночествомъ. Что они спятъ, по се число ничего не учинятъ?“ Я сказалъ: въ нихъ малолюдство, и чаю, что опасаются потѣшныхъ. Алешка отвѣчалъ: „Чаю въ стрѣльцахъ разсужденіе о царевичѣ—для того они того учинить и не хотятъ“. Я сказалъ: и я въ нихъ тожъ разсужденіе чаю; самъ ты объ себѣ разсуди, что и тебѣ самому каково, сказываешь, тошно, что съ дѣтьми своими разлучаешься. И Алешка сказалъ: „Не одинъ я о томъ сокрушаюсь“. Послѣ того въ два мои пріѣзда Алешка говорилъ мнѣ про государево убійство и про стрѣльцовъ: вѣдь они даромъ погибаютъ и впредь имъ погибнуть же. Я ему, Алешкѣ, говорилъ: если то учинится, кому быть на царствѣ? Алешка сказалъ: „Шеинъ у насъ безроденъ, одинъ у него сынъ и человѣкъ онъ добрый“. Я ему сказалъ: счастье Борису Петровичу Шереметеву, стрѣльцы его любятъ; и Алешка говорилъ: „Чаю, они, стрѣльцы, возьмутъ попрежнему царевну, а царевна возьметъ царевича, и какъ она войдетъ, и она возьметъ князя Василья Голицына, а князь Василій попрежнему станетъ орать“. И я ему говорилъ: въ нихъ, стрѣльцахъ, я того не чаю, что возьмутъ царевну. Алешка мнѣ молвилъ: „Если то учинится надъ государемъ, мы и тебя на царство выберемъ“. Я ему говорилъ: пеняешь ты на стрѣльцовъ, а самъ того дѣлать не хочешь, чтобъ впредь роду твоему въ порокѣ не быть. И Алексѣй сказалъ: „Намъ въ порокѣ никому быть не хочется, а стрѣльцамъ сдѣлать можно, даромъ они пропадаютъ же. Князь Петръ Голицынъ человѣкъ пресный и шибкій, мы чаяли отъ него, что то все учинитъ надъ государемъ. Князь Борисъ Алексѣевичъ самъ пьянъ и государя пить научилъ“.

Соковнину было 10 ударовъ,—повинился и оговорилъ зятя своего Ѳедора Пушкина: „Послѣ Цыклерова пріѣзда пріѣзжалъ ко мнѣ зять мой Ѳедька Пушкинъ и говорилъ про государя: Погубилъ онъ насъ всѣхъ, можно его за то убить, да для того, что на отца его государевъ гнѣвъ, что за море ихъ посылалъ“. Соковнинъ показалъ также, что сынъ его, Василій, говорилъ ему: „Посылаютъ насъ за море учиться невѣдому чему“. Послѣ пяти ударовъ Пушкинъ повинился и прибавилъ: „Накануне Рождества Христова былъ я у Алексѣя Соковнина въ домѣ, и Алексѣй мнѣ говорилъ: „Хочетъ государь на Святкахъ отца моего Ѳедькина ругать и убить до смерти и домъ нашъ разорить; и я ему говорилъ: если такъ надъ отцомъ моимъ учинится, и я государя съѣхався убью“.

Цыклеръ оговорилъ пятидесятника Конищева полка Василья Филиппова: „Былъ у меня Васька Филипповъ, и я его спрашивалъ: пріѣхали нынѣ казаки, а тебѣ они знакомцы, что они благодарны ли милости государевой? и онъ, Васька, говорилъ, что ему въ казакахъ знакомцы есть, и говорилъ съ казакомъ, Демкою зовутъ, а говорилъ казакъ, что они не благодарны,—за что имъ благодарнымъ быть? Я говорилъ Васькѣ: дано имъ нынѣ 1,000 золотыхъ; и Васька говорилъ: то они ни во что ставятъ для того, что имъ на войско дѣлить нечего. И я спросилъ: чего у нихъ чаешь? и онъ, Васька, сказалъ: „Казакъ Демка говорилъ ему: дай намъ сроку, поворотимся мы, какъ государь пойдетъ, и учинимъ посвоему, полно что и прежъ сего вы намъ мѣшали, какъ Стенька былъ Разинъ, а нынѣ мѣшать некому“; и я говорилъ Васькѣ: будетъ оттого разоренье великое, и крестьяне наши и люди всѣ пристанутъ къ нимъ. Васька же Филипповъ говорилъ мнѣ, что казаковъ прельщаетъ Турецкій султанъ, чаю и письмо прислалъ“. Цыклеръ признался, что говорилъ Филиппову: какъ государь поѣдетъ съ посольскаго двора, и въ то время можно вамъ его подстеречь и убить. И велѣлъ ему о томъ убійствѣ и стрѣльцамъ говорить. Цыклеръ объявилъ: „Научалъ я государя убить за то, что называлъ онъ меня бунтовщикомъ и собесѣдникомъ Ивана Милославскаго, и что меня онъ никогда въ домѣ не посѣтилъ“; признался, что говорилъ: „Какъ буду на Дону у городоваго дѣла Таганрога, то, оставя ту службу, съ Донскими казаками пойду къ Москвѣ для ея разоренія, и буду дѣлать то же, что и Стенька Разинъ“.

Филипповъ объявилъ, что говорилъ съ казакомъ Петромъ Лукьяновымъ, а не съ Демкою, и Лукьяновъ ему говорилъ: „Дано 1,000 золотыхъ,—чего то на войско дѣлить? служи да не тужи, намъ и по копѣйкѣ не достанется; какъ вы, стрѣльцы, пойдете съ Москвы на службу, и въ то число наши казаки зашевелятся и учинятъ посвоему“. И Цыклеръ къ этому разсказу примолвилъ: какъ они, казаки, зашевелятся,—и онъ, Иванъ, съ ними пойдетъ вмѣстѣ, зоветъ же его государь бунтовщикомъ Потомъ казакъ говорилъ: „Казаки отпишутъ Турецкому султану о помощи для московскаго разоренья, и онъ къ нимъ пришлетъ въ помощь Кубанцевъ, такъ они великое разоренье учинятъ“. Цыклеръ, по показанію Филиппова, говорилъ: „Въ государствѣ нынѣ многое нестроеніе для того, что государь ѣдетъ за море и посылаетъ посломъ Лефорта, и въ ту посылку тощитъ казну многую, и иное многое нестроеніе есть, можно вамъ за то постоять“. Филипповъ оговаривалъ стрѣльца Тимошку Скорняка, которому при немъ Ѳедоръ Пушкинъ говорилъ про государя, что живетъ небреженіемъ, не христіански и казну тощитъ.

Казакъ Петрушка Лукьяновъ сначала запирался, не подѣйствовали 25 ударовъ; потомъ признался, что говорилъ спьяна, а мысли на московское разоренье у нихъ никакой не было; а если милости государевой къ нимъ не будетъ, развѣ имъ воровать, а про тотъ бунтъ слышалъ онъ верхнихъ городковъ отъ голыхъ казаковъ. Потомъ сказалъ, что верхнія станицы смѣшались отъ казаковъ Трушки да Илюшки Иванова бурлака: а говорили ему тѣ слова на кабакѣ, въ то время какъ онъ государя провожалъ, говорили ему Трушка и

Илюшка: „Чаю и наша голутьба заворуетъ для того, что жалованье даютъ имъ малое“. И къ московскому разоренью онъ, Петрушка, съ Ваською Филипповымъ говорилъ: „Какъ бы вы съ конца, а мы съ другого“; а бунта учинить не хотѣлъ и ни съ кѣмъ не умышлялъ, а говорили они тѣ слова въ пьянствѣ.

Оговоренъ былъ также пятидесятникъ Рожинъ, которому Цыклеръ говорилъ: „Службы вашей много, можно вамъ себя и поберечь, а то корень вашъ не помянется“. Совѣтовалъ бить челомъ боярамъ и своей братьи на государя и убить его.

Передъ казнью Цыклеръ сказалъ: „Въ 1682 году, послѣ побіенія бояръ и ближнихъ людей стрѣльцами, призывала его царевна и говорила ему, чтобъ онъ стрѣльцамъ говорилъ, чтобъ они отъ смущенія унялись, и по тѣмъ ея словамъ онъ стрѣльцамъ говаривалъ. А передъ Крымскимъ первымъ походомъ царевна его призывала и говаривала почасту, чтобъ онъ съ Ѳедькою Шакловитымъ надъ государемъ учинилъ убійство. Да и въ Хорошовѣ, въ нижнихъ хоромахъ, призвавъ его къ хоромамъ, царевна въ окно говорила ему про то жъ, чтобъ съ Шакловитымъ надъ государемъ убійство учинилъ, а онъ въ томъ ей отказалъ, что того дѣлать не будетъ, и говорилъ ей, царевнѣ: если государя не будетъ, и за тобою ходить никто не станетъ, можно тебѣ его, государя, любить; и царевна ему сказала: „Я бы его и любила, да мать не допуститъ“; и онъ, Иванъ, ей говорилъ: мать рада, хотя бы и Татаринъ его, государя, любилъ. И за то она на него гнѣвалась: „знать, ты передался на другую сторону“. И въ то время у ней въ хоромахъ была княгиня Анна Лобановна. И за то его, Ивана, царевна послала въ Крымскій походъ; а какъ онъ изъ Крымскаго похода пришелъ, и она ему о томъ же говаривала и сулила Дмитровскую деревню Ивана Милославскаго, Кузнецово, которая была за Мелетійскимъ (Имеретійскимъ) царевичемъ, и онъ ей также отказалъ, и за то она его въ другой Крымскій походъ послала; а пришелъ изъ Крымскаго похода,—о томъ она ему не говорила. А Иванъ Милославскій къ нему, Ивану, былъ добръ и женатъ онъ былъ у него Ивана“ [1]).

Цыклеръ напомнилъ о своемъ собесѣдничествѣ съ Иваномъ Милославскимъ, разсказалъ, какъ подучала его Софія на убійство; у Петра отуманилась голова; ему захотѣлось достать Ивана Милославскаго, хотя мертваго; ему захотѣлось угостить сестру, дочь Милославской....

Великій государь указалъ: Соковнина, Цыклера, Пушкина, стрѣльцовъ Филиппова и Рожина, казака Лукьянова казнить смертію. И на Красной площади начали строить столбъ каменный. И марта въ 4-й день тотъ столбъ каменный додѣланъ, и на томъ столбу пять рожновъ желѣзныхъ вдѣланы въ камень. И того числа казнены въ Преображенскомъ вѣдомые воры и измѣнники, и въ то время, въ казни, изъ могилы выкопанъ мертвый бояринъ Иванъ Мих. Милославскій и привезенъ въ Преображенское на свиньяхъ и гробъ его поставленъ былъ у плахъ измѣничьихъ, и какъ головы имъ сѣкли, и кровь точила въ гробъ на него, Ивана Милославскаго. Головы измѣнничьи были воткнуты на рожны столба, который былъ построенъ на Красной площади.

Черезъ пять дней, 10-го марта, великое посольство выѣхало изъ Москвы. Первыя впечатлѣнія по выѣздѣ за Шведскій Лифляндскій рубежъ были неблагопріятны. Ѣхали медленно не столько отъ распутицы, сколько отъ недостатка подводъ и кормовъ, потому что въ странѣ былъ голодъ. Въ Ригѣ посольству сдѣлана была почетная встрѣча, но губернаторъ Дальбергъ счелъ своею обязанностію не нарушать строгаго инкогнито царя, такъ какъ Русскіе увѣряли, что вѣсть о царскомъ путешествіи есть дѣтское разглашеніе, что царь ѣдетъ въ Воронежъ для корабельнаго строенія. Съ другой стороны желаніе Петра осмотрѣть рижскія укрѣпленія не могло не возбудить подозрительности губернатора. Отецъ этого самаго царя стоялъ съ войскомъ подъ Ригою, а сынъ безъ устали строитъ корабли и, вмѣсто того, чтобъ сражаться съ Турками, предпринимаетъ таинственное путешествіе на Западъ! Но легко понять, какъ эта подозрительность и недопущеніе осмотрѣть городъ должны были раздражить Петра при его нетерпѣливости все сейчасъ осмотрѣть, при его непривычкѣ къ бездѣйствію, при его непривычкѣ встрѣчать препятствія своимъ желаніямъ. Враждебное чувство глубоко залегло въ его сердце Тремя днями прежде посольства онъ переправился въ лодкѣ черезъ Двину въ Курляндію. Въ какомъ онъ былъ расположеніи духа при отъѣздѣ, всего лучше видно изъ его письма къ Виніусу отъ 8-го апрѣля: „Сегодня поѣхали отсель въ Митаву. Здѣсь мы рабскимъ обычаемъ жили и сыты были только зрѣніемъ. Торговые люди здѣсь ходятъ въ мантеляхъ и кажется, что зѣло правдивые, а съ ямщиками нашими за копѣйку м... ..лаются и клянутся, а продаютъ второе“. Несмотря однако на то, что сытъ былъ только зрѣніемъ, Петръ кой-что успѣлъ смекнуть, и пишетъ къ Виніусу: „Мы ѣхали черезъ городъ и замокъ, гдѣ солдаты стояли на 5 мѣстахъ, которые были меньше 1,000 человѣкъ, а сказываютъ, что всѣ были. Городъ укрѣпленъ гораздо, только не додѣланъ. Зѣло здѣсь боятся, и въ городъ и въ иныя мѣста и съ карауломъ не пускаютъ, и мало пріятны“. Вслѣдствіе этой малой пріятности, Рига осталась въ памяти Петра какъ „проклятое“ мѣсто.

За Двиною въ Курляндіи другой пріемъ: съ герцогами Курляндскими у Русскихъ царей были всегда дружественныя сношенія. Изъ Митавы Петръ поѣхалъ въ Либаву, гдѣ въ первый разъ увидался съ Балтійскимъ моремъ. Изъ Либавы Петръ одинъ, безъ великихъ пословъ, отправился моремъ въ Пруссію, и былъ отлично принятъ въ Кенигсбергѣ курфюрстомъ Бранденбургскимъ, Фридрихомъ III. Въ ожиданіи великихъ пословъ, ѣхавшихъ сухимъ путемъ, Петръ не терялъ времени, и сталъ учиться артиллеріи; учитель, подполковникъ фонъ-Штернфельдъ, далъ благопомянутому господину Петру Михайлову свидѣтельство, что и онъ въ непродолжительное время, къ общему изумленію, такіе оказалъ успѣхи и такія пріобрѣлъ свѣдѣнія, что вездѣ за исправнаго, осторожнаго, благоискуснаго, мужественнаго и безстрашнаго огнестрѣльнаго мастера и художника признаваемъ и почитаемъ быть можетъ“ [1]. Пріѣхали великіе послы и были приняты великолѣпно. Курфюрстъ хотѣлъ воспользоваться случаемъ и заключить съ Россіею оборонительный союзъ; но Петръ отклонилъ предложеніе, боясь перемѣнить существующія отношенія Россіи къ европейскимъ державамъ до окончанія Турецкой войны. Былъ заключенъ съ Бранденбургомъ не союзный, но дружественный договоръ, въ которомъ было постановлено о свободной торговлѣ съ обѣихъ сторонъ, о непринимaніи бунтовщиковъ и непріятелей, о позволеніи, со стороны курфюрста, ѣздить чрезъ его земли Русскимъ людямъ для наукъ въ Германію.

---

[1]) Дѣла секрет. Преобр. Приказа. Дѣло Цыклера до сихъ поръ вполнѣ было неизвѣстно.

Петръ зажился въ Пруссіи долѣе, чѣмъ сколько было ему нужно, зажился по польскимъ дѣламъ. Мы упоминали о междуцарствіи въ Польшѣ по смерти Яна Собѣскаго. Кандидатовъ на престолъ было много: сынъ покойнаго короля Яна, Іаковъ Собѣскій, пфальцграфъ Карлъ, герцогъ Лотарингскій Леопольдъ, маркграфъ Баденскій Людовикъ, внукъ папы Одескальки, Французскій принцъ Конти, курфюрстъ Саксонскій Фридрихъ-Августъ и нѣсколько Пястовъ, т.-е. польскихъ вельможъ; напослѣдокъ виднѣе всѣхъ явились два кандидата—Конти и Августъ. Отношенія Россіи къ этому избранію были просты: кто бы ни былъ на Польскомъ престолѣ—все равно, лишь бы до заключенія общаго мира съ Турками Польша не выходила изъ священнаго союза четырехъ державъ; поэтому Россія должна была противиться только одному кандидату—принцу Конти, потому что Франція находилась въ дружественныхъ отношеніяхъ къ Турціи и враждебныхъ къ Австріи. Польша съ королемъ Французомъ легко могла подчиниться французской политикѣ, и дѣйствительно французскій посланникъ заявилъ польскимъ вельможамъ обѣщанія султана заключить съ Польшею отдѣльный миръ и возвратить ей Каменецъ, если королемъ будетъ избранъ Французскій принцъ [2]. Такъ какъ это заявленіе очень усиливало французскую партію, то Петръ изъ Кенигсберга послалъ панамъ раднымъ грамоту, что до сихъ поръ онъ не вмѣшивался въ выборы, но теперь объявляетъ, что если французская факція возьметъ верхъ, то не только союзъ на общаго непріятеля, но и вѣчный миръ зѣло крѣпко будетъ поврежденъ: Французскій король, имѣя дружбу съ Турецкимъ султаномъ, во всемъ ему помогаетъ во вредъ союзнымъ христіанскимъ государямъ; какой же послѣ того будетъ христіанскій союзъ, когда Французъ сядетъ на престолъ Польскій? Конти предлагаютъ султанъ Турецкій и ханъ Крымскій: можетъ ли онъ воевать съ Турками и Татарами? „Мы“, заключалъ Петръ, „такого короля французской и турецкой стороны видѣть въ Польшѣ не хотимъ; хотимъ, чтобъ вы выбрали изъ какого ни есть народа, только бы онъ былъ въ дружбѣ и союзѣ съ нами и цесаремъ Римскимъ противъ общихъ непріятелей Креста Святаго“

17-го іюня совершились выборы—двойные: одна партія провозгласила Конти, другая—курфюрста Саксонскаго. Члены противныхъ партій рубились саблями. Приверженцы Августа сильно опирались на царскую грамоту, для подкрѣпленія которой Петръ прислалъ еще другую того же содержанія; саксонская партія начала брать явный перевѣсъ. Виніусъ, увѣдомляя Петра объ избраніи Августа, писалъ ему: „Я съ тѣмъ новымъ королемъ вашу милость, господина моего, яко кавалера больше къ Нѣмецкому народу, неже къ пѣтуховому (Французскому) склоннаго, отъ всего сердца поздравляю“. Царь послалъ поздравительную грамоту Августу и велѣлъ объявить панамъ радѣ, что для защиты республики отъ Конти и его партіи придвинуто къ Литовской границѣ русское войско подъ начальствомъ князя Ромодановскаго. Августъ вступилъ въ Польшу съ саксонскимъ войскомъ и присягнулъ, что принялъ католическую вѣру. Получивъ царскую поздравительную грамоту, онъ объявилъ русскому резиденту Никитину, что даетъ честное слово быть съ царемъ заодно противъ враговъ Креста Святаго, и что изъявленный ему Петромъ аффектъ никогда не изгладится изъ его памяти. Посылая поклонъ царю, король поклонился гораздо низко [3].

Между тѣмъ, вслѣдствіе благопріятныхъ извѣстій изъ Польши, Петръ рѣшился оставить Пруссію и ѣхать далѣе на Западъ. Къ нему навстрѣчу спѣшили двѣ образованнѣйшія женщины Германіи: курфюрстина Ганноверская Софія, и дочь ея, курфюрстина Бранденбургская Софія-Шарлотта. Петръ выбрался за границу, чтобъ посмотрѣть на диковины цивилизаціи, понаучиться многому; цивилизованная Европа выслала двухъ своихъ представительницъ со своей стороны посмотрѣть на Петра, на эту диковину, высылаемую нецивилизованною Восточною Европою. Курфюрстины записали впечатлѣнія, произведенныя на нихъ Петромъ,—свидѣтельство драгоцѣнное для насъ потому, что обѣ женщины взглянули на удивительное существо прямо и ясно. Ихъ поразила двойственность его натуры: онѣ увидали необыкновеннаго человѣка, поражавшаго своими блестящими способностями, и въ то же время своими недостатками, показывавшими. изъ какого общества вышелъ онъ, какое воспитаніе получилъ. Ихъ поразила эта двойственность, это противорѣчіе; но онѣ не постарались сгладить его, не мудрствовали лукаво, остались вѣрны своему впечатлѣнію и произнесли самый вѣрный приговоръ о Петрѣ: „Это человѣкъ очень хорошій и вмѣстѣ очень дурной“.

---

[1] Кабинетъ, I, книга № 36.

[2] Польскія дѣла 1697 года въ Московскомъ Архивѣ Мин. Ин. Д.

[3] Кабинетъ, II, книга № 53.

Будучи одиннадцатилѣтнимъ ребенкомъ, Петръ поражалъ своею необыкновенною красотою и живостію[1]). Современники находили, что онъ лицомъ былъ въ материнскую родню, и особенно былъ похожъ на дядю Ѳедора Кирилловича Нарышкина[2]). Красота и живость остались; но преждевременное развитіе, страшныя потрясенія, неумѣренность въ трудахъ и потѣхахъ потрясли крѣпкую натуру Петра и оставили слѣды на прекрасномъ лицѣ его: голова тряслась[3]) и на лицѣ являлись конвульсивныя движенія[4]). Быстрый и пронзительный взглядъ его производилъ непріятное впечатлѣніе на людей непривычныхъ[5]). Новгородскій архіепископъ Ѳеодосій Яновскій разсказывалъ, что когда онъ представлялся обоимъ царямъ, Ивану и Петру, то къ рукѣ перваго подошелъ безо всякаго страха, „а какъ пришелъ до руки царя Петра Алексѣевича, тогда таковъ на меня страхъ напалъ, что мало не упалъ и колѣни потряслися, и отъ того времени всегда разсуждалъ, что мнѣ отъ тоя руки и смерть будетъ“[6]).

Свиданіе Петра съ курфюстинами происходило въ герцогствѣ Цельскомъ, въ мѣстечкѣ Коппенбрюгге. Сначала царь не хотѣлъ идти къ нимъ и долго отговаривался, наконецъ пошелъ съ условіемъ, чтобъ не было никого постороннихъ. Онъ вошелъ какъ застѣнчивый ребенокъ, закрылъ лицо рукою и на всѣ любезности отвѣчалъ: „Не могу говорить“, потомъ однако разговорился, особенно за ужиномъ, застѣнчивость пропала, и онъ позволилъ войти въ залу придворнымъ курфюрстинъ, поилъ мужчинъ виномъ изъ большихъ стакановъ, танцовалъ; веселье прошло далеко за полночь. Царь съ удовольствіемъ слушалъ итальянскихъ пѣвицъ, но сказалъ при этомъ, что музыку не очень уважаетъ. На вопросъ старой курфюрстины, любитъ ли онъ охоту,—отвѣчалъ: „Отецъ мой былъ страстный охотникъ, но я не чувствую къ этой забавѣ никакой склонности, очень люблю кораблеплаваніе и фейерверки“. При этомъ онъ показалъ свои руки, ставшія жесткими отъ работы. Софія-Шарлотта, описывая Петра, говоритъ: „Я представляла себѣ его гримасы хуже, чѣмъ онѣ на самомъ дѣлѣ, и удержаться отъ нѣкоторыхъ изъ нихъ не въ его власти. Видно также, что его не выучили ѣсть опрятно, но мнѣ понравились его естественность и непринужденность“. Курфюрстина-мать пишетъ: „Царь высокъ ростомъ, у него прекрасныя черты лица и благородная осанка; онъ обладаетъ большою живостію ума, отвѣты его быстры и вѣрны. Но при всѣхъ достоинствахъ, которыми одарила его природа, желательно было бы, чтобъ въ немъ было поменьше грубости. Это государь очень хорошій и вмѣстѣ очень дурной; въ нравственномъ отношеніи онъ полный представитель своей страны. Еслибъ онъ получилъ лучшее воспитаніе, то изъ него вышелъ бы человѣкъ совершенный, потому что у него много достоинствъ и необыкновенный умъ“[7]).

Изъ Коппенбрюгге Петръ направился къ Рейну, оставилъ посольство, и съ десятью человѣками спустился Рейномъ и каналами до Амстердама. Такъ какъ посольство еще не пріѣзжало, то въ ожиданіи его Петръ занялся посвоему: въ мѣстечкѣ Сардамъ, или Заандамъ, извѣстномъ по обширному кораблестроенію, на верфи Рогге, появился молодой, высокій, красивый плотникъ изъ Россіи, Петръ Михайловъ; жилъ онъ въ каморкѣ у бѣднаго кузнеца, посѣщалъ семейства плотниковъ, которые находились въ Россіи, выдавалъ себя за ихъ товарища, простого плотника. Въ свободное отъ работы время русскій плотникъ ходилъ по фабрикамъ и заводамъ,—все ему нужно было видѣть, обо всемъ узнать, какъ дѣлается: однажды на бумажной фабрикѣ не утерпѣлъ, взялъ у работника форму, зачерпнулъ изъ чана массы—и вышелъ отличный листъ; любимая забава его была катанье на яликѣ, который купилъ на другой же день по пріѣздѣ въ Сардамъ.

Своимъ поведеніемъ и видомъ, не идущими къ простому плотнику (хотя своею красною фризовою курткою и бѣлыми холстинными штанами онъ нисколько не отличался отъ обыкновенныхъ работниковъ) Петръ сейчасъ же выдалъ себя; заговорили, что это не простой плотникъ, и вдругъ разносится слухъ, что это самъ царь Московскій. Старый плотникъ зашелъ въ цирюльню и прочелъ тамъ письмо, полученное отъ сына изъ Россіи; въ письмѣ разсказывались чудеса: въ Голландію идетъ большое русское посольство и при немъ самъ царь, который вѣрно будетъ въ Сардамѣ; плотникъ написалъ и примѣты царя—и тутъ, какъ нарочно, отворяется дверь и входятъ въ цирюльню русскіе плотники, у одного точь-въ-точь тѣ примѣты: и головою трясетъ, и рукою размахиваетъ и бородавка на щекѣ. Цирюльникъ, разумѣется, не замелилъ разгласить объ удивительномъ явленіи. Скоро слухъ подтвердился: Петръ раздразнилъ уличныхъ мальчишекъ, которые попотчивали его пескомъ и камнями,—и бургомистръ издалъ объявленіе, чтобъ никто не смѣлъ оскорблять знатныхъ иностранцевъ, которые хотятъ быть неизвѣстными. Напрасно послѣ того царь старался сохранить свое инкогнито, отказался отъ почетныхъ приглашеній, отъ удобнаго помѣщенія, говоря: „Мы не знатные господа, а простые люди, намъ довольно и нашей коморки“. Жилъ въ коморкѣ, а купилъ буеръ за 450 гульденовъ! Толпа преслѣдовала Петра, что̀ приводило его въ ярость, сдерживать которую онъ не выучился въ Преображенскомъ съ потѣшными конюхами. Однажды, проталкиваясь сквозь неотвязную толпу, онъ былъ особенно раздраженъ глупою фигурою какого-то Марцена и далъ ему пощечину; „Марценъ пожалованъ въ рыцари“! закричала толпа, и прозваніе „рыцарь“ осталось за Марценомъ навсегда [1]).

---

[1]) Аделунга—Баронъ Мейербергъ, отрывки изъ дневника путешественника Кемпфера.

[2]) Дѣло Преображен. Приказа о Левшутинѣ, см. ниже.

[3]) На это трясеніе головы одинъ саардамскій плотникъ указывалъ какъ на примѣту, по которой его соотечественники могли узнать въ русскомъ плотникѣ царя. Scheltema—Anécdotes historiques sur Pierre le Grand.

[4]) Объ этихъ конвульсивныхъ движеніяхъ, какъ о гримасахъ, наговорили курфюрстинамъ, какъ увидимъ.

[5]) De la Neuville, p. 188: Le czar Pierre est fort grand, d'assez belle taille, a le visage beau, les yeux assez grands, mais egares, qui font de la peine à regarder, sa tête branle continuellement, bien qu'il ne soit âgè que de vingt ans.

[6]) Русскій Архивъ, 1864 г., выпускъ второй

[7]) Erman, Memoires pour servir à l'histoire de Sophie-Charlotte, reine de Prusse.—Varnhagen von Ense—Leben der Königin von Preusen, Sophie-Charlotte.

Изъ Амстердама дали знать о приближеніи русскаго посольства, и Петръ поѣхалъ туда, проживъ въ Сардамѣ 8 дней. 16-го августа Лефортъ съ товарищами торжественно въѣхалъ въ Амстердамъ. Пріемъ былъ великолѣпный; Петръ участвовалъ въ празднествахъ, которыя давали посольству Генеральные Штаты, зная о присутствіи самого царя. Въ Амстердамѣ знакомѣе всѣхъ другихъ именъ Петру было имя бургомистра Николая Витзена. Еще при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ Витзенъ былъ въ Россіи, проѣхалъ и до Каспійскаго моря, былъ извѣстенъ какъ авторъ знаменитаго сочиненія: „Татарія восточная и южная“, какъ издатель Избрандидесова путешествія въ Китай. Витзенъ сохранялъ постоянную связь съ Россіею; его изданія были посвящены царямъ, онъ исполнялъ порученія Русскаго правительства по заказу судовъ въ Голландіи, находился въ перепискѣ съ Лефортомъ. Къ Витзену обратился Петръ съ просьбою доставить ему возможность заняться кораблестроеніемъ въ амстердамскихъ верфяхъ, и Витзенъ помѣстилъ его на верфи Остъ-Индской компаніи, гдѣ нарочно для него заложенъ былъ фрегатъ. Получивъ объ этомъ извѣстіе, Петръ ночью поѣхалъ въ Сардамъ, забралъ тамъ свои плотничьи инструменты и къ утру возвратился въ Амстердамъ, чтобъ немедленно же приняться за работу; волонтеры, пріѣхавшіе съ посольствомъ, были также размѣщены по работамъ. Петръ откликался только, когда ему кричали: „Плотникъ Петръ сардамскій“! или „Мастеръ Петръ“! но когда обращались къ нему съ словами: „Ваше величество“ или „Милостивый государь“! поворачивался спиною. Но не однимъ кораблестроеніемъ занимался Петръ въ Голландіи: онъ ѣздилъ съ Витзеномъ и Лефортомъ въ Утрехтъ для свиданія съ знаменитымъ штатгалтеромъ Голландскимъ и королемъ Англійскимъ, Вильгельмомъ Оранскимъ. Витзенъ долженъ былъ водить его всюду, все показывать — китовый флотъ, госпитали, воспитательные дома, фабрики, мастерскія; особенно понравилось ему въ анатомическомъ кабинетѣ профессора Рюйша; онъ познакомился съ профессоромъ, слушалъ его лекціи, ходилъ съ нимъ въ госпиталь. Въ кабинетѣ Рюйша онъ такъ увлекся, что поцѣловалъ отлично приготовленный трупъ ребенка, который улыбался какъ живой. Въ Лейденѣ, въ анатомическомъ театрѣ знаменитаго Боергава, замѣтивъ отвращеніе своихъ русскихъ спутниковъ къ трупамъ, заставилъ ихъ зубами разрывать мускулы трупа. Разумѣется, Петръ долженъ былъ наблюдать большую экономію во времени: такъ, во время поѣздки въ Лейденъ, на яхтѣ часа два занимался съ натуралистомъ Леувенгокомъ, который показывалъ ему свои лучшіе аппараты и микроскопъ. Ненасытимая жадность все видѣть и знать приводила въ отчаяніе голландскихъ провожатыхъ; никакія отговорки не помогали; только и слышалось: „Это я долженъ видѣть“! и надобно было вести, несмотря ни на какія затрудненія. И ночью онъ не давалъ имъ покоя: вдругъ экипажъ получитъ сильный толчекъ:—„Стой? что это такое“? надобно зажигать фонари и показывать. Геніальный царь былъ полнымъ представителемъ народа, который такъ долго голодалъ безъ научной пищи, и теперь вдругъ дорвался до нея. Корабельный плотникъ занимался и гравированіемъ: въ Амстердамѣ оставшаяся послѣ него гравюра изображаетъ предметъ, соотвѣтствующій положенію Петра, его тогдашней главной думѣ: она представляетъ торжество христіанской религіи надъ мусульманскою въ видѣ ангела, который съ Крестомъ и пальмою въ рукахъ попираетъ полулуніе и турецкіе бунчуки [2]). Предметъ гравюры объясняется и письмомъ Петра къ патріарху Адріану въ Москву: „Мы въ Нидерландахъ, въ городѣ Амстердамѣ, благодатію Божіею и вашими молитвами, при добромъ состояніи живы и, послѣдуя Божію слову, бывшему къ праотцу Адаму, трудимся, что чинимъ не отъ нужды, но добраго ради пріобрѣтенія морскаго пути, дабы, искусясь совершенно, могли, возвратясь, противъ враговъ имени Іисуса Христа побѣдителями, а христіанъ, тамо будущихъ, свободителями, благодатію Его, быть. Чего до послѣдняго издыханія желать не престану“ [3]).

Кромѣ патріарха, Петръ постоянно переписывался и съ другими правительственными лицами, которыя извѣщали его о томъ, что̀ дѣлалось въ Россіи. Около Азова возводились укрѣпленія: крѣпости Алексѣевская и Петровская, Троицкая на Таганрогѣ и подлѣ нея Павловская; при Таганрогѣ устраивалась гавань. Татары были отражены отъ Азова. На Днѣпрѣ Турки и Татары были отбиты отъ занятыхъ русскими крѣпостей—Казыкармена и Тамани; въ Польшѣ окончательно утвердился королемъ Августъ; кумпанства усердно строили корабли, Шведскій король прислалъ 300 пушекъ для войны съ невѣрными. Охотнѣе, чѣмъ съ другими, переписывался Петръ съ Виніусомъ, какъ съ человѣкомъ болѣе другихъ образованнымъ и неутомимымъ въ своей дѣятельности. Виніусъ въ своихъ письмахъ постоянно требовалъ присылки оружейныхъ мастеровъ, потому что желѣзо есть доброе, а мастеровъ нѣтъ: „Наипаче болитъ сердце, что иноземцы высокою цѣною продавъ свейское желѣзо и побравъ деньги, за рубежъ поѣхали, а наше сибирское многимъ свейскаго лучше“ 1). Никто больше Петра не могъ сочувствовать этой сердечной боли Виніуса. Онъ отвѣчалъ ему: „Пишешь ваша милость о мастерахъ; изъ тѣхъ мастеровъ, которые дѣлаютъ ружья и замки зѣло доброе, сыскали и пошлемъ, не мѣшкавъ; а ради поспѣшенія изъ тѣхъ же мѣстъ, гдѣ Бутманъ на олонецкіе заводы сыскалъ, добыть возможно. Однакоже мы здѣсь сыщемъ такихъ, за что взялся бургомистръ Витзенъ, только мню не вскорѣ“. Извѣстія о мастерахъ перемѣшивались съ извѣстіями политическими: „Что пишешь о мастерахъ желѣзныхъ, что въ томъ дѣлѣ бургомистръ Витзенъ можетъ радѣніе показать и сыскать, о чемъ я ему непрестанно говорю, а онъ только манитъ день за день, а прямой отповѣди по ся поры не скажетъ; и если нынѣ онъ не промыслитъ, то надѣюсь у короля Польскаго чрезъ его посла добыть не только желѣзныхъ, но и мѣдныхъ. Миръ съ Французомъ учиненъ, и здѣсь дураки зѣло рады, а умные не рады, для того что Французъ обманулъ, и чаютъ вскорѣ опять войны“. Въ другомъ письмѣ Петръ опять пишетъ о Витзенѣ: „О желѣзныхъ мастерахъ многажды говорилъ Витзену, только онъ отъ меня отходилъ московскимъ часомъ.“ Между дѣломъ Виніусъ доносилъ и о пирахъ оставленныхъ въ Москвѣ членовъ компаніи: „Въ царскія именины князь Ѳедоръ Юрьевичъ Ромодановскій великую намъ трапезу и богатую даровалъ въ столовой генеральской въ Преображенскомъ; сидѣли за разными столами больше ста человѣкъ, и съ такимъ усердіемъ и милостію насъ трактовалъ, и стрѣльба мелкая и крупная такъ была сильна, что едва столовая устояла и стѣна одна гораздо повыдалась; даже до 4 и до 5 часа ночи, что въ три дня каждый насилу могъ оправиться“. Описывая другой пиръ, Виніусъ пишетъ: „Ивашко съ дядею своимъ (Бахусомъ) изъ своихъ великихъ мокрыхъ сребреныхъ и цкляныхъ можеровъ въ желудки бросали“. Ивашку не забывали и въ Голландіи: извиняясь, что не ко всѣмъ отправилъ письма, Петръ писалъ Виніусу: „Иное за недосугомъ, а иное за отлучкою, а иное за Хмельницкимъ не исправишь.“

---

[1]) Scheltema—Anécdotes et. c.

[2]) Пекарскаго—Наука и Литература въ Россіи, I, стр. 9.

[3]) Голикова—Дѣянія, X, 22.

Четыре мѣсяца съ половиною жилъ Петръ въ Голландіи: фрегатъ, заложенный имъ, былъ спущенъ „На Остъ-индской верфи, вдавъ себя съ прочими волонтерами въ наученіе корабельной архитектуры, государь въ краткое время совершился въ томъ, что̀ подобало доброму плотнику знать, и своими трудами и мастерствомъ новый корабль построилъ и на воду спустилъ. Потомъ просилъ той верфи баса (мастера) Яна Поля, дабы училъ его препорціи корабельной, который ему черезъ четыре дня показалъ. Но понеже въ Голландіи нѣтъ на сіе мастерство совершенства геометрическимъ образомъ, но точію нѣкоторыя принципіи, прочее же съ долговременной практики, о чемъ и вышереченный басъ сказалъ, и что всего на чертежѣ показать не умѣетъ, тогда зѣло ему стало противно, что такой дальній путь для сего воспріялъ, а желаемаго конца не достигъ. И по нѣсколькихъ дняхъ прилучилось быть его величеству на загородномъ дворѣ купца Яна Тесинга въ компаніи, гдѣ сидѣлъ гораздо невеселъ ради вышеописанной причины; но когда между разговоровъ, спрошенъ былъ: для чего такъ печаленъ, — тогда оную причину объявилъ. Въ той компаніи былъ одинъ Англичанинъ, который, слыша сіе, сказалъ, что у нихъ въ Англіи сія архитектура такъ въ совершенствѣ, какъ и другія, и что краткимъ временемъ научиться можно. Сіе слово его величество зѣло обрадовало, по которому немедленно въ Англію поѣхалъ и тамъ, чрезъ 4 мѣсяца, оную науку окончилъ“ 2).

Въ январѣ 1698 года Петръ переѣхалъ изъ Голландіи въ Англію, и скоро изъ Лондона перебрался въ городокъ Дептфордъ, гдѣ на королевской верфи занимался окончаніемъ науки. Здѣсь онъ приговорилъ до 60 человѣкъ иностранцевъ, мастеровъ золотыхъ дѣлъ, въ то же время послы въ Голландіи приговорили болѣе 100 человѣкъ, для флота; много нанялъ принятый въ Голландіи въ русскую службу капитанъ Корнилій Крейсъ; онъ былъ принятъ прямо вице-адмираломъ.

Проведя три мѣсяца въ Англіи, Петръ переѣхалъ въ Голландію, но не остановился здѣсь, а направилъ путь на юго-востокъ—въ Вѣну. Переговоры посольства съ Генеральными Штатами на счетъ помощи царю въ войнѣ съ Турками не удались: Штаты подъ тѣмъ предлогомъ, что страна ихъ истощена Французскою войною, отказались ссудить царя мореходцами, оружіемъ, снарядами, и скоро Петръ узналъ, что Штаты вмѣстѣ съ Англійскимъ королемъ хлопочутъ о посредничествѣ къ заключенію мира между Австріей и Турціею. Этотъ миръ былъ необходимъ для Голландіи и Англіи, чтобъ дать императору возможность свободно дѣйствовать противъ Франціи: предстояла страшная война за наслѣдство Испанскаго престола, т.-е для сокрушенія опаснаго для всей Европы могущества Франціи. Но во сколько для Англіи и Голландіи было выгодно заключеніе мира между Австріею и Турціею, во столько же имъ было выгодно продолженіе войны между Россіею и Турціею, чтобъ послѣдняя была занята и не могла, по наущенію Франціи, снова отвлечь силы Австріи отъ войны за обще-европейскіе интересы. Но эти интересы находились въ

---

1) Кабинетъ, II, книга № 53.

2) Предисловіе Петра къ Морскому Регламенту.

противоположности съ интересами Россіи: Петръ трудился изо всѣхъ силъ, чтобы окончить съ успѣхомъ войну съ Турціею, пріобрѣсти выгодный миръ; но могъ ли онъ надѣяться съ успѣхомъ вести войну и окончить ее одинъ безъ Австріи и Венеціи? Слѣдовательно главною заботою Петра теперь было—или уговорить императора къ продолженію войны съ Турками, или, по крайней мѣрѣ, настоять, чтобъ мирные переговоры были ведены сообща и всѣ союзники были одинаково удовлетворены.

16 іюня посольство въѣхало торжественно въ Вѣну; царь, по обыкновенію, опередилъ его и пріѣхалъ просто на почтовыхъ. Онъ спѣшилъ приступить къ дѣлу, и въ разговорѣ съ канцлеромъ, графомъ Кинскимъ, объявилъ, что недоволенъ рѣшеніемъ императора заключить миръ на основаніи uti possidentis (да владѣетъ каждый тѣмъ, чѣмъ владѣетъ во время мирныхъ переговоровъ); объявилъ, что для Россіи необходимо обезпечить себя со стороны Крыма, овладѣть здѣсь хорошею крѣпостью; Россія для императора разорвала миръ съ Турками; надобно, чтобъ всѣ союзники получили желаемыя ими выгоды; Англичанъ и Голландцевъ слушать нечего: они заботятся только о своихъ барышахъ; императоръ спѣшитъ помириться съ Турками для войны съ Французами за Испанское наслѣдство и покидаетъ своихъ союзниковъ; но какъ скоро начнется Французская война, султанъ немедленно поднимется на императора; войска выйдутъ изъ Венгріи для Французской войны, и Венгры забунтуютъ. Царь требовалъ, кромѣ удержанія всѣхъ своихъ завоеваній, еще крѣпости Керчи въ Крыму, безъ которой никакой пользы ему отъ мира не будетъ: Татары попрежнему будутъ нападать на Россію. Петръ не досказалъ: съ Азовомъ и Таганрогомъ безъ Керчи онъ былъ запертъ въ Азовскомъ морѣ. Если Турки не согласятся на уступку Керчи Россіи, то союзники должны продолжать войну. Императоръ отвѣчалъ, что требованія царя справедливы, но чтобъ заставить Турокъ исполнить ихъ, лучше всего, если Русскіе поспѣшатъ взять Керчь оружіемъ, обѣщалъ поддерживать на конгрессѣ требованія русскихъ уполномоченныхъ и не приступать ни къ чему безъ согласія съ царемъ [1]).

Переговоры этимъ должны были прекратиться; Петръ, осмотрѣвъ все замѣчательное въ Вѣнѣ, съѣздивъ въ мѣстечко Баденъ и въ Пресбургъ, собрался уже въ Венецію, какъ почта привезла письма изъ Москвы: Ромодановскій писалъ, что стрѣльцы взбунтовались и идутъ къ Москвѣ. Вмѣсто Венеціи Петръ отправился въ Россію.

Мы видѣли, что въ 1689 году очень немногіе изъ стрѣльцовъ участвовали въ замыслахъ Софіи и Шакловитаго, большинство сначала отстранялось отъ вмѣшательства въ ссору между братомъ и сестрою, а потомъ явно приняло сторону Петра, принудивъ Софію исполнить его требованіе,—выдать Шакловитаго. Повидимому такое поведеніе должно было совершенно примирить новое правительство со стрѣльцами; но вышло напротивъ. Еще прежде 1689 года образовались потѣшные полки, которые. вмѣстѣ со старыми солдатами, стали въ противоположность стрѣльцамъ; привыкли смотрѣть такъ, что потѣшные — войско Петра, стрѣльцы—войско Софіи. Помирить потѣшныхъ и вождей ихъ со стрѣльцами нельзя было не по однимъ этимъ отношеніямъ: потѣшные были представителями новаго, имѣющаго жить, стрѣльцы — представители отжившей старины. Новое получило торжество въ торжествѣ Петра надъ Софіею. стрѣльцамъ предстояло — перестать быть стрѣльцами, превратиться въ солдатъ; эта перемѣна была для нихъ страшно тяжела, они не согласятся на нее добровольно, прежде попытаются, нельзя ли удержаться въ прежнемъ положеніи, удержать старину. При такомъ положеніи дѣлъ въ причинахъ къ раздраженію не могло быть недостатка. Вспомнимъ потѣхи: дерутся два войска; Русское войско, на сторонѣ котораго самъ царь,—это потѣшные солдаты; войско враждебное, которымъ предводительствуетъ Польскій король,—это стрѣльцы: они побѣждаются, и этимъ выказывается ихъ несостоятельность предъ новымъ войскомъ. Униженіе и раздраженіе сильныя. Причины къ раздраженію были и на сторонѣ противной; мы не имѣемъ никакого права отвергнуть извѣстіе, что стрѣльцы подкопались подъ Дѣвичій монастырь, проломали полъ въ покояхъ царевны Софіи и вывели было ее подземнымъ ходомъ, но, послѣ сильной схватки со сторожившими монастырь солдатами, были переловлены и казнены [2]). Какъ близкіе къ царю люди смотрѣли на стрѣльцовъ, на ихъ отношенія къ правительству, всего лучше видно изъ приведеннаго выше письма Виніуса къ Петру, что по полученіи благопріятныхъ извѣстій изъ-подъ Азова даже и въ стрѣлецкихъ слободахъ радовались. Азовскіе походы были очень тяжелы для стрѣльцовъ: два года сряду они должны были ходить такъ далеко, покидать семейства и выгодные промыслы въ Москвѣ: царь былъ ими недоволенъ, дѣлалъ имъ выговоры [3]). Кто же виноватъ?—разумѣется иностранцы, и больше всѣхъ самый близкій изъ нихъ къ царю, Лефортъ, и между стрѣльцами сильное раздраженіе противъ Лефорта. Обстоятельства становились все хуже и хуже для стрѣльцовъ. По взятіи Азова, ихъ задержали тамъ для охраны города, потомъ заставили работать надъ его укрѣпленіями. Люди, недовольные царемъ, желающіе избавиться какимъ бы то ни было средствомъ, обращаются къ стрѣльцамъ, какъ болѣе другихъ недовольнымъ, обреченнымъ на погибель: „Что они спятъ?“ говоритъ Соковнинъ, „имъ бы можно убить государя, все равно имъ пропадать же“. Легко понять чувства людей, которымъ все равно пропадать же, и легко понять отношенія Петра и его приверженцевъ къ людямъ недовольнымъ, раздраженнымъ, въ которыхъ враги видятъ вѣрное, готовое орудіе; Цыклеръ обращается къ стрѣльцамъ, а Петру все живѣе и живѣе представляется 15-е мая 1682 года и стрѣлецкія копья, обагренныя кровью Матвѣева и Нарышкиныхъ. Все враждебное связано для него со стрѣльцами, и все враждебное и стрѣлецкое относится, какъ къ своему началу, къ замыслу Ивана Милославскаго; все враждебное и стрѣлецкое есть въ его глазахъ сѣмя Милославскаго; этотъ взглядъ уже высказался въ страшномъ зрѣлищѣ казни Цыклера съ товарищами, когда кровь ихъ стекала въ гробъ Милославскаго; тутъ же высказалось и сильное ожесточеніе, высказалось—какъ впечатлѣніе отрочества оживлялось и укоренялось при каждомъ удобномъ случаѣ.

---

[1]) Статейный списокъ посольства въ цесарскихъ дѣлахъ Москов. Архива Мин. Ин. Д.

[2]) Извѣстіе это находится у Штелина, который говоритъ, что слышалъ о немъ отъ генералъ-фельдмаршала князя Ивана Юрьевича Трубецкаго, который самъ былъ капитаномъ солдатъ, сторожившихъ монастырь.

[3]) См. объ этомъ въ дневникѣ Гордона при описаніи Азовскихъ походовъ.

А стрѣльцовъ въ Азовѣ мучила тоска по Москвѣ, по привольной, спокойной, семейной жизни въ столицѣ. Была еще надежда, что азовская служба скоро кончится и послѣдуетъ переводъ въ Москву; но вдругъ указъ — передвинуть четыре стрѣлецкихъ полка—Чубарова, Колзакова, Чермнаго и Гундертмарка изъ Азова къ Литовской границѣ, въ войско князя Михайлы Григорьевича Ромодановскаго, который съ полками дворянскими, рейтарскими и солдатскими стоялъ въ ожиданіи, какъ разыграется борьба Саксонской и Французской партіи въ Польшѣ. Стрѣльцы пришли изъ Азова въ Великія-Луки. Имъ на смѣну въ Азовъ отправлены другіе шесть полковъ стрѣлецкихъ, остальные размѣщены по Юго-Западной границѣ; Москва отчищена отъ стрѣльцовъ,—тамъ одни солдаты. Всего тягостнѣе четыремъ полкамъ стрѣлецкимъ, которые, вмѣсто возвращенія въ Москву, должны были пропутешествовать изъ Азова въ Великія-Луки. Многіе изъ стрѣльцовъ рѣшились во что бы то ни стало побывать въ Москвѣ! Въ мартѣ мѣсяцѣ больше полутораста человѣкъ убѣжали изъ полковъ и явились въ Москвѣ въ челобитчикахъ; на спросъ правительства, зачѣмъ ушли изъ полковъ,—отвѣчали, что „ихъ братья стрѣльцы съ службы отъ безкормицы идутъ многіе“ Имъ назначили срокъ—3-е апрѣля, къ которому они должны оставить Москву, причемъ велѣно имъ выдавать изъ Стрѣлецкаго Приказа кормовыя мѣсячныя деньги сполна. Но бѣглецы узнали въ Москвѣ любопытныя вещи.

Русскіе люди переживали небывалое время, и многимъ представлялся вопросъ: не послѣднее ли это время? Царь явно сложился съ Нѣмцами и уѣхалъ къ нимъ за границу. Что тамъ съ нимъ дѣлается—не извѣстно; правятъ бояре; а тутъ повсюду идутъ толки о старой и новой вѣрѣ; сойдутся гдѣ-нибудь двое, станутъ разговаривать о божествѣ, и первый вопросъ: какъ ты въ перстномъ сложеніи крестное знаменіе на себѣ воображаешь? Бѣглые стрѣльцы встрѣтили на Ивановской площади своихъ знакомыхъ, стрѣльцовъ же, которые сидѣли въ площадныхъ подъячихъ; завязались разговоры; первое слово: „Государь нашъ залетѣлъ на чужую сторону“! Государь-то на чужой сторонѣ, а что безъ него въ Москвѣ дѣлается? Подъячіе разсказали, что бояре хотятъ царевича удушить, хочетъ удушить бояринъ Тихонъ Никитичъ Стрѣшневъ и самъ на Москвѣ властителемъ быть. „А вамъ уже на Москвѣ не бывать“! говорили подъячіе стрѣльцамъ.

Легко понять, съ какимъ чувствомъ слушали стрѣльцы послѣднія слова. Надобно какъ-нибудь промыслить, чтобъ быть въ Москвѣ, а тутъ еще и приглашеніе. Бывшая правительница, царевна Софія живетъ въ заточеніи въ Дѣвичьемъ монастырѣ; сестры ея отъ Милославской на свободѣ во дворцѣ, но и всѣмъ имъ тяжело послѣ 1689 года: вмѣстѣ съ Софіею и онѣ правительствовали; понадобятся деньги—пошлютъ въ любой Приказъ и возьмутъ сколько хотятъ [1]); а теперь уже не то: теперь онѣ царевны опальныя, беззаступныя. У нихъ, разумѣется, сильное желаніе, чтобъ дѣла перемѣнились—хотя бы стрѣльцы опять помогли! У нихъ средоточіе всѣхъ сплетенъ, всѣхъ неблагопріятныхъ для правительства слуховъ; между ними и Дѣвичьимъ монастыремъ тайныя пересылки; недовольныя стрѣльчихи тутъ, служатъ службы недовольнымъ царевнамъ. Стрѣльцы, прибѣжавшіе въ Москву, не могли не обратиться къ царевнамъ, которыя на Верху однѣ могли принять въ нихъ участіе, не могли не выражать желанія видѣть опять царевну Софію въ державствѣ; хотя царевенъ и заперли на Верху на это смутное время, однако стрѣльцы нашли средство войти съ ними въ сношенія; двое изъ бѣглыхъ стрѣльцовъ, Проскуряковъ и Тума, составили челобитную о стрѣлецкихъ нуждахъ и отдали вхожей въ Верхъ стрѣльчихѣ, чтобъ передала которой-нибудь царевнѣ. Дѣятельнѣе другихъ была царевна Марѳа, и къ ней пошла стрѣлецкая челобитная, ея же постельница отдала грамотку стрѣльчихѣ, чтобъ та передала ее Тумѣ. Марѳа говорила постельницѣ о грамоткѣ: „Смотри, я тебѣ вѣрю; а если пронесется, то тебя распытаютъ, а мнѣ, кромѣ монастыря, ничего не будетъ“. Той же постельницѣ Марѳа велѣла сказать стрѣльчихѣ: „У насъ на Верху позамялось: хотѣли было бояре царевича удушить; хорошо, еслибъ и стрѣльцы подошли“. Съ Верху же шли слухи: „Бояре хотѣли было царевича удушить, но его подмѣнили и платье его на другого надѣли; царица узнала, что не царевичъ; а царевича сыскали въ другой комнатѣ, и бояре царицу по щекамъ били; а государь невѣдомо живъ, невѣдомо мертвъ, и по стрѣльцовъ указъ посланъ". На Арбатѣ, у ограды церкви Николы Явленнаго, стояла толпа стрѣльцовъ, и одинъ изъ нихъ, Василій Тума, читалъ грамоту—изъ Дѣвичья монастыря, отъ царевны Софіи Алексѣевны: зоветъ всѣ четыре полка, чтобъ шли къ Москвѣ, становились таборомъ подъ Дѣвичьимъ монастыремъ и подавали ей, царевнѣ, челобитье, чтобъ шла попрежнему на державство.

---

[1]) Въ 1685 году изъ Новгородскаго Приказа взяты деньги для царевны Софіи, вслѣдъ затѣмъ оттуда же для царевны Екатерины; для нея же оттуда же въ 1686 г.; въ томъ же году опять для нея и для царевны Ѳеодосіи; въ томъ же году царевнѣ Софіи изъ разныхъ оброчныхъ доходовъ отпущено 2,000 р. и т. д. Приказныя дѣла означенныхъ годовъ въ Московск. Арх. Мин. Ин. Д

Если всѣ должны приходить къ Москвѣ, то зачѣмъ же уходить изъ нея челобитчикамъ? Въ срочный день, 3-го апрѣля, толпа стрѣльцовъ пришла къ дому начальника Стрѣлецкаго Приказа, князя Ив. Бор. Троекурова, и просила, чтобъ бояринъ выслушалъ ихъ. Троекуровъ велѣлъ имъ выбрать четверыхъ лучшихъ людей для разговора съ нимъ. Выборные явились и начали говорить, что они на службу до просухи не идутъ, били челомъ объ отсрочкѣ, представляли свою нужду, что доведены до крайняго упадка. Бояринъ прервалъ ихъ и велѣлъ сейчасъ же идти на службу. Выборные отвѣчали, что не пойдутъ; тогда Троекуровъ велѣлъ ихъ схватить и посадить въ тюрьму; но на дорогѣ товарищи отбили ихъ. Вѣсть объ этомъ навела страхъ на бояръ, помнившихъ хорошо стрѣлецкій бунтъ; притомъ же, въ апрѣлѣ 1697 года, и между солдатами Лефортова полка шла рѣчь, чтобъ подать челобитную царевнѣ въ Дѣвичьемъ монастырѣ о дачѣ имъ сухарей, потому что какой-то солдатъ разсказывалъ: стоялъ онъ на караулѣ въ Верху, выходила государыня и говорила: что-де вы голы? берете по 30 алтынъ на мѣсяцъ, только на васъ, что красные кафтаны. И солдатъ ей говорилъ, что берутъ по алтыну на день, а сходится по 4 деньги на день, вывороты (вычеты) большіе. Безпокойство бояръ увеличивалось еще тѣмъ, что давно уже не было вѣстей изъ-за границы отъ царя. Противъ стрѣльцовъ надобно было приготовить другую вооруженную силу, солдатъ, и князь Ромодановскій послалъ за генераломъ Гордономъ, разсказалъ ему въ чемъ дѣло. Гордону показалось, что князь преувеличиваетъ опасность, и онъ замѣтилъ ему, что дѣло не важное: стрѣльцы слабы и предводителя у нихъ нѣтъ. Отъ Ромодановскаго Гордонъ отправился на Бутырки, гдѣ жили его солдаты, чтобъ приготовиться на всякій случай, и былъ успокоенъ тѣмъ, что всѣ солдаты были на лицо въ слободѣ, кромѣ занимавшихъ караулы въ разныхъ мѣстахъ. На другой день стрѣльцы попрежнему оставались въ Москвѣ, но спокойно, побушевали только двое пьяныхъ въ Стрѣлецкомъ Приказѣ. Между тѣмъ на Верху сидѣли бояре, совѣтовались какъ быть. Рѣшили—выслать отрядъ солдатъ и выбить стрѣльцовъ силою изъ Москвы. Вечеромъ сотня Семеновцевъ, при помощи посадскихъ, выбили незванныхъ гостей за заставу; буянили только двое: одного прибили такъ, что скоро умеръ, другого, вмѣстѣ съ буянившими прежде въ Приказѣ, сослали въ Сибирь [1]).

Въ письмѣ отъ 8-го апрѣля Ромодановскій далъ знать Петру о приходѣ бѣглыхъ стрѣльцовъ, и о томъ, что они выпровожены солдатами. Петръ получилъ письмо въ Амстердамѣ, собираясь въ Вѣну, и отвѣчалъ: „Письмо ваше государское я принялъ и, выразумѣвъ, благодарствую, и впредь прошу, дабы не былъ оставленъ. Въ томъ же письмѣ объявленъ бунтъ отъ стрѣльцовъ, и что вашимъ правительствомъ и службою солдатъ усмиренъ. Зѣло радуемся; только зѣло мнѣ печально и досадно на тебя, для чего ты сего дѣла въ розыскъ не вступилъ, Богъ тебя судитъ! Не такъ было говорено на загородномъ дворѣ въ сѣняхъ. Для чего и Автамона (Головина, командира Преображенскаго полка) взялъ, что не для этого? А буде думаете, что мы пропали, для того, что почты задержались, и для того, боясь, и въ дѣло не вступаешь: воистину, скоряе бы почты вѣсть была; только, слава Богу, ни одинъ не умеръ, всѣ живы. Я не знаю, откуда на васъ такой страхъ бабій! Мало-ль живетъ, что почты пропадаютъ? А се въ ту пору была и половодь. Неколи ничего ожидать съ такою трусостью! Пожалуй, не осердись: воистину отъ болѣзни сердца писалъ" [2]). Черезъ нѣсколько дней Петръ написалъ къ Виніусу съ упрекомъ за опасенія по поводу неприхода почтъ: „Зѣло дивлюсь и суду Божію предаю тебя, что ты такъ сумнѣнно пишешь о замедленіи почтъ, а самъ вконецъ извѣстенъ симъ странамъ. Не диво, кто не бывалъ. Я было-надѣялся, что ты станешь всѣмъ разсуждать бывалостью своею и отъ мнѣнія отводить; а ты самъ предводитель имъ въ яму. Потому всѣ думаютъ, что коли-де кто бывалъ, такъ боится того, то уже конечно такъ. Воистину не отъ радости пишу". Виніусъ спѣшилъ просить прощенія, и царь отвѣчалъ ему: „Господь Богъ да оставитъ всѣмъ намъ наши долги, милосердія своего ради А что я такъ къ вамъ писалъ, о томъ самъ разсудишь, каково мнѣ то дѣло"

Дѣло было дѣйствительно важное. Стрѣльцовъ выгнали изъ Москвы и они понесли въ Торопецъ, гдѣ стояли теперь ихъ полки съ Ромодановскимъ, разныя вѣсти и призывъ изъ Дѣвичьяго монастыря. На дорогѣ нагнала ихъ стрѣльчиха и отдала новую грамотку отъ царевны Софіи: „Теперь вамъ худо, а впредь будетъ еще хуже. Ступайте къ Москвѣ, чего вы стали? про государя ничего не слышно". Въ доказательство, что впередъ стрѣльцамъ будетъ еще хуже, пришелъ указъ изъ Москвы отъ 28-го мая: Ромодановскій долженъ былъ распустить по домамъ своихъ полчанъ, пѣшихъ и конныхъ, самъ пріѣхать въ Москву, а стрѣльцы должны были оставаться до указа въ городахъ

---

[1]) Розыскное дѣло о стрѣльцахъ въ Государ. Архивѣ; Gordon's Tagebuch, III, 181; Столбцы Преобр. Приказа, № 516.

[2]) Кабинетъ, I, книга № 28.

Вязьмѣ, Бѣлой, Ржевѣ Володимировой и Дорогобужѣ; бѣгавшихъ въ Москву стрѣльцовъ всего 155 человѣкъ велѣно было сослать въ малороссійскіе города—Черниговъ, Переяславль, Новобогородицкой, на вѣчное житье съ женами и дѣтьми, а пятидесятникамъ, десятникамъ и стрѣльцамъ, которые со службы не сходили, за ихъ вѣрную службу, и за то что ворамъ не потакали и подали на нихъ заручныя челобитныя, сказать государево милостивое слово. Значитъ, правду говорили подъячіе на Ивановской площади: стрѣльцамъ Москвы не видать! Когда этотъ указъ, присланный отъ царскаго имени, былъ объявленъ, то полковники Чубаровъ, Чермный и Тихонъ Гундертмаркъ представили Ромодановскому бѣглыхъ стрѣльцовъ изъ своихъ полковъ, человѣкъ съ 50, и Ромодановскій велѣлъ отвести ихъ въ городъ (крѣпость) и сдать торопецкимъ воеводамъ; но есаулы, провожавшіе бѣглыхъ, встрѣтили на дорогѣ толпы стрѣльцовъ, которые отбили товарищей, гонялись за есаулами и бросали палками. Ромодановскій отправилъ-было противъ нихъ новгородскихъ стрѣльцовъ, но тѣ, по малолюдству, не могли сладить съ мятежниками. Тогда Ромодановскій, по просьбѣ полковниковъ, послалъ вычитать подлинный указъ на съѣзжихъ дворахъ по полкамъ порознь, а къ разрядному шатру для сказки указа московскихъ стрѣльцовъ призывать не велѣлъ за такою ихъ воровскою шатостію, опасаясь отъ нихъ всякаго дурна. Въ полкахъ Чубарова и Колзакова стрѣльцы грамоту слушали, и Колзакова полка стрѣльцы били челомъ на милости, и сказали, что за воровъ, если они явятся, стоять не станутъ; а чубаровскіе стрѣльцы сказали, что у нихъ воровъ нѣтъ, а которые изъ нихъ ходили въ Москву, тѣ ходили отъ голода. Колзаковъ изъ своего полка привелъ воровъ 15 человѣкъ къ разрядному шатру, а оттуда повелъ въ Торопецъ и отдалъ воеводѣ; но стрѣльцы, собравшись, отняли ихъ у воеводы отбоемъ, а за полковникомъ Колзаковымъ гонялись и палками за нимъ вслѣдъ бросали, и ушелъ онъ отъ нихъ, покинувъ лошадь, за рѣку Торопу, по мостовинамъ. А стрѣльцы полковъ Чермнаго и Гундертмарка слушать царской грамоты къ съѣзжимъ избамъ не пошли, и по улицамъ, близъ разряднаго шатра и двора, гдѣ стоялъ Ромодановскій, начали ломать изгороди, и съ кольемъ, собравшись многолюдствомъ, стояли съ великими толпами. Ромодановскій, испугавшись, съ конными дворянскими полками выступилъ изъ города въ поле и сталъ въ ополченіе по московской дорогѣ; Чубаровъ, Гундертмаркъ и Колзаковъ были съ нимъ; князь велѣлъ имъ ѣхать въ свои полки и выводить ихъ порознь изъ слободъ въ поле и идти въ указные города. Полкъ Чубарова выступилъ и пошелъ сквозь конныя роты и полки. Ромодановскій, подъѣхавши къ нему, велѣлъ остановиться, и сталъ уговаривать, чтобъ выдали бѣгавшихъ въ Москву. Стрѣльцы отвѣчали, что за бѣглыхъ не стоятъ, только взять ихъ и выдать мочи нѣтъ. Ромодановскій сказалъ имъ на это: „Бѣглецовъ малое число, а васъ 500 человѣкъ слишкомъ". Стрѣльцы пошли въ полкъ; прошелъ часъ времени—никакого движенія; Ромодановскій посылаетъ сказать имъ, чтобъ не медлили выдачею; прежній отвѣтъ: „Мочи нашей нѣтъ!" Вслѣдъ этимъ полкъ пошелъ, а бѣглые отстали и повернули къ Торопцу; Ромодановскій послалъ копейщиковъ и рейтаръ ловить ихъ; тѣ стали ловить, но тутъ выступаетъ полкъ Гундертмарка, и воры скрылись въ него, пробравшись болотными мѣстами и кустарниками. Полковникъ и начальные люди кричали, чтобъ воровъ въ полкъ не пускать; но рядовые стрѣльцы не послушались и хотѣли биться съ конницею, ловившею воровъ; они кричали: „У насъ въ полкахъ воровъ нѣтъ, а ходили въ Москву отъ нужды и безкормицы!" Всѣ стрѣльцы пошли въ указные города, и Ромодановскій отослалъ имъ жалованье на два мѣсяца, чтобъ не было никакого предлога къ продолженію смуты [1].

Но стрѣльцамъ нужно было не одно жалованье, имъ нужна была Москва, въ которую ихъ не пускали, притомъ же дѣло было уже начато: царскому указу учинились ослушны, бѣгуновъ не выдали; семь бѣдъ — одинъ отвѣтъ! Разумѣется, бѣгуны, по инстинкту самосохраненія, должны были изо всѣхъ силъ бунтовать остальныхъ. Стрѣльцы шли медленно, нехотя, дѣлали верстъ по пяти въ день, и 6-го іюня, на берегу Двины, бунтъ вспыхнулъ. На телѣгѣ, передъ четырьмя полками, стоялъ стрѣлецъ Масловъ и читалъ призывное письмо отъ царевны Софіи: „Вѣстно мнѣ учинилось, что вашихъ полковъ стрѣльцовъ приходило къ Москвѣ малое число; и вамъ бы быть къ Москвѣ всѣмъ четыремъ полкамъ, и стать подъ Дѣвичьемъ монастыремъ таборомъ, и бить челомъ мнѣ идтить къ Москвѣ противъ прежняго на державство; а еслибы солдаты, кои стоятъ у монастыря, къ Москвѣ пускать не стали, и съ ними бы управиться, ихъ побить и къ Москвѣ быть; а кто-бъ не сталъ пускать съ людьми своими или съ солдаты, и вамъ бы чинить съ ними бой".

Толпы зашумѣли: „Идти къ Москвѣ! Нѣмецкую слободу разорить и Нѣмцевъ побить за то, что отъ нихъ Православіе закоснѣло; бояръ побить, а имъ, стрѣльцамъ, жить въ домахъ своихъ. Послать и въ иные полки, чтобъ и тѣ полки шли къ Москвѣ для того, что стрѣльцы отъ бояръ и отъ иноземцевъ погибаютъ и Москвы не знаютъ; непремѣнно идти къ Москвѣ, хотя-бъ умереть, а одинъ предѣлъ учинить. И къ Донскимъ казакамъ вѣдомость послать. Если царевна въ правительство не вступится, и по коихъ мѣстъ возмужаетъ царевичъ, можно взять и князя Василья Голицына: онъ къ стрѣльцамъ и въ крымскихъ походахъ, и на Москвѣ милосердъ былъ, а по коихъ мѣстъ государь здравствуетъ, и намъ Москвы не видать; государя въ Москву не пустить и убить за то, что почалъ вѣровать въ Нѣмцевъ, сложился съ Нѣмцами. Всѣ царевны стрѣльцовъ къ Москвѣ желаютъ; царевна Софія торопецкимъ казакамъ дала денегъ по полтинѣ, чтобъ шли къ Москвѣ". Собрались круги, отставили прежнихъ полковниковъ и капитановъ, а на ихъ мѣсто выбрали новыхъ и пошли къ Москвѣ.

---

[1] Донесеніе Ромодановскаго (М. Г.) въ столбцахъ Приказнаго стола, № 3192.

Но въ Москвѣ солдаты, и потому у стрѣльцовъ дорогою такая рѣчь была, чтобъ имъ побывать на Бутыркахъ, провѣдать у солдатъ, что у нихъ дѣлается. Стрѣлецъ Пузанъ отправился на Бутырки къ знакомымъ солдатамъ Салениковымъ, и съ однимъ изъ нихъ видѣлся; но тотъ ему отказалъ: „Намъ объ васъ заказъ крѣпкій, и съ вами нейдемъ; дѣла до васъ намъ нѣтъ, и вы какъ хотите" [1]. У стрѣльцовъ была и другая рѣчь—съ солдатами не биться, по малолюдству (всего 2,200 человѣкъ), а обойти Москву и засѣсть въ Серпуховѣ или Тулѣ и писать въ Бѣлгородъ, Азовъ, Сѣвскъ и другіе города къ тамошнимъ стрѣльцамъ, чтобъ шли къ нимъ немедленно; всѣмъ вмѣстѣ идти къ Москвѣ и бить бояръ. Страхъ напалъ на жителей Москвы, когда узнали о приближеніи стрѣльцовъ. Зажиточные люди начали со всѣмъ имѣніемъ разъѣзжаться въ дальнія деревни. Между боярами начались споры о мѣрахъ; наконецъ мнѣніе князя Бориса Алексѣевича Голицына восторжествовало, и положено было выслать противъ мятежниковъ боярина Шеина съ генералами Гордономъ и княземъ Кольцовымъ-Масальскимъ; войска у нихъ было около 4,000 и 25 пушекъ. 17-го іюня царское войско встрѣтило стрѣльцовъ подъ Воскресенскимъ монастыремъ, при переправѣ черезъ рѣку Истру. Стрѣльцы прислали къ Шеину письмо, въ которомъ жаловались, что въ Азовѣ терпѣли всякую нужду, зимою и лѣтомъ трудились надъ городовыми крѣпостями, потомъ изъ Азова перешли въ полкъ къ князю Ромодановскому, голодъ, холодъ и всякую нужду терпѣли: человѣкъ по полтораста ихъ стояло на одномъ дворѣ, мѣсячныхъ кормовыхъ денегъ не ставало и на двѣ недѣли; тѣхъ, которые ходили по міру, били батогами. Изъ Торопца Ромодановскій велѣлъ вывесть ихъ на разныя дороги по полку, отобрать ружье, знамена и всякую полковую казну, и велѣлъ конницѣ, обступя ихъ вокругъ, рубить. Испугавшись этого, они не пошли въ указныя мѣста, идутъ къ Москвѣ, чтобъ напрасно не умереть, а не для бунту; пусть дадутъ имъ хотя немножко повидаться съ женами и дѣтьми, а тамъ, какъ представится случай, и они опять рады идти на службу.

Шеинъ отправилъ Гордона въ станъ къ стрѣльцамъ объявить, что если они возвратятся въ указныя мѣста и выдадутъ бѣгавшихъ въ Москву, также заводчиковъ настоящаго бунта, то государь проститъ ихъ и жалованье будетъ имъ выдано въ указныхъ мѣстахъ по тамошнимъ цѣнамъ. Гордонъ понапрасну истощалъ всю свою реторику [2], какъ самъ выражается, уговаривая стрѣльцовъ: они отвѣчали, что или помрутъ, или будутъ на Москвѣ, хотя бы на малое время, а тамъ пойдутъ всюду, куда великій государь укажетъ; на дальнѣйшую реторику Гордона отвѣчали, что зажмутъ ему ротъ. Иноземцу не удалось; Шеинъ отправилъ Русскаго,—князя Кольцова-Масальскаго уговаривать стрѣльцовъ; къ нему вышелъ одинъ изъ заводчиковъ, десятникъ Зоринъ съ черновою, неоконченною челобитною, въ которой говорилось: „Бьютъ челомъ многоскорбне и великими слезами московскіе стрѣлецкіе полки: служили они, и прежде ихъ прародители и дѣды и отцы ихъ, великимъ государямъ во всякой обыкновенной христіанской вѣрѣ, и обѣщались до кончины жизни ихъ благочестіе хранити, якоже содержитъ Св. Апостольская Церковь. И въ 190 году стремленіе безчинства, радѣя о благочестіи, удержали, и по ихъ, великихъ государей, указу въ примѣненіи того времени, ихъ измѣнниками и бунтовщиками звать не велѣно, и, по обѣщанію, какъ цѣловали крестъ о благочестіи, непремѣнно служатъ. И въ 203 г. сказано имъ служить въ городахъ погодно; а въ томъ же году, будучи подъ Азовомъ, умышленіемъ еретика, иноземца Францка Лефорта, чтобы благочестію великое препятіе учинить, чинъ ихъ, московскихъ стрѣльцовъ, подвелъ онъ, Францко, подъ стѣну безвременно, и, ставя въ самыхъ нужныхъ въ крови мѣстахъ, побито ихъ множество; его-жъ умышленіемъ дѣланъ подкопъ подъ ихъ шанцы, и тѣмъ подкопомъ онъ ихъ же побилъ человѣкъ съ 300 и больше; его же умысломъ на приступѣ подъ Азовомъ посулено по 10 рублевъ рядовому, а кто послужитъ—тому повышеніе чести; и на томъ приступѣ, съ которою сторону они были, побито премножество лучшихъ; а что они, радѣя ему, великому государю, и всему христіанству, Азовъ говорили взять приваломъ, и то онъ оставилъ; онъ же, не хотя наслѣдія христіанскаго видѣть, самыхъ послѣднихъ изъ нихъ удержалъ подъ Азовомъ октября до 3-го числа; а изъ Черкаскаго 14-го числа пошелъ степью, чтобъ ихъ и до конца всѣхъ погубить, и, идучи, ѣли мертвечину, и премножество ихъ пропало. И въ 206 году Азовъ приваломъ взяли и оставлены городъ строить, и работали денно и нощно во весь годъ пресовершенною трудностію. И изъ Азова сказано имъ идти къ Москвѣ; и по вѣстямъ были они въ Зміевѣ, въ Изюмѣ, въ Царевѣ-Борисовѣ, на Моякѣ, въ самой послѣдней скудости; и изъ тѣхъ мѣстъ велѣно имъ идти въ полкъ къ боярину и воеводѣ, къ князю М. Г. Ромодановскому въ Пустую Ржеву на зимовье, не займуя Москвы: и они, радѣя ему, великому государю, въ тотъ полкъ шли денно и нощно, въ самую послѣднюю нужду осеннимъ путемъ, и пришли чуть-живы; и, будучи на польскомъ рубежѣ, въ зимнее время въ лѣсу, въ самыхъ нужныхъ мѣстахъ, мразомъ и всякими нуждами утѣсненны, служили, надѣясь на его, великаго государя, милость. И по указу велѣно всѣ полки Новгородскаго разряду распустить; а бояринъ и воевода Ромодановскій, выведчи ихъ изъ Торопца по полкамъ, велѣлъ рубить, а за что не—вѣдаютъ. Они же, слыша, что въ Москвѣ чинится великое страхованіе и отъ того городъ затворяютъ рано, а отворяютъ часу въ другомъ дня или и въ третьемъ, и всему народу чинится наглость: имъ слышно же, что идутъ къ Москвѣ Нѣмцы, и то знатно,—послѣдуя брадобритію и табаку во всесовершенное благочестія испроверженіе".

---

[1] Розыскное дѣло о стрѣльцахъ.

[2] Дневникъ, III, 197.

Зоринъ требовалъ, чтобъ челобитная была прочтена передъ всѣмъ царскимъ войскомъ. Разумѣется, это требованіе не было исполнено, и Шеинъ могъ ясно видѣть изъ челобитной, куда заходитъ дѣло, когда съ одной стороны было выставлено Православіе, а съ другой—еретикъ Францко Лефортъ; подъ скромнымъ именемъ челобитной это была злая выходка противъ царя, прикрытая выходкою противъ его любимца. Шеинъ могъ ясно видѣть, что переговоры, увѣщанія усилили только дерзость стрѣльцовъ, тогда какъ успѣхъ противъ нихъ не могъ быть сомнителенъ: это была нестройная толпа, не имѣвшая предводителя, при недостаточной артиллеріи. Начали приготовляться къ битвѣ; въ обѣихъ ратяхъ служили молебны; стрѣльцы исповѣдались и дали клятву померсть другъ за друга безо всякой измѣны. Въ послѣдній разъ послано имъ сказать, чтобъ положили оружіе и въ винахъ своихъ добили челомъ государю, въ противномъ случаѣ начнется стрѣльба изъ пушекъ; стрѣльцы отвѣчали: „Мы того не боимся, видали мы пушки и не такія!“ Но Шеинъ и тутъ шелъ постепенно: увидавши неуспѣшность переговоровъ, увѣщаній и угрозъ на словахъ, онъ попробовалъ постращать посильнѣе, велѣлъ выстрѣлить, но такъ, что ядра перелетѣли черезъ головы стрѣльцовъ. Это еще болѣе ихъ ободрило; они стали распускать знамена, бросать вверхъ шапки и готовиться къ бою. Но другой залпъ—и стрѣльцы замялись, несмотря на то, что нѣкоторые кричали: „Пойдемъ противъ большого полка грудью на проломъ, и хотя-бъ умереть, а быть на Москвѣ!“ Еще два залпа—и немного ихъ осталось въ обозѣ, который немедленно былъ занятъ царскими войсками. Битва продолжалась не болѣе часу. Въ царскомъ войскѣ было ранено только 4 человѣка, одинъ смертельно; у стрѣльцовъ убито 15 человѣкъ, и ранено, большею частью смертельно, 37 [1]. Разбѣжавшіеся изъ обоза были переловлены; Шеинъ „разбиралъ и смотрѣлъ у нихъ, кто воры и кто добрые люди, и которые въ Москвѣ бунтъ заводили; и послѣ того были розыски великіе и пытки имъ, стрѣльцамъ, жестокія, и по тѣмъ розыскамъ многіе казнены и повѣшены по дорогѣ; остальныхъ разослали въ тюрьмы и монастыри подъ стражу“. Съ пытки винились въ томъ, что было сдѣлано въ Торопцѣ и по выходѣ изъ него на Двинѣ; но никто не сказалъ о письмѣ отъ царевны.

Получивъ отъ Ромодановскаго—короля—извѣстіе о бунтѣ стрѣльцовъ и движеніи ихъ къ Москвѣ, Петръ отвѣчалъ ему: „Пишетъ ваша милость, что сѣмя Ивана Михайловича ростетъ,—въ чемъ прошу васъ быть крѣпкимъ; а кромѣ сего ничѣмъ сей огнь угасить не можно. Хотя зѣло намъ жаль нынѣшняго полезнаго дѣла (поѣздки въ Венецію), однако сей ради причины будемъ къ вамъ такъ, какъ вы не чаете“. Ромодановскій пишетъ о возмущеніи стрѣльцовъ, а Петру представляется, что ростетъ сѣмя Милославскаго! Остальныя слова, что „только крѣпостію можно угасить сей огнь“, уже показываютъ сильное раздраженіе, которое внушало убѣжденіе въ необходимости крайнихъ мѣръ для уничтоженія зла. Привести въ ужасъ противниковъ, кровью залить сопротивленіе—эта мысль обыкновенно приходитъ въ голову революціоннымъ дѣятелямъ въ разгарѣ борьбы, при сильномъ ожесточеніи отъ сопротивленія, при опасеніи за будущность свою и за будущность проводимаго начала. Зловѣщій отвѣтъ Ромодановскому обѣщалъ Москвѣ—терроръ.

На дорогѣ изъ Вѣны въ Россію Петръ получилъ извѣстія о прекращеніи бунта побѣдою Шеина. Между прочимъ Виніусъ писалъ: „Ни единъ не ушелъ; по розыску пущіе изъ нихъ посланы въ путь иной темной жизни съ возвѣщеніемъ своей братьи такимъ же, которые, мню, и въ адъ посажены въ особыхъ мѣстахъ для того, что, чаю, и сатана боится, чтобъ въ адѣ не учинили бунту и его самого не выгнали изъ его державы“ [2].

26-го августа по Москвѣ разнеслась вѣсть, что наканунѣ пріѣхалъ царь; побывалъ кой-гдѣ, былъ у дѣвицы Монсъ; не былъ во дворцѣ, не видался съ женою; вечеръ провелъ у Лефорта, ночевать уѣхалъ въ Преображенское. Въ этотъ вечеръ или въ эту ночь рѣшено было дѣло, которое на другой день должно было изумить Москву и многихъ поразить ужасомъ.

Петръ возвратился въ Москву въ сильномъ раздраженіи: сѣмя Ивана Милославскаго, стрѣльцы, пошли опять ему наперекоръ; передъ отъѣздомъ—Соковнинъ, Цыклеръ, стрѣльцы; только что отдохнулъ за границею, занявшись любимыми дѣлами, какъ опять стрѣльцы не даютъ продолжать путешествія. Но стрѣльцы—это только застрѣльщики, это только вооруженная сила, за которою стоитъ масса людей, противныхъ преобразованію, противныхъ всему тому, чѣмъ уже заявилъ Петръ свою дѣятельность, съ чѣмъ связалъ себя невозвратно, безъ чего не можетъ существовать. Петръ хорошо зналъ, какъ смотрѣли эти люди на его дѣятельность; онъ не откажется, въ угоду имъ, отъ этой дѣятельности, напротивъ—онъ ее усилитъ и, слѣдовательно, возбудитъ противъ себя еще большую ненависть, большее ожесточеніе; сознаніе этого ожесточенія въ другихъ страшно ожесточаетъ его самого; онъ готовъ къ борьбѣ на жизнь и на смерть, онъ возбужденъ, онъ кипитъ,—первый пойдетъ напроломъ, онъ бросится на знамя противниковъ, вырветъ и потопчетъ его: это знамя — борода, это знамя—старинное длинное платье.

---

[1] Дневникъ, III, стр. 198; Пол. Собр. Зак. № 1634; Розыскное дѣло о стрѣльцахъ.

[2] Отъ 24 іюня; Кабинетъ, II, книга № 53.

Но мы не можемъ остановиться здѣсь на однихъ личныхъ побужденіяхъ Петра и выпустить изъ вниманія общій ходъ народнаго дѣла. До Петра народъ повернулъ къ Западу, до Петра народъ началъ работать новому началу, и это должно было непремѣнно высказаться въ одеждѣ и волосахъ. Удивляться нечего этому явленію, которое повторяется безпрерывно въ глазахъ нашихъ; человѣкъ прежде всего въ своей наружности, въ одеждѣ и уборкѣ волосъ старается выразить состояніе своего духа, свои чувства, свои взгляды и стремленія. Какъ только признано превосходство иностранца, обязанность учиться у него,—такъ сейчасъ же является подражаніе, которое естественно и необходимо начинается со внѣшняго, съ одежды, съ убранства волосъ, а тутъ еще твердили, что въ покроѣ платья выказывается разумъ народа: русское платье некрасиво и неудобно, за него иностранцы зовутъ насъ варварами, особенно нерасчесанные волосы дѣлаютъ насъ мерзкими, смѣшными, какими-то лѣсовиками [1]). Уже при Борисѣ Годуновѣ, при первомъ движеніи къ Западу, начинается между Русскими подражаніе иностранцамъ въ наружности, начинается бритье бородъ, и тутъ же начинаются противъ этого сильныя выходки хранителей старины. При царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, съ усиленіемъ движенія къ Западу, усиливается и брадобритіе; мы видѣли, какъ ревностный блюститель отеческихъ преданій, Аввакумъ, не хотѣлъ благословить сына боярина Шереметева, потому что тотъ явился къ нему въ блудоносномъ образѣ, т. е. съ бритою бородою [2]). Ревнители отеческихъ преданій употребили всѣ свои усилія, чтобъ искоренить „еллинскіе, блудническіе, гнусные обычаи“, и достигли, повидимому, своей цѣли, когда правительство, въ угоду имъ, начало отнимать чины за подрѣзываніе волосъ [3]). Но эта ревность была вредна только ревнителямъ, которые были не въ состояніи остановить роковаго движенія и только раздражали противниковъ, заставляли ихъ относиться къ бородѣ и старому длинному платью такъже враждебно, какъ ревнители относились къ блудоносному образу; борода стала знаменемъ въ борьбѣ двухъ сторонъ, и понятно, что когда побѣдитъ сторона новаго, то первымъ ея дѣломъ будетъ низложить враждебное знамя. Движеніе, долженствовавшее привести къ этой побѣдѣ, шло безостановочно: въ 1681 году царь Θеодоръ Алексѣевичъ издалъ указъ всему синклиту и всѣмъ дворянамъ и приказнымъ людямъ носить короткіе кафтаны, вмѣсто прежнихъ длинныхъ охабней и однорядокъ; въ охабнѣ или однорядкѣ никто не смѣлъ являться не только во дворецъ, но и въ Кремль [4]). Патріархъ Іоакимъ съ отчаяніемъ увидѣлъ, что еллинскій, блудническій, гнусный обычай брадобритія явился съ новою силою; опять загремѣлъ противъ него патріархъ: „Еллинскій, блудническій, гнусный обычай, древле многащи возбраняемый, во днехъ царя Алексѣя Михайловича всесовершенно искорененный, паки нынѣ юнонеистовніи начаша образъ, отъ Бога мужу дарованный, губити“. Патріархъ отлучаетъ за брадобритіе отъ Церкви, отлучаетъ и тѣхъ, которые съ брадобрійцами общеніе имѣютъ, [5])—тщетныя усилія, обращающіяся только во вредъ авторитету Церкви и духовенства. Преемникъ Іоакима, Адріанъ, издалъ также сильное посланіе противъ брадобритія, еретическаго безобразія, уподобляющаго человѣка котамъ и псамъ; патріархъ стращалъ Русскихъ людей вопросомъ: если они обрѣютъ бороды, то гдѣ станутъ на страшномъ судѣ;—„съ праведниками ли, украшенными брадою, или съ обритыми еретиками“ [6]).

Эти выходки служатъ для насъ лучшимъ мѣриломъ силы стремленія, противъ котораго онѣ дѣлались, лучшимъ мѣриломъ силы раздраженія, какое должны были возбуждать въ людяхъ „юнонеистовыхъ“. Замѣтимъ также, что способъ, употребленный Петромъ противъ бородъ и русскаго платья, былъ завѣщанъ ему предшественниками, и другой способъ былъ тогда немыслимъ; указомъ царь Алексѣй Михайловичъ вооружился противъ брадобритія, наказывая ослушниковъ пониженіемъ въ чинахъ; указомъ царь Θеодоръ Алексѣевичъ велѣлъ носить короткіе кафтаны вмѣсто длинныхъ охабней и однорядокъ; патріархъ, съ своей стороны, отлученіемъ отъ Церкви наказывалъ за еллинскій обычай. Петръ точно такимъ же насильственнымъ образомъ выводитъ бороды и русское платье. Наконецъ замѣтимъ еще одно обстоятельство: безъ сомнѣнія первымъ дѣломъ Петра, по пріѣздѣ въ Москву, было потребовать розыское дѣло о стрѣльцахъ, и легко понять, съ какимъ чувствомъ читалъ онъ челобитную ихъ, наполненную злыми выходками противъ Францка Лефорта (т. е. противъ самого Петра), противъ Нѣмцевъ, послѣдующихъ брадобритію. — Я Нѣмецъ, послѣдующій брадобритію: такъ вотъ же вамъ ваши бороды!

Утромъ, 26-го августа, толпа всякаго рода людей наполняла деревянный Преображенскій дворецъ, гдѣ Петръ жилъ запросто, принимая вмѣстѣ съ знатью людей самыхъ простыхъ. Тутъ, разговаривая съ вельможами, онъ собственноручно обрѣзывалъ имъ бороды, начиная съ Шеина и Ромодановскаго; не дотронулся только до самыхъ почтенныхъ стариковъ, которымъ вовсе не къ лицу была новая мода: до Тихона Никитича Стрѣшнева и и князя Михаила Алегуковича Черкаскаго [1]),—они одни и остались съ бородами; другіе догадались въ чемъ дѣло, и начали бриться; недогадливымъ было сдѣлано еще внушеніе: 1-го сентября, въ тогдашній Новый Годъ, былъ большой обѣдъ у Шеина; нѣкоторые явились съ бородами, но теперь уже не самъ царь, а царскій шутъ упражнялся въ обрѣзываніи бородъ [2]). Кто послѣ того не хотѣлъ бриться, долженъ былъ платить извѣстную пошлину.

---

[1]) Исторія Россіи т. XIII, стр. 780.

[2]) Исторія Россіи т. XIII, стр. 740.

[3]) Исторія Россіи т. XIII, стр. 89.

[4]) Медвѣдева (или Каріона Истомина) Созерцаніе краткое лѣтъ 7190, 91 и 92, по рукописи кн. Мих. Андр. Оболенскаго.

[5]) Сборникъ Синод. библіот. № 11.

[6]) Рукопись Академіи Наукъ; см. въ книгѣ Устрялова, III, 193.

Дѣло было начато, вызовъ брошенъ людямъ, провозглашавшимъ брадобритіе блудною, еретическою новостію; но Петръ не далѣ имъ опомниться отъ этого удара, сразилъ новымъ ужасомъ, начавши кровавый розыскъ противъ стрѣльцовъ, которые осмѣлились съ оружіемъ въ рукахъ пойти противъ Нѣмцевъ, послѣдующихъ брадобритію. Съ половины сентября начали привозить въ Москву стрѣльцовъ, оставшихся въ живыхъ послѣ перваго Шеиновскаго розыска, и наполнили ими окрестные монастыри и села; всего было болѣе 1,700 человѣкъ. Въ Преображенскомъ, въ 14 застѣнкахъ начались пытки съ 17-го сентября—печальный день именинъ Софіи, когда, 16 лѣтъ тому назадъ, безъ суда, казнены были Хованскіе. Пытки отличались неслыханною жестокостію [3]). Добыто было признаніе, что стрѣльцы хотѣли стать подъ Дѣвичьимъ монастыремъ и звать Софію въ управительство; наконецъ одинъ стрѣлецъ, съ третьяго огня, признался, что было къ нимъ послано отъ царевны Софіи письмо, которое Тума принесъ изъ Москвы въ Великія Луки; то же показано было и нѣкоторыми другими стрѣльцами; дѣло дошло до стрѣльчихъ, оговоренныхъ въ передачѣ письма, до женщинъ, жившихъ при Софіи въ монастырѣ, при сестрѣ ея Мареѣ; женщины были пытаны, и показали уже извѣстное намъ о сношеніяхъ двухъ сестеръ и о передачѣ письма стрѣльцу [4]).

Между тѣмъ дѣлались страшныя приготовленія къ казнямъ: ставили висѣлицы по Бѣлому и Земляному городамъ, у воротъ подъ Новодѣвичьимъ монастыремъ и у четырехъ съѣзжихъ избъ возмутившихся полковъ. Патріархъ вспомнилъ, что его предшественники въ подобныхъ случаяхъ становились между царемъ и жертвами его гнѣва, печаловались за опальныхъ, утоляли кровь. Адріанъ поднялъ икону Богородицы и отправился въ Преображенское къ Петру. Но богатырь расходился, никто и ничто его не удержитъ; завидѣвъ патріарха, онъ закричалъ ему: „Къ чему это икона? развѣ твое дѣло приходить сюда? Убирайся скорѣе и поставь икону на свое мѣсто. Быть можетъ, я побольше тебя почитаю Бога и Пресвятую Его Матерь. Я исполняю свою обязанность и дѣлаю богоугодное дѣло, когда защищаю народъ и казню злодѣевъ, противъ него умышлявшихъ“ [5]).

Петръ самъ допросилъ обѣихъ сестеръ, замѣшанныхъ въ дѣло, Мареу и Софію. Мареа призналась, что говорила Софіи о приходѣ стрѣльцовъ и о ихъ желаніи видѣть ее, Софію, на царствѣ; но отреклась, что никакого письма не передавала стрѣльчихѣ. Софія, спрошенная про письмо, переданное стрѣльцами отъ ея имени, отвѣчала: „Такова письма, которое къ розыску явилось, отъ ней въ стрѣлецкіе полки не посылывано. А что тѣ стрѣльцы говорятъ, что, пришедъ къ Москвѣ, было имъ звать ее, царевну, попрежнему въ правительство, и то не по письму отъ нея, а знатно потому, что она со 190 года была въ правительствѣ“.

30-го сентября была первая казнь: стрѣльцовъ, числомъ 201 человѣкъ, повезли изъ Преображенскаго въ телѣгахъ къ Покровскимъ воротамъ; въ каждой телѣгѣ сидѣло подвое и держали въ рукѣ по зажженной свѣчѣ; за телѣгами бѣжали жены, матери, дѣти съ страшными криками. У Покровскихъ воротъ, въ присутствіи самого царя, прочитана была сказка: „Въ разспросѣ и съ пытокъ всѣ сказали, что было придтить къ Москвѣ и на Москвѣ, учиня бунтъ, бояръ побить и Нѣмецкую слободу разорить, и Нѣмцевъ побить, и чернь возмутить, всѣми четыре полка вѣдали и умышляли. И за то ваше воровство указалъ великій государь казнить смертію“. По прочтеніи сказки, осужденныхъ развезли вершить на указанныя мѣста; но пятерымъ, сказано въ дѣлѣ, отсѣчены головы въ Преображенскомъ; свидѣтели достовѣрные [6]) объясняютъ намъ эту странность: самъ Петръ собственноручно отрубилъ головы этимъ пятерымъ стрѣльцамъ. 11-го октября новыя казни: вершено 144 человѣкъ; на другой день -205, на третій—141; семнадцатаго октября—109; осьмнадцатаго —63, девятнадцатаго—106, двадцать перваго—2.—195 стрѣльцовъ повѣшено подъ Новодѣвичьимъ монастыремъ, передъ кельею царевны Софіи; трое изъ нихъ, повѣшенные подлѣ самыхъ оконъ, держали въ рукахъ челобитныя, „а въ тѣхъ челобитныхъ написано противъ ихъ повинки [7])“. Въ Преображенскомъ происходили кровавыя упражненія; здѣсь 17-го октября, приближенные царя рубили головы стрѣльцамъ: князь Ромодановскій отсѣкъ четыре головы; Голицынъ, по неумѣнью рубить, увеличилъ муки доставшагося ему несчастнаго; любимецъ Петра, **Алексашка** (Меншиковъ) хвалился, что обезглавилъ 20 человѣкъ; полковникъ Преображенскаго полка Блюмбергъ и Лефортъ отказались отъ упражненій, говоря, что въ ихъ земляхъ этого не водится. Петръ смотрѣлъ на зрѣлище, сидя на лошади, и сердился, что нѣкоторые бояре принимались за дѣло трепетными руками [1]. „А у пущихъ воровъ и заводчиковъ ломаны руки и ноги колесами; и тѣ колеса воткнуты были на Красной площади, на колья; и тѣ стрѣльцы, за ихъ воровство, ломаны живые, положены были на тѣ колеса и живы были на тѣхъ колесахъ немного не сутки, и на тѣхъ колесахъ стонали и охали; и по указу великаго государя одинъ изъ нихъ застрѣленъ изъ фузеи, а застрѣлилъ его Преображенскій сержантъ Александръ Меншиковъ. А попы, которые съ тѣми стрѣльцами были у нихъ въ полкахъ, одинъ передъ тіунскою избою повѣшенъ, а другому отсѣчена голова и воткнута на колъ, и тѣло его положено на колесо“ [2]. Цѣлые пять мѣсяцевъ трупы не убирались съ мѣстъ казни, цѣлые пять мѣсяцевъ стрѣльцы держали свои челобитныя передъ окнами Софіи.

---

[1] Донесеніе Гваріента И—ру Леопольду, въ прилож. къ книгѣ Устрялова, III, 621.

[2] Korb—Diarium, p. 75.

[3] Korb—Diarium, p. 82; Rebelles ob silentii pertinatiam trahuntur ad torturam, quae inauditae immanitatis fuit.

[4] Розыскное дѣло о стрѣльцахъ въ Государ. Архивѣ.

[5] Korb—Diarium, p. 83; Quid tibi cum icone? aut quae muneris tui pars te vocat ista in loca? abscede ocyus, atque imaginem in locum repone cultui suo debitum. Scias me Deum colere et Matrem Ejus sanctissimam te forte impensius venerari. Supremi mei officii et debitae in Deum pietatis est tueri populum et crimina in commune ejusdem exitium vergentia publica ultione persecui.

[6] Корбъ, стр. 84. Гваріентъ въ донесеніи отъ 17 октября.

[7] Корбъ, стр. 173; Записки Желябужскаго.

Кромѣ розыска стрѣльцами, взятыми подъ Воскресенскимъ монастыремъ, шелъ еще розыскъ по Азовскому дѣлу. Когда узнали въ Черкасскѣ на Дону о пораженіи стрѣльцовъ подъ Воскресенскимъ монастыремъ, то казаки говорили писарю, пріѣхавшему изъ Воронежа: „Знать ты потѣшный; дай только намъ сроку, перерубимъ мы и самихъ васъ, какъ вы стрѣльцовъ перерубили. Если великій государь къ заговѣнью къ Москвѣ не будетъ, и вѣстей никакихъ не будетъ, то нечего государя и ждать! а боярамъ мы не будемъ служить и царствомъ имъ не владѣть, и атаманъ насъ Фролъ (Минаевъ) не одержитъ, и Москву намъ очищать. Мы Азова не покинемъ: а какъ будетъ то время, что идти намъ къ Москвѣ, и у насъ молодцы съ рѣки не всѣ пойдутъ, и рѣка у насъ впустѣ не будетъ, пойдемъ хотя половинною рѣкою, а до Москвы города будемъ брать и городовыхъ людей съ собою брать, и воеводъ будемъ рубить или въ воду сажать“. Когда въ Азовѣ узнали о событіяхъ подъ Воскресенскимъ монастыремъ, то стрѣльцы начали говорить: „Отцовъ нашихъ и братьевъ и сродичевъ порубили, а мы въ Азовѣ зачтемъ,—начальныхъ людей побьемъ“. Монахи распустили слухъ, что четыре полка стрѣльцовъ и солдатъ Преображенскаго и Семеновскаго полковъ, которые были посланы противъ стрѣльцовъ, но съ ними не бились, порублены всѣ, а царевичъ окопался на Бутыркахъ. Монахи говорили стрѣльцамъ: „Дураки вы, б...... дѣти, что за свои головы не умѣете стоять, васъ и остальныхъ всѣхъ Нѣмцы порубятъ, а Донскіе казаки давно готовы“. Стрѣлецъ Парѳенъ Тимоѳеевъ говорилъ: „Когда бунтовалъ Разинъ и я ходилъ съ нимъ же; еще я на старости тряхну!“ а другой стрѣлецъ, Бугаевъ, толковалъ: „Стрѣльцамъ ни въ Москвѣ, ни въ Азовѣ житья нигдѣ нѣтъ; на Москвѣ отъ бояръ, что у нихъ жалованье отняли безъ указу; въ Азовѣ—отъ Нѣмцевъ, что ихъ на работѣ бьютъ и заставливаютъ работать безвременно. На Москвѣ—бояре, въ Азовѣ—Нѣмцы, въ землѣ—черви, въ водѣ—черти“.—Кромѣ Азовскаго, еще новый розыскъ: стрѣлецкій полковой попъ донесъ, что въ Зміевѣ въ шинкѣ стрѣльцы толковали о своей бѣдѣ, сбирались со всѣми своими полками, стоявшими въ Малороссіи, идти къ Москвѣ; первые должны были попасть на ихъ копья — бояринъ Тихонъ Стрѣшневъ за то, что у нихъ хлѣба убавилъ; Шеинъ - за то, что ходилъ подъ Воскресенскій монастырь. А какъ будутъ брать нарядъ въ Бѣлгородѣ, убить прежде всего боярина князя Якова Ѳед. Долгорукова, если наряда не дастъ. Въ походахъ говорили: „Бояринъ князь Яковъ Ѳед. Долгорукій выбилъ насъ въ дождь и въ слякоть; чѣмъ было намъ Татаръ рубить, пойдемъ къ Москвѣ бояръ рубить“ [3].

11 октября, во второй день казней, Петръ созвалъ соборъ изъ всѣхъ чиновъ людей [4], которому поручилъ изслѣдовать злоумышленіе царевны Софіи и опредѣлить, какому наказанію она должна быть подвергнута. Рѣшеніе собора неизвѣстно; царевну можно было сильно подозрѣвать; но для прямаго доказательства ея вины розыскъ не могъ ничего представить. Мы видѣли, что отвѣчала Софія брату: „Письма я никакого не посылала; но стрѣльцы могли желать меня на правительство, потому что прежде я была правительницею“. Чтобъ уничтожить связь между этимъ прошедшимъ и будущимъ; чтобъ впредь никто не могъ желать ея на правительство, лучшимъ средствомъ было постриженіе. Софія была пострижена подъ именемъ Сусанны и оставлена на житье въ томъ же Новодѣвичьемъ монастырѣ, подъ постоянною стражею изъ сотни солдатъ. Сестры ея могли ѣздить въ монастырь только на Свѣтлой недѣлѣ и въ монастырскій праздникъ Смоленской иконы (28 іюля), да еще въ случаѣ болѣзни монахини Сусанны; Петръ самъ назначилъ довѣренныхъ людей, которыхъ можно было посылать съ спросомъ о ея здоровьи, и приписалъ: „А пѣвчихъ въ монастырь не пускать; поютъ и старицы хорошо, лишь бы вѣра была, а не такъ что въ церкви поютъ спаси отъ бѣдъ, а въ паперти деньги на убійство даютъ“ [5].

Софія была оставлена въ Подмосковскомъ монастырѣ; гораздо виновнѣе по слѣдствію являлась сестра ея Марѳа, которая сама призналась, что сообщила сестрѣ о приходѣ стрѣльцовъ и желаніи ихъ видѣть се, Софію, правительницею; а постельница Марѳы утверждала, что царевна получила челобитную отъ стрѣльцовъ, и отъ нея шло письмо къ Тумѣ. Марѳу постригли подъ именемъ Маргариты въ Успенскомъ монастырѣ Александровской слободы (теперь города Александрова, Владимірской губерніи) [1].

---

[1] Корбъ, стр. 88; Желябужскій.

[2] Желябужскій.

[3] Розыскное дѣло о стрѣльцахъ въ Государ. Архивѣ; Столбцы Преображ. Приказа, № 714.

[4] Корбъ, стр. 87. Conclusit hodie Tzarus ex omnibus suis subditis, Bojarinis, principibus, bellicis, stolnicis, scribis, civibus et plebeis, ex singulis tribubus binos seligere (изъ каждой сотни по двое). Форма собора ясна: заѣзжій иностранецъ не могъ этого выдумать.

[5] Записка Петра безъ означенія числа. Основаніе выходки противъ пѣвчихъ намъ неизвѣстно; извѣстно одно, что постельница Софіи, Вѣра Васютинская, найдена на пыткѣ беременною, и показала, что имѣла связь съ пѣвчимъ (Корбъ, стр. 85).

Еще прежде сестеръ Софіи и Марѳы, Петръ постригъ жену свою, царицу Евдокію Ѳедоровну. Изъ извѣстнаго намъ образа жизни Петра съ его компаніею, Петра — плотника, шкипера, бомбардира, вождя новой дружины, бросившаго дворецъ, столицу для безпрерывнаго движенія, — изъ такого образа жизни легко догадаться, что Петръ не могъ быть хорошимъ семьяниномъ. Петръ женился, т. е. Петра женили — 17 лѣтъ, женили по старому обычаю, на молодой, красивой женщинѣ, которая могла сначала нравиться. Но теремная воспитанница не имѣла никакого нравственнаго вліянія на молодаго богатыря, который рвался въ совершенно иной міръ; Евдокія Ѳедоровна не могла за нимъ слѣдовать — и была постоянно покидаема для любимыхъ потѣхъ. Отлучка производила охлажденіе, жалобы на разлуку раздражали. Но этого мало; Петръ повадился въ Нѣмецкую слободу, гдѣ увидалъ первую красавицу слободы, очаровательную Анну Монсъ, дочь виноторговца. Легко понять, какъ должна была проигрывать въ глазахъ Петра бѣдная Евдокія Ѳедоровна въ сравненіи съ развязною Нѣмкою, привыкшею къ обществу мужчинъ; какъ претили ему привѣтствія въ родѣ: „Лапушка мой, Петръ Алексѣевичъ“ [2], въ сравненіи съ любезностями цивилизованной мѣщанки. Но легко понять такъ-же, какъ должна была смотрѣть Евдокія Ѳедоровна на эти потѣхи мужа, какъ раздражали Петра справедливыя жалобы жены и какъ сильно становилось стремленіе не видать жены, чтобъ не слыхать ея жалобъ. Опостылѣла жена, должны были опостылѣть и ея родственники, Лопухины, и Льву Кирилловичу Нарышкину легко было избавиться отъ соперниковъ; мы видѣли, какіе страшные слухи ходили по Москвѣ объ участи самаго виднаго изъ Лопухиныхъ. А всему виною проклятые Нѣмцы, проклятый Лефортъ, которому, вмѣстѣ съ Плещеевымъ, приписывали доставленіе Петру развлеченій, особенно непріятныхъ царицѣ [3]. И вотъ у Лопухиныхъ къ Лефорту ненависть страшная. Разсказываютъ, что однажды, за обѣдомъ у Лефорта, одинъ изъ Лопухиныхъ побранился съ хозяиномъ, кинулся на него и помялъ прическу, а Петръ за это надавалъ пощечинъ Лопухину [4]. Передъ отъѣздомъ Петра за границу, когда удаляли изъ Москвы всѣхъ ненадежныхъ людей [5], удалены были и отецъ царицы съ двумя братьями: „Марта въ 23 день великій государь указалъ быть въ городахъ на воеводствахъ: на Тотмѣ — боярину Ѳедору Авраамовичу, на Чарондѣ — боярину Василію Авраамовичу да съ нимъ племяннику его стольнику Алексѣю Андрееву сыну, въ Вязьмѣ — стольнику Сергѣю Авраамову сыну, Лопухинымъ, и съ Москвы въ тѣ городы ѣхать имъ вскорѣ“ [6]. Послѣ всего этого Петру, разумѣется, не хотѣлось возвратиться изъ-за границы въ Москву и застать здѣсь подлѣ сына постылую Евдокію. Женившись по-старинѣ, Петръ задумалъ и избавиться отъ жены по старому русскому обычаю: уговорить нелюбимую постричься, а не согласится — постричь и насильно. Изъ Лондона онъ писалъ Нарышкину, Стрѣшневу и духовнику Евдокіи, чтобъ они уговорили ее добровольно постричься. Стрѣшневъ отвѣчалъ, что она упрямится, а духовникъ — человѣкъ малословный, и что надобно ему письмомъ подновить [7])

Ничто не подѣйствовало, и Петръ по возвращеніи въ Москву рѣшился принудить Евдокію постричься. 23 сентября [8]) Евдокію отправили въ суздальскій Покровскій дѣвичій монастырь, гдѣ и была пострижена подъ именемъ Елены — въ іюнѣ слѣдующаго 1699 года [9]. Причина этой медленности неизвѣстна; сохранилось только любопытное извѣстіе отъ сентября 1698 года, что царь разсердился на патріарха, зачѣмъ не исполнено его повелѣніе и Евдокія еще не пострижена; патріархъ сложилъ всю вину на архимандрита и четырехъ священниковъ, которые не соглашались на постриженіе, какъ на дѣло незаконное, и отвезены были за это ночью въ Преображенское [10]. Малолѣтняго царевича Алексѣя, по отъѣздѣ матери, перевезли къ теткѣ, царевнѣ Натальѣ Алексѣевнѣ.

Въ древней лѣтописи Русской находится любопытный разсказъ, какъ великій князь Владиміръ разлюбилъ жену свою, Рогнѣду; какъ та хотѣла его за это убить, не успѣла — и приговорена была мужемъ къ смерти; но когда Владиміръ вошелъ въ комнату Рогнѣды, чтобъ убить ее, то къ нему навстрѣчу вышелъ маленькій сынъ ихъ Изяславъ, и, подавая мечъ Владиміру, сказалъ: „Развѣ ты думаешь, что ты здѣсь одинъ?“ Владиміръ понялъ смыслъ словъ сына и отказался отъ намѣренія убить жену. Но обыкновенно, мужья и жены, когда ссорятся, забываютъ, что они не одни; и Петръ, постригая жену, забылъ что онъ не одинъ, что у него остался сынъ отъ нея.

Печальныя событія лѣта и осени 1698 года держали Петра въ сильномъ раздраженіи, которое въ нѣкоторыхъ случаяхъ выражалось порывами бѣшенства. 14 сентября, на пиру у Лефорта, Петръ началъ браниться съ Шеинымъ и выбѣжалъ вонъ, чтобъ справиться, сколько Шеинъ за деньги надѣлалъ полковниковъ и другихъ офицеровъ. Возвратился въ страшной ярости, выхвативъ шпагу, ударилъ ею по столу и сказалъ Шеину: „Вотъ точно такъ я разобью и твой полкъ, и съ тебя сдеру кожу“. Ярость еще больше была усилена, когда князь Ромодановскій и Зотовъ стали защищать Шеина; Петръ бросился на нихъ, ударилъ Зотова по головѣ, Ромодановскаго—по рукѣ, такъ что едва не отсѣкъ пальцевъ; Шеинъ былъ бы убитъ, еслибъ Лефортъ не удержалъ Петра, получивши и самъ порядочный ударъ. Всѣ были въ ужасѣ; но молодой фаворитъ умѣлъ успокоить Петра, который потомъ весело пировалъ до утра [1]).

---

[1]) По нѣкоторымъ извѣстіямъ, Марѳа имѣла связь съ дьякономъ Иваномъ Гавриловичемъ, который былъ также замѣшанъ въ стрѣлецкое дѣло (Корбъ, 165).

[2]) Такъ начинается одно письмо Евдокіи къ Петру.

[3]) Александръ Гордонъ — The history of Peter the Great.

[4]) Шведскій резидентъ Кохенъ.

[5]) Lettre sur l'etat present de la Moscovie, p. 226.

[6]) Дворцовые разряды, IV, 1046. Думать, что ссылка Лопухиныхъ имѣетъ связь съ Цыклеровскимъ дѣломъ, нѣтъ никакого основанія.

[7]) Кабинетъ, II, книга № 53.

[8]) Дневникъ Гордона подъ этимъ числомъ.

[9]) Суздальское розыскное дѣло въ Государ. Архивѣ.

[10]) Корбъ, стр. 80.

Этотъ молодой фаворитъ былъ сержантъ Преображенскаго полка Александръ Даниловичъ Меншиковъ, извѣстный въ описываемое время больше подъ именемъ „Алексашки“. Относительно происхожденія знаменитаго впослѣдствіи свѣтлѣйшаго князя нѣтъ никакихъ противорѣчій въ источникахъ; современники иностранцы единогласно говорятъ, что Меншиковъ былъ очень незнатнаго происхожденія; по русскимъ извѣстіямъ, онъ родился близъ Владиміра и былъ сыномъ придворнаго конюха [2]). Извѣстно, какое значеніе получили при Петрѣ потѣшные конюхи, какъ изъ нихъ преимущественно сформировались потѣшные полки Преображенскій и Семеновскій; отсюда понятно, какимъ образомъ отецъ Меншикова попалъ въ капралы Преображенскаго полка [3]). Слѣдовательно оффиціальный актъ, жалованная грамота на княжеское достоинство Меншикову говоритъ совершенно справедливо, что родитель Александра Даниловича служилъ въ гвардіи. Но при этомъ мы не имѣемъ никакого права не допускать извѣстія, что сынъ потѣшнаго конюха, который долго не назывался иначе, какъ „Алексашка“, торговалъ пирогами, ибо всѣ эти мелкіе служилые люди и сами, какъ только могли, и дѣти ихъ промышляли разными промыслами; не имѣемъ никакого права отвергать слѣдующій разсказъ очевидца [4]). Петръ, разсердившись однажды сильно на князя Меншикова, сказалъ ему: „Знаешь ли ты, что я разомъ поворочу тебя въ прежнее состояніе, чѣмъ ты былъ? Тотчасъ возьми кузовъ свой съ пирогами, скитайся по лагерю и по улицамъ, кричи: пироги подовые! какъ дѣлывалъ прежде. Вонъ!“—и вытолкалъ его изъ комнаты. Меншиковъ обратился къ императрицѣ Екатеринѣ, которая успѣла развеселить мужа, а между тѣмъ Меншиковъ добылъ себѣ кузовъ съ пирогами и явился съ нимъ къ Петру. Государь разсмѣялся и сказалъ: „Слушай, Александръ! перестань бездѣльничать, или хуже будешь пирожника“. Гнѣвъ прошелъ совершенно. Меншиковъ пошелъ за императрицею и кричалъ: пироги подовые! а государь вслѣдъ ему смѣялся и говорилъ: „Помни, Александръ!“—Помню, ваше величество, и не забуду. Пироги подовые! [5]).

Алексашка, вслѣдствіе фавора, уже въ описываемое время выдавался впередъ между приближенными къ царю и, по смерти Лефорта, займетъ его мѣсто, никого не будетъ ближе его къ Петру, но вмѣстѣ съ тѣмъ отъ Лефорта перейдетъ къ нему печальное наслѣдство—ненависть людей, которые будутъ противъ Петра и дѣлъ его. Наружность фаворита была очень замѣчательна: онъ былъ высокаго роста, хорошо сложенъ, худощавъ съ пріятными чертами лица, съ очень живыми глазами; любилъ одѣваться великолѣпно и главное, что особенно поражало иностранцевъ, былъ очень опрятенъ, качество рѣдкое еще тогда между Русскими. Но не одною наружностью могъ онъ держаться въ приближеніи: люди внимательные и безпристрастные признали въ немъ большую проницательность, удивлялись необыкновенной ясности рѣчи, отражавшей ясность мысли, ловкости, съ какою умѣлъ обдѣлать всякое дѣло, искусству выбирать людей. Такъ являлся Меншиковъ своею свѣтлою стороной. Обратимся къ темной:—это была необыкновенно сильная природа; но мы уже говорили, какъ становится страшно передъ сильными природами въ обществѣ, подобномъ русскому въ описываемое время. Все, что было сказано о Петрѣ, прилагается къ его птенцамъ, его сподвижникамъ; все это силы, для которыхъ общество выработало такъ мало сдержекъ. Въ обществѣ подобнаго рода, какъ въ широкомъ степномъ пространствѣ, гдѣ нѣтъ опредѣленныхъ, искусственно проложенныхъ дорогъ, каждый можетъ раскатываться во всѣхъ направленіяхъ. Вездѣ и всегда одинъ и тотъ же законъ: сила не остановленная будетъ идти вкось и вкривь. У Меншикова и товарищей его была большая сила, потому они и оставили имена свои въ исторіи; но гдѣ они могли найти сдержку своимъ силамъ—въ силѣ сильнѣйшаго? Этой силы было недостаточно; лучшимъ доказательствомъ служитъ то, что этотъ сильнѣйшій долженъ былъ употреблять пощечины и палку для сдерживанія своихъ сподвижниковъ, а употребленіе такихъ средствъ—лучшее доказательство слабости того, кто ихъ употребляетъ, лучшее доказательство слабости общества, гдѣ они употребляются. Силенъ былъ, кажется, Петръ Великій лично, силенъ былъ и неограниченною властію своею, а между тѣмъ мы знаемъ, какъ онъ былъ слабъ, какъ не могъ достигнуть непосредственно, при жизни своей, самыхъ благодѣтельныхъ цѣлей, ибо не можетъ быть крѣпкой власти въ слабомъ, незрѣломъ обществѣ: власть выростаетъ изъ общества и крѣпка, если держится на твердомъ основаніи; на рыхлой почвѣ, на болотѣ ничего утвердить нельзя.

---

[1]) Корбъ, стр. 76; донесеніе Гваріанта отъ 19 сент.

[2]) Рукопись Эрмитажа, № 90.

[3]) Александръ Гордонъ—The history of Peter the Great, II, 274.

[4]) Нартовъ—Достопамятныя повѣствованія, Москвитянинъ 1842 г.

[5]) Что касается до извѣстія о литовскомъ или западно-русскомъ происхожденіи Меншиковыхъ, то оно очень вѣроятно, ибо переселенцевъ изъ Литвы и Западной Россіи, принятыхъ въ разныя службы, было много со временъ царя Алексѣя. Впрочемъ, надобно замѣтить, что какъ прежде въ Московскомъ государствѣ знатные роды въ позднѣйшихъ *сочиненныхъ* родословныхъ любили выводить своихъ предковъ изъ-за границы, тогда какъ старинныя родословныя объ этомъ ничего не знаютъ, такъ и фамиліи, поднявшіяся не изъ знати со временемъ Петра Великаго, начали вести свое происхожденіе отъ выѣзжихъ иностранцевъ, придумывать по сходству звуковъ объясненія своимъ фамиліямъ изъ иностранныхъ языковъ, тогда какъ эти фамиліи старинныя и чисто русскія, только не знатныя. *Меншиковы* значитъ люди, пошедшіе отъ меньшаго сына *Меншика*, какъ *Перваго*—отъ старшаго сына, *Второвы*—отъ втораго и т. д. *Третьяковы*, *Четвериковы*, *Пятериковы*, *Шестериковы*, *Семого*, *Девятовы*.

Выхваченный снизу вверхъ, Меншиковъ расправилъ свои силы на широкомъ просторѣ; силы эти, разумѣется, выказались въ захватѣ почестей, богатства; разнузданіе, при тогдашнихъ общественныхъ условіяхъ, при этомъ, кружившемъ голову переворотѣ, при этомъ сильномъ движеніи, произошло быстро. Мы увидимъ, что Меншиковъ ни передъ чѣмъ не остановится. И въ описываемое время сержантъ Алексашка уже показывалъ страшное честолюбіе. Петръ не питалъ слѣпой привязанности къ своему любимцу: когда кто-то просилъ царя, чтобъ пожаловалъ Алексашку въ стольники, то Петръ отвѣчалъ, что Алексашка и безъ того употребляетъ во зло свое значеніе, что надобно уменьшать въ немъ честлюбіе, а не увеличивать [4]). Послѣ Петръ не пожалѣетъ никакихъ почестей для Меншикова, когда заслуги послѣдняго станутъ явны передъ всѣми.

Въ своемъ раздраженіи, Петръ не щадилъ ни стараго, ни новаго любимца: заставши однажды Меншикова, пляшущаго въ шпагѣ, онъ такъ ударилъ его, что у того полилась кровь изъ ноздрей; а потомъ, на пиру у полковника Чамберса, онъ схватилъ Лефорта, бросилъ на землю и топталъ ногами [2]). Тяжелая мысль давила Петра и увеличивала раздраженіе; при сравненіи того, что онъ видѣлъ за границею, и того, что нашелъ въ Россіи, страшное сомнѣніе западало въ душу: можно ли что-нибудь сдѣлать; не будетъ ли все, сдѣланное съ громадными усиліями, жалкимъ и ничтожнымъ въ сравненіи съ тѣмъ, что онъ видѣлъ на Западѣ? Ограничиться бѣдными начатками, не видать важныхъ результатовъ своей дѣятельности—было тяжело для богатыря, кипѣвшаго такими силами. Особенно, какъ видно, приводило его въ отчаяніе любимое дѣло, кораблестроеніе, при воспоминаніи о томъ, что онъ видѣлъ въ Голландіи и Англіи, и о томъ, что оставилъ въ Воронежѣ. Черезъ два дня послѣ осеннихъ стрѣлецкихъ казней, вечеромъ 23 октября, Петръ поѣхалъ въ Воронежъ и оттуда писалъ Виніусу: „Мы, слава Богу, зѣло въ изрядномъ состояніи нашли флотъ и магазеи обрѣли. Только еще облакъ сомнѣнія закрываетъ мысль нашу, да не укоснѣетъ сей плодъ, яко финиковъ, котораго насаждающи не получаютъ видѣть. Обаче надѣемся на Бога съ блаженнымъ Павломъ: подобаетъ дѣлателю отъ плода вкусити." — „Только еще облакъ сомнѣнія закрываетъ мысль нашу": значитъ, сомнѣніе тяготило въ Москвѣ и найденное изрядное состояніе флота и магазеевъ не могло прогнать его. Въ другомъ письмѣ пишетъ: „А здѣсь, при помощи Божіей, препораторіумъ великій, только ожидаемъ благого утра, дабы мракъ сумнѣнія нашего прогнанъ былъ. Мы здѣсь начали корабль, который можетъ носить 60 пушекъ". Тяжкое сомнѣніе, которое отняло бы руки у другого, не привело однако Петра къ бездѣйствію; онъ работалъ такъ же неутомимо, какъ и до поѣздки за границу. А между тѣмъ происходили любопытныя явленія, характеризующія время. Лучшимъ изъ учениковъ морскаго дѣла, посланныхъ Петромъ за границу, оказался Скляевъ, находившійся съ царемъ въ постоянной перепискѣ. Онъ въ описываемое время возвратился изъ-за границы и долженъ былъ ѣхать къ царю въ Воронежъ. Петръ ждетъ съ нетерпѣніемъ нужнаго человѣка—нѣтъ Скляева. Наконецъ приходитъ вѣсть, что онъ, вмѣстѣ съ товарищемъ своимъ Верещагинымъ, въ рукахъ страшнаго Пресбургскаго короля. Петръ пишетъ Ромодановскому: „Въ чемъ держать нашихъ товарищей Скляева и Лукьяна (Верещагина)? Зѣло мнѣ печально. Я зѣло ждалъ паче всѣхъ Скляева, потому что онъ лучшій въ семъ мастерствѣ, а ты изволилъ задержать. Богъ тебѣ судитъ! Истинно никого мнѣ нѣтъ здѣсь помощника. А чаю дѣло не государственное. Для Бога, свободи (а какое до нихъ дѣло, я порука по нихъ) и пришли сюды". Ромодановскій отвѣчалъ: „Что ты изволишь ко мнѣ писать о Лукьянѣ Верещагинѣ и о Скляевѣ, будто я ихъ задержалъ, — я ихъ не задержалъ, только у меня сутки ночевали. Вина ихъ такая: ѣхали Покровскою слободою пьяны и задрались съ солдаты Преображенскаго полку, изрубили двухъ человѣкъ солдатъ и по розыску явилось на обѣ стороны неправы; и я, розыскавъ, высѣкъ Скляева за его дурость, также и челобитчиковъ, съ кѣмъ ссора учинилась, и того часу отослалъ къ Ѳедору Алексѣевичу (Головину). Въ томъ на меня не прогнѣвись: не обыкъ въ дуростяхъ спускать, хотя-бъ и не такова чину были" [3]).

Ромодановскій въ отсутствіе царя долженъ былъ заниматься не однимъ разборомъ ссоры Скляева съ преображенскими солдатами. Тотчасъ по отъѣздѣ Петра въ Воронежъ, по Москвѣ пошли слухи, что начались тайныя сборища недовольныхъ; гонецъ, отправленный ночью къ царю съ письмами и дорогими инструментами, былъ схваченъ на Каменномъ мосту и ограбленъ; письма нашли на другой день разбросанными по мосту, но инструменты и самъ гонецъ пропали [4]). Въ концѣ 1698 года царь воз-

---

[1]) Корбъ, стр. 116.

[2]) Корбъ, стр. 84, 86.

[3]) Кабин. II, кн. № 2.

[4]) Корбъ, ст. 95.

вратился въ Москву и на Рождествѣ тѣшился одною изъ любимыхъ своихъ забавъ: переряженный съ большою свитою, на 80 саняхъ ѣздилъ славить Христа; хозяева домовъ, куда пріѣзжали славильщики, должны были давать имъ деньги; богачъ князь Черкасскій былъ щедрѣе всѣхъ; но одинъ купецъ далъ на всю компанію только 12 рублей; Петръ разсердился, набралъ на улицѣ сотню мужиковъ и привелъ къ скупому купцу, который долженъ былъ теперь дать каждому мужику по рублю[1]). Въ январѣ опять 10 застѣнковъ въ Преображенскомъ для оставшихся стрѣльцовъ; въ февралѣ снова казни сотнями, опять упражненія самого царя съ помощію Плещеева[2]). Въ концѣ февраля начали вывозить трупы изъ Москвы: болѣе тысячи было вывезено за заставы и тамъ нѣсколько времени лежали кучами, пока наконецъ зарыты въ землю[3]).

За нѣсколько дней предъ казнями былъ пиръ у Адама Вейде, но царь сидѣлъ погруженный въ мрачну думу[4]). Лефортъ истощалъ свою изобрѣтательность, чтобъ развлечь его. Великолѣпный домъ, построенный для адмирала на казенныя деньги, былъ отстроенъ; назначено было большое торжество для открытія или посвященія этого храма Бахусу; шутовская процессія тянулась въ Лефортовъ дворецъ изъ дома полковника Лимы: шествовалъ всешутѣйшій Зотовъ, украшенный изображеніями Бахуса, Купидона и Венеры, за нимъ вся компанія: одни несли чаши, наполненныя хмельными напитками, другіе несли сосуды съ курящимися табачными листьями[5]).

Стрѣльцы, бунтовавшіе въ Торопцѣ и Азовѣ, были переказнены; всѣ остальные московскіе и азовскіе стрѣльцы были распущены, имъ было запрещено принимать въ солдаты; запрещено жить въ Москвѣ имъ и ихъ женамъ[6]). Но дѣло не было исключительно стрѣлецкое; борьба разгоралась все болѣе и болѣе, и кровь вызывала на новую кровь, Пресбургскій король въ Преображенскомъ не могъ оставаться въ бездѣйствіи. Когда стрѣльцовъ толпами начали свозить въ Москву для розысковъ, то въ народѣ пошелъ слухъ, что по нихъ будутъ стрѣлять изъ пушекъ; возбудилось сочувствіе, и въ Преображенское былъ поданъ доносъ на жену стряпчаго конюха Аксинью, которая говорила своему крѣпостному человѣку Гаврилѣ: „Видишь, онъ стрѣльцовъ не любитъ, сталъ ихъ переводить, ужъ онъ всѣхъ ихъ переведетъ“, а Гаврила говорилъ: „Чего хотѣть отъ басурмана, онъ обасурманился, въ среду и пятницу мясо ѣстъ; коли сталъ стрѣльцовъ переводить, переведетъ и всѣхъ, ужъ ожидовѣлъ и безъ того жить не можетъ, чтобъ въ который день крови не пить“. Аксинья прибавила съ ругательствомъ: „Кадошевцевъ отъ Покровскихъ воротъ до Яузкихъ велѣлъ бить кнутомъ, и какъ ихъ били—и онъ за ними самъ шелъ“. Аксинью и Гаврилу казнили смертію[7]). Стрѣлецъ Петрушка Кривой въ вологодской тюрьмѣ кричалъ: „Нынѣ нашу братію стрѣльцовъ прирубили, а остальныхъ посылаютъ въ Сибирь; только нашей братіи во всѣхъ сторонахъ и въ Сибири осталось много; а кто ихъ заставилъ рубить,—и у того голова его чуть на ниткѣ держится; собрався всѣ, будемъ на Москвѣ, и самому ему торчать у насъ на колѣ; на Москвѣ зубы у насъ есть, будетъ у насъ и тотъ въ рукахъ, кто насъ пыталъ и вѣшалъ“. Въ Преображенскомъ Кривой не запирался и говорилъ: „Какъ я изъ Сибири ушелъ и мнѣ было съ своею братьею, ссылочными и бѣглыми, и съ тѣми, которые въ полкахъ, и которые стрѣльцы изъ полковъ написались въ города, въ посады, съ иными видѣться, а съ иными списываться, за ту свою обиду и за стрѣлецкую казнь идти къ Москвѣ и, учиня бунтъ, государя и бояръ побить“[8]). Какъ обыкновенно бываетъ, недовольные настоящимъ искали утѣшенія въ будущемъ; недовольные Петромъ обращались съ надеждою къ наслѣднику, царевичу Алексѣю, который не будетъ похожъ на отца. Когда одна партія стрѣльцовъ сидѣла за карауломъ въ Симоновѣ монастырѣ, то монастырскій конюхъ Никита Кузьминъ говорилъ имъ: „Стрѣльцы, которые были въ Новоспасскомъ монастырѣ и которые монастырскіе служки и крестьяне везли ихъ на пушечный дворъ, говорили: не одни стрѣльцы пропадаютъ, плачутъ и царскія сѣмена“; и стрѣлецкія жены говорили: царевна Татьяна Михайловна жаловалась царевичу на боярина Тихона Никитича Стрѣшнева, что онъ ихъ (царевенъ) поморилъ съ-голоду, „еслибъ-де не монастыри насъ кормили, мы бы давно съ-голоду померли“, и царевичъ ей сказалъ: „дай-де мнѣ сроку, я-де ихъ переберу“. Стрѣльчихи говорили: государь свою царицу послалъ въ Суздаль, и везли ее одну, только съ постельницею да съ дѣвицею мимо ихъ, стрѣлецкихъ, слободъ въ худой кареткѣ и на худыхъ лошадяхъ. Какъ постельница изъ Суздаля пріѣхала, и царевичъ хватился матери и сталъ тосковать и плакать, и царевича государь уговаривалъ, чтобъ не плакалъ. И послѣ государя царевичъ изъ хоромъ своихъ вышелъ на перила, а за нимъ вышелъ Левъ Кирилловичъ Нарышкинъ, и царевичъ ему говорилъ: „Для чего ты за мною гоняешься, никуда не уйду“. Намутила на царицу царевна Наталья Алексѣевна; государь царицѣ говорилъ: „Моли ты Бога за того, кто меня отъ тебя остудилъ“. Государь Нѣмецъ любитъ, а царевичъ Нѣмецъ не любитъ; приходилъ къ нему Нѣмчинъ и говорилъ невѣдомо какія слова, и царевичъ на томъ Нѣмчинѣ платье сжегъ и его опалилъ. Нѣмчинъ жаловался государю, и тотъ сказалъ: „Для чего ты къ нему ходишь, покамѣсть я живъ – потамѣсть и вы“.—Кузьминъ объявилъ, что все это онъ слышалъ отъ Хлѣбеннаго дворца стряпчаго Василья Костюрина [1]). Стрѣлецкія казни произвели особенно сильное впечатлѣніе на женщинъ, которыя говорили: „Государь съ молодыхъ лѣтъ бараны рубилъ, и нынѣ руку ту натвердилъ надъ стрѣльцами.—Котораго дня государь и князь Ѳедоръ Юрьевичъ Ромодановскій крови изопьютъ,—того дня въ тѣ часы они веселы, а котораго дня не изопьютъ,—и того дня имъ хлѣбъ не ѣстся“ [2]).

---

[1]) Корбъ, стр. 101.

[2]) Корбъ, стр. 112.

[3]) Розыскное дѣло о стрѣльцахъ.

[4]) Корбъ, стр. 110.

[5]) Корбъ, стр. 115.

[6]) Полное Собр. Закон. IV, № 1679, 1820; розыскное дѣло о стрѣльцахъ.

[7]) Столбцы Преобр. Приказа № 696.

[8]) Столбцы Преобр. Приказа № 696.

Какъ скоро начало ослабѣвать впечатлѣніе стрѣлецкаго розыска, начались выходки противъ бритья бородъ. Духовенство и въ челѣ его патріархъ находились теперь въ самомъ затруднительномъ положеніи: они провозглашали, что брадобритіе есть богоненавистное дѣло, и вдругъ царь своимъ примѣромъ и приказомъ вводитъ это богоненавистное дѣло: оставалось или продолжать высказывать прежнее мнѣніе, т.-е. идти противъ Верховной власти, или замолчать; предпочли, разумѣется, послѣднее—и навлекли на себя сильные укоры со стороны ревнителей отеческихъ преданій. Въ іюлѣ 1699 года, Знаменскій архимандритъ Іоасафъ подалъ слѣдующее извѣщеніе: „Былъ я на погребеніи у посадскаго человѣка, у церкви Зачатія въ Углу, и на томъ погребеніи, видя соблазнъ Нагого Ивашки и съ нимъ другихъ въ волосяницахъ, съ которыми онъ по рядамъ и по церквамъ ходилъ и деньги обманомъ собиралъ, велѣлъ его, Ивашка Нагого, и волосяничника Ивашка Калинина и старца своего Герасима Босаго взять за тотъ соблазнъ и посадить въ цѣпь, а Ивашка Нагого велѣлъ взять къ себѣ въ келью, потому что онъ безмолвствовалъ и ни съ кѣмъ не говорилъ при многихъ людяхъ, и сталъ я ему говорить, что онъ по рядамъ и по погребеніямъ ходитъ и деньги сбираетъ, и онъ сказалъ: „Въ томъ-де вины нѣтъ, а даютъ мнѣ ради моей святости, и въ томъ мнѣ будетъ мзда отъ Бога; я бралъ и раздаю нищимъ же, и иному бы и не дали, и я-де хочу и не то дѣлать,—идти въ Преображенское царя обличать, что бороды брѣетъ и съ Нѣмцами водится и вѣра стала нѣмецкая“.—Я ему сказалъ: Проклятый сатана, нагой бѣсъ! что ты видѣлъ или отъ ума отошелъ? У насъ св. патріархъ глава и образъ Божій носитъ на себѣ, а никакого соблазну отъ него, государя, не слыхалъ. Нагой отвѣчалъ: „А какой-де онъ патріархъ?—живетъ изъ куска, спать бы ему да ѣсть, да бережетъ-де мантіи да клобука бѣлова, за тѣмъ-де онъ и не обличаетъ, а вы-де власти всѣ накупныя“.—Нагой въ Преображенскомъ Приказѣ признался, что его зовутъ не Иваномъ, а Парамономъ; на пыткѣ объявилъ, что про царя слышалъ, какъ читали въ прологѣ въ церквахъ; о патріархѣ сказалъ съ-проста ума, дьяволъ научилъ. Жженъ огнемъ и съ огня говорилъ прежнія рѣчи; приговоренъ къ кнуту и ссылкѣ въ Азовъ на каторогу [3]).

Мы видѣли [4]), что при царѣ Михаилѣ табакъ былъ запрещенъ, а въ началѣ царствованія Алексѣя былъ въ употребленіи и продавался отъ казны; но табакъ, испытавшій повсюду такое сильное сопротивленіе при своемъ введеніи, испыталъ его и въ Россіи: ревнители отеческихъ преданій опять вооружились противъ проклятой неизвѣстно кѣмъ травы и вынудили у правительства самыя строгія противъ нея мѣры. Петръ, еще до поѣздки за границу, позволилъ продажу табаку, сборъ пошлинъ съ этой продажи былъ отданъ торговому человѣку гостиной сотни Мартыну Орленку; а потомъ, будучи въ Англіи, царь предоставилъ право исключительной торговли табакомъ въ Россіи маркизу Кармартену за 20,000 фунтовъ стерлинговъ (48,000 рублей) съ уплатою всей суммы впередъ [5]). Это позволеніе употреблять табакъ, разумѣется, усилило негодованіе ревнителей отеческихъ преданій: „Какой то нынѣ государь, что пустилъ такую проклятую табаку въ міръ“, говорили они; „нынѣшніе попы волки и церкви Божіей обругатели, а антидоръ противъ нынѣшней табаки, потому что попы и иныхъ чиновъ люди табакъ пьютъ и принимаютъ антидоръ“ [6]).

Усиливалась борьба, раздраженіе съ обѣихъ сторонъ, усиливались выраженія неудовольствія на царя и его дѣла, усиливались доносы и розыски въ Преображенскомъ. Но, кромѣ того, нашлись люди, которые хотѣли воспользоваться обстоятельствами, и начали являться ложные доносы. Монахи, напившись, поѣхали ночью по Москвѣ, крича встрѣчнымъ: „Дай дорогу, убьемъ“! Навстрѣчу попался царь, который не обратилъ на нихъ никакого вниманія, сказавши: „Это пьяные“. Но черезъ нѣсколько времени явился доносъ, что монахи хотѣли убить государя; доносъ шелъ отъ монаховъ же. Нельзя стало строгому игумену смирить безнравственно живущаго монаха: сейчасъ доносъ на игумена въ непристойныхъ словахъ или замыслахъ [7]). Ложныхъ доносчиковъ наказывали жестоко, но это мало помогало.

Дѣло Авдотьи Нелидовой служитъ лучшимъ доказательствомъ, какъ изобрѣтательны были люди, рѣшавшіеся для собственнаго спасенія тянуть другихъ въ Преображенское.

Въ маѣ 1698 года, стольникъ Петръ Волынскій билъ челомъ, чтобъ взять къ розыску и наказать дворовую жены его Авдотью Нелидову, обвиненную въ порчѣ. Авдотья въ застѣнкѣ сказала за собою великаго государя слово: „До Азовскаго похода, о Святой Недѣлѣ и послѣ, къ женѣ Волынскаго Авдотьѣ Ѳедоровнѣ, когда она еще была вдовою послѣ князя Ив. Никитича Засѣкина, пріѣзжала въ домъ съ Верху комнатная дѣвка Жукова, да съ нею пріѣзжалъ пѣвчій Василій Ивановъ; присылала Анну изъ дѣвичьяго монастыря царевна Софья Алексѣевна говорить вдовѣ Авдотьѣ: о чемъ тебѣ царевна прежде приказывала сходить въ Преображенское,—ходила-ли ты или нѣтъ? и Авдотья Аннѣ сказала: „Была я въ Преображенскомъ и вынула землю изъ-подъ слѣда государева, и эту землю отдала для составу крестьянской женкѣ Ѳедора Петровича Салтыкова, Ѳіонѣ Семеновой, чтобъ сдѣлала отраву у себя въ домѣ, чѣмъ известь государя на смерть". Спустя дня съ три пріѣхала опять Жукова и спрашивала Авдотью: „Куда ты дѣла отравное зелье"? Та отвѣчала: „Ходила я въ Марьину рощу съ этимъ составомъ и не улучила времени, чтобъ вылить его изъ кувшина въ ступню государеву". Составъ этотъ Авдотья Нелидовой показывала: красенъ точно кровь, причемъ говорила: „Если-бъ мнѣ удалось вылить его въ ступню, то государь не жилъ бы и трехъ часовъ". Она же, вдова Авдотья, была въ гостяхъ у дьяка Лукина и, возвратясь, говорила Нелидовой: „Не знала я, что государь будетъ у дьяка; а если-бъ знала, то взяла бы зелье съ собою". Нелидова стала ей говорить: „За что ты на великаго государя такое злое дѣло промышляешь"? и когда пріѣхали ко вдовѣ братья Воейковой, также родной братъ ея Василій Головленковъ, то Нелидова всѣмъ имъ троимъ разсказала про замыслы боярыни, и Головленковъ послѣ того не ѣздилъ недѣль съ 30 къ сестрѣ. Боярыня разсердилась на Нелидову и сослала ее въ Ряжскую вотчину, приказавъ утопить въ рѣкѣ".

---

[1]) Костюринское дѣло въ столбцахъ Преобр. Приказа.

[2]) Костюринское дѣло въ столбцахъ Преобр. Приказа, № 808, 905.

[3]) остюринское дѣло въ столбцахъ Преобр. Приказа, № 719.

[4]) Исторія Россіи, т. X, стр. 1520.

[5]) Полн. Собр. Зак. III, № 1570, 1581, 1628.

[6]) Столбцы Преобр. Приказа, № 519.

[7]) Столбцы Преобр. Приказа, № 7, 877.

Жена Ѳіона, взятая въ Преображенское, объявила, что лѣчитъ разныя болѣзни разными зельями, но лѣчитъ простотою своею, безъ наговоровъ; бывала и у княгини Авдотьи Засѣкиной, лѣчила ее отъ лихорадки, а отравнаго зелья для нея никакого не составляла.—„Я человѣкъ добрый", говорила Ѳіона: „за худымъ дѣломъ не хожу; а Дунька Нелидова вѣдомая воровка; испортила кликотною болѣзнію двухъ женокъ, да двухъ дѣвокъ изъ дворни княгини Засѣкиной, да ученицу свою, которая выучилась шить лучше ея; хотѣла и боярыню свою испортить, въ чемъ и винилась, и сослана въ дальнюю вотчину".

Нелидова говорила прежнія рѣчи, прибавила, что люди Засѣкиной, которымъ велѣно было посадить ее въ воду, пожалѣли и присовѣтовали бѣжать; она бѣжала, была поймана и отдана къ розыску въ порчѣ.

Всѣ оговоренные Нелидовою показали, что она ихъ поклепала; Авдотья Волынская объявила только, что Жукова ѣзжала къ ней часто, потому что она ей своя. Но Нелидова и на пыткѣ говорила прежнія рѣчи, и прибавила, что Ѳіона сдѣлала еще составъ для Головленкова, чтобъ ему любиться съ царевною Марѳою Алексѣевною. Ѳіона съ пытки не признавалась; наконецъ Нелидова со втораго подъема объявила, что всѣхъ поклепала.

Не обошлось въ описываемое время и безъ самозванства: въ Псковскихъ мѣстахъ ѣздилъ человѣкъ, который называлъ себя Преображенскаго полка капитаномъ Петромъ Алексѣевымъ, и собралъ легковѣрныхъ [1]).

Дѣла увеличились въ Преображенскомъ; но, кромѣ розыска этихъ политическихъ преступленій, Пресбургскій король упражнялся постоянно въ розыскахъ по разбойнымъ дѣламъ. Не должно забывать, что мы имѣемъ дѣло съ юнымъ обществомъ, гдѣ правительство ведетъ войну съ разбойниками, отъ которыхъ нѣтъ житья мирнымъ гражданамъ; въ такихъ обществахъ герои-истребители разбойниковъ ставятся высоко, и насчетъ этой дѣятельности князя Ѳедора Юрьевича Ромодановскаго нѣтъ упрековъ, и самъ онъ гордится своею кровавою дѣятельностію. Въ Голландію къ Петру пріѣхалъ изъ Москвы одинъ изъ компаніи, знаменитый Яковъ Брюсъ съ ранами отъ обжога, и сказалъ, что князь Ромодановскій обжегъ его на пиру подъ вліяніемъ Хмельницкаго. Царь по этому случаю написалъ Ромодановскому: „Звѣрь! Долго-ль тебѣ людей жечь? И сюда раненые отъ васъ пріѣхали. Перестань знаться съ Ивашкою. Быть отъ него рожѣ драной" Ромодановскій отвѣчалъ: „Въ твоемъ письмѣ написано-ко мнѣ, будто я знаюсь съ Ивашкою Хмельницкимъ, и то, господине, неправда: нѣкто къ вамъ пріѣхалъ прямой московской пьяной, да сказалъ въ безпамятствѣ своемъ. Нѣколи мнѣ съ Ивашкою знаться—всегда въ кровяхъ омываемся Ваше-то дѣло на-досугѣ стало знакомство держать съ Ивашкою, а намъ недосугъ! А что Яковъ Брюсъ донесъ, будто отъ меня руку обжогъ, и то сдѣлалось пьянствомъ его, а не отъ меня" [2]). Петръ отписалъ на это: „Писано, что Яковъ Брюсъ съ пьянства своего то сдѣлалъ: и то правда, только на чьемъ дворѣ и при комъ? А что въ кровяхъ, и и отъ того, чаю, и больше пьете для страху. А намъ подлинно нельзя, потому что непрестанно въ ученьи".

Разбои производились въ обширныхъ размѣрахъ въ самой Москвѣ. Для примѣра приведемъ два письма Ромодановскаго къ царю: „Которые воры разбивали Алмазниковыхъ, Брагина, въ Ново-Нѣмецкой слободѣ,—и тѣхъ воровъ поймано семь человѣкъ, и въ тѣхъ разбояхъ они винилися, и многое платье, и серебряная посуда и иная рухлядь въ разныхъ мѣстахъ вынята, и которыхъ разбивали, и тѣ многіе свои животы познавали; а пущихъ воровъ, на которыхъ они на товарищевъ своихъ горятъ, сыскать не можемъ, ухораниваются на Москвѣ: Васька Звѣревъ бывалъ дворовый человѣкъ, другой Якушка Калачниковъ, третій Васька Цвякунъ, четвертый Сидорка Алексѣевъ, пятый Левка Левугинъ; да изъ выписанныхъ воровъ князь Петровъ человѣкъ Голицына, Ивашкою зовутъ, Ваганъ оговорилъ въ тѣхъ же разбояхъ князь

---

[1] Столбцы Преобр. Приказа, № 530.

[2] Письма Ромодановскаго къ Петру въ Государ. Архивѣ

Григорьевыхъ людей Долгорукова дву человѣкъ, и тѣ лица нынѣ на службѣ съ нимъ князь Григорьемъ у васъ въ полку. А которые воры въ тѣхъ разбояхъ винились и на товарищей говорятъ, и тѣ воры изъ посадскихъ торговыхъ людей, изъ мясниковъ, изъ извозчиковъ и изъ боярскихъ людей". Въ другомъ письмѣ: „Той же шайки воровъ поймано 8 человѣкъ:—Ѳеонка, Попугай, Алешка Заходовъ, Куска Зайка, Митка Пичюга, Галичанинъ сынъ боярскій Петрушка Кадниковъ, Петрушка Селезень съ братьями самъ-третей. И изъ тѣхъ воровъ два человѣка — Алешка Заходовъ, Петрушка Кадниковъ—винились, что они съ прежними разбойниками Калашниковымъ и Левугинымъ, и Миткою Пичюгою вновь разбили за Тверскими вороты иноземца кормоваго Опаева и избили его и изрѣзали"[1]. Изъ этихъ писемъ видно, что, и теперь, какъ прежде, разбойничали преимущественно дворовые люди. 29 іюня 1699 года, въ вечерню, люди князя Никиты Репнина и другіе напали на караульныхъ солдатъ у Воскресенскихъ воротъ, били ихъ и начальнаго человѣка, наругались надъ ними[2]. Разбои усиливаются вслѣдствіе легкости находить притоны: въ началѣ 1699 года пойманные разбойники объявили, что они сговаривались ѣздить на разбой человѣкъ по 20, 30, 40 и больше, съ луками, пищалями, копьями и бердышами, а пристанища, станы и дуваны разбойной рухляди были у нихъ за Тверскими воротами въ разныхъ слободахъ у посадскихъ людей[3].

Но были разбойники другого рода, которымъ не нужно было приставать въ слободахъ за Тверскими воротами. Воженъ былъ въ застѣнокъ Аѳанасій Зубовъ съ людьми, съ очныхъ ставокъ пытанъ въ смертномъ убійствѣ посадскихъ людей Алаторцевъ, что убили люди его; и онъ съ пытки сказалъ, что людей на разбой посылалъ и самъ былъ, только до смерти бить не велѣлъ, также и въ иныхъ разбояхъ винился. Въ то же время казненъ на Болотѣ, за разбой и смертное убійство, князь Иванъ Шейдяковъ. Билъ челомъ Тарбѣевъ на Василья Толстаго да на Семена Карандѣева въ томъ, что они стояли подъ дорогою и его рѣзали. Юрій Дохтуровъ, Василій Долгій, Семенъ Карандѣевъ да Тарбѣевъ были у Страстной Богородицы, побранились и ножами порѣзались. Били челомъ великому государю стольники Василій Желябужскій съ сыномъ Семеномъ на Андрея Апраксина въ бою своемъ и увѣчьи, что Андрей озорничествомъ билъ ихъ въ Калмыцкомъ табунѣ подъ Филями. Андрей принесъ государю вину свою, что онъ Желябужскихъ билъ не помня, пьянымъ дѣломъ. Государь приказалъ: Желябужскому и сыну его доправить на Андреѣ денегъ вдвое противъ ихъ окладовъ, а за лживую сказку и за озорничество его указалъ-было государь учинить ему наказанье, бить кнутомъ нещадно. И по упрошенію царицы Марѳы Матвѣевны (урожденной Апраксиной), наказывать его государь не указалъ, также и по заступленію генерала Лефорта, которому Апраксинъ далъ денегъ 3,000 рублей за его заступленіе; а люди Андреевы биты кнутомъ. Съ этого дѣла Желябужскаго учрежденъ былъ правый судъ, велѣно чинить во всякихъ дѣлахъ розыски, а суды и очныя ставки съ тѣхъ поръ оставлены[4].

Какъ трудно было рѣшать дѣла подобныхъ господъ, видно изъ письма Ромодановскаго къ царю: „Что ты, господине, писалъ ко мнѣ о дѣлѣ Хилкова съ бояриномъ Кондратьемъ Ѳомичемъ Нарышкинымъ, чтобъ его по прежней подписной челобитной отдать, и я за то дѣло не стою, только мнѣ впредь никакихъ дѣлъ по твоей воли имать нельзя, потому что мнѣ всегда въ ругательствѣ и лаѣ быть; и въ нынѣшнемъ дѣлѣ, какъ ты мнѣ приказалъ взять сперва, и я и въ тѣ поры тебѣ многажды доносилъ, что того дѣла взять было мнѣ невозможно за однородствомъ моимъ (съ Хилковыми), что станутъ на меня бить челомъ, и ты мнѣ, господине, въ тѣ поры то дѣло велѣлъ взять и говорилъ мнѣ, хотя и однородство, однакоже и Левъ Кирилловичъ тебѣ свой же; и я по тому твоему изволенію то дѣло и взялъ; а впредь, какъ воля твоя, только дѣлъ мнѣ никакихъ имать невозможно; истинно къ тебѣ, господине, пишу не для свойства къ себѣ Хилкова, потому что мнѣ стало о себѣ"[5].

Наконецъ общество требовало отъ правительства преслѣдованія особаго рода вредныхъ людей—волшебниковъ. Въ 1696 году, по челобитью всѣхъ крестьянъ одной изъ волостей Яренскаго уѣзда, воръ Васька Алексѣевъ въ волшебномъ дѣлѣ разспрашиванъ и пытанъ, и винился: испортилъ онъ дьявольскими словами 10 человѣкъ и сказалъ ихъ всѣхъ по именамъ; отъ Христа Бога и отъ животворящаго Его Креста отрекся, вѣруетъ дьяволу, а учился онъ тому воровству у дяди своего роднаго Напалкова, а дядя его Нароеневъ тому волшебству умѣетъ же.—Другой, Мишка Алексѣевъ, винился: испортилъ онъ воровскимъ словомъ четверыхъ, напустилъ на нихъ икотъ; а учился онъ, Мишка, тому воровству у Сергушки Шелепанова. И Сергушка сысканъ же и разспрашиванъ, и повинился, что они Православной христіанской вѣры чужи, отъ Христа Бога и животворящаго Креста Господня отреклись, вѣруютъ сатанѣ и надъ Крестомъ Господнимъ ругаются; а носятъ они крестъ на себѣ будто они христіане для людей, чтобъ не догадались; и испортилъ онъ, Сергушка, Акилинку Игнашкину жену до смерти. Да Сергушка и Мишка сказали у пытки: у порченныхъ людей икоты напрасно на неповинныхъ людей не говорятъ; кто кого испортилъ, на того и говорятъ, а межъ себя другъ на друга отводить не могутъ же.

Мы видѣли, что имущество мирныхъ гражданъ одинаково страдало какъ отъ разбойниковъ, такъ и отъ воеводъ; дѣла по воеводскимъ злоупотребленіямъ не прекращались въ описываемое время, что должно было вызвать преобразователя къ рѣшительной мѣрѣ. Прежде признано было хорошимъ средствомъ противъ воеводъ не держать ихъ въ городахъ болѣе двухъ лѣтъ, послѣ же этого срока оставлять на прежнихъ мѣстахъ только по челобитной гражданъ. Нѣкоторые воеводы начали хлопотать, какъ бы вынудить у горожанъ челобитную: въ концѣ 1695 года пришла челобитная изъ Стараго Оскола, что нѣкоторые изъ тамошнихъ торговыхъ людей составили воровскую челобитную, будто отъ всѣхъ городскихъ людей, чтобъ Старооскольскому воеводѣ Матвѣю Афросимову быть воеводою третій годъ, тогда какъ остальные Старооскольцы и уѣздные люди про челобитную не вѣдаютъ. По сыску сынъ боярскій Сукинъ сказалъ: „Зазвалъ меня къ себѣ въ хоромы воевода, и я къ составной челобитной руку приложилъ поневолѣ для того, что воевода хотѣлъ-было меня бить до смерти“. Приказной избы подьячій объявилъ, что приложилъ руку вмѣсто Старооскольца Сорокина заочно, потому что воевода угрожалъ разореньемъ и боемъ, и т. д. Во Мценскѣ воевода Тутолминъ ямскаго приказчика Петра Смирнова своими руками тростью билъ и, раздѣвъ, батогами билъ же за то, что приказчикъ разрядному подьячему безъ подорожной подводъ не далъ и дать было ему не почему; и отъ того боя приказчикъ умеръ.—Юрій Салтыковъ жаловался: „Билъ я челомъ на вяземскихъ драгунъ, рейтаръ, стрѣльцовъ и посадскихъ людей въ денномъ ихъ приходѣ и пріѣздѣ и разореньи вяземской моей вотчины, деревни Бородиной. Вяземскому воеводѣ велѣно тѣхъ приходчиковъ и пріѣзжиковъ отослать въ Можайскъ къ розыску; въ Можайскъ взято четыре человѣка посадскихъ людей, и тѣ люди въ разспросѣ во всемъ винились и говорили на своихъ товарищей 12 человѣкъ, которыхъ Вяземскій воевода захватилъ; но, взявъ съ нихъ великія взятки, изъ приказной избы освободилъ. Вслѣдствіе жалобъ Кунгурскихъ жителей на воеводу своего Степана Сухотина, наряжено было слѣдствіе въ 1697 году. Передъ слѣдователемъ Гаврилою Дубасовымъ кунгурскій земскій староста прошлаго 1695 года, села Ильинскаго крестьянинъ Панкратій Никитинъ допрашиванъ, а въ допросѣ сказалъ по святой непорочной Евангельской заповѣди Господни, еже, ей, ей, въ правду: въ прошломъ 1695 году о Степанѣ Сухотинѣ заручную челобитную, чтобъ ему у нихъ на Кунгурѣ воеводою быть третій годъ, онъ, Панкрашка, съ посадскими людьми и съ уѣздными крестьянами не писывалъ и руки прикладывать никому не веливалъ, а подьячій Максимъ Богомоловъ къ такой челобитной вмѣсто его, Панкрашки, руку приложилъ безъ его, Панкрашкина, велѣнья заочно. И, будучи на Кунгурѣ воеводою, Степанъ Сухотинъ и сына его Никита Кунгурскимъ людямъ и уѣзднымъ крестьянамъ обиды и налоги, и разоренья чинилъ и приметками своими великія съ нихъ взятки напрасно бралъ. Ѣздилъ онъ, Степанъ, въ Кунгурскій уѣздъ для переписки уѣздныхъ крестьянъ, и въ то число взялъ у него, Панкрашки, изъ земской избы мірскихъ денегъ 220 рублевъ, кромѣ того, что бралъ со всякаго по два алтына; а послѣ того взялъ у него же, Панкрашки, мірскихъ денегъ 80 рублевъ, чтобъ на него, Степана, имъ, Кунгурцамъ, не варить пивъ; да съ негожъ, Панкрашки, нападками своими взялъ рубль денегъ; и въ Кунгурскомъ уѣздѣ на заставахъ кунгурскихъ крестьянъ, которые ѣздили съ Кунгура къ Соликамской и въ Чусовскіе острожки съ хлѣбомъ для продажи, онъ задерживалъ и безъ печатей своихъ не пропускалъ, и отъ того пропуску и отъ печатей зимнимъ путемъ по осьми денегъ съ воза, а лѣтомъ со струговаго отпуску съ четверти по алтыну бралъ. — Того-жъ числа земскій староста нынѣшняго года Никита Посохинъ допрашиванъ и сказалъ: „Будучи онъ, Степанъ Сухотинъ, на Кунгурѣ, посадскихъ людей держалъ въ приказной избѣ и въ тюрьмѣ безвинно, билъ батогами и кнутомъ и бралъ деньги (слѣдуетъ длинное перечисленіе), а иныхъ кунгурскихъ крестьянъ нападками своими разорялъ, а отъ того его воеводскаго разоренья кунгурскіе крестьяне въ сибирскіе города бѣжали (слѣдуетъ перечисленіе, кто бѣжалъ); и кунгурскаго посадскаго человѣка, Якушка Заганова, въ приказной избѣ тростью онъ, Степанъ, билъ безвинно, и умеръ онъ, Якушка, отъ тѣхъ его побой; и кунгурскаго земскаго старосту Ѳедьку Гладкаго на воеводскомъ дворѣ билъ безвинно; а приказной избы подьячаго Красильникова пыталъ и велѣлъ ему на Кунгурцевъ говорить, будто они хотятъ его, Степана, убить“.—Посадскіе люди сказали: „Въ 1692 году кунгурскій стрѣлецъ Аѳонка въ сибирскіе города для сыску бѣглыхъ людей посыланъ, и воеводы Сухотина сынъ Никита съ женою Аѳонкиною Устюшкою насильно жилъ и младенца мужска пола съ нею прижилъ; и Степанъ Сухотинъ ту Аѳонкину жену да сына его Мишку девяти лѣтъ къ себѣ во дворъ сильно взялъ и за человѣка своего, за Ѳедьку, отдалъ. А какъ Аѳонка пріѣхалъ изъ Сибири, то, не допустя его до Кунгура, двухъ стрѣльцовъ по него Степанъ Сухотинъ посылалъ, и въ приказной избѣ его, Аѳонку, держалъ и нападками своими въ то время у него трехъ лошадей да двѣ пищали винтовальныхъ, да саадакъ съ лубьемъ и стрѣлами, да двѣ порошницы, да два арчака башкирскихъ, да денегъ пять рублевъ взялъ, да въ то же время въ неволю письмо, чтобъ о своей женѣ ему, Аѳонкѣ, на него, воеводу, не бить челомъ, вымучилъ и закладную кабалу на сына его Мишку на имя подьячаго Калашникова, будто въ заемныхъ деньгахъ, взялъ“.—Крестьяне сказали: „Воевода Сухотинъ въ Кунгурскій уѣздъ посадскихъ людей, площадныхъ подьячихъ и стрѣльцовъ съ весны въ студеную пору посылалъ, въ городѣ, въ селахъ и во всѣхъ деревняхъ печатать избы и бани велѣлъ, и отъ того со всякаго двора по два алтына и по осьми копѣекъ и по гривнѣ себѣ бралъ, и въ ту студеную пору отъ его разоренья роженицы и которые въ скорбяхъ младенцы отъ оспы безвременно помирали“ [1].

---

[1] Письма Ромодановскаго къ Петру въ Государ. Архивѣ.

[2] Кабинетъ, II, кн. № 53. письмо Гордона къ царю.

[3] Полн. Собр. Зак. № 1678.

[4] Записки Желябужскаго.

[5] Письма Ромодановскаго въ Государ. Архивѣ.

Преслѣдованіе раскольниковъ давало воеводамъ возможность поживиться. Въ 1697 году Романовецъ—посадскій человѣкъ Пастуховъ—повинился: „Въ прошломъ году били на меня по крѣпостямъ челобитчики, и воевода Иванъ Гринковъ суда и правежей на меня не давалъ и меня укрывалъ, потому что я у него собакъ кормилъ и медвѣдей, и призывалъ меня къ себѣ и научалъ на Романовцевъ посадскихъ людей, что было съ кого, взять большія взятки. Въ нынѣшнемъ году взялъ онъ меня въ приказную избу и разспрашивалъ накрѣпко. и велѣлъ мнѣ говорить въ раскольствѣ на себя и на Романовцевъ (слѣдуютъ имена мужскія и женскія), будто они перекрещиваются и перевѣнчиваются; воевода обѣщалъ мнѣ треть того, что возьметъ съ раскольниковъ. Я на нихъ говорилъ, и, по моему ложному оговору, посылалъ воевода, будто въ раскольствѣ, взять оговоренныхъ въ приказную избу, и просилъ съ нихъ 50 рублей денегъ, но посадскіе люди сказали ему: „Пиши про насъ къ Москвѣ“, и Гринковъ отпустилъ ихъ на росписку, а меня въ приказной избѣ держалъ много время, кормилъ и поилъ пивомъ и виномъ доньяна. А какъ пріѣхалъ на Романовъ съ приписью подьячій Карелинъ, то Гринковъ изъ приказной избы меня съ Романовцемъ Трусовымъ взялъ къ себѣ на дворъ и держалъ въ хоромахъ за замкомъ многое время, приставилъ къ намъ сторожей, запиралъ въ сундукъ и закладывалъ платьемъ. И мы ему говорили, что въ сундукѣ лежать душно, и онъ прислалъ человѣка, и вертѣли они на сундукѣ дыры, чтобъ намъ лежать было не душно. И какъ противъ челобитья головы съ товарищами присланъ былъ сыщикъ про насъ разыскивать, и мы къ розыску просились, но Гринковъ насъ не отдалъ: „Что-де вамъ живымъ не быть“, и послалъ человѣка въ усадьбу своего родного брата Ѳедора, чтобъ пріѣхалъ съ людьми; и какъ братъ его пріѣхалъ со многими людьми, и онъ послалъ насъ съ братомъ своимъ ночною порою къ Москвѣ. и къ Москвѣ пріѣхали мы ночною порою къ брату его Никифору Гринкову. Никифоръ далъ намъ денегъ и велѣлъ намъ говорить противъ братнихъ отписокъ, чтобъ не рознились и брата его не губили. А какъ я привезенъ былъ опять на Романовъ, то Иванъ Гринковъ прислалъ ко мнѣ денегъ, велѣлъ говорить о раскольствѣ противъ разспроса, на кого я въ разспросѣ говорилъ по его наученью, и съ очныхъ ставокъ чтобъ слался на кожу свою и на нихъ“ (т.-е. чтобъ требовалъ пытки для себя и для отвѣтчиковъ [1]).

Старосты московскихъ слободъ обыкновенно выбирались жителями этихъ слободъ. Отъ 1695 года дошелъ до насъ выборъ въ старосты Мѣщанской слободы: „По указу великихъ государей Мѣщанской слободы староста Юрья Самойловъ да мѣщане (слѣдуютъ имена) выбрали мѣщане лучшіе и средніе и меньшіе статьи въ старосты въ нынѣшній въ 104 г. мѣщанина добраго человѣка и пожиточнаго Филиппа Олферьева; и, будучи ему, Филиппу, въ старостахъ великихъ государей и за всякими мірскими дѣлами ходить и радѣть, и съ мірскими людьми о государевыхъ и о мірскихъ дѣлахъ во всемъ спрашиваться на совѣтѣ, а сбирать ему, старостѣ Филиппу, въ мірскіе расходы противъ прошлаго году“. — Но въ описываемое же время встрѣчаемъ любопытный случай: староста билъ челомъ, чтобъ великіе государи указали ему быть старостою еще на извѣстное время за то, что онъ приносилъ казнѣ прибыль и челобитій на него отъ мірскихъ людей не было. Просьбу исполнили: „Быть въ старостяхъ, денежные доходы и хлѣбные запасы сбирать по окладу сполна и межъ крестьянъ расправу чинить вправду безволокитно, чтобъ отъ мірскихъ людей въ томъ никакого на него челобитья не было“ [2].

Имѣя въ виду важныя и дорогія учрежденія, большіе военные расходы; желая какъ можно скорѣе увеличить государственные доходы и зная очень хорошо, что они могутъ быть увеличены только поднятіемъ благосостоянія податныхъ людей, Петръ не могъ долѣе оставлять торговыхъ и промышленныхъ людей во власти воеводъ-кормленщиковъ. Какъ же освободить ихъ? Форма была готова; кромѣ видѣннаго на Западѣ, въ Малороссіи, которая уже давно входила въ составъ государства, существовало искони городское самоуправленіе, или такъ называемое Магдебургское право; подобную же форму Петръ рѣшился ввести и въ великорусскіе города. 30-го января 1699 года вышелъ указъ объ учрежденіи Бурмистрской Палаты: „Извѣстно великому государю учинилось, что гостямъ и гостиныя сотни, и всѣмъ посадскимъ, и купецкимъ, и промышленнымъ людямъ, во многихъ ихъ приказныхъ волокитахъ, отъ приказныхъ и отъ разныхъ чиновъ людей, въ торгахъ ихъ и во всякихъ промыслахъ, чинятся большіе убытки и разоренье; а иные отъ того торговъ своихъ и промысловъ отбыли, и его, великаго государя, съ нимъ окладные многіе доходы учинились въ доимкѣ, а пошлиннымъ сборамъ и инымъ поборамъ большіе поборы: и, милосердуя, онъ, великій государь, объ нихъ, указалъ,—во всякихъ ихъ расправныхъ и челобитчиковыхъ и купецкихъ дѣлахъ, и въ сборахъ государственныхъ доходовъ вѣдать бурмистрамъ ихъ, и въ бурмистры выбирать имъ межъ себя погодно добрыхъ и правдивыхъ людей, кого они межъ себя и поскольку человѣкъ похотятъ; а изъ нихъ по одному человѣку быть въ первыхъ, сидѣть по мѣсяцу президентомъ“ [3]. Для другихъ городовъ, кромѣ Москвы, постановлено: „Во всѣхъ городахъ посадскимъ и всякихъ чиновъ купецкимъ и его, великаго государя, волостей, селъ и деревень промышленнымъ и уѣзднымъ людямъ сказать указъ: „Буде они похотятъ, для многихъ къ нимъ воеводскихъ и приказныхъ людей обидъ и налоговъ, поборовъ и взятокъ, въ городахъ воеводамъ и приказнымъ людямъ ихъ во всякихъ дѣлахъ не вѣдать, а вѣдать ихъ во всякихъ мірскихъ расправныхъ и челобитчиковыхъ дѣлахъ и въ сборахъ доходовъ ихъ мірскимъ выборнымъ людямъ въ земскихъ избахъ“ [1]). Всѣ эти выборные люди должны были находиться въ вѣдѣніи Московской Бурмистрской Палаты (или ратуши), которая входила съ докладами прямо къ государю: сюда входили всѣ собранныя по городамъ суммы, отсюда выдавались деньги на расходы, но не иначе, какъ по именному царскому указу. За освобожденіе отъ воеводъ и приказныхъ людей торговые и промышленные люди должны были платить двойной, противъ прежняго, окладъ податей.

---

[1] Столбцы Приказнаго стола, № 3011, 3015, 3027; Приказныя дѣла Москов. Архива Мин. Ин. Д. годъ 1697.

[2] Столбцы Москов. стола, № 1026; Приказныя дѣла Моск. Арх. Мин. Ин. Д. 1695 года.

[3] Полн. Собр. Зак. № 1674.

Учрежденіемъ Бурмистрской Палаты начинается рядъ преобразовательныхъ мѣръ, которыя должны были пробуждать общественныя силы, пріучать гражданъ къ дѣятельности сообща, къ охраненію общихъ интересовъ соединенными силами, отучать отъ жизни особѣ, при которой каждый слабѣйшій предавался безоружнымъ въ руки каждаго сильнѣйшаго. Но дѣло только-что начиналось, и потому легко себѣ представить, какъ неловко бралось за него общество, какія странныя привычки принесли мірскіе люди въ свою новую дѣятельность. Мірскіе люди освобождены были отъ воеводъ и приказныхъ людей; но, по отсутствію привычки къ общей дѣятельности, привычки отражать силу сильнаго соединенными силами слабыхъ, они сейчасъ же между своими нажили себѣ насильниковъ въ родѣ воеводъ и приказныхъ людей. Въ Веневѣ, напримѣръ, земскій староста съ товарищами отставили отъ сборовъ выборныхъ своихъ таможенныхъ и кабацкихъ бурмистровъ за то, что они имъ не дали денегъ, и выбрали другихъ, которые дали имъ 120 рублей. Для предотвращенія впередъ подобныхъ явленій, Петръ велѣлъ какъ взявшихъ деньги, такъ и давшихъ положить на плаху, и, отъ плахи поднявъ, бить кнутомъ безъ пощады и сослать на каторги въ Азовъ съ женами и дѣтьми, и объявить во всѣ города, села и волости: кто сдѣлаетъ это впредь, тѣмъ быть въ смертной казни безъ пощады [2]). Но одни жестокія наказанія и угрозы, какъ вездѣ, такъ и тутъ, не помогли; преобразователь счелъ необходимымъ, прежде чѣмъ новое учрежденіе окрѣпнетъ, приставить къ нему довѣреннаго и способнаго человѣка, который бы направлялъ неопытныхъ и охранялъ ихъ отъ сильныхъ людей. Такимъ воспитателемъ молодаго учрежденія явился первый изъ прибыльщиковъ, Алексѣй Александровичъ Курбатовъ „оберъ-инспекторъ ратушнаго правленія“.

Курбатовъ былъ дворецкій или маршалокъ извѣстнаго западника, боярина Бор. Петровича Шереметева, путешествовалъ вмѣстѣ съ своимъ господиномъ за границею [3]), и это путешествіе, разумѣется, не осталось безплодно для развитія богатаго способностями русскаго человѣка. Въ Ямскомъ Приказѣ поднято было письмо съ надписью: „Поднести великому государю, не распечатавъ“. Великій государь, вмѣсто извѣта о какомъ-нибудь зломъ умыслѣ или непристойныхъ словахъ, нашелъ въ подкинутомъ письмѣ проектъ о гербовой или орленой бумагѣ. Гербовая бумага, какъ важный источникъ дохода, была немедленно введена [4]), а изобрѣтатель, которымъ оказался Курбатовъ, пожалованъ въ дьяки, награжденъ домомъ, деревнями, и сдѣлался прибыльщикомъ, сталъ искать во всемъ прибыли государству, получилъ возможность уже не подметными, но явными письмами сообщать царю свои мнѣнія обо всемъ. Впослѣдствіи мы познакомимся близко съ его дѣятельностію, особенно въ званіи оберъ-инспектора ратушнаго правленія.

Давно уже Русскіе торговые люди признавались [5]), что имъ съ иностранными купцами не стянуть, потому что тѣ торгуютъ сообща. Мы видѣли также [6]), что Ординъ-Нащокинъ предлагалъ, для освобожденія отъ зависимости иностранныхъ купцовъ, русскимъ небогатымъ торговцамъ соединяться съ богатыми. Теперь Петръ предписываетъ: „Московскаго государства и городовымъ всякихъ чиновъ купецкимъ людямъ торговать такъ же, какъ торгуютъ иныхъ государствъ торговые люди, компаніями, и чинить отпускъ товарамъ въ компаніяхъ къ городу Архангельскому, въ Астрахань, также и черезъ Новгородъ, и имѣть о томъ всѣмъ купецкимъ людямъ межъ собою съ общаго совѣта установленіе, какъ пристойно бы было къ распространенію торговъ ихъ, отъ чего надлежитъ быть въ сборахъ великаго государя казны пополненію. Учинить провинціи, къ Великому Новгороду, Пскову, къ Астрахани и къ инымъ такимъ городамъ малые города и уѣзды приписать, которые къ которымъ надлежатъ, и велѣть въ тѣхъ провинціяхъ настоящихъ городовъ земскимъ бурмистрамъ приписныхъ земскихъ бурмистровъ, также таможенныхъ и кабацкихъ бурмистровъ во всякихъ дѣлахъ вѣдать и въ сборахъ надсматривать“.

Перемѣнъ въ бытѣ крестьянъ не было: попрежнему громадная страна была мало населена, попрежнему оттого рабочіе были прикрѣплены къ землѣ, попрежнему бѣгали отъ крѣпостной зависимости, и гоньба за человѣкомъ составляла одно изъ важныхъ занятій правительства и частныхъ людей. Нѣсколько крестьянскихъ семействъ убѣжало изъ Звенигородскаго уѣзда съ земель Саввино-

---

[1]) Полн. Собр. Зак. № 1675.

[2]) Полн. Собр. Зак. № 1722.

[3]) Записки Желябужскаго; Записки путешествія гр. Б. П. Шереметева, изд. 1773 года.

[4]) Полн. Собр. Зак. № 1673.

[5]) Исторія Россіи, IX, стр. 1128.

[6]) Исторія Россіи, т. XIII, стр. 717.

Сторожевскаго монастыря. Черезъ четыре года они были сысканы (въ 1696 г.) и поразсказали любопытныя подробности о своихъ бѣгахъ. Они ушли въ Данковъ и стали жить въ крестьянствѣ за тамошнимъ подъячимъ Яковлевымъ. Черезъ годъ подъячій началъ ихъ изъ крестьянства отсылать для того, что у нихъ отпускной никакой не было, далъ имъ рубль денегъ и велѣлъ имъ отъ себя идти: „Гдѣ-нибудь напишите отпускную властелинскимъ именемъ, и мнѣ та отпускная будетъ въ оправданіе“. Крестьяне отправились куда глаза глядятъ, и въ Тульскомъ уѣздѣ нашли благодѣтеля, какого-то дьячка, который имъ написалъ отпускную, подписалъ имена архимандрита, келаря,—все какъ слѣдуетъ, и взялъ за трудъ двадцать алтынъ. Крестьяне сейчасъ же возвратились въ Данковъ и подали отпускную подъячему; тотъ былъ очень доволенъ: „Эта ваша отпускная“, сказалъ онъ, „мнѣ въ поправку, мнѣ теперь за васъ пожилыхъ денегъ не платить“. Подъячій сталъ спокойно распоряжаться крестьянами, и дочь одного изъ нихъ выдалъ замужъ за сына боярскаго, взявши съ жениха выводу двѣнадцать копенъ ржи[1]).

Сибирь, гдѣ было такое раздолье воеводамъ и всякимъ сильнымъ людямъ вдали отъ правительственнаго надзора, обратила на себя особенное вниманіе, потому что тамошніе безпорядки вредно дѣйствовали на казну, получавшую такой большой доходъ отъ сибирскихъ товаровъ. Въ апрѣлѣ 1695 года для Сибири, кромѣ ближайшаго Тобольска, сдѣлано было исключеніе: не велѣно перемѣнять воеводъ черезъ два года, „для того, что отъ такихъ частыхъ перемѣнъ казнѣ начали быть великіе недоборы и всякимъ доходамъ оскудѣніе, потому что воеводы, забывъ крестное цѣлованіе и презря жестокіе указы, вино и всякіе товары въ Сибирь привозятъ и сверхъ того въ Сибири вино курятъ и тамъ виномъ многую корысть себѣ чинятъ; а на кружечныхъ дворахъ государева вина въ продажу записываютъ малое число, въ годъ индѣ по 20 и по 10, а индѣ написано въ продажѣ всего одно ведро, а въ иной годъ ни одного ведра продать не дали“. Отправлявшіеся въ Сибирь воеводы имѣли право провозить безпошлинно съ собою извѣстное количество вина и другихъ товаровъ; каждые два года воеводы отправлялись въ сибирскіе города, каждые два года везли съ собою всѣ эти запасы, брали казенные струга, прогонныя деньги, требовали по ямамъ и городамъ подводы, причемъ, по обычаю, всякаго чина людямъ чинили многія обиды, налоги и разоренія; чѣмъ слѣдовательно рѣже ѣздили воеводы, тѣмъ лучше. Далѣе говорится въ указѣ, что „воеводы для сбора ясачной казны отпускали служилыхъ людей и брали съ нихъ себѣ великія взятки и посулы; лучшіе соболи выбирали себѣ, а худые отдавали въ государеву казну, себѣ въ малые годы великія богатства наживали, а служилымъ и ясачнымъ людямъ впредь не проча, великіе обиды, налоги и грабежи чинили и для челобитья къ Москвѣ ихъ не пропускали; отъ того многіе служилые люди по зимовьямъ побиты, а другіе отъ воеводскихъ притѣсненій измѣнили и въ Китайское государство отъѣхали, и Мунгалы измѣнники, мстя за обиды свои, многихъ служилыхъ и ясачныхъ людей грабятъ и побиваютъ“[2]). Въ концѣ того же года опять указъ Сибирскому Приказу: „Прежніе воеводы воровали, многихъ людей пытали и смертію казнили, и ясачные сборщики у ясачныхъ людей и у иноземцевъ женъ и дѣтей отнимали силою, и по ихъ иноземскому челобитью суда и управы у воеводъ не было; такъ впредь воеводамъ, кромѣ дѣлъ, подлежащихъ по Уложенію пыткѣ, никакихъ Русскихъ людей и ясачныхъ иноземцевъ ни въ какихъ дѣлахъ, не описався съ великимъ государемъ, не пытать и не казнить, для ясачнаго сбора посылать людей добрыхъ, за выборомъ гражданскихъ людей. Если же воеводы станутъ красть или умалять государеву казну или станутъ кого казнить смертію, то будутъ сами казнены смертію, и вотчины ихъ всѣ и дворы, и помѣстья, и имѣніе будутъ взяты на великаго государя безповоротно“[3]).

Истощая всѣ средства противъ злоупотребленій, какія позволяли себѣ чиновники въ Сибири, царь, въ октябрѣ 1697 года, издалъ указъ[4]), запрещавшій въ Сибири служилымъ и всякихъ чиновъ людямъ, женамъ и дѣтямъ ихъ носить богатое платье, „чего имъ по чину своему носить не довелось; и знатно, что тѣ служилые люди, у которыхъ такое излишнее дорогое платье есть, дѣлаютъ его не отъ праваго своего пожитку, кражею нашея, великаго государя, казны или съ иноземцевъ грабежомъ тѣ богатства себѣ наживаютъ; а буде у кого, какимъ промысломъ правымъ, нажитокъ лишній сверхъ его нужныхъ расходовъ явится, и тѣ пожитки ему довелось держать на покупку добраго себѣ ружья и панцырей и платья нужнаго, чтобъ къ нашей службѣ былъ всегда готовъ и къ боямъ съ непріятелями потребенъ, или держалъ въ домовое каменное себѣ прочное строеніе, въ которомъ бы пожитокъ его отъ случая пожарнаго былъ всегда въ цѣлости“.

Дѣти боярскія Сибирскаго митрополита, посылаемыя имъ въ десятильникахъ по дѣламъ, подлежащимъ суду церковному, поступали не лучше, если не хуже служилыхъ людей, посылаемыхъ воеводами. Это видно изъ царской грамоты воеводѣ Глѣбову 1697 года: „Десятильники градскимъ и уѣзднымъ людямъ нападками своими ложными многое чинятъ разореніе и обиды и налоги, побоями заставляютъ поневолѣ дѣвицъ и вдовъ говорить ложно на градскихъ и уѣздныхъ всякихъ добрыхъ людей блудное воровство, и по тѣмъ ложнымъ наговорамъ съ тѣхъ людей берутъ себѣ взятки великія, а иныхъ дѣвицъ раздѣваютъ донага и груди давятъ до крови, и всякое ругательство чинятъ, а которыя дѣвицы и вдовы и при такомъ мучительствѣ не винятся, тѣхъ они продаютъ такимъ людямъ, за которыхъ никто бы дочери своей не далъ, а деньги берутъ себѣ“ [1]).

---

[1]) Полн. Собр. Зак. № 1706; Приказн. дѣла Москов. Арх. Мин. Ин. Д., 1697 года.

[2]) Полн. Собр. Зак. № 1511.

[3]) Полн. Собр. Зак. № 1526.

[4]) Полн. Собр. Зак. № 1598.

Установленіе бурмистровъ, какъ видно изъ указа 1699 года, не могло быть приложено къ Сибири: „Въ сибирскихъ городахъ бурмистрамъ не быть, а быть попрежнему у всякихъ сборовъ изъ русскихъ и изъ сибирскихъ городовъ таможеннымъ и кабацкимъ головамъ и цѣловальникамъ добрымъ людямъ, и надъ ними надзирать воеводамъ со всякимъ крайнимъ радѣніемъ; а бурмистрамъ не быть для того, что въ сибирскихъ нѣкоторыхъ городахъ посадскихъ людей нѣтъ, а въ которыхъ есть, и тѣ людишки худые, скудные и ссыльные, и затѣмъ въ бурмистры выбрать некого; а въ которыхъ городахъ торговые люди есть, и тѣмъ въ сборѣ денежной казны ясачной и ни въ какихъ сборахъ вѣрить некому, для того что они люди скудные“ [2]).

Не щадя наказаній и угрозъ для воеводъ недобросовѣстныхъ, Петръ не отступалъ ни предъ какою мѣрою, когда нужно было наградить хорошаго воеводу. Вотъ любопытная царская грамота, посланная въ 1698 году къ Иркутскому воеводѣ Ивану Николаеву: „По нашему указу отпущенъ въ Сибирь въ Нерчинскъ воеводою братъ твой, стольникъ нашъ Самойла Николаевъ, и, будучи въ Нерчинскѣ, намъ служилъ со всякою вѣрностію, и радѣтельною своею правою службою передъ нижними нерчинскими воеводами собралъ въ нашу казну многую прибыль, и тамошнихъ жителей, русскихъ и сибирскихъ городовъ различныхъ торговыхъ людей свидѣтелями своего христіанскаго благочестія учинилъ, и никакой жалобы ни отъ кого на себя не оставилъ, и тамошней нашей дальней странѣ, для такихъ своихъ добрыхъ плодовъ, намъ, великому государю, зѣло былъ надобенъ и прибыточенъ. И въ нынѣшнемъ году явился въ Сибирскомъ Приказѣ брата твоего Самойлы человѣкъ и сказалъ: въ прошломъ году братъ твой Самойла Николаевъ въ Нерчинскѣ умеръ, а послѣ него остались дѣти, стольники Иванъ да Михайла. И мы, великій государь, пожаловали племянника твоего Ивана Самойлова сына Николаева, за службы отца его, не взирая на его несовершенныя лѣта, велѣли ему быть на мѣстѣ отца своего въ Нерчинскѣ воеводою; а для его молодыхъ лѣтъ съ нимъ быть съ приписью подъячимъ—нерчинскому сыну боярскому, Лукѣ Кочмарову, для того что братъ твой объ немъ, Лукѣ, что онъ человѣкъ добрый и радѣтельный, свидѣтельствовалъ“ [3]).

И въ Европейской Россіи въ описываемое время монастыри не представляли много назидательнаго; тѣмъ болѣе можно было опасаться соблазна отсюда въ безнарядной Сибири: въ 1698 году Петръ запретилъ Енисейскаго уѣзда ссыльнымъ и пришлымъ монахамъ строить вновь монастыри, запретилъ давать имъ земли безъ указа, „для того что въ Сибири мужескихъ и женскихъ монастырей, гдѣ всякаго чина Православнымъ христіанамъ постригаться и спасаться, довольное число есть“ [4].)

Мы видѣли, что и при прежнихъ великихъ государяхъ много писалось указовъ о прекращеніи воеводскихъ и другихъ злоупотребленій въ Сибири; но указы эти мало помогали; теперь, какъ видно, повѣялъ новый духъ отъ живыхъ людей и оживилась мертвая буква указа. Виніусъ, вѣдѣнію котораго порученъ былъ Сибирскій Приказъ, счелъ возможнымъ въ началѣ 1698 порадовать царя хорошими вѣстями изъ Сибири; Петръ отвѣчалъ: „Пишешь о сибирскомъ поведеніи, что отъ воеводъ чинится лучше, нежели прежде, и то слава Богу“! Нельзя думать, что Виніусъ похвастался, потому что вслѣдъ за тѣмъ онъ увѣдомилъ государя о новой бѣдѣ для несчастной Сибири отъ табачнаго откупщика Орленка. Петръ отписалъ Ромодановскому: „Писалъ ко мнѣ Виніусъ, жалуясь на Орленка и товарищей его во всякихъ насильствахъ и убійствахъ въ Сибири, и то изволь своимъ премудрымъ разумомъ разыскать, чтобъ тамошніе дикіе края къ какому смущенію не пришли“. Эта внимательность и быстрота распоряженій, исходившихъ отъ людей сильныхъ, всего лучше объясняютъ намъ, почему отъ воеводъ въ Сибири стало чиниться лучше, чѣмъ прежде.

Неослабная внимательность правительства нужна была и относительно казацкихъ украйнъ Европейской Россіи—на Дону и на Днѣпрѣ.

Мы видѣли, что казаки раскольники ушли съ Дона къ шевкалу и враждебно дѣйствовали противъ своей родины. Осенью 1696 года, 27 изъ нихъ встосковались по ней, тайкомъ ночью ушли отъ шевкала на Терекъ, откуда воевода отправилъ ихъ въ Астрахань; въ числѣ ихъ было шесть человѣкъ съ женами и дѣтьми, два монаха и двѣ монахини. Государь велѣлъ сказать имъ указъ: „Вы, забывъ Бога, великому государю измѣнили, ушли съ Дону къ шевкалу, выходили на море для воровства и подъ Терекомъ всякихъ людей разбивали, грабили и убивали; за такое воровство и измѣну довелись вы смертной казни; но великій государь вины ваши велѣлъ вамъ отдать и отпустить всѣхъ съ женами и дѣтьми на Донъ попрежнему“.

Но главная бѣда была не отъ тѣхъ, которые бѣжали съ Дона, а отъ тѣхъ, которые бѣжали на Донъ.

Еще въ 1690 году стольники, стряпчіе, дворяне московскіе, жильцы рязанскіе, шацкіе, ряжскіе помѣщики, и дворяне городовые, Рязанцы, Мещеряне, Ряшане, конейщики, рейтары и дѣти боярскія, мурзы, Татары и солдаты выборныхъ полковъ подали подписную челобитную: „Бѣгаютъ отъ насъ люди и крестьяне съ женами съ дѣтьми на Донъ и на Хоперъ и на Медвѣдицу безпрестанно, многія села и деревни запустошили; домы, животы, лошадей и всякую рухлядь безъ насъ, какъ мы бываемъ на службахъ и въ отъѣздахъ, грабятъ, остальныхъ людей и крестьянъ нашихъ подговариваютъ, женъ и дѣтей нашихъ въ избахъ и хоромахъ заваливаютъ колодами, дѣтей нашихъ рѣжутъ и побиваютъ до смерти и въ воду, ругаясь, сажаютъ. Теперь мы отъ этого побѣгу разорены безъ остатка, а государевой службы отбыли, и за этихъ бѣглыхъ задворныхъ людей и крестьянъ платимъ ямскія и рублевыя деньги и стрѣлецкій хлѣбъ, и дѣлаемъ городовыя подѣлки". Въ томъ же году Алексѣй Мосоловъ билъ челомъ, что, когда былъ онъ въ Крымскомъ походѣ, бѣглые его люди, пришедши съ Дона, разрѣзали на куски шестилѣтняго сына его и бросили въ воду, имѣнье разорили безъ остатка.

---

[1]) Полн. Собр. Зак. № 1601.

[2]) Полн. Собр. Зак. № 1708.

[3]) Акты Историч., V, № 283.

[4]) Полн. Собр. Зак. № 1629.

Вслѣдствіе этихъ челобитенъ, сдѣланъ былъ допросъ атаманамъ; тѣ отвѣчали: „Бѣглые люди изъ дворцовыхъ волостей и помѣщичьи и посадскіе изъ украинныхъ городовъ приходятъ съ женами и дѣтьми на Донъ, на Хоперъ и на Медвѣдицу, и живутъ по своей волѣ, а пропускаютъ ихъ изъ украинскихъ городовъ воеводы и приказные люди изъ взятокъ; а еслибъ они не пропускали, то не только съ женами и дѣтьми, и одному пройти было бы нельзя". Пошли къ украинскимъ воеводамъ и приказнымъ людямъ государевы грамоты съ великимъ подкрѣпленіемъ, чтобъ бѣглыхъ людей не пропускали за черту, подѣлали заставы; на Донъ пошла грамота, чтобъ казаки впредь къ себѣ бѣглыхъ людей на рѣку не принимали, и старыхъ посельщиковъ велѣно имъ сбить и выслать на прежнее жилище; воровъ и убійцъ крестьянъ Мосолова велѣно сыскать и выслать на Коротоякъ.

Но какъ готовы были казаки выдавать бѣглыхъ—видно изъ слѣдующаго: въ концѣ 1697 года Калмыцкій тайша Мункотемиръ далъ знать Царицынскому воеводѣ, что отъ него бѣжали на Донъ въ Паншинъ городокъ улусники его 25 кибитокъ. Воевода послалъ сказать Паншинскому атаману, чтобъ выдалъ бѣглыхъ по прежнему царскому указу, которымъ подъ смертною казнію запрещено было принимать Калмыковъ, чтобъ не было никакихъ задоровъ и ссоръ съ тайшами. Казаки отвѣчали воеводскому посланцу: „Калмыцкихъ выходцевъ не отдадимъ, и отдать намъ ихъ нельзя, и впредь ихъ принимать станемъ; къ намъ писано изъ войсковаго Черкасскаго городка, чтобъ такихъ уходцевъ принимать, отъ погонщиковъ и отъ всякихъ людей оберегать и въ обиду никому не давать; царскій указъ присланъ на Царицынъ къ воеводѣ, а не къ намъ; у насъ такого указа нѣтъ, а Царицынскому воеводѣ мы не послушны; и если Калмыки придутъ къ намъ за своими уходцами войною, то мы ихъ не отдадимъ и драться за нихъ станемъ".

Начиналась усиленная работа, усиленная служба; но многіе не хотѣли усиленно работать и служить, и побѣги на Донъ усиливаются. Въ продолженіи 95, 96, 97, 98 и 99 года воеводы и приказные люди Бѣлгородскаго и Сѣвскаго полковъ доносятъ, что полковые, городовые, всякихъ чиновъ служилые и жилецкіе люди, ихъ дѣти, свойственники и крѣпостные люди, и крестьяне, не хотя служить государевой службы и податей платить, не хотя быть у строенья морскихъ судовъ, у стругового дѣла, у лѣсной работы, въ кормщикахъ, гребцахъ, на плотахъ, бѣгутъ въ донецкіе казачьи городки; въ 1699 году изъ одного Воронежскаго уѣзда бѣжало около 330 дворовъ. Опять грамота на Донъ: бѣглыхъ не принимать, а старыхъ уходцевъ сыскать и доставить на прежнія мѣста жительства на своихъ казачьихъ подводахъ, потому что „вы тѣхъ бѣглецовъ принимали безъ нашего указа".

Но мало того, что царь требуетъ нарушенія основнаго казацкаго обычая,—требуетъ, чтобъ не принимали новыхъ бѣглецовъ и высылали назадъ старыхъ,—онъ заставляетъ самихъ казаковъ работать для общаго дѣла; Петръ взялъ Азовъ, закрѣпилъ этимъ рѣку Донъ за Россіею; но съ Азовомъ нужны частыя и безпрепятственныя сообщенія, нужно доставлять туда всякаго рода запасы для ратныхъ людей, и вотъ Петръ посылаетъ дворянина Шатнева осмотрѣть рѣку Донъ отъ Коротояка внизъ до Азова и водяной ходъ очистить жителями казачьихъ донскихъ городковъ, чтобъ тою рѣкою корабельному ходу никакой остановки не было. Остановки бывали разнаго рода, такъ напримѣръ: въ 1698 году кормщики и гребцы, шедшіе Воронежемъ и Дономъ на судахъ въ Азовъ съ хлѣбными запасами, бросили суда въ казачьихъ городкахъ и разбѣжались, а казаки и разныхъ чиновъ жители развели хлѣбъ по себѣ [1].

Государь, и такой государь, какъ Петръ, разумѣется, не могъ равнодушно смотрѣть на подобныя явленія, и неудовольствія на великой рѣкѣ увеличивались; мы увидимъ слѣдствія, когда недовольные получатъ вождя.

Съ Днѣпра приходили также тревожныя извѣстія.

Въ августѣ 1696 года, Кіевскій воевода, князь Борятинскій, отправилъ къ русскому резиденту въ Польшѣ, дьяку Никитину, Стародубца Суслова съ двумя рейтарами для вѣстей. Этотъ Сусловъ привезъ Никитину свои вѣсти: „У Поляковъ намѣреніе совершенное, чтобъ Украйну къ себѣ превратить, и посылки у нихъ къ гетману Мазепѣ частыя; такъ, нынѣшнею весною проѣзжалъ къ гетману отъ короля посланникъ вмѣстѣ съ Греками, будто купецъ. Начальные люди теперь въ войскѣ малороссійскомъ все Поляки; при Обидовскомъ, племянникѣ Мазепы, нѣтъ ни одного слуги казака. У казаковъ жалоба великая на гетмана, полковниковъ и сотниковъ, что для искорененія старыхъ казаковъ прежнія ихъ вольности всѣ отняли, обратили ихъ къ себѣ въ подданство, земли всѣ по себѣ разобрали: изъ котораго села прежде выходило на службу казаковъ по полтораста, теперь выходитъ только человѣкъ по пяти или по шести. Гетманъ держитъ у себя въ милости и призрѣніи только полки охотницкіе, компанейскій и сердюцкіе, надѣясь на ихъ вѣрность, и въ этихъ полкахъ нѣтъ ни одного человѣка природнаго казака, все Поляки. Прошлаго лѣта Кіевскаго полка казаки въ Запорожьи полковника своего Мокѣевскаго, за его къ нимъ налоги, чуть-не-убили. Гетманъ въ нынѣшнемъ походѣ стоялъ полками порознь, опасаясь отъ казаковъ бунта; а еслибъ всѣ полки были въ одномъ мѣстѣ, то у казаковъ было совершенное намѣреніе старшину всю побить. Казаки говорятъ, что еслибъ у нихъ были старыя вольности, то они бы одни Крымъ взяли; а если нынѣшняго гетмана и урядниковъ Поляковъ не отмѣнятъ, то не только-что Крымъ брать, придется быть въ порабощеніи отъ Крыма и отъ Польши. Кіевскаго Кирилловскаго монастыря игуменъ Иннокентій тайно пересылается съ Шумлянскимъ, а въ Батуринъ ѣздитъ мало не каждую недѣлю; изъ Кіевской Приказной избы ходятъ къ игумену двое подъячихъ, Налетовъ и Фатѣевъ, безпрестанно, а игуменъ присылаетъ къ нимъ запасы, пиво и вино бочками". Сусловъ покончилъ свои вѣсти словами, что объ иномъ онъ и говорить не смѣетъ, развѣ самому великому государю изустно донесетъ.

---

[1] Дѣла Донскія означенныхъ годовъ въ Москов. Архивѣ Мин. Ин. Д.

Когда Никитинъ далъ знать объ этомъ великому государю, то Суслова съ двумя кіевскими подъячими привезли въ Москву для допроса. Сусловъ объявилъ, что львовскій шляхтичъ Попара говорилъ ему: Поляки очень жалѣютъ объ Украйнѣ, говорятъ, что если малая какая смута на Москвѣ сдѣлается, то они пойдутъ на Украйну и попрежнему ее къ себѣ присоединятъ. Другой шляхтичъ Буйновскій говорилъ то же; въ примѣръ ставятъ Поляки Пруссію: хотя много лѣтъ была за Шведами, однако опять перешла къ Польшѣ. Попара говорилъ: очень худо, что на Украйнѣ начальные люди Поляки; еслибъ были Русскіе, то Украйна была бы надежнѣе. Жалобы на гетмана и начальныхъ людей слышалъ онъ въ Кіевскомъ полку да отъ полевыхъ казаковъ. Извѣстія, которыя Сусловъ обѣщалъ объявить только одному государю, касались того, что въ Кіевѣ можно собирать гораздо больше торговыхъ пошлинъ, чѣмъ обыкновенно дѣлается. О намѣреніи казаковъ побить старшину Сусловъ слышалъ отъ Попары и Палѣевыхъ казаковъ, перешедшихъ съ Переяславской стороны. О сношеніяхъ Шумлянскаго съ Кирилловскимъ игуменомъ слышалъ во Львовѣ.

Подъячіе объявили, что они бывали у Кирилловскаго игумена очень рѣдко, и то по воеводскимъ дѣламъ; въ то же время узнали, что игуменъ Иннокентій умеръ. Государь велѣлъ послать къ Мазепѣ списокъ съ рѣчей Суслова, а подъячихъ отпустить назадъ въ Кіевъ съ строгимъ наказомъ, чтобъ впередъ къ иноземцамъ не ходили и вѣстей не разсказывали. Мазепѣ написали при этомъ, что великій государь всѣмъ этимъ слухамъ повѣрить не изволилъ и никакого сомнѣнія не имѣетъ, потому что онъ, гетманъ, старшина и все войско служатъ вѣрно, не щадя здоровья и головъ своихъ; потомъ, по просьбѣ гетмана, отправили въ Батуринъ и самого Суслова, давши Мазепѣ позволеніе пытать его. Въ октябрѣ 1697 года Мазепа писалъ государю о вѣстяхъ, что у Семена Палѣя бываютъ частыя присылки отъ гетмана Литовскаго Сапѣги, чего прежде не бывало; Сапѣга словесно наказывалъ Палѣю, чтобъ онъ остерегался Мазепы и не ѣздилъ къ нему въ Батуринъ. „Послалъ я въ Хвастовъ тайкомъ человѣка моего, писалъ Мазепа царю: посланный долженъ провѣдать о тамошнемъ поведеніи, созываетъ ли Палѣй войсковыхъ людей на какую службу; особенно приказалъ я Кіевскому полковнику и сотнику, чтобъ постоянно держали въ Хвастовѣ тайно людей своихъ для надзора за Палѣемъ, ибо удивительно мнѣ стало, что онъ теперь не такъ сердечно со мною поступаетъ, какъ прежде, не присылаетъ ко мнѣ писемъ, которыя получаетъ отъ гетмановъ Короннаго и Литовскаго, въ чемъ усматриваю нѣкоторую перемѣну и хитрость. Смѣю предложить вамъ, великому государю, чтобъ бояринъ, въ Кіевѣ воеводствующій, не велѣлъ пускать Палѣя въ Кіевъ со многими людьми, а онъ привыкъ часто туда пріѣзжать: у него тамъ въ нижнемъ городѣ и дворъ свой, который я, пріохочивая его къ вашей монаршеской услугѣ, купилъ ему у чернецовъ Межигорскихъ за 400 золотыхъ на собственныя деньги". Мазепа узналъ также, что новый король Польскій прислалъ Палѣю 4,000 золотыхъ червонныхъ на наемъ казаковъ; по этой вѣсти гетманъ разослалъ грамоты по всѣмъ полкамъ, чтобъ никто не смѣлъ переходить въ Польскую сторону. Черезъ мѣсяцъ Мазепа писалъ, что приказалъ Кіевскому полковнику Мокѣевскому посылать въ Хвастовъ дѣльныхъ людей для наблюденія, что тамъ дѣлается. Одинъ изъ такихъ наблюдателей, возвратясь изъ Хвастова, доносилъ полковнику, что полчане Палѣя, пѣшіе люди, пришедшіе изъ-подъ Каменца-Подольскаго, говорятъ: „Не хорошо Палѣй дѣлаетъ, что на двѣ стороны службою своею оказывается; теперь въ Польшѣ король новый, богатъ деньгами, надобно-бъ ему одному вѣрно служить,—отъ него и Палѣю, и всѣмъ намъ добрая можетъ быть награда. А если Палѣй на двѣ стороны колебаться будетъ, то и ему придетъ такая же кончина, какая и другимъ отъ него была". Добрые люди говорятъ: „Лучше намъ, будучи Восточной Православной вѣры, держаться Православнаго христіанскаго монарха"; но такихъ людей немного; самъ Палѣй каждый день пьянъ, иногда пьетъ, то иногда поминаетъ царское имя, а въ другой разъ пьетъ за здоровье Польскаго короля. Въ началѣ 1699 года, Мазепа извѣщалъ, что, вопреки статьямъ мирнаго договора — не заселять запустѣлыхъ за Днѣпромъ городовъ, — въ прошломъ году заведена слобода въ Мошнахъ, куда осадчики подговариваютъ и переманиваютъ людей съ лѣвой стороны Днѣпра; тяжесть отъ кормленія ратныхъ людей заставляетъ многихъ бѣжать за Днѣпръ. и такимъ образомъ, кромѣ Мошенской слободы, заселились еще слободы въ Драбовцѣ, Корсуни и Богуславѣ; устеречь бѣглецовъ трудно, потому что нельзя по всему Днѣпру разставить карауловъ. Кромѣ того, побережнымъ жителямъ восточной стороны нельзя пробыть безъ лѣсовъ западной стороны; но когда они придутъ туда по дрова, то тамошніе осадчики ихъ грабятъ, отбираютъ лошадей, возы, топоры, снимаютъ платье. Мазепа просилъ у государя позволенія разорить Мошенскую слободу и перевести поселенцевъ назадъ, такъ какъ слобода заселена вопреки договору.

Въ Сибирской украйнѣ, со стороны Китая было покойно Русскіе выгодно торговали въ Пекинѣ, и, въ 1698 году, Виніусъ писалъ Петру за границу, что въ Пекинѣ построена русская церковь и многіе Китайцы крестились. Петръ отвѣчалъ ему: „То дѣло зѣло изрядно. Только для Бога, поступайте въ томъ опасно и не шибко, дабы китайскихъ начальниковъ не привесть въ злобу, также и езувитовъ, которые уже тамъ отъ многихъ временъ гнѣздо свое имѣютъ; кчему тамъ надобны попы не такъ ученые, какъ разумные и подкладные, дабы чрезъ нѣкоторое киченіе оное святое дѣло не произошло въ злѣйшее паденіе, какъ учинилось въ Епаніи“. Вслѣдствіе этого, Виніусъ велѣлъ въ Нерчинскѣ у торговыхъ людей, которые пріѣдутъ изъ Китайскаго государства, спрашивать и всячески довѣдываться о новопостроенной часовнѣ въ Китайскомъ государствѣ, въ какомъ мѣстѣ и межъ какими домами или особно, отъ домовъ ихъ, китайскихъ, въ дальнемъ разстояніи, и Китайцы къ той церкви для смотрѣнія или слушанія приходятъ ли, и чтò говорятъ, хвалятъ ли; и нѣтъ ли какого отъ нихъ посмѣянія и поруганія; и къ которымъ церквамъ, Греческаго-ль закона или къ езувитскому костелу они склоннѣе, и каковы у той церкви попы и причетники, и въ какомъ искусствѣ живутъ, и сколько ихъ также и народу Русскаго, и какое у той церкви украшеніе и книгъ довольство, и умершихъ христіанъ гдѣ погребаютъ,— при той ли часовнѣ или гдѣ въ полѣ, и какимъ служеніемъ, явно ли или со опасеніемъ тайно, и есть ли кто изъ Китайцевъ крестились.

Въ то время какъ Петръ и Виніусъ тамъ заботились о Православной Церкви въ Пекинѣ и объ отношеніяхъ ея къ іезуитскому костелу, въ Москвѣ вскрылись слѣдствія іезуитскаго вліянія. Въ 1697 г священникъ Петропавловской (Адріана и Наталіи) церкви, въ Мѣщанской слободѣ, донесъ патріарху Адріану на своего дьякона Петра Артемьева, который послѣ Евангелія читалъ поученіе, похвалялъ въ вѣрѣ Поляки, Ляхи, Литву, прочиталъ молитву „Отче нашъ“ на амвонѣ по-римски, приклякнувъ на колѣни, и иныя нѣкія молитвы прилагая римскія; носитъ онъ на себѣ вмѣсто животворящаго креста мошонку, а въ ней образокъ Латынина Антонія Падвіянина (Падуанскаго), еретика суща: глаголетъ исхожденіе Духа Св. отъ Отца и Сына, исповѣдывался и пріобщался у іезуитовъ, а съ иными іезуитами, изъ Москвы изгнанными, зѣло слезно разлучился; освященный соборъ называетъ *заборомъ*, который перескочить хвалится; патріарховъ называетъ *потеряхами*, потому что истинную Православную вѣру потеряли. Болярь и судей безыменно лаетъ и безчествуетъ, по поводу пытокъ раскольникамъ: называетъ этихъ болярь и судей, стоящихъ у дыбы въ Константиновской башнѣ, нѣмыми учителями, которые вмѣсто Евангелія просвѣщаютъ огнемъ, и вмѣсто Апостола учатъ кнутомъ.

Петръ Артемьевъ былъ сынъ одного суздальскаго священника. Смолоду въ немъ уже виденъ былъ человѣкъ нервный, съ болѣзненною впечатлительностію, разстроеннымъ воображеніемъ; эти качества должны были усиливаться еще отъ разврата, какъ видно изъ собственныхъ его признаній. Такой-то юноша поступилъ въ школы къ греческимъ учителямъ, Лихудамъ, и съ старшимъ изъ нихъ, Іоанникіемъ. отправился въ 1688 году въ Венецію. За границей овладѣли имъ іезуиты и обратили въ католицизмъ. Какъ ловко велось дѣло при этомъ обращеніи, видно изъ разсказовъ Артемьева: когда онъ спрашивалъ у Латынянъ, чѣмъ ихъ Римская церковь лучше Греческой,—ему отвѣчали, что ничѣмъ, Римская и Греческая церковь равны, только развѣ въ Римской церкви люди ученѣйшіе. Молодой человѣкъ успокоивался, что все равно, и стремился къ ученѣйшимъ людямъ, къ книгамъ, написаннымъ ученѣйшими людьми; восторженность, страстность и мистицизмъ нѣкоторыхъ католическихъ писателей какъ нельзя больше пришлись по душѣ Артемьеву.

По возвращеніи въ Россію, Артемьевъ былъ посвященъ въ дьяконы къ Петропавловской церкви и тутъ-то обратилъ на себя вниманіе своими проповѣдями и выходками. Патріархъ Адріанъ, человѣкъ больной, нѣкоторое время оставилъ безъ слѣдствій доносъ священника, а дьяконъ между тѣмъ пріобрѣталъ послѣдователей, что было нетрудно въ тогдашнее смутное время: „И мнози въ слѣдъ его прелести уклонишася“. Между прочими, Артемьевъ былъ очень вхожъ въ домы строителей Успенской церкви на Покровкѣ, Гурьева и Сверчкова, у которыхъ бывали и латинскіе священники. Гурьевъ и Сверчковъ стали хлопотать у патріарха о переводѣ отца Артемьева изъ Суздаля въ Москву, именно къ ихъ Успенской церкви. Патріархъ сначала и слышать не хотѣлъ, судя объ отцѣ по сыну: „Какого этого дьякона Петра отецъ? „говорилъ патріархъ,—„не того ли, что за кальвиновъ, лютеровъ и папежниковъ стоитъ? Полно мнѣ принемогается, а то бы онъ давно былъ отправленъ; да такъ-то ему не пройдетъ у меня, потщуся для него нарочито соборъ собрать, если таковъ и отецъ-то, каковъ сынъ, то обоихъ доводится сжечь“. Но потомъ Адріанъ смягчился, и говорилъ: „По отца его давно я думалъ и самъ послать для него же дьяконишки,—для того, что добрый человѣкъ, сказываютъ, отецъ у него“.

Добрый человѣкъ долженъ былъ придти въ отчаяніе, получивши въ это время писульку отъ сына: „Батюшка! батюшка! писалъ Петръ, лазилъ я, лазилъ въ мысленную Христа бездны язву на небо, а нынѣ лѣзу, лѣзу и въ Круцификсъ Его, писанный тобою: лѣзу въ ребреную Его язву сердцемъ, гвожжю къ рукамъ Его мои руки, и, отнявъ у Него уста Его, дѣлаю въ нихъ своя уста и говорю съ нимъ такъ по Бернарду: не хощу, Господи мой, безъ язвъ жити, когда вижу Тебя всего въ язвахъ; остави съ собою, Господи, мнѣ хотя одинъ уголокъ на крестѣ, да распнусь съ тобою! Слыхалъ у тебе, что того ради меня нарeклъ еси Петромъ, да Петровы теплоты причастникъ буду, и се не погрѣшилъ еси воистину. Яко свѣжій калъ теплехонекъ есмь, чего ради и явленно проповѣдахся Петровъ и каѳедры его исповѣдникъ".

Пріѣхавъ въ Москву, отецъ едва не далъ заушину сыну „про ту писульку". А между тѣмъ священникъ Петропавловской церкви подалъ вторичный доносъ. Патріархъ отослалъ Петра въ Новоспасскій монастырь; но Адріана начали торопить окончаніемъ дѣла, писали ему: „Аще нынѣ отъ малыхъ, паче же отъ единаго сына погибели тако явлено внушаемо злочестіе латиномыслимое многія въ пропасть западную низрѣетъ; а егда малый недугъ сей Латинства расширится и отъ многихъ размножится и растлитъ все тѣло, Православія глаголю, тогда что будетъ, разумѣвай"! Патріархъ, въ іюнѣ 1698 года созвалъ соборъ, который приговорилъ разстричь Петра и сослать въ Важскій монастырь къ Холмогорскому архіепископу Аѳанасію. Увѣщанія послѣдняго нисколько не подѣйствовали на заточника, и Аѳанасій донесъ патріарху: „Цѣлихомъ Вавилона и не исцѣлѣ, но паче едва сами избавихомся богохранимо отъ сѣтей его".

Въ показаніяхъ Петра Артемьева находимъ любопытныя извѣстія о поведеніи знаменитыхъ учителей его, братьевъ Лихудовъ: „Учитель мой большой Іоанникій, пріѣхавъ изъ Италіи, пріѣзжалъ помного кратъ къ священникамъ Римскимъ на цесарскій дворъ въ слободу, и хвалился имъ быти ихъ мудрованія, но прикровенъ здѣ за страхъ, чему они и вѣрили; я же взялъ книжицу учителеву Мечецъ всю противну Римлянамъ, показалъ имъ цесарянамъ; они же, пришедшу учителю къ нимъ, показали и лицемѣрство его обличили; учитель отвѣчалъ имъ, что ту книгу братъ его Софроній писалъ безъ него, когда онъ, Іоанникій, былъ въ Италіи, что можетъ быть и правда, потому что онъ, Іоанникій, брата своего, Софронія, гораздо ко всякой правдѣ склоннѣе и къ Богу вѣрою теплѣе" [2].

Глава IV.

Продолженіе царствованія Петра I-го Алексѣевича.

Новое лѣтосчисленіе.—Причины Сѣверной войны.— Свиданіе Петра съ Польскимъ королемъ Августомъ и дружба съ нимъ.—Возницынъ на Карловицкомъ конгрессѣ.—Украинцевъ въ Константинополѣ.—Перемиріе съ Турками.—Союзъ трехъ державъ противъ Швеціи.—Карлъ XII.-Травендальскій миръ.—Осада Нарвы Русскими.—Пораженіе русскаго войска Карломъ XII.—Побѣдитель и побѣжденный.—Дѣятельность Випіуса.—Движеніе Шереметева.—Свиданіе Петра съ королемъ Августомъ въ Биржахъ.—Русское войско и саксонскій генералъ.—Пораженіе Саксонцевъ и Русскихъ на Двинѣ; его слѣдствія.—Эрестферская побѣда Шереметева.—Неудовольствія малороссійскаго войска.—Хлопоты съ Запорожьемъ.—Совѣтъ короля Августа опустошить Ливонію.—Исполненіе совѣта.—Дѣйствія Апраксина въ Ингріи.—Петръ въ Архангельскѣ.—Появленіе его и дѣйствія въ Ингріи.—Море.—Основаніе Петербурга.

20 декабря 1699 года въ Москвѣ узнали еще новость: приказано вести лѣтосчисленіе не отъ сотворенія міра, какъ прежде, а отъ Рождества Христова, и Новый Годъ считать не съ 1-го сентября, а съ 1-го января: „Извѣстно великому государю, что не только во многихъ европейскихъ христіанскихъ странахъ, но и въ народахъ славянскихъ, которые съ Восточною Православною нашею Церковью во всемъ согласны, какъ: Волохи, Молдавы, Сербы, Далматы, Болгары, и самые великаго государя подданные Черкасы и всѣ Греки, отъ которыхъ вѣра наша Православная принята,—всѣ тѣ народы согласно лѣта свои счисляютъ отъ Рождества Христова осьмь дней спустя" [1]. Въ знакъ добраго начинанія и новаго столѣтія, послѣ молебновъ въ церквахъ всѣ должны были поздравлять другъ друга съ Новымъ Годомъ; значительные домовладѣльцы должны были передъ воротами поставить украшенія отъ древъ и вѣтвей сосновыхъ, еловыхъ и можжевеловыхъ и сохранять эти украшенія до 7-го января; предписано было, во время фейерверка и пушечной пальбы на Красной площади, въ домахъ палатныхъ, воинскихъ и купеческихъ людей стрѣлять изъ небольшихъ собственныхъ пушекъ или мелкаго ружья трижды и пускать ракеты, по ночамъ отъ 1-го до 7-го числа зажигать костры и смоляныя бочки.

Такъ начали въ Москвѣ 1700-й годъ, знаменитый въ исторіи Европы началомъ двухъ сильныхъ и богатыхъ послѣдствіями войнъ: за наслѣдство Испанскаго престола на западѣ, и великой Сѣверной войны—на востокѣ; вслѣдствіе первой почти на цѣлый вѣкъ поникло значеніе Франціи:

---

[1] Полн. Собр. Зак. № 1735, 1736.

[2] Книги Малорос. Приказа въ Архивѣ Мин. Юстиціи; Акты Истор. V, № 295; Сборн. Синодал. библ. № 393.

вслѣдствіе второй—потеряла свое прежнее значеніе Швеція и среди европейскихъ державъ явилась новая могущественная держава—Россія.

Мы видѣли, съ какимъ неудовольствіемъ узналъ Петръ о намѣреніи союзниковъ своихъ прекратить войну съ Турками; онъ долженъ былъ или одинъ взять на свои плечи войну, или заключить миръ, который останавливалъ его на половинѣ дороги. Понятно, что тутъ же должна была въ головѣ Петра родиться мысль: не удалось на Черномъ морѣ,—надобно утвердиться на Балтійскомъ, что гораздо выгоднѣе, ближе и къ настоящей Россіи, и къ настоящей Европѣ. Но если нельзя было продолжать войны Турецкой безъ союзниковъ, то тѣмъ болѣе нельзя было начать безъ нихъ войну съ Швеціею; слѣдовательно и новая война была возможна только при образованіи новаго союза. Союзъ былъ возможенъ: Швеція, во время своей первенствующей роли на сѣверо востокѣ, вооружила противъ себя всѣхъ сосѣдей. Данія, Польша и Россія были обобраны Швеціею при ея воинственныхъ короляхъ—Густавѣ-Адольфѣ и Карлѣ X Густавѣ. Ставши, вслѣдствіе дѣятельности Густава-Адольфа покровительницею сѣверной протестантской Германіи, Швеція измѣнила этой обязанности противоестественнымъ союзомъ своимъ съ Франціею противъ Германіи, и тѣмъ самымъ проиграла здѣсь свое значеніе, которое переходитъ къ Бранденбургу; Бранденбургъ долженъ вступить въ борьбу съ Швеціею и за свои и за общегерманскіе интересы. Во все время пребыванія Петра въ Пруссіи, курфюрстъ Бранденбургскій приглашалъ его усильно къ союзу противъ Швеціи; но царь, разумѣется, не могъ согласиться на это, имѣя на плечахъ Турецкую войну. Теперь же обстоятельства перемѣнились, и Петръ, отбитый отъ Чернаго моря миромъ союзниковъ съ Портою, самъ будетъ искать союзниковъ для войны Шведской, для утвержденія на Балтійскомъ морѣ.

Возвращаясь, по вѣстямъ о стрѣлецкомъ бунтѣ, изъ-за границы, Петръ въ Галиціи, близъ мѣстечка Равы, встрѣтился съ новымъ королемъ Польскимъ Августомъ II-мъ, и, между прочими разговорами, была рѣчь у нихъ о взаимной помощи: „Король Августъ говорилъ, что много Поляковъ противныхъ имѣетъ, и примолвилъ, что, „еже надъ нимъ что учинятъ, то не оставь меня." Противъ чего Петръ отвѣтствовалъ, что онъ готовъ то чинить, но не чаетъ отъ Поляковъ тому быть, ибо у нихъ такихъ примѣровъ не было, но просилъ его, дабы отъ своей стороны помогъ отомстить обиду, которую учинилъ ему Рижскій губернаторъ Дальбергъ въ Ригѣ, что едва животъ спасся,—что король обѣщалъ" [1]. Но понятно, что отъ этого летучаго разговора до союза было еще очень далеко: „И такъ другъ другу обязались крѣпкими словами о дружбѣ, безъ письменнаго обязательства—и разъѣхались".

Петръ во время трехдневнаго пребыванія въ Равѣ былъ вполнѣ очарованъ Августомъ, какъ часто молодой, невоспитанный для свѣта человѣкъ, бываетъ очарованъ свѣтскими пріемами франта, хотя бы этотъ франтъ въ умственномъ и нравственномъ отношеніи былъ безконечно ниже дикаго юноши. Петръ любилъ повеселиться, Августъ умѣлъ повеселить—и тѣсная дружба была заключена между двумя сосѣдями, дружба, продолжавшаяся до тѣхъ поръ, пока Петръ, сильно выросшій въ бѣдѣ, разошелся слишкомъ далеко съ Августомъ, сильно понизившимся въ бѣдѣ. По возвращеніи въ Москву, Петръ щеголялъ въ кафтанѣ и шпагѣ Августа, не находилъ словъ для восхваленія своего несравненнаго друга. Но сколько понравился ему король, столько же не понравилось безпарядное и бѣдное королевство Польское. Вскорѣ послѣ возвращенія, на пиру у Лефорта, Петръ говорилъ: „Я было-потолстѣлъ въ Вѣнѣ отъ жирной пищи, но нищая Польша сняла опять весь жиръ". Польскій посланникъ заступился за отчизну: „Удивляюсь", сказалъ онъ, „отчего это такъ случилось съ вашимъ величествомъ; я родился и воспитанъ въ Польшѣ, однако отжирѣлъ".—„Ты отжирѣлъ не въ Польшѣ, а здѣсь въ Москвѣ", отвѣчалъ царь [2].

Какія бы мысли ни занимали Петра о новомъ союзѣ, о новой войнѣ, прежде всего нужно было кончить старую войну какъ можно повыгоднѣе. Русскимъ уполномоченнымъ на конгрессъ, имѣвшій окончить Турецкую войну, былъ назначенъ думный дьякъ, теперь уже называвшійся думнымъ совѣтникомъ, Прокофій Возницынъ. Уполномоченный долженъ былъ объявить первую мѣру — уступку Керчи; потомъ, если Турки не согласятся, ограничиться общепринятымъ основаніемъ, уступкою того, что уже находилось въ рукахъ. Конгрессъ открылся въ Карловичѣ въ октябрѣ 1698 года. Турки всего больше были напуганы Нѣмцами, побѣдами императорскихъ генераловъ, и потому желали какъ можно скорѣе заключить миръ съ императоромъ; посредники—послы Англійскій и Голландскій—желали того же самаго, потому что императорское войско нужно было имъ противъ Франціи въ предстоящей войнѣ за Испанское наслѣдство; поэтому неудивительно, что турецкіе уполномоченные скорѣе всего пришли къ соглашенію съ австрійскими. Возницынъ думалъ помѣшать этому, внушая драгоману Порты, Александру Маврокордато, что Турціи стоитъ только повременить миромъ до начала неминуемой войны за Испанское наслѣдство, и тогда можно будетъ съ успѣхомъ бороться съ отвлеченною на западъ Австріею. Хитрость была слишкомъ простовата: странно было, что русскій уполномоченный хлопочетъ въ интересахъ Турціи; Западная война могла задержаться вслѣдствіе продленія войны Турецкой; Турціи было не въ мочь противиться, и она спѣшила воспользоваться предстоящею Западною войною для прекращенія тяжкой своей войны. Въ Константинополѣ боялись оружія императорскаго, но въ то же время очень боялись связи, которая существовала между Русскимъ царемъ и единовѣрными ему подданными Порты. На эту связь прямо указывала мирная партія въ Константинополѣ, какъ на побужденіе къ скорѣйшему заключенію мира. Дѣйствительно, шли сношенія между Валахіею и Москвою при посредствѣ гетмана Мазепы. Поставленный между двумя огнями, между требованіемъ Турокъ и не менѣе ненавистныхъ Нѣмцевъ-католиковъ, господарь искалъ спасенія у Православнаго царя, просилъ о принятіи въ подданство и присылкѣ войска въ Бессарабію. „Со слезами молимъ спасти насъ отъ папистовъ и іезуитовъ, которые бѣснуются на Православныхъ больше, чѣмъ на Турокъ и Жидовъ. Война мірская можетъ когда-нибудь кончится; а война іезуитская — никогда“.

---

[1] Разсказъ Макарова, правленный самимъ царемъ. Кабин. I, кн. № 63.

[2] Корбъ, 74, 76

Маврокордато, обыкновенно клявшійся русскимъ посламъ, что по единовѣрію радѣетъ великому государю, бралъ подарки отъ Возницына и не препятствовалъ заключенію мира между Турціею и Австріею; посредники взяли у Возницына по шубѣ — и также не препятствовали заключенію этого мира. Удовлетворивши императора, турецкіе уполномоченные хотѣли вознаградить себя на-счетъ остальныхъ противниковъ, и не думали уступать ихъ требованіямъ: „Трудность съ турской стороны непачаемая къ намъ простерта, также не легко и съ нашей къ нимъ“, писалъ Возницынъ государю. „Богъ вѣдаетъ—за тѣмъ за всѣмъ состоится ли у насъ съ ними миръ, а на краткое перемирье отнюдь позволити не хотятъ, а союзные послы повседневно съ ними съѣзды имѣютъ; и цесарскіе и венецейскіе говорятъ, что они дѣла свои на мѣрѣ поставили, также и Поляки удовольствованы будутъ, и еще ожидаютъ меня, и, буде я въ таковомъ же намѣреніи пребуду, оставить хотятъ. Буде Туркамъ Азовъ и поднѣпрскіе города отдать, а хану казна (т.-е. продолжать посылать ежегодную казну, или дань), то тотъ миръ всегда не ушелъ. Еслибъ дойтить до Дуная, не только тысячи—тьмы нашего народа, нашего языка, нашей вѣры, и всѣ миру не желаютъ“.

Не имѣя возможности заключить миръ, Возницынъ предложилъ перемиріе. Турки не согласились и стали грозить. Тогда Возницынъ перемѣнилъ поведеніе: вмѣсто внушеній и подарковъ употребилъ твердость, высказалъ, что не боится войны, и достигъ цѣли: Турки заключили перемиріе на два года. „Я, писалъ Возницынъ, учинилъ только армистиціумъ, или на время унятіе оружія, и то по самой нуждѣ, видя, что ты, государь, отъ Турковъ къ миру не удовольствованъ, а они всѣ (союзники) удовольствованы и тебя оставили. А прежде я ихъ въ тотъ армистиціумъ звалъ и совѣтывалъ, чтобъ учинили то нынѣ, а не миръ; которые Нѣмцы словами, а Полякъ и письмомъ въ томъ мнѣ отказали. Не дивно, государь, на Нѣмецъ, потому что они краткимъ союзомъ обязаны; дивно на Поляка, что онъ смѣлъ то учинить, а всего будучи на дву съѣздахъ, дѣло свое окончилъ, а на чемъ, то еще паче дивняе: оставя съ тобою, государемъ, вѣчный союзъ, и натруся тѣмъ и вѣчный миръ, помирился ни на чемъ: Турки посулили отдать ему Каменецъ пустой. Впровадили его и обманули Нѣмцы для того, что имъ нуженъ и надобенъ и пожиточенъ миръ; и помирились они безъ всякаго себѣ отягченія и безъ уступки всего, и заткнули Туркамъ горло другими своими союзники. А съ Венеты у Нѣмецъ я чаялъ крайней дружбы, ажно у нихъ есть тайная антипатія: Нѣмцы не хотятъ того слышать, чтобъ Венетъ бралъ силу. По правдѣ, государь, Нѣмцы знаютъ, какъ свои дѣла весть, и сей миръ сильною рукою и въ потребное себѣ время сдѣлали. Я, сіе покорно донесши, паки твоей государевой милосту молю: помилуй грѣшнаго и убогаго своего сироту, а лучше я сдѣлать сего дѣла не умѣлъ“ ¹)

Перемиріемъ надобно было воспользоваться или для заключенія прочнаго мира, или для приготовленія къ успѣшной войнѣ, которую теперь нужно было вести одинъ-на-одинъ. Для перваго былъ назначенъ посланникомъ въ Константинополь думный дьякъ, теперь также совѣтникъ, Емельянъ Украинцевъ съ дьякомъ Чередеевымъ; но чтобъ помочь Украинцеву въ заключеніи выгоднаго мира, чтобъ показать Туркамъ всю опасность войны съ Россіею, Петръ отправилъ своего посланника моремъ на русскомъ военномъ кораблѣ; нужно было также показать Туркамъ и Крымцамъ весь русскій флотъ и при этомъ извѣдать, на всякій случай, путь къ завѣтной Керчи; съ этою цѣлію царь хотѣлъ со всѣмъ своимъ флотомъ отправиться изъ Воронежа провожать Украинцева до Керчи.—Перваго адмирала русскаго флота, Лефорта, уже не было болѣе: онъ умеръ въ мартѣ 1699 г. На его мѣсто генералъ-адмираломъ былъ назначенъ, извѣстный намъ по Нерчинскому договору, бояринъ Ѳедоръ Алексѣевичъ Головинъ, который вмѣстѣ съ этимъ званіемъ получилъ въ завѣдываніе иностранныя дѣла; Головинъ же былъ первымъ кавалеромъ ордена Андрея Первозваннаго, учрежденнаго 10 марта 1699 года ²). Такимъ образомъ Головинъ получилъ первенствующее значеніе между правительственными лицами, значеніе перваго министра, какъ величаютъ его иностранцы, т.-е. значеніе, бывшее прежде у Льва Кирилловича Нарышкина.

Въ апрѣлѣ 1699 года чрезвычайные посланники Украинцевъ и Чередеевъ отправились въ Константинополь. Они ѣхали туда не съ пустыми руками: повезли мѣховъ на пять тысячъ рублей, полтора пуда чаю, десять пудовъ рыбья зуба—на раздачу отъ государевыхъ дѣлъ. Ѣхали на Воро-

---

¹) Дѣла Цесарскія 1698 и 1699 года въ Моск. Арх. Мин. Ин. Д., донесеніе Возницына отъ 13 ноября 1698 года въ Кабин. II, кн. № 53; Zinkeisen, Geſchichte des Osmanſichen Reiches V, 202.

²) Корбъ, стр. 122.

нежъ, гдѣ были у государевой руки, съ Воронежа—водою до Азова, ѣхали мимо городовъ Костенка, Урыву, Коротояка и Дивныхъ Горъ, а за Коротоякомъ, по обѣимъ сторонамъ Дона тридцать вотчинъ, гдѣ городковъ, селъ и деревень жилыхъ нѣтъ, только юрты промышленныхъ людей, наѣзжающихъ временно для рыбной и звѣриной ловли, человѣкъ по сороку, а владѣютъ они по отдачѣ изъ оброку, нанимая у епископа Воронежскаго и въ монастыряхъ. Отъ этихъ вотчинъ внизъ ѣхали мимо пятидесяти казачьихъ городковъ; когда равнялись съ городкомъ, выѣзжали на встрѣчу станичные атаманы и казаки и, для почтенія, въ городкахъ была пальба изъ пушекъ и мелкаго ружья. Когда поравнялись съ главнымъ городомъ Черкасомъ, то посланники велѣли провожавшимъ ихъ солдатамъ выстрѣлить первымъ изъ ружей, и на этотъ выстрѣлъ отвѣчали пушки со всего города; посланники вышли изъ судовъ и пошли въ соборную церковь, оттуда къ атаману Фролу Минаеву; атаманъ отдалъ имъ визитъ на бударѣ. Изъ Черкасова поѣхали въ Азовъ, изъ Азова въ Таганрогъ, гдѣ въ двухъ верстахъ отъ города дожидался ихъ военный сорокашестипушечный корабль „Крѣпость", капитанъ Голландецъ Петръ фонъ Памбургъ. Отъ Таганрога до Керчи посланники шли Азовскимъ моремъ въ государевомъ морскомъ корабельномъ и галерномъ караванѣ, надъ которымъ былъ предводителемъ и правителемъ ближній бояринъ и славнаго чина Св. Апостола Андрея кавалеръ и каравана воинскаго морскаго генералъ-адмиралъ Ѳедоръ Алексѣевичъ Головинъ; командиромъ на кораблѣ „Апостолъ Петръ" былъ самъ государь; въ караванѣ, кромѣ крѣпости, было девять кораблей, двѣ галеры, яхта, два галіота, три бригантина. Въ томъ же караванѣ въ четырехъ морскихъ стругахъ шелъ Донской атаманъ Фролъ Минаевъ съ пятью стами выборныхъ казаковъ.

Когда караванъ явился у Керчи, то здѣшній паша видимо испугался, спрашивалъ, зачѣмъ пришелъ такой большой караванъ, и присланный изъ Царяграда приставъ настаивалъ, чтобъ посланники ѣхали въ Константинополь сухимъ путемъ, черезъ Крымъ и Буджаки; но Украинцевъ отвѣчалъ: „По указу великаго государя велѣно намъ ѣхать моремъ на кораблѣ царскаго величества, а сухимъ путемъ ѣхать намъ не велѣно, да и не-для-чего, потому что тотъ путь въ дальнемъ разстояніи; видно ты, приставъ, хочешь везти насъ черезъ Крымъ для какого-нибудь вымысла; только намъ черезъ Крымъ ѣхать не-для-чего, и до хана Крымскаго никакого дѣла намъ нѣтъ, говорить съ нимъ не о чемъ". Приставъ стращалъ посланниковъ: „Видно вы Чернаго моря не знаете, каково оно бываетъ съ 15-го августа, не напрасно дано ему имя Черное: бываютъ на немъ во время нужды черны сердца человѣческія". — „Полагаемся на волю Божію, а сухимъ путемъ не поѣдемъ", отвѣчалъ Украинцевъ и закончилъ споръ.

28 августа посланники вышли въ море и благополучно достигли Царяграда; невиданное диво—русскій корабль торжественно, при пушечной пальбѣ, вошелъ въ константинопольскую гавань и сталъ на якорѣ противъ сераля. Первымъ дѣломъ посланниковъ было отправить капитана Памбурга съ поздравленіемъ къ французскому, англійскому и голландскому посламъ; Французъ и Голландецъ приняли Памбурга любовно и за поздравленіе благодарили; Англичанинъ же къ себѣ не пустилъ, выслалъ на крыльцо человѣка и велѣлъ сказать, что видѣться ему съ Памбургомъ не-для-чего, и сѣлъ онъ теперь за столъ обѣдать. Начали пріѣзжать смотрѣть диковину: пріѣзжали Французы изъ посольской свиты, пріѣзжалъ великій визирь и долго ѣздилъ около корабля, хвалилъ и дивился, что корабль такъ скоро пришелъ изъ Керчи въ Царьградъ; наконецъ пріѣзжалъ самъ султанъ.

Переговоры начались только въ ноябрѣ: посланники предложили статьи: 1) Вѣчный миръ или продолжительное перемиріе съ тѣмъ, чтобъ каждая сторона удержала то, чѣмъ владѣла въ минуту переговоровъ,—слѣдовательно Россія удерживала за собою всѣ завоеванія. 2) Татары не должны тревожить Русскія области. 3) Когда Азовъ, Казыкермень и другія крѣпости будутъ въ русскомъ владѣніи, то своевольные люди обоихъ государствъ уймутся; эти крѣпости великій государь не для какой-нибудь себѣ славы въ своей сторонѣ держать изволяетъ, но только для унятія съ обѣихъ сторонъ своевольныхъ людей. 4) Если во время мира казаки пойдутъ войною на турецкія и крымскія мѣста, то вольно ихъ побивать какъ злодѣевъ; а когда изъ походу возвратятся, то по царскому указу учинена имъ будетъ смертная казнь; такъ же будетъ поступлено взаимно съ турецкой и крымской стороны. 5) Дачу, которая прежде бывала Крымскому хану и начальнымъ людямъ, великій государь за многія ихъ неправды велѣлъ отставить и впредь имъ той дачи не будетъ. 6) Полонъ весь освобождается на условномъ мѣстѣ размѣною. 7) Свободная торговля съ обѣихъ сторонъ. 8) Запорожцамъ вольно промышлять звѣремъ и рыбою вплоть до Днѣпровскаго устья. 9) Порубежныя ссоры успокоиваются чрезъ пословъ. 10) Русскіе люди свободно ходятъ на поклоненіе Св. мѣстамъ, не платя никакихъ податей. 11) Св. мѣста возвращаются Грекамъ. 12) Православные въ турецкихъ областяхъ свободно отправляютъ свое богослуженіе.

Рейсъ-эфенди отвѣчалъ, что первая статья самая трудная и не ожидали они ея, потому что всѣ другіе государи въ Карловичахъ возвратили султану что-нибудь изъ завоеваннаго, одинъ Русскій царь не хочетъ ничего возвратить. Рейсъ-эфенди потребовалъ возвращенія Казыкерменя и другихъ приднѣпровскихъ городковъ—для удерженія хана Крымскаго и всякихъ Татаръ отъ своевольничества и для принужденія ихъ къ пашнѣ. Посланники отвѣчали, что эти городки не сдерживаютъ своевольныхъ Татаръ, а наоборотъ,—укрываютъ разбойниковъ: до взятія казыкерменскаго жили въ томъ городѣ беи, у которыхъ былъ промыселъ, что загонъ за загономъ отпускали, и за то великіе подарки у Татаръ брали.

Переговоры затянулись: въ три мѣсяца дѣло не подвинулось ни насколько. 24-го февраля 1700 года, на одиннадцатой конференціи посланники объявили Рейсъ-эфенди медіумъ, или средокъ, что государь изволяетъ Казыкермень и иные городки разорить до основанія, а землю пустую уступить султану, чтобъ впредь отъ тѣхъ городковъ недружбы и войны не было. 2-го марта, на 12-й конференціи, Рейсъ-эфенди отвѣчалъ, что такую малую уступку султанъ не вмѣняетъ въ дружбу и въ уступку: надобно городки уступить султану въ цѣлости, построилъ ихъ отецъ нынѣшняго султана для удержанія Запорожскихъ казаковъ, которые выходили на Черное море и разоряли приморскіе города турецкіе. Посланники отвѣчали, что прежде казаки были у Поляковъ, жили въ своевольствѣ и непослушаніи, и на море хаживали своевольствомъ, а теперь гетманы казацкіе и казаки всѣ у государя въ вѣрномъ послушаніи. „Отъ пословъ, доносилъ Украинцевъ, отъ цесарскаго, венеціанскаго, англійскаго и голландскаго не видимъ мы никакой себѣ помощи, всѣ они лицемѣры и навѣтники“. Іерусалимскій патріархъ присылалъ говорить посланникамъ, что изъ-за Казыкерменя не стоитъ начинать войны, и чтобъ они изъ-за такого малаго дѣла не препятствовали миру. Ханъ присылалъ къ султану нѣсколько разъ, чтобъ Казыкерменя не уступалъ Россіи,—въ противномъ случаѣ будетъ онъ Татарамъ вреденъ: Москвичи и казаки могутъ изъ него приходить къ Перекопи объ одну ночь. Сербъ Савва Рагузинскій давалъ знать Украинцеву, что „послы христіанскіе, которые въ Царьградѣ, всѣ противны миру нашему, и потому не доведется имъ ни въ чемъ вѣрить; у всѣхъ у нихъ то намѣреніе, чтобъ Москвичей въ дальнюю съ Турками войну вплесть“. Іерусалимскій патріархъ утверждалъ такъ же, что „конечно Римляне, Люторы и Кальвины не желаютъ, чтобъ былъ миръ у великаго государя съ султаномъ, и Православнымъ христіанамъ они естественные враги“.

На слѣдующихъ конференціяхъ, послѣ долгихъ споровъ и выторговыванія съ турецкой стороны, Рейсъ-ефенди наконецъ объявилъ, что султанъ соглашается на срытіе днѣпровскихъ городковъ и заключеніе перемирія на 30 лѣтъ. Начались новыя трудности: Турки не хотѣли писать въ договорѣ новыхъ городковъ, построенныхъ Петромъ,—Таганрога, Павловскаго и Міюса. „Поступаютъ они въ договорахъ весьма лукаво, съ великимъ вымысломъ и продолженіемъ, а я отъ такого ихъ продолжительнаго и лукаваго поступка въ безпрестанной пребываю печали и слезахъ“, доносилъ Украинцевъ. „Съ послами цесарскимъ, англійскимъ, венеціанскимъ по сіе время я не видался, потому что Порта не допускаетъ, и пересылку черезъ дворянъ съ ними имѣю; только помощи мнѣ отъ нихъ никакой нѣтъ, и не только помощи, и вѣдомостей никакихъ, и никакой осторожности мнѣ не чинятъ, а у нихъ въ Галатѣ многія есть вѣдомости, потому что они живутъ тамъ во всякой повольности, между себя и съ Турками безпрестанныя имѣютъ конверсаціи, а ко мнѣ ни съ чѣмъ не отзываются; только когда я къ нимъ пошлю съ здоровьемъ, тогда и они ко мнѣ противъ того присылаютъ же, а сами отъ себя отнюдь ни въ чемъ меня не посѣщаютъ, и у Порты того, чтобъ имъ со мною видаться, съ своей стороны не домогаются, отговариваяся мнѣ тѣмъ, что если имъ того у Порты просить, а она имъ откажетъ, и въ томъ имъ учинится только стыдъ и безчестье. Послы англійскій и голландскій во всемъ держатъ крѣпко турскую сторону, и больше хотятъ имъ всякаго добра, нежели тебѣ, великому государю. Торговля англійская и голландская корабельная въ Турскомъ государствѣ изстари премногая и пребогатая, и что у тебя, государя, завелось морское корабельное строеніе и плаваніе подъ Азовъ и у Архангельскаго города, и тому они завидуютъ, и того ненавидятъ, чая себѣ отъ того въ морской своей торговлѣ великой помѣшки“.

Въ апрѣлѣ, послѣ четырехъ конференцій, согласились написать такъ: „Поднѣпровскіе городки всѣ разорить, и мѣстамъ, на которыхъ они стояли, быть въ султановой сторонѣ пустымъ, да и всѣмъ землямъ по Днѣпру отъ Сѣчи Запорожской до Очакова быть пустыми же, только на половинѣ между Очаковымъ и Казыкерменемъ быть поселенію для перевоза черезъ Днѣпръ всякихъ проѣзжихъ и торговыхъ людей, и быть около того поселенія окруженію съ ровикомъ и крѣпостцою, селу приличному, а вида городовой крѣпости и никакой обороны то окруженіе въ себѣ не имѣло бы. Азову городу со всѣми старыми и новыми городками и межъ тѣми городками лежащими землями и водами быть всѣмъ въ державѣ царскаго величества, а отъ Перекопи и отъ края моря Перекопскаго до перваго новаго азовскаго городка (Міюсскаго) землямъ быть празднымъ“. Отъ Кубанской стороны къ Азову Турки уступили земли на 10 часовъ ѣзды: „Больше того мы у нихъ вытянуть не могли“, писалъ Украинцевъ государю.

Слѣдовала статья о Татарахъ. Турки объявили, чтобъ поминки продолжалъ царь давать хану по милости своей государской, а не по принужденію, а безъ этой дачи миръ заключенъ быть не можетъ: султанъ въ такомъ безчестіи хана не поставитъ. Относительно статьи о возвращеніи Святыхъ Іерусалимскихъ мѣстъ Грекамъ, Турки объявили, что это къ государственнымъ дѣламъ не принадлежитъ: во всѣхъ дѣлахъ во всемъ государствѣ султанъ воленъ; никогда одинъ государь другому въ его дѣлахъ не указываетъ; а если потомъ царь будетъ просить объ этомъ султана, то вѣроятно султанъ исполнитъ царское желаніе. 28-го мая, по многихъ разговорахъ и спорахъ, ханскую дачу Турки отставили, а статью о Святыхъ мѣстахъ Русскіе посланники отложили до будущаго времени. Дѣло приближалось къ окончанію, какъ вдругъ въ іюнѣ мѣсяцѣ Турки опять заговорили о необходимости срыть новые азовскіе городки — Таганрогъ, Павловскъ, Міусскій; посланники имъ отказали наотрѣзъ и объявили, что даютъ только мѣсяцъ сроку для переговоровъ, послѣ чего Іерусалимскій патріархъ прислалъ имъ письмецо: „Рѣхъ и глаголю, что сіи яко лукавые искушаютъ либо что исправятъ себѣ угодное, однакожъ не вѣрю, чтобъ мира не учинили, я такъ чаю и мню, что не ошибусь“. Дѣйствительно, 28-го іюня Турки дали знать, что отказываются отъ своего требованія относительно срытія новыхъ азовскихъ кастелей! 3-го іюля происходила размѣна статьями, а чрезъ нѣсколько дней пришелъ къ Украинцеву Сербъ Савва Владиславичъ Рагузинскій и разсказывалъ, что Польскій посолъ Лещинскій просилъ прилежно у Турокъ именемъ всего сената и всей Рѣчи Посполитой, чтобъ они съ Русскимъ царемъ не мирились, а заключили союзъ съ Поляками и помогли имъ отыскивать Кіевъ и всю Малороссійскую украйну; а на короля своего Лещинскій жаловался, что онъ великій другъ Русскому царю, и Поляки его ни въ чемъ слушать не будутъ и съ королевства его скинутъ. Но Турки ни въ чемъ не послушали Лещинскаго [1]).

Въ то время, какъ Украинцевъ въ Константинополѣ хлопоталъ о прекращеніи войны на югѣ, въ Москвѣ велись дѣятельные переговоры о начатіи новой войны, которая должна была охватить сѣверо-востокъ Европы. Мы видѣли, что Швеція успѣла нажить себѣ враговъ во всѣхъ своихъ сосѣдяхъ. Привести ихъ въ союзъ противъ общаго врага было нетрудно: стоило только явиться энергическому человѣку, который изъ самыхъ сильныхъ личныхъ побужденій рѣшился бы дѣйствовать въ пользу этого союза, соглашая интересы всѣхъ державъ. Такой человѣкъ явился среди шведскихъ подданныхъ вслѣдствіе стремленія Шведскаго правительства усилить свои внутреннія средства, чтобъ поддержать свое первенствующее значеніе на сѣверо-востокѣ Европы, чтобъ не бояться враждебныхъ сосѣдей. Средства Швеціи были вовсе не въ уровень съ тѣмъ значеніемъ, какое она пріобрѣла случайно со временъ Густава-Адольфа, и потому естественно рождалось стремленіе увеличить ихъ какимъ бы то ни было способомъ. Исторія Швеціи представляетъ одну выпуклую сторону—постоянную и упорную борьбу королей съ сильною аристократіею, причемъ короли опираются на другія сословія. Король Карлъ XI, умный и бережливый деспотъ, умѣлъ повести дѣло такъ, что сеймъ отдалъ ему неограниченную власть и право распоряжаться судьбою низложенной аристократіи. Карлъ XI воспользовался своимъ торжествомъ, и, посредствомъ знаменитой редукціи, аристократія была обобрана, лишилась всѣхъ земель, которыя когда-то были коронными и потомъ разными способами перешли въ частное владѣніе. Редукціонная коммисія явилась и въ Лифляндіи: у здѣшняго рыцарства отобрали не только земли, пожалованныя Шведскими королями, но и всѣ тѣ земли, которыя когда-то, во время самобытнаго существованія Ливоніи, принадлежали орденскому капитулу, магистрамъ и высшему духовенству. Не довольствуясь тѣмъ, что у Лифляндскаго рыцарства изъ 5,000 участковъ осталась только тысяча, Карлъ XI потребовалъ, чтобъ оно представило несомнѣнныя доказательства своихъ правъ на владѣніе и оставшеюся у него землею. Въ этой бѣдѣ изъ рядовъ рыцарства выдался самый сильный по своей природѣ человѣкъ, капитанъ Іоганъ Рейнгольдъ фонъ-Паткуль. Даровитый, энергическій, неразборчивый въ средствахъ, пылкій до бѣшенства, мстительный, жестокій, — Паткуль въ Лифляндіи и Стокгольмѣ говорилъ громче всѣхъ и лучше всѣхъ противъ обидъ и притѣсненій, волновалъ рыцарство, заставлялъ его соединять силы для отпора бѣдѣ, писалъ отъ его имени просьбы къ королю. Легко понять, какое раздраженіе этотъ „безпокойный человѣкъ“ производилъ въ Стокгольмѣ при Дворѣ королевскомъ, и въ Ригѣ у генералъ-губернатора, графа Гастфера, который былъ ревностнымъ исполнителемъ королевской воли въ Лифляндіи. Паткуль былъ вызванъ въ Стокгольмъ, обвиненъ въ государственной измѣнѣ; видя, что дѣло должно кончиться для него дурно, онъ убѣжалъ въ Курляндію, а въ Стокгольмѣ заочно приговорили его къ смертной казни. Изъ Курляндіи Паткуль ушелъ въ Бранденбургъ, оттуда въ Швейцарію, былъ во Франціи, Италіи, на досугѣ занялся наукою; но кипучая натура Паткуля не долго позволяла ему эти мирныя занятія. Паткуль не хотѣлъ оставаться изгнанникомъ: такъ или иначе онъ долженъ былъ возвратиться въ Лифляндію; но это было для него невозможно, пока Лифляндія оставалась шведскою провинціей. слѣдовательно надобно было вырвать ее у Швеціи. Говорить о патріотизмѣ Паткуля мы должны съ большою осторожностію: Паткуль дѣйствовалъ исключительно въ интересахъ своего сословія, тѣсно соединенныхъ съ его личными интересами. О возстановленіи самостоятельности Лифляндіи онъ не могъ думать; ему нужно было. слѣдовательно, вырвавши ее у Шведовъ, передать которой-нибудь изъ другихъ сосѣднихъ державъ. Паткуль остановился на Польшѣ; члена Лифляндскаго рыцарства привлекала форма шляхетской республики, въ которой нельзя было ожидать шведской редукціи; Нѣмца привлекало то, что королемъ Польскимъ былъ теперь одинъ изъ нѣмецкихъ курфюрстовъ. Паткуль явился при Дворѣ Августа II и, въ концѣ 1698 и началѣ 1699 года, подалъ одинъ за другимъ нѣсколько меморіаловъ, въ которыхъ указывалъ, какъ и съ кѣмъ должно заключить союзъ для успѣшнаго нападенія на Швецію и завоеванія Ливоніи. Паткуль указывалъ на необходимость и возможность заключенія союза съ Даніею, Россіею, Бранденбургомъ. При раздѣлѣ добычій, онъ больше всего боялся Россіи: „Надобно опасаться", писалъ Паткуль, „чтобъ этотъ могущественный союзникъ не выхватилъ у насъ изъ-подъ носа жаркое, которое мы воткнемъ на вертелъ; надобно ему доказать исторіею и географіею, что онъ долженъ ограничиться одною Ингерманландіею и Кареліею. Надобно договориться съ царемъ, чтобъ онъ не шелъ дальше Наровы и Пейпуса; если онъ захватитъ Нарву, то ему легко будетъ потомъ овладѣть Эстляндіею и Лифляндіею. Надобно также уговориться съ царемъ, чтобъ, при завоеваніи Ингерманландіи и Кареліи, Москвитяне не предавались своей обычной жестокости, не били, не жгли и не грабили. Надобно выговорить у царя деньги и войско, особенно пѣхоту, которая очень способна работать на траншеяхъ подъ непріятельскими выстрѣлами". Паткуль совѣтуетъ дѣйствовать въ глубочайшей тайнѣ: „Да не вѣдаетъ лѣвая рука, что дѣлаетъ правая"; совѣтуетъ остерегаться Поляковъ, которые будутъ противодѣйствовать завоеванію Лифляндіи, какъ средству къ усиленію королевской власти; сеймъ зашумитъ, и если даже согласится на войну, то въ Швеціи узнаютъ и примутъ свои мѣры;—надобно напасть врасплохъ на Швецію и овладѣть Ригою [1]).

---

[1]) Статейный списокъ и донесенія Украинцева въ Москов. Архив. Мин. Ин. Д.

Совѣты Паткуля были приняты. Усыпляя Швецію дружественными увѣреніями, Августъ велъ переговоры о союзѣ съ Датскимъ королемъ Христіаномъ V, который охотно согласился дѣйствовать противъ Швеціи по враждѣ своей съ герцогомъ Голштейнъ-Готторпскимъ Фридрихомъ VI, другомъ и зятемъ молодаго Шведскаго короля Карла XII. Въ Польшѣ за 100,000 рейхсталеровъ былъ подкупленъ первый человѣкъ послѣ короля въ государствѣ, кардиналъ-примасъ Радзеевскій, обѣщавшій выхлопотать у сейма позволеніе, подъ предлогомъ устройства гавани въ Полангенѣ, оставить въ Курляндіи саксонскія войска, которыя должны были идти подъ Ригу. Радзеевскому показали договоръ, заключенный королемъ съ Паткулемъ, какъ уполномоченнымъ отъ Лифляндскаго рыцарства; по этому договору Лифляндія присоединялась на-вѣки къ Польшѣ, съ правомъ присылать депутатовъ на сеймы, имѣть свое войско, свое внутреннее управленіе, свои законы и учрежденія. Но въ секретныхъ пунктахъ рыцарство обязывалось признавать верховную власть Августа и его потомковъ даже и въ томъ случаѣ, если бы они не были королями Польскими, и всѣ доходы отправлять прямо къ нимъ [2]).

Въ Москву уговаривать царя къ начатію войны съ Швеціею былъ посланъ генералъ Карловичъ, съ которымъ вмѣстѣ, подъ чужимъ именемъ, пріѣхалъ и Паткуль [3]). Они пріѣхали въ Москву въ сентябрѣ 1699 года, и нашли здѣсь шведскихъ пословъ, которые пріѣхали отъ принявшаго правленіе молодаго короля Карла XII за подтвержденіемъ Кардискаго договора. Петръ былъ готовъ для пріобрѣтенія моря воевать съ Шведами въ союзѣ съ Польшею и Даніею, но не могъ начать новой войны прежде заключенія мира съ Турками. Карловичъ напомнилъ Петру о его предложеніи, сдѣланномъ Августу еще въ Равѣ, воевать вмѣстѣ съ нимъ Шведовъ; теперь время благопріятное для царя утвердиться на Балтійскомъ морѣ, завести торговлю со всѣми странами міра и получить такія выгоды, какихъ не получалъ никогда ни одинъ потентатъ; захватить монополію торговли между востокомъ и западомъ, не говоря уже о томъ, что пріобрѣтется средство войти въ ближайшія сношенія съ важнѣйшими государствами христіанскаго міра; пріобрѣсти вліяніе на европейскія дѣла, завести на Балтійскомъ морѣ страшный флотъ, образовать здѣсь третье могущество, выбить у Франціи мысль о всемірной монархіи и пріобрѣсть чрезъ это бо́льшую славу, чѣмъ отъ покоренія Турокъ и Татаръ. Царское величество пріобрѣтетъ возможность сдѣлаться еще болѣе необходимымъ для Англіи и Голландіи, когда, въ случаѣ войны ихъ съ Франціею за Испанію или за что-нибудь другое, пошлетъ имъ на помощь войско и флотъ; чрезъ это Московская нація на чужой счетъ выучится военному искусству и съ успѣхомъ будетъ вести войну съ Турками и Татарами, не нуждаясь въ помощи иностранныхъ офицеровъ. Для достиженія всего этого его королевское величество Польскій отъ вѣрнаго и праваго сердца предлагаетъ къ услугамъ не только свою нѣмецкую армію, но и свою собственную высокую особу, обязуется учинить на шведскую сторону такую сильную диверсію, что царскому величеству нечего будетъ опасаться оттуда нападенія, ибо королевское величество займетъ большую часть шведскихъ силъ, нападши на такое мѣсто, куда Шведы сосредоточатъ свои войска. При этомъ король въ особенности рекомендуетъ двѣ вещи: 1) чтобъ царское величество для такого великаго дѣла какъ можно скорѣе развязалъ себѣ руки, чтобъ не было развлеченія ни съ какой другой стороны; 2) чтобъ всѣ переговоры и сношенія сохранялись въ глубочайшей тайнѣ. Все это, изложенное въ общихъ чертахъ, можетъ быть объяснено гораздо обстоятельнѣе, и царское величество удостовѣрится, что король руководится здѣсь побужденіями чистой любви и вѣрной дружбы.

Тайна была соблюдена: никто не догадался, о чемъ Головинъ толковалъ съ Карловичемъ въ Преображенскомъ; къ совѣщаніямъ допущены были только Датскій посланникъ Гейнсъ, по единству интересовъ, да переводчикъ Шафировъ. Чтобъ не узнали ни о чемъ въ Стокгольмѣ, Шведскіе послы были приняты царемъ по обычаю и отпущены съ увѣреніемъ, что великій государь будетъ соблюдать мирные договоры; только при этомъ царь отказался подтверждать договоры крестнымъ цѣлованіемъ, потому что они были старые и царь уже разъ присягалъ на нихъ покойному королю Карлу XI. Непріятнаго было одно: послы повезли въ Стокгольмъ требованіе съ русской стороны удовлетворенія за оскорбленія, нанесенныя въ Ригѣ великому посольству, при которомъ находился самъ царь.

---

[1]) Паткулевы, бумаги въ Польскихъ дѣлахъ Москов. Архива Мин. Ин. Д.; I. R. Patkul's Berichte, T. II; Wernich—der Livländer Joh. Reinh. v. Patkul.

[2]) Echte, oder rechtmässige Verantwortung, 1701, стр. 41 Archiv für die Geschichte Liv-Esth und Curlands, т. VII.

[3]) Плейеръ въ донесеніи цесарю отъ 10 декабря 1699.

А между тѣмъ, 11 ноября 1699 года, въ Преображенскомъ заключенъ былъ тайный договоръ о наступательномъ союзѣ противъ Швеціи; Августъ обязывался начать войну вступленіемъ своихъ войскъ въ Ливонію, обѣщалъ склонить и Польскую Рѣчь Посполитую къ разрыву съ Швеціею. Царь обязывался двинуть войска въ Ингрію и Карелію тотчасъ по заключеніи мира съ Турціею, не позже апрѣля 1700 года, а до того времени, если понадобится, пошлетъ королю вспомогательное войско подъ видомъ наемнаго. Если съ Турціею нельзя будетъ заключить мира и Августъ не захочетъ одинъ вести войну съ Швеціею, то царь обязывался всѣми способами помирить его съ Карломъ XII [1].

Августъ исполнилъ свои обязательства. Въ началѣ 1700, саксонскія войска вступили неожиданно въ Ливонію, но, кромѣ взятія Динамюнде, ничего не могли сдѣлать. Рига не сдавалась. Головинъ доносилъ Петру въ Воронежъ: „Во всѣхъ письмахъ пишутъ отъ свейскаго рубежа, что въ Ригѣ есть великая осторожность отъ польскихъ войскъ, а наипаче отъ саксонскихъ. Ахъ, неростропное къ лучшему и безъ разсужденія Венусово веселіе, иже легкомыслительствомъ неоцѣненное ко многихъ пользѣ время потеряли“ [2]. Успѣшнѣе на первый разъ повелъ свои дѣла другой союзникъ—король Датскій, заставившій герцога Шлезвигъ-Голштинскаго уѣхать въ Швецію. Третій союзникъ—Русскій царь,—не двигался, ожидая вѣстей съ юга изъ Константинополя. Успокоительныхъ вѣстей не было, и Петръ, не видя возможности разорвать съ Швеціею, вмѣсто войска въ Ингрію, назначилъ великое посольство въ Стокгольмъ—ближняго боярина князя Якова Долгорукова и окольничаго князя Ѳедора Шаховскаго, и съ извѣстіемъ объ ихъ отправленіи послалъ на резиденцію ближняго стольника князя Андрея Хилкова. Для успокоенія шведскаго резидента въ Москвѣ, Книперкрона, употреблялись всевозможныя средства. Резидентъ доносилъ въ Стокгольмъ, что когда его дочь расплакалась, испугавшись вѣстей о разрывѣ Россіи съ Швеціею, то самъ Петръ сталъ утѣшать ее, говоря, что не начнетъ несправедливой войны, не разорветъ мира, только-что подтвержденнаго; по словамъ Книперкрона, царь сказалъ ему, что если Польскій король и овладѣетъ Ригою, то онъ, царь, отниметъ ее у него [3].

Между тѣмъ самъ Августъ II явился въ Ливонію, овладѣлъ Кокенгаузеномъ; но Ригѣ не могъ ничего сдѣлать по малочисленности войска и по недостатку осадныхъ орудій. Онъ отправилъ въ Москву барона Лангена требовать у Петра условленной помощи, условленнаго нападенія на Ингрію. Но Петръ хорошо помнилъ другое, главное условіе—не начинать Шведской войны до окончанія Турецкой; на всѣ убѣжденія Лангена онъ отвѣчалъ: „Если сегодня получу извѣстіе о мирѣ, то завтра двину свои войска на Шведовъ“ [4]. Слово было сдержано: 8 августа получилъ Петръ донесеніе отъ Украинцева о заключеніи мира, 9-го велѣлъ двинуть войска къ шведскимъ границамъ, о чемъ въ тотъ же день увѣдомилъ Августа: „Любезнѣйшій братъ, государь и сосѣдъ! Никакоже сомнѣнію доселѣ медленіе наше подлежитъ въ начатомъ семъ дѣлѣ: ибо трудныя ради причины сіе удержано было. Нынѣ же, при помощи Божіей, получа миръ съ Портою на 30 лѣтъ (слава Богу, съ нарочитымъ удовольствованіемъ), къ сему подвигу приступили есмы, о чемъ сегодня къ Новгородскому воеводѣ указъ послали, дабы какъ наискорѣе, объявя войну, вступилъ въ непріятельскую Землю и удобныя мѣста занялъ; такожде и прочимъ войскамъ немедленно иттить повелѣлъ, гдѣ при оныхъ въ концѣ сего мѣсяца и мы тамъ обрѣтатися будемъ, и надѣемся въ помощи Божіей, что ваше величество инако, развѣ пользы, не увидите“.

Но его величество Польскій увидалъ инако; еще прежде него инако увидалъ его величество Датскій. Мы упоминали уже, что послѣдній съ успѣхомъ вступилъ въ Голштинію и заставилъ герцога удалиться въ Швецію къ родственнику и другу, Карлу XII, съ которымъ мы должны поближе познакомиться.

Карлъ родился въ 1682 году, слѣдовательно былъ ровно десятью годами моложе нашего Петра. Сильная натура рано начала давать себя чувствовать въ ребенкѣ; и съ самаго же начала сила обнаруживалась односторонне; въ удали, безразсудномъ исканіи опасностей уже высказывался исключительно герой-завоеватель, тогда какъ въ Русскомъ Петрѣ съ малолѣтства была видна геніальная многосторонность, геніальная чуткость ко всему, виденъ былъ преобразователь, а не солдатъ, не завоеватель. И въ молодомъ Карлѣ, какъ въ Петрѣ, богатырскія силы высказывались часто очень непріятнымъ образомъ для окружающихъ; особенно непріятный характеръ приняли королевскія потѣхи, когда весною 1598 года въ Стокгольмъ пріѣхалъ Фридрихъ III, герцогъ Голштейнъ-Готторпскій, чтобъ жениться на старшей сестрѣ Карла XII. Фридрихъ и Карлъ стали неразлучными друзьями, и продѣлкамъ этихъ друзей не было конца: то въ сеймовой залѣ устроятъ охоту за зайцемъ; то днемъ въѣдутъ вмѣстѣ торжественно въ Стокгольмъ, причемъ герцогъ и вся свита въ однѣхъ рубашкахъ съ саблями наголо, съ крикомъ и гамомъ; то пойдутъ вечеромъ гулять по городу и бить стекла; потѣшались и тѣмъ, что срывали парики, шляпы, выбивали миски изъ рукъ пажей, разносившихъ кушанье, колотили мебель и выбрасывали за окна; однажды переломали всѣ лавки въ церкви и заставили всѣхъ молиться стоя; нѣсколько дней сряду друзья забавлялись тѣмъ, что отсѣкали саблями головы баранамъ и телятамъ, пригнаннымъ для этой потѣхи во дворецъ; полъ и стѣны королевскихъ комнатъ были улиты кровью. Во время этихъ потѣхъ, шестнадцатилѣтняго Карла нельзя было занять ничѣмъ важнымъ; сановники, которые рѣшались пытаться на это, были выталкиваемы за двери. Народъ роталъ; говорили, что герцогъ Голштинскій нарочно развращаетъ короля, чтобъ погубить его и самому занять Шведскій престолъ, за неимѣніемъ наслѣдниковъ мужскаго пола. Но и общество показало свою силу: представленія за представленіями съ разныхъ сторонъ являлись къ королю насчетъ его поведенія; въ одно воскресенье три проповѣдника въ трехъ разныхъ церквахъ говорили проповѣдь на одинъ текстъ: „Горе странѣ, въ которой царь юнъ!“ Все это сильно раздражало Карла и повидимому не вело ни къ чему, но только повидимому молодой богатырь поутихъ, и, когда герцогъ уѣхалъ изъ Швеціи, Карлъ явился совсѣмъ другимъ человѣкомъ, серьезнымъ и дѣятельнымъ; теперь уже не могли уговорить его хотя немного разсѣяться. Потомъ вдругъ опять съ жадностью предался удовольствіямъ, баламъ, маскарадамъ, театру. Силы кипѣли и не находили выхода.

---

[1] Дѣла Шведскія и Польскія 1700 года въ Моск Арх. Мин. Ин. Д. Голикова Дѣянія П В. XI, № 487.

[2] Донесенія въ Моск. Арх. Мин. Ин. Д.

[3] Livonica, fascicul. VI, 56.

[4] Польскія дѣла въ Моск. Арх. Мин Ин. Д.

Между тѣмъ герцогъ Фридрихъ, въ надеждѣ на помощь Швеціи, сталъ задирать Данію, строить крѣпости и вводить шведскіе отряды, тогда какъ Данія, по стариннымъ леннымъ отношеніямъ, отрицала у него право на это. Датское войско вступило въ Шлезвигъ и срыло укрѣпленія Теннинга; но какъ скоро оно удалилось, герцогъ возобновилъ укрѣпленія. Вражда разгоралась, и Данія была рада случаю утвердить свою власть въ Голштиніи; Швеціи она не боялась, она вошла въ тайныя сношенія съ Августомъ II-мъ и Россіею. Изгнанный датскими войсками, герцогъ Фридрихъ, пріѣхавши въ Швецію, объявилъ Карлу XII, что отдаетъ себя и свою страну въ его покровительство. „Я буду вашимъ покровителемъ“, отвѣчалъ Карлъ, „хотя бы это мнѣ стоило короны“. Шведскія войска получили приказъ двинуться изъ Помераніи въ Голштинію. Тщетно большинство членовъ шведскаго государственнаго совѣта было противъ войны; тщетно хотѣли помѣшать ей Англія и Голландія; искра была брошена въ порохъ; господствующая страсть молодого короля вспыхнула и не потухнетъ. „Король мечтаетъ только объ одной войнѣ, писалъ Французскій посланникъ; ему слишкомъ много насказали о подвигахъ и походахъ его предковъ. Сердце и голова наполнены этимъ, и онъ считаетъ себя непобѣдимымъ въ челѣ своихъ Шведовъ“. Скоро упала и другая искра: пришло извѣстіе, что Августъ II Польскій вторгнулся въ Ливонію. Король получилъ это извѣстіе на охотѣ; безъ всякаго волненія, съ улыбающимся лицомъ обратился онъ къ Французскому посланнику и сказалъ: „Скоро мы заставимъ короля Августа убраться во-свояси“. По возвращеніи въ Стокгольмъ, онъ объявилъ, что никогда не начнетъ несправедливой войны, но справедливую кончитъ только совершеннымъ низложеніемъ врага. „Сперва я покончу съ однимъ“, сказалъ онъ, „а потомъ поговорю и съ другимъ“.

Вечеромъ 13 апрѣля 1700 года, Карлъ простился съ бабушкою и двумя сестрами, чтобъ ѣхать въ увеселительный дворецъ Кунгсеръ. Ночью король дѣйствительно выѣхалъ изъ Стокгольма, только не въ Кунгсеръ. Никогда не возвратится онъ болѣе въ Стокгольмъ, никогда не увидитъ бабушки и сестеръ [1]).

Совершенно неожиданно 15,000 шведскаго войска, подъ предводительствомъ самого короля, переплыли Зундъ и явились предъ Копенгагеномъ, не имѣвшимъ средствъ защищаться. Боясь разрушенія своей столицы, король Фридрихъ IV поспѣшилъ заключить съ Карломъ миръ, утверждая совершенную самостоятельность Голштиніи и обязуясь заплатить герцогу Фридриху 260,000 талеровъ. Договоръ былъ подписанъ въ Травендалѣ 8 августа, въ тотъ самый день, когда Петръ получилъ извѣстіе о заключеніи мира съ Турками, чѣмъ условливалось движеніе русскихъ войскъ къ шведскимъ границамъ.

Мы видѣли, какъ Паткуль боялся, чтобъ Петръ не овладѣлъ Нарвою: а Петръ именно хотѣлъ начать войну покореніемъ двухъ важныхъ крѣпостей—Нарвы и Нотебурга (Орѣшка), чтобъ, получивши эти двѣ опоры, съ успѣхомъ продолжать войну, занимать и всю страну, между ними лежащую, страну, не имѣвшую другихъ значительныхъ крѣпостей, страну пустынную, гдѣ еще нужно было укрѣпляться—на-досугѣ. При этомъ Нарва была важнѣе Нотебурга, ибо ближе къ Ригѣ, гдѣ долженъ былъ дѣйствовать Августъ. 2 марта 1700 года, отвѣчая Головину изъ Воронежа на извѣстіе о неудачѣ Саксонцевъ въ Ливоніи, Петръ писалъ: „Жаль, жаль, да нечѣмъ пособить! Пришло мнѣ на мысль: сказывалъ мнѣ Брантъ, что есть въ Ругодевѣ (Нарвѣ) пушки продажныя корабельныя, и я съ нимъ говорилъ, чтобъ купить. И нынѣ для тѣхъ пушекъ пошли ты Корчмина (стольника, выученнаго за границею инженерному искусству), чтобъ онъ ихъ пробовалъ и купилъ нѣсколько; а межъ тѣмъ накажи ему, чтобъ присмотрѣлъ города и мѣста кругомъ: также, если возможно ему дѣла сыскать, чтобъ побывалъ и въ Орѣшекъ, а буде въ него нельзя, хоть возлѣ его. А мѣсто тутъ зѣло нужно; протокъ изъ Ладожескаго озера въ море (посмотри въ картахъ), и зѣло нужно ради задержанія выручки; а дѣтина, кажется, не глупъ и секретъ можетъ снесть. Зѣло нужно, чтобъ Книперъ того не вѣдалъ, потому что онъ знаетъ, что онъ (Корчминъ) ученъ" [1]).

---

[1]) Fryxell - Lebensgeschichte Karl's des Zwölften, I, стр. 46—47.

„Мы здѣсь въ 18 день объявили миръ съ Турками зѣло съ преизряднымъ фейерверкомъ, въ 19 день объявили войну противъ Шведовъ", писалъ Петръ Θедору Матвѣевичу Апраксину [2]), завѣдывавшему флотомъ въ Воронежѣ. Война объявлялась за многія неправды Шведскаго короля и особенно за то, что во время государева шествія чрезъ Ригу отъ рижскихъ жителей чинились ему многія противности и непріятства [3]). Войска двинулись къ Нарвѣ. Посланникъ Августа, Лангенъ, былъ въ отчаяніи, что вмѣстѣ съ Датскимъ посланникомъ никакъ не могъ удержать царя отъ похода въ Нарву; онъ утѣшалъ себя тѣмъ, что современемъ этотъ городъ не уйдетъ изъ ихъ рукъ. Паткуль пришелъ въ восторгъ при извѣстіи, что Петръ наконецъ объявилъ войну Швеціи; но этотъ восторгъ былъ сейчасъ же охлажденъ тревожною мыслію, куда двинетъ царь свои войска; что, если къ Нарвѣ? Паткуль безпокоился тѣмъ болѣе, что уже познакомился съ Петромъ, увидѣлъ, какого опаснаго союзника пріобрѣлъ себѣ его Августъ. Въ этомъ безпокойствѣ Паткуль писалъ Лангену: „Вопросъ въ томъ,—куда обратитъ царь свое оружіе? Вы знаете хорошо, какъ хлопотали мы о томъ, чтобъ отвратить его отъ Нарвы; мы руководились при этомъ важными соображеніями, между которыми главное, что не въ нашихъ выгодахъ допустить царя въ сердце Ливоніи, позволивъ ему взять Нарву. Въ Нарвѣ онъ получитъ такое мѣсто, откуда можетъ захватить Ревель, Дерптъ и Пернау прежде чѣмъ узнаютъ объ этомъ въ Варшавѣ, а потомъ покорить Ригу и всю Ливонію. Поневолѣ станешь бояться, имѣя дѣло съ такимъ государемъ, вспомнивъ о его силахъ и о всѣхъ его движеніяхъ, которыя вы очень хорошо проникли, какъ видно изъ вашего донесенія королю. Наконецъ благоразуміе требуетъ взять всѣ возможныя мѣры предосторожности, чтобъ Ливонія не зависѣла отъ произвола этого могущественнаго друга и союзника королевскаго. Съ другой стороны, не должно забывать, что мы слабы, что намъ необходима помощь царя и его дружба, если мы хотимъ что-нибудь сдѣлать, и что мы нанесемъ немалый ударъ Швеціи, когда она такъ рано потеряетъ Нарву. Вотъ почему намъ нельзя очень торговаться съ царемъ изъ опасенія, чтобъ не раздражить его, и я думаю, что не надобно спорить съ нимъ о Нарвѣ; однако надобно очень искуснымъ образомъ подать царю записки, съ которыхъ взять копіи изъ царской канцеляріи и, такимъ образомъ, охранить право короля, которое онъ имѣетъ въ силу послѣдняго договора, чтобъ можно было дѣйствовать впослѣдствіи, когда не будетъ болѣе причинъ такъ осторожно обходиться съ царемъ, какъ принуждены мы теперь. Наблюдайте внимательно за поведеніемъ Датскаго посланника: не онъ ли внушаетъ царю желаніе взять и удержать за собою Нарву? Побуждайте царя хлопотать, чтобъ республика Польская также объявила войну Швеціи. Вывѣдайте у царя, не можетъ ли онъ уступить чего-нибудь Полякамъ со стороны Кіева; внушайте ему, что пріобрѣтеніе Ингріи и Кареліи, утвержденіе на берегу Балтійскаго моря сторицею вознаградитъ его за уступку" [4]).

9 сентября писалъ это Паткуль Лангену, а еще 22 августа русскія войска начали выступать въ походъ подъ Нарву. Старый нашъ знакомый, капитанъ бомбардирской роты, Петръ Михайловъ шелъ съ Преображенскимъ полкомъ до Твери. Здѣсь получилъ онъ извѣстіе отъ Польскаго короля, что Карлъ XII скоро будетъ въ Ливоніи съ 18,000 войска и высадится въ Пернау. Петръ былъ въ сильномъ недоумѣніи, какъ видно изъ письма его къ Головину: „И о томъ я многократно думалъ, истина-ль или подлогъ? И буде истина, то конечно Датскій осиленъ. Мы пойдемъ отсель завтра до Новгорода, не мѣшкавъ. Къ Якову Брюсу я послалъ, чтобъ остановился, если за рубежъ не вышелъ. Извольте управляться, также и прочимъ приказать; а мы пойдемъ и будемъ дѣлать, какъ Богъ наставитъ" [5])

Въ Новгородѣ Петръ рѣшился продолжать походъ къ Нарвѣ: о прибытіи Карла XII слуховъ не было, а были вѣсти, что Нарва плохо укрѣплена и войска въ ней мало [6]). 23 сентября Петръ сталъ подъ Нарвою и немедленно занялся приготовленіями къ осадѣ вмѣстѣ съ саксонскимъ инженернымъ генераломъ Галлартомъ, котораго прислалъ король Августъ. Затрудненія обнаружились сейчасъ же: военныхъ запасовъ было заготовлено гораздо меньше, чѣмъ сколько нужно было, по мнѣнію Галларта [7]). Другая бѣда: войска, по причинѣ дурной осенней дороги и недостатка подводъ, двигались очень медленно, - и дорогое время уходило. Всего войска собралось подъ Нарвою отъ 35 до 40,000 [8]), изнуреннаго тяжелымъ походомъ и недостаткомъ съѣстныхъ припасовъ; пушки оказывались негодными. Наконецъ, 20 октября, открылся огонь по городу со всѣхъ русскихъ батарей; надѣялись, что городъ, при его малыхъ средствахъ, недолго продержится; какъ вдругъ пришло извѣстіе, что Карлъ XII высадился въ Пернау съ большимъ, какъ говорили, войскомъ. Послѣ военнаго совѣта, Русскіе укрѣпили свой лагерь. Стрѣльба по городу продолжалась, пока наконецъ недостатокъ въ ядрахъ, бомбахъ и въ порохѣ не заставилъ прекратить огонь. Надобно было дожидаться ихъ подвоза. Первая осада Нарвы, какъ и первая осада Азова, ознаменовалась измѣною: одинъ изъ служивыхъ иностранцевъ, Гуммертъ, пользовавшійся особеннымъ расположеніемъ царя, ушелъ въ Нарву, оставя въ Москвѣ жену и дѣтей. Петръ послѣ велѣлъ передъ его московскимъ домомъ повѣсить его куклу; но Гуммертъ изъ Нарвы опять завелъ съ нимъ сношенія, давалъ совѣты, какъ вести войну, какъ снова дѣйствовать противъ Нарвы, объяснялъ причины неудачи первой осады: „Какъ прямое учрежденіе и ученіе между солдатами учинено не будетъ, невозможно во-вѣкъ войну совершенную весть, понеже сіе болѣе къ своему собственному погубленію, нежели къ непріятельскому убытку учинено будетъ. Вашего величества сила есть неописанна, егдабъ право и къ пользѣ только-бъ употреблена была, токожъ люди сами такъ добрые, какъ возможно въ свѣтѣ найти; но лучшаго нѣсть, а именно: прямаго порядка и ученія“. Осада, по словамъ Гуммерта, не удалась оттого, что „мы имѣли лазутчиковъ и вѣдомцевъ и обо всемъ хорошо вѣдали, но руками никто не хотѣлъ приняться: ходили какъ кошки около горячей каши и никто не хотѣлъ пальцевъ ожечь. Надобно было прежде шанцы построить, для сохраненія своихъ винныхъ флягъ и хлѣбныхъ мѣшковъ, хотя нечего было опасаться, и отложили то до послѣдняго, что сперва дѣлать надлежало. Люди наши сначала были весьма бодры къ наступленію; но что пользы, когда псы зѣло добры, а ловцы неудобны, или наоборотъ: ловцы гораздо добры, а псы неудобны—плохая ловля будетъ!“ Письма Гуммерта сохранились [1]; но отвѣтовъ никакихъ нѣтъ, есть только извѣстіе, что Шведы повѣсили Гуммерта [2].

---

[1]) Хранится въ Моск. Архивѣ Мин. Ин. Д.

[2]) Кабинетъ I, кн. № 24.

[3]) Полн. Собр. Зак. № 1811.

[4]) Польскія дѣла 1700 года.

[5]) Письма въ Моск. Архивѣ Мин. Ин. Д.

[6]) Кабинетъ, II, кн. I.

[7]) Донесеніе Галларта королю Августу въ Московск. Архивѣ Мин. Ин. Д.

[8]) Кабин. I, кн. № 19, 37. Алекс. Гордонъ: The history of Peter the Gr. I, 150.

17 ноября бояринъ Борисъ Петровичъ Шереметевъ, посланный къ Везенбергу наблюдать за шведскимъ войскомъ, отступилъ къ Нарвѣ съ вѣстію о приближеніи непріятеля; въ ту же ночь Петръ оставилъ лагерь. Понятно, что это подало поводъ къ обвиненіямъ и оправданіямъ. Но въ чемъ обвинять Петра,—въ трусости? И прежде и послѣ Петръ доказалъ, что онъ не трусилъ при встрѣчѣ съ непріятелемъ; но безразсудная удаль, стремленіе подвергаться опасности безполезной, было совершенно не въ характерѣ Петра, чѣмъ онъ такъ отличался отъ Карла XII. Петръ могъ уѣхать изъ лагеря при вѣсти о приближеніи Карла, убѣдившись, что оставаться опасно и безполезно; что присутствіе его можетъ быть полезно въ другомъ мѣстѣ. Это былъ человѣкъ, который менѣе всего былъ способенъ руководиться ложнымъ стыдомъ. Петръ привелъ свои войска подъ Нарву, какъ привелъ ихъ подъ Азовъ, разсчитавъ, что двое союзниковъ занимаютъ непріятеля. Искусныхъ генераловъ у него не было, война еще не успѣла образовать ихъ; въ походѣ, который имѣлъ цѣлію занятіе крѣпости, можно было обойтись и безъ нихъ; у Петра былъ искусный инженеръ Галлартъ, съ которымъ онъ и намѣревался распоряжать всѣмъ самъ. Но обстоятельства перемѣнились: на выручку Нарвы приближался Шведскій король съ отличнымъ, и, по слухамъ, съ большимъ войскомъ, ободреннымъ блистательнымъ успѣхомъ въ Датскомъ походѣ. Въ военномъ искусствѣ, какъ и во всѣхъ другихъ искусствахъ, Петръ смотрѣлъ на себя и на своихъ какъ на новичковъ, только-что начавшихъ учиться; и вотъ этимъ новичкамъ пришлось помѣряться съ мастерами. По всѣмъ вѣроятностямъ, Петръ поспѣшно бы отступилъ предъ Карломъ отъ Нарвы, еслибъ оставался одинъ съ адмираломъ Головинымъ, котораго, для сохраненія видимаго единства, назвалъ фельдмаршаломъ; но еще въ Новгородъ къ нему пріѣхалъ, отлично рекомендованный генералъ цесарской службы, герцогъ фонъ-Круи. При вѣсти о приближеніи Карла, Петръ предложилъ герцогу принять начальство надъ русскимъ войскомъ; тотъ долго отказывался, наконецъ принялъ предложеніе; войско въ надежныхъ рукахъ мастера; царю съ прежнимъ фельдмаршаломъ оставаться долѣе—значило только вредить единству распоряженій, развлекать вниманіе подчиненныхъ. Петръ уѣхалъ вмѣстѣ съ Головинымъ въ Новгородъ „для того, чтобы идущіе достальные полки побудить къ скорѣйшему приходу подъ Нарву, а особливо, чтобъ имѣть свиданіе съ королемъ Польскимъ“ [3].

Карлъ быстро шелъ къ Нарвѣ по пятамъ Шереметева, и утромъ, 19-го ноября, явился предъ русскимъ лагеремъ, имѣя около 8,500 человѣкъ войска [4]. Но, кромѣ искусства, опытности и бодрости, на шведской сторонѣ главнымъ условіемъ успѣха для Карла было то, что русскія войска были растянуты на огромномъ протяженіи своего лагеря и прорваться чрезъ ихъ несомкнутые ряды было легко; кромѣ того, сильная вьюга била прямо въ лицо голоднымъ и холоднымъ рускимъ солдатамъ, и въ 20 шагахъ нельзя было ничего различить. Наконецъ къ печальному состоянію физическому присоединялся упадокъ нравственныхъ силъ, произведенный сознаніемъ своего неискусства, неопытности предъ страшнымъ этими качествами непріятелемъ; сюда же присоединилась подозрительность: предводители Нѣмцы будутъ ли усердно сражаться противъ своихъ? Вотъ почему, когда Шведы ворвались въ лагерь, въ рядахъ испуганныхъ русскихъ солдатъ раздались крики: „Нѣмцы измѣнили!“ Эти страшные крики отняли послѣднія силы, и все бросилось бѣжать Побѣжала конница Шереметева вплавь черезъ Нарову, причемъ потонуло 1,000 человѣкъ. Бѣгство Шереметева освободило Карла отъ большаго страха, потому что онъ больше всего боялся, чтобъ конница не напала на него съ тыла. Пѣхота бросилась черезъ мостъ,—мостъ обрушился, и много народа потонуло въ Наровѣ. Дисциплина исчезла; въ страшномъ озлобленіи Русскіе начали кидаться на иностранцевъ и бить ихъ. Видя это, фонъ-Круи закричалъ: „Пусть самъ чортъ дерется съ такими солдатами!"—бросился бѣжать вмѣстѣ съ другими иностранцами и отдался въ плѣнъ Шведамъ При этомъ всеобщемъ смятеніи и бѣгствѣ, не смялись и не побѣжали два полка—Преображенскій и Семеновскій; огородясь рогатками и артиллерійскими повозками, они до самой ночи отбивались отъ Шведовъ. Между тѣмъ король, увязивъ лошадь въ болотѣ, самъ насилу изъ него выбрался и пересѣлъ на другую лошадь; та была убита, король пересѣлъ на третью, говоря со смѣхомъ: „Видно, непріятель хочетъ упражнять меня въ верховой ѣздѣ". Когда совершенно стемнѣло, король велѣлъ прекратить огонь, а самъ въ мокромъ платьи прилегъ на плащѣ у сторожеваго огня.

---

[1] Въ Моск. Архивѣ Мин. И. Д.

[2] Гюйсенъ: Ausführliche Verantwortung, см. ниже

[3] Гисторія Свейской войны, правленная самимъ Петромъ, изданная Мюллеромъ подъ заглавіемъ: «Журналъ Петра В.»

[4] Hansen – Geschichte der Stadt Narva, 1856 г.

Побѣда Шведовъ еще далеко не была рѣшительною. Преображенцы и Семеновцы пугали своимъ отчаяніемъ; кромѣ нихъ, стоялъ твердо отрядъ, бывшій подъ начальствомъ генерала Вейде. Между Шведами было мало порядка: два отряда ихъ, опознавшись, вступили другъ съ другомъ въ бой, причемъ погибло не мало людей. Ночью солдаты забрались въ покинутыя русскія палатки, нашли тамъ много вина и перепились такъ, что сдѣлались неспособными сторожить плѣнныхъ, и если бы Русскіе воспользовались этимъ, то исходъ Нарвской битвы могъ бы быть совершенно иной. Но русскіе генералы—князь Як. Ѳед. Долгорукій, царевичъ Имеретійскій Александръ, Автомонъ Головинъ, Бутурлинъ Ив. Ив., не имѣя сообщенія съ Вейде и ничего не зная, въ какомъ положеніи дѣла, опасаясь печальнаго для себя исхода битвы на другой день, вошли въ переговоры съ королемъ и согласились отступить, отдавши Шведамъ артиллерію. Вейде, получивъ извѣстіе объ этой капитуляціи, послѣдовалъ примѣру русскихъ генераловъ: „Я позволяю русскимъ солдатамъ сохранить оружіе за храбрость, съ какою они защищались", сказалъ Карлъ. Шведы были рады спровадить Русскихъ какъ можно скорѣе за рѣку, принялись ночью за работу и далеко до развѣта успѣли навести мостъ, по которому Русскіе и переправились; но генералы были захвачены въ плѣнъ, подъ предлогомъ, что Русскіе нарушили договоръ, вывезши денежную казну, тогда какъ о казнѣ не было ничего въ договорѣ [1]).

21-го ноября Карлъ съ торжествомъ вступилъ въ освобожденную Нарву, куда были отправлены и 79 человѣкъ знатныхъ русскихъ плѣнныхъ, въ томъ числѣ 10 генераловъ.

Блистательная побѣда была выиграна; какъ же воспользуется ею побѣдитель? Надобно было выбирать изъ двухъ дорогъ, изъ двухъ враговъ, и мнѣнія раздѣлились. Пиперъ, Вреде, Веллингъ, Штенбокъ и другіе совѣтовали принять мирныя предложенія короля Августа и всѣ силы обратить на преслѣдованіе бѣгущихъ, испуганныхъ Русскихъ, стать у нихъ на зимнія квартиры, кормить армію на ихъ счетъ и поддерживать неудовольствія на царя между стрѣльцами, между приверженцами Софіи, между чернью, недовольною введеніемъ европейскихъ обычаевъ. Замутится Русское царство, – и Швеціи можно будетъ, какъ нѣкогда при самозванцахъ, пріобрѣсти выгоды, еще болѣе обезопасить свои владѣнія съ этой стороны, заставить Русское правительство исключительно обратить свое вниманіе на Черное море. Сначала Карлъ былъ за этотъ планъ: въ спальнѣ у него висѣла карта, гдѣ обозначена была дорога въ Москву; онъ запретилъ своимъ солдатамъ забѣгать для фуражировки за русскую границу; иначе, говорилъ онъ, шведское войско не найдетъ здѣсь пропитанія. Но скоро планъ былъ оставленъ. Со стороны Карла главными побужденіями къ этому были—ненависть къ Августу и презрѣніе къ Русскимъ: этихъ враговъ, думалъ онъ, всегда легко низложить, а чтобъ сдержать ихъ на время — для этого немного нужно войска. Такимъ расположеніемъ Карла спѣшили пользоваться, потому что война въ Россіи мало прельщала шведскихъ солдатъ и офицеровъ: холодная и бѣдная страна не обѣщала богатой добычи. Карлъ отошелъ отъ Нарвы къ крѣпкому замку Лаису (въ 50 верстахъ отъ Дерпта), чтобы дожидаться здѣсь подкрѣпленій изъ Швеціи, съ которыми хотѣлъ выступить весною противъ Августа [2]).

---

[1]) Исторія Свейской войны; Описаніе Нарвской битвы Галларта—рукопись въ Государсв. Архивѣ, Fryxell I, 91.

[2]) Fryxell, I, 105.—Въ Государств. Архивѣ находится слѣдующее показаніе одного изъ плѣнныхъ шведскихъ генераловъ (Шлиппенбаха) о Нарвской битвѣ: «Лѣта 1700 году въ 6 или 7 дня ноября выручилъ отъ осады король шведскій Нарву. Я тогожъ дня ввечеру прибылъ, а къ баталіи не успѣлъ; однако же король мнѣ о всемъ дѣлѣ какъ было сначала и до окончанія сказывалъ, что ретрежементъ сдѣланъ былъ весьма пространенъ, въ немъ извычайнаго мѣста, гдѣ стоятъ арміи, не избрано было, чрезъ что непріятельская армія не могла оборониться, того ради и я (т. е. король) черезъ тражементъ весьма способно перешелъ; а когда я совсѣмъ перешелъ и непріятельскую армію въ пространствѣ (растянутую на большомъ пространствѣ) изобрѣлъ, черезъ которое пространство я свою армію способъ изыскалъ, гдѣ между ими въ срединѣ поставить, и они не могли соединиться, и акція до самаго вечера съ ними была; однакожь они всегда къ рѣкѣ подавалися, и когда ночь наступила, тогда приказалъ я, чтобъ никто не стрѣлялъ, дабы мои люди сами себя не могли застрѣлить. На то генералъ Велинкъ сказалъ, что непріятель сея ночи уйдетъ чрезъ мостъ, который чрезъ рѣку сдѣланъ, на что генералъ Реншельтъ отвѣтствовалъ: для бѣглаго непріятеля надобно золотой мостъ сдѣлать, чтобъ онъ по немъ перешелъ. Итакъ сдѣлалось, что на другой день по утру чрезъ мостъ перешли, а нѣкоторая часть потонула въ рѣку, и тогда король говорилъ: ничего я такъ не боялся, какъ русской кавалеріи, чтобъ она сзади не наступила, однакожъ они мнѣ такую любовь сдѣлали, что назадъ чрезъ рѣку на лошадяхъ переплыли; а я тѣмъ и доволенъ, что городъ Нарву отъ осады выручилъ, непріятельскую армію разбилъ и весь генералитетъ въ полонъ взялъ. Такія вышереченныя слова король всѣ мнѣ говорилъ; послѣ того взялъ онъ меня въ свою спальню, гдѣ большой ланкартъ на стѣнѣ былъ прибитъ, въ которомъ онъ мнѣ маршъ въ Москву показывалъ, который бы и конечно учинился, ежели бы шведскій нужный (бѣдный) генералитетъ надежды

Между тѣмъ слухъ о Нарвской битвѣ разнесся по всей Европѣ и возбудилъ сильное удивленіе къ осьмнадцатилѣтнему побѣдителю; поэты настроили свои лиры; выбивались медали въ честь Карла;—на одной Нарвскій побѣдитель былъ изображенъ съ надписью: „Истина превосходитъ вѣроятіе (superant superata fidem“); на другой Карлъ низлагаетъ троихъ непріятелей, и надпись: „Наконецъ правое дѣло торжествуетъ“! Кромѣ медалей въ честь Карла, была медаль, выбитая въ насмѣшку надъ Петромъ, съ кощунскими сближеніями изъ исторіи апостола Петра; на одной сторонѣ медали былъ изображенъ царь Петръ, грѣющійся при огнѣ своихъ пушекъ, изъ которыхъ летятъ бомбы на Нарву; надпись: „Бѣ же Петръ стоя и грѣяся“. На другой сторонѣ изображены были Русскіе, бѣгущіе отъ Нарвы, въ ихъ челѣ Петръ; царская шапка валится съ его головы, шпага брошена, онъ утираетъ слезы платкомъ и надпись говоритъ: „Изшедъ вонъ, плакася горько“ [1]).

Но смѣется тотъ, кто послѣдній смѣется. Люди, близкіе къ Карлу, сейчасъ же могли замѣтить вредное вліяніе, произведенное на него необыкновеннымъ успѣхомъ. Съ этихъ поръ страсть къ войнѣ разгорѣлась въ немъ во всей силѣ. Война для войны стала цѣлію его жизни; сюда присоединилось мнѣніе о своей непобѣдимости и непогрѣшительности, о своемъ посланничествѣ свыше. Вѣра въ собственную непобѣдимость соединилась естественно съ презрѣніемъ къ разъ побѣжденному непріятелю: „Нѣтъ никакого удовольствія,“ говорилъ онъ, „биться съ Русскими, потому что они не сопротивляются, какъ другіе, а бѣгутъ; если бы Нарова была покрыта льдомъ, то намъ едва ли бы удалось убить хотя одного человѣка. Лучшее зрѣлище было, когда Русскіе взбѣжали на мостъ, и мостъ подъ ними подломился: точно Фараонъ поглощенъ былъ въ Чермномъ морѣ; повсюду высовывались изъ воды головы людскія и конскія, руки и ноги; наши солдаты стрѣляли ихъ какъ дикихъ утокъ“. Знаменитый впослѣдствіи, фельдцейхмейстеръ Кронстедтъ писалъ въ Швецію послѣ Нарвской битвы: „Нашъ король такъ крѣпко надѣется на помощь Божію, что не боится съ 4,000 человѣкъ броситься на 60,000“. Генералъ Стенбокъ писалъ: „Король ни о чемъ больше не думаетъ, какъ только о войнѣ; онъ ужъ больше не слушаетъ чужихъ совѣтовъ; онъ принимаетъ такой видъ, что какъ будто бы Богъ непосредственно внушаетъ ему, что̀ онъ долженъ дѣлать“. Полковникъ королевской гвардіи Поссе отзывался: „Несмотря на холодъ и голодъ, король еще не хочетъ отпустить насъ на зимнія квартиры. Думаю, что если у него останется только 800 человѣкъ, то онъ съ ними вторгнется въ Россію, не заботясь, чѣмъ будутъ солдаты питаться. Если кого-нибудь изъ нашихъ убиваютъ, то это его нисколько не трогаетъ“ [2]).

Отъ побѣдителя обратимся къ побѣжденному. Петръ не бросалъ оружія и не плакалъ, какъ враги представляли его на медаляхъ. И послѣ Нарвы онъ явился такъ же великъ, какъ великъ былъ послѣ перваго неудачнаго похода Азовскаго: обнаружилъ такую же изумительную дѣятельность, не останавливаясь ни передъ чѣмъ. Князь Аникита Репнинъ получилъ приказаніе привести въ исправность полки, шедшіе отъ Нарвы „въ конфузіи“ [3]). Работы надъ укрѣпленіями закипѣли въ Новгородѣ, Псковѣ, Печерскомъ монастырѣ (близъ Пскова): „Рвы копали и церкви ломали, палисады ставили съ бойницами, а около палисадъ окладывали съ обѣихъ сторонъ дерномъ; также и раскаты дѣлали, а кругомъ окладывали дерномъ; а на работѣ были драгуны и солдаты, и всякихъ чиновъ люди, и священники, и всякаго церковнаго чина, мужескаго и женскаго пола; а башни насыпали землею, а сверху дернъ клали, работа была насыпная; а верхи съ башенъ деревянные и съ города кровлю деревянную всю сломали, и въ то же время у приходскихъ церквей, кромѣ соборной церкви, служебъ не было“. И горе тѣмъ, кто въ это время не хотѣлъ работать или думалъ, какъ бы поживиться отъ общаго дѣла. Пришедши въ Печерскій монстырь, Петръ при себѣ велѣлъ заложить первый раскатъ у Святыхъ воротъ и назначилъ быть на работѣ полуполковнику Шеншину. Пришедши потомъ на работу и не заставши тамъ Шеншина, онъ велѣлъ бить его плетьми нещадно у раската и послать въ Смоленскъ въ солдаты. Въ Москвѣ, передъ Помѣстнымъ Приказомъ повѣшенъ Леонтій Кокошкинъ за то, что былъ онъ у пріема подводъ въ Твери и взялъ пять рублей денегъ: въ Новгородѣ повѣшенъ Елисей Поскочинъ за то, что бралъ деньги за подводы [4]).

23,000 войска сохранилось отъ Нарвскаго пораженія. Князю Бор. Алекс. Голицыну поручено было набирать новые полки, и набрано десять драгунскихъ полковъ, въ полку 1,000 человѣкъ: весною они уже отправились въ Псковъ [5]). Солдатъ набирали изъ вольницы [6]). Люди явились; но надобно было создать новую артиллерію, потому что старую отдали подъ Нарвою Шведамъ. Петръ велѣлъ „со всего государства, съ знатныхъ городовъ отъ церквей и монастырей, собрать часть колоколовъ на пушки и мортиры“ [7]). Приготовленіе орудій поручено было Виніусу, „надзирателю артиллеріи“. Бодрый, неутомимый и знающій старикъ былъ способенъ выполнить важное и трудное порученіе; но онъ не со-

---

не имѣли такой, что съ Польши большія взятки взять нежели съ Россіи, и того ради генералитетъ безпрестанно королю говорили, чтобъ первѣе идти въ Польшу, а потомъ въ Россію, и за тѣмъ назначенной маршъ прямо въ Москву отмѣнился, однакожъ короля чрезъ нужду до той резолюціи могли наговорить, что перво идти въ Польшу».

[1]) Fryxell, I, 102.

[2]) Fryxell, 103 и 104.

[3]) Гисторія Свейской войны.

[4]) Записки Желябужскаго.

[5]) Гисторія Свейской войны.

[6]) Записки Желябужскаго

[7]) Гисторія Свейской войны.

ставлялъ исключенія относительно безкорыстія, и, дѣлая Виніуса надзирателемъ артиллеріи, Петръ счелъ за нужное взять у него завѣдываніе почтою. Виніусъ спрашивалъ: нѣтъ ли какого гнѣва? Петръ отвѣчалъ: „Письма ваши я принялъ, въ которыхъ пишете о готовности артиллеріи и что трудитеся въ томъ; и то зѣло доброе дѣло и надобно, ибо время яко смерть. Тутъ же пишешь, нѣтъ ли какого гнѣву за нечаямое будто отнятіе почты: и тутъ не сама ли васъ совѣсть обличитъ? Понеже я уже давно о томъ говорилъ, и вы къ тому свѣдомы были, что многимъ о томъ говорили и нѣчто давали. А взята оная отъ васъ не за иное что, только что оная у васъ была ни въ какую пользу государству, но только вамъ, ибо коль кратъ я говорилъ тебѣ о корреспонденціи въ иныя мѣста, но тѣ мои слова тщетны; того ради и отдана иному, гдѣ если такова-жъ будетъ тщетна, и тамъ можетъ отняться“ [1]).

Виніусъ отлично исполнилъ новое порученіе, но жаловался на мастеровъ и бурмистровъ: „Пущая остановка, государь, отъ пьянства мастеровъ, которыхъ ни ласкою, ни битьемъ отъ той страсти отучить невозможно. Прилежно молю объ указѣ бургомистрамъ, чтобъ радѣтельнѣе исполняли по памятямъ Пушкарскаго Приказа: отъ нихъ остановка многая“ [2]). Петръ отвѣчалъ: „Зѣло насъ увеселило вашей милости письмо, въ которомъ видимъ, при помощи Божіей и вашемъ прилежаніи, артиллерію въ немалой готовности. Бурмистрамъ скажи и сіе покажи, что если не будутъ за ихъ удержкою станки готовы, то не только деньгами, но и головами платить будутъ“ [3]). Не знаемъ, во сколько Виніусъ преувеличивалъ трудности, чтобъ тѣмъ рѣзче выставить собственныя заслуги; по крайней мѣрѣ онъ писалъ, что добрыхъ мастеровъ только двое: одинъ Нѣмецъ, другой Русскій; изъ остальныхъ—Русскій одинъ хорошъ да пьянъ, другіе два спились съ-кругу и не боятся никакого наказанія. Какъ бы то ни было, въ ноябрѣ 1701 года Виніусъ хвалился, что такой хорошей артиллеріи въ такое короткое время и такими мастерами нигдѣ не дѣлали; меньше чѣмъ въ годъ приготовлено больше 300 орудій, въ которыхъ нѣтъ никакого недостатка, да сбережено, противъ прежнихъ подрядныхъ цѣнъ, 10,000 рублей. Собрано въ школы 250 ребятъ, изъ которыхъ выйдутъ хорошіе инженеры, артиллеристы и мастера [4]).

Петръ послѣ Нарвы не хотѣлъ ограничиваться одними оборонительными мѣрами. Наступательное движеніе было необходимо: во-первыхъ, для ободренія своихъ, страшно упавшихъ духомъ; потомъ для показанія друзьямъ и недругамъ, что Нарвское пораженіе не отняло всего, что остался духъ и силы. Какъ свои упали духомъ и какими средствами надобно было возбуждать ихъ къ дѣятельности, видно изъ письма Петра къ Бор. Петр. Шереметеву, двѣ недѣли спустя послѣ Нарвской битвы, 5 декабря 1700 года: „Нег! Понеже нелѣть есть (нельзя) при несчастіи всего лишатися, того ради вамъ повелѣваемъ при взятомъ и начатомъ дѣлѣ быть, т.-е. надъ конницею новгородскою и черкаскою, съ которыми, какъ мы и прежде наказывали (но въ ту пору мало было людей), ближнихъ мѣстъ беречь (для послѣдующаго времени), и иттить въ даль, для лучшаго вреда непріятелю. Да и отговариваться нечѣмъ: понеже людей довольно, также рѣки и болота замерзли, непріятелю невозможно захватить. О чемъ паки пишу: не чини отговорки ни чѣмъ; а буде болѣзнію, и та получена межъ бѣглецами, которыхъ товарищъ майоръ Л.... на смерть осужденъ“ [5]).

Шереметевъ послалъ отрядъ къ замку Маріенбургу; но полковникъ Шлиппенбахъ отбилъ Русскихъ, укрѣпилъ замокъ [6]) и, въ январѣ 1701 года, вошелъ въ русскіе предѣлы съ тремя ротами конницы и тремя ротами пѣхоты. Въ 15 верстахъ отъ Печерскаго монастыря былъ у Шведовъ бой съ Русскими, которые побили у Шведовъ 60 человѣкъ и взяли 15 плѣнниковъ [7]); Шлиппенбахъ ушелъ назадъ. Этимъ надолго ограничились непріятельскія дѣйствія съ обѣихъ сторонъ: Русскіе не рѣшались искать Шведовъ далеко внутри ихъ владѣній, а у Шлиппенбаха было очень мало войска для сколько-нибудь значительнаго предпріятія. Сильно потерпѣли только пограничные жители: казаки вывели въ Малороссію около 4,000 плѣнныхъ изъ Ливоніи. Между тѣмъ Петру нужно было скрѣпить союзъ съ королемъ Августомъ, не допустить его до отдѣльнаго мира съ Карломъ и попытаться, нельзя ли склонить и Польшу къ войнѣ противъ Шведовъ. Лучшимъ средствомъ для этого Петръ считалъ личное свиданіе съ Августомъ, личные переговоры съ польскими вельможами. Это свиданіе государей произошло въ февралѣ 1701 года въ мѣстечкѣ Биржахъ (Динабургскаго уѣзда). Государи веселились за длинными обѣдами и занимались важными дѣлами. Однажды Августъ, послѣ пирушки, проспалъ обѣдню; но Петръ явился въ церковь и, по своему обычаю, внимательно приглядывался къ католическому богослуженію, разспрашивалъ, чтò значитъ то и другое дѣйствіе. Одинъ изъ польскихъ сенаторовъ замѣтилъ ему, что въ его власти соединить Церковь Греческую съ Латинскою. Царь отвѣчалъ: „Господь дѣйствительно далъ царямъ власть надъ народами, но надъ совѣстію людей властенъ одинъ Христосъ, и соединеніе Церквей можетъ совершиться только съ Божіей воли“.

Петръ пріѣхалъ улаживать не соединеніе Церкви, а соединеніе Польши съ своимъ королемъ и съ Россіею противъ Шведовъ. Онъ представлялъ Литовскому подканцлеру Щукѣ, что Польша должна теперь воспользоваться соединеніемъ русскихъ и саксонскихъ войскъ, чтобъ присоединить къ нимъ свои войска и отнять у Шведовъ Лифляндію. Щука отвѣчалъ: что Польша истощена только-что оконченными войнами, и гораздо выгоднѣе для нея пользоваться миромъ, чѣмъ искать новыхъ пріобрѣтеній; что, разумѣется, ее можно побудить къ войнѣ, но для этого нужно посулить ей выгоды посущественнѣе.—„Что такое, что такое?“ сталъ спрашивать царь.—„Все дѣло въ рукахъ вашего величества“, отвѣчалъ подканцлеръ. Петръ началъ настаивать, чтобъ Щука объяснился, и тотъ сказалъ: „По послѣднему договору съ Россіею, Польша лишилась своихъ прежнихъ границъ; такъ неугодно ли будетъ вашему величеству возвратить ей хотя половину уступленнаго, напримѣръ Кіевъ съ округомъ“. Царь объявилъ, что это невозможно; что для Польши довольно и Лифляндіи. Переговоры продолжалъ Головинъ, пріѣхавшій съ царемъ; онъ объявилъ, что уступка Кіева невозможна безъ согласія Думы и казацкаго гетмана; что она можетъ произвести внутреннія волненія въ Россіи. „Если это трудно для Россіи, то еще труднѣе побудить къ войнѣ Рѣчь Посполитую“, отвѣчалъ Щука. „Возвратите, по крайней мѣрѣ, намъ заднѣпровскіе городки Терехтемировъ, Стайки, Триполье, также нѣкоторыя села отъ Стародубскаго полка, и не запрещайте населять Чигиринъ и другія окрестныя мѣста“.—„Ничего этого нельзя уступить безъ совѣта съ гетманомъ, потому что царское величество ничего силою отъ Украйны не отниметъ“, сказалъ Головинъ.

---

[1]) Письмо Петра въ Госуд. Архивѣ, въ особомъ собраніи.

[2]) Кабинетъ II, кн. № 1.

[3]) См. примѣч. 2.

[4]) См. примѣч. 3.

[5]) Письмо Петра В. къ фельдм. Шереметеву, изд. Миллеромъ.—Устряловъ думаетъ, что здѣсь подъ Л... должно разумѣть князя Якова Лобанова-Ростовскаго.

[6]) Показанія Шлиппенбаха, Кабин. I, кн. № 19.

[7]) Записки Желябужскаго.

Разговоры съ Щукою этимъ и кончились; но съ Августомъ заключенъ былъ новый договоръ. Союзники обязались продолжать войну всѣми силами и не оканчивать ея безъ взаимнаго согласія; царь обѣщалъ королю прислать отъ 15 до 20,000 пѣхоты, хорошо вооруженной, въ полное его распоряженіе, съ обязательствомъ: выдать деньги на учрежденіе провіантскихъ магазиновъ; выставить въ Витебскъ 10,000 фунтовъ пороху и выплачивать въ продолженіи трехъ лѣтъ по 100,000 рублей; король будетъ употреблять свои войска противъ Шведовъ въ Лифляндіи и въ Эстляндіи, дабы, отвлекая общаго непріятеля, обезопасить Россію и дать царю возможность съ успѣхомъ дѣйствовать въ Ижорской и Карельской Земляхъ, а Лифляндію и Эстляндію царь оставляетъ королю и Рѣчи Посполитой, безъ всякаго притязанія. Такъ какъ исходъ войны невѣренъ и такъ какъ, вслѣдствіе войны за Испанское наслѣдство, нѣмецкія владѣнія короля могутъ подвергнуться большой опасности, то союзники условились принять посредство цесарское, французское, англійское, бранденбургское и голландское и мирныя предложенія посредниковъ выслушивать, что однако нисколько не должно вредить нынѣшнему и прежнему договорамъ. О новомъ договорѣ дать знать королю Датскому. Въ тайной статьѣ царь обязался прислать королю 20,000 рублей, „дабы нѣкоторое награжденіе и милость показать тѣмъ изъ польскихъ сенаторовъ, которые способы сыщутъ привести въ постановленные союзы и Рѣчь Посполитую“.

По отзыву видѣвшихъ Петра въ Биржахъ, онъ очень основательно разсуждалъ о своихъ и чужихъ морскихъ силахъ; говорилъ, что у него будетъ до осьмидесяти кораблей 80-ти и 60-ти пушечныхъ, и въ числѣ ихъ одинъ, построенный по собственному его чертежу, подъ названіемъ „Божіе Предвидѣніе“. На этомъ кораблѣ изображенъ Св. Петръ, а внизу представлена лодка, на которой дѣти пускаются плавать по морю. (Царь хотѣлъ этимъ выразить, что въ Россіи мореплаваніе находится еще въ младенчествѣ.) Весь девизъ сочиненъ царемъ. Царь очень свѣдущъ въ географіи, черченіи и рисованіи, и прилежно занимается этими предметами [1]).

Въ началѣ марта, Петръ возвратился въ Москву, и вслѣдъ за нимъ явился отъ Августа генералъ-адъютантъ за деньгами. Взяли въ Приказахъ, въ Ратушѣ — недостало; взяли въ Троицкомъ монастырѣ 1,000 золотыхъ; Преображенскаго полка поручикъ Меншиковъ далъ 420 золотыхъ, богатый гость Филатьевъ далъ 10,000 рублей [2]). Исполнено было и другое обязательство: князь Репнинъ повелъ 20,000 пѣхоты для соединенія съ саксонскими войсками Августа, находившимися подъ начальствомъ генералъ-фельдмаршала Штейнау. 21 іюня Репнинъ достигъ Кокенгаузена, и войско его заслужило похвалы Штейнау: „Люди вообще хороши, писалъ фельдмаршалъ, не больше 50 человѣкъ придется забраковать; у нихъ хорошія маастрихтскія и люттихскія ружья; у нѣкоторыхъ полковъ шпаги вмѣсто штыковъ. Они идутъ такъ хорошо, что нѣтъ на нихъ ни одной жалобы; работаютъ прилежно и скоро, безпрекословно исполняютъ всѣ приказанія. Особенно похвально то, что при цѣломъ войскѣ нѣтъ ни одной женщины и ни одной собаки; въ военномъ совѣтѣ московскій генералъ сильно жаловался и просилъ, чтобъ женамъ саксонскихъ мушкетеровъ запрещено было утромъ и вечеромъ ходить въ русскій лагерь и продавать водку, потому что чрезъ это его люди пріучаются къ пьянству и разнаго рода дебоширству. Генералъ Репнинъ человѣкъ лѣтъ сорока; въ войнѣ онъ немного смыслитъ, но онъ очень любитъ учиться и очень почтителенъ; полковники всѣ Нѣмцы; старые—неспособные люди, и остальные офицеры—люди малоопытные“ [3]).

Но многоопытные учители дурно себя показали предъ любознательными учениками. Карлъ XII такъ же неожиданно напалъ и на Саксонцовъ при Ригѣ.

---

[1]) Свиданіе въ Биржахъ во Временникѣ Моск. Историч Общ., кн. 17; Theiner,—Monuments historiques de Russie, № CCCIII; дѣла Польскія 1701 г. въ Моск. Архивѣ Мин. Ин. Д.; дѣла Малорос. того же года тамъ же.

[2]) Польскія дѣла 1701 года, въ Моск. Архивѣ Мин. Ин. Д.

[3]) Herman, Geschichte des russischen Staates IV, 125:

какъ на Русскихъ при Нарвѣ. 9 іюля онъ благополучно переправился черезъ Двину въ виду непріятельскаго войска и, послѣ двухчасовой битвы, въ-пухъ разбилъ Штейнау. Саксонцы потеряли всю артиллерію, весь лагерь и 2,000 человѣкъ войска, тогда какъ изъ шведскихъ рядовъ выбыло только 500 человѣкъ. Русскихъ у Штейнау было только 4,000; остальные съ Репнинымъ находились въ осьми миляхъ отъ Риги. Паткуль приписывалъ неудачу тому, что Саксонцы, вмѣсто наступательной, ограничились оборонительною войною: „Я настоялъ на личное свиданіе короля съ царемъ, чтобы они условились на-счетъ будущаго похода“, писалъ Паткуль къ саксонскому резиденту въ Копенгагенъ. „Я представлялъ каждому изъ нихъ, какъ необходимо приготовиться къ походу заранѣе, соединить оба войска и нагрянуть на непріятеля, прежде чѣмъ онъ успѣетъ получить подкрѣпленія изъ Швеціи и Помераніи. На томъ и порѣшили въ Биржахъ. По моимъ представленіямъ, царь далъ намъ все нужное, коротко сказать, онъ поступилъ какъ честный государь. Но только-что мы пріѣхали въ Варшаву, какъ начали уговаривать короля къ оборонительной войнѣ. Я всѣми силами противился этому плану, хуже котораго нельзя было придумать: самъ непріятель не могъ найти ничего лучше для себя, потому что мы дали ему время воспрепятствовать соединенію союзныхъ войскъ“ [1]. Здѣсь надобно замѣтить, что Паткуль, желая прежде всего выставить непогрѣшительность своихъ совѣтовъ, перепутываетъ дѣло. Конечно, слѣдовало бы союзникамъ какъ можно скорѣе послѣ Нарвы соединить свои войска и вмѣстѣ ударить на ничтожное войско Карла, но этого не было сдѣлано; относительно военныхъ дѣйствій было постановлено въ Биржахъ, что не ранѣе августа мѣсяца королевскимъ войскамъ съ воспомогательными русскими осадить Ригу; царь пошлетъ Калмыковъ въ Финляндію, а главная русская армія будетъ дѣйствовать со стороны Печерскаго монастыря или Нарвы, не покушаясь ни на какія осады и большія сраженія; если Рига будетъ взята, то король поможетъ царю овладѣть Нарвою [2]. Нельзя складывать всю вину на совѣтниковъ Августа, которые въ Варшавѣ предлагали оборонительную войну; надо прежде всего обратить вниманіе на то обстоятельство, что корпусъ Репнина соединился съ Штейнау только 26 іюня, именно потому, что въ Биржахъ срокъ начатія Рижской осады былъ положенъ въ августѣ мѣсяцѣ, и еще изъ Биржъ царь прислалъ въ Москву приказаніе остановить войска, выступавшія въ походъ. Такимъ образомъ, распоряженіями въ Биржахъ, а не перемѣною плана въ Варшавѣ, тратилось время и давалась Карлу возможность получить подкрѣпленія изъ Швеціи и Помераніи. Карлъ могъ ударить на Саксонцевъ, не подкрѣпленныхъ всѣмъ корпусомъ Репнина, потому что Штейнау послалъ къ Ригѣ только четыре русскихъ полка, а остальныхъ Русскихъ заставилъ работать надъ траншаментомъ на Двинѣ [3], обрадовавшись, что Русскіе прилежно и скоро работаютъ, а Репнинъ почтителенъ. Мы сочли нужнымъ войти въ эти объясненія, чтобъ показать, какъ осторожно надобно обходиться съ показаніями Паткуля.

Какъ бы то ни было, Карлъ одержалъ вторую блистательную побѣду, и теперь не надъ Русскими, извѣстными своею неопытностію въ военномъ дѣлѣ, но надъ Саксонцами. Опять побѣдителю предстоялъ выборъ – преслѣдовать ли Августа, или обратиться на Русскихъ. И тутъ сначала онъ имѣлъ въ виду послѣднее, велѣлъ Шлиппенбаху отъ Дерпта приблизиться ко Пскову и ждать его пріѣзда [4]. Но скоро Карлъ перемѣнилъ намѣреніе; и не слѣдуетъ уже слишкомъ упрекать девятнадцатилѣтняго короля за упорство, съ какимъ онъ теперь началъ стараться о низложеніи Августа съ Польскаго престола. Постоянно бросаться изъ одной стороны въ другую; побѣдивъ Русскихъ, идти на Саксонцевъ; побѣдивъ Саксонцевъ, оборачиваться на Русскихъ,—было не очень удобно. Главный вопросъ состоялъ въ томъ: кто опаснѣе—Саксонцы или Русскіе. Противъ болѣе опасныхъ враговъ и нужно было Карлу съ главными силами дѣйствовать самому. Карлъ имѣлъ полное право считать Саксонцевъ болѣе опасными, чѣмъ Русскихъ. Правда, Карлу совѣтовали заключить миръ съ Августомъ и обратиться со всѣми силами противъ Петра; но Карлъ питалъ самое глубокое презрѣніе и недовѣріе къ Августу, нисколько не полагался на его клятвы при заключеніи мирнаго договора, считалъ себя въ-правѣ опасаться, что, какъ скоро онъ углубится въ Россію, Августъ снова начнетъ дѣйствовать враждебно противъ Швеціи. Отсюда и стремленіе свергнуть прежде всего Августа, пріобрѣсти въ новомъ Польскомъ королѣ себѣ союзника и безопасно дѣйствовать противъ Россіи. Положимъ, что Карлъ былъ раздраженъ противъ Августа болѣе, чѣмъ противъ другихъ враговъ своихъ; король Датскій имѣлъ право враждовать противъ Швеціи вслѣдствіе вражды своей съ герцогомъ Голштинскимъ; Русскій царь добивался моря и отыскивалъ старыхъ русскихъ владѣній, захваченныхъ Шведами не очень честнымъ образомъ въ Смутное время; но курфюрстъ Саксонскій не имѣлъ подобныхъ побужденій, и онъ-то былъ главнымъ заводчикомъ союза противъ Швеціи; онъ первый началъ дѣйствовать по внушеніямъ Паткуля; – положимъ, что Карлъ увлекался своимъ раздраженіемъ противъ Августа, но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не признать, что и безъ этого раздраженія онъ имѣлъ основаніе прежде всего добиваться сверженія Августа съ Польскаго престола. Въ одномъ письмѣ къ Французскому королю Карлъ выразился такимъ образомъ объ Августѣ: „Поведеніе его такъ позорно и гнусно, что заслуживаетъ мщенія отъ Бога и презрѣнія всѣхъ благомыслящихъ людей“. Въ письмѣ Карла къ шведскому государственному совѣту находимъ выраженія того же убѣжденія, что съ такимъ человѣкомъ, какъ Августъ, нельзя входить ни въ какія сношенія: „Если король Августъ, пишетъ Карлъ, позволилъ себѣ разъ такой обманъ, то нельзя имѣть никакого довѣрія къ его слову; войти въ сношенія съ человѣкомъ, который такъ себя обезчестилъ, значитъ—причинить ущербъ собственной чести“ [1]).

---

[1] Herman,—Geschichte des russischen Staates IV, стр. 128.

[2] Польскія дѣла 1701 года въ Моск. Архивѣ Мин. Ин. Д.

[3] Донесеніе Репнина въ книгѣ Устрялова IV, 200. Донесенія фонъ-деръ Гульста Соединеннымъ Штатамъ, тамъ же, стр. 669.

[4] Записки Желябужскаго.

Такимъ образомъ, Августъ былъ драгоцѣнный союзникъ для Петра не силою оружія, но тѣмъ, что возбудилъ къ себѣ такую ненависть и такое недовѣріе Шведскаго короля; онъ отвлекъ этого страшнаго въ то время врага отъ русскихъ границъ и далъ царю время ободрить свои войска и выучить ихъ побѣждать Шведовъ. Успѣхи Русскихъ начались на дальнемъ сѣверѣ, гдѣ, въ іюнѣ 1701 года, семь шведскихъ судовъ, тайкомъ, подъ англійскими и голландскими флагами, хотѣли пробраться къ Архангельску, но были отражены и оставили въ добычу Русскимъ два судна, сѣвшія на мель. Петръ былъ очень доволенъ: „Зѣло чудесно“! писалъ онъ къ Апраксину и поздравлялъ съ „нечаемымъ счастіемъ“, что отразили „злобнѣйшихъ Шведовъ“.

Въ концѣ 1701 года Шереметевъ предпринялъ наступательное движеніе на Шлиппенбаха въ Ливоніи и, пользуясь превосходствомъ своихъ силъ, поразилъ Шведовъ при мызѣ Эрестферъ 29-го декабря: 3,000 Шведовъ полегло въ битвѣ, 350 было взято въ плѣнъ; Русскіе потеряли около 1,000 человѣкъ. Петръ былъ въ восторгѣ отъ первой побѣды надъ Шведами; Меншиковъ поскакалъ къ побѣдителю съ орденомъ Св. Андрея Первозваннаго, съ царскимъ портретомъ, осыпаннымъ брилліантами, съ указомъ о возведеніи въ генералъ-фельдмаршалы. Въ Москвѣ великое торжество: благодарственные молебны, цѣлый день колокольный звонъ, цѣлый день гремятъ сто пушекъ, на башняхъ и стѣнахъ кремлевскихъ развѣваются знамена, отнятыя у Шведовъ [2]). Нарва отмщена.

Послѣ побѣды, Шереметевъ пошелъ разорять Шведскую Землю, разорилъ весь Юрьевскій (Дерптскій) уѣздъ, но усталость лошадей и глубокіе снѣга заставили фельдмаршала прекратить опустошительный походъ. Шереметевъ считалъ большимъ счастіемъ для себя, что непріятель не воспользовался глубокими снѣгами и не напалъ на лыжахъ изъ лѣсовъ. Было взято 140 языковъ; Чухну разобрали по себѣ Черкасы (малороссійскіе казаки); Шереметевъ доносилъ, что онъ не велѣлъ отнимать Чухну у Черкасъ, „чтобъ охочѣе были“ [3]).

Но Черкасы не были довольны. Еще въ началѣ года, несмотря на то, что, по словамъ самого гетмана, вывели изъ Ливоніи въ Малороссію до 4,000 плѣнныхъ, они сильно жаловались.

3-го марта Мазепа (Андреевскій кавалеръ съ 8-го февраля 1700 г.), писалъ государю: „Возвратившись со службы вашей монаршеской съ границъ Ливонскихъ, полковники съ старшиною и товариществомъ стали на меня чинить великое между собою нареканіе и роптаніе, хотя и за глаза, вопервыхъ за то, что понесли такіе труды и въ хозяйствѣ своемъ ущербъ отъ дальняго похода; вовторыхъ, что за сѣно не мало ихъ товарищества побито и потоплено, оружіе и кони на сѣнахъ отниманы, и, несмотря на ихъ жалобы, управы имъ не дано въ тѣхъ селахъ, гдѣ ихъ грабили и убивали. Особенно же ропщутъ они за то, что во Псковѣ при отпускѣ взяли у нихъ пушки полковыя. Эти возвратившіеся войсковые люди поднимаютъ на ропотъ оставшихся въ Малороссіи, всѣ въ одинъ говоръ ропщуть на меня, будто я за ихъ права и вольности не стою, и вамъ, великому государю, за нихъ не бью челомъ, что такія новыя дѣла надъ ними дѣлаются. Не знаю, за что взяты пушки; я не умѣю имъ отвѣчать и утолить ихъ ропотъ. Покорственно бью челомъ о извѣстительномъ и наставительномъ указѣ на-счетъ пушекъ. Получивъ указъ, я тотчасъ бы обослалъ по всѣмъ полкамъ универсалами, дабы утолить ропотъ. Особенно буду писать къ Запорожцамъ, у которыхъ городовые казаки тѣ сплетни и плевелы посѣяли, а тамъ издавна и безъ всякихъ случаевъ нетрудно быть переговорамъ и лишнимъ словамъ“.

Посланному къ нему стольнику Лутавинову Мазепа говорилъ подробнѣе: казаки, стоя во Псковѣ, ѣздили покупать конскій кормъ на чехи, но тамошніе жители на чехи имъ не продавали, а у казаковъ, кромѣ чеховъ, другихъ денегъ нѣтъ, и они ѣздили по уѣздамъ и брали конскій кормъ, но тутъ у нихъ коней и оружіе поотнимали и самихъ человѣкъ съ 40 въ воду побросали, а иныхъ до смерти побили. Били они челомъ объ управѣ боярину Бор. Петр. Шереметеву, но онъ ничего не сдѣлалъ. Казаки говорятъ, что гетманъ ѣздилъ въ Москву и получилъ кавалерство, а о нихъ и о нуждахъ ихъ великому государю не доноситъ и не бьетъ челомъ, а они въ этихъ службахъ въ-конецъ разорились. Говорятъ тайно между собою: если гетманъ о ихъ обидахъ не будетъ бить челомъ великому государю, то они пойдутъ служить къ королю Польскому или Шведскому. „Я“, говорилъ Мазепа, „и самъ ихъ боюсь, потому что надежные сердюки всѣ разосланы во Псковъ, а при мнѣ надежныхъ людей моего регименту теперь малое число, а московскихъ стрѣльцовъ только триста человѣкъ; прошу стрѣльцовъ прибавить и сдѣлать тысячный полкъ, для моего обереганія. Великій государь указалъ бы мнѣ на свою службу идти; надобно мнѣ выбрать войска добраго съ 30,000 или по крайней мѣрѣ 20,000 и идти Литвою, потому что этотъ путь близкій и кормный“.

---

[1]) Fryxell, I, 133.

[2]) Подробности военныхъ дѣйствій см. у Голикова—Дѣянія П. В. II, 59; Устрялова IV, 110

[3]) Кабинетъ II, кн. № 1.

Вслѣдъ затѣмъ гетманъ далъ знать государю, что въ январѣ онъ отпустилъ на службу во Псковъ низовое войско Запорожское, и что Запорожцы, не имѣя въ очахъ своихъ ни страху, ни стыда, такъ буйно и лѣниво шли, что едва на масляницѣ вышли на Смоленскій рубежъ, и сколько на походѣ своемъ причинили неправдъ, грабежей и обидъ людямъ малороссійскимъ и великороссійскимъ, того и пересказать нельзя, едва и непріятель можетъ хуже поступить; за это, прибавлялъ Мазепа, надобно ихъ поставить на такомъ мѣстѣ, гдѣ бы лучше отслужили

Петръ велѣлъ сейчасъ же отдать пушки Черкасамъ и нарядить слѣдствіе о томъ, какъ съ ними поступали на сѣнахъ. Шереметевъ отвѣчалъ, что Черкасы сами пушекъ не взяли, потому что везти не-на-чемъ; что, будучи во Псковѣ и во многихъ городахъ въ походѣ, русскія села и деревни они разоряли, людей побивали, топили и грабили. Мазепѣ дано было знать, что такое поведеніе служилыхъ людей его регимента только для него презрѣно и прикрыто милостиво; но пусть впередъ закажетъ имъ накрѣпко, чтобъ вмѣсто непріятеля надъ своими такого разоренія не чинили.

Мазепа самъ писалъ о буйствѣ Запорожцевъ во время похода; но и отъ тѣхъ, которые оставались на Сѣчи, не было покоя. Въ началѣ 1701 года Запорожцы прислали Мазепѣ жалобу, что селитрянники, которые выдѣлываютъ селитру около рѣки Самары, обѣщали имъ платить съ котла по 100 золотыхъ, и обѣщанія не исполнили. Донеся объ этой жалобѣ государю, гетманъ писалъ: „Запорожцы, кромѣ того что берутъ по сту золотыхъ съ котла, притѣсняютъ селитрянниковъ всячески; и деньги, и напитки, и харчи берутъ съ селитряныхъ майдановъ безпрестанно, почему селитра дешево продаваться не можетъ. Запорожцы упорно называютъ рѣчку Самару отъ устья до верху и лѣса, по ея берегамъ растущіе, и дальніе буераки лѣсовые, и могилы, изъ которыхъ селитра дѣлается,—своими; грозили майданы селитряные разорить, селитрянниковъ съ работниками отогнать, и не только на селитряное дѣло, ни на какую потребу лѣсовъ самарскихъ никому не давать, какъ паствы скотинѣ тамъ не даютъ. И если при рѣкѣ Самарѣ селитры не дѣлать, то нигдѣ болѣе способныхъ мѣстъ нѣтъ“.

Въ апрѣлѣ новое донесеніе отъ гетмана: войско Запорожское низовое, собравшись въ числѣ трехъ тысячъ, приготовя четыре пушки, поставивъ себѣ полковниковъ, хотѣло идти на Ногайскую орду на помощь Крымскому хану. Гетманъ послалъ имъ выговоръ, какъ они смѣли самовольно сноситься съ Крымскимъ ханомъ и идти на Ногайскую орду. Кошевой отвѣчалъ: „Трудно было намъ посылать въ Москву и дожидаться монаршескаго указа или докладывать вашей вельможности, потому что ханъ позвалъ насъ вдругъ, уже вышедши на поле; онъ обѣщалъ намъ своихъ коней и уступку всей добычи. Дѣло не сдѣлалось по непостоянству зимы; нѣкоторые изъ нашихъ хотѣли идти на ханскій призывъ, а не всѣмъ кошемъ мы подымались, и не на Православныхъ какихъ хотѣли идти. Здѣсь исконная вольность: кто куда хочетъ—пойдетъ и гдѣ хочетъ—добычу беретъ; удерживать войско отъ корыстей невозможно. Да и о томъ докладываемъ, что теперь низовое войско часъ-отъ-часу стѣсняется людьми городовыми; звѣря и рыбы казакамъ добыть негдѣ, а монаршескимъ жалованьемъ цѣлый годъ прожить нельзя, и потому поневолѣ принуждено наше товарищество идти въ помощь хану на орду Ногайскую. Намъ кажется за это гнѣваться на насъ не слѣдовало, напротивъ,—надобно было радоваться, что бусурманы, бранясь между собою, насъ призываютъ. Мы о томъ промышляемъ, чтобъ они не только низовое, но и городовое войско призывали себѣ на пагубу.“

Гетманъ самъ вызывался идти въ Ливонскій походъ—и именно Литвою; желаніе его было исполнено, онъ получилъ указъ выступать. Но въ это же время Мазепа бьетъ челомъ, что отъ тяжкихъ походовъ казаки и поселяне очень злобятся и переговариваютъ между собою, что имъ приходитъ пропадать до-конца, скоро изгубятъ ихъ Москали частыми и трудными походами, у каждаго мысль—уходить за Днѣпръ. И, для всякаго опасенія, чтобъ надъ нимъ, гетманомъ, не сдѣлали какого зла внезапно, указалъ бы государь быть при немъ тысячѣ человѣкъ стрѣльцовъ, а жить имъ попеременно: 500 при гетманѣ, а другіе 500 въ Пугивлѣ; женъ ихъ и дѣтей привесть къ нимъ въ Путивль, потому что теперь живутъ въ Батуринѣ стрѣльцы седьмой годъ безъ женъ, и, впавши въ отчаяніе, дѣлаютъ такія неистовства, что и выговорить стыдно; а въ Батуринѣ жить имъ съ женами неприлично, потому что дѣлаются отъ нихъ батуринскимъ жителямъ великія обиды, кражи безпрестанныя. Но этого мало; въ іюлѣ 1701 года Мазепа далъ знать Головину о прелестяхъ татарскихъ. Ханскій визирь, зазвавшій къ себѣ гетманскаго посланца, говорилъ ему: „Гдѣ вашъ царь?—на Воронежѣ корабли строитъ;—понапрасну трудится! Для чего вашъ царь пренебрегаетъ ханомъ и всѣмъ государствомъ Крымскимъ? Для чего не хочетъ намъ казны давать попрежнему? Если надѣется на силу, такъ и ханъ такъ же силенъ: какъ сядемъ на коня, то будетъ съ нимъ двѣсти тысячъ сабель. Если надѣется на Калмыковъ, то и та надежда даровая; это Цыгане, только-бъ имъ казну отъ царя брать; а съ нами никогда по правдѣ не будутъ биться. Скажи гетману, что если онъ словамъ моимъ не вѣритъ, то пусть созоветъ раду и мои слова объявитъ старшинѣ и черни: увидятъ, что всѣ возмутятся за нашу любовь, только пусть обнадежитъ всякаго, что вольно все говорить. Знаемъ мы хорошо, что у васъ, на Украинѣ, дѣлается; знаемъ, что всѣ казаки обнищали; а когда будутъ съ нами попрежнему въ братствѣ, то въ нѣсколько лѣтъ станутъ такъ же богаты, какъ при Хмельницкомъ были; я говорю именемъ хана и всего Крымскаго государства; жаль намъ васъ, какъ людей воинскихъ: скоро пропадете, держась того народу Московскаго.“

Послѣ такихъ донесеній отъ Мазепы понятно, почему онъ получилъ указъ возвратиться назадъ въ Батуринъ. Гетманъ обидѣлся или, по крайней мѣрѣ, показалъ видъ, что обидѣлся, и 20 іюля 1701 года писалъ Головину: „Монаршескій его царскаго пресвѣтлаго величества имянной указъ—дабы я возвратился въ Батуринъ, послалъ на свое мѣсто съ нѣсколько надесять числомъ войска наказнаго гетмана, засталъ меня въ литовскихъ краяхъ, въ 12 миляхъ отъ Могилева; и съ какою моею жалостію и стыдомъ отъ тутошнихъ жителей возвращаюся вспять,—самъ Богъ, испытуя сердца и утробы человѣческія, лучше знаетъ. Не такъ для поднятыхъ трудовъ чрезъ толь долгую непотребную дорогу, какъ для того, что по должному моему намѣренію не сталося, когда-жъ такъ себя было выбралъ въ ту военную дорогу съ сердечною охотою и немалымъ моимъ коштомъ, чтобы я то показалъ бы по себѣ не на словахъ, не на бумагѣ, но самымъ дѣломъ, предъ всѣмъ свѣтомъ въ его монаршескихъ очахъ, что есть вѣрный подданный“. Мазепа отправилъ ко Пскову четырехъ полковниковъ, Миргородскаго, Переяславскаго, Полтавскаго и Лубенскаго, да наказнаго Нѣжинскаго съ семнадцатью тысячами войска, и наказнымъ гетманомъ назначилъ полковника Миргородскаго (Данилу Апостола).

Послѣ Эрестферской битвы этотъ наказный гетманъ прислалъ Мазепѣ жалобу: „Генералъ сталъ въ мызѣ Эрестферъ и войска великороссійскія около себя поставилъ неподалеку по всѣмъ дорогамъ и малымъ путямъ, и всему войску далъ позволеніе, чтобъ охочіе шли на всѣ стороны въ загоны, разоряли и жгли; наши Малороссіяне, какъ большіе охотники до добычи, едва не до самаго Юрьева Ливонскаго ѣздили загонами и много добычи привозили въ свои таборы. Но войска великороссійскія, вѣрно наученныя нарочно, по всѣмъ дорогамъ у казаковъ отнимали силою добычу и самихъ нещадно побивали, отъ чего бѣдному нашему войску безчестіе и ругательство; а теперь, какъ слышимъ, въ нашихъ перьяхъ щеголяетъ, нашею добычею корыстуется самъ региментующій (Шереметевъ), а нашу усердную и вѣрную службу предъ монархомъ осуждаетъ и ругается. Еще во Псковщинѣ будучи, слышали мы въ народѣ слова, будто отъ насъ никакого не было дѣла и службы, но терпѣли, видя недоброхотство региментующаго ко всему краю нашему. Слыша отъ насъ, какія тамъ нестерпимыя недоброхотства, едва ли кто впередъ изъ Украины нашей туда на службу царскую пойти захочетъ, хотя бы съ великимъ насильствомъ и принужденіемъ“. Но оказалось, что великороссійскія войска немного отняли добычи у казаковъ, потому что Апостолъ привезъ въ Малороссію 4 знамени, 5 пушекъ, до двадцати плѣнныхъ офицеровъ, а у простыхъ казаковъ оказалось плѣнныхъ чухонъ, лошадей и другихъ пожитковъ многое число. Знамена, пушки и офицеры были отобраны, вся другая добыча оставлена.

Между тѣмъ, Запорожцы не переставали дѣлать непріятности: въ октябрѣ 1701 года они разорили селитряные заводы по обоимъ берегамъ Самары; размежевывать земли по рѣкѣ не дали; наконецъ ограбили греческихъ купцовъ, шедшихъ изъ Турціи въ Россію. Султанъ прислалъ въ Батуринъ съ требованіемъ, чтобъ немедленно были отданы его подданнымъ пограбленные у нихъ товары; а раздражать султана въ это опасное время было нельзя, чтобъ къ войнѣ Шведской не прибавить еще Турецкую.

Головинъ просилъ у Мазепы совѣта, что дѣлать съ Запорожцами. Мазепа отвѣчалъ: „Имѣешь ваша вельможность высокій разумъ, которымъ великія монаршескія исправляешь дѣла, такъ можешь свободно безъ моего совѣта то разсудить, какого Запорожцы наказанія годны. Я бы имъ давно притеръ носы и унялъ ихъ отъ сумасброднаго своевольства, и за нынѣшній проступокъ умѣлъ бы покарать, еслибъ не боялся привести ихъ въ послѣднее отчаяніе и отогнать отъ милости монаршеской. Издавна не разъ бывало, что они, усмотря съ этой стороны какое-нибудь неудовольствіе, ставили когонибудь себѣ наказнымъ гетманомъ и уходили въ сосѣднія области, ища заступленія, что и теперь сдѣлать имъ нетрудно“. Головинъ писалъ, чтобъ гетманъ зазвалъ къ себѣ въ Батуринъ лучшихъ Запорожцевъ и прислалъ ихъ въ Москву. Мазепа отвѣчалъ: „Старинная пословица говоритъ: мужикъ черенъ какъ ворона, а хитеръ какъ чортъ; я уже говорилъ съ Запорожцами, которые ѣхали въ Москву за жалованьемъ; пыталъ ихъ о разбоѣ надъ Греками; представлялъ, что это дѣло не можетъ успокоиться, пока не выдадутъ заводчиковъ; но у нихъ одинъ отвѣтъ: „У насъ нѣтъ никакихъ заводчиковъ, мы всѣ это сдѣлали, все войско Запорожское низовое на то позволило“. Есть у нихъ писарь Зеленецкій, воръ и давній измѣнникъ, который былъ первымъ совѣтникомъ Петрику, и вмѣстѣ съ нимъ въ Крымъ ушелъ, навелъ на Украйну Татаръ и Запорожцевъ; разбитый подъ Цариченкою, убѣжалъ въ Запорожье и до сего времени тамъ живетъ, оставя въ Полтавѣ отца, мать и жену. Говорятъ о немъ, что великую имѣетъ силу между Запорожцами; въ радѣ молчитъ, а по куренямъ тайно, что хочетъ, то дѣлаетъ. Еслибъ далъ Богъ прибрать его къ рукамъ, то тайны запорожскія открылись бы, ибо нестаточное дѣло, чтобъ Запорожцы поступали такъ дерзко, не будучи обнадежены либо отъ хана, либо отъ Поляковъ“.

Головинъ разсердился, что, вмѣсто совѣта, какъ наказать Запорожцевъ, Мазепа отдѣлался комплементомъ. Мазепа отвѣчалъ: „Богъ свидѣтель, что я сдѣлалъ такъ для того только, чтобъ не подать на себя большаго подозрѣнія, будто я дѣйствую изъ приватной моей къ Запорожцамъ какой-нибудь злости, а не для общаго добра и вѣрной службы; потому что и первое мое донесеніе о грабительствѣ Запорожцевъ, шедшихъ въ Псковъ на службу, ни во что вмѣнено, а они, возвратясь, своими песьими губами лаютъ: „Гетманъ-то насъ хотѣлъ запровадить въ Сибирь или къ Архангельску въ вѣчную неволю, привелъ на то государя, чтобъ намъ ни суконъ, ни по пяти рублей за наши работы не дали.“—Хотя я ихъ собачьихъ голосовъ не боюсь, однако отъ такихъ плутовъ терпѣть тяжело“. Мазепа высказалъ неудовольствіе, что по его донесенію Запорожцы не были наказаны; и въ томъ же письмѣ, на вопросъ Головина: наказаніемъ Запорожцевъ не повредить бы Украйнѣ?—отвѣчалъ: „Не дай Боже, чтобъ явилось отъ Запорожцевъ какое-нибудь новое зло; нѣтъ сомнѣнія, что многіе изъ городовыхъ къ нимъ пристанутъ“.

Когда Запорожцы, Герасимъ Крыса съ товарищами, пріѣхали въ Москву за жалованьемъ, то ихъ посадили за караулъ и разспрашивали: когда разбивали Грековъ и селитрянниковъ;—они, Крыса съ товарищами, были ли у этого грабежа?

Крыса отвѣчалъ: „Надъ Греками учинили мы грабежъ всѣмъ войскомъ Запорожскимъ, съ общаго совѣта; и какъ ихъ пожитки въ Сѣчѣ были разграблены, въ то время мы тутъ были и пожитки дѣлили. А пограбили мы ихъ за то, что они Сѣчу нашу миновали, ругаяся надъ нами, ставя войско Запорожское ни во что́, а прежде Греки и другіе купцы мимо насъ никуда не проѣзжали и нанимали насъ въ проводники; такъ эти Греки,по нашему обыкновенію, учинились въ арештъ и за арештъ, и мы ихъ пограбили. Какъ селитрянники разорены—не знаемъ: услыхали мы объ этомъ на дорогѣ только, и тутъ войско Запорожское не виновато, потому что селитрянники—торговые мужики—завладѣли нашими угодьями“.

Это было въ концѣ 1701 года; въ началѣ 1702 посланъ былъ къ кошевому царскій указъ: отдать Грекамъ все пограбленное сполна, въ противномъ случаѣ Крыса съ товарищами будутъ казнены смертію, и присылка жалованія и запасовъ прекратится. Когда эта грамота пришла на Запорожье и была прочтена въ радѣ, то войско крикнуло на кошеваго атамана Петра Сорочинскаго: „Ты былъ этому дѣлу початокъ; ты говорилъ, чтобъ дѣлить взятые у Грековъ товары по куренямъ, а мы хотѣли, чтобъ они были сложены въ казнѣ войсковой до-поры-до-времени; такъ теперь самъ и отвѣчай“! Сорочинскій сложилъ съ себя урядъ кошевства, и на его мѣсто выбрали кошевымъ Константина Гордѣенка. Запорожцы, по выраженію Мазепы, повѣсили носы и начали въ чувство приходить отъ того, что изъ Крыма пришли недобрыя вѣсти: ханъ отказался дать имъ помощь противъ Россіи, указывая на мирные договоры съ царемъ. Дѣлать нечего,—Запорожцы написали челобитную великому государю, что подѣлили кумачи красные съ иными недорогими вещами, взять ихъ негдѣ, а дорогіе товары, жемчугъ и прочее уже возвратили Грекамъ: „Умилосердись, великій государь, надъ нами, рабами своими, изволь гнѣвъ свой монаршескій утолить и посланцовъ нашихъ отпустить“.

Съ гетманомъ войска Запорожскаго шли также сношенія по поводу польскихъ требованій, польскаго союза. Возвратившись изъ Биржъ, Головинъ далъ знать Мазепѣ о разговорѣ своемъ съ Щукою, и требовалъ его мнѣнія. Мазепа отвѣчалъ: „Три мѣстечка за Днѣпромъ—Терехтемировъ, Стайки и Триполь—уступить можно,—никакого вреда сторонѣ царскаго величества отъ этого не будетъ, только уступить съ условіемъ, чтобъ вѣчный миръ былъ подтвержденъ подлинно и напечатано было о немъ въ конституціи. А Чигиринъ, Каневъ, Черкасы, Крыловъ и другія мѣста уступать никакъ нельзя: если ихъ уступить, то въ державѣ царскаго величества на той сторонѣ Днѣпра останется одинъ Кіевъ, и будетъ не безопасенъ, потому что въ чигиринскія мѣста перейдутъ на житье съ этой стороны Днѣпра, въ одно лѣто переселится множество народа; Запорожскіе казаки будутъ тянуть къ той сторонѣ. Отъ Стародубскаго полка въ польскую сторону нельзя ничего уступить, потому что Стародубскій полкъ отъ Поляковъ раздѣлила рѣка Сожь, и за тою рѣкою моего гетманскаго владѣнія никакого нѣтъ, а сюда за рѣку Полякамъ вселяться непристойно. Отъ Поляковъ добраго дѣла не чаять: договора вѣчнаго мира они до сихъ поръ не подтвердили и въ конституцію не напечатали; говорятъ, что миръ заключенъ королемъ, а не Рѣчью Посполитою; многія церкви Божіи обратили на унію; въ прошломъ году начальную русскую соборную Львовскую церковь у благочестивыхъ отняли и отдали уніатамъ. Король, вызвавъ царскія рати подъ Нарву, выдалъ ихъ Шведамъ, а самъ отъ Риги отступилъ. Съ Поляками надо поступать осторожно; кроникары пишутъ: Какъ святъ святомъ, то Полякъ Русину не будетъ братомъ, и донынѣ то все исполняется отъ нихъ самымъ явнымъ дѣломъ“ 1).

Но скоро дѣла приняли такой оборотъ, что объ уступкахъ въ польскую сторону не нужно стало болѣе толковать.

Еще въ августѣ 1701 года князь Григорій Долгорукій, находившійся при королѣ Августѣ, доносилъ Петру: „Королевское величество изволилъ мнѣ сказывать: вѣдомость получилъ, что король Шведскій съ войсками идетъ въ Польшу; только онъ о томъ печали никакой не имѣетъ; а когда Шведы большими войсками въ Польшу вступятъ, то могутъ Поляковъ на себя озлобить; а въ нынѣшнемъ также дальнемъ разстояніи шведскихъ войскъ отъ московской границы въ Лифлянты войскомъ В. В—ства потребно нападеніе учинить, что и помогать скоро шведскимъ войскомъ будетъ невозможно; а болши бы учинить плѣнъ и разореніе, дабы вой-

---

1) Книги Малорос. Приказа 1071 г. Дѣла Малорос. того же года въ Моск. Архивѣ Мин. Ин. Д.

ска шведскія не имѣли въ Лифлянтахъ довольства, отъ чего могутъ идти на зиму къ себѣ черезъ море“ [1]). Совѣтъ былъ принятъ; плѣнъ и разореніе сопровождали движеніе Шереметева въ Лифлянтахъ. Послѣ Эрестферской побѣды фельдмаршалу хотѣлось отдохнуть; но Петръ не любилъ давать отдыха ни себѣ, ни другимъ, особенно въ такое время, когда ни на минуту нельзя было ослаблять напряженіе силъ. Въ началѣ января 1702 года Шереметевъ сталъ проситься въ Москву: „Жена живетъ на чужомъ подворьи,—надобно ей домъ сыскать, гдѣ бы голову преклонить“. Предлогъ былъ слишкомъ страненъ. Шереметевъ поправился и написалъ, что ему необходимо быть въ Москвѣ для донесенія о нужныхъ дѣлахъ. „Полагаемъ то на ваше разсужденіе“, отвѣчалъ Петръ; „а хотя и быть, чтобъ на страстной или на шестой пріѣхать, а на святой паки назадъ“ [2]).

Не давая отдыха Шереметеву, Петръ не давалъ его и человѣку, который былъ постарше Шереметева,—надзирателю артиллеріи Виніусу. Отъ 21 февраля Виніусъ писалъ царю [3]): „Нынѣ, пріѣхавъ къ Москвѣ, господинъ тайный совѣтникъ Тихонъ Никитичъ (Стрѣшневъ) мнѣ, рабу вашему, вашимъ великаго государя указомъ сказалъ, что вы изволили потребовать отъ меня переводу уставу судебныхъ воинскихъ правъ, и я, государь, въ прошломъ году былъ на вашей службѣ въ полкахъ съ гетманомъ, а пріѣхавъ въ Глуховъ, съ начала мѣсяца іюля лежалъ нѣсколько недѣль въ разслабленьи, а которые дни было мнѣ отраднѣе, въ тѣ трудился надъ лексикономъ галанскимъ, а надъ воинскими правами не работалъ, понеже чаялъ иные люди то исправятъ; а нынѣ къ Москвѣ пріѣхавъ, въ домикѣ моемъ обрѣлъ поставлены Шведы во всѣхъ житьяхъ и до нынѣ не сводятъ; а было ихъ сначала болши 200 человѣкъ, и въ домъ меня не пустили; и жилъ въ чужомъ дворѣ недѣли съ три. Оттого, государь, тому дѣлу учинилась остановка и мнѣ не малое отъ постою разореніе. А нынѣ, государь, началъ въ воинскихъ правахъ трудитися и, поелико смогу, буду работать; однакожъ рукою правою въ письмѣ мнѣ зѣло тяжко, едва имя свое подписываю, но уповаю симъ великимъ постомъ галанскіе артикулы совершить; а прочее потомъ. Не прогнѣвись, мой милостивѣйшій государь, на мя, нижайшаго раба своего: воистинно сталъ быть дряхлъ, едва брожу, ужъ семидесятый годъ доходитъ; желаніе, вѣстъ Богъ, есть, да сила по вся дни скудѣетъ“. Весною дряхлый, разслабленный старикъ поѣхалъ въ Новгородъ и Псковъ по артиллерійскимъ дѣламъ; возвратился въ Москву и сталъ сбираться — въ Сибирь! Надобно было посмотрѣть тамошніе рудники и заводы. Изъ Тобольска Виніусъ писалъ: „Съ Москвы я въ путь сей дался іюля 28 и, пріѣхавъ чрезъ казанскіе предѣлы зѣло дальними и трудными мѣстами, достигъ въ Сибирь на желѣзные заводы, что построилъ князь Михайла Яковлевичъ (Черкасскій) на рѣкѣ Каменкѣ, идеже и въ иныхъ мѣстѣхъ толикое обрѣлъ множество рудъ желѣзныхъ, что мню до окончанія міра не выкопаются, а чаю, что прежде лѣса выдутъ, нежели руда“ [4]).

Въ концѣ мая Петръ началъ торопить Шереметева къ выступленію изо Пскова въ Лифлянты: „Есть вѣдомость, писалъ онъ ему, что непріятель готовитъ въ Лифлянты транспортъ изъ Помераніи въ 10,000 человѣкъ, а самъ конечно пошелъ къ Варшавѣ; теперь истинный часъ (прося у Господа силъ помощи), пока транспортъ не учиненъ, поискомъ предварить“ [5]).

Шереметевъ двинулся съ тридцатитысячною арміею противъ Шлиппенбаха, у котораго было 8,000. 18 іюля арміи встрѣтились при Гуммельсгофѣ,—и Шведы потерпѣли страшное пораженіе: потеряли около 5,500 убитыми, 300 плѣнными, всю артиллерію; Русскіе потеряли около 400 убитыми и столько же ранеными. Петръ, узнавши о побѣдѣ, писалъ Шереметеву, чтобъ разорилъ Ливонію, „чтобъ непріятелю пристанища (найти) и сикурсу своимъ городамъ подать было невозможно“ [6]). Приказаніе было исполнено. Шереметевъ взялъ два значительныхъ города (Вольмаръ и Маріенбургъ), шесть малыхъ, и страшно опустошилъ всю страну. „Чиню тебѣ извѣстно, писалъ онъ Петру, что Всесильный Богъ и Пресвятая Богоматерь желаніе твое исполнили: больше того непріятельской земли разорять нечего, все разорили и запустошили безъ остатку; и отъ Риги возвратились загонные люди въ 25 верстахъ, и до самой границы польской; и только осталось цѣлаго мѣста Перновъ и Колывань (Ревель), и межь ими сколько осталось около моря, и отъ Колывани къ Ригѣ, около моря же, да Рига,—а то все запустошено и разорено въконецъ. Пошлю въ разныя стороны отряды Калмыковъ и казаковъ для конфузіи непріятеля. Прибыло мнѣ печали: гдѣ мнѣ дѣть взятый полонъ?—тюрьмы полны, и по начальнымъ людямъ вездѣ; опасно того, что люди какіе сердитые (т. е. плѣнники)! Тебѣ извѣстно, сколько ужъ они причинъ сдѣлали, себя не жалѣя; чтобы какія хитрости не учинили: пороху въ погребахъ бы не зажгли; также отъ тѣсноты не почали бы мереть; также и денегъ на кормъ много исходитъ. а провожатыхъ до Москвы одного полку мало. Вели мнѣ объ нихъ указъ учинить. А Чухны, выбравъ лучшихъ людей 100 семей, которыя умѣютъ овые топоромъ, овые иные художники, а въ тѣхъ семьяхъ будетъ больше 400 душъ, для азовской посылки, и тѣхъ тотчасъ за тепло велю гнать къ Москвѣ и отдать Тихону Никитичу Стрешневу, какъ онъ съ ними ни изволитъ. Августа 31 числа пойду къ Пскову;

---

[1]) Польскія дѣла 1701 года въ Моск. Арх. Мин. Ин. Д. Донесенія отъ 27 августа.

[2]) Напечатанныя письма П. В. къ Шереметеву.

[3]) Кабинетъ II, кн. № 2.

[4]) Кабинетъ II, кн. № 2.

[5]) Herman,—Geschichte des russischen Staates IV, 128.

[6]) Гисторія Свейской войны и Записки Желябужскаго. См. предыдущее (5) примѣчаніе.

больше того быть стало не возможно, въ-конецъ изнужились крайне, обезхлѣбили, и обезлошадѣли, и отяготились по премногу какъ ясыремъ (полономъ) и скотомъ, и пушки везть стало не на чемъ, и новыхъ подводъ взять стало неоткули, а въ Псковѣ нѣтъ“ [1]).

„Борисъ Петровичъ въ Лифляндахъ гостилъ изрядно довольно“, писалъ Петръ Ѳед. Матв. Апраксину [2]). Въ то же самое время въ Ингріи гостилъ такимъ же образомъ окольничій Петръ Апраксинъ, который рѣкою Невою до Тосны и самой Ижорской Земли прошелъ, все разорилъ и развоевалъ, прогнавши шведскій отрядъ отъ Тосны къ Канцамъ (Ніеншанцъ, Невская крѣпость). Посланный Апраксинымъ на судахъ въ Ладожское озеро, полковникъ Тыртовъ нѣсколько разъ дрался со Шведами и принудилъ ихъ удалиться подъ Орѣшекъ (Нотебургъ). Но царю было „не зѣло пріятно“, что Апраксинъ не исполнилъ наказа и развоевалъ страну, которую Петръ считалъ Русскою и въ которой, какъ ближайшей къ завѣтному морю, хотѣлъ утвердиться. Апраксинъ оправдывался, что жегъ селенія по берегамъ Невы, съ цѣлію утѣснить непріятеля въ подвозѣ съѣстныхъ припасовъ [3]). Самъ Петръ прогостилъ все лѣто 1702 года въ Архангельскѣ, ибо весною получено было извѣстіе, что Шведы въ другой разъ намѣрены пробраться къ тому городу. Въ ожиданіи непріятельскаго прихода, Петръ занимался строеніемъ кораблей. Лѣто проходило, Шведы не показывались, и въ сентябрѣ Петръ явился въ Ладогу, чтобъ лично распоряжаться завоеваніемъ Ингріи, завоеваніемъ морскаго берега. „Если не намѣренъ чего, ваша милость, еще главнаго (сдѣлать въ Лифляндіи), изволь не мѣшкавъ быть къ намъ“, писалъ Петръ къ Шереметеву; „зѣло время благополучно, не надобно упустить; а безъ васъ не такъ у насъ будетъ, какъ надобно“. Черезъ пять дней другое письмо къ нему же: „Изволь, ваша милость, немедленно быть самъ неотложно къ намъ въ Ладогу; зѣло нужно, и безъ того инако быть и не можетъ; о прочемъ же, какъ о прибавочныхъ войскахъ, такъ и о артиллерійскихъ служителяхъ изволь учинить по своему разсужденію, чтобъ сего Богомъ даннаго времени не потерять“ [4]).

По прибытіи Шереметева, Петръ повелъ войско къ Нотебургу, древнему новгородскому Орѣшку на Невскомъ протокѣ. То была маленькая крѣпость, обнесенная высокими каменными стѣнами; шведскаго гарнизона въ ней было не болѣе 450 человѣкъ, но около полутораста орудій; у осаждающихъ было тысячъ десять войска. Послѣ отчаяннаго сопротивленія, 11 октября комендантъ принужденъ былъ сдать городъ. Нотебургъ былъ переименованъ въ Шлюссельбургъ (Ключъ-городъ). Петръ былъ въ восторгѣ, добывши этотъ Ключъ къ морю, тѣмъ болѣе-что предпріятіе было чрезвычайно трудное. Пошли отъ царя радостныя письма къ членамъ компаніи. Къ Апраксину писалъ: „Объявляю вашей милости, что, помощію побѣдыдавца Бога, крѣпость сія, по жестокомъ и чрезвычайномъ, трудномъ и кровавомъ приступѣ (который начался въ 4 часа по полуночи, а кончился по четырехъ часовъ пополудни), сдалась на акордъ, по которомъ комендантъ Шлиппенбахъ со всѣмъ гарнизономъ выпущенъ. Истинно вашей милости объявляю, что чрезъ всякое мнѣніе человѣческое сіе учинено и только единому Богу въ честь и чуду приписать“. Петръ извѣстилъ и надзирателя артиллеріи, находившагося въ Сибири, приписавъ: „Правда, что зѣло жестокъ сей орѣхъ былъ, однакожъ, слава Богу, счастливо разгрызенъ. Артиллерія наша зѣло чудесно дѣло свое исправила“. Виніусъ отвѣчалъ своимъ обычнымъ высокопарнымъ слогомъ: „Въ дальнѣйшемъ, государь, во странахъ сихъ сибирскихъ, отъ вашей пресвѣтлѣйшей государской особы разстояніи шествуя, на отлеглыя страны по пустынямъ, во мрачныхъ облакахъ многихъ суетствъ и попеченій о порядномъ уставѣ новопостроенныхъ желѣзныхъ заводехъ и во искорененіи злобы присланныхъ съ Москвы пушечныхъ мастеровъ, нечаянно абіе, яко лучею свѣтлаго солнца, мя веліею радостію просвѣтило ваше письмо изъ Нотенбурга, его же всекрѣпкій Господь, яко истинному того крѣпкаго орѣха наслѣднику, вамъ, великому государю, предати изволилъ, и даровалъ нашей новой слезами окропленной артилеріи и порохомъ побѣдительную силу“ [5]).

На слѣдующій (1703-й) годъ, въ апрѣлѣ, отъ Шлюссельбурга внизъ по правому берегу Невы шли русскія войска, подъ начальствомъ фельдмаршала Шереметева; шли они лѣсами большими и малыми, и завидѣли наконецъ, при устьи Охты въ Неву, маленькій земляной городокъ, занимавшій не болѣе десятины земли: то были Канцы, или Ніеншанцъ, сторожившій устье Невы. Противъ городка, за Охтою, посадъ изъ 400 деревянныхъ домиковъ. Къ русскому войску пріѣхалъ бомбардирскій капитанъ Петръ Михайловъ и съѣздилъ на 60 лодкахъ осмотрѣть Невское устье. Вечеромъ 30 апрѣля, началось бомбардированіе, утромъ 1-го мая Канцы сдались и переименованы въ Шлотбургъ. Но на другой же день вечеромъ караульные донесли, что на взморьи показались непріятельскіе корабли. 5 мая два шведскихъ судна, шнява и большой ботъ подошли къ устью Невы; бомбардирскій капитанъ Петръ Михайловъ и поручикъ Меншиковъ съ обоими гвардейскими полками на тридцати лодкахъ подкрались къ непріятельскимъ судамъ, окружили и взяли ихъ, несмотря на то, что у Шведовъ были пушки, а у Русскихъ ихъ не было. Людей на обоихъ судахъ было около 80; „Но“, писалъ Петръ Апраксину, „понеже непріятели пардонъ зѣло поздно закричали, того для солдатъ унять трудно было, которые, ворвався, едва не всѣхъ покололи, только осталось 13 живыхъ. Смѣю и то писать, что истинно съ 8 лодокъ только въ самомъ дѣлѣ было. И сею никогда бываемою викторіею вашу милость проздравляю“ [1].

---

[1]) Кабинетъ II, кн. № 3.

[2]) Кабинетъ I, кн. № 24.

[3]) Кабинетъ II, кн. 2.

[4]) См. примѣч. 5 на стр. 1266.

[5]) Гисторія Свейской войны. Кабин. I, кн. № 24; II, кн. № 2.

Петръ и компанія были въ восторгѣ, какъ дѣти при первомъ успѣхѣ въ чемъ-нибудь или при первой наградѣ: „Два непріятельскихъ корабля взяли! небывалая викторія!“ За эту викторію бомбардирскаго капитана Петра Михайлова и поручика Меншикова пожаловали Андреевскими кавалерами. Въ Воронежѣ на радостяхъ начались бои съ Ивашкою Хмельницкимъ, и Ивашка пошибъ.

Петръ стоялъ у моря. Поздравляя его со взятіемъ Ніеншанца или Шлотбурга, Виніусъ писалъ, что этимъ городомъ „отверзошася пространная порта безчисленныхъ вамъ прибытковъ“ [2].

Въ IX-мъ вѣкѣ по Р. Х. устьемъ Невы начинался великій путь изъ Варягъ въ Греки; этимъ путемъ въ половинѣ вѣка началась Россія Въ продолженіи осьми съ половиною вѣковъ шла она все на востокъ; дошла вплоть до Восточнаго океана, но сильно наконецъ встосковалась по Западномъ морѣ, у котораго родилась, и снова пришла къ нему за средствами къ возрожденію.

16 мая 1703 года, на одномъ изъ островковъ Невскаго устья стучалъ топоръ: рубили деревянный городокъ. Этотъ городокъ былъ Питербурхъ, столица Россійской Имперіи.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

1) Письмо русскаго резидента въ Польшѣ, стольника Алексѣя Никитина, къ царю Петру поздравительное со взятіемъ Азова.

Я, послѣдней холопъ твой съ повинности своей рабской, вамъ, великому государю, вашему царскому пресвѣтлому величеству, кую принесу похвалу недовѣмы, понеже витиствовати не могу, толко по воздаяніи Господу Богу благодаренія неумѣніемъ своимъ поздравляю тако:

Что солнце на небѣ, то монархъ на землѣ дѣлаетъ, пресвѣтлѣйшій великій государь, мой милостивый государь, государь премилосердый, солнце темныя разгоняетъ облаки, свѣтъ увеселяетъ, солнце природностію своею злые приметы изъ земли вытягаетъ, добрые вводитъ, солнце страшны одному сотворенію чинитъ перуны, другому плодовиты громы; солнце дожди жаждущимъ травамъ и цвѣтамъ направляетъ; солнце излишніе высушаетъ волгости, гдѣ я при поздравленіи своемъ негодномъ о особѣ пресвѣтлой вашей царскаго величества размышляю; не могу еѣ ни хкакому иному сотворенію приривнять, толко самому на небѣ свѣтящему солнцу, бо вѣмъ яко солнце хмары ясностію раздѣляетъ, такъ ваше царское пресвѣтлое величество татарскіе розгоняетъ темные полки, ваше царское пресвѣтлое величество природною должностію злыхъ непріятелей яко злые приметы выкидаетъ, добрыхъ христіанъ вводитъ; ваше царское величество страшны пушками и бомбами и гранатами на пораженіе непріятеля перуны чинитъ, онеми радостные христіанскому свѣту тріумфы дѣлаетъ, ваше царское пресвѣтлое величество кровавые дожди поганскаго свѣта или людей льетъ дабы землю христіанскую въ лауріи и палмѣ тріумфальне буйну учинилъ, а какъ вашему пресвѣтлому царскому величеству я холопъ твой аще и недостоинъ того, слышу что слава твоя восходитъ до небесъ поздравствовать и приписать той что солнцу дальности не могу, когда одинъ обрѣтается монарха въ той смутной жалостнаго христіанства ночи правдивымъ солнцемъ, предъ которымъ всѣ монархи яко мѣсяцъ и звѣзды гаснутъ, гасне турецкій мѣсяцъ и самъ подъ ноги вашего царскаго пресвѣтлаго величества пышное хоронгвей азовскихъ стеле одѣяніе, орелъ цесарскій дивуется ясности тріумфовъ вашего ц. п. в., орелъ полской отъ окаменелаго сердца своего въ нечаемости задумался храбрости вашей, а лиліи французскіе не сохнутъ ли отъ гуковъ и отъ молнія тріумѳовъ вашего ц. п. в., однимъ словомъ, гишпанское, португалское, аглинское государства, и галанская и венецынская рѣчь посполитая на тѣ побѣдительства смотря радуются и славу возсылаютъ. Велія в. п. ц. в. слава, которая отъ заходу ажъ до восходу разошлася солнца, занимаетъ неумѣстныя къ выславленію уста мои; хвала возносящая имя в. ц. п. в. подъ небеса рѣчь мою глушитъ, когда дрожитъ предъ в. ц. в. Азія, утекаетъ предъ громомъ Африка, кроется предъ блистаніемъ вашего великаго государя меча Америка. Славился нѣкогда персидской шахъ Дарій солнечнымъ имянемъ, но даровая его была слава, когда отъ Александра не яко солнце почтенъ, но какъ человѣкъ обесчестенъ и пораженъ учинился, вашему ц. п. в. толко самого солнца имя служитъ, который ясностію дѣлъ на морѣ и на земли поганство яко натопыря не могущаго на свѣтлость глядѣть ажъ въ погребы адскіе прогоняетъ; одинъ Петръ князь апостольскій отъ востоку вѣры благочестивой врата намъ до новаго Іерусалима отворилъ, одинъ Петръ монархъ Россійской в. ц. п. в. отъ заходу солнца и солнца до святой земли до Іерусалима стараго двери отвалилъ. Петръ апостольскій на зачинаніи церкви святой а вѣру православную на распространеніе чудесы прививалъ, вы великій государь Петръ вождь монарховъ оную въ поганской земли за Божіею помощію крестомъ святымъ и мечемъ своимъ распространяетъ. Разширяй счастливо православную христіанскую вѣру пресвѣтлѣйшій Петръ великій государь, будетъ имя Христово съ тобою, дабы тою вѣрою множество поганъ привелъ, которою святый Петръ болши рыбъ нежели сѣтью наловилъ. Наврачай яко чудесы Петръ апостолъ то в. ц. в. мечемъ и страхомъ имяни своего не толко тысячами людей, но и мѣстъ непріятельскихъ; буди бытіе в. ц. в. до тѣхъ мѣстъ народу нашему свѣтить пока солнце свѣту, умножай непрестанно золотыхъ променами цнотъ своихъ намъ вѣковъ, яко солнце золотой руды не престаетъ чинить. Живи счастливо пресвѣтлѣйшій Петръ великій государь в. ц. в. Богу на хвалу, тріумоій на радость христіанскому свѣту, побѣждай на славу имяни своему, вали непріятеля на оборону Креста Христова, чтобъ заслуживъ себѣ на свѣтѣ несмертелной славы стараго Іерусалима земли святой кровію Христовою за насъ окропленную доступивши, добился и вѣчнаго вѣнца и новаго Іерусалима, до котораго вѣсь великаго государя все христінство молитвами своими донесутъ, гдѣ и я яко послѣдній холопъ в. ц. п. в. государя моего премилостиваго въ томъ желаніи есть. (Изъ Польскихъ дѣлъ 1697 года, въ Москов. Архивѣ Мин. Ин. Д.)

---

[1] Кабинетъ II, кн. № 1. Гисторія Свейской войны. Кабинетъ I, кн. № 15, 19, 24.

[2] Кабинетъ II, кн. № 2.

---

2) Пѣсня (1699 года):

Какъ рябина, какъ рябина кудрявая!
Какъ тебѣ не стошнится,
Во сыромъ бору стоючи.
На болотину смотрючи!
Молодица ты молодушка,
Молодица ты пригожа!
Какъ тебѣ не стошнится
За худымъ мужемъ живучи,
На хорошаго смотрючи,
На пригожаго глядючи?
Наварю я пива пьянаго,
Накурю я вина зеленаго,
Напою я мужа пьянаго,
Положу его средь двора,
Оболоку его соломою,
Зажгу его лучиною.
Выйду я на улицу,
Закричу я своимъ громкимъ голосомъ:
Осудари вы люди добрые,
Вы сусѣди приближенны!
А начесь громотъ былъ,
А начесь молонья сверкала,
Моего мужа убило,
Моего мужа опалило
А ты б.... страдница!
А не громъ убилъ, а не молонья сожгла,
А ты сама мужа извела.

(Столбцы Приказнаго стола, № 3313.)

ИСТОРІЯ РОССІИ

СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ.

Томъ пятнадцатый.

Глава I.

Царствованіе Петра I-го Алексѣевича.

Строеніе судовъ для Балтійскаго моря.—Борьба съ Шведами за Петербургъ.—Отобраніе у Шведовъ старыхъ русскихъ городовъ.—Опустошеніе Эстоніи.—Взятіе Дерпта и Нарвы.—Шведы отражены отъ Петербурга.—Сношенія съ Польшею.—Паткуль въ русской службѣ; его дѣятельность.—Русскіе вспомогательныя войска подъ начальствомъ Паткуля.—Отношенія Паткуля къ малороссійскимъ казакамъ.—Окончаніе дѣятельности Палѣя.—Сношенія съ Вѣнскимъ Дворомъ.—Паткуль въ Вѣнѣ.—Дѣятельность Матвѣева въ Голландіи.—Постниковъ въ Парижѣ.—Французскій посланникъ Балюзъ въ Россіи.—Матвѣевъ въ Парижѣ.—Сношенія съ Турціею.—Дѣятельность Петра Толстого въ Константинополѣ.

Въ Невскихъ устьяхъ спѣшили строить городокъ—морское пристанище для иностранныхъ судовъ; но строитель не хотѣлъ, чтобъ этотъ новый городокъ, его тезка, похожъ былъ на старый Архангельскъ, гдѣ виднѣлись только иностранные корабли: на берегахъ Свири кипѣла сильная работа, въ нетронутыхъ до сихъ поръ лѣсахъ *ронили* громадныя деревья, и на новой верфи, въ Лодейномъ Полѣ, строили морскія военныя суда. Но враги не отдадутъ безъ боя Балтійскаго моря. На Невскихъ устьяхъ строятъ русскій городокъ, а подлѣ нихъ все лѣто 1703 года стоятъ 9 шведскихъ кораблей, и нечѣмъ отразить ихъ: русскіе корабли еще только строятся на Свири. Другое дѣло на сухомъ пути: здѣсь можно помѣряться съ Шведомъ, который покинутъ своимъ королемъ и можетъ выставлять для борьбы только небольшіе отряды. Къ рѣкѣ Сестрѣ подошелъ шведскій генералъ Кронгіортъ; самъ Петръ въ началѣ іюля пошелъ на него съ четырьмя конными полками: „Бой начатъ и счастливо совершенъ, непріятель прогнанъ, и зѣло много его порубили, понеже солдаты брать живьемъ его не хотѣли“ ¹). Съ береговъ Сестры Петръ отправился въ Лодейное Поле спускать суда. А между тѣмъ наступила осень. Меншиковъ съ Русскими людьми впервые познакомился тутъ съ петербургскимъ октябремъ: солнца давно уже нѣтъ, страшный вѣтеръ и дождь цѣлый день. Тяжко стало Меншикову; онъ зоветъ Петра, пишетъ ему съ обычными шутками: „Не вѣдаемъ, для чего такъ замѣшкались; развѣ за тѣмъ медленіе чинится, что ренскаго у васъ, вѣдаемъ, есть бочекъ съ десять и больше, и потому мнимъ, что, бочки изпраздня, хотѣли сюда пріѣхать, или которыя изъ нихъ разсохлись, замачиваете и размачиваете. О семъ сожалѣемъ, что насъ при томъ не случилось“. Но послѣ шутокъ Меншиковъ сообщаетъ важное извѣстіе: шведскіе корабли, за осеннимъ временемъ, отошли отъ Невскаго устья ²).

Петръ въ Петербургѣ. На Невѣ уже плаваетъ ледъ; но царь въ морѣ, около Котлина острова мѣряетъ морскую глубину: здѣсь будутъ укрѣпленія, оборона Петербургу. Въ ноябрѣ явился въ устьи Невы первый иностранный купеческій корабль съ солью и виномъ; губернаторъ Меншиковъ угостилъ шкипера и подарилъ ему 500 золотыхъ, каждому матросу дано по 30 талеровъ ³).

Въ то время, когда Петръ пробрался къ Невскому устью и началъ строить здѣсь новый городокъ, войска его забирали старые русскіе города, которые Шведъ завелъ за себя. Въ концѣ мая Шереметевъ началъ обстрѣливать Копорье,—и крѣпость сдалась: „Музыка твоя, писалъ Шереметевъ царю, хорошо играетъ; Шведы горазды танцовать и фортеціи отдавать; а если бы не бомбы, Богъ знаетъ, что бы дѣлать“ ⁴)! Сдались и Ямы, или Ямбургъ, и царь велѣлъ укрѣпить его. „Итакъ, при помощи Божіей, Ингрія въ рукахъ. Дай Боже доброе окончаніе!“ писалъ Петръ ⁵). Шереметевъ, доканчивая въ іюлѣ укрѣпленія Ямбурга, писалъ уже о зимованьи въ Ингріи; но Петръ отвѣчалъ ему: „Когда

---

¹) Кабинетъ I, кн. № 51.

²) Кабинетъ II, кн. № 2.

³) Исторія Свейской войны; Вѣдомости Московскія, 15 декабря 1703 г.

⁴) Печатныя письма Шереметева, отъ 27 мая.

⁵) Къ Апраксину. Кабинетъ I, кн. № 24.

городъ совершится, лучше, чтобъ вамъ нѣкакой походъ отправить; и, о томъ развѣдавъ, изволь писать, сыскавъ напримѣръ способа два-три; а мы также на тѣ способы дадимъ совѣтъ, который будетъ удобнѣе“ [1]). Чтобъ помочь Шереметеву сыскать способы, Петръ отправилъ къ нему въ Ямбургъ Меншикова. Способъ былъ сысканъ, и въ концѣ августа Шереметевъ переправился за Нарову, пошелъ гостить въ Эстоніи такимъ же образомъ, какъ гостилъ прошлый годъ въ Лифлянтахъ. Гости были прежніе: казаки, Татары, Калмыки, Башкирцы, и гостили попрежнему. Шлиппенбахъ бѣжалъ безъ оглядки. 5 сентября Шереметевъ вошелъ безпрепятственно въ Везенбергъ, знаменитый въ древней Русской Исторіи Раковоръ, и кучи пепла остались на мѣстѣ красиваго города. Та же участь постигла Вейсенштейнъ, Феллинъ, Оберъ-Паленъ, Руинъ; довершенно было и опустошеніе Ливоніи. Въ концѣ сентября, Борисъ Петровичъ возвратился домой изъ гостей: скота и лошадей, по его объявленію, было взято вдвое противъ прошлаго года, но Чухонъ меньше, потому что вести было трудно.

У Финскаго залива, въ новорожденной столицѣ строили укрѣпленія, поджидая Шведа; въ старой Москвѣ строили тріумфальныя ворота, въ которыя долженъ былъ въѣхать царь послѣ покоренія Ингріи. Петръ не зажился въ Москвѣ: взоры его были постоянно обращены и на западъ, и на востокъ. Пробывъ лѣто близъ береговъ Балтійскаго моря, зимою онъ поѣхалъ въ Воронежъ; но, занимаясь здѣсь азовскимъ флотомъ, который долженъ былъ сдерживать Турокъ, царь не забывалъ Невскаго устья, и Меншиковъ, остававшійся зимовать въ Петербургѣ, какъ губернаторъ, получилъ отъ него собственноручную модель крѣпости, которую должно было соорудить на морѣ, для безопасности новаго городка.

Наступила весна 1704 года. Петръ былъ въ Петербургѣ; надобно было защищать этотъ дорогой городокъ; но Петръ не хотѣлъ ограничиться одною оборонительною войною. Куда же наступать? Въ Ливоніи и Эстоніи опустошать было нечего болѣе; но были тамъ двѣ сильныя крѣпости, утвержденіе въ которыхъ было дѣломъ первой важности для Россіи на случай, когда Карлъ XII обратитъ противъ нея свои главныя силы: то были Дерптъ и Нарва. Надобно было спѣшить ихъ покореніемъ, пока „Шведъ увязъ въ Польшѣ“, по выраженію Петра [2]). 30 апрѣля Шереметевъ получилъ приказаніе отъ царя двинуться для осады Дерпта. 5 мая Шереметевъ далъ знать, что генералъ фонъ-Верденъ взялъ на рѣкѣ Эмбахѣ 13 шведскихъ судовъ, плывшихъ въ Чудское озеро. Петръ „съ превеликою радостію принялъ извѣстіе о пресчастливой побѣдѣ въ нечаянномъ случаѣ“, и подтвердилъ Шереметеву приказаніе „идти и осадить конечно Дерптъ, чтобъ сего Богомъ даннаго случая не пропустить, который послѣ найти будетъ нельзя,“ У Шереметева сборы шли медленно; Петръ торопилъ: „Немедленно извольте осаждать Дерптъ, и зачѣмъ мѣшкаете,—не знаю. Еще повторяя, пишу, не извольте медлить.“ Шереметевъ оправдывался въ своей медленности тѣмъ, что сталъ здоровъ не по старому, что одинъ, ни отъ кого помощи не имѣетъ: „Легко мнѣ было жить при тебѣ, да при Данилычѣ (Меншиковѣ): ничего я за милостію вашею не зналъ“ [3]).

Въ началѣ іюня Шереметевъ подошелъ къ Дерпту и началъ осадныя работы. Осада затянулась. Для ускоренія дѣла, 2 іюля явился подъ Дерптъ самъ царь и на третій день писалъ Меншикову: „Здѣсь обрѣли мы людей въ добромъ порядкѣ, но кромѣ дѣла, ибо двѣ апроши съ батареями принуждены бросить за ихъ неудобствомъ, третью передѣлать, и, просто сказать, кромѣ зарѣчной батареи и Балковыхъ шанецъ (которые недавно предъ пріѣздомъ нашимъ зачаты), все негодно и туне людей мучили. Когда я спрашивалъ ихъ: для чего такъ? то другъ на друга (т. е. вину складывали), а больше на перваго (т.-е. Шереметева), который столько же знаетъ. Инженеръ человѣкъ добрый, но зѣло смирный, для того ему здѣсь мало мѣста. Здѣшніе господа зѣло себя берегутъ, уже кажется и надъ мѣру; но я принужденъ сію ихъ Сатурнову дальность въ Меркуріусовъ кругъ подвинуть. Зѣло жаль, что уже 2,000 бомбовъ выметано безпутно. Брешь, чаю, зачнемъ кончае по четырехъ дняхъ, зѣло въ изрядномъ мѣстѣ, гдѣ муръ только указу дожидается, куды упасть; а съ прочихъ мѣсть зѣло укрѣпленъ. Боже! помози немедленно окончить. Однакожъ, какъ самъ можешь знать, надлежитъ отъ 10 до 7 дней оному продолжену быть. Здѣсь ничто мнѣ (не) въ пользу, токмо что люди, которые, слава Господу Богу, зѣло бодры и учреждены, и число ихъ вящше 20,000“ [4]).

Послѣ упорной битвы, происходившей у палисада всю ночь на 13 іюля, когда Русскіе уже готовы были ворваться въ городъ, комендантъ затрубилъ къ сдачѣ: „И такъ, съ Божіею помощію, симъ нечаемымъ случаемъ, сей славный отечественный градъ паки полученъ“, писалъ Петръ къ своимъ [5]).

Въ то время какъ Шереметевъ осаждалъ Дерптъ, другое русское войско стояло у Нарвы, подъ начальствомъ фельдмаршала Огильви, приговореннаго въ русскую службу Паткулемъ въ Вѣнѣ на три года. По взятіи Дерпта, царь отправился подъ Нарву. 9 августа былъ назначенъ штурмъ. Несмотря на упорное сопротивленіе шведскаго гарнизона, Русскіе ворвались въ городъ и произвели въ немъ страшную рѣзню, безъ пощады женщинамъ и дѣтямъ. Чрезъ два часа послѣ штурма, въѣхалъ въ Нарву самъ Петръ съ Огильви, и велѣлъ прекратить грабежъ, причемъ, говорятъ, закололъ шпагою одного солдата, не хотѣвшаго слушаться приказанія, и потомъ, показывая свою окровавленную шпагу нарвскимъ жителямъ, говорилъ: „Не бойтесь! это не шведская, а русская кровь“ [1]. По обычаю, пошли письма отъ царя къ своимъ о взятіи Нарвы: „Гдѣ передъ четырьмя лѣты Господь оскорбилъ, тутъ нынѣ веселыми побѣдителями учинилъ, ибо сію преславную крѣпость чрезъ лѣстницы шпагою въ три четверти часа получили“ [2]. 16 августа сдался Иванъ-городъ.

---

[1]) Голиковъ, X, стр. 124.

[2]) Голиковъ, X, стр. 61.

[3]) Голиковъ, X, стр. 150 и слѣд.; письма Шереметева къ царю напечатанныя.

[4]) Дѣла Меншикова въ Москов. Архивѣ Мин. Ин. Д.

[5]) Кабинетъ I, кн. № 2.

Въ то самое время, какъ Петръ шпагою бралъ старые отечественные грады, новый его городокъ, Петербургъ, долженъ былъ отбиваться отъ Шведовъ. 12 іюня 1704 года, на Выборгской сторонѣ явилось шведское войско, подъ начальствомъ генерала Майделя, и начало стрѣлять въ Петропавловскую крѣпость; комендантъ ея, Романъ Брюсъ, отстрѣливался удачно, и Майдель счелъ за лучшее отступить. Съ другой стороны, такъ же неудачно окончилось покушеніе шведскаго флота овладѣть Кроншлотомъ.

Счастливый 1704 годъ былъ дожитъ царемъ въ Москвѣ. Въ старой столицѣ праздновали взятіе старыхъ отечественныхъ городовъ. Въ семь тріумфальныхъ воротъ входили побѣдители съ знатнѣйшими плѣнниками и пушками, отбитыми у непріятеля. Въ февралѣ 1705 года Петръ уѣхалъ въ Воронежъ къ кораблямъ, а между тѣмъ уже дѣлалось приготовленіе къ новому походу на западѣ. Куда же будетъ этотъ походъ? До сихъ поръ Петръ пользовался временемъ; пока „Шведъ увязъ въ Польшѣ“, овладѣлъ Ингріею, основалъ корабельное пристанище въ устьяхъ Невы, взялъ Дерптъ и Нарву, опустошилъ въ-конецъ Ливонію и Эстонію. Цѣль войны была достигнута, больше ничего не хотѣлось получить отъ Шведа. Захочетъ Шведъ мириться, больше ничего отъ него не потребуется, въ крайности можно будетъ отдать ему и Дерптъ и Нарву, удержавъ только драгоцѣнный Петербургъ; не захочетъ Шведъ уступить ничего, захочетъ все отвоевать,—трудна будетъ ему война въ опустошенной странѣ, пусть стоитъ подъ крѣпостями; въ четыре года Петръ достигъ того, что люди его были бодры и учреждены: съ такими людьми была надежда отбиться отъ Шведа. Но всего важнѣе было, чтобъ Шведъ какъ можно долѣе увязъ въ Польшѣ; для этого нужно было помочь Полякамъ.

Въ началѣ XVIII вѣка, какъ и прежде, главное вниманіе Русскаго правительства въ сношеніяхъ его съ Польшею было обращено на положеніе русскаго Православнаго народонаселенія въ Польскихъ владѣніяхъ. 8 марта 1700 года, русскій резидентъ въ Польшѣ, стольникъ Судейкинъ, получилъ царскую грамоту: „Въ девятой статьѣ мирнаго договора сказано, что людямъ благочестивой Греко-Русской вѣры въ коронѣ Польской и вел. княж. Литовскомъ никакого утѣсненія, къ вѣрѣ Римской и къ уніи принужденія быть не должно; а нынѣ къ намъ, великому государю, донесено, что Православныхъ людей въ Литвѣ бискупы и іезуиты и доминиканы и прежніе уніаты, и шляхта разоряютъ, въ унію насильно приводятъ и бьютъ, монастыри и церкви отнимаютъ, а именно—недавно въ Пинскомъ повѣтѣ монастырь Ценерскій, принадлежащій Виленскому братству Св. Духа, отнялъ насильно и въ унію отдалъ князь Несвижскій Радзивилъ, канцлеръ вел. княж. Литовскаго, и пріобщилъ ко владѣніямъ митрополита уніатскаго Зеленскаго; а въ воеводствѣ Минскомъ новоумышленною злобою тѣ же гонители умершихъ Православныхъ христіанъ по древнему обыкновенію хоронить не даютъ; и такого злобнаго мирному договору противнаго гоненія на Православныхъ, какъ нынѣ въ сторонѣ королевскаго величества чинится, никогда не бывало, что намъ, великому государю, удивительно и болѣзненно показалось слышать. И ты бы королевскому величеству, сенаторамъ, канцлеру и иныхъ чиновъ ближнимъ людямъ говорилъ, чтобъ королевское величество, по должности договоровъ вѣчнаго мира, приказалъ монастырь Ценерскій возвратить попрежнему Православному Виленскому братству Сошествія Св. Духа, и Православныхъ христіанъ къ унію не обращать и умершихъ хоронить по древнему обыкновенію, и впередъ на такое неистовство дерзать заказалъ жестокими указами. А если сенаторы станутъ тебя спрашивать, кто именно намъ жаловался,—то отвѣчай, что именъ этихъ людей объявить невозможно, чтобъ имъ за то и пущаго разоренія не учинилось“.

Сенаторы пропѣли резиденту старую пѣсню, что у нихъ насильно въ Католическую вѣру никогда никого не обращаютъ, а если кто добровольно обратится, принимаютъ.—„Какое же это добровольное обращеніе, когда обращенные жалуются царскому величеству на насиліе?“ возразилъ резидентъ. Сенаторы отвѣчали, что ничего не знаютъ о поступкѣ Радзивила, однако указъ королевскій о томъ къ нему пошлютъ.

12 мая, въ воскресенье, у резидента на дворѣ были въ церкви у обѣдни люди благочестивой вѣры—Бѣльскаго монастыря игуменъ Сильвестръ Тройцевичъ съ дьякономъ и церковнымъ причетникомъ, да Львовцы, три человѣка. Послѣ обѣдни пришли они въ свѣтлицу къ резиденту и говорили, что имъ и прочимъ благочестивымъ Греко-Россійской вѣры людямъ отъ бискуповъ, езувитовъ, доминикановъ и уніатовъ гоненія и всякое утѣсненіе великое, грозятъ непрестанно, и нынѣ послѣднюю Львовскую епископію нудятъ въ унію, и Львовскій епископъ Іосифъ Шумлянскій пріѣхалъ теперь въ Варшаву для того, чтобъ къ уніи приступить и шляхту и мѣщанъ русскихъ въ то же соединеніе привесть; однако они, сколько ихъ мочи будетъ, никогда добровольно въ уніи быть не желаютъ. Несмотря на договоры вѣчнаго мира, гонятъ здѣсь благочестіе

---

[1] Исторія Свейской войны; Weber. Das veränderte Russland. I, 67; Hansen.—Geschichte der Stadt Narva, 218.

[2] Голикова—Дѣянія, X, 168.

безъ всякаго опасенія, мірскимъ благочестивой вѣры людямъ всякое ненавидѣніе творятъ, церквей не только вновь строить, и древнихъ починивать заказано. Резидентъ говорилъ имъ, чтобъ они все это дали на письмѣ, а онъ донесетъ великому государю чрезъ почту; но они отвѣчали, что на письмѣ дать невозможно, потому что сильно боятся католиковъ. Тогда резидентъ приказалъ одному христіанину написать ту ихъ *леряцыю* тайно, и обнадежилъ ихъ, что имена ихъ и прозвища никогда не откроются.

23 мая пріѣхали къ резиденту архимандритъ Діонисій Жебокрицкій, номинатъ (назначенный) епископіи Луцкой, игумены — Почаевскаго монастыря Іосифъ Исаевъ, Бѣльскаго — Сильвестръ Тройцевичъ, и объявили, что Шумлянскій въ унію приступилъ, и теперь благочестивымъ людямъ горшѣе прежняго чинится гоненіе и къ уніи принужденіе, а за нихъ, кромѣ благочестивѣйшаго монарха царскаго величества, стоять инымъ некому, и во всемъ имѣютъ они надежду на милостивое охраненіе, заступленіе и праведное призрѣніе царскаго величества. Резидентъ обнадеживалъ ихъ, и, въ удостовѣреніе, какъ царь заботится о Православіи, показалъ грамоту къ королю по поводу Ценерскаго монастыря. Вслѣдствіе отъѣзда королевскаго изъ Варшавы, выѣхалъ оттуда за нимъ и резидентъ. Только что пріѣхалъ онъ въ Вильну 11 іюля, пришли къ нему игуменъ Духова монастыря Исаакій съ братіею и мірскіе люди благочестивой вѣры, и говорили съ великимъ плачемъ, что имъ здѣсь чинится отъ іезуитовъ великое гоненіе, иные и теперь сидятъ въ тюрьмѣ на цѣпяхъ для принужденія къ уніи. Православные просили резидента, чтобъ онъ постарался какъ нибудь освободить заключенныхъ. Судейкинъ на другой же день, будучи съ визитомъ у гетмана Литовскаго Сапѣги, просилъ его освободить Православныхъ, которыхъ уніаты держатъ на цѣпяхъ, и не поступать вопреки мирнымъ договорамъ. Сапѣга сейчасъ же, при резидентѣ, отправилъ двоихъ іезуитовъ къ уніатамъ, чтобъ освободили заключенныхъ. Подъ Ригою Мальборскій хорунжій говорилъ Судейкину: „Получилъ я письмо изъ Львова отъ вашихъ Греко-Россійской вѣры людей; пишутъ съ плачемъ, что Шумлянскій во Львовѣ и во всей своей епархіи многія церкви обратилъ, также и самихъ ихъ принуждаетъ къ уніи, и для устрашенія коронный гетманъ Яблоновскій далъ ему отрядъ вооруженныхъ людей. Но въ привилегіи королевской, данной Шумлянскому, не написано, чтобъ неволить въ унію и церкви обращать, и гетману Яблоновскому помогать ему въ этомъ безъ воли Рѣчи Посполитой не годилось. Донесите объ этомъ королю, и я по королевскому указу къ гетману и къ Шумлянскому отпишу, чтобъ они такъ не дѣлали". Судейкинъ, донося объ этомъ царю, прибавляетъ: „Повидимому все похлебствуютъ; а истины отнюдь нѣтъ, и желаютъ конечно, чтобъ у нихъ въ Польшѣ и Литвѣ наше благочестіе изсякло". По требованію резидента, король послалъ къ гетману и Шумлянскому листы съ подкрѣпленіемъ, чтобъ не неволили никого въ унію.

Королевскіе листы не надолго доставили спокойствіе галицкимъ Православнымъ. Въ февралѣ 1701 года, къ резиденту въ Варшавѣ начали приходить львовскіе братчики съ великимъ плачемъ, что Шумлянскій соборную и другія церкви гвалтомъ отобралъ и принуждаетъ ихъ насильно въ унію. Резидентъ выхлопоталъ у Августа имъ новый листъ, за королевскою рукою, но канцлеръ великій коронный, бискупъ Премышльскій, номинатъ бискупства Краковскаго не захотѣлъ запечатать листа коронною печатью: „Не могу приложить печать", говорилъ онъ резиденту, „потому что я номинатъ бискупства Краковскаго и со дня на день ожидаю благословенія отъ папы, и если запечатаю листъ, а Шумлянскій дастъ знать папѣ, то папа не пришлетъ мнѣ благословенія" [1]).

Палѣй писалъ Мазепѣ въ мартѣ 1701 года: Въ недѣлю Мытаря и Фарисея, во Львовѣ служилъ обѣдню Шумлянскій въ соборномъ римскомъ костелѣ; а въ недѣлю Блуднаго сына служилъ обѣдню въ церкви градской ксензъ арцибискупъ съ пѣвчими безъ органовъ; проповѣдь сказывалъ священникъ Благовѣщенскій послѣ евангелія на русскомъ языкѣ, а другую—іезуитъ Голимовскій послѣ обѣдни на польскомъ языкѣ. Принудили всѣхъ мастеровъ русскихъ крестъ цѣловать и подписываться на унію; русскимъ благочестивымъ попамъ насильства другого не дѣлаютъ, только Климента папу Римскаго, на эктеніяхъ, поминать велятъ [2]).

Положеніе, въ которомъ находилось Русское правительство въ началѣ 1701 года, не позволяло ему дѣлать сильныхъ представленій Польскому правительству. Въ Биржахъ не было рѣчи о притѣсненіяхъ, которыя терпятъ Православные. Въ это время Судейкинъ былъ отозванъ съ резидентства, и посланникомъ въ Польшу отправился, въ февралѣ 1701 года, стольникъ Василій Постниковъ; но въ апрѣлѣ поѣхалъ въ Варшаву для нужнѣйшихъ дѣлъ инкогнито ближній стольникъ и генералъ-адъютантъ, князь Григорій Долгорукій. Постникову приказано „быть послушнымъ Долгорукову и въ настоящемъ тамошнемъ поведеніи согласнымъ, и приводить государевы дѣла ко всякой прибыли, тайно и явно съ осторожностію и прилежнымъ радѣніемъ, писать о дѣлахъ къ великому государю вмѣстѣ и особо каждую недѣлю". Но Долгорукій скоро написалъ Головину: „Постниковъ мнѣ чинится ни мало не послушенъ, и говорить мнѣ ему не о чемъ невозможно, а я чаю, что станетъ меня скоро лаять; не извольте гнѣваться, я ему говорить ни о чемъ не буду". Постниковъ былъ отозванъ. Долгорукій остался одинъ на своемъ трудномъ постѣ. Главная забота русскаго посла состояла въ томъ, чтобы Шведъ какъ можно глубже завязъ въ Польшѣ и забылъ о Россіи; а между тѣмъ Долгорукій видѣлъ, что король Августъ тайкомъ старается заключить миръ съ Карломъ XII.

---

[1]) Москов. Архивъ Мин. Ин. Д., дѣла Польскія означ. лѣтъ.

[2]) Архивъ Мин. Юстиціи, книги Малороссійскаго Приказа означ. года.

У Долгорукаго впрочемъ были сильные союзники: во-первыхъ, самъ Карлъ XII, не хотѣвшій мириться съ Августомъ, стремившійся во что бы то ни стало свергнуть его съ престола; во-вторыхъ, страшное безнарядье, господствовавшее въ Литвѣ и Польшѣ. Въ Литвѣ шла ожесточенная борьба между двумя могущественными вельможами—Огинскимъ и Сапѣгою. Сапѣга, и прежде нерасположенный къ королю Августу, а теперь побѣжденный Огинскимъ, обратился къ Шведскому королю съ просьбою о помощи. Въ Польшѣ также явилась партія недовольныхъ королемъ Августомъ; въ челѣ ея стоялъ архіепископъ Гнѣзенскій, кардиналъ-примасъ королевства Михаилъ Радзѣевскій, красивый, знатнаго происхожденія, богатый, ученый, краснорѣчивый прелатъ, но при этомъ не имѣвшій ни чести, ни совѣсти. Онъ одобрялъ нападеніе Августа на Ливонію, служилъ благодарственный молебенъ за взятіе Динамюнде; но когда Августъ потерпѣлъ неудачи, Радзѣевскій. вмѣстѣ съ другими панами, перемѣнилъ свой взглядъ и началъ толковать, что король своевольно, безъ согласія республики началъ войну, и потому Поляки не должны въ нее мѣшаться. Въ этомъ смыслѣ завелъ онъ переписку съ Карломъ XII. Шведскій король отвѣчалъ ему, что единственное средство для Поляковъ избѣжать войны—это свергнуть съ престола Августа. Паны толковали, что Польша не должна вмѣшиваться въ войну, начатую ея королемъ, а между тѣмъ Карлъ XII, не обращая никакого вниманія на это различіе между королемъ и королевствомъ, расположился съ своимъ войскомъ въ Курляндіи, бывшей польскимъ леномъ, и Шведы вторгались въ Литву, для поданія помощи Сапѣгѣ.

Карлъ зналъ, что можетъ распоряжаться въ польскихъ владѣніяхъ какъ ему угодно: — сопротивленія не будетъ. Въ октябрѣ 1701 года Долгорукій писалъ: „Какъ у его королевскаго величества, такъ же и въ скарбу Рѣчи Посполитой великую скудость въ деньгахъ имѣютъ; однакожъ у его королевскаго величества польскимъ дамамъ, своимъ метрессамъ и на опары (оперы) и комедіи довольные расходы деньгамъ, за что и нынѣ подстолиной Любомирской дано 20 тысячь, на опары опаристамъ 30,000 ефимковъ, а всѣхъ належитъ выдать однимъ опаристамъ на зиму 100,000 ефимковъ; многіе офицеры и солдаты за многіе годы заплаты не имѣютъ и за своими тяжкими долгами въ иныя государства выѣхать не могутъ. Воистинну съ великимъ трудомъ нынѣ отправляются дѣла его царскаго величества, потому что министръ, которому вручены (Бейхлингъ), держитъ факцыю непріятельскую, и никакого добра къ сторонѣ царскаго величества не желаетъ, ни на кумплементѣ себя пріятно показать не хочетъ, и нынѣ которыхъ я призвалъ инженеровъ и офицеровъ, явно отъ службы его царскаго величества отбиваетъ; а хотя изъ Варшавы высланъ Шведскій посолъ, однако и нынѣ много есть резидентовъ шведскихъ, которые служатъ при Дворѣ королевскомъ, такъ-же есть и въ генералахъ". Въ декабрѣ тѣ же жалобы: „Дай Боже, чтобъ Шведы съ Поляками союзу не учинили, потому что кардиналъ (Радзѣевскій) и другія сильныя персоны за шведскія деньги факцію и нынѣ держатъ; также и въ самой высокой персонѣ крѣпости не много".

Въ высокой персонѣ крѣпости было дѣйствительно не много: высокая персона больше всего желала заключенія мира съ Шведами; но Карлъ XII не хотѣлъ мириться. Въ маѣ 1702 года польскіе послы при Карлѣ дали знать въ Варшаву, что Шведскій король обѣщаетъ дать имъ аудіенцію въ Гроднѣ, а резолюцію на ихъ посольство хочетъ дать подъ Варшавою въ Прагѣ. Сенаторы испугались и начали пожитки свои отсылать за-границу; король также собрался выѣхать изъ Варшавы въ Краковъ, велѣлъ слѣдовать за собою и Долгорукому, который писалъ Головину: „Вельми опасаюся, что многіе сенаторы къ покою гораздо склонны; чтобъ непріятель какимъ-нибудь лукавствомъ не учинилъ намъ противнаго союза. А королевское величество великую скудость имѣетъ въ деньгахъ; на непотребные расходы имѣетъ довольство, а на самое дѣло мало что имѣетъ; зѣло его королевскому величеству деньги потребны для склоненія къ себѣ Рѣчи Посполитой и на заплату войску"

Карлъ XII безпрепятственно вступилъ въ Варшаву 11-го мая съ коннымъ отрядомъ въ 500 человѣкъ, а передъ нимъ пришли Сапѣжинцы, перемѣшанные со Шведами. „И нынѣ, доносилъ Долгорукій, берутъ въ Варшавѣ деньги и провіантъ, а польскіе послы до сихъ поръ не могли добиться конференціи у Шведскаго короля. Несмотря на то, иные Поляки отъ неразсужденія своего желаютъ покою; Богъ знаетъ, какіе безразсудные люди!—не хотятъ смотрѣть на пользу своего государства, каждый смотритъ собственной прибыли, и если котораго непріятель не возьметъ за лобъ, то безъ великой неволи боронить не только свое государство, но и себя не хотятъ. Истинно хотя съ ними алліансъ учиненъ будетъ, а продолженіе войны ихъ быть не чаю. Хотя отъ великаго непріятельскаго принужденія войну начнутъ, но ежели отъ наступленія непріятеля за помощью его царскаго величества могутъ свободиться, то, чаю, скоро войну свою пресѣкутъ. Также и высокая персона безъ охоты, за великимъ непріятельскимъ принужденіемъ войну начнетъ, а чтобъ продолжительно вести, того не чаю, понеже его величество изъ той войны впредь себѣ не чаетъ прибыли. Зѣло належитъ намъ помогать какъ возможно нынѣ Полякамъ, не мѣшкавъ, дабы непріятель не принудилъ ихъ на насъ съ собою, понеже посолъ французскій имѣетъ при себѣ многія деньги, въ Варшавѣ королю Шведскому вельми помогаетъ и наклоняетъ къ нему Поляковъ, отъ чего Боже упаси!"

Въ іюлѣ Карлъ поразилъ войска Августа подъ Клишовымъ, гдѣ съ шведской стороны былъ убитъ зять короля, герцогъ Фридрихъ Голштейнъ-Готторпскій. Послѣ этой побѣды Шведы заняли Краковъ. Долгорукій доносилъ: „Богъ знаетъ, какъ можетъ стоять Польская республика; вся отъ непріятеля и отъ междоусобной войны разорена вконецъ, и, кромѣ факцій себѣ на зло, инаго дѣлать ничего на пользу не хотятъ. Только-бъ какъ ни есть ихъ удерживать отъ стороны непріятельской; а намъ вспоможенія отъ нихъ я никакого не чаю для такого имъ отъ непріятеля разоренія: не токмо все государство разорилъ, — изъ костеловъ въ Краковѣ мощи выметалъ, раки и ковчеги серебряные всѣ побралъ, гробы разорилъ, въ замкѣ домъ королевскій выжегъ, и не токмо купецкихъ и градскихъ людей, но и закониковъ изъ кляшторовъ тяжкими поборами выгналъ, и больше того Полякамъ разоренія и руганія дѣлать невозможно. Однако ни на что не глядятъ: всѣ сенаторы ищутъ собственной прибыли. Какое вспоможеніе себѣ имѣютъ всегда отъ его царскаго величества— прежде сего въ турецкой войнѣ, и нынѣ, — однако все то ни за что вмѣняютъ, а не такъ озлоблены на непріятеля, какъ давнюю злобу имѣютъ къ нашему народу, только дѣлать явно за скудостію и несогласіемъ не смѣютъ. Хотятъ они на коней сѣсть, только еще у нихъ стременъ нѣтъ, не почему взлѣзть. Какъ бестія безъ разуму ходятъ, не знаютъ, что надъ ними будетъ. Противъ непріятеля контры чинить не смогутъ, и короля отступить не хотятъ, только съ обѣихъ сторонъ имѣютъ отъ войскъ великое разореніе, отъ Шведовъ и отъ Саксонцевъ. Извольте войскомъ промыслъ чинить въ Лифляндтахъ, какъ васъ Богъ наставитъ, а себя больше имѣть въ надѣяніи Божіи. Истинно, какъ на Поляковъ, такъ и на саксонскія войска гораздо надѣяться невозможно: въ обоихъ народахъ великій непорядокъ и скудость; нетокмо въ Полякахъ, и въ саксонскихъ войскахъ многіе офицеры исполнены шведскою факціею, и не такъ вѣрны королевскому величеству, какъ себѣ имѣютъ Шведскаго короля за патрона, такъ же и солдаты противъ непріятеля сердца потеряли, за что его королевское величество баталію дать съ непріятелемъ не хочетъ, всегда будетъ убѣгать какъ возможно“.

Къ великому непорядку въ обоихъ народахъ присоединилось казацкое возстаніе на Украйнѣ. Коронный гетманъ Яблоновскій поставилъ надъ казаками Польской Украйны наказнымъ гетманомъ Самуся, который жилъ въ Винницѣ. Потомъ, когда заключенъ былъ съ Турками миръ, то Польское правительство запретило Самусю называться не только гетманомъ, но и полковникомъ, велѣно было распустить всѣхъ казаковъ, которымъ указаны для жительства разныя мѣста, а самому Самусю велѣно жить въ Богуславлѣ, гдѣ онъ сдѣланъ осадникомъ съ правомъ начальствовать надъ всѣми людьми, которыхъ онъ перезоветъ на поселеніе, осадитъ. Но когда Самусь осадилъ значительное число людей въ Богуславлѣ, то обозный коронный Яблоновскій, сынъ покойнаго гетмана, прислалъ отъ себя туда на старостство Поляка и Жидовъ для сбора таможенныхъ и другихъ пошлинъ, а у Самуся приказалъ отобрать войсковые клейноты — булаву, бунчукъ, печать и пять пушекъ. Самусь перебилъ присланныхъ, старосту-Поляка и Жидовъ, послѣ чего пошелъ съ своими людьми въ Корсунь, убилъ тамошняго губернатора, всѣхъ польскихъ драгунъ и Жидовъ, сдѣлалъ то же самое въ Лысянкѣ, и, намѣреваясь идти подъ Бѣлую Церковь, написалъ 24 іюля слѣдующее письмо наказному полковнику Переяславскому: „Благодаримъ всемилостиваго Бога, что наши враги не утѣшились; они не только на самого меня-старца навѣтовали, но и весь народъ христіанскій приговаривали подъ мечъ и на все Заднѣпрье хвалились. Знаю, что оскорбится на меня господинъ гетманъ, что безъ указу его я это сдѣлалъ; однако я по своей обидѣ принужденъ разбрататься съ Ляхами, и не только изъ Корсуни, но и изо всѣхъ городовъ украинскихъ ихъ выгналъ, а сами мѣщане невѣрныхъ Жидовъ выбили, послыша отъ нихъ отягченія, склоняясь подъ высоковладѣтельную державу царскаго величества и будучи готовы за вѣру христіанскую умереть“.

Извѣщая Головина объ этихъ событіяхъ, Мазепа замѣтилъ: „Сдается мнѣ, что эта война намъ не очень противна, потому что господа Поляки, увидавши изъ поступка Самуся, что народъ нашъ Малороссійскій не можетъ подъ ихъ игомъ жить, перестанутъ о Кіевѣ и объ Украйнѣ напоминать. Разсуждаю и то: не знаю, смѣлъ ли бы Самусь приняться за такое дѣло одинъ, потому что человѣкъ онъ простой, писать не умѣетъ: не подученъ ли онъ королемъ встать противъ Яблоновскихъ, какъ непріятелей королевскихъ? Если Самусь обратится ко мнѣ за помощію,—что мнѣ дѣлать?“

Мазепа, кромѣ короля, искалъ еще человѣка, который подучилъ Самуся. Мазепа, послалъ къ Палѣю съ запросомъ: „Скажи по совѣсти христіанской правду,—за твоимъ ли совѣтомъ и вѣдомомъ Самусь на той сторонѣ началъ бунты противъ Поляковъ?“ Палѣй отвѣчалъ подъ присягою, что Самусь началъ дѣло не по его совѣту, но за его вѣдомомъ, потому что не разъ писалъ къ нему съ жалобами на утѣсненія отъ Поляковъ и Жидовъ. Мазепа далъ знать въ Москву, что, по его мнѣнію, Палѣй тутъ совѣтникъ; и пасынокъ его находился въ Корсуни, когда тамъ начали бить Поляковъ и Жидовъ, и сватъ его Искра, полковникъ Богуславскій, былъ помощникомъ Самуся во всемъ.

Огонь, зажженный Самусемъ, разгорался все болѣе и болѣе, по выраженію Мазепы: во всей странѣ отъ низовьевъ Буга и Днѣпра, по рѣкѣ Случь, по городкамъ и селамъ старосты и Жиды были побиты, другіе отъ страху побѣжали въ глубь Польши, крича, что наступила на нихъ другая Хмельнищина. Палѣй отправилъ подъ Бѣлую Церковь на помощь Самусю полторы тысячи своего войска. Мазепа не помогалъ явно, не бралъ Самуся подъ свое регименторство, но посылалъ ему порохъ и свинецъ, „чтобъ его вовсе отъ себя не отогнать.“ Отъ Бѣлой Церкви Самусь принужденъ былъ отступить, но за то взялъ Немировъ и не оставилъ въ нихъ ни одного Поляка и Жида. Соединясь съ Палѣемъ, Самусь 16 октября поразилъ Поляковъ подъ Бердичевымъ, взяли замокъ и всѣхъ Поляковъ вырубили, послѣ чего возвратились подъ Бѣлую Церковь и взяли ее въ началѣ ноября [1].

13 ноября Долгорукій писалъ къ Головину: „Былъ я въ домѣ у канцлера коруннаго, который сказывалъ, что съ Украйны приходятъ къ нимъ неполезныя вѣдомости: казаки великіе бунты завели, городъ Немировъ и другія мѣста взяли, шляхту бьютъ мучительски, и руки сѣкутъ, и носы рѣжутъ, у духовныхъ бороды съ кожею обдираютъ, и изъ нихъ бунчуки себѣ дѣлаютъ, и будто больше 4,000 побили всякаго чина, почему они, Поляки, принуждены нанять крымскихъ Татаръ 25,000 себѣ въ помощь. На то ему, канцлеру, отъ меня отповѣдано, что такое имъ разореніе дѣлается факціями и злохитрымъ непріятельскимъ происканіемъ; а его царское величество для дружбы королевскаго величества, и ктому жалѣя о томъ разореніи Рѣчи Посполитой, изволилъ довольный указъ дать своему гетману Мазепѣ, дабы казаки его царскаго величества къ тѣмъ бунтамъ не приставали, и всѣми мѣрами отъ того дурна были удержаны, и, по указу его монаршему, гетманъ Мазепа по пограничнымъ мѣстамъ войска свои разставилъ и пропускать казаковъ не велѣлъ, и чтобъ Рѣчь Посполитая со стороны его царскаго величества ничего не опасалась“ [2].

Дѣйствительно, 28 декабря 1702 года отъ царскаго имени посланы были къ Самусю и Палѣю грамоты: „О томъ вамъ вѣдомо подлинно что съ нами, великимъ государемъ, братъ нашъ, его королевское величество Польскій, дружбу и любовь имѣютъ. А тебѣ, конному охотницкому полковнику Семену Палѣю и конному охотницкому полковнику Самусю Иванову, если бы и досажденіе какое со стороны королевской отъ кого было, и о томъ довелось бить челомъ его королевскому величеству. И мы, великій государь, имѣя къ вамъ нашу милость, повелѣли послать сію грамоту, дабы могли вы имѣть общее согласіе и отъ начатаго своего противнаго намѣренія престали-бъ, а имѣть воинскіе промыслы всякими мѣрами надъ общими непріятелями нашими Шведами“.

Но борьбу Русскихъ съ Поляками трудно было прекратить. Палѣй писалъ Мазепѣ: „Присылаешь къ намъ монаршескіе указы и свои предложенія, чтобъ мы съ Поляками войну совершенно отставили и къ миру съ ними пришли; а они, Поляки, такіе намъ непріятели, что не только старыхъ людей и женъ, но и малыхъ дѣтей не пощадили,—всѣхъ въ пень вырубили“ [3].

1703 годъ Долгорукій началъ обычными жалобами на польское безнарядье и на казацкіе бунты: „По сіе время, слава Богу, явно при непріятелѣ ни одного воеводства короннаго и литовскаго еще не обрѣтается; однако совершенно надѣяться на Поляковъ невозможно,—многіе, которые отъ короля милость и великіе уряды приняли, противъ него факціи непрестанно дѣлаютъ; зѣло народъ дивный, никакого добра сыскать въ нихъ невозможно, только всякаго зла и бездушества исполнены, отъ чего пропадаютъ и, чаю, до конца скоро погинуть; однако, какъ возможно, буду отъ стороны непріятельской удерживать. — Съ Руси пишутъ, что бунты казацкіе еще не перестали; для Бога, извольте приложить труды къ успокоенію тѣхъ непотребныхъ бунтовъ, которые Поляковъ противъ непріятеля гораздо удерживаютъ; паче всего можете тѣмъ усмиреніемъ склонить къ союзу Рѣчь Посполитую“.

Въ февралѣ Долгорукому было объявлено отъ имени королевскаго, что перехвачены письма Паткуля, изъ которыхъ обнаруживаются сношенія его съ кардиналомъ Радзѣевскимъ: Паткуль просилъ кардинала исходатайствовать ему прощеніе у Карла XII, и кардиналъ отвѣчалъ, что Карлъ все прощаетъ. Долгорукій отвѣчалъ, что донесетъ объ этомъ своему государю, только пусть король, по дружбѣ къ царскому величеству и для явнаго обличенія, отошлетъ перехваченныя письма къ царю, который приметъ ихъ съ благодарностію и отплатитъ услугою за услугу. На это отвѣчали, что письма будутъ доставлены, но прежде надобно Паткуля спросить, писалъ ли онъ ихъ, и если запрется, то уличить письмами. Долгорукій замѣчаетъ при этомъ: „Всему вѣры дать невозможно, больше, чаю, многое говорено отъ великой злобы“.

Злоба эта происходила оттого, что Паткуль, видя положеніе дѣлъ короля Августа, видя какъ тотъ домогается мира съ Карломъ, не считалъ болѣе для себя полезнымъ и безопаснымъ оставаться на службѣ Августа, и прямо объявилъ объ этомъ Долгорукому въ Варшавѣ. Тотъ донесъ царю, и получилъ указъ пригласить Паткуля въ русскую службу. Весною 1702 года пріѣхалъ Паткуль въ Москву, и принятъ въ русскую службу въ чинѣ тайнаго совѣтника. Понятно, что Петръ могъ сильно желать имѣть въ своей службѣ человѣка, знаменитаго своими способностями, знаніями, энергіею, опытностію въ дѣлахъ европейскихъ. Но Паткуль былъ ниже своей репутаціи и далеко не оправдалъ надеждъ, возложенныхъ на него царемъ. Прежде всего Паткуль вступилъ въ русскую службу на время, какъ наемникъ, для достиженія своихъ частныхъ цѣлей, вовсе не думая усыновляться Россіи, отдать всего себя служенію ей. Онъ оставался вполнѣ иностранцемъ для Россіи, для Русскихъ, и потому его внушенія и совѣты шли наперекоръ намѣреніямъ Петра. Петръ смотрѣлъ на военную и дипломатическую дѣятельность, какъ на школу для Русскихъ людей; ошибки, необходимыя вначалѣ, нисколько не смущали его; иностранцы были призываемы помогать дѣлу ученія, а не замѣнять Русскихъ, не отнимать у нихъ возможности упражненія, т. е. ученія, не вытѣснять изъ школы. Но Паткуль, оставаясь вполнѣ иностранцемъ въ отношеніи къ Россіи, разумѣется, смотрѣлъ иначе: онъ внушалъ, что Русскіе не приготовлены къ дипломатическому поприщу, дѣлаютъ ошибки и потому нужно замѣнить ихъ вездѣ искусными иностранцами. Петръ хотѣлъ выучить мало-помалу русскіе полки военному искусству, считая лучшею школою войну;—Паткуль совѣтовалъ пригласить не извѣстное количество иностранныхъ офицеровъ, но цѣлые нѣмецкіе полки. Петръ хотѣлъ образовать искусныхъ генераловъ изъ своихъ Русскихъ;—Паткуль совѣтовалъ набрать все иностранныхъ генераловъ, знаменитыхъ своимъ воинскимъ искусствомъ, и предоставить имъ полную свободу наполнять свои полки офицерами, т. е. иностранными [1]; Петръ съ перваго же раза долженъ былъ понять Паткуля. Хотѣли воспользоваться его способностями за границею, пока его интересы были тѣсно связаны съ русскими интересами, брали въ службу людей, имъ предлагаемыхъ; внимательно прислушивались къ его совѣтамъ, учтиво отвѣчали на нихъ,—но не исполняли. Паткуль, презиравшій русскихъ дипломатовъ, упрекавшій ихъ въ непростительныхъ ошибкахъ,—Паткуль самъ не могъ быть полезенъ Россіи на дипломатическомъ поприщѣ: у него недоставало широкаго взгляда, которымъ бы онъ обнималъ всѣ интересы извѣстной страны, ясно понималъ ея положеніе и вѣрно выводилъ возможность для нея къ тому или другому дѣйствію. Оторванный отъ родной страны, и то не имѣвшей самостоятельности, блуждающая звѣзда на политическомъ горизонтѣ, Паткуль не зналъ странъ и народовъ, ихъ исторіи и созданныхъ ею интересовъ; онъ зналъ только отдѣльныя лица, хотѣлъ имѣть дѣло только съ отдѣльными личными побужденіями, ихъ заставлялъ играть; но эти мелкія средства одни не помогали. Паткуль считалъ, напримѣръ, мастерскимъ дѣломъ устроить такъ, чтобъ иностранный министръ былъ пойманъ на словахъ; но изъ этого, кромѣ раздраженія, не выходило ничего. Если читать донесенія Паткуля, то выходитъ, что онъ работаетъ неутомимо и отлично, а результатовъ никакихъ. Прибавимъ къ тому нестерпимый характеръ, неумѣнье себя сдерживать, жесткость, рѣзкость, чрезъ мѣру высокое мнѣніе о самомъ себѣ, низкое о другихъ,— и мы поймемъ, почему Паткуль не оправдалъ тѣхъ надеждъ, которыя на него возлагались.

---

[1] Архивъ Мин. Юстиціи, книги Малороссійскаго Приказа 1702 года.

[2] Московскій архивъ Мин Ин. Дѣлъ, дѣла Польскія 1702 года.

[3] Архивъ Мин. Юстиціи, книги Малороссійскаго Приказа 1702 года.

Паткуль изъ Москвы отправился въ Вѣну склонять тамошній Дворъ къ союзу съ Россіею. За дѣлами въ Польшѣ попрежнему внимательно и разумно слѣдилъ Долгорукій.

Радзѣевскій и Сапѣга дѣйствовали подкупомъ, чтобъ увлечь своихъ соотечественниковъ въ союзъ шведскій противъ Россіи; Долгорукій долженъ былъ вести контръ-мины такъ же съ помощію подарковъ; всѣ знатные люди получали ихъ отъ русскаго посла; нѣкоторые обнаруживали неудовольствіе, что мало присылается: „Нашей службы къ царскому величеству много, больше другихъ, мы не такой малости заслужили!“ Для успокоенія ихъ, Долгорукій долженъ былъ объявлять, что это прислано не отъ царя, а только отъ Головина,—царь пришлетъ больше. Въ апрѣлѣ Долгорукій имѣлъ конференцію съ сенатомъ и послами всѣхъ трехъ провинцій — Великопольской, Малопольской и Литвы, уговаривалъ вступить въ союзъ съ Россіею противъ Шведовъ, предлагалъ на войско 150,000 рублей, сто тысячъ взаймы, а пятьдесятъ безъ отдачи. Сенаторы и послы изъявили согласіе, но требовали себѣ русской пѣхоты на помощь, просили также, чтобъ царь помогъ имъ противъ казаковъ, заставилъ Палѣя отдать Бѣлую Церковь. Долгорукій обѣщалъ; но тутъ распространяется слухъ, что султанъ хочетъ разорвать съ царемъ и собираетъ войска на границѣ. „Насилу я могъ у нихъ изъ головы выбить, что то неправда, токмо непріятельскія факціи“, доносилъ Долгорукій. Уладилъ одно дѣло, явилась другая помѣха: министры коронные и литовскіе объявили послу, что Паткуль, будучи проѣздомъ въ Бѣлой Церкви, далъ знать коронному гетману, будто Палѣй безъ воли царской Бѣлую Церковь Рѣчи Посполитой не отдастъ; а теперь тотъ же Паткуль къ гетманамъ пишетъ, что Палѣй не отдастъ Бѣлой Церкви до тѣхъ поръ, пока Польша съ царскимъ величествомъ не заключитъ союза. „Зѣло дивно, писалъ Долгорукій Головину, если, не знавъ здѣшняго состоянія, то дѣлалъ Паткуль, отчего здѣсь къ союзу великій трудъ учинилъ, а непріятелямъ, которые ищутъ зла,— къ великой пользѣ. Для Бога извольте со стороны Бѣлой Церкви нѣкое дѣйствіе доброе къ Полякамъ показать, и ясно къ Рѣчи Посполитой отписать, что сіе господинъ Паткуль дѣлалъ безъ воли его царскаго величества“. Самъ король говоролъ Долгорукому, что сомнѣніе немалое имѣетъ въ господинѣ Паткулѣ, который дружбу и союзъ его, короля, съ царскимъ величествомъ разрушаетъ околичными прилогами; что неудовольствія, объявленныя царемъ на поведеніе его, короля, онъ считаетъ дѣломъ Паткуля, слѣдствіемъ его личной злобы. „Я хорошо знаю Паткуля“, продолжалъ король, „и царское величество такъ же узнаетъ, что Паткуль для собственнаго своего умысла и пользы службу своего государя оставляетъ“.

Палѣй не отдавалъ Бѣлой Церкви. Весною 1703 г. Мазепа извѣстилъ Головина, что пьяный Палѣй проговорился въ Кіевѣ: „Господинъ гетманъ намъ въ нужное время помощи войскомъ не давалъ; если и впредь давать не будетъ, то поддадимся Полякамъ, и не знаю, каково тогда и на Заднѣпрьи будетъ". Головинъ требовалъ отъ Мазепы, чтобъ старался о возвращеніи Полякамъ Бѣлой Церкви, что было необходимо при тогдашнемъ союзѣ съ Польшею противъ Шведовъ. Мазепа отвѣчалъ вопросомъ: какъ это сдѣлать; какъ Палѣя и Самуся привести къ покоренію Полякамъ? „Захотятъ ли они, писалъ Мазепа, положиться на мои голыя слова, потому что отъ королевскаго величества и Рѣчи Посполитой никакого обнадеживанія нѣтъ; на чью-жъ бы душу тотъ грѣхъ палъ, когда бы я всякими способами приватнымъ моимъ обнадеживаніемъ привелъ ихъ къ миру съ Поляками и отдалъ ихъ съ неволею, а они, Поляки, захотѣли бы не только надъ ними, но и надъ народомъ, который теперь въ ихъ защитѣ, такъ мучительски поступить, какъ по Днѣстру и по Бугу учинили:—иныхъ висѣлицею, иныхъ бросаніемъ на крюки, а иныхъ взбиваніемъ на колъ казнили, мстя свои убытки и кроворазлитіе. Для того изволь, вельможность ваша, прислать подлинную мнѣ информацію. Палѣй и Самусь сидятъ смирно; никакой съ Ляхами не чинятъ зацѣпки; проѣздъ всякимъ людямъ свободенъ; только по вся дни примножается съ нимъ гультяйство, особенно изъ Запорожья; сотникъ Палѣевъ, секретарь, будучи недавно съ нимъ въ Кіевѣ, проговорился предъ духовными особами, что „нашъ Палѣй заодно съ атаманомъ кошевымъ смышляетъ и во всемъ его слушаетъ, обо всемъ между собою тайно сносятся" [1]).

---

[1] Москов. архивъ Мин. Ин. Д., дѣла Польскія (бумаги Паткуля).

Въ іюнѣ мѣсяцѣ собрался сеймъ въ Люблинѣ, на которомъ происходили явленія, возможныя только въ Польшѣ. На сеймъ явился кардиналъ-примасъ Радзѣевскій, и на другой же день сталъ просить приватной аудіенціи у короля Августа, противъ котораго явно дѣйствовалъ вмѣстѣ съ Шведскимъ королемъ. Послы повѣтовые, узнавши объ этомъ, отправили къ королю сеймоваго маршалка съ представленіемъ, чтобы не давалъ примасу приватной аудіенціи, а далъ бы въ Польской избѣ предъ всѣми публично. Король исполнилъ ихъ требованіе. На этой публичной аудіенціи многіе послы коронные и литовскіе говорили примасу, что онъ привелъ и по сіе время держитъ въ ихъ государствѣ Шведскаго короля съ войскомъ, который все ихъ государство разорилъ „и многія его, кардинала, неправды вычитали съ великимъ безчестіемъ". Радзѣевскій хотѣлъ оправдываться, но ему не дали открыть рта до тѣхъ поръ, пока онъ, ставши на колѣни подлѣ короля, не присягнулъ предъ Св. Крестомъ, что Шведскаго короля не приводилъ и до сего времени не удерживалъ, и впередъ королю Августу и Рѣчи Посполитой никакого зла дѣлать не будетъ, всегда станетъ искать чести и пользы своему государству. Произнесши эту присягу, явный измѣнникъ засѣлъ въ сенатѣ, какъ первое послѣ короля лицо въ государствѣ. Долгорукій писалъ Головину: „Извольте, времени не опуская, потребное свое дѣло управлять; а на здѣшнюю сторону на оба народа худая надежда; хотя съ ними и въ союзъ вступать, истинно никакого состоянія добраго отъ нихъ не будетъ, и если непріятель Торнъ добудетъ, то ихъ конечная худоба: саксонскаго войска пропадетъ лучшая часть, а которые и останутся, и тѣ въ сущемъ убожествѣ; у Поляковъ Шведы проходъ ко Гданску удержатъ и хлѣба не пропустятъ, отчего ихъ все Польское государство состоитъ, и къ такой непріятель ихъ тѣснотѣ приведетъ, что они и Богу солгутъ, не токмо намъ. Извѣстно вамъ, какое есть здѣсь постоянство. Лучше того не могу признать, что по се время задержанъ здѣсь непріятель. Хотя наше войско помощное будетъ,—опасно, чтобъ до какой худобы не дошло; лучше-бъ сильнѣе помочь деньгами, токмо чтобъ и тѣ были употреблены по нашему намѣренію. Однакожъ намъ, сколько возможно, труждаться подлѣ нихъ надобно; нынѣшній годъ безъ всякаго опасенія извольте быть: чаю конечно непріятель зимовать здѣсь станетъ, хотя-бъ съ собою ихъ быть и принудилъ (чего я больше не чаю)—истинно какъ намъ, такъ и ему того же часу солгать готовы. Не извольте того и мыслить, чтобъ здѣшніе оба народа для чести или прибыли государственной что стали съ трудомъ дѣлать, развѣ для какого ни есть покою. Если увижу, что нашъ союзъ станетъ отдаляться, то намъ надобно ходить, чтобъ король перепустилъ намъ своего войска. Истинно не знаю, какъ этому войску пробыть нынѣшнюю зиму: Поляки зимовыхъ квартеръ у себя дать не хотятъ, готовыхъ провіантовъ нигдѣ нѣтъ; жалко смотрѣть, въ какой нищетѣ и въ худомъ состояніи королевскія войска нынѣ пребываютъ; а чтобъ была аммуниція или какая артиллерія,—о томъ и поминать ненадобно: что ни было, все побралъ непріятель; развѣ Богъ сошлетъ Св. Духа, чтобъ ихъ наставилъ на доброе дѣло".

Добраго дѣла не было: по старанію Радзѣевскаго и Познанскаго воеводы Станислава Лещинскаго, въ Великой Польшѣ образовалась конфедерація противъ Августа. Шведы, подъ начальствомъ генерала Реншельда, заняли Познань и поддерживали конфедерацію.

Но въ Литвѣ приверженцы Августа имѣли перевѣсъ: 28 іюня 1703 года послы великаго княжества Литовскаго, Галецкій и Хржановскій, заключили съ Головинымъ договоръ, въ которомъ обязались стоять за короля Августа, а Головинъ обѣщалъ выдать въ Смоленскѣ литовскому коммисару 30,000 рублей, какъ скоро Рѣчь Посполитая вступитъ въ союзъ съ Россіею [2]). Генералъ-майоръ Корсакъ получилъ приказаніе двинуться изъ Смоленска къ литовскимъ границамъ, а Стародубскій полковникъ Миклашевскій съ 15,000 Малороссійскихъ казаковъ идти подъ Быховъ и отнять его у засѣвшихъ въ немъ Сапѣжинцевъ [1]).

---

[1]) Архивъ Мин. Юстиціи, книги Малороссійскаго Приказа 1703 года.

[2]) Полное Собр. Зак. IV. № 1934.

Въ концѣ сентября, сдался Шведамъ Торнъ послѣ пятимѣсячной осады. Это событіе усилило враждебную Августу партію, и въ декабрѣ Карлъ XII торжественно обратился съ письмомъ къ Польской республикѣ, предлагая возвести на престолъ принца Якова Собѣскаго и обѣщая поддерживать новаго короля до окончательнаго утвержденія его на престолѣ. Англія, Голландія и Австрія сильно встрѣвожились, узнавши объ этомъ поступкѣ Шведскаго короля. Англійскій посланникъ Робинзонъ представлялъ Карлу, какъ многимъ покажется жестокимъ и несправедливымъ заставлять Поляковъ свергнуть короля, котораго они сами выбрали и хотятъ имѣть; кромѣ того, какъ опасно давать народу случай свергать своего короля. „Удивительно“, отвѣчалъ Карлъ, „слышать такія замѣчанія отъ посланника того государства, которое имѣло дерзость отрубить голову своему королю. Позволивши себѣ такое дѣло, Англія теперь упрекаетъ меня въ томъ, что я хочу лишить короны государя, вполнѣ достойнаго этого наказанія“ [2]).

Въ январѣ 1704 года примасъ Радзѣевскій созвалъ сеймъ въ Варшавѣ, подъ предлогомъ заключенія мира съ Шведскимъ королемъ, который объявилъ, что хочетъ трактовать только съ республикою, а не съ королемъ Августомъ. Предлогъ этотъ нуженъ былъ для того, чтобъ сеймъ происходилъ въ отсутствіе короля. Уполномоченнымъ отъ Карла на сеймѣ былъ генералъ Горнъ, и отрядъ шведскаго войска помѣщался подлѣ зданія, гдѣ происходили засѣданія сейма. Многіе послы повѣтовые, не ожидая проку отъ такого сейма, начали-было разъѣзжаться, но Радзѣевскій и Горнъ, замѣтивъ это, разставили у всѣхъ выѣздовъ шведскихъ солдатъ, которые никого не пропускали. 2 февраля Горнъ передалъ сейму письменное объявленіе, что государь его не можетъ войти ни въ какія переговоры съ республикою, пока она не будетъ свободна, т.е. чтобъ переговоры и рѣшеніе настоящаго сейма не могли ни отъ кого зависѣть, а для этого необходимо, чтобъ король Августъ былъ свергнутъ съ престола. Поляки будутъ имѣть полное право это сдѣлать, когда увидятъ неоспоримыя доказательства, что король Августъ питалъ самые вредные замыслы противъ республики. Сеймъ потребовалъ этихъ доказательствъ, и, на слѣдующій день, Горнъ представилъ извлеченія изъ писемъ, перехваченныхъ у графа Фицтума, когда тотъ, въ 1702 году, ѣздилъ посломъ отъ Августа къ Карлу. Въ письмахъ не заключалось прямыхъ уликъ противъ Августа, но они были способны произвести сильное раздраженіе, потому что въ нихъ Поляки назывались несостоятельными, вѣроломными, преданными пьянству и т. п.; также въ этихъ письмахъ заключались намеки на возможность раздробленія польскихъ владѣній Раздраженные депутаты постановили: отказать Августу въ вѣрности и послушаніи. Раздраженіе еще болѣе усилилось, когда узнали, что Августъ, по совѣту Паткуля, находившагося теперь при его Дворѣ, схватилъ своего соперника, принца Якова Собѣскаго, вмѣстѣ съ братомъ его Константиномъ, считавшихъ себя безопасными въ Силезіи, во владѣніяхъ императорскихъ; Собѣскіе были заключены въ Кенигсштейнѣ.

Но когда первый пылъ прошелъ, многіе начали раскаяваться въ сеймовомъ рѣшеніи, какъ совершенно незаконномъ и оскорбительномъ для націи, потому что оно послѣдовало подъ чуждымъ вліяніемъ. Скоро послѣ этого король Августъ созвалъ другой сеймъ въ Сендомирѣ, гдѣ было постановлено: защищать права короля Августа, а Радзѣевскаго съ товарищами—объявить врагами отечества. Это постановленіе было подписано 134 депутатами, тогда какъ постановленіе Варшавскаго сейма подписали только 70 депутатовъ, и скоро оказалось, что большинство польскаго народонаселенія было на сторонѣ Августа. Вслѣдствіе этого, партія Радзѣевскаго начала колебаться, и обнародованіе рѣшенія Варшавскаго сейма замедлило. Это сильно раздражало Карла; онъ требовалъ, чтобъ Польскій престолъ торжественно былъ объявленъ вакантнымъ, грозя жестокими угрозами всѣмъ тѣмъ, кто будетъ этому противиться. Онъ далъ знать сейму, что Польша можетъ получить миръ съ Швеціею только подъ условіемъ торжественнаго признанія своего трона вакантнымъ, за что обѣщалъ 500,000 талеровъ. Гарнизонъ въ Варшавѣ былъ усиленъ для поддержки уступчивыхъ, для грозы строптивымъ депутатамъ, и этимъ средствомъ Горну удалось наконецъ исполнить желаніе своего короля: сеймъ обнародовалъ, что Августъ лишенъ престола и должно быть приступлено къ избранію новаго короля.

Кто же будетъ этимъ новымъ Польскимъ королемъ милостію короля Шведскаго, потому что Карлъ не думалъ предоставлять Полякамъ свободнаго выбора? Двое Собѣскихъ были заключены въ Кенигсштейнѣ; узнавши, что они схвачены Августомъ, Карлъ сказалъ: „Ничего, мы состряпаемъ другого короля Полякамъ“, и предложилъ корону третьему Собѣскому, Александру; но тотъ не принялъ опаснаго дара. Карлъ былъ въ большомъ затрудненіи. Говорятъ министръ его, Пиперъ, сталъ внушать, чтобъ Карлъ провозгласилъ самого себя Польскимъ королемъ, снискалъ расположеніе народа уничтоженіемъ крѣпостнаго состоянія и ввелъ бы въ Польшѣ лютеранство, какъ то сдѣлалъ Густавъ-Ваза въ Швеціи. Карлъ отвѣчалъ: „Я лучше хочу раздавать государства другимъ, чѣмъ пріобрѣтать ихъ для себя, а ты былъ бы отличнымъ министромъ какого нибудь Италіанскаго князя“ [3]).

Изъ польскихъ вельможъ самымъ могущественнымъ былъ коронный великій гетманъ Любомирскій, которому и хотѣлось въ короли; первымъ богачемъ былъ Радзивилъ; но Карлъ остановилъ свое вниманіе на человѣкѣ, который ему больше другихъ нравился:—то былъ Станиславъ Лещинскій, воевода Познаньскій. Лещинскій дѣйствительно могъ нравиться: онъ былъ молодъ, пріятной наружности, честенъ, живъ, отлично образованъ,—но у него недоставало главнаго, чтобъ быть королемъ въ такое бурное время,—недоставало силы характера и выдержливости. Выборъ человѣка, не выдававшагося рѣзко впередъ ни блестящими способностями, ни знатностію происхожденія, ни богатствомъ, разумѣется, былъ важною ошибкою со стороны Карла; поднялся страшный ропотъ, ибо многіе считали себя выше Лещинскаго въ томъ или другомъ отношеніи. Радзѣевскій не хотѣлъ слышать о Лещинскомъ, Любомирскій началъ склоняться на сторону Августа. Но упрямый Карлъ не думалъ уступать; шведскіе генералы жгли безъ пощады имѣнія тѣхъ вельможъ, которые стояли за Августа. На избирательный сеймъ не явилось ни одного воеводы, кромѣ Лещинскаго; изъ епископовъ былъ только одинъ Познаньскій, изъ важныхъ чиновниковъ—одинъ Сапѣга; за то на полѣ, гдѣ должно было происходить избраніе, виднѣлось 300 шведскихъ драгуновъ и 500 человѣкъ пѣхоты; самъ Карлъ находился съ войскомъ въ трехъ миляхъ отъ Варшавы. При страшномъ шумѣ и протестахъ, шведская партія выкрикнула Лещинскаго королемъ.

---

[1]) Гисторія Свейской войны.

[2]) Fryxell I, 198.

[3]) Fryxell I, 203

Что же дѣлалъ Долгорукій во время всей этой смуты 1704 года?

2 февраля онъ писалъ Головину: „При Дворѣ королевскомъ, какъ министры, такъ мало не всѣ Саксонцы союзу съ Россіею гораздо противны и всѣми способами ищутъ препятствія, не уважаютъ чести и пользы его величества, кромѣ одного посторонняго, князя Фюрстенберга, который великую склонность къ сторонѣ его царскаго величества имѣетъ и пользы и дружбы между ихъ величествами желаетъ. Во время нынѣшняго моего пребыванія съ королемъ въ Саксоніи, изо всего Двора любовь и честь, по моему характеру, только имѣлъ я отъ него, Фюрстенберга, а другіе Саксонцы и видѣть меня не хотѣли. Министръ Флюкъ ни разу не надѣлъ присланнаго ему Андреевскаго ордена. Посолъ императорскій хлопоталъ всѣми силами, чтобъ Августъ удалился изъ Польши въ Саксонію; саксонскіе министры помогали ему въ этомъ тайно. Узнавши объ этомъ, я представилъ королю, чтобъ онъ, надѣясь на помощь царскую, безъ всякаго сомнѣнія спѣшилъ походомъ въ Литву для соединенія съ литовскимъ и вспомогательнымъ русскимъ войскомъ, пока непріятель не пресѣкъ пути; въ противномъ случаѣ, если непріятель поспѣшитъ вступить въ Литву, то и тамошнее войско, оставленное безъ помощи, принуждено будетъ къ такому же непотребному дѣлу въ конфедерацію; а если литовскія войска отступятъ, то больше уже никакой надежды во всей Рѣчи Посполитой не останется; а которые люди его королевскому величеству предлагаютъ и разсуждаютъ непотребно, для своихъ интересовъ, такимъ бы непотребнымъ совѣтамъ вѣры давать не изволилъ. Король отвѣчалъ, что соединиться съ войсками союзными и литовскими сильно желаетъ, только за позднимъ выступленіемъ своихъ саксонскихъ войскъ скоро идти въ походъ ему нельзя: 5,000 войска, которое теперь при немъ находится,—въ великой скудости, да и съ такимъ малымъ числомъ идти въ такой дальній походъ очень опасно, ибо коронные гетманы невѣрны; уйти далеко отъ Саксоніи за скудостію денегъ трудно: не только войско, но и Дворъ свой содержать въ такомъ дальнемъ пути нельзя. Я настаивалъ на своемъ, что если король своихъ войскъ скоро изъ Саксоніи не получитъ, или съ тѣми, которыя при немъ, въ походъ не выступитъ и Литовцевъ оставитъ безъ помощи, то легко лишится короны, которую непріятель старается всѣми силами у него отнять. Я представлялъ, что царь во всѣхъ трудныхъ дѣлахъ по сіе время никогда его не покидалъ, и нынѣ не покинетъ, и если войско и Дворъ его королевскій по какому-нибудь случаю будутъ въ скудости, то царское величество до времени ихъ не оставитъ и будетъ содержать во всякомъ довольствѣ. Подтверждая къ вамъ, пишу, что гораздо надлежитъ нынѣ имѣть намъ частую корреспонденцію, дабы мы вѣдали все дѣйство и свое состояніе. Не такъ потребно царскому величеству показать въ нынѣшнемъ времени силу свою въ сѣверныхъ странахъ противъ непріятеля, какъ здѣсь въ Польскомъ государствѣ. Если мы не пресѣчемъ сильно намѣренія непріятельскаго, то впредь трудно будетъ домогаться чрезъ многое время и не мочно будетъ достать за многочисленную цѣну“.

Но мы видѣли, что, кромѣ Долгорукаго, при Дворѣ Августа явился и другой посланникъ, Паткуль. Ихъ донесенія о польскихъ дѣлахъ не всегда были согласны. Такъ Паткуль писалъ, что въ Литвѣ Вишневецкій и Огинскій склоняются къ непріятелю. Долгорукій опровергалъ это извѣстіе:—писалъ, что нельзя сомнѣваться въ этихъ вельможахъ, потому что переходъ на непріятельскую сторону противенъ ихъ интересамъ и натурѣ. И въ Польшѣ провозглашеніе детронизаціи Августа имѣло хорошія послѣдствія, по донесеніямъ Долгорукаго: „Все теперь открыто и остался одинъ исходъ — война, лукавыя факціи и предлоги неправые пресѣчены; скоро окажется, кто будетъ при королѣ, кто противъ него; у самого короля открылись глаза и много прибавилось къ доброму дѣлу охоты, и Поляки добрѣе въ своемъ дѣлѣ теперь поступаютъ“. При этомъ Долгорукій совѣтовалъ не давать денегъ болѣе братьямъ Любомирскимъ, гетману и подскарбію, за ихъ злодѣйство и къ царскому величеству противность, тѣмъ болѣе что и безъ великихъ подарковъ они скоро принуждены будутъ пристать къ Русской сторонѣ; нечего ихъ опасаться: и не въ нынѣшнее время, въ лучшую пору сабля гетманская не остра и подскарбіевъ мѣшокъ пустъ, не могутъ они сдѣлать ни добра, ни зла.

Долгорукій поспѣшилъ успокоить Головина и на счетъ новаго или другого Польскаго короля: „О нововыбранномъ въ Варшавѣ кроликѣ не извольте много сомнѣваться; выбранъ такой, который намъ всѣхъ легче: человѣкъ молодой и въ Рѣчи Посполитой незнатный, кредита не имѣетъ, такъ что и самые ближніе его свойственники ни во что его ставятъ и слышать о выборѣ его не хотятъ. Труднѣе бы для насъ было, если бы выбрали королевича Александра Собѣскаго, къ которому Поляки скорѣе бы пристали: а если король Августъ будетъ здѣсь сильнѣе непріятеля, то Станиславъ Лещинскій исчезнетъ и нигдѣ себѣ мѣста не найдетъ“.

Но если и Долгорукій писалъ, что не такъ потребно царскому величеству въ нынѣшнее время показать силу свою въ сѣверныхъ странахъ противъ непріятеля, какъ здѣсь въ Польскомъ государствѣ,—то еще сильнѣе настаивалъ Паткуль на то, чтобъ царь оставилъ Прибалтійскія страны и всѣ свои войска перевелъ въ Польшу для непосредственной борьбы здѣсь съ Карломъ. Но въ 1704 году это было совершенно противно намѣреніямъ Петра, который, пользуясь увязнутіемъ Карла въ Польшѣ, хотѣлъ обезпечить себѣ Ингрію и сдѣлать для Шведовъ войну въ Прибалтійскихъ областяхъ какъ можно затруднительнѣе. Паткулю, сильно протестовавшему и прежде противъ опустошенія Ливоніи, не нравилось утвержденіе царя на Балтійскомъ морѣ. Онъ писалъ Петру о желаніи короля Августа знать, какія будутъ распоряженія относительно возвращенныхъ гаваней, чтобъ не возбудить опасенія въ прочихъ потентатахъ, которыхъ владѣнія находятся при Балтійскомъ морѣ. Петръ велѣлъ отвѣчать: „Война произошла отъ озлобленія, нанесеннаго въ Ригѣ не только посламъ, но и самой царской особѣ, и Господь Богъ посредствомъ оружія возвратилъ большую часть дѣдовскаго наслѣдства, неправедно похищеннаго. Умноженіе флота имѣетъ единственною цѣлію обезпеченіе торговли и пристаней; пристани эти останутся за Россіею, во-первыхъ, потому, что онѣ изначала ей принадлежали; во-вторыхъ, потому, что пристани необходимы для государства, „ибо чрезъ сихъ артеріи можетъ здравѣе и прибыльнѣе сердце государственное быть“. Его царское величество объявляетъ, что ни единой деревни шведской не желаетъ себѣ, понеже его величество всегда сіе въ памяти имѣетъ, чтобъ не быть причиною озлобленія всѣхъ потентатовъ, что и дѣломъ, Богу поспѣшествующу, окажетъ во увѣреніе всѣмъ“.

Еще въ началѣ 1704 года Петръ сообщилъ Паткулю свои мысли насчетъ веденія войны въ этомъ году. „Король, какъ видимъ, спѣшитъ окончить дѣло счастливымъ полевымъ боемъ; но на чьей сторонѣ будетъ успѣхъ — объ этомъ знаетъ одинъ Всевышній; намъ же, какъ людямъ, надлежитъ смотрѣть ближайшее. Исканіе генеральнаго бою зѣло опасно, ибо въ одинъ часъ можетъ все дѣло быть ниспровергнуто (какъ случилось подъ Клишовымъ въ 1702 году). Поэтому надобно, чтобъ король въ наступающее лѣто, устроивъ войско свое добрымъ порядкомъ, старался бить непріятеля по частямъ и удерживалъ его въ Польшѣ, чтобъ мы могли весною въ Лифляндіи два или три города осадить. Города эти, не имѣя ни откуда помощи, принуждены будутъ намъ сдаться; мы ихъ отдадимъ королю, который такимъ образомъ утвердится къ Лифляндіи лучше, чѣмъ прежде, и ближе къ намъ, къ Ингріи, гдѣ теперь всѣ наши войска, а прежде не было ни человѣка. Саксонія, видя короля своего съ такимъ основательнымъ прибыткомъ, будетъ усерднѣе помогать; также, если съ кѣмъ нибудь изъ насъ случится несчастіе, то будетъ куда пристать и поправиться, а не такъ какъ на Двинѣ: по одну сторону Шведы, по другую—Поляки, и потому принуждены были съ безчестіемъ въ Саксонію бѣжать. Шведы, не благодаря ли крѣпостямъ, основательны и смѣлы въ этихъ земляхъ? Если же король будетъ искать генеральнаго боя, и если этотъ бой кончится для него несчастно, то что произойдетъ? Мы можемъ потерять всѣ свои завоеванія и будемъ отдѣлены другъ отъ друга; а король не только отъ непріятеля, но и отъ бѣшеныхъ Поляковъ со срамомъ выгнанъ и престола лишенъ быть можетъ. Поэтому надобно хорошенько подумать и не ввергать себя въ такое бѣдствіе“.

Паткуль настаивалъ на своемъ: писалъ, что, будучи въ Берлинѣ, онъ могъ побудить Прусскаго короля къ вступленію въ союзъ только обѣщаніемъ, что войска саксонскія, русскія, датскія и прусскія соединятся вмѣстѣ и своею многочисленностію подавятъ Шведовъ въ Польшѣ, послѣ чего союзники приступятъ къ раздѣлу Польши, Лифляндіи, Помераніи и Голштиніи. Прусскій король Фридрихъ I-й такъ обрадовался этому предложенію, что сейчасъ же велѣлъ вербовать 12,000 войска; но когда узналъ, что царь, вмѣсто того, чтобъ двинуться въ Польшу, обратился къ Нарвѣ, то сильно разсердился и остался въ бездѣйствіи. Чтобъ отвлечь царя отъ осады Нарвы, напугать его ея слѣдствіями, Паткуль писалъ: „Хорошо, если Шведскій король будетъ упрямъ попрежнему,—это будетъ очень выгодно для вашего величества; но если взятіе Нарвы поумягчитъ его и склонитъ къ миру, то опасаюсь я очень, чтобъ Голландія, Англія и Цесарь не устроили миръ, который никогда не будетъ выгоденъ вашему величеству,—тутъ они всѣ явно покажутъ то, что теперь тайно въ сердцѣ носятъ, а именно—ненависть и зависть къ Россіи“. Паткуль доносилъ также, что на имперскомъ сеймѣ въ Регенсбургѣ тайно хлопочутъ о мирѣ между Польскимъ и Шведскимъ королями, и толкуютъ сильно объ опасныхъ слѣдствіяхъ, какія можетъ имѣть утвержденіе Русскаго царя на Балтійскомъ морѣ; что подобное же опасеніе возбуждено и при всѣхъ другихъ европейскихъ Дворахъ, не исключая и Датскаго. Изъ этого Паткуль выводилъ, что для царя должно быть главнымъ правиломъ—Шведа въ Польшѣ разорить, и тамъ устроить главную сцену военныхъ дѣйствій до самаго прекращенія войны.

Паткуль въ другой разъ побывалъ тайно въ Берлинѣ и нашелъ Прусскаго короля при прежнемъ намѣреніи—приступить къ союзу противъ Карла XII, если силы союзниковъ въ Польшѣ будутъ такъ велики, что можно станетъ надѣяться на успѣхъ. Король объявилъ Паткулю, что союзники должны заставить Карла XII выйти изъ Польской Пруссіи и этимъ дать Прусскому королю перевести духъ: иначе онъ не можетъ сдѣлать ни малѣйшаго движенія, пока Шведы находятся въ Польской Пруссіи и въ состояніи, по первому подозрѣнію, разорить Бранденбургскую Пруссію и его, короля, такъ отдѣлать, что онъ послѣ не въ состояніи будетъ повернуть ни рукою, ни ногою, потому что ему съ Бранденбургской Пруссіи сходитъ милліонъ ефимковъ. „Въ то же время, доносилъ Паткуль, мы договариваемся и съ королемъ Польскимъ, только тайно. Главнѣйшее и труднѣйшее о Польской Пруссіи опредѣлили“.

Насчетъ союза съ Польшею Паткуль писалъ: „Поляки желаютъ огромныхъ денежныхъ пособій; надобно имъ ротъ хорошенько мазать и не скупиться на обѣщанія, но при этомъ постановить такія условія, какихъ они исполнить не въ состояніи. Тогда явно можно ихъ будетъ понуждать къ исполненію союзнаго договора, а тайно мѣшать этому исполненію, и, такимъ образомъ, получить право не давать имъ денегъ; а между тѣмъ будемъ ихъ держать на веревкѣ“.

Союзъ между Россіею и Польшею противъ Шведовъ былъ окончательно заключенъ 19 августа 1704 года [1]. Союзныя державы обязались воевать противъ общаго врага, короля Шведскаго, на сушѣ и на морѣ, отдѣльныхъ договоровъ съ нимъ не заключать и ни въ какія сношенія не входить. Налѣя принудить возвратить республикѣ города и крѣпости, взятые въ смутное время. Всѣ города и крѣпости, покоренные Русскими въ Ливоніи, должны быть уступлены Польшѣ. Царь посылаетъ королю подъ его команду 12,000 войска; на 1705 годъ выдаетъ королю 200,000 рублей, или 2 милліона польскихъ злотыхъ, на содержаніе польскаго войска, которое должно состоять изъ 26,200 человѣкъ пѣхоты и 21,800 конницы. На будущее время каждый годъ, до окончанія войны, уплачиваетъ по 200,000 рублей.

Между тѣмъ явились къ королю въ мѣстечко Сокалъ (Бѣльзскаго воеводства) одиннадцать русскихъ вспомогательныхъ полковъ съ отрядомъ казаковъ Малороссійскихъ. Полки привелъ оберъ-коммисаръ, князь Димитрій Михайловичъ Голицынъ; казаками начальствовалъ наказной гетманъ Данила Апостолъ.

Король Августъ, по словамъ Паткуля, остался очень доволенъ солдатами, но офицеры оказались никуда негодными, и, по возможности, замѣнены были нѣмецкими. При томъ, по причинѣ тяжкаго похода, войско было истомлено, оказалось въ немъ много больныхъ и бѣглыхъ, въ строю явилось отъ 6 до 7,000; изъ Малороссійскихъ казаковъ, вмѣсто 6,000, оказалось только 3,000. „Рядовые солдаты, писалъ Паткуль, такъ хороши, что лучше желать нельзя; обнаруживаютъ совершенное послушаніе и охотно исполняютъ все, что имъ приказываютъ; но съ офицерами невозможно ничего исполнить, и потому рядовые почти сами собою управляются; батальонъ стрѣльцовъ лучше всѣхъ; они очень понравились королю и генераламъ, особенно потому, что все крупные люди и одѣты въ одинакое платье. Король проситъ ваше величество прислать ему 4,000 такихъ выборныхъ старыхъ стрѣльцовъ, которые прежде уже были солдатами. Ружья бóльшею частію нехороши и неравнаго калибра; одежда и уборъ во всѣхъ полкахъ очень дурны“. Паткуль, принявшій начальство надъ присланными войсками, сейчасъ же столкнулся съ княземъ Димитріемъ Михайловичемъ Голицынымъ, потому что офицеры постоянно ссылались на князя и, кромѣ его, не хотѣли слушаться ничьихъ другихъ приказаній. Можетъ быть, поэтому они и оказались такъ дурны въ глазахъ Паткуля, который жаловался на Голицына, что онъ своими коммисарскими распоряженіями сильно вредитъ войску, и если распоряженія эти будутъ продолжаться впередъ, то войско можетъ разсѣяться отъ голода. Паткуль жаловался на непослѣдовательность Голицына, который то возьметъ доставку всѣхъ запасовъ на себя, то вдругъ слагаетъ эту обязанность на королевское коммисарство; то самъ хочетъ печь хлѣбъ, то вдругъ требуетъ печенаго хлѣба, и требуетъ, чтобъ онъ доставленъ былъ во мгновеніе ока. Паткуль сильно жаловался также на казаковъ: „Я команду надъ этими дикими людьми сдалъ генералу Брандту, потому что между ними нѣтъ послушанія и никакого мужества, ни къ чему они не годятся, кромѣ грабежа, который производитъ въ войскѣ голодъ и по всей Землѣ великія жалобы. Оружіе у нихъ плохое; иные, кромѣ дубинъ, ничего не имѣютъ“.

Между тѣмъ въ письмахъ къ Головину Паткуль не переставалъ настаивать, чтобъ царь со всѣмъ войскомъ шелъ въ Польшу: „Король Августъ мнѣ самъ говорилъ, что онъ рѣшился лучше корону оставить, нежели вести такую жалкую оборонительную войну, на позоръ всему свѣту, давать себя гонять изъ одного угла въ другой. Притомъ же такъ много людей, которые хлопочутъ, какъ бы разъединить царское величество съ королемъ Польскимъ, именно желаютъ этого Саксонцы и Цесарскій Дворъ: наговариваютъ королю, что онъ несетъ все бремя войны, а награды никакой себѣ ожидать не можетъ, только Саксонію изнуритъ; денежныя пособія отъ царя идутъ только на войну, для страны отъ нихъ никакой пользы нѣтъ, а царь между тѣмъ беретъ себѣ города“.—„Увѣряю ваше превосходительство“, продолжаетъ Паткуль, „что ни взятіе Нарвы, ни побѣды въ Лифляндіи не заключаютъ въ себѣ ничего рѣшительнаго; пока Шведскій король будетъ господствовать въ Польшѣ,—до тѣхъ поръ онъ будетъ господиномъ войны и мира; надобно замѣтить, что въ 1702 году онъ привелъ въ Польшу только 12,000 войска, въ 1703 у него уже было 24,000, въ нынѣшнемъ 1704 году у него 33,000, и, безъ всякаго сомнѣнія, полагать надобно, что въ будущемъ году у него будетъ больше 40,000".

---

[1] Пол. Собр. Зак. IV, № 1991.

Въ концѣ лѣта королю Августу удалось взять у Шведовъ Варшаву съ помощію русскихъ войскъ; ему хотѣлось взять у нихъ и Познань, для чего отправилъ къ этому городу Паткуля съ польскимъ и русскимъ войсками. Мѣсяцъ простоялъ Паткуль безплодно подъ городомъ, складывая всю вину на то, что не приходили обѣщанные 1,500 человѣкъ саксонской пѣхоты; по его словамъ, онъ рѣшился-было уже и безъ этой пѣхоты на приступъ, какъ получилъ отъ короля Августа приказаніе снять немедленно осаду и отвести войско въ безопасное мѣсто. Паткуль отвелъ войско въ саксонскія владѣнія, въ Нижніе Лужичи (Лаузицъ) и расположился при мѣстечкѣ Губбенѣ, причемъ въ русскихъ полкахъ оказался недочетъ въ 1,900 человѣкъ [1]. Не всѣ русскія войска были съ Паткулемъ при осадѣ Познани: четыре полка, подъ начальствомъ полковника Герца, были оставлены имъ на Вислѣ, при большой саксонской арміи. Отдалившись отъ этой арміи, они были настигнуты Шведами близъ Фрауштадта, храбро защищались противъ превосходнаго числомъ непріятеля и, потерявши 900 человѣкъ въ битвѣ, засѣли въ деревнѣ Тиллеротѣ. На другой день Шведы напали на нихъ, и здѣсь русскіе защищали каждый домъ, каждый шагъ. Шведы предложили имъ сдаться, грозя, что въ противномъ случаѣ зажгутъ деревню; Русскіе отвѣчали, что будутъ защищаться до послѣдняго человѣка—и сдержали слово: множество ихъ пало съ оружіемъ въ рукахъ или погибло въ зажженныхъ Шведами домахъ, другимъ удалось уйти [2].

Паткуль жаловался на казаковъ, казаки - на Паткуля. Данила Апостолъ писалъ Мазепѣ: „Отъ начала вѣрной службы нашей престолу пресвѣтлѣйшихъ монарховъ никогда не были мы въ такомъ безчестіи и поруганіи, какъ здѣсь отъ господина Паткуля, который самовольно принуждаетъ насъ быть подъ его командою и безчеловѣчную обнаруживаетъ суровость, стращаетъ насъ висѣлицею и объявляетъ, будто великій государь отдалъ насъ сюда за тѣмъ, чтобъ и имя наше пропало. Подъ Варшавою, 24 августа, назначено было идти на штурмъ, и Паткуль велѣлъ казакамъ одѣваться въ латы нѣмецкія; одинъ казакъ не захотѣлъ,—и онъ ему поранилъ ухо; другой не захотѣлъ—того прибилъ мало не до смерти. Разговаривать съ нимъ, гордомысленнымъ, трудно. Слезно, именемъ всего войска, прошу избавить насъ изъ-подъ команды этого злочестиваго человѣка. О чемъ ни попросимъ—не слушаетъ, а потѣхи не спрашивай; войско наго, босо, голодно. Только совѣтной отрады имѣемъ у князя Григорья Ѳедоровича Долгорукаго, съ которымъ безъ толмача разговаривать можемъ; также и генералъ Брандтъ со мною въ товарищескомъ совѣтѣ и онъ только мнѣ подаетъ отраду и утѣху, какъ человѣкъ правдивой совѣсти и знающій хорошо здѣшнія поведенія; если-бъ не онъ, Богъ вѣсть, какъ бы я обходился съ этими Нѣмцами, не умѣя съ ними разговаривать. Если дальше должны будемъ идти, то войско, и подъ страхомъ смертной казни, не удержится, потому что нечѣмъ жить; хотя и служимъ, обливаясь кровію и теряя животъ за здѣшній маестатъ, однако чести ни отъ кого не имѣемъ". Апостолъ не оправдываетъ и казаковъ своихъ: „Казаки, пишетъ онъ Мазепѣ, такъ остервенѣли на своевольствѣ, что никакъ ихъ унять нельзя, хотя безпрестанно и безъ пощады наказываются".

Въ декабрѣ 1704 года явились въ Малороссію казаки, ходившіе въ Польшу, и объявили, что, отступивъ отъ Познани, Паткуль отобралъ отъ нихъ лошадей и отпустилъ пѣшкомъ, не давши ни провожатаго, ни наставленія, куда имъ лучше пройти; они пошли къ Кракову, но, не доходя до Велюна, были настигнуты Шведами и Поляками Лещинскаго и разбиты; спаслось въ Краковъ 80 человѣкъ, которые и возвратились въ Малороссію съ пропускнымъ листомъ отъ короля Августа. Казаки возвратились безъ вождей: Апостолъ, безъ царскаго указа, бросилъ свое войско и уѣхалъ домой; то же самое сдѣлалъ Переяславскій полковникъ Мировичъ, отговариваясь голодомъ и холодомъ [3].

Про казаковъ никто не говорилъ добраго слова; но никто не говорилъ добраго слова и про Паткуля. Долгорукій писалъ Головину: „Король мнѣ на Паткуля жаловался, будто онъ съ досады, что не успѣлъ взять Познани, къ его величеству писалъ такъ противно, что токмо изволилъ терпѣть для дружбы царскаго величества, и притомъ будто съ сердца писалъ, что и команду свою хочетъ покинуть. Изволите вы, чаю, Паткуля знать: не токмо слова, но и письма его надобно разсуждать; если во время злобы пишетъ,—въ то время и самому Богу на похвалу не напишетъ" [4].

Въ то время, когда казаки ссорились съ Паткулемъ въ Польшѣ и Саксоніи, гетманъ ихъ Мазепа управлялся съ Палѣемъ.

Еще лѣтомъ 1703 года Мазепа далъ знать въ въ Москву, что Палѣй и Искра поссорились съ Самусемъ, хотятъ у него самого отобрать гетманскіе клейноты, и Самусь хочетъ перейти подъ гетманскій регментъ въ полкъ Переяславскій, гдѣ у него родной братъ и другіе родственники; но онъ, Мазепа, не позволилъ ему этого, велѣлъ до времени жить попрежнему въ Богуславлѣ. „Палѣй почалъ весьми высоко забирать, доносилъ Мазепа; и не такъ съ желательствомъ своимъ ко мнѣ отзывается, какъ прежде, и отъ часу больше къ себѣ гультяевъ прибираетъ. Я жалованье монаршеское, къ Палѣю присланное, у себя задержалъ до времени, присматриваясь къ дальнѣйшимъ его поступкамъ. Пишетъ ко мнѣ Палѣй, хвалясь, что крѣпость Бѣлоцерковскую твердо укрѣпилъ, загнавъ съ Полѣсья двѣ тысячи человѣкъ. Самусь хвалится, что городъ Богуславль починилъ и укрѣпилъ; Искра объявляетъ, что Корсунь свой обновилъ и укрѣпилъ. Самовольства очень много со всѣхъ сторонъ къ нимъ прибирается". Въ іюлѣ Мазепа пасалъ: „Палѣй и не мыслитъ объ отдачѣ Полякамъ Бѣлоцерковской фортеціи, потому что города строитъ и большую силу гультяевъ къ себѣ прибираетъ. Если нужно отдать Полякамъ эту фортецію, то можно это сдѣлать только такимъ способомъ: ѣхать мнѣ самому въ Кіевъ съ небольшимъ отрядомъ войска, будто для поклоненія Св. мѣстамъ, призвать къ себѣ туда Палѣя, Самуся, Искру и не отпускать ихъ домой, но свои войска послать въ Бѣлоцерковскую и другія фортеціи. Дивная то рѣчь, что Поляки, имѣя передъ собою нужнѣйшее дѣло воинское со Шведами, такъ часто великому государю прошеніями своими о Бѣлоцерковской фортеціи докучаютъ. Возможно послу царскаго величества, при Дворѣ Польскомъ резидующему, объявлять Полякамъ, что и послѣ можно будетъ имъ получить Бѣлую Церковь, потому что Палѣй, Самусь и Искра на небо не взлѣзутъ, подъ землею не схоронятся, должны будутъ волею-неволею исполнить монаршескій указъ". Въ сентябрѣ Мазепа прислалъ за новымъ монаршескимъ указомъ: „Палѣй, Самусь и Искра, поссорившись, пишутъ ко мнѣ, просятъ, чтобъ я ихъ подѣлилъ, и универсаломъ своимъ тотъ надѣлъ утвердилъ. Палѣй отъ себя присылалъ ко мнѣ людей, прося денегъ на жалованье своему войску; также Самусь и Искра, имѣя при себѣ нѣсколько сотъ коннаго гультяйства, оставшагося отъ прежнихъ бунтовъ, просятъ денегъ, сказывая, что гультяйство это къ нимъ собиралось, будучи обнадежено добычею лядскою; а нынѣ, когда я указомъ монаршескимъ пригрозилъ, чтобъ мирно жили и Ляховъ не задирали, то они и докучаютъ о деньгахъ, чтобъ какъ-нибудь имъ гультяйство у себя удержать". Въ январѣ 1704 года Самусь и Искра пріѣхали къ Мазепѣ въ Батуринъ съ просьбою, чтобъ успокоилъ ихъ ссору за города и села около Богуславля и Корсуня. Мазепа отвѣчалъ имъ: „Какъ вы тамъ безъ моего вѣдома сѣли и завладѣли, такъ сидите и дѣлайтесь какъ вамъ надобно, а мнѣ ненависти отъ Поляковъ и даровой докуки не наносите". Самусь и Искра сказали на это: „Куда же намъ дѣться, какъ не къ Православному монарху и не къ вашей милости? Пишешься обѣихъ сторонъ гетманомъ! Если вами не будемъ приняты, то доведется всѣмъ разсыпаться куда глаза глядятъ, потому что за Поляками по ихъ мучительству жить не можемъ и не хотимъ". 20 февраля 1704 года монаршескій указъ состоялся:—чтобъ Палѣй непремѣнно отдалъ Бѣлую Церковь Полякамъ, иначе вступятъ въ нее царскія войска. Но 29 февраля Мазепа писалъ слѣдующее Головину: „Пріѣхалъ ко мнѣ Цыганчукъ, обозный Палѣевъ, съ платкомъ свадебнымъ, потому что Палѣй женилъ пасынка своего. Этотъ Цыганчукъ секретно сказывалъ мнѣ, что Палѣй замышляетъ въ подданство къ Ляхамъ, будучи прельщенъ частыми подсылками отъ Любомирскихъ, подкоморія короннаго и гетмана. Любомирскій же безпрестанно Самуся обсылаетъ то матеріями, то перстнями. Не лучше ли мнѣ самому налегкѣ въ Кіевъ поѣхать, а Палѣя изъ Бѣлой Церкви въ Кіевъ будто на секретъ призывать; изъ Кіева лучше и способнѣе, чѣмъ изъ Батурина, исполнить волю монаршескую о Бѣлой Церкви или о иныхъ какихъ монаршескихъ дѣлахъ. А если Палѣй съ подручниками своими подъ власть лядскую приклонится, то нельзя надѣяться отъ нихъ ничего добраго: на сю сторону Днѣпра огонь выкинутъ, не забудутъ и Запорожцевъ, яко малодушныхъ и непостоянныхъ людей, до своей компаніи призвать".

---

[1] Моск. архивъ Мин. Ин. Д., дѣла Польскія 1704 г.

[2] Fryxell, I, 218.

[3] Архивъ Мин. Юстиціи, книги Малороссійскаго Приказа 1704 года.

[4] Москов. архивъ Мин. Ин. Д., дѣла Польскія.

Чтобъ заставить Палѣя высказаться, Мазепа послалъ къ нему знатнаго казака съ увѣщаніемъ дѣйствовать противъ Поляковъ попрежнему; Палѣй отвѣчалъ: „Какъ мнѣ съ Ляхами въ добрый пріязни не жить и къ нимъ не склоняться, когда отъ царскаго величества и отъ гетмана получаю частыя грамоты, чтобъ мнѣ съ Ляхами жить смирно и Бѣлую Церковь имъ уступить. Но я Ляхамъ и никому иному Бѣлой Церкви не отдамъ, развѣ меня изъ нея за ноги выволокутъ".

Въ апрѣлѣ Мазепа получилъ царскій указъ—выступить со всѣмъ своимъ войскомъ въ Польскія владѣнія противъ приверженцевъ Лещинскаго. Мазепа выступилъ въ походъ, и 3 іюня писалъ Головину: „О Палѣѣ прилежное имѣю радѣніе, чтобъ устремить его противъ Любомирскихъ, хотя съ моею помощью, потому что при немъ мало войска. Будучи насыщенъ духомъ и подарками Любомирскихъ, онъ отговаривается то болѣзнію, то другими причинами и не хочетъ надъ ними промышлять; притомъ уже четыре недѣли какъ въ обозѣ при мнѣ находится, и постоянно пьянъ, день и ночь, ни разу не видалъ я его трезваго; да и товарищество его, какъ вижу, тѣмъ же духомъ Любомирскихъ наполнилось". 15 іюня новыя вѣсти о Палѣѣ отъ Мазепы: „Самусь, пріѣхавши ко мнѣ въ обозъ, былъ у меня нѣсколько разъ на приватномъ разговорѣ и объявилъ, что Палѣй подлинно ничего добраго царскому величеству и королю Августу не мыслитъ; присягнувши съ домомъ Любомирскихъ и побравши отъ нихъ знатные подарки, обѣщалъ вѣрно служить и постоянно пересылаться съ ними тайно; такъ недавно далъ имъ знать: „Не бойтесь, гетманъ только для страху вамъ вышелъ, а ничего съ вами не будетъ дѣлать, вы что начали, то и продолжайте". Самусь разсказалъ и то: Палѣй собиралъ раду за Бѣлою Церковію и объявилъ, что Любомирскіе взяли его въ защиту со всѣмъ его войскомъ; говорилъ народу: „Во всей Польшѣ нѣтъ знатнѣе и сильнѣе ихъ: только они могутъ насъ уберечь, потому что ежедневно надобно ждать подъ Кіевъ Шведа; государь Московскій далеко, а король Польскій не защитить, потому что и самого себя защитить не можетъ. Сами знаете, каковы войска казацкія: немного постоятъ въ полѣ, а какъ придетъ сѣнокосъ да жатва, то всѣ и разойдутся по домамъ, гетманъ останется одинъ; да и Москва все новая, невоенная, которая не можетъ вамъ ничего сдѣлать“. — „Еще потерплю ему до времени, писалъ Мазепа, пока дастъ Богъ, перехвачу письма отъ Любомирскихъ къ нему или отъ него къ Любомирскимъ; когда будетъ явная улика въ измѣнѣ, тогда велю за караулъ его взять“.

Но улики не было. Палѣй стоялъ вмѣстѣ съ Мазепою, и тотъ продолжалъ посылать на него жалобы Головину: „Палѣй говоритъ передъ своими казаками: гетманъ здѣсь даромъ стоитъ и никакого промысла военнаго не дѣлаетъ; еслибъ я съ своими людьми пошелъ, то давно-бъ и я и люди мои обогатились добычею.— Я ему представляю, что по указу царскому и по желанію короля Польскаго я долженъ стоять тутъ, а въ глубь Польши не вступать, чтобы не разорять Поляковъ и не давать имъ повода къ ненависти противъ короля Августа. Но онъ ничего не слушаетъ; рацыями говорить съ нимъ трудно, ничего не понимаетъ, потому что умъ его помраченъ повседневнымъ пьянствомъ. Гультяйство Палѣево въ разныхъ мѣстахъ великое бѣднымъ людямъ причиняетъ—грабительство, разбой, убійства и разореніе, а все моимъ именемъ. Число этихъ Палѣевыхъ самовольныхъ гультяевъ безпрестанно умножается изъ Запорожья и изъ другихъ мѣстъ, и грабятъ не только около Буга и Днѣстра, но уже и чрезъ Днѣстръ переправились, во владѣніяхъ господаря Волошскаго многихъ людей пограбили и до смерти побили, о чемъ пишетъ мнѣ господарь Волошскій, требуя управы. Доношу и то: хотя бы Бѣлую Церковь и не нужно было отдавать Полякамъ, и тогда Палѣя не надобно тамъ болѣе терпѣть, потому что отъ него ничего добраго нельзя надѣяться; особенно опасаться надобно, чтобы онъ, по моемъ уходѣ, какого огня не запалилъ, потому что онъ не только самъ, повседневнымъ пьянствомъ помрачаясь, безъ страха Божія и безъ разума живетъ, но и гультяйство такъ же единонравное себѣ держитъ, которое ни о чемъ больше не мыслитъ,—только о грабительствѣ и о крови невинной, и никогда никакой власти и начальства надъ собою имѣть не хочетъ“. По письму Головина, Мазепа предложилъ Палѣю ѣхать въ Москву, но тотъ отказался: здоровьемъ слабъ, да и незачѣмъ туда ѣхать.

Наконецъ Мазепа добылъ улику, по которой счелъ себя въ правѣ схватить Палѣя. Хвастовскій Жидъ-арендаторъ объявилъ, что Палѣй посылалъ его къ подкоморію Любомирскому съ требованіемъ обновленія договора, который былъ заключенъ Палѣемъ съ ротмистромъ, присланнымъ отъ Любомирскаго; договоръ нужно обновить потому, что Палѣй веселился съ ротмистромъ и не всѣ пункты договора помнитъ. Любомирскій отвѣчалъ: „Очень мнѣ удивительно, что братъ мой, господинъ Палѣй, такъ скоро позабылъ подтвержденныя присягою обѣщанія, данныя намъ и всей Рѣчи Посполитой. Главный пунктъ договора состоитъ въ томъ, чтобы Палѣй былъ преданъ дому нашему и Рѣчи Посполитой, и шелъ бы туда, куда ему укажемъ; потомъ,—чтобы набиралъ какъ можно больше войска, конницы и пѣхоты, и переманилъ сердюковъ съ восточнаго берега; а какъ скоро получу деньги отъ короля Шведскаго, то сейчасъ же пришлю ему значительную часть; пусть почаще достаетъ вѣдомости о заднѣпровскомъ поведеніи и намъ объ нихъ объявляетъ, особенно пусть теперь же провѣдаетъ о войскахъ московскихъ и казацкихъ; скоро ли будутъ подъ Кіевъ, куда намѣрены идти, какъ ихъ много и кто надъ ними начальникъ; въ монастырѣ Печерскомъ сколько гарнизона и что за люди, сколько Москвы и сколько казаковъ; въ Бѣлую Церковь пусть никого не пускаетъ“.

Жидъ объявилъ, что Палѣй и въ другой разъ посылалъ его къ Любомирскому съ письмомъ. Прочтя письмо, Любомирскій сказалъ: „Благодарю господина Палѣя за извѣстіе, и я ему взаимно объявляю вѣдомости, хотя недобрыя: песъ Сасъ (Саксонецъ), прежній король взялъ Собѣскихъ за караулъ; пусть господинъ Палѣй прибираетъ себѣ какъ можно больше войска, потому что будемъ за Собѣскихъ псу Сасу мстить. Обѣщаю господину Палѣю, что Бѣлая Церковь будетъ ему отдана навѣки, только бы былъ дому нашему и Рѣчи Посполитой преданъ“.

Священникъ Грица Карасевичъ подтвердилъ показаніе Жида объ измѣнѣ Палѣя, и Палѣй былъ схваченъ, Бѣлая Церковь занята русскими войсками; Мазепа доносилъ Головину: „Пьяницу того, дурака Палѣя, уже отослалъ я за карауломъ въ Батуринъ и велѣлъ въ тамошнемъ городѣ за крѣпкимъ карауломъ держать; также и сынъ его взятъ за караулъ, и отошлю его въ Батуринъ“. Изъ Батурина Палѣя отправили въ Енисейскъ[1]).

При борьбѣ съ страшнымъ Шведскимъ королемъ, Русскому царю нельзя было ограничить свое вниманіе одною Польшею; нужно было расширить дипломатическую сферу, искать союзниковъ вблизи и вдали или, по крайней мѣрѣ, стараться, чтобы врагъ не пріобрѣлъ ихъ, и для этого нужно было постоянно слѣдить за отношеніями европейскихъ державъ, нужно было имѣть постоянныхъ министровъ при важнѣйшихъ Дворахъ западныхъ. Любопытно слѣдить за дѣятельностію русскихъ дипломатовъ, новичковъ въ дѣлѣ, проходившихъ тяжелую школу, ибо безъ приготовленія должны были дѣйствовать въ самое трудное и опасное, печальное для своего отечества время, должны были дѣйствовать часто и безъ матеріальныхъ средствъ, ибо бѣдная Россія не могла дать имъ возможности соперничать съ министрами богатыхъ государствъ.

---

[1]) Архивъ Мин. Юстиціи, книги Малороссійскаго Приказа, годъ 1704.

Въ Вѣну хлопотать о посредничествѣ императора между Россіею и Швеціею былъ отправленъ въ 1701 году ближній стольникъ, князь Петръ Алексѣевичъ Голицынъ, родной братъ князя Бориса, человѣкъ уже бывалый на Западѣ, ибо ѣздилъ въ Италію учиться морскому дѣлу. Положеніе Голицына въ Вѣнѣ было печальное: Дворъ былъ занятъ испанскими дѣлами, боялся Шведскаго короля и презиралъ Россію послѣ Нарвскаго пораженія. „Главный министръ графъ Кауницъ, доносилъ Голицынъ, и говорить со мною не хочетъ; да и на другихъ нельзя полагаться: они только смѣются надъ нами. Люди здѣшніе вамъ извѣстны: не такъ мужья, какъ жены министровъ безстыдно берутъ. Всѣ здѣсь дарятъ разными вещами, одинъ только я ласковыми словами“. Голицынъ видѣлъ, что ни ласковыми словами, ни даже подарками нельзя ничего сдѣлать,—что одна викторія можетъ заставить иностранныхъ министровъ говорить съ посланниками русскими, и потому писалъ: „Всякими способами надобно домогаться получить надъ непріятелемъ побѣду. Сохрани Боже, если нынѣшнее лѣто такъ пройдетъ. Хотя и вѣчный миръ учинимъ, а вѣчный стыдъ чѣмъ загладить? Непремѣнно нужна нашему государю хотя малая викторія, которою бы имя его попрежнему во всей Европѣ славилось. Тогда можно и миръ заключить; а теперь войскамъ нашимъ и управленію войсковому только смѣются“.

Но Вѣнскій Дворъ, знаменитый въ исторіи выгодными брачными союзами, не измѣнилъ своему характеру и относительно презираемой Россіи. Въ февралѣ 1702 года Голицынъ доносилъ государю:

„Король Шведскій здѣсь ищетъ и много, кому надлежитъ, обѣщалъ дать денегъ; а нынѣ его посланникъ всѣхъ министровъ и другихъ имѣющихъ силу, а больше іезуитовъ, подкупаетъ, чтобы Цесарь выдалъ за него дочь свою, и обѣщаетъ принять законъ Римскій, а сестру свою хочетъ выдать за эрцгерцога; только здѣсь еще не позволяютъ. Безпрестанно меня просятъ, чтобы вы приказали прислать персоны (портреты) сестры вашей, царевны Натальи Алексѣевны, и брата вашего, царя Іоанна Алексѣевича дочерей. Здѣсь при Дворѣ этого усердно желаютъ и не разъ сама императрица говорила мнѣ, что хочетъ какъ можно скорѣе видѣть портреты; больше склоняются къ царевнѣ Натальѣ Алексѣевнѣ. По указу цесарскому говорилъ мнѣ графъ Кауницъ, чтобы вы сына своего прислали въ Вѣну для науки; до Цесаря дошелъ слухъ, что вы обѣщали послать царевича къ королю Прусскому и въ другія мѣста, что очень огорчило Цесаря. Кауницъ требовалъ у меня отвѣта; я отвѣчалъ, что безъ воли вашей отповѣди дать не умѣю; Кауницъ прибавилъ: еслибъ царевичу понравилась какая-нибудь эрцгерцогиня, то Цесарь съ радостію выдалъ бы ее за него, только-бъ была ваша воля“.

Въ то же время Голицынъ доносилъ: „Отдалъ мнѣ визитъ нунцій папскій и говорилъ, что готовъ служить вамъ въ дѣлѣ повышенія вашего маестата (титула). Говорилъ также, чтобы вы позволили при своемъ Дворѣ быть посламъ римскимъ не для какихъ-нибудь дѣлъ, а только для повышенія вашего маестата, и послы уже готовы въ Римѣ къ отправленію, только не смѣютъ ѣхать безъ вашей воли. Если вы имъ прикажете пріѣхать, то они не будутъ ничего требовать, станутъ жить на своемъ корму по здѣшнему европейскому обычаю; папа это дѣлаетъ только для чести вашей и для любви съ вами“. Головину Голицынъ писалъ, что виновникомъ прежней холодности былъ Кауницъ, задаренный Шведскимъ королемъ; но теперь и Кауницъ сталъ гораздо мягче; теперь на сторонѣ царскаго величества папа, и нунцій папскій имѣетъ великую силу при Дворѣ, можетъ сдѣлать все, что захочетъ. Нунцій, осыпая Голицына любезностями, объявилъ ему, что Шведскій король чрезвычайно опасается союза Австріи съ Россіею и изо всѣхъ силъ ему препятствуетъ, хочетъ принять Римскій законъ и проситъ за себя дочь царскую, подкупаетъ министровъ, а императрицу обольщаетъ королевствомъ Польскимъ: предлагаетъ нынѣшняго Польскаго короля низвергнуть, а на его мѣсто возвести императрицына брата, курфирста Пфальцскаго; впрочемъ нунцій сказалъ, что они до этого не допустятъ. Голицыну дано было знать, что папа готовъ признавать царя Восточнымъ императоромъ (за цесаря аріантальскаго).

Въ концѣ лѣта 1702 года явился въ Вѣнѣ—инкогнито—Паткуль и нашелъ цесарскій Дворъ въ большомъ страхѣ отъ успѣховъ Шведовъ въ Польшѣ; побѣдоносный король былъ на границахъ Австрійскихъ владѣній, которыя были совершенно обнажены, такъ что Шведы могли безпрепятственно дойти до самой Вѣны. Въ этомъ страхѣ императорское правительство готово было сдѣлать все по волѣ Карла XII, лишь бы помирить его съ Польшею и удалить изъ этой страны. Паткуль, не имѣя никакого оффиціальнаго значенія, сталъ дѣйствовать чрезъ датскаго посланника, предложилъ чрезъ него императору, какъ подозрительна должна быть для Австріи шведская дружба и какъ опасно для нея приращеніе шведскаго могущества. Выслушавъ это предложеніе, императоръ пожелалъ, чтобы Паткуль имѣлъ тайный разговоръ съ Кауницемъ. Разговоръ происходилъ въ загородномъ саду Кауница, который представилъ прежде всего Паткулю, въ какомъ опасномъ положеніи находятся дѣла въ Польшѣ; жаловался особенно на то, что императоръ, по случаю войны за Испанское наслѣдство, не имѣетъ возможности помогать королю Польскому и принужденъ его оставить. Чтобъ убѣдить Паткуля въ необходимости и для царя послѣдовать этому примѣру, Кауницъ объявилъ, что недовольные королемъ Августомъ Поляки и Шведы домогаются, чтобъ султанъ объявилъ войну Россіи, и надѣются рано или поздно достигнуть своей цѣли: поэтому царю необходимо соблюдать величайшую осторожность со стороны Турокъ; Шведы, съ своей стороны, хлопочутъ изо всѣхъ силъ, чтобъ заключить съ однимъ изъ враговъ отдѣльный миръ, который дастъ имъ возможность воевать или противъ одного короля Польскаго, или противъ одного царя

Паткуль отвѣчалъ, что все это очень хорошо извѣстно царю; но такъ какъ интересы царя и императора совершенно одинаковы какъ въ отношеніи къ польской смутѣ, такъ и въ отношеніи къ Турецкому Двору, то необходимо принять предложенія о крѣпкомъ союзѣ между Россіею и Австріею, поданныя княземъ Голицынымъ въ январѣ и мартѣ. Пока свѣтъ стоитъ, истинная дружба между Шведомъ и Австрійскимъ домомъ невозможна, и Турки никогда не забудутъ потерь, понесенныхъ ими по послѣднему миру, и потому Австрія должна помочь царю во время нужды, чтобъ имѣть право получить отъ него помощь, когда сама будетъ находиться въ опасности. Кауницъ объявилъ на это, что союзъ невозможенъ. Паткуль узналъ отъ министровъ датскаго и бранденбургскаго, что англійскій и голландскій министры, также Ганноверскій Дворъ стараются всѣми силами помѣшать сближенію Австріи съ Россіею и во всѣхъ разговорахъ съ императорскими министрами выставлять имъ на видъ, какъ опасно увеличеніе могущества царя, и какъ искренно расположенъ Карлъ XII къ Австріи.

Видя рѣшительное отвращеніе Австрійскаго Двора отъ союза, Паткуль употребилъ другое средство: зная, что предложеніе о брачномъ союзѣ между двумя Дворами уже не тайна, слыша объ этомъ толки при Польскомъ Дворѣ, читая въ курантахъ (газетахъ), Паткуль поручилъ датскому посланнику тайнымъ образомъ освѣдомиться, въ какомъ положеніи находится дѣло. Датскій посланникъ далъ знать Паткулю, что Австрійскій Дворъ удивляется, какимъ образомъ разглашаютъ, что императорскій Дворъ искалъ этого союза, тогда какъ, наоборотъ, преложеніе шло отъ царя, именно въ меморіалахъ Голицына отъ 20 января и 26 марта, и Дворъ императорскій находится въ затруднительномъ положеніи, не знаетъ что отвѣчать на такія предложенія. Паткуль обратился прямо къ самому Кауницу, и тотъ отвѣчалъ, что предложеніе было сдѣлано со стороны Русскаго Двора. Тогда Паткуль черезъ датскаго посланника отправилъ къ Кауницу слѣдующее предложеніе: 1) Царское величество, имѣя въ виду войну, которую императоръ ведетъ въ Италіи и на Рейнѣ, не хочетъ и не совѣтуетъ ему начинать прямыя, наступательныя дѣйствія противъ Шведовъ. 2) Царское величество желаетъ одного, чтобъ императоръ тайнымъ образомъ склонилъ Бранденбургъ и Данію къ разрыву съ Швеціею, обнадеживъ ихъ своею помощію при мирѣ и въ иномъ, а самъ пусть остается въ дружескихъ отношеніяхъ къ Швеціи. 3) Помощь, которую императоръ, по договору, долженъ давать королю Польскому, царское величество принимаетъ на себя. 4) Кромѣ того, царское величество согласенъ прислать императору 6,000 своего вспомогательнаго войска, которому императоръ не будетъ обязанъ давать ничего, кромѣ зимнихъ становищъ, хлѣба и воинскихъ припасовъ. 5) Когда царское величество достигнетъ своей цѣли относительно Швеціи, то вступитъ съ императоромъ въ наступательный союзъ и пошлетъ ему 20,000 войска. 6) Не преминетъ и своихъ союзниковъ заставить дѣйствовать въ пользу императора. 7) Царское величество можетъ сыскать для императора денегъ взаймы за меньшіе проценты, чѣмъ какіе онъ принужденъ до сихъ поръ давать. 8) Больше всего императоръ долженъ соблюдать выгоды короля Датскаго, потому что его прибыли и убытки царское величество причитаетъ наравнѣ съ своими. 9) Такъ какъ императоръ находится въ дружествѣ съ домомъ Ганноверскимъ, то можетъ склонить его къ отступленію отъ Швеціи, за что царское величество со всѣми своими союзниками обязуется соблюдать выгоды Ганноверскаго дома и надѣется оказать ему больше услугъ, чѣмъ Шведъ.

По поводу этого предложенія, Кауницъ имѣлъ опять тайный разговоръ съ Паткулемъ. Онъ соглашался на всѣ статьи, но относительно второй объявилъ по секрету, что Бранденбургъ императору подозрителенъ и потому надобно осторожно поступать съ этимъ Дворомъ; нельзя дѣлать ему предложеній, чтобъ не быть выдану; въ послѣднемъ случаѣ Шведъ заключитъ миръ и нападетъ на Силезію, отъ которой такъ близко стоятъ его войска. Императорскому министру въ Берлинѣ пошлется указъ осторожно вывѣдывать о расположеніяхъ тамошняго Двора. Что же касается Датскаго короля, то императоръ вполнѣ ему довѣряетъ. Паткуль сказалъ ему на это: будетъ ли угодно императору, когда Бранденбургъ склонится къ разрыву съ Швеціею; захочетъ ли императоръ выслушать предложеніе объ этомъ со стороны бранденбургскаго посла? Кауницъ отвѣчалъ утвердительно.

Такъ какъ Вѣнскій Дворъ объявлялъ, что подозрѣваетъ Бранденбургскій, а бранденбургскій посланникъ твердилъ, что его Дворъ готовъ приступить къ союзу противъ Швеціи, да не можетъ вѣрить императорскому Двору, то Паткуль употребилъ слѣдующее средство, чтобъ заставить бранденбургскаго посланника сдѣлать рѣшительный шагъ при свидѣтеляхъ: онъ позвалъ его къ себѣ вмѣстѣ съ посланниками датскимъ и польскимъ, и началъ толковать, какъ трудно склонить Вѣнскій Дворъ къ охраненію равновѣсія на сѣверѣ; то ли дѣло Прусскій Дворъ! Прусскій посланникъ, тронутый похвалою, разсыпался въ увѣреніяхъ, что его король готовъ все сдѣлать, лишь бы Цесарь согласился. „Попробуйте объявить императору объ этой готовности своего государя", сказалъ ему Паткуль.—„Ничего изъ этого не выйдетъ, потому что императоръ ни о чемъ подобномъ слышать не хочетъ", отвѣчалъ посланникъ. Тутъ Паткуль отвелъ въ сторону посланниковъ датскаго и польскаго, объявилъ имъ о своемъ разговорѣ съ Кауницемъ, и что все дѣло теперь зависитъ отъ прусскаго посланника. Опять подошли къ нему и завели прежнюю рѣчь; опять прусскій посланникъ началъ увѣрять, что непремѣнно сдѣлалъ бы предложеніе, еслибъ не былъ увѣренъ, что его при императорскомъ Дворѣ и слышать не захотятъ. „Дайте слово, что сдѣлаете предложеніе, если разувѣритесь въ этомъ“, сказалъ Паткуль. Посланникъ далъ слово; тутъ Паткуль торжественно объявляетъ, что дѣло уже рѣшено, императоръ обѣщалъ выслушать у него предложеніе. Несчастный посланникъ, попавшійся въ западню, смутился, и спросилъ: для чего все это сдѣлано безъ его согласія? Паткуль отвѣчалъ: „Все равно, только бы вамъ были двери отворены, которыя вы считали запертыми навѣки; теперь всякій увидитъ, истинное ли расположеніе вашъ государь питаетъ къ своимъ союзникамъ, потому что теперь нѣтъ уже ему никакихъ препятствій обнаружить свои намѣренія“.

Послѣ этой сцены Паткуль съѣздилъ въ Польшу и, по возвращеніи, имѣлъ опять тайный разговоръ съ Кауницемъ. Австрійскій министръ объявилъ, что предложеніе сдѣлано со стороны прусскаго посланника о разрывѣ съ Швеціей, но сдѣлано такъ холодно, что съ императорской стороны принуждены были встрѣтить его съ равною холодностію. „Впрочемъ я надѣюсь“, прибавилъ Кауницъ, „что дѣло обдѣлается; только надобно немножко подождать“. Обѣщалъ хлопотать объ этомъ всѣми силами, но съ условіемъ, чтобъ императору явно не придавали тутъ никакого другого значенія, кромѣ значенія посредника и поруки; тайно же онъ будетъ знать, какъ дѣйствовать. Паткулю хотѣлось вывѣдать у Кауница, какъ смотритъ Вѣнскій Дворъ на Польскаго короля; для этого, послѣ долгаго разговора, онъ сказалъ: „Такъ какъ никто не хочетъ заступиться за короля Августа, то принужденъ будетъ наконецъ и царь его оставить“. Кауницъ отвѣчалъ ему: „Такъ бросайте же его во имя дьявольское, мы тогда будемъ знать, на кого намъ надѣяться“.— „Изъ этихъ словъ я увидалъ, пишетъ Паткуль, что императрица въ этомъ дѣлѣ замѣшана, и если императорскій Дворъ къ низверженію съ престола короля Августа помогать не будетъ, то и съ печали объ этомъ отнюдь не умретъ“.

Паткуль уѣхалъ изъ Вѣны; Голицынъ остался и, въ началѣ 1703 года, писалъ Головину: „Прошу, мой государь, сотвори надо мною Божескую милость, высвободи меня отъ Двора цесарскаго; ей, государь, истинно доношу: весь одолжалъ и въ болѣзняхъ моихъ больше жить не могу, опасаюсь, чтобъ напрасно не умереть; ни мало мнѣ здѣшній воздухъ въ здоровье не служитъ; великое удержаніе есть въ дѣлахъ монаршескихъ; посланники шведскій и ганноверскій своими деньгами не только министровъ, но и поповъ къ себѣ приласкали“. Въ маѣ Голицынъ далъ знать Головину, что Кауницъ безпрестанно напоминаетъ ему о 5,000 золотыхъ червонныхъ, которые Паткуль обѣщалъ ему и женѣ его высылать ежегодно, а Кауницъ обѣщалъ за это, оставя другіе Дворы, вѣрно служить интересамъ царскимъ. Голицынъ писалъ, что надобно исполнить обѣщаніе: „Сами знаете, каковъ здѣшній Дворъ и какъ министры здѣшніе избалованы подарками другихъ потентатовъ“. Въ сентябрѣ новое письмо о томъ же: „Униженно, мой государь, прошу, не ради себя, но ради повышенія имени монаршескаго. Кауницъ безпрестанно говоритъ: Когда пришлютъ деньги? Хотя бы на первый годъ исполнить обѣщаніе и прислать ему деньги! Отъ этого-то дѣла наши такъ и коснѣютъ. Самъ изволишь разсудить: слишкомъ годъ посулено, а ничего къ нему не прислано; какъ можно имъ впредь намъ вѣрить?“ Когда Паткулю дали объ этомъ знать, то онъ отвѣчалъ, что дѣйствительно обѣщалъ Кауницу ежегодное жалованье, но съ условіемъ, что императоръ будетъ помогать царю; услуги Кауница извѣстны: за что же ему платить жалованье?—Паткуль былъ правъ; но правъ былъ и Голицынъ, доносившій, что Паткуль ничего не сдѣлалъ въ Вѣнѣ [1]).

„Голландскій Дворъ — биржа всей Европы, надобно тамъ имѣть людей способныхъ и свѣдущихъ“, писалъ Паткуль въ 1704 году. Но Петръ зналъ это гораздо прежде, и еще до начала Шведской войны отправилъ въ Гагу Андрея Артамоновича Матвѣева, сына знаменитаго боярина Артамона Сергѣевича.

Матвѣевъ началъ жалобами на свое печальное житье въ Гагѣ. 9 февраля 1700 года онъ писалъ Головину: „Здравіе твое, моего милостивца и государя, купно и со всечестнѣйшимъ домомъ вашимъ, всякаго блага промысленникъ и податель, Отецъ нашъ вышній, да удолголѣтствитъ во всякое благополучіе неотъемлемымъ своимъ Божественнымъ благословеніемъ, чего тебѣ, моему милостивому государю, яко самому мнѣ, выну усердствую. Жизнь моя зѣло здѣсь многоскучная и многоскорбная. Гравенгага самый скучный городъ и люди зѣло не человѣколюбивы, а къ дарамъ ласковы и къ пріѣзжимъ малое любительство имѣютъ, только въ своихъ повсядневныхъ утѣхахъ забавляются. Наймы дворовые несказанно каковы дороги; съ великою ходьбою едва до мая мѣсяца дворъ могъ нанять по 35 рублевъ на каждый мѣсяцъ, и то посредственный, а нарочитый по семи сотъ и по осьми сотъ на годъ рублевъ; а ѣдучи съ домишкомъ чрезъ дальній путь до конца истощился; а жалованье мнѣ (2,000 рублей) учинено противъ здѣ пребывающихъ иныхъ министровъ самое малое; чѣмъ годъ проживать—умъ мой не достигнетъ, а съ деревнишекъ врядъ отправлять належащія великому государю подати, а не свои избытки. Умилосердися отчески, премилостивый государь, батько, надъ сиротствомъ моимъ, донеси премилосердому нашему государю слезное мое челобитье, чтобъ онъ призрилъ на бѣдность мою и повелѣлъ хотя на покупку кареты и лошадей и на кормъ ко мнѣ прислать, чтобъ не на стыдъ при здѣшнемъ моемъ пребываніи было житье мое; а тебѣ извѣстно, что Гага комитъ, или соединеніе имѣетъ всѣхъ въ себѣ націй пословъ въ резиденціи, а мнѣ развѣ въ затворѣ сидѣть предъ всѣми?“

---

[1]) Москов. архивъ Мин. Ин. Д., дѣла Австрійскія означенныхъ годовъ.

2 марта Штаты прислали сказать Матвѣеву, чтобъ передалъ своему государю ихъ покорную просьбу—не помогать Датчанамъ на Шведа, потому что и Швеція и Россія съ ними въ дружбѣ, и они не хотятъ видѣть войны между своими пріятелями. Петръ велѣлъ отвѣчать Штатамъ, что онъ, изъ дружбы къ нимъ, не хочетъ вступать въ войну съ Шведами, если только съ ихъ стороны не окажутся какія-нибудь неправды. Штаты обратились съ новою просьбою, чтобъ царь подарилъ Европу миромъ, послалъ грамоту къ союзнику своему королю Польскому съ увѣщаніемъ прекратить войну, начатую несправедливымъ нападеніемъ на Шведскія владѣнія. Въ августѣ Матвѣевъ получилъ отъ своего Двора приказаніе объявить Штатамъ списокъ обидъ, нанесенныхъ Россіи Швеціею, и что за эти обиды никакого вознагражденія не послѣдовало. Извѣстіе объ осадѣ Нарвы русскими войсками произвело сильное неудовольствіе въ Голландіи; Матвѣевъ писалъ государю: „Въ статскомъ собраніи великое неудовольствіе учинили нынѣшнія вѣсти, будто вы начали съ Шведомъ войну, и, слыша о премногихъ обученныхъ войскахъ вашихъ и о собраніи денежныхъ приходовъ, чему прежде здѣсь никогда не вѣрили, очень тому нерады. Также очень непріятно имъ нынѣшнее строеніе у Архангельска вашихъ кораблей, отъ чего опасаются ущерба своему купечеству“. Головину Матвѣевъ писалъ: „Всѣ министры о начатіи войны безпрестанно меня спрашиваютъ; я отвѣчаю, что дѣло невѣроятное; никакой вѣдомости о томъ ко мнѣ нѣтъ, и тѣмъ невѣдѣніемъ здѣсь не безъ зазора“. Англійскій посланникъ, именемъ своего короля Вильгельма III, объявилъ Матвѣеву, чтобъ царь учинилъ нѣкоторый армистиціумъ въ войнѣ Шведской, а онъ, король, принимаетъ на себя роль посредника. Матвѣевъ повторялъ царю въ своихъ донесеніяхъ: „Нынѣшняя война ваша со Шведами Штатамъ очень непріятна и всей Голландіи весьма непотребна, потому что намѣреніе ваше взять у Шведа на Балтійскомъ морѣ пристань, Нарву или Новые Шанцы; гдѣ ни сойдутся - постоянно толкуютъ: если пристань тамъ у него будетъ, то не меньше Француза надобно намъ его бояться, отворенными воротами всюду входить свободно будетъ.—Штаты находятся въ очень затруднительномъ положеніи, потому что по союзному договору обязаны подавать Шведу помощь; но если подадутъ эту помощь, то нарушатъ дружбу съ вами. Больше всего боятся того, что у купцовъ ихъ много товару въ Ригѣ, Нарвѣ и Ревелѣ, и хлѣбъ, который далъ имъ Шведъ вывезти изъ своихъ городовъ, весь лежитъ теперь въ Ревелѣ, и если васъ прогнѣвать, а вы эти города возьмете, то ихъ товары безвозмездно погибнутъ. Купечество здѣшнее и англійское не прочь, чтобъ этимъ городамъ быть за вами, и я, сколько могу, обѣщаю имъ большую свободу въ торговлѣ, если города эти будутъ за вами; и успокоиваю ихъ всячески, чтобъ только они не помогали Шведу и не принуждали къ тому Штатовъ своимъ докучнымъ прошеніемъ. На дняхъ былъ у меня Витзенъ съ просьбою, чтобъ вы, по милосердію своему къ амстердамскимъ купцамъ, приказали отдать имъ хлѣбъ, который теперь въ Ревелѣ, ибо они увѣрены, что этотъ городъ будетъ въ вашихъ рукахъ“... Пріѣхалъ въ Гагу король Вильгельмъ III, долго разговаривалъ съ Матвѣевымъ при всѣхъ иностранныхъ министрахъ, вспоминалъ съ великою похвалою о Петрѣ, о его высокомъ разумѣ, о мудрой правительственной дѣятельности въ такіе молодые годы, о многочисленныхъ войскахъ, какъ они собраны и обучены; жалѣлъ, что нынѣшній походъ предпринятъ въ жестокое осеннее время; не забылъ упомянуть, что ливонскіе города изстари принадлежали Россіи.

14 декабря пришла въ Гагу вѣсть о Нарвскомъ пораженіи и произвела несказанную радость. Матвѣевъ писалъ Петру: „Шведскій посолъ съ великими ругательствами, самъ ѣздя по министрамъ, не только хулитъ ваши войска, но и самую вашу особу злословитъ, будто вы, испугавшись приходу короля его, за два дни пошли въ Москву изъ полковъ, и, какія слышу отъ него руганія, рука моя того написать не можетъ. Шведы съ здѣшними, какъ могутъ, всякимъ злословіемъ поносятъ и курантами на весь свѣтъ знать даютъ, не только о войскахъ вашихъ, и о самой вашей особѣ. Здѣшніе господа ждутъ мира, потому что лучшія ваши войска побиты и генералы, пущіе промышленники, взяты въ полонъ, какихъ людей сыскать трудно, и солдатъ такихъ вскорѣ обучить невозможно“. Головину Матвѣевъ писалъ: „Жить мнѣ здѣсь теперь очень трудно: любовь ихъ только на комплиментахъ ко мнѣ, а на дѣлѣ очень холодны. Обращаюсь между ними какъ отчужденный; и отъ нареканія ихъ всегдашняго нестерпимою снѣдаюсь горестію“. Горесть увеличилась, когда Штаты прямо объявили Матвѣеву, что по старымъ союзнымъ договорамъ, теперь обновленнымъ, они обязаны во всемъ помогать Швеціи. „А съ намѣреніемъ ихъ король Англійскій николи не разлучится“, доносилъ Матвѣевъ. Въ началѣ 1701 года онъ потребовалъ отъ Голландскаго правительства, чтобъ оно, соблюдая древнюю дружбу съ царскимъ величествомъ, не велѣло принимать отъ шведскаго посла меморіаловъ, противныхъ достоинству монарха Русскаго, и запретило подкупленнымъ отъ Шведа журналистамъ (курантистамъ) печатать всякія неистовыя хулы на особу царя. Получивъ отъ своего Двора подробныя свѣдѣнія о Нарвской битвѣ, Матвѣевъ подалъ Штатамъ меморіалъ, который, по его словамъ, произвелъ свое дѣйствіе: „Зѣло дивились непостоянству и лживой перемѣнѣ Шведовъ

въ постановленьѣ перемирья съ нашими генералы, и здѣсь во весь народъ то отозвалося къ великому безславью Шведу". Шведскій посолъ Лиліенротъ заказалъ написать на французскомъ языкѣ замѣчанія на меморіалъ Матвѣева, и заказъ былъ выполненъ согласно съ желаніемъ заказчика. Замѣчанія написаны ловко и зло [1]).

Въ Голландіи и Англіи сначала сильно хлопотали о мирѣ между Россіею, Польскимъ королемъ и Швеціею, чтобъ можно было употребить шведскія и саксонскія войска противъ Франціи; но когда получены были вѣсти о сближеніи Шведскаго короля съ Франціею, то взглядъ перемѣнился. Въ мартѣ 1701 года Матвѣевъ доносилъ: „Желаютъ здѣсь продолженія войны у васъ со Шведомъ, боясь, чтобъ Карлъ XII не заключилъ союза съ Франціею и не разорилъ Нѣмецкихъ земель, какъ отецъ его, въ союзѣ съ Французомъ, разорилъ Бранденбургію. Шведскій министръ неотступно домогается у Штатовъ помощи королю его; Штаты отвѣчали ему, что они обязаны по союзнымъ договорамъ помогать его королю на западѣ, а не на сѣверѣ, потому что географія раздѣляетъ Стокгольмъ отъ Ливоніи, и они не обязаны туда помощи посылать". Голландцы находились въ большой тревогѣ: война съ Франціею за Испанское наслѣдство была неизбѣжна и требовала огромныхъ усилій; а тутъ Шведъ требуетъ по союзнымъ договорамъ помощи, требуетъ 300,000 талеровъ. Матвѣевъ представляетъ, что нельзя Голландіи давать помощь одной изъ воюющихъ сторонъ, когда она взялась быть посредницею; Шведъ настаиваетъ, чтобъ или дана была немедленно помощь, или данъ былъ рѣшительный отказъ, и въ этомъ послѣднемъ случаѣ грозитъ вступить въ союзъ съ Франціею, и въ то же время Шведы распускаютъ слухи, что царь Петръ сошелъ съ ума; съ другой стороны французскій посолъ въ Гагѣ ласкается къ Матвѣеву, домогается свободной торговли для Французовъ у Архангельска, что сильно не нравится Голландцамъ; шли толки, что царь вступаетъ въ союзъ съ Франціею изъ боязни, чтобъ Людовикъ XIV не поднялъ султана на Россію. Въ началѣ іюля пріѣхалъ въ Гагу Вильгельмъ III; на аудіенціи, которую имѣлъ у него Матвѣевъ, король обѣщалъ „прилагать всѣ способы къ благопостоянству дружбы съ царемъ"; приказалъ донести Петру, что перешлется съ курфюрстомъ Бранденбургскимъ насчетъ посредничества и постарается привести дѣло къ лучшему порядку. Эти дальнія обѣщанія и общія фразы не значили ничего. Петръ въ глазахъ Вильгельма былъ побѣжденный государь варварскаго народа, наказанный за дерзкое предъявленіе правъ на могущество и цивилизацію; Вильгельмъ холодно обходился теперь съ Матвѣевымъ, ласково съ шведскимъ посломъ, и Матвѣевъ поспѣшилъ донести Петру: „Извѣстился я подлинно, что король внутренно къ вамъ не склоненъ и во всемъ пріятель добрый и надежный Шведу". Но эта добрая и надежная пріязнь не простиралась также далѣе ласковыхъ словъ; когда шведскій посланникъ началъ и у него требовать помощи, то онъ обратился къ нему спиною и сказалъ своимъ: „Время о себѣ думать, а не чужимъ помогать".

Изъ всего было видно, что если англійское и голландское посредничество не поведетъ ни къ чему, за то Россіи нечего бояться, что эти морскія державы дадутъ помощь Шведскому королю. Матвѣевъ особенно прославлялъ услуги Витзена. „Господинъ Витзенъ нашъ истинный и вѣрный служитель во всемъ; надежнѣе его изъ голландскихъ персонъ къ сторонѣ вашей здѣсь нѣтъ. Будучи президентомъ Штатовъ въ три самые опасные для насъ мѣсяца, удержалъ отъ посылки помощи и денегъ Шведу, о чемъ я неотступно ему докучалъ письмами изъ Гаги. Отъ этого теперь онъ въ большомъ подозрѣніи у Штатовъ; шведскій посолъ прямо жаловался на него пенсіонарію, что онъ вамъ прямой доброхотъ, ружье тайно къ Архангельску изъ Амстердама пропустилъ; посолъ объявилъ пенсіонарію имена тѣхъ купцовъ, которые ставили вамъ ружье и другіе воинскіе припасы, и пенсіонарій писалъ Витзену за это укорительное письмо". Поставщиками ружей для Россіи были Гаутманъ и Брантъ, которые, съ помощію Витзена, тайкомъ вывозили изъ Голландіи въ Любекъ, откуда моремъ въ Россію. Брантъ посѣщалъ Матвѣева тайкомъ, потому что Шведы всюду его искали убить. Матвѣевъ пріискивалъ также слюзныхъ мастеровъ, каменьщиковъ съ ихъ учениками, художниковъ шпажнаго желѣзнаго дѣла.

Въ началѣ 1702 года Матвѣевъ донесъ царю, что Штаты дали денегъ Шведскому королю. По этому случаю онъ имѣлъ разговоръ съ пенсіонаріемъ, который объяснилъ, что по союзнымъ договорамъ Штаты обязаны послать деньги Шведу, но, по дружбѣ къ царю, не посылали до сихъ поръ; теперь послали нѣсколько тысячъ талеровъ, но не на помощь противъ Русскихъ, а въ видѣ подарка, какъ и Англійскій король ему послалъ по той причинѣ, что король Французскій всячески привлекалъ его съ собою въ союзъ, и обѣщалъ многіе милліоны, лишь бы только Шведъ оставался нейтральнымъ и продолжалъ войну съ Россіею. Пенсіонарій окончилъ свою рѣчь увѣреніемъ, что Штаты не дадутъ больше Шведу денегъ ни гроша на продолженіе Сѣверной войны, и будутъ попрежнему употреблять все старанiе, чтобъ доставить царю выгодный и честный миръ, благодаря которому въ обоихъ государствахъ, и въ Россіи, и въ Швеціи, торговля ихъ усиливалась бы.

---

[1]) Lamberti — Mémoires pour servir à l'histoire de XVIII siècle, I, 273; L'ambassadeur de Suède, à qui la copie de ce mémoire (Матвѣева) était parvenue, en fit des risées avec les autres ministres étrangers. Même, pour en divertir le public, il fit faire par le turlupinant auteur (Gueudeville) de l'Esprit ou Nouvelles des Cours, quelques remarques sur le memoire, qu'il fit imprimer fort clandestinement et en petit nombre. Замѣчанія напечатаны въ той же книгѣ.

Пришелъ чередъ и Матвѣеву объявлять иностраннымъ министрамъ и въ куранты вносить объ успѣхахъ русскаго войска въ Ливоніи. Пенсіонарій поздравлялъ его съ этими успѣхами и выражалъ надежду, что теперь Шведъ склонится къ миру съ Россіею и Польшею; съ сердцемъ разсказывалъ пенсіонарій, что труды Штатовъ къ примиренію на сѣверѣ до сихъ поръ оставались тщетными потому, что Шведскій король не только не допускалъ къ себѣ ихъ министра, но отослалъ его отъ себя въ Ригу, а оттуда принуждаетъ ѣхать въ Стокгольмъ.

Желая доставить войскамъ своимъ хорошую школу и заставить Англію, Голландію и императора хлопотать въ интересахъ Россіи; имѣя также большую нужду въ деньгахъ, Петръ писалъ Матвѣеву, чтобъ предложилъ Штатамъ за деньги отрядъ русскаго войска на помощь противъ Французовъ; Матвѣевъ отвѣчалъ: „О перепускѣ войскъ вашихъ за деньги господамъ Статамъ усердно радѣть буду, а вскорѣ того учинить нельзя, для того, чтобъ они больше пожелали сами того, нежели мнѣ ихъ о томъ просить; а если мнѣ явно набиваться, тогда за малую цѣну или за ничто похотятъ тотъ со мною трактатъ учинить“. Штаты отклонили предложеніе, объявивъ, что войска ихъ какъ сухопутныя, такъ и флотъ укомплектованы уже, и потому договоръ долженъ быть отложенъ. Но было явно, что Голландцамъ не нужны были русскія войска, потерявшія при Нарвѣ репутацію, потому что Штаты не переставали домогаться у Карла XII шведскаго вспомогательнаго отряда.

Лѣтомъ пріѣхалъ въ Гагу инкогнито Прусскій король, Фридрихъ I, которому хотѣлось быть штатгалтеромъ Голландскимъ на мѣсто умершаго Вильгельма III. Матвѣевъ писалъ о своихъ отношеніяхъ къ нему: „Я нахожусь при Дворѣ его безотлучно; по наружности онъ ко мнѣ чрезвычайно милостивъ и разговариваетъ со мною часто по-латыни. О васъ отозвался съ великимъ почтеніемъ, какъ вы изволили сами видѣть свѣтъ не по прежнему обычаю, и потому свое государство во всемъ мудро обновили и науку позволили, что прежде подъ смертною казнью было заказано, и повелѣли своимъ подданнымъ ѣздить по свѣту свободно; а еслибъ вы не были сами вездѣ, то все такъ бы не управилось“.

Въ началѣ 1703 года Матвѣевъ опять объявилъ Витзену о желаніи царя, чтобъ Штаты взяли въ свою службу изъ Архангельска 4,000 русскихъ матросовъ. Витзенъ отвѣчалъ, что дѣло неудобное: если посылать въ Архангельскъ за этими матросами голландскіе корабли, то они возвратятся очень поздно, когда уже флотъ уйдетъ въ море; потомъ адмиралы говорятъ, что имъ очень трудно будетъ управляться съ людьми, незнающими по-голландски и необученными ихъ голландскимъ морскимъ пріемамъ. Витзенъ прибавилъ, что гораздо удобнѣе было бы принять въ голландскую службу пѣхотныя русскія войска, которыя, будучи розданы по разнымъ полкамъ, скорѣе бы выучились. Витзенъ не совѣтовалъ Матвѣеву дѣлать прямо предложенія Штатамъ: дѣло не состоится, а между тѣмъ пустая молва разойдется по иностраннымъ министрамъ. Матвѣевъ изъ словъ Витзена заключилъ, что „имъ то зѣло ненадобно, чтобъ нашъ народъ морской наукѣ обученъ былъ“.

Англійское и Голландское правительства не переставали увѣрять, что употребляютъ всѣ усилія для водворенія мира на сѣверѣ; но, по увѣренію Матвѣева, все это было только на словахъ: „Отъ Штатовъ и королевы Англійской благопотребнаго посредства къ окончанію войны нечего чаять; они сами васъ боятся, такъ могутъ ли стараться о нашемъ интересѣ или прибыточномъ мирѣ и сами отворить дверь вамъ ко входу въ Балтійское море, чего неусыпно остерегаются, трепещутъ великой силы вашей не меньше, какъ и Француза. — Подлинно увѣдомленъ я, что Англія и Штаты тайными наказами къ своимъ министрамъ въ Польшѣ домогаются помирить Шведа съ одною Польшею безъ васъ, для своего особаго прибытка. Если Шведъ помирится съ Поляками, то, думаютъ они, противъ одного васъ ему не нужно будетъ столько войска и часть его онъ можетъ перепустить имъ; если даже Шведъ станетъ воевать противъ васъ со всѣми своими силами и имъ не дастъ ничего, то Польскій король, помирившись съ нимъ, свои саксонскія войска перепуститъ Цесарю. Недавно англійскій посланникъ имѣлъ съ своими друзьями тайный разговоръ о сѣверныхъ дѣлахъ, причемъ случился одинъ мой знакомецъ. Посланникъ увѣренно сказалъ, что скоро у Шведа съ Польшею будетъ миръ. Знакомый мой замѣтилъ, что нельзя этому статься, потому что трудно будетъ уладиться съ царемъ; посланникъ отвѣчалъ, что до мира съ царемъ имъ нѣтъ нужды; и когда другой кто-то замѣтилъ, что король Польскій никогда безъ Россіи не помирится съ Шведомъ, то посланникъ прямо сказалъ: „Найдемъ мы способы короля Польскаго, разлучивъ съ царемъ, помирить съ Шведомъ“.—„То Англичанъ и здѣшнихъ прямое намѣреніе, пишетъ Матвѣевъ, чтобъ не допустить васъ имѣть какую-нибудь пристань на Балтійскомъ морѣ; отнюдь не хотятъ они и слышать такого сосѣдства ближняго. Хотя они ласковыми лицами поступаютъ, только ихъ сердце николи не право передъ вами“ Наконецъ и толки о посредничествѣ должны были прекратиться; Карлъ XII прямо отвергнулъ его, объявивши, что принятіемъ посредничества не хочетъ лишить себя помощи Англіи и Голландіи, выговоренной въ союзномъ договорѣ между ними и Швеціею. 11 августа Матвѣевъ донесъ, что Штаты подписали подтвержденіе старыхъ своихъ договоровъ съ Швеціею, причемъ съ обѣихъ сторонъ обязались не соединяться съ непріятелями другъ друга; Шведскій король, по окончаніи Сѣверной войны, обязанъ дать Голландіи 10,000 войска на ея содержаніи, и во время войны Штаты могутъ, за извѣстную сумму денегъ, имѣть вспомогательный шведскій отрядъ, но обязаны возвратить его королю по первому востребованію. По секретному артикулу, Шведскій король обязуется вступить въ общій союзъ съ Англіею и Голландіею; но артикулъ этотъ будетъ подтвержденъ въ Стокгольмѣ. Послѣ этого Штаты объявили Матвѣеву, что они не постановили съ Шведомъ никакого договора, вреднаго его царскому величеству, и впередъ ни съ нимъ и ни съ кѣмъ другимъ не постановятъ.

22 марта Матвѣевъ сообщилъ своему Двору любопытныя новости: прусскій министръ-резидентъ въ Гагѣ, Шметтау, объявилъ голландскимъ депутатамъ на конференціи, что король его велѣлъ занять своимъ войскомъ городъ Эльбингъ за нерасплату Рѣчи Посполитой Польской, и будетъ держать этотъ городъ у себя до тѣхъ поръ, пока Поляки не удовлетворятъ его совершенно по прежнимъ договорамъ. Секретныя письма изъ Берлина говорятъ о крѣпкой дружбѣ Прусскаго короля съ Шведскимъ: Прусскій домогается всѣми силами у Шведскаго, чтобъ Польская Пруссія отошла къ нему и чтобъ Августъ II былъ свергнутъ съ Польскаго престола; по другимъ письмамъ изъ Берлина и изъ Саксоніи, король Польскій вошелъ въ тайную переписку съ королемъ Шведскимъ и Прусскимъ; цѣль союза между тремя королями—раздѣлъ польскихъ владѣній: король Фридрихъ I получаетъ Польскую Пруссію, Карлъ XII—Ливонію и Литву, Августъ II становится неограниченнымъ государемъ Польши. Наконецъ получены были извѣстія, что Прусскій король тайно предлагалъ Рѣчи Посполитой: если Поляки отдадутъ ему свою Пруссію, то онъ вступитъ съ ними въ союзъ противъ Шведовъ.

Въ концѣ 1703 года Матвѣевъ поѣхалъ въ Амстердамъ, гдѣ первымъ дѣломъ его было повидаться съ Витзеномъ, „общимъ нашимъ вѣрнымъ пріятелемъ“. Объявляя свои нижайшія услуги его царскому величеству, Витзенъ обнадеживалъ вѣрно, что хотя бы трактатъ, обновленный у Штатовъ съ Шведомъ, и былъ присланъ сюда подписанный Карломъ XII, все же Штаты теперь не въ состояніи дать Шведу денежную ссуду по его желанію, потому что имъ самимъ деньги очень нужны при этой войнѣ; пусть царское величество на его слово будетъ надеженъ. Въ Амстердамѣ въ это время, подъ надзоромъ вице-адмирала Крюйса, находившагося въ русской службѣ, жили „русскіе робята“, учившіеся по-голландски и по-французски; Матвѣевъ всѣхъ ихъ пересмотрѣлъ, и нашелъ ихъ изрядно выученными какъ письму, такъ и порядку здѣшнему. Число ихъ скоро увеличилось: къ Матвѣеву явилось 16 человѣкъ Холмогорцевъ, отправленныхъ по царскому указу съ Двины за море для науки, на новомъ кораблѣ „Св. Апостолъ Андрей“, принадлежавшемъ Холмогорцу Осипу Баженину; флагъ и пасъ на кораблѣ были русскіе, а корабельщикъ Класъ Веестеръ. Французскіе каперы захватили корабль, отвели въ Дюнкирхенъ, и людей, ограбя донага, отпустили. Матвѣевъ отослалъ Холмогорцевъ къ Крюйсу, чтобъ роздалъ ихъ въ науку, кто куда годится.

Матвѣевъ подробно извѣщалъ свое правительство о сношеніяхъ Англіи и Голландіи съ Швеціею, о содержаніи договора, между ними заключеннаго; но вдругъ Паткуль, которому хотѣлось, чтобъ на всѣхъ дипломатическихъ постахъ были Нѣмцы, а онъ, живя въ Дрезденѣ или Гагѣ, былъ генералъ-плениипотенціаріемъ [1]), завѣдывалъ всѣми посольствами въ Европѣ,—Паткуль пишетъ Головину, что Матвѣевъ ничего не знаетъ о трактатѣ Голландіи съ Швеціею: „Еслибъ я зналъ заранѣе объ этомъ, то я поѣхалъ бы изъ Дрездена въ Голландію инкогнито и нашелъ бы средство воспрепятствовать договору“.—Такъ обыкновенно отзывался Паткуль: всѣ другіе, особенно Русскіе, ничего не умѣютъ сдѣлать, онъ одинъ все можетъ сдѣлать, позабывая, что ничего не могъ сдѣлать ни въ Вѣнѣ, ни въ Берлинѣ, ни въ Дрезденѣ. Паткуль написалъ и Матвѣеву о голландскомъ трактатѣ съ Швеціею, написалъ своимъ обычнымъ тономъ, который такъ оскорбилъ Матвѣева, что тотъ прекратилъ съ нимъ сношенія, и написалъ своему Двору: „Писалъ ко мнѣ г. Паткуль, что будто тамъ слышалъ онъ о нѣкоторомъ еще новомъ союзѣ у Штатовъ съ Шведомъ,—то самая лжа и ничего того отнюдь не бывало“.

По возвращеніи въ Гагу, Матвѣева ждало непріятное письмо отъ Головина: „Изволь попроситься немедленно въ конференцію и предложить Штатамъ, что присланъ къ тебѣ нарочно указъ великаго государя, велѣно имъ объявить: какъ прежде царское величество чрезъ ихъ посредство не отрицался честнаго мира съ Швеціею, такъ и теперь не отрицается безъ всякихъ большихъ вымогательствъ и тяжкихъ запросовъ, хотя въ продолженіе двухъ послѣднихъ лѣтъ и счастливо ведетъ войну“ Матвѣевъ отвѣчалъ, что не можетъ ничего сдѣлать, не посовѣтовавшись съ Витзеномъ; а поспѣшить предложеніемъ — значитъ показать себя трусомъ при такихъ великихъ побѣдахъ надъ Шведами: „Какъ бы я ловко ни прикрывалъ настоящей цѣли своего предложенія, но они по бѣглости своего ума и науки тотчасъ дознаются въ чемъ дѣло; притомъ же вамъ хорошо извѣстно, что они явно отказались уже отъ посредничества по той причинѣ, что Шведы этого посредничества не приняли; три года уже какъ они отправили къ Шведу своего посланника для посредничества, и до сихъ поръ даже прямаго отвѣта не получили. Теперь они съ Англіею хлопочутъ не о мирѣ Польши съ Швеціею, но о томъ только, чтобъ Шведъ не овладѣлъ Данцигомъ ко вреду торговлѣ обѣихъ морскихъ державъ. Такъ если бы я и сталъ нѣкоторыми околичностями предлагать о посредничествѣ, то изъ этого ничего бы не вышло. Обновленный между ними и Шведомъ договоръ не подписанъ. Штаты въ деньгахъ шведскому министру, подъ предлогомъ войны, отказали, что королю Шведскому очень непріятно. Я въ послѣднемъ меморіалѣ моемъ говорилъ Штатамъ о силѣ моего монарха, о счастіи его оружія, а теперь вдругъ стану искать чрезъ ихъ посредство мира, какъ будто мы увидали совершенное свое безсиліе предъ непріятелемъ! Еслибы я не только на явной конференціи, даже на тайныхъ разговорахъ объявилъ намѣреніе царскаго величества, то это сейчасъ же будетъ въ ушахъ у Шведа;—и если пользы нельзя ждать никакой, то нужно ли открываться? Другое дѣло, еслибъ царское величество изволилъ вступить въ союзъ съ Англіею и Штатами, какъ съ державами, чрезвычайно сильными торговлею. Это дѣло теперь нужнѣе намъ другихъ, потому что государь отъ прямыхъ своихъ союзниковъ совершенно оставленъ безъ помощи, а съ противной стороны—союзъ между двумя сильными державами, Швеціею и Пруссіею; и еслибы съ нашей стороны было сдѣлано Англіи и Голландіи предложеніе о союзѣ, то эти державы, не желая допустить насъ къ французскому союзу и предусматривая непостоянство Шведскаго и Прусскаго королей, которыхъ подозрѣваютъ въ союзѣ съ Французомъ, безъ труда приняли бы наше предложеніе. Ратъ-пенсіонарій мнѣ говорилъ, для чего государевы войска, удовольствовавшись взятіемъ малыхъ городковъ, упустили благопріятное время и большихъ поисковъ въ Лифляндіи не сдѣлали? жалѣлъ, что не были взяты ни Ревель, ни Нарва; опасался, что Шведъ, въ союзѣ съ Прусскимъ, легко одолѣетъ Польшу и обратитъ все свое оружіе противъ государства Московскаго“.

---

[1]) Москов. архивъ Мин. Ин. Д., дѣла Польскія 1704 г.

Матвѣевъ не могъ быть покоенъ, ослушавшись царскаго указа; но, къ счастію, онъ скоро былъ выведенъ изъ бѣды; самъ ратъ-пенсіонарій заговорилъ съ нимъ о возобновленіи посредничества. Матвѣевъ поспѣшилъ отвѣчать: „Если Шведъ признаетъ Штаты за посредниковъ и Штаты сами будутъ ходатайствовать объ этомъ мирѣ у его царскаго величества и предложатъ о томъ мнѣ здѣсь, то безъ сомнѣнія великій государь не изволитъ имъ отказать“. Матвѣевъ усмотрѣлъ пенсіонарія зѣло удовольствована и догадался, что Штаты вызвались снова къ посредничеству изъ боязни, чтобъ этой роли не взялъ на себя король Французскій, потому что пенсіонарій выдалъ себя, спросивши тутъ же у Матвѣева: „А что, французскій министръ еще живетъ при Дворѣ вашемъ, и что слышно о дѣлахъ вашихъ съ нимъ?“ Матвѣевъ отвѣчалъ, что ничего не знаетъ. При разговорѣ присутствовалъ и вице-адмиралъ Крюйсъ, который пріѣзжалъ благодарить пенсіонарія за данное наконецъ Штатами согласіе на принятіе въ голландскую службу 1,000 русскихъ матросовъ. Матвѣевъ давалъ знать, что это согласіе получено „чрезъ великіе труды“ его, Матвѣева, и Крюйса, который неотступно домогался его у Амстердамскаго адмиралтейства; и еслибъ не это адмиралтейство, то конечно бы Штаты другихъ провинцій не согласились.

Предложеніе посредничества было сдѣлано именно только съ цѣлію ослабить подозрѣваемое французское вліяніе въ Россіи. Витзенъ прямо говорилъ Матвѣеву, что напрасно царь держитъ французскаго резидента въ Москвѣ: это шпіонъ, который доноситъ обо всемъ не только своему Двору, но и Шведскому. Головинъ писалъ Матвѣеву, чтобъ тотъ старался распалять злобу Англичанъ и Голландцевъ противъ Шведа. Матвѣевъ отвѣчалъ: „Неоплошно радѣю и, сколько могу, всѣми силами на то простираюся. Хотя Англія и Штаты, вѣдая внутреннее слученіе Шведа съ Французомъ, душевно къ нему злобны, однакоже при нынѣшней своей жестокой войнѣ опасаются его раздражить, чтобъ онъ, Шведъ, явственно отлучась отъ нихъ, не вступилъ въ новый союзъ. Только я нынѣ, на всякую недѣлю уставилъ быть въ своемъ домѣ собранію всѣмъ здѣшнимъ первымъ господамъ и госпожамъ, для собранія и забавы картами и иныхъ утѣхъ, чтобы тѣми могъ способнѣе, угождая имъ, въ тѣхъ вышесказанныхъ дѣлахъ лучшій способъ къ пользѣ и волѣ монаршей учинить, хотя мнѣ и со многимъ убыткомъ на всякой день тотъ ихъ пріемъ къ себѣ станетъ“.

Но вечеринки посланника для первыхъ господъ и госпожъ никакъ не могли искоренить въ Голландцахъ подозрѣнія насчетъ усилія Россіи на Прибалтійскихъ берегахъ. Матвѣевъ писалъ, что онъ узналъ секретъ: Англія и Штаты чрезъ своихъ министровъ домогаются тайно у Датскаго Двора, чтобъ тотъ не вступалъ въ крѣпкій союзъ съ Русскимъ царемъ, ибо если царь укрѣпится въ Ливоніи и Балтійское море будетъ за нимъ, то не только Москва пресѣчетъ англійскую и голландскую торговлю, но и самой Даніи будетъ грозить постоянная опасность. Ратъ-пенсіонарій былъ постоянно на шведской сторонѣ противъ Россіи, и на домогательства Матвѣева, чтобъ Штаты объявили себя противъ сверженія Августа II съ Польскаго престола, сказалъ: „Вашъ государь сколько тысячъ денегъ своихъ передавалъ королю Польскому, а тотъ истратилъ ихъ на пустяки“. Пенсіонарія надули, по выраженію Матвѣева, посланники Прусскій и Ганноверскій, великіе во всемъ Россіи непріятели. Вмѣстѣ съ пенсіонаріемъ, противъ Россіи за Швецію былъ и знаменитый герцогъ Мальборо, о которомъ Матвѣевъ писалъ: „Боюсь, чтобъ онъ, случась съ министромъ шведскимъ, прусскимъ, ганноверскимъ и пенсіонаріемъ, пакости въ нашемъ дѣлѣ какой не учинилъ“. Для предупрежденія пакости, Матвѣевъ просилъ Головина прислать подарки „здѣшнимъ надобнымъ особамъ: истинно безъ того великія нахожу трудности здѣсь во всемъ. Голландцы всѣ трусятъ передъ Шведомъ, будто подданные его, а Мальбургъ довольною мошною денегъ отъ стороны Шведовой конечно ослѣпленъ“. Въ апрѣлѣ Матвѣевъ имѣлъ свиданіе съ Мальборо и прямо сказалъ ему: „Англія и Голландія по какой нуждѣ Шведа имѣютъ за всесвѣтнаго монарха, его опасаются во всемъ и всегда и ничѣмъ противнымъ ни нудятъ къ честному примиренію, всегда все дѣлаютъ, какъ его послушники, а онъ, видя то, ни во что ихъ ставитъ и пуще въ гордыя вступаетъ несклонности“.—„Что же дѣлать?“ отвѣчалъ Мальборо: „мы очень хорошо знаемъ о пересылкахъ Шведа и польскаго примаса съ Франціей насчетъ сверженія короля Августа и возведенія на его мѣсто принца Конти; знаемъ, что Шведъ Фабриціусъ отправленъ въ Константинополь, чтобъ тамъ, вмѣстѣ съ французскимъ посланникомъ, возбудить Порту къ войнѣ съ Россіею; все мы это знаемъ, но, будучи заняты Французскою войною, не можемъ начать войны съ Швеціею. Королевѣ осталось одно: послать строгіе указы къ своему министру-резиденту при Шведскомъ Дворѣ, чтобъ тотъ, вмѣстѣ съ голландскимъ министромъ, неотступно радѣлъ о примиреніи польскихъ междоусобій и о всеобщемъ мирѣ въ сѣверныхъ странахъ. Если Шведъ останется и теперь при прежнемъ своемъ упорствѣ, то Англія будетъ съ нимъ поступать непріятельски; и при этомъ мы вмѣстѣ съ Штатами больше всего боимся за нашего союзника Цесаря; если Шведъ на насъ разсердится, то вступитъ въ явный союзъ съ Франціею и, соединясь съ курфирстомъ Баварскимъ, нападетъ на Силезію и Австрію“. Въ конференціи, которую, имѣлъ шведскій посланникъ въ Гагѣ съ голландскими правителями, тѣ спросили его, зачѣмъ Карлъ XII хочетъ свергнуть съ престола Польскаго короля.—„А зачѣмъ вы сами“, отвѣчалъ посланникъ, „согнали съ престола Англійскаго короля Іакова, и теперь хотите согнать съ Испанскаго престола герцога Анжу“? Въ той же конференціи посланникъ объявилъ, что царь сдѣлалъ его королю мирныя предложенія чрезъ прусскаго министра-резидента въ Москвѣ, требуетъ себѣ отъ Швеціи только одной морской пристани и больше ничего; но Карлъ XII объ этомъ и слышать не хочетъ, потому что отъ русской пристани на Балтійскомъ морѣ не только Швеціи, но Англіи, Даніи и Голландіи будетъ большое препятствіе въ торговлѣ. Это, разумѣется, заставило Матвѣева внушить Голландцамъ, что отъ русской гавани на Балтійскомъ морѣ имъ могутъ быть только однѣ выгоды, и что маленькій русскій флотъ назначается только для обороны этой гавани, а не для утвержденія русскаго владычества на моряхъ. Матвѣевъ писалъ Головину: „Чтобъ заключить торговый договоръ съ Англіей и Голландіей и на Балтійскомъ морѣ установить съ ними вѣчную прибыльную торговлю—неусыпные труды и радѣнія прилагать буду у Штатовъ и министровъ англійскихъ, и стану всячески искать случая, какимъ бы могъ способомъ въ тѣ дѣла порядочно и честно вступить къ полезному совершенству; только такое великое дѣло требуетъ своего благовременнаго часа и нѣкотораго обожданія, а вскорѣ переломить того у нихъ нельзя и нечестно будетъ“.

Матвѣевъ толковалъ о томъ, какъ бы порядочно и честно вступить въ дѣло. Паткуль считалъ Матвѣева неспособнымъ дипломатомъ и имѣлъ другіе взгляды. Паткуль далъ знать Матвѣеву, чтобъ онъ вошелъ въ сношеніе съ датскимъ посланникомъ въ Гагѣ по весьма важному дѣлу. Дѣло состояло въ томъ, что Паткуль писалъ датскому посланнику, обѣщая переводить въ Гагу деньги для задариванія голландскихъ правителей и побужденія ихъ къ войнѣ съ Швеціею. „Вамъ, моему государю, извѣстно подлинно, писалъ Матвѣевъ Головину, что здѣсь развѣ малыми какими потѣшками, винами или другими вещами, частыми и богатыми обѣдами довольствуются, а на денежныя дачи, хотя бы горы золота имъ были предложены, никакъ не польстятся. Государи присылаютъ имъ подарки, но это считается за простую учтивость, а не за посулы, и если я стану сулить имъ деньги, то явлюсь въ ихъ глазахъ бездѣльникомъ и запятнаю свой высокій характеръ. Другое дѣло предложить Штатамъ или королю Датскому большую сумму денегъ, чтобъ они за эти субсидіи объявили войну Швеціи; а если кого можно подкупить, то это фаворита королевы Англійской, Мальбурга, чтобъ онъ былъ весь на нашей сторонѣ, и если Англія согласится на Шведскую войну, то здѣсь будутъ этому очень рады“ [1].

Постоянно слѣдя чрезъ Голицына и Матвѣева за Австріею, Голландіею и Англіею, хлопоча о томъ, нельзя ли отъ этихъ державъ получить какой-нибудь помощи или, по крайней мѣрѣ, удержать ихъ отъ поданія помощи Шведамъ, Петръ не хотѣлъ оставить безъ вниманія и враждебной имъ Франціи. Въ Парижѣ съ 1703 года жилъ дворянинъ Постниковъ безъ посланническаго однако характера. Къ нему пересылались изъ Россіи извѣстія о побѣдахъ царскихъ войскъ надъ Шведами; эти извѣстія Постниковъ переводилъ на французскій языкъ и передавалъ министру иностранныхъ дѣлъ, который показывалъ ихъ королю. Но одними извѣстіями о военныхъ успѣхахъ Постниковъ не довольствовался; онъ писалъ Головину: „Извольте приказать присылать ко мнѣ сюда краткія выписочки указовъ, обновленія законовъ и иныхъ новоизобрѣтенныхъ распоряженій къ лучшему управленію, которыя его величествіе, хотя и воинскими отягченъ дѣлами, изволилъ повелѣвать публично объявлять, яко истинный отечествія и народа своего отецъ, понеже здѣсь всѣ хотятъ радостно знать не только всеславное начинаніе воинскихъ отправленій по сухому и морскому пути, но и доброе и сладкое управленіе, которымъ сей присно-хвалительный суверенъ начальствуетъ надъ тако многочисленными народами. Извольте кому приказать особливое имѣть попеченіе собирать изъ приказовъ указы и присылать ко мнѣ, которые будутъ вѣдомы во всей Европѣ для славы его царскаго величествія и нашего отечествія, а наипаче извольте пожаловать прислать ко мнѣ подлинное описаніе флоты нашея, сколько кораблей сдѣланныхъ и которые дѣлаются и проч. Таковымъ бо славнымъ дѣломъ его величествія весьма надобно вѣдомымъ быти при семъ славномъ Дворѣ и написательнымъ единымъ языкомъ, которымъ едва не вся говоритъ Европа".

---

[1] Москов. архивъ Мин. Ин. Дѣлъ, дѣла Голландскія означ. годовъ.

Увѣдомляя Головина, что Французскій Дворъ послалъ неизвѣстно зачѣмъ одного іезуита въ Константинополь, Постниковъ прибавляетъ: „Сей солдатъ компаніи Іисусовы по арабски основательно знаетъ, и егда преобразится платьемъ и чалму надѣнетъ, немощно узнать его, Іисусовъ ли ученикъ или дьявольскій, не токмо церкви, но и государственнымъ дѣламъ надобны іезуиты и всегда годны сіи верхоглавые отцы содружества Іисусова". Какъ всѣ русскіе резиденты въ то время, такъ и Постниковъ имѣлъ порученія покупать въ Парижѣ разные инструменты, нанимать въ царскую службу искусныхъ людей, заказывать шитыя золотомъ платья. Наемъ французскихъ мастеровъ не удавался. Получивъ изъ Россіи приказаніе нанять 12 хирурговъ, или цирюликовъ, Постниковъ обратился къ министру де-Торси съ просьбою исходатайствовать на этотъ счетъ королевское позволеніе; Торси потребовалъ, чтобъ охотники названы были по именамъ и прибавилъ: „Куда имъ ѣхать?—поѣдутъ ли они!" Сильная потребность въ подобныхъ людяхъ и для французской арміи набивала цѣну: хорошіе цирюлики требовали по 1,000 французскихъ ефимковъ въ годъ, и „кромѣ сего", писалъ Постниковъ, „чаютъ въ край свѣта ѣхать къ Москвѣ, и дьяволъ ихъ знаетъ, что говорятъ; егда слышатъ Москву нашу, чаютъ, что она съ Индіями граничитъ". Притомъ цирюлики требовали ручательства, что всѣ обѣщанія будутъ исполнены и не вѣрили Постникову, какъ неимѣющему посланническаго характера.

Сверженіе короля Августа съ престола Польскаго, провозглашенное частію Поляковъ, разумѣется, поднимало вопросъ, не призовется ли на Польскій престолъ прежній кандидатъ, принцъ Конти? Постниковъ давалъ знать, что наврядъ Конти объявитъ себя вторично кандидатомъ на Польскій престолъ: денегъ нѣтъ; Постниковъ сообщилъ также, что сильное впечатлѣніе при Дворѣ Людовика XIV произвелъ манифестъ Петра къ Полякамъ; понравились начала, провозглашенныя Петромъ, который принялъ въ свою защиту права вѣнценосныхъ главъ, ни отъ кого не зависящихъ „только отъ единаго вышняго надъ всѣми суверенствующаго Бога противъ неистовой быстроты злѣйшихъ бунтовъ", и училъ многомятежныхъ Поляковъ болѣе уважать слова священнаго писанія: „Не касайтесь помазаннымъ моимъ".

Одновременно съ отправленіемъ Постникова во Францію, въ Россію пріѣхалъ французскій чрезвычайный посланникъ Балюзъ. 15 марта 1703 года былъ у него съ Головинымъ тайный разговоръ: „Королевское величество", говорилъ Балюзъ, „слышалъ, что царское величество по многимъ случаямъ недоволенъ союзомъ съ цесарскимъ величествомъ; и дѣйствительно народъ Нѣмецкій непостояненъ въ дружбѣ совершеннаго окончанія ни съ однимъ государемъ не сохраняетъ; а постоянство короля Французскаго въ союзахъ вамъ вѣрно извѣстно не изъ нынѣшнихъ только слуховъ, но и изъ книгъ многихъ. Я теперь присланъ отъ короля для заключенія союза между обоими великими государями. Донесите царскому величеству, чтобъ изволилъ объявить статьи, на которыхъ желаетъ заключить союзъ съ королевскимъ величествомъ" Головинъ отвѣчалъ, что посланникъ долженъ прежде объявить статьи, на которыхъ король его хочетъ заключить союзъ. „Царскому величеству ради какихъ мѣръ, не видя никакихъ полезныхъ странѣ своей дѣлъ, что какая изъ того будетъ польза, вступать въ союзъ съ государемъ вашимъ, оставя прежнихъ своихъ союзниковъ, съ которыми у Франціи ведется нынѣ война немалая. И если царскому величеству вступить въ безполезный себѣ какой союзъ съ Франціею, то безславіе себѣ только учинитъ и старыхъ союзниковъ потеряетъ, а утаить этого будетъ нельзя; и если королевскому величеству потребенъ союзъ съ царскимъ величествомъ, то объявите подлинно, чѣмъ королевское величество удовольствуетъ царское величество за вступленіе въ союзъ, а съ нашей стороны объ этомъ союзѣ никогда предложенія не было". Балюзъ отвѣчалъ, что ему ничего не наказано насчетъ объявленія условій союза, но что онъ будетъ писать объ этомъ къ королю—какой будетъ отвѣтъ.

Но отвѣта не было, и Балюзъ въ мартѣ 1704 года выѣхалъ изъ Россіи; а между тѣмъ, какъ мы видѣли, дюнкиркенскіе каперы схватили русскій корабль „Св. Андрей Первозванный", принадлежавшій братьямъ Баженинымъ, и другой, принадлежавшій Елизару Избранту. Постниковъ писалъ Головину: „Здѣшній Дворъ великою злобою и противностію дышетъ на интересы его священнаго царскаго величества, и нынѣ сей огнь, подъ пепломъ притворной политики таящійся, открылся: корабль нашъ въ совѣтѣ королевскомъ морскомъ предъ самимъ королемъ конфискованъ и со всѣми товарами отписанъ на короля; отъ какой причины король подвигся къ сему, лучше меня вы, чаю, изволите вѣдать, ибо я не знаю, чего у васъ требовалъ посланникъ французскій. Тотъ же совѣтъ не удержалъ вѣски правосудія въ равности, потому что шведскій корабль, взятый французскими же пиратами, отданъ назадъ по прошенію посланника шведскаго и со всѣми товарами. Извольте видѣть, какъ открытымъ лицемъ здѣшній Дворъ ласковую приклонность оказуетъ Шведамъ, а не намъ, и дѣйствуетъ безстыдно противъ народнаго права, яко юристы говорятъ".

Для улаженія дѣлъ о корабляхъ, осенью 1705 пріѣхалъ въ Парижъ также безъ **характера**, Андрей Артамоновичъ Матвѣевъ. „Городъ Парижъ, писалъ онъ Головину, нашелъ я втрое больше Амстердама и людства множество въ немъ неописанное, и народа уборъ, забавы и веселіе его несказанныя. И хотя обносилось, что Французы утѣснены отъ короля, однако то неправда: всѣ въ своихъ воляхъ безъ всякой тѣсноты и въ уравненіи прямомъ состоятъ, и никто изъ вельможъ нимало не озлобляется, и ниже узнать возможно, что они такую долговременную и тяжелую ведутъ войну. Всѣ мнятъ, что я пріѣхалъ просить здѣшняго короля въ посредники для мирнаго договора съ Шведомъ. Только отъ Шведовъ премножество злыхъ плевелъ о насъ посѣяно молвою и печатными злословіями въ семъ народѣ, вѣдая, что здѣсь нашего министра при Дворѣ Французскомъ нѣтъ и мѣшать некому, что захотятъ то дѣлаютъ безъ препоны. Французы сердиты, что посланникъ ихъ, бывшій при нашемъ Дворѣ, нарочно отъ короля отправленный, никакого плода полезнаго не получилъ, и я боюсь, чтобъ мнѣ здѣшній хитрый Дворъ такою же монетою не заплатилъ. Статскій секретарь Деторцый (де-Торси) явно нѣкоторой особѣ здѣсь говорилъ: если бы король отъ Постникова не былъ обнадеженъ въ будущей дружбѣ между Московскимъ и нашимъ Дворами, то и на мысль не пришло бы королю посылать въ Москву чрезвычайнаго посланника".

23 октября Матвѣевъ имѣлъ приватную аудіенцію у короля; Людовикъ „изволилъ сказать, что ему тѣ присылки вельми любы, и все онъ учинитъ къ угодности царя, какъ въ его возможности есть" Донося объ этой аудіенціи Петру, Матвѣевъ прибавляетъ: „Здѣсь конечная въ деньгахъ, а больше въ людяхъ скудость; къ Рагоци и къ Шведу, и къ курфирсту Баварскому посылки денежныя и продолженіе войны вычерпали деньги конечно уже. Шведъ здѣсь въ почитаніи многомъ и дѣла его; къ тому же и коронація Лещинскаго за добро здѣсь принята".

Послѣ аудіенціи Матвѣевъ сообщилъ де-Торси свои предложенія; тотъ обѣщалъ донести о нихъ королю; а между тѣмъ Матвѣевъ имѣлъ длинный разговоръ съ Дебервилемъ, завѣдывавшимъ корабельными дѣлами. Матвѣевъ объявилъ, что если король не отдастъ русскаго корабля и къ прямой дружбѣ съ царскимъ Дворомъ не склонится, то впредъ Россіи будетъ малая надежда на ихъ Дворъ. Дебервиль отвѣчалъ, что первою помѣшкою дружбѣ между Франціею и Россіею были русскіе послы и посланники, которые пріѣзжали съ торгами только для своей прибыли, ничего не искали къ пользѣ государя своего у короля, только дѣлали неприличные, гордые запросы, короля презирали, съ министрами ласковаго и честнаго обхожденія не имѣли, людей держали при себѣ озорниковъ, пьяницъ, драчуновъ, которые умному и политическому народу Французскому дуростями своими досаждали, и потомъ, пріѣхавъ въ Москву, эти послы царя съ королемъ смущали, и царь Францусскій Дворъ презиралъ и считалъ себѣ непріятелемъ. Царь не можетъ слышать о Французскомъ Дворѣ, и кто при немъ хорошо отзовется о королѣ, изъ своихъ, или чужихъ, тотъ подвергнется бѣдствію; во время своей поѣздки въ Ганноверъ, царь пилъ шампанское и хвалилъ его; но когда ему сказали, что вино французское, то онъ его выплеснулъ и рюмку разбилъ, ругая Французовъ. Притомъ же царь ненавидитъ вѣру Римскую; въ нынѣшній походъ свой въ Польшѣ іезуитовъ и нѣсколько монахинь Римскаго закона своею рукою убилъ.—Матвѣевъ отвѣчалъ, что о поведеніи пословъ не можетъ ничего сказать, потому что ничего не знаетъ; что же касается до враждебнаго расположенія государя Русскаго къ Франціи, то это ложь, придуманная Ганноверскимъ Дворомъ, чтобъ поссорить Россію съ Франціею, ибо извѣстно единодушіе Ганновера съ Шведомъ. Царское величество всегда дорожилъ и дорожитъ дружбою королевскою, и многолѣтнее правленіе Людовика XIV честнымъ поминаетъ словомъ; съ мудростію царскаго величества не сообразенъ поступокъ съ виномъ, распространенный Дворомъ Ганноверскимъ и Шведскимъ; что же касается до казни іезуитовъ и монахинь, то если, по сыску, они и дѣйствительно были казнены за какія-нибудь тайныя пересылки съ непріятелемъ или за умыслы надъ особою его величества, то и во Франціи они имѣли бы такую же участь, несмотря на ихъ духовное званіе.

Новооткрытая для Западной Европы Россія съ ея удивительнымъ царемъ служила постоянно предметомъ чудесныхъ слуховъ. Матвѣевъ доносилъ объ одномъ изъ нихъ, распространившемся при Французскомъ Дворѣ; то былъ переводъ народной русской пѣсни объ Иванѣ Грозномъ, приложенный теперь къ Петру: великій государь при нѣкоторыхъ забавахъ разгнѣвался на сына своего и велѣлъ его казнить Меншикову; но Меншиковъ, умилосердясь, велѣлъ вмѣсто царевича повѣсить рядоваго солдата. На другой день государь хватился: „Гдѣ мой сынъ?" Меншиковъ отвѣчалъ, что онъ казненъ по указу; царь былъ внѣ себя отъ печали; тутъ Меншиковъ приводитъ къ нему живаго царевича, что учинило радость неисповѣдимую. Когда Французы спрашивали у Матвѣева, правда ли это, онъ отвѣтилъ, что всѣ эти плевелы разсѣваются Шведами, и прямой христіанинъ такой лжи не повѣритъ, потому что это выше натуры не только такого монарха, но и самаго простолюдина.

Наконецъ Матвѣевъ дождался отвѣта по главному своему дѣлу; Дебервиль объявилъ ему, что караблей отдать нельзя, они отданы каперамъ, а не на короля взяты, по прямымъ регламентамъ, постановленнымъ между всѣми Европейскими государями, потому что въ морскихъ запискахъ не показано было ни одного товара, принадлежащаго русскимъ подданнымъ, въ подписяхъ именъ ни одного русскаго имени, только голландскія, а на флаги нельзя обращать вниманія, потому что флаги могутъ быть фальшивые. Впрочемъ, король обѣщаетъ вознаградить русскихъ подданныхъ за эти убытки, если заключенъ будетъ договоръ о свободной торговлѣ между Франціею и Россіею. „Дружба здѣшняя, писалъ Матвѣевъ, чрезъ сладость комплиментовъ своихъ безполезная, въ прибыльномъ дѣлѣ малой случай намъ кажетъ; быть кому здѣсь изъ особъ знатныхъ въ министрахъ— развѣ хотѣть всякаго презорства и уничиженія по обыкновенной гордости сего Двора, который наши дѣла и насъ не велико ставитъ. Такъ и житье мое нынѣшнее здѣсь безо всякаго дѣла; считаютъ меня больше за провѣдывальщика, чѣмъ за министра; для того требую вашего къ себѣ отвѣта, чтобъ мнѣ не волочиться бѣдно и бездѣльно здѣсь при такомъ коварномъ и богатомъ Дворѣ; смѣнять дружбу Англичанъ и Голландцевъ на французскую не обѣщаетъ намъ прибытку".

Матвѣевъ прожилъ въ Парижѣ до октября 1706 года: все шли толки о заключеніи торговаго договора; наконецъ де-Торси объявилъ ему именемъ королевскимъ, что договоръ до общаго мира заключенъ быть не можетъ, ибо война мѣшаетъ французскимъ кораблямъ плавать въ края сѣверные; впрочемъ король обнадеживаетъ царя, что всѣ московскіе корабли, которые войдутъ во французскія гавани, нагруженные товарами, родящимися и дѣлающимися въ Москвѣ, будутъ приняты попріятельски, только хозяева и корабельщики должны сообразоваться съ уставомъ, изданнымъ для безопасности подданныхъ государствъ нейтральныхъ и для помѣшки пронырствамъ со стороны непріятельской.—Съ этимъ Матвѣевъ и уѣхалъ назадъ въ Голландію. Слѣдить за дѣлами во Франціи и сообщать новины остался Постниковъ, „мужъ умный и дѣла Европскаго и пользы государевой свѣдомый и въ языкахъ ученый“, по отзыву Матвѣева [1].

Съ Франціею не ладилось у насъ съ самаго начала. Петръ былъ воспитанъ подъ впечатлѣніемъ этихъ неладовъ. Разливалъ ли онъ шампанское изъ вражды ко всему французскому—мы не знаемъ; но что онъ не любилъ Франціи и Французовъ — это хорошо извѣстно; кромѣ впечатлѣній молодости, такая нелюбовь легко объясняется самимъ характеромъ человѣка: какое сочувствіе могъ питать великій плотникъ, геніальный чернорабочій къ блестящей и чопорной Франціи Людовика XIV? Россія Петра и Франція Людовика XIV—что могло быть противоположнѣе? Грубая простота деревенскаго юноши и утонченныя манеры стараго напудреннаго маркиза! Могъ ли понравиться посланнику великаго короля простосердечный запросъ перваго русскаго министра Головина: „Царскому величеству ради какихъ мѣръ, не видя никакихъ полезныхъ странѣ своей дѣлъ, вступить въ союзъ съ государемъ вашимъ, оставя прежнихъ своихъ союзниковъ? Объявите подлинно, чѣмъ король удовольствуетъ царское величество за вступленіе въ союзъ съ нимъ!“ Балюзъ поспѣшилъ убраться изъ Россіи, вслѣдствіе чего и Матвѣевъ долженъ былъ убраться изъ Франціи безъ кораблей, говоря въ свое утѣшенье, что смѣна дружбы Англичанъ и Голландцевъ на французскую не обѣщаетъ намъ прибытку. Дѣйствительно Петръ имѣлъ право на этомъ успокоиться. Но если дружба Франціи не обѣщала никакихъ выгодъ, то вражда ея могла быть опасна въ Константинополѣ, гдѣ французскій посланникъ былъ вліятельнѣе другихъ. Ведя тяжелую войну съ Швеціею, царь долженъ былъ обращать напряженное вниманіе на югъ, откуда приходили постоянные слухи о вооруженіяхъ султана, желающаго воспользоваться затруднительнымъ положеніемъ Россіи и отнять у нея недавнія завоеванія. Вотъ почему Петръ съ береговъ Балтійскаго моря спѣшилъ обыкновенно въ Воронежъ наблюдать здѣсь за постройкою кораблей, необходимыхъ въ постоянно грозящей войнѣ Турецкой.

Для подтвержденія мирнаго договора, заключеннаго Украинцевымъ, отправился въ Турцію въ 1701 г. ближній человѣкъ, князь Димитрій Михайловичъ Голицынъ. Ему наказано было попытаться, нельзя ли заставить Порту согласиться на свободное плаваніе русскихъ кораблей по Черному морю, чего никакъ не могъ добиться Украинцевъ. Голицынъ пытался напрасно; визирь велѣлъ отвѣчать ему: на свободную торговлю между обоими государствами Диванъ съ радостію позволяетъ, но хода московскихъ торговыхъ кораблей по Черному морю никогда не позволитъ; лучше султану отворить путь во внутренность своего дома, чѣмъ показать дорогу московскимъ кораблямъ по Черному морю; пусть московскіе купцы ѣздятъ съ своими товарами на турецкихъ корабляхъ куда имъ угодно. И посламъ московскимъ также не ходить на корабляхъ въ Константинополь, должны пріѣзжать сухимъ путемъ. Голицынъ началъ уговаривать рейсъ-эфенди, и отъ того такой же отвѣтъ: „Султанъ смотритъ на Черное море, какъ на домъ свой внутренній, куда нельзя пускать чужеземца; скорѣе султанъ начнетъ войну, чѣмъ допуститъ ходить кораблямъ по Черному морю“. Голицынъ долженъ былъ прекратить свои настаиванія, особенно когда Іерусалимскій патріархъ сказалъ ему: „Не говори больше о черноморской торговлѣ; а если станешь говорить, то миръ испортишь, Турокъ приведешь въ сумнѣніе, и станутъ приготовлять войну противъ государя твоего. Турки хотятъ засыпать проходъ изъ Азовскаго моря въ Черное и на томъ мѣстѣ построить крѣпости многія, чтобъ судовъ московскихъ не пропустить въ Черное море. Мы слышимъ, что у великаго государя флотъ сдѣланъ большой и впредь дѣлается, и просимъ Бога, чтобъ Онъ вразумилъ и научилъ благочестивѣйшаго всѣхъ насъ Православныхъ христіанъ государя, царя Петра Алексѣевича, тѣмъ флотомъ своимъ избавить насъ отъ плѣненія бусурманскаго. Вся надежда наша только на него, великаго государя. А Турки сильно того флота опасаются, и для той причины не изволь, Бога ради, говорить; а если станешь говорить, то непремѣнно засыплютъ ходъ, и въ томъ надежда наша будетъ помрачена, а наше избавленіе можетъ придти только чрезъ Черное море; когда же засыпанъ будетъ ходъ, то хотя бы сто тысячъ судовъ надѣлано было у великаго государя, нельзя имъ будетъ плавать по Черному морю. Турки знаютъ, что тотъ флотъ строится на нихъ, и, ты хоть тысячу разъ говори, добровольно не отворятъ ходъ по Черному морю; великій государь можетъ своею волею отворить ходъ Чернаго моря, а не просьбою у Турокъ“.

---

[1] Москов. архивъ Мин. Ин. Дѣлъ, дѣла Французскія означ. годовъ.

Въ ноябрѣ 1701 года впервые назначенъ былъ посолъ для постояннаго жительства при Дворѣ султановомъ: то былъ знаменитый впослѣдствіи Петръ Андреевичъ Толстой. Мы видѣли Толстого вмѣстѣ съ братомъ въ числѣ жаркихъ приверженцевъ Софіи при воцареніи Петра. Родственникъ ихъ, Апраксинъ, уговорилъ ихъ впослѣдствіи отстать отъ опасной партіи. Петръ, цѣня дарованія Петра Андреевича, простилъ ему старые грѣхи, хотя, какъ говорятъ, въ минуты откровенности, припоминалъ ему ихъ: такъ однажды, взявши его за голову, сказалъ: „Эхъ голова, голова! не быть бы тебѣ на плечахъ, если-бъ не была такъ умна“. Теперь стольникъ Толстой отправился на важный постъ, въ Адріанополь (гдѣ жилъ постоянно султанъ Мустафа II-й), съ тайнымъ наказомъ: будучи при султановомъ Дворѣ, вывѣдывать и описать тамошняго народа состояніе, какое тамъ правленіе, кто правительственныя лица, какія у нихъ съ другими государствами будутъ поступки въ воинскихъ и политическихъ дѣлахъ, какое устроеніе для умноженія прибыли или къ войнѣ тайныя приготовленія, противъ кого, моремъ или сухимъ путемъ. Какія государства больше уважаютъ, который народъ больше любятъ. Сколько собирается государственныхъ доходовъ и какъ; въ казнѣ передъ прежнимъ довольство или оскудѣніе. Особенно навѣдаться о торговлѣ персидской. Сколько войска и гдѣ держатъ въ готовности и сколько дается ему изъ казны, также каковъ морской флотъ, и нѣтъ ли особеннаго приготовленія на Черное море. Въ Черноморской протокѣ, что у Керчи, хотятъ ли какую крѣпость дѣлать, гдѣ, какими мастерями или хотятъ засыпать и когда. Конницу и пѣхоту послѣ Цесарской войны не обучаютъ ли европейскимъ обычаемъ, теперь или впредь намѣрены такъ дѣлать, или по старому не радятъ. Города — Очаковъ, Бѣлгородъ на Днѣстрѣ, Килія и другіе укрѣплены-ль и какъ, по старому ли или фортеціями и какими мастерами. Бомбардиры, пушкари въ прежнемъ ли состояніи или учатъ вновь, кто учитъ, и старые инженеры и бомбардиры иноземцы ли или Турки, и школы есть ли. По патріархѣ Іерусалимскомъ есть ли другой такой же желательный человѣкъ; о такихъ чрезъ него провѣдывать. Съ чужестранными министрами обходиться политично, къ нимъ ѣздить и къ себѣ призывать, какъ обычай во всемъ свѣтѣ у министровъ при великихъ Дворахъ; только смотрѣть, чтобъ какимъ упрямствомъ или невоздержаніемъ не умалить чести Московскаго государства. Между прочими разговорами съ министрами турецкими, говорить и о томъ (если только это не возбудитъ подозрѣнія), чтобъ учредить до Кіева почту.

Толстой нашелъ вѣрнаго человѣка, который сообщалъ ему важныя для него извѣстія: то былъ племянникъ Іерусалимскаго патріарха, Спиліотъ. Спиліотъ далъ знать, что Крымскій ханъ пишетъ къ султану много противностей, чтобъ поссорить султана съ царемъ; объявляетъ, что съ русской стороны строятъ много городовъ и кораблей; до сихъ поръ Турки его не слушаютъ, однако послали строить городъ близъ Очакова и Керчи, гдѣ мелкая вода. Толстой доносилъ Петру: „Мой пріѣздъ учинилъ Туркамъ великое сумнѣніе; разсуждаютъ такъ: никогда отъ вѣку не бывало, чтобъ московскому послу у Порты жить, и начинаютъ имѣть великую осторожность, а паче отъ Чернаго моря, понеже морской твой караванъ безмѣрный имъ страхъ наноситъ. О засыпаніи гирла морскаго вышло у нихъ изъ мысли, а нынѣ пріѣздомъ моимъ паки та мысль въ нихъ возбуждается, и о житьѣ моемъ разсуждаютъ, яко бы мнѣ у нихъ быть для усматриванія подобнаго времени къ разорванію мира. Уже я всякими мѣрами разглашаю, что я присланъ для твердѣйшаго содержанія мира, обаче не вѣрятъ, а наипаче о томъ сумнѣвается простой народъ“. Въ другомъ донесеніи Толстой писалъ: „Нынѣ въ странахъ сихъ покой, а войны и междоусобій нѣтъ; визирь нынѣшній глупъ; денежной у нихъ казны нынѣ малое число въ сборѣ, а когда позоветъ нужда, могутъ собрать скоро, потому что безъ милосердія грабятъ подданныхъ своихъ христіанъ. И нынѣ народъ сумнѣваться не перестаетъ и говоритъ, что никогда московскій посолъ здѣсь не живалъ, а сей посолъ живетъ не просто; иныхъ государей послы живутъ для торговыхъ своихъ дѣлъ, а у сего никакого дѣла нѣтъ; конечно, какой-нибудь есть вымыселъ. И въ почтеніи меня презираютъ, не только передъ цесарскими и передъ французскими, и передъ иными послами, и житье мое у нихъ зѣло имъ не-любо, потому что запазушные ихъ враги Греки намъ единовѣрны. И есть въ Туркахъ такое мнѣніе, что я, живучи у нихъ, буду разсѣвать въ христіанъ слова, подвигая ихъ противъ бусурманъ, для того крѣпкій заказъ Грекамъ учинили, чтобъ со мною не видались, и страхъ учинили всѣмъ христіанамъ, подъ игомъ ихъ пребывающимъ, такой, что близко дому, въ которомъ я стою, христіане ходить не смѣютъ, и платье Грекамъ одинаковое съ бусурманани носить запретили, чтобъ были отличны отъ Турокъ. Ничто такого страха имъ не наноситъ, какъ морской твой флотъ; слухъ между ними пронесся, что у Архангельска сдѣлано 70 кораблей великихъ, и чаютъ, что, когда понадобится, корабли эти изъ океана войдутъ въ Средиземное море и могутъ подплыть подъ Константинополь“. Въ концѣ года Толстой писалъ Головину, что пріѣхали въ Адріанополь знатные Крымскіе мурзы и молятъ султана, чтобъ позволилъ имъ начать войну съ Россіею; выговариваютъ, что они, Крымцы, презрѣны отъ Порты Оттоманской, и въ ближнихъ отъ Крымскаго полуострова мѣстахъ строятся русскіе города, отъ которыхъ терпятъ они утѣсненіе, а впредь ожидаетъ и совершенная гибель; объявляютъ, будто у нихъ есть письма отъ короля Шведскаго, отъ Поляковъ и отъ казаковъ Запорожскихъ,—всѣ уговариваютъ ихъ вести войну съ Россіею, обѣщаясь помогать; будто казаки съ клятвою обѣщаются царскій флотъ пожечь. Порта еще на это не соглашается и всякими мѣрами отъ нихъ отговаривается.

Въ началѣ 1703 года Толстой объяснилъ Головину дѣло. Старый глупый визирь былъ замѣненъ новымъ, Далтабаномъ, человѣкомъ ярымъ, но неразсудительнымъ, которому хотѣлось непремѣнно начать войну съ Россіею: но, видя, что султанъ никакъ не хочетъ на это согласиться, онъ подучилъ Татаръ пріѣхать въ Константинополь съ просьбой о начатіи войны съ Русскими. Султанъ отвергнулъ просьбу, мало того,—смѣнилъ хана; тогда визирь написалъ тайно въ Крымъ, чтобъ Татары взбунтовались противъ султана, что онъ, визирь, пойдетъ ихъ усмирять, но вмѣсто усмиренія соединится съ ними и пойдутъ на Азовъ или на Кіевъ. Татары возмутились, визирь началъ дѣлать большія военныя приготовленія, какъ будто для ихъ усмиренія. Тогда Толстой, подаривъ ближнихъ людей, довелъ до свѣдѣнія султановой матери объ интригахъ визиря, объявилъ и муфтію, что эта интрига можетъ грозить султану большою опасностію. Султанша пересказала все это сыну, и 13 января визирь былъ схваченъ, задавленъ и на мѣсто его назначенъ Магметъ-паша, бывшій рейсъ-эфенди. Новый визирь, „человѣкъ зѣло разумный“, принялъ Толстого съ великою любовію и увѣрилъ его, что со стороны Порты мирнаго нарушенія не будетъ. „Мнѣ ли“, говорилъ онъ, „нарушить миръ, который состоялся моими трудами“?—„Истинною или лукавствомъ то говорилъ—Богъ вѣсть, писалъ Толстой; увѣренности никакой быть не можетъ до тѣхъ поръ, пока татарское дѣло прекратится и рати по домамъ разойдутся“. Въ апрѣлѣ Толстой писалъ: „Новый визирь начинаетъ чинить мнѣ привѣтствованіе паче прежняго; но привѣтствованіе его, является мнѣ, не столько для любви, сколько для опасенія. На дворъ ко мнѣ ни одному человѣку пройти нельзя, потому что отовсюду открыть и стоятъ янычары, будто для чести, а въ самомъ дѣлѣ для того, чтобъ христіане ко мнѣ не ходили; а у французскаго, англійскаго и другихъ пословъ янычары не стоятъ Христіане и мимо воротъ моихъ пройти не смѣютъ, Іерусалимскій патріархъ съ пріѣзду моего до сихъ поръ со мною не видался. Опасаясь царскаго флота, Турки умыслили покорить Грузію, разсуждаютъ такъ: если московскій флотъ выйдетъ въ Черное морѣ, то изъ Грузіи по рѣкамъ, впадающимъ въ это море, будетъ ему всякая помощь людьми и запасами, потому что Грузины съ Русскими единовѣрны“.

Татары были усмирены, и вслѣдъ за этимъ Порта предъявила русскому посланнику свои требованія: 1) чтобъ новая крѣпость, построенная у Запорожья, Каменый Затонъ,—была срыта; 2) чтобъ въ Азовѣ и Таганрогѣ не было кораблей; 3) чтобъ назначены были коммисары для опредѣленія границъ. Толстой отвѣчалъ на первое, что Каменный Затонъ построенъ на мѣстѣ, отъ котораго Россія не отказывалась по послѣднему договору; притомъ же принудили къ построенію этого города крымскіе Татары, которые подучили Запорожцевъ быть непокорными царскому величеству, и государь, для удержанія своевольниковъ, чтобъ они не производили ссоръ между нимъ и султаномъ, какъ недавно произвели грабежемъ греческихъ купцовъ, велѣлъ построить крѣпость на берегу Днѣпра, вдали отъ границъ турецкихъ; такое царское премудрое дѣло заслуживаетъ съ турецкой стороны не подозрѣнія, но похвалъ великихъ, ибо царское величество въ строеніи этой крѣпости не щадитъ издержекъ — для сохраненія мирныхъ договоровъ, которому грозитъ Запорожское своеволіе. Чтобъ не быть кораблямъ въ Азовѣ и Таганрогѣ,—объ этомъ нѣтъ ни слова въ мирныхъ договорахъ. Сколько прежде было кораблей, столько же и теперь, 10 кораблей и 4 галеры, потому что увеличивать число ихъ нѣтъ надобности. Отвести эти корабли вверхъ по Дону нельзя; истребить вещь, которая стоила столькихъ денегъ,—стыдъ; остаться безъ кораблей въ Азовѣ и Таганрогѣ нельзя по разнымъ причинамъ, особенно же видя въ государствѣ вашемъ частыя перемѣны начальствующихъ лицъ: такъ недавно война готова была возгорѣться отъ прежняго визиря; мирные договоры соблюдаются волею великихъ государей, а не сохраненіемъ или истребленіемъ кораблей. Что же касается посылки коммисаровъ для опредѣленія границъ, то великій государь этого опредѣленія не отрицаетъ.

Въ августѣ Толстой далъ знать, что пришли въ Адріанополь бунтовщики, султана Мустафу посадили за караулъ, и на его мѣсто выбрали брата его, Ахмета, и визиря поставили новаго: „Къ сторонѣ царскаго величества противности нынѣ никакой не слышится, и впредь вскорѣ тому быть не чаю, потому что великое въ казнѣ ихъ оскудѣніе“.

Несмотря на это окудѣніе, Головинъ писалъ Толстому, нельзя ли занять Турокъ, возбудивъ ихъ къ войнѣ противъ цесаря. Толстой отвѣчалъ въ январѣ 1704 года: „По приказу твоему начинаю къ тому приступать самымъ секретнымъ образомъ чрезъ приближенныхъ къ султану людей, но еще пользы не вижу никакой; главное препятствіе въ томъ, что нечего давать, и хотя бы и было что дать, боюсь потерять; Французъ потерялъ больше ста тысячъ реаловъ, а пользы себѣ никакой не получилъ. Сыскалъ я одного человѣка, самаго близкаго къ султану; человѣкъ этотъ очень проворенъ, онъ взялся за дѣло, однако не увѣряетъ, что приведетъ его къ концу, больше склоняется къ войнѣ съ Венеціею. Посулилъ я ему 3,000 золотыхъ червонныхъ, если сдѣлаетъ дѣло; но онъ говоритъ, что и другимъ дать надобно, всего тысячъ сорокъ золотыхъ червонныхъ, кромѣ его

3,000. Онъ же мнѣ говорилъ, чтобъ промыслить прежде всего султану мѣхъ лисій черный, самый добрый, да три сорока соболей, по сту рублей пара, и отослать бы эти подарки султану тайно чрезъ него, а будетъ ли отъ того прокъ или нѣтъ, не увѣряетъ".

Головинъ далъ знать Толстому, чтобъ оставилъ дѣло, въ которомъ нельзя было ожидать успѣха по явному нежеланію Турокъ воевать съ кѣмъ бы то ни было. „Здѣсь все смирно, доносилъ Толстой въ половинѣ 1704 года; Турки покою ради, и которыя мнѣ трудности были отъ татарскихъ ложныхъ клеветъ, нынѣ умолкли; визирь ко мнѣ очень ласковъ, и со мною обходятся пристойно, какъ съ другими послами; свобода мнѣ ѣздить куда хочу, и ко мнѣ всѣхъ пускаютъ: устроилось это не инымъ чѣмъ, только казною великаго государя; хотя бы кто былъ и умный человѣкъ, а безъ подарковъ получить этого у Турокъ не могъ бы". Но въ Константинополѣ все зависѣло отъ произвола правительственныхъ лицъ: вдругъ въ сентябрѣ султанъ перемѣнилъ визиря Гассанъ-пашу и на его мѣсто возвелъ Ахметъ-пашу. И вотъ, вмѣстѣ съ извѣстіемъ объ этой перемѣнѣ, Толстой шлетъ жалобу: „Новый визирь очень ко мнѣ неласковъ, и мое скорбное пребываніе, труды и страхъ возобновились пуще прежняго; опять никто ко мнѣ придти не смѣетъ, и я никуда не могу ѣздить, съ великимъ трудомъ и письмо это могъ послать. Вотъ уже при мнѣ шестой визирь, и этотъ хуже всѣхъ". И шестой визирь не долго пробылъ на своемъ мѣстѣ; седьмой былъ Магметъ-паша: „у меня на визирскія перемѣны уже и смысла недостаетъ", писалъ Толстой, „и съ подарками имъ не знаю что дѣлать. Я съ новымъ визиремъ видѣться не буду спѣшить, потому что мнѣ къ нему въ подарокъ отослать нечего". Подарокъ былъ присланъ изъ Москвы, но мало помогъ, какъ видно изъ донесенія Толстого въ апрѣлѣ 1705 года: „Посолъ турецкій, который былъ на Москвѣ, еще въ Константинополь не пріѣхалъ, только прислалъ изъ Крыма человѣка къ Портѣ съ письмомъ, а что писалъ, того не знаю; но меня страшно стѣснили,—заперли со всѣми людьми на дворѣ моемъ и никого ни съ двора, ни на дворъ не пускаютъ; сидѣли мы нѣсколько дней безъ пищи, потому что и хлѣба купить никого не пустили, а потомъ едва упросилъ большими подарками, что начали пускать по одному человѣку для покупки пищи. Въ это время пріѣхалъ ко мнѣ изъ Москвы переводчикъ и подьячій съ письмами и подарками отъ васъ къ визирю; письмо я визирю отвезъ и подарокъ отослалъ; визирь принялъ любезно и сдѣлалъ мнѣ маленькое послабленіе, но все же нахожусь въ тѣсномъ заключеніи, какого по пріѣздѣ моемъ сюда никогда еще не терпѣлъ. Притомъ нахожусь въ большомъ страхѣ отъ своихъ дворовыхъ людей: живъ здѣсь три года, они познакомились съ Турками, выучились и языку турецкому, и такъ какъ теперь находимся въ большомъ утѣсненіи, то боюсь, что, не терпя заключенія, поколеблются въ вѣрѣ, потому что мусульманская вѣра малосмысленныхъ очень прельщаетъ; если явится какой-нибудь Іуда,—великія надѣлаетъ пакости, потому что люди мои присмотрѣлись, съ кѣмъ я изъ христіанъ близокъ и кто великому государю служитъ, какъ наприм. Іерусалимскій патріархъ, господинъ Савва (Владиславичъ Рагузинскій) и другіе; и если хотя одинъ сдѣлается ренегатомъ и скажетъ Туркамъ, кто великому государю работаетъ, то не только наши пріятели пострадаютъ, но и всѣмъ христіанамъ будетъ бѣда. Внимательно за этимъ слѣжу и не знаю какъ Богъ управитъ. У меня уже было такое дѣло: молодой подьячій Тимоѳей, познакомившись съ Турками, вздумалъ обусурманиться; Богъ мнѣ помогъ объ этомъ свѣдать; я призвалъ его тайно и началъ ему говорить, а онъ мнѣ прямо объявилъ, что хочетъ обусурманиться; я его заперъ въ своей спальнѣ до ночи, а ночью онъ выпилъ рюмку вина и скоро умеръ,—такъ его Богъ сохранилъ отъ такой бѣды. Савва знаетъ объ этомъ. И теперь, опасаясь того же, я хотѣлъ-было отпустить въ Москву сына своего, чтобы съ нимъ отправить тѣхъ людей, отъ которыхъ боюсь отступничества; но Турки сына моего въ Москву не отпускаютъ".

Причина великаго утѣсненія, которому подвергался Толстой, обнаружилась наконецъ: бывшій въ Москвѣ посланникомъ Мустафа-ага нажаловался на дурное обращеніе съ нимъ въ Россіи; но Толстому удалось внушить султану подозрѣніе насчетъ этихъ жалобъ, и, вслѣдствіе этого, съ русскимъ посланникомъ стали обращаться лучше. „По любви господина Саввы Владиславича, писалъ Толстой, имѣю такихъ пріятелей, которые могутъ скоро узнать секреты у Порты и мнѣ объ нихъ сообщаютъ" [5].

Вообще же со стороны Турціи не было никакой опасности, и Петръ могъ сосредоточить свои силы на западѣ, перенести оружіе въ глубь Литвы и подать дѣятельную помощь королю Августу. Но, прежде нежели мы послѣдуемъ за царемъ въ Литву, посмотримъ, что происходило внутри Россіи въ эти первыя пять лѣтъ великой войны.

---

[5] Москов. архивъ Мин. Ин. Дѣлъ, дѣла Турецкія означ. годовъ.

Глава II.

Продолженіе царствованія Петра I-го Алексѣевича.

Внутреннее состояніе Россіи въ первыя пять лѣтъ XVIII вѣка.—Характеръ правленія.—Правительственныя лица.—Старые и новые чины.—Старые и новые Приказы.—Новая форма прошеній.—Занятіе составленіемъ новаго Уложенія.—Ратуша и воеводы.—Воеводы управляютъ вмѣстѣ съ городовыми дворянами.—Финансовыя мѣры. — Монета. — Дѣятельность прибыльщика Курбатова.—Манифестъ о вызовѣ иностранцевъ въ Россію.—Отвращеніе отъ Жидовъ.—Средства образованія для русскихъ людей.—Школы.—Книги.—Первыя вѣдомости.—Театръ.—Столкновеніе иностранныхъ учителей съ русскими; дѣло Нейгебауера. — Гюйсонъ. — Мѣры для сохраненія жизни и здоровья. — Мѣры противъ пожаровъ.—Мѣры противъ семейныхъ безпорядковъ.—Запрещеніе подписываться уменьшительными именами. — Преобразованіе относительно духовенства.—Отсрочка въ избраніи патріарха.—Стефанъ Яворскій.—Монастырскій Приказъ. — Мѣры относительно церковныхъ имуществъ. — Вѣдомости о числѣ родившихся и умершихъ. — Московская академія.—Дѣятельность митрополитовъ—Димитрія Ростовскаго и Филоѳея Сибирскаго.—Митрофанъ Воронежскій.—Неудовольствія. — Молва о нерусскомъ царѣ.—Григорій Талицкій.—Перемѣна платья.—Неудовольствія на Верху.—Астраханскій бунтъ.—Дѣла на Дону и Запорожьи.

Мы видѣли уже, что съ самаго вступленія Петра въ правленіе послѣ паденія Софьи, правленіе это рѣзко отличалось отъ правленія его предшественниковъ. Прежніе цари рѣдко отлучались изъ Москвы на продолжительное время, и все дѣлалось съ доклада великому государю; Петръ и въ эпоху потѣхъ, и въ эпоху важныхъ подвиговъ былъ гостемъ на Москвѣ, и правленіе, по необходимости, продолжало находиться въ рукахъ извѣстныхъ сановниковъ первостепенныхъ, въ рукахъ бояръ. Это, разумѣется, должно было имѣть свою вредную сторону; до царя стало далеко и въ самой Москвѣ, слѣдовательно произволу правительственныхъ лицъ, не вынесшихъ изъ древней Россіи привычки сдерживаться, открывалось широкое поприще; люди, преданные Петру, сочувствовавшіе его дѣятельности, сильно тяготились боярскимъ управленіемъ и съ нетерпѣніемъ ждали конца войны, который бы далъ царю возможность управлять самому, какъ управляли его предки. Эти люди надѣялись понапрасну: мы уже имѣли случай замѣтить, что Петръ не былъ царемъ въ смыслѣ своихъ предковъ, это былъ герой-преобразователь, или, лучше сказать, основатель новаго царства, новой имперіи, и чѣмъ болѣе вдавался онъ въ свою преобразовательную дѣятельность, тѣмъ болѣе терялъ возможность быть похожимъ на своихъ предковъ; притомъ же и великая война прекратилась не задолго до его смерти.

Но если была вредная сторона явленія, то не забудемъ, что здѣсь же давалось больше простора самостоятельности, начиная отсюда, сверху проводилось вездѣ одна мысль—ставить Русскихъ людей на свои ноги, пріучать ихъ дѣйствовать самобытно. Нѣтъ сомнѣнія, что князь Яковъ Долгорукій могъ явиться только вслѣдствіе этихъ новыхъ отношеній и привычекъ, ибо при прежнихъ отношеніяхъ на Верху мы такихъ явленій не встрѣчаемъ. Учрежденіе Сената съ тѣмъ значеніемъ, какое далъ ему Петръ, было естественнымъ и необходимымъ слѣдствіемъ боярскаго управленія; явилось только новое слово, а дѣло было уже давно, къ дѣлу привыкли.

По списку 1705 года на Москвѣ были слѣдующіе бояре: князь Петръ Ивановичъ Прозоровскій, князь Михайла Алегуковичъ Черкасскій, князь Петръ Ивановичъ Хованскій, князь Борисъ Ивановичъ Прозоровскій, Борисъ Гавриловичъ Юшковъ, Алексѣй Петровичъ Салтыковъ, князь Петръ Большой Ивановичъ Хованскій, Тихонъ Никитичъ Стрѣшневъ, Степанъ Ивановичъ Салтыковъ, князь Борисъ Алексѣевичъ Голицынъ, Иванъ Алексѣевичъ Мусинъ-Пушкинъ, Кравчій—Василій Ѳедоровичъ Салтыковъ. Окольничіе: князь Ѳед. Ѳед. Волконскій, князь Ив. Степ. Хотетовскій, Сем. Ѳед. Толочановъ, Алексѣй Тимоѳ. Лихачевъ, Мих. Тимоѳ. Лихачевъ, князь Петръ Лук. Львовъ, Мих. Иван. Глѣбовъ, Тимоѳ. Вас. Чоглоковъ. На службахъ бояре: князь Михаилъ Григор. Ромодановскій, князь Юрій Сем. Урусовъ, Борисъ Петровичъ Шереметевъ, Ѳедоръ Петр. Шереметевъ, князь Андрей Петров. Прозоровскій, Ѳедоръ Алекс. Головинъ. Кравчій—Кириллъ Алекс. Нарышкинъ. Окольничіе: князь Ѳедоръ Иван. Шаховскій, князь Димитрій Нефед. Щербатовъ, Петръ Матв. Апраксинъ, Андр. Артам. Матвѣевъ, князь Мих. Ѳед. Жировой-Засѣкинъ, князь Мих. Андр. Волконскій, князь Юрій Ѳед. Щербатый, князь Петръ Григор. Львовъ. Постельничіе—Гаврила Ив. Головкинъ, Алекс. Мих. Татищевъ. Думный дворянинъ и печатникъ, Никита Моисеевичъ Зотовъ. Думные дьяки: Емел. Игнат. Украинцевъ, Гавр. Ѳед. Деревнинъ, Андр. Андр. Виніусъ 1).

Повидимому все старина: бояре, окольничіе, думные дворяне, думные дьяки! Но подлѣ стараго зданія возведено уже новое, передъ которымъ старое не преминетъ исчезнуть. Самъ царь проходитъ извѣстные чины, и этихъ чиновъ не найдемъ мы въ старинныхъ спискахъ; человѣкъ ближайшій къ царю и потому сильнѣйшій изъ вельможъ, Александръ Даниловичъ Меншиковъ не имѣетъ ни одного изъ старыхъ чиновъ; людей, съ которыми мы такъ часто встрѣчались и будемъ встрѣчаться

---

1) Кабинетъ II, кн. № 4.

въ исторіи Петрова царствованія, Апраксина Ѳедора Матвѣевича, знаменитаго короля Ромодановскаго и другихъ не найдемъ въ спискѣ старыхъ чиновъ, это люди молодые, т.-е. малочиновные, стольники, и не пойдутъ они подниматься по тяжелой лѣстницѣ старыхъ чиновъ, возьмутъ новые, которые имѣютъ значеніе въ цѣлой Европѣ. Такимъ образомъ старые бояре и окольничіе мало-по-малу вымрутъ безъ преемниковъ, и старые чины исчезнутъ сами собою безъ торжественнаго упраздненія.

Но пока бояръ, окольничихъ и думныхъ дворянъ еще много, они управляютъ Приказами, съѣзжаются вмѣстѣ то въ Ближнюю Канцелярію, то въ Столовую Палату, сидятъ попрежнему о дѣлахъ, получаютъ царскіе указы, кладутъ приговоры. Приказы существуютъ попрежнему, иные съ старыми названіями, другіе преобразованы и получили новыя названія: такъ въ 1701 году Приказы—Иноземскій и Рейтарскій соединены въ одинъ Приказъ Военныхъ Дѣлъ; Стрѣлецкій переименованъ въ Приказъ Земскихъ Дѣлъ, потому что послѣ уничтоженія стрѣльцовъ въ Стрѣлецкомъ Приказѣ оставалось еще полицейское управленіе. Но явилось уже много новыхъ дѣлъ, и потому неудивительно, что являются новые Приказы: морской, артиллеріи, рудокопныхъ дѣлъ, провіантскій, богадѣльный и т. д.; подлѣ Приказовъ являются учрежденія меньшаго объема подъ именемъ канцелярій, напр. мундирная, банная канцелярія. Вслѣдствіе новыхъ отношеній, въ какія поставилъ себя царь къ государственнымъ учрежденіямъ, въ началѣ 1700 года изданъ указъ о неподачѣ просьбъ мимо присутственныхъ мѣстъ государю, кромѣ великихъ государственныхъ дѣлъ. Въ мартѣ 1702 года издана была форма прошеній, подаваемыхъ на высочайшее имя; въ началѣ должно было писать: „Державнѣйшій царь, государь милостивѣйшій“, и потомъ писать дѣло, а предъ прошеніемъ, вмѣсто милосердаго: „всемилостивѣйшій государь прошу вашего величества“, и потомъ прошеніе, а по прошеніи совершить: „Вашего Величества нижайшій рабъ“. Въ концѣ 1700 года изданъ былъ указъ: „Всякія крѣпости, для пополненія государевой казны, а паче для ослабы всенародныя волокиты и тягости, и для лучшаго усмотрѣнія, писать въ палатѣ Ивановской площади особливо прибраннымъ подъячимъ 24 человѣкамъ, для того: прежде всякія крѣпости писали въ Приказахъ подъячіе, и за многими великаго государя по приличію нужными и скорыми дѣлами, всякихъ чиновъ людямъ, которымъ прилучалося какія крѣпости писать, были многія волокиты и убытки, а иные изъ приказныхъ людей многіе, для своего излишняго мздоиманія, отговаривались всякими приказными, будто нужными дѣлами, волочили за крѣпостьми недѣли по три и по четыре, а иные мѣсяца по два и по три, и отъ той продолжительной волокиты и за опасеньемъ, чтобъ въ продолжительное время тѣ крѣпости не утерялись, и у кого по крѣпостямъ близь срока, давали приказнымъ людямъ дачи великія. А и писали въ Приказахъ многія крѣпости подъячіе изъ молодыхъ малосмысленные, не токмо-что могущіе познавать во всякихъ крѣпостяхъ всѣваемыя отъ ябедниковъ плевелы, и, усмотрѣвъ, оспорить, но и писать малоумѣющіе, и свидѣтели въ подпискѣ у крѣпостей являлись такіе, которыхъ и сыскать невозможно. И нынѣ въ Приказахъ и въ ратушѣ никакихъ крѣпостей не писать, и вѣдать тѣ крѣпостныя дѣла и подъячихъ въ Оружейной Палатѣ боярину Ѳед. Ал. Головину съ товарищи“ [1].

Одною изъ первыхъ обязанностей, которую государь наложилъ на бояръ, была обязанность составить новое Уложеніе; въ февралѣ 1700 года великій государь указалъ: быть у своихъ государевыхъ дѣлъ и сидѣть въ своихъ государевыхъ палатахъ боярамъ у Уложенья, и съ Уложенной книги 1649 года, и съ именныхъ указовъ и съ новоуказныхъ статей, которыя о ихъ государскихъ и о всякихъ земскихъ дѣлахъ состоялись послѣ Уложенья, сдѣлать вновь, снесши Уложенье и новыя статьи, которыя состоялись сверхъ Уложенья, и которыя дѣла вершены, а въ Уложеньи и въ новоуказныхъ статьяхъ о нихъ не положено [2].

Мы видѣли, что для противодѣйствія воеводскимъ злоупотребленіямъ, торговые и промышленные люди были изъяты изъ ихъ вѣдомства; учредились Ратуши и въ отдаленныхъ городахъ, но здѣсь воеводамъ тяжело было отстать отъ старыхъ привычекъ, и бурмистры Путивльской и Орловской ратушъ дали знать, что ихъ воеводы, Алымовъ и Шеншинъ, вопреки царскому указу, торговыхъ тамошнихъ и пріѣзжихъ людей вѣдаютъ, взятки съ нихъ берутъ и бьютъ ихъ, кромѣ того въ государевыхъ сборахъ и земскихъ дѣлахъ остановку чинятъ. Великій государь указалъ: „Взять обвиняемыхъ воеводъ въ Москву, допросить ихъ и разыскивать въ ратушѣ; поступать и впредь такимъ же образомъ въ подобныхъ случаяхъ“ [3]. На обвиненія бурмистровъ отвѣчать въ московской ратушѣ передъ такими же мужиками бурмистрами должно было очень не понравиться воеводамъ. Не могло имъ понравиться и то, что власть ихъ была ограничена дворянами; въ 1702 году государь указалъ: „Въ городахъ губнымъ старостамъ и сыщикамъ не быть, а вѣдать всякія дѣла съ воеводами дворянамъ тѣхъ городовъ помѣщикамъ и вотчинникамъ, въ большихъ городахъ по четыре и по три, а въ меньшихъ по два человѣка, и слушавъ тѣ дѣла и указъ по нихъ чинить съ ними, воеводами, тѣмъ дворянамъ обще, и тѣ дѣла крѣпить тѣмъ воеводамъ и имъ, дворянамъ, всякому своими руками, а одному воеводѣ безъ нихъ, дворянъ, никакихъ дѣлъ не дѣлать и указу никакого по нихъ не чинить“ [4].

Издержки сильно увеличивались вслѣдствіе тяжелой и затянувшейся войны, вслѣдствіе новыхъ учрежденій, вслѣдствіе платежа союзнику, Польскому королю, вслѣдствіе расширенія дипломатической дѣятельности: „при разныхъ Дворахъ нужно было содержать постоянныхъ министровъ, которые тратили деньги на подкупы. Напримѣръ въ 1704 году Матвѣеву въ Гагѣ жалованья было по 15,000 гульденовъ въ годъ: а расходы его простирались до 27,193 гульденовъ, и именно: на наемъ квартиры 2,200, на столъ 1,560, на случайные столы 1,500, на дрова 1,000, на мытье платья 200, на освѣщеніе 500, на дворовую чистку 60, на десять лошадей 2,600, кузнецу и на починку экипажей 200. Прислуги у него было: гофмейстеръ, докторъ, лѣкарь, камердинеръ, пажи, поваръ, портьеръ, 10 лакеевъ, 4 дѣвки работныхъ [1]. При увеличеніи государственныхъ расходовъ, надобно было обращать особенное вниманіе на увеличеніе доходовъ: въ 1700 доду отнято было право у владѣльцевъ мѣстъ, гдѣ производились торжки, брать пошлину на себя,—пошлина стала идти въ казну [2]. Въ томъ же году изданъ указъ: „Тарханы, съ кого пошлинъ не имано, всѣ отставить, и брать пошлины всякаго чина со всѣхъ по торговому уставу и по новоуказнымъ статьямъ равныя". Въ 1704 году велѣно всѣ постоялые дворы отписать на государя, и, оцѣня, отдавать на откупъ, а владѣльцамъ дворовъ выдать деньги по оцѣнкѣ добрыхъ и знающихъ людей, усматривая въ томъ дѣлѣ истины, чтобъ никто обидимъ не былъ, а деньги за дворы выданы будутъ безъ задержанія [3]. Доходы могли увеличиться съ усиленіемъ промышленности и торговли; но это усиленіе не могло произойти вдругъ, вслѣдствіе только правительственныхъ распоряженій. Мы видѣли, что Петръ предписалъ купецкимъ людямъ торговать такъ же, какъ торгуютъ иностранные купцы, компаніями. Голландцы встревожились, и резидентъ Штатовъ Фонъ-деръ-Гульстъ просилъ у своего правительства инструкціи, какъ просить царя объ отмѣненіи закона о компаніяхъ; но тревога была напрасная: „Въ маѣ 1700 года Фонъ-деръ-Гульстъ писалъ въ Голландію: „Что касается торговли компаніями, то это дѣло пало само собою: Русскіе не знаютъ, какъ приняться и начать такое сложное и трудное дѣло. Я просилъ прежде, чтобъ прислана была мнѣ инструкція на этотъ счетъ; но если я получу теперь эту инструкцію, то замедлю ея исполненіемъ, ибо, по вашему требованію, царь уничтожитъ дѣло, котораго невозможность уже признана, и покажетъ видъ, что онъ это сдѣлалъ для васъ" [4].

---

[1] Полн. Собр. Зак. № 1748, 1899, 1838.

[2] Полн. Собр. Зак. № 1765.

[3] Полн. Собр. Зак. № 1760.

[4] Полн. Собр. Зак. № 1900.

Съ вопросомъ о торговлѣ тѣсно связывался вопросъ о монетѣ. До сихъ поръ монетное дѣло въ Россіи было въ жалкомъ состояніи; счетъ производился рублями, алтынами и деньгами; но монеты, соотвѣтствующей рублямъ и алтынамъ, не было, ходили только серебряныя копѣйки и полукопѣйки или денежки безобразнаго вида; да и денежекъ въ обращеніи было такъ мало, что во многихъ городахъ, для размѣна въ мелкихъ торгахъ, пересѣкали копѣйки на-двое, на-трое, а въ Калугѣ и другихъ городахъ, вмѣсто серебряныхъ денежекъ, торговали кожаными и другими жеребьями. „Для соблюденія серебряныхъ копѣекъ, чтобъ въ городахъ, за умаленіемъ серебряныхъ денежекъ, копѣекъ не сѣкли и кожаными и иными жеребьями не торговали, и въ пошлинномъ сборѣ за мелкою размѣною лишняго ничего не переходило", въ мартѣ 1700 года государь указалъ дѣлать мѣдныя денежки, полушки и полуполушки. Потомъ велѣно было чеканить золотые червонцы, одинокіе и двойные, съ портретомъ государя на одной сторонѣ и государственнымъ гербомъ на другой; серебряные полтинники, полуполтинники и гривенники, наконецъ рубли. Такимъ образомъ, въ Россіи явилась своя крупная золотая и серебряная монета. До 1700 года на московскомъ монетномъ дворѣ выбивалось серебряной монеты въ годъ отъ 200 до 500,000 рублей; въ 1700 году выбито 1.992,877; въ 1701 г. 2.559,885, а въ 1702 году 4.534,194 рубля [5]. Объ отношеніи русскихъ денегъ къ иностраннымъ мы знаемъ, что въ 1704 году иностранные купцы покупали въ Голландіи дукатъ по рублю десяти денегъ, въ Москвѣ продавачи по рублю сорока; за переводъ для русскихъ, жившихъ за-границею, брали 13 алтынъ по 4 деньги на томъ основаніи, что русская монета стала легче въ вѣсу.—Золоту и серебру Петръ велѣлъ въ 1700 году установить четыре пробы, и сдѣлать для всѣхъ пробъ разныя клейма съ означеніемъ пробы и года; при этомъ велѣно: избрать изъ знатныхъ и искусныхъ серебряныхъ и золотыхъ дѣлъ мастеровъ въ Москвѣ старостъ, а выбору ихъ быть за руками торговыхъ мастеровыхъ людей; дать этимъ старостамъ пробы и клейма, и велѣть смотрѣть, чтобъ всякія золотыя и серебряныя вещи были добротою противъ установленныхъ пробъ, клеймить ихъ и записывать въ книгу, означая именно, чей товаръ, въ какомъ дѣлѣ и сколько въ какой вещи вѣсу, и по этой запискѣ брать пошлину, смотря по искусству работы: съ лучшей по 10, средней по 7, съ нижней по 4 копѣйки съ фунта. Всѣхъ торгующихъ серебряными и золотыми вещами, также и мастеровъ переписать и собрать по нихъ поручныя записки, въ которыхъ писать, чтобъ мастера дѣлали, и торговые люди покупали золотыя и серебряныя вещи, противъ пробъ. Староста не долженъ клеймить вещи, прежде нежели самъ мастеръ не заклеймитъ ея своимъ клеймомъ, съ означеніемъ года [6].

Въ 1704 году знаменитый прибыльщикъ, изобрѣтшій гербовую бумагу, Алексѣй Александровичъ Курбатовъ, бывшій дьякомъ Оружейной Палаты, открылъ воровское (фальшивое) серебро въ серебряномъ ряду. Продавецъ, видя бѣду, принесъ Курбатову 300 рублей денегъ, да подъячимъ 150, прося загладить его воровство. Курбатовъ принялъ деньги, какъ доказательство преступленія, и началъ разыскивать. Оказалось много виновныхъ, и велѣно было сдать дѣло въ Преображенскій Приказъ къ страшному королю Ромодановскому. Курбатовъ сильно обидѣлся и написалъ любопытное письмо государю: „Князь Өедоръ Юрьевичъ (Ромодановскій) прислалъ мнѣ письмо, писанное ко мнѣ отъ Өедора Алексіевича (Головина), въ которомъ твоимъ государевымъ повелѣніемъ написано, чтобъ дѣло въ составѣ воровскаго серебра отдать мнѣ въ Преображенское, которое дѣло я отдаю. Точію, государь, зѣло скорблю сердцемъ моимъ, что трудъ мой всеусердный и вѣрное того дѣла основаніе вижду изничтожается, и для чего отъ меня взято, о томъ мнѣ не явлено, слабость ли въ томъ дѣлѣ моя явилась или невѣрность. О началѣ того дѣла и о моихъ подъ подлогомъ взяткахъ вѣрнѣйшему твоему государеву рабу Александру Даниловичу (Меншикову) явихъ, и не однократно; и впредь не точію о семъ дѣлѣ, но и о всѣхъ моихъ усердіяхъ являти ему не престану, понеже вижду истинно избранъ ти отъ Бога сосудъ есть. Благоволи милостиво вняти, почему невозможно сему дѣлу быть въ Преображенскомъ. Яковъ Якимовъ явился въ томъ же серебра воровствѣ, о которомъ самъ князь Өедоръ Юрьевичъ присылалъ стряпчаго своего говорить, чтобъ ему въ томъ дѣлѣ послабить. Дочь его, призвавъ меня въ домъ свой, о томъ же говорила; Кирила Матюшкинъ, который у него живетъ, не имѣя никакого дѣла, многажды о тѣхъ же ворахъ стужалъ, чтобъ мнѣ являть слабость, и бѣдство знатно по той ненависти наведено бѣднымъ того дѣла подъячимъ; Иванъ Суворовъ стужалъ многажды, едва не о первомъ ворѣ просилъ, и что въ томъ его не послушали—грозилъ на стараго въ томъ дѣлѣ подъячаго: попадется-де скоро къ намъ въ Преображенское! Подъячей Петръ Исаковъ также просилъ о иномъ. Мать Өеодора Алексѣевича (Головина) присылала съ грозами, спрашивая, по какому я указу въ томъ разыскиваю, и отъ иныхъ многихъ непрестанное было стуженіе. Однакожъ я пребывалъ въ той бѣдѣ нимало ихъ слушая; нынѣ колодники объ отсылкѣ въ Преображенское всѣ возрадовались, и изъ нихъ нѣкоторые бранили меня и говорили подъячему: что-де вы взяли и исцовали-де въ дѣлѣ, а выторговали кл...! и хвалились, говоря: лихо-де намъ было здѣсь, а въ Преображенскомъ-де намъ будетъ скорая свобода; дьяки-де и подъячіе тамъ намъ друзья. Хотя князь Өедоръ Юрьевичъ неправды сдѣлать и не похочетъ, но чрезъ доношенія и заступы учинятъ желатели неправды по своей волѣ. Ей, всемилостивѣйшій государь, одинъ безъ всякаго порока предъ тобою вѣрнѣйшій твой при тебѣ рабъ Александръ Даниловичъ, прочіе же всѣ не безъ причины“ [1]. Князь Ромодановскій, въ свою очередь, обвинилъ Курбатова и подъячихъ Оружейной Палаты во взяткахъ; Курбатовъ объяснилъ, что принялъ взятку нарочно, для доказательства вины принесшаго, и представилъ списокъ подаркамъ, которые получилъ за дѣла вершеныя [2], ибо такіе подарки не считались тогда противозаконными.

---

[1] Москов. архивъ Мин. Ин. Дѣлъ, дѣла Голландскія 1704 года.

[2] Полн. Собр. Зак. № 1750.

[3] Пол. Собр. Зак. № 1799, 1977.

[4] Донесенія голландскихъ резидентовъ, рукоп. библіотеки Академіи Наукъ.

[5] Пол. Собр. Зак. № 1776; Голикова—Дополнен. къ Дѣяніямъ VI, стр. 127.

[6] Москов. архивъ Мин. Ин. Дѣлъ, дѣла Голландскія 1704 года; Голикова—Дѣянія П. В. II, стр. 46.

Знаменитый прибыльщикъ зоркими глазами смотрѣлъ всюду, какъ бы учинить прибытокъ казнѣ великаго государя. Лѣтомъ 1704 года купецъ гостинной сотни Нѣмчиновъ донесъ ему слѣдующее: торговые люди подаютъ сказки о торгахъ и пожиткахъ своихъ въ Монастырскій Приказъ, и многіе пишутъ неправду, напримѣръ Шустовы—Матвѣй да Өедоръ Семеновы, которые пишутъ въ сказкѣ своей, будто у нихъ всякихъ пожитковъ только тысячи на двѣ или на три и разорены всеконечно,—а у нихъ, знаетъ онъ, пожитковъ дѣдовъ ихъ умершихъ въ селѣ Дѣдиновѣ близъ сорока тысячъ золотыхъ червонныхъ, да нѣсколько десятковъ тысячъ рублей денегъ; а они, Шустовы, люди непостоянные: имѣя такое богатство, о немъ небрегутъ и пьянствомъ своимъ истощаютъ, а не умножаютъ, и если ихъ не обуздать, то и до конца такое великое богатство истребять, и потому пусть великій государь укажетъ изъ Палаты Оружейной послать съ нимъ, Нѣмчиновымъ, подъячаго вѣрнаго да 20 или 30 человѣкъ солдатъ, и онъ тѣ золотые и деньги вынетъ. Курбатовъ далъ знать объ этомъ Меншикову и, по его письму, послалъ подъячаго Хрипунова съ солдатами и Нѣмчиновымъ въ Дѣдиново. Хрипуновъ вынулъ у Шустовыхъ въ нежилыхъ палатахъ коробку, задѣланную межъ половъ и сводовъ; въ ней оказалось червонныхъ вѣсомъ четыре пуда шесть фунтовъ, да китайскаго золота въ коробкахъ и кускахъ семь фунтовъ 13 золотниковъ, да въ гнилыхъ кулькахъ и мѣшкахъ старыхъ денегъ 14 пудъ 8 фунтовъ, да подъ тѣмъ же поломъ старыхъ денегъ 52 пуда 27 фунтовъ, да 39 пудъ 6 фунтовъ. Самихъ Шустовыхъ привезли въ Москву, и въ Монастырскомъ Приказѣ передъ бояриномъ Мусинымъ-Пушкинымъ они сказали: слышали они отъ дѣда своего Василія, что положилъ онъ въ казенную палату, что на ихъ дворѣ въ селѣ Дѣдиновѣ, денегъ съ 30,000 рублей да золотыхъ семнадцать ли тысячъ или 27, а сколько подлинно денегъ и золотыхъ въ той палатѣ было, того они точно сказать не умѣютъ, потому что они остались послѣ дѣдовъ и отца своего въ малыхъ лѣтахъ, а денегъ тѣхъ и золотыхъ въ той палатѣ сами они не видали, а запечатана она была печатью дѣда ихъ Василья.—Но Хрипуновъ не удовольствовался только тѣми деньгами, счета которымъ сами Шустовы не знали или притворились, что не знали,—онъ побралъ и въ жилыхъ палатахъ, въ сундукахъ жены Шустова деньги, серебряную посуду. Все это отослано въ Оружейную Палату и явлено боярину Головину. Меншиковъ писалъ Курбатову: „Государь тебя и Нѣмчинова пожаловалъ, велѣлъ вамъ дать жалованья изъ Шустовыхъ денегъ по 5,000 рублей; и ты надлежащее себѣ возьми, а Нѣмчинову выдай по разсмотрѣнію, буде доведется и если ни въ чемъ онъ не приличенъ; а что у Шустовыхъ въ палатахъ (т.-е. жилыхъ) взято, и то все вели имъ выдать съ роспискою". — Оказалось, что Нѣмчиновъ приличенъ къ дѣлу о воровскомъ серебрѣ, и деньги ему не отданы; на его долю старыхъ денегъ вымѣнено новыхъ 5,764 рубля 27 алтынъ 5 денегъ, и пошли онѣ на разные расходы, напримѣръ выдано изъ нихъ 200 рублей Родіону Исаеву, Ивану Посошкову, Ивану Фирсову на новозаводство картнаго промысла (фабрикація игральныхъ картъ).— Кромѣ Курбатова, въ 1704 году явились новые прибыльщики, такого же происхожденія, какъ и Курбатовъ: Степанъ Варакинъ, человѣкъ князя Бор. Алекс. Голицына; Василій Ершовъ, человѣкъ князя Черкасскаго; Алексѣй Яковлевъ, человѣкъ думнаго дворянина Хрущова, и многіе другіе; по государеву указу велѣно имъ „сидѣть и чинить государю прибыли" [1]. Изъ нихъ Ершовъ былъ впослѣдствіи московскимъ вице-губернаторомъ.

---

[1] Кабинетъ II, кн. № 2.

[2] Дѣла Меншикова въ Акад. Наукъ (напечат. Устрял. IV, II, стр. 316).

Нужны были деньги на войну; нужны были люди, и людей брали отовсюду. Въ февралѣ 1700 года государь указалъ всякихъ чиновъ людямъ сказать: кто хочетъ людей и крестьянъ своихъ отпускать на волю, и тѣмъ людямъ и крестьянамъ давать отпускныя, и съ тѣми отпускными приводить ихъ въ Приказъ Холопья Суда, а изъ того Приказу такихъ отпущенныхъ и вольныхъ людей и крестьянъ, и которымъ людямъ отпускныя довелось дать, изъ Приказу Холопья Суда отсылать въ Преображенское, и которые изъ нихъ годятся въ службу, и тѣхъ писать въ солдаты, и которые въ солдаты не годятся, и на тѣхъ людей и крестьянъ указалъ великій государь по прежнимъ своимъ указамъ, давать изъ Приказу Холопья Суда на кабальныхъ людей кабалы, а на крестьянъ ссудныя записи, къ кому они идти похотятъ. Нужны были люди и для населенія новопріобрѣтенныхъ городовъ: для этого въ 1701 году не велѣно было отдавать неплатящихъ должниковъ въ заживъ заимодавцамъ, но велѣно было отсылать ихъ съ семействами на вѣчное житье въ Азовъ. Въ 1703 году велѣно было казнить смертію только тѣхъ разбойниковъ, которые совершили смертоубійство; тѣхъ же, которые уличены хотя и во многихъ разбояхъ, но не совершили смертоубійства, велѣно ссылать въ Азовъ на работу. Тогда же, вмѣсто Сибири, велѣно ссылать всѣхъ преступниковъ въ Азовъ [2]. Смертная казнь назначена за измѣну, бунтъ, убійство и отравленіе; за остальныя воровства—кнутъ и ссылка въ Азовъ на каторгу.

Внутреннее спокойствіе и внѣшняя безопасность посредствомъ хорошо устроеннаго войска, и обогащеніе страны посредствомъ торговли—вотъ двѣ цѣли дѣятельности Петра, какъ онъ это ясно высказалъ въ знаменитомъ манифестѣ своемъ о вызовѣ иностранцевъ въ апрѣлѣ 1702 года: „Довольно извѣстно во всѣхъ земляхъ, которыя Всевышній нашему управленію подчинилъ, что со вступленія нашего на сей престолъ всѣ старанія и намѣренія наши клонились къ тому, какъ бы симъ государствомъ управлять такимъ образомъ, чтобъ всѣ наши подданные, попеченіемъ нашимъ о всеобщемъ благѣ, болѣе и болѣе приходили въ лучшее и благополучнѣйшее состояніе; на сей конецъ мы весьма старались сохранить внутреннее спокойствіе, защитить государство отъ внѣшняго нападенія и всячески улучшить и распространить торговлю. Для сей же цѣли мы побуждены были въ самомъ правленіи учинить нѣкоторыя нужныя и къ благу земли нашей служащія перемѣны, дабы наши подданные могли тѣмъ болѣе и удобнѣе научаться понынѣ имъ неизвѣстнымъ познаніямъ и тѣмъ искуснѣе становиться во всѣхъ торговыхъ дѣлахъ. Чего ради мы всѣ, наипаче къ споспѣшествованію торговли съ иностранцами необходимыя приказанія, распоряженія и учрежденія всемилостивѣйше учинили и впредь чинить намѣрены; поелику же мы опасаемся, что дѣла сіи не совсѣмъ еще въ такомъ положеніи находятся, какъ бы мы того желали, и что наши подданные не могутъ еще въ совершенномъ спокойствіи насладиться плодами трудовъ нашихъ, того ради помышляли мы о другихъ еще способахъ, какъ бы обезопасить предѣлы наши отъ нападенія непріятельскаго и сохранить права и преимущества нашего государства и всеобщее спокойствіе въ христіанствѣ, какъ то христіанскому монарху слѣдуетъ. Для достиженія сихъ благихъ цѣлей мы наипаче старались о наилучшемъ учрежденіи военнаго штата, яко опоры нашего государства, дабы войска наши не токмо состояли изъ хорошо обученныхъ людей, но и жили въ добромъ порядкѣ и дисциплинѣ; но дабы сіе тѣмъ болѣе усовершенствовать и побудить иноземцевъ, которые къ сей цѣли содѣйствовать и къ таковому улучшенію способствовать могутъ, купно съ прочими государству полезными художниками къ намъ пріѣзжать, и какъ въ нашей службѣ, такъ и въ нашей землѣ оставаться, указали мы сей манифестъ съ нижеписанными пунктами повсюду объявить и, напечатавъ, по всей Европѣ обнародовать". Иностранцы приглашались въ Россію на слѣдующихъ условіяхъ: совершенно свободный въѣздъ, безопасность на пути и содѣйствіе всякаго рода; свободное отправленіе вѣры; иноземцы не подвергаются суду и наказаніямъ по обычаю русскому, для чего учреждается Тайная Военнаго Совѣта Коллегія, которая будетъ чинить правосудіе, вопервыхъ, по законамъ божескимъ, а потомъ по римскому гражданскому праву и другимъ народнымъ обычаямъ милостиво. Но, призывая отовсюду искусныхъ иностранцевъ, Петръ только для одного народа дѣлалъ постоянное исключеніе, для Жидовъ: „Я хочу“, говорилъ онъ, „видѣть у себя лучше народовъ магометанской и языческой вѣры, нежели Жидовъ. Они плуты и обманщики. Я искореняю зло, а не распложаю; не будетъ для нихъ въ Россіи ни жилища, ни торговли, сколько о томъ ни стараются и какъ ближнихъ ко мнѣ ни подкупаютъ“. Вѣсти изъ Малороссіи не могли внушить Великороссіянамъ расположенія къ принятію Жидовъ. Въ 1702 году 10 марта, къ черниговскому коменданту прислалъ полковникъ Лизогубъ письмо, въ которомъ говорилось, что въ Черниговскомъ уѣздѣ, въ мѣстечкѣ Городнѣ, Жиды замучили христіанина, и кровь разсылали по разнымъ Жидамъ, живущимъ въ малороссійскихъ городахъ. Передъ судомъ въ Черниговѣ Жидъ Давидъ безъ пытки признался, что онъ съ своякомъ своимъ Яковомъ замучилъ христіанина; объявилъ, что многіе Жиды собирались въ селѣ Жуковцѣ въ корчмѣ о своемъ жидовскомъ праздникѣ, именно на Трупки, было ихъ человѣкъ сорокъ слишкомъ, и просили его, Давида, чтобъ онъ добылъ на праздникъ Пейсахъ крови христіанской, что онъ и исполнилъ. Яковъ также признался безъ пытки [1].

---

[1] Архивъ Мин. Юстиціи; дѣла слѣдственныхъ коммисій № 218.

[2] Пол. Собр. Зак. № 1747; Голикова — Дѣянія II, стр. 68, 120, 121,123.

Какъ видно изъ манифеста объ иностранцахъ, перемѣны, преобразованія клонились къ тому, чтобъ Русскіе люди могли научаться до тѣхъ поръ имъ неизвѣстнымъ познаніямъ, а познанія должны были сдѣлать ихъ искуснѣе во всѣхъ торговыхъ дѣлахъ. Понятно, что при такомъ практическомъ взглядѣ Петру не нравился характеръ московской академіи, которая не была спеціальнымъ духовнымъ училищемъ, а свѣтскихъ людей выпускала безъ тѣхъ познаній, въ какихъ особенно нуждался царь; ему нужно было такую школу, изъ которой бы, „во всякія потребы люди происходили, въ церковную службу и гражданскую, воинствовать, знать строеніе и докторское врачебное искусство“ [2], какъ онъ говорилъ патріарху Адріану. Но такая школа могла основаться только черезъ пятьдесятъ лѣтъ слишкомъ; пока надобно было довольствоваться двумя способами выучиванія русской молодежи необходимымъ познаніямъ: отсылкою за границу и заведеніемъ въ Москвѣ школъ, гдѣ бы иностранные учителя выучивали предметамъ первой тогда необходимости; явились школы математическая и навигацкая, гдѣ первыми преподавателями были Англичане—Фарварсонъ, Гвинъ и Грейсъ. Школы эти находились въ вѣдѣніи Оружейной Палаты, т.-е. адмирала Головина и дьяка Курбатова. Отъ 1703 года дошло до насъ любопытное письмо Курбатова къ Головину о состояніи школъ: „По 16 іюля“, пишетъ Курбатовъ, „прибрано и учатся 200 человѣкъ“, и признается, что „Англичане учатъ ихъ той наукѣ чиновно, а когда временемъ и загуляются или, по своему обыкновенію, почасту и долго проспятъ. Имѣемъ, по приказу милости твоей, опредѣленнаго имъ помоществователемъ Леонтія Магницкаго, который непрестанно при той школѣ бываетъ, и всегда имѣетъ тщаніе не только къ единому ученикамъ въ наукѣ радѣнію. но и ко инымъ къ добру поведеніямъ, въ чемъ тѣ Англичане, видя въ школахъ его управленіе не послѣднее, обязали себя къ нему, Леонтію, ненавидѣніемъ, такъ что уже просилъ онъ, Леонтій, отъ частаго ихъ на него гнѣвоиманія отъ школы себе свободности; однакожъ я, вѣдая, что ему ихъ ради гнѣвоиманія отъ школы свободну быти не доведется, приказалъ ему о всякихъ поведеніяхъ сказывать до пріѣзда вашей милости мнѣ, и я, пріусматривая, что онъ приноситъ о порядкѣ совершенномъ, призвалъ ихъ въ палату и самъ къ нимъ ѣздя почасту, говорю; а дѣло изъ нихъ призналъ я въ одномъ Андреѣ Фарварсонѣ, и тѣ два хотя и навигаторы написаны, только и до Леонтія наукою не дошли“. Потомъ Курбатовъ писалъ: „Прибрано учениковъ со 180 человѣкъ охотниковъ всякихъ чиновъ людей и учатся всѣ ариѳметикѣ, изъ которыхъ человѣкъ съ десять учатъ радиксы и готовы совершенно въ геометрію, только имѣемъ нужду въ лишеніи инструментовъ, и если изволишь, хорошо-бъ заповѣдать указомъ такихъ инструментовъ у города (Архангельска) не продавать всякихъ чиновъ людямъ, а брать на школы; а по письму твоей милости если вывезено будетъ 60 человѣкомъ инструментовъ, и нынѣшней годъ такимъ числомъ пробавимся безъ нужды, а впредь надобно еще отписать, чтобъ вывезено было той же науки хотя сту человѣкомъ инструментовъ, или какъ воля твоя, для того что въ ариѳметикѣ ученики не долго пробавятся, а въ геометріи безъ инструментовъ быти невозможно. А нынѣ многіе изъ всякихъ чиновъ и прожиточные люди припознали тоя науки сладость, отдаютъ въ тѣ школы дѣтей своихъ, а иные и сами недоросли и рейтарскія дѣти и молодые изъ Приказовъ подъячіе приходятъ съ охотою немалою, и когда наполнится число 200 человѣкъ, а приходить будутъ нарочитые, принимать ли сверхъ двухъ сотъ человѣкъ и коликому числу совершенно быть?—прошу о томъ опредѣленія указомъ. Навигатскихъ наукъ учениковъ посажено и учатся въ геометріи 12 человѣкъ, а еще поспѣваютъ человѣкъ съ 20; точію доношу о семъ, что учители учатъ нерадѣтельно, а ежели бы не опасались Магницкаго, многое бы у нихъ было продолженіе, для того, что которые учатся остропонятно, тѣхъ бранятъ и велятъ дожидаться меньшихъ; только я ему, Магницкому, молчать имъ не велѣлъ, а меньшой учитель рыцарь Грейсъ—ни къ чему негодный, въ непостоянствѣ всякомъ и въ плутовствѣ б...., и учениковъ потворствуетъ; и самъ большой учитель его не любитъ“.

Въ 1704 году Курбатовъ долженъ былъ отстаивать учениковъ отъ судьи Военнаго Приказа, Т.Н.

---

[1] Полн. Собр. Зак. № 1910; Нартова анекдоты № 33; Архивъ Мин. Юстиціи, книга Малорос. Приказа, № 86.

[2] Кабинетъ II, кн. № 53.

Стрѣшнева: „Нынѣ, писалъ Курбатовъ Головину, учениковъ беретъ въ разрядъ Тихонъ Никитичъ и хочетъ писать въ драгуны безъ всякаго разбора, и ежели побраны они будутъ въ драгуны или солдаты, то уже совершенно трехлѣтній ихъ трудъ погибнетъ напрасно, также и расходъ на нихъ кормовою дачею денегъ. О семъ благоволи мнѣ учинить указъ, и чтобъ ученики были какъ и прежде вѣдомы въ одной Оружейной Палатѣ, а отъ разряднаго тасканья были свободны" [1]).

Въ 1703 году завелась-было въ Москвѣ школа и съ другимъ характеромъ: основателемъ ея былъ плѣнный маріенбургскій пасторъ Глюкъ, выучившійся еще на родинѣ порусски съ помощію одного монаха изъ пограничнаго псковскаго Печерскаго монастыря; Глюкъ намѣренъ былъ обучать русскихъ юношей, „аки мягкую и всякому изображенію угодную глину", географіи, ѳтикѣ, политикѣ, латинской реторикѣ съ ораторскими упражненіями; философіи Картезіанской, языкамъ греческому, еврейскому, сирскому и халдейскому, французскому, нѣмецкому и латинскому, танцовальному искуству и поступи нѣмецкихъ и французскихъ учтивствъ, рыцарской конной ѣздѣ и берейторскому обученію лошадей. Глюкъ приготовилъ для своей школы на русскомъ языкѣ Лютеровъ катихизисъ, молитвенникъ, нѣмецкую грамматику, словарь языковъ русскаго, нѣмецкаго, латинскаго и французскаго и Коменіево введеніе къ изученію языковъ. Глюкъ умеръ въ 1705 году, и школа его перешла въ завѣдываніе Іоанна Вернера Пауза [4]).

Для школъ и для распространенія свѣдѣній между любознательными взрослыми людьми нужны были книги на русскомъ языкѣ, книги недорогія, распространявшіяся посредствомъ печатанія. Во время пребыванія своего въ Голландіи, Петръ сблизился съ семействомъ Тессинговъ, и одинъ изъ троихъ братьевъ, Иванъ Тессингъ, выпросилъ у царя привилегію на заведеніе русской типографіи: „Мы, великій государь (говорится въ жалованной грамотѣ 10 февраля 1700 г.), Ивана Тессинга пожаловали, повелѣли ему въ городѣ Амстердамѣ печатать европейскія, азіатскія и американскія земныя и морскія картины и чертежи и всякіе печатные листы и персоны, и о земныхъ и о морскихъ ратныхъ людяхъ, математическія, архитектурскія и городостроительныя и иныя художественныя книги на славянскомъ и голландскомъ языкѣ вмѣстѣ. также славянскимъ и голландскимъ языкомъ порознь по особну, кромѣ церковныхъ славянскихъ греческаго языка книгъ, потому что книги церковныя славянскія, греческія, со исправленіемъ всего Православнаго устава Восточныя Церкви, печатаются въ Москвѣ, и кромѣ таблицъ съ написаніемъ въ чертежахъ и въ книгахъ Сибирскому царствію и Ногайскому владѣнію городамъ и землямъ, и рѣкамъ на славянскомъ и на голландскомъ языкахъ, потому, что на это дана грамота голстейнцу Елизарью Избранту [3]). А напечатавъ ему, Ивану Тессингу, въ Амстердамѣ тѣ чертежи, и персоны и книги за подписью и за клеймомъ своимъ, привозить въ наши государства и земли, куда похочетъ съ нынѣшняго 1700 году, считая впредь 15 лѣтъ; а пошлины съ продажи тѣхъ печатныхъ листовъ и книгъ имать у города Архангельскаго по осьми денегъ съ рубля, а на Москвѣ съ тѣми чертежами и листами являться въ государственномъ Посольскомъ Приказѣ, а продавать, гдѣ похотятъ, повольною торговлею. И видя ему Ивану Тессингу къ себѣ нашу царскаго величества премногую милость и жалованье, въ печатаніи тѣхъ чертежей и книгъ показать намъ службу свою и прилежное радѣніе, чтобъ тѣ чертежи и книги напечатаны были къ славѣ нашему превысокому имени и всему россійскому нашему царствованію, межъ европейскими монархи къ цвѣтущей наивящшей похвалѣ и ко общей народной пользѣ и прибытку, и къ обученію всякихъ художествъ и вѣдѣнію, а пониженья-бъ нашего царскаго величества превысокой чести и государствъ нашихъ славы въ тѣхъ чертежахъ и книгахъ не было" [4]).

Дѣло не пошло успѣшно, какъ предугадывали опытные современники иностранные, которые не думали, чтобъ „Тессингъ что нибудь сдѣлалъ, развѣ захочетъ человѣкъ, болѣе ученый, вмѣшаться въ это дѣло и сдѣлаться товарищемъ по предпріятію, чего очень бы хотѣлось Тессингу; но трудно ему будетъ сыскать такого человѣка. Притомъ же Москвитяне нисколько этимъ не интересуются: они все дѣлаютъ по принужденію и въ угоду царю, а умри онъ—прощай наука" [5])!

Гораздо замѣтнѣе была дѣятельность Ильи Копіевскаго, или Копіевича, который сначала занимался вмѣстѣ съ Тессингомъ, но потомъ отдѣлился. Копіевскій издалъ много учебниковъ и переводовъ, которые, на первыхъ порахъ, могли быть полезны Русскимъ людямъ, не знавшимъ иностранныхъ языковъ [6]). Мы привели отзывъ Курбатова о русскомъ учителѣ математико-навигацкихъ школъ, Леонтіи Магницкомъ. Этотъ Магницкій въ 1703 г.

---

[1]) Моск. архивъ Мин. ин. Д.; приказныя дѣла новыхъ лѣтъ, 1702,1703 и 1704 годовъ.—Магницкій получалъ жалованья 90 рублей; ученики математико-навигацкихъ школъ 200 челов. и одинъ писецъ получали 4,041 рубль 29 алтынъ. Фарварсонъ получалъ по 250 рублей, Гвинъ и Грейсъ по 150.—Школы прежде находились въ вѣдѣніи Кревета; но Курбатовъ выпросилъ ихъ у царя себѣ, потому что навигатскія науки у Кревета не успѣвали. Курбатовъ настоялъ, чтобъ право на изданіе ариѳметики отнято было у нѣкоего иноземца, потому что Леонтій Магницкій не одобрилъ книги, и, по старанію Курбатова, въ домѣ послѣдняго Магницкій началъ самъ сочинять ариѳметику, которая, по словамъ Курбатова, вышла гораздо лучше иноземцевой (Кабинетъ II, кн. № 1).

[2]) См. подробности у Пекарскаго—Наука и Литература въ Россіи при П. В. I, VI.

[3]) Ясно, что Избранту было дано только право на изданіе описанія Сибири и Китая, а не всѣхъ книгъ, какъ думаютъ нѣкоторые.

[4]) Полн. Собр. Зак. № 1751.

[5]) Подробности у Пекарскаго I, II.

[6]) Подробности у Пекарскаго I, II.

издалъ книгу: „Ариѳметика, сирѣчь наука числительная. Съ разныхъ діалектовъ на славянскій языкъ переведенная, и въ едино собрана, и на двѣ книги раздѣлена... Въ богоспасаемомъ царствующемъ градѣ Москвѣ типографскимъ тисненіемъ ради обученія мудролюбивыхъ россійскихъ отроковъ и всякаго чина и возраста людей на свѣтъ произведена". Въ 1704 году вышелъ въ Москвѣ: „Лексиконъ треязычный, сирѣчь реченій славянскихъ, еллиногреческихъ и латинскихъ сокровище". Лексиконъ составленъ Поликарповымъ, разсмотрѣнъ и дополненъ Стефаномъ Яворскимъ, Рафаиломъ Краснопольскимъ (ректоромъ московской славяно-латинской академіи) и братьями Лихудами.

Послѣ школъ и книгъ третьимъ могущественнымъ средствомъ для умственнаго развитія, для расширенія умственной сферы русскаго человѣка, могущественнымъ средствомъ для уничтоженія прежней замкнутости и застоя было сообщеніе свѣдѣній о томъ, что дѣлается въ Россіи и въ другихъ земляхъ. До Петра знать, что̀ дѣлалось у себя и въ чужихъ странахъ,— было привилегіею правительства: извлеченіе изъ иностранныхъ газетъ (куранты) составлялись для царя и немногихъ приближенныхъ особъ, и бережно хранились, какъ тайна. Петръ хотѣлъ, чтобъ всѣ Русскіе люди знали, что̀ дѣлается на свѣтѣ. 17 декабря 1702 года великій государь указалъ: „по вѣдомостямъ о воинскихъ и о всякихъ дѣлахъ, которыя надлежатъ для объявленія Московскаго и окрестныхъ государствъ людямъ, печатать куранты, и для печати тѣхъ курантовъ, вѣдомости, въ которыхъ Приказахъ о чемъ нынѣ какія есть и впредь будутъ, присылать въ Монастырскій Приказъ, откуда тѣ вѣдомости отсылать на печатный дворъ" [1]). Указъ былъ исполненъ, и съ 1703 года начались издаваться въ Москвѣ куранты подъ заглавіемъ: „Вѣдомости о военныхъ и иныхъ дѣлахъ, достойныхъ знанія и памяти, случившихся въ Московскомъ государствѣ и въ иныхъ окрестныхъ странахъ". На первомъ же листкѣ, вслѣдъ за извѣстіемъ, сколько вылито пушекъ въ Москвѣ, вѣдомости объявили, что „повелѣніемъ его величества московскія школы умножаются, и сорокъ пять человѣкъ слушаютъ философію, и уже діалектику окончили. Въ математической штюрманской школѣ больше 300 человѣкъ учатся и добрѣ науку пріемлютъ. На Москвѣ ноября съ 24 числа по 24 декабря родилось мужескаго и женскаго полу 386 человѣкъ. Въ Китайскомъ государствѣ іезуитовъ велми не стали любить за ихъ лукавство, и иные изъ нихъ и смертію казнены. Силы казацкія подъ полковникомъ Самусемъ ежедневно умножаются, вырубя въ Немировѣ коменданта, съ своими ратными людьми городъ овладѣли, уже намѣренъ есть Бѣлую Церковь добывать". — Въ серединѣ года уже встрѣчаемъ извѣстія изъ „новыя крѣпости Петербурга" Иностранныя извѣстія о русскихъ событіяхъ помѣщались цѣликомъ безъ всякихъ примѣчаній.

Не забыто было и четвертое средство для народнаго развитія. Какъ до Петра куранты составлялись только для царскаго употребленія, такъ и сценическія представленія давались только для потѣхи великаго государя; Петръ и то и другое ввелъ въ народное употребленіе. Какъ при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ тѣшили великаго государя Нѣмцы, у которыхъ начальникомъ былъ Яганъ Годфридъ, такъ и при Петрѣ въ 1701 году комедіантъ Иванъ Сплавскій отправленъ былъ за границу и вывезъ въ Москву Ягана Куншта съ труппою его актеровъ; Куншть скоро умеръ, и на его мѣстѣ видимъ Артемія Фюрста. Какъ при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ брали подъячихъ и отсылали къ магистру Ягану Годфриду для наученія комидійнаго дѣла,— такъ и теперь, въ 1702 году, набрали подъячихъ изъ разныхъ Приказовъ и отдали Куншту, который обязался „ихъ всякимъ комедіямъ учить съ добрымъ радѣніемъ и со всякимъ откровеніемъ". Но разница между временемъ царя Алексѣя и временемъ царя Петра состояла въ томъ, что при Петрѣ построена была деревянная комедіальная храмина на Красной площади — для всѣхъ. Играли о крѣпости Грубстона, въ ней же первая персона Александръ Македонскій; Сципій африканскій—погубленіе королевы Софонизбы; о графинѣ Тріерской Геновевѣ: два завоеванные городы, въ ней же первая персона Юлій Кесарь: порода Геркулесова, въ ней же первая персона Юпитера; о Баязетѣ и Тамерланѣ; Докторъ принужденный (Le Medicin maigrè lui— Мольера); играли пьесы, нарочно составленныя по случаю какого-нибудь важнаго событія, торжества; напр. въ 1703 году, по случаю взятія Орѣшка. Кромѣ этого всенароднаго театра, театральныя представленія давались еще учениками Славяно-Латинской академіи (новосіяющихъ славяно-латинскихъ Аонинъ); здѣсь пьесы имѣютъ религіозное содержаніе; но къ этому содержанію примѣшиваются политическіе намеки: напр. о второмъ пришествіи Господнемъ, является королевство Польское, „укоряющее сенаторовъ людскихъ о погибели многихъ странъ, ради самовольнаго и гордыннаго несогласія и распри междуусобныя".

Все это, и школы, и книги, и вѣдомости, и театръ представляли начатки слабые, грубые. Старые нравы общества, которое начало преобразовываться, отражались повсюду, ученики школъ вели себя какъ нельзя хуже, актеры изъ русскихъ подъячихъ безчинствовали. Иностранные медики сталкивались съ музыкантами. Докторъ Бидлоо писалъ Головину: „Изволилъ ваша шляхетность по милости своей ко мнѣ, иностранцу, не малое почтеніе явить, чего я недостоинъ; по этой милости приданъ мнѣ былъ толмачъ, безъ котораго я не могу никакого повелѣнія вашего выразумѣть и исполнить; теперь дьяки отняли у меня этого толмача и велѣно ему быть у музыкантовъ. Бывши въ Приказѣ, я говорилъ дьякамъ, что невозможно мнѣ безъ толмача быть. Они отвѣчали, чтобъ я другого толмача сыскалъ, какъ и другіе доктора своихъ держатъ; по ихъ выходитъ, что музыканты исправляютъ дѣло его величества, а я только свое. Прошу ваше превосходительство, чтобъ какъ прежде, такъ и теперь я сравненія съ музыкантами не имѣлъ“ 1). А учителя-иностранцы? Между ними и Русскими не обошлось безъ частыхъ столкновеній, и самое замѣчательное изъ нихъ происходило на Верху, при воспитаніи государя царевича. Сначала Петръ хотѣлъ отправить сына за границу для воспитанія, но потомъ отмѣнилъ это намѣреніе. Въ 1701 году къ царевичу былъ опредѣленъ для наставленія „въ наукахъ и правоученіи“ Нѣмецъ Нейгебауеръ, воспитанникъ Лейпцигскаго университета, рекомендованный саксонскимъ посланникомъ, генераломъ Карловичемъ. Между этимъ-то иностраннымъ наставникомъ и Русскими, находившимися при царевичѣ, и произошло столкновеніе. Нейгебауеру хотѣлось имѣть большее значеніе, чѣмъ какое давали ему при Дворѣ царевича; онъ былъ также недоволенъ людьми, окружавшими молодого Алексѣя, и писалъ Петру: „Понеже съ три года тому назадъ, какъ я пріѣхалъ сюда съ генералъ-майоромъ Карловичемъ вашему царскому величеству у вашего пресвѣтлѣйшаго царевича служити за гофмейстера, и уже съ шесть мѣсяцевъ совершенно къ тому приставленъ есмь, и того ради прошу покорнѣйше, дабы мнѣ дана была по нашему обычаю полная мочь въ придворныхъ чиновныхъ людяхъ, яко гофмейстеру принадлежитъ со указомъ, дабы прочіе служители меня по достоинству чтили и мнѣ послушны были, понеже, если всякой изъ нихъ дѣлать будетъ что хочетъ, то невозможно царевича изрядныхъ нравовъ ученія и порядочнаго житія научити, зане нѣкоторые отъ злости, а иные отъ глупости всѣ мои труды портить будутъ; сего ради желалъ бы, дабы учитель Микифоръ Кондратьевичъ (Вяземскій) и прочіе кавалеры иными чинами пожалованы были, а вмѣсто оныхъ дабы нѣкоторые иные къ услуженію государю царевичу даны были, которые въ нашихъ земляхъ были, и нашихъ обычаевъ и языковъ научены суть. Надобно бы по послѣдней мѣрѣ царевичу имѣти комнатнаго слугу, да еще одного пажа, зане царевичъ вельми мало имѣетъ служителей и почитай-что и никакихъ услугъ“. Царь не исполнилъ желаній Нейгебауера, и тотъ въ 1702 году жаловался Ѳедору Матвѣевичу Апраксину: „Обрѣтаю столько гоненія, что не возмогу претерпѣть, понеже 1) не хотятъ мнѣ чина гофмейстера оставить, для котораго меня Карловичъ сюда вывезъ, и въ разсужденіи того я изрядную бранденбургскую службу уничижилъ, а между тѣмъ я наставленія царевича въ наукахъ и правоученіяхъ имѣю, еже конечно дѣло гофмистрово есть, и сверхъ того сей чинъ не дядька, но только противъ поддядьки, понеже первый чинъ именуется у насъ верховный гофмейстеръ, который здѣсь его превосходительство А. Д. Меншиковъ имѣетъ. 2) Сочиняютъ наши служители царевича мнѣ противна и живутъ по своему старому непристойному злочинію, и того ради невозможно, чтобъ царевичъ когда къ изряднымъ нравамъ обыкнути возмогъ. 3) Никто не разумѣетъ при дворѣ царевичевѣ, како такого великаго государя возвращати надлежитъ, а однакожъ не имѣютъ они указу меня въ томъ слушати, и то мнѣ и въ глаза говорятъ, и сверхъ того безчестно меня пресмѣхаютъ: га, га! смотри, ты хощешь еще гофмистромъ быть. 4) Гонятъ они меня ради вѣры моей и не хотятъ по постнымъ днямъ мяса давать, но я бы оходно и рыбу ѣлъ, еслибъ она добро приготовлена была. Они меня царскому величеству оклеветали, будто я по двѣ недѣли сидя пью и весма къ царевичу не хожу“.

---

[1]) Полн. Собр. Зак. № 1921.

Долго накоплявшаяся вражда наконецъ разразилась 23 мая 1702 года. Государю донесли, что этого числа „государя царевича за столомъ Мартынъ Мартыновичъ Небоуеръ всѣмъ говорилъ, чтобъ тайныхъ словъ никто никакихъ не говорилъ, а Никифоръ Вяземскій говорилъ: „Что тайно, то тайно, а что явно, то явно“. И онъ, Мартынъ, говорилъ: „Вы-де всѣ ничего не знаете, и быть вамъ здѣсь недостоитъ, я-де васъ вытолкаю толчкомъ; а какъ-де я буду съ царевичемъ за моремъ, я-де знаю что дѣлать“. И онъ, Никифоръ, говорилъ: „Хотя-бъ ты былъ и гофмейстеръ, и ты-бъ насъ безъ указу государя нашего и приказу Александра Даниловича отсюду вонъ не толкалъ, въ семъ я тебя не слушаю, потому что мы приказаны Александру Даниловичу, а не тебѣ“. И онъ, Мартынъ, говорилъ: „Вы-де всѣ ничего не знаете и у васъ-де всѣ варвары“! и бранилъ: „Собаки! собаки! гундсфоты“! и предъ царевича бросалъ ножикъ и вилку и держалъ за шпагу, и онъ, Никифоръ, говорилъ: „Что ты дѣлаешь? хотя-бъ ты былъ и гофмейстеръ, и ты-бъ такъ не бросалъ за столомъ и не бранился“. И онъ, Мартынъ, отвѣчалъ: „А будетъ я не гофмейстеръ, и я не хочу живъ быть“, и, побѣжавъ, бранилъ: „Собаки! собаки! я вамъ сдѣлаю, какъ Богъ мой живъ, такъ я вамъ отомщу“. При государѣ царевичѣ за столомъ сидѣли въ то время онъ, Мартынъ, подлѣ него докторъ Богданъ Клемъ, по другую сторону сидѣли Алексѣй Ив. Нарышкинъ, Никифоръ Вяземскій; при столѣ стояли толмачъ да сторожъ“.

Спросили иностранца доктора Клема, и тотъ показалъ: „Во время того стола, какъ принесли на столъ жаркія куры, которыя тотъ иноземецъ, разрушивъ, положилъ на блюдѣ, и государь царевичъ изволилъ взять отъ той ѣствы, сперва одну куречью ножку и, покушавъ нѣсколько, положилъ на тарелку, и хотѣлъ взять еще иную часть. И Алексѣй Ив. Нарышкинъ говорилъ, чтобъ онъ, царевичъ, тѣ части, которыя кушалъ, для очистки тарелки, положилъ на то-жъ блюдо. О семъ услыша, Мартынъ говорилъ, что царевичъ лучше, нежели

---

1) Москов. архивъ Мин. Ин. Д., Приказныя дѣла новыхъ лѣтъ, годъ 1704.

онъ въ томъ знаетъ, понеже необыкновенно объѣденныя кости на блюдо класть, а мечутъ собакамъ. Потомъ царевичъ изволилъ нѣчто молвить Алексѣю Ивановичу тайно на ухо, а Алексѣй Ив., измѣшкавъ немного, также молвилъ тайно на ухо учителю Микифору, а Мартынъ говорилъ: „Непристойно за столомъ другъ другу на ухо говорить при иныхъ людяхъ“. Брань съ Вяземскимъ Клемъ описалъ согласно съ первоначальнымъ донесеніемъ. „И называлъ онъ, Мартынъ, ихъ мужиками, свиньями и собаками, и, идучи, у дверей говорилъ съ крикомъ: „Добро, собаки, я вамъ заплачу“.

Царь указалъ—отказать Нейгебауеру отъ службы и ѣхать безъ отпуска, куда похочетъ за то, что писался самовольно гофмейстеромъ и ближнихъ людей называлъ варварами, и бранилъ всякою жестокою бранью [1].

Нейгебауеръ сдержалъ слово, отомстилъ. Въ 1704 году онъ издалъ въ Германіи брошюру подъ заглавіемъ: „Письмо одного знатнаго нѣмецкаго офицера къ тайному совѣтнику одного высокаго владѣтеля о дурномъ обращеніи съ иноземными офицерами, которыхъ Москвитяне привлекаютъ къ себѣ на службу“ [2]. Нейгебауеръ объявлялъ, что царь и его приближенные обращаются съ честнѣйшими и храбрѣйшими офицерами, какъ со щенками, употребляютъ пощечины, палки, кнутъ и т. п. Полковникъ Бодевинъ потерялъ голову за то, что его слуга закололъ фельдшера, царскаго любимца; полковника Штрасберга городовой воевода билъ батогами за то только, что тотъ не хотѣлъ ослушаться царскаго указа; майора Кирхена самъ царь публично обругалъ непристойною бранью и плюнулъ ему въ лицо за то, что тотъ, прослуживъ цѣлый годъ майоромъ, не хотѣлъ быть капитаномъ и уступить свое мѣсто одному Русскому; по смерти Лефорта, любимца царскаго, конфисковано было все его имѣніе, и наслѣдники не получили ничего, только должны были платить долги покойнаго. Нейгебауеръ не довольствовался этою брошюрою, но обѣщалъ издать подробное описаніе нравовъ Русскаго народа, его обмановъ, идолопоклонства, наглости, рабства, жестокости, неблагодарности, ненависти къ иностранцамъ, неспособности, лѣни, волшебства, невѣрности, похищенія нѣмецкихъ женъ и дѣтей; особенно обѣщалъ распространиться о подвигахъ царскаго любимца Меншикова съ Нѣмками, которыхъ потомъ навязываютъ нѣмецкимъ офицерамъ.

Осенью 1704 года Матвѣевъ писалъ изъ Гаги: „Въ сихъ числахъ прибыли въ Гагу отъ Архангельскаго города съ голландскими кораблями два человѣка—Французъ Деверсалъ съ Нѣмчиномъ, и здѣсь такихъ злословій и безчестій скаредныхъ всенародно о государствѣ государя нашего и о правительствѣ вельможъ московскихъ въ бытность Прусскаго принца и арцуха (герцога) Малбурга при всѣхъ вездѣ собраніяхъ и ходя по кофейнымъ домамъ, наполнили, какихъ бы ни самый дьяволъ воплощенный не вымыслилъ, и явственно сказывали, что кто изъ иноземцевъ въ службу московскую ни пріѣдетъ, долженъ подписать себя отдать въ вѣчное московское рабство; и ихъ выпустили за великія дачи съ Москвы насилу. И всѣмъ офицерамъ здѣсь и кавалерамъ сказывали, что и у самыхъ Турокъ такого непорядку и озлобленія людямъ нѣтъ и чтобъ никто службы московской впредь не принималъ. Эти люди одной компаніи нѣкотораго генерала Коромбеса и учителя бывшаго прежде у государя царевича“ [3].—Этотъ генералъ Коромбесъ былъ генералъ фонъ-Корренбергъ, о которомъ Нейгебауеръ разсказываетъ въ своей брошюрѣ, что онъ пріѣхалъ въ Россію въ 1703 году, и привезъ съ собою восемь офицеровъ, потративъ много своихъ денегъ. Царь сдѣлалъ его генералъ-лейтенантомъ, но, спустя два мѣсяца, велѣлъ наказать его въ собственной палаткѣ, за что—этого Нейгебауеръ не говоритъ. Брошюра Нейгебауера не была первымъ сочиненіемъ, направленнымъ противъ Петровской Россіи. По донесенію Матвѣева отъ 5 іюня 1702 года, какой-то профессоръ во Франкфуртѣ-на-Одерѣ напечаталъ похвальную рѣчь Прусскому королю, гдѣ прославлялъ тріумфъ Шведовъ надъ московскими войсками и толковалъ, что христіанскіе государи не должны пропускать русскихъ кораблей на море, ибо если Русскіе овладѣютъ Ливоніею, то овладѣютъ также Польшею и Литвою, и будутъ опаснѣе Пруссіи.

Въ Пруссіи и Саксоніи были запрещены сочиненія, оскорбительныя для царя и Россіи; но Петръ этимъ не довольствовался. До сихъ поръ почти всѣ сочиненія, выходившія въ Западной Европѣ о Россіи, больше или меньше были похожи на брошюру Нейгебауера; Россія была ославлена, какъ страна варварская. Желая ввести Россію въ семью Европейскихъ державъ, дать ей здѣсь важное значеніе, Петръ, разумѣется, хотѣлъ очистить ее отъ прежняго пятна варварства, хотѣлъ, чтобъ въ Европѣ говорили только объ этомъ очищеніи, видѣли въ Россіи страну уже не варварскую болѣе, но очищенную, преобразованную; понятно желаніе Петра слыть преобразователемъ, а не царемъ варварскаго народа и не варваромъ. Наконецъ Петръ нуждался въ искусныхъ иностранцахъ, а дурные слухи о Россіи будутъ отвращать ихъ отъ вступленія въ царскую службу. Мы видѣли, что, давая Тессингу привилегію на заведеніе русской типографіи, Петръ требовалъ, чтобы въ книгахъ, которыя будутъ выходить изъ этой типографіи, не говорилось ничего предосудительнаго о Россіи. Въ 1702 году Паткуль подговорилъ въ русскую службу доктора правъ Генриха-фонъ-Гюйсена, который обязался: 1) отъискивать, входить въ переговоры и приглашать въ русскую службу иностранныхъ офицеровъ, инженеровъ, мануфактуристовъ, ружейниковъ, художниковъ, берейторовъ, кузнецовъ и другихъ мастеровыхъ, особенно же такихъ, которые бы понимали попольски или почешски. 2) Переводить, печатать и распространять царскія постановленія, издаваемыя для устройства военной части въ Россіи. 3) Склонять голландскихъ, германскихъ и другихъ странъ ученыхъ, чтобъ они посвящали царю, или членамъ его семейства, или, наконецъ, царскимъ министрамъ замѣчательныя изъ своихъ произведеній, преимущественно касающіяся исторіи, политики и механики; также, чтобъ эти ученые писали статьи къ прославленію Россіи. 4) Войти въ переговоры съ почтмейстерами разныхъ государствъ о правильной разсылкѣ русскихъ писемъ. Въ 1703 году Гюйсенъ получилъ мѣсто Нейгебауера при царевичѣ, но пробылъ на немъ недолго. Въ 1705 царь велѣлъ ему ѣхать въ Германію „съ подлинными коммисіями“. Здѣсь-то онъ вступилъ въ полемику съ Нейгебауеромъ въ защиту Россіи [1]).

---

[1] Дѣло Нейгебауера въ Москов. архивѣ Мин. Ин. Д.

[2] Schreiben eines vornehmen deutschen Officires an einen geheimen Rath eines hohen Potentaten u. s. w.

[3] Москов. архивъ Мин. Ин. Дѣлъ, дѣла Голландскія 1704 года.

Мы скажемъ, въ свое время, нѣсколько словъ объ этой полемикѣ; а теперь взглянемъ на тѣ распоряженія Петра, которыми дѣйствительно смывалось пятно варварства съ Русскаго народа. Въ древней Россіи сохранялся еще тотъ дохристіанскій взглядъ на человѣка, по которому можно было убивать младенцевъ, родившихся съ физическими недостатками. Въ январѣ 1704 года сказанъ великаго государя указъ подъ смертною казнію, чтобъ повивальныя бабки младенцевъ, которые родятся особымъ некакимъ видомъ, или несущественнымъ образомъ, или какимъ чудомъ, не убивали и не топили, а объявляли про нихъ тѣхъ приходовъ священникамъ, а священники-жъ про то объявляли въ Монастырскомъ Приказѣ. Тутъ же запрещено хоронить мертвыхъ ранѣе трехъ дней [2]). Въ началѣ 1700 года бояре слушали такое дѣло: взятъ былъ боярина Петра Петровича Салтыкова человѣкъ Алексѣй Каменскій за то, что онъ боярина лѣчилъ, припашивалъ лѣкарства и отъ лѣкарствъ бояринъ умеръ скорою смертью. Въ разспросѣ и съ пытки лѣкарь сказалъ, что онъ боярина лѣчилъ и лѣкарства всякія, покупая въ зелейномъ ряду въ лавкахъ, давалъ, и бояринъ говорилъ ему, чтобъ онъ принесъ ему лѣкарства отъ сна, и онъ, Алешка, въ зелейномъ ряду купилъ арьяну на три деньги осьмую долю золотника, розиялъ на 12 доль и давалъ боярину отъ сна, а не для отравы. Зелейнаго ряду сидѣлецъ Ганка Варѳоломеевъ въ продажѣ того арьяну не запирался, и сказалъ, что онъ Алешкѣ продалъ арьяну на четыре деньги и велѣлъ давать мочному человѣку противъ трехъ зеренъ конопляныхъ, а немочному противъ двухъ. и на другой день поутру пришелъ къ нему, Ганкѣ, Алешка и сказалъ, что лѣкарство отдалъ онъ боярскому малому, и тотъ малый отдалъ боярину все. и бояринъ съ того числа по се время не проспится, только въ ночи простоналъ.—Бояре велѣли справиться: какія прежде были подобныя дѣла, и какіе указы. Нашли, что въ 1686 года лѣкаря Туленщикова велѣно сослать въ Курскъ за то, что онъ лѣкарю Харитонову вмѣсто раковыхъ глазъ отвѣсилъ въ пьянствѣ золотникъ сулемы, Харитоновъ далъ ту сулему подьячему Прокофьеву, и подьячій при немъ умеръ; по этому случаю сказанъ былъ тогда указъ всѣмъ лѣкарямъ: кто нарочно или ненарочно кого уморитъ, того казнить смертью. Но въ 1700 году не привели въ исполненіе указа 1686 года, не казнили Каменскаго смертью,—сослали въ Азовъ на каторгу [3]); а для предупрежденія подобныхъ случаевъ въ томъ же году велѣно завести въ Москвѣ восемь аптекъ съ тѣмъ, чтобъ въ нихъ никакихъ винъ не продавалось; аптеки эти съ докторами и аптекарями и лѣкарями и съ иными чинами во всякихъ дѣлахъ вѣдать въ Посольскомъ Приказѣ; а кромѣ того въ Москвѣ впредь другимъ аптекамъ и зелейному ряду, и лавкамъ по улицамъ и перекресткамъ, гдѣ продавали всякія непотребныя травы и зелья вмѣсто лѣкарствъ, не быть [4]).

Запретили продавать травы, вредныя въ рукахъ старинныхъ знахарей; запретили продавать остроконечные ножи, вредные въ рукахъ людей, еще младенцевъ по общественной неразвитости. Въ томъ же 1700 году государь указалъ: на Москвѣ и въ городахъ, всякихъ чиновъ людямъ ножей остроконечныхъ никому съ собою, въ день и въ ночь и ни въ какое время не носить, для того что многіе люди въ дорогахъ на съѣздахъ и на сходахъ, и въ домахъ, въ ссорахъ и дракахъ и въ пьянствѣ такими ножами другъ друга рѣжутъ до смерти, а воры и нарочно съ такими ножами ходятъ по ночамъ и людей рѣжутъ и грабятъ, и со времени этого указа въ ножевомъ ряду такихъ остроконечныхъ ножей не дѣлать и не держать и никому не продавать, а ослушниковъ бить кнутомъ и ссылать въ ссылку [5]). Черезъ годъ понадобился указъ противъ дуэлей между иноземцами: въ январѣ 1702 года имъ запрещено выходить на поединки и даже вынимать оружіе; за первое назначена смертная казнь, за второе—отсѣченіе руки. Война правительства съ разбойниками велась попрежнему. Въ 1702 году капитанъ Рагульскій съ цѣлою ротою отправленъ былъ въ Костромской и Галицкій уѣзды для сыску разбойниковъ, и успѣлъ схватить знаменитыхъ разбойниковъ, помѣщиковъ: Захара Полозова, Никифора Сытина, Петра Синягина, Ивана Сологубова, Никиту Жданова, Василія Полозова-Кулю, Ивана и Данилу Захаровыхъ, Семена да Петра Шишкиныхъ. Разбойничали они съ своими людьми, нападали на деревни, убивали мужчинъ, насиловали женщинъ, огнемъ жгли [6]).

---

[1]) См. у Пекарскаго I, стр. 90 и слѣд.

[2]) Полн. Собр. Зак. № 1964.

[3]) Полн. Собр. Зак. № 1756.

[4]) Полн. Собр. Зак. № 1879.

[5]) Полн. Собр. Зак. № 1758.

[6]) Полн. Собр. Зак. № 1890; дѣла Преображенскаго Приказа 1702 года.

Охраняя жизнь русскаго человѣка отъ вреднаго зелья, отъ остроконечнаго ножа, Петръ принялъ мѣры и противъ огня, такъ свирѣпствовавшаго въ деревянныхъ городахъ, не исключая и царствующаго града. Виніусъ, въ апрѣлѣ 1700 года, писалъ Петру изъ Москвы: „Здѣсь Вулканусъ насъ такъ тревожитъ и многихъ разоряетъ, и не только съ самыя Пасхи по вся дни, но во единыя сутки пожара по три и по четыре, а третьяго-дня было шесть пожаровъ; повели уставами добрыми для предваренія такого всегубителя забѣжать, какъ бы отъ такого разоренія впредь людямъ спастися, а старый князь Иванъ Борисовичъ (Прозоровскій) и прочіе начальные бѣгаючи изъ силы выбились“. Виніусъ предлагалъ исподоволь дѣлать черепичныя кровли вмѣсто тесовыхъ; начали выписывать заливныя трубы изъ-за границы чрезъ Витзена [1]; въ январѣ 1704 года изданъ указъ о строеніи въ Москвѣ, въ Кремлѣ и Китаѣ-городѣ каменныхъ домовъ, о расположеніи ихъ подлѣ улицъ и переулковъ, а не внутри дворовъ, и о продажѣ дворовыхъ мѣстъ, которыхъ владѣльцы не въ состояніи выстроить каменнаго дома [2].

По одними средствами охраненія жизни и имущества преобразованіе не ограничивалось. На русскихъ нравахъ лежало пятно, которое бросалось въ глаза и чужимъ, и своимъ:—это неправильность при заключеніи брачныхъ союзовъ, имѣвшая такое вредное вліяніе на семейную нравственность. Мы видѣли, что въ 1693 году патріархъ Адріанъ свидѣтельствовалъ, что бракъ заключается безъ согласія вступающихъ въ бракъ, отчего „житіе ихъ бываетъ бѣдно, другъ другу навѣтно и дѣтей безприжитно“. Патріархъ не могъ представить дѣйствительныхъ средствъ противъ зла. Петръ нашелъ это средство, уничтоживъ затворничество женщинъ, приказывая приглашать ихъ вмѣстѣ съ мужчинами на обѣды и вечера. Въ апрѣлѣ 1702 года изданъ указъ: „Рядовыя сговорныя записи отставить и впредь ихъ въ Приказѣ Крѣпостныхъ Дѣлъ не писать, а вмѣсто того приданому писать росписи за руками, а заряду (платежа за неустойку) никакого въ тѣхъ росписяхъ не писать. А буде кто дочь или сестру, или какую свойственницу, или дѣвица, или сама вдова сговоритъ замужъ за кого, и прежде вѣнчанія обрученію быть за шесть недѣль, и буде обучатся, а послѣ сговору и обрученья женихъ невѣсты взять не похочетъ, или невѣста за жениха за мужъ идти не похочетъ же, и въ томъ быть свободѣ, по правильному Св. Отецъ разсужденію. А которая невѣста выйдетъ замужъ и умретъ бездѣтна, и послѣ смерти ея, приданаго ея, кромѣ вотчинъ и помѣстій и дворовъ, назадъ ничего не возвращать“. 30 декабря 1701 года запрещено было подписываться уменьшительными именами, падать предъ царемъ на колѣни, зимою снимать шапки передъ дворцомъ. Петръ говорилъ: „Какое же различіе между Бога и царя, когда воздавать будутъ ровное обоимъ почтеніе? Менѣе низкости, болѣе усердія къ службѣ и вѣрности ко мнѣ и государству—сія то почесть свойственна царю“ [3].

Важныя преобразованія въ первое пятилѣтіе новаго вѣка коснулись духовенства. Мы уже видѣли, въ какомъ положеніи находилось русское духовенство при поворотѣ Россіи на новый путь, поворотѣ, начавшемся до Петра, истекавшемъ изъ всего предшествовавшаго хода исторіи. Недовольство этимъ положеніемъ было высказано громко и рѣзко и въ приговорахъ соборныхъ и указахъ, направленныхъ противъ разныхъ злоупотребленій и нравственныхъ безпорядковъ; но этимъ протестомъ все и окончилось; самостоятельнаго движенія къ исправленію сознаннаго зла не обнаружилось. Сознавъ зло и при этомъ не обнаруживъ силы, достаточной для его искорененія, духовенство необходимо отрекалось отъ права на это искорененіе въ пользу другой силы. Несостоятельность духовенства преимущественно происходила отъ недостатка просвѣщенія, жажду котораго такъ ясно выразило русское общество въ концѣ XVII вѣка. Общество имѣло право требовать, чтобъ духовенство, учительное сословіе, взяло на себя починъ въ этомъ дѣлѣ и руководило другихъ; но и это требованіе осталось неудовлетвореннымъ. Учреждена была въ Москвѣ Академія, ввѣренная надзору духовенства, прямо направленная къ поддержанію Церкви; но духовенство не воспользовалось ею. Петръ говорилъ патріарху Адріану: „Священники ставятся малограмотные; надобно ихъ сперва научать таинствамъ и потомъ уже ставить въ тотъ чинъ; для этого надобно человѣка и не одного, кому это дѣлать и опредѣлить мѣсто, гдѣ быть тому. Надобно промыслить, чтобъ и Православные христіане, и зловѣрцы—Татары, Мордва, Черемисы и другіе—познали Господа и законъ Его; для того послать бы хотя нѣсколько десятковъ человѣкъ въ Кіевъ въ школы. И здѣсь есть школа, можно бы и здѣсь было объ этомъ дѣлѣ порадѣть; но мало учатся, потому что никто не смотритъ за школою какъ надобно; нуженъ для этого человѣкъ знатный чиномъ, именемъ, богатый, и нѣтъ его. Евангельское ученіе—вотъ знаніе Божеское, больше всего въ жизни сей нужное людямъ. Многіе желаютъ дѣтей своихъ учить свободнымъ наукамъ, и отдаютъ ихъ здѣсь иноземцамъ; другіе же въ домахъ своихъ держатъ учителей иностранцевъ, которые на славянскомъ нашемъ языкѣ не умѣютъ правильно говорить, кромѣ того иновѣрцы, и малыхъ дѣтей ересямъ своимъ учатъ, отчего дѣтямъ вредъ и Церкви нашей Святой можетъ быть ущербъ великій, а языку нашему отъ неискусства поврежденіе, тогда какъ въ нашей бы школѣ, при знатномъ и искусномъ обученіи, всякому добру учились“ [4].

---

[1] Кабинетъ II, кн. № 1.

[2] Полн. Собр. Зак. № 1963.

[3] Полн. Собран. Зак. № 1907. — Анекдоты Нартова, № 13.

[4] Кабинетъ II, кн. № 53.

Въ октябрѣ 1700 года умеръ патріархъ Адріанъ. Вслѣдъ за извѣстіемъ объ этомъ событіи, Петръ, находившійся въ то время подъ Нарвою, получилъ письмо отъ Курбатова: „Больному патріарху трудно было смотрѣть за всѣмъ, отъ чего происходили безпорядки по духовному управленію. Избраніемъ архимандритовъ и другихъ освященнаго чина людей завѣдывалъ архидіаконъ, который, какъ извѣстно, самъ собою править не можетъ: гдѣ же ему избирать? Избраніемъ патріарха думаю повременить. Опредѣленіе въ священный чинъ можно поручить хорошему архіерею съ пятью учеными монахами. Для надзора же за всѣмъ и для сбора домовой казны надобно непремѣнно назначить человѣка надежнаго: тамъ большіе безпорядки; необходимо распорядиться монастырскими и архіерейскими имѣніями, учредить особливый Расправный Приказъ для сбора и храненія казны, которая теперь погибаетъ по прихотямъ владѣльцевъ. Школа, бывшая подъ надзоромъ патріарха и подъ управленіемъ монаха Палладія, въ разстройствѣ; ученики, числомъ 150 человѣкъ, очень недовольны, терпятъ по всемъ крайній недостатокъ и не могутъ учиться; потолки и печи обвалились. Могъ бы я и о другомъ о многомъ донести, да очень боюсь враговъ. Изъ архіереевъ для временнаго управленія, думаю, хорошъ будетъ Холмогорскій (Аѳанасій); изъ мірскихъ для смотрѣнія за казною и сбора ея очень хорошъ бояринъ Ив. Алексѣевичъ Мусинъ-Пушкинъ, или стольникъ Дм. Петр. Протасьевъ“ [1].

Мысль Курбатова отложить избраніе патріарха не могла не понравиться Петру, если только эта мысль не была уже прежде у Петра. Враги преобразованій постоянно вооружались противъ нихъ, во имя религіи, древняго благочестія, которому измѣнялъ царь, другъ еретиковъ, Нѣмцевъ. Было извѣстно, что духовенство смотрѣло очень неблагосклонно на нововведенія и на новыхъ учителей: патріархъ Іоакимъ вооружался противъ пріема иностранцевъ въ русскую службу; патріархъ Адріанъ писалъ сильныя выходки противъ брадобритія, и когда замолкъ, увидавъ, что самъ царь ввелъ брадобритіе, то навлекъ отъ ревнителей старины жестокіе на себя укоры: „Какой онъ патріархъ? живетъ изъ куска, спать бы ему да ѣсть, бережетъ мантіи да клобука бѣлаго, за тѣмъ и не обличаетъ“. Адріанъ, по характеру своему, снесъ заслуженныя непослѣдовательностію укоризны; отъ него Петръ не могъ ожидать противодѣйствія своимъ планамъ; но могъ ли онъ быть увѣренъ въ его преемникѣ? Для поправленія разстроенныхъ при Адріанѣ дѣлъ патріаршаго управленія, нужно было избрать человѣка энергическаго; но энергическій человѣкъ будетъ ли употреблять свою энергію всегда согласно съ видами царя-преобразователя? Гдѣ найти такого архіерея, который бы вполнѣ сочувствовалъ преобразованіямъ?—а если нѣтъ, то патріархъ, по своему значенію, будетъ необходимо нравственною опорою недовольныхъ: царь въ постоянномъ отсутствіи изъ Москвы; безъ царя патріархъ на первомъ планѣ, и если этотъ патріархъ не сочувствуетъ царю, которымъ многіе недовольны? Съ Никономъ легко было справиться и царю Алексѣю Михайловичу, потому что Никонъ губилъ самъ себя; но при Петрѣ патріархъ сколько нибудь энергическій въ челѣ многихъ недовольныхъ преобразованіями былъ гораздо опаснѣе Никона. Благоразумно ли было къ сильной борьбѣ внѣшней и внутренней присоединять возможность борьбы съ патріархомъ, которая, и окончившись счастливо для царя, во всякомъ случаѣ дала бы ему печальное значеніе гонителя, а жертва получила бы для многихъ и многихъ значеніе св. мученика? Сохранилось извѣстіе, что англійскимъ купцамъ, изъявлявшимъ опасеніе, не будетъ ли патріархъ сопротивляться табачной продажѣ, Петръ сказалъ: „Не опасайтесь; я далъ объ этомъ указъ, и постараюсь, чтобъ патріархъ въ табачныя дѣла не мѣшался; онъ при мнѣ блюститель только вѣры, а не таможенный надзиратель“. Но примѣръ Іоакима и Адріана могъ ли дать Петру ручательство, что преемникъ ихъ сможетъ съ точностію опредѣлить свои обязанности, какъ блюстителя вѣры только. Петръ, приступая къ упраздненію ненужнаго для Русской Церкви сана патріаршескаго, стремился дать ей настоящее могущество, просвѣщеніе; но внести просвѣщеніе между великороссійскимъ духовенствомъ, заботиться о школахъ, направлять и развивать ихъ могли только ученые архіереи; а гдѣ было взять ихъ? Дать общее сильное движеніе образованію между духовенствомъ въ цѣлой Россіи, заботиться о главной школѣ въ Москвѣ могъ только патріархъ ученый; а гдѣ было взять такого? Петру оставалось одно средство — назначить на архіерейскія мѣста въ Великой Россіи ученыхъ монаховъ малороссійскихъ; но поставить патріарха изъ Малороссіи было неудобно при тогдашнихъ отношеніяхъ между Великой и Малой Россіею. Наконецъ считалось необходимымъ приступить къ рѣшительнымъ мѣрамъ для исправленія нравственности духовенства, преимущественно чернаго; считалось необходимымъ сдѣлать болѣе правильное употребленіе матеріальныхъ средствъ чернаго духовенства; хотѣли сдѣлать все это безъ помѣшки, и избраніе патріарха было отложено. Мы не считаемъ себя въ правѣ думать, что мысль о совершенномъ уничтоженіи патріаршества уже созрѣла въ Петрѣ въ 1700 году; всего вѣроятнѣе, что она достигла той зрѣлости съ теченіемъ времени, когда отъ отсутствія патріарха не чувствовалось никакого неудобства; когда коллегіальная форма признана была лучшею по всѣмъ частямъ управленія; когда, наконецъ, дѣло царевича Алексѣя возбудило въ душѣ Петра сильныя сомнѣнія насчетъ сочувствія большинства высшаго духовенства къ новому порядку.

16 декабря 1700 года состоялся именной указъ: Патріаршему Приказу Разряду не быть, а дѣла

---

[1] Кабинетъ II, кн. № 1.

по челобитіямъ мірскихъ людей на духовныхъ и духовныхъ на мірскихъ отослать по Приказамъ, гдѣ кто вѣдомъ; дѣла же о расколѣ и ересяхъ вѣдать преосвященному Стефану, митрополиту Рязанскому и Муромскому [1]. Митрополитъ Стефанъ (Яворскій) назывался съ тѣхъ поръ „Екзархомъ святѣйшаго патріаршаго престола, блюстителемъ и администраторомъ“. Причина назначенія Малороссіянина Яворскаго предпочтительно предъ Аѳанасьемъ Холмогорскимъ очевидно заключалась въ учености Яворскаго. Послѣдній пріѣхалъ въ Москву въ началѣ 1700 года, въ санѣ игумна Никольскаго Пустыннаго монастыря; Кіевскій митрополитъ Варлаамъ Ясинскій прислалъ его вмѣстѣ съ игуменомъ Златоверхаго Михайловскаго монастыря Захаріемъ Корниловичемъ къ патріарху Адріану, прося посвятить одного изъ нихъ на вновь учрежденную епархію Переяславскую (Переяславля южнаго). Но Петръ нашелъ въ Стефанѣ человѣка, какой ему былъ нуженъ въ Великой Россіи, и потому онъ велѣлъ патріарху поставить его въ архіереи на одну изъ ближайшихъ къ Москвѣ епархій. Въ мартѣ же очистилось мѣсто митрополита Рязанскаго, и Адріанъ объявилъ Яворскому, чтобъ готовился къ посвященію. Тотъ сталъ просить, чтобъ прежде позволили побывать ему въ Кіевѣ; патріархъ не согласился и назначилъ 16 марта для посвященія. Утромъ въ назначенный день архіереи и другія духовныя лица собрались, по обычаю, въ Крестовую палату къ патріарху; послали на Малороссійское подворье за Стефаномъ; посланникъ возвратился съ отвѣтомъ, что игумна нѣтъ на подворьи, уѣхалъ въ Донской монастырь. Послали туда,—Яворскій не ѣдетъ, а между тѣмъ уже часа съ два въ Кремлѣ шелъ благовѣстъ; въ другой разъ послали въ Донской монастырь взять упрямаго игумна: Стефанъ отрекся рѣшительно, что не поѣдетъ, не хочетъ быть архіереемъ! Патріархъ разсердился, не велѣлъ пускать Стефана изъ монастыря и далъ знать царю [2]. Тотъ велѣлъ спросить у Стефана, что за причина такого поступка. Стефанъ написалъ [3]: „Вины, для которыхъ я ушелъ отъ посвященія: 1) Писалъ ко мнѣ преосвященный митрополитъ Кіевскій, чтобъ я возвращался въ Кіевъ и его во время старости не оставлялъ при его немощахъ и недугахъ. 2) Епархія Рязанская, на которую меня хотѣли посвятить, имѣетъ еще въ живыхъ своего архіерея, а правила Св. Отецъ не повелѣваютъ, въ живу сущу архіерею, иному касатися епархіи—духовное прелюбодѣяніе [4]! 3) Изощренный завистію языкъ многія досады и поклепы на меня говорилъ: иные рекли, будто я купилъ себѣ архіерейство за 3,000 червонныхъ золотыхъ; иные именовали меня еретикомъ, ляшенкомъ, обливанникомъ. 4) Не дано мнѣ сроку, чтобъ я могъ приготовиться на такую высокую архіерейства степень очищеніемъ совѣсти своея, чтеніемъ книгъ богодухновенныхъ“.—Это любопытное объясненіе показываетъ, какъ смотрѣли въ Москвѣ на ученыхъ малороссійскихъ монаховъ, поставляемыхъ на великороссійскія епархіи: нѣкоторые (вѣроятно тѣ, которые сами хотѣли быть архіереями) не щадили для нихъ названія еретика, ляшенка (полячишка). Но Петръ, котораго самого называли еретикомъ и антихристомъ, не обращалъ вниманія на то, что говорили изощренные завистію языки: Стефанъ былъ поставленъ митрополитомъ на Рязань, и въ томъ же году, какъ мы видѣли, былъ переведенъ въ Москву.

За назначеніемъ Яворскаго блюстителемъ патріаршаго престола немедленно послѣдовали преобразованія. Въ январѣ 1701 года указано вѣдать домъ св. патріарха, домы архіерейскіе и монастырскія дѣла боярину Ив. Алекс. Мусину-Пушкину; сидѣть на патріаршѣ дворѣ въ палатахъ, гдѣ былъ Патріаршій Разрядъ, и писать Монастырскимъ Приказомъ. Всѣ челобитныя на духовныхъ лицъ, монастырскихъ стряпчихъ, слугъ и крестьянъ должны подаваться въ Монастырскій Приказъ, а челобитныя духовныхъ лицъ, монастырскихъ приказчиковъ, слугъ и крестьянъ на разныхъ чиновъ людей подаются въ Приказъ, гдѣ кто судимъ [5]. Монастырскій Приказъ долженъ былъ переписать всѣ монастыри мужскіе и женскіе; сколько монаховъ и монахинь переписчики застанутъ въ какихъ монастыряхъ, тѣмъ и оставаться въ своихъ монастыряхъ неисходно, въ другіе монастыри ихъ не принимать, развѣ по какой-нибудь важной законной причинѣ монахъ можетъ перейти въ другой монастырь, и то съ отпускнымъ письмомъ отъ начальника прежняго монастыря. Мірскіе люди въ монастыряхъ жить не должны; чтецы и пѣвцы должны быть монахи, дьячковъ не-монаховъ переписчики должны выгнать вонъ. Монахи въ келіяхъ наединѣ не должны ничего писать, чернилъ и бумаги не держать, писать должны въ трапезѣ, въ опредѣленномъ мѣстѣ, съ позволенія начальника, по преданію древнихъ отцевъ [6]. Въ 1703 году для женскихъ монастырей было подтверждено: изъ монастыря монахинямъ быть неисходными; если будетъ великая нужда выйти, то отпускать на малое время, часа на два, и на три съ письмомъ и за печатью; писать именно, для какой нужды и на сколько времени отпущена, и за письмо и за печать отнюдь взятокъ не брать; монахини могутъ писать только въ трапезѣ; постригать бѣлицъ должно не раньше 40 лѣтъ; ворота въ монастырѣ должны быть всегда заперты, подлѣ воротъ должны стоять караульные; міряне входятъ только во время церковной службы, а въ другое время могутъ входить не иначе какъ съ позволенія игуменьи [7]. Ни въ мужскихъ, ни въ женскихъ монастыряхъ нельзя было никого постричь вновь безъ царскаго указа. Эти распоряженія объяснялись цѣлымъ рядомъ жалобъ предшествовавшаго времени на ослабленіе нравственности въ монастыряхъ, на кочевую жизнь монаховъ и монахинь, производящихъ соблазнъ своимъ поведеніемъ; оправдывались и дѣлами новаго Монастырскаго Приказа. Въ 1701 году у монаха были взяты воровскія письма (приворотныя къ женскому полу); по Уложенью его сожгли въ срубѣ; въ 1702 году пьяный монахъ убилъ другого до смерти: „оказалось, что убійца былъ бѣглый крестьянинъ, постриженный безъ справки“ [1]).

---

[1] Полн. Собр. Зак. № 1818. — Анекдоты Нартова, анекдотъ 12 по рукописи моей библіотеки.

[2] Москов. архивъ Мин. Ин. Д., дѣла духовныя.

[3] Кабинетъ II, кн. № 1.

[4] Старый митроп. Авраамій ушелъ по болѣзни на покой.

[5] Полн. Собр. Зак. № 1829.

[6] Полн. Собр. Зак. № 1834.

[7] Архивъ Мин. Юстиціи, дѣла Монастырскаго Приказа 1703 года.

Въ томъ же 1701 году приступили и къ хозяйственнымъ перемѣнамъ. Въ архіерейскихъ и монастырскихъ вотчинахъ велѣно дать новый торгъ на всѣ оброчныя статьи, которыя отданы были на оброкъ до урочныхъ лѣтъ, и если новые откупщики станутъ давать больше старыхъ, то имъ и отдавать статьи, не дожидаясь истеченія урочныхъ лѣтъ для прежнихъ откупщиковъ. Посельскіе старцы въ вотчинахъ отставлены; вмѣсто нихъ опредѣлены приказчики изъ мірянъ. Грекамъ, Армянамъ, Индѣйцамъ запрещено было останавливаться въ монастыряхъ, какъ въ гостинницахъ [2]). Наконецъ, въ декабрѣ 1701 года, былъ изданъ знаменитый указъ: въ монастыри монахамъ и монахинямъ давать опредѣленное число денегъ и хлѣба въ общежительство ихъ, а вотчинами имъ и никакими угодьями не владѣть, не ради разоренія монастырей, но лучшаго ради исполненія монашескаго обѣщанія, потому что древніе монахи сами себѣ трудолюбными своими руками пищу промышляли и общежительно жили, и многихъ нищихъ отъ своихъ рукъ питали; нынѣшніе же монахи не только нищихъ не питаютъ отъ трудовъ своихъ, но сами чужіе труды поѣдаютъ; а начальные монахи во многія роскоши впали, и подначальныхъ монаховъ въ скудную пищу ввели; кромѣ того, отъ вотчинъ ссоры и убійства и обиды многія. По этимъ причинамъ великій государь указалъ давать поровну, какъ начальнымъ, такъ и подначальнымъ монахамъ, по 10 рублей денегъ, по 10 четвертей хлѣба и дровъ сколько имъ надобно; а собирать съ вотчинъ ихъ всякіе доходы въ Монастырскій Приказъ. Слугъ и служебниковъ въ монастыряхъ оставить самое малое число, безъ которыхъ обойтись нельзя. Что остается хлѣба и денегъ отъ раздачи монахамъ, изъ этого остатка давать на пропитаніе нищихъ въ богадѣльни и бѣдные монастыри, у которыхъ нѣтъ вотчинъ [3]).

Бѣлое духовенство получило новую обязанность: доставлять въ Монастырскій Приказъ вѣдомости о числѣ родившихся и умершихъ; за 1703 годъ была подана первая вѣдомость въ Москвѣ священниками всѣхъ шести сороковъ приходскихъ церквей. Оказалось, что число смертныхъ случаевъ слишкомъ двумя тысячами превышаетъ число рожденій.

Назначивши блюстителемъ патріаршаго престола ученаго Малороссіянина, Петръ поручилъ ему поднять Московскую Академію. Стефанъ Яворскій, назвавшись протекторомъ Академіи, оправдалъ довѣренность Петра, возстановилъ Академію, но при немъ она явилась уже съ другимъ характеромъ относительно преподаванія. Въ первое время по ея основаніи, при Лихудахъ, въ ней господствовалъ греческій элементъ; Стефанъ Яворскій, воспитанникъ Кіевской Академіи и окончившій свое образованіе за границею, ввелъ въ нее элементъ латинскій, который сталъ надолго господствующимъ. При Лихудахъ руководства, ими составленныя, были на греческомъ языкѣ; теперь преподаватели являются преимущественно изъ Кіева и, по обычаю тамошней академіи, преподаютъ на латинскомъ языкѣ, сочиненія пишутся на немъ же, и Московская Академія получаетъ названіе латинскихъ или славяно-латинскихъ школъ. Чувствовали потребность и въ греческомъ языкѣ, но чувствовали отвращеніе отъ Грековъ, отвращеніе, которое не могло уменьшиться послѣ знакомства съ Лихудами. Намъ уже извѣстно поведеніе сына Іоанникія Лихуда, Николая; этотъ Николай дурно кончилъ въ описываемое время; 20 апрѣля 1705 года великій государь указалъ: князь Николаю Лихудьеву, учиня ему наказанье бить плетьми, сослать въ ссылку въ сибирскіе въ дальніе города въ службу, въ какую годится, за то, что онъ въ Преображенскій Приказъ привелъ съ ложнымъ извѣтомъ Грека игумена Венедикта, на Грека Ивана Бочю. Матвѣевъ рекомендовалъ Головину греческаго священника Серафима, и по письму боярина отправилъ его въ Москву. Любопытно письмо Матвѣева Головину по этому случаю (февраль 1704 года): „Гречанина священника Серафима, по вашему письму, давъ ему на проѣздъ денегъ, на вешнихъ корабляхъ отправлю къ Москвѣ, потому что онъ здѣсь и въ Англіи многовременно живъ, въ изрядныхъ порядкахъ означился, и въ Англіи многихъ своими трудами къ греческому святому благочестію привелъ, и довольныя книги на греческомъ языкѣ выдалъ, также философіи и богословіи сильное искусство имѣетъ. Греческаго, турецкаго, латинскаго, французскаго и англійскаго языковъ совершенно свѣдомъ. Можетъ такой человѣкъ надобный не только для дѣлъ турецкихъ впредь, и для свободныхъ наукъ ученія въ государствѣ великаго государя всегда употребительнымъ быть; а нравъ и поведеніе его отъ природы бездѣльной греческой гораздо разнится, мню больше для того, что онъ уже долголѣтно въ сихъ краяхъ европейскихъ жилъ“ [4]). Но и Серафимъ не получилъ мѣста ни въ Академіи, ни въ школѣ, основанной Глюкомъ. За преобразованіе Академіи сильно разсердился на Стефана Іерусалимскій патріархъ Досиѳей. Напрасно Яворскій писалъ ему, увѣряя въ своемъ православіи; Досиѳей отвѣчалъ:

---

[1]) Архивъ Мин. Юстиціи, дѣла означенныхъ годовъ.

[2]) Полн. Собр. Зак. № 1839.

[3]) Полн. Собр. Зак. № 1886.

[4]) Дѣла Преображ. Приказа 1705 г., Москов. архива Мин. Ин. Д., дѣла Голландскія 1704 года.

„Несправедливо пишешь, что ты поборникъ Восточной Церкви, потому что, прохлаждаясь на одномъ обѣдѣ, гдѣ были и нѣкоторые Греки, ты опорочилъ Восточную Церковь на счетъ совершенія таинства Евхаристіи. И нынѣ, находясь въ Москвѣ, ты стеръ въ-конецъ еллинское училище и только о латинскихъ школахъ заботишься. По нашему мнѣнію, не можетъ быть Московскій патріархъ изъ Грековъ, потому что лучшіе Греки хотятъ раздѣлять страданія своего народа, а тѣ, которые волочатся туда и сюда, особенно по Россіи, хотя быть можетъ и честные люди, но по образованію своему настоящіе мужики. Не можетъ быть патріархъ изъ Малороссіянъ или Бѣлоруссовъ, потому что они, имѣя сношенія съ Латинами, принимаютъ многіе нравы ихъ и догматы. За примѣрами не нужно далеко ходить: довольно тебя, который, отправившись въ Латинскія Земли для снисканія мудрости, принесъ хульныя списанія въ даръ воспитавшей и почтившей тебе Восточной Церкви. Зачѣмъ ты опасаешься обличать тѣхъ, которые приносятъ смущеніе въ царствующій градъ (т.-е иностранцевъ)? Св патріархъ Іоакимъ, видя смущенія въ Церкви, съ великимъ тщаніемъ искоренялъ ихъ, а ты молчишь“!

Въ Москвѣ не хотѣли выдавать Яворскаго патріарху, и отмалчивались; Досиѳей сердился. Переводчикъ Спафари писалъ Головину въ 1704 году: „Святѣйшій нынѣ зѣло гнѣвенъ на меня за то, будто мы умаляемъ его честь и бережемъ Рязанскаго, а его письма небрежемъ. Я природу его вѣдаю изъ молодыхъ лѣтъ: запальчивый таковъ, что и въ алтарѣ никому не спуститъ. Отпиши къ нему, потому что онъ вашей милости въ письмѣ пеняетъ, что ни малой отповѣди отъ вельможности вашей не получилъ; онъ любитъ частую корреспонденцію, и еще мнитъ и то, что не все переводимъ, о чемъ онъ пишетъ: какъ Греки воры его информовали ложно, а онъ вѣритъ, въ томъ легкій, кто что скажетъ и вѣритъ. И того ради на всякую статейку учини ему отповѣдь, и такъ утолится гнѣвъ его: онъ яртивый, но скоро уходливый по природѣ“ [6]).

Въ томъ же 1700 году, когда Стефанъ Яворскій былъ неволею поставленъ въ митрополиты Рязанскіе, Петръ поручилъ Кіевскому митрополиту Варлааму Ясинскому „поискать изъ архимандритовъ и игуменовъ, или другихъ иноковъ, добраго и ученаго и благаго непорочнаго житія, которому бы въ Тобольску быть митрополитомъ, и могъ бы Божіею милостію исподоволь въ Китаѣ и въ Сибири въ слѣпотѣ идолослуженія и другихъ невѣжествіяхъ закоснѣлыхъ человѣкъ приводить въ познаніе и служеніе и поклоненіе истиннаго живаго Бога“. Требуемыми достоинствами обладалъ игуменъ Новгородо-Сѣверскаго монастыря, Димитрій, знаменитый составленіемъ Четіихъ-Миней. Димитрій былъ присланъ въ Москву, и весною 1701 года посвященъ въ митрополиты Сибирскіе; но и это назначеніе было невольное; Димитрій заболѣлъ съ горя; Петръ умѣлъ войти въ положеніе человѣка, котораго отрываютъ отъ любимаго ученаго занятія и посылаютъ въ Сибирь,—Сибирь начала XVIII вѣка! Царь позволилъ остаться Димитрію въ Москвѣ, и въ 1702 году онъ получилъ мѣсто Ростовскаго митрополита. Димитрій нашелъ свою епархію въ печальномъ положеніи, въ какомъ находились тогда всѣ епархіи великороссійскія, и изъ котораго хотѣлъ извлечь ихъ Петръ посредствомъ образованныхъ архіереевъ. Духовенство было невѣжественное, учить своихъ духовныхъ дѣтей не могло, и духовныя дѣти тѣмъ легче увлекались проповѣдію какого-нибудь раскольничьяго старца, который кричалъ противъ духовенства, отступившаго отъ правой старой вѣры. „Окаянное наше время!“ говорилъ Димитрій въ одной изъ своихъ проповѣдей, „окаянное время, въ которое такъ пренебрежено сѣяніе слова Божія, и не знаю, кого прежде надобно винить, сѣятелей или землю, священниковъ или серца человѣческія, или тѣхъ и другихъ вмѣстѣ? Сѣятель не сѣетъ, а земля не принимаетъ, іереи не берегутъ, а люди заблуждаются; іереи не учатъ, а люди невѣжествуютъ; іереи слова Божія не проповѣдуютъ, а люди не слушаютъ и слушать не хотятъ. Съ обѣихъ сторонъ худо: іереи глупы, а люди неразумны. Іерейскія жены и дѣти многія никогда не причащаются; іерейскіе сыновья приходятъ ставиться на отцовскія мѣста; мы ихъ спрашиваемъ: давно ли причащались, и они отвѣчаютъ, что и не помнятъ, когда причащались. О, окаянные іереи, нерадящіе о своемъ домѣ! Какъ могутъ радѣть о Св. Церкви люди, домашнихъ своихъ къ святому причащенію не приводящіе?“ Димитрій долженъ былъ увѣщевать іереевъ, чтобы они не разсказывали грѣхи дѣтей своихъ духовныхъ, открытые на исповѣди; долженъ былъ внушать, что такой духовникъ есть Іуда предатель. Самое дѣйствительное средство противъ подобнаго состоянія духовенства было надлежащее приготовленіе къ священническому сану, и потому Димитрій завелъ училище при своемъ архіерейскомъ домѣ, и самъ ревностно занимался имъ, исполняя и учительскія обязанности, объясняя ученикамъ священныя книги, а между тѣмъ сочиненіе Четіихъ-Миней продолжалось безостановочно [7]).

На мѣсто Димитрія, митрополитомъ Сибирскимъ назначенъ былъ также Малороссіянинъ Филоѳей Лещинскій, экономъ Кіево-Печерскаго монастыря. Пріѣхавши въ Тобольскъ, Филоѳей разсмотрѣлъ въ церквахъ Божіихъ великое неустроеніе, и обратился къ Петру за средствами помочь бѣдѣ. Филоѳей писалъ о необходимости завести въ Тобольскѣ школы и учить грамматикѣ славянской и латинской, въ ученики понудить отъ всякаго чина дѣтей, завести типографію великаго государя казною, печатать букварн, часословы малые и псалтыри. Виніусъ доложилъ объ этомъ государю и, съ его словъ, отвѣчалъ Филоѳею: „Преосвященному митрополиту паче простираться въ ученіи славяно-россійской грамматики, и чтобъ вся, яже попу или діакону надобно знать, изучились и Православной вѣры катехизисъ достаточно знали, и по согласію содержащей въ ней артикулъ умѣли, и людей мірскихъ учили; типографіи въ Тобольску не быть, а какія книги понадобятся, покупать въ Москвѣ“.—Филоѳей требовалъ, чтобъ въ Сибири каждый годъ все духовенство съѣзжалось на Соборъ,—одинъ годъ въ Тобольскъ, а другой въ Енисейскъ, и когда архіерей или его посланные поѣдутъ въ Енисейскъ, или для обозрѣнія епархіи, то должны получать казенныя подводы. Виніусъ отвѣчалъ: „Соборомъ, за дальностію и скудостію поповъ, быть не для чего и трудно, а паче-жъ изъ дальнихъ городовъ и слободъ. А чтобъ Православная вѣра безъ всякаго препятія и споны управлялась благочинно, то выбирать ему (митрополиту) по городамъ и слободамъ надзирателей и старостъ добрыхъ и искусныхъ людей, которые-бъ были житія безпорочнаго и Св. Писанія божественнаго свѣдущихъ, и имя на себѣ носили трезвое и безъ всякаго порока; и въ подводахъ имѣть разсужденіе къ иноземцамъ, затѣмъ, что имъ, кромѣ того, великія отъ подводъ тягости, разгоны-бъ не учинить и разоренія“. — Филоѳей просилъ: „Буде иноземцы похотятъ креститься въ Православную Христіанскую вѣру своей волею, и чтобъ тѣмъ иноземцамъ ко крещенію приходить свободно безъ ясачныхъ убытковъ, а никому не возбраняти“. Виніусъ отвѣчалъ: „Которые иноземцы хотятъ волею своею креститься въ Православную Христіанскую вѣру, и ихъ крестить, а неволею никакихъ иноземцевъ не крестить, и ясакъ съ нихъ не складывать, только ихъ спрашивать, какой ради причины приходятъ ко Св. крещенію, велѣть имъ учинить исповѣдь. Которые Татары или иные иноземцы пойманы въ смертныхъ винахъ, и похотятъ креститься на томъ, чтобъ быть имъ живымъ, и такихъ, буде съ вѣрою совершенно приступаютъ, окрестя и давъ имъ время довольное на покаяніе, потомъ учинить по Уложенію и по градскимъ законамъ, да всякія беззаконія истребятся; и которые языка, ниже вѣры свѣдомы, и тѣхъ скоро не крестить, да не будетъ вѣрѣ Православной отъ нихъ поруганія, дѣлать въ томъ со многимъ опасьствомъ и разсмотрѣніемъ, испытуя вины, чего ради который иноземецъ крещенія пожелаетъ, внимали-бъ словесы Спасителевы, реченныя: сице кто вѣруетъ и крестится, спасенъ будетъ“.—Филоѳей просилъ: „Церковныхъ раскольщиковъ, отступившихъ отъ Св. Церкви и въ упрямствѣ необратно стоявшихъ, истребляти; а прочихъ, гдѣ явятся, всякими наставленьями приводить до соединенія Св. Церкви, а не покоряющихся—домы ихъ разграбляти на великаго государя, а ихъ смерти предавати“. Отвѣтъ: „Учинить непокаяннымъ раскольщикамъ по прежнимъ указамъ, только того смотрѣть, чтобъ, ложными покаяньями избывъ смерти, не начали тайно простыхъ и неутвержденныхъ людей въ свои прелести привлекать, или, ушедъ въ пустынныя мѣста, собираясь попрежнему, людей льстить и зажигать; а которые раскольщики, собравъ людей, сожигали, а сами уходили, и такимъ ворамъ, по истинному свидѣтельству, хотя и покаются, самихъ, безъ всякой пощады, во страхъ инымъ, такимъ же ворамъ, сжечь“ [1].

---

[6]) Москов. Архивъ Мин. Ин.Д., Приказныя дѣла новыхъ лѣтъ, годъ 1704; тамъ же дѣла Греческія 1703 г.

[7]) Св. Димитрій митрополитъ Ростовскій, стр. 38 и слѣд.

Говоря о достоинствѣ архіереевъ, которыхъ Петръ назначилъ изъ ученыхъ малороссійскихъ монаховъ для распространенія просвѣщенія между великороссійскимъ духовенствомъ, не забудемъ преданій о дѣятельности лучшаго изъ великорусскихъ архіереевъ, знаменитаго не школьною ученостью, но святостію жизни и сходившагося съ Петромъ въ усердномъ радѣніи о благѣ родной Земли. Въ то время, когда другія духовныя лица очень косо смотрѣли на нововведенія, разорявшія, по ихъ мнѣнію, монастыри и архіепископскіе дома, Воронежскій епископъ Митрофанъ прославлялъ намѣренія государя относительно заведенія флота и убѣждалъ народъ всѣми силами помогать царю въ великомъ дѣлѣ; но одними словами епископъ не ограничивался: онъ привезъ царю послѣдніе оставшіеся у него 6,000 рублей на войну противъ невѣрныхъ, и постоянно потомъ отсылалъ накоплявшіяся у него деньги,—къ государю или въ адмиралтейское казначейство съ надписью: „На ратныхъ“. Легко понять, какъ Петръ долженъ былъ смотрѣть на такого архіерея: не любя жертвовать ни для кого и ни для чего ничѣмъ изъ вновь вводимаго, Петръ, въ угоду Воронежскому епископу, велѣлъ снять статуи языческихъ божествъ, украшавшія домикъ его въ Воронежѣ, и горько оплакивалъ кончину святаго старца [2].

Но было много людей, которые не раздѣляли взгляда Воронежскаго епископа на тягости эпохи преобразованія. Мы уже видѣли, какъ начались и какъ выражались неудовольствія на Петра за его нововведенія; нововведенія продолжались, началась война, потребовавшая большихъ пожертвованій людьми и деньгами, рекрутская повинность впервые предстала народу со всею своею печальною обстановкою,—и ропотъ усиливался. Крестьяне роптали: „Какъ его Богъ на царство послалъ, такъ и свѣтлыхъ дней не видали, тягота на міръ, рубли да полтины, да подводы, отдыху нашей братьи, крестьянству, нѣтъ“ [3]. Сынъ боярскій говорилъ: „Какой-де онъ государь?—нашу братью всѣхъ выволокъ въ службу, а людей нашихъ и крестьянъ побралъ въ даточные, нигдѣ отъ него не уйдешь, всѣ распропали на плотахъ, и самъ онъ ходитъ на службу, нигдѣ его не убьютъ; какъ бы убили, такъ бы и служба минулась и черни бы легче было“. Крестьянки, солдатскія жены кричали: „Какой онъ царь?—онъ крестьянъ разорилъ съ домами, мужей нашихъ побралъ въ солдаты, а насъ съ дѣтьми осиротилъ и заставилъ плакать вѣкъ“ [1]. Холопъ говорилъ: „Если онъ (Петръ) станетъ долго жить, онъ и всѣхъ насъ переведетъ; я удивляюсь тому, что его по ся мѣстъ не уходятъ: ѣздитъ рано и поздно по ночамъ малолюдствомъ и одинъ; и Нѣмцамъ нынѣ времени не стало, потому что у него тесть Лефортъ умеръ. Какой онъ царь?—врагъ оморокъ мірской; сколько ему по Москвѣ ни скакать, быть ему безъ головы“ [2]. Монахъ говорилъ: „Навѣшалъ государь стрѣльцовъ, что полтей, а уже нынѣ станетъ ихъ солить“. Другой монахъ сказалъ на это: „Эти полти даромъ не пройдутъ, быть обороту отъ послѣднихъ стрѣльцовъ“ [3]. Нищій говорилъ: „Нѣмцы его обошли; часъ добрый найдетъ—все хорошо, а иной найдетъ—такъ рветъ да мечетъ; да вотъ ужъ и на Бога наступилъ: отъ церквей колокола снимаетъ“ [4]. Слышались слова: „Міроѣдъ! Весь міръ переѣлъ; на него, кутилку, переводу нѣтъ, только переводитъ добрыя головы“!

---

[1] Чтенія Москов истор. общ. 1863 года, кн. IV.

[2] Голикова —Дѣянія II, стр. 56; Дополнен. къ Дѣян. Петра В., т. XVII, стр. 65.

[3] Столбцы Тайнаго Преображ. Приказа, № 1104.

И при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ были сильныя жалобы на отягощеніе народное, жалобы, оканчивавшіяся бунтами; и при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ Никонъ, Іосифъ Коломенскій жаловались, что монастыри разорены. Но при этихъ жалобахъ, если не архіереи вродѣ Никона или Іосифа Коломенскаго, то народъ обыкновенно щадилъ особу царя, складывая всю вину на бояръ. Сынъ царя Алексѣя не пользовался этимъ преимуществомъ, потому что сблизился съ Нѣмцами, ѣздилъ въ ихъ Землю, обрился, одѣлся по-нѣмецки, другихъ заставлялъ дѣлать то же, царицу сослалъ въ монастырь, вмѣсто нея взялъ Нѣмку Монсову. Сдѣлана была попытка поднять Православныхъ противъ брадобритія: въ маѣ мѣсяцѣ 1700 года, въ семи верстахъ отъ Троицкаго монастыря, на большой Московской дорогѣ, у Креста, прибили листъ противъ брадобритія. Въ Суздалѣ подкинутъ былъ точно такой же листъ у городскихъ воротъ во время проѣзда чрезъ нихъ келейника архіерейскаго казначея; въ Юрьевѣ-Польскомъ тотъ же листъ явился прибитымъ у воротъ Архангельскаго монастыря [5]. Попытка не удалась; высказывались опасенія, что дѣло не ограничится однѣми бородами; монахъ говорилъ: „Государь ѣздилъ за море, возлюбилъ вѣру Нѣмецкую, будетъ то, что станутъ по середамъ и пятницамъ бѣльцы и старцы ѣсть молоко“ [6].

Недаромъ все это! Народная фантазія стала работать надъ объясненіемъ поразительнаго страшнаго явленія, и первое объясненіе было высказано: „Нѣмцы его обошли, испортили.“ Но на этомъ не остановились, фантазія разыгрывалась все больше и больше, являлся вопросъ: прямой ли это царь, сынъ Алексѣя Михайловича и Натальи Кирилловны? Въ 1701 году, князь Василій Сонцевъ былъ казненъ за два разбоя, за два убійства и за непристойныя слова, что царевна Софія называла Петра стрѣлецкимъ сыномъ [7]. Но вымыслъ отъявленнаго негодяя или озлобленной сестры не могъ имѣть ходу, ибо не объяснялъ того, что нужно было объяснить:—почему Петръ полюбилъ все нѣмецкое. Наконецъ народная фантазія создала объясненіе: Петръ родился отъ Нѣмки и былъ подмѣненъ царицѣ, родившей дѣвочку. Объясненіе пошло въ ходъ съ дополненіемъ, что Петръ былъ сынъ Лефорта. Бабы, стирая бѣлье, толковали: „Крестьяне всѣ измучены, высылаютъ ихъ на службу съ подводами, да съ нихъ же берутъ сухари; всѣ на государя встали и возопіяли: какой-де онъ царь!—родился отъ Нѣмки беззаконной, онъ замѣненный, и какъ царица Наталья Кирилловна стала отходить сего свѣта, и въ то число ему говорила: „Ты-де не сынъ мой, замѣненный“. Онъ велитъ носить нѣмецкое платье—знатно, что родился отъ Нѣмки“. [8]).

Но и на этомъ фантазія не остановилась Царь ввелъ брадобритіе и нѣмецкое платье, царицу отослалъ, Монсову взялъ, стрѣльцовъ переказнилъ—все по возвращеніи изъ-за границы; но онъ ли это пріѣхалъ? Нѣмцы погубили настоящаго царя Петра у себя и прислали на Русь другого, своего Нѣмца же, чтобъ обусурманить Православныхъ. Сначала, вѣроятно на основаніи слуховъ о непріятностяхъ въ Ригѣ,—создалась слѣдующая сказка: „Какъ государь и его ближніе люди были за моремъ и ходилъ онъ по Нѣмецкимъ Землямъ, и былъ въ Стекольномъ (Стокгольмѣ), а въ Нѣмецкой Землѣ Стекольное царство держитъ дѣвица, и та дѣвица надъ государемъ ругалась, ставила его на горячую сковороду и, снявъ съ сковороды, велѣла его бросить въ темницу. И какъ та дѣвица была именинница, и въ то время князья ея и бояре стали ей говорить: „Пожалуй, государыня, ради такого своего дни выпусти его, государя, и она имъ сказала: „Подите, посмотрите,—буде онъ валяется, и для вашего прошенья выпущу“. И князи и бояре, посмотря его, государя, ей сказали: „Томенъ, государыня!“ и она имъ сказала: „Коли томенъ и вы его выньте“, и они его, вынявъ, отпустили. И онъ пришелъ къ нашимъ боярамъ; бояре перекрестились, сдѣлали бочку и въ ней набили гвоздья и въ тое бочку хотѣли его положить, и про то увѣдалъ стрѣлецъ и, прибѣжавъ къ государю къ постели, говорилъ: „Царь государь, изволь встать, и выйти, ничего ты не вѣдаешь, что надъ тобою чинится; и онъ, государь, всталъ и вышелъ, и тотъ стрѣлецъ на постелю легъ на его мѣсто, и бояре пришли и того стрѣльца, съ постели схватя и положа въ тое бочку, бросили въ море". Сказка не говорила, что сдѣлалось потомъ съ Петромъ, и люди, враждебные преобразованію, стали распространять слухъ, что онъ погибъ за границею, а на его мѣсто явился Нѣмчинъ: „Это не нашъ государь, Нѣмецъ; а нашъ царь въ Нѣмцахъ въ бочку закованъ, да въ море пущенъ" [1]).

---

[1] Столбцы Тайнаго Преображ. Приказа 1705 года

[2] Столбцы Тайнаго Преображ. Приказа, № 836.

[3] Столбцы Тайнаго Преображ. Приказа, № 755.

[4] Столбцы Тайнаго Преображ. Приказа, № 971.

[5] Столбцы Тайнаго Преображ. Приказа № 2891.

[6] Столбцы Тайнаго Преображ. Приказа, № 742.

[7] Столбцы Тайн. Преображ Приказа 1705 г., № 1034.

[8] Дѣла Преображ. Приказа 1705 года.

Противники преобразованія не остановились и на нѣмецкомъ происхожденіи Петра. Мы знаемъ, что въ Россіи были люди, которые давно уже толковали объ антихристѣ, видѣли его и въ Никонѣ, и даже въ царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ; понятно, что они заговорили еще громче о пришествіи антихриста, когда увидали такую полную перемѣну старины, совершенную сыномъ Алексѣя.

Въ іюнѣ 1700 года, въ Преображенскій Приказъ явился пѣвчій дьякъ Ѳедоръ Казанцевъ съ доносомъ,—приходили къ нему зять его подьячій Алексѣевъ съ женою и сказали: „Живутъ они у книгописца Гришки Талицкаго и слышатъ отъ него про государя всякія непристойныя слова; да онъ же, Гришка, рѣжетъ невѣдомо какія доски, хочетъ печатать тетради, и, напечатавъ, бросать въ народъ. Талицкій узналъ, что его ищутъ въ Преображенскомъ, и скрылся, но потомъ былъ отысканъ, подвергнутъ пыткѣ и признался, что составилъ письмо, будто настало нынѣ послѣднее время, и антихристъ въ міръ пришелъ, т. е. государь; также и другія многія статьи писалъ государю въ укоризну, и народу отъ него отступить приказывалъ, слушать и подати платить запрещалъ; а велѣлъ взыскать князя Михаила, отъ котораго будетъ народу добро. Списки съ своихъ сочиненій давалъ своимъ единомышленникамъ и друзьямъ, и за то бралъ съ нихъ деньги. О послѣднемъ времени и антихристѣ вырѣзалъ двѣ доски, хотѣлъ на нихъ печатать листы и хотѣлъ ихъ отдавать въ народъ безденежно къ возмущенію на государево убійство. Имя князя Михаила онъ писалъ для того: какъ государь пойдетъ съ Москвы на войну и стрѣльцы, разосланные по городамъ, соберутся къ Москвѣ, то чтобъ они выбрали въ правительство боярина князя Михаила Алегуковича Черкасскаго, для того, что онъ человѣкъ добрый. Талицкій показалъ, что о послѣднемъ вѣкѣ и объ антихристѣ онъ разговаривалъ съ Тамбовскимъ епископомъ Игнатіемъ, который велѣлъ ему все это написать въ книгу, и прислалъ ему пять рублей денегъ, и онъ за эти деньги написалъ епископу тетради. Игнатій признался, что слышалъ отъ Талицкаго поносныя слова на государя, и говорилъ: „Видимъ мы и сами, что худо дѣлается, да что мнѣ дѣлать, я немощенъ"; просилъ Талицкаго написать все въ тетрадяхъ получше, чтобъ можно было ему, Игнатію, въ томъ дѣлѣ истину познать. Талицкій уличалъ Игнатія въ томъ, что когда онъ слушалъ написанное въ тетрадяхъ, то плакалъ, и, взявши тетради, поцѣловалъ ихъ. Потомъ Талицкій показалъ на боярина князя Ив. Ив. Хованскаго, который говорилъ ему: „Богъ далъ-было мнѣ вѣнецъ, да я потерялъ; брали меня въ Преображенское, и на генеральномъ дворѣ Никита Зотовъ ставилъ меня въ митрополиты, и дали мнѣ для отреченія столбецъ, и по тому письму я отрицался, и въ отреченіи спрашивали вмѣсто: „Вѣруешь-ли?—пьешь-ли?" и тѣмъ своимъ отреченіемъ я себя и пуще бороды погубилъ, что не спорилъ, и лучше было мнѣ мученія вѣнецъ принять, нежели такое отреченіе чинить." (Хованскій разсказывалъ о шутовскихъ обрядахъ въ компаніи.) Попъ Андрей показалъ, что Талицкій государя антихристомъ называлъ, и говорилъ: „Какой онъ царь, самъ людей мучитъ!" говорилъ и про царевича: „Отъ недобраго корня и отрасль недобрая: какъ я съ Москвы скроюсь, то на Москвѣ будетъ великое смятеніе". — Монахъ Матвѣй показалъ: „Талицкій пришелъ къ нему въ келью, принесъ съ собою тетрадку объ исчисленіи лѣтъ и говорилъ: „Питаться стало нечѣмъ, а вы что спите? пришло послѣднее время; въ книгахъ пишутъ, что будетъ осьмой царь антихристъ, а нынѣ осьмой царь Петръ Алексѣевичъ, онъ-то и антихристъ". Бояре приговорили: „Гришку Талицкаго съ пятью товарищами казнить смертію, другихъ бить кнутомъ и сослать въ Сибирь, Тамбовскаго епископа Игнатія, разстриженнаго, сослать въ Соловки въ тюрьму"; князь Хованскій умеръ до окончанія дѣла подъ карауломъ [2]).

Талицкаго казнили; Стефанъ Яворскій написалъ книгу противъ его ученія, подъ заглавіемъ: „Знаменія пришествія антихристова;" но, какъ обыкновенно бываетъ, книгу читали тѣ, которые и безъ нея не вѣрили, что Петръ—антихристъ, а въ низшихъ слояхъ народа книгу Стефана не читали, и мысль объ антихристѣ не умирала въ людяхъ, страдавшихъ боязнію новаго. Въ 1704 году, въ Симоновѣ монастырѣ, хлѣбенный старецъ Захарія говорилъ: „Талицкій нынѣ мученикъ святъ; вотъ нынѣ затѣяли бороды и усы брить, а прежде сего этого не бывало; какое это доброе?—вотъ нынѣ проклятый табакъ пьютъ!" Въ Олонецкомъ уѣздѣ, послѣ службы церковной, шелъ такой разговоръ между священникомъ и дьячкомъ. *Дьячекъ:* „На Москвѣ нынѣ изволилъ государь лѣтопись писать отъ Рождества Христова 1700 года, да платья носить венгерскія".—*Священникъ:* Слышалъ я въ волости, что и Великаго Поста недѣля убавлена и послѣ Свѣтлаго Воскресенья и Ѳоминой недѣли учнутъ по вся межъ говѣнья въ среды и пятки мясо и млеко ясти во весь годъ.—*Дьячекъ:* „Какъ эти указы будутъ присланы къ намъ въ погосты, и будутъ люди по лѣсамъ жить и горѣть, пойду и я съ ними жить и горѣть".—*Священникъ:* Возьми и меня съ собою; знать, что нынѣ житье къ концу приходитъ".—Ладожскій стрѣлецъ Александръ на дорогѣ изъ Новгорода въ 1704 году встрѣтилъ старца, который говорилъ ему: „Нынѣ службы частыя, какое нынѣ христіанство? Нынѣ вѣра все по новому; у меня есть книги старыя, а нынѣ эти книги жгутъ“. Про государя говорилъ: „Какой онъ намъ, христіанамъ, государь?—онъ не государь, Латышъ: поста никогда не имѣетъ; онъ льстецъ, антихристъ, рожденъ отъ нечистой дѣвицы, писано объ немъ именно въ книгѣ Валаамскихъ чудотворцевъ, и что онъ головою запрометываетъ и ногою запинается, и то его нечистый духъ ломаетъ; а стрѣльцовъ онъ переказнилъ за то, что они его еретичество знали, а они, стрѣльцы, прямые христіане были, а не бусурманы; а солдаты всѣ бусурманы, поста не имѣютъ; прямаго государя христіанскаго, царя Іоанна Алексѣевича, извелъ онъ же, льстецъ. Нынѣ всѣ стали иноземцы, всѣ въ нѣмецкомъ платьи ходятъ, да въ кудряхъ, бороды брѣютъ“.—Стрѣлецъ замѣтилъ: „Вотъ нынѣ и не иноземецъ, и Русскій Александръ Даниловичъ Меншиковъ, видишь, какъ пожалованъ отъ государя!“ Старецъ отвѣчалъ: „Просто-ль онъ пожалованъ? онъ не просто живетъ, отъ Христа отвергся, для того отъ государя имѣетъ милость великую, а нынѣ за нимъ бѣси ходятъ и его берегутъ“. Стрѣлецъ замѣтилъ: „Государь отъ царскаго родился колѣна“. Старецъ отвѣчалъ: „У него мать была какая царица? она была еретица, все дѣвокъ родила“. О себѣ старецъ объявилъ стрѣльцу: „Я живу въ Заонежьи въ лѣсахъ; ко мнѣ лѣтней дороги нѣтъ, а есть дорога зимняя, и то ко мнѣ ходятъ на лыжахъ“ [2].

---

[1]) Дѣла Преображ. Приказа 1704 года; того же Приказа столбецъ № 63.

[2]) Выписка изъ дѣлъ Талицкаго въ дѣлахъ Тайной Канцеляріи въ государств. архивѣ (1750 года); напечатана у Есипова въ I томѣ раскольничьихъ дѣлъ, съ ошибками, впрочемъ незначительными.

Послѣ брадобритія особенно сильное неудовольствіе возбуждали повторительные указы о перемѣнѣ платья. 4 января 1700 года объявленъ былъ именной указъ: „Боярамъ и окольничимъ, и думнымъ, и ближнимъ людемъ, и стольникомъ, и стряпчимъ, и дворяномъ московскимъ, и дьякомъ, и жильцамъ, и всѣхъ чиновъ служилымъ, и приказнымъ и торговымъ людемъ, и людемъ боярскимъ, на Москвѣ и въ городѣхъ носить платья, венгерскіе кафтаны, верхніе длиною по подвязку, а исподніе короче верхнихъ, тѣмъ же подобіемъ“ [3]. Въ мартѣ 1707 года Курбатовъ писалъ царю, что надобно возобновить указы, хотя съ пристрастіемъ, о венгерскихъ кафтанахъ и о перемѣнѣ ножей, потому что народы ослабѣваютъ въ исполненіи и думаютъ, что все будетъ попрежнему. 26 августа прибиты были по городскимъ воротамъ указы о платьи французскомъ и венгерскомъ, и для образца повѣшены чучела, т.-е. образцы платью. Въ 1701 г. новый указъ: „Всякихъ чиновъ людямъ московскимъ и городовымъ жителямъ, и которые помѣщиковы и вотчинниковы крестьяне, пріѣзжая живутъ на Москвѣ для промысловъ, кромѣ духовнаго чина и пашенныхъ крестьянъ, носить платье нѣмецкое, верхнее саксонское и французское, а исподнее камзолы и штаны, и сапоги, и башмаки, и шапки нѣмецкія, и ѣздить на нѣмецкихъ сѣдлахъ; а женскому полу всѣхъ чиновъ, также и попадьямъ и дьяконицамъ, и церковныхъ причетниковъ, и драгунскимъ, и солдатскимъ, и стрѣлецкимъ женамъ и дѣтямъ ихъ носить платье, и шапки, и кунтуши, а исподнія бостроги, и юпки, и башмаки нѣмецкіе-жъ; а русскаго платья и черкесскихъ кафтановъ, и тулуповъ, и азямовъ, и штановъ, и сапоговъ, и башмаковъ, и шапокъ отнюдь никому не носить, и на русскихъ сѣдлахъ не ѣздить, и мастеровымъ людямъ не дѣлать и въ рядахъ не торговать“. Съ ослушниковъ указа въ воротахъ цѣловальники берутъ пошлину—съ пѣшихъ по 13 алтынъ по 2 деньги, съ конныхъ—по 2 рубля съ человѣка; мастеровымъ людямъ, которые станутъ дѣлать запрещенное платье, указъ грозилъ жестокимъ наказаніемъ [4].

Мы уже говорили о смыслѣ преобразованія наружности русскаго человѣка, преобразованія, рѣшительно закончившагося при Петрѣ. Теперь, говоря преимущественно о перемѣнѣ платья, мы опять должны замѣтить, что нельзя легко смотрѣть на это явленіе, ибо мы видимъ, что и въ платьи выражается извѣстное историческое движеніе народовъ. Коснѣющій, полусонный Азіатецъ носитъ длинное, спальное платье. Какъ скоро человѣчество, на европейской почвѣ, начинаетъ вести болѣе дѣятельную, подвижную жизнь, то происходитъ и перемѣна въ одеждѣ. Что дѣлаетъ обыкновенно человѣкъ въ длинномъ платьи, когда ему нужно работать?—онъ подбираетъ полы своего платья. То же самое дѣлаетъ европейское человѣчество, стремясь къ своей новой усиленной дѣятельности: оно подбираетъ, обрѣзываетъ полы своего длиннаго, вынесеннаго изъ Азіи платья, и нашъ фракъ (пусть называютъ его безобразнымъ) есть необходимый результатъ и знаменіе этого стремленія: длинное платье остается у женщины, которой дѣятельность сосредоточена дома, въ семействѣ. Такимъ образомъ, и Русскій народъ, вступая на поприще европейской дѣятельности, естественно долженъ былъ одѣться и въ европейское платье, ибо вопросъ не шелъ о знаменіи народности (это вопросъ позднѣйшій),—вопросъ состоялъ въ томъ: къ семьѣ какихъ народовъ принадлежать,—европейскихъ или азіятскихъ,—и соотвѣтственно носить въ одеждѣ и знаменіе этой семьи.

Но иначе смотрѣли на дѣло многіе изъ русскихъ, современниковъ Петра. Перемѣнять платье, одѣваться Нѣмцемъ, было для нихъ и тяжело и убыточно, и, даже оставляя въ сторонѣ суевѣрную привязанность къ старинѣ, перемѣна эта могла возбуждать сильное раздраженіе. Дмитровскій посадскій Большаковъ, надѣвая новую шубу, сказалъ съ сильною бранью: „Кто это платье завелъ,

---

[1] Столбцы Преображ. Приказа № 817 (годъ 1700); дѣла Преображ. Приказа 1704 года.

[2] Дѣла Преображ. Приказа 1705 года.

[3] Полн. Собр. Зак. № 1741. Кабинетъ II, кн. № 1; записки Желябужскаго.

[4] Полн. Собр. Зак. № 1887.

того бы повѣсилъ"; а жена его прибавила: „Прежніе государи по монастырямъ ѣздили, Богу молились, а нынѣшній государь только на Кокуй ѣздитъ". Нижегородскій посадскій Андрей Ивановъ пришелъ въ Москву извѣщать государю, что онъ, государь, разрушаетъ вѣру христіанскую: велитъ бороды брить, платье носить нѣмецкое, табакъ тянуть, и потому для обличенія его, государя, онъ и пришелъ [1]).

Внизу были недовольны нововведеніями; на Верху царевны и челядь ихъ были такъ же недовольны, только не нововведеніями: онѣ еще прежде Петра пошли по новой дорогѣ и нашли ее очень пріятною; царевны были недовольны тѣмъ, что содержаніе ихъ было ограничено, что имъ нельзя было жить такъ, какъ жилось въ правленіе царевны Софіи. Мы видѣли, что и прежде были жалобы на боярина Стрѣшнева, что онъ царевенъ съ голоду поморилъ. Жалобы продолжались. Дворцовый поваръ Чуркинъ говорилъ: „У царевны Татьяны Михайловны я стряпаю вверху, живу недѣлю, и добычи нѣтъ ни по копѣйкѣ на недѣлю; кравчій князь Хотѣтовскій лихъ, урвать нечего. Прежде сего все было полно, а нынѣ съ дворца вывезли все бояре возами. Кравчій ей, государынѣ, ставитъ яйца гнилыя и кормитъ ее съ кровью. Прежде сего во дворцѣ по погребамъ рыбы было много, и мимо дворца проѣзжіе говаривали, что воняетъ, а нынѣ вотъ-де не воняетъ,—ничего нѣтъ" [2]). Послѣ этого легко понять, что одна изъ царевенъ, Екатерина Алексѣевна, предалась страстно исканію кладовъ [3]). Царевна попалась, потому что завела сношенія съ костромскимъ попомъ Григорьемъ Елисеевымъ, на котораго доносили, что у него бывала многая дворцовая посуда за орломъ [4]). Царевна призналась Петру, что попъ Гришка былъ у нея для того, будто онъ по планетамъ клады узнаетъ. Гришка признался, что планетныя тетради у него были и что по планетамъ онъ клады узнаетъ, а царевнѣ говорилъ обманомъ для взятку. Старыхъ постельницъ царевны, черезъ которыхъ она сносилась съ попомъ, забрали; испуганная Екатерина посылала говорить имъ: „Для Бога не торопись, молись Богу. А хотя и про иное про што спросятъ, такъ бы нѣтъ доводчика, такъ можно въ томъ словѣ умереть. Пуще всего писемъ чтобъ не поминала. Либо спросятъ про то, не видала ли попа въ Верху? такъ бы сказала, что одно, что хочу умереть—ни знаю, ни вѣдаю. Пожалуй, для Бога, прикажи всѣмъ имъ, которыя сидятъ, чтобъ ни себя, ни меня, ни людей не погубили; молились бы Богу, да Пресвятой Богородицѣ, да Николаю Чудотворцу, обѣщались бы что сдѣлать. Авось ли Господь Богъ всѣхъ насъ избавитъ отъ бѣды сея! — Разспроси хорошенько про старицу и про то, что она доводитъ въ томъ на попа, на царицу и на меня?—Призови къ себѣ Агаоью Измайловскую и ей молвь: что-де ты хоронишься? отъ чего? До тебя-де и дѣла нѣтъ. А коли бы-де дѣло было, гдѣ-де ухоронишься отъ воли Божіей? Помилуй-де Богъ отъ того! А какъ бы-де взяли, такъ бы-де вы, чаю, все выболтали, какъ хаживали, и какъ что, и какъ царевенъ видали. Не умори-де, для Бога! Хотя бы-де взяли, и вамъ бы-де должно за насъ, государынь, и умереть! О намедни съ нею посылала денегъ два рубля на подворье зашито въ мѣшкѣ къ нему. И про это-бъ не сказывали: нѣту на это свидѣтелей.—И Дарьѣ про то молвь, чтобъ не сказывала тѣхъ вракъ, что про старца Агаоья ей сказывала, и куда-де она Ваську посылала; о чемъ не спрашиваютъ, не вели того врать; о чемъ и спрашиваютъ, такъ въ чемъ нѣтъ свидѣтелей, такъ нечего и говорить. Чтобъ моего имени не поминали. И такъ намъ горько и безъ этого".

Женщины лишнихъ вракъ не сказывали; но и въ томъ, что показали въ допросѣ, находимъ любопытныя подробности: „Отпущена она, Дарья, отъ царевны за болѣзнію къ Москвѣ, и на отпускѣ царевна ей приказывала, чтобъ она такого человѣка провѣдала, у кого на дворѣ или гдѣ ни есть кладъ лежитъ, чтобъ, пріѣхавъ, тотъ кладъ взять; и такого человѣка она сыскала, Ваську Чернова, который сказалъ: отъ Москвы въ 220 верстахъ на дворѣ у мужика въ хлѣвѣ, подъ гнилыми досками стоитъ котелъ денегъ; „у меня-де тотъ кладъ и въ рукахъ былъ". И она, Дарья, для взятья того кладу съ нимъ, Ваською, посылала для вѣры покровскаго дворцоваго сторожа Измайловскаго. И тотъ сторожъ, пріѣхавъ къ Москвѣ одинъ, ей, Дарьѣ, сказалъ: „Не токмо того кладу, и двора онъ, Васька, ему не указалъ". Другая женщина, Марья Протопопова, показала: „Изволила царевна посылать меня въ дозоръ за Орѣховою, и Орѣхова ходила на могилу къ Ивану Предтечѣ, которая въ Коломенскомъ церковь, и приказала мнѣ стоять одаль отъ того мѣста, гдѣ копали онѣ, Орѣхова да вдова Акулина; онѣ только кости человѣческія выкопали; а я какъ пришла, такъ ей, государынѣ, стала говорить, что нѣтъ ничего, и она стала кручиниться на меня и на тое вдову Акулину: „Ни со што васъ нѣту". И въ тѣ поры пришла государыня сестра ея, царевна Марья Алексѣевна, увидѣла, что я плачу, и стала спрашивать, скажи-де по правдѣ; и я имъ стала разсказывать, что кости человѣческія, и та стала сестрѣ своей говорить: „Полно, сестрица, не хорошо затѣяла, грѣхъ лишній, что мертвымъ покою нѣтъ и бабъ въ погибель приведешь"; и она стала и на сестру свою досадовать. Изволила посылать коляску сыскать въ Нѣмецкую слободу, и изволила сама поѣхать на дворъ къ посланнику, что былъ Галанской, и какъ пріѣхала и стала спрашивать про сахарницу, гдѣ она живетъ, и намъ разсказали; и какъ туда пріѣхала, стала заказывать намъ, чтобъ мы не сказывали никому, и у сахарницы изволила выбирать сахару и конфекту на девять рублевъ, и они безъ денегъ не отдали, и она приказала запечатать тотъ сахаръ, а послѣ не изволила и брать. И послѣ того изволила меня посылать по иноземку Марью Вилимову Менезеюшу, и велѣла ее привезти въ Коломенское, и та иноземка поѣхала, и государыня изволила меня спрашивать: „Та ли даетъ въ ростъ деньги? Поговори ты ей, чтобъ и мнѣ дала“; и я по тѣмъ ея словамъ стала говорить, что не дастъ безъ закладу, и она сказала: „Лихо-де закладу нѣтъ, какъ бы такъ выпросить!“ а послѣ сихъ словъ изволила тое иноземку къ рукѣ жаловать, и сама стала съ нею говорить, а про деньги ей застыдилася говорить. Въ Нѣмецкой слободѣ изволила поѣхать смотрѣть дворъ, и на томъ дворѣ хозяйка пьяна была, и государыня изволила напрошаться кушать, чтобы построила хорошее кушанье; и какъ поѣхала отъ тое хозяйки и встрѣтился ей Петръ Пиль, и узналъ ее по каретѣ, и сталъ къ себѣ звать, и она изволила поѣхать къ нему на дворъ, и ему сказала, чтобъ обѣдъ сдѣлалъ, и ее унимала царевна Марья Алексѣевна, и она не изволила послушаться, ѣздила во всѣ мѣста, гдѣ изволила напрошаться; и послѣ того изволила у себя столъ сдѣлать про тѣхъ, у которыхъ кушала“.

---

[1]) Дѣла Преображ. Приказа 1703 и 1704 года.

[2]) Дѣла Преображ. Приказа 1703 и 1704 года.

[3]) Столбцы Преображ. Приказа. № 751.

[4]) Столбцы Преображ. Приказа № 1035.

Всѣ неудовольствія, которыя обнаружились въ разныхъ сферахъ, не были однако довольно сильны, чтобъ произвести возстаніе и помѣшать хотя на время дѣлу преобразованія. Причина заключалась въ томъ, что на сторонѣ преобразованія были лучшіе, сильнѣйшіе люди, сосредоточившіеся около верховнаго преобразователя; отсюда то сильное, всеобъемлющее движеніе, которое увлекало однихъ и не давало укорениться враждебнымъ замысламъ другихъ; машина была на всемъ ходу; можно было кричать, жаловаться, браниться, но остановить машину было нельзя. И чѣмъ остановить? Стрѣльцы переказнены и разогнаны; инокиня Сусанна уже не выйдетъ изъ монастыря; духовенство безъ патріарха, и подлѣ недовольныхъ великороссійскихъ архіереевъ архіереи изъ Малороссіянъ, которые дѣйствуютъ въ видахъ преобразователя; люди, которымъ мерещутся признаки послѣдняго времени, могутъ только бѣжать въ лѣса и степи. Въ Москвѣ и около Москвы нельзя ничего сдѣлать; хотя царь и въ постоянной отлучкѣ, но есть люди, которые зорко смотрятъ во всѣ стороны; царь въ отсутствіи, но въ Преображенскомъ сидитъ Пресбургскій король. „Богъ любитъ праведника, царь любитъ ябедника“, говорятъ недовольные, и однако, дѣлать нечего,— надѣваютъ нѣмецкое платье.

Въ Москвѣ и около Москвы ничего сдѣлать нельзя; но можно начать дѣло гдѣ-нибудь подальше отъ Москвы, отъ Преображенскаго, поближе къ казакамъ. Казаки—одна надежда послѣ стрѣльцовъ. И въ половинѣ 1705 года, когда царь былъ съ войскомъ на западѣ, возстаніе за старину вспыхнуло въ самомъ отдаленномъ застепномъ углу, окруженномъ казаками,—въ Астрахани. Мѣсто было выбрано самое удобное, и выбрано оно было недовольными изъ разныхъ городовъ, вслѣдствіе чего Астраханскій бунтъ и не носитъ вполнѣ мѣстнаго характера. Астрахань была только сборнымъ мѣстомъ, удобнымъ и потому, что въ такомъ отдаленіи отъ Москвы воеводы и начальные люди обыкновенно разнуздывались и своими притѣсненіями возбуждали сильнѣйшее неудовольствіе, чѣмъ и воспользовались заводчики мятежа. Этими заводчиками являются: Ярославецъ гостинной сотни первой статьи Яковъ Мосовъ; Москвитинъ Артемій Анцыфоровъ; Синбирянинъ гостинной сотни Осипъ Твердышевъ; Нижегородцы, посадскіе люди Борисъ Докукинъ, Петръ Скурихинъ; Павловцы Илья и Василій Басиловы; бурмистры дѣловаго двора: Углечанинъ Филиппъ Калистратовъ, Михайло Назаровъ; Синбирянинъ Петръ Духовъ, Нижегородецъ Козьма Ивановъ; астраханскіе жители—гостинной сотни Иванъ Артемьевъ; земскіе бурмистры—Антипъ Ермолаевъ, Алексѣй Банщиковъ, Василій Яковлевъ, Гаврила Ганчиковъ, Иванъ Севринъ. Вмѣстѣ съ этими представителями астраханскихъ и иногородныхъ жителей, заводчиками являются пятидесятники стрѣлецкихъ полковъ и сержанты солдатскаго полка. Однимъ изъ главныхъ разгласителей ложныхъ слуховъ былъ пришедшій изъ Москвы стрѣлецкій сынъ Степанъ Москвитинъ. Отецъ Степана, Кобыльскаго полка стрѣлецъ, умеръ на службѣ въ Кіевѣ; двое дядей казнены въ Москвѣ; Степанъ остался съ матерью, съ которою хаживалъ въ загородный дворъ Ѳедора Лопухина къ человѣку его, столяру Тарентью Андронову; тутъ Степанъ слыхалъ, какъ жена Андронова разговаривала съ его матерью: „Стрѣльцовъ всѣхъ разорили, разослали съ Москвы, а въ мірѣ стали тягости, пришли службы, велятъ носить нѣмецкое платье, а при прежнихъ царяхъ этого ничего не бывало; стрѣльцовъ разорили, платье перемѣнили и тягости въ мірѣ стали потому, что на Москвѣ перемѣнный государь: какъ царица Наталья Кирилловна родила царевну, и въ тожъ время боярыня или боярышня родила сына, и того сына взяли къ царицѣ“. Стрѣльчиха поддакивала. Выросши, Степанъ отправился въ Астрахань; на дорогѣ, въ Коломнѣ, зашелъ къ дядѣ Ивану Сугоняю, который говорилъ ему: „Сдѣлаешь добро, если въ Астрахани людей смутишь, и Донъ, и Яикъ потянутъ съ вами же,—кому противъ васъ быть противнымъ? Государь бьется съ Шведомъ, города всѣ пусты, которые малые люди и есть, и тѣ того же желаютъ и ради вамъ будутъ, можно старую вѣру утвердить“.—Дядя далъ Степану письмо, въ которомъ говорилось, что Москвою завладѣли четыре боярина столповые, и хотятъ Московское государство раздѣлить на четыре четверти Сугоняй наказывалъ подкинуть это письмо, какъ въ Астрахани забунтуютъ. Пріѣхавъ въ Астрахань, Степанъ началъ говорить старикамъ-раскольникамъ и стрѣльцамъ тайно, что̀ слышалъ въ домѣ Лопухина. Иные поддакивали: „Сбудется такъ“; другіе унимали; но онъ сталъ громче говорить—и нашелъ единомышленниковъ [1]).

Въ іюнѣ прошла въ Астрахани площадная молва, что государя не стало, и для того воевода Астраханскій, Тимоѳей Ржевскій, и начальные люди вѣру христіанскую покинули, начали бороды брить и въ нѣмецкомъ платьи ходить. Въ іюлѣ стрѣльцы толковали: „Худо въ Астрахани дѣлается отъ воеводы и начальныхъ людей,—завели причальныя и отвальныя (пошлины); хотя хворосту на шесть денегъ въ лодкѣ привези, а привальнаго дай гривну; быть худу, даромъ не пройдетъ!“ Къ Никольской церкви (что въ Шипиловой слободѣ) собирались стрѣльцы; однажды къ нимъ вышелъ пономарь этой церкви Василій Бесѣдинъ, вынесъ книгу и началъ читать о брадобритіи: „Хорошо“, говорилъ пономарь, „за это и постоять, хотя-бъ и умереть; вотъ о томъ и въ книгѣ написано“. Сильное впечатлѣніе произвелъ поступокъ цѣловальника, стрѣльца Григорья Ефтифеева, который долженъ былъ собирать пошлины съ русскаго платья; Ефтифеевъ пошлинъ собирать не сталъ, бороды себѣ не выбрилъ, и на вопросы воеводы, для чего онъ это дѣлаетъ?—отвѣчалъ: „Хотя умру, а пошлины собирать и бороды брить не буду“. Воевода велѣлъ посадить его подъ караулъ. Въ двадцатыхъ числахъ іюля на торгу прошла молва, что запрещено будетъ играть свадьбы семь лѣтъ, а дочерей и сестеръ велѣно будетъ выдавать замужъ за Нѣмцевъ, которыхъ пришлютъ изъ Казани. Астраханцы пришли въ ужасъ и рѣшились выдать своихъ дѣвицъ какъ можно скорѣе замужъ до указа, чтобъ потомъ не выдавать ихъ за Нѣмцевъ. 29 іюля, въ воскресенье, было сыграно свадебъ со сто; на каждой не обошлось безъ пира; разгоряченныхъ виномъ легко было поднять на бунтъ. Ночью, часу въ четвертомъ, у Никольской церкви собралось человѣкъ съ 300, черезъ Пречистенскія ворота вломились они въ Кремль; Прохоръ Носовъ схваталъ караульнаго капитана Московскаго полка, прозвищемъ Малую Землю, и ударилъ о землю, иностранца матроса порубилъ саблею; всего убито было пять человѣкъ. Тутъ кто-то ударилъ въ набатъ: по набату сбѣжались въ Кремль стрѣльцы и солдаты всѣхъ полковъ, искали воеводу и не нашли; взяли у митрополита изъ кельи подъяческаго сына Кучукова и передъ соборною церковію закололи копьями. Въ ту же ночь солдаты убили своего полковника Девиня и капитана Меера; стрѣлецъ закололь и жену Меера за то, что за нѣсколько времени до бунта она говорила ему: „Станете и вы въ постъ мясо ѣсть!“

Дѣло начали; что же дальше? Раздались крики: „Надобно идти въ Москву, провѣдать про государя, живъ ли онъ.“ — „А развѣ есть слухъ, что не живъ?“—„Да говорятъ, что не стало!“—„Нѣтъ онъ живъ, да въ заточеніи въ Стекольномъ, закладенъ въ столпъ, а на Москвѣ не прямой государь“. На другой день солдатъ Давыдовъ и Прохоръ Носовъ сыскали Ржевскаго на воеводскомъ дворѣ за поварнею, въ курятникѣ, и привели въ кругъ. Явился обличитель—Ермолай обручникъ; онъ кричалъ на воеводу: „Ты меня за три обруча кнутомъ билъ“. Судъ былъ не долгъ: стрѣлецъ коннаго полка Уткинъ бросился на Ржевскаго и скололь его копьемъ.

Покончили съ царскимъ воеводою, надобно было выбрать своего начальника. Стрѣльцы Тенютинъ и Яковлевъ кричали громче всѣхъ, что надобно выбрать въ старшины Ярославскаго гостя Якова Носова, раскольника, и Астраханца бурмистра Гаврилу Ганчикова: „Они-де люди умные, все войско управятъ!“ Умные люди были выбраны въ старшины.

Первымъ дѣломъ умныхъ людей было разослать грамоты къ окрестнымъ казакамъ, поднимать ихъ за старину. Въ грамотахъ говорилось: „Стали мы въ Астрахани за вѣру христіанскую и за брадобритіе, и за нѣмецкое платье, и за табакъ, и что къ церквамъ насъ и нашихъ женъ и дѣтей въ русскомъ старомъ платьи не пущали, а которые въ церковь Божію ходили, и у тѣхъ платье обрѣзывали и отъ церквей Божіихъ отлучали и выбивали вонъ, и всякое ругательство намъ и женамъ нашимъ, и дѣтямъ чинили воеводы и начальные люди, и болваннымъ кумирскимъ богамъ они, воеводы, начальные люди, покланялись и насъ кланяться заставливали. И мы за вѣру христіанскую стали и чинить того, что болванамъ кланяться, не хотѣли. И они, воеводы и начальные люди, по карауламъ хотѣли у караульныхъ служилыхъ людей ружья отобрать, а у иныхъ отобрали и хотѣли насъ побить до смерти; а мы у начальныхъ людей въ домахъ вынули кумирскихъ боговъ. Да въ прошломъ 1704 году на насъ брали банныхъ денегъ по рублю, да съ насъ же велѣно брать съ погребовъ со всякой сажени по гривнѣ, да у насъ же хлѣбное жалованье безъ указу отняли. И мы о томъ многое время терпѣли и, посовѣтовавъ между собою, мы, чтобъ намъ вѣры христіанской не отбыть и болванамъ, кумирскимъ богамъ не покланяться, и напрасно смертію душою съ женами и дѣтьми вѣчно не умереть и за то, что стала намъ быть тягость великая, и мы, того не могучи терпѣть и вѣры христіанской отбыть, противъ ихъ противились и воеводу Тимоѳея Ржевскаго и изначальныхъ людей иныхъ убили до смерти, а иныхъ посадили за караулъ. Да намъ же вѣдомо чинится отъ купецкихъ и отъ иныхъ всякихъ чиновъ людей, что въ Казани и въ иныхъ городахъ поставлены Нѣмцы по два и по три человѣка на дворы и тамошнимъ жителямъ, и женамъ ихъ, и дѣтямъ чинили утѣсненія и ругательства“.

Астраханскіе посланцы и грамота, ими привезенная, произвели сильное волненіе на Терекѣ. Возмутились всѣмъ городомъ и пришли къ воеводѣ на дворъ съ копьями; воевода изъ хоромъ уговаривалъ ихъ Астраханцамъ не вѣрить и не мутиться. Воевода остался живъ; но казаки требовали у него на смерть подполковника Илью Некрасова; воевода не выдалъ Некрасова: тогда, на другой день, они вломились съ ружьемъ въ воеводскія хоромы, взяли Некрасова силою, отвели въ Приказъ за караулъ, потомъ пытали и убили всѣмъ полкомъ. И на Терекѣ, какъ въ Астрахани, приступили немедленно къ избранію начальныхъ людей, взяли невольно посадскаго Василія Авдѣева всѣмъ городомъ да казака Степана Тимоѳеева въ атаманы и цѣловали крестъ быть заодно съ Астраханцами. Но на Терекѣ далеко не всѣ думали одинаково: казаки и московскіе стрѣльцы были за бунтъ, но терскіе стрѣльцы, конные и пѣшіе, съ ними не тянули. Въ Астрахани получена была очень неудовлетворительная грамота отъ терскихъ и гребенскихъ атамановъ и казаковъ: „Мы ради за вѣру Христову и за брадобритіе и за табакъ и за нѣмецкое платье, мужеское и женское, и за отлученіе церкви Божіей стоятъ и умирать; но вы, все великое Астраханское войско и все Православное Христіанство, не прогнѣвайтесь на насъ за то, что войска къ вамъ на помощь не послали, потому что, живымъ Богомъ клянемся, невозможно намъ войска къ вамъ прислать; сами вы знаете, что насъ малое число, и съ ордою со всею не въ миру; чтобы намъ попрежнему отъ орды женъ и дѣтей не потерять“. Такимъ образомъ, Астраханцы должны были отказаться отъ надежды получить помощь съ Терека; напротивъ, одинъ изъ тамошнихъ заводчиковъ бунта, писарь Страховъ, писалъ, чтобъ Астраханцы прислали войска на помощь людямъ, стоявшимъ за вѣру Христову и брадобритіе и старое платье,—мужеское и женское. Между тѣмъ воевода, вышедши съ вѣрными правительству людьми изъ города, возвратился туда съ Татарами и Черкесами и усмирилъ бунтовщиковъ, нѣкоторыхъ казнилъ, заводчиковъ отослалъ въ Москву.

---

[1]) Все это разсказалъ самъ Степанъ въ Преображенскомъ; но потомъ объявилъ, что, кромѣ рѣчей столяровой жены (которая сама повинилась), все сказалъ ложно, избывая пытокъ.

Красный и Черный Яръ объявили себя за Астрахань. Астраханскіе посланцы, пріѣхавши въ Красный Яръ, ударили въ набатъ, и, вынувъ сабли наголо, говорили Краснoярцамъ: „Если старшинъ не выберете, на насъ не пеняйте“. Особенно кричалъ Иванъ Кузнечикъ: „Либо мы пропадемъ, либо вы пропадете; если старшинъ не выберете, то вамъ сабли не миновать“. Красноярцы взбунтовались всѣмъ городомъ, сковали воеводу за налоги и отправили его въ Астрахань съ челобитчиками на него; въ Астрахани челобитья найдены справедливыми—и воевода убитъ.

Далѣе Краснаго и Чернаго Яра бунтъ не пошелъ. Умные люди, распоряжавшіеся въ Астрахани, послали атамана Ивана Дороѳеева съ войскомъ поднимать Поволжье; Дороѳеевъ подошелъ къ Царицыну, послалъ къ горожанамъ приглашеніе стать за брадобритіе и старое платье, но получилъ отвѣтъ: „Пишешь къ намъ, чтобъ пристать къ вашему союзу; и мы къ вашему союзу пристать не хотимъ; съ кѣмъ вы думали въ Астрахани, тамъ себѣ и дѣлайте. Да вы же къ намъ писали, будто къ намъ пріѣзжаютъ въ городъ Калмыкъ многое число, и будто въ городѣ отымаютъ хлѣбъ, и калачи, и харчъ безденежно,—и у насъ того не бывало. Да вы-жъ къ намъ писали, будто стали за Православную Христіанскую вѣру; и мы, Божіею милостію, въ городѣ Царицынѣ всѣ христіане и никакого раскола не имѣемъ и кумирскимъ богамъ не покланяемся; и казаки Донскіе къ вамъ пріѣзжали изъ разныхъ станицъ и къ вашему пріобщенію приставать не хотятъ, и вамъ отказали“.

Отправляя Дороѳеева къ Царицыну, умные люди ему наказали: если Донскіе казаки къ нимъ пристанутъ, то имъ, взявъ Царицынъ боемъ, идти до Москвы и по дорогѣ брать города, а противниковъ побивать до смерти, „потому что государь въ Стекольномъ закладенъ въ столпѣ, и на Москвѣ управляютъ бояре, Бутурлинъ да Головинъ, и, пришедъ къ Москвѣ, провѣдать о томъ подлинно“. Итакъ успѣхъ бунта зависѣлъ отъ Донскихъ казаковъ; Донскіе казаки не дали помощи, и Царицынъ не былъ взятъ боемъ. Дороѳеевъ не пошелъ дальше безъ казаковъ. Отчего же на великой рѣкѣ не нашлось охотниковъ постоять за Христову вѣру и за брадобритіе? Охотники были, потому что, кромѣ желанія добыть зипунъ, были сильныя неудовольствія на Москву, на царя; охотники были, но ихъ было еще не много, они не были въ собраніи, и главное—у нихъ не было вождя. Астраханскій бунтъ произошелъ внезапно, безъ предварительнаго сношенія съ недовольными на Дону, застигнулъ послѣднихъ врасплохъ, вовсе неприготовленными: притомъ умные люди, распоряжавшіеся въ Астрахани, сдѣлали большую ошибку, отправивъ возмутительныя письма прямо въ Черкаскъ, къ правительству Донскому, тогда какъ атаманы и старые казаки никогда не начинали возстаній противъ Московскаго правительства, и бунты вспыхивали не въ Черкаскѣ, а въ дальнихъ казачьихъ городкахъ, наполненныхъ новоприбывшею голутьбою, искателями зипуновъ. Наконецъ Ѳедоръ Матвѣевичъ Апраксинъ, узнавъ въ Воронежѣ объ Астраханскомъ бунтѣ, писалъ въ Черкаскъ, чтобъ тамошнее правительство послало отъ себя во всѣ казачьи городки добрыхъ казаковъ человѣка по два или больше съ подтвержденіемъ, чтобъ нигдѣ къ Астраханцамъ не приставали, и если явятся воры,—били, ловили и присылали въ Воронежъ; войсковому атаману Апраксинъ велѣлъ идти къ Царицыну, чтобъ воровской замыслъ пресѣчь: о себѣ Апраксинъ писалъ, что идетъ къ нимъ водой съ солдатскими полками, а напередъ себя посылаетъ казацкіе слободскіе полки; то же самое написалъ и во всѣ казачьи городки. „О походѣ своемъ писалъ къ нимъ и пустилъ эха, чтобъ ихъ привести тѣмъ въ размышленіе“, доносилъ Апраксинъ царю.

Донцы дѣйствительно пришли въ размышленіе, слѣдствіемъ котораго было то, что они цѣловали крестъ не измѣнять царю, выслали войско противъ бунтовщиковъ, и астраханскихъ посланцовъ, заковавши, отправили въ Москву вмѣстѣ съ прелестною грамотою. Въ Москвѣ любпытствовали знать, что такое за кумирскіе боги, о которыхъ писали Астраханцы. Одинъ изъ ихъ посланныхъ объяснилъ дѣло: кумирами бунтовщики называли столярной работы личины деревянныя, на которыхъ у иноземцевъ и у русскихъ начальныхъ людей кладутся накладные волосы для береженія, чтобъ не мялись. Присланные отъ Донскихъ казаковъ объявили въ Москвѣ, что у нихъ все тихо и бунта не будетъ, потому что имъ отъ великаго государя никакого утѣсненія нѣтъ; и тѣмъ они передъ иными народами отъ великаго государя пожалованы и взысканы, что къ нимъ до сихъ поръ о бородахъ и о платьи указу не прислано, и платье они нынѣ носятъ по своему древнему обычаю, какъ кому изъ нихъ которое понравится: иные любятъ носить платье и обувь по-черкесски и по-калмыцки, а иные обыкли ходить въ русскихъ старо-древнаго обычая платьяхъ, и что кому лучше похочется, тотъ такъ и творитъ, и въ томъ между ними, казаками, распри и никакого посмѣянія другъ надъ другомъ нѣтъ, а нѣмецкаго платья никто изъ нихъ, казаковъ, у нихъ на Дону не носитъ; а мастера, т.-е. портные, которые-бъ нѣмецкое платье могли дѣлать, въ городкахъ ихъ казачьихъ не живутъ, и охоты у нихъ, казаковъ, кромѣ изволенія государскаго, къ тому нѣмецкому платью нѣтъ, а когда къ тому будетъ изволеніе его, государское, и они волѣ государской противны не будутъ.

Такимъ образомъ, бунтъ былъ остановленъ въ самомъ началѣ несогласіемъ Донскихъ казаковъ въ немъ участвовать; а между тѣмъ Петръ тотчасъ же принялъ энергическія мѣры къ его потушенію. Онъ находился въ Митавѣ, когда получилъ изъ Москвы вѣсть объ Астраханскомъ бунтѣ; понимая всю опасность бунта по мѣстности, въ которой онъ загорѣлся: зная, какими горючими матеріалами окружена эта мѣстность; зная, что многіе, и не въ дальнемъ разстояніи отъ Москвы, встрѣтятъ съ радостію людей, возставшихъ за брадобритіе и старое платье, Петръ велѣлъ фельдмаршалу Шереметеву поспѣшно двинуться къ Москвѣ, за которую очень опасался, какъ видно изъ письма его къ Т. Н. Стрѣшневу отъ 12 сентября: „Вчера отъ князь Бориса (Голицына) письмо я принялъ, въ которомъ пишетъ о бунтѣ Астраханскомъ, и что вы выбрали воеводу. Извольте изъ ближнихъ нѣсколько.... (прибрать?) и дать ружье, также сыскать къ нимъ офицеровъ, кои нынѣ учатъ ихъ по городамъ. Мы для лучшаго отпустили къ вамъ господина Шереметева съ конными и пѣшими полки, и чаемъ, что онъ съ конницею къ вамъ будетъ въ двѣ недѣли, такожъ и пѣхота не замѣшкается, и сіе изволь объявить. Такожъ совѣтую вамъ пока вышереченной господинъ къ вамъ будетъ, чтобъ деньги, изъ Приказовъ собравъ, вывезли изъ Москвы, или-бъ съ вѣрными (людьми) тайно гдѣ положили. или закопали, всякаго ради случая; такожъ и ружье лучше-бъ, чтобъ не на Москвѣ было. Почты, кои ходятъ за рубежъ и къ городу, извольте задержать до времени“.

Шереметевъ съ дороги далъ знать государю, что Донскіе казаки не за бунтовщиковъ, а противъ нихъ; вѣрное извѣстіе о томъ же получено было и отъ Апраксина. Самое большое опасеніе не сбылось: за Москву не нужно стало бояться; но Петръ не любилъ складывать рукъ вслѣдствіе утѣшительныхъ извѣстій и писалъ Шереметеву: „Для Бога не мѣшкай, какъ обѣщался, и тотчасъ пойди въ Казань“ Въ какое радостное изумленіе пришелъ Петръ, получивши извѣстіе, что казаки отвергли предложеніе астраханскихъ бунтовщиковъ, всего лучше видно изъ письма его къ Апраксину (отъ 25 сентября): „Письма ваши принялъ, изъ которыхъ выразумѣлъ, что всемилостивѣйшій Господь не въ конецъ гнѣвъ Свой пролити, и онымъ уже чрезъ 25 лѣтъ губительнымъ псамъ волю и въ невинныхъ кровяхъ утѣху подати изволилъ, и чудеснымъ образомъ огнь огнемъ затушити изволилъ, дабы могли мы видѣть, что вся не въ человѣческой, но въ Его суть волѣ. Которое дѣло съ удовольствіемъ разсуждая, и воздавъ Оному хвалу, не мало въ настоящихъ трудахъ обрадовались“.

Торопя Шереметева съ войскомъ къ Астрахани, Петръ хотѣлъ попытаться, нельзя ли покончить съ нею поскорѣе мирнымъ путемъ. Для этого 11 октября онъ послалъ въ Астрахань съ тамошнимъ жителемъ Кисельниковымъ грамоту съ увѣщаніемъ къ народу отстать отъ возмутителей, и, перехватавши главныхъ заводчиковъ, прислать ихъ въ Москву, чѣмъ заслужатъ прощеніе, въ противномъ же случаѣ будутъ казнены безъ пощады. 3 января 1706 года Кисельниковъ пріѣхалъ въ Астрахань; собрался кругъ, ибо Астрахань, какъ въ Разинское время, управлялась теперь по-казацки; царскую грамоту приняли въ кругу и послали за митрополитомъ Самсономъ. Когда онъ пришелъ, стали читать грамоту и, выслушавъ ее, за государево здоровье молебствовали при пушечной стрѣльбѣ. 13 января митрополитъ приводилъ всѣхъ къ присягѣ, и положили: буде отъ кого впредь съ того числа какая будетъ невѣрность и имъ — чинить указъ, чего они будутъ достойны; написали повинную къ государю и, для ея поднесенія, выбрали 8 человѣкъ, которыхъ и отправили вмѣстѣ съ Кисельниковымъ. Въ повинной говорилось: „Междоусобіе учинилось за брадобритіе и нѣмецкое платье, и отъ многихъ воеводы Ржевскаго и полковниковъ, и начальныхъ людей для взятковъ налогъ и обидъ. Воевода не далъ срока въ дѣлѣ нѣмецкаго платья для своей корысти, посылалъ по многіе праздники и воскресные дни капитана Глазунова да Астраханца Евреинова къ церквамъ и по большимъ улицамъ и у мужска и у женска полу русское платье обрѣзывали не по подобію и обнажали передъ народомъ, и усы и бороды, ругаючи, обрѣзывали съ мясомъ. Ржевскій у стрѣльцовъ ружья обобралъ, хлѣбнаго жалованья давать имъ не велѣлъ, съ бань бралъ по рублю и по 5 алтынъ, съ погребовъ по гривнѣ, подымныхъ по 2 деньги съ дыму, валешныхъ по 2 деньги, отъ точенья топоровъ по 4, съ ножа по 2, отъ битья бумаги по 4 съ фунта, съ варенья пивъ и брагъ съ конныхъ по 5 алтынъ, съ солдатъ и пѣшихъ стрѣльцовъ по гривнѣ, съ малолѣтныхъ, со вдовъ и которые въ Свейскомъ походѣ, и женамъ ихъ и дѣтямъ платить было нечѣмъ, и тѣхъ сажалъ за караулъ и билъ на правежѣ, и многіе дворишки продавали и дѣтей закладывали; у служилыхъ людей и у всѣхъ градскихъ жителей дворамъ спрашивалъ купчихъ, и которые дворы построены на данныхъ мѣстахъ, а иные купленные, и въ моровое повѣтріе крѣпости утерялись и въ пожаръ сгорѣли,—и съ тѣхъ крѣпостей брали пошлины вдвое и втрое; а съ рыбныхъ и соляныхъ и съ иныхъ всякихъ промысловъ брали откупщики съ струговъ и съ посадовъ привальнаго по рублю и по два, и по три, и по пяти, а съ мелкихъ стружковъ по полтинѣ; а въ тѣхъ откупахъ онъ, Ржевскій, съ начальными людьми были товарищами. Хлѣбные запасы изъ струговъ велѣлъ безъ указу выгружать и возить на житный дворъ служилымъ людямъ, и они выгружали и возили на себѣ мимо подрядчиковъ; а онъ, Ржевскій, за провозъ тѣхъ запасовъ бралъ съ подрядчиковъ деньги, и моклый и гнилой запасъ цѣловальникамъ велѣлъ принимать у подрядчиковъ въ неволю и за то билъ батожьемъ на смерть. Онъ же посылалъ ихъ зимнимъ путемъ для рубки дровъ къ селитряному варенью, и многіе служилые люди отъ стужи помирали и на плаву съ плотами тонули и въ полонъ взяты; да и про домашній свой обиходъ для дровъ и сѣна и травы ихъ посылалъ же; ихъ же посылалъ на овощные и селитряные струги для караула и на работу до Царицына и до Саратова и до Сызрану безъ прогонныхъ денегъ. А полковники и начальные люди Нѣмцы, ругаючись христіанству, многія тягости имъ чинили и безвинно били, и въ службахъ по постнымъ днямъ мясо ѣсть заставляли, и всякое ругательство женамъ ихъ и дѣтямъ чинили, а воевода Ржевскій велѣлъ брать крѣпостныхъ дѣлъ подъячимъ сверхъ указу лишнихъ денегъ, и тѣ деньги бралъ себѣ, и о тѣхъ поборахъ къ Москвѣ и въ Казань посылали они челобитчиковъ, а указу о томъ не учинено, а о вышеписанныхъ всѣхъ обидахъ хотѣли они для челобитья изъ Астрахани послать, и ихъ не пустили. Да Ржевскій же въ Караганской бусѣ съ головою Голочаловымъ да съ Мещарякомъ былъ въ паю. А Шведовъ полоняниковъ, которые присланы къ селитряному варенью въ работу, мимо учиненныхъ начальныхъ людей, ставилъ собою въ начальные люди, и у яхтъ и у мшановъ были въ матрозахъ, и отъ нихъ были Русскимъ людямъ налоги горше иныхъ начальныхъ людей. Полковникъ Дивигнѣй (Девинь) съ иноземцы начальными людьми брали къ себѣ насильствомъ изъ служилыхъ домовыхъ людей въ деньщики и заставляли дѣлать самыя нечистыя работы, они и жены ихъ по щекамъ и палками били, и кто придетъ бить челомъ, и челобитчиковъ билъ и увѣчилъ на смерть, и велѣлъ имъ и женамъ, и дѣтямъ ихъ дѣлать нѣмецкое платье безвременно, и они домы свои продавали и образа св. закладывали, и усы и бороды брилъ и щипками рвалъ насильствомъ“.

12 февраля пріѣхалъ Кисельниковъ съ челобитчиками въ Москву. Чтеніе повинной и разсказы челобитчиковъ произвели такое сильное впечатлѣніе на боярина Головина, что онъ рѣшился просить царя о безусловномъ помилованіи: „Довольно говорилъ я съ ними, писалъ Головинъ Петру; всѣ кажутся вѣрны и мужики добры. Изволь, государь, хотя себя понудить и показать къ нимъ милость. А послать ихъ къ тебѣ надобно было непремѣнно, понеже гораздо вѣрно увѣрятся и во всякомъ страхѣ и послушаніи будутъ, а намъ лучшіе воры немного вѣрятъ. Только и въ насъ не безъ воровъ бывало“. Произвела ли повинная и на Петра такое же впечатлѣніе, хотѣлъ ли онъ поскорѣе покончить на востокѣ, по затруднительности обстоятельствъ на западѣ, или, что всего вѣроятнѣе, оба побужденія дѣйствовали одинаково сильно,—только царь послушался совѣта Головина, и отпустилъ челобитчиковъ съ грамотою, въ которой заключалось всепрощеніе. Но умные люди въ Астрахари распорядились иначе. Мы видѣли, какъ они распорядились по полученіи первой царской грамоты, въ которой обѣщалось помилованіе народу съ условіемъ выдачи заводчиковъ; объ этомъ условіи Астраханцы промолчали, присягнули, положили наказывать тѣхъ, кто впредь затѣетъ что нибудь и, подъ видомъ повинной, послали царю изложеніе причинъ возстанія. Какъ принялъ царь эту повинную—они не знали, а между тѣмъ Шереметевъ приближался съ войскомъ, котораго не было и трехъ тысячъ, слѣдовательно можно было надѣяться на удачное сопротивленіе; удача доставитъ союзниковъ, и, какъ видно, у заводчиковъ почему-то не исчезла надежда на возможность похода къ Москвѣ.

Шереметевъ достигъ Казани въ концѣ 1705 года; здѣсь почему-то ему очень не понравилось: „Я въ Казани живу, какъ въ Крымскомъ полону, писалъ онъ Головину; не пишу къ тебѣ ни о чемъ здѣшнемъ, желалъ бы я самъ васъ видѣть; писалъ я къ самому капитану (Петру), чтобъ указалъ мнѣ быть къ себѣ; нынѣ подай помощи, чтобы меня взять къ Москвѣ“. Зная хорошо своего фельдмаршала, тяжелость его на подъемъ и страсть бывать въ Москвѣ подъ какимъ бы то ни было предлогомъ, капитанъ послалъ къ нему сержанта Щепотева съ письмомъ (отъ 10 января): „Указъ посылаю нынѣ къ вамъ съ сержантомъ, господиномъ Щепотевымъ, которому велѣно быть при васъ на нѣкоторое время, и что онъ вамъ будетъ доносить, извольте чинить“. Щепотеву былъ данъ наказъ: объявить фельдмаршалу, чтобъ 1) оставить въ Казани Аѳанасія Дмитріева, да съ нимъ конныхъ 1,000 человѣкъ изъ дворянъ, изъ иноземцевъ и изъ новокрещенныхъ, да мурзъ 500 человѣкъ, помѣстныхъ добрыхъ, да пѣшихъ полкъ, который придетъ съ Москвы, да Казанскій полкъ 500 человѣкъ. 2) Самому съ достальными со всѣми идти, и конечно симъ путемъ дойти до Саратова, и стать въ Саратовѣ, разставить въ удобныхъ мѣстахъ войско до весны; также полкъ послать (кромѣ Низовцевъ) въ Дмитреевской; другой—на Царицынъ. 3) Самому какъ возможно совсѣмъ по веснѣ рано идти до Царицына, чтобъ за довольное время предварить воровской замыслъ. 4) Смотрѣть, чтобъ все по указу исправлено было; и буде за какими своими прихоти не станутъ дѣлать, и станутъ да медленно,—говорить; и буде не послушаютъ, сказать, что о томъ писать будешь ко мнѣ".

Головинъ писалъ Шереметеву: „Тебѣ, мой государь, конечно надлежитъ быть въ Саратовѣ, чтобы его величество не раздражить". Шереметевъ двинулся. Но Петръ не ограничился однимъ этимъ движеніемъ, и перваго февраля писалъ Головину, чтобъ послать въ Казань морскую команду, выбрать тамъ 5 судовъ, поставить на нихъ по 12 или по 8 пушекъ, и тотчасъ по взломаніи льду сплыть къ Царицыну и стать тамъ на якоряхъ выше раздѣленія Ахтубскаго; суда эти, писалъ Петръ, лучше 10,000 войска могутъ воровъ вверхъ не пропустить; царь приказывалъ также, чтобъ половина морскихъ офицеровъ, посылаемыхъ къ Царицыну, умѣла по-русски; съ Саратова жилыхъ половину, пришлыхъ всѣхъ выслать въ Польшу; половину Синбирянъ, Сызранцевъ, Дмитріевцевъ выслать и поставить на станціи по замосковнымъ городамъ.

Чтобъ уничтожить, или, по крайней мѣрѣ, ослабить главную причину неудовольствія, Петръ далъ слѣдующій указъ довѣренному человѣку, казанскому вице-губернатору Никитѣ Кудрявцеву: „Во всѣхъ низовыхъ городахъ вѣдать податьми и сбирать, тако-жъ и сымать оныя или паки наложить ради нынѣшняго тамъ смятенія астраханскаго, и сіе чинить, смотря по времени, мѣсту и людямъ, и всячески тщиться, чтобъ утѣшать, и ни откуда для сборовъ податей указу ни чьего не слушать; а что невозможно будетъ дѣлать, объ указѣ писать ко мнѣ, и въ томъ тщиться съ такимъ прилежаніемъ, какъ Богу и здѣшнему суду добрый отвѣтъ дать". Насчетъ Черноярцевъ писалъ Головину: „Буде Черноярцы съ донскими казаками уговорятся въ томъ; чтобъ ихъ вину простить, велѣть уговаривать". На вопросъ Щепотева: „Что доброе сдѣлается на Черномъ Яру, что съ ними дѣлать"?—отвѣчалъ: „Кромѣ прощенья и по старому быть иного ничего; также и вездѣ не дерзайте, ни точію дѣломъ, ни словомъ жестокимъ къ нимъ поступать, подъ опасеніемъ живота".

Черноярцы покорились, хотя не искренно. Шереметевъ обошелся съ ними сурово и велѣлъ отобрать оружіе.—„У Черноярцевъ, писалъ Петръ, вы ружье отбирали напрасно, и удивляюсь, что просите указу, что дѣлать съ (Черноярцами) зачинателями и съ Астраханцами. ежели покорятся. Къ вамъ многократно отъ меня и отъ г. адмирала (Головина) писано: конечно всѣхъ милостію и прощеніемъ винъ обнадеживать, и, взявъ Астрахань, отнюдь надъ ними и надъ заводчиками ничего не чинить; и Черноярцамъ нынѣ объявить, что ружье у нихъ отобрано только до тѣхъ мѣстъ, пока и Астраханцы покорятся и вину принесутъ, и тогда по прежнему то ружье имъ отдано будетъ, и привесть ихъ ко кресту въ вѣрности; а и зачинщиковъ причинныхъ ничѣмъ не озлоблять и только ихъ перепоручить и дать имъ жить на свободѣ, и всяко тщитися, чтобъ ласкою ихъ привлечь и чтобъ они о своемъ состояніи писали и къ Астраханцамъ; и подъ Астраханью безъ самой крайней нужды никакого жестокаго и непріятельскаго поступка не воспріимать, и то ежели развѣ они по пріѣздѣ своихъ челобитчиковъ и по полученіи нашей грамоты, и по многимъ твоимъ добродѣтельнымъ присылкамъ, весьма упорно явятся и не покорятся, чего мы, по отпискамъ ихъ къ тебѣ, быти не чаемъ".

Случилось послѣднее, чего не чаялъ Петръ. Головинъ далъ ему знать, что у Астраханцевъ „не безъ шалости; только, государь, съ помощію Вышняго, въ семъ не изволь сумнѣваться; лучшее развѣ то воры себѣ учинятъ, что разбѣгутся (хоть къ чорту истинно и въ Аграхани въ два лѣта всѣ исчезнутъ); а если имъ возмущать и бѣжать на Донъ, ей—никогда не пристанутъ и милостію твоею казаки довольны и вѣрны". Астраханцы не побѣжали на Донъ; но не побѣжали и на Аграхань. 9 марта выѣхали изъ Астрахани навстрѣчу Шереметеву, къ урочищу Кичибурскому Яру, Спасскаго монастыря архимандритъ Антоній и съ нимъ четыре человѣка Астраханцевъ; онъ подали фельдмаршалу письма отъ митрополита Самсона и отъ Георгія Дашкова. Этотъ Георгій Дашковъ былъ строитель астраханскаго Троицкаго монастыря, присланный туда изъ большаго Троицкаго монастыря, отъ котораго астраханскій зависѣлъ. Дашковъ въ послѣднее время отличался своею ревностію въ увѣщаніи бунтовщиковъ и игралъ главную роль между духовными лицами, потому что митрополитъ отъ старости былъ очень слабъ. Дашковъ также постоянно переписывался съ Шереметевымъ, и теперь съ Антоніемъ писалъ, что въ Астрахани началась снова смятеніе и несогласіе, одни остаются вѣрны, другіе опять склонны къ возмущенію, и отъ того между ними распря; Дашковъ просилъ, чтобъ Шереметевъ скорѣе шелъ въ Астрахань.

Противъ урочища Коровьи Луки, на Волгѣ, въ 30 верстахъ отъ Астрахани, встрѣтили Шереметева Воскресенскаго монастыря архимандритъ Рувимъ, Георгій Дашковъ, стрѣлецкіе пятидесятники и десятники, Армяне, Индійцы, Бухарцы, юртовскіе Татары, человѣкъ съ сорокъ, и объявили, что весь народъ Астраханскій готовъ его встрѣтить. Шереметевъ отвѣчалъ, что государь ихъ простилъ, и чтобъ они вины свои заслужили. Но, какъ видно, съ удаленіемъ людей, противныхъ бунту, Яковъ

Носовъ съ товарищами осилили. Когда пріѣхалъ въ Астрахань, посланный Шереметевымъ съ письмомъ къ старшинѣ, Сызранецъ посадскій человѣкъ Данила Бородулинъ, то въ кругу Яковъ Носовъ, по многихъ разговорахъ, сидя предъ кругомъ за столомъ, говорилъ посланному: „Здѣсь стали за правду и за христіанскую вѣру; коли нибудь намъ всѣмъ умереть будетъ, да не вовсе бы и не всякой такъ, какъ нынѣ нареченный царъ, который называется царемъ, а христіанскую вѣру порушилъ: онъ уже умеръ душою и тѣломъ, не всякому бы такъ умереть“. Въ это время въ кругу читали присланное изъ Чернаго Яра письмо, чтобъ на Черный Яръ прислать силы на помощь, ибо идетъ съ войскомъ князь Петръ Хованскій. Во время чтенія Носовъ, опершись локтемъ на коробью и наклонясь, говорилъ Бородулину тихонько: „Вѣдь мы не просто зачали! Это дѣло великое; есть у насъ въ Астрахани со многихъ городовъ люди, и не одно черноярское письмо, есть у насъ письмо изъ Московскаго государства отъ столпа, отъ сущихъ христіанъ, которые стоятъ за вѣру христіанскую“. Бородулинъ побоялся спросить его, кто писалъ, потому что тутъ обступили ихъ со всѣхъ сторонъ и разспрашивали съ крикомъ. Потомъ принесли въ кругъ хлѣба, вина, пива; Носовъ поднесъ Бородулину ковшъ вина; тотъ принялъ и сказалъ: „Дай, Боже, благочестивому государю многолѣтно и благополучно здравствовать!“ На это отозвался старшина, московскій стрѣлецъ Иванъ Луковниковъ: „Какой онъ государь благочестивый! онъ неочесливый, полатынилъ всю нашу христіанскую вѣру!“ Бородулинъ замѣтилъ Носову, зачѣмъ старшина такія нечестивыя слова говоритъ. Носовъ, разсмѣявшись, отвѣчалъ: „Не все перенять, что по Волгѣ плыветъ; мужикъ онъ простой, что видитъ, то и бредитъ“. Въ то же время въ кругу раздавались крики; поносили государя всякими бранными словами: „Не сила Божія ему помогаетъ, ересями онъ силенъ, христіанскую вѣру обругалъ и облатынилъ, обмѣнный онъ царь. Идти ли намъ, нѣтъ ли, до самой столицы, до родни его, до Нѣмецкой слободы и корень бы весь вывести;—всѣ тѣ ереси отъ еретика, отъ Александра Меншикова“.—На третій или на четвертый день Носовъ съ старшинами пришли къ Бородулину на постоялый дворъ и подчивали его виномъ; Бородулинъ, взявши ковшъ, говорилъ: „Дай, Господи, великому государю на много лѣтъ здравствовать“, и, выпивъ, сталъ подносить Носову; но тотъ отвѣчалъ: „Я про его здоровье пить не стану; какъ намъ пить про такого православныхъ Христіанъ ругателя? Что вы не образумитесь? Вѣдь вы и всѣ пропали, обольстили васъ начальные люди милостію, пропали вы душою и тѣломъ“. На отпускѣ Носовъ говорилъ Бородулину: „Богъ тебѣ въ помощь, поѣзжай; вотъ тебѣ подводы, управляйтесь съ князьями боярами, а въ городахъ съ воеводами; на весну и мы къ вамъ будемъ“!

11 марта Шереметевъ ночевалъ на Долгомъ островѣ, въ 10 верстахъ отъ Астрахани; сюда пріѣхали изъ города бурмистры и донесли, что они ушли, а въ Астрахани стрѣльцы волнуются и не хотятъ пускать фельдмаршала въ городъ. Шереметевъ придвинулся еще ближе къ Астрахани и съ Балдинскаго острова (въ 2 верстахъ отъ города) послалъ письмо, чтобъ перестали бунтовать. Отвѣта не было, а пришло нѣсколько дворянъ съ вѣстію, что Астраханцы изъ слободъ перебрались въ городъ, разставили и зарядили пушки, собрали гулящихъ людей, роздали имъ ружья и порохъ, и написали между собою письма, что стоять всѣмъ вмѣстѣ. Оставленныя жителями, слободы стали горѣть. Тогда Шереметевъ послалъ полкъ въ Ивановскій монастырь, чтобъ спасти его и хлѣбные магазины, находившіеся подлѣ монастыря. 12 марта Шереметевъ самъ пріѣхалъ въ монастырь; бунтовщики начали приступать къ монастырю и кинули три бомбы, но Шереметевъ отбилъ ихъ и послалъ за остальнымъ войскомъ. Когда оно пришло и начало строиться, то бунтовщики вышли на вылазку за рѣку Кутумову. Царскія войска дали залпъ; бунтовщики побѣжали, покинувъ пушки и знамена, засѣли въ Земляномъ городѣ и начали стрѣлять съ вала. Солдаты взяли валъ приступомъ и гнались за бунтовщиками до Каменнаго города къ самымъ Вознесенскимъ воротамъ, побрали пушки и мортиры. Такъ какъ бунтовщики жестоко отстрѣливались изъ Кремля, то Шереметевъ велѣлъ полкамъ отступить отъ него и разставилъ ихъ въ Земляномъ городѣ по улицамъ, и отсюда велѣлъ метать бомбы въ Кремль; а между тѣмъ послалъ къ осажденнымъ увѣщаніе къ сдачѣ. Вечеромъ того же 12 числа вышли изъ Кремля пятидесятники и десятники съ повинною, а на другой день, 13 марта, вышли старшины — Яковъ Носовъ и только-что передъ тѣмъ выбранный атаманъ изъ Донскихъ казаковъ, Елисей Зиновьевъ, съ просьбою о прощеніи. Шереметевъ велѣлъ всѣмъ положить оружіе, а печать и ключи отдать митрополиту; все это было исполнено; бунтовщики вынесли даже къ воротамъ топоръ и плаху. Того же 13 марта Шереметевъ пошелъ строемъ въ Кремль; когда онъ шелъ, то по обѣимъ сторонамъ улицы Астраханцы лежали на землѣ. У воротъ Кремлевскихъ встрѣтилъ побѣдителя митрополитъ, и пошли всѣ въ соборъ для благодарственнаго молебствія.

Взятіе Астрахани стоило Шереметеву 20 человѣкъ убитыми и 53 ранеными. Бунтъ былъ сломленъ; но заводчики ходили по волѣ; Шереметевъ боялся безъ указа перехватать ихъ, и писалъ къ Головину: „Здѣшній народъ учинилъ то все отъ неволи, и конечно надобно, чтобъ здѣсь было людей (воинскихъ) больше стараго; а Носовъ великій воръ и раскольникъ, и нынѣ при немъ всѣ его боятся, и въ шапкѣ съ нимъ никто говорить не можетъ; и надобно его и другихъ заводчиковъ и Яхтинскій полкъ вывесть къ Москвѣ; то здѣшніе люди упокоятся и объ нихъ тужить не будутъ. Московскаго полка бунтовали немногіе; только есть изъ нихъ заводчики, а я безъ указу выслать ихъ не смѣю, и надобно вскорѣ указъ о томъ выслать: а какъ вода разольется, боюсь, чтобъ не разбѣжались; а удержать ихъ нельзя. Я такого многолюдства и сумасброднаго люду отъ роду не видалъ, и надуты страшною злобою, и весьма насъ имѣютъ за отпадшихъ отъ благочестія. Какъ надуты и утверждены въ такой бездѣлицѣ!"

Участники бунта были перехвачены и отправлены въ Москву: здѣсь ихъ колесовано, казнено и умерло во время продолжительнаго розыска 365 человѣкъ.

Требуя указа насчетъ зачинщиковъ бунта, Шереметевъ въ то же время жаловался на сержанта Щепотева, который имѣлъ неосторожность отправиться въ Астрахань прежде Шереметева, былъ захваченъ бунтовщиками и сидѣлъ съ ними вмѣстѣ въ Кремлѣ 12 марта. Шереметевъ писалъ о немъ Головину: „Какъ Михайла Щепотевъ сидѣлъ у нихъ въ городѣ, и они чаяли, что онъ-то и пущій будетъ въ промыслу и бомбардиръ; для того больше и держались. А какъ я вошелъ въ городъ и пришелъ на свой дворъ, и онъ, Михайла, говорилъ во весь народъ, что присланъ онъ за мною смотрѣть, и что станетъ доносить, чтобъ я во всемъ его слушалъ. И я не знаю, что дѣлать. А за грѣхи мои припала мнѣ болѣзнь ножная; не могу ходить ни въ сапогахъ, ни въ башмакахъ, а лѣчиться здѣсь не у кого. Пожалуй, не остави меня здѣсь". Потомъ писалъ: „Если мнѣ здѣсь прожить, прошу, чтобъ Михайла Щепотева отъ меня взять. Всенародно говоритъ, что хочетъ меня государю огласить, не знаю чѣмъ, и съ Александромъ Даниловичемъ ссорить, и говоритъ: „Я-де тебя съ нимъ помирю", и непрестанно пьянъ. Боюсь, чтобъ надо мною не учинилъ; ракеты денно и нощно пущаетъ,—опасно, чтобъ города не выжегъ". — А Щепотевъ писалъ царю: „Извѣствую милости твоей,—по указу твоему я господину фельдмаршалу кое о какихъ нуждахъ, которыя надлежитъ исправлять, наипаче къ опасенію твоихъ государевыхъ сборовъ, чтобы утраты не было, доносилъ, и его милость сказалъ мнѣ: „Я твоихъ словъ слушать не хочу и впредь съ такими доносительными словами ко мнѣ не ходи". И я ему то доносилъ, что я стану до вашей милости писать, и онъ мнѣ велѣлъ о томъ до вашей милости писать и отпускалъ меня изъ Астрахани къ милости твоей, и я не смѣю ѣхать. Да который дьякъ обрѣтается у фельдмаршала, приличился во взяткахъ, и я ему, фельдмаршалу, про тѣ взятки доносилъ, чтобъ разыскать, и онъ, фельдмаршалъ, про него не разыскиваетъ, и приказалъ въ Астрахани ему, дьяку, приходъ и расходъ таможенной и кабацкій и раздачу животовъ, которые граблены были, и какъ животы раздаютъ, фельдмаршалъ меня не призываетъ".

Петръ не выдалъ Щепотева Шереметеву и не умалилъ значенія Шереметевскаго дѣла вслѣдствіе донесеній Щепотева. Въ отвѣтъ на извѣщеніе о взятіи Астрахани, онъ писалъ фельдмаршалу: „Письма ваши принялъ и за неизреченную Божію милость Господа Бога благодарили съ изряднымъ тріумфомъ, которою викторіею надъ сими проклятыми воры, вамъ, яко виновнымъ оной викторіи, поздравляемъ; за который вашъ трудъ Господь Богъ вамъ заплатитъ, и мы не оставимъ". Это неоставленіе заключалось въ денежномъ окладѣ и пожалованіи болѣе 2,400 дворовъ; сынъ Шереметева былъ назначенъ изъ комнатныхъ стольниковъ въ полковники. Когда Меншиковъ объявилъ Шереметеву царскую милость, то фельдмаршалъ былъ очень веселъ и обѣщался больше не болѣть. Но и Щепотевъ получилъ отъ государя также письмо: „Благодарствуемъ вамъ за ваши труды и прочее По полученіи сего письма, вы поѣзжайте къ намъ напередъ тогда, какъ фельдмаршалъ съ полками изъ Астрахани къ Смоленску пойдетъ". По отъѣздѣ Шереметева, управлять успокоенною Астраханью назначенъ былъ князь Петръ Ив. Хованскій [1]).

Астраханскій бунтъ, ограниченный одною мѣстностію, нетрудно было затушить, когда Донскіе казаки не дали ему разгорѣться. Мы видѣли причину этому; видѣли, какъ Петръ былъ пріятно изумленъ невмѣшательствомъ казаковъ, тѣмъ болѣе что вѣсти о волненіяхъ на Дону не переставали приходить въ Москву. Лѣтомъ 1700 года дано было знать съ персидской границы, что казаки, которые, учиня воровство, побѣжали съ Дону къ персидскимъ границамъ, человѣкъ съ 500, осаждены отъ тамошнихъ разныхъ владѣльцевъ близъ Каспійскаго моря; а которые изъ нихъ вышли-было на море для воровства надъ торговыми судами, разобраны ратными людьми, высланными изъ Астрахани [2]). Въ томъ же году стольникъ и воевода князь Петръ Дашковъ далъ знать съ Камышенки, что, собравшись, воровскіе казаки, пришли подъ табуны и отогнали у ратныхъ людей много лошадей. Воевода послалъ за ворами отрядъ войска, который отбилъ лошадей и захватилъ четырехъ воровъ. Въ разспросѣ и съ пытокъ воры сказали: пошли они въ прошлыхъ годахъ изъ дворцовыхъ селъ, а въ нынѣшнемъ 1700 году зимою съ Медвѣдицы городка Чернагая казакъ Нестерко Зиновьевъ прибралъ къ себѣ воровъ изъ разныхъ казачьихъ городковъ и сталъ съ ними станомъ на рѣкѣ Медвѣдицѣ въ лукѣ, откуда посылалъ отгонять лошадей изъ полку князя Дашкова; на этихъ лошадяхъ хотѣлъ атаманъ Нестерко ѣхать по городкамъ, по Медвѣдицѣ и Дону, звать вольницу и ѣхать на Аграхань, через степь, къ казаку Косткѣ Иванову, который прежде былъ въ Паншинѣ атаманомъ; присылалъ Костка товарища своего Губана съ Аграхани на Донъ для подговору въ разные казачьи городки; въ совѣтѣ были и хотѣли идти на Аграхань: попъ Максимка Григорьевъ, Филка Архиповъ, прозвище Кисельная Борода, и множество другихъ казаковъ изъ разныхъ мѣстъ; умышляли — пришедъ на Аграхань, выходить на море и на Волгу рѣку подъ Царицынъ для воровства и разоренья всякихъ людей и струговъ. Прежній воръ и раскольщикъ Митька Татаркинъ, который жилъ на Медвѣдицѣ въ раскольничьемъ городкѣ и ушелъ оттуда во время приходу государевыхъ людей, теперь живетъ на Медвѣдицѣ же, въ Черкасовѣ, въ юртовскихъ гулебныхъ станахъ съ товарищами, человѣкъ съ 20, съ женами и дѣтьми; и къ нему писали съ Дону изъ Черкаскаго о совѣтѣ два казака, чтобъ имъ, соединясь, идти на Аграхань для воровства. Митька всѣмъ имъ велѣлъ готовиться; и къ воровскому походу теперь готовы и хотятъ идти многолюдствомъ; а какъ онъ, Митька, пойдетъ, и отъ него во всѣхъ верховыхъ казачьихъ городкахъ немногіе люди останутся, потому что къ его воровству всѣ пристанутъ и слушаютъ его во всемъ.

---

[1]) Астраханскій бунтъ разсказанъ по документамъ, находящимся въ кабинетѣ Петра В., отд. I, кн. № 14, 18, 58; отд. II, кн. № 4; въ архивѣ Мин. Юст., въ столбцахъ Преображ. Приказа № 1144, 1145, 1146, 1149, 1150, 1163, 1167. Въ Москов. архивѣ Мин. Ин. Д., въ приказныхъ дѣлахъ новыхъ лѣтъ, въ письмахъ Головина Петру В. Тамъ же въ дѣлахъ персидскихъ 1705 и 1706 годовъ.—Печатные: Письма Петра В. у Голикова, т. X; переписка Шереметева, переписка фельдмаршаловъ Головина и Шереметева, Москва 1851; письмо Шереметева къ Головину въ Меншиковскихъ дѣлахъ въ Академіи Наукъ, напеч. у Устрял. IV, II, стр. 403.

[2]) Москов. архивъ Мин. Ин. Д., Приказныя дѣла новыхъ лѣтъ, годъ 1700; письмо Головина къ Мазепѣ.

На это извѣстіе о воровскихъ замыслахъ государь отвѣчалъ указомъ: „Отъ великаго государя на Донъ войсковому атаману Ильѣ Григорьеву и всему войску Донскому;—указали мы вамъ сего настоящаго лѣта верховыхъ донскихъ городковъ казаковъ, которые живутъ по Хопру и по Медвѣдицѣ и по разнымъ рѣкамъ, перевесть и поселить по двумъ дорогамъ къ Азову, однихъ до Валуйки, а другихъ отъ Рыбнаго къ Азову же, чтобъ тѣ оба пути впредь были населены и жилы; а буде вы, атаманы и казаки, нынѣшняго лѣта казаковъ не сведете и не поселите, - и по нашему указу тѣ Хоперскіе и Медвѣдицкіе казаки поселены будутъ въ иныхъ мѣстахъ“ [1]).

Ненависть къ боярству, наклонность къ самозванцамъ не переставала проглядывать на Дону. Въ августѣ 1701 года велѣно было взять въ Преображенскій Приказъ съ Дону казаковъ: городка Тишанки Андрея Поминова съ матерью; Левку Сметанина, городка Нижняго Чиру Игнатку Пчелинца. Левка говорилъ: „Царь Иванъ Алексѣевичъ живъ и живетъ Іерусалимѣ для того, что бояре воруютъ; царь Петръ полюбилъ бояръ, а царь Иванъ чернь полюбилъ. Сказывалъ Левкѣ про царя Ивана пришлый человѣкъ Авилка, который живетъ на рѣкѣ Калитвѣ Бѣлой, впадающей въ Донецъ; пришелъ Авилка изъ Іерусалима, и Донскіе казаки почитаютъ его за святаго, потому что онъ имъ пророчествуетъ: въ первый Азовскій походъ сказалъ, что Азова не возьмутъ, а во второй сказалъ, что возьмутъ, Авилка держится раскола“.—Пчелинецъ говорилъ про Петра: „Онъ не царь, антихристъ; царица Наталья родила церевну дѣвицу, а вмѣсто той царевны своровали бояре, подмѣнили иноземца. Францова сына Лефорта“. — Казакъ Назарка Смирной говорилъ: „Азову за государемъ недолго быть; Донскіе казаки, взявъ его, передадутся къ Турскому султану попрежнему“.

Недовольные казаки говорили: „Теперь намъ на Дону отъ государя тѣсно становится: какъ онъ будетъ къ намъ на Донъ,—мы его приберемъ въ руки и отдадимъ Турецкому салтану; а прибрать его въ руки намъ и малыми людьми свободно: ходитъ онъ по Дону въ шлюбкѣ съ малыми людьми“. Такимъ образомъ, сами недовольные признавались, что у нихъ мало людей. Это малолюдство и давало Донской старшинѣ возможность прибирать ихъ въ руки при малѣйшемъ движеніи [2]); это-то малолюдство дало старшинѣ возможность удержать Донъ отъ участія въ Астраханскомъ бунтѣ.

На западной Украйнѣ казаки также не давали покою. Гетманъ Мазепа слалъ письмо за письмомъ о запорожскихъ поведеніяхъ: „О зломъ намѣреніи проклятыхъ Запорожцевъ мало не чрезъ всякаго гонца моего и чуть не чрезъ всякую почту, какъ великому государю, такъ и вашей вельможности я писалъ, а никакого отвѣта не имѣю“, писалъ Мазепа Головину. „Не такъ страшны они, Запорожцы, понеже малое ихъ собраніе, и не такъ страшны пересылки съ ними хана Крымскаго, какъ то зѣло разсуждати надобно, что чуть не вся Украйна тѣмъ же запорожскимъ духомъ дышетъ, понеже обыкность та, что народъ посполитый своеволю любитъ и всякій подъ властію пребывающій желаетъ оной надъ собою не имѣти“ Мазепа доносилъ, что Запорожцы заключили союзъ съ юртомъ Крымскимъ, будучи особенно недовольны тѣмъ, что подлѣ нихъ царь строитъ крѣпость Каменный Затонъ.

Для объясненій по этимъ дѣламъ поѣхалъ къ гетману знаменитый прибыльщикъ Курбатовъ, и Мазепа объявилъ ему, что въ Каменный Затонъ необходимо сейчасъ же прислать два или три полка доброй пѣхоты, на случай соединенія Запорожцевъ съ ханомъ Крымскимъ; задержанныхъ въ Москвѣ Запорожцевъ и жалованье прислать къ нему, гетману, или въ Сѣвскъ, чтобъ можно было отослать ихъ немедленно же въ Запорожье, если Запорожцы усмирятся, а послѣ думать, какъ наказать ихъ за прежнія преступленія. Изгнать Запорожцевъ изъ жилищъ ихъ или привести въ совершенное покореніе трудно: во 1) потому, что если сядутъ въ Сѣчѣ въ числѣ 5,000, то идти на нихъ надобно будетъ генеральною войною, что нынѣ невозможно, а Бѣлгородскимъ разрядомъ ихъ не прогнать. Во 2) будетъ имъ помощь отъ хана; въ 3) если, испугавшись большого войска, выйдутъ изъ Сѣчи, то пойдутъ во владѣнія хана, поселятся на Кардашинѣ, внизъ Днѣпра къ морю, или въ прогнояхъ, пущее разореніе будутъ чинить, и иные къ нимъ будутъ перебѣгать: а что Турки хотятъ войны—это ясно, потому что безъ ихъ позволенія ханъ не заключилъ бы съ Запорожцами союза.—Предложеніе было принято, задержанные Запорожцы отпущены въ Сѣчь. На Запорожье поѣхалъ стольникъ Протасьевъ съ жалованьемъ и съ требованіемъ, чтобъ Запорожцы присягнули на вѣрность великому государю. Казаки объявили Протасьеву, что, имъ креста цѣловать не для чего, потому что они великому государю крестъ цѣловали прежде и потомъ не измѣняли; хану Крымскому никогда не присягали и посылали къ нему не для измѣны, а для того, что прежде они знали, зачѣмъ ходили посланики изъ Москвы къ Туркамъ и въ Крымъ, а теперь ни о чемъ не знаютъ; ходятъ послы изъ Москвы и отъ гетмана въ Турцію и въ Крымъ мимо Сѣчи; для того они и посылали въ Крымъ, чтобъ подлинно обо всемъ освѣдомиться. Протасьевъ настаивалъ, чтобъ цѣловали крестъ. „Присягнемъ тогда“, отвѣчали Запорожцы, „когда прикажетъ великій государь снесть Каменный Затонъ и подтвердитъ грамотою права наши на земли по Днѣпру и Самарѣ“. Всѣ старанія Протасьева привести ихъ къ присягѣ остались тщетными. По этому случаю Мазепа писалъ Головину: „Вижу, дондеже того проклятаго пса, кошеваго Кости Гордѣенка, не станетъ,—по тѣхъ мѣстъ не надѣяться къ твердой и всецѣлой отъ Запорожцевъ вѣрности. Не знаю, какой другой изобрѣсти способъ, дабы не токмо того безбожнаго тотъ урядъ, но и дни его прекратити. Нынѣ паки пишу къ желательнымъ моимъ въ Сѣчь, желая, чтобъ сыскался и поднялся такой человѣкъ, дабы его, проклятаго пса, не стало“. Царь велѣлъ Мазепѣ пріѣхать въ Москву, а до тѣхъ поръ не дѣлать Запорожцамъ никакихъ тяжкихъ насилій.

---

[1]) Москов. арх. Мин. Ин. Д., дѣла Донскія 1700 г.

[2]) Архивъ Мин. Юстиціи, дѣла Преображ. Приказа 1701 и 1703 года

Желаніе гетмана исполнилось; въ іюлѣ 1703 г. онъ писалъ Головину: „Слава Господу Богу! радѣніемъ и неусыпнымъ моимъ стараніемъ проклятый песъ Костя кошевой если не испустилъ проклятой своей души, то, по крайней мѣрѣ, съ кошевства съ безчестіемъ скинутъ; понеже все посольство на него возстало за то, что съ разбойниками знался и добычу у нихъ бралъ, и еслибъ изъ Сѣчи въ луга не ушелъ, то конечно не былъ бы живъ. Послѣ сего побѣга выбрали въ кошевые Герасима Крысу, и теперь можно надѣяться, что войско низовое будетъ въ надлежащемъ великому государю послушаніи“. Но радость гетмана была непродолжительна; въ сентябрѣ онъ уже писалъ Головину: „Запорожцы своимъ желательствомъ ко мнѣ вновь отозвались; не только бѣдныхъ людей селитряные майданы нечаянно напавъ совсѣмъ раззорили, но и мой гетманскій до основанія снесли и учинили мнѣ убытку на 8,000 рублей. Не знаю, что съ такими бездушниками впредь дѣлать, понеже ихъ никакимъ способомъ, ни милостію, ни дачами, ни вольностію не можно усмирить. Новый кошевой сокрушается, что не можетъ исполнить своего обѣщанія, даннаго въ Москвѣ и въ Батуринѣ: со всѣхъ сторонъ прибывающее гультяйство надъ постояннымъ, добрымъ товариществомъ взяло силу, и похваляется Новобогородицкій и другіе городки разорять“. Въ декабрѣ новыя вѣсти: Крысу смѣнили, и на его мѣсто снова выбрали Костю Гордѣенка, который въ началѣ 1704 года объявилъ прямо царскому посланцу: „Каменнозатонскій воевода Шеншинъ чинитъ намъ всякія обиды, лошадей отнимаетъ, меня и все посольство бранитъ и называетъ подданными своими, всячески угрожаетъ, говоритъ, будто солдаты, бѣгая изъ Каменнаго Затона, живутъ у насъ въ Сѣчи. Но у насъ такихъ бѣглыхъ солдатъ въ Сѣчи нѣтъ, а хотя-бъ и были, то у насъ издревле такое поведеніе: кто придетъ, тѣхъ принимаемъ, и кто захочетъ, тотъ у насъ живетъ. Да онъ же, воевода, присылаетъ на кошъ людей своихъ для провѣдыванія, что между нами чинится, а у насъ мало ли какіе есть пьяные казаки, говорятъ, кто что хочетъ, и того слушать у нихъ нечего; да онъ же, воевода, держитъ нашего Запорожскаго казака въ колодкѣ безвинно. И если онъ, воевода, и впередъ будетъ такъ дѣлать, то намъ уже терпѣть больше будетъ нельзя: чтобъ отъ его злыхъ поступковъ не учинилось какого возмущенія, которое можетъ обхватить и весь сѣверъ, не возмутить бы этимъ и всю Малую Россію“.

Прошелъ годъ, и у Мазепы старыя пѣсни.

8 января 1705 года гетманъ писалъ Головину: „Запорожцы ни послушанія, ни чести мнѣ не отдаютъ; что имѣю съ тѣми собаками чинити? А все то приходитъ отъ проклятаго пса кошеваго, который такую въ себѣ хитрость имѣетъ, что всегда, собравъ къ себѣ сначала атамановъ, приватно переговоритъ, потомъ раду сбираетъ, въ которой, будучи наполнены его духомъ, то кричатъ и говорятъ, что имъ велитъ; для отмщенія ему разныхъ уже искалъ я способовъ, чтобъ не только въ Сѣчи, но и на свѣтѣ не былъ, но не могу найти, а все отъ дальняго разстоянія, и некому повѣрить“.

Не объ однихъ Запорожцахъ писалъ Мазепа тревожныя донесенія. Въ 1703 году онъ говорилъ наединѣ присланному къ нему переводчику Посольскаго Приказа Бѣлецкому: „Полтавскій полковникъ Иванъ Искра имѣлъ тайную корреспонденцію и согласіе съ ханомъ Крымскимъ и беемъ Перекопскимъ, и уже было полкъ свой, кромѣ старшины, къ тому наклонилъ, чтобъ быть въ согласіи съ Крымомъ, а великому государю противными. Узнавши объ этомъ, я тотчасъ его отъ полку отлучилъ тайнымъ способомъ, не оскорбляя его ничѣмъ, какъ будто на время, не давая знать никому, за какое преступленіе; явнымъ способомъ и въ скорости взять его и карать невозможно для казаковъ того полка, имѣщихъ съ нимъ одно намѣреніе, дабы не учинилось отъ того полка межъ народомъ Малороссійскимъ какого замѣшанія при нынѣшнемъ опасномъ времени, потому что теперь у всей малороссійской Украйны зѣло отпало сердце къ великому государю“ [1].

---

[1] Архивъ Мин. Юстиціи, книги Малороссійскаго Приказа означенныхъ годовъ.

Глава III.

Продолженіе царствованія Петра I-го Алексѣевича.

Два фельдмаршала. — Петръ въ Полоцкѣ. — Происшествіе въ Уніатскомъ монастырѣ. — Пораженіе Шереметева при Гемауертгофѣ.—Петръ въ Курляндіи.— Огильви и Меншиковъ.—Паткуль въ Саксоніи.—Дѣло о передачѣ русскихъ войскъ въ австрійскую службу. — Паткуль схваченъ саксонскими министрами и заключенъ въ Зонненштейнъ. — Посольство Шенбека къ царю съ объясненіемъ по этому дѣлу.—Походъ Карла XII въ Литву. — Зимовка русскаго войска въ Гроднѣ.—Выступленіе его оттуда.—Увольненіе Огильви.—Петръ и Меншиковъ въ Кіевѣ.—Неудачная осада Выборга.—Битва при Калишѣ.—Король Августъ заключаетъ отдѣльный миръ съ Карломъ XII.—Петръ въ Жолквѣ.—Сношенія съ польскими вельможами и кандидатами на Польскій престолъ.—Матвѣевъ въ Англіи.—Предложеніе герцогу Марльборо русскаго княжества. — Сношенія съ Франціею и Австріею. — Петръ предлагаетъ Польскій престолъ принцу Евгенію Савойскому.—Дѣятельность Толстого въ Константинополѣ.—Посольство князя Куракина въ Римъ.—Приготовленіе Петра къ встрѣчѣ непріятеля въ Россіи.—Башкирскій Бунтъ.—Булавинскій бунтъ.

Встрѣтивши новый 1705 годъ въ Москвѣ, Петръ въ февралѣ отправился въ Воронежъ, гдѣ провелъ два мѣсяца, спустилъ 80-пушечный корабль „Старый Дубъ", велѣлъ Апраксину къ будущей веснѣ приготовить десятка два слишкомъ судовъ, и въ концѣ апрѣля возвратился въ Москву; здѣсь былъ задержанъ сильною лихорадкою, и въ самомъ концѣ мая отправился въ Полоцкъ, гдѣ уже было собрано большое русское войско — тысячъ шестьдесятъ [1]. У Петра было два фельдмаршала—Шереметевъ и Огильви. Послѣднему хотѣлось быть одному главнокомандующимъ, но это было противно основной мысли Петра — не давать иностранцу главнаго начальства, упражнять своихъ, — и онъ раздѣлилъ войско между двумя фельдмаршалами. Огильви былъ очень недоволенъ; князь Репнинъ писалъ Меншикову: „Слышалъ я неподлинно, будто господинъ фельдмаршалъ писалъ о разореніи отъ нашихъ войскъ къ Полякамъ; истинно не могу я признать, какого праву сталъ человѣкъ передъ прошлымъ годомъ; зѣло неприступенъ, живетъ въ кляшторѣ Езувицкомъ, и по всякъ часъ у него. Дай Боже, милость твоя къ намъ изволитъ пріѣхать и все самъ увидитъ. А разореніе Поляковъ, еслибъ какое было, милость твоя уже давно самъ здѣсь изволилъ бы слышать и видѣть" [2]. Но кто бы ни были вожди, и какъ ни расхваливали иностранцы русское войско, Петръ требовалъ одного, чтобъ отнюдь не давали генеральнаго боя Шведамъ [3].

Петръ началъ въ Полоцкѣ очень весело: приходили извѣстія, какъ Шведамъ не удалось напасть на Петербургъ съ моря и съ сухого пути. Но окончилось пребываніе въ Полоцкѣ печальнымъ происшествіемъ. Петръ былъ раздраженъ противъ уніатскаго духовенства, которое имѣло тайныя сношенія съ Шведами и Сапѣжинцами ко вреду русскаго войска; одинъ изъ монаховъ, бывшій прежде православнымъ, отличался сильными выходками противъ Русскихъ, возбуждалъ народъ къ тайному побіенію царскихъ солдатъ, бранилъ Петра и короля Августа. Петръ молчалъ, потому что считалъ неблагоразумнымъ,—вступя союзникомъ во владѣнія республики, начать преслѣдованіемъ уніатовъ, и тѣмъ возбудить подозрѣніе въ правительствѣ и католическомъ народонаселеніи Литвы и Польши. Но судьба хотѣла иначе. Вечеромъ 30 іюня, наканунѣ отъѣзда изъ Полоцка, онъ зашелъ съ своими приближенными посмотрѣть уніатскій монастырь. Масло было подлито въ огонь, уже существовавшее раздраженіе усилилось, когда монахи не пустили его въ алтарь, какъ противника ихъ вѣры. Петръ сдержался однако и тутъ. Увидавши образъ, отличавшійся особенными украшеніями, онъ спросилъ: „Чей это образъ?" Монахи отвѣчали: „Священномученника нашего Іосафата (Кунцевича), котораго ваши единовѣрцы умертвили". Тутъ Петръ уже не выдержалъ и велѣлъ своимъ приближеннымъ схватить монаховъ. Но монахи, видя малочисленность царской свиты, не сдались, начали кричать о помощи: сбѣжались послушники вооруженые, началась свалка, и нѣкоторые изъ царскихъ приближенныхъ были ранены; наконецъ Русскіе одолѣли, четверо уніатовъ были смертельно ранены. Въ этой схваткѣ раздраженіе Петра достигло высшей степени, и онъ велѣлъ повѣсить монаха, отличавшагося своими выходками противъ него въ проповѣдяхъ [4]. Этимъ печальнымъ событіемъ воспользовались, съ одной стороны, католики, непреминувшіе раскрасить его своими красками; съ другой стороны, внутренніе враги Петра, которые также раскрасили событіе своими красками; въ 1708 году каторжный колодникъ, бывшій солдатъ Иванъ Архиповъ говорилъ: „Когда Петръ былъ въ Полоцкѣ, и въ то время день Петра и Павла пришелся въ пятницу; государь заставлялъ благочестивой вѣры чернецовъ ѣсть мясо; они не согласились; Петръ позвалъ ихъ въ церковь молебенъ служить, и какъ стали молебенъ служить, государь вынулъ палашъ и двухъ человѣкъ убилъ до смерти, третьяго ранилъ. Въ это время было видѣніе: Іисусъ Христосъ въ облакахъ, держа въ одной рукѣ копье, въ другой огненныя стрѣлы, говорилъ съ гнѣвомъ: „Время его за такое дѣло покарать!“ но Богородица упросила ждать покаянія [1]).

---

[1] Иностранцы превозносили блестящее состояніе русской арміи при Полоцкѣ; хотятъ видѣть въ этомъ дѣло фельдмаршала Огильви; но мы не можемъ раздѣлить такого взгляда. Мы видѣли, что Петръ нашелъ подъ Дерптомъ свои полки «зѣло бодры и учреждены».

[2] Дѣла Меншикова въ Академіи Наукъ, кн. 2 (напечат. у Устрял. IV, II, стр. 333).

[3] Напечатан. письма Петра В. къ Шереметеву № 58.

[4] Объявленіе, обнародованное царемъ въ Вильнѣ, въ Москов. Арх Мин. Ин. Д., напечатано въ исторіи Уніи Бантышъ-Каменскаго. Въ томъ же архивѣ сохранилось католическое извѣстіе о событіи, незаслуживающее вѣроятія по баснословнымъ подробностямъ, какъ напримѣръ, что русскіе архіереи не иначе соглашались благословить Петра въ походъ, какъ съ условіемъ, чтобъ онъ искоренилъ унію. По этому извѣстію царь убилъ девятерыхъ монаховъ, тогда какъ римскіе миссіонеры доносятъ изъ Москвы только о пятерыхъ, согласно съ объявленіемъ Петра (Theiner—Monuments historiques de Russie, 412). Зная, какъ вѣрить католическимъ извѣстіямъ, мы не считаемъ себя въ правѣ принимать подробности, что Петръ разметалъ по полу Св. Дары, велѣлъ отрѣзать груди у женщинъ, которыя плакали объ убитыхъ монахахъ и проч.

1 іюля царь вмѣстѣ съ полками отправился изъ Полоцка въ Вильну, отпустивши за нѣсколько дней Шереметева противъ Шведовъ, находившихся въ Курляндіи, подъ начальствомъ генерала Левенгаупта. 22 іюля царь получилъ извѣстіе, что Шереметевъ разбитъ при Муръ-мызѣ, или Гемауертгофѣ 15 іюля; Шереметевъ, русскій фельдмаршалъ, котораго имя было связано съ первыми успѣхами надъ страшными Шведами, русскій фельдмаршалъ, котораго Петръ рѣшился поставить рядомъ съ рекомендованнымъ за границею Огильви! „Сія потерка, по словамъ Петра, учинилась такимъ образомъ: фельдмаршалъ Шереметевъ съ кавалеріею когда приблизился къ непріятелю, а пѣхота и пушки еще не поспѣли, тогда, не дождався оныхъ, старымъ обычаемъ безстройно ударили на непріятельскую кавалерію, которую такъ сломили, что нѣкоторые изъ нихъ явились въ Прусахъ; тогда генералъ Левенгауптъ съ пѣхотою отступилъ къ лѣсу, и наши, вмѣсто того, чтобъ дожидаться пѣхоты и аттаковать непріятельскую пѣхоту, ударились обозъ грабить непріятельскій, а тѣмъ временемъ наша пѣхота приспѣла, которую Левенгауптъ аттаковалъ и съ поля сбилъ; а кавалерія, увидя то, ушла; а пушки наши непріятель назавтрее нашелъ. И тако сами своей потерки виноваты“ [2]). Это извѣстіе составлено не очень удачно: выраженіе „старымъ обычаемъ безстройно“ скорѣе можетъ относиться къ послѣдующему, чѣмъ къ начальному дѣйствію русской конницы, ибо хотя она ударила и старымъ обычаемъ безстройно, однако сломила непріятеля; преобразователь не удержался отъ желанія укорить старый обычай. Но преобразователь не измѣнилъ своему величію въ отвѣтѣ Шереметеву; здѣсь онъ сталъ въ уровень съ тѣмъ великимъ народомъ древности, который благодарилъ своихъ разбитыхъ полководцевъ за то, что они не отчаялись въ спасеніи республики. Петръ писалъ Шереметеву: „Не извольте о бывшемъ несчастіи печальны быть (понеже всегдашняя удача много людей ввела въ пагубу), но забывать и паче людей ободрять“ [3]).

1-го августа Петръ выступилъ изъ Вильны въ Курляндію: ему хотѣлось перенять Левенгаупта, котораго Шереметевъ долженъ былъ отрѣзать отъ Риги. Съ этою цѣлію онъ послалъ Шереметеву наказъ: „Пойти какъ можно скорѣе и отрѣзать непріятеля отъ Риги; отрѣзавъ, отнюдь бою не давать, но на переправахъ держать: а если сильно захотятъ перейти, то закопать предъ собою, чтобъ имъ конечно пресѣчь путь, и на каждый день посылать къ намъ письма, что чиниться будетъ, чтобъ намъ о всемъ быть извѣстнымъ и потому немедленно поспѣшать. Сказать всѣмъ подъ смертію, чтобъ по тѣмъ статьямъ дѣлали, каковы даны 703 году, когда шли на Кроніорга; такожъ отнюдь бы не скакать за непріятелемъ, хотя оный бѣжать будетъ, но шагомъ, или по нуждѣ малою грудью, подъ смертью же“ [4]). Порученіе было трудное; Шереметевъ отвѣчалъ: „Тебѣ, государю, извѣстно, что непріятель съ пѣхотою и пушками; если пойдетъ на насъ всею силою, какъ будемъ управляться съ фузеями противъ пушекъ? А у меня никакихъ окопныхъ припасовъ нѣтъ: всѣ отосланы съ пѣхотными полками въ Полоцкъ“ [5]). Но дѣло не дошло до управленія съ фузеями противъ пушекъ: Левенгауптъ успѣлъ перебраться за Двину къ Ригѣ, къ большому неудовольствію Петра, который писалъ Головину: „Мы здѣсь великое несчастіе имѣемъ, понеже господинъ Ленигоптъ, яко Нарцизъ отъ Эхо, отъ насъ удаляется“ [6]).

Приказавши Шереметеву сторожить Шведовъ на лѣвомъ берегу Двины противъ Риги, Петръ пошелъ отобрать у нихъ Митаву. Послѣ семнадцатидневной осады Шведы сдали столицу Курляндіи 2 сентября, вслѣдъ за тѣмъ сдали Баускъ. Петръ писалъ о Митавѣ Ромодановскому: „Сіе мѣсто великой есть важности, понеже непріятель отъ Лифляндъ уже весьма отрѣзанъ и намъ далѣе въ Польшу походъ безопасенъ есть“ [7]).

Мы видѣли, что въ Митавѣ Петръ получилъ извѣстіе объ Астраханскомъ бунтѣ, вслѣдствіе чего одинъ изъ фельдмаршаловъ, Шереметевъ, былъ отправленъ на востокъ. Но отъ этого другому фельдмаршалу, Огильви, оставшемуся теперь единственнымъ въ западной арміи, не стало легче: при войскѣ находился любимецъ государя, принцъ Александръ, т. е. Меншиковъ, къ которому всѣ обращались, особенно русскіе генералы, и которому Петръ довѣрялъ больше, чѣмъ иностранному наемнику. Разногласіе между Огильви и Меншиковымъ началось по поводу выбора мѣста для зимнихъ квартиръ. Огильви самымъ удобнымъ мѣстомъ казался Меречь, Меншикову—Гродно, какъ болѣе укрѣпленный природою, гдѣ и съ небольшими силами можно долго держаться противъ непріятеля. Меншиковъ писалъ Петру: „Я разсуждаю: зѣло не радъ онъ (Огильви) моему пріѣзду, и все дѣлается вопреки мнѣ“ 1)). Петръ согласился съ Меншиковымъ, и войско введено въ Гродно, куда отправился изъ Митавы и самъ царь. Въ октябрѣ сюда же пріѣхалъ и король Августъ, которому Петръ сдалъ главное начальство надъ войскомъ, а самъ въ декабрѣ отправился въ Москву.

---

[1]) Кабинетъ II, кн. № 7.

[2]) Гисторія Свейской войны.

[3]) Голикова—Дѣянія П. В. X, стр. 215.

[4]) Голикова—Дѣянія П. В. X, стр. 216.

[5]) Напечатанныя письма Шереметева, I, 90.

[6]) Москов. архивъ Мин. Ин. Д., письма П. В.

[7]) Кабинетъ, I, кн. № 28.

Такимъ образомъ, сильное русское войско введено было въ Литву для соединеннаго дѣйствія съ войсками Августа противъ Шведовъ. Исполнилось то, чего такъ желалъ Паткуль; но онъ не радовался исполненію своего желанія. Мы оставили его въ Саксоніи въ очень затруднительномъ положеніи относительно русскаго войска, ему ввѣреннаго.

Въ Москвѣ жалобы князя Д. М. Голицына производили впечатлѣніе, и Паткуль въ началѣ 1705 года счелъ нужнымъ оправдаться: „У меня нѣтъ намѣренія, писалъ онъ Головину, отставить всѣхъ московскихъ начальныхъ людей, потому что я нахожу между ними такихъ, которыхъ, когда хорошо выучатся, не отдамъ и за многихъ Нѣмцевъ; съ московскимъ человѣкомъ лучше имѣть дѣло, чѣмъ съ Нѣмцемъ, потому что первый лучше знаетъ, что такое послушаніе, а второй очень много разсуждаетъ; надъ Нѣмцами должно наряжать большіе военные суды, а Москвичи въ своихъ квартирахъ такъ покойно живутъ, что жалобъ на нихъ почти нѣтъ, и для всей Земли они гораздо сноснѣе, чѣмъ свои саксонскіе солдаты; удивительно, что я по сіе время ни одного московскаго солдата не предалъ смертной казни. Господинъ князь Голицынъ теперь лучше сталъ себя вести, и ваше превосходительство будьте благонадежны, что я съ радостію ему угождаю ради его изрядной фамиліи“.

Вслѣдъ за этимъ письмомъ новыя жалобы на худое состояніе русскаго войска: „Мы сидимъ здѣсь въ тѣснотѣ, и царскаго величества вспомогательныя войска худую фигуру представляютъ, потому что почти нагіе ходятъ, и при дурномъ своемъ уборѣ и негодномъ ружьѣ никакой службы показать не могутъ; русскія деньги принуждены мы размѣнивать съ большимъ убыткомъ, и тѣ скоро издержатся, и не знаю, какимъ способомъ будемъ содержать этихъ бѣдныхъ людей. Король Польскій часто попрекаетъ мнѣ за такую плохую помощь, тогда какъ онъ исполняетъ всѣ условія союза и наслѣдственныя свои земли разорилъ; я противъ явной истины не могу ему ничего говорить. Изъ Литвы приходятъ великія жалобы на царскія войска, тамъ стоящія; король объ этомъ сильно скорбитъ и вмѣстѣ съ благонамѣренными Поляками опасается, что эти вспомогательныя войска произведутъ ненависть, и, вмѣсто ожидаемой пользы, навлекутъ на королевскую шею безпокойства и несчастія. Ваше превосходительство требуетъ, чтобъ русскимъ войскамъ скудости въ провіантѣ не было; но я уже доносилъ, что въ здѣшней малой Землѣ провіанту мало и очень онъ дорогъ; вскорѣ опасаются совершеннаго голода; офицеры продали лошадей, обозъ, платье и все прочее, и часть ихъ уже ходитъ по дворянскихъ дворамъ и просятъ хлѣба. Артиллерію невозможно съ мѣста сдвинуть, потому что всѣ станки и телѣги очень дурно сдѣланы и желѣзомъ дурно окованы, очень стары и негодны; большая часть лошадей отъ скудости кормовъ и труднаго похода померли, такъ что до начала новаго похода ни одной не останется; то же самое и съ мушкатерскими лошадьми, у которыхъ телѣги всѣ переломаны, а здѣсь ихъ нельзя такъ дешево сдѣлать, какъ на Москвѣ, потому что ни куска дерева даромъ не получишь. Король еще здѣсь, въ Дрезденѣ, и неизвѣстно, скоро ли и пойдетъ ли когда въ Польшу. Здѣсь во всѣхъ дѣлахъ большая смута, думаютъ только о забавахъ, а важныя дѣла оставлены. Если можете ваше превосходительство отъ Двора этого меня избавить, то буду вамъ вѣчно благодаренъ. Богъ вѣдаетъ, что изъ этого всего выйдетъ! Король Прусскій уже дважды собственноручно писалъ сюда къ своему министру, приказывая ему меня остеречь, чтобъ я не дался въ обманъ, потому что тайно устраивается миръ; я королю Польскому объ этомъ говорилъ, но въ отвѣтъ получилъ одни нѣты. Что тогда дѣлать, если король Шведскій будетъ насъ держать въ постоянной осадѣ, и войскамъ царскимъ ни за деньги, ни безъ денегъ пропитаться будетъ нельзя? Могу ли я тогда передать ихъ другому государю?“

Въ апрѣлѣ Паткуль, въ письмѣ къ Головину, выразилъ отчаяніе въ счастливомъ исходѣ войны и угрозу покинуть царскую службу, приправивъ все это упреками въ дурномъ веденіи дѣла со стороны Петра, который не послушался его и соединилъ ранѣе свои войска съ королевскими: „Вѣдомости отовсюду приходятъ, что Шведскій король въ нынѣшнемъ году будетъ имѣть больше 40,000 войска въ Польшѣ, и еслибъ въ прошломъ году не пренебрегли соединеніемъ войскъ, то въ нынѣшнемъ году мы бы могли имѣть опредѣленный воинскій походъ; а теперь мы посмотримъ, что изъ этого будетъ, и кто исправитъ тѣ ошибки, которыя дадутъ себя чувствовать при окончаніи войны. Я исполняю свое дѣло какъ добрый человѣкъ, и пишу все это для того, чтобы вина не пала и на меня, когда игра будетъ испорчена, чего я очень боюсь, ибо дѣло дѣлаютъ не такъ, какъ слѣдуетъ. Паткуль имѣетъ въ мысляхъ выйти вонъ изъ этихъ танцевъ и оставить честь другимъ, которые могутъ лучше его дѣлать, особенно когда при всѣхъ своихъ тяжкихъ трудахъ онъ получаетъ вмѣсто благодарности вонь. Напоминаю, что Шведовъ надобно въ Курляндіи разорять безо всякаго замедленія. Стыдъ передъ цѣлымъ свѣтомъ, что царское войско въ нынѣшнюю зиму ничего не сдѣлало, и если впередъ будутъ поступать такъ же, заботиться только о многочисленныхъ, а не объ устроенныхъ войскахъ, упускать удобное время и во всемъ опаздывать, то увидятъ печальное окончаніе этой комедіи, и всякому надобно будетъ заботиться о себѣ. Паткуль проситъ

---

1) Кабинетъ, II, кн. № 4.

о своемъ разсчетѣ, и послѣ ни о чемъ уже болѣе просить не будетъ,—это послѣднее его желаніе". Причина раздраженія вскрывается въ концѣ письма: „Ваше превосходительство пишетъ, что царское величество приказалъ капитановъ и ротныхъ офицеровъ изъ Русскихъ только употреблять, потому что русскіе офицеры у васъ свое дѣло очень хорошо исполняютъ, и что фельдмаршалъ Огильви нашелъ Русскихъ вовсе не хуже Нѣмцевъ. Я сказалъ объ этомъ королю, который совершенно другого мнѣнія". Передъ самою отсылкою письма Паткуль былъ опять страшно раздраженъ; король велѣлъ его спросить, для чего онъ доноситъ царю, что онъ, король, кромѣ забавъ, ничѣмъ не занимается. Паткуль отвѣчалъ, что, какъ добрый человѣкъ, не можетъ запереться. Въ письмѣ къ Головину Паткуль жалуется на князя Григорія Долгорукаго, который, по его мнѣнію, изъ соперничества разгласилъ то, что Паткуль писалъ ему посекрету. „Я не хочу имѣть съ Долгорукимъ больше никакого дѣла, и не извольте поручать мнѣ съ нимъ вмѣстѣ ничего", писалъ Паткуль.

Въ началѣ августа Паткуль опять сталъ писать о переводѣ русскаго вспомогательнаго отряда въ австрійскую службу въ случаѣ крайности, если никакъ нельзя будетъ вырваться изъ Саксоніи. Тутъ же Паткуль давалъ знать о какомъ-то чудѣ, вслѣдствіе котораго русское войско, находившееся въ такомъ жалкомъ состояніи, вдругъ преобразилось въ отличное. Долгорукій въ письмѣ къ Головину, объяснилъ это чудо: „Писалъ ко мнѣ князь Дмитрій Голицынъ, что солдаты московскіе великую нужду въ Саксоніи терпятъ, а паче офицеры жалованья не имѣютъ, а которое и дано было солдатамъ, Паткуль давать имъ не велѣлъ, а приказалъ на тѣ деньги покупать имъ рубахи, галстуки, рукавицы, башмаки, чулки, а покупаютъ иноземцы цѣною дорогою; и, живучи онъ, князь Димитрій, никакого себѣ пріятеля по се время въ Дрезденѣ не имѣетъ, и что будто Саксонцы къ нашей сторонѣ мало склонны и будто съ московскими офицеры гнушаются съ одного блюда ѣсть".—„Король, писалъ Паткуль въ концѣ сентября, отнюдь не хочетъ позволить, чтобъ вспомогательныя русскія войска въ службу другого государя пошли; король ими чрезвычайно доволенъ, никто ихъ не узнаетъ и не повѣритъ, чтобъ это было то самое войско, которое въ прошломъ году сюда пришло. Но въ деньгахъ большая скудость". Въ октябрѣ Паткуль написалъ рѣшительно: „Дайте мнѣ окончательную резолюцію, что дѣлать съ вспомогательными войсками, потому что безъ денегъ имъ жить невозможно. Если мнѣ дастся знать, что денегъ къ нимъ прислано не будетъ, то я имъ это объявлю и тотчасъ ихъ распущу; могутъ они въ Божіе имя разбѣжаться; что изъ этого выйдетъ,—царское величество увидитъ; извѣстно, что тогда эти бѣдные люди принуждены будутъ доставать себѣ пропитаніе грабежемъ и разбоями и наполнять собою висѣлицы и колеса къ безчестію Русскаго народа. Вы пишете, что весною перевели сюда по векселю 40,000 ефимковъ, но до насъ дошло только 33,000; между тѣмъ я до сихъ поръ промышлялъ платья, оружіе, припасы и ежедневное пропитаніе людей на мой кредитъ, но уже больше дѣлать этого не могу, не хочу потерять кредитъ и честь, обанкрутиться, будучи царскимъ министромъ и генераломъ".

Въ слѣдующемъ письмѣ Паткуль далъ знать, что Августъ II на дняхъ отправляется на свиданіе съ царемъ, и потому просилъ его съѣхаться съ нѣкоторыми изъ его вѣрныхъ совѣтниковъ и написать, чего королю домогаться у царя и какимъ образомъ надобно будетъ продолжать войну. Паткуль написалъ пункты по соглашенію съ королевскими министрами, но далъ знать Головину, что сдѣлалъ это неискренно, принужденный съ волками выть по-волчьи. „Я уже открылъ вашему превосходительству, писалъ Паткуль, какія причины я имѣю остерегаться, потому что я здѣсь въ когтяхъ злыхъ людей; меня отравятъ или изведутъ какимъ-нибудь другимъ способомъ, если провѣдаютъ, что я неискренно потакаю ихъ планамъ. Поэтому я принужденъ выть съ этими волками; но напоминаю вамъ, чтобъ вы особенно не полагались на артикулы: 1) о порабощеніи королевства Польскаго; 2) о политикѣ съ Пруссіею; 3) о намѣреніи относительно Данцига; 4) о продолженіи войны. Не вѣрьте, хотя бы вамъ показывали и собственноручное мое писаніе. Все это химеры людей, у которыхъ въ рукахъ дѣло Польскаго короля; самъ король втайнѣ не согласенъ съ ними; но я принужденъ ихъ ласкать и соглашаться на ихъ безумныя мнѣнія, потому что чрезъ нихъ все провѣдываю. Король Польскій прежде сильно добивался самодержавія въ Польшѣ, но теперь отъ этого отсталъ, потому что война его умягчила, и онъ былъ бы очень радъ съ честію отъ нея освободиться и быть въ покоѣ; теперь онъ видитъ также, какъ дурно ему совѣтовали ссориться съ Прусскимъ Дворомъ, и онъ теперь много далъ бы, чтобъ ему мало-по-малу можно было войти съ нимъ въ дружбу. Напоминаю, что царское величество больше всего долженъ заботиться объ истинной дружбѣ съ королемъ Прусскимъ, ибо если мы съ нимъ дружбу потеряемъ, то все пропадетъ, и вамъ не слѣдуетъ удивляться, что я этотъ Дворъ такъ ласкаю" [1].

Петръ поручилъ Паткулю съѣздить въ Берлинъ и скрѣпить дружбу Россіи съ тамошнимъ Дворомъ. Въ инструкціи говорилось: „Объявить, что Паткуль имѣетъ полную мочь постановить договоръ, по которому Прусскій король принялъ бы сторону Россіи и Польши и, сильнымъ посредничествомъ своимъ выхлопоталъ бы имъ благополучный и честный генеральный миръ; или если Шведъ заупрямится, то принудилъ бы его къ тому силою и угрозою воинскою. За это царское величество обѣщаетъ Прусскому королю Польскіе Пруссы (Западную

---

[1] Москов. архивъ Мин. Ин. Д., дѣла Польскія 1705 г.

Пруссію), сколько ему ихъ будетъ потребно, а короля Польскаго къ уступкѣ ихъ уговоритъ, въ чемъ тотъ уже склонность свою явилъ. Царское величество обѣщаетъ также съ королемъ Прусскимъ заключить взаимный гарантійный трактатъ—съ своей стороны объ Ингріи и Эстляндіи, а съ прусской—о Польскихъ Пруссахъ—противъ всѣхъ наступателей и непріятелей. Если король Прусскій объявитъ, какъ писалъ къ намъ посланникъ его Кейзерлингъ, что Шведъ обѣщалъ ему больше прибыли, то обнадеживать его, что царское величество по мѣрѣ возможности его пользы искать будетъ, и вовсе ему въ томъ не отказывать. Если же король Прусскій не можетъ или не захочетъ вступить въ такой договоръ, то по нуждѣ изволь домогаться, чтобъ хотя нейтральный трактатъ заключить“ ¹).

Паткуль поѣхалъ въ Берлинъ, и, возвратившись оттуда, писалъ Головину въ ноябрѣ, что король Прусскій хочетъ жить и умереть въ вѣрной дружбѣ съ царемъ и готовъ служить ему всюду, у Шведовъ и союзниковъ. Прусскіе министры горько жаловались, что въ прошломъ году не состоялось соглашеніе единственно по зависти и ненависти короля Польскаго, который думаетъ только объ одномъ, какъ бы покончить войну съ честію или безчестіемъ, и потомъ дѣйствовать противъ короля Прусскаго. „Злоба въ Пруссіи противъ короля Польскаго страшная, писалъ Паткуль; король и совѣтники его имѣютъ главнымъ правиломъ, что ни одинъ человѣкъ на свѣтѣ не можетъ вѣрить королю Польскому, который отъ своихъ людей и отъ всѣхъ потентатовъ считается фальшивымъ человѣкомъ. Я прилагалъ всѣ труды къ искорененію этого мнѣнія, но напрасно, и боюсь дурныхъ послѣдствій отъ такого расположенія Берлинскаго Двора. Прусскіе министры дали мнѣ ясно знать, что они склонны признать Польскимъ королемъ Станислава Лещинскаго, и хотѣли отъ меня провѣдать, какъ царское величество на это посмотритъ. Я объявилъ, что не имѣю указа говорить объ этомъ, но думаю, что это сильно потревожитъ царское величество. Когда я сказалъ, что все пошло бы прекрасно, еслибъ три державы—Россія, Польша и Пруссія—вступили въ тѣсный союзъ, то они отвѣчали: какъ можно съ королемъ Августомъ предпринять что-нибудь путное! Кромѣ того, что этотъ государь по природѣ непостояненъ, лживъ и скрытенъ,—всѣ его министры полушки не стоятъ; кто изъ нихъ не плутъ, тотъ ничего не знаетъ; какъ бы честно союзникъ съ ними ни поступалъ, въ концѣ непремѣнно будетъ обманутъ. Курфиршество Саксонское такъ дурно управляется, что въ короткое время подвергнется крайнему разоренію, и король Августъ неспособенъ оказать помощь своимъ союзникамъ; всѣ Дворы европейскіе имъ гнушаются, никто съ нимъ никакого дѣла имѣть не хочетъ, а потому онъ всѣми оставленъ.—Видя такую ненависть къ Польскому королю, продолжаетъ Паткуль, я принужденъ былъ обѣщать, что король Августъ, по настоянію царскаго величества, всѣхъ злыхъ совѣтниковъ своихъ отставитъ и короля Прусскаго во всемъ удовлетворитъ. На этомъ основаніи все примирено. Но не знаю, какъ я сдержу свое слово, развѣ царское величество приведетъ къ тому короля Польскаго; если же этого не сдѣлается, и король Польскій съ Прусскимъ опять поссорятся, то не знаю что̀ тутъ дѣлать, и пусть тогда дѣло идетъ какъ хочетъ“.

Паткуль слылъ между современниками за очень умнаго человѣка. Если это на самомъ дѣлѣ было такъ; если смѣлость, хлопотливость, задоръ и самонадѣянность не принимали за дѣйствительныя способности, какъ часто бывало и бываетъ, то странно предположить, что Паткуль до такой степени не понималъ прусской политики, не понималъ, что Пруссія никогда не могла согласиться на усиленіе Саксоніи, никогда не могла согласиться на дѣятельный союзъ съ царемъ, когда царь не смылъ еще съ себя пятно Нарвскаго пораженія и потому считался ненадежнымъ союзникомъ; Польскіе Пруссы—желанная добыча; но чтобъ получить ее, нужно было побѣдить непобѣдимаго Шведскаго короля! Вмѣсто того, чтобъ понять такія естественныя, простыя отношенія, и уяснить ихъ Русскому правительству, Паткуль внушаетъ послѣднему, что все препятствіе къ Прусскому союзу заключается въ нерасположеніи Прусскаго короля къ Саксонскому, и для уничтоженія этого нерасположенія онъ, Паткуль, обѣщалъ, что царь заставитъ короля Августа прогнать всѣхъ злыхъ своихъ совѣтниковъ: смыслъ письма былъ таковъ: „Или принудить Августа оставить всѣхъ своихъ министровъ, или прусскаго союза вамъ не видать, и дѣлайте какъ сами знаете, я умываю руки“. Такимъ образомъ, сильное желаніе царя заключить союзъ съ Пруссіею Паткуль хотѣлъ употребить какъ средство для сверженія саксонскихъ министровъ, своихъ непримиримыхъ враговъ. Но, быть можетъ, онъ былъ увѣренъ, что этимъ онъ проложитъ путь и къ Прусскому союзу? Если онъ былъ въ этомъ увѣренъ, то современники сильно ошибались насчетъ его способностей.

Во всякомъ случаѣ, Паткуль поворачивалъ круто, и враги его поворотили такъ же круто, дѣйствуя по инстинкту самосохраненія. Ненависть саксонскихъ министровъ къ Паткулю достигла высшей степени; недоставало только предлога отдѣлаться отъ него; предлогъ представился въ передачѣ Паткулемъ русскихъ войскъ въ австрійскую службу. Мы уже видѣли, что Паткуль представлялъ Русскому Двору необходимость этой передачи, и наконецъ Головинъ отписалъ ему 3 октября 1705 года: „Если послѣ всѣхъ вашихъ усилій вывести русскія войска изъ Саксоніи окажется невозможнымъ, отъ чего Боже сохрани, въ такой крайней нуждѣ предоставьте ихъ Цесарю на возможно выгодныхъ условіяхъ, но съ тѣмъ, чтобы безъ воли царскаго величества они не были удержаны Цесаремъ долѣе одной кампаніи; возвратиться же легко могутъ чрезъ Венгрію“.

---

¹) Москов. арх. Мин. Ин. Д., дѣла Прусскія 1705 г.

Не говоря ни слова о переводѣ въ австрійскую службу, Паткуль, чтобъ снять съ себя отвѣтственность, 8 ноября предложилъ князю Голицыну и всѣмъ начальнымъ людямъ въ русскомъ войскѣ слѣдующее: „Такъ какъ его царское величество неоднократно повелѣвалъ указами войско все изъ Саксоніи вывести въ Польшу, то предлагается на генеральный судъ: 1) Какимъ путемъ идти, чрезъ Бранденбургскую ли Землю и Великую Польшу, или чрезъ Цесарскую къ Кракову; 2) откуда взять продовольствіе во время похода; 3) который путь безопаснѣе, чтобъ не попасться въ полонъ; 4) можно ли идти безъ конницы и откуда ее взять; 5) не сыщется ли кто, чтобъ указать лучшій и безопаснѣйшій путь въ Польшу.—Тому дано будетъ тотчасъ 1,000 червонныхъ и обѣщается повышеніе въ чинѣ“. Въ отвѣтѣ князя Голицына высказалось оскорбленное чувство человѣка, которымъ до сихъ поръ пренебрегали, а теперь, въ крайности, чтобъ сложить съ себя отвѣтственность, спрашиваютъ совѣта. Голицынъ отвѣчалъ: „На 1-е совѣта дать не могу,—дадутъ ли позволеніе и можно ли пройти? что требуетъ двухъ степеней, генеральской и министерской, которыя обѣ вручены отъ царскаго величества вашей вѣрности; на 2-е: есть указъ царскаго величества, что, по договорнымъ статьямъ, войска должны кормить королевскіе коммисары; если путь будетъ свободенъ, солдаты могутъ взять провіанта у коммисаровъ и на себѣ нести; на 3-е—ссылаюсь на 1-й пунктъ; на 4-е—по договору должны провожать конные саксонскіе полки; на 5-е—не отвѣтствую для того, понеже не есть моя повинность въ такихъ дѣлахъ совѣтовать за деньги“. Всѣ начальные войсковые люди объявили, что полкамъ пройти въ Польшу невозможно.

Чрезъ нѣсколько дней Паткуль снова предложилъ на генеральный судъ: 1) удобны ли настоящія квартиры; 2) есть ли у князя Голицына казна на пищу и одежду для войска. Тутъ же объявлено было повелѣніе государя: если пройти въ Польшу нельзя, то отдать войска на службу другому государю. Отвѣтъ на оба вопроса былъ отрицательный и изъявлена готовность идти всюду для исполненія указа государева. 15 декабря Паткуль заключилъ съ императорскимъ посломъ въ Дрезденѣ договоръ, по которому русское войско передавалось въ австрійскую службу на одинъ годъ для опыта; употреблять его на Рейнѣ и въ Нидерландахъ, и только въ крайнемъ случаѣ въ Италіи.

Тайный совѣтъ, управлявшій Саксоніею въ отсутствіе короля, не соглашался на эту передачу; Паткуль не соглашался отмѣнить ее; министры нашли, по ихъ мнѣнію, самое вѣрное средство прекратить вредную дѣятельность Паткуля: 19 декабря онъ былъ арестованъ и отвезенъ въ крѣпость Зонненштейнъ. Князь Дм. Мих. Голицынъ подалъ немедленно сильный протестъ. Вопіющимъ образомъ нарушено было народное право; но развѣ оно не было нарушено, когда, по совѣту Паткуля, схватили Собѣскихъ въ чужихъ владѣніяхъ? И что-жъ за это было?—ничего. Разсчетъ на безнаказанность былъ вѣренъ и въ дѣлѣ Паткуля: царь, разумѣется, будетъ протестовать, будетъ требовать выдачи Путкуля, но изъ-за него не разсорится съ королемъ, своимъ единственнымъ и необходимымъ союзникомъ; а если разсорится—тѣмъ лучше: скорѣе будетъ заключенъ желанный для Саксоніи миръ съ Швеціею. Къ царю отправился королевскій камергеръ Шенбекъ, который долженъ былъ: обстоятельно описать наглость всѣхъ дѣйствій Паткуля и королевское долготерпѣніе; описать, какъ Паткуль не только въ домашнія дѣла королевскія вмѣшивался, но и со всѣми министрами ссорился, а нѣкоторыхъ офицеровъ такъ безчестилъ словами, что еслибъ тѣ не щадили его посольскаго характера, то дѣло могло дойти до самыхъ печальныхъ крайностей, какъ наприм. съ графомъ Денгофомъ и генераломъ Шуленбургомъ. При чужихъ Дворахъ и ихъ министрахъ и въ партикулярныхъ мѣстахъ порицалъ королевскіе поступки и явно приказывалъ выдавать пасквили, что должно быть всему свѣту извѣстно. Явно хвалился, что король въ собственноручныхъ письмахъ къ нему обѣщаетъ исполнить всѣ его требованія. Безъ вѣдома и воли королевскаго и царскаго величества, по своенравію или изъ частныхъ выгодъ, перевелъ вспомогательныя московскія войска въ цесарскую службу, несмотря на то, что старались всячески его утолить и всякія обѣщанія давали; а прежде только и проповѣдывалъ, что о походѣ въ Польшу и соединеніи съ главнымъ царскимъ войскомъ,—самъ подписалъ рѣшеніе объ этомъ военнаго совѣта. Для чего же онъ въ такое короткое время отступилъ отъ всѣхъ своихъ прежнихъ совѣтовъ и мнѣній и пришелъ къ пагубной мысли ослабить войска въ Саксоніи и вступленіе въ Польшу сдѣлать невозможнымъ? Для предупрежденія дальнѣйшаго зла, для охраненія нашего общаго благосостоянія, для прекращенія опасныхъ замысловъ Паткуля принуждены были арестовать Паткуля впредь до будущаго рѣшенія царскаго величества. Легко могло бы случиться, если бы Саксонцы стали Москвичей отъ похода удерживать, а Москвичи, по приказу генерала Паткуля, захотѣли пробиться силою, то дѣло дошло бы до битвы, позорной въ глазахъ непріятельскихъ и дружескихъ; чтобъ Паткуль не успѣлъ выдать приказа къ походу,—единственное средство было овладѣть его особою, причемъ Паткуль арестованъ не какъ царскій посолъ, но какъ генералъ, находящійся подъ фельдмаршальскою командою.

Петръ не былъ удовлетворенъ объясненіями Шенбека; въ его убѣжденіи, поступокъ съ Паткулемъ былъ поступокъ „зѣло жестокій, противъ всѣхъ правъ учиненный.“ Головинъ писалъ ему: „Каковы, государь, я письма получилъ отъ Паткуля, изъ-за аресту тайно писанныя къ тебѣ и ко мнѣ, въ которыхъ пишетъ, оправдая себя, что будто то по указу учинилъ, и проситъ освобожденія изъ-за аресту себѣ, съ тѣхъ списки для донесенія вашему величеству послалъ я къ Гаврилѣ Ивановичу (Головкину), понеже у него со всего дѣла о заарестованіи его, Паткулевѣ, списки обрѣтаются; и, выписавъ подлинно изъ посланныхъ къ нему указовъ о перепускѣ войскъ, отмѣтилъ на полѣ;—изъ того изволите яснѣе увидѣть, что онъ то учинилъ весьма противно вашего величества указу; однакожъ изволишь, государь, приказать кому говорить о немъ, чтобъ его изъ-за аресту свободить и привести къ тебѣ, и тогда онъ какое можетъ оправданіе о себѣ показать, въ чемъ буди воля твоя“[1]). Воля Петра именно состояла въ томъ, чтобъ постоянно требовать присылки Паткуля въ Россію для изслѣдованія дѣла; но Паткуля не прислали. Разсчетъ саксонскихъ министровъ былъ вѣренъ: царь долженъ былъ ограничиться одними протестами, особенно когда Карлъ XII обратился противъ русскаго войска.

Въ то время, когда Петръ занималъ Курляндію и сосредоточивалъ свое войско въ Гродно, Карлъ XII стоялъ около Варшавы, гдѣ короновался его Польскій король, Станиславъ. Пришла осень; Карлъ не двигался; король Августъ пріѣхалъ въ Гродно къ Петру; царь, поруча ему свое войско, при которомъ были фельдмаршалъ Огильви и Меншиковъ, какъ генералъ надъ кавалеріею, уѣхалъ въ Москву. Но вдругъ, въ концѣ декабря, сказанъ былъ Шведамъ зимній походъ; въ жестокіе морозы Карлъ спѣшилъ въ Гродно. Туда же, въ январѣ 1706 года, спѣшилъ изъ Москвы больной Петръ, встревоженный извѣстіемъ о походѣ врага, огорченный тѣмъ, что долженъ былъ оторваться отъ финансовыхъ и другихъ нужныхъ распоряженій въ Москвѣ, гдѣ, по его словамъ, было „все добро, трудились во всѣхъ дѣлахъ какъ возможно“ [2]). Вѣрный своему основному плану — бить Шведовъ по частямъ, для школы Русскимъ, и не давать ни подъ какимъ видомъ генеральнаго сраженія, Петръ, выѣзжая изъ Москвы, писалъ Меншикову, что всего лучше войску выйти изъ Гродна къ своимъ границамъ, чтобъ не быть окружену шведскими войсками, если съ Карломъ соединятся съ одной стороны генералъ его Реншельдъ, изъ Польши, а съ другой Левенгауптъ—изъ Лифляндіи: „Тогда мы“, писалъ Петръ, „отъ единой нужды (въ продовольствіи) принуждены будемъ исчезнуть; того для лучше здоровое отступленіе, нежели отчаемое и безъизвѣстное ожиданіе; того ради совѣтую, чтобъ заранѣе, не допуская непріятеля, уступить; такожъ и митавское войско, по подорваніи замковъ обоихъ, къ себѣ привлечь; надлежитъ же и то смотрѣть, чтобъ магазейны всѣ, изъ которыхъ уступать будутъ, сжечь, дабы непріятелю не достались. Того смотрѣть, чтобъ непріятеля отнюдь не допустить зайтить сзади себя. Буде же изволите пожалѣть пушекъ большихъ (которыхъ ни пятнадцати нѣтъ), и затѣмъ для Бога не раздумывайте, мочно ихъ въ Нѣманъ кинуть; а потомъ полковыя лошади есть, ибо лучше о цѣлости всего войска (заботиться), въ чемъ по Богѣ все состоитъ, нежели о семъ маломъ убыткѣ“. Меншиковъ, по письму Петра, долженъ былъ выѣхать къ нему навстрѣчу [3]).

Между тѣмъ, 9 января въ Гроднѣ держали тайный военный совѣтъ, на которомъ предложены были три вопроса: 1) идти ли на встрѣчу непріятелю и напасть на него прежде, чѣмъ онъ соединится съ Реншельдомъ; 2) или ожидать непріятеля въ укрѣпленіяхъ въ Гроднѣ и крѣпко защищаться; 3) или отступить и куда. Два иностранные генерала русской службы обьявили, что нельзя ни идти навстрѣчу къ непріятелю, ни дожидаться его въ Гроднѣ, а надобно отступить къ Полоцку; Репнинъ и Меншиковъ отвѣчали, что если король не соединится съ Реншельдомъ, то дожидаться его въ Гроднѣ; если же соединится, то отступить къ Полоцку. Фельдмаршалъ Огильви былъ того мнѣнія, что во всякомъ случаѣ надобно оставаться въ Гроднѣ; ибо защищаться можно до тѣхъ поръ, пока саксонская армія зайдетъ въ тылъ непріятелю; отступленіе же къ Полоцку опасно, вредно и постыдно, ибо надобно будетъ пожертвовать артиллеріею, а по суровости погоды — и людьми, и, кромѣ того, отступленіе произведетъ всюду очень неблагопріятное нравственное впечатлѣніе. Такимъ образомъ, двое генераловъ были за безусловное отступленіе, двое — за условное; фельдмаршалъ хотѣлъ оставаться во всякомъ случаѣ; король рѣшилъ—отправить протоколъ совѣта къ царю для немедленнаго и прямого рѣшенія. При отсылкѣ протокола, Меншиковъ писалъ царю, что только мнѣніе двоихъ генераловъ изъ иностранцевъ, мнѣніе, которое поддерживали еще двое польскихъ вельможъ, находившихся при королѣ, сдержало Огильви, иначе онъ чуть-чуть не рѣшилъ выступить войску въ глубь Польши для соединенія съ саксонскими войсками. „Фельдмаршалъ стороны саксонской, писалъ Меншиковъ; не изволь, государь, его писемъ много разсуждать и онымъ подлинно вѣрить. Для Бога, не изволь ни о чемъ сомнѣваться: все у насъ управно; только желаемъ васъ здѣсь видѣть“ [4]).

Но, вмѣсто Петра, 13 января явился у Гродна Карлъ, совершившій переходъ отъ Вислы до Нѣмана съ необыкновенною быстротою; 14 онъ перешелъ Нѣманъ, прогнавши русскихъ драгунъ, хотѣвшихъ-было мѣшать переправѣ; 15 числа Шведы подступили къ Гродну, вызывая Русскихъ на бой; но тѣ не приняли вызова, ожидая приступа. Карлъ, не имѣя никакой надежды на удачный приступъ, началъ отступать отъ Гродна все на дальнѣйшее разстояніе, побуждаемый къ тому недостаткомъ въ съѣстныхъ припасахъ, и окончательно сталъ въ Желудкѣ, въ 70 верстахъ отъ Гродна, довольствуясь разсылкою сильныхъ партій, чтобъ не пропускать съѣстныхъ припасовъ къ русскому войску. Такимъ образомъ, это войско было отрѣзано отъ своихъ границъ, а главное—нуждалось въ провіантѣ. Король Августъ, взявши четыре русскихъ драгунскихъ полка, ушелъ къ Варшавѣ, обѣщая дать скорую помощь Огильви; Меншиковъ, исполняя приказаніе царя, еще прежде выѣхалъ изъ Гродна и встрѣтилъ Петра въ Дубровнѣ. Узнавши, что Шведы уже подъ Гродно и проѣхать туда нельзя, царь возвратился въ Смоленскъ въ самомъ печальномъ состояніи духа, ибо не было никакихъ извѣстій, что дѣлается въ Гроднѣ. Приказывая Головину, оставленному въ Москвѣ, распоряжаться самому насчетъ Низовыхъ дѣлъ (Астраханскаго бунта), Петръ писалъ: „Письма Шереметева посылаю до васъ,—извольте учинить по разсмотрѣнію, также и впредь извольте вы его дѣла дѣлать (для которыхъ я васъ въ Москвѣ и оставилъ), ибо мнѣ, будучи въ семъ адѣ, не точію довольно, но, ей, и чрезъ мочь мою сей горести. Мы за безчастьемъ своимъ не могли проѣхать къ войску въ Гродню“ [1]. Въ Гродно Петръ написалъ оставшемуся тамъ русскому генералу, князю Репнину: „Зѣло удивляемся, что по ся поры отъ васъ жадной (никакой) вѣдомости нѣтъ, что намъ зѣло печально; также объявляемъ, ежели конечно надѣяться можно и совершенную подлинную вѣдомость о приближеніи саксонскихъ войскъ имѣете, къ тому же провіанту мѣсяца на три имѣете и конскій кормъ (хотя съ небольшою и нуждою), то будьте у Гродни; буде же о приближеніи саксонскихъ войскъ вѣрнаго извѣстія нѣтъ, а обнадеживаютъ польскою правдою, то хотя и Реншильда не чаять, и довольства въ провіантахъ и кормахъ конскихъ есть, отступить къ русской границѣ, всеконечно не упуская времени, куды удобнѣе и безопаснѣе; и сіе учинить конечно и объявить о томъ всѣмъ генераламъ, начеши отъ фельдмаршала [2]; ибо непріятель уже почитай что отрѣзалъ войско наше отъ границъ, когда идетъ къ Вильнѣ, и потому въ Гроднѣ ждать нечего, ежели вѣрной вѣдомости о Саксонцахъ нѣтъ, какъ выше объявлено; однакоже все сіе покладаю на ваше тамошнее разсужденіе, ибо намъ, такъ далеко будучимъ, невозможно указъ давать, понеже пока опишемся, уже время у васъ пройдетъ; но что къ лучшему безопасенію и пользѣ, то и чините со всякою осторожностію. Такожъ не забывайте словъ господина моего товарища (т.-е. Меншикова), который приказывалъ [3] вамъ при отъѣздѣ своемъ, чтобъ вы больше цѣлость войска хранили, неже на иныхъ [4] смотрѣли. О пушкахъ тяжелыхъ не размышляйте; ежели за ними трудно отойтитить будетъ, то оныхъ, разорвавъ, въ Нѣмень бросить“ [5].

---

[1]) Москов. архивъ Мин. Ин. Дѣлъ, дѣла Меншикова. Тамъ же приказныя дѣла новыхъ лѣтъ, годъ 1706; письмо Головина отъ 20 февраля.

[2]) Москов. архивъ Мин. Ин. Д., письмо къ Меншикову отъ 13 января.

[3]) Москов. архивъ Мин. Ин. Д., письмо отъ 12 января.

[4]) Кабинетъ II, кн. № 5.

Наконецъ въ февралѣ, когда Петръ переѣхалъ въ Оршу, получено письмо отъ Огильви. Фельдмаршалъ писалъ, что прочелъ царское письмо къ Репнину [6], но не можетъ вывести войско, потому что рѣки еще подъ льдомъ, и непріятель осилитъ конницею; также надобно будетъ пожертвовать артиллеріею и саксонскими войсками, которыя уже въ походѣ, и потому онъ, Огильви, рѣшился остаться въ Гроднѣ до лѣта и ожидать или большаго удаленія непріятельскаго, или прибытія саксонскихъ войскъ. Огильви въ своемъ письмѣ не пощадилъ Меншикова: „Не знаю“, писалъ онъ, „какъ могутъ оправдаться предъ вашимъ величествомъ и предъ честными людьми тѣ, которые меня здѣсь покинули безъ денегъ, безъ магазиновъ, безъ артиллерійскихъ и полковыхъ лошадей, замутили всѣмъ войскомъ, и, какъ скоро непріятель пришелъ, убѣжали, не сказавъ мнѣ ни слова“. Огильви жаловался на дурное состояніе войска, на непослушаніе князей Репнина и Ромодановскаго, на распоряженія Меншикова помимо его, фельдмаршала [7].

Письмо не могло понравиться; а тутъ еще были получены письма Репнина къ Меншикову, гдѣ говорилось, что фельдмаршалъ доноситъ несправедливо о состояніи войска; что Огильви въ постоянной перепискѣ съ королемъ Августомъ, но о чемъ и идетъ у нихъ дѣло, —никто не знаетъ; что носится слухъ о походѣ изъ Гродна къ Варшавѣ [8]. Петръ отвѣчалъ Репнину: „Какъ слышимъ, что иттить къ Варшавѣ - весьма не надобно, и отнюдь того не дѣлать; такожъ ежели о Саксонцахъ такой подлинной вѣдомости не получите (при принятіи сего письма), что оные конечно Вислу перешли и идутъ къ вамъ, а непріятель отъ васъ тѣмъ часомъ ежели отдалится такъ, что вамъ возможно будетъ безъ всякаго труда отойтить, тогда для Бога, не мѣшкавъ, подите къ рубежамъ, куда удобнѣе; такожъ буде не далеко ушли тѣ четыре полка, которые съ королемъ пошли, взять съ собою же, буде возможно; артиллерію, тяжелыя пушки, ежели везть невозможно, то, разорвавъ, бросить въ воду. Буде же о Саксонцахъ получите подлинную вѣдомость, а провіанта можете доставать, и надѣетесь, что до весны или приближенія саксонскаго станетъ онаго, то будьте въ Гроднѣ. О! зѣло намъ печально, что мы не могли къ вамъ доѣхать, и въ какой мысли нынѣ мы есть, то Богу одному извѣстно“. То же самое написалъ Петръ и Огильви; начало письма замѣчательно: „Мы съ немалою прискорбностью отъ васъ письма выразумѣли, въ которыхъ такія необъятыя тягости наваливаете, сами-жъ единою бумагою и перомъ щититесь, и во всемъ насъ винныхъ творите, что мы не по вашей волѣ чинили, и не точію настоящее, но прошедшее паки повторяете и вмѣсто веселости тугу прилагаете; однакожъ, все сіе презирая, прошу, чтобъ вы по сему учинили, за которое я вамъ буду надмѣру благодаренъ, и когда прибуду къ вамъ, такъ учиню, что вы никогда жаловаться не будете". Тогда же Петръ написалъ Августу: „Ни о чемъ иномъ, точію о семъ просимъ, дабы ваше величество не изволили нашихъ въ семъ опасномъ случаѣ оставить, но какъ скорѣе съ войскомъ приблизиться, наче же провіантомъ какъ возможно скорѣе удоволить, что вашему величеству не трудно учинить, будучи нынѣ свободной стороны, гдѣ непріятель прешкодить (нанесть вреда) не можетъ. Ежели при семъ маломъ провіантѣ какое зло сему нашему главному войску случится, то уже нечего вашему величеству съ нашей стороны уповать". Августъ оправдывался, что выѣхалъ изъ Гродна для того, чтобъ придвинуть войско свое къ этому городу, и выѣхалъ уже тогда, когда непріятель отступилъ. Петръ отвѣчалъ: „За сіе благодарствуемъ; однакожъ не безъ сомнѣнія, дондеже дѣломъ сіе исполнится". Августъ представлялъ, что нельзя этою зимою опасаться вторженія непріятеля въ Московское государство, и просилъ поспѣшить присылкою субсидій, безъ которыхъ ему ничего нельзя будетъ сдѣлать. Петръ отвѣчалъ: „Про непріятеля подлинно вѣдать невозможно; но то вѣдомо, что уже онъ нашихъ отрѣзалъ отъ нашихъ границъ. Ожидаемъ со стороны его величества о войскахъ подлиннаго слышать о сикурсѣ нашемъ, въ чемъ его величество или вѣчно разоритъ, или обяжетъ насъ" 1).

---

[1] Голиковъ, дополненія, т. VII, стр. 119.

[2] Вотъ доказательство, что это письмо къ Репнину, а не къ Огильви.

[3] Меншиковъ не могъ приказывать Огильви.

[4] Т.-е. на Огильви; а Огильви не на кого было смотрѣть.

[5] Голикова—Дѣянія X, стр. 318.

[6] Рѣшительное доказательство, что приведенное письмо Петра было къ Репнину, а къ Огильви было написано то, которое помѣщено у Голикова X, № 312.

[7] Кабинетъ II, кн. № 5.

[8] Кабинетъ II, кн. № 5.

Чтобъ дать гродненскому войску сикурсъ повѣрнѣе саксонскаго, Петръ велѣлъ гетману Мазепѣ двинуться изъ Волыни къ Минску, и писалъ къ Репнину 17 февраля: „Гетманъ въ скорыхъ числахъ будетъ къ Минску; станемъ мы также въ три или четыре дни въ Минскѣ; казаковъ нѣсколько тысячъ уже въ Брестѣ, и для того зѣло потребно, чтобъ провіантъ изъ Бреста чрезъ казаковъ привезть къ вамъ, для чего пошлите и отъ себя, и о семъ для Бога трудитесь, и если возможете до половины марта провіанта, то лучше вамъ быть у Гродни; ибо мы, съ помощію Божіею, надѣемся вскорѣ, случась съ гетманомъ, вамъ добрый отвѣтъ дать. Съ восемь тысячъ имѣемъ старыхъ солдатъ, кромѣ рекрутъ, а съ рекрутами болѣе пятнадцати, кромѣ курляндскихъ" 2). Къ Огильвки написалъ: „Слышимъ о великой у васъ скудости провіанта; гетманскіе казаки уже давно въ Брестѣ, и для чего оттоль не велите провіанта привезть,—не знаю. Для самого Бога сіе какъ наискорѣе учините, чтобъ людей въ довольствѣ содержать, которое паче многихъ добрыхъ дѣлъ вамъ почтено будетъ, и я зѣло буду за оное благодарить вамъ" 3).

„Рубежи наши зѣло голы, а наипаче всего конницею":—писалъ Петръ Апраксину, и потому велѣлъ отъ Смоленска до Пскова вездѣ, гдѣ лѣса есть, зарубить рядомъ на 300 шаговъ широтою; ежели въ которомъ мѣстѣ валомъ легче, нежели лѣсомъ, тутъ не рубить, а дѣлать валъ по первой ростали. Эту линію весть, не смотря чья земля, наша или Литовская, только смотрѣть, гдѣ скорѣе, удобнѣе и легче можно сдѣлать. Гдѣ воды глубокія или болота непроходимыя, тутъ, для скоростей, не дѣлать засѣки. Дѣлать это поголовно, съ великою поспѣшностію, ближайшими уѣздами, русскими и польскими 4).

Среди этихъ распоряженій настигла страшная вѣсть, что на саксонскій сикурсъ не можетъ быть никакой надежды: въ началѣ февраля при Фрауштадтѣ саксонское двадцатитысячное войско, подъ начальствомъ Шуленбурга, было разбито въ-прахъ шведскимъ генераломъ Реншельдомъ, у котораго было не болѣе 12,000 войска; большая часть русскаго вспомогательнаго отряда, находившагося у Шуленбурга, была варварски истреблена Шведами, не хотѣвшими щадить и сдававшихся 5). Это изумительное при такой разницѣ въ числѣ людей пораженіе Петръ сначала приписалъ измѣнѣ, зная, какъ Саксонцы недовольны войною короля своего съ Шведами, и въ этомъ смыслѣ писалъ Головину 26 февраля: „Нынѣ уже явна измѣна и робость саксонская, такъ что конница, ни единаго залпу не давъ, побѣжала, пѣхота болѣе половины, киня ружья, отдалась, и только нашихъ однихъ оставили, которыхъ не чаю половины въ живыхъ; Богъ вѣсть, какую намъ печаль сія вѣдомость принесла, и только дачею денегъ бѣду себѣ купили. Симъ же случаемъ и измѣна Паткулева будетъ явна, ибо совершенно чаю, того для онъ взятъ, чтобъ сей ихъ измѣнной факціи никто не свѣдалъ. При семъ прошу васъ, чтобъ вы въ добромъ числѣ рекрутовъ Москвичей (а паче конныхъ, хотя-бъ и еще изъ людей боярскихъ по небольшому положить), и въ прочемъ трудились. Мы межъ тѣмъ будемъ стараться о выручкѣ своихъ гродненскихъ (которыя, слава Богу, еще въ довольствѣ обрѣтаются), и уже полки отсель пошли къ Минску, куда и мы завтра поѣдемъ и тамъ случимся съ гетманомъ Мазепою" 6).

Петръ поѣхалъ въ Минскъ, отправивши въ Гродно слѣдующее приказаніе: „По несчастливой баталіи саксонской уже тамъ дѣлать нечего, но дабы немедленно выходили изъ Гродни, и шли по которой дорогѣ способнѣе и гдѣ ближе лѣса; а буде вскроется Нѣманъ, то лучше, перешедъ Нѣманъ, идти на лѣвую руку, потому что непріятель чрезъ рѣку не можетъ такъ вредить, тако-жъ по той дорогѣ гетманъ и иныя наши войска съ нимъ; однако-жъ полагается то на ихъ волю, куда удобнѣе; а по которой дорогѣ пойдутъ, о томъ намъ прежде походу для вѣдома наскоро писать, дабы можно было намъ съ конницею ихъ встрѣтить, и какъ возможно курьеровъ нанимать, на что не жалѣть денегъ. Брать съ собою что возможно полковыхъ

---

1) Голикова—Дѣянія X, стр. 317, 328, 333, 337.

2) Голикова—Дѣянія X, стр. 344.

3) Голикова--Дѣянія X, стр. 346.

4) Голикова—Дѣянія X, стр. 356, 357.

5) Fryxell I, 229.

6) Голикова—Дѣянія X, стр. 368.

пушекъ и другое что нужное (въ чемъ зѣло смотрѣть, чтобъ не отяготиться, взять зѣло мало, а по нуждѣ хотя и все бросить), а достальное, а именно—артиллерію тяжелую и прочее, чего увезти будетъ невозможно, бросить въ воду, и ни на что не смотрѣть, только, какъ возможно, стараться, какъ бы людей спасти. Отошедъ изъ Гродни миль 10 или какъ случится, когда крѣпкія мѣста, а именно лѣса, начнутся, раздѣлить всю армію баталіонами или полками, какъ лучше по разсмотрѣнію, и походъ учредить разными дорогами, по которымъ разверстать все войско, чтобъ шло врознь, а не всѣмъ корпусомъ, дабы непріятель всею силою на весь корпусъ не напалъ, гдѣ можетъ свободно выиграть, нежели потерять. А когда войско наше въ розницѣ будетъ, тогда невозможно будетъ непріятелю всю армію атаковать, развѣ только на одинъ баталіонъ или полкъ нападетъ, который хотя и разорятъ, въ томъ буди воля Божія, однако-жъ не всѣ въ атакѣ будутъ; а Волоскихъ партій опасаться нечего, хотя и сильныя будутъ, только можно вѣрить, что на нашъ на одинъ баталіонъ смѣло не нападутъ. Прежде выхода изъ Гродни все (кромѣ пушекъ и пороху), яко суть пожи и прочая, зѣло тайно пометать въ воду. Сей выходъ изъ Гродни зѣло надлежитъ тайно сдѣлать такимъ образомъ: перво—поставить такой крѣпкій караулъ, чтобъ изъ жителей никто не точію выйти, ниже выползть не могъ, и въ то время, какъ возможно скоро и тайно, собраться, пушки изготовить тѣ, кои къ походу, а прочія держать на ихъ мѣстахъ (того для ежели непріятель свѣдаетъ, отъ чего Боже сохрани, и придетъ, а пушки прежде выходу брошены будутъ, то тотчасъ штормовать будетъ и вамъ борониться будетъ нечѣмъ); потомъ, когда идти, взять вдругъ всѣмъ пушки солдатамъ съ траншамента, и вдругъ, сведчи съ горы, бросить въ воду (для чего проруби надлежитъ заранѣе изготовить) и потомъ тотчасъ идти. Сей походъ надлежитъ учинить свечера и не поздно, чтобъ ночью осталось больше времени, въ которомъ бы далѣе можно идти до крѣпкихъ мѣстъ, и зѣло въ томъ тщиться, чтобъ полистыя мѣста (поля) перейти ночью. Лошадей изъ Гродни тутошнихъ жителей, кто они ни есть; тако-жъ еже и скудость провіанта - изъ монастырей и домовъ, и такожъ, въ чемъ нужда есть, взять нужное безъ крайняго разоренья, а лошадей всѣхъ. При выходѣ надлежитъ конницу позади оставить. чтобъ въ траншаментѣ и у мосту была до утрѣе (дабы непріятель не могъ помѣшать выходу), или и больше по дѣлу смотря; о полоненикахъ полагается на разсужденіе и совѣтъ воинской. Все чинить по сему предложенію, и паче по своему разсмотрѣнію, и не смотрѣть ни на что, ни на лишеніе артиллеріи, ни остаточнаго не жалѣть, токмо людей по возможности спасать" 1).

Вслѣдъ за этимъ наказомъ Петръ еще нѣсколько разъ писалъ Огильви и Репнину, чтобъ непремѣнно выходили изъ Гродна: „Нынѣ уже ни единый видъ обрѣтается, писалъ онъ къ Репнину, чтобъ вамъ быть въ Гроднѣ, ибо предъ тѣмъ надежда была на Саксонцевъ, нынѣ же хотя-бъ и пришли, то паки побѣгутъ и васъ однихъ оставятъ; того для ни о чемъ, только о способномъ и скоромъ выходѣ думайте, несмотря на артиллерію и прочія тягости, какъ я вамъ предъ симъ пространнѣе писалъ. О выходѣ совѣтъ мой сей (однакожъ и вашей воли не снимаю, гдѣ лучше): изготовя мостъ чрезъ Немонъ, и кой часъ Немонъ вскроется, перешедъ при пловущемъ льду (для котораго льда не можетъ непріятель мосту навесть и перейтить Немонъ), и иттить по той сторонѣ Немона на Слуцкъ (которая добрая фортеція, и въ немъ добрая артиллерія и нашъ гварнизонъ и магазейнъ); однако-жъ надлежитъ при первомъ взломаніи льду походъ учинить, прежде нежели малыя рѣчки пройдутъ, когда уже невозможно будетъ иттить. Мы у васъ въ лѣвой рукѣ отъ непріятеля будемъ, при насъ войскъ регулярныхъ съ 12,000 человѣкъ, которыхъ половина на лошадяхъ, а у другихъ, у двухъ, сани, кромѣ гетманскихъ нестройныхъ обрѣтается; инаго пути не знаю, ибо вездѣ непріятель передовыми занять и самъ отрѣзать можетъ, о чемъ прошу скораго отвѣта: куды пойдете, чтобъ намъ вѣдать и вамъ дать съ своей стороны отдухъ. Нынѣ получили мы вѣдомость, что по приходѣ Шведовъ въ Вильню уже добрую партію отрядили къ Полоцку; о чемъ паки подтверждаю: конечно (при взломаніи льда, а буде сыщете способъ, то лучше-бъ и прежде) по сему учините безъ всякой отговорки и описки" 2).

Но Огильви былъ другого мнѣнія; на указы Петра онъ отвѣчалъ, что хочетъ еще подержаться въ Гроднѣ до болѣе благопріятнаго времени; если выйти теперь, то король Шведскій можетъ въ 24 часа стянуть все свое войско и погнать русскіе полки; если покинуть Гродно, то вся Польша и Литва склонятся на сторону Шведовъ, и вся тяжесть войны обрушится на Россію; лучше бъ простоять цѣлое лѣто въ Гроднѣ 3).

„Что до лѣта хочете быть, и о семъ не только то чинить, но ниже думать", отвѣчалъ Петръ (12 марта): „понеже непріятель тогда, отдохнувъ и получа кормъ подъ ноги, не отойдетъ отъ васъ легко, къ тому-жъ и Рейншильдъ придетъ (понеже Саксонцы паки скоро не сберутся); къ тому же и Левенгауптъ будетъ, ибо мы уже указъ послали, чтобъ курляндскіе замки подорвать, и идти пѣхотѣ чрезъ Двину къ Полоцку, потому что ежели до тѣхъ поръ стоять, какъ Двина разойдется, то имъ пропасть будетъ, а конницею станемъ чинить непріятелю диверсію. О отдаленіи непріятеля не надобно думать, ибо для того весь походъ его былъ, и нынѣ сталъ въ тѣхъ мѣстахъ, чтобъ намъ что ни есть сдѣлать, отъ чего Боже сохрани; а смо-

---

1) Голикова—Дѣянія X, стр. 374.

2) Голикова—Дѣянія X, стр. 383.

3) Кабинетъ II, кн. № 5.

трѣть, чтобъ не отрѣзалъ, и то можно учинить, когда пойдете или на Брестъ, или межъ Бреста и Пинска, и какъ можно скоро сперва пойтить, чтобъ зайтить за рѣку Припеть, которая зѣло есть болотистая, и тамъ можно по волѣ къ Кіеву или къ Чернигову идтить: и такъ непріятелю никоемъ образомъ отрѣзать будетъ невозможно, а сзади хотя и станетъ гнать, то не можетъ васъ догнать, ибо съ пѣхотою невозможно, а съ конницею не будетъ вамъ силенъ; къ тому же надлежитъ не одною дорогою идтить, то не будетъ вѣдать, куды сколько пошло, и не можетъ раздѣлиться непріятель. Сіе же писаніе оканчиваю тѣмъ, что перваго разлитія водъ (или и нынѣ буде возможно) конечно не пропускайте, но съ Божіею помощію выходите, чѣмъ насъ зѣло обяжете и удовольствуете; противное же, ежели посему не учините и до травы стоять станете, то уже сіе дѣло не за добраго слугу, но за непріятеля почтено будетъ“ [1].

Пославши это рѣшительное приказаніе Огильви, на другой день, 13 марта, Петръ сдалъ начальство надъ войскомъ Меншикову, на котораго совершенно полагался, и отправился въ Петербургъ въ самомъ печальномъ расположеніи духа. Семь дней тому назадъ онъ писалъ Апраксину: „О здѣшнемъ писать, послѣ баталіи саксонскихъ бездѣльниковъ, нечего; только мы съ приближающимся Лазаремъ (днемъ Лазарева воскресенья) купно въ адской сей горести живы, дай Боже воскреснуть съ нимъ“ [2]. Остановившись на нѣсколько дней въ Нарвѣ, царь писалъ Меншикову: „Пути моего было, кромѣ простоя, пять дней и нѣсколько часовъ, гдѣ, слава Богу, все добро, и отъ сего дня въ 6 или 7 днѣ поѣду въ Питербурхъ. Но токмо еще души наши на мытарствахъ задерживаются, о чемъ самъ можешь разсудить. Боже, даруй воскресеніемъ своимъ радость!“ [3] Изъ Петербурга 7 апрѣля писалъ къ тому же Меншикову: „Я не могу оставить, отсель не писать къ вамъ изъ здѣшняго парадиза, гдѣ, при помоществованіи Вышняго, все изрядно; истинно, что въ раю здѣсь живемъ; точію едино мнѣніе никогда насъ оставляетъ, о чемъ самъ можешь вѣдать, въ чемъ возлагаемъ не на человѣчью, но на Божію волю и милость“ [4].

Наконецъ Богъ далъ радость: 24 марта, въ самый день Свѣтлаго Воскресенья, русское войско вышло изъ Гродна, воспользовавшись, какъ писалъ Петръ, вскрытіемъ Нѣмана, по мосту, заранѣе приготовленному, а 27 числа встрѣтилъ его Меншиковъ. Разсчеты Петра оправдались: Карлъ болѣе недѣли не могъ преслѣдовать Русскихъ вслѣдствіе вскрытія Нѣмана, а когда Шведы навели мостъ и перешли черезъ рѣку, то Русскіе были уже у Бреста. Дальнѣйшее преслѣдованіе весною въ болотистой странѣ было невозможно, и Карлъ, давши отдохнуть своимъ войскамъ на Волыни, отправился въ Саксонію, чтобъ покончить съ Августомъ. Петръ былъ въ восторгѣ, получивши извѣстіе о благополучномъ выходѣ своего войска изъ Гродна. „Min Bruder!“ писалъ онъ Меншикову 29 апрѣля: „съ неописанною радостію я господина Старика отъ васъ съ письмомъ получилъ, будучи во флотѣ у Кроншлота на кораблѣ (Олифантѣ) вицъ-адмирала, и той же минуты, благодаря Бога, со всего флота и крѣпости трижды стрѣляно; а каковы были сему радостны и потому шумны, донесетъ Старикъ вамъ самъ. Истину сказать, что отъ сей вѣдомости вовсе стали здѣсь радостны; а до того, хотя и въ раю жили, однако всегда на сердцѣ скребло“ [5]. Лѣченіе задержало царя въ Петербургѣ цѣлый май мѣсяцъ: „О бытіи моемъ (т. е. о пріѣздѣ къ войску) не извольте сомнѣваться, писалъ онъ Меншикову 10 мая, ибо конечно въ концѣ сего мѣсяца поѣду, а ранѣе того невозможно, ей, не для гулянья, но дохтуры такъ опредѣлили, чтобъ, по пусканіи крови жильной (которая вчерась отворена), двѣ недѣли на мѣстѣ принимать лѣкарство; и потомъ тотчасъ поѣду, ибо сама ваша милость видѣлъ, каково мнѣ было, когда разлучены были отъ войска мы. О здѣшнихъ поведеніяхъ сомнѣваться не изволь: ибо въ раѣ Божіи зла быти не можетъ“ [6].

Между тѣмъ, не зная еще о походѣ Карла XII на Саксонію, боялись, чтобъ онъ не овладѣлъ Кіевомъ; Меншиковъ, именемъ царскимъ, велѣлъ всему войску двинуться къ этому дорогому для Россіи городу; Огильви протестовалъ, требуя, чтобъ пѣхота охраняла Кіевъ и Смоленскъ, а конница разбросалась по рѣкамъ Припети, Горыни, Стыри, Случѣ [7]. Огильви жаловался безпрестанно царю, что Меншиковъ похищаетъ себѣ его власть; Петръ молчалъ, Меншиковъ распоряжался: такъ, когда получена была въ Кіевѣ вѣдомость о взятіи Астрахани Шереметевымъ, Огильви не велѣлъ стрѣлять изъ ружья въ знакъ торжества. а Меншиковъ распорядился самъ стрѣльбою 25 іюля Петръ объявилъ, что вышнимъ командиромъ надъ всѣмъ войскомъ оставляетъ фельдмаршала Шереметева, Огильви же дается 13 полковъ, ибо въ условіяхъ съ нимъ постановлено, что онъ будетъ имѣть всегда отдѣльный корпусъ, хотя и будетъ состоять подъ командою перваго фельдмаршала Россійскаго. Наконецъ Огильви былъ уволенъ въ сентябрѣ 1706 г.; по этому случаю Шафировъ писалъ Меншикову: „Не взирая на всѣ худые поступки, надобно отпустить его (Огильви) съ милостію, съ ласкою, даже съ какимъ нибудь подаркомъ, чтобы онъ не хулилъ государя и ваше сіятельство; а къ подаркамъ онъ зѣло лакомъ и душу свою готовъ за нихъ продать“ [8].

Меншиковъ проводилъ время въ Кіевѣ не въ однѣхъ ссорахъ съ наемнымъ фельдмаршаломъ: „Я ѣздилъ вокругъ Кіева", писалъ онъ Петру 12 мая, „также около Печерскаго монастыря, и всѣ мѣста осмотрѣлъ. Не знаю, какъ вашей милости понравится здѣшній городъ; а я въ немъ не обрѣтаю никакой крѣпости. Но Печерскій монастырь зѣло потребенъ и труда съ нимъ будетъ немного: городъ изрядный, каменный, только немного не додѣланъ, и хотя зачатъ старымъ маниромъ, но можно изрядную фортецію учинить, да и есть чего держаться, потому что въ немъ много каменнаго строенія и церквей; а въ Кіевѣ городѣ каменнаго строенія только одна соборная церковь да монастырь; городовое основаніе великое, и ежели его крѣпить, зѣло не легокъ станетъ" [1]. 4 іюля пріѣхалъ въ Кіевъ Петръ, нашелъ, что Данилычъ правъ, и 15 августа заложилъ фортецію около Печерскаго монастыря; постройку ея должны были принять на себя Малороссійскіе казаки [2].

---

[1] Голикова - Дѣянія X, стр. 402.

[2] Голикова—Дѣянія X, стр. 389

[3] Москов. архивъ Мин. Ин. Д., письма Петра В.

[4] Москов. архивъ Мин. Ин. Д., письма Петра В.

[5] Москов. архивъ Мин. Ин. Д., письма Петра В.

[6] Москов. архивъ Мин. Ин. Д., письма Петра В.

[7] Кабинетъ II, кн. № 5.

[8] Кабинетъ II, книга № 4; Голикова - Дѣянія XI, стр. 134.

Распорядившись укрѣпленіемъ важнѣйшаго города юго-западной границы, Петръ поспѣшилъ къ границѣ сѣверо-западной, чтобъ воспользоваться уходомъ Карла въ Саксонію и обезпечить свой парадизъ со стороны Финляндіи. 11 октября онъ осадилъ Выборгъ; но осада пошла неудачно, и царь долженъ былъ возвратиться въ Петербургъ. Счастливѣе былъ Данилычъ, который повелъ войско въ Польшу противъ оставленнаго тамъ Карломъ генерала Мардефельда. Въ Люблинѣ соединился онъ съ королемъ Августомъ, и писалъ Петру: „Королевское величество зѣло скучаетъ о деньгахъ и со слезами наединѣ у меня просилъ, понеже такъ обнищалъ: пришло такъ, что ѣсть нечего. Видя его скудость, я далъ ему своихъ денегъ 10,000 ефимковъ. Правда, что послѣдняя его скудость, понеже на Саксонію надѣяться нечего" [3]. Петръ отвѣчалъ: „Писалъ ваша милость, что король скучаетъ о деньгахъ. Самъ ты извѣстенъ, что отъ короля всегда то, что: „Дай, дай, деньги, деньги!" въ чемъ самъ можешь знать, каковы деньги, и какъ ихъ у насъ мало; однакожъ ежели при такомъ зломъ случаѣ постоянно король будетъ, то чаю надлежитъ его въ оныхъ крѣпко обнадежить при моемъ пріѣздѣ, который я потщуся самымъ скорымъ путемъ исправить" [4]. 18 октября Меншиковъ, ведя съ собою и короля Августа, встрѣтилъ Шведовъ у Калиша. „Непріятеля", писалъ онъ царю, „при Калишѣ мы нагнали", который былъ въ 8,000 Шведовъ и въ 20,000 Поляковъ, и насъ ожидалъ съ такимъ желаніемъ, чтобъ съ нами баталію дать, къ чему зѣло въ крѣпкихъ мѣстахъ сталъ, имѣя кругъ себя жестокія переправы, рѣки и болото; однакожъ мы, несмотря на тѣ крѣпости, но больше уповая на крѣпкаго въ браняхъ Господа, по отправленіи по обыкновенію воинской думы, устроясь какъ надлежитъ, съ онымъ полную баталію дали, на которой въ непрестанномъ огнѣ ровно три часа были; однакожъ, помощію Божіею и счастіемъ вашимъ, такую мы счастливую викторію получили, что непріятелей на мѣстѣ положили—Шведовъ съ 5,000, да Поляковъ съ 1,000 человѣкъ. Не въ похвалу доношу: такая сія прежде небываемая баталія была, что радостно было смотрѣть, какъ съ обѣихъ сторонъ регулярно бились, и зѣло чудесно видѣть, какъ все поле мертвыми тѣлами устлано" [5].

Петръ запировалъ въ своемъ парадизѣ и пропировалъ три дня, получивъ „неописанную радость о побѣдѣ непріятеля, какой еще никогда не бывало" [6]. При Калишѣ, кромѣ побѣды надъ Мардефельдомъ, Меншиковъ выигралъ еще предъ исторіею процессъ свой съ Огильви, показавъ, что русское войско не нуждается въ наемномъ фельдмаршалѣ.

Торжество Петра было непродолжительно: вслѣдъ за неописанною радостью онъ узналъ, что оставленъ союзникомъ своимъ Августомъ; что Шведъ уже не увязнетъ болѣе въ Польшѣ, и все бремя войны надобно взять на одни свои плечи.

Карлъ XII не встрѣтилъ въ Саксоніи ни малѣйшаго сопротивленія: все бѣжало, что только могло бѣжать, оставшіеся обложены были тяжелыми податями въ пользу Шведовъ. Король Августъ тщетно надѣялся, что другія державы не позволятъ Карлу вступить въ Саксонію и тѣмъ нарушить нейтралитетъ Германіи: много было представленій на словахъ и на бумагѣ, но никто не посмѣлъ тронуться противъ непобѣдимаго шведскаго героя. Король Августъ рѣшился пожертвовать Польшею, чтобъ не потерять или, по крайней мѣрѣ, не истощить вконецъ наслѣдственной Саксоніи, и вступилъ въ переговоры съ Карломъ. 13 октября, въ замкѣ Альтранштадтѣ, недалеко отъ Лейпцига, тайно подписанъ былъ договоръ уполномоченными съ обѣихъ сторонъ: Августъ отказывался отъ Польской короны, признавалъ королемъ Польскимъ Станислава Лещинскаго, прерывалъ союзъ съ Русскимъ царемъ, освобождалъ Собѣскихъ, выдавалъ Паткуля и русскихъ солдатъ, находившихся въ Саксоніи, обязывался содержать насчетъ Саксоніи шведское войско въ продолженіи зимы. Августъ согласился на все, и между тѣмъ не рѣшился объявить Меншикову, далъ только знать Мардефельду о мирѣ и совѣтовалъ не вступать въ сраженіе; но Мардефельдъ не повѣрилъ ему, и Августъ долженъ былъ участвовать въ Калишской битвѣ, долженъ былъ участвовать и въ варшавскихъ торжествахъ, бывшихъ по случаю побѣды, и, когда пошли слухи о мирѣ, увѣрять, что все это неправда [7].

Такъ продолжалось, пока Меншиковъ не выступилъ съ русскимъ войскомъ изъ Варшавы въ Жолкву на зимнія квартиры. При Августѣ остался князь Василій Лукичъ Долгорукій, пріѣхавшій на время вмѣсто родственника своего, князя Григорья. Только 17 ноября Долгорукій узналъ о переговорахъ Августа съ Карломъ, и немедленно имѣлъ объясненіе съ королемъ; тотъ объявилъ: „Трактую для того, что не вижу другого способа спасти Саксонію отъ разоренія; надѣялся я на Цесаря и его союзниковъ, но теперь явно, что Саксонію оборонять не хотятъ. Отдать Саксонію на разореніе—нечѣмъ будетъ продолжать войну. Саксонія будетъ разорена, съ Польши доходовъ нѣтъ, царское величество деньгами не помогаетъ; если, по разореніи Саксоніи, непріятель вступитъ въ Польшу, то ваши войска отступятъ за свои рубежи, и я съ своимъ малымъ войскомъ воевать въ Польшѣ не могу; мира въ то время, хотя бы и хотѣлъ, не сыщу; а еслибъ и сыскалъ, то не лучше нынѣшняго, только Саксонія будетъ разорена. Если царское величество согласится мнѣ помогать деньгами ежегодно въ опредѣленное время, то пусть объявитъ, и если по трактатамъ съ царскимъ величествомъ получу удовлетвореніе, то больше ничего не потребую: несмотря на разореніе Саксоніи, буду продолжать войну; трактатовъ съ непріятелемъ не окончу, не дождавшись отвѣта отъ царскаго величества“. Но на другой день другія рѣчи: „Невозможно мнѣ Саксонію допустить до крайняго разоренія, а избавить ее отъ этого не вижу другого способа, какъ заключить миръ съ Шведами, только по виду, и отказаться отъ Польши, съ цѣлію выпроводить Карла изъ Саксоніи; а тамъ, какъ выйдетъ, собравшись съ силами, опять начну войну вмѣстѣ съ царскимъ величествомъ. Союза съ царскимъ величествомъ я не нарушу и противнаго общимъ интересамъ ничего не сдѣлаю“. 19 ноября, предъ разсвѣтомъ, Августъ уѣхалъ изъ Варшавы для личнаго свиданія съ Шведскимъ королемъ, велѣвши чрезъ польскихъ министровъ сказать Долгорукому, что союзъ съ царемъ непремѣнно будетъ содержать до конца войны, и какъ скоро непріятель выйдетъ изъ Саксоніи, то съ двадцатипятитысячнымъ войскомъ возвратится въ Польшу; пусть царь держитъ это въ-тайнѣ, а явно пусть объявляетъ о нарушеніи союза [1]).

---

[1] Кабинетъ, кн. № 5.

[2] Гисторія Свейской войны.

[3] Кабинетъ II, кн. № 6.

[4] Москов. архивъ Мин. Ин. Д., дѣла Меншикова.

[5] Кабинетъ II, кн. № 5.

[6] Москов. архивъ Мин. Ин. Д., дѣла Меншикова.

[7] Fryxell I, 252.

Долгорукій поѣхалъ въ Краковъ, чтобъ, несмотря на отреченіе Августа, удержать вельможъ его партіи при русскомъ союзѣ. Меншиковъ писалъ царю изъ Жолквы 24 ноября: „Предъ симъ за недѣлю были превеликіе морозы и снѣгъ; нынѣ же воздухъ теплый и грязь великая; однакожъ постояннаго времени трудно ожидать, понеже каковы люди здѣсь постоянны, таково и время. Самъ уже изволишь разсудить, какъ зѣло потребно суть милости вашей здѣсь быть въ такомъ нынѣшнемъ противномъ случаѣ; однакожъ не изволь о томъ много сомнѣваться, хотя король насъ и оставилъ. А ежели вскорѣ милость ваша да благоволите къ намъ быть, то мочно скоро другого короля выбрать, къ чему Поляки, чаю, при васъ будутъ склоненіе имѣть, которыхъ мы нынѣ ничѣмъ такъ болѣе не обнадеживаемъ, точію скорымъ сюда вашимъ пришествіемъ, которое всегда разглашаемъ“ [2]).

Петръ „по тѣмъ вѣдомостямъ пошелъ въ Польшу, дабы оставшую безъ главы Рѣчь Посполитую удержать при себѣ“. 28 декабря онъ пріѣхалъ въ Жолкву, гдѣ собрались Меншиковъ, Шереметевъ, князь Григорій Долгорукій, необходимый при совѣщаніяхъ о польскихъ дѣлахъ, не было—перваго министра, боярина, адмирала Ѳедора Алексѣевича Головина. Онъ умеръ лѣтомъ 1706 года въ Глуховѣ, на дорогѣ въ Кіевъ. Объ отношеніяхъ покойнаго къ царю можно видѣть изъ письма Петра къ Апраксину: „Ежели сіе письмо васъ застанетъ на Москвѣ, то не извольте ѣздить на Воронежъ; буде-жъ на Воронежѣ, изволь ѣхать въ Москву, ибо, хотя-бъ никогда сего я вамъ не желалъ писать, однако воля Всемогущаго на то насъ понудила, ибо сей недѣли господинъ адмиралъ и другъ нашъ отъ сего свѣта отсѣченъ смертію въ Глуховѣ; того ради извольте которые Приказы (кромѣ Посольскаго) онъ вѣдалъ, присмотрѣть; и деньги и прочія вещи запечатать до указу. Сіе возвѣщаетъ печали исполненный Петръ“ [3]). Титулъ адмирала наслѣдовалъ Апраксинъ; Посольскій Приказъ перешелъ къ верховному комнатному, Гаврилѣ Ивановичу Головкину, получившему потомъ званіе канцлера. Головкинъ былъ одинъ изъ самыхъ приближенныхъ людей къ Петру съ его малолѣтства. Когда Петръ былъ за границею, Головкинъ писалъ къ нему шутливыя фамиліарныя письма, подписываясь: Ганка; напримѣръ: „Милостивый мой, здравствуй множество лѣтъ, а я живъ. Пожалуй, хотя по строчки пиши о своемъ здоровьи; можешь то разсудить, что того желаю, а мы съ Павлюкомъ живемъ да рѣдьку въ постъ жуемъ, а ученье его зѣло тупо съ природы, учитъ вечерню. Павлюкъ приболѣлъ и не однова (не одинъ разъ), и Лаврентій докторъ смотрѣлъ и сказалъ, что на болѣзнь его въ аптекѣ лѣкарства нѣтъ, а называетъ ту болѣзнь лѣнью. А сватъ началъ учить псалтырь. Медвѣдь и лисица пишутъ“. Или: „Медвѣдь, волкъ и лисица у меня и грамотѣ учатся, а хотя то тѣмъ животнымъ и не сродно, однако правда“ [4]). Во время войны Головкинъ находился при Петрѣ и употреблялся для исполненія важныхъ порученій, причемъ шутливыя письма продолжались; напримѣръ: „Въ письмѣ ваша милость напомянулъ о болѣзни моей подагрѣ, будто начало свое оная воспріяла отъ излишества венусовой утѣхи, о чемъ я подлинно доношу, что та болѣзнь случилась мнѣ отъ многопьянства; у меня въ ногахъ, у г. Мусина на лицѣ. Но тое болѣзнь, кромѣ отца нашего и пастыря (Зотова), лѣчить некому“ [1]).

---

[1]) Москов. архивъ Мин. Ин. Д., дѣла Польскія 1706 г. Русскія войска не были отданы Шведамъ; о нихъ читаемъ въ Гисторіи Свейской войны (Журналъ Петра В.): «А которые Русскіе послѣ фрауштатской баталіи въ Саксоніи остались, и тѣхъ правительство саксонское отослало изъ Саксоніи, и полковникъ Ренсель, который тѣмъ малымъ оставшимъ корпусомъ командовалъ, отошелъ къ Ренѣ рѣкѣ (къ Рейну), и когда увѣдалъ о требованіи шведскомъ отъ Цесарскаго Двора, чтобъ тѣхъ остальныхъ Русскихъ ему выдать, то упомянутый полковникъ Ренсель препроводилъ ихъ чрезъ Шлезію въ Польшу». –Паткуль былъ выданъ Карлу и колесованъ въ 1707 г., 10 октября.

[2]) Кабинетъ II, кн. № 5.

[3]) Голикова—Дѣянія XI, стр. 138.

[4]) Письма Головкина въ Государств. Архивѣ.

Еще покойный Головинъ на помощь себѣ, особенно на время отсутствія своего изъ Москвы, выдвинулъ изъ переводчиковъ Посольскаго Приказа даровитаго Петра Павловича Шафирова и далъ ему титулъ тайнаго секретаря; при Головкинѣ, когда тотъ получилъ титулъ канцлера, Шафировъ переименованъ въ вице-канцлеры, или подканцлеры.

Головкинъ началъ свое новое поприще важнымъ дѣломъ. Въ половинѣ февраля 1707 года явилось въ Жолкву изо Львова великое посольство генеральной конфедераціи: Краковскій воевода князь Вишневецкій, Мазовецкій воевода Хоментовскій, Литовскій маршалокъ Воловичъ. На конференціяхъ съ верховнымъ комнатнымъ Гавриломъ Ив. Головкинымъ и другими министрами послы объявили, что на львовской радѣ сенаторами и Рѣчью Посполитою постановлено отправить ихъ къ царскому величеству съ полномочіемъ для наилучшаго впредь отъ царскаго величества къ нимъ вспоможенія и обереженія. Прежде всего послы потребовали, чтобъ Украйна, бунтовщикомъ Палѣемъ отобранная, немедленно была возвращена республикѣ. Министры отвѣчали, что Украйна будетъ возвращена, какъ только для пріема крѣпостей будетъ кто-нибудь присланъ отъ республики. Потомъ послы объявили, что имъ отъ войскъ царскихъ великое разореніе, особенно отъ кавалеріи и офицеровъ: не только обыкновенный провіантъ берутъ хлѣбомъ и мясомъ и лошадямъ фуражъ, но офицеры берутъ по своимъ прихотямъ кто что захочетъ и чего въ иныхъ мѣстахъ, именно въ деревняхъ, купить и промыслить нельзя, напримѣръ корицу, сахаръ, гвоздику, лукъ, перецъ, огурцы, сельди, пиво, медъ, вино; если гдѣ этого не сыщется, правятъ большія деньги, берутъ подъ провіантъ подводы и лошадей, чего уже терпѣть больше нельзя, ибо и самимъ владѣльцамъ отъ подданныхъ своихъ насущнаго хлѣба уже мало что осталось. Имъ и отъ шведскаго войска легче было, потому что теперь на каждый дымъ для провіанта по 50 злотыхъ польскихъ выходитъ, кромѣ подводъ. Рѣчь Посполитая разсуждаетъ, что по союзному договору слѣдовало бы только 12 тысячамъ царскаго войска быть на польскомъ провіантѣ, а теперь наведены такія многочисленныя войска и всѣ содержатся на-счетъ республики; во многихъ воеводствахъ, гдѣ уже провіантъ забранъ на нѣсколько мѣсяцевъ, опять берутъ. Рѣчь Посполитая знаетъ подлинно, что у царскаго величества на все войско, особенно офицерамъ, идетъ денежная плата, которою можно довольствоваться, и потому проситъ сдѣлать ей облегченіе въ зимовомъ провіантѣ, спрашивать его только для рядовыхъ, а не для офицеровъ; а если въ томъ льготы не будетъ, то Рѣчь Посполитая на шесть мѣсяцевъ лѣтнихъ, считая съ мая мѣсяца, давать провіанту не обѣщаетъ и не хочетъ.

Министры отвѣчали, что, кромѣ положенной порціи, излишняго ничего у нихъ не берется и брать крѣпко закажется. Царскія войска введены къ нимъ по ихъ желанію, по союзному договору, заключенному для охраненія жизни и вольностей ихъ отъ непріятеля. Польза для нихъ отъ этихъ войскъ явна въ отобраніи у непріятеля крѣпостей и въ другихъ случаяхъ, а безъ провіанта войскамъ никакъ пробыть нельзя. Посольское заявленіе о недачѣ провіанта на шесть лѣтнихъ мѣсяцевъ царскому величеству будетъ очень неугодно, потому что у его величества на это войско издержаны многіе милліоны; этихъ милліоновъ надобно было бы спрашивать на Рѣчи Посполитой, однако не спрашивается. Послы потребовали уплаты по договору двухъ милліоновъ злотыхъ, безъ чего нельзя будетъ набрать войска на слѣдующую кампанію. Министры отвѣчали, что уже выдано въ то число 40,000 рублей на войско коронное и 30,000 на литовское, хотя и не довелось давать преждевременно, ибо въ договорѣ положено давать при войскѣ въ маѣ мѣсяцѣ.—40,000 на коронное войско далъ король Августъ отъ своего имени, а не отъ царскаго, возражали послы. Министры отвѣчали, что договореннаго числа войска прошлый годъ Поляки не выставили. Изъ посольскихъ рѣчей было видно, что если царь согласился уволить Рѣчь Посольскую отъ дачи провіанта, то они не станутъ требовать обѣщанныхъ въ договорѣ милліоновъ. Петръ велѣлъ объявить имъ рѣшительно, что отъ дачи провіанта они уволены быть не могутъ; но, утѣшая Рѣчь Посполитую, онъ велѣлъ выдать ей польскимъ счетомъ полмилліона, а московскою монетою 50,000 рублей. Потомъ послы жаловались на разоренье отъ казаковъ и Калмыковъ и требовали, чтобъ польскимъ и литовскимъ жителямъ дано было изъ царской казны вознагражденіе за пограбленные пожитки. На это министры отвѣчали, что виновнымъ въ какомъ-нибудь воровствѣ пощады не будетъ, а чтобъ за воровъ платить изъ казны, — то дѣло нестаточное, и нигдѣ того не повелось: заплатятъ одному, сейчасъ же найдется много другихъ, у которыхъ и ничего не взято. Для всякихъ расправъ въ обидахъ учреждены съ обѣихъ сторонъ коммисары: генералъ-поручикъ отъ артиллеріи Брюсъ вмѣстѣ съ польскими коммисарами будетъ давать удовлетвореніе по жалобамъ Послы не переставали домогаться, чтобъ Донскихъ казаковъ и Калмыковъ вывести изъ Польши, а если понадобятся легкія войска, то могутъ быть употреблены польскіе полки. Петръ велѣлъ отвѣчать, что регулярному войску безъ легкой конницы никакъ быть нельзя; обидъ не будетъ, потому что за нихъ будутъ отвѣчать генералы.

„Съ сими шалеными едва могли дѣло совершить“, писалъ Петръ къ Меншикову, увѣдомляя его, что „всѣ подписали и подтвердили всѣ трактаты съ нами, такожъ и универсалъ готовить начали, понеже на мѣрѣ уже поставленъ и срокъ 16 по ихъ, а по нашему пятое маія“. Для прекращенія грабежа отъ войскъ, Петръ выдалъ слѣдующій указъ находящимся въ Польшѣ генераламъ: „Всякихъ денежныхъ и прочихъ сверхъ указанныхъ взятковъ и поборовъ, а наипаче разоренія и обидъ конечно-бъ самимъ вамъ не чинить и подъ командою вашею обрѣтающимся людямъ запретить, подъ опасеніемъ живота и смерти“ [1]).

---

[1]) Кабинетъ II, кн. № 6.

Обѣщали утѣшить Рѣчь Посполитую 50,000 рублей; но столько денегъ не откуда было взять, можно было дать только 20,000. Поляки не согласились взять меньше половины, не отставали отъ своихъ требованій насчетъ Украйны. Отдать имъ эту Украйну теперь, когда ждали въ Польшу Карла XII, когда королемъ Польскимъ оставался шведскій посаженникъ, Станиславъ Лещинскій, было бы крайне неблагоразумно; раздражать отказомъ считали также вреднымъ. 29 сентября Головкинъ писалъ Петру изъ Варшавы: „Вчерашняго числа получили мы отъ гетмана Синявскаго и отъ бискупа Куявскаго письма, и его, бискупово, разсужденіе цифирью. По которому бискупову разсужденію и съ общаго совѣта съ г. генераломъ княземъ Меншиковымъ за потребно разсудили мы послать къ войску коронному Емельяна Украинцева одного безъ денегъ, но токмо съ однимъ письмомъ къ гетману Мазепѣ для утѣхи имъ, будто объ отдачѣ Украйны, и хотя такое письмо и посылаемъ, однакожъ писали къ нему, гетману, особливо, тайно, чтобъ онъ потому не отдавалъ и удерживалъ всячески, промедливая время. А денегъ нынѣшняго опредѣленнаго числа (20,000) съ нимъ, Емельяномъ, послать поопаслись по совѣту бискупову, чтобъ тѣмъ числомъ денегъ ихъ къ вящему неудовольствію не привесть подъ нынѣшній непріятельскій выходъ, понеже они великаго числа денегъ желаютъ; а когда они 20,000 пожелаютъ, то немедленно мы оныя пошлемъ“ [2]).

На войско можно было не посылать денегъ; но нельзя было не давать секретныхъ пенсій разнымъ вліятельнымъ лицамъ, чтобъ не перешли къ непріятелю. Такъ шестидесяти-шестилѣтній служака, думный дьякъ Емельянъ Украинцевъ, пріѣхавъ въ Люблинъ къ правительству Рѣчи Посполитой, доносилъ, что великаго государя жалованье примасу Шенбеку, бискупу Куявскому и подканцлеру коронному отдалъ секретно ночнымъ временемъ, какъ они сами того желали; маршалку конфедерацкому еще не отдалъ, потому что въ суетѣ пребываетъ, многіе у него и онъ у многихъ бываетъ. „Подканцлеръ мнѣ говорилъ приватно“, писалъ Украинцевъ, „что теперь въ войскѣ коронномъ послѣ гетмановъ самый сильный человѣкъ въ словѣ и дѣлѣ Люблинскій воевода Тарло, который самъ просилъ у великаго государя милостиваго призрѣнія, а именно во-первыхъ, чтобъ дали ему денегъ; во-вторыхъ, чтобъ назначено было ему мѣсто въ Россіи на всякій нужный случай, когда Шведы возьмутъ верхъ; втретьихъ. чтобъ ему въ этомъ мѣстѣ дали домъ, дворъ и пропитаніе; до сихъ поръ Тарло ничего не получилъ, даже и милостиваго обнадеживанія. И онъ, подканцлеръ, свидѣтельствуясь Господомъ Богомъ въ своей истинѣ, служа и радѣя его величеству въ общихъ интересахъ обоихъ государствъ, доноситъ и предлагаетъ, чтобъ тому воеводѣ послано было жалованье, хотя бы 2,000 рублей, чтобъ онъ въ нынѣшнее время не былъ въ чемъ противенъ сторонѣ царскаго величества“.

Въ октябрѣ велѣно было Украинцеву отдать Полякамъ 20,000 рублей на войско и грамоту къ гетману Мазепѣ объ отдачѣ Бѣлой Церкви; но гетманы: великій—Адамъ Синявскій и польный Станиславъ Ржевускій—и другія правительственныя лица отвѣчали ему единогласно, что двадцати тысячъ мало, не только принять, но и объявить въ войскѣ такую ничтожную сумму они не смѣютъ. Если услышитъ объ этомъ войско, то отъ нихъ, гетмановъ, отступитъ, и царскому величеству будетъ повреждение; они думали, что будетъ къ нимъ прислано сто тысячъ и больше, ибо по союзному договору обѣщано давать ежегодно по 200,000 рублей, также и Украйну царское величество изволилъ отдать, и по сіе время исполненія никакого нѣтъ, только проводятъ ихъ одними обѣщаніями, да, сверхъ того, упрекаютъ ихъ въ невѣрности: а они договоровъ держатся постоянно и во всемъ вѣрны; и теперь, если непріятель явится къ баталіи и царскіе генералы потребуютъ ихъ къ себѣ, то они готовы. Украинцевъ говорилъ имъ, что при министрахъ царскихъ и при войскѣ денегъ теперь мало, а когда пришлются изъ Москвы, тогда будетъ указъ и о прибавкѣ на польское войско; объ отдачѣ Украйны, отобранной Палѣемъ, у него грамота министерская къ Мазепѣ. Но Поляки твердили свое, что на присылку денегъ нѣтъ имъ надежды, также и на отдачу Украйны, потому что и прежде Мазепа получалъ объ этомъ министерскія письма, но не исполнялъ по нимъ. „Хотя я вѣдаю и надѣюсь“, писалъ Украинцевъ Головкину, „что господинъ Мазепа по письму вашему не отдастъ Украйны, однако я этого письма не отдалъ Полякамъ, потому что бискупъ Куявскій писалъ мнѣ: если и это письмо окажется попрежнему неправдивымъ и Мазепа Украйны не отдастъ, то мы отъ себя совершенно гетмановъ, войско, всю Рѣчь Посполитую отгонимъ“. Гетманы прислали сказать Украинцеву, что если войско не получитъ на одну четверть царскаго жалованья, то отступитъ, пойдетъ къ непріятелю и имъ, гетманамъ, дѣлать будетъ тогда нечего. Украинцевъ писалъ Головкину: „Денегъ по сіе время еще я никому не давалъ, ибо вижу, что ни въ одномъ нѣтъ истины; повадили мы ихъ такими дачами, и даемъ деньги, то все равно, что въ огонь бросаемъ или въ воду сыплемъ напрасно. Бискупъ совѣтуетъ мнѣ дать три тысячи маршалку конфедераціи Денгофу, а тотъ и съ другими, съ кѣмъ знаетъ, подѣлится.

---

[1]) Московскій архивъ Мин. Ин. Дѣлъ, Польскія дѣла 1707 года.—Кабинетъ I, кн. № 20.

[2]) Письма Головкина въ Государ. Архивѣ.

И я разсуждаю, что доведется ему дать: онъ въ войскѣ конфедераціи силенъ и всѣ его любятъ; и конфедерація составлена у нихъ для того, чтобъ стоять за вѣру и вольные выборы королевскіе, и на присягу нынѣ они подписываются не для насъ, но крѣпятся и вяжутся между собою для себя, но притомъ и насъ въ присягѣ написали явственно. Платимъ деньги войску ихъ и ихъ даримъ, а потомъ портимъ всѣ свои дѣла и дружбу малымъ грабежомъ. Меня оглушили жалобами. Бискупъ жаловался, что въ его бискупіи все пограблено и ксензъ знатный пытанъ и повѣшенъ. Богъ вѣсть, правда ли это;—я не вѣрю и говорилъ бискупу: можно было бы повѣшеннаго ксенза привести къ судьямъ; ваши управляющіе сами покрадутъ ваше имѣніе, да и скажутъ, что казаки и Калмыки пограбили,—во всемъ надобно свидѣтельство и розыскъ. Какъ я вижу, продолжаетъ Украинцевъ, въ государеву казну изъ тѣхъ грабежей нѣтъ въ приходѣ ничего, а Шведъ, что въ костелахъ побралъ серебра, съ городовъ и мѣстъ денегъ, то все въ его казну пришло. Если воеводы Мазовецкій и Любельскій станутъ домогаться, чтобъ имъ въ нужное время быть за Днѣпромъ, въ Черниговѣ или Нѣжинѣ, и имъ бы того не позволять, потому что опасно отъ такихъ головъ всякаго въ малороссійскихъ городахъ плевосѣятельства къ возмущенію и бунту; и нынѣ, если они Украйну отберутъ, то надобно того же отъ нихъ накрѣпко опасаться; а въ нужный случай могутъ они и безъ насъ спастись: подъ бокомъ у нихъ Молдавія, Валахія, Венгрія, въ Прусахъ Королевецъ и другія мѣста; а у насъ можно имъ побыть развѣ на Лукахъ, въ Торопцѣ, подъ Псковомъ, въ Опочкѣ, кромѣ Смоленска“.

Паны надумались и взяли 20,000 рублей; кромѣ того, Украинцевъ далъ 5,000 бискупу Куявскому и маршалку конфедераціи. Оглушая Украинцева жалобами на грабежи отъ русскаго войска, Поляки ничего не говорили о своемъ шляхтичѣ Выжицкомъ, который зазвалъ къ себѣ въ гости, ѣхавшихъ чрезъ мѣстечко Дубъ, семеновскихъ гвардейцевъ и перерѣзалъ ночью сонныхъ,—двоихъ офицеровъ, сержанта отъ пушкарей и девять человѣкъ солдатъ. Петръ былъ сильно раздраженъ и велѣлъ объявить Польскому правительству: „Сіе мнѣ зѣло печально о такихъ добрыхъ офицерахъ и солдатахъ, которыхъ я съ молодыхъ лѣтъ съ собою растилъ; а ежели ихъ такъ здѣсь станутъ трактовать, то мы напередъ контровизитъ сдѣлаемъ“. На требованія Украинцева, чтобъ высланы были немедленно въ Брестъ коммисары и судьи на общіе суды, гетманы и бискупъ отвѣчали: „Мы знаемъ, что вы добиваетесь коммисаровъ и судей не для другихъ какихъ дѣлъ, а только для вершенія дѣла шляхтича Выжицкаго съ товарищами; и мы, радѣя царскому величеству, объявляемъ, чтобъ въ нынѣшнее время Выжицкаго съ товарищами въ Брестѣ не казнить, потому что онъ въ Польшѣ знатный шляхтичъ и имѣетъ свойство съ домами высокоблагородными; чтобъ оттого въ вольномъ нашемъ народѣ не поднялся ропотъ и не вкоренилась противность; и безъ того отъ разоренія и грабежей, которые причиняютъ главные офицеры-иноземцы, и казаки, и Калмыки, въ войскѣ, между всѣми сенаторами и шляхтою и всякихъ чиновъ обывателями, духовными и морскими,—великій вопль, вздохи и слезы, а на насъ, гетмановъ, нареканіе и злоба, будто мы за нихъ не стоимъ, тогда какъ и у насъ въ имѣніяхъ то же дѣлается; такъ мы совѣтуемъ, чтобъ Выжицкій съ товарищами за вину свою не былъ тутъ казненъ въ Брестѣ, и свезти подальше въ Литву, на Бѣлую Русь, или въ иное мѣсто, какъ Синицкаго, который и больше ратныхъ русскихъ людей побилъ, и казну пограбилъ, однако не казненъ“.

Въ концѣ года Украинцевъ писалъ Головкину: „Не вѣрятъ Поляки намъ и опасаются, чтобъ мы, оставя ихъ, не заключили съ Шведомъ миръ съ уступкою всего завоеваннаго. Въ нынѣшнее время помощи отъ нихъ намъ не ожидаю; больше всего смотрятъ и берегутъ своихъ интересовъ; говорилъ мнѣ бискупъ, что и то намъ отъ нихъ помощь, что въ нынѣшнее время лежатъ они неутралами, къ непріятелю не склоняются и на его предложенія отвѣчаютъ, что они въ союзѣ съ царскимъ величествомъ и отъ него не отступятъ. Казаковъ нашихъ хорошо бы съ ними не соединять; самъ я слышалъ отъ гетмана: если они съ нимъ соединятся, то онъ знаетъ, какъ съ ними поступать—либо цѣлы будутъ, либо пропадутъ. Хочетъ онъ, гетманъ, просить у гетмана Мазепы, именно полковниковъ Михайлу Бѣлоцерковскаго и Танскаго; оба они здѣшней стороны и казаки у нихъ въ полкахъ почти всѣ Палѣевцы;—опасно, чтобъ вовсе при нихъ не остались, и тамъ начало пристанищу польскому въ Украйнѣ не положили, потому что Поляки сдѣлаютъ ихъ полковниками здѣшнихъ же заднѣпровскихъ городовъ. Проговариваются, что если мы Украйны имъ не уступимъ, то будутъ ее заѣзжать. Теперь здѣшніе всѣ стали веселы и между собою банкетуютъ и пригарживаются, слыша, что непріятель со всею силою идетъ на насъ въ Литву; думаютъ, что и Станиславъ Лещинскій не отстанетъ отъ него. Гетманъ Синявскій о взятіи жены своей непріятелемъ печалился съ недѣлю; а пріѣхавъ во Львовъ, сталъ опять веселъ и едва не каждый день банкетуетъ“

Нейтральнымъ желаніемъ этихъ банкетующихъ господъ Петръ не могъ быть доволенъ. Чтобъ сосредоточить въ Польшѣ силы, противныя Карлу и Лещинскому, и дать имъ сколько-нибудь правильное движеніе, нуженъ былъ король, и, въ маѣ 1707 г., Петръ отправилъ ксендза Шамбека къ королевичу Якубу Собѣскому съ предложеніемъ польской короны. Шембекъ получилъ инструкцію: поспѣшивъ какъ можно скорѣе къ королевичу, изобразить ему правдивое и прилежное желаніе царскаго величества и становъ Рѣчи Посполитой къ персонѣ его милости, чтобъ онъ немедленно принялъ корону Польскую. Предложить всѣ способы, которыми королевичъ свободно на престолѣ удержаться можетъ, а именно, что царское величество ему какъ всѣми войсками, такъ и деньгами помогать будетъ и, не утвердя на престолѣ, не оставитъ. Прилежно стараться, чтобъ королевичъ самъ немедленно поспѣшилъ сюда на раду, или чтобъ немедленно секретнаго министра своего съ полною мочью и желаніемъ о коронѣ къ царскому величеству и къ Рѣчи Посполитой прислалъ, съ обнадеживаніемъ пріѣзда своего, какъ скоро будетъ выбранъ королемъ. Еслибы королевичъ Якубъ самъ не захотѣлъ принять короны и согласился бы на ея счетъ съ братомъ своимъ Александромъ, то трактовать точно такъ же и съ послѣднимъ. Если оба королевича подлиннаго рѣшенія не дадутъ, и станутъ проволакивать время, то объявить имъ, что это уже послѣднее отъ царскаго величества предложеніе, и государь немедленно станетъ заботиться о избраніи новаго короля мимо ихъ. Если королевичъ согласится принять корону и потомъ будетъ лишенъ ея Шведами, то царь обязывался дать ему и женѣ его въ пожизненное владѣніе одну изъ пограничныхъ западныхъ русскихъ провинцій.

Собѣскій не рѣшился вступить въ борьбу съ непобѣдимымъ королемъ и отказался отъ царскаго предложенія. Смѣлѣе былъ поднявшійся противъ императора Седмиградскій князь Рагоци, уполномоченные котораго заключили 4 сентября договоръ съ Головкинымъ, кн. Григоріемъ Долгорукимъ и Шафировымъ. Рагоци обѣщалъ Петру принять Польскую корону, если будетъ выбранъ вольными голосами; Петръ давалъ ему тѣ же обѣщанія, какія и Собѣскому. Между прочимъ, было условлено: если Шведъ въ нынѣшнюю кампанію въ Польшу не пойдетъ, то королевскіе выборы отложить, а между тѣмъ, при посредничествѣ Франціи и Баваріи, попытаться заключить миръ съ Шведами; но переговоры по этому поводу не должны продолжаться болѣе четырехъ мѣсяцевъ, начиная съ перваго сентября стараго стиля; если, по истеченіи этого времени, переговоры не поведутъ ни къ чему, то Рагоци безъ дальнѣйшаго отлагательства долженъ принять Польскую корону; если Шведъ со всѣми силами возвратится въ Польшу, то Рагоци не долженъ считать этого препятствіемъ къ принятію короны. Царь обѣщаетъ приводить добрыми способами императора къ возвращенію вольности венгерской и седмиградской[1]. Рагоци принималъ корону только при условіи выбора вольными голосами; но избиратели удерживались постоянными внушеніями изъ Саксоніи, что король Августъ не думаетъ отказываться отъ Польской короны и непремѣнно явится въ Польшу съ войскомъ. То же самое давали знать царскіе агенты при германскихъ дворахъ Урбихъ и Литъ, пересылая обѣщанія и требованія стараго союзника. Головкинъ писалъ по этому случаю Петру изъ Минска 21 ноября: „Изволишь намъ на Августово дѣло и требованіе послѣднее свое изволеніе прислать, а мы подаемъ вашему величеству по должности своей въ разсужденіе, что, како мы чаемъ, едва ли онъ безъ дачи денежной предъ выѣздомъ еще изъ Саксоніи тотъ договоръ съ вашимъ величествомъ совершить склонится-ль. А давать ему деньги, не видавъ подлинной надежды къ выходу его и къ начинанію противъ Шведа паки войны, не можетъ никто совѣтовать. И мы писали къ Литу, дабы онъ въ пріѣздъ Флеминга (Августова министра) въ Берлинъ всякимъ образомъ старался ихъ отъ того запросу ясными доводами, что того чинить безъ самаго дѣйства и начинанія Августова невозможно, а то дѣйство ничѣмъ инымъ, кромѣ вступленія его въ Польшу, утвердиться не можетъ. И тако той дачи ему отъ вашего величества давать напередъ не мочно".

Наконецъ къ Головкину явился посланный отъ Августа Шпигель съ просьбою, чтобъ его непремѣнно отпустили къ царю для личныхъ объясненій: „Разсудили мы за благо", писалъ Головкинъ царю 24 декабря: „Шпигеля отпустить къ вашему величеству, у котораго, государь, изволишь доношеніе Августово въ удобное время выслушать и отправить его съ милостію, дабы тѣмъ Августа о склонности вашего величества къ нему весьма увѣрить и къ скорому выходу въ Польшу охоты ему додать"[2].

Но безъ рѣшительнаго военнаго успѣха съ русской стороны нельзя было додать Августу охоты къ скорому выходу въ Польшу. Такъ же напрасны были старанія заключить сколько-нибудь выгодный миръ съ Швеціею при посредствѣ западныхъ державъ. Въ январѣ 1706 года, передъ отъѣздомъ своимъ въ Бѣлоруссію, навстрѣчу Карлу XII, царь, будучи у голландскаго резидента фанъ деръ-Гульста, сказалъ ему: „Эта война мнѣ тяжка не потому, чтобъ я боялся Шведовъ, но по причинѣ такого сильнаго пролитія крови христіанской; если, благодаря посредничеству Штатовъ и высокихъ союзниковъ, король Шведскій склонится къ миру, то я отдамъ въ распоряженіе союзниковъ противъ обрщаго врага (Франціи) тридцать тысячъ моего лучшаго войска". Голландія отмолчалась; попробовали затронуть Англію.

Еще въ 1705 году пріѣхалъ въ Москву чрезвычайный Англійскій посланникъ Витвортъ для исходатайствованія торговыхъ выгодъ, и, въ разговорѣ съ Головинымъ, распространился о доброжелательствѣ своей королевы къ его царскому величеству; утверждалъ, что англійскому посланнику въ Швеціи наказано предлагать посредничество королевы къ примиренію между Швеціею, Россіею и Польшею, и если у царскаго величества и у короля Польскаго придетъ къ генеральному миру съ Шведомъ, то королева готова быть посредницею и будетъ искать пользы Россіи. Головинъ спросилъ, не имѣетъ ли посланникъ отъ королевы какого указа о предложеніи посредничества къ примиренію

---

[1] Моск. архивъ Мин. Ин. Д., Польскія дѣла 1707 г.

[2] Письма Головкина въ Государств. Архивѣ, и въ Москов. архивѣ Мин. Ин. Д.

Россіи и Польши съ Швеціею. Витвортъ отвѣчалъ, что ему наказано предложить королевино посредничество, смотря по поступкамъ Шведскаго короля, по его намѣренію и склонности къ миру; но теперь, ѣдучи дорогою, былъ онъ нарочно въ Силезіи и Данцигѣ, и провѣдалъ подлинно, что у Шведскаго короля нѣтъ никакой склонности къ миру, поэтому онъ не можетъ ничего предложить царскому величеству. Въ концѣ 1706 года, Петръ велѣлъ ѣхать въ Англію Андрею Артамоновичу Матвѣеву: „Понеже сіе мѣсто нынѣ принципальное въ мочи у всего аліпрта“. Матвѣевъ долженъ былъ напомнить королевѣ Аннѣ обѣщаніе посредничества, данное чрезъ Витворта, просить немедленно приступить къ дѣлу и представить, что въ благодарность за это царь вступитъ въ ихъ великую аліанцыю. Если, сказано въ инструкціи Матвѣеву, англійскіе министры станутъ отговариваться, что теперь имъ это посредничество нельзя предложить Шведу за французскою войною, Шведъ его не приметъ, то отвѣчать, что они должны приступить къ дѣлу для собственной пользы: нельзя имъ позволять Шведу такъ усиливаться, потому что онъ ясно держитъ сторону Франціи, вопреки своимъ обѣщаніямъ вступилъ въ области Германской имперіи и самовластно распоряжается въ Саксоніи, разоряетъ ее до основанія, чтобъ дать отдыхъ Французу и поддержать венгерскій бунтъ. Если англійскіе министры спросятъ, какая польза имъ будетъ отъ союза съ царскимъ величествомъ, то объявить, что царь пошлетъ войска свои, куда имъ будетъ нужно, доставитъ матеріалъ на ихъ флотъ, можетъ послать войска свои въ Венгрію для укрощенія тамошняго бунта, который такъ вреденъ союзникамъ, оттягивая силы Австріи и давая отдыхъ Франціи. Союзникамъ легко принудить Швецію къ миру: стоитъ только послать эскадру въ Балтійское море и возбудить короля Датскаго и другихъ князей имперіи. Что же касается условій мира между Россіею и Швеціею, то царь отдаетъ это дѣло на волю королевы, выговаривая одно, чтобъ возвращенное въ нынѣшнюю войну его оружіемъ отеческое достояніе осталось за Россіею; царь отказывается отъ всякихъ великихъ запросовъ и даже обѣщаетъ нѣкоторую уступку и относительно основнаго требованія. Посолъ долженъ былъ объяснить, какъ выгодно будетъ для Англичанъ, когда Россія получитъ удобныя пристани на Балтійскомъ морѣ: русскіе товары будутъ безопасно, скоро, нѣсколько разъ въ годъ перевозиться въ Англію, не такъ, какъ теперь изъ Архангельска; русскіе товары станутъ дешевле, потому что балтійскія пристани близко отъ Москвы и отъ другихъ значительнѣйшихъ городовъ и водяной путь къ нимъ удобный. Матвѣевъ могъ предложить немедленно же написать торговый трактатъ. Въ черновой инструкціи было тутъ приписано: „Буде потребно, мочно во обнадеживаніе ихъ написать, что не изволите великихъ воинскихъ флотовъ на томъ морѣ имѣть“. На это Петръ собственноручно написалъ: „Зѣло потребно, только о числѣ (т. е. кораблей) еще прежде времени не давать знать“.

Если посолъ, продолжаетъ инструкція, увидитъ невозможность уговорить Англійскій Дворъ исполнить желаніе царскаго величества, то долженъ искать способа какъ бы склонить на свою сторону Малбурка и казначея Годольфина и секретаря сѣверныхъ посольскихъ дѣлъ, и обѣщать имъ немалые подарки; поступать при этомъ осторожно, развѣдавъ, склонны-ль эти министры ко взяткамъ, также остерегаться, чтобъ даромъ чего не раздать. Здѣсь Петръ собственноручно написалъ: „Не чаю, чтобъ Малбурка до чего склонить, понеже чрезъ-мѣру богатъ, однакожъ обѣщать тысячъ около двухъ сотъ или больше“.

По желанію Англійскаго Двора, Матвѣевъ могъ заключить договоръ и съ министрами другихъ союзниковъ. Послѣдняя статья черновой инструкціи оканчивалась вопросомъ: если союзники возьмутся устроить миръ только на томъ условіи, чтобъ за Россіею осталась одна гавань на Балтійскомъ морѣ, а всѣ другія завоеванія возвратить Шведу, то какъ тутъ поступать Матвѣеву? На это Петръ написалъ: „Въ сей статьѣ не отказывать; но испросить на доношеніе, такожъ и о границѣ; будеже по самой крайней мѣрѣ (о чемъ надлежитъ смотрѣть подъ потеряніемъ живота) придетъ дотого, что ни времени не дадутъ на описку, а скажутъ такъ—или дѣлать, или больше примать не будутъ, то чинить свободный договоръ, однакожъ граниченіе безъ описки отнюдь не дѣлать, и сіе чинить видя послѣднее“.

Въ началѣ мая 1707 года пріѣхалъ Матвѣевъ въ Лондонъ и далъ знать въ Россію, что „съ перваго случая нашелъ къ себѣ обхожденіе господъ Англичанъ пріятное; только изъ внутренняго исполненія дѣйствъ больше буду ожидать впредь, нежели изъ внѣшностей“. Трудности не замедлили представиться: правленіе не самодержавное, безъ парламента королева ничего сдѣлать не можетъ, а главное двѣ факціи—тори и виги: одни держатъ сторону королевы и ея союзниковъ, другіе—сторону наслѣдника изъ дому Ганноверскаго и его союзниковъ, т. е. Шведовъ, вслѣдствіе чего Англійскій Дворъ представился Матвѣеву многоличнымъ. Представившись королевѣ, Матвѣевъ имѣлъ конференцію съ государственнымъ секретаремъ Гарлеемъ, по требованію котораго подалъ письменное предложеніе о союзѣ. Отвѣта на это предложеніе долго не было. Матвѣевъ объяснялъ эту медленность тѣмъ, что Англійское правительство находится въ большомъ затрудненіи: съ одной стороны боится затронуть могущественнаго короля Шведскаго, находящагося въ Германіи, съ другой—не хочетъ оскорбить и Русскаго царя, съ государствомъ котораго Англичане производятъ такую выгодную торговлю. Матвѣевъ ѣздилъ въ Виндзоръ съ докуками, чтобъ занялись поскорѣе его дѣломъ; одинъ отвѣтъ — недосугъ. Матвѣевъ сердился; особенно сердился онъ на англійскихъ купцовъ, торгующихъ съ Россіею, что не помогали ему ни въ чемъ своимъ вліяніемъ, какъ по главному дѣлу о союзѣ, такъ и въ его требованіяхъ, чтобъ Англія не признавала Лещинскаго королемъ Польскимъ и не гарантировала Альтранштадтскій миръ; онъ писалъ Головкину, что въ Россіи надобно поприжать англійскихъ купцовъ и такимъ образомъ заставить ихъ проснуться и хлопотать за русскіе интересы: „Много я потерялъ труда, ходя за тѣми мужиками, англійскими купцами; но они, кромѣ одного Стельса, не только не оказали мнѣ никакой помощи, даже и отвѣта не дали, и никого изъ нихъ я у себя не видалъ, только разъ были у меня по моемъ пріѣздѣ съ своими разсказами суетными“.

Наконецъ Гарлей въ пріятельскомъ разговорѣ самъ объявилъ Матвѣеву, что русское дѣло отложено по той причинѣ, что королева при настоящихъ обстоятельствахъ не хочетъ ссориться ни съ Россіею, ни съ Швеціею, тѣмъ болѣе что Карлъ XII объявилъ рѣшительно, что не затронетъ Австріи. Держать однако Матвѣева слишкомъ долго безъ отвѣта было нельзя, и, въ концѣ августа, сама королева объявила ему, что готова вступить съ царемъ въ великій союзъ. Въ началѣ сентября пріѣхалъ къ нему Гарлей потолковать о содержаніи отвѣтной грамоты королевиной къ царю; въ грамотѣ королева объявляла явно о своемъ вступленіи съ царскимъ величествомъ въ великій союзъ, и, какъ скоро получится на это согласіе Голландіи, обѣщала немедленно объявить, на какихъ условіяхъ этотъ союзъ долженъ быть заключенъ, причемъ королева изъявила желаніе заключить особый торговый трактатъ для общей пользы обоихъ государствъ. Гарлей сообщилъ Матвѣеву подъ великою тайною, что англійскій посланникъ уже обѣщалъ шведскимъ министрамъ дать денегъ за избавленіе Паткуля отъ смерти. „Впрочемъ“, прибавилъ Гарлей, „это дѣло домашнее: публично королева въ него не вмѣшивается, только думаю, что Паткуль спасется отъ смерти“. Марльборо писалъ къ Матвѣеву, что употребитъ все свое стараніе у Штатовъ, чтобъ побудить ихъ согласиться на принятіе Россіи въ великій союзъ; но Матвѣевъ мало полагался на эти обѣщанія, и написалъ къ оставленному имъ въ Гагѣ русскому агенту Фандербургу, чтобъ разузналъ, какъ будетъ дѣйствовать Марльборо по русскому дѣлу, сходно ли будетъ его поведеніе съ словами и обѣщаньями, или объявится медъ на языкѣ, а желчь въ сердцѣ.

Теперь пришелъ чередъ Штатамъ медлить; прошелъ сентябрь, октябрь—нѣтъ отвѣта. На докуки Матвѣева англійскіе министры отвѣчали, что они ничего не могутъ сдѣлать до возвращенія Марльборо изъ Голландіи. „Здѣшнее министерство“, писалъ Матвѣевъ Головкину, „въ тонкостяхъ и пронырствахъ субтельнѣе самихъ Французовъ, отъ словъ гладкихъ и безплодныхъ происходитъ одна трата времени для насъ“. 9 ноября пріѣхалъ Марльборо въ Лондонъ и на другой же день посѣтилъ Матвѣева: долго разговаривали они одинъ-на-одинъ; Марльборо разсказывалъ подробно о своихъ стараніяхъ въ Голландіи, чтобъ заставить Штаты согласиться на принятіе Россіи въ союзъ; Штаты склонны къ этому, но надобно хлопотать, чтобы другіе союзники согласились, а это дѣло трудное по настоящему военному времени; впрочемъ надобно имѣть полную надежду, что королева исполнитъ все по желанію царскаго величества. Матвѣевъ рѣшился просить герцога, чтобъ онъ, какъ честнѣйшій человѣкъ, сказалъ прямо, безъ сладкихъ обѣщаній, можетъ ли царь чего-нибудь надѣяться или нѣтъ. Марльборо въ отвѣтъ разсыпался въ обнадеживаніяхъ и обѣщаніяхъ всякаго рода. Но одними этими обнадеживаніями и обѣщаніями и надобно были ограничиться [1]).

На континентѣ вошелъ въ сношенія съ Марльборо царскій агентъ Гюйсенъ. Герцогъ объявилъ ему, что готовъ содѣйствовать видамъ царя, если ему дано будетъ княжество въ Россіи. Когда Головкинъ далъ знать Петру объ этомъ, то получилъ отвѣтъ: „Отвѣтствовать Геезену на его вопрошеніе, что дукъ Малбургъ желаетъ княжества изъ Русскихъ; на что отписать къ Геезену, и если то такъ и вышереченный дукъ къ тому склоненъ, то обѣщаетъ ему изъ трехъ, которыя похочетъ—Кіевское, Владимірское или Сибирское, и притомъ склонять его, чтобъ оный вспомогалъ у королевы о добромъ миру (съ) Шведомъ; обѣщать ему, ежели онъ то учинитъ, то съ онаго княжества по вся годы жизни его непремѣнно дано будетъ по 50,000 ефимковъ, такожъ камень-рубинъ, какого или нѣтъ, или зѣло мало такого величества въ Европѣ, такожъ и орденъ Св. Андрея присланъ будетъ“ [2]). Дѣло не пошло далѣе. Никакое посредство не могло имѣть дѣйствія при твердо выраженной волѣ Петра: „По самой нуждѣ и Нарву (Шведу) уступить, а о Питербурхѣ всѣми мѣрами искать удержать за что-нибудь, а о отдачѣ онаго ниже въ мысляхъ имѣть“ [3]). Такъ весною 1707 года, посредствомъ французскаго посла при Рагоци, Дезальера сдѣлано было предложеніе Людовику XIV быть посредникомъ при заключеніи мира между Россіею и Швеціею на приведенномъ условіи, за что Петръ обѣщалъ Людовику свои войска, которыя король могъ употребить по своему желанію. Дѣло началось, но Карлъ XII отвѣчалъ, что согласится на миръ только тогда, когда царь возвратитъ все завоеванное безъ исключенія и вознаградитъ за военныя издержки; что онъ, Карлъ, скорѣе пожертвуетъ послѣднимъ жителемъ своего государства, чѣмъ согласится оставить Петербургъ въ рукахъ царскихъ [4]).

Такъ же мало было надежды и у Вѣнскаго Двора, при которомъ находился въ это время Гюйсенъ.

---

[1]) Москов. архивъ Мин. Ин. Дѣлъ, Англійскія дѣла 1707 года.—Донесенія голландскихъ резидентовъ.

[2]) Письма Петра В. въ Государ. Архивѣ.

[3]) Письма Петра В. въ Государ. Архивѣ.

[4]) Москов. архивъ Мин. Ин. Дѣлъ, Французскія дѣла 1707 года.

Онъ писалъ 19 марта 1707 года: „Непріятель нашъ не спитъ и старается у другихъ народовъ привести нашъ народъ въ ненависть; шведскіе министры внушаютъ при всѣхъ Дворахъ, что царское величество, благодаря своему многочисленному и хорошо обученному войску, можетъ современемъ предпринять наступательное движеніе на другихъ государей и преодолѣть ихъ скиоскимъ подобіемъ. Царевичу своему велѣлъ быть въ Польшу, чтобъ его или князя Александра Меншикова сдѣлать королемъ Польскимъ; главный интересъ сосѣднихъ государей требуетъ препятствовать всѣми средствами, чтобъ царское войско и флотъ не могли придти въ лучшій порядокъ. Эти внушенія имѣютъ силу здѣсь: Цесарь призналъ Станислава королемъ; и думаю, что никогда не будетъ просить царское величество о посылкѣ въ Венгрію московскихъ войскъ. Когда была здѣсь рѣчь, что царское величество согласится, по Цесаревой просьбѣ, послать нѣсколько тысячъ московскихъ казаковъ въ Седмиградскую Землю для склоненія Венгровъ къ миру, то цесарскіе министры, склонные къ шведской сторонѣ, разсуждали, что никакъ нельзя на это согласиться: царь можетъ утвердиться въ Венгріи, опершись на живущихъ здѣсь Сербовъ Греческой вѣры“.

Гюйсенъ имѣлъ порученіе предложить отъ имени царя Польскую корону знаменитому императорскому полководцу, принцу Евгенію Савойскому. Гюйсенъ написалъ объ этомъ Евгенію въ Миланъ, и тотъ отвѣчалъ Петру 3 мая, что останется вѣчно благодаренъ за такое милостивое расположеніе къ его особѣ; но, находясь въ императорской службѣ, онъ не можетъ ничего сдѣлать безъ вѣдома императора, и всего менѣе думаетъ оставить службу послѣдняго; кромѣ того, онъ находится теперь вдали отъ Двора и наканунѣ открытія кампаніи. Гюйсенъ отправился въ Миланъ и къ Евгенію, чтобъ лично настаивать на принятіи царскаго предложенія. Евгеній далъ знать Петру отъ 12 мая, что отправилъ нарочнаго курьера къ императору съ извѣщеніемъ о царскомъ предложеніи. Какой былъ полученъ отвѣтъ отъ императора,—неизвѣстно; только въ іюнѣ Гюйсенъ доносилъ изъ Вѣны, что императоръ и принцъ Евгеній охотно приняли бы царское предложеніе, только императору хотѣлось бы, чтобъ царь и Рѣчь Посполитая отложили избраніе до окончанія войны. Этимъ дѣло и кончилось.

Отношенія къ Пруссіи очерчены всего лучше въ письмѣ Петра къ Шафирову (отъ 24 сентября 1706 года): „Прусскому посланнику много нечего говорить, только что мы дружбу его всегда ищемъ, чего для и Измайлова послали; а частыя перемѣны зѣло смущаютъ, и нельзя знать при чемъ ставятъ, понеже повсягды разныя, также и предложенія несносныя, которыхъ никогда принять невозможно; а посланнику благодари о его доброжеланіи“. Въ чемъ состоялъ наказъ отправленному въ Берлинъ Измайлову,—видно изъ слѣдующаго письма къ нему Головкина въ январѣ 1707 года: „Изволишь всячески трудиться противъ даннаго вамъ наказу, дабы его королевское величество воспріялъ медіаторство къ пользѣ его царскаго величества между королемъ Шведскимъ; буде же на то не изволитъ поступить, то-бъ изволилъ подтвердить прежній союзъ и объявилъ бы себя нейтральнымъ, и въ томъ бы изволилъ весьма обнадежить и дать письмо, чтобъ его царское величество весьма въ надеждѣ доброй пребывать могъ. И буде такое письмо его королевское величество соизволитъ дать, то и ваша милость изволь, взаимно присовокупя о томъ особливую статью къ прежнему союзу, дать, написавъ за своею рукою, и твердо обнадежить, что его царское величество въ непремѣнной дружбѣ съ его королевскимъ величествомъ быти желаетъ; однакожъ наипаче всего изволь по всякой возможности трудиться, дабы его королевское величество воспріялъ медіацію. Что же изволишь упоминать о обѣщаніи министрамъ денегъ и совѣтуешь, дабы г. графа Вартенберга чѣмъ удовольствовать, то изволь ему, если что онъ учинитъ у своего короля къ пользѣ его царскаго величества, обѣщать знатное число суммы, и такъ обѣщай, что ежели въ добромъ медіатерствѣ обяжутся, то ему при томъ же подписаніи и заплачено будетъ; а хотя-бъ со стороны царскаго величества нѣкоторая изъ завоеванныхъ мѣстъ знатная часть и уступлена была, однакожъ чтобъ миръ благополучной полученъ былъ, то и за то ему, графу, или кому инымъ, причиннымъ къ тому, обѣщать хотя и до ста тысячъ ефимковъ“.—Ничто не помогало.

Данію также тщетно старались вовлечь снова въ войну противъ Швеціи, предлагая Дерптъ и Нарву [1]. Хлопоча повсюду на западѣ о прекращеніи опасной войны со Шведомъ, царь еще сильнѣе долженъ былъ хлопотать на востокѣ, чтобъ эта война не стала еще опаснѣе чрезъ присоединеніе къ ней войны Турецкой. Мы оставили русскаго посла Петра Толстого въ Константинополѣ въ 1705 году, когда ему удалось освободиться отъ стѣсненій, причиненныхъ навѣтами турецкаго посла, бывшаго въ Москвѣ. Послѣ этого Толстой началъ присылать успокоительныя вѣсти: „О начатіи Турками войны въ какую нибудь сторону вовсе не слышится, только султанъ очень прилежно собираетъ деньги, и то, какъ видно, чтобъ удовольствовать янычаръ, боясь отъ нихъ бунтовъ. Нынѣшній визирь никакого дѣла сдѣлать не умѣетъ, ни великаго, ниже малаго, и потому я теперь сижу безъ дѣла и ни о чемъ съ министрами ихъ говорить не могу; также и министры ихъ, видя визирское неразсудство, ни въ какія дѣла не вступаютъ“. Въ концѣ года Головинъ писалъ Толстому наставленіе—слушаться совѣтовъ Іерусалимскаго патріарха, посылать письма только черезъ старыхъ друзей, не отпускать въ Москву Грековъ, мастеровыхъ людей и матросовъ, потому что они лживы. Толстой отвѣчалъ въ январѣ 1706 года: „Совѣтоваться съ святѣйшимъ патріархомъ, ей, усердно радъ, только-бъ изволилъ подавать совѣтъ безбоязненно; письма посылать чрезъ старыхъ друзей всеусердно желаю, но въ то время, когда бываю въ утѣсненіи, опасаются они и не принимаютъ и въ нужныя времена бѣгаютъ, сыскать ихъ негдѣ, потому посылаю и черезъ другихъ, а когда мнѣ бываетъ свобода, тогда пріятели усердствуютъ изрядно. Грековъ отпускать къ Москвѣ не буду, потому что въ самомъ дѣлѣ отъ мала до велика всѣ лгутъ и вѣрить имъ отнюдь нельзя. Только прошу милости: если мнѣ великій государь укажетъ еще въ сихъ тягостяхъ быть, то мнѣ не занимать денегъ на мое пропитаніе невозможно, а занимать, кромѣ Грековъ, не у кого. Нынѣ извѣстно единому Богу, въ какой живу нуждѣ: изъ соболей, присланныхъ мнѣ въ годовое жалованье, до сего времени не продалъ ни одного и впредь ихъ скоро продать не надѣюсь, потому что на мою бѣду привезли нынѣшній годъ Греки въ Константинополь соболей больше пяти сотъ сороковъ, да Турки разгласили, чтобъ соболей, кромѣ визиря и султана, никто не носилъ, и потому теперь соболей никто не покупаетъ. Прошу милости, чтобъ мнѣ выдать жалованье деньгами въ домъ мой; особенно же милости прошу, умилосердитесь надо мною, сирымъ, для любви Сына Божія и для Пресвятыя Богородицы, заступите милостію своею, чтобъ меня, бѣднаго, указалъ великій государь перемѣнить: уже нынѣ строеніемъ Божіемъ и вашею вѣрною къ великому государю службою видится, что мирное состояніе конечно утвердилось, и кто нынѣ здѣсь ни будетъ, кажется, что можетъ пребывать безопасенъ“.

---

[1] Москов. архивъ Мин. Ин. Д., дѣла Австрійскія; Голикова—Дѣянія XI, стр. 183, 260. Дополненія къ Дѣян. VII, стр. 310.

Чтобъ приласкать полезнаго человѣка, заставить его служить безъ жалобъ на важномъ и тяжеломъ мѣстѣ, Петръ написалъ Толстому собственноручно письмо: „Господинъ амбасадеръ! Письмо ваше мы благодарно приняли, на которое и о иныхъ дѣлахъ писалъ къ вамъ пространнѣе господинъ адмиралъ. Что же о самой вашей персонѣ, чтобъ васъ перемѣнить, и то исполнено будетъ впредь; нынѣ же для Бога не поскучь еще нѣкоторое время быть, больше нужда тамъ вамъ побыть, которыхъ вашихъ трудовъ Господь Богъ не забудетъ, и мы никогда оставимъ“ [1]. Толстой пришелъ въ восторгъ: „Паче достоинства моего убожества“, писалъ онъ Головину, „благоизволилъ его величество явить ко мнѣ, послѣднѣйшему своему рабу, такую превеликую милость, за которую долженъ хотя бы и сто разъ умереть, исполняя его величества повелѣніе, и уже не только стужать челобитьемъ о перемѣнѣ моей, ниже мыслить сего возмогу, хотя бы и до конца жизни моей быть мнѣ въ сихъ трудахъ; со всякою радостію, съ веселымъ сердцемъ готовъ работать усердно и быть въ странствіи и бездомствѣ, и въ томъ дерзновеніи уже вельми раскаиваюсь, что дерзнулъ принести о перемѣнѣ моей рабское мое челобитье“.

Въ апрѣлѣ 1706 года опять произошла перемѣна визиря: новый визирь Али-паша, говорили, былъ человѣкъ добрый и разумный; принялъ онъ Толстого ласково. „Воистину“, писалъ Толстой, „зѣло убыточны частыя ихъ перемѣны, понеже всякому визирю и кегаѣ его посылаю дары немалые, и пропадаютъ оные напрасно; а не посылать невозможно, понеже такой есть обычай, и такъ чинятъ всѣ прочіе послы“.

Съ новымъ визиремъ Толстой не поладилъ по поводу ссоръ кубанскихъ Татаръ съ Донскими козаками. „Министры турецкіе“, писалъ Толстой 4 августа, „о ссорахъ кубанскихъ никакого опредѣленія до сего числа не сдѣлали; много я съ ними о томъ говорилъ, но визирь очень загордился и не только не хочетъ рѣшить дѣла по правдѣ, но и словъ моихъ не слушаетъ, и ни на одно мое предложеніе не отвѣчаетъ. Кажется, они такъ дѣлаютъ потому, что съ нашей стороны Татарамъ ни въ чемъ не противятся; а извѣстно, что народъ Турецкій неблагодаренъ,—кто имъ уступаетъ, того они больше презираютъ. Ктому же проклятые Волохи безпрестанно къ Портѣ пишутъ, веселя ее, будто рати великаго государя въ-конецъ побѣждены Шведами, и отъ этого Турки еще больше гордятся; о похищенныхъ людяхъ и о всякихъ вещахъ, что взяли Кубанцы, написать бы къ Крымскому хану не съ прошеніемъ, но посуровѣе, чтобъ не мыслили Турки, что мы изнемогли и ихъ боимся“.

Скоро явилась новая причина къ столкновенію. Толстой далъ знать, что пріѣхалъ отъ Крымскаго хана мурза Алей; съ нимъ ханъ писалъ къ Портѣ, что Татары, живущіе въ русскихъ областяхъ, прислали къ хану одного султанскаго сына и трехъ черныхъ Татаръ, и писалъ, что хотятъ изъ царскаго подданства выйти всѣ и переселиться въ Крымъ, потому что въ Россіи обижаютъ ихъ въ вѣрѣ, берутъ съ нихъ много денегъ, и свадебъ своихъ не могутъ они отправлять безъ русскихъ поповъ; чтобъ Крымскій ханъ прислалъ къ нимъ на помощь войско, и они съ женами и дѣтьми выйти изъ Россійскаго государство въ Крымъ могутъ. Ханъ просилъ у Порты позволенія дать требуемую помощь; визирь созвалъ совѣтъ, на которомъ муфти говорилъ, что по ихъ закону надобно принять Татаръ.

Все это было крайне опасно въ концѣ 1706 г., когда Россія должна была поднять одна всю тяжесть шведскаго нашествія. Опять стали думать, какъ бы занять Турокъ и отнять у нихъ возможность соединиться съ Шведами противъ Россіи; Толстой писалъ: „Премного я мыслилъ, какъ бы тайно побудить Порту на вступленіе въ войну съ цесаремъ; не могъ другого придумать, какъ согласиться тайно чрезъ переводчика съ посломъ французскимъ и чрезъ послѣдняго внушать объ этомъ Портѣ. Сначала стану говорить французскому послу: какъ жаль, что Порта подозрѣваетъ царское величество въ непріязненныхъ къ себѣ намѣреніяхъ, не вѣритъ, что царское величество непремѣнно хочетъ съ нею сохранять миръ, и не могу я одинъ ее въ томъ увѣрить, и желаю его помощи, потому что онъ Портѣ пріятель, и пусть будетъ между мною и Портою тайно медіаторомъ. Думаю, что онъ будетъ этому радъ, ибо ему то и надобно, чтобы Порта со стороны царскаго величества ничего не опасалась и скорѣе бы къ венгерскому дѣлу пристала. Потомъ, когда онъ въ дѣло вступитъ, можно ему внушить, что царское величество не будетъ мѣшать Портѣ управляться съ прочими сосѣдями, потому что теперь имѣетъ дѣло съ Шведами; думаю, что онъ за это схватится крѣпко, и потомъ, посмотря, если будетъ надобно, можно сказать ему и появнѣе. Итакъ надѣюсь на Бога, что къ этому дѣлу приступлю. А если бы французскій посолъ и захотѣлъ кому-нибудь объ этомъ объявить, хотя бы самому Цесарю,—не повѣрятъ, зная, что онъ этого желаетъ и потому затѣваетъ изъ своей головы. А самому мнѣ говорить объ этомъ Портѣ нѣтъ никакой возможности: вопервыхъ, подумаютъ, что мы нарочно хотимъ ихъ занять, чтобъ тѣмъ успѣшнѣе начать съ ними войну; во-вторыхъ, тотчасъ объявятъ объ этомъ Цесарю, потому что постоянно желаютъ ссорить христіанъ. Могъ бы я это сдѣлать, подкупивъ ближнихъ султанскихъ и визирскихъ людей, не ясно имъ открывая дѣло, подсылать съ нѣкоторыми приличными словами; однако и этого дѣлать нечѣмъ: просятъ большихъ дачъ, а мнѣ нечего давать, и опасаюсь, чтобы дача напрасно не пропала. Идутъ слухи, что Венгры усиливаются противъ Цесаря. Я подсылалъ къ визирю одного его ближняго человѣка съ вопросомъ: примутъ ли они Венгровъ или не примутъ. Визирь отвѣчалъ, что есть пословица: когда непріятель войдетъ въ воду до пояса, надобно ему подать руку и спасти его отъ потопленія; когда войдетъ по грудь, дать ему волю дѣлать что хочетъ, а когда уже войдетъ по горло, тогда надобно его пригнесть и безопасно утопить. Намъ теперь надобно смотрѣть, что будетъ дѣлаться у Венгровъ съ Цесаремъ".

---

[1] Голикова—Дѣянія X, стр. 392.

Дѣйствовать заодно съ французскимъ посланникомъ оказалось неудобно, потому что этотъ посланникъ началъ дѣйствовать противъ Россіи. Весною 1707 года Толстой далъ знать, что французскій посланникъ получилъ отъ своего короля приказаніе поссорить Порту съ Россіею, не щадя никакихъ иждивеній; посланникъ согласился тайно съ ханомъ Крымскимъ, который и прислалъ въ Константинополь своего визиря съ просьбою позволить Татарамъ идти на помощь Полякамъ, которые въ союзѣ съ Шведами. Ханъ писалъ, что онъ не смѣетъ и не хочетъ доносить Портѣ ничего о дѣлахъ московскихъ, потому что за такія донесенія отецъ его и братъ пострадали, но и молчать ему больше нельзя, потому что государь Московскій уже пришелъ къ нимъ въ близкое сосѣдство, овладѣлъ ключемъ Крымскаго острова—Каменцомъ-Подольскимъ, и тѣснитъ Крымъ съ двухъ другихъ сторонъ—Азовской и Запорожской, такъ что Татары не знаютъ—чего имъ больше ждать. Французскій посолъ, съ своей стороны, неусыпно промышляетъ какъ у визиря, такъ и въ султанскомъ домѣ; разослалъ письма къ ближнимъ султановымъ людямъ. „Узнавши объ этомъ", писалъ Толстой, „я разослалъ отъ себя письма къ тѣмъ же султанскимъ ближнимъ людямъ, потому что дѣло это надобно дѣлать очень тайно; не надѣюсь впрочемъ, чтобъ мои письма были приняты съ такою же любовію, какъ французскія, потому что французскій посланникъ посылалъ свои письма вмѣстѣ съ богатыми подарками, а Турки имѣютъ такой обычай, что отца родного и вѣру за подарки продать готовы. Теперь Турки въ раздумьи, и на которую сторону склонятся—Богъ вѣдаетъ. Признали полезнымъ послать къ русскимъ границамъ, въ городъ Бендеры, Юсуфъ-пашу, господаря Молдавскаго и Валахскаго, также румельскихъ тамаріотовъ и другихъ служилыхъ людей изъ Румеліи, подъ предлогомъ перестройки Бендерской крѣпости, а въ самомъ дѣлѣ опасаются внезапнаго нападенія. Это мнѣ не нравится, ибо ясно, что начинаютъ вѣрить лжамъ французскаго посла и бреднямъ татарскимъ; также послали указъ Крымскому хану, пашамъ въ Софію, Очаковъ, Керчь и другія мѣста, чтобъ были осторожны. Прибавилъ мнѣ тягость Юсуфъ-паша Силистрійскій: писалъ къ Портѣ, что московской границы безъ войска оставить нельзя; это письмо привело Порту въ большое сомнѣніе, потому что прежде онъ такъ не писывалъ".

Толстому удалось провѣдать въ султанскомъ домѣ содержаніе писемъ французскаго посла; содержаніе ихъ было таково: оружіе Цезаря Римскаго и царя Московскаго очень расширяется; чего же ждетъ Порта?—теперь время низложить оружіе нѣмецкое и московское, и утвердить свою державу, потому что Венгры вопіютъ о помощи. Если Порта не хочетъ начинать явной войны, то пусть позволитъ Татарамъ дѣйствовать противъ Москвы, а на помощь Венграмъ пошлетъ тайно тысячъ 8 или 10 Турокъ. Неполитично позволять одному государю стѣснять другого, а теперь царь Московскій покорилъ себѣ Польшу, стѣснилъ Швецію, держитъ въ своихъ рукахъ Каменецъ-Подольскій, посылаетъ на помощь Цесарю на Венгровъ нѣсколько тысячъ казаковъ. Но Порта должна смотрѣть, что эти оба государя другъ другу помогаютъ по одной причинѣ — чтобъ послѣ соединенными силами напасть на Турцію. Если Порта въ настоящее время Московскаго царя не утѣснитъ, то уже послѣ долго будетъ дожидаться такого благопріятнаго случая. Кромѣ того, царь Московскій имѣетъ постоянныя сношенія съ Греками, Валахами, Молдаванами и многими другими единовѣрными народами, держитъ здѣсь въ Константинополѣ посла безо всякой надобности, развѣ только для того, чтобъ посолъ этотъ внушалъ Грекамъ и другимъ единовѣрцамъ своимъ всякія противности. Посолъ московскій не спитъ здѣсь, но всячески промышляетъ о своей пользѣ, а Порту утѣшаетъ сладостными словами; царь Московскій ждетъ только окончанія Шведской и Польской войны, чтобъ покрыть Черное море своими кораблями и послать сухопутное войско на Крымъ; цесарь Римскій нападетъ съ другой стороны, и чтобъ не принудили мусульманъ убраться во внутреннюю Азію.

Но, благодаря неспособности и вялости тогдашняго Турецкаго правительства, внушенія эти остались тщетными, что Толстой приписывалъ дѣйствію своихъ писемъ. Совѣтъ, созванный султаномъ, рѣшилъ остаться въ мирѣ съ Россіею и смѣнить враждебнаго ей хана Казы-Гирея, на мѣсто котораго былъ назначенъ Капланъ-Гирей. Новому хану было внушено, что примѣръ предшественника долженъ научить его жить мирно съ Москвою. Толстой съ восторгомъ писалъ, что подарки французскаго посла пропали даромъ, а ему, Толстому, все дѣло стоило только—мѣхъ горностайный да четыре пары соболей. Толстой не долго радовался; въ серединѣ лѣта пошли у него большіе расходы: пріѣхалъ посланникъ изъ Польши отъ Лещинскаго на подмогу къ французскому послу; чтобъ заставить турецкихъ вельможъ не внимать враждебнымъ внушеніямъ, Толстой началъ на всѣ стороны разсылать соболи и шубы. Посредствомъ соболей онъ узналъ содержаніе письма Лещинскаго къ султану: Лещинскій просилъ позволить Татарамъ идти вмѣстѣ съ Поляками на Москву, представляя, что царь, стѣсненный съ разныхъ сторонъ Поляками, Турками, Татарами и Шведами, принужденъ будетъ отдать Азовъ и все, что только захочетъ султанъ; а если въ настоящее время Порта Полякамъ не поможетъ, то они поневолѣ должны будутъ соединиться съ царемъ и идти съ нимъ вмѣстѣ на Турокъ. Всему свѣту извѣстно, что царь имѣетъ намѣреніе начать войну съ Портою; Полякамъ говоритъ явно, чтобъ, помирясь, идти вмѣстѣ на Турокъ; для этого построилъ множество морскихъ судовъ, готовя ихъ на Черное море, и Полякамъ много разъ объявлялъ, будто подданные султанскіе, Греки, и прочіе христіанскіе народы готовы къ возстанію на Турокъ; а нѣкоторымъ Полякамъ по секрету показывалъ письма своего посла изъ Константинополя, и въ этихъ письмахъ говорится, что уже всѣ христіанскіе народы, живущіе въ турецкихъ областяхъ, готовы къ возстанію, и подписаны эти письма руками Грековъ и прочихъ христіанъ. Если Порта этому не вѣритъ, то можетъ произвести обыскъ въ домѣ русскаго посла. Послѣднее внушеніе подѣйствовало: нѣкоторые вельможи начали совѣтовать султану, чтобъ велѣлъ произвести обыскъ у Толстого; но визирь представилъ, что такое оскорбленіе будетъ равнозначительно объявленію войны,—а готова ли къ ней Порта? Муфтій, получившій отъ Толстого два сорока соболей, прислалъ сказать ему, чтобъ былъ благонадеженъ, что онъ, муфтій, ему доброхотствовалъ, сколько могъ, съ нѣкоторыми людьми и бранился, и опредѣлено Поляка, присланнаго Лещинскимъ, вскорѣ выслать, и миръ съ Москвою содержать ненарушимо. То же самое прислалъ объявить Толстому и рейсъ-ефенди, получившій сорокъ соболей. Давая знать своему правительству о такомъ благопріятномъ оборотѣ дѣла, Толстой извѣщалъ между прочимъ, что по стараніямъ визиря, не любящаго способныхъ людей, задавлены двое самыхъ умныхъ пашей; это извѣстіе посолъ оканчиваетъ наивнымъ желаніемъ: „Дай Вышній, чтобъ и остальные всѣ передавились“ [1].

Петръ счелъ за нужное отправить посольство и въ Римъ; ему хотѣлось заставить папу дѣйствовать въ Польшѣ противъ Станислава Лещинскаго, какъ возведеннаго на престолъ Карломъ, врагомъ католицизма; но при этомъ, разумѣется, надобно было показать папѣ, что самъ царь—не врагъ католицизма. Въ 1707 году отправился въ Римъ подполковникъ гвардіи, князь Борисъ Ив. Куракинъ, *безъ характера*. Послѣ долгихъ споровъ насчетъ церемоній при представленіи папѣ, согласились, чтобъ Куракинъ, вмѣсто двухъ разъ, поцѣловалъ папу въ ногу только одинъ разъ. Въ рѣчи своей папѣ Куракинъ распространился о расположеніи царя къ Папскому престолу: онъ позволилъ свободное исповѣданіе Католической вѣры въ Москвѣ, позволилъ строить римскія церкви, далъ свободный проѣздъ черезъ Россію римскимъ миссіонерамъ, отправляющимся въ Китай и Персію; за все это царское величество желаетъ, чтобъ папа не признавалъ короля Станислава, а призналъ бы того, кто будетъ избранъ вольными голосами на сеймѣ. Кромѣ того, Куракинъ требовалъ, чтобъ папа послалъ сейму грамоту, въ которой бы объявилъ, что, согласно съ царемъ, онъ не признаетъ Станислава королемъ Польскимъ; въ противномъ случаѣ, говорилъ Куракинъ, если Шведамъ удастся, мимо папы, утвердить Станислава на престолѣ, то слѣдствіемъ будетъ уничтоженіе папской власти и даже совершенное уничтоженіе Римской церкви въ Польшѣ. На это отвѣчали, что папа не признавалъ и не призна̀етъ Станислава королемъ до тѣхъ поръ, пока вся Рѣчь Посполитая не призна̀етъ его своимъ королемъ; что такой же отвѣтъ данъ и королю Французскому, просившему папу признать Станислава. Куракинъ спросилъ: этотъ отвѣтъ будетъ ли выраженъ письменно въ грамотѣ папской къ царю? Ему отвѣчали, что папа не напишетъ этого въ грамотѣ; онъ и королю Французскому велѣлъ передать на словахъ свой отвѣтъ, потому что письменный отвѣтъ, когда будетъ узнанъ, произведетъ въ Польшѣ сильное неудовольствіе противъ папы: и теперь приверженцы Станислава грозятъ не признавать папскаго нунція за то, что папа медлитъ признаніемъ ихъ короля. Папа съ своей стороны требовалъ, чтобъ царь далъ грамоту за своею рукою о свободномъ отправленіи римскаго богослуженія и построеніи римскихъ церквей въ Россіи. Куракинъ отвѣчалъ, что если захотятъ построить римскую церковь въ Москвѣ или въ какомъ-нибудь другомъ городѣ, то безъ сомнѣнія получатъ позволеніе; царь не откажетъ дать и требуемую грамоту—только послѣ войны и смотря по тому, будетъ ли продолжаться къ нему доброе расположеніе папы [1].

---

[1] Моск. архивъ Мин. Ин. Д., Турецкія дѣла 1707 г.

Всѣ дипломатическія средства были употреблены для пріобрѣтенія посредниковъ при заключеніи мира съ условіемъ сохраненія Петербурга; дипломатическія средства не дѣйствовали. Въ Польшѣ всѣ дѣла шли „какъ молодая брага“, по выраженію Петра [2]. Нужно было взять войну на одни русскія плечи, и съ первыхъ же дней 1707 года царь распоряжается приготовленіями къ оборонѣ. 4 января онъ писалъ къ Апраксину: „Уже вамъ то подлинно извѣстно, что сія война надъ одними нами осталась; того для ничто такъ надлежитъ хранить яко границы, дабы непріятель или силою, а наче лукавымъ обманомъ не впалъ (и хотя еще не думаетъ изъ Саксоніи идти, однако все лучше управить заранѣе) и внутренняго разоренія не принесъ; того для ничѣмъ такъ чаю сему забѣжать, что отъ границъ указъ дать, дабы въ началѣ весны хлѣбъ ни у кого явно не стоялъ ни въ житницахъ, ни въ гумнахъ, такожъ и сѣна; но въ лѣсахъ — или въ ямахъ, или инакъ какъ (а лучше, въ ямахъ) спрятанъ былъ, такожъ для скота и своего людямъ собранія въ лѣсахъ же и болотахъ заранѣе не въ ближнихъ мѣстахъ отъ большихъ дорогъ каждый мѣсто себѣ уготовитъ того для, ежели непріятель похочетъ, обшедъ войско, впасть внутрь, тогда вездѣ ничего не найдетъ, а потомъ войскомъ сзади будетъ захваченъ, тогда самъ не радъ будетъ своему начинанію. Сіе надлежитъ заранѣе людямъ объявить, понеже сіе людямъ не безъ сомнѣнія или страха будетъ, однакожъ когда заранѣе увѣдаютъ, то въ нѣсколько недѣль обмыслятся и ни во что страхъ тотъ будетъ; тогда хотя и впрямь (чего еще и не чаемъ за помощію Божіею) то впаденіе будетъ, тогда не такъ будетъ людямъ страшно, понеже уже давно вѣдали, къ тому же и убытку такого не понесутъ отъ непріятеля. И сіе нѣсколькимъ персонамъ, кому надлежитъ вѣдать и которыя имѣютъ разсужденіе, объяви (а не всѣмъ), и чтобъ о томъ указы послать въ первыхъ числахъ апрѣля“.

Насчетъ обороны малороссійской границы Петръ писалъ гетману Мазепѣ 24 января: „Понеже уже вамъ не безызвѣстно есть, что уже сія война на однихъ насъ осталась, того для надлежитъ намъ вящее приготовленіе и осторожность имѣть, чтобъ заранѣе къ походу изготовиться и чтобъ по самой первой травѣ, въ маѣ подъ Кіевомъ стать, какъ для совершенія начатой фортеціи, а паче для обороны отъ непріятеля своихъ краевъ, о которомъ сказываютъ, что конечно намѣренъ въ первыхъ числахъ мая идти къ нашимъ краямъ, чего для надлежитъ вящее приготовленіе въ войскахъ имѣть; и понеже можете знать, что войско Малороссійское не регулярное и въ полѣ противъ непріятеля стать не можетъ, того для совѣтую вамъ довольное число лопатокъ и заступовъ велѣть взять съ собою, такожъ и добрую полковую артиллерію, дабы возможно у Днѣпра (ежели непріятель будетъ) въ удобныхъ мѣстахъ шанцами или окопами укрѣпиться и тѣмъ возбранить непріятелю ходъ въ свою Землю, такожъ дабы и въ украйныхъ городахъ отъ польскаго рубежа добрую осторожность имѣть и палисадами и прочимъ укрѣпить.—Собраться съ войскомъ у Кіева и Печерскій монастырь укрѣпить. Управя сіе, выступить къ Паволочи или гдѣ удобнѣе, а передовыхъ выслать до Полоннаго или далѣе для вѣдомости и голосу. Во время непріятельскаго приходу, осадя и управя Печерскій монастырь, уступить за Днѣпръ, а старый Кіевъ оставить. И того ради надлежитъ зѣло трудиться, дабы Печерскій монастырь какъ наскоряя укрѣпить и артиллерію управить, дабы при приходѣ непріятельскомъ безъ страха возможно сію фортецію оставить. Повинно все войско казацкое стать у Кіева въ 10 іюня конечно, чтобъ сего времени не испустить“.

Войско было пополнено новымъ наборомъ. Какъ были прибыльщики, которые доносили о возможности новыхъ источниковъ дохода, такъ были прибыльщики, которые давали знать о возможности взять гдѣ-нибудь рекрутъ. Брянскій житель, дворянинъ Безобразовъ, донесъ, что въ Брянскѣ и въ уѣздѣ и въ прочихъ тамошнихъ мѣстахъ умножилось подьячихъ и дьяковъ, и прочихъ нижнихъ чиновъ, а наипаче церковниковъ всякихъ, изъ которыхъ гораздо возможно довольное число набрать въ службу въ драгуны или въ солдаты. Петръ послалъ указъ: „Разобрать и годныхъ въ службу написать“ [3].

Карлъ XII давалъ время Петру распоряжаться. Была даже одно время надежда, что онъ завязнетъ въ Германіи такъ же, какъ прежде увязъ въ Польшѣ, потому что завелъ споры съ императоромъ, которые грозили окончиться войною; такъ, напримѣръ, онъ требовалъ религіозныхъ правъ протестантскимъ жителямъ Силезіи. Франція, разумѣется, хлопотала изъ всѣхъ силъ, чтобъ довести дѣло до войны и такимъ образомъ пріобрѣсти могущественнаго союзника; Англія и Голландія, наоборотъ, старались потушить споры; Марльборо явился къ Карлу въ Саксонію съ льстивыми словами: „Если бы полъ не препятствовалъ моей королевѣ, то она бы сама пріѣхала сюда, чтобъ видѣть государя, возбудившаго удивленіе всей Европы; я, ея подданный, въ этомъ случаѣ счастливѣе ея, и былъ бы еще счастливѣе, если бы могъ совершить нѣсколько походовъ подъ знаменами вашего величества, чтобъ дополнить мое военное воспитаніе“. Дѣло кончилось тѣмъ, что императоръ долженъ былъ уступить требованіямъ Карла. Робость, уступчивость со стороны перваго государя Европы, лесть со стороны знаменитаго полководца, побѣдителя войскъ Людовика XIV, вся эта слава, которая окружала молодаго Шведскаго короля въ Саксоніи, напоминаетъ историку славу, которая здѣсь же окружала въ ближайшее къ намъ время другого завоевателя. Обоихъ окружала эта слава передъ походомъ ихъ въ Россію, передъ тѣмъ, какъ звѣздѣ ихъ суждено было закатиться.

---

[1] Москов. архивъ Мин. Ин. Д., дѣла Папскаго Двора.

[2] Кабинетъ I, кн. № 24.

[3] Кабинетъ I, кн. № 20.

Только въ августѣ 1707 года шведское войско двинулось изъ Саксоніи. Оно имѣло отличный видъ: народъ былъ сытый, отлично обмундированный и вооруженный; при королѣ находилось 24,500 человѣкъ конницы, 20,000 пѣхоты; Левенгауптъ съ 16,000 въ Лифляндіи и Любекеръ съ 14,000 въ Финляндіи стояли наготовѣ, чтобъ по первому приказу вступить въ русскіе предѣлы. Немудрено, что при такихъ средствахъ въ головѣ Карла составлялись самые смѣлые планы; онъ говорилъ, что заключитъ съ Россіею миръ по-саксонски, онъ хотѣлъ свергнуть Петра съ престола и на его мѣсто возвести принца Якова Собѣскаго! Карлъ надѣялся, что ему много поможетъ неудовольствіе на Петра въ Россіи; еще въ концѣ 1706 года онъ сказалъ императорскому посланнику, что скоро хочетъ навѣстить варваровъ въ Москвѣ, въ осадѣ Нарвы и другихъ городовъ времени терять не будетъ, надѣется обойтись и безъ этого, потому что въ Москвѣ многіе князья ему преданы. Но въ Европѣ не всѣ готовы были поручиться за торжество Карла въ Россіи. Гюйсенъ писалъ изъ Вѣны въ сентябрѣ 1707 г., что Шведы идутъ нехотя, сами говорятъ, что почти совсѣмъ отвыкли отъ войны послѣ продолжительнаго покоя и роскошнаго житья въ Саксоніи. Поэтому нѣкоторые предсказываютъ побѣду Петру, если вступитъ съ Карломъ въ битву. Другіе говорятъ, что менѣе славы, но болѣе безопасности, если царь выведетъ свои войска изъ Польши и будетъ уменьшать силы непріятельскія частными стычками, внезапными наѣздами казацкими и разными военными хитростями[1].

Петръ уже давно рѣшилъ, что надобно избрать послѣднее. Прослышавъ о приближеніи Шведовъ, Меншиковъ выступилъ изъ Польши въ Литву и расположился съ кавалеріею въ Дзенцолахъ; фельдмаршалъ Шереметевъ съ пѣхотою сталъ въ Минскѣ. Послѣ военнаго совѣта въ мѣстечкѣ Меречѣ, Петръ распорядился, чтобъ въ Польскихъ владѣніяхъ отнюдь не вступать съ непріятелемъ въ генеральную баталію, а стараться заманивать его къ своимъ границамъ, вредя ему при всякомъ удобномъ случаѣ, особенно при переправахъ черезъ рѣки. Петръ, отдохнувши немного послѣ Гродна, опять переживалъ трудныя минуты. Онъ самъ сталъ замѣчать въ себѣ сильную раздражительность, какой не было со времени печальныхъ событій 1698 и 1699 годовъ. Такъ онъ сильно разсердился на Апраксина за то, что адмиралъ оставилъ безъ наказанія воеводъ, приведшихъ къ нему людей не въ надлежащемъ количествѣ, и написалъ ему жестокое письмо: „Что вы не сдѣлали ничего тѣмъ воеводамъ, которые къ вамъ не по указу довели людей, а отваливаете сіе на Московскіе Приказы, которое въ добро не можетъ причтено быть, но точію двумъ дѣламъ: или лѣности, или не хочете остудиться (разсориться)". Апраксинъ сильно оскорбился, и Петръ спѣшилъ возвратить жестокое слово; онъ написалъ ему: „Скорбите о томъ, что я вамъ писалъ о воеводахъ, и въ томъ для Бога печали не имѣйте, ибо я истинно не съ злобы къ вамъ, но въ здѣшнемъ житьѣ хотя что малая противность покажется, то приводитъ въ сердце"[2].

Съ запада шелъ сильный непріятель, противъ котораго нужно было напрячь всѣ силы,—а на востокѣ и юго-востокѣ кипѣлъ злой бунтъ.

Въ разсказѣ о вѣкахъ предшествовавшихъ было упоминаемо, что завоеванія Россіи на востокѣ, по Волгѣ, Камѣ и за Уральскими горами были быстры и легки повидимому, но побѣжденные дикари неравнодушно сносили русское подданство и возмущались при первомъ удобномъ случаѣ, особенно тѣ изъ нихъ, которые, будучи магометанами, смотрѣли на Турецкаго султана, какъ на естественнаго главу своего и ждали отъ него избавленія отъ ига христіанскаго. Тяжести, павшія на Русскихъ людей въ описываемое время, должны были пасть и на инородцевъ; но эти тяжести, какъ во всѣхъ отдаленныхъ областяхъ государства, увеличивались чиновническими злоупотребленіями, и породили сильное неудовольствіе, которымъ воспользовались люди, желавшіе свергнуть русское иго подъ знаменемъ магометанства.

Съ 1705 года между Башкирцами обнаружилось сильное волненіе; въ немъ обвиняли Уфимскаго коммисара Сергѣева, который притѣснялъ Башкирцевъ при сборѣ съ нихъ лошадей для войска и при отыскиваніи среди нихъ бѣглыхъ рекрутъ. Въ 1707 г. уфимскій Башкирецъ, назвавшись султаномъ, ѣздилъ въ Константинополь и Крымъ просить помощи дѣлу единовѣрцевъ; потомъ пробрался на Кубань, оттуда къ горскимъ народамъ, Чеченцамъ, Мичкисамъ, Аксайцамъ, и прельстилъ ихъ, выдавая себя за святаго и за султана Башкирскаго. Горцы провозгласили его своимъ владыкою. Скоро пристали къ нему Кумыки, аграханскіе казаки-раскольники, терскіе кочевые Окочены и Татары. Собравшись со всѣми этими народами, святой султанъ подошелъ 12 февраля 1708 года къ Терской крѣпости, сжегъ слободы и острогъ. Терскій воевода Романъ Вельяминовъ, послѣ долгаго сопротивленія, долженъ былъ уйти въ верхній городъ, гдѣ и былъ осажденъ врагами. Астраханскій воевода, Петръ Матвѣевичъ Апраксинъ, узнавши объ этомъ, послалъ къ Тереку моремъ 1,200 солдатъ, да степью нѣсколько сотъ вѣрныхъ Татаръ и 3,000 Калмыковъ. 26 февраля это войско напало на непріятеля подъ Терекомъ и разбило его на-голову; самъ султанъ раненый былъ взятъ въ плѣнъ. Но этимъ дѣло не кончилось: поднимая горскіе народы, для общаго магометанскаго дѣла, онъ успѣлъ переслаться съ своими Башкирцами,— и вся Башкирія взволновалась [1]).

---

[1] Fryxell I, 273; дѣла Австрійскія въ Моск. архивѣ Мин. Ин. Д.

[2] Кабинетъ I, кн. № 24.

Волненіе было тѣмъ опаснѣе, что у возставшихъ явился глава, назвавшійся ханомъ. Для поимки этого хана, 16 ноября 1707 года изъ Уфы посланъ былъ въ башкирскія волости Петръ Хохловъ съ отрядомъ въ 900 человѣкъ; съ нимъ отправились и Башкирцы, которые обѣщались вѣрно служить; съ другой стороны, отъ Казани, на помощь къ Уфѣ, шелъ Сидоръ Аристовъ съ коннымъ отрядомъ въ 770 человѣкъ, да полковникъ Иванъ Рыдарь съ солдатскими полками. Хохловъ встрѣтился съ мятежными Башкирцами въ урочищѣ Юрактау, въ 90 верстахъ отъ Уфы и въ 30 отъ Соловарнаго городка. Башкирцы, бывшіе съ нимъ, измѣнили и, соединясь съ своими, осадили отрядъ Хохлова на степи, гдѣ морили десять сутокъ, не давая ни пить, ни ѣсть, ни спать, и, когда Русскіе люди обезумѣли отъ голоду и безсонницы, воры разорвали обозъ, побили и взяли въ плѣнъ 400 человѣкъ, но съ 500 остальныхъ Хохловъ пробился и ушелъ въ Соловарный городокъ, откуда выручили его подоспѣвшіе Аристовъ и Рыдарь [2]).

Мятежъ разгорался все болѣе и болѣе, русскія села и деревни запылали. Казанскій вице-губернаторъ Кудрявцевъ писалъ царю 7 января 1708 г.: „Башкирское воровство умножается, и Татары Казанскаго уѣзда многіе пристали и многіе пригородки Закамскіе, также и на казанской сторонѣ Камы рѣки дворцовое село Елабугу осадили, и изъ тѣхъ пригородковъ Заинскъ, который отъ Казани разстояніемъ 200 верстъ, сожгли и людей порубили, а иныхъ въ полонъ побрали; а уѣздныхъ людей, Татаръ и Чувашу Казанскаго и Уфимскаго уѣздовъ воры Башкирцы наговариваютъ, будто ратныхъ людей посылаютъ прибыльщики безъ твоего указа, собою, и чтобъ вездѣ Русскихъ людей побивать, потому что они съ прибыльщиками единовѣрцы, и, собрався великимъ собраньемъ, хотятъ идти подъ Казань. Башкирцы, ходившіе на Яикъ съ торгами, говорили, что казаки говорили имъ, чтобъ Русскихъ людей, которые будутъ на нихъ, Башкирцевъ, наступать, рубили“ [3]).

Обязанность потушить пожаръ была возложена на боярина и воеводу князя Петра Ивановича Хованскаго. Понятно, что, готовясь къ отчаянной борьбѣ съ Карломъ, Петръ хотѣлъ прекратить Башкирскій бунтъ какъ можно скорѣе, и потому велѣлъ Хованскому попытаться уладить дѣло мирными средствами. 2 февраля 1708 года Хованскій послалъ изъ Казани толмача и ясачныхъ Татаръ для разговора съ ворами Башкирцами и Татарами; посланные встрѣтились съ ворами на Арской дорогѣ, въ 80 верстахъ отъ Казани, и говорили имъ: „Для чего они, воры, великому государю измѣнили и въ Казанскомъ уѣздѣ многія села и деревни, и церкви Божія выжгли, и людей порубили и покололи?“ Воры отвѣчали: все это они дѣлаютъ для того, чтобъ великому государю учинилось подлинно извѣстно; потому что напередъ сего къ нему, государю, къ Москвѣ на прибыльщиковъ о всякихъ своихъ нуждахъ посылали они свою братью ясачныхъ людей челобитчиковъ, и тѣ ихъ челобитчики были переиманы и биты кнутьемъ, а иные перевѣшаны, и отповѣди имъ никакія ни учинено; и чтобъ великій государь пожаловалъ, велѣлъ съ нихъ, Башкирцевъ, Татаръ, Вотяковъ и Черемисы, для ихъ скудости, новонакладную прибыль снять, и они отступятъ и пойдутъ въ домы свои [4]).

Давши такой отвѣтъ, мятежники пошли дальше, и во второй половинѣ февраля стояли уже въ 30 верстахъ отъ Казани; въ Казанскомъ уѣздѣ между Камою и Волгою и за Камою русскія и вотяцкія села и деревни почти всѣ были разорены, люди побиты или взяты въ плѣнъ. Отрядъ, подъ начальствомъ Осипа Бартенева, выступилъ изъ Казани по Арской дорогѣ и прогналъ воровъ въ Уфимскій уѣздъ; съ другой стороны станичный атаманъ Невѣжинъ сталъ успѣшно дѣйствовать изъ Сергіевска (гдѣ сѣра изъ воды бѣжитъ); лучшіе башкирскіе батыри не могли взять Билярска и были поражены на-голову Невѣжинымъ, у котораго было 200 Русскихъ да сотня Чувашъ. 22 февраля Хованскій выступилъ съ полками изъ Казани. Воры тотчасъ оробѣли и начали пересылаться съ нимъ. Кудрявцевъ говорилъ Хованскому, чтобъ воровскихъ обмановъ не слушалъ и учинилъ имъ военный страхъ. „Не учи меня!“ [5]) отвѣчалъ бояринъ и вступилъ въ переговоры. Мятежникамъ было объявлено прощеніе, только заводчикъ бунта, ханъ былъ казненъ. Но оставались уфимскіе Башкирцы. Не имѣя возможности при Шведской войнѣ послать значительные русскіе отряды на отдаленный востокъ, Петръ позволилъ собираться вольницѣ, которая бы изъ добычи истребляла воровскія жилища огнемъ и мечемъ. Кромѣ того, онъ хотѣлъ усмирить варваровъ съ помощію другихъ варваровъ. Въ январѣ 1708 года, стольникъ Иванъ Бахметевъ получилъ приказъ ѣхать въ калмыцкіе улусы въ тайнѣ Аюкѣ и уговорить его выслать 20,000 Калмыковъ противъ Башкирцевъ. Аюка далъ 20,000 Калмыковъ Бахметеву; но 22 мая прислали къ нему изъ Казани начальные люди грамоту, что воры Донскіе казаки, Игнашка Некрасовъ и Лунка Хохлачъ, вошли въ Камышенку и идутъ къ Саратову,—чтобъ онъ, Аюка, послалъ своихъ Калмыковъ на этихъ воровъ къ Саратову. Аюка, въ присутствіи Бахметева, сказалъ присланному изъ Казани: „По указу великаго государя я отдалъ всѣхъ своихъ людей вотъ ему, Бахметеву, на Башкирцевъ; у меня останется немного людей, которые мнѣ нужны на караулы и разъѣзды.“ Согласились раздѣлить Калмыковъ на два отряда. 10,000 отправить подъ Саратовъ противъ воровскихъ казаковъ, а другія десять тысячъ—съ Бахметевымъ на Башкирцевъ. 13 іюня явился въ войско къ Бахметеву Калмыкъ, который былъ на Яикѣ, и разсказалъ, что при немъ на Яикъ пріѣхали три Башкирца и говорили, что ихъ, Башкирцевъ, въ собраніи много, имѣютъ согласіе съ Каракалпаками, Киргизами, Донскими казаками и Кубанцами: положено у нихъ всѣхъ другъ друга не выдавать. Услыхавши такія вѣсти, Бахметевъ поспѣшно пошелъ впередъ, чтобъ не допустить Башкирцевъ до воровскаго соединенія; перешелъ рѣку Икъ, вступилъ въ жилища самихъ воровскихъ заводчиковъ,—крѣпкія и лѣсистыя мѣста, побилъ ихъ на многихъ бояхъ и загонахъ, жилища выжегъ, много побралъ полону, лошадей, скота, захваченъ былъ сынъ главнаго заводчика — муллы Измаила. Сначала Башкирцы положили-было не мириться: „Миромъ насъ Русскіе люди обманутъ“; но теперь, увидавши свое безсиліе, усмирились; мулла Измаилъ и батыри пріѣхали къ Бахметеву съ просьбою, чтобъ, по указу великаго государя, вины имъ отдать, и казали грамоту князя Хованскаго, въ которой говорилось о прощеніи: „А если мы теперь съ калмыцкимъ и русскимъ войскомъ бились, то виноваты и коранъ цѣловать станемъ“. Мулла цѣловалъ коранъ за всѣ четыре дороги, что Башкирцы измѣнять впредь не будутъ и полонъ весь отдадутъ.

---

[1]) Кабинетъ II, кн. № 7; донесеніе Петра Апраксина, 20 марта 1708 года.

[2]) Кабинетъ II, выписка о Башкирской войнѣ.

[3]) Письма Кудрявцева въ Государ. архивѣ.

[4]) Кабинетъ II, кн. № 7.

[5]) Письма Кудрявцева въ Госуд. архивѣ.

Несмотря на то, волненія все еще продолжались. Петръ Матвѣевичъ Апраксинъ, назначенный губернаторомъ въ Казань, писалъ въ февралѣ 1709 года: „О Башкирцахъ доношу: уже три года до меня и нынѣ стоятъ въ злодѣйственномъ своемъ упорствѣ и воровствѣ; и нынѣ по призыву отъ нихъ знатнаго вора пріѣхалъ къ нимъ изъ Каракалпакъ нѣкакой воръ, будто хановъ сынъ, тому, что у насъ кажненъ, дядя или братъ. Посланные мною къ Башкирцамъ пишутъ, что многіе обѣщаются стоять вѣрно, а иные злодѣйствуютъ“. Апраксинъ прислалъ при этомъ вѣдомость, чего восточной Украйнѣ стоилъ Башкирскій бунтъ: всего въ Казанскомъ и Уфимскомъ уѣздахъ пожжено и разорено было селъ и деревень 303; людей погибло и въ плѣнъ отведено 12,705 человѣкъ. Въ мартѣ Апраксинъ писалъ: „О тѣхъ Башкирахъ доношу тебѣ, государю,—народъ ихъ проклятый, многочисленный и военный, да безглавный, никакихъ надъ собою началъ, хотя-бъ такъ, какъ на Дону подобно атаманы,—и такихъ не имѣютъ, приняться не за кого, и чтобъ особно послать не къ кому“. Наконецъ въ апрѣлѣ Апраксинъ донесъ: „Башкирцы лучшіе люди, Кусюмъ съ товарищи, прислали выборныхъ людей, вины свои принесли и обѣщались служить и дани давать попрежнему“ ¹).

Въ то время, когда Башкирцы начали уже успокоиваться, бунтъ запылалъ тамъ, откуда уже давно ждали его недовольные,—на Дону: здѣсь наконецъ явился новый Разинъ. Мы видѣли, что Петръ уже давно сталъ требовать нарушенія основнаго казацкаго права, права принимать къ себѣ всякаго безъ отдачи. Побѣги изъ украинскихъ мѣстъ на Донъ все усиливались; помѣщики били челомъ государю, что они отъ этихъ побѣговъ разоряются, платятъ за бѣглыхъ всякія подати спуста,—велѣно взять съ двадцати дворовъ человѣка въ солдаты, а съ десяти дворовъ работника въ Петербургъ, а бѣглые крестьяне, живучи въ казачьихъ городкахъ, государевой службы не служатъ и податей не платятъ. Легко понять, какъ раздражали Петра эти указанія, что столько людей отбываетъ отъ службы и отъ податей. На Донъ шли царскія грамоты съ требованіемъ, чтобъ такіе-то и такіе крестьяне, поименованные въ челобитныхъ, были сысканы и отданы челобитчикамъ. Атаманы сыскивали нѣкоторыхъ и отдавали, но много оставалось на Дону: гдѣ ихъ всѣхъ сыскать, особенно когда искать не хочется! Атаманы и старые казаки уступали, волею-неволею, царскимъ требованіямъ; но эти требованія увеличивались все болѣе и болѣе; было видно, что время совершеннаго подчиненія вольной рѣки государству близко. Мы видѣли уже, что царь распорядился переводомъ казаковъ изъ однихъ мѣстъ на другія для населенія Азовской дороги. Въ маѣ 1705 года пошла на Донъ новая грамота: „Указали мы, великій государь, тѣ городки, которые поселены не по указу и не на шляхахъ, свесть, и жителей изъ тѣхъ городковъ перевесть и поселить за Сѣверскимъ Донцомъ по шляху, въ пристойныхъ мѣстахъ, и въ тѣ, и въ другіе городки бѣглецовъ и никакихъ пришлыхъ и работныхъ людей ни откуда отнюдь не принимать; за укрывательство такихъ бѣглецовъ казаки сосланы будутъ вѣчно на каторги, а пущіе заводчики безъ милости казнены будутъ; пришлыхъ людей, которые приняты послѣ 1695 года,—всѣхъ послать въ русскіе города, откуда кто пришелъ, потому что работники, будучи у нашихъ, великаго государя, дѣлъ, забрали въ зачетъ работы многія деньги, и, не хотя заработать, бѣгали и бѣгаютъ всегда въ тѣ города, а которые городки поселены по Сѣверскому Донцу до Азовскихъ походовъ, тѣмъ быть попрежнему“.

Вспыхнулъ Астраханскій бунтъ; Донъ повелъ себя хорошо, и царь за такое поведеніе, въ февралѣ 1706 года, пожаловалъ казаковъ войсковыми клейнотами, послалъ имъ перначъ серебряный съ каменьемъ золоченъ, бунчукъ съ яблокомъ и съ доскою и съ трубкою серебряною золоченъ, знамя большое, писаное на камкѣ золотомъ, шесть знаменъ камчатыхъ станичныхъ. Но Петръ, награждая казаковъ за вѣрную службу, не забылъ, что указъ 1705 года о сведеніи городковъ не былъ исполненъ. Въ 1706 году онъ отправилъ на Донъ прежнее требованіе: свесть городки, построенные послѣ Азовскихъ походовъ, не по указу и не на шляхахъ,

---

¹) Кабинетъ П, кн. № 9; дѣла Калмыцкія 1708 года въ Москов. архивѣ Мин. Ин. Д.

свесть, не дожидаясь новаго указа; а въ городкахъ, что на шляхахъ, жильцовъ всѣхъ переписать, старожильцевъ казаковъ оставить для почтовой гоньбы, потому что чрезъ тѣ городки установлена будетъ къ Черкаску и до Азова обыкновенная ради скорости почта; а новопришлыхъ людей выслать въ тѣ мѣста, откуда кто пришелъ [1]).

Новопришлыхъ людей не высылали, и число ихъ увеличивалось все болѣе и болѣе. Въ какихъ размѣрахъ происходило въ описываемое время бѣгство крестьянъ, можно судить изъ слѣдующихъ донесеній: „Въ нынѣшнемъ 1706 году, въ январѣ и февралѣ, въ Шуйскомъ уѣздѣ, въ вотчинѣ Покровскаго женскаго монастыря, села Ярлыкова, въ разныхъ числахъ въ ночахъ крестьяне съ женами и дѣтьми 26 семей со всѣми своими животы бѣжали незнамо куды“ [2]). Такъ было въ сѣверныхъ областяхъ, откуда не легко было пробраться на какую нибудь Украйну; что же въ мѣстахъ, близкихъ къ Дону? Но на великую рѣку бѣжали не одни крестьяне: мы видѣли, что туда бѣжали работники съ публичныхъ работъ, забравши деньги впередъ; туда въ послѣднее время прибѣжало много солдатъ и драгуновъ изъ арміи фельдмаршала Шереметева, когда онъ шелъ изъ Астрахани въ Кіевъ. Царь не хотѣлъ терпѣть болѣе, особенно когда нужда въ служилыхъ и платящихъ людяхъ увеличивалась все болѣе и болѣе, и, въ 1707 году, отправилъ на Донъ полковника, князя Юрія Владиміровича Долгорукова, съ отрядомъ войска для отысканія всѣхъ бѣглецовъ и высылки ихъ на прежнія мѣста жительства. Есть извѣстіе, что и сами старшины, атаманъ Лукьянъ Максимовъ съ товарищами, сильно оскорбились этимъ окончательнымъ уничтоженіемъ исконнаго казацкаго права, и рѣшились подъ-рукою помѣшать Долгорукому; тѣмъ болѣе должны были встревожиться новоприбылые люди, бѣглые, которымъ предстояло теперь разстаться съ вольною жизнію на великой рѣкѣ. Дѣло шло теперь не о томъ только, помочь или нѣтъ Астраханцамъ отстоять старое платье; притомъ же на Дону было не безъ людей, которые жалѣли, что Донъ повелъ себя не такъ въ Астраханскій бунтъ. Въ Качалинскомъ городкѣ дьячки говорили: „Въ Астрахань сосланы съ Москвы болваны, чтобъ имъ покланяться, и Астраханцы кланяться имъ не стали, и за то что̀ надъ ними сдѣлалось?—напрасно и тѣхъ отдали, которые и въ Черкаскомъ были!“ [3]). Теперь надобно было стать за собственную волю; людей, которые должны были отчаянно ратовать противъ исполненія царскаго указа, теперь было много на Дону; нашелся и предводитель.

Въ Черкаскѣ старшины приняли Долгорукаго честно, и дали ему пять человѣкъ изъ своей среды для провожанія и помощи въ отыскиваніи бѣглыхъ; но, въ то же время, начала ходить между казаками грамота отъ имени старшины, съ увѣщаніемъ не допускать Долгорукаго до исполненія царскаго указа и бить сыщиковъ. Бахмутскій атаманъ изъ Трехъизбенскихъ казаковъ, Кондратій Аѳанасьевъ Булавинъ, объявилъ, что надобно исполнить по грамотѣ. Разумѣется, охотниковъ помочь ему въ этомъ нашлось много: на рѣкѣ Айдарѣ ночью на 9 октября нечаянно напалъ Булавинъ на Долгорукаго, и истребилъ весь отрядъ вмѣстѣ съ предводителемъ. Совершивши этотъ подвигъ, Булавинъ пошелъ по донецкимъ городкамъ, разсылая призывныя грамоты. По этимъ грамотамъ атаманъ Закотенской станицы, Матвѣй Медвѣдевъ, собралъ шайку человѣкъ въ 500 и хотѣлъ-было идти къ Булавину, да остановился, потому что многіе казаки одумались и начали отъ него отставать; но товарищи Булавина не одумывались,—имъ нужно было идти въ Украйные города для коней и для добычи, потому что это были бурлаки безконные, безоружные и безодежные. Атаманъ стараго Боровскаго городка со всею станицею встрѣтилъ Булавина съ хлѣбомъ, виномъ и медомъ, и принялъ его торжественно въ станичной избѣ. Около Булавина образовалась уже старшина: одинъ назывался полковникомъ, прозвище ему было Лоскутъ, сходецъ (пришлецъ) съ Валуйки; про него говорили, что былъ при Стенькѣ Разинѣ лѣтъ семь; другой назывался полковникомъ же, сынъ Староайдарскаго атамана; третій Коротоякцкій подъячій. Боровскій атаманъ говорилъ Булавину: „Заколыхали вы всѣмъ государствомъ; что вамъ дѣлать, если придутъ войска изъ Руси, тогда и сами пропадете, и намъ пропасть будетъ“ —„Не бойтесь“, отвѣчалъ Булавинъ; „началъ я это дѣло дѣлать не просто; былъ я въ Астрахани и въ Запорожьи и на Теркахъ; Астраханцы и Запорожцы и Терчане всѣ мнѣ присягу дали, что имъ быть ко мнѣ на вспоможенье въ товарищи, и скоро они къ намъ будутъ. А теперь пойдемъ мы по казачьимъ городкамъ и будемъ казаковъ къ себѣ приворачивать, а которые съ нами не пойдутъ,—такихъ мы, назадъ вернувшись, будемъ жечь, а животы грабить; и какъ городки свои къ себѣ склонимъ, пойдемъ Изюмскимъ полкомъ по городамъ до Рыбнаго, конями, ружьемъ и платьемъ наполнимся, а потомъ пойдемъ въ Азовъ и Таганрогъ, освободимъ ссылочныхъ и каторжныхъ, которые намъ будутъ вѣрные товарищи, и на весну, собравшись, пойдемъ на Воронежъ и до Москвы“. Тутъ Лоскутъ сказалъ Булавину: „Не бойся, я прямой Стенька, не какъ тотъ Стенька безъ ума своего голову потерялъ, и я вожъ вамъ буду“. Боровскій атаманъ со всею станицею передался Булавину; но не всѣ и донецкіе городки сдавались, а изъ донскихъ городковъ при немъ не было ни одного человѣка [4]).

Атаманъ Лукьянъ Максимовъ съ товарищами, узнавъ, что Булавинъ убилъ Долгорукаго и поднимаетъ бунтъ, пошли противъ него и разгромили у рѣчки Айдары, послѣ чего послали царю описаніе всего происшествія. „Мы, выбравъ отъ себя изъ войска знатныхъ старшинъ, Обросима Савельева, Ефрема Петрова, Никиту Алексѣева, Ивана Иванова, Григорья Матвѣева, предали князю Юрью Владиміровичу. И наши старшины рѣкою Сѣверскимъ Донцомъ по казачьимъ городкамъ розыскъ чинили. И какъ пріѣхали на рѣчку Айдару въ Шульгинской городокъ и въ томъ городкѣ заночевали октября противъ 9 дня, и къ той ночи Трехъизбенскаго городка Кондрашка Булавинъ, прибравъ къ себѣ Ивашку Лоскута, Филатку Никифорова, Гришку Банникова и иныхъ гулящихъ людей, человѣкъ съ 200, князя, офицеровъ и солдатъ побили [1]), и нашихъ старшинъ также хотѣли побить, и не застали, потому что, въ однѣхъ рубашкахъ выскоча, едва ушли, и они, воры, за ними гоняли, и за темнотою ночи не нашли, понеже розно разбѣжались. И мы, атаманъ, Лукьянъ Максимовъ съ войскомъ осадили Булавина у рѣчки Айдары, бой учинили и къ нимъ приступали, и приспѣло время ночи, и мы мало отступили, однакожъ съ того мѣста свободы имъ для проходу въ Закатный городокъ не дали и караулы въ удобныхъ мѣстахъ поставили. И они, видя надъ собою нужную осаду, вначалѣ Булавинъ тайно отъ нихъ въ лѣсъ ушелъ, также и иные совѣтники единъ по единому въ лѣсъ разбѣжались, и между всѣми ими мятежъ учинился и разбѣжались. И мы, не дожидаясь свѣта, на нихъ били и, переимавъ многихъ рядовыхъ, наказаніе чинили, носы рѣзали больше ста человѣкамъ, а иныхъ плетьми били и въ русскія городы выслали, а пущихъ заводчиковъ, близъ 10 человѣкъ, повѣсили по деревьямъ за ноги, а иныхъ перестрѣляли въ смерть, а 12 человѣкъ послали къ тебѣ, великому государю“. — Петръ, еще прежде присылки этого извѣстія, успокоился и написалъ Меншикову: „Мы нынѣ получили подлинную вѣдомость, что то учинилось не бунтомъ, но тѣ, которыхъ князь Юрья высылалъ бѣглыхъ, собрався ночью тайно, напали и убили его и съ нимъ десять человѣкъ, на которыхъ сами казаки изъ Черкаскаго послали нѣсколько сотъ, и въ Азовъ о томъ дали знать“. Когда же получена была отписка атамана, то Петръ писалъ: „О донскомъ дѣлѣ объявляю, что конечно сдѣлалось партикулярно, на которыхъ воровъ сами казаки, атаманъ Лукьянъ Максимовъ ходилъ и учинилъ съ ними бой, и оныхъ воровъ побилъ, и побралъ, и разорилъ совсѣмъ, — только заводчикъ Булавинъ съ малыми людьми ушелъ, и за тѣмъ пошли въ погоню; надѣются, что и онъ не уйдетъ; и такъ сіе дѣло милостію Божіею все окончалось“ [2]).

---

[1]) Москов. архивъ мин. Ин. Д., дѣла Донскія означенныхъ лѣтъ.

[2]) Архивъ Мин. Юстиціи, дѣла Монастыр. Приказа 1706 года.

[3]) Столбцы Преображ. Приказа, № 1143.

[4]) Кабинетъ II, кн. № 8; письмо Острогожскаго полковника Товяшева.

Но дѣло не окончилось. Булавинъ изъ Айдарскаго лѣса ушелъ въ Запорожье и поселился въ городѣ Кодакѣ. Чрезъ нѣсколько времени пріѣхали туда къ нему съ Дону 40 человѣкъ съ извѣстіемъ, что можно снова начинать дѣло. Булавинъ отправился съ ними въ Сѣчь и началъ просить Запорожцевъ, чтобъ „поступили съ нимъ къ бунту“. Кошевой не хотѣлъ на это согласиться, былъ скинутъ съ атаманства, и на его мѣсто выбранъ Костя Гордѣенко, „древній воръ и бунтовщикъ“. Но и новый атаманъ не былъ за явный бунтъ противъ Москвы. Рѣшили: позволить Булавину прибирать вольницу; а пойти съ нимъ явно на великороссійскіе города только тогда, когда онъ призоветъ къ себѣ Бѣлгородскую и Ногайскую орды, горскихъ Черкесъ и Калмыковъ [3]). Около Булавина собралось тотчасъ нѣсколько сотъ гультяевъ; онъ переправился чрезъ Днѣпръ, сталъ на рѣчкѣ Вороновкѣ, и разослалъ призывныя грамоты: „Атаманы молодцы, дорожны охотники, вольные всякихъ чиновъ люди, воры и разбойники! Кто похочетъ съ военнымъ походнымъ атаманомъ Кондратьемъ Аѳанасьевичемъ Булавинымъ, — кто похочетъ съ нимъ погулять, по чисту полю красно походить, сладко попить да поѣсть, на добрыхъ конѣхъ поѣздить, то пріѣзжайте въ черны вершины Самарскія!“ [4]).

Охотники до гулянья собрались; но гораздо больше дожидалось ихъ на востокѣ въ верхнихъ донскихъ казачьихъ городкахъ, и туда перебрался Булавинъ въ началѣ 1708 года, разославъ новыя грамоты по Украйнѣ: „Отъ Кондратья Булавина и отъ всего съѣзднаго войска походнаго Донскаго въ русскіе города начальнымъ добрымъ людямъ, также и въ села и въ деревни, посадскимъ и торговымъ, и всякимъ чернымъ людямъ челобитье; — вѣдомо имъ чинятъ, что они всѣмъ войскомъ единодушно вкупѣ въ томъ, что стоять имъ со всякимъ радѣньемъ за домъ Пресв. Богородицы и за истинную вѣру христіанскую и за благочестиваго царя, и за свои души и головы, сынъ за отца, братъ за брата, другъ за друга, и умирать заодно; а имъ, всякимъ начальнымъ добрымъ людямъ и всякимъ чернымъ людямъ всѣмъ также съ ними стоять вкупѣ заодно, и отъ нихъ они обиды никакой ни въ чемъ не опасались бы, а которымъ худымъ людемъ, и княземъ, и бояромъ, и прибыльщикомъ, и Нѣмцомъ, за ихъ злое дѣло отнюдь бы не молчать и не спущать ради того, что они вводятъ всѣхъ въ Еллинскую вѣру и отъ истинной вѣры христіанской отвратили своими знаменьми и чудесы прелестными; а между собою добрымъ начальнымъ, посадскимъ и торговымъ и всякимъ чернымъ людямъ отнюдь бы вражды никакой не чинить, напрасно не бить, не грабить и не разорять, и буде кто станетъ кого напрасно обижать или бить, и тому чинить смертную казнь; а по которымъ городамъ по тюрьмамъ есть заключенные люди, — и тѣхъ заключенныхъ изъ тюрьмы выпустить тотчасъ безъ задержанія. Да еще имъ вѣдомо чинятъ, что съ ними казаками, Запорожскіе казаки и Бѣлгородская орда, и иныя многія орды имъ, казакамъ, за душами руки задавали въ томъ, что они ради съ ними встать заедино. А съ того ихъ письма списывать списки, а подлиннаго письма отнюдь бы не потерять и не затаивать; а будетъ кто то письмо истеряетъ или потаитъ,—и они того человѣка найдутъ и учинятъ смертную казнь. У того письма походнаго войсковаго атамана Булавина печать" [1].

---

[1]) Не отсюда ли простонародное выраженіе о внезапной смерти: Кондрашка хватилъ.

[2]) Кабинетъ II, кн. № 8; Москов. архивъ Мин. Ин. Д. Письма Петра В. къ Меншикову.

[3]) Кабинетъ, кн. № 7; письма Кіевскаго губернатора, кн. Дм. Мих. Голицына.

[4]) Кабинетъ, кн. № 7; письма Кіевскаго губернатора, кн. Дм. Мих. Голицына.

Въ мартѣ Булавинъ явился въ городкахъ по Хопру; тутъ присталъ къ нему Пристанскій городокъ, въ которомъ было человѣкъ съ 500 казаковъ; здѣсь въ кругу Булавинъ, вынувъ саблю, говорилъ: „Если своего намѣренія не исполню, то этой саблею отсѣките мнѣ голову"! По хоперскимъ городкамъ Булавинъ разослалъ письма, чтобъ никто земли не пахалъ и никуда не отлучался, всѣ были бы въ собраніи и на службу готовы, а пришлыхъ съ Руси принимали безовзяточно. Рабочихъ, которые готовили на Хопрѣ лѣсъ въ отпускъ къ Азову, онъ велѣлъ взять къ себѣ въ полки неволею, а начальныхъ людей побить.

Азовскій губернаторъ, Иванъ Андреевичъ Толстой, выслалъ изъ Азова полковника Николая Васильева, который, соединясь съ Донскимъ атаманомъ Лукьяномъ Максимовымъ, встрѣтилъ Булавина 8 апрѣля выше Паншина, на рѣчкѣ Лисковаткѣ, у Красной Дубровы. У Максимова было 3,000 казаковъ, у Булавина 5,000. Полковникъ и атаманъ хотѣли немедленно вступить въ битву, но бывшіе въ войскѣ Максимова казаки верховыхъ городковъ требовали пересылки съ ворами, съ которыми хотѣли уговориться: если виноватъ Булавинъ, если онъ своевольно напалъ на Долгорукаго, то пусть единомышленники выдадутъ его; если же виноватъ Лукьянъ Максимовъ, если онъ разослалъ грамоты противиться царскому указу и бить сыщиковъ, то сковать обоихъ и послать къ великому государю. На другой день, 9 апрѣля, пришелъ отъ Булавина казакъ и говорилъ, чтобъ не начинать кровопролитія, а между собою сыскать виноватыхъ, и чтобъ Максимовъ отправилъ къ Булавину на разговоръ старшину Ефрема Петрова. Ефремъ Петровъ отправился, и, возвратясь, собралъ войско въ кругъ, чтобъ объявить ему о своихъ переговорахъ съ Булавинымъ. Въ это самое время Булавинъ нападаетъ неожиданно на царское войско, верховые казаки измѣняютъ, переходятъ къ ворамъ, захвативши четыре пушки, порохъ, свинецъ и 8,000 рублей денегъ, присланныхъ изъ Москвы на жалованье. Царское войско было разбито, Васильевъ едва успѣлъ уйти въ Азовъ, а Максимовъ—въ Черкаскъ.

Слѣдствіемъ побѣды при Лисковаткѣ было то, что за Булавина поднялись три рѣки — Хоперъ, Бузулукъ и Медвѣдица. Сѣверскій Донецъ также собрался за Булавина подъ начальствомъ Семена Дранаго. Здѣсь въ 12 городкахъ было 1,680 человѣкъ казаковъ, по Хопру въ 26 городкахъ 3,670 человѣкъ; по Бузулуку въ 16 городкахъ 1,490 человѣкъ; по Медвѣдицѣ въ 14 городкахъ 1,480 человѣкъ [2]. Тревога распространилась въ Тамбовѣ: сюда еще 18 марта пришелъ церковный дьячекъ села Княжова, Тамбовскаго уѣзда. Дьячекъ былъ въ Пристанскомъ городкѣ и разсказывалъ: „Воры говорятъ, чтобъ имъ достать Козловскаго воеводу, князя Волконскаго, а Булавинъ идетъ къ намъ, Тамбовцамъ, съ силою,—при немъ съ 17,000 человѣкъ, а съ другой стороны воры ждутъ Каракалпаковъ, и намѣреніе ихъ, воровски собрався, всѣмъ идти въ Черкаской; воры говорили: дѣло имъ до бояръ да до прибыльщиковъ, да до подъячихъ, чтобъ всѣхъ ихъ перевесть". Тогда же воровской отрядъ разорилъ деревни въ Тамбовскомъ уѣздѣ; воры грозились идти въ Тамбовъ и Тулу, а у Тамбовскаго воеводы Данилова не было и ста человѣкъ войска, никто въ городъ (крѣпость) не шелъ, многіе Тамбовцы говорили: „Что намъ въ городѣ дѣлать,—не до насъ дѣло"! Воевода велѣлъ бить въ набатъ и палить изъ пушекъ; по набату въ городъ пришло городскихъ людей человѣкъ 300; имъ роздали порохъ и свинецъ; но во время молебна, не дождавшись конца, всѣ ушли изъ крѣпости. 21 марта Тамбовскій воевода далъ знать въ Козловъ князю Волконскому, что воры отогнали лошадей съ новыхъ государевыхъ конскихъ заводовъ. Это извѣстіе впрочемъ оказалось не совсѣмъ вѣрно,—2 апрѣля писали царю изъ Москвы, что пріѣхалъ солдатъ изъ Тамбова и объявилъ: прежнія вѣдомости солгались, лошадей угнали, которыя были въ дальности отъ Тамбова за валомъ, и нынѣ никакого страха въ Тамбовѣ нѣтъ [3]) По вѣстямъ отъ Волконскаго изъ Козлова, Тамбовцы дѣйствительно оправились отъ страха; городскіе и уѣздные лучшіе люди говорили, что они къ бунту не склоняются; что надобно съ полками идти къ Пристанскому городку, чтобъ придать духу тѣмъ казакамъ, которые у воровъ подъ неволею. Но въ Тамбовскомъ же уѣздѣ жители деревень Корочина и Грибановки склонились къ воровству, выбрали между собою атамановъ и есауловъ чинить расправу по казацкому обычаю. Воры разорили новонаселенныя деревни въ Тамбовскомъ уѣздѣ по рѣкѣ Воронѣ; людей, которые противились имъ, побили; другіе къ нимъ склонились, брали многихъ и по неволѣ. 30 марта пришли воры на Битюгъ, человѣкъ съ 200, засѣли острогъ, воеводу, попа, подъячихъ и многихъ другихъ битюцкихъ жителей пограбили, воеводу сковали и намѣревались повѣсить. И въ Козловскомъ уѣздѣ воры многихъ въ свое согласіе склонили, привели къ присягѣ, выбрали атамана и есауловъ [1]).

---

[1] Кабинетъ I, кн. 2.

[2] Кабинетъ I, кн. № 2. Далѣе здѣсь слѣдуетъ перечисленія: «Отъ Голубинскаго до Черкаскаго въ 33 городкахъ 6,570 чловѣкъ; въ Черкаскомъ 5,000; отъ Донецкаго до Голубыхъ во 20 городкахъ 6,900; по Дону пять городковъ съ 1,780 челов. къ вору не пристали.

[3] Кабинетъ II, кн. № 7.

Стольникъ Степанъ Бахметевъ съ подполковникомъ Рихманомъ получили приказаніе двинуться противъ казаковъ. Но вмѣстѣ съ этимъ Петръ счелъ за нужное отправить изъ западной арміи на Донъ одного изъ лучшихъ своихъ офицеровъ, майора гвардіи, князя Василія Владиміровича Долгорукаго, брата князя Юрія, убитаго Булавинымъ. 12 апрѣля царь написалъ Долгорукому, находившемуся въ Невлѣ: „Min Her! Понеже нужда есть нынѣ на Украйнѣ доброму командиру быть, и того ради приказываемъ вамъ оное; для чего, по полученіи сего письма, тотчасъ поѣзжай къ Москвѣ, и оттоль на Украйну, гдѣ обрѣтается Бахметевъ; а кому съ тобою быть—и тому посылаю роспись. Также я писалъ къ сыну своему, чтобъ посланы были во всѣ украинскіе городы грамоты, чтобъ были вамъ послушны тамошніе воеводы всѣ, и по сему указу изволь отправлять свое дѣло съ помощію Божіею, немѣшкавъ, чтобъ сей огонь заразъ утушить. Роспись кому быть: Бахметевъ совсѣмъ. Съ Воронежа 400 драгунъ. Съ Москвы полкъ драгунскій фонъ-Дельдена, да пѣхотный новый. Шидловскій со всею бригадою, также изъ Ахтырскаго и Сумскаго полковъ; къ тому же дворянамъ и царедворцамъ всѣмъ, и прочимъ, сколько возможно сыскать на Москвѣ конныхъ“.—Въ „разсужденіи и указѣ, что чинить г. майору Долгорукому“, Петръ написалъ: „Понеже сіи воры всѣ на лошадяхъ и зѣло легкая конница, того для невозможно будетъ оныхъ съ регулярною конницею и пѣхотою достичь; и для того только за ними такихъ же посылать по разсужденію, самому же ходить по тѣмъ городкамъ и деревнямъ (изъ которыхъ главный Пристанный городокъ на Хопрѣ), которые пристаютъ къ воровству, и оные жечь безъ остатку, а людей рубить, а заводчиковъ на колеса и колья, дабы тѣмъ удобнѣе оторвать охоту къ приставанью [о чемъ вели выписать изъ книгъ князь Юрья Алексѣевича [2])] къ воровству людей; ибо сія сарынь, кромѣ жесточи, не можетъ унята быть“ [3]).

Долгорукій отвѣчалъ: „Я поѣхалъ къ Москвѣ сего же апрѣля 21 дня на почтѣ, и какъ возможно буду убираться, чтобъ мнѣ немедленно ѣхать, и мѣшкать на Москвѣ не буду, и которое, государь, указомъ мнѣ опредѣлено дѣло, надлежитъ мнѣ немедленно, прося у Бога милости, какъ возможно скорѣя тушить, чтобъ тотъ проклятой огонь больше не разгорался. Въ письмѣ, государь, написано ко мнѣ, чтобъ мнѣ выписать изъ книгъ Юрья Алексѣевича: и мнѣ, государь, и безъ книгъ памятно. Ежели Богъ милость свою дастъ, то буду больше дѣлать съ примѣру князь Юрья Алексѣевича, а нежели Шеина [4]), о чемъ отъ вашего величества довольно наслышался. Въ цыдулкѣ, государь, ко мнѣ написано, что ваше величество опасается, чтобъ я Булавину, за его ко мнѣ дружбу [5]), понаровки какой не учинилъ; истинно, государь, доношу: сколько возможно за его къ себѣ дружбу платить ему буду“. Распорядившись отправленіемъ Долгорукаго, Петръ написалъ Меншикову: „Командира надъ всѣми тамошними войски учинилъ я маіора нашего г. Долгорукаго (понеже иного достойнаго на то дѣло не нашелъ). А чтобъ сему войску збираться на Тулѣ или въ Серпуховѣ, то я не за благо признаваю, ибо тѣмъ подано будетъ ворамъ сердце, но надлежитъ къ Воронежу или къ Козлову идтить, понеже будетъ нашихъ около 7,000, съ которыми безопасно, съ помощію Божіею, наступать возможно“ [6]).

Петръ получалъ все дурныя вѣсти съ Дона, и потому 27 апрѣля написалъ опять Долгорукому: „Я безъ сомнѣнія чаю, что вы уже указъ о ѣздѣ своей противъ воровъ получили; нынѣ же паки подтверждаю, чтобъ немедленно вы по тому указу походъ свой воспріяли и спѣшили какъ возможно; понеже какъ мы слышимъ, что оные воры сбираются на усть Хопра, и хотятъ идти въ Черкаской, чтобъ возмутить Донскими казаками, чего ради наипаче поспѣшить надобно, и сей ихъ вымыселъ пресѣчь и идти туда, хотя и до Азова, дабы, ежели то правда, не точію для укрѣпленія казаковъ, но паче око имѣть о Азовѣ, дабы и тамъ чего не учинили; и хотя съ Москвы не всѣ съ тобою могутъ поспѣть, то хотя съ половиною или меньше вамъ надлежитъ идти, а достальныхъ пѣшихъ водою съ Воронежа приказать за собою отправить“ [7]).

Всего больше заботясь объ Азовѣ, Петръ писалъ къ тамошнему губернатору Толстому 9 мая съ поручикомъ Пискарскимъ: „Понеже вы уже извѣстны о умноженіи вора Булавина, и что оной идетъ въ низъ; того ради, для лучшаго опасенія сихъ нужныхъ мѣстъ, послали мы къ вамъ полкъ Смоленскій изъ Кіева и велѣли ему на спѣхъ иттить, а сего поручика нашего г. Пискарскаго послали къ вамъ, дабы увѣдать подлинно о вашемъ состояніи, и нѣтъ ли какой блазни у васъ межъ солдаты. Также (отъ чего Боже сохрани) ежели Черкаскъ не удержится, имѣешь ли надежду на своихъ солдатъ?“ На другой день царь опять писалъ Долгорукому: „Смотри неусыпно, чтобъ надъ Азовомъ и Таганрогомъ оной воръ чего не учинилъ прежде вашего приходу: того для заранѣе дай знать въ Азовъ къ г. Толстому, для эха или голосу тамошнему народу, что ты идешь туды съ немалыми людьми. Также дай слухъ, что и я буду туды, дабы какова зла не учинили тайно оные воры въ Азовѣ и въ Троецкомъ. Еще вамъ зѣло надлежитъ въ осмотрѣніи имѣть и съ тѣми, которые къ воровству Булавина не пристали, или хотя и пристали, да повинную принесли, чтобъ съ оными зѣло ласково поступать, дабы, какъ есть простой народъ, они того не поняли, что ты станешь мстить смерть брата своего, что уже и нынѣ не безъ молвы межъ нихъ, чтобъ тѣмъ пущаго чего не учинить. Такожъ надлежитъ предъ приходомъ вашимъ къ нимъ увѣщательныя письма послать, и которые послушаютъ, также ласково съ оными поступать, а кои въ своей жесточи пребудутъ, чинить по достоинству. Также и сіе напоминаю вамъ, что хотя вы съ вышереченнымъ Толстымъ имѣете нѣкоторую противность, однако для сея причины надлежитъ оное отставить, дабы въ дѣлѣ помѣшки не было". Къ Меншикову Петръ писалъ 16 мая: „Ежели сохранитъ Господь Богъ Азовъ и Таганрогъ, то имъ (бунтовщикамъ) множиться отнюдь нельзя, понеже сверху войска, а снизу сіи городы; на Волгу и Астрахань нѣтъ имъ надежды, и для того мусятъ (должны) пропасть; только теперь какъ возможно утверждать вышереченныя крѣпости какъ наискоряя, въ чемъ да не оставитъ насъ Господь Богъ по своей милости" [1].

---

[1] Кабинетъ I, кн. № 2.

[2] Долгорукаго, знаменитаго воеводы царя Алексѣя Михайловича. О дѣятельности его во время Разинскаго бунта. см. «Исторію Россіи» т. XI.

[3] Голикова—Дѣянія XI, стр. 353.

[4] Въ походѣ противъ стрѣльцовъ.

[5] Убіеніе брата.

[6] Кабинетъ II, кн. № 7.—Письма Петра В. къ Меншикову въ Москов. архивѣ Мин. Ин. Д.

[7] Голикова—Дѣянія XI. стр. 360.

Петръ дѣйствительно самъ думалъ ѣхать на Донъ, что видно изъ письма его Меншикову отъ 27 мая: „Понеже воровство Булавина отчасу множится, и ежели Черкаской не удержится, то оные воры пойдутъ къ Азову и Таганрогу (которыя мѣста да спасетъ Господь Богъ слезъ ради бѣдныхъ христіанъ!), и хотя Богъ соблюдетъ ихъ отъ внутренняго замѣшанія, однакожъ воры всѣ дороги займутъ и водяной ходъ; тогда зѣло будутъ трудны и отчаянны оныя мѣста, чего ради объявляю, что когда король Августъ въ Польшу выступитъ, то уже не чаю жестокаго дѣла отъ непріятеля, и тогда необходимая нужда мнѣ будетъ на Донъ ѣхать, а больше не желаю съ собою, какъ двухъ или трехъ батальоновъ своего полку, дабы сей огнь (ежели до сего не истребится) съ помощію Божіею конечно истребить и себя отъ такихъ оглядокъ вольными въ сей войнѣ сочинить" [2].

Долгорукій не успѣлъ доѣхать и до Воронежа, какъ уже опасенія Петра сбылись: Булавинъ овладѣлъ Черкаскомъ.

Послѣ сраженія при Лисковаткѣ воры раздуванили взятую казну, причемъ досталось по два рубля съ гривною на человѣка. Булавинъ, оставивши хоперскихъ, бузулукскихъ и медвѣдицкихъ казаковъ сторожить приходъ Бахметева, самъ съ остальными пошелъ внизъ по Дону, по казачьимъ городкамъ къ Черкаску. Нигдѣ не было сопротивленія, охотники приставали къ Булавину, казаки изъ станицъ вывозили къ нему съ двора по хлѣбу да по чашѣ пшена и всякій другой запасъ и живность. 28 апрѣля Булавинъ съ 15,000 войска осадилъ Черкаскъ; городъ продержался не болѣе двухъ сутокъ; 1 мая казаки выдали Булавину атамана Лукьяна Максимова и старшинъ Ефрема Петрова, Обросима Савельева, Никиту Соломату, Ивана Машлыкина; ихъ отвели въ Рыковскую станицу и разсадили по избамъ за крѣпкими караулами; съ полсотни другихъ черкасскихъ казаковъ, не желая подчиниться Булавину, ушли въ Азовъ къ Толстому. Булавинъ стоялъ за Рыковскою станицею на Буграхъ; товарищи его, Игнатій Некрасовъ и Семенъ Драный, безпрестанно разъѣзжали съ разными дѣлами то въ Черкаскъ, то въ Рыковъ, то въ Скородумовскую станицу, близъ которой были частые круги. Въ одномъ изъ этихъ круговъ приговорили Лукьяна Максимова и старшину побить; привели ихъ въ кругъ, и Булавинъ билъ ихъ плетьми, допытываясь денегъ и пожитковъ. 6 мая атаману и старшинамъ отсѣкли головы. Передъ плахою Ефремъ Петровъ говорилъ воровскимъ старшинамъ: „Хотя я отъ васъ и умру, но слово мое не умретъ,—вы этотъ островъ такому вору отдали, а великому государю тотъ островъ знатенъ, и рѣку великій государь всю очиститъ, и васъ воровъ выведетъ" [3]. Атаманъ и старшины погибли отъ бунтовщиковъ, какъ жертвы вѣрности своей къ великому государю, а Долгорукій впослѣдствіи далъ о нихъ такое показаніе: „Атаманъ Лукьянъ Максимовъ съ товарищи, отправя брата моего и давъ ему четыре человѣка изъ старшинъ для будто изволенія его величества указу, послали помянутые воры указъ на Бахмутъ къ атаману тамошнему Булавину, чтобы онъ брата убилъ; а ихъ воровской умыслъ для того былъ, закрывая свое воровство, что многія тысячи людей бѣглыхъ приняли, и умыслъ ихъ воровской былъ такой: когда брата убьютъ, то тѣмъ воровство ихъ закрыто будетъ, и, видя въ то время его величество въ войнѣ великой со Шведомъ, разсудили, что за помянутою войною оставлено имъ ихъ воровство будетъ" [4].

На мѣсто Максимова атаманомъ былъ провозглашенъ Булавинъ, который разослалъ отписки въ ближайшіе города къ царскимъ начальнымъ людямъ, давая всему своему дѣлу видъ законности. Въ этихъ отпискахъ говорилось, что казаки, собравшись съ Дона, Донца, Хопра, Бузулука и Медвѣдицы для перемѣны старыхъ и выбора новыхъ старшинъ, пришли въ Черкаскъ и побили до смерти атамана Лукьяна Максимова, Ефрема Петрова съ товарищи за ихъ неправды, что они царскаго годоваго денежнаго жалованья, также за Астраханскую службу 20,000, и что въ нынѣшнемъ году прислано 10,000, въ дуванъ ничего имъ не дали, и за иныя многія обиды и налоги. При этомъ Булавинъ требовалъ, чтобъ жена его и сынъ были отпущены изъ Валуйекъ къ нему въ Черкаскъ [5].

Петръ былъ очень встревоженъ, получивши извѣстіе о взятіи Черкаска Булавинымъ; это видно изъ письма его въ армію къ Меншикову, фельдмаршалу Шереметеву и министрамъ (т.-е. Головину, Шафирову, князю Григорію Долгорукову): „Воръ Булавинъ Черкаской взялъ и старшинъ пяти человѣкъ побилъ до смерти, и писалъ въ Азовъ войсковую отписку, что они ничего противнаго чинить не будутъ; однакожъ чаю сіе оной дьяволъ чинитъ, дабы оплошить въ Азовѣ и тайно возмутить, такъ же и къ Москвѣ послана отъ нихъ станица съ оправданіемъ, съ отпискою; однакожъ сему въ подкопѣ лежащему фитилю вѣрить не надобно; того ради необходимая мнѣ нужда мѣсяца на три туда ѣхать, дабы съ помощію Божіею безопасно тотъ край сочинить, понеже самъ знаешь, каково тотъ край намъ надобенъ, о чемъ больше терпѣть не могу“ [1].

---

[1] Голикова — Дѣянія XI, стр. 363, 364. — Письма Петра В. къ Меншикову въ Москов. архивѣ Мин. Ин. Д.

[2] Письма Петра В. къ Меншикову въ Москов. архивѣ Мин. Ин. Д.

[3] Кабинетъ I, кн. № 1.

[4] Кабинетъ I, кн. № 18.

[5] Кабинетъ I, кн. № 18.

Къ счастію, опасенія Петра не оправдались. Взятіе Черкаска было послѣднимъ торжествомъ Булавина. Въ тотъ самый день, когда Булавинъ подступалъ подъ Черкаскъ, товарищъ его Лукьянъ Михайловъ Хохлачъ съ отрядомъ, состоящимъ изъ 1,500 человѣкъ Хоперскихъ, Медвѣдицкихъ и Бузулуцкихъ казаковъ, встрѣтился съ Бахметевымъ и Рихманомъ на рѣчкѣ Курлакѣ за Битюгомъ. У Бахметева было только 600 человѣкъ. Воры говорили: „Если побьемъ царскіе полки, пойдемъ на Воронежъ, тюремныхъ сидѣльцевъ распустимъ, судей, дьяковъ, подъячихъ и иноземцевъ побьемъ“. Но, какъ видно, у нихъ была неполная надежда побить царскіе полки, потому что они отправили къ Бахметеву прелестное письмо: „Идете вы къ намъ въ Донскіе городки для разоренья; за что вамъ разорять? Намъ до васъ дѣла нѣтъ, ни до бояръ, ни до солдатъ, ни до драгунъ; мы стоимъ за вѣру христіанскую, что почали Еллинскую вѣру вѣровать; намъ только дѣло до Нѣмецъ и до прибыльщиковъ и до неправыхъ судей“. Передъ началомъ боя, Хохлачъ съ товарищами подъѣхалъ къ рѣкѣ, раздѣлявшей оба войска, и начали говорить то же, что было написано въ письмѣ къ Бахметеву. Имъ отвѣчали изъ царскаго войска: „А вы зачѣмъ убили князя Юрія Владиміровича?“—„Мы его убили за то, что онъ сталъ дѣлать не противъ государева указа, и нынѣ мы стоимъ за правду; станете съ нами биться, и мы съ вами биться какъ меду пить готовы“. Разговоръ въ этомъ родѣ продолжался часа съ два, а между тѣмъ царское войско переправилось за рѣку. Воры были побиты наголову; плѣнныхъ у нихъ взято 143 человѣка и три знамени [2].

Долгорукій пріѣхалъ въ Воронежъ только 12 мая, и 19 числа писалъ государю: „Какъ я пріѣхалъ на Воронежъ, не томко-бъ чтобъ всѣ были въ готовности, хотя-бъ меньше половины было,—я бы безо взякаго мѣшканія тогожъ часу пошелъ; и коего часу я пріѣхалъ, того часу послалъ указы къ Волконскому, Гагарину и другимъ, чтобъ они немедленно шли въ указныя мѣста, и они и по се число въ указныя мѣста не бывали; Шидловскій пишетъ, что ему безъ московскихъ ратныхъ людей съ одними черкасскими (малороссійскими) полками идти ненадежно“ [3].

Курлацкіе плѣнные были препровождены въ Воронежъ къ Долгорукому, который 15 мая написалъ царю о своихъ распоряженіяхъ относительно нихъ: „Которые воры взяты на бою 143 человѣка,—въ томъ числѣ старыхъ казаковъ 23, а достальные всѣ разныхъ городовъ сходцы; и я, государь, по дорогѣ къ Пристанскому велѣлъ поставить 20 висѣлицъ и буду ихъ вѣшать 17 числа, и нѣсколько четвертовать и по кольямъ растыкать“ [4]. 17 мая было назначено днемъ страшныхъ казней, а 16 Долгорукій получилъ изъ Черкаска отъ всего войска Донскаго отписку съ покореніемъ. Казни были отложены, а тутъ еще письмо отъ Петра съ внушеніемъ поступать милостиво, жестокостями не усиливать слуховъ о мести за брата. Долгорукій отвѣчалъ 25 мая: „143 человѣка казаковъ хотѣлъ я вершить, и мая 16 числа получилъ отъ всего войска Донскаго отписку съ покореніемъ винъ ихъ, и тѣмъ виннымъ казакамъ смертной казни не учинилъ для такого случая до вашего государева указа. И мнѣ, государь, какая польза, что смерть брата своего мстить? Я желаю того: дай Богъ, чтобъ они тебѣ вину свою принесли безъ великихъ кровей“ 26 мая Долгорукій доносилъ: „Зѣло казаки въ страхъ пришли и въ размышленіе, и опасаются приходу твоихъ государевыхъ ратныхъ людей“ [5].

Дѣйствительно, въ Черкаскѣ казаки были въ страхѣ и размышленіи. Долгорукій писалъ впослѣдствіи, что Булавинъ былъ человѣкъ глупый. Дѣйствительно, походъ Булавина на Донъ послѣ битвы при Лисковаткѣ, желаніе овладѣть Черкаскомъ было дѣломъ для него гибельнымъ: онъ раздѣлилъ свои силы, далъ этимъ раздѣленіемъ возможность Бахметеву разбить Хохлача, а самъ зашелъ въ Черкаскъ и тратилъ время въ бездѣйствіи. Еслибы, наоборотъ, Булавинъ, оставя пока въ покоѣ старыхъ казаковъ, не оправившихся послѣ сраженія при Лисковаткѣ и потому не опасныхъ, бросился со всѣми силами своей голутьбы на Волгу и пошелъ вверхъ этою рѣкою, то его движеніе при незатихшемъ еще Башкирскомъ бунтѣ, при вступленіи Карла XII въ русскіе предѣлы и при внутреннемъ неудовольствіи, возбужденномъ преобразованіями и тягостями, могло бы дать большую заботу правительству.

Уже въ первыхъ числахъ мая, тотчасъ по взятіи Черкаска и казни старшинъ, казаки начали совѣтоваться какъ бы схватить Булавина и передать въ Азовъ. Однажды въ кругу Булавинъ говорилъ многія непристойныя слова, и верховыхъ городковъ казаки ему кричали, что онъ много говоритъ, а съ повинною къ государю не посылаетъ: „Не всѣхъ ты насъ перекуешь!—теперь насъ въ согласіи много, можемъ тебя и въ кругу поймать!" Булавинъ велѣлъ взять за караулъ крикуновъ, сталъ дознаваться, кто его хочетъ схватить, началъ держать при себѣ караулъ, человѣкъ по осьми, и этими предосторожностями успѣлъ разрушить заговоръ противъ себя. Между тѣмъ челобитная царю была написана и отправлена: „Мая 2, пришедъ мы въ Черкаской, увидали за атаманомъ и старшинами многія неправды: царскаго жалованья въ дуванъ не давали, новопришлыхъ съ Руси людей многое число принимали и о заимкѣ юртовъ, безъ нашего войсковаго вѣдома, письма многія давали, и за тѣ письма многія взятки себѣ брали. По твоему указу не однихъ пришлыхъ съ Руси людей, многое число и старожилыхъ казаковъ, которые пришли лѣтъ по 20 и больше, и тѣхъ всѣхъ неволею въ Русь высылали и въ воду, ради своихъ бездѣльныхъ взятокъ, сажали, по деревьямъ за ноги вѣшали, женщинъ и младенцевъ межъ колодъ давили и всякое ругательство чинили, городки многіе огнемъ выжигали. Князя Юрія Долгорукаго убилъ не одинъ Кондратій Булавинъ, но съ вѣдома общаго, потому что князь чинилъ у розыску не противъ твоего указа. И отъ тебя, великій государь, мы никуда не откладываемся, твоихъ украинскихъ городовъ не разоряли и отнюдь не будемъ, желаемъ тебѣ служить попрежнему всѣмъ войскомъ Донскимъ и всѣми рѣками преусердно. И чтобъ твои полководцы къ городкамъ нашимъ не ходили; а буде они насильно поступятъ и такое разоренье учинятъ,—въ томъ воля твоя; мы рѣку Донъ и со всѣми запольными рѣками тебѣ уступимъ и на иную рѣку пойдемъ." Дѣйствительно, пришли вѣсти, что Булавинъ хочетъ бѣжать на Кубань, куда послалъ письмо къ Гусейнъ-пашѣ: если государь ихъ не пожалуетъ противъ прежняго, то они отъ него отложатся и станутъ служить султану; и пусть султанъ государю не вѣритъ, что миръ,—государь и за мирнымъ состояніемъ многія земли разорилъ, также и на султана корабли и всякій воинскій снарядъ готовитъ [1].

---

[1] Кабинетъ I, кн. № 51.

[2] Кабинетъ I, кн. № 2; Записки Желябужскаго.

[2] Кабинетъ II, кн. № 7.

[4] Кабинетъ II, кн. № 7.

[5] Кабинетъ II, кн. № 7.

Получивши челобитную, Петръ написалъ Долгорукому 28 мая: „Ты больше надъ казаками и ихъ жилищами ничего не дѣлай, а войско сбирай по первому указу, и стань съ нимъ въ удобномъ мѣстѣ" [2]. Долгорукій, между тѣмъ, перешелъ изъ Воронежа въ Острогожскъ и не переставалъ жаловаться на медленный сборъ ратныхъ людей: „Царедворцы (писалъ онъ 2 іюня), которымъ велѣно со мною, не токмо что отправлены ко мнѣ, и имянъ ихъ не прислано, а они, государь, люди молодые и богатые, тѣмъ было и служить, а они отбываютъ отъ службы, въ одномъ городѣ у одного дѣла человѣкъ пять-шесть живетъ; а они, государь, зѣло нужны на этихъ воровъ: извѣстно тебѣ самому, каковы Донскіе казаки, не легулярное войско, а царедворцы на нихъ зѣло способны, на Шведовъ они плохи, а на этотъ народъ зѣло способны" [3].

Долгорукій, по царскому указу, остановился, поджидая новыхъ полковъ; но скоро получилъ отъ Толстого изъ Азова тревожное письмо (отъ 10 іюня): „Іюня 8 воръ Кондрашка прислалъ ко мнѣ отписку свою, въ которой пишетъ съ грозами: собрався хочетъ идти войною къ Азову и Троецкому, а меня и азовскихъ и троицкихъ офицеровъ хочетъ побить до смерти, и иныя многія похвальныя слова пишетъ съ великими грозами. Пишетъ, что отогнали у него, вора, конскій табунъ и бѣжать стало ему неначемъ. И черкаскіе природные казаки многіе, Василій Фроловъ съ товарищи, человѣкъ съ полпятьдесятъ, ушли отъ него и живутъ нынѣ въ Азовѣ, и воръ объявляетъ мнѣ, что будто царскимъ указомъ вины имъ отданы, и чтобъ Василья Фролова съ товарищи и конскій табунъ ему отдать, а если не отдамъ—и за то пишетъ мнѣ съ великими грозами". Кромѣ этого письма, Долгорукій отовсюду получалъ вѣдомости, что Булавинъ пишетъ въ верхніе городки указы, чтобъ отъ всякаго десятка или къ нему въ Черкаскъ по семи человѣкъ для похода подъ Азовъ: „Конечно, государь (писалъ Долгорукій Петру), мнѣ со всѣми полками и соединясь съ Шидловскимъ надлежитъ идти къ Азову, и за указомъ вашего величества остановился, а въ указѣ написано, чтобъ мнѣ больше надъ казаками и надъ ихъ жилищами ничего не дѣлать" [4].

Самъ Петръ получилъ извѣстія о движеніяхъ Булавина, и 12 іюня написалъ Долгорукому: „Хотя предъ симъ писано къ вамъ, чтобъ безъ указу на воровъ не ходить; а нынѣ паки разсудили мы, что лучше вамъ собрався идти къ Сѣверскому Донцу, понеже мы извѣстилися, что оной воръ послалъ надвое своихъ людей,—однихъ съ Некрасовымъ водою или въ верховые городки, или на Волгу, а другую посылку съ Дранымъ—противъ васъ, съ которымъ только съ двѣ тысячи, и ежели тотъ Драный не поворотился, то лучше надъ нимъ искать, съ помощію Божіею, такъ и надъ прочими такими-жъ Также пріѣзжій казакъ изъ Черкаскаго сказывалъ, что за посылками вышеписанными при Булавинѣ только съ 1,000 ихъ осталось. Буде же весьма кротко оные сидятъ и никуда не посылаются, то лучше бы дождаться отсель посланныхъ полковъ. Прочее вручаемъ на ваше разсужденіе, по тамошнему дѣлъ обороту смотря, ибо издали такъ нельзя знать, какъ тамъ будучи" [5].

По написаніи этого письма, Петръ получилъ отъ Долгорукаго извѣстіе, что идутъ Запорожцы для соединенія съ Булавинымъ. 14 іюня новое письмо Долгорукому: „Получили мы отъ васъ вѣдомости, что Запорожцы идутъ въ слученіе къ Булавину, а не пишешь того, что ты противъ сего хочешь дѣлать; и того накрѣпко смотри, чтобъ онымъ не давать случаться, но конечно, съ помощію Божіею, на одну изъ нихъ половину, т.-е. на Донскихъ, или на Запорожцевъ, поди, понеже когда случатся, тогда хуже будетъ"[1]). Мы видѣли, что сначала въ Запорожьи было опредѣлено позволить собираться къ Булавину только охотникамъ; но потомъ многіе начали жалѣть о такомъ рѣшеніи. 13 мая была въ Сѣчи рада: казаки кричали на куренныхъ атамановъ, для чего имъ не позволяли въ Великій постъ идти съ Булавинымъ. Кричали, чтобъ идти теперь на великороссійскіе города, и была между казаками битва великая, и положили было на томъ, чтобъ идти на самарскіе города. Но въ тотъ же самый день пріѣхали изъ Кіева въ Сѣчь для служенія въ церкви монахи на перемѣну старымъ монахамъ; эти новые монахи вынесли изъ церкви въ раду Евангеліе и Крестъ, и начали уговаривать казаковъ не начинать нечистивой войны противъ своихъ Православныхъ Русскихъ. Увѣщанія подѣйствовали; раду отложили до другого дня, а тутъ кошевой Костя Гордѣенко представилъ, что если пойдутъ они на самарскіе города, то плохо придется тѣмъ 76 Запорожцамъ, которые поѣхали въ Москву съ челобитьемъ о жалованьи. Походъ на самарскіе города былъ отложенъ, но 1,500 своевольныхъ пошли на соединеніе съ Булавинымъ[2]).

---

[1] Кабинетъ I, кн. № 2, 18.

[2] Голикова—Дѣянія XI, стр. 379.

[3] Кабинетъ II, кн. № 7.

[4] Кабинетъ II, кн. № 7.

[5] Голикова—Дѣянія XI, стр. 380.

Ихъ ждала горькая участь. Вмѣсто того, чтобъ идти со всѣми силами или на Волгу, или противъ Долгорукаго, когда тотъ еще не собрался съ полками, Булавинъ остался въ Черкаскѣ и раздробилъ свои силы, отправивъ Дранаго и Голаго на сѣверъ, а другой отрядъ—на югъ къ Азову. Голый, отдѣлившись отъ Дранаго, подкрался врасплохъ и вырѣзалъ Сумской полкъ въ Валуйскомъ уѣздѣ, на порубежной рѣчкѣ Уразовой. Но 1-го іюля бригадиръ Шидловскій, подкрѣпленный присланнымъ отъ Долгорукаго полковникомъ Кропотовымъ, въ урочищѣ Кривая Лука, недалеко отъ рѣки Тора, встрѣтили Дранаго, у котораго было 5,000 Донскихъ казаковъ и 1,500 Запорожцевъ; бой продолжался три часа дня и два часа ночи. Драный былъ разбитъ и убитъ. 1,500 Запорожцевъ ушли и засѣли въ Бахмутѣ, но Шидловскій досталъ ихъ и тамъ. „Нынѣ доношу", писалъ онъ Долгорукому, „конклюзію учинилъ: Бахмутъ выжгли и разорили. Въ томъ воровскомъ собраніи было Запорожцевъ 1,500 человѣкъ; есть намъ что и не безъ грѣха: сдавались они намъ, еднакъ въ томъ гаму намъ не донесено, воспріяли по начинанію своему"[3]).

Съ другой стороны, 5 іюля 5,000 воровъ подступили къ Азову; противъ нихъ вышелъ полковникъ Николай Васильевъ съ конницею, но не могъ сдержать стремительнаго натиска воровъ, которые вошли уже въ Матросскую слободу; но къ Васильеву на помощь явились четыре роты солдатъ: воры были отбиты отъ Матросской слободы и отъ лѣсныхъ припасовъ, и прогнаны до рѣчки Каланчи при безпрестанной пушечной пальбѣ съ города и съ кораблей. Потерявши много своихъ, воры побѣжали къ Черкаску, и много ихъ потонуло въ Дону. Бѣглецы, явившись въ Черкаскъ, начали кричать, что по посылкѣ Булавина подъ Азовомъ побито ихъ многое число и многіе потонули въ водѣ, а Булавинъ ихъ не выручалъ и имъ измѣнилъ, за что надобно его убить; Булавинъ ушелъ отъ нихъ и заперся у себя въ комнатѣ; но атаманъ Илья Зершиковъ пришелъ съ толпою казаковъ и началъ обстрѣливать курень; Булавинъ сначала защищался, убилъ у Зершикова двухъ человѣкъ, но потомъ, видя, что дальнѣйшее сопротивленіе невозможно, застрѣлилъ себя изъ пистолета[4]).

Между тѣмъ Петръ еще 19 іюня писалъ Долгорукому: „Является изъ вашихъ писемъ нѣкоторое медленіе, что намъ зѣло непріятно; и когда дождется нашего баталіона Ингермонландскаго и Бильсова полковъ, тогда тотчасъ подите къ Черкаскому, и, сослався съ губернаторомъ азовскимъ, чини немедленно, съ Божіею помощію, промыслъ надъ тѣми ворами, и которые изъ нихъ есть пойманы, тѣхъ вели вѣшать по городамъ Украинскимъ. А когда будешь въ Черкаскомъ, тогда добрыхъ обнадежь, и чтобъ выбрали атамана добраго человѣка, и, по совершеніи ономъ, когда пойдешь назадъ, то по Дону лежащіе городки по сей росписи разори и надъ людьми чини по указу: надлежитъ опустошить по Хопру сверху Пристанной по Бузулукъ; по Донцу съ верху по Луганъ; по Медвѣдицѣ по Устьмедвѣдицкой, что на Дону. По Бузулуку все. По Адару все. По Деркулѣ все. По Калитвамъ и по другимъ Задоннымъ рѣчкамъ все. А по Илавлѣ по Илавлинской, по Дону до Донецкаго надлежитъ быть такъ, какъ было"[5]).

Долгорукій былъ того же мнѣнія. Узнавши, что Булавинъ застрѣлился и на его мѣсто избранъ атаманомъ Илья Зершиковъ, онъ выступилъ къ Черкаску, и съ дороги писалъ царю 15 іюля: „Я пошелъ къ Черкаскому для лучшаго укрѣпленія казаковъ. Вашему величеству извѣстно, какіе они шаткіе люди и нынѣшній атаманъ какого онъ состоянія; какъ въ Черкаскомъ, такъ по всѣмъ городкамъ, по большимъ и по малымъ, всѣ измѣнили сплошь, и ежели въ нынѣшній случай, что они въ великомъ страхѣ отъ нашихъ полковъ, нынѣ надъ ними чего указомъ вашего величества не будетъ учинено, то конечно и впредь отъ нихъ тогожь ждать. Извѣстно вашему величеству: коли стрѣльцы бунтовали, то они всегда самые заводчики Яковы Алексѣевы съ товарищи. Въ лице выберутъ дураковъ, а сами изъ-за нихъ воруютъ; такъ власно, какъ, въ Черкаскомъ, и во всѣхъ станицахъ первые люди всѣ сплошь воровству причастны. Коли я былъ малолюденъ, то всѣ вышеписанные воры всеконечно хотѣли меня совсѣмъ снесть; а коли я собрался и учинили поискъ надъ Дранымъ, то всѣ начали робѣть и бѣжать, и въ Черкаской Дранаго сынъ прибѣжалъ съ вѣстью, что отца его подъ Торомъ убили, и для того у нихъ лучшая надежда пропала. Василій Фроловъ кой часъ услышалъ, что Дранаго убили, то онъ и всѣ при немъ сказали: ежели въ Черкаскомъ то свѣдаютъ о Драномъ, конечно Булавина убьютъ, для того что Булавинъ былъ муракъ, все воровство и вся надежда была на Дранаго. Конечно, подъ такой случай надобно опредѣленіе съ ними сдѣлать, чтобъ и впредь имъ нельзя не токмо дѣлать и мыслить, и вольность у нихъ убавить. Такъ, государь, доношу: которые городки вновь поселились верхніе близъ нашихъ городовъ, — чтобъ конечно у нихъ отнять".

---

[1] Голикова—Дѣянія XI, стр. 381.

[2] Кабинетъ II, кн. № 7.

[3] Кабинетъ I, кн. № 18; II, кн. № 7.

[4] Кабинетъ I, кн. № 18; II, кн. № 7.

[5] Голикова—Дѣянія XI, стр. 382.

26 іюля пришелъ Долгорукій къ Черкаску на Аксай; къ нему навстрѣчу выѣхалъ атаманъ Илья Зерщиковъ со всею старшиною и съ знаменами; далеко не доѣзжая до царскаго войска, слѣзли всѣ съ лошадей, потомъ подошли къ Долгорукому, положили знамена и сами легли на землю. Долгорукій велѣлъ имъ встать. Атаманъ началъ говорить, просилъ милости у царскаго величества, отпущенія винъ, оправдывался: „Какъ воръ пришелъ на островъ, мы сидѣли въ осадѣ отъ него, а другіе наши же воры, которые съ нами сидѣли, изъ Рыковскихъ станицъ, склонились къ вору и насъ выдали". Долгорукій отвѣчалъ: „Которые вѣрою служили царскому величеству, тѣ получатъ милость, а воровъ приводите ко мнѣ". 29 числа Догорукій подошелъ подъ самый Черкаскъ и сталъ обозомъ; сюда атаманъ и старшина привели къ нему сына и брата Булавина, да сына Дранаго и другихъ пущихъ воровъ, всего 26 человѣкъ. На другой день пришли всѣ съ крестами въ обозъ, и цѣловали Крестъ и Евангеліе съ великою клятвою и слезами, что имъ царскому величеству въ вѣрности быть, а кто не явится у крестнаго цѣлованія, тѣхъ побить до смерти. Долгорукій говорилъ имъ, чтобъ выдали казаковъ Рыковскихъ станицъ, которые были больше другихъ въ воровствѣ; но атаманъ и старшина отвѣчали: „Казаки Рыковской станицы положили начало въ воровствѣ, но за то и въ убійствѣ вора еслибъ не они, то черкасскимъ жителямъ однимъ этого бы не сдѣлать". — „Не только Рыковскіе", писалъ Долгорукій царю, „всѣ сплошь черкасскіе въ томъ воровствѣ равны, и самъ атаманъ Илья и есаулъ Соколовъ, будучи у меня, сказали, что они всѣ этому дѣлу виновны, и ежели это дѣло розыскивать, то всѣ кругомъ виновны, сами о себѣ сказали. А что ваше величество изволилъ ко мнѣ писать, чтобъ выбрать атамана человѣка добраго,—и ручаться по нихъ невозможно; самому вашему величеству извѣстно и безъ нынѣшней причины, какого они состоянія, а съ нынѣшней причины и всѣ равны, одного человѣка не сыщешь, на кого-бъ можно было надѣяться. Одно средство — оставить въ Черкаскѣ полкъ солдатскій. А жестоко, государь, поступить мнѣ съ ними было невозможно для того, что всѣ сплошь въ воровствѣ; развѣ было за ихъ воровство всѣхъ сплошь рубить, и того мнѣ дѣлать безъ указу вашего величества невозможно"[1]. „Господинъ майоръ!" отвѣчалъ Петръ, „письма ваши я получилъ, на которыя отвѣтствую, что по городкамъ вамъ велѣно такъ жестоко поступить въ ту пору, пока еще были всѣ въ противности, и когда уже усмирилися (хотя за неволею), то надлежитъ инако, а именно: заводчиковъ пущихъ казнить, а иныхъ на каторгу, а прочихъ высылать въ старыя мѣста, а городки жечь по прежнему указу. Сіе чинить по тѣмъ городкамъ, которые велѣно вовсе искоренить, а которые по Дону старые городки, въ тѣхъ только въ нѣкоторыхъ, гдѣ пущее зло было, заводчиковъ только казнить, а прочихъ обнадеживать; а буде гдѣ какую противность нынѣ вновь сдѣлаютъ, то и всѣхъ подъ главу. Притомъ же и сіе вамъ возможно разумѣть, что во всякомъ къ вамъ указѣ, всегда я по окончаніи письма полагался на ваше по тамошнему состоянію дѣлъ разсужденіе, что и нынѣ подтверждаю: ибо намъ, такъ отдаленнымъ, невозможно конечнаго рѣшенія вамъ дать, понеже случаи ежедневно перемѣняются. Оставили вы полкъ въ Черкаскомъ, а то кажется не добро ради многихъ причинъ, а лучше оному быть въ Азовѣ, а когда понадобится, только тридцать верстъ оттуда. Впрочемъ благодарствую вамъ за труды ваши, въ Черкаскомъ показанные"[2].

Трудами, показанными въ Черкаскѣ, дѣло не оканчивалось. Петръ вѣрно обозначилъ больное мѣсто, приказывая щадить городки по Дону и искоренять верховые городки по Донскимъ притокамъ, населенные сходцами, голутьбою. На Дону бунтъ прекратился смертію Булавина; но въ верховыхъ городкахъ онъ прекратиться не могъ, потому что тамъ было много людей, боровшихся противъ государства по инстинкту самосохраненія. Несмотря на то, что Булавинъ оттянулъ силы мятежа къ Дону, къ Черкаску, казаки въ самомъ началѣ перекинулись на свое широкое раздолье, на Волгу. Казаки Сиротинской станицы и другихъ городковъ, съ ними бѣглые стрѣльцы и солдаты, человѣкъ съ 1,000, 13 мая пришли на Волгу и взяли безъ бою городъ Дмитріевскій на Камышенкѣ. Жители города Камышина забунтовали, мучили и побросали въ воду офицера, полковаго писаря и бурмистровъ соляной продажи. Утвердившись на Волгѣ, казаки начали свое дѣло, поймали майора Друкорта, ѣхавшаго въ Астрахань, мучили его и убили, перехватывали и грабили суда, людей мучили. 7 іюня 3,000 казаковъ изъ Паншина и другихъ городковъ пришли подъ Царицынъ. Здѣшній комендантъ Аѳанасій Турченинъ съ 5,000 Царицынцевъ да съ одною ротою солдатъ, присланныхъ изъ Астрахани, сѣлъ въ малой крѣпости въ осаду, выдерживая жестокіе приступы отъ воровъ. Петръ Апраксинъ послалъ къ нему на помощь изъ Астрахани полкъ солдатъ съ полковникомъ Бернеромъ; воры, не допустя его за пять верстъ до города, встрѣтили въ лодкахъ на урочищѣ Сарпинскій островъ; послѣ сильнаго бою, продолжавшагося отъ 3-го часа по полудни до ночи, раненый Бернеръ, видя многочисленность воровъ, отступилъ къ Черному Яру. Послѣ этого воры, забравъ къ себѣ съ судовъ множество рабочихъ людей, днемъ и ночью валили землю къ Царицыну, засыпали ровъ и, зажегши деревянную крѣпость, взяли ее приступомъ. Воеводѣ Турченину, послѣ мученій, отсѣкли голову, убили подъячаго, пушкаря, двоихъ стрѣльцовъ, но офицеровъ и солдатъ оставили на свободѣ, наругавшись только надъ ними въ кругахъ своихъ. Воры оставались въ Царицынѣ до 20 іюля, когда присланные изъ Астрахани полки взяли у нихъ городъ, пущихъ заводчиковъ Апраксинъ велѣлъ прислать къ себѣ въ Астрахань, а другихъ всѣхъ казаковъ и камышинскихъ, пришедшихъ къ ворамъ на помощь подъ Царицынъ, велѣлъ въ Царицынѣ и по Донской дорогѣ вѣшать.

---

[1] Кабинетъ II, кн. № 7.

[2] Голикова—Дѣянія XI, стр. 402.

Для очищенія Волги отъ воровъ шелъ изъ Казани князь Петръ Ивановичъ Хованскій. Когда узнали о его походѣ въ Камышинѣ, то казаки и многіе изъ камышинскихъ жителей стали собираться бѣжать на Донъ; остальные, вмѣстѣ съ бурлаками, начали говорить имъ: „Для чего забунтовали, а теперь бѣжите на Донъ?“ взяли атамана Кондратія Носова въ кругъ, спросили, куда дѣлъ порохъ и свинецъ; пошли къ нему въ домъ, вынули бочку пороху и принесли въ кругъ. Тогда другой атаманъ изъ камышинскихъ жителей, Иванъ Земинъ, видя, что дѣло плохо, хотятъ ихъ засадить, сталъ уговаривать бурлаковъ идти съ ними вмѣстѣ на Донъ, причемъ посулилъ бочку вина да по полтинѣ денегъ; бурлаки не преодолѣли искушенія, передались на сторону казаковъ и побѣжали съ ними вмѣстѣ на Донъ, побравши порохъ и пушки. Не хотѣвшіе бѣжать Камышинцы были прибиты и ограблены, а потомъ должны были испытать бѣду отъ Апраксина, который велѣлъ всѣхъ ихъ забрать въ Астрахань, кромѣ стариковъ, женщинъ и дѣтей: „Тѣ и сами исчезнутъ!“ писалъ онъ царю [1].

Между тѣмъ Хохлачъ бросился къ Саратову, былъ отбитъ и отступилъ, поджидая Некрасова; но когда пріѣхалъ къ нему Некрасовъ, явились подъ Саратовомъ Калмыки, отдѣлившіеся, какъ мы видѣли, отъ Ивана Бахметева; Калмыки ударили на воровъ и обратили ихъ въ бѣгство.

Волга была очищена до Хованскаго, который потому перешелъ на Донскіе притоки, отыскивая воровъ въ самыхъ жилищахъ ихъ. Посланные имъ Саратовцы и Калмыки взяли Перекопскій городокъ, казаковъ побили, дома ихъ выжгли и разорили безъ остатка. Узнавши, что изъ Паншина воровскіе казаки выбрались всѣ съ женами и дѣтьми, Хованскій отрядилъ вслѣдъ за ними товарища своего, Дмитріева-Мамонова, и Калмыковъ. 23 августа Дмитріевъ-Мамоновъ настигъ казаковъ ниже Паншина, верстахъ въ 5 у рѣки Дона; воровъ было съ 4,000, кромѣ женъ и дѣтей; обозъ состоялъ изъ 1,000 телѣгъ. „Была баталія съ ними великая“, писалъ Хованскій царю, „и никогда я не помню, чтобъ такъ казаки крѣпко стояли, а болѣе того, разумѣю, что крѣпко стояли бѣглые драгуны и изъ полковъ солдаты, а наибольше полку господина фельдмаршала (Шереметева), какъ онъ шелъ снизу, такоже и другихъ полковъ“ [2]. Воры потерпѣли страшное пораженіе, ушло ихъ немного, только въ двухъ лодкахъ; женщины, дѣти и обозъ достались побѣдителямъ. Хованскій выжегъ 8 городковъ; 39 городковъ добили челомъ и приведены къ присягѣ.

Въ то же самое время Долгорукій губилъ воровъ съ другой стороны. Онъ выступилъ изъ Черкаска къ верховымъ городкамъ, и 13 августа писалъ царю: „Отъ вашего величества мнѣ сказано, чтобъ мнѣ съ ними жестоко поступать, и я для того не такъ жестоко поступаю, что невозможно: и такъ къ которому городку приду,—бѣгутъ въ лѣса, а иные къ Некрасову; а ежели-бъ я поступилъ жестоко къ первымъ городкамъ, всѣ-бъ къ вору ушли“ [3]. По письмамъ Некрасова, изъ 16 станицъ собралось въ Есауловъ городокъ 3,000 человѣкъ съ женами и дѣтьми, и ждали Некрасова, который обѣщалъ придти къ нимъ съ своею шайкою. Долгорукій, чтобъ не допустить до этого соединенія, оставивъ пѣхоту и обозъ, пошелъ къ Есаулову съ одною конницею и явился передъ городкомъ 22 августа; воры сѣли-было въ осадѣ; но 23 числа, несмотря на то, что приступъ не удался царскимъ войскамъ, выслали съ повинной и цѣловали Крестъ. Долгорукій взялъ съ собою пущихъ воровъ 10 человѣкъ, атамана Ваську Тельнаго четвертовалъ, той же казни подверглись двое монаховъ раскольниковъ, изъ которыхъ одинъ, Кириллъ, не будучи попомъ, исповѣдывалъ, пріобщалъ, крестилъ и пѣлъ молебенъ о побѣдѣ надъ государевыми людьми. Другихъ, съ десятка по человѣку, перевѣшали кругомъ городка, а иныхъ, поставивъ висѣлицы на плотахъ, пустили по Дону, и казнено ихъ больше 200 человѣкъ. Некрасовъ, узнавъ объ участи Есаулова городка, побѣжалъ на Кубань съ 2,000 воровъ.

Некрасовъ ушелъ; но остался еще Голый. Около него собралось тысячи съ четыре воровъ, съ женами, дѣтьми и скотиною. Въ сентябрѣ онъ пришелъ въ Донецкую станицу, по призывному письму тамошняго атамана Колычева. Недѣли съ полторы послѣ его прихода, у Донецкаго же показались царскія будары: это плылъ полковникъ Бильсъ съ солдатскимъ полкомъ и съ провіантомъ въ Азовъ. Казаки не выставили никакого сопротивленія, а Бильсъ не догадался, куда попалъ. Голый и Колычевъ явились къ полковнику на будары съ честью, съ хлѣбомъ и солью; Бильсъ отплатилъ учтивостію за учтивость, попотчивалъ ихъ виномъ и позволилъ ходить по бударамъ, осматривать пушки, свинецъ, казну. Давши Бильсу провожатыхъ, Голый и Колычевъ отпустили его Дономъ внизъ, а сами поѣхали берегомъ за нимъ вслѣдъ. Только-что отплылъ Бильсъ версты двѣ отъ Донецкаго, какъ встала непогода, будары всѣ разбило и многія нанесло на мель; Голый былъ тутъ и сталъ кричать полковнику, чтобъ приставалъ къ берегу слушать царскій указъ. Бильсъ, опять ничего не подозрѣвая, присталъ къ берегу: тутъ казаки бросились къ нему на будару, самого Бильса и офицеровъ перевязали и утопили, казну и офицерскіе пожитки между собою раздуванили, а солдатъ забрали къ себѣ въ таборы [1]. Государь, узнавши объ этомъ, написалъ Долгорукому: „Зѣло печально, что дуракъ Бильсъ такъ изрядной полкъ дуростію своею потерялъ“ [2].

---

[1] Кабинетъ II, кн. № 7; тамъ же, отд. I, кн. № 2.

[2] Кабинетъ II, кн. № 8.

[3] Кабинетъ II, кн. № 7.

Распорядившись съ Бильсомъ, Голый съ товарищами началъ думать, чтобъ женъ и дѣтей развести по городкамъ, а самимъ идти подъ украйные города; если Долгорукаго разобьютъ, то въ городахъ чернь къ нимъ пристанетъ, и тогда можно будетъ идти до Москвы, побить бояръ, Нѣмцевъ и прибыльщиковъ; въ этой надеждѣ утверждало ихъ извѣстіе, что Долгорукій полки распустилъ и стоитъ въ малолюдствѣ. Голый уже разослалъ прелестныя письма по Украйнѣ: „Намъ до черни дѣла нѣтъ; намъ дѣло до бояръ и которые неправду дѣлаютъ, а вы, голутьба, всѣ идите со всѣхъ городовъ, конные и пѣшіе, нагіе и босые,—идите, не опасайтесь! Будутъ вамъ кони и ружья, и платье, и денежное жалованье; а мы стали за старую вѣру и за домъ Пресв. Богородицы, и за васъ, и за всю чернь, и чтобъ намъ не впасть въ Еллинскую вѣру. А вы, стольники и воеводы, и всякіе приказные люди, не держите чернь и по городамъ не хватайте, и пропускайте всѣхъ къ намъ въ Донскіе городки; а кто будетъ держать чернь и не отпускать,— и тѣмъ людямъ смертная казнь“.

Долгорукій былъ въ Острогожскѣ, когда получилъ извѣстіе о судьбѣ Бильса и замыслахъ Голаго. Онъ немедленно выступилъ изъ Острогожска въ Коротоякъ, куда пришелъ 15 октября; изъ Коротояка поспѣшилъ къ Донецкому и явился предъ нимъ 26 числа. Голый и Колычевъ ушли на устье Хопра; но оставшіеся товарищи ихъ, съ 1,000 человѣкъ казаковъ и бурлаковъ, встрѣтили Долгорукаго выстрѣлами; отстрѣливались часа съ полтора и не отстрѣлялись: городъ былъ взятъ, разоренъ и выжженъ безъ остатку; 150 пущихъ воровъ повѣшено. Узнавши, что Голый въ Рѣшетовой станицѣ, Долгорукій пошелъ туда и достигъ станицы 4 ноября. У Голаго было съ 7,500 человѣкъ войска; воры вышли на бой; но ихъ сорвали, вогнали сперва въ городокъ, потомъ выбили изъ городка и до Дону рубили безъ милосердія,—труповъ положено съ 3,000 человѣкъ; многіе потонули, иныхъ на плаву пристрѣливали, а которые переплыли,—померли. Голый ушелъ самъ-третей; городокъ былъ выжженъ [3].

Такъ окончилось вторая сильная, открытая борьба казачества съ государствомъ. Какъ первый [Разинскій] [4], такъ и второй (Булавинскій) бунтъ произошли вслѣдствіе умноженія сходцевъ, голутьбы на Донскихъ притокахъ, при закрытіи выхода Дономъ въ море. Казачество усиливалось насчетъ государства, вытягивая изъ послѣдняго служебныя и производительныя силы. Государство, усиленное при Петрѣ личностію государя и нуждаясь въ служебныхъ и производительныхъ силахъ для собственныхъ цѣлей, не могло позволить казачеству похищать у себя эти силы. Вопросъ былъ поставленъ ясно: государство требовало отъ казачества, чтобъ оно не расширяло своихъ владѣній на его счетъ, не строило новыхъ городковъ и не населяло ихъ бѣглецами изъ государства; казачество не слушалось, и государство рѣшилось разорить эти городки и вывести бѣглое ихъ народонаселеніе на старыя мѣста жительства,—тогда бѣглецы вооружились. Но если бы даже государство и не приняло наступательнаго движенія, то нельзя думать, чтобъ обошлось безъ казацкаго возстанія, ибо накопилось много голутьбы; при отцѣ Петра государство, по слабости своей, не предпринимало наступательнаго движенія, и, несмотря на то, взрывъ послѣдовалъ при томъ же необходимомъ условіи, при накопленіи горючихъ матеріаловъ. Казачество было побѣждено и при царѣ Алексѣѣ; слѣдовательно нѣтъ ничего удивительнаго, что оно было побѣждено при Петрѣ: царское войско при Петрѣ было иное, чѣмъ при отцѣ его; эта перемѣна давала возможность горсти царскаго—т.-е. регулярнаго—войска разбивать вдвое сильнѣйшихъ казаковъ: притомъ, еслибъ дѣло затянулось, Петръ самъ хотѣлъ ѣхать на Донъ, чего бы не сдѣлалъ отецъ его. Но, кромѣ того, нельзя не замѣтить и другихъ причинъ скораго торжества государства: во-первыхъ, казачество опоздало съ своимъ движеніемъ, пропустивъ удобное время Астраханскаго бунта; во-вторыхъ, заводчикъ бунта, Булавинъ, ослабилъ возстаніе въ самомъ началѣ, оттянувъ главныя силы съ сѣверо-востока на юго-западъ и потративъ много времени въ Черкаскѣ.

---

[1] Кабинетъ I, кн. № 18.

[2] Голикова—Дѣянія XI, стр. 426.

[3] Кабинетъ I, кн. № 2 и 18.

[4] См. «Исторію Россіи», томъ XI.

Глава IV.

Продолженіе царствованія Петра I-го Алексѣевича.

Походъ Карла XII въ Литву. — Распоряженія Петра въ Гроднѣ — Карлъ вступаетъ въ этотъ городъ. — Дальнѣйшія его движенія. — Болѣзнь Петра. — Укрѣпленіе Петербурга.—Укрѣпленіе Москвы.—Битва при Головчинѣ.—Военный совѣтъ въ Шкловѣ. — Карлъ въ Могилевѣ. — Битва при Добромъ. — Движеніе Карла въ Малороссію. — Битва при Лѣсной. — Состояніе дѣлъ въ Малороссіи. — Приготовленія къ измѣнѣ Мазепы. — Отношенія Мазепы къ Кочубею. — Доносъ Кочубея.—Розыскъ и казнь Кочубея.—Измѣна Мазепы. — Распоряженія Петра по этому случаю. — Универсалъ Мазепы къ полковникамъ.—Взятіе Батурина Меншиковымъ. — Избраніе новаго гетмана. — Мазепа проклятъ.— Грамота Петра къ Запорожцамъ.—Грамоты Карла къ Малороссіянамъ.—Отвѣтныя грамоты Петра и новаго гетмана Скоропадскаго.—Военныя дѣйствія въ концѣ 1708 года.—Вѣсти изъ Польши.—Отъѣздъ Матвѣева изъ Лондона.—Безчестіе, ему нанесенное.—Сношенія съ Даніею.—Съ Турціею.—Военныя дѣйствія въ началѣ 1709 года. — Петръ въ Воронежѣ.—Его неудовольствіе на Шереметева —Сношенія Мазепы съ царемъ. — Царская грамота къ Малороссіянамъ по поводу перехваченнаго письма Мазепы къ Лещинскому.—Измѣна Запорожцевъ.—Взятіе и разореніе Сѣчи.—Полтавская битва.—Приготовленія къ продолженію войны.—Торжества.

Петръ сбирался ѣхать на Донъ: такъ опасно было въ его глазахъ казацкое возстаніе,—и это въ то самое время, когда Россія одна должна была выдерживать борьбу съ непобѣдимымъ Шведомъ.

Мы видѣли, что Карлъ двинулся изъ Саксоніи въ Польшу въ августѣ 1707 года. Ждали, что король быстро пройдетъ владѣнія своего посаженника Лещинскаго и немедленно вторгнется въ Россію; но, ко всеобщему удивленію, Карлъ четыре мѣсяца выстоялъ въ бездѣйствіи на лѣвомъ берегу Вислы. Было ли это слѣдствіемъ удали, заставлявшей предпочитать для походовъ зимнее время, какъ болѣе трудное, или, наоборотъ, Карлъ боялся осенняго пути въ Литвѣ и Западной Россіи,—все равно, каждый мѣсяцъ остановки со стороны Карла былъ выигрышемъ для Петра. Шведы, привыкшіе къ роскошному житью въ богатой Саксоніи, начали хозяйничать въ бѣдной Польшѣ, хватая все, что только могли захватить. Карлъ смотрѣлъ на грабительство солдатъ своихъ сквозь пальцы. Станиславъ Лещинскій горько жаловался, что Шведы обираютъ его подданныхъ такъ же немилосердно, какъ и Русскіе; но на его жалобы не обращалось никакого вниманія. Французскій посланникъ, находившійся при Карлѣ, доносилъ своему Двору, что Шведы питаютъ къ Полякамъ глубочайшее презрѣніе и не считаютъ ихъ достойными какого-либо вниманія. Самъ Карлъ былъ такъ возмущенъ поведеніемъ Поляковъ, что не считалъ ихъ достойными никакой пощады ни относительно цѣлаго государства, ни относительно отдѣльныхъ лицъ [1].

Въ концѣ декабря Карлъ перешелъ Вислу и, несмотря на представленія необходимости зимнихъ квартиръ, двинулся немедленно въ Литву. Морозныя ночи солдаты проводили на снѣгу подъ открытымъ небомъ. Люди гибли; еще больше гибло лошадей, за недостаткомъ которыхъ нужно было кинуть часть багажа. Но вреднѣе всего была Шведамъ враждебность жителей, которые прятались за деревьями и кустами, и подстрѣливали солдатъ; однажды самъ Карлъ чуть не былъ подстрѣленъ такимъ образомъ. Раздраженный король далъ приказъ вѣшать этихъ безпокойныхъ стрѣлковъ и жечь ихъ жилища. Шведы охотно исполняли приказъ королевскій: однажды захваченная шайка враждебныхъ жителей въ 50 человѣкъ была истреблена тѣмъ, что Шведы заставили несчастныхъ убивать другъ друга. Ожесточенные солдаты не щадили ни женщинъ, ни дѣтей [2].

Встрѣтивши новый 1708 годъ въ Москвѣ, царь 6 января выѣхалъ въ Гродно; вслѣдъ за нимъ долженъ былъ выѣхать адмиралъ Апраксинъ. Въ Дзенцолахъ, гдѣ стоялъ Меншиковъ, узналъ Петръ о движеніи Шведовъ къ Нѣману и отправился въ Гродно, куда пріѣхалъ 21 января. Петръ былъ извѣщенъ, что Карлъ идетъ прямо на сѣверъ, и потому сейчасъ же въ Гроднѣ принялъ свои мѣры; на другой день послѣ пріѣзда, написалъ псковскому оберъ-коменданту Кириллу Алексѣевичу Нарышкину: „Понеже мы получили подлинную вѣдомость, что непріятель уже отсюда въ пяти миляхъ обрѣтается, и намѣреніе его конечно иттить чрезъ Ригу ко Пскову, и для того изъ уѣздовъ хлѣбъ и фуражъ весь забери въ городъ сколько возможно, и сіе немедленно учини, понеже время сего требуетъ“. Черезъ два дня, 25 числа, новое письмо къ тому же: „По полученіи сего указу, тотчасъ вышли дерптскихъ жителей на Вологду, а пожитки ихъ, кромѣ денегъ, чѣмъ могутъ кормиться, съ роспискою возьми и поставь подъ ратушу; также все какъ во Псковѣ, такъ и Дерптѣ какъ наилучше къ оборонѣ устрой (понеже время нужное настоитъ и непріятель уже у насъ явился), также и о минахъ не забудь, только пороху еще не клади“. Тутъ же написалъ Апраксину: „Какъ возможно поспѣшай въ Вильню, и буде въ Вильню уже пріѣхалъ, далѣе не ѣзди, понеже непріятель уже у насъ“ [3].

Этотъ непріятель былъ самъ Карлъ съ 800 человѣкъ конницы, поспѣшавшій по вѣсти, что царь въ Гроднѣ. 2,000 Русскихъ, подъ начальствомъ бри-

---

[4] Fryxell II, 71.

[2] Fryxell II, 72.

[3] Голикова—Дѣянія XI, стр. 340.

гадира Мюленфельда, должны были защищать у Гродна мостъ на Нѣманѣ; но Мюленфельдъ не выдержалъ натиска Шведовъ и далъ имъ дорогу, за что послѣ былъ преданъ суду и бѣжалъ къ непріятелю. Карлъ 26 числа безпрепятственно вошелъ въ Гродно, два часа спустя послѣ отъѣзда оттуда Петра. 27 числа царь былъ уже въ Меречи, откуда писалъ майору гвардіи, князю Василію Владиміровичу Долгорукому: „Сегодня получили мы подлинныя вѣдомости, что непріятель еще вчерась ввечеру къ Гроднѣ пришелъ, чего ради надобно вамъ немедленно маршировать вмѣстѣ съ генераломъ Репнинымъ, куда ему указъ повелѣваетъ, и, идучи дорогою, провіантъ и фуражъ, также и скотину, лошадей, воловъ и овецъ забирать съ собою сколько возможно, и чего не возможно, то провіантъ и фуражъ жечь, чтобъ непріятлю въ руки не достался“. Къ Меншикову писалъ: „Мы идемъ какъ можемъ, и что по дорогѣ довлѣетъ—чинимъ. Зѣло потребно, дабы ваша милость приказалъ заднимъ (доброму и вѣрному офицеру) дороги засѣчь гораздо не въ одномъ мѣстѣ; также и другимъ послать указъ, которые другими дороги идутъ, которое дѣло великую препону непріятелю учинитъ. Для Бога какъ наискоряя дайте знать, куда пойдетъ непріятель, чтобъ пѣхотою мочно ускорить, а я не оставлю все возможное прилагать. Пріѣхалъ къ намъ Крюковъ, который привезъ отъ васъ письмо, чтобъ намъ поспѣшать денно и ночно; и мы дѣлаемъ какъ возможно, однакожъ, съ помощію Божіею, безопасны. Для Бога вѣрному вручи ариргарду, а не симъ плутамъ (т.-е. иностранцамъ вродѣ Мюленфельдта), которые уже явно губятъ“ [1]). 28 января Петръ былъ уже въ Вильнѣ. Царь долженъ былъ смотрѣть во всѣ стороны, всюду разсылать приказанія о движеніи войскъ и оборонѣ, ибо никто не зналъ, куда пойдетъ Карлъ—въ Лифляндію или на Новгородъ, на Смоленскъ или въ Украйну. Сначала онъ двинулся изъ Гродна на сѣверо-востокъ въ Сморгоны; казалось, что онъ пойдетъ на Псковъ и Новгородъ; но, постоявъ въ Сморгонахъ, Карлъ двинулся къ юго-востоку и надолго остался въ Радошковичахъ. Петръ, больной лихорадкою, воспользовался этою остановкою Карла, чтобъ пожить въ своемъ парадизѣ, Петербургѣ, куда пріѣхалъ 20 марта. Лихорадка измучила его, что видно изъ писемъ къ Головкину и Меншикову. Къ первому писалъ отъ 6 апрѣля: „Какъ говорятъ, гдѣ Богъ сдѣлалъ церковь, тутъ и дьяволъ алтарь; хотя я всегда здѣсь яко въ райскомъ мѣстѣ здоровъ былъ, но нынѣ не знаю, какъ съ собою привезъ лихорадку изъ Польши, хотя и гораздо осматривалъ у себя въ саняхъ и платье, ибо всю страстную седмицу мучимъ отъ нея былъ, и самой праздникъ, кромѣ начала заутрени и Евангелія, по болѣзни не слыхалъ; нынѣ, слава Богу, прихожу въ здоровье, и еще никуда изъ избы (а праздникъ зѣло не порядоченъ былъ, ибо какъ память моя есть, всегда бывали мы въ красномъ, а нынѣ принужденъ въ сѣромъ). Сія лихорадка купно съ гортанною и грудною болѣзнью, кашлемъ (что здѣсь зѣло нынѣ много) сама кончилась, а не удержана, и матеріи зѣло много худой вышло, что дохторъ зѣло сему радъ для начатія будущаго лѣченья отъ скорбутики“. Черезъ день, 8 апрѣля, писалъ къ тому же Головкину: „Прошу, которыя дѣла возможно безъ меня дѣлать, чтобъ дѣлали; какъ я былъ здоровъ, ничего не пропускалъ, а нынѣ Богъ видитъ, каковъ послѣ сія болѣзни, которая и здѣшнее мѣсто Польшею сочинила, и ежели въ сихъ недѣляхъ не будетъ къ лѣченію и отдохновенію времени, Богъ знаетъ, что будетъ“ [2]). Получивъ отъ Меншикова извѣстіе, что Шведы собираются наводить мосты на рѣкахъ, Петръ отвѣчалъ ему 14 апрѣля: „Зѣло прошу о себѣ (понеже я вѣдаю, что сія игрушка меня не минетъ), дабы первѣе не позванъ былъ, пока самая совершенная вѣдомость (и съ разсужденіемъ, что оная статця можетъ) о его непріятельскомъ походѣ прямо на войска не будетъ, дабы мнѣ хотя мало исправиться отъ болѣзни. Ибо сегодня отъ той еще только день, какъ сталъ на дворъ выходить. Такоже съ 20 дня сего мѣсяца буду починать лѣкарства примать отъ скорбутики первые, а въ концѣ сего мѣсяца, или въ первыхъ маія меркуріальные, для которыхъ дохтуръ сказалъ десять дней не ходить тогда изъ хоромъ. А самъ ваша милость вѣдаешь, что николи я такъ не писывалъ; но Богъ видитъ когда мочи нѣтъ, ибо безъ здоровья и силы служить невозможно: но ежели-бъ недѣль пять или шесть съ сего времени еще здѣсь побыть и лѣкарства употреблять, то-бъ надѣялся, съ помощію Божіею, здоровъ къ вамъ быть. А когда необходимая нужда будетъ мнѣ ѣхать, извольте тогда послать ставить подводы, понеже о времени томъ вы можете лучше вѣдать, нежели здѣсь“ [3]).

Въ это самое время, когда изнурительная болѣзнь отнимала силы, Петръ долженъ былъ слѣдить за Булавинскимъ бунтомъ, переписываться съ Долгорукимъ и Толстымъ. Въ половинѣ: „лѣчебныхъ трудныхъ дней, обезсилѣвъ отъ лѣкарства какъ младенецъ“, Петръ началъ заниматься укрѣпленіемъ Петербурга. „Вчерашняго дня (писалъ Петръ Меншикову 14 мая) болварокъ Трубецкова зачали бутить, и первый камень, послѣ предика зѣло изряднова, положилъ господинъ Яворской [Стефанъ митрополитъ“] [4]). Но, укрѣпляя свою новую столицу, Петръ озаботился и укрѣпленіемъ старой, куда скорѣе можно было ожидать Карла, чѣмъ къ Петербургу. Еще въ 1707 году Петръ послалъ статьи въ Москву къ правительствующимъ вельможамъ: „Воеводѣ быть князю Михайлѣ Алегуковичу, а товарищей прибрать ему по волѣ своей, кого и сколько похочетъ, такожъ палатнымъ и прочимъ правительствующимъ людямъ быть всѣмъ для совѣту съ нимъ. Въ гварнизонъ выбрать въ коменданты добраго человѣка и умнаго, хотя-бъ и незаобычнаго для того, чтобъ все приготовилъ, что надлежитъ, понеже подъ часъ нужды пришлемъ добраго коменданта и нѣсколько старыхъ солдатъ. (На полѣ отмѣтка рукою Петра: „Гагарину".) Въ Кремлѣ и Китаѣ надлежитъ быть гварнизону въ 13,000, изъ котораго числа рекрутовъ 7,000 шибаевъ, 1,000 людей боярскихъ безконныхъ, 4 или 3,000 изъ посаду молодыхъ, да изо всѣхъ канцелярій и приказовъ, изъ ратуши и прочихъ мѣстъ солдатъ, гдѣ оные ни сыщутся. Такожъ надлежитъ Кремль и Китай укрѣпить, для чего посланъ будетъ Василій Корчминъ и прочіе съ нимъ, къ которому дѣлу надобно по меньшей мѣрѣ 30,000 человѣкъ. Весь, какъ торговой, такъ казенной монастырской (такожъ и у всякого чину людей, у кого лишней не мало) хлѣбъ весь свесть въ Кремль и тамъ въ удобное мѣсто положить, а торговой на Житный дворъ и въ набережныя палаты и изъ нихъ продавать по прежнему, такожъ и прочей хлѣбъ всякому волю для своей потребы дать, лишебъ конечно было въ Кремлѣ; понеже подъ нужный случай вскорѣ свозить будетъ невозможно, а сжечь жаль напрасно, и для того заранѣе сіе учинить надлежитъ. Въ начинаніи сему не безъ сумнѣнія и торопости будетъ въ людяхъ, того для сказать всѣмъ, что сіе дѣлается въ запасъ ради всякаго случая, понеже прежъ сего и не отъ такихъ непріятелей, но отъ бездѣльныхъ Татаръ земляной городъ дѣлали и колодези въ Кремлѣ копали и прочее къ осадѣ готовлено, и чтобъ нихто для сего безъ указу съ Москвы не убирался, не уѣзжалъ и не уходилъ подъ смертною казнію; а когда какой случай позоветъ, тогда указъ сказанъ будетъ, чтобь всякой, убрався съ пожитками, выѣхалъ, объявя, гдѣ оной вѣдомъ и куда поѣдетъ. Конницѣ надлежитъ быть отъ 15 до 20,000, а ружья—какое у кого есть, однакожъ стараться, чтобъ больше огненнаго было, и сію армею, управя, разставить около Москвы для конскихъ кормовъ въ такой дистанціи, чтобъ въ недѣлю могли стать на Москвѣ. Князю Петру Ив. Прозоровскому (ежели сей случай будетъ) съ лучшею святынею, такожъ съ церковными и казенными богатствы и нужными посольскими письмами выѣхать по Ярославской дорогѣ до Бѣлаозера или далѣ, куды случай позоветъ. Шведскаго резидента выслать въ Стекгольмъ одного съ такимъ предложеніемъ, чтобъ онъ за себя выслалъ на размѣну нашего резидента, а ежели онъ того не учинитъ, то сказать, что жену и дѣтей его сошлютъ въ Сибирь. Такожъ сказать прочимъ Шведамъ, которые на Москвѣ, отъ майора и выше, что имъ на Москвѣ жить не велѣно, но чтобъ они выбрали себѣ который хотятъ городъ (кромѣ порубежныхъ къ ихъ краю), гдѣ имъ жить, и чтобъ письменнымъ паролемъ и порукою круглою обязались, что имъ безъ размѣны не уйтить и что къ злу сему государству не чинить, то позволено имъ жить въ тѣхъ мѣстахъ безъ караулу. Слободскихъ (Нѣмецкой слободы) иноземцевъ каждаго народа межъ собою перепоручить, а по комъ порукъ не будетъ, тотчасъ выслать къ городу (Архангельску), и оттоль на корабляхъ, а ежели изъ мастеровыхъ по комъ поруки не будетъ, послать въ Казань. По дорогамъ изъ городовъ (кромѣ тѣхъ, которые велѣно крѣпить), селъ и деревень отъ Серпуховской до Новгородской, зачавъ отъ ста верстъ отъ Москвы до самой границы, чтобъ учинили по прежнему указу приготовленіе себѣ, скоту и хлѣбу заранѣе, однакожъ нихтобъ до указу домовъ своихъ, пашенъ и всякихъ промысловъ отнюдь не покидалъ подъ смертною казнію, а когда случай будетъ и другой указъ о выходѣ изъ домовъ придетъ, тогда-бъ всѣ въ уготованныя мѣста со всѣмъ вышли. Городы: — Серпуховъ, Можайскъ, Тверь по возможности укрѣпить и полисадировать. Серебряныя вещи Казеннаго Приказа, патріаршіи и монастырскія и въ прочихъ мѣстахъ, гдѣ оныя ни есть, кромѣ самыхъ старыхъ и диковинокъ, все передѣлать въ монеты и отнюдь оныхъ денегъ не давать въ расходъ безъ особливаго указа" [1].

---

[1]) Голикова Дѣянія XI, стр. 341; письма Петра В. къ Меншикову въ Москов. архивѣ Мин. Ин. Д.

[2]) Москов. архивъ Мин. Ин. Д., Приказныя дѣла новыхъ лѣтъ, годъ 1708.

[3]) Москов. архивъ Мин. Ин. Д., письма Петра В. къ Меншикову.

[4]) Москов. архивъ Мин. Ин. Д., письма Петра В. къ Меншикову.

Вслѣдствіе этого указа, 7 января 1708 года бояре въ ближней канцеляріи учинили опредѣленіе, что „имъ съѣзжаться въ понедѣльникъ, среду и пятокъ. На Москвѣ у городовой крѣпости въ нынѣшней зимѣ быть работѣ на четырехъ болверкахъ: со всѣхъ чиновъ жителей къ дѣлу Московской крѣпости взять работниковъ у кого въ домѣ сколько дымовъ есть, съ трехъ дымовъ по одному работнику, а у кого дымовъ въ число работника не достанетъ, и тѣмъ людямъ, складываясь, давать работниковъ. Всякихъ чиновъ людямъ московскимъ жителямъ, гдѣ которые чины вѣдомо, сказать, чтобъ они въ нужный случай готовы были всѣ и съ людьми" [2].

Все было приготовлено, чтобъ незванные гости встрѣтили пустыню во внутренности государства. Въ іюнѣ Карлъ выступилъ изъ Радошковичей на востокъ къ Борисову, для переправы черезъ Березину. У Борисова стоялъ русскій отрядъ, чтобъ затруднить Шведамъ переправу; Карлъ повернулъ въ другую сторону, пошелъ чрезъ непроходимые лѣса и болота, и переправился гораздо ниже подъ мѣстечкомъ Сапѣжинская Березина, въ пяти миляхъ отъ мѣстечка Головчина. Шереметевъ и Меншиковъ рѣшились задержать непріятеля при переправѣ чрезъ небольшую, но болотистую рѣчку Бибичъ. 2 іюля Меншиковъ писалъ царю изъ-подъ Головчина: „Наша кавалерія, занявъ постъ подлѣ Головчина и далѣе на потребныхъ пасахъ стала, и потомъ, для лучшаго удержанія непріятеля, разсудили мы за благо и пѣхоту дивизіи фельдмаршала Шереметева и генерала князя Репнина сюдажъ взять, которыя уже пришли, и на томъ пасѣ онаго (непріятеля), гдѣ рѣчка, и болота, и лѣса, елико возможно держать будемъ, ибо оной нынѣ съ нами объ одной той рѣчкѣ въ виду обрѣтается, и ежели оный станетъ переправливаться, то хотя и съ нѣкоторымъ урономъ своимъ держать его будемъ, понеже и онъ принужденъ будетъ такожъ своихъ людей потерять, а къ главной баталіи насъ принудить ему за узкими дороги и переправы трудно; токмо дай Вышній, дабы ваше величество къ намъ вскорѣ прибылъ. А взятые языки сказываютъ, что все его войско къ намъ собралось, съ которымъ наша легкая конница, непрестанно переѣзжая за рѣчку, имѣютъ стравки. Полоняники единогласно сказываютъ, что въ войскѣ его конницы и пѣхоты больше 30,000 не будетъ, и въ провіантѣ имѣютъ они скудость, а непріятель хочетъ идти за Днѣпръ и искать съ нами баталіи, отъ которой мы, по указу вашего величества, до пришествія вашего, остерегаться по возможности будемъ, и безъ крайней нужды въ оную не вступимъ".

---

[1] Кабинетъ I, кн. 54.

[2] Кабинетъ II, кн. № 8.

3 іюля произошла битва при Головчинѣ. Главная русская армія, при которой находились Шереметевъ и Меншиковъ, занимала середину; на правомъ крылѣ, въ трехъ миляхъ, при Климочахъ, стояли генералы Аллартъ и Флюкъ; на лѣвомъ, въ двухъ верстахъ, князь Репнинъ и въ четверти мили отъ него—фельдмаршалъ-лейтенантъ Гольцъ; князь Мих. Мих. Голицынъ, сторожившій движенія шведскаго корпуса Реншельда, стоялъ на верховьяхъ рѣки Бибича, между главною арміею и Аллартомъ. Узнавши отъ перебѣжчика, что Карлъ намѣренъ напасть на правое крыло, Шереметевъ и Меншиковъ особенно усилили послѣднее; но „непріятель о третьемъ часу по полуночи, наче чаянія, пошелъ всею пѣхотою своею на дивизію князя Репнина, который стоялъ влѣво отъ фельдмаршала Шереметева за марастомъ и лѣсомъ (у котораго за командированными въ остаткѣ было около пяти тысячъ), и, пришедъ непріятель еще въ темноту, въ туманъ и дождь, съ большею частію артиллеріи своей, началъ по ономъ стрѣлять жестоко, и подъ тою стрѣльбою, въ самомъ болотномъ мѣстѣ, сдѣлалъ мосты понтонами и, перешедъ, пошелъ во флангъ на транжементъ князя Репнина, хотя отрѣзать отъ коммуникаціи съ нами. Репнинъ принужденъ былъ отступить къ лѣсу, гдѣ непріятель на онаго жестоко наступилъ, по жестокомъ бою, котораго часа три или четыре было, отступя, пришелъ Репнинъ въ слученіе къ намъ безъ великаго урону; а противъ Шереметева и Меншикова дивизіи поставилъ непріятель въ прикрытіи за Головчинымъ знатную часть кавалеріи, которая такожде являлась къ переходу въ готовности; а въ наступленіи на генерала Репнина перешедъ, непріятельская кавалерія пошла на кавалерію нашу подъ командою Гольца, съ которымъ у непріятеля былъ великій бой пять часовъ на обѣ стороны съ урономъ, и оной, по жестокомъ отпорѣ непріятелю, какъ и мы, не хотя съ непріятелемъ въ главную баталію вступить и не имѣя къ тому удобнаго мѣста, отступили къ Днѣпру, наша дивизія—къ Шклову, а Гольца—къ Могилеву, Алларту и Флюку велѣли идти къ Копоси, и, переправясь Днѣпръ, разрядя всѣ войска, будемъ непріятеля еще держать по возможности. Кромѣ уступленія мѣста, непріятелю изъ сей баталіи утѣхи мало"[1].

Такъ донесъ Меншиковъ царю о Головчинской битвѣ и ея слѣдствіяхъ. Петръ былъ уже на дорогѣ изъ Петербурга къ арміи, когда получилъ вѣсть объ этой битвѣ; на первыхъ порахъ онъ написалъ Апраксину, оставленному защищать новопріобрѣтенный край: „Я зѣло благодарю Бога, что наши прежде генеральной баталіи видѣлись съ непріятелемъ хорошенько, и что отъ всей его арміи одна наша треть такъ выдержала и отошла"[2]. Потомъ, узнавши подробнѣе дѣло, Петръ написалъ Меншикову: „Понеже въ прошедшей окказіи подъ Головчинымъ дивизіи генерала князя Репнина многіе полки пришли въ конфузію, и, не исправя должности своей и покинувъ пушки, непорядочно отступили, а иные и не бився, а которые и бились, и тѣ казацкимъ, а не солдатскимъ боемъ, и про сіе злое поведеніе генералу князю Меншикову накрѣпко розыскать, начиная съ перваго до послѣдняго, со всякою правдою, не маня, ниже посягая, но истиною, какъ стать предъ судомъ Божіимъ, ибо долженъ будетъ надъ симъ розыскомъ присягу учинить"[3]. До насъ дошло оправдательное письмо Репнина къ государю: „Ежели мнѣ изволите причесть въ вину, что у меня не было диспозиціи въ полкахъ и будто непріятеля не держалъ и отступилъ вскорѣ; и такого повѣренія о диспозиціи у насъ никогда не было; а непріятеля мнѣ держать было больше невозможно безъ сикурсу, и въ такое многое время, сколько я непріятеля держалъ, возможно было съ обѣихъ сторонъ довольное вспоможеніе мнѣ учинить и непріятеля въ конфузію привести; еще-жъ во всю потребу управлялъ вездѣ одинъ я, понеже генералъ Чамберсъ, человѣкъ уже слабой, а и прочіе офицеры, которые тутъ были, не токмо бы съ ними совѣтовать, и во управленіи искусства не всѣ довольнаго, чего ради слезно прошу, дабы ваше величество Божеское милостивое ко мнѣ милосердіе показали, понеже, кромѣ вашего высокаго милосердія, предстателя себѣ не имѣю". Но уже послѣ этого (5 августа) царь написалъ Шереметеву, чтобъ учинилъ крихсратъ и по приговору воинскаго суда исполнилъ штрафы немедленно[4].

На четвертый день послѣ Головчинской битвы, 6 іюля въ Шкловѣ былъ держанъ военный совѣтъ (генеральный консиліумъ), на которомъ приговорили: „Понеже непріятель, по вѣдомости, маршируетъ къ Могилеву, а оное мѣсто осадить (приготовить къ осадѣ отъ непріятеля) за пространностію и упрежденіемъ непріятельскимъ трудно, того ради приговорено: перебрався на сю сторону Днѣпра, стать всей кавалеріи и конной пѣхотѣ по Днѣпру отъ Шклова до Могилева, и онаго (непріятеля) по возможности держать и переправленіе чрезъ Днѣпръ боронить, а пѣхотѣ всей итить къ Горкамъ съ артиллеріею и съ обозами; а когда невозможность явится онаго переправленію чрезъ Днѣпръ возбранить, и тогда уступать и конницѣ каждой дивизіи куды способнѣе добрымъ порядкомъ до Горокъ, и тамо, соединясь съ пѣхотою, смотрѣть на непріятельскіе обороты и куды обратится—къ Смоленску или къ Украйнѣ—трудиться его упреждать“. Подписались: генералъ-фельдмаршалъ Шереметевъ, генералъ князь Меншиковъ; министры—графъ Головкинъ, князь Григорій Долгорукій; генералы—Гольцъ, Репнинъ, Аллартъ, Брюсъ, Репъ, Дальбонъ [1].

---

[1] Кабинетъ II, кн. № 8.

[2] Голикова—Дѣянія XI, стр. 387.

[3] Письма Петра В. къ Меншикову въ Москов. архивѣ Мин. Ин. Д.

[4] Кабинетъ II, кн. № 8; Голикова — Дѣянія XI, стр. 401.

Карлъ дѣйствительно вступилъ въ Могилевъ и засѣлъ здѣсь надолго: онъ дожидался прихода Левенгаупта изъ Лифляндіи съ 16,000 войска, артиллеріею и провіантомъ; дожидался еще вѣстей—о возстаніи Малороссіи противъ царя. Петръ наблюдалъ за нимъ изъ Горокъ, и съ удовольствіемъ видѣлъ уменьшеніе силъ непріятеля и опасное положеніе, въ которомъ онъ находился вслѣдствіе скудости продовольствія. 23 іюля царь писалъ Апраксину: „Иного писать не имѣемъ, только что непріятель стоитъ въ Могилевѣ по прежнему тихо, и конечно подъ Головчиномъ потерялъ половину драбантовъ своихъ (которые всѣ офицеры майорскаго рангу), тако-жъ генералъ Врангель убитъ и два полковника, прочихъ офицеровъ со сто на мѣстѣ побито (кромѣ драбантовъ) и больше тысячи рядовыхъ; ранены генералъ отъ пѣхоты, также офицеровъ и рядовыхъ зѣло много. По вся дни имѣемъ перемѣтчиковъ отъ непріятеля не точію иноземцевъ, но и природныхъ Шведовъ, которые единогласно говорятъ такъ, какъ выше писано, и голодъ имѣютъ великой“ [2].

Не дождавшись Левенгаупта, Карлъ въ началѣ августа выступилъ изъ Могилева и направилъ путь къ юго-востоку, къ Чирикову, на рѣкѣ Сожѣ. Походъ былъ тяжелъ для голоднаго войска по опустошенной странѣ; солдаты сами должны были снимать съ поля колосья и молоть ихъ между камнями, а тутъ еще льютъ безпрерывные дожди и негдѣ укрыться и высушиться. Явилось необходимое слѣдствіе сырости и дурной пищи — болѣзни; солдаты говорили, что у нихъ три доктора: докторъ Водка, докторъ Чеснокъ и докторъ Смерть [3]. Узнавши о выходѣ Карла изъ Могилева, царь выступилъ также изъ Горокъ въ Мстиславль, безпокоя Шведовъ легкими войсками, мѣшая имъ переправляться чрезъ Сожь. Карлъ повернулъ на сѣверъ, къ Мстиславлю, на встрѣчу русской арміи. Встрѣча произошла у мѣстечка Добраго, на рѣчкѣ Черной Напѣ, 29 августа. Видя, что правое непріятельское крыло поотдалилось отъ корпуса на четверть мили, Петръ, по отправленіи генеральнаго консилія, двинулъ на него генераловъ князя Мих. Мих. Голицына и Флюка. Объ исходѣ дѣла царь такъ увѣдомлялъ своихъ: „По двучасномъ непрестанномъ огнѣ Голицынъ и Флюкъ непріятелей сбили и съ 3,000 трупомъ, кромѣ раненыхъ, положили, знамена и прочее побрали. Потомъ король Шведской самъ на сикурсъ пришолъ, однако же наши отошли отъ нихъ, кромѣ разоренія строю (т. е. въ порядкѣ). Надежно вашей милости пишу, что я, какъ и началъ служить, такого огня и порядочнаго дѣйствія отъ нашихъ солдатъ не слыхалъ и не видалъ (дай Боже и впредь такъ!) и такого еще въ сей войнѣ король Шведской ни отъ кого самъ не видалъ. Боже! не отъими милость свою отъ насъ впредь“ [4].

Русская армія, послѣ сраженія при Добромъ, отступила опять къ сѣверу; Карлъ шелъ за нею нѣсколько времени и опять остановился. Ждалъ Левенгаупта; Левенгауптъ не приходилъ; а между тѣмъ ѣсть было нечего. Матвѣевъ доносилъ изъ Гаги: „Изъ секрета здѣшняго шведскаго министра сообщено мнѣ отъ друзей, что Шведъ, усмотря осторожность царскихъ войскъ и невозможность пройти къ Смоленску, также по причинѣ недостатка въ провіантѣ и кормахъ, принялъ намѣреніе идти въ Украйну, вопервыхъ, потому, что эта страна многолюдная и обильная и никакихъ регулярныхъ фортецій съ сильными гарнизонами не имѣетъ; вовторыхъ, Шведъ надѣется въ вольномъ казацкомъ народѣ собрать много людей, которые проводятъ его прямыми и безопасными дорогами къ Москвѣ; въ-третьихъ, по близости можетъ имѣть удобную пересылку съ ханомъ Крымскимъ для призыву его въ союзъ, и съ Поляками, которые держатъ сторону Лещинскаго; въ-четвертыхъ, наконецъ, будетъ имѣть возможность посылать казаковъ къ Москвѣ для возмущенія народнаго“. Карлъ 14 сентября повернулъ къ Украйнѣ; Левенгауптъ остался на жертву Русскимъ.

Левенгауптъ былъ у Шклова, когда получилъ отъ Карла извѣстіе, что онъ идетъ въ Украйну, и приказаніе спѣшить къ Стародубу. Это извѣстіе было громовымъ ударомъ для Левенгаупта и его подчиненныхъ; двѣ рѣки—Днѣпръ и Сожь—отдѣляли ихъ отъ главной шведской арміи, и между этими двумя рѣками стоялъ царь. 21 и 22 сентября Левенгауптъ перешелъ Днѣпръ у Шклова и началъ пробираться тайкомъ на югъ; онъ подкупилъ Жида, и тотъ увѣдомилъ царя, что Шведы еще на правомъ берегу Днѣпра. Русскіе начали-было переправляться на этотъ берегъ, какъ встрѣтился шляхтичъ Петровичъ, который объявилъ, что Шведы давно уже на лѣвомъ берегу. Петръ погнался за Левенгауптомъ теперь уже по настоящей дорогѣ. 27 сентября онъ настигъ Шведовъ недалеко отъ Пропойска, при деревнѣ Лѣсной. 28-го, въ часъ пополудни, начался кровавый бой и продолжался до вечера; на другой день поскакали курьеры съ письмами къ Ромодановскому, Апраксину, Долгорукому и другимъ: „Объявляю вамъ, что мы вчерашняго числа непріятеля дошли, стоящаго зѣло въ крѣпкихъ мѣстахъ, числомъ 16,000, которой тотчасъ насъ изъ лѣсу атаковалъ всею пѣхотою во флангъ; но мы тотчасъ три свои регимента швенкель противъ ихъ учинили, и прямо, давъ залфъ, на оныхъ пошли. Правда, хотя непріятель зѣло жестоко изъ пушекъ и ружья стрѣлялъ, однакожъ онаго сквозь лѣсъ прогнали къ ихъ конницѣ; и потомъ непріятель паки въ бой вступилъ, и начавъ часъ послѣ полудня даже до темноты бой сей съ непрестаннымъ зѣло жестокимъ огнемъ пребывалъ, и непріятель не все отступалъ, но и наступалъ, а викторіи нельзя было во весь день видѣть, куды будетъ; напослѣди, милостію побѣдодавца Бога, онаго непріятеля сломивъ, побили наголову, такъ что трупомъ съ 8,000 на мѣстѣ осталось (кромѣ что по лѣсамъ отъ ранъ померло и Калмыки побили); обозъ весь, съ 2,000 телѣгъ, 16 пушекъ, 42 знамя и поле совсѣмъ осталось намъ. P. S. Генералъ Флюкъ непріятеля бѣгущаго достигъ въ Пропойску, изъ которыхъ больше 500 на мѣстѣ положилъ, да въ плѣнъ взяли 45 человѣкъ офицеровъ, 700 рядовыхъ, а потомъ еще многихъ непрестанно въ нашъ обозъ привозятъ и сами приходятъ изъ лѣсовъ; такожъ, и достальной обозъ съ 3,000 телѣгъ взяли. А достальные Шведы побѣжали въ низъ по рѣкѣ Сожѣ и въ шести миляхъ вплавь за рѣку переплыли, за которыми сзади Калмыки гнали и зѣло много побили. Также брегадиръ Фатеманъ, которой за Сожею съ командированными драгуны былъ и при переправѣ оныхъ такожъ многихъ побили“ [1]).

---

[1] Кабинетъ II, кн. № 8.

[2] Голикова—Дѣянія XI, стр. 394.

[3] Fryxell II, 99.

[4] Голикова—Дѣянія XI, стр. 406.

У Русскихъ подъ Лѣсной изъ 14,000 человѣкъ было побито 1,111, ранено 2,856; у Шведовъ изъ 16,000 по русскому счету взято въ плѣнъ 876 человѣкъ, на мѣстѣ побитыхъ тѣлъ перечтено 8,000; но страшная потеря состояла въ томъ, что Левенгауптъ явился къ Карлу безъ военныхъ и съѣстныхъ припасовъ, на которые была такая надежда въ главной арміи шведской; наконецъ битва подъ Лѣсной имѣла еще то печальное слѣдствіе для шведскихъ солдатъ, что они потеряли прежнюю самоувѣренность, тогда какъ на Русскихъ побѣда подъ Лѣсной произвела совершенно другое впечатлѣніе: „Сія у насъ побѣда можетъ первая назваться, понеже надъ регулярномъ войскомъ никогда такой не бывало: къ тому-жъ еще гораздо меньшимъ числомъ будучи предъ непріятелемъ. И по истинѣ оная виною всѣхъ благополучныхъ послѣдованій Россіи, понеже тутъ первая проба солдатская была, и людей конечно ободрила, и мать Полтавской баталіи, какъ ободреніемъ людей, такъ и временемъ, ибо по девятимѣсячномъ времени оное младенца счастіе произнесла“ [2]). На сѣверѣ такая же участь постигла Любекера, который вторгнулся въ Ингерманландію, и принужденъ былъ оставить ее, потерявши 3,000 человѣкъ, всѣхъ лошадей и военные припасы [3]). При такомъ-то благопріятномъ оборотѣ дѣлъ Петръ вдругъ узналъ объ измѣнѣ Мазепы.

Мы подробно слѣдили за событіями въ Малороссіи и видѣли, въ какомъ странномъ и печальномъ состояніи находилась эта страна. Мы видѣли, какъ въ ней произошелъ важный переворотъ, смѣна землевладѣльцевъ. Вмѣсто прежнихъ польскихъ или ополячившихся пановъ, на первомъ планѣ явилось войско, казаки съ своими начальными людьми, съ своимъ верховнымъ вождемъ, гетманомъ. Войско тяжело налегло на остальное народонаселеніе, городское и сельское. Началась борьба. Гетманы стали стремиться къ увеличенію своей власти на счетъ войска, къ наслѣдственности: чтобъ не зависѣть отъ шумной войсковой черной рады, хотѣли упрочить свое положеніе то посредствомъ Польши, то посредствомъ Москвы, и не достигали своей цѣли; кромѣ Богдана Хмельницкаго, ни одинъ изъ нихъ не кончилъ хорошо,—постоянно свергались они своими. Начальные люди, войсковые старшины, полковники стремились также упрочить свое положеніе, стать землевладѣльцами и пріобрѣсть какъ можно больше власти надъ земледѣльческимъ народонаселеніемъ этихъ земель; полковникамъ хотѣлось управлять своими полками, т. е. городами и уѣздами ихъ, какъ можно самостоятельнѣе, не отдавая отчета ни гетману, ни войску, а главное—не отдавая отчета въ доходахъ и расходахъ. Простымъ казакамъ, разумѣется, не нравилось это стремленіе гетмана и старшины: имъ хотѣлось поддержать первоначальное, простое, демократическое казацкое устройство, чтобы гетманъ и старшина, избираемые войскомъ, находились въ полной зависимости отъ него, не смѣли возноситься надъ войсковою массою, властительски обходиться съ нею. Это демократическое, казацкое стремленіе находило постоянную опору въ Запорожьи, представлявшемъ казацкое общество во всей первобытной чистотѣ: отсюда постоянно раздавались голоса противъ гетмана - боярина Московскаго, противъ старшинъ, которые, вышедши изъ рядовъ простыхъ казаковъ, стремятся стать землевладѣльцами и рабовладѣльцами. Неудовольствія и волненія были всегдашнія; сюда присоединялось еще неудовольствіе горожанъ, которымъ тяжко было казацкое иго, которые звали московскаго воеводу, какъ освободителя отъ притѣсненій казацкаго полковника. При такихъ условіяхъ положеніе гетмана обѣихъ сторонъ Днѣпра войска Запорожскаго было очень тяжело. Выкрикнутый на шумной радѣ, онъ съ перваго же дня своего гетманства былъ окруженъ людьми, которые, при первомъ неудовольствіи, при первомъ сопротивленіи гетмана ихъ произволу, становились его врагами, искали случая свергнуть его, подмѣчали его малѣйшее движеніе, малѣйшее слово, чтобъ заподозрить его въ Москвѣ передъ царемъ. Вотъ что писалъ Мазепа Головину 4 октября 1705 года, вступивъ съ войскомъ въ Польшу: „Не дай Боже исполниться тѣмъ поговоркамъ, которые пронеслись, какъ скоро я вошелъ въ Польшу, съ такими лядскими похвалками, чтобъ и одной казацкой ноги назадъ изъ Польши не выпустить. Надѣяться не на кого, кромѣ единаго Бога, ибо силы великаго государя далеко, а у референдаря короннаго войска мало, съ полторы тысячи человѣкъ; да и на наши войска надѣяться нечего, потому что привыкли они или бѣгать, или гетмана съ старшиною въ руки непріятелю отдавать: сдѣлали они это подъ Вчорайшимъ, гдѣ выдали гетмана своего Наливайко и старшину въ руки Ляхамъ; сдѣлали тоже и подъ Кумейками, выдали гетмана Павлюка; въ третій разъ сдѣлали тоже подъ Боровицею, не хотя терпѣть облеженія отъ Ляховъ“. Гетманъ хорошо зналъ, какому произволу предаются начальные люди, и долженъ былъ смотрѣть на это сквозь пальцы, чтобы не возбудить противъ себя неудовольствія между знатью, и въ то же время не долженъ былъ спускать глазъ съ Запорожья, куда переносили свои жалобы недовольные простые казаки. А Москва:— довольны ли тамъ; нѣтъ ли туда доноса?

---

[1]) Голикова—Дѣянія XI, стр. 418, 423.

[2]) Fryxell II, 121; Гисторія Свейской войны.

[3]) Fryxell II, 113.

Старшина, полковники хотѣли жить по своей волѣ, распоряжаться въ странѣ, не стѣсняясь ни войскомъ, ни государствомъ; простые казаки хотѣли также жить по своей волѣ, держать въ рукахъ начальныхъ людей, и, безъ надзора со стороны государства, кормиться насчетъ народонаселенія, ничего не дѣлая, ничего не платя. Государство не могло сносить долго подобнаго положенія дѣлъ. Съ первыхъ годовъ подданства безпрестанныя безурядицы, смуты, измѣны со стороны войска и его начальниковъ, постоянныя жалобы мирнаго народонаселенія Малороссіи на то же войско и его начальныхъ людей; постоянное стремленіе этого мирнаго народонаселенія высвободиться посредствомъ государства изъ-подъ полковаго казацкаго управленія и войти въ непосредственное отношеніе къ государству. „Непостоянство Черкасъ“, шатающихся между царемъ, королемъ и султаномъ, входитъ въ пословицу въ Великой Россіи. Благодаря этому непостоянству, затягивается разорительная война съ Польшею, начинается опасная война съ Турціею, а Черкасы все продолжаютъ мѣнять гетмановъ, все продолжаютъ посылать на нихъ доносы въ Москву. Не повѣрилъ царь Алексѣй Михайловичъ доносу на Выговскаго,—и Выговскій измѣнилъ; вѣрно, казалось, служилъ бояринъ и гетманъ Брюховецкій—и тотъ измѣнилъ; наученные опытомъ, доносу на Многогрѣшнаго уже повѣрили, доносу Самойловича повѣрили или, по крайней мѣрѣ, уступили желанію озлобленной на гетмана старшины, и вотъ стали говорить, что повѣрили доносамъ напрасно, оба гетмана свергнуты по клеветѣ. Русскому правительству не приходилось оставаться долго въ такомъ унизительномъ положеніи, быть игрушкою въ рукахъ казацкой старшины. Тяжелыя обстоятельства времени царя Алексѣя, Θеодора Алексѣевича и правленія Софіи не позволяли Русскому правительству думать о преобразованіи безряднаго быта Малороссіи; но съ обнаруженіемъ самостоятельной дѣятельности Петра, на казаковъ Малороссійскихъ, преимущественно на ихъ начальныхъ людей, напалъ страхъ: царь, который съ такою энергіею, не знающею препятствій, вводитъ преобразованія въ Великой Россіи, неужели оставитъ Малую—при ея прежнемъ бытѣ? И вотъ началось для старшины тревожное, мучительное состояніе, ежедневное ожиданіе перемѣнъ, при которыхъ уже конечно нельзя будетъ распоряжаться такъ, какъ прежде распоряжались.

Въ такое-то критическое время гетманомъ обѣихъ сторонъ Днѣпра войска Запорожскаго былъ Мазепа. Ни одинъ гетманъ не пользовался такимъ уваженіемъ въ Москвѣ, какъ онъ. Петръ зналъ хорошо затруднительное положеніе гетмана въ Малороссіи, и тѣмъ болѣе цѣнилъ способности и усердіе Мазепы, умѣвшаго исполнять царскія повелѣнія. Мазепа не получилъ и конечно не добивался, какъ Брюховецкій, сана боярскаго, нелюбимаго въ Малороссіи и потерявшаго свое прежнее значеніе въ Великой Россіи; но Петръ сдѣлалъ гетмана однимъ изъ первыхъ кавалеровъ новоучрежденнаго ордена Андрея Первозваннаго; король Августъ, въ угоду царю, прислалъ Мазепѣ свой орденъ Бѣлаго Орла. Сановники, управлявшіе Посольскимъ и вмѣстѣ Малороссійскимъ Приказомъ, относились къ гетману чрезвычайно почтительно. Столкновеніе съ царскимъ дядею, Львомъ Кирилловичемъ Нарышкинымъ, не имѣло для Мазепы никакихъ вредныхъ послѣдствій. У Нарышкина была карлица родомъ Малороссіанка, которая уѣхала къ себѣ на родину и не хотѣла возвращаться назадъ въ Москву. Старикъ сильно разогорчился и съ угрозами требовалъ у Мазепы, чтобъ тотъ выдалъ ему карлицу. Гетманъ по этому случаю писалъ Головину: „Еслибъ та карлица была сирота безродная, не имѣющая такъ много, а наипаче знатныхъ и заслуженныхъ казаковъ родственниковъ своихъ, тогда бы я для любви боярина его милости, множество грѣховъ покрывающей, хоть бы и совѣсти моей христіанской нарушилъ (поневоже то есть не безгрѣшно кого неволею давати или даровати, когдажъ она не есть бусурманка и невольница), приказалъ бы я ту карлицу, по неволѣ въ сани кинувъ, на дворъ его милости къ Москвѣ допровадить. Но она хотя карлица, возрастомъ и образомъ самая бездѣлица, однако роду добраго казацкаго и заслуженнаго, понеже и отецъ ея на службѣ монаршеской убитъ,—для того трудно мнѣ оной карлицѣ неволю и насиліе чинить, чѣмъ бы самымъ наволокъ на себя плачливую отъ родственниковъ ея жалость и отъ стороннихъ людей въ вольномъ народѣ порицаніе“ [1]. Карлицу взяли помимо гетмана, который и успокоился.

Со стороны Москвы бояться было нечего Мазепѣ: царь любилъ его, уважалъ и никакимъ доносамъ на него не вѣрилъ. Несмотря на то, положеніе гетмана было тяжело, ибо это было положеніе между двухъ огней: между требованіями государства съ одной стороны, и между требованіями людей, вовсе непривыкшихъ подчиняться требованіямъ государства. Петръ требовалъ, чтобъ Малороссія приняла одинаковое участіе съ Великою Россіею въ войнѣ Шведской: приказывалъ гетману двигаться въ Польскія владѣнія на помощь королю Августу; требовалъ казачьихъ полковъ въ Ингрію, въ Лифляндію, посылалъ ихъ къ Паткулю въ Польшу, заставлялъ казаковъ укрѣплять Кіевъ. Все это возбуждало сильное неудовольствіе, особенно при страхѣ преобразованій, не говоря уже о неудовольствіи Запорожцевъ по поводу построенія крѣпости Каменнаго Затона. Мазепа изворачивался какъ могъ; могъ роптать, жаловаться на свое положеніе, но подчинялся силѣ обстоятельствъ, и конечно умеръ бы вѣрнымъ слугою царскимъ, еслибъ судьба не привела къ Русскимъ границамъ Карла XII.

Передъ глазами стараго гетмана, хваставшагося своею опытностію, искусствомъ житейскимъ, окончательно разыгрывалась страшная борьба. На одной сторонѣ былъ непобѣдимый король съ непобѣдимымъ войскомъ, на другой—царь, лучше другихъ сознававшій недостаточность своихъ средствъ въ борьбѣ, послѣ тяжкаго пораженія подъ Нарвою постоянно избѣгавшій встрѣчи съ страшнымъ врагомъ, и теперь отступавшій передъ нимъ, и пославшій укрѣплять старую свою Москву. Какой помощи послѣ того ждать отъ царя для Малороссіи: можетъ ли эта страна противиться врагу собственными силами, и, главное, захочетъ ли при томъ сильномъ неудовольствіи на Москву и на царя? Если это неудовольствіе выскажется съ приходъ врага, что станется съ гетманомъ, вѣрнымъ слугою царскимъ? Какая же охота погибать и изъ-за-чего? Въ послѣднемъ вопросѣ заключалась сущность дѣла. Умѣй гетманъ отвѣчать на него положительно,—онъ остался бы вѣренъ Россіи въ годину испытанія. Но Мазепа, который въ Москвѣ считался драгоцѣннымъ исключеніемъ, человѣкомъ, преданнымъ царю и царству среди непостоянныхъ, шатающихся Черкасъ,—Мазепа вовсе не былъ исключеніемъ: Мазепа не былъ правителемъ той массы Малороссійскаго народа, для которой Православіе было началомъ, недопускавшимъ никакихъ сдѣлокъ, для которой всякій иновѣрецъ былъ врагъ, а Ляхъ - Католикъ — врагъ непримиримый, для которой мысль о возможности соединенія съ Польшею была нестерпима; Мазепа былъ именно представителемъ этого испорченнаго поколѣнія шатающихся Черкасъ; мы знаемъ его воспитаніе [2]: слуга Польскаго короля смолоду, бѣдою занесенный на Украйну къ казакамъ; слуга Дорошенка, слѣдовательно присяжникъ Турецкаго султана, потомъ случайно перекинутый на восточный берегъ Днѣпра, слуга гетмана Самойловича и потому присяжникъ царскій, Мазепа такъ часто перемѣнялъ присягу, что эта перемѣна стала ему за обычай, и если онъ былъ вѣренъ, то только по разсчету. Вотъ почему Мазепа отвѣтилъ отрицательно на представившійся ему вопросъ: изъ-за-чего погибать? Когда нѣтъ внутреннихъ могучихъ побужденій жертвовать всѣмъ чему нибудь, не колеблясь, не разсчитывая,—тогда обыкновенно ищутъ и легко находятъ причины, почему не надобно жертвовать. При московскомъ подданствѣ однѣ только непріятности: неизвѣстно, придется ли умереть гетманомъ; честолюбивый фаворитъ Меншиковъ подъ хмелькомъ проговаривается; съ помощію Шведскаго короля можно и облегчить положеніе Малороссіи и устроить собственныя дѣла: а если что нибудь не такъ,—можно помириться съ царемъ.

Въ 1705 году, когда Мазепа стоялъ лагеремъ подъ Замостьемъ, явился къ нему какой-то Францишекъ Вольскій съ тайными предложеніями отъ короля Станислава Лещинскаго; Мазепа, выслушавъ его наединѣ, призвалъ стрѣлецкаго полковника Анненкова, постоянно находившагося при гетманѣ, велѣлъ ему взять Вольскаго за караулъ, допросить съ пыткою о непріятельскихъ намѣреніяхъ, и потомъ отослать въ оковахъ въ Кіевъ къ тамошнему воеводѣ, а прелестныя письма Станиславовы отослалъ къ царю при слѣдующемъ собственномъ письмѣ: „Уже то на гетманскомъ моемъ урядѣ четвертое на меня искушеніе, не такъ отъ діавола, какъ отъ враждебныхъ недоброхотовъ, ненавидящихъ вашему величеству добра, покушающихся своими злохитрыми прелестями искусить мою неизмѣнную къ в. в—ству подданскую вѣрность и отторгнуть меня съ войскомъ Запорожскимъ отъ высокодержавной в. в.—ства руки. Первое отъ покойнаго короля Польскаго Яна Собѣскаго, который шляхтича Доморацкаго присылалъ ко мнѣ съ прелестными своими письмами; Доморацкаго и письма я тогда же отослалъ въ Приказъ Малыя Россіи. Второе—отъ хана Крымскаго, который во время возвращенія отъ Перекопи съ княземъ Василіемъ Голицынымъ прислалъ ко мнѣ плѣннаго казака съ письмомъ, въ которомъ уговаривалъ, чтобъ я или соединился съ нимъ, или отступилъ отъ войскъ вашихъ и не давалъ имъ никакой помощи. Письмо это я тогда же вручилъ князю Голицыну. Третье—отъ Донцовъ раскольниковъ Капитоновъ, отъ которыхъ пріѣзжалъ ко мнѣ въ Батуринъ есаулъ Донской, склоняя къ своему враждебному замыслу, чтобъ я съ ними ополчился на вашу державу Великороссійскую, обѣщая, что и ханъ Крымскій со всѣми ордами придетъ на помощь; есаула я отослалъ тогда же для допроса въ Москву. А теперь четвертое искушеніе отъ короля Шведскаго и отъ псевдокороля Польскаго, Лешинскаго, который прислалъ изъ Варшавы въ обозъ ко мнѣ шляхтича Вольскаго; я приказалъ разспросить его съ пыткою и разспросныя рѣчи посылаю ко Двору в. в—ства, а его самого Вольскаго для того не посылаю, что дорога не безопасна: боюсь, чтобъ его не отбили. И я, гетманъ, и вѣрный вашего царскаго величества подданный, по должности и обѣщанію моему, на божественномъ Евангеліи утвержденному, какъ отцу и брату вашему служилъ, такъ нынѣ и вамъ истинно работаю, и какъ до сего времени во всѣхъ искушеніяхъ аки столпъ непоколебимый и аки адамантъ несокрушимый пребывалъ, такъ и сію мою малую службишку повергаю подъ монаршескія стопы“. Потомъ Мазепа перешелъ на зимнія квартиры въ Дубно; племянникъ его, Войнаровскій, съ полковникомъ Чернышемъ находились при государѣ въ Гроднѣ, а Прилуцкій полковникъ Димитрій Горленко, въ званіи наказнаго гетмана, стоялъ тамъ же у Гродна при арміи съ двумя малороссійскими полками, — своимъ и Кіевскимъ. Въ это время Мазепа вдругъ получаетъ длинное письмо отъ Горленка, наполненное жалобами на дурное обхожденіе съ казаками великороссійскихъ начальныхъ и подначальныхъ людей; между прочимъ Горленко писалъ, что однажды стащили его и провожавшихъ его съ лошадей, которыхъ забрали подъ подводы; а Иванъ Чернышъ прислалъ къ Мазепѣ копію съ царскаго указа, по которому будто бы два казацкіе полка, Кіевскій и Прилуцкій, посылались въ Пруссію для изученія ратнаго дѣла и для устроенія изъ нихъ регулярныхъ драгунскихъ полковъ. Выслушавши эти письма и копію съ указа, которыя прочелъ передъ нимъ довѣренный его, писарь Орликъ, Мазепа сказалъ: „Какого-жъ намъ добра впередъ надѣяться за наши вѣрныя службы? Другой бы на моемъ мѣстѣ не былъ такимъ дуракомъ, что по сіе время не приклонился къ противной сторонѣ на такія пропозиціи, какія присылалъ мнѣ Станиславъ Лещинскій!“ Спустя нѣсколько времени, пріѣзжаетъ въ Дубно самъ Горленко и разсказываетъ, что притворился больнымъ и подъ этимъ предлогомъ выпросился изъ царской арміи, подаривши генералу Ренне нѣсколько добрыхъ коней и 300 ефимковъ; убѣжалъ онъ такимъ образомъ, боясь, чтобъ не послали въ Пруссію и не устроили въ драгуны, за что цѣлое войско казацкое возненавидѣло бы его, Горленка, какъ человѣка, который положилъ начало этому противному регулярному строю.

---

[1] Архивъ Мин. Юстиціи, книги Малороссійскаго Приказа 1704 г.

[2] См. «Исторію Россіи» т. XII.

Скоро послѣ пріѣзда Горленка въ Дубно, Мазепа получаетъ приглашеніе отъ князя Вишневецкаго пріѣхать къ нему въ Бѣлую Криницу, чтобъ быть воспріемникомъ его дочери. Мазепа отправился и сблизился тамъ съ кумою своею, матерью князя Вишневецкаго, по второму мужу княгинею Дольскою, съ которою имѣлъ дневныя и ночныя конференціи. По возвращеніи въ Дубно, Мазепа велѣлъ Орлику написать благодарственное письмо княгинѣ, причемъ послалъ къ ней ключъ цифирной азбуки для дальнѣйшей секретной переписки, и чрезъ нѣсколько дней получилъ отвѣтъ цифрами: „Уже я послала куда слѣдуетъ съ донесеніемъ объ истинной вашей пріязни“. Въ 1706 году, будучи въ Минскѣ, Мазепа получилъ еще маленькое цифирное письмо отъ Дольской, извѣщавшей, что какой-то король посылаетъ къ нему свое письмо. Когда Орликъ прочелъ ему это письмецо Дольской, Мазепа сказалъ, засмѣявшись: „Дурная баба, хочетъ черезъ меня царское величество обмануть, чтобъ его величество, отступя короля Августа, принялъ въ свою протекцію Станислава, помогъ ему утвердиться на Польскомъ престолѣ, за что обѣщаетъ подать такіе способы, которыми легко можетъ царское величество Шведа побить; я уже о томъ ея дурачествѣ государю говорилъ, и его величество смѣялся“. Въ Кіевѣ получено новое письмо отъ Дольской, въ которомъ она просила, чтобъ Мазепа начиналъ преднамѣренное дѣло; чтобъ былъ увѣренъ въ скорой помощи отъ цѣлаго шведскаго войска изъ Волыни и въ исполненіи всѣхъ своихъ желаній, на что пришлется къ нему ассекурація короля Станислава и гарантія короля Шведскаго. Выслушавъ это письмо, Мазепа разъяренный вскочилъ съ постели и началъ бранить княгиню: „Проклятая баба обезумѣла! прежде меня просила, чтобъ царское величество принялъ Станислава въ свою протекцію, а теперь пишетъ совсѣмъ другое; бѣснуется баба,—хочетъ меня, искусную, ношеную птицу, обмануть! Пропалъ бы я, еслибъ далъ себя бабѣ обмануть; возможное ли дѣло, оставивши живое, искать мертваго, и, отплывъ отъ одного берега, другого не достичь. Станиславъ и самъ не крѣпокъ на своемъ королевствѣ, Рѣчь Посполитая раздвоена: какой-же можетъ быть фундаментъ безумныхъ прельщеній той бабы? Состарѣлся я, служа царскому величеству, и нынѣшнему, и отцу, и брату его вѣрно; не прельстили меня ни король Польскій Янъ, ни ханъ Крымскій, ни Донскіе казаки, и теперь, при кончинѣ вѣку моего, единая баба хочетъ меня обмануть!“ Сказавши это, Мазепа сжегъ письмо и велѣлъ Орлику написать отвѣтъ: „Прошу вашу княжую милость оставить эту корреспонденцію, которая меня можетъ погубить въ житіи, гонорѣ и на субстанціи; не надѣйся, ни помышляй о томъ, чтобъ я при старости моей вѣрность мою царскому величеству повредилъ“.

Долго послѣ этого не было цифирныхъ писемъ отъ Дольской; но вотъ опять пришло письмо: баба ловко закинула сѣть на искусную, ношеную птицу! Княгиня писала изъ Львова; разсказывала, какъ она крестила у кого-то ребенка съ царскимъ фельдмаршаломъ Борисомъ Петр. Шереметевымъ, вмѣстѣ потомъ обѣдали; она сидѣла за столомъ между Шереметевымъ и генераломъ Ренне; въ разговорѣ упомянула она случайно имя Мазепы, отозвавшись о немъ съ похвалою; Ренне сказалъ ей на это: „Умилосердись Господи надъ этимъ добрымъ и разумнымъ господиномъ; онъ, бѣдный, не знаетъ, что князь Александръ Даниловичъ яму подъ нимъ роетъ и хочетъ, отставя его, самъ въ Украйнѣ быть гетманомъ“. Шереметевъ подтвердилъ слова Ренне. Дольская спросила: „Для чего-жъ никто изъ добрыхъ пріятелей не предостережетъ гетмана?“ — „Нельзя“, отвѣчалъ Шереметевъ, „мы и сами много терпимъ, но молчать принуждены“.

Птица попалась. Выслушавъ письмо, Мазепа сказалъ Орлику: „Знаю я и самъ очень хорошо, что́ они и о васъ, и обо мнѣ думаютъ, хотятъ меня уконтентовать княженіемъ Римскаго государства, а гетманство взять, старшину всю выбрать, города подъ свою область захватить и воеводъ или губернаторовъ въ нихъ поставить, а если бы воспротивились, за Волгу перегнать и своими людьми Украйну населить. Сами вы слышали, чего вамъ надѣяться, когда князь Александръ Даниловичъ въ квартирѣ моей въ Кіевѣ во время бытности царскаго величества на ухо мнѣ говорилъ: пора теперь за этихъ враговъ приниматься! Въ другой разъ слышали вы, какъ тотъ же Александръ Даниловичъ публично княженія себѣ Черниговскаго просилъ, чрезъ которое стелетъ путь къ гетманству“. Расходился старый гетманъ, припомнилъ всѣ свои обиды; вспомнилъ великое себѣ уничиженіе и поруганіе, когда царь, въ 1706 году, послалъ Меншикова съ кавалеріею на Волынь, а ему, Мазепѣ, приказалъ идти за нимъ и исполнять его приказанія. „Не такъ бы мнѣ печально было“, говорилъ Мазепа, „когда бы меня дали подъ команду Шереметеву или иному какому великоименитому и отъ предковъ своихъ заслуженному человѣку“. Вспомнилъ гетманъ и второе поруганіе и обманъ все отъ того же Меншикова: положилъ съ нимъ Меншиковъ на словѣ — выдать замужъ сестру свою за племянника гетманскаго, Войнаровскаго; но когда потомъ Мазепа напомнилъ Меншикову объ этомъ, то онъ отвѣчалъ: „Нельзя, царское величество самъ хочетъ на сестрѣ моей жениться“.— „Свободи меня, Господи, отъ ихъ господства!“ закончилъ свои жалобы Мазепа, и велѣлъ Орлику написать Дольской съ благодарностію за пріязнь и предостереженіе.

Упомянутый Мазепою случай, когда Меншиковъ шепталъ ему на ухо объ искорененіи старшины, происходилъ такимъ образомъ: въ 1706 году, въ Кіевѣ просилъ гетманъ царя къ себѣ на обѣдъ; послѣ обѣда Меншиковъ, будучи немножно шуменъ, взялъ Мазепу за руку, сѣлъ съ нимъ на лавку, и, наклонясь къ нему, сказалъ на ухо, но такъ громко, что близстоявшіе старшины могли слышать: „Гетманъ Иванъ Степановичъ. пора теперь приниматься за этихъ враговъ!“ Мазепа отвѣчалъ ему на ухо, но такъ громко, что всѣ опять могли слышать: „Не пора!“ Меншиковъ продолжалъ: „Не можетъ быть лучшаго времени, какъ теперь, когда здѣсь самъ царское величество съ главною арміею“. Мазепа отвѣчалъ: „Опасно будетъ, не конча одной войны съ непріятелемъ, другую начинать внутреннюю“. Меншиковъ сказалъ на это: „Ихъ ли враговъ опасаться и щадить?—какая отъ нихъ польза царскому величеству! Прямо ты вѣренъ государю; но надобно тебѣ знаменіе этой вѣрности явить и память по себѣ въ вѣчные роды оставить, чтобъ и будущіе государи вѣдали и имя твое ублажали, что одинъ такой былъ вѣрный гетманъ Иванъ Степановичъ Мазепа, который такую пользу государству Россійскому учинилъ“ Въ это время царь всталъ съ своего мѣста - и разговоръ Меншикова съ Мазепою прекратился. Гетманъ, проводивши царя и возвратившись съ старшиною и полковниками во внутреннюю свою комнату, говорилъ имъ: „Слышали все? Всегда мнѣ эту пѣсенку поютъ, и на Москвѣ, и всюду; не допусти имъ только Боже исполнить что думаютъ“.

Съ этихъ-то поръ начался ропотъ между полковниками, который все болѣе и болѣе усиливался вслѣдствіе военныхъ тягостей. Началась постройка Кіевопечерской крѣпости; чрезъ малороссійскіе города то рекрутъ ведутъ въ главную армію, то начальные люди ѣдутъ, то многочисленные обозы движутся; полковники безпрестанно являются къ гетману съ жалобами, что приставы у крѣпостнаго строенія казаковъ палками по головамъ бьютъ, уши шпагами обсѣкаютъ; что казаки, оставивши домы свои, сѣнокосы и жнитво, терпятъ на царской службѣ зной солнечный; а тамъ великорусскіе люди домы ихъ грабятъ, разбираютъ и палятъ, женъ и дочерей насилуютъ, коней и скотину и всякіе пожитки забираютъ, старшину бьютъ смертными побоями. Миргородскій полковникъ, Даніилъ Апостолъ, говорилъ Мазепѣ: „Очи всѣхъ на тя обращены, и не дай Боже надъ тобой смерти; тогда мы останемся въ такой неволѣ, что и куры насъ загребутъ“ Прилуцкій полковникъ Горленко говорилъ: „Какъ мы за душу Хмельницкаго всегда Бога молимъ и имя его блажимъ, что Украйну отъ ига Ляцкаго свободилъ; такъ наоборотъ, и мы, дѣти наши въ вѣчные роды душу и кости твои будемъ проклинать, если насъ по смерти своей въ такой неволѣ оставишь“.

Въ 1707 году Мазепа поѣхалъ къ государю въ Жолкву, былъ на военномъ совѣтѣ. Неизвѣстно, чѣмъ его тамъ обидѣли, только послѣ совѣта не пошелъ онъ обѣдать къ царю, и у себя цѣлый день ничего не ѣлъ, и говорилъ: „Если бы я Богу такъ вѣрно и радѣтельно служилъ, то получилъ бы наибольшее мздовоздаяніе; а здѣсь хотя бы въ ангела превратился, не могъ бы за службу и вѣрность свою никакой получить благодарности“. На другой или третій день приносятъ письмо Меншикова къ компанейскому полковнику Танскому. Мазепа, прочтя письмо, вскочилъ въ бѣшенствѣ съ своего мѣста, потому что въ письмѣ было приказаніе Танскому идти къ Меншикову: „Можетъ ли быть большее поруганіе, посмѣяніе и уничиженіе моей особѣ?“ кричалъ гетманъ, „всякій день князь Александръ Даниловичъ со мною видится, всякій часъ со мною конверсуетъ и, не сказавши мнѣ ни единаго слова, безъ моего вѣдома и согласія, ордопансы людямъ регименту моего посылаетъ! И кто же тамъ Танскому безъ моего указа мѣсячныя деньги и провіантъ выдастъ; и какъ онъ можетъ безъ воли моей идти куда-нибудь съ полкомъ своимъ, которому я плачу? А еслибъ пошелъ, то я-бъ его велѣлъ какъ пса разстрѣлять. Боже мой! Ты видишь мою обиду и униженіе". Тутъ, какъ нарочно, пріѣзжаетъ іезуитъ Заленскій съ предложеніями перейти на сторону Карла и Станислава Лещинскаго, и Мазепа не подвергаетъ его пыткѣ, не отсылаетъ его къ царю. А между тѣмъ неудовольствія между старшиною и полковниками становятся все сильнѣе и сильнѣе. Приходитъ царскій указъ объ устроеніи казаковъ наподобіе слободскихъ полковъ; старшина и полковники въ отчаяніи: только и разговоровъ, что это переходъ къ устроенію въ драгуны и солдаты; страшный ропотъ, собранія у обознаго Ломиковскаго, особенно у Миргородскаго Полковника Апостола; совѣтуются о способахъ, какъ защитить вольность малороссійскую отъ насилій московскихъ; читаютъ Гадяцкій договоръ, заключенный при переходѣ Выговскаго на польскую сторону. Мазепа ни въ чемъ не принимаетъ участія, молчитъ и ждетъ: искусная, пошеная птица!

16 сентября 1707 года, въ Кіевѣ Мазепа получилъ вмѣстѣ съ письмами отъ княгини Дольской и письмо отъ Станислава Лещинскаго. Взявши это письмо изъ рукъ Орлика, распечатавшаго конвертъ, гетманъ видимо испугался, — письмо выпало изъ рукъ его: „О, проклятая баба, погубитъ меня!" промолвилъ онъ; долго послѣ того сидѣлъ молча, задумавшись; наконецъ сказалъ, обращаясь къ Орлику: „Съ умомъ борюсь: посылать ли это письмо къ царскому величеству или нѣтъ. Завтра посовѣтуемся объ этомъ, а теперь ступай домой и молись Богу, да яко же хощетъ устроитъ вещь, можетъ твоя молитва пріятнѣе моей, потому что ты по-христіанству живешь. Богъ самъ вѣсть, что я не для себя дѣлаю, но для васъ всѣхъ и женъ и дѣтей вашихъ". Была ночь. Орликъ, возвратясь домой, взялъ два рубля денегъ и пошелъ раздавать ихъ монахамъ и монахинямъ, нищимъ, калѣкамъ, которые лежали въ шалашахъ и богадѣльняхъ печерскихъ, чтобъ Богъ избавилъ его отъ бѣды. Бранили его нищіе, когда онъ ночью стучался къ нимъ въ шалаши: думали сначала, что воръ. На другой день, 17 сентября, Орликъ рано уже былъ у Мазепы, и засталъ гетмана сидящимъ въ концѣ стола, и передъ нимъ крестъ съ животворящимъ древомъ. Увидавши Орлика, Мазепа началъ говорить: „Такъ какъ теперь передъ тобою не могло то утаиться, то предъ Всевѣдущимъ Богомъ протестуюсь и присягаю, что я не для приватной моей пользы, не для высшихъ гоноровъ, не для большаго обогащенія и не для иныхъ какихъ нибудь прихотей, но для васъ всѣхъ, для женъ и дѣтей вашихъ, для общаго добра матки моей отчизны, бѣдной Украйны, всего войска Запорожскаго и народа Малороссійскаго и для повышенія и расширенія правъ и вольностей войсковыхъ хочу то при помощи Божіей чинить, чтобъ вы такъ отъ Московской, какъ и отъ Шведской стороны не погибли. А если бы я для какихъ-нибудь приватныхъ моихъ прихотей то дерзалъ чинить, побей меня Боже и невинная страсть Христова на душѣ и на тѣлѣ". Проговоривши это, поцѣловалъ крестъ и, обратившись къ Орлику, сказалъ: „Надѣюсь я на тебя крѣпко, что ни совѣсть твоя, ни цнота (добродѣтель), ни почтивость, ни природная кровь шляхецкая не допуститъ тебя, чтобъ мнѣ, пану и благодѣтелю своему, измѣнилъ; однако, для лучшей конфиденціи, присягни". Орликъ присягнулъ, но замѣтилъ: „Ежели викторія будетъ при Шведахъ, то вельможность ваша и мы всѣ счастливы; а ежели при царѣ, то и мы пропадемъ, и народъ погубимъ". Мазепа отвѣчалъ: „Яица курицу учатъ! Или я дуракъ прежде времени отступить, пока не увижу крайней нужды, когда царь не будетъ въ состояніи не только Украйны, но и государства своего отъ потенціи шведской оборонить. Уже я въ Жолквѣ предлагалъ царю, что ежели король Шведскій и Станиславъ съ войсками своими раздѣлятся, и первый пойдетъ въ государство Московское, а другой въ Украйну, то мы войскомъ нашимъ безсильнымъ, частыми походами и войною зруинованнымъ, не можемъ оборониться, и просилъ царя, чтобъ намъ хотя 10,000 отъ войскъ своихъ регулярныхъ въ сикурсъ далъ; но царь мнѣ отвѣчалъ: „Не только десять тысячъ, и десяти человѣкъ не могу дать, обороняйтесь сами, какъ можете". Это меня заставило послать ксендза Тринитара, капелана княгини Дольской, въ Саксонію, чтобъ тамъ, видя мою къ себѣ инклинацію, не непріятельски съ нами не поступали; однако вѣрность мою къ царскому величеству до тѣхъ поръ буду непремѣнно продолжать, пока не увижу, съ какою потенціею Станиславъ къ границамъ украинскимъ придетъ, и какіе будутъ войскъ шведскихъ въ государствѣ Московскомъ прогрессы; и если не сила наша будетъ боронить Украйны и себя, то для чего же имѣемъ сами въ погибель лѣзть и отчизну погубляти?" Станиславу Мазепа отвѣчалъ 18 сентября, что указа его не можетъ исполнить и что-либо начать по слѣдующимъ причинамъ: 1) Кіевъ и другія фортеціи въ Украйнѣ великими гарнизонами осажены, подъ которыми казаки, какъ перепелица отъ ястребовъ, не могутъ головы поднести. 2) Потенція вся царская въ Польшѣ, недалеко отъ Украйны. 3) Въ Украйнѣ начальные и подначальные, духовные и мірскіе, какъ разныя колеса, не въ единомысленномъ согласіи: одни благоволятъ къ протекціи московской, другіе склонны къ протекціи турецкой, третьи любятъ побратимство татарское, чиня то съ природной къ Полякамъ антипатіи. 4) Самусь съ прочими полковниками, по недавнихъ бунтахъ, опасаясь отъ войскъ польскихъ отмщенія, едва ли могутъ склониться къ Рѣчи Посполитой: для того надобно прежде стараться войско и цѣлый народъ по обѣимъ сторонамъ Днѣпра привести къ единомыслію. 5) Гетманъ имѣетъ всегда при себѣ нѣсколько тысячъ войска

великороссійскаго, которое бодрымъ окомъ смотритъ на всѣ его поступки. 6) Рѣчь Посполитая еще раздвоена. Одно обѣщалъ Мазепа: не вредить ни въ чемъ интересамъ Станислава и войскамъ шведскимъ [1]).

Слабый, замѣшанный въ борьбу между сильными, Мазепа искалъ спасенія себѣ и отчизнѣ, маткѣ Украйнѣ, въ хитрости, двоедушіи, не хотѣлъ разрывать съ царемъ, а между тѣмъ, на всякій случай, сносился съ Станиславомъ. Но эти сношенія могли ли оставаться тайною въ Малороссіи, знаменитой тогда доносами на гетмановъ? Искусная, ношеная птица, Мазепа, зналъ это очень хорошо, и не переставалъ трепетать съ тѣхъ поръ, какъ завелъ сношенія съ врагами царскими. Орликъ зналъ тайну,—и гетманъ боялся Орлика, говорилъ ему: „Смотри, Орликъ, додержи мнѣ вѣрность! вѣдаешь ты, въ какой я у царскаго величества милости, не промѣняютъ тамъ меня за тебя; я богатъ, а ты бѣденъ, а Москва гроши любитъ; мнѣ ничего не будетъ, а ты погибнешь". Но донесъ на Мазепу не Орликъ.

Мы уже встрѣчались въ нашемъ разсказѣ съ генеральнымъ судьею Кочубеемъ; видѣли, какъ падало на него подозрѣніе по поводу замысловъ свойственника его Петрика. Подозрѣніе оказалось неосновательнымъ, Кочубей продолжалъ оставаться съ прежнимъ значеніемъ и даже сблизился, породнился съ гетманомъ: одна изъ дочерей его вышла замужъ за племянника Мазепина, Обидовскаго; у Кочубея была еще другая дочь, Матрена, крестница гетманская. Мазепа, овдовѣвши, вздумалъ жениться во второй разъ, несмотря на преклонныя лѣта, и сдѣлалъ преложеніе крестницѣ своей Матренѣ Кочубеевой. Отецъ и мать отказали на основаніи церковнаго запрещенія. Но дочь смотрѣла иначе на дѣло: овладѣла ли дѣвушкою странная, хотя и не безпримѣрная страсть къ старику, стоявшему выше другихъ не по одному гетманскому достоинству, или дѣйствовало честолюбіе, желаніе быть гетманшею,—только она позволила себѣ убѣжать изъ отцовскаго дома въ гетманскій. Возвратившись назадъ по настоянію Мазепы, она продолжала съ нимъ переписку. Нѣкоторыя письма гетмана любопытны; напримѣръ: „Мое серденко! Зажурилися почувши отъ дѣвки (присланной Матреною) такое слово, же ваша милость за зле на мене маешь, же вашу милость при себѣ не задержалемъ, але одослалъ до дому; уважь сама, щобъ съ того виросло,—першая: щобъ твои родичи по всемъ свѣтѣ разголосили, же взявъ у насъ дочку у ночѣ кгвальтомъ и держитъ у себѣ мѣсто подложницѣ. Другая причина, же державши вашу милость у себѣ, я бымъ не моглъ жадною (никакою) мѣрою витримати (удержаться) да и ваша милость также, мусѣли бисмо (должны были бы) изсобою жити такъ, якъ малжинство (бракъ) кажетъ, а потомъ пришло бы неблагословеніе одъ церкви и клятва, жебы намъ съ тобою не жити. Гдѣжъ бы я на тотъ часъ подѣлъ и мнѣбъ же чрезъ тое вашу милость жаль, щобъ есть на потомъ на мене не плакала". Другое письмо: „Мое сердце коханое! Сама знаешь, якъ я сердечне шалене (безумно) люблю вашу милость; еще никого на свѣтѣ не любивъ такъ; моебъ тое щастье и радость; щобъ нехай ѣхала да жила у мене, тилкожъ я уважавъ якій конецъ съ того можетъ бути, а звлаща (особенно) при такой злости и заедлости твоихъ родичовъ? Прошу, моя любенко, не одмѣняйся ни въ чомъ, яко южъ не поеднокротъ слово свое и рученку дала есь, а я взаемне, пока живъ буду, тебе не забуду".

Отославъ Кочубеевну домой, Мазепа этимъ не помѣшалъ ея родителямъ разголосить о похищеніи и позорѣ. На упреки отца онъ отвѣчалъ слѣдующимъ письмомъ: „Панъ Кочубей! Пишешь намъ о какомъ-то своемъ сердечномъ горѣ; но слѣдовало бы тебѣ жаловаться на свою гордую, велерѣчивую жену, которую, какъ вижу, не умѣешь или не можешь сдерживать: она, а никто другой, причиною твоей печали, если какая теперь въ домѣ твоемъ обрѣтается. Убѣгала св. великомученица Варвара предъ отцемъ своимъ Діоскоромъ, не въ домъ гетманскій, но въ подлѣйшее мѣсто, къ овчарамъ, въ разсѣлины каменныя, страха ради смутнаго. Не можешь никогда быть свободенъ отъ печали и обезпеченъ въ своемъ благосостояніи, пока не выкинешь изъ сердца своего бунтовничьяго духа, который не столько въ тебѣ отъ природы, сколько съ подущенія женскаго, и если тебѣ и всему дому твоему приключилась какая бѣда, то долженъ плакаться только на свою и на женину проклятую гордость и высокоуміе. Шестнадцать лѣтъ прощалось великимъ и многимъ вашимъ, смерти достойнымъ проступкамъ, но, какъ вижу, терпѣніе и доброта моя не повели ни къ чему доброму. Если упоминаешь въ своемъ пашквильномъ письмѣ о какомъ-то блудѣ, то я не знаю и не понимаю ничего, развѣ самъ блудишь, когда жонки слушаешь, потому что въ народѣ говорится: Gdzie ogon rzondzi—tam pewnie głowa blondzi (гдѣ хвостъ управляетъ, тамъ голова въ ошибки впадаетъ)".

Послѣ такихъ объясненій разгорѣлась непримиримая вражда. Мазепа, получая извѣстія, что мать мучитъ его возлюбленную, кричалъ о мщеніи: „Самъ не знаю", писалъ онъ Матренѣ, „що зъ нею гадиною чинити? дай того Богъ зъ душею разлучивъ, хто насъ разлучаетъ! знавъ бы я якъ надъ ворогами помститися, толко ти минѣ руки звязалъ.—Прошу и велце, мое серденко, якимъ колвекъ способомъ обачься зо мною, що маю съ вашей милостью далей чинити; боюжъ болшъ не буду ворогамъ своимъ терпѣти, конечне одомщеніе учиню, а якое сама обачишь" [2]).

Кочубей спѣшилъ предупредить гетмана.

---

[1]) Письмо Орлика къ Стефану Яворскому въ Госуд. Архивѣ.

[2]) Москов. архивъ Мин. Ин. Д., Малороссійскія дѣла 1708 года.

Въ сентябрѣ 1707 года, въ страшномъ Преображенскомъ Приказѣ сидѣлъ его начальникъ, князь Ѳедоръ Юрьевичъ Ромодановскій съ товарищами; передъ нимъ стоялъ монахъ и разсказывалъ: „Я изъ сѣвскаго Спасскаго монастыря іеромонахъ, зовутъ меня Никаноромъ; въ нынѣшнемъ іюлѣ мѣсяцѣ ходилъ я на богомолье въ Кіевъ съ товарищемъ монахомъ Трифиліемъ и крестьяниномъ того же Спасскаго монастыря. На возвратномъ пути въ Батуринѣ сѣли мы на базарѣ на площади за городомъ возлѣ землянаго вала; тутъ подошелъ къ намъ батуринскій казакъ, разспросилъ, кто мы такіе, и позвалъ насъ къ наказному гетману Василью Кочубею, говоря, что Кочубей къ страннымъ и прохожимъ людямъ милостивъ. Мы, по тѣмъ его словамъ, пошли къ Кочубееву дому и зашли напередъ къ вечернѣ въ церковь Введенія. Въ церкви была жена Кочубеева Любовь, и, какъ шла она послѣ службы къ себѣ въ садъ, мы ей поклонились; она спросила насъ—что за люди; позвала къ себѣ ужинать и ночевать, и приказала челяднику своему отвести насъ къ мужу въ хоромы, гдѣ хлопцы пѣли вечерню безъ священника. Кочубей спросилъ насъ, кто мы такіе; далъ намъ по шести денегъ, велѣлъ накормить и отвести избу на ночь. Переночевавши, ходили мы къ заутрени въ ту же церковь Введенія. Прилучился день воскресный; самого Кочубея въ церкви не было, но жена его была, и когда мы ей кланялись за то, что у нихъ въ домѣ ночевали, и сказали ей, что идемъ домой, то она стала насъ унимать, чтобъ отслушали у нихъ въ церкви обѣдню и обѣдали бы у нихъ; но мы ей сказали, что обѣдню будемъ слушать въ гетманской каменной церкви, что въ замкѣ. Но когда передъ обѣднею мы были на базарѣ, покупали харчи на дорогу, подошелъ къ намъ Кочубеевъ челядникъ и сталъ опять звать къ обѣдни и обѣдать съ своему пану. Мы послушались, отстояли обѣдню у Кочубея, и потомъ пошли къ нему на дворъ обѣдать, и обѣдали вмѣстѣ съ большимъ Кочубеевымъ сыномъ Васильемъ за однимъ столомъ, а товарищъ нашъ крестьянинъ обѣдалъ за особымъ столомъ съ челядниками. Послѣ обѣда, выспавшись, Кочубей позвалъ насъ къ себѣ въ хоромы, меня и Трифилія безъ крестьянина; пришла жена его изъ другихъ хоромъ, принесла по холсту польскаго полотна, да по два полотенца и насъ обоихъ подарила. а самъ Кучубей далъ мнѣ два рубля денегъ въ монастырь архимандриту съ братьею на милостыню, мнѣ одному далъ ефимокъ, а Трифилію чехами семь алтынъ, да обоимъ намъ въ дорогу большой пирогъ. Принявши все это, мы стали съ ними прощаться, но Кочубей унялъ насъ у себя ночевать, и, взявши у насъ свои дары, положилъ въ той же свѣтлицѣ на столъ и накрылъ ковромъ, а насъ послалъ съ челядникомъ въ особую свѣтлицу ночевать. На другой день, послѣ заутрени и обѣдни, челядникъ позвалъ къ Кочубею въ садъ одного меня; въ саду былъ Кочубей съ женою вдвоемъ; увидавъ меня, позвали къ себѣ, а челяднику велѣли выйти вонъ; ввели меня въ шатеръ, въ шатрѣ образъ Богородицы, писанъ на полотнѣ живописнымъ письмомъ, въ черной рамѣ, и передъ этимъ образомъ началъ Кочубей мнѣ говорить: „Можно ли тебѣ вѣрить, хотимъ мы съ тобою говорить тайное, не пронесешь ли кому?“ Я, смотря на образъ и перекрестясь, сказалъ: „О чемъ вы будете мнѣ говорить, не пронесу никому.“ Тутъ Кочубей съ женою начали гетмана Ивана Степановича Мазепу бранить: бездѣльникъ онъ, бл.... сынъ и беззаконникъ! Я у нихъ спросилъ: за что они гетмана бранятъ и какой онъ беззаконникъ? И они говорили: „Хотѣлъ онъ нашу родную, а свою крестную дочь взять замужъ; мы ее за него не отдали, потому что она ему крестная дочь, и онъ, зазвавши ее къ себѣ въ гости, изнасиловалъ“. Послѣ этихъ словъ, жена Кочубеева послала мужа изъ саду на дворъ къ челобитчикамъ, а сама вышла со мною изъ шатра, взяла меня за руку и, идя со мною по саду, говорила: „Такой онъ гетманъ воръ, хотѣлъ насъ разорить. Былъ онъ у насъ въ домѣ на именинахъ мужа моего, 1-го января, и говорилъ намъ, для чего мы своей дочери за него не отдали; и я ему говорила: полно тебѣ коварничать! не только ты дочь нашу изнасиловалъ, ты и съ насъ головы рвешь, будто мы съ мужемъ переписывались въ Крымъ. Гетманъ меня спросилъ: „Почему вы знаете, что я это за вами вѣдаю?“ и я ему говорила: писарь твой, умирая, далъ мужу моему письмо своей руки, что ты на насъ затѣвалъ, именемъ мужа моего писалъ въ Крымъ; и гетманъ мнѣ сказалъ: „Вольно вамъ на мертваго моего писаря лгать, письму его я не вѣрю“. Если бы, говорила Любовь Кочубеева, великій государь шелъ чрезъ Батуринъ, то я бы на гетмана сама побила челомъ и обо всемъ донесла.

„Этимъ разговоръ нашъ съ нею кончился: опять обѣдали мы съ Кочубеевымъ старшимъ сыномъ, и послѣ обѣда, на прощанье, Кочубей сказалъ мнѣ, чтобъ я пріѣзжалъ къ нему вмѣстѣ съ архимандритомъ, а онъ дастъ намъ въ монастырь вкладу, лошадей, коровъ, овецъ; а если архимандритъ не поѣдетъ, то я бы и одинъ пріѣзжалъ поскорѣе. Архимандритъ не поѣхалъ, потому что онъ въ Сѣвскѣ вѣдаетъ духовныя дѣла, а послалъ къ Кочубею меня да Трифилія, послалъ съ нами заздравныя просвиры да шесть хлѣбовъ. 26 августа пріѣхали мы въ Батуринъ. поднесли Кочубею просвиры, хлѣбы, и ночевали у него. На другой день, поутру рано, пришла къ нашимъ свѣтлицамъ какая-то женщина, велѣла мнѣ выслать Трифилія и крестьянъ, пріѣхавшихъ вмѣстѣ съ нами, и сказала: „Велѣлъ тебѣ наказной гетманъ Кочубей ходить къ себѣ безъ обсылки, усмотря, какъ у свѣтлицъ его людей не будетъ, а какъ къ нему въ свѣтлицы пойдешь, у свѣтлицъ двери запирай“. Я въ то же число въ полдни пошелъ къ нему, и, идучи у сѣней и у свѣтлицъ, прошедъ три жилья, двери заперь закладками и крючьями, и пришелъ до его спальни, у которой двери завѣшаны были ковромъ. Когда я сотворилъ Іисусову молитву, Кочубей вышелъ ко мнѣ изъ спальни одинъ, спросилъ, нѣтъ ли кого со мною другихъ людей и заперты ли всѣ двери; самъ пошелъ осмотрѣть, вправду ли всѣ двери заперты, и, возвратясь, заставилъ меня цѣловать крестъ, что я не пронесу ничего, что онъ мнѣ будетъ говорить. Тутъ пришла жена его Любовь, принесла крестъ благословящій, писанный на деревянной доскѣ, и говорила съ великимъ плачемъ: „Какъ Богъ страдалъ на крестѣ за насъ, такъ и намъ надобно умереть за великаго государя!“ Всѣ мы трое поцѣловали крестъ, и Кочубей сталъ мнѣ говорить: „Гетманъ Иванъ Степановичъ Мазепа хочетъ великому государю измѣнить, отложиться къ Ляхамъ и Московскому государству учинить пакость великую, плѣнить Украйну, государевы города“. Я спросилъ: которые города хочетъ плѣнить? Кочубей отвѣчалъ: „Объ этомъ я скажу, а ты ступай въ Москву и донеси бояриину Ивану Алексѣевичу Мусину-Пушкину немедленно, чтобъ гетмана захватить въ Кіевѣ, а меня бы уберечь, чтобъ гетманъ меня не убилъ“. И далъ онъ мнѣ семь золотыхъ червонныхъ да 12 ефимковъ на наемъ подводъ, и я для того извѣту и пріѣхалъ въ Москву“.

Прошло четыре мѣсяца; дѣло потухло въ Москвѣ; но разгорѣлось въ Малороссіи въ началѣ 1708 г. Кіевскій воевода, князь Дм. Мих. Голицынъ, переслалъ Головкину письмо Ахтырскаго полковника Ѳедора Осипова отъ 16 февраля. Полковникъ писалъ, что 8 февраля въ Ахтырку пріѣхалъ тайно полтавскій Спасскій попъ Иванъ Святайло отъ бывшаго Полтавскаго полковника Ивана Искры и потребовалъ, чтобъ полковникъ повидался съ Искрою для нужнаго государева дѣла. Полковникъ съѣхался съ Искрою въ пасѣкѣ своей надъ рѣчкою Коломаковъ; Искра, подъ именемъ Божіимъ и подъ клятвою душевною, являя вѣрность къ великому государю генеральнаго судьи Василія Кочубея и свою, сказалъ: „Послалъ меня Кочубей изъявить тайну, что гетманъ Иванъ Мазепа, согласившись съ королемъ Лещинскимъ и съ Вишневецкимъ, умышляетъ на здравіе великаго государя, какъ бы его въ свои руки ухватить или смерти предать. Хотѣлъ онъ это сдѣлать во время пріѣзда въ Батуринъ Александра Кикина; гетманъ думалъ, что подъ именемъ Кикина пріѣдетъ самъ государь, и велѣлъ, какъ будто для встрѣчи, поставить своихъ вѣрныхъ жолнеровъ и слугъ, которые у него отъ короля Лещинскаго, съ заряженным ружьями, и приказалъ имъ, какъ государь войдетъ во дворъ, выстрѣлить въ него. Узнавши же, что царскаго величества тутъ нѣтъ, одинъ Кикинъ, велѣлъ жолнерамъ разойтись. И теперь всячески старается и на томъ положилъ, чтобъ государя предать смерти или, схвативъ, отдать непріятелю. Въ прошлый Филипповъ постъ, собравшись съ полками своими, хотѣлъ идти войною на великороссійскіе города, и это злое намѣреніе не сбылось за оттепелью, — рѣка Днѣпръ не стала. Теперь умышляетъ, какъ бы ему Днѣпръ съ полками перейти и въ Бѣлую Церковь убраться; совокупясь съ полками той стороны и соединясь съ королемъ Лещинскимъ или Вишневецкимъ, хочетъ государеву державу разорить. А полки той стороны давно ему присяжны, для того онъ ихъ тамъ и населилъ; всѣ свои скарбы и пожитки одни за Днѣпръ выпроводилъ, другіе съ собою возитъ. Во всѣхъ полкахъ регименту своего, будто по имянному государеву указу, велѣлъ брать поборы великіе съ казаковъ, чего никогда не бывало, — съ каждаго казака отъ коня по талеру, а отъ вола по копѣ, и то дѣлаетъ отъ злохитрія своего, какъ-бы народъ отягчить и возмутить; а особо съ мѣщанъ взялъ на жалованье сердюкамъ. Да и такое въ народѣ возмущеніе разгласилъ, будто царское величество велѣлъ казаковъ писать въ солдаты, и уже голота готова втайнѣ и на шатость ждетъ его повелѣнія. А войско Запорожское, тайно подсылая, прельщаетъ и стращаетъ, будто царское величество, не любя ихъ, велитъ разорить и мѣсто ихъ опустошить, а Запорожцы, испуганные, готовы къ войнѣ. Старшина генеральная и полковники хотя подозрѣваютъ и вѣдаютъ про его злое намѣреніе, однако извѣстить великому государю не смѣютъ: одни — по вѣрности къ гетману, другіе — изъ страха, третьи — видя къ нему милость государя, что не повѣритъ. А лучше всѣхъ про то знаетъ ближній его секретарь, генеральный писарь Орликъ, черезъ котораго всякія тайны и пересылки отправляются. Кочубей и Искра царскому величеству доносятъ и милости просятъ, чтобъ сіе вѣрное доношеніе до времени у царскаго величества было укрыто для того, что нѣкто изъ ближнихъ секретарей государевыхъ и князя Александра Даниловича ему о всемъ царственномъ поведеніи доносятъ, и о семъ если увѣдаютъ, тотчасъ ему дадутъ знать. Теперь Кочубей, отбиваясь отъ судейства, чтобъ ему не быть при гетманской измѣнѣ, притворился больнымъ и живетъ въ имѣніи своемъ Диканькѣ; а Искра живетъ въ Полтавѣ, — съ собою въ походъ гетманъ его не взялъ, потому будто въ войскѣ онъ не потребенъ“ ¹).

Ахтырскій полковникъ не удовольствовался тѣмъ, что далъ знать о дѣлѣ Кіевскому воеводѣ; отъ 23 февраля Петръ получилъ письмо отъ московскаго коменданта князя Матьѣя Гагарина: „Февраля 22 пришли на Красное крыльцо два человѣка Черкасъ и сказали полковнику, что присланы-де мы изъ Ахтырки отъ полковника съ великимъ царственнымъ дѣломъ до царскаго величества, и явили мнѣ три письма: одно подписано на имя твоего величества, второе — къ сыну твоему, государю царевичу, третье — къ князю Александру Даниловичу. И въ письмѣ сына твоего государя царевича написано отъ Ахтырскаго полковника, что посланъ писарь отъ него и съ нимъ приказано на словахъ донесть. И, примѣняясь къ твоимъ государевымъ указамъ о подметныхъ письмахъ, то

---

¹) Москов. Архивъ Мин. Ин. Д., Малороссійскія дѣла 1708 года.

письмо, которое подписано на твое государево имя, челъ я, и написано будто объ измѣнѣ господина гетмана, и, выразумѣвъ, что се приносятъ на него непріятель его, отставной полковникъ, и того, государь, писаря, не разспрашивая поведенію того письма, послали его за крѣпкимъ карауломъ въ Угрѣшскій монастырь, чтобъ онъ того не гласилъ никому. Сію вѣдомость явилъ малому числу господамъ министрамъ, и полагаютъ, что изводятъ то на него по ненависти, и явили мнѣ, что и прежде о немъ такіе навѣты были“ 1)

Головкинъ 9 марта написалъ Ахтырскому полковнику: „Всемилостивѣйшій государь, выслушавъ дѣло, изволилъ милостиво принять, и васъ за то увѣдомленіе, видя вашу въ томъ вѣрность, премилостиво похваляетъ, и повелѣлъ мнѣ къ вашей милости указомъ своимъ съ симъ нарочно посланнымъ господиномъ офицеромъ писать, дабы ваша милость немедленно по полученіи сего видѣлись съ господиномъ полковникомъ Искрою и объявили ему, что его царское величество вѣрность его и объявленіе, которое онъ вашей милости учинилъ, принялъ милостиво. И понеже желаетъ его царское величество, яко о такомъ важномъ дѣлѣ самъ отъ него, Искры, и отъ васъ о томъ дѣлѣ изустно слышать, того ради указалъ вамъ собще съ нимъ, господиномъ Искрою, ѣхать какъ наискорѣе чрезъ Смоленскъ въ войско къ его царскому величеству; а до времени извольте сіе содержать въ высшемъ секретѣ, ибо его царское величество желаетъ то зло чрезъ васъ упредить, дабы Малороссійскому краю не произошло какого зла, какъ и въ прошедшихъ лѣтахъ бывало отъ таковаго возмущенія и невинныхъ кровопролитія“. На другой день, 10 марта, отправлено было къ Мазепѣ собственноручное письмо царя: „Предъ пріѣздомъ моимъ къ Москвѣ явился чернецъ съ такимъ же зломъ, какъ и Соломонъ бывшей, и я о томъ хотѣлъ накрѣпко разыскивать, отъ кого то происходитъ; но скорый отъѣздъ въ Польшу помѣшалъ тому, и для того я сіе дѣло отложилъ-было до свободнаго времени. Но понеже, какъ всегда обычай есть, что зло тихо лежать не можетъ, и нынѣ паки уже не чрезъ сего черица, но и чрезъ особливыхъ посланныхъ явно въ томъ себя явили Кочубей и Искра (бывшій полковникъ), гдѣ чаю конечно быть Апостоленку; что я видѣвъ, уже далѣе отлагать опасаюсь, и для того вамъ сіе, яко вѣрному человѣку, объявляю, чтобъ какимъ образомъ оныхъ воровъ поймать (ибо я чаю въ семъ дѣлѣ великому ихъ быть воровству и непріятельской факціи), къ поиманію же ихъ такое свое мнѣніе объявляю, что мы ихъ присланныхъ отпустимъ, яко бы вѣря имъ въ томъ, чтобъ оные Кочубей и прочіе, будто бы ради лучшаго вѣдѣнія въ томъ дѣлѣ, сами къ намъ пріѣхали, ибо ежели бъ явно послать по нихъ, то-бъ чаю конечно ушли, но симъ подлогомъ чаемъ ихъ принимать, двухъ трехъ, Апостоленка такимъ образомъ прибрать же. Посылаю съ симъ же посланнымъ явное къ вамъ письмо, въ которомъ написано, дабы вы нѣсколько съ нимъ казаковъ къ Бухову послали отъ себя съ добрымъ командиромъ, котораго командира вы по сему письму учините Апостоленка, и такъ симъ тихимъ образомъ всѣхъ трехъ можемъ въ руки получить; къ сему же то объявляемъ, что ежели вы и кромѣ сего способу можете ихъ всѣхъ трехъ достать, то, не упуская времени, немедленно поимавъ и сковавъ оныхъ, къ намъ пришлите, а ежели чаете, что уйдутъ, то лучше чрезъ сей случай, а пока оные попадутся, извольте о семъ дѣлѣ тихо держать, якобы не вѣдаете о семъ. Два полка, которые для скораго похода шведскаго задержаны были въ Смоленску, нынѣ посылаемъ немедленно къ вамъ; при семъ же просимъ васъ, дабы вы о семъ никакой печали и сумнѣнія не имѣли“.

Между тѣмъ самъ Кочубей не разъ присылалъ съ доносомъ на Мазепу и требовалъ, чтобъ царь прислалъ къ нему для свиданія кого-нибудь изъ вѣрныхъ особъ. Головкинъ отвѣчалъ ему изъ Бѣшенковичъ 11 марта: „Царское величество, разсудя о томъ, что такихъ важныхъ дѣлъ, кромѣ знатнѣйшихъ и вѣрныхъ особъ, повѣрить невозможно, а посылка такой знатной особы въ дальнее разстояніе не могла бъ быть тайно, и чтобъ не учинить тѣмъ подозрѣнія; того ради указалъ мнѣ къ вашей милости писать, дабы ваша милость какъ наискорѣе пріѣхалъ секретно въ ближнія мѣста къ Смоленску, гдѣ-бъ я могъ съ вами видѣться и о томъ дѣлѣ разговаривать и совѣтовать, дабы то злое начинаніе возможно было упредить, и какую бы вѣрную особу избрать на мѣсто того подозрительнаго не умѣшкавъ; ибо ежелибъ такая перемѣна учинилась, а готовой бы особы не было, то-бъ могло изъ того возмущеніе и Малороссійскому краю разореніе и невинныхъ кровопролитіе произойти“.

Изъ Бѣшенковичъ Головкинъ уѣхалъ въ Витебскъ, и отсюда писалъ Петру 18 марта 2): „Сего числа возвратился сюда отъ гетмана поручикъ Ушаковъ и привезъ отъ него листъ къ в. в-ству; онъ же гетманъ въ листу своемъ ко мнѣ пишетъ: „Ваше в-ство изволилъ ему указать тѣхъ воровъ въ руки поймавъ, послать къ Москвѣ, и надѣется на помощь Божію, что скоро приберетъ ихъ въ руки; только ежели ихъ посылать къ Москвѣ, то боится онъ, гетманъ, чтобъ не учинилось отъ полковниковъ (которые имъ мало не всѣ свойственные) въ войску возмущеніе, которыхъ подлинно тою посылкою можетъ онъ, гетманъ, подвигнуть къ себѣ на вражду и ненависть, и нарекутъ они, не зная подлинно безъ розыску и обличенія ихъ воровства, огласятъ въ народѣ, что безвинно, съ приватной его гетманской вражды, то чинится, какъ и напредъ сего было на него многое нареканіе, когда и не такую знатнѣйшую особу, но пьяницу Палѣя, не объявя его вины, безъ всякаго войсковаго суда, отослалъ къ Москвѣ, понеже и безъ того

---

1) Кабинетъ II, кн. № 7.

2) Кабинетъ II, кн. № 8.

московскимъ его духомъ называютъ. Того ради проситъ гетманъ, чтобъ ваше в-ство повелѣлъ тѣхъ доносчиковъ съ Москвы или въ Кіевъ, или въ Батуринъ прислать и тамо о томъ воровствѣ очною ставкою разыскать, чтобъ оное всѣмъ было явлено и не имѣли-бъ на него нареканія. Того ради, государь, заблагоразсудили мы до гетмана писать, дабы онъ, когда ихъ въ руки получитъ, не посылалъ къ Москвѣ, а прислалъ бы въ Кіевъ. И мнится намъ, государь, что ежели онъ, гетманъ, ихъ всѣхъ изловитъ, то не худо ихъ взять и начало розыску учинить для удовольствія ему, гетману, и Малороссійскому народу въ Кіевѣ, а потомъ мочно взять ихъ, куда изволеніе ваше будетъ“. Петръ отвѣчалъ ему на это изъ Петербурга 6 апрѣля [1]: „Когда получитъ гетманъ въ руки тѣхъ, о которыхъ ему писано, и чтобъ ихъ оной прислалъ въ Кіевъ для нареканія на него отъ народа, и когда оные будутъ въ Кіевѣ, то лучше тамъ разыскивать князь Дмитрею по прошенію гетманскому, и для того и всѣхъ ихъ и письма, и черица съ Москвы послать въ Кіевъ же (только надлежитъ оные за крѣпкимъ карауломъ держать и чтобъ солдаты стояли у нихъ изъ тѣхъ двухъ присланныхъ полковъ, а не изъ жилыхъ). А когда тотъ розыскъ о гетманскомъ дѣлѣ кончится, тогда конечно надлежитъ ихъ взять ближе и о факціяхъ спрашивать, что князь Дмитрею не сдѣлать“.

6 апрѣля Головкинъ уже извѣщалъ Петра, что доносчики отдались въ руки правительства, и спрашивалъ, какъ съ ними поступить. „Получили мы отъ гетмана Мазепы письмо, что Кочубей и Искра, увидавъ о приближеніи посланныхъ его для взятія ихъ къ маетности его, Кочубеевой, Диканькѣ, ушли сначала на Коломакъ, гдѣ нарочно въ пасѣкѣ своей Искра сдѣлалъ для уходу крѣпость, а потомъ, увидя, что въ оной не могутъ бороніться, побѣжали къ Самарѣ, но и тамо когда посланные гетманскіе раздѣляся зашли имъ передъ, тогда они, оставя тотъ путь, ушли въ мѣстечко Ахтырскаго полку, именуемое Красный Кутъ, и обрѣтаются подъ защищеніемъ Ахтырскаго полковника, Ѳедора Осипова. Гетманъ зѣло опасается, чтобъ ему не пострадать отъ соумышленниковъ Кочубеевыхъ и Искриныхъ; а наипаче того, дабы они, обрѣтаючись свободно и безопасно, въ близкомъ отъ Полтавы разстояніи, видя свою крайнюю погибель, не возмутили противъ него на убійство народа малодушнаго чрезъ сродниковъ своихъ, которыхъ много есть знатныхъ людей, и при немъ, гетманѣ, нынѣ въ Хвастовѣ и во всѣхъ полкахъ. И для того зѣло онъ проситъ о посылкѣ туды въ Ахтырку указу о выдачѣ ихъ и о присылкѣ оныхъ въ Кіевъ для розыску. И мы о семъ зѣло было опечалились, дабы тѣ воры не ушли за рубежъ въ Крымъ или-бъ не пристали къ Булавину и Запорожцамъ; но потомъ обрадовали насъ присылкою поручикъ Озеровъ и капитанъ Дубенскій, посланные къ нимъ съ письмами, что съѣхались они въ мѣстечкѣ Ахтырскаго полка Богодуховѣ, и тою-де присылкою зѣло благодарны и, на милость в. в-ству надѣясь, ѣдутъ они купно съ ними на Бѣлгородъ къ Смоленску. Просимъ немедленнаго указа, гдѣ повелишь ими розыскивать въ Смоленскѣ-ль или въ Кіевѣ, и кому розыскивать? и отъ гетмана Мазепы требовать ли кого присланнаго съ обличеніемъ на нихъ, и если явится ихъ воровство, укажешь ли ихъ пытать, а сюды, государь, въ польскіе городы, кажется, брать ихъ для розыску ради огласки отъ Поляковъ не надлежитъ. И мы къ гетману о всемъ томъ дали знать и обнадежили его вашею милостію, и что будутъ они по пріѣздѣ въ Смоленскъ окованы, и чтобъ онъ ни мало не сомнѣвался о томъ, чтобъ ихъ навѣтамъ какая подана была вѣра“.

Петръ отвѣчалъ 14 апрѣля: „Розыскивать лучше въ Смоленску, а гетману прислать два указа: одинъ—тайной, чтобъ онъ вѣдалъ про явной и не сумнѣвался о ономъ, а въ явномъ написать, что извѣщали на него въ нѣкоторыхъ важныхъ дѣлехъ, и для-бъ того онъ прислалъ кого отъ себя на тотъ розыскъ; а сей явной указъ для Малороссійскаго краю, дабы видѣли, для чего оныя держатся, и что безъ суда никому никакого озлобленія не чинится; а въ Кіевъ нынѣ посылать опасно, понеже не знаемъ, куды непріятельскіе будутъ обороты, и ежели на Украйну, тогда оныхъ тамъ держать самъ знаешь каково“ [2]. 18 апрѣля Кочубей, Искра и Ахтырскій полковникъ приблизились къ Витебску, и остановлены въ милѣ отъ города на панскомъ пустомъ дворѣ; съ ними пріѣхали: священникъ Иванъ Святайло съ сыномъ, сотникъ Петръ Кованко, крещеный Жидъ Петръ Яковлевъ, ѣздившій прежде съ доносомъ отъ Кочубея въ Москву, двое писарей, племянникъ Искры, да 8 человѣкъ людей.

На другой день, 19 апрѣля, Головкинъ и Шафировъ ѣздили къ гостямъ и прежде всего занялись разспросомъ Ахтырскаго полковника, который показалъ уже извѣстное изъ письма его къ князю Голицыну. Потомъ былъ вызванъ изъ своей свѣтлицы Кочубей, обнадеженъ милостію великаго государя, и спрошенъ: съ чѣмъ пріѣхалъ — пусть объявитъ? Кочубей подалъ статьи:

„1) Въ 1706 году говорилъ гетманъ мнѣ въ Минскѣ наединѣ, что обѣщала и увѣрила его княгиня Дольская, мать Вишневецкихъ, сдѣлать его княземъ Черниговскимъ, и войску Запорожскому выпросить желаемыя вольности у короля Станислава, ея близкаго родственника; обѣщала она ему это въ селѣ Бѣлой Криницѣ на Волыни, гдѣ гетманъ крестилъ вмѣстѣ съ нею дитя у князя Януша Вишневецкаго, и говорилъ съ нею много, какъ въ домѣ князя Януша, гдѣ пробыли вмѣстѣ два дня, такъ и ѣдучи на одныхъ саняхъ отъ Бѣлой Криницы до Бродъ. Мазепа хвалился передъ всѣми, что княгиня Дольская прислала ему постель дорогую и хорошую, и музыкантовъ съ инструментами.

---

[1] Москов. архивъ Мин. Ин. Д., Приказныя дѣла новыхъ лѣтъ годъ 1708.

[2] Москов. архивъ Мин. Ин. Д., Приказныя дѣла новыхъ лѣтъ годъ 1708.

„2) Однажды бранилъ Огинскаго, гетмана польнаго Литовскаго, говоря: уже всѣ паны отъ царя отстали, только онъ одинъ баламутъ держится.

„3) Когда въ Батуринъ пришла вѣсть, что король Августъ, оставивши Польшу, уѣхалъ въ Саксонію къ королю Шведскому, то Мазепа сильно обрадовался и сказалъ въ шутку: „Охъ, чего боялись, того не убоялись“!

„4) Въ 1707 году, когда получено было извѣстіе, что въ Пропойскѣ и другихъ городахъ бѣлорусскихъ Литовскіе люди, бывшіе подъ начальствомъ Синицкаго, вышедши изъ Быхова, перерѣзали русскіе отряды, то гетманъ началъ этому смѣяться и немѣрною радостью веселиться, много пилъ и насъ поилъ, пилъ здоровье княгини Дольской, говоря: „Выпьемъ за здоровье княгини ея милости, потому что пани знатная и разумная моя голубка“!

„5) Говорилъ мнѣ гетманъ, что король Шведскій пойдетъ изъ Саксоніи въ Польшу, а изъ Польши прямо на Москву, чтобъ тамъ поставить другого царя, а подъ Кіевъ пойдетъ король Станиславъ со всѣми польскими войсками, при которыхъ будетъ и шведскій генералъ Реншельдъ съ своею девизіею. „И когда“, говорилъ гетманъ, „просилъ я у царя войска для обороны Кіева и всей Украйны, то онъ мнѣ сказалъ: довольно у васъ своихъ войскъ казацкихъ и московскихъ, которыя теперь у васъ.— Такъ, при наступленіи короля Станислава, придется соединиться съ его войсками“, покончилъ гетманъ.

„6) Когда я пришелъ просить позволенія сдѣлать торжественное обрученіе дочери моей съ Чуйкевичемъ, то онъ мнѣ сказалъ, чтобъ я пышнаго обрученія не дѣлалъ и людей не много сбиралъ и свадьбою не спѣшилъ: „Какъ будемъ съ Ляхами въ единствѣ“, сказалъ онъ, „то найдется для твоей дочери между ними женихъ, знатный какой-нибудь шляхтичъ, который твоей фортунѣ доброю будетъ подпорою, ибо хотя бы мы Ляхамъ по доброй волѣ и не поддались, то они насъ завоюютъ и непремѣнно будемъ подъ ними“.—Я пришелъ въ ужасъ отъ этихъ словъ; сказалъ о нихъ свату Чуйкевичу, и мы положили обвѣнчать дѣтей нашихъ безъ откладыванія, что и сдѣлали.

„7) Сербскій епископъ Рувимъ, бывши у гетмана, заѣхалъ ко мнѣ и говорилъ: „Гетманъ сильно печалился и слезно плакалъ, что царь наложилъ тяжкую подать лошадьми; гетманъ не знаетъ, что впередъ и дѣлать“.

„8) Дочь моя, выданная за Чуйкевича, крестила съ гетманомъ Жидовку; при этомъ случаѣ Мазепа сказалъ ей, что Москва крѣпко старается взять всю малороссійскую Украйну.

„9) Іезуитъ Заленскій, ректоръ Винницкій, будучи въ Кіевѣ, говорилъ: „Вы, паны казаки, ничего не бойтесь отъ Шведа, который не на васъ сбирается, а на Москву“. Тотъ же ксендзъ говорилъ: „Никто не вѣдаетъ гдѣ огонь кроется и тлѣетъ, но какъ разомъ вспыхнетъ, то пожаръ этотъ не легко будетъ потушить“.

„10) Будучи въ Кіевопечерскомъ монастырѣ, Мазепа запирался съ полковниками и читалъ условія Гадяцкой коммисіи, бывшей съ Ляхами при Выговскомъ въ измѣну его. И еслибъ теперь не было намѣренія измѣнить, то зачѣмъ читать гадяцкія условія, заключенныя съ Ляхами?

„11) Въ декабрѣ 1707 года пронеслась вѣсть, что господинъ Кикинъ ѣдетъ въ Батуринъ, а вслѣдъ за нимъ самъ государь съ тѣмъ, чтобъ гетмана взять въ Москву; тогда Мазепа собралъ 390 человѣкъ сердюковъ и устроилъ ихъ при себѣ подъ начальствомъ полковника Чечела, намѣреваясь обороняться и отстрѣливаться отъ великаго государя, а сначала хотѣлъ уѣхать въ Гадячъ для защиты. Это вѣрно, потому что преданные слуги гетманскіе сказывали на другой день, что они прошлую ночь провели съ оружіемъ наготовѣ.

„12) Ксендзъ Заленскій пріѣзжалъ на праздникъ Рождества Христова въ Батуринъ, и панъ Орликъ, тайно одинъ его встрѣтивши, тайно же проводилъ въ гетманскій хуторъ подъ селомъ Бахмачемъ, откуда ночною порою пріѣзжалъ ксендзъ къ гетману на Гончаровку.

„13) Есть въ Полтавѣ казакъ Кондаченко, котораго онъ посылалъ многократно къ разнымъ султанамъ и самому хану съ словесными наказами. Мнится, что дѣлалъ онъ это для того только, чтобъ познакомиться съ ними и получить довѣріе, дабы при удобномъ случаѣ могъ употребить ихъ на свою пользу.

„14) Пируя у меня и подвеселившись, когда начали пить за его здоровье, сказалъ со вздохомъ: „Благодарствую за пріязнь; но что мнѣ за утѣха, когда я живу, не имѣя никогда совершенной надежды своей цѣлости, безъ всякаго обезпеченія, ожидая какъ волъ обуха“. Тутъ же говорилъ женѣ моей, хвалилъ гетмановъ измѣнившихъ, Выговскаго и Брюховецкаго: „Хорошо начали Выговскій и Брюховецкій, что хотѣли изъ неволи выбиться, но злые люди имъ въ томъ помѣшали. И мы хотѣли бы о своей будущей цѣлости и вольности войсковой промыслить, да не имѣемъ еще теперь способу, особенно же потому, что не всѣ наши въ одномысліи находятся; вотъ и твоему мужу я нѣсколько разъ намекалъ о такихъ мысляхъ, какъ бы намъ обезпечить цѣлость нашу на будущее время какъ для себя, такъ и для потомства, но онъ ни однимъ словомъ мнѣ не поможетъ,—ни отъ кого не имѣю помощи, ни на кого не могу положиться. А другая трудность та, что орды не за насъ: ханъ велѣлъ отвѣчать мнѣ, что Турецкій султанъ приказалъ ему держать орду крѣпко и ни къ кому на помощь не посылать; на орду нѣтъ надежды, а тутъ въ Украйнѣ стоятъ хорошія московскія войска, въ Бѣлой Руси хотя и дурныя, но много ихъ“.

„15) Говорилъ полковникамъ: „Можетъ быть, вы думаете, что я намѣренъ гетманство передать Войнаровскому; этого я не желаю,—вольно вамъ будетъ выбрать на этотъ урядъ кого хотите изъ среды себя, а Войнаровскій проживетъ и своимъ отцовскимъ кускомъ и тѣмъ, что я собралъ. Я и теперь готовъ вамъ уступить гетмантство: если между вами есть человѣкъ, который бы могъ сейчасъ отчизну свою спасти,—я ему уступлю гетманство; а если на меня эту тягость возлагаете, то извольте меня слушаться и на мой поводъ смотрѣть. На Турокъ и Татаръ нѣтъ намъ никакой надежды, такъ надобно изъ другой бочки дѣло свое начинать, а уговорившись и постановивши на мѣрѣ, надобно вдругъ и за сабли приниматься“.

„16) Держитъ при себѣ слугъ породы ляшской и употребляетъ ихъ для всякахъ своихъ посылокъ, какихъ ему не позволено безъ именнаго указа великаго государя.

„17) Не исполняетъ царскаго указа, которымъ запрещено пропускать людей на ту сторону Днѣпра; переселенцевъ не велѣлъ задерживать; а мать его, игуменья, людьми съ этой стороны населила великія слободы на той сторонѣ; города и села этой стороны потерпѣли сильный ущербъ въ населеніи, а остальные, уменьшенные въ своемъ числѣ, люди съ великимъ отягченіемъ кормятъ охотницкое войско, и отъ такой тяжести и послѣдніе хотятъ уходить на западную сторону.

„18) На Коломацкой радѣ положено, чтобъ Малороссійскіе люди съ Великороссійскими женились между собою; но гетманъ не только жениться,—запрещаетъ Малороссіянамъ и звать къ себѣ въ гости Великороссіянъ.

„19) Укрѣпленія малороссійскихъ городовъ обветшали, и гетманъ не заботился о поправкѣ; Батуринъ двадцать лѣтъ стоитъ безъ починки, отчего валы около него всѣ осунулись и обвалились, такъ что и одного дня въ немъ отъ непріятеля отсидѣться нельзя. Благоразумныя особы разсудятъ, откуда происходитъ такое нерадѣніе, а Гончаровку свою укрѣпилъ и обнесъ валомъ для неизвѣстной цѣли.

„20) Запорожцамъ грозитъ и остерегаетъ ихъ, что великій государь велитъ ихъ истребить.

„21) Когда пронеслась вѣсть, что Запорожцы, соединясь съ Татарами, хотятъ идти подъ слободскіе города, то гетманъ сказалъ: „Эхъ, какіе сякіе!“ если бы что хотѣли дѣлать, такъ бы ужъ дѣлали, а то только разглашаютъ, будто дразнятъ“.

„22) Одна близкая къ гетману особа, при разговорѣ о войнахъ съ Татарами, сказала: „Теперь объ этомъ нечего говорить; Татары скоро намъ понадобятся“.

„23) Русиновичъ, мѣщанинъ львовскій, разсказывалъ въ Батуринѣ, что онъ отъ Сенявскаго, Тарла, Хоментовскаго и Потоцкаго письма привозилъ къ гетману; разсказывалъ, что гетманъ коронный Сенявскій говорилъ ему: „Развѣдай, что на Украйнѣ дѣлается, и особенно склонны ли къ намъ казаки или нѣтъ, и предложи самому Мазепѣ, чтобъ былъ съ нами, и пусть казаки будутъ къ намъ доброжелательны, если хотятъ, чтобъ имъ было хорошо, ибо мы навѣрное знаемъ, что государь Шведовъ не выдержитъ; и казаки, если при немъ останутся, погибнутъ; а будучи за нами, остались бы въ цѣлости и при своихъ вольностяхъ“. Когда я, говорилъ Русиновичъ, доносилъ объ этомъ Мазепѣ, то онъ отвѣчалъ мнѣ: „Богъ свидѣтель, что я панамъ Полякамъ доброжелателенъ; не былъ бы я шляхтичемъ, не былъ бы сыномъ короннымъ, еслибъ всего добра коронѣ Польской не желалъ; вижу я и самъ, какъ государь оскорбилъ Польшу, онъ и Украйну отяготилъ; самъ не знаю, что съ собою дѣлать; если до чего дойдетъ, я не смогу удержать казаковъ, на какую сторону устремятся“.

„24) Скарбъ войсковый, арендованный, безъ надлежащаго надзора находится: это больше гетманскій скарбъ, чѣмъ войсковый,—какъ хочетъ гетманъ, такъ его и употребляетъ, отчего денегъ запасныхъ въ томъ скарбу нѣтъ, только-что платятъ полкамъ охотницкимъ, да содержатъ пріѣзжихъ посланниковъ. Индукта, т.-е. сборъ мыта, изначала всегда индуктою войсковою называется, а потомъ отдана была въ казну монаршую; я хорошо знаю, что когда въ Кіевѣ былъ на воеводствѣ бояринъ Петръ Васильевичъ Шереметевъ, то у него индукторы откупали индукту и откупныя деньги отдавали ему на ратныхъ государскихъ людей; а теперь одинъ гетманъ 50,000 золотыхъ въ годъ собираетъ на себя, и только что будетъ сверхъ 50 тысячъ, изъ того старшинѣ по нѣскольку сотъ золотыхъ удѣляетъ. Но для чего этимъ великимъ скарбомъ гетману обогащаться, а не отдать его въ казну монаршую на жалованье ратнымъ людямъ, находящимся въ Малороссіи?—хотя-бъ въ этомъ обнаружилась власть великаго государя надъ Малороссіею! И не сыщется ни одинъ человѣкъ въ войскѣ и въ народѣ, который бы по этой индуктѣ сталъ скорбѣть и тужить, потому что никто бы отъ этого ничего не потерялъ, а гетману довольно было бы десяти городовъ полка Гадяцкаго, съ которыхъ собираетъ всякія подати; довольно было бы пяти волостей и значительныхъ селъ, приписанныхъ къ гетманскому уряду. Не малый доходъ гетману съ порукавичныхъ арендовыхъ, которыя теперь умножились, и чрезъ это умноженіе аренда стала тяжка простому народу, потому что арендарь, давши большую сумму денегъ за аренду, дороже продаетъ горѣлку. Прежде полковниковъ выбирали вольными голосами и позорной симоніи было не слыхать, а теперь за полковничьи уряды гетманъ беретъ взятки: будь хотя самый достойный человѣкъ, но если нѣтъ у него денегъ, никогда не получитъ полковничества, а получитъ тотъ, у кого есть деньги“.

Къ доносу Кочубей приложилъ думу, сочиненную будто бы Мазепою. Въ этой думѣ выражается сѣтованіе о розни, господствующей между Малороссіянами, и призывъ добывать права саблею. Вотъ эта дума.

„Дума П. Гетмана Мазепы, въ которой знатное противъ державы великаго государя оказуется противленіе:

Всѣ покою щире прягнутъ,
А не въ оденъ гужъ всѣ тягнутъ,
Той направо, той налѣво,
А всѣ братя: тото диво!
Не машъ любви, не машъ згоды
Отъ Жовтой взявши Воды.
Презъ незгоду всѣ пропали,
Сами себѣ звоевали.
Ей, братица, пора знати,
Що не всѣмъ намъ пановати,
Не всѣмъ дано усе знати
И рѣчами керовати.
На корабель поглядѣмо,
Много людей полѣчимо,
Однакъ стирникъ самъ керуетъ,
Весь корабель управуетъ;
Пчулка бѣдна матку маетъ,
И оной послухаетъ.
Жалься, Боже, Украини!
Що не вкупѣ маетъ сыни;
Оденъ живетъ и съ погани,
Кличетъ, сюда, агамани!
Идемъ матки ратовати!
Недаймо ей погибати!
Други Ляхомъ за грошъ служатъ,
По Украйнѣ и той тужитъ:
Мати моя старенкая!
Чомъ ты велми слабенкая!
Розно тебе росшарпали:
Кгди ажъ по Днѣпру Туркомъ дали;
Все фортель щобъ зслабѣла,
И ажъ въ конецъ сылъ немѣла:
Третый Москвѣ южъ голдуетъ
И ей вѣрне услугуетъ;
Той на матку нарекаетъ,
И недолю проклинаетъ:
Лѣпше было не родити,
Нежли въ такихъ бѣдахъ жити.
Отъ всѣхъ сторонъ ворогуютъ,
Огнемъ, мечемъ руинуютъ,
Отъ всѣхъ немашъ зычливости,
Анѣ слушной учтивости;
Мужиками називаютъ,
А подданствомъ дорекаютъ,
Чомъ ты сыновъ не учила,
Чомъ отъ себе ихъ пустила?
Лѣпше было пробувати,
Вкупѣ лихо отбувати.
Я симъ бѣдный нездолаю.
Хиба тилко заволаю,
Ей, панове енерали,
Чомужъ есте такъ оспали?
И вы, панство полковники,
Безъ жадной полѣтики,
Озмѣтеся всѣ за руки,
Не допуститъ горкой муки
Матцѣ своей болшъ терпѣти,
Нуте враговъ, нуте бити.
Санопали набывайте,
Острыхъ шабель добувайте,
А за вѣру хоцъ умрѣте,
И волностой боронѣте,
Нехай вѣчна будетъ слава,
Же презъ шаблю маемъ права“.

Того же 19 числа спрошенъ былъ Искра, и объявилъ, что письмо Ахтырскаго полковника Ѳедора Осипова къ князю Голицыну написано съ его словъ; поѣхалъ онъ къ Ѳедору Осипову по совѣту Кочубея, и доношеніе ихъ общее, какъ Кочубеево, такъ и его. О согласіи Мазепы съ Лещинскимъ и Вишневецкимъ, объ умыслѣ на здоровье царское, и что въ пріѣздъ Александра Кикина Мазепа велѣлъ стрѣлять,—то онъ все слышалъ отъ судьи Кочубея, а самъ въ то время не былъ и ни отъ кого отъ другихъ о томъ секретѣ не слыхалъ. А про то, будто великій государь повелитъ казаковъ писать въ солдаты, слышалъ онъ, Искра, самъ отъ самого гетмана въ Кіевѣ, и притомъ были полковники Миргородскій, Прилуцкій, Черниговскій. О прельщеніи войска Запорожскаго и о возмущеніи ихъ сказывали ему Запорожцы, которые часто у него бываютъ, а иногда и зимуютъ: сказывали они, что посылалъ гетманъ съ тѣми рѣчами трижды хорунжаго кіевскаго, и велѣлъ имъ будто для опасенія отъ великаго государя крѣпить свой городъ и никуда не разъѣзжаться, и быть въ сборѣ до указа его.

Самый важный пунктъ доноса былъ пунктъ о злоумышленіи на жизнь государя. Съ него и долженъ былъ начаться розыскъ. 21 апрѣля Кочубею и Искрѣ дана была очная ставка, такъ какъ Искра показалъ, что о злоумышленіи на жизнь государя онъ слышалъ отъ Кочубея; но въ донесеніи Кочубея дѣло было разсказано не такъ, какъ въ письмѣ Ахтырскаго полковника къ князю Голицыну, писанномъ со словъ Искры: именно въ донесеніи Кочубея не было объ умыслѣ Мазепы умертвить царя или, схвативъ его, отдать непріятелямъ; также не было о намѣреніи Мазепы идти на великороссійскіе города. На очной ставкѣ Кочубей сказалъ, что онъ Искрѣ объ убійствѣ великаго государя въ пріѣздъ Александра Кикина и объ умыслѣ, чтобъ великаго государя, поймавъ, отдать непріятелямъ, и о походѣ гетманскомъ на великороссійскіе города не говорилъ, а говорилъ такъ, какъ написано въ его, Кочубеевомъ, доношеніи. Искра сказалъ, что тѣ слова слышалъ онъ отъ Кочубея, причемъ была и жена послѣдняго; тутъ же Кочубей говорилъ ему еще, что если бы зима крѣпка была, то Мазепа и въ Филиповъ постъ разорилъ бы великороссійскіе города; а какъ его, Искру, Кочубей посылалъ съ объявленіемъ къ Ѳедору Осипову, то онъ, Искра, ему, Кочубею, говорилъ, чтобъ обождать, пока явится воровство; и Кочубей сказалъ, что не надобно ждать.—Кочубей говорилъ, что Искра ему ничего подобнаго не говорилъ. Тогда они и люди ихъ были разведены по разнымъ избамъ и отданы за караулъ, письма у нихъ и прочее все отобрано и переписано.

Въ тотъ же день Искра былъ приведенъ къ пыткѣ и разспрашиваемъ: на гетмана онъ доноситъ по чьему наущенію? и не по факціямъ ли и не по подсылкѣ-ль о томъ какой отъ непріятеля на изверженіе гетманское такое зло взвели?—Искра отвѣчалъ, что никакой подсылки къ нему отъ непріятеля не было и ни за кѣмъ того не знаетъ, а подучилъ его Кочубей тому уже съ два года, наговаривая, что дѣлаетъ это по вѣрности своей къ царскому величеству, а онъ, Искра, за гетманомъ никакой измѣны не видалъ и ни отъ кого не слыхалъ, и говаривалъ Кочубею, чтобъ не затѣвалъ дѣла, но Кочубей ему сказалъ, что хоть умереть, а гетмана обличитъ.

Началась пытка. Послѣ десяти ударовъ Искра сказалъ: слышалъ онъ отъ Кочубея, что совѣтовался онъ о доносѣ съ Миргородскимъ полковникомъ Апостоленкомъ и съ Чуйкевичемъ, и что по низверженіи гетмана Мазепы Миргородскаго полковника желали они сдѣлать гетманомъ, и въ письмѣ, присланномъ къ Кочубею отъ Чуйкевича, написано: „У насъ за Днѣпромъ огонь загорается; сохрани Боже, чтобъ и у васъ не загорѣлся“.

Приведенъ къ пыткѣ Кочубей и объяснилъ: „Правда, Искра прежде по моему наговору къ дѣлу не приставалъ; и уже потомъ поѣхалъ къ Ахтырскому полковнику, по моему велѣнію, охотою; а Миргородскій полковникъ и Чуйкевичъ писывали ко мнѣ только о вѣдомостяхъ; предостерегъ меня отъ гетманской посылки Миргородскій полковникъ, а старикъ Чуйкевичъ писалъ къ зятю моему, своему сыну, что посланъ Скоропадскій къ великому государю съ нѣкоторыми предложеніями, — думаютъ съ такими же, какъ и о Соломонкѣ. Письма, что огонь загорается, Чуйкевичъ не писывалъ: должно быть Искра, не понявъ дѣла, говоритъ; „а что за два года я на гетмана говорилъ про измѣну, и то дѣлалъ по семейной своей злобѣ“.

Искрѣ, въ присутствіи Кочубея, дано еще 8 ударовъ и спрашивали: что говорилъ онъ Ѳедору Осипову объ умыслѣ Мазепы на жизнь великаго государя, и то Кочубей ли ему говорилъ, потому что въ многомъ Кочубей запирался? Искра отвѣчалъ, что онъ говорилъ Ѳедору Осипову и велѣлъ писать, то все слышалъ отъ Кочубея, и объявлялъ ему Кочубей, что онъ все на гетмана извелъ по собственной злобѣ, не видя измѣны; и онъ, Искра, ему говорилъ: „О той злобѣ надлежитъ тебѣ бить челомъ и просить милости у великаго государя“; однако онъ, Кочубей, по свойству и по дружбѣ, привелъ его на то, что поѣхалъ съ извѣтомъ.

Кочубей передъ пыткою объявилъ: что̀ онъ на гетмана написалъ и подалъ статьи и словесно доносилъ въ измѣнѣ, то все затѣялъ ложь по злобѣ на гетмана. Дали ему пять ударовъ и спрашивали: не по подсылкѣ-ль отъ непріятеля и по факціямъ его онъ затѣялъ это на гетмана, дабы его низвергнуть и выбрать другого, къ тому ихъ злому начинанію склоннаго; и кто въ томъ съ нимъ были единомышленники, и нѣтъ ли присланныхъ отъ непріятеля къ нему или къ другимъ для такого возмущенія на Украйну? Кочубей отвѣчалъ, что онъ все затѣялъ по злобѣ своей на гетмана, а не съ непріятельской факціи, и никакихъ къ нему подсылокъ отъ непріятеля не было, и за гетманомъ не вѣдаетъ никакой невѣрности,—все затѣялъ на гетмана ложно, чая, что ему въ томъ не повѣрятъ безъ дальняго розыску [1]).

Признаніемъ Кочубея и Искры въ ложномъ доносѣ дѣло оканчивалось 24 апрѣля Головкинъ писалъ Петру: „Понеже Кочубей зѣло старъ и дряхлъ безмѣрно, того ради мы его болѣе пытать опасались, чтобъ прежде времени не издохъ. А болѣе въ гетманскомъ дѣлѣ розыскивать нечего и для того и въ Кіевъ ихъ не посылаемъ, потому что во всемъ они винились, кромѣ факціи или наущенія отъ непріятеля; и ежели какую имъ казнь изволишь учинить, то мнится намъ, что надлежитъ послать ихъ въ Кіевъ и съ совѣту гетманскаго повелѣть о томъ Малороссійскому народу публично огласить, чтобъ они видѣли, что за сущую ихъ вину то съ ними учинено будетъ; а надлежитъ, государь, то дѣло для нынѣшняго сближенія непріятельскаго, также и для лучшей надежды гетману скорѣе свершить“ [2]).

Но Петру не хотѣлось оканчивать розыска; ему казалось невѣроятнымъ, чтобъ въ такое время Кочубей и Искра затѣяли дѣло сами собою, безъ побужденій отъ непріятелей. Онъ велѣлъ отослать доносчиковъ не въ Кіевъ, а въ Смоленскъ. 23 мая Головкинъ писалъ ему: „Кочубея и Искру отослали мы въ Смоленскъ; только доносимъ, чтобъ продолженіемъ того дѣла не было сумнѣнія гетману, ибо онъ пишетъ къ намъ многократно, прилежно прося о присланіи оныхъ къ нему въ войско, а не въ Кіевъ, для обличенія ихъ воровства, чтобъ то народъ Малороссійскій видѣлъ, потому-де что въ народѣ Малороссійскомъ, а особливо въ посполствѣ отъ ихъ единомышленниковъ разсѣваются многіе плевелы, будто его, Кочубея и Искру, до Петербурга проводили и будто на него, гетмана, вашъ великій гнѣвъ, и нынѣ обозпаго генеральнаго челядника, въ Кіевъ ѣдущаго, въ мѣстечкѣ Оленовцѣ за то только, что просилъ подводы, старшина тамошняя била съ таковыми выговорами: „Полно уже вашего, гетманчики, панства, пріѣдетъ на вашу всѣхъ погибель Кочубей“. Въ простомъ народѣ безумныя повѣсти оглашаются, будто Кочубей въ великой милости вашей здѣсь, а Искра будто посланъ гетманомъ города какого добывать, а когда добудетъ, отпущенъ будетъ на гетманство“.

Петръ велѣлъ привезти доносчиковъ опять въ Витебскъ и снова допросить, не было ли присылокъ отъ непріятелей. Головкинъ донесъ ему отъ 30 мая, что Кочубея и Искру пытали, сколько возможно было по Кочубеевой дряхлости и Искриной болѣзни: не было ли отъ иныхъ народовъ къ нимъ посылки для возмущенія. Кочубей и Искра стояли крѣпко, что не было никакой,—все онъ, Кочубей, затѣялъ по собственной злобѣ. На вопросъ Головкина и Шафирова, какою казнію казнить Кочубея съ товарищи,—Петръ отвѣчалъ: „Не иною, что какою ни есть только смертью, хоть головы отсѣчь, или повѣсить—все равно; о попѣ, который въ томъ же приличенъ, соизвольте учинить по своему разсмотрѣнію, а Петра Яковлева вины кажется мало, только-что онъ посланъ былъ къ духовнику съ письмами ихъ, того для отпустить его жить къ Москвѣ или инуды куды въ великороссійскіе городы, а не въ малороссійскіе“ ¹). Послѣ этого Кочубей и Искра отправлены были въ Кіевъ, а оттуда въ мѣстечко Борщаговку, въ 8 миляхъ отъ Бѣлой Церкви, гдѣ стоялъ гетманъ обозомъ; здѣсь 14 іюля они были казнены „при всей посполитой рѣчи генеральной и при многомъ собраніи всего Малороссійскаго народа“ ²).

---

[1]) Москов. архивъ Мин. Ин. д., дѣла Малороссійскія 1708 года.

[2]) Кабинетъ II, кн. № 8.

Это печальное дѣло, дошедшее до насъ во всѣхъ подробностяхъ, не требуетъ длинныхъ объясненій; нѣтъ нужды много распространяться о томъ странномъ мнѣніи, по которому во всемъ виноваты министры Головкинъ и Шафировъ, которые, будто бы подкупленные Мазепою, дѣйствовали пристрастно. Во-первыхъ, чтобъ говорить о подкупѣ, надобно имѣть основанія, а этихъ основаній нѣтъ. Во вторыхъ, были ли подкуплены министры, или нѣтъ, они не могли дѣйствовать иначе, какъ дѣйствовали по тогдашнимъ правиламъ, соблюдавшимся въ подобныхъ дѣлахъ: какъ скоро доносчики порознились въ своихъ показаніяхъ относительно самаго важнаго пункта,—употреблялась пытка. Можно обвинить не Головкина и Шарифова, но самого Петра; можно обвинить его за это упорство въ довѣріи къ Мазепѣ; прежде гетманъ выдерживалъ всѣ искушенія, всѣ прежніе доносы на него оказывались ложными; но какъ же Петръ не обратилъ вниманія на главное,—на перемѣну обстоятельствъ, на то, что новое искушеніе было гораздо сильнѣе прежнихъ? Эта безспорная ошибка со стороны Петра объясняется отвращеніемъ къ малороссійскому безнарядью, къ недостойному поведенію старшины и полковниковъ, къ дрязгамъ, доносамъ, которыми они постоянно тревожили правительство. По своему характеру и стремленіямъ, Петръ болѣе чѣмъ кто либо долженъ былъ не любить порядка вещей, господствовавшаго въ Малороссіи; нашелъ онъ тамъ гетмана по себѣ, умнаго, благонамѣреннаго; зналъ, какъ враги подъискивались подъ этого гетмана; слышалъ его постоянныя жалобы на безнарядье:—и естественно началъ питать отвращеніе къ безнарядникамъ; естественно въ каждомъ движеніи, направленномъ противъ гетмана, видѣлъ движеніе, враждебное для государства, факцію непріятельскую. Ошибка объясняется — и только; ошибка остается ошибкой. Но еслибъ Петръ не сдѣлалъ этой ошибки, то и тогда дѣло не могло вестись иначе, какъ велось. Развѣ можно было, при извѣстныхъ обстоятельствахъ 1707 и 1708 года, по первому доносу схватить гетмана и нарядить надъ нимъ слѣдствіе? Многогрѣшнаго и Самойловича свергли не по доносу двухъ человѣкъ, а всей старшины,—и тутъ сколько упрековъ правительству за это! Нужно было, даже для того, чтобъ спасти доносчиковъ отъ Мазепы, перезвать ихъ въ безопасное мѣсто и узнать отъ нихъ хорошенько, въ чемъ дѣло; и тутъ если-бы Головкинъ и Шафировъ дѣйствовали подъ вліяніемъ самой сильной подозрительности противъ Мазепы, то не могли бы поступить иначе, какъ поступили. Слѣдовательно ошибка Петра не имѣетъ никакого отношенія къ дѣлу; какъ бы онъ ни смотрѣлъ на Мазепу, послѣ доноса Кочубея и Искры должно было оставить его внѣ всякаго подозрѣнія: доносъ оказался ложнымъ.

Послѣ казни Кочубея и Искры, обозный генеральный Ломиковскій и полковники Миргородскій, Прилуцкій и Лубенскій начали усильно требовать отъ Мазепы, чтобъ промышлялъ о своемъ и общемъ спасеніи, обѣщаясь стоять до крови за него и за права и вольности войсковыя, въ чемъ и присягнули, а гетманъ далъ имъ присягу въ тѣхъ же выраженіяхъ, какъ предъ Орликомъ въ Кіевѣ ³). Мазепѣ больше всего хотѣлось возвратиться съ праваго берега Днѣпра въ Батуринъ, и въ бездѣйствіи выжидать, чѣмъ кончится въ Великороссіи борьба между Петромъ и Карломъ. Но на его бѣду, Карлъ, вмѣсто того, чтобъ идти прямо въ Москву, повернулъ въ Малороссію:—„Дьяволъ его сюда несетъ!“ сказалъ Мазепа: „всѣ мои интересы превратитъ и войска великороссійскія за собою внутрь Украйны впровадитъ на послѣднюю оной руину и на нашу погибель“. Отъ царя письмо: „Господинъ гетманъ! понеже непріятель идетъ по Днѣпру внизъ, и потому и по другимъ всѣмъ видамъ намѣреніе его есть на Украйну, того ради предлагаемъ вамъ: 1) чтобъ вы по своей вѣрности смотрѣли въ Малороссійскомъ краю какой подсылки отъ непріятеля, также прелестныхъ листовъ, и всяко оныя престерегали и пресѣкали, и намъ въ томъ (ежели одни сами чего не можете учинить) совѣтъ и вѣдомость давали. 2) Что непріятель уже зѣло своимъ маршемъ спѣшитъ, того ради заблагоразсудили мы, чтобъ вы со всѣмъ своимъ войскомъ шли какъ наискоряе къ Кіеву, и, оставя тамъ нѣсколько казаковъ въ гварнизонѣ, по совѣту съ г. Голицинымъ, сами шли за Днѣпръ въ удобное мѣсто со всѣми тянжары (обозомъ), кои при Кіевѣ были, а конницу всю (развѣ мало что при себѣ оставить) съ добрымъ командиромъ изготовить налегкѣ въ походъ; и когда непріятель станетъ ближиться къ великороссійскимъ или малороссійскимъ городамъ, тогда мы всегда у онаго потщимся передъ брать, а ваша-бъ конница всегда сзади на непріятеля била, и все послѣдующее оному и обозы разоряла, чѣмъ непріятелю великую диверсію можете учинить. Мы бы зѣло желали, дабы вы сами съ тою конницею были; но нудить не можемъ для вашей болѣзни, и для того сіе кладемъ на ваше разсужденіе, однакожъ сіе надлежитъ немедленно дѣлать“. Мазепа отвѣчалъ изъ обозу отъ Аслана-городка 18 іюля: „Радбымъ и я сердечно, на службу вашего величества присутственнѣ зоставать для лутчего по-

---

¹) Москов. архивъ Мин. Ин. Д., Приказныя дѣла новыхъ лѣтъ, годъ 1708.

²) Москов. архивъ Мин. Ин. Д., дѣла Малороссійскія 1708 года.

³) Письмо Орлика къ Стефану Яворскому.

рядку въ чиненю диверсіи непріятелю, еслибъ при надходящей глыбокой, весьма знемощной старости, подокгричная и хирокгричная болѣзнь препятіемъ не была, для которой на кони трудъ понести не могу, и хотя мало верхомъ милю и другую проѣду, то того много приболѣть мушу (долженъ); однакожъ и въ такой немощи и болѣзнѣ не отрицалбылося служить и услужить, хотябъ мнѣ пришло на службѣ вашего царскаго величества при боку вашемъ монаршомъ, лучше нежели гдѣ на сторонѣ, и житія пострадать, токмо тое благоразумному вашего царскаго величества разсужденію предаю, что если я особою моею гетманскою, оставя Украйну, удалюсь, то вельми опасаюсь, дабы подъ сіе время внутреннее между здѣшнимъ непостояннымъ и малодушнымъ народомъ не произошло возмущеніе, наипаче когда непріятель, исполняя враждебное свое намѣреніе, похочетъ тайнымъ якимъ нибудь образомъ прелестные свои листы въ городы подсылать; а я у здѣшнихъ не токмо мало, но и никого такъ вѣрнаго не имѣю и усмотрѣть такого коммендіера не могу, который бы сердцемъ и душею, вѣрнѣ и радѣтельнѣ вашему царскому величеству подъ сей случай служилъ, на подсылки непріятельскіе и на прелести его недремательнѣ смотрѣлъ, остерегалъ и всячески пресѣкалъ, однакожъ ожидаю въ томъ именнаго вашего царскаго указу, и по должности уряду моего и по обыклой непорочной вѣрности, велѣлъ у канцеляріи войсковой во всѣ вашего царскаго величества регименту моего малороссійскіе городы универсалы выдать, утверждая народъ здѣшній въ вѣрности къ вашему царскому величеству и повелѣвая городовой старшинѣ, дабы на подсылки непріятельскіе бодрое око имѣли, прелестныхъ писемъ и универсаловъ его, еслибъ якіе были о провіантахъ, не слыхали, оные презирали, отвращали, страхованій враждебныхъ не ужасались и къ прелестямъ ласкательнымъ не преклонялись"[1]).

Послѣ битвы подъ Лѣсною Петръ отправился въ Смоленскъ, тогда какъ Шереметевъ и Меншиковъ находились около Стародуба, наблюдая за движеніемъ шведской арміи. Меншиковъ получилъ приказаніе идти съ кавалеріей на югъ, на встрѣчу къ гетману, съ которымъ вмѣстѣ долженъ былъ пріѣхать для совѣщанія въ главную армію, куда въ концѣ октября хотѣлъ быть и самъ царь. Петръ 13 октября писалъ Меншикову: „Я чаю, уже что въ малороссійскихъ городахъ обрѣтаетесь, куды вамъ зѣло поспѣшить надобно и видѣться съ гетманомъ, понеже отъ бездѣльниковъ есть нѣкоторое воровство. Отсѣль поѣду съ 18 или съ 20 чиселъ сего мѣсяца въ армею, куды и вамъ съ гетманомъ особами своими быть потребно"[2]). Головкинъ шлетъ письмо за письмомъ къ Мазепѣ, чтобъ выступалъ съ своими полками къ Стародубу. Мазепа велитъ полковникамъ Миргородскому, Прилуцкому и Лубенскому собраться къ обозному Ломиковскому и рѣшить, должно ли исполнить царскій указъ. Всѣ единогласно отвѣчали: чтобъ не ходилъ къ Стародубу, а послалъ немедленно къ королю Шведскому съ просьбою о протекціи и старался соединиться съ шведскимъ войскомъ на границахъ; чтобъ не допускать войскъ великороссійскихъ въ Украйну. При этомъ Ломиковскій и товарищи просили гетмана объявить имъ, чего они должны надѣяться съ цѣлою Украйною и войскомъ Запорожскимъ; на какомъ фундаментѣ заложилъ онъ ту махину соединенія съ Шведами и Поляками? Мазепа отвѣчалъ имъ съ сердцемъ; „Для чего вамъ о томъ прежде времени вѣдать? спуститесь на мою совѣсть и на мое подлое разумишко, на которомъ вы не заведетеся; болши я, по милости божіей, имѣю разумъ единъ, нежели вы всѣ". Обратясь къ Ломиковскому, сказалъ: „Ты уже свой разумъ выстарилъ", и, указывая на Орлика: „У того еще разумъ молодой, дѣтскій. Самъ я знаю, когда посылать къ Шведскому королю". Тутъ съ сердцемъ вынулъ онъ изъ шкатулки универсалъ къ Малороссіянамъ, привезенный Заленскимъ, и велѣлъ Орлику прочесть его вслухъ: всѣ были довольны[3]).

Вслѣдствіе этихъ разговоровъ, Мазепа шлетъ письма къ царю и къ Меншикову, что ему нельзя двинуться изъ Малороссіи. „Вчерашняго дня (писалъ онъ Меншикову 8 октября) за настоящею моею хирогричною и головною болѣзнью и за многодѣльствіемъ забылъ донесть вашей княжой свѣтлости въ писаніи моемъ о многихъ подъ сіе время трудностяхъ и внутреннихъ смятеніяхъ. Сіятельнѣйшій графъ, его милость Гаврила Ив. Головкинъ пишетъ до меня многажды чрезъ моихъ и чрезъ своихъ нарочныхъ курьеровъ, чтобъ я спѣшнымъ маршомъ шелъ къ Стародубу для отпору наступленію непріятельскому, которому я ради малолюдствія при мнѣ обрѣтающагося никакою мѣрою резистенціи учинить не могу, понеже больше войска городоваго великороссійскаго сердюковъ одной компаніи совокупя въ одно число 5,000 при себѣ не имѣю, ибо полкъ сердюцкій одинъ въ Бѣлой Церкви и два полка великороссійскіе пѣхотные въ фортеціи Печерской, посланы на перемѣну полку Гадяцкаго, отправленнаго въ Польшу на сикурсъ, и хотя тѣ два полка велѣлъ я перемѣнить господину Неплюеву разными команды его людьми и идти велѣлъ за собою, однако оные въ пути медлятъ, и не знаю, когда ко мнѣ прибудутъ, да и въ тѣхъ четырехъ великороссійскихъ неполныхъ голыхъ и босыхъ полкахъ, при боку моемъ обрѣтающихся, болши двутысячъ не сберется, яко сами господа полковники сказываютъ, изъ которыхъ четырехъ полковъ два въ фортеціи Печерской осталось. И если прибуду къ Стародубу, то развѣ пойду въ самый городъ въ осаду, а тутъ въ Украйнѣ внутренній огонь бунтовничій отъ гультяевъ пьяницъ и мужиковъ во всѣхъ полкахъ началъ разгораться, которые, услыша о вступленіи въ Малороссійскій край непріятельскомъ и моемъ къ Стародубу малолюдномъ отдаленіи, всюду въ городахъ великими купами съ кіями и съ ружьемъ ходятъ, арендаторовъ бьютъ до смерти, вино насильно забираютъ и выпиваютъ,—какъ въ полку Лубенскомъ арендаря и ктитора убили до смерти; въ Мглинѣ сотника тамошняго казаки изрубили и спицами покололи; съ Сотницы сынъ обознаго моего войсковаго генеральнаго насилу съ женою своею уходомъ спаслись; въ Гадячѣ на замокъ тамошній наступали, хотя добро мое тамъ разграбить и господаря убить, котораго постигла бы смертная кончина, еслибъ съ мѣщанами отъ тѣхъ гультяевъ не отстрѣлялся. А воздвигнули то внутреннее смятеніе казаки, во время партикулярной баталіи отъ непріятеля распрошенные, кажется подъ Кадиномъ, которые, разбѣгшися въ полки, огласили, будто войска всѣ великорусскіе и малороссійскіе непріятель разбилъ, и люди полку Стародубскаго великими таборами уходятъ въ дальныя мѣста, которые между непостояннымъ народомъ неистовыми словами разсѣяли тѣ плевелы, будто они паче отъ войскъ малороссійскихъ бѣгутъ, что села всюду будто въ полку Стародубовскомъ жгутъ и грабятъ, и непріятель будто имъ никакого разоренія не чинитъ, которыми вѣдомостями зачался въ простомъ и малодушномъ народѣ мятежъ и роптаніе, а между гультяевъ своевольство, ибо опасность и въ томъ великая, что два предводителя гультяйскіе, одинъ Перебѣжный, другой Молодецъ, прибравши къ себѣ своеволицъ, и болши великороссійскихъ людей Донцовъ 2,000, по берегамъ Днѣпра и въ поляхъ шатаются, и людей разбиваютъ, да и отъ Польши небезопасно, понеже какъ графъ Головкинъ пишетъ до меня, что Станиславъ къ Кіеву идетъ, какъ и резидентъ мой, при господинѣ Синявскомъ пребывающій, тожъ подтверждаетъ. Разсуди ваша княжая свѣтлость своимъ высокимъ благоразуміемъ, какая въ томъ польза будетъ интересамъ монаршимъ, если я пойду въ Стародубовщину одного только полку боронить, а тутъ всю Украйну въ такихъ трудностяхъ, опасностяхъ и въ начинающемся бунтовничьемъ пожарѣ на крайнее разореніе оставлю, а не дай Боже еще мнѣ какого тамъ отъ непріятеля несчастія, то какой оттуда возгорится огнь внутренній—выразумѣть можно! Изволь ваша княжая свѣтлость, ясно ближайшій монаршаго боку и тайный его государственныхъ дѣлъ первѣйшій и поуфальщихъ министръ, отъ Бога дарованнымъ себѣ премудрымъ разумомъ и искусствомъ наставити меня, какъ имѣю въ таковыхъ трудностяхъ и въ указахъ поступить и исправиться“?

---

[1]) Письмо это въ Государ. архивѣ.

[2]) Письмо Петра В. къ Меншикову въ Москов. архивѣ Мин. Ин. Д.

[3]) Письмо Орлика къ Стефану Яворскому.

Меншиковъ, пересылая это письмо Петру, написалъ свое мнѣніе: „Мнѣ кажется до Стародуба его ради тѣхъ противностей заволакивать не для чего, что отдаю въ ваше высокоздравое разсужденіе“ 1). Петръ отвѣчалъ, что хотя извѣстія гетмана о внутреннихъ волненіяхъ въ Малороссіи и не совсѣмъ справедливы (было возстаніе на Жидовъ, а не противъ правительства), однако гетмана отволакивать не надобно, „понеже большая польза его въ удержаніи своихъ, нежели въ войнѣ“ 2) Не отволакивая Мазепу къ Стародубу, Меншиковъ писалъ ему, чтобъ онъ свидѣлся съ нимъ для необходимыхъ совѣщаній; но когда Мазепа объявилъ объ этомъ Ломиковскому съ товарищи, тѣ закричали: „Если поѣдешь, то и себя, и насъ, и Украйну погубишь!“ Самъ Мазепа боялся, что его хотятъ приманить, и, прибравъ къ рукамъ, возобновить дѣло Кочубея, ибо приходили извѣстія изъ Польши, что тамъ всюду громко говорятъ о сношеніяхъ его, Мазепы, съ королемъ Станиславомъ; и потому Мазепа рѣшился послать къ Меншикову племянника своего Войнаровскаго съ объявленіемъ о тяжкой, предсмертной болѣзни своей и объ отъѣздѣ своемъ изъ Батурина въ Борзну для соборованія масломъ отъ Кіевскаго архіерея. Мазепѣ хотѣлось употребить всѣ средства, чтобъ не ѣхать къ царю или его полководцамъ, и въ то же время не хотѣлось посылать къ Карлу до послѣдней крайности; какъ обыкновенно бываетъ въ подобныхъ обстоятельствахъ, онъ ждалъ, чтобъ другіе принудили его сдѣлать послѣдній страшный шагъ. Ломиковскій съ товарищи настаивалъ, чтобъ гетманъ послалъ къ Шведскому королю съ предложеніемъ союза. Однажды вечеромъ Мазепа послалъ къ нимъ Орлика потребовать, чтобъ сказали рѣшительно, посылать или не посылать къ Карлу. Ломиковскій отъ имени всѣхъ товарищей велѣлъ отвѣчать довольно дерзко, что они удивляются такой сонливости и медленности гетмана; сколько разъ просили они его послать къ Карлу, когда тотъ еще былъ на границахъ, но гетманъ не послалъ, и этою своею медленностію впровадилъ въ Украйну всѣ силы великороссійскія на разореніе и кровопролитіе всенародное; и теперь, когда уже Шведы подъ носомъ, невѣдомо для чего медлитъ. Мазепа разсердился и сказалъ: „Знаю, что все то переговариваетъ тотъ лысый чортъ Ломиковскій!“ и, призвавши къ себѣ обознаго съ товарищи, далъ на нихъ окрикъ: „Вы не совѣтуете, только обо мнѣ переговариваете; чортъ васъ побери! Я, взявши Орлика, поѣду ко Двору царскаго величества, а вы хотя пропадайте!“ Потомъ, смягчившись, спросилъ ихъ: „Послать къ королю или нѣтъ?“ — „Какъ же не посылать,—давно пора, не надобно откладывать!“ былъ отвѣтъ. Тогда Мазепа велѣлъ позвать управителя своей Шептаковской волости Быстрицкаго, и заставилъ его присягнуть въ сохраненіи тайны. Орликъ написалъ ему по-латыни инструкцію посольства къ первому министру Карла XII, графу Пиперу; аптекарь гетманскій перевелъ инструкцію на нѣмецкій языкъ; безъ подписи и печати отдали ее Быстрицкому, который и отправился въ шведскую армію

---

1) Письма эти въ Государств. архивѣ.

2) Письма Петра В. къ Меншикову въ Москов. архивѣ Мин. Ин. Д.

съ плѣннымъ Шведомъ, вмѣсто переводчика. Въ инструкціи Мазепа высказывалъ великую радость о пришествіи королевскаго величества въ Украйну, просилъ протекціи себѣ, войску Запорожскому и всему народу Малороссійскому, и освобожденія отъ тяжкаго ига московскаго; увѣдомлялъ, что онъ, гетманъ, находится въ большой опасности, и потому просилъ о скорой присылкѣ войска на оборону, для котораго обѣщалъ приготовить паромы на Деснѣ у пристани Макошинской[1].

Между тѣмъ Меншиковъ 19 октября былъ уже въ Горскѣ, въ Черниговскомъ полку, откуда 20 числа писалъ царю: „Господинъ полковникъ! доношу вашей милости, что мы съ находящеюся при мнѣ кавалеріею пришли сюда вчерашняго дня, слава Богу, въ добромъ состояніи; его милость, господина гетмана Мазепу, со дня на день я къ себѣ ожидалъ, но вчерашняго дня вмѣсто его получилъ видѣть господина Войнаровскаго, чрезъ котораго пишетъ онъ ко мнѣ, что едва не послѣдній чрезъ него отдаетъ мнѣ поклонъ, ожидаючи себѣ послѣдняго цѣлованія; понеже конечно при кончинѣ своея жизни обрѣтается и для освященія масломъ поѣхалъ онъ въ Борзну, гдѣ ожидаетъ его Кіевскій архіерей. И сія объ немъ вѣдомость зѣло меня опечалила, первое тѣмъ, что не получилъ его видѣть, которой зѣло мнѣ былъ здѣсь нуженъ; другое, что жаль такова добраго человѣка, ежели отъ болѣзни его Богъ не облегчитъ, а о болѣзни своей пишетъ, что отъ подагричной и хирогричной приключилась ему апелепсія“.

Меншикову очень нужно было бы видѣть гетмана потому, что онъ нашелъ малороссійскіе полки въ самомъ печальномъ состояніи. 21 октября онъ писалъ царю: „Понеже опасаюсь, дабы непріятель къ Новгородку не пошолъ и тамъ Десну не переправился, того ради весма надлежитъ въ тѣхъ мѣстахъ Десну людьми укрѣпить, дабы оной великой переправы непріятель свободно безъ всякаго запрещенія переправиться не могъ; и хотя о томъ я господину фельдмаршалу Шереметеву нынѣ постоянно и предлагалъ, чтобъ для того при нихъ обрѣтающуюся кавалерію и нестройныхъ всѣхъ такожъ и Ифлянта на ту сторону Десны отправили, дабы оныя непріятелю тою переправу запрещать могли,— однакожъ и вашей милости о томъ доношу, чтобъ вы отъ себя паки о томъ подтвердить изволили. А что велѣно туда идти войску гетманскому, и на то слабая надежда, понеже како здѣсь мы видимъ ихъ, что всѣ въ великомъ страху отъ непріятеля, и изъ домовъ своихъ, совсѣмъ убравшись, кой куда врознь разъѣзжаются; здѣшняго Черниговскаго полку только съ полтораста человѣкъ здѣсь мы изобрѣли, и тѣ изъ послѣднихъ, а изъ старшинъ, почитай, никого не видимъ, а который и появится, да того жъ часу спѣшитъ до двора, чтобъ убраться и бѣжать. При семъ за благо вашей милости совѣтую, что мнѣ кажется время и самимъ вамъ къ арміи путешествовать ради лучшаго при сихъ обстоятельствахъ распоряженія“ [2].

Петръ еще до призыва Меншикова путешествовалъ къ арміи, и 21 числа былъ въ 80 верстахъ отъ Брянска[3]; а между тѣмъ въ Борзну къ Мазепѣ возвратился Быстрицкій съ устнымъ донесеніемъ, что самъ Карлъ обѣщалъ быть у Макошинской пристани 22 октября. Но въ этотъ день Шведы не явились у Десны, а на другой день, 23 числа, прискакалъ Войнаровскій съ вѣстію, что завтра къ обѣду пріѣдетъ въ Борзну Меншиковъ для свиданія съ умирающимъ гетманомъ-Войнаровскій разсказывалъ, что убѣжалъ тайкомъ отъ Меншикова, потому что подслушалъ, какъ нѣмецкіе офицеры между собою говорили: „Помилуй Боже этихъ людей! завтра они будутъ въ кандалахъ“. Получивъ извѣстіе о намѣреніи Меншикова пріѣхать въ Борзну, Мазепа „порвался какъ вихръ“ и, въ тотъ же день, поздно вечеромъ, поскакалъ въ Батуринъ; а на другой день рано, переправясь чрезъ Сеймъ, пріѣхалъ вечеромъ въ Коропъ, гдѣ переночевалъ; на другой день, 24 числа, рано переправился за Десну, и ночью достигъ перваго шведскаго драгунскаго полка; отсюда отправилъ Ломиковскаго и Орлика къ королю, а за ними поѣхалъ и самъ съ отрядомъ, состоявшимъ не болѣе какъ изъ 2,000 человѣкъ. Въ селѣ Бахмачѣ присягалъ онъ торжественно на Евангеліи передъ генеральною старшиною, полковниками, сотниками и знатнымъ товариществомъ, что онъ не для приватной своей пользы, но для общаго добра цѣлой отчизны и войска Запорожскаго принялъ протекцію короля Шведскаго; потомъ старшинѣ и всему знатному товариществу велѣлъ присягать, что будутъ вѣрны ему, Мазепѣ, и будутъ признавать протекцію короля Шведскаго [4].

---

[1] Письмо Орлика къ Стефану Яворскому.

[2] Письма Меншикова въ Государств. архивѣ.

[3] Письма Петра В. къ Меншикову въ Москов. архивъ Мин. Ин. Д.

[4] Письмо Орлика къ Стефану Яворскому. Здѣсь читаемъ также слѣдующее: «Посылалъ Мазепа изъ Борзны ко двору царскаго величества въ Глуховъ съ письмами канцеляриста войсковаго Болбота, по котораго оттуда возвращеніи, объявилъ намъ всѣмъ, будто одинъ изъ министровъ царскаго величества, а другой изъ канцеляріи, истинные его пріятели, черезъ Болбота перестерегали его, Мазепу, чтобъ до двора царскаго величестка не ѣхалъ, но паче своей и цѣлаго народа малороссійскаго цѣлости всякую усмотрилъ охорону, понеже въ такомъ состояніи, не надѣяся въ Украйнѣ никакого постоянства, царское величество намѣренъ и о гетманѣ, и о всемъ народѣ вещь нѣкакую противную устроить, что потомъ и универсалами своими велѣлъ передъ народомъ оголосить. Но солгалъ: когда въ 1714 году Шведскій король изъ Турціи чрезъ Молдавію до Помераніи ѣхалъ, а я, послѣдуя ему до Букарештъ, нашелъ тамъ канцеляриста Болбота, готовящагося въ монастырь, съ которымъ чрезъ два дни тамъ конверсуя, воспомянулъ и о томъ престереженіи, Болботъ объявилъ мнѣ, что Мазепа, посылая его въ Глуховъ, приказывалъ ему довѣдаться, какъ о немъ разумѣютъ? но онъ ничего ни отъ кого противнаго о немъ не слышалъ, напротивъ, князь Григорій Ѳеодоровичъ Долгорукій совѣтовалъ ему, Мазепѣ, чтобъ ничего не опасался, какъ наискорѣе ѣхалъ ко двору, представляя и душу, и совѣсть свою въ закладъ въ томъ, что царь на

Между тѣмъ Меншиковъ ѣхалъ въ Борзну для свиданія съ гетманомъ; но на дорогѣ встрѣтилъ его полковникъ Анненковъ и, по отправленіи отъ гетмана „извычайнаго комплимента“, сказалъ, что Мазепа изъ Борзны поѣхалъ въ Батуринъ. Меншиковъ туда: нѣтъ гетмана;—поѣхалъ наскоро въ Коропъ; но тутъ Меншикова поразило то, что встрѣтилъ его одинъ великороссійскій полкъ Анненкова, а всѣ сердюки и батуринскіе жители перебрались въ замокъ и засѣли въ немъ, мостъ былъ разведенъ, по стѣнамъ стояли вооруженные люди въ строю съ знаменами и пушками. Меншиковъ послалъ къ нимъ полковника Анненкова спросить: для чего поступаютъ по непріятельски? Анненкова въ замокъ не пустили и дали отвѣтъ со стѣны, что поступаютъ по указу. Меншиковъ сейчасъ же поѣхалъ въ Коропъ, думая застать тамъ наконецъ гетмана и получить отъ него объясненіе; но, отъѣхавъ полторы мили отъ Батурина, узналъ, что Мазепа уже за Десною. Меншиковъ отправился къ Деснѣ и изъ Макошина, 26 числа, увѣдомилъ царя о своихъ разъѣздахъ за гетманомъ: „И чрезъ сіе злохитрое его поведеніе, за истинно мы признаваемъ, что конечно онъ измѣнилъ и поѣхалъ до короля Шведскаго, чему явная есть причина и то, что племянникъ его, Войнаровскій, будучи при мнѣ, въ 22 день сего октября, въ самую полночь, безъ вѣдома и съ нами не простясь, къ нему уѣхалъ, и съ того времени уже ко мнѣ ни о чемъ онъ, гетманъ, не отзывался. И тако объ немъ инако разсуждать не извольте, только что совершенно измѣнилъ, и для того за благо вашей милости совѣтую, что при такомъ зломъ случаѣ надлежитъ весьма здѣшній простой народъ утвердить всякими обнадеживаніями чрезъ публичные универсалы, выписавъ всѣ его, гетманскія, къ сему народу озлобленія и тягости, и чтобъ на его никакія прелести не склонялись, понеже когда онъ сіе учинилъ, то не для того одной своей особы, но и всей ради Украйны, и безъ того не пройдетъ, чтобъ какихъ не было отъ него здѣсь прелестныхъ универсаловъ или тайныхъ какихъ факцій. При семъ еще доношу вашей милости, что въ здѣшней старшинѣ, кромѣ самыхъ вышнихъ, также и въ подломъ народѣ съ нынѣшняго гетманскаго злого учинку никакого худа ни въ комъ не видать; но токмо ко мнѣ изо всѣхъ здѣшнихъ ближнихъ мѣстъ съѣзжаются сотники и прочіе полчаня и приносятъ на него въ томъ нареканія и многіе просятъ меня со слезами, чтобъ за нихъ предстательствовать и не допустить бы ихъ до погибели, ежели какой отъ него, гетмана, будетъ надъ ними промыслъ, которыхъ я всякимъ обнадеживаніемъ увѣщеваю, а особливо вашимъ въ Украйну пришествіемъ, изъ чего они повидимому въ великую проходятъ радость“ [1]).

Петръ съ главною арміею сторожилъ на Деснѣ (въ мѣстечкѣ Погребкахъ) движенія непріятеля, когда, 27 числа, получилъ письмо Меншикова, и ночью написалъ ему отвѣтъ: „Письмо ваше о нечаянномъ никогда зломъ случаѣ измѣны гетманской мы получили съ великимъ удивленіемъ, и нынѣ надлежитъ трудиться, какъ бы тому злу забѣжать и дабы не допустить войску казацкому, при Деснѣ бывшему, переправливаться за рѣку по прелести гетманской; того ради пошли немедленно къ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ они, нѣсколько полковъ драгунъ, которые бы то имъ помѣшали; а полковникамъ и старшинѣ вели сколько возможно ласково призывать и говорить имъ, чтобъ они тотчасъ ѣхали сюды для обранія новаго гетмана; а буде полковникъ Миргородскій гдѣ по близости обрѣтается, то прикажи его, сыскавъ, къ намъ прислать, обнадежа его милостію нашею, потому что онъ великій непріятель былъ Мазепѣ; также и вы немедленно пріѣжайте“ [2]). На другой день былъ написанъ манифестъ: „Объявляемъ вѣрнымъ нашимъ подданнымъ Малороссійскаго народа духовнымъ и мірскимъ, а особливо войска Запорожскаго генеральной старшинѣ, полковникамъ, сотникамъ, атаманамъ куреннымъ, и всему войску Малороссійскому, стоящему по Деснѣ и въ иныхъ мѣстахъ противъ непріятеля. Извѣстно намъ, великому государю, учинилось, что гетманъ Мазепа, забывъ страхъ Божій и свое крестное къ намъ цѣлованье, измѣнилъ и переѣхалъ къ непріятелю нашему королю Шведскому, по договору съ нимъ и Лещинскимъ, отъ Шведа выбраннымъ на королевство Польское, дабы съ общаго согласія съ нимъ Малороссійскую Землю поработить попрежнему подъ владѣніе польское, и церкви Божіи и святые монастыри отдать въ унію; и понеже намъ, яко государю и оборонителю Малороссійскаго краю, надлежитъ отеческое попеченіе о васъ имѣти, дабы въ то порабощеніе и разореніе Малороссіи, также и церквей Божіихъ во оскверненіе не отдать: того ради повелѣваемъ всей генеральной старшинѣ, полковникамъ и прочимъ, дабы на прелесть и измѣну сего измѣнника, бывшаго гетмана, не смотрѣли, но при оборонѣ нашихъ великороссійскихъ войскъ противъ тѣхъ непріятелей стояли, и для лучшаго упрежденія всякаго зла и возмущенія въ Малороссійскомъ народѣ отъ него, бывшаго гетмана, вся старшина генеральная и полковая, пребывающая при войскѣ, съѣзжалась немедленно въ городъ Глуховъ для обранія по правамъ и вольностямъ своимъ вольными голосами новаго гетмана, въ чемъ крайняя нужда и спасеніе всея Малыя Россіи состоитъ. При семъ же объявляемъ, что извѣстно намъ учинилось, что бывшій гетманъ хитростію своею безъ нашего указу аренды и многіе другіе поборы наложилъ на Малороссійскій народъ, будто на плату войску, а въ самомъ дѣлѣ ради обогащенія своего, и сіи тягости повелѣваемъ мы нынѣ съ Малороссійскаго народа оставить“ [3]). Къ Апраксину, увѣ-

---

единаго сумнѣнія о его вѣрности не имѣетъ и не слушаетъ никого, если кто о немъ плутаетъ».

[1]) Письмо Меншикова въ Государ. архивѣ.

[2]) Письма Петра В. къ Меншикову въ Москов. архивѣ Мин. Ин. Д.

[3]) Письма Петра В. къ Меншикову въ Москов. архивѣ Мин. Ин. Д., дѣла Малороссійскія 1708 года.

домлявшему о торжествѣ своемъ надъ Любекеромъ, Петръ писалъ: „Хотя противно совѣсти моей, чтобъ противъ добрыхъ отъ васъ вѣстей къ вамъ нѣчто худое писать, однакожъ нужда повелѣваетъ являти, что учинилъ новый Іуда Мазепа, ибо, 21 годъ бывъ въ вѣрности мнѣ, нынѣ при гробѣ сталъ измѣнникъ и предатель своего народа. Правда, хотя сіе дѣло худо, однакожъ не токмо онъ съ совѣту всѣхъ, но изъ пяти персонъ сіе зло учинилъ, что, услышавъ здѣшній народъ, со слезами Богу жалуются на него и неописанно злобствуютъ, понеже, какъ слышимъ, кромѣ Бога житіе его было. И тако надежда въ Бозѣ, что онъ себѣ зло вяще исходатайствовалъ [чему пособитъ кровь Самуилова] [1], нежель тому, кому хотѣлъ“ [2]).

30 октября пріѣхалъ въ Погребки Меншиковъ; созванъ былъ военный совѣтъ, гдѣ рѣшено—отправить немедленно Меншикова для овладѣнія Батуриномъ, прежде чѣмъ не вошли туда Шведы съ Мазепою.

Мазепа ушелъ къ Карлу съ немногими людьми; но онъ надѣялся поднять оставшихся своими прелестными письмами; вотъ что писалъ онъ Ивану Скоропадскому, полковнику Стародубскому: „Враждебная намъ власть московская отъ многихъ лѣтъ во всезлобномъ своемъ намѣреніи положила истребить послѣднія наши права и вольности; теперь приводитъ она это въ исполненіе, какъ ясно изъ того, что безъ всякой важной причины начала прибирать въ свои руки города малороссійскіе; выгоняя изъ нихъ людей нашихъ, до конца обнищавшихъ и порабощенныхъ, войсками своими наполняетъ. Пусть бы это дѣлалось въ полкахъ Стародубскомъ, Черниговскомъ и Нѣжинскомъ подъ ложнымъ предлогомъ, что это необходимо для обороны отъ Шведовъ; но для чего же дѣлать это съ городами отдаленными, въ которые Шведы и не думаютъ идти; зачѣмъ, напримѣръ, посылать полки въ Полтаву? Мы о злодѣйскомъ намѣреніи царя не только отъ непріятелей имѣли тайныя предувѣдомленія, но и сами совершенно узнали изъ ясныхъ признаковъ; насъ, гетмана, старшину, полковниковъ и все войско хотѣлъ захватить въ свою тиранскую неволю, имя войска нашего изгладить, казаковъ обратить въ драгуны и солдаты, и народъ поработить себѣ навѣки. Не для этого ли Александръ Меншиковъ и князь Дмитрій Голицынъ спѣшили къ намъ съ войсками? Не для этого ли заманивали насъ въ свои обозы? А между тѣмъ безсильная и невоинственная московская рать, бѣгающая отъ непобѣдимыхъ войскъ шведскихъ, спасается только истребленіемъ нашихъ селеній и захватываніемъ нашихъ городовъ. Поэтому-то мы, гетманъ, съ общаго согласія пановъ генеральной старшины, полковниковъ и всего войска, предались въ непобѣдимую протекцію наияснѣйшаго короля Шведскаго, всегдашняго всемогущаго заступника обидимымъ, любящаго правду и ненавидящаго лжи, въ несомнѣнной надеждѣ, что его шведское величество милую отчизну нашу и войско непобѣдимымъ оружіемъ своимъ оборонитъ отъ московскаго тиранскаго ига, и не только вольность и права наши сохранитъ, но и расширитъ, въ чемъ насъ не только королевскимъ своимъ неотмѣннымъ словомъ, но и письменною ассекураціею увѣрилъ. Поэтому и вы, какъ истинный сынъ отечества, старайтесь нечаяннымъ нападеніемъ истребить московское войско, находящееся въ Стародубѣ, согласясь съ полковниками Переяславскимъ и Нѣжинскимъ. Вамъ это сдѣлать можно, потому что непобѣдимое оружіе шведское васъ покрываетъ. Если же вамъ, паче чаянія, истребить московское войско не удастся, въ такомъ случаѣ спѣшите съ войскомъ своимъ въ Батуринъ, дабы не попался онъ въ московскія руки“ [3]).

Скоропадскій не спѣшилъ къ Батурину: къ Батурину спѣшилъ Меншиковъ; къ Батурину спѣшилъ и Мазепа вмѣстѣ съ шведскою арміею. 31 октября Петръ писалъ Меншикову: „Сего моменту получилъ я отъ Флюка (вѣдомость), что непріятель пришедъ сталъ у рѣки (Десны) на батуринскомъ трактѣ, и для того изволь не мѣшкать“ На другой день 1-го ноября, новое письмо: „Когда сіе письмо получишь, тогда тотчасъ, оставя караулы довольные, поди къ тому мѣсту, гдѣ нынѣ непріятель мостъ дѣлаетъ“. Въ тотъ же день письмо изъ Субочева: „Объявляемъ вамъ, что нерадѣніемъ генерала-маіора Гордона Шведы перешли сюды, и того ради извольте быть опасны, понеже мы будемъ отступать къ Глухову; того ради ежели сей ночи къ утру или поутру совершить возможно (взятіе Батурина), съ помощію Божіей оканчивайте; ежели же невозможно, то лучше покинуть, ибо непріятель перебирается въ четырехъ миляхъ отъ Батурина“. 2 ноября изъ деревни Чаплѣевки царь писалъ: „Паки подтверждаю, что Шведы перешли на сю сторону рѣки, и хотя наши крѣпко держали и трижды ихъ сбивали, однако за неудобностію мѣста одержать не могли, понеже на той сторонѣ рѣки у непріятеля мѣсто было зѣло удобное, гдѣ поставлены были на горѣ пушки въ три боя, и болши держаться нашимъ было ни по которому образу нельзя; того для извольте быть опасны и по тому смотря поступать, ибо непріятель перебрался отъ Батурина только во шти миляхъ, и наши войска почали отступать къ Глухову“. Вслѣдъ затѣмъ другое письмо въ тотъ же день: „Сей день и будущая ночь вамъ еще возможно трудиться тамъ, а далѣе завтрашняго утра (ежели чего не сдѣлано) бавиться (оставаться) вамъ тамъ опасно“ [4]).

Меншиковъ окончилъ дѣло въ срокъ. 31 октября онъ пришелъ къ Батурину, гдѣ уже дожидался его князь Дм. Мих. Голицынъ. Голицынъ еще до пріѣзда Меншикова имѣлъ переговоры съ осажденными, которыми начальствовалъ полковникъ Чечелъ и генеральный есаулъ Кенигсекъ; и старшина и рядовые отвѣчали единогласно, что безъ новаго гетмана великороссійскихъ войскъ въ замокъ не пустятъ, а гетмана надобно выбирать вольными голосами, и пока Шведъ изъ малороссійскихъ предѣловъ не выступитъ, до тѣхъ поръ и гетмана имъ выбирать нельзя. Меншиковъ привелъ полки къ рѣкѣ и хотѣлъ по мостамъ пройти въ городъ, какъ изъ замка Мазепинцы вывезли шесть пушекъ и навели ихъ на мосты; Меншиковъ велѣлъ войскамъ отойти ниже по рѣкѣ, и когда они построились по берегу, то изъ замка выѣхали пять человѣкъ и кричали съ другого берега, чтобъ не ходили, а пойдутъ силою, то станутъ бить. Меншиковъ велѣлъ говорить имъ, чтобъ прислали къ нему человѣкъ двухъ или трехъ для разговора;—отказались съ бранью и уѣхали прочь. Тогда Меншиковъ велѣлъ переправить черезъ рѣку на лодкахъ человѣкъ съ пятьдесятъ гренадеръ; увидя это, Мазепинцы, стоявшіе у мостовъ съ пушками, побѣжали немедленно въ замокъ съ большою тревогою; такимъ образомъ мосты были очищены и царскія войска стали перебираться черезъ рѣку. „Сея ночи", писалъ Меншиковъ, „совсѣмъ переберемся, а завтра съ Божіею помощію будемъ чинить промыслъ, ибо никакой склонности къ добру въ нихъ не является, и такъ говорятъ, что хотятъ до послѣдняго человѣка держаться" [1]).

---

[1]) Т.-е. гетмана Самойловича.

[2]) Голикова Дѣянія XI, стр. 432.

[3]) Голикова—Дополненія къ дѣяніямъ XV, стр. 216

[4]) Письма Петра В. къ Меншикову въ Москов. архивѣ Мин. Ин. Д.

Ночью осажденные выслали къ Меншикову письмо, въ которомъ объявляли о своей вѣрности къ царскому величеству и готовности впустить его войска въ замокъ, впрочемъ требовали, чтобъ имъ дано было три дня сроку для свободнаго выхода. Но утромъ, не дожидаясь отвѣта и не видя еще никакого движенія со стороны царскаго войска, начали стрѣлять въ него изъ пушекъ и зажгли посадъ кругомъ города. Меншиковъ послалъ имъ отвѣтъ на ихъ письмо, чтобъ свободно выходили изъ замка, не боясь ничего; письмо Меншикова было прочтено въ кругу: „Отвѣчать намъ некогда!" закричали Мазепинцы, и хотѣли-было убить посланнаго; но потомъ одумались и выпустили его съ крикомъ: „Мы всѣ здѣсь помремъ, а царскаго войска не пустимъ!" День прошелъ въ приготовленіяхъ къ приступу. 2 ноября, Петръ, находившійся въ мѣстечкѣ Воронежѣ (Черниговской губер.), получилъ письмо отъ Меншикова: „Доношу вашей милости, что мы сего числа о шти (шести) часахъ пополуночи здѣшнюю фортецію съ двухъ сторонъ штурмовали и по двучасномъ огню оную взяли" [2]). Петръ отвѣчалъ: „Сего моменту получилъ я ваше зѣло радостное писаніе, за которое вамъ зѣло благодарны, паче же Богъ мздовоздатель будетъ вамъ; что-жъ принадлежитъ о городѣ, и то полагаю на вашу волю: ежели возможно отъ Шведовъ въ немъ сидѣть, то извольте поправить и посадить въ гварнизонъ хотя драгунъ въ прибавку стрѣльцамъ, пока пѣхота будетъ (однакожъ нѣсколько пушекъ лучшихъ вывезть въ Глуховъ). Буде же (какъ я отъ присланнаго слышалъ) оной не крѣпокъ, то зѣло лучше такую великую артиллерію вывезть въ Глуховъ (которое тамъ зѣло нынѣ нужно), а строенье сжечь, понеже, когда въ такомъ слабомъ городѣ такую артиллерію оставить, то Шведы также легко могутъ взять, какъ мы взяли, и для того не изволь время терять, ибо сего дня Шведы перешли рѣку и чаю завтра конечно пойдутъ къ Батурину или куды глубже; и того ради опасно, дабы не помѣшали вамъ въ вывозѣ артиллеріи; буде же не успѣете вывезть, то лучше разжечь или разорвать и штуками, раздавъ, вывезть. PS. Ежели есть булава и знамена, изволь прислать для новаго гетмана; зѣло нужно, такожъ канцелярію возми съ собою всю ихъ" [3]). Меншиковъ разсудилъ, что зѣло лучше сжечь Батуринъ.

Взятіе и истребленіе Батурина было страшнымъ ударомъ для Мазепы; люди, доказавшіе на дѣлѣ свою вѣрность къ нему, побиты или въ рукахъ царскихъ; въ тѣхъ же рукахъ богатая казна гетманская, большой хлѣбный магазинъ сожженъ [4]); но всего вреднѣе впечатлѣніе, которое произведетъ взятіе Батурина на Малороссіянъ: почти въ виду непобѣдимыхъ Шведовъ царскія войска взяли и уничтожили столицу гетманскую; такое дѣло смѣлости и силы сдержитъ всѣхъ! „Злыя и несчастливыя наши початки!" говорилъ Мазепа: „знатно, что Богъ не благословитъ моего намѣренія; а я тѣмъ же Богомъ засвидѣтельствуюся, что не желалъ христіанскаго кровопролитія, но постановилъ-было у себя въ намѣреніи, пришедъ въ Батуринъ съ королемъ Шведскимъ, писать до царскаго величества благодарственный за протекцію его листъ, и въ немъ выписать всѣ наши обиды прежнія и теперешнія, правъ и вольностей отъятіе, крайнее разореніе, предуготованную всему народу пагубу, а наконецъ приложить, что мы какъ свободно подъ царскаго величества руку для Православнаго восточнаго единовѣрія приклонились, такъ, будучи свободнымъ народомъ, свободно теперь отходимъ, и, за протекцію благодарствуя, не хотимъ руки нашей на кровопролитіе христіанское простирать, но подъ протекціею короля Шведскаго совершеннаго нашего освобожденія будемъ ожидать. Это освобожденіе я надѣялся не войною, но покоемъ чрезъ трактаты получить; хотѣлъ короля Шведскаго всякими способами преклонить къ миру съ царемъ, а теперь, въ нынѣшнемъ нашемъ несчастномъ состояніи, всѣ дѣла иначе пойдутъ, и Украйна, Батуриномъ устрашенная, бояться будетъ за одно съ нами стоять" [5]).

Украйна дѣйствительно не хотѣла быть заодно съ Мазепою. Шведы 4 ноября перешли Десну, а Петръ спокойно отправился въ тотъ же день въ Глуховъ для избранія новаго гетмана, и 7 ноября писалъ къ своимъ: „Объявляемъ вамъ, что послѣ переметчика вора Мазепы вчерашняго дня учинили здѣшній народъ елекцію новаго гетмана, гдѣ всѣ, какъ одними устами, выбрали Скоропадскаго, полковника Стародубскаго; и тако проклятый Мазепа, кромѣ себѣ, худа никому не принесъ, ибо народомъ и имени его слышать не хотятъ, и симъ изряднымъ дѣломъ вамъ поздравляю“ ¹). Пріѣхалъ въ Глуховъ митрополитъ Кіевскій съ двумя другими архіереями, Черниговскимъ и Переяславскимъ, и торжественно предали Мазепу проклятію. „Того жъ дня и персону онаго измѣнника Мазепы вынесли, и, снявъ кавалерію (которая на ту персону была надѣта съ бантомъ), оную персону бросили въ палачевскія руки, которую палачъ взялъ и, прицѣпя за веревку, тащилъ по улицѣ и по площади даже до висѣлицы, и потомъ повѣсилъ“ ²). На другой день казнили Чечела и другихъ приверженцевъ Мазепы, взятыхъ въ Батуринѣ.

---

[1]) Письма Меншикова въ Государств. архивѣ.

[2]) Письма Меншикова въ Государств. архивѣ.

[3]) Письма Петра В. къ Меншикову въ Москов. архивѣ Мин. Ин. Д.

[4]) Гисторія Свейской войны.

[5]) Письмо Орлика къ Стефану Яворскому.

12 ноября проклятіе Мазепѣ было провозглашено въ Москвѣ. Въ Успенскій соборъ съѣхались архіереи, бояре, пріѣхалъ царевичъ Алексѣй Петровичъ, и протодіаконъ на амвонѣ началъ читать письмо отъ великаго государя къ царевичу, что бывшій гетманъ Мазепа, забывъ страхъ Божій и крестное цѣлованіе, ему, великому государю, измѣнилъ и отъѣхалъ къ Шведскому королю. Потомъ отслужили молебенъ о побѣдѣ надъ непріятелемъ, и митрополитъ Стефанъ Яворскій сталъ читать къ народу поученіе про измѣнника Мазепу: сначала вспомянулъ Мазепины къ великому государю радѣтельныя службы и къ людямъ добродѣтели, а потомъ объявилъ измѣну и отъѣздъ къ Шведскому королю. Окончивши поученіе, Стефанъ обратился къ другимъ архіереямъ и сказалъ: „Мы собраны во имя Господа Іисуса Христа и намъ дано отъ самого Бога вязать и рѣшить; аще кого свяжемъ на земли, связанъ будетъ и на небеси“, и возгласилъ трижды: „Измѣнникъ Мазепа за крестопреступленіе и за измѣну великому государю буди анаѳема!“. Прочіе архіереи пропѣли трижды: „Буди проклятъ“. Затѣмъ пѣвчіе на клиросахъ пропѣли многолѣтіе великому государю и новоизбранному гетману Ивану Скоропадскому.

Въ то же время въ Малороссіи читали по всѣмъ церквамъ и прибивали къ церковнымъ дверямъ объявленіе малороссійскихъ архіереевъ: „Благочестивѣйшему монарсѣ нашему бывшій гетманъ Іоанъ Мазепа измѣнилъ и присталъ къ еретическому королю Шведскому, малороссійскія отчизны отчуждился, хотя оную подъ иго работы лядской подати и храмы Божія на проклятую обратити унѣю. Сего ради Духу Св. и намъ малороссійскимъ архіереямъ тако изволившимъ, чуждъ стался Церкви Святыя Православнокаѳолическія, и общенія правовѣрныхъ, и всѣ его единомысленники съ нимъ самоизволнѣ отъ его царскаго пресвѣтлаго величества до противныя части шведскія удѣлившіися, отъ матери нашея Церкви Св. Восточныя суть отвержени и прокляты. Къ сему же и съ позосталыхъ домовъ ихъ, аще кто-либо соизволяя измѣнѣ той и предаяйся до ихъ части будетъ, таковый всякъ не токмо отъ Церкви Св. Восточныя, отъ общенія Таинъ Св., но и отъ пребыванія православныхъ изверяжется и весьма чуждъ будетъ,— архіерейско повелѣваемъ“ ³).

Изъ Глухова царь послалъ грамоту и къ Запорожцамъ. Приглашая ихъ быть послушными новоизбранному гетману Скоропадскому, Петръ писалъ: „Уповаемъ мы на вашу къ намъ, великому государю, вѣрность, что вы за отчизну свою и за Православную вѣру и за насъ стоять и богоотступнаго измѣнника Мазепы прелестей слушать не будете; а за вѣрность вашу къ намъ милость наша монаршеская къ вамъ умножится, и посылано будетъ къ вамъ нашего жалованья на каждый курень по 1,500 злотыхъ украинскихъ на каждый годъ, сверхъ прежняго годоваго вамъ жалованья, и прислать бы вамъ къ намъ въ военный походъ немедленно посланцевъ своихъ, съ которыми то жалованье къ вамъ тотчасъ прислано будетъ, и наша милость къ вамъ за ваши вѣрныя службы никогда отъемлема не будетъ; ибо когда прошлыя зимы ваши посланные челобитчики о нашемъ жалованьи были удержаны на Москвѣ, такожъ когда и прежъ сего нашъ, великаго государя, гнѣвъ на васъ являлся, и то все учинилось по письмамъ и ложнымъ доношеніямъ измѣнника Мазепы, который къ намъ писывалъ на васъ по часту, будто вы къ намъ невѣрность свою являете, хотя васъ тѣми своими лживыми клевсты привесть въ нашу немилость: но нынѣ мы, видя, что онъ, воръ и измѣнникъ Мазепа, то чинилъ по измѣнничью своему умыслу напрасно, милость свою за вѣрныя и постоянныя ваши службы пріумножать, и васъ въ оной милости содержать будемъ непремѣнно, потому нынѣшній новоизбранный гетманъ Иванъ Ильичъ Скоропадскій о вѣрной вашей къ намъ службѣ доносилъ“.

Карлъ разсылалъ манифесты по Малороссіи, возбуждая ея жителей къ сверженію тяжкаго ига московскаго; Петръ отвѣчалъ своими манифестами, гдѣ говорилось: какъ Шведскій король плѣненныхъ въ Польшѣ Малороссіянъ велѣлъ побить палками до смерти; какъ приказалъ перебить въ нѣсколькихъ деревняхъ безоружныхъ жителей съ женами и дѣтьми; какъ Шведы ставятъ лошадей въ церквахъ Православныхъ; хотя король и объявляетъ Малороссіянамъ, чтобъ они спокойно жили въ домахъ, продолжая обыкновенныя занятія, но это все лесть: послѣ онъ ихъ ограбитъ, поработитъ Лещинскому и Мазепѣ; церкви обратитъ въ кирхи люторскія и уніатскія, какъ то онъ дѣлалъ въ Польшѣ и Литвѣ, Силезіи и Саксоніи; въ Силезіи больше 70 римскихъ костеловъ превратилъ насильно въ лютеранскіе.

---

¹) Голикова — Дѣянія XI, стр. 442.

²) Гисторія Свейской войны.

³) Москов. архивъ Мин. Ин. Д., Малороссійскія дѣла 1708 года.

Король разглашаетъ, что царь уменьшилъ прежнія права и вольности малороссійскія; но это клевета: „Можемъ непостыдно рещи, что ни который народъ подъ солнцемъ такими свободами и привилегіями и легкостію похвалитися не можетъ, какъ по нашей, царскаго величества милости, малороссійскій, ибо ни единаго пенезя въ казну нашу во всемъ Малороссійскомъ краю съ нихъ брать мы не повелѣваемъ. А что король упоминаетъ о старыхъ вольностяхъ и привилегіяхъ, то старики помнятъ, какія были права при польскомъ владычествѣ: король исполнитъ свое обѣщаніе, т. е. возвратитъ старину, отдавъ опять Малороссію Полякамъ. Король пишетъ, будто по царскому указу у Маллороссіянъ дома и пожитки сожжены и разорены; но войскамъ великороссійскимъ подъ смертною казнію запрещено дѣлать разоренія и обиды Малороссіянамъ, что уже и исполнено на нѣкоторыхъ преступникахъ при Почепѣ, и если что пожжено вслѣдствіе военнаго распоряженія, то за это будетъ полное вознагражденіе".—Взаключеніе своего манифеста царь приглашалъ Малороссійскій народъ дѣлать врагу всевозможныя препятствія, оставлять его безъ жилищъ и хлѣба и промышлять надъ нимъ всякими средствами; если кто приведетъ плѣннаго генерала непріятельскаго, то получитъ въ награду 2,000 рублей, за полковника 1,000, за офицера - по разсчету противъ чина, а за рядовыхъ по пяти рублей, за убитаго непріятеля по 3 рубля.

Новый гетманъ Скоропадскій издалъ свой универсалъ, гдѣ объявлялъ, что „не тылко жадной (никакой) вражды отъ народа великороссійскаго противно насъ недѣется, але (но) всякую пріязнь, яко отъ единовѣрныхъ узнаемъ. Чегожъ мы, Православные христіане, отъ него (Карла XII), яко отъ иновѣрнаго и отъ иноязычнаго, зъ которымъ а не народъ нашъ, а не границы наши и малыя близкости и сполности не маютъ, ожидать себѣ можемъ? и любо бы онъ и хотивъ боронить насъ, якая оборона намъ не есть потребна, лечь якъ то можетъ изъ-за Балтицкаго моря, и въ такой далной отлеглости живучи, тое чинити, и церквей нашихъ, которыхъ онъ противникомъ, оборонцою быти?"

Мазепа долженъ былъ указать Карлу, что особенная сила, притягивающая Малороссію къ Великой Россіи, заключается въ единовѣріи, и потому придумали въ королевскомъ манифестѣ объявить, что Петръ давно уже ведетъ переговоры съ папою, какъ бы искоренить въ своемъ государствѣ Греческую вѣру и ввести Римскую; что іезуитамъ уже дано позволеніе заводить школы и костелы; что царь непремѣнно перемѣнитъ вѣру, какъ скоро, освободится отъ войны. Карлъ въ своихъ манифестахъ почелъ за нужное вооружиться противъ Петра также и за нововведенія, и за то, что людей низкаго происхожденія возвысилъ надъ благородными [1]. Но манифесты Шведскаго короля и универсалы проклятаго гетмана не производили никакого дѣйствія на Малороссіянъ; крестьяне прятали свое имѣніе и хлѣбъ въ лѣсахъ, захватывали, гдѣ только можно было, Шведовъ, отгоняли у нихъ лошадей. Петръ писалъ Апраксину: „Малороссійскій народъ такъ твердо, съ помощію Божьей, стоитъ, какъ болше нельзя отъ нихъ требовать; король посылаетъ прелестныя письма, но сей народъ неизмѣнно пребываетъ въ вѣрности, и письма королевскія приноситъ" [2]. Такимъ образомъ, переходъ стараго гетмана на шведскую сторону не принесъ Карлу никакой выгоды; а тутъ еще къ концу 1708 года явился новый страшный врагъ,—сильные морозы, свирѣпствовавшіе въ то время по всей Европѣ. 16 ноября Петръ выступилъ изъ Глухова прямо на югъ къ Путивлю, откуда направился немного къ юго-востоку, въ Лебединъ; Карлъ двигался рядомъ на Ромны, гдѣ и остановился. Гадячъ былъ занятъ шведскимъ отрядомъ, Веприкъ—русскимъ. Въ началѣ декабря царь держалъ въ Лебединѣ военный совѣтъ, на которомъ положено: большей части войска идти добывать Гадячъ, а генералу Алларту—къ Ромнамъ съ тѣмъ, что если Шведскій король пойдетъ на помощь къ Гадячу, то главной арміи отступить отъ этого города, Алларту же захватить Ромны. Планъ удался. Карлъ вышелъ изъ Роменъ къ Гадячу въ надеждѣ поразить главную русскую армію; но та, узнавъ о движеніи короля, немедленно отступила къ Лебедину, а между тѣмъ Аллартъ занялъ Ромны. Эта передвижка арміи происходила во время такихъ жестокихъ морозовъ, что птицы на воздухѣ мерзли, и хотя Русскіе большую часть дороги шли возлѣ лѣсу и ночевали около деревень, однако человѣкъ съ полтораста ознобили себѣ руки и ноги, и нѣсколько десятковъ померло; Шведы же пострадали гораздо больше, потому что Карлъ продержалъ ихъ двое сутокъ на степи, все дожидаясь, что Русскіе подойдутъ къ Гадячу, станутъ его штурмовать, и тутъ-то онъ задастъ имъ вторую Нарву [3].

Гадячъ не сдѣлался второю Нарвою; но Петръ писалъ къ Апраксину: „Не чаю, чтобъ безъ генеральной баталіи сія зима прошла, а сія игра въ Божіихъ рукахъ, и кто вѣдаетъ, кому счастіе будетъ" [4].

И сосѣди Россіи такъ же дожидались, кому счастіе будетъ въ борьбѣ, рѣшавшей судьбы Восточной Европы.

Въ продолженіи 1708 года изъ Польши Украинцевъ доносилъ, что тамошніе предводители попрежнему требуютъ немедленной присылки денегъ, считая, что вмѣсто 333 тысячъ, слѣдовавшихъ на коронное войско по договору 1705 года, получено только 62,600 рублей: „Стали они всѣ веселы и ко мнѣ не очень привѣтливы; вся шляхта и войско также къ намъ не ласковы; говорятъ, будто въ насмѣшку, что если случится у нихъ съ нами война, то не только служилые, но и жены, и дѣти ихъ пойдутъ на насъ. Бискупъ выпросилъ у меня тысячу рублей съ великою докукою. На гетмана Синявскаго надѣяться нельзя: онъ держится нашей стороны до-поры-до-времени, самъ онъ намъ сказалъ явно, что обманомъ не отпуститъ и шельмой не будетъ; но если придутъ такія обстоятельства, что при сторонѣ царской держаться будетъ ему нельзя, тогда онъ намъ объ этомъ прямо объявитъ“ [1]).

---

[1] Москов. архивъ Мин. Ин. Д., Малороссійскія дѣла 1708 года

[2] Голикова—Дѣянія III, стр. 52.

[3] Гисторія Свейской войны.

[4] Голикова—Дѣянія XI, стр. 459.

Старикъ Украинцевъ не могъ оставаться въ Польшѣ,—понадобился дѣльный человѣкъ для посылки въ Венгрію къ Рагоци, и Петръ писалъ къ Головкину: „Къ Рагоци кого послать? а напримѣръ Украинцева, ежели лучше того нѣтъ, но Дашковъ, аки глупый, къ сему не годится“ [2]). Украинцевъ отправился въ Венгрію; а Дашковъ остался въ Польшѣ резидентомъ, и въ концѣ марта 1709 года писалъ Головкину изъ Сатанова: „Гетманъ Синявскій не имѣетъ силы у Станислава Лещинскаго, но жена его черезъ другихъ ищетъ милости у Станислава про запасъ, если бы не вышелъ король Августъ и царскія дѣла пошли дурно. Очень будетъ хорошо, если придетъ сюда фельдмаршалъ-лейтенантъ Гольцъ съ нашими войсками; а если не придетъ, то боюсь, чтобъ Поляки не пришли въ отчаяніе, потому что непріятель разоряетъ всѣ ихъ имѣнія; притомъ явились два Волоха: Савва, который, взявъ Могилевъ на Днѣстрѣ, разоряетъ и мучитъ шляхту нестерпимо, разглашая, что дѣйствуетъ по указу царскаго величества; другой—Иваненко—захватилъ Брацлавъ и такъ же мучитъ и разоряетъ шляхту. Многіе здѣсь войсковые люди приходили съ великими воплями къ гетману, зачѣмъ позволяетъ въ очахъ ихъ мучить ихъ братьевъ шляхту, и гетманъ сильно опасается, чтобъ не было возмущенія въ войскѣ“. Царь прислалъ Синявскому 10,000, рублей, которые тотъ роздалъ регементарямъ, по 500 рублей, потому что Станиславъ присылалъ ихъ перекупать, но они не согласились. Синявскій просилъ Дашкова, чтобъ царь прислалъ какой-нибудь подарокъ женѣ его. Объ этой госпожѣ, владѣвшей мужемъ, еще Украинцевъ доносилъ: „Здѣсь ея почти никто не любитъ, и рады были бы, если бы умерла и больше гетманомъ и другими не мутила“. Гольцъ не приходилъ на соединеніе съ короннымъ войскомъ, и 21 апрѣля Дашковъ далъ знать изъ Чернаго Острова, что царскія дѣла находятся въ очень дурномъ положеніи вслѣдствіе медленности Гольца: гетманъ Синявскій объявилъ ему, что если Гольцъ не придетъ еще недѣлю, то все войско перейдетъ къ непріятелю; они ужъ два раза бунтовали, не получая жалованья и страшно нуждаясь въ краю совершенно пустомъ. Наконецъ 29 апрѣля пришла вѣсть, что Гольцъ за нѣсколько миль отъ Чернаго Острова, и коронное войско пришло въ восторгъ. Соединенныя войска двинулись къ Львову; но тутъ новая бѣда: Гольцъ, какъ всѣ Нѣмцы, не считалъ нужнымъ скрывать своего нерасположенія и неуваженія къ Полякамъ, такъ что Дашковъ долженъ былъ писать Головкину: „Фельдмаршалъ заранѣе никогда не посылаетъ для провіантовъ, и когда куда придетъ, то хочетъ въ одинъ часъ взять все; но такъ дѣлать нельзя. Надобно непремѣнно напомнить фельдмаршалу, чтобъ обходился съ здѣшними ласково; ласкою здѣсь можно больше сдѣлать; также и съ гетманами обходится зѣло несклонно“. Сюда присоединилась ссора между короннымъ гетманомъ и предводителемъ литовскаго войска, старостою Жмудскимъ: Литовцы грабили и били шляхту, выбирали провіантъ. Дашковъ насилу успѣвалъ въ томъ, чтобы дѣло не дошло до явнаго разрыва. Король Августъ только манилъ обѣщаніями, что скоро вступитъ въ Польшу съ войскомъ, но остерегался входить въ какія-либо обязательства. Петръ понималъ въ чемъ дѣло, и писалъ Головкину: „О выходѣ Августовѣ я не безъ сумнѣнія; понеже всѣ глухо обнадеживаютъ, а въ чемъ сила, то есть заключеніе договоровъ, того по се время не совершено, и конечно чаю, смотритъ на наше дѣло чтó съ Шведомъ учинимъ — для того медлитъ и въ совершеніи трактатовъ“ [3]).

Западная Европа, занятая своими дѣлами, была рада, что безпокойный Шведскій король ушелъ наконецъ въ пустыни сѣверо-востока, и оставалась безучастною, хотя и внимательною зрительницею борьбы между Карломъ и Петромъ. Матвѣевъ понапрасну жилъ въ Лондонѣ, добиваясь принятія Россіи въ великій союзъ. Въ февралѣ 1708 года Марльборо „мужъ неописанныхъ хитростей и политики исполненный“, прямо сказалъ Матвѣеву, что не только королева Англійская, но и Цесарь и Голландія рады союзу съ Россіею, но не могутъ вступить въ него немедленно, потому что больше всего боятся союза Шведскаго короля съ Франціею и Венгерцами. „Слышу“, писалъ Матвѣевъ Головкину, „что курфюрстъ Ганноверскій у герцога Марльборо и у великаго казначея Годольфина всячески промышляетъ наше дѣло уничтожить; Марльборо и Годольфинъ говорятъ: можно ли изъ-за однѣхъ торговыхъ выгодъ съ Москвою раздражать Шведскаго короля при нынѣшней его силѣ и во время войны у насъ съ Франціею“? На оффиціальные запросы Матвѣева былъ прежній отвѣтъ, что дѣло стало не за королевою, а за союзниками, Цесаремъ и Голландіею, которые не даютъ отвѣта на предложеніе королевы о русскомъ союзѣ. Тайнымъ образомъ Матвѣевъ провѣдалъ о внушеніяхъ Прусскаго и Ганноверскаго Дворовъ, что всѣмъ государямъ Европы надобно опасаться усиленія державы Московской; если Москва вступитъ въ великій союзъ, вмѣшается въ европейскія дѣла, навыкнетъ воинскому искусству и сотретъ

---

[1]) Московскій архивъ Мин. Ин. Дѣлъ, Польскія дѣла 1708 года.

[2]) Москов. архивъ Мин. Ин. Д., Приказныя дѣла новыхъ лѣтъ, годъ 1708.

[3]) Москов. архивъ Мин. Ин. Д., Приказныя дѣла новыхъ лѣтъ, годъ 1708.

Шведа, который одинъ заслоняетъ отъ нея Европу, то нельзя будетъ ничѣмъ помѣшать ея дальнѣйшему распространенію въ Европѣ. Для предотвращенія этого, союзникамъ надобно удерживать царя внѣ Европы, не принимать его въ союзъ, мѣшать ему въ обученіи войска и въ настоящей войнѣ между Швеціею и Москвою помогать первой. Англія, Цесарь и Голландія подчинились этому внушенію и опредѣлили не принимать царя въ союзъ, а проводить его учтивыми словами. Въ іюнѣ Матвѣевъ писалъ, что отъ льстиваго англійскаго министерства никакой склонности къ царскому величеству нѣтъ и сердечная любовь къ Шведу со дня на день увеличивается, хотя бы королева и мужъ ея, принцъ Датскій, и усердно желали всякаго добра царскому величеству; но они „отъ своихъ сильныхъ вельможъ какъ бы позорища видимыя или больше за мертвыхъ вмѣняются“, потому что министры обращаются къ наслѣднику, курфюрсту Ганноверскому, и дѣлаютъ все ему угодное. Матвѣевъ предлагалъ, что всего лучше, не тратя времени, прекратить учтивымъ образомъ дѣло и отозвать его изъ Англіи; ждать нечего: здѣсь думаютъ, что неудовольствіе со стороны царя не грозитъ никакою опасностію; пусть, разсердившись на союзниковъ, онъ обратится къ Франціи; та, связанная тѣсною дружбою съ Швеціею, не станетъ дѣйствовать въ московскихъ интересахъ.

Согласно этому взгляду, что можно не обращать вниманія на русскія требованія, Англія признала Лещинскаго королемъ Польскимъ. Матвѣевъ послѣ этого пересталъ ѣздить ко Двору. Петръ еще въ апрѣлѣ 1708 года писалъ Головкину: „О Андреѣ Матвѣевѣ, какъ уже давно говорено, что ему время отъѣхать, ибо все разсказы и стыдъ“ [1]). Матвѣевъ получилъ указъ объ отозваніи, совсѣмъ собрался уже выѣхать изъ Лондона, и 23 іюля назначилъ срокомъ расплаты со всѣми своими кредиторами. 21 іюля вечеромъ поѣхалъ онъ въ Соммерсетъ-гоузъ, гдѣ обыкновенно собирались иностранные министры для узнанія другъ отъ друга новостей. Но дорогою вдругъ подбѣгаютъ къ его каретѣ три человѣка, остановили лошадей, двое вломились въ карету, третій сталъ на козлы и велѣлъ кучеру мчать какъ можно скорѣе—неизвѣстно куда. Вломившіеся въ карету начали бить Матвѣева, отняли шпагу, трость, шляпу. Когда онъ сталъ громко кричать, то они снова избили его и изодрали платье, держа за воротъ. На крики Матвѣева однако сбѣжались люди, остановили лошадей и ввели было избитаго Матвѣева въ ближайшую таверну, но должны были отъ него отступиться, потому что задержавшіе его объявили, что имѣютъ предписаніе купеческаго шерифа арестовать его за долгъ въ 50 фунтовъ двоимъ купцамъ, угольнику и кружевнику. Матвѣева въ извощичьей каретѣ привезли въ долговую тюрьму; но еще изъ таверны онъ успѣлъ дать знать въ Соммерсетъ-гоузъ иностраннымъ министрамъ о страшномъ оскорбленіи, нанесенномъ всѣмъ имъ въ его лицѣ. Флорентійскій посланникъ, кавалеръ Жиральди, особенно дружный съ Матвѣевымъ, и лордъ Лифордъ тотчасъ пріѣхали къ нему въ тюрьму, а португальскій посланникъ поскакалъ въ ту же минуту къ статсъ-секретарю. Секретарь послѣдняго, Вальполь, пріѣхалъ въ тюрьму, описалъ все дѣло и обѣщалъ Матвѣеву, что завтра явится къ нему самъ статсъ-секретарь и дѣло разыщется; ходили слухи, что все это сдѣлано по наущеніе шведскаго министра. Матвѣевъ не сталъ дожидаться завтрашняго дня и тотчасъ же послалъ къ Стельсу, чтобъ тотъ своею порукою высвободилъ его изъ тюрьмы, что и было немедленно исполнено. На другой день пріѣхали къ Матвѣеву всѣ иностранные министры, всѣ съ ужасомъ отзывались о неслыханномъ нарушеніи народнаго права; пріѣхалъ и статсъ-секретарь съ обѣщаніемъ, что въ тотъ же день поѣдетъ въ Виндзоръ и донесетъ королевѣ о случившемся; что немедленно будетъ созванъ великій совѣтъ, и онъ, статсъ-секретарь, надѣется, что королева дастъ послу такое удовлетвореніе, какого никому изъ чужестранныхъ пословъ не бывало [2]).

Понятно, съ какимъ чувствомъ выхалъ Матвѣевъ изъ Англіи, отъ этого „христоненавистнаго народа и канальскаго злочестія исполненнаго“. Онъ возвратился на прежній свой постъ въ Гагу, откуда писалъ Головкину: „Отъ Двора Англійскаго не обѣщаю никакой царскому величеству пріязни, видя неизмѣримыя лукавства герцога Марльборо и склонность его къ Шведскому и Ганноверскому Дворамъ“ [3]).

Въ Даніи тѣ же выжиданія, чѣмъ кончится походъ Карла въ Малороссію. Къ Копенгагенскому Двору былъ отправленъ князь Василій Лукичъ Долгорукій. Датскіе министры, подъ разными предлогами, долго не хотѣли вступить съ нимъ въ конференцію: „Повидимому“, писалъ Долгорукій, „не безъ труда склонить здѣшній Дворъ къ желанному царскимъ величествомъ дѣлу;—первая причина та, что король человѣкъ не военный и настращенный войною; другая причина,—что половина тайныхъ совѣтниковъ противъ войны, потому что деревни ихъ находятся въ Голштиніи, и если война начнется, то они первые будутъ разорены; главная же причина—неимѣніе денегъ“. Когда наконецъ Долгорукій добился конференціи, то на его предложеніе начать войну противъ Шведовъ, всѣ министры единогласно отвѣчали: „Три причины не позволяютъ намъ вступить въ эту войну: 1) боимся Англичанъ и Голландцевъ; если мы завоюемъ что-нибудь у Шведовъ, то Англичане и Голландцы отнимутъ это у насъ и отдадутъ опять Щведамъ да еще съ нашими убытками. 2) У насъ нѣтъ денегъ. 3) Боимся, что король Шведскій, оставя войну въ Польшѣ, обратится на насъ, и царское величество въ то время насъ покинетъ". Но понятно, что въ Даніи желали успѣха царю и радовались, слыша о затруднительномъ положеніи Карла XII. Въ сентябрѣ 1708 года Матвѣевъ писалъ изъ Гаги: „Пріѣхалъ сюда изъ Даніи тайный совѣтникъ королевскій, баронъ Дейлеръ, былъ у меня и имѣлъ пространный разговоръ; говорилъ, что царскому величеству необходимо не упускать никакого полезнаго и способнаго случая къ нанесенію вреда непріятелю, который находится въ такомъ бѣдственномъ положеніи, что изъяснить нельзя. Ненадобно вступать съ нимъ въ генеральный бой, но особыми партіями утѣснять и тѣмъ въ конечную руину привесть, что сдѣлать легко съ такими многочисленными и свѣжими войсками, какія у его царскаго величества. При крайней скудости Шведъ лошадьми весьма опалъ; изъ войска его побѣгъ ратнымъ людямъ безпрестанный, и никакимъ образомъ онъ, въ краяхъ тѣхъ пустыхъ и безлюдныхъ, ни людей къ себѣ собрать не можетъ, ни денегъ, чѣмъ ихъ содержать, тамъ не найдетъ, и этимъ онъ, Шведъ, самъ себя вводитъ въ конечное бѣдство". Послѣ побѣды подъ Лѣсной начались опять конференціи; Долгорукій предлагалъ, кромѣ вспомогательныхъ войскъ, деньги: 300,000 ефимковъ на первый годъ и 100,000 ежегодно на все время войны. Датскіе министры отвѣчали, что этихъ денегъ мало, снаряженіе флота очень дорого стоитъ. Король былъ за-границею, и это обстоятельство затягивало дѣло. Долгорукій писалъ: „Зѣло бы нужно хоть малую дачу здѣшнимъ министрамъ прислать; всего ихъ четыре человѣка, а дать надобно только троимъ, потому что они уговариваютъ короля къ войнѣ, а четвертый, Лентъ, отговариваетъ" [1]).

---

[1]) Москов. архивъ Мин. Ин. Д., Приказныя дѣла новыхъ лѣтъ, годъ 1708.

[2]) Московскій архивъ Мин. Ин. Д., дѣла Англійскія 1708 года.

[3]) Москов. архивъ Мин. Ин. Д., дѣла Голландскія.

Но до рѣшительнаго оборота военныхъ дѣлъ въ Малороссіи трудно было надѣяться достигнуть чего-нибудь въ Копенгагенѣ, даже и посредствомъ дачъ. Дачи, и не малыя, нужны были на югѣ, въ Константинополѣ въ страшный 1708 годъ, когда, кромѣ Шведа, бунтъ кипѣлъ на югѣ Россіи. Головкинъ писалъ Толстому, чтобъ трудился и развѣдывалъ о тамошнемъ состояніи и писалъ; болѣе всего смотрѣлъ бы теперь, чтобъ Порта не позволила Татарамъ начать непріятельскія дѣйствія противъ Россіи; также домогался бы, чтобъ Порта послала запрещеніе Юсуфъ-пашѣ Силистрійскому подавать какіе нибудь поводы къ подозрѣнію сторонѣ царскаго величества.—„Юсуфъ-пашѣ", отвѣчалъ Толстой, „давно и не одинъ указъ посланъ, чтобъ онъ не смѣлъ затѣвать ничего противнаго Россіи, а какъ онъ тамъ поступаетъ, того мнѣ знать нельзя". Въ Россіи хотѣли всякими способами ласкать Порту; искали всюду, нѣтъ ли гдѣ плѣнныхъ Татаръ и Турокъ, чтобъ возвратить ихъ на родину. Толстой не одобрялъ этихъ вредныхъ, по его мнѣнію, пріемовъ съ Турками, которые могли увидать въ подобныхъ заискиваніяхъ признаки страха. Визирь засадилъ въ тюрьму русскихъ купцовъ, торговавшихъ иконами, и не выпускалъ ихъ по требованію русскаго посла. „Когда визирь отдастъ мнѣ иконниковъ", писалъ Толстой Головкину, „тогда, и то если нельзя будетъ отдѣлаться иначе, объявлю Портѣ, что царское величество изволяетъ послать въ даръ султану старыхъ полоняниковъ, не по обязанности, но по благоволенію своему, для большей любви". Для визиря присланъ былъ мѣхъ лисій загривчатый черный; Толстой и объ этомъ подаркѣ писалъ, что теперь отдавать его непристойно, а надобно помедлить: или визирь станетъ поступать ласковѣе, или злый злѣ погибнетъ, и мѣхъ пригодится на будущее время. „Король Шведскій", доноситъ Толстой, „всячески промышляетъ, чтобъ какимъ-нибудь образомъ сочинить съ Турками любовь, но до сихъ поръ Турки объ этомъ нерадятъ и Татарамъ враждовать съ Россіею не позволяютъ. О бунтовщикѣ, ворѣ Булавинѣ буду здѣсь смотрѣть прилежно, и если оная ребеллія вскорѣ не пресѣчется, боюсь, чтобъ не задалась какая трудность, потому что Турки объ этомъ знаютъ и радуются; впрочемъ явно ничего не предпринимаютъ въ пользу бунтовщиковъ, и отъ воровъ явныхъ присылокъ сюда нѣтъ". Въ концѣ 1708 года, Толстой писалъ, что Турки начинаютъ съ нимъ поступать суровѣйше; съ другой стороны писалъ, что посолъ французскій въ проискахъ своихъ, кажется, какъ будто немного ослабѣлъ: „а впредь что отъ него явится—Богъ вѣсть; впрочемъ, если и будутъ отъ него происки, то не будетъ имѣть себѣ помощниковъ, потому что кто были у него пріятели изъ ближнихъ султанскихъ людей, такъ всѣхъ я удовольствовалъ, и не будутъ ему помогать".

Въ началѣ 1709 года, Толстой сообщилъ Головкину утѣшную вѣдомость: начавшіеся-было противные замыслы пресѣчены и послѣ конференціи, которую онъ, Толстой, имѣлъ съ великимъ визиремъ, утверждено было сохраненіе мирныхъ договоровъ безъ нарушенія: „Извольте быть безопасны отъ Турокъ и Татаръ на будущую весну; развѣ Татары только какіе-нибудь малые набѣги сдѣлаютъ воровски. Уповаю, что и воръ Мазепа не можетъ здѣсь ничего сдѣлать къ своей пользѣ. Ваше сіятельство мнѣ повелѣваете не жалѣть и превеликихъ иждивеній и своей послѣдней копѣйки, только не допускать Порту къ разрушенію мира; поставляю свидѣтелемъ Всемогущаго, если случится дѣло, требующее иждивеній, то—хоть въ одной рубашкѣ останусь—ничего не пожалѣю; но теперь большихъ иждивеній давать уже не-для-чего; одинъ подарокъ надобно было дать, и я далъ своихъ 2,000 золотыхъ червонныхъ". Старыхъ полоняниковъ Толстой счелъ нужнымъ отдать Туркамъ: „Пока этого довольно", писалъ онъ Головкину, „и черную шубу визирю подожду отдавать, она пригодится въ другомъ какомъ-нибудь случаѣ впередъ, потому что неизвѣстно, что будетъ. Отдача невольниковъ понудила визиря въ лучшую со мною вступить любовь, понеже вельми ему сіе пріятно".

---

[1]) Москов. архивъ Мин. Ин. Д., дѣла Датскія.

11 апрѣля Толстой донесъ: „4 числа получилъ я вѣдомость о злыхъ замыслахъ казаковъ Запорожскихъ: прислали къ Крымскому хану просить, чтобъ ихъ принялъ подъ свой протекціонъ, о чемъ ханъ извѣстилъ Порту; отъ себя доношу, что ни малаго о томъ не извольте имѣть сомнѣнія; сколько мнѣ Богъ помогаетъ, тружусь усердно, и уповаю на Бога, что Порта къ соблазнамъ такихъ плутовъ не склонится“ Въ награду за труды Толстой получилъ персону царскую, діамантами обложенную, и 20 апрѣля донесъ о проискахъ Мазепы: пріѣхали Татары изъ Крыма съ объявленіемъ къ Портѣ, что Мазепа проситъ хана вступить въ казацкую Землю со всею ордою и помочь казакамъ освободиться изъ-подъ ига московскаго, за что обѣщаетъ хану давать ежегодно изъ казацкой Земли прежнюю дачу, которая шла въ Крымъ изъ Москвы; крѣпость Каменный Затонъ до основанія разорить; король Польскій Станиславъ заплатитъ за всѣ прошлые годы, за которые ничего не присылали въ Крымъ; король Шведскій обѣщаетъ также богатые дары. Писалъ Мазепа не отъ одного себя, но ото всей казацкой Земли, и хотя теперь казаки повидимому находятся въ подданствѣ московскомъ, однако съ нимъ, Мазепою, всѣ единомышленны. И тутъ Толстой писалъ: „Уповаю на Бога, что оный клятвопреступникъ, паче же богоотступникъ не можетъ при семъ Дворѣ предуспѣть злобными своими возмущеніями“. Мазепа писалъ и къ Юсуфъ-пашѣ Силистрійскому съ просьбою придти къ нимъ на помощь съ войскомъ; турецкаго пашу побуждалъ онъ не обѣщаніями, но стращалъ опасностями со стороны Москвы: „Узнаете, что Москва простираетъ свои замыслы не на одинъ Крымъ, но и на царство Оттоманское“. Но Юсуфъ-паша былъ задаренъ съ русской стороны собольимъ мѣхомъ въ тысячу рублей, и давалъ знать Портѣ, что шведскія дѣла въ дурномъ положеніи, притомъ же у Юсуфа съ Крымскимъ ханомъ была сильная вражда, и потому не могли они дѣйствовать дружно. Крымскій ханъ писалъ, что Запорожскіе казаки просятся въ его протекцію; Юсуфъ-паша доносилъ, что они поддались Шведскому королю; Толстой твердилъ, что они находятся въ подданствѣ царскомъ, кромѣ немногихъ прельщенныхъ Мазепою.—Порта не знала, кому и чему вѣрить.

Несмотря на равнодушіе Порты, Крымскій ханъ не переставалъ придумывать средства какъ нибудь столкнуть ее враждебно съ Россіею и добыть хотя что-нибудь изъ затруднительнаго положенія царя. Онъ писалъ Портѣ, что Татары не могутъ быть безопасны при существованіи крѣпости Каменнаго Затона, и что теперь самое благопріятное время потребовать отъ Москвы ея разоренія, съ угрозою, что въ случаѣ отказа ханъ присоединится къ Шведамъ со всею ордою. Но и эта попытка не удалась: ханъ получилъ указъ отъ султана не затѣвать ничего, что противно мирнымъ договорамъ съ Москвою. Придумано было еще средство, которое могло имѣть успѣхъ только въ Турціи. 10 іюля Толстой писалъ: „Приключились удивленія достойныя здѣсь вещи,—писали къ Портѣ изъ пограничныхъ мѣстъ паши, что царское величество изволилъ придти въ Азовъ будто для начатія войны съ Турками, и вооружилъ въ Азовѣ многіе бастименты съ великимъ поспѣшеніемъ и многіе воинскіе припасы приготовляютъ. Вѣдомости эти скоро здѣсь разгласились по всему Константинополю и такъ возмутили здѣшній народъ, что еслибъ подробно все доносить, мало было бы и цѣлой дести бумаги; кратко доношу, что многіе Турки отъ страха начали-было изъ Константинополя бѣжать въ Азію; по улицамъ и рынкамъ кричали, что флотъ морской московскій пришелъ уже во Ѳракійское гирло, и едва не вспыхнулъ бунтъ противъ султана и визиря, также противъ меня, потому что многіе Турки изъ поморскихъ мѣстъ съ Чернаго моря прибѣжали въ Константинополь съ женами и дѣтьми, покинувъ домы. Такъ какъ ихъ флота морская вся на Бѣломъ (Мраморномъ) морѣ, то съ необыкновенною скоростію начали вооружать торговые бастименты и малые галіоты, и послали на Бѣлое море за Капитанъ-пашою, чтобъ немедленно возвратился съ флотомъ въ Константинополь. Потомъ мало-по-малу все усмирилось, и я, повидавшись съ визиремъ, увѣрилъ его, что всѣ эти вѣдомости ложныя“ [1].

Въ Константинополѣ боялись, что Петръ пріѣхалъ въ Азовъ для начатія войны съ Турками; а Петръ спѣшилъ въ Воронежъ и Азовъ изъ опасенія, что Турки воспользуются впаденіемъ Карла въ Малороссію и объявятъ войну. Еще изъ Глухова царь писалъ адмиралу Апраксину, чтобъ ѣхалъ поскорѣе въ Воронежъ, „понеже тамъ не малая нужда есть, а именно: въ отправленіи въ Азовъ провіанту, денегъ и прочее; а мы такожъ скоро пойдемъ на время на Воронежъ“ [2]. Послѣ описаннаго движенія арміи къ Гадячу и занятія Роменъ Петръ отправился изъ Лебедина въ Сумы, гдѣ и встрѣтилъ новый 1709 годъ. Этотъ годъ, который долженъ былъ озарить его такою славою, начался несчастливо. Карлъ хотѣлъ отомстить за прогулку подъ Гадячъ, во время которой погибло столько солдатъ отъ мороза, за потерю Роменъ, и двинулся къ Веприку, гдѣ было 1,500 человѣкъ русскаго гарнизона; крѣпость была слишкомъ обширна для такого гарнизона, валъ безъ бастіоновъ, ровъ мелкій, занесенный снѣгомъ; несмотря на то, Русскіе отбили три приступа и сдались (6 января), когда уже не стало пороха; Шведы потеряли подъ городомъ 46 офицеровъ и болѣе 1,000 рядовыхъ [3]. 22 января царь писалъ изъ Сумъ къ Меншикову въ Лебединъ: „Зѣло нужно чрезъ добрыхъ шпиговъ (къ чему лучше нѣтъ поповъ) провѣдать, намѣряютъ ли непріятели маршировать“ [4]. Шпиги (шпіоны) донесли, что непріятели маршируютъ къ югу по дорогѣ къ Красному Куту. По этой вѣсти Меншиковъ немедленнно выступилъ съ драгунскими полками изъ Лебедина въ Ахтырку. Царь писалъ къ нему 30 января: „Я бы вчерась въ Ахтырку поѣхалъ, но остался для болѣзни сына моего, которому сегодня есть мало лучше“ [1]. Чрезъ нѣсколько дней Петръ былъ уже въ Ахтыркѣ. Нападеніе Карла на генерала Ренне было отражено съ урономъ для Шведовъ; Карлъ остановился въ Опошнѣ; скотъ и провіантъ, который Шведы набрали по дорогѣ, былъ отбитъ Русскими. О дальнѣйшихъ движеніяхъ Карла приходили вѣсти, что идетъ къ Днѣпру; но были также слухи, что пойдетъ къ Воронежу. Петръ, оставя Меншикова въ Ахтыркѣ, выѣхалъ въ Бѣлгородъ, откуда писалъ адмиралу Апраксину: „Я предъ симъ уже писалъ о непріятельскомъ намѣреніи къ Воронежу; хотя и теперь то неимовѣрно, но паки отъ взятыхъ (плѣнныхъ) подтверждается;— для того изволь о спускѣ кораблей тщаніе приложить, а наипаче чтобъ хлѣбъ, хотя не скоро, только-бъ перевезенъ былъ. Паки возвѣщаю, что хотя чаю, что сіе обманъ есть, однакожъ, что опаснѣе (осторожнѣе), то лучше. Хотя я чаю скоро къ вамъ быть, однакожъ дабы ни минуты дѣла остановки не имѣли“ [2]. Изъ Бѣлгорода Петръ уѣхалъ въ Воронежъ, откуда писалъ Меншикову 17 февраля: „Слава Богу, все здѣсь добро поводится и зѣло нуженъ мой пріѣздъ былъ сюды, ибо кумпанскіе корабли, которые уже трижды передѣлывали безъ меня, оные ни десятой доли того не стоятъ. А нынѣ положили ихъ разбить, а надобные, слава Богу, въ добромъ порядкѣ обрѣтаются“ [3].

---

[1] Москов. архивъ Мин. Ин. Д., дѣла Турецкія.

[2] Голикова—Дѣянія XI, стр. 454.

[3] Гисторія Свейской войны.

[4] Письма Петра В. къ Меншикову въ Москов. архивѣ Мин. Ин. Д.

Между тѣмъ Шереметевъ отправилъ генерала Бема на мѣстечко Рашевко (между Гадячемъ и Глинскимъ), занятое Шведами; мѣстечко было взято, шведскій отрядъ истребленъ, начальникъ его взятъ въ плѣнъ, взято также 2,000 лошадей; но этотъ успѣхъ дорого стоилъ Русскимъ, которые, между прочимъ, потеряли майора гвардіи Бартенева. Послѣ этого Шереметевъ доносилъ царю 20 февраля: „Какъ я перебрался рѣку Сулу въ 17 числѣ отъ Лохвицъ въ двухъ миляхъ съ немалою трудностію, также рѣки отъ теплоты зѣло стали слабы,—тогда шведскій генералъ-майоръ Крейцъ, увѣдомився о нашемъ войскѣ, изъ Лохвицъ въ полночь противъ 18 числа выступивъ, перебрался за Сулу. И нынѣ съ своимъ деташементомъ остановился въ Лохвицѣ для успокоенія нѣкотораго времени людямъ и лошадямъ, а хотябъ и шелъ, ничего непріятелю не учинилъ, токмобъ людей и лошадей привелъ въ худое состояніе, того ради, что непріятелю нынѣшнее время разлитіе водъ и дефилеи къ дефенсіи служатъ“ [4]. Петръ былъ очень недоволенъ и писалъ Меншикову: „Чтожъ о Лохвицкомъ дѣлѣ, и то кромѣ печали мнѣ не принесло, какъ для смерти господина Бартенева, такъ отъ бездѣльныхъ, наипаче торопкихъ поступокъ фельдмаршала“ [5]. Не дѣлая никакихъ выговоровъ фельдмаршалу, Петръ взялъ у него изъ-подъ команды Преображенскій полкъ и отдалъ Меншикову. Шереметевъ, по этому поводу, писалъ царю: „Мимо меня указъ вашъ къ майору Глѣбову повелѣваетъ, чтобъ съ полкомъ Преображенскимъ лейбъ-гвардіи идти отсюда къ г. генералу князю Меншикову подъ команду, изъ чего признаваю вашъ царскаго величества гнѣвъ, токмо за какое мое преступленіе предъ вашимъ величествомъ—не свѣдомъ. И служу вашему величеству истиннымъ чистымъ намѣреніемъ, и сколько моей силы и знанія есть и какъ мнѣ явиться предъ лицомъ Божіимъ. А Преображенскіе два баталіона посыланы на (Рашевку) для того, чтобъ скорѣе могли къ тому мѣсту, Рашевкѣ, прибыть, и изъ того-бъ мѣста непріятель не ушелъ, которое дѣло, при помощи Божіей, счастливо получено, а кавалеріею одною такого поиска учинить было невозможно, понеже вашему величеству извѣстно, коликое число въ тѣхъ десяти полкахъ добрыхъ и худоконныхъ съ рекруты обрѣтается. И ежели-бъ послать пѣхоту, тогда-бъ за такимъ неспособнымъ путемъ и за нескорымъ прибытіемъ надъ непріятелемъ въ Рашевкѣ поиску не могли учинить. И исполнялъ я вашу волю съ чистымъ намѣреніемъ и охотно, и прошу вашего царскаго величества, моего премилостивѣйшаго государя, всенижайше, дабы мнѣ въ старости своей съ печали безвременно не умереть, и мнѣ объявить, какое мое предъ вашимъ величествомъ преступленіе? или повели къ себѣ быть. А что майоръ Бартеневъ умеръ, въ томъ воля Божія: рана была легкая“.

Петръ былъ недоволенъ дѣйствіями Шереметева; но очень доволенъ былъ онъ окончаніемъ дѣла съ Запорожцами. Мы видѣли, какъ Мазепа былъ опечаленъ взятіемъ Батурина, какія дурныя послѣдствія предвидѣлъ для своего дѣла отъ этого удара. Опасенія его день ото дня все болѣе и болѣе оправдывались; Малороссія не поднималась противъ царя; Турція также не трогалась, и положеніе Карла становилось все затруднительнѣе. При такихъ обстоятельствахъ, еще въ концѣ 1708 года Мазепа рѣшился войти въ сношенія съ царемъ. Къ русскимъ войскамъ явился одинъ изъ главныхъ недоброжелателей царскихъ, убѣжавшій вмѣстѣ съ Мазепою къ Шведамъ, Миргородскій полковникъ Данила Апостолъ; представленный царю, онъ объявилъ словесно, что Мазепа обѣщаетъ предать въ царскія руки короля Карла и шведскихъ генераловъ, если Петръ возвратитъ ему гетманское достоинство и удостовѣритъ въ своей милости при ручательствѣ извѣстныхъ европейскихъ Дворовъ. Петръ сначала не повѣрилъ Апостолу, но потомъ велѣлъ своимъ министрамъ, Головкину съ товарищи, войти съ нимъ въ соглашеніе. Министры соглашались на предложенія Мазепы, но представляли трудность относительно гарантіи иностранныхъ Дворовъ; когда же Апостолъ объявилъ, что безъ этого условія Мазепа никакъ не примется за дѣло, то согласились и на гарантію. Мазепа, не получая никакого извѣстія отъ Апостола, прислалъ къ нему сначала цирюльника, служившаго у Войнаровскаго, а потомъ пріѣхалъ компанейскій полковникъ Галаганъ съ тѣми же предложеніями. Это совершенно убѣдило царя и министровъ, что Апостолъ говорилъ правду, и не только было ему позволено отписать Мазепѣ, что предложеніе его принято, но и самъ Головкинъ написалъ бывшему гетману 22 декабря: „Доношеніе ваше чрезъ г. полковника Миргородскаго его царскому величеству донесено, который, видя ваше доброе намѣреніе и обращеніе, принялъ то милостиво и повелѣлъ мнѣ къ вамъ писать съ крѣпчайшимъ обнадеживаніемъ, что ежели вы въ томъ пребывати и начатое намѣреніе свое къ исполненію привести потрудитесь, то не токмо что вашу милость въ прежній урядъ и въ свою милость принять, но оную къ вамъ и умножить изволитъ, и на тѣ кондиціи, чрезъ помянутаго г. полковника предложенныя, соизволилъ, и гарантеровъ желанныхъ отъ васъ для содержанія той амнистіи пріемлетъ, хотя бы въ томъ и не безъ трудности было, только надлежитъ вашей милости постараться, дабы о извѣстной главнѣйшей особѣ по предложенію своему безопаснѣйшимъ образомъ постараться; буде же о самой той особѣ и невозможно, то хотя-бъ о прочихъ знатнѣйшихъ то учинить по предложенію“.

---

[1] Письма Петра В. къ Меншикову въ Москов. архивѣ Мин. Ин. Д.

[2] Голикова -Дѣянія XI, стр. 497.

[3] Письма Петра В. къ Меншикову въ Москов. архивѣ Мин. Ин. Д

[4] Гисторія Свейской войны; печатныя письма Шереметева.

[5] Письма Петра В. къ Меншикову въ Москов. архивѣ Мин. Ин. Д

Сношенія эти не имѣли послѣдствія: Апостолъ и Галаганъ остались при царскомъ войскѣ, и первый разсказывалъ, что Мазепа и Карлъ писали къ Лещинскому, приглашая его съ войскомъ въ Малороссію; что Мазепа показывалъ убѣжавшимъ съ нимъ полковникамъ и старшинѣ привилегію Лещинскаго, по которой Малороссія присоединялась къ Польшѣ на одинакихъ правахъ съ послѣдней и съ Литвою; что, по прибытіи въ Малороссію Лещинскаго и шведскаго корпуса подъ начальствомъ генерала Крассова, Карлъ оставитъ ихъ съ Мазепою въ Украйнѣ, а самъ пойдетъ въ Москву: что у Мазепы уже заготовлена грамота къ Силистрійскому пашѣ. Одно письмо Мазепы къ Лещинскому, именно отъ 5 декабря 1708 года, было перехвачено Русскими; письмо написано тогдашнимъ моднымъ, полупольскимъ и полулатинскимъ языкомъ. Мазепа адресуетъ листъ королевской милости съ выраженіемъ подданской субъекціи; пишетъ, что въ первомъ письмѣ просилъ, по сердечному желанію всей Украйны, чтобъ король двигнулъ побѣдоносную руку для спасенія своего наслѣдственнаго достоянія; также повторяетъ и теперь, чтобы, по счастливомъ и скоромъ прибытіи Лещинскаго, они могли соединеннымъ оружіемъ и соединенными душами усыпить въ травѣ дракона непріятельскаго московскаго предпріятія, особенно теперь, когда Москва начала своими грамотами поджигать простой народъ и поднимать междоусобную войну; эти искорки надобно гасить, чтобъ отъ нихъ не было пожара, для чего они, Мазепа съ товарищи, какъ отцы въ адѣ, ожидаютъ пришествія короля, своего спасителя, котораго храбрую руку Мазепа цѣлуетъ тысячью поцѣлуевъ и остается вѣрнымъ подданнымъ и слугою наинижшимъ [1]).

Петръ воспользовался этимъ письмомъ, и 28 января 1709 года разослалъ грамоту по Малороссіи: „Мы вамъ доказывали“, писалъ царь, „что богоотступникъ призвалъ Шведа въ Украйну для порабощенія ея подъ древнее ярмо польское и для приведенія церквей Божіихъ въ унію, хотя оный въ пашквиляхъ своихъ клялся, будто сдѣлалъ это для общей пользы народа Малороссійскаго, который будетъ совершенно независимъ и отъ насъ, и отъ Польши; но теперь его богомерзкая ложь объявилась: онъ называетъ себя вѣрнымъ подданнымъ Лещинскаго, а Украйну его наслѣдіемъ. Намъ отъ важныхъ особъ извѣстно, что онъ уже получилъ отъ Лещинскаго воеводство въ Польшѣ и титулъ княженія Сѣверскаго. А какою безбожною злобою дышетъ измѣнникъ къ Малороссійскому народу духовнаго и мірскаго чина, видно изъ слѣдующаго: пойманъ шпигъ, который въ розыскѣ объявилъ, будто посланъ отъ Мазепы съ письмомъ къ архіепископу Черниговскому, къ глуховскимъ сотнику и атаману и къ князю Четвертинскому, и будто письма имъ уже отдалъ; но съ пытки объявилъ, что посланъ нарочно Мазепою въ Глуховъ, обѣщаны ему деньги и велѣно, если будетъ пойманъ, сказать нарочно, будто отдалъ письма означеннымъ лицамъ, чтобъ привести ихъ въ нашу немилость“ [2]).

Украйна не хотѣла быть наслѣдіемъ Лещинскаго; одни только Запорожцы пошли вслѣдъ Мазепы. Въ Запорожьи, благодаря Каменному Затону, нагорѣла вражда къ Москвѣ; вражда эта могла быть потушена не обѣщаніемъ лишняго жалованья, а срытіемъ Каменнаго Затона и самарскихъ крѣпостей. чего не могъ сдѣлать царь въ угоду казакамъ. Мы видѣли грамоту, которую Петръ послалъ въ Запорожье послѣ измѣны Мазепы. Грамоту повезли стольники Кисленскій и Теплицкій; вмѣстѣ съ грамотою повезли деньги—12,000 рублей на войско, 500 червонныхъ кошевому, старшинѣ 2,000 рублей; съ стольниками поѣхалъ отъ новаго гетмана лубенскій сотникъ Савичъ; для увѣщаній отъ имени митрополита и всего духовенства отправился іеромонахъ Иродіонъ Жураковскій. Такое торжественное посольство было принято вовсе не торжественно: взявши деньги, Запорожцы начали безчестить посланниковъ,—одного изъ нихъ хотѣли посадить въ воду, іеромонаха называли шпіономъ и хвалились сжечь его въ смоляной бочкѣ; въ отвѣтной грамотѣ не пощадили и царя, требовали, чтобъ въ малороссійскихъ городахъ полковниковъ не было, была бы вольница, какъ въ Сѣчи; чтобъ по рѣкамъ Пселу и Ворсклѣ мельницы и Переволоченскій перевозъ были въ запорожскомъ владѣніи; чтобъ самарскимъ городкамъ и Каменному Затону не быть. Скоро послѣ того перехвачена была грамота Запорожцевъ къ Мазепѣ. Низовое войско просило, чтобъ присланы были къ нимъ на кошъ уполномоченные отъ короля Шведскаго и Польскаго и отъ него, Мазепы, для заключенія договоровъ, за кѣмъ имъ быть, а для разоренія Каменнаго Затона чтобъ присланы были войска, и, какъ только эта крѣпость будетъ разорена, Запорожцы поспѣшатъ къ Шведамъ на помощь противъ московскихъ войскъ. Бунчужный товарищъ Чернякъ, отправленный Скоропадскимъ къ Крымскому хану для извѣщенія объ избраніи новаго гетмана, былъ задержанъ въ Сѣчи: на радѣ кошевой Гордѣенко билъ его до полусмерти и отослалъ къ Мазепѣ [1]. Чигиринскій сотникъ Невѣнчанный убилъ посланнаго къ нему отъ гетмана Скоропадскаго и ушелъ въ Запорожье.

---

[1]) Москов. архивъ Мин. Ин. Д., дѣла Малороссійскія.
[2]) Голикова—Дѣянія XI, стр. 473.

Въ началѣ 1709 года Запорожцы куда-то начали собираться. 20 января царь писалъ изъ Сумъ къ Меншикову: „Вчерашняго дня получили мы подлинную вѣдомость, что Запорожцы конные пришли уже давно и кошеваго ждутъ съ пѣхотою вскорѣ; а сей сборъ ихъ только 5 верстъ отъ Богородицкаго, и опасно, чтобъ чего надъ онымъ не учинили, также дабы воровствомъ кошеваго и судьи не заведены были чрезъ Переволочну близъ Шведовъ (какъ и Мазепа сдѣлалъ); того ради зѣло потребно, дабы Ингермоландской полкъ въ удобномъ мѣстѣ поставить, и на сей ихъ походъ око имѣть; также, буде возможно, въ Богородицкой людей прибавить“. Гетманъ Скоропадскій совѣтовалъ постараться, чтобъ какъ-нибудь смѣнить подозрительнаго кошеваго, и Петръ написалъ 18 февраля Меншикову изъ Воронежа: „Что о Запорожцахъ надлежитъ, и то гетманъ совѣтуетъ, чтобъ перемѣнить кошеваго; и то зѣло добро, и всегда мы то говорили, что надобно, и какъ оное сдѣлать, того способу искать надлежитъ, которое мню чрезъ бы миргородскаго (Апостола) и деньги могло статься; къ томужъ неотложно извольте полка два или больши, взявъ изъ гварнизоновъ, послать въ Каменной Затонъ съ добрымъ командиромъ“ [2]. Царь приказывалъ не жалѣть денегъ для сверженія кошеваго, „хотябъ и не малое что дать“ [3]. Написали къ Апостолу, чтобъ выбралъ изъ своего полка добрыхъ казаковъ и, удовольствовавъ ихъ, послалъ въ Запорожье въ разные курени: пусть тамъ постараются свергнуть кошеваго и судью и во всѣхъ противникахъ диверсію учинить. Отправлены были въ Сѣчь съ деньгами казаки, бывшіе прежде кошевыми, чтобъ объявили публично въ радѣ и по всѣмъ куренямъ, что кошевой и судья присягнули Мазепѣ за деньги. Послѣ измѣны Мазепы Палѣй былъ возвращенъ изъ Сибири и жилъ въ Москвѣ; теперь придумали, что не лучше ли его привезти въ Сѣвскъ или въ другія ближайшія къ Украйнѣ мѣста, „понеже оный въ такихъ легкомысленныхъ имѣетъ любовь и не малый кредитъ“ [4]. Петръ все еще надѣялся, что можно подѣйствовать на Запорожцевъ увѣщаніями, и потому писалъ Меншикову изъ Воронежа 1-го марта, чтобъ надъ полками, посылаемыми въ Каменный Затонъ, „учинить командира изъ бригадировъ кто поумнѣе, ибо тамъ не все шпагою, но и ртомъ дѣйствовать надлежитъ, а кого—то полагаюсь на васъ; пункты посылаю при семъ, токмо едина матерія суть, чтобъ смотрѣть и учинить Запорожцевъ добромъ по самой крайней возможности; буде же оные явно себя покажутъ противными и добромъ сладить будетъ невозможно, то дѣлать съ оными, яко съ измѣнниками“.

Исполнилось второе. 11 марта кошевой съ 1,000 Запорожцевъ и девятью пушками явился у Переволочны и далъ знать о своемъ приходѣ тамошнему полковнику Нестулею. Нестулей пріѣхалъ съ 500 конныхъ казаковъ для рады. 1 числа пріѣхалъ отъ Мазепы съ письмами Чуткѣевичъ и Мокѣевичъ, и 13 числа созвана была рада: читали письма Мазепы, въ которыхъ старый гетманъ объявлялъ, что царь хочетъ весь народъ Малороссійскій загнать за Волгу; что московскія войска разоряютъ Украйну пуще Шведа. Раздались крики: „Быть на Мазепиной сторонѣ!“—и полковникъ Нестулей и всѣ Запорожцы объявили себя на сторонѣ Мазепы. Положено было дѣйствовать противъ царскихъ войскъ. Кошевой напалъ нечаянно ночью на русскій отрядъ, стоявшій въ мѣстечкѣ Царичевкѣ, былъ отраженъ съ урономъ, но успѣлъ захватить въ плѣнъ нѣсколько русскихъ солдатъ и съ торжествомъ привелъ ихъ къ королю, стоявшему тогда въ мѣстечкѣ Будищахъ [5]. Извѣстіе объ этомъ сильно встревожило Петра въ Воронежѣ; онъ писалъ Меншикову 4 марта: „Запорожцы, а паче дьяволъ кошевой уже явной воръ и зѣло опасно Богородицкаго, не для города, а для артиллеріи и аммуниціи, которой зѣло много, а людей мало. Того ради зѣло потребно, дабы одинъ конной полкъ послать въ Богородицкой, и велѣть бы оному тамъ побыть, пока изъ Кіева три полка будутъ въ Каменный Затонъ, изъ которыхъ велѣть сотъ пять водою отправить въ Богородицкой на перемѣну сему конному“ [6].

Но Запорожцы пользовались всегда сочувствіемъ въ низшемъ слою Украинскаго народа, особенно поюжнѣе, куда именно двигались Шведы; примѣръ Запорожья и теперь могъ быть заразителенъ, и Петръ пишетъ Меншикову, чтобъ онъ оставался въ Украйнѣ, не ѣздилъ къ нему въ Воронежъ. „Ежели вы не въ пути, то лучшебъ еще немного тамъ для Запорожскаго дѣла задержались, а сіе дѣло, самъ ты знаешь, что не изъ послѣднихъ; я уже три письма писалъ до г. фельдмаршала, чтобъ онъ подался къ Переволочнѣ для сего дѣла, притомъ же совѣтую и вамъ, буде невозможно всѣми, хотябъ частью позадь Полтавы протянуться для сего-жъ дѣла“ [1]. Опасенія Петра оправдались. Одинъ изъ его министровъ, князь Григорій Ѳед. Долгорукій, находившійся теперь вмѣстѣ съ гетманомъ Скоропадскимъ, писалъ ему 3 апрѣля: „Воръ кошевой ядъ свой злой еще продолжаетъ: на другую сторону за Днѣпръ непрестанно прелестно пишетъ, дабы побивали свою старшину, а сами-бъ до него за Днѣпръ переходили, что уже такая каналія тамъ за Днѣпромъ купами сбирается и разбиваетъ пасеки“. Запорожцы были побиты въ схваткѣ съ отрядомъ полковника Болтина; также запорожскій отрядъ потерпѣлъ сильное пораженіе вмѣстѣ съ Шведами у мѣстечка Сокольна отъ генерала Ренне; за отсутствіемъ Гордѣенки въ Сѣчи выбрали въ кошевые Сорочинскаго, и Петръ писалъ Меншикову: „Мы зѣло порадовались, что Господь Богъ въ началѣ сей кампаніи такимъ счастіемъ благословилъ, наипаче тому я радъ, что проклятые воры (Запорожцы) сами видѣли, что Шведовъ разбили, отъ чего принуждены будутъ разбѣжаться; а что кошевымъ выбрали Сорочинскаго,—онъ добрый человѣкъ, я его самъ знаю“ [2]. Но Петръ ошибся въ добротѣ Сорочинскаго; перемѣна кошеваго не повела ни къ какой перемѣнѣ въ Запорожьи относительно царя, и царь послалъ Меншикову указъ взять и разорить Сѣчь.

---

[1] Пол. Собр. Зак, № 2233; письма кн. Дм. Мих. Голицына къ Головкину въ Москов. архивѣ Мин. Ин. Д.

[2] Письма Петра В. къ Меншикову въ Москов. архивѣ Мин. Ин. Д.

[3] Голикова—Дѣянія XI, стр. 500.

[4] Кабинетъ II, № 9.

[5] Письма Шереметева печатныя.

[6] Письма Петра В. къ Меншикову въ Москов. архивѣ Мин. Ин. Д.

Назначенные къ Запорожью полки сѣли на суда въ Кіевѣ, подъ начальствомъ полковника Яковлева. У Переволочны Яковлевъ встрѣтилъ нѣсколько тысячъ Запорожцевъ и послалъ къ нимъ съ требованіемъ, чтобъ вины свои великому государю принесли; но казаки, соединясь съ переволочинскими жителями, вышли на бой, и Яковлевъ принужденъ былъ доставать ихъ штурмомъ, съ урономъ своихъ войскъ. У обоихъ Кодаковъ встрѣчено было такъ-же сопротивленіе [3]. 11 мая Яковлевъ подошелъ къ Сѣчи; сначала искалъ онъ всякимъ добрымъ способомъ чрезъ письма и пересылки склонить воровъ къ сторонѣ государевой; Запорожцы какъ будто обнаруживали склонность, но это была только хитрость: они хотѣли продлить время. Потерявъ терпѣніе и зная, что Сорочинскій поѣхалъ за ордою, Яковлевъ рѣшился добыть Сѣчь оружіемъ. Съ сухаго пути приступа не было; вода со всѣхъ сторонъ облила крѣпость. 14 мая солдаты подплыли на лодкахъ, но, при нападеніи на крѣпость, встрѣтили отчаянное сопротивленіе и должны были отступить, потерявши до 300 человѣкъ убитыми, въ томъ числѣ полковника Урна; много офицеровъ было переранено; плѣнники, взятые Запорожцами, были „срамно и тирански“ умерщвлены. Но въ тотъ же день показалось вдали какое-то войско; Запорожцы подумали, что это къ нимъ идетъ Крымская орда на помощь и вышли-было на вылазку, но жестоко обманулись: пришли на помощь къ Яковлеву драгуны отъ генерала князя Волконскаго съ полковникомъ Галаганомъ. Запорожцы, увидавъ свою ошибку, замѣшались; тутъ осаждающіе устремились на нихъ, ворвались въ Сѣчь и овладѣли ею. Большая часть казаковъ погибли въ схваткѣ, немногимъ удалось уйти; плѣнныхъ взято съ 300 человѣкъ, пушекъ и аммуниціи взято много. „Знатнѣйшихъ воровъ“, доносилъ Меншиковъ, „велѣлъ я удержать, а прочихъ казнить, и надъ Сѣчью прежній указъ исполнить, также и всѣ ихъ мѣста разорить, дабы оное измѣнническое гнѣздо весьма выкоренить“ [4].

„Сего дня“, отвѣчалъ Петръ 23 мая, „получили мы отъ васъ письмо о разореніи проклятаго мѣста, которое корень злу и надежда непріятелю была, что мы, съ превеликою радостію услышавъ, Господу отмстителю злымъ. благодарили съ стрѣльбою, и вамъ за оное премного благодарствуемъ, ибо сіе дѣло изъ первыхъ есть, котораго опасаться надлежало было. Что же пишете о деташементѣ полковника Яковлева, чтобъ оному быть въ арміи, и то добро, только надлежитъ изъ онаго оставить отъ семи до пяти сотъ человѣкъ пѣхоты, и отъ пяти до шести сотъ конницы въ Каменномъ Затонѣ, дабы того смотрѣли, чтобъ опять то мѣсто отъ такихъ же не населилось, такожъ которые въ степь ушли, паки не возвратились, или гдѣ индѣ не почали собираться; для чего ежели комендантъ на Каменномъ Затонѣ плохъ, то-бъ изъ офицеровъ добраго тамъ въ его мѣсто оставить, а прочимъ быть въ армію“ [5].

Было еще одно мѣсто въ Малороссіи, на которое правительство смотрѣло подозрительно. Въ началѣ 1709 года Головкинъ писалъ Кіевскому губернатору, князю Дм. Мих. Голицыну: чтобъ выслалъ за рубежъ студентовъ изъ Поляковъ (т.-е. Русскихъ родомъ изъ Польскихъ владѣній), находящихся въ кіевскомъ Братскомъ монастырѣ; чтобъ далъ знать, сколько останется студентовъ изъ Малороссіянъ, сколько монаховъ изъ Поляковъ, и нѣтъ ли въ нихъ какого подозрѣнія. Голицынъ отвѣчалъ (15 февраля), что „выслалъ изъ Кіева всѣхъ студентовъ родомъ изъ Литвы и Польши; студентовъ изъ Малороссіянъ осталось 161 человѣкъ; монаховъ въ Братскомъ монастырѣ 30 человѣкъ, и изъ нихъ Малороссіянъ только человѣкъ пять, а то все изъ-за границы Польской; но иные съ младенчества живутъ въ Кіевѣ; узнать, нѣтъ ли въ комъ изъ монаховъ подозрѣнія—трудно, потому что монахи всѣ насъ чуждаются; во всемъ Кіевѣ нашелъ я только одного человѣка, именно изъ Братскаго монастыря префекта, который къ намъ снисходителенъ" [1]) Этотъ префектъ былъ знаменитый впослѣдствіи Ѳеофанъ Прокоповичъ; не предчувствовалъ князь Димитрій, въ какихъ отношеніяхъ будетъ находиться послѣ къ этому снисходительному префекту!

---

[1] Письма Петра В. къ Меншикову въ Москов. архивѣ Мин. Ин. Д. отъ 13 марта.

[2] Кабинетъ II, кн. № 9; письма Петра В. къ Меншикову въ Москов. архивѣ Мин. Ин. Д.

[3] Пол. Собр. Зак. № 2233.

[4] Кабинетъ II, кн. № 9.

[5] Письма Петра В. къ Меншикову въ Москов. архивѣ Мин. Ин. Д.

Въ Кіевѣ и всюду по Украйнѣ было тихо. Сѣчь лежала въ развалинахъ, Турки и Татары не двигались, о Полякахъ не было слышно; все какъ будто притаило дыханіе, дожидаясь, чѣмъ разыграется кровавая игра между Петромъ и Карломъ. Въ апрѣлѣ, съ дороги изъ Воронежа въ Азовъ, Петръ писалъ Меншикову въ Ахтырку: „Чтобъ вы дали знать, сколь скоро можете въ поле съ квартиръ выйтить, чтобъ я могъ потому житье свое въ Азовѣ расположить, а паче для лѣченья". Въ началѣ мая писалъ изъ Троицкаго: „Я съ перваго числа сего мѣсяца началъ принимать лѣкарство, которое зѣло сильно дѣйствуетъ, понеже здѣшній воздухъ жаркой оному помогаетъ, и неисходенъ пребывать буду изъ дому до десятаго числа, и чаю, съ помощію Божіею, къ 15 числу сего мѣсяца изъ лѣкарства вытить и готову быть къ вамъ ѣхать". Въ другомъ письмѣ: „Лѣкарство мое зѣло дѣйствуетъ, только я отъ него какъ ребенокъ безъ силы сталъ". Въ третьемъ: „Не чаю ранѣе двадесятаго быть къ вамъ, самъ слабъ, и лошади подъ батальонъ ранѣе 20 дней не будутъ" [2])

Между тѣмъ, въ началѣ же мая непріятель формально атаковалъ Полтаву и нѣсколько разъ жестоко къ ней приступалъ, но постоянно былъ отражаемъ съ большимъ урономъ. Въ военномъ совѣтѣ у Меншикова рѣшили „учинить диверсію". 7 мая, на разсвѣтѣ, пѣхота Меншикова перешла Ворсклу черезъ мосты, а конница черезъ болото и рѣку вплавь, съ одпѣми шпагами приступили къ непріятельскому ретраншементу и выбили изъ него Шведовъ, взявши въ плѣнъ шестерыхъ офицеровъ и 300 рядовыхъ и потерявши своихъ 600 человѣкъ [3]). Петръ писалъ Меншикову 15 мая: „Что о Полтавѣ, и то нынѣ подтверждаю, что лучше-бъ вамъ къ оному городу приступить (чрезъ рѣку отъ непріятеля) со всѣми и помочь городу чинить (понеже сіе мѣсто зѣло нужно) куды надлежитъ, и фельдмаршалу быть, и сіе (сколько я могу разумѣть) кажется изъ лучшихъ не послѣднее дѣло; впрочемъ, яко заочно, полагаюсь на ваше разсужденіе" [4]). Меншиковъ уже расположился подъ Полтавою со всѣми своими полками, и 19 мая писалъ Петру: „О здѣшнемъ состояніи доношу, что третьяго-дня былъ у насъ въ шанцахъ при линіи нашей съ непріятелемъ не малый ранконтръ, и какъ непріятель работѣ нашей помѣшку чинить хотѣлъ, выслана отъ насъ партія гранадеровъ, и въ самое же то время учинили вылазку изъ города наши подъ командою бригадира Головина въ 400 человѣкъ, и, нападши на непріятеля съ другой стороны, двѣ роты на мѣстѣ порубили, а прочихъ въ конфузію великую привели. Онъ же, господинъ бригадиръ, поступивъ чрезъ мѣру горячо, далѣ поступалъ, лошадь подъ нимъ убили и его въ неволю взяли, другіе ретировались въ городъ; наши потеряли 100 человѣкъ, а непріятеля многое число пропало и шанцы непріятельскіе вырублены; мы же отъ посту нашего ни малой пяди не отступили, но непрестанно пушечною стрѣльбою чрезъ многіе часы непріятеля утѣсняли, что нынѣ гораздо усмирился и уже другой день мало какой промыслъ надъ городомъ чинитъ. Вчерашняго дня легкая наша партія, перебрався на другую сторону (Ворсклы), лошадей непріятельскихъ около 1,000 загнали, и другая партія нынѣ около 100 лошадей и людей генерала Круза забрали. Мы повседневно чинили здѣсь непріятелю диверсію; но желаю къ тому скораго къ намъ прибытія вашей милости; то истинно и наче лучшаго счастія надѣемся, ибо ко всему знатная прибудетъ резолюція; баталіи давать елико можно оберегаемся, а понеже непріятель со всею силою противъ насъ собрался, и я по вашему указу послалъ къ Шереметеву, чтобъ, оставя Волконскаго съ тремя полками при гетманѣ, къ намъ поспѣшалъ, такожъ Долгорукову (Вас. Владим.) вмѣсто Каменнаго Затона велѣлъ сюда идти". 28 мая Меншиковъ писалъ: „Прошлой ночи мы заложили послѣдній шанецъ къ самымъ непріятельскимъ по самую рѣку апрошамъ. Полтавская крѣпость въ зѣло доброй содержитъ себя дефензіи и никакого ущерба отъ дѣйства непріятельскаго еще не обрѣтается" [5]).

27 мая Петръ выѣхалъ изъ Азова въ армію къ Полтавѣ, черезъ степь на Харьковъ, и отсюда писалъ Меншикову 31 мая: „Я сего часу сюды прибылъ, и какъ возможно поспѣшать буду, однако понеже въ нужномъ дѣлѣ и часъ потерять нужной бываетъ худо, для того, ежели что надлежитъ нужно, и не дожидаясь меня, съ помощію Божіею, дѣлайте" [6]). Но Меншиковъ дожидался. 4 іюня пріѣхалъ Петръ къ арміи, и 7 числа писалъ Апраксину: „Получили мы отъ васъ еще письмо и пункты, но нынѣ вскорѣ отвѣтствовать не можемъ, понеже сошлися близко съ сосѣдьми и, съ помощію Божіею, будемъ конечно въ семъ мѣсяцѣ главное дѣло съ оными имѣть" [7]).

Наконецъ Петръ не отступалъ, наконецъ онъ сталъ говорить о необходимости „главнаго дѣла" съ Шведами, съ Карломъ XII! Только небольшая рѣка отдѣляла его отъ нарвскихъ побѣдителей. Но это уже не были Шведы 1700 и 1707 года: это было войско страшно истомленное, упалое духомъ; Карлъ не проигралъ ни одной битвы; попрежнему могъ считаться непобѣдимымъ, и между тѣмъ у него не было уже половины того блестящаго войска, съ которымъ онъ перешелъ Вислу въ 1707 году, и въ 1709 году первый министръ короля, графъ Пиперъ, писалъ своей женѣ въ Швецію: „Походъ такъ тяжекъ и наше положеніе такъ печально, что нельзя описать такого великаго бѣдствія и никакъ нельзя повѣрить ему“. Жажда мира и возвращенія на родину усиливалась со дня на день. Дисциплина ослабѣла: солдаты начали оказывать явное непослушаніе офицерамъ, когда тѣ требовали отъ нихъ новыхъ трудовъ, приказывали идти на новыя опасности. Карлъ попрежнему искалъ опасностей, попрежнему хладнокровно подставлялъ свою голову подъ непріятельскія пули; но теперь солдаты, вмѣсто того, чтобъ ободряться этимъ, говорили: „Онъ ищетъ смерти, потому что видитъ дурной конецъ“. Генералы говорили, что надобно непремѣнно перейти Днѣпръ и войти снова въ Польшу. Пиперъ донесъ королю объ этомъ требованіи генераловъ, представилъ какъ необходимо удовлетворить ему, какъ необходимо подкрѣпить армію соединеніемъ съ Лещинскимъ и съ шведскимъ корпусомъ Крассова, оставленнымъ въ Польшѣ. Но Карлъ не хотѣлъ и слышать о переходѣ чрезъ Днѣпръ: „Этотъ переходъ“, отвѣчалъ онъ, „будетъ похожъ на бѣгство и только придастъ духу непріятелю“. Вмѣсто того, чтобъ двинуться на западъ, онъ двинулся на югъ, къ Полтавѣ, ближе къ степи, къ Запорожью, къ границамъ турецкимъ и татарскимъ; онъ хотѣлъ овладѣть Полтавою, утвердиться здѣсь и ждать Лещинскаго и Крассова, вопреки мнѣнію Пипера, Мазепы, Реншельда и генералъ-квартирмейстера Гилленкрока. Съ послѣднимъ у Карла былъ любопытный разговоръ о Полтавѣ. *Карлъ:* Вы должны все приготовить къ нападенію на Полтаву; вы должны вести осаду и сказать намъ, въ какой день мы возьмемъ крѣпость; такъ дѣлывалъ Вобанъ во Франціи, а вѣдь вы нашъ маленькій Вобанъ.—*Гилленкрокъ:* Я думаю, что и самъ Вобанъ призадумался бы, еслибъ увидалъ, какъ здѣсь у насъ недостатокъ во всемъ, что нужно для осады.—*Карлъ:* У насъ довольно матеріала, чтобъ взять такую ничтожную крѣпость, какъ Полтава. —*Гилленкрокъ:* Крѣпость не сильна, но въ ней 4,000 гарнизона, кромѣ казаковъ.—*Карлъ:* Русскіе сдадутся при первомъ пушечномъ выстрѣлѣ съ нашей стороны.—*Гилленкрокъ:* А я думаю, что Русскіе будутъ защищаться до послѣдней крайности, и пѣхотѣ вашего величества сильно достанется отъ продолжительныхъ осадныхъ работъ.—*Карлъ:* Я вовсе не намѣренъ употреблять на это мою пѣхоту; а Запорожцы Мазепины на что?—*Гилленкрокъ:* Но развѣ можно употреблять на осадныя работы людей, которые не имѣютъ о нихъ никакого понятія, съ которыми надобно объясняться чрезъ толмачей и которые разбѣгутся, какъ скоро работа покажется имъ тяжелой и товарищи ихъ начнутъ падать отъ русскихъ пуль?—*Карлъ:* Я васъ увѣряю, что Запорожцы сдѣлаютъ все, чего я хочу, и не разбѣгутся, потому что я буду хорошо имъ платить.—*Гилленкрокъ:* Но съ нашими пушками ничего нельзя сдѣлать, и придется добывать крѣпость пѣхотою, которая при этомъ окончательно погибнетъ.—*Карлъ:* Я васъ увѣряю, что штурмъ не понадобится. —*Гилленкрокъ:* Въ такомъ случаѣ я не понимаю, какимъ образомъ городъ будетъ взятъ, если только необыкновенное счастіе намъ не поблагопріятствуетъ.—*Карлъ* (смѣясь): Да, мы должны совершить необыкновенное; за это мы пожнемъ честь и славу.—*Гилленкрокъ*: Боюсь, чтобъ все это не окончилось необыкновеннымъ образомъ. — Послѣ этого разговора Гилленкрокъ пошелъ къ Пиперу, чтобъ тотъ постарался отклонить короля отъ его намѣренія. „Вы такъ же хорошо знаете короля, какъ и я“, отвѣчалъ Пиперъ, „вы знаете, что если онъ разъ принялъ какое-нибудь рѣшеніе, то уже нѣтъ никакой возможности заставить его принять другое“. Несмотря на то, Пиперъ обѣщалъ поговорить съ Карломъ. „Если бы Богъ послалъ ангела небеснаго съ приказаніемъ отступить отъ Полтавы, то я бы и тогда не отступилъ“:—былъ ему отвѣтъ королевскій [1]).

---

[1]) Письма Голицына къ Головкину въ Москов. архивѣ Мин. Ин. Д.

[2]) Письма Петра В. къ Меншикову въ Москов. архивѣ Мин. Ин. Д.

[3]) Гисторія Свейской войны.

[4]) Письма Петра В. къ Меншикову въ Москов. архивѣ Мин. Ин. Д.

[5]) Кабинетъ II. кн. № 9.

[6]) Письма Петра В. къ Меншикову въ Москов. архивѣ Мин. Ин Д.

[7]) Голикова—Дѣянія XII, стр. 16.

Такіе разговоры шли у государя съ его министромъ и генераломъ на одномъ берегу Ворсклы. Посмотримъ, что дѣлалось на другомъ. Здѣсь было войско; о которомъ уже несся слухъ, что это лучшіе солдаты въ цѣломъ мірѣ; здѣсь были свои вожди, прошедшіе хорошую школу, ознаменовавшіе себя побѣдами; здѣсь были генералы иностранные съ извѣданнымъ искусствомъ и вѣрностію. Несмотря на то, здѣсь былъ „учиненъ воинскій совѣтъ, какимъ бы образомъ городъ Полтаву выручить безъ генеральной баталіи (яко зѣло опаснаго дѣла), на которомъ совѣтѣ положено, дабы апрошами къ оной приближаться даже до самого города“ [2]).

16 іюня начаты были новыя апроши, чтобъ сдѣлать возможнымъ сообщеніе съ городомъ; но Шведы не допустили своею поперечною линіею; съ другой стороны представили препятствія рѣка и болотистыя мѣста. Сношенія съ городомъ происходили посредствомъ пустыхъ бомбъ, въ которыхъ летали письма чрезъ непріятельскія линіи; осажденные дали знать, что у нихъ уже почти нѣтъ пороху, и непріятель сапами сквозь валикъ изъ палисадъ вкопался, и хотя осажденные сдѣлали абшнитъ, однако долго держатся не могутъ. По полученіи этихъ извѣстій, собранъ новый совѣтъ, на которомъ положено, что другого способа къ выручкѣ города нѣтъ, какъ перейти рѣку къ непріятелю и дать главную баталію. 19 іюня русская армія тронулась и, пройдя двѣ мили отъ Полтавы по берегу Ворсклы вверхъ, 20 числа переправилась черезъ рѣку; 25 числа повернула назадъ къ Полтавѣ и остановилась въ четверти мили отъ непріятеля къ

---

[1]) Fryxell II, 158.

[2]) Гисторія Свейской войны.

вечеру, чтобъ Шведы не могли принудить къ главной баталіи прежде, чѣмъ будетъ готовъ ретраншементъ. Ретраншементъ поспѣлъ въ одну ночь; кавалерію поставили на правой рукѣ между лѣсовъ, и передъ нею сдѣлали нѣсколько редутовъ, осаженныхъ людьми и пушками. Тутъ узнали, что Карлъ XII раненъ; разсказывали, что ночью подъѣхалъ онъ осмотрѣть русскій лагерь и наткнулся на казацкую партію, которая стояла неосторожно; нѣсколько казаковъ, ничего не подозрѣвая, спокойно сидѣли у огня; вдругъ раздается выстрѣлъ,—одинъ казакъ падаетъ: это самъ король не утерпѣлъ, сошелъ съ лошади и выстрѣлилъ въ казака; казаки вскочили, три ружейныхъ выстрѣла направились въ ту сторону, гдѣ стоялъ король, и Карлъ получилъ рану въ ногу 1).

26 число Петръ употребилъ на обозрѣніе ситуаціи. Въ центрѣ находился фельдмаршалъ Шереметевъ; правымъ крыломъ начальствовалъ генералъ-лейтенантъ Ренне, лѣвымъ—Меншиковъ, артиллеріею—Брюсъ. У Шведовъ, такъ какъ самъ король, по причинѣ раны, не могъ принять главнаго начальства надъ войскомъ, то его мѣсто заступалъ фельдмаршалъ Реншельдъ; вся пѣхота находилась подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта графа Левенгаупта, кавалерія—генералъ-майора Крейца. Артиллерія, могшая дѣйствовать, была ничтожна, по недостатку огнестрѣльныхъ снарядовъ.

27 іюня было назначено днемъ главной баталіи. Шведы предупредили Русскихъ: передъ разсвѣтомъ они бросились на русскую конницу съ страшною „фуріею“, и овладѣли двумя редутами, которые еще не были отдѣланы; генералъ Ренне былъ раненъ и долженъ былъ сдать начальство генералу Боуру; но за то шесть батальоновъ непріятельской пѣхоты и нѣсколько десятковъ эскадроновъ кавалеріи были отрѣзаны отъ главной арміи и принуждены уйти въ лѣсъ. Генералъ Боуръ получилъ приказаніе отступить вправо отъ русскаго ретраншемента, чтобъ дать время выйти изъ него пѣхотѣ. Боуръ началъ отступленіе; непріятель, преслѣдуя его, получилъ себѣ русскій ретраншементъ во флангъ, и когда Левенгауптъ съ пѣхотою приблизился къ нему на разстояніи 30 саженъ, то встрѣченъ былъ убійственнымъ огнемъ, принужденъ былъ прекратить преслѣдованіе русской конницы, и сталъ къ лѣсу внѣ выстрѣловъ. Между тѣмъ Меншиковъ и генералъ Ренцель съ пятью полками конницы и пятью батальонами пѣхоты атаковали лѣсъ, гдѣ стояли оторванные въ началѣ дѣла Шведы; здѣсь непріятель былъ побитъ на-голову, генералъ Шлиппенбахъ взятъ въ плѣнъ, за нимъ принужденъ былъ сдаться и генералъ Розенъ. Въ то же самое время пѣхота была выведена изъ ретраншемента и шесть полковъ кавалеріи взяты съ праваго крыла, обведены позади пѣхоты и поставлены на лѣвомъ крылѣ. Такимъ образомъ, русская армія стала въ ордеръ-баталіи, и рѣшено было атаковать непріятеля; Шведы, не дожидаясь на мѣстѣ, двинулись на встрѣчу къ Русскимъ,—и въ 9 часу утра началась „генеральная баталія“.

Два часа кипѣлъ отчаянный бой. Петръ распоряжался въ огнѣ; шляпа его и сѣдло были прострѣлены. Карла съ больною ногою возили въ коляскѣ между солдатскими рядами, какъ вдругъ пушечное ядро ударило въ коляску, и король очутился на землѣ. Солдаты, находившіеся вблизи, подумали, что Карлъ убитъ, и ужасъ овладѣлъ полками, уже и безъ того колебавшимися. Карлъ велѣлъ поднять себя и посадить на перекрещенныя пики; тутъ увидалъ онъ всеобщее замѣшательство своихъ и закричалъ въ отчаяніи: „Шведы! Шведы!“ Но Шведы бѣжали и не слыхали голоса своего короля. Прискакалъ Реншельдъ и успѣлъ проговорить: „Ваше величество, наша пѣхота потеряна! Товарищи, спасайте короля!“ Съ этими словами онъ ринулся опять въ разстроенные ряды своего войска, и былъ взятъ въ плѣнъ. Тутъ всякій порядокъ исчезъ:— все побѣжало 2).

„Хотя и зѣло жестоко во огнѣ оба войска бились, однакожъ то все далѣе двухъ часовъ не продолжалось, ибо непобѣдимые господа Шведы скоро хребетъ показали, и отъ нашихъ войскъ съ такою храбростію вся непріятельская армія (съ малымъ урономъ нашихъ войскъ, еже наипаче удивительно есть), кавалерія и инфантерія весьма опровергнута, такъ что шведское войско не единожды потомъ не остановилось, но безъ остановки отъ нашихъ шпагами и байонетами колоты, и даже до обрѣтающагося лѣса, гдѣ оные предъ баталіею строились, гнали; при томъ вначалѣ генералъ-майоръ Штакельбергъ, потомъ же генералъ-майоръ Гамильтонъ, такожде послѣ фельдмаршалъ Рейншильдъ и принцъ Виртембергскій купно съ многими полковники и иными полковыми и ротными офицеры и нѣсколько тысячъ рядовыхъ, которые большая часть съ ружьемъ и съ лошадьми, отдались и въ полонъ взяты. Непріятельскихъ труповъ мертвыхъ перечтено на боевомъ мѣстѣ и у редутъ 9,234, кромѣ тѣхъ, которые въ розни по лѣсамъ и полямъ побиты и отъ ранъ померли. И тако милостію Всевышняго совершенная викторія (которой подобной мало слыхано), съ легкимъ трудомъ и малою кровію противъ гордаго непріятеля чрезъ самаго государя персональной, храброй и мудрой приводъ, и храбрость начальныхъ и солдатъ одержана; ибо государь въ томъ нужномъ случаѣ за людей и отечество, не щадя своей особы, поступалъ, какъ доброму приводцу надлежитъ. При семъ же и сіе вѣдать надлежитъ, что изъ нашей пѣхоты только одна передняя линея съ непріятелемъ въ бою была, а другая до того бою не дошла“ 3).

Усталые, волнуемые неиспытанными никогда ощущеніями, царь, генералы и офицеры, послѣ молебна, сѣли въ палаткахъ обѣдать. Свѣтлое чув-

---

1) Гисторія Свейской войны.

2) Гисторія Свейской войны; Fryxell II, 170—176.

3) Гисторія Свейской войны.

ство неизмѣримой радости не допускало никакихъ темныхъ чувствъ: всѣхъ сюда!—и плѣнныхъ шведскихъ генераловъ усадили тутъ же за столъ; Петръ ласкалъ фельдмаршала Реншельда, хвалилъ его храбрость, подарилъ ему свою шпагу. Во время обѣда, привели Пипера, который, видя страшное пораженіе, потерявъ изъ виду короля, не зная куда бѣжать, самъ пріѣхалъ въ Полтаву и отдался въ плѣнъ съ двумя секретарями королевскими. Пипера съ товарищами также усадили обѣдать. Гремѣли пушки; царь провозгласилъ тостъ за здоровье учителей своихъ въ военномъ искусствѣ. „Кто эти учителя?" спросилъ Реншельдъ.—„Вы, господа Шведы", отвѣчалъ царь.—„Хорошо же ученики отблагодарили своихъ учителей!" замѣтилъ фельдмаршалъ.

Но гдѣ король? Часть Шведовъ ушла не преслѣдуемая. Неожиданное счастіе такъ поразило, что позабыли о необходимости преслѣдованія... Только уже вечеромъ послали въ погоню князя Мих. Мих. Голицына съ гвардіею и генерала Боура съ драгунами.

Въ тотъ же вечеръ написаны были письма къ своимъ, къ Ромодановскому, Апраксину и другимъ. Къ Пресбургскому королю Петръ писалъ: „Доносимъ вамъ о зѣло превеликой и неначаемой викторіи, которую Господь Богъ намъ чрезъ неописанную храбрость нашихъ солдатъ даровать изволилъ съ малою войскъ нашихъ кровію таковымъ образомъ: сегодня на самомъ утрѣ жаркій непріятель нашу конницу со всею армеею конною и пѣшею отаковалъ, которая хотя по достоинству держалась, однакожъ принуждена была уступить, токмо съ великимъ убыткомъ непріятелю; потомъ непріятель сталъ во фрунтъ противъ нашего лагору, противъ котораго тотчасъ всю пѣхоту изъ транжамента вывели и предъ очи непріятелю поставили, а конница на обѣихъ фланкахъ, что непріятель увидя, тотчасъ пошелъ отаковать насъ, противъ котораго наши встрѣчю пошли и тако оного встрѣтили, что тотчасъ съ поля сбили, знаменъ, пушекъ множество взяли, такожъ генералъ-фельдмаршалъ господинъ Рейншельдъ купно съ четырмя генералы, такожъ первой министръ графъ Пиперъ съ секретарями въ полонъ взяты, при которыхъ нѣсколько тысячъ офицеровъ и рядовыхъ взято, и, единымъ словомъ сказать, вся непріятельская армія фаетоновъ конецъ воспріяла, а о королѣ еще не можемъ вѣдѣть, съ нами-ль или со отцы нашими обрѣтается, а за разбитымъ непріятелемъ посланы господа генералы-порутчики князь Голицынъ и Боуръ съ конницею, и сею у насъ неслыханною новиною вашему величеству поздравляю". Къ письму Апраксину приписано: „Нынѣ уже совершенно камень во основаніе С.-Петербурха положенъ съ помощію Божіею" [1].

Утро было мудренѣе вечера: на другой день, 28 числа, отправился Меншиковъ въ погоню за непріятелемъ. Остатки шведской арміи, бѣжавшіе 27 числа изъ-подъ Полтавы, находились въ совершенномъ разстройствѣ, и великимъ счастіемъ для нихъ было то, что Русскіе оставили ихъ безъ преслѣдованія. Шведы бѣжали вдоль Ворсклы къ Днѣпру. Передъ разсвѣтомъ 29 іюня достигли они Новосенжарова; истомленнаго Карла внесли въ домъ, перевязали ногу; онъ заснулъ глубокимъ сномъ. Но когда совершенно разсвѣло, его разбудили: „Русскіе приближаются; если ваше величество изволите приказать, мы пойдемъ дальше".—„Да, да, дѣлайте, что хотите", отвѣчалъ Карлъ. Запылали повозки, лошадей изъ-подъ нихъ роздали пѣхотинцамъ, и Шведы побѣжали дальше къ Днѣпру. 30 іюня, послѣ полудня, увидали они наконецъ Днѣпръ, у маленькаго городка Переволочны, гдѣ впадаетъ Ворскла; но, вмѣсто городка, увидали одну кучу развалинъ и ни одной лодки на рѣкѣ, ни одного человѣка въ опустѣлыхъ окрестностяхъ. Какъ же переправиться за Днѣпръ? А Русскіе близко: какъ отъ нихъ оборониться?—нѣтъ ни артиллеріи, ни пороху, солдаты истомлены, совершенно упали духомъ. Генералы уговорили Карла оставить армію и переправиться за Днѣпръ. Отыскали двѣ лодки, связали вмѣстѣ и поставили на нихъ повозку короля, такъ что заднія колеса были въ одной лодкѣ, переднія въ другой; и такимъ образомъ, поздно ночью, переправили на другой берегъ; Карлъ взялъ съ собою серебраный столовый сервизъ и деньги, собранныя въ Саксоніи. Нашлась лодка и для Мазепы, который успѣлъ захватить съ собою два боченка съ золотыми. Другіе, назначенные сопровождать короля, переправились кто какъ могъ: Запорожцы много помогли своимъ искусствомъ въ переправахъ, но много потонуло.

Большая часть войска осталась на лѣвомъ берегу, подъ начальствомъ Левенгаупта; но никто не думалъ повиноваться какому бы то ни было начальнику: одни хлопотали, какъ бы переправиться за Днѣпръ вслѣдъ за королемъ; другіе, истомленные, лежали въ глубокомъ снѣ. На разсвѣтѣ другого дня Левенгауптъ и Крейцъ начали хлопотать, какъ бы привести въ устройство армію; но едва половина солдатъ собралась подъ знамена; многіе остались на берегу, другіе стояли неподвижно въ отдаленіи, на призывъ генерала не отвѣчали ни слова, смотрѣли безсмысленно, да и на лицахъ тѣхъ, которые собирались подъ знамена, выражалось отчаяніе. Когда совсѣмъ разсвѣло, Крейцъ подъѣхалъ къ Левенгаупту и сказалъ: „Генералъ, уже поздно! Русскіе стоятъ за возвышенностями и прислали къ намъ съ требованіемъ сдачи". То былъ Меншиковъ съ 9,000 конницы. На всѣхъ возвышенностяхъ раздались звуки трубъ и барабановъ, какъ будто цѣлая Русская армія была тутъ, и между Шведами сейчасъ же распространился слухъ, что 30,000 Русскихъ готовы къ нападенію. Левенгауптъ, видя состояніе своего войска, не имѣлъ никакой надежды на успѣхъ сопротивленія, и послалъ Крейца съ тремя товарищами къ Меншикову договариваться о сдачѣ. Меншиковъ предложилъ имъ: сдаться военноплѣнными съ выдачею оружія и военныхъ запасовъ, съ сохраненіемъ платья и частнаго имущества; Запорожцы и бунтовщики исключаются изъ этого условія. Предложеніе было принято [1]).

---

[1] Кабинетъ I, кн. № 28; Голикова — Дѣянія, XII, стр. 27.

„И тако, Божіею помощію, вся непріятельская, толь въ свѣтѣ славная армія (которая бытіемъ въ Саксоніи не малой страхъ въ Европѣ причинила) къ государю Россійскому въ руки досталась". Сосчитали, что во время баталіи у Полтавы и у Днѣпра при Переволочнѣ взято верховныхъ штабъ-офицеровъ 59, оберъ-офицеровъ 1,102, унтеръ-офицеровъ, рядовыхъ и артиллерійскихъ служителей 16,947. Русскихъ при Полтавѣ было побито 1,345, ранено 3,290.

По возвращеніи Меншикова отъ Переволочны, послѣ молебна, объявлены были награды: фельдмаршалу Шереметеву пожалованы великія деревни; генералъ князь Меншиковъ объявленъ вторымъ фельдмаршаломъ; генералъ князь Репнинъ пожалованъ кавалеріею и деревнями; генералу фельдцейхмейстеру Брюсу дана кавалерія; генералъ-лейтенанту Рену данъ чинъ полнаго генерала; генералу Аларту дана кавалерія; генералъ-лейтенанту князю Голицыну (Мих. Мих.) даны деревни; генералъ-лейтенанту Ренселю дана кавалерія. Ближній министръ и верховный президентъ государственныхъ посольскихъ дѣлъ, графъ Головкинъ пожалованъ въ канцлеры; тайный секретарь баронъ Шафировъ въ подканцлеры; князь Григорій Долгорукій пожалованъ деревнями и чиномъ тайнаго дѣйствительнаго совѣтника; бояринъ Иванъ Мусинъ-Пушкинъ—въ тайные совѣтники. „Также и иные многіе повышены чинами и пожалованы вотчинами, и всѣхъ штапныхъ и оберъ-офицеровъ жаловалъ государь золотыми портретами съ алмазы и медальми золотыми же по достоинству ихъ чиновъ; и солдатамъ медали серебряныя и даваны были деньги.

„Напослѣдокъ, какъ министры, такъ и генералитетъ, офицеры и солдаты, возблагодаря государя за милость и за такія награжденія, просили его, дабы въ знакъ трудовъ своихъ, какъ въ сію преславную баталію, такъ и въ прочихъ воинскихъ дѣйствіяхъ понесенныхъ, изволилъ принять чинъ въ сухопутномъ войскѣ генерала, а на морѣ шаутбенахта [2]) (понеже до той Полтавской баталіи и во время дѣйствія во оной баталіи имѣлъ только чинъ при гвардіи своей полковникомъ), и по тому ихъ прошенію государь изволилъ принять чинъ сухопутной генералъ-лейтенанта, а на морѣ шаутбенахта, и то подтвердилось общимъ всѣхъ генералитета, министровъ, офицеровъ и солдатъ поздравленіемъ" [3]).

Извѣщая о Переволоченскомъ дѣлѣ короля Ромодановскаго, Петръ писалъ: „И тако вся непріятельская армея намъ, чрезъ помощь Божію, въ руки досталась, которою въ свѣтѣ неслыханною викторіею вашему величеству поздравляемъ и нынѣ уже безъ сумнѣнія желаніе вашего величества—еже резиденцію вамъ имѣть въ Петербурхѣ—совершилось чрезъ сей упадокъ конечной непріятеля" [4]).

Когда получено было въ Москвѣ извѣстіе о неслыханной викторіи, царевичъ Алексѣй Петровичъ созвалъ къ себѣ на банкетъ всѣхъ иностранныхъ и русскихъ министровъ и знатныхъ офицеровъ, трактовалъ ихъ велелѣпно въ Преображенскомъ въ апартаментахъ своихъ и въ шатрахъ; царевна Наталья Алексѣевна и знатнѣйшіе вельможи также многихъ трактовали нѣсколько дней сряду; вечеромъ по улицамъ сверкали потѣшные огни; не только въ домахъ, но и передъ домами стояли накрытые столы. Комендантъ, князь Матвѣй Гагаринъ, велѣлъ выставить передъ домомъ своимъ для народа и шведскихъ плѣнниковъ кушанья и бочки съ виномъ, водкою, медомъ и пивомъ; пушечная стрѣльба и колокольный звонъ продолжались восемь дней сряду, и во всѣ эти дни позволено было звонить женщинамъ и дѣвицамъ, что обыкновенно позволялось только на Свѣтлой недѣлѣ [5]). Курбатовъ писалъ царю: „Получихъ азъ вашего величества недостойный рабъ письмо за приписаніемъ вашея самодержавнѣйшія десницы, чрезъ которое разумѣхомъ, яко Вседержавный Богъ непріятеля въ конецъ сотре, и не точію въ Европіи, но и во оризонтѣ всего міра едва ли слыханно погуби. И сего ради прерадостно нынѣ веселится вся Россія, увѣнчевая васъ привѣтствы сицевыми: Радуйся, яко ваше царево сердце содержится въ руцѣ Божіи неотмѣнно. Радуйся, яко, исполняя словеса Божія слова, полагаеши душу свою за рабы твоя. Радуйся, яко снискательнымъ вашимъ мудрохрабствомъ переполеровася яко злато въ горнилѣ ваше воинство. Радуйся, яко есть надежда на исполненіе издавна вашего желанія Варяжскаго моря во одержаніи. При семъ же и сіе реку, да яко же вседержащая Божія десница прослави ваше самодержавіе въ воинствѣ, тако да прославитъ и гражданское правленіе, о немъ же видится съ премногимъ тщаніемъ достоитъ труды къ трудамъ приложити, понеже оное многою пользою есть къ воинству, да обоя купно Всероссія получивши, паки прославитъ тя, всемилостивѣйшаго нашего государя" [6]).

Знаменитый прибыльщикъ надѣялся, что преславная викторія поведетъ къ миру, дастъ возможность царю заняться гражданскими дѣлами, облегчитъ народъ отъ тяжкихъ поборовъ. Онъ писалъ царю (28 октября): „Вашего величества повелѣніемъ опредѣляются губерніи, и того ради изъ всѣхъ Приказовъ и канцелярій и изъ ратуши посланы и нынѣ въ послѣднихъ мѣсяцахъ посылаются дворяне и дьяки и подъячіе для правежа многихъ прешедшихъ лѣтъ и настоящихъ доимокъ, и слышно, яко отъ таковыхъ неотлагаемыхъ вдругъ правежей превеликой обходится всенародный вопль, а наче въ поселянахъ, яко не точію послѣдняго скота, но иніи бѣднѣйшіи и домишковъ своихъ лишаются. И ежели вашимъ призрѣніемъ нынѣ вскорѣ отсрочкою помиловани не будутъ, то въ сихъ послѣднихъ сего года мѣсяцѣхъ премногое преимутъ разореніе и, Богъ вѣсть, будутъ ли впредь иніи даней вашихъ тяглецы. Понеже не отъ того единаго, что вдругъ всего надлежащаго безъ послабленія на нихъ править имъ разореніе, но и отъ сего, яко всѣхъ посланныхъ кормятъ, даютъ подводы, иныхъ же, не стерпѣвъ жестокихъ правежей, чаю, что и дарятъ не по малу. Богъ же всесильный, видя ваше благое царево къ нему сердце, и вѣдая быти впредь чрезъ труды ваша нѣкоторыхъ избавленію, помилова и обрадова тя, и прослави во вселенную неслыханною нигдѣ же отъ вѣка на враги побѣдою: и сего ради и ваше величество да помилуетъ людей достоянія своего. Не о снятіи конечномъ тѣхъ прешедшихъ лѣтъ доимокъ, но о полученіи имъ во оныхъ нынѣ послабленія предлагаю тебѣ, государю. А впредь, по благомъ окончаніи войны сея, могутъ по малу и во всемъ исправитися. А и прежде, государь, никогда же безъ доимокъ было и впредь быти можетъ, а по малу исправлялися“. Отвѣтомъ на это письмо былъ указъ: „Извѣстно великому государю учинилось, изъ многихъ Приказовъ судьи разослали по городамъ и уѣздамъ дворянъ и приказныхъ людей для правежу доимочныхъ денегъ за прошлые годы, отъ чего чаемъ не малому быть разоренію. Того для, призвавъ всѣхъ судей въ Ближнюю Канцелярію, объявить, дабы они того не чинили, а велѣли бы доимку выбрать за два года, 707 и 708“ [1]).

---

[1]) Fryxell II, 186.

[2]) Вице-адмирала.

[3]) Гисторія Свейской войны.

[4]) Кабинетъ I, кн. № 28.

[5]) Кабинетъ I, кн. № 10.

[6]) Кабинетъ II, кн. № 9.

Но объ окончаніи войны нечего было и думать. Карлъ успѣлъ уйти въ турецкія владѣнія, и Петръ спѣшилъ воспользоваться его отсутствіемъ и своею побѣдою, чтобъ уничтожить дѣло Карла въ Польшѣ, выгнать Лещинскаго и утвердиться въ Ливоніи и Эстоніи. 13 іюля армія двинулась изъ-подъ Полтавы, гдѣ нельзя было долѣе оставаться по причинѣ смрада отъ мертвыхъ тѣлъ и долговременнаго стоянія двухъ многочисленныхъ войскъ. Остановились въ Рѣшетиловкѣ, гдѣ было положено, что фельдмаршалъ Шереметевъ со всею пѣхотою и частію конницы пойдетъ осаждать Ригу, князь Меншиковъ съ большею частію кавалеріи — въ Польшу, гдѣ, по соединеніи съ генераломъ Гольцемъ, долженъ былъ дѣйствовать противъ Лещинскаго и шведскаго генерала Крассова. 15 іюля войска двинулись каждое въ свой путь; а государь отправился въ Кіевъ, гдѣ познакомился съ снисходительнымъ префектомъ, Ѳеофаномъ Прокоповичемъ: въ Софійскомъ соборѣ, въ присутствіи государя, при многочисленномъ стеченіи народа, Ѳеофанъ говорилъ панегирикъ, рѣшившій судьбу его. „Подобаетъ мнѣ“, говорилъ Ѳеофанъ, „первѣе глаголати о побѣжденнаго супостата силѣ, дерзости, мужествѣ, и о тяжести и лютости брани. Супостатъ воистину таковый, отъ каковаго непобѣжденному токмо быти—великая была бы слава; что же таковаго побѣдити, и побѣдити тако преславно и тако совершенно? Что же речемъ, егда коварнымъ наущеніемъ и тайнымъ руководительствомъ отъ проклятаго измѣнника введенъ есть внутрь самыя Малыя Россіи (ибо самъ собою не моглъ бы никогда же и не дерзнулъ бы внити)? Здѣ воистину супостату нашему сила, тебѣ же, отче отечества нашего, умножилися бяху труды и препятія. Брань убо сія сотворися брань нощная, аки бо въ темной нощи великое бяше недоумѣніе, кого хранитися, на кого наступати, кого заступати: въ единомъ градѣ, въ единомъ дому можаху быти двоихъ противныхъ странъ оружія. Псы не угрызаютъ господей своихъ, звѣри свирѣпые питателей своихъ не вредятъ; лютѣйшій же всѣхъ звѣрей — рабъ—пожела угрызти руку, сю же на толь высокое достоинство вознесенъ и на томъ крѣпцѣ держимъ бяше. Не устрашися Хамова безстудія, не убояся Іудина беззаконія, не вострепета Аріева клятво-преступства, не помысли о священнѣйшей и невредимой чести Христа Господня, студъ и вредъ отечества нашего! ежель-бо, сыномъ себя россійскимъ нарицая, врагъ сый и ляхолюбецъ. Хранися таковыхъ, о Россіе! и отвергай отъ лона твоего: сщели ни, не послѣднюю бѣду претерпѣла еси, но имаши всегда носити змія въ нѣдрахъ твоихъ, и восприличествуетъ тебѣ гласъ Божій, Іезекіилю иногда изреченный: посреди скорпій живеши ты. Представьте себѣ предъ очи, благоразумныи слышателіе, вся вышереченная лютая, вся нужды и неудобствія, ими же брань сія тяжка зѣло сотворилася, и узрите дивную побѣду. Кто побѣжденъ?—супостатъ отъ древнихъ временъ сильный, гордостію дерзкій, сосѣдомъ своимъ тяжкій, народомъ страшный, всѣми военными довольствы изобилующій. Гдѣ и какъ побѣжденъ?—во время зѣло лютое, брани внутрь отечества нашего вшедшей, егда укрѣпися измѣнническимъ оружіемъ, егда ему удобіе, намъ же неудобствія умножишася; егда онъ большее, неже имѣяше собра, нашъ же пресвѣтлѣйшій монархъ на многія мѣста раздѣли воинство свое, словомъ—побѣжденъ тогда, егда мняшеся въ рукахъ побѣду держати. Приходитъ мнѣ здѣ на память, что повѣствуютъ о львѣ естествъ испытатели: егда, рече, левъ не возможетъ силѣ крѣпкихъ ловцовъ противостати, на бѣгство устремляется; а дабы не познали, въ какую страну побѣже, хоботомъ загребаетъ слѣды своя за собою. Кто же нынѣ тожде не видитъ и на львѣ Свейскомъ? Видиши ты наипаче, яко съ нимъ же убѣгшій, о измѣнниче!—не токмо тѣломъ, но и вѣроломствомъ хромый; виждь нынѣ, како подъ крѣпчайшую руку отдался еси; нынѣ ругайся россійскому воинству, яко не военному; нынѣ познай, кто бѣгствомъ спасается; сія бо бяху, между иными, укоризны твоя. Но и пророчество твое, имъ же Свейской силѣ на

---

[1]) Кабинетъ II, кн. 9. Пол. Собр. Зак. № 2239.

Москвѣ быти прореклъ еси, отчасти истинно, а отчасти ложно есть: мнози бо уже достигоша Москвы, но мнози подъ Полтавою возлюбиша мѣсто. Таковую убо и толь преславную побѣду твою, о преславный побѣдителю! кое слово изрещи, кая похвала по достоянію увѣнчати возможетъ? Не много таковыхъ побѣдъ въ памятѣхъ народныхъ, въ книгахъ историческихъ обрѣтается. Индѣ отчасти поражени суще, отчасти же цѣлы въ домы свои возвращаются врази; наши же здѣ супостаты со всѣмъ воевъ и вождей множествомъ—ово плѣненны, ово убіенны суть, а и немного избѣгшихъ занесе страхъ не въ домы ихъ, но въ безвѣстная имъ мѣста. Услышатъ ближніи и сосѣды ихъ и рекутъ, яко не въ землю нашу, но въ нѣкое море внидоша силы Свейскія: погрузишася бо яки олово въ водѣ, не возвратися вѣстникъ къ отечеству своему“.

Никогда Петръ и приближенные его не слыхали еще такой предики! Что митрополитъ Рязанскій! Царь велѣлъ напечатать панегирикъ вмѣстѣ съ переводомъ на языкъ латинскій, „яко всей Европѣ общій“. Данилычъ, о которомъ одномъ упомянулъ снисходительный префектъ по поводу Калишской побѣды, былъ въ восторгѣ.

Но Петръ въ Кіевѣ долженъ былъ расплатиться за полтавскія волненія: „Мнѣ за грѣхъ болѣзнь припала, которая по отъѣздѣ вашемъ ввечеру прямою лихорадкою объявилась была“, (писалъ онъ 6 августа Меншикову). „Но когда, въ понедѣльникъ принялъ фонмотивъ, съ помощію Божіею оную разорвалъ, однакожъ она яко проклятая болѣзнь, хотя не знобомъ и жаромъ, то тошнотою и тягостію еще давитъ и свои дни выбираетъ, и тако не чаю, чтобъ ранѣе 10 числа или праздника (Успенія) отселѣ за безсильствомъ ѣхать“.

15 августа Петръ выѣхалъ изъ Кіева въ Польшу; въ Люблинъ пріѣхалъ къ нему оберъ-шталмейстеръ короля Августа Фитцумъ поздравить отъ своего государя съ Полтавскою викторіею и пригласить на свиданіе въ Торнъ, куда Августъ шелъ изъ Саксоніи съ 14,000 войска. Петръ принялъ приглашеніе. Между тѣмъ польскіе вельможи, державшіе сторону Августа, услыхавъ о Полтавской побѣдѣ, услыхавъ, что съ одной стороны идетъ въ Польшу русское, а съ другой—саксонское войско, спѣшили помириться съ Августомъ. Видя, что въ такихъ обстоятельствахъ нельзя долѣе держаться въ Польшѣ, генералъ Крассовъ ушелъ въ Померанію, куда за нимъ послѣдовалъ и Лещинскій съ семействомъ. Въ сентябрѣ, въ мѣстечкѣ Сольцахъ, Петръ смотрѣлъ польское войско, находившееся подъ начальствомъ гетмана Синявскаго; сюда пріѣхалъ къ нему камергеръ Прусскаго короля съ поздравленіемъ и приглашеніемъ на свиданіе съ своимъ государемъ. 20 сентября Петръ сѣлъ на суда и поплылъ Вислою въ Варшаву; здѣсь сенаторы польскіе поздравляли его съ викторіею и благодарили за то, что этою викторіею возратилъ имъ законнаго короля и спасъ ихъ вольность. А между тѣмъ Меншиковъ писалъ государю изъ Быковъ: „Получилъ я отъ господина гетмана Синявскаго письмо съ великою жалобою на людей нашихъ, якобы оные никакого респекту ни на шляхту, ни на духовный чинъ не имѣютъ, съ дворовъ шляхетскихъ и изъ костеловъ берутъ безъ остатку всякое пропитаніе, на что я ему не легче того отвѣтствовалъ, какъ онъ ко мнѣ писалъ; такожъ и вашей милости доношу: не изволите ему повѣрить, понеже онъ охотникъ много писать о томъ, чего и не бываетъ. Я вамъ самую правду доношу, что съ нѣкоторыхъ дворовъ шляхетскихъ всякое пропитаніе принуждены мы брать для того: которымъ трактомъ сюда мы шли, и оной заступило ихъ коронное войско, и такъ они сей нашъ трактъ сдѣлали, что мы, за нимъ идучи, и солому едва гдѣ сыскать могли, а чтобъ изъ костеловъ что брать и тутошнимъ жителямъ какое разореніе чинить—и того отнюдь не бывало, да и разорять некого, понеже всѣхъ жителей здѣшнихъ разогнали они врозь; изволишь видѣть, каково ихъ войско; истинно, что и въ регулярныхъ полкахъ почитаю одни только знамены да литавры везутъ, а люди всѣ по сторонамъ за добычею разсѣялись“ [1].

26 сентября, за милю отъ Торна встрѣтилъ государя король Польскій въ двухъ небольшихъ судахъ, обитыхъ краснымъ сукномъ. „И какъ пріѣхалъ король Августъ къ судну государеву, тогда государь его, короля, встрѣтилъ, и между собою имѣли поздравленіе и любительные разговоры о состояніи своего здравія и случившихся дѣлъ, а наипаче о преславной Полтавской баталіи, и, немного тутъ помедля, оба сіи государи пошли на королевское судно, или прамъ, на которомъ изготовленъ былъ столъ съ кушаньемъ, за которымъ сидѣли и обѣдали, и въ томъ суднѣ ѣхали до города Торуня (Торна); а какъ прибыли къ городу и пристали къ берегу, то, вышедъ изъ судна, сѣли оба верхами на лошадей и поѣхали въ городъ“ [2].

9 октября Петръ и Августъ заключили въ Торнѣ союзный договоръ: все прежнее предано было совершенному забвенію; отреклись оба государя отъ всѣхъ прежнихъ претензій, и всѣ прежнія записки, письменныя обязательства и документы сочтены мертвыми. Царское величество обѣщалъ королевскому величеству помогать въ достиженіи Польскаго престола какъ войскомъ, такъ и ходатайствомъ у Рѣчи Посполитой; король обязался помогать царю противъ всѣхъ его непріятелей. Цѣль союза — не конечное разореніе Швеціи, но приведеніе ея въ должныя границы и доставленіе безопасности ея сосѣдямъ. По окончаніи войны, оба потентата гарантируютъ другъ другу: царскому величеству покойное владѣніе наслѣдственными, отъ Шведовъ возвращенными и завоеванными землями; королевскому величеству—спокойное владѣніе Польшею и своихъ нынѣшнихъ и впредь имѣющихъ получиться

---

[1] Кабинетъ II, кн. 9. Пол. Собр. Зак. № 2239.

[2] Гисторія Свейской войны.

наслѣдственныхъ земель. Король обѣщаетъ постараться, чтобъ вѣчный миръ между Россіею и Польшею былъ внесенъ въ государственную конституцію. Такъ какъ выдачею Паткуля нанесена жестокая обида какъ царскому, такъ и королевскому величеству, а виновны въ томъ Имгофъ и Финкштенъ, заключившіе такъ-называемый Альтранштадтскій миръ, то король обѣщаетъ царскому величеству удовлетвореніе отправленіемъ надъ ними совершенной юстиціи; а царское величество обѣщаетъ, что прежде помянутая амнистія и ради господина Паткуля на тѣхъ министровъ, которые въ его заарестованіи заинтересованы и виновны, распространена быть имѣетъ, и тѣмъ это дѣло окончено да будетъ. 20 октября былъ прибавленъ тайный артикулъ: „Княжество Лифляндское со всѣми своими городами и мѣстами его королевскому величеству Польскому, какъ курфирсту Саксонскому, и его наслѣдникамъ присвоено и уступлено быть имѣетъ“ ¹).

Въ Торнъ явился и чрезвычайный Датскій посланникъ фонъ-Ранцовъ поздравить съ викторіею и домогаться заключенія оборонительнаго и наступательнаго союза съ полтавскимъ побѣдителемъ противъ побѣжденной Швеціи. Ему объявлено, что для заключенія этого союза уполномоченъ въ Копенгагенѣ русскій посолъ, князь Василій Лукичъ Долгорукій. Мы видѣли, какъ дѣло подвигалось медленно у Долгорукаго до конца іюня 1709 года. Получивъ извѣстіе о Полтавской побѣдѣ, Долгорукій словесно донесъ о ней королю. Тотъ отвѣчалъ, что уже получилъ извѣстіе изъ Саксоніи, потомъ пространно началъ говорить о побѣдѣ, удивлялся ей и показывалъ видъ радостный; говорилъ, что этою побѣдою царь не только себѣ, но и всему Русскому народу пріобрѣлъ безконечную славу, и показалъ всему свѣту, что Русскіе люди научились воевать. Когда Долгорукій объявилъ ему о вступленіи короля Августа въ Польшу, то Фридрихъ IV сказалъ, что и онъ желаетъ съ царскимъ величествомъ обновить старый союзъ и вступить въ войну противъ Шведовъ; но при этомъ замѣтилъ, что Англійская королева упорно держитъ шведскую сторону и говоритъ, что, по договорамъ, не можетъ допустить Шведскаго короля до упадка. Долгорукій отвѣчалъ, что королева не въ состояніи исполнить своего желанія по причинѣ войны Французской; да если бы война и кончилась, то Англичане въ парламентахъ не скоро согласятся наложить на себя новыя подати и нести разореніе для Шведскаго короля. Но въ Даніи спѣшили пользоваться Полтавскою побѣдою: первый министръ Грабе, которому обѣщана была милость царская, открылъ Долгорукому по-секрету, что король въ тайномъ совѣтѣ приказалъ своимъ министрамъ неусыпно трудиться надъ военными приготовленіями, и намѣренъ начать войну въ сентябрѣ или, по крайней мѣрѣ, въ октябрѣ.

Еще до извѣстія о Полтавской побѣдѣ, Долгорукій предложилъ субсидіи: 300,000 ефимковъ на первый годъ, по 100,000 на слѣдующіе, на 50,000 матеріаловъ для флота, отъ двухъ до трехъ тысячъ матросовъ и 10,000 пѣхоты. „Король“, писалъ Долгорукій, „намѣренъ вступить въ войну; но не заключаетъ союза съ царскимъ величествомъ, чтобъ побольше выпросить денежныхъ субсидій. Мое мнѣніе: хотя союзъ съ Датскимъ королемъ царскому величеству нуженъ какъ теперь, такъ еще больше на будущее время, однако надобно стараться ввести Датскаго короля въ этотъ союзъ какъ можно безубыточнѣе. Я хотя имѣю указъ обѣщать имъ 500,000 на первый годъ, однако до сихъ поръ не объявилъ еще имъ больше 300,000 и вмѣсто 20,000 пѣхоты объявилъ только 10,000, потому что вижу ихъ склонность къ вступленію въ войну и думаю, что и тѣмъ будутъ довольны, а еслибъ прежде моей послѣдней конференціи я зналъ о Полтавской побѣдѣ, то и этого бы не объявилъ“.

Долгорукій писалъ Головкину, не прикажетъ ли государь уменьшить субсидіи вслѣдствіе перемѣнъ, произведенныхъ Полтавскою побѣдою, — и вдругъ получаетъ указъ заключить съ Даніею оборонительный и наступательный союзъ вовсе безъ субсидій! Долгорукій отправился къ королю и объявилъ, что хотя непріятелю послѣ такого пораженія поправиться нельзя, и царское величество можетъ заключить теперь благополучный миръ, однако не отрицается вступить въ оборонительный и наступательный союзъ съ Даніею, только субсидій дать не можетъ по многимъ причинамъ. Король съ печальнымъ видомъ отвѣчалъ, что надѣялся на денежныя субсидіи, безъ которыхъ флота вооружить не на что, а министры сказали Долгорукому, чтобъ царское величество не изволилъ надѣяться нынѣшнею побѣдою удержать портъ на Балтійскомъ морѣ, если не будетъ имѣть союзниковъ въ Датскихъ короляхъ, потому что многія другія государства будутъ мѣшать ему въ томъ. Министры тѣмъ сильнѣе спорили съ Долгорукимъ, что имѣли въ рукахъ письмо отъ Урбиха, писанное послѣ Полтавской побѣды: въ письмѣ говорилось, что царь даетъ королю 500,000 ефимковъ единовременно за союзъ. 7 сентября пріѣхалъ къ Долгорукому одинъ изъ министровъ и объявилъ, что король непремѣнно намѣренъ вступить въ войну съ Шведами по соглашенію съ царскимъ величествомъ, и хотя эта война будетъ королю убыточнѣе всѣхъ прежнихъ вслѣдствіе приготовленія морскихъ силъ, однако король начнетъ ее въ надеждѣ, что царское величество, увидѣвъ тяжкіе убытки королевскіе, если не теперь, то въ послѣдствіи окажетъ помощь.

Несмотря на это объявленіе, дѣло опять затянулось, благодаря усиліямъ англійскаго и голландскаго пословъ, которые отговаривали отъ войны датскихъ министровъ, боясь, что какъ скоро Данія объявитъ войну Швеціи, то многіе государи и князья имперскіе отзовутъ свои войска изъ службы союзниковъ,—одни для сбереженія своихъ границъ, дру-

---

¹) Дѣла Польскія 1709 года въ Московскомъ архивѣ Мин. Ин. Д.

гіе по обязательствамъ съ королемъ Шведскимъ или Датскимъ, да и самъ Датскій король отзоветъ свои войска, когда увидитъ сильное наступленіе на себя со стороны шведской, и такимъ образомъ Голландцы и Англичане, сильные только чужими войсками, потеряютъ возможность продолжать успѣшно войну съ Франціею. Послы ихъ въ конференціяхъ съ датскими министрами прямо грозили, что Англія и Голландія примутъ сторону Швеціи, и Датскій король, вмѣсто пріобрѣтенія чужаго, можетъ потерять и свое; если же онъ удержится отъ войны до общаго мира союзниковъ съ Франціею, то союзники обѣщаютъ и безъ войны доставить ему Шонію. Долгорукій узналъ, что когда Прусскій король далъ знать Голландскимъ Штатамъ о предстоящемъ свиданіи своемъ съ царемъ, то тѣ стали убѣждать его, чтобъ не входилъ ни въ какія обязательства съ Россіею, ибо царь становится такъ силенъ, что можетъ быть опасенъ не только другимъ областямъ, но и самой Пруссіи;—всѣ государства обязаны не допускать царя до усиленія, которое можетъ быть вредно цѣлой Европѣ.

При такихъ внушеніяхъ датскіе министры опять заупрямились, и Долгорукій счелъ необходимымъ уступить, согласился хлопотать у царя о субсидіяхъ, согласился опредѣлить, какія изъ шведскихъ Земель должны принадлежать Россіи, какія Даніи.

Между тѣмъ секретарь французскаго посольства въ Копенгагенѣ давалъ знать Долгорукому, что король его очень желаетъ вступить въ союзъ съ царемъ. Долгорукій, давая знать объ этомъ въ Россію, предлагалъ свое мнѣніе: „Я не думаю, чтобъ нужно было входить въ обязательства съ Франціею, потому что помощь ея теперь не очень нужна; однако надобно показать нѣкоторую склонность, отыскавши способъ, чтобъ осталось все втайнѣ. Польза отъ того можетъ быть та, что Франція, увидѣвъ къ себѣ склонность со стороны Россіи, станетъ продолжать войну; потомъ, союзники такъ сильно идутъ наперекоръ интересамъ царскаго величества, и если они дѣйствительно станутъ противъ насъ дѣйствовать, то Франція будетъ намъ нужна“. Долгорукій получилъ указъ отвѣчать секретарю, чтобъ Французское правительство прислало кого-нибудь къ царскому Двору или бы дало коммисію. Секретарь говорилъ Долгорукому, что государь его готовъ прекратить всѣ прежнія несогласія съ Россіею, готовъ гарантировать царю всѣ его завоеванія, будетъ стараться, чтобъ Русскіе стали твердою ногою на Балтійскомъ морѣ, потому что здѣсь замѣшанъ интересъ Французскаго короля, которому желательно ослабить на этомъ морѣ торговлю англійскую, и особенно голландскую.

Посланники англійскій и голландскій въ Копенгагенѣ дѣйствительно сильно шли наперекоръ интересамъ царскаго величества, „двигали землю и небо“, чтобы удержать Датскаго короля отъ войны съ Швеціею. Наконецъ Долгорукому удалось ввести короля въ войну — безъ субсидій со стороны Россіи, несмотря на то, что къ нему присланы были указы обѣщать сухопутное войско, матросовъ и по сту тысячъ ефимковъ ежегодно матеріалами. „Не далъ я ничего: ни человѣка, ни шелега!“ писалъ съ восторгомъ Долгорукій въ Россію [1]. 11 октября былъ заключенъ союзный трактатъ на томъ основаніи, что ихъ величества, царь Всероссійскій и король Датскій и Норвежскій, „зѣло разсудили вредительныя послѣдства, которыя бы ярость и злобо-насильственные поступки короля Шведскаго по времени произвести могли къ великому предосужденію единой и другой областямъ“. Его величество Датское обязалось разорвать съ королемъ Шведскимъ, и тою же осенью наступать на него морскимъ и сухимъ путемъ, вступить въ Шонію съ однимъ войскомъ, а въ Шведскую Землю отъ Норвегіи—съ другимъ. Царское величество обязалось, кромѣ начатыхъ уже воинскихъ промысловъ въ Ливоніи и Польшѣ, напасть также на Финляндію [2].

По заключеніи договора, Долгорукій давалъ обѣдъ иностраннымъ министрамъ; шла, разумѣется, длинная рѣчь о войнѣ, начинаемой Даніею; голландскій и англійскій посланники прямо высказали, какъ противна имъ эта война „Нынѣ уже дѣло при здѣшнемъ Дворѣ все по желанію его царскаго величества совершилось“, писалъ Долгорукій отъ 5 ноября: „король Датскій войну всчалъ противъ короля Шведскаго; войска датскія—конныя и пѣшія—вступили въ Шону, а какъ транспортъ и десантъ чинены,—я всему тому очевиднымъ свидѣтелемъ сподобился быть; дана мнѣ была, по моему прошенію, фрегата королевская“ [3].

Когда Долгорукій оканчивалъ дѣло союза въ Копенгагенѣ, Петръ уже плылъ Вислою къ Маріенвердеру для свиданія съ королемъ Прусскимъ. Ихъ величества „поздравились любительно“, но союзъ былъ заключенъ только оборонительный. Изъ Маріенвердера царь отправился къ Ригѣ, подъ которою уже стоялъ фельдмаршалъ Шереметевъ съ войскомъ. По полуночи на 14 ноября начали бомбардировать городъ; первыя три бомбы бросилъ самъ государь,—и писалъ Меншикову и министрамъ своимъ при иностранныхъ Дворахъ: „Сегодня о пятомъ часу по полуночи бомбардированіе началось Риги, и первыя три бомбы своими руками въ городъ отправлены, о чемъ зѣло благодарю Бога, что сему проклятому мѣсту сподобилъ мнѣ самому отмщенія начало учинить“ [5]. На этотъ разъ все и ограничилось такимъ началомъ отмщенія; по позднему времени, по крѣпости города и многочисленности гарнизона и, наконецъ, потому, что городъ не могъ получить ни откуда помощи, Петръ распорядился, чтобы Шереметевъ отвелъ войска на зимнія квартиры въ Курляндію, оставивъ для блокады Риги семи-тысячный корпусъ князя Репнина. Бросивъ три бомбы въ Ригу, Петръ на другой день отправился въ Петербургъ или въ „святую землю“, какъ называлъ ее Меншиковъ въ письмѣ своемъ [1]. Въ Петербургѣ царь велѣлъ построить церковь во имя Св. Сампсона, въ память Полтавской баталіи, распорядился другими постройками и украшеніемъ города, который эта баталія закрѣпляла за нимъ; велѣлъ министрамъ, генераламъ и знатному дворянству строить каменные дома на „святой землѣ“, которой многіе изъ нихъ согласны были дать совершенно другое названіе. 6 декабря заложилъ корабль „Полтава“ и на другой день отправился въ Москву.

---

[1] Дѣла Датскія 1709 года въ Московскомъ архивѣ Мин. Ин. Д.

[2] Полн. Собр. Зак. № 2237.

[3] Дѣла Датскія въ Москов. архивѣ Мин. Ин. Д.

[4] Голикова — Дополн. къ Дѣяніямъ Петра В. VIII, стр. 323.

Пріѣхавъ 12 декабря въ село Коломенское, Петръ дожидался тутъ гвардейскихъ полковъ. На другой день пришли полки и начали свозить изо всѣхъ ближнихъ городовъ шведскихъ плѣнныхъ, взятыхъ подъ Полтавою; два дня въ слободахъ за Серпуховскими воротами устраивали полки, разбирали плѣнныхъ, раздавали взятыя знамена, артиллерію по полкамъ. 21 декабря вошли въ Москву съ великимъ тріумфомъ. Построено было семь тріумфальныхъ воротъ, изукрашенныхъ золотомъ, эмблематическими картинами, покрытыхъ надписями. Приведемъ описаніе воротъ, построенныхъ купцами, потому что здѣсь было дано мѣсто и сыну тріумфатора. „Купцы великороссійскіе поставили торжественныя врата величайшему силы Свейскія въ конецъ истребителю. Въ первой картинѣ вмѣсто Фебуса, его же баснотворцы огненными конями возимаго именуютъ быти солнцемъ, поставися пресвѣтлѣйшаго монарха нашего персона подъ зодіатическими знаки рака и льва (яже мѣсяцы іюнь и іюль знаменуются), яко егда ракъ мѣсяца іюня въ зодіачное знаменіе пріиде, тогда несмысленною дерзостію пришедъ въ чужое отечество левъ Шведскій, съ великимъ безчестіемъ всю потерявши силу свою, ракомъ бывъ вспять едва выползѣ. На престолѣ царственномъ поставиша во образѣ дѣвы правду съ вѣсами. Близъ престола правды,—вѣру христіанскую во образѣ дѣвы съ крестомъ Господнимъ. Въ перспективѣ царствующій градъ Москву, а надъ нимъ персону государя царевича Алексѣя Петровича на орлѣ, царскомъ знаменіи возлетающаго съ желаніемъ въ большее мужество, имущаго же молнія на убиваемаго льва, знаменующи, яко пресвѣтлѣйшій государь царевичъ, въ отечествѣ своемъ бывъ, уготовляя воинство въ чуждую ограду вшедшаго льва Шведскаго къ побѣжденію посылаше. Во второй картинѣ лабиринтъ, иже вертоградъ бысть, содержай вельми хитростныя въ себѣ стези, знаменующи совѣты и произволенія короля Свейскаго, хитростьми премногими исполненныя. Въ той же лабиринтъ вводящая персону пресвѣтлаго монарха нашего дѣва со зміемъ и зерцаломъ, еже есть благоразуміе знаменующи“ и т. д. [2].

Послѣ тріумфовъ Петръ началъ трудиться „во управленіи гражданскихъ дѣлъ“ [3], къ которымъ и намъ пора обратиться.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

1) Вѣдомости о числѣ родившихся и умершихъ въ Москвѣ.

1703 годъ.

Въ генварѣ родилось муж. пола 693, женска 592, всего 1,285; умерло младенцевъ муж. пола 318, женска 291, итого умершихъ младенцевъ 609; умерло большихъ мужеска 202, женска 152, итого 354; да въ монастырехъ монаховъ и монахинь умерло 14, въ убогій домъ положено мертвыхъ тѣлъ 9, всего умершихъ 986; да въ убогомъ дому Покровскаго монастыря мужеска 14, женска 1.

Въ февралѣ род. мужеска 522, женска 544, всего 1,067; ум. младенцевъ мужеска 365, женска 330, итого 695; умерло большихъ мужеска 218, женска 255, итого 473, да въ монастыряхъ умерло 11; въ убогіе домы положено 58, всего умершихъ 1,237.

Въ мартѣ род. младенцевъ мужеска 571, женска 460, всего 1,031; умерло младенцевъ мужеска 437, женска 391, итого 828; большихъ мужеска 282, женска 283, итого 565; въ монастыряхъ 4 монаха, 11 монахинь, въ убогіе домы положено 47, всего 1,455.

Въ апрѣлѣ род. мужеска 500, женска 453, итого 953; ум. младенцевъ мужеска 383, женска 444, итого 827; большихъ мужеска 266, женска 281, итого 547; монаховъ 9, монахинь 12, въ убогіе домы положено 21, всего 1,416.

Въ маѣ род. мужеска 489, женска 415, всего 904; умерло младенцевъ мужеска 515, женска 439, итого 954; большихъ мужеска 257, женска 230, итого 487, монаховъ и монахинь 23, въ убогіе дома положено 13, всего 1.477.

Въ іюнѣ род. мужеска 530. женска 470, итого 1,000; умершихъ младенцевъ мужеска 525, женска 516, итого 1,041; большихъ мужеска 242, женска 192, итого 434, монаховъ 12, монахинь 9, въ убогіе домы положено 24, всего 1,520.

Въ іюлѣ род. мужеска 541, женска 509, итого 1,050; умершихъ младенцевъ мужеска 395, женска 387; итого 783; большихъ мужеска 178, женска

---

[1] Кабинетъ II, кн. № 9; письмо 10 декабря.

[2] Кабинетъ I, кн. № 62.

[3] Гисторія Свейской войны.

179, итого 358; въ монастыряхъ 6 человѣкъ, въ убогіе домы положено 7, всего 1,153.

Въ августѣ род. мужеска 468, женска 447, всего 915; умерло младенцевъ мужеска 360, женска 388, итого 748; большихъ мужеска 126, женска 124, итого 250; въ монастыряхъ 12; въ убогіе домы положено 6, всего 1,016.

Въ сентябрѣ род. мужеска 442, женска 373, всего 815; умерло младенцевъ мужеска 363, женска 357, итого 720; большихъ мужеска 121, женска 110, итого 231; въ монастыряхъ 2; въ убогихъ домахъ 4, всего 957.

Въ октябрѣ род. мужеска 572, женска 510, всего 1,082; умерло младенцевъ мужеска 373, женска 350, итого 723; большихъ мужеска 113, женска 116, итого 224; въ монастыряхъ 6, въ убогихъ домахъ 16, всего 969

Въ ноябрѣ род. мужеска 319, женска 279, итого 598; умерло младенцевъ мужеска и женска 599; большихъ 277, монашескаго чина 8; въ убогихъ домахъ 8; всего 892.

Въ декабрѣ род. мужеска 322, женска 315, всего 637; умерло младенцевъ мужеска 278, женска 279, всего 557; большихъ 267; въ монастыряхъ 8; въ убогихъ домахъ 4, всего 836

1704.

Въ генварѣ род. мужеска 461, женска 494, всего 955; умерло младенцевъ мужеска 265, женска 259, итого 520; большихъ мужеска 172, женска 122, итого 294; въ монастыряхъ 14, въ убогихъ домахъ 71, всего 903.

Въ февралѣ род. мужеска 454, женска 419, всего 873; умерло младенцевъ мужеска 309, женска 579, итого 888; большихъ мужеска 238, женска 212, итого 450; въ убогихъ домахъ 10, въ монастыряхъ 3, всего 1,351

Въ мартѣ род. мужеска 453, женска 365, всего 818; умерло младенцевъ мужеска 410, женска 367, итого 777; большихъ мужеска 272, женска 261, итого 533; въ монастыряхъ 9, въ убогихъ домахъ 10, всего 1,329.

Въ апрѣлѣ род. мужеска 463, женска 431, всего 894; умерло младенцевъ мужеска 305, женска 352, итого 657; большихъ мужеска 319, женска 259, итого 578; въ монастыряхъ 16, въ убогихъ домахъ 87, всего 1,438.

Въ маѣ род. мужеска 465, женска 340; умерло младенцевъ мужеска 463, женска 411; большихъ мужеска 224, женска 232; въ монастыряхъ 14, въ убогихъ домахъ 7; итого рожденныхъ 855, умершихъ 1,351.

Въ іюнѣ род. мужеска 483, женска 381, всего 864; умерло младенцевъ мужеска 451, женска 436, итого 887; большихъ мужеска 149, женска 179, итого 328; въ монастыряхъ 4, въ убогихъ домахъ 51, всего 1,270.

Въ іюлѣ род. мужеска 491, женска 465, всего 956; умерло младенцевъ мужеска 479, женска 446, итого 925; большихъ мужеска 103, женска 128, итого 231; въ монастыряхъ 5, въ убогихъ домахъ 8, всего 1,169.

Въ августѣ род. мужеска 616, женска 574, итого 1,190; умерло младенцевъ мужеска 616, женска 564, итого 1,180; большихъ мужеска 142, женска 135, итого 277; въ монастыряхъ 4, въ убогихъ домахъ 3, всего 1,464.

Въ сентябрѣ род. мужеска 531, женска 473, итого 104; умерло младенцевъ мужеска 437, женска 399, итого 837; большихъ мужеска и женска 206, въ монастыряхъ 1, въ убогихъ домахъ 18 всего 1,062.

Въ октябрѣ род. мужеска и женска 1,206, умерло младенцевъ 726; умерло большихъ мужеска 84, женска 90, итого 184; въ монастыряхъ 1, въ убогихъ домахъ 6, всего 907.

Въ ноябрѣ род. мужеска 524 и женска 405, всего 929; умерло младенцевъ мужеска 335, женска 315, итого 650; большихъ мужеска 103, женска 100, итого 203, въ монастыряхъ 5, въ убогихъ домахъ 17, всего 875.

(Изъ дѣлъ Монастырскаго Приказа въ Архивѣ Мин. Юстиціи.)

II) 1705 года февраля Спаса Андроникова монастыря, по указу архимандрита Ѳеодосія съ братіею, села Покровскаго крестьяне, выборный сотникъ, пятидесятникъ и рядовые крестьяне, выбрали мы на монастырскомъ дворѣ на мірскомъ совѣтѣ въ выборные къ 1705 году крестьянина деревни Давыдкова Никона Васильева: быть ему за нашимъ выборомъ въ селѣ Покровскомъ у дѣла на монастырскомъ дворѣ—збирать великаго государя подати и монастырскія, денежный сборъ и за монастырскою пашнею смотрѣть и крестьянъ ко всякому дѣлу наряжать и у сѣва и у жнитва быть и отъ молотьбы не отходить и у житницъ, и въ житницахъ хлѣба вѣдать и беречь накрѣпко и печатать, и на полѣ копны и снопы считать, и у молоту быть и надъ нами, крестьяны, вѣдать и расправу между нами вправду чинить старостою и смирять насъ крестьянъ, кто чего доведется. А будетъ онъ, Никонъ, за симъ нашимъ выборомъ въ чемъ монастарской убытокъ учинитъ или учнетъ пить и бражничать, и на насъ монастырская пеня, а пени что архимандритъ съ братіею укажетъ, и что будетъ за его, Никоновою, оплошкою учинится какая хлѣбная и дворовая утрата, и за тое утрату взято на насъ крестьянехъ будетъ вдвое; въ томъ мы крестьяне выборъ дали.

(Изъ дѣлъ Монастырскаго Приказа.)

III. 1) Въ нынѣшнемъ 1706 году марта въ 9 числѣ большаго полку генералу фелтьмаршалку и военному Малтійскому свидѣтельствованному славнаго чина святаго апостола Андрея кавалеру Борису Петровичу Шереметеву въ урочище Выкчибурскомъ Яру явились изъ Астрахани Астраханскаго Спасскаго монастыря архимандритъ Антоній, да приказные палаты подъячій Иванъ Щетининъ, да Астраханской житель купецкой человѣкъ Ѳеодоръ Клементьевъ и передъ нимъ фельтьмаршалкомъ и кавалеромъ сказали: послѣ отъѣзду изъ Астрахани Семена Бехтѣева были у Астраханскихъ воровъ и у бунтовщиковъ по многіе дни круги и мятежъ великой, и многіе ходятъ съ ружьемъ и съ копьи; и какъ присыланы были отъ него фелтьмаршалка указы, и противъ тѣхъ указовъ говорятъ, что де ему въ Астрахани дѣлать? и для чего съ полками безъ указу великаго государя идетъ? у насъ-де посланы къ великому государю челобитчики; а буде придетъ къ Астрахани съ полками—въ городъ пустить не хотятъ, развѣ съ малыми людьми съ 50 человѣки или и менши; и пушки и снарядъ по городу готовятъ и говорятъ: есть-де у насъ яблокъ много, мы-де и поповъ поставимъ по городу, и какова пора будетъ, мочно-де отобраться человѣкъ съ тысячу и больше и выйтить на выласку; и хотѣли загородные дворы и слободы выжечь, также съ учуговъ и съ Краснаго Яру и съ Селитрянаго городка людей забрать и сѣсть въ осаду; и если что явится, большой снарядъ, которой будетъ имъ не въ мочь, хотѣли затопить въ воду, а достальной забрать съ собою и итить на Аграхань, и велѣли дѣлать струги; а митрополита Астраханскаго по многіе дни говорили чтобъ ево убить.

2) Шереметевъ государю 4 марта: „Премилостивѣйшій Государь! На Черный Яръ пришелъ я марта 2 дня, и Черноярцы всѣ вашему величеству вины шатости своей принесли со всякимъ покореніемъ. Воевода на Черномъ Яру Вашутинъ добръ и показалъ вашему величеству вѣрную службу, многихъ ихъ уговорилъ, при томъ есть и иные изъ подъячихъ и изъ гражданъ, которые къ шатости не приставали; и я тому воеводѣ велѣлъ быть по прежнему да для карауловъ оставилъ полкъ солдацкой Обуховъ 500 человѣкъ, чтобъ заводчиковъ не распустить до указу твоего самодержавія; а кто изъ Черноярцевъ въ шатости были, послалъ при семъ письмѣ перечень. Посланникъ мой, котораго посылалъ я въ Астрахань, съ Саратова возвратился на Черной Яръ сего марта 4 дня, привезъ отъ Астраханцевъ ко мнѣ отписку, и написали, чтобы я помѣшкалъ на Царицынѣ и пустить меня въ Астрахань не хотятъ, и многіе возвраты (развраты) между ими учинились. А я съ полками своими отъ Чернаго Яру сего марта 5 дня пойду наскоро, и чтобъ при помощи Божіей намѣреніе ихъ разорвать и не упустить изъ города и чаю поспѣшить. Повели указъ прислать съ статьями, о чемъ къ вашему самодержавству писалъ напередъ сего: естьли вину принесутъ—что чинить?“

3) Шереметевъ Головину 18 марта: „За присланное секретное письмо зѣло-зѣло, милостивой мой, благодарствую; а къ Астрахани въ походъ понужденъ былъ для того: естлибъ не поспѣшилъ, конечнобъ Астрахань разорена была, и имѣла намѣреніе соединиться съ Кубанцы и съ Каракалпаки и итить въ верховые города, о чемъ и Аюка ханъ тайша говорилъ мнѣ, что и они въ великомъ сумнительствѣ были и чаяли, что во оборону не будутъ. А Хованскаго ни во что ставили и еще бы съ тово выросло, естьли бы онъ пришолъ, и Астраханцы объ немъ инако разсуждали, о чемъ ваша милость самъ изволишь выразумѣть; а что изволишь писать ко мнѣ, что я къ вамъ пишу не сходно въ вѣдомостяхъ, и я къ вамъ пишу самую истину, не выбирая ничего и не соглашая одного съ однимъ, увѣдомясь о каждомъ подлинно что принесено, и можно увѣрить мое дѣло; Носовъ и прочіе живы и скажутъ, что ихъ было намѣреніе. Надобно совершенно прислать къ морскимъ судамъ мастера, а которые здѣсь были, всѣ перебиты, а иныхъ никово нѣтъ.“

4) Въ письмѣ къ Борису Петровичу Никиты Кудрявцова, Александра Сергѣева, Степана Вараксинана писано: „Уфимцы положеннаго на нихъ стараго ясаку противъ прошлыхъ лѣтъ не платятъ, и посланнымъ отъ насъ изъ Казани чинятъ противенство, подводъ по указамъ противъ прежняго не даютъ. Посланнаго изъ Казани на Уфу воеводу Льва Аристова на дорогѣ остановили и не пущаютъ, и говорятъ, что воевода-де у нихъ Александръ Аничковъ и онъ-де имъ любъ, а говорятъ, что Аничкову приказалъ ты быть воеводою. Изъ верховыхъ городовъ бѣглецовъ иновѣрцевъ примаютъ, и кои до сего числа къ нимъ пришли, не отдаютъ. А тотъ Аничковъ за нѣкоторыми причинами тамъ быть по многу негоденъ. Вѣдомость намъ есть, что посланные отъ милости твоей на Уфу приказомъ твоимъ Башкирцамъ быть къ тебѣ съ челобитьемъ велѣли; и по словамъ посланныхъ твоихъ поѣхали къ вашей милости съ Уфы челобитчики: вѣдомый воръ и бунтовщикъ Башкирецъ Демейко со товарищи, которой прошлаго лѣта въ Казанскомъ уѣздѣ села и деревни разорялъ, людей побивалъ и въ полонъ бралъ и стада отгонялъ. А ихъ Башкирцовъ по указу царскаго величества велѣно вѣдать намъ и отъ всякихъ ихъ шатостей приводить въ покореніе и во всякое послушаніе, а окромѣ насъ никому ни въ чемъ вѣдать не велѣно. А будетъ ваша милость изволишь челобитье ихъ примать и ослабу имъ чинить, то всеконечно добра нѣкакого ждать. И естли что учинится, то не отъ насъ, мы правимъ дѣла по имянному царскаго величества указу, свое на насъ положенное, и въ разномъ несогласіи и никогда состоянія добраго не бываетъ. О томъ отъ насъ писано въ полки, а не писать было намъ не возможно для того, что они иновѣрцы имѣютъ нравы всегда въ ослабѣ не постоянны, хотя малую себѣ какую ослабу увидятъ, то всѣ городы и уѣзды того-же пожелаютъ, въ тѣ числа укротить ихъ будетъ невозможно. А что изволишь, ваша милость, писать къ намъ о присылкѣ хлѣба, и мы радѣть вседушно по усердію своему ради, и которой приготовленъ, съ тѣмъ пошлемъ за первымъ льдомъ водою; а въ другомъ учинился недоборъ, иновѣрцы уже по пріѣздѣ нашемъ стали платить, а до пріѣзду нашего нѣчто мало платили, чинились непослушны, а другіе и нынѣ въ томъ упорствѣ стоятъ,

а сказывали, что ожидаютъ отъ тебя по челобитнымъ указовъ, по которымъ будто вы обѣщали имъ учинить опредѣленіе“.

5) „Сіятельнѣйшій князь, милостивѣйшій Александръ Данилычъ, доношу твоему сіятельству послѣдній рабъ твой Никита Кудрявцевъ: Къ уфимскимъ Башкирцамъ ѣздилъ я отъ Казани въ 300 верстахъ, а не доѣхалъ до Уфы 200 верстъ, и ихъ собравшись человѣкъ съ 400 ко мнѣ пріѣхали въ саадакахъ; въ нихъ отъ первыхъ три человѣка — Уразай Ногаевъ, Кемей Шишмаметевъ да Мещерякъ Имай; сказалъ я имъ государеву милость, что царское величество пожаловалъ ихъ, указалъ имъ платить ясакъ противъ прошлыхъ лѣтъ, а новонакладнаго ничего не имать. И они, выслушавъ, поклонились, а повидимому знатно, что не усердно то приняли. Имъ же говорилъ, чтобъ бѣглыхъ къ себѣ Татаръ, Чувашу, Черемису и прочихъ иновѣрцевъ не принимали, а которые есть, тѣхъ бы отдали. И они того и слышать не хотѣли, и сказали, что они бѣглыхъ никого не знаютъ. Имъ же говорилъ: для чего они государевымъ посланнымъ по дорогамъ противъ прежнихъ лѣтъ никому по указамъ подводъ не даютъ? — Сказали, что и впредь давать не будемъ никому, и изъ нихъ одинъ Башкирецъ Уразай по-русски говорилъ мнѣ: полно-де намъ съ тобою говорить! ты-де ѣздишь безъ государева позволенія собою, чтобъ-де денегъ больше собралось, и по тѣмъ словамъ пошли отъ меня съ двора всѣ, и, отшедъ отъ двора, стали кругомъ и прислали ко мнѣ Мещеряка Сулмаметка, и онъ говорилъ, прислали-де его начальники и всѣ мірскіе люди сказать: слышно-де имъ, что идетъ на Уфу воевода Левъ Аристовъ, и они-де его Льва не пустятъ, у нихъ-де хорошъ воевода Александръ Аничковъ. И какъ я отъ нихъ поѣхалъ назадъ, и они ѣхали напередъ меня и позади съ ружьемъ человѣкъ съ 60 тридцать верстъ, а слышно мнѣ, буде бы я сталъ брать подводы, не хотѣли давать. Послѣ того послали мы на Уфу Льва Аристова на Александрово мѣсто Аничкова, для лучшаго усмотрѣнія, и онъ Левъ поѣхалъ, и писалъ къ намъ въ Казань, что Башкиры его на Уфу ѣхать не пущаютъ, остановили на дорогѣ до Уфы верстъ за двѣсти, а говорятъ: велѣлъ-де у нихъ быть воеводою Александру Аничкову Борисъ Петровичъ и намъ-де онъ любъ. А онъ Александръ житель Уфинской, и имѣли мы въ томъ опасенія, нѣтъ ли отъ него къ нимъ въ упорствѣ какого ослабленія. А изъ верхнихъ городовъ иновѣрцы и уѣздные люди бѣгутъ въ Уфиской уѣздъ, а Башкирцы примаютъ и заказу нашего не слушаютъ, и мы поставили по дорогамъ заставы, и имая ихъ велѣли приводить въ Казань. Отъ господина фельтъмаршалка посыланъ былъ на Уфу Василій Арсеньевъ, и, пріѣхавъ съ Уфы, сказывалъ, что поѣхалъ къ нему фельтъмаршалку съ Уфы въ челобитчикахъ пущій воръ и бунтовщикъ Башкирецъ Демейко съ товарыщи, который въ прошломъ 705 году разорялъ села и деревни и людей побивалъ и въ полонъ бралъ и стада отгонялъ. Да и опричь того слышно, что Уфинцы поѣхали къ нему фельтъмаршалку бить челомъ по словамъ присланныхъ отъ него. А до посылки на Уфу фельтмаршалковой стали-было быть смирно и полонное отдавали и впредь отдавать хотѣли, а послѣ того не такъ. Естли его милость въ такія дѣла станетъ вступать и такому народу учинитъ, не освѣдомясь съ нами, хотя малую ослабу, то всеконечно намъ въ доброе ихъ установить и зло отъ нихъ отрѣшить будетъ невозможно для того, что мы, по обѣщанію своему, дѣлаемъ душевнымъ намѣреніемъ и безмездно, а другіе особымъ намѣреніемъ, о которомъ ихъ намѣренія ваше превосходительство сами довольно извѣстны“.

6) Шереметевъ Головину: „Апрѣля 18 числа писали ко мнѣ изъ Казани Никита Кудрявцевъ, Александръ Сергѣевъ, Степанъ Вараксинъ, и я противъ того письма писалъ къ нимъ, что Никита Кудрявцевъ на то на все самъ свѣдомъ, а не такъ какъ они писали. И какъ я пріѣхалъ въ Казань, и каковъ мнѣ былъ указъ премилостивѣйшаго моего государя устной, которой я ему объявилъ, и съ нимъ о томъ говорилъ пространно, какъ бы тѣхъ Башкирцовъ привесть въ прежнее состояніе и послушаніе, и какъ я отъ него выразумѣлъ о тамошнемъ ихъ поведеніи, и послали къ нимъ съ письмами, и которые сидѣли за караулами въ Казани свободили для того и послали съ ними нарочно офицера для лучшаго увѣренія, и велѣли, чтобъ они отъ своихъ шатостей отстали и были во всякомъ послушаніи и покорствѣ, и для лучшаго увѣренія, что по указу великаго государя пріѣхалъ въ Казань, прислали-бъ ко мнѣ Башкирцовъ изъ лучшихъ людей, буде какія есть нужды, чтобъ доносили и во всякое своевольство не вступали. И по тѣмъ моимъ посылкамъ пріѣхалъ въ Казань Башкирецъ Усей Бигнѣевъ, который былъ у меня въ полку въ свѣйскомъ походѣ, о чемъ они великому государю били челомъ, и я о тѣхъ дѣлахъ писалъ и съ нимъ Никитою при отпускѣ въ Москвѣ приказывалъ словесно, чтобъ онъ донесъ о томъ великому государю. И по той моей посылкѣ Уфимцы и Башкирцы почали-было быть во всякомъ послушаніи и покорности, и всякія подати всѣ хотѣли платить попрежнему. И какъ Усей былъ у меня въ Казани, и онъ сказалъ, что со всѣхъ дорогъ присланы будутъ лучшіе люди съ повинностью своею и съ челобитьемъ, и мнѣ было имъ запретить, чтобъ ко мнѣ не ѣхать, невозможно для того, что указалъ премилостивѣйшій государь усмотрѣть, буде бы что положено на нихъ въ тягости, и ихъ свою государеву милостію обнадежить. И при моей бытности пришли было всѣ въ старое состояніе, а еслибъ я не ускорилъ своимъ приходомъ въ Казань, онъ же Никита мнѣ сказывалъ, что и въ Казани было не безопасно, а въ Синбирску было и сдѣлалось, еслибъ не показалъ своей службы синбирской воевода Ѳедоръ Есиповъ. И моимъ прибытіемъ въ Казань и въ Низовое городы никакому государеву

дѣлу порухи не учинилось, по обновилось, а на Уфу воевода Аничковъ посланъ по указу великаго государя, каковъ привезъ ко мнѣ Михайло Щепотевъ, а не я собою послалъ, на что онъ Никита свѣдомъ же; а челобитныхъ, о чемъ мнѣ подавали Уфимцы и Башкирцы и иныхъ Низовыхъ городковъ, какъ въ оброкахъ, такъ и въ ясакахъ и въ иныхъ ихъ накладныхъ сборахъ, и я ни во что не вступалъ и никакова указу не учинилъ, и тѣ челобитныя послалъ къ великому государю къ Москвѣ, а когда ко мнѣ пріѣхалъ въ Казань Михайло Щепотевъ и вручилъ мнѣ писмо премилостивѣйшаго государя собственной его государевой руки, что указалъ мнѣ великій государь итить къ Саратову и къ Царицыну, и я казанскіе всѣ дѣла, которые были, оставилъ всѣ въ Казани, и по походѣ своемъ въ тамошнее дѣло кромѣ военныхъ дѣлъ, что надлежитъ къ походу моему, ни во что не вступалъ, а нынѣ какъ присланъ великаго государя указъ, что велѣно быть ему Никитѣ и прочимъ, и я ни въ какія ихъ дѣла не вступалъ и не вступаю и впредь безъ указу вступать не буду; а тѣмъ Башкирцамъ далѣ Синбирска ѣхать было я не велѣлъ, и пріѣхали они ко мнѣ въ Астрахань по первымъ моимъ посылкамъ марта въ 26 числѣ, и нынѣ, государь мой, тѣхъ пріѣзжихъ Башкирцевъ послалъ къ милости твоей. Тебѣ-жь, государю моему, извѣстно чиню: прислали ко мнѣ съ Саратова списки съ указу великаго государя, каковы разосланы во всѣ Низовые городы отъ Александра Сергѣева и Стрѣлкова, что меня ни въ чемъ слушать не велитъ, и тѣ списки послалъ къ милости твоей при семъ же письмѣ: и естли, государь, стану о чемъ въ которые городы я посылать, а воеводы меня слушать не станутъ, чтобъ въ томъ какой порухи въ дѣлахъ государевыхъ не было, и мнѣ не причтено было въ нерадѣніе. Зѣло я, государь, опасаюся, чтобъ не учинилось и на Уфѣ отъ Башкирцовъ такъ же, какъ и въ Астраханѣ, а я вижу, что зрѣетъ, а какъ сдѣлается, мудро будетъ унимать“.

(Москов. Архивъ Мин. Иностр. Дѣлъ, дѣла Персидскія 1705 и 1706 годовъ.)

IV. 1) Изъ письма Іерусалимскаго патріарха Досиеея къ царю 1702 года: „Аще пріидутъ отсюды или Сервы, или Греки, или отъ инаго народа туды, аще бы и случайно были мудрѣйшія и святѣйшія особы, ваше державное и благоутвержденное царствіе да никогда сотворитъ митрополитомъ или и патріархомъ Грека, Серва или и Русянина, но Москвитяновъ, и не просто Москвитянъ, но природныхъ Москвитянъ, многихъ и великихъ ради винъ, аще и не мудріи суть: понеже патріархъ и митрополитъ, ежели суть добродѣтельніи и мудріи—веліе есть добро, аще же не суть мудріи, довлѣстъ добродѣтельнымъ быти, и да имѣютъ мудрыхъ клириковъ и въ иныхъ чинахъ. Наипаче Москвитяне суть хранителіе и хвалителіе своихъ (догматъ), хранятъ отческую вѣру непремѣнную, сущіи нелюбопытательніи и нелукавніи человѣки: но странніи и оніи, иже хождаху здѣ и тамо, могутъ произвести нѣкія новости въ Церкви, и что великое ваше царствіе и изъ Азова выслалъ онаго Грека, много разумнѣйши и умнѣйши сотвори, и да будетъ тамо митрополитъ Москвитянинъ природный, безлукавный и нелюбопытательный и да имѣетъ Русяны, Греки и Сервы учители. Подобаетъ же добродѣтели патріарха, который будетъ, имѣти и смиреніе, да будетъ патріархъ, а не царь самодержецъ, да имѣютъ власть архіереи, іереи и презвитеры глаголати церковная предъ нимъ, да не будетъ звѣрь, и да страшатся (не страшатся) его архіереи, сущіи братія, яко раби; да не возможетъ глаголати въ церкви чуждая церкви, да не можетъ мѣшатися во гражданскихъ и повелѣвати синклиту, яко сотвори Никонъ и смути вселенную. Внемли, всеблагій владыко, не дати власть гордымъ, и тиранскій и насильный нравъ имущимъ. Еще доносимъ и сіе, что пришли сюды писма изъ Вѣны и пишютъ, яко похваляются тамо, что пошлетъ ваше царствіе сына своего Алексія Петровича туды обыкновенія (πραξις) ради и ученія: внемли не выслать изъ Московіи сына вашего, да не пойдетъ въ чужія мѣста и научится не обыкновенію, но иностраннымъ нравамъ. Приснопамятніи отцы и праотцы святаго вашего царствія и богоутвержденное ваше царствіе отъ которыхъ Франковъ научилися вы обыкновенію и вѣдѣнію? и владѣли и владѣете едва не всею вселенною, крѣпціи сущіи, величайшіи, страшніи и непобѣдиміи, а оніи Франки знающіи и обыкновеніи что исправили, токмо что ѣдятся и воюютъ междособою? Никакого соединенія никогда не твори съ Франками, отъ нихъ же и самой Леопольдъ паповѣнчанный ложный Кесарь коликожды солга великому вашему царствію? егда имѣетъ нужду, протекаетъ къ вамъ, и молитъ, и проситъ, и обѣщеваетъ множайшая, послѣди тебе остави единаго не бойся Бога и не устыдився людей, и явися явный врагъ и явный наветникъ въ Карловичѣ, егда посолъ вашъ и Венеты противостояху въ миру и взысковаху нѣкая взысканія, что глаголаху послы Германовъ и наипаче посолъ англійскій съ стороны Германскіе? довлѣетъ сотворити Отоманомъ миръ съ Нѣмцами, но Венеты и Москвитяне есть не есть, едино есть? Великое ваше царствіе помогло ему, а онъ гонитъ православныя горши Діоклитіана и Максиміана“.

2) Изъ письма того же къ тому же 1704 года. „Много много подобаетъ внимати вамъ и учинити изъ двухъ единое, или смирити Шведа и укрѣпити и Саксонскаго въ Польшѣ, или учинити миръ съ Шведомъ и укрѣпити и Саксонскаго въ Польшѣ. Я прежде сего писалъ къ благородію твоему, чтобъ не печалился о томъ, какъ умираютъ воины, когда есть полезно, а наипаче когда время позоветъ, потому что многажды ни вочто ставя время, не мочно въ другой рядъ сыскать. Господинъ Димитрій (кн. Голицынъ) нынѣ какъ пришелъ къ Польшу, довелося ему ударитися съ своими на Шведа, и хотя бы не учинилъ и побѣды великой, однако-жь умалялася бы сила шведская, зане

хотя бы и побиты были Москвитяне и казаки, пришли бы иные на ихъ мѣсто, а буде убиты были бы Шведы, осталися бы менше, и наипаче, какъ нынѣ слышимъ, не были многіе подъ Львовымъ. Дѣла Саксонскаго не покажутся храбрые, потому что хитростію ищетъ побѣды безъ трудовъ, однако-жь воинскія дѣла требуютъ не токмо хитрости, но и дѣла, понеже Аристотель пишетъ въ нравоучительной своей философіи, яко добродѣтель не состоится въ томъ, что вѣдати, но въ томъ, что дѣлати. Богомъ утвержденный мой! что жалѣешь казаковъ буде умрутъ? зане буде умрутъ есть мученики. Во Львовѣ была одна горсть Шведовъ, и казаки могли бы поглотити ихъ живыхъ. Воинское дѣло нѣсть для какого упрямства, но для православія, и безъ бѣдства какъ можетъ получить конецъ, который ему доведется. Есть и стыдъ отъ людей, что вышли столько тысячь казаковъ съ гетманомъ своимъ, и обратятся назадъ безъ дѣла. А есть и иное: когда воюютъ, сколько живы останутся, научаются воинскому дѣлу, а какъ сидятъ такъ и не воюютъ, во время нужды ни къ чему не годны. А буде есть такіе люди, которые чаютъ, что исправленіе воинское дѣлается безъ бѣды, безъ труда, безъ смерти: они бы сдѣлали себѣ по камилавкѣ, и пошли бы жити въ монастырь и четки свои перевертывали бы".

3) „Переводъ съ греческаго письма, каково подалъ ближнему боярину Θед. Алекс. Головину іеромонахъ Серафимъ въ Нарвѣ 1704 года августа въ 20. Начало и причина увѣщанія бѣдныхъ Грековъ, а потомъ и вся исторія яко же слѣдуетъ. Первая причина былъ умершій партріархъ киръ Калликикъ въ 1693 году, какъ жилъ въ домѣ посла французскаго седмь мѣсяцевъ, какъ отставленъ былъ отъ патріаршества отъ киръ Діонисія. Предложено прежде отъ того посла Кастаніера Скоторнуθія вопросительно на обѣдѣ приватно оному патріарху при насъ токмо діаконахъ такимъ способомъ. Какое было бы окончаніе (τελος) и збытіе Еллинскаго роду и всея Восточныя Церкви? Отвѣщалъ блаженныя памяти киръ Каллиникъ, что всю нашу надежду по Бозѣ имѣемъ на христіанскихъ Государей, а особливо на Людовика XIV, по дружбѣ и защищенію, которое явилъ и повсядневно являетъ къ бѣдному, пренебреженному и плѣненному роду Еллинскому и по храбрымъ и благочестивымъ дѣламъ и христіанскимъ поступкамъ, что повсядневно видимъ и слышимъ исправляема отъ него. Отвѣщалъ Скоторнуθъ: добра ваша надежда; но завпсть европейскихъ государей есть зла, и та не допуститъ вамъ видѣть вольности своей. Киръ Каллиникъ его о томъ вопросилъ: для чего? Отвѣщалъ Скоторнуоъ: понеже никогда не согласятся между собою европейскіе государи, чтобъ отдали Грецію одному, который бы имѣлъ и другое государство, но паче предпочитаютъ бытье въ рукахъ Турскихъ, нежель отдать другому государю. Того ради потребно бы было, чтобъ вы сами промыслили какую Рѣчь Посполиту и согласитися между собою, и тогдабъ могли вызвать и просить тайно кого восхощете себѣ за государя. И отъ того времени началась пересылка съ Французами. А что учинилось между тѣмъ, не знаю, понеже былъ я здѣсь на Москвѣ, и въ Англію посланъ отъ помянутаго патріарха киръ Каллиника ради школы, которая учинена въ Аксфортѣ ради Еллиновъ; а какъ возвратился я изъ Англіи въ Царьградъ, паки посланъ я былъ, бывъ посвященъ, отъ помянутаго Каллиника на Бѣлое море въ 1699 году къ намѣстникамъ рода (народа), которыхъ есть седмь, и изъ тѣхъ большая часть есть нынѣ консулы французскіе, и отъ нихъ я посланъ во Францію и съ другимъ нѣкоторымъ іеромонахомъ, который нынѣ посланъ въ Еθіопію ради службы рода, а я въ Англію въ 1699 году. И тѣ седмь намѣстники не были учинены съ общаго совѣту рода, но токмо отъ патріарха и отъ немногихъ нѣкоторыхъ тайно: того ради, что ни дѣлали, все съ великимъ страхомъ и трепетомъ дѣлали, чтобъ не объявиться Туркамъ или Венеціанамъ, потому что какъ отъ тѣхъ, такъ и отъ другихъ опасаемся. А между тѣмъ случился и мятежъ миссіонаріевъ короля французкаго въ турецкой землѣ, и тѣ миссіонаріи не были такъ за вѣру и духовныя дѣла, елико для дѣла и вымысловъ короля французскаго, какъ о томъ и изъ Голанской земли я вамъ писалъ; а понеже поимали нѣсколько изъ намѣстниковъ и посадили ихъ на каторгѣ вмѣстѣ съ миссіонаріями, однакожъ не ради гражданскихъ дѣлъ, но ради вѣры, для того что и Туркамъ не явились дѣла наши, понеже употреблены были подъ именемъ вѣры. И оные случаи, какъ мнѣ отписали изъ отчизны моей въ Англію въ 1701 году, объявилъ я нѣкоторымъ мудрымъ другомъ моимъ, чада суть и тѣ (черезъ мене благодатію Божіею учинены) Восточныя Церкве, и тѣ суть содѣйствители и оборонители свободы Церкве Христовы, и съ тѣми сей способъ знаемъ привесть въ едино состояніе родъ нашъ, и дабы убѣгнуть и пронырствъ короля французскаго и бѣдъ другихъ языковъ, и оный способъ есть сей, и его послалъ изъ Англіи въ лѣто 1702 въ отчизну мою: чтобъ всякая церковь избрала единодушно и единогласно единаго человѣка изъ всякой епархіи или острова въ правленіе рода, которыхъ доднесь выбрано съ 36, которые, избравъ отъ себя трехъ ученыхъ и искусныхъ, дали бы имъ всю власть въ управленіи рода, и тѣ имѣютъ всѣ островы Егейскаго моря, кромѣ нѣкоторыхъ, и часть Греціи во власти ихъ, и тѣ одни знаютъ всѣ дѣла тайныя рода нашего, такъ что не знаетъ никто ничего, что ни дѣлаютъ, развѣ тотъ, которому явится пристойно объявить что потребное, и имяна ихъ суть сія: Димитрій Симадинъ Митилеянинъ, Антоній Миврупи Арменіи Милеянинъ, Θедоръ Георгіевъ Фамени Сиθнеянинъ. И они мнѣ писали, приславъ двухъ человѣкъ, какъ я былъ въ Галлѣ Саксонской, чтобъ я ѣхалъ въ Голландію и въ Англію увѣдать намѣреніе ихъ: естли когда подастся причина и случай приличной искать намъ вольности

нашей, будутъ ли намъ помогать? (и всѣ они намъ обѣщались, какъ и вашъ посолъ Андрей Артемоновичъ то знаетъ, что будутъ намъ помогать конечно); и довѣдався ихъ намѣренія, чтобъ я ѣхалъ и къ московскимъ увѣдать и ихъ намѣренія, и увѣдавъ, чтобъ я имъ то объявилъ, потому что имъ доведется усмотрѣть по разсужденію намѣренія московскаго, которое есть полезнѣе, то бы и начинать, сирѣчь: или бы съ конфедератами протестантовъ (Англіею и Голландіею) стоять, или бы согласиться съ консулами французскими, и ихъ намѣреніе и мысль есть, чтобъ освободился родъ и пусть отъ кого-нибудь: и будутъ просить короля французскаго, и его намѣреніе есть такое: чтобъ раздѣлить на четыре части Грецію: часть Іерусалима королю Испанскому, часть Египетскую королю Еѳіопскому, часть Константинопольскую и Анатолію себѣ, часть Македоніи съ островами Грекамъ. И такъ вся исторія вкратцѣ греческая. А прошеніе Еллиновъ отъ благоутробія его величества есть сіе: есть ли изволеніе и благоволеніе величества его оборонять ихъ или помогать имъ купно съ союзниками протестантовъ (протестантскими) или неутрально? Понеже естли есть изволеніе величества его оборонять ихъ, доведется согласиться съ Рѣчь Полполитою Венецкою противъ Турка, когда-бъ онъ поднялся противъ цесаря римскаго, потому что мы будемъ у нихъ (Венеціанъ) просить, чтобъ намъ не мѣшали собирать людей близь морей или Пелопонеза, а понеже они опасаются. чтобъ не было бунту противъ нихъ, и о томъ мы имъ обѣщаемся предъ Богомъ и всѣми, что не токмо елико имѣютъ, но сколько ни возьмутъ, чтобъ было ихъ вовсе; и въ томъ если не учинятъ добровольно по прошенію нашему, требуемъ ходатайства его величества, когда будутъ въ союзѣ, а буде не учинятъ по ходатайству его величества, просить будемъ чрезъ конфедератовъ протестантовъ перво дружески, а потомъ принудительно, понеже ради Рѣчи Посполитой Венецкой не доведется быть толикимъ народомъ въ плѣнѣ и тиранствѣ нечестивыхъ. И сему всему доведется быть нынѣ заранѣе, чтобъ мы не промышляли о томъ въ то время, какъ доведется промышлять иное, потому что, какъ бы началъ Турчанинъ войну съ цесаремъ римскимъ, имѣетъ подняться противъ него Чермнымъ моремъ во странѣ Египетской Еѳіопскій король, который есть готовъ, и тамо надобно Турчанину покинуть цвѣтъ воинства своего, именуемое Мисиръ-кулу или египетское войско, которыхъ есть 40,000, такожде и мы съ стороны Епира сухимъ путемъ и моремъ съ помощію, которую намъ дастъ конфедерація протестантовъ купно съ Венетами, сожегши перво караванъ Турской въ Царѣградѣ, такожде и величество его, естли-бъ изволилъ съ Чернаго моря, и тако будетъ, Богу изволившу, концъ нечестивымъ, аминь“.

4) 1704 года ноября въ 25 доносилъ боярину (Головину) словесно комендантъ Тительскій Пантелеймонъ Божичь нижеписанное. „Понеже мы отъ давняго времени пребываемъ подъ игомъ бусурманскимъ, и многія нужды и скорби за вѣру христіанскую и за Церковь нашу претерпѣваемъ, отъ чего убѣгая и чая себѣ лучшаго и свободнаго пребыванія и повольности въ вѣрѣ нашей и всякой себѣ справедливости отъ цесаря, яко же онъ намъ обѣщалъ и поддалися ему, за что по обычаю нашему православному служили мы ему вѣрно противъ бусурманъ, и много тысячей людей своихъ потеряли безъ всякой платы, не требуя отъ него ни ружья. ни пушекъ, но на своемъ иждивеніи служили. А видя къ себѣ многую кривду отъ цесарскихъ начальниковъ, совѣтовали мы съ прежде бывшимъ Мунтянскимъ господаремъ Шербаномъ Кантакузинымъ, дабы намъ какое себѣ спасеніе пріобрѣсти, на что оный господарь отвѣщалъ всѣмъ нашимъ начальнымъ, чтобъ мы себѣ инаго не промышляли, а ожидали-бъ отъ восточнаго царя всякой себѣ помощи и тѣмъ насъ обнадежилъ, на что мы и присягли всѣ; а по смерти онаго Шербана нынѣшній господарь Бранкованъ обнадеживалъ также и всѣ Кантакузины въ томъ насъ утверждали, чего ради и послали посланника своего господина Корбе къ его царскому величеству, котораго и по се время ожидали мы, а понеже ужъ толикое время отповѣди о томъ дѣлѣ не получили, и всегда пребывали съ сумнительствѣ, прислали меня наши единомышленники начальные къ господарю Мунтянскому для отповѣди и къ Кантакузинымъ, и они меня къ царскому величеству для отповѣди послали. Того ради доношу его величеству, что я присланъ отъ всѣхъ начальныхъ Сербовъ, которые живутъ подъ цесаремъ въ Венгерской землѣ при границахъ Турскихъ, прося его величество, дабы знали мы, что изволяетъ насъ имѣть за своихъ подданныхъ и вѣрныхъ, и во все время приличное вѣдалъ бы, что всегда готовы будемъ служить противъ бусурманъ безъ всякой платы и жалованья, никакого ружья не требуя. но токмо за едино православіе. коликое число войска нашего будетъ, самъ его царское величество удивится, и желаемъ вѣдать, если его величество будетъ имѣть подъ своею рукою, понеже хотя принуждали насъ бунтовщики венгерскіе, чтобъ мы были съ ними противъ цесаря, однако, увѣдавъ, что та факція есть Французская и Шведская отъ посла Рѣчи посполитой Польской и отъ шведскаго короля къ Ракоцію посланнаго, котораго мы въ пути переняли, въ томъ отказали и ни во что не вступились, покамѣсть здѣсь я побуду и увѣдомлюся какъ намъ поступать и долго ли ожидать или бы гдѣ себѣ какого мѣста искать. Такожде и прочіе Сербы, которые суть подъ бусурманомъ и венеціанами, всѣ во единомысліи съ нами пребываютъ. въ чемъ иные надежды по Бозѣ кромѣ его величества не имѣемъ, и если его величество оставитъ насъ, тогда всѣ православные погибнемъ“.

5) Грамота къ царю отъ іерусалимскаго патріарха Досиѳея 28 января 1705 года: „Колѣна преклоняя предъ вашею

божественностію и касающеся священнихъ твоихъ колѣнъ и лобызая честнѣйшее и свѣтлѣйшее лицо твое, молимъ и просимъ святое и великое твое царствіе яко молебницы и ходатаи всѣхъ Бога чрезъ Господа нашего Іисуса Христа въ Дусѣ святѣ, перво: сей списокъ посланія, каково послали мы прежде къ господину Стефану, намѣстнику патріаршескаго престола, да соизволитъ прочести великое твое царствіе, и выразумѣвъ укорителя и хульника восточныя, тожде рещи, каѳолическія, Церкве, ругателя и хульника отцевъ и праотцевъ нашихъ, ругателя и хульника святыхъ, да сотворитъ отмщеніе блаженныхъ отцевъ и праотцевъ вашихъ и всѣхъ православныхъ, и да не понесетъ тое, еже оставити его въ такой чести, хотя и всполкается и напишетъ противная въ книгахъ хуленія своего, въ тѣхъ же да умолчаетъ и отъ чести пречестныя да лишается. А какія суть хулы его, объемлетъ книга, которая напечатана на Мултянской землѣ и надписана на имя вашея великія и самодержавныя державы. Второе: Аще великое твое царствіе имѣетъ намѣреніе учинити избраніе патріарха, да повелитъ, чтобъ не учинилось избраніе особы изъ казаковъ и Россіянъ, и Сербянъ, и Грековъ, зане суть много смѣшени и сплетени съ схисматиками и еретиками, ниже имутъ нелестна и чиста во всемъ православнаго догмата, но да повелитъ быти избраніе особы изъ самого Москвича, и чтобъ былъ и старъ и добраго житія, зане москвитяне патріархи покамѣстъ были, хранили цѣлу православія проповѣдь, и чтобъ былъ такой человѣкъ, которой смотрѣлъ бы одну только Церковь; а отъ политичныхъ былъ бы отлученъ и не писался бы господинъ и патріархъ, но токмо-бъ архіепископъ и патріархъ, и хотя не будетъ философъ, довольно ему знати церковная, и можетъ имѣти архіереевъ и клириковъ мудрыхъ служащихъ ему. Есть и другое, что москвитяне патріархи какъ Церкве, такъ и царства не бываютъ навѣтники и предатели. Есть и еще: да не явится въ мірѣ, что не осталося потребныхъ людей изъ москвитянъ, и взводятся странные на патріаршеской престолъ. Третіе: да повелитъ святѣйшему патріарху, елика новоуставишася въ Церкви, яко же ваянная (шествіе патріарха на ослѣ въ Вербное воскресенье), и оныя комедіи, которыя составлены отъ нѣкоторыхъ въ праздники, игры папежскія и изъ сердца дьявольскаго произведенныя, или что иное причинилось, хотя велико, хотя не велико дабы имѣлъ власть и указъ св. патріархъ истребить тая изъ Церкви и токмо бы оставилъ оная, яже бѣша древняя и отечественная. Четвертое: дабы имѣлъ великое и святое твое царствіе попеченіе токмо единого гражданства, а Церковь бы всегда была мирна и безмятежна. Да повелитъ доблественно и твердо, зане если случится какое взысканіе церковное, да не будетъ рѣшеніе въ тамошнихъ странахъ; чтобъ не причинилися пренія и сумнительства и главоболія царей, но дабы писана была грамота къ четыремъ св. патріархамъ и потомъ да взыскуется рѣшеніе. Сіе, всеблагій государь, нѣсть новое и новоуставленное, но древнее и отечественное, потому что тако творили блаженные и приснопамятные отцы и праотцы святаго твоего царствія, а наипаче сотвори приснопамятный и преблаженный отецъ великаго твоего царствія. Пятое: молимъ, понеже великое и святое твое царствіе взялъ много мѣстъ у Шведовъ, да не поставитъ архіерея тамо, но да поставитъ архіерея въ Петрополѣ, а другаго въ Нарвѣ, чтобъ было удобнѣйше церковное поученіе. Наипаче и сіе полезнѣйше есть, дабы былъ митрополитъ въ большихъ городахъ, и въ иныхъ епископы подлежащіе митрополиту; и аще будетъ какое-нибудь препятіе въ тамошнихъ странахъ, архіереевъ укращенія и расходы многи, то да сотворитъ власть вашего царскаго величества менши какъ имѣли то въ Царѣградѣ архіерее во время святыхъ самодержцевъ, и яко же творимъ и мы, что расходы наши суть равны съ единымъ игуменомъ наименшаго монастыря, и на одежды наш всѣ не изойдетъ пяти сотъ копѣекъ".

(Греческія дѣла въ Москов. Архивѣ Мин. Ин. Д.)

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ

ТОВАРИЩЕСТВА „ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА“

Въ С.-Петербургѣ, по Бол. Подъяческой, собств. домъ, № 39.

Продаются слѣдующія книги:

Военная исторія древнихъ временъ. Ч. I. Отъ древн. временъ до смерти Алекс. Великаго. (323 до Р. Х.) Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.

Тоже. Ч. II. Отъ смерти Александра Великаго до 2-й пунич. войны (323–218 до Р. Х). Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р.

Тоже, часть III. Отъ начала 2 пунич. войны до начала войны Юлія Цезаря въ Галліи (218–58 г. до Р. Х.) Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

Тоже ч. IV. Отъ начала войнъ Юлія Цезаря до Августа (58–30 г. до Р. Х.) Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

Тоже ч. V. Отъ Августа до паденія Западн. Римск. Имперіи, (30 г. до Р. Х.) Ц. 4 р., съ пер. 4 р. 50 к.

Среднихъ временъ ч. I. и II. Отъ паденія Западн. Римск. Импер. до введенія огнестрѣльн оружія. (476—1350). Ц. 4 р., съ пер. 4 р. 50 к. Ч. III. Отъ введенія огнестрѣльнаго оружія до тридцатилѣтней войны (1356—1618 г. по Р. Х.) Ц. 7 р., съ пер. 7 р. 50 к.

Новыхъ временъ ч. I. Войны первой половины XVII вѣка въ Западн. Европѣ.—Тридцатилѣтняя война (1618—1618). Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р 75 к

Тоже ч. II. Войны 2-й половины XVII и 1-й половины XVIII вѣковъ въ Западн. Европѣ, (1650—1740). Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р.

Тоже ч. III. Войны второй половины XVIII вѣка въ Западной Европѣ (1740—1791). Войны Фридриха В-л. Ц. 2 р., съ пер. 2 р 50 к.

Всеобщая военная исторія новыхъ временъ. Ч. I и II. Войны XVII и XVIII в в въ Европѣ и Азіи. (1613—1740). Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 3 р. 75 к.

Новѣйшихъ временъ ч. I. Войны 1-й франц. революціи и республики (1792–1801) первые 4 года (1792—1795). Ц. 2 р, съ пер. 2 р 50 к.

Тоже, ч. II. (1792—1801). Послѣднія 5 лѣтъ (1796–1801). Ц 5 р., съ пер. 5 р. 50 к.

Русская военная исторія. Т. I до Іоанна III. Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 3 р. 75 к.

Тоже, т. II. Отъ Іоанна III до Петра I. Ц. 5 р. 50 к., съ пер 6 р.

Великіе полководцы древнихъ временъ: Александръ Вел., Аннибалъ и Юлій Цезарь, съ прилож. ихъ портретовъ. Ч. I. Ц. 4 р., съ пер. 4 р. 50 к.

Тоже, ч. II. **Великіе полководцы новыхъ временъ**. Густавъ Адольфъ. Тюреннъ и принцъ Евгеній Савойскій. Ц. 2 р., съ пер. 2 р 50 к.

Война за Кавказомъ 1855 г. Н. И. Муравьева въ 2 томахъ и 4 частяхъ. Ц. за 2 тома съ атласомъ, планами и гравюрами военныхъ дѣйствій 8 р. съ пер. 9 р.

Разсказы изъ Русской исторіи XVIII вѣка по Архивнымъ документамъ Александра Барсукова. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25.

Южная при-атлантическая Америка; политико-экономическіе очерки съ замѣтками о русской торговлѣ въ Бразиліи. Изъ воспоминаній Ѳ. Смирнова. Съ приложеніемъ видовъ Бразиліи: карты военныхъ дѣйствій и таблицъ Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 75 к.

Историч. очеркъ Русской литературы. Отъ Петра I до смерти Гоголя, сост. Бураковскій. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Хива и Аму-Дарья. Соч. М. И. Иванина, съ картою и рисунками. Ц. 50 к., съ пер. 65 к.

Описаніе Башкирцевъ. Сост Илья Казанцевъ. Ц. 60 к., съ пер. 75 к.

Описаніе Киргизъ-кайсаковъ. Сост. Илья Казанцевъ. Ц. 75 к., съ пер. 90 к.

Туркестанскій край. Опытъ военно-статистическаго обозрѣнія Туркест. воен. округа (матеріалы для географіи и статистики Россіи). Три тома. Сост. Л. Ѳ. Костенко.

Годъ на Востокѣ. Поѣздка на Амуръ. Дорожныя замѣтки и воспоминанія С. Максимова. Изд. II. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.

Русское общество въ настоящемъ и будущемъ (чѣмъ намъ быть?) Фадѣева. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Исторія Маріи Стюартъ, сочин. М. Минье, переводъ Дмитріева, изд. въ двухъ частяхъ. Ц. 2 р, съ пер. 2 р. 25 к.

Исторія греческой литературы (поэзія) Э. Мунка. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.

Дитя малороссійск. природы. И. И. Кулебякина, романъ Виктора Хрюдзинскаго. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Противъ теченія. Историч. ром. временъ Стеньки Разина. Н. Казанцева. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.

Байда Кн. Вишневецкій. Драма 1553—1564. П. А. Кулиша. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

Записки осла. Соч. гр. Сегюръ, съ 25 рис. въ текстѣ. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50. Занимательное чтеніе для дѣтей про ученаго осла.

Приключенія Сонечки. Соч. Гр. Сегюръ. Съ 20 рисунк. въ текстѣ. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

Новая книга для маленькихъ дѣтей. Рыловскаго. Разсказы въ стихахъ съ картинками. Ц. раскрашенному изд. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

Приключеніе козла Мемеки и его друзей. Ряпловскаго. Разсказъ въ стихахъ съ картинками. Ц. съ раскраш. карт. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

Повѣсти для дѣтей. К. Диккенса, переводъ съ англійскаго. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.

Разговоры матери съ дѣтьми о землѣ и водѣ. С. Бетхеръ. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

Чтеніе для дѣтей. Нѣсколько занимательныхъ разсказовъ. Соч. Ольги Щербинской. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

Разсказы для дѣтей. Ц. 15 к.. съ пер. 25 к.

Марко богатый. Русская сказка въ стихахъ, въ двухъ частяхъ соч. А. Панкевича. Ц. 30 к., съ пер. 40 к.

Сказки въ стихахъ, собранныя А. Павловской. Ц. 40 к., съ пер. 50 к.

Разсказы Альфонса Доде (для дѣтскаго чтенія), съ портретомъ автора и рисунками. Изд. 2-е. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Разсказъ на память о Жоржъ-Зандъ (для дѣтскаго чтенія). Грибуль и говорящій дубъ. Съ біографіей автора. II. испр. изд. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Гдѣ я и кто я? Книга для чтенія родителей и наставниковъ съ дѣтьми, сост. В. Новаковскій. V изд. Ц. 60 к., съ пер. 80 к.

Небо и звѣзды. Сост. Узловскій. IV изд. Ц. 20 к., съ пер. 30 к.

Первая послѣ азбуки книга для чтенія въ школахъ для взрослыхъ. Одобр. Мин. Нар. Пр. Сост. и изд. Н. П. Столпянскій. Изд. 2-е. Ц. 40 к., съ пер. 50 к. Содержитъ въ себѣ: Сказки, былины, историч. и другіе разсказы. Стихотворенія и повѣсти. Загадки, пословицы и вообще служитъ занимательнымъ и въ высш. степ. полезнымъ чтеніемъ для учащихся.

Изборникъ (Хрестоматія для простолюдиновъ), заключающій въ себѣ народн. сказки, пѣсни, пословицы, басни и стихотворенія; разсказы: духовн. содержанія, изъ русской и естеств. исторіи, изъ житейскаго и сельскаго быта и проч. Сост. для народн. училищъ Влад. Новаковскій. V изд. Ц. 60 к., съ пер. 75 к.

Хрестоматія для простолюдиновъ, или сборникъ изъ свѣтскихъ и духовныхъ сочиненій извѣстныхъ авторовъ. Сост. П. Алабинъ. Ц. 40 к., съ пер. 50 к.

Досужное чтеніе, пригодное для каждаго, сост. В. Золотовымъ. Ц. 20 к., съ пер. 30 к.

Полезныя животныя. Съ рис. Н. Столпянскаго. Ц. 15 к., съ пер. 25 к.

Корова и ея строеніе. Бесѣды о домашнихъ животныхъ. Н. П. Столпянскаго. Ц. 15 к., съ пер. 25 к.

Сѣмя и его ростокъ. О развитіи зародыша у растеній. Предварительн. разсказъ, необходимый для пониманія развитія зародыша у животныхъ. Сост. Н. П. Столпянскій. Изд. II. съ рисунками въ текстѣ. Ц. 15 к., съ пер. 25 к.

Теленокъ, его развитіе и ростъ. Сост. Столпянскій, изд. II. Ц. 15 к., съ пер. 25 к.

Лечебникъ дойнаго домашняго скота, съ наставленіемъ о постройкѣ скотнаго двора и уходѣ за скотомъ. Н. Столпянскаго. II дополн. изд., съ 21 рисункомъ. Ц. 20 к., съ пер. 30 к.

Какъ безъ обмана купить лошадь и выростить дома добраго коня. Съ рис. Сост. Н. П. Столпянскимъ. Ц. 10 к., съ пер. 15 к.

Разсказы для сельскихъ дѣтей. Н. П. Столпянскаго; съ рисунками въ текстѣ; изд. II. Одобрено Учен. Комит. Министерства Нар. Просвѣщ. и рекомендуется имъ для народныхъ школъ, а также одобрено Комитетомъ грамотности, состоящимъ при Императорскомъ Вольномъ Экономическомъ Обществѣ. Ц. 15 к., съ пер. 25 к.

Книжка для чтенія, съ рис. Н. Столпянскаго. Ц. 10 к., съ пер. 15 к.

Почему и потому. Популярное объясненіе, въ вопросахъ и отвѣтахъ о воздухѣ, водѣ, свѣтѣ и огнѣ. Сост. Н. Х. Ц. 10 к., съ пер. 15 к.

Басни, избранныя изъ Хемницера и Крылова, сост. Золотовымъ. XII-е изданіе, съ рисунками и описаніями характеристики звѣрей. Ц. 20 к., съ пер. 25 к.

Разсказы дѣдушки Василья, сост. Золотовымъ. Всѣ 6 разсказовъ стоятъ 60 к., съ пер. 85 к.

Разсказъ 1-й. **До чего доводитъ лишняя чарочка.** Ц. 10 к., съ пер. 20 к.

Разсказъ 2-й. **Велико родительское слово.** V изд. Ц. 15 к., съ пер. 25 к.

Разсказъ 3-й. **Павелъ-леженъ. Три правды.** III изд. Стихотвореніе Майкова. Ц. 10 к., съ пер. 20 к.

Разсказъ 4-й. **Учи лѣниваго не молотомъ, а голодомъ.** V изд. Ц 5 к., съ пер. отъ 1—5 экз. 15 коп.

Разсказъ 5-й. **Дѣвка-семилѣтка.** Ц. 10 к., съ пер. 15 к.

Разсказъ 6-й. **Отъ злой бабы и чортъ попятится.** Ц. 10 к., съ пер. 20 к.

Жизнь и смерть пьяницы. Быль. Разсказъ дяди Адама для народа. Н. Иваниной. Изд. II. Ц. 7 к., съ пер. 12 к.

Краткая исторія Россіи. Ушакова. Ц. 4 к., съ пер. 7 к.

Разсказъ изъ Русской исторіи: начало христіанства на Руси и крещеніе ея. Священника Пѣвцова. Ц. 10 к. съ пер. 15 к.

Тоже. Разсказъ 2-й. Распространеніе и утвержденіе христіанства въ Россіи послѣ Владиміра св. Священника Пѣвцова. Ц. 10 к., съ пер. 15 к.

Разсказы о Петрѣ Великомъ, сост. В. Новаковскій. 3-е изд. чтеніе для народа. Ц. 25 к., съ пер. 40 к.

Разсказы о Суворовѣ, сост. В. Новаковскій. Чтеніе для народа, V изд. Ц. 20 к., съ пер. 25 к.

Русская исторія для народныхъ училищъ, сост. В. Новаковскій. III изд. Ц. 8 к.. съ пер. 15 к.

1812-тый годъ. В. Новаковскаго. Чтеніе для народа; кратко разсказанныя происшествія этого, столь знаменательнаго, года для Россіи. II изд. Ц. 10 к., съ пер. 15 к.

Съ нами Богъ, или подвигъ русскихъ людей. В. Новаковскаго. Чтеніе для народа. Ц. 5 к., съ пер. 10 к.